

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

1885

Годъ шестнадцатый.

А. Ф. МАРКСОМЪ

НИВА

ИЛлюстрированный ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XVI годъ
№ 1

годъ XVI
1885

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедельными №№ въ три листа съ 6—10 рис. и ежемѣсячнымъ даровымъ приложениемъ „Парижскихъ модъ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдаётъ 5 Января 1885 г. Листа чертен. Выкроекъ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 25 к., съ перес. 30 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются въ конторѣ редакціи ежедневно отъ 10 утра до 8 часовъ вечера (кромя воскресныхъ и праздничныхъ дней). Плата за строку 60 коп.

ПРИЛОЖЕНІЯ къ нумерамъ „Нивы“ отъ торговыхъ домовъ принимаются въ количествѣ: для иногороднихъ 74,000 по 5 руб. за 1,000 экз. и для городскихъ 29,000 по 4 " " " "

ЗА ПЕРЕМѢНУ АДРЕСА редакція просить гг. подписчиковъ высылать:

- 1) за перемѣну С.-Петербур. на иногородн. — 50 к.
- 2) " " " " " " " " на иногородн. на иногородн. — 28 "

Отдѣльные номера . . . по 15 к., съ пер. 20 к.
" " " " " " " " модные " 20 " " " 25 "

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1885 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „Н И В Ъ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровскія Торгов. линіи 5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи. . . 6 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 8 руб.	

На полгода безъ дост. 2 р., съ дост. 3 р., съ пер. иног. 3 р.; на четверть года безъ дост. 1 р., съ дост. 1 р. 50 к., съ пер. иног. 1 р. 50 к.

СТАТЬИ, замѣтки, рисунки и стихи для „Нивы“ должны быть доставлены съ подписью и адресомъ автора, а также съ обозначеніемъ условій гонорара. Безплатными считаются тѣ статьи, на которыхъ условія не обозначены.

Статьи по почтѣ не возвращаются. Большія статьи сохраняются три мѣсяца до востребованія; мелкія же, признающіяся неудобными къ печати, уничтожаются.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЮ, требованія, жалобы, перемены адресовъ, рѣшенія задачъ, ребусовъ и проч., и проч. просимъ адресовать прямо въ контору редакціи „Нивы“ (А. Ф. Маркуе), Большая Морская, домъ № 9, въ С.-Петербургѣ.

ИЛИШЕ съ оригинальныхъ гранюровъ „Нивы“ можно во всякое время заказать въ конторѣ редакціи. Желающіе приобрести такіе могутъ получить совершенно новое гальвано по 30 коп. за квадратный дюймъ.

При этомъ № прилагается для подписч. „Нивы“ первая бесплатная премія—стѣнный календарь на 1885 г., печатанный 2 красками.

При этомъ № прилагаются „Парижскія моды“ за январь 1885 г., съ 29 рисунками и отдѣльн листомъ съ 29 выкройками въ натуральную величину и 19 рисунками малороссійскихъ узоровъ, печатанныхъ двумя красками.

Первый урокъ катанья на конькахъ. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. М. Рашевскій. Библиотека "Руниверс" 1

Первый урокъ на конькахъ.

Какъ только ледъ плотной массой покроетъ въ Петербургѣ каналы и широкую Неву, такъ тотчасъ начинаютъ строить во всеѣхъ концахъ города катки, освѣщаютъ ихъ по вечерамъ фонариками и шкаликами; несется съ катковъ звуки военной музыки, слышенъ веселый говоръ и тротуары у чугунныхъ рѣшотокъ кругомъ обильны толпами глазѣющего на катающихся народа. Любимое увеселеніе молодежи открывается шумно и весело. Множество юношей, дѣвушекъ и подростковъ несется ловко скользя по гладкому, чистому, исчерченному желѣзомъ копылову, льду. Мальчики въ однихъ сюртукахъ, разгорѣвшись отъ бѣгу, поселятся по одному, попарно, по трое, выискивая искусные веззеля. Видны и молодые парочки, скользящія вмѣстѣ. При паденіи столько веселья, смѣху и шуму! Иногда

устраиваютъ цѣлые балы на льду, и тогда катки освѣщаются электрическимъ свѣтомъ и разноцвѣтными огнями, что чрезвычайно красиво на этой блестящей, снѣжной, чистой равнинѣ. Разноцвѣтные красивые костюмы, оживленные юныя лица — все это представляетъ красивую, пеструю полуфантастическую картину. На нашемъ рисункѣ—первые робкіе, нерѣшительные шаги по этому истинно „скользкому пути“. Старшій братъ начинающаго, уже опытный, въ одномъ сюртукѣ, смѣло идетъ, а толстенькій карапузъ-мальчикъ, съ такимъ смущеннымъ и робкимъ видомъ, криво ставитъ еще непривычныя ноги, разставивъ руки въ своемъ толстомъ тяжеломъ пальто и держится за сторожа и за мать, которая заботливо дѣлаетъ ему внушеніе быть осторожнѣе.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ I.

Прологъ.

— Nadine, вамъ письмо!

Это произнесла полная, приземистая классная дама, появившаяся въ дверяхъ общей залы института.

— Тамъ еще какой то военный хочетъ васъ видѣть. Онъ и письмо это привезъ. Поправьте вашу косынку, приведите въ порядокъ прическу, прочтите прежде, что вамъ пишутъ, и можете выйти въ приемную.

„Nadine“ вспыхнула до ушей, широко раскрыла свои и безъ того замѣчательно большіе, сѣрые глаза, словно испугалась чего то, робко протянула за письмомъ свою пухлую ручку и, принявъ толстый пакетъ съ темнубурою печатью и съ четко, крупно выведеннымъ адресомъ, хотѣла было, по институтской привычкѣ, спрятать его подъ передникъ.

— Прочтите же! не заставляйте себя ждать! подтвердила классная дама.—Mesdames, не мѣшайте Горкиной, обратилась она къ другимъ институткамъ.

Пять или шесть „mesdames“, такихъ же юныхъ, только что окончившихъ курсъ, взялись подъ руки и отошли отъ своей подруги, а Надя, тутъ же посреди зала, надорвала конвертъ и принялась за чтеніе.

Ея глаза оживлялись все болѣе и болѣе, бѣлая косынка на груди заколыхалась живѣе и выше... Маниально она подвигалась къ сторонѣ оконъ, ближе къ свѣту и, коснувшись колѣномъ дубоваго диванчика, сѣла, опустила руку съ письмомъ, наскоро отерла слезу другою, свободною, и тотчасъ же снова принялась за чтеніе, жадно впиваясь глазами въ каждую строчку, въ каждое слово.

— Не надо волноваться!—Это и наивно и вредно! внушительно замѣтила классная дама и направилась къ своему креслу, гдѣ лежалъ ея мѣшокъ съ какою то начатою вязальною работою.

Надя читала... Подруги ея заговорили шепотомъ, держась въ сторонѣ. Въ залѣ стало совсѣмъ тихо... Только издали, изъ классныхъ комнатъ доносился монотонный голосъ учителя, да повременамъ слышалась дробная топотня маленькихъ ножекъ, пробѣгавшихъ украдкою по коврамъ длинныхъ полутемныхъ корридоровъ.

Надя читала... А въ открытыя высокія окна, словно на штурмъ, лѣзли зеленыя вѣтви старыхъ липъ институтскаго сада, широкими волнами врывался теплый весенній воздухъ, — и будто изъ иного, полного невѣдомой жизни, волшебнаго-таинственнаго міра—неслись чарующіе звуки:—пѣніе птицъ, грохотъ колесъ, плескъ прибоя, свистки париходовъ, обрывки то заунывной, то бойко-разгульной пѣсни, глухой гулъ базарной площади, протяжный, мирный звонъ монастырскаго колокола... И все эти звуки глубоко проникали въ душу читавшей дѣвушки, рисуя передъ ея глазами чудныя кар-

тины этого иного міра; и картины эти сливались воедино со смысломъ словъ и строкъ письма; онѣ безконечною лептою вились и сплетались со строками, разстилая передъ Надей чудную панораму, пополняющую писаное слово живою иллюстраціею.

Глухія рыданія неожиданно, разомъ, огласили пыльные своды институтской залы, но въ этихъ рыданіяхъ не слышалось горя... Это были слезы счастья, слезы перехода изъ одной жизни въ другую, слезы цѣлой массы сразу нахлынувшихъ, неопредѣленныхъ предчувствій...

Поднявшаяся было въ залѣ суматоха по этому случаю, требованіе воды и спирту, сочувственные „ахи“ и „охи“... все это улеглось очень скоро. Роковое письмо перешло въ руки классной дамы, а все еще всхлипывающую, сквозь слезы уже смѣющуюся Надю окружили ея подруги, тоже взволнованныя, сторающія любовью, предлагающія ей всевозможныя успокоительныя услуги.

„Милое мое, горячо любимое, родное дитятко, Надюшенька!“

Читала въ свою очередь классная дама, сдвинувъ брови и придавъ своему лоснящемуся лицу самое сосредоточенное выраженіе.

„Въ нашу глухую сторону — почта хоть и не скоро доходитъ, да все таки доходитъ же. И, вотъ, спустя два мѣсяца, я получилъ твое письмецо, несказанно меня порадовавшее и утѣшившее.—Эхъ кабы матушка твоя жива была, да мы бы вмѣстѣ это письмо читали, то то бы ей радость была!... Не привелъ Господи!.. Его на то Святая Воля! Благодареніе Всевышнему,—ты выдержала молодцомъ свой послѣдній, выпускной экзаменъ и теперь вольный казакъ! Прочель я и отмѣточки, къ сему твоему письму приложенныя, и очень уже особенно порадовало меня, что по Закону Божью и по русской словесности у тебя по пятку, да еще съ крестами. Это самое главное! По математикѣ у тебя слабѣе—да это не бѣда! Было-бы что считать, послѣ, въ жизни своей еще научишься. За музыку тоже спасибо! Оно, знаешь-ты, очень приятно, когда, вечеркомъ, зимою, на фортепьянѣ... Я даже приторговывалъ здѣсь, въ Ташкентѣ, одинъ инструментикъ, не дорого, и не такъ, чтобы уже очень подержанный. Языки, особенно французскіе, это тоже очень хорошо! У насъ многія дамы изъ высшаго начальства и сама губернаторша, любятъ, когда сойдутся гдѣ, перекинутся на семь диалектѣ, при прочей публикѣ; вслучаѣ чего и ты у меня передъ ними лицомъ въ грязь не ударишь... Да это все потомъ увидимъ, а вотъ теперь перейдемъ къ главному.

„Осталась ты у меня, Надюха, послѣ твоей покойной матушки и моей сестры Марьи Деметревны, малолѣт-

кою по девятому году. Милостью начальства и щедротами хозяина моего, Михайлы Алексеевича, свезъ я тебя въ институтъ и помѣстилъ на все казенное содержаніе, да съ тѣхъ самыхъ поръ и не видѣлся мы съ тобою болѣе, только письмами перекидывались. Шутка ли! Вѣдь безъ малаго три тысячи верстъ разстоянія насъ раздѣляло. Семь лѣтъ прошло, и въ эти семь лѣтъ много воды утекло... Многое перемѣнилось! Помню я тебя ребенкомъ, милымъ, ласковымъ, послушнымъ, а по письмамъ твоимъ вижу, что ты теперь еще лучше стала... Умница ты моя драгоценная!... То-то думаю, какая ты теперь у меня изъ себя красавица... Была вѣдь ты ребенкомъ только мастью въ меня, а лицомъ, глазами особенно, вся въ покойницу маменьку. Приѣдешь, погоди, у нашихъ здѣшнихъ молодцовъ какъ глаза разгорятся!... Пишешь ты, что трудиться хочешь, мѣстовъ искать въ губернатки, или тамъ въ учительницы какія... не надо — брось! Своихъ можетъ быть крошекъ учить будешь... довольно съ тебя этого, имъ вотъ и передашь всѣ свои знанія... Да ты не стыдись, голубушка, не красѣй, читая мои простыя слова — я вѣдь и за три тысячи верстъ сердцемъ своимъ тебя какъ глазами вижу. Извѣстно — дѣло житейское!

„Люди же, не знаю какъ у васъ, а въ нашей сторонѣ есть отличные! ребята отменные! Укажу котораго, — бери смѣло, если сердце у тебя отзовется... Жду не дождусь такой себѣ подъ старость радости... Сторона же у насъ превосходная! Вѣришь ли? Осетрина свѣжая по шести копѣекъ, икра зернистая по гривеннику, фазановъ пара пятнадцать копѣекъ, а винограду, персиковъ, фруктовъ разныхъ, такъ даромъ бери и кушай — сколько душа потребуешь...

„Домъ я себѣ здѣсь, въ „Глухомъ фортѣ“ отстроилъ хорошій; при домѣ и главная контора нашего торговаго агентства — шесть комнатъ, конюшни о четырехъ стойлахъ, коровникъ, ледникъ первый въ фортѣ, садъ на восьми безъ малаго танапахъ (такая мѣра есть) и какой садъ! Тѣни-то, тѣни сколько! И купальня въ немъ устроена съ палаткою.

„По вечерамъ у насъ музыка батальонная на барбетѣ играетъ, господа офицеры собираются, изъ жителей, кто почище, флотскіе тоже, когда пароходы спизу подходятъ... Помнишь ты Ивана Акимовича? высокаго такого, толстаго... Опъ еще тебѣ куклы все шилъ изъ цвѣтнаго сукна?... Опъ живъ! Въ полковники теперь вышелъ, и у насъ артиллерійскимъ складомъ завѣдуетъ... Два года тому назадъ сынъ его изъ кадетскаго корпуса приѣхалъ, ротою въ здѣшнемъ батальонѣ командуетъ. Отличный молодой человекъ, красавецъ писанный, только усомъ еще и признака не имѣется, а все таки покручиваетъ пальцами по голой губѣ. Забавно!

„Мы часто вмѣстѣ ѣдимъ на затоны рыбу ловить, самоваръ беремъ съ собою, — сазаны больше аршина попадаются. Иванъ Акимовичъ мнѣ говоритъ какъ-то: „Скоро ли, говорить, эта красоточка наша приѣдетъ?“ а самъ это искоса на сына поглядываетъ, да меня въ бокъ локтемъ толкаетъ... Чудакъ право!.. Ну, да тамъ, впрочемъ, все сама увидишь.

„Батюшка нашъ, отецъ Павелъ, все тотъ-же, что и тогда, помнишь, молебень служилъ напутственный, просфору тебѣ дать большую? Много новыхъ понаѣхало въ нашъ край, много старыхъ перемерло; многое вообще перемѣнилось. Дѣлишки мои тоже поправились; будетъ съ чѣмъ коротать остатокъ жизни, да и тебѣ останется. Ты вѣдь у меня теперь не безприданница! Тысячъ десять тебѣ наличными припасъ, не считая дома и всякаго прочаго. Душою рвался самъ къ тебѣ, да дѣла не позволили. Хозяинъ у насъ новый объявился, сдача дѣлъ и суммъ, время горячее! Все на моихъ плечахъ: и по красному товару, и по питейному. И вотъ надумалъ я послать за тобою Силантія Иванова, потому на этого человека у меня какъ на самого себя

полное упованіе. Опъ тебя привезетъ сюда бережно и сохранно какъ царицу индіанскую. Тараятась велѣть купить новый, покойный, съ фордекомъ и на прогоны денегъ не жалѣть, а пароходомъ по Волгѣ-матушкѣ вплоть до Самары поѣдешь, такъ приказъ мой Силантію, чтобы въ первомъ классѣ особую каяту взять и зорко-бы поглядывалъ, — дабы кто тебя, не только дѣломъ или словомъ, взглядомъ-бы какимъ пустымъ не обидѣлъ-бы.

„Дорога предстоить тебѣ дальняя, да ты не торопись, ночью не ѣзди, а пережидай на станціяхъ, спи покойно, не утомляй себя напрасно. Изъ Ташкента вышлешь съ письмомъ парочнаго, мы тебѣ здѣсь торжественную встрѣчу устроимъ.

„Силантію Иванову предписано передъ выѣздомъ молебень отслужить съ водосвятіемъ въ вашей-же институтской церкви и пакетъ вручить вашему батюшкѣ, со вложеніемъ; таковой-же пакетъ и ея высокопревосходительству начальницѣ вашей, съ благодарностью; не побрезгаетъ пусть, отъ чистоты признательности отцовскаго сердца. Окромѣ этихъ двухъ пакетовъ, Силантію даю на дорогу пятьсотъ рублей, да и сотню особенно, въ твои собственныя руки... Можетъ что купить понадобится, или задолжала кому въ институтѣ — плати и покупай, не стѣсняйся.

„Третьяго дня у насъ саранча пролетѣла, чуть только нашего сада не задѣла... Туча-тучею! даже темно середь полудня стало. Шелобовъ капитанъ, волкъ его заѣшь! Молодчина! Седьмаго тигра одинъ на одинъ ухлоналъ и, вѣришь-ли? — пить пересталъ... уже второй годъ, постѣ болѣзни своей и видѣній разныхъ. Отслужилъ молебень, девять дней отговѣлъ, исповѣдывался, святыхъ таинъ принять сподобился и бросилъ... Узнать нельзя что за человекъ сталъ: здоровый, могучій, богатырь-богатыремъ, только натурою сталъ словно не такъ веселъ какъ прежде, — степеннѣе.

„Теперь у насъ въ степи покойнѣе стало, а то было начали пошаливать азіаты. Наши въ отрядъ отсюда ходили, мѣсяца три въ походѣ пробыли. Водилъ майоръ Грузиковъ (это изъ новыхъ), а я спиртъ и аптечный товаръ поставлялъ; аттестатъ благодарственный получилъ отъ самого генераль-губернатора.

„Здоровьемъ я отменно хорошъ, хоть и посѣдѣлъ сильно, только о тебѣ, ангелъ моемъ утѣшитель, все скачаю... Ну, да ужъ не долго осталось! Получилъ твое письмо послѣднее, Силантія отправилъ, и въ домѣ у меня веселѣе стало, чувствуется будто ты уже здѣсь. То по комнатамъ, то въ саду — все твой голосокъ звонкій слышится. А за чай сажусь, такъ ужъ нарочно налью себѣ стаканъ, да и сяду въ сторонѣ, и кажется мнѣ, что ты изъ за самовара выглядываешь, спрашиваешь: „А не налить ли тебѣ, папочка, еще стаканчикъ горяченькаго...“ Я это сейчасъ говорю: „Налей, душенька“, — самъ обойду стороной, да и самъ же налью себѣ... Мыслью это о тебѣ словно ребенокъ брежу... Хе-хе... вотъ оно мнѣ старику какое счастье сказочное подваливается!

„Вчера Павлуша приходилъ (это сынокъ Ивана Акимыча), принесъ лозу виноградную, изъ Бухары ему особенную привезли. Самъ и посадилъ ее передъ твоими окошками. Говоритъ будто гроздь розовая будетъ и жасминомъ пахнутъ... Да, чуть не забылъ! Днемъ въ дорогѣ будетъ жарко, а ночи пойдутъ холодныя, такъ ты на ночь ножки хорошенько мѣхомъ окутывай. Я тебѣ съ Силантіемъ, сего ради, выслалъ одѣяло бѣлое изъ тибетскихъ козь... Не забудь-же!

„На сырье, на арбузы, дыни и что подобное сразу не накидывайся. Да, впрочемъ, во всемъ слушайся Силантія, я его настроилъ какъ слѣдуетъ, да и самъ онъ старикъ разсудительный и бывалый.

„Еще разъ заочно благословляю тебя, крѣпко прижимаю къ своему родительскому сердцу и жду не до-

Новый Годы. Орг. рис. Р. Штейна, грав П. Давидицъ.

ждусть твоего приѣзда—моя родная, ненаглядная голубка-Надюшенька.

Твой, горячо любящій тебя отецъ,
Федоръ Горкинъ.

„P. S. Платевъ себѣ много не надѣлывай, потому тащить ихъ такую дорогу не стоитъ, да и здѣсь у насъ разныхъ матерій сколько хочешь! И дешевле, и не въ примѣръ добротѣе. А ложки серебряныя, что я съ тобой въ институтъ далъ, не оставляй; заплати деньгами лучше, хоть вдвое что слѣдуетъ, потому на лужнахъ этихъ вещица твоей покойной матушки, а моей супруги, Маріи Деметьевны. Царство ей Небесное! Еще разъ до свиданья и еще разъ заочно благословляю тебѣ и крѣпко цѣлую...“

„И я тоже... Въ пріятномъ ожиданіи,

Иванъ Акимовъ, сынъ Глухаревъ, подполковникъ и кавалеръ.“

„Позвольте и мнѣ приписать, хотя и не имѣю чести Васъ знать лично, но съ позволенія Вашего батюшки, что, волюй сочувствую радости Вашего родителя, присоединяю и свои искреннія пожеланія счастливой и скорой дороги.

Навель Глухаревъ, подпоручикъ.“

Quelle drôle manière d'écrire! показавъ плечами улыбулась классная дама, дочитавъ все письмо до конца очень внимательно, и отираившись съ нимъ въ комнату директрисы. Проходя черезъ приемную, она съ такимъ же вниманіемъ осмотрѣла съ ногъ до головы высокаго старика, въ длинномъ солдатскомъ, отставномъ сюртукѣ, сидѣвшаго на кончикѣ стула, у самой двери.

Шелестъ дамскаго платья заставилъ стараго инвалида вскопчить и вытянуться по военному, въ струнку.

— Ахъ! это вы за дѣвицею Надеждою Горкиной? любопытствовала дама.

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство!

— Сидянтій?..

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство!

— Ахъ, Боже мой! зачѣмъ же такъ громко!.. Надя Горкина сейчасъ выйдетъ...

— Случаю-съ, ваше высокопревосходительство!..

Титулы эти видимо поправились дамѣ; она снисходительно улыбулась и прошла мимо, а старый служивый все еще не рѣшался присѣсть, не совѣмъ ловко чувствуя себя въ этой, непривычной для него, обстановкѣ пріемнаго институтскаго зала.

I.

— И такъ, Пель, вотъ, гдѣ судьба привела насъ увидѣться!

— Да, Анатолий! Я радъ отъ души! Здѣсь вѣдь просто одичать можно! Словомъ перекинуться не съ кѣмъ...

— Да, послѣ петербургской жизни тебѣ, я думаю, трудно. Два года, кажется, какъ ты здѣсь, въ „ссылкѣ“?

— Почти два. Проклятый Шефель, помнишь? представилъ таки въ штабъ мои веселя. Поднялась цѣлая исторія... Еслибы не тетушка и кузина Мадъ,—хоть въ отставку подавай... Кое что уплатили, кое гдѣ пообщались... кое кого въ шею,—а меня сюда! Хоть бы въ казаки,—еще ничего-бы, а то въ этотъ проклятый батальонъ, въ эту труппу и на неопредѣленное время.

— Какъ неопредѣленное?

— Очень просто... „Для поправленія дѣлъ.“ А какъ ты ихъ тутъ поправишь, когда и роты не даютъ. Вагриппевъ хлопочетъ о переводѣ меня въ оренбургское войско... Тамъ получу сотню; но вѣдь это все такіе пустяки... Впрочемъ, я думаю все это скоро уладить... Ну а ты какъ сюда попалъ?..

— Я командированъ сюда въ распоряженіе генераль-

губернатора. Тамъ у насъ довольно сносно... Я даже не ожидалъ—нашихъ много, и живетъ не дурно... Впереди все-таки карьера!.. Теперь, вотъ, поручили это слѣдствіе—Ренегардтъ говорилъ мнѣ передъ отъѣздомъ что ты здѣсь. Я выхожу отъ губернатора, а онъ дежурнымъ былъ въ этотъ день, и говорить мнѣ:—Знаешь,—тамъ ты встрѣтишь стараго знакомаго!—Кого! спрашиваю.—Поля Криницына!.. Я очень обрадовался и...

— А мнѣ сообщилъ комендантъ, что назначенъ Груницынъ. Я думаю: ужъ не тотъ ли? Бѣгу сюда—и при-
мо въ твои объятія.

— Fatalité!..

— Fatalité!..

Такъ разговаривали два молодыхъ человѣка, сидя у стола, въ комнатѣ довольно большой и свѣтлой, но болѣе чѣмъ скромно обставленной. Стѣны этой комнаты были на чисто оштукатурены алебастромъ, потолокъ въ натяжку подбитъ—тоже выкрашеннымъ известкою холстомъ, полъ новый, досчатый, покрашенный. Вдоль стѣнъ стояло нѣсколько вѣскихъ легкихъ стульевъ, мягкій диванъ, обитый ковромъ и ярко-цвѣтнымъ канутомъ, большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, мѣсто засѣданія молодыхъ людей, и солидно сколоченный шкафъ, съ стеклянными дверцами, съ полками, уставленными фарфоровыми вещицами, пакетиками въ синей бумагѣ и разною мелочью. На стѣнахъ висѣли въ самодѣльныхъ рамкахъ двѣ раскрашенныя литографіи, изображающія морскія сраженія, карта туркестанскаго края съ помѣтками и, очерчивавшія отъ пыли, портретъ женщины, въ платкѣ на головѣ и въ клѣтчатомъ платкѣ. Другой портретъ, фотографическій, стоялъ на столѣ,—но этотъ портретъ изображалъ молодую дѣвушку въ институтскомъ костюмѣ.

Передъ Анатодемъ, собесѣдникомъ въ штатскомъ платьѣ, лежалъ на столѣ большой кожаный портфель съ мѣдными застежками и оковками ремней, а передъ другимъ собесѣдникомъ, Полемъ, въ бѣломъ офицерскомъ кителѣ, лежала фотографическая карточка той же дѣвушки, которую онъ только что передъ этимъ разсматривалъ, повидимому очень внимательно, да и теперь искоса поглядывалъ на нее приговаривая:

— Mais, parole d'honneur! Преприятная мордочка!..

Встрѣча этихъ двухъ молодыхъ людей произошла въ „Глухомъ фортѣ“, въ домѣ Федора Петровича Горкина, отставнаго штурманскаго офицера и главнаго торговаго агента фирмы „Хмуровъ и Компанія“. Изъ оконъ комнаты видѣлась широкая пыльная площадь форштата, за нею рядъ жиденькихъ тополей, за ними плоскія крыши базарныхъ сакель съ закопченными, приземистыми трубами, дальше серебристая лента рѣки, съ тонувшими въ знойномъ туманѣ очертаніями противоположнаго, поросшаго камышами берега. На площади—человѣкъ восемь казаковъ, въ сѣрыхъ рубахахъ и желтыхъ кожаныхъ шароварахъ, держали въ поводу своихъ осѣдланыхъ лошадей; ближе къ крыльцу стоялъ распряженный тарантасъ, въ глубинѣ котораго копошилась фигура деньщика, выгружавшаго разныя дорожныя вещи. Пестрая группа туземцевъ сидѣла на корточкахъ, въ тѣни глинобитнаго забора, другая группа русскихъ женщинъ и мужчинъ, обитателей форта, держалась ближе, почти у самыхъ оконъ, а ребятишки, такъ тѣ, цѣпляясь за подоконники, пытались заглянуть внутрь:—Что, молъ, тамъ дѣлается?.. Хотя ихъ и отгонялъ, грозя пагайкою, казакъ-урядникъ, ожидавшій „начальство“ у послѣдней ступеньки крыльца.

На всѣхъ лицахъ ясно выражалось тревожное любопытство и ожиданіе. Очевидно было, что произошло нѣчто необыкновенное, разомъ нарушившее ихъ однообразное, сѣрое проживаніе въ Глухомъ фортѣ.

По боковой улицѣ, ведущей къ воротамъ форта, окруженная облакомъ пыли, быстро приближалась конная

группа, мелькали бѣлыя офицерскія фуражки и доносились сдержанный храпъ горячившихся лошадей.

— Его высокоблагородіе, господинъ комендантъ! доложилъ урядникъ, заглядывая въ дверь, и скомандовалъ выстроившимся казакамъ:

— Смирно!

Поль и Анатолий встали и взяли за фуражки.

Первый успѣлъ сунуть карточку институтки въ карманъ и вытянулся въ струнку; второй, сохраняя небрежную, независимую позу, ограничился только тѣмъ, что вынулъ изо-рта окурокъ сигары.

— А въ саду стоятъ часовые?.. Поставить, поставить, непременно поставить! Вездѣ насовать часовыхъ!.. Мало ли что!.. Печати печатами, а дѣло дѣломъ... Прапорщикъ Ползунковъ!.. Позвать прапорщика Ползункова!.. раздавался на крыльцѣ комендантскій голосъ.— А гдѣ господинъ, пріѣзжій слѣдователь?..

И на порогѣ появился маленькій старичекъ, совсѣмъ лысый, съ коротко подстриженными, сѣдыми усами, съ ярко-красными щеками и носомъ, и съ самыми добродушными, заплавленными жиромъ глазами.

— А, очень пріятно! обратился онъ къ штатскому.— Скоренько пожаловали. Это хорошо! Анатолий Робертовичъ Грунинъ? если не ошибаюсь—очень радъ!.. Полковникъ Огурчиковъ, здѣшній комендантъ!.. Пріятно познакомиться... Господа!.. Позвольте васъ познакомиться съ моими офицерами!.. Господа офицеры!.. Иванъ Тимофѣевичъ, Павелъ Ивановичъ, Иванъ Кузмичъ... Вотъ слѣдователь! Грунинъ, коллежскій совѣтникъ, Анатолий Робертовичъ. Такъ за дѣло—за дѣло съ!.. Время терять нельзя! Прапорщикъ Ползунковъ, распорядились на счетъ лошади господину слѣдователю?

— Готово, полковникъ!

— Такъ ѣдемъ, ѣдемъ скорѣе... Господи благослови!.. лошадь! Урядникъ! Возьми портфель у господина слѣдователя!..

— Я полагаю, началъ было слѣдователь,—что прежде надо сдѣлать осмотръ на мѣстѣ... то есть, я хочу сказать,—здѣсь... Снять нѣкоторыя предварительныя показанія съ домашнихъ...

— Это не уйдетъ, батюшка, не уйдетъ... Домъ то у меня еще до свѣта опечатанъ, часовые разставлены... Вы изволите видѣть какаѣ жара... страсть!.. Дали то мнѣ знать вчера, въ восьмомъ часу вечера,—я команду туда услалъ, для неприкосновенности, да нарочнаго въ городъ... Вы изволили въ которомъ часу выѣхать?..

— Въ половинѣ восьмага, утромъ...

— А теперь уже безъ четверти три по полудни-съ... Такъ-то! Тутъ позамѣшкаемъ,—темно станетъ... скакать то вереть четырнадцать.. Тамъ до утра отложить придется... Потомъ и къ тѣлу не подступишься... Вѣрно я говорю, господинъ докторъ?..

— Вѣрно, вѣрно! отозвался докторъ, съ трудомъ взбираясь на казачью лошадь.

— А развѣ нельзя доѣхать туда въ экипажѣ?.. занялся Анатолий Робертовичъ, подозрительно поглядывая на корнаухаго, рыжаго жеребчика, не особенно ласково косившагося умнымъ глазомъ:—какого это молъ ему сѣдока адлахъ посылаетъ?..

— Не проберемся въ тарантасѣ... За гнилымъ ставомъ вязко будетъ на колесахъ то, отвѣчалъ кто то изъ толпы...

— Садитесь!..

— Сѣли!..

Всадники, потѣснясь немного въ воротахъ, выбрались на просторъ. Два казака впереди разогнали съ дороги нѣшій людъ. Облако сплошной пыли скоро затянуло кавалькаду, и опять въ этомъ облакѣ замелькали бѣлыя шапки и разномастые хвосты галопирующихъ лошадей.

Впереди, легко покачиваясь въ сѣдлѣ, дробною иноходью ѣхалъ комендантъ, за хвостомъ его лошади под-

скакивалъ казакъ съ полковничьей шинелью черезъ сѣдло и едва сдерживалъ горячаго карабаира щеголеватый адъютантъ Ползунковъ. Сторонкою, отъ пыли подалеже, рысиль докторъ, распустивъ поводья и пытаясь свернуть себя папиреску... Непривыкшіи къ верховой ѣздѣ, пріѣзжій слѣдователь поминутно терялъ стремя и хватывалъ за переднюю луку сѣдла, бокъ о бокъ съ нимъ фыркалъ и широко раздувалъ ноздри вороной жеребецъ Криницына... Остальные офицеры отстали значительно: „что молъ за охота глотать пыль изъ нодъ начальства,—попѣдемъ!..“ Встрѣчные по пути конные киргизы и сарты почтительно сворачивали съ дороги, торопливо соскакивали съ лошадей и низко кланялись, сложивъ руки на животѣ... Вдали, у переправы черезъ рѣку, гдѣ надъ потемнѣвшею сплошною щеткою камышей развѣвался полосатый флагъ и кудрявымъ столбомъ поднимался дымъ сторожеваго костра, толнилось уже нѣсколько конныхъ, ранѣе прибывшихъ, и даже бѣлѣлъ холщевой верхъ чьего то тарантасика...

— Никому не позволю, никому!.. ворчалъ комендантъ,— что за балаганъ! нечего тамъ смотрѣть... Ишь наѣхало сколько! Все равно никому не позволю!..

Кавалькада остановилась у переправы.

— Я былъ тамъ, сейчасъ только что вернулся, подѣлалъ къ коменданту высокій, сутуловатый, пожелтой офицеръ, съ длинными сѣдыми усами.—Иванъ Тимофѣевичъ съ Павлушей тамъ остались, а я вѣсть за васъ...

Это былъ капитанъ Шелобовъ.

— Ежели мы, продолжалъ онъ, — поднимемся еще версть пятокъ повыше, тамъ теперь обмелѣло, по брюхо коню, больше не будетъ, да и коса песчаная выйдеть... Много короче будетъ, чѣмъ по дорогѣ. Гнилой затопъ-то въ сторонѣ прійдется,—обѣзжать не надо...

— Обмелѣло?

— Только что по брюхо...

— Въ бродѣ, такъ въ бродѣ... согласился комендантъ.—Господа, гайда за мною... Что же, и въ бродѣ можно!.. Мадамъ, бонжуръ-съ!.. сдѣлалъ онъ ручкою двумъ дамамъ, тревожно выглядывающимъ изъ подъ зонта тарантаса.

— Полковникъ, полковникъ!.. Семень Семеновичъ!.. закричали дамы и даже платками замахали.

Но комендантъ сдѣлалъ видъ что не слышитъ, и вся кавалькада снова тронулась въ путь, растатѣвшись по узкой, кочковатой береговой тропинкѣ, межъ сплошными стѣнами непролазно-спутаннаго камыша...

— Mon chère! обратился Криницынъ къ своему другу, слегка коснувшись ручкою хлыста его лоты.

— Tiens! отозвался тотъ.

Они заговорили по французски.

— Я хочу... ты позволишь мнѣ сдѣлать тебѣ маленькое замѣчаніе?.. По нашей старой дружбѣ...

— О, сдѣлай одолженіе!

— Ты назначенъ сюда слѣдователемъ, спеціально къ этому дѣлу. Ну, такъ я тебѣ скажу: Держись независимѣй... Ты здѣсь главное лицо...

— О, я понимаю это... Я отдаю отчетъ только своему прямому начальству... Мои полномочія... мои спеціальныя знанія...

— То-то... А уже на тебя сразу насѣлъ этотъ толстый шутъ, нашъ комендантъ... Ты уступилъ сразу... А я бы на твоёмъ мѣстѣ, не стѣняясь, замѣтилъ бы ему, что, молъ, не ваше дѣло!..

— То есть почему же?.. Я самъ нашелъ нужнымъ... время дѣйствительно жаркое... чрезмѣрное разложеніе трупа...

— Который и до завтрава могъ бы пролежать тамъ очень покойно, а ты бы не тресся на этой клячѣ, по этой мерзвѣйшей дорогѣ,—и они врутъ, что нельзя доѣхать въ экипажѣ,—просто горячку порить, и тебя заставляютъ... C'est drôle!..

— Ты и авъ, mon chère... Видишь я соглашаю

ты правъ... Однако это сѣдло мнѣ ужасно третъ лѣвую ногу... И куда они дѣйствительно ломаютъ, очертя голову!..

— Сюда! послышался голосъ капитана Шелобова.

Онъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу, и, махнувъ рукою, уже повернулъ къ рѣкѣ и началъ осторожно спускаться съ осыпающагося подъ конскими ногами глинистаго берега...

— Какъ это все глупо... ворчалъ Криницинъ... Вся эта суматоха, эта масса непрошенныхъ помощниковъ, сующихъ свой носъ... По моему, это все только мѣшаетъ правильному и покойному ходу слѣдствія... Подбирай, mon chère, ноги выше, подбери поводъ—споткнется конь,—выкупаешься...

— Да, что еслибъ Бланшъ и Бека увидали меня въ этомъ положеніи!?. кисло улыбнулся Грунипъ...

За драгоцѣннымъ корнемъ.

(Изъ жизни китайскихъ таежниковъ).

Разсказъ А. Я. Максимова.

I.

Хребтъ Сихотэ-Алинь.

По берегу Японскаго моря, вдоль всего Уссурийскаго края, на протяженіи двухъ тысячъ слишкомъ верстъ, тянется мрачная, таинственная, совершенно неизслѣдованная цѣпь холмовъ, средняя высота которыхъ, надъ уровнемъ моря, не превышаетъ трехъ тысячъ футъ. Это—хребтъ Сихотэ-Алинь, въ буквальномъ переводѣ „Темныя горы“. Хребтъ Сихотэ-Алинь идетъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Къ сѣверу онъ доходитъ до устья рѣки Амура—этой гигантской столбовой дороги Восточной Сибири, а къ югу просирается, въ томъ же направленіи, до самаго залива Петра Великаго, на берегахъ котораго расположенъ нашъ аванпостъ на Тихомъ океанѣ—портъ Владивостокъ. Подойдя къ заливу Петра Великаго, хребтъ Сихотэ-Алинь изменяетъ свое направленіе и поворачивается сначала къ сѣверо-западу, затѣмъ къ западу и, наконецъ, обогнувъ заливъ, идетъ въ первоначальномъ направленіи—къ юго-западу, къ корейскимъ пограничнымъ горамъ и сливается съ другимъ хребтомъ—Манъ-Алинь, или съ „Бѣлыми горами“. Хребтъ Сихотэ-Алинь еще не изслѣдованъ въ достаточной степени, хотя попытки къ такому изслѣдованію было не мало. Издали хребтъ напоминаетъ взволнованное и внезапно окаменѣвшее море. Вы видите передъ собой только массу горныхъ вершинъ, громоздящихся одна на другую и очертаемыхъ своимъ очень схожимъ съ очертаніемъ морскихъ валовъ. По мѣрѣ приближенія къ этому окаменѣвшему морю, однообразіе картинъ постепенно исчезаетъ; вершины холмовъ принимаютъ болѣе опредѣленную форму и рѣзко очерчиваются на лазуревомъ небѣ. Передъ вами уже не застывшее море, утомляющее взоръ мертвымъ однообразіемъ, а дивная панорама отдѣльно стоящихъ, величественныхъ вершинъ самой разнообразной величины, очертаній и формы, вершинъ, увѣнчанныхъ мохнатыми шапками гигантскихъ кедровъ, ильмовъ, лиственницъ, пихты, сосны и ели. Скаты холмовъ одѣты въ темную зелень ѣльковыхъ дубовъ, поражающихъ взоръ царственнымъ величіемъ и мощью. У подошвы ихъ тѣснятся роскошный грабъ, пальмовидные диморфанты, черная и бѣлая березы, орѣхъ, кленъ, липа, черешня. Подлѣсокъ, состоящій изъ леспедецы, таволги, акаціи, боярки, дикаго, душистаго жасмина, черемухи, барбариса, крушины, образуетъ непроходимую заросль, пройти которую возможно только съ топоромъ въ рукѣ. Цѣпкій виноградъ затѣйливо вьется среди этой необъятной массы разнообразныхъ деревьевъ, заполняя своею яркою зеленью каждый незанятый уголокъ. То стелется онъ по тучной, вѣчно сырой землѣ въ видѣ мягкаго, пышнаго ковра, то смѣло взбирается на ближайшія деревья и свѣшивается съ нихъ изящными гирляндами и фантастическими кружевами.

Хребтъ Сихотэ-Алинь тянется непрерывной грядой отъ великаго Амура и вилотъ до Корейскаго полуострова, идя все время параллельно берегу, и въ то же время все болѣе удаляясь отъ рѣки Уссури, теченіе которой главнымъ образомъ направлено отъ юга къ сѣверу. Боковые отроги хребта подбѣгаютъ къ самому Японскому морю и спускаются въ воду скалистыми, причудливыми обрывами и утесами, поражающими взоръ дикою красою. Со дна морскаго вздымаются къ небу, на три тысячи футъ надъ поверхностью моря, то отвѣсныя, выглаженные бурунами скалы, то фантастическіе, базальтовые гроты и замки съ башнями, воротами и гигантскими сводами, то какія то волшебныя зданія самой причудливой, замысловатой архитектуры... Изрѣдка, эти боковые отроги хребта Сихотэ-Алинь ниспадаютъ къ морю пологими, песчаными мысами—любимое мѣстопребываніе безчисленныхъ стай самыхъ разнообразныхъ морскихъ птицъ. Отъ восхода и до захода солнца, множество чаекъ и морскихъ куликовъ вьются надъ этими песча-

Выбравшіяся на песчаную косу лошади стали встряхиваться... рыжий жеребчикъ обнаружилъ было желаніе поваляться, и навѣрное привелъ бы это желаніе въ исполненіе, еслибы Криницинъ ударомъ хлыста по его жирному крупу, не привелъ бы его въ повиновеніе...

Переправа совершилась вполне благополучно.

— Теперь уже недалеко, господа, недалеко! кричалъ комендантъ...—Ну, съ Богомъ... Наддай ребята!.. Прапорщикъ Ползунковъ!.. а кажется я свой портсигаръ то тю-тю!.. Нѣтъ, здѣсь... Урядникъ—огниво!..

И снова густыя чащи камыша замелькали по сторонамъ, и то и дѣло, чуть не изъ подъ ногъ всадниковъ, поднимались шумные взлеты перепуганныхъ фазанскихъ выводковъ!..

(До слѣд. №).

ными отменями, собирая ракушки, выброшенные услужливымъ приливомъ, и оглашая воздухъ рѣзкими, громкими криками. Нескончаемыя вереницы утокъ, гусей и лебедей перелетаютъ съ одного мыса на другой. Въ воздухѣ слышится отъ взмаховъ десятковъ тысячъ крыльевъ какой то непрерывный шумъ и свистъ, словно въ верхнихъ слояхъ атмосферы возникла, кипитъ какая то борьба, какая то страшная жизнь. Трубные звуки лебедей смѣшиваются съ рѣзкими, гортанными криками гусей, криканьемъ утокъ, свистомъ куликовъ и плачемъ чаекъ. Надъ всемъ этимъ шумливымъ птичьимъ царствомъ, высоко въ синемъ небѣ, рѣютъ кончики, орлы и морские орланы, высматривающіе зоркими глазами жертву среди этого воздушнаго населенія. Въ глубинѣ небольшихъ бухтъ и заливовъ важно выступаютъ по песчаному берегу длинноногія цапли, журавли и граціозныя фламинго... Кипучая жизнь, поражающая своею дикою беззаботностью!.. А въ глубокихъ падахъ и ущельяхъ таинственнаго Сихотэ-Алинь, царствуетъ какое то подавляющее, гнетущее душу молчаніе. Словно ни одно существо не оживляетъ эти лѣсныя трупы, словно подъ непроницаемыми сводами лѣсовъ нѣтъ никакой жизни... Не слышно даже щебетанья и цѣпня птицъ. Столѣтнія деревья, оцутанныя вьющимися растеніями, угрюмо смотрятъ кругомъ и печально покачиваютъ своими, теряющимися въ выси, вершинами. Всюду раскинулся мрачный, дѣйствительный лѣсъ, нетронутый еще рукой человѣка... Всюду могильная тишина!.. Между тѣмъ, въ этомъ безмолвномъ лѣсу кипитъ необъятная жизнь, но жизнь скрытная, пугливая, осторожная и выѣстъ жестокая, неисполненная кровавыхъ эпизодовъ, дикая и своеобразная... Тысячи козъ, изубровъ, оленей, косуль и антилопъ болзливо таятъ отъ хищниковъ, начиная съ бенгальскаго тигра, кровожаднаго барса и свирѣпой рыси, и кончая чернымъ медвѣдемъ и внушающимъ инородцамъ какой то суевѣрный ужасъ краснымъ волкомъ... Все это царство хранитъ упорное молчаніе. Одни опасаются привлечь своимъ крикомъ опасное вниманіе хищниковъ; а эти стараются сдержать свое рычаніе, чтобы не спугнуть добычи. Если и раздастся изрѣдка въ этой заросли какой либо крикъ, то либо отчаянный стонъ жертвы, либо кровожадное урчаніе какого нибудь хищника, надъ повалившимъ въ его лапы оленемъ, изубромъ, или косулей... Но изнеможенная въ неравной борьбѣ жертва смолкаетъ, и опять таинственная, подавляющая тишина, словно эти нескончаемые лѣса, эти мрачныя ущелья, овраги и пады—жилица безгласныхъ тѣней!..

II.

Чудоцѣнный корень.

Хребтъ Сихотэ-Алинь обладаетъ неисчислимыми сокровищами. Минеральная богатства его баснословны: въ любомъ мѣстѣ стоитъ только взрыть лопатой землю. Золото разсыпано всюду щедрой рукой природы. Въ болѣе доступныхъ мѣстахъ, золото уже добывалось нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ китайцами, добывается и теперь, безъ всякаго стѣсненія со стороны мѣстной администраціи... Да и возможно ли это необходимое стѣсненіе, когда о существованіи большинства пріисковъ и золотоносныхъ ручьевъ извѣстно только немногимъ, какой нибудь горсти китайскихъ авантюристовъ, когда эти золотосодержащіе пласты разбросаны въ мѣстахъ, совершенно незнакомыхъ, не изслѣдованныхъ, лишенныхъ какихъ либо путей сообщенія, кромѣ таинственнаго лабиринта звѣриныхъ тропъ...

Но хребтъ Сихотэ-Алинь привлекаетъ китайскихъ авантюристовъ не столько своимъ золотомъ, какъ небольшимъ, чудо-

*) Слово „женъ-шенъ“ въ буквальномъ переводѣ значитъ „человѣкоподобный корень“. Названіе это дано китайцами цѣлебному растенію, являющемуся тому, что корни его часто своею формою очень напоминаютъ фигуру человѣка. Эти корни цѣнятся особенно высоко и сохраняются какъ талисманы.

Красавица. Ориг. рис. И. Везе, грав. Пааръ.

освѣщенные пламенемъ костра, походили скорѣе на маски, чѣмъ на лица живыхъ людей, такъ они были безстрастны и безжизненны. Хунь-Лянь, подойдя къ костру, быстро присѣлъ на корточки, подхватилъ на грубую ладонь раскаленный уголь и молча закурилъ трубку, вытасченную изъ длиннаго, кожаннаго мѣшечка, висѣвшаго на поясѣ, спереди. Затѣмъ, ни къ кому особенно не обращаясь, онъ лаконически пробормоталъ:

— Подстрѣлили...

— Вотъ такъ же лаконически проговорилъ Ли-фу, сбрасывая съ плечь, чуть не прямо въ костеръ, тушу косули. Обтеревъ затѣмъ съ лица потъ рукавомъ салпаго халата, онъ также подбѣлъ къ огню на корточки и немедленно, ожесточенно запыхтѣлъ трубкой.

IV.

Искатели.

Одинъ изъ бродягъ молча поднялся, вытряхнулъ изъ трубки пепелъ и лѣниво подошелъ къ косуль, небрежно брошенной Ли-фу на траву. Это былъ выборный старшина партіи, сѣдой китаецъ Лонхоу, опытный, отважный бродяга, испытавшій на своемъ вѣку много передергъ, включительно до потери косы за какое-то серьезное преступленіе. Лонхоу былъ страстный искатель корня жень-шеня. Въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ, съ наступленіемъ каждой весны, онъ уходилъ въ таинственныя трещины Сихотэ-Алиня за розысками и почти всегда возвращался съ хорошей добычей. Лонхоу славился среди товарищей, какъ замѣчательный знатокъ тайги и ея тайнъ. Наружные признаки мѣстонахожденія жень-шеня были извѣстны ему до мельчайшихъ подробностей. Онъ отлично зналъ, при какихъ внѣшнихъ условіяхъ растетъ онъ, въ какихъ именно мѣстахъ можно найти его и какъ сохранить въ немъ все его свойства. Лонхоу отличался кромѣ того неутомимостью, энергіей и смѣлостью, доходившею иногда до безумной отваги. Жизнью своею онъ недожидалъ и готовъ былъ жертвовать ею на каждомъ шагѣ. Опасности выработали въ немъ какое-то презрѣніе къ жизни. Нѣсколько разъ жизнь Лонхоу висѣла на волоскѣ. Все его тѣло было испещрено рубцами отъ давно зажившихъ ранъ. Лицо отважнаго искателя жень-шеня поуродовано было до неузнаваемости. Безъ лѣваго уха, съ разорванной, такъ называемой, заячьей губой, съ вырваннымъ правымъ глазомъ, Лонхоу былъ страшенъ. Эти увѣчья онъ получилъ много лѣтъ тому назадъ, при встрѣчѣ съ громаднымъ чернымъ медвѣдемъ, передомившимъ у Лонхоу кромѣ того одно ребро. Къ счастью, въ время поспѣли товарищи и освободили его изъ объятій развирѣвшаго звѣря... Всѣ передерги нисколько не умѣрили въ Лонхоу страсти къ розыскамъ жень-шеня. Напротивъ, онъ приступалъ къ этимъ розыскамъ каждый годъ съ большею все энергіею и настойчивостью, словно желая вознаграждать себя, хоть материально, за полученные увѣчья.

Лонхоу, продолжая хранить угрюмое молчаніе, вытаскивалъ ножъ и быстро, ловко отрѣзалъ отъ туши нѣсколько кусковъ.

— Эй, вы!... Вотъ! крикнулъ онъ товарищамъ, бросая каждому нѣтъ изъ, словно собакамъ податку, по большому ломтю мяса. Оставшіяся части косули онъ бережно подвѣсилъ на сукъ ближайшаго развѣсистаго пробковаго дерева.

Черезъ минуту отъ костра потянуло аппетитнымъ запахомъ жаренаго мяса. Каждый стрипалъ для себя. Закусивъ прѣснымъ жаренымъ мясомъ, бродяги повеселѣли. На ихъ лицахъ появилась улыбка удовлетвореннаго аппетита. Закурили трубки, разговорились. Одинъ изъ собесѣдниковъ затянулъ даже тоненькимъ, рѣжущимъ ухо, фальцетомъ какую-то безконечную пѣсню безъ словъ. Нѣкоторые, болѣе уставшіе, растянулись на сырой травѣ и предались сладкому сну. Въ вечернемъ воздухѣ стояла сырость; выпала обильная роса. Хунь-Лянь не замедлялъ натянуть на себя еще сырую шкуру убитой косули и черезъ минуту хранилъ на всю прогалину, не обращая вниманія на говоръ товарищей и заунывную пѣсню. Прошло болѣе часу. Неутомимый пѣвецъ, достаточно изливши свой тоску въ длинной пѣснѣ, смолкъ и растянулся на травѣ рядомъ съ утомившимися наконецъ товарищами. Уснули всѣ... Не спалъ только очередной стражъ становища—Ли-фу. Онъ долженъ былъ бодрствовать нѣкую ночь и поддерживать огонь костра, чтобы звѣри не пришли на прогалину. Ли-фу сидѣлъ на корточкахъ въ огромной, заготовленной съ вечера, кучи хвороста и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ въ ярко пылавшій огонь. Костеръ бросалъ вокругъ красноватый отблескъ, фантастически освѣщая густо нависшую листву заросли и угрюмыя, истощенныя лица уставшихъ бродягъ, разметавшихся на сырой травѣ въ разнообразныхъ позахъ. Какое странное разнообразіе! Страсть къ наживѣ собрала на небольшомъ клочкѣ земли, въ таинственной глуши мрачнаго хребта, партію отважныхъ, презирающихъ опасность и смерть, искателей, принадлежащихъ къ самымъ низменнымъ поддонкамъ Китая. Вотъ лежитъ, знакомый намъ китаецъ Хунь-Лянь—бѣглый каторжникъ. Рядомъ съ нимъ широко разметался на травѣ бывшій солдатъ—манчжуръ Сео-квн, едва прикрытый рванымъ балахономъ изъ синей дабы (бумажной матеріи) и лохмотьями широкихъ штановъ, схваченныхъ у лодыжекъ сыромятными ремешками. Истер-

тая ноги его обуты въ чарки *), наполненные священной травой ула-цао **). Въ ногахъ Сео-квн, у самаго почти костра, лежитъ выборный старшина партіи, знакомый уже читателямъ китаецъ Лонхоу. Рядомъ съ нимъ спитъ его родственникъ Цы-Лай—когда-то богатый купецъ, а теперь бѣдный, загнаный бродяга. Лѣтъ пять тому назадъ Цы-Лай велъ обширную торговлю морской капустой (особый видъ морской водоросли Fucus) и трепангами (морскими червями Holoturia). Онъ владелъ большимъ капиталомъ, имѣлъ до сотни дженокъ и болѣе пяти-сотъ человѣкъ совершенно закабаленныхъ промышленниковъ. Дѣла Цы-Лая шли отлично: онъ богатѣлъ; но его разорили разныя рискованныя предпріянія.

Дѣла его были окончательно разстроены. Онъ сталъ если не бѣднякомъ, то едва зажиточнымъ подданнымъ богдыхана. Богатства его словно не бывало: все перешло въ руки кредиторовъ. Цы-Лай оставалось заняться дѣломъ, какимъ придется. Въ это время подвернулся его дальній родственникъ Лонхоу, предложившій ему присоединиться къ партіи искателей жень-шеня. Надежда разбогатѣть впове, надежда, не покидающая китаица въ самую тяжелую минуту жизни, рѣшила вопросъ въ положительномъ смыслѣ, и Цы-Лай сталъ авантюристомъ...

Остальные четверо принадлежали къ самымъ низменнымъ поддонкамъ Китая. Ихъ отталкивающихъ лица носили на себѣ неизгладимые слѣды клеймъ, наложенныхъ на нихъ за тяжкія преступленія. Это были почти звѣри. Одни спаслись отъ смертной казни ловкимъ бѣгствомъ, другіе успѣли откупить свою позорную жизнь, благодаря нѣсколькимъ теламъ, сохранившимся въ ихъ карманахъ послѣ оргій.

Всѣ четверо были безъ косъ. Ихъ гладко остриженные головы показывали, что они только что избѣжали рукъ правосудія и прямо изъ тюрьмы или ссылки попали въ тайгу хребта Сихотэ-Алиня. Если-бы сбросить съ нихъ ихъ рубища, состоящія только изъ кофты и штановъ, смитыхъ изъ синей дабы, то на спинахъ ихъ можно было-бы рассмотреть рѣзкіе слѣды бабуксовыхъ ударовъ. Особенно испещрена была спина гигантскаго роста китаица Хо, раскинувагоса рядомъ съ Хунь-Лянь. Это былъ извѣстный хунхузъ, недавно наводившій своею жестокостью панический страхъ на жителей окрестностей города Пингтуя. Его руки были обгремены кровью многихъ безвинныхъ жертвъ. Онъ убивалъ не изъ корысти, а просто ужъ изъ любви къ убійству, изъ одной жажды крови. Хо подвергалъ свои жертвы страшнымъ мученіямъ. Онъ забавлялся ихъ страданіями, наслаждался зрѣлищемъ ихъ предсмертныхъ корчъ. Нѣсколько разъ онъ попадалъ въ руки манчжурскихъ властей, по каждый разъ успѣвалъ откупиться и опять продолжалъ свои грабежи, мстя тѣмъ, кто былъ причиною его задержки. Но онъ достигъ уже апогея своей жестокости.

Порѣшили положить конецъ дальнѣйшимъ неистовствамъ Хо, рѣшили схватить его и навсегда лишить возможности совершать преступленіе. Хо былъ дѣйствительно схваченъ чуть-ли не въ пятый разъ. Общанія хорошаго выкупа не помогли, и разбойникъ подвергся жестокой, вполне заслуженной, карѣ: ему отрубили по локоть правую руку, отрѣзали уши и косу и сослали въ отдаленнѣйшую часть Манчжури. Преступникъ бѣжалъ изъ мѣста ссылки при первомъ случаѣ. Лишенный возможности заняться прежнимъ ремесломъ, онъ присоединился къ партіи искателей жень-шеня. Его звѣрская натура искала исхода въ страшныхъ опасностяхъ и лишенияхъ. Въ безпросвѣтной тайгѣ, среди хищныхъ звѣрей, Хо былъ въ своей сферѣ...

Остальные трое лоху (бѣглыхъ) были достойными товарищами Хо. Принадлежа къ числу отъявленныхъ негодяевъ, они носили на своихъ лицахъ клейма, наложенныя за разныя преступленія. Кто они были, откуда, какое совершили преступленіе—никто въ партіи не зналъ, да и не интересовался знать. Согласно давно установившемуся обычаю, никто изъ бродягъ не вырвалъ спрашивать товарищей о прежней жизни. Всѣ они, составивъ партію, силотились въ одну артель съ выборнымъ старшиной во главѣ, чтобы имѣть возможность дать надлежащій отпоръ звѣрямъ и другимъ искателямъ.

Опытный, посѣдѣвшій въ тайгѣ, Лонхоу, избранный старшиной партіи, пользовался, согласно установившемуся обычаю, громадною, почти безграничною властью, могъ произносить надъ признавшими эту власть хоть смертный приговоръ за дѣйствія противъ безопасности партіи и ея членовъ. Это былъ своего рода неограниченный владыка, которому партія оказывала полное подчиненіе; всякое нарушеніе такого подчиненія могло повлечь за собой жестокое возмездіе, безапелляціонно налагаемое старшиной. Старшина сохраняетъ свою власть только до тѣхъ поръ, пока большинство партіи на его сторонѣ. Разъ этого большинства нѣтъ, онъ можетъ быть смѣненъ во всякое время и на его мѣсто избранъ другой. Мало того, смѣненный старшина можетъ быть сужденъ за прежніе свои проступки противъ партіи и понести жестокое наказаніе. Очевидно, что Лонхоу, при такихъ „щекотливыхъ“ условіяхъ, долженъ былъ вести свое дѣло съ большимъ тактомъ, чтобы не возбу-

*) Чарки—башмаки изъ сыромятной кожи.

**) Трава ула-цао принадлежитъ къ роду ситонниковъ. Манчжуры считаютъ ее въ числѣ трехъ благъ (соболя, жень-шеня и травы ула), дарованныхъ небомъ ихъ роднѣ.

Литературный альбомъ. „Дочь египетскаго царя“. Романъ В. Эберса. „Бартія и Сафо“ (гл. XIII, ч. I).
Ориг. рис. Р. Штейна, грав. И. Голевинскій.

Литературный альбомъ. „Дочь египетскаго царя“. Романъ В. Эберса. „Родопя у ложа спящей Сафо“ (гл. XIII, ч. I).
Ориг. рис. Р. Штейна, грав. И. Голевинскій.

ить против себя неудовольствие авантюристов. Впрочем, последние чувствовали превосходство Лонхоу над собой, чтобы рваться на что-нибудь против него. Искатели жень-шеня хорошо понимали, что брось он их в неизвестной тайге, то скоро отъ них остались-бы только окровавленные трупы. Лонхоу обладал желанным характером и умел поддерживать в партии должный порядок и необходимую дисциплину. Несмотря на небольшой рост и как бы узковатую грудь, он обладал стальными мускулами, с которыми не в состоянии были соперничать даже крупные мускулы гиганта Хо. В этой силе и заключалась тайна его власти над такою партией.

V.

Ночное нападение.

Время подходило уже к полночи. Ли-фу продолжал сидеть перед костром и изредка подбрасывал в него охапки хвороста. Пламя костра как будто на секунду замирало и затѣм еще с большею силою вскидывалось вверх, сыпая искры на окружающую листву и сырую траву. Вокруг царствовала тишина, нарушаемая только отчетливым треском пылавшего хвороста. Тишина эта действовала на Ли-фу спотворно. Напрасно он старался побороть одолевшую его дремоту. Сильно уставший за день, Ли-фу наконец не выдержал и задремал, облокотившись на грудь пригтовленного хвороста...

Прошло болѣе часу. Костеръ едва тлѣлъ. Ли-фу продолжал дремать, убаюкиваемый невозмутимой тишиной. Но слухъ его сталъ еще напряженнѣе, словно первая дѣтельность организма сосредоточилась въ головѣ. Вдругъ сны его разомъ прервались... По чащѣ пронеслось протяжное, словно кошачье, мяуканье и замерло гдѣ-то вблизи. Въ одно мгновение Ли-фу былъ на ногахъ, дрожащій, трепещущій. Съ безмолвнымъ ужасомъ оставилъ онъ свои расширенные зрачки въ то мѣсто чащи, гдѣ инстинктивно чувствовалъ присутствие страшнаго врага, и... оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Кровь застыла у него въ жилахъ... Волоса встали дыбомъ... Сердце перестало биться... Хотѣлъ было онъ крикнуть, чтобы разбудитъ спокойно спавшихъ товарищей, но крикъ замеръ въ груди: изъ спертаго горла вылетѣло только какое-то едва слышное, мучительное хрипѣніе. Ли-фу охватило странное, гипнотическое состояніе... Онъ не могъ пошевелинуться, не въ силахъ былъ отвести глазъ отъ уорно направленныхъ на него горящихъ, словно раскаленные уголья, зрачковъ. Едва мерцающій костеръ бросалъ на окружающую листву колеблющіеся полусвѣтъ... Вглядѣвшись попристальнѣе, Ли-фу съ ужасомъ разсмотрѣлъ высунутую изъ чащи, громадную, круглую голову самаго страшнаго, жестокаго и безопаднаго врага отважныхъ авантюристовъ—бенгальскаго тигра... Хищникъ, казалось, находился въ недоумѣніи: сорвать-ли висящую надъ его головою, уже обвѣтвившую тушу косули, подвѣшенную Лонхоу на нижнюю вѣтвь пробковаго дерева, или залиться горячей кровью этихъ, безцѣно разметававшихся на прогалинѣ людей. Одно, повидимому, смущало тигра—это упорно направленные на него глаза оцѣпенѣвшаго Ли-фу. Хищникъ смотрѣлъ въ эти глаза, полные безумнаго ужаса, словно очарованный. Казалось, этотъ упорный человѣчскій взоръ отнималъ у него рѣшимость сдѣлать послѣдній прыжокъ. Тигръ былъ страшнѣе въ своей дикой неподвижности. То онъ судорожно вышускалъ длинные когти, то опять вбиралъ ихъ. Густая, желтая шерсть стояла дыбомъ и словно искрилась. Изъ широкой груди вылетало какое-то едва слышное клекотанье. Кроваво-красныя поздри были широко раздуты, трепетали. Прошло нѣсколько страшныхъ, мучительныхъ для Ли-фу мгновений... Хищникъ несильно пригнулся къ травѣ и судорожно началъ взрывать передними лапами сырую землю, не спуская съ Ли-фу горящихъ глазъ. Длинный его хвостъ извивался словно змѣя и трепеталъ... Повидимому, голодный тигръ рѣшился на послѣдній прыжокъ... Ли-фу съ невыразимымъ ужасомъ ждалъ своего послѣдняго часа, не имѣя силъ крикнуть, не имѣя силъ пошевелинуться... Но вотъ хищникъ отвелъ отъ него свои горящіе глаза и перевелъ ихъ на одного изъ близъ лежащихъ. Прошло еще одно мучительное мгновение... Вдругъ тигръ сдѣлалъ страшный прыжокъ, словно внезапно развернувшись подъ нимъ гигантская стальная пружина. Послышалось какой-то хрясть, короткий, хриплый стогъ и урчаніе. Хищникъ, пригнувши свою круглую голову почти къ самой землѣ, пилъ горячую кровь, фонтаномъ бившуюся изъ перекушеннаго затылка жертвы...

Въ этотъ только страшный моментъ Ли-фу выскочилъ изъ оцѣпенѣнія. Изъ спертаго его горла вылетѣлъ раздрающій душу,

пронзительный крикъ: „ламаза!.. ламаза!..“ (тигръ). И онъ, словно подрубленное дерево, свалился на тлѣющіеся уголья костра.

Этотъ раздрающій крикъ произвелъ подавляющее дѣйствіе. Бродяги съ безумнымъ ужасомъ вскочили на ноги, не понимая, что случилось и кто причина такого вопля. Произошла сумятица: одни хватились за ножи, готовясь разить невидимаго, неожиданно явившагося врага; другіе искали ружья и сбѣшили запалить потухшіе фитили; третьи со страхомъ всматривались въ окружающую чащу, стараясь пронизать таинственный мракъ. Растерялись почти всѣ. Кто-то даже на удачу выстрѣлилъ: пуля расщепила сукъ какого-то дерева, около самой головы Хунъ-Ляна... Не растерялся только одинъ Лонхоу. Быстро сообразивъ въ чемъ дѣло, онъ бросился къ едва тлѣвшемуся костру. Оттащить за ноги на сырую траву безчувственнаго, обожженнаго Ли-фу—было для него дѣломъ одной секунды. Схвативъ затѣмъ огромную охапку сухаго хвороста, Лонхоу бросилъ ее на уголья и началъ раздувать. Черезъ нѣсколько секундъ хворостъ затрещалъ и повалилъ бѣлый дымъ. Разгорѣвшееся пламя коснулось сухаго дерева, и прогалина разомъ освѣтилась колеблющимся свѣтомъ ярко пылавшаго костра. Бродяги вздохнули съ облегченіемъ: свѣтъ возвратилъ имъ самообладаніе. Они съ любопытствомъ осмотрѣлись: на прогалинѣ никого не было. Только въ одномъ мѣстѣ трава была сильно примята и обильно смочена свѣжею кровью... Каждый изъ авантюристовъ, словно сговорившись, молча оглядѣлся и пересчиталъ своихъ товарищей: одного не хватало... Было девять—стало восемь... Не хватало лоху Паи-хи... Всѣмъ сдѣлалась ясна причина отчаяннаго крика Ли-фу. Было очевидно, что тигръ, воспользовавшись наступившимъ мракомъ, выхватилъ съ прогалины одну жертву и скрылся съ нею въ темной заросли. Никто не рѣшился преслѣдовать хищника. Каждый хорошо сознавалъ, что Паи-хи уже покончилъ съ жизнью счеты, и преслѣдовать было-бы безцѣльно.

Ли-фу, упавъ на тлѣвшіеся еще уголья костра, получилъ довольно серьезные ожоги груди и лица. Въ первые минуты общаго переполоха никто изъ товарищей не обратилъ на него вниманія. Каждый, пересчитывая оставшихся въ живыхъ, хоти и вводилъ въ общій счетъ обезнамятѣннаго Ли-фу, не обратилъ вниманія на то, что онъ нуждается въ помощи. Никто не замѣтилъ, что на плечахъ несчастнаго Ли-фу еще тлѣется халатъ...

По вотъ папка начала проходить. Разсудокъ постепенно вступалъ въ свои права, и каждый созналъ, что опасность для остальныхъ уже миновала... Между тѣмъ жгучая боль заставила Ли-фу придти въ себя. Съ хриплымъ стономъ вскочилъ онъ на ноги и съ какимъ-то остервенѣніемъ сорвалъ съ своихъ обожженныхъ плечъ тлѣвшуюся одежду. Товарищи отнеслись къ его страданіямъ безучастно. Они были не таковы, чтобы обратилъ на это вниманіе. Въместо словъ участія и сожалѣнія, посыпались насмѣшки и ругань. Каждый словно хотѣлъ излить свой гнѣвъ надъ Ли-фу за только что испытанный страхъ. Бродяги набросились на несчастнаго, какъ на виновника ночнаго переполоха.

— Сонная собака!.. Песій выродокъ! взвизгивалъ Хо съ пѣпой у рта, неистово размахивая своєю единственною рукою.

— Чтобъ тебѣ захлебнуться тигровою желчью, подавайся оленьимъ рогомъ!.. выкрикивалъ Хунъ-Лянъ злобныя пожеланія.

Остальные искатели жень-шеня не отставали и сыпали самую площадную руганью. Одинъ только Лонхоу сохранялъ полное самообладаніе и съ участіемъ поглядывалъ на Ли-фу, ошавшаго отъ этого крика.

— Эй, вы, накалы, полно выть! проговорилъ онъ, выведенный законце изъ терпѣнія этимъ крикомъ.— Дайте Ли-фу хоть очнуться!.. Развѣ не видите, что онъ уже наказанъ... Смотрите, рожа у него, словно ошалѣвшая кабанья морда!..

Но тѣ не унимались.

— Молчите, собаки! съ бѣшенствомъ крикнулъ Лонхоу, грозно насупивъ свои сѣдые брови. Единственный глазъ его заблесталъ словно раскаленный уголь.— Ложитесь спать!.. Ты, Хунъ-Лянъ, сторожи становище до утра... Не жалѣй хвороста!.. А то какъ разъ ламаза опять придетъ...

Тогда всѣ разомъ смолкли. Они хорошо знали, что Лонхоу шутить не любитъ и всегда требуетъ безпрекословнаго повиновенія. Хунъ-Лянъ угрюмо отошелъ отъ Ли-фу и тотчасъ-же приступилъ къ обязанности ночнаго сторожа, бросивъ въ костеръ огромную охапку хвороста... Постепенно, бродяги улеглись, и черезъ полчаса на прогалинѣ вновь наступила полная тишина, нарушаемая только трескомъ ярко пылавшаго хвороста.

(До слѣд. №).

Русскіе послы XVII в. въ Италіи (1656—1657 гг.).

Изъ статьи А. Бриннера. *)

Въ 1655 г. венеціанская республика послала въ Россію дипломатическаго агента духовнаго званія, Альберто Вимина, съ цѣлью склонить царя Алексѣя Михайловича къ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Но царь Алексѣй былъ занятъ въ то время войною съ Польшею, а также можно было ожидать разрыва Россіи со Швеціею, вотъ почему восточный вопросъ и чужія политическія дѣла не могли заинтересовать русское правительство.

Между тѣмъ появленіе Вимина въ Россіи было исходнымъ пунктомъ дипломатическихъ сношеній между царемъ и Венеціанскою республикой. Вслѣдъ затѣмъ въ Венеціи появляется нѣсколько московскихъ пословъ. Венеція считалась въ то время сильной державой. Извѣстно, что въ 1698 г. Петръ Великій намѣревался посѣтить знаменитую республику и ознакомиться съ ея верфями, арсеналомъ, эскадрой и промышленными учрежденіями.

*) Aus a. Z. und L. Heft 2—3.

Какъ мало въ Москвѣ знали о западной Европѣ, свидѣтельствуеетъ то обстоятельство, что по прибытіи въ Россію Вимпны, его спрашивали откуда онъ, кто царствуетъ въ Венеціи, съ какими государствами она находится въ сношеніяхъ и проч.; желали занять у Венеціи деньги, которыя были нужны для веденія войны съ Польшею и Швеціей. Съ такимъ именно порученіемъ русское посольство отправилось въ Венецію.

Теперь изъ Москвы въ Венецію можно проѣхать въ четверо сутокъ. Въ XVII столѣтіи для этой цѣли требовалось столько же мѣсяцевъ. Несогласія съ Польшею принудили путешественниковъ сдѣлать большой объездъ. Дорога шла изъ Москвы въ Архангельскъ, а оттуда моремъ, вокругъ всей Европы, чрезъ Гибралтарскій проливъ въ Ливорно.

О дипломатическихъ приемахъ или политической опытности у русскихъ пословъ того времени говорить трудно. Иностранцами дѣлами въ Москвѣ завѣдывали высшею бюрократіею; о западно-европейскихъ отношеніяхъ не имѣли точнаго понятія. Точно также не знали западно-европейскихъ языковъ и русскіе послы говорили съ князьями и государственными людьми западной Европы чрезъ переводчиковъ. И только въ тѣхъ случаяхъ, когда иностранцы, по порученію Московскаго правительства, являлись въ западную Европу въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ, — переговоры могли вестись лично.

Во главѣ посольства, отправившагося въ Венецію въ 1656 г., находился передславскій воевода Чегодановъ; помощникомъ его былъ Посниковъ. Свита ихъ состояла изъ 33 лицъ.

Послѣ приготовленій къ путешествію, заявившихъ нѣсколько недѣль весною 1656 г., въ началѣ іюля посольство выѣхало изъ Москвы. Взято было много вещей, но денегъ было мало. Послы везли съ собою 100 пудовъ ревеню и значительную партію соболонныхъ мѣховъ, что предполагалось продавать за границей. Дипломатическое посольство это походило болѣе на торговый восточный караванъ и двигалось весьма медленно.

Какъ проѣхать въ Венецію — русскіе узнавали отъ иностранныхъ купцовъ и шкиперовъ, жившихъ въ Москвѣ и въ Архангельскѣ. Должны были положиться на голландскихъ капитановъ корабля; наймомъ судовъ, ходившихъ между Ливорно и Архангельскомъ, занимались также иностранцы.

Свита была такъ велика, что въ Архангельскѣ нужно было нанять два корабля. Только въ сентябрѣ можно было пуститься въ долгій путь; въ такое позднее время путь былъ очень затруднителенъ и опасенъ. Отъ Архангельска до Ливорно (около 7000 верстъ) ѣхали три мѣсяца, нигдѣ не выходя на берегъ. Приходилось испытывать бурю. Въ своемъ донесеніи о путешествіи Чегодановъ упоминаетъ о странной бурѣ у берега Ирландіи (въ концѣ октября): волны заливали налуду, окна въ нѣкоторыхъ каютахъ были выбиты, такъ что въ трюмъ набралась вода на цѣлый аршинъ; оказавшуюся течь пришлось закрывать парусомъ и цѣлую ночь выкачивать воду ведрами и котлами.

Избѣгнувъ съ трудомъ одной опасности, у береговъ Португаліи и Испаніи они встрѣтили новую. Экипажъ и пассажиры обонхъ голландскихъ кораблей ожидали каждую минуту нападенія пиратовъ; все было приготовлено для встрѣчи непріятеля; отъ встрѣчныхъ шкиперовъ получались извѣстія, что между Ливорно и Гибралтаромъ особенно много морскихъ разбойниковъ, такъ что въ этомъ мѣстѣ нужна величайшая осмотрительность. Не успѣли путешественники миновать Гибралтаръ, какъ вдругъ увидѣли три разбойничьихъ корабля, которые, спрятавшись за скалу у Испанскаго городка Мотриль, поджидали ихъ и пустились за ними въ погоню. Уже они были близко, но замѣтивъ на корабляхъ русскихъ все приготовленнымъ къ бою, повернули назадъ и скоро исчезли изъ виду. Наши путешественники возблагодарили Творца за спасеніе; шкипера, опасаясь дальнѣйшихъ преслѣдованій, измѣнили курсъ, лавировали нѣкоторое время, подошли сперва къ берегу Корсики и затѣмъ уже въ Ливорно.

Всѣ эти приключенія упомянуты въ дневникѣ, который послы везли съ цѣлью представленія своему правительству по возвращеніи на родину. На обязанности пословъ лежало ознакомленіе съ разстояніями отъ различныхъ мѣстъ, которыя они миновали, и собираніе прочихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ Чегодановъ старался до нѣкоторой степени узнать страны, вблизи которыхъ ему приходилось плыть. По географическимъ замѣткамъ въ дневникѣ можно судить, что всѣ имена и числа были для нихъ вполнѣ новы. О сѣверномъ берегу Норвегіи они писали, что это „страна датскаго короля“; островъ Фароеръ названъ „Фиръ“; Исландія — „Ледянымъ островомъ“; Шотландскіе острова — „Гитланды“; далѣе Чегодановъ помѣчаетъ „что испанская страна соприкасается съ французскою“ и что всѣ эти страны, во время проѣзда, оставались по лѣвую руку. Измѣненіе названій иногда таково, что нельзя догадаться о какомъ именно городѣ или мѣстѣ идетъ рѣчь.

Съ путешествіемъ Чегоданова изъ Москвы, чрезъ Архангельскъ, въ Ливорно, мы знакомы только по дневнику самихъ пословъ. О пребываніи же ихъ въ Ливорно есть документы и во флорентинскомъ архивѣ.

Появленіе русскаго посольства въ Италію возбудило большое любопытство *). Въ то время уже существовали кое-какія тор-

*) Въ „Annali di Livorno“ Джузеппе Вивольи, о прибытіи русскихъ пословъ упоминается какъ о важномъ событіи.

говые отношенія между Ливорно и Архангельскомъ. Главнымъ предметомъ, доставляемымъ Россіей въ Италію, была икра. Въ списокѣ товаровъ, прибывшихъ на корабль изъ Архангельска въ Ливорно въ 1659 г., значится 241 бочка икры и, въ числѣ другихъ предметовъ, нѣсколько тысячъ пудовъ воску. Въ Ливорно жили купцы, поддерживавшіе правильныя сношенія съ Архангельскомъ и могшіе сообщить флорентинскому правительству нѣкоторыя свѣдѣнія о московскомъ государствѣ; но еще никогда на тосканской землѣ не была русская нога. Только между Римомъ и царемъ, и то какъ случай исключительный, существовали нѣкоторыя дипломатическія сношенія. Впечатлѣніе, произведенное Чегодановымъ и его свитой, было новое, поражающее.

О приемѣ русскихъ въ Ливорно многое записано въ дневникѣ Чегоданова. Всѣ корабли, стоявшіе въ ливорнскомъ рейдѣ, а также суда, на которыхъ прибыли русскіе, салютовали другъ другу выстрѣлами изъ мортиръ. Чегодановъ уплатилъ икниерамъ 17 рублей за порохъ, израсходованный на салюты въ дорогѣ. На 78 выстрѣловъ потребовалось 234 фунта пороха.

Губернаторъ Ливорно, Антонио Серрестори, послалъ точчасъ офицера на корабли, освѣдомиться о прибывшихъ; по выгрузкѣ русскихъ товаровъ, къ нимъ была приставлена стража. Оставшіеся все время на корабляхъ послы были торжественно привѣтствуемы чиновникомъ по порученію губернатора. Прибыли также врачи, съ цѣлью удостовѣриться, что экипажи и пассажиры здоровы и нѣтъ опасности заразиться отъ нихъ какою либо болѣзью. На кораблѣ плли адворье царя Алексія и великаго герцога Фердинанда. Затѣмъ появился губернаторъ, спрашивавъ о политическомъ положеніи московскаго государства, о польско-русской войнѣ и проч. Только на четвертый день по прибытіи въ ливорнскій рейдъ, русскіе сошли на берегъ. Купецъ Карлъ Лонгланъ, имѣвшій торговля сношенія съ Архангельскомъ, выслалъ пять разукрашенныхъ лодокъ, отъезжихъ путешественниковъ съ корабля на берегъ. Тутъ стояло семь экипажей. Послы были одѣты въ богатые платья. Громадная толпа народа собралась посмотреть на ихъ шествіе. Описанію торжественнаго приема, — нослы остановились въ домѣ Карла Лонглана, — праздноствъ и тостовъ отведено большое мѣсто въ дневникѣ. Повидимому, наши послы желали ознакомить свое правительство особенно съ тѣми почестями, которыхъ удостоились въ Ливорно.

Когда они выразили желаніе посѣтить находящуюся въ Ливорно церковь, въ ихъ распоряженіе было предоставлено нѣсколько экипажей. Всякій разъ какъ они появлялись на улицахъ, ихъ встрѣчала масса народа. Венеціанскій агентъ, находившійся въ Ливорно, сдѣлалъ имъ визитъ. Обозалось необходимымъ взять переводчика, обязанности котораго сталъ исполнять пѣвецъ Іоганъ Сакель.

Виродолженія мѣсячнаго пребыванія въ Ливорно, русскіе старались ознакомиться съ общими положеніемъ дѣлъ. Со времени отъѣзда они не имѣли никакихъ извѣстій съ родины. Теперь они узнали уже здѣсь о нѣкоторыхъ событіяхъ, происшедшихъ за это время. Въ расходной книгѣ Чегоданова помѣчено, что за изготовленіе выписокъ изъ газетъ уплачено имъ собольими шкурками стоимостью въ 3½ рубля. Въ разговорахъ русскихъ съ Лонгланомъ упоминалось объ отношеніяхъ Франціи къ Испаніи. О дальнѣйшемъ путешествіи въ Венецію послы вели переговоры съ ливорнскими властями и венеціанскимъ агентомъ.

Въ отчетахъ своимъ правительствамъ венеціанскихъ и тосканскихъ чиновниковъ, находившихся въ Ливорно одновременно съ русскими путешественниками, есть свѣдѣнія о нашихъ послахъ. Такъ напр., венеціанскій агентъ Арmano писалъ, что русскіе не хотѣли выйти на берегъ до тѣхъ поръ, пока въ честь ихъ не было произведено извѣстное число выстрѣловъ. Губернатору Ливорно не понравилась настойчивость, съ какою русскіе послы требовали выполненія внѣшностей этикета. Ему былъ также непріятенъ подарокъ Чегоданова, состоявшій изъ собольихъ шкурокъ посредственной доброты. Громадное количество товаровъ, привезенныхъ дипломатами, возбуждало удивленіе. Серрестори пишетъ, что послы хотѣли купить у еврея Мозеса Франка драгоцѣнные камни, но предлагали только половину стоимости, и покупка не состоялась; продавая же привезенные товары, они запрашивали чрезмѣрные цѣны, на 30 процентовъ болѣе противъ существовавшихъ въ городѣ цѣнъ.

Послы производили впечатлѣніе людей простыхъ, необразованныхъ. Итальянцы удивлялись, что ни въ Чегодановѣ, ни въ Посниковѣ не было ничего „знатнаго“, что они были скуны и мелочны, обращались дурно съ прислугой и почти требовали, чтобы ихъ повсюду угощали.

Любопытно, что Серрестори подробно описываетъ наружность и манеры русскихъ: „Чегоданову около 60, а Посникову около 40 лѣтъ; они говорятъ только по русски; хвалятъ итальянскую кухню и вина; имъ подарили нѣсколько боченковъ вина; пьютъ и ѣдятъ они умѣренно, но у себя въ комнатахъ все время употребляютъ много водки. Въ помѣщеніи пословъ часто играютъ на какихъ то инструментахъ, поютъ и танцуютъ; они упрямы и недоувѣрчивы, имѣютъ вѣроятно много денегъ, любятъ хвастать богатствами своего царя, держать себя гордо и надмен-

по". Некоторые привычки русских казались итальянцам ужасными. Так напр., Серристоры пишут: „Они нечистоплотны, снять одѣты на полу, и послы покрываются такими же одѣлами что и слуги“. Губернаторъ приказалъ сдѣлать портретъ Чемаданова и послать его во Флоренцію съ замѣчаніемъ: „Верхняя половина тѣла потому кажется такъ длинна, что поясъ повязанъ очень низко (тогда носили очень короткія талии); жемчугъ на воротникѣ широкой одежды не настоящей“.

Хотя русскіе не отвѣтили на визитъ Серристоры, извиняясь, что они не получили по этому предмету никакихъ инструкцій отъ своего государя, тѣмъ не менѣе губернаторъ предположилъ пригласить ихъ на балъ; „они любятъ веселиться“, замѣчаетъ онъ, и просилъ поэтому указаній, какъ ему поступить?

Спустя нѣсколько дней, русскіе дипломаты появились на балу, данномъ губернаторомъ; они были очень богато одѣты; ранѣе чѣмъ отправиться на балъ, нужно было исполнить относительно ихъ разныя формальности; подавалась водка; при одѣваніи параднаго платья послы постоянно крестились; затѣмъ они помолились передъ своими образами; на балу все время сидѣли неподвижно на приготовленныхъ для нихъ мѣстахъ, не принимали участія въ танцахъ, шли и внимательно осматривали дамъ. Вернувшись къ себѣ, они много разговаривали о красотѣ и любезности дамъ.

На вопросъ—курятъ ли и нюхаютъ ли табакъ въ Россіи, они отвѣчали, что царь ихъ человекъ набожный, и поэтому строго запретилъ употребленіе этого зелья. До сихъ поръ носъ былъ единственное исключительное, чѣмъ люди не грѣшили; но дьяволъ, говорили они, выдумалъ табакъ, чтобы люди грѣшили и носомъ, и мудрый государь, въ предупрежденіе своихъ подданныхъ отъ совершенія грѣха, запретилъ имъ нюхать табакъ. „Что за ханжество!“ восклицаетъ итальянскій повѣствователь того распушеннаго времени, когда всякая строгость такого рода должна была казаться крайней нелѣпностью.

Убавляя въ Венецію, послы хотѣли взять съ собою привезенные ими и не потребленные еще припасы, соленую рыбу, муку, солонину, медъ и другіе напитки, и даже пустыя бочки, на что понадобились четыре лодки. Они шутили говорили, что большой багажъ доказываетъ важность путешествующихъ. Узнавъ же, что отъ границы венеціанской республики до Венеціи только

день пути, они были очень возмущены, что съ нихъ хотѣли взять плату за лодки, и упомянули, что Альберто Вимина, бывши въ Россіи, долженъ былъ проѣхать тысячу миль, и все это время жилъ на счетъ царя.

Своими причудами русскіе дипломаты поражали итальянцевъ, которымъ конечно не могли правиться обычай и привычки русскихъ.

„Въ праздники, говорится въ одномъ изъ ливорнскихъ документовъ, послы не выходятъ, а сидятъ весь день дома, напѣваютъ духовныя пѣсни и играютъ въ шашки. Лоплантъ, говорится тамъ же, съ приближеніемъ времени отъѣзда послы, запасаются разными благовоющими эссенціями, чтобы окуривать комнаты, въ которыхъ жили русскіе; предполагаютъ, что онѣ подвергнутся строгому карантину; послѣ трехъ часового пребыванія русскихъ послы въ домѣ губернатора, они оставили послѣ себя сильный запахъ рыбы. Тамъ, гдѣ они жили долго, запахъ этотъ конечно не скоро пройдетъ“.

Въ другомъ мѣстѣ сообщается, что поѣздка за городъ на виноградники доставила посламъ много удовольствія; они были восхищены, такъ какъ на родинѣ не видѣли ничего подобнаго. Старшій посолъ былъ очень веселъ и много говорилъ о прекрасномъ полѣ. Увидѣвъ разъ на улицѣ нѣсколькихъ дамъ въ экипажѣ, онъ

спросилъ объ имени одной изъ нихъ, поразившей его красотой. Узнавъ, что это жена доктора, онъ, по возвращеніи домой, началъ жаловаться на боль въ рукѣ; когда же ему предложили послать за докторомъ, онъ отвѣтилъ, что пойдетъ къ нему самъ. Болѣзнь была только предлогомъ увидѣть красивую жену этого доктора. Только съ трудомъ удалось отговорить его отъ такого намѣренія. Посолъ Чемадановъ вошелъ въ лавку подъ предлогомъ покупки, но въ дѣйствительности чтобы полюбоваться красивою женою купца, которую онъ видѣлъ на улицѣ и которая ему понравилась. Рядомъ однако съ этими фривольностями—набожность; у послы постоянно происходили богослуженія, читались молитвы съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Во время молитвы за Царя, всѣ не только становились на колѣни, но кланялись земно.

Широкое богатое платье русскихъ возбуждало общее вниманіе, на улицахъ ихъ всегда провожала толпа народа. Трунили надъ карманами москвичей, которые были такъ глубоки, что, вынимая что либо изъ нихъ, приходилось гнутья; смѣялись надъ тѣмъ, что русскіе носятъ платки въ шапкахъ.

(До слѣд. №).

Смирѣнскій, Ермош
Генъ Патріархъ;

Высокопр. Гермогенъ, второй Патріархъ
Всероссійскій (1606—1612 г.).

Рисоваль и грав. А. Нейманъ.

Литературный альбомъ. „Пѣснь о Вѣщѣмъ Олегѣ“. Баллада А. С. Пушкина. Ориг. рис. И. Каменева, грав. Флюгель.

Къ рисункамъ

„Берегись! Новый Годъ ѣдетъ!“

(Рис. на стр. 4 и 5).

Какъ бѣшено-быстро несется на этой лихой тройкѣ только что пародившійся Новый Годъ! Не успеешь оглянуться какъ онъ уже наступитъ; время летитъ и начинается годъ съ его нестрыми днями, то веселыми, то грустными, то шумными и яркими, то тихими и грустно-однообразными. Принесетъ-ли онъ съ собою счастье, радости и надежды—кто знаетъ! Только быстро и неудержимо катится его колесница, храни несется горячіе восторги и раздастся лихой крикъ: „Берегись! Берегись старый, отпешдний отъ насъ Годъ! Новый Годъ ѣдетъ.“

Надъ головой его горитъ однако яркая звѣзда надежды и солнце радости, надъ нимъ несется голубь съ вѣтвью мира, кругомъ него рвѣютъ геши веселья, обилия, любви, счастья, весны и радости! И пусть они наполняютъ Новый Годъ каждого изъ насъ, пусть не повторяются горести и несчастья минувшаго и будетъ съ тѣмъ каждымъ изъ насъ поздравить — съ Новымъ Годомъ!!

Красавица.

(Рис. на стр. 9).

Мы уже говорили о собраніи рисунковъ красивыхъ женскихъ головокъ, рисунковъ, принадлежащихъ карандашу талантливаго И. Веле. И настоящий рисунокъ, какъ видятъ читатели, отличается тѣмъ же изяществомъ и тщательностью отдѣлки и такъ же превосходно выношенъ известнымъ граверомъ Шааромъ, какъ и предъидущіе.

„Дочь египетскаго царя“. Ром. Эберса.

(Рис. на стр. 12 и 13).

Выходъ въ свѣтъ, лѣтъ десять тому назадъ, романа германскаго писателя В. Эберса „Дочь египетскаго царя“, былъ замѣчательнымъ явленіемъ въ литературномъ мірѣ. Романъ изъ древней жизни, событія происходившія за 500 лѣтъ до Р. Хр., — пужно было имѣть большой художественный талантъ, чтобы выступить съ такой темой и имѣть такой огромный успѣхъ: романъ выдержалъ по нѣскольку изданій на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и на русскомъ, и читался и у насъ съ большимъ интересомъ. И дѣйствительно, внутрення достоинства романа такъ велики, что оправдываютъ такое вниманіе. Оставаясь глубоко вѣрнымъ изысканіямъ и свѣдѣніямъ о древнемъ мірѣ, авторъ сумѣлъ нарисовать такую его чудную картину, полную жизни и интереса, что съ напряженнымъ любопытствомъ перевертываешь страницу за страницей до конца. И воскресаетъ передъ вами этотъ міръ, съ его будничной обстановкой, въ его торжественныхъ церемоніяхъ и дѣйствіяхъ...

Изъ русскихъ художниковъ пѣлнлся грандіозными образами этого художественнаго произведенія молодой художникъ, сотрудникъ нашъ, г. Штейнъ, и здѣсь мы представляемъ два прекрасныхъ рисунка, относящихся къ одному изъ поэтичѣйшихъ эпизодовъ романа—любви Бартія и Сафо. Бартія, молодой царевичъ, младшій братъ могучаго владыки Персіи, Камбиза, прѣхавшій съ посольствомъ въ Египетъ, во время вечерней прогулки, нечаянно встрѣчаетъ въ саду молоденькую, прелестную Сафо, вначуку знатной египтянки Родоны. Плате Сафо зацѣпила за кусты шиповника. Юноша помогаетъ ей распутаться. Сафо останавливается, пораженная иностраннымъ костюмомъ и красотой царевича. Такимъ представляла она себѣ златокудрого Аволлона. Царевичъ мгновенно схватилъ дѣвушку за руку.

— Пусти меня! просила Сафо полусерьезно, полумилливо, подымая свои темные глаза на юношу.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ,—я оторвалъ тебя отъ розоваго куста и буду держать пока ты не отдашь мнѣ розу, что въ твоихъ волосахъ.

— Прощу тебя, пусти меня!

— Но теперь ты должна сказать какъ тебя зовутъ? Сафо? Не родственница-ли ты той, что загадаетъ такія чудныя гѣсны?...

Разговоръ идетъ граціозно и оживленно. Глубокое чувство, которое вспыхнуло съ первой-же встрѣчи въ молодыхъ людяхъ, приноситъ имъ столько счастья. Бартія не предчувствуетъ еще грядущаго горя и бѣды!

Когда почтенная Родона, бабушка прелестной Сафо, въ этотъ вечеръ по обыкновенію подошла къ ложу своей внучки, то нашла ее уже спящею, но не прежнимъ дѣтскимъ, спокойнымъ сномъ. Губы Сафо шевелились и она глубоко и печально вздыхала какъ будто ее мучили безпокойныя грезны... Сафо погружена была въ эти сладостныя грезны, а Родона не смыкала глазъ всю ночь и задумчиво хмурилась въ глубокой тревогѣ объ участи своей милой внучки. Тутъ, бодрствующую засталъ ее великолѣпный разсвѣтъ яснаго восходящаго дня...

Первый рисунокъ нашего художника изображаетъ именно свиданіе Бартія и Сафо, а второй—Родону у ложа ея внучки, Сафо.

Содержаніе романа полно интереса и разсказъ ведется съ неослабвающимъ оживленіемъ. Прелестная дочь царя Амазиса, основателя XVII династіи, покорителя Кипра, отиравается въ Персію, гдѣ дѣлается женою могущественнаго Камбиза, сына Кира, впоследствии завоевателя Египта. Съ перваго взгляда на царя, выхавшаго за городъ на встрѣчу своей невѣстѣ, Нитетисъ поражена его видомъ и величіемъ и въ душѣ ея зарождается глубокое чувство къ ея будущему царственному супругу. Жизнь ея, въ замужествѣ за грознымъ повелителемъ Персіи, начинается счастливо; въ семьѣ царя отъ сѣбной матери его Касанданы и его красавицы-сестры Атоссы она пользуется родственною любовью и ласками, но семейное счастье это отравляетъ ревнивая подозрительность своенравнаго и вспыльчиваго Камбиза. Царю кажется, что младшій братъ его, Бартія, начинаетъ питать не братскія чувства къ царикѣ Нитетисъ и ему доносятъ, что Бартія даже ходилъ на свиданіе въ царскіе сады. Раздраженный Камбизъ велитъ заключить брата и его друзей въ тюрьму и по разборѣ дѣла предать смерти, когда все недоразумѣніе счастливо разъясняется умный и знатный аеи-напичъ Оанесъ, прибывшій ко двору Камбиза. Бартію и друзей его освобождаютъ, но бѣдная царица Нитетисъ, огорченная тѣмъ, что такъ глубоко любимый ею мужъ могъ повѣрить хоть на минуту ея виновности, принимаетъ сокъ ядовитаго растенія и умираетъ. Съ прекращеніемъ ея благотворнаго вліянія на Камбиза, характеръ его, вспыльчивый и жестокий, дѣлается невыносимымъ. Начинается счастливая война съ Египтомъ, но по возвращеніи изъ похода царь дѣлается все мрачнѣе, впадаетъ въ тоску, заблѣваетъ и наконецъ мѣшается въ разсудкѣ и умираетъ. Послѣ смерти Камбиза жрецы, подъ именемъ убитаго брата его Бартія, возводятъ на престолъ узурпатора Гаумату.

Гермогенъ, патріархъ всероссійскій.

(Портр. на стр. 16).

Среди великихъ святителей русской земли, ознаменовавшихъ себя незабвенными заслугами церкви и отечества въ години самыхъ страшныхъ народныхъ бѣдъ и испытаній, особенно выдѣляется на фонѣ историческаго прошлаго, величественный образъ патріарха Гермогена. Въ эпоху самую мрачную и ужасную, въ эпоху общаго шатанія и разложенія всякаго государственнаго и нравственнаго порядка, онъ явился, по выраженію самихъ современниковъ, неколебимымъ столпомъ церкви и отечества, у ногъ котораго разблнлись прахомъ всѣ козни и замыслы враговъ нашей вѣры и національности. Служеніе церкви Гермогенъ началъ еще въ царствованіе Іоанна Грознаго — сначала въ санѣ архимандрита и настоятеля Спасо-Преображенскаго монастыря въ городѣ Казани, а потомъ въ 1583 г. казанскимъ архиепископомъ. Но вотъ пришли тяжелыя времена для нашего отечества. На престолѣ русскихъ царей сѣдлъ самозванецъ, орудіе паннизма, и православію грозила серьезная опасность. Лживый грекъ, лжепатріархъ Игнатій, былъ плохимъ защитникомъ церкви; онъ во всемъ угождалъ самозванцу и исполнялъ всѣ его желанія. Такъ, онъ безпрекословно соглашался, чтобы дочь сандомирскаго воеводы, будущая жена самозванца и царица московская, исполняла бы линъ для вида нѣкоторые обряды восточнаго православія. Другіе пастыри церкви тоже молчали изъ страха или угодливости, но митрополитъ казанскій не убоился царскаго гнѣва и вмѣстѣ съ Иосифомъ, епископомъ коломенскимъ, рѣшительно отвергалъ всякія уступки въ пользу панства, настоятельно требуя, чтобы царица торжественно припяла православіе. Узнавъ объ этомъ, самозванецъ воспыпалъ гнѣвомъ противъ Гермогена, немедленно выслалъ его изъ столицы, велѣлъ заключить его въ казанскій монастырь, и даже грозилъ лишить сана. Но вскорѣ послѣ этого самозванецъ погнбъ; лжепатріархъ Игнатій былъ свергнутъ съ патріаршаго престола и вмѣсто него былъ единогласно избранъ Гермогенъ. По воцареніи Шуйскаго, Гермогенъ всѣми силами старался поддержать шатающійся тронъ новаго царя и много разъ мятежники расходились по его убѣжденію; но все-таки онъ былъ не въ силахъ охранять порядокъ, когда противъ Шуйскаго, кромѣ бояръ, возстала и чернь, возмущенная голодомъ и смертью своего любимца князя Скопина-Шуйскаго, въ отравленіи котораго подозрѣвали самого Шуйскаго. Кромѣ того, въ то же время появилось разомъ нѣсколько самозванцевъ; повсюду замѣчалась подлая анархія и безначаліе. Города и области не слушали болѣе Москвы, не хотѣли знать распоряженій думы боярскаго, и такимъ образомъ силы государства раздробились и вступили во взаимную борьбу. Страна сѣверная поддержала тушинскаго царька; астраханская была гнѣздомъ разныхъ мелкихъ самозванцевъ, сѣверо-западная искала помощи у шведовъ и т. д. Народное единство было нарушено. „Горы молилъ, по выраженію лѣтописца, воздымались на русской землѣ, терзаемой убійствами и грабежами собственныхъ сыновъ ея, и уже не свѣтомъ луны, а пожарами освѣщались ночи“. Внѣшніе враги тоже не дремали. Король польскій, Сигизмундъ III, переступилъ съ войскомъ черезъ русскую границу

въ то время, какъ его военачальникъ Рожинскій, Сашга, Лисовскій ратовали за самозванца. Вопреки прежнимъ договорамъ, Сигизмундъ завладѣлъ Смоленскомъ и всею юго-западною Русью. Наконецъ сама Москва подняла подъ власть ляховъ и послѣднїе сдѣлались въ пей полными хозяевами. Сильная партія бояръ была на сторонѣ ляховъ и прочила въ царя польскаго королевича Владислава. Гермогенъ же настаивалъ на выборѣ царя чиста русскаго и православнаго, и указывалъ на юнона Михаила Феодоровича Романова, сына ростовскаго митрополита. Боярамъ, предлагавшимъ Владислава, онъ отвѣчалъ, что согласенъ на выборъ лишь въ томъ случаѣ, если королевичъ приметъ православіе. Между тѣмъ, народъ русскій, благодаря грознымъ грамотамъ патріарха, началъ мало-по-малу опарываться отъ своей апатїи, и съ разныхъ сторонъ потянулись дружины для освобожденія Москвы отъ ляховъ. Гермогенъ всѣми силами поддерживалъ это народное движеніе и, убѣдившись въ вѣроломствѣ Сигизмунда, открыто разрывилъ народъ отъ присяги Владиславу. Во вторникъ на страстной седмицѣ, въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ. Среди пожара и общаго смятенія Гермогенъ былъ сведенъ съ патріаршаго престола и заключенъ въ Чудовомъ монастырѣ. Здѣсь маститый іерархъ томился въ тѣсной и мрачной кельѣ, оберегаемой стражей изъ пятидесяти стрѣльцовъ. Но и въ темницѣ Гермогенъ все еще казался опаснымъ полякамъ и ихъ партїи. Часто приходилъ къ нему Гонсевскій съ боярами, чтобы просить его какъ милости—не велѣть народнымъ дружинамъ приближаться къ Москвѣ. Но старецъ былъ непреклоненъ. „Не велю, отвѣчалъ онъ—если увижу ляховъ выходящими изъ столицы; велю, если не будетъ сего, и всѣхъ благословляю умереть за вѣру православную“. Тогда патріарху стали грозить смертью, но онъ безстрашно отвѣчалъ указывая на небо: „Единого боюся, Живущаго тамъ“. Враги начали морить узника голодомъ и святой старецъ, будучи не въ силахъ долго выносить страшныхъ мукъ и лишений, тихо скончался въ своей темницѣ 17-го февраля 1612 года.

Литер. альбомъ. „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“.

(Рис. на стр. 17).

Удачный и эффектный рисунокъ молодого художника къ знаменитой балладѣ А. С. Пушкина, переноситъ насъ во времена Вѣщаго (т. е. мудраго) Олега, прибывшаго цѣпть свой на вратахъ Царь-града, въ глубокой мракъ древности, столь чудно возстающей передъ нами въ стихахъ поэта.

Баллада взята изъ извѣстнаго преданія объ Олегѣ. Князь ѣдетъ къ лѣсу.

Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь медленно ѣдетъ на борзомъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса на встрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ трудахъ и гаданьяхъ проведеній свой вѣкъ.
И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ.

— Скажи, спрашиваетъ князь, что сбудется со мною, близка ли моя смерть, или еще долго мнѣ жить; въ бою ли я сложу свою голову? И вдругъ кудесникъ дѣлаетъ ему странное, неожиданный предсказаніе. Указывая ему на его любимаго коня, на которомъ сидитъ князь, онъ говоритъ: „примешь ты смерть отъ коня своего!“

Въ раздумьи и тревогѣ прїѣхавъ домой, гладитъ и трелеетъ князь любимаго коня и велитъ его беречь, холить, но не сдѣлать впродъ для себя никогда. Вторая часть баллады чудесно открывается княжѣмъ пиромъ, на которомъ князь говоритъ о своемъ любимомъ конѣ. Онъ съ презрѣніемъ воспоминаетъ о предсказанїи старика. „Мой конь и попынѣ носилъ бы меня, презрѣтъ бы его предсказанье“. И слышитъ князь, что конь его наль; и князь съ дружиной ѣдутъ взглянуть на останки своего благороднаго друга. Князь трогательно прощается съ его прахомъ.

Спи другъ одинокій—
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ
На тривѣ ужъ недалекой...

По тутъ вдругъ изъ черепа коня выползаютъ, вїась, змїя.
И вскрикнувъ внезапно ужаленный князь:
Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя,
Мнѣ смертїю кость угрожала!..

Такимъ образомъ, ужасно исполнилось предсказаніе волхва. Баллада, по блеску стиха, прелести и силѣ образовъ, принадлежитъ къ лучшимъ произведенїямъ нашей поэзіи и чудные стихи повторяешь всегда съ новымъ наслажденїемъ...

Гарпія и ревуны.

(Рис. на стр. 20).

Между многочисленными породами орловъ южной Америки, гарпія величиной и силой напоминаетъ орла, а видомъ кор-

шуна. Голова у гарпіи большая, съ выразительными, смѣлыми, сверкающими глазами, дикое выраженіе которыхъ увеличивается пучкомъ перьевъ, который приподымается на шеѣ; клювъ и когти птицы очень сильны и опредѣляютъ характеръ ея какъ одной изъ опаснѣйшихъ хищныхъ птицъ. Длина ея достигаетъ 1½ аршина, длина крыла $\frac{3}{4}$ и хвоста $\frac{1}{2}$ арш.; но попадаются и большіе экземпляры. Густыя перья очень мягки; голова и шея сѣрая, спина, крылья, хвостъ и верхъ груди свинцово-черныя, нижняя часть груди бѣлая, а ноги нестрыя, черныя съ бѣлымъ. Гарпія живетъ въ сырыхъ, богатыхъ водою лѣсахъ Южной Америки и преимущественно возлѣ береговъ рѣкъ; она встрѣчается всюду въ большихъ лѣсахъ, но въ ограниченномъ количествѣ, вѣроятно потому, что перья ея служатъ дорогимъ украшенїемъ индійцевъ и она дѣлательно ими преслѣдуется. Съ дерева гарпія подымается короткимъ, отрывистымъ, по быстрому движеніемъ вертикально вверхъ, кружится тамъ нѣсколько минутъ, и завидя добычу, стрѣлою опускается на нее. Гарпія не пренебрегаетъ ни однимъ позвоночнымъ животнымъ, которое ей подѣ силу. Она охотится на птицъ, но особенно любитъ тихоходовъ и обезьянъ. Гарпія принадлежитъ къ величайшимъ врагамъ ревуновъ, этихъ своеобразныхъ обезьянокъ новаго міра, съ утолщеннымъ, въ видѣ зоба, горломъ, издающихъ особые жалобные звуки, отчего они и получили свое названіе. Тѣло ихъ гибко, голова съ выдающеюся мордочкой, шерсть густа и на подбородкѣ удлинена въ видѣ бороды, хвостъ очень длиненъ и силенъ. Ревуны, какъ и всѣ обезьяны Новаго Свѣта, живутъ преимущественно на деревьяхъ цѣлыми стадами. На стр. 20 изображена стая этихъ добродушныхъ обезьянъ, предающихся веселымъ играмъ. Но вдругъ надъ листовою прописитъ тѣнь и съ быстротою молніи на нихъ набрасывается гарпія. Въ слѣдующую минуту она вѣблается своими сильными когтями въ беззащитную обезьянку и съ жадностью разрываетъ ее на части, въ то время какъ остальные обезьяны въ страхѣ разбѣгаются.

Кольца Сатурна.

(Рис. на стр. 21).

Сатурнъ—это безъ сомнѣнія замѣчательнѣйшая звѣзда нашей планетной системы, какъ по двумъ кольцамъ ее окружающимъ, такъ и по сопутствующимъ ей восьми лунамъ. Сатурнъ—вторая по величинѣ планета нашей системы; среднее разстояніе его отъ солнца составляетъ около 190 милліоновъ географическихъ миль; разстояніе отъ земли колеблется между 159 и 222 милліонами географическихъ миль, почему онъ кажется намъ то больше, то меньше. Путь его вокругъ солнца составляетъ около 1200 милліоновъ миль и онъ совершаетъ его въ теченїи 29 лѣтъ и 167 дней. Поверхность его въ 90,8 разъ превосходитъ поверхность земли, объемъ въ 863 разъ, а масса въ 101 разъ, такъ какъ средняя плотность его составляетъ только 0,112 плотности земли, или 0,64 плотности воды и $\frac{1}{322}$ плотности солнца. При громадномъ отдаленїи отъ солнца, онъ получаетъ мало тепла, именно среднимъ числомъ $\frac{1}{64}$ часть количества тепла, получаемаго нашей землей отъ солнца. Не смотря на это, онъ издаетъ сильный свѣтъ, и свѣтъ колецъ гораздо ярче самой планеты. Замѣчательныя кольца Сатурна расположены надъ экваторомъ планеты, на одной плоскости, одно надъ другимъ. Въ настоящее время, по сообщенїю астрономовъ, кольца Сатурна представляются наиболѣе широкими, благодаря тому углу, какой путь его образуетъ съ угломъ земли. Смотря въ большой телескопъ, между кольцами замѣчается черная, серповидная щель, простирающаяся отъ громадной въ 390 миль, широкой полосы, раздѣляющей кольца на двѣ концентрическія части: сѣрое—внѣшнее, и болѣе свѣтлое—внутреннее кольцо. Послѣднее темнѣетъ по мѣрѣ приближенія къ ядру и на самомъ внутреннемъ краѣ переходитъ въ фіолетовый туманъ, который зовется туманнымъ или темнымъ кольцомъ. Лучше всего кольца Сатурна видны подѣ 37½ градусами сѣверной или южной широты и только въ лѣтніяочи. Но часть свѣтящагося кольца всегда отбѣнена Сатурномъ. Наблюдатель съ Сатурна, по находящійся не на самомъ экваторѣ, а ближе къ полюсамъ, видитъ вечеромъ (фиг. 1) только западную, утромъ (фиг. 2) только восточную часть кольца, а ночью тѣнь Сатурна, проходящую по кольцамъ съ востока на западъ. Во время начала лѣта, въ полночь 21 іюня, средняя часть колецъ кажется точно выгнутой (фиг. 3), а во время равноденствїя въ полночь, кольца кажутся свѣтящимися, наклонившимися другъ къ другу рогами, раздѣленными широкимъ темнымъ пространствомъ (фиг. 4). Каждое мѣсто на Сатурнѣ, стоящее предъ кольцами, посящается солнечными затмѣніями, продолжающимися мѣсяцы и даже годы. Такимъ образомъ кольца не способствуютъ освѣщенїю дней и ночей Сатурна, но скрадываютъ большую часть солнечнаго свѣта съ поверхности его. На помѣщенномъ рисункѣ показаны только три луны Сатурна изъ восьми, открытыхъ съ 1656 по 1849 г., и зовущихся Милтасъ, Ениселадъ, Тегисъ, Діона, Реа, Титанъ, Гинеріонъ и Ялетъ. Но по всей вѣроятности возлѣ Сатурна существуютъ еще другія луны между Діоной и Титаномъ, и между Гинеріономъ и Ялетомъ; но свѣтъ ихъ такъ слабъ, что онѣ могутъ быть разсмотрѣны только въ необыкновенно сильныя телескопы.

Гарпія и обезьяны-ревуны. Ориг. рис. А. Куля, грав. Эртель.

Политическое обозрѣніе.

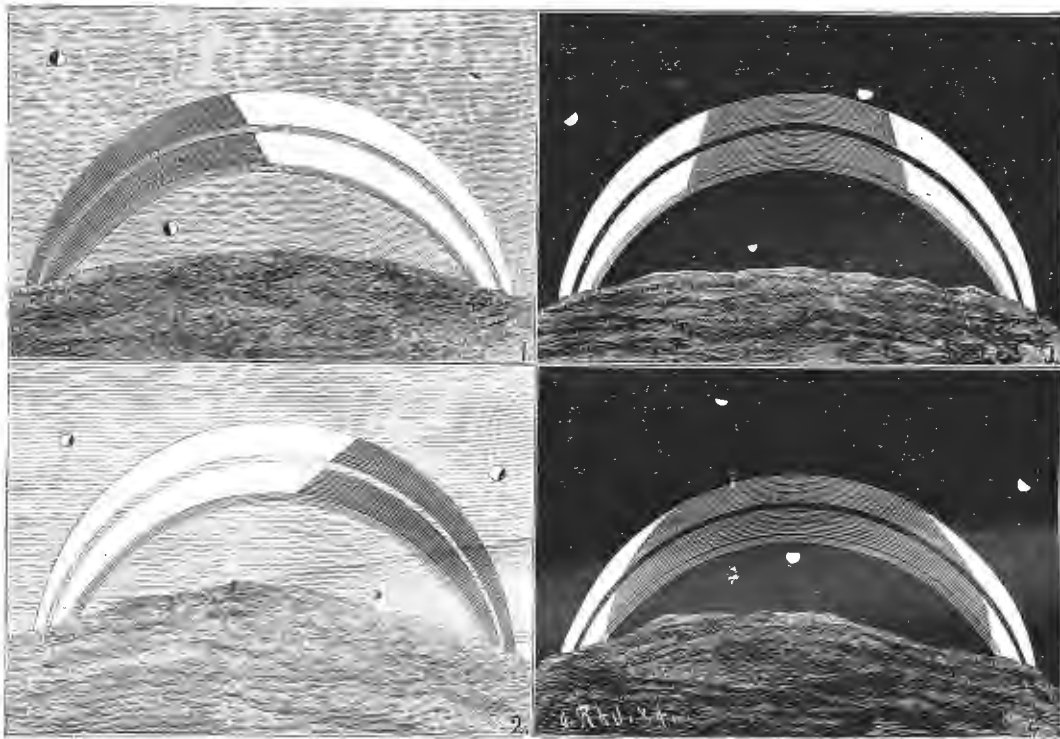
Германія.—Англія.—Франція и Китай.—Италія.—Турція.

Наступившій новый годъ засталъ неразрѣшенными много политическихъ вопросовъ, которые могутъ имѣть очень важное значеніе и моментъ разрѣшенія которыхъ ожидается съ нескрываемой тревогой. Такъ въ Германіи Брауншвейгскій вопросъ не перестаетъ занимать общественное мнѣніе и теперь даже въ печати открыто высказываются мнѣнія, что по брауншвейгской конституціи, право герцога Кумберландскаго на наследство брауншвейгскаго престола не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, но что рѣшеніе этого политическаго вопроса всецѣло зависитъ отъ императора и союзныхъ государей. По общему мнѣнію, брауншвейгцы безпрекословно подчинятся всякому рѣшенію, основанному на политическихъ соображеніяхъ, тогда какъ всякія старанія, клонящіяся въ доказательству того, что герцогъ Кумберландскій не имѣетъ законныхъ правъ на брауншвейгскій престолъ, никого не убѣдятъ, а скорѣе приведутъ въ смущеніе.

Въ Англіи тоже есть много причинъ для опасеній и тревоги.

лондонскихъ политическихъ кружкахъ полагаютъ, что новый президентъ Соединенныхъ Штатовъ не откажетъ Англіи въ удовлетвореніи ея вполне законныхъ требованій. Вѣсти, приходящія въ Лондонъ изъ страны боэровъ, тоже не очень утѣшительны для британскаго правительства. Трансваальскіе боэры, какъ слышно, готовятся къ серьезному столкновенію съ Англіей и толпами покидаютъ Трансвааль съ цѣлью защитить своихъ соотечественниковъ, не смотря на всѣ старанія президента Крюгера остановить ихъ воинственные порывы. Въ лондонскихъ политическихъ сферахъ подозрѣваютъ, что боэрамъ оказываетъ поддержку Германія и выражаютъ опасеніе, что, при такомъ условіи, экспедиція сэра Чарльса Варрена можетъ обратиться въ настоящую войну съ самыми тяжелыми послѣдствіями.

Во Франціи еще не предвидится и конца тонкинскому вопросу. Дѣлаются необходимыя новыя затраты и жертвы. Такъ теперь требуется подкрѣпленій для Тонкина въ 15,000 человекъ и для Формозы въ 10,000. По извѣстіямъ англійскихъ коррес-

Кольца Сатурна, видимыя съ Сатурна. Ориг. рис. В. Лингенфельдера.

1) Вечеромъ. 2) Утромъ. 3) 21 Юня въ полночь. 4) 21 Марта и 21 Сентября въ полночь.

Суданская экспедиція подвигается медленно и съ большими потерями. Такъ изъ Корти телеграфируютъ, что изъ шестнадцати баркасовъ, на которыхъ отрядъ выѣхалъ изъ Гамайи, девять потерпѣли крушеніе. Прочіе баркасы тоже сильно пострадали и требуютъ починки. Находившіеся въ баркасахъ люди были безъ сапоговъ, а нѣкоторые даже безъ верхняго платья, которое сбросили съ себя дорогою въ ежеминутномъ ожиданіи крушенія. Въ Каирѣ между тѣмъ продолжаютъ утверждать, что генералъ Гордонъ давнымъ давно погибъ и Хартумъ находится во власти мятежниковъ. Кромѣ того, многіе опасаются, чтобы суданскіе инсургенты не заманили англичанъ въ какую нибудь западню и не отрѣзали бы имъ отступленіе. Хартумъ совершенно обложенъ и нѣтъ никакой возможности узнать о настоящемъ положеніи тамъ дѣлъ. О первоначальномъ предположеніи выручить генерала Гордона къ празднику Рождества не можетъ быть и рѣчи. Англійскому вспомогательному корпусу предстоитъ еще пройти слишкомъ двѣсти пятьдесятъ верстъ голою степью, такъ что ранѣе первыхъ чиселъ марта онъ не достигнетъ своей цѣли. Послѣ всего этого неудивительно, что прежняя увѣренность въ несомнѣнный успѣхъ нильской экспедиціи генерала Вольселея сильно пошатнулась. Недавнія покушенія феніцевъ, а въ особенности взрывъ адской машины подъ лондонскимъ мостомъ и на Виндзорской станціи, снова возбудили общую тревогу и понудили англійское правительство опять обратиться къ вѣнннгтонскому кабинету съ представленіями касательно чрезвычайной терпимости американскихъ властей къ феніцамъ, готовящимъ на ихъ территоріи посягательства противъ Англіи. Министру Клеверленда британское правительство даже думаетъ предложить изданіе закона, въ силу котораго виновники динамитныхъ покушеній подвергались бы строгимъ наказаніямъ. Въ

понтентовъ, война, вмѣсто того чтобы ослабить Китай, укрѣпляетъ его. Благодаря телеграфнымъ сообщеніямъ, устроеннымъ между Пекиномъ и провинціями, централизація имперіи сдѣлала большіе успѣхи. Туземной печати удалось распространить среди китайскаго населенія патріотическія чувства, раздѣляемая даже китайцами въ Гонгъ-Конгѣ, Сингапурѣ и Санъ-Франциско. Войска мало по малу приучаются къ продолжающейся войнѣ. Доказательствомъ достигнутыхъ успѣховъ могутъ служить смѣлыя контръ-предложенія, заявленныя Китаемъ Франціи. Въ Келунгѣ между французскими войсками свирѣпствуетъ весьма злокачественная эпидемія. Что же касается блокады, то она нѣдѣйствительна. Китайскіе крейсера продолжаютъ безпрятственно высаживать войска и сообщеніе съ берегомъ Китая не прекращается. Такимъ образомъ успѣхи французскаго оружія принесли до сихъ поръ лишь весьма сомнительные результаты.

Изъ Рима сообщаютъ, что Пана Левъ XIII, принимая 24 декабря поздравленія кардиналовъ по случаю наступающихъ рождественскихъ праздниковъ, произнесъ въ отвѣтъ на привѣтствіе старѣйшаго изъ кардиналовъ монсьиньора Саккони, длинную рѣчь, въ которой преимущественно распространялся о притѣненномъ положеніи римской церкви и о „невыносимыхъ“ мучкахъ, претерпѣваемыхъ Папою подъ гнетомъ чужеземнаго правительства. „Нынѣшнее положеніе дѣлъ—сказалъ въ заключеніе Пана—противно достоинству и независимости архинастирскаго престола; оно посягаетъ на свободу Папы въ области его верховныхъ правъ. Современные порядки проявляютъ свои несообразности при всевозможныхъ случаяхъ, давая намъ чувствовать гнетъ ипоземнаго давленія, усиливающагося съ каждымъ днемъ и доказывающаго до полной очевидности, что ка-

толическій міръ не можетъ выноситьъ подобнаго порядка вещей, а тѣмъ болѣе относится къ нему равнодушно.

Подробности неистовствъ, совершаемыхъ мусульманскими пай-ками, съ цѣлью систематическаго истребленія болгарскаго населенія Македоніи, оказываются нисколько не преувеличенными. Консульскія донесенія вполнѣ подтверждаютъ факты, сообщаемые бельгійскимъ публицистомъ Лавелъ. По сообщенію изъ Варны, всѣ посольства великихъ державъ послали уже своихъ представителей въ Македонію для производства слѣдствія о неистовствахъ

турокъ. По всѣмъ извѣстіямъ изъ Македоніи, эта страна представляется въ полномъ анархическомъ состояніи и разбойничество свирѣпствуетъ во всей провинціи, благодаря отсутствію или безсилію власти, способной поддержать порядокъ.

Вообще новый годъ начался для Европы не съ особенно чистымъ и яснымъ политическимъ горизонтомъ и нельзя не сознаться, что этотъ облачный горизонтъ пожалуй не напрасно внушаетъ какъ правительствамъ, такъ и дипломатамъ довольно серьезные и мрачныя опасенія.

Библиографія.

Записная книга на 1885 г. СПб. Изд. К. Риккера. Мы неоднократно въ прошлые годы указывали на это изящное изданіе Риккера, вышедшее нынѣ съ прибавленіемъ двухъ картъ Европейской и Азіатской Россіи, печатанныхъ красками. Въ этой записной книгѣ, кромѣ календарей христіанскихъ исповѣданій, еврейскаго и магометанскаго, есть всѣ необходимыя подручныя свѣдѣнія: вѣсы и мѣры, таблицы вычисленія курсовъ и т. д. Форматъ книги удобенъ для пошенія въ карманѣ и видъ она имѣетъ очень красивый.

Рисунки углемъ И. И. Шишкина. Изд. А. Бенрова. СПб.

1885 г. 1 серия. Это великолѣпное изданіе большихъ рисунковъ углемъ нашего знаменитаго пейзажиста Шишкина, воспроизведенныхъ способомъ фототипіи, стоитъ указанія. Помимо превосходнаго исполненія факсимиле этихъ рисунковъ, неуступающихъ Каламовскимъ, самое изданіе сдѣлано весьма тщательно и цѣна его очень недорога. Тетрадь 1 выпуска съ 12 рисунками въ папкѣ стоитъ всего 13 руб., 75 коп. за укладку альбома и за пересылку за 20 фунт. Цѣна же каждаго отдѣльнаго рисунка на прекрасной брисольской бумагѣ 1 р. 20 к. Есть рисунки замѣчательно исполненные, какъ „Гурауфъ“, „На обрывѣ“, „Оттенель“, „У ручья“ и друг.

С М Ъ С Ъ.

Вліяніе электрическаго свѣта на птицъ. Городъ Эвансвилъ въ штатѣ Индіана освѣщается электрическими лампами и солнцами, помѣщенными на 13-ти высокихъ башняхъ, специально выстроенныхъ для этой цѣли. Яркіе голубые лучи, распространяющіе ослабительный свѣтъ миль на 8—10 въ окружности и придающіе мѣстности какой-то фантастическій колоритъ, вселопили все пернатое населеніе сосѣднихъ лѣсовъ. Каждый вечеръ, цѣлыя стаи малиповокъ, синицъ, дроздовъ, овсянокъ, варакушекъ, снѣгирей и другихъ птичекъ летятъ изъ лѣса по направленію лучей и начинаютъ съ громкимъ крикомъ и щебетаніемъ кружиться около огня. Такая смѣлость имѣетъ конечно очень печальныя послѣдствія для бѣдняжекъ: однѣ не выдерживаютъ ослабительнаго свѣта и высокой температуры и замерзаютъ падаютъ на землю; другія погибаютъ отъ прикосновенія къ электрическимъ проволокамъ и, сравнительно, только очень немногія остаются цѣлы и невредимы. Каждое утро, окрестные жители находятъ кругомъ башенъ массу околѣвшихъ птичекъ, а, кромѣ того, сколько такихъ жертвъ попадаетъ въ водосточныя трубы и достается котамъ, которыхъ всегда собирается очень много около башенъ по ночамъ. Одинъ любитель птицъ, наблюдавшій это явленіе въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вычислилъ, что въ Эвансвилѣ ежедневно погибаютъ, такимъ образомъ, около тысячи разныхъ птицъ. Замѣчательно, что въ холодную, ясную погоду, птицы прилетаютъ въ гораздо меньшемъ количествѣ; въ дождливый же и теплыя ночи ихъ собирается видимо невидимо около башенъ. Только воробьи относятся вполнѣ равнодушно къ новинкѣ и не раздѣляютъ паники, охватившей ихъ собратьевъ. Живя постоянно вблизи человѣческаго жилья, они уже давно привыкли къ его хитрымъ выдумкамъ и спокойно спятъ въ своихъ гнѣздахъ, не смущаясь непривычнымъ, яркимъ свѣтомъ. Такое же магическое вліяніе оказываютъ на морскихъ птицъ маяки, расположенные по морскому побережью.

Императоръ Вильгельмъ и васильки. Скромный василекъ, какъ извѣстно, любимый цвѣтокъ императора Германскаго. Ни одинъ праздникъ, ни одно торжество не проходить, чтобы императору не были поднесены въ томъ или другомъ видѣ васильки; даже самое названіе „Kornblume“ измѣнено послѣдніе года въ „Kaiserblume“. Причина предпочтенія, оказываемаго императоромъ этому полювому цвѣтку, заключается въ воспоминаніи о слѣдующемъ эпизодѣ изъ его жизни: Незадолго передъ Фридрихской битвой (въ 1807 году) королевъ Луизъ снова пришлось покинуть Кенигсбергъ и искать убѣжища въ Мемелѣ. Дорогой, въ каретѣ въ которой она ѣхала со своими старшими сыновьями: принцемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ и принцемъ Вильгельмомъ, сломалось колесо. Неприятность эта случилась на большой дорогѣ, вдали отъ всякаго жилья, и, пока карету приводили въ порядокъ, высокие путешественники присѣли на краю канавы, отдѣлявшей шоссе отъ поля. Маленькіе принцы, уставые и голодные, просили мать дать имъ чего нибудь поѣсть, — въ особенности жаловался на голодъ принцъ Вильгельмъ — слабый и большой ребенокъ. Королева, не имѣя съ собой рѣшительно ничего съѣстнаго, не знала какъ помочь горю. Чтобы чѣмъ-нибудь развлечь дѣтей, она встала и пошла въ поле собирать васильки, приглашая и принцевъ послѣдовать ей примѣру. Набравъ большой букетъ цвѣтовъ, они снова сѣли около дороги и занялись плетеніемъ вѣнча. Грустныя мысли о судьбѣ отечества, короли и дѣтей волновали королеву Луизу и маленькій принцъ Вильгельмъ первый замѣтилъ слезы матери, падавшія крупными каплями на лежашіе у ней на колѣняхъ васильки; сейчасъ же, разными дѣтскими ласками и просьбами, она стала утѣшать мать и она, улыбаясь сквозь слезы, украсила ему голову вѣнкомъ изъ васильковъ. Эта трогательная сцена запечатлѣлась навсегда въ памяти принца, и до сихъ поръ, при видѣ васильковъ, престарѣлому императору въ каждомъ цвѣткѣ представляется слеза его обожанной матери. Но не только васильки,

а снпій цвѣтъ вообще всегда приятно дѣйствуетъ на его зрѣніе, и между дамами прусскаго двора давно вошло въ обычай, въ дни рожденія и другіе семейные праздники являться во дворецъ въ синихъ платьяхъ.

Предпочтеніе, оказываемое синему цвѣту, составляетъ вообще отличительную черту прусскаго королевскаго семейства; такъ напр. извѣстно, что это былъ любимый цвѣтъ короля Фридриха II и покойной императрицы Александры Федоровны.

Прививаніе желтой горячки. Въ 1880 году докторъ Фрейеръ, профессоръ биологіи при медицинскомъ факультетѣ въ Рио-Жанейро, сдѣлалъ интересное открытіе, что кровь больныхъ, зараженныхъ желтой горячкой, наполнена микробами, проходящими разныя степени развитія и заключенными въ черную, чешуйчатую оболочку, содержащую сильный ядъ. Занимаясь въ теченіе 4-хъ лѣтъ изученіемъ развитія и свойствъ этихъ микробовъ, профессоръ Фрейеръ сдѣлалъ недавно надъ собой первый опытъ прививанія ихъ здоровымъ людямъ; вслѣдъ за этимъ, были произведены еще 400 опытовъ, окончившіеся также удачно. Прививаніе дало слѣдующіе результаты: желтая горячка, привитая искусственнымъ образомъ, обнаруживается въ самой легкой формѣ; большой чувствуется головную боль, ломъ въ глазахъ, незначительный ознобъ и жалуются на отсутствіе аппетита и общую слабость; дня черезъ два всѣ эти симптомы исчезаютъ и пациенты чувствуютъ себя въ силѣхъ встать съ постели. Во время послѣдней эпидеміи, свирѣпствовавшей въ Рио-Жанейро и его окрестностяхъ, масса народа умирала отъ желтой горячки; лица же, согласившіеся подвергнуться искусственному прививанію, оставались совершенно здоровы, несмотря на страшную заразу. Въ числѣ послѣднихъ было, между прочимъ, нѣсколько моряковъ съ европейскихъ кораблей, стоящихъ на Рио-Жанейрскомъ рейдѣ. Тоже самое наблюдалось и надъ животными: не привитые кролики, оставленные на нѣсколько часовъ въ лабораторіи, пропитанной ядовитыми миазмами, умирали въ страшныхъ мученіяхъ. Напротивъ, привитыя животныя дышали зараженнымъ воздухомъ безъ малѣйшаго вреда. Такимъ образомъ, доктору Фрейеру остается только пожелать дальнѣйшаго успѣха для борьбы съ ужасной болѣзью, уносящей ежегодно множество жертвъ всѣхъ возрастовъ и называемой, очень мѣлко, бичемъ населенія Южной Америки.

Снарядъ для произведенія искусственнаго дождя. Недавно одинъ американецъ изобрѣлъ снарядъ для произведенія дождя. Этотъ приборъ, отличающійся крайне простымъ устройствомъ, состоитъ изъ шара, на оленнаго нѣкоторымъ количествомъ динамита и соединеннаго съ электрической батареей, посредствомъ длинной электрической нити. Искра, передаваемая нитью, взрываетъ динамитъ и слѣдствіемъ взрыва непременно долженъ быть дождь, такъ какъ большая часть воды, заключающаяся въ облакѣ, будетъ съ силой двинута внизъ и должна, по закону инерціи, упасть на землю.

Правила хорошаго тона въ вѣнѣ. Въ одномъ изъ монастырей южной Франціи найдена, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вполнѣ сохранившаяся рукопись съ собраніемъ правилъ вѣжливости и хорошаго тона, принятыхъ обществомъ XV вѣка. Извлекаемъ изъ этой книжки кое какія интересныя свѣдѣнія, касающіяся этикета, соблюдаемаго благовоспитанными людьми во время обѣда:

Если ты приглашенъ на обѣдъ къ приличному столу, то являйся не иначе какъ съ чистыми руками и коротко остриженными ногтями; волосы патри душистымъ масломъ и причеши, а платье тщательно вычисти.

Супъ надо ѣсть ложкой, а не пить прямо съ тарелки.

Не бери кости въ руки и не высасывай изъ нея мозгъ, потому что обгладывать кости прилично только собакамъ.

Отнюдь не намазывай масло на хлѣбъ пальцами: для этого есть ножи.

Если захочешь пить, то поднимай кубокъ обими руками: одной

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ:
ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

П. П. ГНѢДИЧА.

Издание А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 400 иллюстраціями въ текстѣ—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Сочиненіе окончено авторомъ, нынѣ печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ февралѣ мѣсяцъ этого года.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ЗА ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ:

брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ каленк. переплетѣ съ золот. тисн. 7 рубл., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „НИВЫ“ на 1885 г., подписавшихся на Исторію Искусствъ до 31-го Января 1885 г., дѣлается слѣдующая уступка:

брошюр. за 5 р., съ перес. 6 р.; въ каленк. перепл. 6 р., съ пер. 7 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться: въ контору редакціи журнала „НИВА“ Большая Морская, № 9.

„Русская Мысль“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ,
ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

книгами отъ 25 до 35 листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1885 ГОДЪ
(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ):

Годы: въ Москвѣ и Петербургѣ: безъ доставки	15 руб.
„ „ „ съ доставкой	16 „
„ „ „ съ пересылкой въ другія мѣста Россіи	17 „
„ „ „ за границу	19 „

Шесть мѣсяцевъ—половина годовой платы.

Одна книга—1 руб. 25 коп., съ пересылкой—1 руб. 50 коп.

Лицамъ, подписывающимся въ конторѣ журнала, допускается разсрочка: при подпискѣ безъ доставки—5 руб., съ доставкой—6 руб., съ пересылкою—7 руб., за границу—9 руб. и по 5 рублей къ апрѣлю и къ июню. Болье льготныя разсрочки допускаются по особому соглашенію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій, 21.

Въ отдѣленіяхъ конторы:

Въ Москвѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ лній, при конторѣ объявленій П. Н. Печковской.

Въ Петербургѣ, на Невскомѣ, въ домѣ Армянской церкви, при книжномъ магазинѣ П. Фену и К^о.

Гг. иногороднихъ просить высылать деньги исключительно въ контору (Москва, Леонтьевскій, 21).

Контора журнала открыта ежедневно (кромя воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 11 до 4 часовъ.

Лица, подписывающіяся на „Русскую Мысль“, могутъ чрезъ ея контору подписываться на всѣ русскіе и иностранныя журналы и газеты и приобретать находящіяся въ продажѣ русскія и иностранныя книги, а также ноты, причѣмъ пересылку книгъ и нотъ контора журнала принимаетъ на свой счетъ.

Редакторъ С. А. Юрьевъ. Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

Оставшіеся экземпляры прежнихъ лѣтъ продаются по 8 рублей годъ, съ пересылкой—10 руб. Отдѣльныя книги—по 1 рублю, съ пересылкой 1 р. 25 к. II. № 3804 2—1

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЙ РУССКО-УРАЛЬСКИЙ КОПИРОВАЛЬНЫЙ ПРЕССЪ ЗА 3 Р. 20 К.

Смотрите въ №№ 41 и 43-мъ „Нива“ 84 г.

НОВОСТЫ! Самодѣйствующій металлическій пульверизаторъ, прочіе до сихъ поръ имѣющіеся, незамѣнимыя какъ пульверизаторъ и курительница для комнаты, дѣтскихъ и больничныхъ покоевъ, отъ 1 руб. и дороже, по изыщности. Пересылка почтою за 3 фунта. Каталогъ русско-уральской химической фабрики по требованію высылается. И. Ф. ГАГАРИНЪ. Екатеринбургъ. № 3772 3—3

Издание А. Ф. МАРКСА въ СПб. В. Морская, № 9.
Вышли изъ печати и поступили въ продажу:

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ
ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА,

автора романовъ: „Сергѣй Горбатовъ“, „Вольтерьянецъ“, „Старый домъ“, „Изгнанникъ“ и проч.

О Г Л А В Л Е Н І Е:

I. Старья были. II. Святочные рассказы. III. Навязскія легенды.

IV. Очерки и воспоминанія.

Изданіе, напечатанное на лучшей зеленой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и въ концѣ каждой главы. Большой томъ, 473 страницы. СПб. 1884 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р.; въ красивомъ каленкоромѣ переплетѣ 3 р. 50 к., съ пересылкой 4 руб.

Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, СПбургъ, В. Морская, домъ № 9 и въ отдѣленіе конторы „Нивы“ въ Москвѣ, д. Петровскихъ торговыхъ лній, къ Н. Н. Печковской.
„Рассказы и очерки“ эти, какъ и прочія произведенія В. Соловьева, также можно приобрести у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ЭЛЕОПАТЬ провизора **КИНУНЕНА**

безспорно самый лучший препаратъ изъ всѣхъ косметич. средствъ для оживленія роста и корней волосъ, пользующійся дѣйствительно вездѣ заслуженною славою, для роженія волосъ и превосходное средство противъ перхоти на головѣ, почему и прекращаетъ и выпаденіе волосъ. Элеопать Кинунена находится къ услугамъ публики во всѣхъ большихъ Аптекарскихъ и Косметическихъ магазинахъ. Цѣна флакону въ С.-Петербургѣ, содержащій 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопать Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптекарск. или Косметическій магазинъ. но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 руб. № 3790

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ наждаго флакона,—провизора Кинунена.

О СОДЕРЖАНИИ журнала „НИВА“ на 1885 годъ.

Программа и характер „Нивы“,—кроме усовершенствованной и улучшенной—остаются в 1885 году те же, как и в предыдущих пятнадцать летъ.

Изъ литературнаго отдѣла журнала „НИВА“ поименуемъ здѣсь только главнѣйшія произведенія, назначенныя для помѣщенія въ нынѣшнемъ году:

Графа Е. А. САЛІАСА „МИЛЛІОНЪ“. Романъ изъ современной жизни.

Я. П. ПОЛОНСКАГО „ИСКУШЕНІЕ“. Повесть.

Н. Н. КАРАЗИНА „ГОЛОСЪ КРОВИ“. Романъ изъ жизни русскихъ въ средне-азиатскихъ окраинахъ.

В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАЩЕНКО „ПАТМОСЪ“. Весьма интересная повесть въ двухъ частяхъ, изъ жизни нашихъ монастырей.

П. Петрова (автора „Багровой пыли“) **„РАДОВАНСКАЯ ТАЙНА“.** Большая повесть изъ жизни южно-славянскаго міра.

А. Максимова „ЗА ДРАГОЦѢННЫМЪ КОРНЕМЪ“. Рассказъ изъ жизни поселенцевъ уссурійскаго края.

Н. Морскаго (Лебедева) **„СВѢТЫЙ ДЕНЬ“.** Повесть изъ современной жизни.

В. Желиховской „БУЕЛА“. Повесть изъ современной жизни.

Веригина „ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО“. Повесть. (Имя автора—псевдонимъ одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ писателей-сотрудниковъ).

Н. Кирилова (автора „Полковникъ изъ Золотоноши“) три историч.разск.: **„ПРОРИЦАТЕЛЬ“**, **„ДУЭЛЬ“** и **„ФАЛЬШИВЫЙ АЛМАЗЪ“.**

Н. Успенскаго три разсказа **„НѢТЪ ХУДА ВЕЗЪ ДОБРА“**, **„ИВАНОВСКАЯ ЯРМАРКА“** и **„ОРИГИНАЛЪ“.**

Кромѣ того наши постоянные сотрудники-писатели, любимые публикою, **В. Д. ГРИГОРОВИЧЪ**, **Н. Д. АХШАРУМОВЪ**, **В. С. СОЛОВЬЕВЪ**, **К. К. СЛУЧЕВСКІЙ** и многіе другіе, нынѣ пишутъ новыя произведенія для „Нивы“.

Рядомъ съ этимъ литературнымъ матеріаломъ у насъ имѣется уже масса научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ науки, въ популярномъ изложеніи—авторовъ, пользующихся извѣстностью; не менѣе того, какъ читатели видятъ, мы заботимся о художественной сторонѣ изданія, давая превосходно исполненные рисунки и гравюры лучшихъ гравировъ и художниковъ.

Какъ **ПРЕМІЮ** на 1885 г. мы дадимъ (кроме печат. двумя красками **„СТВННАГО КАЛЕНДАРЯ“** на 1885 г., приложеннаго при этомъ №) очень большую картину:

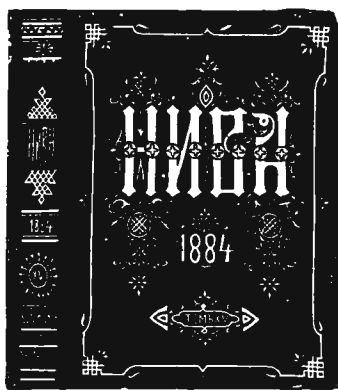
„ВЪНКИ“.

нашего знаменитаго художника **В. И. ЯКОВІЯ**, профессора Императорской Академіи Художествъ. Поэтической народный обычай, бросая вѣнки на Духовъ День въ воду, гадать по нимъ дѣвушкамъ о своей судьбѣ,—далъ тему талантливому художнику. Пять прелестныхъ молодыхъ дѣвушекъ, въ роскошныхъ сарафанахъ, ѣдутъ на лодкѣ въ туманной глуши, въ камышахъ тихой дѣсной рѣчкѣ. Яркіе лучи и сіяніе голубаго неба свѣзозъ густую листву, блескъ и переливы шелка, отраженіе въ водѣ, даль рѣчки, все это исполнено съ блескомъ и совершенствомъ техники.

Въ главной конторѣ редакціи „Нивы“ выставленъ одинъ изъ первыхъ оттисковъ картины „ВЪНКИ“, рядомъ съ оригиналомъ, для того чтобы публика сама могла судить объ исполненіи этой, 30-ю красками печатанной картины. Такія же копии выставлены въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, главныхъ городовъ Россіи и во всѣхъ конторахъ для пріема подписки.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ показана на 1-ой страницѣ.

Всѣ требованія адресовать въ главную контору редакціи „Нивы“, въ СПббургѣ, Большая Морская, № 9.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго австрійск. каленк. 1884 г. съ зол. тисн. по вышеозначенному образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплести „Ниву“ въ такую каленкорную крышку. Также имѣются крышки для „Нивы“ прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1883 г. по той же цѣнѣ.

ШУТЦ

Еженедѣльн. болш. художественный журн. каррикатуръ, печатаемыхъ красками. На годъ 6 руб., 1/2 года 4 руб. Для год. подписч. премія—большая олеографія „Цвѣты гарема“. За пер. и дост. премія прилагаютъ 1 р. 50 к. Подробн. объявленіе смортъ „Нива“ № 46. Адр. редакціи: С.-Петербургъ, Невскій пр. № 110. Р. № 3662 8—7

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1884 ГОДА,

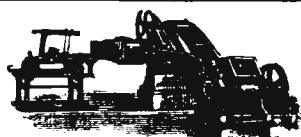
заключающей въ себѣ болѣе 1200 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ гравюръ, большой романъ **В. С. Соловьева** — „Изгнанникъ“, большой романъ графа **Е. А. Салиаса** — „Въ старой Москвѣ“, рассказъ **Я. П. Полонскаго** — „Вадимъ Голетаевъ“ и изъ воспоминаній того-же автора — „И. С. Тургеневъ у себя“, повесть **Д. В. Григоревича** — „Недолгое счастье“, рассказы **Н. В. Успенскаго** — „Новые помѣщики“ и „Привольная жизнь“, рассказъ **П. П. Глѣдича** — „Въ 12-мъ году“, рассказы **А. Я. Максимова** — „Жертва злему духу“ и „На соболей“, повесть **П. Петрова** — „Багровая пыль“ и др. произведенія современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержания по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч. и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Проф. Импер. Академіи Художествъ **К. Е. Мановскаго „ГУСЛЯРЪ“.**

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ

Брошюрован. . . 4 р. Въ каленк. перепл. 5 р. 50 к.

Съ пересылкою . . 6 „ Съ пересылкою . . 7 „ 50

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору редакціи журнала „Нива“, Б. Морская, №9; въ Москвѣ—въ Отдѣленіе Конторы „Нивы“ у **Н. Н. Печновской**, **Д. Петровскихъ Торговыхъ Лній.**

№ 3769 10—3

ТОРФЯНЫЯ, КИРПИЧЕДЕЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ И МЪШАЛКИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ, ручныя, конныя и паровыя; машины для обработки фарфоровой массы, шамота, цемента и т. п. рекомендуетъ **Людвигъ Федоровичъ Шлихтисенъ**, инженеръ, Москва, Мясницкая, д. Ермаковыхъ. Изготовленіе плановъ для печей; устройство заводовъ. Иллюстр. каталоги безплатно

БУКВЫ-КАРТИНКИ. Изданіе 2-е. Въ книжкѣ 30 коп., съ перес. 40 к. Въ коробкѣ на картонѣ 1 р., раскраш. 1 р. 50 к. (вѣсов. 4 фун., упаковка 10 коп.). Складъ изданія въ С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ: Троицкій пер., 11. № 3768 3—3

СПЕТЕРБУРГСКОЙ МАСТЕРСКОЙ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ.

Поставщикъ учрежденной по Высочайшему повелѣнію Мин. Нар. Просвѣщ. Ком. народ. чтеній.

Мастерская основана въ 1873 г.

ДЕСЯТЬ МЕДАЛЕЙ на выставкѣ въ Брюсселѣ, Филадельфіи, Парижѣ, Москвѣ и др.

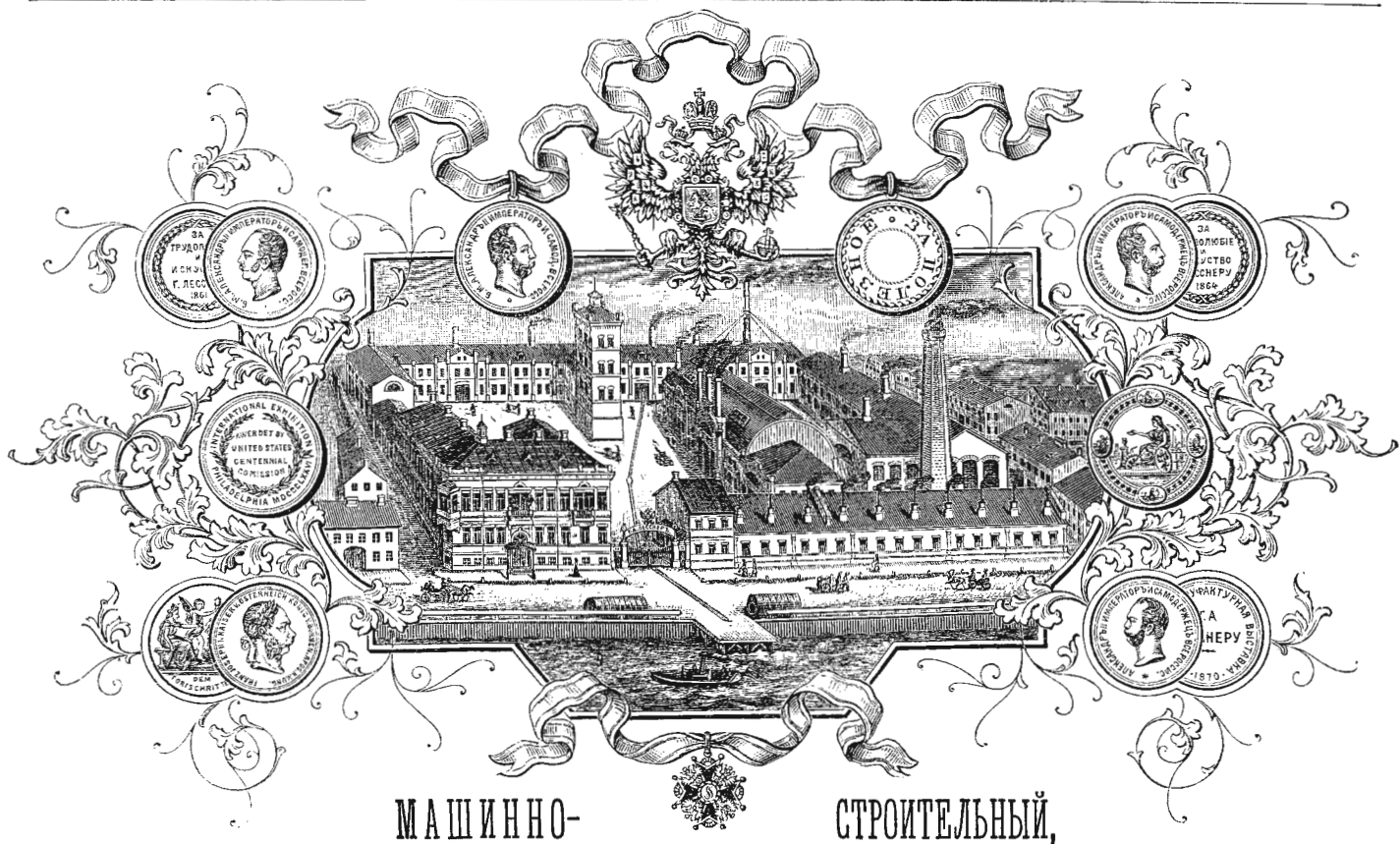
ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ отъ 7 руб. до 700 руб.

Болѣе **3500 №№** картинъ.

Новый спеціальный иллюстрированный каталогъ фонарей и картинъ (№ 5 изд. 1885 г.) высыл. за 21 коп.

СПБ. ТРОИЦКІЙ ПЕР., 11.

НА ЕЛКУ больш. выборъ учебн. пособій, игрушекъ, игръ, забавъ и санатій. № 3767 3—3

МАШИНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ,

ЧУГУННО-ЛИТЕЙНЫЙ И КОТЕЛЬНЫЙ ЗАВОДЪ

Адресъ для телеграммъ ЛЕССНЕРЪ,
С.-Петербургъ.

Г. А. ЛЕССНЕРА

Телефонъ 430.

С.-Петербургъ, Выборгская сторона, по Набережной Большой Невки, № 3, изготовляетъ слѣдующіе предметы: Паровыя машины испытываются безусловно всѣ, передъ отправкою, дѣйствительною работою парами. Вспомогательныя машины разнаго рода. Оборудование мастерскихъ, станки для обточки паровозныхъ и вагонныхъ колесъ, токарные, долбежные, сверлильные и прочіе станки и приводы. Оборудование станцій водоснабженія, резервуары, насосы, пугеные и стѣнные гидравлическіе краны, подводныя трубы и проч. Стрѣлки съ ерестовинами, красныя и зеленые диски. Поворотные круги. Подвижныя тележки. Подъемные краны, козлы, домкраты для паровозовъ и вагоновъ. Паровые молоты и ножицы. Горны и вентиляторы. Всякаго рода отливки чугуныя, мѣдныя и изъ фосфористой бронзы. Арматуры котловъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

въ 1885 году.

Богословско-философскій журналъ „Вѣра и Разумъ“ будетъ издаваемъ въ слѣдующемъ году по прежней программѣ и будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ:

1) **Отдѣлъ церковный**, въ который будетъ входить все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорныя замѣчательныя современныя явленія въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2) **Отдѣлъ философскій**. Въ него будутъ входить отдѣльныя изслѣдованія изъ области психологій, метафизикъ, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3) **Листовъ для Харьковской епархіи**, въ которомъ будутъ помѣщаемы свѣдѣнія, составляющія обыкновенно такъ называемый оффиціальныи отдѣлъ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и извѣстія, относящіяся къ внутренней жизни общецерковной и собственно Харьковской епархіи.

При началѣ изданія журнала въ 1884 году предполагено было выпускать по 24 книжки въ годъ, или по двѣ книжки въ мѣсяцъ по шести и болѣе листовъ въ каждой книжкѣ; по соучастію къ новому изданію образованной публики дано редакціи возможность выпускать въ свѣтъ книжки по девяти и болѣе листовъ. Въ такомъ же объемѣ книжки журнала будутъ выходить и въ 1885 году по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей въ годъ за 24 книжки съ пересылкою. Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ свѣчной лавкѣ при Харьковскомъ Архіерейскомъ домѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова. № 3679 3-2

НОВОСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; для подшисч. „НИВЫ“ 1885 г. 75 к., съ перес. 1 р.

Съ разрѣшенія СІВ. и вѣнскаго медицинскихъ департаментовъ.

ПОМАДА ПРОТИВЪ СѢДЫХЪ ВОЛОСЪ.

Продается только въ нижеслѣдующихъ единственныхъ для Россіи агентурныхъ складахъ:

Въ С.-Петербургѣ: у г-жи Э. Кристманъ, Невскій пр., д. Католической церкви, кв. № 52. Въ Москвѣ: у Х. Я. Фербера, Варварка, д. Герике. № 3792 1-1

Эта помада самая извѣстная во всей Германіи и Россіи, какъ лучшее средство противъ сѣдыя и выпаденія волосъ. Даже совершенно сѣдые получаютъ черезъ короткое время свой первоначальный цвѣтъ, а также устраивается образованіе перхоти. Цѣна за банку 2 руб. Менѣе двухъ банокъ не высылается. За жерссылку 1 р. отъ 2 до 5 банокъ.

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

ТОРГОВОГО ДОМА

Н. В. ЭЙМАНЪ и К^о

9. Бутырки, Вятская улица, въ Москвѣ, 9.

Полный иллюстрированный каталогъ тропическихъ растений, розъ, камелій, азалій, лавровыхъ деревьевъ и другихъ растений, съ подробнымъ наставленіемъ къ уходу за ними, высылается по требованію бесплатно.

St. № 3795 4-1

ARGOSY

Совершенно эластичны, не содержащія въ себѣ резины и не препятствующія никакому движенію человѣческаго тѣла. Единственныя подтяжки, которыми невозможно оторвать пуговицы.

М 3700 Фабрикантъ имѣетъ русскій патентъ за № 6308-мъ, и предупреждаетъ каждого, что при нарушеніи его, имъ тотчасъ будутъ приняты мѣры къ сохраненію своихъ правъ. Какъ продавецъ, такъ и фабрикантъ немедленно будутъ привлечены къ ответственности, какъ нарушители выданнаго ему патента.

Самыя лучшія подтяжки свѣта. Можно получать во всѣхъ галантерейныхъ магазинахъ.

ЕДИНСТВЕННАЯ АГЕНТУРА для оптовой продажи

Argosi braces y Zollvereins-Niederlage 38 Wilhelm Strasse
ВЪ ГАМБУРГѢ.

BRACES.

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

ИЛЛУСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ и СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

Состоящій подъ Высочайшимъ Покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны и одобренный всѣми Учеными Комитетами, будетъ издаваться въ 1885 году по программѣ прежнихъ лѣтъ, съ приложеніями, преміями и наградами.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Оба отдѣла (24 кн.) 10 р., съ перес. 11 р. Каждый отдѣлъ по рознь (12 кн.) 5 р., съ пер. 5 р. 50 к. № 3764 3-3

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ редакціи журнала „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“, С.-Петербургъ: Пушкинская ул., д. № 14, кв. № 9. Редакторъ-Издательница С. Наширева.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XVI годъ

годъ XVI

№ 2

1885

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 12 Января 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫПРОСЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на 1885 г.

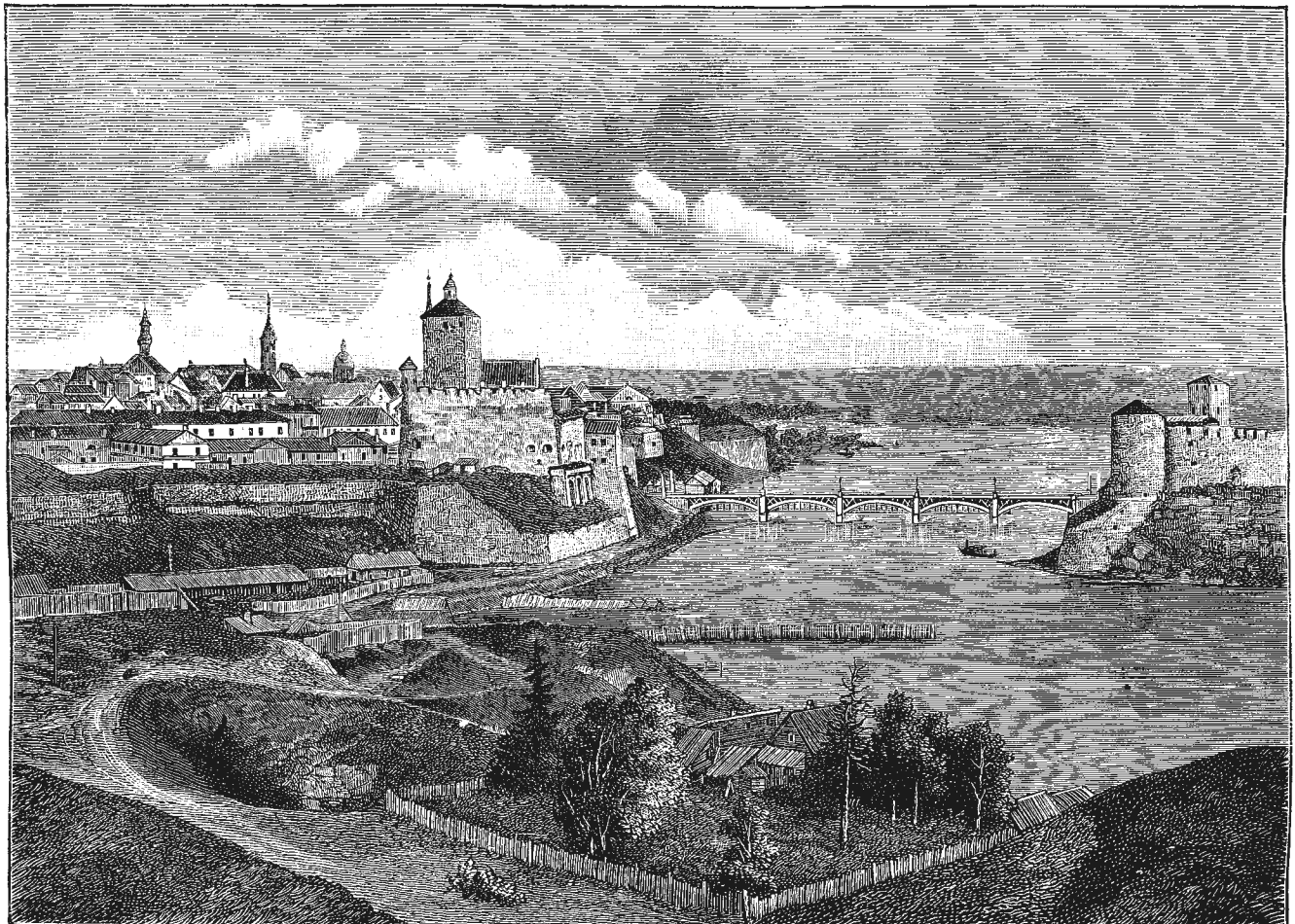
ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/2 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 60 к.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія. 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

Общій видъ г. Нарвы (Ямбургскаго уѣзда, Спб. губ.). По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Нарва.

Посѣщеніе Нарвы, лежащей всего въ 150 верстахъ отъ нашей сѣверной столицы, не лишено интереса; во-первыхъ, здѣсь можно полюбоваться величественными водопадами, которые, по мнѣнію многихъ туристовъ, гораздо живописнѣе нежели водопады Кюменскій и даже Иматра; во-вторыхъ, здѣсь сохранилось много древностей времени ливонскаго рыцарства, которыя могутъ привлечь вниманіе путешественника. Замокъ, соборъ, ратуша—все это памятники старины, и гуляя по узкимъ улицамъ стараго города, можно легко вообразить себѣ, что находишься не на берегахъ тихой Наровы, а гдѣ нибудь на Рейнѣ, во внутренности какого нибудь средневѣковаго замка. Исторія Нарвы также очень интересна, это исторія постоянной борьбы ливонцевъ, шведовъ и русскихъ за обладаніе этимъ небольшимъ, но выгоднымъ клочкомъ земли.

Въ нѣмецкихъ хроникахъ основаніе Нарвы приписываютъ датчанамъ, овладѣвшимъ эстонскимъ берегомъ при королѣ Вольдемарѣ II въ 1223 году, и начавшимъ вводить здѣсь католичество, по внушенію папы Иннокентія III. Первоначальный городъ находился на правомъ берегу рѣки Наровы, а въ 1249 г. построенъ былъ другой, на лѣвомъ берегу, названный русскими Руодинопомъ. Съ 1347 по 1558 г. городъ этотъ находился во владѣніи нѣмецкаго ордена; послѣ оны принадлежалъ Россіи до 1581 года, когда шведы завладѣли всѣми русскими крѣпостями въ Ингерманландіи. Въ 1595 году городъ былъ взятъ русскими штурмомъ, но по столбовскому договору снова перешелъ къ шведамъ, владѣвшимъ имъ до 1704 года, когда Нарва была взята Петромъ Великимъ.

Въ городѣ, обнесенный круглымъ валомъ съ семью бастіонами, ведутъ трое воротъ: съ сѣвера—Императорскія, перестроенныя въ 1857 году, съ востока—Водяныя, черезъ которыя протекаетъ дорога въ Петербургъ, и съ запада—Петровскія, черезъ которыя идетъ новый ревельскій путь. Есть еще четвертыя ворота

такъ называемыя—Темныя, очень широкія—они ведутъ отъ бастіона „Викторія“ къ дворцу Петра Великаго. Съ вѣншей стороны Нарва отличается живописностью, а внутри опрятностью. Городъ весьма невеликъ—въ немъ теперь тысячъ 10 жителей—и раздѣляется на новый, или земляной, и старый, въ которомъ многія зданія существуютъ около 500 лѣтъ. Постройки наиболѣе замѣчательныя: это соборъ Преображенія Господня, нѣмецкая кирка, дворецъ Петра Великаго, ратуша и замокъ Ланго-Германъ (Вышгородъ). Зданіе собора построено между XV и XVI вѣкомъ; стрѣлчатый сводъ его поддерживается тонкими колоннами, а узкія, продолговатыя окна дополняютъ характеръ архитектуры древняго германскаго стиля. Домъ Петра Великаго—одно изъ самыхъ интересныхъ городскихъ зданій. Зданіе городской ратуши, съ его чернымъ шпидомъ, построено въ 1675 году, и вообще очень интересно, какъ по своему вѣншему виду, такъ и по внутреннему старинному убранству. Германскій замокъ съ высокою башнею Ланго-Германъ стоитъ въ чертѣ крѣпостныхъ укрѣпленій, на отдѣльной возвышенности. Самая интересная часть замка—башня, расположена въ шесть ярусовъ и имѣетъ кой гдѣ по сторонамъ узенькіе просвѣты и глубокія темныя ниши. На бельведерѣ, покрытый теперь крышей и защищенный отъ вѣтра стеклянными рамами, ведетъ 60 каменныхъ и 183 деревянныхъ ступени. Видъ съ башни на самый городъ и его окрестности, а также на безконечное море—восхитительный. Напротивъ замка, на другомъ, правомъ берегу Наровы лежитъ Иванъ-Городъ, форштадтъ, который соединяется съ лѣвымъ берегомъ красивымъ каменнымъ мостомъ, имѣющимъ до 50 сажень длины. Въ Иванъ-Городѣ сохранилась до сихъ поръ церковь Успенія, построенная еще при основаніи здѣсь русскаго поселенія въ 1492 году и представляющая собою очень интересный архитектурный памятникъ.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ I.

(Продолженіе).

II.

Узкая тропинка раздвоилась, обходя громадный кустъ камыша; этотъ кустъ былъ сильно примятъ; длинныя, падломленные стебли загораживали лѣвый обходъ и изъ-за нихъ видѣлась какая то неопредѣленная масса, прикрытая рогожами. Шагахъ въ трехъ отъ нея стоялъ казакъ, съ саблею наголо. Еще нѣсколько казаковъ сидѣли всторонѣ, шагахъ въ сорока, около небольшого костра, полупотухнаго, гдѣ на таганѣ кишѣлъ походный котелокъ... Лошади этихъ казаковъ, осѣдланныя, но стреноженныя, паслись неподалеку, неистово отмахиваясь хвостами отъ докучливыхъ комаровъ и слѣпней. По правой тропинкѣ, заложивъ красныя, сильныя руки за спину, не выпуская изъ зубовъ коротенькой трубки, взадъ и впередъ прохаживался старый офицеръ, по своей колоссальной фигурѣ очень похожій на Шелобова, видимо погруженный въ глубокую думу... Дѣло подходило къ вечеру, но солнце еще приекало порядочно; только съ рѣки, да со стороны широкихъ, сверкавшихъ сквозь густой камышъ, водныхъ затоновъ, доносился легкій вѣтерокъ, предвѣщающій вечернюю свѣжесть...

Тонотъ копытъ приближающейся кавалькады заставилъ богатыря выйти изъ своего раздумья. Онъ остановился, поглядѣлъ изъ подъ руки вдаль по дорогѣ, вынулъ изъ зубовъ свою, давно уже потухшую, трубку и небрежно сунулъ ее въ карманъ широкихъ кожаныхъ шароваръ.

— А Павлушки то все еще нѣтъ! произнесъ онъ, обращаясь должно быть къ самому себѣ. И куда это онъ запропастился?

Кавалькада сильно растянулась по дорогѣ; за комендантскимъ иноходцемъ трудно было угнаться. Больше всѣхъ отсталъ губернаторскій слѣдователь, а съ нимъ и Павель Петровичъ Криницынъ.

Когда наши друзья подѣхали, уже всѣ спѣшились и молча окружили лежащую подъ рогожею массу... Кри-

пицынъ слышалъ, какъ Иванъ Тимофѣевичъ, тотъ, кто прогуливался въ ожиданіи кавалькады, говорилъ:

— Вотъ тутъ, господа, не топчитесь... осторожнѣй!.. Тутъ есть слѣдочки, которые весьма желательно было бы сохранить.

— Господи! да здѣсь кажется всѣ записались въ слѣдственные волонтеры!.. пожавъ плечами, вполголоса обратился Криницынъ къ Грунину.

А тотъ, измученный быстрою, непривычною ѣздой, едва переступалъ своими затекшими ногами, отирая потъ съ своего, преждевременно полысѣвшаго лба тонкимъ, надушеннымъ батистомъ.

— Не теряя времени, приступимъ! пригласилъ комендантъ.

Группа офицеровъ подалась назадъ. Всѣ молчали, не отрывая глазъ отъ рогожъ... Часовой казакъ стоялъ какъ столбъ, вытянувшись въ струнку, не смѣя даже согнать комаровъ, усѣвшихъ на его носъ и калмыцкія, выпуклыя скулы.

— Мой портфель!.. Разстегни его на...жалуста... Спасибо братецъ...

Грунинъ вытащилъ изъ портфеля чистый листъ съ помѣченнымъ заголовкомъ и номеромъ, отвинтилъ крышку дорожной черпильницы и приготовился было писать.

— У меня все уже приготовлено... Вотъ... первое постановленіе: осмотръ тѣла на мѣстѣ!..

— Сними рогожи! scomандовалъ комендантъ... Однако того! уже попахивать начинается... Я говорилъ поторапливаться надо!

Слѣдователь приблизился къ трупу.

— Я бы обратилъ вниманіе ваше, господи! слѣдователь, на черезчуръ уже покойное положеніе трупа... глухимъ голосомъ, въ которомъ слышалось волненіе горя, началъ Иванъ Тимофѣевичъ...

Грунинъ подиалъ глаза и тотчасъ же встрѣтился съ полунасмѣшливымъ взглядомъ Криницына и съ его характернымъ движеніемъ плечъ.

— Я бы прежде всего попросилъ, господа, не вмѣшиваться въ мои прямыя обязанности, сухо отвѣчалъ онъ, не обращаясь лично къ вопрошавшему, а такъ вообще.—Криницынъ, не будете ли такъ добры записатьъ, что я буду диктовать...

— Нѣтъ, сухо отвѣтилъ Павелъ Петровичъ.

— Позвольте мнѣ-съ! подскочилъ адъютантъ Ползунковъ.

— Сдѣлайте одолженіе!

— По прибытіи на мѣсто происшествія, диктовалъ Груницъ, тѣло было найдено въ лежачемъ положеніи, лицомъ внизъ, затылкомъ кверху, руки вытянуты вдоль тѣла, съ открытыми ладонями, ноги также... головою обращено къ сѣверо-востоку.

— Прямо на югъ, вдоль дороги, замѣтилъ Шелобовъ.

— Благодарю васъ! въ свою очередь пожавъ по криницынски плечами, кивнулъ головою слѣдователь...

— Къ югу... записалъ Ползунковъ... Я къ „югу“ записалъ—господинъ слѣдователь!

— Мерси!.. пишите дальше: тѣло одѣто въ суконное пальто, такіе же панталоны, на ногахъ высокіе сапоги—безъ шпоръ, черезъ плечо сумка кожаная, замокъ которой... посмотрите, пожалуйста—замокъ отпертъ, или нѣтъ?..

— Замокъ безъ ключа,—просто защелкнутъ... нагнулся къ тѣлу одинъ изъ сопровождавшихъ офицеровъ—сумка пустая...

— Такъ и запишите. Я думаю теперь все!.. Докторъ, что вы скажете о ранѣ?..

— Рана видимо смертельная—нагнулся и докторъ—затылочная кость раздроблена совсѣмъ, вонъ и мозгъ виденъ... Вотъ послѣ вскрытія я и дамъ вамъ свое заключеніе... не тутъ же вскрывать, на дорогѣ...

— Хорошо... Ахъ да... Господинъ Ползунковъ, если не ошибаюсь—потрудитесь еще записать... Тамъ есть графа: „осмотръ мѣстности“... нашли-съ?

— Нашель-съ!..

— Мѣстность ровная, поросшая кустарниками и высокой травой...

— Камышемъ! подсказалъ опять кто-то.

— Камышемъ... въ четырнадцать верстахъ отъ форта Глухаго, по дорогѣ... Куда ведетъ эта дорога, господа? Въ Алаевскіе аулы!

— Такъ и запишите... Вблизи берега рѣки... въ двѣнадцать шагахъ отъ казачьяго поста...

— Позвольте-съ, позвольте-съ, вмѣшался тутъ самъ комендантъ, этого поста здѣсь не существуетъ вовсе; это специально къ тѣлу командировалъ я... Поднимутъ тѣло, сейчасъ тѣла пріѣдетъ, и постъ снимутъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?!.. Ну, такъ не пишите... Теперь, значить, все!.. Что же, господа, неужели же мы назадъ опять верхомъ поѣдемъ?

— А то какъже? отозвался докторъ.

— Что, батенька, заморились—хе-хе... по штатскому то положенію! подшутилъ комендантъ—ну, да ничего; мы то назадъ полегоньку, шагкомъ поѣдемъ. Оно да же приятно по вечерней прохладѣ, кончили-съ?

— Полагаю, что больше здѣсь нечего дѣлать... Казакъ, подай портфель!

— Нѣтъ уже позвольте! Подошелъ тутъ Иванъ Акимовичъ... не все-съ! Вы хоть и обидѣлись на мое вмѣшательство... Позвольте представиться: подполковникъ Глухаревъ!—Прощу не упустить: главное то вы проморгать изволили... Тѣло-то гдѣ лежитъ?.. здѣсь!—такъ. А убить-то этотъ человѣкъ гдѣ-съ?.. Здѣсь, скажете?—Нѣтъ-съ. Вонъ оно гдѣ! шаговъ пятьдесятъ отсюда, и съ того мѣста его, за воротникъ, ничкомъ сюда приволокли. Вотъ онъ и слѣдъ, точно метлою мели... видите-съ?!

Груницъ опѣшилъ немного... Криницынъ закусилъ губы,—словно ему досадно и больно стало за своего товарища и друга...

— Я вашему показанію, господинъ подполковникъ, охотно дамъ мѣсто въ журналѣ слѣдствія, хотя самъ и не признаю особенной важности выясняемаго вами факта...

— Чего важнѣе... Тамъ вонъ... Эхъ господа, ну что вы топчетесь, право!.. Павелъ Петровичъ!—ну чего вы тамъ разгарцовались!.. Всѣ слѣды сбили... Тамъ, господинъ слѣдователь, отпечатки копытъ двухъ лошадей ясно были обозначены, тамъ и кровавая лужа—до сихъ поръ немного замѣтна... Тамъ-съ это все произошло... это вѣрно!..

— По моему, батюшка, все это надо теперь же замѣтить и занести въ протоколъ, вставилъ свое мнѣніе и комендантъ...

— Мы вотъ здѣсь съ утра все роемся, заговорилъ Шелобовъ—я, вотъ, Иванъ Тимофѣевичъ и Павлуша... А гдѣ онъ?

— Онъ въ аулъ погналъ, тамъ... справляется... Реветъ мальчуганъ... Жалко ему покойника!.. Поскакалъ, говорить: живъ не буду, а розыщу...

Криницынъ опять сонелъ съ коня, кинулъ поводья казаку и приблизился къ Грунину...

— Я тебѣ говорилъ, началъ опъ по-французски, ты съ этою ордою помощниковъ, незванныхъ и непрошенныхъ, только съ толку собьешься...

— О, не безпокойся, улыбнулся его пріятель... Обстоятельство, сообщенное полковникомъ Глухаревымъ, мною принято къ свѣдѣнію. Вы, господинъ комендантъ, распорядитесь выслать мнѣ сегодня же ночью всѣхъ, кого я найду нужнымъ вызвать къ допросу. И васъ, господа, всѣхъ желающихъ и имѣющихъ показать что либо, прошу тоже...

Грохотъ приближающихся колесъ отвлекъ на минуту общее вниманіе. Это прибыли за тѣломъ. Казаки подняли трупъ и бережно уложили его на дно телѣги. Докторъ снялъ съ себя шинель и прикрылъ покойника.

— Съ Богомъ!.. осторожно на толчкахъ!.. Эхъ Федя... Федя... Недождался ты своей радости...

Иванъ Акимычъ совсѣмъ вилотную сдвинулъ свои косматыя брови и сталъ набивать трубочку... Шелобовъ пустилъ своего косматаго, карнаухаго шаптика идти по волѣ, а самъ пошелъ пѣшкомъ за телѣгой... Офицеры сѣли на лошадей и сгруппировались около коменданта... Груницъ и Криницынъ опять отдѣлились отъ общей группы...

— Что же я могу сдѣлать, господа, вполголоса, словно оправдываясь, говорилъ комендантъ... Дѣло находить экстреннымъ—нашимъ не довѣряютъ—прислали специалиста... что же я могу сдѣлать... Вмѣшаться... на меня же послѣ свалятъ... Вотъ, молъ, Огурчиковъ превысилъ власть... все дѣло испортилъ...

— Такъ-то такъ... только дѣло это совсѣмъ не чисто выходить... Тутъ, братъ, не простой разбой... тутъ...

— Не наше дѣло!.. Вотъ что тутъ... Однако поздно вато... Гайда!

— Я тебѣ скажу... говорилъ въ свою очередь Криницынъ—скажу другое... Я очень, очень даже радъ, что тебя прислали, но только напрасно ты предполагаешь, что преступленіе, или просто несчастный этотъ случай представляетъ собою что нибудь особенное... Просто убили и ограбили, а можетъ быть и грабить-то было нечего... Здѣсь, вѣдь, это дѣло самое обыкновенное,—это не Петергофъ, не Красное Село... И тамъ случается... здѣсь вѣдь глубокая Азія!.. шайки разбойничьи бродятъ на каждомъ шагу... население неспокойное, къ намъ настроенное враждебно.

— Часто здѣсь это случается?

— О, сплошь да рядомъ. Да вотъ хоть третьяго дня!.. Поѣхалъ я прогонять немного моего Абрека... О-го-го... Дури!.. Недалеко отсюда, вонъ тамъ,—Криницынъ показалъ кончиномъ хлыста,—встрѣчаю я че-

Выставка в Императ. Акад. Худож. Большая золотая медаль. „Иванъ Грозный принимает посольство Ермака“. Картина С. Растворовскаго.
По фотогр. Якобия, грав. М. Рашевскій.

тырехъ оборванцевъ, всѣ конные, рожи воровскія,— конечно, я былъ хорошо вооруженъ, за плечами карабинъ, ну они посмотрѣли, послѣдили за мною и отстали, а могло случиться и иначе... Мы вѣдь не въ Петергофѣ...

— Я тоже начинаю приходить къ убѣжденію, что простое убійство... и ничего больше... подумавъ глубокомысленно, рѣшилъ судебный слѣдователь.

— И оружіе допотопное. Ты замѣтилъ? — просто ударъ дубиною или батикомъ, такое оружіе у нихъ есть, въ родѣ булавы...

— О какъ же, это я хорошо замѣтилъ... знаешь... это даже на меня неприятно подѣйствовало. Сѣдые волосы, запекшаяся кровь и грязь, эта черная, зияющая рана... круглая лысина... вздернутый воротничекъ пальто... Бррр... и потомъ этотъ запахъ... Что ты?

— Холодно въ одномъ кителѣ. Съ рѣчки пронизываетъ насъ сквозь сырость...

— А помнишь, у Фелисьена... на бережку?..

Но Криницынъ ничего не отвѣчалъ на это напоминаніе и сосредоточенно смотрѣлъ впередъ, словно слѣдилъ за движениями тонкихъ, строго очерченныхъ, кровныхъ ушей своего аргамака...

Стало темнѣть... въ густомъ туманѣ, подышавшемся надъ рѣкою, замелькали красные огоньки строеній Глухаго форта... Безчисленные рои комаровъ стояли въ воздухѣ звенящимъ туманомъ, кони рвались и горячились, чуя конюшню... И чуть слышно доносились удары убогаго, надтреснутаго колокола фортовой церкви, гдѣ отецъ Павелъ собирался служить панихиду „по убиенномъ рабѣ Божиѣмъ Θεодорѣ...“

III.

Должно быть и на Павла Петровича видъ трупа подѣйствовалъ очень скверно. Всю дорогу онъ ѣхалъ молча, не отвѣчая даже на разныя общія воспоминанія, которыми засыпалъ его петербургскій другъ.

„Сѣдые волосы, запекшаяся кровь и грязь... эта черная, зияющая рана, круглая лысина, вздернутый воротничекъ пальто... Брррр... И потомъ этотъ запахъ...“ не выходили у него изъ головы...

Вороной аргамакъ его шелъ крупнымъ шагомъ, звучно пережевывая тонкія удила; Груницынъ, на своемъ малоросломъ жеребчикѣ, отставалъ поминутно...

— Ты, Польша, пожалуйста, говоришь онъ,—меня не оставляй... у меня и почувуй, въ этомъ домѣ... Поможешь по дружески... потолгуемъ на досугѣ...

— Нѣтъ не приѣду! разслышалъ наконецъ Криницынъ.—Еще и про меня, пожалуй, скажутъ, что я „превысилъ власть... руководилъ, такъ сказать,—слѣдствіемъ... имѣлъ вліяніе...“

— Какъ тебѣ не стыдно!.. Удивительно тоже, важное дѣло, таинственная запутанность,—самое обыкновенное происшествіе, простой подорожный разбой... Мы вѣдь не въ Петергофѣ!..

Криницынъ не могъ не улыбнуться.

— Ну тамъ увидимъ! произнесъ онъ и надалъ ходу. Груницынъ зарысился тоже, стараясь не отставать.

Эту ночь большая часть обитателей Глухаго форта провела безъ сна.

Исторія значительно осложнилась. Отъ фирмы „Хмуровъ и Компанія“ пріѣхали два уполномоченныхъ — для разбора книгъ и счетовъ убитаго Горкина. При ихъ участіи, слѣдователь и комендантъ часа два возились, вскрывая печати и провѣряя дѣла покойнаго; кромѣ того, желающими давать показанія — явились чуть не всѣ офицеры форта... Всѣ писали эти показанія сами, подписывали ихъ и подкладывали въ распоряженіе слѣдователя. Груницынъ волновался больше всѣхъ, онъ благодарилъ направо и налево, и только крайнее утомленіе заставило его, и то утромъ, когда солн-

це уже довольно высоко поднялось надъ горизонтомъ, прекратить работу... и, поблагодаривъ еще разъ всѣхъ вообще и каждаго порознь, онъ просилъ „не оставитъ его и впродѣ, по селу дѣлу, своимъ полезнымъ содѣйствіемъ для раскрытія этого таинственнаго и загадочнаго происшествія...“

Одинъ только Криницынъ не принималъ никакого участія въ общей тревогѣ; онъ всю ночь не выходилъ изъ своей квартиры, и только поздно, часу въ одиннадцатомъ утра, щегольски одѣтый во все бѣлое, отправился посѣтить своего петербургскаго друга...

Груницынъ только что успѣлъ заснуть, но разбудить велѣлъ себя не позже какъ черезъ два часа, и во всякомъ случаѣ, ежели что понадобится, то сію минуту. Его деньщикъ приготовилъ дорожный сесесеръ для умыванья, вѣстовой казакъ—возился надъ самоваромъ. Часовые все еще стояли у дверей и противъ каждаго угла дома, гдѣ, между прочимъ, въ комнатѣ, выходящей окнами въ садъ, самой красивой и уютной изъ всѣхъ, защищенной отъ свѣта и мухъ сплошными войлочными ставнями, храпѣли, что называется во всю,—оба уполномоченные фирмы „Хмуровъ и Компанія“. На садовой верандѣ стоялъ длинный столъ, заставленный остатками ужина, присланнаго комендантомъ, и уныло торчали до дна опорожненныя бутылки... Полуголый туземецъ, смуглый, точно отлитый изъ бронзы, мель дорожки сада, ревниво поглядывая на большую кость отъ телятины, усѣянную мухами... Тамъ вѣдь было еще очень много хорошаго, чтобы весьма годилось для удовлетворенія его утренняго апетита, но этотъ солдатъ, что стоитъ на углу—онъ тоже хорошо видитъ и остатки мяса, и его, Ахметку, и уже крикнулъ разъ: „Ну мети, мети!.. чего по сторонамъ звънешь... Ишь поднялъ пыли—азіятъ! Нѣтъ того, чтобы водою полить, перво-на-перво...“

— Баринъ всталъ? освѣдомился Павелъ Петровичъ у деньщика.

— Полчаса, не болѣе, какъ почивать прилегли. Прикажете разбудить?

— Не надо... Я зайду послѣ, рѣшилъ, подумавъ немного, Криницынъ и медленно направился къ базарной площадкѣ.

Едва онъ успѣлъ отойти нѣсколько шаговъ, какъ тотъ-же деньщикъ крикнулъ ему вслѣдъ:

— Ваше благородіе! Пожалуйте! Анатолій Роберт-овичъ васъ проситъ!

— А! обернулся Криницынъ и также медленно вошелъ на крыльцо.

Груницынъ сидѣлъ на складной походной кровати; лицо его было совсѣмъ желто отъ безсонной ночи, глаза заспанные, и онъ ихъ тщательно промывалъ, намоченнымъ въ холодной водѣ, полотенцемъ.

— Я слышалъ твой голосъ, говорилъ онъ... Очень радъ, очень радъ! Что же ты не заходилъ ночью? У меня всѣ были, ужинали... Садись, пожалуйста. Станиславъ, чаю!.. Мнѣ есть съ тобою чѣмъ подѣлиться... Дѣло важное, крайне сложное... Пахнетъ карьерою... и какою карьерою! Станиславъ! уйди вонъ и дѣлай свое дѣло! чего торчишь! Садись-же, Польша. Чаю хочешь?! Мнѣ ужасно интересно знать, что ты скажешь!.. Я всегда дорожилъ твоимъ мнѣніемъ... Да, садись-же!.. Помнишь, мы съ тобою вчера рѣшили, что это просто разбой и ничего больше... Помнишь?..

— А теперь что же оказалось? пожалъ плечами Павелъ Петровичъ. Экстраординарное происшествіе, хитро-задуманная кровавая драма и ты, хитроумный Лекоекъ, напалъ на вѣрные слѣды. Въ твоихъ рукахъ руководящая нить... Такъ что-ли?.. Кто-же таинственные злодѣи?

— Именно, именно такъ... Ты смѣнешься? а мнѣ не до смѣха. Нервы мои возбуждены. Я провелъ ночь безъ сна, въ самой лихорадочной работѣ, и вѣришь-ли, ни-

сколько не хочу спать... Ну да садись и я тебѣ все расскажу по порядку...

Станиславъ подалъ чай на серебряномъ подносѣ и два разрѣзанныхъ граната вмѣсто лимона и обнаружилъ было намѣреніе приводить постель въ порядокъ.

— Ступай вонъ! остановилъ его неумѣстное рвеніе Анатолій Робертovichъ.

— Видишь-ли, другъ мой, оказывается вотъ что: началъ онъ свой рассказъ о событіяхъ тревожной, первой слѣдственной ночи.

Во время своего рассказа, очень длиннаго и весьма послѣдовательнаго, онъ поминутно справлялся съ листками показаній, аккуратно уже шпигитыми вмѣстѣ и перенумерованными.

— Во первыхъ оказывается, что Федоръ Петровичъ Горкинъ поѣхалъ съ цѣлью посѣтить всѣ передовые форты лѣваго фланга, гдѣ есть отдѣленія его фирмы. Тамъ онъ намѣревался сдѣлать нѣчто вродѣ частной ревизіи, передъ главною, общою, и, между прочимъ, долженъ былъ раздать значительную сумму денегъ, восемьдесятъ двѣ тысячи, триста семьдесятъ два рубля, сорокъ четыре копѣйки, каковую сумму и взялъ съ собою...

— Какъ это глупо!

— Что глупо, что?

— Брать съ собою большія деньги и одному рыскать по степи... конечно, я думаю, больше чѣмъ глупо, замѣтилъ Криницынъ.

— Нѣтъ... зачѣмъ одному... оправдывалъ дѣйствіе убитаго Грунинъ. — Онъ имѣлъ основанія... онъ... Я, впрочемъ, это потомъ... Все по порядку... Въ доказательство сего—есть точныя показанія,—господа уполномоченные фирмы „Хмуровъ и Компанія“ и справки по книгамъ. Проводить его долженъ былъ Шелобовъ, капитанъ Шелобовъ. Вотъ его личное показаніе! Онъ долженъ былъ встрѣтить его въ Алаевскомъ аулѣ, это верстъ двадцать далѣе мѣста происшествія, и за тѣмъ уже сопровождать его дальше. Онъ его не дождался и поѣхалъ на встрѣчу... Онъ же первый и нашелъ тѣло...

— Ничего нѣтъ пока необыкновеннаго! пожалъ плечами Криницынъ, не дотрогиваясь до своего, уже остывшаго стакана.

— Слушай дальше: Шелобовъ поскакалъ стремглавъ въ фортъ и далъ знать коменданту, а самъ, съ другими офицерами, немедленно вернулся къ мѣсту. Здѣсь они нашли слѣдующее: вотъ показаніе полковника Глухарева и его сына! Конскій слѣдъ (лошади убитаго) велъ отъ переправы и былъ очень хорошо виденъ; за версту до мѣста катастрофы къ этому слѣду присоединился еще слѣдъ коня, тоже кованнаго русскими подковами, обыкновенными, и этотъ слѣдъ сопровождалъ первый до того пункта, гдѣ лежало тѣло; то есть не совсѣмъ до того, а немного ближе. Затѣмъ этотъ второй слѣдъ отдѣлился и направился... Вотъ тутъ дѣло затемняется... Надо тебѣ замѣтить, что преступленіе было совершено, случайно конечно, на такомъ пунктѣ, гдѣ недавно прошелъ табунъ и всѣ слѣды перепутались... Но все-таки, много дальше, у самаго берега, тоже найденъ слѣдъ кованный, два или три отпечатка, тождественный съ тѣмъ, что сопровождалъ убитаго... Сосражаешь?!..

Криницынъ слушалъ рассказъ своего друга очень внимательно, но еще внимательное разсматривалъ чеканенный узоръ на ручкѣ подстаканника.

— Слѣдъ этотъ велъ къ берегу,—значитъ всадникъ, предположимъ убійца, хотѣлъ переправиться на ту, то есть на эту нашу сторону, то есть вернуться въ фортъ... Кажется ясно?..

— Ясно!.. отвѣчалъ Криницынъ.

— Но на этой сторонѣ до сихъ поръ еще продолженія этого слѣда не найдено.—Искали, но не нашли.

— Чего-же яснѣе, улыбнулся Павелъ Петровичъ...

— Слѣдъ-же лошади убитаго все-таки былъ опять найденъ, продолжалъ Грунинъ,—и велъ въ степь, гдѣ вскорѣ и найдена была сама лошадь Горкина, съ обитымъ сѣдломъ, мирно пасущаяся... Эту лошадь нашелъ и привелъ сюда Глухаревъ-сынъ. Что-же изъ этого выходитъ?

— По моему пока ничего...

— Нѣтъ, не ничего! Общія показанія говорятъ, что если покойный Горкинъ былъ убитъ туземными разбойниками, съ цѣлью грабежа, то, во всякомъ случаѣ, хорошая лошадь составляетъ для таковыхъ большую цѣнность и они бы ее не бросили, а увели бы съ собою. Это и комендантъ и всѣ говорятъ... Непремѣнно увели бы съ собою!

— Очень можетъ быть! Ну, дальше!

— Дальше вотъ что: выходитъ теперь, что убійца одинъ изъ здѣшнихъ. Одинъ изъ тѣхъ, кто могъ знать—какую большую сумму имѣлъ при себѣ убитый,—и желаніе овладѣть этою суммою, было главнѣйшимъ мотивомъ преступленія. Такъ или нѣтъ?

— Такъ, само собою разумѣется, согласился Павелъ Петровичъ...

— Всѣ офицеры почему то, особенно этотъ Глухаревъ съ сыномъ и Шелобовъ, крайне, до страстности, заинтересованы открытіемъ убійцы. Они предложили мнѣ, между прочимъ, произвести повальный обыскъ во всемъ Глухомъ фортѣ—это меня удивило сначала,—но, по зрѣлому размысленію...

— Какъ, и въ офицерскихъ квартирахъ? удивился Криницынъ.

— Да у всѣхъ вообще. — Даже комендантъ говорить:—Я, господа, ничего противъ этого не имѣю. Начинайте, для примѣра, съ моего дома. Онъ даже хочетъ настаивать на этомъ...

— Что за дичь!.. что за нравы! пожалъ плечами Криницынъ... И ты произведешь этотъ „повальный“, какъ ты выразился, обыскъ.

— Надо произвести. — О, Боже мой! — если бы мнѣ удалось найти какой нибудь гвоздь, какую нибудь подзирательную пуговицу... Вѣдь ты понимаешь—это карьера! — Это дойдетъ въ Петербургъ. Мое имя, — понимаешь ты—мое имя, связанное съ открытіемъ этого запутаннаго, кроваваго дѣла! и обо мнѣ заговорятъ, обо мнѣ напишутъ...

— Напишутъ какъ о „гороховомъ шутѣ“—pardon за выраженіе,—и, повѣрь мнѣ, ты дашь нищу самымъ острымъ насмѣшкамъ, общему глумленію—и только...

Грунинъ взглянулъ на своего друга глазами полными недоумѣнія—рѣзкій выводъ Криницына, высказанный холоднымъ, сухимъ тономъ, такъ мало соответствовалъ его собственному выводу. Превжній авторитетъ Павла Петровича, царившаго въ Петербургѣ въ кружкахъ, такъ называемой, золотой молодежи—оказалъ и здѣсь свое вліяніе... Недоумѣніе во взглядѣ Анатолія Робертovichа стало уже принимать другой характеръ,—молчаливой молбы не разрушать его иллюзій, на столько уже созрѣвшихъ, на столько приближившихся къ дѣйствительности...

— Почему же! прочтунулъ онъ, тоскливо поглядывая на нити свѣдѣтельскихъ показаній.

— Но весьма простой причинѣ. Слушай же и ты меня. Но прежде пойми въ свою очередь, что если я высказываю свое мнѣніе, то только: во первыхъ, изъ дружбы къ тебѣ; а во вторыхъ,—изъ принципа: я не хочу чтобы порядочные люди изъ нашего круга разгрызали здѣсь шутовъ, pardon, передъ этими полудикарями. А ты самъ именно подставляешь свое голову подъ шутовской колпакъ.

— Я очень тебѣ благодаренъ...

Грунинъ прикоснулся своею рукою къ чертатѣ Павла Петровича.

— Слѣды русскихъ подковъ, присоединившіеся къ слѣдамъ лошади Горкина, ничего не доказываютъ, потому что на всѣхъ здѣшнихъ базарахъ русскія подковы продаются тысячами туземцамъ, и нашимъ и чужимъ; одинаково; что эти слѣды потомъ вели къ рѣкѣ,—положимъ, что это была лошадь убійцы, это доказываетъ только то, что и лошади убійцы, также какъ и лошади всякаго мирнаго гражданина, потребуютъ водопой—и ничего болѣе. Этихъ слѣдовъ не отыскали на этомъ берегу, что же мудренаго, что продолженія ихъ не нашли и на томъ... Ты уже вообразилъ, что здѣсь все индійцы куперовскіе, слѣдоискатели, которые, съ чуткостю лагавой собаки, могутъ добраться по намекамъ до цѣли розыска... Смѣшно!... Лошадь убитаго, якобы оставленная разбойниками,—это уже совсѣмъ туманно. Всякая лошадь можетъ вырваться и поскакать домой... за нею можетъ быть и гонялись, но прійми во вниманіе рискъ подобной погони. Вѣдь разбойники могли очень легко наткнуться на погоню, въ свою очередь высланную за ними, и, конечно, были настолько благо-разумны, что пожертвовали конемъ, которому и цѣна базарная вся полсотни. Тебѣ совѣтуютъ... какъ это можно совѣтовать специально уполномоченному слѣдователю!.. Тебѣ совѣтуютъ произвести повальный обыскъ—обыскъ этотъ сдѣлать не трудно—но смотри!.. Обыскъ не принесетъ, конечно, никакихъ результатовъ, и въ этомъ глубоко увѣренъ!—Не будетъ же убійца, въ самомъ дѣлѣ,—еслибы это и былъ кто нибудь изъ здѣшнихъ, хранить у себя окровавленныхъ уликъ, или, тѣмъ болѣе, кривной суммы... Сколько ты сказалъ?

— Восемьдесятъ слишкомъ тысячъ...

— Ну, такъ вотъ видишь ли?—Не будутъ же хранить эту, довольно порядочную, не соответствующую офицерскому карману, сумму у себя въ чемоданахъ... а, между прочимъ, я еще не знаю какъ высшее начальство, особенно военное, посмотритъ на этотъ, позорящій офицерскій мундиръ, обыскъ, хотя бы и нашлись господа офицеры, добровольно соглашающіеся на подобное посрамленіе...

— Но если въ виду этого, если, такъ сказать, будетъ что нибудь обнаружено...

— Да развѣ я тебя стѣсняю... я говорю только—что самъ думаю, я откровенно, по праву нашей старой дружбы, высказываю тебѣ свое мнѣніе... и только... пожалуста не думай, что я могу тебя учить—какъ производить слѣдствіе. Ты кончилъ проповѣдніе,—ты специалистъ; я въ школѣ гвардейскихъ подпоручиковъ,—я кавалеристъ... Пожалуста не думай... Я слишкомъ далеко отъ какого нибудь вмѣшательства въ твоё дѣло...

— Ну вотъ ты уже и обидѣлся! это не хорошо, это не потоварищески!.. успокаивай его Грунинъ.—Я всегда готовъ, охотно тебя слушать. Твой практическій умъ стоитъ специальности... Я самъ начинаю думать...

— То-то—самъ,—Криницынъ улыбнулся... А главное я тебѣ доскажу вотъ что: въ погонѣ за таинственнымъ Фрадыволомъ ты потратишь даромъ дѣло—представишь по начальству тысячу листовъ всевозможной чуши, а главное будетъ уцѣлено. Донося просто, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, о побѣгѣ барантацией—ты этимъ донесеніемъ вызовешь мѣры, а за эти мѣры всѣ мирные жители нашего окологда скажутъ тебѣ большое спасибо. Усилить здѣсь кавалерію—выставятъ посты, построить можетъ быть укрѣпленіе, обезпечивающее всѣ путь на лѣвый флангъ, до сихъ поръ совершенно открытый доступу всевозможной бродячей сволочи.—Вѣдь мы здѣсь не въ окрестностяхъ Петербурга, повторяю тебѣ еще разъ—и тогда, повѣрь мнѣ, всякіе Горкины, не съ восемью десятками тысячами въ карманѣ, а хоть съ миллионами, могутъ кататься по степи, сколько имъ угодно... Такъ то...

Криницынъ замолчалъ и тутъ только вспомнилъ о

своимъ остывшемъ чаемъ, прихлебывая изъ стакана большими глотками.

Грунинъ помолчалъ нѣсколько минутъ тоже.

— Ахъ да, кстати, тутъ есть въ одномъ показаніи и о тебѣ нѣсколько словъ—вотъ я сейчасъ найду...

— Въ самомъ дѣлѣ—что же такое, именно? это интересно!

— Вотъ! Молодой Глухаревъ показываетъ, что видѣлъ тебя въ день выѣзда Горкина на томъ берегу—и что ты вернулся довольно поздно, ночью...

— Вотъ какъ!! Это очень важно!.. Дай-ка мнѣ пожалуста листъ бумаги—я нахожу нужнымъ тоже дать показаніе, для пополненія слѣдствія.

— Я хотѣлъ тебя просить объ этомъ... понимаешь? формальность... Мнѣ вѣдь могутъ замѣтить: почему я не опросилъ тебя, особенно, въ виду показанія молодого Глухарева?

Криницынъ уже сидѣлъ и, покраснѣвъ до ушей, не то улыбаясь, не то закусивъ свои тонкія, первыя губы, бойко водилъ перомъ по листу форменной, обрѣзной бумаги...

— Я кончилъ. Хочешь прочту? тряхнулъ онъ головою—и взглянулъ прямо въ глаза своему другу.

— Сдѣлай одолженіе!

„Сего числа, въ три часа пополудни, —я велѣлъ осѣдлатъ своего воронаго жеребца, шести лѣтъ, росту три вершка, лѣвая задняя бѣлопошка“... началъ читать Криницынъ.

— Ты вѣчно шутишь... Ну какъ тебѣ, право, не стыдно. Къ чему эти подробности.

— Нисколько не шучу, сухо отвѣчалъ Криницынъ. Въ серьезномъ слѣдственномъ дѣлѣ никакая мельчайшая подробность не можетъ быть лишняя. Я продолжаю:

...кличка „Абрекъ“—дабы размять его хорошенько, такъ какъ вышеописанная лошадь чрезмѣрно застоялась... Я переправился на ту сторону въ бродъ и, постоянно мѣняя аллюры, ѣздилъ до половины одиннадцатаго вечера, послѣ чего, пилъ чай, у татарина Гайкулы, что содержитъ косую переправу, а въ часъ ночи былъ уже дома, приказавъ своему денщику, Семепу Гладкову, разсѣдлатъ лошадь и выводить ее хорошенько. Кромѣ того я долженъ присовокупить, что, по словамъ Ивана Гладкаго, солдатка Лукерья, ночевавшая на сѣновалѣ, всю ночь видѣла во снѣ окровавленную пѣтуха и говорила, что это не къ добру. Что же касается до свѣдѣнія по дѣлу смерти господина Горкина, то ничего особеннаго показать не могу, ибо, находясь на томъ берегу, ничего не слышалъ и не видѣлъ подозрительнаго.

— Но зачѣмъ же ты сюда прилелъ эту солдатку Лукерью и пѣтуха—это странно! Къ чему это шло-ничество? жаловался Грунинъ.

— Какъ къ чему? Я нахожу, что это также точно важно и серьезно, какъ и всѣ эти показанія, тынулъ Криницынъ пальцемъ въ бумаги.—Не могу же я умолчать о такомъ фактѣ... Вѣдь ты, пожалуй, притянешь всѣхъ насъ къ присягѣ?..

— Этого требуетъ формальность...

— Ну вотъ, видишь-ли?.. Что это, опять къ тебѣ—слѣдственные волонтеры...

Въ окнахъ мелькнули тѣни лошадей и у крыльца раздался конскій топотъ.

— Это Шелобовъ, выглянулъ Грунинъ.—Онъ условился ѣхать вмѣстѣ со мною и съ другими офицерами провѣрить лично ихъ показанія относительно слѣдовъ.— Ты поѣдешь съ нами?

— Нѣтъ, уволь! По такой жарѣ я не охотникъ до прогулокъ... Вечеркомъ, если хочешь... До свиданья!—Приходи послѣ обѣда ко мнѣ—я тебя буду ждать съ холоднымъ крушономъ съ гранатами. Это у насъ, въ глухомъ фортѣ, водится.

Въ дверяхъ Павелъ Петровичъ встрѣтился съ Шелобовымъ и адъютантомъ Ползуновымъ. Криницынъ по-

Литературный альбомъ. „Войнаровскій“. Поэма К. Ѳ. Рылѣва. Съ картины В. В. Савича, по фотогр. грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

чти незамѣтно раскладался съ своими товарищами по батальону,—прикоснувшись къ козырьку фуражки. Оба вошедшіе посмотрѣли ему только вслѣдъ, а потомъ переглянулись между собою...

— Я къ вашимъ услугамъ, господа! Не прикажете-ли прежде чаю? въ качествѣ любезнаго хозяина привѣтствовалъ офицеровъ Анатолій Робертovichъ...

(До слѣд. №).

За драгоцѣннымъ корнемъ.

(Изъ жизни китайскихъ таскиниковъ).

Рассказъ А. Я. Максимова.

(Продолженіе).

VI.

Смерть Цы-Лая и Хунъ-Ляна.

Раннимъ утромъ, искатели жень-шеня, позавтракавъ косулей, разбрелись по ближайшимъ надымъ на поиски чудодѣйственнаго корня, разбившись предварительно на три отдѣльныя партіи. Въ составъ первой партіи вошли: Лонхоу, Ли-фу и лоху Куень-Лу; въ составъ второй—Хунъ-Лянъ, бѣглый солдатъ манчжуръ Сео-кви и лоху Ки-сэ; третью партію составили остальные авантюристы: Хо и бывший купецъ Цы-Лай. Разбивка на партіи произошла полюбовно. При этомъ только хлопотали о томъ, чтобы въ каждой отдѣльной партіи было непременно по ружью. Этимъ дорогимъ оружіемъ обладали трое: Лонхоу, Цы-Лай и Хунъ-Лянъ, ставшіе во главѣ каждой партіи. Остальные авантюристы были вооружены только холоднымъ оружіемъ, состоявшимъ изъ небольшихъ топоровъ и кривыхъ ножей. Партіи разошлись по разнымъ надымъ съ тѣмъ, чтобы къ вечеру собраться опять на прогалинѣ, служившей для авантюристовъ почнымъ убѣжищемъ уже въ теченіи двухъ недѣль слѣшкомъ. Эти дни прошли въ совершенно бесплодныхъ поискахъ за корнемъ жень-шеня. Еще ни одному искателю не удалось наткнуться на дорогое растеніе, несмотря на ежедневные, самые тщательные поиски, начинавшіеся обыкновенно съ восходомъ солнца и прекращавшіеся съ закатомъ. Искатели углублялись въ самыя таинственныя, недоступныя, повидимому, мѣста софѣнныхъ надей, но все безуспѣшно. Судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, уже ведоу побывали другіе искатели жень-шеня, по многимъ даннымъ болѣе счастливые. Лонхоу положительно недоумѣвалъ, кто-бы могъ предупредить его. Онъ начиналъ ожесточаться противъ неизвѣстныхъ искателей. Ему казалось, что они похищали его собственность. Лонхоу приходилъ въ бѣшенство при видѣ каждаго высохшаго листика жень-шеня, при видѣ свѣже взрытаго, тучнаго черневема, въ которомъ еще недавно пріобрѣталъ свою чудодѣйственную силу драгоцѣнный корень... Лонхоу наконецъ надоѣло бродить по чужимъ слѣдамъ, и онъ рѣшился углубиться, послѣ осмотра другихъ знакомыхъ надей, дальне въ хребты, въ мѣста, въ которыхъ не бывалъ еще, по его мнѣнію, никто.

День прошелъ въ поискахъ. Передъ заходомъ солнца они начали возвращаться на знакомую прогалину, голодные и измученные шатаньемъ по заросли. Первыми прибыли Хунъ-Лянъ, Сео-кви и Ки-сэ, въ самомъ дурномъ настроеніи духа. Бесплодные поиски произвели на нихъ подавляющее дѣйствіе. Поджидая товарищей, они развели яркіи костеръ и вздумали утолить свой голодъ остатками косули. Голодъ ворочалъ ихъ внутренности. Съ ранняго утра они положительно ничего не ѣли, кромѣ двухъ, трехъ случайно попавшихся корешковъ сараны и звѣробоя.

Хунъ-Лянъ принялъ на себя роль распорядителя и пошелъ къ знакомому пробковому дереву, съ цѣлью отрѣзать отъ тучнаго кусочка мяса... Сео-кви и Ки-сэ, не теряя дорогого времени, таскали къ костру охапки хвороста; готовили необходимый запасъ топлива на ночь. Они носили хворостъ большими охапками и съ выдающимся усердіемъ. Имъ ужъ очень было памятно непрошенное посѣщеніе прогалины тигромъ, вызвавшее страшный почной перенолохъ и стoisнне одной жизни... Хунъ-Лянъ, между тѣмъ, подоиди къ пробковому дереву, на которое была подвѣшена утромъ туша косули, остановился въ недоумѣніи. Косуля пропала; съ сука-же, на которомъ она висѣла, качался только небольшой обрывокъ веревки. Разомъ потерянная надежда утолить страшный голодъ вырвала изъ его груди хрипый, бѣшеный крикъ. Сео-Кви и Ки-сэ немедленно прибѣжали на этотъ крикъ съ испуганными, недоумѣвающими лицами. Увидѣвъ Хунъ-Ляна, стоящаго съ разинутымъ ротомъ передъ деревомъ, они пришли еще въ большее недоумѣніе, напрасно стараясь объяснить себѣ причину бѣснаго восклицанія товарища.

— Мясо украли! вывелъ ихъ Хунъ-Лянъ изъ недоумѣнія, печально возвращаясь къ костру и поспѣшно, съ каинкъ то ожесточеніемъ закуривая трубку—словно табачнымъ дымомъ хотѣлъ онъ утолить страшный голодъ.

— Кто укралъ? пробормоталъ Ки-сэ, внимательно разсматривая всящій съ сука обрывокъ веревки, точно этотъ обрывокъ долженъ былъ дать ему необходимый отвѣтъ на вопросъ.

— Шайтанъ его знаетъ! сердито проворчалъ Хунъ-Лянъ и еще съ большимъ ожесточеніемъ запыхтѣлъ своей трубкой. — Теперь поздно и на охоту идти—ужъ темнѣть стало, добавилъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ.

У Сео-кви и Ки-сэ даже руки опустились отъ печальной перспективы голода. Грустно присѣли они къ костру и также

закурили свои трубочки... Прошло около получаса сосредоточеннаго, угрюмаго молчанія. Кругомъ тишина... Но вотъ послышались твердые, смѣлые шаги и шелестъ раздвигаемой листвы.

— Товарищи идутъ! пробормоталъ Хунъ-Лянъ, недвигаясь съ мѣста.

Дѣйствительно, не болѣе какъ черезъ минуту вышелъ на прогалину Лонхоу и вслѣдъ за нимъ Ли-фу и Куень-Лу. Судя по ихъ угрюмымъ лицамъ, истекшій день не принесъ имъ никакихъ радостей и поиски за корнемъ жень-шеня не увѣнчались никакимъ успѣхомъ.

— Украли мясо! встрѣтилъ Хунъ-Лянъ товарищей печальнымъ извѣщеніемъ о пропажѣ мяса. Лонхоу даже передернуло отъ этого лаконическаго извѣщенія; онъ былъ страшно голоденъ.

— Кто укралъ? спросилъ онъ, быстро подходя къ знакомому пробковому дереву.

— Ламаза, либо пау... *) Дочиста обобралъ, даже костей не оставилъ.. Чтобы эта косуля утробу ему разорвала!.. разсердился Хунъ-Лянъ.

— Ни ламаза, ни пау не украли наше мясо, а какойнибудь разбойникъ, проговорилъ Лонхоу послѣ внимательнаго осмотра мѣстности.

Это предположеніе произвело на всѣхъ авантюристовъ неожиданное впечатлѣніе. Насколько апатично отнеслись они къ предположенію, что мясо украдено какимънибудь хищникомъ, настолько горячо приняли къ сердцу мнѣніе стараго бродяги, что похитителемъ оказался человѣкъ. Они разсвѣрили отъ одной мысли, что кража мяса произведена кѣмъ то. Они не могли переварить этого факта, требующаго, по законамъ тайги, жестокаго возмездія. Кипятиться въ томъ случаѣ, если причиной ихъ голода оказался какойнибудь хищникъ, лишнее: хищника не поймашь, а тѣмъ болѣе, украденнаго не вернешь. Но разъ похитителемъ оказался человѣкъ, то въ рукахъ авантюристовъ много шансовъ розыскать его и наказать по законамъ тайги. Ихъ всѣхъ охватила самая неудержимая злоба. Каждый, забывъ голодъ, усталость и позднее время, непрерывно предлагалъ Лонхоу свои услуги, чтобы выслѣдитьвора.

— Полно вамъ, воръ уже далеко, началъ успокаивать Лонхоу расхопившійся страсти товарищей. — Онъ укралъ наше мясо можеть утромъ, а теперь уже скоро восемь часовъ... Да и какъ вы его найдете ночью?! Того и смотри, сами ламазѣ либо пау на зубы попадетесь...

Напоминаніе о тигрѣ и барсѣ имѣло дѣйствіе. Ограничились только руганью, по адресу неизвѣстнаго похитителя.

— Идѣтъ то Цы-Лай и Хо?.. Что ихъ такъ долго итъ?.. Вонъ и солнце уже зашло, перебилъ Лонхоу эту ругань.

Чувство любопытства заставило бродягу настояржиться. Еще не случалось, чтобы ктонибудь возвращался съ поисковъ за корнемъ жень-шеня послѣ солнечнаго заката. Обыкновенно, всѣ отдѣльныя партіи всегда слѣдили къ сборному пункту еще далеко до захода солнца, изъ боязни, чтобы ночь не застала ихъ въ какойнибудь труппѣ, гдѣ легко попасть на зубы хищника. Очевидно, продолжительное отсутствіе Цы-Лая и Хо имѣло серьезныя причины. Вопросъ Лонхоу о запоздавшихъ товарищахъ заставилъ переменить тему разговора и перейти на причины ихъ отсутствія. Одинъ увѣрилъ, что Цы-Лай и Хо просто забрели слишкомъ далеко отъ стана и остались почевать въ другомъ подходящемъ мѣстѣ. Другой старался убѣдить, что авантюристы сдѣлались жертвой звѣря. Третій дѣлалъ вѣроятное предположеніе, что Цы-Лай и Хо перерѣзались изъ зависти, наткнувшись на драгоцѣнный корень жень-шеня. Утверждали иные, что оба просто повстрѣчали другую партію искателей корня и присоединились къ ней. Наконецъ, Хунъ-Лянъ пришелъ къ убѣжденію, что Цы-Лай и Хо возвращаются на прогалину и будутъ, если не сейчасъ, то къ полночи, тѣмъ болѣе, что оба люди уже опытные, бывалые, чтобы не страшиться брести тайгой даже въ глубокою ночь...

Въ разгаръ спора раздался трескъ съ силою раздвигаемыхъ вѣтвей заросли и передъ ошлывшими авантюристами неожиданно появился окровавленный Хо. Только потому всѣ и признали въ высокочившемъ изъ чащи человѣкѣ отсутствующаго товарища, что у него вмѣсто двухъ рукъ была только одна—лѣвая, въ которой блестялъ большой окровавленный ножъ. Что касалось до лица, то его нельзя было рассмотреть, такъ какъ его не было. Былъ какойто безобразный, окровавленный комокъ мяса съ двумя лихорадочно блестящими глазами. Хо дышалъ прерывисто, тяжело. Его грудь судорожно поднималась

*) Ламаза—тигръ; пау—барсъ.

и опускалась. Повидимому, онъ бѣжалъ долго и большое разстояние. Разорванное платье висѣло на его исцарапанномъ тѣлѣ безобразными клочьями. Всѣ обступили Хо съ недоумѣвающими лицами.

Хо немного успокоился, отдышался и началъ говорить, но какъ говорить! Изъ его груди вылетало какое то хриплое, невнятное бормотанье. Авантюристы напрасно напрягали слухъ: первое время они не могли разобрать ничего. Отсутствие у Хо губъ, щекъ и носа не позволяло говорить ясно. Но вотъ постепенно Хо началъ привыкать владѣть однимъ языкомъ, и рѣчь его сдѣлалась нѣсколько явственнѣе...

— Пошли мы въ ту падь, которая лежитъ отсюда на солнечный закатъ, началъ Хо свой рассказъ. — Исходили мы ее и вдоль и поперекъ—нѣтъ жеиш-шениа... Досадно стало Цы-Лаю, что даромъ дѣлое утро потеряли... „Пойдемъ, Хо, черезъ хребетъ да заглянемъ—нѣтъ ли тамъ другой пади“, говоритъ онъ мнѣ. „Пойдемъ“, согласился я. Время было уже за полдень... Перевалили мы черезъ хребетъ и спустились въ падь... Пошли звѣровой тропой... Цы-Лай шель вперед... Вдругъ я увидѣлъ, что на нижней вѣтви кедр притаился огромный пау... Вижу, что звѣрь хочетъ прыгнуть на Цы-Лая... Я и крикнулъ ему: „берегись, пау на деревѣ!“ Цы-Лай остановился, быстро положилъ ружье на сошки и началъ приближаться въ звѣря... Тотъ только съелся и началъ передними лапами сдирать съ дерева кору... Цы-Лай выстрѣлилъ и промахнулся: пуля оторвала у пау только ухо... Звѣрь развирѣбѣлъ, прыгнулъ и смялъ подъ собой Цы-Лая... Тотъ только захрипѣлъ... Подбѣжалъ я... Пау оставилъ Цы-Лая и бросился на меня. Положилъ на мои плечи передній лапы и началъ грызть лицо... Я ударилъ пау ножомъ въ брюхо... Ударилъ еще разъ... Звѣрь погрызъ лицо, свалился и издохъ... Подошелъ я къ Цы-Лаю, а у него уже голова насторону сворочена, затылокъ прогрызанъ... Въ ту пору сдѣлалось уже темно... Солнце зашло... Вдругъ слышу, недалеко кто то урчитъ. Ну, думаю, ламаза, видно, кровь почувалъ и ко мнѣ подбирается... Стало мнѣ страшно... Я бросился бѣжать!..

— А ружье Цы-Лая гдѣ? спросилъ Лонхоу.

— До ружья ли было тутъ! пробормоталъ Хо.—Тамъ осталось!..

— Неужто и порохъ, и пули бросилъ? задалъ вопросъ манчжуръ Сео-кви.

— Все тамъ оставилъ!.. Такъ мнѣ страшно вдругъ сдѣлалось, что только и думалъ о томъ, какъ бы ноги свои унести, сознался Хо.

— Не хорошо, не хорошо, укоризненно проговорилъ Лонхоу,—каждая крушинка пороха дорога... Онъ на исходѣ, а безъ него голодомъ придется умереть...

— Разбойничать не трусилъ, а тутъ пау испугался... Ему бы бабы штаны носить!.. обратился Хунь-Лянъ къ сосѣду.

Эти обидныя слова долетѣли до уха Хо.

— Молчи, подлая собака! крикнулъ онъ, затрясавшись отъ бѣшенства.—Молчи, или я вырву твой поганый языкъ и брошу его воронамъ!..

— Однорукий чортъ!.. Черепаша! огрызнулся Хунь-Лянъ, окинувъ Хо презрительнымъ взглядомъ.—Мало, видно, было тебѣ, что манчжуръ искалѣчили тебя: дался звѣрю калѣчить!.. Осталось только, чтобы онъ твои подлые глаза выцарапалъ... Бабы штаны тебѣ!..

Хунь-Лянъ не успѣлъ докончить. Хо взвизгнувъ какимъ то неестественнымъ, нечеловѣческимъ голосомъ. Звѣремъ прыгнулъ онъ на своего обидчика и глубоко вонзилъ ему въ горло свой широкий ножъ... Хунь-Лянъ захрипѣлъ и свалился на траву, корчась въ предсмертной агоніи... Всѣ положительно ошалѣли и растерялись. Нападеніе было такъ быстро, неожиданно, что никто не могъ отстранить смертельный ударъ. Но первые моменты общаго оцѣпенѣнія миновали. Авантюристы толпой бросились на обезумѣвшаго Хо, продолжавшаго наносить удары ножомъ уже мертвому Хунь-Ляну, обезоружили его и послѣ упорнаго сопротивления крѣпко связали. Хо сопротивлялся только до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ себя окончательно побѣжденнымъ. Увидѣвъ свое безсиліе разорвать веревки, онъ подчинился, утихъ и даже закрылъ глаза. Хо зналъ страшныя послѣдствія убійства и спокойно ждалъ рѣшенія своей участи. Ему былъ извѣстенъ законъ тайги: око за око, зубъ за зубъ! Онъ рѣшился ждать смерти съ фатализмомъ, столь свойственнымъ сынамъ Поднебесной имперіи...

VII.

Судъ и казнь.

Связавъ Хо и бросивъ его на сырую траву, всѣ усѣлись вокругъ костра и молча закурили свои трубки. Курили съ важнымъ, сосредоточеннымъ видомъ, готовясь къ совершенно важному дѣлу. Старшина парти, Лонхоу, усѣлся на почетное мѣсто, на сырую еще шкуру убитой накануне косули. Остальные заняли мѣста въ почтительномъ отъ него разстояніи... Предстояло оригинальное судьище—своего рода судъ Линча. Жизнь Хо въ рукахъ пяти его товарищей. Они могли отнять эту жизнь, предавъ Хо мучительной смерти... Прошло нѣсколько минутъ глубокаго молчанія. Лонхоу кончилъ курить, вытряхнулъ пепелъ изъ трубки и спряталъ ее въ длинный, узкій кожаный мѣшочекъ, висѣвшій у него на поясѣ.

— Хо сдѣлалъ худое дѣло и долженъ быть убитъ, обратился старшина къ товарищамъ—Всѣ вы видѣли, какъ Хо Хунь-Ляна ударилъ ножомъ?

— Видѣли! глухо отвѣтили искатели жень-шеня.

— Хо можно простить или нѣтъ? задалъ Лонхоу второй вопросъ.

— Нѣтъ! жестко проговорили Куень-Лу, Сео-кви и Ки-сэ.

— Хо можно бы и простить, рѣшился замѣтить Ли-фу.

Взоры всѣхъ обратились на послѣдняго недоумѣвающе.

— Хо надо бы простить! горячо повторилъ неожиданный защитникъ болѣе твердымъ голосомъ.—Хунь-Лянъ самъ вызвалъ его, раззадорилъ, а онъ вѣдь только что вырвался изъ когтей пау...

— Молчи ты, Ли-фу! строго, важно остановилъ старшина защитника убійцы.—Еще молодъ... Тебѣ неизвѣстно какъ въ тайгѣ дѣлають... Всякое такое дѣло наказываютъ. Если Хунь-Лянъ обидѣлъ Хо, ему надо бы было ко мнѣ идти съ жалобой, я и разсудилъ бы, кто больше виноватъ... Теперь же другое. Ты, Ли-фу, тоже не защитай такого, какъ Хо, онъ убилъ товарища, а долженъ былъ дружно съ нимъ идти.

Ли-фу замолчалъ. Ему было жалко Хо, но онъ не смѣлъ больше сказать ничего.

— Куень-Лу, какъ думаешь, что дѣлать?

— Смерть! глухо буркнулъ Куень-Лу.

— Смерть!.. Смерть!.. повторили Сео-кви и Ки-сэ одинъ послѣ другаго.

Ли-фу молчалъ, низко опустивъ голову.

— Что скажешь ты, Ли-фу? спросилъ старшина.

Ли-фу продолжалъ молчать, не рѣшаясь.

— Я слышалъ теперь васъ всѣхъ, продолжалъ Лонхоу твердымъ голосомъ, недопускающимъ возраженія.—Да, Хо что заслужилъ, то и получить—онъ будетъ зарытъ въ землю!..

Ли-фу вздрогнулъ, услыхавъ приговоръ. Остальные молча наклонили головы въ знакъ согласія, находя все вполне справедливымъ и согласнымъ съ законами тайги. Такъ твердо установилась власть у китайскаго выборнаго старшина!..

Прошло нѣсколько секундъ тигостаго молчанія.

— Ки-сэ и Сео-кви! обратился наконецъ Лонхоу.—Ступайте, развязайте Хо ноги и приведите его.

— Хо, ты убилъ товарища, обратился Лонхоу къ нему.—Ты будешь зарытъ завтра живой!.. Приготовься!..

Хо выслушалъ это съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Онъ зналъ все заранѣе. Въ теченіи своей долгой, бродяжнической жизни ему не разъ случалось видѣть исполненіе такой казни*), и даже самому налагать ее, когда онъ самъ былъ старшиной. Онъ сознавалъ, что наказаніе заслужено и считалъ сопротивление бесполезнымъ.

— Свяжите и караульте его до утра, сказала Лонхоу.

Хо связали такъ же быстро, какъ развязали, и положили въблизи костра, на видномъ мѣстѣ. Ки-сэ и Сео-кви расположились около убійцы.

Ночь прошла спокойно. Хо лежалъ словно мертвый, не подавая никакого признака жизни. Онъ не спалъ, а находился въ тяжеломъ полусонномъ состояніи, бывающемъ иногда у людей, томимыхъ ожиданіемъ скорой, невозможной смерти... Лонхоу поднялся съ разсвѣтомъ и занялся приготовленіями къ казни. Онъ нарвалъ по близости головки дыкаго мака, растеръ ихъ и приготовилъ одуряющій напитокъ. Остальные вырыли ножами, на краю прогалины, глубокую яму—преждевременную могилу убійцы. Рядомъ съ этой ямой вырыли другую—для убитаго Хунь-Ляна...

Какъ только всѣ приготовленія были окончены, Лонхоу приказалъ развязать Хо (убійца долженъ былъ быть зарытъ въ землю несвязаннымъ). Развязанный Хо съ трудомъ поднялся на затекшія за ночь ноги и, поддерживаемый, подошелъ, шатаясь, къ приготовленной могилѣ. Взглянувъ въ нее, онъ вольно вздрогнулъ и отвернулся. Хо не боялся смерти, но его ужасала способность Лонхоу молча подошелъ къ убійцѣ и, подавая ему чашку съ приготовленнымъ одуряющимъ напиткомъ, сурово проговорилъ:

— Пей!

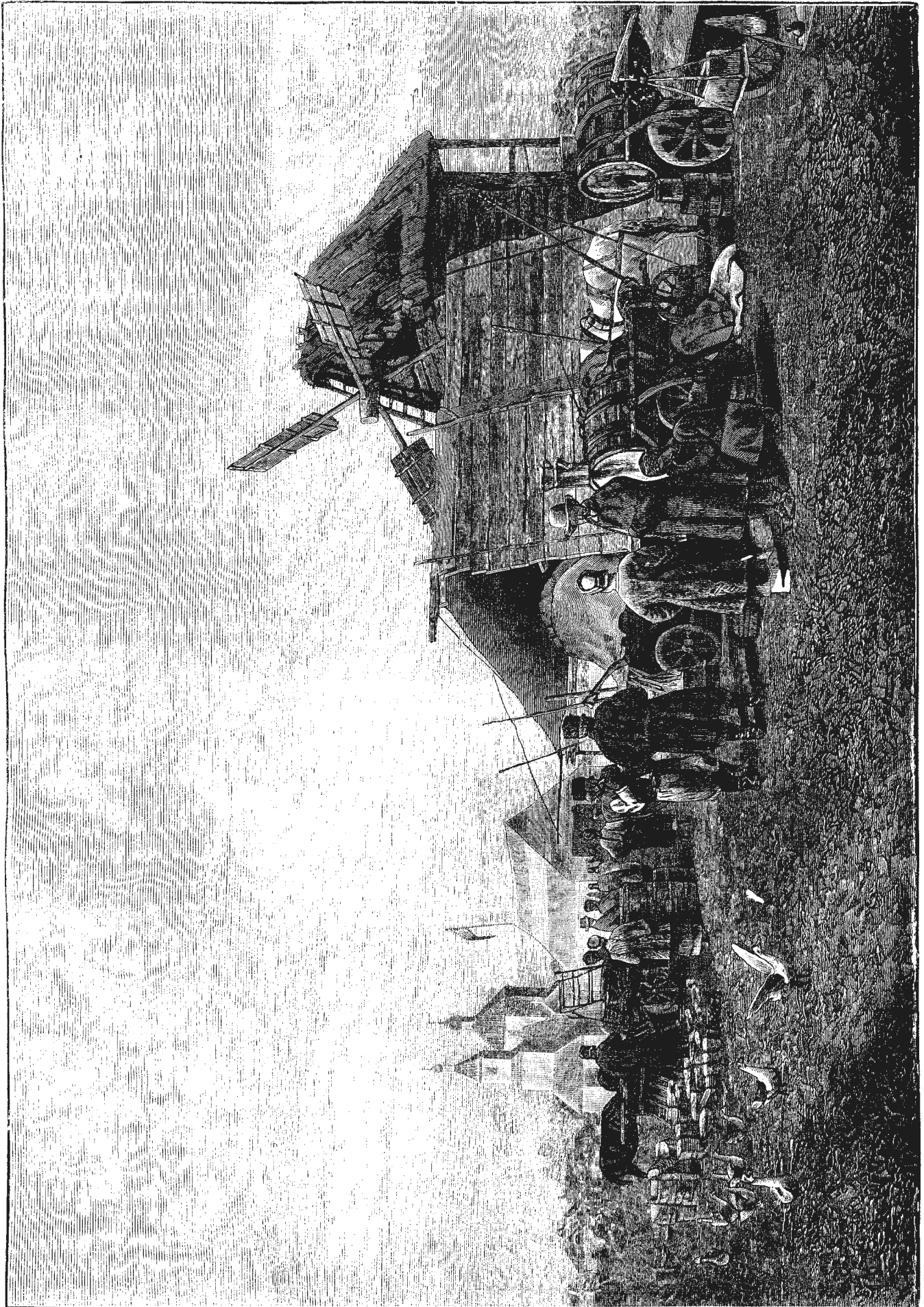
Хо отлично зналъ, что именно старшина предлагаетъ ему выпить, хорошо зналъ, что онъ будетъ немедленно зарытъ въ приготовленную могилу, какъ только одурѣетъ и свалится съ ногъ. Но и въ голову не пришло ему оказать какое либо сопротивление. Молча, безпрекословно принявъ отъ Лонхоу чашку, твердой рукой поднесъ ее ко рту и выпилъ все содержимое залпомъ... Прошло нѣсколько минутъ тяжелого ожиданія. Всѣ ждали дѣйствія напитка. Къ общему удивленію, Хо продолжалъ стоять твердо, не теряя сознания. Призракъ близкой смерти гналъ хмѣль изъ головы... Лонхоу быстро приготовилъ новый напитокъ, въ болѣеи пропорціи.

— Пей! проговорилъ онъ глухимъ голосомъ, подавая Хо чашку съ этимъ напиткомъ.

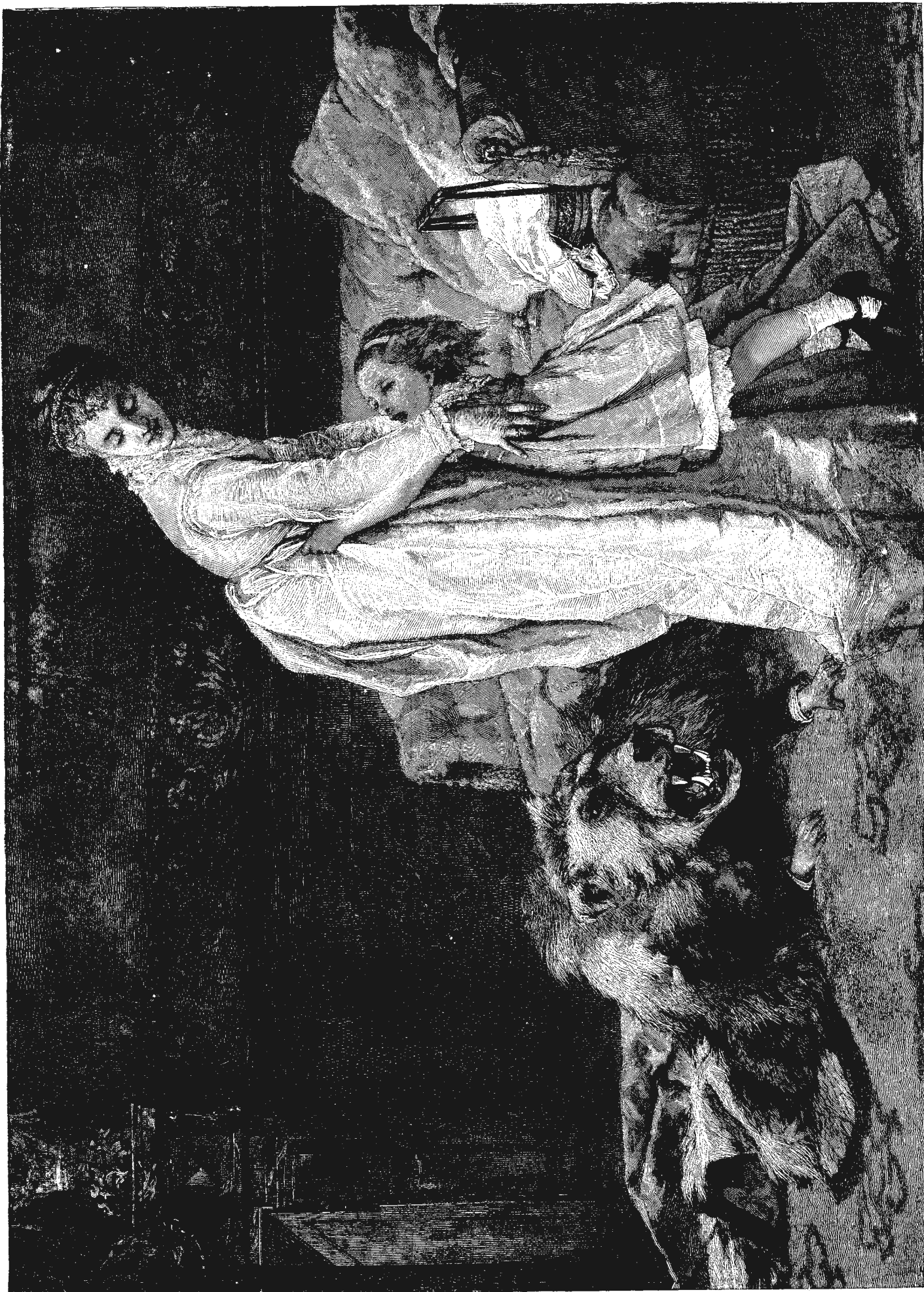
Хо безпрекословно выпилъ и это.

— Пей еще! повторилъ Лонхоу, подавая уже третью чашку. Хо выпилъ и эту, сохраняя полное сознание.

*) Зарываніе живаго преступника въ землю—особый видъ смертной казни, практикованійся среди китайскихъ выходцевъ. Автору извѣстенъ два, вполне достоверныхъ случая присужденія убійцы къ этой казни старшинами.

Ярмарка въ малороссійскомъ городкѣ (Прилуки, Полтавск. губ.).
Картина Н. Е. Маковского, на деревѣ рисовалъ самъ авторъ, грав. Флюгель.

Левъ идетъ! Съ картины Карла Вергаса, грав. М. Вебелг.

Если бы человек, находящийся в нормальном состоянии духа, выпил хотя бы полчашки этого напитка, он неминуемо потерял бы сознание через четверть часа. Между тем, Хо выпил его подряд три чашки, и это все-таки не произвело на убийцу заметного действия. Очевидно, что нервная система приговоренного к смерти пришла в страшное напряжение, и он продолжал стоять на ногах так же твердо, сохраняя полное сознание... Это ужасное оцепенение произвело на всех тяжелое впечатление. Все видели, что Хо невольно, безсознательно борется с охватывающим его одурением, что предстоящая смерть довела его организм до печеловьческого напряжения.

— Шей еще! повторил Лонхоу дрогнувшим голосом.

На его лбу уже стали выступать капли холодного пота. Неожиданно затянувшаяся казнь произвела и на него тяжелый, правдивый гнет.

Хо вынул последовательно еще две чашки... Прошло еще несколько минут в высшей степени тягостного ожидания... И вдруг Хо начал что то болтать, энергично размахивая своею единственною рукою.

Хо быстро дурьлз. Постепенно, ноги убийцы начали отказываться служить ему и подгибались под тяжестью туловища... Прошла еще минута. Хо вдруг грузно опустился на траву, что-то бормоча себе под нос.

— Кладите в яму!

Подняли обезмятённого убийцу и осторожно опустили его на сырое дно глубокой могилы. Хо продолжал что-то бормотать, но, по видимому, уже ничего не сознавал. Глаза его были мутны и наполовину прикрыты сразу ослабшими, низко опущенными веками.

— Зарывайте живьём! крикнул Лонхоу каким-то несущественным голосом.

Комья сырой земли посыпались на Хо. В этот страшный момент къ убийцѣ словно вернулась проблескъ мучительнаго сознания. Приговоренный видимо силится приподняться, но не мог... Ротъ его широко раскрылся съ выраженіемъ неотразимаго, безпредѣльнаго ужаса. Изъ груди вырвался нечеловѣчскій крикъ, хриплый, отчаянный, леденящій кровью... Комья сырой земли продолжали между тѣмъ сыпаться въ могилу, глухо ударяясь объ трепещущее тѣло. Работали лихорадочно, дрожа, стараясь не сморкнуть въ страшную яму, избѣгая взгляда широко раскрытыхъ глазъ приговореннаго, слово молящихъ о пощаду. Черезъ нѣсколько секундъ Хо опять впалъ въ тушее состояніе и не показывалъ проблесковъ сознания... Могилы быстро заполнялись... Вдругъ рыхло насыпанная земля приподнялась горой и тотчасъ же осѣла... Это было послѣднее, страшное, можетъ быть даже сознательное усиліе Хо избавиться отъ мучительной смерти... Тогда начали сыпать землю съ удвоенною энергіею, словно сѣбѣна прекратить жизнь преступника какъ можно скорѣй.

По вотъ яма уже заполнена. Плотно умяли землю и съ облегченнымъ вздохомъ отерли со лбовъ крупныя капли выступившаго пота... Сверхивъ это ужасное дѣло, даже словно повеселѣли, словно съ плечъ ихъ свалился тяжелый камень. Только одинъ Ли-фу продолжалъ оставаться въ мрачномъ, сосредоточенномъ состояніи. Страшное погребеніе живаго товарища произвело на него такое подавляющее впечатлѣніе, что онъ твердо рѣшился отстать отъ партіи такихъ людей. Онъ даже забылъ свое страстное желаніе разбогатѣть и думалъ только, какъ бы вернуться поскорѣй подъ кровлю отцовской фаньзы. Ли-фу и не подозрѣвалъ, какъ далеко еще это, онъ и не предполагалъ, что увидитъ домъ только послѣ цѣлаго ряда приключеній.

VIII.

Останки Цы-Лая.

Рядомъ съ Хо авантюристы зарыли убитаго Хунъ-Ляна, положивъ на его могилу нѣсколько большихъ камней, чтобы хищные звѣри не тревожили праха. Окончивъ работу, бродяги ушли къ костру для совѣщанія. Закурили, по обыкновенію, трубки, храня, подъ давленіемъ только что пережитыхъ впечатлѣній, угрюмое, сосредоточенное молчаніе. Долгое время никто не рѣшался его нарушить. Терпѣливо ждали слова опытнаго вожака-старшины Лонхоу... Наконецъ онъ заговорилъ, но заговорилъ тихо, степенно, словно опасаясь потревожить прахъ заживо-погребеннаго убійцы и Хунъ-Ляна.

— Исходили мы все пади, и все даромъ, началъ Лонхоу. Намъ обошли другіе искатели... Пора идти дальше... Времени впереди еще много... Теперь только восьмой *) мѣсяць года... Раньше десятаго мѣсяца домой не стоитъ уходить.

*) Съ 2357 года до Р. Х., по приписанію императора Лю, китайскіе астрономы Си и Хо согласовали лунный годъ изъ 354 дней, бывшій тогда въ употребленіи въ Китаѣ, съ солнечнымъ годомъ. Такъ какъ лунный годъ былъ короче солнечнаго на одиннадцать дней, то такого совпаденія достигли, прибавляя, по мѣрѣ накопленія этой одиннадцати-дневной разницы, тринадцатый мѣсяць къ двѣнадцати мѣсяцамъ луннаго года. Эта система лѣтосчисления употребляется въ Китаѣ по настоящее время. Такимъ образомъ китайцы прибавляютъ тринадцатый мѣсяць семь разъ въ теченіи 19-ти-лѣтняго періода, такъ что изъ 19 лѣтъ у нихъ бываетъ 12 лѣтъ въ 12 мѣсяцевъ и 7 лѣтъ въ 13 мѣсяцевъ. Каждый мѣсяць начинается у нихъ новолуніемъ. Новолуніе, предшествующее вступленію солнца въ знакъ Водолея, т. е. случившееся въ январѣ или февралѣ, служитъ началомъ года. Первый мѣсяць, по китайскойomenclaturѣ, носитъ названіе Чжень-Юе, а послѣдній—Ла-Юе. Прочіе мѣсяца не имѣютъ собственныхъ названій, а считаются по порядку: 2-ой, 3-й, 4-ый и т. д. Восьмой мѣсяць соответствуетъ нашей августу.

Ли-фу вздрогнулъ. Впереди еще два мѣсяца такихъ нечеловѣчныхъ и лишений, два мѣсяца! Два мѣсяца!.. Одному собственному Фо извѣстно, что можетъ случиться въ эти мѣсяца... Удастся-ли вернуться живымъ въ фаньзу отца, къ дорогой Ляй? Ли-фу готовъ былъ уйти домой сейчасъ, какъ можно скорѣй бросить ненавистную партію, да странно... Дороги не знаетъ, легко можетъ заблудиться и тамъ либо голодь, либо хищные звѣри... „Возможно-ли идти домой одному, безоружному, по незнакомой чащѣ, въ которой тысячи извилистыхъ звѣровыхъ тропъ образуютъ такой лабиринтъ, выбраться изъ котораго можетъ только очень опытный. Конечно нѣтъ, думалъ Ли-фу, невозможно... Надо ждать случая... Не встрѣтятся-ли другіе искатели идущіе домой, или просто охотники?... Идѣ ихъ встрѣтитъ? Встрѣча эта невозможна въ тайгѣ, въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ жилаго мѣста...“ Ли-фу грустно поникъ головою подъ давленіемъ этихъ соображеній.

— Повею я васъ дальше, въ полуночную сторону, продолжалъ Лонхоу, послѣ короткаго перерыва, тѣмъ же степеннымъ, тихимъ голосомъ. Повею въ мѣста, гдѣ навѣрное не бывалъ еще ни одинъ человекъ. Тамъ найдемъ корень, найдемъ навѣрное... Тамъ скрылся онъ отъ жадныхъ взоровъ людей... Кто идетъ со мной — скажите; кто боится и хочетъ вернуться домой — пускай уходитъ. Я не держу... Только думаю, что никто изъ васъ не найдетъ самъ дороги къ Уссури... Зашли то мы очень далеко... Что-жъ, идете что-ли со мной?..

— Идемъ, идемъ!.. Веди насъ, куда знаешь, угрюмо пробормотали Куень-Лу, Сео-кви и Ки-сэ. Одинъ только Ли-фу продолжалъ молчать, сосредоточенно вематриваясь въ яркое пламя костра. И чудится ему въ этомъ пламени грустное личико хорошенькой Ляй; стоитъ она и словно манитъ его къ себѣ, ласково манитъ... „Эхъ, кабы домой скорѣй!“ пронизала его острая, бодренная мысль.

— А ты, Ли-фу, не желаешь съ нами идти? обратился старшина къ задумавшемуся Ли-фу. Не хочешь — никто тебя не держитъ. Ступай себѣ домой... Только дойдешь-ли?..

Ли-фу вздрогнулъ. „Правда, не дойдѣ!“ мелькнуло у него въ головѣ. Забять звѣри и кости разнесутъ по Сихотэ-Алину...

— Ну, что-жъ, Ли-фу, идешь съ нами или нѣтъ? повторилъ Лонхоу своей вопросъ.

— Куда-же мнѣ идти, какъ не съ вами! глухо проговорилъ Ли-фу.

— И хорошо дѣлаешь, что идешь... Отсюда пойдемъ мы въ эту падь, въ которой пау разорвалъ Цы-Лая, продолжалъ Лонхоу. Надо вѣдь ружье брошенное найти... Тамъ и порохъ долженъ быть и пули. Все это намъ понадобится; и того, и другаго у насъ мало... Ты, Сео-кви, обратился старшина къ бывшему солдату, возьми ружье Хунъ-Ляна и вѣзѣсь съ Ки-сэ отправляйся за дичью. Бѣсъ то всемъ хочется, я думаю, очень: вѣдь со вчерашняго утра не ѣли. Я съ Ли-фу и Куень-Лу пойду въ ту падь, гдѣ зарыжены Цы-Лай... Ты знаешь ее... Соидедемъ вечеромъ. Ну, гайда, Сео-кви, гайда!.. Нечего времени терять...

Сео-кви и Ки-сэ молча поднялись, и черезъ минуту скрылись въ чащѣ.

— Ну, гайда и мы теперь!.. Куень-Лу, возьми топоръ Хунъ-Ляна, проговорилъ Лонхоу подымался.

— Эхъ, ружье-бы Цы-Лая разыскать, да порохъ — очень нужны намъ, задумчиво добавилъ онъ, забрасывая за спину свой тяжелый фитильный самональ. Ружье это тебѣ бы отдалъ! обратился старшина къ Ли-фу. Послѣдній даже вздрогнулъ отъ этого общанія. Давно уже жаждалъ онъ имѣть хорошее ружье, да не хватало средствъ завести его; онъ даже нѣсколько повеселѣлъ отъ общаннаго дорогаго подарка.

— Настоящимъ тогда охотникомъ буду, думалъ онъ съ радостнымъ трепетомъ, бодро шагая по извилистой тропѣ... Право настоящимъ охотникомъ буду... Дичи-то сколько пабло, цанты *) добуду, богатымъ сдѣлаюсь, на Ляй женюсь! мечталъ Ли-фу, слѣдуя за Лонхоу...

Солнце уже стало склоняться къ западу, когда искатели жень-шеня, имѣя во главѣ Лонхоу, спустились въ зловѣщую падь, ставшую могиллою несчастнаго Цы-Лая. Лонхоу подвигался впередъ съ большою осторожностью, зорко вематриваясь въ благоухающую листву и окидывая быстрымъ, пронизательнымъ взоромъ вершины величественныхъ кедровъ, ильмовъ и сосенъ. Опытный бродяга съ минуты на минуту ожидалъ увидѣть барса или тигра, притаившихся гдѣ нибудь въ чащѣ. Вставивъ зажженный фитиль въ курокъ ружья, онъ каждую секунду готовъ былъ встрѣтить ихъ мѣткою пулей. Лонхоу хорошо зналъ, что эта мрачная падь служитъ логовищемъ для хищныхъ звѣрей. И въ прежніе годы его патація по тайгѣ, въ этой именно пади искатели жень-шеня подвергались нападеніямъ, и многие сдѣлались жертвой нападеній. Лонхоу шель, держа ружье наготовѣ. Слутники его пробирались извилистой тропой съ неменьшими предосторожностями. Ли-фу сжималъ въ правой рукѣ свое единственное оружіе — похъ. Куень-Лу каждую секунду былъ готовъ нанести смертельный ударъ топоромъ, нерешившимъ къ нему въ наследство послѣ убитаго

*) Панты — молодые оленьи рога. Цѣнятся очень дорого, отъ 100 до 150 серебряныхъ рублей за пару. Изъ рога этихъ кистей готовятъ укрѣпляющее организмъ лекарство.

Хуцъ-Ляна. Узкая, звѣровая тропа затѣливо вилась подъ душистымъ сводомъ разнообразной древесной растительности, низко склонившей свои вѣтви къ сырой землѣ. Нерѣдко приходилось ползти чуть ли не на четверенькахъ—такъ низко былъ этотъ роскошный сводъ, сотканный искусными руками природы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имъ приходилось расчищать себѣ

дорогу ногами и топорами. Ноги путались въ дѣбкомъ виноградѣ, прикрывавшемъ землю какъ узорчатый, роскошный коверъ. Несмотря на ясный день, ярко блестящее въ голубомъ небѣ солнце, въ тайгѣ царствовала полутьма и тишина, производившая подавляющее впечатлѣніе.

(До слѣд. №).

Русскіе послы XVII в. въ Италіи (1656—1657 гг.).

Изъ статьи А. Бриннера.

(Продолженіе).

Всѣ удивлялись тому, что посламъ не правились омары и устрицы, но за то они охотно ѣли рыбу. О любви русскихъ къ музыкѣ пишутъ слѣдующее: „Второй посоль говоритъ, что у него хорошій голосъ, и принимаетъ на себя роль дирижера во время пѣнія, что случается довольно часто; но ихъ пѣніи хуже кошачьей музыки“. Такъ должно было конечно казаться итальянцамъ съ ихъ извѣженными, сладкими мотивами. Въ одномъ изъ сообщеній значится: „Восемь или десять человекъ изъ свиты болны отъ ударовъ палкою, которыми собственно ручно надѣляли ихъ Чемодановъ за пьянство“. О скудости русскихъ говорятъ слѣдующее: „На этихъ дняхъ послы отправились въ ванну; такъ какъ ее не топили нѣскольکو дней, то потребовалось много дровъ; цѣлый вечеръ русскихъ развлекали музыкой, принесли разныя благовонныя эссенціи и оказывали имъ всевозможныя услуги; наняты были для того особыя лица; за все это послы заплатили только двѣ маленькія монетки. Однажды кардиналъ пожелалъ имѣть небольшую русскую монетку, какъ нумизматическую рѣдкость, и съ него взяли за нее деньги. Если посламъ дарили припасы, то они ѣли прежде тѣ, которые скорѣе могли испортиться. Остатки привезенныхъ припасовъ они не хотѣли, какъ въѣ, оставлять на кораблѣ, а свезли на берегъ и приказали ихъ беречь. Но такъ какъ было неудобно везти все съ собою дальше, то, желая выручить деньги, они продали 60 окороковъ, чѣмъ навлекли неудовольствіе мясниковъ, желавшихъ получить выкупъ за право убоя, и потребовалось много, чтобы успокоить ихъ. Присутствуя въ обществѣ, гдѣ играли музыканты, на приглашеніе одного духовнаго лица уплатить имъ что нибудь, Чемодановъ извинился и сказалъ что не имѣетъ при себѣ денегъ; собесѣдникъ высказалъ, что не вѣрится этому, тогда Чемодановъ въ доказательство вынулъ два венгерскихъ цехина; собесѣдникъ поспѣшно взялъ ихъ и передалъ музыкантамъ, не смотря на протестъ посла, который вслѣдствіе этого цѣлый вечеръ былъ не въ духѣ. Деньги, которыя приходилось давать „на водку“, послы обыкновенно давали собственноручно. Возвращаясь въ послѣднее воскресенье изъ церкви, они не дали учерамъ денегъ, а позвали ихъ въ комнату и угостили водкой изъ золотого бокала... Два капуцинскихъ монаха просили пословъ дать имъ немного ревеню; русскіе размыслили объ этомъ до самаго вечера и наконецъ дали поль-уничъ, говоря, что въ сущности монахамъ не нужно лекарства. Въ торговыхъ дѣлахъ послы вели себя невозможно; будь это обыкновенные люди, они бы дорого за это заплатились. Они купили у Мозеса Франка на 300 цехиновъ драгоцѣнностей и велики купцу прійти къ нимъ за деньгами. Когда же тотъ явился, то они возвратили ему вещи, отговариваясь неимѣніемъ денегъ. Когда же Франкъ настаивалъ на томъ, чтобы они удержали вещи, они пригрозили вытолкать его за дверь. Послѣ долгаго спора Франкъ согласился принять въ уплату известное количество ревеню но очень высокой цѣнѣ. Петру Авахъ, покупавшему у нихъ мѣха, они не показывали ихъ до заключенія торга.—Хотя въ домѣ Лонглана ихъ снабжали всѣмъ необходимымъ, они все же посылали на кухню слугъ брать еще хлѣбъ, который ѣли у себя въ комнатахъ съ икрой. Слуги подражали господамъ и также брали. Узкая изъ Ливорно, послы не платили ничего лицамъ имъ прислуживавшимъ. Г-ну Карлу Лонгланъ они дали восемь соболинныхъ шкуркокъ, но худшаго сорта; одна служанка получила ничего не стоящій кошачій мѣхъ.“

Въ ливорнскихъ сообщеніяхъ неоднократно встрѣчаются насмѣшливыя замѣчанія о невоспитанности русскихъ. „За столомъ, говорится между прочимъ, они не стѣсняются грызть кости, держа ихъ руками, и класть ихъ обратно на блюдо. Дома за столъ садятся только знатные, причемъ не употребляютъ ни вилки, ни ножа; все берется руками. Странно видѣть, какъ они стараются подражать намъ, если кто либо обѣдаетъ у нихъ, и пробуютъ ѣсть вилкою; они берутъ съ блюда кусокъ рукою, насаживаютъ на вилку и подносятъ ко рту“. Предъ выѣздомъ послы изъ Ливорно во Флоренцію, Антонио Серристоріи между прочимъ писалъ великому герцогу. „Черезъ лицъ знакомыхъ съ послами, я осторожно старался дать имъ понять, чтобы они по возможности чище себя держали; что касается прислуги, то этому помочь нельзя, такъ какъ прислугѣ не покупается платья для перемены. Но и господа, не смотря на частое хожденіе въ ванну, вовсе не такъ чисты, чтобы ихъ можно было посадить въ парадную карету...“

Наши послы думали, что великій герцогу Фердинандъ напишетъ имъ и постоянно освѣдомлялись не получено ли отъ него письма. Съ любопытствомъ послы осматривали каждое

каменное зданіе, такъ какъ въ Россіи тогда постройка была преимущественно деревянная; итальянцамъ казалось страннымъ, что русскіе не носили другаго оружія кромѣ сабель, да и тѣ оставляли постоянно дома, но зато всюду брали съ собою образъ (?) Итальянецъ потѣшался удивленіемъ послы, увидѣвшихъ въ домѣ Джузеппе Арmano шесть дамъ за азартной игрою, ставившихъ большія суммы, что конечно могло удивить ихъ, привыкшихъ къ всевъиному. Замѣчанія о „нецѣлесообразности“ русскаго платья занимаютъ въ сообщеніяхъ значительное мѣсто.

Теперь расскажем о пребываніи послы во Флоренціи.

Тосканское правительство не имѣло никакого основанія торжественно принимать русскихъ послы. Въ Москвѣ не знали ничего о Флоренціи и великомъ герцогѣ Фердинандѣ; Чемодановъ и Посниковъ случайно появились въ Ливорно по пути въ Венецію; у нихъ не было никакихъ дѣловыхъ порученій во Флоренцію; великій герцогу не имѣлъ никакихъ обязательствъ относительно русскаго государства. Купцы, проживающіе на тосканской землѣ, были болѣе, чѣмъ ихъ правительство, заинтересованы русскимъ посольствомъ. Представители правительства полагали достаточнымъ оказывать русскимъ лишь извѣстное вниманіе. Англійскій купецъ Карлъ Лонгланъ, покулавшій въ Россіи икру на большія суммы, въ собственныхъ интересахъ поинтересовалъ русскихъ у себя въ домѣ, прекрасно угощая ихъ и нѣскольکو недѣль они у него жили. Между тѣмъ послы надѣялись, что правительство Флоренціи предложитъ имъ свои корабли, экипажи и лошадей. Однако имъ пришлось ѣхать да-ле на свой счетъ.

Изъ оффиціального дневника русскихъ послы мы узнаемъ объ ихъ намѣреніи оставить въ Ливорно свои большіе запасы ревеню. Лонгланъ былъ уполномоченъ продать эти товары. Но собольи мѣха, или „сокровища принадлежавшія царю и патриарху“, какъ они названы въ дневникѣ, были увезены во Флоренцію водою. Для этой цѣли были наняты суда. Серристоріи не безъ основанія писалъ великому герцогу, что багажъ русскихъ путешественниковъ покажется ему очень страннымъ. Одинъ изъ свиты сопровождалъ тюки съ мѣхами. Для путешественниковъ же, при посредствѣ нанятаго переводчика Ганса Сакса, было подряжено четыре экипажа для поѣздки въ Пиаву. Въ сообщеніи изъ Ливорно, говорится, что послы охотно пробудутъ подольше въ Пизѣ, такъ какъ тамъ у нихъ будетъ даровая квартира у торговца русскою икрой, но не имѣя тѣхъ же удобствъ между Пизою и Флоренціею, они врядъ ли гдѣ нибудь остановятся.

Дѣйствительно, купецъ въ Пизѣ, имя котораго измѣнено до неузнаваемости въ дневникѣ, но который названъ другомъ Лонглана, встрѣтилъ путешественниковъ торжественно: онъ выслалъ для нихъ нѣскольکو экипажей, запряженныхъ четвернями лошадей. Въ дневникѣ говорится, что при въѣздѣ, въ честь послы въ городскихъ валахъ палили изъ орудій; народъ стоялъ толпами на улицахъ и кланялся путешественникамъ. За обѣдомъ шли здоровье царя Алексѣя и наследника русскаго престола, а послы предложили тостъ за великаго герцога. Затѣмъ разговаривали объ отношеніяхъ Россіи къ Турціи, при чемъ русскіе восхваляли геройство донскихъ казаковъ въ битвѣ съ турками. Въ небольшомъ документѣ, хранящемся въ архивѣ Флоренціи, сказано, что русскіе за позднимъ прибытіемъ въ Пизу и вслѣдствіе дурной погоды не могли осмотрѣть достопримѣчательностей города. Объ этомъ не упоминается въ дневникѣ. Вѣроятно русскіе мало оцѣнили великолѣпіе Пизанскихъ зданій. Соборъ, безлодобное „Campo santo“ и наклонная банья могли возбудить въ нихъ скорѣе религіозный, чѣмъ архитектурный интересъ.

Вада изъ Пизы во Флоренцію, продолжалась полтора дня, такъ что дипломатамъ все же пришлось остановиться на ночь въ гостиницѣ. Обѣдали они въ Умпольи, и этотъ городъ названъ въ дневникѣ „Неаполемъ“.

Не доѣзжая Флоренціи послы встрѣтили парадныя кареты, запряженныя мулами, которыя выслалъ для нихъ великій герцогу. Въ дневникѣ упоминается о бархатныхъ сидѣньяхъ и красивой упряжи; часть дороги нужно было проѣхать верхомъ на мулахъ. Возлѣ города прибывшихъ встрѣтилъ братъ великаго герцога, Леопольдъ (названный въ дневникѣ Дианольдомъ); при пушечныхъ выстрѣлахъ и съ музыкою, такъ пишутъ послы, состоялся ихъ торжественный въѣздъ во Флоренцію, при чемъ оказалось, что Леопольдъ отказывался занять въ экипажѣ переднее мѣсто.

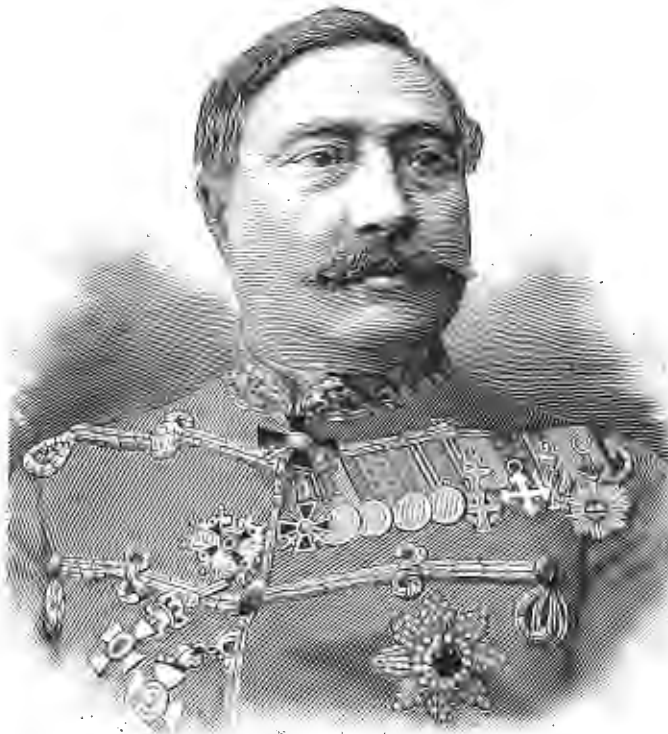
У воротъ дворца Питти, гдѣ для послы было приготовлено

помѣщеніе, ихъ встрѣтилъ великій герцогъ Фердинандъ и проводилъ ихъ до назначенныхъ имъ покоевъ.

Въ Ливорно, у входа въ гавань, путешественники видѣли статую Фердинанда I, работы Джіованни Бандини, съ четырьмя варварійцами въ цѣпяхъ по угламъ. Въ дневникѣ подробно описано это художественное произведение и сдѣлана помѣтка, что великій герцогъ выѣзжалъ въ море, побѣдилъ пиратовъ и взялъ ихъ въ плѣнъ. Такой геройскій поступокъ внушилъ тѣмъ большее уваженіе русскимъ, что недавно имъ самимъ угрожала опасность отъ турецкихъ морскихъ разбойниковъ. Русскіе, услышавъ рассказъ объ этомъ подвигѣ отъ Карла Лонглана, воскликнули: „Вотъ это истинный князь!“

При томъ значеніи, какое восточный вопросъ имѣлъ въ то время для Россіи, для русскихъ было важно войти въ непосредственныя сношенія съ воннами, отважившимися побороть страшныхъ турокъ. Путешественники встрѣтили великаго герцога съ глубокимъ почтеніемъ. Въ свой первый приходъ къ великому герцогу, Чемадановъ и Посниковъ пали ницъ и поцѣловали у него полу.

Въ Ливорно многое поразило русскихъ. Предъ ними открылся новый міръ: итальянская культура произвела на нихъ впечатлѣніе. Изъ дневника видно, что путешественники были въ состояніи удивляться и цѣнить вполне для нихъ новые предметы.

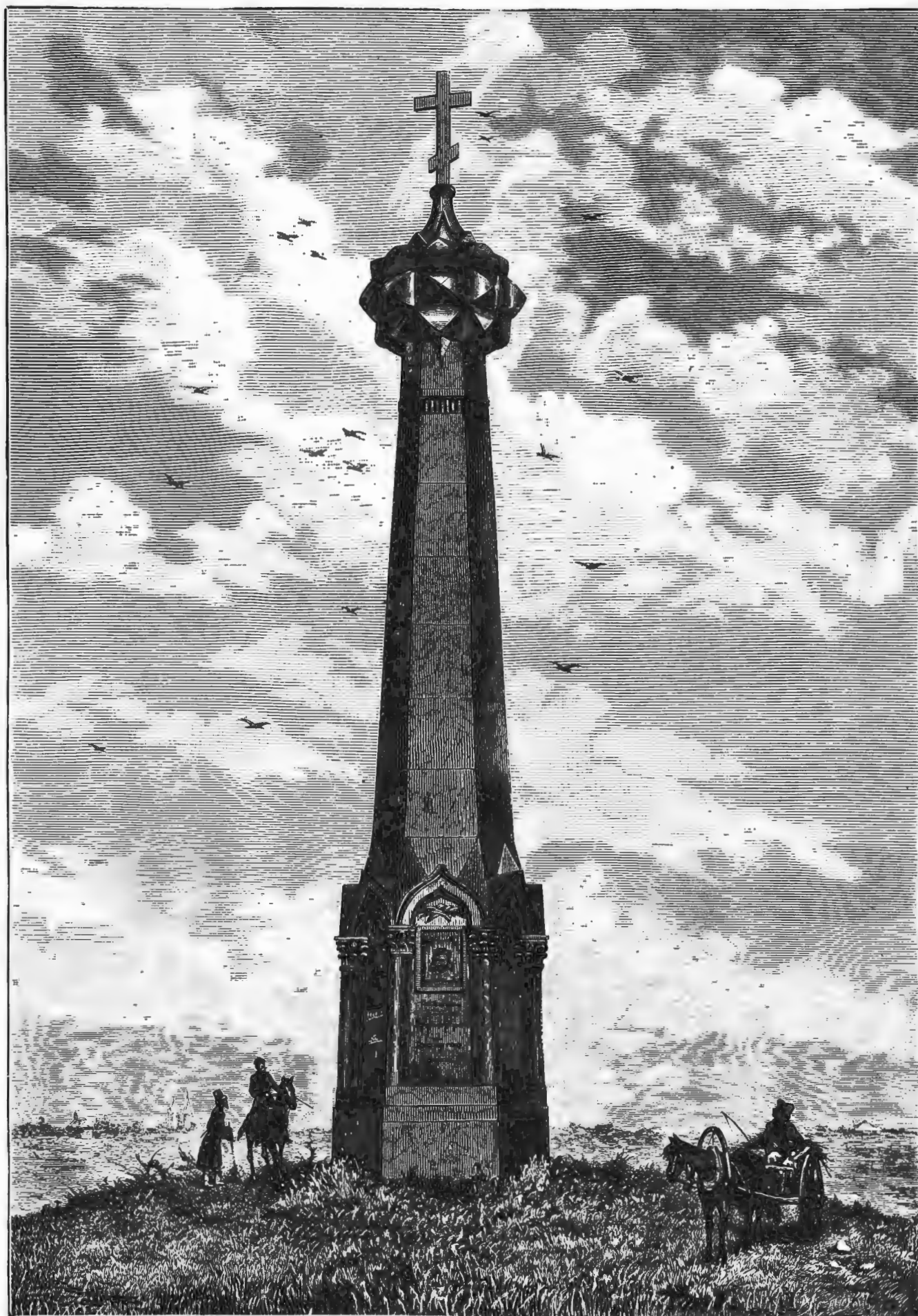
А. Н. Ковано. По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

И хотя подробнѣе всего описаны церковная утварь и образъ, что соответствовало исключительно духовному образованію русскихъ того времени, тѣмъ не менѣе упоминается и о многихъ другихъ вещахъ. Такъ, напр., они восхищались укрѣпленіями города и гаванью, массою находившихся въ рейдѣ кораблей, большимъ военнымъ кораблемъ, размѣры котораго русскими опредѣлены въ 400 футовъ длины и 70 вышины. Имъ рассказывали, что на кораблѣ этомъ помѣщается 200 пушекъ и 500 матросовъ и что онъ предназначенъ для борьбы противъ „турецкихъ разбойниковъ“. Любопытность русскихъ дошла до того, что они спросили сколько времени существуетъ Ливорно. Не безъ основанія писали изъ Ливорно во Флоренцію, что русскіе „выказываютъ величайшее любопытство“. Они внимательно осматривали рвы, которыми окружена крѣпость; наведенные на рвахъ цѣпные мосты, которые такъ широки, „что двѣ повозки могутъ разѣхаться“; возведенные всюду крѣпкіе каменные садовые заборы, проведенныя

цистерны; упомянуто также о прудѣ для рыбъ. По пути во Флоренцію путешественники заходили гулять въ чудный садъ: тамъ росли не только дубы, но также лимонныя и финиковыя деревья въ плодахъ, виноградъ и пр. Все это производило на нихъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что это было въ январѣ и въ отечествѣ ихъ была въ то время глубокая зима. Въ Ливорно они

Утноось. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.

Памятникъ на Бородинскомъ полѣ (Моск. губ., Можайск. уѣзда). Рис. И. Сусловъ, грав. М. Рашевскій.

увидѣли нѣчто необыкновенное; они пишутъ: „птица, называемая страусъ, болыная, съ ногами какъ у коровы, бѣтъ желѣзо, камни и кости, въ полтора раза выше человѣка; у ней раскрепанная перья, сѣрыя; пѣвцы (т. е. вообще иностранцы) носятъ эти перья на шляпахъ“.

Послы почти совсѣмъ не видѣли Пизы. Въ дневникѣ они пишутъ, что это большой городъ съ многими жителями. Флоренція должна была имъ очень понравиться, такъ какъ ихъ тамъ

хорошо приняли. Оригинально замѣчаніе пословъ, будто бы великій герцогъ „уступилъ имъ собственное помѣщеніе“ (!), а самъ поселился въ другихъ комнатахъ. Послы описываютъ великолѣпные своихъ комнатъ, богатые съ золотомъ обои и gobelены съ библейскими сценами; вышины и величина комнатъ поразила русскихъ; они въ первый разъ видѣли портьеры изъ такой тяжелой матеріи.

(До слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Посольство Ермака передъ Иоанномъ Грознымъ.

(Рис. на стр. 32 и 33).

Послѣдніе годы царствованія Грознаго Царя—были печальныя, мрачныя годы. Иванъ Васильевичъ, страдаая тяжкими телесными недугами, кромѣ того чувствовалъ страшныя нравственныя муки. Неудача ливонской войны глубоко уязвила его самолюбіе, а несчастная кончина старшаго сына поразила его жестокомъ ударомъ. Москва какъ бы замерла и давно не было слышно въ ней шумныхъ ликованій, и вотъ вдругъ, неожиданно, вся Москва, по желанью царя, вновь приняла праздничный видъ, какъ бы въ старыя, счастливыя годы. Этимъ неожиданнымъ праздникомъ для Москвы было появленіе въ столицѣ пословъ изъ дальней Сибири, отъ Ермака, съ предложеніемъ царю новаго сибирскаго царства. До этого времени о Сибири знали очень мало; знали, что тамъ происходитъ постоянная внутренняя борьба между князьями; что тамъ живетъ народъ буйный и безпокойный, плохо подчиняющійся чужой власти и лишь изрѣдка присылавшій дань Москвѣ. Ермакъ былъ тоже лицо почти неизвѣстное; волжскій казакъ, находившійся въ опалѣ у царя за грабежи на Волгѣ, служившій потомъ у Строгановыхъ и пустившій по ихъ указанію завоевывать новое царство. Теперь же Ермакъ сталъ героемъ дня. Онъ оновѣстилъ Строгановыхъ о своихъ необычайныхъ успѣхахъ и, сознавая важность ихъ для Россіи, а также невозможность держаться на краю свѣта съ одной небольшою дружиной, уже прямо отъ себя послалъ въ Москву посольство—Ивана Кольцо съ товарищами, челомъ бить царю Сибирью. При этомъ Ермакъ и остальные его соратники писали Грозному, „что они царство сибирское взяли, хапа Кучума побѣдили и въ бѣгство обратили; многихъ татаръ, остяковъ и вогулчей покорили его царскаго величества державѣ и привели ихъ къ шети, т. е. присягѣ, чтобы бить имъ подъ его царскаго величества рукою до вѣка, покаместъ продлитъ Богъ вселенной стояти, а ясакъ имъ давать государю на вся лѣта безпереводно“. Въ заключеніе челобитчики молили объ отпущеніи и забвеніи ихъ старшихъ винъ, просили о присылкѣ въ Сибирь царскихъ воеводъ и войска. Кромѣ того при челобитной прилагался и первый сибирскій гостинецъ: 60 сороковъ соболей, 20 черныхъ лисицъ и 50 бобровъ.

Царь привѣтно и милостиво встрѣтилъ пословъ. Неожиданная вѣсть облетѣла всю Москву и имя Ермака было у всѣхъ на устахъ. Въ отношеніи послѣдняго и его пословъ, царь не покусился на милости и ласки; онъ пожаловалъ храбраго Кольцо съ его спутниками къ своей рукѣ, называлъ добрыми витязями, одѣлывалъ деньгами, сукнами и камками и повелѣлъ написать Ермаку похвальную грамоту, въ которой именовать его не просто атаманомъ, а княземъ сибирскимъ; назначилъ завоевателю въ даръ два дорогихъ панциря, серебряный ковшъ и шубу съ своего плеча, приказывалъ роздать сибирскимъ казакамъ знатную сумму денегъ и каждому по сукну. Строгановы тоже не были забыты; ихъ царь одарилъ двумя городками на Волгѣ—Солью большою и Солью малою. Кромѣ того на помощь Ермаку, Иоаннъ Васильевичъ посылалъ своего воеводу князя Болховскаго со стольникомъ Глуховымъ и пятьюстами стрѣльцовъ. Извѣщая объ этомъ Ермака, царь наказывалъ о скорѣйшемъ доставленіи въ Москву Маметкула, взятаго въ плѣнъ.

Вообще казацкое посольство какъ бы оживило царя, какъ бы воскресило въ немъ прежнюю энергію и силы; Москва тоже не могла наглядѣться на казаковъ и насладиться ихъ удивительныхъ разсказовъ. Посольство, погулявъ вволю въ Бѣлокаменной, оставило ее въ началѣ 1583 года, а къ 1-му марту прибыло въ Искеръ. Несчастная судьба не дозволила Ермаку довести до конца свое великое предпріятіе. Попавъ въ засаду, онъ, чтобъ спастись, бросился въ Иртышъ, думая достигнуть впады другаго берега; но тяжелый панцирь—даръ царя, погубилъ его и, увлекаемый имъ, онъ на вѣки исчезъ въ волнахъ...

Картина молодого художника С. Растворовскаго, за которую онъ получилъ большую золотую медаль, изображаетъ первый моментъ представленія посольства Ермака царю. С. Растворовскій родился 1858 г. въ Ломжинской губ., въ Академію поступилъ въ 1878 г. и получилъ уже пять серебряныхъ медалей. Затѣмъ за программу „Ахиллъ у тѣла Патрокла“ еще серебряную медаль и за послѣднюю картину, какъ мы выше сказали—большую золотую.

Литерат. альбомъ „Войнаровскій“. Поэма Рылѣва.

(Рис. на стр. 37).

Поэма „Войнаровскій“, одно изъ наиболѣе удачныхъ произведеній Рылѣва, идеализируетъ интересную историческую личность племянника Мазены и его единомышленника въ измѣнѣ Петру. При этомъ поэтъ не особенно стѣсняется исторической правдой. Мазена, по исторіи, хитрый и пропырливый человѣкъ, достигшій власти вѣроломствомъ и допосами, конечно думалъ болѣе о цѣлхъ собственнаго честолюбія, нежели о благи своей родины. Андрей Войнаровскій былъ сынъ сестры Мазены. Бездѣтный гетманъ, замѣтивъ дарованія мальчика, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ и послалъ учиться въ Германію языкамъ и наукамъ. Въ измѣнѣ Петру, Войнаровскій принималъ самое дѣятельное участіе; онъ хитрилъ вмѣстѣ съ гетманомъ; ѣздилъ къ Меншикову съ извѣстіемъ объ тяжелой болѣзни своего покровителя, а между тѣмъ собиралъ полки. 23-го октября 1708 года, Мазена писалъ къ графу Головкину, что онъ не можетъ даже ворочаться безъ помощи своихъ слугъ, лишень сна и, готовясь умереть, уже соборовался масломъ, а 29-го, явившись въ Горкахъ съ 5,000 казаковъ, подожилъ къ столамъ Карла XII булаву и бунчукъ въ знакъ подданства и вѣрности. Послѣ несчастной для Мазены полтавской битвы, Войнаровскій раздѣлялъ изгнаніе послѣдняго и по кончинѣ гетмана похоронилъ его въ Бендерахъ. Наслѣдовавъ послѣ дяди большое количество денегъ и драгоценностей, Войнаровскій покинулъ Турцію и сталъ роскошно жить въ Вѣнѣ, Бреславлѣ и Гамбургѣ. Въ 1716 году онъ былъ схваченъ въ Гамбургѣ по требованію русскаго резидента, привезенъ въ Россію и представленъ государю въ день именинъ императрицы, которая своимъ заступничествомъ спасла его отъ казни. Войнаровскій со всѣмъ семействомъ былъ сосланъ въ Якутскъ, гдѣ и окончилъ жизнь свою. Извѣстный ученый путешественникъ Миллеръ, въ бытность свою въ Якутскѣ въ 1737 году, видѣлъ Войнаровскаго, но уже, по его словамъ, совершенно одичавшаго и почти позабывшаго какъ иностранные языки, такъ и свѣтское общество. Рылѣвъ въ своей поэмѣ представляетъ Войнаровскаго живымъ и бодрымъ старикомъ, еще энергичнымъ и горячимъ патриотомъ; въ Якутскѣ онъ встрѣчаетъ на охотѣ Миллера, дружитъ съ нимъ и разсказываетъ ему печальную повѣсть своей жизни. Онъ говоритъ какъ онъ предается Мазенѣ, сдѣлался его послушнымъ орудіемъ изъ любви къ родинѣ.

Мазенѣ предается я слѣпо;
И другъ отчизны, другъ добра,
Я поклялся враждой свирѣпой
Противъ Великаго Петра.

Потомъ повѣствуетъ онъ о несчастной Полтавской битвѣ, гдѣ такъ жестоко разбита была надежда какъ его, такъ и Мазены.

Полтавскій громъ захрохоталъ...
По въ грозной битвѣ Карлъ свирѣпый
Противъ Петра не устоялъ!
Разбить, впервые онъ бѣжалъ;
Во слѣдъ ему—и мы съ Мазеной.

Печальная повѣсть Войнаровскаго заканчивается изображеніемъ тѣхъ мукъ и страданій, которыя ему пришлось перенести въ ссылке, жалкой жизни среди пустынь и лѣсовъ по смерти его дорогой жены, драгоценный прахъ которой онъ зарылъ около своей юрты. Миллеръ съ чувствомъ выслушалъ исповѣдь своего новаго друга и рѣшился всѣми силами помочь его освобожденію. Старанія его увѣнчались успѣхомъ; Войнаровскій былъ прощенъ, и съ этою радостною вѣстью Миллеръ поспѣшилъ къ изгнаннику. Вотъ онъ прибѣгаетъ въ его жалкую юрту, по она пуста. Гдѣ-же Войнаровскій? Миллеръ продолжаетъ свои поиски, и наконецъ видитъ на могильномъ холмѣ, гдѣ погребена жена изгнанника, подобіе человѣческой фигуры. Онъ спѣшитъ туда и ему представляется страшное зрѣлище, и его то взялъ темой для себя художникъ въ картинѣ, копію которой мы здѣсь помѣстили.

„Подъ наклонившимся крестомъ,
Съ опущеннымъ на грудь челомъ,
Какъ грустный памятникъ могилы,
Изгнанникъ мрачный и унылый
Сидитъ на холмѣ гробовомъ
Въ оцѣпенѣннхъ роковомъ.
Въ глазахъ недвижный хладъ кончины,

Какъ мраморъ лоснится чело,
И отъ соседственной долины
Ужь мертвеца до половины
Пушнытъмъ сѣбѣомъ запесло“.

Ярмарка въ малороссійскомъ городкѣ.

(Рис на стр. 40).

Конечно, въ маленькихъ городкахъ юга ярмарки съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ уже потеряли тотъ характеръ, какой былъ прежде и такъ ярко описанъ у Гоголя въ „Сорочинской ярмаркѣ“: „Народъ на площади и по тѣснымъ улицамъ кричить, гогочетъ, гремитъ!.. Шумъ, брань, мычанье, ржанье, ревъ— все сливается въ одинъ нестройный гулъ. Вozы, мѣшки, сѣно, цыгане, горшки, бабы, прирки—все ярко, нестро, нестройно мечется кучами, суеть передъ глазами. Ломится возъ, звонить желѣзо, гремять сбрасываемыя доски и закружившаяся голова недоумѣваетъ куда обратиться. Хлопанье по рукамъ торговашей слышится со всѣхъ сторонъ“. Теперь ярмарки эти имѣютъ гораздо болѣе скромный характеръ, но все еще мирный и патриархальный,—на нихъ все печать тѣснаго широкаго юга. На своемъ тонко и мѣтко исполненномъ рисункѣ на деревѣ, извѣстный художникъ нашъ И. Е. Маковский прекрасно схватилъ типичныя черты ярмарки маленькаго южно-русскаго городка, со всѣми ей отличительными особенностями.

Левъ идетъ!

(Рис. на стр. 41).

Граціозная картина талантливаго художника изображаетъ комическую и милую сценку. Шалуны-мальчуганы, забравшись подъ львиную шкуру, ползетъ по полу и рычитъ, поднимая на своей головѣ голову чучела, и пугаетъ свою маленькую сестренку, которая въ страхѣ, съ крикомъ „левъ идетъ!“ кидается къ своей матери. Она не воображаетъ, что у льва не можетъ быть такого тонецкаго голоса и даже не замѣчаетъ, что и голосокъ то ей знакомый. Потому шалуноу конечно достается за такую забаву... Картинка очень живо и мило изображаетъ эту сцену.

А. Н. Ковано.

(Портр. на стр. 44).

26 ноября прошлаго года минуло 25 лѣтъ какъ А. Н. Ковано скромно подвизается на поприщѣ гальванопластики и по различнымъ отраслямъ техники. Оставивъ военную службу, вслѣдствіе полученныхъ ранъ и контузій, онъ всецѣло посвятилъ себя труду, увѣнчанному его почетною извѣстностію. Онъ первый, съ разрѣшенія Правительства, открылъ въ нашемъ отечествѣ школу гальванопластики, въ которой, за два послѣднихъ года, обучалось у него практической гальванопластики 118 человекъ, изъ нихъ было: 6 японцевъ, 2 болгара, 1 черногорецъ и 1 баварецъ. Работы А. Н. Ковано на различныхъ выставкахъ обращали на себя вниманіе и удостоились почетныхъ наградъ отъ Царствующихъ Особъ. Изъ послѣднихъ его изобрѣтеній обращаютъ на себя вниманіе: электросвѣтовая острога; рогатина на медвѣда, съ разрывной пулей; вололазный гидро-фото-телеграфъ и абсолютно безопасный фонарь, для пороховыхъ погребовъ и пиротехническихъ лабораторій.

Родился онъ въ Аонахъ въ 1826 г., воспитывался тамъ же. Началъ службу въ Пассаускомъ уланскомъ полку. Въ Венгерскую войну 1849 года, въ дѣлѣ подъ Германштатомъ, былъ раненъ и за оказанное отличіе переведенъ въ лейбъ-гвардію уланскій полкъ. Въ 1854 году переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ; формировалъ тогда же греческую дружину и командовалъ ею, въ дѣлѣ подъ Кюрукъ-дара. Въ 1855 году имѣлъ блестящее кавалерійское дѣло подъ Карсомъ, съ 22 на 23 августа, именуемое ночнымъ побойшемъ. Въ 1857 году 1-го августа, въ Дагестанѣ, на Ибрагимъ-дада, участвовалъ въ кавалерійскомъ дѣлѣ; былъ при штурмѣ Гуниба и взятіи Шамали. Въ 1860 году, въ Абхазіи, былъ въ дѣлѣ подъ Пеху и Цебельдой, за оказанное отличіе произведенъ въ майоры и Высочайше пожалованъ ему брилліантовый перстень. Состоялъ адъютантомъ при двухъ военныхъ генералъ-губернаторахъ: князѣ Ерштовѣ и Колубакинѣ. Командовалъ 7-мъ своднымъ стрѣлковымъ батальономъ, а за тѣмъ уѣхалъ въ Африку по наследственному дѣлу, откуда вернувшись, переведенъ былъ въ Нарвскій гусарскій полкъ, изъ котораго вышелъ въ отставку съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ.

Дѣятельность А. Н. Ковано, за все время, выразилась въ 64-хъ изобрѣтеніяхъ, по остроумію и разнообразію своему заслуживающихъ быть упомянутыми: въ 1859 году—дальномеръ, ручная граната; 1860—метательный станокъ гидроэлеваторъ; 1861—снайперскій поясъ, кавалерійскій карабинъ; 1863—накладныя цапфы, концентрирующія газы фанари и т. д.

Утконосъ.

(Рис. на стр. 44).

Среди многочисленныхъ видовъ млекопитающихъ животныхъ, ни одно не возбуждало столько интереса и удивленія въ изслѣдователяхъ и не было такой загадкой для анатомовъ, какъ

странное созданіе Утконосъ (Ornithorhynchus), изображеніе котораго помѣщено на стр. 44. Его можно назвать водянымъ кротомъ съ утинымъ носомъ; этой поразительной примѣтъ, соединенію органовъ птичьяго характера съ организмомъ млекопитающаго, животное обязано своимъ названіемъ. Не удивительно, что первые экземпляры его, привезенные въ Европу въ концѣ прошлаго столѣтія, благодаря своему необыкновенному виду и разнымъ слухамъ, распространеннымъ австралійскими поселенцами объ животномъ, подали естественнотытателямъ поводъ къ оживленнымъ спорамъ, во время которыхъ долго не могли рѣшить, принадлежитъ ли животное къ существамъ несущимъ яйца, или же къ существамъ рождающимся живыми; млекопитающее это животное или нѣтъ? Утверждали даже иныя, что животное это искусственное произведеніе какого нибудь путника, потѣшающагося надъ ученымъ міромъ.

Между тѣмъ точныя анатомическія изслѣдованія доказали, что не только страннымъ устройствомъ челюстей, но и строеніемъ скелета и внутренними органами оно существенно отличается отъ прочихъ млекопитающихъ. Пытливая зоологія причисляетъ утконоса и родственнаго ему муравьеѣда (Echidna) къ особому отдѣлу млекопитающихъ и видитъ въ нихъ послѣдніе остатки давно существовавшей группы животныхъ, соединившей въ себѣ признаки млекопитающихъ, птицъ и пресмыкающихся. Самая поразительная часть тѣла этихъ животныхъ—челюсти, образующія настояшій утиный клювъ, съ замѣною зубовъ, обыкновенной принадлежности животныхъ, двумя парами роговыхъ пластинокъ, находящихся въ особыхъ впадинкахъ нижней челюсти. Своимъ образомъ жизни утконосъ напоминаетъ отчасти крота и отчасти выдру и бобра. Низкое туловище покрыто густой, блестящей, красновато-коричневой шерстью, принимающею на животѣ серебристо-сѣрый оттѣнокъ. Окраска измѣняется съ возрастомъ и поломъ; попадаются совершенно свѣтлые экземпляры. Голова сильно сжата, мордочка кончается роговымъ клювомъ, въ передней части котораго, обтянутой очень чувствительной кожей, находится поздрі; у своего основанія, около волосъ, клювъ образуетъ вѣцеобразный рубецъ изъ кожи. Верхняя челюсть больше нижней и захватываетъ ее своими краями. Маленькіе, живые глаза довольно высоко сдвинуты на макушку и имѣютъ, кромѣ наружныхъ вѣкъ, еще третью внутреннюю вѣку, какъ это часто встрѣчается у позвоночныхъ животныхъ различныхъ классовъ. Уши, лишеныя наружной раковины, представляютъ узкія отверстія, закрывающіяся клапанами. Очень короткія ноги имѣютъ по пяти пальцевъ и снабжены плавательной перенонкой, которая на переднихъ ногахъ выходитъ далеко за пальцы, а на заднихъ оставляетъ ихъ свободными. Боброобразный, плоскій, короткій хвостъ покрытъ грубою щетиною, торчащею кверху. Животныя достигаютъ свыше $\frac{3}{4}$ аршина длины. Самцы больше самокъ и обладаютъ на заднихъ ногахъ шпорами, соединяющимися у основанія съ железами. Предположеніе, что шпоры эти составляютъ ядовитое оружіе защиты, до настоящаго времени не подтвердилось.

Стоячія и проточныя воды Новаго Валлиса и Вандименовой земли единственное мѣсто, гдѣ водятся утконосы. Тамъ, на берегу тихихъ, покрытыхъ богатою водою растительностію прудовъ и рѣкъ, они ведутъ жизнь настоящаго земноводнаго животнаго и питаются, какъ и ныряющія птицы, роясь въ илѣ и отыскивая червей, водяныхъ нааскомыхъ и другихъ маленькихъ обитателей дна. Ныряютъ и плаваютъ они очень хорошо, а своей пугливостію и осторожностію указываютъ на прекрасное развитіе органовъ чувствъ. При малѣйшемъ шорохѣ или движеніи слѣдующаго за ними охотника, животныя исчезаютъ съ поверхности и только послѣ долгаго времени появляются снова, но уже въ другомъ мѣстѣ. Туземцы охотятся за ними ради ихъ мяса и убиваютъ ихъ дротиками. Поселенцы стрѣляютъ въ нихъ и достаютъ съ помощью собакъ.

Гнѣздо утконоса находится обыкновенно на крутомъ берегу откосѣ и имѣетъ два выхода: одинъ наружу и другой подъ водою. Собственно гнѣздо лежитъ въ концѣ поднимашающагося (длиною обыкновенно въ 10 футовъ, а иногда достигающаго и 45 футовъ) подземнаго хода и выстилается сухою травою.

Любопытнѣйшія подробности о размноженіи утконоса сообщены лишь недавно однимъ англійскимъ естественнотытателемъ. По его наблюденіямъ, животное это несетъ яйца. Тутъ рѣчь идетъ однако не о твердомъ яйцѣ съ скорлупою и желткомъ, какія несутъ птицы и въ которыхъ зародышъ развивается въ тѣлѣ матери; въ яйцѣ утконоса зародышъ уже существуетъ, но въ самой первой степени развитія; онъ появляется на свѣтъ окруженный яичной оболочкой и дальнѣйшій ростъ его, какъ и сумчатыхъ животныхъ, происходитъ при помощи вскармливанія молокомъ. Такимъ образомъ это любопытнѣйшій примѣръ яйцеживорождающаго млекопитающаго; такіе же случаи наблюдались у другихъ группъ животныхъ, наиримѣръ у нѣкоторыхъ змѣй. Это низшая форма живаго рожденія, за которой непосредственно слѣдуютъ животныя сумчатыя, составляющія уже переходъ къ высшимъ млекопитающимъ.

До настоящаго времени не найдено еще ископаемыхъ животныхъ, родственныхъ утконосу, которые составили бы переходную ступень къ высшимъ млекопитающимъ.

Памятник на Бородинском полѣ.

(Рис. на стр. 45).

Нечего и говорить какое громадное значеніе имѣла бородинская битва въ отечественную войну 1812 года, въ дѣлѣ освобожденія нашего отечества отъ нашествія иноплемениковъ. Здѣсь, на этихъ поляхъ, затмилось счастье Наполеона, и здѣсь же въ первый разъ онъ усумнился въ постоянствѣ своей военной славы. Но это высоко историческое мѣсто и обширная могила доблестныхъ воиновъ долго оставалась безъ всякаго памятника, который былъ воздвигнутъ здѣсь и открытъ лишь 26-го августа 1839 года. Памятникъ этотъ, изво-

на поляхъ бородинскихъ". Подъ чертою: „Непріятелей убито: генераловъ—9, воиновъ—20,000; ранено: генераловъ—30, воиновъ—40,000.

Съ восточной стороны, возлѣ самаго памятника, покоится тѣло генерала отъ инфантеріи князя Петра Ивановича Багратиона. На могилѣ видна гранитная плита съ надписью золотыми буквами: „Раненъ въ сраженіи подѣ Бородинымъ 26 августа 1812 года. Скончался отъ ранъ 12 сентября 1812 года, на 47 году отъ рожденія“. Передъ открытіемъ памятника, тѣло Багратиона было перевезено сюда изъ села Сими, Юрьевского уѣзда, Владимірской губерніи, гдѣ доблестный генералъ скончался и былъ погребенъ.

У памятника ежегодно, 26-го августа, совершается благодарственный молебень Спасителю Богу. Въ этотъ день все Можайское духовенство собирается въ церковь села Бородина и съ хоругвями и иконами идетъ къ памятнику, а послѣ молебна въ Спасо-Бородинскій монастырь, которому положила начало вдова генерала Тучкова, потерявшая мужа въ бородинскомъ сраженіи. При входѣ въ монастырь встрѣчается процессія архимандрита съ іеромонахами и игуменья со всѣмъ хоромъ сестеръ; потомъ бываетъ обѣдня и панхида по убитымъ на поляхъ Бородина. Для посѣтителей въ монастырѣ устроена небольшая, но очень чистая и хорошо мебелированная гостиница. По спиральной лѣстницѣ, сдѣланной внутри храма, можно подняться на террасу собора, откуда видна вся мѣстность бородинской битвы. Вдали верстъ за десять виденъ Колоцкий монастырь, откуда послѣ сраженія при немъ, по большой смоленской дорогѣ шель къ Бородину непріятель; ближе, на возвышеніи, видно село Валуево, откуда Наполеонъ обозрѣвалъ бородинскую позицію.

Съ террасы храма виденъ также какъ на ладопи и Шевардинскѣ курганѣ, обросшій теперь березами. Между Семеновскомъ и Бородинымъ возвышается бородинскій памятникъ; отъ него во всѣ стороны идетъ покатошь; тутъ была знаменитая батарея Раевского, которая составляла центръ нашей позиціи. Для желающихъ ознакомиться на самомъ мѣстѣ съ планами и описаніемъ битвы, стоитъ лишь обратиться къ почтеннымъ гвардейскимъ инвалидамъ, живущимъ въ караульномъ домѣ около памятника, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи какъ планы сраженія, такъ и его подробное описаніе Михайловскаго-Данилевскаго.

Скромное село Можайскаго уѣзда, подвигами нашихъ войскъ, осталось вѣчно-памятнымъ каждому русскому.

Появленіе первой струи артезіанскаго колодца во дворѣ бань Воронина въ СПб.
По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Слѣва отъ образа тоже видны надписи; такъ, на первой грани: „Благодарное отечество положившимъ животь на полѣ чести“, потомъ подѣ чертою: „Русскихъ убито: генераловъ—3, воиновъ—15,000; ранено: генераловъ—12, воиновъ—30,000“. На второй грани: „Европа оплакиваетъ паденіе храбрыхъ своихъ сыновъ

на средней грани перечислены тѣ націи, войска которыхъ сражались на поляхъ Бородина: „Франція, Италия, Неаполь, Австрія, Саксонія, Виртембергъ, Пруссія, Голландія, Испанія, Португалія, Польша, Швейцарія и Германскій союзъ; всего 20 языкъ вывели въ строй: пѣхоты—145,000, конницы—40,000, орудій—1000.“ Внизу подѣ чертою: „Открытъ 26-го августа 1839 года.“

Артезианскій колодець въ С.-Петербургѣ.

(Рис. на стр. 48).

Нашъ знаменитый геологъ Гельмерсенъ въ 1861 году ископалъ средстве на буровыя работы перваго артезианскаго колодца въ С.-Петербургѣ, который и теперь находится при зданіи экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ на Рижскомъ проспектѣ. Многие ученые тогда не соглашались съ идеей Гельмерсена, но все-таки приступлено было къ работамъ и колодець сообщила былъ просверленъ подъ руководствомъ профессоръ Никольскаго и Ромаповскаго на глубинѣ 658 футъ. Колодець давалъ уже на глубинѣ 517 футъ громадное количество воды (250,000 ведеръ въ сутки). Буровыя работы сверхъ 517 футъ совершены были исключительно съ научною цѣлью. Спусти болѣе 20 лѣтъ, идея Гельмерсена вновь приведена была въ исполненіе Г. К. Гротомъ, который пробуривъ артезианскій колодець на стеариновомъ заводѣ М. Жукова, на Лиговкѣ, въ С.-Петербургѣ. Работа была окончена въ 1884 году на глубинѣ 621 футъ, причемъ количество добываемой воды доходило до ведра въ секунду, т. е. 3,600 ведеръ въ часъ. Того-же года, 21-го мая, Г. К. Гротъ предпринялъ буровыя работы втораго артезианскаго колодца въ баняхъ М. С. Воронина. Этотъ колодець въ настоящее время тоже готовъ и вода бьетъ изъ него фонтаномъ въ 5,000 ведеръ кристалло-чистой струи. Фон-

танъ и снабжаетъ всю баню водою. Появленіе первой сильной струи колодца и изображено на нашемъ рисункѣ. Добракачества воды въ послѣднихъ артезианскихъ колодцахъ такова-же, какъ и въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, разница только въ температурѣ. У Жукова 10,8, а у Воронина даже 11,75 Реомюра. Про эту воду нашъ извѣстный химикъ Струве пишетъ: „Вода эта чиста какъ кристалль, имѣетъ слегка солоноватый вкусъ и болѣе всего походить на сельтерскую воду, которая въ некоторое время стояла на открытой воздухѣ и потеряла вслѣдствіе этого большую часть углеродной кислоты. Поэтому мы ее не можемъ рекомендовать какъ воду для питья, но тѣмъ не менѣе многие живущіе по близости артезианскаго колодца употребляли ее безъ вредныхъ для здоровья послѣдствій. Еслибы даже со временемъ оказалось, что артезианскую воду въ хозяйствѣ употреблять нельзя, тѣмъ не менѣе добываніе такого количества бьющей фонтаномъ воды, заслуживаетъ всеобщаго вниманія.“ Мы представляемъ здѣсь изображеніе артезианскаго колодца въ баняхъ М. С. Воронина (Фонарный переулокъ). Въ послѣднее время много писали о пользѣ артезианской воды, какъ въ гигиеническомъ (такъ какъ вода эта, по сдѣланному анализу, вполне равняется по свойствамъ съ крейцнахской), такъ и въ экономическомъ отношеніи. Особенно въ степныхъ и тѣхъ губерніяхъ, гдѣ нуждаются въ чистой водѣ, артезианскій колодець оказываетъ громадную пользу.

Производство стекла.

Очеркъ.

Въ виду давности существованія производства стекла, не удивительно, что до насъ дошли смутныя свѣдѣнія объ изобрѣтеніи его. Плиніи старшій говоритъ въ 36-й книгѣ своей естественной исторіи: „Финикійскій корабль, нагруженный нитромъ (подъ этимъ именемъ вѣроятно подразумѣвается сода, хотя теперь такъ называютъ сезитру), былъ загнанъ бурей къ берегу устья рѣки Белусъ (начало ея въ Галилеѣ въ горѣ Кармель); экипажъ для варки себѣ пищи, за неимѣніемъ камней, устроилъ очагъ изъ кусковъ нитра и къ великому удивленію нашель потомъ въ песокъ красивую прозрачную расплавленную массу“.

Поэтому песокъ Белуса долгое время считался лучшимъ для приготвленія стекла и составлялъ предметъ вывозной торговли. На мѣстѣ его находженія было устроено нѣсколько стеклянныхъ заводовъ. Между тѣмъ разсказъ Плинія не можетъ считаться достовернымъ, такъ какъ степень тепла, необходимая для приготвленія пищи, недостаточна сильна для получения стеклянной массы; не подлежитъ однако сомнѣнію, что открытіе первыхъ стеклянныхъ слитковъ обязано случаю и что начало стекляннаго производства слѣдуетъ искать на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря, такъ какъ жившіе здѣсь народы—египтяне, финикияне и пр. издавна занимались выжианіемъ горшковъ и обработкой металловъ, а высокая степень жара, требующаяся при этой работѣ, могла уже потому привести къ открытію стекла, что необходимыя для этого матеріалы песокъ и натръ находились всегда подъ рукою; послѣдній составляетъ естественный, часто ветрующійся продуктъ тѣхъ странъ. Птеролифы на скарабейхъ *) и жемчужинахъ доказываютъ, что по всей вѣроятности стекло приготвлялось въ Египтѣ за 1600 лѣтъ до Р. X. Изображенія въ Вени-Гасанѣ состоятъ изъ стекляныхъ пузырей, окруженныхъ птеролифами, которые свидѣтельствуютъ, что рисунки эти были сдѣланы до выхода израильтянъ изъ Египта. Стекляныя фабрики Сидона, начало образованія которыхъ также неизвѣстно, оставили много прекрасныхъ продуктовъ.

Въ Ветхомъ Заветѣ также говорится о стеклѣ, именно въ нрѣченіяхъ Соломона и Иова. Именемъ „сехухитъ“ Аристотель (384 до 322 г. до Р. X.) называетъ стекло, стараясь пояснить его прозрачность. Римлянамъ еще за 200 лѣтъ до Р. X. были извѣстны стекляныя товары, но первая стеклянная фабрика, дѣлавшая однако только плохіе стаканы, была построена при императорѣ Неронѣ (54—68 г. послѣ Р. X.). Хорошіе стаканы были въ то время такъ дороги, что Неронъ за пару тонкихъ стекляныхъ чашекъ заплатилъ 1500 рублей на теперешній деньги. Въ 210 году послѣ Р. X. въ Римѣ было уже такъ много стекляныхъ фабрикъ, что имѣя отдели отдѣльный кварталъ. Вблизи цирка Фламинія находилась фабрика (officina vitraria), изготовлявшая уже настолько крѣпкіе стаканы, что въ нихъ можно было налить горячую воду.

О томъ, что у Римлянъ были оконныя стекла, свидѣтельствуютъ круглыя стекляныя пластинки, найденныя при раскопкахъ Помпеи. Стекла эти повидимому литыя, но не обрѣзаны. При первыхъ императорахъ окна въ парадныхъ комнатахъ, садахъ, галлерейхъ и носильныхъ креслахъ дѣлались изъ прозрачнаго камня (lapis specularis). Камень этотъ, который добывался въ Испаніи, поздне на Кипрѣ, Канадокіи, Сициліи и въ Африкѣ, можно было раздѣлять на тонкіе листы, которые, по словамъ Плинія и Сенеки, не превышали пяти футовъ длины. По сообщенію Тертуліана, повидимому, для оконъ употребляли также бумагу, полотно и рогъ.

*) Драгоценныя рѣзные камни, имѣющіе на выпуклой сторонѣ форму жука.

Отъ римлянъ стеклянному производству выучились галлы; въ Британію оно дошло уже поздне. Все время пока необходимый для производства стекла матеріалъ былъ дорогъ, самый способъ приготвленія его составлялъ величайшую тайну, такъ что работникамъ въ Венеціи, которая въ средніе вѣка отличалась превосходными издѣліями изъ стекла, было запрещено, подъ страхомъ смерти, обучать этому искусству иностранцевъ. Во Франціи въ концѣ XVII столѣтія стекляннымъ производствомъ было разрѣшено заниматься только настоящимъ дворянамъ (gentils hommes verriers). Конечно съ развитіемъ стекляныхъ фабрикъ, секретъ приготвленія стекла сдѣлался общимъ достояніемъ.

Хотя, какъ сказано выше, оконныя стекла были извѣстны уже до Рождества Христова, но въ большемъ количествѣ они были употреблены только въ половинѣ 5 столѣтія въ церкви св. Софіи въ Константинополѣ. Въ 674 году ими была снабжена церковь и монастырь въ Вермутѣ въ Дургамѣ. Первое упоминаеіе объ оконныхъ стеклахъ (vitrea specularia) встрѣчается у Иеронима; но въ то еще время они были такъ дороги, что считались величайшей роскошью. Въ 1573 году герцогъ Португальскій, уѣзжая изъ своего дворца Альвизы-Бастль, вслѣдъ повинованія изъ оконъ стекла, чтобы они не пострадали отъ дурной погоды. Вѣроятно стекла эти были изготовлены венеціанскими фабрикантами. Мало по малу стекляное производство распространилось и стекла въ окнахъ перестали быть достояніемъ лишь богатыхъ людей. Въ Англіи фабрикація оконныхъ стеколъ началась въ 1558 году, а въ 1673 тамъ уже изготовлялись стекла для экипажей и зеркальныя. Затѣмъ французы также начали дѣлать стекла и въ особенности старались превзойти венеціанцевъ въ фабрикаціи зеркаль. Изъ Венеціи стекляное производство перешло также въ Богемію. Изъ Европы стекло въ то же время перешло и къ намъ, въ Москву.

Первыя оконныя стекла, вывозимыя изъ Италіи, представляли маленькія, круглыя пластинки; постоянное ихъ употребленіе въ церквяхъ и дворцахъ началось въ XII и XIII вѣкѣ. Вначалѣ стекла эти были свѣтло-зеленыя, послѣ желтыя, голубыя, фіолетовыя и красныя, изъ чего образовалось такъ называемое круглое (дугое стекло въ листахъ—luna) и полукруглое стекло (demi-luna).

Стекло это отличается сильнымъ блескомъ. Посредиѣ круглыя пластинки имѣютъ возвышеніе, черезъ которое ничего ясно не видно;—это мѣсто, куда вставляется трубка для выдуванія, оно довольно толсто, а потому вырѣзается, причемъ получаютъ два полукруга, которые могутъ быть раздѣлены на листы.

Къ концу XVIII вѣка листовое стекло стало входить въ употребленіе въ Германіи. Въ это же время началось приготвленіе зеркаль изъ оконныхъ стеколъ; для этой цѣли однако приготвлялись болѣе толстыя листы, которые полировались съ обѣихъ сторонъ. Работа эта была отдѣлена отъ фабрикаціи стекла и преимущественно находилась въ рукахъ евреевъ. Зеркала двухъ различныхъ величинъ дѣлались въ Нюрнбергѣ и появлялись въ торговлѣ подъ названіемъ „еврейскія“ и „полугеревскія“.

Фабрикаціей стекла занялись также въ Бельгіи и тутъ она быстро развилась. Въ 1836 году вблизи Шарлеруа находилось 100 фабрикъ, теперь же тамъ 200, т. е. почти столько, сколько ихъ имѣется во всей остальной Европѣ. Благодаря своему удобному положенію, Бельгія по всему міру разсылаетъ свои оконныя стекла; даже такія страны какъ Англія, Германія и Франція, имѣющія свои стекляныя фабрики, вывозятъ стекло

изъ Бельгійи. Оконное стекло готовится кромѣ того въ Швейцаріи, Норвегійи, Швеціи, Испаніи, Португаліи и Италіи, но все-же въ Бельгійи въ большемъ количествѣ. Самые большіе стеклянные листы дѣлаются въ Англіи.

До 1860 года обыкновенно употреблялись печи съ 6—10 тиграми. Сименса газовыя печи, не смотря на неоднократныя попытки примѣнить ихъ, были введены только въ 1868 году. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ начали усиленно пользоваться печами Ботьюса. Что касается величины печей, то пѣмедкія, французскія и бельгійскія печи имѣютъ отъ 6—10 тиглей, каждый отъ 1 до 1¼ метровъ вышины, при такой-же ширинѣ; англійскія печи имѣютъ тоже число тиглей, но вышиною въ 1½ метра, при такомъ-же диаметрѣ.

Во многихъ странахъ дерево слишкомъ дорогой матеріалъ для топки, такъ что его замѣняютъ углемъ. Въ Бельгійи находится лучшей уголь, нежели въ Германіи, такъ какъ въ немъ содержится небольшое количество сѣры. Въ Германіи же употребляютъ *бараны*, которые нагреваются независимо отъ стеклянной печи, и въ которыхъ полуготовое стекло нагревается въ сильномъ пламени.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Бельгійи изобрѣтена новая охлаждающая печь, въ которой охлаждение идетъ гораздо быстрее. Съ давнихъ поръ для зеркалъ литое стекло предпочиталось дугому. Последнее всегда бываетъ зеленоватымъ, тогда какъ первое почти бездѣльно и превосходно отражаетъ. Благодаря употребленію большихъ капиталовъ, фабрикаціи литого стекла сдѣлала значительные успѣхи. Тридцать лѣтъ тому назадъ отлитый въ Россіи листъ стекла, величиною около 4 квадратныхъ аршинъ, подаренный королю прусскому, возбуждалъ въ Берлинѣ всеобщее вниманіе. Въ 1862 году на выставкѣ въ Лондонѣ находились уже листы стекла въ четыре раза больше

упомянутого. Къ концу пятидесятихъ годовъ въ Сундерландѣ у Гартля и К° начали впервые готовить цвѣтное, такъ называемое, церковное стекло. Обѣ стороны его дѣлаются шероховатыми и неровными, такъ что падающій на стекло свѣтъ разсѣвается. Стекло это употребляется тамъ, гдѣ желаютъ получить слабое, нѣжное освѣщеніе—въ церквяхъ, канцеляхъ и проч. Съ 1862 года подобное стекло готовится въ Вест-Фаліи, а съ 1864 и во Франціи.

Стеклянная мозаика, процвѣтающая преимущественно въ Римѣ, Венеціи и въ С.-Петербургѣ, сдѣлала въ последнее время большіе успѣхи. *Растворимое стекло* есть соединеніе кремнезема съ щелочами (натромъ и калиемъ). *Жидкое* (фуксовое) *стекло* или *стекляная полива*. Оно употребляется для связыванія и пропитыванія различныхъ предметовъ. Знаменитыя фрески Каульбаха въ новомъ берлинскомъ музеѣ воспроизведены съ помощью растворимаго стекла. Россія производитъ ежегодно стекла и хрустала на сумму въ 7 милл. руб. приблизительно. Въ 1866 г. въ Россіи существовало 273 стекляныхъ завода разнаго рода, главнымъ образомъ въ губерніяхъ Владимірской, Рязанской, С.-Петербургской, Лифляндской, Орловской, Смоленской, Казанской и Вятской. Главный предметъ русскаго стеклостроенія составляютъ предметы первой необходимости: посуда, бутылки, штофы, стаканы, оконныя стекла и разныя предметы для хозяйства. Свинцовый хрусталь выдѣлывается исключительно только на императорскомъ стекляномъ заводѣ въ С.-Петербургѣ. Зеркала и зеркальныя стекла въ Россіи выдѣлываются въ губерніяхъ: Лифляндской, Рязанской, Петербургской и Варшавской.

Зеркальное производство вообще находится у насъ въ плохомъ состояніи. Завода для изготовленія бисера и стекляруса у насъ теперь нѣтъ, между тѣмъ какъ сто лѣтъ тому назадъ подобныя заводы въ Россіи существовали.

Политическое обозрѣніе.

Франція. — Германія. — Бельгійа. — Англія. — Египетъ.

Новый годъ ознаменовался во Франціи важною перемѣною въ составѣ ея министерства, а именно отставкою военнаго министра генерала Кампенона и замѣною его генераломъ Левалемъ. Но убѣжденію парижскихъ газетъ, отставка эта произошла вслѣдствіе упорнаго сопротивленія прежняго министра отиравѣ въ Тонкинѣ новыхъ войскъ и болѣе энергическому отведенію военныхъ дѣйствій на китайско-тонкинскій границѣ. Вступленіе во власть генерала Левала газеты приветствуютъ какъ счастливое предзнаменованіе для французскаго оружія. По ихъ словамъ, новый министръ стоитъ прежде всего за немедленную отправку новыхъ подкрѣпленій, съ помощью которыхъ можетъ быть довершено занятіе Тонкина. По тѣмъ же газетнымъ свѣдѣніямъ, новый военный министръ возьметъ назадъ крайне непопулярный во Франціи законопроектъ его предѣшника относительно комплектованія французской арміи. Виѣ парламента никто не сочувствовалъ этому проекту, а печать единогласно высказывала надежду, что сенатъ не допуститъ „превращенія французской арміи въ нестройное скопище вооруженныхъ гражданъ“, во пока генералъ Кампенонъ былъ министромъ, всякое противодѣйствіе его проекту комплектованія войскъ было бы равносильно столкновенію съ министерствомъ и могло бы повлечь за собою кабинетныя кризисы. Послѣ военнаго министра предстоить отставка морскаго. Адмиралъ Пейронъ въ свою очередь выходитъ изъ состава министровъ. Предлогомъ къ своей отставкѣ, онъ ставитъ присоединеніе управленія колоній къ вѣдомству министерства торговли, но въ дѣйствительности онъ не желаетъ долѣе оставаться во главѣ флота, который, исполнивъ самыя трудныя обязанности на востокѣ, теперь отодвигается на второй планъ, уступая мѣсто сухопутной арміи. Тонкинскій отрядъ увѣличалъ недавно себя новыми лаврами. Генералъ Негрскій сообщаетъ, что разбилъ на голову шестисотыя китайскій отрядъ къ востоку отъ Чу. Китайцы покинули всѣ свои позиціи, оставивъ двѣ батареи, ружья и цѣлый обозный паркъ.

На принесенныя магистратомъ поздравленія съ Новымъ годомъ, императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ благодарственнымъ рескриптомъ, въ которомъ сказано: „Я особенно радъ, что мои усилія объ упроченіи мира путемъ личнаго свиданія съ госу-

дарями обѣихъ сосѣднихъ великихъ державъ сопровождалось счастливымъ успѣхомъ. Въ прочности вѣшняго мира заключается въ то же время и залогъ благополучнаго развитія внутреннихъ дѣлъ“.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій комиссія конференціи по дѣламъ Конго выработала текстъ деклараціи о торговлѣ невольниками въ области Конго. Этимъ документомъ, державы, пользующіяся верховными правами или вліяніемъ въ бассейнѣ Конго, обязываются не допускать тамъ ни торгова невольниками, ни провоза ихъ, къ какой бы расѣ они не принадлежали. Этотъ проектъ деклараціи уже принятъ конференціей. Затѣмъ конференція занялась обсужденіемъ третьяго пункта программы, касающагося формальностей, соблюденіе которыхъ необходимо для того, чтобы новыя пріобрѣтенія на африканскомъ берегу могли считаться дѣйствительными.

Бельгійа уже вступила съ державами въ переговоры съ цѣлью возведенія Конго въ королевство. Ея планъ заключается въ томъ, чтобы создать между ней и новымъ государствомъ, во главѣ котораго будетъ поставленъ вице-король, союзъ подобный тому, какой существуетъ между Швеціею и Норвегіею.

Въ Англіи динамитчики не прекращаютъ свои преступныя подвиги. О новомъ динамитномъ покушеніи, произведенномъ на лондонской подземной желѣзной дорогѣ, между Гоуеръ-Стритомъ и Книгсъ-Кроссомъ, теперь известно, что взрывъ динамита, положеннаго на полотно желѣзной дороги, произошелъ въ тотъ самый моментъ, когда поѣздъ, шедшій по противоположнымъ направленіямъ, разлѣхались. Взрывомъ было пробито въ стѣнѣ широкое отверстіе; всѣ стекла въ обоихъ поѣздахъ разлетѣлись въ дребезги; фонари потухли по всей линіи, но изъ пассажировъ никто серьезно не пострадалъ. Черезъ полчаса движеніе было уже восстановлено. Розыски полиціи не привели еще къ обнаруженію виновныхъ въ этомъ покушеніи.

Изъ Александріи сообщаютъ, что египетское правительство не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ администраціи до послѣднихъ чиселъ марта, а затѣмъ въ его распоряженіи не останется никакихъ средствъ, въ виду чего газета „Times“ напоминаетъ государственнымъ людямъ Англіи, что рѣшеніе египетскихъ дѣлъ болѣе не терпитъ отлагательства.

Библиографія.

Родъ Шереметевыхъ. Соч. А. П. Барсукова. СПб. 1885 г. Т. IV. Чѣмъ далѣе подвигается этотъ превосходный трудъ, заслужившій уже въ компетентной средѣ почетную извѣстность, тѣмъ болѣе, разумѣется, имѣетъ авторъ, приближаясь къ позднѣйшему времени, матеріаловъ для своихъ изслѣдованій и тѣмъ разсказъ становится подробнѣе и любопытнѣе. Мы уже указывали при выходѣ первыхъ трехъ томовъ на художественность изложенія и мастерство, съ какимъ авторъ, не уклоняясь отъ строго опредѣленной задачи, умѣетъ нѣсколькими характерными эпизодами возстановить черты эпохи, освѣтить мѣтко и ярко мимоходомъ то или другое историческое лицо, соприскасавшееся такъ или иначе съ дѣятелями рода Шереметевыхъ.

Настоящій томъ, въ которомъ авторъ почти исключительно пользовался лишь не изданными, новыми матеріалами, отличается тѣми же солидными достоинствами исторической точности и серьезности и вмѣстѣ художественности изложенія.

Этюды В. О. Коршиа. Съ биографіей автора. Томъ первый. Изданіе Д. А. Коршиа. Спб. 1885. Ц. 3 р.

Этотъ, только что издашійся, томъ представляетъ собраніе журнальныхъ статей историческаго и литературнаго содержанія, написанныхъ въ разное время покойнымъ В. О. Коршемъ. Въ вышедшій теперь первый томъ „Этюдывъ“ вошли статьи о Лассалѣ, Мирабо, Вольтерѣ, „Судьбы прусской монархіи отъ Фридриха Великаго до іенскаго погрома“, „Восточная война

въ 50-хъ годахъ“, „Ремесленные союзы въ Англіи“. Небольшой биографическій очеркъ знакомит насъ съ личностью и дѣятельностью автора „Этюдъ“.

Иллюстрированный каталогъ В. Грачева. СПб. 1885 г. Во семь уже лѣтъ издаетъ фирма Грачева, существующая болѣе ста лѣтъ, свои каталоги, и каталоги послѣднихъ лѣтъ отличаются

особенною роскошью изданія и прекрасными рисунками, по которымъ покупателю очень удобно судить то ли это растение, какое онъ желаетъ имѣть, чтобы не произошло ошибки. При каждомъ названіи есть еще и латинское; на пакетахъ сѣмянъ также печатаются латинскія названія, что позволяетъ соблюдать особую точность при исполненіи требованій.

С М Ъ С Ъ .

Интересное вычисленіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ ученый рассчиталъ, что число жившихъ до тѣхъ поръ на землѣ людей простиралось до 46,627,843,275,075,845 человекъ, т. е. приходилось 134,622,976 чел. на каждую квадратную милю, или 5 человекъ на каждый квадратный футъ. На пространствѣ, едва вмѣщающемъ 10 могилъ, погребено 1283 лица. Каждая могила содержала въ себѣ 128 труновъ, и поэтому, если предположить равномерное распредѣленіе населенія, то оказывается, что для погребенія мертвыхъ земля должна была быть взрыта 128 разъ.

Земляника и клубника. По сладости и аромату это однѣ изъ наиболѣе любимыхъ и освѣжающихъ ягодъ, которыя при умѣренномъ употребленіи, удобоваримы и очень здоровы для полновозрастныхъ и желчныхъ особъ. Земляника, содержащая, при своеобразномъ ароматѣ, лимонную кислоту, издавна славилась своими цѣлебными свойствами. Дѣйствительно, доказано опытомъ, что продолжительное употребленіе этихъ ягодъ, даетъ поразительные результаты при ревматизмѣ и подагрѣ, что, между прочимъ, испыталъ на себѣ знаменитый естественный испытатель Линнеъ. Также очень полезно при каменной болѣзни пить вино, настоенное земляничнымъ сокомъ вмѣстѣ съ косточками. Однако, у нѣкоторыхъ особъ отъ употребленія земляники обнаруживается рожевидное воспаление кожи; вообще, лица, страдающія неправильнымъ пищевареніемъ, должны воздерживаться отъ неумѣренного употребленія этой ягоды. Врачи находятъ, что съ молокомъ земляника менѣе удобоварима, чѣмъ съ сахаромъ и виномъ. Изъ раздавленной въ водѣ земляники получается пріятный, успокоительный и освѣжающій напитокъ, съ успѣхомъ употребляемый при лихорадкахъ.

Хрустальный тронъ. Въ Бирмингемѣ, по заказу одного изъ индійскихъ государей, сдѣлали, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, замѣчательный стеклянный тронъ. Всѣхъ главей на этомъ тронѣ 324; работа чрезвычайно тонка и изящна; верхнія украшенія, сдѣланные отдѣльно, освѣщаются 2 тысячами электрическими лампами, мягкой, голубоватой свѣтъ которыхъ производитъ громадный эффектъ, дробясь и переливаясь въ безчисленныхъ граняхъ. По отзыву спеціалистовъ, эта работа превосходитъ всѣ сдѣланныя до сихъ поръ издѣлія изъ граненаго стекла.

Предостереженіе родителямъ. Известно, что разноцвѣтные гуттаперчевые воздушные шары, продаваемые на улицахъ, наполняются водороднымъ газомъ, добываемымъ обыкновенно изъ цинка и сѣрной кислоты. Какъ цинкъ, такъ и сѣрная кислота, встрѣчающіеся въ продажѣ, всегда заключаютъ въ себѣ болѣе или меньшее количество мышьяка. Водородъ, получаемый изъ этихъ веществъ, имѣетъ, такимъ образомъ, постоянно примѣсь мышьяка, жертвой котораго очень часто дѣлаются люди, занимающіеся въ запертой комнатѣ наполненіемъ гуттаперчевыхъ шаровъ. Выдыханіе ядовитаго газа, заключающагося въ этихъ шарахъ, легко можетъ отравить дѣтей.

Простой способъ не ошибиться при выборѣ черной шелковой матеріи. При покупкѣ дорогихъ черныхъ шелковыхъ матерій всегда затрудняется выборомъ, не зная, которая будетъ долѣе держаться и сохранять хорошій видъ. Сообщаемъ простой способъ, къ которому, въ подобныхъ случаяхъ, прибѣгаютъ француженки, умѣющія хорошо распознавать шелковыя матеріи. Хотя онъ извѣстенъ и у насъ въ Россіи, но приводимъ его здѣсь для тѣхъ, кто съ нимъ незнакомъ. Покупаютъ муаръ (moiré), фая, атласъ, слѣдуютъ сдѣлать попереку образчика складку, проведя по ней ногтемъ, и затѣмъ расправлять образчикъ, держа его съ двухъ концовъ и слегка растягивая. Если линия складки пропадаетъ—знакъ, что матерія отличная; если же, напротивъ, рубчикъ, не смотря на попытки разгладить его, не исчезнетъ, то матерія не хороша. При покупкѣ черныхъ матерій, надо также выбирать цвѣтъ съ синеватымъ отливомъ; матерія съ коричневатымъ отливомъ не производитъ такого красиваго впечатлѣнія, какъ первая.

Картофель. Людовикъ XVI далъ однажды въ Трианонѣ парадный обѣдъ, меню котораго состояло главнымъ образомъ изъ картофеля, а обѣденный столъ былъ роскошно убранъ только цвѣтами этого растенія. Тѣ же простенькіе цвѣты красовались въ волосахъ и на платьѣ королевы Маріи Антуанеты. Король желалъ такимъ вниманіемъ особенно почтить открытіе, которое оказалось благотворнымъ для челоѣчества.

Стрѣльба въ цѣль и стрѣлки. Стрѣльба въ цѣль не составляетъ единственно спорта, забавы или упражненія, во время котораго можно выказать ловкость, но, какъ извѣстно, главную роль она играетъ во время войны. Дѣйствительно, въ сраженіяхъ послѣдняго времени рукопашныя схватки все болѣе выводятся и сражающіеся начинаютъ прибѣгать къ „обмѣну снарядомъ“, т. е. къ борьбѣ ружьемъ или пушками. Во время войны стараются достигнуть одновременно и результата матеріальнаго, состоящаго въ возможно большемъ уничтоженіи противниковъ, и результата психологическаго, состоя-

щаго въ устрашеніи непріятеля и приданіи бодрости своимъ людямъ. Стрѣльба въ цѣль и военное оружіе могутъ быть разсматриваемы съ этой двойной точки зрѣнія. Для примѣра возьмемъ пушку. Число убитыхъ и раненыхъ гранатой или осколками бываетъ сравнительно не велико, между тѣмъ свистъ осколковъ, шумъ производимый при разрывѣ, видъ раненыхъ и убитыхъ однимъ снарядомъ устрашаютъ людей и производятъ на нихъ удручающее впечатлѣніе. На другомъ же концѣ линіи описываемой снарядомъ, т. е. у пушки, впечатлѣніе обратно противоположное. Пушка ободряетъ сражающихся; нѣхота чувствуется себя подъ защитой ея и по треску снаряда рассчитываетъ опустошенія въ непріятельскихъ рядахъ. Если баталіонъ нѣхоты слабѣетъ, достаточно выдвинуть одну или двѣ пушки, чтобы онъ почувствовалъ себя въ безопасности.

Толѣ самое и съ ружьемъ. Известно, что для того чтобы попасть въ одного челоѣка, приходится сдѣлать много выстрѣловъ. Маршалъ Саксъ говорилъ, что уничтоженіе челоѣка во время сраженія требовало столько свинца, сколько вѣситъ его тѣло. Кассанди, отнесшись къ вопросу какъ математикъ, нашелъ, что вѣсъ потраченнаго въ сраженіи свинца превосходитъ вѣсъ убитыхъ. Тѣ же вычисленія дѣлались и въ позднѣйшее время. Такъ, по даннымъ г. Шенеля, оказывается, что въ битвѣ подъ Сольферино австрія сдѣлала 8.400.000 ружейныхъ выстрѣловъ; въ непріятельскихъ же рядахъ было убито 2000 и ранено 10000; такимъ образомъ на каждого раненаго пришлось 700 и на каждого убитаго 4200 выстрѣловъ. Во время франко-прусской войны, нѣмцы израсходовали 30 милліоновъ патроновъ и сдѣлали 362000 пушечныхъ выстрѣловъ; число раненыхъ и убитыхъ французовъ простиралось до 35000. Вычитая приблизительно число убитыхъ гранатами, для убійства одного челоѣка потребовалось отъ 1200 до 1300 ружейныхъ выстрѣловъ. Это доказываетъ уже большую точность новѣйшихъ игольчатыхъ ружей въ сравненіи съ австрійскими, хотя число потраченныхъ пуль еще очень громадно относительно достигнутаго результата. Происходитъ же это отъ того, что солдаты стрѣляютъ безъ прицѣла, стараются только стрѣлять какъ можно тѣше, почему пули проходятъ надъ головами непріятелей, такъ какъ всегда замѣчается склонность цѣлять гораздо выше. Склонность эта замѣчена издавна. Палка сержанта французской гвардіи служила прежде для пониженія ружей стрѣляющихъ съ цѣлью понизить среднюю черту для стрѣльбы. Во время войны 1870—71 г. прусскіе офицеры своими саблями наклоняли дула ружей стрѣляющихъ солдатъ.

Стрѣльба въ разсыпную гораздо дѣйствительнѣе. Стрѣлки, предоставленные самимъ себѣ и притомъ защищенные окопами, рвами, камнями и проч., лучше цѣлятъ; но число потраченныхъ даромъ пуль все еще значительно. Между французскими офицерами образовалось цѣлое общество, предлагающее замѣнить большіе баталіоны маленькими отрядами ловкихъ стрѣлковъ, привычныхъ къ ходьбѣ и выносливыхъ. На войнѣ солдатъ обвиняется по тому результату, который онъ даетъ. Генералъ Леваль предлагаетъ смѣшанную систему: образованіе вольныхъ отрядовъ, составленныхъ изъ избранныхъ въ войскѣ людей. Отряды эти, идя впередъ арміи, тревожили бы непріятельское войско и могли бы наносить ему значительный вредъ. Во время франко-прусской войны вольные стрѣлки доказали, что могутъ сдѣлать хорошій прицѣлъ, выносливость и смѣлость.

Въ заключеніе скажемъ о психологическомъ дѣйствіи стрѣльбы изъ ружей. Свистъ пули кажется гораздо ближе, чѣмъ въ дѣйствительности. „Пули свистѣли возлѣ ушей“ рассказываютъ солдаты. Свистъ этотъ производитъ непріятное впечатлѣніе даже на самыхъ храбрыхъ, и ощущеніе это можетъ быть охарактеризовано: „холодъ по спинѣ“; оно можетъ быть очень сильно и, постоянно повторяемое, можетъ произвести удручающее впечатлѣніе на людей не увлеченныхъ еще битвой. Такъ напр., полковникъ Куропаткинъ рассказываетъ, что во время послѣдней русско-турецкой войны, турки, лучше вооруженные пехотой русскіе, осыпали градомъ пуль русскія колонны, которыя двигались слатыми рядами и должны были стрѣлять не ранѣе какъ на 900 шаговъ. Когда истощеніе силъ и потрясеніе нервовъ принуждали солдатъ остановиться въ пути, они ложились не въ мѣстности болѣе удобной, но тамъ гдѣ ихъ застигала слабость. Отряды располагались одни въ 100, другіе въ 40 шагахъ отъ непріятеля, въ мѣстности совершенно открытой, въ то время какъ впередъ или назадъ у нихъ были прекрасныя защитныя мѣста.

Случается также, что резервы, расположенные за холмомъ, не видящіе что дѣлается у непріятеля, вмѣсто того чтобы отдыхать, ѣсть и спать, съ цѣлью быть свѣжими когда ихъ потребуютъ въ бой, такъ раздражаются доносящимися выстрѣлами и свистомъ пули, что лишаются аппетита и сна и являются въ бой совершенно обезсиленными и упавшими духомъ. Такой случай наблюдался въ войну 1870—71 г., а именно подъ Ст. Прива у пруссаковъ и подъ Седаномъ у французовъ.

О китайских дѣтяхъ. Какъ только въ китайскомъ семействѣ родится ребенокъ, родители сѣмьять обрѣть ему волосы, чтобы коса выросла гуще и длиннѣе; когда волосы опять подростутъ, ихъ выбръиваютъ вторично, за исключеніемъ одного пучка на макушкѣ и двухъ—на вискахъ, и такую прическу маленькій китаецъ носитъ лѣтъ 6—7, т. е. до тѣхъ поръ, пока ему не начнутъ заплетать косу какъ взрослому человеку. Когда ребенку исполнится мѣсяць, ему даютъ первое, такъ называемое, молочное имя и въ честь такого событія въ домѣ устраивается праздникъ съ гастрономическимъ обѣдомъ. При поступленіи въ школу, молочное имя замѣняется шольнымъ прозвищемъ, означающимъ въ переводѣ „испачканный чернилами“, „будущій ученый“, „лѣтнвецъ“, или что нибудь другое въ такомъ же родѣ. Свою школьную кличку китаецъ сохраняетъ до женитьбы, когда ему даютъ третье и послѣднее имя. Дѣтомъ китайскія дѣти, безъ различія общественнаго положенія, проводятъ цѣлые дни на воздухѣ босикомъ и въ однихъ рубашонкахъ, а зимой болѣею частью сидятъ дома и выпускаются на улицу не иначе, какъ закутанныя съ головы до ногъ въ безчисленное множество кофточекъ и платочковъ.

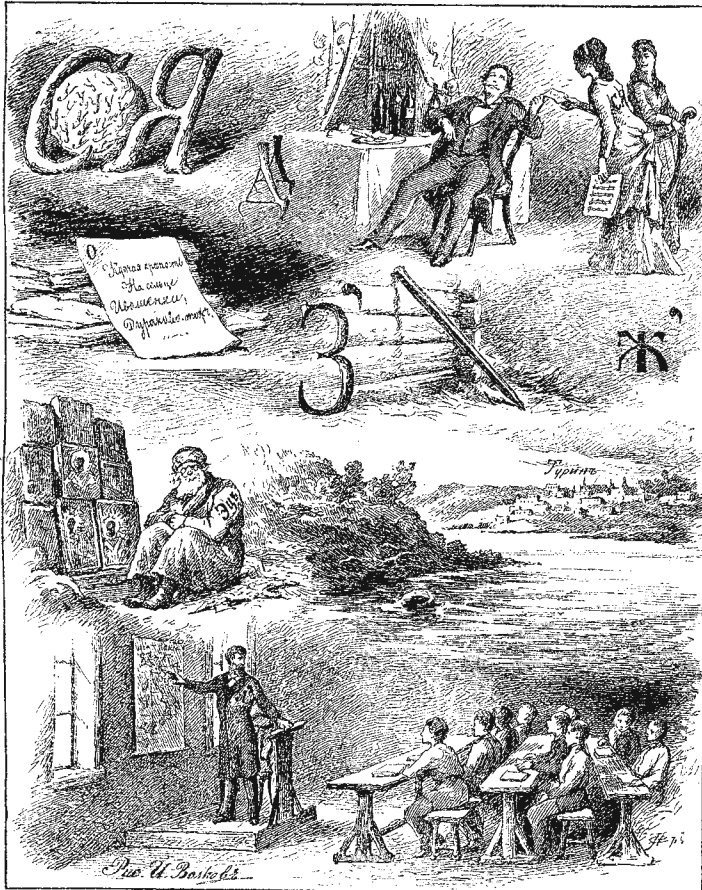
Китайки очень пѣвныя и хорошія матери. Жены мандариновъ много заботятся воспитаніемъ своего потомства, а бѣдныя женщины, принужденныя зарабатывать трудомъ кусокъ хлѣба, отираваясь на работу, всегда берутъ съ собою своихъ ребятенекъ, пока они не подрастутъ настолько, чтобы обходиться безъ присмотра. Бѣдныя семейства, живущія постоянно на водѣ въ лодкахъ, надѣваютъ маленькимъ дѣтямъ плавательныя пузыри, чтобы они какъ пѣбуда не утонули. Мальчикамъ живется въ Китаѣ вообще лучше чѣмъ дѣвочкамъ: рожденіе мальчика—радостное событіе, и его съ первыхъ же дней жизни начинаютъ баловать, развивать и учить уму разуму. Къ дѣвочкамъ относятся равнодушнѣе. Въ бѣдныхъ семействахъ крошечныя дѣвочки, едва умѣющія ходить, уже помогаютъ матери хозяйничать и нянчить маленькихъ ребятъ. Дѣти богдыхана воспитываются очень строго. Мальчики встаютъ въ 3 часа утра и цѣлый день проводятъ въ занятіяхъ, распределенныхъ по

извѣстной программѣ. Каждый принцъ долженъ знать китайскій и монгольскій языки, китайскую литературу, исторію своей страны, кое что изъ математики и, въ особенности, сводъ китайскихъ законовъ. Въ преподаватели избираются лучшіе профессора, получающіе титулъ „Чи-фу“. Придворный этикетъ требуетъ, чтобы такой „Чи-фу“, при входѣ въ классъ своего воспитанника, непременно привѣтствовалъ его стоя, а маленький принцъ обязанъ въ свою очередь отвѣсить воспитателю почтительный поклонъ. Во время уроковъ, въ классѣ присутствуютъ 8 мальчиковъ одного возраста съ принцемъ, исполняющихъ странную обязанность: они должны выслушивать похвалы и замѣчанія, относящіяся къ принцу, такъ какъ самъ учитель лишень права непосредственно обращаться къ своему высокопоставленному воспитаннику. Между лекціями, вмѣсто отдыха, принцъ занимается гимнастикой, или прогуливается со свитой по великолѣпнымъ, тѣнистымъ садамъ, окружающимъ всѣ дворцы китайскаго императора. Завтракъ, обѣдъ и ужинъ подаются всегда въ одно и то же время и состоятъ изъ очень ограниченаго числа простыхъ блюдъ, чтобы принцы научились довольствоваться простымъ, здоровымъ столомъ, безо всякихъ лишнихъ затѣй. Лыкомства и вино исключены изъ будничнаго меню и разрѣшаются только въ большіе праздники.

Гигантскій пароходъ Грэтъ-Кастеръ нанятъ на годъ, съ цѣлью доставки его въ концѣ полярна въ Нью-Орлеанъ, гдѣ, выродженіи мѣстной всемірной выставки въ будущемъ году, онъ будетъ служить плавучей гостиницей.

Почтамтъ въ бочкѣ. Самое простое въ мірѣ почтовое отдѣленіе уже нѣсколько лѣтъ существуетъ въ Магеллановомъ проливѣ, между берегомъ Южной Америки и Огненной землей. Оно состоитъ изъ небольшой бочки, укрѣпленной на цѣпи на выдающемся мысѣ въблизи Терра-дель-Фуэго. Каждый изъ проходящихъ кораблей высылаетъ лодку, которая вскрываетъ бочку, вынимаетъ оттуда письмо и кладетъ свои. Это самостоятельный почтамтъ, находящійся подъ покровительствомъ всѣхъ народовъ, и не было еще случая какого либо злоупотребленія довѣремъ.

РЕБУСЪ. Задача № 1.

Задача буквъ № 2.

Найти слѣдующія 16 словъ:

- 1) Часть поги 8. 40. 3. 77. 17. 89.
- 2) Нога 61. 79.
- 3) Огородное растеніе 12. 39. 14. 27. 49. 54.
- 4) Мѣра времени 46. 16. 30. 72.
- 5) Мѣсто заключенія пари на ипподромахъ 81. 76. 50. 64.
- 6) Произведеніе скульптора 33. 42. 18. 55. 29. 85.
- 7) Священнослужитель 38. 58. 70. 15. 60. 10. 25.
- 8) Рыболовныя принадлежности 69. 13. 86. 52.
- 9) Вредное пѣськомое 44. 51. 75. 68.
- 10) Принадлежность верховой ѣзды 80. 48. 73. 57. 62.
- 11) Хищное животное 28. 11. 47. 36. 74. 25. 41.
- 12) Вещь для прогулки 67. 31. 82. 88. 53. 35.
- 13) Священный предметъ въ рядахъ войскъ 1. 34. 9. 63. 20.
- 14) Предметъ добычи охотниковъ 65. 37. 4. 87.
- 15) Запретительный голосъ на сеймахъ 83. 6. 22. 32.
- 16) Танецъ 19. 5. 84. 24. 78. 59. 66.

Буквы пайдешныхъ словъ размѣстить по квадратамъ на мѣстахъ соответствующихъ цифръ, при чемъ долженъ получиться отрывокъ одного извѣстнаго стихотворенія.

			1	2	3				
			4	5	6	7	8		
9	10	11	12	13	14	15	16	17	
18	19	20	21	22	23	24	25	26	
27	28	29	30	31	32	33	34	35	
36	37	38	39	40	41	42	43	44	
45	46	47	48	49	50	51	52	53	
54	55	56	57	58	59	60	61	62	
63	64	65	66	67	68	69	70	71	
72	73	74	75	76	77	78	79	80	
81	82	83	84	85	86	87	88	89	

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1885 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. №№ „НИВУ“ со всѣми приложениями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВУ“ ОЗНАЧЕНА НА 1-Й СТРАНИЦѢ.

1-й заемъ 1864 года.

40-й тиражъ 2-го января 1885 года.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

Table with multiple columns showing serial numbers (№ сер.), amounts (Сумма), and winning numbers (№ выигр.).

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

- List of serial numbers: 1, 160, 558, 846, 1074, 1104, 1247, 1995, 2887, 3148, 3188, 3216, 3466, 3736, 3996, 4098, 4411, 4572, 4585, 5482, 5907, 5912, 5947, 6232, 7639, 7734, 7772, 7858, 8818, 8534, 8715, 8732, 8773, 8788, 8974, 9946, 10068, 11832, 11412, 11880, 12052, 12163, 12196, 12464, 13421, 13510, 13652, 13914, 13926, 14225, 14358, 14579, 14625, 14543, 14939, 15050, 15585, 15591, 15637, 15892, 16118, 16153, 16257, 16471, 16498, 16514, 16838, 16885, 17071, 17391, 17484, 18277, 18517, 18561, 19224, 19314, 19761, 19825.

СОДЕРЖАНІЕ: Нарва (съ рис.).—Голосъ крови. (Драма глухого форта). Н. Н. Каразина. Часть I. (Продолженіе).—За Драгоценнымъ морнемъ. (Изъ жизни китайскихъ тажниковъ). Рассказъ А. Я. Максимова. (Продолженіе).—Русские послы XVII в. въ Италіи (1656—1657 гг.). Изъ статьи А. Еринера. (Продолженіе).—Посольство Ермака передъ Иоанномъ Грознымъ (съ рис.).—Литерат. альбомъ. "Войнаровский". Поэма Рытѣева (съ рис.).—Ярмарка въ малороссійскомъ городѣ (съ рис.).—Левъ идетъ! (съ рис.).—А. Н. Ковано (съ портр.).—Утконосъ (съ рис.).—Памятникъ на Бородинскомъ полѣ (съ рис.).—Артезианскій колодезь въ С.-Петербурѣ (съ рис.).—Производство стекла. Очеркъ.—Политическое обозрѣніе.—Биографія.—Смѣсь.—Ребусъ и задача.—Тиражъ выигрешей государственнаго банка.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марксъ.

ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА въ СПБургѣ. НАВОДНЕНІЕ. Романъ изъ современн. жизни В. Соловьева. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЖИДКОСТЬ ОТЪ МОЗОЛЕЙ. За дюжину 2 руб. 20 коп. Косметическій магазинъ А. Краусъ, Троицкій переулокъ, № 3, близъ Невск. пр. № 3810

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и нѣ, строители

Извѣстныхъ премірованныхъ конныхъ молотилокъ, приводовъ, вѣялокъ, сортировокъ, плуговъ, боронъ, стѣлокъ, непрерывно дѣйствующихъ стѣнныхъ прессовъ, механическихъ зерносушилокъ, предлагають отъ лучшихъ иностранныхъ заводовъ: Млейтона и Шутеворта—паровыя молотилки съ докомоблами, Манкормина, сѣнокосилки, иены, и споньязакки, Стодартъ—гарелочныя бороны Рацдала и конныя грабли Титеръ, и запасныя части ко всемъ машинамъ. Иллюстрированные каталоги безплатно. Фабрика и Главная контора въ Москвѣ, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутенювъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная улица. № 3789 3—2

ШУТЦЪ Ежедневно больш. художественный журн. каррикатуры, печатаемыхъ красками. На годъ 6 руб., 1/2 года 4 руб. Для год. подписч. премія—большая олеографія "Цвѣты гарема". За пер. и дост. преміи прилагають 1 р. 50 к. Подробн. объявленіе смотр. "Нива" № 46. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій пр. № 110. Р. № 3662 8—8

ИЩУТЬ въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго знанія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрешами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральн. контору объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. Р. № 3328

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ТОРГОВАГО ДОМА Н. В. ЭЙМАНЪ и КѠ 9. Бутырки, Ватская улица, въ Москвѣ, 9. Полный иллюстрированный каталогъ тропическихъ растений, розъ, камелій, азалій, лавровыхъ деревьевъ и другихъ растений, съ подробнымъ наставленіемъ къ уходу за ними, высылается по требованію бесплатно. St. № 3795 4—2

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ ДЛЯ ЧАСОВЪ. Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство—5 лѣтъ, что не почернѣють! Предлагаетъ депо Василія Аурихъ, Большой Морскій, д. 17, кв. 6, парада. Кѣстница въ С.-Петербурѣ. № 3812

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Маршмта. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.; для подл. "Нива" 1885 г. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

УКАЗАТЕЛЬ ФРУМЪ за нѣмцкій мѣсяцъ во всѣхъ магазинахъ и на ставк. в. д. РЕДАКЦІЯ въ С.-Петербурѣ, д. № 3, Б. Москвская, д. № 3788

DEUTSCHE ILLUSTRIRTE ZEITUNG главный редакторъ: Эмиль Доминикъ. Самый обширный, дешевый и прекрасный семейный журналъ. 45,000 ПОДПИСЧИКОВЪ.

рекомендуемъ для начинающагося НОВАГО ГОДА пробный абонементъ на 3 мѣсяца по 2 марки 50 пф. за большое изданіе съ 13-ю номерами, выходящими ежедневно, отъ 2 1/2 до 3 листовъ каждый. "Нѣмецкій иллюстрированный журналъ" приобрести уже четыре мѣсяца по выходѣ Р. № 3806 2—2

Этими блестящими успѣхомъ онъ обязанъ прежде всего богатой иллюстраціи, которою онъ далеко—по единодушному мнѣнію публики—превосходитъ всѣ другіе иллюстрированные журналы Германіи. За интересн. текстъ ручаются сотрудники первыхъ авторовъ Германіи, какъ-то: Вильг. Генсенъ, Рих. Фоссъ, Эмиль Эргардъ, Августъ Ниманъ, З. Экштейнъ, Винторъ Бюнтгенъ и проч. ОБЪЯВЛЕНІЯ во 75 пфен. за строку находятъ успѣшное распространеніе. Приемъ объявленій: у Рудольфа Моссе, Берлинъ S. W.

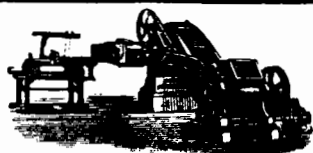
ПОДПИСКА во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и почтовыхъ конторахъ. Пробные № 3 у всѣхъ книгопродавцевъ бесплатно.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1884 ГОДА,

закрывающей въ себѣ болѣе 1200 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ гравюръ, большой романъ В. Соловьева — „Изгнанникъ“, большой романъ графа Е. А. Салиаса — „Въ старой Москвѣ“, рассказы Я. П. Полонскаго — „Вадимъ Голетаевъ“ и изъ воспоминаній того-же автора — „И. С. Тургеневъ у себя“, повѣсть Д. В. Григоровича — „Недолгое счастье“, рассказы Н. В. Успенскаго — „Новые помѣщичьи“ и „Привольная жизнь“, рассказы П. П. Гнѣдича — „Въ 12-мъ году“, рассказы А. Я. Максимова — „Жертва злему духу“ и „На соболей“, повѣсть П. Петрова — „Багровая пыль“ и др. произведенія современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержания по естествознанию, зоологii, астрономii и проч. и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Проф. Импер. Академii Художествъ Н. Е. Мановскаго „ГУСЛЯРЬ“.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ

Брошюван. . . 4 р. Въ кален. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою . . 6 „ Съ пересылкою . . 7 „ 50 „
Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору редакціи журнала „Нива“, Б. Морская, №9; въ Москвѣ — въ Отдѣленіе Конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, Д. Петровскихъ Торговыхъ линій.

ТОРФЯННАЯ, КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНАЯ МАШИНЫ И МѢШАЛКИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ, ручныя, конныя и паровыя; машины для обработки фарфоровой массы, шмота, цемента и т. п. рекомендуетъ **Людвигъ Федоровичъ Шлихтенъ**, инженеръ, Москва, Мясницкая, д. Ермаковскихъ. Изготовленіе плановъ для почой; устройство заводовъ. Иллюстр. каталоги бесплатно.

№ 3769 10-4

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ

Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Марии Александровны, герцогини Эдинбургской,

БРОКАРЪ и К^о,

въ Москвѣ.

ИЗОВРѢТАТЕЛИ ЦВѢТЧНАГО ОДЕ-КОЛОНА.

ПРЕДПОЧИТАЕМОЕ ПУБЛИКОЮ

ГЛИЦЕРИНО

ВОЕ МЫЛО.

St. № 3798 Прейсъ-нунанты высылаются бесплатно.

3-1

1885. Третій годъ изданія. 1885.

СПЕЦИАЛЬНО-ХОУДОЖЕСТВЕННАГО ЖУРНАЛА:

„ВѢСТНИКЪ ИЗЯЦНЫХЪ ИСКУССТВЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ГАЗЕТЫ

„ХОУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ“.

„Вѣстникъ“ выходитъ въ свѣтъ 6 разъ въ годъ, т. е. однажды въ 2 мѣсяца, кингами отъ 6 до 8 печ. лист.; „Художественныя Новости“ — 24 раза въ годъ, т. е. 1 и 15 чиселъ кажд. мѣсяца, въ объемѣ 1-1/2 печ. листовъ. Въ „Вѣстникѣ“, независимо отъ политическихъ въ текстѣ, прилагаются гравюры на мѣди и стали, фотографии, фототипы и пр. Такихъ экземпляровъ подлагается въ годъ не менѣе 25-ти.

Программа обоихъ изданій и составъ сотрудниковъ остаются тѣже самыя, что и въ 1884 г.

Подписная цѣна на „Вѣстникъ“, вмѣстѣ съ „Художественными Новостями“, — бѣзъ доставки 10 руб. въ годъ, съ дост. въ СПб. и съ пересылк. внутр. Имперіи 12 руб., съ перес. за границу 15 рублей.

Въ видѣ бесплатной премii подписчики получаютъ въ концѣ года А. новъ больш. формата съ рисунговъ русскихъ и иностранныхъ худож.

Подписка принимается въ Редакціи (Вас. Остр., здан. Академii художествъ, отъ 10 ч. утра до 4 ч. послѣд.) и у всѣхъ извѣст. книгопродавцевъ столицъ. Гг. иногородные благоволятъ обращаться для подписки преимущественно въ Редакцію.

ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО ОБЩЕСТВА ВОЗЗВАНІЕ.

Близъ Храма Воскресенія Господня въ Иерусалимѣ принадлежитъ Россіи мѣсто, которое до послѣдняго времени оставалось пустыремъ, покрытымъ вѣковымъ мусоромъ.

Православное Палестинское общество, по мысли и предложенію своего Августѣйшаго Предсѣдателя Государя Великаго Князя Сергея Александровича, предприняло, на пожертвованія Его Императорскимъ Высочествомъ средства, раскопки на этомъ мѣстѣ, съ двоякою цѣлью: разъяснить планъ воздвигнутыхъ Равноапостольнымъ Императоромъ Константиномъ сооруженій на мѣстѣ смерти и воскресенія Господа нашего Иисуса Христа и отысканіемъ направленія старой городской стѣны Иерусалима — подтвердить подлинность чествуемой всѣмъ христіанскимъ міромъ пещеры, служившей погребальнымъ ложемъ Богочеловѣку.

Совершенныя Обществомъ раскопки увѣнчались, по благословенію Свяще, успѣхомъ, превзошедшимъ надежды и ожиданія. По очищеніи мѣста до природной скалы отъ лежавшаго на немъ слоя вѣковаго мусора, найдены остатки древнихъ городскихъ стѣнъ Иерусалима и пороги воротъ, ведшихъ за городъ во время земной жизни Спасителя. Такъ какъ ворота сіи ближайшія къ Голгоѣ, то съ несомнѣнною достоверностью можно сказать, что черезъ нихъ проходила конечная часть Крестнаго пути, по которому Господь нашъ Иисусъ Христосъ былъ веденъ на вольную страсть.

Въ настоящее время, когда Промыслу Божию угодно было открыть для чествованія христіобливыхъ поклонниковъ стезю, по которой шествовалъ Спаситель на Крестную смерть за грѣхи рода человѣческаго, на Православномъ Палестинскомъ Обществѣ лежитъ священная обязанность защитить сіе мѣсто особымъ сооруженіемъ отъ разрушительнаго вліянія зимнихъ дождей и непогодъ.

Въ виду этой цѣли Православное Палестинское Общество приглашаетъ всѣхъ благочестивыхъ православныхъ людей, которымъ дороги мѣста, освященныя земною жизнью и страданіями Христа Спасителя, придти Обществу на помощь своими пожертвованіями, да вновь не запустѣетъ мѣсто свято.

Пожертвованія могутъ быть доставляемы въ Совѣтъ Православнаго Палестинскаго Общества: черезъ мѣстное Епархіальное Начальство; или прямо въ Совѣтъ Общества С.-Петербургъ: черезъ Контору Двора Ея Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергея Александровича, Собственный Его Высочества дворецъ, и на имя Казначая Общества Сергѣя Дмитриевича Лермонтова, Манежный переулокъ, 7.

Жертвователи могутъ пересылать свои приношенія и черезъ Уполномоченныхъ Общества:

- въ Москвѣ — Священника Гавріила Григорьевича Стрѣтенскаго, Большая Никитская, въ домѣ церкви Малаго Вознесенія, и Андрея Николаевича Гѣнизова, Пятницкой части, Лужниковскій пер., въ своемъ домѣ;
- въ Троице-Сергіевой Лаврѣ — о. Агапита, въ Новой гостинницѣ;
- въ Києвѣ — Протоіерея Ільи Тихоновича Экземлярскаго, Фундуклевская улица, въ Коллегіи Галагана, Протоіерея Петра Гавриловича Лебединцева, въ домѣ Софійскаго Собора, и о. Геромонаха Александра, въ Лаврской гостинницѣ;
- въ Одессѣ — Протоіерея Александра Николаевича Курьянцева, въ Университетѣ; и Михаила Ивановича Осипова, Воронцовскій пер., въ домѣ Бодаревскаго;
- въ Воронежѣ — Ризничаго Митрофаніева монастыря о. Геромонаха Платона;
- въ Перми — Дмитрія Дмитриевича Смышляева;
- въ Казани — Николая Васильевича Саврасова, Черноозерская улица, въ домѣ Куракинскихъ;
- въ Полоцкѣ — Петра Михайловича Казначеева и
- въ Читѣ — Ивана Васильевича Махова.

ARGOSY

Совершенно эластичны, не содержащія въ себѣ резины и не препятствующія никакому движенію человѣческаго тѣла. Единственныя подтяжки, которыми невозможно оторвать пуговиць.

М 3:00
Фабрикантъ имѣетъ русскій патентъ за № 6308-мъ, и предупреждаетъ каждого, что при нарушеніи его, имъ тотчасъ будутъ приняты мѣры къ сохраненію своихъ правъ. Какъ продавецъ, такъ и фабрикантъ немедленно будутъ привлечены къ ответственности, какъ нарушители вѣданнаго ему патента.

Самыя лучшія подтяжки свѣта. МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВО ВСѢХЪ ГАЛАНТЕРЕЙНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

ЕДИНСТВЕННАЯ АГЕНТУРА ДЛЯ ОПТОВОЙ ПРОДАЖИ:
Argosi braces y Zollvereins-Niederlage 38 Wilhelm Strasse ВЪ ГАМБУРГЪ.

BRACES.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ:
ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

П. П. ГНѢДИЧА.

Издание А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 400 иллюстраціями въ текстъ—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Сочиненіе окончено авторомъ, нынѣ печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ февралѣ мѣсяцѣ этого года.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ЗА ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ:

брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ каленк. переплетѣ съ золот. тисн. 7 рубл., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „НИВЫ“ на 1885 г., подписавшихся на Исторію Искусствъ до 31-го Января 1885 г., дѣлается слѣдующая уступка:

брошюр. за 5 р., съ перес. 6 р.; въ каленк. перепл. 6 р., съ пер. 7 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться: въ контору редакціи журнала „НИВА“ Большая Морская, № 9.

ПОЛЕЗНЫЕ ПОДАРКИ.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ

научничихъ парижск. фабрикантовъ и также своей фабрикации по 18 руб., 25 руб., 30 р., 40 руб., 50 руб., 60 р., 75 руб., 90 р. и 100 р. Школы для корнета по 1 руб. 50 коп., 4 руб. и 5 руб.

Альтгорны, баритоны, басн., валторнн, трубы, тромбоны, сигнальные роженн.

Флейты самой лучшей французской и венской работн по 3 руб., 5 р., 7 р., 10 руб., 12 руб., 20 р., 30 р., 40 руб., 50 р., 60 р. и дороже.

Школы для флейты по 1 р. 50 к. и 3 р. Никколейфты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р., 15 руб.

КЛАРНЕТЫ

отъ лучшихъ французскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 35 р., 40 р., 50 р., 60 р. Школа для кларнета 4 руб. Флажолеты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р. Новый каталогъ нотъ для всѣхъ духовыхъ инструментовъ бесплатно. За пересылку прому прилагаютъ приблизительно. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

Юлий Генрихъ Циммерманъ.
Главное депо музыкальных инструментовъ С.-Петербургѣ, Б. Морская, № 36. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго. Р. № 3720 2-2

СВЯЯННЫЙ МАГАЗИНЪ ИВ. ИВ. СИМА.
14. Караванная 14.

Препъ-курантъ на 1885 годъ высылается бесплатно. № 3794 3-2

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ РЕБУСА.

Колозова и Оверича. 10 печатн. лист., съ 25 рис. въ текстѣ и 12 ребусами въ приложеніи. Ц. 75 коп. № 3801 2-2
Складъ изданія въ СИБ. Малозинск. пер. № 7, у С. Д. Лермонтова. Нижегородские, обращаются въ склады, за пересылку не платятъ.

Дозволено цензурою. СИБ. 9 января 1885 г

Пользующійся во всѣхъ европейскихъ государствахъ заслуженною славою, бывший на выставкахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Монгенѣ,

АНГЛІЙСКІЙ ХОЛСТЪ ПРОТИВЪ РЕВМАТИЗМА.

Продается въ пакетахъ, съ описаніемъ употребленія, по 1 рублю; двойной силы, по 2 рубля.

Знаменитый д-ръ Гуфеландъ говоритъ въ своихъ медицинскихъ сочиненіяхъ: „Есть двѣ болѣзни, противъ которыхъ медицина напрасно искала до сихъ поръ сильно-дѣйствующихъ лекарствъ: это — ревматическая головная боль и подагра“; это средство нашлось въ употребленіи вышеозначеннаго холста противъ ревматизма.

Продажа для всей Россіи настоящаго холста: въ С.-Петербургѣ, въ аптекарскомъ магазинѣ г. Оснаръ Гертокенъ, Казанская улица, д. № 37. На почтовые расходы прилагается 50 коп. Р. № 3814 3-1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ
„ОСКОЛКИ“
ГОДЪ V. V ГОДЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И ПРИ ДОСТОЯННОМЪ УЧАСТІИ
Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“, вступающій въ пятый годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1885 году подъ той же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1884 году.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимаютъ участіе: К. С. Баранцевичъ, П. В. Быковъ, М. Д. Бѣловъ, В. А. Гиляровский, И. Ф. Горбуновъ, И. Грѣкъ (псевдонимъ), А. Ф. Ивановъ (Классикъ), Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, В. О. Михневичъ (Коломенскій Калхидъ), В. И. Нешировичъ-Дамченко, Л. И. Пальминъ, С. Н. Терпигоревъ (Сергій Атава), Д. Д. Тогольскій (Дядя Митяй), Л. Н. Трофимовъ, А. Т. Трофимовъ, Ф. В. Черниговцевъ, Ан. П. Чеховъ (А. Чехонте) и др.

Рисунки были исполнены художниками: Н. А. Богдановичъ, М. М. Дальневичемъ, А. И. Лебедевичемъ, А. Левитановъ, М. М. Лилинымъ, М. Е. Малышевичемъ, В. И. Порфирьевичемъ, Н. П. Чеховичемъ, С. И. Эрберомъ и др.

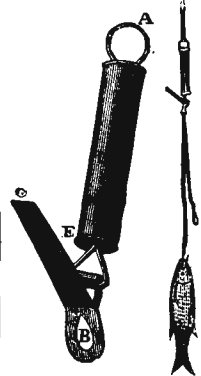
Журналъ „Осколки“ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій на лучшей бумагѣ и даетъ еженедѣльно четыре странички юмористическихъ и шаркатурныхъ рисунковъ, какъ раскрашенныхъ, такъ и черныхъ, и четыре странички текста убористой печати. Ежегодное изданіе составляетъ 52 номера и заключаетъ въ себѣ около 600 рисунковъ и свыше 1,200 беллетристическихъ статей.

Въ текстѣ помѣщаются юмористическія обзорнія петербургской, московской и провинціальной жизни, рассказы, анекдоты, пародіи, анекдоты, сатирическая и юмористическія стихотворенія, шарадн, ребусы, загадки и проч.

Журналъ „Осколки“ старается, въ предѣлахъ возможности, отнматься въ легкой, скатой формѣ на вопросы дня и явленія нашей общественной жизни, помѣщая на первой страничкѣ сатирическія иллюстраціи текущихъ явленій и время отъ времени въ шаркатурномъ видѣ портреты лицъ, нѣющихъ интересъ минуты.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:
На годъ безъ пересылки . . . 6 р. || На 6 мѣс. съ пересылк. и дост. 4 р.
съ пересылк. и достатк. 7 Отдѣльный №—20 к.
Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Николаевская ул., д. № 10; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Д. Васильева, Страстной бульваръ, д. графа Мусина-Пушкина.
Допускается разсрочка поднесенія денегъ черезъ гг. казначеевъ и по личному доуславію съ конторою редакціи.
Редаторы-Издатели Н. ЛЕЙКИНЪ и Р. ГОЛИКЕ.
№ 3643 4 4

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСКАТЕЛЪ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,

одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ примѣняющій во всякое время года и для всякой рыбы; замѣняетъ грузы, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватается наживку, то механически задвигается на щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется и 40 к. Единственный складъ у П. Ф. Наратаева, Невскій пр., Милютинъ

рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.
Полный иллюстриров. въ краскахъ препъ-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается за 1 семи-копечную марку.
Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 к.; вынимающіе подскатели прибавляютъ за микроскопъ только 20 к. № 1188 1 -1

„АМЕРИКАНКА“

полезный всякому хозяйству снарядъ для стирки, въ обыкновенной комнатной водѣ, бѣлая. Расходу весьма мало мыла и сохраненіе отлично бѣлая, стирка доступна даже малодѣткамъ. Приглашаются агенты. Цѣны снаряда съ пересылкою по почтѣ 5 р., въ Сибирь 8 руб. При каждомъ снарядѣ прилагается наставленіе. Адресъ: Губернскому агенту Русскаго Страха, Общества, В. Шамензону, въ Симферополѣ.

ОТЗЫВЪ СЕМНАДЦАТИ.

М. Г. Веніаминъ Ильичъ! Снарядъ Вашъ „Американка“ я получилъ уже нѣсколько недѣль тому назадъ, но только теперь, ипотнъ убѣдившись въ практической примѣнимоети этого снаряда, приношу Вамъ искреннюю благодарность, съ общаиимъ распространять свѣдѣнія о его пригодности для стирки бѣлая, между моими знакомыми. Снарядъ мною выписанъ для домашняго обихода, но, нужно сказать, что онъ принесетъ еще большую пользу въ такихъ мѣстахъ, гдѣ стирка бѣлая производится въ громадныхъ рамкахъ. Потребляя чрезвычайно мало воды и мыла (экономическая сторона снаряда), стирка на немъ дѣйствительно доступна малодѣткамъ. Примите и проч. учитель городскаго училища Дмитрій Суворовъ. Москва, 3 марта 1885 г. — Адресъ мой: Москва, Покровка, близъ землянаго вала, домъ Жданова, Дмитрію Феодоровичу Суворову. № 1187
(Подлинныя письма хранятся при редакціи Тагр. Губ. Вѣдом.).
Фабричное кладно на снарядѣ: „В. ШЛЕМЕНЗОНЪ—Симферополь“.

Издание А. Ф. Маркса въ СПбургѣ

НИВА

Иллюстрированный
Журналъ
Литературы

XVI годъ

№ 3

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XVI

1885

Выходить еженедельными №№ въ три листа съ 6—10 рис. и ежемѣсячнымъ даровымъ приложеніемъ „Парижскихъ модъ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выданъ 19 Января 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строчку нонпарейль (1/2 шир.
строч.) въ Глав. Кон. Ред. по
60 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногор. по 5 р. съ перес.
чи, для городскихъ 4 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

Общій видъ гор. Хабаровки на р. Уссури (Амурской области). По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Хабаровка на р. Уссури.

Хабаровка, носящая имя известного в истории первого покорителя Амура—Хабарова, прославившагося своею неустрашимостью и удалью, пользуется в Приморской Области репутацией живописнаго уголка, приводящаго въ восхищеніе посѣщающихъ ее туристовъ. Это действительно одинъ изъ самыхъ южныхъ пунктовъ на Амурѣ, обладающій теплымъ, благодѣтельнымъ климатомъ и красивою, разнообразною растительностью. Поселеніе расположено на трехъ значительныхъ возвышенностяхъ, раздѣленныхъ глубокими оврагами, и кромѣ того раскинулось по высокому берегу рѣки Уссури, которая соединяетъ здѣсь свои воды съ Амуромъ. До 1864 года Хабаровка служила почти исключительно цѣлямъ военной колонизаціи. Стараніями и усиліями военныхъ чиновъ 3-го сибирскаго батальона, здѣсь возникли въ 1858 году первыя постройки церкви, казармъ, офицерскихъ и даже частныхъ домовъ. Поселеніе разрослось быстро, тѣмъ болѣе, что оно действительно представляло живописный, уютный уголокъ, такъ какъ отъ самаго Благовѣщенска, за исключеніемъ Хингала, видна одна голая степь, поросшая мелкимъ кустарникомъ. Теперь Хабаровка не можетъ похвастаться особенно богатою растительностью, такъ какъ вся береговая роща уже вырублена поселенцами; уцѣлѣлъ лишь довольно густой природный садикъ на утесѣ, откуда представляется одинъ изъ самыхъ живописныхъ видовъ Амура.

При первомъ заселеніи Хабаровки вообще не соблюдалось никакого плана. Жители селились гдѣ хотѣли и строили какъ умѣли свои пестрыя постройки. При переименованіи селенія въ 1880 году въ областной городъ, обращается конечно уже болѣе вниманія на правильную распланировку домовъ и улицъ, но все-таки въ отношеніи условій городского благоустройства Хабаровку все еще можно разсматривать какъ военной ности области. Но Хабаровка несомнѣнно имѣетъ прочную будущность, такъ какъ находится на соединеніи двухъ главныхъ путей Приморской Области, и при томъ въ мѣстности по климату въ высшей степени удобной для заселе-

нія. Кромѣ того и торговля въ Хабаровкѣ развита болѣе, чѣмъ гдѣ либо внутри края.

Пароходное сообщеніе между Благовѣщенскомъ, Хабаровкой и Владивостокомъ тоже централизуется въ Хабаровкѣ, такъ какъ здѣсь происходитъ встрѣча пароходовъ и обмѣнъ ими пассажировъ. Пароходство по Амuru и Уссури производится теперь средствами особаго товарищества, которое имѣетъ 13 пароходовъ. Хабаровка служитъ центромъ торговли соболями, а также передаточнымъ пунктомъ для проѣзжающихъ съ Амура въ казацкія станицы по Уссури и въ южно-уссурийскій край. Соболи приобрѣтаются иногда и привѣзжими китайскими купцами у туземцевъ—гольдовъ и ороочонъ. Въ настоящее время въ Хабаровкѣ считается не менѣе 2,500 жителей. Городъ расположенъ на двухъ террасахъ высокой береговой скалы, при чемъ верхнія и нижнія части соединяются въ нѣсколькихъ мѣстахъ деревянными лѣстницами. Видъ города вообще красивъ, тѣмъ болѣе, что дома окружены садиками; между прочимъ, здѣсь устроены садикъ, гдѣ собраны образцы уссурийской флоры. Въ городѣ имѣется православная церковь и Алексѣевское начальное училище для дѣтей обоаго пола, устроенное въ память посѣщенія Хабаровки государемъ в. кн. Алексѣемъ Александровичемъ. Въ двухъ же механическихъ заведеніяхъ съ лѣсопильной и литейной мастерскими общества амурскаго пароходства, занято постоянно отъ 30 до 50 лицъ и производится работа на сумму до 100,000 рублей.

Видъ Хабаровки, представленный на нашемъ рисункѣ, изображаетъ улицу, идущую подъ гору къ китайской пристани. На лѣвой сторонѣ видны двухэтажные дома, выстроенные назадъ тому болѣе двадцати лѣтъ, купцами Плюсинымъ и Чардымовымъ. У пристани видны китайскія джонки довольно оригинальной постройки, на которыхъ китайцы славяють по рѣкѣ Сунгури и Амuru въ Хабаровку и въ другія мѣста разные жизненные продукты. Далѣе на правой сторонѣ виденъ разливъ рѣки Уссури, впадающей въ рѣку Амuru.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ I.

(Продолженіе).

IV.

Природа наградила Павла Петровича Криницына красивою вѣнностью, не отказала при этомъ и въ умѣ, и даже не дюжинномъ. Онъ выступилъ на праздникъ жизни... но... сорвалось...

„Оскуднѣніе“ отозвалось на немъ скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ... Онъ былъ выброшенъ за бортъ... пришлось-бы топуть, еслибы судьба, въ видѣ тетушки княгини и кузины Мадъ, не усадила его на необитаемомъ островѣ, въ ожиданіи другаго корабля, въ ожиданіи какой нибудь счастливой случайности, имѣющей дать ему возможность снова взобраться на палубу корабля жизни и занять свое мѣсто въ каютѣ.

Этотъ необитаемый островъ оказался „Глухимъ фортомъ“.

Волею-неволею пришлось примириться съ обстоятельствами, пришлось оставить на время „праздникъ жизни“ и поскучать въ одиночествѣ, подыскивая себѣ утѣшительныя иллюзіи...

Здѣсь, напримѣръ, можно отличиться на боевомъ полѣ: военная карьера вѣдь не прервана, она продолжается непрерывно и, конечно, представляетъ болѣе шансовъ на полученіе какого ни на есть вѣнка героя... а тѣмъ временемъ, скандалъ, поднятый кредиторами, постепенно уляжется... Вѣдь этому скандалу тетушка и кузина не дали разгорѣться во всю силу, ну и пусть онъ пока тлѣетъ, до прибытія пожарной команды... Время лечитъ все, время даже пассивно вліяетъ на уплату долговъ... и, кто его знаетъ, что можетъ впредь случиться... Здѣсь, болѣе или менѣе защищенный, не жалкими земляными валами Глухаго форта, а десятками тысячъ верствъ, отдѣляющими этотъ фортъ отъ Петербурга, и годовыми сроками какой бы то ни было переписки, — здѣсь опъ можетъ „отсидѣться“.

Тяжело это отсиживаніе, невыносимо томительно дѣйствовало оно на душу Павла Петровича — и главная тигота заключалась въ томъ, что оно безсрочно... Кто знаетъ! Случайность — и оно прекратится завтра. Случайность — и оно затянется на долгіе и долгіе годы.

Совершенно иныя, чуждыя условія о потребности жизни Глухаго форта захватили врасплохъ Криницына... Онъ бы могъ примириться съ этими условіями, могъ бы ужиться съ новымъ кругомъ, съ новымъ положеніемъ вещей, но онъ смотрѣлъ на все это, какъ на нѣчто временное, вовсе ему не обязательное, и не ударилъ пальцемъ о палецъ ради сближенія. Къ нему не пошли на встрѣчу и установился постепенно родъ какой-то враждебности въ отношеніяхъ съ нимъ новыхъ товарищей.

На поклонъ одного изъ товарищей, онъ отвѣтилъ сухимъ, форменнымъ прикладываніемъ руки къ козырьку фуражки,—это вызвало смѣхъ; и онъ подглядѣлъ разъ какъ прапорщикъ Ползуновъ, мальчишка, сынъ писаря, передразнивалъ его граціозное движеніе. Одному изъ офицеровъ опъ сказалъ: „M-sieur такой-то“, тотъ даже обидѣлся и замѣтилъ, что онъ не мусье, а своему государю капитанъ и крещенъ Фадѣемъ, а по отцу Николаевичемъ... „Не могу же я называть ихъ, какъ они привыкли между собою: Ванька, Федька, Сапопокъ и пр.“ писалъ Криницынъ кузинѣ Мадъ, комично рассказывая этотъ случай, ради характеристики той ужасной труппы, куда его закинула судьба. „Представь себѣ, описывалъ опъ ей свое житье-бытье. Вчера былъ батальонный праздникъ и здѣшніе офицеры дѣлали другъ другу визиты, это было преславно: одинъ изъ офицеровъ зашелъ къ другому, вынули вмѣстѣ водки, закусили, утерлись рукавомъ—они не имѣютъ привычки употреблять для этого дѣла сал-

фетки,—и отправились, уже вдвоемъ, къ третьему—продѣлали тоже самое тамъ, и, уже втроемъ, потащились къ четвертому... Такъ росла цѣлая гурьба, и эта гурьба шаталась чуть не до вечера по улицамъ... Это смѣшно! Я принялъ, на всякій случай, мѣры: велѣлъ сказать, что меня нѣтъ дома; но, славу Богу, они забыли о существованіи моей квартиры...”

— Ко мнѣ прошу пирожка отвѣдать, Павелъ Петровичъ, любезно пригласилъ его разъ фортовой батюшка, отецъ Павелъ.

Криницынъ пошелъ.

У отца Павла въ домѣ жила прехорошенькая племянница, ходила въ ситцевомъ платьѣ и въ косыночкѣ, прислуживала за столомъ и вѣчно улыбалась, показывая при этомъ свои ровные, бѣлые зубки. Офицеры форты ее очень любили, вѣчно баловали; старики гладили по головкѣ и называли птенчикомъ; молодежь посмѣивалась...

Криницынъ, на котораго разъ Груня пристально заглядѣлась, поймалъ этотъ взглядъ и позволилъ себѣ шутку, но его мнѣнію очень остроумную и ни сколько не оскорбительную... Но Груня, должно быть, не сумѣла понять и оцѣнить этого вниманія... Глазенки ея вспыхнули, и она, не безъ извительности, произнесла:

— Вы, Павелъ Петровичъ, полагаете, что надъ нами, деревенскими дурами, такъ уже и можно надсмѣхаться?.. Извините! напротивъ того... Мы тоже очень понимаемъ, что слѣдуетъ...

И Криницынъ тогда же замѣтилъ, что этотъ неожиданный отпоръ нанесъ себѣ общее сочувствіе и даже вызвалъ шумное одобреніе со стороны присутствующихъ.

— Молодецъ Груняха! во все горло гаркнулъ кто-то въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ старики засѣли, послѣ завтрака, за партію „по маленькой“.

Это все-таки опять мелочи, но вѣдь эти мелочи—вся жизнь въ Глухомъ фортѣ, здѣсь какъ то умѣютъ обходиться безъ крупныхъ событій... И съ каждымъ днемъ жизнь въ этомъ фортѣ становилась для Криницына невыносимѣй и невыносимѣй.

А тутъ, какъ на обиду, мирное положеніе особенно затянулось долго. На азиатскомъ горизонтѣ было ясно, и грома пушекъ, окончатально, не предвидѣлось...

— О, Господи! томился Павелъ Петровичъ.—Когда же прійдетъ эта счастливая минута, когда мнѣ можно будетъ вырваться отсюда снова на свѣтъ Божій...

Онъ не былъ виноватъ въ томъ, что этотъ *свѣтъ Божій* рисовался для него такъ ограниченно.

Цѣлые дни проводилъ онъ одиноко въ своей квартирѣ... появляясь только официально на своемъ мѣстѣ. Онъ приготовилъ и перечитывалъ массу французскихъ романовъ, которые ему высылали, по временамъ, кузина Мадъ. Она также высылали ему „Journal Amusant“, помера котораго Криницынъ хранилъ особенно, даже саморучно подписывалъ ихъ по порядку. Когда спадаль денной жаръ, онъ по нѣсколькимъ часамъ прогуливался верхомъ на своемъ „Абрекѣ“—и успѣлъ уже очень хорошо изучить всѣ тропинки мѣстности, лежащей во кругъ Глухаго форты... Пробираясь въ густыхъ камышахъ, молодцовато сидя въ своемъ щегольскомъ сѣдлѣ, опершись рукою о логу карабина, онъ мечталъ даже о разныхъ приключеніяхъ, и всегда приходилъ къ одному: „что еслибы кузина Мадъ, или кто нибудь изъ нашихъ увидѣлъ его въ этомъ интересномъ видѣ...“ Но въ окрестностяхъ Глухаго форты было, какъ нарочно, все покойно. Полувооруженные, жалкіе бандиты не показывали болѣе своего носа...

Криницынъ часто писалъ въ Петербургъ своимъ друзьямъ обоего пола. Письма къ хорошенькой кузинѣ Мадъ были особенно подробны и длинны, какъ и слѣдуетъ... И, надо сказать, что именно эти отвѣты наиболѣе болѣзненно разрывали сердце Павла Петровича.

Кузина Мадъ краснорѣчиво описывала ему всѣ прелести свѣтской жизни, она пересыпала ихъ эпизодами хроники свѣта, она разжигала его любопытство, усиливала до цѣльи его страстное желаніе поскорѣе вернуться.

Портретъ кузины Мадъ, красивой бриоетки, съ роскошно развитымъ бюстомъ и чудными округленными плечами,—стоялъ на самомъ видномъ мѣстѣ стола, а по вечерамъ переносился даже на ночной столикъ.

Глаза этого портрета лукаво шурлились и словно говорили... и Криницыну, при каждомъ пристальномъ взглядѣ на изображеніе своей красавицы, слышался нѣсколько глухой, гармонической, проникающей въ душу контраalto:

— Когда-же ты появишься вновь на нашемъ горизонтѣ—мой романической герой... „иль на щитѣ,—иль со щитомъ?..“

И Павелъ Петровичъ повторялъ за этимъ голосомъ послѣднюю фразу, а такъ какъ онъ былъ человѣкъ умный и романтизмомъ не особенно увлекающійся, то добавлялъ онъ себѣ:

— Во всякомъ случаѣ „ле на щитѣ“, ибо со щитомъ гораздо пріятнѣе.

V.

Теперь вернемся къ слѣдственному дѣлу.

Опытный специалистъ, Анатолій Робертовичъ Грунинъ, провелъ весь день въ розыскахъ и изслѣдованіи *слѣдовъ*, въ обществѣ капитана Шелобова, старика Глухарева, его сына Павлуши и еще нѣсколькихъ офицеровъ. Въ его головѣ снова воцарилась мысль объ экстраординарномъ событіи, онъ даже заявилъ объ этомъ громко своимъ спутникамъ, увѣряя ихъ, что для него сразу, съ перваго взгляда на трупъ, было ясно все; что онъ, не колеблясь, отрицаетъ всякую возможность приписывать настоящей, прискорбный случай простому разбою; при этомъ онъ привелъ цѣлый рядъ примѣровъ изъ хроники интересныхъ уголовныхъ процессовъ, сему дѣлу соответствующихъ... Говорилъ безъ умолку, вплоть до заставы Глухаго форты и, при разставаніи, снова горячо благодарилъ господъ офицеровъ за оказанное ему сочувствіе и энергичное содѣйствіе.

Господа офицеры настаивали на повальномъ обыскѣ—и Грунинъ рѣшился наконецъ на этотъ рѣзкій, весьма щекотливый шагъ, на всякій только случай послалъ гонца къ высшему начальству, прося тамъ о разрѣшеніи этого обыска. Джигита-туземца онъ отправилъ съ письмомъ секретно, ни слова не сказавъ объ этомъ даже Павлу Петровичу, и очень былъ удивленъ полученнымъ изъ города отвѣтомъ.—Удивленъ, огорченъ и сконфуженъ.

Ему писали:

„Все, что найдетъ опъ необходимымъ для раскрытія истины, отъ него, какъ отъ спеціального слѣдователя, зависить лично. Напоминали, что самъ онъ лично долженъ во всемъ согласоваться съ законами, конечно, ему, какъ спеціалисту, хорошо извѣстными... и тому подобное...“

Даже покрасилъ до ушей Анатолій Робертовичъ, читая полученную бумагу, и вопросъ о повальномъ обыскѣ былъ имъ порѣшенъ теперь уже безповоротно.

— И такъ... не безъ извительности началъ было Павелъ Петровичъ, случайно накрывшій своего друга, какъ разъ въ ту минуту, когда онъ давалъ „на чай“ вернувшемуся джигиту.

— Конечно! горячо прервалъ его Грунинъ.—Разъ я нашелъ это необходимымъ, я не долженъ останавливаться передъ какими-то нечлѣнными предразсудками... И къ чему тутъ „честь мундира“, что за глупая фраза!—Нашли улики,—ты воръ—и спимай съ себя этотъ мундиръ; не нашли ничего,—носи его на здоровье... Наполеонъ, столько примѣровъ... Вотъ тебѣ недавній, и очень подходящій... Въ окрестностяхъ Мадрита...

Пѣвецъ. Съ картины Конти грав. Кнезингъ.

Но Павлу Петровичу, впрочемъ, некогда было слушать о томъ, что недавно случилось въ окрестностяхъ Мадрита,—онъ прервалъ рассказъ въ самомъ началѣ легкимъ пожатіемъ руки и словами: „Parдон, mon ami“, и, не спѣша, зашагалъ по улицѣ, придерживаясь тѣневой стороны, сбивая кончикомъ хлыста головки густо выросшихъ у глинянаго забора—крапивы и репейника.

По постановленію Грунина—квартиры коменданта и фортоваго священника были освобождены отъ обыска. Но комендантъ воспротивился этой льготѣ, объяснивъ, что обыскъ, именно, долженъ начаться съ его квартиры и съ самую парочитою строгостію „для примѣра прочимъ“. Отецъ же Павелъ заявилъ просто, что онъ сего изъятія не допуститъ по христіанскому смиренію, ибо Единъ Богъ безъ грѣха!

Дѣлать было нечего. Начали обыскъ съ комендантскаго помѣщенія.

Всѣ жители форта, военные и невоенные, равно какъ и туземцы, обязаны были въ данный день и часъ оставить свои жилища и выйти на площадь, на „эспланаду“, какъ здѣсь привыкли выражаться. Ко всѣмъ жилымъ и нежилымъ помѣщеніямъ поставлены были парные часовые съ строгимъ наказомъ никого не впускать „до приказанія“.

Обыскъ долженъ былъ производить, конечно, самъ слѣдователь съ помощниками: двумя депутатами отъ военнаго сословія и двумя отъ мирныхъ обывателей. Грунинъ самъ выбралъ себѣ первыхъ двухъ: Криницына и Шелобова, но Павелъ Петровичъ наотрѣвъ отказался отъ такой чести и его мѣсто заступилъ молодой Глухаревъ.

Обыскъ производился довольно поверхностно и быстро: входили въ квартиру, отпирали замки, гдѣ только таковыя находились, наскоро осматривали, за тѣмъ заносили въ протоколъ, что, молъ, все обстоитъ благополучно и ничего подозрительнаго не найдено, и снимали часовыхъ... Добрались такимъ образомъ до квартиры Криницына.

Здѣсь именно мирный, нѣсколько скучный своимъ однообразіемъ характеръ обыска измѣнился. Неизвѣстно почему—квартира эта овладѣла общимъ интересомъ. Всѣ обитатели Глухаго форта столпились сюда, занимая нестранными группами плоскія крыши соедѣнныхъ, осматривавшихъ уже строгій. Капитанъ Шелобовъ перекрестился, переступилъ порогъ этой квартиры, глаза молодого Глухарева горѣли лихорадочнымъ огнемъ и его лицо было блѣдно отъ волненія, отецъ Павелъ глубоко вздохнулъ, смиренно склонивъ на бокъ свою гладко расчесанную голову; депутаты отъ мирныхъ гражданъ, татаринъ-маркитантъ Шафиръ и отставной горнистъ, Мойша Лудель, засучили рукава и попросили лопаточки... Батальонныя дамы смолкли, а до сей минуты онѣ щебетали какъ скворцы надъ мельницею... Комендантъ, полковникъ Огурчиковъ, почему-то рѣшился, не смотря на жару, застегнуться на всѣ пуговицы... Гробовое молчаніе царило въ группѣ столпившихся въ кучу офицеровъ.

Криницынъ не могъ не замѣтить всего этого и стоялъ поодаль, блѣдный какъ полотно, судорожно стиснувъ въ своихъ зубахъ мундштукъ папиросы...

Только Грунинъ должно быть ничего не замѣчалъ и весело крикнулъ своему другу:

— Ну вотъ, Поль, мы и къ тебѣ съ визитомъ!

Онъ даже вспомнилъ о крошкѣ съ гранатами, едва только замѣтилъ, черезъ отворенную настежь дверь, предназначенную для такого прохладительнаго дѣла, сверкающую на столѣ посуду.

Тутъ сказалось общее недоброжелательство къ Криницыну. Чуть не цѣлый часъ конались депутаты въ его квартирѣ. Молодой Глухаревъ весь вывалился въ пыли, лазя подъ кровать и заглядывая подъ шкафы и

прочую мебель. Шелобовъ внимательно осматривалъ помѣщеніе и движеніемъ глазъ указывалъ маркитанту и эскъ-горнисту, гдѣ надо „приналечь съ особымъ рвеніемъ“. Грунинъ любовался портретомъ кузины Мадъ, и даже потянулъ его изъ рамки, любопытствуя, нѣтъ-ли чего написаннаго тамъ, сзади. Смотрѣли ковры и подъ ними, перерыли и перещупали всѣ ящики, обратили должное вниманіе на чердакъ и полы, въ одномъ мѣстѣ даже половицы были приподняты, ощупали и вскрыли подушки постели и сѣдель, заглянули въ копошню, въ чуланъ къ деньщику... и, въ концѣ концовъ, съ видомъ полного педоумѣрія, подписались подъ протоколомъ того же невиннаго содержанія.

У большинства присутствующихъ словно отлегло на душѣ. Сдержанное молчаніе разрѣшилось оживленнымъ разговоромъ. Отецъ Павелъ сотворилъ крестное знаменіе и привѣтливо кивнулъ головою въ сторону, гдѣ стоялъ Криницынъ: „поздравляю, молъ, и душевно радуюсь!“ Комендантъ повеселѣлъ—и не только что разстегнулся снова, но даже потянулъ съ потной шеи, досадно лезущій подъ самую уши, форменный галстукъ и сунулъ его въ карманъ; только дамы форта какъ будто бы остались недовольны результатами осмотра, за исключеніемъ одной Груни, громогласно произнесшей:

— Ну, Слава Тебѣ, Владычица Небесная!

Казалось, все шло къ общему благополучію, но тутъ случилось одно обстоятельство, совершенно неожиданное, сразу нарушившее общее благодушное настроеніе.

— Паплюю и брось ты это дѣло! шепнулъ Шелобовъ молодому Глухареву, все время не спускавшему глазъ съ Криницына...

— Нѣтъ, я этого такъ не оставляю! задорно огрызнулся Павлуша, и прежде чѣмъ кто нибудь могъ помѣшнать ему въ этомъ, подскочилъ вплотную къ Павлу Петровичу.

— А позвольте-съ узнать, по какому случаю у васъ на столѣ оказался этотъ предметъ?

Молодой человѣкъ держалъ въ своей рукѣ карточку Нади, вертя ее чуть не передъ самымъ носомъ Криницына.

Тотъ отодвинулся немного, видимо озадаченный такою неожиданною атакою, и удивленными глазами смотрѣлъ на разгорячившагося мальчика.

— Изволили вы когда нибудь знать эту особу?.. И по какому праву овладѣли ея портретомъ, на которомъ даже написано, что онъ принадлежитъ не вамъ, а покойному отцу ея, Федору Петровичу?

Криницынъ тутъ только понялъ въ чемъ дѣло. Онъ чуть было не расхохотался—и, играя хлыстомъ, спсходительно, свысока глядя на противника, произнесъ:

— Ну, это, молодой человѣкъ, положимъ не ваше дѣло! и я вамъ отчета давать не намѣренъ...

Онъ хотѣлъ было продолжать, что особы этой онъ совсѣмъ не знаетъ, что эта карточка на его столѣ проста, невинная случайность, что если особа извѣстна лично Павлушѣ и онъ почему либо интересуется ею, то можетъ сохранить карточку у себя... Онъ даже хотѣлъ закончить свою тираду легкимъ замѣчаніемъ и совѣтомъ впредь не горячиться такъ, ибо и пылкое заступничество подобнаго рода можетъ слегка компрометировать ту, за которую непременно заступаются... Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ, можетъ быть, и порисоваться немного, но сдѣлалъ послѣ первыхъ словъ маленькую паузу, а этой паузы было совершенно достаточно, чтобы молодой Глухаревъ, всплывшій до невозможности, успѣлъ громогласно произнести:

— Хлыщъ! Петербургскій фазанъ!

Какъ разъ въ это критическое мгновеніе въ дѣло успѣлъ вмѣшаться полковникъ Огурчиковъ.

Онъ слышалъ все, сообразилъ, пробрался къ ссорящимся и во все горло крикнулъ:

— Молчать!.. Господинъ адъютантъ, прапорщикъ

Ползуниковъ! Посадить подь арестъ Павлуш... Тыфу ты Господи! подпоручика Глухарева, за неумѣстное выражение... во фронтѣ... то бишь—въ публичномъ мѣстѣ... въ присутствіи начальства... сію минуту!

— Я говорилъ тебѣ, укоризненно замѣтилъ провинившемуся Шелобовъ.

— Посиди, братъ, остынь! неодобрительно покачалъ головою самъ Иванъ Акимовичъ и направился къ Криницину.

— Вы уже, батюшка, Павелъ Петровичъ не взычете съ сына... Молодъ, горячъ... Вы вѣдь многого здѣсь не знаете...

— Вашъ сыпъ носить мундиръ и можетъ отвѣчать самъ за себя, холодно замѣтилъ Криницинъ и прошелъ къ себѣ въ калитку, отсалютовавъ двумя пальцами господамъ офицерамъ.

До ушей побагровѣлъ старикъ Глухаревъ за свое извиненіе и съ минуту стоялъ передъ захлопнутою передъ его носомъ калиткою, потупивъ сѣдую, усатую голову, уставивъ осоловѣлые глаза на концы тяжелыхъ, запыленныхъ сапоговъ.

— Пойдемъ Вани къ отцу Павлу на поросенка! позвалъ его Шелобовъ, потянувъ за рукавъ кителя.

VI.

Верстахъ въ шести отъ Глухаго форта, не на той зарѣчной, степной сторонѣ, гдѣ на сотни верстъ разстилась голодная пустыня, безъ признака какого нибудь жилья, а на этой, подъ кручею когда то матераго берега, въ тѣни развѣсистыхъ вѣковыхъ карагачей и тутовыхъ деревьевъ—уютно раскинулся кишлакъ Бешь-арыкъ.

До прибытія русскихъ, значить и до возведенія Глухаго форта, этотъ кишлакъ игралъ видную роль: здѣсь была постоянная стоянка всѣхъ каравановъ, идущихъ въ Бухару и оттуда; здѣсь все кипѣло жизнью: длинный крытый базаръ пестрѣлъ туземными товарами... Теперь стало не то. Караваны пошли стороною, на новую, русскую, конечно болѣе скорую и удобную переправу, и Бешь-арыкъ на двѣ трети опустѣлъ, обезлюдѣлъ и стихъ.

Только въ центральной его части, выдвинувшейся къ самой дорогѣ, сохранились еще слѣды прежней жизни. Здѣсь—маленькая площадь перекрестка все еще, особенно подъ вечеръ, кишѣла народомъ; здѣсь сгруппировались нѣсколько лавочекъ со сбруею, зеленымъ чаемъ, кунжутнымъ масломъ, тертымъ табакомъ, дешевымъ краснымъ товаромъ и прочими потребностями скромной туземной жизни; здѣсь-же самое видное мѣсто занималъ чай-хане (постоялый дворъ съ продажей чая роспивочно) купца Миробая, лица очень вліятельнаго во всей округной мѣстности, человѣка со средствами, владѣльца четырехъ жепъ и двухъ красивыхъ батчей, мальчиковъ-прислужниковъ при наливаніи и разноскѣ чая.

Никто изъ туземцевъ не позволялъ себѣ проѣхать мимо, не остановившись хотя на нѣсколько минутъ подъ гостепримнымъ, тѣнистымъ и прохладнымъ навѣсомъ чай-хане, — посидѣть на чистыхъ циновкахъ, глотнуть плоскую чашечку ароматнаго „вокчая“, затянуться дымомъ кальяна и перекинуться словомъ, другимъ съ достопочтеннымъ, уважаемымъ Миробаемъ... А у этого самаго Миробая всегда можно было узнать всѣ новости дня: отъ мелкихъ событій до высшей политики включительно... Вѣдь съ Миробаемъ самъ генераль-губернаторъ знакомъ, — и двухъ лѣтъ не прошло какъ, проѣздомъ въ степь, самъ генераль оставался у Миробая, — колесо соскочило въ коляскѣ, — чай пилъ, говорилъ ему ласковыя слова, халать приказалъ дать, зеленый съ голубыми полосами и, даже, — это уже всѣ видѣли, — прощаясь, хлопнулъ его по плечу и сказалъ: „акши!“ А „акши“ значитъ: хорошо, — то

есть, самъ генераль-губернаторъ очень Миробаемъ доволенъ и вѣроятно напишетъ, если не написалъ уже, о немъ самому Акъ-надинаху.

Сюда, въ Бешь-арыкъ, навѣдывались и русскіе офицеры изъ Глухаго форта, и всегда тоже останавливались у Миробая, но чаще всѣхъ пріѣзжалъ на своемъ Абрекѣ тюр (начальникъ) Криницинъ; привозилъ леденцы Алибею и Мамуну, батчамъ-прислужникамъ, и здоровался съ Миробаемъ всегда за руку, какъ равный съ равнымъ.

Купецъ Миробай очень дорожилъ вниманіемъ къ нему русскихъ вообще—и дружбою офицеровъ въ особенности... Онъ сознавалъ, что это, во первыхъ, усиливаетъ къ нему почетъ его земляковъ, а во вторыхъ... Мало-ли что можетъ случиться во вторыхъ? Вотъ, напримеръ, русскіе строго на строго запретили торговлю опиумомъ, особенно раскурочную, а могутъ же, не смотря на почетъ и вліяніе Миробая, найтись какіе нибудь нехорошіе люди, завидующіе его положенію, и шепнуть гдѣ слѣдуетъ о существованіи якобы на заднемъ дворѣ чай-хане специальныхъ помѣщеній для куваръ-базовъ, то есть для курильщиковъ опиума—„ганаша“. Притоны же подобные хотя и опасны для содержателей, но за то соблазнительно прибыльные.

Миробай былъ очень хорошей человѣкъ, — и во свѣтъ и на яву бредилъ о той счастливой минутѣ, когда, долженъ же онъ, въ поощреніе прочимъ, получить отъ начальства большую медаль на красной лентѣ, съ желтыми полосочками по краямъ.

И онъ былъ глубоко увѣренъ, что медаль эту рано или поздно, а непременно получить.

Вечерѣло... Крутизна обрыва покрыла уже сплошною тѣнью кишлакъ Бешь-арыкъ; карагачи и базарные навѣсы усилили эту тѣнь и Миробай распорядился повѣсить на косою жерди большой бумажный фонарь, когда по мощевой крупнымъ камнемъ улицѣ, звонко щелкнули подковы коня и красноватый свѣтъ фонаря упалъ на бѣлый китель Павла Петровича.

Криницинъ имѣлъ привычку каждый день проѣзжать своего коня, а дорога къ Бешь-арыку была одна изъ самыхъ пріятныхъ для вечернихъ прогулокъ.

— Аманъ Тюр! привѣтствовалъ его Миробай, тяжело поднимаясь съ мѣста.

Алибей и Мамунъ бросились къ лошади, одинъ къ поводьямъ, другой къ стремени, и тоже весело привѣтствовали пріѣзжаго, помогая ему слѣзть, и уже поглядывали искрящимися глазами на оттопыренные кобуры сѣдла, гдѣ, по обыкновенію, всегда находились предназначенныя для нихъ сласти.

Павелъ Петровичъ едва отвѣтилъ на привѣтствіе. Онъ имѣлъ видъ почему то крайне усталый, и тотчасъ же растянулся на циновкахъ, подтянувъ себѣ подъ голову шелковую подушку валикомъ.

— Чаю хочешь, Тюр? Кальянъ... пилать только что сварили...

Алибей, босоногій, въ одной только длинной, красной рубахѣ, подпоясанной золотымъ шнуркомъ, граціозно сталъ передъ Криницинымъ на одно колѣно, предлагая дымящийся кальянъ.

— Ну, какъ здоровье могучаго, достоуважаемаго комеданта, полковника Огурчикова? заговорилъ хозяинъ, очевидно этикета ради, и не дождавшись отвѣта, добавилъ самъ же:

— Должно быть очень хорошо... что ему дѣлается... Аллахъ ко всѣмъ многомилостивъ... Ты самъ вотъ, Тюр, здоровъ ли?..

Миробай пристально поглядѣлъ въ лицо Криницина, тотъ отвернулся...

— Я-то здоровъ... а вотъ что...

Офицеръ приподнялся на локоть и внимательно сталъ всматриваться въ темноту опустѣлаго къ ночи базара.

— Алибей! крикнулъ догадливый хозяинъ, — ты са-

дись на лошадь господина, а ты, Мамунь, потихоньку води ее за поводь... Видите какъ она вспотѣла! Да не здѣсь водите, по камнямъ, а туда ступайте, дорога мягкая... Ну, живо!

Павель Петровичъ улыбнулся... Мальчики мигомъ поняли своего патрона и тоже развѣялись лукавыми улыбками.

— Такъ вотъ оно какъ все вышло... н-да! произнесъ Миробай, глубоко вздохнувъ, когда голоса батчей и щелкотня подковъ, постепенно удаляясь, стихли гдѣ то за поворотомъ.

— Такъ! пожалъ плечами Криницинъ.

Помолчали съ минуту.

— Этотъ большой чиповникъ, что отъ самого генераль-губернатора прѣхалъ, прервалъ молчаніе Миробай,—вѣдь онъ тебѣ другъ будетъ, самый близкій человекъ, вотъ!

Татаринъ показалъ для большей выразительности два пальца, сжатые вполтную.

— Да, ты почему же знаешь?

— Миробай все знаетъ... Миробай все долженъ знать... У Миробая вездѣ глаза и вездѣ уши...

— Знаю!.. Криницинъ гадливо отодвинулся отъ этого остропосаго старика, сидѣвшаго передъ нимъ на корточкахъ.

Опять помолчали пемного, словно выжидал другъ друга.

— Большой дуракъ! произнесъ Павель Петровичъ.

— Есть у насъ хорошая пословица: „дуракъ другъ хуже умнаго врага“, согласился Миробай, очевидно не принявшій на свой счетъ слова гостя.

Тихо было вокругъ, но собесѣдники говорили еще тише, и любопытный Мамунь, оставивъ своего товарища при дѣлѣ, какъ ни подобрался близко, положительно не могъ разслышать ни одного слова, кромѣ послѣдней фразы русскаго:

— Однако, поздно! Пора уже и ѣхать!

Батча, какъ кошка, беззвучно прыгала съ камня на камень, пустился за лошадью, и черезъ минуту, подъ сводами базара, снова зацѣпали подковы Абрека, послышалось его сдержанное ржаніе и звонкіе голоса мальчиковъ, усердно сосавшихъ привезенные имъ леденцы.

— Есть у меня къ тебѣ большая просьба, говорилъ Миробай, самъ уже помогая Криницину сѣсть на сѣдло.

— Ну, что такое? говори, не стѣняйся!

— А вотъ что: твой другъ, о которомъ мы съ тобой говорили... Вѣдь онъ отъ самого генераль-губернатора прѣхалъ?

— Отъ самого...

— Генераль значитъ позовалъ его и сказалъ: „Ну, ты поѣзжай!“ такъ что ли?

— Должно быть что такъ.

— Генераль, значитъ, говорить съ нимъ, и онъ говоритъ съ генераломъ?

— Говорить!

— Такъ ты скажи ему, твоему другу, чтобы онъ напомнилъ обо мнѣ генералу, о Миробай значитъ... Если Шарикъ, рыжей собагъ, дали медаль за то только, что онъ проныра и лисица, такъ мнѣ, Миробай... Вѣдь ты понимаешь?

— Понимаю и скажу! коротко отвѣтилъ Криницинъ и тронулъ Абрека концомъ нагайки.

Нервный конь вздрогнулъ и поднялся на дыбы.

— Прощай Тюра! Помни всегда, что Аллахъ много-милостивъ! крикнулъ хозяинъ вслѣдъ гостю.

— Прощай! послышалось уже далеко по выѣздѣ изъ кишлака.

— Единъ Богъ, единъ!.. и все въ Его власти... Ну, тушите огонь и пора спать! распорядился хозяинъ.

И въ кишлакѣ Бешь-арыкъ, черезъ нѣсколько минутъ, стихло все окончательно.

Дорога къ Глухому форту выдѣлялась въ темнотѣ чуть замѣтною лентою, сплошныя стѣны камыша по сторонамъ словно перешептывались между собою... Абрекъ шелъ ходкою переступью, строго поводя своими острыми ушами... и скоро впереди показались темныя, приземистыя массы строевнй форты и заискрились олопки въ окнахъ, ближайшихъ къ окраинамъ домиковъ.

Проѣзжая мимо дома Горкина, Павель Петровичъ замѣтилъ въ окнѣ фигуру своего друга, уныло сидящую передъ столомъ, сплошь заваленнымъ листами исписанной бумаги.

Здѣсь онъ слѣзъ съ коня, отправилъ его съ вѣстовымъ казакомъ къ себѣ домой, а самъ поднялся на крыльцо.

— Ахъ, это ты?! Я очень-очень радъ!.. оживился Анатолий Робертвичъ, протягивая свосму пріятелю обѣ руки.—Я даже посылалъ за тобою, но мнѣ сказали, что ты уѣхалъ и куда—неизвѣстно... Очень, очень радъ! Садись!.. Вотъ кресло... Хочешь чаю!.. Впрочемъ, мы сейчасъ будемъ ужинать...

— Ну, какъ твои дальнѣйшіе подвиги на пути откритій? Поймалъ? нашель, накрылъ, засадилъ?.. а?.. Ну, подѣлись же со мною твоими радостями... Разсказывай!

Павель Петровичъ проговорилъ свою тираду веселымъ голосомъ, одобрительно хлопнулъ по плечу Грунина, подмигнувъ ему на бумажную гору и, сибаритомъ, не усѣлся, а скорѣе улегся, въ большое складное кресло, затрепавшее слегка отъ его довольно вѣской, хотя и стройной фигуры.

— Ахъ, оставь это глупое дѣло! досадливо махнулъ рукою Анатолий Робертвичъ. Оно мнѣ положительно начинаетъ надоѣдать...

— Неужели?!

Криницинъ сдѣлалъ комически удивленный видъ.

— А что же блестящіе результаты обыска?.. Я тебя положительно не понимаю!.. Вѣдь не даромъ же ты поднималъ всю эту глупую и грязную кутерьму... Весь этотъ пошлый балаганъ, въ которомъ ты игралъ роль первенствующую... роясь въ грязномъ бѣльѣ, въ навозныхъ кучахъ, выпуская на волю крысъ, мирно обитавшихъ въ подпольяхъ... Не даромъ же... Ну, кто же убійца?..

Тутъ только замѣтилъ Грунинъ, что его другъ вовсе не такъ весело настроенъ, какъ могло показаться съ перваго взгляда... Тонкія, сухія губы Павла Петровича характерно сжались, глаза горѣли недобрымъ блескомъ.

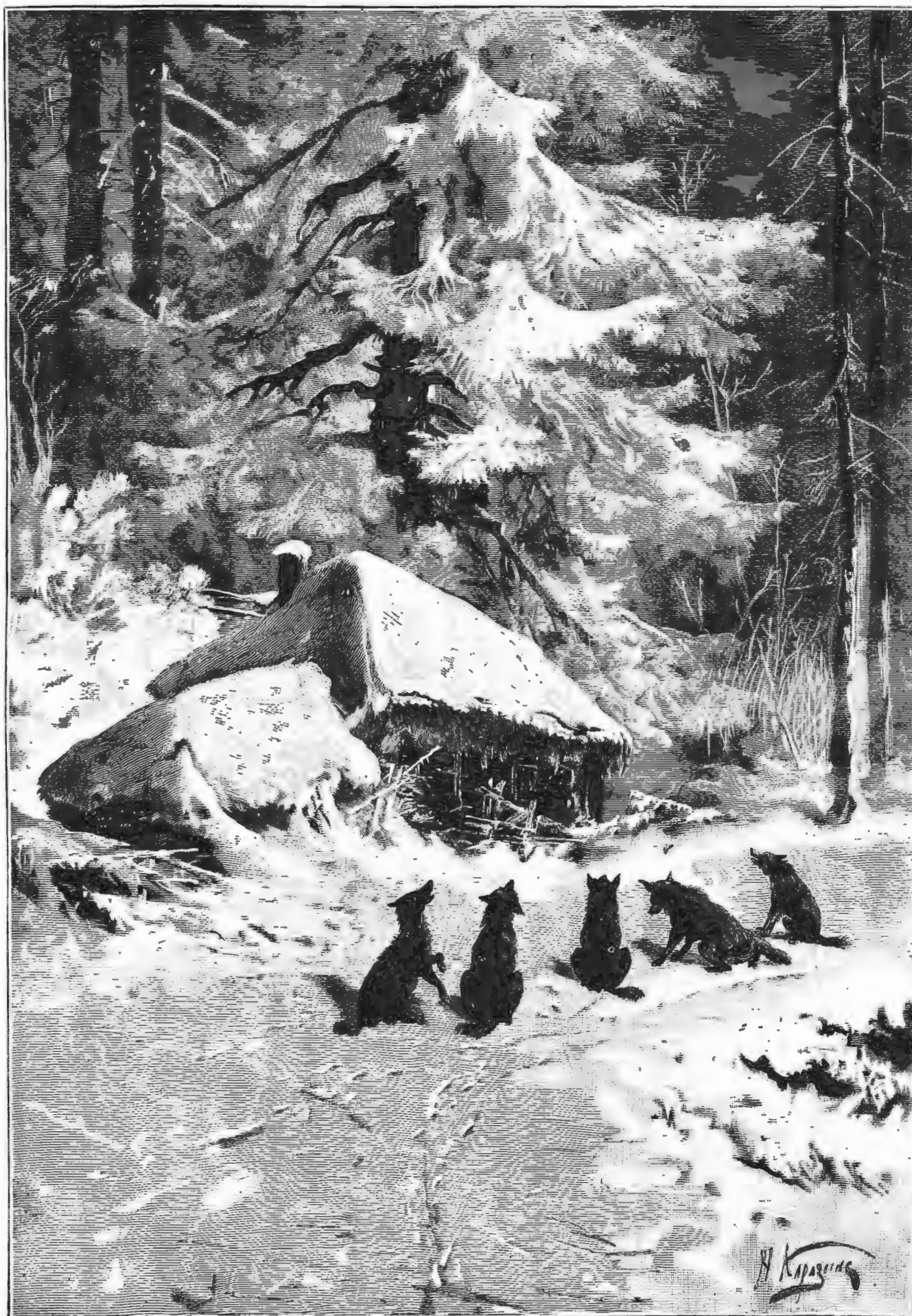
— Что съ тобою? заботливо произнесъ онъ. Ты такъ взволнованъ... Охота, право, вспоминать тебѣ обо всѣхъ этихъ, дѣйствительно глухихъ и нелѣпныхъ, но необходимыхъ формальностяхъ...

— Формальностяхъ! повторилъ сквозь зубы Павель Петровичъ.—Ну, хорошо... Чѣмъ же ты меня будешь подчивать... что у тебя къ ужину?..

— Не знаю! это комендантъ распорядился... Опъ звалъ меня къ себѣ, но, право, неловко какъ то... я сослался на усиленные работы и отказался... Человѣкъ!.. что тамъ есть? сервировать здѣсь, вотъ на томъ столѣ!.. да распорядились бы, чтобы ставни что ли поставили—шторъ нѣтъ... такое право неудобство!..

Пока „сервировали“ ужинъ: блюдо заливной осетрины мѣстнаго лова, жареныхъ фазановъ, дымящіеся пельмени и прочіе продукты комендантской кухни—Анатолий Робертвичъ изливался въ откровенностяхъ передъ своимъ пріятелемъ.

„Онъ, видите ли, откровенно сожалѣетъ, что поддался вліянію нелѣпныхъ бредней здѣшнихъ идиотовъ, осложнившихъ этимъ такое простое и ясное дѣло. Вѣдь обыскъ не привелъ ни къ какому желательному ре-

Серебряный лѣсъ. Ориг. рис. Н. Н. Карзина, грав. М. Ращевскій.

зультатамъ; ничего не было найдено подозрительнаго, за что хоть бы уцѣпиться можно было... что основанія, на которыхъ можно было дать дѣлу такое странное и щекотливое направленіе, крайне шатки, и онъ охотно бы вычеркнулъ изъ слѣдственнаго дѣла всю эту часть, по, къ сожалѣнію, это положительнo теперь уже невоз-

можно... Сознался, наконецъ, господишъ специальный слѣдователь, что все это его затрудняетъ на столько, что онъ не знаетъ какъ свести концы съ концами и выйти, болѣе или менѣе, съ честью изъ положенія, дѣйствительно имѣющаго немного комическій характеръ...“

(До слѣд. №).

За драгоценнымъ корнемъ.

(Изъ жизни китайскихъ таежниковъ).

Рассказъ А. Я. Максимова.

(Продолженіе).

Болѣе получасу авантюристы пробирались по узкой тропѣ безъ всякихъ приключеній. Но вотъ тропинка сдѣлала нѣсколько затѣпливыхъ извилинъ и расширилась въ видѣ небольшой поляны. Черезъ полянку бѣжалъ быстрый, нѣжно роко-тавшій ручей. Вокругъ высились гигантскія деревья. Нѣкоторые изъ широко-вѣтвистыхъ ильмовъ склонились надъ ручьемъ и мочили свои пышныя вѣтви въ его студеной, прозрачной, словно кристалъ, водѣ. Роскошными вершинами ильмы эти уперлись въ непроницаемую стѣну могучихъ, стройныхъ кедровъ. Если-бы не эта случайная, воздвигнутая природой, опора, то ильмы давно бы свалились на сырую землю и придавили-бы своими тяжелыми стволами сотни молодыхъ деревьевъ, образовавшихъ почти непроницаемый подтѣсокъ... На полянѣ было сравнительно свѣтло. Нѣсколькo солнечныхъ лучей проникали въ этотъ прелестный уголокъ мрачной тайги и весело играли въ водѣ горнаго ручейка...

Лонхоу, выйдя изъ подъ свода заросли на окраину полянки, невольно остановился, такъ поразила его открывшаяся передъ нимъ страшная картина. На самомъ берегу ручья были разбросаны останки человѣческаго тѣла: голова, оторванная отъ туловища, вся изгрызанная, нѣсколькo обглоданныхъ реберъ, голень, и какіе-то обрывки костей и обрывки кожи. Это были останки несчастнаго Цы-Лая. Нѣсколькo въ сторонѣ валялись кости, повидимому, барса. Не было сомнѣнія, что прошлую ночью тутъ хозяйничали красные волки. Привлеченные запахомъ свѣжей крови, они довершили здѣсь страшную трапезу и съѣли барса, пораженнаго въ свою очередь сильной рукой Хунь-Ляна. Сочная трава, еще недавно прикрывавшая полянку пышнымъ ярко-зеленымъ ковромъ, была залита кровью и сильно примята.

Съ тяжелымъ чувствомъ вступили на мѣсто, обгаренное кровью товарища. Лонхоу, окинувъ полицу своимъ зоркимъ взглядомъ, тотчасъ-же разглядѣлъ, среди обглоданныхъ костей, ружье несчастнаго Цы-Лая—цѣль настоящаго прихода въ зловѣщую пасть.

— Эй, Ли-фу! крикнулъ Лонхоу. Полно тебѣ глаза пучить.. Вонъ подарочекъ мой лежить... Вери!

Ли-фу не заставилъ упрямивать себя. Онъ быстро подпаялъ ружье и внимательно, любовно осматрѣлъ его: оно оказалось въ полной исправности. Не хватало только пороху и дуль.

— Ружье тутъ, и рогъ съ порохомъ гдѣ нибудь поблизости валяется... подумалъ Ли-фу и внимательно началъ рыться въ густой, примятой травѣ.

Лонхоу и Куень-Лу уже искали завѣтный рогъ съ немешшимъ тицаніемъ. Порохъ былъ теперь для нихъ такъ-же дорогъ, какъ и чудодѣйственный корень жень-шенъ. Долгое время поиски не увѣнчивались никакимъ успѣхомъ. Рогъ съ порохомъ и мѣшочекъ съ пулями словно провалились сквозь землю... Но вотъ, случайно, послѣ долгихъ, безцѣльныхъ поисковъ, Ли-фу взглянулъ на протекавшій у его ногъ прозрачный, горный ручей, и изъ груди его вырвался радостный крикъ. На несчастномъ дѣлѣ ручья онъ увидѣлъ предметы долгихъ обшихъ поисковъ—рогъ съ порохомъ и мѣшочекъ съ пулями, связанные широкими ремнемъ. Съ понятнымъ волненіемъ Ли-фу вытаскалъ изъ воды пороховницу и трепетными руками выдернулъ ее деревянную пробку. Лонхоу, заинтересованный еще болѣе Ли-фу, лихорадочно вырвалъ изъ его руки вскрытый рогъ и осторожно сталъ сыпать изъ него на раскрытую ладонь порохъ. Послѣдній оказался едва сырымъ и годнымъ къ употребленію послѣ незначительной просушки. Плотнo забитая пробка предохраняла порохъ отъ порчи. Влестящій результатъ изслѣдованія привелъ Лонхоу въ восторгъ.

— Вотъ тебѣ и спадобѣ къ ружью, весело проговорилъ онъ, передавая Ли-фу рогъ съ порохомъ и ласково похлопывая его по плечу широкою ладонью. Смотри, только понусти не трать—понадобится намъ очень... Настоящій ты теперь охотникъ.. Молодецъ, хоть куда!.. добавилъ старшина, весело улыбаясь...

IX.

Красные волки.

Солнце еще не зашло, когда вся партія собралась въ указанномъ Лонхоу мѣстѣ. Это былъ уголокъ земнаго рая, заброшенный въ глухую, мрачную пасть. Небольшая лужайка, покрытая мягкимъ ковромъ ярко-зеленой сочной травы, была окружена,

словно роскошнымъ, силошнымъ, благоухающимъ вѣнкомъ, пышными кустами черемухи и жасмина, распространявшими вокругъ густой, раздражающей, оняняющей ароматъ. Надъ черемухой и жасминомъ вадмали къ нему свои гордыя вершины величественныя ильмы и пальмовидные диморфалты, образуя вокругъ лужайки второй силошной вѣнокъ, еще роскошнѣе перваго. Черезъ лужайку затѣливо вылся горный, золотоносный ручеекъ, катившій свои прозрачныя, студеныя воды по ложу, усыпанному мелкимъ, свѣтлой бѣлизны, пескомъ, среди котораго соблазнительно блестѣли крупинки золота. Расположились на самомъ берегу ручья, развели костеръ и занялись приготовленіемъ ужина. Слегка поджаренное на угольяхъ, сочное мясо косули, убитой Сео-кви, приправленное найденной поблизости черемухой (*). Голодные, не вѣвшие въ теченіи полутора сутокъ, они съ жадностью поѣли куски мяса, заливая ихъ холодной, прозрачной водой. Ъли молча. Отъ небольшой посуды остались только ребра, голова и начисто обглоданныя кости. Съѣли все, что можно было съѣсть, не думая о завтрашнемъ днѣ...

Плотнo поужинавъ, измученные дневной ходьбой, все успели. Солнце давно уже зашло. У костра остался сидѣть только охотничья стражъ—Куень-Лу. Поляна послѣдствіи сонливости Ли-фу, Куень-Лу упорно противился охватывавшей его дремотѣ. Сидя передъ ярко пылавшимъ костромъ на корточкахъ, онъ, вполголоса, визгливо тянулъ безконечную пѣсню—импровизацію.

— Куень-Лу храбрый, отважный и смѣлый! визгливо импровизировалъ Куень-Лу, щедро подбрасывая въ костеръ большую оханку хвороста и подозрительно всматриваясь въ темную листву окружающей чащи. Храбрѣе Куень-Лу нѣтъ человѣка во всей Манчжуріи... Куень-Лу никого не боится... Онъ пошелъ въ тайгу искать драгоценный корень жень-шенъ, найдетъ его много, много, продастъ, сдѣлается богатымъ и женится... Дѣвушки очень любятъ Куень-Лу за его храбрость и смѣл...

Куень-Лу вдругъ понерхнулся на полусловѣ, вздрогнулъ и чутко насторожился. Въ чащѣ слышался какой-то шорохъ, словно кто-то подкрадывался къ лужайкѣ осторожными шагами. На лбу храбраго Куень-Лу выступили крупныя капли холоднаго пота. До всему его тѣлу пробѣжала неотразимая, лихорадочная дрожь. Расширенные зрачки его глазъ пугливо скользя по темной листвѣ заросли, стараясь разглядѣть виновника подозрительнаго шороха... Но вотъ шорохъ сдѣлался совершенно явственнымъ, и вдругъ изъ чащи выпорхнули до полдюжины летучихъ мышей и съ легкимъ пискомъ закружились надъ головой очумѣннаго отъ страха Куень-Лу, чуть не задевъ его концами своихъ длинныхъ крыльевъ.

— Тьфу, прокляты!.. Испугали!.. проворчалъ трепещущимъ голосомъ Куень-Лу, отгоняя летучихъ мышей и подбрасывая въ костеръ новую оханку хвороста.

Летучія мыши покружились еще и скрылись въ чащѣ, испуганныя энергичнымъ маханіемъ сытымъ халатомъ.

— Куень-Лу никого не боится, затычуль опять свою безкопечную импровизацію храбрый авантюристъ, оправившись немного отъ испуга. Для Куень-Лу вострашенъ пау (барсъ).. Онъ не боится! Чересунъ (рысь) бѣжить отъ Куень-Лу, поджавши хвостъ... Ма-тоза (медвѣдь) прычется отъ него въ своей берлогѣ... Куень-Лу храбрый!.. Ему не страшенъ не только ламаза (тигръ), но даже и злой цай-лангза (красный волкъ). Пускай придетъ пау—Куень-Лу убьетъ его!.. Пускай придетъ самъ ламаза—Куень-Лу и его убьетъ... Онъ и цай-лангза убьетъ, если тому вздумается явиться сюда... Куень-Лу много побилъ разныхъ звѣрей, побьетъ и еще столько-же...

Вдругъ по чащѣ пронесся едва слышимый, протяжный вой и замеръ гдѣ то вдали. Куень-Лу разомъ смолкъ и сталъ жадно вслушиваться въ наступившую опять таинственную тишину. Онъ замеръ въ тяжеломъ, пугливомъ ожиданіи. Сердце Куень-Лу билось сильно, такъ сильно, словно хотѣло вырваться изъ груди. Кругомъ господствовало подавляющее безмолвіе, среди котораго отчетливо ему слышалось учащенное біеніе сердца... Но вотъ по чащѣ пронесся опять такой же вой, гораздо ближе... Къ этому вою присоединился новый вой, и затанулся дуть... Постепенно начали присоединяться все новые и новые голоса... Куень-Лу затрясла лихорадка отъ этого страшнаго

* Черемуха—дикій чеснокъ, любимая приправа кушанья.

концерта. Нижняя челюсть его отвисла и затрепетала. Зубъ не понадалъ на зубъ. Куенъ-Лу хотѣлъ было позвать, разбудить товарищей, но ужасъ сдавилъ ему горло, изъ котораго, вмѣсто призывающей крика, вылетѣло только какое то хрипѣе. Онъ положительно оцѣнилъ отъ страха. Вой между тѣмъ становился все явственнѣе и слышнѣе. Было очевидно, что цѣлая стая приближалась къ ставовищу. Хищники эти были никто иные, какъ возбуждающіе суевѣрный ужасъ, неуязвимые, злые духи тайги—красные волки... Обезумѣвшій отъ страха Куенъ-Лу повалился на траву и судорожно поползъ къ Лонхоу, крѣпко спавшему въ шагахъ пяти отъ костра.

— Лонхоу, Лонхоу! хрипло звалъ Куенъ-Лу, тыкая старшину въ бокъ дрожащей рукой.—Эй, Лонхоу!.. Вставай!.. Цай-лѣнганъ! Старшина только мычалъ что то во снѣ, но не просыпался.

— Лонхоу!.. Лонхоу!.. продолжалъ хрипѣть перетрусившій бродяга, слыша позади себя все приближавшійся вой. — Вставай, шайтанъ тебя съѣшь!.. Цай-лѣнганъ!.. съ отчаяніемъ прохрипѣлъ Куенъ-Лу и вдругъ съ какимъ то, неожиданно прилившимъ остервененіемъ укусилъ Лонхоу въ плечо.

Старшина проснулся отъ боли и въ мгновеніе ока вскочилъ на ноги.

— Что?! Что такое?! крикнулъ онъ, еще не отдавая себѣ отчета въ томъ, что случилось и какой звѣрь укусилъ ему такъ больно плечо.

— Молчи, молчи!.. Цай-лѣнганъ!.. проговорилъ Куенъ-Лу хриплымъ шепотомъ, боясь подняться на ноги и продолжая лежать на сырой травѣ.

Лонхоу вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и чутко насторожилъ свои привычныя уши. Странный, леденящій кровь концертъ раздавался явственно. Не было никакого сомнѣнія, что въ чащѣ дѣйствительно выли красные волки, возбуждающіе во всѣхъ туземцахъ суевѣрный ужасъ... Лонхоу, отважный, смѣло встрѣчавшійся одинъ на одинъ даже съ тигромъ, затрепеталъ при одномъ звукѣ волчьяго воя...

— Надо разбудить!.. Буди живо!.. прошепталъ онъ дрожащимъ голосомъ, охваченный суевѣрнымъ ужасомъ...

Не прошло и минуты, какъ всѣ были уже на ногахъ и столпились у ярко пылаваго костра, съ трепетомъ прислушиваясь къ отвратительному вою красныхъ волковъ. Всѣхъ трясла лихорадка. Одинъ только Ли-фу сохранилъ сравнительное спокойствіе и недоумѣвалъ, чего могъ испугаться такой человѣкъ, какимъ онъ привыкъ считать Лонхоу. Ли-фу слышалъ волчій вой и не предполагалъ, чтобы этотъ именно вой могъ произвести на всѣхъ такое подавляющее впечатлѣніе. Ли-фу былъ еще неопытенъ и имѣлъ о легендарныхъ красныхъ волкахъ смутное понятіе...

Всѣ хранили тяжелое молчаніе. Между тѣмъ, вой приближался и разомъ смолкъ. Тихо. Каждый чувствовалъ, что волки пробираются гдѣ то поблизости и смолкли, почувявъ присутствіе людей. Прошло нѣсколько минутъ тревожнаго, напряженнаго ожиданія. Въ заросли слышался осторожный шорохъ, все ближе и ближе... Вдругъ шорохъ смолкъ. Очевидно, волки остановились. Со страхомъ обратили всѣ свои взоры на темную листву подлѣска... Всюду горѣли зловѣщіе, зеленятыя огоньки. Большое пламя костра оставило красныхъ волковъ на рубежѣ дужайки. Они не рѣшались войти въ ярко освѣщенный кругъ и пугово тайлись въ темной заросли. Но волки словно сознавали свою неприкосновенность и производимый ими на людей суевѣрный страхъ. Нѣкоторые стали показывать даже на дужайкѣ и, приподнявъ свои острия морды, усиденно втигивали расширенными ноздрями ночной воздухъ; Ли-фу не стерпѣлъ. Онъ осторожно опустилъ свое ружье на сошки и сталъ наводить его въ голову ближайшаго хищника. Лонхоу замѣтилъ это движеніе Ли-фу и быстро остановилъ его за руку.

— Не стрѣляй!.. Вѣду наживешь!.. прошепталъ онъ съ ужасомъ.— Не трогай—они сами уйдуть!..

Ли-фу съ недоумѣніемъ приподнял свою, уже подведенную къ прикладу ружья голову.

— Дуракъ, совсѣмъ дуракъ! продолжалъ Лонхоу шептать дрожащимъ голосомъ.— Вѣдь это не звѣрь, это злые духи... Не убьешь, а только насъ всѣхъ загубишь...

Суевѣрный Ли-фу затрепеталъ отъ словъ старшины. Въ его сердце сталъ закрадываться тоже невольный, неотразимый страхъ. Ему вспомнились былые рассказы отца и матери о злыхъ духахъ тайги, принимающихъ на себя видъ волковъ, красныхъ какъ огонь. Мать рассказывала ему, что волки эти рыскаютъ только по самымъ затѣненнымъ трещинамъ тайги, и горе тому, кто попадетъ имъ на глаза и не съумѣетъ умилостивить ихъ достойной жертвой и приношеніемъ. Еще большее горе тому, кто осмѣлится выстрѣлить по красному волку. Красный волкъ разомъ превратится въ многоглаваго дракона, который сналитъ смѣльчака и поирегет... Жутко стало Ли-фу отъ этихъ воспоминаній. Съ ужасомъ вперилъ онъ расширенные зрачки въ темную листву, съ трепетомъ ожидая, тѣмъ кончится нашествіе злыхъ духовъ тайги. Зловѣщіе, зеленятыя огоньки, между тѣмъ, то исчезали, то загорались вновь. Всѣ продолжали хранить трепетное молчаніе. Сбились въ кучку у самаго костра, такъ что языки пламени едва не лизали ихъ. Слово оцѣнилъ, боялись пошевельнуться съ мѣста. Только Лонхоу энергично

подбрасывалъ въ костеръ оханки хвороста, помня, что злые духи тайги боятся только огня.

Прошло болѣе получаса такого ожиданія. Волки ушли... Протяжный вой слышался гдѣ то вдаль, постепенно замирая и замирая... И опять наступила тишина. Всѣ вздохнули съ облегченіемъ, словно съ плечъ свалилась каменная гора. Постепенно вернулось самообладаніе. Заговорили. Прежде шепотомъ, точно боясь быть услышанными злыми духами, затѣмъ посмѣлье, и рѣчь полилась оживленная, бойкая. Тѣмой разговора были красные волки—эти страшные охранители завѣтныхъ богатствъ тайги. Никто не хотѣлъ спать. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ встревоженныхъ, суевѣрныхъ бродягъ. Рѣшили дожидаться разсвѣта въ бѣздѣ.

— Слава Небу!.. Злые духи возвратились въ свои логовища, проговорилъ Лонхоу, набивая свою трубку.— Они видятъ, что мы истинные рабы Сына Неба, и теперь допустить насъ пользоваться нѣсколькими штуками корья... Навѣрное женьшень гдѣ нибудь по близости, добавилъ старшина съ глубокою увѣренностью.

— Ты почему думаешь? спросилъ Куенъ-Лу встрепетувшись.

— Всегда такъ! таинственно и тихо отвѣчалъ старшина. Вотъ сколько уже лѣтъ хожу я за корнемъ, и всегда красные волки приходятъ передъ тѣмъ, какъ я находилъ его... Они и водятся только тамъ, гдѣ этотъ корень растеть... Имъ такъ повелѣно...

— Кто же повелѣлъ? полюбопытствовалъ Сео-кви.

— Кто?! Повелѣлъ божественный Фо (Будда)... Ты, видно, не знаешь, какъ Фо даровалъ Манчжуріи три блага міра: жень-жень, соболя и траву ула *), и какъ онъ пожелалъ охранить одно изъ самыхъ драгоценнѣйшихъ благъ, корень жень-шень, отъ людей, не принадлежащихъ къ подданнымъ его Сына?..

— Нѣтъ, не знаю, сознался Сео-кви.

— Да и мы не знаемъ... Не слышали!.. проговорили остальные.— Расскажи, пожалуйста!..

— Отчего не рассказать—расскажу, согласился Лонхоу.— Времени до восхода солнца много—все равно не спится... Слушайте!

Придвинулись къ Лонхоу и приготовились внимательно слушать. Это рассказъ о щедрости Неба и о хранителяхъ сокровищъ тайги—красныхъ волкахъ, очень распространенный между китайцами, которыхъ мы, разумѣется, передадимъ своими словами...

X.

Три блага Неба: жень-шень, соболь и трава ула-цао.

— Давно, очень давно тому назадъ, рассказывалъ Лонхоу,— когда царствовалъ въ Китаѣ добрый, умный богдыханъ Инъ-ди **), научившій подданныхъ своихъ съять хлѣбъ, здѣсь, по рѣкѣ Уссуріи и на берегу моря, стояли большіе, многолюдные города и сильныя крѣпости... Бывалъ, вѣроятно, кто нибудь изъ васъ въ долины рѣки Сучанъ, такъ тотъ вѣрно видѣлъ развалины этихъ городовъ и крѣпостей, обратился рассказчикъ къ внимательно слушающимъ товарищамъ.

— На Сучанѣ не удалось побывать, а вотъ года три тому назадъ проходилъ я по долигѣ Сандуху (притокъ Уссуріи), такъ видѣлъ тамъ развалины большихъ крѣпостей, проговорилъ словоохотливый Сео-кви.

— На рѣкѣ Фуэди (притокъ Сандуху) тоже такихъ развалинъ не мало, добавилъ Куенъ-Лу.— Страсть какія крѣпости большія были: стѣны словно изъ цѣлой горы вытесаны... Рвы передъ стѣнами глубокіе-преглубокіе!..

— Отецъ мой рассказывалъ мнѣ, выѣхалъ Ли-фу, — что за озеромъ Ханка, тамъ, гдѣ поселились недавно руссы, есть очень старинный городъ манчжуровъ... Около этого города стоитъ громадная каменная черепаха ***), словно гора цѣлая... Отецъ не знаетъ только, откуда такая махина привезена?..

— Эта черепаха съ неба свалилась—такъ старики въ Ницугу мнѣ рассказывали, замѣтилъ Куенъ-Лу таинственно.

— Не съ неба она свалилась, авторитетно перебилъ Лонхоу, а самъ божественный Фо принесъ ее на своихъ плечахъ изъ сердца Китаю и поставилъ ее въ странѣ жень-шеня, соболя и травы ула... Принесъ Фо и сказалъ: „пока стоитъ здѣсь эта черепаха, до тѣхъ поръ земля эта будетъ принадлежать Сыну Неба. Только тотъ завладѣетъ страной жень-шени, дорогаго соболя и ула-цао, кто сможетъ сбросить черепаху въ море...“ Съ

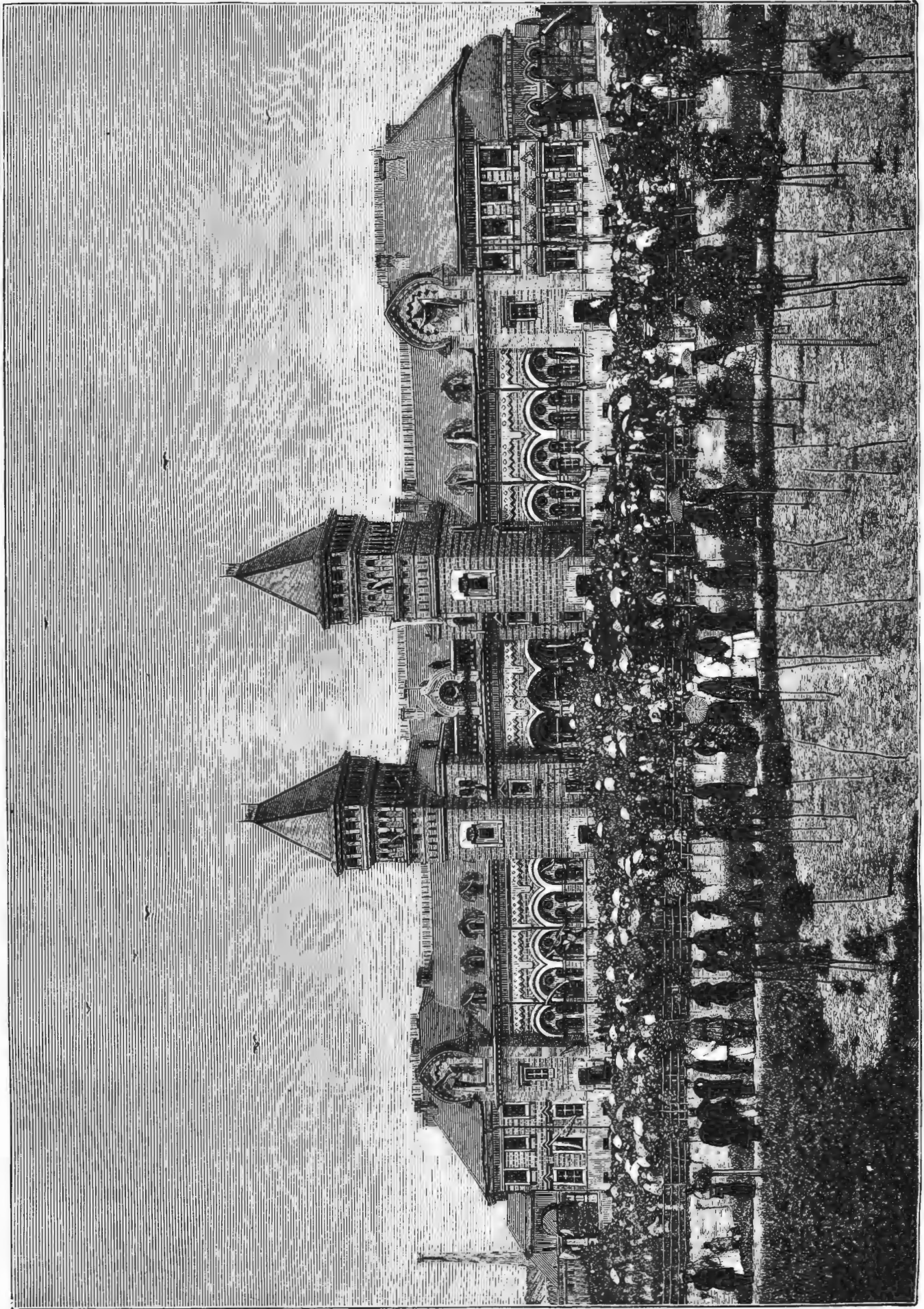
* Трава ула-цао принадлежитъ къ роду ситовниковъ. Сухую траву эту китайцы накладываютъ зимою, для мягкости и теплоты, въ свои башмаки. Она вполнѣ замѣняетъ теплые носки.

** Императоръ Инъ-ди царствовалъ за 2700 лѣтъ до Р. Х. Этотъ императоръ—одинъ изъ легендарныхъ героевъ Китаю, и при томъ „мирныхъ“, свершившій цѣлый рядъ подвиговъ гражданскихъ и общегосударственныхъ. Инъ-ди научилъ своихъ подданныхъ съять хлѣбъ. Имя его упоминается во многихъ китайскихъ легендахъ. Народъ, вслѣдствіе весьма естественнаго уваженія памяти императора-хлѣбопашца, а также вслѣдствіе своего каприза и невежества, относитъ много послѣдующіе факты изъ китайской исторіи и народной жизни къ эпохѣ императора Инъ-ди.

*** Въ полуверстѣ отъ селенія Никольскаго, расположеннаго между озеромъ Ханка и рѣкою Суифунъ, дѣйствительно лежитъ, на небольшомъ бугорѣ, высеченное изъ красноватаго гранита грубое изображеніе черепахи, имѣющее десять футовъ въ длину, шесть въ ширину и три въ толщину. Рядомъ съ нею валлется каменная плита, сдѣланная изъ мрамора и имѣющая около восьми футовъ въ длину. Судя по углубленію въ спинѣ черепахи, плита эта была когда-то вставлена сверху. Черепаха и плита сдѣланы изъ камня, не встрѣчающагося въ ближайшихъ частяхъ Суифуна. Очевидно, что онѣ привезены издалека.

Остановка на 24 часа. Ориг. рис. П. Н. Гибдича, грав. М. Рамевский

Жельзно-дорожная станція въ Екатеринославѣ. По фотогр. грав. М. Рамевскій.

тѣхъ по, ъ наши богдыханы и владѣютъ этимъ краемъ. Стоитъ черепаха божественнаго Фо тысячу тысячъ лѣтъ, строить, и никто не могъ еще сдвинуть ее съ мѣста, а тѣмъ болѣе сбросить въ море... Простойтъ она еще столько-же лѣтъ, такъ какъ не родится другаго богатыря, подобнаго Фо...

— А какъ-же, руссы воиъ пришли, города строить?... рѣшился замѣнить Ли-фу.—Значить они краемъ теперь владѣютъ?..

— Дуракъ ты, Ли-фу, дуракъ! презрительно проговорилъ Лоуху.—Руссы пришли потому, что самъ богдыханъ, по милосердію своему, пустилъ ихъ... Руссы народъ бѣдный, земли своей у нихъ мало—не хватаетъ... Они и обратились къ нашему богдыхану съ мольбой дать имъ немного земли. Сынъ Неба, по благодати своей, уступилъ имъ на время клочекъ своей земли и сказалъ: „живите—земли у меня пустой много... Только, смотрите, живите смиренно, а то воиъ погонию!“ Руссы—гости... Краемъ все-таки владѣетъ богдыханъ. Самъ знаешь, что наши власти ежегодно развѣзжаютъ по краю и подати въ пользу богдыхана собираютъ...

— Правда, прошепталъ убѣжденный Ли-фу.

— А подати руссы платятъ? полюбовнствоваль Ки-сэ.

— Конечно платятъ!.. Разъ вздумали было не платить, такъ богдыханъ послалъ хунхузовъ (разбойниковъ) сжечь у нихъ нѣсколько городовъ, и они оиытѣ покорились, проговорилъ Лоуху.—Вѣроятно, вы помните это?..

— Я былъ маленький, когда хунхузы города руссовъ разграбили, а все помню, отвѣтилъ Ли-фу. — Хунхузы мимо нашей фаньцзы домой возвращались... Цѣлые табуны лошадей въ Манчжурію гнали, и всѣ лошади были нагружены разными дорогими вещами руссовъ...

— Богдыханъ—сила! съ гордостью замѣтилъ Сеокви. — Противъ него никто уиорствовать не можетъ.

— Сила потому, что народовъ подвластныхъ у него много, добавилъ Лоуху.—Сынъ Неба почти всѣмъ міромъ владѣетъ... Только по добротѣ своей онъ оставилъ по крохотному клочку земли руссамъ, франкамъ и рыжимъ дьяволамъ (англичанамъ).. Захочетъ богдыханъ, и послѣднюю землю отъ нихъ отберетъ!..

— Слава нашему богдыхану, слава! прошептали бродяги, подавленные величьемъ и безконечною добротою своего владыки—Сына Неба.

Прошло нѣсколько минутъ торжественнаго молчанія. Всѣ размышляли о величій богдыхана и ничтожествѣ другихъ народовъ.

— Что-же, Лоуху, продолжай, рѣшился напомнить любопытный Сеокви, прерывая торжественное, глубокомысленное размышленіе товарищей.

Лоуху не торопясь набилъ свою трубку высушенной травой дальда-мо, закурилъ и окинулъ товарищей пронизательнымъ взоромъ, словно провѣряя: съ достаточнымъ-ли вниманіемъ будутъ они слушать его сказаніе.

— Слушайте!... Такъ вотъ, очень давно тому назадъ, продолжалъ рассказчикъ,—долины Уесури, Дауби-хэ, Сучана и Суй-фуна были очень заселены. Вездѣ были большіе города и сильныя крѣпости. Въ одномъ изъ этихъ городовъ жилъ богатый, благочестивый мужъ. Звали его Ула-Джанъ. Это былъ человекъ добрый, ласковый и мудрый. Счастье его жизни заключалось въ томъ, что онъ помогалъ бѣднымъ, ухаживалъ за больными. И сталъ онъ за это угоденъ божественному Фо. Благодаря покровительству Фо, Ула-Джанъ имѣлъ успѣхъ во всѣхъ начинаніяхъ. Онъ богатѣлъ со дня на день, и наконецъ богатства его превысили сокровища даже самого Сына Неба, мудраго владыки Янъ-ди. Ула-Джанъ былъ очень старъ, но, не смотря на свои сто слишкомъ лѣтъ, былъ бодръ и силешъ, какъ сорокалѣтній. Въ томъ-же городѣ жилъ другой богачъ, Дзянгъ-Луиъ, человекъ жестокой, злой и высокомерный. Онъ мало того, что не помогалъ бѣднымъ, но даже отнималъ у нихъ, при случаѣ, послѣднее, что они имѣли. И сталъ вдругъ Дзянгъ-Луиъ завидовать Ула-Джану. Невисчислимыя богатства послѣдняго отняли его покой, лишили сна и апетита. Цѣлыми днями и ночами все думалъ Дзянгъ-Луиъ, какъ бы завладѣть богатствомъ Ула-Джана и загубить его счастливую жизнь... Думалъ, думалъ и наконецъ додумался до страшнаго преступленія... Изъявилъ онъ себя ноги, одѣлся въ рубища и пошелъ на костыляхъ, словно убогий нищій, въ фаньцзу Ула-Джана. Послѣдній, не подозрѣвая умысла, встрѣтилъ Дзянгъ-Луиа съ ласкою, одѣлъ его, на-

кормилъ, далъ чудодѣйственнаго лекарства излечить раны на ногахъ и подарилъ еще денегъ. Дзянгъ-Луиу только того и нужно было. Пока онъ ѣлъ, пока добрый Ула-Джанъ перевязывалъ его раны, онъ высмотрѣлъ, гдѣ что лежитъ, гдѣ хранитъ его врагъ свои богатства, какъ пробраться ночью въ его фаньцзу... Дзянгъ-Луиъ рѣшился убить Ула-Джана и завладѣть всѣми его драгоценностями. Въ первую-же ночь, злодѣй пробрался въ фаньцзу Ула-Джана и поразилъ его, спящаго, ножемъ въ самое сердце... Ула-Джанъ только вздохнулъ и умеръ, умеръ спокойно, точно ждалъ смерти. Дзянгъ-Луиъ бросился къ сундукамъ убитаго. Раскрылъ одинъ, глубоко запустилъ въ него окровавленную руку и съ ужасомъ выдернулъ ее обратно: сундукъ полонъ змѣями... Раскрылъ Дзянгъ-Луиъ другой сундукъ и отшатнулся: вмѣсто серебра, сидѣло въ сундукѣ страшное чудовище... Охваченный ужасомъ, убійца бросился изъ фаньцзы, какъ вдругъ фаньцза озарилась яркимъ свѣтомъ и передъ изумленными взорами Дзянгъ-Луиа явился самъ божественный Фо... Исугубанный убійца упалъ ницъ и затрепеталъ. „Неблагодарный, жестокой Дзянгъ-Луиъ, загремѣлъ Фо, ты совершилъ страшное преступленіе!.. Ты убилъ того, кто только что оказалъ тебѣ милосердіе, облакалъ тебя, накормилъ, одѣлъ и излечилъ... Ты, гнусный человекъ, хотѣлъ завладѣть его богатствами, но я превратилъ его сокровища въ гадовъ... Дзянгъ-Луиъ, ты заслуживаешь страшнаго кары!.. Знай, что все богатство Ула-Джана заключалось и заключается въ немъ самомъ... Повѣствую тебѣ взять трущ этого святаго и на своихъ плечахъ снести его въ хребетъ Сихотэ-Алинь. Зарой этотъ драгоценный прахъ въ недоступной для человека пади... Я сдѣлаю, что память о добромъ, великодушномъ Ула-Джанѣ не умретъ, пока будетъ стоять міръ; не умретъ и память о твоёмъ гнусномъ злодѣйствѣ!.. Какъ только заросешь Ула-Джана, ты распадешься на тысячу кусковъ, и каждый кусокъ твоего тѣла превратится въ волка съ красною шерстью, чтобы каждый видѣлъ на тебѣ кровь убитаго тобою святаго... И будешь ты сторожить сокровища, которыя я создамъ изъ праха Ула-Джана, и будешь сторожить тысячи тысячъ лѣтъ!.. Ступай, исполни мою волю!“ Свѣтъ погухъ, и Фо скрылся... Дзянгъ-Луиъ, понуждаемый невѣдомой силой, возложилъ на свои плечи трущ Ула-Джана и побрелъ по указанію божественнаго Фо. Онъ шелъ долго, неустанно и наконецъ достигъ хребта Сихотэ-Алинь. Тутъ только проявилась благодать божественнаго Фо... Рана на незлѣнномъ тѣлѣ Ула-Джана внезапно раскрылась и изъ нея, капля за каплей, засочилась благоуханная кровь. Каждая капля этой крови уходила глубоко въ землю, и черезъ минуту въ томъ мѣстѣ выросталъ чудодѣйственный корень жень-шень. Долго бродилъ убійца съ трюномъ на плечѣ по хребту Сихотэ-Алинь, отыскивая недоступную для человека паду, а кровь продолжала все сочиться и превращалась въ жень-шень. Много разъ Дзянгъ-Луиъ отдыхалъ, бережно слагая трущ на землю, и тотчасъ-же кругомъ и на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ трущ, выростала трава ула—второе благо, дарованное божественнымъ Фо для бѣдныхъ людей, въ память благочестиваго Ула-Джана... Дзянгъ-Луиъ наконецъ разыскалъ глухую паду, недоступную для простаго смертнаго, и зарылъ въ ней трущ Ула-Джана... Какъ только убійца кончилъ свою работу, онъ въ тотъ-же моментъ распался на тысячу кусковъ, превратившихся въ тысячу-же красныхъ волковъ... Паду Ула-Джана превратилась вдругъ въ роскошный садъ съ неистощимымъ запасомъ чудодѣйственнаго жень-шеня... Каждая мышь, каждая крыса, случайно перебѣжавшая черезъ эту чудную паду, превращалась въ дорогихъ соболей—третье благо божественнаго Фо... Съ тѣхъ только поръ соболы и появились: раньше не было ихъ... Но волѣ Фо, красные волки будутъ жить, пока не изсякнетъ послѣдній корень жень-шень. Ихъ ровно тысяча... Они не умираютъ и не плодятся. Никто изъ людей не смѣетъ покуситься на ихъ жизнь. Каждый, кто выстрѣлитъ въ краснаго волка, дѣлается жертвой этого страшнаго духа тайги. Они пожираютъ каждого невѣрнаго Сына Неба, осмѣившагося похитить лучшее благо Неба—корень жень-шень. Но волѣ божественнаго Фо, этимъ чудодѣйственнымъ корнемъ могутъ пользоваться только бѣдные сыны нашей земли. Жень-шень исцѣляетъ всякія болѣзни и немощи, какъ нѣкогда исцѣлялъ ихъ благочестивый мужъ Ула-Джанъ...

Лоуху замолчалъ. Слушатели продолжали хранить торжественное молчаніе.

(До слѣд. №).

Русскіе послы XVII в. въ Италіи (1656—1657 гг.).

Изъ статьи А. Бриннера.

(Продолженіе).

Вскорѣ по прибытіи во Флоренцію, пословъ повели чрезъ состоящій изъ залъ и галлерей мостъ Арно въ Уффичи. Здѣсь они осматривали казначество, монетныя мастерскія и оружейную. Они пишутъ, что видѣли магнитъ, поднимавшій 1½ пуда желѣза; особенно похвально русскимъ драгоценныя камни, парадная посуда и мозаичные столы. Далѣе они пишутъ: „Въ верхнихъ покояхъ находятся два большіе, прекрасной работы шара; на нихъ начертаны всѣ государства и всѣ планеты и небесныя божества; шары эти можно поворачивать въ разныя стороны“. Въ то время въ Россіи еще не видѣли глобу-

совъ.—Далѣе пословъ повели въ арсеналь, литейную, колюшпи, гдѣ лошади показывали разные фокусы: были такия, которыя тащевали, кланялись, становились на колѣни. „Все по командѣ“, пишутъ русскіе съ наивнымъ удивленіемъ дѣтей, понавшихъ въ первый разъ въ циркъ.—Они подробно описываютъ чучело крокодила, висѣвшее надъ дверью въ одной изъ комнатъ. Чудное расположеніе сада Воболы произвело на нихъ глубокое впечатленіе. Въ Россіи до времени Петра Великаго ничего не было подобнаго.

Роскошь, удобство и комфортъ были мало извѣстны русскимъ.

Во Флоренции все говорило о значительных материальных средствах. Не будучи в состоянии отбить по достоинству проведение искусства, — хотя они говорят о „каменных людях и животных“, — они сознавали, что культура эта выше русской. О чудных церквах Флоренции, Чемоданов не упоминает в своем дневнике, хотя во время постройки знаменитой „Cappella dei principi“ подвинулась уже далеко и туристы съ удовольствием ее осматривали. Русские повидимому не посетили собора и не всходили на колокольню.

Тосканское правительство было очень любезно къ русским дипломатам. Маркизу Корсини было поручено развлекать их во время пребывания во Флоренции; въ ливорнскомъ гарнизонѣ нашелся сержантъ знавшій по русски (?), который служилъ переводчикомъ. Спустя три дня послѣ прѣзда, при дворѣ данъ былъ парадный обѣдъ, на которомъ присутствовалъ великій герцогъ съ супругою, принцъ Леопольдъ и различные сановники. Всѣ замѣтили, что послы почти ничего не ѣли. Переводчикъ объяснилъ, что это знакъ глубокаго уваженія къ высокому хозяину. И когда великій герцогъ предложилъ Чемоданову кушать, тотъ всталъ, снялъ шапку и скупалъ вежливо. Фердинандъ приказалъ тогда снести кушанья въ комнаты пословъ, гдѣ они уже пообедали основательно.

Разсказываютъ о постоянныхъ заботахъ Чемоданова объ этикетѣ. Каждую минуту онъ боялся нарушенія этикета и постоянно спрашивалъ какъ принимались послы другихъ державъ. Когда Посниковъ велѣлъ нанять карету, чтобы съѣздить принять ванну, Чемодановъ разсердился на него, говоря, что осторожными поступками можно уронить достоинство пословъ.

Одинъ поэтъ написалъ въ честь Чемоданова сонетъ, не упоминая вовсе о Посниковѣ. Посниковъ такъ этимъ оскорбился, что началъ ссору съ Чемодановымъ. Маркизъ Корсини старался усюконтъ дипломатовъ и сказалъ, что въ честь втораго посла будетъ также написанъ сонетъ. Дѣйствительно, такъ и случилось, но это снова подало поводъ къ неудовольствію, такъ какъ второй сонетъ былъ написанъ на болѣе красивой бумагѣ. Но вообще Чемодановъ велъ себя осторожно, пристойно и съ достоинствомъ, такъ что предшествовавшая о немъ и свѣтъ его молва, очевидно была преувеличена.

Во Флоренціи русскихъ пословъ навѣститъ венеціанскій резидентъ, выразившій имъ удовольствіе по поводу предстоящей ихъ поѣздки въ Венецію; онъ сообщилъ имъ, что ведутъ уже переговоры съ церковной областью для устраненія задержекъ на ихъ пути, такъ какъ карантинныя мѣры тамъ очень строги. Сынъ великаго герцога, Козимо, также посетилъ пословъ, при чемъ они очень удивились, что онъ, съѣвъ самъ, пригласилъ ихъ также садиться. Козимо спрашивалъ ихъ о пройденномъ или пути моремъ и о томъ получали ли они газеты и письма изъ Россіи, на что послы отвѣчали отрицательно. Въ то время въ Россіи не было еще газетъ, а введеніе почтоваго сообщенія между Москвою и западомъ относится къ позднѣйшему времени. Когда затѣмъ великій герцогъ на аудіенціи спросилъ пословъ находится ли государь ихъ въ Москвѣ, они отвѣчали, что во время отъѣзда ихъ царь собирался на войну и имъ неизвѣстно гдѣ онъ теперь.

Великій герцогъ при свиданіи выразилъ свое удовольствіе видѣть пословъ, говоря, что онъ удостоился милости царя, что доказываетъ прибытіе ихъ во Флоренцію. Приведеніе этихъ словъ Фердинанда, которыхъ тотъ не могъ сказать, очевидно — лишь подтверждаетъ желаніе пословъ предтавить въ наилучшемъ свѣтѣ своему правительству усѣихъ ихъ поѣздки за границу. Авторъ прекраснаго сочиненія о политическихъ отношеніяхъ Россіи, Котошихинъ, занимавшій въ Москвѣ должность въ отдѣленіи иностранныхъ дѣлъ, пишетъ: „Въ докладахъ пословъ переговоры изображаются не всегда такъ, какъ они велись въ дѣйствительности, а такъ, какъ это послу кажется болѣе выгоднымъ, чтобы заслужить благорасположеніе царя, такъ какъ авторы докладовъ увѣрены въ томъ, что царь ни въ какомъ случаѣ не можетъ навести справки“.

Во время разговора съ великимъ герцогомъ и сыномъ его, который также упоминалъ о „милости“ царя Алексѣя, рѣчь коснулась военной силы русскихъ. Чемодановъ говорилъ о необыкновенной массѣ солдатъ, бывшихъ въ распоряженіи царя; онъ называлъ различныя части войскъ, стрѣльцовъ, казаковъ и пр., хвалилъ быстроту ихъ коней и острогу мечей и сказалъ, что противъ нихъ не устоитъ ни одно войско. Приводя не безъ самоувѣренія свое описаніе, послы прибавляютъ: „А сынъ великаго герцога сказалъ: дѣйствительно мы слышали, что ни одно войско не устояло еще противъ войскъ царя, — онъ всюду побѣждаетъ“. Нельзя и думать, чтобы Козимо говорилъ чтонибудь подобное.

О переговорахъ собственно дѣловыхъ съ флорентинскимъ правительствомъ не могло быть и рѣчи во время пребывания пословъ въ столицѣ Фердинанда. Русскіе дипломаты не имѣли для такихъ переговоровъ никакихъ инструкцій, а безъ нихъ ничего нельзя было предпринять, такъ какъ представители Московскаго государства должны были всегда дѣйствовать лишь по принятымъ предписаніямъ и не могли ничего сдѣлать самостоятельно. Попытку великой герцогини купить у нихъ соболья мѣха, они отклонили, подаривъ ей и сыну Фердинанду шкурки. Великій герцогъ желалъ завязать торговыя сношенія съ Рос-

сіей и высказалъ это посламъ. Чемодановъ и Посниковъ ограничили обѣщаніемъ доложить своему государю о желаніи великаго герцога.

Послы остались довольны приемомъ, а также подарками великаго герцога. Имъ подарили четыре куска дорогой золотой парчи, два мундета и два другихъ ружья, чѣмъ они были особенно довольны: имъ очень понравилась охота на маленькихъ итичекъ въ саду Боболи; далѣе нѣсколько коробокъ съ благовоніями и лекарствами изъ лабораторіи великаго герцога и нѣсколько хрустальныхъ кружекъ. Ихъ же подарки состояли изъ связокъ собольихъ шкурокъ. Великій герцогъ получилъ 40, супруга его 10 и одну богатую чернуюбурую лисицу; маркизъ Корсини — 4 штуки собольей и еще одно либо 2 штуки. Въ упомянутомъ документѣ во Флорентинскомъ архивѣ значится: „Болѣе никто ничего не получилъ. Послы говорили, что на дорогу взяли всего только 1400 пехивовъ“.

Изъ Флоренціи писали, что русскіе послы въ разговорѣ съ резидентомъ венеціанской республики старались склонить его уплатить расходы по путешествію ихъ во Флоренцію.

Власти флорентинской республики имѣли не мало хлопотъ съ своими гостями. Въ актахъ подробно значатся имена путешественниковъ, при чемъ не всегда легко было записывать трудно произносимыя имена русскихъ. Нужно было также запомнить подробно полный царскій титулъ. Русскіе считали очень важнымъ словесно и на письмѣ не пропускать ни одного изъ наименованій длиннаго титула.

Въ день отъѣзда пословъ, 1-го января стараго стиля (11-го января н. с.), великій герцогъ провожалъ ихъ до воротъ дворца; принцъ Леопольдъ сопровождалъ ихъ со свитою въ 64 экипажахъ, а маркизъ Корсини ѣхалъ съ ними до Тресциано.

На пути отъ Флоренціи чрезъ Анзенны русскіе испытали много новыхъ впечатлѣній. Прѣзжая чрезъ Болонью они были поражены каменными домами и шлюзами. О Феррарѣ также поставлена замѣтка въ дневникѣ; опредѣлена величина города и ширины рововъ его окружавшихъ. По пути въ Венецію русскіе дипломаты узнали, что дожъ Моленъ, правившій Венеціей съ 1645 по 1655 г., къ которому именно они были посланы царемъ, уже давно умеръ, что послѣ того было три дожа, и изъ нихъ послѣдній, Вальеро, находится теперь во главѣ правленія.

На границѣ венеціанской области послы, по порученію мѣстнаго правительства, были встрѣчены Альбертомъ Виллиа, бывшимъ незадолго передъ тѣмъ въ Россіи. Узнавъ о прибытіи русскаго посольства въ Ливорно, поднялъ вопросъ о церемониальнѣя приема необычныхъ гостей. Правительство республики полагало, что при положеніи въ то время восточнаго вопроса ближайшія сношенія съ московскимъ государствомъ могутъ быть выгодны. Рѣшено было отнестись къ русскимъ посламъ съ особымъ вниманіемъ.

Въ Венеціи русскіе послы оставались съ 11 января до 1 марта стараго стиля, т. е. около семи недѣль. Царна морей произвела на пословъ глубокое впечатлѣніе. Уже при вѣздѣ они удивлялись множеству гондолъ, устройство которыхъ и описано ими въ дневникѣ. „Въ Венеціи, говорятъ они далѣе, по всѣмъ улицамъ вода, и суда останавливаются у дверей“. Прекрасные, отведенные имъ покои описываются также подробно. Изъ достопримѣчательностей города посламъ болѣе всего понравились мощи и разныя святыни, которыя они видѣли во дворѣ дожей и въ церквахъ. Послы обратили вниманіе на отсутствіе въ Венеціи городской стѣны и укрѣпленій, восхищались мостомъ Риальто. Въ дневникѣ упоминается также и о другихъ мостахъ и о стеклянной фабрикѣ Мурано. Впрочемъ послы многого не видѣли въ Венеціи, такъ какъ были стѣснены этикетомъ; большую часть времени они проводили въ своихъ покояхъ. Сюда имъ подавали обѣдъ; ежедневно за столомъ они провозглашали тосты за здоровье царя и царевича, а также дожа Венеціи Вальеро.

На второй день послѣ прибытія русскихъ въ Венецію къ нимъ явилась депутация отъ жившихъ здѣсь грековъ. Въ то время греки начали надѣяться на освобожденіе ихъ Россіей. Греческіе монахи нерѣдко являлись въ Москвѣ. Константинополь все еще считался духовной метрополіею Россіи. Всякій разъ при появленіи въ послѣдующія десятилітія русскихъ пословъ въ Венеціи, у нихъ завязывались сношенія съ греческими эмигрантами. У русскихъ и грековъ были общіе политическіе и духовныя интересы.

Греки, явившіеся къ дипломатамъ, выразили свою радость по поводу того, что удостоились видѣть пословъ „великаго царя“, всѣхъ единовѣрцевъ.

Они пригласили русскихъ присутствовать при богослуженіи. Русскіе посетили греческую церковь чрезъ двѣ недѣли. Они были отведены греческой депутацией въ прекрасныхъ гондолахъ. Служба была торжественная, и въ проповѣди, о царѣ Алексѣѣ говорилось какъ о покровителѣ восточной церкви, защитникѣ и утѣшеніи христіанъ, побѣдѣ невѣрныхъ. Проповѣдникъ выразилъ надежду, что царь побѣдитъ всѣхъ враговъ Христовыхъ и, какъ второй Константинополь, освободитъ грековъ отъ рабства. Въ тотъ же день къ посламъ явилось нѣсколько греческихъ священниковъ и купцовъ и разговаривали о восточныхъ дѣлахъ. Греки старались русскимъ задобрить. Пословъ навѣститъ и греческій митрополитъ.

(Объясненіе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Пѣвецъ.

(Рис. на стр. 60 и 61).

Престянал картина Кошти переноситъ насъ въ Италию время возрожденія, въ роскошный дворецъ Медичисовъ. Какое то полное кипѣніе жизни, изящество, процвѣтаніе искусствъ— жизнь тогда словно была черезъ край. Это изящество, этотъ чудный разцвѣтъ искусствъ видны во всемъ, печать ихъ лежитъ на великолѣпной обстановкѣ, на красивыхъ пышныхъ одеждахъ придворныхъ дамъ, изображенныхъ на картинахъ. Сцена полна оживленія и яркости. Молодой красавецъ-шеголь, пѣвецъ-художникъ, мастеръ пѣть и играть, и очевидно весьма нравившійся обществу молодыхъ дамъ, его слушающихъ, расцѣвываетъ, насмѣшливо прищуривъ свои большіе красивые глаза, какую нибудь, вѣроятно веселую, комическую пѣсенку. Каждая изъ престянахъ дамъ маленькаго общества по своему выражаетъ свое удовольствіе и восхищеніе мастерствомъ и остроуміемъ красиваго пѣвца. Кипитъ и искрится эта шумная, веселая, легкая нравами, но изысканная и богатая жизнь. Подъ гербомъ Медичисовъ на каминѣ поставленъ годъ A. D. MDCLVII, т. е. 1657 г. по Р. X. Мы печатаемъ теперь любознательную статью о пребываніи нашихъ по слову этого времени въ Италию, статью, которую могутъ читатели видѣть и въ предъидущихъ номерахъ. И въ разгарѣ такой то жизни изъ нашего далекаго отечества, съ его, тогда столь замкнutoю семейною и строгою жизнью, очутились наши бояре. Понятно, какъ они должны были казаться странны и дикіи среди такого роскошнаго, изящнаго карнавала, и какъ имъ все должно было казаться распущеннымъ и оскорбляющимъ ихъ понятія. Все это очень любознательно и ярко выражено въ упомянутой статьѣ.

Серебряный лѣсъ.

(Рис. на стр. 65).

Будто окутанные бѣлымъ мѣхомъ стоятъ могучіе „вѣковики“, въ богатое, осипанное алмазами серебряное кружево парядилась молодая, полизовая поросль,—и недвижно застыла каждая вѣточка, скованная льдиною корою. Глубокіе, невылазные сугробы снѣга сплошь завалили поляны и скаты лѣсныхъ овраговъ, груды проростаго мхомъ бурелома, размытыя осенью водою, корневыми ямы... Полный мѣсяць высоко поднялся надъ лѣсомъ, лъетъ сверху потоки яснаго свѣта, и голубыи, легкія тѣни по снѣгу стелются причудливо. Торжественная тишина кругомъ, полная чарующей таинственности.

Замело денными мятелями всѣ тропы, всѣ лазы звѣриные, замело давно и узенькій сѣдлокъ сапный, что толкою змѣйкою видя по прогалинамъ, вплоть до избенки промысловой, и забенка эта давнымъ давно брошена человѣкомъ, пасьвовозъ ершенскими морозами проморожена; горою навалило на крышу снѣгу, на трубу нахлобучило ираздно торчащую бѣлую шапку, замело, сравнито изгороди, затянуло пнемъ оконца, заколоченныя наглухо досками... Чу!... легкій трескъ слышится межъ кустами... Быстрая тѣнь мелькнула и скрылась... Снова трескъ, снова тѣнь... алые зеленоватые огоньки межъ стволами загорѣлись въ морозной мглѣ...

Вереницей, настороживъ чуткія уши, пробирается волчья стая... возрились бродяги въ жилы брошенное, вражій духъ почуяли, полукругомъ, облагою, передъ окнами усаживаются, переглядываются межъ собою... Вотъ одинъ, матерой, поднятъ вверху острое рыло, зашуритъ глаза—застонала по лѣсу, далеко понеслась его упылая пѣсня. Вотъ другой зубами прищельнувъ, лапу

поднять, подтянуть въ задъ запѣвать... вотъ пристать и третій: стали подтягивать и прочіе... воютъ-повоютъ, да и стихнуть, отдохнуть и снова за свою музыку принимаются... И въ такую минуту затихая, ни откуда не слышно отзыва на эти волчьи жалобы. Молчитъ серебряный лѣсъ, холодный мѣсяць брызжлетъ лучами драгоценныхъ кампей, легкими голубыми тѣнями расписываетъ снѣжные сугробы...

Остановка на 24 часа.

(Рис. на стр. 68).

Одно изъ обычныхъ явленій въ средней и южной полосѣ Россіи—спѣговья мятели, задерживающія поѣзды по суткамъ и болѣе на промежуточныхъ станціяхъ. Комизмъ такой задержки, даже и для празднаго путешественника, обрацается въ трагическій эпизодъ, при отсутствіи буфета и какихъ бы то ни было съѣстныхъ принасовъ на жалкомъ стениомъ полустанкѣ. Мы уже не говоримъ о тѣхъ, кто спѣвниги по торговымъ, или семейнымъ дѣламъ, на курьерскомъ поѣздѣ, и вдругъ принужденъ терять драгоценное время въ безцѣльной остановкѣ, конца которой иногда нельзя съ точностью предвидѣть, такъ какъ расчистка пути зависить отъ массы условій, и ужъ никакъ не отъ воли и желанія пассажировъ. Всякій, кто бывалъ въ подобныя обстоятельствахъ, ясно ихъ припомнитъ при взглядѣ на прилагаемый рисунокъ. Такие снѣжные заносы и остановки не рѣдки и на степныхъ американскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

К. А. Варламовъ.

Константинъ Александровичъ Варламовъ — артистъ русской драматической труппы, принадлежитъ къ числу любимцевъ публики, выходъ которыхъ на сцену всегда сопровождается аплодисментами. Не смотря на то, что К. А. занимаетъ амплу комическихъ стариковъ уже въ теченіи десяти лѣтъ на петербургской казенной сценѣ—онъ сравнительно еще молодой человѣкъ: ему всего 34 года. Онъ родился въ 1850 году, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти его отца—извѣстнаго композитора, автора многочисленныхъ романсовъ, имѣвшихъ нѣкогда огромный успѣхъ. Смерть его была трагическая,—онъ умеръ ударомъ за карточнымъ столомъ. Такая катастрофа не могла не отозваться на здоровьи матери Константина Александровича,—и поэтому родившійся ребенокъ былъ настолько хилъ и перепечъ, что на дальнѣйшее его существованіе никто не рассчитывалъ: съ нимъ дѣлались припадки при внезапномъ свѣтѣ, стужѣ и пр. Такъ тянулось дѣло до семи лѣтъ, когда мальчикъ заболѣлъ натуральною оспой, отозвавшейся на мозгъ и оставившей всякое ученіе и занятія на нѣсколько лѣтъ. Тяжелыя семейныя обстоятельства, полное отсутствіе средствъ, послѣ роскошной обстановки при жизни покойнаго Варламова, еще болѣе осложняли болѣзную юности. Но сценическій талантъ, таившійся въ немъ, сказался на двухъ-трехъ любительскихъ спектакляхъ, играныхъ на Черной рѣчкѣ, и мальчикъ на семнадцатомъ году рѣшительно почувствовалъ призваніе къ сценѣ.

Первой ареной его дѣятельности былъ Кропштадтскій театръ, управляемый въ то время А. М. Читау. Завязавъ кой-какія театральныя отношенія, К. А. началъ играть въ труппахъ Галичарта и Вильде, за ничтожное вознагражденіе, а порою и совсѣмъ бесплатно, получая иногда, въ видѣ награды, по сорока рублей за сезонъ. Первые шаги его были неудачны: ему, по молодости лѣтъ, конечно давали роли jeune premier, въ которыхъ онъ былъ очень плохъ. Наконецъ, когда однажды въ Вильдѣ ему удалось сыграть комическую роль, онъ попалъ на свое настоящее амплу и получилъ извѣстность.

1875 годъ застаеъ его въ Нижнемъ-Новгородѣ, получающимъ уже около шести тысячъ жалованья. Случайный прїездъ въ Це-

К. А. Варламовъ. Артистъ Импер. СПб. театровъ. По фотогр. Шапиро, грав. Ю. Барановскій.

Литературный альбомъ. „Антонъ Горемыка . Повесть Д. В. Григоровича. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Ю. Барановскій.

тербургъ, случайная сыгранная роль въ дѣлѣ—сдѣлали то, что онъ нарушилъ контрактъ и, заплотивъ въ Нижегородскомъ антрепренеру неустойку въ нѣсколько тысячъ, поступилъ на казенную сцену. Признавая въ немъ только комика-буффъ, начальство запрягло его почти исключительно на водевилъ, и только смерть Виноградова, отъ котораго перешла къ нему большая часть ролей, выдвинула его на первый планъ. За послѣднее десятилетіе К. А. сыгралъ огромное количество ролей въ пьесахъ всевозможныхъ авторовъ. Онъ освободился за это время отъ тѣхъ рѣзкостей и подчеркиваній, съ которыми 24-х-лѣтній молодой человекъ, упоенный своими успѣхами, явился съ провинціальными сценами на столичную. Развивался и совершенствовался съ каждымъ годомъ, онъ, не смотря на бездну новыхъ ролей въ каждомъ сезонѣ, возвышался порою до чрезвычайно тонкаго созданія типовъ. Перечислить всѣ сыгранныя имъ роли не было бы никакой возможности. Скажемъ только, что Варламовъ превосходитъ не только въ жанровомъ, но и въ классическомъ репертуарѣ комедій: стоитъ вспомнить роли: Кляквы („Много шуму“—Шекспира), Горича („Горе отъ ума“), Земляники и Осипа („Ревизоръ“), Спандареля („Донъ-Жуанъ“), Большинцова („Мещанъ въ деревнѣ“) и пр.

8-го мая настоящаго года будетъ ровно 10 лѣтъ его службы на Александровскомъ театрѣ, и вѣроятно объ этомъ вспомнятъ почитатели его таланта.

Станція ж. д. въ Екатеринославѣ.

(Рис. на стр. 69).

На нашемъ рисункѣ изображено красивое зданіе Екатеринославскаго вокзала Екатериновской ж. д. Открытіе дороги состоялось 18 мая прошлаго года. Главное назначеніе этой дороги—соединить восточную и западную части Екатеринославской губ., приблизивъ къ ней восточную часть Донецкаго бассейна, Харьковско-Николаевская и Юго-Зап. ж. д. сближаютъ Екатеринославъ и съ Царствомъ-Польскимъ. Все это обѣщаетъ многое въ будущемъ. Министръ путей сообщенія, прибывъ за два дня до открытія, осмотрѣлъ западную и восточную части дороги, желѣзнодорожныя сооруженія и дѣйствительно прекрасныя мастерскія, бывшія въ полномъ ходу. Пятница 18 мая была днемъ открытія дороги. Вокзалъ съ вечера украсился флагами и гирляндами зелени. Совершенно было молебствие просвященнымъ въ сослуженіи всего городского духовенства, въ присутствіи властей и массы народа, какъ изображено на нашемъ рисункѣ. По провозглашеніи многолѣтняго Государю Императору и строителямъ дороги, на вышкѣ вокзала взвился флагъ, поднятый самимъ министромъ. Торжество имѣло весьма внушительный характеръ.

Лит. альб. „Антонъ Горемыка“, Григоровича.

(Рис. на стр. 73).

Несомнѣнно, главнымъ образомъ извѣстность имени нашего писателя Д. В. Григоровича дали его повѣсти изъ народной жизни, которыя раньше еще повѣсти изъ того же быта Тургенева, уже изѣли и распространены, и значеніе. Изъ этихъ же повѣстей „Антонъ Горемыка“ и до сихъ поръ пользуется заслуженною и обширною славой. Даже и теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, прошедшихъ съ перваго ея появленія, послѣ уже большой обработки другими крестьянскаго быта, повѣсть читается съ живымъ и неослабвающимъ интересомъ и поражаетъ вѣрностью и мѣткостью сценъ и описаній. Сцены относятся къ минувшему времени крѣпостнаго права. „Антонъ Горемыка“—простая и полная глубокаго трагизма повѣсть жизни злополучнаго и неудачливаго крестьянина, на котораго, по роковому стеченію обстоятельствъ, какъ на Макаровъ, по пословицѣ, всѣ нищизны валятся. Онъ не всегда былъ бѣденъ и приниженъ. Но все вдругъ пошло на несчастье. Недорожь, да коровы нали, то да другое, да управляющій на него взбѣлся и требуетъ подушныя, и чтобы заплатить ихъ, Антонъ ѣдетъ въ городъ продавать на конной ярмаркѣ послѣднее свое достояніе—свою лошадку. Но и ту у него крадутъ на базарѣ. Въ горѣ и въ ужасѣ, холодною осеннею ночью бѣжитъ бѣднякъ зря, спрашивая объ лошади кого понало, и розыскивая ее, попадаетъ въ свое же село ночью и встрѣчается съ знакомой старухой-нищей, которой до того у себя не разъ давалъ пріютъ. Въ безуміи отчаянія вспоминаетъ, что про старуху ходятъ слухи, будто у нея скоплены деньги, онъ требуетъ, чтобы она ему помогла. Эта ночная сцена и изображена нашимъ художникомъ.

— Помоги, коли хочешь спасти душу христіанскую отъ грѣха! Дай денегъ!

— Христосъ съ тобой! Какія у меня деньги!

— У тебя есть—всѣ сказываютъ.

— Что съ тобой дѣлать, завопила старуха—вишь ты какой страшный... азь руку на себя поднять хочешь—денеги у меня въ березничкѣ зарыты...

И она ведетъ Антона въ дѣбъ. Въето помощи, она заводитъ его въ воровской притонъ, гдѣ его ловить вмѣстѣ со старухой и ворами, ея сообщниками, и такъ какъ одинъ изъ воровъ братъ Антона, давно было пропавшій безъ вѣсти, то Антонъ не хочетъ на него доносить и потому самъ попадаетъ въ тюрьму и ссылку. Вообще, повѣсть производитъ самое тяжкое, гнетущее впечатлѣніе, которое искупается лишь художественностью изложенія.

Ночныя ласточки или козодои.

(Рис. на стр. 76).

Ночныя птицы, болѣе дневнаго свѣта и проводящія всю жизнь въ самой непроглядной глубинѣ лѣса, вообще пользуются въ народныхъ воззрѣніяхъ на природу дурной славой. Народъ ихъ считаетъ пособниками злыхъ духовъ и относится къ нимъ съ боязнью и отвращеніемъ. Та же участь ласточки и ночныхъ ласточекъ или козодоевъ. Крестьяне смотрятъ на этихъ безвредныхъ животныхъ неблагопріятно и совершенно увѣрены, что ихъ широкій ротъ служить имъ не для чего другаго, какъ для доенія козъ.

Въ сущности всѣ козодои приносятъ человѣку только пользу громаднымъ истребленіемъ вредныхъ насѣкомыхъ и никогда не причиняютъ вреда, заслуживая влѣдствіе этого полной защиты и покровительства, тѣмъ болѣе что днемъ это самыя жалкія птицы. Въ это время онѣ спятъ болѣею частью на землѣ, совершенно закрывъ глаза, такъ что лишь тонкій слухъ извѣщаетъ его о приближающейся опасности. При этомъ онѣ смотрятъ, подобно совамъ, черезъ полуоткрытыя вѣки, стараясь уяснить себѣ опасность, и затѣмъ тотчасъ же улетаетъ, или же еще плотнѣе прижимается къ землѣ или къ суку, полагаясь на сходство своихъ перьевъ съ землею, или съ корою дерева. Если случается, что онѣ порхаетъ днемъ, то какъ то вяло и невѣрно, напоминая собою какой то легкій предметъ, уносимый вѣтромъ, который того и гляди упадетъ на землю. Напротивъ того, ночью у козодоя совершенно другой полетъ: тогда онъ летитъ на охоту быстрымъ, скользящимъ полетомъ надъ рѣдко-лѣсистыми мѣстностями или надъ равнинами, то плавая по воздуху, то быстро бросаясь въ сторону скорыми ударами крыльевъ, чтобы догнать и проглотить ночную бабочку или жука. Такая охота продолжается всю ночь, если только она не слишкомъ темная и бурная. По своему уму ночныя ласточки стоятъ песочницѣ ниже дневныхъ ласточекъ. При ихъ малой поитливости, замѣчательно ихъ смѣлое и глуное любопытство. Ночью всякое необычное явленіе привлекаетъ ихъ вниманіе. Такъ, въ пустынныхъ лѣсахъ козодой сопровождаетъ почти постоянно запоздаваемаго путника и, кружась вокругъ него, сопровождаетъ его часто цѣлую четверть часа. Воспитываніе въ неволѣ выпущенныхъ изъ гнѣздъ козодоевъ представляетъ большія трудности и возможно лишь при томъ условіи, если ихъ кормить только ночными бабочками и жуками и держа въ темлѣ, удалитъ отъ солнечнаго свѣта. Особенно странное впечатлѣніе производятъ американскіе козодои, пугающіе своими страшными ночными криками. Звуки эти дѣйствительно мрачны и страшны и, будучи похожи на стоны и вопли, производятъ угнетающее впечатлѣніе и считаются у индійцевъ какъ-бы предвѣстіемъ вѣрной смерти.

Мервскій житель.

(Рис. на стр. 77).

Въ апрѣлѣ прошлаго года состоявшееся присоединеніе къ Россіи Мервскаго оазиса видоизмѣнило наше современное положеніе въ Средней Азій. Выше Петро-Александровска мы не имѣли по Аму-Дарьѣ надежной пристани на верхнемъ протяженіи громадной Средне-Азіатской рѣки, текущей, по выходѣ изъ отроговъ Гималая, по пустыннымъ равнинамъ бухарскихъ, туркменскихъ и хивинскихъ степеней, по которымъ лишь изрѣдка проходили караваны да рыскалъ за добычею неукротимый мервецъ. Это полуразбойничье, воинственное племя теперь подчинилось вполнѣ власти Россіи. Лица мервцевъ имѣютъ суровое и непривѣтливое выраженіе. Одежда ихъ—обычная одежда средне-азиатскихъ кочевниковъ, въ коей они, на своихъ горячихъ степныхъ коняхъ, пробѣгаютъ раскаленные пустыни. Типъ такого мервца, изъ новыхъ подданныхъ Россіи, и изобразилъ нашъ художникъ на прилагаемомъ рисункѣ.

Политическое обозрѣніе.

Германія.—Франція.—Египеть.—Италія.

Недавно въ засѣданіи германскаго имперскаго парламента происходили очень оживленныя пренія—при обсужденіи кредита въ 150,000 марокъ, затребованнаго правительствомъ на расходы по изслѣдованію центральной Африки. Предсѣдатель

центра Виндгоретъ при этомъ заявилъ, что онъ сочувствуетъ колониальной политикѣ князя Бисмарка, но въ тоже время считаетъ пренебрежительную бережливость въ государственныхъ расходахъ неиремешнымъ условіемъ благотворной финансово-политики, особенно въ такое время, когда депозитныя тяготы

налоговъ удручаютъ низшіе классы населенія. На этомъ основаніи Виндгорстъ выразилъ желаніе, чтобы правительство обстоятельно разъяснило парламенту цѣли своихъ колоніальныхъ предпріятій. Князь Бисмаркъ возражилъ на это, что онъ не можетъ указать на всѣ тѣ пункты, которые, по его расчетамъ, должны сдѣлаться въслѣдствіи нѣмецкими колоніями, такъ какъ другія націи, не могущія благоприятно относиться къ успѣхамъ нѣмецкаго колонизаціоннаго движенія, не упустили бы случая опередить Германію на этомъ пути. Что же касается до стремленія германской имперіи къ расширенію своихъ колоніальныхъ владѣній, то, по словамъ канцлера, оно встрѣтило во всѣхъ классахъ населенія столь сочувственный отголосокъ, что всѣ дѣянія должны клониться теперь къ тому, чтобы побудить парламентъ высказаться въ пользу асигнованія требуемаго правительствомъ расхода. „Если, сказалъ въ заключеніе канцлеръ,—реихсратъ не пожелаетъ содѣйствовать успѣху предпріятій, направленныхъ къ открытію новыхъ путей для нашихъ торговыхъ сношеній съ африканскими народами, то колоніальное движеніе должно будетъ остановиться, такъ какъ оно можетъ имѣть успѣхъ лишь при содѣйствіи единодушнаго и вполнѣ національнаго порыва.“

Конференція по западно-африканскимъ дѣламъ приняла въ своемъ засѣданіи 7-го января проектъ деклараціи относительно торговли неграми, составленный въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Такъ какъ въ силу принциповъ международнаго права, признанныхъ ниже подписавшимися державами, торговля невольниками воспрещена, и всякія операціи какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, имѣющія цѣлью содѣйствовать торговлѣ рабами, должны считаться противозаконными, то государства, пользующіяся властью или вліяніемъ въ предѣлахъ территорій, составляющихъ въ совокупности бассейнъ рѣки Конго, симъ заявляютъ, что означенныя территоріи не могутъ быть обращены въ мѣстности пригодныя для учрежденія на нихъ невольничьихъ рынковъ или для провоза по нимъ предназначенныхъ для продажи рабовъ какой бы то ни было расы. Каждая изъ договаривающихся державъ симъ обязуется принять мѣры для прекращенія этой торговли разумными существами, и для наказанія тѣхъ, которые занимаютъ столь постыднымъ промысломъ.“

По сообщенію изъ Парижа, новый французскій военный министръ рѣшился укомплектовать дѣйствующія въ Тонкинѣ вой-

ска волонтерами, взятыми изъ числа нижнихъ чиновъ, прослужившихъ въ строю не менѣе года; пробѣлы же, которые явятся въслѣдствіе этого въ рядахъ арміи, восполнить молодыми людьми, зачисленными прямо въ запасъ. Проектируемая генераломъ Левалемъ мѣра, если только она дѣйствительно состоится, послужитъ подтвержденіемъ сказанной имъ недавно въ палатѣ депутатовъ рѣчи, въ которой новый французскій военный министръ проявилъ себя сторонникомъ рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій не только въ Тонкинѣ, но и вообще противъ Китая. „Французская армія, сказала онъ при этомъ, не можетъ же вѣчно пребывать „въ созерцаніи восточной границы“ и охранять выходъ изъ вогзескихъ проходовъ; это значило бы просто гипнотизировать армію“. Опасеній, что Германія можетъ воспользоваться случаемъ для нападенія на Францію, онъ, повидимому, не раздѣляетъ и въ то же время даетъ понять, что мысли о реваншѣ слѣдуетъ оставить пока въ сторонѣ. По свѣдѣніямъ изъ Каира, генералъ Гордонъ извѣстилъ штабъ генерала Вольселея, что онъ и его войска по прежнему бодрствуютъ въ ожиданіи скорой помощи и что правильное продовольствіе Хартума совершается безъ всякихъ препятствій. Въ другой корреспонденціи изъ Каира, нынѣшнее положеніе Египта выставляется въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Анархія и разбойничество свирѣпствуютъ по всей долинѣ Нила, какъ будто эта злосчастная страна вовсе не находится подъ защитой и охраною цивилизованнаго правительства.

Изъ Рима сообщаютъ, что итальянское правительство поручило начальнику отпавляющейся въ Ассабъ военной экспедиціи, полковнику Салетта, принять мѣры къ обезпеченію безопасности новой итальянской колоніи на восточномъ побережьи Африки и изслѣдовать земли, прилегающія къ ассабской бухтѣ. Это распоряженіе совершенно противурѣчитъ конвенціи, заключенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ между Англійей и Италіей, по которой, какъ отправка военной экспедиціи въ Ассабъ, равно и постройка на этомъ пунктѣ какихъ бы то ни было укрѣпленій, были признаны несомнѣнными съ требованіями британскихъ интересовъ. Въ итальянскихъ политическихъ кружкахъ прямо усматриваютъ въ предстоящемъ отплытіи экспедиціи доказательство, что помянутая конвенція подверглась въ настоящее время существеннымъ измѣненіямъ съ согласія обѣихъ сторонъ.

С М Ъ С Ъ .

Несгораемое вещество. Къ замѣчательнѣйшимъ несгораемымъ минераламъ принадлежитъ давно извѣстный асбестъ, не имѣвшій до сихъ поръ никакого практическаго употребленія въслѣдствіе своей дороговизны. Недавно открыты большія залежи его въ Канадѣ возлѣ везбекской центральной желѣзной дороги; залежи эти такъ громадны, что можно рассчитывать, что своеобразный этотъ матеріалъ найдеть значительное примѣненіе. Слово асбестъ, взятое съ греческаго, означаетъ несгораемый, неисчезающій, что опредѣляетъ главныя свойства асбеста. Предполагаютъ, что асбестъ происходитъ отъ разложенія другихъ каменныхъ породъ, но до сихъ поръ еще не объяснено какія особыя силы природы и химическіе процессы способствуютъ его образованію. Полагаютъ, что онъ происходитъ отъ бленды, серпентина и слюды, между слоями которыхъ онъ находится. Необходимый асбестъ состоитъ изъ многочисленныхъ волокообразныхъ кристалловъ, которые соединяются между собою въ видѣ мягкой ткани или образуютъ болѣе твердую массу съ прямыми или искривленными волокнами, такъ что по своему строенію онъ имѣетъ нѣсколько названій. Самымъ лучшимъ и самымъ пригоднымъ считается такъ называемый горный ленъ, который преимущественно подается въ Сѣверной Америкѣ. По мѣсту нахождения асбестъ называется еще балтиморитъ, бостонитъ или канадскія волокна. Цвѣтъ его бываетъ оливково-зеленый, желтовато-зеленый, зеленовато-бѣлый и серебристо-бѣлый. Асбестъ, найденный въ Сѣверной Америкѣ, имѣетъ видъ зеленовато-бѣлыхъ, твердыхъ камней съ салнишей на нихъ волокнистой массой, тонкой и блестящей какъ шелкъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи камней оказывается, что вся масса состоитъ изъ безчисленныхъ, плотно прилегающихъ другъ къ другу нитей, легко отдѣляющихся и образующихъ сырой асбестовый шелкъ, нити котораго такъ тонки, что кажутся снятыми съ кокона, и безъ всякой другой примѣси могутъ быть прямо употреблены для приготовления нитокъ, шнурковъ и тканей. Благодаря тому, что асбестъ не подверженъ дѣйствію огня, греки и римляне употребляли его на одежды мертвецовъ съ цѣлью сохранить отдѣльно отъ древеснаго пепла пепель труповъ. У императора Карла V была асбестовая скатерть, которую онъ для забавы гостей бросалъ послѣ обѣда въ каминъ и такимъ образомъ чистилъ ее. Въ настоящее время изъ асбеста приготавливаютъ несгораемые документы, завѣщанія, веселки и пр.; такая бумага имѣетъ еще то преимущество, что можетъ быть нѣсколько разъ написана и снова вычищена. Далѣе дѣлаютъ декорации, обои, чехлы, занавѣси, матеріи для обивки мебели и канаты и веревки для кораблей. Точно также асбестовый картонъ употребляется для обивки деревянныхъ стѣнъ и крышъ и въ пороховыхъ магазинахъ и на корабляхъ. Какъ дурной проводникъ тепла, асбестъ примѣняется при электрическомъ освѣщеніи и въ лабораторіяхъ, для обивки паровыхъ трубъ, внутренней обивки хлѣбныхъ печей (съ

цѣлью задержанія тепла). Послать асбестовыя перчатки, въ Припечьяхъ — шляпы и шапки, а на Комо — средней толщины кружева. Въ жаркихъ странахъ, подъ крышъ кладутъ слой асбеста или картона изъ него для защиты домовъ отъ жары. Такъ какъ на асбестъ не дѣйствуютъ кислоты, то онъ употребляется для ихъ фильтрованія и для закрыванія бутылокъ съ кислотами. До настоящаго времени меньше всего пользовались его капризностью (способностью всасывать жидкости), хотя послѣдняя была извѣстна уже въ древности; Гомеръ упоминаетъ о золотой лампѣ Минервы, фитиль которой былъ сдѣланъ изъ каристійскаго льна (асбеста). Недавно Гедике получилъ патентъ на новомодную лампу Минервы съ асбестовымъ фитилемъ, имѣющую то преимущество, что во время горѣнія она безъ всякой опасности можетъ быть наполнена, наклонена и даже опрокинута.

Періодическія кометы нашей солнечной системы распредѣляются по времени своего кругообращенія, слѣдующимъ образомъ: 1) кометы Энке, проходящія свой путь въ 3¼ года; 2) группа состоящая изъ 8 кометъ, проходящихъ свой путь въ теченіи 5—8 лѣтъ; къ нимъ принадлежатъ между прочимъ двѣ новыя кометы, первая открытая 16 іюля 1884 года Барнардомъ въ Тенесси и 17 сентября того же года Вольфомъ въ Гейдельбергѣ; каждая изъ нихъ совершаетъ путь вокругъ солнца въ теченіи 6—7 лѣтъ; 3) кометы Туттле, путь которыхъ длится отъ 13 до 14 лѣтъ, и 4) комета употребляющія 70 лѣтъ на обходъ вокругъ солнца. Двѣ изъ послѣднихъ, открытыя Галлейемъ и Поперъ-Брукомъ, вполнѣ извѣстны; третья, открытая Ольберсомъ въ 1815 году, вернется къ солнцу въ 1886 или 1887 г. Кометы еще съ большимъ временемъ кругообращенія представляютъ мало практической вѣжности. И тѣ немногія перечисленныя выше кометы требуютъ массу времени для вычисленій, особенно капризная комета Энке, которая посѣтитъ насъ снова чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и будетъ предметомъ новыхъ изслѣдованій.

Какъ работаютъ американцы? На вопросъ этотъ отвѣтилъ французъ по имени Лурделе, изъ сообщенія котораго заимствуемъ нѣкоторыя данныя. Въ Европѣ и особенно во Франціи даже торговый обмѣвъ писемъ изобилуетъ неучеными длиннотами и затягивается переговорами. Иначе дѣйствуетъ языкъ. Утромъ онъ распекачиваетъ свои письма въ присутствіи стенографа, которому тутъ же диктуетъ отвѣтъ. Даже небольшіе торговцы сознали, что этимъ путемъ они берегутъ много времени, т. е. денегъ. Стенографъ, отпущенный своимъ хозяиномъ, переписываетъ письмо, но не путемъ обыкновеннымъ, а помощью машины. Между тѣмъ хозяинъ садится къ своему письменному столу и разговариваетъ со служащими или управляющимъ по телефону, который устроенъ тутъ же, у стола, а не въ другомъ мѣстѣ комнаты, чѣмъ избѣгается ненужная ходьба къ аппарату и отъ него. Г. Лурделе посѣтилъ въ Нью-Йоркѣ чинов-

ника по выдачѣ патентовъ. Чиновникъ, не вставая съ мѣста, разговаривалъ не только со всѣмъ Нью-Йоркомъ по телефону, но при помощи телеграфнаго общества, которому передавалъ денеши по телефону,—со всѣмъ свѣтомъ. Желая подать телеграмму, мы должны отправляться на станцію или же посылать туда человека, за которымъ

Телефонъ нигдѣ не распространенъ въ Европѣ до такой степени какъ въ Цюрихѣ. Тамъ всѣ классы общества до сапожниковъ, портняхъ, пекарей, мясниковъ, мелочныхъ торговцевъ, извозчиковъ и пр. сознали его необходимость. Всѣ доктора безъ исключенія пользуются телефонами и также всѣ зажиточные дома. Въ каждомъ та-

Козодой на охотѣ. Ориг. рис. П. Н. Кирѣевскаго, грав. Ангереръ.

снять таки приходится идти на уголъ улицы, гдѣ его можетъ и не оказаться. Въ Нью-Йоркѣ кушечъ прямо телеграфируетъ въ ближайшую контору разсылныхъ, и спустя нѣсколько минутъ къ нему явится мальчикъ, который за 70 коп. въ часъ исполняетъ его порученія.

момъ скромномъ торговомъ домѣ находятся станціи, о чемъ узнается по вывѣскѣ. Сюда можетъ заходить каждый и за небольшую плату пользоваться телефономъ. Если больной живетъ далеко отъ доктора, то послѣдній призываетъ родныхъ его къ ближайшей станціи и по-

даёт совѣты. Станція принимаютъ также порученія къ живущимъ близи больнымъ, въ томъ случаѣ, если переговоры съ докторомъ почему либо не могли состояться.

Новое предпріятіе. Подъ руководствомъ живущаго въ Берлинѣ американца составилось товарищество, пріобрѣвшее патентъ отъ Бирдфиль-Гоули въ Нью-Йоркѣ и задавшее цѣлью доставлять по дешевой цѣнѣ паръ на фабрики и въ дома. Подобное общество дѣйствуетъ уже нѣсколько лѣтъ съ большимъ успѣхомъ во многихъ городахъ Америки. Тамъ каждый фабрикантъ, или владѣлецъ дома съ паровымъ отопленіемъ можетъ потребовать изъ центральной станціи нужное количество пара, который доставляется по трубамъ. Новое берлинское общество беретъ образцомъ Нью-Йоркскую паровую компанію, которая работаетъ также по патенту Гоули. Предполагаютъ построить пяти-этажный домъ съ 90 котлами, по 250 лошадиныхъ силъ на котель. Общая производительная сила этой станціи (въ будущемъ предполагаютъ устроить ихъ нѣсколько) будетъ равняться 16000 лошадиныхъ силъ, требующихъ ежедневно отъ 600 до 700 тоннъ угля. Тяга будетъ устроена при помощи двухъ выносныхъ трубъ по 217 футовъ вышины. Отъ центральной станціи трубы будутъ расходиться по всему городу на протяженіи 40 нѣмецкихъ миль. — Въ Нью-Йоркѣ находится десять центральныхъ станціи, снабжающихъ ежедневно паромъ отъ 400 до 500 потребителей, которые расходуютъ 4000 лошадиныхъ силъ. Первая закладка проводовъ въ Берлинѣ будетъ сдѣлана въ части города Луизенштадтъ, гдѣ расположено множество маленькихъ фабрикъ. Капиталь для предпріятія уже обезпечена, ожидаютъ только полученія концессіи, послѣ чего немедленно будетъ приступлено къ постройкѣ.

Кокосовая пальма. Въ тропической Америкѣ гавань св. Андресъ, въ Карибскомъ морѣ, считается главнымъ мѣстомъ торговли кокосовыми орѣхами, которые доставляются сюда съ свѣра и со многихъ вестиндскихъ острововъ. Но островъ св. Андреса считается центромъ этого производства и весь занятъ воздѣлываніемъ кокосовой пальмы. Орѣхи составляютъ единственное достояніе островитянъ. Листья кокосовой пальмы необыкновенно красивы; она напоминаетъ гигантскіе папоротники съ темнозелеными, заостренными, сильно блестящими листьями, помѣщенными на высокомъ стволѣ. Молодое растеніе похоже на нѣжный папоротникъ; выростая оно превращается въ колоссальный папоротникъ. Тогда нѣкоторые листья дѣлаются желтыми, коричневыми, красноватыми и опадаютъ; между удѣлывшими листьями и землею остается голый стволъ. Дерево не приноситъ плодовъ ранѣе достиженія 20 футовъ вышины, что бываетъ не ранѣе 7—10 лѣтъ. Первый сборъ орѣховъ происходитъ между 15 и 20 годами; пальма въ полномъ развитіи даетъ ежегодно 80, 100 и болѣе орѣховъ. Кокосовый орѣхъ прививается съ необыкновенною скоростью. Орѣхъ гонится теченіемъ къ тропическому берегу; дождь разлагаетъ волокнистую оболочку его; вѣтеръ закапываетъ его въ песокъ, а на слѣдующій годъ появляется пальма на

топей почвѣ. Деревья эти защищаютъ берегъ отъ разрушенія моря; корни ихъ, разрастаясь, сплетаются въ такую крѣпкую сѣть, которая не поддается дѣйствію волнъ. Совершенно другой видъ, чѣмъ въ окнахъ магазиновъ, имѣетъ орѣхъ, выходящій изъ рукъ природы. Онъ бываетъ покрытъ въ три дюйма толщины оболочкой, волокнистой съ внутренней стороны, и гладкой, свѣтлозеленой кожей. Наружная оболочка снимается или деревяннымъ ножомъ или раскалывается о мечъ, воткнутый въ колоду и затѣмъ изъ нея вынимается орѣхъ. Изъ волоконъ оболочки приготовляются маты и веревки; они

не подвержены вѣтряному вліянію и судозвоямъ тропическихъ странъ преимущественно употребляютъ снасти изъ кокосовыхъ волоконъ. Кокосовый орѣхъ имѣетъ много примененій; какъ предметъ питанія онъ имѣетъ самое незначительное значеніе. Зерно орѣха, размяченное въ водѣ, даетъ подъ прессомъ много масла, очень пріятнаго на вкусъ въ свѣжемъ состояніи, по которому очень скоро горькнетъ отъ дѣйствія воздуха. Масло получается также при вываркѣ и тогда похоже на стеаринъ, который идетъ для приготовленія свѣчей и мыла; такое мыло даетъ пѣну въ соленой водѣ. Смѣшанное со смолою масло даетъ превосходный матеріалъ для конопаченія кораблей. Масло въ значительномъ количествѣ употребляется на кухнѣ туземцевъ, а по праздникамъ оно замѣняетъ для нихъ наши духи. Масса, изъ которой выжимается масло, хотя и вкусна, но очень трудно переваривается, благодаря тому, что очень жирна. Песчаный, зеленый кокосовый орѣхъ содержитъ только молочную жидкость, которая постепенно преобразовывается въ ядро; если орѣхъ пересытеть на деревѣ, то въ немъ остается только воднистое молоко, скоро окисляющееся, почему орѣхъ теряетъ свою цѣнность. Изъ листьевъ кокосовой пальмы въ тропическихъ странахъ дѣлаютъ крыши. Кромѣ того изъ нихъ дѣлаютъ маты, коробки, корзины и пр. Волокна, смоченныя и выставленныя на солнце до тѣхъ поръ пока не покраснѣютъ, употребляются затѣмъ на грубую ткань. Само дерево очень твердо и идетъ на орнаментальныя работы. Волокнистая сердцевина старыхъ деревьевъ идетъ гакже на снасти. Наружная орѣховая скорлупа даетъ прекрасное топливо. Ни одна часть дорогаго дерева не пропадаетъ безъ пользы.

Жертвами хищныхъ звѣрей, по статистическимъ правительственнымъ даннымъ, въ 1883 году сдѣлалось въ Индіи 22905 человекъ, въ 710 человекъ больше противъ 1882 года. Изъ этихъ смертныхъ случаевъ 20067 произошло отъ укушеній змѣй, 985 человекъ сдѣлались жертвами тигровъ, 287—волковъ и 217—леопардовъ. Изъ рогатаго скота пропало 47478 штукъ, т. е. на 771 штуку болѣе чѣмъ въ 1882 г. Замѣчательно, что большинство смертныхъ случаевъ людей приходится на укушеніе змѣй, тѣ то время какъ такимъ образомъ погибло только 1644 головы скота. Почти три четверти смертныхъ случаевъ приходится на Бенгалію и на сѣверозападныя провинціи. Въ теченіи года было убито 19980 хищныхъ звѣрей, за что выдано вознагражденія болѣе 15000 фунтовъ стерлинговъ (1 ф. ст.=10 р.).

Новыя владѣнія Россіи въ Средней Азій. Житель Мервскаго оазиса.
Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Ю. Барановскій.

Снисходительная полиция. Как мягко относились къ пьянымъ въ среднее вѣка, извѣстно изъ параграфа городскихъ постановлений Бергена въ Норвегii, изданныхъ въ 1276 году. Тамъ сказано: „Если стража встрѣтитъ пьяныхъ мужчинъ или женщинъ сбившихся съ дороги, то ихъ слѣдуетъ вывести на настоящій путь. Если пьяный помнитъ свой домъ, слѣдуетъ отвести его туда, въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть отведенъ къ ближайшему хозяину, гдѣ и оставленъ до тѣхъ поръ, пока не сознаетъ куда ему нужно идти. Каждый указавшій ложную дорогу пьяному, платитъ марку серебромъ штрафа (около 12 рублей).“

Докторъ Ленденфельдъ, занимавшійся изслѣдованіемъ губокъ на Австралийскомъ берегу, открылъ первую систему у этого низшаго класса животныхъ. Открытіе это важно потому, что до настоящаго времени сомнѣвались въ животной природѣ губокъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нивы“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, обязательно присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Хабаровка на р. Усури (съ рис.).—Голосъ крови. (Драма глухого форта). Н. Н. Каразина. Часть I. (Продолженіе).—За драгоценнымъ кормнемъ. (Изъ жизни китайскихъ таежниковъ). Рассказъ А. Я. Максимова. (Продолженіе). Русскіе послы XVII в. въ Италіи (1656—1657 гг.). Изъ статьи А. Брикнера. (Продолженіе).—Пѣвецъ (съ рис.).—Серебряный лѣсъ (съ рис.).—Остановка на 24 часа (съ рис.).—К. А. Варламовъ (съ портр.).—Станція ж. д. въ Екатеринбургѣ (съ рис.).—Литерат. альбомъ „Антонъ Горемыка“ (съ рис.).—Ночныя ласточки или козодои (съ рис.).—Мераскій житель (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марксъ.

Годъ V.

ПОДПИСКА на 1885 годъ.

Годъ V.

„РЕБУСЪ“.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

Тайна мірозданія—неразрѣшимый ребусъ. Вся природа—вѣчный ребусъ. Вся наука—вѣчный трудъ надъ вѣчнымъ ребусомъ. Самъ человекъ—ближайшій къ труднѣйшій изъ ребусовъ. Прочтется ли онъ когда нибудь—неизвѣстно. Но вѣрно то, что ни одинъ ребусъ не прочитывается правильно безъ наличности всѣхъ его частей; между тѣмъ, при чтеніи именно человеческого ребуса, нѣкоторые его части самовольно откидываются. Безъ нихъ онъ никогда прочитанъ не будетъ, на этомъ мы стоимъ твердо. Собиранію именно этихъ откинутыхъ, отверженныхъ частей человеческого ребуса и посвящается въ особенности наша скромная дѣятельность.

Поэтому въ нашемъ журналѣ читатель найдетъ статьи, которыхъ онъ не встрѣтитъ ни въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій—статьи, посвященныя обзорнью малоизвѣстныхъ явленій природы, какъ-то **МЕДИУМИЗМА** (спиритизма), животнаго магнетизма, гипнотизма, сомнабулизма, ясновидѣнія, чтенія мыслей и проч. Явленія эти растутъ съ каждымъ днемъ, и наука уже начинаетъ заниматься ими. Статьи по этимъ вопросамъ помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя изъ иностранныхъ специальныхъ журналовъ.

Отдѣлъ ребусовъ заключаетъ въ себѣ премированные ребусы, за рѣшеніе которыхъ всѣ получаютъ преміи въ видѣ книгъ, картинъ, нотъ, портретовъ и проч. **Беллетристическій отдѣлъ:** романы, повѣсти, рассказы, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. **Смѣсь:** новыя открытія и изобрѣтенія. **Изъявили согласіе на сотрудничество въ журналѣ:** А. Н. Ансаковъ, профессоръ А. М. Бутлеровъ, Е. П. Блаватская (Рада-Бай), профессоръ Вагнеръ, Вс. С. Соловьевъ и друг. **Цѣна на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. съ дост., а безъ дост. 3 р. и 2 р.** Допускается разсрочка при подпискѣ 2 р., 1 апрѣля 1 р. и 1 іюля 1 р. Подписка принята въ всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга. Черезъ почту въ редакціи (Троицкій переулокъ, № 27). Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Мамонтова. **Можно получить журналъ за 1883 и 1884 года,** по 3 р. за годъ. Въ этихъ годахъ, между прочими статьями были помѣщены „Позитивность о спиритизмѣ“, А. Н. Ансакова, „Объ изученіи медиумическихъ явленій“, „О чтеніи мыслей“ профес. А. М. Бутлерова, „Гипнотизмъ и медицина“, профес. Н. П. Вагнера, „Интересный феноменъ“, Вс. С. Соловьева, „Спиритизмъ съ точки зрѣнія философіи“. Выдающіеся медиумическіе сеансы въ Россіи и за границей. „Леченіе магнетизмомъ“. „Опытъ ясновидѣнія“. „Отъ матеріи къ духу“.—изъ сочиненія де-Моргана. „Правда о Е. П. Блаватской (Рада-Бай)“. „Е. П. Блаватская и Теософія“. „Современное положеніе гомеопатіи“. „Очеркъ исторіи ребуса“. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ: „Темное дѣло“—романъ, принадлежащій перу одного изъ извѣстныхъ лицъ въ русской литературѣ. „Исповѣдь графа Л. Н. Толстаго“.

Редакторъ-Издатель В. ПРИБЫТНОВЪ.

Изданія редакціи „РЕБУСА“:

- 1) Кто-что о медиумизмѣ—брошюра профессора А. М. Бутлерова. Цѣна съ пересылкой 60 к.
- 2) Антиматериализмъ въ наукѣ. Нейтральный анализъ Йегера и гомеопатія—брошюра профессора А. М. Бутлерова. Цѣна съ пересылкой 40 к.
- 3) Позитивизмъ въ области спиритуализма, по поводу книги А. Дессэ „О посмертномъ человечествѣ“—брошюра А. Н. Ансакова. Цѣна съ пересылкой 1 руб.
- 4) Легенда стариннаго баронскаго замка—брошюра, служащая руководствомъ для устройства медиумическихъ сеансовъ. Цѣна 50 к.; съ перес. 75 к.
- 5) Очеркъ исторіи ребуса съ рисунками. Цѣна съ перес. 75 к.
- 6) Альбомъ ребусовъ, шарадъ, анаграммъ, загадокъ и проч. Ребусы рисованы извѣстнымъ художникомъ барономъ Клодтомъ; гравированы на деревѣ Даугелемъ. Пятое изданіе въ форматѣ 12x7 вер. Ц. 75 к.; съ пер. 1 р.
- 7) Что такое любовь?—брошюра. Цѣна 15 к.; съ пересылкой 25 к.

Редакція журнала „РЕБУСЪ“ объявляетъ

КОНКУРСЪ

НА СОСЛАНІЕ ПРЕМІЙ ЗА ЛУЧШІЕ РЕБУСЫ.

НАЗНАЧАЮТСЯ ТРИ ПРЕМІИ:

- 1-я Поэма Милтона „Потерянный Рай“, роскошно иллюстриров. изданіе.
- 2-я Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева.
- 3-я Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина.

Подробная программа конкурса и условія, которымъ долженъ удовлетворять хорошо составленный ребусъ, влечетаны въ № 45 „Ребуса“. Желающіе могутъ написать его въ редакціи (Троицкій пер., № 27/А), за двѣ 7 коп. марки. Брошюра же „Очеркъ исторіи ребуса“ высылается за 75 к. № 3816

ВЕНГРІЯ

ВУДАПЕШТЪ

ВЕНГЕРСКАЯ МѢСТНАЯ ВЫСТАВКА

подъ Высокимъ Покровительствомъ Его Импер. и Корол. Высоч. Наслѣднаго Принца Эрцгерцога Рудольфа.

Открытие 1-го Мая 1885 года. Конечъ въ концѣ Октября 1885 г.

Выставляются: Сельское хозяйство, Лѣсоводство, Горное производство, Промышленность, Гигіена, Народное просвѣщеніе, искусство. Въмѣстѣ съ тѣмъ выставки машинъ, сѣмянъ и животныхъ.

ПРАЗДНЕСТВА КАТАЛОГИ на венгерскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, а также спеціальныя каталоги для искусства, машинъ горнаго производства и проч. Приемъ объявленій.

РУДОЛЬФЪ МОССЕ, ВЕРЛИНЪ—В.И.А.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ДЛЯ УКАЗАНІЯ КВАРТИРЪ ВО ВСѢХЪ ВОКЗАЛАХЪ. В. № 3830 3-1

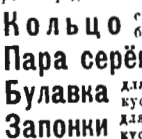
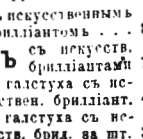
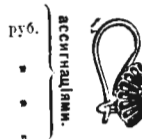
ПРИГОТОВИТ. ПАНСИОНЪ для взрослыхъ учениковъ

бывш. М. Михайлова, принимаетъ пансионеры и члеходящими и приготовляетъ къ экзамену: на аттестатъ реальн. училищъ, кадетскихъ корпусовъ и въ инженерн. училищѣ.

СПБургъ, Невскій просп., д. № 108, кв. 6.

№ 3822 1-1

По полученіи стоимости русскими ассигнаціями высылаю золотыя вещи по пробѣ предписанной русскими законами (14 каратовъ золота):

	Кольцо съ искусственнымъ брилліантомъ . . . 8 руб.	} ФРАНКО сълдующія ассигнаціями
	Пара серёгъ съ искусств. брилліантами 7 . . .	
	Булавка для галстука съ искусств. брилліант. 4 . . .	
	Запонки для галстука съ искусств. брил. ва шт. 3 . . .	

КАРЛЬ ГОЛЛЬ (HOLL), ювелиръ въ Штуттгартѣ (Германія).

НВ. Мои искусственныя брилліанты превосходной шлифовки даже апатоками съ трудомъ отличаются отъ настоящихъ. R. № 3829

Садовое заведеніе И. Г. КАРЛСОНЪ

ВЪ ВОРОНЕЖѢ

высылаютъ, по требованію, немедленно безплатно полный иллюстрированный каталогъ, въ которомъ политипажъ въ текстѣ, прейсъ-курантъ всякаго рода сѣменамъ, георграфическимъ инструментамъ на 1885 годъ. Всѣмъ гг. постояннымъ покупателямъ этой фирмы онъ вышлетъ безъ заявленія. № 3873

СЪМЕННОЕ ДЕПО ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЛЬЦЪ

МОСКВА, МЯСНИЦАЯ, Д. ПЕГОВА.

Целью имѣть увѣдомитъ гг. покупателей, что въ декабрѣ мѣсяцѣ выдѣтъ изъ печати на 1885 годъ полный Прейсъ-Курантъ на сѣмена: Сельско-хозяйственныя, Огородныя, Фруктовыя, Пѣвочныя, Древесныя и проч. Садовыя инструмента лучшихъ извѣстныхъ иностранныхъ фабрикъ, громадныя выборъ малыхъ и проч. растеніямъ, которымъ потребованію выдается и высылается чрезъ почту безплатно. № 3819 1-1-9

**ВЪМЯННЫЙ МАГАЗИНЪ
ИВ. ИВ. СИМА.
14. Караважная 14.**
Прейсъ-курантъ на 1885 годъ высылается
бесплатно. № 3794 3-3

СВѢЖІЯ СЪМЕНА
городныя, цѣбточныя, хлѣбныя, травяныя и
прочія предлагаетъ
**СЪМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ
А. УШАКОВА**
въ С.-Петербургѣ, Больш. Конюшенная, д. № 1.
Подробный прейсъ-курантъ высылается по
требованію. № 3820 3-1

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія:
какъ не содерж. въ сост. своемъ вредн.
здор. веществъ
„МОЗОЛИНЪ“
проvisor Пинесь и №.
Превосходное средство противъ мозолей
1 коробка 35 коп.
Съ пересылкою 2 кор. 1 р. 20 к., 4 кор.
2 р., 6 кор. 2 р. 50 к.
Главный складъ для Россіи Л. Власовъ
СНБ. Петерб. Сторона, Большая пр. № 27.
„Мозолинъ“ только проvisor И. Пинесь
и №. № 3831 10-1

**БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛИМЪ А.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ,**
Невскій, 21 (прот. Бол. Конюшенной),
предлагаетъ свои услуги по покупке и
продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ,
акцій желѣзныхъ дорогъ, страховых,
промышленныхъ, транспортныхъ и
другихъ обществъ, а также частныхъ
банковъ по покупке и продажѣ иностран-
ныхъ монетъ и векселей, по залoгу
и перезалогу цѣнныхъ бумагъ на срокъ
или до востребованія (on call) и по
всѣмъ другимъ, касающимся банкирскаго
дѣла, порученіямъ, которыя исполняютъ
съ совершенною аккуратностью за самое
умѣренное вознагражденіе.

СТРАХОВАНІЕ
игральныхъ билетовъ отъ предстоящаго
тиража поганенія по

СОРОКЪ КОП.
(для иногородныхъ по 50 коп.; страхо-
вая квитанція высылается по почтѣ
на счетъ конторы, безъ всякой до-
платы).

Продана 5% билетовъ
I и II Государственныхъ внут-
реннихъ съ выигрыш. займовъ
съ разсрочкою платежей

производится конторою на слѣд. усло-
віяхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ,
остальная сумма уплачивается ежемѣ-
сячными взносами, по опредѣленію са-
мого покупателя, однакожь не мене
пяти руб. въ мѣсяць.

Со дня внесенія задатка всякій выиг-
рышъ, который падетъ на проданный
билетъ, принадлежитъ вполнѣ покуп-
ателю. Р. № 3805
Гг. иногородные при покупкѣ выигрыш.
бил. съ разсрочкою платежей уплачи-
ваютъ въ задатокъ 20 руб.

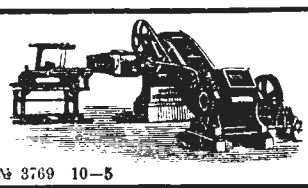
**ARGOSY
BRACES.**

Совершенно эластичны, не содержащія
въ себѣ резины и не препятствующія ника-
кому движенію человѣческаго тѣла. Един-
ственныя подтяжки, которыя невозмож-
но оторвать пуповицъ. № 3700

Фабрикантъ имѣетъ русский патентъ
за № 6308-мъ, и предупреждаетъ каждого,
что при нарушеніи его, имъ тотчасъ бу-
дутъ приняты мѣры къ сохраненію сво-
ихъ правъ. Какъ продавецъ, такъ и фаб-
рикантъ немедленно будутъ привлечены
къ ответственности, какъ нарушители вы-
даннаго ему патента.

Самыя лучшія подтяжки свѣта.
можно получать во всѣхъ ГАЛАНТЕРЕЙ-
НЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

ЕДИНСТВЕННАЯ АГЕНТУРА для оптовой продажи
**Argosi braces y Zollvereins-
Niederlage 38 Wilhelm Strasse
ВЪ ГАМБУРГЪ.**

**ТОРОЯНІЯ, КИРПИЧЕДЕЛАТЕЛЬНАЯ МА-
ШИНЫ И МЪШАЛКИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ,**
ручныя, конныя и паровыя;
машины для обработки фарфоровой массы,
шамота, цемента и т. п. рекомендуетъ
Людвигъ Фредериковичъ Шлинзайзенъ,
инженеръ Москва, Мясницкая, д. Ермаковыхъ.
Изготовленіе плановъ для печей; устрой-
ство заводовъ. Иллюстр. каталоги бесплатно.
№ 3769 10-5

С.Петербургская Химическая Лабораторія
Фабрика парфюмерныхъ издѣлій.

На каждомъ пред-
метѣ требовать фаб-
ричное клеймо;

Обращать вниманіе при.
покупкѣ каждаго предмета
на точность этикетки:

„С.Петербургская Химическая Лабораторія“
Туалетная вода цвѣточная
(О ДЕ КОЛОНЪ ЦВѢТОЧНЫЙ)
РАЗНЫХЪ ЗАПАХОВЪ
САМАГО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

ВЪ С.ПЕТЕРБУРГѢ: 1, Невскій проспектъ, домъ №32, Католическая церковь.
2, Невскій проспектъ, домъ №66 у Английскаго моста,
3, Вознесенскій проспектъ, домъ №18-54, Шредера.
ВЪ МОСКВѢ: 1, Кузнецкій мостъ, домъ Третьяковскихъ.

Контора и оптовый складъ въ здании фабрики въ С.Петербургѣ
Измайловскій проспектъ, 21.

ВОЛНА ГОДЪ II.
БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.
Роскошное еженедѣльное изданіе при участіи известнѣйшихъ русскихъ худож-
никовъ и литераторовъ.

Историческія и бытовыя романы съ рисунками, множество повѣстей и раз-
сказовъ, стихотворенія, поэмы, анекдоты, каламбуры, справочный листокъ,
корреспонденція, фельетонъ, разнообразный отдѣлъ смѣсьи, четыре сезон-
парижскихъ модъ съ картинками и альбомъ цвѣтныхъ узоровъ 20 листовъ

Въ каждомъ номерѣ отъ 20 до 30 стр. убористаго текста и художествен-
ныхъ картинъ, исполненныхъ красками, въ форматѣ большихъ иллюстрацій
на вѣленовой бумагѣ, картинъ историческаго содержанія, бытовыхъ сценъ изъ
русской жизни и рисунки на златѣ, дня, 300 оригинальныхъ рисунковъ, въ
краскахъ.

Годовая премія большая богато отпечатанная масляными красками на холстѣ кар-
тина профессора А. Н. Саavrasова
„НОЧЬ НА ИВАНА КИПАЛУ“.

Двадцать большихъ оригинальныхъ художественныхъ картинъ, въ краскахъ (русс-
кія историческія и бытовыя сюжеты); подписанными до 1-го января, высылаются без-
платно обрываетъ цѣною въ 1 рубль.

Подписная цѣна: на 1 м.—1 р., на 6 м.—5 р., на годъ—8 р. съ доставкою и пере-
сылкою. Подписка принимается во всѣхъ библиотечныхъ и книжныхъ магазинахъ Россіи.
Гг. иногородные высылаютъ на имя редакціи: уголь Леонтьевскаго и Никитской, д.
Корфъ, Редакція „Волна“.

**ВЫПРОЙКИ ДЕМОРЕСТЬ
ОСЕНЬ и ЗИМА 1884-1885 г.**
отъ 15 копѣекъ до 80 коп.
Журналъ Деморестъ изъ Парижа въ 600 мод-
ныхъ гравюръ, съ пересылкою 1 р. 10 к.
И. ВАКОНЪ.
Гороховая д. № 9, кв. № 8, въ Бѣль-этажѣ,
въ С.-Петербургѣ. №3817 2-1

**ИЗД. А. Ф. МАРКСА ВЪ СЛБ.
НАВОЖДЕНІЕ.**
Романъ **В. С. СОЛОВЬЕВА.**
Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Лѣсной Журналъ 1885 г.
(15-й годъ изданія).
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ
ЛѢСНАГО ОБЩЕСТВА.
Ред. проф. Лѣснаго Института Шафарновъ
(С.-Петербургъ, Лѣсной Институтъ). Под-
писка по четыре руб. въ годъ, съ пересыл-
кой и доставкой, принимается въ редакцію
и книжныхъ магазинахъ. № 3823 1-1

самого высшаго качества, на всѣхъ
всемирныхъ выставкахъ награжденъ
только наивысшими преміями; мож-
но имѣть во всѣхъ больш. парфюмерн.
магазинахъ и торговляхъ аптекар-
скими товарами. С. № 3728 18-3

Симъ честь имѣю извѣстить Васъ, что я
предоставилъ господину
Августу НАУМАНУ
въ С.-Петербургѣ, Казанская улица, № 42,
сбиту произведеній моей
ВИЧЕВОЙ ФАБРИКИ
и всепокорнѣе прошу обращаться къ нему
со всѣми запросами и заказами.
С.-Петербургъ, Январь, 1885 г.

Г. Г. ЖЕЛИМСКІЙ.

На основаніи выше приведеннаго объявленія,
честь имѣю сообщить, что при моемъ
кладѣ писчей бумаги, по
КАЗАНСКОЙ УЛИЦѢ, Д. № 42,
противъ Уловаго переулка,
будетъ имѣться постоянный запасъ всѣхъ
уотребительныхъ сортовъ
СЪРЫХЪ И ЦВѢТНЫХЪ ВЯЗОНЪ
какъ для оптовой, такъ и для розничной
продажи.

Образцы и прейсъ-куранты можно получать
безвозмездно. Р. № 3824 2-1

АВГУСТЪ НАУМАНЪ.
Казанская ул. № 42, прот. Новаго переулка.

1885. Третій годъ изданія. 1885.
СПЕЦИАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА:
„ВѢСТНИКЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ“
съ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ГАЗЕТЫ
„ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ“.

„Вѣстникъ“ выходитъ въ свѣтъ 6 разъ въ годъ, т. е. однажды въ 2 мѣсяца, кни-
гамъ отъ 6 до 8 печ. лист.; „Художественныя Новости“ — 24 раза въ годъ, т. е. 1 и
15 чиселъ каждаго мѣсяца, въ объемѣ 4—1½ печ. листовъ. Въ „Вѣстникѣ“, незави-
симо отъ политическаго въ текстахъ, предлагаются гравюры на мѣди и стали, фото-
гравюры, фототипы и пр. Такихъ эстамповъ полагается въ годъ не мене 25-ти.

Программа обонихъ изданій и составъ сотрудниковъ остаются тѣже самыя, что
и въ 1884 г.
№ 3048 10-9

Подписная цѣна на „Вѣстникъ“, вмѣстѣ съ „Художественными Новостями“, —
безъ доставки 10 руб. въ годъ, съ дост. въ СНБ. и съ пересылк. внутри Имперіи
12 руб., съ перес. за границу 15 рублей.

Въ видѣ безплатной преміи подписчики получаютъ въ концѣ года Альбомъ сним-
ковъ больш. формата съ рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Подписка принимается въ Редакцію (Вас. Остр., здан. Академіи художествъ, отъ
10 ч. утра до 4 ч. полуд.) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ столицы. Гг. ино-
городные благоволятъ обращаться для подпки преимущественно въ Редакцію.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петер-
бургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р.
50 к.; для подпич. „НИВЪ“ 1885 г. 75 к., съ перес. 1 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ:
ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

П. П. ГНѢДИЧА.

Издание А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 400 иллюстраціями въ текстъ—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Сочиненіе окончено авторомъ, нынѣ печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ февралѣ мѣсяцѣ этого года.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ЗА ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ:

брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ каленк. переплетѣ съ золот. тисп. 7 рубл., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „НИВЫ“ на 1885 г., подписавшихся на Исторію Искусствъ до 31-го Января 1885 г., дѣлается слѣдующая уступка:

брошюр. за 5 р., съ перес. 6 р.; въ каленк. перепл. 6 р., съ пер. 7 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться: въ контору редакціи журнала „НИВА“ Большая Морская, № 9.

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНИЯ В. БЕССЕЛЯ И К^о.
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Репертуаръ фортепьянныхъ пьесъ Профессора К. Лютша, принятый въ С.-Петербургской Консерваторіи, 150 номеровъ, распределенныхъ по степенямъ трудности, цѣною отъ 25 коп. до 1 руб. каждый.

Дамми, Г. Лучшая фортепьянная школа (съ русскими текстами). Цѣна 2 р. 50 к.

Лебертъ и Штарнъ. Вторая часть известной фортепьянной школы. Цѣна 4 руб.

Усслеръ, Л. Учебникъ гармоніи (переводъ Бернгардта). Цѣна 1 руб. 50 коп.

Спасская, А. Элементарная теорія музыки съ задачами. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Саннетти, Л. Очеркъ исторіи музыки. Ц. 3 р. За пересылку прилагается особо. Требования г. иногородныхъ исполняются немедленно. № 3827

ИЩУТЪ

въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральную контору объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. Р. № 3328

АРТЮРЪ.

ПРИДВОРНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ
ВЪ ВЪЛЪ.

С.-Петербургъ, Невскій 23.

Полное приданое отъ 350 руб. до 10,000 руб.

Приданое Руб. 350.

19 рубашекъ, 12 кофты, 12 панталонъ, 18 п. чулокъ, 30 платковъ, 12 простынь, 12 наволочекъ, 6 скатертей, 36 салфетокъ, 36 полотенецъ, 4 юбки, 6 воротниковъ и 6 п. манжетъ; все бѣлье стирано, мѣчено и съ пересылкою.

Приданое на 875 Руб.

Разница въ достоинствѣ, качествахъ и количествахъ, всего 33 дюжины, все стирано, мѣчено и съ пересылкою.

Приданое на Руб. 2225.

Разница въ достоинствѣ, качествахъ и количествахъ, всего 63 дюжины, все стирано, мѣчено и съ пересылкою. 5-4

Заказы могутъ быть приготовленными отъ 3 до 6-ти недѣль. № 3778

Подробный иллюстрированный прейскурантъ высылается по требованію.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1884 ГОДА,

закрывающей въ себѣ болѣе 1200 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. Соловьева — „Изгнанникъ“, большой романъ графа Е. А. Салиаса — „Въ старой Москвѣ“, рассказы Я. П. Полонскаго — „Вадимъ Голетаевъ“ и изъ воспоминаній того-же автора — „И. С. Тургеневъ у себя“, повѣсть Д. В. Григоровича — „Недолгое счастье“, рассказы Н. В. Успенскаго — „Новые помѣщики“ и „Привольная жизнь“, рассказъ П. П. Гнѣдича — „Въ 12-мъ году“, рассказы А. Я. Максимова — „Жертва злему духу“ и „На соборѣ“, повѣсть П. Петрова — „Багровая пыль“ и др. произведенія современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержания по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч. и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Проф. Импер. Академіи Художествъ Н. Е. Маковского „ГУСЛЯРЪ“.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ

Брошюрован. . . . 4 р. Въ каленк. перепл. 5 р. 50 к.

Съ пересылкою . . . 6 „ Съ пересылкою . . . 7 „ 50 „

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургѣ, въ контору редакціи журнала „Нива“, Б. Морская, № 9; въ Москвѣ — въ Отдѣленіе Конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, д. Петровскихъ Торговыхъ линій.

Пользующійся во всѣхъ европейскихъ государствахъ заслуженною славою, бывшій на выставкахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ,

АНГЛІЙСКИЙ ХОЛСТЪ ПРОТИВЪ РЕВМАТИЗМА.

Продается въ пакетахъ, съ описаніемъ употребленія, по 1 рублю; двойной силы, по 2 рубля.

Знаменитый д-ръ Гуфеландъ говоритъ въ своихъ медицинскихъ сочиненіяхъ: „Есть двѣ болѣзни, противъ которыхъ медицина напрасно искала до сихъ поръ сильно-дѣйствующихъ лекарствъ: это — ревматическая головная боль и подагра“; это средство нашлось въ употребленіи вышеозначеннаго холста противъ ревматизма.

Продажа для всей Россіи настоящаго холста: въ С.-Петербургѣ, въ аптекарскомъ магазинѣ г. Оснаръ Гертхенъ, Казанская улица, д. № 37. На почтовые расходы прилагается 50 коп. Р. № 3814 3-2

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

ТОРГОВАГО ДОМА

Н. В. ЗИМАНЪ и К^о

9. Бутырки, Вятская улица, въ Москвѣ, 9.

Полный иллюстрированный каталогъ тропическихъ растений, розъ, камелій, азалій, лавровыхъ деревьевъ и другихъ растений, съ подробнымъ наставленіемъ къ уходу за ними, высылается по требованію бесплатно. St. № 3795 4-3

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К^о,

строители

известныхъ премированныхъ конныхъ молотилокъ, приводовъ, вѣялокъ, сортировокъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ, выжигальныхъ дѣлающихся съ нимихъ прессовъ, механическихъ зерносушилокъ, предлагають отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: Клейтона и Шутлеворта — шаровыя молотилки съ локомотивами, Ман-Нормина, сѣнокосилки, жней, и сноублазны, Стодардта — тарелочныя боронъ Рандаля и концы грабли Тигеръ, и запасныя части ко всѣмъ машинамъ.

Иллюстрированные каталоги бесплатно. Фабрика и Главная контора въ Москвѣ, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Р. Бутыркинъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная улица. № 3789 3-3

ПАРЖИЖСКИЯ ЦѢМОЧКИ
ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство — 5 лѣтъ, что не попортятся! Предлагаетъ депо Василія Аурихъ, Больн. Морская, д. 17, кв. 8, паради. лѣстница въ С.-Петербургѣ. № 3812

МУЖСКИЯ
въ 2, 3, 3 1/2 и 4 1/2 руб.
Двойныя
въ 5 1/2, 7 и 8 руб.
ДАМСКИЯ
въ 4, 5, 6, 6 1/2,
8 и 9 руб.
пересылка — 50 коп.
Торговцамъ скидка!

СЪМЕННОЕ ДЕПО

КОММИСІОНЕРА РАЗНЫХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА

Н. В. ЛИСИЦЫНА

въ Москвѣ на Петровкѣ,
д. Пенскаго.

Имѣю честь уведомить гг. сельскихъ хозяевъ и любителей садоводства, что иллюстрированный прейскурантъ съменнаго экономическимъ, огороднымъ и цвѣточнымъ на 1885 г. вышелъ изъ печати; желающіе могутъ получить бесплатно съ приложеніемъ на пересылку 7 коп. почтовыми марками. Контора объявл. В. Просина — Москва. № 3819 1-1

Н. Лисицына.

НИВА

Иллюстрированный Журнал Литературы

XVI год
№ 4

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

год XVI
1885

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модъ рис.) и
Выдавъ 26 Января 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 13 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну нонпарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
60 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ
контору объявл. Н. Н. Нечков-
ской, Петровская Торгов. линія. 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особылъ приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимается
для ингор. по 5 р. съ тыся-
чи, для городскихъ 4 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМЪ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

Е. А. Баратынскій.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій родился 19-го февраля 1800 года, Тамбовской губ., Кирсановскаго уѣзда, въ помѣстьи отпа своего генералъ-лейтенанта Баратынскаго. Первымъ дядькой его былъ итальянецъ, къ которому относится известное посланіе „Къ дядькѣ итальянцу“, написанное поэтомъ незадолго передъ кончиной въ Неаполѣ. Затѣмъ 15-ти-лѣтній Баратынскій отданъ былъ въ Пажескій корпусъ, но исключенъ за шалости и зачисленъ рядовымъ въ лейбъ Егерскій полкъ, затѣмъ унтеръ-офицеромъ переведенъ въ Нейшлотскій полкъ, стоявшій тогда въ Кюмени. Суровая природа Финляндіи наложила на него печать и имѣла вліяніе на его поэзію, что отразилось на первыхъ его стихахъ, напр. въ „Финляндіи“ и особенно въ первой поэмѣ его „Эда“ посвященной описаніямъ этого края и нравовъ его обитателей. Въ 1825 г. Баратынскій былъ произведенъ въ офицеры, но вскорѣ послѣ того вышелъ въ от-

Е. А. Баратынскій. Рис. и грав. А. Нейманъ

ставку и женился. Еще прежде, въ бытность свою въ Петербургѣ, Е. А. близко сошелся съ Дельвигомъ, Плетневымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. По переездѣ въ Москву, онъ сошелся съ Д. В. Давыдовымъ и кн. П. А. Вяземскимъ. Въ 1827 г. издавъ поэтъ первое собраніе своихъ стиховъ, въ 1835 г. второе, а въ 1842 г. добавленіе къ нимъ подъ названіемъ „Сумерки“. Въ 1843 г. Е. А. предпринялъ путешествіе за границу. Проживъ зиму въ Парижѣ, онъ отправился черезъ Марсель въ Неаполь, гдѣ и умеръ весною 1844 года 29-го июня. Тѣло его перевезено въ Петербургъ и похоронено въ Александро-Невской Лаврѣ, близъ гробницъ Гнѣдича и Крылова. Третье и послѣднее изданіе сочиненій Е. А. Баратынскаго сдѣлано его семействомъ въ Москвѣ въ 1869 году и есть единственное полное собраніе его сочиненій.

Е. А. Баратынскій былъ несомнѣнно однимъ изъ даровитѣйшихъ представителей поэтическаго круга,

составившаго около Пушкина. Это был искренний и сердечный поэт. Современники высоко цѣнили его поэтическое дарованіе, многие находили, что произведенія его часто не уступаютъ въ достоинствѣ Пушкинскимъ. „Цыганка“ его имѣла въ свое время большой успѣхъ. Среди его произведеній несомнѣнно есть такія, которыя навсегда останутся памятны въ русской литературѣ. Его „Истина“, „Римъ“, „Весна“, „Родина“, въ особенности превосходное стихотвореніе „На смерть Гёте“, пользуются самою широкою и заслуженною извѣстностью. Кто съ дѣтства не затвердилъ эти чудесные стихи!

Съ природою одною опъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна
И съ ними говорила морская волна.
Погасть. Но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта,
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что просить у сердца отвѣта....

Г О Л О С Ъ К Р О В И.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ I.

(Продолженіе).

Грунинъ все это высказывалъ на французскомъ языкѣ, въ виду суетливаго присутствія въ комнатѣ денщика и вѣстоваго казака, накрывавшихъ столъ, и закончилъ наконецъ приказаніемъ прислугѣ убираться вонъ и не входить болѣе, безъ зова.

Подвинулись къ столу. Грунинъ налилъ водки... Криницынъ ужинать отказался наотрѣзъ и закурилъ сигару, извинившись при этомъ передъ хозяиномъ, и вполне увѣренный, что ароматъ табачнаго дыма не повліяетъ дурно на его аппетитъ...

За ужиномъ разговоръ шелъ больше насчетъ пріятныхъ воспоминаній о Петербургѣ и объ общихъ знакомыхъ. Вспоминалось и школьное житье-бытье, когда онъ, Грунинъ, еще носилъ мундирчикъ правовѣда, а Криницынъ уже щелкалъ шпорами и замѣчательно ловко и изящно дирижировалъ кадрилию на балѣ у князя П.

Павель Петровичъ говорилъ, впрочемъ, очень мало, больше слушалъ и даже не улыбнулся ни разу, и на вопросъ своего друга:

— Такъ какъ же, mon cher, — ты такъ и намѣренъ застрять здѣсь, въ этой труппѣ, или думаешь, наконецъ, вернуться на свѣтъ Божій? Когда же это случится?

Отвѣчалъ коротко и ясно:

— Теперь скоро!

— И такъ, выпьемъ же, мой дорогой Поль, за твое воскресеніе...

Анатолій Робертovichъ потянулся за бутылкой портвейна, стоявшей передъ Криницынымъ, и тутъ только замѣтилъ, что она совсѣмъ пуста.

— Однако мнѣ спать хочется! лѣнливо потянулся Павель Петровичъ... Я не хочу идти домой... Я лягу здѣсь, на этомъ диванѣ, и...

— Ахъ, я очень, очень радъ, перебилъ его Грунинъ, вскочивши со стула... Я распоряжусь сейчасъ. Эй, человѣкъ!..

— Ничего не надо. Тамъ подушка есть... Пожалуйста оставь людей въ покоѣ... Вели только убрать все это...

Криницынъ брезгливо покосился на обѣдки ужина и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Пришли люди, оба изрядно заспанные, убрали столъ, разоблачили Грунина и уложили его въ постель. Вытянулся и Криницынъ на диванѣ, не раздѣваясь, не снимая даже сапогъ.

— Ты кажется здѣсь совсѣмъ отвыкъ отъ комфорта, отъ своихъ европейскихъ привычекъ?.. замѣтилъ Анатолій Робертovichъ.

Криницынъ не отвѣчалъ.

— Ты уже заснулъ?.. А я, знаешь, не могу. Я непременно долженъ перебрать въ головѣ всѣ впечатлѣнія дня, анализировать ихъ, привести въ систему, — и потомъ уже...

Криницынъ неожиданно поднялся съ дивана, подошелъ къ столу и потушилъ свѣчи...

— Ты это, конечно, можешь все продѣлать въ потемкахъ, сказалъ онъ, снова ложась на диванъ...

Странна показалась Грунину эта рѣзкая выходка, но особенно озадачило его то, что онъ не узналъ теперь голоса своего друга... Последнюю фразу произнесъ будто кто-то другой, посторонній...

Грунинъ объяснилъ это, про себя конечно, опорожненной бутылкою портвейна — и сталъ „анализировать“...

Прошло такимъ образомъ полчаса, можетъ быть и больше немного... Анализъ Грунина сталъ принимать формы туманшны, расплывающіяся, — уже онъ даже и похрапывать началъ, потянувъ себѣ на ухо байковое одѣяло...

— А знаешь, я тебѣ сообщу нѣчто, крайне для тебя интересное!.. громко произнесъ Криницынъ, прервавъ дремоту Грунина.

— А... что такое—что случилось?.. что ты сказалъ?!

— А вотъ услышишь... сейчасъ... Ты бы очень хотѣлъ самымъ блистательнымъ образомъ закончить твое слѣдствіе... найти убійцу, арестовать его — распутать, такъ сказать, всѣ нити и дать правосудію полное торжество!.. А! хотѣлъ бы?.. Говори откровенно!..

Анатолій Робертovichъ торопливо принялся чиркать спичкою...

— Не надо! остановилъ его Криницынъ, — для ясности дѣла, темнота въ комнатѣ не мѣшаетъ... Не надо же!..

Сильнѣйшее раздраженіе слышалось въ голосѣ Криницына... Анатолій Робертovichъ начиналъ трусить... и машинально щупалъ стѣну около кровати, словно отыскивая, на всякій случай, электрическую пуговку, но въ Глухомъ фортѣ не дошли еще до такихъ удобствъ.

— Я тебѣ скажу просто и коротко... продолжалъ Криницынъ. Федора Горкина убили и ограбили я... Ну, а теперь, покойной ночи!..

Павель Петровичъ повернулся къ стѣнѣ лицомъ и замолчалъ.

Не смотря на запрещеніе, Анатолій Робертovichъ все-таки справился со спичками, и слабый свѣтъ загорающейся свѣчи освѣтилъ комнату.

— Поль, ради Бога! Поль... такъ вѣдь не шутятъ... Объяснись же пожалуйста... ну, что за глупости... Ну подумай только... Поль!..

Онъ растерялся и струсилъ и... почти повѣрилъ — повѣрилъ и обрадовался... Да, это пріятное, чуть развивающееся подъ давленіемъ волненія и страха чувство, робко дрогнувшее въ его сердцѣ, было началомъ радости... Ему даже отчетливо припомнился подходящий случай въ окрестностяхъ Мадрига...

— Объяснись же Поль... повторялъ онъ почти машинально.

— Изволь, объяснюсь! Слушай внимательно!

Криницынъ говорилъ, не мѣняя позы, и Грунинъ видѣлъ только его затылокъ и бѣлый китель, гладко обтягивающій широкую спину и стройную талию.

— Послушай, мой милый, неужели ты ничего не замѣтил особеннаго во время слѣдствія, а главное во время *твоего* обыска?..

Павель Петровичъ подчеркнул слово „твоего“.

— Ты видѣлъ ясно, что всѣ и все — подозрѣваютъ въ убійствѣ Горкина меня одного... У меня рылись какъ на призъ, у меня перевернули вверхъ дномъ все, въ полной увѣренности найти наконецъ явныя улики... На меня смотрѣли какъ на убійцу и вора... и—дурраки!.. какія они глупыя и пошлыя состроили рожи, когда остались съ носомъ! Но вѣдь это они—идiotы, полудикари! а ты — психологъ, тонкій изслѣдователь человѣческой души... Ты-то какъ же прозѣваль все, во время *своего дружескаго визита*?

Криницынъ опять приналегъ на послѣднемъ словѣ.

— Да, конечно, я замѣтилъ что то странное: я, впрочемъ, не придавалъ этому обстоятельству никакого значенія... оправдывался Грунинъ. Я только констатировалъ фактъ, что тебя здѣсь не особенно долюбливаютъ... Я понимаю это...

— Не долюбливаютъ... Нѣтъ, это мало... Меня здѣсь ненавидятъ... Мнѣ тяжело здѣсь... Мнѣ здѣсь невыносимо!.. И я тебѣ скажу откровенно... Я здѣсь дѣйствительно способенъ былъ бы кого нибудь убить и ограбить, чтобы только имѣть возможность вырваться изъ этой тюрьмы, изъ этой пыточной ямы...

— Мон раучге амі... О, я тебя теперь понимаю... Но къ чему же такъ волноваться?.. Вѣдь ты же самъ говоришь, что это все скоро кончится...

— Скоро!.. Могло бы затянуться на вѣки!.. еслибы не Горкинскія деньги.

— Ты опять начинаешь шутить, тоскливо оглядывался Грунинъ.

— Шучу, конечно... А ты уже и обрадовался. Вотъ какъ, молъ, легко стяжать себѣ лавры, а тамъ и карьеру... Нѣтъ, погоди немного... Это не такъ легко, какъ тебѣ кажется... Я еще въ дѣтствѣ читалъ одну испанскую сказку... Ты, кстати, такъ любишь эпизоды въ окрестностяхъ Мадрита; впрочемъ, это было немного дальше... въ Пиринеяхъ... Горы такія есть, большія, граничатъ съ Франціей... Такъ тамъ одинъ пастухъ все гонялся за золотомъ мухой... Прыгалъ за нею по скаламъ, рискуя головою на каждомъ шагу, ловилъ долго и, наконецъ, поймалъ... но уже больше не гонялся... Золотая муха насквозь прожгла его руку... и улетѣла... Ты, мой другъ, когда станешь ловить, надѣвай, на всякій случай, перчатку потолще...

Замолчалъ Криницынъ... Молчалъ и Анатолій Робертовичъ.

— Меня оскорбляли на каждомъ шагу, снова заговорилъ Павель Петровичъ,—и не давали повода придраться къ оскорбленію... Наконецъ меня оскорбили явно... это было при тебѣ... Я радъ, я очень этому радъ... Глупая вспышка поросенка, жалкаго мальчишки, не стоящаго моего щелчка, даетъ мнѣ выходъ—я на немъ сорву все, за всѣхъ. Я пошлю ему вызовъ... Ты вѣдь, конечно, не откажешься быть моимъ секундантомъ...

Грунинъ поблѣднѣлъ какъ полотно и въ душѣ своей проклялъ ту минуту, когда такъ радушно подхватилъ рѣшеніе своего друга провести ночь подъ однимъ съ нимъ кровомъ...

— Объ этомъ надо говорить серьезно, началъ онъ.— Ты вѣдь знаешь, что мое официальное положеніе, какъ слѣдователя, какъ лица обязаннаго не только чтить и исполнять законы государства, но...

— Успокойся... Тебя не приглашу... Да мнѣ секундантовъ и не нужно. Развѣ здѣсь дуэль мыслима!.. Мой вызовъ покажутъ просто коменданту, а затѣмъ... А все таки я пошлю... Не потому пошлю... чтобы меня дѣйствительно мучила эта глупая выходка мальчишки, скорѣе смѣшая, чѣмъ оскорбительная, а такъ... это мнѣ

пригодится впоследствии... Однако все-таки... Кто-же по твоему убилъ Федора Горкина?..

Тутъ уже въ свою очередь Анатолій Робертовичъ принялъ тонъ успокоительный и даже нѣсколько поучительный, и очень былъ доволенъ, что Криницынъ, самъ Поль Криницынъ, его, повидимому, внимательно и даже почтительно выслушиваетъ.

— Видишь, другъ мой... Я всегда предпочитаю или чистое шампанское, или самое простое, домашнее вино, но терпѣть не могу всѣ эти елисеѣвскія фабрикаціи.

Онъ показалъ рукою на то мѣсто, гдѣ за ужиномъ стояла пустая бутылка.

— Эта гадкая спиртная смѣсь прескверно вліяетъ на голову и нервы... Ты усталъ, ты былъ обиженъ, ты имѣлъ всѣ данныя быть нервно разстроеннымъ, и вотъ это вино подѣйствовало на тебя очень дурно... Я тебѣ совѣтую выпить стаканъ холодной воды, освѣжить лобъ и виски одеколономъ и постараться заснуть хоть часа на два, по возможности... О, Поль, мой дорогой, я понимаю твои чувства, я глубоко тебя понимаю и отъ души сочувствую...

— Да ты меня, дѣйствительно, хорошо понимаешь. Merci... и покойной ночи!..

— Bonne nuit! Поль! Теперь ты позволишь мнѣ снова погасить свѣчи?

Анатолій Робертовичъ не замѣтилъ ироніи, которая сквозила въ каждомъ звукѣ послѣдней фразы своего друга.

VII.

А на другой день свершилось событіе, тоже взволновавшее населеніе форта, и особенно обрадовавшее господина спеціальнаго слѣдователя. У комендантскаго крыльца вываживали высокую старую лошадь Миробая, а самъ онъ, окруженный офицерами, энергично рассказывалъ что то, должно быть крайне интересное, присѣдалъ къ землѣ, хваталъ себя за горло, боролся точно съ кѣмъ то невидимымъ и вообще, со страстностью, свойственною азіатской натурѣ, жестикулировалъ отчаянно. Батча Алибей, пріѣхавшій вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ, тоже давалъ объясненія по своему, тоже неистово размахивалъ руками, усиляя при этомъ, съ дѣтскимъ любопытствомъ, обѣгать глазами все диковинное, невиданное имъ убранство русскаго дома.

Такъ какъ дѣло касалось именно волнующаго всѣхъ, въ данную минуту, слѣдствія по убійству Федора Горкина, то Анатолій Робертовичъ находился тутъ же съ своимъ портфелемъ и очень удивлялся, что въ числѣ присутствующихъ нѣтъ его друга, Павла Петровича.

Черезъ часъ, когда все поуспокоилось и показанія новыхъ свидѣтелей по дѣлу были формально занесены въ протоколъ и подписаны, причетаны даже восковою, треугольною тамгою Миробая, Анатолій Робертовичъ прямо направился къ квартирѣ Криницына и, узнавъ, что онъ дома, чуть не бросился къ нему въ объятія.

— Представь себѣ, мой дорогой, какъ все это просто разъяснилось! началъ онъ.— Ты былъ правъ!.. Тысячу разъ говорю: ты былъ правъ, и тутъ моему слѣдствію конецъ... Улики запечатаны и сланы пока на храненіе коменданту. И какъ все это просто разъяснилось... Да вотъ, я тебѣ все расскажу по порядку...

— Очень радъ! Въ чемъ же дѣло?

— Сейчасъ увидишь... Здѣсь, то есть близко отсюда, на старой караванной дорогѣ, есть кишлакъ, какъ они называютъ... Бе...бе...бе... Грунинъ поспѣшилъ справиться съ листомъ протокола.

— Бешъ-арыкъ! помогъ ему Криницынъ.

— Да, ты знаешь? Очень радъ... Въ этотъ „Бешъ-арыкъ“ сегодня ночью пріѣхали два бухарца, верхомъ оба, и одинъ изъ нихъ вздумалъ, —вѣдь вотъ наивный дикарь!—вздумалъ мѣнять русскую сторублевую бумажку. Молодецъ хозяинъ...

Масляница въ большомъ селѣ. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

— Миробай, помоги и тутъ Павелъ Петровичъ.

— Да, Миробай, ты и его знаешь?.. Вотъ этотъ Миробай заподозрилъ прѣзжихъ молодцевъ, тайно велѣлъ своимъ слугамъ осмотрѣть ихъ багажъ и, представъ себѣ, въ переметной сумкѣ одного изъ нихъ, найдены были явныя улики участія этихъ двухъ бухарцевъ въ убійствѣ Горкина... Я конечно связалъ всѣ эти факты въ одну нить, и рассказалъ всѣмъ полную картину всего дѣла... Послушай! Федоръ Горкинъ ѣхалъ одинъ по дорогѣ и везъ съ собою большую сумму денегъ, въ составъ этой суммы, какъ показали повѣренныя фирмы „Хмуровъ и Компанія“, входила пачка сторублевыхъ билетовъ, съ указаніемъ крайнихъ номеровъ, такъ какъ пачка была прямо изъ казначейства, новая и даже не распечатанная. Ты обрати особенное вниманіе на это характерное обстоятельство... Дальше: прежде чѣмъ капитанъ Шелобовъ успѣлъ присоединиться къ путешественнику, на него напала шайка бандитовъ, барантачей, какъ они здѣсь называются, и, конечно, убила его и ограбила... Затѣмъ они поскакали дальше, тамъ въ степь, что ли, ну, къ себѣ домой, и подѣлили добычу. Слушай же: двое изъ этихъ молодцовъ, родомъ изъ Нураты, это въ Бухарскихъ уже предѣлахъ, явились сюда, прѣехали, идиоты, какъ ни въ чемъ не бывало, въ Бешъ-арыкъ, остановились у Миробая кормить лошадей... Не написано же въ самомъ дѣлѣ у нихъ на лбу, что они воры и разбойники, а не мирные путешественники! И вотъ одинъ изъ нихъ вытащилъ изъ за пазухи сторублевую бумажку, съ цѣлью разбѣжать оную... Миробай, совершенно справедливо заподозрилъ, принялъ мѣры и что же: въ сумкѣ одного изъ бухарцевъ найденъ былъ портсигаръ серебряный, всѣми признанный за принадлежащій покойному. Бумажка же, оставшаяся въ рукахъ Миробая, тоже оказалась съ номеромъ, соответствующимъ номерамъ, указаннымъ представителями фирмы „Хмуровъ и Компанія...“ И ты видишь самъ теперь, что все дѣло стало ясно какъ день... и я...

— А бухарцы эти гдѣ? полюбопытствовалъ Павелъ Петровичъ.—Я тебѣ, прежде всего, другъ мой, совѣтую подвергнуть ихъ самому строгому вопросу... знаешь, попытай даже не грѣхъ въ такомъ случаѣ, и затѣмъ, согласно ихъ указаній, можно будетъ дать возможность, дипломатическимъ путемъ, добиться отъ бухарскаго эмира выдачи остальныхъ соучастниковъ преступленія... Я тебѣ это отъ души совѣтую...

— Да бухарцевъ этихъ нѣтъ!..

— Какъ нѣтъ?!

— Ну, посуди самъ, гдѣ же можно было старику съ двумя мальчиками справиться съ двумя здоровыми молодцами... Бѣдному Миробая они разорвали халатъ и чуть-чуть не перерѣзали горло... Едва только замѣтили эти молодцы, что ихъ хотятъ накрыть, какъ вскочили на коней и исчезли, оставивъ въ нашихъ рукахъ неопровержимыя улики...

— Ты послушай, какъ горячо говорилъ обо всемъ этомъ этотъ Миробай... Я ничего не понялъ, но переводчики и офицеры мнѣ объясняли, какъ онъ жалѣлъ, даже плакалъ отъ досады, что не удалось ему живьемъ захватить хоть одного изъ разбойниковъ... Онъ, знаешь, просилъ меня замолвить объ немъ слово генералъ-губернатору... Я ему обѣщала медаль... Я помѣщу о немъ въ своемъ докладѣ, и онъ получитъ награду навѣрно!..

— Ты не повѣришь, мой другъ, какъ я душевно радъ, что все это такъ хорошо кончилось и разъяснилось...

И Грунинъ, утомленный горячимъ рассказомъ, опустился на складной стулъ и заявилъ хозяину, что теперь не грѣхъ выпить чего нибудь холодненькаго.

VIII.

Такимъ образомъ, благополучно и округленно закончилось слѣдственное дѣло по убійству Федора Горкина.

Всѣ подозрѣнія, въ какихъ бы формахъ они ни проявлялись, мало-по-малу разсѣялись какъ дымъ, и въ Глухомъ фортѣ осталось только, въ видѣ исключения, весьма немногo скептиковъ, сомнительно покачивающихъ головою, при воспоминаніяхъ о подвигѣ „плута Миробайки...“

Грунинъ уѣхалъ дня черезъ два, увезя съ собою многолистную чистенькую тетрадь и всѣ „неопровержимыя доказательства“, и на сцену выступило новое дѣло „объ оскорбленіи, нанесенномъ подпоручикомъ Глухаревымъ капитану Криницину въ публичномъ мѣстѣ, и о послѣдствіяхъ онаго“.

Собственно говоря, никакого дѣла здѣсь и не послѣдовало, такъ бы все гладилось и разошлось. Тѣмъ болѣе, что и виновникъ оскорбленія, Павлуша, „ноостывъ немного“, охотно согласился съ доводами Шелобова, своего отца, а отчасти даже самого коменданта, убѣждавшими его, для порядка и по справедливости, подойти, при случаѣ, въ присутствіи, конечно, тоже публики, къ оскорбленному и извиниться въ своей неумѣстной запальчивости. Но вышелъ казусъ, котораго офицеры Глухаго форта никакъ уже не ожидали.

Деньщикъ Криницина принеся письмо подпоручику Глухареву отъ своего барина и, не заставъ Павлуши дома, оставилъ его на столѣ.

Вернувшись, Павлуша прочелъ это письмо, и показалъ своему отцу, тотъ Шелобову, тотъ кому то еще, и, черезъ часъ, уже весь Глухой фортъ, съ комендантомъ включительно, зналъ наизусть содержаніе криницинскаго посланія.

А въ посланіи этомъ значилось слѣдующее:

„Милостивый Государь, господинъ Глухаревъ!

„Въ извѣстный вамъ день, вы, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ и чуть не всего общества форта, позволили себѣ, относительно меня, выходку, глубоко меня оскорбившую...

„Ваша дерзость не должна и не можетъ остаться безъ результатовъ. Ваши лѣта и ваше воспитаніе значительно извиняли бы васъ; въ данномъ случаѣ, и я могъ бы ограничиться только тѣмъ, что выдралъ бы васъ, какъ мальчишку, за уши; но вашъ мундиръ заставляетъ меня сморгнуть на васъ, какъ равный на равнаго, а потому, если вамъ знакомы хотя самыя элементарныя понятія о чести и благородствѣ, то вы должнъ были ждать, и вѣроятно ни сколько не удивитесь, получивъ мой вызовъ.“

„Хотя я, также какъ и вы, милостивый государь, заинтересованъ выборомъ съ моей стороны секундантовъ, но, къ сожалѣнію, не могу разсчитывать, въ этомъ случаѣ, на кого либо изъ моихъ товарищей по мундиру... Вы конечно поймете сами почему... Я предоставляю вамъ право этого выбора, вполне подчиняясь всѣмъ условіямъ дуэли, которыя мнѣ вашими секундантами будутъ предложены. Надѣюсь, милостивый государь, что вы не станете откладывать дѣло чести въ долгій ящикъ и не вынудите меня этимъ къ необходимости напомнить вамъ вашу обязанность болѣе энергичнымъ и, можетъ быть, не совсѣмъ приятнымъ для васъ образомъ.“

Павелъ Криницинъ“.

Понятно, что получивъ такое письмо, готовность извиниться разомъ оставила Павлушу. Вся молодежь форта навязывалась къ нему въ секунданты. Старики запротестовали и не позволили никому носа совать въ это дѣло. Порѣшено было собрать всѣхъ офицеровъ къ коменданту, на нейтральную, такъ сказать, почву, вызвать Криницина туда же, и потолковать сообща, составить, такъ сказать, нѣчто въ родѣ, закономъ дозволеннаго и установленнаго, офицерскаго суда, а если что, то и настоящій судъ по формѣ...

— Ты, братецъ, виноватъ, говорилъ старикъ Глухаревъ сыну,—значитъ и молчи... притихни и жди своего рѣшенія... что твое будетъ, то при тебѣ и останется;

что на его долю выпадетъ, то съ нимъ и будетъ... такъ то!

„А не продержатъ ли мнѣ Павлушу еще хоть недѣлку подъ арестомъ? думалъ комендантъ,—все какъ то, пока что, спокойнѣе будетъ!“

Но, къ счастью Павлуши, эта идея полковника Огурчикова не приняла исполнительнаго характера.

Изъ дамъ форта только одна Анастасія Львовна Голубцова, дѣвица акушерскаго званія, была того мнѣнія, что „дуэль... ахъ! это такъ интересно!“ Всѣ остальные барыни были мнѣнія противоположнаго, и просили коменданта приставить даже къ обоимъ противникамъ, на всякій случай, по караульному... „Мало ли что можетъ случиться, особенно среди ночи!“ Задала работу дамскимъ языкамъ эта дуэль! Только одна Груня молчала, и предпочла, если уже высказывать свое мнѣніе, то высказать его обѣимъ сторонамъ, лично.

Случайно, будто бы, встрѣтившись съ Криницынымъ, когда тотъ возвращался съ обѣденной прогулки, она укоризненно посмотрѣла на него и произнесла:

— Грѣхъ вамъ, большой грѣхъ будетъ... Вѣрите мнѣ, Павелъ Петровичъ!

А послѣ того, прямо пошла къ Павлушѣ, и тому уже отпѣла въ иномъ тонѣ:

— И кто васъ любить послѣ того будетъ!.. Помните!.. Вы меня, послѣ такихъ дѣловъ, не только Груней, Аграфеной Васильевной называть не смѣйте. Глазъ не показывайте... Слышите!..

И это двойное обращеніе доброй дѣвушки произвело почти одинаковое примиряющее дѣйствіе.

Павелъ Петровичъ исполнилъ почему то былъ убѣжденъ, что ему не придется огорчать Груню, онъ подумалъ только, глядя на ея, опущенныя скромно, длинныя рѣсницы и стройный профиль, что „не дурно бы этотъ полевой цвѣтокъ пересадить въ лучшую, культурную почву“. Павлуша, чуть не со слезами, принялся увѣрять ее, что все, хотя и его вина, но теперь уже зависить не отъ него, а какъ порѣшатъ старшіе, что, во всякомъ случаѣ, если и порѣшатъ чтобы стрѣляться, онъ выпалитъ въ сторону.

Однимъ словомъ, въ воздухѣ, окружающемъ Глухой фортъ, пока еще кровью не пахло, и все предвѣщало, что скопившаяся грозовая туча разсѣется сама собою.

День офицерскаго собранія былъ уже назначенъ, и всѣ этого дня ожидали съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ.

Въ тотъ же день Криницынъ получилъ петербургскую почту и съ нею письмо отъ кузины Мэдъ. Письмо весьма для него пріятное. Въ числѣ близкихъ знакомыхъ Павла Петровича, въ его петербургскомъ кружкѣ былъ нѣкто Тальцинъ, разжирѣлый толстякъ, циникъ и обжора, но человѣкъ пользующійся большимъ авторитетомъ по законамъ охраны чести и свѣтской порядочности. Криницынъ, зарвавшись, проигралъ ему около тридцати тысячъ и, конечно, отдать не могъ даже со-той части этой суммы; онъ далъ ему честное слово уплатить этотъ долгъ черезъ два года, не предчувствуя, конечно, никакой возможности сдержать это слово.

Долгъ по картамъ—долгъ чести. Это посерьезнѣе будетъ какогонибудь вексельнаго долга, и неакуратность, въ подобномъ случаѣ, никогда не прощается. Больше всего тяготилъ Криницына этотъ роковой долгъ; и вотъ, кузина Мэдъ, весело и радостно увѣдомляетъ его о смерти Тальцина, внезапно скончавшагося отъ удара, въ ресторанѣ Дюссо, послѣ ужина. Кузина Мэдъ даже вырѣзку изъ газеты, въ черной рамкѣ, съ приглашеніемъ на панихиду и выносъ усопшаго, приложила къ письму, и добавила при этомъ: „Вы видите, monsieur Paul, что фортуна начинаетъ, видимо, склониться въ вашу сторону...“ Она увѣдомляла его и о томъ, что его векселя сильно падаютъ, что кредиторы отчая-

ваются получить хотя чтонибудь, что еслибы теперь всего какихънибудь тысячъ пятьдесятъ, даже менѣе, наличными,—и всѣ бы эти векселя можно купить очень удобно. Однимъ словомъ, кузина Мэдъ сообщала ему, на шести страницахъ мелкаго, убористаго письма, столько пріятнаго, что Павелъ Петровичъ и самъ могъ смѣло согласиться съ своей хорошенькой покровительницей, что господа фортуна дѣйствительно начинаетъ оборачиваться къ нему своимъ прихотливымъ и капризнымъ личикомъ.

IX

Офицерскій судъ, съ тѣхъ поръ какъ былъ установленъ законами, въ первый разъ примѣнялся на дѣлѣ въ нашемъ батальонѣ.

Въ назначенный день, съ восьми часовъ утра, въ большой, сараеобразной пріемной залѣ комендантскаго дома, стали собираться господа штабъ- и оберъ-офицеры; всѣ были при оружій, даже въ перчаткахъ, и, входя въ залъ, молча раскланивались съ полковникомъ, хозяиномъ дома, и присаживались, также молча, гдѣ кому было удобнѣе... Самъ Огурчиковъ, красный отъ галстука и застегнутаго воротника кителя, ходилъ по залѣ взволнованный и все поглядывалъ на свою большую золотую луковичу... Иванъ Акимовичъ, какъ старшій послѣ Огурчикова и отецъ одного изъ подсудимыхъ, игралъ роль выдающуюся,—и сидѣлъ на самомъ видномъ мѣстѣ; адъютантъ Ползунковъ, легко позванивая шпорами и потупивъ глаза, постоянно входилъ и выходилъ изъ залы, придерживая рукою саблю, чтобы не такъ звякала... Капитанъ Шелобовъ запоздалъ немного. Его массивная фигура какъ то робко съезжилась, переступая порогъ двери.

— Иди сюда! шепнулъ ему Иванъ Тимофѣевичъ, указывая стулъ рядомъ.

— Началось? также шепотомъ спросилъ тотъ... А Павлушка?

— Его комендантъ въ кабинетѣ посадилъ... тамъ ждетъ...

— Однако, господа, что же это?.. Криницына нѣтъ еще!.. Ползунковъ! Вы въ которомъ часу въ повѣсткахъ обозначали?

— Въ десять часовъ, какъ вы изволили приказать! подскокилъ адъютантъ.

— Въ десять... Что же это онъ заздываетъ!.. это изъ рукъ вонъ!.. это...

— Еще только девять безъ четверти! отозвался одинъ изъ офицеровъ.

— Это почему?!.. чортъ возьми... однако мы, господа, рановато собрались... чайку, пока, что-ли!..

Комендантъ засуетился, по привычкѣ отыскивая глазами своего адъютанта...

— Не время, Сеня, послѣ! шепнулъ ему Глухаревъ-отецъ... Что-жь, подождемъ!.. Эге!.. Вонъ и нашъ схимникъ изволилъ жаловаться!..

Всѣ глаза обратились къ дверямъ. Тамъ показалась странная фигура въ офицерскомъ костюмѣ... Лицо у этой фигуры было расплывшееся до нельзя, сѣдые бакенбарды торчали щетками по сторонамъ, усы лѣзли впередъ, вродѣ щетины у моржа, силошная лысина оканчивалась сзади широкимъ, багровымъ, двойнымъ затылкомъ... Это былъ одинъ изъ старѣйшихъ ветерановъ батальона, дослуживающій только сроки пенсіи... Онъ страдалъ запоемъ, каждый мѣсяцъ, что у него занимало ровно половину времени... Много послужилъ старикъ на своемъ вѣку, много потерь лямокъ,—и ему прощали эту слабость—и службою не беспокоили... Въ послѣднее время онъ уже начиналъ заговариваться немного и появлялся въ кружкѣ офицеровъ очень рѣдко, только въ торжественныхъ случаяхъ... За мѣсяцъ до батальоннаго праздника „батько Максимъ“, какъ его всѣ называли, не пилъ вовсе... Онъ глубоко и свято чтить этотъ день и весь мѣсяцъ проводилъ обыкно-

венно за клейкою бумажныхъ, разноцвѣтныхъ фонариковъ, для приданія торжеству особаго блеска...

Тяжело перевалилъ батько Максимъ черезъ довольно высокую порогу, волоча лѣвую „попналивающую“ ногу, мутными глазами окинулъ собраніе, приложилъ руку ко лбу, хотя былъ безъ шапки... проговорилъ:

— Здравія желаю... не опоздалъ?

— Садись, другъ, коли причалилъ... Вотъ сюда, на диванчикъ! пригласилъ Огурчиковъ.

Молодежь захихикала втихомолку...

— Мерсисъ парфетемапъ... прохрипѣлъ новоприбывшій, усаживаясь и недостаивая до пола своими короткими ножками... усѣлся, крикнулъ и добавилъ одобрительно:

— Комса, бонь!..

Офицеры захохотали теперь уже громко.

— А вотъ и Павелъ Петровичъ идутъ-съ!.. вбѣжалъ Ползунковъ.

Все сразу примолкло...

Вошелъ Крилицынъ, по обыкновенію щегольски и строго по формѣ одѣтый, граціозно поклонился на обѣ стороны и вида, что всѣ сидятъ, сталъ тоже искать себѣ мѣста глазами...

— Встать! довольно громко произнесъ Глухаревъ-старикъ.

Всѣ встали.

— Гм... гм! откашлился комендантъ... И такъ, господа!.. приступимъ...

— Пирогъ пора ставить въ печь, или погодить прикажете, ваше высокоблагородіе? неожиданно совершенно, изъ противоположныхъ дверей появился комендантскій денщикъ Фома, онъ же и поваръ, съ засученными до плечъ, переначканными тѣстомъ, мускулистыми руками.

— Те!... те!.. замахалъ на него адъютантъ Ползунковъ.

— Пирогъ!.. озадачился комендантъ... Пошелъ вонъ, каналья!.. экая бестія!.. Ползунковъ... скажи ему, голубчикъ, что пора... И такъ, господа...

— Сочиненіе господина Крилицына... сеть летръ криминаль,—прочестъ предварительно можно?.. прохрипѣлъ „батько Максимъ“.

Комендантъ досадливо передернулъ плечами...

— Павелъ Петровичъ! рѣшилъ онъ идти на прямикъ къ цѣли... Вы изволили написать это письмо, адресованное подпоручику Глухареву?

Огурчиковъ протянулъ руку съ письмомъ.

— Оно мною подписано, — значить, я! отвѣчалъ Крилицынъ.

— Гм... гм... господинъ капитанъ—вѣдь за подобное письмо я бы могъ васъ немедленно арестовать!

Огурчиковъ, очевидно, хотѣлъ произвести большой эффектъ такимъ энергичнымъ вступленіемъ.

— Это ваше дѣло, господинъ полковникъ! спокойно и почтительно отвѣчалъ Крилицынъ.

Комендантъ взглянулъ на группу офицеровъ съ видомъ полного недоумѣнія.

— Эхъ, Павелъ Петровичъ, Павелъ Петровичъ, какой вы право!.. Мы здѣсь собрались, снова обратился онъ къ Крилицыну... по душѣ, по семейному, такъ сказать, дѣлу... Свои обязанности я, смѣю вамъ доложить, понимаю хорошо! Но желательно кончить дѣло миромъ... по семейному... такъ то-съ... Васъ офицеръ обидѣлъ, товарищъ, такъ сказать, вашъ... Прекрасно-съ!.. я его арестовалъ... онъ былъ виноватъ,—это всѣ раздѣляютъ... Онъ даже вотъ извиниться хотѣлъ, да вы сами помѣшали съ вашимъ вызовомъ... такъ-съ!.. Вы, вотъ, сами тамъ употребили выраженія неподходящія... „Мальчишкой“ его обозвали,—на счетъ тоже ушей... негодится... Предположимъ, что мы дуэль допустимъ, и онъ васъ, того-съ,—подстрѣлитъ... Вы же были первые обижены, вы же головою поплатились... а моло-

дому человѣку вся карьера испорчена... Убьете вы его,—положимъ такъ, такъ вѣдь, батенька мой, у насъ смертная казнь только за измѣну противу престола и отечества полагается, а не за бранныя слова... кара то, выходитъ, проступку сильно не соответствующая... сообразили-съ?.. Такъ вотъ, принимая все это во вниманіе, не угодно-ли будетъ вамъ взять свое письмецо назадъ, и дѣлу конецъ!.. Такъ, господа, что ли?

Въ группѣ офицеровъ послышался глухой ропотъ. Огурчиковъ понялъ, что его мнѣнія и доводы если и раздѣляются, то не совсѣмъ.

— Вамъ не угодно ли? Иванъ Акимычъ! ну-ко ты! отстранился комендантъ.

— Я отецъ, мнѣ говорить нечего, уклонился старикъ Глухаревъ.

Выдвинулся Шелобовъ.

— Вашего вызова, Павелъ Петровичъ, Павлушѣ мы принять не дозволили... Вы такъ и знайте... и прошу не объяснять отказъ трусостью. Офицеръ этотъ не трусъ, это я вамъ заявляю и заявлять всѣ. Мы его храбрость уже довольно видѣли, вашей еще пока не приходилось... Не правится вамъ у насъ... Ну вотъ не сошлись просто, чего тамъ разбирать причины, что и почему,—такъ вѣдь офицерская служба у насъ не подневольная: хочешь здѣсь служи, хочешь въ другомъ мѣстѣ... А мы васъ задерживать не намѣрены...

— Вѣрно!

— Такъ!

— Вотъ это, что надо!.. Шелобовъ вѣрно сказалъ, прямо! послышались въ разныхъ мѣстахъ офицерскіе голоса.

Крилицынъ чувствовалъ какъ кровь бросилась ему въ голову. Онъ, конечно, понялъ сразу, что его выгоняютъ, онъ вовсе не того добивался, онъ хотѣлъ оставить самъ этотъ батальонъ, но оставить съ честью, съ нѣкоторымъ даже блескомъ для него, а тутъ говорятъ прямо: „убирайся, молъ, вонъ!“

— Прежде всего, господинъ полковникъ, началъ онъ, сдерживаясь по возможности.—Позвольте мнѣ спросить васъ... гдѣ я присутствую въ данную минуту?

— У меня, батенька, у меня, поторопился высленить вопросъ комендантъ.

— Я это знаю. Я хочу также знать, это мое право, что это: судъ, законно примѣненный ко мнѣ, или обыкновенное совѣщаніе?..

— Мы вѣдь хотѣли просто, сообщая!.. къ чему тутъ судъ? просто, по семейному...

— А хоть бы и судъ! рѣзко прервалъ Огурчикова капитанъ Шелобовъ.

— А, это другое дѣло!.. обратился уже лично къ нему Павелъ Петровичъ.—Тогда мнѣ говорить нечего. Факты на лицо, не угодно ли вести все дѣло по формѣ и по закону... Я болѣе ничего говорить не намѣренъ. Только, господинъ комендантъ, позвольте мнѣ предварительно вручить вамъ эту бумагу...

И онъ вынулъ изъ за борта тщательно сложенный листъ бумаги и передалъ его полковнику Огурчикову.

— Что это такое?.. озадачился тотъ, принимая документъ и, по привычкѣ, передавая его адъютанту.

— Прошеніе мое объ отпускѣ на одиннадцать мѣсяцевъ для хлопотъ по переводу моему въ другое оружіе...

— Ну, вотъ и слава Богу!.. вздохнулъ по наивности комендантъ.—Давно бы такъ, Павелъ Петровичъ... Вѣрьте вы мнѣ, что я ничего, вотъ рѣшительно таки несколько, не имѣю противъ васъ. Съ офицерами вы не сошлись, ну что за бѣда!.. Вы человѣкъ съ связями, съ протекціей... Вы всегда хорошо пристроитесь... Вотъ развѣ должники ваши, извините пожалуйста, васъ сюда бросили,—дастъ Богъ съ долгами справитесь...

— Мои долги касаются только меня одного! холодно замѣтилъ ему Крилицынъ.

За монастырской стѣной. Съ картины А. Корзухина, по фотогр. Якобія, грав. Ю. Барановскій.

— Понимаю-съ!..

— Семенъ Семенычъ, дернулъ его за рукавъ адъютанта Ползункова,—извольте прочесть это прошеніе...

— Это почему?.. Хорошо... что же тамъ такое?..

Огурчиковъ принялся читать про себя, присвистнулъ почему то и передалъ бумагу Глухареву, строго взглянувъ на Криницына, Иванъ Акимычъ тоже прочелъ, тоже поглядѣлъ на автора—и передалъ документъ Шелобову, Шелобовъ, прочти, не взглянулъ на Павла Петровича, а просто плюнулъ и передалъ прошеніе дальше. Такимъ образомъ, акуратно сложенный листъ обошелъ все собраніе и попалъ, наконецъ, въ руки батъки Максима. Тотъ читалъ долго, и вдругъ безпокойно завозился на диванѣ, обнаруживая намѣреніе подняться, сладить таки со своими ослабѣвшими членами и выступилъ на средину зала.

Этой энергіи со стороны „схимника“ не ожидалъ никто, и въ залѣ воцарилась мертвая тишина.

— Пишете вы, господинъ капитанъ, началъ тотъ, стараясь какъ можно отчетливѣе произносить слова,—что, получивъ оскорбленіе отъ офицера, послали ему вызовъ и получили въ отвѣтъ полный отказъ, поддержанный прочими, а посему, не считая возможнымъ продолжать службу въ такомъ обществѣ, гдѣ существуютъ такіа странна, чтобы не сказать болѣе, понятія о чести вообще, и чести мундира въ особенности, предпочитаете оставить сей батальонъ, для чего, и прочее и прочее. Такъ вы пишете... вотъ тутъ, на этомъ листѣ бумаги?

— Да! произнесъ Павелъ Петровичъ.

— Вамъ нужно уѣхать... Вы хотите, такъ сказать, предупредить вашъ выгонъ. Пардонъ-съ за экспрессонъ... и хотите выйти козыремъ шевальеромъ санъ-пёръ ни репрощъ... и на батальонъ, на нашъ славный, четвертый номеръ, положить позорное пятно,—жаме-съ, атанде-съ и сильвупле-съ!..

— Батя Максимъ, ты куда? попытался было остановить схимника полковникъ Огурчиковъ.

— Сюда! захрипѣлъ тотъ произзывая Криницына своимъ, вдругъ ожившими, сверкающими глазами.

— Я старъ! возвысилъ онъ голосъ, крича уже теперь на весь залъ.—Я слабъ! Лѣвая рука у меня уже вовсе не поднимается, въ правой полное „манъ-дрраже“, но „экскузе!..“ Вашъ вызовъ принимаю я! Стрѣляться съ вами, милостивый государрръ, буду я! Но, извините, не формы ради, безъ шутокъ, безъ балагана!.. Черезъ платокъ!—и хоть сію минуту!

Старый ветеранъ захрипѣлъ, двинулся впередъ всѣмъ корпусомъ и покачнулся. Его поддержали.

— Господа! это нельзя! Это уже изъ рукъ вонъ... ни на что не похоже... Въ моемъ присутствіи!.. засуетился полковникъ Огурчиковъ, тщетно пытаясь принять внушительный, начальствующій тонъ.

— Я принимаю вашъ вызовъ, чуть слышно произнесъ Павелъ Петровичъ.

— Принимаете-съ?! Нѣтъ, этого мало! Атанде-съ! слова началъ батъко Максимъ.

И снова въ залѣ все стихло.

— Вѣрою и правдою прослужилъ я Царю и Отечеству, какъ могъ, и сколько моихъ силъ хватило!.. Теперь меня, пьяную собаку, держатъ изъ милости... Спасибо!.. Но никто меня ни въ чемъ безчестному урекнеть не могъ никогда и не можетъ... Богъ это увидитъ, и люди знаютъ!.. Потрудитесь же и вы, милостивый государъ, здѣсь, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, передъ лицомъ сего знамени... вонъ оно стоитъ въ углу, подъ образами... передъ лицомъ Святаго Никола, Угодника Божія... глядите повыше!.. дать мнѣ честное слово, что рука ваша ни къ какому безчестному дѣлу не касалась, что на рукѣ вашей нѣтъ и не было никакого позорнаго дѣянія... И тогда только вы можете имѣть честь сказать: принимаете-ли, или нѣтъ, предложенный мною поединокъ... Ну-съ!.. я жду!

(До слѣд. №).

За драгоценнымъ корнемъ.

(Изъ жизни китайскихъ таежниковъ).

Рассказъ А. Я. Максимова.

(Продолженіе).

Чудный рассказъ старшины произвелъ на слушателей неотразимое впечатлѣніе. Въ ихъ воображеніи рисовалась волшебная надъ Ула-Джана съ ея неистощимыми сокровищами чудодѣйственнаго жень-шеня. И доброе чувство посѣтило извращенныя души ихъ и очерствѣлыя сердца.

— А гдѣ-же эта надъ? встрепенулся вдругъ манчжуръ Сеокви послѣ продолжительнаго молчанія. Онъ былъ очарованъ слышаннымъ рассказомъ.

— Еслибы я зналъ мѣсто, гдѣ она, давно ужъ побывалъ-бы въ ней, задумчиво проговорилъ Лонхоу.—Хорошо-бы розыскать ее!.. Тамъ растутъ тысячи тысячъ лучшихъ корней жень-шеня... Но не найти ее никому изъ насъ, добавилъ старшина.—Этого не хочетъ самъ божественный Фо... Наступитъ время, когда надъ будетъ розыскана однимъ простымъ человѣкомъ, и онъ сдѣлается такимъ же богачемъ, какимъ былъ Ула-Джанъ...

— Ты знаешь, Лонхоу, кому предопредѣлено Небомъ розыскать чудную надъ Ула-Джана? спросилъ Сеокви.

— Старики рассказывали мнѣ, когда я былъ еще маленькимъ, отвѣтилъ Лонхоу,—что чудная долина Ула-Джана будетъ найдена, рано или поздно, однимъ бѣднымъ манчжуромъ изъ города Гиринь.

Сувѣрный Сеокви вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Кровь ударила ему въ голову.

— Ты говоришь: манчжуромъ изъ города Гиринь? переспросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Да, манчжуромъ изъ города Гиринь, подтвердилъ старшина.—А ты чего такъ глаза на меня пучишь? подозрительно добавилъ онъ.—Ужъ не манчжуръ-ли ты самъ?..

Всѣ обратили свои взоры на взволнованнаго бѣлаго солдата. Они смотрѣли на него съ недоумѣлымъ любопытствомъ. Известно, что китайцы чувствуютъ къ своимъ порабощеннымъ манчжурамъ ненависть.

— Какой я манчжуръ? обидѣлся оправившійся Сеокви.—Такой-же какъ и вы всѣ... Вотъ дураки-то!.. За манчжура меня вдругъ вздумали принять...

— Если ты китаецъ, а не собака-манчжуръ, то слава Небу,

проговорилъ Лонхоу.—Если-же ты дѣйствительно манчжуръ, то что-жъ дѣлать... Разъ попалъ въ артель—ты товарищъ, и никто не можетъ посягнуть на тебя... Да, никто! добавилъ старшина, обводя присутствующихъ твердымъ взглядомъ.

— Скажи, Лонхоу, почему-же божественный Фо предопредѣлилъ именно манчжуру найти эту надъ, а не китайцу? полюбознествовалъ Ки-сэ, сбившій съ толку предпочтеніемъ, оказаннымъ Фо собакамъ-манчжуру передъ истинными рабами Сына Неба.

— Старики утверждаютъ, что Ула-Джанъ былъ самъ манчжуръ и притомъ родомъ изъ города Гиринь, отвѣтилъ Лонхоу.—Многіе манчжуры силились розыскать прахъ Ула-Джана, но не могли найти его: все погибали въ тайгѣ и только немногіе возвратились на родину, послѣ страшныхъ страданій... Божественный Фо предопредѣлилъ, какъ говорили мнѣ старики, что чудную надъ найдетъ только тотъ манчжуръ изъ города Гиринь, который поймаетъ живьемъ страшнаго краснаго волка и выколетъ ему оба глаза... Тогда волкъ самъ укажетъ дорогу въ надъ...

— А пробовалъ кто нибудь поймать краснаго волка? спросилъ Сеокви, жадно слушавшій старшину.

— Многіе пробовали, да не давался онъ въ руки... Только схватить кто звѣря, тотъ разомъ превращался въ страшное чудовище и пожиралъ смѣльчака... Всѣ погибали!.. Никто не возвратился, чтобы хоть похвастать, что держалъ въ рукахъ краснаго волка.

Лонхоу замолчалъ и задумался.

— Ну, гайда въ дорогу! Солнце уже взшло!.. крикнулъ онъ послѣ короткаго раздумья, бодро вскакивая на ноги.—Гайда!.. Жень-шень тутъ гдѣ нибудь, по близости!.. Это вѣрно!.. Не даромъ ночью показались красные волки...

XI.

Новая опасность.

Рассказъ Лонхоу произвелъ на сувѣрнаго, жаднаго Сеокви подавляющее впечатлѣніе. Послѣднія слова старшины гвоздемъ

засѣли въ его головѣ. Слѣдя по извилистой тропѣ за товарищами, Сеокви перебиралъ въ умѣ только что слышанное, подтасовывалъ факты и пришелъ наконецъ къ нехлѣбному убѣжденію, что онъ именно, манчжуръ изъ города Гиринь, избранный божественнаго Фо, что ему именно предопредѣлено отыскать падь Ула-Джана и завладѣть находящимися въ ней истинными богатствами. Постепенно, Сеокви охватило жгучее, страстное желаніе попытать счастья... Жадность помрачила его разсудокъ. Суевѣріе поддерживало въ немъ нехлѣбное рѣшеніе. Ему казалось, что для него именно возможно то, что для другихъ оказалось невозможностью.

«Нечего терять время, думалъ Сеокви, бодро шагая по узкой звѣровой тропинкѣ. Сегодня-же ночью отдѣлюсь отъ партіи и пойду искать предопредѣленного мнѣ счастья... Ружье у меня есть... Правда, мало пороху, но это дѣло поправимое: порохъ есть у Ли-фу и Лонхоу—могу воспользоваться имъ... Одно страшно!.. Надо поймать краснаго волка... Ой, ой, какъ страшно!»

Сеокви даже поблѣднѣлъ отъ этой ужасной мысли. Волосы зашевелились у него на головѣ. Впрочемъ страхъ его былъ мимолетный. Жгучая жадность разогнала страхъ при одной мысли о неистощимыхъ богатствахъ чудной пади Ула-Джана.

«Что-жь дѣлать, если такъ надо, продолжалъ думать манчжуръ. Попробую поймать!.. Умирать вѣдь одинъ разъ... А можетъ быть самъ божественный Фо поможетъ мнѣ въ моемъ предпріятіи... Вѣдь я-же манчжуръ изъ города Гиринь, а никто иной... Лонхоу вѣдь говорилъ, что именно манчжуръ изъ города Гиринь предопредѣлено розыскать драгоцѣнный прахъ Ула-Джана... А Лонхоу все знаетъ... Онъ много прожилъ на свѣтѣ, дослѣдѣлъ въ тайгѣ... Не брешетъ-же онъ, какъ собака!»

Искатели жень-шеня между тѣмъ осторожно подвигались за своимъ опытнымъ вожакомъ Лонхоу. Послѣдній, повидимому, имѣлъ строго опредѣленную цѣль. Онъ хорошо зналъ, куда ведетъ товарищей. Всѣ окружающія примѣты доказывали, что скоро онъ вступитъ въ глухую падь—мѣсто произростанія чудодѣйственнаго корня. Дѣйствительно, тѣмъ дальше шли звѣровой тропой, тѣмъ заросль становилась гуще и гуще. Въ чащѣ стояла сильная сырость и прохлада. Повидимому, солнечные лучи никогда не проникали сюда. Почва влажная, мягкая, гундровая. Лонхоу чутьемъ угадывалъ, что наконецъ то онъ добрался до завѣтнаго мѣста. Послѣ нѣсколькихъ извилистыхъ поворотовъ, тропа раздвоилась. Лонхоу приостановился.

— Надо разойтись! проворчалъ онъ товарищамъ. Ты Ки-сэ, Сеокви и Куень-Лу ступайте вправо, а я съ Ли-фу пойду влѣво... Ищите хорошенько: тутъ долженъ быть жень-шень!.. Вечеромъ сойдемся на той-же лужайкѣ, на которой провели послѣднюю ночь...

Авантюристы молча разошлись по указанію старшины. Начались энергичные поиски чудодѣйственнаго корня. Бродяги сошли съ тропинки, смѣло углубились въ заросль и разбрелись въ разныя стороны, чтобы не мѣшать другъ другу. Имъ приходилось продираться черезъ едва проницаемую, благоухающую стѣну сплетшагося виноградника, жимолости, рябины, акаціи, жасмина, черемухи и лещины. Индѣ они ползли на четверенькахъ, индѣ имъ приходилось работать ножами и топорами, чтобы расчистить себѣ хоть какую нибудь лазейку. При этомъ они разбирали дрожащими отъ волненія и жадности руками пышный коверъ травы, зорко высматривая—не мелькнетъ-ли гдѣ хорошо знакомый листъ чудодѣйственнаго корня... Прошло нѣсколько часовъ. Мрачная тайга словно похоронила въ своихъ непролазныхъ тупикахъ отважныхъ искателей... Не было слышно ни возгласа, ни даже шороха. Каждый старался хранить самое осторожное молчаніе, чтобы не привлечь на себя опаснаго вниманія какого нибудь звѣря. Каждый ползалъ по мягкой травѣ и сырой почвѣ, едва переводя дыханіе, стараясь беззвучно раздвигать или перерубать цѣпкіи виноградъ и хлесткія вѣтви другихъ ползучихъ растений. Голодные, всѣ забыли даже объ ѣдѣ. Жадность превозмогла апетиты, поглотила всѣ ихъ впечатлѣнія, направила ихъ въ одну точку. Мысли ихъ сосредоточились исключительно на одномъ: какъ бы найти драгоцѣнный корень? Первымъ счастливымъ оказался Ки-сэ. Среди густой травы онъ увидѣлъ знакомый листъ жень-шеня и затрепеталъ отъ радости. Ки-сэ осторожно началъ разрывать руками рыхлый, сочный черноземъ, чтобы не испортить, не помять, не исцарапать драгоцѣннаго, весьма нѣжнаго корня. Вотъ открылась верхняя часть корня. Это было растеніе толстое, толще большаго пальца, многорѣзное, большой цѣны. Руки Ки-сэ дрожали отъ весьма пошатнаго волненія. Онъ разгребалъ распычатый черноземъ съ большою осторожностью, хорошо знал, что неосторожное обращеніе съ корнемъ можетъ повліять на его качества и понизитъ стоимость... Вдругъ по чащѣ пронесся болѣзненный, раздрающій душу, пронзительный крикъ и сразу оборвался на хрипящемъ стоиѣ, заглушенномъ рычаніемъ... Не было сомнѣнія, что одинъ изъ авантюристовъ подвергся нападенію тигра. Ки-сэ только вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, словно его пронизала электрическая искра. Онъ даже не оглянулся. Глаза его продолжали упорно глядѣть на корень. Онъ только на секунду приостановился разгребать черноземъ, словно не слышалъ этого ужаснаго крика и предсмертнаго хрипящаго товарища. Ему, повидимому, не было

никакого дѣла до того, что въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ него кровожадный тигръ пожиралъ еще трепещущій трупъ несчастнаго, ошопавшаго Куень-Лу. «Только-бы меня ламаза не тронулъ!» промелькнуло въ головѣ у Ки-сэ, и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ вырывать корень. Только руки его дрожали нѣсколько сильнѣе и по тѣлу пробѣгала неудержимая дрожь... Другіе искатели отнеслись къ раздрающему, предсмертному крику Куень-Лу такъ-же безучастно. Всѣ слышали этотъ крикъ, но никто не пошевелился, чтобы оказать несчастному помощь. Каждый думалъ только о собственной безопасности, жалѣлъ только своей шкуры, не рѣшался рисковать жизнью изъ за другаго. Каждый побѣдѣ та-же эгоистическился, черствая мысль: «слава Небу, что попался въ лапы ламазы другой, а не я!»... Между тѣмъ звѣрь, напившись теплой крови, брелъ по заросли, облизывая языкомъ окровавленныя губы... Вдругъ его чуткое обоняніе почувствовало близкое присутствіе другаго человѣка. Онъ сталъ осторожно пробираться къ обезумѣвшему отъ жадности Ки-се. Послѣдній такъ былъ занятъ вырваніемъ корня, что ничего не слышалъ, словно виталъ въ какомъ то особенномъ мірѣ... Но вотъ корень вырытъ... Ки-сэ съ радостною улыбкою сталъ разсматривать свое сокровище, мысленно прикидывая, сколько телей удастся ему получить за этотъ рѣдкостный корень. Экземпляръ жень-шеня былъ дѣйствительно замѣчательный. Корень имѣлъ большое сходство съ человѣческой фигурой, чѣмъ вполнѣ оправдывалъ свое характеристическое названіе «человѣкоподобный корень» *). Восторгъ Ки-сэ не имѣлъ границъ. «Сто телей (двѣсти серебряныхъ рублей) навѣрное получу!» думалъ онъ, тщательно осматривая узловатый корень со всѣхъ сторонъ. «Сто телей!.. Богатымъ сдѣлаюсь... Торговать начну... Большую лавку заведу со всякимъ товаромъ... Купцомъ **) всѣ величать стануть!.. Женьсю... Пильмени ***) ѣсть буду!» Ки-сэ едва не пустился въ ильсъ отъ веселой перспективы предстоящей жизни и предстоящаго почта... Вдругъ онъ мгновенно оцѣнѣлъ, словно превратился въ каменный столбъ... Глаза его расширились и съ дикимъ ужасомъ уставились въ одну точку... Въ двухъ шагахъ отъ него торчала изъ густой заросли громадная голова тигра. Глаза ея горѣли зловѣщимъ огнемъ. Съ нижней губы капала на темную зелень листы подлѣска еще свѣжая кровь... Нѣсколько секундъ звѣрь и человѣкъ упорно глядѣли другъ другу въ глаза. Ки-сэ окончательно ошалѣлъ отъ этого страшнаго, близкаго сосѣдства кровожаднаго хищника. Вмѣсто того, чтобы приготовиться къ защитѣ, Ки-сэ сталъ засовывать за пазуху только что вырытый корень жень-шеня, словно онъ опасался лишь одного, что тигръ отниметъ у него найденное сокровище. Безмолвная, страшная борьба взоровъ тянулась не долго... Сытый звѣрь не вынесъ безумнаго, сосредоточеннаго взгляда человѣка, медленно отвернулъ окровавленную морду и скрылся въ чащѣ. Ки-сэ вздохнулъ съ облегченіемъ и поспѣшилъ выйти изъ густой заросли на тропинку, на которой онъ считалъ себя въ большей безопасности...

XII.

Бѣгство Сеокви.

Къ заботу солнца на знакомой лужайкѣ собрались только четверо искателей: пятый, именно Куень-Лу, не возвратился. Всѣ хорошо знали причину и никому, повидимому, не было никакого дѣла, при какихъ обстоятельствахъ свершилась страшная катастрофа. Куень-Лу словно и не существовало. Никто и не вспомнилъ о немъ, не упомянулъ даже его имени. Никто не высказалъ слова сожалѣнія по поводу смерти товарища. Каждый былъ поглощенъ исключительно личнымъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что для многихъ день закончился въ высшей степени удачно. Удача сгладила тяжелое впечатлѣніе, вызванное смертью Куень-Лу. Всѣ были, за исключеніемъ манчжуря Сеокви, въ лучшемъ настроеніи духа. Особенно былъ доволенъ истекшимъ днемъ старшина Лонхоу: ему удалось найти три прекрасныхъ корня жень-шеня и въдобавокъ подстрѣлить жиннаго изубра, случайно подвернувшагося на возвратномъ пути. Переднюю часть и ребра громаднаго звѣря Лонхоу бросилъ въ тайгѣ, какъ необходимое приношеніе краснымъ волкамъ, допустившимъ авантюристовъ завладѣть частью сокровищъ, звѣренихъ ихъ пощенію и охранѣ божественнымъ Фо. Заднюю часть изубра старшина притащилъ къ становищу, для пропитанія. Ки-сэ и Ли-фу, нашедшіе по одному корню, возвратились на лужайку въ лучшемъ расположеніи духа. Только одинъ Сеокви вернулся угрюмымъ, мрачнымъ, сосредоточеннымъ. Это дурное настроеніе манчжуря товарищи объяснили тѣмъ, что поиски его оказались положительными безуспѣшными: Сеокви вернулся съ пустыми руками. Между тѣмъ причина этого мрачнаго расположенія духа бѣлаго солдата была совершенно иная. Онъ пробродилъ по тайгѣ, въ теченіи многихъ часовъ, подъ гнетомъ охватившей его безумной мысли, страстнаго, жгу-

*) Слово жень-шень въ буквальномъ переводѣ означаетъ «человѣкоподобный корень».

**) Сдѣлаться купцомъ—это высшее желаніе каждаго почти китайца. Силы Поднебесной имперіи—жиды крайняго востока. Жадные до денегъ, они, имѣя въ карманѣ лишь нѣсколько телей, уже пускаются во всевозможные обороты, продавая, покупая и мѣняя. При этомъ они всегда величаютъ себя купцами, хотя ежегодные обороты нѣкоторыхъ подобныхъ «купцовъ» едва доходятъ до десятка телей.

***) Пильмени—любимое кушанье китайцевъ средняго и низшаго классовъ. Приготовляется изъ совершенно прѣснаго, кругатаго тѣста. Начинка—свинина, ширь и лукъ.

Литературный альбомъ. „Морская царица“, М. Ю. Лермонтова. Ориг. рис. Н. Лоренца, грав. Ю. Барановскій.

Въ древнемъ Египтъ. Пѣніе въ храмъ съ акомпаниментомъ арфы. Съ картинъ А. Калбе, фран. Бюен'амуръ

чаго желанія: какъ-бы розыскать чудную долину Ула-Джана? Мысль эта давила его словно кошмаръ, в теченіи цѣлаго дня. Сеокви шагнулъ по тайгѣ безъ определенной цѣли, слишкомъ увлеченный посторонней идеей, сосредоточенный на ней съ какою-то болѣзненною настойчивостью. Отсюда и поплотн, отчего онъ возвратился съ пустыми руками въ то время, когда всѣ товарищи вернулись съ болѣе или менѣе богатой добычей. За депь, Сеокви измучился физически и морально. Онъ вернулся позже всѣхъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, и остальные успѣли поужинать. Товарищи встрѣтили Сеокви любопытными разспросами о причинѣ позднато возвращенія, но манчжуръ угрюмо отмалчивался. Искатели были въ веселомъ, разговорчивомъ настроеніи духа. Богатая добыча сдѣлала ихъ болтливыми.

— Неужели ничего не нашель? спросилъ наконецъ Лонхоу.

— Ничего! угрюмо отвѣтилъ манчжуръ.

Взглянувъ на веселыя лица товарищей, онъ догадался, что день у нихъ закончился болѣе удачно, и его вдругъ охватила какая то злоба и зависть.

— Э...эхъ, Сеокви! Какъ-же это такъ?.. Вонъ, мальчишка Ли-фу даже нашель корешокъ, а ты, опытный, вернулся ни съ чѣмъ!.. Мѣсто, вѣдь, богатое... съ укоромъ проговорилъ старшина.

Досадно ему на манчжуря, что тотъ вернулся съ пустыми руками. Самолюбіе опытнаго вожака требовало, чтобы всѣ члены партіи были одинаково счастливы въ поискахъ жень-шеня, въ мѣстѣ, имъ указанномъ.

— Онъ, видно, больше отъ хищниковъ тайлся, чѣмъ жень-шень искалъ!.. Сеокви, вѣроятно, думалъ, что жень-шень на деревѣ здѣсь расстеть,—шелъ по тайгѣ, да кверху глядѣлъ!.. Куда ему корня искать, онъ даже ламаза просмогнѣлъ, вѣдь тотъ мимо него шелъ, да на Куень-Лу наткнулся!.. начали подсмѣиваться развеселившіеся искатели жень-шеня.

Сеокви передернуло отъ насмѣшекъ, тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ угрюмо отмалчиваться, сосредоточенный на своей безумной мысли.

— Возьми, отрѣжь себѣ хоть изубрины!.. Поѣшь!.. предложилъ Лонхоу.

— Не хочу!.. неохотно отвѣтилъ Сеокви, присаживаясь къ костру и закуривая трубку.

— Ой, ой, вѣтъ онъ не хочеть?.. удивился Ки-сэ... Не поѣлъ ли ты тамъ, въ пади?

— Ишь онъ какой, моей свѣжинки попробовать не хочеть, обидѣлся Лонхоу. — Вѣрно онъ дохлятины какойнибудь нажрался!..

— А спать ты хочешь? насмѣшливо спросилъ старшина, послѣ короткаго молчанія.

— И спать не хочу!.. сердито проворчалъ Сеокви, поныхая трубкой.

— За это спасибо, товарищ! повеселѣлъ Лонхоу. Мы всѣ страшно какъ измучились, спать намъ хочеться до смерти!.. Такъ вотъ мы соснемъ, а ты ужъ уважь насъ, покарауль не въ очередь, да посмотри за костромъ.

Предложеніе старшины такъ обрадовало Сеокви, что онъ едва не потерялъ необходимого самообладанія и не выказалъ слишкомъ ясно своего особеннаго удовольствія. Его только что тяготила неотвлечивая мысль, какъ бы выполнить въ предстоящую ночь задуманное имъ намѣреніе, и вдругъ самъ Лонхоу просто разрѣшилъ его затрудненіе.

— Хорошо! пробормоталъ Сеокви тѣмъ же ворчливымъ тономъ, сохраняя на лицѣ прежнее угрюмое выраженіе.

Не прошло и получаса, какъ сильно уставшіе искатели жень-шеня уснули мертвымъ сномъ, нисколько не подозрѣвая, что Сеокви рѣшился воспользоваться ихъ довѣріемъ и совершить тяжкое преступленіе противъ всѣхъ товарищей, преступленіе, не имѣвшее мѣста въ тайгѣ, неслыханное и возмутительное. Авантюристы объяснили угрюмое настроеніе манчжура просто случайной неудачей и улеглись спать вполне спокойно... Прошло часа два. Сеокви продолжалъ неподвижно сидѣть передъ костромъ и смотрѣть въ яркое пламя. Повидимому, въ немъ происходила страшная, упорная нравственная борьба. По суровому лицу его пробѣгала судорога. Всѣ нервы его находились въ сверхъестественномъ напряженіи... Но вотъ Сеокви, повидимому, на что то рѣшился. Энергично тряхнувъ головой, онъ осторожно приподнялся и пытливо взглянулъ на крѣпко спящихъ товарищей. Ноги у него дрожали. Глаза горѣли лихорадочнымъ, недобримъ огнемъ. Едва дыша, онъ сдѣлалъ нѣсколько неровныхъ, безумныхъ шаговъ по направленію къ Лонхоу и остановился въ нерѣшительности. Лихорадочный взоръ его былъ упорно направленъ на безвѣчно спящаго старшину. Но вотъ, Сеокви осторожно вытащилъ свой ножъ и сдѣлалъ еще два шага, не спуская глазъ съ Лонхоу. Пламя костра бросало на широкое лезвее ножа красный, злобѣщій отблескъ, освѣщая, въ то же время, мертвенно-блѣдное лицо манчжура, имѣвшее какое то неподвижное, словно застывшее, окаменѣвшее выраженіе. Безшумно, словно привидѣніе, опустился Сеокви передъ старшиной на колѣни и осторожно протянулъ лѣвую руку къ рогу съ порохомъ, не сводя глазъ со спокойнаго лица Лонхоу... Прошло нѣсколько секундъ... Сеокви словно окаменѣлъ... Ему казалось, что старшина проснется и поймаеть его на мѣстѣ преступленія. Онъ боялся даже пошевеливаться,

боялся даже дышать. Ему чудилось, что дыханіе его вылетало изъ груди съ шумомъ вѣтра, вырывающагося изъ пещеры. Артеріи его стучали въ вискахъ, какъ кузнечные молоты... Но вотъ манчжуръ осторожно потянулъ къ себѣ пороховницу: она точно приросла къ землѣ... Онъ потянулъ сильнѣе, что то скрипнуло, но рогу съ порохомъ не подвинулся даже на одну линію. Этотъ ничтожный, едва слышимый скрипъ произвелъ на напряженные нервы манчжура страшное впечатлѣніе. Ему чудилось, что ужасный крикъ, словно разъяренной, пороховницы, потрясъ всѣ окружающія деревья, вызвалъ къ жизни каждый стебель травы, каждую былинку. Одно мгновеніе онъ считалъ себя погибшимъ... Ему казалось, что всѣ потрясенные этимъ страшнымъ скрипомъ, сію минуту вскочатъ на ноги, и онъ падеть подъ ихъ ударами. Онъ остолбенѣлъ на одномъ мѣстѣ, боясь шелохнуться и затѣивъ дыханіе. Руки его сильно дрожали. Со лба катились на траву крупныя капли холоднаго пота... Прошло нѣсколько секундъ мучительнаго выжиданія. Манчжуръ напрягъ слухъ. Тихо. Никто изъ товарищей даже не пошевелинулся. Первая опасность миновала; но внутри Сеокви сердце било шумную тревогу. Вдругъ манчжуря охватила какая то дикая рѣшительность. Онъ считалъ отступленіе невозможнымъ, хотя бы пришлось погибнуть. Его охватила мысль: какъ бы скорѣе покончить задуманное дѣло. Смило, съ нервнымъ нетерпѣніемъ, онъ потянулъ за рогу еще сильнѣе. Лонхоу сдѣлалъ во свѣ нетерпѣливое движеніе и сползъ съ пороховницы... Манчжуръ поднялъ ножъ и поднесъ его къ горлу старшины... Еще одно движеніе и Сеокви нанесъ бы смертельный ударъ. Но Лонхоу только повернулся на другой бокъ и захрапѣлъ еще сильнѣе прежняго. Сеокви съ облегченіемъ перевелъ духъ, осторожно перерѣзалъ ремни, на которыхъ висѣла пороховница, и поднялся... Съ тѣми же предосторожностями сдѣлалъ онъ рогу съ порохомъ у Ли-фу...

Время подходило къ полуночи. До разсвѣта оставалось не болѣе шести часовъ. Мѣшкалъ было нельзя. Сеокви, забравъ свое ружье и три рога съ порохомъ, осторожно углубился въ чащу. Темень въ заросли была непроницаемая. Манчжуръ сдѣлалъ по троѣи нѣсколько десятковъ шаговъ, постоянно останавливаясь и прислушиваясь: нѣтъ ли погони? Нѣтъ!.. Вотъ треснулъ подъ его ногами подвернувшійся сухой сучокъ. Сеокви остановился словно вкопанный и сталъ чутко вслушиваться въ окружающую таинственную тишину. Первые его приходили все въ большее и большее напряженіе... Вдругъ манчжуря охватилъ паническій ужасъ. Ему почудилось, что за нимъ гонятся, и онъ бросился бѣжать. Вѣтви хлестали по его лицу, рвали рубища, царапали тѣло. На каждомъ почти шагу онъ спотыкался, падалъ, стремительно поднимался и бѣжалъ дальше, самъ не зная куда. Его толкалъ впередъ паническій ужасъ. Онъ бѣжалъ, не чувствуя усталости. Начало разсвѣтатъ. Непроницаемый мракъ разсѣялся, и въ чащѣ разлился пріятный, ласкающій полусвѣтъ... Сеокви продолжалъ бѣжать. На его окровавленномъ тѣлѣ висѣли ключья халата. Лицо было испаранано, ноги избиты и покрыты ранами... Но вотъ, тропа сдѣлала неожиданный поворотъ влѣво, и стала извиваться по крутому склону. Сеокви, безъ усталости бѣжавшій по ровному мѣсту, былъ не въ силахъ идти дальше и въ полномъ изнеможеніи повалился на траву, у подошвы холма...

ХІІІ.

Преслѣдованіе Сеокви.

Уставшіе искатели, никѣмъ не потревоженные, крѣпко проспали до разсвѣта. Первымъ поднялся Лонхоу. Потухшій костеръ и отсутствіе Сеокви озадачили его. Онъ недоумѣвалъ, гдѣ манчжуръ, куда дѣвался. „Неужели и Сеокви какойнибудь звѣрь спалъ ночью!“ При одной этой мысли, кровь застыла у него въ жилахъ.

— Эй, вставайте! громко крикнулъ старшина.—Новая бѣда!

Искатели вскочили и съ недоумѣніемъ уставили сонные глаза на суровое, блѣдное лицо Лонхоу.

— Что?!. Что случилось?!. спросилъ Ки-сэ коснѣющимъ отъ страха языкомъ.

— Сеокви пропалъ! лаконически объявилъ старшина, внимательно осматривая лужайку.

Нигдѣ не было видно рѣшительно никакихъ слѣдовъ борьбы. Ни одна капля крови не орошала пышный коверъ зелени. Лонхоу вернулся къ товарищамъ, обшарившимъ отъ неожиданнаго извѣстія, и проворчалъ съ недоумѣніемъ:

— Шайтанъ его съѣлъ!.. Куда онъ дѣвался?.. Ужъ не сбѣжалъ ли?..

Внезапная, тревожная мысль озарила вдругъ старшину. Кровь отхлынула къ сердцу. На лбу его выступили крупныя капли холоднаго пота. Лонхоу быстро запустилъ руку за пазуху и вытащилъ берестянку *) съ найденными накалунѣ корнями жень-шеня.

— Нѣтъ, цѣлы! пробормоталъ онъ съ облегченнымъ вздохомъ, теряясь въ догадкахъ относительно неожиданнаго отсутствія манчжура.

*) Обыкновенно, найденные корни жень-шеня бережно укладываютъ въ особые берестяныя, которыя закладываютъ черноземомъ. Последний мѣняется черезъ извѣстный промежутокъ времени. Необходимо для сохраненія чрезвычайно вѣзнаго корня, чтобы черноземъ въ берестянахъ былъ постоянно свѣжимъ и влажнымъ.

— Гей, вы! крикунъ Лонхоу товарищамъ.—Цѣль-ли вашъ жень-шень? Не украсть ли его Сеокви?

— Цѣль! протворили искатели жень-шеня, внимательно осматривая вынутыя изъ за пазухи берестянки.

— Шайтанъ его дерит!.. Прободай олень ему бокъ!.. Рога съ порохомъ у меня нѣтъ! крикнулъ Ли-фу, тщетно ощупывая кожаный поясъ, на которомъ висѣли, вмѣсто пороховницы, только обрѣзанные ремешки.

Лонхоу машинально поднесъ руки къ своему поясу.

— Поганая собака! Подлый разбойникъ! заревѣлъ онъ дикимъ, визгливымъ голосомъ. На губахъ его показалась пѣна. Глаза налились кровью. Его внезапно охватила дикая злоба.

— Чтобъ его красные волки разорвали!.. Мерзавецъ!.. Негодяй!.. продолжалъ Лонхоу сыпать руганью, неистово теребя щетинистые, сѣдые волосы.

— Укралъ, собака, укралъ! вылъ онъ отчаяннымъ голосомъ.— Бѣжалъ, каналья, какъ подлый трусъ!.. Понадись онъ только въ мои руки: съ живаго шкуру сдеру, медленнымъ огнемъ спалю, всѣ волосы по волоску новыдергаю!.. кричалъ Лонхоу, грозя кулаками окружающей заросли.

— Полно попусту выть!.. Сеокви недалеко ушелъ—можно догнать его, предложилъ Ки-сэ, немного оправившійся отъ испуга.

— Да, можно догнать! согласился разомъ успокоившійся старшина.—Да, товарищи, мы должны догнать подлаго манчжура!.. Онъ захватилъ съ собой весь порохъ!.. Вѣдь пропадемъ въ тайгѣ безъ пороха. Если не съ голоду пропадемъ, то звѣрь съѣстъ!.. Мы должны поймать манчжура! Поѣшьте немного, и гайда въ потюню!..

Искатели наскоро позавтракали, захватили съ собой остатки мяса и немедленно отправились въ потюню. Лонхоу, послѣ короткаго, но тщательнаго осмотра мѣстности, опредѣлилъ точное направленіе, по которому бѣжалъ манчжуръ. Опытный глазъ не обманулъ его. Не успѣлъ онъ сдѣлать и десяти шаговъ по извилистой тропѣ, какъ замѣтилъ на цѣпкой вѣткѣ ключочей азаліи ключокъ халата.

— По этой тропѣ бѣжалъ, собака! проговорилъ Лонхоу, кивнувъ товарищамъ на ключокъ синей дабы. Гайда!.. Гайда!..

И старшина быстро запалалъ впередъ. Чѣмъ дальше шли искатели жень-шеня, тѣмъ все болѣе и болѣе убѣждались, что они идутъ по слѣдамъ исчезнувшаго Сеокви. То на одной, то на другой вѣткѣ висѣли ключья одежды безумно бѣжавшаго манчжура!.. Наступилъ полдень!.. Авантюристы продолжали быстро подвигаться впередъ по затѣйливо извивавшейся звѣровой тропѣ. Потъ катилъ съ нихъ, отъ непосѣнной погони, крупными каплями, но они не чувствовали еще усталости. Жажда мести укрѣпляла ихъ силы. Вотъ, на одномъ изъ крутыхъ поворотовъ, Лонхоу быстро нагнулся и поднялъ какую-то вещь, очевидно принадлежащую Сеокви.

— Трубку потерялъ! лаконически сообщилъ онъ товарищамъ, бодро слѣдовавшимъ по его пятамъ. Трубку старшина спряталъ въ карманъ. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, Лонхоу поднялъ на ходу еще что то.

— Кисетъ и огниво, отранортовалъ онъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ, засунувъ то и другое въ свой широкий карманъ.

Авантюристы запалали по тропѣ съ болѣею энергіею. Потерянные вещи доказывали, что бѣство Сеокви было непосѣнное. Необходимо было торопиться. Манчжуръ имѣлъ впереди часовъ пять времени. Слѣдовало наверстать потерянное время во что бы то ни стало!.. Уже солнце начало склоняться къ западу, когда искатели жень-шеня достигли того мѣста, на которомъ упалъ на траву измученный Сеокви. Опытный глазъ Лонхоу тотчасъ же сдѣлалъ необходимую ориентировку.

— Здѣсь онъ лежалъ! проговорилъ старшина, указывая товарищамъ на сильно примятую траву. На хребетъ, собака, полѣзть!..

Стали съ трудомъ подниматься по крутому склону. Мягкій, сырой черноземъ смѣнился твердой почвой, состоящей изъ песчанника и известковаго камня. Вся тропа была усыяна множествомъ мелкихъ, острыхъ камней. Подъемъ былъ чрезвычайно трудный. Ловкій, неутомимый Лонхоу взбирался на хребетъ съ юношеской ловкостью. Стальные мускулы его работали съ энергіею и, казалось, не чувствовали усталости. Что же касается до менѣ привычныхъ и выносливыхъ Ки-сэ и Ли-фу, то они замѣтно стали приставать, часто спотыкались, отдувались и пыхѣли, точно паровыя машины.

(До слѣд. №).

Русскіе послы XVII в. въ Италіи (1656—1657 гг.).

Изъ статьи А. Бриннера.

(Окончаніе).

Во время пребыванія русскихъ въ Венеціи ихъ посѣтилъ также секретарь резидента герцога Мантуанскаго и привѣтствовалъ отъ его имени. Французскій резидентъ сдѣлалъ имъ также визитъ, на который они однако не отвѣтили, что вызвало неудовольствіе. На упрекъ Вимины въ несоблюденіи этикета, послы отвѣчали, что они не получали по этому предмету инструкцій. Они удовольствовались тѣмъ, что послали переводчика Топоровскаго къ французскому дипломату освѣдомиться о его здоровьѣ. Затѣмъ ихъ посѣтилъ резидентъ герцога Пармскаго. Папскій нунцій не нашелъ нужнымъ ѣздить съ визитомъ къ русскимъ посламъ, но по приказанію папы спросилъ ихъ чрезъ Альберта Вимины, будутъ ли они въ Римѣ. Послы отвѣтили, что, не имѣя порученій къ папѣ, не намѣрены быть въ Римѣ.

Переговоры пословъ съ венеціанскимъ правительствомъ въ сущности ничѣмъ не кончились. Вскорѣ по прибытіи пословъ въ Венецію, имъ объявили, что дожъ нездоровъ и не можетъ принять пословъ, а потому имъ придется имѣть дѣло съ верховнымъ совѣтомъ, гдѣ высшій сановникъ республики будетъ представителемъ дожа. Послы рѣшительно воспротивились. „Насъ послали къ дожу, говорили они, и мы собственноручно должны вручить ему грамоту царя. Только послѣ аудіенціи у дожа мы можемъ войти въ переговоры съ государственными чинами“. Въ разговорѣ Вимина упомянулъ, что власть дожа ограничена, что въ сущности онъ ничего не дѣлаетъ безъ согласія совѣта. Но такая форма правленія вовсе не согласовалась съ монархическими понятіями пословъ и они отвѣчали, что въ такомъ случаѣ государственныя бумаги должны бы были подписываться не дожемъ, а сенаторами и членами совѣта.

Пришлось уступить посламъ. Имъ пришлось ожидать выздоровленія дожа. Вимина спросилъ пословъ о цѣли ихъ миссіи и содержаніи данныхъ имъ инструкцій. Послы съ негодованіемъ отвѣчали, что они не могутъ этого рассказывать ранѣе аудіенціи. Когда же Вимина настаивалъ на необходимости заранее знать сущность дѣла, русскіе стали упрекать венеціанскаго посла въ желаніи подвести ихъ и высказали, что онъ говоритъ такія вещи, которыя позорятъ славное венеціанское государство.

Наконецъ назначенъ былъ день аудіенціи. Заранѣе послы спрашивались будутъ ли имъ оказаны слѣдующія почести. Они успокоились только послѣ завѣренія Вимины, что пріемъ будетъ такой, каково не удостоивались еще послы ни одного государства.

Аудіенція происходила 22 января (1 февраля). Альберто Вимина, съ тридцатью челоуѣками блестящей свиты, повезъ пословъ въ богато украшенныхъ гондолахъ. Прибывъ ко дворцу

дожа, послы выразили неудовольствіе, что дожъ не встрѣтилъ ихъ внизу лѣстницы; имъ отвѣтили, что это невозможно. Послы однако не переставали выражать неудовольствіе и сказали, что представители царя удостоиваются такой чести даже у султана и шаха персидскаго.

Въ залѣ аудіенціи дожъ и члены совѣта встрѣтили пословъ въ обыкновенной одеждѣ, хотя первоначально предполагалось принять русскихъ въ парадныхъ платьяхъ.

Чемодановъ говорилъ по русски. Рѣчь его переводилась на латинскій языкъ. Длинный титулъ царя обратился на себя вниманіе. Дожъ отвѣчалъ по итальянски, затѣмъ слова его переводились на латинскій и уже затѣмъ на русскій языкъ. Посниковъ, названный въ итальянскихъ актахъ „секретаремъ“, передалъ дожу письмо, причемъ упомянулъ о пребываніи Вимины въ Россіи въ 1655 г. и о готовности государя дозволить поданнымъ венеціанской республики вести торговлю въ Россіи. Читеніе письма Алексѣя было отложено, ибо его нужно было еще сначала перевести. Затѣмъ послы поднесли дожу въ подарокъ соболя мѣха. Въ заключеніе аудіенціи дожъ обѣщалъ приготовить отвѣтъ.

Въ русскихъ и итальянскихъ документахъ говорится, что на пути слѣдованія пословъ изъ дворца дожа къ ихъ помѣщенію, собралась громадная толпа народа. Зрѣлище, какое представляли послы и ихъ многочисленная свита, всѣ одѣтые въ пестрые роскошные платья, было такъ необычайно, что даже знатные вельможи, въ маскахъ, выѣзжали посмотреть на шествіе.

Вторая аудіенція происходила 26 января (5 февраля). Послы говорили объ отношеніяхъ Москвы къ Польшѣ, объ успѣхахъ русскихъ войскъ, объ осадѣ многихъ польскихъ городовъ и попыткахъ князя Фердинанда возстановить миръ между Россіей и Польшей. Затѣмъ перешли къ турецкимъ дѣламъ, упомянувъ, что царь, занятый теперь польскою войною, не можетъ участвовать въ дѣйствіяхъ противъ Порты, но по окончаніи войны готовъ заключить союзъ противъ враговъ христіанства. Дожъ выразилъ желаніе, чтобы его своевременно увѣдомили когда окончится польская война.

Третья аудіенція была назначена на 30 января. До сихъ поръ въ Венеціи была собственно неизвѣстна цѣль пріѣзда русскихъ пословъ. Между тѣмъ, начали догадываться, что они будутъ просить денегъ для продолженія войны съ Польшей. Наканунѣ аудіенціи у пословъ былъ Вимина, съ цѣлью узнать въ чемъ состоятъ ихъ порученія; при этомъ онъ выразилъ, что если они будутъ просить денегъ, то это произведетъ впечатлѣніе неблагоприятное. Послы спросили откуда онъ взялъ, что они хотятъ просить денегъ? Тотъ отвѣтилъ, что это его собственное предположеніе. Между тѣмъ Чемодановъ и Посниковъ

рѣшительно отказались сказать, что либо определенное предъ аудиенціей. Во время же аудиенціи 30 января послы говорили объ отношеніяхъ Россіи къ Швеціи, жаловались на дѣйствія короля Густава и подробно рассказали о разрывѣ Польши со Швеціей. Въ заключеніе они все же просили у венеціанскаго правительства денегъ. Конечно, незнакомый языкъ затруднял переговоры. Посламъ сказали, что отвѣтъ они получатъ послѣ, когда все изложенное ими будетъ переведено. Спустя два дня Вимина снова былъ у пословъ и спросилъ ихъ получить ли они субсидію для веденія войны съ Турціей. Вопросомъ этимъ послы возмущались и отвѣчали, что царь не изъ-за денегъ станетъ воевать съ турками, а съ цѣлью освобожденія христіанъ отъ ига. Въ заключеніе Чемодановъ и Посниковъ спросили Вимину, самъ ли онъ додумался до такого вопроса или же сдѣлалъ его по порученію венеціанской республики. Послѣ нѣкотораго раздумья Вимина отвѣчалъ, что онъ спрашиваетъ отъ себя.

Въ аудиенціи 6/16 февраля посламъ прочли проэктъ дождя царю. Въ отвѣтъ значилось, что дождь съ участіемъ выслушалъ извѣстіе о несогласіяхъ Россіи съ одной и Польши и Швеціи съ другой стороны; что онъ особенно доволенъ готовностью царя начать войну съ турками. Время къ этому самое подходящее, такъ какъ Турція занята войною съ Венеціей. Относительно же главнаго пункта послѣдователь рѣшительный отказъ; республика, писаль дождь, уже 13 лѣтъ ведетъ войну съ Турціей и потому не въ состояніи ссудить московское правительство деньгами.

Послѣ того происходило еще два, три засѣданія, въ которыхъ дождь, съ предлогомъ болѣзни, уже не принималъ участія. 20 февраля (2 марта) Вимина привезъ посламъ отвѣтъ дожда съ замѣчаніемъ, что послѣдній боленъ и не можетъ принять ихъ въ прощальной аудиенціи. Послы не согласились принять отвѣтъ иначе какъ изъ рукъ дожда. Не смотря на разныя представленія и на объясненія имъ, что, по правиламъ республики, отвѣтныя письма не передаются въ торжественныхъ аудиенціяхъ, послы настояли таки на своемъ. 23-го февраля (5 марта) происходила прощальная аудиенція. Послы благодарили дожда за оказанный приемъ. Дождь выразилъ еще разъ надежду, что русскій государь поможетъ венеціанской республикѣ въ войнѣ противъ турокъ. Передавая отвѣтъ, дождь сказалъ, что отвѣты другимъ государствамъ печатаются серебряною печатью, на отвѣтъ же царю Алексѣю находится печать золотая.

4-го марта послы уѣхали изъ Венеціи. Наканунѣ отъѣзда Чемодановъ написалъ герцогу тосканскому письмо, хранящееся въ архивѣ Флоренціи. Оно написано по-латыни, подписанъ же поставлена рукою Чемоданова по-русски; въ письмѣ онъ благодаритъ за приемъ и примечаетъ переводчика Иогана Сакса, желавшаго поступить на службу къ герцогу. Къ письму приложено былъ горностаевый мѣхъ для великаго герцога и такой же для брата его Леопольда.

Появленіе русскихъ пословъ въ Италіи возбудило живой интересъ во всѣхъ пунктахъ Аппенинскаго полуострова. Надѣялись, что царь окажется полезнымъ союзникомъ въ войнѣ противъ турокъ и отъ нападенія русскихъ войскъ съ востока на татаръ и турокъ ожидали большихъ послѣдствій.

Въ общемъ же появленіе русскихъ пословъ въ Италіи не лишено было политическаго значенія. Непосредственно по ихъ отъѣздѣ изъ Венеціи, въ газетахъ появились сообщенія объ успешномъ и многообещающемъ союзѣ съ московскимъ государствомъ: рассказывали, что царь *немедленно* (?) вышлетъ противъ Порты армію въ 100,000 человекъ и т. п.

Путешествіе русскихъ пословъ изъ Венеціи въ Москву продолжалось отъ начала марта до конца августа, т. е. *около полугода!* Дорога шла первоначально чрезъ Тревизу и Бассано въ Триентъ. На границѣ венеціанской области произошла задержка и споръ, такъ какъ послы не желали уплатить обыкновенной пошлины. Епископъ Триентскій приготовилъ русскимъ торжественный приемъ: онъ выслалъ экипажи и верховыхъ лошадей; въ городѣ же было отведено прекрасное помѣщеніе, гдѣ путешествующихъ угощали по княжески. Отъ Триента до Венеціи путь пролегалъ по Эчу и Эйбаху въ лодкахъ, затѣмъ снова пришлось пересѣсть въ экипажи. За недостаткомъ средствъ для найма повозокъ для всего посольства, большая часть свиты шла пѣшкомъ, почему переводчикъ бѣжалъ и его не могли отыскать. Въ Инсбрукѣ, гдѣ послы были также любезно приняты памѣтникомъ, они узнали нѣкоторые новости о своемъ государѣ, именно что царь Алексѣй находится на польской границѣ, что онъ заключилъ миръ со шведами и пр. Въ Инсбрукѣ въ честь пословъ хотѣли устроить разныя увеселенія, но русскіе объяснили, что по ихъ календарю теперь Страстная недѣля и они не могутъ принимать участія въ увеселеніяхъ.

Въ дневникѣ упоминается объ разныхъ недолгихъ остановахъ въ Динкельсбюль, Мергентгеймѣ, Мильтенбергѣ, Зеллигенштадтѣ и Франкфуртѣ.

Въ концѣ апрѣля русскіе прибыли въ Амстердамъ, и этотъ городъ подробно описанъ въ дневникѣ. Каналы и деревья, которыми обсажены берега ихъ, множество каменныхъ мостовъ, обширныя гавани съ безчисленными кораблями—возбудили вниманіе русскихъ. Въ Амстердамѣ повторилось то же, что было въ Ливорно. Купцы, имѣвшіе сношенія съ Архангельскомъ, изъ своихъ видовъ, считали нужнымъ хорошо принять русскихъ дипломатовъ. Голландскій негодіантъ, бывавшій въ Россіи, выѣхавъ имъ на встрѣчу и между прочимъ спросилъ не имѣютъ ли они письма къ генеральнымъ штатамъ. Послы отвѣчали отрицательно и замѣтили, что они только случайно пріѣхали въ Нидерланды, съ цѣлью отправиться отсюда моремъ въ Архангельскъ; прямая дорога въ Москву сухимъ путемъ была закрыта въ виду польско-русской войны.

Русскіе дипломаты обратились къ голландскимъ купцамъ съ просьбой нанять для нихъ корабли въ Архангельскъ, такъ какъ они сами неопытны въ этомъ дѣлѣ. Купцы озабочились помѣщеніемъ и приемомъ пословъ. За обѣдомъ, какъ описано въ дневникѣ, или тостъ за процвѣтаніе голландскихъ штатовъ. Вскорѣ былъ нанятъ корабль въ Архангельскъ за 110 рублей. Еще разъ данъ былъ въ честь пословъ обѣдъ. Затѣмъ было вручено имъ письмомъ отъ генеральныхъ штатовъ къ царю и 4 мая путешественники сѣли на корабль; 25 іюня они достигли устья Двины. Послѣ *пятнадцати мѣсячно* отсутствія Чемодановъ и Посниковъ прибыли наконецъ въ Москву

Протоіерей А. Е. Маловъ. Съ фотогр. грав. Барановскій.

Русскіе дипломаты обратились къ голландскимъ купцамъ съ просьбой нанять для нихъ корабли въ Архангельскъ, такъ какъ они сами неопытны въ этомъ дѣлѣ. Купцы озабочились помѣщеніемъ и приемомъ пословъ. За обѣдомъ, какъ описано въ дневникѣ, или тостъ за процвѣтаніе голландскихъ штатовъ. Вскорѣ былъ нанятъ корабль въ Архангельскъ за 110 рублей. Еще разъ данъ былъ въ честь пословъ обѣдъ. Затѣмъ было вручено имъ письмомъ отъ генеральныхъ штатовъ къ царю и 4 мая путешественники сѣли на корабль; 25 іюня они достигли устья Двины. Послѣ *пятнадцати мѣсячно* отсутствія Чемодановъ и Посниковъ прибыли наконецъ въ Москву

Къ рисункамъ.

Масляница въ большомъ селѣ.

(Рис. на стр. 84 и 85).

Замѣчательно мѣтко художникъ схватилъ впечатлѣніе картины сельской улицы въ лунный, свѣтлый вечеръ въ веселые дни масляницы. Огоньками загорѣлись ярко окошки, пѣснями, смѣхомъ, крикомъ и треньканьемъ гармоникъ наполнена вся улица, слышится свѣжій смѣхъ дѣвушекъ и подростковъ, пискъ дѣтей, катающихся на ледникахъ, перезвонъ бубенчиковъ саеи, мчалшихся гусемъ по узкимъ зимнимъ дорогамъ. Разгулъ во всю ширь, всѣ стараются повеселиться вдоволь послѣ трудовыхъ дней, забыться и распахнуться. Въ большое село къ богатымъ свѣлкамъ и родственникамъ наѣхали гости изъ другихъ деревень и пустынныхъ поселковъ, дымятся блины, звенятъ стаканчики, не перерывается говоръ... И будетъ это всеелье тануться безъ перерыву до перваго удара полуночнаго понедѣльничнаго колокола, возвѣщаю-

щаго начало строгаго и долгаго Великаго поста, когда каждый добрый христіанинъ потружается въ себя, одумывается, очищается отъ дурныхъ дѣлъ и мыслей и спокойно проводитъ время.

За монастырской стѣной.

(Рис. на стр. 89).

Нѣ вѣки отказавшись отъ всего мірскаго, подвизается въ молитвѣ и строгой жизни молодая отшельница, выполняя обѣдъ, данный ею Богу. Скромно опущены ея большіе глаза, когда проходитъ она среди рядовъ своихъ духовныхъ сестеръ, становясь на мѣсто. Горяча ея молитва въ которой проситъ она забвенія мнущему горю, которое и заставило ее идти въ монастырь; молитва она всякаго счастья оставленнымъ ею въ міру близкимъ и роднымъ, прощаетъ врагамъ своимъ... Но вотъ по-

Грановитая Палата во дворцѣ Московскаго Кремля. Съ fotogr. М. Панова, грав. Флюгель.
Библиотека "Руниверс"

лучила она письмо и молодая кровь заговорила, глаза блестят, тонкий румянец проступает на щеках и передь нею посягаются грезы мицунана и заставляют так сильно биться сердце. Прекрасная картина г. Корзухина производит истинно художественное впечатлѣніе и отличается присутіемъ ему тишиностию.

Лит. альб. „Морская царица“, Лермонтова.

(Рис. на стр. 92).

Стихотворенію нашего поэта „Морская царица“ очень почастливилось. Эту тему разрабатывали скульпторы на конкурсѣ для городского фонана, эта же тема задана въ прошломъ году Академіей ученикамъ. Одну изъ наиболее удачныхъ обработокъ представляетъ рисунокъ молодого художника г. Лоренца, здѣсь помѣщаемый. Это извѣстное стихотвореніе Лермонтова, начинающееся:

Въ морѣ царевичъ купаетъ коня,
Слышитъ: царевичъ взглянулъ на меня!
Слышитъ царевичъ: я царская дочь!

Тоскливый юный голосъ изъ глубины морской молитъ о любви и страсти, и изъ вбуншевавшихъ внезапно и закипѣвшихъ волнъ выплываетъ красавица-царица. Царевичъ съ удивленіемъ наклоняется и приглядывается къ этой опасной красотѣ, прислушивается къ этому чудному, вкрадчивому голосу, погубившему не одного неосторожнаго и заманившему въ мертвую, холодную пучину...

Духовное пѣніе въ древнемъ Египтѣ.

(Рис. на стр. 93).

Помѣщенная на стр. 93 картина А. Кальбе знакомитъ насъ съ положеніемъ музыкальнаго дѣла въ древнемъ Египтѣ, о чемъ до сихъ поръ имѣется еще мало научныхъ данныхъ. На картинѣ изображенъ родъ церковнаго концерта, какіе часто могли происходить на перекрѣкахъ храмовъ. Артистки украшены дѣвственными лотоса въ честь бога Озириса, который считался древними египтянами изобрѣтателемъ и покровителемъ музыки и которому посвящена была „роза Пила“. Разумѣется, трудно судить, могла ли равняться въ техническомъ и музыкальномъ отношеніи разукрашенная арфа артистки маленькаго оркестра съ арфами нашего времени, и достаточна ли звучны узкая лютия на правой сторонѣ и лишенная клапановъ флейта на лѣвой. Но въ то время не были такъ требовательны въ музыкальномъ отношеніи; о хроматической гаммѣ не имѣли никакого понятія. Молодые виртуозки кажутся очень увлечены своею музыкою, которая безъ сомнѣнія правилась также и публикѣ. Молодая женщина, въ красной позѣ стоящая позади группы музыкантовъ, поетъ или говоритъ пѣчто въ родѣ рапсодической интермедіи, имѣющей дѣлю усильт эффектъ музыки.

А. Е. Маловъ.

(Порт. на стр. 96).

Одинъ изъ участниковъ завоеванія Туркестанскаго края, первый православный протоіерей Средней Азіи, старожилъ г. Ташкента, маститый нынѣ старецъ, А. Е. Маловъ состоитъ настоятелемъ Іосифо-Георгиевской церкви въ Ташкентѣ и благочиннымъ церкви этого города.

Прилагаю портретъ уважаемаго пионера-священника, около 30 лѣтъ живущаго въ стѣняхъ и краѣ, трудами и энергіей котораго воздвигнулось въ послѣднемъ болѣе 20 церквей, мы позволяемъ себѣ привести здѣсь нѣкоторыя біографическія подробности объ этомъ представителѣ нашей православной церкви на дальнихъ окраинахъ, въ центрѣ Ислама.

А. Е. Маловъ родился въ 1815 году въ г. Бугульмѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ одной изъ церквей этого города.

Образованіе свое Андрей Евграфовичъ получилъ въ Оренбургской духовной семинаріи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1838 году. Въ слѣдующемъ 1839 году онъ былъ рукоположенъ въ санъ священника епископомъ Іоанніемъ и назначенъ въ село Бережные-Челны Уфимской губерніи, откуда въ 1840 году былъ переведенъ въ с. Матвѣевку Мензелинскаго уѣзда, а въ 1849 г. переведенъ въ Мензелинскій соборъ и назначенъ благочиннымъ церкви этого уѣзда. Но скромная дѣятельность священника уѣзднаго городка не могла удовлетворить Андрея Евграфовича, душа котораго стремилась къ болѣе широкой дѣятельности. Вотъ почему А. Е. скоро откликнулся съ полной готовностью на приглашеніе занять мѣсто священника въ форть Перовскомъ, куда онъ и былъ переведенъ въ 1856 году.

Съ этого времени и начинается походная дѣятельность о. Андрея и жизнь, полная разнаго рода лишеній и приключеній, сопряженныхъ съ опасностями. Рассказы о. Андрея объ этой жизни представляютъ живой интересъ, характерно обрисовываютъ то прошлое время, когда горсть храбрецовъ дѣлала славы дѣла, прославивъ русское имя и высоко его поставила среди всего населенія Средней Азіи. Рассказы его отличаются простотой, искренностью и глубокимъ интересомъ.

Андрей Евграфовичъ участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ. Онъ имѣетъ всѣ духовныя награды и слѣдующіе ордена и кресты: Св. Анны 1 ст., Св. Владиміра 3 и 4 ст., 2 медали за Кокандскій и Хивинскій походы, бронзовый крестъ въ память войны, золотой паперстный крестъ на георгиевской лентѣ и, наконецъ, 19-го августа 1882 года, въ день именинъ о. Андрея, ташкентское городское общество, въ знакъ уваженія къ духовной дѣятельности маститаго мужа, поднесло ему крестъ, осыпанный брилліантами.

Въ санѣ протоіерея А. Е. съ 19 октября 1869 года.

Грановитая Палата въ московскомъ кремлевскомъ дворцѣ.

(Рис. на стр. 97).

Московский кремлевскій дворецъ, построенный по плану предпачертанному императоромъ Николаемъ, во время пребыванія его въ Москвѣ въ 1838 году, теперь представляетъ собою одно изъ грандіознѣйшихъ зданій нашей первопрестольной столицы. Особенно поразительно его внутреннее убранство, соединяющее въ себѣ роскошь съ необычнымъ вкусомъ и высокохудожественнымъ выполненіемъ всѣхъ архитектурныхъ деталей.

Грановитая палата заложена при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ III. Изъ описанія палаты, составленнаго 1672 г., видно, что стѣны были покрыты священными изображеніями и раззолочены. Эта великолѣпная палата служила аудіенцъ-заломъ. Олеарій, бывшій въ 1634 году посломъ отъ голштинскаго герцога, говорить, что „сія аудіенцъ-зала была квадратная, со сводами; стѣны и полы покрыты коврами; своды золочены, писаны священными изображеніями. Кресло Великаго Князя возвышалось на три ступени у стѣлы противъ входа“. Мейербергъ, въ 1661 году бывшій въ Москвѣ, говорить, что посреди палаты огромный столъ служилъ подиоромъ всей палаты, расходясь въ стороны сводами; полы устланы богатыми коврами; на скамьяхъ, также покрытыхъ великолѣпными коврами, сидѣли многіе бояре, окольничіе и думные дворяне. Между двухъ оконъ, у стѣны, стоялъ богатѣйшій серебряный визолоченый царскій престолъ.

Древняя живопись послѣ пожара 1701 года не была возобновлена и вся палата отдѣлана заново; нынѣ обита краснымъ бархатомъ, усажены золотыми орлами. Палата имѣетъ 19 оконъ и 10 сажень въ квадратѣ.

Наряды и украшенія древней русской женщины.

(Рис. на стр. 100).

Древняя русская женщина любила блеснуть богатствомъ своихъ украшеній и древне-русскія красавицы очень хорошо понимали тотъ эффектъ, который производятъ разныя подвѣски изъ золота, камней при хорошенькомъ личикѣ. Идеальная и мечтательная красота и скромная простота наряда не пользовались сочувствіемъ у нашихъ предковъ; отъ молодой женщины требовались красота здоровья, свѣжесть; лицо бѣлое съ алыми щеками и черными бровями и весь костюмъ тогдашней красавицы долженъ былъ быть принаровленъ къ этому господствовавшему вкусу. Цвѣтъ одежды выбирался преимущественно яркій, а дорогіе мѣха, золотыя ткани, самоцвѣтные камни придавали еще болѣе блеска щегольскому наряду русской богатой боярыни XVI или XVII вѣка. Обычный головной уборъ замужней женщины—золотая кика, украшалась жемчугомъ въ такомъ количествѣ, что жемчужныя нити окаймляли бѣлое лице со всѣхъ сторонъ; лобъ украшала жемчужная поднизь; стороны—щеки жемчужныя нити рясъ; шея красалась жемчужнымъ стоячимъ ожерельемъ или же жемчужною нитью, которая называлась немолкомъ. Камни и золото считались необходимыми принадлежностями каждаго наряднаго убора и у богатыхъ женщинъ тѣлѣ называемая *ларчинная нить*, т. е. запасъ всевозможныхъ золотыхъ украшеній достигалъ иногда очень большихъ размѣровъ. Онъ заключался кромѣ нѣкоторыхъ головныхъ принадлежностей въ нарядныхъ нити (монисто, цѣпочка, ожерелье 3, 18, 12), въ нарядѣ ушей (серьги 10, 13 и 14) и рукъ (жуковины, обручи, запястья, зарукавья 7, 8 и 9). Монисто было ожерелье исключительно золотое, то есть состоящее изъ золотыхъ подвѣсокъ, у которыхъ на снуркѣ висѣли небольшія иконы, наваги, кресты, иногда съ частицами мощей, раздѣленные золотыми пронзками и бусами. Ожерелье отъ слова горло, жерло, обозначало шейный нарядъ или уборъ, состоявшій собственно изъ атласнаго низаго жемчугомъ стоячаго воротника. Напередѣ такое ожерелье застѣгивалось богатыми цуговицами и, закрывая высоко шею и грудь, въ полной мѣрѣ отвѣчало требованіямъ стариннаго идеала—не раскрывать обольщенной женской красоты. Самая древняя форма серегъ состояла изъ кольца вдвѣмаго въ ухо; къ кольцу прикрѣплялась всякая булава или *спень* съ падѣтьемъ на него дорогимъ камнемъ. Конецъ спени, остававшейся ниже камня, украшалась кромѣ того двумя большими жемчужными зернами. Взамѣнъ зеренъ ставились часто или золотыя бубенчики-бусы дутые или каточки-бусы литые. Щеголихи носили преимущественно длинныя серьги, украшала ихъ самыми разнообразными привѣсками. Обручи, запястья и зарукавья у

древней русской женщины соответствовали нынѣшнимъ браслетамъ. Впрочемъ они не могли быть въ большомъ употребленіи, такъ какъ руки нашихъ старинныхъ красавицъ почти никогда не обнажались и этимъ именно объясняется то обстоятельство, что вообще браслеты встрѣчаются въ коллекціяхъ русскихъ древне-русскихъ украшеній очень рѣдко.

По дошедшимъ до насъ образцамъ, мы знаемъ впрочемъ, что они состояли изъ цѣпочки болѣе или менѣе широкой или собственно изъ нѣсколькихъ звень, соединенныхъ цѣпочками или петельками.

Гребни и поясныя пряжки, которые тоже представлены въ образцахъ на нашемъ рисункѣ (рис. 4 и 16), хотя и не принадлежатъ собственно къ туалетнымъ украшениямъ, но тѣмъ не менѣе заслуживаютъ вниманія, такъ какъ наши предки не относились къ нимъ такъ индифферентно, какъ мы къ нимъ относимся въ наше время. Гребни XVI и XVII столѣтій были настоящими произведениями искусства. Они вырѣзывались изъ слоновой кости или кости рыбака зуба и рѣдко бывали гладкіе; большая часть ихъ украшалась рѣзбою или на поверхности или на-

сывозъ, отчего и назывались прорѣзными. На концахъ гребней вырѣзывали птички или змѣиныхъ головки или просто рожки. Работою гребней славилась исключительно Холмогорская сторона, откуда привозили мастеровъ даже въ царскій дворецъ, такъ какъ хорошиіе рѣзчики изъ кости были въ то время большою рѣдкостью. Что же касается поясныхъ пряжекъ (16), то, мало значительныя сами по себѣ, онѣ, какъ принадлежность пояса, имѣли большое значеніе въ жизни древне-русской женщины. Вспомнимъ только, что поясъ на сорочкахъ носился въ старину какъ символъ цѣломудрія и благочестія. Появиться какимъ либо образомъ въ сорочкѣ распоясавшись, считалось большимъ грѣхомъ и даже преступленіемъ. Это служило вѣрнымъ признакомъ нравственной распущенности. Распоясанными носились однѣ верхнія одежды и тоже съ нравственной цѣлью, чтобы не обнаружить ни одною складкою контуровъ тѣла и изображать собою какую то безформенную фигуру, что часто вводило въ заблужденіе иностранцевъ, наивно думавшихъ, что всѣ русскія женщины безъ исключенія обладаютъ тѣлесною плотностью и даже толщиной.

Политическое обозрѣніе.

Англія.—Франція.—Турція.—Корея.

Шестіе въ Хартумѣ Вольселея быстрыми шагами приближается къ тому моменту своего усложненія, который можетъ быть названъ критическимъ и отъ развязки котораго будетъ зависеть участь экспедиціи. Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что англійскій полководецъ обладаетъ всѣми личными качествами, ручающимися за успѣхъ его предпріятія, и хотя всѣ его приготовления были сдѣланы съ большою предусмотрительностью, но все таки ему придется встрѣтить непредусмотрѣнные обстоятельства. Такъ уже теперь ему приходится бороться съ своеправностью и непослушаніемъ египетскихъ вспомогательныхъ войскъ, составляющихъ эскортъ, сопровождающей по Нилу провіантскіе транспорты, и исключительно потребляющихъ на свои пуды почти весь взятый англичанами продовольственный запасъ. По извѣстіямъ изъ Хартума, Гордонъ недавно потерѣлъ чувствительное пораженіе. Махди, по всѣмъ даннымъ, поставилъ себѣ цѣлью взять въ плѣнъ хартумскій гарнизонъ до прибытія англійской экспедиціи. Одновременно съ развязкою военныхъ событій въ Суданѣ, должно послѣдовать и дипломатическое рѣшеніе египетской задачи. Оттѣсненная порта въ свою очередь начинаетъ серьезно вмѣшиваться въ дѣло Египта и турецкій агентъ Гассанъ-Феми-паша отправился въ Лондонъ черезъ Берлинъ и Парижъ, какъ видно съ цѣлью окончательно разузнать, что, въ сущности, хотятъ сдѣлать изъ Египта. По послѣднимъ извѣстіямъ, у Абукейскихъ колодецевъ произошло первое сраженіе британскихъ войскъ съ частью вооруженныхъ силъ суданскаго джепоррока. Генералъ Стюартъ, съ незначительнымъ отрядомъ въ 1200 человекъ, двинувшись степью по направленію къ Метамне, наткнулся на скопище мятежниковъ, численностью въ десять тысячъ человекъ. Англичане по принятію обыкновенію построились въ каре, но мятежники стремительно натискомъ прорвали его и былъ моментъ, что положеніе регулярныхъ британскихъ войскъ сдѣлалось даже критическимъ. Только убійственный огонь англійской пѣхоты, которой удалось сомкнуть ряды, заставилъ мятежниковъ отступить и Абукейскіе колодецы оставить во власти англичанъ. Впрочемъ побѣда, какъ видно, не была полная и рѣшительная, такъ какъ движеніе отряда на Метамне должно было протолкнуться на нѣсколько часовъ. Самый успѣхъ былъ купленъ дорогою цѣною. Полковникъ Бурнаби убитъ; лордъ С. Винсентъ тяжело раненъ; много офицеровъ и нижнихъ чиновъ убито и ранено. Войска Махди, какъ говорятъ, потеряли до 1200 человекъ, по однимъ уже прорывъ англійскихъ линий сви-

дѣтельствуеетъ о храбрости и стремительности мятежниковъ. Генералъ Стюартъ, какъ сообщаетъ депеша, пошелъ далѣе по направленію къ Шанди, такъ что нужно ожидать новыхъ сраженій.

Во Франціи дѣятельность новаго военнаго министра генерала Леваля начинаетъ уже проявляться въ предѣлахъ вѣрноподчиненной ему власти. Въ парламентскихъ кружкахъ уже поговариваютъ о предстоящемъ представленіи военнымъ министромъ проекта закона о мобилизаціи въ маломъ размѣрѣ. Этотъ проектъ очевидно имѣетъ цѣлью создать постоянный кадръ свободныхъ отъ гарнизонной службы войскъ для употребленія ихъ при дальнихъ экспедиціяхъ вмѣсто колониальной арміи, объ организаціи которой теперь перестали толковать. Для пополненія же дѣйствующихъ въ Тонкинѣ батальоновъ предназначаются охотники изъ различныхъ частей французской арміи, вмѣсто которыхъ ушли въ войскахъ пополняются состоящими въ распоряженіи министра безсрочно-отпускными.

Въ преамбулы морскаго министра адмирала Пейропа прочтѣ адмирала Клуэ, уже исправлявшаго однажды обязанности морскаго министра. Недавняя неудача Курбэ нѣсколько преувеличена англійскими телеграммами. Курбэ телеграфировалъ, что отрядъ легкой африканской пѣхоты неосторожно попытался взять сильно укрѣпленные верки къ югу отъ Келунга. Французы потеряли 19 человекъ убитыми, 12 тяжело ранеными и 14 легко ранеными. Стычка происходила до прибытія подкрѣпленій, которая послѣ благополучнаго переѣзда высажена на берегъ въ хорошемъ санитарномъ состояніи.

Изъ Константинополя сообщаютъ, что султанъ приказалъ снарядить экспедицію изъ 6000 человекъ для занятія Суакима. Расходы на эту экспедицію будутъ гарантированы доходами нѣкоторыхъ территорій побережья Краснаго моря, принадлежащихъ Египту. Дворцовая клерикальная партія не одобряетъ этой экспедиціи.

По извѣстіямъ изъ Кореи, Китай и Японія рѣшили предоставить улаженіе ихъ спора, относительно Кореи, третейскому суду изъ представителей Англіи, Германіи и Соединенныхъ Штатовъ. Японскій министръ иностранныхъ дѣлъ и чрезвычайный посолъ въ Корей былъ принятъ въ аудіенціи корейскимъ королемъ, изъявившимъ готовность дать японскому правительству полное удовлетвореніе. Переговоры были начаты и черезъ день уже было достигнуто соглашеніе, удовлетворившее обѣ стороны. Такимъ образомъ согласіе между Китаемъ и Японіею было возобновлено.

Библиографія.

Akropolisbilder. Aquarelle von K. Werner. 1884. G. Seitz artist. Anstalt.

Blumenbilder von Bertha Reinhardt. 1884. G. Seitz artist. Anstalt.

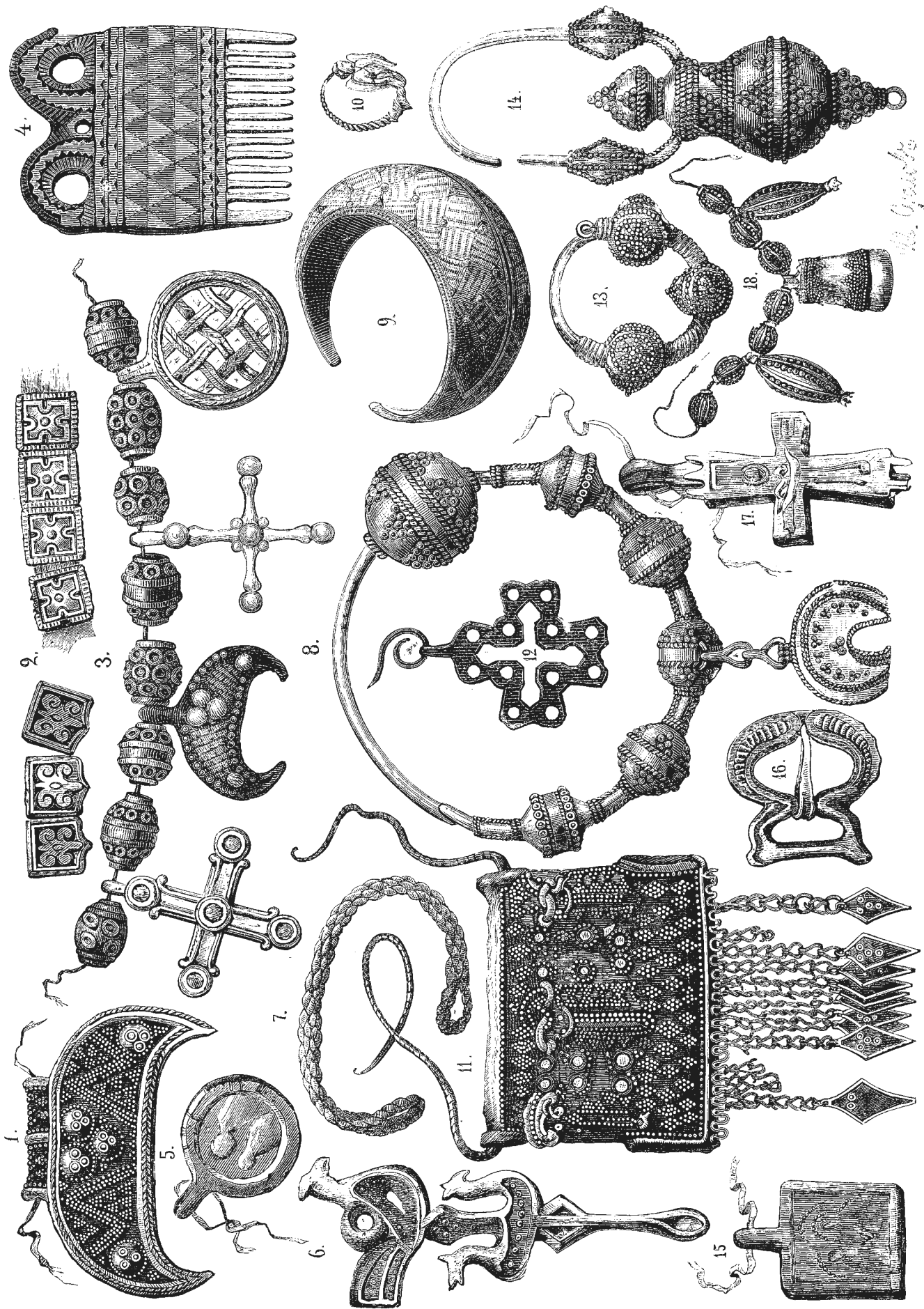
Не можемъ не остановить вниманія читателей на этихъ двухъ превосходныхъ изданіяхъ г. Зейца. Первое восстанавливаетъ передъ нами въ превосходныхъ рисункахъ Вернера развалины древнихъ Афинъ, то что прежде всего торопится видѣть любознательный туристъ—эти остатки чудесной цвѣтущей жизни. Все это сдѣлано съ величайшей любовью и точностью и воспроизведено въ иллюминированныхъ рисункахъ, съ полнымъ совершенствомъ техники. Древняя столица Атики сохраняетъ еще столько великихъ остатковъ, что при видѣ ихъ воображеніе ясно переноситъ васъ въ цвѣтущій періодъ греческой славы и искусства. Такіе рисунки дѣлаютъ честь какъ художнику, такъ и издателю.

Что касается другаго изданія Зейца, здѣсь помнутаго, то міръ цвѣтовъ воспроизведенъ въ немъ съ такою живостью и вѣрностью, во всемъ блескѣ красокъ и жизни, что помимо того, что такое изданіе прекрасное украшеніе стола всякой го-

стиной, но можетъ служить и какъ прекрасное руководство для художниковъ, особенно занимающихся прикладнымъ рисованіемъ.

Очеркъ исторіи ребуса. Колосова и Озеркова. СПб. 1885 г. Книжка эта заключаеетъ въ себѣ исторію ребуса, начиная съ египетскихъ иероглифовъ и кончая современными русскими журналами, и снабжена многими рисунками, изъ которыхъ наиболѣе интересны французскіе ребусы XVI в. Задача авторовъ позволила имъ также сообщить нѣкоторые свѣдѣнія о клинописи, китайской азбукѣ, фигурномъ письмѣ дикихъ и т. н. Вообще, любители ребуса найдутъ въ этой книжкѣ не мало любопытныхъ фактовъ, относящихся до излюбленной ими забавы.

Систематическій курсъ русской грамматики. Ю. Травеской. СПб. 1885 г. Правонаписаніе должно основываться на словообразованіи. Чтобы сдѣлать какъ можно доступнѣе для учениковъ систематическое изученіе словообразованія, авторъ руководства старался указывать правила образованія, согласованія и управленія словъ и предложеній кратко и точно. Съ этой стороны нельзя не признать нѣкотораго значенія и полезности за названнымъ учебникомъ.

Руссия древнія женскія украшения. Ориг. рис. съ натуры И. Суцова, грав. М. Раповскій.
 1) Подвески. 2) Подса. 3 и 18) Ожерелья съ подвесками. 4) Греськи. 5 и 15) Шейные образы. 12 и 17) Шейный греськи. 7, 8 и 9) Браслеты. 10, 13 и 14) Серьги.
 6) Кольчица. 11) Карманецъ. 16) Подсага пражка.

С М Ъ С Ъ .

Отъ Палестинскаго Общества. Телеграмма изъ Иерусалима уже сдѣлана известнымъ, что представитель Православнаго Палестинскаго Общества получалъ благословеніе Патріарха Иерусалимскаго Никодима на дѣятельность Общества въ Святой Землѣ. Теперь намъ доставлены слѣдующія подробности объ этомъ.

20 Декабря прошлаго года членъ совѣта общества В. П. Хитрово, въ сопровожденіи русскаго генеральнаго консула, представилъ Патріарху Никодиму, окруженному всѣмъ священнымъ синодомъ, въ торжественной аудіенціи, и произнесъ такую рѣчь: „Его императорскому высочеству, государю великому князю Сергію Александровичу, августѣйшему предсѣдателю православнаго палестинскаго общества, благоугодно было поручить мнѣ вручить вамъ это письмо. Счастливымъ себя почитаю, что выборъ его императорскаго высочества палъ на меня, такъ какъ это доставило мнѣ случай выразить личныя чувства моего уваженія и сыновней преданности къ престолу Св. Іакова. Смѣю надѣяться, что милостивое благорасположеніе ко мнѣ облегчитъ мнѣ исполненіе возложеннаго на меня порученія“. Въ отвѣтъ на это патріархъ выразилъ благодарность его императорскому высочеству, затѣмъ, представивъ г. Хитрово членовъ синода, прочиталъ письмо его высочества по русски про себя, громко перевелъ его по гречески и высказалъ отъ души благословеніе православному палестинскому обществу и грядущимъ трудамъ его на пользу церкви, сначала по русски, потомъ по гречески, на что весь синодъ трижды пропѣлъ „аминь“.

Статистика желѣзнодорожныхъ несчастій. Передаемъ нѣкоторыя, интересныя статистическія данныя, за время послѣднихъ 7 лѣтъ, съ 1878 г., несчастныхъ желѣзнодорожныхъ случаевъ. Самый большой процентъ ихъ приходится на долю желѣзнодорожныхъ служащихъ, преимущественно низшихъ. Изъ всего числа, за 7 лѣтъ, пробѣжавшихъ пассажировъ 208.717.602, цифра убитыхъ составляетъ 203, раненыхъ 602. Между тѣмъ за то же число лѣтъ, число убитыхъ служащихъ равняется 1,287, а раненыхъ, 2,587. Рабочихъ убито за то же же періодъ времени 495, раненыхъ 1.394. Всего за послѣднія семь лѣтъ, считая въ томъ числѣ случаи постороннихъ несчастій, какъ-то самоубійствъ и случайныхъ вѣнчій лицъ находящихся на станціяхъ, убитыхъ 3,005 человекъ, раненыхъ 5,427!

Эго хоть порядочному сраженію впору... Несчастія весьма многочисленны и на европейскихъ и на американскихъ дорогахъ.

Дорогія жертвы. Въ Китаѣ приносятъ въ жертву богамъ цѣлыя куски шелковой матеріи, на которыхъ иногда бываютъ написаны цѣлыя священныя изрѣченія. Ежегодно въ однихъ храмахъ Конфуція сжигается около 30,000 аршинъ разныхъ шелковыхъ матерій. Императорскій Дворъ въ Пекинѣ также издаетъ свои эдикты не иначе, какъ на роскошной шелковой матеріи, императорскаго желтаго цвѣта; на такой же матеріи рсуются и вѣрительныя грамоты китайскихъ посланниковъ при европейскихъ дворахъ.

Михаилъ Мортъ и рыцари. Въ средніе вѣка особенно цѣнилась физическая сила, которая могла сразу возвысить человека, примѣромъ чему служатъ Михаилъ Мортъ, бывший мясникъ въ Крейцнахѣ и крѣпостной графа Шнорнгейма. Геркулесовская фигура юноши обратила на себя вниманіе графа, принявшаго его къ себѣ на службу и сдѣлавшаго впоследствии своимъ цитоносцемъ. Когда графъ женился на наследницѣ дома Сэнъ, онъ взялъ Морта на свадьбу. Послѣ торжества, происходившаго въ крѣпости Сэнъ, семь изъ ближайшихъ друзей графа остались погостить у него нѣкоторое время. Однажды вечеромъ, засидѣвшись дольше обыкновеннаго, они начали похваляться своими военными подвигами и турнирами. Хозяинъ сказалъ со смѣхомъ: „Что вы хвастаете вашей силой, я увѣренъ, что никто изъ васъ не справится съ моимъ цитоносцемъ; готовъ держать какое угодно пари, что всѣхъ васъ онъ запрячетъ въ мѣшокъ“. Рыцари промолчали, но затѣмъ графъ Изенбургъ, славившійся своей силой, замѣтилъ, почему бы имъ дѣйствительно не побороться со цитоносцемъ? Остальные согласились и рѣшено было испытать силу, не прибѣгая къ оружію, послѣ чего графъ велѣлъ позвать Морта. Когда появилась громадная фигура цитоносца, рыцари переглянулись между собою и кажется охотно отказались бы отъ пари, но было уже поздно. И Михаилъ Мортъ также задумался, когда графъ объяснилъ ему въ чемъ дѣло. „Господинъ, сказалъ онъ, я вамъ принадлежу и долженъ слушаться вашихъ приказаній, но я думаю, что мнѣ не сдобровать: если я осилю рыцаря, меня заставятъ въ томъ раскаться“. — „Если ты выиграешь пари, отвѣтилъ графъ, то ручаюсь тебѣ моимъ рыцарскимъ словомъ, что съ той минуты ты будешь свободнымъ человекомъ, а господа поклонятся, что не станутъ дѣлать тебѣ вреда“. Рыцари обѣщали и скрѣпили слово пожатіемъ руки. Послѣ этого принесли семь мѣшковъ. Графъ Изенбургъ снялъ мечъ и верхнее платье и приступилъ къ борьбѣ. Не смотря на его силу, онъ все же былъ побѣжденъ, и не успѣлъ опомниться какъ ему былъ наброшенъ на голову мѣшокъ. Такая же участь постигла второго и третьего рыцарей, послѣ чего остальные отказались вступить въ борьбу съ такимъ цитоносцемъ. Они объявили, что графъ Шнорнгеймъ выигралъ пари и заплатилъ Морту по золотому гульдену. Тотъ вѣжливо поблагодарилъ ихъ, ставъ на одно колѣно, просилъ прощенія у побѣжденныхъ, говоря, что онъ долженъ былъ слушаться приказанія своего господина. Съ этихъ поръ начинается возвышеніе Михаила Морта. Онъ сопутствовалъ графу во всѣхъ сраженіяхъ, приобрѣлъ

ботатство и почести и умеръ въ сраженіи подъ Шпрендлингенъ, послѣ того какъ спасъ графа отъ нападенія непріятелей.

Уколь спящихъ плавниковъ нѣкоторыхъ морскихъ драконовъ причиняетъ—о чемъ зналъ уже Аристотель—сильную боль и гнойное воспаленіе пораненнаго мѣста. Новѣйшія изслѣдованія открыли, что у основанія колючекъ плавника находится кожанный мѣшечекъ, въ которомъ содержится ядъ, выдѣляемый особою ядовитою железкою, который выливается въ рану черезъ два капала, лежащіе по бокамъ колючки. Неизвѣстно еще, употребляютъ ли рыбы ядовитую колючку какъ оружіе нападенія или защиты и какое преимущество даетъ имъ этотъ органъ, сходный съ зубами ядовитыхъ змѣй.

Памятникъ Вашингтона оконченъ 6 минуваго декабря въ столицѣ Соединенныхъ Штатовъ. Церемонія была коротка, такъ какъ собственно открытіе памятника отложено до 22 февраля, дня рожденія Вашингтона. Постройка памятника, какъ извѣстно, начата 36 лѣтъ тому назадъ и некрасивый памятникъ свидѣтельствуешь, что въ 1848 году, когда проэктировался монументъ, въ Соединенныхъ Штатахъ не было хорошихъ архитекторовъ. Но тѣмъ не менѣе, не отличаясь художественнымъ достоинствомъ, памятникъ Вашингтона—высочайшая постройка въ мірѣ: вышина его равняется 550 футамъ.

Тайна укротителей звѣрей остается среди занимающихся укрощеніемъ. Но насколько извѣстно, взглядъ человека играетъ важную роль при укрощеніи. Безстрашіе всѣхъ живущихъ еще Генрихъ Мартэнъ. Онъ умѣлъ приучать звѣрей, не употребляя ни кнута, ни какого другаго оружія. Первый разъ когда Мартэнъ вошелъ къ большому тигру, онъ обратилъ вниманіе животнаго на ту сторону кѣтки, съ которой онъ хотѣлъ войти. Животное не тронулось. Спустя двѣ недѣли, во второй разъ онъ оставался въ кѣткѣ полчаса, въ третій $\frac{3}{4}$ часа, а въ четвертый—животное дрожа легло на полъ.—Гораздо труднѣе было справиться съ гіеной. Обернувъ руки и ноги веревками, защитивъ голову платками, Мартэнъ вошелъ къ гіенѣ и подставилъ ей свою руку. Пока гіена кусала, онъ, не смотря на боль, пристально смотрѣлъ въ глаза животному; показавшись кровью, но онъ не дрогнулъ. На слѣдующій день онъ подставилъ животному ногу; зубы гіены впились въ веревки, но Мартэнъ не отрывалъ своего взгляда отъ сѣрыхъ глазъ гіены. Животное устало, начало ползати и обнюхивать ноги своего хозяина, который сказалъ: „Теперь она превратилась въ собаку“.

Въ Бельгіи телеграфное вѣдомство пользуется услугами конно-желѣзныхъ дорогъ, для разсылки особаго рода телеграммъ. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: На переднихъ площадкахъ вагоновъ прикрѣплены ящики, на крышкѣ котораго значится слово—„телеграммы“; дно его открывается при помощи ключа и ящики такимъ путемъ опоражниваются. Расходъ на устройство этихъ ящиковъ телеграфное вѣдомство припило на себя. Посылные, разносящіе телеграммы, пользуются даровымъ проѣздомъ въ вагонахъ конно-желѣзныхъ дорогъ. Въ ящики можно опускать только оплаченныя телеграммы, которыя представляютъ собой ничто иное, какъ обыкновенныя, запечатанныя къ конвертамъ письма. Этого рода срочныя письма обложены небольшимъ сборомъ и кромѣ дешевизны представляютъ еще то удобство, сравнительно съ обыкновенными телеграммами, что содержаніе ихъ остается въ тайнѣ. Новыя телеграммы, благодаря этимъ выгодамъ, получаютъ большое распространеніе. Доставка телеграммъ по адресамъ производится слѣдующимъ образомъ. Въ мѣстахъ остановокъ вагоновъ находится одинъ или два чиновника и нѣсколько разсылныхъ. Кѣтъ только вагонъ останавливается, чиновникъ открываетъ ящикъ и вынимаетъ всю корреспонденцію, которая адресована въ районъ его станціи, а остальную кладетъ обратно. Затѣмъ телеграммы, вынутыя изъ ящиковъ, немедленно отправляются съ разсылными по назначенію. Публикѣ очень нравится этотъ новый способъ разсылки срочныхъ городскихъ писемъ и въ Брюсселѣ на нѣкоторыхъ станціяхъ вынимается въ одинъ разъ до 80 конвертовъ. Это нововведеніе получило уже примѣненіе въ Неаполѣ, Туринѣ и другихъ городахъ.

Телефонная труба. Американское это изобрѣтеніе пользуется громаднымъ успѣхомъ; оно устраняетъ неудобство подслушанія посторонними лицомъ разговоръ по телефону; труба даетъ возможность разговаривать шепотомъ. Инструментъ этотъ собираетъ звуковыя волны, которыя теперь разсѣваются и потому точная передача ихъ невозможна. Благодаря этому изобрѣтенію, не представляется болѣе трудности говорить на далекихъ разстояніяхъ; точно также дурная погода не можетъ вліять на передачу денегъ по телефону. Инструментъ сдѣланъ изъ твердаго каучука и вѣшается на цинковомъ крючкѣ вблизи телефона. Изобрѣтатель г. Листеръ продалъ право на изготовленіе трубъ штатамъ Пенсильванія, Массачузету, Роде и всѣмъ штатамъ западной Миссиссипи, а находящаяся въ Арконѣ (городъ на сѣверо-востоку штата Огіо, съ 11000 населенія) и громадными фабриками земледѣльческихъ машинъ и мельницъ фабрика изготовляетъ уже теперь отъ 200 до 300 трубъ въ недѣлю; въ то же время ведутся переговоры объ устройствѣ такой же фабрики въ Нью-Йоркѣ. При существованіи въ Соединенныхъ штатахъ 400000 телефоновъ, изобрѣтеніе это становится очень важнымъ, ибо улучшаетъ дѣятельность телефоновъ.

Какъ пѣвцы поддѣрживаютъ свой голосъ—для многихъ не безынтересно. Стаканъ воды, служащій оратору для осыженія горла, не удовлетворяетъ оперныхъ пѣвцовъ, которые, для приданія голосу силы во время пѣнія, прибѣгаютъ къ различнымъ сред-

ствамъ. Такъ напримеръ: теноръ Вахтель проглатываетъ желтокъ яйца, сбиваетъ съ сахаромъ. Ниманъ выпиваетъ бокалъ шампанскаго, Тихачекъ пьетъ теплое бордо съ корицей, сахаромъ и лимоннымъ сокомъ. Нахбаръ грызетъ конфеты; но цѣлесообразнѣе всѣхъ поступаетъ парижскій баритонъ Форъ; въ дни когда онъ поетъ, онъ лежитъ въ постели, не курить и не разговариваетъ. Точно также поступаютъ и пѣвцы. Генриетта Зонтагъ ѣла въ антрактахъ сардинки, Аделина Патти пьетъ содовую воду, а Христина Нильсонъ— пиво.

Жители на Чилийскомъ берегу обладаютъ своеобразнымъ барометромъ; это чешуя крабба, необыкновенно чувствительная къ перемѣнамъ погоды. Въ сухое время она почти бѣла. при пасмурной погодѣ покрывается маленькими красными точками и краснѣетъ совершенно во время дождя. Точность этихъ показаній подтверж-

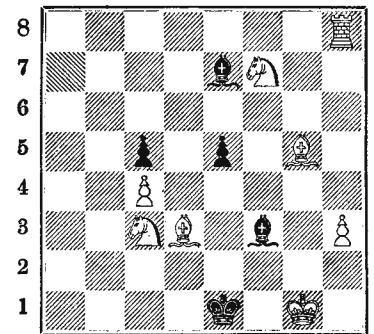
дена членами бельгійской миссiи, которая была послана въ Чили для наблюденiй за прохожденiемъ Венеры.

Продолжительность жизни зависитъ отъ болѣе или менѣе здоровыхъ условий, которыми обуславливается дѣятельность людей. Самымъ здоровымъ занятiемъ, ведущимъ къ долготѣвiю, считается садоводство. При умственномъ трудѣ духовенство живетъ дольше, а доктора наименѣе. Изъ послѣднихъ едва одна треть достигаетъ 60 лѣтъ. Что касается собственно мира ученыхъ, то по статистическимъ вычисленiямъ естествоиспытатели живутъ среднимъ числомъ 75, философы 70, юристы 69, педагога 66 лѣтъ. Актеры и виртуозы не достигаютъ глубокой старости. Послѣдние чаще всего умираютъ отъ нервнаго разстройства. Это происходитъ отъ того, что музыка дѣйствуетъ чрезъ ухо на мозгъ головнои и спинной. Замѣчательно, что 26% пивоваровъ и 23% хлѣбопековъ умираютъ отъ истощенiя силъ.

Шахматная задача № 4.

Черные.

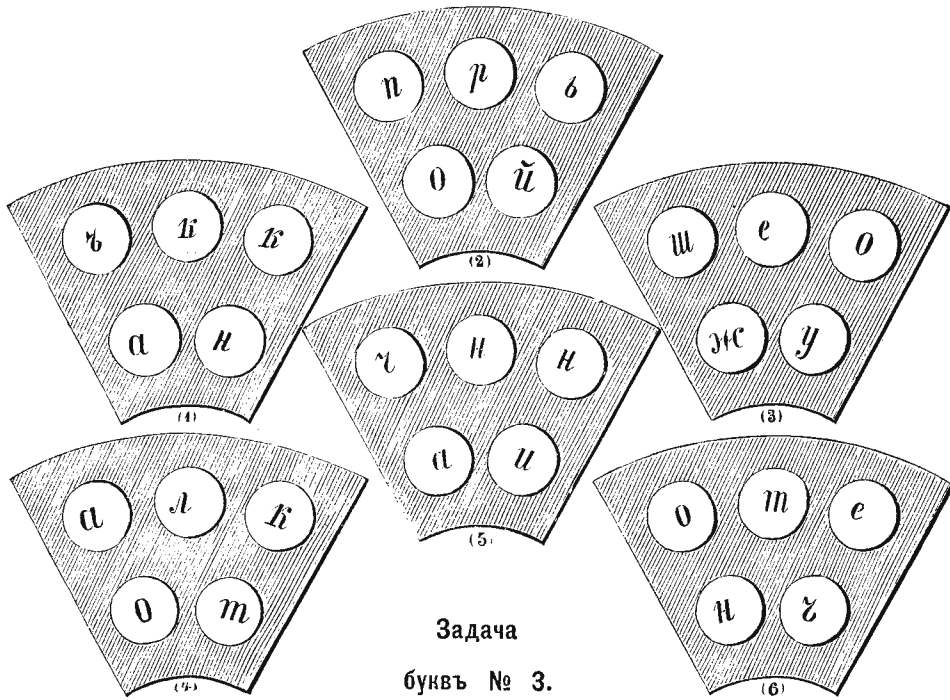
А В С D E F G H

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

СОДЕРЖАН.: Е. А. Баратынскiй (съ портр.).—Голосъ крови. (Драма глухаго форта). Н. Н. Каразина. Часть I. (Продолженiе).—За драгоценнымъ корнемъ. (Изъ жизни китайскихъ таежниковъ). Разсказъ А. Я. Максимова. (Продолженiе).—Русские послы XVII в. въ Италии (1656—1657 гг.). Изъ статьи А. Бриннера. (Окончанiе).—Масляница въ большомъ селѣ (съ рис.).—За монастырской стѣной (съ рис.).—Литерат. альбомъ. „Морская царевна“, Лермонтова (съ рис.).—Духовное пѣнiе въ древнемъ Египтѣ (съ рис.).—А. Е. Малдръ (съ портр.).—Грановитая палата въ московскомъ кремлевскомъ дворцѣ (съ рис.).—Наряды и украшенiя древней русской женщины (съ 17 рис.).—Политич. обзоръ.—Библиографiя.—Смѣсь.—Задача буквъ.—Шахматн. зад.—Объявленiя.
Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Марисъ.

Задача буквъ № 3.

Перемѣнить мѣста буквъ въ каждой изъ данныхъ частей такъ, чтобы сложивъ изъ этихъ частей кольцо, можно было прочесть въ немъ одну русскую пословицу.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ:
ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ
 СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.
П. П. ГНѢДИЧЪ.
 Изданiе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.
 Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 400 иллюстрациями въ текстѣ—копиями съ произведенiй искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры. Сочиненiе окончено авторомъ, нынѣ печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ февралѣ мѣсяцѣ этого года.
УСЛОВIЯ ПОДПИСКИ ЗА ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ:
 брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ каленк. переплетѣ съ золот. тисн. 7 рубл., съ перес. 8 р. 50 к.
 Для подписчиковъ „НИВЫ“ на 1885 г., подписавшихся на Исторiю Искусствъ до 31-го Января 1885 г., дѣлается слѣдующая уступка:
 Брошюр. за 5 р., съ перес. 6 р.; въ каленк. перепл. 6 р., съ пер. 7 р. 50 к.
 Съ требованiями обращаться: въ контору редакцiи журнала „НИВА“, Большая Морская, № 9.

БИЛИАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 БИЛИАРДЫ И КЪ БИЛИАРДНОЙ ИГРѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.
 Троицкiй проспектъ, близъ Египетскаго моста, д. № 13—2. № 3855 17—1
 Иллюстрир. прейсъ-курранты по востреб. высыл. безвозмездно.

Куроводство САНКТЪ ИЛЬГЕНЪ въ Баденѣ.
 Самое обширное заведенiе Германiи, поставляетъ испытанные Грюнвальдскiе аппараты для разведенiя цыплятъ, маленькiе и большiе, а также другiе снаряды для разведенiя и откармливанiя куръ. Устройство подобнхъ заведенiй, учебные курсы, разсылка цыплятъ, продажа расовыхъ и откармленныхъ птицъ. Программа по желанiю.
 Дирекцiя: О. Грюнвальдъ, А. Вестфеллигеръ. R. № 3849

1885. Третiй годъ изданiя. 1885.
 СПЕЦИАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА:
„ВѢСТНИКЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ“
 СЪ ПРИЛОЖЕНIЕМЪ ГАЗЕТЫ
„ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ“.
 „Вѣстникъ“ выходитъ въ свѣтъ 6 разъ въ годъ, т. е. одиннадцать въ 2 мѣсяца, книгами отъ 6 до 8 печ. лист.; „Художественныя Новости“ — 24 разъ въ годъ, т. е. 1 и 15 чиселъ кажд. мѣсяца, въ объемѣ 1/2—1 1/2 печ. листовъ. Къ „Вѣстнику“, независимо отъ подписки въ текстѣ, прилагаются гравюры на мѣди и стали, фотографии, фототипи и пр. Такихъ эстамповъ полагается въ годъ не менѣе 25-ти.
 Программа обохъ изданiй и составъ сотрудниковъ остаются тѣже самыя, что и въ 1884 г.
 Подписная цѣна на „Вѣстникъ“, вмѣстѣ съ „Художественными Новостями“,— безъ доставки 10 руб. въ годъ, съ дост. въ СПб. и съ пересылк. внутри Имперiи 12 руб., съ перес. за границу 15 рублѣй.
 Въ видѣ безплатной премii подписчики получаютъ въ концѣ года Альбомъ снимковъ больш. формата съ рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.
 Подписка принимается въ Редакцiи (Вас. Остр., здан. Академiи художествъ, отъ 10 ч. утра до 4 ч. попол.) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ столицъ. Гг. иногородные благоволятъ обращаться для подписки преимущественно въ Редакцiю.

Пользующiйся во всѣхъ европейскихъ государствахъ заслуженною славою, бывшiй на выставкахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ,
АНГЛIЙСКIЙ ХОЛСТЪ ПРОТИВЪ РЕВМАТИЗМА.
 Продается въ пакетахъ, съ описанiемъ употребленiя, по 1 рублю; двойной силы, по 2 рубля.
 Знаменитый д-ръ Гуфеландъ говоритъ въ своихъ медицинск. сочиненiяхъ: „Есть двѣ болѣзни, противъ которыхъ медицина напрасно искала до сихъ поръ сильно-дѣйствующихъ лекарствъ: это — ревматическая головная боль и подагра“; это средство нашлось въ употребленiи вышеозначеннаго холста противъ ревматизма.
 Продажа для всей Россii настоящаго холста: въ С.-Петербургѣ, въ аптекарскомъ магазинѣ г. Оскаръ Гертхенъ, Казанская улица, д. № 37. На почтовые расходы прилагается 50 коп.
 P. № 3814 3—3

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть В. И. Пеллiева, съ рисунками Панова. II. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; для подпис. „Нивы“ на 1885 г. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Иллюстрированный
Журнал
Литературы

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XVI годъ
№ 5

годъ XVI
1885

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЯСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 2 Февраля 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Лива“ 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 60 к.—Загран.: для Франціи у Adenoe Navas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія. 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
О особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленіи отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1885 г., съ 35 рисунками и отдѣльн. листомъ съ 32 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 23 рисунками выпильныхъ работъ по дереву.

Графъ А. С. Уваровъ.

Русская археологическая наука попела глубокую и даже можно сказать пезамѣнимую потерю, съ недавней кончиной председателя московскаго археологическаго общества, графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, который на поприщѣ служенія археологій являлся постоянно необыкновенно искуснымъ организаторомъ ученыхъ силъ и распространителемъ историко-археологическихъ свѣдѣній почти на прострѣанствѣ всей Россіи. Ему почти исключительно обязана русская археологическая наука учрежденіемъ ученыхъ археологическихъ обществъ въ Петербургѣ и Москвѣ, устройствомъ археологическихъ съездовъ, основаніемъ Императорскаго историческаго музея и кромѣ того его многочисленныя и разнообразныя личныя ученые труды послужили богатѣмъ вкладомъ для нашей не особенно плодотворной отечественной археологической литературы.

Графъ Алексѣй Сер-

Графъ А. С. Уваровъ. † 29 декабря 1884 г. По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

гѣевичъ родился въ 1828 году и былъ единственнымъ сыномъ извѣстнаго въ исторіи нашего просвѣщенія С. С. Уварова. Высшее образование А. С. получилъ въ петербургскомъ университетѣ и съ молодости еще увлекся археологіей. Окончивъ университетскій курсъ, онъ слушалъ лекціи въ Берлинскомъ и другихъ иностранныхъ университетахъ, а въ 1845 году поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ и въ 1848 г. отправленъ курьеромъ въ Неаполь во время революціи. Впрочемъ дипломатическая служба графа Уварова продолжалась недолго; въ 1850 году онъ ее оставилъ и поступилъ къ графу Перовскому въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь въ 1851 году онъ участвовалъ въ особой Высочайше учрежденной комиссіи по изготовленію проекта объ эстляндскихъ крестьянахъ. Въ 1853 году онъ былъ причисленъ къ кабинету Его Величества, а въ 1854 году Высочайшимъ приказомъ по государ-

ственному ополченію былъ опредѣленъ капитаномъ въ „дружину“, состоявшую изъ его Можайскихъ крестьянъ. Въ 1836 году графъ А. С. Уваровъ былъ назначенъ помощникомъ попечителя московскаго учебнаго округа, а въ 1838 году ему было Высочайше повелѣно состоять членомъ коммисіи для постройки въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя, по искусственной части, съ оставленіемъ въ должности помощника попечителя. Кромѣ того съ 1865 по 1871 годъ онъ служилъ по выборамъ два трѣхлѣтія предводителемъ Можайскаго дворянства. Такова была довольно скромная служебная карьера покойнаго, но за то его ученая дѣятельность пользовалась давно громкою извѣстностью и имя его, какъ знаменитаго археолога, стало уже съ 50-хъ годовъ извѣстнымъ не только у насъ, но и на западѣ. Эту извѣстность главнымъ образомъ доставилъ ему трудъ „Исслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря“, но вскорѣ послѣ его появленія графъ Уваровъ выказалъ свои громадныя познанія не въ одной только области древне-русскихъ намятниковъ и обратилъ на себя вниманіе какъ изслѣдователь искусства древне-христіанскаго и византійскаго. Кромѣ того, нужно признать, что графъ Алексѣй Сергѣевичъ былъ могущественнымъ дѣятелемъ въ области своихъ изслѣдованій уже потому, что располагалъ средствами недоступными для другихъ. Въ его подмосковномъ имѣніи Порѣчьѣ почти весь господскій домъ занятъ коллекціями древностей; въ бездѣлѣхъ помѣщается историко-археологическій музей, а третій этажъ вмѣщаетъ въ себѣ огромную бібліотеку отборныхъ сочиненій историко-археологическаго содержанія.

Всѣ свои раскопки, изслѣдованіе древностей на мѣстѣ, изданіе ученыхъ трудовъ и покупки научныхъ предметовъ графъ дѣлалъ на свои средства и можно утвердительно сказать, что ни одно наше ученое учрежденіе не располагаетъ тѣми матеріалами по вещественнымъ намятникамъ русской древности, какіе остались въ кабинетѣ графа, въ которомъ описанія, переписки, рисунки, фотографіи въ совершенномъ порядкѣ разсортированы по картонамъ съ названіями всѣхъ губерній. Серьезная,

научная работа поглощала все время покойнаго. Кромѣ множества отдѣльныхъ изслѣдованій, онъ задумалъ познакомить ученый міръ съ богатымъ запасомъ своихъ свѣдѣній въ отдѣльномъ большомъ трудѣ, озаглавленномъ „Археологія Россіи“. Онъ успѣлъ закончить лишь изложеніе начальнаго періода до-исторической древности, который въ наукѣ носитъ названіе „каменнаго вѣка“, но и эта часть труда можетъ служить полнымъ курсомъ каменнаго періода въ Россіи, въ которомъ приведены въ строгую систему всѣ свѣдѣнія объ этомъ періодѣ, археологическія, геологическія и палеонтологическія. Наконецъ, въ лѣтописяхъ русской исторіографіи навсегда останется памятнымъ содѣйствіе, оказанное щедротами графа А. С. разработкѣ русской и славянской исторіи. Покойный, какъ извѣстно, выдавалъ ежегодно по 3000 рублей Академіи наукъ, въ память своего отца, на присужденіе Уваровскихъ премій за лучшія изслѣдованія по отечественной исторіи и древностямъ. Неудивительно послѣ всего вышесказаннаго, что кончина графа А. С. въ Москвѣ, 29 декабря прошлаго года, встрѣчена была съ глубокою скорбью всѣмъ русскимъ просвященнымъ міромъ. Нечего и говорить какое грустное впечатлѣніе произвела она въ Москвѣ, которая была ближайшей свидѣтельницей неутонченной научной дѣятельности покойнаго. На погребеніе графа, 2 января, можно сказать смѣло, собралась вся московская интеллигенція и проводы тѣла вышли самые торжественные. Ко времени выноса покойнаго въ университетскую церковь, въ домъ его прибыли депутаціи съ вѣнками отъ различныхъ ученыхъ обществъ и другихъ учрежденій. По окончаніи отпѣванія въ церкви, процессія спустилась на набережную Москвы-рѣки и остановилась противъ дома археологическаго общества, который былъ задрапированъ траурными флагами. Все время, до самаго Новодѣвичьяго монастыря, гробъ былъ несенъ на рукахъ. При погребеніи находились депутаціи отъ пятнадцати различныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій. Ученыя общества, входящія въ Москвѣ, рѣшили устроить въ сороковой день соединенное зазѣваніе, посвященное исключительно памяти графа А. С. Уварова.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

X.

Дѣло приняло такой оборотъ, котораго Павелъ Петровичъ никакъ не могъ ожидать и предвидѣть...

Нападеніе было сдѣлано врасплохъ, Крилицынъ чувствовалъ уже на себѣ не одни, пронизывающіе его душу, глаза батьки Максима—всѣ не спускали съ него глазъ. Каждый фибръ его лица былъ предметомъ сосредоточеннаго, пытливаго, лихорадочнаго наблюденія. Силы ему стали измѣняться. Энергія, а съ нею и находчивость таяли съ каждымъ мгновеніемъ...

Блѣде стѣны стоялъ онъ посреди залы... Дальше и дальше отходилъ отъ него шумъ голосовъ... Ему казалось, что онъ тонетъ, мышцы свело судорогою... Борьба съ волнами нельзя... Зеленою пеленою застилаетъ вода его глаза, заливаешь уши... Вязкая тина, цѣпки, ползучія водоросли путаютъ ноги, тянутъ кпизу... И тамъ, гдѣ то на днѣ, глубоко зарывшись въ песокъ, торчатъ и странно свѣтятся старческій затылокъ... сѣдые волосы, запекшаяся кровь и грязь... эта черная, зіяющая рапа, круглая лысина, вздернутый воротникъ пальто...

„Что это?! обморокъ... глухая до полноты слабость!.. Не можетъ быть!.. Я этого не хочу... не могу... я стою на ногахъ. Да, на ногахъ!..“ какъ молнія промелькнуло въ головѣ Павла Петровича...

На него уже теперь никто не смотрѣлъ... это уже не глаза... нѣтъ, это все спицы, все затылки... Объ немъ не думаютъ, его забыли... Ему стало легко... Смолкъ, Возимъ гнѣвомъ, укоромъ гремѣвшій, голосъ... Вонъ чья то безобразная голова, неестественно откинулась назадъ, видны только отекавшее, багровое горло, щетинистый, сѣдой, небритый подбородокъ, разорванный воротъ кителя... Нѣсколько рукъ поддержало эту голову, и на Крилицына снова уставились глаза, уже теперь оловянные, безжизненные...

— Воды!.. спирту!.. доктора!.. шепчуть со всѣхъ сто-

ронъ. Почему же шепчуть, почему не требуютъ громко? Вотъ понесли... должно быть тяжело!.. задѣли въ дверяхъ... Кажется уронили?.. Что то безжизненное стукнуло о порогъ... нѣтъ... вотъ сто ноги, въ разорванныхъ сапогахъ, съ срывившимся каблучками,—эти ноги высоко, почти въ уровень съ плечами Шелобова...

— Сюда, сюда, на диванъ! слышится уже изъ другой комнаты гол. съ коменданта.

— Надѣюсь, что и *это*... Крилицынъ сдѣлалъ головою указательное движеніе,—мигъ поставятъ въ вину, также.

Но онъ ни къ кому собственно не обратился съ этимъ саркастическимъ замѣчаніемъ, и никто не слышалъ его, должно быть,—никто ничего не отвѣтилъ...

Павелъ Петровичъ вышелъ изъ залы, спустился съ крыльца комендантскаго дома, и съ наслажденіемъ вздохнулъ воздухомъ, пропитаннымъ острымъ запахомъ молодыхъ тополей и свѣжаго сѣна.

Прошло нѣсколько дней, и вся исторія офицерскаго суда съ ея причинами мало по малу ступсывалась и почти забылась.

Мирно и уныло загудѣлъ надтреснутый колоколъ батальонной церкви, также какъ и въ день привоза тѣла Горкина; также стройно вытянулся развернутымъ фронтомъ батальонъ, на церковной площадкѣ, также собрались офицеры и прочіе обитатели форта, также у каждаго въ рукахъ затеплились тоненькія восковыя свѣчки, также зарокотали барабаны... также точно заколыхался парчевой гробъ, песомый на рукахъ товарищами и друзьями покойнаго...

Павелъ Петровичъ настоялъ на своемъ. Онъ не взялъ назадъ своего компрометирующаго батальонъ прошенія. Дѣлать нечего: пришлось его бумагѣ дать ходъ, съ приложеніемъ особаго протокола, объясняющаго событіе съ другой стороны, протокола подписаннаго всѣми офицерами.

Теперь онъ уже былъ здѣсь мало того, что чужимъ человѣкомъ, но и чѣмъ то въ родѣ отверженнаго, ненавистнаго всему окружающему. Онъ уже и не салютовалъ офицерамъ, при случайныхъ встрѣчахъ, онъ не избѣгалъ этихъ встрѣчъ, держалъ себя гордо, съ достоинствомъ; ему даже, будто, удовольствіе доставляло парочно, замѣтивъ группу офицеровъ, пройти мимо нихъ своею красивою легкою походкою, или шагомъ проѣхать по своемъ Абрекѣ, будто не замѣчая своихъ враговъ, хотя и чувствуя на себѣ провожающіе его, пристальные, недружелюбные взгляды.

Павель Петровичъ только, на всякій случай, всегда держалъ въ карманѣ револьверъ-бульдогъ... и чувствовалъ себя какъ то покойнѣе, когда его рука касалась круглой, полированной ручки этого оружія...

Выѣхать изъ Глухаго форта онъ не могъ, безъ ожидаемаго разрѣшенія отпуски изъ штаба; оставить фортъ, по домашнему, сказавшись только батальонному командиру, какъ обыкновенно, хотя и противузаконно, проѣзжали всѣ офицеры, когда кому что падо было въ городѣ, онъ тоже не могъ... ибо это было все таки противузаконно, и давало поводъ подвергнуть его крупнымъ неприятностямъ...

И такъ Павель Петровичъ сидѣлъ въ фортѣ и ждалъ, ждалъ, по неволѣ, терпѣливо... Только, чуть не ежедневно, писалъ Грунину и другимъ *своимъ*, прося ихъ по возможности повліять на ускореніе его дѣла, сократить срокъ его нравственной пытки.

Командантъ успѣлъ уже, вслѣдствіе донесенія Анаголія Робертвича, получить отъ высшаго начальства легкую нахлобучку, за недостаточную, якобы, бдительность по охрацѣ вѣреннаго ему района, и всю ночь просидѣлъ съ Ползунковымъ, за сочиненіемъ документа оправдательнаго характера.

Подошелъ тутъ день Петра и Павла. Фортовой священникъ справлялъ свое тезоименитство и служилъ обѣдно съ особою торжественностью. Онъ сказалъ глубоко прочувствованную проповѣдь—примирительнаго содержания, упомянулъ, что всѣ люди братья, а тѣмъ болѣе, крещенные во имя одного и того же апостола, святаго проповѣдника ученія о любви и смиреніи. Отецъ Павель даже просфору послалъ на домъ къ Криниципу при запискѣ, гдѣ сказано было, что онъ вполне понимаетъ причины, почему не видѣлъ своего соименника во храмѣ Божіемъ, въ радостный для него день, и что, если господину Криниципу угодно будетъ, то отецъ Павель отслужитъ у него молебень на дому.

Криниципъ былъ даже тронутъ этимъ вниманіемъ, но предложеніе отца Павла отстранилъ, выславъ съ депшикомъ пяти-рублевку для пріобщенія таковой суммы къ церковному сбору...

— Холодный и гордый человѣкъ! покачалъ головою отецъ Павель, отстрашая лѣвою рукою широкій рукавъ шелковой рясы и благословляя правою — яства и питія, предназначенныя для собравшихся къ нему съ поздравленіемъ офицеровъ и почетныхъ обитателей форта.

Иванъ Акимовичъ, въ качествѣ душеприкащика покойнаго Горкина, уѣхалъ въ городъ, устраивать дѣла по наслѣдству, и уже успѣлъ написать сыну и Шелобову о томъ, что дѣла эти идутъ какъ нельзя лучше и что вѣроятно ему скоро можно будетъ вернуться; тѣмъ болѣе, что имъ сообща падо потолковать объ одномъ вопросѣ, крайне щекотливомъ и весьма не легко разрѣшаемомъ. У Павлуши болѣзненно и радостно при этомъ щемило сердце, Шелобовъ хмурился и обкусывалъ концы своихъ длинныхъ усовъ... Отецъ Павель, посвященный отчасти въ суть дѣла, тяжело вздыхалъ и указывалъ на обязанности каждаго христіанина смиряться передъ рукою Всевышняго. „Дѣвица акушерскаго званія“ имѣла привычку вести аккуратно свой дневникъ, и уже вывела причудливымъ почеркомъ заглавіе: „печальное возвращеніе“, предполагая вскорости запести

подъ нимъ всѣ подробности. Груня втихомолку плакала по ночамъ, а днемъ вышивала подушку, па голубомъ фонѣ вѣнокъ изъ красныхъ цвѣтовъ, въ серединѣ вензель П. Г., а подъ нимъ надписъ: „на память отъ вѣчнаго друга...“ У всѣхъ прочихъ дамъ форта чаще и чаще заиграло на языкѣ новое имя, завлаживая понемногу всѣми темами задушевныхъ разговоровъ.

И это имя было „Надя“.

Иванъ Акимовичъ вернулся наконецъ изъ города и тотчасъ же услалъ сына отыскивать Шелобова, да забѣжать и къ отцу Павлу попросить ихъ „на чашечку и на рюмочку“.

Отецъ Павель явился немедленно, Шелобова же прождали порядочно. Тотъ былъ на охотѣ, еще со вчерашняго утра и вернулся только подъ вечеръ, прямо, не заходя домой, во всемъ охотничьемъ парадѣ, съ тяжелою связкою степныхъ курпатовъ на поясѣ...

— Вотъ и ужинъ для всей честной компаніи! произнесъ онъ, входя... Облобызался съ хозяйномъ дома, поздоровался съ остальными гостями и пошелъ на кухню, мыть руки...

Тяжело пыхти, впесъ депшинокъ самоваръ, вывистывающей на всѣ лады; Павлуша стала перемывать стаканы и устанавливать графинчики. Зажгли свѣчи, такъ какъ уже совершенно стемнѣло, и вся компанія дружно принялась за чаешитіе.

— Благополучно покончили дѣла, Иванъ Акимовичъ? спросилъ отецъ Павель, отирая о скатерть донышко стакана, такъ какъ имѣлъ обыкновение пить чай съ блюдечка.

— И не ожидалъ! отвѣчалъ Глухаревъ-отецъ. — Да я, вотъ, все попорядку...

— Папаша этихъ скаредовъ—вотъ какъ! отозвался Павлуша... Онъ ихъ со всѣхъ сторонъ обошелъ...

— Ну ужъ и скаредовъ!—люди хорошіе... тоже душу и сердце имѣютъ, соскромничалъ „папаша“.—Вѣдь погойникъ то Горкинъ, какъ имъ служилъ! Вѣдь онъ, можно сказать, не одну сотню тысячъ сберегъ имъ и удвоилъ... Вотъ наиримѣрь: поставилъ я имъ на видъ...

— Постой, Вани, ты хотѣлъ попорядку!.. остановилъ его Шелобовъ.

— Ладно!.. Отецъ Павель, подливай отсюда, вопъ изъ того пузатенькова... Такъ вотъ, пріѣзжаю я къ пимъ... Такъ и такъ говорю—по такому дѣлу... Бумаги всѣ со мною: опись, завѣщаніе и прочее... книги всѣ у нихъ уже вытребованы были отъ слѣдователя. Говорятъ, сами не могутъ—ждутъ Михаила Алексѣевича. Ладно! когда, молъ, пріѣдетъ? Завтра, либо послѣ-завтра, непременно... Подождемъ... Пошелъ это я въ баню... славныя бани выстроилъ шельма Егорка, лучше чѣмъ въ Оренбургѣ: особыя вапны, полока таловые и даже вѣники березовые, изъ горъ ему сарты особенно привозятъ...

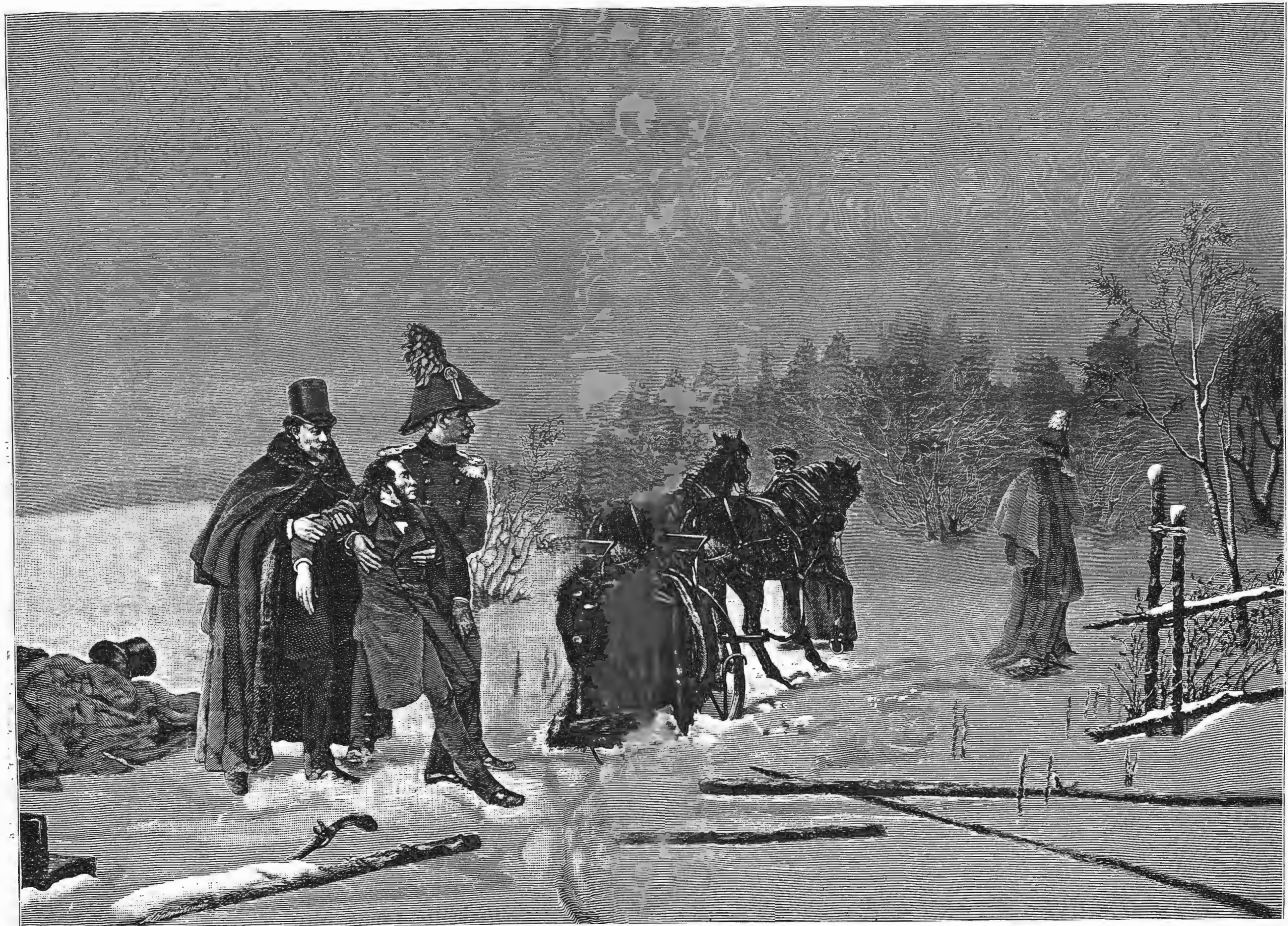
— Это за Чимкентской заставою? полюбопытствовали отецъ Павель.

— Тутъ, сейчасъ-же на выѣздѣ, па рѣкѣ... Остановился я у Прохорова, поужиналъ послѣ бани, спать легъ—не спится!.. Все у меня это дѣло изъ головы не выходитъ! На другой день, закунилъ все что надо, въ клубъ обѣдалъ... тамъ же пульку составили, по полковнички: Перещелкинъ, Круторѣзовъ, Грифель и я...

— Грифель?.. Грифеля знаю! разгладилъ бороду батюшка.—Онъ еще при мнѣ старшимъ писаремъ состоялъ при покойномъ Безакѣ.. помню!

— Теперь, братъ, его и рукою не достанешь!.. статскаго совѣтника ждетъ къ новому году... Далекое мѣтить... Ну-съ и скука, я вамъ доложу, въ городѣ, страшнѣйшая!.. опять же все въ застегнутомъ положеніи... все по формѣ... Большія тамъ пошли теперь на этотъ счетъ строгости...

— Пріѣхалъ Хмуровъ что-ли? негерпѣливо махнулъ рукою Шелобовъ.

Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Генкереи

Съ картины Паумова, по фотогр. грав. Ю. Барановскій.

— Приѣхалъ! Какъ сказали, вышло вѣрно. Приѣхалъ. я, мнѣ знать сейчасъ дали... Я къ нему... Такъ и такъ, говорю... объясняю все дѣло подробно. „Знаю, говоритъ, почтеннѣйшій Иванъ Акимовичъ, знаю! и все дѣло мпою уже рѣшено. Я Федоромъ Петровичемъ болѣе чѣмъ былъ доволенъ, что уже говоритъ: не только правая рука моя была, еще меня учить мпогому... Грѣхъ пополамъ!“ То есть, какъ это, думаю, пополамъ? восемьдесятъ тысячъ, это значитъ будетъ сорокъ. Да если и домишко и все продать, бумажонки какія собрать и деньги, что въ банкѣ, я вѣдь ничего не утаилъ,— такъ дай Богъ, чтобы на пятнадцать тысячъ набралось!.. Гдѣ же остальные добыть?.. Опять же дѣвушка пищею, бездомною сиротою должна остаться! Соображаю это, да и говорю Хмурову: Не тяжело-ли сиротскимъ плечамъ будетъ?.. Вы бы Бога то вспомнили!.. А онъ: „Да я, говоритъ, Его и не забываю. Я ей отца вернуть не могу, ей тоже моихъ денегъ вернуть не откуда,— вотъ и грѣхъ пополамъ! Вотъ я въ какихъ смыслахъ...“ Повеселѣлъ я! Ну, говорю, Михайла Васильевичъ, руку!.. Поцѣловались... Только я, постою думаю, Иванъ Акимовъ сынъ—держись! не за свое дѣло хлопочешь, не поддавайся!.. — Не худо бы, Михайло Васильевичъ, документъ по сему поводу, мало ли что можетъ послѣ выйти?! Дѣло не мое, дѣло святое, сиротское. Надю то оберечь не кому!.. Тутъ опъ всталъ сейчасъ, сказалъ: „И это понимаю“, подошелъ къ копторкѣ и принялся писать. Написалъ, подаетъ. „На, говоритъ, читай—такъ-ли будетъ?“ на ты со мною перешель. Я ему тоже: „Давай братъ, Миша, прочту!“ И читаю:

„Глубоко пѣня вѣрную и долгую службу нашей фирмѣ покойнаго отставнаго маіора, Федора Петровича Горкина, и соболѣзнуя отъ души его тяжелой кончицѣ, послѣдовавшей ради службы фирмы, я, главный представитель сей фирмы, Михайло Васильевъ сынъ, Хмуровъ, симъ заявляю: Всѣ счета съ покойнымъ фирма считаетъ правильно законченными и никакихъ претензій къ имуществу и всему, что останется въ пользу паслѣдниковъ Горкина, не предъявляетъ и впредь предъявлять не имѣетъ. Въ чемъ и дается сіе удостовѣреніе, съ приложеніемъ торговой печати фирмы, моею именной и за моею собственноручною подписью.“

— Вотъ и бумага эта! Павлуша, достань тамъ изъ сумки; синюю бумагою обернута и шнуркомъ перевязана. Эта самая!.. Давай сюда!

Удостовереніе Михайлы Хмурова обошло всѣхъ присутствующихъ.

— Благословляю десницу, писавшую сіе! провозгласилъ отецъ Павелъ по прочтеніи и осѣнилъ листъ крестнымъ знаменіемъ.

— Душа-человѣкъ! хлопнулъ по листу Шелобовъ.

— Позвольте, папаша, я опять заверну!.. сунулъ Павлуша...

— Заверни Павлуша, согласился Иванъ Акимовичъ,— да шторку опусти на окнѣ, а то акушерка уже два раза заглядывала... Экія эти бабы любопытныя!..

Тутъ припесли ужинъ и всѣ приступили „къ первой“, послѣ которой, говорятъ обыкновенно, „не закусываютъ...“ Иванъ Акимовичъ выждалъ, когда янчтитъ гостей удовлетворился, и приступилъ, не медля, къ главной дѣли „сего почтеннаго собранія“.

— Извольте видѣть, государи мои, началъ онъ очень торжественно.— Не безызвѣстно вамъ, что послѣднее письмо покойнаго къ его дочери, писанное нами, отчасти даже, сообща, по расчету моему, только что должно прибыть на мѣсто назначенія. Теперь Силаптіи уже тамъ; въ сборахъ и прочемъ пройдетъ, положимъ, еще недѣля, а затѣмъ Надя выѣдетъ сюда. Какъ вы это полагаете?..

Шелобовъ крикнулъ, потеръ лобъ и уставился глазами въ уголъ, гдѣ его должно быть очевъ занималъ

яркій блескъ на ручкѣ отдушника. Отецъ Павелъ смахнулъ что-то съ глаза рукавомъ... Павлуша вышелъ въ другую комнату... Отецъ его прислушался, кивнулъ головою по паправленію двери и произнесъ, словно про себя: „ишь! опять разрюмился!“

— Такъ какъ-же вы это, господа, полагаете? возторилъ опъ своей роковой вопросъ.

— Предупредить падо, деликатно и со всею предосторожностью, понизивъ голосъ, заговорилъ отецъ Павелъ.— Дѣвица воспитанія шѣжнаго, можно сказать—возвышеннаго; здоровье въ этихъ заведеніяхъ не Богъ вѣсть какъ укрѣпляется, паче того въ разстройство приходится... Сразу пельзя... печальныя могутъ быть тому послѣдствія...

— Знаю, что пельзя... произнесъ Иванъ Акимовичъ. Въ томъ то и дѣло—„предупредить...“ Да какъ?

— Письменно! трихнулъ головою батюшка.

Шелобовъ промолчалъ и тутъ.

— Я, папаша, уже составилъ черновую, появился молодой Глухаревъ.—Такъ, можетъ, хорошо будетъ!..

— Составили и чудесно! Не прочтете-ли! обрадовался отецъ Павелъ.

— Читай! сказалъ Иванъ Акимовичъ.

„Многоуважаемая Надежда Петровна! началъ чтеніе молодой Глухаревъ. Повѣрите, что въ лицѣ моемъ...— я отъ вашего имени пишу, папаша,— повѣрите, что въ лицѣ не только моемъ, но и всѣхъ насъ, вы найдете себѣ такихъ же родныхъ, горячо любящихъ васъ отцевъ, что...“

Голосъ Павлуши задрожалъ, послышалось легкое всхлипыванье.

— Постою, постою! перебилъ его Иванъ Акимовичъ. Это ты уже сразу! это ты просто обухомъ по лбу!.. этакъ, братецъ, нельзя!..

— Негодится! согласился и отецъ Павелъ.

Шелобовъ упорно молчалъ, по прежнему созерцая отдушникъ.

— Совѣтоваль бы я написать слѣдующее, и написать въ тонѣ религіозномъ, ибо Вѣра—прибѣжище страждущихъ и болящихъ душею...

Отецъ Павелъ трихнулъ головою, обтеръ ротъ салфеткою и откашлялся.

— Совѣтую, продолжалъ опъ писать такъ: „Господу Богу угодно было призвать вашего родители въ мѣсто идѣже нѣтъ печалей и воздыханія. Пути Господни не исповѣдимы...“

— А это развѣ не прямо, какъ обухомъ по лбу, какъ папаша? остановилъ оратора Павлуша, обиженный немного проваломъ своего проекта...

— Тоже, какъ будто, предупрежденія маловато, согласился съ сыномъ хозяинъ дома.

— Это я конецъ письма проектирую, постарался вывернуться отецъ Павелъ.

— Кончить-то мы и сами съумѣемъ! А вотъ начало трудно... Эхъ ты, Господи, и чему то насъ учили смолоду? Шелобовъ, ты что же молчишь, слова не скажешь!..

Шелобовъ очулся и вышелъ изъ своего созерцательнаго положенія.

— По моему, пачаль опъ,— надо просто написать, что отецъ ея посланъ въ очень дальнюю и продолжительную командировку... Затѣмъ, ну, поддѣлать что-ли почеркъ и написать будто бы отъ него, изъ этой командировки, хоть изъ самой Бухары... Объяснить ей, что отецъ поручилъ намъ встрѣтить ее и устроить какъ слѣдуетъ, пока онъ вернется... А тамъ, мало по малу... только..

Тигровый охотникъ вдругъ переѣпилъ тонъ, подошелъ къ столу, уперся въ него руками и продолжалъ:

— Только такъ, какъ я говорю,— дѣлать ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ!..

— Что такое? озадачился Иванъ Акимычъ.

— А такъ, потому что и глупо и подло!.. Я вотъ одиннадцать лѣтъ изъ батальона ни шагу... Я хочу въ отпускъ... Тебѣ вѣдь ѣхать самому нельзя, не слѣдуетъ!.. Сообрази почему!.. Павлушкѣ, ни подѣ какимъ предлогомъ... поѣду я... возьму отпускъ и поѣду.

— Куда же ты поѣдешь? Въ Ташкентъ?..

— Нѣтъ дальше! Прямо вотъ по дорогѣ поѣду и буду ѣхать, пока не встрѣчу. Съ нею и вернусь вмѣстѣ... Живой человѣкъ, живое слово. Небось, не испорчу дѣла!.. Тамъ оно, на мѣстѣ, видѣе будетъ; а вы здѣсь сидите и ждите... Вотъ, что надо сдѣлать, по моему!..

— Мысль превосходная! восхитился отецъ Павелъ.

— А мнѣ нельзя ѣхать вмѣстѣ? сунулся молодой Глухаревъ.

— Ни-ни! въ одинъ голосъ замѣтили всѣ трое.—Ни подѣ какимъ предлогомъ!

— Ну, батъко, значить, рѣшено! Служи завтра напутственный!.. Завтра же скажу Ползункову, чтобы писалъ отпускъ. На двадцать на восемь дней,—этого будетъ достаточно... Опоздаю ежели немного, ты, Вани, скажешь Огурчикову, чтобы сквозь пальцы проглядѣлъ. Небось, не подведу его подѣ отвѣтственность!..

Этимъ Шелобовскимъ рѣшеніемъ окончилось засѣданіе въ домѣ старика Глухарева и затруднительный вопросъ былъ разрѣшенъ къ общему удовольствію.

XI.

По ровной, степной дорогѣ Орско-Казалинскаго тракта катился укладистый тарантасъ, запряженный тройкою косматыхъ, большоголовыхъ киргизскихъ лошадей. Киргизъ-ямщикъ, несмотря на страшную июльскую жару, въ тяжеломъ, подбитомъ бараньимъ мѣхомъ малахаѣ на головѣ, и въ верблюжемъ халатѣ, мѣтливо обмахивалъ кнутомъ оводовъ и слѣпней, назойливо облѣпившихъ костлявыя конскія спины; рядомъ съ нимъ, облокотившись о высокую спинку козелъ, дремалъ намъ знакомый уже Силантій, усердно поклеивая носомъ; въ откинутые для прохлады фартуки фордека видна была, тоже спящая, Надя, полуутонувшая въ мягкихъ подушкахъ, покрытыхъ ситцевыми наволочками; мирно колыхались надъ ея головою, подвѣшанные на ремешкѣ, шляпныя картонки, въ ногахъ серебрился уголь кованнаго погребца; вездѣ, гдѣ только можно было чтонибудь сунуть, торчали разныя дорожныя принадлежности, „крайне необходимыя“ по словамъ стараго, бывалаго служиваго. За тарантасомъ, на подкладныхъ дрогахъ, покоился, прикованный цѣпями и весь оплетенный веревками, громадный сундукъ, плотно обернутый рогожами, поверхъ сундука еще какой то ящикъ, сверхъ всего, еще мягкая, высоко приподнятая укладка, и все это, вмѣстѣ съ парусиннымъ верхомъ экипажа, густо было напудрено тонкою, солонцеватою степною пылью...

Маловыѣзженныя лошади давно уже отскакали свои червыя, горячія версты,—обыкновенная привычка степныхъ коней,—давно успокоились, остыли, и шли ровною, покойною рысью... Кругомъ безкопечно разстилалась выжженная солнцемъ равнина, изрѣдка только, тамъ и сямъ пересѣкаемая неглубокими, каменистыми балками. Поднятая колесами и ногами лошадей пыль почти недвижно стояла въ воздухѣ, знойная мгла дрожащимъ туманомъ заволакивала горизонтъ, и въ этой мглѣ, то будто близко, въ нѣсколькихъ шагахъ, то гдѣ то далеко-далеко, сверкали водныя поверхности, ложныя озера степныхъ, полуденныхъ миражей...

Тихо было въ пустынѣ и глухой звоночекъ разбитаго колокольчика слышался далеко, тревожа табунчики сайгаковъ, молніями исчезающіе изъ глазъ, при первомъ подозрительномъ звукѣ; только маленькія, сѣрыя черепахи безбоязненно ползали по всѣмъ направленіямъ, да зоркія ящерики стрѣлою шмыгали тамъ и сямъ, го-

нясь другъ за другомъ, или же кейфофали, неподвижно, разинувъ пасть, лежали на самомъ припекѣ, съ наслажденіемъ подставляя почти отвѣснымъ солнечнымъ лучамъ свою чешуйчатую спинку...

Ни одного мотылька надъ жалкими остатками выгорѣвшей растительности; ни одной птицы въ раскаленномъ воздушномъ пространствѣ!

Роскошная, полная жизни, зеленая степь, съ своими дымящимися аудами, съ безчисленными табунами коней и верблюдовъ, съ атарами густорунныхъ овецъ, съ бойкими косоглазыми всадниками, посящимися по зеленымъ равнинамъ съ гикомъ и свистомъ, съ звонкими голосами чумазыхъ ребятишекъ, съ цѣлыми стаями собакъ, несущихся съ лаемъ навстрѣчу пробѣжему экипажу, съ щебечущими мелкими птичками и съ орлами, плавно парящими на синемъ фонѣ лѣтнаго неба... Эта чудная, такъ понравившаяся Надѣ, степь далеко осталась сзади... Давно уже кругомъ пошли унылые солончаки, полное безлюдье, а дальше мертвые пески, горячіе, сыпучіе, безо всякаго признака растительности... и такъ далеко еще, вплоть до новой водной артеріи, до новой полосы осѣдлости, до глинистыхъ, поросшихъ густымъ камышомъ береговъ рѣки „Сыра“.

Колесо набѣжало на камень, звякнуло и тряхнуло тарантасъ; вдрогнулъ Силантій, сонно поглядѣлъ по сторонамъ, вытнулъ изъ кармана тавлинку съ табакомъ и принялся набивать свой багровый носъ... Полязъ въ эту тавлинку и ящикъ-киргизъ, глубоко засунувъ туда свои черныя какъ сажа пальцы; тотъ уже не къ носу понесъ, тотъ прямо въ ротъ, за щеку, сплюнувъ сквозь зубы предварительно...

— Какъ жарко! слышался въ глубинѣ тарантаса томный голосокъ и легкое позѣвываніе...

— Испить не желательна ли, барышня? встрепенулся старикъ, привставъ и, перегнувшись, заглядывая въ экипажъ...

— Дай, голубчикъ!.. Да скоро ли это мы пріѣдемъ!.. какая тоска!.. Господи!

— Скоро! усмѣхнулся Силантій. — Нѣтъ, матушка, Надежда Федоровна, еще очень не скоро... Повремените... А вотъ испить у меня запасено... Я еще съ Джаловлей захватилъ три пары бугылочекъ, тамъ вода вкусная, хорошая! не то что здѣсь пойдетъ, соленая... Посогрѣлась маленько, ничего! Я вотъ сейчасъ одну откупорю... Пожалуйте!.. Стаканчикъ тамъ, барышня, въ лѣвомъ карманѣ... повыше маленько... вотъ тутъ! Пожалуйте, я оботру его... Ну, да и пылица же анафемская!.. Ей Богу! Прости Господи...

— Скоро станція? полюбопытствовала путешественница, глотая мутную, теплую воду.

— Скоро!.. Вонъ за тѣмъ пригоркомъ еще пригорокъ будетъ, тамъ логомъ пойдетъ дорога... опять лѣвѣ мазарка видна будетъ, а тамъ на спускѣ, а тамъ сейчасъ... отъ мазарокъ уже видна будетъ... Теперь недалеко!

— Станцій „джакымъ“ (близко)! подтвердилъ и ямщикъ, мало-мало понявшій смыслъ объясненія Силантія.

— Гайда! Поговий, чумазы! внушительно замѣтилъ ему тотъ.—И что за народъ, право!.. Чуть замѣтилъ, что задремалъ пассажиръ, сейчасъ и самъ спать, а лошади шагомъ идутъ... только бы все изъ подѣ кнута; нѣтъ чтобы постараться... Погоняй!..

И тройка пошла живѣй, колокольчикъ залилгалъ усиленно, пристяжныя, взмахивая спутанными гривами, даже подскакивать стали.

— Тебѣ тамъ жарко... Садись сюда, ко мнѣ... здѣсь все-таки тѣнь, произнесла Надя, напившись и пряча стаканъ на свое мѣсто.

— Да я, матушка, видѣлъ, что вы дремать начали... Думаю, поразоспитесь, пораскинетесь... все просторнѣе будетъ... Вотъ и перебрался сюда. Намъ что, мы народъ привычный!.. Мы вотъ въ шестьдесятъ пятомъ году...

— А это что видно?.. Там?..

Надя показала рукою.

— Это вот они самые мазарки и есты! Могилы такия, святых ихнихъ, что ли! Вотъ теперъ и станція скоро... На той станціи урядникъ Бородинъ, за станціоннаго, землякъ мой; у него самоваръ есть... корову тоже держитъ, молочкомъ попотчуетъ. А ты, знай свое дѣло, пошевеливай!.. Теперъ, барышня, дня на два еще этакой то каторжной дороги будетъ, а послѣ опять пойдетъ хорошая сторона... Тамъ уже, чѣмъ дальше, то лучше... Мы, гляди, къ самому винограду поспѣемъ...

При словѣ „виноградъ“ дѣвушка даже повеселѣла. Отъ наблюдательнаго глаза опытнаго спутника не скрылось такое обстоятельство. Онъ тоже улыбнулся и продолжалъ:

— Тамъ, барышня милая, чего-чего нѣтъ! Сады какіе, тѣни сколько! Штицы райскія и чай китайскіе... Такъ то! хе! хе!.. Вотъ потерпите... къ вечеру много прохладнѣе будетъ... Теперъ у насъ ночи мѣсячныя, свѣтлыя... Мы всю ночь проѣдемъ... Вы себѣ спите покойно, не сумлѣвайтесь... я поостерегу...

Старикъ словно оборвалъ свою фразу. Смолкъ и отвернулся... Надя пытливо поглядѣла ему въ затылокъ.

— Все отъ Господа! все отъ Него! вздохнулъ Силантій и продолжалъ:

— Въ пути, что во храмѣ... да! Безъ креста и молитвы ни-ни!.. Потому, какъ Онъ ежели захочетъ,— уважить... Благодареніе и слава Ему, Всемилостивому!.. Нѣтъ коли,—на все Его Святая воля!.. Такъ то, матушка, Надежда Федоровна... Такъ то!..

— А гдѣ ты леденцы спряталъ?..

— Ледянцы! конфетки то эти?! Они тамъ, въ синемъ мѣшкѣ... Гдѣ сахаръ и чай, тамъ и они. Я ихъ нарочно въ погребецъ не запиралъ, чтобъ подъ руками были...

Киргизъ-ямщикъ замахалъ рукавами и особенно оживился, гикнувъ пронзительно на усталыхъ лошадей и пройдясь по всѣмъ тремъ спинамъ ремненнымъ кнутомъ. Тройка подхватила вся вскачь... Впереди, на косогорѣ, на желто-сѣромъ фонѣ солончака, ярко заблѣлась на солнцѣ приземистая мазанка съ двумя подслѣповатыми окнами и растровенною дверью посрединѣ... Сзади къ мазанкѣ примыкалъ камышевый загонъ и полурастрепанный навѣсъ; недалеко чернѣлъ срубъ колодца... Табунчикъ коней бродилъ по близости... У крыльца стоялъ тарантасъ, съ приподнятыми кверху оглоблями... Изъ подъ крыши, изъ отверстія, замѣнявшаго трубу, валилъ густой столбъ чернаго дыма.

Это и была давно жданная станція.

ХІІ.

Услышавъ грохотъ приближающагося экипажа, какой то пробѣжій офицеръ показался на порогѣ станціи и, прикрывшись рукою отъ солнца, сталъ пристально всматриваться.

— А вѣдь это нашъ, барышня! Обрадовался Силантій, обращаясь къ Надѣ.—Такъ и есть! Его благородіе капитанъ Шелобовъ!.. Они самые?!

— Василий Ивановичъ?!

— Такъ точно... Вонъ и „барантачъ“ ихъ выскочилъ... Ишь ты, шельмецъ! должно узналъ меня... Ишь какъ на встрѣчу задуваетъ!.. Эхко умный песъ!..

Большая сѣрая, косматая собака очутилась уже у самага тарантаса, прыгая съ привѣтливимъ лаемъ и взвизгиваніемъ...

— Ого-го!.. Охъ ты „барантачъ“, и впрямь „барантачъ“... Ахъ ты, бестія!..

— Здорово Силантій! крикнулъ Шелобовъ, тоже двинувшись на встрѣчу.—Везешь?!

— Везу!..

Тарантасъ остановился. Надя выглянула оттуда, и ей глаза смотрѣли на Василия Ивановича скорѣе испу-

ганно, чѣмъ радостно. Сердце билось усиленно... Вопросъ словно замеръ на устахъ...

— Отецъ?! начала было она и остановилась.

— Слава Богу, все хорошо... То бишь, что я сказалъ... Я не знаю... должно быть хорошо... Я вѣдь самъ вотъ давно не былъ, теперъ возвращаюсь... Вотъ и отлично!.. значить теперъ вмѣстѣ и поѣдемъ... Вы какъ здоровы, Надежда Федоровна?..

Шелобовъ растерялся. Онъ не ожидалъ, что уже будто бы такъ сразу и придется приниматься за дипломатію.

— А я полагаю, что вы отъ насъ, значить, въ Россію, ѣдете? вставилъ свое замѣчаніе Силантій. Я гляжу, что тарантасикъ вашъ туда оглоблями стоитъ...

— Да я... я, то есть, изъ отпуска... я теперъ вмѣстѣ... гм...

Силантій разомъ смолкъ, потушился, зашелъ за тарантасъ и долго копался тамъ, провѣряя крѣпко ли кладь привязана, не разслабло ли что... А киргизъ отпрегъ уже одну пристяжную, тоже приостановился и на старика смотреть: чего это, мошь, онъ стоитъ и ничего не дѣлаетъ? стоитъ, не то плачетъ, не то соринку изъ глаза вытираетъ... да все крестится, словно своему Богу молится...

— Какая же вы большая стали, какая хорошая! говорилъ Шелобовъ, помогая Надѣ вылѣзть изъ экипажа. Встрѣтилъ бы гдѣ и не узналъ бы, Надежда Федоровна, ей Богу-съ!

— „Надежда Федоровна“ укорительно улыбнулась дѣвушка,—а *Надя* бы васъ всегда узнала... Вы постарѣли, почти сѣдой стали, а все бы узнала... Стыдно!

— Да вѣдь въ мои лѣта десятокъ годовъ ничего, совсѣмъ мѣняться нельзя, а вѣдь вы, Над... ну хоть Надя, будь по вашему... Вы вѣдь ребеночкомъ отъ насъ вывезены, а теперъ—ишь ты... Урядникъ!.. Самоваръ, живѣ!

Вошли въ горницу, на-бѣло оштукатуренную, доволно просторную саклю, вдоль стѣны которой, вмѣсто мебели, были сдѣланы глинобитные прилавки, покрытые дешевыми киргизскими коврами. На стѣнахъ висѣли росписанія, почтовые правила, разчетный прогонный листокъ и портретъ генерала въ штатской формѣ, со звѣздой и взбитымъ кокомъ на головѣ; все это въ рамахъ, за разбитыми, запыленными стеклами. Чуть не четверть всей комнаты занимала громадная русская печь съ лежанкою, полъ былъ кирпичный, смазанный глиною, засоренный окурками папиросъ, скорлупою отъ яицъ и разными объѣдками дорожныхъ припасовъ; на грязномъ столѣ стояла коробка отъ сардинъ съ крупною сѣрою солью, лежали мѣшокъ съ сухарями, свертки бумажные съ сахаромъ и чаемъ,—остатокъ колбасы... Урядникъ Бородинъ, оставивъ самоваръ на печеніе одного изъ ямщиковъ, приводилъ въ порядокъ чайный приборъ, вытирая стаканъ полою своей армянской рубахи... Барантачъ, вернувшійся со встрѣчи, вытянулся, высунувъ языкъ, на одномъ изъ прилавковъ, стеречь бурку и чемоданчикъ своего хозяина.

— А ты позаботься чтобы лошадей сейчасъ, въ оба тарантаса, живо! распорядился Шелобовъ, обращаясь къ станціонному.

— Вы какъ-же, ваше благородіе?.. удивился тотъ.

— А такъ-же... я назадъ ѣду! шепнулъ капитанъ уряднику на ухо.

— Слушаю-съ! также шепотомъ отвѣчалъ тотъ, и вышелъ.

— Явился и Силантій, убѣдившійся должно быть, что все привязано крѣпко, и снова выдержалъ на себѣ испытывающій, пристальный взглядъ Нади.

— Вы, Надя, вотъ что... обратился Василий Ивановичъ къ дѣвушкѣ.—Вамъ можетъ быть что поправиться надо? Мы съ Силантѣемъ выйдемъ пока,—тамъ позовете... Пойдемъ, старина!..

— Сейчасъ! вотъ только полотеничко достану, да

Прогулка. Съ картини Ф. Боденюллера, грав. Эрнке.

воды свѣжей нацѣжу въ умывальникъ... Я мигомъ управляюсь... Вотъ и вода готовая припасена... Ходить не зачѣмъ...

Управился Силантій, а Шелобовъ его на дворѣ подождалъ. Притворила Нада дверь, на крючокъ защелкнула, а сама къ окну. Стекла пыльные, мухами засиженные... ей на свѣтъ видно почти все, а ее никто не видитъ... Только, жаль, говорить очень тихо. Поговорятъ, да сюда посмотрятъ, поговорятъ опять и опять обернутся...

Пришла Нада на прилавокъ, опустила руки и задумалась... Тяжелое предчувствіе давно уже стало заглядываться въ ея сердце... Уже два три замѣтила она, что ея старый спутникъ сильно измѣнился. То все былъ

такой веселый, разговорчивый, даже пѣсни ей пѣлъ, солдатскія, своимъ старческимъ, разбитымъ голосомъ, а вдругъ, не то: послѣ того какъ форть Иргизъ проѣхали, совсѣмъ измѣнился старикъ: если и улыбнется, если и начнетъ разсказывать про чтонибудь веселое, то, видимо, насильно, нехотя, какъ то дѣлалъ, — и не веселитъ это ее, Наду, пуще прежняго разстроиваетъ, болѣзненно растравляетъ ея мучительное предчувствіе чего-то недобраго, роковаго!.. И дорога опять, эта длинная утомительная дорога! Прежде, бывало, сотни верстъ мелькали незамѣтно, дни за днями, словно часы пролетали, а теперь словно черепаха ползетъ время, безъ конца тянется эта сѣрая, пыльная лента... Тяжко!..

(До слѣд. №).

За драгоцѣннымъ корнемъ.

(Изъ жизни китайскихъ таежниковъ).

Разсказъ А. Я. Максимова.

(Продолженіе).

Часть слншкомъ поднимались авантюристы по крутому склону холма, пока достигли его куполообразной вершины, покрытой, словно мохнатой шапкой, хвойными деревьями. Величественные кедръ, пышные сосны и мохнатые ели образовали роскошный, смѣшанный лѣсъ дикой красоты. Всюду видѣлись гигантскія глыбы камня, обвитыя узорчатымъ, прелестнымъ ковромъ разныхъ ползучихъ растений, лишаяевъ и мховъ. На вершинѣ холма, полумракъ, господствовавшій въ пади, смѣнился мягкимъ свѣтомъ. Солнечные лучи свободно проникали черезъ сѣчатый сводъ пышныхъ вершинъ и причудливо золотили свѣтло-коричневныя выпушки роговика и блестящія, голубовато-сѣрыя оболочки перлита, пронизаннаго множествомъ, фантастически расположенныхъ, бѣлыхъ питей и прожилковъ кварца... Лонхоу, вобравшись на холмъ, приостановился перевести духъ и опредѣлить дальнѣйшее направленіе бѣглеца. Задача была далеко не изъ легкихъ. Съ вершины холма извивались внизъ, въ разные пады, до десятка тропъ, которыя, въ свою очередь, развѣтвлялись на десятки новыхъ тропинокъ, образуя цѣлый лабиринтъ. Болѣе часу Лонхоу ходилъ по куполообразной вершинѣ, спускался то по одной, то по другой тропинкѣ, но нигдѣ не находилъ даже малѣйшаго слѣда Сеокви. Послѣдній словно сквозя землю провалился. Неумолимый старшина уже возвращался къ отдохнувшимъ подъ развѣстнымъ кедромъ товарищамъ, потерявъ всякую надежду напасть на слѣдъ манчжура, какъ вдругъ взоръ его упалъ на какой-то блестящій предметъ, едва видѣвшійся среди густой травы. Это оказался ножъ, принадлежавшій Сеокви и, очевидно, утерянный имъ во время послѣдняго бѣгства. Ножъ лежалъ около тропы, затѣйливо извивавшейся съ вершины холма въ узкую, мрачную падь, обставленную со всѣхъ сторонъ крутыми горами.

— Гайда, сюда! крикнулъ Лонхоу товарищамъ.

— Собака-манчжуръ въ эту падь сбѣжалъ, угрюмо пробормоталъ онъ, быстро сходя по каменной тропинкѣ.

У подошвы холма патунулись на потухшій костеръ. Лонхоу быстро подошелъ къ послѣднему и оцупалъ рукой золу.

— Теплая еще! проговорилъ онъ радостно. Былъ здѣсь не болѣе какъ часа два тому. Ну, теперь не збѣгайте!.. Надо захватить его врасплохъ. Помните, у него цороху и нуль вдоस्ता, а у насъ только по одному заряду въ ружьяхъ. Онъ перестрѣляетъ насъ, какъ косуля, коли увидитъ, что погоня близко...

Искатели жень-шеня стали подвигаться впередъ хотя и съ прежнею быстротою, но со всевозможными предосторожностями. Каждую минуту они озирались, какіе либо признаки близкаго присутствія бѣглеца, но признаковъ не было. Этой тропой проходилъ ли какой-нибудь человѣкъ? Вся истоптанная слѣдами звѣрей, она вилась по дну глубокой, мрачной пади. Искателямъ постоянно приходилось перелѣзать черезъ огромныя поваленныя деревья, полусгнившіе стволы которыхъ были покрыты фантастическимъ ковромъ изъ мху и лишаяевъ. Посреди пади протекалъ небольшой горный ручей, кающій прозрачныя воды по каменистой дну. Перешли ручей и очутились въ едва проницаемой чащѣ лещины, перелетѣнной разнообразными вьющимися растениями. Чѣмъ дальше шли искатели, тѣмъ заросль становилась все гуще и гуще. Съ трудомъ они пробрались впередъ, пугаясь въ цѣпкихъ вѣтвяхъ вьющихся растений. Дорогу расчищали топорами и ножами. Пройдя съ сотню шаговъ, Лонхоу остановился и угрюмо проговорилъ:

— Манчжуръ надулъ насъ... Онъ не здѣсь проходилъ. По этой тропѣ и косуля не пройдетъ.

— Не поднялся-ли Сеокви по той-же тропѣ, по которой спустился въ падь? рѣшился замѣтить Ки-са.

Лонхоу даже затрясся отъ этого возможнаго предположенія. Его душила злоба. Онъ понималъ, что манчжуръ уже внѣ всякаго преслѣдованія, если только онъ дѣйствительно поднялся опять на холмъ и спустился по другой тропѣ въ совершенно

противуположную падь. Развѣ возможно розыскать человѣка среди лабиринта тайги, среди непролазной чащи? Только счастливый случай могъ бы патокнуть на потерянный слѣдъ бѣглеца. Между тѣмъ лыскать Сеокви и отнять отъ него крайне необходимый порошокъ—была задача, отъ разрѣшенія которой зависѣло дальнѣйшее благополучіе искателей.

— Надо вернуться къ костру! прокричалъ Лонхоу. Собака-манчжуръ надулъ насъ!.. Поздно теперь искать его: солнце уже на закатѣ...

— Завтра увидимъ, что дѣлать, добавилъ онъ, быстро шагая въ обратный путь. Придется домой сѣлѣть, если не разыщемъ разбойника. До Уссури идти полъ-мѣсяца, а дичину бить нечѣмъ... Хищный звѣрь упадетъ, намъ нечѣмъ отбиться отъ него... Плохо, совсѣмъ плохо!.. Корнями придется питаться, отъ звѣрей ножами и топорами отбиваться... Погапала собака!.. крикнулъ Лонхоу хриплымъ голосомъ, грозя кулакомъ отсутствующему Сеокви...

XIV.

За краснымъ волномъ.

Прошло два дня. Солнце уже скрылось за холмами и золотило ихъ мохнатые вершины. Въ чащѣ становилось все темнѣе и темнѣе. По одной изъ тропинокъ глубокой пади, расположенной въ двадцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ мы оставили трехъ авантюристовъ, пробирался изможденный, страшно исхудавшій Сеокви. Глаза его, глубоко ушедшіе въ орбиты, горѣли лихорадочнымъ, зловѣщимъ огнемъ. Манчжуръ походилъ на сумасшедшаго. Волоса его были выбиты, стояли торчкомъ отъ множества постороннихъ предметовъ, свалившихся съ ними: тутъ былъ ренейникъ, какіе то высохшіе листья, кусочки сучьевъ и т. п. Повидимому, Сеокви, въ эти истекшіе два дня, не разбиралъ, гдѣ ложился спать, валялся гдѣ понало, не заботясь подложить подъ голову хотя-бы охапку травы. Исцарапанное, сильно исхудавшее тѣло его поразало взоръ. На немъ висѣли какіе-то грязные клочья синей дабы. На избитыхъ, распухшихъ ногахъ видѣлись обрывки сиромятной кожи, изъ которой нѣкогда были сдѣланы чарки. Сеокви пробирался черезъ заросль медленно, словно съ какою-то нерѣшительностью. Между тѣмъ дорога была ему хорошо знакома. Въ теченіи двухъ послѣднихъ дней онъ не ходилъ по другой тропѣ, какъ только по этой, истоптанной разными звѣремъ. Манчжуръ шелъ, низко опустивъ всклокоченную голову. Онъ пытался вематривался въ мелкіе волчьи слѣды, видѣвшіеся изрѣдка среди множества другихъ звѣриныхъ слѣдовъ. Время отъ времени съ устъ Сеокви срывались отрывочныя фразы и восклицанія. Повидимому, его давила какая-то назойливая мысль. Онъ находился подъ гнетомъ неотвязчивыхъ соображеній.

— Опять волчій слѣдъ! бормоталъ Сеокви, медленно шагая по тропинкѣ. Вотъ опять!.. Красные волки ходятъ здѣсь... Я знаю—ходить... Двѣ ямы вырылъ я на тропѣ, а волкъ все не попадается... Третьи сутки жду!.. Все напрасно. Тутъ окъ шельма!.. Все обходить, обходить... Сегодня опять неудача!.. Въ одну яму понала выдра, а въ другую лисца... Убилъ ихъ и выбросилъ... Только настялку испортили... Новую пришлось дѣлать... Подожду до завтра, а тамъ перейду въ другую падь...

Такимъ образомъ разговаривая самъ съ собою, Сеокви вышелъ на небольшую прогалину и угрюмо усѣлся около давно потухшаго костра. Мѣсто это было ему хорошо знакомо. Здѣсь онъ провелъ уже двѣ ночи и собирался провести третью и послѣднюю...

— Бѣсъ хочется! пробормоталъ манчжуръ послѣ короткаго раздумья и обвелъ вокругъ себя глазами, словно ища пищи.

— Опять забылъ подстрѣлить!.. Косуля почти рядомъ стояла, а упустилъ, продолжалъ бормотать Сеокви, оставивъ свои ли-

хорошо горящие глаза на потухшие уголья костра. Бсть хочется до смерти!.. Развѣ опять кореньковъ поискать!..

Манчжуръ какъ то нехотя поднялся, вошелъ въ заросль, порылся въ густой травѣ съ полчаса, и возвратился на прогалину съ двумя кореньками звѣробоя.

— Хотя что нибудь пожевать, прошепталъ Сеокви, жуя сладкій корень.

— Разведи-ко, Сеокви, теперь костеръ, да ложись спать, посовѣтовалъ самъ себѣ манчжуръ. Одиночество пріучило его разговаривать съ самимъ собой, высказывать вслухъ свои мысли...

Черезъ нѣсколько минутъ, на прогалинѣ запылалъ яркій костеръ. Прошло еще нѣсколько времени, и Сеокви уснулъ, положивъ рядомъ заряженное ружье. Въ послѣднее время послѣ его бѣгства, въ немъ произошла замѣчательная метаморфоза. Счастливо избѣгнувъ преслѣдованія обкраденныхъ товарищей, онъ всецѣло отдался поглотившей его мысли розыскать завѣтную падь Ула-Джана. Слова Лонхоу запаали въ его сердце и мозгъ слишкомъ глубоко, чтобы возможно было ихъ выпаривать. Долгое время онъ бродилъ изъ пади въ падь, все ища случая поймать живьемъ краснаго волка. Суевѣріе парализовало разсудокъ. Манчжуръ казалось, что развѣ удастся поймать волка, развѣ удастся исполнить все, что сказалъ Лонхоу, и чудная падь Ула-Джана будетъ найдена. Неотвѣзчивая мысль эта поглотила всѣ остальные мысли, давила его словно кошмаръ. Онъ забывалъ бсть. Спать плохо. Его тревожили горячечныя видѣнія. Онъ страшно источалъ и исхудалъ. Въ изможденной фигурѣ, съ глубоко впавшими глазами, съ заострившимся носомъ и свалившимися щеками, съ трудомъ можно было признать здороваго, мускулистаго бѣлаго солдата. Его пожиралъ внутренний огонь—неутолимаго жажда баснословной наживы. Онъ цѣлыми часами мечталъ только о томъ, какъ бы розыскать падь Ула-Джана и завладѣть ея запасами чудодѣйственнаго корня. Прежняго страха въ немъ словно не было. Онъ пересталъ бояться одиночества въ дикой тайгѣ, переполненной звѣрями. Онъ отосиделъ какъ то апатично къ возможности быть растерзаннымъ. Каждый вечеръ онъ спокойно засыпалъ возлѣ разведеннаго костра. Обыкновенно, костеръ потухалъ уже къ полночи, но Сеокви продолжалъ спать, нисколько не опасаясь нападенія. Счастливый случай сохранялъ его жизнь. Еще ни разу, со времени своего бѣгства изъ партіи, манчжуръ не подвергался опасности. Ему почему то даже стало казаться, что это нападеніе невозможно, что самъ божественный Фо охраняетъ своего избранника-манчжура изъ города Гирина. Развѣ рѣшившись поймать живьемъ краснаго волка, онъ сталъ чувствовать къ послѣднему значительно меньшій суевѣрный страхъ. Прежде всего Сеокви розыскалъ троцу, по которой, по его предположенію, бродятъ красные волки. Затѣмъ онъ вырылъ на этой троцѣ двѣ звѣровыя ямы и прикрылъ ихъ тонкой настилкой, сдѣланной изъ сучьевъ. Два дня подрядъ онъ осматривалъ ямы. Въмѣсто волковъ попадались въ нихъ: то лисица, то выдра, то росомаха. Развѣ даже попалъ въ яму трусливый маленькій тибетскій медвѣдь, котораго Сеокви нашелъ поутру уже мертвымъ. Оказалось, что медвѣдь провалился въ яму, въ которой уже сидѣла лисица, причемъ, повидимому, страшно испугался, какъ наденія, такъ и неожиданнаго товарищества.

Сеокви проснулся съ восходомъ солнца и тотчасъ же побрѣлъ на знакомую троцу. Черезъ полчаса быстрой, лихорадочной ходьбы по заросли, манчжуръ подошелъ къ ближайшей звѣровой ямѣ. Сердце его сильно билось отъ тревожнаго ожиданія успѣха въ своемъ замыслѣ. Онъ съ трепетомъ замѣтилъ, что настилка была пробита. Очевидно, въ ямѣ сидѣлъ звѣрь. Сеокви осторожно подошелъ, заглянулъ и съ ужасомъ отшатнулся. Изъ темной глубины ямы глядѣли на него два горящихъ, словно раскаленные уголья, глаза. Не было никакого сомнѣнія: эти пронизывающіе, ужасные глаза принадлежали свирѣпому духу тайги—красному волку... Удача устарила Сеокви. Онъ не зналъ, что теперь дѣлать, какъ совершить вторую, самую главную половину, задуманнаго имъ, смѣлаго замысла... Прошло болѣе получаса. Манчжуръ продолжалъ стоять въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ звѣровой ямы, не рѣшаясь даже вторично взглянуть на пойманнаго хищника. Огненные глаза устрашали его, отнимали то первое мужество, которое охватило все его существо, подѣ давлениемъ мысли завладѣть богатствами пади Ула-Джана? Сеокви чувствовалъ, что у него пропадаетъ рѣшимость захватить живьемъ краснаго волка и выколотъ ему глаза, какъ указывалъ Лонхоу. Самомнѣніе исчезло. Ему вдругъ начало казаться, что онъ, отуманенный безумною алчностью, рѣшилъ на невозможное. Напрасно поддѣргивалъ онъ свое мужество фаталистическимъ предположеніемъ, что самъ божественный Фо окажетъ ему содѣйствіе. Напрасно распался онъ болѣзненно настроенное воображеніе картиной находженія чудной пади. Ничто не помогало. Сеокви боялся пошевеливаться. Суевѣрный страхъ постепенно прокрадывался въ душу и все болѣе и болѣе наполнял трепещущее сердце... Наконецъ онъ не выдержалъ невнятной попытки и, охваченный ужасомъ, бросился бѣжать отъ ямы. Только на прогалинѣ Сеокви пришелъ въ себя... Онъ остановился и въ изнеможеніи опустился на траву, передъ потухшимъ костромъ. Онъ дрожалъ, какъ испуганный звѣрь, ищущій убѣ-

жища. Со дба его падали на траву крупныя капли холоднаго пота... Онъ сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, словно вросшій въ землю, прислушиваясь къ окружающей тишинѣ... Прошелъ длинный день... Наступила ночь. Сеокви продолжалъ сидѣть у костра, не двигаясь и не показывая даже признака жизни. Онъ былъ похожъ на каменное изваяніе. На его блѣдномъ, изможденномъ лицѣ словно застыло выраженіе ужаса... Между тѣмъ голодный волкъ, соскучившись сидѣть въ темной, сырой ямѣ, вдругъ завылъ. Вой гулко раздался въ почной тиши. Кровь застыла въ жилахъ Сеокви. Ему почудилось, что вой этотъ все разрастается, разрастается и наконецъ разросся до чудовищныхъ, ужасающихъ размѣровъ. Ему казалось, что вся чаща наполнилась этимъ адскимъ воемъ, что тайга вдругъ ожила и затрепетала отъ ужаснаго крика злаго духа... Сеокви, охваченный ужасомъ, забылся развести костеръ, онъ былъ окруженъ мракомъ. Взоръ его топулъ въ непроницаемую мглу... Вдругъ эта мгла какъ будто бы нѣсколько разсыпалась. Тамъ и здѣсь загорѣлись зловѣщіе огоньки и запрыгали въ какой то неистовой пляскѣ, прорѣзая мракъ рѣзкими, свѣтлыми молніями. Волоса на головѣ Сеокви встали дыбомъ. Ему чудилось, что вокругъ него посяетъ злые духи и протягиваютъ къ нему свои огненныя ланы... Нервы манчжура, пришедшіе въ неестественное напряженіе, не выдержали... Сеокви, охваченный ужасомъ, стремительно поднялся и бросился опять бѣжать, самъ не зная куда, олашая ночной воздухъ дикими криками. Ему казалось, что за нимъ несется цѣлый сонмъ злыхъ духовъ, что окружающія деревья потрясаютъ своими мохнатыми вершинами, словно грозя бѣглецу, словно желая преградить ему дорогу... Манчжуръ бѣжалъ по троцѣ ощупью, инстинктивно угадывая каждую ея извилину. Онъ бѣжалъ долго, пока хватило силъ. Но вотъ ноги Сеокви внезапно подкосились, словно невидимая сила сломила несчастнаго манчжура, и онъ, изможденный, изцарапанный, упалъ безъ чувствъ въ самую чащу заросли...

XV.

Погоня.

Лонхоу, потерявъ слѣдъ Сеокви, рѣшился возвратиться къ подошвѣ холма, переночевать тамъ и съ утра приступить къ новымъ поискамъ. Онъ понималъ, что отъ результата этихъ поисковъ зависитъ благополучіе всей партіи и потому рѣшился отказаться отъ преслѣдованія коварнаго манчжура только при полной невозможности найти его слѣды...

Ночь прошла благополучно. Съ разсвѣтомъ поднялись съ сырой травы и, даже не позавтракавъ, стали взбираться на холмъ, по той же самой троцѣ, по которой спустился наканунѣ въ падь. Лонхоу былъ убѣжденъ, что Сеокви поднялся на вершину холма по той же троцинкѣ, по которой спустился къ поповѣ, и затѣмъ сошелъ по другой троцѣ. Необходимо было только розыскать, куда именно. Подымаясь по крутому скату, онъ зорко старался разглядѣть, среди звѣринныхъ слѣдовъ, слѣдъ манчжура. Ли-фу и Ки-сэ энергично помогали старшинѣ въ его трудныхъ розыскахъ. Поднявшись на холмъ, разошлись по троцѣ, затѣмъ извивавшейся по самой его вершинѣ: Лонхоу пошелъ вправо, Ки-сэ и Ли-фу повернули влѣво... Поиски безуспѣшно въ теченіи цѣлыхъ десяти часовъ. Сходили по всѣмъ тропамъ, заглядывали въ каждую щель,—напрасно: Сеокви словно провалился. Ночь заставила приостановить поиски. Измученные, странно проголодавшіеся, собрались подѣ тѣнь широколѣвистаго кедра, поужинали кое-какими кореньями и завалились спать... Слѣдующіе два дня прошли такъ же. Лонхоу началъ отчаяваться.

— Если завтра не разыщемъ, надо домой, сказали онъ своимъ товарищамъ наканунѣ послѣдняго дня поисковъ. — Не до зими же искать его!.. Мы и такъ изголодались, на однихъ кореньяхъ...

Съ утра слѣдующаго дня энергично продолжались поиски и случайно увѣнчались успѣхомъ. Спустившись по едва замѣтной троцѣ въ узкую темную падь и пройдя по дну ея нѣсколько сотъ шаговъ, Лонхоу, шедшій по обыкновенію впередъ, замѣтилъ торчащія изъ заросли чьи то босыя ноги, пятками вверхъ. Очевидно, что неизвѣстный человекъ лежалъ лицомъ внизъ. Туловища не было видно. Оно исчезло въ непроницаемой чащѣ. Старшина подбѣжалъ къ неподвижно лежащему человеку. Онъ не сомнѣвался, что видитъ передъ собой ноги Сеокви, заставившаго провести товарищѣй столько мучительныхъ дней.

— Гайда, гайда!.. Сеокви!.. крикнулъ Лонхоу товарищамъ.

— Гдѣ онъ?.. Гдѣ?.. съ недоумѣніемъ спросили Ки-сэ и Ли-фу, спѣша вслѣдъ за старшиной.

— Вотъ онъ, дохлая собака, лежить! проговорилъ запыхавшійся Лонхоу, злобно ткнувъ прикладомъ ружья въ торчащія изъ заросли голыя ноги. Это было какое то безобразное подобіе человѣческихъ ногъ. Ли-фу съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ состраданіемъ, смотрѣлъ на странно опухшія, окровавленныя оконечности. Рѣзко выдѣлявшіяся среди яркой зелени.

— Гей, тащите его на тропу! распорядился Лонхоу.

Ки-сэ и Ли-фу ухватились за торчащія ноги и осторожно потянули къ себѣ... Ни съ мѣста... Они потянули сильнѣе... Что-то хрустнуло, но туловище нисколько не подалось изъ заросли, словно оно вросло въ землю...

Литературный альбомъ. „Кавказскій плѣнникъ“. Поэма А. С. Пушкина. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

Письмо къ жениху. Съ картины В. Моэса, грав. Веберъ.

— Ишь, дохлял собака! Онъ, вѣроятно, зубами передъ смертью за что нибудь зацѣпился... Тащи сильнѣй!!.. злобно крикнулъ Лонхоу и самъ ухватился за него.

Авантюристы напрягли всѣ силы и безнадежно рванули за окровавленныя оконечности... Опять ни съ мѣста!.. Послышался какой то подозрительный хрюскъ и трескъ. Хрустнула ли это подвернувшаяся сухая вѣтка подлѣска, или что другое—трудно было разобрать... Искатели жень-шеня хотѣли было рвануть еще разъ, но вдругъ остановились и съ ужасомъ выпустили изъ рукъ ноги. Кровь застыла въ ихъ жилахъ... Волоса встали дыбомъ. На лбу выступили крупныя капли холоднаго пота. Что ихъ такъ испугало?... Они вдругъ почувствовали, что ноги Сеокви словно ожили и конвульсивно затрепетали. Изъ чаши долетѣлъ до ихъ слуха едва слышимый, мучительный стонъ... Они безнадежно тянули за ноги живаго человѣка!..

— Онъ живъ! прошепталъ поблѣднѣвшій Лонхоу. — Какой шайтанъ держитъ его тамъ?!

Сеокви конвульсивно, едва замѣтно, подергивалъ ногами. Лонхоу, не говоря ни слова, быстро очистилъ топоромъ себѣ проходъ въ чащу и скрылся въ ней. Ли-фу и Ки-сэ остались на тропинкѣ въ безмолвномъ ожиданіи. Черезъ минуту Лонхоу вернулся съ блѣднымъ, разстроеннымъ лицомъ.

— Пойдемте!.. Онъ издохъ!.. пробормоталъ старшина товарищамъ и быстро, нервно зашагалъ дальше по тропѣ.

— Кто его тамъ держалъ? полюбопытствовалъ Ки-сэ.

— Собакъ! собачья смерть!.. Самъ божественный Фо показалъ Сеокви за преступленіе противъ товарищей, пробормоталъ Лонхоу дрожащимъ голосомъ.

Загадочныя слова только подзадорили любопытство.

— Ты видѣлъ его? спросилъ онъ.

— Видѣлъ! отрывисто отвѣтилъ Лонхоу.

— Отчего онъ подохъ?.. Вѣдь живъ былъ, какъ тащили его за ноги?.. приставалъ Ки-сэ.

— Да, живъ! Собакъ! собачья смерть!..

— Онъ, видно, бѣжалъ и упалъ, продолжалъ тихо Лонхоу. Упалъ онъ лицомъ внизъ... Угодилъ прямо на острый пенекъ.. Пень его держалъ, а мы все тащили!.. Онъ и подохъ!.. Едва голову ему не оторвали... Ну, да собакъ! собачья смерть!.. черство и злобно добавилъ онъ, и быстро зашагалъ по тропѣ.

Съ безмолвнымъ ужасомъ шли другіе за своимъ вожакомъ. Страшная смерть товарища произвела на нихъ удручающее впечатлѣніе...

Лонхоу подвигался впередъ уже не ощущая. Онъ хорошо сообразилъ, съ которой стороны бѣжалъ несчастный Сеокви. То тамъ, то здѣсь висѣли на кустахъ обрывки бумажной матеріи, ясно указывавшіе направленіе безумнаго бѣга манчжура. Лонхоу шелъ увѣренно. Онъ былъ теперь убѣжденъ, что, подвигаясь впередъ по той же тропѣ, онъ достигнетъ наконецъ исходнаго пункта бѣжальнаго Сеокви... Дѣйствительно, къ вечеру авантюристы вышли на прогалину, на ту самую, на которой провела двое сутокъ Сеокви, помѣшавшійся на отысканіи легендарной пади Ула-Джанъ. Зоркій глазъ Лонхоу тотчасъ же рассмотрѣлъ брошенное манчжуромъ ружье. Рядомъ лежала пороховница — предметъ такихъ долгихъ, страстныхъ поисковъ. Старшина стремительно поднялъ рогъ и, дрожащими отъ нетерпѣнія руками, вскрылъ его.

— Полный! крикнулъ онъ радостнымъ голосомъ. Сеокви пересыпалъ весь порохъ въ свой рогъ, а наши бросилъ гдѣ-то... Ну, теперь гайда!.. Теперь мы и сыты будемъ и отъ звѣрей отобьемся... Гей, Ки-сэ!.. бери ружье!.. Теперь всѣ съ ружьями—не пропадемъ... Пороху хватить... Теперь поздно, а то бы и дичины на ужинъ набили... Ничего, почку еще поголодаемъ, корешки пожуюмъ, а тамъ—привольное житье! Завтра опять искать корень... Эй, Ли-фу, Ки-сэ, продолжалъ Лонхоу. Отъ неожиданной радости, старшина сдѣлался болтливъ.—Эй, вы тамъ!.. Полно вамъ лупить глаза. Живо собирайте побольше хворосту, разводите костеръ. Тутъ проночуемъ, а тамъ гайда за жень-шенемъ!.. Наберемъ его по сотнѣ штукъ!..

Повеселѣвшіе авантюристы быстро исполнили приказаніе старшины. Черезъ нѣсколько минутъ, на полянкѣ горѣлъ яркій костеръ.

Удача подѣйствовала на искателей. Они повеселѣли, забыли недавнія невзгоды, сдѣлались разговорчивыми. До поздней ночи болтали о томъ, о семъ, строили воздушные замки и мечтали о будущемъ. Начали было даже пѣть. Утомившись только поздно ночью...

(Окончаніе въ слѣд. №).

Землетрясеніе въ Испаніи.

Очеркъ.

Ужасающія извѣстія, получаемыя изъ Испаніи, вызываютъ страшныя воспоминанія о геологической исторіи нашего земнаго шара. Ни разу со времени Лиссабонскаго несчастья въ 1755 г., Кабрабійскаго въ 1784 и Перуапскаго и Калифорнійскаго въ 1868 г., не было еще такой потрясающей катастрофы; матеріальныя потери громадны и человѣческія жертвы очень многочисленны. Первые удары послышались 25 декабря возлѣ Мадрита и передались дальше; они усилились къ 29 декабря и продолжаются еще и теперь въ нѣкоторыхъ частяхъ Андалузіи, но уже въ болѣе слабой степени. Во многихъ мѣстахъ насчитывалось до 45 послѣдовательныхъ ударовъ; обыкновенно они продолжаются только незначительную часть секунды; и въ этотъ разъ въ отдѣльности они были также коротки, но въ общемъ продолжались 4 минуты и болѣе. И что очень рѣдко, они достигали даже вершинъ горъ, такъ сотрясеніе ощущалось на горѣ Канелера, вышиною въ 2300 метровъ, вблизи Сьерры-Невады; нѣсколько городовъ и селъ, расположенныхъ на южномъ склонѣ горы, именно между Сьеррой-Невадой и берегомъ, были разрушены. Зачастую ударамъ предшествовалъ страшный шумъ на подобіе того, какой бываетъ при провѣдѣ скорого поѣзда въ тоннель.

Дѣйствіе землетрясенія въ Испаніи то же, что и въ другихъ мѣстностяхъ: рушатся зданія, проваливается земля, образуются трещины, внезапно появляются горячіе ключи, разрезаются пропасти и снова смыкаются, проглотить дома—повсюду происходитъ хаосъ и запустѣніе. Такъ въ Персіанѣ раскрывалась земля на нѣсколько километровъ, въ окрестностяхъ Малаги скатился почти въ долину построенный на склопѣ горы домъ; въ Альгамѣ изъ 1757 домовъ разрушено 1462, въ общемъ во всей провинціи рухнуло болѣе 2500 домовъ. До настоящаго времени общіе убытки опредѣляются въ 30 милліоновъ, не включая сюда скотъ и хлѣбъ въ зернѣ; мертвые насчитываются тысячами; болѣе 25000 человекъ живутъ въ палаткахъ подъ открытымъ небомъ. Но печальная статистика еще не закончена!

Во всякомъ случаѣ землетрясеніе въ Лиссабонѣ въ 1755 г. было еще ужаснѣе; въ теченіи 6 минутъ погибло около 60000 человекъ и колебанія протянулись на немалое пространство; они ощущались въ открытомъ морѣ, на Альпахъ, въ Англии, Сициліи, Алжирѣ, на Антильскихъ островахъ и въ Канадѣ. И это продолжалось весь декабрь. Неизвѣстно сколько времени продолжится послѣднее Испанское землетрясеніе, такъ какъ Кабрабійское 1784 года продолжалось болѣе 3 1/2 лѣтъ; въ первый годъ насчитали 959 сотрясеній. Страны, въ которыхъ разъ ощущается землетрясеніе, постоянно бываютъ ему подвержены, какъ напр. Гроссегерау между Дармштадтомъ и Мангеймомъ. Въ ноябрѣ 1588 и 1785 гг. тамъ слышны были сильныя удары;

послѣ почти столѣтняго покоя земля заколыхалась снова въ январѣ 1869 г., а къ концу года насчитывалось 600 колебаній, которыя постоянно повторялись до 1873 г. Однимъ словомъ, гдѣ землетрясеніе ощущалось разъ, оно будетъ постоянно повторяться.

Землетрясенію, повергнутому теперь Испанію въ трауръ, предшествовали 27-го ноября сильныя сотрясенія на юго-востокѣ Франціи, по всей долинѣ Дюрасъ до Марсели, Тулона, Кана и Ниццы, и въ Италіи и Швейцаріи. 25 и 26 декабря произошли первыя колебанія почвы въ Андалузіи. Упомянемъ при случаѣ главнѣйшія землетрясенія этого столѣтія. Во время землетрясенія въ области Миссиссипи въ 1811—12 г. произошли такіе провалы, которые образовали озера въ 150 километровъ въ діаметрѣ; вся мѣстность возлѣ Новаго Мадрита понизилась и весь городъ очутился на нѣсколько метровъ ниже прежняго уровня. Землетрясеніе 1819 г. въ Кутчѣ погребло деревню и фортъ Синдра на берегу Инда, исчезъ цѣлый кантонъ въ 520 километровъ и на мѣстѣ его образовалось озеро. Въ 1828 году землетрясеніе, начиная съ Чили, заняло пространство въ 9000 километровъ. 30 января 1836 г. феноменъ появился въ Борзо, вблизи Беллуно и перешелъ Альпы; въ томъ же году землетрясеніе ощущалось въ прибрежныхъ странахъ Средиземнаго моря до Сирии и Малой Азіи; въ 1840 г. обрушилось нѣсколько горъ во Французской Юрѣ, между прочимъ гора Сернани. Въ 1855 г. былъ потрясенъ цѣлый кантонъ Валлисъ, много ручьевъ выступило изъ береговъ около Виспо и температура горячихъ источниковъ Луэшь поднялась на 7 градусовъ, какъ только землетрясеніе коснулось долины Рони. Въ февралѣ 1865 г. вдругъ исчезъ одинъ изъ Маледивскихъ острововъ; 25 октября того же года провалился кусокъ земли возлѣ Вендесвилля, на Цюрихскомъ озерѣ. Въ 1867 г. опустилась часть деревни Фиріоло на Лаго-Маджоре. Въ 1868 г. исчезли большія пространства земли въ Перу со всѣми деревнями; въ Калифорніи происходило то же самое, въ Санъ-Франциско опустилось нѣсколько улицъ, дома деревни Пелла очутились въ озерѣ Орта; въ 1869 г. почувствовались удары въ городѣ Опла въ Малой Азіи, жители убѣжали въ горы и видѣли какъ городъ въ нѣсколько минутъ исчезъ въ огромной развращенной пропасти. Въ 1871 г. былъ разрушенъ Баттангъ въ Китаѣ, а на мѣстѣ города Орландо въ Сѣверной Америкѣ появилось озеро. Въ 1873 г. сильное землетрясеніе постигло Сардинію и ощущалось по ту сторону Альповъ до Мюнхена, Аугсбурга и Берна. По вычисленіямъ профессора Фукса съ Гейдельберга, съ 1865 по 1873 г. было 1184 землетрясеній на 517 различныхъ пунктахъ.

Безъ сомнѣнія, землетрясенію подвержены болѣе всего вулканическія страны, особенно гористыя; но ни одна страна не

может считаться вполне обезпеченной от него. Состав почвы играет при этом большую роль. Если скалы плотны и тверды, землетрясение распространяется далеко; в рыхлых массах оно скоро устает. Разорванные скалы ослабляют движение, дѣли горы образуютъ защиту и обыкновенно удерживаютъ его. Но землетрясения не всегда бывають вулканическаго происхожденія. Они могутъ случаться отъ внутреннихъ передвиженій или внутреннихъ химическихъ процессовъ, отъ прониканія воды вглубь, отъ обваловъ подземныхъ нещерь, отъ внезапныхъ измѣненій температуры—нельзя перечислить всѣхъ возможныхъ причинъ. Вода, повидимому, играетъ большую роль при землетрясеніяхъ, какъ и при изверженіяхъ вулкановъ; въ послѣднихъ вода, проникая въ раскаленный очагъ лавы, образуетъ сильныя пары. Землетрясенія, происходящія отъ подземныхъ переворотовъ, бывають совершенно случайны, однако подверженныя имъ страны болѣе частью или вулканическія или гористыя, или расположены вблизи моря.

Причины также родственны послѣднимъ. Кромѣ того геологически онѣ еще очень юны, онѣ образовались гораздо позже Альповъ,—достаточная причина, чтобы, не смотря на ихъ неподвижность, относиться къ нимъ съ недоувѣремъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, наслоеніе ихъ еще не кончено и пелъза знаетъ исцѣла ли уже та сила, которая выгнала ихъ вверху. Во всякомъ случаѣ уже 120 лѣтъ онѣ не подавали признака жизни, по что значатъ 120 лѣтъ противъ геологическихъ вѣковъ? Большія настоящія потрясенія внушаютъ мало довѣрія.

Землетрясеніе послѣднихъ дней захватило два пояса, отдѣленныхъ довольно широкой полосой третичной земли. Первый, менѣе всего потерпѣвшій, обнимаетъ сѣверъ Севильи, Жалъ и далѣе, и идетъ отъ сѣверо-запада на сѣверо-востокъ до Валенсіи; второй, южный, пострадавшій наиболѣе, захватываетъ Гранаду, Малагу, Альгаму и проч. Въ обоихъ этихъ полсахъ почва растрескалась, точно также треснули всѣ вторичныя и третичныя скалы, въ которыхъ отдается всякое внутреннее движеніе. Если продолжить мысленно эту большую линію до сѣверо-запада, то она прорѣжетъ Балеарскіе острова, которые въ недавнее еще геологическое время были подъ водою и только въ новѣйшую эпоху приподняты подземными силами. Такимъ образомъ на всей этой линіи недавно происходили перевороты, могущіе повториться и которые въ дѣйствительности повторились. Въ Пиринеяхъ не образовалось вулкана какъ предполагали; за подобный приняла воду и изверженіе ила, но рудники не пострадали отъ сотрясенія, чего не бываетъ никогда при землетрясеніяхъ съ недавнимъ прошлымъ.

Наука не въ состояніи еще объяснить настоящія причины

землетрясеній; все сводится еще къ однимъ предположеніямъ, внутреннее строеніе земли еще неизвѣстно.

Зная очень мало о происхожденіи землетрясенія, естественно, что мы не можемъ опредѣлить времени его наступленія. Одно только извѣстно, что оно чаще бываетъ во время полнолунія, чаще вблизи земли, чѣмъ вдали, и преимущественно наступаетъ тогда, когда луна стоитъ близко меридіана. Далѣе, чаще всего землетрясенія случаются зимою, во время поворота солнца. Если центръ земли дѣйствительно жидокъ, то луна производитъ въ немъ тѣже приливы и отливы какъ въ океанѣ. Эти подземныя приливы приносятъ всѣ вулканическія изверженія и сотрясенія къ земной корѣ, которая, вслѣдствіе своей эластичности, можетъ нѣкоторое время выносить вліяніе луны на подземный океанъ. И дѣйствительно, при изверженіи Везувія въ 1855 г. наблюдались настоящія вулканическія приливы и отливы съ ихъ ежедневнымъ постояннымъ замедленіемъ. Этимъ самымъ доказывается уже жидкое состояніе центра земли. Точно также землетрясеніе во Франціи 27-го поября и въ Испаніи 25-го декабря произошло оба раза во время полнолунія.

Однако зависимость землетрясеній и вулканическихъ явленій отъ положенія солнца, луны и планетъ составляетъ до сихъ поръ одну гипотезу. Древніе ученые, Аристотель и Плиній, вѣрили въ существованіе отношенія между землетрясеніемъ и нѣкоторыми атмосферическими явленіями, что имѣетъ основаніе; такъ, сильное паденіе барометра зачастую служитъ предвѣстникомъ землетрясенія или бури. Но это можетъ быть также случайностью, такъ какъ исключенія изъ этого правила бывають часты, однако сильное давленіе можетъ вліять на подземныя силы, точно также какъ барометрическія давленія вліяють на подниманіе и опусканіе моря. При 84 землетрясеніяхъ въ Швейцаріи дулъ сильный вѣтеръ, и теперь землетрясенію въ Андалузій предшествовало сильное паденіе барометра.

Дождливые года также обильны землетрясеніями, такъ Лиссабонское 1755 года случилось послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ дождя, точно также и Калабрійское землетрясеніе 1851 года въ Швейцаріи, Тиролѣ и Италіи и наконецъ осенью 1884 г. въ юго-восточной Испаніи. Поэтому жители Молуккскихъ острововъ и другихъ, подверженныхъ землетрясеніямъ, съ наступленіемъ дождливаго времени переселяются изъ домовъ въ легкія палатки.

Въ общемъ нужно сказать, что познанія наши о движеніи земной коры очень ограниченны; было бы желательно, чтобы серьезныя и подробныя изученія дали возможность сдѣлать что либо для защиты мѣстностей, посыщаемыхъ землетрясеніями, и ознакомили насъ ближе съ исторіей земли.

Къ рисункамъ.

„Дуэль Пушкина“. Карт. Наумова.

(Рис. на стр. 108 и 109).

Съ начала января выставлена въ музеѣ Общества поощренія художествъ картина Наумова „Дуэль Пушкина“, копія которой помѣщена въ этомъ номерѣ. Первая картина художника „У Бѣлинскаго“, отличающаяся тенденціозностью, не была выставлена публично, а потому о ней здѣсь говорить не будемъ. Много удачнѣе разработанъ данный сюжетъ въ настоящей картинѣ, отличающейся уже значительными техническими достоинствами. Пейзажная часть картины исполнена очень хорошо. Извѣстно, что несчастная дуэль эта состоялась зимою 27 января 1837 г. при 15° морозу, въ 5 ч. пополудни. Обнаженный лѣсокъ, иней деревьевъ, даль, все это прочувствовано и изображено тщательно и вѣрно. Что касается самаго мѣста дуэли, то въ „Нивѣ“ 1880 г. помѣщена подробная статья и рисунокъ, вполне установившія гдѣ было настоящее мѣсто дуэли. Художнику, рисовавшему видъ этого мѣста, сдѣлалъ любопытныя и вполне заслуживающія довѣрія указанія арендаторъ дачи на Черной Рѣчкѣ № 5, Мякиншевъ. Съ двадцатыхъ еще годовъ сперва отецъ Мякишева, а нынѣ его сыновья арендуютъ земли такъ называемой Комендантской дачи въ этомъ мѣстѣ. Отецъ настоящаго арендатора Дмитрій былъ современникъ Пушкина и жилъ всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ роковаго мѣста. Сынъ рассказываетъ со словъ отца слѣдующее: Было дѣло это въ январѣ мѣсяцѣ. Прибѣжалъ къ старому Мякишеву впопыхахъ дворникъ Комендантской дачи Матвѣй и сказалъ, что за гумномъ какіе то господа стрѣлялись. Старикъ выбѣжалъ на улицу и увидѣлъ, что какого-то господина вели двое подъ руки, посадили въ сани и повезли въ городъ. Сейчасъ же онъ по слѣдамъ—такъ какъ по слѣгу были слѣды—пошелъ на то мѣсто за гумномъ, гдѣ стрѣлялись, на дорожку, которая шла черезъ огородъ, вондъ березы, отъ которой остался теперь только пенъ. Дорожка къ мѣсту поединка шла круто и вести по ней раненаго было бы для него очень мучительно и долго, то повели его прямо, какъ видно по слѣдамъ и крови, цѣликомъ къ дорогѣ, куда подѣхали сани, изгородь же которая была здѣсь—чтобы пройти, разобрали. Секунданты были: у Пушкина—полковникъ Данзасъ, у Дантеса—виконтъ д'Аршиакъ. Дантесъ выстрѣлилъ первый и Пушкинъ упалъ, загнѣвъ приподнявшимся немного и опершись на лѣвую руку, Пушкинъ

выстрѣлилъ въ свою очередь и Дантесъ также упалъ. Замѣтивъ кровь на груди Дантеса, Пушкинъ бросилъ пистолетъ въ сторону. Поэтъ былъ раненъ смертельно. Пуля раздробила кость верхней части ноги и глубоко вошла въ животъ. Его усадили въ карету и увезли домой на Фонтанку, гдѣ нынѣ на стѣнѣ мраморная доска съ надписью: „Здѣсь жилъ Пушкинъ“. Камердинеръ бережно понесъ его по лѣстницѣ. „Грустно тебѣ пести меня?“ тихо спросилъ Пушкинъ. Его раздѣли и уложили въ кабинетъ. Агонія продолжалась 45 часовъ; на третій день поэтъ скончался, около 3 час. пополудни 29 января.

На картинѣ г. Наумова, очевидно внимаельно воспользовавшись всѣми указаніями, сцена дуэли представлена въ такомъ видѣ: къ лѣску вправо направляется противникъ Пушкина Дантесъ, уже покинувшій мѣсто поединка; лица его не видно, хотя, судя по положенію фигуры, онъ задумчиво идетъ понуря голову. Впосрединѣ стоятъ сани, запряженныя парой рыжихъ лошадей. Къ санямъ, держа подъ мышки, ведутъ раненаго поэта секунданты—Данзасъ въ формѣ сапернаго полковника и виконтъ д'Аршиакъ въ шубѣ. Влѣво раскидана шинель, обогрѣнная кровью, далѣе шляпа Пушкина; путь отъ шинели до группы запятнанъ кровью. Лицо раненаго поэта, — средоточіе картины, изображено въ профиль. Пушкинъ, въ одномъ сюртукѣ, сосредоточено глядитъ вслѣдъ противнику. Извѣстно, что Дантесъ-Геке-ренъ былъ всланъ по Высочайшему повелѣнію изъ Россіи. Въ почтѣ на 28-е докторъ Арендтъ привезъ Пушкину собственноручную записку Государя: „Если Богъ не приведетъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ прощенье и совѣтъ: умереть христіанномъ. О женѣ и дѣтяхъ не беспокойся—я беру ихъ на свои руки“. „Скажите Государю, произнесъ поэтъ, что жалѣю о потерѣ жизни потому, что не могу изъяснить своей благодарности, что я былъ бы весь его“.

Прогулка.

(Рис. на стр. 113).

Прекрасная картинка Боденмюллера переноситъ насъ къ эпохѣ среднихъ вѣковъ въ окрестности стариннаго угрюмаго замка. Въ то время какъ его владѣлецъ, такъ часто бывавшій въ отсутствіи, закованный въ желѣзо, на сильномъ коѣ своемъ ѣдетъ, быть можетъ въ блестящемъ обществѣ другихъ рыцарей,

готовясь къ трудному бою; въ это время его дамы, обреченныя на долгое ожиданіе и уединенную жизнь, развлекаютъ себя прогулками по окрестностямъ среди густыхъ хлѣбныхъ полей, мечтая о будущемъ, вспоминая прошлое. Ихъ высокія, стройныя породистыя фигуры, правильныя лица указываютъ на высокое ихъ происхожденіе, а красивый средне-вѣковый костюмъ выгодно отбѣняетъ ихъ красоту. У насъ не разъ помѣшались рисунки талантливаго Боденюллера и предлагаемый рисунокъ одиѣ изъ лучшихъ.

Письмо къ жениху.

(Рис. на стр. 117).

Эта милостивая молодая особа кажется поставлена въ значительное затрудненіе какъ и что писать въ такомъ щекотливомъ письмѣ. Въ ея рабочей семьѣ, среди ея близкихъ, не очень то развита охота къ перепискѣ, въ употребленіи развѣ дѣловая переписка. „Ну какъ я ему буду писать?“ въ смущеніи, краснѣя, говоритъ дѣвушка. Въ чашку съ чернилами опускаетъ съ любопытствомъ пальчикъ ея младшая сестренка а старушка-бабушка, улыбаясь надъ смущеніемъ внучки, тоже участвуетъ своими совѣтами въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ. Все это выражено весьма живо и правдиво въ талантливомъ рисункѣ художника.

Братья Яковъ и Вильгельмъ Гриммы.

Въ германской культурной исторіи было три приѣбра общей дѣятельности братьевъ. Это Александръ и Вильгельмъ Гумбольдты, затѣмъ Августъ Вильгельмъ

и Фридрихъ Шлегели — отцы романтической школы, и наконецъ, Яковъ и Вильгельмъ Гриммы — основатели нѣмецкой филологіи. Первымъ ихъ выдающимся произведеніемъ, расположившимъ въ ихъ пользу сердца всей націи, были „Сказки“, которыя они издали сообща; затѣмъ каждый изъ нихъ избралъ себѣ поприще, сообразное своему характеру, но къ концу жизни они еще разъ соединились для общаго труда по изданію знаменитаго Словаря.

Гриммы болѣе чѣмъ другіе ученые доказываютъ, что научное направленіе вытекаетъ изъ личныхъ наклонностей и это именно дѣлаетъ ихъ ближе, доступнѣе. Оба обладаютъ склонностью къ поэзій и ко всему отечественному; они откровенно сознаются въ приверженности ко всему родному. На родинѣ они желаютъ жить и умереть и чувствуютъ связь со своими соотечественниками даже въ недостаткахъ и слабостяхъ. Въ своемъ именно отечествѣ они сдѣлали лучшія пріобрѣтенія для своего большаго произведенія. Въ окрестностяхъ Ганау, гдѣ они родились — Яковъ 4 января 1785, а Вильгельмъ 24 февраля

1786 года — они собирали свои сказки, и гессенская крестьянка „фрау Фимэниль“ изъ деревни Нидерцверенъ возлѣ Касселя была ихъ самой усердной рассказчицей.

Въ Германіи давно были извѣстны сказки, но это были сказки волшебныя, по образцу французскихъ, затѣмъ были собраны въ родѣ изданныхъ Музеусомъ, которыя однако не достигали дѣйствія, благодаря неумѣнью посягаться. Но сказка

въ ея настоящей формѣ, безъ всякихъ добавленій, сказка, какая сложилась въ народѣ, впервые издапа была братьями Гриммъ. Предъ нѣмцами снова воскресли „Красная шапочка“ и „Снѣгурочка“, „Золушка“ и „Мальчикъ съ пальчикъ“ и пр. Если бы братья Гриммъ не вложили ничего болѣе кромѣ этихъ сказокъ въ нѣмецкую литературу, то и тогда они все же заняли бы въ ней почетное мѣсто.

Геттингенскій университетъ предложилъ Якову профессуру и должность бібліотекаря; Вильгельмъ долженъ былъ занять мѣсто помощника бібліотекаря, а впоследствии стать профессоромъ. Оба согласились на эти предложенія и просили курфюрста уволить ихъ отъ службы. Курфюрстъ охотно согласился на ихъ увольненіе, не предчувствуя будущей славы своихъ подданныхъ.

Такимъ образомъ къ новому 1830 году они переселились въ Геттингенъ.

20 июня 1837 г. умеръ король англійскій Вильгельмъ IV. Въ Великобританіи ему наследовала королева Викторія, а ганноверскій престолъ, на который не могла вступить женщина,

на, достался Эрнсту Августу. Спустя три мѣсяца послѣ восшествия на престолъ, онъ распустилъ палату.

Въ это то время въ письмѣ на имя университетскаго куратора профессора объяснили, что они считаютъ себя связанными данною присягою и не могутъ признавать правоспособною другую палату. Письмо это было подписано семью профессорами, которые подъ именемъ „Геттингенской семерки“ сдѣлались извѣстны по всей Германіи. Въ числѣ ихъ были и Гриммы.

Яковъ Гриммъ какъ природный гессенецъ снова поселился здѣсь, позднѣе пріѣхалъ также Вильгельмъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, при вступленіи на престолъ Фридриха Вильгельма IV, они были призваны въ Берлинъ, гдѣ оставались до самой смерти. Происшедшія при увольненіи профессоромъ событія Яковъ Гриммъ изложилъ въ брошюрѣ, которая вышла въ Базелѣ.

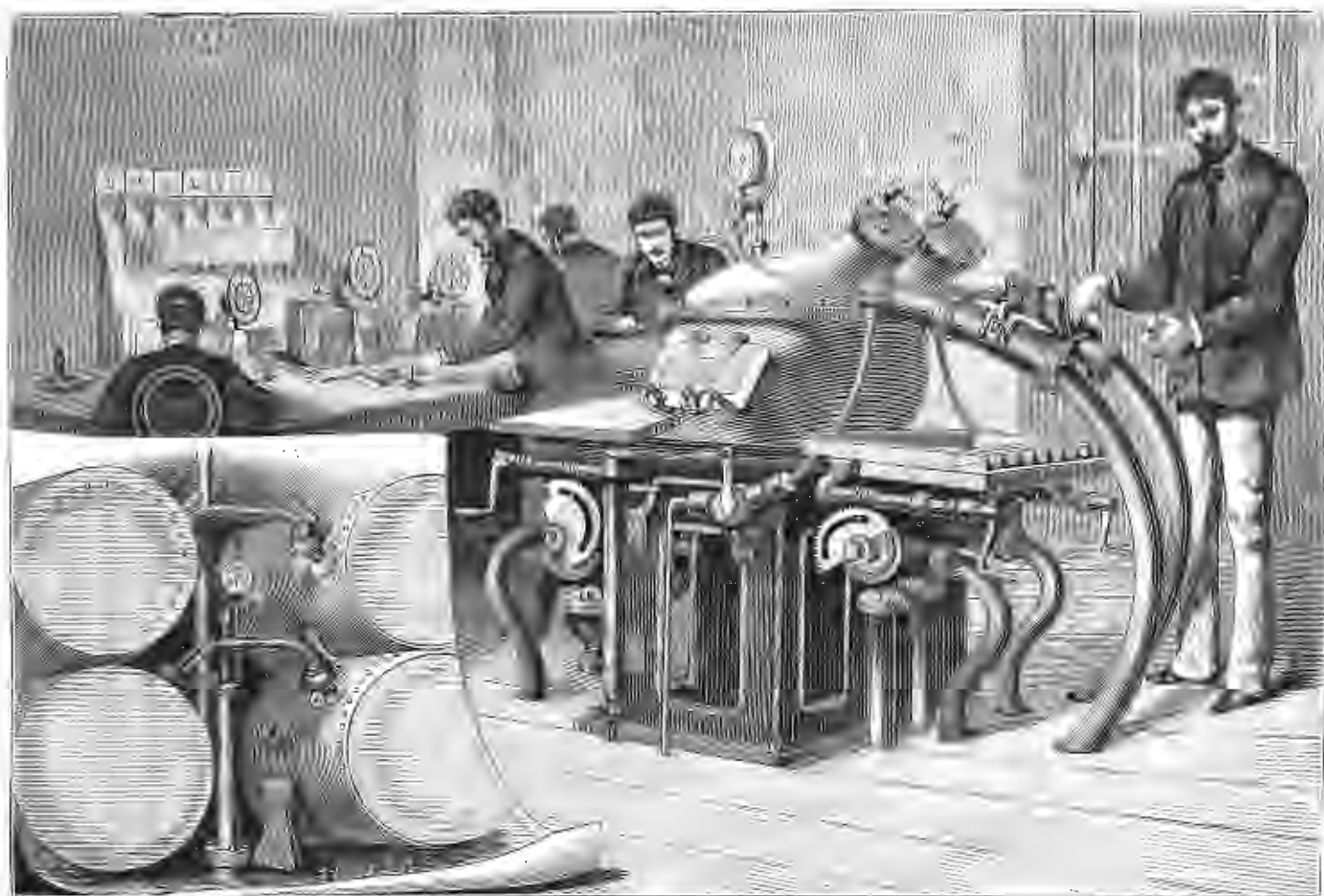
Знаменитые ученые получили затѣмъ всемирную извѣстность. Яковъ былъ творцомъ нѣмецкой филологіи, важнѣйшіе его труды: „Нѣмецкая грамматика“, „Германская міеологія“, „Исторія

Братья Яковъ и Вильгельмъ Гриммы. По фотогр. грав. Флюгель.

Станция пневматической почты (старой системы) в Вѣнѣ. Рис. Ф. Коларцъ, грав. Рау

Станция пневматической почты (новой системы) в Вѣнѣ. Рис. Ф. Коларцъ, грав. Рау.

германскихъ языковъ“, „Дѣтскія и народныя сказки“ (изданы имъ вмѣстѣ съ братомъ). Умеръ онъ въ 1863 году. Братъ его Вильгельмъ-Карлъ занимался поэзіей среднихъ вѣковъ, издавалъ нѣмецкія легенды „Древне-германскіе дѣла“ и пр. Умеръ въ 1859 г. Въ Гапау имъ предполагено поставить памятникъ.

Литер. альб. „Кавказскій плѣнникъ“, Пушкина.

(Рис. на стр. 116).

Роскошная природа Кавказа и Крыма впервые отразилась со всеми своими красками въ высокопоэтическихъ описаніяхъ Пушкина и въ нихъ поэтъ уже въ раннихъ своихъ произведеніяхъ достигъ замѣчательнаго совершенства. Такъ „Кавказскій плѣнникъ“, при своемъ появленіи, возбудилъ восторгъ публики, главнымъ образомъ, чудными картинами кавказской горной природы; критика упрекала поэта въ нѣкоторыхъ недостаткахъ содержанія поэмы, но тѣмъ не менѣе „Кавказскій плѣнникъ“ читался на расхватъ, хотя самъ поэтъ не былъ доволенъ вполне своимъ произведеніемъ.

Предъ плѣннымъ русскимъ офицеромъ является юная черкешенка съ плѣннымъ привѣтомъ; она, полная довѣрія и привязанности, ходитъ ежедневно въ уединенную саклю плѣннаго; ухакиваетъ за его рапами, утѣшаетъ его надеждою свободы и привязывается къ нему глубоко и искренно. Плѣнникъ сознаетъ, что онъ любимъ, но усталый отъ жизни, холодно относится къ ласкамъ и нѣжнымъ признаніямъ дѣвушки. Такъ идутъ годы; черкешенка уже давно не посѣщаетъ плѣнника; онъ равнодушно переноситъ свой плѣнъ, простившись съ надеждою когда нибудь вернуться на родину. Но вотъ, разъ, неожиданно, передъ русскимъ снова является дѣвушка, вооруженная пикой и кинжаломъ. Она пришла освободить плѣнника.

На плѣнника возведши взоръ,
„Вѣги, сказала дѣва горъ;
„Пигдѣ черкесь тебя не встрѣтитъ;
„Слѣши не трать ночныхъ часовъ;
„Возьми кинжалъ; твоихъ слѣдовъ
„Никто во мракѣ не замѣтитъ...“

Эта сцена и изображена нашимъ художникомъ.

На дикій брегъ выходитъ онъ,
Глядитъ назадъ—брега яслѣи,
Но нѣтъ черкешенки молодой
Ни у бреговъ, ни подъ горой...
Вес мертво... на брегахъ уснувшихъ
Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ
И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ...

Пневматическая почта въ Вѣнѣ.

(Рис. на стр. 121).

Пневматическою почтою называютъ вполне новое приспособленіе для передачи по подземнымъ трубамъ, при помощи давления воздуха, писемъ и пакетовъ. За основаніе принято то же правило, которымъ руководствовались въ 1834—1848 гг. при устройствѣ атмосферической желѣзной дороги; тамъ вагоны приводились въ движеніе при помощи разрѣженнаго воздуха. Если изъ трубы, по которой движется плотный поршень, выкачать съ одной стороны воздухъ, то поршень, вслѣдствіе давления воздуха съ противоположной стороны, будетъ двигаться въ сторону, гдѣ воздухъ рѣже; то же самое происходитъ если накачивать въ трубу сжатый воздухъ, который также будетъ гнать поршень. Между обыкновенными рельсами провели трубу, въ которой находился герметически закрываемый эластическимъ кожанымъ клапаномъ разрѣзъ, и въ немъ двигался поршень; при помощи двигающейся въ разрѣзъ рукоятки, съ немедленно закрывающимся клапаномъ, поршень соединялся съ находящимся наверху вагономъ. На эту атмосферическую дорогу возлагались большія надежды, впрочемъ, неосуществившіяся, такъ какъ было трудно имѣть вполне герметическую заслонку для трубъ, и принципъ этотъ примѣняли къ пневматической передачѣ писемъ. Въ соединительную между станціями трубу вводятъ герметическій поршень, въ видѣ металлической пробки, въ которой находится пересылаемая корреспонденція. Такое устройство было примѣнено впервые въ Лондонѣ; въ 1874 г. въ Парижѣ, а въ 1875 году пневматическую почту ввели въ Вѣнѣ. Въ настоящее время подземною сѣтью этой почты исчерчена вся Вѣна; всѣ кварталы имѣютъ свои станціи, дѣятельность которыхъ постоянно возрастаетъ. Труба выходитъ изъ центральной станціи и, пройдя известное число станцій, снова возвращается къ центральной станціи; соединительныя и боковыя вѣтви особыми механизмами прикрѣпляются къ главному проводу. Мѣдныя, кованыя трубы уложены на глубинѣ 1 3/4 аршина подъ тротуарами. Пересылаемая по нимъ корреспонденція вкладывается въ металлическія коробки, и въ концѣ каждаго поѣзда, который составляется иногда изъ 20 коробокъ, вводится еще плотная втулка, которая не пропускаетъ воздухъ, гонящій поѣздъ. Сгущенный и разрѣженный воздухъ, необходимый для пневматическихъ почтовыхъ

поѣздовъ, даютъ насосы, приводимые въ дѣйствіе паровыми машинами. Затѣмъ доставленный насосами воздухъ помѣщается въ особые приемники (внизу на лѣвой сторонѣ рисунка 2), которые соединены особыми кранами, съ приспособленіями для впуска воздуха и передачи его въ трубы. Вѣнскія станціи имѣютъ часть аппаратовъ старой системы (рис. 1) и часть аппаратовъ новой системы, такъ называемые аппараты съ кранами для перемѣны воздуха (рис. 2); послѣдніе могутъ посылать корреспонденціи при помощи сжатого воздуха и при помощи разрѣженнаго. Если для передачи нуженъ сжатый воздухъ, то открывается клапанъ, соединяющій приемники съ трубами, и сжатый воздухъ, попадая въ нихъ, гонитъ съ страшною быстротою коробки. При передачѣ помощью разрѣженнаго воздуха, напротивъ, съ трубами соединяется безвоздушный приемникъ (пространство, откуда выкачаютъ воздухъ), затѣмъ, вслѣдъ за поѣздомъ, въ трубу впускается атмосферическій воздухъ, который, въ силу своего стремленія, сильно расширяется въ безвоздушномъ пространствѣ, гонитъ поѣздъ съ быстротою впередъ. Отдѣльныя станціи соединены телеграфомъ съ главной станціей и между собою и каждый разъ извѣщаютъ заранее о прибытіи поѣзда. Поѣзды писемъ отправляются каждыя четверть часа во всѣ части города.

Эпомофоръ уродливый, летучая мышь.

(Рис. на стр. 124).

Среди рукокрылыхъ животныхъ самое уродливое—это Эпомофоръ, принадлежащій къ семейству большихъ летучихъ мышей, живущихъ въ экваторіальной Африкѣ; физиономія его дѣйствительно замѣчательна по некрасивости. Голова этихъ животныхъ очень велика сравнительно съ тѣломъ и удлиняется на подобіе головы лошадиной; она окаймляется толстымъ рыльцемъ, снабженнымъ иногда прибавленіями изъ кожи, которыя дѣлаютъ его еще болѣе широкимъ и выраженіе его еще болѣе страшнымъ. Хвостъ обыкновенно короткій, но зачастую его вовсе не бываетъ, за то крылья такъ велики, что могутъ покрыть все тѣло какъ плащомъ. Перепонка на крыльяхъ почти совершенно гладкая, черноватая, между тѣмъ какъ большая часть шеи и головы покрыта короткою коричневою шерстью, впадающею въ красноватый, желтоватый или сѣроватый цвѣтъ, переходящій въ болѣе свѣтлый оттѣнокъ на животѣ. У основанія острыхъ ушей находятся пучки довольно длинной бѣлой шерсти, а на плечахъ, именно у самцовъ, по пучку жесткой шерсти вродѣ эпюлетъ. Пучки шерсти покрываютъ железы особаго устройства.

Эпомофоръ уродливый живетъ въ Гамбін, на берегу Старога Ка-лабара, въ Габонѣ и Конго и достигаетъ значительной величины. Эндемичаръ, послужившій образцомъ для нашего рисунка, вродѣ развитый самецъ, привезенный съ береговъ Огоуэ. Длина его тѣла около 6 вершковъ; ширина распростертыхъ крыльевъ равняется аршину, а голова занимаетъ треть длины животнаго. Спереди рыльца летучая эта мышь имѣетъ широкия кожаныя складки, идущія отъ угла рта къ ноздрямъ. Нижняя губа имѣетъ выемку, сквозь которую видны клыки и плоскій закругленный языкъ. Носъ раздвоенный, глаза цвѣта головы, шея толстая, съ сильными мускулами, для держанія такой громадной головы; хвоста нѣтъ. Другіе самцы, вывезенные изъ Конго, одинаковы съ описаннымъ, между тѣмъ какъ самки той же мѣстности или Габона имѣютъ менѣе отталкивающій видъ; наросты кожи вокругъ рта у нихъ меньше. Хотя нѣтъ точныхъ свѣдѣній объ образѣ жизни эпомофоровъ, но есть основаніе предположить, что они питаются плодами, преимущественно вишневыми ягодами; они хорошо летаютъ, преимущественно ночью, ловко взбираются на деревья и спятъ большую часть дня, свѣсившись головою внизъ и закрывшись крыльями.

Башня въ 300 метровъ вышины.

(Рис. на стр. 125).

На послѣдней парижской выставкѣ въ 1878 г. особое вниманіе возбуждалъ воздушный шаръ на привязи Жиффара. Для предстоящей выставки въ 1889 г. задуманъ проектъ гигантской башни въ 300 метровъ вышины (1 метръ = 1 арш. 6 1/2 вершк.). О смѣлости этого предпріянія получится понятіе, если вспомнить, что вышина башни почти вдвое превзойдетъ вышину Кельнскаго собора (159 м.). Такая башня неистинно будетъ высочайшей постройкой въ мірѣ. Для болѣе наглядности, на помѣщенномъ на стр. 125 рисункѣ, возлѣ проектированной постройки показана вышина естественнаго зданія французской столицы Собора Богоматери (Notre Dame de Paris—66 метровъ) и Кельнскаго собора—159 метровъ. Всею башню предполагается сдѣлать изъ рѣшетчатаго желѣза. Возводимыя до настоящаго времени башни, вѣрнѣе столбы (напримѣръ при большихъ американскихъ вѣдучкахъ), достигали наибольшее 60 метр. вышины. Если допустить даже, что при нынѣшнемъ положеніи инженернаго искусства, желѣзныя постройки въ 80 и 100 метровъ высоты не переступаютъ еще границъ безопасности, тѣмъ не менѣе при высотѣ въ 300 метровъ представляются почти непреодолимыя трудности, которыя приблизительно одноначущи съ проектомъ

устройства пролетов моста на расстоянии 300 метров. Попытки, что при таких необыкновенных размерах пришлось бы отступить от практикуемых строительных законов. Французский инженер Жиффель, выработавший проект в сообществе с инженерами Нуче и Кехлином и архитектором Советром, намѣренъ построить башню на четырехъ рѣсчатыхъ пиллястрахъ, которые будутъ образовывать углы пирамиды; такимъ образомъ вся постройка будетъ выведена на четырехъ отдѣльныхъ башняхъ, размеры которыхъ немогимъ будутъ превосходить возводимыя по настоящее время постройки. Каждый изъ четырехъ угловыхъ пиллястровъ будетъ имѣть у основанія 15 метровъ по сторонѣ, на вершинѣ же только 5 метровъ. Расстояніе пиллястровъ другъ отъ друга составитъ 100 метровъ; они соединятся въ высшемъ пунктѣ зданія и образуютъ площадку въ 10 метровъ по боковой сторонѣ. Прочный каменный фундаментъ послужитъ опорой для желѣзныхъ пиллястровъ. Въ различныхъ этажахъ послѣдніе будутъ скрѣплены горизонтальными соединениями, которые будутъ поддерживать полы

большихъ залъ. Такъ въ первомъ этажѣ, отстоящемъ на 70 метровъ отъ земли, будетъ находиться залъ площадью въ 5,000 кв. метровъ, т. е. 71 метръ длины и столько же ширины. Какъ показано на рисункѣ, пирамиды будутъ прорѣзаны большими сводчатыми отверстіями, которые, при пиришѣ въ 70 метровъ, сообразитъ постройкѣ монументальный видъ. Вершина башни увѣнчается стекляннымъ куполомъ, куда будутъ взбираться по четырехъ лѣстницамъ, предположеннымъ въ угловыхъ пиллястрахъ.

Въ 1875 году, когда начались приготовления къ Филадельфійской выставкѣ, американцы намѣревались также построить изъ желѣзныхъ трубъ башню въ 1,000 англійскихъ футовъ, т. е. около 300 метровъ вышины. Необыкновенныя трудности выполнения постройки заставили американцевъ отказаться отъ такого предпріятія; поэтому является сомнительнымъ, удастся ли и французамъ разрѣшить эту задачу, сомнительнымъ тѣмъ болѣе, что къ трудностямъ техническимъ присоединяется еще относительно короткое время для предстоящей постройки.

Политическое обозрѣніе.

Германія.—Англія и Египетъ.—Франція.—Италія.

Въ германской парламентъ недавно поступили жалобы побѣжденнаго на притѣвленія побѣдителя. Съ одной стороны единственный датскій депутатъ Юнгренъ развивалъ и защищалъ предложеніе, требующее употребленія датскаго языка въ администраціи и судахъ Шлезвига, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ населеніе не говоритъ по-нѣмецки. Парламентъ просто на просто отвергнулъ предложеніе. Съ другой стороны эльзасскій депутатъ Каблэ стоялъ за отпѣну чрезвычайныхъ полномочій намѣстника и выставилъ безполезность многихъ мѣръ, которыя онъ считаетъ стѣснительными. Министръ Путткамеръ энергически оспаривалъ предложеніе страссбургскаго депутата, выставивъ на видъ анти-германскую агитацію, которую не перестаютъ поддерживать и развивать сами эльзасскіе депутаты въ рейхстагѣ. „Враждебная Германіи агитація, сказала онъ при этомъ, пренебрегаетъ населенію имперской области усвоиться съ новыми условиями. Если даже членъ рейхстага Дольфусъ высказываетъ въ открытомъ письмѣ „къ милымъ парижскимъ согражданамъ“ свое сочувствіе Франціи, то правительство никакъ не можетъ отказаться отъ репрессивныхъ мѣръ“.

Революціонная партія въ Лондонѣ снова проявила себя рядомъ преступныхъ покушеній, посредствомъ динамита, противъ двухъ наизамѣчательныхъ историческихъ зданій англійской столицы—Вестминстерскаго дворца, гдѣ засѣдаютъ парламентъ, и лондонскаго Тоуэра. Въ Вестминстерскомъ дворцѣ одинъ изъ взрывовъ произошелъ въ подвалѣ Вестминстеръ-Голла, а другой въ залахъ засѣданій близъ кресла снукера. Взрывъ потрясъ всю залу, разрушилъ портики и разбилъ окна. Второй взрывъ—въ залѣ засѣданій—произошелъ нѣсколькими минутами позже перваго. Зала, гдѣ подають голоса либералы, совершенно разрушена, а зала консерваторовъ почти въ развалинахъ. Галерея перовъ взорвана; вся зала засѣданій представляетъ печальный видъ и пагромождена развитыми скамьями и зеркалами. Третій взрывъ, послѣдовавшій нѣсколькими секундами позже, произошелъ во второмъ этажѣ Вѣлой Башни въ складѣ оружія. Всѣ три этажа зданія разрушены. Приемная зала и часовня Св. Иоанна въ развалинахъ. Много погибло старинныхъ военныхъ доспѣховъ, утрата которыхъ не вознагражима. Число раненыхъ довольно велико, но большая часть получили легкія раны. Слѣдствіе, произведенное на мѣстахъ взрывовъ, еще не дало удовлетворительныхъ результатовъ, которые могли бы привести къ открытію виновныхъ. Волненіе въ Лондонѣ весьма сильное и большинство лондонскихъ газетъ занято вопросомъ о томъ, какимъ образомъ организовать надзоръ за общественными зданіями и какіе избрать пути, чтобы полиція могла предупреждать осуществленіе динамитчиками ихъ преступныхъ намѣреній.

Судьба египетской экспедиціи тоже доставляетъ немало тревогъ какъ англійскому обществу, такъ и англійской прессѣ, и тѣмъ болѣе узнается подробностей о происходившемъ сраженіи при Абукейскихъ колодцахъ, тѣмъ болѣе смѣненіе овла-

дѣваетъ обществомъ, порождая въ немъ опасеніе за дальнѣйшую судьбу британской арміи въ Суданѣ. Особенное сожалѣніе вызвала въ Лондонѣ смерть полковника Бурнаби, считавшагося однимъ изъ лучшихъ англійскихъ офицеровъ. Теперь изъ Судана идутъ вовсе не благоприятныя вѣсти. Генералъ Стюартъ, ни взирая на значительный урокъ, понесенный при Абукейскихъ колодцахъ, побѣдоносно провелъ его черезъ все стѣнное пространство, отдѣлившее его колонну, на другой день битвы, отъ лѣваго берега Нила. Соответствуетъ ли однако достигнутый результатъ тѣмъ тяжелымъ жертвамъ, цѣною которыхъ онъ былъ купленъ? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить утвердительно, такъ какъ съ лѣваго берега Нила англичанамъ представлялась возможность войти въ сообщеніе съ Гордономъ. Англичанамъ, послѣ ряда ожесточенныхъ схватокъ, наконецъ удалось утвердиться въ мѣстечкѣ Губатѣ, считающемся предмѣстьемъ Метагне и Шенди. Самый же городъ Метагне, по всѣмъ признакамъ, находится во власти суданцевъ. Недавно получено извѣстіе весьма важное. Совершилось! Въ послѣднемъ донесеніи генерала Уольслея, сказано, что Хартумъ палъ 26-го января, и, прибывшій туда 28-го января, Вильсонъ нашелъ, что городъ уже занятъ непріятелемъ, вслѣдствіе чего вынужденъ былъ отступить. Далѣе сообщается, что на возвратномъ пути, выше Шаблукскихъ пороговъ, нарощодъ Вильсона, обстрѣливаемый съ обоихъ береговъ, потерялъ крушеніе и Вильсонъ вмѣстѣ съ войсками высадился на островѣ. Для спасенія ихъ отправленъ нарощодъ. О судьбѣ Гордона ничего неизвѣстно.

Сообщенное „Агентствомъ Рейтера“ извѣстіе о пораженіи, понесенномъ французскими войсками при неудачной атакѣ одного изъ фортовъ Келунга, оказалось преувеличеннымъ. Полученныя отъ адмирала Курбэ официальные донесенія опровергаютъ сообщенія англійскихъ телеграммъ, но не настолько, чтобы вполнѣ ослабить произведенное ими тяжелое впечатлѣніе. Генералъ Негрѣ находится теперь съ своими незначительными отрядомъ въ восемнадцати миляхъ отъ Лангъ-Сона и ожидаетъ окончательной организаціи транспортной службы, чтобы двинуться впередъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ отъ адмирала Курбэ изъ Келунга, французская колонна, въ составѣ 1500 человекъ, взяла приступомъ нѣсколько непріятельскихъ укрѣпленій, командовавшихъ надъ доступомъ въ Келунгъ.

Изъ Турина сообщаютъ, что между Англіею и Италіею состоялся договоръ, на основаніи котораго итальянцамъ предоставляется занять африканское побережье Краснаго моря, между Массовою и Обоккомъ. Если представится необходимость въ занятіи Триполиса, то Англія поможетъ Италіи осуществитъ его. Кроме того, британское правительство будетъ благоприятствовать основанію итальянской колоніи на западномъ берегу Африки. Взамѣнъ этихъ условій, Италія обязалась съ своей стороны нравственно поддерживать Англію въ ея требованіяхъ и домогательствахъ въ египетскомъ вопросѣ.

Смѣсь.

Еще о графѣ А. С. Уваровѣ. Въ этомъ номерѣ помѣщенъ портретъ нашего почтеннаго археолога и здѣсь мы сообщимъ о покойномъ еще въ некоторыя подробности. Сынъ министра Народнаго Просвѣщенія, по матери потомокъ графовъ Разумовскихъ, Алексѣй Сергѣевичъ получилъ высокое образованіе; пренебрегая открывавшеюся ему блестящею дипломатическою или административною карьерой, уже съ тридцатилѣтняго возраста всего себя онъ посвятилъ русской исторической наукѣ, и во всеоружіи принялся за розысканія и собраніе новыхъ матеріаловъ для бытовой исторіи Россіи. Его изслѣдованія въ этой области открыли новыя, невѣдомыя до тѣхъ поръ эпохи, его наблюденія были такъ замѣчательны, выводы такъ новы, что труды

его по русской археологіи будутъ всегда образцовыми; о русской археологіи нельзя вести рѣчь не упоминая имени графа Уварова.

Кромѣ множества отдѣльныхъ изслѣдованій, графъ Алексѣй Сергѣевичъ задумалъ изложить богатый запасъ своихъ свѣдѣній въ большомъ систематическомъ трудѣ, озаглавленномъ *Археологія Россіи*. Онъ закончилъ только первые два тома, *Каменный періодъ*; болѣзнь и смерть застигли его въ трудахъ надъ слѣдующими выпусками,—утрата для науки. Графъ началъ свой первый томъ археологіи обращеніемъ къ своей супругѣ, графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ. Графиня, рожденная княжна Щербатова, участвовала во всѣхъ его путешествіяхъ и постоянно содѣйствовала супругу въ его

научных изысканіяхъ. Она была его неутомимо и способною со-трудницей. При оваціяхъ графу въ кругахъ ученыхъ, заслуженно чувствовалась и графиня. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ былъ осторо-женъ съ новыми знакомыми, но кому въриль, съ тѣми былъ очень общителенъ. Когда онъ хотѣлъ расположить къ себѣ человѣка, привле-кательность его обращенія была обаятельна. На долю покойнаго графа выпало рѣдкое сча-стіе: онъ нашелъ въ подругѣ жизни живое уча-стіе въ трудахъ своихъ. Во время перваго археологическаго съѣзда (въ Москвѣ) всѣ со-бирались по вечерамъ въ домъ графа Уварова, вокругъ достойной супруги его, графини Пра-сковьи Сергѣевны. И въ Кіевѣ, и Казани она была средоточіемъ для всѣхъ, какъ пріѣзжихъ, такъ и мѣстныхъ археологовъ, всѣхъ оживляла, всѣхъ одушевляла на трудъ.

Женщины - изобрѣтательницы. Значи-тельная часть техническихъ изобрѣтеній, на которыя выданы патенты Соединенными Шта-тами, сдѣланы были женщинами. Вотъ перечень главнѣйшихъ изъ нихъ. Прядильная машина, улучшенная женщиной; ткацкой станокъ, который работаетъ втрое скорѣе, чѣмъ обыкновенный; спасительный снарядъ во время пожа-

ровъ; рукоятка для винтоваго парохода; аппаратъ для взвѣшиванія шерсти,—изобрѣтеніе весьма важное при фабрикаціи шерстяныхъ издѣлій; удобопереносимый резервуаръ для воды при тушеніи по-жаровъ; примѣненіе петроліума какъ топлива на пароходахъ; способъ отапливанія вагоновъ безъ помощи огня; маслянистый войлокъ для ослабленія тренія; пишущая машина; сигналь-ный аппаратъ на морѣ; телескопъ для обзорѣ-нія морской глубины; машина для складыванія бумажныхъ пакетовъ; аппаратъ для уничтоже-нія дыма и т. д. Затѣмъ женщинами же было сдѣлано множество улучшеній въ швейныхъ машинахъ. Такъ напр. приспособленіе для шитья напусовъ и толстыхъ суконъ; аппаратъ для вставиванія иглы въ то время, когда ма-шина находится въ ходу; примѣненіе швейной машины для шитья кожи и т. д. Последнее изобрѣтеніе было сдѣлано женщиною, которая впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ занималась изготовленіемъ сѣделъ. Телескопъ для обзорѣ-нія морской глубины, изобрѣтенный г жею Ма-те и усовершенствованный ею дочерью, пред-

ставляетъ собой весьма важное изобрѣтеніе въ корабельной техникѣ, такъ какъ даетъ возможность, не вводя пароходъ въ докъ, раз-

Голова летучей мыши Эпомора.

Эпоморъ уродливый (летучая мышь). Рис. А. Клементъ, грав. Артигъ.

смотреть скрытыя под водою поврежденія. Этотъ перечень изобрѣтеній можетъ служить новымъ доказательствомъ равенства интеллектуальныхъ силъ мужчины и женщины.

Глядя на мухъ въ жаркій лѣтній день, многимъ вѣроятно приходило въ голову вопросъ: какимъ образомъ мухи держатся и ходятъ по стѣнамъ, потолка и т. п.? Раньше многие натуралисты полагали, что лопастеобразныя ножки насккомыхъ присасываются къ поверхностямъ и такимъ образомъ позволяютъ имъ удерживаться въ сказанныхъ положеніяхъ. Другіе ученые, напр. англичанинъ Благваль, опровергаютъ это предположеніе на томъ основаніи, что муха, будучи помѣщена подъ колоколь воздушнаго нососа, продолжаетъ также свободно ползати по стеклу, между тѣмъ какъ законы присасыванія, конечно, не могутъ имѣть мѣста въ безвоздушномъ пространствѣ. Въ настоящее время извѣстный естествоиспытатель Девисъ доказалъ, что мухи могутъ ходить по отвѣснымъ плоскостямъ вслѣдствіе отдѣленія отъ лапокъ липкой, скоро отвердѣвающей жидкости, которая какъ бы приклеиваетъ насккомое къ поверхностямъ. Онъ пришелъ къ этому заключенію путемъ слѣдующаго остроумнаго опыта. Муха была приклеена спинкою и крыльшками къ кусочку бумаги, а подъ нею было укрѣплено при помощи пробковыхъ пластинокъ стекло на такой высотѣ, что муха могла доставати до нея лапками. Препарированное такимъ образомъ насккомое было помѣщено подъ микроскопъ. Муха, лежа ножками вверхъ, дала возможность сдѣлать слѣдующее наблюденіе: на лопастяхъ лапокъ можно было разглядѣть тонкіе волоски, изъ которыхъ выдѣлялась свѣтлая жидкость, когда муха ставила лапки на стекло; затѣмъ, если лапка отнималась, то на поверхности стекла оставались слѣды липкаго вещества, расположенные въ томъ же порядкѣ, какъ и волоски на лопастяхъ. Это липкое вещество, отдѣляющееся изъ кожныхъ железъ лопастей ножекъ, и позволяетъ насккомымъ держаться на отвѣсныхъ поверхностяхъ и даже ходити ногами вверхъ.

Испытаніе физической силы. Во время обѣда въ одной изъ гостиницъ Познани зашелъ однажды разговоръ о коллекціяхъ оружія и доспѣховъ и объ атлетическомъ сложеніи и силѣ древнихъ рыцарей. Говорили о томъ, что въ настоящее время подобную силу и атлетическое сложеніе можно встрѣтити только между лицами рабочаго класса, гдѣ не перевелись еще мощные, сильные субъекты. Одинъ изъ офицеровъ сидѣвшихъ за столомъ доказывалъ, что помощью гимнастическихъ упражненій, верховой ѣзды, фехтованія и плаванія можно достигнуть такого развитія силы, которое превзойдетъ развитіе мускуловъ различнаго рода рабочихъ, каковы напримѣръ: насильщики, кузнецы, мѣдники, рабочіе пивоваренныхъ заводовъ и т. п. Офицеру горячо возражали и предлагали не пожелаетъ ли онъ, всегда занимающійся физическими упражненіями, помѣриться въ силѣ съ нѣкоторыми изъ городскихъ рабочихъ. Тотъ согласился состязаться на пари и предложилъ своимъ противникамъ подыскивать ему соперниковъ въ теченіи цѣлаго года. Пари было принято. Противники разсылали людей во всѣ части города, въ особенности на фабрики, въ амбары и пивоваренныя заводы и розыскивали соперниковъ офицеру. Было найдено 20 атлетовъ, изъ которыхъ затѣмъ выбрали пять человѣкъ; это были: амбарный носильщикъ, кузнецный подмастерье, рестораторъ, мясникъ и рабочій съ пивовареннаго завода; всѣ они были шестифутоваго роста, съ широкими плечами и сильно развитыми мускулами. Рѣзкую противоположность имъ представляла стройная, высокая фигура офицера, ихъ противника. Въ время состязанія офицеръ продѣлалъ десять упражненій для пальцевъ, рукъ и ногъ, которыя должны были повторити его соперники. И что же оказалось, что только въ самыхъ легчайшихъ упражненіяхъ атлеты не уступали офицеру. Самыми интел-

лесными упражненіями, которыя не могли продѣлать всѣ пять противниковъ, были слѣдующія: 1) нужно было вскарабкаться на шесть съ тяжелыми, въ 1½ центнера (центнеръ = 3 п. 5 ф.) вѣсомъ, гири на ногахъ; 2) подбросити вверхъ, почти до потолка, одною рукою гирю въ ½ центнера и поймать ее опять такою же рукою; 3) поднять одною рукою 10—12 разъ цѣлый центнеръ, при чемъ рука не должна опускаться ниже горизонтальнаго положенія и оставаться такъ въ теченіи нѣсколькихъ секундъ; 4) лежа въ горизонтальномъ положеніи, такъ чтобы только голова и пятки ногъ опирались на сидѣнья двухъ стульевъ, удержати на животѣ гири извѣстной тяжести.

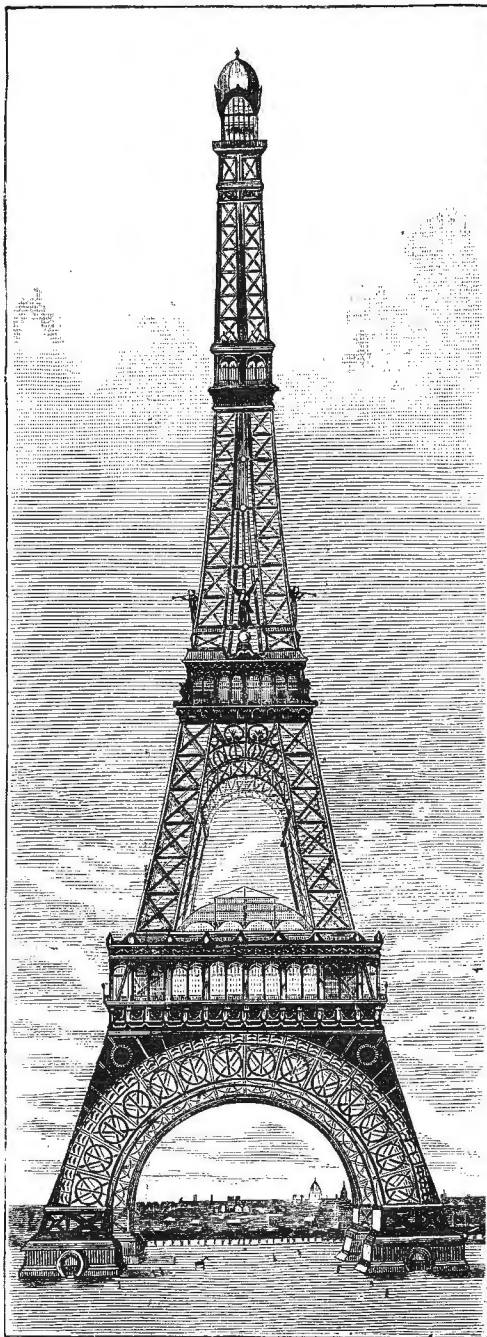
300 Что касается упражненія № 3, то нѣкоторымъ удалось поднять цѣлый центнеръ, но никто не могъ удержати его въ рукахъ, вытянутой горизонтально. Въ упражненіи № 4 самому сильному изъ пяти соперниковъ удалось удержати на тѣлѣ, опиравшемся въ двухъ точкахъ, около 250 фунтовъ, послѣ чего онъ хлопнулся на полъ и изогнулся какъ зашелкнутый перочинный ножикъ. Между тѣмъ офицеръ позволялъ положить себѣ на тѣло 300 фунтовъ и при этомъ даже не пошевелился. Такимъ образомъ офицеръ блистательно одержалъ побѣду, не смотря на то, что онъ передъ этимъ былъ боленъ и явился на состязаніе лишь потому только, что наступилъ срокъ пари, которое онъ въ противномъ случаѣ проигрывалъ.

250 **Жизнь головы послѣ отдѣленія ея отъ туловища**—фактъ признанный наукою. Поразительнымъ доказательствомъ этому служатъ случаи въ Бреславлѣ 25-го февраля 1803 г. Д-ръ Вендтъ испросилъ разрѣшеніе произвести нѣкоторые опыты надъ головою казеннаго разбойника Троэра. Къ опытамъ онъ приступилъ немедленно послѣ казни. Онъ приложилъ цинковую пластинку гальваническаго аппарата къ переднимъ мускуламъ шеи, разсвѣченнымъ мечомъ наладка; вслѣдъ затѣмъ произошли сильныя сокращенія мускульныхъ волоконъ. Затѣмъ д-ръ прикоснулся пластинкой къ разсвѣченному спинному мозгу и въ лицѣ казеннаго появилось выраженіе страданія. Д-ръ поднесъ палецъ къ глазамъ, которые быстро закрылись, точно желали избѣжать грозившей опасности. Голову поставили противъ солнца и глаза тоже мгновенно закрылись. Испытавъ зрѣніе, сталъ испытывать слухъ. Докторъ два раза крикнулъ въ ухо казеннаго: „Троэръ!“, и послѣ каждаго раза голова открывала глаза, обращала ихъ въ сторону, откуда раздавался голосъ и шевелила губами, точно желала говорить. Когда послѣ того стали владывать въ ротъ палецъ,

голова такъ сильно сжала зубы, что причинила боль. Только спусти 2 минуты и 40 секундъ, голова закрыла глаза на вѣки.

Конецъ міра. Послѣ многихъ милліоновъ лѣтъ, на землѣ наступитъ тоже состояніе, въ какомъ находится теперь луна, только одна сторона которой освѣщается и согрѣвается, въ то время какъ на другой царствуютъ мракъ и холодъ. При такомъ состояніи прекратится существованіе такихъ организмовъ, какъ люди. Точно также наступитъ время, когда солнце перестанетъ грѣти и свѣтити. Профессоръ Гельмгольцъ высчиталъ, что это произойдетъ по истеченіи 17 милліоновъ лѣтъ. Отдѣльныя мировыя тѣла будутъ еще продолжать свое движеніе одно къ другому, пока, наконецъ, въ силу закона, на которомъ основанъ ихъ бѣгъ, они приблизятся другъ къ другу и столкнутся. Земля наша, подобно прочимъ планетамъ, столкнется съ солнцемъ. Изъ этого процесса разовьется новая телота и новый свѣтъ, и круговой бѣгъ нашей планетной системы можетъ начаться снова.

Снисходительная полиція. Какъ мягко относилась къ пьянымъ

Вышина собора Богоматери въ Парижѣ (66 м.).

Вышина Кельнскаго собора (159 м.).

Башня въ 300 метр. (422½ арш.) вышины, проектированная для Парижской выставки 1889 г.

въ среднѣ вѣка, извѣстно изъ параграфа городскихъ постановленій Бергена въ Норвегїи, изданныхъ въ 1276 году. Тамъ сказано: „Если стража встрѣтитъ пьяныхъ мужчинъ или женщинъ сбившихся съ дороги, то ихъ слѣдуетъ вывести на настоящей путь. Если пьяный помнитъ свой домъ, слѣдуетъ отвести его туда, въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть отведенъ къ ближайшему хозяину, гдѣ и оставленъ до тѣхъ поръ, пока не сознаетъ куда ему нужно идти. Каждый указавшій ложную дорогу пьяному, платитъ марку серебромъ штрафа (около 12 рублей).“

Докторъ Ленденфельдъ, занимавшійся изслѣдованіемъ губокъ на Австралийскомъ берегу, открылъ верную систему у этого низшаго класса животныхъ. Открытіе это важно потому, что до настоящаго времени сомнѣвались въ животной природѣ губокъ.

Рѣшеніе задачи буквъ № 2 (помѣщ. въ № 2 „Нивы“).

	с	л	у						
	ч	а	е	т	с				
1) Ступня.	я	н	е	р	ѣ	д	к	о	н
2) До.	а	м	ѣ	и	т	р	у	д	ѣ
3) Рѣдись.	и	м	у	д	р	о	с	т	ѣ
4) Гола.	в	н	ѣ	т	ѣ	т	а	м	
5) Тотализаторъ.	ѣ	г	д	ѣ	с	т	о	и	т
6) Статуя.	ѣ	т	о	л	ѣ	к	о	д	о
7) Дьяконъ.	г	а	д	а	т	ѣ	с	я	з
8) Сънъ.	а	д	ѣ	л	о	п	р	о	с
	т	о	в	з	я	т	ѣ	с	я

„Случается нерѣдко намъ
И трудъ, и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться
За дѣло просто взяться.“

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: СПб.—Федорова, Клонова, Поршловскаго, Мальгревъ, Зои Н.ой, Анненкова, Ицинговъ, Лабутинной, Олшевскаго, Савельева, Деряжскаго, Лигина, Фрейбергъ, Бржискаго, Сибиряка, Смирнова, Убаринскаго, Барминскаго, Титова, Дунаевскаго, Чадовой, Т—ва, Гиблатъ, Воронина, Крушишева, Эйкаръ, Подгурской, Катускиной, Василевской, Геддъ, Еланской, Эмеккина, Ромизова, Хомякова, Аблековой, Мудьюгина, Цыхаевича, Куликова; Юсва—Динцова, Федорова, Васильева, Якобъ, Лодыгина, Шибанова, Нотрона-Самичева, Ильина, Трубочкаго, Гальфгеръ, Филатьева, Бохмачевскаго, Персалина, реллина, Фодченко, Константиновой; Бѣла—Тейсъ; Варшава—Шведеръ, Вильно—ремлева; Воронежъ—Бруннеръ; Динабургъ—Хруцкого; Невъ—Кюссеникова, Шихабасова; Кронштадтъ—Баркана, Яронсонъ; Нарва—Мореншильдъ; Ниж.-Новгородъ—Дунлева, Новочеркаскъ—Гудендорфъ; Новгородъ—Захаревской; Букадицкаго; О. антенбаумъ—Храбро-Василевскаго; Петергофъ—Евдокимовой, Каковинной; Олаха—Котовой; Рязань—Тромова; Самара—Умнова; Серпуховъ—Кузовлева; Смоленъ—Капканъ; Тверь—Ильина; Тула—Нейландъ, Михалыча; Холмъ—Добрянскаго, Царское Село—Голованъ.

РЕБУСЪ. Задача № 5.

СОДЕРЖАНІЕ: Графъ А. С. Уваровъ (съ портр.).—Голосъ ярови. (Драма глухого фортъ). Н. Н. Каразина. Часть II. (Продолженіе).—За драгоценнымъ кормцемъ. (Изъ жизни китайскихъ таджиковъ). Рассказъ А. Я. Максимова. (Продолженіе).—Землетрясеніе въ Испани. Очеркъ.—„Дуэль Пушкина“. Карт. Наумова (съ рис.).—Прогулка (съ рис.).—Письмо къ жениху (съ рис.).—Братья Яковъ и Вильгельмъ Гриммы (съ портр.).—Литер. альбомъ. „Кавказскій плѣнникъ“, Пушкина (съ рис.).—Пневматическая почта въ Вѣнѣ (съ 2 рис.). Эпоморфъ уродливый, летучая мышь (съ 2 рис.).—Башина въ 300 метр. вышины (съ рис.). Политическое обозрѣніе.—Смѣл. Рѣшеніе задачи.—Ребусъ.—Объявленія.—При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1885 г., съ 35 рисунками и отдѣльнымъ листомъ съ 32 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 23 рисунками выпильныхъ работъ по дереву.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марксъ.

№ 3769 10—7

ТОРЯНЫЯ. КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ И МЪШАЛКИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ, ручныя, конныя и паровыя; машины для обработки фарфоровой массы, шмота, цемента и т. п. рекомендуютъ **Людвигъ Эведоровичъ Шляизисъ**, инженеръ, Москва, Мясницкая д. Ермаковыхъ. Изготовленіе плановъ для цеховъ; устройство заводовъ. Иллюстр. каталоги бесплатно.

ИСКУССТВЕННЫЯ ЗУБЫ.
ЗУБНОЙ ВРАЧЪ **Р. А. БАРСЪ**.
Москва, Газетный пер., д. Фулда.
Лечение болѣзней зубовъ.

Поступило въ продажу 2-ое изданіе. **Вспомогательныхъ таблицъ при вычисленіи процентовъ.**
В. СЕНИГОВА.
Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Выписывающіе не менѣе 12 экз. за перес. не платятъ. Требования адресовать автору: С.-Петербургъ, Волжско-Камскій Банкъ, а также можно получать въ книжныхъ магазинахъ. Смолр. „Нива“ № 4. № 3878

АМЕРИКАНСКАЯ ПРАЧЕШНАЯ МАШИНА съ выжимкой и оз. кадкою,
ФАБРИКИ М. Н. ЛОВЕЛЬ И К^о.
КОНТОРА „ДЕВИСЪ“
Вас. Остр., 8 лин., д. 27.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ЦѢНА 25 р.

СВѢЖІЯ СѢМЕНА огородныя, цвѣточныя, хлѣбныя, травяныя и прочія предлагаетъ **СѢМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ А. УШАКОВА** въ С.-Петербургѣ, Больш. Конюшенная д. № 1. Подробный прейсъ-курантъ разсылается по требованію. № 3820 3-

НОВОЕ ИЗОбРѢТЕНІЕ.
Руки и ноги. Зигеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ выметаютъ петли, вышиваютъ и шьютъ черезъ ирай. Подробный прейсъ-курантъ и пробныя петли высылаются бесплатно. Р. № 3857 6—
А. ШТЕНЦЪ
С.-Петербургъ, Большая Морская № 26.

поступили въ продажу **НОВАЯ ДѢТСКІЯ ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА:** М. № 3870
1) **РЫЖІЙ ГРАФЪ** съ 12 рисунками. Изъ „Задумевъ. Рассказы“ П. Засодимскаго.
2) **НЕРАЗЛУЧНИКИ** съ 11 рисунками. Цѣна каждого разсказа—35 коп.
3) **ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА** съ 22 рисунками.
4) **ЯНИКИ ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА**, съ 6 рис. Изъ „Вечер. досуговъ“. Крутова. Ц. 25 к.

ПѢВЕЦЪ. Съ картины Конти грав. Кнезингъ. Названная гравюра была помѣщена въ № 3-мъ „НИВЫ“ 1885 г. и многіе изъ гг. подписчиковъ жури. „Нива“ изъявили желаніе имѣть таковую отдѣльно, въ виду чего, сдѣлано дѣтскіеко сотѣ отписковъ ея, на хорошей слошовой бумагѣ, съ широкими полями, которыя и можно получать въ Конт. Редакт. Журн. „Нива“ (Бол. Морская, 9) по 50 к. за экз., съ пересылкою по 70 коп. (гг. иногородн. могутъ высылать деньги почтов. марками).

ВЫШЛА НОВЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ КНИГА Г. ТИСАНДЬЕ:
МУЧЕНИКИ НАУКИ.
Переводъ съ франц. подъ редакціей Ф. Павленкова. Спб. 1885 г. Съ 34 рис. и 22 портретами въ текстѣ. Роскошное изданіе. Цѣна 2 р. Въ переплетѣ 2 р. 50 к. М. № 3868

КРЕМЪ СИМОНЪ
рекомендуется знаменитѣйшими докторами Парижа и употребляется всѣми дамами высшаго парижскаго общества. Это безподобное средство въ **ОДНУ НОЧЬ** уничтожаетъ угри, красноту кожи, превосходно дѣйствуетъ противъ обвѣтриванія кожи на губахъ и на рукахъ и вообще прекрасное средство противъ всякой порчи кожи. Кремъ Симонъ придаетъ кожѣ молочную бѣлизну, укрѣпляетъ ее и дѣлаетъ благоухающею.
Пудра Симонъ и мыло Кремъ Симонъ обладаютъ тѣми же превосходными свойствами и какъ бы дополняютъ прекрасный по своимъ качествамъ кремъ Симонъ.
Депю въ СПб.—гдѣ: въ Сиб. Химической Лабораторіи, у Рузанова, Кошкина, Ушакова, Штола и Шмидта, Техно-Химической Лабораторіи, Флейшъ, Саблукова, Парикова, и въ магазинѣ à la Beaupommee.
Л. № 3844 2—2

28 и 29 МАРТА 1885 года
будет разыграна
высочайше разрешенная
XXIV ЛОТЕРЕЯ
Московских Детских Приютов.
Выигрывает 500 на сумму 25000 руб.
Первый выигрывает бриллианты, серебро, вещи на
10000 руб. 10—2
Цена билета 1 р.
Билеты продаются в Московских детских приютах, во всех известных магазинах и Кассандрии Совета—Москва, Собачья площадь, д. Кареевна.

Новосты! Постоянное лечение воздуха
В. № 3848 и ночью! 3—2

(Всемирный патент)
Аппарат для вдыхания свежего воздуха
ЮЛИА ВОЛЬФА

предоставляет
днем и ночью

постоянное, облегченное дыхание посредством носа, исключительно чистого свежего (или умеренного) воздуха, в комнаты при закрытых окнах, не мешающей при чтении, писании, питье, во сне, при гимнастике и пр.; предохранительный и врачевательный аппарат для больных и выздоравливающих почти всякого рода, средство для укрепленья тела и освеженья крови для здоровых; для продления жизни стариков и invalidов! Вопрос вентиляции помещений: вместо вентиляции комнат непосредственная незольная вентиляция легкими посредством свежего воздуха! Аппарат устроен совершенно без резины и может употребляться до 5 метров разстояния от окна! Изобретатель лечился с 1864 года ежегодно в Эмсе, Меране, Фальенштайн, Ривьере! Фабрика издѣлій Гросс-Герард (Велнк. Кв. для сохран. здоровья. Гросс-Герард, Гессенъ.)

ИЩУТЪ
въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигранныхъ билетовъ, на выданныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральную контору объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лѣт. В. Р. № 3828

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.
Huste-Nicht
Scherlich geschütz!

„НЕ КАШЛЯЙ“
Медо-Травяная Мазь—Экстрактъ и Конфеты отъ Л. Г. ПИТШЪ и Копп. въ Бреславль).
Признанъ за лучшее средство противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная съ простаго матерьяла до чахотки и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ официальное благодарственное письмо отъ
Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для веннопогодныхъ больницъ и раненныхъ воиновъ въ С.-Петербургѣ.
(*) Цена: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфеты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо.
Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ у В. Ауриха, В. Морск. 17.

НОВОСТИ
(только что получены изъ-за границы).
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОДАРИ.
ЗА 25 РУБ.
высылаются съ верховою почт. слѣдующ.
Т Р И В Е Щ И:
1) **ЭЛЕКТРИЧЕСКІЙ ДВИГАТЕЛЬ** (полная модель), действующій, съ батареей и всѣми принадлежностями (последнее изобрѣтеніе). № 3859
2) **ЛОКОМОТИВЪ**, действующій паромъ, вполне безопасный для компанъ.
3) **ЗООТРОПЪ** съ картинками. Физическій приборъ, въ которомъ фигуры на картинкахъ кажутся движущимися.
Отдѣльно высылаются: Электрическій двигатель и локомотивъ по 12 руб., зоотропъ за 7 р. За пересылку въ Азіатск. Россію и на Кавказъ прибавляется 10%.
Требованія адресуются въ Москву, въ контору „Детской Библиотеки“ (Пестророва, д. Кредитнаго Общества).

СЪ МЕННОЕ ДЕПО
ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЛЬЦЪ
МОСКВА, МЯСНИЦНАЯ, Д. ПЪГОВА.
Честь имѣть уведомить гг. покупателей, что въ декабрь мѣсяцъ выйдетъ изъ печати на 1885 годъ полный Прейсъ-Курантъ на сѣмена: Сельско-хозяйственный, Огородный, Фруктовый, Цвѣточный, Древесный и проч. Садовые инструменты лучшихъ здѣшнихъ и заграничныхъ фабрикъ, громадный выборъ пальмъ и проч. растений, который по требованію выдается и высылается чрезъ почту бесплатно. № 3649 10—9

РЕЗУЛЬТАТЪ
О РЕЗУСАХЪ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ
ЖИВОПИСНОМЪ
ОБХОДНОМЪ КАЛЕНДАРѢ
на 1885 годъ

и за вѣрныя рѣшенія которыхъ предназначена премія, состоящая въ роскошныхъ изданіяхъ или картинахъ, цѣною въ сложности до 100 руб. сер., будетъ объявленъ въ томъ же календарѣ на 1886 г.
До указаннаго въ „Живописномъ Обходномъ Календарѣ“ срока (1 мая) никакіе отвѣты на вопросы относительно вѣрности рѣшеній, или раздачі премій не могутъ быть даны. № 3865

ФАБРИКА В. П. ГАННЕМАНЪ, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Контора и складъ на Вознесенскомъ пр., уголъ Казанской ул., д. № 15—45.
ОГНЕУПОРНЫЙ АСФАЛЬТОВЫЙ КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ,
приготовленный изъ лучшихъ шведскихъ матеріаловъ посредствомъ американскихъ аппаратовъ.

Экстра патентъ	дли. 19 1/2 арш.	шир. 1 арш.	6 1/2 верш.	= 27 1/2 кв. арш.	цѣна 5 —
Патентъ	„ 19 1/2 „	„ 1 „	6 1/2 „	= 27 1/2 „	„ 4 —
I сорть	„ 22 „	„ 1 „	4 „	= 27 „	„ 3 25
II сорть	„ 22 „	„ 1 „	— „	= 22 „	„ 2 75
III сорть	„ 27 „	„ 1 „	— „	= 27 „	„ 3 —
Асфальт. толемыя носы	для колнаковъ	длиною 22 аршина,	шириною 2 арш.	—	50 —
Асфальт. кровельный лакъ,	въ бочкахъ	вѣсомъ около 1 1/2 пудовъ,	за бочку	—	12 —
Асфальт. составъ	противъ сырости,	въ бочкахъ	вѣс. около 15 пуд.,	за бочку	15 —

Асфальтовый изоляръ—картонъ для обшивки сырыхъ стѣнъ.
I сорть длиною 27 арш. × шириною 1 арш. = 27 кв. арш., цѣна 3 р.
Настоящій шведскій двойной картонъ для обшивки стѣнъ и подъ коврами.
пропитанный химическимъ составомъ, не допускающимъ разведенія насекомыхъ.

Экстра патентъ	дли. 100 арш.	шир. 1 арш.	6 1/2 верш.	= 141 кв. арш.,	цѣна 16 —
Экстра патентъ	„ 100 „	„ 1 „	4 „	= 125 „	„ 12 —
Патентъ	„ 27 „	„ 2 „	— „	= 54 „	„ 6 —
Патентъ	„ 27 1/2 „	„ 1 „	8 „	= 41 „	„ 2 50
I сорть	„ 27 „	„ 1 „	— „	= 27 „	„ 1 50
II сорть	„ 27 „	„ 1 „	— „	= 27 „	„ 1 —
III сорть	„ 27 „	„ 1 „	— „	= 27 „	„ 80 —

Образцы и прейсъ-куранты высылаются бесплатно. Зданія, крытыя толемъ, принимаются на страхъ по одной и той же преміи, какъ и крытыя желѣзомъ. Р. № 3878

ТИРАЖЪ 1-го МАРТА.
Нижеозначенная контора продаетъ
5% ГОСУД. ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ

а) на наличныя деньги по дневному биржевому курсу, выигая въ свою пользу комиссію (т. е. 27 коп. съ билета).
б) съ разсрочкою платежа: съ задаткомъ не менѣе 15 рублѣй и мѣсячными платежами по опредѣленію самого покупателя, однакожь не менѣе

пяти рублѣй въ мѣсяцъ.

Со времени полученія конторою задатка, всякій выигрышъ, который падаетъ на купленный и означенный въ свидѣльствѣ билетъ, принадлежитъ покупателю и будетъ выплаченъ конторою безъ всякихъ въ свою пользу вычетовъ.
Для срочныхъ ежемѣсячныхъ взносовъ допускается 30 льготныхъ дней.

Страхование выигранныхъ билетовъ по 40 коп.
Р. № 3872 3—8

Порученія изъ провинцій исполняются конторою обратною почтою, причѣмъ контора не лишнимъ считаетъ обратитъ вниманіе гг. покупателей на то, что въ послѣднихъ дняхъ до тиража порученія поступаютъ въ большомъ количествѣ, а потому желательнo, для точнаго исполненія многоразныхъ порученій, высылать таковыя по возможности заблаговременно.
Банкирская контора Ф. А. КЛИМА
въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 21.

№ 9. СПЕЦИАЛЬНОСТЬ № 9.
для ПОРТНИХЪ и ПОРТНУХЪ.
МАНЕНЫ изъ ПАРИЖА.
Манены для корсетовъ.
Манены для бѣлыя.
Манены для плажковъ.
Манены для мужскихъ.
Манены полудлинныя, для дамъ.
И. Ванонъ.
№ 9. Гороховая № 9, кв. № 8. № 9,
въ бель-этажѣ, въ С.-Петербургѣ.
Прейсъ-куранты высылаются бесплатно. № 3816 2—2

Крестьянскіе выборы и самоуправленіе.
Книжка эта хотя и назначена для крестьянъ и ихъ выборныхъ лицъ, но она интересна и для всякаго образованнаго челоа. Продаётся у Стеф. Яковл. Михайлова, С.-Петербургъ, Обводн. каналъ № 8; цѣна вѣсто прежн. 20-ти—14 коп. съ перес.; на 2 р. и болѣе уступки 10%, мелочъ 7 к. мар., на деньги менѣе рубля, и на марки мен. 2 книж. не высылаются. № 3856

НОВОТРОИЦКОЕ ПОДВОРЬЕ,
въ Москвѣ, на Иппикъ, противъ биржи и Гостиннаго двора, въ домѣ Троицкой лавры. Больше 100 номеровъ для прѣзжающихъ со всякимъ удобствами, съ постельными бѣльемъ, въ сутки отъ 75 коп. и дорожн. ванна, парикмахерская, разсылки для разныхъ порученій и для отправки товаровъ. Тутъ же особое отдѣленіе для квартирантовъ помѣсячно и въ годъ отъ 20 руб. въ мѣсяцъ и дорожн. П. № 3860 3—1

НОВАЯ КНИГА.
Плваніе по морямъ и океану. Путешествіе въ Южную Америку. Описаніе бурь, перелѣта черезъ экваторъ и южно-американскихъ стѣнъ и поселеній нѣмцево-колонистовъ, переселившихся изъ Россіи въ Южную Америку. А. Умиссъ. 1836 г. Цѣна съ пересылкою 1 руб. За 5 экземпляровъ уступка 20%.
Складъ книги у автора. Адресовать на ст. Ю. З. Ж. Д. Новоукраинку, Антону Ивановичу Умиссъ. № 3862

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія: какъ не содержитъ въ соств. своемъ вредн. здор. веществъ.
„МОЗОЛИНЪ“
произвора Пинесь и Н°. Превосходное средство противъ мозолей 1 коробка 35 коп.
Съ пересылкою 2 экор. 1 р. 20 к., 4 экор. 2 р., 6 экор. 2 р. 50 к.
Главный складъ для Россіи Л. Власовъ СІВ. Петерб. Сторона, Большой пр. № 27.
„Мозолинъ“ только произвора И. Пинесь и Н°. № 3831 10—3

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ
ДЛЯ ЧАСОВЪ.
Не отличить отъ настоящаго золота!
Ручательство—5 лѣтъ, что не почернѣютъ!
Продаются депо Василія Аурхъ, Болыя. Морская, д. 17, кв. 6, паради. лестница въ С.-Петербургѣ. № 3812

МУЖСКІЯ
въ 2, 3, 3 1/2 и 4 1/2 руб.
Двойныя
въ 5 1/2, 7 и 8 руб.
ДАМСКІЯ
въ 4, 5, 6, 6 1/2,
8 и 9 руб.
пересылка—50 коп.
Торговцамъ скидка!

4711
СОСНОВЫЕ ДУХИ.
врачами признаны превосходными; особенно рекомендуются для очищенія комнатнаго воздуха. Можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ итискарскими товарами. 3756 17—3

ЭРОИКА

ФАНТАЗИЯ ДЛЯ ОРКЕСТРА ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ Д. СЮБЕЛЕВА. СОЧИНЕНИЕ

АНТ. РУБИНШТЕЙНА

Исполненная въ концертахъ Имп. Русск. Муз. Общ. 6-го октября, въ С.-Петербургѣ и 12 января въ Москвѣ. Партитура. Цѣна 6 р. Оркестров. гол. 7 р. 50 к. Въ четыре руки, цѣна 3 руб. N. № 3846 1-1

МОСКВА

у П. ЮРГЕНСОНА.

НЕГЛИННЫЙ ПР. № 10.

СПБ. у П. Юргенсона. Б. Морская 9.

Именно честь рекомендовать ВАТЕРЪ-КЛОЗЕТЫ АБСОЛЮТНО ЗАМКНУТЫЕ, сдѣланное съ необходимостью для громаднаго большинства семействъ, въ особенности для жилищъ, лишённыхъ водопроводовъ. Ручаюсь за полное отсутствіе запаха и удобство употребленія; весьма полезны при уходѣ за больными, такъ какъ они могутъ быть поставлены въ любой комнатѣ. N. № 3847

№ 100. Съ водяннмъ оррошеніемъ, хорошо лакиров. съ полиров. деревяннмъ колёсикомъ, съемнымъ ведромъ двойнымъ, водяннмъ ватворомъ, весьма простымъ способомъ наполненія 20 руб.
№ 101. Такой же, съ резервуаромъ и каучуковой трубкой, отличной полировки 16 руб.
№ 102. Клозеты, герметически замкнутые, безводные 7 руб.

ЭСМАРХОВСКИЯ КРУЖКИ.

необходима для каждаго семейства, съ принадлежностями, за экземпляръ 2 р. 50 к. За пересылку 50 к.

Врачи, акушерки, госпитали и аптеки платятъ за 12 кружекъ безъ принадлежностей 9 руб., съ принадлежностями 25 руб., безъ пересылки. По полученіи стоимости, высылаю безотлагательно.

Н. К. ВЕНЖЕ. СПБургъ, Каменно-Островскій проез. № 37.

ОДИНЪ КОМАНДНОЕ ЛИСТОВОЕ ЖЕЛЪЗО.

Самый дешёвый, лучший и красивый материалъ для кровельныхъ работъ, превосходящій всѣ другіе. Продажа въ конторѣ завода: В. О. 12 линія д. № 15. АРТЮРЪ ДЮРИЦЪ. Р. № 3876 4-1

Альбомъ золотыхъ мотивовъ.

Новая книга съ роскошн. портретомъ В. В. ЗОРНИНОЙ, содержащ. въ себѣ болѣе 300 лучш. новѣйш. русск. и цыганск. романсовъ, цыганск. венгерскихъ и народн. пѣсней, оперъ, опереттъ, вальсовъ, серенадъ, баркароль, шансонет. комич. куплетовъ, сатирич. и юмористич. стихотвореній, рассказовъ и проч., исполняемыхъ всеми извѣстными въ послѣднее время артистами и артистками на столики и загородн. сценахъ. Продается во всѣхъ книжн. маг. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою. Складъ: СПб. въ музич. магаз. А. Габлера, Мал. Конюшенна ул. д. № 10. N. № 3861

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.

Huste-Nicht

НЕ КАШЛЯЙ!

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславль).

Признавъ за лучшее средство противъ кашля, микроты, охриплости, стращающей горла и груди, начинающа съ простого кашля до чахотки и противъ блѣдой несомни. Мы имѣемъ официальное благодарственное письмо отъ N. № 8840 10-2 Главнаго Упрвленія Общества Краснаго Креста для чествованія больш. и рлпеннмъ воцтамъ въ С.-Петербургѣ.

Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1884 ГОДА,

заключающей въ себѣ болѣе 1200 страницъ текста и 700 художественно выполненнхъ гравюръ, большой романъ Вс. Соловьева — „Изгнанникъ“, большой романъ графа Е. А. Салиаса — „Въ старой Москвѣ“, разсказы Я. П. Полонскаго — „Вадимъ Голетаевъ“ и изъ воспоминаній того-же автора — „И. С. Тургеневъ у себя“, повѣсть Д. В. Григоровича — „Недолгое счастье“, разсказы Н. В. Успенскаго — „Новые помѣщики“ и „Привольная жизнь“, разсказы П. П. Гнѣдича — „Въ 12-мъ году“, разсказы А. Я. Максимова — „Жертва злему духу“ и „На соболей“, повѣсть П. Петрова — „Багровая пыль“ и др. произведеній современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержания по естественной, зоологич., астрономич. и проч. и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Проф. Импер. Академіи Художествъ М. Е. Маковского „ГУСЛЕРЬ“.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ

Брошюрован. . . . 4 р. Въ казенк. перепл. 5 р. 50 к. Съ пересылкою . . . 6 . . Съ пересылкою . . . 7 „ 50 „ Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургѣ, въ контору редакціи журнала „Нива“ Б. Морская. № 9; въ Москвѣ — въ Отдѣленіе Конторъ „Нивы“ у Н. Н. Печковской. д. Петровскихъ Торговыхъ линій.

С.Петербургская Химическая Лабораторія

Фабрика парфюмерныхъ издѣлій.

На каждомъ предметѣ требовать фабричное клеймо:

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.Петербургская Химическая Лабораторія“

О-ДЕ-КОЛОНЪ

чрезвычайно о-вѣжительный, душистый и крупнкій, двойной, тройной, № 4 экстрактъ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

- ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: 1. Невскій проспектъ, домъ № 32. Каполической церквѣ. 2. Невскій проспектъ, домъ № 66 у Аннинскаго моста. 3. Вознесенскій проспектъ, домъ № 18-54. Шредера.
ВЪ МОСКВѢ: 1. Кузнечій мостъ, домъ Третьяковыхъ.
Контора и оптовый складъ въ зданіи фабрики въ С.Петербургѣ: Измайловскій проспектъ, 21.

СКРИПКИ

для учениковъ, музыкантовъ и артистовъ, дѣтеныя отъ 2 р. 50 к. до 5 р. и дѣтныя по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 100 р. и дороже.
Смычки по 50 к., 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 10 р. и дороже.
Фуляры по 4 р., 5 р., 7 р., 10 р. и дороже до 25 р. Школы для скрипки по 1 р., 2 р., 2 1/2 р., 3 р., 4 р.
Этюды и другія ноты.
Альты по 9 р., 15 р., 25 р., 50 р. и дороже.
Виолончели по 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 100 р. и дороже.

Контрабасы по 40 р., 50 р., 75 р., 100 р.
ГИТАРЫ
лучшей работы и съ весьма хорошиимъ тономъ съ винтами для струнъ по 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р., 50 р. и дороже до 100 р.; школы по 1 р. 50 к., 2 р. и 3 р.
ЦИТРЫ
по 12 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р. и 100 р.
Новый самоуучитель 3 р. II часть 2 р. Хорошія итальянск. и нѣмецк. струны, канифоль, камертоны, метрономы и другіе принадлежности рекомендуемъ.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
Главное депо музыкальн. инструментовъ С.ПБургъ, по Большой Морской ул. № 36
Москва, Кузнечій мостъ д. Третьякова
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. За порученію прощусь прислать приблизительно. Р. № 3875

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА ИЗВѢСТІЯ СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА

въ 1885 году. Годъ второй.
Въ 1885 году „ИЗВѢСТІЯ“ будутъ выходить ежемѣсячными выпусками отъ 2 до 2 1/2 листовъ.
ПРОГРАММА. I. Дѣятельности С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества и другихъ Славянскихъ обществъ въ Россіи и за границей. II. Славянское обозрѣніе. III. Славянскія библиографическія извѣстія. IV. Объявленія.
Подлинная годовая цѣна для всѣхъ подписчиковъ безъ различія въ Россіи и за-границей, съ доставкой и пересылкой, ДВА РУБЛЯ.
Срокъ годовой подписки считается съ 1-го января 1885 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
въ С.-Петербургѣ, въ помѣщеніи „С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“, на площади Александринскаго театра, домъ № 7. N. № 3851
Тамъ-же можно подписываться на „ИЗВѢСТІЯ“ текущаго года по ДВА РУБЛЯ за экз.
Отдѣльные номера „ИЗВѢСТІЯ“ по 20 коп. продаются въ Пассажѣ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, и въ Славянскомъ Обществѣ. Редакторы: Н. Н. Страховъ, И. И. Соколовъ.

ТРЕБУЮТСЯ
агенты, для продажн. если въ томъ, посредствомъ развѣдковъ, кофе, чая и рису, за вознагражденіе въ 300 лубковъ, хорошую комиссію. Р. № 3874 3-1
Гамбургъ. У. Штиллеръ и К°.

НЕ МОГУТЪ СПОРИТЬ

никакіе кремни, ни припірація для женскаго лица — съ достоинствомъ мамонтнаго мыла. Натуральная бѣлизна, свѣжестъ, прозрачность являются послѣ употребленія этого мыла, буквально замѣняющаго собою всѣ косметики. Цѣна 60 в.
МОКРАЯ ПУДРА
не смывается съ лица; употребленная развѣ въ сумки, оставляетъ на лицѣ натуральную бѣлизну до слѣдующаго дня и уничтожаетъ загаръ. Цѣна 2 р., перес. 50 к. Предметы эти находятся въ продажѣ: въ С.-Петербургѣ: въ С.-Петербургской химической лабораторіи и у Рузанава; въ Москвѣ: Буисъ, Кузнечій мостъ; у Теодора, на Кузнечикомъ мосту; въ Харьковѣ, — аптека Груздева и у Юбуды Айвази; въ Одессѣ, у Гельдера; въ Вишнѣ, у Грузжевскаго; въ Варшавѣ, въ магазинахъ Добжанскаго, куда и просьбъ обращаться иногороднихъ.

BALSAM COLORADO
Doctor's Jefferson's
Прекращаетъ вылѣзаніе волосъ, укрѣпляетъ ихъ корни, перхотъ исчезаетъ, въ одинъ разъ, волосамъ придаетъ прекрасный ростъ, блескъ и мягкость, умнжъ желатъ сѣдину постепенно или въ одну ночь, по желанію потребителя.
Цѣна 4 р., перес. 1 р., въ томъ же магазинѣ. N. № 3863 5-3

КОНТОРА И ЗАВОДЪ ДЛЯ ЭКСПЛОАТАЦІИ НЕФТЯНЫХЪ ОСТАТКОВЪ

М. А. ПАСТУХОВА

МИНЕРАЛЬНОЕ ШВЕЙНО-МАШИНОЕ МАСЛО № 00.

Химически чистое, прозрачно-желтоватаго цвѣта, безъ вкуса и безъ запаха керосина, не осматриваетъ, не горитъ, не засыхаетъ и не сгущается отъ времени, а потому не требуетъ промывки швейной машины керосиномъ и при его употребленіи даётъ большую экономию, сравнительно съ другими существующими въ продажѣ маслами. N. № 1196 3-1
Флаконъ минеральнаго швейно-машиннаго масла № 00—20 коп. (16 золот. чистаго вѣсу).

За дюжину флаконовъ минеральнаго швейно-машиннаго масла № 00, упакowanych въ ящичекъ.— 2 р. 40 в.

ЕДИНСТВЕННОЕ ДЕПО
Минеральнаго швейно-машиннаго масла № 00
Главная контора М. А. ПАСТУХОВА,
С.-Петербургъ, Пушкинская ул., д. № 4, кв. № 10.

ПРОТИВЪ СѢДИНЫ.

Жидкость, возвращающая сѣдинѣ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ. Флаконъ 3 р., пересылка 1 руб. Гороховая ул., д. 57. Магазины: парикмахерская Ивановой.

НИВА

КАЛОСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XVI годъ
№ 6

годъ XVI
1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдаеъ 9 Февраля 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/2 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 40 к. — Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 фр. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія. 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМЪ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

Людвигъ Галеви.

При избраніи 4-го декабря прошлаго года во французской академіи новыхъ академиковъ на мѣсто умершихъ, кресло покойнаго Ераста Гассонвиля занялъ извѣстный писатель Людвигъ Галеви, весьма популярный во Франціи, какъ своими романами, такъ и драматическими произведеніями.

Галеви родился въ Парижѣ въ 1834 году и приходится племянникомъ знаменитому композитору—автору „Жидовки“; по выходѣ изъ коллегіи онъ посвятилъ себя всецѣло службѣ и послѣдовательно занималъ разныя государственныя должности: сначала секретаря при министерствѣ, потомъ въ бюро управленія Алжира и колоній, и наконецъ редактора законодательнаго корпуса. Но страсть къ литературѣ увлекла его и среди серьезныхъ государственныхъ дѣлъ, и нѣсколько пьесъ его имѣли большой успѣхъ на Парижскихъ сценахъ. Онъ тогда же началъ трудиться самостоятель-

Людвигъ Галеви, писатель. По фотогр. грав. Флягель.

но для сцены. Нѣкоторыя изъ его пьесъ имѣли большой успѣхъ и у насъ въ Петербургѣ на французской сценѣ. Въ нихъ много драматизма, есть и французская веселость, и живость. Въ 1869 году явилось одно изъ удачливѣйшихъ произведеній Галеви „Фруфру“, комедія въ пяти актахъ, имѣвшая громадный успѣхъ. Такой же успѣхъ имѣли и его новыя комедіи, явившіяся въ 1871 году на сценѣ Палерояльскаго театра. Какъ романистъ, Галеви тоже пользуется заслуженной репутацией; его романъ „Аббатъ Константинъ“ пользуется популярностью во Франціи и читается на расхватъ. Кромѣ этого романа, Галеви написалъ еще романы „Крикеть“ и „Бѣлая корона“. Последній весьма несложень, прости позамыслу, но тѣмъ не менѣе производитъ сильное впечатлѣніе. Какъ журналистъ, Галеви работалъ въ изданіи „Парижская жизнь“, гдѣ помѣщались его остроумные очерки и шаржи. Лучшій изъ нихъ—это „Госпожа и господинъ Карди-

наль". Кроме того, въ газетѣ „Temps“ онъ напечаталъ рядъ статей политическаго содержанія. Эти очерки, написанные несомнѣнно живо и художественно, Галеви потомъ соединилъ вмѣстѣ и далъ имъ общее названіе. Императорское правительство очень благоволило къ Галеви, и уже въ 1864 году сдѣлало его кавалеромъ ордена почетнаго легіона—знака от-

личія, высоко цѣнимаго во Франціи. Двери академіи открылись для Галеви тоже очень радушно и, по словамъ французскихъ газетъ, заслуги его были признаны безъ возраженій ученымъ собраніемъ, и избраніе обошлось безъ всякаго протеста, при одобреніи его друзей и многочисленныхъ почитателей.

Г о л о с ъ к р о в и.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

На крылечкѣ Шелобовъ и Силантій тихо и печально разговаривали.

— Да, братъ! покачалъ головою Шелобовъ.

— Это точно! потупился Силантій.

— И вотъ, братецъ мой, какъ спѣлъ на голову, все это обрушилось!

— Божья воля!..

— Нѣтъ, ты посуди!.. Добро-бы померъ, отъ болѣзни что-ли какой, отъ старости... А то... Шелобовъ покосился на окно, взглянулъ туда же и Силантій...

— Въ Иргизѣ я слышу... Такъ и обмеръ... Куда уже вѣсть зашла!.. Сказывали, изъ за капитала польстились!..

— Теперь я вотъ затѣмъ и выѣхалъ навстрѣчу... чтобы, знаешь, не сразу...

— Это на что же лучше!.. Вѣрите ли, Василій Ивановичъ, я за эти три дня просто измучился! Какъ это разговоръ пойдетъ промежъ насъ, такъ и бѣда! Не знаю какъ и языкомъ ворочать... Все слова разные придумываю, и все неладно выходитъ... Самъ вижу, что неладно... Я уже и по нимъ это замѣтилъ...

— Что ты?

— Сами увидите... извѣсно дѣло, кровь говорить... не чужой кто,—отецъ родной! вотъ она, кровь эта, и сказывается...

Звизнула задвижка, встрепенулись бесѣдующіе... Вошли. Стоитъ Надя у стола, къ нимъ спиною, умывальникъ не тронуть, полотенце такъ и лежитъ, свернутое, на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ его Силантій положилъ.

Шелобовъ и старикъ переглянулись молча между собою.

— Торопи самоваръ поскорѣе! Да скажи: что-же молъ лошадей не закладываютъ?! засутился капитанъ.—Ну, Надя, устали таки вы, я думаю, порядкомъ!..

— Устала! проговорила дѣвушка...

— Ну теперь уже недалеко... То бишь оно очень далеко, слишкомъ полторы тысячи верстъ... Да я такъ вотъ радъ, что вы нагнали... эка случай то какой, счастливый!.. Теперь вмѣстѣ, такъ двумя тарантасами, караваномъ значить, и покатымъ чудесно!

— Вмѣстѣ! повторила Надя, почти машинально.—Я очень рада...

— Тутъ вотъ скоро верблюжьи станціи пойдутъ. Знаете, пески этакіе страшные! лошадямъ не сvezти, такъ верблюдовъ запрягаютъ... забавно! Тамъ, я думаю, вы, у себя въ институтѣ, на верблюдахъ не ѣздили?!.. А потомъ все отлично пойдетъ... Недѣли въ двѣ дока-тямъ, скорѣе можетъ быть даже. А вотъ и самоваръ тащутъ! Посторонитесь немного!.. Ставь сюда на столъ!.. да, позвольте, я самъ заварю, что вамъ, право, безопасно.

— Заварите, Василій Ивановичъ...

— Силантій!.. Или, нѣтъ! Онъ тамъ киргизятъ учитъ тарантасъ подмазывать... Силантій! покончишь, иди чай пить!.. печего проклажаться!.. Пожалуйте!.. Сахаръ сами положите, но вкусу!

Тронулись дальше.

Тарантасъ Нади вперед, Шелобовскій сзади. Дорога

съ каждымъ шагомъ становилась хуже. Уже начались пересыпи, песчаные заносы, гряды пересѣкающіе твердо утрамбованный колесами путь; полузамученныя почтовые клячи шли почти шагомъ, трогая рысцою изрѣдка, развѣ гдѣ дѣло шло подъ горку. Солнце перешло за полдень и жара, казалось, еще болѣе усилилась. Силантій снова усѣлся на козлы передняго тарантаса, но дорогою перебрался къ Шелобову.

Онъ понималъ необходимость, что называется, спѣться какъ слѣдуетъ, и вотъ, ради этой именно дѣли, онъ, сначала, соскочивъ съ козелъ, приостановился, а затѣмъ пошелъ рядомъ съ Шелобовскою повозкою, придерживаясь рукою за облучекъ.

— Потолковать надо бы какъ слѣдуетъ! началъ онъ, первый.

— Толкуй не толкуй, а дѣло дрянн! замѣтилъ Шелобовъ, надымивъ полный тарантасъ своими кручеными папиросами.

— Вотъ теперь, по моему, если сказать все прямо, повиниться-бы, да и камень съ души... Что же, вѣдь, воля Божія!.. рано-ли—поздно-ли, узнать должна. Что-жъ и себя, да и ее, голубушку, томить... Вы, думаете, ей легко тоже? Я такъ полагаю, что коли ежели запала у ней на сердце эта самая предчувственность, то ужъ шабашъ... Либо уже прямо надо обманомъ брать, либо все на чистоту... А то ни то, ни се... Пытка—одно слово!

— Пытка! согласился Василій Ивановичъ.—Это вѣрно!.. Легче бы, кажется палецъ за пальцемъ тупымъ ножомъ рѣзать... Хочешь пашироску?

— Покорнѣйше благодаримъ! Мы другимъ манеромъ употребляемъ... Моего не прикажете-ли?

Вытянулъ Силантій тавлинку, зарядился... Стали оба въ молчанку играть; минутъ десять забавлялись такимъ образомъ. Не замѣтили какъ Надя выглянула назадъ изъ тарантаса и снова спряталась. Пошли кони рысцою, привскочилъ старикъ на подножку, присѣлъ на облучекъ.

— Ты, вотъ, говоришь, повиниться надо, все разсказать, какъ слѣдуетъ!.. А что изъ этого выйти можетъ, а? Ты какъ объ этомъ думаешь? прервалъ тяжелое молчаніе Василій Ивановичъ.

— Это уже какъ Богу угодно... Большая, можно сказать, печаль...

— Печаль! То-то... А что ежели, да съ такого горя бѣда какая приключится! Обморокъ—что!.. Это еще правимо! А вотъ если что хуже!.. Бываетъ разрывъ сердца, ударъ—и готово! Да оборони Богъ!.. Болѣзнь ежели даже, не приведи Господи... Здѣсь, въ степи, въ пескахъ этихъ! Ни аптеки, ни доктора... Что мы съ тобою дѣлать станемъ?..

— Это точно!..

— Опять, вѣдь, что грѣха таить! Намъ вотъ съ тобою тяжело, мы и думаемъ, что намъ тогда полегче станетъ, изъ за того больше хлопочемъ... Нѣтъ, не ладно!

— Зачѣмъ изъ за себя!.. Перетерпимъ!.. потупился старый инвалидъ.

— Нѣтъ уже врать, такъ врать до конца. Все, молъ, благополучно, ничего худого не слышать, да и не слыш-

по было... Поберегать только, чтобы стороною не узнала... Ну, да вдвоемъ это не трудно... А тамъ, какъ прѣйдемъ,—или близко подъѣзжать стансмъ, тамъ уже видно будетъ, какъ и что... Тамъ посмотримъ!

— Что же! И это можно! согласился Силантій.— Отчего не такъ!

Порѣшили на томъ, чтобы „врать“ до конца.

Такъ бы оно, можетъ быть, и вышло, еслибы это твердое рѣшеніе, въ эту же ночь, не разрушила сама Надя.

XIII.

Проѣхали и эту станцію, проѣхали и другую. Добралась, наконецъ, до верблюжьихъ перегоновъ.

Горбатые, неуклюжіе „корабли пустыни“ сначала очень занимали юную путешественницу... Она припоминала, въ дѣтствѣ еще, странныя формы этихъ животныхъ, но теперь отвыкла и сначала побаивалась ихъ, а главное ихъ отвратительнаго, болѣзненнаго рева. Медленно двигался поѣздъ посреди горъ сыпучаго, накаленнаго песка; изнуренные верблюды оставались чуть не на каждомъ шагу, доводя до отчаянія неистовавшихъ, усердія ради, возницъ... Шелобовъ и Силантій почти все время шли пѣшкомъ, помогая ямщикамъ одолѣвать препятствія, хватались за колеса, подпихивали сзади; кнуты, погайки... все, чѣмъ можно было нанести ударъ, вволю гуляло по ребрамъ несчастныхъ „кораблей“... И, все таки, только послѣ заката солнца, дотянулись, наконецъ, до станціи Акъ-Джупасъ, и то остановились въ виду, не доѣзжая, такъ какъ передъ самыми, полужанесенными пескомъ кибитками и мазанкою станціоннаго дома, поднималась сплошная сыпучая гора, окончательно непреодолимая для измученныхъ верблюдовъ.

— Что это тамъ? спросила Надя, указывая рукою въ ту сторону, гдѣ кровавымъ блескомъ, отражая вечернее зарево, свѣтилась узкая полоса воды...

— Это море, отвѣчалъ Шелобовъ.—Аральское называется, по нашему просто Араль. Оно сюда концомъ подходит... Теперь уже и Сыръ-Дарья недалеко... Станціи—подюжины, больше не осталось...

— Рыбы что въ этомъ морѣ—страсть! замѣтилъ Силантій.

— Сомы въ пять аршинъ попадаются... Осетровъ, такъ это сколько угодно.

— Лебеди тоже, эти долгошейные... Цапли, зво какія! а крылья у нихъ какъ кумачъ красныя... Краснокрылыми такъ и называютъ...

— Въ прошломъ году тюленей видѣли... Одного зашибли.

— А бабы-птицы! знаете, этакъ въ родѣ гуся, только много погружище и подъ посомъ снизу будто мѣшокъ подвѣшенъ... онѣ въ него рыбу собираютъ, про запасть...

Но не особенно должно быть занимали Надю эти зоологическія подробности. Задумчиво, облокотившись на руку, смотрѣла она, какъ гасло понемногу красное зарево, какъ темнѣе и темнѣе становились силуэты песчаныхъ горъ, какъ плавно рѣяли надъ водою какіе то пернатые хищники, или неподвижно сидѣли на отмеляхъ, подстерегая добычу...

Здѣсь, въ это время, невыносимый дневной жаръ быстро смѣняется рѣзкимъ холодомъ ночи. Порѣшили путешественники, чтобы дожидаться до разсвѣта на томъ же мѣстѣ, потребовать со станціи свѣжихъ верблюдовъ, и затѣмъ уже, продолжать дальнѣйшій путь.

Силантій съ Шелобовымъ пошли собирать прошлогодній бурьянъ по берегу и сухой пометъ по дорогѣ для костра; киргизы выпрягли верблюдовъ и погнали ихъ къ станціи, Надя осталась одна въ тарантасѣ и вдругъ зарыдала, уткнувшись лицомъ въ подушку... Только голосъ Шелобова, да красный свѣтъ зажженнаго

костра вывели ее изъ этого положенія. Оправившись на сколько можно было, Надя вышла изъ экипажа—и стала прогуливаться по берегу... Силантій завозился съ закусками и чаемъ. Шелобовъ досталъ изъ чехла ружье и пошелъ за Надею, — ему хотѣлось позабавить хоть чѣмъ нибудь дѣвочку...

— Дай, думаю, подстрѣлю орла... Красиво глядѣть какъ онъ оттуда, сверху, турманомъ, да прямо въ воду...

— Не надо, не надо! замахала Надя руками, едва завидѣла смертоносное оружіе... Зачѣмъ убивать... Не надо!..

У Шелобова руки опустились.

Напились чаю. Силантій приготовилъ въ тарантасѣ постель для Нади, застегнулъ ее снаружи фартуками, Шелобовъ улегся у себя, старикъ-инвалидъ предпочелъ запросто „на песочкѣ“, подостлавъ подъ себя, специально для сего предназначенную, кошемку. Заснули.

Луна, громадная такая, шафранно-желтая, поднялась надъ песчаными курганами, мало по малу заливая все своимъ фосфорическимъ свѣтомъ. Настала мертвая тишина, положительно не прерываемая ни единымъ звукомъ.

Заснула печальная пустыня.

— Ваше благородіе! А ваше благородіе!.. заглянулъ Силантій въ тарантасъ Шелобова.

— А, что такое?! выглянулъ тотъ изъ подъ шинели и приподнялся на локоть.

— Встаньте-ка, да послушайте!..

Силантій говорилъ шепотомъ. Василий Ивановичъ въ одно мгновеніе былъ на ногахъ.

— Тихонько, ваше благородіе... Подойдите сюда, да послушайте сами. Я уже давно прислушивался, думалъ пройдетъ, а тутъ еще хуже пошло. Васъ вотъ разбудилъ... Подойдемъ поближе.

Спутники осторожно подошли къ тарантасу Нади и стали вслушиваться.

Вѣдную дѣвушку должно быть мучилъ во снѣ тяжелый кошмаръ. Она металась и глухо стонала. Эти стоны мало-по-малу перешли въ истерическія рыданія и вдругъ завершились громкимъ, полнымъ ужаса крикомъ.

Шелобовъ рванулъ закрывавшіе фордекъ фартуки такъ, что все ремни и пряжки отлетѣли въ стороны... Силантій растерялся и принялся унимать барантача, неистово почему то завывающаго...

— Надя... Надичка!.. что съ вами? заботливо спросилъ Василий Ивановичъ.

— Да дыць ты, проклятый!.. Барышня... голубушка... да, помилуй Богъ! что такое попричилось?..

— Надя... проснитесь же!

— Сонъ... ужасный... страшный сонъ! простонала дѣвушка и смолкла.

Опять переглянулись спутники; на этотъ разъ очень уже выразительно.

Прождали минуты три... послышалось ровное, спокойное дыханіе спящей.

— Вы, ваше благородіе, идите почитать себѣ, съ Богомъ, я постерегу. Вотъ тутъ посижу на откидочкѣ...

Старикъ присѣлъ на подпожку тарантаса.

Шелобовъ постоялъ, постоялъ, обошелъ съ другой стороны и тоже присѣлъ на другую подпожку... Луна поднялась высоко... На востокѣ, за грядою песчаныхъ борхановъ, показались блѣдные признаки предразсвѣтной зари...

— Когда именно умеръ отецъ?.. Въ какой день? раздался голосъ Нади надъ самымъ ухомъ Шелобова.

Тотъ вздрогнулъ всемъ тѣломъ и обернулся...

Ярко освѣщенная луною голова дѣвушки была почти около самаго его лица, ея глаза смотрѣли прямо ему въ глаза... И въ этомъ дѣтскомъ, кроткомъ взглядѣ такъ и читалось:

Въ римскомъ циркъ. Въ споліаріи, послѣ боя гладіаторовъ. Съ картины Жуана Луны, грав. Кезебергъ и Ортель.

— Говорите правду... потому что я все понимаю, все знаю... Я горячо благодарна за то чувство ваше, которое заставляло вас скрывать от меня ужасную истину... Теперь это бесполезно. Теперь, когда я знаю все, лгать больше незачѣм... Говорите!

— Семнадцатаго, въ пятницу, проговорилъ Шелобовъ.

— Въ Иргизѣ мнѣ сказывали: одиннадцатаго, добавилъ Силантій...

— Его убили? продолжала Надя...

— Да!..

— Убили, матушка!.. злодѣи на капиталъ польстились... Убили кровопійцы окаянныя!! зарыдалъ старый инвалидъ, сразу давшій волю своему, долго сдерживаемому горю...

— Надя, вы откуда же это знаете? спросилъ озадаченный Шелобовъ.

— Сонъ, страшный сонъ... Я во снѣ видѣла все... все... Я видѣла кровь... много крови... и тамъ мой отецъ...

Снова истерическія рыданія прервали голосъ дѣвушки, снова заметались около нея не приспособившіеся къ такому дѣламъ спутники.

— Не выдержалъ, старина, проврался... Эхъ ты! укоризненно замѣтилъ Шелобовъ.

— Да вѣдь вы первые, Василий Ивановичъ!.. Я послѣ, оправдывался тотъ.

Оба огорчились. Въ глаза другъ другу смотрѣть не хотѣли.

До самаго восхода солнца продолжался припадокъ Нади. Молодая натура, да и усталость, взяли верхъ надъ горемъ, и она незамѣтно заснула.

Привели тѣмъ временемъ свѣжихъ верблюдовъ, говорили шепотомъ, грозными взглядами и внушительными жестами успокаивая безцеремонную болтовню киргизовъ-ямщиковъ. Не могли только унять отвратительнаго рева верблюдовъ, недовольныхъ, надо полагать, ихъ предстоящею работою (впрочемъ и эти звуки не въ силахъ были прервать глубокой, словно заколдованный, сонъ дѣвушки). Покончили съ запряжкою—и тронулись дальше...

XIV.

Время лечитъ все. Дорога, со всѣмъ разнообразіемъ своихъ впечатлѣній, усиливаетъ цѣлительныя свойства времени.

„Предчувственность“, какъ выражался старикъ Силантій, сама собою подготовила дѣвушку къ роковому удару. Нѣжная, инстинктивно доходящая до самыхъ тончайшихъ оттѣнковъ заботливости этихъ, сопровождавшихъ ее, съ вида такихъ суровыхъ, волякъ, сдѣлала свое дѣло.

Надя не чувствовала себя одинокою—чужою.

Она понимала и вѣрила, что ее любятъ. Она не спрашивала „за что?“ Она по дѣтски, довѣрчиво отдала себя въ полное распоряженіе этихъ людей, привязалась къ нимъ всею душою—и сознание себя круглою сиротою, одинокою съ первыхъ ступеней наступающей жизни, ни разу не приходило ей въ голову.

Ей не давали задумываться... Ея вниманіе постоянно отвлекалось отъ роковаго вопроса.

Ея будущее рисовали передъ нею въ розовыхъ краскахъ,—и эта длинная, утомительная дорога, казалась ей легка, и даже отрадна, уже потому, что съ каждымъ шагомъ приближала ее къ чему-то такому, гдѣ ее ждетъ—любовь, тепло роднаго гнѣзда, все чѣмъ, обыкновенно, дорога родина, дороги пѣдра семьи.

Кровавыя, тяжелыя подробности убійства ея отца, эпизоды слѣдственнаго дѣла, всѣ ненужныя, растрavляющія только рапы сердца мелочи, все это было сглажено и обойдено, а между тѣмъ любовь и уваженіе къ покойному, проглядывающія въ каждомъ словѣ о немъ ея спутниковъ, живо рисовали передъ глазами

Нади его образъ, только образъ этотъ теперь какъ будто бы раздваивался, воплощаясь въ другія, живыя формы.

Заглядеть-ли, бывало, Силантій къ ней въ тарантасъ, заботливо поправить подушку, поприкроетъ колѣни... Добрымъ такимъ, мягкимъ огонькомъ заискрятся, въ тѣни угрюмыхъ, сѣдыхъ бровей, его глаза,—отецъ! Шелобовъ-ли подойдетъ, возьмется рукою за грядку повозки, идетъ рядомъ, а то на облучекъ подсядетъ, все что видитъ она новаго, чуднаго, объясняетъ ей толково и просто, точно ребенку чудныя сказки рассказываетъ,—отецъ!.. И тамъ, дома, все такіе-же... Тамъ Надю ждутъ будто дочку любимую... Тамъ такъ грустятъ ея грустью, болѣютъ ея болью, радуются ея радостью.

Ея счастье—ихъ счастье, ея горе—ихъ горе... Тамъ вѣдь все „отцы...“

Шелобовъ и самъ не сознавалъ, какъ это онъ успѣлъ подготовить и развить въ Надѣ это чувство.

А тутъ Силантій говоритъ: „на все, молъ, воля Божія!“ сказалъ запросто, но глубоко вѣруя въ сказанное. И цѣликомъ передалъ въ сердце дѣвушки эту святую вѣру,—вѣру успокоительную, все исцѣляющую.

Василій Ивановичъ рассказывалъ Надѣ о Глухомъ фортѣ, о томъ какъ они это мѣсто у бухарскаго эмира штыками добывали, какъ строились и укрѣплялись, какую на томъ самомъ мѣстѣ благодать обрѣли... рассказывалъ объ Иванѣ Акимовичѣ, напоминая Надѣ ея годы дѣтства, говорилъ объ Огурчиковѣ, такіе все смѣшныя анекдоты рассказывалъ, объ отцѣ Павлѣ и его семьѣ, о Грушѣ, общей любимицѣ, говорилъ о Павлушѣ... Въ послѣднемъ случаѣ его рассказъ особенно оживлялся... Шелобовъ очень любилъ этого молодого чело-вѣка, за его простоту и скромность, за дѣтскую искренность и чистоту его сердца...

— Красная дѣвица, да и все тутъ! говорилъ онъ.— А какой молодецъ! Храбрости и силы непомерной... сказалъ ежели что, такъ уже никакихъ векселей тамъ либо удостовѣреній не надо... Вѣрно!.. Росту высокаго, стройный, лицомъ красавецъ писанный... На конѣ посмотрѣть, совѣмъ картина!.. Да что тутъ говорить. Весь въ отца, какимъ тотъ былъ смолоду, а лицомъ въ мать... Извѣстная была красавица!

Случалось, что Силантій, вполне раздѣлявшій въ такихъ случаяхъ мнѣніе Шелобова, улучивъ минутку удобную, подмигивалъ Василию Ивановичу, шепча:

— Вотъ бы намъ, ваше благородіе, сосватать такую парочку!

— Очень просто! соглашался и Шелобовъ.— Полагаю, что это имъ обоимъ такъ на роду написано... Поживемъ—увидимъ!..

Бывало и такъ, что Василій Ивановичъ, отойдя куданибудь подальше, задумается, потрясетъ головою своею гладко остриженною, потянетъ за сѣдой усъ, вздохнетъ и про себя скажетъ:

— Эхъ ты, Вася, Вася, сѣдой чортъ... Еслибы тебѣ, этакъ, годковъ безъ пятка тридцать съ костей—можетъ быть и самъ бы ты охотно пристроился!..

Засмѣется и пойдетъ стороною, по терновымъ зарослямъ, подстрѣлитъ фазанятъ пару, пока тарантасы шагомъ въ гору выберутся...

Разъ какъ то въ переднемъ тарантасѣ кони пристали. Въ тотъ годъ проѣздъ былъ усиленный. Новый губернаторъ штаты мѣнялъ. Старые уѣзжали, новые ѣхали на открывшіяся мѣста... Какъ ни выносливы степные кони, а и тѣ сдались, изъ силъ выбились,—и почевать на полдорогѣ проѣзжимъ случалось частенько. Станція эта была одна изъ самыхъ тяжелыхъ,—по урочищу Кара-Кузьякъ, въ объѣздъ розливовъ Сыръ-Дарьи. Тонкій, мѣстами совершенно распутившійся, солончакъ задавалъ усиленную работу лошадямъ; экипажи глубоко врызывались своими колесами, таңились шагомъ, да и то слава Богу, что тащились.

Солнце еще не сѣло, когда стала тройка въ тарантасѣ Нади, ямщикъ распрягъ лошадей и поѣхалъ на нихъ на станцію, за свѣжими; вернуться засвѣтло не могъ; а въ этихъ мѣстахъ ночью ѣздить опасно. Тутъ, по сторонамъ дороги, безконечно растянулись густыя поросли камыша, джиды и терновника, любимыя мѣста для тигровъ,—и киргизъ, пробирающійся съ тройкою по такой дорогѣ, легко могъ бы сдѣлаться добычею четвероногого хищника. Вотъ почему ямщикъ и могъ вернуться къ оставленнымъ экипажамъ только на слѣдующій день, утромъ.

Нашему поѣзду пришлось провести ночь подъ открытымъ небомъ, бивуакомъ, что, конечно, нисколько не смущало Шелобова, давно уже привычнаго и освоившагося съ подобными обстоятельствами.

Сѣло солнце, густой туманъ затянулъ чащу,—стемнѣло быстро. Силантій огонекъ развелъ, чай варить собрался... Пока Шелобовъ постель устраивалъ, Надя на козлы забралась, тамъ ей веселѣе казалось... и все прислушивалась къ странному, грубоватому, немного дѣтскому плачу—то и дѣло раздававшемуся по сторонамъ, то будто далеко гдѣ то, то совсѣмъ уже близко... Шелобовъ объяснилъ ей, что это чекалки развылись, потому съѣстное чуютъ—, подлецъ звѣрь, вроде собаки—совсѣмъ безопасный, трусливый, только надоѣдливый до страсти...“ Но тутъ шакалій вой смолкъ разомъ и воцарилась мертвая тишина. Въ сторонѣ, должно быть далеко отсюда, кто то вздохнулъ, протяжно такъ, будто со сна потянулся и прикрылъ рукою зѣвоту... Черезъ нѣсколько минутъ вздохъ этотъ повторился слышнѣе, ближе и закончился глухимъ рокотаніемъ, словно громъ прогремѣлъ въ отдаленіи...

— Что-это? спросила испуганно Надя.

— Это тигръ поднялся... Крути свои начинаетъ дѣлать, удовлетворилъ ея любопытство Шелобовъ.

— Тигръ, машинально повторила Надя, струсила и поблѣднѣла.

— Тигра эта самая, пояснилъ Силантій—звѣрь лютый... стра-а-а-шенный!.. Разъ вотъ одного такого Василия Ивановичъ ухлопалъ, вѣрите-ли?! безъ малаго четыре аршина, хвоста не считая...

Страхъ дѣвочки усиливался.

— А что если она сюда придетъ? сказала она—и уже слѣзла съ козелъ.

— Что же, милости просимъ! произнесъ въ отвѣтъ Шелобовъ.

И сказалъ это такимъ покойнымъ, увѣреннымъ голосомъ, что весь страхъ Нади исчезъ въ одну минуту... И тигръ показался ей такимъ же безопаснымъ и мирнымъ, какъ тѣ косматыя, жирныя овцы, что встрѣчались ей дорогою цѣлыми атарами...

— А Павлуша?..

Надя произнесла это уменьшительное имя нечаянно и очень сконфузилась.

— А Павель Ивановичъ, поправились она—онъ тоже охотится на тигровъ?

— Пашка-то?! Да онъ у меня первый сподручный!.. Одного то его я еще не пускаю: гордится малость, осторожности и сноровки настоящей нѣтъ, рассказывалъ Шелобовъ,—а со мною все ходитъ. Лучшаго товарища не найти! Паша у меня и изъ воли не выйдетъ, и уже не продастъ, это точно... Вотъ разъ, въ прошломъ году было,—сидѣли мы въ „лабазѣ“; тигръ подошелъ было хорошо, да за пададь закрылся, мнѣ только верхъ головы да уши его видны... Выжидалъ я—выжидалъ, выстрѣлилъ, должно быть задѣлъ не на смерть... Тотъ какъ взвился, да прямо на меня... Не успѣлъ я и за револьверъ взяться, а онъ уже тутъ, подлѣ... Павлуша прямо къ нему, открытымъ то мѣстомъ... подошелъ это покойно, приложился, ружье словно въ станкѣ зажато, не дрогнетъ... бацъ!.. и готово!..

— Я ему говорю: ты, братъ, этого другой разъ не дѣлай! а онъ мнѣ:

— Что же мнѣ, ждать когда онъ тебя калѣчить станетъ?.. Молодецъ!.. Мужчина!..

Не поняла Надя изъ этого разказа многого: что, молъ, за штука такая лабазъ? почему выходить оттуда не надо... поняла только, что Павлуша совсѣмъ герой, сказочный богатырь какой-то, наивный и безстрашный... ей даже снился онъ въ эту ночь: „густые камыши, полная луна свѣтитъ на темно-синемъ, усыпанномъ яркими звѣздами небѣ... а вотъ и онъ стоитъ, сжимая въ рукахъ оружіе. Стройный красавецъ, залитый съ ногъ до головы серебрянымъ свѣтомъ, а кругомъ все сверкающіе глаза тигровъ и глаза эти, горящіе ненавистью и гнѣвомъ, тухнуть при встрѣчѣ съ покойнымъ, величественнымъ взглядомъ героя... Страшныя чудовища униженно ползутъ къ его ногамъ, какъ жалкіе рабы пресмыкаются у ногъ царя-властилина...“

Сопь ли это—на яву ли грезы представляются... Вонъ и Силантій сидитъ у огня на корточкахъ, чернымъ, сгорбленнымъ силуэтомъ рисуется его фигура... Вонъ и Шелобовъ отошелъ въ сторонѣ и вслушивается, лошади жуютъ что то и фыркаютъ, хвостами отмахиваются... Нѣтъ, на яву... откуда же Павлуша взялся?.. Вотъ онъ опять стоитъ словно въ ореолѣ свѣта... И этотъ Павлуша ее, Надю, очень любить... Вѣдь онъ тамъ; а тамъ все ее любятъ, и она все ихъ любить, очень, очень любить, а его, Павлушу, почему то больше... не то чтобы больше, а какъ то иначе... И хотѣлось бы ей скорѣе и скорѣе идти къ нему навстрѣчу... такъ бы и полетѣла!.. А тутъ полная неподвижность: камыши, костеръ, все,—не мелькаетъ передъ глазами, неподвижно стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, не вѣетъ вѣтромъ навстрѣчу... И чего же они стоятъ?.. Чего же мы стоимъ?.. Что же мы не ѣдемъ?..

Должно быть громче остальнаго раздались послѣднія слова Надиныхъ грезъ...

— Лошадей нѣтъ, матушка,—оттого и стоимъ, пояснилъ Силантій—на одной тройкѣ двухъ тарантасовъ не увезешь, на себѣ не потащишь... Вотъ свѣтать станеть, подѣдетъ ямщикъ, тогда и тронемся...

XV.

Дорога подходила къ концу...

Остались сзади безлюдныя мѣста... Нашъ поѣздъ вошелъ уже въ предѣлы сплошной осѣдлости. Замелькали маленькіе кишлаки по сторонамъ со своими приземистыми саклями, потонувшими въ сочныхъ массахъ зелени, потянулись обработанные участки земли, глинобитныя изгороди, журчащіе арыки, маленькіе, квадратные прудики, словно зеркала, оправленные въ зеленныя рамы; золотистыя поля дозрѣвающаго риса, меланхолически шелестящія чащи джугары и кукурузы, говоръ рабочаго народа, нестрыя группы, тамъ и сямъ копошящіяся на плантаціяхъ—скрипъ высокихъ арбанныхъ колесъ, люди въ цвѣтныхъ халатахъ и большихъ бѣлыхъ чалмахъ, то ѣдущіе навстрѣчу, то обгоняющіе поѣздъ, то молчаливо и пытливо поглядывающіе на проѣзжихъ, сидя въ тѣни базарныхъ навѣсовъ... Надю все это занимало очень... все это такъ было ново для неѣ!.. Проѣхали уже нѣсколько большихъ азіатскихъ городовъ, ходили въ Азретѣ смотрѣть старую, знаменитую мечеть, помнившую еще славныя времена Тимура. Вдали на горизонтѣ росла и росла голубая гряда горъ, покрытыхъ вѣчнымъ льдомъ и снѣгами...

— Теперь уже близко!.. говорилъ, нотирая руки, Василий Ивановичъ...

— Совсѣмъ рукою подать! поддаивалъ Силантій... Еще съ пятокъ деньковъ потрясемся, а тамъ и дома будемъ.

— Близко! вторила имъ машинально Надя...

И бойко, дружно гремѣли колеса тарантасовъ по прекрасной, утрамбованной какъ шоссе—культурной дорогѣ.

Словно безконечное зеленое море, развернулись передъ ихъ глазами сады долины Ташкента съ его живописными дачами, съ обѣлюющимися куполами православныхъ церквей... чаще и чаще замелькали русскія фигуры, слышалась русская рѣчь...

— Ну, ей-же-ей, словно въ нашей орловской губерніи! замѣчалъ Силантій... Ну-ты, шапка крученая... пошевеливай!..

Изъ Ташкента Шелобовъ покатылъ впередъ, убѣдивъ Надю отдохнуть день въ этомъ городѣ, оправиться какъ слѣдуетъ... Самому ему уже очень хотѣлось поскорѣе предупредить друзей, дать имъ время приготовить все въ домѣ къ встрѣчѣ своей любимицы-сиротки.

На другой же день, вслѣдъ за Шелобовымъ, выѣхала и Надя. Силантій, не смотря на жару, надѣлъ почему-то свой новый суконный сюртукъ съ краснымъ воротникомъ, новую шапку съ лакированнымъ козыремъ и кокардою и, сидя на козлахъ, подбоченился особенно ухарски... Лошадей гнали шибко, почти что вскачь... „На водку, молю, получишь достаточно“. Съ разгона вкатила тарантасъ въ узкую улицу кишлака Бешь-арыкъ, добрались до базара, а тутъ и стали...

Дорога была загорожена двумя, случайно зацѣпившимися колесами, арбами, навьюченный кипами хлопка верблюдъ упрямо легъ на самомъ проѣздѣ и никакъ не хотѣлъ подняться... Цвѣтные халаты возились около, пытаюсь расчистить дорогу, Силантій, съ высоты козелъ, покрикивалъ на нихъ, совѣмъ по генеральски...

Надя высунулась изъ экипажа, смотрѣла на все съ крайнимъ любопытствомъ, и вдругъ видитъ: въ тѣсномъ, боковомъ переулкѣ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ солнечный лучъ, пробившись въ отверстие навѣса, образовала яркую полосу, стоитъ чудный вороной конь... Уши насторожены, глаза горятъ, нервныя поздри широко раздуваются, легкое копыто звучно бьетъ камень мостовой; двое красивыхъ мальчиковъ съ трудомъ держатъ этого коня подъ уздцы, а около стоитъ офицеръ, высокій и стройный какъ тополь... Бѣлый китель на немъ, словно латы, облегаетъ его широкія плеча и тонкую, какъ въ корсетѣ, талию... Онъ стоитъ сюда спиною, разговариваетъ со старикомъ въ золотистомъ халатѣ и въ нестрой чалмѣ; тотъ стоитъ передъ нимъ, согнувшись подобострастно, какъ рабъ передъ властелиномъ... Вотъ этотъ офицеръ на коня садится... Кто стремя подаетъ, кто подъ руки подсаживаетъ... вотъ

сѣлъ, сюда лицомъ повернулся... на Надю прямо, въ упоръ смотреть...

— Это онъ, Павлуша! промелькнуло въ головкѣ Нади... Красавецъ!.. дѣйствительно красавецъ!..

Большіе темные глаза, матовая бѣдность лица, чудный, словно рѣзцомъ изваянный профиль... Меланхолически грустное выраженіе лица и холодная гордость... Царское величіе и презрѣніе ко всему этому мелкому, что такъ принижено копошится подъ его ногами...

— Конечно, это Павлуша... то есть нѣтъ... Павлуша—это мелко! зачѣмъ такъ!.. Поль—это лучше... Мой Поль!..

И захотѣлось Надѣ крикнуть ему:

— Поль... вѣдь это я, твоя Надя!.. ты вѣдь меня никогда не видалъ, но ты меня знаешь. Я тебя тоже не видѣла,—но знаю... больше чѣмъ знаю! я полюбила тебя... да, полюбила...

Яркая краска бросилась въ лицо дѣвушки, она не выдержала пристальнаго взгляда красавца и откинулась въ глубину экипажа...

— Нѣтъ, послѣ! сама себя уяснила Надя это стыдливое движеніе...

А тутъ, расцѣпили арбы, подняли упрямаго верблюда, очистили дорогу, и тройка коней рванулась впередъ, вынося путешественницу изъ подъ сводовъ кишлака Бешь-арыкъ, снова на залитую солнцемъ, пыльную дорогу...

Шагомъ ѣхалъ сзади встрѣчный красавецъ, ничего конечно не подозревающій...

— Однако какіе перлы стали залетать въ эту глушь! замѣтилъ онъ про себя... и какъ она похожа... На кого это она похожа?..

Криницынъ задумался и припомнилъ злополучную карточку, надѣлавшую такъ много шума по всему Глухому фортѣ, фатально отразившуюся и на немъ самомъ...

Онъ вспомнилъ и судорожно осадилъ коня... Ему неприятно было видѣть удаляющійся тарантасъ... Такой запыленный, широко раздвинувшійся... Чернымъ пятномъ какой то чемоданъ посреди... все сѣро, словно сѣдина на плѣшивомъ затылкѣ...

Понялся Абрекъ и мотнулъ головою... онъ не привыкъ, чтобы его такъ рѣзко осаживали...

Тихе и тихе замиралъ почтовый колокольчикъ... совѣмъ смолкъ... Тронулся шагомъ впередъ Павелъ Петровичъ. И еслибы Надя могла бы видѣть лицо его въ эту минуту, то, можетъ быть, оно ей и не такъ бы понравилось сразу.

(До слѣд. №).

За драгоцѣннымъ корнемъ.

(Изъ жизни китайскихъ таежниковъ).

Рассказъ А. Я. Максимова.

(Окончаніе).

XVI.

Г р о з а.

Прошло нѣсколько недѣль. Сентябрь подходилъ къ концу. Лоухоу, Ки-сэ и Ли-фу возвращались уже домой послѣ необыкновенно счастливаго шаганія по тайгѣ. Истекшіе дни прошли благополучно. Были, правда, встрѣчи съ звѣрями, но окончивались въ пользу искателей. Вооруженные ружьями, они успѣвали давать всегда своевременный отпоръ. Предвидящіе случаи пріучили ихъ къ бдительности и осторожности. Ни разу больше звѣрю не удалось застигнуть ихъ врасплохъ. Тигрь, два барса и свирѣпый палево-бурый медвѣдь сдѣлались жертвой своей смѣлости. Первый вздумалъ было атаковать бродягъ въ одну изъ темныхъ почей, но наткнулся на мѣткую пулю Лоухоу, бдительно сторожившаго становище. Такимъ образомъ, къ десятку корней жень-шеня старшина присоединилъ еще дорогую тигровую желчь — одно изъ извѣстнѣйшихъ китайскихъ лекарствъ противъ многихъ болѣзней. Отъ дерзкихъ барсовъ они отдѣлались не такъ счастливо. Звѣри—самецъ и самка,—атаковали одновременно, когда путники пробирались узкой, извиистой тропой, изъ одной нади въ другую. Нананеніе было

сдѣлано далеко не врасплохъ: искатели еще издали разсмотрѣли хищниковъ, притаившихся въ густой листвѣ пробковаго дерева; звѣри успѣли все-таки, хотя и передъ смертью, нанести вредъ. Дѣло было такъ: завидѣвъ барсовъ, путники остановились шагахъ въ пятнадцать отъ дерева и приготовили ружья. Звѣри выжидали, люди не сдвинулись. Лоухоу выбралъ себѣ самца, предоставивъ самку товарищамъ... Раздался почти одновременный залпъ... Самецъ высоко подскочилъ и грохнулся на тропу. Пуля поразила его панюваль. Самка, тяжело раненая, успѣла сдѣлать гигантскій прыжокъ, пасѣла на Ки-сэ и смяла подъ собой. Произвошла короткая, отчаянная борьба. Звѣрь и человекъ, слетѣвшіе въ безобразную массу, катались по окровавленной тропѣ. Взвѣшаться въ эту отчаянную борьбу не было возможности. Можно было легко нанести, въ этой суматохѣ, ударъ человѣку. Шансы были и на сторонѣ Ки-сэ. Движенія тяжело раненаго звѣря не были достаточно сильны и ловки... Черезъ минуту борьба кончилась. Звѣрь корчился въ предсмертныхъ судорогахъ. Ки-сэ отдѣлался довольно счастливо. Кисть лѣвой руки была ободрана: Ки-сэ, засунувъ лѣвую руку въ пасть хищника, нанесъ ему правой, вооруженной пожесть, смертельный ударъ въ животъ. Кромѣ ободранной кисти, нѣ-

Да! Рисунокъ 1. Эдвардса, грав. Клиникхъ.

сколько глубоких царапин бороздило лицо и плечи авантюриста: слёды страшных когтей.

Въ обратный путь искали жень-шеня шли напрямикъ. Уже четверо сутокъ переваливали они съ одного края хребта Спихотъ-Алинь на другой, держась постоянно одного направления — па закатъ солнца. Прямой путь хотя былъ значительно короче прежняго, но въ то же время представлялъ болѣшнія трудности и иногда трудныя преграды. Только такіе привычные, мускулисты и отважные люди, какими были Лонхоу, Ки-сэ и Ли-фу, могли совершать переходы по мѣстности, напоминавшей хаотически-бурное море, разомъ застывшее, словно по маговещію волшебнаго жезла. Особенно тяжелы были подъемы по каменистымъ, горнымъ скатамъ, сплошь заросшимъ разнообразнымъ колючимъ кустарникамъ. Въ данномъ случаѣ перѣдко приходилось расчищать дорогу топорами и ножами, подвигаться очень медленно. Солнце заходило. Авантюристы бодро шагали по тропѣ, выходящей по дну узкой пади и сплошь покрытой, словно мягкимъ ковромъ, массой опавшихъ листьевъ. Осень уже вступила въ свои права.

Многія лиственные деревья и кусты уже сбросили свои лѣтнія одежды. Тайга потеряла часть своей таинственности. Глазъ проникалъ въ чащу разнообразной растительности, свободнѣе ехалъ то по фантастически слетшимся вьющимся растеніямъ, то по стволамъ величественныхъ ильмовъ и грабовъ, до самыхъ ихъ вершинъ, теперь оголенныхъ. Солнечные лучи свободно проникали въ чащу; на пожелтѣвшей, высохшей травѣ дожились фантастическія тѣни. Сквозь сѣтку слетшихся вѣтвей виднѣлась, ласкающая взоръ, лазурь яснаго неба, мало гармонировавшая съ пожелтѣвшей и покраснѣвшей листвою, еще сохранившейся на вѣкоторыхъ деревьяхъ и кустарникахъ...

Безшумно ступали путники по мягкой тропѣ, снѣга добравшись къ наступленію сумерокъ, до болѣе удобнаго мѣста ночевки. Лонхоу, по обыкновенію, шелъ впереди. У каждаго искателя висѣло за спиной по большому куску косули, паланку въ убитой и расластованной. Держали ружья наготовѣ. Зажженные фитили были обернуты вокругъ лѣвыхъ рукъ... Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, тропа начала постепенно возвышаться и наконецъ уперлась въ подошву крутаго холма. Лонхоу остановился, молча сбросилъ съ плеча ношу, и, присѣвъ на корточки, приступилъ торжественно къ набивкѣ трубки высушенными листьями растенія дальдаго-мо.

— Здѣсь почевать будемъ! прощѣдъль онъ сквозь зубы тономъ, недопускающимъ возраженій.

Ки-сэ и Ли-фу безпререкословно присѣли рядомъ со старшиной и закурили мигиаторныя трубки. Молча покуривъ, каждый принялся за свое дѣло: одинъ принесъ цѣлую охапку хворосту, другой развелъ яркій костеръ, а третій напастовалъ нѣсколько кусковъ косули. Съѣли ужинать. Между тѣмъ наступила темная, холодная сентябрьская ночь. Едва прикрытые лохмотьями, авантюристы жались къ костру, стараясь обогрѣть полузакоченѣвшее тѣло. Въ воздухѣ стояла необычайная, пронизывающая сырость. Надъ мрачной тайгой опрокнулось темное, глубокое небо, усыпанное безчисленнымъ множествомъ блестящихъ звѣздъ. Пожелтѣвшая листва словно замерла подъ обаяніемъ этихъ миллионовъ яркихъ огней, точно закованъ въ спящемъ ночномъ воздухѣ, полномъ невозмутимой, таинственной тишины...

Путники еще не копчили своего ужина, какъ вдругъ гдѣ-то въ выси пронесся сильный вихрь и сердито закачалъ вершинами деревьевъ. Тайга словно тяжело вздохнула и проснулась. Послышался какой-то неопредѣленный, сердитый рокотъ, подобный отдаленному рокоту разбушевавшаго моря. Листва затрепетала и, сорванная пронесшимся вихремъ, дождемъ посыпалась на сырую почву. Блестящія, привѣтливо горѣвшія звѣзды исчезли. Темное небо какъ-бы опустилось, словно придавивъ собой тайгу. Казалось, оно опускалось, съ каждой минутой, все ниже и ниже, становилось темнѣе и темнѣе... Пронесся новый вихрь, уже по самому дну пади, и заколыхалъ яркое пламя костра. Опавшіе листья закружились, словно ожил, и черезъ нѣсколько секундъ опять недвижно легли па толстый, пышный коверъ лиственного назова.

— Гроза будетъ, проворчалъ Лонхоу и сердито подбресилъ въ костеръ большую охапку хворосту.

Прошло нѣсколько минутъ. Тишина. Темное небо освѣтилось отблескомъ отдаленной молніи. Гдѣ-то, вдали, загрохоталъ громъ, подобный отдаленному залпу изъ орудій. Нѣсколько крупныхъ капель дождя упали въ костеръ и зашипѣли на раскаленныхъ угляхъ. Постепенно, дождевыя капли начали падать все чаще и чаще... Вспелула яркая молнія и раздался оглушительный ударъ грома. Эхо повторило его въ падахъ. Казалось, тысячи гигантскихъ колесницъ загрохотали по гулкой, каменистой дорогѣ... Прошло нѣсколько секундъ невозмутимой, подавляющей тишины... Вдругъ небеса точно разверзлись... Цѣлые снопы яркой молніи прорѣзывали ночную тьму и озарили чащу волшебнымъ свѣтомъ. Ударъ грома слѣдовалъ за ударомъ, одинъ оглушительнѣе другого. Дождь все усиливался, и наконецъ пасть тайгой разлился тропическій ливень... Костеръ мгновенно потухъ. Путниковъ окружилъ мракъ, прорѣзываемый только непрерывной молніей... Вотъ молнія ударила въ вершину ближайшаго гигантскаго ильма. Оглушительный трескъ.

Молнія расколола толстый стволъ столѣтняго ильма до корня. Дерево запылало, но, залитое ливнемъ, тотчасъ же и потухло... Стихийный хаосъ, не поддающийся описанію. Небеса словно раскались отъ непрерывныхъ сноповъ молніи и освѣщали тайгу фантастическимъ заревомъ. Казалось, со всѣхъ окружающихъ холмовъ раздавались частые залпы тысячъ орудій... Слышался бурливый, грозный рокотъ воды. Съ вершинъ холмовъ ниспадали въ пади сотни бунующихъ ручьевъ, каскадовъ и водопадовъ. Ничтожные горные ручейки, едва замѣтные въ обыкновенное время, вздулись и превратились въ бурливый рѣкъ. Катили они свои мутныя, лѣнистыя воды по дну увжкихъ падей, разметываясь все шире, размывая себѣ ложе въ мягкомъ грунтѣ долинъ. Громадные камни уносились бурными потоками, какъ мелкая галька. Столѣтнія деревья вырывались съ корнемъ, расщеплялись на куски и кружились въ образовавшихся водоворотахъ, образуя то тамъ, то здѣсь заносы и плотины. Сердито реветъ потокъ у этихъ неожиданно созданныхъ преградъ, вздувается, гремящимъ водопадомъ переливается черезъ древесныя громады и несется дальше, сокрушая на своемъ пути все встрѣчаемое...

XVII.

Ночныя бѣдствія.

Стихийный хаосъ проливаетъ на путниковъ подавляющее дѣйствіе. Правда, Лонхоу ждалъ грозы, но не въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ. Гроза была рѣдкостная даже для такого бывалаго, стараго бродяги. Положеніе путниковъ въ высшей степени неприятно: сверху тропическій ливень, внизу рокотали мелкіе ручьи, несшіе свои мутныя воды въ главную рѣку, прорѣзавшую дно узкой пади. Опытный Лонхоу скоро увидѣлъ, что оставаться въ пади болѣе чѣмъ рискованно. Онъ хорошо видѣлъ, что узкая падь будетъ залита. Главный потокъ быстро вздувался, разметываясь все шире. Вѣшенный рокотъ его уже слышался невдалекѣ. Опасность незримо приближалась и грозила катастрофой. Необходимо было принять рѣшительныя мѣры.

— Надо идти на холмъ... Тутъ насъ затопитъ! крикнулъ Лонхоу, стараясь перекричать вой стихій.

Ки-сэ и Ли-фу продолжали угрюмо молчать, плотно прижавшись къ толстому стволу кедра. Они не слышали старшины. Громъ и бурный рокотъ воды заглушали его слова.

— Эй, вы!.. Вода вамъ уши что ли залила!?! разсердился Лонхоу, приблизившись къ товарищамъ въ упоръ.

— Что падо? нехотя спросилъ Ки-сэ заковѣнными губами.

— Говорю вамъ: падо лѣтъ на холмъ!.. Не зѣвай!.. Тутъ насъ зальетъ!.. крикнулъ во все горло старшина.

Мыслать было нельзя. Рокотъ разсвѣтлѣвшаго потока слышался явственно даже среди трескотни грома. Ки-сэ и Ли-фу нехотя отошли отъ дерева и замѣсили босыми ногами сильно размокшій наземъ, слѣдуя за старшиной. Подвигались впередъ ощупью, постоянно спотыкаясь и наталкиваясь на стволы деревьевъ. Въ тайгѣ царствовалъ мракъ. Только шурѣдка, на мгновеніе, мракъ разсѣивался, и тайга обдавалась волшебнымъ, рѣзущимъ глаза свѣтомъ яркой молніи... Начали подниматься по каменистому скату холма. Сверху лились мутные потоки дождевой воды. Подъемъ былъ затруднительный и опасный. Ноги скользили. Пришлось ползти на четверенькахъ; вода лилась словно слясъ сбросить ихъ въ страшную падь. Каждый вершокъ крутаго ската брали съ бою, послѣ большихъ усилій. Цѣпляясь за кусты, медленно ползли все выше и выше. Добравшись наконецъ до половины ската, остановились передохнуть. Руки и ноги странно ныли. Лонхоу по себѣ чувствовалъ, что товарищамъ не добраться до вершины холма при этихъ условіяхъ, и онъ рѣшился переждать непогоду на скатѣ, несмотря на рискъ такого положенія. Тропа, выходящая по крутому скату, превратилась въ бурный, горный ручей. По обѣ стороны тропы вздымалась чаща, проникнуть въ которую не было возможности. Поневолѣ приходилось ползти по ложу неожиданно образовавшагося ручья и здѣсь переждать непогоду. Ухватившись за ближайшіе стволы подлѣска, путники заковѣли. Холодные, мутныя брызги обдавали ихъ съ ногъ до головы. Ихъ трясла лихорадка; зубъ на зубъ не попадалъ; но стойчески выдерживали они физическія и нравственные пытки... Прошло нѣсколько мучительныхъ часовъ. Гроза прекратилась; погода стихла и небо прояснилось. Бурливый рокотъ воды началъ постепенно замолкать. Яркіе лучи восходящаго солнца озолотили сырыя, мохнатыя вершины холмовъ и скользнули по каменистымъ скатамъ въ мрачныя пади. Закоченѣшіе вздохнули съ облегченіемъ. Тепло, ясное утро возвратило имъ мужество и энергію. Прежде всего они осмотрѣли свои богатства. Дорогіе корни жень-шеня оказались цѣлы, за паухой. Что касается до пузырей съ тигровой желчью, то дорогая желчь смѣшалась съ мутной водой горнаго ручья. Лонхоу чуть не плакалъ отъ этой потери: лекарственная желчь была очень пужна имъ для излеченія изъязвленной ноги, полученныхъ во время безпорядочнаго, почнаго подъема...

Съ трудомъ поднялись они на вершину холма и расположились на открытомъ мѣстѣ, щедро обдаваемомъ теплыми солнечными лучами. Солнце обсушило и согрѣло заковѣвшихся за ночь авантюристовъ; развести огонь не представлялось воз-

возможности. Лонхоу даже не мог высечь огня, чтобы закурить трубку. Трутть, бережно хранимый в кожаном мешечке, намок и ждал просушки... Наложив затёмы на израненные колёна какой-то целебной травы, найденной по близости омытым Лонхоу, искатели рѣшились уснуть. Безсонная, мучительно проведенная ночь истомила их и они заснули мертвым сномъ, какъ только растянулись на еще сырой, осенней травѣ...

XVIII.

Дальѣ.

— Мы-то заспались, проговорил Лонхоу. Хорошо, что Чанпунгъ разбудилъ насъ, а то, пожалуй, наступила-бы ночь и ктонибудь пришелъ бы поопасѣе.

— Да я самъ такъ голоденъ, что любого, кажется, звѣря зубами-бы изорвалъ, замѣтилъ Ли-фу.

— А ты думаешь — я сытъ?.. Страшно ѣсть хочется добавилъ Ки-сэ.

— Ружья есть, пойдите въ любую падь и подстрѣлимъ дичинку... Видь дичь кишитъ кругомъ! замѣтилъ Лонхоу.

— Кого убьешь-то изъ такихъ ружей, проговорилъ Ли-фу, грустно осматривая свое подмокнувшее ружье. Лонхоу и Ки-сэ также внимательно осмотрѣли свои тяжелые самоналы. Последние оказались въ самомъ плачевномъ видѣ. Порохъ превратился въ жидкую кашницу. Повидному, вода проникла до самыхъ зарядовъ, не только съ казенной части ружей, но и со стороны стволовъ. Стволы были переполнены водою.

— Надо разрядить! распорядился Лонхоу.

Ружья были разряжены и вычищены. Лонхоу взялся за единственный рогъ съ порохомъ, свѣсившій у него на поясѣ, чтобы отсыпать въсьмъ заряды, — и невольно вздрогнулъ. Необычайная тяжесть рога поразила его. Съ трепетомъ открылъ онъ свою сокровищницу, изъ за которой авантюристы уже вынесли столько нравственныхъ и физическихъ мукъ, и лихорадочная дрожь пробѣжала по въсьмъ его членамъ. Въ пороховницѣ были не порохъ, а какая то жидкая, черная масса. Очевидно, что рогъ получился, въ прошлую ночь, поврежденіе, и вода просочилась внутрь его.

— Подмокъ! лаконически пробормоталъ Лонхоу глухимъ, подавленнымъ голосомъ.

Ли-фу и Ки-сэ опечалились отъ этого зловѣщаго сообщенія. Сибирень теперь въ тайгѣ! Они не такъ опасались голода, какъ звѣря. Умереть отъ голодной смерти не боялись — можно найти въ тайгѣ корень и ягоду, — все таки поддержки себя! Но мучительная смерть въ зубахъ какогонибудь хищника. Пути были не близокъ. Предстояло пробить въ тайгѣ не меньше двухъ недѣль, пока удастся добраться до жилаго мѣста, гдѣ возможно добыть небольшой запасъ пороха.

Хотя подмочка пороха и поразила отважнаго Лонхоу, но онъ не упалъ духомъ. Ему приходилось бывать и не въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ не разъ, и положение не казалось ему безвыходнымъ. Не даромъ же онъ бродилъ въ тайгѣ столько лѣтъ.

— Не унывать! Добредемъ!.. Божественный Фо оградитъ насъ, проговорилъ Лонхоу, вытряхивая изъ рога черную грязь.

— Отдохнемъ до утра, а завтра дальше, добавилъ онъ подумавъ.

XIX.

Д о м а .

Подвигаясь дальѣ, путники достигли спасительнаго ручья и бросились купаться въ его прозрачныя, холодныя воды. Кругомъ горѣлъ лѣсъ, кишѣли разнообразныя животныя: одни перѣшитательно топтались въ ручьѣ, другія неудержимо неслись дальше... Между тѣмъ огонь, приблизившись къ неожиданному препятствію, обшено закрутился, словно охваченный гнѣвомъ, и сталъ жадно пожирать сухой кустарникъ, густо окаймлявшій оба берега ручья. Нѣсколько разъ пламя силилось переброситься на другую сторону, но напрасно. Ручей былъ широкъ и былъ вполнѣ надежной защитой отъ разъяренной стихіи.

— Благодареніе божественному Фо! проговорилъ Лонхоу, выльзая на другой берегъ ручья и слѣдя опытнымъ взглядомъ за лѣснымъ пожаромъ, принявшимъ другое направленіе. Теперь мы будемъ живы!..

Между тѣмъ разсвѣло. Прежде всего подумали объ ѣдѣ. Предположеніе Лонхоу оправдалось. Едва успѣли они вступить на еще горячее теплѣе лѣснаго пожара, какъ нагнулись на тушу изубра. Звѣрь оказался совсѣмъ зажареннымъ. Плотню позавтракавъ свѣжимъ мясомъ и отрѣзавъ въ дорогу по изрядному куску, путники двинулись въ дальѣйшій путь... И это испытаніе оказалось последнимъ... На другой день, искатели благополучно вышли изъ такъ называемой тайги и уже торпной тропой стали пробираться къ Усури. Всѣ опасности остались позади. Шагалъ бодро, избѣгая встрѣчь съ усурійскими казаками-охотниками, любящими при случаѣ поохотиться и на горбача (бродягу). Черезъ четыре дня, Ли-фу уже подходилъ къ родной фаньцзы. Изъ за дубовой рощи видѣлась островерхая соломенная крыша, позлащенная лучами заходящаго солнца.

— Ну, прощай, другъ! проговорилъ Лонхоу останавливаясь и протягивая товарищу широкую, мозолистую руку.

— Зайди въ фаньцзу, отдохни немного! упрощивалъ Ли-фу.

— Живеть тутъ близко старій товарищъ: къ нему пойду, сурово отказавшись старинна отъ приглашенія. Прощай, прощай!.. Захочешь будущую веспу пойти, такъ зайду за тобой!..

— Довольно съ меня!.. Итъ! Больше не пойду въ тайгу!..

— Какъ знаешь!.. Твоя воля!.. Прощай же!.. пробормоталъ Лонхоу и, рѣзко повернувшись, зашагалъ отъ Ли-фу.

Пройди шаговъ двадцать, старинна обернулся и крикнулъ:

— Зайти что ли за тобой будущую веспу?..

Ли-фу отрицательно замоталъ головой и скрылся за дубовой рощей. Онъ свѣшилъ новизна съ престарѣлыми родителями, узнать о своей Лай.

— Славный мальчишка! угромо прошепталъ Лонхоу и грустно побрелъ дальше!..

Ли-фу вошелъ въ фаньцзу въ то время, когда старики сидѣли за ужинъ. Неожиданное появленіе сына исполнило стариковъ до такой степени, что они не знали, что дѣлать. Они просто очумѣли отъ радости. Еще бы!.. Явился наконецъ тотъ, кого они считали давно погибшимъ, явился сынъ, по которому старики уже отирали глаза, раннюю смерть котораго мать онаживала многія безсонныя ночи... Словомъ, воскресъ мертвый!..

— Осторожиже, ама, осторожиже, предупредилъ Ли-фу мать, стараясь освободиться изъ ея объятій и придерживая руками драгоценную берестянку.

— Что у тебя тамъ? спросилъ отецъ.

— Женъ-шенъ!.. Нашель въ тайгѣ!.. Затѣмъ и ушелъ!.. Все время въ тайгѣ пробилъ!.. Хочу на Лай жениться, проговорилъ Ли-фу.

— Добро, сынокъ, добро, одобрилъ отецъ. Женись, а мы вичучать няпичить будемъ.

— Пстой, и за Лай сбѣаю, предложила мать. Вотъ-то обрадуется, бѣдная!.. Случала опа, все тебя ждала, да и теперь ждеть!.. Не звѣрила она, что ты умеръ!.. Все время говорила: „живь онъ, живъ!“

— Полно, старуха!.. Бѣги за Лай скорѣй!.. перебилъ старикъ.

— Бѣгу, бѣгу!.. пронамкала мать и поспѣшно скрылась за рѣшетчатыми дверьми фаньцзы.

Прошло болѣе часу. Старій Куанъ-Кеба (отецъ Ли-фу) уже успѣлъ подробно рассмотреть найденный сыномъ целебный корень и оцѣнить его въ сто двадцать телей (240 рублей!) Шутка ли сто двадцать телей!.. Цѣлое богатство!.. Куанъ-Кеба и во свѣ не видѣлъ такой суммы. И эту массу денегъ добылъ его мальчишка въ одно лѣто!..

„Вотъ молодчина!.. Куанъ-Кеба взглянулъ на своего задумавшаго сына съ какимъ-то уваженіемъ. Какой онъ мальчишка, думалъ старикъ, — настоящій богатиръ!.. Возмужалъ то какъ!.. Узнать трудно!..“

Дѣйствительно Ли-Фу былъ неузнаваемъ. Пяти-лѣтнее пребываніе въ тайгѣ наложило на него рѣзкую печать. Это былъ уже не прескнній, свѣжій юноша, краснощекій, полный и скромный, а угромый путникъ съ сильно обвѣтрившимся, загорѣлымъ лицомъ, дышущимъ энергіей и мужествомъ. Это былъ настоящій охотникъ, отважный искатель корня.

Старикъ такъ засмотрѣлся на сына, что даже не замѣтилъ, какъ отворилась дверь фаньцзы и какъ выорхнула въ нее веселая, нетерпѣливо ожидаемая Лай. Черезъ секунду, она была уже въ крѣпкихъ объятіяхъ Ли-фу.

— Корень женъ-шенъ нашель!.. Сто двадцать телей стоить!.. Выкулю тебя теперь, успѣлъ шепнуть Ли-фу своей возлюбленной.

— Знаю, знаю!.. Мать говорила. Дядя идетъ сюда!.. Пусть!.. проговорила Лай и ловко вывернулась изъ объятій.

Дверь отворилась, и въ фаньцзу важно вошелъ, въ сопровожденіи матери Ли-фу, дядя Лай—Фу-чанъ. Последний уже зналъ о найденномъ Ли-фу сокровищѣ и желалъ взглянуть на корень собственными глазами.

— Здравствуй, Ли-фу, здравствуй! благосклонно проговорилъ Фу-чанъ. Ну-ка, покажи!

Осторожно вытаскивалъ Ли-фу изъ берестянки драгоценный корень и показывалъ присутствующимъ.

— Менѣе ста тель не бери, авторитетно оцѣнилъ корень Фу-чанъ. Молодчина ты!.. Какъ ты думаешь, Лай?..

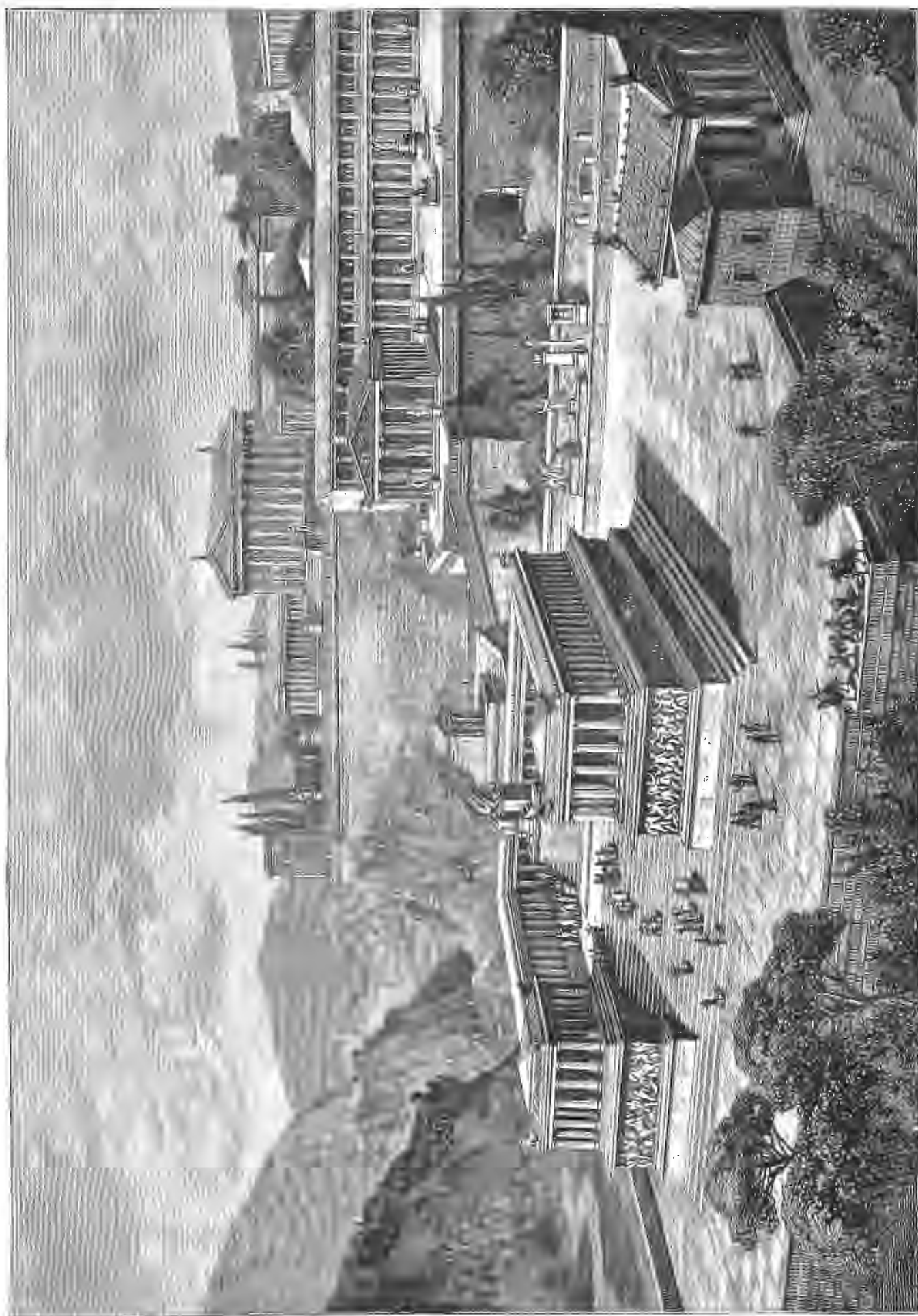
Лай потулилась и покраснѣла. Она была согласна съ дядей.

— Ну, прощай Куанъ-Кеба, прощай старуха, прощай Ли-фу, проговорилъ Фу-чанъ, послѣ короткаго молчанія. Пойдемъ Лай домой!..

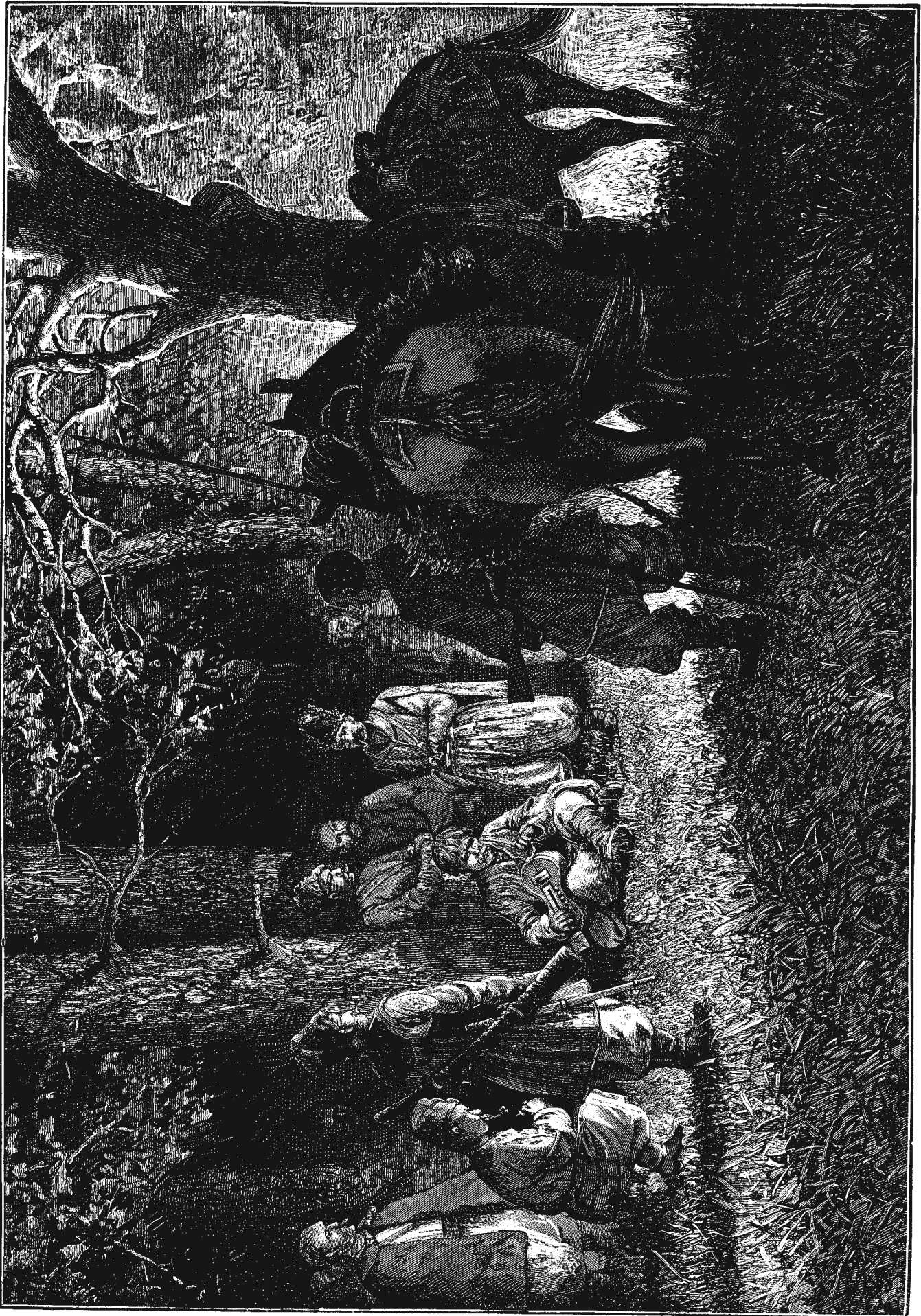
И Фу-чанъ направился, въ сопровожденіи племянницы, вонъ изъ фаньцзы. На порогѣ онъ приостановился и какъ то векользъ проговорилъ:

— Куанъ-Кеба, пусть сынъ твой илеть сваговъ!.. Теперь я не прочь отдать Лай за него!..

Черезъ недѣлю, Лай уже переехала въ фаньцзу Куанъ-Кеба, какъ законная жена Ли-фу, который внесъ за нее Фу-чану двадцать телей!.. На остальные сто телей (найденный корень удавалось продать за 120 телей) Ли-фу сдѣлалъ купюномъ!..

Храмы и общественныя зданія гор. Пергама и его исполинскій жертвенникъ, во второмъ вѣкъ до Р. Хр. Видъ реставрированъ проф. Фр. Тиршемъ. Рис. и грав. М. Рашовскій.

Запорожская съѣчь. Казаки въ лѣсу слушаютъ кобзаря. Ориг. рис. Н. Зиновьева, грав. Флюгель.

Самопомощь и страхование жизни.

Очерк В. Г. Лаврентьева.

По значительности развития, которое послѣднее время повсемѣстно принимаетъ дѣло страхования жизни, объему дѣятельности, представленному законодательствомъ страховымъ учреждениямъ, извѣстной пользѣ, которую приносятъ дѣло страхования жизни,—не безынтересно остановиться на разсмотрѣніи этого дѣла.

Первые и самые отдаленные слѣды дѣла страхования мы находимъ еще въ половинѣ II вѣка, когда римскій префектомъ Ульпианомъ было составлено нѣчто подобное таблицѣ смертности, которая, какъ и всѣ послѣдующія, лежатъ въ основѣ дѣла страхования жизни. Столь развитыя въ то время погребальныя кассы, куда всѣ участники вносили извѣстную плату для погребенія, какъ самихъ себя, такъ и своихъ родственниковъ, подало идею пр. Ульпиану позаботиться и о живыхъ, или о ихъ наследникахъ, но, не смотря на это, ни въ римской, ни въ греческой исторіи мы не находимъ ясныхъ признаковъ существованія обществъ страхования жизни, въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это дѣло теперь.

Нѣчто болѣе определенное встрѣчается лишь въ половинѣ XI столѣтія (1066 г.) у славянъ подъ именемъ артелей, дружинъ и братчинъ и затѣмъ позднѣе, въ 1330 г., у германцевъ подъ именемъ цеховъ и гильдій, причѣмъ страхованіе, какъ въ тѣхъ, такъ и другихъ, касалось уже не только необходимыхъ суммъ на погребеніе, но вообще, участники артели, дружины или цеха, помогали своимъ соучастникамъ и въ другихъ случаяхъ.

Почти одновременно были учреждены и „Страхованія для путешествующихъ“, или страхованія на случай нѣсна, для предоставленія выкупа. Но послѣдній родъ страхованія, не смотря на всю рациональность основной идеи, вскорѣ принялъ вполне азартный характеръ, причѣмъ уже стали играть на жизнь, или вѣрнѣе на смерть, извѣстныхъ личностей, что повлекло за собою цѣлый рядъ запретительныхъ указовъ подлежащихъ правительству.

Идя далѣе, мы находимъ въ XVII вѣкѣ вполнѣ выработанную систему страхованія, извѣстную, и отчасти примѣняемую и до сего времени, подъ именемъ „Тонтинъ“. Швѣто Лоренно Тонти, извѣстный итальяскій врачъ, жившій въ Парижѣ, предложилъ, въ то время не лишнюю интереса, комбинацію, основанную на томъ, что значительное количество лицъ, соединившись вмѣстѣ, условливались вносить извѣстную сумму, причѣмъ проценты на общій капиталъ, въ концѣ каждаго года, раздѣлялись по ровну между всѣми членами кружка, части же, приходящіяся на долю выбывающихъ за смертью, дѣлились между оставшимися въ живыхъ членами.

Развившаяся въ Италіи азартная игра въ рулетку, перенесенная затѣмъ въ Англію, Францію и Германію, побудила лучше и серьезнѣйшіе умы ученыхъ математиковъ того времени приложить свои старанія къ открытію какого либо закона, могущаго гарантировать выигрышъ.

Такъ, математикъ Ферма и мыслитель Паскаль положили начало теоріи вѣроятности, которая, какъ основной законъ, уже самостоятельно, не касаясь первоначальной цѣли, заинтересовала непосредственно и другихъ дѣятелей на поприщѣ математики. Такъ, одному изъ нихъ, голландскому ученому математику де-Виту, плодами чуть ли не всей своей жизни, удалось составить извѣстныя таблицы рожденія и смертности, которыя и были примѣнены впервые къ страхованію рентъ и капиталовъ.

Болѣе регулированныя таблицы смертности были выведены затѣмъ математикомъ Вильямомъ Петти изъ его замѣчательнаго труда „О политической арифметикѣ“, изданной въ 1662 году. За ними слѣдовали труды Джона Граунта и наконецъ нѣмецкаго ученаго Гаспара Неймана, издавшаго въ 1692 г. свой замѣчательный трудъ „Данная о смертности и относительной къ послѣдней popolnitenности человечества“. Труды Гаспара Неймана были обработаны извѣстнымъ англичаниномъ, математикомъ Халлей, работы котораго побудили уже въ 1698 году основаніе въ Лондонѣ общества „Для обезпеченія вдовъ и для выплаты имъ пенсій“. Вскорѣ затѣмъ были основаны существовавшія и до нынѣ общества страхования „Perpetual Assurance“ и „Royal Exchange“.

Въ половинѣ XVIII столѣтія законы о смертности получили новый толчекъ благодаря трудамъ извѣстнаго голландскаго ученаго В. Керсебума и Н. Струика, изъ которыхъ послѣдній обратилъ серьезное вниманіе на различіе смертности между мужчинами и женщинами. Вслѣдъ за ними появились таблицы нѣмецкаго ученаго Зюсмилха, извлеченныя изъ его же замѣчательнаго труда „Die göttliche Ordnung in der Veränderung des menschlichen Geschlechtes“ *) и которыя, обновленныя профессоромъ Вауманомъ, приобрѣли себѣ полное право гражданства среди всѣхъ обществъ страхования жизни.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти труды, во Франціи мы встрѣчаемъ сочиненіе Дераприеу (1746 г.) „О человѣческой долговѣчности“, англичане же Симсонъ и Дидсонъ разработали уже тарифы

для примѣненія къ страхованію капиталовъ и доходовъ. На основаніи ихъ было составлено въ Лондонѣ общество „The Equitable Society for the Assurance of Life and Survivorships“²). Послѣ тонтинъ, о которыхъ мы уже говорили, вопросъ объ открытіи во Франціи обществъ, специально и строго занимающихся страхованіемъ жизни, былъ поднятъ лишь въ 1818 году и уже въ слѣдующемъ году указомъ Сената было разрѣшено открытіе общества „La Compagnie Générale des Assurances sur la vie“.

Первымъ серьезнымъ и вполнѣ независимымъ учредителемъ общества страхования жизни въ Германіи можетъ быть названъ Эрнестъ Арнольди, которому, благодаря тому уваженію которымъ онъ пользовался въ странѣ, удалось основать „Нѣмецкій національный банкъ для страхования жизни“, или „Готарскій банкъ“, дѣла котораго, съ самаго его основанія въ 1828 году, пошанъ вполнѣ твердо. Почти одновременно, т. е. къ 1830 году, относится учрежденіе перваго общества страхования жизни въ Повомѣ Свѣтѣ, а пять лѣтъ спустя, въ 1835 году, т. е. почти полвѣка тому назадъ и учрежденіе перваго страхового общества для рентъ и капиталовъ въ Россіи, гдѣ дѣло страхования жизни съ тѣхъ поръ, хотя отчасти и тихими, но тѣмъ не менѣе твердыми шагами шло впередъ до настоящаго времени, когда уже существуютъ четыре большія общества.

Доведя наши краткіе очерки до періода, когда дѣло это вообще повсюду вступило на твердую почву, мы считаемъ возможнымъ сказать нѣсколько словъ о страхованіи жизни какъ о „самопомощи“ со стороны страхующихся и какъ о точной математической наукѣ, которой съ своей стороны пользуются страхующіе, т. е. страховыя общества. Любовь къ семейству, заботы о его благосостояніи, не только при жизни главы дома, но даже и послѣ его смерти, и благоразумная экономія — вотъ два главные нравственные двигателя, могущіе служить, какъ оба вмѣстѣ, такъ и каждое самостоятельно, лучшимъ залогомъ тому, что съ каждымъ лишнимъ годомъ и соразмѣрно тому, какъ свѣдѣнія о дѣлѣ страхования, въ общемъ и частностяхъ, будутъ проникать въ наше общество, дѣло это будетъ развиваться все болѣе и болѣе.

Если работа, а черезъ ся посредствомъ и приобретеніе не встрѣчались бы на пути своемъ какихъ либо пресѣченій и вообще помѣхи, было бы собственно достаточно приобретать лишь настолько, сколько необходимо для удовлетворенія насущныхъ потребностей, но, къ несчастію, болѣе чѣмъ часто, работа эта, поддерживающая насъ и дорогихъ намъ существъ, прерывается поному воли человѣка и даже противъ всякаго его желанія, причѣмъ перерывы эти влекутъ за собою даже полную потерю способности къ производительности. Поэтому каждый нравственный и развитый человѣкъ, вполнѣ понимая и предвидя неоспоримую возможность наступленія и въ его жизни подобныхъ моментовъ, старается, благодаря двумъ уже упомянутымъ качествамъ, присущимъ человѣчеству — прилежанію и экономіи, приобрести болѣе чѣмъ слѣдуетъ и, соразмѣрно и умѣряя свои расходы, заботиться о будущемъ. Допустимъ, что сила любви къ вашимъ близкимъ настолько сильна въ васъ, что дѣйствительно рѣшились откладывать извѣстную экономію — вы откладываете ее, — вы даете воспитаніе вашимъ дѣтямъ, чтобы и въ нихъ едико возможно болѣе развить тотъ живой капиталъ, который представляетъ собою каждый человѣкъ могущій работать. Но можете ли вы ручаться, что послѣ первой или второй положенной вами экономіи, какая нибудь неожиданная несчастная случайность не заставитъ васъ покинуть этотъ свѣтъ? Помогутъ ли вашей женѣ ваши незначительныя сбереженія? Довольно ли будетъ вашей женѣ этихъ денегъ, чтобы дать возможность окончить воспитаніе вашихъ дѣтей, поставить ихъ на ноги, и прожить это время безъ сильной нужды, — имѣть кровъ, пищу и не быть поставленной въ необходимость зарабатывать въ потѣ лица скудные средства къ пропитанію. Загляните на чердаки и подвалы большихъ городовъ и вы увидите какъ они переполнены бѣдными семьями, выдавшими лучшие годы, пользовавшимися комфортомъ и жившими въ довольствѣ. Вспомните, — развѣ вы сами не паталкивались на примѣры, гдѣ семейства честнаго труженика изъ относительнаго благосостоянія сразу впадали въ самую крайнюю нужду и нищету, вслѣдствіе внезапной смерти главы дома? Но смерть не всегда приходитъ внезапно, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ она является какъ бы заключительнымъ актомъ физическихъ страданій. Но однихъ ли физическихъ? Не много ли страшнѣе для большаго отца, вполнѣ сознающаго, что ему не поправиться, чувства и опасенія за свою семью!

Вотъ, для отвращенія вообще случайностей, идущихъ въ разрѣзъ съ построенными нами планами, когда ни сила воли, ни самое сильное желаніе единичной личности не можетъ найти никакого выхода, является къ намъ на помощь уже упоминаемая нами ассоціаціонная самопомощь. Если для одного человѣка, самолично, для составленія какого либо болѣе значительнаго капита-

*) „Божественные законы о непрерывности обновленія человечества“.

*) „Equitable“ — „Общество страхования жизни и пожизненныхъ доходовъ“.

ла, при ежегодной сравнительно незначительной экономии, необходимо много лѣтъ жизни и правильной работы,—благодаря ассоциативной самопомощи, выражающейся въ настоящемъ случаѣ въ обществѣ страхования жизни, со всѣми подразделениями и комбинаціями,—невозможное является вполне возможнымъ, и возможнымъ не только по теоріи, но, какъ мы увидимъ ниже, и на практикѣ, какъ основанное на строгомъ математическомъ исчисленіи, на законахъ и изслѣдованіяхъ, признанныхъ всѣмъ ученымъ міромъ и неоспоримое которыхъ можетъ быть доказана каждому, хотя бы и не посвященному специально въ математическія науки. По правиламъ, принятымъ всѣми страховыми обществами, основываясь на тарифахъ, выработанныхъ для каждаго года человеческой жизни, за известную сумму, платимую ежегодно, каждый можетъ, какъ говорятъ, «застраховать» известный капиталъ, который выдается его семейству, или кому онъ пожелаетъ, послѣ его смерти. Внесъ ли онъ только одноплатный взносъ или даже двѣнадцатую часть его, т. е. мѣсячный, вносилъ ли онъ приходившуюся сумму цѣлыми десятками лѣтъ, во всякомъ случаѣ, когда бы ни постигла его смерть, тотчасъ же, вся застрахованная сумма будетъ выдана наследникамъ его, или лицу, по его назначенію, *полностью*.

Что касается до довѣрія къ обществамъ страхования жизни, то лучшими доказательствами могутъ служить тѣ обстоятельства, что впродолженіи всего времени существованія общества страхования жизни, у насъ, за исключеніемъ Америки, не бывало еще случая, чтобы въ средѣ ихъ встрѣчалось не только банкротство, но и временное денежное затрудненіе. Даже въ самыя бѣдственные времена, какъ то бывало во время повальныхъ эпидемій, общества эти, съ самой похвальной и завидной акуратностью, безъ малѣйшаго замедленія, выплачивали по своимъ контрактамъ и обязательствамъ.

Такъ, въ 1848 году, когда вопросъ о страхованіи жизни, у насъ въ Россіи, только что еще прививался, и потому дѣятельность общества еще не могла такъ рельефно выдѣлиться, во Франціи, не смотря на то, что всѣ лучшія денежные бумаги и государственныя ренты упали чуть ли не на 50%, значительное же число кредитныхъ учрежденій и правительственныхъ сберегательныхъ кассъ было закрыто, страховыя общества—безъ задержаній, не только выплачивали приходившія имъ громадныя суммы по страхованію на случай смерти своихъ клиентовъ, но даже безаналогично предоставляли всѣмъ пайщикамъ право получать ссуду подъ ихъ полисы, въ вышесказанномъ количествѣ, чѣмъ, въ то время, почти одновременно начало пользоваться большинство застрахованныхъ.

Насъ могутъ спросить, чему можно приписать подобное явленіе—отвѣтимъ тому,—что въ то время какъ всѣ банковыя операціи основаны, при всѣхъ видимыхъ гарантіяхъ, на вѣрѣ при учетѣ и главнѣе биржевыхъ оборотахъ,—дѣло страхованія жизни покоится на наукѣ и ученыхъ изысканіяхъ, предусматривающихъ комбинаціи и случайности, въ основѣ же всего дѣла лежатъ таблицы смертности, проверенныя наблюденіями.

Разлики нашего очерка не даютъ намъ возможности распространяться о значеніи и о сущности теоріи вѣроятности, поэтому мы беремъ на себя смѣлость, даже отклоняя пока эту науку, просто на основаніи обыкновенныхъ арифметическихъ задачъ, известныхъ подъ наименованіемъ „правило сложныхъ процентовъ“ и „тройного правила“, доказать нашимъ читателямъ, почему за какія нибудь сотни рублей, вносимыхъ лицами въ общество страхования жизни ежегодно, послѣдствія, безъ малѣйшаго ущерба для себя, въ состояніи уплачивать цѣлыя тысячи при смерти застрахованнаго. Такъ соображалъ ли когда нибудь нашъ читатель, что на 1000 рожденныхъ до 20-го года доживаютъ только 491 человекъ, къ сороку пятому же году остаются въ живыхъ только 339 человекъ?

Извѣстно ли нашимъ читателямъ, что 1000 рублей, которые страховое общество должно будетъ отдать застрахованному черезъ 20 лѣтъ, со дня заключенія контракта, представляетъ обществу, въ моментъ подписанія условій, капиталъ не въ 1000 р., а только сумму въ 376 р. 90 к.?

Извѣстно ли имъ, что внося 100 р. ежегодно, впродолженіи 20 лѣтъ, они будутъ имѣть уже не 2000 р., а 3471 р. 93 к. Совершенно ли ясно имъ, что желая получить хотя бы по 100 р. ежегоднаго дохода впродолженіи 20 лѣтъ, необходимо имѣть лишь 1246 р. 23 к. основнаго капитала, а не 2000 руб., какъ могло бы казаться, откинувъ ежегодные проценты. Присоединивъ къ этимъ даннымъ, являющимся простымъ арифметическимъ произведеніемъ, добытыя наукой таблицы смертности, мы можемъ прийти къ убѣжденію, что расчетъ страховыхъ обществъ совершенно ясенъ, и въ дѣятельности ихъ все понятно, все рассчитано и правильно. Способность же этихъ обществъ для скопленія капитала, долженствующаго быть выплаченнымъ застрахованному, имѣть на своей сторонѣ положительную вою преимущественно передъ тою же способностью, присущую каждой единичной личности. Въ дѣйствительности для каждаго единичнаго индивидуума нѣтъ положительной возможности опредѣлить свою собственную долговѣчность, почему въ немъ никогда не можетъ быть и увѣренности, что онъ успеетъ скопить нужную для обезпеченія его семьи сумму. Для страхового же общества эта увѣренность существуетъ положительно, потому что оно имѣетъ дѣло не съ одною только личностью, а съ тысячами и

десятками тысячъ, причемъ, кромѣ того, общество, работая не съ однимъ, а тысячами, имѣетъ постоянную возможность высчитать, что столько то и столько то лицъ, по среднему выводу, должны прожить столько то и столько то лѣтъ, мѣсяцевъ и даже дней. Поэтому то для таблицъ смертности нѣтъ известнаго лица, нѣтъ единичнаго индивидуума, да нѣхъ всѣ равны, и разница существуетъ лишь въ годахъ ихъ рожденія.

Разсматривая затѣмъ всѣ комбинаціи, которыя предлагаютъ намъ общества страхования жизни, мы видимъ слѣдующее. Первая и самая простая комбинація заключается въ страхованіи известнаго капитала на случай смерти. Этотъ родъ страхованія построенъ такимъ образомъ, что имъ могутъ пользоваться всѣ, какъ люди со средствами, такъ и весьма небогатые, чтобы застраховать на случай смерти, своимъ близкимъ, соответствующую ихъ средствамъ сумму. Напримеръ, экономія въ 30 или 33 к. въ день сравнительно ничтожна; а между тѣмъ, съ этой экономіей человекъ, даже очень небогатый, можетъ оставить своему семейству 5000 р. Сколько времени необходимо чтобы изъ этихъ 30—33 к. въ день, при личной экономіи, составилъ 5000 р. Простой расчетъ покажетъ намъ что около 45 лѣтъ. Проживетъ ли столько отецъ семейства, имѣющій 30 лѣтъ отъ роду?—Если даже и проживетъ,—хватитъ ли у него терпѣнія и выдержки, ежедневно, ежемѣсячно, ежегодно и цѣлыми десятками лѣтъ откладывать, копить и не тратить скопленныхъ денегъ.

Все вышеприведенное касалось страхованія „на жизнь“, т. е. выплаты застрахованной суммы по смерти застрахованнаго въ пользу его наследниковъ, но предположимъ, что кто нибудь, проникнувшійся идеей пользы страхованія кромѣ обезпеченія своихъ близкихъ, послѣ своей смерти, пожелаетъ и лично самъ воспользоваться плодами своихъ сбереженій при достиженіи имъ известнаго возраста, когда онъ захотѣлъ бы отдохнуть отъ трудовъ въ пріятномъ „*dolce far niente*“,—онъ можетъ удовлетворить и этому желанію, заключивъ смѣшанное страхованіе, по которому застрахованная сумма будетъ ему выдана, или лично самому, при достиженіи имъ назначенныхъ лѣтъ, или его наследникамъ—тотчасъ послѣ его смерти, если таковая послѣдовала ранѣе опредѣленнаго срока.

Разсматривая слѣдующую затѣмъ группу страхованій—специально „на дожитіе“, мы видимъ, что такое даетъ родителямъ возможность застраховать известныя суммы для своихъ дѣтей въ видѣ приданнаго. Въ нашъ меркантильный, сухой вѣкъ, мы встрѣчаемъ сотни примѣровъ, гдѣ прекрасно воспитанныя дѣвушки изъ хорошихъ семействъ потому только не выходятъ замужъ, что у нихъ нѣтъ приданнаго, соответствующаго настоящимъ потребностямъ.

При страхованіи на воспитаніе дѣтей отецъ можетъ за какіе нибудь 44 руб. въ годъ застраховать своему сыну по 300 руб. въ годъ для прожитія университета, т. е. съ 19 до 24 лѣтъ, или за 155 руб. ежегодно тѣже 300 руб. въ годъ для школьнаго періода отъ 10 до 19-ти-лѣтняго возраста.

Вдовья пенсія особенно удобна для сыновей заботящихся о престарѣлыхъ матеряхъ своихъ или мужей желающихъ на случай своей смерти оставить женамъ не капиталъ, а ежегодный доходъ. Такъ всего, приблизительно, за 60 р. въ годъ сынъ можетъ оставить своей шестидесятилѣтней матери пенсионный доходъ въ 600 р. Тридцатипятилѣтній мужъ же, внося 150 р. въ годъ, можетъ предоставить своей 25-ти-лѣтней женѣ 500 руб. ежегодно, съ момента когда она останется вдовою.

До какой степени сознаютъ наши европейскіе сосѣди пользу страхованія—самымъ краснорѣчивымъ образомъ свидѣлствуютъ слѣдующія данныя. Въ Англій въ настоящее время дѣйствуютъ 107 обществъ страхования жизни, причемъ ими застраховано болѣе чѣмъ на 4.400.000.000 рублей полисовъ; въ Германіи существуетъ 38 обществъ застрахованныхъ капиталовъ болѣе чѣмъ на 1.261.890.000 рублей; во Франціи оперируютъ 23 общества, застрахованныхъ на 1.104.068.210 руб.; въ Австріи 24 общества, заключившихъ контрактовъ на 649.401.600 р.; на остальныхъ страны Европы приходится около 400.000.000 р.; въ Америкѣ же общая сумма простирается до 3.589.000.000 р. У насъ въ Россіи дѣло это, въ виду весьма малаго еще распространенія свѣдѣній по вопросу о страхованіи жизни и незнакомства ни съ сущностью, ни частностями комбинацій, идетъ довольно туго, хотя за послѣднее время и замѣчается весьма сильное оживленіе, свидѣтельствующее о живомъ интересѣ къ этому вопросу. На дѣйствующія у насъ 4 общества приходится страхованій въ общей суммѣ всего около 88.652.654 руб.

Можно надѣяться, что и у насъ, благодаря усиленной дѣятельности нашихъ обществъ, распространенію свѣдѣній о сущности и задачахъ ихъ—чему мы готовы служить постоянно—равно какъ и обращенію вниманія на вопросы о страхованіи жизни со стороны самой административной власти, въ Россіи дѣло это пойдетъ впередъ быстрыми шагами и русское общество, подобно народамъ западно-европейскихъ государствъ, проникнется идеею пользы страхованія и вступитъ на тотъ серьезный путь „самопомощи“, который, обезпечивая, какъ насъ самихъ, такъ и намъ близкихъ, отъ возможности нищеты, нужды и раззоренія, даетъ намъ спокойствіе и сознаніе, что мы не пренебрегли тѣми средствами, которыя предоставляетъ намъ цивилизація, указываетъ любовь и разумъ, совѣтуютъ экономисты и развѣщаетъ и освящаетъ законъ.

Къ рисункамъ.

Споліарій въ древне-римскомъ циркѣ.

(Рис. на стр. 132 и 133).

На послѣдней художественной выставкѣ въ Мадридѣ, наиболѣе глубокое впечатлѣніе произвела дѣйствительно талантливо-написанная картина Жуана Луна, удостоенная высшей премии. Художникъ представилъ въ ней мрачную сцену: ужасный эпизодъ гладиаторскаго боя въ римскомъ циркѣ; представленіе кончилось и сцену очищаютъ отъ загромождающихъ ее труповъ, перетаскивая ихъ крючьями въ такъ называемый Spoliarium, мрачное и печальное помѣщеніе, гдѣ несчастные бойцы находятъ конецъ въ объятіяхъ смерти, покоя и свободу. Здѣсь, въ обѣихъ кучкѣ изуродованныхъ, истерзанныхъ тѣлъ, можно видѣть бойцовъ самыхъ разнообразныхъ національностей: и галловъ, и самнитовъ, и татуированныхъ дикихъ британцевъ, и бѣлокурыхъ сыновъ Рейна и Дуная, и смуглыхъ мавровъ, и даже негровъ изъ внутренней Африки. Но въ этой мертвецкой цирка встрѣчалось много труповъ и природныхъ римлянъ, попадавшихъ въ гладиаторы за преступленія или по собственному желанію и въ послѣдствіи также христіанскихъ мучениковъ. Сюда, подъ мрачныя своды, освѣщаемые лишь факелами, являлись друзья и родственники погибшихъ и брали ихъ останки для честнаго погребенія. Уборка убитыхъ съ амфитеатра часто происходила и въ антрактахъ представленія; на военная кровью земля очищалась лопатами и черные рабы носыпали ее свѣжимъ пескомъ. Побѣдители потрсаали чередъ зрителями

Н. С. Соханская-Нохановская. † 13 декабря 1884 г.

По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

своими пальмовыми вѣтвями; люди же, въ маскахъ подземнаго бога Меркурія, подбирали пашихъ; другіе, въ маскахъ Харона пробовали раскаленнымъ желѣзомъ не представляется ли кто мертвымъ, чтобы получить незаслуженную свободу. Мертвые выносились черезъ ворота богини смерти въ споліарій; тамъ же добывали тѣхъ, у кого оставались еще какіе нибудь признаки жизни. И не смотря на страшное, рискованное ремесло, въ римскіе гладиаторы поступали люди совершенно свободные, которые дрались на аренѣ изъ любви къ искусству. Даже женщины, и довольно знатныя, иногда увлекались славой публичнаго бойца и являлись передъ публикой въ костюмѣ гладиатора. Счастливые бойцы могли рассчитывать на хорошее вознагражденіе; кромѣ того они пользовались чрезвычайною популярностью; ихъ воспѣвали поэты, ими интересовались красивѣйшія и знатнѣйшія женщины; ихъ изображеніе красовалось повсюду, во вѣсѣхъ лавкахъ, на кубкахъ и блюдахъ, и на стеклянныхъ сосудахъ. Въ гладиаторскихъ школахъ, гдѣ они посвящались въ тайны своего искусства, ихъ содержали отлично, такъ какъ само правительство заботилось объ ихъ тѣлесномъ благосостояніи. Знаменитые хирурги лечили ихъ раны; врачи наблюдали за правильностью соблюденія предписанной имъ діеты. Иногда они наживали громадныя состоянія и удалялись на покой въ какую нибудь собственную виллу, чтобы пользоваться здѣсь желаннымъ миромъ и довольствомъ. Но конечно не таковъ былъ конецъ большинства гладиаторовъ. Жизнь ихъ часто зависѣла отъ каприза кровожадной римской публики, которая требовала отъ бойца, какъ первое условіе, презрѣніе къ смерти. Римскіе бойцы, навнше на аренѣ, иногда умоляли о дарованіи имъ жизни, подымая вверхъ палецъ маханья платкомъ со стороны зрителей было знакомъ, что гладиатору даруется жизнь, а переворачиваніе большаго пальца внизъ, означало смертный приговоръ. Жизнь, впрочемъ, щадилась рѣдко, такъ какъ римская публика считала для себя оскорбленіемъ, когда гладиаторъ умираетъ неохотно. Тогда раздавался общій крикъ: „Зачѣмъ онъ такъ боится меча? Зачѣмъ онъ такъ лѣниво умираетъ?“ Тогда наносился послѣдній ударъ и еще теплый, трепещущій трупъ тащили въ споліарій.

Да!

(Рис. на стр. 137).

Костюмы начала нашего вѣка. Молодая, влюбленная парочка гуляетъ по только что расчищенной отъ снѣгу дорожкѣ парка, въ свѣжемъ, морозномъ воздухѣ, посреди деревьевъ, покрытыхъ инеемъ, и хотя зима обложила все кругомъ своимъ бѣлымъ саваномъ, въ юныхъ сердцахъ раздвѣтаютъ всѣ цвѣты весны, звучать всѣ ея чудные голоса, блестятъ всѣ ея пестрыя, милыя грезы и думы. Прогулка эта рѣшительна. Долго сдерживаемая страсть юноши наконецъ вспыхнула яркимъ пламенемъ и развилась съ силою, которой онъ самъ дивится. Юноша рѣшился наконецъ сдѣлать предложеніе. И сколько тревоги, смущенія, неуверенности и страданія на этомъ молодомъ лицѣ! Но дѣвушка, раздвѣтая прелестной, полной любви и нѣжности улыбой, говорить великое „да!“ И какъ мѣтко выражена художникомъ эта маленькая драма, кончающаяся такъ счастливо, эта, какъ говоритъ Гейне, „Старая исторія, которая вѣчно нова!“

Храмъ Юпитера и Минервы въ Пергамѣ.

(Рис. на стр. 140).

Недавнія раскопки въ Пергамѣ вызвали на свѣтъ цѣлый рядъ самыхъ удивительныхъ остатковъ зданій и произведеній искусства образцы такой пластики, передъ которой меркнетъ вся удивительная скульптура Эллады. Съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ясно открывается передъ нами чудный міръ древняго греческаго искусства, идеалы котораго стояли на такой недосягаемой высотѣ. Прилагаемый рисунокъ—приблизительная реставрація профессора Тирша—яснѣе словъ говоритъ объ этомъ періодѣ дивнаго процвѣтанія пластики и архитектуры. Пергамъ—одинъ изъ древнѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ Мизіи въ Малой Азии. Въ эпоху полнаго раздвѣта родосской школы здѣсь развился самостоятельный, полный удивительной силы отпрыскъ греческаго искусства. Побѣды пергамцевъ надъ галлами воодушевили художниковъ, и они взялись за изображенія эпизодовъ изъ битвы. Кому не извѣстны превосходныя статуи умирающаго галла, и галла, умертвившаго свою жену, и убивающаго себя, во избѣжаніе плѣна?

Въ недавнее время, во второй половинѣ семидесятихъ годовъ, берлинскій музей обогатился неоцѣнными сокровищами, найденными въ Пергамѣ: огромнымъ горельефомъ, изображающимъ гиганто-махію—борьбу боговъ съ титанами. Теперь изученіе этихъ памятниковъ занимаетъ болѣе всего міръ ученыхъ и художниковъ. Въ хаотическихъ обломкахъ мрамора разбираться не легко, и только постепенно выяснилось взаимодѣйствіе фигуръ Зевса, Аѳины, Геи и прочихъ участниковъ битвы. Окончательнаго вывода пергамскіе изслѣдователи еще не дали, но несомнѣнно установлено одно положеніе: во второмъ вѣкѣ до Рождества Христова, въ періодъ паденія эллинскаго искусства, въ Пергамѣ царилъ школа, не только съ честью продолжавшая дѣло Праксителей и Фидіевъ, но и внесшая въ исторію искусства совершенно самобытные, удивительные элементы; изучать пергамскую школу художникамъ настолько-же необходимо, какъ изучать Лизиппа, Анджело и Рафаэля.

Дивный горельефъ, о которомъ было упомянуто выше, опоясывал со всѣхъ сторонъ величественный храмъ, посвященный двумъ покровителямъ Пергама—Юпитеру и Минервѣ, изображенный на переднемъ планѣ нашего рисунка. Построенный въ первой половинѣ втораго вѣка до Р. Х., онъ много потерпѣлъ отъ непогодъ и землетрясеній. Во времена владычества византийцевъ, часть Пергама была обращена въ крѣпость, и нѣкоторые рельефы замурованы. Толстый слой известковаго цемента, залитый ихъ, значительно помогъ тому, что они сохранились до нашихъ дней какъ бы въ футлярѣ. Тѣ обломки, что

 Чудная картина,
 Какъ ты мнѣ родна:
 Бѣлая равнина,
 Полная луна,
 * * *
 Свѣтъ небесъ высокихъ
 И блестящій снѣгъ,
 И саней далекихъ
 Одинокій бѣгъ....

А. Фетъ.

панились рядомъ, въ грудяхъ мусора, конечно подверглись болѣе значительной порчѣ. Но многимъ архитектурно-искусственнымъ подробностямъ нѣмецкіе археологи (особенно Рихардъ Бонъ) сумѣли возстановить предполагаемое зданіе храмовъ,—и конечно весьма близко къ дѣйствительности. Знаменитый храмъ имѣлъ, какъ видно на рисункѣ, видъ четырехугольника; высота каждой стороны его доходила до семидесяти метровъ. Массивный фундаментъ, въ пять метровъ вышины, окаймленный карнизомъ, имѣлъ подножіемъ себѣ три ступени. Посерединѣ храма помѣщалась обширная платформа, съ жертвенникомъ, и излучиной ионической колоннадой вокругъ. Входъ въ храмъ былъ съ южной стороны и открывался широкой лѣстницей. Такъ какъ главѣйшее назначеніе этого храма—было приношеніе жертвъ Юпитеру и Минервѣ, то и называется онъ у археологовъ *Пергамскимъ жертвенникомъ*, въ отличіе отъ прочихъ зданій Пергама. Названіе это по преимуществу основано на словахъ ризора Амелія, который, описывая чудеса всѣхъ странъ свѣта, между прочимъ говоритъ, что въ Пергамѣ есть жертвенникъ шестидесяти футовъ въ вышину, съ колоссальными горельефами, изображающими битву боговъ. Мраморы, найденные Гуманомъ, подтвердили свѣдѣніе ризора Амелія. На карнизахъ фундамента были найдены надписи, подтверждающіе сюжетъ: на верхнемъ карнизѣ означены имена боговъ, а на нижнемъ—гигантовъ. Горельефы эти описывали храмъ силою, и тамъ гдѣ лѣстница прорывала фасадъ, они завертывались на углахъ и шли по бокамъ лѣстницы. Лучше всего уцѣлѣли двѣ главные группы гиганто-махин: центромъ одной служитъ Юпитеръ, а другой—Минерва.

Въ рукахъ у бога боговъ згида; ею онъ поразилъ двухъ титановъ. Третьяго гиганта, обладающаго вмѣсто ногъ змѣями, поражаетъ орелъ Зевса, и ему на помощь сбивить и самъ Крононъ. Въ группѣ Минервы обращаетъ на себя вниманіе фигура юности-титана, который палъ къ ногамъ богини, сдвинувшей колымаги священной змѣи. Фигура эта общимъ движеніемъ чрезвычайно напоминаетъ классическую статую Лаокоона. И та рука, которая, по мнѣнію археологовъ, вытнута у Лаокоона неправильно къверху, что не соответствуетъ общему ритму движенія, здѣсь, дѣйствительно, закидывается на голову. Связь этого титана съ Лаокоономъ несомнѣнная. Превосходна экспрессія Геи-Земли, матери Гигантовъ. Ея заплаканное лицо смѣло можетъ конкурировать съ знаменитымъ выраженіемъ скорби на лицѣ Ниобеи.

Въ заключеніе, напомнимъ читателямъ восторженный отзывъ нашего писателя И. С. Тургенева, видѣвшаго пергамскіе обломки въ берлинскомъ музѣѣ:

„...Всѣ эти, то лучезарныя, то грозныя, живыя, мертвыя, торжествующія, гибнущія фигуры, эти извивы чешуйчатыхъ змѣиныхъ колецъ, эти распростертыя крылья, эти оры, эти кони, оружіе, щиты, эти летучія одежды, эти пальмы и эти тѣла, красивѣйшія человѣческія тѣла во всѣхъ положеніяхъ, смѣлыхъ до повѣрлотности, стройныхъ до музыки,—всѣ эти разнообразнѣйшія выраженія лицъ, беззадѣтные движенія членовъ, это торжество злобы и отчаянія, и веселіе божественное, и божественная жестокость—все это небо и вся эта земля—это міръ, цѣлый міръ, передъ открытіемъ котораго невольный холодъ восторга и благоговѣнія пробѣгаетъ по жиламъ...“

Кто особенно интересуется знаменитыми древностями Пергама, тѣ найдутъ подробности о нихъ въ имѣющей въ скоромъ времени выйти въ свѣтъ „Исторіи искусствъ“ П. П. Гнѣдича.

Кобзарь въ Запорожской Сѣчи.

(Рис. на стр. 141).

Среди безконечныхъ гирлъ Днѣпра, среди его глубокихъ лимановъ, корчей и пороговъ могъ свободно плавать лишь одинъ опытный пловецъ, и среди его бесчисленныхъ острововъ, тонкихъ болотъ и непроглядныхъ камышей могъ не потеряться только тотъ, кто знаетъ Днѣпръ и его долину. Но эта дикость, эта неприступность Днѣпра и привлекали низовыхъ запорожскихъ казаковъ. Здѣсь, за неприступными порогами, среди бесчисленныхъ острововъ, непроходимыхъ камышей, вѣковыхъ лѣсовъ; здѣсь, въ безлюдныхъ и знойныхъ поляхъ и дикихъ степяхъ удаленныя находили себѣ надежное убѣжище для свободнаго и привольнаго житія. „Свѣчь—мати, а великъ лугъ—батько!“ говорили они. Сюда не могла достигать ни рука вельможнаго пана, ни власть короннаго гетмана, ни даже универсалъ самого короля Рѣчи Посполитой. Здѣсь молодцы не боялись ни набѣговъ татаръ, ни набѣдовъ турокъ. Живя въ своихъ трупобахъ совершенно особенно, замкнутою жизнью, коротая вѣкъ въ „лицарскихъ подвигахъ“, не зная семейной жизни, запорожецъ все таки оставался по прежнему сыномъ нѣжной своей матери—тихой, поэтической Украины, и приходя въ Сѣчь не могъ отречься отъ своей старой, мирной жизни, гдѣ пибудь въ глухомъ селѣ, когда еще былъ нарубкомъ и любилъ какую пибудь черноглазую Оксану. Любовно и ласково встречалъ онъ каждого пришлеца съ Украины, но особенно дорогими гостями были для запорожца бандуристы и лирники, которые своими пѣснями снова возбуждали въ его суровой душѣ нѣжныя, давно забытыя чувства. И вотъ пришлый бандуристъ пѣлъ безродному лицарю „думу о казачьей жизни“.

„Дай же Боже, щобъ казаки пили и гуляли
И казачьей славы не теряли!
Хочь казакъ помре—поляже—
Его слава на вѣкъ не пропаде,
На многія літа,
До конца вѣку!“

Пѣлъ кобзарь казаку еще думу „О вдовѣ и ея сыповьяхъ“, гдѣ въ трогательномъ разсказѣ передана горькая судьба сироты, не почитавшихъ своей матери, или пѣлъ о молодой смерти юнаго Кошовченко—и эти задумчивыя пѣсни бродячаго пѣвца слушались съ невыразимымъ наслажденіемъ суровыми обитателями Запорожья. Одна изъ подобныхъ сценъ, когда бандуристъ поетъ въ лѣсу запорожцамъ, жадно схватывающимъ каждый звукъ родной пѣсни, и представлена нашимъ художникомъ.

Н. С. Соханская-Кохановская.

(Шортр. на стр. 144).

Недавно (13 декабря) скончалась одна изъ лучшихъ нашихъ писательницъ на хуторѣ Макаровкѣ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губ., Надежда Степановна Соханская, известная въ нашей литературѣ подъ псевдонимомъ „Кохановская“.

Писательница эта не даромъ сама себя назвала „позомъ отходящаго быта“. Въ ея повѣстяхъ съ яркостью и силою изображался старорусскій провинціальныи міръ дореформенной эпохи. Типы и сцены этого міра въ ея повѣстяхъ часто отличаются замѣчательнымъ мастерствомъ изображенія. Талантъ ея былъ своеобразный и сильный. Весь вѣкъ своей прожила она въ своей глуши, въ своихъ милыхъ степяхъ, и умѣла вложить чувство искренней любви къ нимъ въ свои произведенія. Глубоко прочувствованныя картины природы дышатъ у нея истинной поэзіей. Литературную карьеру свою начала она повѣстью „Послѣ обѣда въ гостяхъ“, тогда же обратившею на себя общее вниманіе истинныхъ цѣнителей искусства. Затѣмъ „Галлерей портретовъ“ еще болѣе усилила ея известность. „Гайка“, „Старина“, „Рой Феодосій Савичъ на покой“—все это чудное изображение положительныхъ сторонъ стараго житія, патриархальнаго быта старыхъ селъ и усадебъ. Въ 1863 г. вышло собраніе сочиненій Н. С. Кохановской. Позднѣе она уже только изрѣдка дарила публику небольшими произведеніями, и немногія ея вещи, появившіяся съ тѣхъ поръ, носили болѣе публицистическій характеръ. Смерть такой писательницы представляетъ замѣтную потерю для русской литературы.

Взрывъ храма въ Якобштадтѣ.

(Рис. на стр. 148).

16-го января, въ 5½ часовъ пополудни, жители городка Якобштадта, Курляндской губерніи, были встревожены оглушительнымъ взрывомъ, который былъ слышенъ и въ расположенномъ по другую сторону Двины мѣстечкѣ Крейцбургѣ. Взрывъ произошелъ въ недавно возобновленномъ заботами состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Прибалтійскаго братства церкви Св. Духа, древнѣйшемъ православномъ храмѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, которой освещенъ митрополитомъ Платономъ въ прошломъ октябрѣ. Взрывъ былъ произведенъ надъ однимъ изъ боковыхъ куполовъ. Сила взрыва была такъ велика, что значительная часть церковной крыши была раскрыта, съ купола сорваны покровы и все это разметано по сторонамъ на значительномъ прострѣствѣ, такъ что обломки дерева, совершенно разбитаго, находили на разстояніи 20 и 30 саженой отъ церкви. Въ соседнихъ домахъ отъ сотрясенія полопались стекла. Во время взрыва въ церкви никого не было. Прибѣжавшіе на взрывъ увидѣли передъ собой обезображенный куполъ и крышу; вскорѣ затѣмъ показалось пламя, и вырвавшись почти изо всѣхъ пяти куполовъ одновременно, охватило деревянную церковь съ такою быстротой и силою, что невозможно было и помыслить о спасеніи храма. Съ трудомъ, лишь благодаря необычному усердію и самоотверженности мѣстнаго священника, удалось спасти главѣйшіе образы, ризницу и утварь; всѣ предметы пришлось буквально вырывать изъ огня. Священникъ вынесъ, рискуя жизнью, большой образъ Св. Духа уже въ то время, когда весь храмъ стоялъ въ огнѣ. Спасена также икона, принесенная въ даръ храму Августѣйшему Покровительницею Братства, Государынею Императрицею. Къ счастью вѣтеръ дулъ на рѣку, на берегу которой стоитъ храмъ, иначе огонь распространился бы далѣе; громадные искры перелетали чрезъ Двину и падали въ мѣстечкѣ Крейцбургѣ. Къ 8 часамъ вечера на мѣстѣ величественнаго сооруженія оставались лишь догоравшіе остатки стѣнъ и груды пепла. Взрывъ произведенъ взрывчатимъ веществомъ, притомъ же дѣйствующимъ очень сильно и быстро. Птицы, свѣдѣнія на храмъ, не успѣли улѣтѣть и ихъ обезображенные, но не обгорѣлыя туши найдены на нѣкоторомъ разстояніи отъ церкви. Нашли что взрывъ произведенъ динамитомъ.

Кѣмъ и съ какою преступною цѣлью совершено это варварское злодѣяніе, покажетъ слѣдствіе. Трудно понять, чего хотѣли достигнуть злоумышленники, такъ какъ они не могли думать, что ихъ злодѣяніе навсегда сотретъ этотъ храмъ съ лица

земли, тѣмъ болѣе что церковь была застрахована. Прискорбное происшествіе это произвело удручающее впечатлѣніе на населеніе какъ Якобштадта, такъ и сосѣдней Риги.

Обсервационный постъ въ Триестѣ.

(Рис. на стр. 149).

Во время послѣдней Австро-Итальянской войны 1866 года, австрійское правительство сильно заботилось о предохраненіи своихъ портовъ отъ нападенія итальянскаго флота. Съ этой цѣлью во многихъ мѣстахъ были заложены торпеды и всѣмъ комендантамъ гаваней была вмѣнена въ обязанность величайшая осторожность. На стр. 149 изображено очень интересное учрежденіе—обсервационный или зажигательный постъ военнаго телеграфа. Торпеды расположены на нѣсколькихъ концентрическихъ, довольно близко отстоящихъ другъ отъ друга, линіяхъ; онѣ погружены довольно глубоко и присутствіе ихъ ничѣмъ не обнаруживается на водѣ. Металлическая проволока соединяетъ каждую изъ нихъ съ наблюдательнымъ постомъ, расположеннымъ на возвышенномъ мѣстѣ на берегу, съ цѣлью удобнаго обзорѣнія гавани. Комната для наблюденій довольно обширна, но темна. Въ стѣнѣ находится липза, обращенная на гавань. Свѣтовые наружные лучи попадаютъ въ нее, преломляются и идутъ въ призму, которая направляетъ ихъ на матовое стекло, положенное горизонтально на столѣ, занимающей середину комнаты. По известнымъ законамъ оптики, точное изображеніе всей гавани получается на стеклѣ. Черныя точки на стеклѣ показываютъ мѣсто закладки каждой торпеды и обозначены номерами, отмѣченными на клавишахъ. Достаточно нажать одну изъ клавишъ, чтобы соединить соотвѣтствующую торпе-

ду съ электрической баттареей и произвести взрывъ. Дежурный не сводитъ глазъ съ картины, отражаемой на стеклѣ. При приближеніи непріятельскаго корабля къ точкѣ, обозначающей торпеду, онъ нажимаетъ клавишу—и корабль въ одинъ мигъ взлетаетъ на воздухъ. Торпеды закладываются довольно глубоко, чтобы корабли гавани могли безопасно плавать. Такая же точно закладка торпедъ принята большинствомъ европейскихъ державъ и на слѣдующихъ мѣстахъ устроены такіе же наблюдательные посты.

Двойныя изображенія.

(Рис. на стр. 149).

Рисовальщики и художники прибѣгали иногда къ оптическимъ иллюзіямъ для сообщенія картинамъ неожиданнаго эффекта, именно „двойнымъ“ изображеніямъ. Между старинными эстампами попадаются картинки, изображающія какія нибудь лица, если смотрѣть на нихъ прямо, и совершенно иное, если перевернуть картину низомъ вверхъ. Въ Страсбургскомъ музѣ находилась картина одного извѣстнаго художника, нарисованнаго четыре времени года въ видѣ четырехъ головъ, составленныхъ изъ плодовъ. Издали головы имѣли нормальный видъ, но по мѣрѣ приближенія къ картинѣ можно было замѣтить, что всѣ части ихъ составлены изъ вишенъ, яблокъ, винограда и пр. Этотъ способъ писанія картинъ входитъ повидимому снова въ моду. Итальянскій художникъ Гальени нарисовалъ недавно картину, которая, если смотрѣть издали, кажется страшной, мертвой головою, а вблизи оказывается изображеніемъ двухъ престелныхъ малютокъ, съ собачкой между ними, играющихъ въ куклы.

Политическое обзорѣніе.

Англія и Египетъ.—Швейцарія.

„Хартумъ въ рукахъ Махди; Гордонъ убитъ“. Вотъ та ужасная истина, которая теперь подтверждается официально и разносится по всему міру. Многие въ Лондонѣ сначала отнеслись скептически къ этому извѣстію, но этому скептицизму былъ скорѣй положенъ конецъ разосланнымъ изъ военнаго министерства откровеннымъ сообщеніемъ о неудачахъ, постигшихъ англійскую армію въ Суданѣ. Въ общемъ извѣстіе произвело сильно удручающее впечатлѣніе. Газеты въ одинъ голосъ требуютъ чрезвычайныхъ, энергическихъ мѣръ. „Вся страна поднимется, говорятъ онѣ, при извѣстии объ успѣхѣ Махди, и если мы не жаждемъ, чтобы всѣ наши войска въ Суданѣ потеряли бы такую же участь, какъ генералъ Гордонъ, мы должны двинуть на выручку нашу полную силу. Англія не смѣетъ бѣжать передъ восточнымъ врагомъ. Что же дѣлать? Наша политика ясна какъ день. Мы должны прежде всего и важнѣе всего укрѣпить наши гарнизоны повсюду, включая Индію. И между тѣмъ, не теряя минуты, сбѣжать на выручку нашимъ войскамъ въ Суданѣ. Каждый нервъ долженъ быть патянута, чтобы доказать, что несчастье только укрѣпило нашу рѣшимость держать высоко англійское знамя предъ лицомъ каждаго врага“. Такъ говорятъ газеты и конечно само правительство сознаетъ, что моментъ дѣйствительно критическій, требующій отъ него громадной энергіи и рѣшимости. Плененіе и смерть Гордона, имя котораго произносилось съ уваженіемъ всѣми арабами, и личныя добродѣтели котораго высоко цѣнились какъ Махди, такъ и его приверженцами, можетъ пошатнуть вѣру въ могущество Англіи сильнѣе, чѣмъ всѣ тѣ невзгоды, которыя были испытаны въ Суданѣ англійскими вѣнштательствомъ, начиная съ разгромовъ арміи Гисса-нани и Беккера. Въ телеграммѣ лорда Вольслея говорилось, что о судьбѣ Гордона ходили самыя разнообразныя слухи; между прочимъ, передавали, что Гордонъ заперся съ нѣсколькими греками въ хартумской церкви. Племя шухриѣвъ перешло на сторону Махди и такимъ образомъ населеніе обоихъ береговъ Нила оказывается враждебнымъ англичанамъ. По слухамъ, ворота Хартума были измѣнически открыты мятежникомъ Тарача-пашею. Хартумъ палъ 26-го января и прибывшій туда 28 января полковникъ Вильсонъ, найдя что городъ уже занятъ непріате-

лемъ, вынужденъ былъ отступить. На возвратномъ пути, выше Шаблукскихъ пороговъ, пароходъ Вильсона, обстрѣливаемый съ обоихъ береговъ, потерпѣлъ крушеніе и Вильсонъ вмѣстѣ съ войсками высадился на маленькомъ нильскомъ островѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ, Вильсонъ и его спутники теперь спасены пароходами лорда Бирафорса, и Вильсонъ уже прибылъ въ Корти для доклада лорду Вольслею о произведенной имъ рекогносцировкѣ подъ Хартумомъ. На пути, близъ Губата, пароходы подверглись нападенію мятежниковъ, но отбили ихъ.

Заговоръ динамитчиковъ и ихъ адскій планъ сожженія Лондона, посредствомъ одновременныхъ поджоговъ въ разныхъ кварталахъ города, мало-по-малу разоблачается. Такъ, по увѣренію одной изъ лондонскихъ телеграммъ, англійское правительство получило секретное сообщеніе, какъ объ общемъ планѣ заговора, такъ и о примѣтахъ его главныхъ дѣятелей. Въ этомъ же планѣ перечислены казенныя и общественныя зданія, которыя должны быть взорваны и вокругъ которыхъ теперь усилена охрана. Кромѣ того, Джеймсъ Джильбертъ Кенпингамъ, арестованный въ лондонскомъ Тоуэрѣ, во время трехкратнаго динамитнаго взрыва, оказывается то самое лицо, которое, десять лѣтъ тому назадъ, образовало въ Санъ-Луи школу динамитчиковъ, съ цѣлью набербовать сотню молодыхъ людей, чтобы разрушить всѣ публичныя зданія въ Лондонѣ.

Швейцарія, наконецъ, въ свою очередь, увидѣла себя въ необходимости принять предосторожности противъ анархистовъ, которые въ отплату за гостепрійство, хотятъ отплатить ей динамитнымъ заговоромъ. Такъ, по словамъ бернской газеты „Bund“, швейцарскими властями уже приняты чрезвычайныя мѣры для охраны входовъ въ зданіе союзнаго совѣта. Та же бернская газета сообщаетъ, что эти предосторожности были приняты швейцарскими властями не вслѣдствіе какихъ либо угрожающихъ писемъ, сводящихся въ большинствѣ случаевъ къ простымъ мистификаціямъ, а на основаніи важныхъ, доставленныхъ со стороны, разоблаченій. По точнымъ свѣдѣніямъ, въ настоящее время въ Швейцаріи находится отъ тысячи до двухъ тысячъ анархистовъ, и эта многочисленная папка безпокойныхъ людей легко можетъ нарушить мирную жизнь кореннаго населенія швейцарскаго союза, если только къ ихъ удаленію не будутъ приняты своевременно мѣры.

Библиографія.

„Родина“. Сборникъ для класснаго чтенія. Сост. А. Радонезскій. Изд. 10-е. Спб. 1885 г. Довольно сказать, что книга эта выходитъ десятымъ изданіемъ, чтобы видѣть, что это обстоительство устраняетъ надобность какой бы то ни было похвалы ей и рекомендаціи: публика сама оцѣнила ее по достоинству. Сборникъ раздѣленъ на три части. Тутъ и статьи, и стихи, и очерки историческихъ лицъ и мѣстностей—все составлено умно и обдуманно. Вышедшее десятое изданіе кромѣ того дополнено нѣсколькими новыми прекрасными статьями.

Каталогъ газетъ, изд. эксп. объявл. Рудольфа Моссе. Лейпцигъ. 1885 г. Этотъ каталогъ составляетъ превосходную, вполнѣ наглядную справочную книгу для помѣщающихъ объявленія. Каталогъ увеличенъ интереснымъ прибавленіемъ: въ немъ помѣщены уменьшенныя фотографически первыя страницы раз-

личныхъ изданій. Это удачное нововведеніе даетъ возможность ознакомиться съ видомъ той газеты, гдѣ хотятъ помѣщать объявленія. Кромѣ того масса свѣдѣній о книгахъ. Этотъ каталогъ газетъ можно считать весьма важнымъ статистическимъ изданіемъ.

Бюлетень. Художественныя ремесла въ древности. 1 отдѣлъ. Античная искусства въ различныхъ отрасляхъ. 1885 г. Лейпцигъ. Изданіе это, снабженное 130 превосходно исполненными рисунками, даетъ полное представленіе о различныхъ отрасляхъ художественныхъ ремеселъ въ древности. Значительное мѣсто отведено греческимъ ремесламъ, затѣмъ идутъ работы египтянъ, ассирійцевъ, финикянъ, этрусковъ и римлянъ. Книга эта можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для всякаго учащагося художественнымъ ремесламъ или самостоятельно уже работающаго.

С М Ъ С Ъ .

Дѣйствіе музыки на кровообращеніе. Недавно по этому предмету были произведены опыты, которые дали слѣдующіе результаты: Музыка дѣйствуетъ на кровообращеніе какъ людей, такъ и животныхъ; давленіе крови увеличивается и затѣмъ понижается сообразно тому какъ дѣйствуютъ на слухъ колебанія тона, что повидимому зависитъ отъ раздраженія верхней части спинного мозга. Вліяніемъ музыкальных звуковъ на животныхъ обнаруживается ускореннымъ сердцебиеніемъ. Измѣненія въ кровообращеніи совпадаютъ съ измѣненіемъ дыханія, а послѣднія зависятъ отъ характера музыки. Это отчасти подтверждаетъ теорію Шомета о музыкѣ. Въ своемъ сочиненіи „Музыка какъ средство для здоровья“, онъ говоритъ, что она до того вліяетъ на тѣло, что можно сказать, что музыка пронизываетъ всѣ части его подобно тому, какъ электрический токъ.

Китовое мясо. Норвежскій спекулянтъ пытается ввести китовое мясо въ употребленіе въ пищу. Оно, по его увѣренію, не только питательно, но и вкусно; многіе китоловы употребляютъ его въ пищу, однако громадное количество мяса выбрасывается. Приготовленное надлежащимъ образомъ, оно могло бы служить предметомъ потребленія. Упомянутый спекулянтъ заключилъ условія съ капитанами китоловныхъ судовъ и двумя фабриками, приготавливающими мясо впрокъ и даль недавно обѣдъ изъ кита. Онъ утверждаетъ, что китовое мясо можетъ быть приготовлено двѣнадцатью различными способами, что оно необыкновенно вкусно и здорово. Нѣкоторыя части животного вкусомъ напоминаютъ говядину, одніѣ такъ бѣлы и нѣжны какъ цыплята, а изъ другихъ можно приготовить супъ въ родѣ чернашьяго.

Первыя газовыя трубы. Въ наше время, когда электрическій свѣтъ обращаетъ на себя общее вниманіе, не лишне будетъ вспомнить о первомъ введеніи газа. Объ изобрѣтателѣ его Вильямѣ Мурдокѣ рассказываютъ много анекдотовъ. Кто не видѣлъ его изобрѣтенія, тотъ не хотѣлъ придавать ему вѣры, и даже умные и образованные люди не мало потѣшались надъ новымъ открытіемъ. Какъ можетъ свѣтъ горѣть безъ фитиля? спрашивалъ одинъ членъ парламента, когда рѣчь зашла о газѣ. Сэръ Гумфри Дэви, изобрѣвшій впоследствии электрическую свѣтовую дугу, смѣялся надъ предложеніемъ освѣщать улицы газомъ и спрашивалъ одного изъ предпринимателей, не думаетъ ли онъ воспользоваться церковью Св. Павла въ Лондонѣ какъ газометромъ. Вальтеръ Скоттъ также трунилъ надъ

предложеніемъ освѣщать Лондонъ *дымомъ*, но вскорѣ затѣмъ былъ очень доволенъ, что могъ этимъ же дымомъ освѣтить свой домъ въ Абботсфордѣ и придать ему уютность въ зимніе вечера. Когда газовое освѣщеніе было впервые введено въ палатѣ депутатовъ, архитекторъ думалъ, что газъ, пылая, проходить по трубамъ и настаивалъ, чтобы, для безопасности стѣвъ, газовыя трубы прокладывались

въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ. Можно было видѣть какъ члены палаты въ перчаткахъ осторожно прикасались къ трубамъ и удивлялись, что онѣ не горячи. Въ 1810 году былъ освѣщенъ новымъ способомъ одинъ магазинъ въ Лондонѣ, и знатной дамѣ, зашедшей въ него, такъ понравилось это освѣщеніе, что она пожелала купить висѣвшую на потолкѣ лампу и увезти ее въ каретѣ домой.

Букеты Макарта, составленные изъ висушенныхъ растеній, цвѣтныхъ метелокъ, травъ и стебельковъ перемѣшанныхъ съ листьями пальмъ, вошли теперь въ моду и нравятся очень многими. Не будемъ говорить о красотѣ такихъ букетовъ, но коснемся ихъ гигиеническаго значенія. Въ этомъ отношеніи ихъ можно причислить къ предметамъ, которые легче всего принимаютъ пылъ, а такъ какъ пылъ это разсадникъ всѣхъ болѣзней, то букеты Макарта можно считать копилками пыли. Букеты эти не вносятся ни провѣтриванія, ни встряхиванія, такъ какъ теряютъ форму. Кроме того около нихъ нужно осторожно ходить съ огнемъ. Сухія растенія

вспыхиваютъ очень быстро и вслѣдствіе этого могутъ быть причиною несчастія.

Вавилонская башня въ Парижѣ. Инженеръ Бурдэ, строившій зданія для послѣдней парижской всемірной выставки, поясняетъ недавно своей публикѣ 300 метровой вышины башни съ фонаремъ парижскому обществу архитекторовъ. Рисунокъ этого проекта и описаніе было уже въ 5 № „Нивы“ этого года. Фонарь, который будетъ помѣщенъ на самомъ верху ея, будетъ стоять на площадкѣ въ 17 квадратныхъ километровъ; сила свѣта его будетъ равняться 2 милліонамъ горѣлокъ Карселя. Если башня будетъ устроена на площади инвалидовъ, то фонарь станетъ освѣщать весь Парижъ, Булонскій лѣсъ, Нейли и Левалоа до самой Сены. При выполненіи проекта изъ гранита расходы по постройкѣ составятъ 3.120.000 франковъ, при возведеніи же башни изъ желѣза они достигнутъ 14.920.000 франковъ. Интересно, возможно ли будетъ выполненіе такого грандіознаго проекта.

Взрывъ въ Якобштадтѣ. Видъ Свято-Духовскаго храма въ Якобштадтѣ до взрыва.
Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

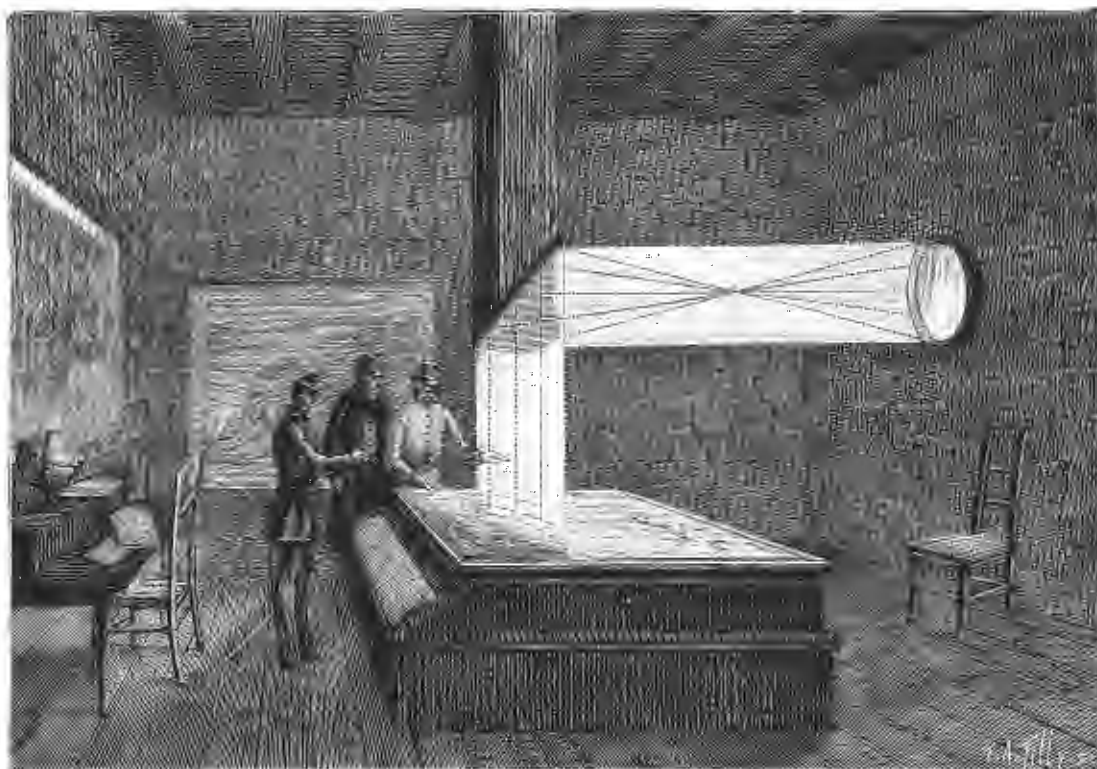
Рой метеоритовъ между Меркуриемъ и солнцемъ. Для объясненія движеній Меркурія, Ле-Верриэ призналъ существованіе между нимъ и солнцемъ массы метеоритовъ. Новый разборъ происхожденія Меркурія, предпринятый Ньюкомбомъ, который однако не открылъ ничего новаго, подтвердилъ результаты, полученные Ле-Верриэ. Попытки, предпринимаемыя съ цѣлью открытія меркуріальныхъ планетъ, не привели ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ. Недавно астрономъ Баушингеръ занимался новыми изслѣдованіями. Дѣйствительно для объясненія неправильностей въ движеніи Меркурія необходимо допустить существованіе между нимъ и солнцемъ планетныхъ массъ. Расстояніе этой массы отъ Меркурія зависитъ отъ ея величины, и наоборотъ. Дѣйствіе массы Юпитера, въ случаѣ нахожденія этой величайшей планеты на поверхности солнца, было бы также сильно, какъ дѣйствіе массы въ 1,280 разъ меньшей, но находящейся на половинѣ расстоянія Меркурія отъ солнца, между тѣмъ какъ масса на $\frac{1}{4}$ этого расстоянія, дѣйствіемъ равнялась бы Меркурію. Можно представить себѣ эти массы состоящими изъ такихъ крошечныхъ тѣлъ, которыя до настоящаго времени уходили отъ наблюденія астрономовъ.

Торпеды, занявшія уже важную роль во флотѣ, изготовляются пре-

Двойное изображеніе. Черепъ и дѣти. Рис. Гальени, грав. Тилли.

имущественно берлинскимъ машиностроительнымъ акціонернымъ обществомъ, владѣющимъ въ Кильской гавани мѣстомъ для стрѣльбы, гдѣ именно былъ открытъ способъ предохранять торпеды отъ ржавчины и тѣмъ дѣлать ихъ пригоднымъ для войны оружіемъ. Прежде стальные эти снаряды послѣ употребленія нужно было всякій разъ просушивать, промывать нефтью, смазывать масломъ, послѣ чего слѣдовала сборка отдѣльныхъ частей и малѣйшая неточность дѣлала оружіе непригоднымъ къ употребленію. Теперь торпеды изготовляются изъ рода бронзы, которая подвергается испытанію подъ водою въ теченіи 7 мѣсяцевъ. Торпеды состоятъ изъ 4-хъ частей. Впереди находится заостренная головка съ фитилемъ и зарядомъ, затѣмъ слѣдуетъ секретная часть съ тѣмъ остроумнымъ приспособленіемъ, помощью котораго мина удерживается подъ водою и регулируется ея ходъ; въ третьей части помѣщаются запасы для движущей силы; въ этомъ отдѣленіи, состоящемъ изъ фосфорной бронзы и величиною въ нѣсколько миллиметровъ, можно сжать 90 атмосферъ воздуха; наконецъ въ четвертой части находится машина съ тремя цилиндрами, регулирующая силу движенія и переносящая ее на два винта въ задней части. Черезъ заднюю часть съ вертикальнымъ и горизонтальнымъ веслами двухъ винтовъ, двигающихся въ противо-

Триестъ. Обсервационный постъ для наблюденія надъ судами и торпедами гавани. Рис. п грав. Тилли.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1885 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. №№ „Н И В Ы“ со всѣми приложеніями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ ОЗНАЧЕНА НА 1-Й СТРАНИЦѢ.

положном направлении, и чрез счетные аппараты, проходит полой цилиндр, пропускающий воздух. Каждая торпеда испытывается при 130 атмосферах, но имья 90 атмосфер, она проходит в часъ 24 морскія мили и можетъ пройти 1000 миль. Торпеда ставится обыкновенно на глубинѣ 3 метровъ, съ цѣлью повредить остовъ корабля.

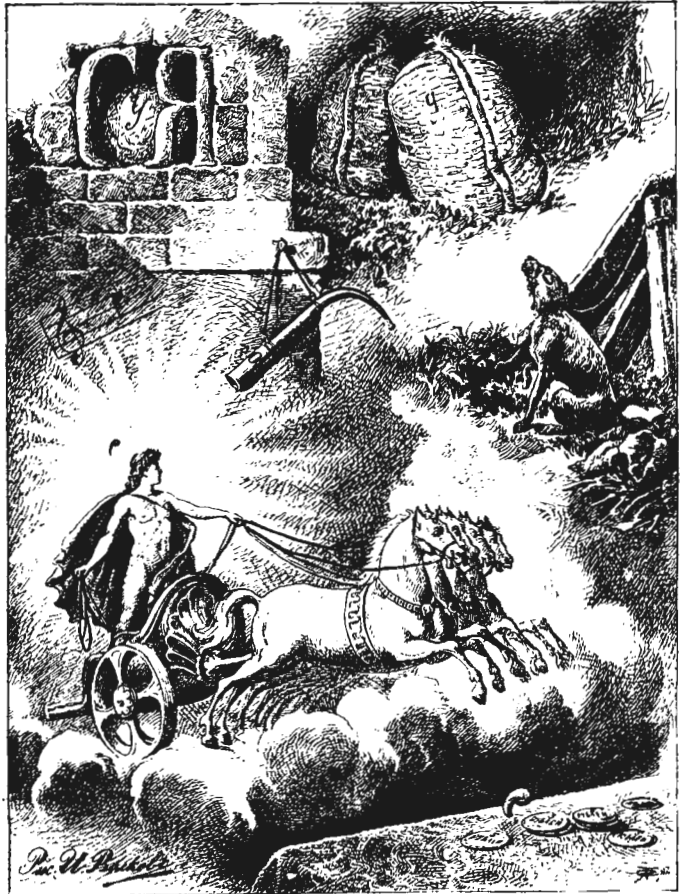
Изъ Кореи. Три чиновника Британскаго консульства въ Иогагамѣ сдѣлали недавно сообщеніе о Корей, которое проливаетъ совершенно новый свѣтъ на эту страну. Они пишутъ, между прочимъ, что горахъ Кореи нѣтъ никакихъ слѣдовъ существованія драгоценныхъ металловъ и что жители страны не носятъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ украшеній. Такимъ образомъ нущенный слухъ о богатствѣ рудникахъ оказывается неосновательнымъ и прудманъ былъ вѣроятно для того, чтобы возбудить большій интересъ къ этой новой странѣ.

Жители Кореи живутъ въ большой нуждѣ. Налоги такъ велики, что простолюдины по необходимости должны довольствоваться очень малымъ. Рись составляетъ главный предметъ питанія корейца; другіе продукты они употребляютъ почти всегда въ испорченномъ видѣ. Живутъ корейцы въ бѣдныхъ, грязныхъ хижинахъ; торговля въ странѣ ограничивается продажей дровъ и самыхъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ. Зеуль, главный городъ Кореи, не имѣетъ ни цыруленъ, ни купалень и никакихъ увеселительныхъ мѣстъ. На главныхъ улицахъ лежитъ непролазная грязь, водосточныхъ канавъ нѣтъ, а о мостовыхъ здѣсь не имѣютъ и понятія. Дома въ Зеуль низкіе, въ одинъ этажъ, самой незатѣйливой архитектуры и третья часть изъ нихъ находится въ полуразрушенномъ состояніи. Большія пространства земли, которыя въ Японіи были бы тщательно обрабатываемы, здѣсь остаются нетронутыми и покрыты безчисленными кладбищами. Изъ Кореи трста лѣтъ тому назадъ Японія получала самыхъ искусныхъ ремесленниковъ, о чемъ свидѣлствуетъ множество архитектурныхъ развалинъ древняго историческаго періода. Корея представляетъ собой наглядную иллюстрацію матеріальнаго и нравственнаго паденія срама, находившейся въ теченіи долгаго, непрерывнаго времени въ изолированномъ положеніи, подъ гнетомъ завоевателей.

Фотографическая карта неба. Жиль, астрономъ капштадтской обсерваторіи въ южной Африкѣ, по порученію англійскаго адмиралтейства, занявъ въ настоящее время изготовленіемъ карты южнаго неба, включая звѣзды девятой величины. Задачу эту профессоръ Жиль хочетъ разрѣшить при помощи фотографическаго телескопа, при посредствѣ котораго онъ постепенно будетъ снимать отдѣльныя части неба. Послѣ соединенія отдѣльныхъ пластинокъ, онъ надѣется получить точную картину звѣздныхъ группъ. Громадную эту работу профессоръ предпринимаетъ въ сообществѣ только одного помощника. Точно такой же трудъ былъ предпринятъ бонскимъ астрономомъ Аржеландеромъ съ 1852 до 1859 г., причемъ дѣло касалось снятія карты съ сѣверной части неба. Аржеландеръ имѣлъ двѣнадцать помощниковъ, съ которыми онъ наблюдалъ около 300000 звѣздъ до девятой величины. Не смотря на значительное число по-

мощниковъ, потребовалось болѣе семи лѣтъ для классификаціи всѣхъ звѣздъ. Теперь быть можетъ потребуются половина этого времени для полученія точной карты южнаго неба. До сихъ поръ были исследованы только самыя незначительныя отдѣльныя части южнаго неба.

РЕБУСЪ. Задача № 6.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нивы“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, обязательно присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Людовикъ Галеви (съ портр.).—Голосъ крови. (Драма глухаго форта). Н. И. Назарина. Часть II. (Продолженіе).—За драгоценнымъ корнемъ. (Изъ жизни китайскихъ таскиковъ). Рассказъ А. Я. Мансимова. (Окончаніе).—Самопомощь и страхованіе жизни. Очеркъ В. Г. Лаврентьева.—Споліарій въ древне-римскомъ циркѣ (съ рис.).—Да! (съ рис.).—Храмъ Юпитера и Минервы въ Пергамѣ (съ рис.).—Нобзаръ въ Запорожской Сѣчи (съ рис.).—Н. С. Соханская-Ноханская (съ портр.).—Литер. альбомъ „Чудная и ртнина“. Стихъ А. А. Фета (съ рис.).—Взрывъ храма въ Якобштадтѣ (съ рис.).—Двойныя изображенія (съ рис.).—Обсервационный постъ въ Триестѣ (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Ребусъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марксъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ:

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

П. П. ГНѢДИЧА.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 400 иллюстраціями въ текстѣ—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Сочиненіе окончено авторомъ, нынѣ печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ февралѣ мѣсяцѣ этого года.

Условія подписки за полное изданіе:

брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ каленк. переплетѣ съ золот. тисн. 7 рубл., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться: въ контору редакціи журнала „НИВА“, Большая Морская, № 9.

Чугунно-лит. механический
и котельный заводъ
Ф. САНЪ-ГАЛЛИ

изготавливаетъ
всякое литье изъ чугуна, паровыя машины и котлы, денежные шкафы, кровати и т. д.
Р. № 3890 2-1

НОВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ТРЕБУЮТСЯ

агенты, для продажи, если нужно, посредствомъ развѣдочн., кофе, чаю и рису, за вознагражденіе въ 300 марокъ и хорошую комиссію.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПб. В. Морская, № 9.
Вышли изъ печати и поступили въ продажу:

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА,

автора романовъ: „Сергій Горбатовъ“, „Вольтерьянецъ“, „Старый домъ“, „Изгнанникъ“ и проч.

О Г Л А В Л Е Н І Е:

I. Старыя были. II. Святочные рассказы. III. Кавказскія легенды.
IV. Очерки и воспоминанія.

Изящное изданіе, напечатанное на лучшей зеленой бумагѣ, съ украшеніями и вынетками въ началѣ и въ концѣ каждой главы. Большой томъ, 478 страницъ. СПб. 1884 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р.; въ красномъ каленковомъ переплетѣ 3 р. 50 к., съ пересылкой 4 руб.

Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, СПбургъ, В. Морская, домъ № 9 и въ отдѣленіе конторы „Нивы“ въ Москвѣ, д. Петровскій, торговыхъ линій, къ Н. Н. Печниковой.

„Рассказы и очерки“ эти, какъ и прочія произведенія В. Соловьева, также можно приобрести у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Швейная бумага самая лучшая для машинной и ручной работы.

Тамбурная бумага высшаго достоинства.

Безъ „Якоря“ не настоящая!

Кларкъ и №.

Кларкъ и №.

К. № 3854 25-2

ИСКУССТВЕННЫЕ ЗУБЫ.
ЗУБНОЙ ВРАЧЬ
Р. А. БАРСЬ.
Москва, Газетный пер., д. Фульда.
Лечение болѣзней зубов.

НОВАЯ КНИГА:
ПРИЧИНЫ
ПЛОДОРОДИЯ НАШЕЙ ПОЧВЫ
И ИХЪ СВЯЗЬ
СЪ МЕТОДАМИ ЕЯ ВОЗДЕЛЫВАНЬЯ.
Общедоступная лекція
И. ЯРОВАГО.
Съ пер. 1 р. Складъ изданія у автора: Царицынъ, Саратовск. губ., уг. Царицынск. и Пушкинск. ул. д. Соколова, Ивану Александровичу ЯРОВОМУ. № 3882.

4711
О-ДЕ-КОЛОНЪ.

самаго высшаго качества, на всѣхъ всемирныхъ выставкахъ награждены только наивысшими преміями; можно найти во всѣхъ больш. парфюмерн. магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. С. № 3728 18 4

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга: № 3879 1-1
„НА ДАЛЕКОМЪ ВОСТОКѢ“
Разсказы и очерки изъ жизни въ Уссурийскомъ краѣ.
А. Я. МАКСИМОВА.
Цена 2 руб. Для подписчиковъ журнала „Нива“ 1 р. 25 коп. съ пересылкой. Съ требованіями обращаться къ автору: вл г. Кронштадт, Красная ул., домъ Букиера.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬНИЦА
Спаско-Балаганскаго отдѣла общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, Татьяна Васильевна Макарова, живущая по Ново-Адмиралтейской Набережной д. № 2, ежедневно отъ 5 до 7 час. принимаетъ пожертвованія вещами, старыми и новыми, и деньгами въ пользу общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. № 3808 4-3

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.
Huste-Nicht
„НЕ КАШЛЯЙ“
Медо-Травяной Малицы-Экстрактъ и Конфекты отъ Л. Г. ПИТШЪ и Копп. въ Бреславль.
Признавъ за лучшее средство противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная съ простаго катарра до чахотки и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ официально благодарственное письмо отъ № 3840 10-2
Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспоможенія больнымъ и рапенымъ воинамъ въ С.-Петербургѣ.
*) Цена: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ у В. Ауриха, Б. Морск. 17.

Въ магазинахъ „Новаго Времени“ и у др. книгопродавцевъ продается:
ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ РЕВУСА.
Колосова и Озеркова. 10 печат. лист. съ 25 рис. въ текстъ и 12 ребусами въ приложеніи. Ц. 75 коп. № 3881 1-1
Складъ въ СПб., Манежск. пер., № 7, у С. Д. Лермонтова. Иногородные, обращающіеся въ складъ, могутъ присылать, въ бѣго денегъ, почтовыя марки.

28 и 29 МАРТА 1885 года будетъ разыграна **ВЫСОЧАЙШЕ РАЗРѢШЕННАЯ XXXIV ЛОТЕРЕЯ** Московскихъ Дѣтскихъ Приютовъ. Выигрываетъ 500 на сумму 25000 руб. Первый выигрышъ брил. серебр. вещами № 3839 10000 руб. 10 3
Цѣна билета 1 р.
Билеты продаются въ Московскихъ дѣтскихъ приютахъ, во всѣхъ известныхъ магазинахъ и Канцеляріи Совѣта—Москва, Собачья площадь, д. Каренина.

ВМѢСТО 4—3 РУБ.
ПРОДАЕТСЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА **ПОДАРОКЪ МОЛОД. ХОЗЯЙКАМЪ.**
Сост. Елена Малоховецъ.
Изданіе 9-е, исправленное и дополненное; цѣна въ сѣфяновомъ переплетѣ 3 р. 25 к., за пересылку прилагаютъ 50 к. Складъ въ книжномъ магазинѣ В. В. Делюхина, С.-Петербургъ, зданіе Горьдской думы, № 5, входъ съ Думской ул. № 3880 1-1

ВОЛНА ГОДЪ II.
БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ.
Роскошное еженедѣльное издание при участіи известныхъ русскихъ художниковъ и литераторовъ.
Историческіе и бытовые романы съ рисунками, множество повѣстей и разсказовъ, стихотворенія, поэмы, анекдоты, плаэмбурги, справочный листокъ, корреспонденція, фельетонъ, разнообразный отдѣлъ смѣси, четыре сезона парижскихъ модъ съ картинками и альбомъ цвѣтныхъ узоровъ 20 листовъ. Въ каждомъ номерѣ отъ 20 до 30 стр. убористаго текста и художественныхъ картинъ, исполненныхъ красками, въ форматѣ большихъ иллюстрацій на веленовой бумагѣ, картины историческаго содержанія, бытовая сцена изъ русской жизни и рисунки на злобу дня, 300 оригинальныхъ рисунковъ, въ краскахъ.
Годовая премія большая богато отпечатанная масляными красками на холстѣ картина профессора А. К. Саврасова
„НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ“.
Двадцать большихъ оригинальныхъ художественныхъ картинъ, въ краскахъ (русскіе историческіе и бытовые сюжеты); подписавшимся до 1-го января, высылается бесплатно обрывной календарь цѣною въ 1 рубль.
Подписная цѣна: на 1 м.—1 р., на 6 м.—5 р., на годъ—8 р. съ доставкою и пересылкою. Подписна принимается во всѣхъ библиотекахъ и книжныхъ магазинахъ Россіи. Гг. иногородные выслать на имя редакціи: угодъ Леонтьевскаго и Никитской, д. Корфъ, Редакція „Волна“. II. № 3826 2-2

ТИРАЖЪ 1-го МАРТА.
Нижеозначенная контора продаетъ
5% ГОСУД. ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ
а) на наличныя денги: по дневному биржевому курсу, взимаа въ свою пользу 1/2% комиссіи (т. е. 27 коп. съ билета).
б) съ разсрочкою платежа: съ задаткомъ не менѣе 15 рублей и мѣсячными платежами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе
ПЯТИ РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.
Со времени полученія конторою задатка, всякій выигрышъ, который падеть на купленный и означенный въ свидѣльствѣ билетъ, принадлежить покупателю и будетъ выплаченъ конторою безъ всякихъ въ свою пользу вычетовъ.
Для срочныхъ постоянныхъ взносовъ допускается 30 льготныхъ дней.
Страхованіе выигрышныхъ билетовъ по 40 коп.
П. № 3872 3-2
Порученія изъ провинцій исполняются конторою обратною почтою, причежъ контора не лишнимъ считаетъ обратить вниманіе гг. покупателей на то, что въ послѣднихъ дняхъ до тиража порученія поступаютъ въ большомъ количествѣ, а потому желательно, для точнаго исполненія иногородныхъ порученій, выслать таковыя по возможности заблаговременно.
Банкирская контора **Ф. А. КЛИМА**
въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 21.

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.
Ручн. и ножн. Зигеровскія швейныя машинн, которая кроитъ известныхъ работъ выметываетъ петли, вышивають и шьютъ черезъ край. Подробный прейсъ-курать и пробная петля вымлаются бесплатно. Р. № 3857 6-2
А. ШТЕЙНЪ
С.-Петербургъ, Большая Морская № 26.

ГРАНИТЬ
лучшихъ сортовъ, обдѣланный и не обдѣланный, доставляется до СПбурга во всякое время года
Вильманstrandскою камелоломню № 3843
Э. ВИКБЕРГА.
Адресъ: Финляндія, г. Вильманstrandъ, в днѣ СПбурга, Кирочная ул., № 46, кв. 14.

ИЩУТЬ
въ провинціи благонадежныхъ лицъ послать заявія для продажн съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетами, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральную контору объявленій, Невскій пр., № 9, подъ № 11. Р. № 3328

Весьма важно для Россіи!

Горохъ „Предвѣстникъ“ (Vorbote) до сихъ поръ самый ранній для городовъ и полей, 1 марка за фунтъ, почтовая посылка франко 10 марокъ. Рекомендую свой каталогъ, единственный въ своемъ родѣ, содержащій въ 750 страницахъ новѣйшіе, содержащій въ 750 страницахъ новѣйшіе и лучше сорта сѣмянъ и растений, сотни иллюстрацій, указанія культуры, росписаніе работъ. Р. № 3889 1-1
Ф. К. ЕЙНЕМАНЪ,
Придворн. поставщикъ, Эрфуртъ.

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ
ДЛЯ ЧАСОВЪ.
Не отличить отъ настоящаго золота!
Ручательство—5 лѣтъ, что не почернѣютъ! Предлагаетъ дѣно Василія Ауриха, Больш. Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лѣстница въ С.-Петербургѣ. № 3812
МУЖСКІЯ
въ 2, 3, 3 1/2 и 4 1/2 руб.
Двойная
въ 5 1/2, 7 и 8 руб.
ДАМСКІЯ
въ 4, 5, 6, 6 1/2, 8 и 9 руб.
пересылка—60 коп.
Горьковцамъ свидѣтъ!

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЕНТИЛЯЦИИ
ВЪ СТУДЕНЧЕСКОМЪ
В. № 3886

Новості! Постоянное леченіе воздухоу! Р. № 3848 и ночью! 3-3

(Всемирный патентъ) Аппаратъ для вдыханія свѣжаго воздуха
Юлія Вольфа
предоставляетъ днемъ и ночью постоянное, облегченное дыханіе посредствомъ носа, исключительно чистаго свѣжаго (или умѣреннаго) воздуха, въ комнатахъ при закрытыхъ окнахъ, не мѣшающій при чтеніи, писаніи, шитьѣ, во снахъ, при гимнастикѣ и пр.: предохранительный и врачевный аппаратъ для больныхъ и выздоравливающихъ почти всякаго рода, средство для укрѣпленія тѣла и освѣженія крови для здоровыхъ, для продленія жизни стариковъ и инвалидов! Вопросъ вентиляціи упроченъ: вѣсто вентиляціи комната непосредственная невольная вентиляція легкая посредствомъ свѣжаго воздуха! Аппаратъ устроенъ совершенно безъ резины и можетъ употребляться до 5 метровъ разстоянія отъ ося! Изобрѣтатель лечился съ 1864 года ежегодно въ Эмстѣ, Меранѣ, Фалькенштейнѣ, Ривьерѣ: Фабрика подѣлій (Вольфъ, Им. для сохран. здоровья.) (Росъ-Гераръ, Кассель.)
ВЪ НАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Кавказца: Второе изданіе, съ 39 рис. автора, ооздшой томъ in 8— всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перодъ на платятъ.

ФИСГАРМОНИИ

наилучших парижских фабрик, по фабричным ценам.

4	окт.	1	игра, дубового дерева	90 р.
4	"	1	" палисадн. дер.	100 "
5	"	1	рег. дуб. дер.	120 "
5	"	1	" палис. дер.	130 "
5	"	1	" 3 дуб. дер.	140 "
5	"	1	" 3 палис. дер.	150 "
5	"	1 1/2	" 7	" 175 "
5	"	2 1/2	" 11	" 250 "
5	"	4 1/2	" 18	" 400 "

Школы для фисгармоний по 1 р. 20 к. и 4 р. Гармонифлюты
в 45 р., 80 р., 75 р., 90 р. и 140 р.
Складные желѣзные подставки для гармонифлюты 10 р.
Школы для гармонифлюты по 75 к. и 1 р.
Гармонифлюты съ органомъ съ однимъ валомъ, играющимъ 6 пьесъ, 250 р., отдѣльные валы по 30 р. и
Фисгармоній съ органомъ съ однимъ валомъ, играющимъ 7 пьесъ, 300 р., отдѣльные валы по 35 р.

АМЕРИКАНСКІЯ ФИСГАРМОНИИ превосходнаго тона и особенно удобны для духовной музыки и для пѣнія, роскошной и солидной работы, въ 225 р., 300 р., 400 р., 500 р., 600 р., 700 р., 900 р.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ

ЯЩИКИ

малые ружные по 1 р. 50 к., 1 р. 75 к., 2 р., 3 р., 50 к., 7 р.
Малые заводные, играющие 2 пьесы 5 руб.
Малые заводн. игр. 4 пьесы 9 и 10 р.
Малые заводн. игр. 6 пьесъ 14 и 16 р.
Больш. заводные играющие
4 пьесы по 20 р., 25 р., 30 р.
6 пьесъ по 28 р., 35 р., 40 р.
8 пьесъ по 40 р., 50 р., 55 р.
12 пьесъ по 60 р.
8 пьесъ съ цитрою 60 р., 65 р., 75 р., и дожде до 150 р.
12 пьесъ съ цитрою 75 р., 90 р.
6 пьесъ съ видимымъ барабаномъ и колокольчиками 100 р.
8 пьесъ съ видимымъ барабаномъ и колокольчиками 135 р.
8 пьесъ съ видимымъ барабаномъ, колокольчиками и цитрою 150 р.
12 пьесъ съ видимымъ барабаномъ, колокольчиками и цитрою 200 и 225 р.

Пянино съ валями,
на которомъ можно играть какъ обыкновенно на клавиатурѣ или посредствомъ ручки.
Цѣна съ 2 валями, играющими 16 пьесъ, 800 руб.

КОНЦЕРТИНО
нѣмецкія по 3 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р. Самоучитель 75 к. 3 тетради нотъ по 1 р.
Англійскія концертино
по 28 р., 35 р., 45 р., 55 р., 70 р., 100 р., 125 р., 140 р., 200 р. Самоучитель 3 р.
Ноты по 60 к., 1 р. 20 к. тетрадь.

Бандонионы
по 25 р., 35 р., 40 р., 50 р. Самоучитель 1 р. Разн. ноты.

ГАРМОНИИ.
Самый легкій инструментъ для игры. На ней можно въ скоромъ времени по слуху или по самоучителю играть танцы, мелодіи, пѣсни.
Въ 1 рядъ клавиатуръ 2 1/2 р., 3 1/2 р., 4 1/2 р., 5 1/2 р., 7 р., 8 р., 9 р., 10 р., 15 р., 20 р., 24 руб.
2 ряда клавиатуръ 9 р., 14 р., 15 р., 16 р., 20 р., 24 р., 30 р.
Въ 8 рядъ клавиатуръ 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р.
Самоучитель Соколова 1 р.
6 тетрадей нотъ съ танцами, операми, романсами по 75 к.

И все другіе инструменты рекомендуютъ въ громадномъ выборѣ, по весьма умереннымъ цѣнамъ

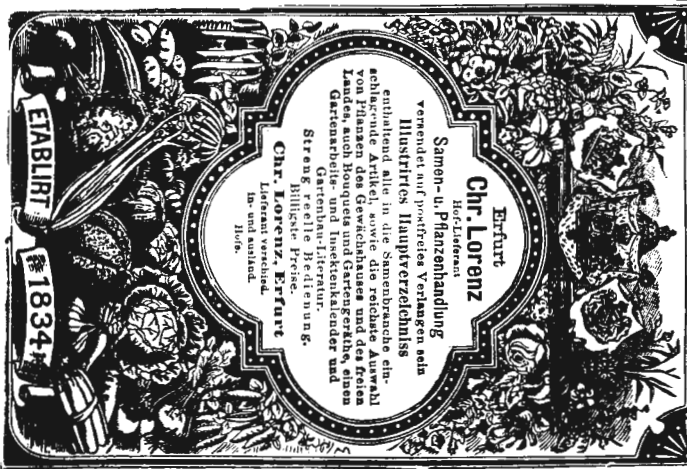
Юлія Генрихъ Циммерманъ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 86.
Москва, Кузнечій мостъ, д. Торлецкаго.
Заказы исполняются немедленно и аккуратно.
За пересылку прошу приложить приблизительную.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно. № 3878

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1884 ГОДА,

закрывающей въ себѣ болѣе 1200 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. Соловьева — „Изгнанникъ“, большой романъ графа Е. А. Салиаса — „Въ старой Москвѣ“, рассказы Я. П. Полонскаго — „Вадимъ Голетаевъ“ и изъ воспоминаній того-же автора — „И. С. Тургеневъ у себя“, повѣсть Д. В. Григоровича — „Недолгое счастье“, рассказы Н. В. Успенскаго „Новые помѣщики“ и „Привольная жизнь“, рассказы П. П. Гнѣдича — „Въ 12-мъ году“, рассказы А. Я. Максимова — „Жертва злему духу“ и „На соболей“, повѣсть П. Петрова — „Багровая пыль“ и др. произведенія современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержания по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Проф. Импер. Академіи Художествъ Н. Е. Маковского „ГУСИЯРЬ“.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ

Брошюрованъ . . . 4 р. Въ кален. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою . . . 6 „ Съ пересылкою . . . 7 „ 50
Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору редакціи журнала „Нива“, Б. Морская, № 9; въ Москвѣ — въ Отдѣленіе Конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, д. Петровскихъ Торговыхъ линий.

В. № 3885

ВЯЗКА
СУРОВАЯ и ЦВѢТНАЯ.
ОПТОВАЯ и РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА.
Р. № 3884 4-1
Образцы и прейсъ-куранты безвозмездно въ складѣ писчей бумаги „АВГУСТА НАУМАНЪ“, Казанская, д. № 42, противъ Новаго пер., въ С.-Петербургѣ.

Отъ Совѣта Общества любителей церковнаго пѣнія въ Москвѣ.
Совѣтъ Общества, имѣя въ виду восстановленіе въ богослужебной практикѣ древнихъ церковныхъ напѣвовъ, приглашаетъ желающихъ принять участіе въ передоженіяхъ этихъ напѣвовъ для хора.
1) Для передоженій Общество предлагаетъ по преимуществу мелодіи **ЗНАМЕННАГО БОЛЬШАГО РОСПѢВА** изъ Октоиха и Ирмологія синодальныхъ изданій, а также и изъ полнаго обихода пѣсенія того же Знаменнаго распѣва
2) Желательна такая обработка древнихъ пѣсеній, чтобы они могли быть употреблены въ богослуженіи, не исключаются сочиненія концертныя, содержащая разработку тѣхъ же мелодій.
3) Основная мелодія можетъ находиться въ любомъ изъ голосовъ; количество голосовъ предоставляется усмотрѣнію авторовъ, причемъ желательно, чтобы сопровождающее голосъ приблизилось по характеру къ самой мелодіи.
4) За лучшія сочиненія Общество предполагаетъ выдавать **ПРЕМИИ** въ размѣрѣ отъ 50 до 300 руб., соразмерно съ достоинствомъ и объемомъ представленныхъ произведеній.
5) Срокъ представленія сочиненій на премію назначается не позже 15-го марта сего 1885 года; выдача же премій не позже 1-го января будущаго 1886 года.
6) Сочиненія выслаются на имя Предсѣдателя Общества, Прессовѣднѣйшаго Мисаила, Епископа Можайскаго, въ Москвѣ, подъ девизомъ, съ приложеніемъ ашечатаннаго конверта, подъ тѣмъ же девизомъ, заключающаго въ себѣ имя, отчество и фамилію автора. № 3884 3-2
7) Общество не беретъ на себя обратную пересылку представленныхъ сочиненій.

ТОРФЯНІЯ, КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ И МЪШАЛНИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ,
ручныя, конныя и паровыя;
машинныя для обработки фарфорової массы, шамота, цемента и т. п. рекомендуютъ
Людвигъ Федоровичъ Шлихтманъ,
инженеръ, Москва, Мясницкая, д. Ермаковъхъ.
Изготовленіе плановъ для печей; устройство заводовъ. Иллюстр. каталоги бесплатно.

№ 3769 10-8

ГЛАВНЫЕ СКЛАДЫ
оптовой и розничной продажи
МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ЧАСОВЪ
изъ никелированнаго никеля
ВЪ МАГАЗИНАХЪ
ФАБРИКАНТА ЧАСОВЪ
ПАВЛА БУРЕ
ПОСТАВИЧИНА ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., домъ № 23;
въ Москвѣ: уголъ Кузнечкаго моста и Рождественки, домъ Торлецкаго.
Апшерныя, заводящіяся безъ ключа, открытыя, больш. или средн. размѣра 14 руб. Такие же малаго размѣра . . . 15 „
Закрытыя больш. или средн. размѣра 16 „
Такие же малаго размѣра . . . 17 „
ПРИ ТРЕБОВАНІЯХЪ:
отъ 6 до 12 часовъ уступка 5%
„ 13 „ 24 „ „ 10%
„ 25 „ 72 „ „ 15%
свыше „ „ „ „ 20%
Упаковка и пересылка на счетъ магазина.
Подробные иллюстрированные прейсъ-куранты выслаются по востребованію бесплатно. № 3888 2-1

И. И.
ДАУГУЛЯ
САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ,
питомникъ и сѣмянная
торговля, существъ съ
1822 г. въ г. Дертпѣ.
Лѣтніе, многолѣтніе и
именно новѣйшіе и красивѣйшіе
цвѣты. Огородныя, цвѣтущія и
экономическія сѣмена. Фрукто-
выя деревья и ягодныя кустарники,
грушоны и оранжево-розы,
декоративныя деревья и
кустарники для парковъ, растения испанской
спаржи и клубники, цвѣтуч. луковичныя,
георгіны и проч.
Прейсъ-куранты выслаются желаніемъ
бесплатно. № 3883

**ОЦИНКОВАННОЕ
ЛИСТОВОЕ ЖЕЛѢЗО.**
Самый дешевый, лучший и красивый материалъ для кровельныхъ работъ, превосходный въ другіе. Продажа въ конторѣ завода: В. О. 12 линія д. № 15. **АРТЮРЪ** дю **РИЕТЦЪ.** Р. № 3876 4-2
Первая частная женская профессиональная школа А. И. КОРОБОВОЙ.
Съ 1-го сего февраля переходитъ въ новое помѣщеніе: по 1-й ротѣ Измайловскаго полка д. № 18. № 3887
Школа принимаетъ заказы на дамскія и дѣтскія платья и исполняетъ ихъ быстро и аккуратно по новѣйшимъ фасонамъ.
Цѣна дамскаго платья отъ 1 руб. 50 коп. до 7 руб., дѣтскаго отъ 50 коп. до 3-хъ рублевъ.
Пріемъ ученицъ продолжается.

НЕ МОГУТЪ СПОРИТЬ
никакіе кремни, ни притиранія для женскаго лица — съ достоинствомъ мылomatого мыла. Натуральная облызна, свѣжесть, прозрачность являются послѣ употребленія этого мыла, буквально замѣняющаго собою все косметики. Цѣна 60 к.
МОКРАЯ ПУДРА
на ссыпается съ лица; употребленная развѣ въ сумку, оставляетъ на лицѣ натуральную облызну до слѣдующаго дня и уничтожаетъ загаръ. Цѣна 2 р., перес. 50 к. Предутилъ эти находятся въ продажѣ: въ С.-Петербургѣ: въ С.-Петербургской химической лабораторіи и у Рузанова; въ Москвѣ: Вунсъ, Кузнечій мостъ; у Теодора, на Кузнечкомъ мосту; въ Харьковѣ, аптека Груздева и у Юфуда Алванъ; въ Одессѣ, у Гельдера; въ Вильнѣ, у Грушевскаго; въ Варшавѣ, въ магазинѣ Добржанскаго, куда и просать обращаться иногородныхъ.

BALSAM COLORADO
Doctor's Jefferson's
Прекращаетъ выдѣланіе волосъ, укрѣпляетъ ихъ корни, перхоть исчезаетъ въ одинъ разъ, волосамъ придаетъ прекрасный ростъ, блескъ и мягкость, уничтожаетъ сѣдину постепенно или въ одну ночь, по желанію потребителей.
Цѣна 4 р., перес. 1 р., въ тѣлесъ же магазиновъ. № 3863 5-9

XVI годъ
№ 7

годъ XVI
1885

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 16 Февраля 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку нонпарейль (1/2 шир. стр.) въ Глав. Кон. Ред. по 60 к.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 2 fr. 40 c.; для Австр., Герман., и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

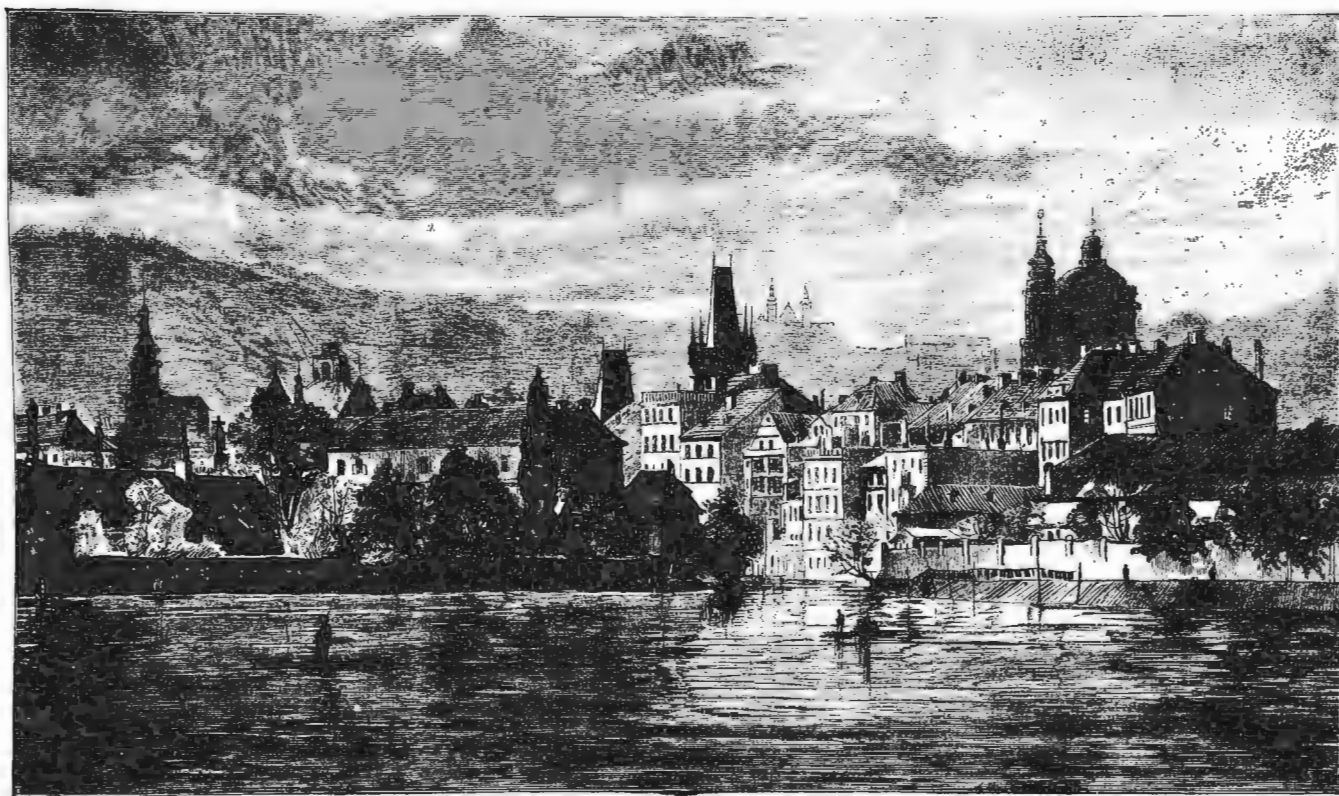
Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія. 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

Прага. Видъ Малой Стороны. Рис. Кула, грав. Злето.

Малая Сторона въ Прагѣ.

У насъ была уже подробная статья съ рядомъ рисунковъ (1883 года № 8), изображающихъ живописную, богатую своими историческими воспоминаніями и памятниками, Прагу. Какъ исторія, такъ и топографія Праги уже достаточно извѣстны читателямъ нашего журнала,—мы не разъ уже касались этихъ предметовъ въ статьяхъ, посвященныхъ столицѣ Чехіи; теперь же мы ограничимся лишь краткой замѣткой о мѣстности, изображенной на нашемъ рисункѣ—а именно о Малой Сторонѣ Праги.

Малая Сторона Праги лежитъ на лѣвомъ берегу Влтавы, выѣстъ съ Градчиномъ и предмѣстьемъ Смиховымъ. Характеръ этой части города совершенно своеобразный; она отличается широкими прямыми улицами, обиліемъ барскихъ, роскошныхъ домовъ и особенной тишиной, составляющей рѣзкій контрастъ съ шумомъ и толкотней тѣсныхъ и кривыхъ улицъ стараго города. Дворцы и храмы представляютъ здѣсь особенно замѣчательные памятники. Главный соборный храмъ во имя Св. Николая—зданіе строго готической архитектуры, украшенное внутри многими цѣнными произведениями чешскихъ и итальянскихъ художниковъ. Малая Сторона можетъ гордиться еще нѣ-

сколькими другими церквями и монастырями, обладающими разными рѣдкостями искусства. Среди дворцовъ вельможъ особенно выдаются: палеццо графа Туна, построенный въ итальянскомъ вкусѣ, Валенштейна, величественные дворцы князя Фюрстенберга, Колаврата, Лихтенштейна, Ностица, Хоринскаго и другихъ знаменитыхъ родовъ, изъ которыхъ уже многіе утратили и свою старую славу, и богатство. Къ Малой Сторонѣ причисляется также и островъ весь застроенный домами и лишь узкимъ рукавомъ Влтавы отдѣленный отъ берега. На главной площади Малой Стороны красуется памятникъ фельдмаршала графа Радецкого, родомъ чеха. Памятникъ былъ поставленъ въ 1858 году на общественный счетъ; фигура суроваго воина, работы Макса, въ высшей степени величественна и эффектна, а пьедесталъ очень красиво обставленъ группами солдатъ разнаго рода оружія. На Стефанской площади пирамида во имя св. Троицы, воздвигнутая въ 1715 году, въ память мора, опустошавшаго въ 1713 году Прагу. Кромѣ того, на Мальтійской площади статуя св. Іоанна Крестителя съ тремя ангелами, поставленная іоанитскимъ орденомъ въ началѣ прошлаго столѣтія.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

XVI.

Домъ покойнаго Федора Петровича Горкина принялъ торжественно праздничный видъ.

На всѣхъ дверяхъ повѣшены были ярко цвѣтныя ситцевыя драпировки, шторы на окнахъ сверкали своею безукоризненною бѣлизною, свѣжо покрашенные, только что просохшіе полы, слегка попахивали масляною краскою; на всѣхъ подоконникахъ стояли букеты цвѣтовъ; потолки выбѣлены заново и каждая паутина была тщательно убрана. Спальня Нади выглядывала просто игрушкой и благоухала... Нога утонала тамъ въ мягкихъ, туземныхъ коврахъ, прикрытыхъ на проходахъ узкими холщевыми дорожками.

Садъ подчищенъ и выметенъ; гдѣ только глинобитная стѣнка поразмылась и обвалилась, вездѣ выведена заново. На клумбахъ и грядкахъ пестрѣли цвѣты, самаркандскія розы и гвоздики. Дворникъ-сартъ получилъ приказъ надѣть чистую рубаху, и не забыть, что ему, спеціально для даннаго торжества, подаренъ красивый полшелковый халатъ и десять аршинъ кисеи на чалму. Глухаревскіе деньчики ходили на цыпочкахъ, поскрипывая густо паваксенными сапогами.

Въ переднемъ углу залы, подъ образами, стоялъ столъ, покрытый скатертью, на немъ хлѣбъ и соль, на фарфоровомъ блюдѣ, двѣ восковыя свѣчки въ подсвѣчникахъ, а посрединѣ образа Богородицы, мучениковъ Федора и Надежды. Въ сторонѣ, на особомъ столнѣ, лежало полотенце съ шитыми концами и топенькія восковыя-же свѣчки, особенно, въ бумажномъ сверткѣ.

Отецъ Павелъ, въ новой шелковой рясѣ, прохаживался по залѣ, расправляя волосы. Иванъ Акимовичъ подфабрился и ходилъ козыремъ, Шелобовъ, уже оправившійся съ дороги, по разсѣянности, пришелъ въ томъ-же засаленномъ кителѣ, но ему замѣтили эту разсѣянность и онъ поспѣшилъ переодѣться...

Дѣвица-акушерка два раза уже подсылала Ползункова узнать: не пріѣхала-ли? Груня, сама шившая драпировки и убиравшая спальню Нади, почему-то не пришла на „встрѣчу“... Кажется, не раздѣляла общаго, праздничнаго настроенія духа.

Совѣтъ друзей порѣшили встрѣтить *насмѣшцу* на порогѣ, затѣмъ отслужить панихиду по усопшемъ, потомъ торжественный, благодарственный молебенъ, по случаю благополучнаго пріѣзда, а тамъ уже видно будетъ, что дальше?

Батюшка настоялъ на панихидѣ, Шелобовъ рѣшилъ, что можно. Ему лучше было знать; онъ исполнилъ затруднительную миссію блистательно.

Народъ сталъ уже собираться у крыльца.

— Что же, пускай и они посмотрятъ... Всѣмъ, значить, любопытно и радостно! допустилъ это Иванъ Акимовичъ.

— Жаль, что Павлуши нѣтъ! говорилъ Василій Ивановичъ.

— Да, и падо же было такъ случиться!.. Совсѣмъ уже не кетати! Пришла очередь, третьяго дня съ „оказіей“ ушелъ; дня черезъ два, раньше не вернется, сожалѣлъ Иванъ Акимовичъ.

— Прискорбно, но это отъ него не уйдетъ! резонировалъ отецъ Павелъ.—Въ которомъ часу ожидать разсчитываете?

— Да теперь вотъ половина пятаго! съ каждою минутою можетъ подѣхать... Мнѣ все звонокъ слышится...

Шелобовъ, походилъ, походилъ по залѣ, вышелъ на крыльцо и присѣлъ на ступенькѣ.

Дамы рѣшили, что, во всякомъ случаѣ, Надя обязана первая всѣмъ сдѣлать визиты, и чтобы имъ впередъ не забѣгать ни въ какомъ случаѣ.

— Ыдутъ-съ! вѣжаль деньчикъ.

Всѣ встрепенулись. Иванъ Акимовичъ взялъ со стола блюдо съ хлѣбомъ и вышелъ въ сѣни.

Тревога на этотъ разъ оказалась фальшивою: ѣхала фуригадская тройка, только что отвезшая по назначенію батальоннаго фельдшера.

— Ыдутъ-съ, ѣдутъ-съ! снова раздались тревожные голоса и на этотъ разъ, дѣйствительно, въ облакѣ бѣлой пыли, замахали головы пристяжныхъ, замелькала зеленая дуга и подъ нею сѣдые бакенбарды и красный воротникъ стараго инвалида.

— Пожалуйте! первый, по праву, подступилъ къ остановившемуся тарантасу Шелобовъ и на рукахъ вынесъ оттуда Надю, бережно опустилъ ее на площадку крыльца.

— Ишь ты, и впрямь краля кака! послышалось въ толпѣ.

— Съ пріѣздомъ—Надюша... съ пріѣздомъ милая... Началъ было свою роль Иванъ Акимовичъ, передалъ на скоро блюдо съ хлѣбомъ кому то изъ постороннихъ, обнялъ дѣвушку и вдругъ зарыдалъ какъ ребенокъ.

И Надя растерялась и заплакала и съ увлеченіемъ поцѣловала мозолистую руку Глухарева.

Тутъ уже и отецъ Павелъ расчувствовался, благо-словилъ прѣзжую обѣими руками и заморгалъ глазами.

— Въ комнаты, въ комнаты! засуетился Шелобовъ.— Ну, что, старина, доведъ благополучно!

— Какъ видите, ваше благородіе—къ сдачѣ готовы, въ полномъ порядкѣ... Какъ-бы теперь Федоръ Петровичъ порадовались. Царство ему Небесное!

Послѣднія слова опъ произнесъ очень тихо, чтобы Надя, не ровень часъ, не услышала, но та все-таки слышала—и прошептала:

— Бѣдный папа!

Всѣ уже ушли въ комнаты, но двери остались гостеприимно раскрытыми настезь.

— Прѣехала-съ! стремительно влетѣлъ Ползунковъ въ квартиру дѣвицы-акушерки.

Облачился отецъ Павелъ и началъ служеніе.

Всю панихиду Надя стояла на колѣняхъ и тихо плакала. Горе ея улеглось и пришло ровный, спокойный характеръ... Она молилась горячо, внимательно вслушиваясь въ слова евангелія, и разъ только покосилась въ сторону, словно отыскивала кого то глазами...

Иванъ Акимовичъ стоялъ посреди залы, скрестивъ на груди руки, и подтягивалъ причетнику; Шелобовъ прижался въ самый уголокъ и, казалось, ждалъ съ нетерпѣніемъ окончанія панихиды... На него неприятно дѣйствовалъ видъ черной траурной рясы, такъ мало гармонирующей съ веселой обстановкой „дня прѣзда“.

Силантій стоялъ въ сѣняхъ, вздыхалъ и трясъ своею полусѣлою головою—и тоже подтягивалъ причетнику, стараясь поймать втору.

Отобрали свѣчи, пропѣли послѣднюю „вѣчную память“—отецъ Павелъ поспѣшилъ переоблачиться. На этотъ разъ свѣтло-зеленая съ золотыми галунами ряса весело заблестала на его плечахъ и всѣ вздохнули свободнѣе.

Приложились ко кресту. Батюшка пошелъ по компатамъ съ крошломъ въ рукѣ, Шелобовъ пещъ чашку съ водою, Иванъ Акимовичъ повелъ Надю подъ руку.

Какъ хорошо, какъ уютно, свѣтло показалось Надѣ ея новое гнѣздо. Она даже вскрикнула радостно, увидѣвъ свою спаленку, и еще разъ бросилась цѣловать Ивана Акимовича.

— Это все Павлуша хлопоталъ, улыбнулся старикъ Глухаревъ.

— А гдѣ же онъ? сорвалось такъ съ языка у Нади.

— Въ оказію ушелъ... Вотъ пекстатъ совѣтъ!.. Вернется, впрочемъ, скоро.

— Что такое оказія?

— А это, знаете-ли, тутъ вѣдь нельзя зря... Тутъ осторожность наблюдать требуется, дальше, по стени. Ежели транспортъ соберется,—ему сейчасъ прикрытіе назначуть. Вотъ Павлуша и ушелъ съ отрядомъ.

— Верхомъ?

— Верхомъ! Не ищкомъ-же идти такую даль.

Иванъ Акимовичъ не проникъ въ тайну этого вопроса.

— Онъ, я думаю, скоро вернется, замѣтилъ Шелобовъ. Обидно будетъ, что безъ него встрѣтили.

— А я его видѣла! хотѣла было сказать Надя, но удержалась. Ей пришло въ голову, что какъ можетъ быть это смѣшно и интересно, когда тотъ прѣдетъ, его будутъ ей представлять, а она лукаво улыбнется и скажетъ: „мы уже знакомы немного“.—Какъ? гдѣ?.. сейчасъ вопросы пойдутъ, а онъ догадается и покраснѣетъ; ему будетъ стыдно сознаться, что онъ видѣлъ и не догадался, не подѣхалъ, не заговорилъ... Какъ это будетъ забавно, какъ это будетъ забавно!.. Вѣдь это онъ тогда то именно и ѣхалъ верхомъ въ эту противную оказію. И зачѣмъ я его не позвала?..

Все это быстро промелькнуло въ головѣ Нади... Передъ нею распахнулась широкая дверь прямо въ садъ.

Масса зелени хлынула ей навстрѣчу, согрѣтый воздухъ теплою волною ворвался въ спальню, разнося ароматы цвѣтовъ. Фигура въ бѣлой чалмѣ и пестромъ халатѣ двинулась къ ней навстрѣчу, съ блюдомъ винограда и персиковъ. Надя понялась было назадъ, но потомъ протянула ручку и стала кушать...

— А вотъ это и не слѣдуетъ передъ обѣдомъ! замѣтилъ Иванъ Акимовичъ.— Да что же тамъ, не готово что ли? Отецъ Павелъ, ты разоблачайся, да съ нами.

— Весьма благовременно! согласился охотно фортовой батюшка.

На садовой террасѣ загромыхали посудой, и оттуда потянуло жаренымъ.

Всѣ вышли въ садъ, Надя осталась одна въ своей спальнѣ. Падо-же было ей переодѣться и хоть руки помыть, съ дороги. Солдатка Анисья, договоренная Глухаревымъ къ Надѣ въ горничныя, юркая и расторопная бабенка, тоже явилась къ ея услугамъ, съ пирогами и поздравленіемъ, новоселья ради.

XVII.

Обѣдъ начался довольно патынуто. Дѣло въ томъ, что у каждаго присутствовавшего на языкѣ такъ и вертѣлось имя покойнаго хозяина. Не будъ на лицо Нади, разговоръ естественно вертѣлся бы на воспоминаніяхъ о Федорѣ Петровичѣ... Покойный незримо присутствовалъ въ средѣ своихъ друзей, какъ бы воплотившись въ красивыя формы своей дочери, теперешней хозяйки. А между тѣмъ каждый считалъ своимъ долгомъ отнюдь „не провратъся“, то есть ни единымъ словомъ не намекнуть на то великое горе, которое переживала Надя.

Всѣ радовались глядя на ея спокойно-веселое, беззаботное личико и боялись нагнать на него неосторожнымъ словомъ печальную сѣрую тучку.

Разсчитывая на слезы, на острый припадокъ горя, отецъ Павелъ приготовилъ было цѣлую проповѣдь, но пока въ этой проповѣди надобности не было и онъ все молчалъ, не отвѣчая даже впопадъ на вопросы, ибо въ это время придумывалъ другую застольную рѣчь и подбиралъ подходящіе тексты.

Шелобовъ молчалъ и ѣлъ, методически запивая яства превосходнымъ квасомъ.

Надя требовала, чтобы Силантій тоже сидѣлъ за столомъ, но тотъ наотрѣзъ отказался, заявивши, „что моль“ это будетъ совѣтъ уже „не порядокъ“.

Иванъ Акимовичъ, когда на столъ поставили дымящееся блюдо „плова“, чуть-чуть не проговорился...

— Вотъ эту птучку особенно любилъ пок... началъ было онъ, покраснѣвъ до ушей и оборвался...

— Бѣдный папа! снова повторила Надя. Какъ бы онъ былъ радъ, какъ бы онъ былъ счастливъ... Гдѣ его мѣсто было обыкновенно?

Дѣвушка произнесла это спокойно, хотя и съ чувствомъ. И тотчасъ же всѣ присутствующіе вздохнули полною грудью.

— А вотъ, Наденька,—тутъ вотъ, гдѣ ты сама сидишь... То бишь, виноватъ, гдѣ вы сидите... отвѣчалъ Иванъ Акимовичъ.

— Гдѣ вы сидите!.. подчеркнула Надя и засмѣялась...

— Привычка-съ! оправдывался тотъ.— Вѣдь вотъ помню еще когда крестили... Росла на глазахъ, да на моихъ рукахъ... Все бывало: Ну-ко ты, Надюшокъ-катышокъ!.. Была ты, то есть, вы,—тьфу, ты! такая кругленькая, наливная... Пузырь пузыремъ...

— А тамъ забыли, прервала его Надя, разлюбили... Уѣхалъ катышокъ, а прѣехала—дѣвица Надежда Федоровна... Такъ что-ли!.. Стыдно!

Она укоризненно посмотрѣла прямо въ глаза Глухареву, лукаво улыбнулась и протянула къ нему обѣ ручки.

Древні теремные покои во дворцѣ московскаго кремля. Престольная палата.
По фотогр. М. Панова, грав. М. Рашевскій.

— Дочурка ты моя! вскочилъ съ мѣста старикъ.

Лицо Нади, при этомъ словѣ, засіяло широкою, счастливою улыбкою, слезы хлынули изъ ея глазъ буквально въ два ручья, она вскочила, также порывисто, опрокинула стулъ своимъ движеніемъ и бросилась на шею Глухарева.

И слышали присутствующіе слова: „дочка моя, дочка родная, безцѣпная...“ Слышали и другой голосъ, шепотомъ, тихо, словно въ забвеніи, лепетавшій: „Наша, папочка...“

И не вѣяло грустью отъ этихъ слезъ, ничего печальнаго въ нихъ не слышалось...

А все таки, ни самъ Глухаревъ, никто изъ собесѣдниковъ не поняли истиннаго значенія порыва Нади. Объяснить его себѣ объяснили, да не совсѣмъ такъ, какъ слѣдуетъ.

— Пророческія наименованія! произнесъ торжественно отецъ Павелъ.

— Дай-то Господи! перекрестился стоящій подалъ Силантій.

Шелобовъ наложилъ себѣ еще полную тарелку и неистово тресъ перчатки, по разсѣянности.

— Радуетъ меня, началъ батюшка, когда все успокоилось и завяло свои мѣста. Радуетъ меня весьма, что въ вашемъ заведеніи священное писаніе преподавалось правильно и неукоснительно. Кто законоучитель былъ-съ?

— Батюшка нашъ! отвѣчала Надя.

— Ими опаго, имя-съ, позвольте узнать, сего пастыря достойнаго?..

— Отецъ Александръ.

— Такъ-съ! Доброе сѣмя сѣялось на добрую почву... Духъ кротости и смиренія передъ волею Всевышняго вѣдренъ въ мѣрѣ достаточной. Одобрю!

Подали фрукты въ корзинѣ и поставили передъ приборомъ Нади.

Иванъ Акимовичъ самъ раскупорилъ бутылку шампанскаго, вина, здѣсь рѣдкаго и дорогаго, и сталъ разливать.

— Торжество! провозгласилъ отецъ Павелъ.— Съ приѣздомъ!

Всѣ стали чокаться.

Глухаревъ шепнулъ что то Надѣ, та засмѣялась и переспросила.

— Такъ?

— Такъ!

— Вынимай па-тронъ! скомащдовала она своимъ звопкимъ голоскомъ.

Всѣ расхохотались и взялись за портъ-сигары.

— Совсѣмъ по нашему! заливался отъ души Иванъ Акимовичъ.— Молодецъ, новая хозяйка!

— Однако, господа! курить и чай пить пожалуйста въ садъ. Тамъ расчудеснѣе будетъ.

Всѣ подошли къ ручкѣ „новой хозяйки“ и стали спускаться со ступенекъ террасы, направляясь къ пруду, гдѣ въ тѣни развѣсистаго карагача, золотомъ сверкалъ дымящійся самоваръ и садовникъ Гайкула разливалъ зеленый чай въ плоскія китайскія чашечки.

XVIII.

Прошло нѣсколько дней.

Надя успѣла уже сдѣлать всѣ нужные визиты. Глухой форть не великъ, разстоянія, раздѣлявшія одну квартиру отъ другой, очень коротки и Надя исполнила, требуемые этикетомъ, обязанности нѣшкомъ, подъ руку съ Иваномъ Акимовичемъ.

Вездѣ ее встрѣтили крайне радушно, со всѣми признаками искренности. Новая обитательница Глухаго форта вернулась довольная и счастливая.

Но больше всѣхъ поправилась ей Груня. Та поцѣловала ее какъ то особенно тепло, пожелавъ покоя и счастья, такимъ дружескимъ, проникающимъ въ душу

голосомъ, что Надя чуть ей на шею не бросилась.

Въ полчаса обѣ дѣвушки сдружились, словно много лѣтъ росли вмѣстѣ. Только всѣ, кто знали Груню раньше, не могли понять почему это ихъ веселая, живая, простодушная любимица на этотъ разъ какъ будто бы приуныла, печально такъ смотрѣла своими кроткими глазами, не улыбнулась ни разу, и ходила словно въ воду опущенная.

Иванъ Акимовичъ составилъ штатъ новопріѣзжей очень удачно. Главнымъ лицомъ, на обязанности котораго было блюсти весь домъ и отчасти руководить молодою хозяйкою, былъ, конечно, Силантій: это было его неотъемлемое право. Персоналъ женской прислуги организовала солдатка Анисья. Гайкула садовникъ, онъ же и дворникъ, онъ же и поваръ, ибо превосходно приготавливалъ всѣ азіатскія блюда и понималъ уже русскіе вкусы, особенно подъ руководствомъ стараго инвалида, ретиво вступившаго въ отправление обязанностей мажордома.

Внѣшняя жизнь Нади стала сразу въ правильныя рамки. Осталось только позаботиться объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, но тутъ уже Надя съ перваго дня засыпана была самыми разнообразными предложеніями въ этомъ родѣ.

Старый Глухаревъ заходилъ къ ней по десяти разъ въ день, справлялся все ли въ порядкѣ, совѣщался съ Силантіемъ о самыхъ пустыхъ мелочахъ; Гайкула изъ кожи лѣзъ, стараясь чтобы и его усердіе не осталось незамѣченнымъ; Анисью нѣсколько разъ зазывала къ себѣ, попить кофейку, дѣвица-акушерка и даже ни за что, ни про что подарила ей рублевую бумажку; Шелобова вызвали въ Аулы, верстъ за пятьдесятъ отсюда, такъ какъ тамъ появилась тигровая чета и стала пошалаивать; Павлуша все еще находился въ оказіи, и его поджидали съ часу на часъ.

Однимъ словомъ, все шло превосходно!

— Онъ меня любитъ, онъ меня полюбилъ, не видя и не зная меня, и я его люблю, мечтала она, оставаясь одна, ложась въ свою уютную постельку.

И она дѣйствительно его любила. Молодое, неиспорченное сердце дѣвушки не требуетъ большой подготовки къ воспринятію этого чувства. Она полюбила Павлушу такимъ, какимъ его описывалъ Шелобовъ, такимъ, какимъ она представляла его изъ писемъ своего покойнаго отца. Она его теперь видѣла, и къ покойному, теплomu, отрадному чувству примѣшалась жгучая страстность, охватившая все ея юное существо; и Надя безотчетно, довѣрчиво отдалась этой страстности... Вѣдь этого всѣ хотятъ: и она хочетъ, и она ждетъ не дожидется... „противная, злая, эта глупая оказія!“

И вотъ передъ ея глазами загорается во мракѣ ночи свѣтлое пятно. Это пятно растетъ, принимаетъ формы... Милыя, дорогія сердцу формы!.. Вотъ она стоитъ, верхомъ на чудномъ конѣ, весь залитый золотымъ солнцемъ, и на нее смотритъ, и руки къ ней протягиваетъ... Лицо его блѣдно какъ мраморъ, глаза горятъ, его уста шепчутъ слова... никто ихъ не слышитъ, а Надя понимаетъ ихъ смыслъ... Онъ говоритъ: „ну, иди же ко мнѣ, не бойся!.. Я тебя давно жду!.. мое сердце давно тобою одною живеть и бьется!..“ И она рванулась къ нему, хочетъ идти, хочетъ броситься въ его объятія, повиснуть у него на шеѣ, спрятать лицо на его богатыревую грудь и замереть...

А тутъ ее держатъ невидимыя, злыя руки. Ручей зашумѣлъ и рванулся, загоразивая дорогу... Сердито бьютъ волны о камни, дробятся и стонутъ—выше и выше брызжетъ башенная нѣна,—шире разливается недобрый ручей... дальше и дальше отходить дорогой образъ.

— Иди-же! чуть слышно доносится призывный голосъ... Какъ пожемъ рѣжетъ сердце Нади этотъ страдальческій звукъ.

— Иду—замираетъ въ ея горлѣ... И она рвется снова и снова въ ужасѣ отступаетъ назадъ...

Воды ручья краснѣютъ, въ воздухѣ пахнетъ кровью... это уже не вода—это... это...

— Барышня, а барышня! будить ее осторожно Анисья... Вы бы на правый бочекъ легли!.. не хорошо такъ то вотъ, на спинкѣ...

Проснулась Надя и испуганно протираетъ глазки... и снова засыпаетъ, и снова видитъ воронаго коня и залитаго солнцемъ своего рыцаря... Только теперь онъ уже не молить ее ни о чемъ, онъ стоитъ гордо, пропуская мимо стройные полки... Трубить трубы, грохочутъ барабаны, словно стальная нива волнуются штыки... Удаляя пѣснь несется по вѣтру... и все тише и тише... дальше и дальше...

Опять проснулась Надя... уже свѣтло, солнце высоко, шторы подняты и окно отворено настезь... Анисья свѣжую воду льетъ въ умывальникъ, говоритъ: „съ добрымъ утромъ, барышня!“ а вдали и на яву замираетъ грохотъ барабана, стихаетъ залихватская пѣсня... только подголосокъ тонкій сюда по вѣтру доносится.

— Имѣемъ честь проздравить! привѣтствуетъ ее Силантій, какъ только Надя показалась полуодѣтая на садовой террасѣ.

-- Съ чѣмъ?

— Подпоручикъ Глухаревъ, ихъ благородіе Павелъ Ивановичъ изволили вернуться... перестрѣлочка у нихъ была, только легопьялая,—нашихъ, слава Богу, никого не зацѣпило.

Заходило, заметалось въ груди Нади ея молодое сердце, она даже руками схватилась и почувствовала какъ горячая краска бросилась ей въ лицо.

— Сегодня пожалуютъ! замѣтилъ Силантій ся смущеніе и ухмыльнулся.

— Сегодня! повторила Надя и, какъ птичка, порхнула назадъ, въ свою уютную спальню.

XIX.

— Приѣхала? говорилъ Павлуша, эпергично умывался, плеская водою на всю комнату... Экая досада, право! Папаша, сегодня и съ визитомъ можно?..

— Отчего же нѣтъ! отвѣчалъ Иванъ Акимовичъ... Вотъ позавтракаемъ, да и пойдемъ. Ты приберись хорошенько, сапоги еадѣнь новые, лаковые.

— Я, папаша, мундиръ надѣну и рубашку крахмальную, съ запожками!..

— И мундиръ надѣнь—отчего не надѣтъ! соглашался папаша... Пускай видитъ, что у тебя уже Анна есть съ мечами... это хорошо!..

— Фадѣевъ! мундиръ почисти хорошенько!.. Экая, право, досада!..

Шелобовъ забѣжалъ. Опъ тоже сегодня только вернулся.

— Ну, говоритъ, Папка, твое счастье—смотри не забудь: меня шаферомъ!

— Первымъ дѣломъ! поторопился согласиться Павлуша.

— Такъ вотъ сейчасъ! Нѣтъ, я съ невѣстиной сторопы буду, а ты себѣ другихъ подбирай. Огурчикова позови съ Ползунковымъ, они холостые оба. Да, братъ, Ваня, раскошелайся!..

Шелобовъ хлопнулъ Глухарева-отца по плечу, тотъ даже на стулѣ покачнулся.

— За мною, говоритъ, дѣло не станетъ! только пошли Господи!

— Эхъ! вѣдь дернула меня нелегкая на прошлой недѣлѣ на голо остричься! щетина щетиною торчитъ, и помада не беретъ!.. соболизновалъ Павлуша, разматывая себя въ маленькое, походное зеркальце.

— Хорошъ и такъ будешь!.. А перчатки чистыя есть...

— Перчатки?.. Ахъ да! Фадѣевъ! есть чистыя перчатки?

— Есть одна пара, только два пальца прорвавшися!.. Да я сейчасъ, ваше благородіе, цѣлыя помою, пока завтракать станете, попросохнуть живо.

— Мой скорѣе!

— Послушай Вася, ты скажи откровенно, будь другъ!.. Про меня что она говорила?.. то бишь, обо мнѣ какой разговоръ былъ между вами?..

— Какой разговоръ! усмѣхнулся Шелобовъ,—никакого разговора о тебѣ не было...

— Стоитъ тоже о всякихъ пустякахъ разговаривать, подшучивалъ и Иванъ Акимовичъ.

И его глаза мягко, любовно такъ глядѣли на смущеніе сына.

— Говорилъ я ей, рассказывалъ Шелобовъ. Вотъ у насъ есть богатырь-остолопъ, росту девять вершковъ, безъ малаго. Вы, говорю, Наденька, такихъ и въ кунсткамерѣ не видѣли.

— Ну что за глупыя шутки!

— Ничего не шутки... Ну-ну, не пѣтушися!.. Небось, не продали тебя!.. Такъ это все дѣло подготовили, что хоть сейчасъ иди и кайся! А тамъ и къ отцу Павлу на законный передѣлъ. Батько-то нашъ уже на фурштатскій дворъ бѣгалъ, колесныя втулки подбиралъ, на вѣнцы чтобы годилась!..

— Ишь ты что придумалъ!.. Ха-ха-ха! заливался Иванъ Акимовичъ... колесныя втулки!..

— Букетъ бы надо! остановился въ раздумьи Павлуша...

— Это зачѣмъ? Что же ты и впрямь сразу съ предложеніемъ?.. Погоди еще, для приличія, пемного, по-присмотрись къ ней, къ себѣ дай по-присмотрѣться тоже... экій пряткій!..

— Шарфъ новый прикажете, ваше благородіе? sunulся въ дверь деньщикъ Фадѣевъ.

— Натурально новый! накинулся на него Павлуша... Да давайте-же, право, скорѣе завтракать... съ двухъ часовъ почи все шли степью, проголодался какъ волкъ... Всего одинъ стаканъ чаю вылокалъ на привалѣ... Вода соленая, мутитъ съ такой, патоцкак-то!

Позавтракали наскоро, но плотно. Любовь нисколько не испортила богатырскій аппетитъ Павлуши, вызванный усилепнымъ ночнымъ переходомъ.

— Ты одинъ пойдешь? спросилъ Иванъ Акимовичъ сына, когда тотъ пристегивалъ свою гремящую саблю...

— Одному-то какъ будто неловко!.. отвѣчалъ тотъ, не попадая на крючекъ.

— То то, я самъ думаю... одному не того! Я пойду съ тобою и представлю какъ слѣдуетъ быть, по всей формѣ. Шелобовъ, пойдешь?

— Иди, Василій Ивановичъ, пригласилъ и Павлуша.

— Мнѣ зачѣмъ?.. Я вотъ жду киргизовъ, они звѣри должны привезти скоро... Попался мнѣ здоровенный подъ пулю... Самка, да еще съ дѣтенышами... Еле справился!.. Вотъ я за скорнякомъ послалъ, сейчасъ ее раздѣлаемъ, и вамъ свадебный презентъ,—говоръ къ постели чудесный выйдетъ!

— Спасибо, братъ! пожалъ Шелобовскую руку Иванъ Акимовичъ.

— Ишь ты вѣдь какой, укорительно замѣтилъ Павлуша, самъ, уѣзжая, не велѣлъ мнѣ ходить одному, а теперь не могу меня подождать денегъ... не годится!..

— Хватить и на тебя! засмѣялся Василій Ивановичъ... Только, братъ, тебѣ скоро хвостъ припилятъ... скажутъ: пѣтъ, монъ ами, ходи щелкай перепеловъ, а туда не суйся, гдѣ, того гляди, самому свернуть шею... Это для насъ, безотвѣтныхъ бобылей, забава, не вашему брату, женатому!.. Ну, прощай! желаю тебѣ успѣха и полного счастья!.. труби „къ атакѣ!“

Вышли изъ дому Глухаревы оба и направились по пыльной улицѣ; прошли мимо воротъ дома отца Павла. Груни стояла въ калиткѣ и смотрѣла на Павлушу изъ подъ руки... Солнце уже очень ярко свѣтило.

— Ишь ты какимъ франтомъ разодрѣлся! замѣтила она и плечами передернула.

— Здравствуй Груничка, протянулъ ей руку молодой Глухаревъ... но его протянутая рука такъ и осталась на воздухѣ.

— Здравствуйте-съ, съ визитомъ изволите-съ?.. желаю успѣха-съ! отвѣтила дѣвушка, подчеркивая слова, пагая особенно на окончанія...

— Груничка, что-жь ты сердисься... я право...

— Я вамъ не Груничка, отвернулась та и порывисто добавила:

— Ну, чего же ты остановился и глаза палишь?! Видишь, отецъ дожидается! иди къ своей невѣстѣ!..

— Я, Груничка, снова замялся Павлуша... махнулъ рукой и побѣжалъ догонять „панашу“.

А Груня зашла за уголь, оперлась руками на заборъ, опустила на нихъ свою головку и ея плечи стали судорожно вздрагивать...

— Груня! Груня! не дури! слышался съ крыльца голосъ отца Павла.

— Есть чего дурить то! отозвалась его племянница, слегка вздрогнувъ отъ неожиданности, и порывисто, слишкомъ уже энергично, принялась снимать бѣлье, просыхавшее на растянутыхъ черезъ дворъ веревкахъ.

XX.

— Надя! Наденька! А вотъ и гости къ тебѣ пришли! громко доложилъ самъ о себѣ Иванъ Акимовичъ.

Надя слышала изъ спальни его голосъ, поняла конечно, какіе такіе гости, заглянула мимоходомъ въ зеркало, зардѣлась и вышла въ залъ, потупивъ глазки.

Павлуша остолбенѣлъ. Его скромная фантазія не могла представить ему образъ дѣвушки такимъ, какой онъ видѣлъ теперь, передъ собою. У него, что пазывается, духъ захватило... Онъ только кланяться началъ, а языкъ словно связало чѣмъ то крѣпко-накрѣпко... Дорогою онъ все вступительную фразу сочинялъ, такъ это хорошо и складно выходило, а теперь вотъ забылъ... сказалъ: „Имѣю честь...“ и только... и остановился.

Подняла и Надя свои длинныя рѣсницы, взглянула и даже назадъ понятилась.

— Не этотъ же? невольно подумала она. Тотъ сейчасъ войдетъ...

И она пытливо посмотрѣла на дверь.

— Вотъ, позволь представить тебѣ, голубка моя, моего первенца, двинулся къ ней Иванъ Акимовичъ. Прошу любить и жаловать...

И разбилъ этими словами слабую надежду молодой хозяйки.

— Да что съ тобою? продолжалъ онъ заботливо. Ты вѣрно ночь провела худо?.. блѣдная какая... здорова ли, моя милая?..

— Здорова! произнесла Надя и поперхнулась.

А Павлуша стоитъ и молчитъ, глазами какъ то особенно помаргиваетъ.

Въ своемъ новомъ мундирѣ, съ таліей не на мѣстѣ, съ узкими, коротковатыми рукавами, онъ, надо сказать, представлялъ собою фигуру не особенно привлекательную. Сапогъ должно быть жалъ погу до боли, перчатки, не патянутыя вилотную, образовали на концахъ пальцевъ скрученные сосочки... воротникъ сжималъ горло чуть не до душенья, вызывая на лицѣ неестественный

румянецъ, даже кожа на головѣ покрасѣла, сквозь щетину гладко остриженныхъ волосъ...

Эта фигура была такъ мало похожа на то, что видѣла Надя тамъ, въ Бешь-Арыкѣ, она совсѣмъ уже не соответствовала тому образу, который рисовался ей въ ея грезахъ, который перазрывно сросся съ ея молодымъ, первымъ порывомъ сладкаго чувства...

— Не тотъ! промелькнуло какъ молнія въ ея головѣ.

— Вотъ познакомьтесь хорошенько, улыбался Иванъ Акимовичъ, подводя, правильнѣе подталкивая Павлушу, поближе къ Надѣ. Онъ у меня немного того, диковатъ, а парень добрый! ты съ нимъ не перемонься, пообтени его хорошенько, пополируй...

— Я съ удовольствіемъ... пачаль было и Павлуша.

— Что это, какъ будто не метено еще въ саду?.. взглянулъ Глухаревъ-отецъ въ окошко... Я вотъ, сейчасъ, пойду обзоръ сдѣлать. Да ты, Надюша, не стѣняйся, ты его хорошенько!.. хе, хе!..

Иванъ Акимовичъ еще разъ подтолкнулъ Павлушу впередъ и вышелъ.

— Садитесь! прошептала Надя, и вдругъ, поступила уже совсѣмъ по институтски, она не ушла даже, а просто убѣжала изъ залы, вскочила въ спальню, захлопнула за собою дверь, даже задвижку защелкнула, сѣла на стулъ, испуганно посмотрѣла кругомъ и заплакала...

А Павлуша воспользовался тѣмъ временемъ и сталъ запикивать за воротникъ свой, вылѣзшій кверху, галтухъ, усиленно мотая головою и вытигивая вепотѣвную шею.

— Что же вы?.. А гдѣ Надя? озадачился немного Иванъ Акимовичъ входя снова въ залъ.

— Не знаю, панаша! Надичка-съ сейчасъ были и ушли-съ... должно быть что поправиться надо, отвѣчалъ смущенный Павлуша.

— Эхъ ты!.. Молодежь, молодежь! развелъ руками отецъ-Глухаревъ. Оставили ихъ вдвоемъ, а они и растерялись. Фрррр—въ разные стороны!.. Я думалъ она побойчѣй тебя будетъ... Ну ничего, ничего... Обойдетесь оба... Посмѣюсь же я надъ вами уже, вечеромъ!..

Иванъ Акимовичъ направился къ спальнѣ и тронулъ за ручку двери.

— Заперлась! проговорилъ онъ. Надя, мы сегодня вечеромъ къ тебѣ чай пить придемъ, Василия Ивановича захватимъ... Слышишь?.. гм!.. Ну, пойдемъ, братъ, домой! собирайся!..

Вышли.

— Вотъ оно, институтское то воспитаніе! резонировать дорогою Иванъ Акимовичъ. Оно вѣдь и точно: держать ихъ взаперти, только и мужчинъ видятъ, что плюгавые учительшики, да истопникъ. Вотъ оно и дико кажется, съ перваго разу... Это, впрочемъ, хорошо, даже очень хорошо!.. А ты все таки будь поразвизнѣ!.. Вотъ вечеромъ поразскажи ей про охоту, про походъ... Ты поразвизнѣ!.. Небось, съ нашими дамами ты въ карманъ за слово не дѣлешь... Ты ея не бойся: она дѣвушка добрая и простая, ласковая и умница... Ты смѣлѣ!..

— Я, панаша, и самъ, право, не знаю, что со мною сдѣлалось... опалѣлъ совсѣмъ, право слово! оправдывался Павлуша.

— А хороша?! толкнулъ его локтемъ отецъ.

— Царица! вздохнулъ молодой человекъ и энергично сорвалъ, наконецъ, съ шеи этотъ досадный галстухъ.

(До слѣд. №).

Изъ прошлаго.

Разсказъ Н. Кирилова.

I.

— Охота тебѣ вязаться съ такими кутилами, замѣтила Глафира Ивановна, молодая, красивая женщина, сиди утромъ за чайнымъ столомъ и украдкой бросивъ взглядъ на утомленное лицо мужа.

— Пожалуйста безъ наставленій, отвѣтилъ онъ, закуривая трубку и нуская задумчиво кольца дыма.

— Не наставленія, Аркадій, продолжала мягкимъ голосомъ жена; — я говорю жалѣя тебя, мой другъ. Они могутъ спать хоть до полудня, а тебѣ спозаранку на службу идти надо. Смори еще по службѣ, чего добраго, потеряешь.

Испанскій романсъ С* картины Мюльталера, грав. Р. Бонгъ.

— Для службы я все это и дѣлаю, отозвался Аркадій Николаевич, потягиваясь. — Какъ ни говори, Глаша, продолжалъ онъ убедительно, а столоначальника чрезъ кого получалъ? Черезъ графа Постова. У Папина кто работу доставилъ? Настокинъ.

— Такъ то такъ, отвѣтила Глафира Ивановна съ любовью смотря на мужа, — но сердце — вѣщувъ. Думается, не вышло бы чего дурнаго...

— Полно, полно, дружокъ, остановилъ онъ ее, крѣпко поцѣловавъ...

Аркадій Николаевичъ наскоро одѣлся и отправился на службу. Глафира Ивановна, приказавъ крѣпостной дѣвушкѣ Дунишѣ подогрѣть самоваръ и подать, когда выйдетъ Машенька, сама сѣла въ гостиной за пядьцы, торопясь окончить ко дню рождения начатя для мужа туфли.

Семейство Кривошеиныхъ занимало небольшой деревянный домъ на Знаменской улицѣ, принадлежавшій матери Глафиры Ивановны, Аннѣ Петровнѣ Водозовой, вдовѣ секундъ-майора, погибшаго въ Италійскомъ походѣ графа Суворова Рымникскаго — женщиной стойкой и характерной, которой побивалась не только дочь, но и зять. Разъ что задумала и рѣшила Анна Петровна — того добьется. Не смотря на строгости Павловскаго времени, она бросилась въ ноги императору передъ входомъ его въ Михайловскій дворецъ и выхлопотала себѣ пенсію, не въ примѣръ другимъ, по 200 рублей въ годъ. Домъ вела она и все ее слушались безпрекословно. Единственную дочь свою Глашу она любила, но любила какъ то больше расудкомъ, чѣмъ сердцемъ, которое было у нея далеко не нѣжное. Кромѣ простыхъ ощущеній радости отъ удач и горя отъ неудач, другихъ, болѣе глубокихъ и нѣжныхъ чувствъ, она не знала и не признавала. Вообще Анна Петровна была олицетвореніемъ практической женщины съ здравымъ русскимъ смысломъ.

Три года тому назадъ въ ея домѣ нанялъ небольшую горенку со столомъ только что окончившій курсъ въ московскомъ университетѣ молодой человекъ Аркадій Николаевичъ. Приѣхавъ онъ изъ Москвы искать службы и покровительства. Знакомыхъ у него въ Петербургѣ никого не было; но онъ вспомнилъ, что по сосѣдству съ имѣніемъ его отца было помѣстье Екатериинскаго генералъ-поручика графа Ивана Александровича Постова, куда возилъ его отецъ для игръ съ сыномъ графа, маленькимъ Федей, шаловливымъ мальчуганомъ, котораго онъ разъ вытащилъ изъ пруда. „Найти бы этого Федю“, подумалъ Аркадій Николаевичъ. Онъ сталъ разсиранивать, раззывать и черезъ нѣсколько времени узналъ, что этотъ самый Федя уже поручикъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, имѣетъ большія связи и положеніе въ свѣтѣ. Онъ рѣшился его навѣститъ.

Было еще семь часовъ утра, когда Аркадій Николаевичъ отправился на Милліонную улицу, гдѣ жилъ, бывший Федя, а теперь поручикъ графъ Поставъ. Онъ занималъ цѣлый этажъ Салтыковскаго дома. Около подъѣзда стояло нѣсколько саней, кучера дремали на козлахъ. Аркадій Николаевичъ тихо вошелъ въ переднюю, на коникахъ спало нѣсколько дѣвчонокъ и лакеевъ, изъ внутреннихъ покоевъ доносился невнятный шумъ и какіе то возгласы.

— Графъ Федоръ Ивановичъ дома? спросилъ онъ громко.

Дѣвчонки встрепенулись; одинъ изъ нихъ молча снялъ шинель и отворилъ дверь въ залу, въ которой еще не прибраны были остатки ужина и попойки. Онъ прошелъ нѣсколько комнатъ и въ одной изъ нихъ увидѣлъ группу молодыхъ людей, въ военныхъ сюртукахъ и безъ сюртуконъ, стоявшихъ и сидѣвшихъ около круглаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, на которомъ играли въ карты. На вошедшаго никто не обратилъ вниманія. Кучки золота переходили съ мѣста на мѣсто; банкюетъ, молодой красивый кавалергардскій офицеръ то и дѣло повторялъ „бита“, „дана“, а понтеры, то съ волненіемъ, то съ оживленіемъ, ставили куши, назначая: „короля“, „транспорть“ и т. п.

Съ полчасъ оставался Аркадій Николаевичъ незамѣченнымъ, безмолвно наблюдая за игрою. Но уже былъ десятый часъ, игра окончилась и невольнo всѣ обратили вниманіе на стоявшаго поодаль, сконфуженнаго статекаго молодого человека. Офицеры переглянулись, предполагая, что это тайный агентъ и думая, что придется дорого заплатить за игру, такъ какъ въ то время еще не были отменены строгія правила императора Павла, который терять не могъ картежной игры.

— Чему обязанъ вашимъ посѣщеніемъ? обратился къ Аркадію Николаевичу молодой высокаго роста офицеръ въ преображенскомъ мундирѣ.

— Желалъ бы видѣть графа Федора Ивановича Постова, началъ тихо, сконфуженно Аркадій. — Видите-ли, мы съ нимъ сосѣди по имѣнію, были еще знакомы съ дѣтства...

— А! весело воскликнулъ офицеръ. — Помню, помню!. Такъ это вы? Очень, очень, радъ. Ванька, вина! Живо! Господа, сосѣдъ по имѣнію. Развѣзжаться нельзя, нужно угостить. Настокинъ! Ты куда? Зачѣмъ надѣваешь мундиръ? Ну? Оставайся...

Озадаченнаго и ошеломленнаго Аркадія завертели, заговорили, напоили и въ концѣ концовъ уложили здѣсь-же спать на отоманкѣ. Что было съ нимъ, онъ не помнилъ. Проснулся онъ въ четыре часа; голова болитъ, тяжело, дурно. Въ этой же

комнатѣ на другой отоманкѣ потягивался вчерашній банкюетъ Петръ Александровичъ Настокинъ.

— Васька, трубку! крикнулъ онъ.

Кавалеръ принесъ трубку. Въ комнату вошелъ еще неотдѣтый графъ Поставъ.

— Ну что новобранецъ? обратился онъ къ Аркадію, садясь къ нему на диванъ.

— Тяжело, отвѣтилъ онъ. — А вамъ какъ?

— Что? Забылъ, что пили на „ты“? Играть, вина! крикнулъ графъ.

Аркадія снова напоили, потомъ возили къ цыганамъ, обѣдали у Яра и только поздно вечеромъ едва могъ онъ отдѣлаться отъ веселой компаніи.

Между тѣмъ Анна Петровна, какъ женщина практическая, сообразила, что чѣмъ болтаться молодому человеку, да безгунтичать, пусть лучше займется съ Глашею по наукамъ, которыми его обучали.

— Ты, милый, я замѣчаю, обратилась она разъ къ нему, — безгунтичать начинаешь. Вѣдь, братъ, въ столицѣ недолго завертѣться. Не мало вашего брата изъ за этого и по крѣпостямъ потомъ посидѣло. А ты лучше вотъ что, продолжала она внушительно, — займись-ка съ Глашею науками, какимъ тебя обучали, — и самъ не все забудешь, да и ей польза. А я за это съ тебя за столъ денегъ брать не буду; за квартиру по рублю будешь платить, а столъ для тебя уже будетъ даромъ.

Аркадій съ радостію согласился и съ слѣдующаго-же дня начались уроки. Обычные результаты уроковъ 22-хъ-лѣтняго молодого человека 17-ти-лѣтней дѣвушкѣ извѣстны, — они полюбили другъ друга первою, чистою любовію юности. Имѣли въ виду такой конецъ умная и практичная Анна Петровна — неизвѣстна; но отъ ея опытныхъ глазъ уже съ самаго начала не укрылась завязавшаяся симпатія.

— Вижу я, все вижу, проговорила она однажды Аркадію послѣ обѣда. — Наукамъ-то ты ее обучать обучай, а дѣвушкѣ у меня не свѣтъ смущать...

— Помилуйте, что вы, Анна Петровна, началъ онъ оправдываться, покраснѣвъ по уши.

— Ласъ-то ты мнѣ не точи. Говорю, — все вижу. А вотъ что лучше тебѣ скажу: человекъ ты умный, образованный, скромный, стало-быть служить долженъ. Ты съ кѣмъ это канитель водишь?

— Сосѣдъ, Анна Петровна, преображенскаго полка графъ Поставъ, да кавалергардъ Настокинъ. Но я рѣдко у нихъ бываю; да что-же дѣлать; заставляютъ меня нить, началъ оправдываться совѣмъ растерянный Аркадій.

— Отчего не покутить молодому человеку въ хорошей компаніи, да еще и съ знатными лицами, — это ничего, разсудила милостиво Анна Петровна. Однако, пей — да дѣло разумѣй! Они люди знатные, водятся съ тобой, ну пусть и опредѣляютъ въ хорошую службу, а опредѣлишься — Глаша твоя! рѣшила она.

Услышавъ такое рѣшеніе, Аркадій не помнилъ себя отъ радости. Въ тотъ-же вечеръ онъ побѣждалъ сообщитъ, объ этомъ Поставу и Настокину, которые приняли это близко къ сердцу. Избалованной, веселой молодежи это понравилось и было на руку, — своего рода развлеченіе. Пущены были въ дѣло, — знакомства, связи и отношенія, и черезъ недѣлю Аркадій Николаевичъ былъ назначенъ столоначальникомъ юстицъ-коллегіи, а черезъ мѣсяцъ его аристократы-пріятели уже хлопотали о свадьбѣ. Смиранный домъ Анны Петровны поднятъ былъ верхъ дномъ, коромысломъ. Они его меблировали, совѣмъ заново, въ дѣнь свадьбы иллюминировали фонариками и транспарантами; будучи сами шаферами, пригласили весь преображенскій и кавалергардскій полкъ и музыку и отпраздновали свадьбу такой попойкой, что отъ одного шума у Анны Петровны потомъ цѣлый мѣсяцъ голова болѣла.

Скромная, тихая Глаша это время была какъ въ чадѣ. Она спала и видѣла одного только своего Аркадія и не обращала вниманія ни на блестящую толпу молодыхъ, красивыхъ офицеровъ, ни на свадебные наряды, ни на вѣжливыя любезности отискуемаыя ей офицерами, значеніе которыхъ она даже не ясно понимала. Между офицерскою молодежью ее стали звать „нашею невѣстой“ и каждый считалъ своею обязанностію время отъ времени присылать ей букеты и горшки цвѣтовъ, такъ что домъ Анны Петровны скоро сдѣлался чуть не оранжереєю.

Однако прошелъ годъ, другой, и „наша невѣста“ молодыми поѣсками была забыта. Аркадій по службѣ пошелъ въ ходъ, былъ принятъ у графа Нарышкина и въ то-же время не разрывалъ дружескихъ сношеній съ Поставымъ и Настокинымъ, по необходимости участвуя въ ихъ картежныхъ вечерахъ и попойкахъ. Глашѣ это очень не нравилось, но Анна Петровна относилась къ этому весьма снисходительно.

— Пусть водить знакомство съ знатными — отъ этого прокъ, а не убытокъ, твердила она обыкновенно дочери, когда та жаловалась, что Аркадій снова вернулся почти утромъ и опять пьяный.

II.

Шла большая игра. У Настокина сорвали уже четвертый банкъ; онъ началъ сердиться, горячиться, безпрестанно перебивать колоды картъ и также часто охлаждалъ себя холод-

нымъ со льдомъ грогомъ. Въ числѣ понтеровъ былъ Аркадій. Ему какъ нарочно въ этотъ вечеръ страшно везло. Начавъ съ небольшого куша, онъ все увеличивалъ ставки и въ послѣдніи оказался главнымъ виновникомъ крушенія Настокинскихъ банковъ.

— Ставь-же скорѣй, не задерживай! сердито крикнулъ Настокинъ на Аркадія, когда тотъ выбиралъ карту, чтобы сдѣлать рѣшительный ударъ.

— Чего-же ты кричишь, замѣтилъ хладнокровно, но не безъ внушительности Аркадій.

— Ну, такъ убирайся вопль.. лѣзетъ тутъ всякая.. недоговорилъ уже совсѣмъ разсерженный Настокинъ, начавъ метать талію.

Аркадій поблѣднѣлъ какъ полотно. До настоящаго времени онъ держалъ себя въ кругу офицеровъ, какъ равный съ равными, тѣмъ болѣе, что дружескія отношенія со стороны графа Постова и Настокина не допускали и тѣни какого либо напоминанія о сдѣланныхъ ему одолженіяхъ. Это была первая, но жестокая для него обида. Онъ тихо положилъ карты и задыхающимся голосомъ могъ только проговорить:

— Поручикъ, завтра въ семь часовъ я ожидаю вашихъ секундантовъ.

— Хорошо, холодно отвѣтилъ Настокинъ, продолжая метать.

Игра продолжалась, на происшедшее столкновение никто не обратилъ особеннаго вниманія—дуэли въ то время въ известномъ кругу считались дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Аркадій, найдя свою шляпу, собрался уже уходить, но въ залѣ нагналъ его графъ Постовъ.

— Куда вы торопитесь, Аркадій Николаевичъ? домой? Это не благодарно, замѣтилъ ему графъ.—Наши дуэли не выходить изъ офицерскаго круга; при томъ же осталось всего два часа. Секундантомъ вашимъ можетъ быть корнетъ Тулубевъ. Я бы совѣтовалъ вамъ поѣхать къ нему на квартиру, туда прѣдѣтъ другой секундантъ, и тамъ же можно будетъ условиться относительно мѣста. Полагаю, для васъ это будетъ удобно.

— Для меня рѣшительно все равно, отвѣтилъ равнодушно Аркадій.

Онъ былъ совершенно ошеломленъ непріятною, печальною для него неожиданностью этой дерзости.

Подосѣдшій юноша, корнетъ Тулубевъ, любезно пригласилъ Аркадія Николаевича въ свои сани и они быстро умчались на Конно-Гвардейскій бульваръ.

Игра между тѣмъ окончилась. Настокинъ на послѣднемъ банкѣ почти вернулъ свои проигрыши.

— Надѣюсь, ты будешь моимъ секундантомъ, графъ, сказалъ онъ на прощанье Постову, вдругъ вспомнивъ о предстоящей дуэли.

— Хорошо, хорошо, спокойно отвѣтилъ Постовъ, провожая пріятеля.

Въ квартирѣ графа все успокоилось. Столы и приборы были прибраны, квартира приняла обыкновенный видъ, безъ признаковъ ночной попойки и картежнаго вечера...

Прошло восемь часовъ утра, послышался сильный звонокъ. Графъ Постовъ лежалъ на софѣ; передъ нимъ стояла полуношенная бутылка рому. Вошелъ Настокинъ.

— Что это ты ни свѣтъ, ни заря—и ромъ!

— Не чай же мнѣ пить, замѣтилъ графъ спокойно.

— И то дѣло. Такъ угости и меня.

Онъ выпилъ стаканъ и началъ торонить товарища.

— Однако, вставай, не то опоздаемъ.

— Да мы уже и такъ опоздали, отвѣтилъ смѣясь графъ.

— Какъ опоздали? въ восемь часовъ.

— Во-первыхъ, ты забылъ: не въ восемь, а въ семь; а во-вторыхъ, неужели ты думалъ, чтобы я могъ допустить тебя до дуэли изъ моего дома. Какъ хозяинъ, я долженъ былъ стать за тебя, и дуэль уже кончена—Кривошеинъ убитъ.

— Убить?! почти вскрикнулъ Настокинъ, и пораженный опустился на кресло.

Какъ ни была отуманена голова Настокина, но такое сообщеніе поразило его и тяжелымъ камнемъ легло ему на сердце. Ему жалко стало Аркадія. Онъ его въ сущности любилъ, самъ же оскорбилъ, далъ поводъ вызвать себя на дуэль, не дрался, и между тѣмъ тотъ убитъ! Настокинъ долго сидѣлъ задумавшись, потомъ, ни слова не сказавъ Постову, надѣлъ пальашъ и уѣхалъ.

— Въ Знаменскую, крикнулъ онъ кучеру.

Рысакъ быстро подкатилъ его къ дому Анны Петровны.

Онъ вошелъ въ залъ,—покойникъ лежалъ уже на столѣ. Влѣдная, какъ смерть, въ бѣломъ пеньюарѣ, съ расчуженными волосами, Глаша безостановочно рыдала, обнимая трупъ убитаго мужа. Горе молодой красавицы и сознание своей вины терзали Настокина. Онъ самъ готовъ былъ разрыдаться. Не зная на что рѣшиться, не имѣя духа тревожить убитую горемъ женщину, онъ безсознательно, подобравъ пальашъ, тихою походкою вошелъ въ гостиницу, рассчитывая заставить тамъ Анну Петровну. Она дѣйствительно была тамъ, взволнованная, сердитая, еще не собравшая мыслей послѣ такого ужаснаго, неожиданнаго случая.

— Вы что же это, милостивецъ вы мой, разбойничать нача-

ли, оборвала она Настокина, когда онъ приблизился было къ ней. Пьянствуете, картежничаете, да ужъ и людей убивать начали, продолжала она.—Вы думаете это такъ-таки вамъ и сойдеть? Пѣтъ, ужъ извините. Не боялась императора Павла Петровича, а къ молодому государю сама поѣду, у ногъ его буду валиться, а ужъ вы отвѣтите какъ падо за это! Что же это, прости Господи, разбой въ столицѣ! За что вы погубили христіанскую душу; за что сироту оставили, истерзали ея душевную?..

Настокинъ молча, потупя голову, стоялъ и слушалъ укоризны расхриставшейся Анны Петровны.

— Выслушайте, выслушайте меня, проговорилъ онъ тихо.

— Что слушать то тебя? Чего наслушаешься отъ этихъ безпутныхъ головъ? Дочери мужа, вѣдь, не вернешь. Вы, кажись, съ пьяныхъ глазъ и образъ то на себѣ забыли... Ну за что этого смиреннаго человѣка загубили? Скажи ты мнѣ, за что? Опоили, завертели, да и пристрѣлили. Экъ забавы то у васъ, окаянныхъ...

Анна Петровна съ досады и съ горя заплакала, положила голову на диванную подушку.

— Браните, браните меня, Анна Петровна,—и больше виновать, чѣмъ графъ Постовъ, проговорилъ Настокинъ, садясь подлѣ нея въ кресло.

— Что же проку васъ бранить то. И онъ, и ты вѣстѣ разбойничали.

Она отерла глаза платкомъ и старалась привести свои мысли въ порядокъ, чтобы рѣшить, что дѣлать. Практическій умъ ея быстро сообразилъ, что жалоба, хотя бы Государю, едва ли къ чему поведетъ. Вызовъ былъ со стороны Аркадія Николаевича, объ этомъ она узнала отъ Тулубева, привезнаго трупъ несчастнаго, а за дуэль можетъ еще разжалуютъ въ солдаты,—да ей что изъ этого!

— Я предложилъ бы вамъ, Анна Петровна, угадалъ ея мысли Настокинъ,—не оглашать этого дѣла. Умеръ скоропостижно, нашъ полковой докторъ выдастъ свидѣтельство—и дѣлу конецъ.

— Вамъ то конецъ, съ васъ какъ съ гуся вода. Опять начнете пьянствовать, дебоширничать, да душегубствомъ заниматься, а каково женѣ, каково матери? Ты поразмысли-ка! проговорила Анна Петровна, начавъ снова плакать.

— Успокойтесь, Анна Петровна, ради Бога успокойтесь! Не такіе же мы, чтобы не подумали объ участи Глафиры Ивановны и вашей. Для Глафиры Ивановны жениха подыщемъ, а для васъ на приданое достанемъ. Мы виноваты, мы и вину свою загладимъ...

— Ишь свать какой выискался, оборвала его Анна Петровна.—Дай тѣлу то остыть, безстыдникъ ты этакой! О какой еще свадьбѣ рѣчь заводилъ—время ли теперь?

— Я говорю это только къ слову, началъ упорнѣе Настокинъ, замѣтя перемѣну въ тонѣ ея голоса.—Во всякомъ случаѣ, нужно же сейчасъ рѣшить, чѣмъ дѣло кончить: призовить ли нашего доктора, или вы будете жалобу подавать?

Анна Петровна молчала.

— Охъ, Господи, вразуми ты меня, и сама не знаю, что дѣлать, проговорила она наконецъ, глубоко вздохнувъ.—Такъ не такъ, а вѣдь покойника нужно похоронить по христіански, а какъ узнаютъ, что онъ былъ убитъ, поди слѣдствіе пойдетъ, сраму не оберешься, да и горе какое для Глаши...

— Вѣрно, совершенно вѣрно, подхватилъ Настокинъ.—Будемъ же откровенны: возьмите вотъ пока три тысячи на похороны, а я сейчасъ пришлю доктора и своего управляющаго. Оби все дѣло обдѣлаютъ и помогутъ вамъ въ хлопотахъ. Оби останному послѣ поговоримъ, замѣтилъ онъ вскользь и смущенно, вставая...

Деньги Анна Петровна однако взяла. Настокинъ такъ же тихо прошелъ залъ, и мелькомъ посмотрѣлъ на стоявную въ углу на колѣняхъ, молящуюся Глашу.

— Да она просто красавица, подумалъ онъ, садясь въ сани.

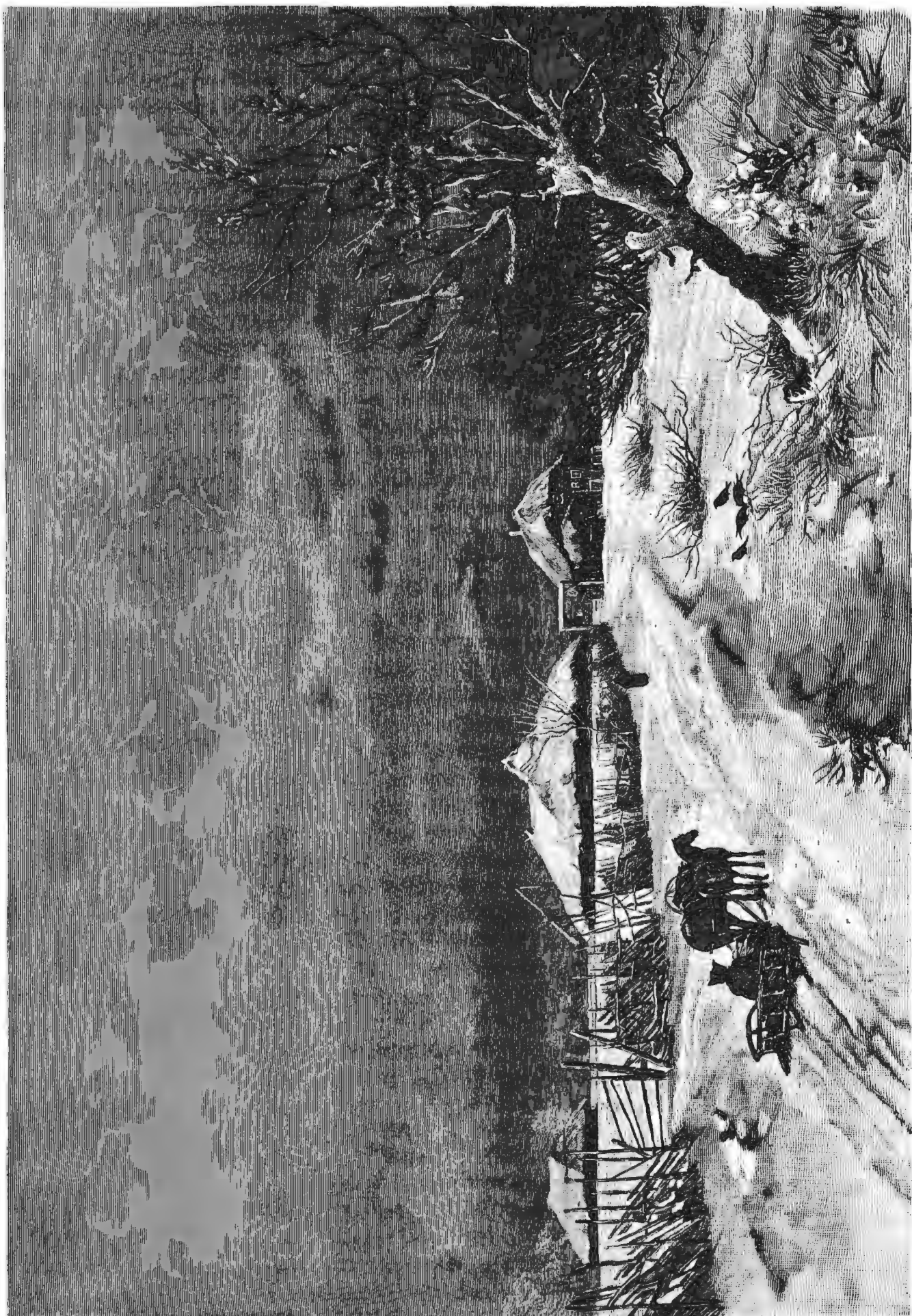
Слѣдовали обычныя панихиды, затѣмъ роскошныя похороны. Дѣло о дуэли было замато. Убитая горемъ Глаша не знала на чемъ остановить свои мысли, чѣмъ утѣшиться. Сначала она хотѣла идти въ монастырь, но, слабая духомъ, побоялась даже высказаться объ этомъ Аннѣ Петровнѣ. Время однако лучшій исцѣлитель всякихъ душевныхъ скорбей и печалей. Черезъ мѣсяцъ Глаша уже успокоилась и начала свѣтлѣе смотрѣть на свою молодую жизнь, неволью вспоминая, что ей нѣтъ еще двадцати лѣтъ. Не одинъ разъ заѣзжалъ красавецъ Настокинъ, утѣшалъ молодую вдову, и, надо сказать, очень ей нравился.

Прошло шесть недѣль, Анна Петровна заказала въ Знаменской церкви къ 10-ти часамъ утра заупокойную обѣдню и панихиду. День былъ не праздничный, въ церкви почти никого не было. Однако церковь была освѣщена, полнымъ освѣщеніемъ, у входа стояло множество экипажей.

Тихо и незамѣтно вошли въ церковь Анна Петровна и Глаша. Вся обстановка ихъ поразила. Роскошное освѣщеніе, посрединыя посланцы были дорогой коверъ и стоялъ алтарь для свадьбы, а не для панихиды; толпа офицеровъ кавалергардскихъ, конно-гвардейскихъ, преображенскихъ, объ чемъ то тихо разсуждали, нѣкоторые то и дѣло входили и выходили изъ алтара. Наконецъ изъ алтара вышелъ священникъ, но не въ облаченіи. Анна Петровна уже начинала кипититься, почему ея

Начало торговых сношений Англии съ Россією (1553 г.). Встрѣча Ченслера въ Холмогорахъ.
Ориг. рис. Р. Штейна, грав. П. Дзедзицъ.

Зимній деревенській пейзажъ въ Лифляндіи. Съ картини Р. Дурмюллена, по фотогр. грав. М. Рашевскій.

панихида отложена, какъ въ эту минуту подошелъ къ Глашѣ конногвардейскій офицеръ и передалъ ей, что батюшка имѣетъ съ ней объ чемъ то переговоры.

Смущенная, понуря голову, подошла она къ аналою и въ эту минуту рядомъ съ нею стала Настокинъ въ блестящемъ кавалергардскомъ мундирѣ. Священникъ, не медля, спросилъ ее: „согласна ли она выйти замужъ за поручика Петра Александровича Настокина?“

Трожа всѣмъ тѣломъ, робкая Глаша тихо подняла глаза на красавца Настокина, давно уже она заглядывалась на него и вѣрже, сердце ея забилось радостно, и еще тише проговорила: „да, согласна...“

Священникъ пошелъ въ алтарь облачатся. Хоръ придвор-

ной капеллы грянулъ концертъ. Приготовленные заранѣ камеристки здѣсь же, въ церкви, убрали голову Глаши и обвили траурное ей платье живыми роскошными цвѣтами. Анна Петровна только ахала и разводила руками. Въ шаферахъ недостатка не было—богатая молодежь гвардіи была налицо.

— Я вамъ говорю, Анна Петровна, замѣтилъ ей послѣ свадьбы Настокинъ, садясь съ молодою женой въ карету,—что у Глафиры Ивановны будетъ женихъ, и видите-ли—исполнилъ свое слово.

— Безпутники вы! И жениться то не умѣютъ по человѣчески, даже панихиды не дали отслужить, проговорила уже инымъ голосомъ Анна Петровна.

— Завтра панихида, а не сегодня, милая Анна Петровна, отвѣтила улыбаясь Настокинъ, уже изъ кареты.

Н О С Т У Р Н О .

Спитъ земля подъ матовымъ сѣннемъ
Аркихъ звѣздъ и трепетной луны,
Спитъ рѣка, одѣтая молчаньемъ,
Смогнувъ плескъ задумчивой волны.

* * *

Ароматъ и нѣга чудной почвы
Льются въ грудь свободною волпой

И горятъ таинственныя очи
Высоко надъ смолкнувшей землей.

* * *

Въ камышахъ не слышно больше плеска,
Нѣтъ дымка надъ дремлющимъ селомъ...
Спитъ полны спокойствія и блеска,
И земля, и небо мирнымъ сномъ.

Н. М.—скій.

Разсказъ Раевского о дуэли Лермонтова.

Записано В. Желиховской.

...Мы просили почтеннаго Николая Павловича Раевского, близко знавшаго Лермонтова, разсказать, что онъ помнитъ о послѣднихъ дняхъ жизни поэта.

И Николай Павловичъ разсказалъ такъ интересно, что мы слушали, боясь проронить слово.

Николай Павловичъ Раевскій, кажется, теперь единственный, близкій Михаилу Юрьевичу современникъ, который не только еще живетъ на свѣтѣ, но и думаетъ, и чувствуетъ, и откликается своей, еще юной душой, на всякую живую мысль. Я думала попросить его самого записать свои воспоминанія, но говорить, что теперь онъ уже больше „не грамотѣй“, хотя въ былыя времена нѣсколько лѣтъ сотрудничалъ въ „Москвитинѣ“ Въ помощь мнѣ онъ принесъ только конспектъ своего разсказа, со всѣми именами и числами, да планъ тогдашняго Пятигорска. Записываю его разсказъ.

Этому чуть не пятьдесятъ лѣтъ прошло. Пятигорскъ былъ не то, что теперь. Городишко былъ маленькій, плохенькій; каменныхъ домовъ почти не было, улицъ и половины тѣхъ, что теперь застроены, также. Лѣстницы, что ведетъ къ Елизаветинской галлерей, и помину не было, а бульваръ заканчивался полукругомъ, ходу съ котораго нигде не было и на которомъ стояла бесѣдка, гдѣ влюбленнымъ можно было пріютиться хоть до разсвѣта. За Елизаветинской галлереей, тамъ, гдѣ теперь Калмыцкія ванны, была одна общая ванна, т. е. бассейнъ, выложенный камнемъ, въ которомъ купались безъ разбору лѣтъ, общественныхъ положеній и пола. Былъ и гротъ, съ боковыми удобными выходами, да не тотъ гротъ на Машукѣ, что теперь называется Лермонтовскимъ. Лермонтовъ, можетъ, тамъ и бывалъ, да не такъ часто, какъ въ томъ, о которомъ я говорю, что на бульварѣ около Сабаѣвскихъ ваннъ. Въ немъ вся наша ватага частенько пировала, въ немъ бывали пикирки; въ немъ Лермонтовъ устроилъ и свой послѣдній праздникъ, бывшій отчасти причиной его смерти. Была и слободка по юго-западу Подкумка, замѣчательная тѣмъ, что тамъ, что ни баба—то капитанша. Баба—мужикъ мужикомъ, а чуть что: „Я капитанша!“ Такъ мы и называли эту слободку „слободкой капитаншъ“. Но жить тамъ никто не жилъ, потому, во-первыхъ, что капитанши были дамы амбиціонныя, а во-вторыхъ, въ ту сторону спускались на ночь всѣ сѣрные ключи и дышать тамъ было трудно. Была еще и Эолова арфа въ навильонѣ на Машукѣ, ни при какомъ вѣтрѣ, однако, не издававшая ни малѣйшаго звука.

Но въ Пятигорскѣ была жизнь веселая, привольная; нравы были просты, какъ въ Аркадіи. Танцовали мы много и всегда по простотѣ. Играетъ, бывало, музыка на бульварѣ, играетъ, а послѣ переставимъ мы ее въ гостиницу къ Найтаки, барышень просимъ прямо съ бульвара, безъ нарядовъ, ну вотъ и балъ по вдохновенію. А въ сосѣдней комнатѣ содержатель гостиницы ужъ намъ и ужинъ готовить. А когда, бывало, затѣетъ начальство настоящій балъ, и гостиница ужъ не трактиръ, а благородное собраніе,—мы, случалось, барышнямъ нашимъ, которыя побѣдѣй, и платица даривали. Термалама, мовъ и канаетъ въ ходъ шли, чтобы передъ наѣзжими щеголихами барышни наши не сконфузились. И танцовали мы на этихъ балахъ все, бывало, съ нашими; такой и обычай былъ, чтобы въ обиду не давать.

Зато и слава была у Пятигорска. Всякій туда паровилъ. Бывало, комендантъ вышлетъ къ мѣсту служенія; крутишься, крутишься, дѣлать сварганишь,—ахъ и опять въ Пятигорскъ. Въ

такихъ дѣлахъ намъ много докторъ Ребровъ помогать. Бывало, поддастись къ нему, онъ дастъ свидѣтельство о болѣзни. Отправить въ госпиталь на два дня, а послѣ и домой, за неимѣніемъ въ госпиталѣ мѣста. Къ такимъ уловкамъ и Михаилъ Юрьевичъ не разъ прибѣгалъ.

И слылъ Пятигорскъ тогда за городъ картежный, въ родѣ кавказскаго Монака, какъ его Лермонтовъ прозвалъ. Какъ теперь вижу фигуру сэра Генри Мильсъ, полковника англійской службы и извѣстнѣйшаго игрока тѣхъ временъ. Каждый курсъ онъ въ нашъ городъ наѣзжалъ.

Въ 1839 году, въ экспедиціи противъ Шамилъ, я былъ раненъ подъ Ахульго. Я хотя и драгунскій поручикъ былъ, а пришлось мнѣ тогда играть роль артиллериста. Только я разставилъ пушки на пригоркѣ, чтобы лѣсъ пемного отъ черкесовъ очистить, которые повзвѣзали на деревья, да и жарить насъ; какъ вдругъ и роли моей конецъ: оказался я сильно раненъ въ руку. Ранили меня сильно въ руку, и лечить начали. Долго лечили, пока рука не почернѣла. Доктора, ужъ не помню почему, тогда съ нами не было, и лечилъ меня фельдшеръ. Вотъ я и спрашиваю у него:

— Что это, братецъ, Антоновъ огонь?

— Ну, что жъ? говорить, коли и Антоновъ огонь? У всѣхъ Антоновъ огонь!

Намазалъ онъ мнѣ руку скипидаромъ. Какъ руку зажгло, такъ, вѣрите ли, я отъ боли не то что мѣста не находилъ, я стойку въ палаткѣ грызъ. Ну, увидѣли, что ничто не помогаетъ. Рѣшили отправить меня на излеченіе въ Пятигорскъ. А мнѣ и радости мало. Обносился въ экспедиціи, добылъ турецкую бархатную кофту, золотомъ шитую, женскія широкія шаровары, да такъ и кожу. Для больнаго человѣка костюмъ удобный, а въ Пятигорскѣ—ну, куда я въ такомъ видѣ покажусь?

Однако, отправился.

Былъ со мной мой крѣпостной человѣкъ Николай. Онъ хотя еще не былъ старъ, а все же ко мнѣ былъ вродѣ дядьки приставленъ. Въ молодости онъ жилъ въ обученіи у хорошаго портнаго, и многіе офицеры ему давали на заказъ платые шить. Ну, пріѣхали мы съ нимъ въ Пятигорскъ, нанялъ я домишко въ концѣ бульвара, да и заскучалъ: человѣкъ я молодой, знакомыхъ въ городѣ много, а показаться мнѣ не въ чемъ. Разъ утромъ проснулся я—и вставать не охота; лежу, да грущу, руки подъ голову заложивъ. Вдругъ, вижу около меня на стулѣ лежитъ новое платье, аккуратно такъ сложено. Мнѣ сейчасъ идея въ голову: „Одѣнусь-ка я въ это чужое платье, коли по мнѣ будетъ, схожу хоть разокъ въ гости; а Николай и послѣ отнесетъ, кому слѣдуетъ!“

Сейчасъ же я его помѣрилъ, и только что успѣлъ бешметъ, да черкеску снять и на мѣсто положить, слышу Николай уже идетъ, несетъ мнѣ чай. Я легъ въ постель, отвернулся къ стѣнѣ, и вздыхаю.

— Что это, говорить мнѣ, все лежите, бока себѣ пролеживаете? Пора бы ужъ и встать, на людей посморѣть.

— Что жъ, говорю, Николай, мнѣ людей смотрѣть, когда мнѣ себя имъ показать невозможно.

Николай головой покачиваетъ, серьезный такой.

— То-то, вотъ, говорить, въ карты то играть умѣете, денежки проигрывать, а послѣ въ бабьихъ кофтахъ ходите. Вставайте-ка, помѣрите вотъ.

Тутъ я только догадался, что это для меня Николай потихоньку старался. Живо такъ соскочилъ, нагнувъ на себя все, и на руку вниманія не обращаю, словно мнѣ и не больно. Ни-

колай тутъ мени осмотриль, повертль передъ собой, и говоритъ:

— Ничего, хорошо. Теперь можете себя людямъ показать.

Я отъ радости чуть ему на шею не кинулся и съ мѣста полетѣлъ къ Маріи Ивановнѣ Верзилиной.

Петръ Семеновичъ Верзилинъ былъ въ то время уже въ чинѣ генералъ-майора, но опредѣленныхъ занятій никакихъ не имѣлъ. Нѣкогда онъ былъ въ безсмертныхъ гусарахъ, и воспоминанія про 12-ый годъ и Адамову голову на мундирѣ были его любимой темой. Нѣкоторое время онъ служилъ въ штабѣ, въ Ставрополѣ, при генералѣ Эмануэлѣ, и въ Ставрополѣ же и женился, будучи вдовымъ и имѣя дочку Аграфену Петровну, на очень красивой дамѣ польскаго происхожденія, вдовѣ Маріи Ивановнѣ Клингенбергъ, у которой тоже была дочь Эмилиа Александровна. Впослѣдствіи, когда эти двѣ барышни и родившаяся отъ новаго брака Надежда Петровна выросли, любимой шуткой въ бандѣ Лермонтова былъ слѣдующій математическій казусъ: „У Петра Семеновича двѣ дочери и у Маріи Ивановны двѣ. Какъ же выходитъ, что барышень только три?“ Младшей изъ этихъ трехъ барышень Лермонтовъ разъ сказалъ слѣдующій экспромтъ:

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ
И букли назадъ?
Платочекъ небрежно
Подъ шейкою нѣжно
Завязанъ узломъ...
Проналъ мой Монго потомъ!

Дослужившись до чина полковника, Петръ Семеновичъ былъ поставленъ наказнымъ атаманомъ надъ всѣмъ казачьимъ войскомъ Кавказа, и именно въ это время поселился въ Пятигорскѣ, такъ какъ штабъ его былъ тамъ же. Тутъ онъ и построилъ себѣ большой домъ на Кладбищенской улицѣ, въ которомъ жилъ самъ со своею семьей, и маленький, для пріѣзжихъ, воргота котораго выходили прямо въ поле, противъ кладбища. Въ бытность свою наказнымъ атаманомъ, онъ хаживалъ на усмиреніе перваго польскаго мтежа въ началѣ 30-ыхъ годовъ, и очень любилъ вспоминать о своемъ разгромѣ мѣстечка Омшаны; хотя хвалиться тутъ было нечѣмъ,—дѣло далеко не блестящее. Въ концѣ же 30-ыхъ годовъ онъ былъ лишень своего атаманства. И вотъ по какому случаю. Неизвѣстно съ чего ему пришлось въ голову приравнять себя къ древнимъ гетманамъ украинскаго казачества, вѣдѣвъ на свою кавказскую папаху бѣлое перо, какъ то дѣлывали разныя Наливайки и Сагайдачные. Такимъ то образомъ, когда покойный Государь Николай Павловичъ пріѣзжалъ на Кавказъ и увидѣлъ этотъ „маскарадъ“, какъ онъ изволилъ выразиться, Петръ Семеновичъ нашъ слетѣлъ со своего мѣста. Хлѣбосольна и ласкова эта семья была, какъ въ наше время уже не увидишь. Достаточно сказать, что Лермонтовъ, я, Мартыновъ и прочіе—всѣ жили по годамъ, со своими слугами, на ихъ хлѣбахъ и въ ихъ помѣщеніи, а о платѣ никогда никакой рѣчи не было.

Когда Петръ Семеновичъ и Марья Ивановна узнали, что я въ Пятигорскѣ, ранецъ и нуждаюсь въ уходѣ, они немедленно перетащили меня къ себѣ и дали мнѣ комнату въ домикѣ для пріѣзжихъ. Въ этомъ то домикѣ мнѣ и пришлось, нѣкоторое время спустя, близко узнать покойнаго Михаила Юрьевича. Я и въ прежнія времена знавалъ его, но близокъ со мною онъ сталъ только, когда мы вмѣстѣ поселились у Верзилиныхъ.

Этотъ домикъ для пріѣзжихъ былъ раздѣленъ на двѣ половины корридормъ. Съ одной стороны жилъ полковникъ Антонъ Карловичъ Зельмицъ, прозванный нами „О-то!“ за привычку начинать рѣчь съ этого междометія, со своими дочерьми, болѣзненными и пезамѣтными барышнями. Онъ былъ адъютантомъ генерала Эмануэля въ то самое время, когда нашъ общій хозяинъ служилъ въ его штабѣ, и между ними велась старинная дуэля. Съ другой же стороны корридора, въ первой комнатѣ жилъ я и поручикъ конной гвардіи Михаилъ Петровичъ Глѣбовъ, называвшійся нами не иначе, какъ Миша; во второй комнатѣ жилъ отставной майоръ Николай Соломоновичъ Мартыновъ, а въ двухъ послѣднихъ, изъ которыхъ одна служила рабочей комнатой, а другая спальней, жили вмѣстѣ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ и его двоюродный братъ, самый близкій другъ его Столыпинъ-Монго. Въ рабочей же комнатѣ Михаила Юрьевича мы всѣ и чай пили по утрамъ. Вечеромъ то всегда у Верзилиныхъ бывали, и обѣдали у нихъ; а по утрамъ у него; не ставить же каждому порознь самоваръ?

Любили мы его всѣ. У многихъ сложился такой взглядъ, что у него былъ тяжелый, придирчивый характеръ. Ну, такъ это неправда; знать только нужно было съ какой стороны подойти. Особеннымъ нѣженкой онъ не былъ, а пошлости, къ которой онъ былъ необыкновенно чутокъ, въ людяхъ не терпѣлъ, но съ людьми простыми и искренними и самъ былъ простъ и ласковъ. Надъ всѣми нами онъ командиръ былъ. Всѣхъ окрестилъ по своему. Мнѣ, напримеръ, ни отъ него, ни отъ другихъ, намъ близкихъ людей, иной клички, какъ Слѣтокъ, не было. А его никто даже и не подумалъ называть иначе, какъ по имени. Онъ, хотя насъ и любилъ, но вполнѣ близокъ былъ съ однимъ

Столыпинымъ. Въ то время посѣщались только три дома постоянныхъ обитателей Пятигорска. На первомъ планѣ, конечно, стоялъ домъ генерала Верзилина. Тамъ Лермонтовъ и мы всѣ были дома. Потомъ, мы также часто бывали у генеральши Катерины Ивановны Мерлиной, героини защиты Кисловодска отъ черкесскаго набѣга, случившагося въ отсутствіе ея мужа, коменданта кисловодской крѣпости. Ей пришлось самой распорядиться дѣйствіями крѣпостной артиллеріи, и она сумѣла повести дѣло такъ, что горы разсѣялись прежде, чѣмъ прибыла казачья помощь. За этотъ подвигъ Государь Николай Павловичъ прислалъ ей бриллиантовые браслеты и фермуаръ съ георгіевскими крестами. Былъ и еще открытый домъ Озерскихъ, приманку въ которомъ составляла миленькая барышня Варенька. Отецъ ея завѣдывалъ Калмыцкимъ улусомъ, былъ человекомъ состоятельнымъ, и поэтому она была барышня хорошо образованная; но у нихъ Михаилъ Юрьевичъ никогда не бывалъ, такъ какъ тамъ принимали неразборчиво, а поэтъ не любилъ, чтобы его смѣшивали съ l'armée russe, какъ онъ окрестилъ кавказское воинство.

Обычной нашей компаніей было, кромѣ насъ, вмѣстѣ живущихъ, еще нѣсколько человекъ, между прочими, полковникъ Манзей, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, про котораго говорилось: „Мой братецъ Левъ, да другъ Плетневъ“, командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка Безобразовъ и др. Но князя Трубецкаго, на котораго указываетъ, какъ на человека близкаго Михаилу Юрьевичу въ послѣднее время его жизни, съ нами не было. Мы видались съ нимъ иногда, какъ со многими, но въ эпоху, предшествовавшую дуэли, его даже не было въ Пятигорскѣ, какъ и во время самой дуэли. Мы съ нимъ были однополчане, я его хорошо помню, и потому не могу въ этомъ случаѣ ошибаться.

Часто устраивались у насъ кавалькады, и генеральша Катерина Ивановна почти всегда ѣзжала съ нами верхомъ по мужски, на казацкой лошади, какъ и подобаетъ георгіевскому кавалеру. Обыкновенно мы ѣзжали въ Шотландку, нѣмецкую колонію въ 7-ми верстахъ отъ Пятигорска, по дорогѣ въ Ислѣзноводскъ. Тамъ насъ съ распростертыми объятіями встрѣчала пѣмка Анна Ивановна, у которой было нѣчто вроде ресторана и которой мильхъ и бутерброды, наравнѣ съ двумя миленькими прислужницами Милле и Греткенъ, составляли поibility для l'armée russe.

У насъ велся точный отчетъ объ нашихъ parties de plaisir. Ихъ выдающіеся эпизоды мы рисовали въ „альбомѣ приключеній“, въ которомъ можно было найти все: и кавалькады, и пикники, и всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Послѣ этого альбомъ достался князю Васильчикову, или Столыпину; не помню, кому именно. Всѣ пріѣзжіе и постоянные жители Пятигорска получали отъ Михаила Юрьевича прозвища. И языкъ же у него былъ! Какъ, бывало, прозоветъ кого, такъ кличка и пристанетъ. Между пріѣзжими барынями были и belles pales, и grenouilles évanouies. А дочка калужской помѣщицы Быховецъ, имени которой я не помню именно потому, что людей, окрещенныхъ Лермонтовымъ, никогда не называли ихъ христіанскими именами, получила прозвище la belle noire. Онѣ жили напротивъ Верзилиныхъ, и съ ними мы особенно часто видались.

Николай Соломоновичъ Мартыновъ поселился въ домикѣ для пріѣзжихъ позже насъ и явился къ намъ истымъ денди à la Circassienne. Онъ брилъ по черкесски голову и носилъ необязательныя величныя кинжалы, изъ за котораго Михаилъ Юрьевичъ и прозвалъ его roignard'омъ. Эта кличка, присваивая къ Мартынову еще больше, чѣмъ другія Лермонтовскія прозвища, и была главной причиной ихъ дуэли, наравнѣ съ другими маленькими дѣлами, наведенными за собой большія послѣдствія. Они знакомы были еще въ Петербургѣ, и, хотя Лермонтовъ и не подпускалъ его особенно близко къ себѣ, но все-же не ставилъ его на ряду съ презираемыми имъ людьми. Между нами говорилось, что это отъ того, что одна изъ сестеръ Мартынова пользовалась большимъ вниманіемъ Михаила Юрьевича въ прежніе годы и что даже онъ списалъ свою княжну Мэри именно съ нея. Годами Мартыновъ былъ старше насъ всѣхъ; и, пріѣхавши, сейчасъ-же принялся перетягивать все вниманіе belle poire, милости которой мы всѣ добивались, исключительно на свою сторону. Хотя Михаилъ Юрьевичъ особеннаго старанія не прилагалъ, а такъ только вмѣстѣ со всѣми нами забавлялся, но дѣйствія Мартынова ему не нравились и раздражали его. Вслѣдствіе этого онъ насмѣивался надъ нимъ и настаивалъ на своемъ провищѣ, не обращая вниманія на очевидное неудовольствіе пріятеля, нуче прежняго.

Какъ то разъ, недѣли за три-четыре до дуэли, мы сговорились, по мысли Лермонтова, устроить пикникъ въ нашемъ обычномъ тротѣ у Сабаѣевскихъ ваннъ. Распорядителемъ на нашихъ праздникахъ бывалъ обыкновенно генералъ князь Владимиръ Сергѣевичъ Голицынъ, но въ этотъ разъ онъ съ чего то заупрямился и сталъ говорить, что неприлично женщинамъ хорошаго общества угощать постоянными трактирными ужинами, послѣ танцевъ съ кѣмъ ни понало на открытомъ воздухѣ. Лермонтовъ возразилъ ему, что здѣсь не Петербургъ, что то, что неприлично въ столицѣ, совершенно на своемъ мѣстѣ на водахъ съ разпороетнымъ обществомъ. На это князь предложилъ устроить настоящій балъ въ казенномъ Ботаническомъ

саду. Лермонтовъ замѣтилъ, что не всѣмъ это удобно, что казенный садъ далеко за городомъ и что затруднительно будетъ препроводить нашихъ дамъ, усталыхъ послѣ танцевъ, поздною ночью обратно въ городъ. Вѣдь, биржевыхъ то дрожекъ въ городъ было 3—4, а свои экипажи у кого были. Такъ не на повозкахъ же тащить?

— Такъ здѣшнихъ дикарей учить надо! сказалъ князь.

Лермонтовъ ничего ему не возразилъ, но этотъ отзывъ князя Голицына о людяхъ, которыхъ онъ уважалъ и въ средѣ которыхъ жилъ, засѣлъ у него въ памяти, и, возвратившись домой, онъ сказалъ намъ:

— Господа! На что намъ непремѣнное главенство князя на нашихъ пикникахъ? Не хочетъ онъ быть у насъ, — и не надо. Мы и безъ него съумѣемъ справиться.

Не скажи Михаилъ Юрьевичъ этихъ словъ, никому бы явъ насъ и въ году не пришло перечить Голицыну; а тутъ словно насъ обся дернуть. Мы принялись за дѣло съ такимъ рвениемъ, что празникъ вышелъ — прелесть. Площадку перелъ гротомъ занесли досками для танцевъ, гротъ уорали зеленую доврами фонариками а гостей звали по обыкновенію, съ бульвара Лермонтовъ былъ очень веселъ не уходилъ въ себя, и отъ души шутилъ и смѣялся, не смотря на присутствіе *armée russe*. Нечего и говорить что князя Голицына не только не пригласили на нашъ пикникъ, но даже не дали ему объ немъ знать. Но вѣдь, нелогично же было чтобъ онъ не узналъ о нашей продѣлкѣ въ такомъ маленькомъ городишкѣ. Узналъ князь и крѣпко разгнѣвался то онъ у насъ голова была, а тутъ вдругъ и гостемъ не позванъ. Да и не хорошо это было почтенный онъ былъ, заслуженный человекъ.

Ну да только, такъ не такъ, а слышимъ мы черезъ нѣкоторое время, что и князь отъ своей мысли не отсталъ; выписываетъ угощеніе устраиваетъ ротонду въ казенномъ саду,

сзываетъ гостей, а нашей бандѣ ни слова! Михаилъ Юрьевичъ какъ узналъ, что насъ то обошли, и говорить намъ

— Что-жъ? Прекрасно. Пускай онъ себѣ дамъ изъ слободки набираетъ, благо тамъ капитаншъ много. Насъ онъ не зоветъ, и, даю голову на отсѣченіе, ни одна изъ нашихъ дамъ у него не будетъ!

Разослалъ онъ насъ, кого куда, во всѣ стороны съ убѣдительной просьбой въ день княжескаго бала пожаловать на вечеринку къ Верзилинымъ. Мы дѣльце живо оборудовали. Пикто къ князю Голицыну не поѣхалъ: ни Верзилинскія барышни, ни дочки доктора Лебединскаго, ни Варенька Озерская. А прѣ la belle poire и говорить нечего. Всѣ отозвались, что приглашены уже къ Верзилинымъ, а хозяйка Марья Ивановна ничего не знаетъ про то, что у нея балъ собирается.

Вотъ собрались мы всѣ и передъ танцами вздумали музыкой заняться. А у Михаила Юрьевича, надо вамъ знать, была странность: терпѣть онъ не могъ, когда кто изъ любителей, даже и талантливый, играть или пѣть начнетъ; и всегда это его раздражало.

И я самъ пѣлъ, онъ ничего, мнѣ позволялъ, потому что любилъ меня. Вотъ тоже и со стихами моими бывало. Былъ у насъ чиновничекъ изъ Петербурга, Огрѣшковъ-Терещенко по фамилии, и грамотный считался. Онъ же потомъ первый и написалъ въ русской газетѣ, не помню куда именно, о дуэли и смерти Лермонтова. Ну, такъ вотъ, этотъ чиновникъ стишки писалъ. И знаю я, что ничуть не хуже меня. А вотъ поди-жъ ты! Попросить его Михаилъ Юрьевичъ почтять что-нибудь и хвалить, да такъ хвалить, что мы рады были себѣ языки неоткусывать, лишь бы свой хохотъ скрыть. А мой стишки, хоть и не дучше, а слушаетъ, ничего не говоритъ. Ну, такъ же вотъ и съ музыкой было.

А тутъ, какъ на грѣхъ, засѣлъ за фортепиано юнкеръ одинъ офицерства дожидавшійся, Бенкендорфъ. Игралъ онъ недурно, скорѣй даже хорошо; но бѣда въ томъ, что Михаилъ Юрьевичъ его не очень то жаловалъ; говорили даже, что и Грушницкаго съ него списалъ.

Какъ началась наша музыка, Михаилъ Юрьевичъ усѣлся въ сторонкѣ, въ уголку, ногу на ногу закинувъ, что его обычной позой было, и не говорить ничего; а я то ужъ вижу по глазамъ его, что ему не по себѣ. Взглядъ у него былъ необыкновенный, а глаза черные. Вѣрите ли, если начнетъ кого, хоть на пари, взглядомъ преслѣдовать, — загоняетъ, мѣста себѣ человекъ не найдетъ. Подошелъ я къ нему, а онъ и говорить

— Сдѣтокъ! будетъ съ насъ музыки. Садись вмѣсто него, играй кадрили. Пусть ужъ лучше танцуютъ.

Я послушался, сталъ играть французскую кадрили Размѣстились всѣ, а одной барышни кавалера не достало. Михаилъ Юрьевичъ почти никогда не танцовалъ. Я никогда его танцующимъ не видалъ. А тутъ вдругъ Николай Соломоновичъ *roignard* нашъ жалуетъ. Занозлалъ, потому фронтъ! Какъ пойдетъ ноготки полировать, да дуться, — часы такъ и бѣгутъ. Вошелъ Ну просто сияетъ Бешметикъ бѣленькій, черкесска верблюжьяго тонкаго сукна безъ галунчика, а только черной тесемкой обшита, и серебряный кинжалъ чуть не до полу. Какъ онъ вошелъ, ему и крикнулъ кто то изъ насъ:

— *Roignard!* вотъ дама. Становитесь въ пару, сей часъ начнемъ.

Онъ — будто и не слышалъ, поморщился слегка и прошелъ въ диванную. Идѣ сидѣли Марья Ивановна Верзилина и ея старшая дочь Эмилия Александровна Клингенбергъ. Ужъ очень ему этимъ *roignard* омъ надоѣдали. И отъ своихъ, и отъ прѣзжихъ, и отъ *l'armée russe* ему другаго имени не было. А на бѣду барышня оказалась изъ бѣльневскихъ, и отъ этого Михаилъ Юрьевичъ еще пуще

разсердился. Жаль, забылъ я, кто именно была эта барышня. Она ничего, проганцовали кадрили. Барышня, перекофуженная такая, подходитъ ко мнѣ и проситъ, чтобы пустилъ я ее играть, а сама бы погандовала. Я пустилъ ее и вижу что Мартыновъ вошелъ въ залу, а Михаилъ Юрьевичъ и говоритъ громко

— Велика важность, что *roignard* омъ назвали. Не слѣдъ-бы изъ за этого неучтивости дѣлать!

А Мартыновъ въ лицѣ измѣнился и отвѣчаетъ.

— Михаилъ Юрьевичъ! Я много разъ просилъ... Пора бы и перестать!

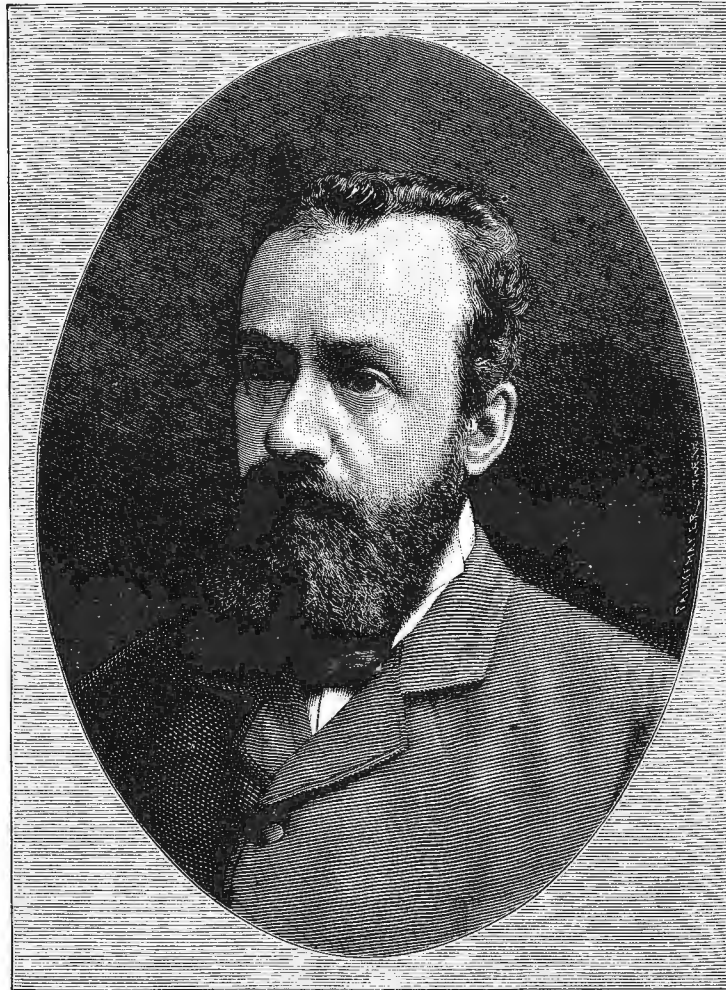
Михаилъ Юрьевичъ сдержался, ничего ему не отвѣтилъ, потому что видѣлъ, какая отъ этихъ словъ на всѣхъ лицахъ легла тѣнь. Да только видно было, что его весь вечер крутило. Тутъ и съ княземъ Голицынымъ, котораго въ сущности онъ уважалъ, размова, тутъ и отъ музыки раздраженіе, да и мысль, что вотъ, де, барышень лишили и безъ того удовольствія по своему же капризу, да еще и ссориться при нихъ вздумали. Вечеръ то и сошелъ благополучно.

А послѣ, какъ кончился ужинъ, стали мы расходиться, Михаилъ Юрьевичъ и Столыпинъ поотстали, а Мартыновъ подошелъ къ Глѣбову и говорить ему:

— Послушай, Миша! Скажи Михаилу Юрьевичу, что мнѣ это грѣшно надоѣло. Хорошо пошутить, да и бросить. Скажи, что дурнымъ можетъ кончиться.

А Лермонтовъ, откуда ни возьмись, тутъ какъ тутъ.

— Что-жъ? говорить, — можете требовать удовлетворенія. Мартыновъ поклонился, и разошелся. Меня то при этомъ не было. Я, какъ былъ помоложе всѣхъ, всегда забѣгалъ впередъ ворота отворять, да мнѣ послѣ Глѣбовъ рассказывалъ.

Г И Успенскій По фотогр грав. Паннемаеръ

Ромео и Джульетта. Група Вейценберга, по фотогр. Лаптева, грав. Ю. Барановскій.

Конечно, эта размолвка между друзьями произвела на всех нас неприятное впечатлѣніе. Мы съ Глббовымъ говорили объ ней до глубокой ночи и рѣшили на утро собраться всѣмъ вмѣстѣ и потолковать какъ дѣлу пособить.

Но ни тогда, ни послѣ, до самой той минуты, когда мы узнали, что все уже кончено, намъ и въ голову не приходило какія бы то ни было серьезныя опасенія. Думали, такъ себѣ по-

вздорили друзья, а послѣ и помиряется. Только хотѣлось бы, чтобы поскорѣе все это кончилось, потому что мѣшала ихъ ссора нашимъ увеселеніямъ. А Мартыновъ и стрѣлять то со всѣмъ не умѣлъ. Разъ мы стрѣляли всѣ вмѣстѣ, забавы ради, такъ Николай Соломоновичъ мѣтилъ въ заборъ, а попалъ въ корову. Такъ понятно, что мы и не безнокоились.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Престольная въ моск. кремл. дворцѣ.

(Рис. на стр. 156 и 157).

Въ древнихъ теремныхъ палатахъ московскаго кремлевскаго дворца отъ церкви Славущаго Воскресенія идетъ корридоръ, называемый нынѣ „чугуннымъ“, по который нѣкогда составлялъ сѣни верхняго яруса „зданія Иоаннова“ или жилыхъ покоевъ царевнъ; поднявшись здѣсь по лѣстницѣ, вы вступаете въ теремъ, надстроенный царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ для сыновей своихъ, царевичей Алексѣя Михайловича и Иоанна Михайловича въ 1636 году, и остававшійся долго единственными памятникомъ домашней жизни нашихъ царей въ XVII вѣкѣ. Со времени постройки новаго дворца Елизаветы, теремъ былъ въ полномъ запущеніи и мало по малу разрушился, пока не обратилъ на него вниманія Императоръ Николай Павловичъ, приказавшій возстановить въ прежнемъ видѣ этотъ интереснѣйшій памятникъ старины. Реставрація была произведена по рисункамъ академика Солнцева, подъ наблюденіемъ гофмаршала барона Бюде. Вступая въ этотъ рядъ покоевъ, предназначенныхъ послѣ реставраціи государемъ для жилья своего наслѣдника, вспоминается невольное расположеніе храма; вотъ трапезная или столовая, соборная или гостиная и наконецъ престольная, изображенная на нашемъ рисункѣ. Далѣе слѣдуетъ опочивальня и образная. Живопись стѣнъ повсюду хромая съ разводами и узорами. Здѣсь, въ престольной палатѣ, у краснаго окна, подлѣ котораго царское мѣсто, былъ устроенъ въ старину опускавшійся внизъ ларецъ для просьбъ, поступающихъ прямо въ руки царю. Кромѣ этого механизма, нынѣ уничтоженнаго, въ престольной палатѣ все сохранилось по старому, какъ было при прежнихъ вѣщеносныхъ хозяевахъ. На потолокъ, среди пестраго, золотистаго орнамента видны лики святыхъ; на стѣнахъ, среди травчатаго узорочья, изображены львы, а подъ сводами двухглавыя орлы, какъ бы поддерживающіе своды своими распростертыми крыльями. Кромѣ довольно скромнаго бархатнаго трона, передъ которымъ стоитъ столикъ, осталась мебельровка престольной почти исключительно состоитъ изъ старинныхъ кресель съ высокими спинками. Направо между двухъ дверей видна большая круглая печь, выложенная пестрыми, узорчатыми изразцами. За престольной комнатою слѣдуетъ опочивальня, часть которой, черезъ открытыя двери, тоже видна на нашемъ рисункѣ. Здѣсь и въ образной или маленькой царской, хранится богатое собраніе древнихъ образцовъ, складчей и крестовъ. Кромѣ того разныя драгоценныя вещи, принадлежавшія царю Алексѣю Михайловичу, и золотая и серебряная посуда расположены въ особаго рода створчатахъ частью въ трапезной, а частью и въ престольной комнатѣ.

Испанскій романсъ.

(Рис. на стр. 161).

Назвалъ художникъ Мюльталеръ свою картину „Испанскій романсъ“. Пѣвица на эстрадѣ собирается пѣть испанскій романсъ и, сообразно репертуару своему, въ національномъ характерномъ костюмѣ, готовится пачинать. Сейчасъ раздадутся сладостные, задумчивые, нѣжные какъ ясная теплая почва Испанія, звуки.... Хорошенькое личико молодой пѣвицы полно оживленія и красивая рука первою перебираетъ струны звучной гитары, начиная прелюдію.

Ченслеръ въ Россіи.

(Рис. на стр. 164).

Прибытіе англичанъ въ Россію и заведеніе съ ними первыхъ торговыхъ сношеній, совпадаетъ съ самою блестящею эпохою царствованія Иоанна Васильевича. Незадолго передъ тѣмъ царь возвратился въ Москву со славою покорителя Казани. Астрахань была принуждена открыть для Россіи ворота въ Каспійское море. Сибирь, не сознававшая еще своихъ богатствъ, обязалась, въ знакъ своего подданства, доставлять повелителю Россіи соболь и бѣличьи мѣха, и колудикия племена ея присягнули царю.

Самое появленіе англичанъ у береговъ Россіи, впрочемъ, вызвано было не этими замѣчательными историческими событіями; оно произошло совершенно случайно и собственно прибытіе перваго англійскаго корабля 24 августа 1553 года къ южному берегу Бѣлаго моря, недалеко отъ Корельскаго устья Двини, противъ посада Неноксы, было и для самихъ англи-

чанъ совершенно непредвидѣннымъ событіемъ. Прибывшій корабль былъ однимъ изъ трехъ, снявшихся 11 мая 1553 года съ якоря у Детфорда, чтобы плыть въ Китай и Индію совершенно новымъ путемъ, а именно вокругъ Норвегіи, черезъ какой нибудь проливъ въ родѣ Магелланова. Предпріятіе возбуждало всеобщее участіе; оно было ново и важно. Никогда еще англійскій корабль не плавалъ вокругъ Норвегіи и вообще не бывалъ на востокѣ дальше Вардегуса. Въ три мѣсяца плаванія, два изъ этихъ кораблей, Bona Esperanza и Bona Confidentia, достигли глубокаго сѣвера и тамъ съ перваго, на которомъ начальствовалъ Виллеби, 14 августа увидѣли землю — вѣроятно южный берегъ Новой Земли, между сѣвернымъ и южнымъ Гусынымъ Носомъ. Материкъ же Россіи Виллеби въ первый разъ увидѣлъ лишь 23 августа и вступилъ на русскую почву. Судьба этихъ двухъ кораблей была самая ужасная; весь экипажъ ихъ, состоявшій изъ 65 человѣкъ, замерзъ всѣмъ вмѣстѣ. Потомъ онъ отплылъ въ Бѣлое море и присталъ близъ устья Двини. Кромѣ Ричарда Ченслера, Стефана Барро и Джона Бокленда, на немъ было еще 47 человѣкъ. Неноксы досталось въ первый разъ угостить русскою хлѣбъ-солью нежданыхъ гостей изъ Англій. Неподалеку отъ Неноксы, къ западу, на самомъ Корельскомъ устьѣ Двини, находился монастырь св. Николая, имѣвшій свои собственныя соляныя варницы. Этотъ монастырь былъ первымъ мѣстомъ, которое должно было посѣтить изъ Неноксы англичане. Ченслеръ, вольею невольею, принялъ на себя роль англійскаго посланника. Възявъ нѣсколько человѣкъ изъ своихъ спутниковъ, онъ отправился по Малокурьѣ и Двинѣ въ Холмогоры. Тамашній градоначальникъ, Фофанъ Макаровъ, и земскій судья встрѣтили его почетно и затѣмъ донесли о прибытіи англичанъ царю Иоанну Васильевичу. Корабль былъ, по ихъ распоряженію, переведенъ на зимовье въ Унекую губу, а Ченслеръ отправился 23 ноября въ сапяхъ въ царскую столицу, не дожидаясь отъ царя приглашенія или дозволенія, которое впрочемъ встрѣтило его изъ Москвы на дорогѣ. Черезъ двѣнадцать дней, по прибытіи Ченслера въ Москву, царскій дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый, управлявшій тогда иностранными дѣлами, объявилъ ему, что царь Иоаннъ Васильевичъ согласенъ дать ему аудіенцію. При приемѣ Ченслера присутствовали извѣстный любитель царя Алексѣй Ѳеодоровичъ Адашевъ; Ченслера сопровождали именитые англійскіе купцы Бартопъ и Эдуардъ. Онъ подалъ царю открытую грамоту короля Эдуарда VI. Послѣ аудіенціи, Ченслеръ съ обоими купцами удостоился чести быть приглашенными къ столу царя. Тогда же, вѣдѣтьею просьбы Ченслера дозволить англичанамъ завести торговыя связи съ Россіею, въ февралѣ 1554 года была изготовлена грамота царя Иоанна Васильевича къ королю Эдуарду VI, впрочемъ уже тогда умершему. Этой грамотой англійскіе купцы охотно допускаются въ Россію и уполномочиваются вести торговлю съ полною свободою. Въ мартѣ 1554 г. Ченслеръ и его спутники уѣхали изъ Москвы и, выждавъ на Двинѣ благоприятныя поры, отплыли на „Бонавентурѣ“ въ Англію. На дорогѣ корабль изгнѣ несчастье понапастъ голландцамъ и былъ ими ограбленъ, но экипажъ добрался до Лондона съ царскою грамотою на имя короля Эдуарда, вмѣсто котораго она поднесена королевѣ Маріи. Тогда же изъ купцовъ и нѣкоторыхъ дворянъ образовалось въ Лондонѣ новое общество, имѣвшее цѣлью открытіе неизвѣстныхъ земель на сѣверѣ къ востоку и западу. Компания эта была утверждена 26 февраля 1555 года Филиппомъ и Маріею особою грамотою и получила исключительную привилегію на торговлю съ Россіей. Въ апрѣлѣ 1555 года Ченслеръ снова отправился въ Россію, снабженный королевскою грамотою, въ которой была изложена благодарность за благосклонный приемъ Ченслера въ бытность его въ Москвѣ и просьба опять принять его и находящихся при немъ людей милостиво и оказать покровительство торговлѣ. Въ Холмогорахъ Ченслера уже встрѣтили съ нѣкоторою торжественностью, что изображено на нашемъ рисункѣ. Приемъ у царя въ Москвѣ былъ самый благосклонный; послѣ аудіенціи англичане были приглашены къ обѣду, на которомъ присутствовалъ митрополитъ Макарій. Ихъ называли „корабельными гостями“ и посадили за столикъ наупротивъ царя, который подчивалъ ихъ разными кушачьями и напиткими, называя каждого по имени. Третье плаваніе въ Россію Ченслера, весною 1556 года, было для него и послѣднимъ; несчастный англичанинъ погибъ на возвратномъ пути около береговъ Шот-

ланди съ своимъ сыномъ и семью русскими изъ свиты русскаго посла Непфи, который тоже выдержалъ крушеніе на одномъ изъ кораблей и спасся какимъ-то чудомъ.

Зимній видъ въ Лифляндіи.

(Рис. на стр. 165).

Картины Цурмюллена известны уже публикѣ и не разъ украшали выставки нашей Академіи Художествъ. Говоримъ „украшали“, ибо безспорный талантъ, тонкость пониманія сѣверной природы, чуткость къ оттѣнкамъ и тонамъ воздуха и освѣщенія, мѣткость деталей, все это обращало на картины художника вниманіе публики. Лифляндія отличается очень красивыми видами, особенно около Феллина; эти мѣста даже называются „Лифляндскою Швейцарією“. Но минуя все болѣе эффектные, художникъ взялъ просто самый обыкновенный, самый простой деревенскій видъ и обработалъ его съ любовью и чувствомъ. Къ деревенскѣ, окутанной снѣгомъ, подвѣзжаетъ крестьянинъ, грачи сирава копошатся въ кустахъ, безлистные вѣтви деревьевъ темнѣютъ въ морозномъ воздухѣ....

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

(Портр. на стр. 168).

Въ концѣ шестидесятихъ годовъ выступилъ въ нашей литературѣ талантливый беллетристъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій, возбудивъ своими первыми произведениями довольно оживленную полемику въ нашей тогдашней журналистикѣ. Признавая сильный талантъ въ писателѣ и отдавая справедливость его наблюдательности, все таки не переставали упрекать его въ крайнемъ реализмѣ и въ предпочтеніи типовъ вообще непривлекательныхъ. Публика съ удовольствіемъ прочитывала его рассказы, появившіеся въ журналахъ „Русскомъ Словѣ“, „Современникѣ“ и „Женскомъ Вѣстникѣ“. Такъ большимъ успѣхомъ пользовались въ то время его „Въ будни и праздники“, „Глушь“, „Деревенская неурядица“, „Будка“, „Изъ стараго и новаго“, „Люди и нравы современной деревни“, „Нравы Растериевой улицы“. Во всѣхъ этихъ картинкахъ народной жизни, схваченныхъ мѣтко и вѣрно, какъ бы съ натуры, особенно выдавалось разнообразіе типовъ; здѣсь фигурировали не исключительно мужички, какъ у другихъ нашихъ народныхъ писателей, но съ равной наблюдательностью были выведены типы купцовъ, духовенства, чиновниковъ, мастеровыхъ и всякаго другаго люда, обитающаго въ нашихъ захолустьяхъ. Типъ кулака, къ сожалѣнію столь теперь обычный въ нашей деревнѣ, былъ выведенъ Успенскимъ не разъ, и всегда ярко и жизненно. Его повѣсть „Разоренье“, посвященная специально подвигамъ нашего деревенскаго кулачества, представляетъ въ высшей степени вѣрную картину того недалекаго прошлаго, когда на развалинахъ крѣпостнаго права, въ барскихъ хоромахъ и помѣстьяхъ появились любители легкой наживы, приобретающіе за гроши, пользуясь обстоятельствами, разные остатки прежняго величія и роскоши. Эта тема впоследствии разрабатывалась и другими нашими писателями, но все таки преимущественно остается за Г. И. Успенскимъ. Читатели Г. И. теперь имѣютъ возможность читать его произведенія не въ разбросанныхъ изданіяхъ и журналахъ, а въ полномъ ихъ собраніи, которое уже вышло въ семи томахъ.

„Ромео и Джульетта“. Статуя Вейценберга.

(Рис. на стр. 169).

Скульпторъ г. Вейценбергъ, котораго статуя „Гамлетъ“ занимала почетное мѣсто на Парижской выставкѣ въ русскомъ отдѣлѣ, теперь находится въ Петербургѣ. Онъ эсть по происхожденію; род. въ 1837 г. въ небольшой деревушкѣ близъ Дерпта. Отецъ его былъ простой башмачникъ; затѣмъ юнона занимался рыбачествомъ. Чувствуя призваніе сдѣлаться ваятелемъ, онъ ѣдетъ въ Петербургъ, прилежно учится тамъ, затѣмъ доканчиваетъ художественное образованіе въ Берлинѣ и Мюнхенѣ. По его неотступно маняль къ себѣ Римъ, и здѣсь художникъ начинаетъ работать, фанатически преданный своему дѣлу. Успѣхъ на всемірной выставкѣ былъ значительный. Среди его произведеній замѣчательна цѣлая галлерей Шекспировскихъ типовъ: Гамлетъ, леди Макбетъ, Офелія, Ромео и Джульетта и проч. Также нѣсколько Шиллеровскихъ типовъ показы-

ваютъ какъ серьезно и глубоко художникъ предался искусству. Въ настоящее время онъ снова, какъ мы выше сказали, въ Петербургѣ и нѣсколько весьма интересныхъ работъ его выставлено въ Обществѣ поощренія художествъ. Первою у входа стоитъ „Офелія“,—это пѣлный, милый образъ. Офелія изображена раздвинувъ уже все свои цвѣты; она прижимается къ груди только розу, символъ ея печальной любви. Вторая большая мраморная фигура—молоденькая дѣвушка, „Дочь Евы“. Это одна изъ лучшихъ работъ художника, и въ послѣдніе годы талантъ его значительно усовершенствовался. Бюстъ римлянки—женская голова со строгимъ, классическимъ профилемъ, но яснымъ, приятнымъ выраженіемъ. Гипсовая фигура „Россія“, небольшою эскизъ, который въ исполненіи можетъ, однако, украсить лучшій памятникъ. „Зима“, прелестный, нагой ребенокъ, дремлющій на кожѣ льва. Въ этой „Зимѣ“ художникъ хотѣлъ изобразить лишь отдыхъ природы. Очень хороши бюсты покойнаго Императора Александра II, изображеннаго въ его средніе годы, и покойной Императрицы. Остальные работы художника, которыя, судя по фотографіямъ, значительно выставленныхъ, это группы: „Ромео и Джульетта“, „Койтъ и Эмерикъ“, олицетвореніе поэтической эстонской саги о разсвѣтѣ и сумеркахъ, „Плачущая Линда“ (въ Ревельскомъ музеѣ) и др.

Въ „Ромео и Джульеттѣ“, которой копію помѣщаемъ теперь на стр. 169, художникъ взялъ трагическій и потрясающій моментъ IV акта. Несчастный Ромео уже покончилъ земные счеты, на юношескомъ лицѣ его лежитъ печать смерти и вѣчнаго покоя. Тѣло въ свободномъ движеніи раскинулось на ступеняхъ гробницы, руки въ послѣднемъ объятіи закинулись у ногъ Джульетты, которая въ эту минуту именно вдругъ просыпается.... Но уже поздно!... „Гдѣ Ромео?“ спрашивается она. „Я помню, я должна была проснуться.... въ гробницѣ.... здѣсь!... Но гдѣ же онъ, Ромео?“ Выполненіе сцены, прекраснаго, полнаго движенія и свободы, положенія фигуръ и выраженія лицъ производятъ сильное впечатлѣніе.

Пожаръ въ домѣ Кредитнаго Общ. въ Спб.

(Рис. на стр. 172).

Вечеромъ 30-го января быстро разнеслась по столицѣ вѣсть о пожарѣ въ домѣ Городскаго Кредитнаго Общества. Говорили будто горитъ архивъ Общества съ дѣлами и документами. Огромная толпа народа въ нѣсколько тысячъ человекъ наполнила всю площадь Александринскаго театра. Громадный домъ Общества пылалъ. Густые клубы дыма и яркіе языки пламени высоко подымались надъ зданіемъ. Когда примчались пожарныя команды, пожаръ принялъ уже большіе размѣры. Весь верхъ и потолокъ въ концертной залѣ уже почти рухнулъ, когда пламя вдругъ показало на противоположной сторонѣ зданія и такимъ образомъ домъ началъ горѣть съ двухъ сторонъ. Вскорѣ прибыли градоначальникъ, брандъ-майоръ и всѣ пожарныя части, резервы и паровыя трубы съ многочисленными лестницами. Къ 11 часамъ съ страшнымъ шумомъ рухнула крыша и потолокъ и загорѣлся второй этажъ. Съ неимовѣрной быстротою огонь уничтожалъ этотъ этажъ и къ 12 час. остались лишь стѣны и выбитыя черныя отверстія оконъ, откуда билъ густой дымъ. Пожарные работали молодецки и энергично, но сдѣлать было ничего нельзя, даже такими сильными струями и такой массой воды, которая впоследствии образовала родъ наводненія въ домѣ. Толпы народа все увеличивались и отъ Невскаго проспекта поставлена была цѣпь солдатъ. Толкамъ и пересудамъ не было конца. Многіе выражали увѣренность въ поджоги, связывая его съ пререканіями, возникшими въ послѣднее время въ Кредитномъ Обществѣ. Но все это должно выяснитъ слѣдствіе. Замѣчательно энергическими распоряженіями градоначальника, вступившаго въ домъ въ разгаръ пожара, были спасены всѣ книги и документы Общества. Не обошлось и безъ несчастій: одинъ пожарный былъ убитъ и двое тяжело ранено. Сгорѣли третій этажъ, гдѣ помѣщались концертный залъ, кабинеты директоровъ и комнаты засѣданій комитета. Благодаря принятымъ мѣрамъ, огонь не прошелъ внизъ въ канцелярію, и нижніе этажи остались невредимы, кромѣ массы воды, которая, заливъ полы, перенормила всѣ своды. На мѣсто происшествія прибыли Министръ Юстиціи, прокуроръ и судебный слѣдователь; были налицо также всѣ члены ревизіонной комиссіи, которые и общародовали протоколъ о цѣлости документовъ Кредитнаго Общества.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Египетъ.—Франція и Китай.—Италія.—Турція.

Положеніе дѣлъ въ Суданѣ требуетъ отъ Англій самыхъ быстрыхъ и энергическихъ дѣйствій. По послѣднимъ извѣстіямъ, арабы занимаютъ Метамне, а всѣ племена, державшія до сихъ поръ сторону англичанъ, перешли теперь къ лжепророку. Все подходы къ Хартуму заняты войсками Махди. Въ Гальфузи, въ трехъ верстахъ отъ Хартума, на правомъ берегу Нила, суданцы устроили батарею изъ четырехъ крупновесныхъ орудій, изъ которыхъ стрѣляютъ въ проходящіе пароходы. Сторонники лжепророка занимаютъ всѣ общественныя зданія въ Хартумѣ, паденіе котораго вообще приписывается измѣнѣ. Према-

телемъ называютъ Феррара-пашу, командовавшаго египетскими войсками, защищавшими устроенный вокругъ Хартума вальъ. Ферраръ-паша открылъ ворота Хартума 26 января и такимъ образомъ вступилъ въ городъ мятежниковъ. Передаютъ, что Гордонъ услышалъ необычайный шумъ, производимый вторгавшимся непріятелемъ, и выбѣжалъ на улицу, чтобы узнать, что случилось, но у самаго губернаторскаго дома былъ убитъ подбѣжавшими къ нему суданцами. Дикіе кордофанскіе воины прошли всѣ улицы Хартума, отбѣгая каждый шагъ свой поголовнымъ избіеніемъ всѣхъ попадавшихся имъ людей, не щади ни женщинъ, ни дѣтей. По вѣнтіи города на вѣшнихъ укрѣп-

Пожаръ въ домъ Кредитнаго Общества въ СПБ. 30—31 января. Рис. Р. Штейнъ, грав. М. Рашевскій.

леняхъ и редутахъ были поставлены новыя пушки и всё подходы къ Хартуму какъ съ сухопутной стороны, такъ и по направлению Нила, были тотчасъ укрѣплены фортификаціонными сооружениями. Въ Лондонѣ однако не получено никакого официального подтвержденія о смерти Гордона. Здѣсь даже ходятъ довольно достовѣрные слухи, будто бы генералъ живъ; что онъ со стражей изъ 50 турокъ и съ двумястами негровъ заперся въ зданіяхъ Хартумской католической миссіи, которыя онъ съ давнихъ поръ обратилъ въ свой главный складъ, арсеналъ и въ свое убѣжище, въ крайнемъ случаѣ. Горсть храбрыхъ людей можетъ дѣйствительно продержаться нѣсколько времени въ этой цитадели, но очевидно, что не слѣдуетъ преувеличивать значенія подобнаго предположенія, также какъ вѣрить сообщеніямъ донгольскаго мудира, настойчиво увѣряющаго, что Хартумъ не находится въ рукахъ Махди. Впрочемъ, въ Англіи не вѣрятъ такимъ утѣшительнымъ вѣстямъ, и всё убѣждены, что Хартумъ уже палъ; со всѣхъ концовъ раздается теперь кличъ „впередъ!“ и газеты всѣхъ партій и отгѣнковъ единогласно заявляютъ, что Англія не можетъ отступить не панеси страшнаго удара своему могуществу. Такого же мнѣнія и министерство, которое послѣ весьма оживленнаго и продолжительнаго совѣщанія, отвѣчало на запросъ Вольсея, что во всякомъ случаѣ компанія должна быть продолжаема до совершеннаго подавленія возстанія.

Въ то время какъ военное счастье обернулось въ Суданѣ спиною къ англичанамъ, оно видимо улыбается французскому оружію въ Тонкинѣ. О взятіи Лонгъ-Сона получены слѣдующія подробности: „Французы выступили изъ лагеря подѣ Лонгъ-Сона 10 февраля и дошли безпрепятственно до Ваюя, гдѣ на слѣдующій день было нанесено непріятелю полное поражение. Переночевавъ на полѣ сраженія, французы 12 февраля разбили на голову китайцевъ, и затѣмъ взяли штурмомъ нѣсколько фортовъ. 13-го февраля французы, послѣ форсированнаго марша, вступили въ Лонгъ-Сонъ, уже очищенный непріятелемъ, который при отступленіи подожгъ городъ. Въ руки французамъ досталась

масса оружія, боевыхъ припасовъ и риса. Занятіе Формозы представляется однако не такъ легкимъ, какъ предполагали. Такъ, по словамъ газеты „Debats“, китайцы впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ имѣли полную возможность доставить на островъ Формозу столько людей и столько матеріала, сколько было имъ необходимо, да и кромѣ того они оказались превосходными инженерами, умѣющими отлично строить укрѣпленія подѣ руководствомъ европейскихъ авантюристовъ. Всѣ окружающія Келунгъ возвышенности унизаны фортами, и понадобится много времени, чтобы выбить китайцевъ изъ занимаемыхъ ими позицій.

Изъ Рима телеграфируютъ, будто состоявшееся съ Лондономъ соглашеніе обязываетъ Италію, въ случаѣ надобности, послать гарнизоны не только въ одни порты Краснаго моря, но и въ самый Каиръ, дабы дать возможность британскимъ оккупационнымъ войскамъ усилить части, дѣйствующія теперь въ Суданѣ. Паденіе Хартума измѣнило положеніе дѣлъ на столько, что для Англіи стало необходимымъ тотчасъ же приступить къ энергическимъ дѣйствіямъ; военная же организація королевства затрудняетъ мобилизацію войскъ; при такихъ обстоятельствахъ содѣйствіе Италіи дѣйствительно можетъ выручить британское правительство изъ тяжкихъ затрудненій. Оппозиціонная печать Италіи открыто высказывается противъ такого союза съ Англіей и заклинаетъ правительство не вовлекать страну въ рискованнаго предпріятія.

Вслѣдствіе паденія Хартума, турецкія газеты полагаютъ, что Англія болѣе ничего не остается, какъ заключить союзъ съ Турціею, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, только одно обаяніе Калифата въ состояніи привести къ замиренію Суданъ. Арсеналъ вооружаетъ шесть корветовъ, а четыре броненосца будутъ готовы черезъ мѣсяць. Этотъ флотъ предназначается въ Красное море и въ особенности въ Триполисъ, о которомъ турецкія газеты много говорятъ, выставляя на видъ итальянскіе притески. Вѣроятно порта возобновить свой недавній протестъ, вслѣдствіе занятія итальянцами Массовы, такъ какъ это занятіе крайне не нравится оттоманскимъ политикамъ.

С м ѣ с ь .

Характеристика рѣчей князя Бисмарка. „Часъ пополуни! Начало въ засѣданіи рейхстага, говорить „Цюрихская газета“. Большой, подковообразный залъ еще совершенно пустъ. Депутатъ Лингенсъ, а также министръ Беттигеръ говорили еще въ полуустой залѣ. Когда рѣчь началъ престарѣлый директоръ сѣверо-германскаго Люйда Мейеръ, залъ началъ понемногу наполняться. такъ какъ распространился слухъ, что приѣдетъ канцлеръ. И дѣйствительно. Отворилась узкая дверь возлѣ предѣлательскаго мѣста и, занявъ все ей пространство, появилась высокая фигура Бисмарка. По всему зданію раздаются тоненькіе, тихіе звонки. Въ читальнѣ, въ комнатахъ фракцій, въ конторѣ журналистовъ слышатся электрическіе звонки, дающіе знать находящимся внѣ зала, что Бисмаркъ пришелъ и будетъ говорить. Своими длинными, футовыми карандашами, которые, по словамъ юмористическихъ листковъ, могли бы быть превращены въ маленькія казачкія пивы, онъ, на отдѣльныхъ листкахъ, дѣлаетъ замѣтки дѣймовыми буквами. Это обыкновенный признакъ, что онъ вскорѣ будетъ отвѣчать одному изъ говорящихъ. Короткій поклонъ предѣлателя въ сторону Бисмарка—и ему принадлежитъ слово! Теперь, стоя у мѣста для журналистовъ, можно видѣть какую фигуру представляетъ изъ себя „железный канцлеръ“. Ростомъ онъ по крайней мѣрѣ 6 футовъ; надъ высокою грудною клякою и широкими плечами возвышается замѣчательно круглая, правильная голова безъ волосъ, гладкая какъ куполъ изъ полированной слоновой кости. Густая, бѣлая брови нависли надъ сѣростальными глазами. Эти мохнатая брови сообщаютъ лицу нѣчто мрачное, а взглядъ, сверляющій изъ подъ нихъ, имѣетъ также нѣчто суровое, по крайней мѣрѣ въ длинный моментъ. Сѣдые усы подѣ короткимъ носомъ, закрывающіе рогъ, также густы, какъ и брови. Все лицо нрито складками и морщинами; большіе круги образовались подѣ глазами, а цѣлый рядъ „гусиныхъ лапокъ“ избороздилъ виски. Бисмаркъ начинаетъ говорить. Влѣднее до того лицо его немного краснѣетъ, переходя постепенно въ цвѣтъ, напоминающій яркую бронзу. При этомъ голова его имѣетъ видъ, точно сдѣлана изъ металла. Слышавшій впервые Бисмарка будетъ сильно пораженъ: слабый сдавленный голосъ очень плохо гармонируетъ съ гигантской его фигурой. Зачастую кажется, что голосъ откажется ему повиноваться; при малѣйшемъ возбужденіи онъ начинаетъ хрипѣть. При этомъ канцлеръ говоритъ, то очень скоро, то очень медленно, но всегда довольно тихо. Онъ никогда не входитъ въ пафосъ. Тѣ же фразы, которыя въ печати кажутся металлическими, произнесенными мощнымъ голосомъ и при сильномъ движеніи, въ дѣйствительности говорятъ имъ обыкновеннымъ разговорнымъ тономъ. Точно также всѣ самыя злыя, злыя нападки произносятся имъ съ такою ироническою вѣжливостью и такъ любезно, точно дѣло касается дружескаго замѣчанія. Конечно, иногда онъ также сердится; шейныя вены наливаются кровью и темная краска предѣлельски подступаетъ до самаго лба. Узкой, бѣлой рукою онъ нервно хватается тогда за воротникъ мундира, точно чувствуя тамъ недостатокъ воздуха. Брови надвигаются еще ниже, голосъ становится немного рѣзче и въ немъ повлывается металлическій звукъ. Рѣчь льется бѣстрые. При этомъ ораторъ закидываетъ голову назадъ, а лицо

принимаетъ неподвижное выраженіе. Но и въ такія минуты нельзя сказать, естественное ли это раздраженіе, или оно искусственно. Нѣсколько разъ, однако, я видѣлъ какъ каждый фибръ дрожала гнѣвомъ у канцлера, и гнѣвъ этотъ проявлялся съ силой. Ему казалось, что со слабой оппозиціи раздалось личное оскорбленіе, касавшееся его чести. Гнѣвъ его былъ тогда настоящій и всѣ невольно притихли. Съ дрожавшими ноздрями, сжавъ зубы, широко раскрывъ глаза и съ судорожно сжатými руками, точно желая удержать себя въ границахъ, притомъ поминутно мѣняясь въ лицѣ, которое становилось то ярко-краснымъ, то пепельно-сѣрымъ, канцлеръ вскопчил со своего мѣста и направился въ ряды оппозиціи. Не извѣстно, какая бы разыгралась сцена, еслибы своевременно съ противной стороны не раздалось объяснительное слово. Но обыкновенно Бисмаркъ держитъ себя въ спорахъ какъ джентльменъ. Онъ никогда не возвышаетъ сильно голоса и при самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ придаетъ рѣчи отгѣнокъ политическаго разговора. При этомъ онъ обладаетъ своеобразной манерой побѣждать противника. Рѣчь послѣдняяго представляется ему моткомъ нитокъ; послѣдній конецъ нитки находится наверху и легче всего виденъ. Поэтому Бисмаркъ беретъ послѣднюю фразу противника и разбираетъ рѣчь его съ конца до начала, подобно мотку. У каждой нитки, которую онъ открываетъ и которая ему не нравится, онъ дѣлаетъ возраженія. Но пока онъ произноситъ одну фразу, мысль предшествуетъ языку. Голосъ его замедляется, взглядъ до нѣкоторой степени устремляется внутрь, и онъ начинаетъ развивать цѣлый рядъ блестящихъ мыслей, причемъ видны и чувствуются, какъ въ головѣ оратора зарождаются мысли, формируются и медленно превращаются въ слова. Въ этомъ заключается вся предѣсть рѣчей Бисмарка. Онъ никогда не бьются ровными, но поражаютъ свѣжею новизною и внезапными оборотами съ неожиданными кругозорами. Къ этому присоединяется юморъ и спокойный сарказмъ, присущіе канцлеру; и тотъ и другой проявляются когда менѣе всего этого ожидаешь. Благодаря этому, на сторонѣ Бисмарка часто бывають смѣшлявцы, а среди нихъ зачастую его же противники. Съ живостью Бисмаркъ недавно началъ говорить: между нимъ и главою свободномыслящихъ, Рихтеромъ, завязался споръ о предохранительной пошлнѣ и перелесенскомъ вопросѣ. Въ залѣ огни; часы показывали 6 часовъ вечера, а рѣчи еще продолжались; наконецъ онѣ перешли на личныя замѣчанія, въ которыхъ канцлеръ не принималъ болѣе участія. Онъ сидѣлъ первымъ на министерской скамьѣ, и вооружась чернымъ лорнетомъ, направлялъ своимъ длиннымъ карандашомъ стенографическій отчетъ своихъ рѣчей. Въ нилу разговора не всякая фраза выходитъ обработанной, и Бисмаркъ самъ проверяетъ каждую изъ своихъ рѣчей, ранѣе чѣмъ она попадетъ въ печать.

Герцогская Мейнингенская придворная труппа начала свои представленія въ Императорскомъ Александринскомъ театрѣ, съ воскресенья 10-го сего февраля. Директоръ труппы Г. Кринскъ занялъ цѣлымъ рядомъ необходимыхъ распоряженій по названнымъ представленіямъ. Прибыли артисты (36 мужчинъ и 24 женщины) и 20 лицъ техническаго персонала. Выгружено было 24 вагона, прибывшихъ изъ заграницы съ декораціями, мебелью, костю-

мами, реквизитомъ и т. д., и все это помѣщено отчасти въ магазинъ и кладовыя при Александринскомъ театрѣ. Мейнингенская труппа открыла свои гастроли пьесой Шекспира „Юлій Цезарь“. Въ главныхъ роляхъ явились: Г-жи Ольга Лоренцъ, Марія Бергъ, Матильда Венцель, Элиза Гергардтъ; *Людвигъ Вирний* (почетный членъ), Карлъ Вейзеръ, Леопольдъ Теллеръ, Павелъ Рихардъ, Александръ Отто, весь персоналъ названной труппы и болѣе ста человекъ статистовъ. Первое представленіе пьесы „Юлій Цезарь“ было назначено въ воскресенье 10 го февраля, видѣ абонементъ; затѣмъ шло въ счетъ абонементъ въ понедѣльникъ 11-го, въ среду 13-го и въ пятницу 15-го февраля. Въ теченіи своихъ гастролей они дадутъ слѣдующія пьесы: „Трилогія Валленштейна“, Мессинская невѣста“, „Разбойники“, „Марія Стюартъ“, „Вильгельмъ Телль“, „Что вамъ угодно“, „Зимняя сказка“. „Мнимый больной“, „Лидія“. Каждая изъ названныхъ пьесъ можетъ быть дава несколько разъ подрядъ, а затѣмъ должна быть, по случаю сложныхъ сценическихъ постановокъ, снята съ репертуара для постановки слѣдующихъ пьесъ. Представленія будутъ даваемы ежедневно, съ 10 сего февраля по 15 марта включительно, въ Александринскомъ театрѣ.

Растеніе-барометръ. Среди вьющихся растений, служащихъ для украшенія комнатъ и особенно жадивьерокъ, первое мѣсто за-

нимается *Tradescantia viridis, zebrina* и *multicolor*. Болѣе всего разводится *Tradescantia zebrina*. Растеніе это, покрытое густыми листочками, составляетъ прекрасное украшеніе для жадивьерокъ, консолей и пр. Если расположить растеніе такимъ образомъ, чтобы на него до нѣкоторой степени дѣйствовало солнечный свѣтъ, то, спустя непродолжительное время, оно покроется лиловыми бутонами и цвѣтками. Бутоны распускаются обыкновенно за сутки предъ дождемъ, свѣгомъ, или наступленіемъ бури. Разъ начавъ цвѣсти, растеніе постоянно имѣетъ въ запасѣ новые бутоны, почему является вѣчнымъ и дешевымъ барометромъ. Разводится оно также легко, при помощи отростковъ, скоро принимающихся. При покупкѣ растенія слѣдуетъ выбирать исключительно *Tradescantia zebrina*, а не однотонную *Tradescantia viridis*.

Вѣрная служба писчихъ перьевъ. Въ наше время, когда стальные перья совершенно вытѣснили гусиные, трудно понять, какъ прежде высоко цѣнились хорошее перо, какъ долго оно служило и какъ къ нему даже привязывались. Такъ, много писавшій Сахлинъ имѣлъ только два пера и написалъ ими семь томовъ сочиненій. Но еще поразительнѣе примѣръ Лео Алаціуса, который, какъ самъ утверждаетъ, писалъ цѣлыхъ сорокъ лѣтъ однимъ лебединымъ перомъ и даже плакалъ, когда оно случайно затерялось.

Алгебраическая задача № 7.

8	14	3	4	0	0	25	12	14	0
24	2	5	17	28	16	0	29	18	23
17	7	13	0	18	27	21	18	14	3
6	7	13	28	17	25	11	0	4	2
4	4	14	31	12	4	21	18	0	9
6	13	5	23	18	13	6	13	14	2
8	0	10	26	18	4	16	16	0	1
26	17	26	4	0	1	11	14	8	4
0	29	17	18	13	26	10	8	17	15
6	21	0	12	8	10	3	16	12	10

Если въ данномъ квадратѣ къ каждой цифрѣ каждаго вертикальнаго столбца прибавить по нѣкоторому числу, то полученныя на мѣстахъ этихъ цифръ суммы будутъ соответствовать мѣстамъ буквъ въ алфавитѣ русской азбуки. Подставивъ же на мѣста суммъ соответствующія имъ буквы, мы получимъ одно стихотвореніе извѣстнаго поэта. Числа же, которыя должны быть прибавляемы къ цифрамъ вертикальныхъ столбцовъ, находятся въ слѣдующихъ соотношеніяхъ:

1) Если къ числу, которое должно быть придано къ цифрамъ перваго вертика. столбца, прибавить некое число для втораго столбца, то сумма ихъ будетъ на единицу больше суммы чиселъ, требующихся для прибавки къ девятому и шестому вертика. столбцамъ.

2) Число для десятаго вертика. столбца относится къ числу для четвертаго вертика. столбца, какъ учетверенное число для втораго вертика. столбца относится къ числу для восьмаго вертика. столбца.

3) Отношеніе числа для девятаго вертика. столбца къ числу третьяго вертика. столбца равно отношенію числа шестаго столбца къ удвоенному числу пятаго столбца.

4) Сумма чиселъ десятаго и четвертаго столбцовъ равна будетъ суммѣ чиселъ перваго и втораго столбцовъ, если къ послѣдней суммѣ прибавимъ единицу.

5) Разность между числами шестаго и пятаго столбцовъ равна кубическому корню изъ числа для третьяго столбца.

6) Разность между числами 7-го и втораго столбцовъ равна суммѣ чиселъ для четвертаго и восьмаго столбцовъ.

7) Сумма чиселъ для третьяго и пятаго столбцовъ на единицу меньше числа перваго столбца.

8) Сумма чиселъ перваго и седьмаго столбцовъ равна суммѣ числа десятаго столбца и удвоеннаго числа пятаго столбца.

9) Сумма чиселъ восьмаго, девятаго и десятаго столбцовъ относится къ числу перваго столбца, какъ число, кубъ котораго=13824, относится къ числу, кубъ котораго=1728.

10) Число для пятаго столбца относится къ числу шестаго столбца, какъ число, кубъ котораго=343, относится къ числу, кубъ котораго=2744.

Рѣшеніе ребуса № 46, помѣщеннаго 1884 г. въ № 48.

„На ловца вѣдь и звѣрь бѣжитъ“.

Рѣшеніе ребуса № 47, помѣщеннаго 1884 г. въ № 49.

„Конь и о четырехъ ногахъ, но спотыкается“.

Рѣшеніе ребуса № 48, помѣщеннаго 1884 г. въ № 50.

„Шутите шутку по праву; насмѣшками-жь и издѣлками врага накажете“.

Рѣшеніе ребуса № 50, помѣщеннаго 1884 г. въ № 52.

„За моремъ телушка—полунка, за перевозъ алтынъ“.

СОДЕРЖАНІЕ: Малая Сторона въ Прагѣ (съ рис.).—Голосъ крови. (Драма глупаго форта). Н. Н. Каразина. Часть II. (Продолженіе).—Изъ прошлаго. Разсказъ Н. Карилова.—Ночлепо. Стихотвореніе К. Мѣд—снаго.—Разсказъ Раевского о дуэли Лермонтова. Записано В. Жиховской.—Престо ѣвья въ москвоскомъ кремлекъ дворцѣ (съ рис.).—Испанскій романсъ (съ рис.).—Ченслеръ въ Россіи (съ рис.).—Зимній видъ въ Лифляндіи (съ рис.).—Г. И. Успенскій (съ портр.).—Ромео и Джульетта. Статуя Вейценберга (съ рис.).—Пожаръ въ домѣ Кредитнаго Общъ въ СПб. (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Алгебраическая задача.—Рѣшенія ребусовъ.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марисъ

ПОЛНЫЙ ТОМЪ
„НИВЫ“ 1884 ГОДА,
включающій въ себя болѣе 1200 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ гравюръ, большой романъ В. Соловьева — „Изгнанникъ“, большой романъ графа Е. А. Саласа — „Въ старой Москвѣ“, разсказъ Я. П. Полонскаго — „Вадимъ Голетаевъ“ и изъ воспоминаній того-же автора — „И. С. Тургеневъ у себя“, повѣсть Д. В. Григоровича — „Недолгое счастье“, разсказы Н. В. Успенскаго — „Новые помѣщички“ и „Привольная жизнь“, разсказъ П. П. Гнѣдича — „Въ 12-мъ году“, разсказы А. Я. Максимова — „Жертва злему духу“ и „На соборѣ“, повѣсть П. Петрова — „Багровая пыль“ и др. произведенія современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч. и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Проф. Импер. Академіи Художествъ Н. Е. Маковского „ГУСЛЯРЬ“.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ
Брошюровац. . . 4 р. Въ кален. перекл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою . . 6 „ Съ пересылкою . . 7 „ 50 „

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору редакціи журнала „Нива“, Б. Морская, №9; въ Москвѣ—въ Отдѣленіе Конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской. д. Петровскихъ Торговыхъ линій.

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ
Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны, герцогини Эдинбургской,
БРОКАРЪ и К^о.
въ Москвѣ.
ИЗОВРѢТATEЛИ
ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА.
ПРЕДПОЧИТАЕМОЕ ПУБЛИКЮ

ГЛИЦЕРИНО ВОЕ МЫЛО.

St. № 3798 Прейсъ-курранты высылаются бесплатно. 3—2

ГЛАВНЫЕ СКЛАДЫ
оптовой и розничной продажи
МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ЧАСОВЪ
изъ никелированного никеля
въ МАГАЗИНАХЪ
ФАБРИКАНТА ЧАСОВЪ
ПАВЛА БУРЕ
ПОСТАВШ НА ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп.,
домъ № 23;
въ Москвѣ: уголъ Кулнецкаго моста и
Рождественки, домъ Торлецкаго.
Анкерные, заводящіяся безъ ключа, от-
крытые, больш. или средн. размѣра 14 руб.
Такіе же малаго размѣра . . . 15 "
Закрывые больш. или средн. размѣра 16 "
Такіе же малаго размѣра . . . 17 "
ПРИ ТРЕБОВАНИЯХЪ:
отъ 6 до 12 часовъ уступка 5%
" 13 " 24 " " 10%
" 25 " 72 " " 15%
свѣсны " " " 20%
Упаковка и пересылка на счетъ магазина.
Подробные иллюстрированныя прейсъ-ку-
ранты высылаются по востребованію без-
платно. № 3888 2—

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ:
ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.
П. П. ГНѢДИЧА.
Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.
Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 400 иллюстра-
ціями въ тексты—копями съ произведеній искусства въ об-
ласти живописи, скульптуры и архитектуры.
Сочиненіе окончено авторомъ, нынѣ печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ февра-
лѣ мѣсяцъ этого года.
Условія подписки за полное изданіе:
брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ каленк. переплетѣ съ золот.
тисн. 7 рубл., съ перес. 8 р. 50 к.
Съ требованіями обращаться: въ контору редакціи журнала "НИВА", Большая
Морская, № 9.

ПОЛЕЗНЫЕ ПОДАРКИ.
КОРНЕТЫ—А—ПИСТОНЫ

наилучшихъ парижск.
фабрикантовъ и также
своей фабрикаціи по
18 руб., 25 руб., 30 р.,
40 руб., 50 руб., 60 р.,
75 руб., 90 р. и 100 р.
Школы для корнета по
1 руб. 50 коп., 4 руб.
и 5 руб.
Альтгорны, баритон-
ны, басы, вальторны,
трубы, тромбоны, сиг-
нальные рожки.
Флейты
самой лучшей француз-
ской и вѣнской работы
по 3 руб., 5 р., 7 р.,
10 руб., 12 руб., 20 р., 30 р., 40 руб.,
50 р., 60 р. и дороже.
Школы для флейты по 1 р. 50 к. и 3 р.
Николофлейты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р.,
15 руб.
КЛАРНЕТЫ
отъ лучшихъ французскихъ и вѣмонскихъ
мастеровъ по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р.,
25 р., 30 р., 35 р., 40 р., 50 р., 60 р.
Школа для кларнета 4 руб.
Флажолеты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р.
Новый каталогъ нотъ для всѣхъ ду-
ховыхъ инструментовъ бесплатно.
За пересылку прошу прилагать прибли-
зительно. Заказы изъ провинціи испол-
няются немедленно и аккуратно.
Юліи Генрихъ Циммерманъ.
Главное депо
Музыкальныхъ инструментовъ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлец-
каго. Р. № 3891 1—1

НОВОТРОИЦКОЕ ПОДВОРЬЕ,
въ Москвѣ, на Ильинкѣ, противъ биржи и
Гостиннаго Двора, въ домѣ Троицкой лавры.
Больше 100 номеровъ для прѣзжающихъ со
всѣми удобствами, съ постельными бѣльемъ,
въ сутки отъ 75 коп. и дороже, ванна, пар-
икмахерская, разсылные для разныхъ по-
рученій и для отправки товаровъ. Тутъ же
особое отдѣленіе для квартирантовъ помѣ-
сочно и въ годъ отъ 20 руб. въ мѣсяцъ и 2
дороже. П. № 3860 3—2

НАСТОЯЩІЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ
БЕЗЪ ВСЯКОЙ ПРІМѢСИ
развѣшанный въ фунты, полуфунты и четверти, на цѣны отъ 1 р. 20 к. до 2 р. 60 к.
за фунтъ предлагаетъ въ громадномъ выборѣ вновь открытый магазинъ
КОММИССІОНЕРОВЪ СИБИРИ
ТОРГОВАГО ДОМА
„БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“.
Москва, Малая Дмитровка, домъ Алексѣева.
Продажа оптомъ и въ розницу. Торговцамъ дѣлается соответствующая скидка. Пер-
сылка почтой по Европейской Россіи, не менѣе 5 ф., принимается Торговымъ Домомъ
на свой счетъ. Требования иногородныхъ исполняются немедленно. Прейсъ-курранты вы-
сылаются бесплатно. П. № 3865. 5—5

ИЩУТЪ
въ провинціи благонадежныхъ лицъ всяка-
го званія для продажи, съ разсрочкою
платежей, 5-проц. съ выигрышами бilet-
товъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обра-
щается письменно въ с.-петербургскую
центральную контору объявленій, Невскій
пр., № 9, подл. лит. В. Р. № 3328

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
К. БАУХЪ.
Б. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.
Лечение зубныхъ болѣй, пломбированіе, испол-
неніе всѣхъ зубныхъ операций, вставленіе но-
выхъ зубовъ и цѣльныхъ челюстей по америка-
нскому методу; переѣлка старшихъ челюстей. Про-
чее и акуратное исполненіе гарантируется на
много лѣтъ. Цѣны умеренныя.

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСЫКАТЕЛЬ
ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,

одобренный всѣми
любителями рыбной
ловли. Съ успешн.мъ
примѣніемъ во вся-
кое время года и
для всякой рыбы:
замѣняетъ грузъ,
карабинъ и блесну.
Устроенъ такъ, что
когда рыба хлѣста-
етъ наживку, то
крючекъ механи-
чески задвигается
за пѣчку. Способъ
употребленія при-
каждомъ экземп-
лярѣ. Ц. 60 к. На
не есылку отъ 1 до
6 прибавляется
40 к. Единственный
складъ у П. Ф. Ка-
ратаева, Невскій
пр., Милютинъ
рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.
Полный иллюстриров. въ краскахъ прейсъ-
куррантъ рыболовныхъ принадлежностей вы-
сылается за 5 семи-копечныхъ марокъ.
Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 в.;
выписывающіе подсыкатель прибавляютъ за
микроскопъ только 20 " № 3897 1—1

ВЯЗКА
СУРОВАЯ и ЦВѢТНАЯ.
ОПТОВАЯ И РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА.
Р. № 3884 4—2
Образцы и прейсъ-курранты безвозмездно въ складѣ писчей бумаги
„АВГУСТА НАУМАНЪ“.
Казанская, д. № 42, противъ Нового пер., въ С.-Петербургѣ.

4711
ХРУСТАЛЬНОЕ
РОЗОВОЕ МЫЛО.
легко пѣнится, съ самымъ пріятнымъ
запахомъ розъ, дѣйствуетъ на кожу
весьма благотвѣтельно вслѣдствіе
большаго содержанія глицерина, что
и гарантируется. Можно получать
во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ
магазинахъ и торговляхъ аптекар-
скими товарами. St. № 3739 17—4

С.Петербургская Химическая Лабораторія
Фабрика парфюмерныхъ водъ.

На каждомъ пред-
метѣ требуютъ фаб-
ричное клеймо:
Обращать вниманіе при-
покупкѣ каждого предмета
да точность фирмы!
„С. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ: 1, Невскій проспектъ, домъ № 32. Натолковской церкви.
2, Невскій проспектъ, домъ № 66 у Анничкина моста.
3, Вознесенскій проспектъ, домъ № 18-54 Шредера.
ВЪ МОСКВѢ: 1, Кузнецкій мостъ, домъ Третьяковскихъ.
Контора и оптовый складъ въ зданіи фабрики въ С.Петербургѣ:
Нзманновскій проспектъ, 21. Р. № 3866

Подарки къ праздникамъ.
Для дѣтей. Новості. Пеналъ, изобра-
жающій зонтикъ, содержащій писемныя
принадлежности 1 р. 75 к. Механографъ,
аппаратъ для рисованія 50 коп. Карман-
ные Микроскопы 2 р. Волчки съ музы-
кой 1 р. 25 к. Борцы 75 к. Заводныя ко-
шки 80 к. Диво-птица поющая 1 р. Кра-
ски 30 к., 50 к. коробка. Книжки для рас-
крашиванія 30 и 40 к. Автоматическій
паровозъ 1 р. 50 к. Для взрослыхъ. Элек-
трическое гниво 4 р. Ножицы, содер-
жащія 12 приспособленій 2 р. 50 к. Цѣ-
почки для часовъ накладнаго золота, еди-
нственныя не чернѣющія 3 р., 4 р., 5 р. и
6 р. Медальоны для часовъ 2 р. 50 к., 3 р.
и 4 р. Англійскія механическія критвы, ко-
торыми обрѣзается невозможно 2 р. 50 к.
Искусственныя брилліанты. Нольца да-
мскія и мужскія въ 3 р. и 4 р. Серьги 3 р.
и 4 р. Броши 4 р. и 5 р. Булавны для га-
стукъ 2 р. и 3 р. Запонны грудныхъ при-
боръ 5 р. Звѣзды къ волосамъ, а также
можно носить какъ брошь 10 р. Нолье
30 и 40 р. Дамскіе медальоны 4 и 5 р.
Всѣ цѣны назначены съ пересылкой по
почтѣ. Менѣе цѣмъ на три рубля не вы-
сылаютъ. Въ Москвѣ, Старый Газетный
пер. д. Шаховскаго, магазинъ „Нюрн-
бергъ“. П. № 3895 1—1

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ
ДЛЯ ЧАСОВЪ.
Не отличить отъ настоящаго золота!
Ручательство—5 лѣтъ, что не потеряться!
Предлагаетъ депо Василія Аурихъ, Больш.
Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лѣстница
въ С.-Петербургѣ. № 3812

МУЖСНІЯ
въ 2, 3, 3½ и 4½ руб.
Двойныя
въ 5½, 7 и 8 руб.
ДАМСКІЯ
въ 4, 5, 6, 8½,
8 и 9 руб.
Цѣны — 50 коп.
ондажъ складъ!

28 и 29 МАРТА 1885 года
будетъ проведена
высочайше утвержденная
XXXIV ЛОТЕРЕЯ
Московскихъ Дѣтскихъ Пріютовъ.
Выигрышъ 500 на сумму 250 10 руб.
Первый выигрышъ брнд. серебр. вещами
№ 3830 10000 руб. 10—4
Цѣна билета 1 р.
Билеты продаются въ Московскихъ дѣ-
тскихъ пріютахъ, во всѣхъ известныхъ ма-
газинахъ и Канцеляріи Сѣмства Москва,
Собачья площадь, д. Каренина.

НИВА

XVI годъ
№ 8

годъ XVI
1885

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ въ три листа съ 6—10 рис. и ежемѣсячнымъ даровымъ приложеніемъ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 23 Февраля 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/2 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 60 к.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
 Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.
 Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
 За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Эстрапочта. Ориг. рис. Гедана, грав. О Ротъ.

Экстрапочта.

Сколько своеобразных удовольствий ни представляет дѣткамъ зима, катанье на конькахъ, кажется, наиболѣе входить въ употребленіе. Не только маленькіе, но и большіе дѣльми часами предаются любимому удовольствію, скользить по чистому, звонкому льду рѣки, дыша свѣжимъ, морознымъ воздухомъ.

Но вотъ, двое малютокъ нашли способъ разнообразить это удовольствие съ помощью своей вѣрной собаки, которая такъ охотно, умно и послушно, съ такою готовностью берется помо-

гать въ играхъ своимъ маленькимъ хозяевамъ. И вотъ малютки устраиваютъ настоящую „экстрапочту“. Багажъ — маленькую муфточку — умный песъ несетъ въ зубахъ, а за гремящій ошейникъ привязаны крѣпкіе шнуры — держась за нихъ, дѣтки несутся за своей собакой по гладкому льду... Не можемъ не остановиться на исполненіи этой милой картинки. Чувство зимняго дня, морознаго воздуха, хлопья снѣгу и инея на деревьяхъ, весь зимній пейзажъ — все это равно замѣчательно выполнено какъ художникомъ, такъ и граверомъ.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

XXI.

Хотя Надя, не по своей винѣ, конечно, и обошла визитомъ дѣвицу-акушерку, но та первая разлетѣлась къ ней, прошла черезъ всѣ комнаты, внимательно всматриваясь въ обстановку, и нашла хозяйку на садовой террасѣ.

— Извините за мою, можетъ быть, нескромность, начала она. Позвольте представиться: дѣвица Аделаида Францовна Розенблюмъ, служу здѣсь въ качествѣ женскаго доктора...

— Здравствуйте! протянула ей руку Надя.

— Давно, давно уже ждали мы васъ, съ большимъ нетерпѣніемъ... Я васъ не знала, но, извините за откровенность, была одна изъ самыхъ пламенныхъ вашихъ поклонницъ. Позвольте васъ поцѣловать...

Аделаида Францовна стремительно рванулась и обняла Надю, обдавъ ее пріятнымъ букетомъ пачули.

— Мерси! высвободилась изъ ея объятій сконфузившаяся хозяйка.

— Удивлялась я только и, признаться сказать, продолжала гостя, что вамъ за охота была сюда ѣхать?! Вы не повѣрите, здѣсь такая глушь, такая глушь!.. и люди — самые невѣжественны!

Надя попыталась было протестовать.

— Ахъ нѣтъ! не дала ей даже раскрыть ротъ дѣвица — и не возражайте... совсѣмъ дигари!.. правы самые грубые и никакого понятія о свѣтскихъ приличіяхъ!

— Они всѣ такіе добрые... успѣла произнести Надя.

— Добрые! Ахъ Боже мой!.. это только съ перваго взгляда такъ кажется... Вотъ вы увидите... Не могу я только говорить, потому что терпѣть не могу никакихъ сплетней... Вы еще не знаете... Ну, да я послѣ вамъ все расскажу... Вы позволите мнѣ поспѣшать васъ, душечка?

— Сдѣлайте одолженіе...

— Какъ у васъ тутъ все мило... Какое на васъ божественно-преlestное платице... Сейчасъ видно, что у французенки заказано...

— Нѣтъ...

— Не говорите, не говорите... Я тоже знаю, я вѣдь понимаю все это хорошо. Я вѣдь получила высокое воспитаніе въ кругу, можно по истинѣ сказать, самомъ аристократическомъ!.. Мой покойный папаша... Ахъ, пожалуста, не примите это за нескромный намекъ. Впрочемъ, это послѣ. Я тоже воспитывалась въ институтѣ, и мы съ вами почти, значить, подруги... Вы мнѣ позволите еще разъ поцѣловать васъ!

— Гляжу я на васъ и, право, сердце обливается кровью, продолжала гостя, снова усѣвшись на мѣсто. Завезли васъ въ эту труппу, втянули васъ въ свою ужасную, варварскую жизнь... Вы, такая молодая, красивая... Бутоны! ну право же, бутоны!.. И вотъ этотъ благоухающій бутонъ, да въ лапы какого нибудь мужика... Боже мой, какъ это грустно, какъ это грустно!.. Ну вотъ, вы уже и плачете...

— Ахъ, переставьте, перестаньте! Я не могу видѣть этихъ слезъ! Я васъ разстроила... Ну, перестаньте-же плакать, мой ангель...

Надя дѣйствительно заплакала. Ей представилась массивная, неуклюжая фигура утренняго визитера и слова акушерки произвели нѣкоторое дѣйствіе...

— Я васъ разстроила, но успокойтесь!.. Здѣсь все таки есть порядочные люди... здѣсь есть, напримѣръ...

Аделаида Францовна осторожно оглядѣлась по сторонамъ, словно удостовѣрится захотѣла, что ее никто не подслушиваетъ, и продолжала:

— Тутъ есть, напримѣръ, Крипицынъ, Павелъ Петровичъ... Это уже дѣйствительно, можно сказать, красавецъ-мужчина и образованія самаго возвышеннаго... Кривной, прирожденный аристократъ.

— Крипицынъ? машинально повторила Надя.

— Павелъ Петровичъ... Только, жаль, онъ скоро уѣзжаетъ... Вотъ это, можно сказать, кавалеръ! По французски говорить, знаете, этакъ съ легкою картавостью, совсѣмъ какъ парижанинъ... Мы съ нимъ разговариваемъ иногда... Знаете, вѣдь здѣсь никто не умѣетъ говорить по французски!.. Когда они верхомъ катаются, просто заглядѣться можно...

— Не онъ ли? неволью подумала Надя, слушая болтовню своей гостыи.

— Вы, душечка, я думаю много навезли костюмовъ. Покажите, Бога ради, покажите... Я такъ давно не видѣла модныхъ вещей. Пойдемте къ вамъ въ спальню, пойдемте душечка!.. Я вамъ тамъ много, много расскажу интереснаго!

Аделаида Францовна замѣтила въ концѣ сада фигуру Силантія, угрюмо поглядывающую въ ея сторону, и почти силою подняла Надю съ мѣста и повлекла въ спальню.

— Я вамъ тамъ много, много расскажу интереснаго! повторила она, пропуская хозяйку въ дверь, впередъ, и окинувъ приближающагося мажордома презрительнымъ взглядомъ.

Черезъ минуту, уютная спальня Нади, гдѣ все было такъ прибрано по мѣстамъ, получила видъ полнѣйшаго разгрома... Словно въ дорогу собирались. Комоды отворены, платья разбросаны на креслахъ и на постели, бѣлье тоже все перерыто. Гостя не пропускала ни одной мелочи, прикидывала все къ своему лицу, вертѣлась передъ зеркаломъ и ото всего приходила въ восторженное состояніе.

— Ахъ, какъ это мило! твердила она. — Какъ все это со вкусомъ! и для кого здѣсь, зачѣмъ? Развѣ здѣсь могутъ оцѣнить все это, такіе дикари и невѣжды?.. Если бы еще Павелъ Петровичъ оставался, ну тогда другое дѣло, но теперь...

— Почему-же онъ уѣзжаетъ? почти безсознательно вырвалось у Нади.

— Ахъ я вамъ расскажу! подхватила акушерка. — Это цѣлый романъ. Это такая несправедливость, такая

дикая невѣжественность! Я вамъ все расскажу по порядку...

И она, оставивъ осмотръ костюмовъ, пододвинула стулъ къ Надѣ и сѣла совсѣмъ вплотную, еще разъ осмотрѣвшись по сторонамъ.

— Видите-ли-съ. Тутъ былъ, знаете, обѣдъ, то есть не совсѣмъ обѣдъ... Аделаида Францовна замыслась немного, ей не хотѣлось касаться обстоятельства, которое, она понимала, не могло быть Надѣ особенно приятно.

— Ну, да все равно! Только у Крилицына пашли, представьте себѣ, вашу карточку.

— Какимъ образомъ! удивилась Надя.

— Не знаю! протянула акушерка и многозначительно посмотрѣла на дѣвушку. Молодой Глухаревъ, этотъ, знаете, что у васъ сегодня съ визитомъ былъ, возьми, да ни съ того, ни съ сего, и вломись въ амбицію. „По какому праву, да по какому случаю—очутился у васъ, милостивый государь, этотъ портретъ?“ Павелъ Петровичъ сейчасъ, гордо но вѣжливо: „это, говоритъ, молодой человѣкъ, не ваше дѣло.“ Карточку вашу сейчасъ взялъ и къ себѣ въ карманъ, на сердце, понимаете?.. Это я все своими глазами видѣла. Ну, натурально, Глухаревъ сейчасъ ему дерзость... Мужики вѣдь только и берутъ, что руганью... А Павелъ Петровичъ опять ему вѣжливо, съ достоинствомъ и благородствомъ: „я, говоритъ, объ этомъ объяснюсь съ вами послѣ...“ И что же бы вы думали? Взялъ да и послалъ къ нему вызовъ,— на дуэль значить...

— Ахъ, Боже мой!

Надя теперь вслушивалась внимательно въ рассказъ акушерки.

— Тутъ, продолжала та,—сейчасъ бунтъ поднялся... Офицеры здѣшніе не любятъ Павла Петровича, всѣ за Глухарева стали... Судъ собрали... Всѣ на одного!.. Вы подумайте только!.. Нѣтъ чтобы у кого хватило благородства стать за правого... Павелъ Петровичъ и порѣшилъ ихъ въ глаза: „Ежели, говоритъ, вы отъ благороднаго поединка отказываетесь, такъ я, съ такими визитными людьми, служить не хочу и съ вами компанію водить не согласенъ!“ взялъ это и вышелъ отъ нихъ... Теперь вотъ рѣшенія ждетъ отъ начальства, когда ему можно будетъ отсюда уѣхать...

Надя задумалась.

— За что же его не любятъ здѣсь? спросила она.

— За то больше, что онъ имъ не компанія... Зависть, видите ли, прежде насъ родилась, вотъ за то только и не любятъ... Павелъ Петровичъ привыкъ къ обществу аристократическому, онъ и сюда попалъ только за благородство и пылкость своего характера, а тутъ, вотъ вы сами увидите, мужикъ на мужикъ—самые неотесанные. Опять же не можетъ Павелъ Петровичъ, чтобы съ ними заодно. Они вотъ водкою напиваются, а онъ этого не любитъ, онъ все этакъ стороною и держалъ себя гордо и съ достоинствомъ. Вотъ за то и не сошлись характерами. Нани то, чѣмъ бы учиться, да примѣръ брать съ Павла Петровича, сейчасъ всякіе ему шиканы, а онъ на все съ пренебреженіемъ. Не унижаться же ему передъ этими сиволапами! И вотъ сами теперь виноваты: былъ у нихъ въ батальонѣ офицеръ, примѣръ благородства, а теперь плюнулъ и ушелъ—купайтесь, моль, въ своей грязи по уши! Ахъ, Боже мой! какой я у васъ безпорядокъ произвела! Вы меня пожалуста извините, душенька! Я такъ давно не видала ничего моднаго. Я сейчасъ все уберу... Позвольте... я сама!

И она торопливо принялась собирать и складывать въ ящики комода принадлежности Надинаго туалета...

— Не беспокойтесь! остановила было ее хозяйка.

— Какое-же беспокойство!.. Ахъ да... можно вамъ, мой ангелъ, сказать по секрету—одну мысль, которая мнѣ сейчасъ пришла въ голову. Можно?

— Что такое?

— Только вы не конфузьтесь... честное слово?... да?..

Акушерка завертѣлась на стулъ и снова безпокойно оглядѣлась кругомъ.

— Знаете-ли, почему, я думаю, Павелъ Петровичъ до сихъ поръ еще не уѣхалъ, знаете ли почему?

И не дожидаясь отвѣта, пригнулась къ уху Нади и почти шепотомъ продолжала:

— Онъ ждалъ!..

— Чего? удивилась та... Да, вы мнѣ говорили,—разрѣшенія какого то...

— Ну нѣтъ, тутъ другое совсѣмъ... онъ ждалъ одну особу... ту чью карточку хранилъ у себя на сердцѣ... Я глубоко, глубоко вѣрю этому.

Надя покраснѣла.

— Повѣрьте вы мнѣ... Я очень-очень хорошо знаю человеческое сердце.

Надя задумалась. Ей вспомнился въ эту минуту рассказъ ихъ классной дамы, которая увѣряла, что одинъ молодой человѣкъ, какой то французскій графъ, влюбился въ нее по портрету, просилъ руки, но жестокіе родители отказали—и онъ застрѣлился передъ ея окнами...

Надя и ея подруги конечно не имѣли никакихъ данныхъ сомнѣваться въ истинѣ словъ своей классной дамы и горячо оплакивали романтическую судьбу французскаго графа...

— И очень можетъ быть, что и дождавшись,—акушерка усиленно подчеркнуло это слово,—что и дождавшись, повторила она, Павелъ Петровичъ еще не скоро уѣдетъ... Ну, душенька, до свиданья! засидѣлась я у васъ... Я такъ рада, такъ рада, что вы пріѣхали!.. Позвольте мнѣ еще разъ обнять васъ и надѣюсь, что и вы ко мнѣ... Я здѣсь недалеко, изъ окошекъ вашей залы даже моя крыша видна, бѣлая труба и на ней всегда голуби—я ихъ прикармливаю. Я такъ люблю этихъ чудныхъ голубковъ,—это мои друзья, единственное утѣшеніе въ моемъ одиночествѣ.

Аделаида Францовна прекратила наконецъ свою болтовню и вышла. На порогѣ столкнулась носомъ къ носу съ Шелобовымъ.

— Успѣли уже? пожалъ плечами тотъ.

— Успѣла-съ! кокетливо улыбнулась та и съ трескомъ раскрыла свой оранжевый зонтикъ.

— А ты бы ее въ шею, замѣтилъ Василий Ивановичъ, обращаясь къ Силантію, когда гостья отошла подальше, поднявъ на улицѣ пылъ своимъ распущеннымъ шлейфомъ.

— Слѣдовало бы-съ, согласился тотъ... то есть вотъ какъ бы слѣдовало!.. прошмыгнула то она,— я не видать... другой разъ умѣе буду... Столикъ карточный для вечера прикажете приготовить?..

— Столикъ?! да кто же играть то будетъ?.. развѣ отецъ Павелъ прійдетъ?.. Приготовъ на всякій случай!..

XXII.

Въ этотъ вечеръ Павлуша исправилъ нѣсколько то невыгодное впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на Надю своимъ утреннимъ визитомъ.

Молодой Глухаревъ пришелъ, вонервыхъ, за просто, въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, бѣлой шелковой рубашкѣ съ пристегнутыми офицерскими погонами. Этотъ костюмъ гораздо больше шелъ къ нему и онъ высматривалъ положительно молодцемъ. Онъ вѣдь былъ если и не красавецъ, то очень симпатиченъ: его прекрасные глаза смотрѣли скромно, но весело; его приятный ротъ, еле прикрытый усами, складывался въ добродушную, наивно-дѣтскую улыбку... Онъ былъ, правда, угловатъ своими движеніями, но эта угловатость, изобличавшая здоровую силу, даже шла отчасти къ его атлетической фигурѣ.

Довольно было только одной улыбки Нади, можетъ быть и печально обращенной къ нему, чтобы онъ значительно разошелся и разговорился...

Иванъ Акимовичъ смотрѣлъ на сына и наравдаться

Караванъ въ пути. Ориг. рис. Л. Фишера, грав. Н. Гюнтеръ.

не могъ. Шелобовъ тоже одобрилъ... Хмурая тучка, набѣжавшая было на сердце старика Глухарева послѣ утренняго посѣщенія, сама собою, скоро разсѣялась.

Отецъ Павелъ пришелъ и втроемъ сѣли за преферансъ. Надя разливала чай, Павлуша ей помогала, разносилъ стаканы и два раза успѣлъ даже размѣшить хозяйку, чѣмъ именно—и самъ не догадывался...

Надя смѣялась и ему смѣяться хотѣлось... Правда, смѣхъ Нади отдавалъ какъ будто чѣмъ то дѣланнмъ—это не былъ ея обыкновенный смѣхъ, заражавшій, бывало, еще въ институтѣ всю залу своею веселостью, но Павлуша не вдавался въ оцѣнку этого смѣха и былъ вполне счастливъ, даже за котенкомъ погнался, который, спасаясь отъ преслѣдованія собакъ, вскочилъ на заборъ сада, а оттуда на крышу бесѣдки. Онъ очень ловко взобрался туда же и съ торжествомъ поднесъ Надѣ бѣдное, дрожащее отъ страха, робко мяукающее существо.

Надя приняла котенка и тутъ же на столѣ принялась поить его сливками со своего блюдечка.

— Жаль, племянницу свою не захватилъ съ собою! замѣтилъ отецъ Павелъ.—Дѣвушка добрая и вамъ, барышня, компанія подходящая, развѣ годочками двумя постарше будетъ.

— Груня прелесть! согласился Шелобовъ.

— Что-жъ не привелъ? взглянулъ на отца Павла и Иванъ Акимовичъ.

— Въ другой разъ приведу... А ну-ка въ бубнахъ семь!

— Повистую, покрутилъ усъ Василий Ивановичъ. Ты, Ваня, что?

— Пась!

— Открывай! да попробуемъ батьку безъ хвостика оставить... Что! наскочилъ на самъ четвертаго!

— Вотъ уже третій разъ такъ... Оказія! задумался отецъ Павелъ, поглаживая бороду и обдумывая ходъ.

— Тигрятки будутъ такіе же — только покрупнѣе... объяснял Павлуша Надѣ, вытирал своимъ носовымъ платкомъ послѣдствія невоспитанности спасеннаго котенка.

— А они кусаются? спросила Надя.

— Подростутъ, такъ страсть какіе злые! У насъ, года три тому назадъ, выгнали изъ гнѣзда пару—такъ только до шести недѣль держать на волѣ можно было. На цѣпь посадили послѣ. Вы, Надежда Федоровна, что больше любите—виноградъ или персики?

— Персики! произнесла Надя и по разсѣянности забыла запереть грань самовара.

Павлуша бросился исправлять эту ошибку и опять пустилъ въ ходъ свой носовой платокъ.

Веселость Нади, все-таки нѣсколько искусственная, стала испаряться понемногу. Она выждала моментъ, когда ея молодой гость, не отстававшій отъ нея ни шагу, подошелъ, наконецъ, къ играющимъ и остановился за стуломъ отца, заинтересовавшись розыгрышемъ, и тихонько пошла въ глубину сада.

Она дошла до самаго конца, гдѣ стѣнка была значительно ниже и подняла голову... Звукъ копытъ вывелъ ее изъ задумчивости...

— Надежда Федоровна! Надежда Федоровна! Гдѣ вы? послышался голосъ молодого Глухарева.

— Я... я сейчасъ, растерялась Надя, бѣгомъ пробѣжала по дорожкѣ и прямо черезъ террасу, въ свою комнату. Оттуда, убѣдившись, что за нею не слѣдятъ, она перешла въ залъ и приподняла опущенную стору.

— Надежда Федоровна! снова послышался голосъ Павлуши.

Надя досадливо передернула плечами, отошла отъ окна и снова погрузилась въ задумчивость.

Вышла она въ садъ уже не такая веселая и это обстоятельство не укрылось отъ наблюдательнаго взора старика Глухарева.

— Что, не головка ли опять разболѣлась? обратился онъ къ ней съ участіемъ.

— Да, чуть слышно отвѣтила дѣвушка.

— Можетъ сегодня, въ жару, не выходили-ли вы на солнце съ открытою головою? замѣтилъ отецъ Павелъ.— Этого здѣсь отнюдь не слѣдуетъ дѣлать.

— Устала тоже! резонировала старый Глухаревъ.— Вѣдь съ такой дороги въ одну ночь не отдохнешь... Она, другому, съ непривычки ежели, мѣсяцами отдаетъ... Кому сдавать, господа?..

— Ничего, это пройдетъ! трихнула головою Надя.— Только...

— А вотъ что, голубка моя, оставилъ карты Иванъ Акимовичъ.—Ты иди-ко себѣ спать, кликни Анисью и съ Богомъ... Мы тутъ и безъ тебя справимся! Вотъ доиграемъ пультку, закусимъ да и уйдемъ—десятый часъ, если не ошибаюсь?

— Безъ четверти! справился съ своею луковицею Шелобовъ.

— Можно? переспросила Надя и обрадовалась.

— Должно, не только что можно, сказалъ Глухаревъ-отецъ.—Анисья! иди укладывать барышню! Анисья!.. Силантий! разыщи ты эту востроносую... Ну, господа, кто что говоритъ?

— Да я опять въ бубны, произнесъ отецъ Павелъ.

Надя ушла. Гости ея, хотя ихъ и отдѣляло отъ спальни хозяйки порядочное пространство, понизили голосъ.

— Пась!

— Пась!

— И превосходно!.. Занесемъ въ книгу судьбы... Гдѣ мѣлокъ то? Эвона гдѣ, сронили!..

Батюшка нагнулся и сталъ шарить около своего стула.

Абрекъ, должно быть своевольно, повернулъ въ эту сторону и повезъ Павла Петровича какъ разъ мимо садовой стѣнки. Хотя подъ такимъ ѣздокомъ, какъ Крилицычъ, никакой ретивый конь не можетъ имѣть своей воли, но на этотъ разъ вышло исключеніе.

Павель Петровичъ очень хорошо видѣлъ красивое, взволнованное лицо дѣвушки, смотрѣвшее на него въ упоръ широко раскрытыми глазами. Надя была увѣрена, что ея незамѣтно въ густой тѣни кустовъ. Обогнувъ домъ, Павелъ Петровичъ опять повернулся на сѣдлѣ и видѣлъ какъ колыхнулась оконная занавѣска, видѣлъ опять на мгновение—тѣже, широко раскрытые чуждые глаза... и улыбнулся, про себя только. Онъ умѣлъ такъ улыбаться, что ни его глаза, ни малѣйшее движеніе губъ не выдавали этой улыбки. Однако, въ эту ночь, портретъ кухни Мадъ былъ почему то забытъ на письменномъ столѣ и не попалъ на ночной столикъ, къ постели Павла Петровича.

Онъ собирался было писать въ Петербургъ и отложилъ свое намѣреніе до другаго раза... Ему не спалось.

А на другой день онъ получилъ, совершенно неожиданно, записку съ запахомъ начули, слѣдующаго, простаго, но все таки загадочнаго, содержанія:

„Милостивый государь

Уважаемый Павелъ Петровичъ!

Не откажите пожаловать завтра въ пять часовъ вечера ко мнѣ на чашку чая. Васъ, можетъ быть, удивитъ мое приглашеніе, но, тѣмъ не менѣе, остаюсь въ полной увѣренности, что вы не захотите обидѣть меня вашимъ отказомъ.

Глубоко уважающая васъ,

Аделаида Розенблюмъ.

Р. S. Никого изъ вашихъ враговъ у меня вы не встрѣтите. Еще разъ жду и жду... Вы будете довольны.“

Павель Петровичъ рѣшилъ, что пойти можно.

XXIII.

— А ты не торонись, говорилъ Иванъ Акимовичъ Павлушѣ, сидя въ халатѣ и раскуривая свою длинную турецкую трубку. — Ты не сразу. Она тебя не только что въ первый разъ видитъ, она о тебѣ и не думала никогда, существованія твоего на семь свѣтѣ не предполагала... Федоръ то, покойный, въ письмахъ когда упоминалъ, это пустяки... Шелобовъ хвалилъ дорогою, — это тоже не важность! Иной разъ этакъ то хвалить — и перехвалить можно... бываетъ! Такъ вотъ ты это всеобрази и не горячись!

— Я понимаю, папаша, я это все очень хорошо понимаю, тоскливо нылъ, лежа подъ одѣяломъ, Павлуша. — Я вотъ тоже ее не видалъ, а сразу, съ перваго взгляда... да что съ перваго взгляда!.. Я вотъ, и не видѣвши ее вовсе, полюбилъ, а какъ увидѣлъ...

— Да вѣдь, понимаешь ты, это не уйдетъ... Только и съ твоей стороны надо все таки осторожнѣе быть и послѣдовательнѣй. Я тебѣ скажу откровенно, и ты на отпа не обижайся... Я вѣдь все видалъ и все понимаю... И скажу тебѣ прямо, безъ обиняковъ, по солдатски: ты ей съ перваго взгляда не понравился.

— Папаша!..

— Что, папаша, что!.. Ты вотъ самъ солдатъ, а разрюмился. Нѣтъ, братъ, раскисать нельзя, — этого тоже женское сословіе не любитъ. То есть, я хотѣлъ сказать, что... ну, какъ бы это тебѣ выразить понятнѣе... Она, можетъ быть, тебя представляла себѣ нѣсколько иначе... Богъ ее знаетъ! но только, когда ты къ ней пришелъ, она поглядѣла на тебя и подумала: „Ахъ, моль, не то!..“ Уже это, другъ мой, я тогда же наматалъ себѣ на усы... Тутъ ты не виноватъ и огорчаться пока нечѣмъ... Не съ одного маха города берутъ!.. Съ перваго взгляда не понравился, съумѣй понравиться послѣ. Оно, знаешь, еще прочнѣе бываетъ. И ты моего совѣта слушай. Я тоже прожилъ довольно и всякихъ видовъ перевидалъ порядочно! За своею женою, а твоею матерью — я, можетъ быть, не одинъ годъ ухаживалъ... Такія трагедіи выводилъ, что и нашему инженеру не вывести, а все-таки на своемъ поставилъ... Маленька твоя меня цѣлый годъ видѣть не могла, а потомъ души во мнѣ не чаяла... Всяко, братъ, бываетъ!

— За что же?.. за что же мнѣ то, папенька! всхлипнуть Павлуша. Что же во мнѣ то она нашла такого противнаго?..

— А во мнѣ что, твоя маленька?.. Я вѣдь тоже почище тебя молодецъ былъ... И, братъ, на ея глазахъ, на пожарѣ цѣлую семью повытаскивалъ... самъ чуть не сгорѣлъ... Кругомъ стоишь стономъ стоялъ: „Молодецъ да молодчина... Герой!“ — а не помогло тогда... прислала только въ госпиталь, гдѣ я лежалъ, банку варенья, а сама и не навѣдалась даже. Такъ то!.. Въ жепскомъ сердцѣ, что въ колодцѣ глубоко, ничего не разгладить, пока само не всплыветъ наверхъ...

— Всѣ вотъ по форту говорятъ, что я женихъ... невѣста, моль, моя пріѣхала, а тутъ вопъ оно какъ!..

Павлуша сѣла на постели и свѣсила на коверъ свои боссыя ноги.

— И, папаша, тоже понимаю хорошо... продолжалъ онъ — и заслужить ея любовь постараюсь... Вотъ если бы только другой кто не перебилъ...

— Другой!.. Ну, подумалъ старикъ Глухаревъ, — другой — повторилъ онъ вслухъ... этого, другаго, пока не видать что то... Ползунковъ развѣ?.. Гдѣ тому? такой ей не поправится... Нѣтъ, Пашка, твое счастье, — а здѣсь конкурентовъ опасаться нечего... Только опять таки я совѣтую тебѣ держать себя съ нею умно и толково и отнюдь пюни не распускать... подтянись, братъ! Обращайся съ нею просто, дружески, какъ братъ съ сестрою, будь всегда веселъ, ублажай ее со всѣхъ концовъ, только не надобѣдай. Понимаешь ли ты, что зна-

чить: *не надобѣдай?* — это значить: ни единой минуты, слышишь, ни единой минуты не будь ей въ тягость, и съ любовью своей не приставай ни въ какомъ случаѣ... Каждый день тоже нечего шлаться, роли не выдержишь... повторяться станешь... Вотъ завтра на охоту ступай, да дня на три... Выжди пока сама не спроситъ: „а гдѣ же моль Павелъ Ивановичъ?..“ Тамъ я уже знаю, что и какъ отвѣчать ей надо... Покажись ей, молодецъ молодцомъ, а тамъ — опять въ отлучку... Богъ дастъ добьешься, что и о тебѣ соскучатся, а отъ скуки уже недалеко и до чего другаго... Бываетъ, знаешь-ли ты что бываетъ полезно иной разъ?.. То-то, не знаешь!.. А я тебѣ скажу: бываетъ полезно когда ты и за другой при ней приволокнешься... Вотъ хоть за Груней... Впрочемъ нѣтъ, ту оставь... ту жалко... а вотъ, вали хоть за докторшей нашей...

— Папенька!..

— Да вѣдь я для шутки, для примѣра только... Главное только не напоминай ей самой о своей любви, — съ чувствами то этими какъ можно подальше... Вотъ что главное! И все, повѣрь мнѣ, будетъ въ свое время обстоять вполне благополучно. Ну, ложись спать! пора! Вотъ я докурю, выколочу и самъ завалюсь... Утро вечера мудренѣе!

Улегся Павлуша, минуту спустя и старикъ Глухаревъ сталъ постукивать о подоконникъ своею трубкою.

— Не объ этомъ тебѣ хлопочу я, началъ опять резонировать Иванъ Акимовичъ. Объ ней, о Надѣ, можетъ быть еще больше. Я увѣренъ, что лучше тебя ей не найти мужа... Не потому говорю это, что ты сынъ мой, — коли бы ты былъ ей не подъ пару, такъ я и не посмотрѣлъ бы, что сынъ, самъ-бы скомандовалъ тебѣ: „отчаливай!“ — такъ то!.. Знаю я почему жду не дождусь этой свадьбы. Умру покойно и съ чистою совѣстью явлюсь тамъ, къ матушкѣ твоей и къ другу Федору съ отчетомъ... Опять же она дѣвушка не безъ средствъ къ жизни, у тебя тоже есть; будетъ чѣмъ вѣкъ прожить нужды не вѣдая, будетъ чѣмъ и дѣтей на ноги поставитъ. Эхъ, Паша-Паша!... Ну, однако все таки спи!.. Вонъ оно, уже и свѣтать скоро станетъ, а завтра мнѣ рано въ складъ надо, казакамъ патроны выдавать. Ты которымъ часомъ требованіе помѣтилъ?

— На половину шестаго назначилъ.

— То-то!..

— Иванъ Акимычъ, а Иванъ Акимычъ! раздался голосъ Шелобова за перегородкою. А я такъ все думаю: не купишь-ли мнѣ Абрека Криницкаго — ты какъ полагаешь?

— Я думалъ — ты уже второй сонъ видишь! отвѣчалъ старикъ Глухаревъ.

— Не спится что то... Криницкаго хочешь за коня пять радужныхъ... Я дамъ. Хотя и дешевле можно купить, а я дамъ, Богъ съ нимъ! Ему, можетъ быть, на дорогу деньги нужны... Получить да и уѣхать поскорѣе!.. Какъ ты думаешь?

— Гм! поперхнулся Иванъ Акимовичъ... Давно бы ему пора убираться отсюда!.. что-жъ, покупай, лошадь хорошая.

— А то можетъ быть ты купишь, для Павлуши? я перебивать не намѣренъ... Оно, знаешь, очень приятно... Павлуша, ты спишь что-ли? Осѣдаешь этакъ лихаго коня, да мимо окошекъ чихъ нибудь, козыремъ... Павлуша?..

Но ни Павлуша, ни Иванъ Акимовичъ не отвѣчали на эту Шелобовскую шутку. Шелобовъ больше не продолжалъ.

Всѣ трое одинаково поняли ея значеніе, и на всѣхъ трехъ напоминаніе о Криницкѣ подѣйствовало, почему-то, крайне раздражительно.

Заснули наши пріятель или нѣтъ, но только въ квартирѣ Глухарева настало теперь полное молчаніе.

XXIV.

Туманъ, сплошной, холодный, непроницаемый повисъ въ воздухъ и подъ этою сизою стѣною высятся далекия горы, уходя въ лазурное небо своими вершинами. Вѣчные льды покрываютъ мшистый гранитъ, алмазами сверкають они на солнцѣ, чудными линиями рисуясь въ въ прозрачномъ, золотистомъ эфирѣ... Несется вверхъ крылатый конь, не чувствуя шноръ, не чувствуя, струпою натянутаго, повода... Это не конь, это самъ вѣтеръ... и охватилъ онъ безсильнаго всадника, отнял у него сознание, отнял волю, и несеть въ безконечное пространство...

— И все также далеко алмазные выси, словно онѣ тоже уносятся дальше и дальше и съ собою уносятъ дивный образъ.. образъ женщины.

Съ укоромъ смотрятъ кроткіе глаза, золотою короною обложили мраморный лобъ роскошныя косы... ея губы шепчуть призывъ. И никто этого призыва, кромѣ него, не слышитъ...

— Сюда.. ко мнѣ!.. Что же ты, безсильный!.. Мнѣ холодно здѣсь, мое сердце замираетъ и стынетъ, а съ нимъ и жизнь... Сюда!..

Машетъ могучими крыльями конь, гудитъ уныло вѣтеръ, пронизывая крѣпкія кольца желѣзной цѣпи... Это тамъ, внизу, за неподвижною стѣною тумана, держитъ его злая, невидимая сила... и борется эта сила съ силою крыльевъ волшебнаго коня, борется съ силою другихъ крыльевъ, словно выросшихъ изъ его сердца...

Это не ударъ грома... это не молнія ослѣпительно блеснула въ глаза, это разомъ лопнула проклятая цѣпь.. и подхватило горное эхо металлическихъ, предемертные стоны, понесло его по ущельямъ безконечными перекатами...

Съ розмаха ринулся освобожденный конь.. словно солнце засверкала сверху кроткая, радостная улыбка... Близко-близко... Вотъ-вотъ готовы коснуться ея, съ мольбою протянутыя руки... Темная, угрюмая скала выросла въ мгновение передъ его глазами, и закрыла собою все.. Съ розмаха ударился разлетѣвшійся конь, грудью хватился очарованный всадникъ... Скала!.. нѣтъ, это не скала! это страшный затылокъ... сѣдой, съ черною, зияющею пробоиной... И разомъ настала ночь, разомъ окутала все непроницаемою тьмою... Красные огни замелькали внизу.. Это воли въ кустахъ, это тигръ, сквозь камышъ завидѣвшій легкую добычу.. Это факелы!.. Да, погребальное, унылое шествіе... Вотъ они движутся безконечною вереницею, поютъ, и разноситъ вѣтромъ огненные искры ихъ факеловъ... Кони, покрытые черными попонами, тяжело тащатъ высокую, траурную колесницу... неистово визжать и скрипятъ немалыя колеса, гнутся дроги подъ страшною тяжестью и не балдахинъ это, какъ казалось прежде, издали, нѣтъ,— это висѣлица. Стаи воронъ усѣлись въ рядъ на ея перекладинахъ... Колыхнется веревочная петля, словно змѣя вьется съ раскрытою пастью, готовая ринуться на добычу...

— Кому?..

— Я не хочу знать кому... это не я спрашивалъ,— нѣтъ!.. это сердце само, безъ моей воли, спросило... Не надо отвѣта! не надо!.. молчи!..

— Тебѣ! стонетъ неумолимое горное эхо.

Черные люди, съ закрытыми лицами, окружили его со всѣхъ сторонъ и съ розмаха воткнули въ землю свои факелы... Его бегутъ, его тянутъ на эшафотъ, прямо подъ эту ненавистную петлю... Навстрѣчу ему двинулся страшный палачъ... и лицо этого палача знакомо ему... знакомъ ему этотъ багровый носъ, эти, щетиною торчащія усы, эти осоловѣлые отъ пьянства, безжизненные, затекшіе глаза.

— Покажи мнѣ свои руки!.. руки покажи! чисты ли онѣ у тебя? хрипитъ знакомый голосъ...

И вдругъ, розовое, теплое, мягкое такое облачко на-

летѣло на него, окутало и вынесло изъ этого страшнаго круга... И опять въ этомъ облачѣ мелькають чудныя формы, опять тѣ же кроткіе, дѣтски чистые глаза, опять надъ мраморнымъ лбомъ—золотая корона... И исчезли вмѣстѣ съ ночною тьмою ненавистныя признаки гозора и казни. Чудная картина разворачивается передъ глазами зеленые сады, журчащія ручьи, серебряная пѣна рокошующихъ водопадовъ... Стройныя пальмы, бѣлые, легкія минареты, призывной голосъ муллы... мелодія струнъ и веселый дребезгъ тамбурина...

Откинувъ бѣлую чадру, змѣею извивается женщина, чуть касаясь ковра своими легкими, полуобнаженными ногами. Это сна! это кузина Мэдъ. Она видитъ его и хохочетъ.. Звонко разносится ея злой, насмѣшливый хохотъ,—а ему все равно... Ему здѣсь такъ хорошо, такъ отрадно лежать на мягкомъ коврѣ, ему такъ сладко чувствовать на своемъ пылающемъ лбу эту пѣжную, любящую руку. Только зачѣмъ этотъ черный, этотъ курносый пегръ смотритъ сюда же и тоже смѣется... Словно сажею вымазанное лицо лоснится на солнцѣ, сверкають и шелкають оскаленные зубы... И не зубы это... не ротъ!—это затылокъ... и на немъ...

— Уйди ты отъ меня, сгинь ненавистное видѣніе! Тамъ, за гробомъ, твоя сила, здѣсь—жизнь! Я живу, и не хочу знать ничего, что за предѣлами могилы... Сгинь!..

— Ты ближе къ ней, чѣмъ думаешь! говоритъ кузина Мэдъ.

— *Set afreux!* шепчуть желтыя, высохшія губы княгини Расбросовой.

Вотъ она сидитъ въ своемъ зеленомъ креслѣ и гладитъ косматую, слѣпую болонку...

— Ну, ужъ этого я никакъ не могъ ожидать, шепелявилъ Грушинъ, вытирая ротъ салфеткою. И, конечно, Поль, ты согласишься со мною, что правосудіе выше дружбы..

— *Set afreux!* все заладила свое старушка-княгиня. Кусь его! кусь гадкаго! Мимиска кусь, кусь!..

И вдругъ эта дрянная, жалкая собаченка все рстетъ и рстетъ, она весь садъ наполняетъ своею косматою фигурою.. Она съ ревомъ бросается на него, виѣпилась ему въ горло зубами, душитъ его, по кускамъ разрываетъ на части.

— Готово! спрашиваетъ нагнувшись Шелобовъ.

— Готово! отвѣчаетъ Иванъ Акимовичъ...

И хочетъ онъ имъ сказать: „Нѣтъ, еще рано!.. я живъ!.. я жить хочу, я буду!“ И чувствуетъ уже, что жизнь снова начинается пробиваться въ его жилахъ, снова, медленно, тихо начинаетъ биться сердце... Струя свѣжаго воздуха сладко такъ пробирается въ его легкія... Сѣрыя стѣны отошли и стали, и онъ ясно видитъ на нихъ безчисленныя трещины, слѣды аляповатой живописи и позолоты, полки съ какими то синими горшками и банками... а дальше дверь, и за дверью зеленъ деревьевъ, залитая лучами солнца... И это все уже прочное, не призрачное.

— Что это—сонъ? Нѣтъ, это уже не сонъ... Вонъ и голосъ Миробая, вонъ и лязгъ мѣднаго кунгана, топотня босыхъ ногъ по циновкамъ. Это Алибей и Мамунъ хлопочутъ...

Криницынъ съ трудомъ поднялъ съ подушки свою отяжелѣвшую голову и приподнялся.

Около него, съ одной стороны, лежалъ на коврѣ какой то нищій-оборванецъ, разметавшись, въ полномъ оспаненіи. Его ротъ растянута въ циничную улыбку, глаза были полураскрыты, но ничего не видѣли. Съ другой стороны лежалъ кто то въ красномъ халатѣ, ничкомъ, его трясло какъ въ лихорадкѣ; въ углу сидѣла угрюмая фигура, тоже въ лохмотьяхъ, опутивъ гладко обриту голову на колѣни...

— Какая мерзость! подумалъ Павелъ Петровичъ, съ трудомъ поднялся на ноги, покачнулся и сталъ приводить въ порядокъ одежду...

Скромность. Статуя А. Вейценберга. Грав. Ю. Барановский.

— Хорошо спал? спросил Миробай, заглядывая въ двери сакли.

— Сначала оно всегда тяжело немного, продолжалъ онъ, не дождавшись отвѣта. — А зато послѣ хорошо! Охъ какъ хорошо будетъ! Я тебѣ сейчасъ Мамуна пошлю; онъ тебѣ воды принесетъ, холодной, умыться, а чай пить ко мнѣ иди... Зеленый чай очень послѣ этого помогаетъ.

— Потомъ хорошо, потомъ очень хорошо будетъ! повторялъ и батча, входя съ мѣднымъ тазомъ и шелковымъ полотенцемъ.

— Теперь еще рано! Солнце только что взошло и весь народъ спитъ... Иди сюда! тебя никто не можетъ

видѣть, пригласилъ Миробай, съ гордостью поправляя на своемъ халатѣ свѣтло-бронзовую медаль на аннепской лентѣ.

Павель Петровичъ намочилъ полотенце, обвилъ имъ свою воспаленную голову и съ жадностью принялся глотать горячій чай, чувствуя, какъ этотъ ароматическій напитокъ успѣшно начиналъ бороться съ тяжелыми послѣдствіями опьяненія.

Алибей не успѣвалъ подливать его маленькую чашечку изъ кунгана. Миробай пытливо, искоса поглядывалъ на своего гостя, поглаживая рѣдкую, сѣдую бороду, скользя съ наслажденіемъ крючковатыми пальцами по чекану своей, достойно заслуженной „награды“.

(До слѣд. №).

Разсказъ Раевского о дуэли Лермонтова.

Записано В. Желиховской.

(Окончаніе).

На другое утро собрались мы въ нашей съ Глѣбовымъ комнатѣ. Пришелъ и нѣкій поручикъ Дороховъ, знаменитый тѣмъ, что въ 14-ти дуэляхъ участіе принималъ, за что и назывался онъ у насъ бретѣръ. Какъ человекъ опытный, онъ намъ и далъ совѣтъ.

— Въ такихъ, говоритъ, случаяхъ принято противниковъ разлучать на вѣкоторое время. Раздраженіе пройдетъ, а тамъ, Богъ дастъ, и сами помирятся.

Мы и его послушались согласіемъ, да и еще рѣшили попросить кого-нибудь изъ старшихъ переговорить съ нашими споришками. Кого же было просить? Петръ Семеновичъ Верзилинъ, можетъ, еще за мѣсяцъ передъ тѣмъ уѣхалъ въ Варшаву хлопотать о какой нибудь должности для себя. Былъ у насъ еще одинъ другъ, старикъ Ильяшенко. Онъ нашу банду очень любилъ, а въ особенности Лермонтова, хотя, бывало, когда стачень его просить не высылать изъ Пятигорска, онъ всегда бранился, да приговариваетъ: „Убей меня Богъ, что вы, мальчишки, со мной дѣлаете!“ Ну, да его нельзя было въ такое дѣло мѣшать, потому что онъ комендантомъ Пятигорска былъ. Думали полковника Зельмица, что вмѣстѣ съ нами жить, попросить, да рѣшили, что онъ помолчать не сумѣетъ. Онъ всегда, какъ что-нибудь провѣдаетъ, сейчасъ-же бѣжить всѣхъ дамъ оговѣщать. Ну, такъ намъ же не было охоты барынь нашихъ пугать, тѣмъ болѣе, что и сами мы смогрѣли на эту исторію, какъ на пустяки. Оставался намъ, значить, одинъ только полковникъ Манзей, тотъ самый, которому Лермонтовъ разъ сказалъ:

Куда, съдой прелюбодѣй,
Стремись своей ты мысли бѣги?
Кругомъ съ арбузами телѣги
И ибѣтъ порядочныхъ людей!

Позвали мы его, рассказали ему всю исторію. Онъ поговорить со споришками не отказался, но совершенно основательно заиѣгилъ, что съ Лермонтовымъ ему не совладать, а что лучше было бы, кабы Столыпинъ съ нимъ сперва поговорилъ. Столыпинъ сейчасъ-же пошелъ въ рабочую комнату, гдѣ Михаилъ Юрьевичъ чѣмъ то былъ занятъ. Говорили они довольно долго, а мы сидѣли и ждали, дыханіе притаивши.

Столыпинъ намъ послѣ рассказывалъ, какъ было дѣло. Онъ, какъ только вошелъ къ нему, сталъ его уговаривать и сказалъ, что мы бы всѣ рады были, кабы онъ уѣхалъ.

— Мало тебѣ и безъ того неприятностей было? Только что эта исторія съ Барантомъ, а тутъ опять. Уѣжай ты, сдѣлай милость!

Михаилъ Юрьевичъ не разсердился: зналъ, вѣдь, что всѣ мы его любимъ.

— Изволь, говоритъ, уѣду и все сдѣлаю, какъ вы хотите.

И сказалъ онъ тутъ-же, что, въ случаѣ дуэли, Мартыновъ пускай дѣлаетъ, какъ знаетъ, а что самъ онъ цѣлить не станетъ. „Рука, сказалъ, на него не поднимается!“

Какъ Столыпинъ разсказалъ намъ все это, мы обрадовались. Вѣдь лошадей сѣдлать, и уѣхалъ нашъ Михаилъ Юрьевичъ въ Желѣзноводскъ.

Устроили мы это дѣло, да и подумали, что конецъ—и съ Мартыновымъ всѣмъ предосторожности оставили. Анъ и вышло, что маху дали. Пошли къ нему всѣ, стали его убѣждать, а онъ сидитъ угрюмый.

— Цѣтъ, говоритъ, господа, я не шучу. Я много разъ его просилъ преезде, какъ друга; а теперь ужъ отъ дуэли не откажусь.

Мы какъ ни старались — ничего не помогло. Такъ и разошлись. Предали все въ руки времени. Авось, де, онъ это такъ сторяча, а послѣ, можетъ, и обойдется. Ну, и побѣжали день за днемъ. Въ то время и la belle poire въ Желѣзноводскъ уѣхала. Ея матери тамъ надо было лечиться.

Мы подождали недѣли полторы. Видимъ, что Мартыновъ раз-

веселился, о прошломъ ни слова не поминаетъ; стали подумывать о томъ, какъ бы изгнанника нашего изъ Желѣзноводска вернуть: скучно, вѣдь, ему тамъ одному. Собрались мы всѣ онять. И Манзей тутъ былъ, и Дороховъ, и князь Васильчиковъ, деритскій студентъ, что лечится въ Пятигорскъ прѣѣхалъ. Его отецъ чѣмъ то виднымъ при дворѣ государя Николая Павловича былъ; чуть ли не шталмейстеромъ, да ужъ хорошо не помню. И государь его очень любилъ, сказывали. Сошлись мы всѣ, а тутъ и Мартыновъ жалуетъ. Догадался онъ, что ли, о чемъ мы рѣчь собрались держать, да только безъ всякихъ предисловій насъ такъ и огорошилъ.

— Что-жъ, господа, говоритъ, скоро-ли ожидается благополучное возвращеніе изъ путешевія? Я ужъ давно дожидаюсь. Можно бы понять, что я не шучу!

Тутъ кто то изъ насъ и спросилъ:

— Кто же у васъ секундантомъ будетъ?

— Да вотъ, отвѣчаетъ, я былъ бы очень благодаренъ князю Васильчикову, еслибъ онъ согласился сдѣлать мнѣ эту честь!—и вышелъ.

Мы давай судить, да рядить. А бретѣръ Дороховъ опять свое слово вставилъ:

— Можно, господа, такъ устроить, чтобы секунданты поставили какія угодно условія.

Мы и порѣшили, чтобы они дрались въ 30-ти шагахъ и чтобы Михаилъ Юрьевичъ стоялъ выше, чѣмъ Мартыновъ. Вверхъ еще труднѣе цѣлить. Сейчасъ же отправились на Машукъ и мѣсто тамъ выбрали за кладбищемъ. Глѣбовъ и еще кто то, кажется, Столыпинъ, хорошо не помню, отправились сообщить объ этомъ Михаилу Юрьевичу, и встрѣтили его по дорогѣ, въ Шотландкѣ, у нѣмки Анны Ивановны. А князь Васильчиковъ сказалъ Мартынову, что будетъ его секундантомъ съ условіемъ, чтобы никакихъ возраженій ни со стороны его самого, ни со стороны его противника не было. Посланные такъ и сказали Михаилу Юрьевичу.

Онъ сказалъ, что согласенъ, повторилъ только опять, что цѣлить не будетъ, на воздухъ выстрѣлить, какъ и съ Барантомъ; и тутъ же попросилъ Глѣбова секундантомъ у него быть. Какъ только переговорили, прѣѣзжаетъ la belle poire съ матерью. Ужъ не знаю, стоворились они такъ съ Михаиломъ Юрьевичемъ, или случайно она туда прѣѣхала; но онъ былъ съ ней очень любезенъ въ этотъ вечеръ, шутилъ и смѣялся съ ней. А у нея, по тогдашней модѣ, на лбу была фероньерка надѣта на узенькомъ золотомъ ободкѣ.

Михаилъ Юрьевичъ снялъ съ ея головы эту фероньерку и все время, пока болталъ съ ней, наворачивалъ на пальцы гибкій ободокъ; потомъ спряталъ въ правый карманъ и сказалъ ей:

— Оставьте эту вещьцу у меня, вамъ послѣ отдадутъ.

Послѣ онъ вмѣстѣ съ нами въ Желѣзноводскъ вернулся, а пани посланные въ Пятигорскъ возвратились.

На другой день 15-го іюля 1841 года, послѣ обѣда, видимъ, что Мартыновъ съ Васильчиковымъ вѣхали изъ воротъ на дрожжахъ. Глѣбовъ же еще раньше верхомъ поѣхалъ Михаила Юрьевича встрѣтить. А мы дома ниръ готовимъ, шампанскаго накупили, чтобы примиреніе друзей отпраздновать. Такъ и рѣшили, что Мартыновъ ужъ никакъ не попадетъ. Ему первому стрѣлять, какъ обиженной сторонѣ, а Михаилъ Юрьевичъ и совсѣмъ цѣлить не станетъ. Значить, и кончится ничѣмъ.

Когда они всѣ сошлись на заранѣе выбранномъ мѣстѣ и противниковъ поставили, какъ было условлено: Михаила Юрьевича выше Мартынова и сиюной къ Машуку, — Глѣбовъ отмѣрилъ 30 шаговъ и бросилъ шапку на то мѣсто, гдѣ остановился, а князь Васильчиковъ,—онъ такой тонкій, длинноногий былъ,—подошелъ да и оттолкнулъ ее ногой, такъ что шапка на много шаговъ еще откатилась.

— Тутъ вамъ и стоять, гдѣ она лежитъ, сказалъ онъ Мартынову. Мартыновъ и сталъ, какъ было условлено, безъ возра-

женій. Больше 30-ти шаговъ—не шутка! Тутъ хотя бы и изъ ружья стрѣлять. Пистолеты то были Кухенрейтера, да и изъ нихъ на такомъ разстояннн не понасть. А, къ тому жъ, еще цѣлый день дождь лилъ, такъ Машукъ весь туманомъ заволокло: въ десяти шагахъ ничего не видать. Мартыновъ снялъ черкеску, а Михаилъ Юрьевичъ только сюртуку разстегнулъ. Глѣбовъ просчиталъ до трехъ разъ, и Мартыновъ выстрѣлилъ. Какъ дымокъ то разсѣялся, они и видятъ, что Михаилъ Юрьевичъ упалъ. Глѣбовъ первый подбѣжалъ къ нему и видитъ, что какъ разъ въ правый бокъ, и руку задѣвши, на вылетъ *). И послѣдннн свои слова Михаилъ Юрьевичъ ему сказалъ:

— Миша, умираю...

Тутъ и Мартыновъ подошелъ, земно поклонился и сказалъ: — Прости меня, Михаилъ Юрьевичъ!

Потому что, какъ онъ послѣ говорилъ намъ всѣмъ, не хотѣлъ онъ убить его, и въ погу, а не въ грудь цѣплять.

А мы дома съ шампанскимъ ждемъ. Видимъ, ѣдутъ Мартыновъ и князь Васильчиковъ. Мы къ нимъ на встрѣчу бросились. Николай Соломоновичъ никому ни слова не сказалъ и, темнѣе ночи, къ себѣ въ комнату прошелъ, а послѣ прямо отправился къ коменданту Ильяшенку и все разсказалъ ему. Мы съ разспросами къ князю, а онъ только и сказалъ: „убить!“ и заплакалъ. Мы чуть не рехнулись отъ неожиданности; всѣ плакали, какъ малыя дѣти. Полковникъ же Зельмицъ, какъ услышалъ,—бѣгомъ къ Маріи Ивановнѣ Верзилиной и кричить:

— О-то! ваше превосходительство, на поваль!

А та, ничего не зная, ничего и не поняла сразу, а когда уразумѣла въ чемъ дѣло, такъ, какъ сидѣла, на полъ и свалилась. Барышни ея услышали,—и что тутъ поднялось, такъ и описать нельзя. А Антонъ Карлычъ нашъ кашу заварилъ, да и домой убѣжалъ. Положимъ, хорошо сдѣлалъ, что вернулся: онъ намъ то понадобился въ это время.

Прѣхалъ Глѣбовъ, сказать, что покрыть тѣло шинелью своею, а самъ подъ дождемъ больше ждать не могъ. А дождь, переставъ было, опять непрерывный заморосилъ. Отправили мы извозчика биржеваго за тѣломъ, такъ онъ съ полу-дороги вернулся: колеса вязнуть, ѣхать невозможно. И пришлось намъ тѣлгу нанять. А послать кого съ тѣлгой и не знаемъ, потому что всѣ мы никуда не годились и никто своихъ слезъ удержать не могъ. Ну, и попросили полковника Зельмица. Дать я ему своего Николая, и Столынинскій грузинъ съ нимъ отиравился. А грузинъ, что Лермонтову служилъ, такъ такъ убивался, такъ причиталъ, что его и съ мѣста сдвинуть нельзя было. Это я къ тому говорю, что, еслибы у Михаила Юрьевича характеръ, какъ многие думаютъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ заносчивый и неприятный, такъ прислуга бы не могла такъ къ нему привязываться.

Когда тѣло привезли, мы убрали рабочую комнату Михаила Юрьевича, заняли у Зельмица большой столъ и накрыли его скатертью. Когда пришлось обмывать тѣло, сюртука невозможно было снять, руки совсѣмъ закопченѣли. Правая рука, какъ держала пистолетъ, такъ и осталась. Нужно было сюртукъ на спицѣ распоротъ, и тутъ всѣ мы видѣли, что на вылетъ пуля проскочила, да и фероньерка belle poignе въ правомъ карманѣ нашлась, вся въ крови. Въ день похоронъ m-lle Быховецъ, какъ сумасшедшая прибѣжала, такъ ее эта новость поразила, и взяла свою фероньерку, какъ она была, даже вымыть, не то что починить не позволила.

Глѣбовъ съ Васильчиковымъ тоже отправились, вслѣдъ за Мартыновымъ, къ коменданту Ильяшенку. И, когда явились они, онъ сказалъ:

— Мальчишки, мальчишки, убей меня Богъ! Что вы надѣлали, кого вы убили!—и заплакалъ старикъ.

Сейчасъ же они всѣ трое были на гауптвахту отправлены и сидѣли тамъ долгое время.

А мы дома снуемъ изъ угла въ уголъ, какъ потерянные. И то ужъ мы не знали какъ вещи то на свѣгѣ дѣлаются, потому что, по тогдашней глупой модѣ, невѣрнѣе хвастались, а тутъ и совсѣмъ одурѣли **). Ходимъ вокругъ тѣла, да плачемъ, а для похоронъ ничего не дѣлаемъ. Дѣло было поздно вечеромъ, изъ публички никто не узналъ, а Марья Ивановна Верзилина соберется пойти тѣлу поклониться, дойдетъ до подѣзда, да и падаетъ безъ чувствъ. Только ужъ часовъ въ одиннадцать ночи прѣхалъ къ намъ Ильяшенко, сказалъ, что гробъ ужъ онъ заказалъ и велѣлъ намъ завтра пойти священника попросить. Мы ужъ и сами объ этомъ подумывали, потому что знали, что бабушка поэта, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, женщина очень богомольная и никогда бы не утѣшилась, еслибъ ея внука похоронили не по церковнымъ установленіямъ. Столынинъ, ко-

* Въ „Христоматіи для всѣхъ“ Гербеля, въ биографіи Лермонтова сказано, что поэтъ былъ убитъ выстрѣломъ въ самое сердце. Но Н. П. Раевскій сказалъ мнѣ, когда я ему указала на это, что этого не могло быть ужъ по одному тому, что, держа пистолетъ въ правой рукѣ, выставляють впередъ и правый же бокъ. Онъ вполне увѣренъ, что не ошибается.

** Тутъ Николай Павловичъ Раевскій привелъ разсказъ о томъ, какъ Лермонтовъ и Столынинъ, будучи прѣздомъ въ Воронежѣ, сказали другъ другу, что пойдутъ побродить въ одиночествѣ, и неожиданно, представляясь оба невѣрующимъ, встрѣтились въ соборѣ, куда каждый пошелъ втайнѣ отъ другаго. Столынинъ принявъ удивленный видъ и спрашиваетъ: „Какъ ты сюда попалъ?“ А Лермонтовъ смутился такъ и говоритъ: „Да бабушка велѣла Угоднику здѣшнему молебень отслужить! А ты зачѣмъ?“ И когда Столынинъ отвѣтилъ, что и ему тоже бабушка велѣла, оба отвернулись. Такъ все же сильно это тогда было!

нечно, ее хорошо зналъ, да и я къ ней въ ранней молодости хаживалъ, потому что наши имѣнія были смежныя, хотя и считались въ разныхъ губерніяхъ. На другой день Столынинъ и я отправились къ священнику единственной, въ то время, православной церкви въ Пятигорскѣ. Встрѣтила насъ красавица-понадѣя, сказала намъ, что слышала о нашемъ несчастіи, заплакала, но тутъ же прибавила, что батюшки нѣтъ и что вернется онъ только къ вечеру. Мы стали ее просить, цѣловали у нея и ручки, чтобы уговорила она батюшку весь обрядъ совершить. Она намъ обѣщала свое содѣйствіе, а мы, чтобы ужъ она не могла на попятный пойти, тутъ же ей и подарочекъ прислали, разныхъ шелковъ тогдашнихъ, и о цѣнѣ не спрашивали.

Вернулись домой, а пароду много набралось: и прѣзжіе, и офицеры, и казачки изъ слободки. Принесли и гробъ, и хорошо такъ его бѣлымъ газетомъ обили. Мы ужъ собрались тѣло въ него класть, когда кто то изъ публики сказалъ, что такъ нельзя, что надо сперва гробъ освятить. А гдѣ намъ святой воды достать? Посоветывали намъ на слободку послать, потому что тамъ у всякой казачки есть святая вода въ пузырькѣ за образомъ, да у кого то изъ прислуги нашлось. Мы хотя, въ гробъ тѣло положивши, и прошѣли всѣмъ хоромъ „святой Боже, святой крѣпкій...“ и покрестились, даромъ что не христіане были, но полагали, что этого не достаточно, и очень беспокоились объ отсутствіи священника. Тутъ же изъ публики и подунку въ гробъ шили, и цвѣтовъ принесли, и намъ всѣмъ крестъ на рукава навязали. Намъ бы самимъ не догадаться.

На другой день опять мы со Столынинымъ пошли къ священнику. Матушка то его предупредила, но онъ все же не сразу согласился, и пришлось Столынину ему, высто 50-ти, 200 рублей пообѣщать. Рѣшили мы съ нимъ, что, коли своихъ денегъ не хватитъ, у Верзилинныхъ занять; а ужъ никакъ не скнутыся. Однако, батюшка все настаивалъ на томъ, что, по такой то, де, главѣ Стоглава, дуэлисты причтены къ самоубійцамъ и потому Михаилу Юрьевичу никакой заупокойной службы не полагается и хоронить его слѣдуетъ внѣ кладбища. Болся онъ очень отъ архіерея за это выговоръ получить. Мы стали, было, увѣрять его, что архіерей не узнаеть, а онъ тутъ и говоритъ:

— Вотъ еслибы комендантъ далъ мнѣ записочку, что въ своемъ доносѣ онъ обо мнѣ не упомянетъ, я былъ бы спокоенъ.

Мы попробовали у Ильяшенко эту записочку для священника выпросить, но онъ сказалъ, что этого нельзя, а велѣлъ на словахъ передать, что хуже будетъ, когда узнають, что такого человѣка дали безъ заупокойныхъ служеній похоронить. Сказали мы это батюшкѣ, а онъ опять заартачился. Однако, когда ему еще и икону обѣщали въ церковь дать, онъ обѣщался прійти. А икона была богатая, въ серебряной ризѣ, и съ камнями драгоценными,—одна изъ тѣхъ, которыхъ бабушка Михаила Юрьевича ему цѣлый иконостажъ надарила.

Мы вернулись домой съ успокоеннымъ сердцемъ. Народу—море цѣлое. Всѣ ждуть, а священника все нѣтъ. Какъ тутъ быть? Вдругъ изъ публики католическій ксендзь, спасибо ему, вызвался.

— Онъ, боится, говорить, а я не боюсь, и понимаю, что такого человѣка, какъ собаку, не хоронятъ. Давайте-ка я литію и нанихиду отслужу.

Мы къ этому были привычны, такъ какъ въ походѣ съ нами ходили поочереды то католическій, то православный священникъ, поэтому съ радостію согласились.

Когда онъ отслужилъ, то и лютеранскій священникъ, тутъ бывшій, гробъ благословилъ, рѣчь сказалъ и по своему сталъ служить. Одно только православнаго батюшки при семъ не было. Ужъ народъ сталъ расходиться, когда онъ пришелъ и, узнавши, что священнослужители другихъ вѣроисповѣданій служили прежде него, отказался служить, такъ какъ нашолъ, что этого довольно. Насилу мы его убѣдили, что на похоронахъ человѣка греко-россійскаго вѣроисповѣданія полагается и служеніе православное.

При выносѣ же тѣла, когда увидѣлъ нашъ батюшка музыку и солдаты, какъ и слѣдуетъ на похоронахъ офицера, онъ опять испугался.

— Уберите трубачей, говоритъ: нельзя, чтобы самоубійцу такъ хоронили.

Пришлось хоть на время спрятать музыку. Похороны вышли торжественныя. Весь народъ былъ въ траурѣ. И кого только не было на этихъ похоронахъ.

Когда могоду засыпали, такъ тутъ же ее чуть не разобрали: всѣ бросились на память объ Лермонтовѣ булыжниковъ мелкихъ съ его могилы набирать. Потомъ долгое еще время всѣмъ пятигорскимъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ только и работы было, что вдѣлывать въ браслеты, серьги и брошки эти камешки. А кольца въ моду вошли тогда масонскія, такія, что съ одной стороны Гордіевъ узелъ, какъ тогда называли, а съ другой камень съ молитвы Лермонтова. Послѣ похоронъ былъ поминальный обѣдъ, на который пригласилось наше угощеніе, приготовленное за два дня предъ тѣмъ съ совсѣмъ иною цѣлью. Тогда же Столынинъ отдалъ батюшкѣ и деньги, и икону; а мы тогда

Пряха. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Ю. Барановскій.

Русь подь татарскимъ владычествомъ. Возвращеніе татаръ съ набѣга. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. П. Дзедзичъ.
Библиотека "Руниверс"

же и черную рукопись „Героя нашего времени“, оказавшуюся в столб в рабочей комнатѣ, на память по листамъ разобрали.

Ивнецкій художникъ Шведе нарисовалъ портретъ съ Михаила Юрьевича въ гробу для коменданта Ильинскою. Съ него и я сдѣлалъ копии для себя и для Маріи Ивановны Верзилиной, а послѣ акварелью и для Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Этотъ же художникъ нарисовалъ прекрасный проэктъ памятника на могилу Лермонтова, для котораго въ одинъ день было собрано 1500 рублей; но ихъ пришлось возвратить, когда стало извѣстно, что бабушка поэта хлопочетъ о перемѣненіи гѣла его въ ея имѣніе.

Вся наша компанія скоро разлетѣлась. Столыпинъ уѣхалъ тогда же; Верзилиныхъ вскорѣ выписалъ Петръ Семеновичъ въ Варшаву; а я еще долго оставался въ Пятигорскѣ и былъ тамъ, когда гробъ, шесть мѣсяцевъ слуги, вырли для отправления въ Россію. Впрочемъ, при этомъ были еще и Верзилины. Пришлось мнѣ также быть свидѣтелемъ того, какъ ненависть прекраснаго пола къ Мартынову, сидѣвшему на гаутвахтѣ, перешла, мало по малу, въ состраданіе, смягчаемая его прекрасною, заувивною игрою на фортепіано и печальнымъ видомъ его чернаго бархатнаго траура. Глѣбова и князя Васильчикова выпустили безъ всякаго наказанія, слава Богу, благодаря расположенію государя Николая Павловича къ отцу по-

слѣдняго; хотя, говорили, Васильчиковъ воздерживался отъ всякаго представительства за сына. Да и самъ Мартыновъ не долго пасидѣлся: онъ былъ приговоренъ къ церковному покаянію въ Кіевѣ и уѣхалъ въ Россію.

Во время допроса никто изъ насъ не показывалъ всей истинны, чтобы не впутать въ это дѣло семьи Верзилиныхъ, и пріѣхавшій для допроса слѣдователь, жандармскій полковникъ Куршинниковъ, самъ своими совѣтами помогъ намъ выгородить Марію Ивановну и ея дочерей.

Докторъ Раевскій рассказывалъ намъ еще много интереснаго, относящагося до прошлаго Россіи, но я взялся въ этомъ разсказѣ записаться изъ его рѣчей только то, что имѣетъ хоть какую-нибудь связь съ жизнью и смертью одного изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ поэтовъ. Поэтому мнѣ остается упомянуть еще только о встрѣчѣ его съ Николаемъ Соломоновичемъ Мартыновымъ передъ самой Крымской компаніей, въ одномъ изъ московскихъ клубовъ. Они никогда не были особенно расположены другъ къ другу, но тутъ встрѣтились какъ истинные друзья, и много горькихъ и веселыхъ воспоминаній пришло имъ на память. Это была его послѣдняя встрѣча съ однимъ изъ знаемыхъ имъ людей въ то далекое время, когда они жили подъ гостеприимной кровлей семьи Верзилиныхъ и составляли обычный кружокъ вокругъ Михаила Юрьевича Лермонтова.

Желѣзныя дороги Соединенныхъ Штатовъ.

Очеркъ.

За исключеніемъ немногихъ, густо населенныхъ мѣстностей на востокѣ, сѣвероамериканскія желѣзныя дороги встрѣтили и другія условія существованія, и другія задачи, нежели желѣзныя дороги Европы. Здѣсь, въ странахъ образованныхъ, при существованіи путей, желѣзными дорогамъ приходилось только увеличивать и ускорять сообщенія и, соответственно уже существующимъ потребностямъ, онѣ должны были строиться очень прочно; нужны на это суммы легко доставались, такъ какъ доходность дорогъ заранее являлась обезпеченной. Въ Америкѣ же, гдѣ развитіе только что начиналось, желѣзныя дороги были настоящими пионерами цивилизаціи, проникая въ необитаемыя страны. Чтобы при такихъ условіяхъ дороги могли быть доходными, ихъ приходилось строить очень дешево. И дѣйствительно „скоро и дешево“ было лозунгомъ при постройкѣ большей части дорогъ Соединенныхъ Штатовъ. При этомъ конечно и прочность постройки и безопасность движенія были на второмъ планѣ. „Дорога съ посредственнымъ устройствомъ“, говоритъ американецъ, все же лучше чѣмъ отсутствіе ея.—и при условіяхъ своей страны онъ правъ.

Въ развитіи американскихъ желѣзныхъ дорогъ замѣчаются три періода. Первый обнимаетъ время устройства важнѣйшихъ путей сообщенія въ сѣверозападныхъ штатахъ и тянется почти до 1845 г.; во второй періодъ, доходящій до окончания междоусобной войны въ 1865 г., желѣзнодорожная сѣть достигла центра штатовъ, до Миссисипи, и положила начало сооруженіямъ и производству, свойственнымъ Америкѣ; въ послѣдніе же два десятилѣтія возникли гигантскія дороги, соединяющія океаны. Въ виду дешевизны и скорости, при постройкѣ дорогъ въ Америкѣ, обходили по возможности все долины и возвышенности, вмѣсто того, чтобы проводить на первыхъ мостахъ, а во вторыхъ тоннели. Старались также употребить въ дѣло громадныя петроунтыя лѣса и сберечь желѣзо. Поэтому подъ тонкіе рельсы клались многочисленныя и крѣпкія шпалы, вмѣсто желѣзныхъ или каменныхъ мостовъ возводились деревянные, вмѣсто дорогихъ земляныхъ насыпей дѣлались громадныя деревянные сооруженія. Американскіе инженеры начали строить деревянные мосты небывалой еще вышины и длины. Такими же соображеніями руководились и при постройкѣ станцій, отличающихся простотою и большинствомъ которыхъ состоятъ изъ деревянныхъ хижинъ. Въ нихъ нѣтъ никакого подраздѣленія залъ на классы и только есть отдѣльная комната для дамъ. Необходимость заставила проводить многочисленныя узкоколейныя линіи и именно въ мѣстахъ не прилегающихъ къ большимъ дорогамъ и служившихъ для мѣстнаго сообщенія. Съ соединеніемъ въ послѣдствіи дорогъ этихъ съ большою линіею, ихъ передѣлывали на ширококолейныя. Въ настоящее время въ Америкѣ все еще находится не менѣе 10000 километровъ узкихъ дорогъ (1 килом. около версты).

Своеобразная постройка дорогъ, особенно сильныя изгибы, повліяли также на постройку подвижнаго состава. Вагоны ставили на платформы съ колесами близко отстоящими другъ отъ друга и вмѣсто двухъ буфферовъ, какъ на нашихъ дорогахъ, удовольствовались только однимъ. Такъ какъ платформы не имѣютъ никакого неподвижнаго соединенія съ вагономъ, то неизбежны при неровностяхъ пути толчки въ незначительной только степени передаются вагону; сами же вагоны длиннѣе европейскихъ и внутри не имѣютъ подраздѣленій. Все вагоны поѣзда соединяются между собою подвижными платформами, такъ что сообщеніе свободно по всему поѣзду. Сидѣнья очень неудобны, но съ введеніемъ вагоновъ системы Пульмана, о которыхъ рѣчь впереди, это не имѣетъ особаго значенія. Локо-

мотивы также отличаются отъ нашихъ. Гораздо большіе, они впереди имѣютъ своеобразное приспособленіе, родъ граблей для отбрасыванія предметовъ лежащихъ на дорогѣ. Это Saw-Catcher (коровозадержки), названныя такъ потому, что предназначены устранять съ пути свободно ходящій рогатый скотъ безъ вреда для послѣдняго. Машина обязательно снабжена сигнальнымъ колоколомъ, необходимымъ уже потому, что въ Америкѣ нѣтъ ни барьеровъ, ни сторожей. При подходѣ къ переѣзду, около котораго доска съ надписью „берегитесь локомотива“ служить предостереженіемъ, машинистъ звонитъ въ колоколъ и звуки его очищаютъ путь, пролегающій иногда по многолюдной мѣстности. За то все поѣзда снабжены превосходными паровыми тормозами, могущими быстро остановить весь поѣздъ.

На станціяхъ пассажиру приходится самому слѣдить за отходомъ нужнаго поѣзда, такъ какъ прислуга только на нѣкоторыхъ станціяхъ выкрикиваетъ время отхода. Но на большихъ станціяхъ вывѣшваются доски съ видными надписями объ отпращиваніи поѣзда. Хотя для того чтобы понасть въ поѣздъ приходится шагать черезъ нѣсколько рядовъ рельсъ, несчастія все же бывають рѣдки: всякій знаетъ объ опасности и всякій бережется. Билеты на станціяхъ покупаютъ только иностранцы, мѣстные жители запасаются ими въ одномъ изъ многочисленныхъ мѣстъ продажъ въ городѣ. Кроме того ихъ продаетъ каждый машинистъ безъ всякой за то доплаты. Цѣны за проѣздъ очень различны и установить какую бы то ни было норму нѣтъ никакой возможности. На востокѣ, гдѣ желѣзнодорожная сѣть очень развита и конкуренція громаднѣе, цѣны за проѣздъ очень низки. Такъ напр. въ 1878 г. билетъ отъ Шагарскаго водоема до Нью-Йорка, т. е. разстояніе въ 600 километровъ, стоилъ 10 рублей. На западѣ цѣны за проѣздъ выше, такъ какъ нѣкоторыя линіи не имѣютъ конкурентовъ. Билетъ отъ Омаги въ Огденъ, на разстояніи вдвое большѣе противъ вышеупомянутаго, стоилъ на Тихо-океанской дорогѣ 160 рублей, въ этомъ всегда принимается въ расчетъ первый классъ; во второмъ ѣздятъ только переселенцы и негры. По эти цѣны не окончательныя: слѣдуетъ еще причислить плату за хорошее мѣсто въ лучшемъ вагонѣ, что сильно вліяетъ на дороговизну пути. На всѣхъ дорогахъ существуютъ вагоны съ креслами и спальныя вагоны, куда выускаютъ за лишнюю плату въ 1 и 2 рубля. На большихъ разстояніяхъ ходятъ вагоны Пульмана, очень удобныя для ночныхъ поѣздовъ и превращающіяся днемъ въ изящныя залы. За право пользованія ими берутъ по 6 рублей въ сутки.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ были введены вагоны-гостиницы въ самыхъ поѣздахъ, но они скоро были уничтожены, такъ какъ было замѣчено, что ѣдущіе предпочитаютъ во время большихъ остановокъ выходить изъ вагоновъ на нѣсколько минутъ, чтобы отдохнуть отъ долгаго сидѣнья.

Какъ цѣны пассажирскія, такъ и товарныя устанавливаются конкуренціей. Въ Америкѣ зачастую происходитъ настоящая желѣзнодорожная война, причѣмъ нѣкоторыя линіи воевать товарны въ убытокъ. Если при этомъ одна изъ менѣе обезпеченныхъ въ денежномъ отношеніи дорогъ начинаетъ ослабѣвать, противникъ предлагаетъ ей условія и, монополизировавъ сообщеніе, внезапно возвышаетъ тарифы. Иногда въ почъ провозная плата падаетъ или возрастаетъ на десять и даже двадцать процентовъ. Такое положеніе вещей разоряетъ обыкновенно маленькія общества на востокѣ, между тѣмъ какъ большія линіи на западѣ, не имѣющія конкурентовъ, работаютъ при болѣе благоприятныхъ условіяхъ.

Очень обременительны также для дорогъ расходы на рекла-

му. Сотни тысяч красивых планов раздаются публике; около всех станций и гостиниц прибиты ящики, где лежат сотни экземпляров и каждый свободно может ими пользоваться. На планах этих свои линии обозначены обыкновенно прямыми толстыми чертами, между тем как линия конкурента показана со многими изгибами. Конечно противники пользуются тем же оружием, в большем еще размере. Каждый выхваляет скорость и дешевизну доставки своей дороги, обращает внимание на значительное вознаграждение в случае несчастия.

Объявления в газетах и подкуп хозяев гостиниц, содержание многочисленных комиссионеров дополняют остальное. Дело заходит так далеко, что все экспедиторы и журналисты, все содержатели общественных карет, даже все кучера, так как они имеют сношения с публикой и могут действовать в пользу той или другой дороги, пользуются даровым проездом. Расход на даровые билеты на некоторых дорогах составляет 20 процентов чистой прибыли.

Средняя скорость движения американских поездов меньше чем на больших европейских дорогах. На дорогах восточные Миссисипи скорый поезд проходит от 50 до 60 километров в час; на западе же 40 километров в час считается уже значительной скоростью. В мало населенных штатах путь находится почти совсем без надзора. За то правилами установлено, чтобы машинист пред всяким большим сооружением, мостом, виадуком или тоннелем, сходил с поезда и удостоверился в безопасности его. Точно также, за неизменной стрелочников, в местах перехода на другой путь, машинист должен открывать ключом стрелку, переставлять ее, пропускать поезд и снова переводить ее на место. Практические американцы знают, что ничего не может быть дороже скорой езды, во время которой повреждается и подвижной состав, и путь. Именно благодаря этой сравнительной медленности, безопасности движения на дорогах гораздо большая, чем обыкновенно предполагают. Статистика несчаст-

ных случаев, которая, впрочем, по мнению европейских техников, ведется не вполне исправно, не дает никаких больших цифр. Железнодорожные управления стараются по возможности отвлечь всякие несчастия, которые им обходятся слишком дорого, благодаря выплачиваемому ими вознаграждению потерпевшим или их родственникам. Так напр., в 1871 г. во время столкновения поездов на кастерской дороге, когда погибло 86 пассажиров, дорога уплатила 936,291 р. Особое внимание железнодорожные управления обращают на персонал служащих, которые пользуются большой самостоятельностью, но зато несут и большие ответственности. За малый проступок служащий уплативает большой штраф, за всякое более значительное упущение увольняется от службы. Ни пособий, ни пенсий для служащих на американских дорогах не существует.

В заключение упомянем еще о численном развитии железных дорог сестер Соединенных Штатов. В то время как в 1843 г. там было только 1451 килом. жел. дорог, число их в 1864 г. возросло до 54,695 килом. В 1872 г. насчитывалось 107,782, а в 1882 г.—155,000 килом., почти столько же, сколько имеется жел. дорог во всей Европе. В 1881 г. в движении было 17,949 локомотивов и 556,930 вагонов; общая сумма затраченного на дороги капитала достигала 9,795 миллионов рублей. О громадности этих цифр получается верное понятие после проведения параллели с числом жителей и сравнения с другими странами. Тогда получится поразительный вывод; так напр. на 10,000 жителей приходится: в Австрии 5, в Германии 8, в Англии 8½, а в Соединенных Штатах больше 30 километров жел. дорог. Эти цифры доказывают и громадное значение путей сообщения в Соединенных Штатах, и экономическое и политическое процветание последних. Отдельные штаты востока и запада, севера и юга не соединились бы никогда так прочно, если бы их не связало железное кольцо дорог.

Дарьяльское ущелье.

Груды скал, разщелив полны,
Мрачно виснуть надо мной,
И реветь, взметая волны
Белой пылью сивовой,
Но низринутым когда то
Глыбам тех же скал, у ног,
Весь взерошенный, косматый,
Дикий, бешеный поток.
Камней грозныя громады
Вдоль пути: — вы с вышины
Чьей, незнающей пощады,
Мощной силой снесены?

Вас еще нависло много,
В щелях высей этих горь:—
Свой черед, по правде строгой,
Идете вы с которых порь?
Изъ за вас, грозите почю,
Черной думой обунль,
Что глядит мнѣ прямо в очи
Темносивый, злой тумань?
Не его-ль велѣнемъ, словно
Чтобъ слѣдить за мной, орлы
Въ небо выплыли безмолвно
Изъ разсѣлины скалы?

Пл. Куснозь.

Къ рисункамъ.

Караванъ въ пути.

(Рис. на стр. 180 и 181).

Пустыня и море—два величавыя картины, олицетворение безконечности. Первенство однако слѣдуетъ отдать пустыне. Кто видѣлъ эти песчаные и водяные океаны, тотъ знаетъ какъ пустыня дѣйствуетъ гораздо сильнее уже однимъ отсутствиемъ всего живаго и ничѣмъ не нарушаемымъ, вѣчнымъ молчаніемъ. Водные пути способствуютъ сообщению, облегчаютъ его, пески же пустыни разобщаютъ страны и народы. Африка—родина песчаныхъ пустынь, занимающихъ почти половину ея громаднаго пространства. Но человекъ сумѣлъ и здѣсь побороть препятствія. Съ незапамятныхъ временъ эти пространства искрещиваются во всѣхъ направлеиіяхъ караваны, и хотя въ послѣдніа 40—50 лѣтъ нѣкоторые страны Африки, какъ Алжиръ, Египетъ ввели у себя желѣзныя дороги, пароходство и телеграфы, но эти нововведенія составляютъ весьма незначительную часть и не захватываютъ самой пустыни. Она доступна лишь для верблюдовъ. Справедливо названы они „кораблями пустыни“. Караванъ составляется обыкновенно изъ вьючныхъ верблюдовъ. При очень большомъ караванѣ (состоящемъ иногда изъ 80 и 100 верблюдовъ) находится вожатый, наблюдающій за порядкомъ. Хорошій верблюдъ поднимаетъ отъ 15 до 19 пудовъ груза, но только онъ долженъ быть умѣло навьюченъ и туюкн вполне равномерно распределены по бокамъ горба. Если животное навьючено не въ мѣру, то его не въ состояиіи поднять на ноги никакая человѣческая сила. Навьючиваніе производится въ каравансералѣхъ за городомъ и занимаетъ продолжительное время. Зачастую къ каравану присоединяютъ маленькихъ выносливыхъ ословъ. Навьючивъ животныхъ, ранѣе выступленія въ путь, ихъ ведутъ на водной; каждый верблюдъ вышвыряетъ два или три полныхъ ведра воды. Люди, мусульмане, разстилаютъ свои маленькіе ковры, обращаютъ взоры на востокъ, воздѣваютъ руки и призываютъ на караванъ благословеніе Аллаха. Остающіеся друзья на прощаніе желаютъ будущимъ: чтобы Аллахъ послалъ въ изобиліи воду, отклонилъ отъ

нихъ обманныя картины дьявола и ядовитыя вѣтры. Недостатокъ воды, фатаморгана и налягшіе вѣтры пустыни, вотъ три главныя опасности, которымъ подвергается караванъ. На стр. 180 и 181 помѣщенъ рисунокъ, изображающій караванъ въ пути. Впереди ѣдетъ шейхъ, т. е. глава каравана. Верблюдъ его убралъ пестрыми коврами и красными кисьями. За шейхомъ слѣдуютъ верблюды съ провіантомъ и мѣшками съ водою. Вода раздается только вечеромъ и хотя она за день совершенно согрѣется, но ее предъ питьемъ вливаютъ въ пористыя глиняныя кувшины, въ которыхъ она, по прошествіи четверти часа, становится холодною. Ночлегъ каравана устраивается самымъ простымъ образомъ. Съ верблюдовъ снимается часть вьюковъ и между ними на землѣ располагаются люди, подложивъ подъ голову мѣшокъ съ соломою и покрывшись шерстянымъ одеяломъ. Съ первымъ проблескомъ зари караванъ снова трогается въ путь; но проходить часа два, три, пока уложить вновь туюкн, накормить верблюдовъ, поддѣржать свои силы. Опытный вожакъ узнаетъ путь по разнымъ мелочамъ; выступъ скалы, плоскій камень, слѣды прежней остановки—все служить ему указаніемъ. Если же на пути встрѣчается оазисъ съ маленькими пальмами и короткой травой, радость всеобщая: все знаютъ, что недалеко ручей, вызвавшій эту растительность. Достигаютъ оазиса, располагаются здѣсь и начинается питье, омовеніе и людей, и животныхъ. Послѣ долгихъ утомительныхъ дней пути приближаются наконецъ къ цѣли путешествія. Все оживляется, верблюды режутъ и фыркаютъ, всадники обмѣниваются привѣтственными и даже послѣдній осликъ каравана, чую остановку, ускоряетъ свой шагъ.

„Скромность“. Статуя Вейценберга.

(Рис. на стр. 185).

Въ прошломъ номерѣ, говоря о талантливомъ скульпторѣ Вейценбергѣ, мы переименовали нѣкоторыя изъ его произведеній. Копію одного изъ наиболее удачныхъ произведеній художника мы здѣсь помѣщаемъ. Это „Скромность“, поражающая благородствомъ

и изяществомъ выполненіи. Какъ поза, такъ и выраженіе лица, детали платья, выполненіе тѣла— все это надо назвать многи́мъ мастерскимъ. Мраморы г. Вейценберга и поцѣпъ сравнительно весьма доступны для любителей.

Пряха.

(Рис. на стр. 188).

Темная глухая ночь въ завесенной сѣтвомъ деревенькѣ. За окошками востъ мятель, а она сидитъ и всю ночь прядетъ, быть можетъ ожидая мужа, прислушивается не зазвенитъ ли колокольчикъ среди воя мятели— и сердце болить у нея. Что съ нимъ? Не залутался ли онъ въ злую погоду? Передъ ней проносятся и прошлое ея и думы о будущемъ; она еще молода, — жизнь впереди... Что то будетъ?.. Народная пѣсня поэтически и образно говорить о пряхѣ:

За окошкомъ роца
Всю ночь прошумѣла,
А я молоденька
Всю ночьку пропряла.

Эту тишину и спокойствіе ночи и уединенной работы передаетъ художникъ весьма удачно.

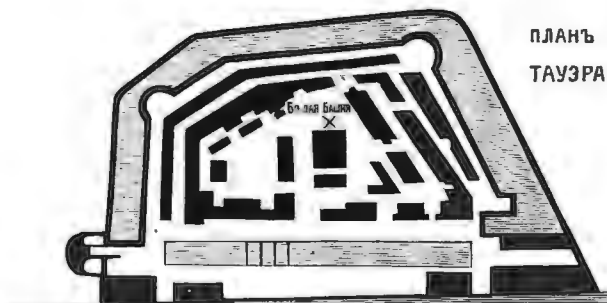

А. П. Ленскій. Артистъ Импер. Московскихъ театровъ. По фотогр. Шапиро, грав. Ю. Барановскій.

Возвращеніе татаръ съ набѣга.

(Рис. на стр. 189).

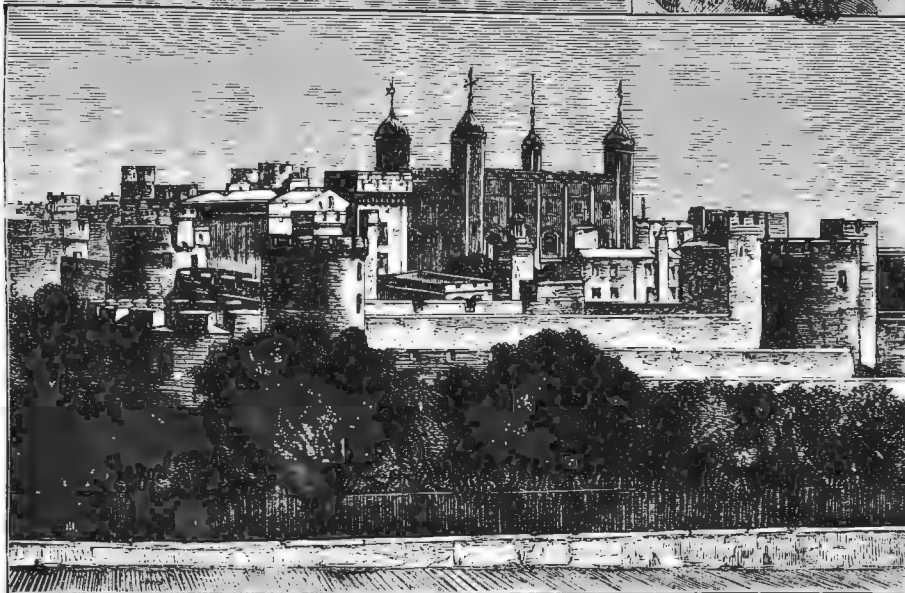
Страшное нашествіе монголовъ, пощадивъ западную Европу, почти всецѣло обрушилось на несчастную Русь и, опустошивъ ее, затормозило на нѣсколько столѣтій какъ ея умственное, такъ и политическое развитіе. Сдѣлать отпоръ стремительному натиску азиатскихъ кочевниковъ Русь была не въ силахъ; въ тринадцатомъ вѣкѣ она еще не составляла цѣльнаго, нераздѣльнаго государства; въ каждомъ городѣ былъ свой князь и между князьями постоянно велись споры о томъ, кому быть старшимъ, а иногда даже проявлялось стремленіе быть совсемъ вольнымъ, ни отъ кого не зависѣть. Въ этихъ удѣльныхъ ссорахъ гибло много народу и бѣднѣла земля. А тутъ еще не давали покоя сосѣди - кочевники, какъ напр. половцы, которые то и дѣло совершали набѣги, грабили и разоряли города. Неудивительно, что, когда пришли татары, то они не могли встрѣтить серьезнаго сопротивленія; князья южной Руси кой-какъ собрали рать и двинулись противъ невѣдома-

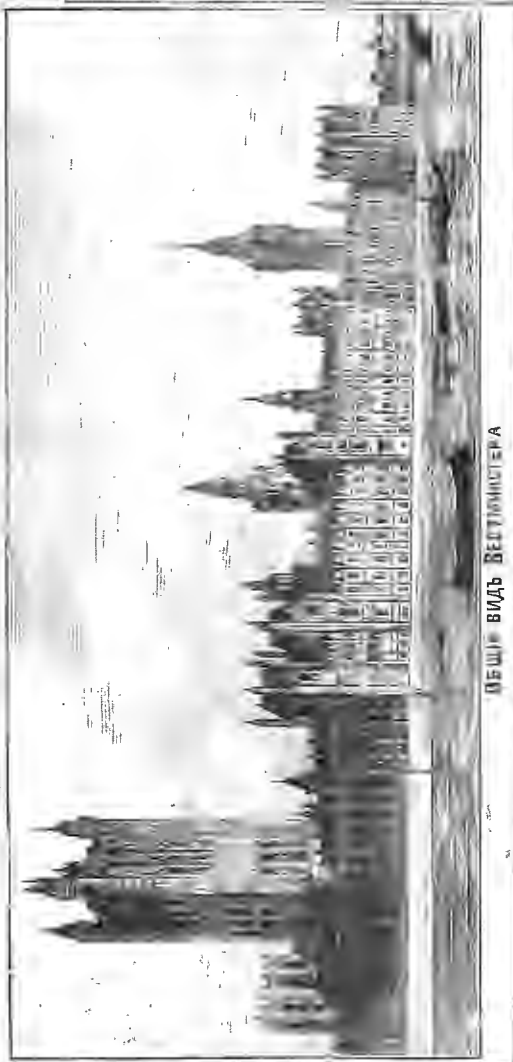
ПЛАНЪ
ТАУЗРА

СТОРОЖА ТАУЗРА

Взрывы въ Лондонѣ. Общій видъ Лондонскаго Таузра. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

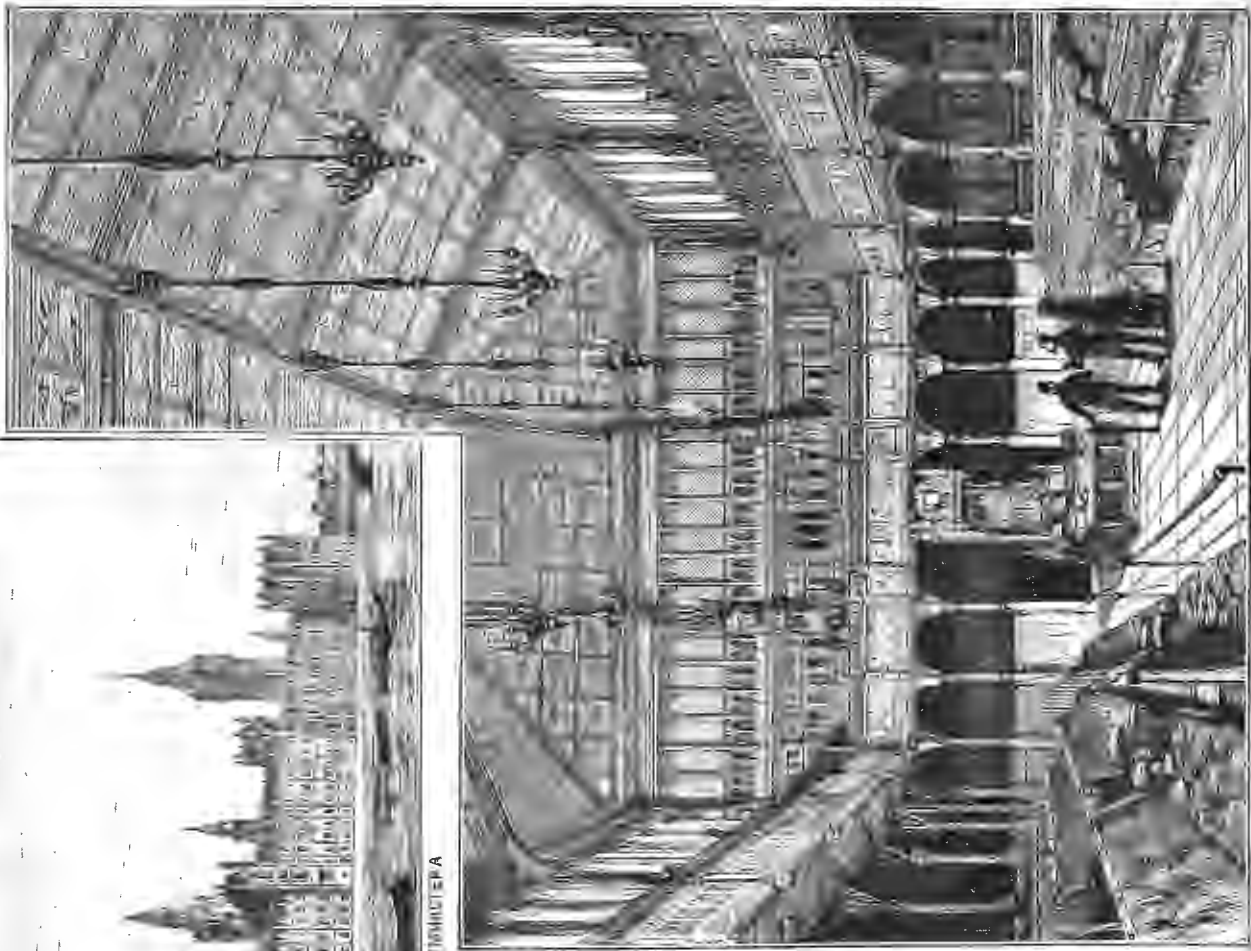

ОБЩІЙ ВИДЪ ВЕСТМИНСТЕРА

Палата лордовъ.

Взрывы въ Лондонѣ. Общій видъ Вестминстера. Палата лордовъ. Палата общинъ. И рис. К. Фино, грав. М. Рашевскій.

Палата общинъ.

го врага. Въ первый разъ русскіе сошлись съ татарами у рѣки Калки, близъ Мариуполя, въ Екатеринославской губерніи, и были разбиты. Это поражение было отчасти вызвано междоусобіемъ князей; такъ Мстиславъ, князь кіевскій, не пошелъ на помощь къ своимъ, а построивъ изъ козельскъ городокъ надъ рѣкою, три дня отбывался отъ татаръ; наконецъ былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ черниговскимъ. Татары положили на нихъ доски, сѣли на нихъ обѣдать и такъ задавили ихъ. Послѣ побѣды татары вошли въ самую русскую землю и безъ пощады убивали жителей тѣхъ городовъ, которые выходили къ нимъ на встрѣчу съ крестомъ и просьбою о помилованіи. Вдругъ получили они приказаніе возвратиться домой; хану ихъ понадобилось войско для войнъ съ сосѣдями. Нѣсколько лѣтъ не было слышно о татарахъ, но вотъ, въ 1237 году, завоевавъ землю болгарскую и мордовскую, татары опять пошелъ на Русь. Теперь имъ предводительствовалъ Батый, племянникъ Окотая, наслѣдника Чингисъ-хана. Батый взялъ Рязань и избилъ всѣхъ жителей. Никому было ни стонать, ни плакать: ни отцу, ни матери о любимыхъ чадахъ, ни брату по братѣ, ни родному по родному — всѣ вмѣстѣ лежали мертвые. Покончивъ съ Рязанью, татары пошли къ Владиміру; по дорогѣ взяли Москву, тогда еще маленькій городокъ, сожгли Суздаль и обложили Владиміръ. Владиміръ былъ взятъ и зажженъ. Епископъ Митрофанъ съ княгинями и большимъ числомъ народа сгорѣли въ храмѣ. При Сити былъ опять неудачный бой между татарами и русскими. Отъ Сити татары пошли было на Новгородъ, который былъ тогда богатъ и силенъ, но испугавшись болотъ, вернулись, не дошедши ста верстъ. Повернувши отъ Новгорода, Батый пришелъ къ Козельску; взялъ городъ и никого не помиловалъ, даже грудныхъ младенцевъ. На слѣдующій годъ татарскія рати сожгли Переяславъ и Черниговъ, а въ 1240 г. пришли къ Кіеву. Взявъ Кіевъ, Батый пошелъ на землю Волынскую и Галицкую. Возвратясь изъ похода, онъ разставилъ по всей русской землѣ своихъ баскаковъ и потребовалъ, чтобы князья явились къ нему въ орду на поклоненіе. Пеновновеніе со стороны князей наказывалось лютою смертію; но неволь князьямъ приходилось подчиняться всѣмъ требованіямъ хана: нить кобылій кумысъ и ходить на поклонъ къ ханскимъ женамъ. Страшно было жить въ то время, но не до конца погибла русская земля: прошло еще лѣтъ сто и люди стали понемногу освобождаться отъ татаръ. Послѣдніе оказывались уже не такъ необходимы какъ прежде. Рисункъ нашъ изображаетъ одинъ изъ ужасныхъ эпизодовъ татарскаго ига. Награбивъ и захвативъ въ плѣнъ несчастныхъ, возвращається татарскій отрядъ въ свой лагерь...

А. П. Ленскій. Артистъ Имп. Моск. театровъ.

(Портр. на стр. 192).

Александръ Павловичъ Ленскій, теперешній любимецъ московской публики, родился въ 1847 году, и впервые выступилъ на сценическое поприще во Владиміръ, гдѣ театръ содержался извѣстною артисткою г-жей Читау. Переходя затѣмъ съ одной провинціальной сцены на другую, Ленскій въ 1876 году дебютировалъ въ Москвѣ блестящею ролью Глумова въ комедіи Островскаго: „На всякаго мудреца довольно простоты“. Приобрѣтя очень скоро расположеніе публики, онъ серьезно занялся искусствомъ, и всею душою предаясь изученію классическаго репертуара, съ Шекспиромъ и Мольеромъ во главѣ. Его пріѣзды въ Кіевъ и Петербургъ лѣтомъ на гастроли были всегда ридомъ овацій. Онъ игралъ очень удачно въ „Много шума изъ ничего“, „Донъ-Жуанъ“, „Гамлетъ“, „Уриэль Акостъ“ и пр. Въ 1882 году онъ перешелъ съ казенной московской сцены на петербургскую, но здѣсь оставался сравнительно не у дѣлъ, въ виду жанроваго репертуара и отсутствія серьезныхъ пьесъ. Годъ назадъ онъ снова переведенъ въ Москву, гдѣ снова взялся за Ричарда, Макбета и Гамлета.

А. П. отличается не только сценическимъ, но и живописнымъ талантомъ. Онъ хорошо владѣетъ кистью, и его портреты съ натуры замѣчательно по чрезвычайно близкому сходству съ оригиналами. Въ бытность въ Петербургѣ, онъ пользовался совѣтами извѣстнаго портретиста Крамскаго. Изъ его работъ можно отмѣтить прекрасную копію съ стариннаго портрета артиста Волкова, которую онъ подарилъ дирекціи Петербургскихъ театровъ на память о своемъ пребываніи здѣсь. Портреты этого висятъ въ такъ называемомъ „артистическомъ фонѣ“ александринскаго театра. Не менѣе интересны его скульптурныя работы; изъ нихъ можно указать на бюсты извѣстнаго итальянскаго трагика Росси.

Взрывы въ Лондонѣ: въ Вестминстерѣ и Тауэрѣ.

(Рис. на стр. 192 и 193).

Революціонная партія въ Лондонѣ проявила себя уже давно цѣлымъ рядомъ преступныхъ покушеній, съ помощью динамита, но въ послѣднее время ея варварскіе подвиги стали еще болѣе дерзки и рѣшительны. Она уже болѣе не довольствуется взрывами на мостахъ, желѣзнодорожныхъ станціяхъ и въ казенныхъ и частныхъ домахъ, но посягаетъ на такіа зданія, ко-

торые составляютъ національную гордость Англіи и драгоцѣнное наслѣдіе съ историческаго прошлаго. Такъ 24 января въ Лондонѣ послѣдовали одинъ за другимъ три страшныхъ взрыва, жертвами которыхъ сдѣлались почти одновременно примыкающая къ зданію Парламента огромная Вестминстерская зала (Вестминстеръ-Голль), игравшая столь знаменательную роль во время англійской революціи, палата общинъ внутри самаго парламента и Тауэръ, или знаменитая лондонская башня, — памятникъ глубокой старины, построенный болѣе 800 лѣтъ тому назадъ. Первый взрывъ произошелъ ровно въ два часа пополудни, въ такъ называемой Бѣлой башнѣ Тауэра. Башня эта состоитъ изъ четырехъ этажей и имѣетъ 90 фут. вышины и отъ 12 до 15 ширины. Въ каждомъ этажѣ три комнаты, не считая лѣстницъ, корридоровъ и покоевъ, находящихся въ толстыхъ стѣнахъ. Эти комнаты отдѣлены другъ отъ друга стѣнами въ 10 фут. толщины, возвышающимися отъ фундамента до крыши. На каждомъ углу башни находится маленькая башенка. Подземелья не имѣютъ ни лѣстницъ, ни дверей исключительно имъ принадлежащихъ. Лишь нѣсколько отверстій въ стѣнахъ пропускаютъ немного воздуха и еще менѣе свѣта. Теперь отъ всѣхъ этихъ ужасовъ остались лишь одни воспомнанія; подземелья пусты, а сама башня служитъ мѣстоу храненія образцовъ стараго и новаго оружія. Взрывной спарядъ былъ положенъ въ этажѣ, занятомъ новѣйшимъ вооруженіемъ. Послѣдствія взрыва были ужасны: громадное количество ружей новаго образца исковеркано совершенно; кромѣ того во всѣхъ этажахъ всѣ вещи приведены въ самый хаотическій безпорядокъ. Крыша съ башни снесена, но стѣны Тауэра, толщина которыхъ простирается до пятнадцати футовъ, остались неповрежденными. Приемная зала и часовня св. Иоанна въ развалинахъ и многие старинные доспѣхи, истинная сокровища, изломаны и попорчены. Когда послѣдовалъ взрывъ, число посѣтителей было довольно значительно, особенно въ залѣ стариннаго вооруженія, и вся эта толпа была поражена неописуемымъ ужасомъ, тѣмъ болѣе что все зданіе было мгновенно охвачено столбами пламени и пыли, и кругомъ, вслѣдъ за грохотомъ взрыва, слышался повсюду оглушающій трескъ отъ обваливавшихся стѣнъ, разбивавшихся зеркалъ и прочихъ предметовъ. Къ счастью, число раненыхъ изъ публики хотя и велико, но раны болѣею частью легкія.

Нѣсколько минутъ спустя послѣ взрыва въ Тауэрѣ, произошелъ взрывъ въ Вестминстерской залѣ, образующей нѣчто въ родѣ огромныхъ стѣнъ, при колоссальномъ зданіи Парламента, отстоящемъ отъ Тауэра версты четыре по прямой линіи. Вестминстерская зала, соединенная корридорами съ палатами общинъ и лордовъ, можетъ смѣло назваться самымъ величественнымъ изъ всѣхъ сохранившихся до нашего времени памятниковъ готической архитектуры. Динамитъ былъ подложенъ въ юго-восточномъ углу залы, у входа въ небольшую, но богато разукрашенную подземную часовенку св. Стефана. Увидя дымокъ, публика въ ужасѣ бросилась вонъ изъ залы. Стоящій жеверху лѣстницы полицменъ, заслышавъ крикъ, бросился стремглавъ внизъ, схватилъ дымящуюся массу, но не будучи въ состояніи потушить ее, бросилъ на полъ залы. Вслѣдъ за этимъ почти моментально послѣдовалъ оглушительный взрывъ. Въ каменныхъ ступеняхъ лѣстницы произведена выбоина на три фута въ ширину и четыре фута въ глубину, въ отверстіи которой были сброшены полицменъ и съ нимъ еще четыре человѣка публики. Кромѣ того въ зданіи выбило не только стекла, но и самыя желѣзныя рамы. Каменная лѣстница, ведущая въ часовню, исковеркана, а потолокъ залы значительно поврежденъ. Третій взрывъ послѣдовалъ почти одновременно въ самой палатѣ общинъ и произвелъ тамъ сильное опустошеніе. Галлерей лордовъ, подъ которою произошелъ взрывъ, почти совершенно разрушена; перегородки снесены; всѣ окна и двери выбиты, нѣкоторыя вмѣстѣ съ окружающимъ каменемъ. Вся деревянная рѣзба разбита въ дребезги, отъ обоевъ остались одни лоскутья, паркетъ выпиленъ, своды дверей сѣли, не уцѣлѣло ни одного зеркала. Кресло Гладстона изломано въ куски, также какъ скамьи членовъ оппозиціи. Всѣ скульптурныя украшенія, фрески и картины, находящіяся въ этой залѣ, погибли безвозвратно. Вообщее зала засѣданій общинъ находится теперь въ такомъ состояніи, что осматривавшіе ее эксперты выразили даже сомнѣніе, чтобы она могла быть исправлена ко дню возобновленія парламентской сессіи, т. е. къ 17-му февралю. Что же касается матеріальныхъ убытковъ, то инженеръ Принчъ нечислитъ, что исправленіе всѣхъ поврежденныхъ, произведенныхъ взрывами, обойдется въ 15 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, т. е. приблизительно въ 150,000 рублей. Нечего и говорить, что лондонское общество страшно потрясено и испугано послѣдними злодѣйствами динамитчиковъ, и какъ въ публикѣ, такъ и въ печати негодованіе противъ ирландскихъ феміевъ достигло въ послѣднее время крайней степени.

Женщина безъ туловища.

(Рис. на стр. 196).

Всѣ оптическіе фокусы, показывающіе голову безъ туловища, или тѣло безъ головы, издавна практиковались и всегда занимали зрителя. Это достигается при помощи наклонныхъ зеркалъ, рас-

положенныя такъ, что они закрываютъ все туловище и оставляютъ свободной, напримѣръ, одну голову. Такія говорящія головы конечно приходилось видѣть многимъ. Гораздо проще фокусъ, известный подъ именемъ тайны доктора Линна, который показывается теперь въ Парижѣ и представляетъ женщину до талии, качающуюся на висячей качели. Женщина эта жива, мало того, руками она хватается веревки, отнимаетъ досечку и она нѣсколько секундъ виситъ на воздухѣ. Гдѣ же туловище и чѣмъ объяснить этотъ фокусъ? Докторъ Линнъ достигаетъ этого при помощи свѣтовыхъ эффектовъ. Это вполнѣ точно объясняется вторымъ рисункомъ. Верхняя, видимая часть тѣла, это манекенъ, на который ложится бюстъ молодой женщины, вытянутой почти горизонтально на доскѣ или гамакѣ, могущемъ качаться и слѣдовать за движениями качелей. Вся эта часть закрыта черной матовой драпировкой, не отражающей ни малѣйшаго свѣта. Грудь женщины и качели освѣщаются очень сильно, затѣмъ непосредственно слѣдуетъ густая тѣнь, безусловно черный фонъ, который становится еще болѣе темнымъ отъ свѣтящихся веревочекъ качели и металлической дѣли, на которой привѣшенъ внизу

обнаженный кинжалъ, а также и отъ блага платка, точно случайно брошеннаго на полъ сцены. Если прибавить къ этому шесть яркихъ лампъ съ рефлекторами, обращенныхъ на зрителя, становится понятнымъ, что онъ будетъ до нѣкоторой степени ослѣпленъ тѣмъ, что находится на первомъ планѣ и не будетъ ничего видѣть вдали кромя чернаго фона. Такъ объясняется „тайна доктора Линна“, которая основана на простомъ и любопытномъ законѣ физики.

Новый цвѣточный горшокъ.

(Рис. на стр. 197).

Недавно у садоводовъ появились въ продажѣ чрезвычайно оригинальнаго вида цвѣточные горшки, которые уже получили довольно широкое распространение. Горшки эти изъ обожженной глины, имѣютъ видъ шарообразный и снабжены отверстиями. Ихъ наполняютъ садовой землей, смѣшанной съ сѣенами или луковичами тѣхъ цвѣтовъ, выростить которые желаютъ, напр. крокуса, ландышей и пр. Ростки выходятъ въ отверстия горшка и, расцвѣтая, представляютъ довольно красивый и своеобразный видъ.

XIII передвижная выставка.

Тринадцатая передвижная выставка, открывшаяся 10-го февраля въ Петербургѣ, пользуется большимъ успѣхомъ среди публики. Всего насчитывается до двухсотъ пятидесяти картинъ, изъ которыхъ многія положительно хороши. Обращаетъ на себя общее вниманіе композиція Рѣпина „Іоаннъ Грозный и сынъ его Иванъ“. Художникъ изобразилъ моментъ, когда Іоаннъ, въ порывѣ гнѣва нанесшій смертельный ударъ сыну, держитъ въ рукахъ холодящее тѣло молодого царевича. Онъ прижалъ къ губамъ голову любимаго первенца, зажимаетъ рукою бѣгущую ручьями изъ раны кровь. Въ меркнущихъ очахъ сына виденъ и нѣмой укоръ, и любовь къ отцу, и прошеніе, которое онъ далъ ему передъ смертью. Впечатлѣніе картины слишкомъ мрачное, потрясающее и, несмотря на несомнѣнную силу изображенія, неприятное. Обѣ фигуры посажены на полъ въ темномъ старинномъ покоѣ; аксесуары, костюмы и лица выписаны прекрасно.

Очень интересна коллекція картинъ талантливаго жанриста Владиміра Маковского. Тутъ есть много малороссійскихъ жанровъ, написанныхъ живо и добросовѣстно. Обращаетъ особенное вниманіе „У мирового судьи“, гдѣ изображенъ разборъ семейнаго дѣла крестьянъ Орловской губерніи; тутъ крестьянскіе типы очень мѣткі. Далѣе—хорошъ мужикъ, который пришелъ съ большимъ мальчикомъ къ сельскому доктору и ждетъ приема. Очень комиченъ „Урокъ танцевъ“, гдѣ учитель, съдой чистенькій старичекъ показываетъ цѣлой шеренгѣ дѣтей какъ надо выдѣлывать па; на танцмейстера смотрятъ изъ дверей всѣ домашніе, а дѣтки съ усердіемъ выворачиваютъ ноги. Два старичка, толкуюшіе о политикѣ, очень милы. Не менѣе интересно чаепитіе старика со старушкой и „Вызовъ свидѣтелей на судъ“, гдѣ нѣкоторые типы подмѣчены съ большою наблюдательностью. Вообще В. Маковский выставилъ болѣе сорока работъ.

Жанристъ баронъ Клодтъ написалъ Татьяну изъ Пункинскаго Оубѣна. Сентиментальная героиня задумчиво стоитъ у окна и думаетъ о внезапно мелькнувшемъ въ ея глущи метеорѣ: заѣдемъ петербургскомъ денди—Евгеніѣ. Ея фигура очень мила и граціозна, а старинное платье еще болѣе придаетъ ей миловидности. Вся обстановка дышетъ на-

чадомъ нынѣшняго столѣтія и очень интересуетъ зрителей.

Симпатична маленькая картина Прянишникова „Церковный староста“. Онъ изображенъ въ моментъ обхода съ блюдомъ по церкви; толстое, здоровое, румяное лицо, съ напомаженными волосами и медалью на шеѣ, очень жизненно. Бодаревскій выставилъ изображенія двухъ хорошихъ дѣвочекъ: одну—сиротку, другую—дѣвочку заслушавшуюся въ лѣсу птичекъ.

Изъ историческихъ картинъ можно отмѣтить произведеніе Милорадовича „Черный Соборъ“, возстаніе Соловецкаго монастыря противъ новоечатныхъ книгъ въ 1666 году; здѣсь очень интересны типы схимниковъ, которые сошли изъ своихъ келій на обсужденіе важнаго вопроса о томъ, по какому книгамъ совершать службы. Неврѣзь выставилъ „Судъ надъ патриархомъ Никономъ“, гдѣ изображенъ не вполнѣ удачно царь Алексѣй Михайловичъ, жалующійся синклиту на строптивость Никона. Картина писана очень добросовѣстно, съ археологической точностью костюмовъ, но не удовлетворяетъ въ историческомъ отношеніи.

Изъ портретовъ особенно хорошъ портретъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Толстаго, принадлежавшій кисти Крамскаго.

Пейзажей на выставкѣ очень много. Прекрасна картина Мещерскаго „Февральское утро“, копію которой мы помѣстимъ въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ. Интересны наброски Подъянова изъ его путешествія по Греціи и Египту. Боголюбовъ выставилъ очень эффектную картину, изображающую иллюминацію въ Москвѣ, во время коронаціонныхъ праздниковъ. Особенно удалось художнику подмѣтить свѣтъ зеленого бенгальскаго огня. Николай Маковский выставилъ нѣсколько предельныхъ видовъ Каира, Малороссіи и Москвы. Пейзажи Шишкина, изображающіе сосновые лѣса, какъ и всегда, не имѣютъ себѣ конкурентовъ. Его „Туманное утро“ и „Лѣсной уголокъ“ очень хороши. Волковъ изобразилъ превосходно наступленіе зимы, а Киселевъ нѣсколько очень красивыхъ малороссійскихъ видовъ.

Вообще выставка очень интересна и богата произведеніями и показываетъ значительный ростъ и оживленіе нашего искусства.

Библиографія.

Памятники русской старины въ Зап. губ., изд. по Высоч. повелѣнію П. Н. Вятковскимъ. СПб. 1885 г. VII выпускъ. Это роскошное изданіе, весьма важное для исторіи нашей западной окраины, начало выходить въ свѣтъ нѣсколько лѣтъ назадъ. VII вып. посвященъ губерніямъ Люблинской и Сѣденской. Исконная принадлежность Забужскаго края Россіи, свѣдѣнія о судьбахъ Холмщины подъ чуждою властью, самозанцита православія, учрежденіе церковныхъ братствъ—все это въ подробномъ и серьезномъ научномъ изложеніи встрѣтитъ читатель. При книгѣ альбомъ превосходныхъ рисунковъ, красками печатанныхъ.

Блюмбергъ. Г. Художественныя ремесла въ древности. II отдѣлъ. Лейпцигъ 1885. Произведенія греческо-итальянскихъ художественныхъ ремеселъ („Das Wissen der Gegenwart“, томъ XXXII). Цѣна всего 1 марка. Въ первомъ отдѣлѣ сочиненія говорилось о техникѣ и стилистикѣ античныхъ художественныхъ ремеселъ; въ этомъ же томѣ разбираются многочисленныя произведенія ихъ по отношенію ихъ значенія и примѣненія къ частной и общественной жизни древнихъ. Ознакомить читателя съ древнею жизнью и особенно съ ея промышленно-художественными стремленіями—вотъ задача книги, украшенной около 150 очень хорошихъ рисунковъ.

Шоръ, Отто, фонъ. Тацкое искусство. 1885 г. Лейпцигъ. Об-

зоръ его развитія отъ начала среднихъ вѣковъ до настоящаго времени („Das Wissen der Gegenwart“, томъ XXXII). (У Фрейтага 1 марка). Всякій, кто захочетъ ближе ознакомиться съ тацкимъ искусствомъ, найдетъ въ этой книгѣ ясное, живое, наглядное изложеніе, обнимающее историческое развитіе техники всѣхъ отраслей его. Рисунки служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ тексту.

Вилькоммъ. М. Пиринейскій полуостровъ. II отдѣлъ. Лейпцигъ. 1884. Испанія. („Das Wissen der Gegenwart“, томъ XXXI). (У Фрейтага, цѣна 1 марка). Даетъ богатый матеріалъ для основательнаго ознакомленія съ географическо-историческимъ развитіемъ и настоящимъ образованіемъ Испаніи, ея политическимъ управленіемъ, умственной и матеріальной жизнью, особенностями народонаселенія и т. п. Прекрасное, строго научное изложеніе, поясняется многочисленными и хорошими рисунками.

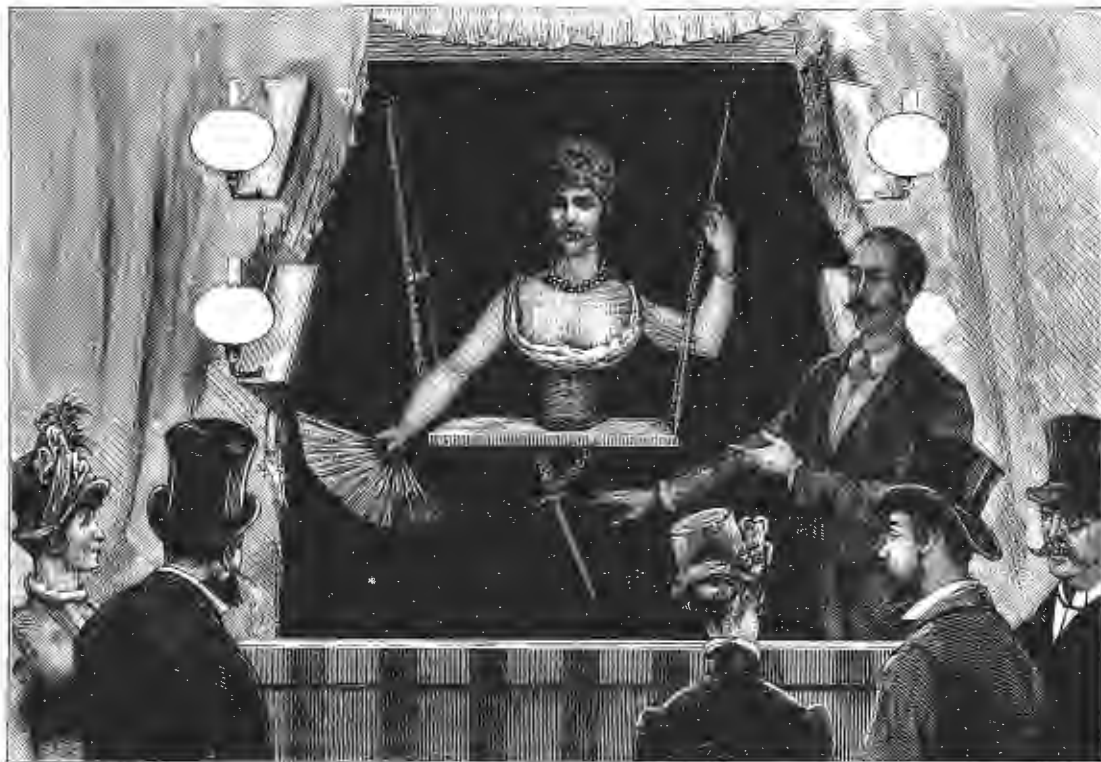
Васмуть. Электричество и его примѣненіе. 1884 г. Лейпцигъ. Въ виду важныхъ результатовъ, достигнутыхъ въ области электричества въ послѣднее время, и открытій практически уже примѣненныхъ къ промышленности, книга эта имѣетъ большой интересъ. Здѣсь популярно изложены главнѣйшіе законы производства и дѣятельности электричества. Книга иллюстрирована 119 рисунками, наглядно поясняющими текстъ.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Египетъ.—Италія.—Франція и Китай.—Западная Африка.

Извѣстіе объ отступленіи британскихъ войскъ отъ Губата къ Абулейскимъ колодцамъ, конечно, не преминетъ произвести въ Лондонѣ самое тяжелое впечатлѣніе, хотя эта мѣра вполне благоразумна, лучше которой генералъ Буилеръ, начальникъ авангарда, не могъ и придумать. Дѣло въ томъ, что съ паденіемъ Хартума британскій передовой отрядъ въ Губатѣ очутился въ весьма опасномъ положеніи. Завладѣвъ Хартумомъ, Махди имѣлъ возможность двинуть къ Метамне значительныя

чье племя шукриховъ, занимающее обширную степную область между Атбарою и Голубымъ Ниломъ, поголовно перешло на сторону лжепророка, также какъ таркурусы, относившіеся сначала враждебно къ возстанію. Слабые египетскіе гарнизоны къ западу отъ Атбары уже давно перешли на сторону мятежниковъ и со дня на день ожидается измѣна египетскаго гарнизона Кассаны. Словомъ, весь восточный Суданъ, за исключеніемъ Абиссиніи и Суакима, находится въ полномъ возстаніи. Изъ Судана получено важное извѣстіе объ отъѣздѣ принца

Оптическіе обманы. Фиг. I. Женщина безъ туловища.

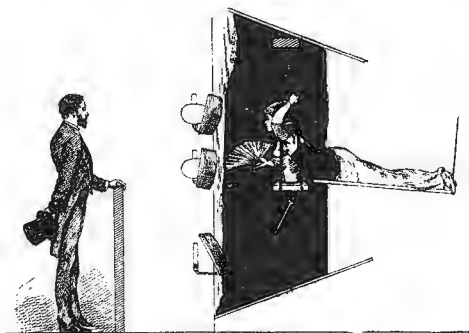
силы, вслѣдствіе чего укрѣпившіеся въ Губатѣ англичане должны были волей-неволей отказаться отъ своего первоначальнаго плана взять Метамне приступомъ. Генералъ Буилеръ, замѣнившій генерала Стюарта въ командованіи Губатскимъ отрядомъ, какъ видно, постигъ опасность своего положенія, и, не чувствуя себя въ силахъ устоять противъ усюннаго побѣдоу непріятеля, счелъ нужнымъ прійти въ болѣе близкое сообщеніе съ главными силами экспедиціоннаго корпуса.

„Отступленіе изъ Губата, какъ замѣчаетъ газета „Fremdenblatt“, является неблагоприятнымъ для правительства предзнаменованіемъ въ своемъ роковомъ совпаденіи съ открытіемъ парламентской сессіи“. Дѣйствительно, это отступленіе можетъ быть причиною отчаянной борьбы противъ министерства Гладстона. Уже теперь вожаки оппозиціи рѣшили предложить палатѣ общинъ баллотировать вопросъ о выраженіи порицанія правительству за египетскую политику. Порицаніе заключаетъ въ себѣ осужденіе за прошедшее время и недоувѣріе за будущее. По мнѣнію „Times“, если предложеніе будетъ принято палатой, то отставка кабинета неизбежна и только если министры обяжутся установить въ Хартумѣ правильное правительство, поставленное подъ непосредственное вліяніе Англіи и такимъ образомъ воздвигнутъ твердый оплотъ противъ фанатизма приверженцевъ Махди, то можетъ образоваться либеральное большинство. Но при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, брать на себя подобное обстоятельство очень трудно и рискованно. Силы Махди извѣстны только по слухамъ и дѣйствительно могутъ оказаться опасными; кромѣ того въ восточномъ Суданѣ, Османъ-Дигма попрежнему находится со всѣмъ войскомъ по близости Суакима и его вліяніе на различныя арабскія племена нисколько не ослабло. Арабы, населяющіе земли у сѣверной границы Абиссиніи, тоже объявляя себя въ пользу Махди. Могутъ

Хассана, сына бывшаго хедива Измаила и брата нынѣшняго хедива, въ главную квартиру генерала Вольселя. Изъ газетныхъ преній по этому поводу можно вывести заключеніе, что принцъ Хассанъ отправляется въ Египетъ, чтобы попытаться войти въ переговоры съ Махди, отъ имени Англіи, когда тому будутъ благоприятствовать обстоятельства, т. е. когда британскія силы нанесутъ мятежу нѣсколько чувствительныхъ ударовъ. Принцъ дѣйствительно въ этомъ можетъ быть полезенъ.

Подготовительная дѣятельность Италіи по занятію африканскаго побережья Краснаго моря, какъ кажется, близится къ концу. Двѣ послѣдовательныхъ экспедиціи доставили до 3200 человекъ италіанскаго войска на берегъ восточнаго Судана.

Счастье улыбается французамъ гораздо болѣе чѣмъ англичанамъ. 15-го февраля было получено по телеграфу извѣстіе о взятіи войсками генерала Бриера де л'Иля китайской крѣпости Лонгъ-Сона. Въ Парижѣ ожидали этой радостной вѣсти уже нѣсколько недѣль, но движеніе войскъ замедлялось всяческими затрудненіями, встрѣчавшимися ежеминутно на ихъ пути. Кромѣ того, въ Парижѣ получено надѣхъ доведеніе адмирала Курбэ о гибели двухъ китайскихъ судовъ, равно какъ нѣкоторыя подробности о дѣйствіяхъ французскаго флота въ водахъ Небесной имперіи. Рекогносцировкой было обнаружено, что у Шейно, между островами Нью-Теу и Кингъ-Янь, стоялъ одинъ китайскій фрегатъ, одинъ корветъ и три крейсера. Тогда съ адмиральскаго судна „Vagard“ спущены были два обыкновенныхъ пороховыхъ катера, снабженные торпедами. Взрывчатый хлонецъ произвелъ свое дѣйствіе — и въ нѣсколько минутъ оба судна пошли ко дну. Три крейсера посѣпили отступить, и хотя адмиральское судно и два другія пустились за ними въ погоню, но, благодаря туману, не могли догнать ихъ.

Оптическіе обманы. Фиг. II. Объясненіе явленія.

Счастье улыбается французамъ гораздо болѣе чѣмъ англичанамъ. 15-го февраля было получено по телеграфу извѣстіе о взятіи войсками генерала Бриера де л'Иля китайской крѣпости Лонгъ-Сона. Въ Парижѣ ожидали этой радостной вѣсти уже нѣсколько недѣль, но движеніе войскъ замедлялось всяческими затрудненіями, встрѣчавшимися ежеминутно на ихъ пути. Кромѣ того, въ Парижѣ получено надѣхъ доведеніе адмирала Курбэ о гибели двухъ китайскихъ судовъ, равно какъ нѣкоторыя подробности о дѣйствіяхъ французскаго флота въ водахъ Небесной имперіи. Рекогносцировкой было обнаружено, что у Шейно, между островами Нью-Теу и Кингъ-Янь, стоялъ одинъ китайскій фрегатъ, одинъ корветъ и три крейсера. Тогда съ адмиральскаго судна „Vagard“ спущены были два обыкновенныхъ пороховыхъ катера, снабженные торпедами. Взрывчатый хлонецъ произвелъ свое дѣйствіе — и въ нѣсколько минутъ оба судна пошли ко дну. Три крейсера посѣпили отступить, и хотя адмиральское судно и два другія пустились за ними въ погоню, но, благодаря туману, не могли догнать ихъ.

Конференція по дѣламъ Конго, собравшаяся въ Берлинѣ три мѣсяца тому назадъ, кончаетъ свои занятія. Техническая сторона задачи совершенно окончена; остается только редактировать окончательный актъ и составить протоколъ. Теперь ожидаютъ лишь устранения затрудненій, возникшихъ между Португаліею и международною африканскою ассоціаціею, относительно утѣвѣ Конго. Разрѣшеніе этого вопроса получило хорошее направленіе, такъ что конференція, по слухамъ, разо-

зойдется на будущей недѣлѣ. По окончаніи работъ и подписаніи державами трактата, Жюль Ферри роздастъ палатамъ желтую книгу, въ которой будутъ включены всѣ протоколы конференціи, а также дипломатическая переписка. Кроме того, въ этой же книгѣ будетъ помѣщенъ трактатъ, заключенный между Франціею и международною африканскою ассоціаціею, относительно разграниченія ихъ территорій на Конго.

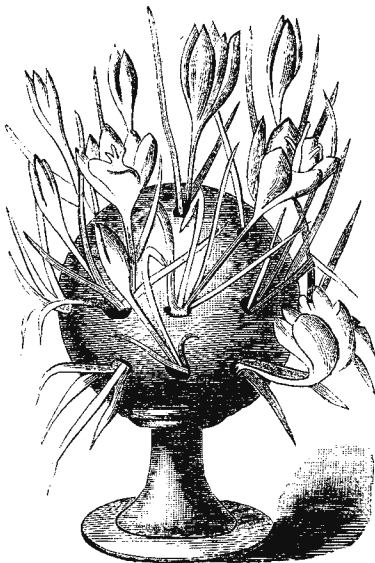
С М Ъ С Ъ .

Буддизмъ на Цейлонѣ. Французъ Делонкль побывалъ недавно на островѣ Цейлонѣ, съ цѣлью ознакомиться съ существующей тамъ формою буддизма. Въ городахъ Коломбо, Канди, Амарадатура вмѣсто ожидаемаго буддизма, онъ встрѣтилъ философскую систему, отрывившуюся отъ всякихъ религіозныхъ обрядныхъ формъ и вполне принявшую европейскія науки. Верховные жрецы этой религіи, если еще можно такъ выразиться, находятся въ курсѣ европейской философской литературы, въ чемъ г. Делонкль убѣдился на „профессорѣ Сумангала“, верховномъ жрецѣ Коломбо, замѣдававшемъ коллегіей Видюдайя, у котораго были всѣ сочиненія Дарвина, Канта и Гартмана. Сочиненія эти заняли мѣсто древнихъ религіозныхъ сочиненій (старыхъ книгъ Пали), которыя, впрочемъ, служатъ еще для того, чтобы комментировать ихъ, согласно Дарвину, Гартману и пр. Старые школьныя предрассудки вполне устранены и религіозно философствующіе господа на Цейлонѣ придаютъ только значеніе фактамъ, добытымъ путемъ „интегральныхъ наукъ“. Съ однимъ изъ такихъ буддистскихъ философовъ Делонкль общался внутри Цейлона; онъ присутствовалъ на одномъ праздествіи въ честь „вступленія Дарвина въ Нирвану“, а также при учрежденіи общества (Будда Саматипъ), задававшегося цѣлью ознакомить Европу съ дѣйствительнымъ буддистскимъ ученіемъ XIX вѣка.

Новая книга. Въ 1690—1691 г. при испанскомъ дворѣ былъ посолъ мароккскато владыки, Мансуръ Биллахъ, иначе Мулей Измаиль. Онъ пріѣхалъ съ требованіемъ о выдачѣ 500 древнихъ арабскихъ рукописей и 500 павинныхъ арабовъ. Но такъ какъ рукописи, по приговору инквизиціи, были уже сожжены, то на мѣсто ихъ Мансуръ Биллахъ потребовалъ выдачи еще 500 человекъ павинныхъ. Мароккское государство играло въ то время важную политическую роль (1550 до 1560 г.), въ особенности въ царствованіе Филиппа II Испанскаго. Уничтоженіемъ португальцевъ при Альказаръ-Кебиръ онъ былъ обязанъ мароккскому войску. Мароккскій посланникъ подробно описалъ свое путешествіе въ Мадридъ и свое тамъ пребываніе. Эта арабская рукопись недавно переведена на французскій языкъ; она чрезвычайно интересна, такъ какъ въ ней подробно описана страна и люди, обычаи и нравы, придворные и церковные обряды, монастыри и монахи, открытіе Америки, жизнь императора Карла V и короля Филиппа II (одного изъ величайшихъ преступниковъ и королей своего времени, такъ говоритъ о немъ посолъ), инквизиція, распространеніе мавровъ, преслѣдованіе и сожженіе множества евреевъ (на площади въ Валидолоидѣ было сожжено 6000 человекъ) и все, что наблюдательному и ученому восточному человѣку показалось достойнымъ вниманія. Замѣчательно, что онъ предвидѣлъ паденіе Испаніи въ то время, когда она была еще въ полномъ расцвѣтѣ и блескѣ. Въ 1690 году южная Испанія была въ сущности мавританско-арабской. Съ радостью и гордостью онъ пріѣхалъ въ Утрехтъ знатную мавританскую семью, настоящихъ потомковъ великаго Боадгиля. Восточный писатель встрѣтилъ даже христіанскія семейства, которыя гордились своимъ арабскимъ происхожденіемъ, „хотя, жалуется онъ, они дошли по неправому пути“. Онъ упоминаетъ также, какъ объ одной изъ достопримѣчательностей Мадрида, о газетѣ, которая велась однимъ человѣкомъ, набиралась ручнымъ прессомъ и продавалась на улицахъ. Наибольшимъ несчастіемъ христіанъ, посолъ считаетъ палу, „который предписываетъ всѣмъ христіанскимъ народамъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать, и выдумываетъ догматы по своему усмотрѣнію и желанію“.

Уловки хищныхъ птицъ. Одна изъ шотландскихъ желѣзныхъ дорогъ сообщаетъ, что коршуны, курятники и соколы пользуются проходящими поѣздами для своихъ хищническихъ цѣлей. Они летятъ вслѣдъ за поѣздомъ, близко у земли, отчасти невидимые за дымомъ, и высматриваютъ маленькихъ птичекъ, которыя вспорхаютъ, испуганныя шумомъ поѣзда. Тогда хищныя птицы бросаются на нихъ и ловятъ. Въ случаѣ же неудачи, онѣ возвращаются опять къ поѣзду и повторяютъ тотъ же приемъ. Какъ кажется, онѣ не только легаютъ свободно также скоро, какъ и летятъ поѣздъ, но даже безъ особаго усилія могутъ перепасть его.

Самымъ извѣстнымъ пьяницей въ Берлинѣ былъ рыцарь Конрадъ фонъ-Бургсдорфъ, находившійся при дворѣ великаго кур-

Цвѣточный горшокъ съ крокусомъ.

юрста. Говорятъ, что онъ выпивалъ ежедневно около двадцати пяти литровъ вина. Классическое время пьянства тогда уже миновало. О пьянствѣ XVI вѣка въ Сѣверной Германіи извѣстно напр. слѣдующее. Этотъ порокъ существовалъ уже съ давнихъ временъ. Кто больше пилъ, тотъ и считался болѣе пріятнымъ и желаннымъ гостемъ и компаньономъ. Вотъ техническія выраженія пьяницъ тѣхъ временъ: Kleeblattlein, означало три стакана, которые нужно было выпить залпомъ, одинъ за другимъ; Fuchsschleifer, значило взять большую кружку и пить изъ нея круговую, при чемъ послѣдній долженъ былъ допить весь остатокъ, снова наполнить кружку и пустить ее по рукамъ; это продолжалось до тѣхъ поръ пока хватало силъ пить; Perlenke zu trinken значило, ставъ передъ кѣмъ нибудь, выпить вино изъ большой кружки и недопитыми остатками плеснуть ему въ лицо, а затѣмъ ударить кружкою по головѣ, и за это компаньонъ не имѣлъ права обидѣться; Einem zu Wasser geiten — продѣлывалось такъ: на полъ ставилась кружка вина и тотъ, кто долженъ былъ изъ нея пить, подползалъ къ ней на четверенькахъ, а тотъ кто пилъ раньше, садился ему въ это время на спину.

Странности великихъ людей. Знаменитый Валленштейнъ не могъ равнодушно слышать крикъ ибтуха. Странности имѣли и многіе другіе великіе люди. Французскій король Генрихъ V не могъ оставаться въ комнатѣ, въ которой находилась или была незадолго передъ тѣмъ кошка. Знаменитый Ришелье прыгалъ, какъ полоумный по комнатѣ, пока не падалъ отъ изнеможения. Граммонъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ, пріѣдъ однажды къ Ришелье, увидѣлъ какъ тотъ прыгалъ на стѣну въ своей комнатѣ; зная какъ опасно выказатъ изумленіе на выходки герцога, онъ спокойно, безъ малѣйшей улыбки, снялъ сюртукъ и сталъ скакать вмѣстѣ съ нимъ. „Держу пари, ваше превосходительство, воскликнулъ онъ при этомъ, — что я умѣю скакать не хуже васъ!“ Маршалъ Альбертъ падалъ въ обморокъ, если на столъ подавали жаркое изъ свинины.

Знаменитый ученый Эрасмъ Роттердамскій не могъ слышать запаха рыбы. Польскій король Владиславъ заболѣвалъ лихорадкою послѣ кушаньевъ изъ яблокъ. Съ ученымъ Скалигеромъ дѣлалось дурно, если ему подавали крессъ-салата, который онъ прежде очень любилъ. Знаменитый астрономъ Тихо-де-Браге падалъ въ обморокъ, если около него пробѣгалъ заяцъ. Всѣ эти люди были съ выдающимися духовными силами и замѣчательнымъ умомъ.

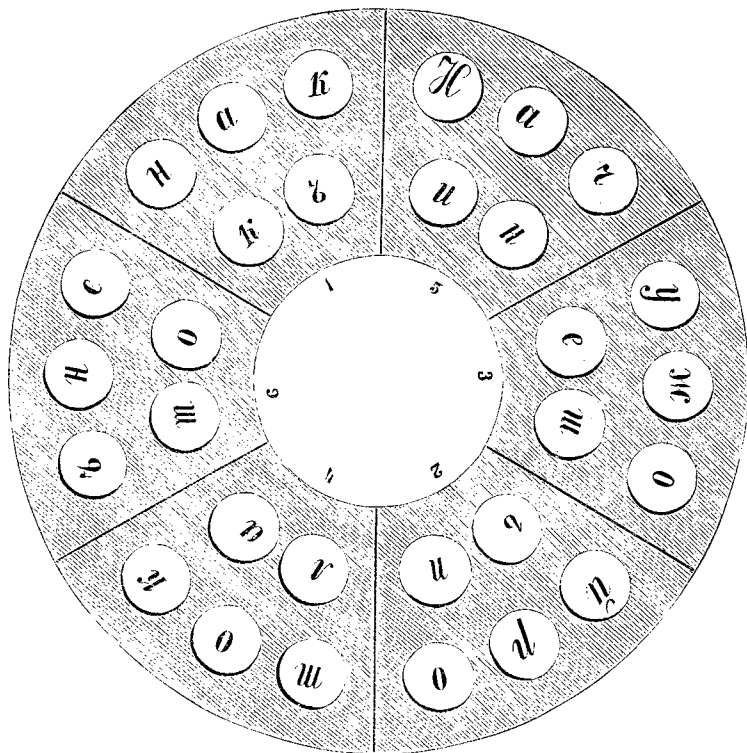
Газета „Фигаро“ приписываетъ себѣ нахожденіе достойнѣшаго человѣка, справедливо заслужившаго премію въ 300,000 фр., назначенную французскимъ правительствомъ изобрѣтателю дѣйствительнаго средства противъ виноградныхъ вшей. Это бургундецъ, владѣлецъ виноградниковъ Додилъ, который въ своихъ дальнихъ путешествіяхъ пріобрѣлъ большую омытность; онъ видѣлъ на островѣ Соединенія, что плантаторы и негры не только шадятъ птицъ, — истребителей насѣкомыхъ, но даже выгоняютъ домашнюю птицу въ свои поля. Онъ помѣстилъ куръ въ свои виноградники, которые были поражены филоксерою и сообщилъ свою систему въ Шалонъ комисіи по вопросу объ истребленіи вредныхъ насѣкомыхъ. Эта система состоитъ въ содержаніи отъ конца іюня до конца сентября соответствующаго для зараженнаго виноградника количества куръ и цесарокъ и оставлять ихъ тамъ на цѣлый день; переходя отъ одной лозы къ другой, онѣ пожираютъ всѣхъ виноградныхъ вшей. Благодаря этому способу, онъ считаетъ себя спасителемъ двухъ прекрасныхъ виноградниковъ.

Самые большіе часы въ мірѣ находятся на башнѣ Вестминстерскаго аббатства въ Лондонѣ. Циферблаты, которыхъ на башнѣ четыре, имѣютъ 22 фута въ окружности и стрѣлка подвигается по нимъ каждую минуту на 7 дюймовъ. Часы заводятся каждыя 8 дней и бьютъ только въ теченіи 7 дней и такимъ образомъ указываютъ, когда наступаетъ время ихъ заводить. Самый процессъ завода ихъ продолжается около двухъ часовъ. Маятникъ имѣетъ 15 фут. длинн; цифры отлиты изъ чугуна; часовой колоколъ, 6 футовъ вышины и 9 футовъ въ поперечникѣ, вѣситъ почти 15 тоннъ, а молотокъ его почти 10 пудовъ. Часы бьютъ четверти и стенографы парламента распрѣдѣляютъ по нимъ свои работы; при каждомъ боѣ одинъ стенографъ смѣняетъ другаго.

Тоннель подъ улицей. Воздвигнув громадный мостъ чрезъ Кастръ-Риверъ, американцы задумали еще большее предпріятіе, именно прорытіе тоннеля подъ Бродвеемъ. Улица эта, прорѣзавшая весь городъ, необыкновенно оживлена, а потому чтобы не служить ей постройкой втораго этажа на столбахъ, какъ это сдѣлано въ нѣкоторыхъ боковыхъ улицахъ, предложено прорыть подъ нею тоннель; такимъ образомъ получится мѣсто не только для четырехъ-колейной дороги, но и для подземныхъ магазиновъ. Рядомъ отвѣдется мѣсто для трубъ и проволоки, прорѣзавшихъ весь улицы города и для починки которыхъ приходится такъ часто взрывать мостовую. Самый тоннель не будетъ проиваться подъ улицей, но сама улица будетъ раскопана и, послѣ устройства подземной улицы, эта послѣдняя покроется сводами, которые будутъ служить одновременно и потолкомъ тоннеля, и насыпью Бродвея.

Находка въ развалинахъ стараго Карнунта. Въ Карнунтѣ (близъ Петронеллы въ Нижней Австрій) сдѣлана важная находка, повидимому куска вазы, на которомъ нарисована вполнѣ фигура знаменитаго Праксителейскаго Гермеса. Какъ извѣстно, оригиналъ этой статуи, сдѣланной въ самое цвѣтущее время эллинской пластики, составляющей драгоцѣнную находку въ Олимпіи, къ несчастію обломанъ. У него недостаетъ обѣихъ ногъ до косточекъ и правой руки. Какъ надъ похищеніемъ Милосской Венеры, такъ и надъ реставраціей Праксителейскаго Гермеса, безуспѣшно трудились лучшие художники. Осколокъ Карнунта, перешедшій теперь въ собственность д-ра Ролла въ Баденѣ, показываетъ какъ слѣдуетъ пополнить статую Праксителя. На осколкѣ Гермесъ въ правой рукѣ держитъ не кисть винограда, какъ сдѣлала художники-реставраторы, но жезлъ Бахуса.

Рѣшеніе задачи № 3 (помѣщ. въ № 4 „Нивы“).

„На чужой ротокъ не накинешь платокъ“.

Вѣрные рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. СПб.: Фомина, Иванова, Груздева, Сухова, Васильева, Пасыкина. Москва—Бутенко, Девицкаго, Алексѣева, Константиновскаго, Никольскаго Хохлова, Еремича, Вознесенскаго, Васильева; с. Ассаново—Васильева, Бѣнецкъ—Вейцъ, Борисоглѣбскъ—Деминъ, Б. Коровино—Терскаго, Выборгъ—Годлевскаго, Вологда—Прѣва, Владимиръ—Покоранъ, Жижморя—Рабинювича, Зуево—Кулакова, Кишиневъ—Кирилки, Шенфельдъ, Невъ—Шилохвастова, Курскъ—Мазуръ, Липецкъ—Мосинъ, Моршанскъ—Скобывева, Мценскъ—Леонтьева, Н. Чирскяя—Гаврилова, Одесса—Дюмошъ, Павловскъ—Степанова, Ст. Русса—Бѣва, Саранскъ—Населько, Тверь—Зименко, Ярославль—Ильина.

Рѣшеніе шахматной задачи № 4

(помѣщ. въ № 4 „Нивы“).

Бѣлые. Черные.
 1) F7—E 5 | 1) { Куда угодно.
 2) H 8—E 8 | 2) {
 3) E 8—E 7 | 3) {
 4) E 5—F 3++

Вѣрные рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. СПб.: Коляковъ, Машъ, Варыпаева, Гатчино—Адамсонъ, Иттоміръ—Вайтундъ, Муромъ—Гладьова, Пенза—Азанчевскаго, Шадово—Сегалъ.

Рѣшеніе ребуса № 2

(помѣщ. въ № 2 „Нивы“).

„Всякому за добро—добромъ отплатится, а кто зломъ живетъ—во злѣ и конецъ получить“.

Вѣрные рѣшенія этого ребуса присланы отъ гг. СПб.: Жукова, Б. Коровино—В. К. Терскаго, Курскъ—Мазуръ, Лебедянъ—Чурилина, Харьковъ—Святальскаго, Петергофъ—Евдокимовой.

Вѣрные рѣшенія задачъ № 45 за 1884 г. и № 2 за настоящій годъ въ числѣ прочихъ присланы также и отъ В. К. Терскаго въ с. Б. Коровино.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нивы“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, обязательно присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Экстрапочта (съ рис.).—Голосъ крови. (Драма глухаго форта). Н. Н. Каразина. Часть II. (Продолженіе).—Разсказъ Раевскаго о дуэли Лермонтова. Записано В. Желиховской. (Окончаніе).—Желѣзная дорога Соединенныхъ Штатовъ. (Очеркъ). Дарьяльское ущелье. Стихотвореніе Пл. Кускова.—Караванъ въ пути (съ рис.).—„Сиромность“. Статуя Вейценберга (съ рис.).—Прыга (съ рис.).—Возвращеніе татаръ съ набга (съ рис.).—А. П. Ленскій (съ портр.).—Варьвы въ Лондонѣ: въ Вестминстерѣ и Тауэрѣ (съ 2 рис.).—Женщина безъ туловища (съ 2 рис.).—Новый цвѣточный горшокъ (съ рис.).—XIII передвижная выставка.—Библиографія.—Политич. обзоръ.—Сибѣй. Рѣшенія задачъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марисъ

ПОЛНЫЙ ТОМЪ
„НИВЫ“ 1884 ГОДА,
 заключающій въ себѣ болѣе 1200 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. Соловьева — „Изгнанникъ“, большой романъ графа Е. А. Саліаса — „Въ старой Москвѣ“, разсказъ Я. П. Полонскаго — „Вадимъ Голетаевъ“ и изъ воспоминаній того-же автора — „И. С. Тургеневъ у себя“, повѣсть Д. В. Григоровича — „Недологое счастье“, разсказы Н. В. Успенскаго — „Новые помѣщики“ и „Привольная жизнь“, разсказъ П. П. Гнѣдича — „Въ 12-мъ году“, разсказы А. Я. Максимова — „Жертва злему духу“ и „На соболѣй“, повѣсть П. Петрова — „Багровая пыль“ и др. произведенія современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологій, астрономіи и проч. и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Проф. Импер. Академіи Художествъ К. Е. Маковского „ГУСЛЯРЬ“.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ
 Брошюрованъ . . . 4 р. Въ каленк. перепл. 5 р. 50 к.
 Съ пересылкою . . . 6 „ Съ пересылкою . . . 7 „ 50 „

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору редакціи журнала „Нива“, Б. Морская, № 9; въ Москвѣ въ Отдѣленіе Конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, д. Петровскихъ Торговыхъ линій.

27-го февраля выйдетъ въ свѣтъ НОВОЕ ИЗДАНІЕ:
ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ
 СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.
П. П. ГНѢДИЧА.
 Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 400 иллюстраціями въ текстѣ—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Условія подписки за полное изданіе:
 брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ каленк. переплѣтъ съ золот. тисп. 7 рубл., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ контору редакціи журнала „НИВА“, Большая Морская, № 9.

Куроводство САНКТЪ ИЛЬГЕНЪ въ Баденѣ.
 Самое обширное заведеніе Германіи, поставляетъ испытанные Грюнвальдскіе аппараты для разведенія цыплятъ, маленькіе и большіе, а также другіе снаряды для разведенія и открыванія куръ. Устройство подобнахъ заведеній, учебные курсы, разсказъ цыплятъ, продажа расовыхъ и откормленныхъ птицъ. Программа по желанію.
 Дирекція: О. Грюнвальдъ, А. Вестфалингеръ. К. № 3849

ЛЕСОПИЛЬНАЯ РАМА.
Чуг. двойн. и 20 раз. стан. для обрабо-
тки дерева, случайно продается. Фонтанка,
д. 168 и 2. № 3896 2-2

УПРАВЛЯЮЩИЙ-ПРАКТИКЪ
ищетъ мѣсто. Адресъ для писемъ: на Мор-
довскую почтовую станцію, Уманскаго уѣз.
Тамб. губ. С. Ф. № 3912

АРГОВЫЙ-ПОДТЯЖКИ
съ пересылкою 2 р. 25 к.
Оптовая и розничная продажа.
Складъ резинов. товаровъ
Конст. МАЛЬМЪ,
Большая Морская № 36.
По Воскресеньямъ закрытъ.
№ 3922 5-1

ИЩУТЬ
въ провинціи благонадежныхъ лицъ вели-
каго званія для продажы, съ разсрочкою
платежей, 5-проц. съ выигрышными биле-
тами, на выгодныхъ условіяхъ. Обща-
ются письменно въ с.-петербургскую
центральн. контору объявленій, Невскій
п. № 9, подъ ит. В. Р. № 3928

ИСКУССТВЕННЫЕ ЗУБЫ.
ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
Р. А. БАРСЪ.
Москва, Газетный пер., д. Фулда.
Лечение болѣзней зубов.

НА КОММЕРЧ. ДѢЛО
ЕДИНСТВЕН. ВЪ РОССИИ
безъ конкуренціи, съ гарант. чистота диви-
дента 25%, кромѣ погашенія капитала
■ БЕЗУСЛОВНО ВЪРН. И ВЫГОДНО ■
ПРИГЛАШ. КЪ УЧАСТІЮ ЛИЦЪ
съ капиталомъ отъ 5000 р.
Подробн. узнать въ конторѣ Е. Колпагина,
д. ремеслен. улиты № 76165. № 3915

АРИСТОНЪ
Новѣйшій
ручной органъ,
на которомъ
можно, посред-
ствомъ переме-
ны кружковъ,
играть безчи-
сленное множе-
ство пѣсней; въ
настоящее вре-
мя уже болѣе
тысячи помы-
ровъ; весьма
удобенъ для
танцевъ; игра-
етъ также известнѣйшія оперы, оперетки,
русскія пѣсни и много другихъ.
Цѣна аристону съ 10-ю пѣснями по
выбору 25 рублей.
За пересылку прощу прилагать за 40 фунт.
отдѣльные пѣсни по 60 коп. рекомендуютъ.
Юлій Генрихъ
ЦИММЕРМАНЪ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ
ИНСТРУМЕНТОВЪ.
С.-Петербургъ: Б. Морская, домъ № 36.
Москва: Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго.
Новый каталогъ пѣснямъ для аристона на
русск. и нем. яз. безплатно. Р. 3919 3-

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. по-
вѣсть времени Екатерины II. П. Петри-
оч и В. Ключицкова. Ц. 1 р.

КЛАРКЪ и К^о
ВЪ ПЕЙСЛЕЙ.
Самая лучшая швейная бумага для машинной
и ручной работы.
Безъ „ЯКОРЯ“ не настоящая! № 3854

ФРУКТОВЫЯ ДЕРЕВЬЯ
ЯБЛОНИ И ГРУШИ
въ большомъ выборѣ, лучшихъ и выносливыхъ сортовъ, можно наступающую весною
получить въ ПОМОЛОГИЧЕСКОМЪ САДУ и древесныхъ питомникахъ
ГРАФА СИВЕРСА.
Сильныя штамбовыя съ короною за штуку 50 коп.
за сотню 45 р.
Каталогъ высылается безплатно по требованіямъ, адресованнымъ до конца марта м.,
въ С.-Петербургъ, Мохова, 45, Графу Сиверсу, а затѣмъ Венденъ, Лифляндской губ.,
Помологическій садъ Графа Сиверса. № 3917

ВЯЗКА
СУРОВАЯ и ЦВѢТНАЯ.
ОПТОВАЯ И РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА.
Р. № 3884 4-3
Образцы и прейсъ-курранты безвозмездно въ складѣ писчей бумаги
„АВГУСТА НАУМАНЪ“.
Казанская, д. № 42, противъ Новаго пер., въ С.-Петербургѣ.

**Отъ Совѣта Общества любителей церков-
наго пѣнія въ Москвѣ.**
Совѣтъ Общества, имѣя въ виду возстановленіе въ богослужебной практикѣ древнихъ
церковныхъ напѣвовъ, приглашаетъ желающихъ принять участіе въ переложеніяхъ этихъ
напѣвовъ для хора.
1) Для первоначальной общины предлагаетъ по преимуществу мелодіи **ЗНАМЕННАГО**
БОЛЬШАГО РОСПѢВА изъ Октоиха и прологаго синодальныхъ изданій, а также и изъ
полнаго обихода пѣснописца того же Знаменнаго роспѣва
2) Желательна такая обработка древнихъ пѣснописній, чтобы они могли быть употре-
бляемы въ богослуженіи, не исключаются сочиненія концертныя, содержація разра-
ботку тѣхъ же мелодій.
3) Основная мелодія можетъ находиться въ любомъ изъ голосовъ; количество голо-
совъ предоставляется усмотрѣнію авторовъ, причѣмъ желательно, чтобы сопровождаю-
щій голосъ приближался по характеру къ самой мелодіи.
4) За лучшія сочиненія Общество предлагаетъ выдать **ПРЕМИИ** въ размѣрѣ
отъ 50 до 300 руб., сообразно съ достоинствомъ и объемомъ представленныхъ про-
изведеній.
5) Срокъ представленія сочиненій на премію назначается не позже 15-го марта сего
1885 года; выдача же премій не позже 1-го января будущаго 1886 года.
6) Сочиненія выслать на имя Предсѣдателя Общества, Пресвященнѣйшаго Миса-
ила, Епископа Можайскаго, въ Москвѣ, подъ девизомъ, съ приложеніемъ запечатаннаго
конверта, подъ тѣмъ же девизомъ, заключающаго въ себѣ имя, отчество и фамилію
автора. № 3884 3-3
7) Общество не беретъ на себя обратную пересылку представленныхъ сочиненій.

ВЫШЕЛЪ 3-й ВЫПУСКЪ (Живчка-Изданія)
СЛОВАРЯ ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,
необходимыхъ въ жизни всякому, съ объяснительными рисунками.
Изд. Д-ра СИМОНОВА: стат. по сельскохозійств., садовъ и пр. бо-
таникѣ подъ редакціей проф. А. БЕКЕТОВА.
Всѣ стороны прант. жизни; въ удобн. алфавит. порядкѣ; полный домашн. лечеб-
никъ, домашн. гигиену, полную кухонную книгу, сельск. хоз., огородн. и садов. сборникъ;
сводъ главн. законоположеній, собраніе свѣдѣній по мужск. и женск. учебн. заведені-
ямъ; практ. указанія о судахъ, нотаріусахъ, адвокатахъ; статьи о воспитаніи; массу
рецептовъ косметическихъ средствъ, лаковъ, замазочн. клеевъ, гяновыводныхъ и
дрогъ, составовъ и проч. Отъ 10 до 12 выпусковъ, каждый въ 5-7 больш. листовъ въ
2 столбца, съ ПРИЛОЖЕНІЕМъ.
ПОДПИСКА (у издателя: Мойка, 15, въ книжн. магаз. „Нового Времени“ и у Рик-
кера: Невскій, 14) до 15 марта: 6 руб.; съ пересылкой 7 р. Разсроч-
ка (по соглашенію только для служащихъ, выписывающ. черезъ казначействъ не менѣе 5 экз.
Книгопродавцамъ 17) — уступки (изъ 6 р.).
Отдѣльно продается только: 3-й вып. 1 р. (перес. 20 к.), 2-й и 3-й вмѣстѣ 2 р.
(перес. 20), и 1-й, 2-й и 3-й вмѣстѣ 3 р. (перес. 20 к.). № 3910

НОВАЯ САМОПОМОЩЬ И СТРАХОВАНІЕ
ЖИЗНИ.
КНИГА
Очеркъ В. Лаврентьева.
Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 рубль.
Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и въ редакціи
„Русскаго Вѣстника Страхованія“: Владимірскій просп., д. 11-13. Лица, выпи-
сывающія изъ редакціи (СПБ., Владимірск. просп., д. 11-13) за пересылку не пла-
тятъ. Книгопродавцамъ обычная уступка. Подписка на „Русскій Вѣстникъ Стра-
хованія“ продолжается. Цѣна за годовое изданіе 3 р. 50 коп., съ пересылкой и до-
ставкой. № 39-5

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ
перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

УЗЕМСКАГО
КНИГОПРОВАДЦА
ВЪ РОССИЙСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
въ Москвѣ, въ домѣ типографіи Святышаго Синода, въ зданіи Славянскаго базара, на
Школьной улицѣ, поступила въ продажъ новая, замѣчательно-интересная книга:
Секреты героини трущобы и вертеповъ.
ПСИХОПАТКА
или замѣчательно-любопытныя ТАЙНЫ
СУМАСШЕДШЕЙ ВЛУДИЦЫ.
Романъ послѣдняго времени; сочиненіе Н. ЧМЫРЕВА. Цѣна 1 руб. За ту же цѣну вы-
дается и инокороднымъ. № 3908

ПРЕДСѢДАТЕЛЬНИЦА
Спаско-Казанскаго отдѣла общества попе-
ченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, Татья-
на Васильевна Макарова, живущая по Ново-
Адмиралтейской Набережной д. № 2, еже-
дневно отъ 5 до 7 час. принимаетъ пожерт-
вованія вещами, старыми и новыми, и день-
гами въ пользу общества пощенія о бѣз-
ныхъ и больныхъ дѣтяхъ. № 3808 4-4

Для простыхъ отхожихъ мѣстъ.
ЕДИНСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМЪ
ЗАМѢНЯЮЩІЙ ВАЛЕРЬЯНЪ-УЗЕТЪ,
необходимыя для швейн.
Цѣна 12 руб. 50 коп. СЕР.
Иллюстрированыя образцы выслать.
П. БАГУНЬИЪ,
СПБ. Симеоновскій пер., д. № 3, кв. № 22

Электрич. ЛАМПЫ
СОБСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ
различныхъ силъ и размѣровъ
отличающіяся значительнымъ экономіею
тока, большою прочностію и дешевизною,
подходящая ко всякому устройству, реко-
Р. № 3893 2-2
Грейнеръ и Фридрихъ
Штуттербахъ въ Тюрингіи.

Велосипеды Англійскіе
2-хъ и 3-хъ колесные,
завода Hickling & Co.
и принадлежності по
дешевымъ цѣнамъ.
Представитель г. Нем-
люка, въ Москвѣ, Цѣв-
ной 9, д. Брюсова.
П. № 3918

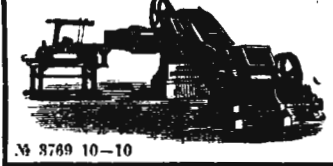
НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.
Ручн. и ножи. Зингеровскія швейныя машины,
которыя кромѣ известнахъ работъ выметы-
ваютъ петли, вышиваютъ и шьютъ чрезъ
край. Подробный прейсъ-куррантъ и пробныя
петли высылаются безплатно. Р. № 3857 6-3

А. ШТЕЙНЪ
С.-Петербургъ, Большая Морская № 26.
ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА.
Музыкальныя новости
АНТ. РУБИНШТЕЙНА.
SOIRES MUSICALES
9 morceaux pour le piano, op. 109. № 1. Pré-
lude (à Sophie Menter) 60 к. № 2. Valse
(à Mary Krebs) 60 к. № 3. Nocturne (Anna
Mehlig) 60 к. № 4. Scherzo (à C. Montigny
Remaury) 1 руб. № 5. Impromptu (à Agnes
Zimmermann) 60 коп. № 6. Reverie-Caprice
(à Wera Timmanow) 80 к. № 7. Badinages
(à Francis Planté) 1 руб. 20 к. № 8. Theme
varié (à Louis Diemer) 80 к. № 9. Etude
(à Eugène d'Albert) 90 к.
Eroica. Fantaisie p. Orchestre, въ 4 руки 3 р.

П. Чайковскаго
3-я Сюита для оркестра. Фантазія для фор-
тепiano съ оркестромъ.
МОСКВА, у П. ЮРГЕНСОНА.
С.-Петербургъ, у І. Юргенсона. Варшава, у
Г. Зенневальда. П. № 3760 3-3
ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Мартина. Перевъ
съ нем. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.; для
подп. „Нивы“ 1885 г. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ЗАЖИГАТЕЛЬНЫЙ ПАТРОНЪ БАРЧА
съ зажигающимъ конусомъ изъ желтой мѣди, зажигающимъ спереди, для ружей Лап-
кастры, производящ. совершенное зажиганіе пороха въ патронѣ, самый мѣткій и даль-
ній въстрѣль дробью и моментальную смерть дичи. Заслужить похвалы охотниковъ
не только Германіи и другихъ странъ. Начка не менѣе 100 штукъ кал. 12 и 14 за 9 ма-
рокъ; кал. 16 и 20 за 8 марокъ. Каждый патронъ можетъ служить нѣсколько разъ.
ЛИГНИЦЪ ВЪ СИЛЕЗІИ.
А. БАРЧЪ, ружейный мастеръ. Р. № 3892 2-2

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Всеволода Грестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“):
3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

**ТОРФЯНЫЯ, КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МА-
ШИНЫ и МЪШАЛНИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ,**
ручныя, конныя и паровыя;
машины для обработки фарфоровой массы,
шпота, цемента и т. п. рекомендуютъ
Людвигъ Воеводичъ Шинэйзенъ,
инженеръ, Москва, Мясницкая, д. Ермаковъ.
Изготовленіе плановъ для печей; устрой-
ство заводовъ. Иллюстр. каталогъ безплатно.
№ 3769 10-10

НИВА

XVI годъ
№ 9

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XVI
1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 ФИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдаеъ 2 Марта 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 60 к. — Загран.: для Франціи у Agence Navas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію. Германію. Францію. Италію и друг. госуд. 8 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія. 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМЪ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1885 г., съ 26 рисунками и отдѣлн. листомъ съ 32 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 25 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Г. П. Гельмерсенъ.

Въ воскресенье 3 февраля, въ 9 ч. веч., скончался на 82 году жизни академикъ генералъ-лейтенантъ Григорій Петровичъ Гельмерсенъ. Въ лицѣ покойнаго наука понесла запачительную утрату. Потомокъ остзейской дворянской семьи, Гельмерсенъ родился въ 1803 году въ Дункердорфѣ въ Лифландіи. Въ 1812 году онъ поступилъ въ известный въ то время пансіонъ Муральто, а затѣмъ перешелъ въ Дерптскій университетъ, гдѣ дѣятельно занимался изученіемъ естественныхъ наукъ. Гельмерсенъ и давно умершій другъ его Гофманъ были любимыми учениками профессора Энгельгардта, котораго сопровождали на Уралѣ для научныхъ изслѣдованій. По рекомендаціи Энгельгардта, графъ Канкринъ зачислилъ обоихъ молодыхъ людей чиновниками для особыхъ порученій и возлагалъ на нихъ геологическія изслѣдованія Россіи. Съ 1828 до 1830 года они работали въ

Академикъ Генералъ-Лейтенантъ Г. П. Гельмерсенъ. † 3 февр.
По фотогр. грав. Вейерманъ.

Оренбургѣ, Златоустѣ и на южномъ Уралѣ и по указанію Канкрина въ Міаскѣ присоединились къ Александру Гумбольдту, котораго сопровождали до Оренбурга. Благодаря ходатайству Гумбольдта, оба друга посланы были въ Берлинъ для продолженія наукъ и изслѣдизъ съ научною цѣлью большую часть Средней Европы. Возвратившись въ Россію, Гельмерсенъ отправился въ трехлѣтнее путешествіе (1833—1836) для изслѣдованія Урала и Алтайскихъ горъ, вернувшись съ котораго, занялся изслѣдованіемъ сѣверной полосы московскаго бассейна и затѣмъ — каменноугольныхъ залежей Тульской, Калужской, Рязанской, Орловской и Московской губерній. Въ 1865 году Гельмерсенъ снова отправился на Уралѣ для изслѣдованія новооткрытыхъ залежей на восточномъ склонѣ. Спустя два года, онъ занимался тѣмъ же въ Рязанской губерніи; донецкій каменноугольный бассейнъ былъ также предметомъ его изслѣдованій. Въ 1868 г. онъ по-

сѣтилъ Луганскій горный округъ съ цѣлю высказать мнѣніе о рациональной эксплуатаціи рудниковъ. Онъ настаивалъ на необходимости соединить Донецкій бассейнъ желѣзною дорогою. Посѣтивъ его въ 1872 г., онъ нашелъ уже тутъ двѣ желѣзныя дороги. Бурый уголь въ Кіевѣ и Херсонѣ, Польскій угольный районъ, діалювальныя торфяныя залежи въ Гродно и Курляндіи, а также Сетзейскія провинціи, Петербургская и Олоонецкая были изслѣдованы Гельмерсеномъ. На югѣ онъ изслѣдовалъ соляныя озера Бессарабіи, нефтяныя источники Керчи и Тамани и пр. Многія сочиненія Гельмерсена не только имѣютъ высокое научное значеніе, такъ что каждый русскій геологъ можетъ руководствоваться ими, но они съ большою пользою послужили для многихъ практическихъ предпріятій какъ частныхъ, такъ и правительственныхъ. Извѣстная его геологическая карта Европейской Россіи появилась въ 1841 г. и получила Демидовскую премію. Въ 1843 году онъ получилъ степень академика. Гельмерсенъ былъ первымъ ученымъ, указавшимъ на возможность закладки въ Петербургѣ артезіанскихъ колодезь и благодаря его указанію, такой колодезь вырытъ былъ во дворѣ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Сочиненіе его „Геология въ Россіи“, побудило образовать геологическій комитетъ. Кромѣ научной дѣятельности, не менше плодотворна и педагогиче-

ская дѣятельность покойнаго. Съ 1838—63 г. онъ былъ профессоромъ геогнезій и геологіи въ горномъ институтѣ, въ 1840 г. назначенъ инспекторомъ института, въ 1849 г.—управляющимъ музеемъ, а въ 1856 г. директоромъ института; въ этой послѣдней должности онъ оставался 7 лѣтъ. 23 апрѣля 1878 г. заслуженный ученый праздновалъ свой пятидесятилѣтній юбилей. Онъ награжденъ былъ орденомъ Александра Невскаго, названъ почетнымъ членомъ департамента торговли и мануфактуръ, получалъ почетныя докторскія дипломы отъ университетовъ дерптскаго, казанскаго и кіевскаго; петербургскій университетъ предложилъ ему званіе почетнаго члена, академія наукъ назначила премію его имени за геологическія сочиненія и кромѣ того имъ получено было множество адресовъ.

Выносъ тѣла Гельмерсена происходилъ 8 февраля, изъ церкви св. Екатерины. Обитая чернымъ сукномъ церковь имѣла торжественный видъ. Утопавшій въ вѣнкахъ гробъ былъ окруженъ войскомъ. Церковь была переполнена многими высокопоставленными лицами, пришедшими отдать послѣдній долгъ усопшему. Въ часъ начался выносъ тѣла, образовавъ длинную линію, направившуюся къ вокзалу балтійской желѣзной дороги. Гельмерсенъ, согласно своему желанію, будетъ похороненъ въ Дерптѣ.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ III.

(Продолженіе).

XXV.

„Да, падо ѣхать! Падо ѣхать, и какъ можно скорѣе!“ рѣшилъ Павелъ Петровичъ и приказалъ укладываться.

Такъ нетерпѣливо ожидаемый отпускъ давно уже былъ полученъ и праздно лежалъ на письменномъ столѣ Крипицына. Замедленіе отъѣзда давно уже служило темою разговоровъ по всему Глухому форту, перетолковываясь на разные лады... Имя Пади не разрывно слилось съ этими толками и пересудами.

„Что это? Любовь? не разъ задумывался Павелъ Петровичъ.—Это вздоръ! Ребенокъ, институтка, смазливое, молодое личико... Какъ это глупо, странно!.. Это пустяки! это бредъ разстроеннаго воображенія, нелѣпныя грезы, навѣяныя дымомъ гашиша.“

И Павелъ Петровичъ самъ разбивалъ свои доводы, самъ растравлялъ свое болѣзненное чувство, припоминая черты очаровавшей его дѣвушки, изучая эти черты до малѣйшей подробности, вызывая ихъ въ своемъ воображеніи.

Онъ только разъ слышалъ ея голосъ, и то не къ нему обращенный: и этотъ голосъ такъ и сохранился въ его памяти, мелодично звуча въ минуты полнаго затишья, каждый разъ тоскливо сжимая его сердце.

„Почему-же тоскливо?.. Почему такъ болѣзненно?.. Развѣ любовь чувство тяжелое, злое? Развѣ не любовь заставляетъ сердце биться живѣе, радостнѣе?..“

„Значить это не любовь!“ рѣшалъ Крипицынъ, снова принимаясь тщательнѣе анализировать свое новое чувство.

Много разъ любилъ онъ въ своей жизни... Случалось, что и расудокъ терялъ подъ влияніемъ этого чувства... Приходила любовь жгучими порывами, уходила, быстро охлаждаясь, не оставляя никакихъ тяготящихъ послѣдствій. Или то не была любовь? А вотъ теперь то именно она и настала... И вотъ онъ, сильный опытомъ жизни, привыкшій смотрѣть на женщинъ свысока, съ исключительно чувственной стороны, онъ разбить теперь самъ и лежитъ у ногъ дѣвочки-институтки. Глупо и неправдоподобно! Унизительно!..

„Это пройдет, рѣшалъ Крипицынъ.— Надо бросить все и ѣхать. Тамъ, сила новыхъ впечатлѣній, сила жизни, выбьетъ болѣзненный бредъ изъ его головы,—бредъ томительный и опасный. И онъ самъ будетъ хотеть пасть своею романтической слабостью, только скрестъ ее глубоко, чтобы не вызвать со стороны своихъ вполнѣ заслуженнаго смѣха...“

„Я не могу понять, что говоритъ она своимъ доверчиво-кроткимъ взглядомъ“, снова возвращался Павелъ Петровичъ къ исходной точкѣ своихъ терзаній и начиналъ обыкновенно припоминать себѣ все—отъ первой встрѣчи въ кишлакѣ Вешь-арыкъ.

Онъ вспомнилъ теперь то, что въ минуту этой первой встрѣчи имъ было почти незамѣчено. Теперь онъ не сомнѣвался въ томъ, что ея глаза смотрѣли на него восторженно. Надя смотрѣла на него не какъ на человѣка незнакомаго... Она точно звала его, точно говорила ему: „Здравствуй... Вотъ и я!.. твоя...“ Затѣмъ опять... два раза, два раза, менѣе чѣмъ въ минуту... Тамъ, изъ за стѣны сада, тамъ, въ окнѣ, за колыхнувшейся занавѣскою...

Ну, что за важность! Крипицынъ сознавалъ себя красавцемъ, на котораго заглядѣться не трудно, особенно для молодой институтки. Онъ не разъ испытывалъ на себѣ подобныя взгляды... Это ему льстило, это заставляло его иной разъ выпрямиться особенно гордо, порисоваться немного, пококетничать... это все пустяки! Такіе взгляды никакихъ слѣдовъ не оставляютъ и забываются скоро... Эти-же были не такіе...

Разъ она сидѣла въ экипажѣ... съ нею рядомъ Груня, на козлахъ Павлуша; Шелобовъ и Грухаревъ скакали по бокамъ. Сзади, въ пыли, виднѣлись еще экипажи. Они тамъ, гдѣ то на озерѣ, пикникъ устроили. Должно быть весело было! Дорогою смѣялись и пѣли. Голосъ Нади раздавался особенно громко.

Шелобовъ тронулъ коня плетью и загородилъ отъ него Надю, но она успѣла взглянуть, она видѣла и разомъ смодягла. Шелобовъ ударилъ свою лошадь не случайно, это ясно! Однако Надя уже больше не смѣлась. Она молчала всю дорогу. Вѣдь Крипицынъ, до самаго дома, проводилъ ее, стороною отъ дороги, правда, но, тѣмъ не менѣе, настолько близко, что не могъ бы проропотать ни малѣйшаго звука ея голоса.

Онъ видѣлъ ее въ церкви. Онъ самъ попалъ въ церковь только потому, что видѣлъ, какъ она взошла туда, подъ руку со старикомъ Глухаревымъ.

Всѣ кругомъ смотрѣли на него двусмысленно, по какое ему дѣло до всѣхъ?! Онъ прошелъ впередъ и сталъ у клироса—и Надя стояла впереди тоже. Лицо у ней было спокойное, легкій румянецъ игралъ на полненькихъ щечкахъ. Она его не могла видѣть, но видѣла—она опустила на колѣни и простояла такъ всю службу. Она поблѣднѣла какъ пологотъ. Она не молилась,—

нѣтъ!.. Это всё думали глядя на нее, все принимали ея чувство за жаркую, дѣтски-чистую молитву, но она не молилась... И Криницынъ зналъ, что занимало ее въ эти минуты. Зналъ и не спускалъ съ нея глазъ, по чувствовалъ, что еслибъ у ней хватило силы на его пристальный взглядъ отвѣтить тѣмъ же, онъ бы не выдержалъ и потонулъ.

Разъ, выходя отъ Аделаиды Розенблумъ, Павелъ Петровичъ столкнулся на порогѣ, лицомъ къ лицу съ самой Надею. Провожавшая гостя хозяйка успѣла таки представить его новой гостьѣ. Надя пошатнулась и прислонилась къ косяку двери; лицо его вспыхнуло яркою краскою, глаза заискрились и страхомъ и радостью, она протянула ему руку... Въ первый разъ въ своей жизни Криницынъ испыталъ подобное прикосновеніе.

— Оставайтесь еще... Поговорите, приставала хозяйка, но Криницынъ не остался. Онъ стремительно шагнулъ черезъ порогъ и вышелъ. Почему? и самъ не могъ отдать себѣ отчета. И проклиналъ онъ свое невольное движеніе и хотѣлъ было вернуться, предложить даже подыскалъ подходящій, но не вернулся... И снова провелъ мучительно сладкую ночь, подъ гостепріимнымъ сводомъ потаенной сакли Миробая.

Что то особенно часто онъ сталъ туда навѣдываться, втягиваясь все болѣе и болѣе въ чарующія лапы этой отвратительной страсти.

И не одну ночь онъ провелъ безъ сна, охваченный бессознательнымъ бредомъ. Павелъ Петровичъ сталъ накрѣпко запирается у себя въ комнатѣ. Онъ вовсе не хотѣлъ, чтобы кто нибудь могъ быть посвященъ случайно въ тайну его мучительныхъ галюцинацій.

Странный случай произошелъ съ нимъ однажды, во время прогулки. Криницынъ проходилъ базарною площадью. Прямо на землѣ, повсюду были разложены войлоки и циновки,—на нихъ незатѣйливый туземный товаръ. Продавцы-киргизы сидѣли около, зазывая покупателей. Развѣоченные верблюды лежали неподвижно, пережевывая свою зеленую жвачку. Группы барабовъ, предназначенныхъ подъ ножи мясниковъ, покорно и тупо смотрѣли въ глаза своимъ палачамъ. Въ воздухѣ стономъ стоялъ базарный гулъ. Солнце палило невыносимо, и въ одномъ мѣстѣ, на самомъ приискѣ, сидѣлъ старикъ, слѣпой нищій и бормоталъ какія то молитвы. Около стояла глиняная чашечка для сбора подаваній, пока еще пустая. На головѣ старика была громадная, сѣрая баранья шапка, сдвинутая на затылокъ, грязныя лохмотья едва прикрывали его сухое, словно изъ темной бронзы отлитое тѣло. Криницынъ прошелъ мимо, но вернулся и остановился какъ разъ передъ этимъ нищимъ. Заслышавъ эти шаги, слѣпой поднялъ голову и заморгалъ своими, сплошь залитыми бѣлками глазами. Онъ уже давно не видѣлъ свѣта, для него давно уже наступила вѣчная ночь, но Криницыну эти мертвые глаза показались живыми. Просительная, жалкая гримаса несчастнаго показалась ему злою усмѣшкою.

— Я хорошо вижу, будто бы произнесъ старикъ. — Не тебя... мои глаза не могутъ видѣть тѣла, но Аллахъ даровалъ имъ возможность видѣть душу... а я твою душу вижу. Я вижу въ ней все, что тобою такъ ревниво хранится... Я вижу все!..

Криницынъ швырнулъ въ его чашку пригоршню серебряной мелочи. Звонъ металла заставилъ нищаго съ жаждою ринуться на добычу. Кругомъ загудѣли удивленные голоса.

— Менеке! менеке! (мое! мое!) забормотали сухія, желтыя губы. Слѣпой прикрылъ чашку обѣими, трясущимися руками и навалился на нее своимъ тѣломъ. Онъ боялся, чтобы у него не отняли эти деньги... Не подумалъ бы кто нибудь, что это уже слишкомъ много для его насущныхъ потребностей.

Обаяніе исчезло. Павелъ Петровичъ вздохнулъ свободно и удалился.

— Откупился! мелькнуло у него въ головѣ—и, оглянувшись по сторонамъ, онъ повернулъ палѣво по узкой тропинкѣ, по задамъ базарныхъ сакель, словно желая избѣгнуть этой торной и людной дороги.

— Да, надо ѣхать—и ѣхать какъ можно скорѣе!.. рѣшилъ онъ еще разъ.

Но прошли дни, за днями недѣли, а сложенный аккуратно, форменно обрѣзанный листъ бумаги, съ печатью и начальническими подписями, до сихъ поръ еще праздно лежалъ на своемъ мѣстѣ, на письменномъ столѣ Павла Петровича.

XXVI.

Своею неизмѣнною чередою проходило время. Наступила осень, съ темными, морозными почками. Пожелтѣли и осыпались листья на деревьяхъ... краснымъ заревомъ запылали желтыя заросли камышей... Весь горизонтъ затянуло дымомъ осеннихъ паловъ. Только въ полдень еще усиленно грѣло южное солнце, радужнымъ блескомъ играя на легкой паутипѣ, носящейся въ воздухѣ...

Многое измѣнилось въ жизни Глухаго форта, многое пошло не такъ, какъ предполагалось его обитателями.

Павлушѣ не удалось вызвать въ сердцѣ Нади хотя тѣнь сочувствія. Онъ понималъ это ясно, онъ понималъ даже болѣе; онъ видѣлъ, что, вмѣсто желаннаго сочувствія, любимая дѣвушка относится къ нему съ чувствомъ чуть не гадливости.

Молодой Глухаревъ осунулся и чуть было не занилъ съ горя... Трудно только было это сдѣлать, подъ строгимъ присмотромъ отца и Шелобова.

Веселаго, краснощеката мальчика нельзя было узнать: онъ бродилъ какъ тѣнь, выискивая случай, какъ бы повидаться съ Надею... Случай были далеко не рѣдки, и, послѣ каждаго такого посѣщенія, между нимъ и Надею шире и глубже развѣтывалась раздѣлявшая ихъ пропасть...

Посѣщенія влюбленнаго жениха стали для бѣдной невѣсты положительно невыносимы. Это замѣтилъ и Иванъ Акимовичъ, и готовъ уже былъ запретить своему сыну эти посѣщенія.

Старикъ Глухаревъ и самъ все понималъ, но все еще не терялъ надежды. Онъ даже проникъ близко въ тайныя причины всего происходящаго, молчалъ, и съ терпѣніемъ ожидалъ отъѣзда Криницына... Онъ только зорко стерегъ, чтобы какъ нибудь не случилось чего худшаго, и постоянно совѣщался на эту тему со своимъ другомъ, Шелобовымъ.

— Головы не унесетъ! успокаивалъ его Василій Ивановичъ. Ноги переломая, если только тотъ подумаетъ о такомъ дѣлѣ.

— Насильно миль не будешь! вздохнулъ Иванъ Акимовичъ... Эхъ! проваливалъ бы носкорѣе!.. Все послѣ перемелется!

Сердце добраго старика болѣло двойною болью: и за сына, и за свою пріемную дочь, Надюшеньку.

Груня тоже смирилась. Она, видя страданія Павлуши, смѣнила гнѣвъ на милость.

Добрая дѣвушка часто видѣлась съ молодымъ Глухаревымъ, утѣшала его какъ могла, хотя, по временамъ, ея утѣшенія походили скорѣе на горькіе упреки... Она ему не разъ говорила...

— Ну, что разрюмился! Баба ты, а не мужчина!.. тряпка, прости Господи!.. Ну чего лѣзешь къ ней? видишь, что опостылялъ ты ей, ну и не ходи!—и себя, и ее пуце тревожишь... Эхъ, терпѣть не могу, когда мужчина, да въ бабы слезы ударится... Съ глазъ моихъ долой сейчасъ убирайся!

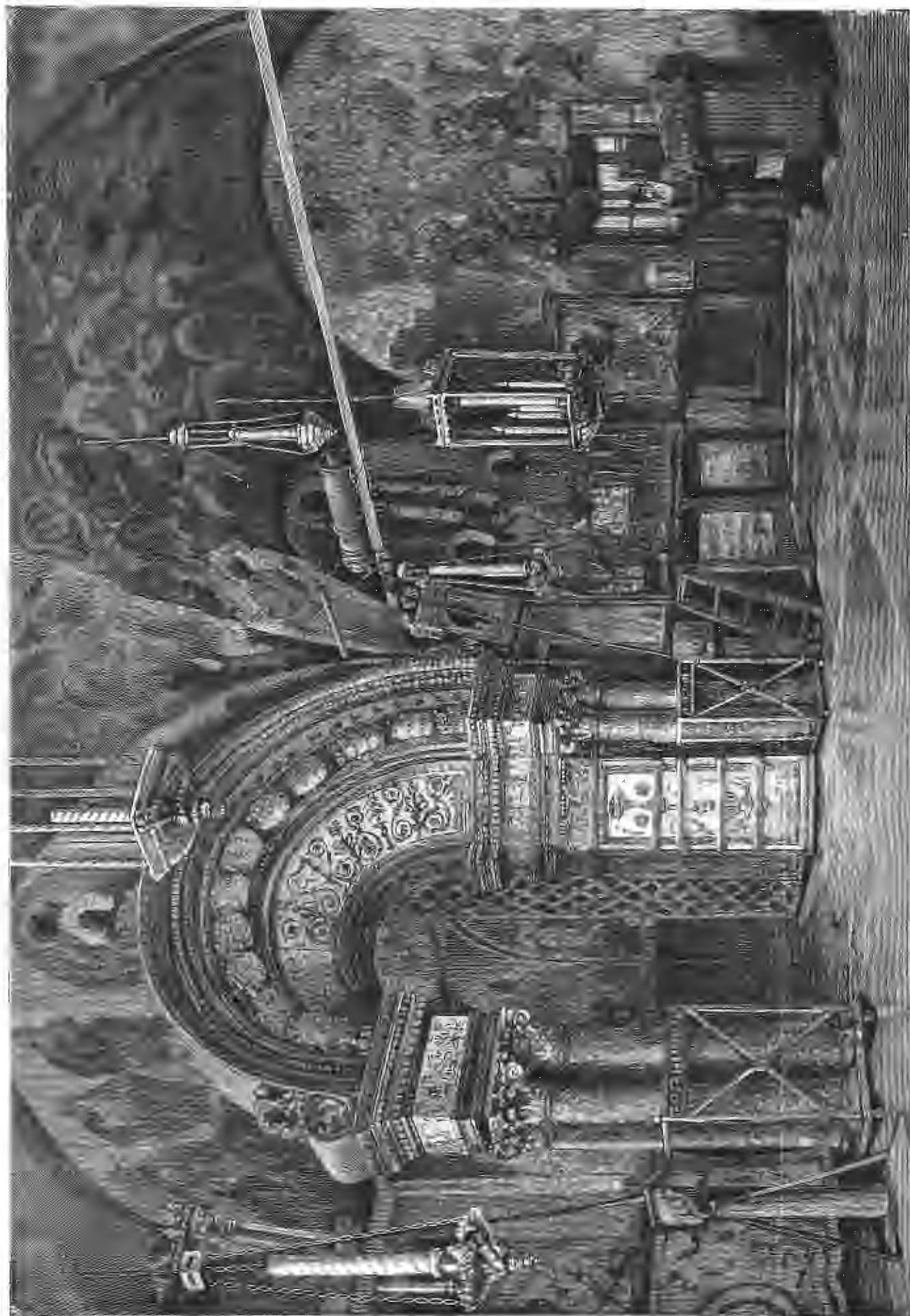
И Павлуша покорно исполнялъ ея повѣщеніе.

Тогда Груня сама его останавливала, цѣловала въ голову, ласкала и мѣняла тонъ.

— Да полно же тебѣ, голубчикъ, да ты потерпи...

На праздникъ въ гостяхъ былъ. Съ картины П. Грузинскаго, по фотогр. грав. М. Рашевскій.

Московскія древности. Внутренность Благовѣщенскаго Собора въ Кремль. Съ картины Н. Е. Маковского
Рис. на деревѣ самъ авторъ, гравир. М. Рамевскій.

Бываетъ, что сегодня постыль, а завтра миль дружекъ будешь... Понимаю я твое сердце, ухъ какъ понимаю!.. А ты не опускай хвостъ, держись козыремъ, сдѣлай хоть видъ, что плюнулъ да забылъ... Ей же Богу, прости Господи, лучше будетъ... Вотъ ты и въ лицѣ осунулся, заболѣешь того и гляди, ну что хорошаго... Милый ты мой, голубчикъ подстрѣленный!

И Груня снова принималась глядеть Павлушу по его стриженной головѣ и сама съ нимъ вмѣстѣ плакала... А въ такія минуты Павлуша чувствовалъ себя лучше, покойнѣе и давалъ слово непременно послѣдовать Груничкиному совѣту, а на другой, а то и въ тотъ же день, забывая о своемъ словѣ, нарушалъ его почти безознательно.

— Вотъ, не забиралъ бы себя въ голову вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, не прыгаль бы выше носа, много лучше было бы, говорила Груня отходя всторону и, будто сердито, глядя на Павлушу... Вишь ты, братъ, образованную барышню захотѣлъ. Вотъ теперь и кайся!.. Охъ, любилъ бы ты меня,—счастливейе жилось бы... Другую нашель, ну и иди къ той... уходи! слышишь... Ну, да постой! куда рванулся? не гонять тебя, на самомъ дѣлѣ... Что же ты рубахи свои не прислалъ чинить?.. изорвался чай весь, безъ женскаго присмотру.

— Я, Груня, пришлю... бормоталъ молодой Глухаревъ, я, вотъ ты говоришь, „не люблю тебя...“ Это напрасно! я очень, очень... я все по прежнему люблю тебя, ты мнѣ все равно, что сестра родная... я...

— Сестра! ишь ты! сестра! нѣтъ шалишь! ищи себя сестеръ въ другомъ околдѣ... Любишь то ты меня любишь, да не такъ, какъ мнѣ надобно... такъ, какъ я тебя... Да что же ты стоишь, не идишь... Ужъ ты и вправду не подумай, что мнѣ отъ тебя прибылъ кака... Прощайте, братецъ!

И Груня особенно подчеркивала послѣднее слово, а сама долго стояла у калитки, провожая глазами широкую спину и стриженный затылокъ своего Павлуши.

Иванъ Акимовичъ попытался поговорить съ Надею откровенно, по душѣ, онъ посоветовался предварительно съ Шелобовымъ и съ отцомъ Павломъ.

Первый сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ, дѣло не испортишь.

Второй рѣшилъ, что „такъ и подобаетъ! назиданіе старшихъ и внушеніе можетъ быть не бесполезно“.

И вотъ Глухаревъ, выбравъ удобную минуту, приступилъ къ *внушенію*.

Онъ началъ издадека, съ описанія главнѣйшихъ чертъ семейной жизни и со всего того, что для семейнаго счастья необходимо, но едва только онъ коснулся Павлуши и своего заветнаго желанія, какъ умоляющій, полный отчаянія, безпомощно покорный взглядъ Нади разомъ обезоружилъ все его доводы...

— Иванъ Акимовичъ!.. папа!.. отецъ мой!.. что же вы со мною дѣлаете!.. истерически зарыдала Надя и колѣни у нея сами собою подогнулись.

— Голубка моя, дитя мое! разрюмился тутъ и старикъ Глухаревъ. Да что же мы, палачи твои, что ли?.. Да вѣдь ты для меня все равно что и Пашка... Господь съ тобою... Будь, что будетъ... но только до худаго не допущу... Не буду, не буду больше!.. ну перестань же, пу посмотри, что ты съ собою сдѣлала! Така я ли ты къ намъ сюда пріѣхала?.. Ну, не буду, не буду!..

— Рапо значить еще, рѣшилъ Иванъ Акимовичъ, уходя послѣ своего внушенія,—что же, подождемъ. А, ты опять сюда? встрѣтилъ онъ сына на порогѣ.

— Я, папаша, книжку вотъ... Опѣ книжку просили меня достать...

— Отдай книжку Сялантію, да и ступай домой. Вотъ сейчасъ къ Огурчикову пойду, похлопотать, нельзя ли тебя въ степь угнать съ командою, хоть на мѣсяцъ...

Только Шелобовъ одинъ умѣлъ успокоить Надю и не тяготить ее своимъ присутствіемъ. Онъ, обыкновенно, приходилъ къ ней весело, какъ ни въ чемъ не бывало, словно чуждый совершенно всего, что происходило. Онъ самъ мало рассказывалъ, все больше распрашивалъ ее объ институтской жизни, объ томъ, чему ихъ тамъ учили, особенно интересовался всеми мелочными подробностями и заставлялъ Надю припоминать ему все трагическіе и комическіе эпизоды ея дѣтства. Обыкновенно, рассказчикъ особенно увлекается темою своего рассказа, когда замѣчаетъ возрастающее вниманіе слушателей, а Шелобовъ былъ слушателемъ образцовымъ, и если пускался въ рассказы самъ, то всегда выбиралъ эпизоды самые занимательные и совѣмъ чуждые тому, что болѣзненно томило душу дѣвушки.

Василій Ивановичъ никогда не спрашивалъ Надю объ ея здоровьѣ; онъ дѣлалъ видъ, что вовсе не замѣчаетъ никакихъ худыхъ переменъ, онъ, напримѣръ, часто приходилъ къ обѣду и не заставлялъ Надю кушать, усиленно предлагая того и другаго, а просто самъ подавалъ блестящій примѣръ своимъ апетитомъ и веселостью, и примѣръ его, какъ и всякій примѣръ, имѣлъ свойство заразительное. Надя слушала и кушала.

Василій Ивановичъ добился наконецъ того, что Надя ждала его посѣщеній, и на его громкое, веселое привѣтствіе отвѣчала даже иногда улыбкою и радушно протянутыми обѣими ручками.

— Вотъ, братъ, какъ надо! объяснялъ все это Шелобовъ своему молодому другу, то есть Павлушѣ.

— Тебѣ хорошо, когда у тебя этого самаго чувства нѣту, оправдывался неудачный женихъ.

— Нѣту?! переспрашивалъ Василій Ивановичъ.—Ты такъ и думаешь, что нѣту... Ну, пожалуй!.. Только, братъ, лучше еслибы и у тебя его было поменьше.

Не смотря на мѣры, принятія Глухаревымъ, Аделаида Францовна Розенбломъ успѣвала врываться къ Надѣ, и не одинъ разъ даже. Она рассказывала ей о Криницынѣ, расписывала его терзанія по своему, вралъ, сочиняя цѣлыя тирады, якобы произносимыя на ея счетъ Павломъ Петровичемъ, заставляла Надю плакать павзрыдъ и сама рыдала съ нею вмѣстѣ, и, къ чести Криницына, дѣйствовала сама на свой рискъ, по своему собственному вдохновенію, безъ полномочій Павла Петровича.

И вотъ, мало по малу, Надя составила себѣ полную картину своего настоящаго положенія.

Тамъ терзается и гаснетъ любимый герой, одинокій, всеми ненавидимый,—здѣсь она, окруженная непреодолимою стѣною, тоже одинокая, тоже гаснущая. Она чувствовала какъ эти люди, предательски любящіе, нѣжны, сжимаютъ ее все болѣе и болѣе въ своихъ томительныхъ тискахъ и нѣтъ ей выхода, нѣтъ даже средствъ къ отступленію. Есть въ этой стѣнѣ только одна калитка, хотя и запертая тоже, но, вотъ-вотъ, готовая открыться, при малѣйшемъ ея прикосновеніи. Это—Василій Ивановичъ: и доврѣчиво жметъ она къ нему.

Розенбломъ увѣряла ее, что оба Глухаревы низкіе интриганы, что они лѣзятъ ея домомъ и оставшимися по наслѣдству крохами. Она этому не вѣрила; она даже просила непрошенную покровительницу никогда и не заикаться объ такихъ вещахъ... Она вѣрила и любви отца и любви Павлуши; она только сознавала, что именно эта любовь и составляетъ всю суть ея несчастья. Когда она видѣла изъ окна приближающуюся фигуру Глухарева-отца, ей становилось невыносимо тяжело, но она все таки охотно шла къ нему навстрѣчу и горячо цѣловала, если посѣщеніе обходилось безо всякихъ намековъ на роковой вопросъ... Убитый видъ Павлуши ей былъ ненавистенъ и она уже больше не показывалась ему вовсе. Но еслибы этотъ самый Павлуша, вмѣсто своей любви, предложилъ бы ей такую,

какую онь предлагалъ Грунѣ, то Надя съ восторгомъ кинулась бы къ нему на шею и пазвала бы своимъ дорогимъ, горячо любимымъ братомъ.

А тутъ имя бѣдной, новопріѣзжей сиротки стало богатымъ матерьяломъ для сплетенъ по всему Глухому форту и даже за его предѣлами. Дамскіе языки Богъ вѣсть чего только не придумали. Если Надя появлялась въ обществѣ, то, хотя и встрѣчала всюду любезность и полное вниманіе, но не могла не замѣчать оскорбительной двусмысленности, сквозившей въ каждомъ словѣ, къ ней обращенномъ.

Это заставило ее скоро, какъ улитку, войти въ свою скорлупу и затанъся тамъ, испуганно и недовѣрчиво отнестся ко всему окружающему.

Между тѣмъ, разжигаемая препятствіями страсть пустила въ неопытномъ сердцѣ дѣвушки глубокіе корни. Это чувство росло и росло и скоро охватило собою все существованіе Нади, и ея фантазія, раскаленная еще съ институтской скамьи разными романическими терзаніями, рисовала ей таинственныя, сладкія картины встрѣчи лицомъ къ лицу со своимъ идеаломъ. Она рвалась и искала этой встрѣчи, но этотъ порывъ ни разу не обнаруживался у ней осязательно. Даже на уже вовсе не двусмысленныя предложенія пособничества для устроивша свиданія, со стороны дѣвицы-акушерки, Надя отвѣчала: „Нѣтъ, ни за что!“ Отвѣчала такъ энергично и рѣшительно, что отнимала всякую возможность дальнѣйшаго настаиванія, а сама, черезъ минуту, проклинала это „нѣтъ“, вырвавшееся у нея инстинктивно, словно не по ея, по чужой чьей-то волѣ, вѣчно противорѣчащей съ желаніями ея сердца... Еслибы это свиданіе состоялось какъ нибудь нечаянно, помимо ея воли, тогда... Но нечаянныя-то встрѣчи одинъ на одинъ были положительно немислимы. Зоркіе глаза дружеской компаніи парализовали всякую возможность подобнаго случая... И разъ даже Аделаида Францовна получила отъ Ивана Акимовича такое внушительное предостереженіе, что дѣлюю недѣлю послѣ этого не рѣшалась встрѣчаться съ нимъ, одинъ на одинъ, на улицѣ. На предложеніе Розенблюмъ Крилицыну, „выразить свои чувства письменно, излить, такъ сказать, пламень своей страсти на бумагу“, Павелъ Петровичъ ничего не отвѣтилъ, только плечами по своему череднулъ; на подобное же предложеніе Нади, та отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Аделаида Францовна удивлялась только ихъ обоюдному упорству, незамѣчая той брезгливости, съ которой обѣ стороны стали явно относиться къ ней.

Аделаида Францовна каждый вечеръ заносила въ свой дневникъ подробную хронику „несчастной любви“, комментируя ее по своему, и, неизвѣстно уже по чьей вигѣ, содержаніе наиболѣе пикантныхъ страницъ стало общимъ достояніемъ, неизвѣстно потому, что авторъ дневника прочитывалъ эти страницы только одному Ползункову, и то подъ самымъ строжайшимъ, честнѣйшимъ словомъ—сохраненія тайны.

XXVII.

Зашла разъ Груня къ Ивану Акимовичу. Самого съ ранняго утра не было дома, въ складахъ сидѣлъ, за конторкою. Шелобовъ какъ ушелъ съ вечера на курортъ въ степь, тамъ и започевалъ должно быть, назадъ еще не возвращался. Павлуша одинъ былъ дома. Прошла Груня прямо въ его комнату, а тотъ лежитъ на койкѣ одѣтый и спитъ. Подошла гостя потихоньку, хотѣла погугать, разбудить неожиданно, и отшатнулась. Ея Павлуша, этакій то скромникъ, красная дѣвица, былъ пьянъ мертвецки.

Покачала головою Груня.

— И когда это онъ успѣлъ такъ нарѣзаться?..

Словно про себя спросила она это, а деньщикъ Фадѣевъ уже и отвѣтилъ:

— Да вотъ, какъ полковникъ ушли, они только чай были покушавши, а потомъ сами достали графинчикъ, да и приковчили, даже безъ закуски. Я, говоритъ, предлагалъ имъ личницу сдѣлать — долго-ли! да не захотѣли, говорятъ: „Пошелъ вонъ! Не твое дѣло!“

Бросила Груня узелокъ съ бѣльемъ на столъ, сама вышла и прямо направилась черезъ базаръ, а оттуда наискосокъ, черезъ площадь, къ дому Горкина. Застала Надю въ саду. Въ бесѣдку угловую забралась та и книжку перелистывала.

— Здравствуйте, барышня, Надежда Федоровна! поклонилась Груня.

— Груничка! Это вы! Здравствуйте.

Почѣловались.

— Жаль мнѣ васъ, Надежда Федоровна, сказала потушившись гостя.— Вѣрите ли какъ жалко... А только вы меня простите. Можетъ быть вамъ мои слова обидны покажутся, можетъ быть что неприятное съ языка сорвется... А вы уже простите.

— Не знаю, что вы сказать мнѣ хотите, проговорила Надя, а сама уже поблѣднѣла какъ полотно.

Груня замѣтила это и взяла ее за руки.

— Родная моя! Вѣдь я не мучить сюда пришла васъ... Я вѣдь очень, очень это все понимаю... Я люблю васъ и можетъ быть человекъ вамъ не сыскать другаго, кто-бы, столько какъ я, желалъ вамъ счастья... Только и самой мнѣ больно... Ужъ такъ то больно, такъ больно, что вся душа наружу просится. Вотъ и пришла я поговорить съ вами... Вы не плачьте. Вонъ у васъ уже слезинки на глаза навернулись. А уже коли плакать, то давайте вмѣстѣ... Говорятъ будто отъ этого на сердцѣ легче дѣлается.

Сѣла Груня рядомъ на диванчикъ, обвила Надю за талию одною рукою, голову свою прижала къ ея плечу—и, впрямь, обѣ вмѣстѣ заплакали.

Поплакали, почѣловались и улыбнулись обѣ. Значить дѣйствительно полегчало.

— Пу, о чемъ же разговаривать вы хотите? спросила Надя.

— Да обѣ немъ же все, потушилась Груня. Обѣ комъ же больше!

Вздохнула Надя глубоко-глубоко.

— Я въ этомъ не виновата, проговорила она—и ея мгновенная улыбка снова смѣнилась выраженіемъ не то печали, не то, скорѣе, утомительной, тоскливой скуки.

— Запивать никакъ началъ произнесла Груня... Жаль вѣдь тоже—ни за грошъ пропадетъ человекъ... Здѣсь вѣдь, въ нашей сторонѣ, это бываетъ...

При словѣ „запивать“ Надя сдѣлала брезгливую гримасу; гостя это замѣтила и будто обидѣлась...

— Что, говорить нечего, хорошаго мало,—только и его вина вся въ томъ, что полюбилъ не по разуму... Вѣдь человекъ то онъ золото былъ до сихъ поръ, вѣдь такого парня днемъ съ огнемъ не сыскать. Честный, рабочій, дѣльный, кроткій, словно ребенокъ. Вѣдь такого... Груня воодушевилась и глаза у нея заблестали. Вѣдь такого—повторила она—нельзя не любить! его всякая дѣвушка полюбитъ, безъ души, безъ разума. Вѣдь въ его глаза только посмотреть, такъ сердце радостью востепенится... Вѣдь съ такимъ подъ вѣнецъ стать,—такъ всю жизнь Богу Его милость не замолить...

— А вѣдь вы его, Груня, крѣпко любите? спросила Надя и остановила этимъ вопросомъ потокъ краснорѣчія гостя.

— Люблю, отвѣтила та... и глазомъ не моргнула—прямо, смѣло, и взглянула ей въ очи...

— И я люблю, прошептала Надя...

— Знаю, сказала Груня... Только человекъ онъ не добрый... Большое горе вы этою любовью себѣ готовите... Наденька, Надежда Федоровна, одумайтесь въ отъ Христомъ Богомъ заклиная васъ, отомлитесь вы отъ любви вашей—„сгинь“, моля, „отыди сатана отъ меня,

оставь мое дѣвичье сердце...“ Бросьте вы его, забудьте!.. а возьмите лучше Павла Ивановича... возьмите Павлушу моего... Онъ будетъ съ вами всю жизнь счастливъ и ваше счастье, не сразу можетъ, а устроить... Вѣрьте вы мнѣ, моя добрая, хорошая, вѣрьте... Не я говорю вамъ, сердце мое говорить за меня, а сердце не обманываетъ... А ваша любовь—павожденіе дьявольское!.. это вѣрно! И откуда любви то этой взяться?.. Я вотъ Павлушу третій годъ знаю, и набѣгались мы, и наигрались до сыта, словно братъ съ сестрою... я то его наскрозь всего узнала,—я могла полюбить, а вотъ вы... Да вы вѣдь и разу путемъ не видались, вы и словомъ не перекинулись—я вѣдь все знаю: только что глазъ видѣлъ, да и все тутъ; а глаза что, въ глаза сатана какого хочетъ туману напустить можетъ... Надичка, полюбите вы моего Павлушу!

Зарыдала Груня, чуть не на весь садъ и въ ноги повалилась Надѣ—руки ея ловить да цѣлуетъ...

Насилу подняла ее Надя, кое какъ успокоила.

— Пойдемте отсюда, попросила Груня—хоть къ вамъ, въ спальню; я вотъ тутъ словно опалѣла, а мѣсто такое, что, того и гляди, кто чужой подслушаетъ.

Перешли обѣ дѣвушки въ спальню.

— Вы вотъ, Груничка, меня полюбите Павлушу просите—начала Надя, вѣдь я у васъ же отниму его...

— А что мнѣ въ немъ теперь... по крайности счастливъ будетъ съ вами...

Задумалась глубоко Надя... Въ первый разъ въ жизни она слышала то, чего и подозрѣвать не могла въ институтѣ. Тамъ вѣдь любовь служила частенько предметомъ всесторонняго разбора, только тамъ все иначе складывалось, тамъ вотъ, если двѣ женщины сталкиваются на одномъ предметѣ страсти, такъ совсѣмъ иначе поступаютъ... сейчасъ пойдетъ вражда, полная неприимиримой ненависти—борьба на жизнь и смерть... такъ страшно и такъ занимательно выходитъ, а тутъ Груня сама отдаетъ, да еще упраниваетъ, руки цѣлуетъ...

— Вѣдь вы думаете можетъ, прервала ея размышленія Груня... Вы можетъ думали когда, что я изъ расчета какого Павлушу полюбила—въ мужья себя, корысти ради, намѣтила... Какже, молъ, полковничій сынъ, дворянинъ, офицеръ съ орденами, а я простая, неграмотная дѣвушка изъ духовнаго званія, дьячкова дочка... Вотъ, молъ, и глаза мои разгорѣлись. Нѣтъ, коли бы такъ было, такъ не отдала бы добромъ, сама для себя сьумѣла бы уберечь, со всѣхъ концовъ обошла бы и округила: не любишь теперь—послѣ полюбишь—нѣтъ не такъ.. А по мнѣ онъ, не только дворянинъ, да офицеръ заслуженный, будь онъ хоть разбойникъ послѣдній, ссыльно-каторжный, не разлюбила бы—въ рудники за нимъ пошла бы и тамъ бы душу его спасала... Потому и прошу васъ не за себя, не для себя, можетъ сердцу своему на погибель—возьмите его, полюбите—ну, ей же Богу, онъ вамъ послѣ это заслужить...

— Груня, остановила ее Надя, скажите сами: пошли бы вы замужъ за человѣка нелюбимаго?

— Пошла бы, еслибы сердце свободно было, другимъ кѣмъ не занято. Мало-ли нашей сестры не по сердцу выходятъ, живутъ ничего, ладно.

— И я вотъ можетъ быть пошла бы—и навѣрное пошла-бы... готова была даже, да теперь не могу... силъ моихъ нѣтъ...

— Знаю я все... знаю, проговорила гостя. Только вотъ что скажу я вамъ... Груня понизила голосъ.

— Хорошо вотъ, что днемъ солнышко, ишь ты, какъ свѣтитъ,—на почъ бы не сказала... Любить ли тотъ васъ, Криницынъ-то?

— Не знаю...

— А я знаю, что любить только любовь его нечистая, какъ сказала я вамъ: дьявольское наущеніе—это вѣрно. Развѣ кто любить, такъ поступаетъ? Онъ бы прямо долженъ идти къ вамъ, что ему запоры да за-

преты разные! Сказать долженъ прямо: такъ молъ и такъ—пойдемъ къ вѣнцу, въ церковь Божию! да послѣ этого съ вами примехонько въ эту церковь самую, примехонько, безъ обходовъ лукавыхъ, подъ Божье благословеніе... Такъ ли онъ дѣлаетъ?.. Другой бы подумалъ, что такъ только надсмѣяться онъ хочетъ благо сама дѣвушка къ нему тянется, такъ вотъ и думаютъ другіе,—я такъ не думаю... Онъ можетъ пуще васъ самъ терзается, а подойти не смѣетъ, словно его отъ васъ ангель-хранитель невидимый отгоняетъ. Знаете ли вы, что Павла Петровича узнать нельзя... Знаете ли вы, что онъ какъ свѣча горитъ, самъ просто тѣни своей боится... Знаете ли, какими дѣлами онъ у этого нехристя, Миробайки, занимается?.. То-то, не знаете! а я знаю, да и другимъ не тайна. Онъ тамъ маковымъ дурманомъ закуривается, а уже это прямая погибель... Вамъ вотъ можетъ Господь въ испытаніе любовь эту послать, ему—въ наказаніе... Человѣкъ онъ недобрый, холодный—за то можетъ быть. Вотъ и отвернулся отъ него Всемиловитый, попустилъ сатанѣ въ его душу вѣдриться, и мучить его теперь нечистая сила, извodomъ изводитъ... Вотъ что такое съ Павломъ Петровичемъ дѣлается. И такого человѣка вы, не знаячи, не вѣдаючи, полюбили... Бросьте! отмолитесь отъ помысловъ вашихъ, отмолитесь отъ любви такой... и Господь васъ помилуетъ, очиститъ и успокоитъ сердце ваше... Наденька, Наденька... что же это такое съ вами дѣлается... Напугала я, обидѣла васъ своими словами глупыми! Наденька!..

Крѣпко стиснуты были зубы Нади, глаза закатились,—судорога вытянула ея ноги и руки. Она не рыдала, она, молча, вздрагивала всею грудью и въ горлѣ ея слышался подозрительный, хриплый клекотъ.

— Падучая! промелькнуло въ головѣ Груни. Она порывисто рванула легкое покрывало, пакинула его на больную, и, съ громкимъ крикомъ, выбѣжала звать на помощь.

XXVIII.

Въ эту ночь, деньщикъ Криницына былъ очень озадаченъ несвоевременнымъ приказомъ осѣдлать Абрека. Давно уже миновала полночь. Луна свѣтила холоднымъ, ослѣпительнымъ блескомъ. Глухой фортъ спалъ и ни одного огонька не мигало въ его окнахъ. Была мертвая тишина, изрѣдка только прерываемая воемъ собакъ и другимъ, слабымъ, едва слышимымъ, отвѣтнымъ завываніемъ, доносившимся сюда съ того берега. Лента рѣчки разстилалась покойнымъ зеркаломъ, отражая безчисленные звѣзды. Воздухъ былъ ясенъ и всѣ предметы видны были отчетливо на далекомъ разстояніи.

Голова Криницына горѣла какъ въ огнѣ; ему казалось, что вмѣстѣ мозга подъ его черепомъ наложены раскаленные уголья. Садыя на коня, онъ замѣтилъ, что силы ему измѣняются. Абрекъ видѣлъ кто на него садится, но еслибы ему завязали глаза, онъ не узналъ бы своего обычнаго всадника.

Шагомъ проѣхалъ Павелъ Петровичъ по форту и, конечно, какъ разъ мимо дома Горкина, шагомъ выѣхалъ за околицу, предоставивъ коню полную свободу выбора дороги.

Абрекъ и выбралъ обычную, на бродъ, за рѣку.

Печальная картина разстилалась кругомъ. Кое-гдѣ уныло торчали случайные остатки пожелтѣвшаго камыша, повсюду же видѣлась равнина, покрытая золою и выжатою морозомъ изъ почвы солью. Утренняя звѣзда уже заискрилась алмазомъ на горизонтѣ, но до разсвѣта было еще далеко.

Криницынъ, опершись обѣими руками о переднюю луку, казалось, дремалъ на сѣдлѣ, Абрекъ, съ ослабленнымъ поводомъ, шелъ, вытягивая шею, обнюхивая по временамъ дорогу, зорко вглядываясь въ каждый предметъ, казавшійся ему чѣмъ нибудь подозрительнымъ.

Этюдъ. Ориг. рис. А Грентина гравъ А Пааръ.

„И ты страдаешь! думалъ Павелъ Петровичъ въ эту минуту о Надѣ.—Бѣдный ребенокъ! Но еслибы ты знала, что въ моей душѣ, еслибы ты могла заглянуть въ мое сердце!.. Нѣтъ силъ терпѣть болѣе! Я возьму тебя, я вырву тебя отсюда, увезу далеко, далеко. Я всю жизнь отдамъ тебѣ, и ты никогда ничего не узнаешь...“

И вотъ, въ воспаленномъ воображеніи Криницына сталъ постепенно развертываться весь планъ дѣйствія. Онъ долженъ видѣть Надю во что бы то ни стало. Онъ долженъ идти прямо къ ней. Онъ долженъ силою разрушить все препятствія, еслибы такія оказались... Онъ скажетъ ей: „Я твой, иди за мною!“ И она пойдетъ... Онъ скроетъ отъ нея все... зачѣмъ ей знать? На ея дѣтской, чистой груди—отдохнуть, успокоится его изболѣвшееся сердце... За крѣпкимъ щитомъ ея чистоты укроется онъ отъ этихъ мучительныхъ грезъ, отъ этихъ неумолимыхъ видѣній. Она будетъ принадлежать ему одному, ему,—и никому больше!.. Она хороша собою,—ее не стыдно будетъ показать тамъ, въ Петербургѣ, она не испортитъ его карьеры. Криницынъ въ эту минуту нисколько не думалъ о вѣнцѣ и налоѣ—это просто не приходило ему въ голову. Онъ только думалъ теперь о томъ, какъ бы вырваться скорѣе отсюда, но вырваться не одному, а вмѣстѣ съ нею, помимо его воли овладѣвшею всею его помыслами.

— Да, это будетъ такъ! рѣшилъ онъ и сталъ вслушиваться.

Ему показалось, что впереди его ѣдетъ еще кто-то. Звукъ копытъ слышенъ ясно; этотъ звукъ приближается, но очень медленно. Должно быть всадникъ ѣдетъ въ ту же сторону, но тише, и Абрекъ его скоро нагонитъ.

Криницынъ подобралъ поводъ и прикрылъ рукою глаза. Звукъ копытъ слышался все яснѣе и яснѣе.

Странно, что Абрекъ идетъ совершенно покойно и не ржетъ! Онъ, обыкновенно, далеко чуетъ чужаго коня и рѣзко выражаетъ при этомъ признаки своего нетерпѣнія, а теперь онъ идетъ ровно, даже ушами не поводитъ. Странно!

Еще минута и Криницынъ нагонитъ того, кто ѣдетъ впереди. Вотъ уже близко.

Впереди выступило неяснымъ контуромъ бѣловатое пятно. Это крупъ лошади, вонъ и короткій хвостъ колыхнется... Да, точно, всадникъ туда ѣдетъ. Криницынъ хорошо теперь видитъ его широкую спину и узкій, черный ремешокъ, съ лѣваго плеча на правое бедро... Ноги, въ тяжелыхъ сапогахъ, глубоко засунуты въ стремена, голова наклонена... Онъ дремлетъ, должно быть...

Павелъ Петровичъ опустилъ руку въ карманъ... и задрожалъ всею тѣлою. Тамъ его рука коснулась чего-то такого, чего теперь быть не могло. Это былъ кастетъ, очень вѣскій, отполированный; онъ состоялъ изъ четырехъ массивныхъ стальныхъ колецъ, спаянныхъ вмѣстѣ; противъ кольца, отвѣчающаго среднему пальцу, находился, выступающій тупымъ шипомъ, массивный прилипокъ. Ударъ такимъ кастетомъ, направленный въ голову сильною рукою, безусловно смертеленъ. Это оружіе усовершенствовано Наполеоновскими мушарами. Базиль-Принццзиевскій, одинъ изъ безчисленныхъ друзей Криницына, вывезъ его изъ Парижа, вмѣстѣ съ лѣвою перчаткою какой то опереточной знаменитости; перчатку онъ оставилъ у себя, а кастетъ подарилъ Павлу Петровичу. И этотъ кастетъ онъ, Павелъ Петровичъ, бросилъ, давно, *тогда* еще. Онъ бросилъ его въ рѣку, тамъ глубоко, очень глубоко; вѣдь это было мѣсто, подъ самымъ обрывомъ. Тяжелый кусокъ металла, глухо булькнулъ въ воду—и на сердцѣ Криницына отлегло, словно тяжесть кастета ощущалась у него не въ рукѣ, а въ сердцѣ.

Какимъ же образомъ этотъ кастетъ теперь снова въ его карманѣ?

Откуда опять, передъ его глазами, этотъ конскій

крупъ, эта широкая спина, этотъ сѣдой, наклоненный затылокъ.

Взмахнувъ вооруженной рукою, Криницынъ далъ варварскій, безчеловѣчный ударъ шпоръ въ бока Абрека и ринулся впередъ.

Видѣніе исчезло.

Только бѣдное, кровное животное, взвившееся на дыбы, застонало болѣзненно и осѣло на заднія ноги, повинувшись судорожно затянутому поводу.

А рядомъ кто то стоитъ въ кустахъ, согнувшись въ три погибели, опершись на палку, и тихо смѣется. Косматая шапка даетъ на его лицѣ широкую тѣнь, а въ тѣни бѣлѣютъ только глаза, на вѣки лишеныя силы и значенія.

— Вотъ я и видѣлъ, шепчетъ старикъ.—Я тебѣ говорилъ уже, что видѣлъ все и знаю. Вотъ ты, теперь, и самъ убѣдился въ этомъ...

Опять смѣется страшный слѣпой нищій. Не смѣхъ это,—это змѣя, потревоженная неожиданнымъ шумомъ, разворачиваетъ свои блестящія кольца, подняла голову и быстро шевелитъ своимъ раздвоеннымъ язычкомъ...

Опять бѣшенный ударъ шпоръ, опять отчаянный скачокъ коня, и чудится Криницыну, что его Абрекъ мнетъ и топчетъ своими ногами стонущее, конвульсивно барахтающееся въ пыли тѣло. Безмысленный страхъ овладѣлъ всею его существомъ и заразительно передался коню. Закусивъ удила, зажавъ злобно назадъ тонкія уши, поджавъ хвостъ, Абрекъ круто повернулъ назадъ и понесся по знакомой дорогѣ.

А сзади, слѣдомъ, опираясь на палку, скачетъ раздавленный старикъ. Вотъ-вотъ нагонитъ,—нагналъ и виѣнился въ крупъ коня, словно кошка впился въ него когтями. Поддалъ задомъ конь и сбилъ своего преслѣдователя, цуще прежняго понесся, съ розмаха ринулся въ воду и вынесъ своего всадника на ту сторону...

XXIX.

Солнце взошло. На дворѣ квартиры Павла Петровича собралась уже порядочная толпа народу...

— Ну, унесъ же его Господь! разводилъ руками отставной служивый, нынѣ рыбакъ, Голупчиковъ,—и пошла же его нелегкая, по ночамъ променажи дѣлать!.. Дня, вишь ты, для господъ мало!

— У насъ такъ вотъ, коло Перовскаго, тигра поштальона накрыла, только на третій день кости отыскались оглоданныя, рассказывалъ мѣщанинъ, въ пуховомъ картузѣ, кутаясь въ старую солдатскую шинель, безъ погонъ и пуговицъ.

— Лошадь добра! замѣтилъ казакъ-уралець. Будь конь поплосше—не уйти, „поштрѣли его въ бороду!“

— А ты глядѣлъ какъ она его ободрала... задъ то почитай весь ключьяхъ,—эво какая лужа стоитъ!

— Хонь бы пескомъ присыпали. Доктора звали, что ли?

— Тамъ, уже часъ сидитъ, а на конюшню коповаль пошелъ, антимуу требуется.

— Самъ что? Ему какъ попало?

— Самъ, сказываютъ, ничего, только нанужамнись очень

— Испужаешься, тоже!

— Пришелъ Шелобовъ и прямо направился въ конюшню. Его ночное происшествіе заинтересовало съ этой, исключительной, стороны.

Подъ навѣсомъ, въ просторномъ денникѣ, стоялъ искалѣченный Абрекъ. Большое животное печально опустило голову и уныло, кротко смотрѣло на людей поблекшими, тусклыми глазами; окровавленный крупъ коня былъ уже обмытъ и прикрытъ мокрыми компрессами, вывихнутая нога болѣзненно приподнята и чуть касалась подстилки концомъ копыта. Лошадь слегка вздрагивала и довѣрчиво отдалась на попеченіе бородачаго урядника-коввала, безцеремонно лазающаго у нея подъ ногами...

Креницынскій деньщикъ стоялъ съ ведромъ воды около.

— Открой-ка! приказалъ коновалу Василий Ивановичъ.

— Гм! сталъ онъ осматривать... Вишь ты! коготь слабый,—дуракъ, молодой, пошалилъ; отъ стараго не увернулся бы... Какого же это выводка?..

Подумаль-подумаль извѣстный тигровый охотникъ, хотѣлъ было зайти и къ Креницыну,—вѣдь тотъ, говорили, до сихъ поръ еще лежитъ безъ памяти,—да махнулъ рукою и вышелъ со двора, многозначительно переглянувшись съ Иваномъ Акимовичемъ, поправшимся ему въ воротахъ навстрѣчу.

Старикъ Глухаревъ тоже узналъ объ этомъ дѣлѣ и тоже зашелъ навѣдаться, энергично растолкавъ собравшуюся въ воротахъ толпу.

— Зайди потомъ ко мнѣ—поговорить надо! шепнулъ ему Шелобовъ.

— Зайду, сказала Иванъ Акимовичъ. Ты куда? востроносая! крикнулъ онъ на Анисью, замѣтивъ въ толгѣ ея лукавую физиономію. Пошла домой!.. Барышня еще не вставала?

— Почиваютъ!.. Я вотъ, Иванъ Акимычъ, только на минуточку... я сейчасъ!..

Въ комнатѣ у Павла Петровича сидѣлъ докторъ и полковникъ Огурчиковъ.

— Странно, мужчина не трусь, а такія послѣдствія страха! недоумѣвалъ докторъ.

— А что? полюбилъ комендантъ.

— На столбикъ будто похоже...

Павель Петровичъ, словно трупъ, вытянувшись навзничъ, лежалъ на своей кровати. Глаза его были полукрѣпы и зрачки неподвижны. Намоченное холодною водою полотенце, тяжелымъ комомъ, давило ему лобъ.

Докторъ отошелъ къ окну и тщательно готовилъ маленькій шприцъ для подкожнаго впрыскиванія. Онъ полагалъ, что необходимо ввести въ кровь больного что нибудь сильно возбуждающее.

— Семень Семеновичъ! окликнулъ коменданта Глухаревъ,—выйди-ко сюда, поговорить надо.

— Что еще такое? отозвался тотъ и подошелъ.

— Видишь ли, Глухаревъ сильно понизилъ голосъ. Тутъ дѣло нехорошимъ пахнетъ. Ты ничего не думаешь?

— А что?

— Зачѣмъ его понесло въ почъ и на то самое мѣсто?

— Развѣ на то?

— Ну, можетъ быть, поблизости гдѣ. Это все равно. Только, что такое по твоему означаютъ эти ночныя путешествія? Уже не въ первый разъ это за нимъ замѣчено.

— Гм... я и самъ уже что то пеладное за нимъ замѣчаю. Давно замѣчаю... Мнѣ, вонъ, Ползунковъ докладывалъ, что у Миробайки онъ того... чортъ знаетъ чѣмъ занимается...

— Потягиваетъ!.. Потянешь въ его положеніи! Я бы тамъ пошарилъ хорошенько... Я вотъ хочу Шелобова тоже позвать, да знаешь, эдакъ, хорошенько кругомъ ощупать...

— Гдѣ? у Миробайки?

— Зачѣмъ у Миробайки? тамъ, по окрестности... Эхъ, сердце меня и тогда на правду настоящую наводило, а теперь вотъ опять... Знаешь, даже увѣренность какая то явилась... Заходи и ты ко мнѣ, хоть сегодня вечеромъ, втроемъ съ Шелобовымъ потолкуемъ.

— Зайду!

Огурчиковъ подозрительно посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ лежалъ Креницынъ.

— Не приставить ли часоваго? замѣтилъ онъ нерѣшительно.

— Ну, теперь еще рано! улыбнулся Иванъ Акимовичъ. Поспѣемъ!

Докторъ привелъ уже въ исполненіе свое намѣреніе вспрыснуть, прописалъ больному полную тишину и темноту; заставили окна снаружи войлочными ставнями, деньщику отданъ былъ приказъ не отлучаться ни на минуту и слѣдить за компресомъ, чтобы „отподъ не просохъ“, а все бы этакъ примачивать холоденъкой.

Всѣ вышли, и оставили, наконецъ, Павла Петровича въ покоѣ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Смотръ.

Историческій очеркъ А. Эвальда.

Императоръ Николай I имѣлъ обыкновеніе каждое лѣто проживать въ Петергофѣ, гдѣ былъ тогда лагерь военно-учебныхъ заведеній.

Отрядъ этого лагеря состоялъ изъ двухъ полковъ: школа гвардейскихъ подпоручиковъ, главное инженерное училище и пажескій корпусъ составляли первый батальонъ, а дворняжскій полкъ—второй и третій батальоны перваго полка; первый, второй и павловскій кадетскіе корпуса составляли три батальона втораго полка. Кромѣ того кавалерія представлялась эскадронномъ кавалерійскаго училища гвардейскихъ юнкеровъ, артиллерія—батарею михайловскаго артиллерійскаго училища и, наконецъ, иррегулярная кавалерія дѣтми кавказскихъ горцевъ, учившихся въ разныхъ корпусахъ, но которые на лагерное время собирались отдѣльно, въ одинъ взводъ.

Всѣмъ этимъ отрядомъ въ лагеряхъ командовалъ генералъ Сутговъ, директоръ школы подпоручиковъ. Это былъ человекъ небольшого роста, рыжеватый, щекотливо-самолюбивый, прекрасно говорившій по французски.

Въ инженерномъ училищѣ, гдѣ я воспитывался, Сутговъ не пользовался большимъ почетомъ, ибо даже и начальство наше отталкивало отъ него его неумѣнье держаться съ обществомъ офицеровъ. На общихъ отрядныхъ ученьяхъ, которыя онъ дѣлалъ, инженеры исполняли все безъ усердія, кое-какъ, иногда путали, и Сутговъ, естественно, выговаривалъ намъ за это и его ученья часто проходили въ выговорахъ и брани на инженеровъ.

Но насъ любили и понимали два человека, къ намъ близкихъ. Нашъ ротный командиръ, полковникъ Скалонъ, обладалъ замѣчательнымъ умѣньемъ держаться съ молодежью. Мы его любили и уважали какъ роднаго; онъ никогда и никого не оскорблялъ, ко всякому изъ насъ относился какъ къ родному сыну, понималъ наши слабости, умѣлъ отличить шалость отъ злонамѣренной выходки и во всѣхъ случаяхъ горячо отстаивалъ наши интересы. Это былъ не столько начальникъ, сколько другъ, и самый искренній, вѣренной ему молодежи.

Точно также искренно и душевно относился къ намъ и самъ Императоръ, вообще любившій дѣтей, и въ особенности внимательно относившійся къ намъ, такъ какъ инженерное училище было основано именно имъ, въ бытность еще великимъ княземъ. Это училище было его любимымъ дѣтищемъ, щегольнуть которымъ онъ не упускалъ случая.

Во время одного изъ лагерныхъ сборовъ, въ Петергофѣ былъ большой съѣздъ иностранцевъ, въ томъ числѣ двухъ (какихъ—теперь не помню) германскихъ принцевъ. Между прочими военными эволюціями, былъ назначенъ опытъ наводки нами, инженерами, понтоннаго моста. Дѣло это было чисто наше специальное и потому, казалось-бы, никакому другому начальству не слѣдовало бы и вмѣшиваться. Но Сутговъ затѣялъ каждый день учить насъ отдѣльно ружейнымъ приемамъ и маршировкѣ. Мы своимъ неумѣньемъ выводили его изъ терпѣнія. И самъ Скалонъ почти вслухъ выражалъ свое неудовольствіе. Но Сутговъ суетился, горячился и только бесполезно мучилъ насъ—отъ его ученій никакого толку не выходило. Пакаунтъ смотря его ученье вышло невозможно хуже обыкновеннаго. Разсерженный Сутговъ приказалъ Скалону, въ наказанье намъ, сдѣлать ученье и вечеромъ, какъ тотъ ни представлялъ что необходимо необходимо воспитанникамъ отдохнуть.

Полковникъ Скалонъ выѣхавъ на это ученье, собралъ насъ около своего коня.

— Что-жъ, сказалъ онъ; господа,—ученье!

— Да не надо, полковникъ, говорили мы.

— А завтра, на царскомъ смотру...

— Да ужъ будьте покойны, полковникъ!..

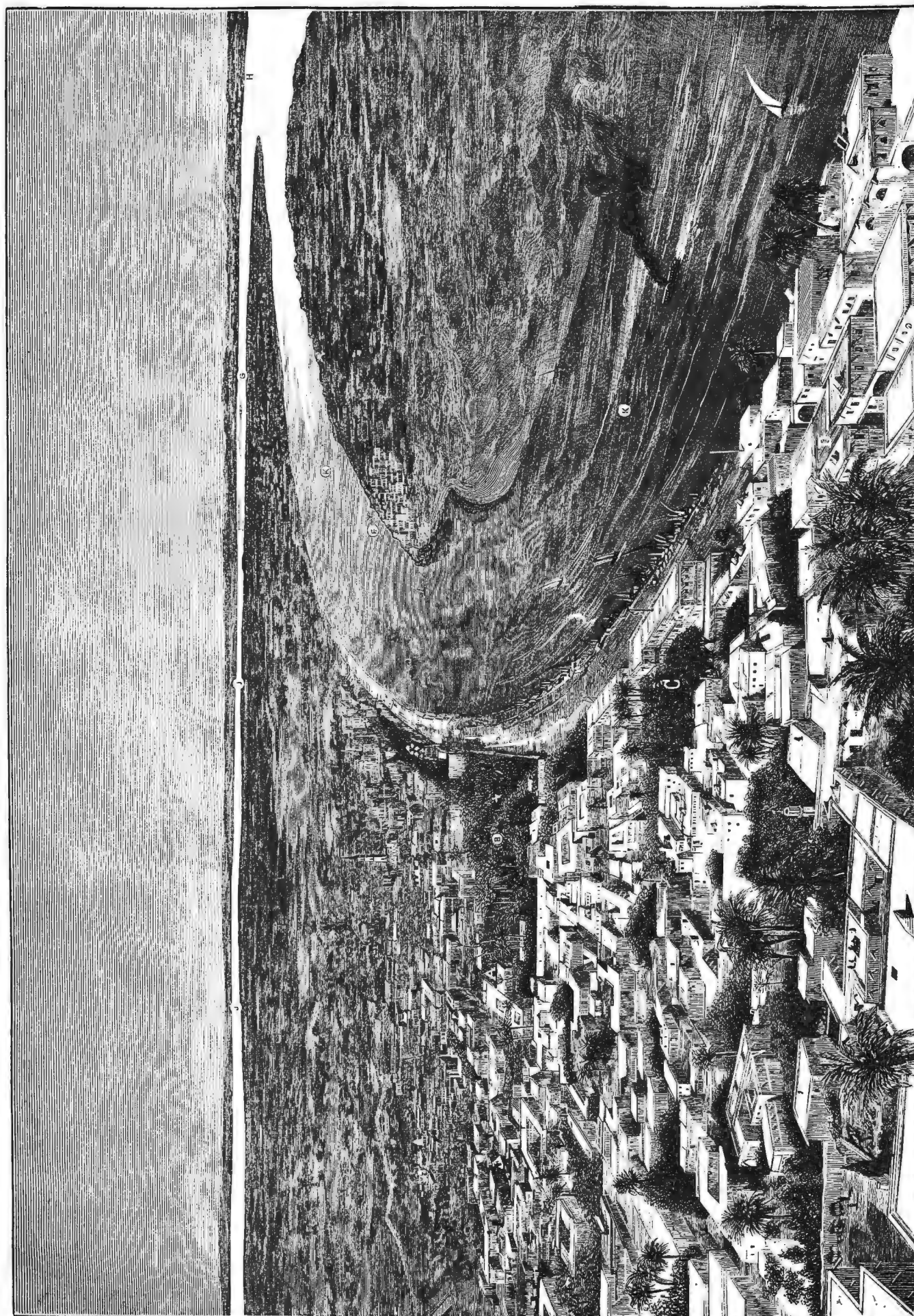
— Ну-ну, хорошо, вѣрю, вѣрю... сказалъ онъ. Сдѣлаемъ только для примѣра два-три приема.

Онъ скомандовалъ, мы дѣлали приемы чисто и, удовольствовавшись этимъ, Скалонъ уѣхалъ въ свою палатку, и насъ распустилъ.

О нашихъ столкновеніяхъ съ Сутговымъ знали даже самъ Государь. Сторожъ на Ольгиномъ островѣ, гдѣ была башня съ

Засѣданіе Государственнаго Совѣта въ Берлинѣ. По рис Людерса грав Флюгеля

Общій видъ гор. Хартума, главнаго города Судана, взятаго Махди 26 января 1885 г. По рис. Гг. грав. М. Рашевскій.

А) Домъ австрійскаго мисіонерскаго общества В) Сады инсс. общества С) Дворецъ бывшаго ваярца Гордона Д) Зданіе правительственныхъ учрежденій Е) Бараки.
 Г) Омдурманъ. Н) Укрѣпленный лагерь на Омдурманѣ. ІІ) Белый Ниль КК) Голубой Ниль.

зрительной трубой, рассказывалъ, что Государь придетъ иногда туда посмотреть въ трубу какъ учатся кадеты безъ него, подъ командою Сутгова, и все время ворчитъ вслухъ на инженеровъ.

— Этакіе школьники, этакіе шалуны... Вотъ постоитъ, я васъ подтяну на смотру!

Но на царскихъ смотряхъ Государю не приходилось подтягивать. Мы никогда не заслуживали ни одного замѣчанія отъ него, не только что серьезнаго выговора.

— Хорошо, инженеры! Спасибо, инженеры! Благодарю, Скалонъ! раздавалось громко и часто изъ устъ Государя на всѣхъ его смотряхъ.

Въ день смотра мы выстроились въ парадной формѣ фронтомъ къ рѣчкѣ, протекавшей на лѣвомъ флангѣ лагеря. Фуры съ понтонами стояли уже на мѣстѣ. Начала съѣзжаться свита Государя, среди которой была масса иностранцевъ въ самыхъ разнообразныхъ мундирахъ, съ любопытствомъ разсматривавшихъ насъ, дѣтей.

Сутговъ и тутъ вздумалъ равнять фронтъ. Вставъ на правый флангъ, онъ кричалъ отсюда:

— Третій въ первой шеренгѣ, грудь назадъ!

Третій попятится такъ, что образуетъ внадину.

— Много, много! Подайтесь впередъ! Пятый во второй шеренгѣ—штыкъ впередъ!

Штыкъ выдвѣзетъ на поларшина болѣе чѣмъ нужно.

— Да что это вы, господа инженеры, вы понятія не имѣете о службѣ! Полковникъ Скалонъ! Какую роту вы вывели на смотръ? Равненія даже не знаютъ.

Скалонъ только молча отходилъ въ сторону. Сутговъ направился къ свитѣ и началъ что-то горячо рассказывать одному изъ иностранцевъ, показывая на насъ. Вѣроятно онъ обрисовывалъ насъ какими нибудь баши-бузуками. Поговорить тамъ немного и опять къ фронту.

— Такой-то съ лѣваго фланга—голову впередъ! Такой-то въ задней шеренгѣ—лѣвое плечо назадъ!

Покричитъ, покричитъ и опять къ иностранцамъ, а отъ нихъ опять къ намъ и такъ безъ конца. Видя, наконецъ, что съ нами сладу нѣтъ, онъ обратился къ Скалону.

— Я удивляюсь, полковникъ, вашему спокойствію! Посмотрите, что это за равеніе. Пропадете вы сегодня съ вашею ротой!

Скалонъ нахмурился и пошелъ вдоль фронта.

— Затѣмъ вы шалите, господа, говорилъ онъ. Не хорошо. Будте внимательнѣе. Вы мнѣ дѣлаете неприятели!

Мы подобрались.

Наконецъ махальный крикнулъ виолголоса:

— Государь! Государь!

Свита зашевелилась, всѣ начали оправляться. Скалонъ вышелъ впередъ фронтомъ и скомандовалъ: смирно!

Моментально мы замерли, такъ что ни одинъ волосокъ на султанахъ не шевелился.

— Равненіе направо! продолжалъ командовать Скалонъ.

Мы выровнялись какъ по струнѣ.

— На плае—чо!

Ружья звякнули два раза и образовали своими дулами и штыками стальную стѣну, плотную и гладкую какъ зеркало. Въ эту минуту показался вороной рысакъ. Государь ѣхалъ на дрожкахъ и въ шинели. Еще сходя съ экипажа и сбрасывая шинель, онъ крикнулъ:

— Молодцы-инженеры!

— Рады стараться, Ваше Императорское Величество! громко и отчетливо пронесся въ воздухъ отвѣтъ ста двадцати молодыхъ голосовъ.

— На кра—уль! скомандовалъ Скалонъ.

Ружья снова звякнули два раза какъ одно: никакое ухо не замѣтило бы малѣйшей неровности въ этихъ звукахъ. Государь раскланялся съ иностранными гостями и подходя къ намъ снова крикнулъ:

— Хорошо, инженеры!

Скалонъ подошелъ съ рапортомъ. Принимая рапортъ, Государь положилъ руку на плечо Скалону. Это всегда было знакомъ особой милости. Затѣмъ Государь прошелъ по фронту, внимательно насъ осматривалъ и ставши потомъ впереди, самъ прокомандовалъ своимъ звучнымъ, прекраснымъ голосомъ нѣсколько ружейныхъ приемовъ. Исполненіе было безукоризненно, и послѣ каждаго приема мы только и слышали:

— Хорошо, инженеры; спасибо, инженеры!

Торжество наше и Скалона было полное. Отъ многихъ изъ насъ не укрылось, что Сутговъ, пожимая плечами и размахивая руками, что-то горячо толковалъ нѣкоторымъ иностранцамъ, которые не безъ лукавства улыбались, слушая его объясненія. Любопытно было бы знать, что онъ говорилъ?

— Ружья со—ставъ! скомандовалъ Государь.

Это было знакомъ, что надо было готовиться къ наводкѣ моста. Составивъ ружья въ козлы, мы сняли каски, тесаки, лядунки, мундиры и надѣли полотняныя рубахи, а на головы—фуражки. Пока мы переодевались, Государь объяснилъ по французски иностранцамъ, что вчера онъ смотрѣлъ наводку моста гвардейскимъ конно-пѣхотнымъ дивизионамъ, и что этотъ мостъ былъ наведенъ въ двадцать одну минуту.

— Ну, а вы, дѣти, во сколько минутъ наведете? обратился онъ къ намъ.

— Постараемся поскорѣе, Ваше Величество, отвѣтили молодое голоса.

— То-то же, не ударьте въ грязь лицомъ.

По командѣ Скалона мы подошли къ фурамъ съ понтонами, по другой—начали работу. Вмѣстѣ принадлежности моста были сняты съ фуръ; одни изъ насъ составляли каркасы понтоновъ, и обтягивали ихъ просмоленной парусиной, другіе тащили къ берегу лежни, щиты и доски для настилки. Когда понтоны были готовы и спущены на воду, въ нихъ, на каждый конецъ, съли унтеръ-офицеры и поплыли выстраиваться въ линію, поперегъ рѣки. По мѣрѣ входа понтоновъ въ линію моста, на нихъ двигались лежни и тотчасъ же покрывались щитами и досками. Затѣмъ вставлены были перила.

Иностранцы, съ часами въ рукахъ, внимательно слѣдили за нашей работой. Во время наводки Государь нѣсколько разъ благодарилъ насъ.

— Семнадцать минутъ! сказалъ кто-то громко, когда мы окончили. Государь просіялъ.

— Каково! сказалъ онъ. На четыре минуты скорѣе конно-пѣхотцы! Спасибо, дѣти! крикнулъ онъ намъ. Спасибо, Скалонъ! Благодарю, господа офицеры!

— Рады стараться, Ваше Величество! пронеслось вдоль всего моста.

Государь пошелъ черезъ мостъ, сопровождаемый своей блестящей свитой. Выйдя на другой берегъ, онъ приказалъ провести по мосту батальонъ кадетъ и батарею артиллерійскаго училища. Пѣхота прошла густою колоною благополучно. Но при переходѣ батареи, случилось приключеніе, чуть было не окончившееся несчастьемъ. Одна изъ лошадей чего то испугалась, бросилась въ сторону и ступивъ на край настилки провалилась въ понтонъ, увлекши свою парную. Прорванный понтонъ мгновенно погрузился въ воду и унтеръ-офицеры, сидѣвшіе на его концахъ, едва не потонули и, одишъ Богъ знаетъ, какъ не были раздавлены лошадейми. Они вылезли на берегъ, а мы, стоявшіе на берегу, не ожидая приказаній, бросились къ мосту, исправлять поврежденія его, кто въ воду—ловить лошадей и догонять уносимыя теченіемъ деревянныя принадлежности моста. Замѣтивъ катастрофу, Государь тотчасъ же самъ пошелъ по мосту къ мѣсту провала. Увидя его быстро подходившимъ, инженеры догадались схватить запасныя доски и устроили изъ нихъ переходъ черезъ мѣсто провала, такъ что Государю не пришлось ждать ни секунды перейти на тотъ берегъ. Смѣлость, находчивость и быстрота, съ которой все это было сдѣлано—видимо доставили Государю большое удовольствіе.

— Благодарю, дѣти, благодарю! говорилъ онъ, смѣло переходя по доскамъ черезъ провалъ.

Иностранная свита, слѣдовавшая сзади, усумнилась однако послѣдовать примѣру Государя. Вода, бурлившая въ провалѣ и шатавшіяся переходныя доски, хотя и придерживаемыя руками стоявшихъ по горло въ водѣ кадетъ, наводили иностранцевъ на сомнѣнія въ прочности перехода. Они остановились и передніе съ чрезвычайною комичною осторожностью ощупывали носками сапогъ колебавшіяся доски. Государь былъ уже на берегу и когда замѣтилъ, обернувшись, затрудненіе храбрыхъ гостей, то слегка засмѣялся и махая имъ рукою, сказалъ:

— Plus vite, messieurs, plus vite!

Медлить было нельзя и украшенные перьями всѣхъ цвѣтовъ иностранцы, перепрыгивая съ ноги на ногу и балансируя руками, кое-какъ начали перебираться. Картина была очень интересная. За иностранцами перешли и русскіе офицеры свиты.

Затѣмъ мы должны были исправить поврежденіе моста, чтобъ переправить пѣхоту и артиллерию обратно на этотъ берегъ, и когда они перешли, то мы развели мостъ и сложили его опять на фуры, работая все время въ водѣ по горло. Государь очень цѣнилъ поведеніе людей при подобныхъ приключеніяхъ на смотряхъ, такъ какъ они давали возможность войскамъ выказывать находчивость, ловкость и рѣшительность. Въ настоящемъ случаѣ инженеры выказались самымъ лучшимъ образомъ и такъ какъ все это произошло въ присутствіи цѣлой толпы иностранцевъ, военныхъ агентовъ и пр., то Императоръ сердечно благодарилъ насъ, нашихъ офицеровъ и Скалона.

— Спасибо инженеры, нѣсколько разъ повторилъ онъ, спасибо дѣти; благодарю васъ, гг. офицеры; спасибо, Скалонъ!

Подозвавъ Сутгова, Государь долго говорилъ ему что-то. Благодарилъ-ли онъ на радостяхъ и его, или дѣлалъ какія нибудь замѣчанія—за дальностію разстоянія мы не могли слышать. Видѣли мы только, что Сутговъ, держа руку подъ козырекъ, все время почтительно кланялся.

Когда Государю подали дрожки, то мы—какъ всегда водилось,—подхватили и накинули ему на плеча шинель и подсадили въ экипажъ, хотя онъ въ этомъ вовсе не нуждался, но любилъ доводить намъ этимъ выказывать ему нашу внимательность и любовь. Затѣмъ мы еще долго бѣжали около дрожки, придерживаясь кто за оглоблю, кто за крыло, пока Государь не сказалъ:

— Ну, дѣти, довольно, во фронтъ и домой! Спасибо еще разъ, до свиданья!

Тѣ изъ насъ, которые выкупались въ рѣкѣ, не переодѣвались въ мундиры и мокрые вернулись въ лагерь. Скалопъ, заранѣе увѣренный въ успѣхъ смотра, распорядился приготовить намъ обѣдъ получше, а вечеромъ разрѣшено было Государемъ желавшимъ изъ насъ идти гулять въ Александрию.

Суттовъ, въ это лѣто умиротворенный успѣхомъ, болѣе не придирался къ намъ; съвозъ пальцы смотрѣлъ какъ бы ни вели себя во фронтѣ. Впрочемъ и мы сами, одержавъ надъ нимъ, такъ сказать, побѣду, уже не позволяли себѣ неисправностей—и миръ водворился между нами.

Тайна природы.

Очеркъ.

Какъ извѣстно, въ центрѣ нашей земли съ самаго начала ея образования горитъ таинственный огонь, дымъ котораго поднимается изъ многочисленныхъ кратеровъ разныхъ странъ и который даетъ такъ много горячихъ источниковъ. Эти страшныя струи пламени можно считать вѣрными стражами центра земли; онѣ до такой степени затрудняютъ дорогу пропикающему въ глубь человѣку, что напр. въ нѣкоторыхъ золотыхъ рудникахъ Южной Америки рабочимъ постоянно долженъ быть доставляемъ свѣжій воздухъ, иначе они погибли бы отъ жары. Подземный огонь возмущаетъ о себѣ вулканическими изверженіями и быть можетъ назначеніе его состоитъ не единственно въ сообщеніи землѣ внутренней теплоты, необходимой для ея произрастанія, но онъ ведетъ также нашу старую планету къ послѣднимъ, неминуемымъ событіямъ. На основаніи опредѣленій древнихъ ученыхъ, подтвержденныхъ послѣдующими и новѣйшими изслѣдованіями, земля первоначально была огненно-жидкой массой, наружная оболочка которой постепенно охлаждалась, пока на ней не появилась растительность, пока на отвердѣвшей поверхности не показались живыя существа. Очень возможно, что нѣкогда сгоритъ весь горючій матеріалъ и наступитъ время, когда земля не будетъ давать растений и питать живущихъ на ней. Это останея тайною силъ природы. Таинственный огонь горитъ; но какъ онъ поддерживается, наука объяснить не можетъ.

Хотя горячіе источники и вулканы существуютъ во всѣхъ поясахъ, однако есть одинъ пунктъ земли, гдѣ скрытый огонь непосредственно проявляется на поверхности въ необыкновенномъ количествѣ. Вблизи Гунонгъ-Уангъ на островѣ Явѣ находится „Мертвая долина“, воронкообразная, въ триста футовъ глубины пропасть, называемая туземцами „Руа-Унасъ“, необыкновенно опасное мѣсто, которое можетъ быть посещаемо только съ большою осторожностью, такъ какъ газы, поднимающіеся изъ нея, въ большинствѣ случаевъ лишаютъ чувствъ приближающагося къ ней, и при долгомъ дѣйствіи, безусловно принимаютъ смерть. Тутъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднимаются вулканическіе холмы, изъ которыхъ выходитъ не огонь или горячая вода, но тягучій, кипящій иль. Въ другихъ пунктахъ образовались сѣрнокислыя озера; самыми величественными считаются Моро-Апи, или „Вѣчные огни“—Гунонгъ-Моро. Это дикая, романтичная гористая мѣстность на сѣверной сторонѣ острова, въ высокихъ острыхъ скалахъ, глубокими долинами и разсѣченными склонами. До самой низменности надвигаются ея холмы со скрытыми, ведущими внутрь дорожками, отпеченными высокими тропическими деревьями, кругомъ протекають серебряныя горныя ручейки, которые въ сырое время года соединяются въ сплошную массу и превращають низменность въ чудное голубое море.

Путешественнику, пришедшему сюда вечеромъ, представится поразительно чудное зрѣлище. Изъ всѣхъ разсѣлинь скалъ,

изъ глубокихъ пропастей и на самыхъ высокихъ вершинахъ поднимаются разноцвѣтные огоньки, то совершенно маленькіе, то достигающіе 10 футовъ вышины. Паду водою и возлѣ нея, они то двигаются, то появляются ридами; всѣ они неугасаемы, всѣ они вѣчны. Они горятъ даже во время сильнаго дождя и даже тогда, если мѣсто, откуда они выходятъ, совершенно насытится скостью во время бурь и непогодъ. Изъ земли постоянно выходитъ газъ, который, коснувшись воздуха, воспламеняется и поднимается высоко. Видъ такого огненнаго столба въ тихую погоду поистинѣ величественъ. Листья дубовъ и тамаринда нѣжно шепчутся при легкомъ вѣтеркѣ, цвѣтущія орхидеи и другія ползучія растенія осыпаются стволы, маленькіе ручейки орошаютъ покрытыя мхомъ скалы, а у подножія послѣдняго уступа начинается наводненіе. Среди всего этого горятъ многочисленные и несстрые языки пламени, подобно демоническимъ стражамъ, подобно толпѣ привидѣній, начинающіхъ свою ночную пляску, которыя до нѣкоторой степени скрываются изъ вида только тогда, когда тропическое солнце проявляетъ всю силу своихъ лучей.

Другой видъ принимаетъ картина, когда разыгрывается буря и орканъ потрясаетъ вершину первобытнаго лѣса. Чѣмъ темнѣе становится въ воздухѣ, тѣмъ ярче становятся фіолетовые и красные огни надъ разъяренной водою, надъ пропастями и крутыми скалами, надъ поникшими головами испуганныхъ животныхъ, захваченныхъ пламенемъ въ ихъ отдаленнѣйшихъ логовицахъ. Напрасно преслѣдуемое бурей животное ищетъ спасенія подъ скалами и вѣтвями деревьевъ; оно дѣлается жертвою огня. Власть его непреодолима. И можетъ ли спастись животное, когда громадныя скалы не въ состояніи устоять и, охватываемыя постоянно новыми огненными языками, распадаются на части. Свирѣпое пламя все растетъ и удлиняется, прыгая и качаясь. Буря все усиливается, пока наконецъ между сѣрыми скалами, подъ деревьями и среди лянъ не образуется сплошная боевая линия, пока наконецъ подвижныя огни, сражаясь на смерть, дико набѣгая, усиливаемыя новымъ притокомъ пламени, подобно бѣшеннымъ демонамъ, не уступающимъ ни предъ какою силою, противостоящимъ каждому нападенію, завладѣють всю мѣстностью. Это своеобразное, такъ мало гармонирующее, необыкновенно совмѣстное находженіе огня и воды болѣе чѣмъ поразительно. Горящій воздухъ носится по мокрой стихіи, которая не въ состояніи отгрѣзгать путь постоянно прибывающему газу. Иногда два, три огненные языка сплетаются вмѣстѣ, выходя изъ высоты разсѣлины. Затѣмъ фантастически изгибаются, то образуя узлы, то снова разрываясь, то соединяясь въ чудной формы звѣзду, они топятся далѣе по волѣ вѣтра.

Такова именно мѣстность Моро-Апи на Явѣ, въ ея грандіозной, вѣчной красотѣ, безъ сомнѣнія одна изъ любопытнѣйшихъ тайнъ земнаго шара.

Къ рисункамъ.

На праздникъ въ гостяхъ былъ.

(Рис. на стр. 204).

Только что подѣхалъ хозяинъ къ своей избѣ на парѣ въ розалыныхъ, какъ па вѣтрѣчу ему за ворота высыпали всѣ его домашніе, здороваясь, разспрашивая подробности праздника и сколько было гостей и хорошо ли было угощеніе. Хозяинъ, нѣсколько еще отуманенный „угощеніемъ“, не совсѣмъ ясно удовлетворяетъ общее любопытство и пуще всего ему хочется скорѣй домой, на печь, отдохнуть отъ длиннаго пути и паровъ, которые еще бродятъ въ головѣ. И во снѣ онъ все будетъ бормотать, продолжая пачатые за чаркой въ гостяхъ разговоры, и передъ нимъ все еще будутъ мелькать сцены веселой пирушки и пріятной гостебы со встрѣчею праздника.

Московскій Благовѣщенскій Соборъ.

(Рис. на стр. 205).

Въ числѣ древнихъ святынь Московскаго Кремля, каждому русскому извѣстна великолѣпная Благовѣщенскій соборъ. При Великокняжескомъ дворцѣ возведена была церковь Благовѣщенія, сооруженіе коей по лѣтописи относится къ 1397 г., при вел. кн. Василѣ Дмитріевичѣ. Цари наши не переставали заботиться объ расширеніи и благолѣпнѣ храма, который вслѣдствіе пожаровъ и разграбленія поляками потерпѣлъ много. При Петрѣ I въ 1697 году возстановлено стѣнное писмо съ удержаніемъ прежняго характера. Въ пожаръ 1737 года постра-

дать соборъ много, также какъ и въ 1812 г., когда святилище это французами было ограблено и поругано. Послѣ изгнанія неприятеля все было возстановлено и соборъ торжественно освященъ въ 1813 году.

Дворцовый соборъ этотъ, переживающій уже пятое столѣтіе, отличается отъ всѣхъ Кремлевскихъ святынь здочествомъ, весьма оригинальнѣмъ, которое носитъ на себѣ отпечатокъ византийскаго стиля. Во внутренности соборъ довольно тѣсенъ (10½ арш. отъ царскихъ дверей до западныхъ и ширины 15 арш.). Передъ входомъ во внутрь храма останавливается на себѣ вниманіе его притворъ или ходовая паперть. На столпообразныхъ его простѣлкахъ извѣтъ изображены перпенствующіе державныи Москвы въ вѣпцахъ святыхъ: благовѣрные князья Даниилъ и сынъ его Іоаннъ Калита. Изнутри арка входа изображена на прекрасной картинѣ Н. Е. Маковского, копію съ которой на доскѣ дѣлалъ самъ авторъ. Чрезвычайно удачно передана массивная и оригинальная красота входа. Надъ аркою входа написанъ ликъ Нерукотвореннаго Спаса, окруженный двумя ангелами и четырьмя Московскими Святителями, а на западной стѣнѣ образъ полевой Спасителя. Внутренность храма раздѣляется четырьмя столпами на двѣ половины такъ, что середина между ними остается открытою. Помостъ или полъ состоитъ изъ квадратныхъ и прямоугольныхъ кусковъ агатовой яшмы, весьма разнообразной и красивой по подбору цвѣтовъ. Къ правому столпу приставлено Царское мѣсто съ шатромъ, деревянное, рѣзное, съ мѣдными сверху яблоками и орлами; шатеръ освѣненъ также двуглавымъ орломъ. Богатства собора

были огромны, ему принадлежали большія вотчины, которыя отошли съ учрежденіемъ штатовъ. Въ ризницѣ находится много важныхъ и любопытныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ.

Въ соборѣ этомъ русскіе Государи крещаемы были, говѣли и бракосочетались; и донынѣ, послѣ своего коронаванія въ Москвѣ, Государи шествуютъ на поклоненіе въ древній храмъ Благовѣщенія.

Этюдъ.

(Рис. на стр. 209).

Наше собраніе красивыхъ женскихъ головокъ, помѣщенныхъ въ „Нивѣ“, мы увѣличиваемъ еще этимъ рисункомъ Трентина, имѣя въ виду особенно прекрасное выполнение гравюры. Выраженіе нѣжнаго лица передано очень хорошо и живо и этюдъ этотъ можетъ по праву занять мѣсто въ любомъ роскошномъ альбомѣ съ собраніемъ такихъ рисунковъ.

Засѣданіе Государственнаго Совѣта въ Берлинѣ.

(Рис. на стр. 212).

Нѣсколько времени тому назадъ вновь открыты засѣданія Германскаго государственнаго совѣта, давно уже не возобновлявшіяся съ открытія рейхстага. Сперва предполагали, что новый государственный совѣтъ предназначенъ быть какъ бы противѣсомъ рейхстага и повредить ходу дѣлъ германскаго парламента. Но такое мнѣніе оказалось неосновательно. Наслѣдникъ принца выразилъ самъ готовность принять предсѣдательство въ новоорганизованномъ Совѣтѣ Имя наследнаго принца Германской Имперіи окружено такимъ ореоломъ общаго уваженія и любви, что выраженная имъ готовность успокоила самыя ревнивыя недоумѣнія. Всѣ убѣжденія, что еслибы вновь образованный государственный совѣтъ могъ повести своимъ восстановленіемъ ограниченіе какихъ либо существующихъ правъ, то кронпринцъ никогда бы не принялъ въ немъ предсѣдательства. Пятьдесятъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ то спокойное время собранія и подготовленія, выросшія въ старыхъ, добрыхъ и твердыхъ традиціяхъ, будучи ближе связаны со страной, служилый классъ могъ доставить для государственнаго совѣта нужный персоналъ; но дѣло нѣсколько иначе стоитъ теперь, послѣ столькихъ историческихъ событій въ Германіи. Князь Бисмаркъ былъ призванъ указать императору на людей достойныхъ призванія въ совѣтъ; въ совѣтъ участвуютъ лица всѣхъ сословій и состояній, лишь бы они не принадлежали къ прямо оппозиціоннымъ

партіямъ. Собраны для этого совѣта лучшія силы страны. Кронпринцъ озабочивался, чтобы по всѣмъ вопросамъ, которые только могутъ обсуждаться въ совѣтѣ, имѣлись бы авторитетные представители. Уже одно перечисленіе именъ лицъ, засѣдающихъ въ совѣтѣ можетъ лучше всего доказать ихъ всестороннюю компетенцію. Тутъ есть представители городовъ, торговли и промышленности, высшей политики, евангелической и католической церкви, финансовъ, флота, лѣсоводства, права, почты, просвѣщенія, сельскаго хозяйства, военнаго дѣла и пр. Попятно, не легко предсѣдательствовать въ такомъ собраніи, вполнѣ овладѣвать поставленными вопросами и проводить ихъ твердо, осторожно и непристрастно. Это при вступленіи въ свои новыя обязанности заявилъ въ своей рѣчи кронпринцъ. Заступающій мѣсто предсѣдателя, въ случаѣ отсутствія кронпринца, — князь Бисмаркъ; въ качествѣ секретаря совѣта назначенъ д-ръ Меллеръ, товарищъ секретаря министерства торговли и промышленности. Первые, осеннія засѣданія совѣта уже происходили въ Елисаветинской залѣ королевскаго дворца, во второмъ этажѣ, выходящей окнами на Шпрее. Прекрасный рисунокъ, помѣщенный на стр. 212, вводитъ насъ прямо въ залъ совѣта; между принцами Вильгельмомъ и Фридрихомъ-Карломъ помѣщается кронпринцъ, а далѣе палатво, характерная фигура знаменитаго имперскаго канцлера.

Городъ Хартумъ.

(Рис. на стр. 213).

Хартумъ, который, благодаря важной защитѣ Гордона, почти цѣлый годъ удерживалъ у своихъ стѣнъ натискъ полчищъ Махди и привлекалъ къ себѣ вниманіе всей Европы, до осады пользовался лишь неособенно лестной извѣстностью — главнаго пункта для торговли невольниками. Хартумъ расположенъ при соединеніи Баръ-эль-Азнака, Голубаго Нила и Баръ-эль-Абиада, Бѣлаго Нила. Главнымъ образомъ онъ занимаетъ лѣвый берегъ Голубаго Нила, въ разстояніи двухъ миль отъ соединенія обѣихъ рѣкъ и противоположнаго о-ва Тутти, по прибытіи на который полковникъ Вильсонъ впервые убѣдился, что Хартумъ уже въ рукахъ непріятеля. Дворецъ губернатора, гдѣ жилъ Гордонъ во время осады, выходитъ фасадомъ на рѣку и изъ него прямо съ набережной можно было легко сообщаться съ рѣчными пароходами. Кроме того, съ крыши этого зданія Гордонъ могъ легко слѣдить за движеніями непріятеля, такъ какъ отсюда открывается обширный видъ на всѣ окрестности. Хартумъ былъ всегда центромъ суданской торговли и конечнымъ пунктомъ всѣхъ караванныхъ дорогъ. Слоновая кость, черное дерево и страусовыя перья съ юга обыкновенно поспѣваютъ

Прозекъ А. М. Опенушина памятника М. Ю. Лермонтову въ Пятигорскѣ. По фот. грав. М. Рашевскій.

баго Нила и Баръ-эль-Абиада, Бѣлаго Нила. Главнымъ образомъ онъ занимаетъ лѣвый берегъ Голубаго Нила, въ разстояніи двухъ миль отъ соединенія обѣихъ рѣкъ и противоположнаго о-ва Тутти, по прибытіи на который полковникъ Вильсонъ впервые убѣдился, что Хартумъ уже въ рукахъ непріятеля. Дворецъ губернатора, гдѣ жилъ Гордонъ во время осады, выходитъ фасадомъ на рѣку и изъ него прямо съ набережной можно было легко сообщаться съ рѣчными пароходами. Кроме того, съ крыши этого зданія Гордонъ могъ легко слѣдить за движеніями непріятеля, такъ какъ отсюда открывается обширный видъ на всѣ окрестности. Хартумъ былъ всегда центромъ суданской торговли и конечнымъ пунктомъ всѣхъ караванныхъ дорогъ. Слоновая кость, черное дерево и страусовыя перья съ юга обыкновенно поспѣваютъ

Поединокъ дикихъ африканскихъ горныхъ барановъ. Рис. и грав. Шпехтъ.

через пустыню въ Короско, а оттуда, внизъ по Нилу, въ Каиръ. Населеніе Хартума, въ эпоху его мирнаго процвѣтанія, простиралось до 40000, но во время осады это число жителей уменьшилось до 10000. Элементъ населенія Хартума всегда былъ самый разнообразный: турки, евреи, греки, египтяне, кубійцы, абиссинцы, негры и наибольшее число итальянцевъ, которые главнымъ образомъ занимались торговлей крѣпкими напитками и съѣстными припасами.

Видѣній видъ Хартума не особенно привлекателенъ. Со стороны Бѣлаго Нила онъ представляетъ массу плоскихъ, сѣрыхъ домовъ, надъ которыми возвышается лишь одинъ минаретъ; все переднее пространство занято бесплодной, песчаной равниной, на которой не видно ни дерева, ни кусточка. Въ городѣ входятъ по длинной, узкой улицѣ, идущей отъ востока къ западу и оканчивающейся рынокомъ. Эта улица очень ровна и съ обѣихъ сторонъ обстроена глиняными домами, у которыхъ на улицу выходятъ лишь одніе двери. Въ другихъ частяхъ города тоже нѣтъ и слѣда правильной раскладки зданій; дома скучены всякой величины и всякой формы, а улицы—настоящіе лабиринты. Здѣсь и тамъ встрѣчаются открытыя пространства, занятые садами и даже постройками. Въ дождливое время Хартумъ очень нездоровая мѣстность, такъ какъ во многихъ частяхъ города образуются тогда болота и обширные водоемы стоячей, гниющей воды. Улица, ведущая къ базару, считается лучшей въ городѣ; на ней стоитъ домъ губернатора и много обширныхъ построекъ, принадлежащихъ туркамъ, коштамъ и арабамъ. Всѣ другіе домики самаго мизернаго вида, сложенные изъ глины, высушенной на солнцѣ. На базарной площади возвышается мечеть, выстроенная изъ кирпича, и тутъ же около торго разбросаны кофейни и лавочки съ крѣпкими напитками. Кромѣ того въ городѣ существуетъ коптская и римско-католическая часовня, католическая школа, больница, тюрьма и бараки для солдатъ.

Чтобы очистить Суданъ отъ мятежниковъ, Гордонъ простился съ Лондономъ 18-го января 1884 года и прибылъ въ Хартумъ 18-го февраля. Въ мартѣ, послѣ жестокаго сраженія, въ которомъ войско Гордона было разбито, благодаря измѣнѣ нашей, началось обложеніе города силами Махди, и съ этого времени борьба не прекращалась до самаго паденія Хартума, 26-го января. Мятежники терпѣли постоянныя пораженія, но все-таки положеніе осажденных становилось критическимъ; силы Махди все росли болѣе и болѣе, и кромѣ того Хартуму было прекращено всякое сообщеніе съ остальнымъ міромъ, такъ что Гордонъ остался наконецъ совершенно одинокимъ, лицомъ къ лицу съ многочисленнымъ и безпощаднымъ врагомъ. Обѣ стороны дѣйствовали энергически. Арабы построили батареи на берегахъ рѣки и бомбардировали городъ, а Гордонъ отвѣчалъ на ихъ огонь со своихъ броненосныхъ пароходовъ и съ парусныхъ судовъ. Онъ окружилъ городъ торпедами и минами, и когда половина жителей выселилась изъ города, то онъ разрушилъ пустыя кварталы и устроилъ въ нихъ грозныя земляныя укрытія. Порохъ онъ готовилъ собственными средствами, и владѣя одиннадцатью пароходами, часто совершалъ поѣздки внизъ и вверхъ по рѣкѣ для добыванія съѣстныхъ припасовъ. Гордонъ могъ лишь одного бояться—измѣны своихъ ближайшихъ сотрудниковъ—туземцевъ, и эта измѣна дѣйствительно была причиной паденія Хартума. Фарезъ-паша, уже уличенный разъ въ измѣнѣ, но прощенный Гордономъ, отворилъ ночью ворота города войскамъ Махди и отдалъ его жителей на жертву разграбленія и убійствъ. Гордонъ, какъ говорятъ, погибъ изъ первыхъ, направляясь въ домъ австрійскаго консула. Овладевъ городомъ, мятежники тотчасъ же принялись за постройку укрытія, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ англійскаго экспедиціоннаго корпуса и, если нужно, выдержать продолжительную осаду. Кромѣ того, Махди стянули къ Хартуму всѣ свои громадныя силы, какъ говорятъ, тысячъ въ 50, чтобы двинуться на англичанъ, занявшихъ незначительнымъ отрядомъ Метамне. Напуганные этия движеніемъ англичане послѣдно отступили и теперь передовой ихъ отрядъ находится въ Губатѣ. Въ Лондонѣ извѣстіе объ отступленіи передоваго отряда Буллера и что Махди идетъ на Метамне, во главѣ громаднаго войска, произвели такое же, если еще не болѣе удручающее впечатлѣніе, какъ паденіе Хартума.

Памятникъ М. Ю. Лермонтову въ Пятигорскѣ.

(Рис. на стр. 216).

Композиція памятника—самая трудная задача для художника. Не очень много хорошихъ памятниковъ не только въ Россіи, но и за границей. Художникъ, при разработкѣ композиціи, поставленный въ довольно узкія рамки: онъ долженъ сохранить сходство съ изображаемымъ лицомъ, выразить его характеръ во всей фигурѣ, въ аллегорическихъ деталяхъ обрисовать его дѣятельность, и наконецъ соблюсти гармонію образа. Вотъ причина, почему коммисія, собранная для утвержденія проекта, нѣсколько разъ обсуждаетъ конкурсные работы, признаетъ ихъ несостоятельными, назначаетъ новый срокъ для подачи проектовъ, и наконецъ утверждаетъ наиболѣе удачный, съ условіемъ измѣненія тѣхъ или другихъ подробностей. Конкурсъ проектовъ памятника Лермонтова практиковался нѣсколько разъ. На по-

слѣднемъ засѣданіи коммисіи въ октябрѣ 1883 года, закрытой баллотировкой былъ почти единогласно утвержденъ проектъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, принадлежавшій (какъ оказалось по вскрытіи пакета съ монограммой) академику А. М. Опенунину,—автору московскаго памятника Пушкину. Поэтъ изображенъ сидящимъ на скалѣ въ задумчивой позѣ; военная шинель сброшена съ его плечъ и красивыми складками драпируется сбоку; впрочемъ эту шинель было предложено автору замѣнить буркой. Другіе проекты съ изображеніемъ музы, геніевъ и пр. признаны неудовлетворительными. По мнѣнію экспертизы, отливка статуй обойдется около 15 тысячъ рублей. Весь-же памятникъ съ пьедесталомъ обойдется вѣроятно 25—30 тысячъ рублей.

Дикій горный баранъ.

(Рис. на стр. 217).

Домашняя наша овца—это, какъ извѣстно, выродившаяся, благодаря тысячелѣтнему разведенію, болѣе сильная дикая овца, первоначальную расу которой опредѣлить трудно, въ виду того, что за исключеніемъ Австраліи, всѣ части свѣта имѣютъ по одному или по нѣсколькимъ видамъ дикихъ овецъ, различающихся между собою только въ частности. Такъ въ Европѣ водятся муфлонъ, въ Азіи—аргали и кашкаръ, въ Америкѣ—толсторогая овца, а въ Африкѣ баранъ съ гривой, типъ котораго показанъ на стр. 217. Дикій баранъ съ гривой (*Ovis tragelaphus*) имѣетъ 1½ аршина длины, причѣмъ около 6 вершковъ приходится на хвостъ. Самецъ бываетъ болѣе самки и отличается болѣе сильными рогами. Голова барана красива, взглядъ блестящъ и живѣе нежели у домашней овцы. Цвѣтъ шерсти красно-коричневый, переходящій на нѣкоторыхъ мѣстахъ въ каштаново-или темно-коричневый. Шерсть гладкая, не вьется какъ у домашней овцы и состоитъ изъ грубыхъ, жесткихъ, густыхъ, неровныхъ волосъ и тонкой шерсти, плотно прилегающей къ тѣлу. Волосы удлиняются на загривкѣ и образуютъ волосной гребень, покрывающій низъ горла и опускающій почти къ землѣ. Эта грива составляетъ отличительный признакъ животнаго. Дикій баранъ, подобно всѣмъ дикимъ овцамъ, живетъ преимущественно въ горахъ, водится въ Верхнемъ Египтѣ и Абиссиніи, особенно въ Атласскихъ горахъ и прочихъ гористыхъ странахъ сѣверной Африки, но встрѣчается очень рѣдко и очень пугливъ. Питается онъ горными растениями и кустарниками, а также мхомъ; взбирается на горы и прыгаетъ подобно каменному козлу; живетъ на самыхъ пустынныхъ, крутыхъ скалахъ въ одиночку или же вдвоемъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ начинаетъ собираться въ стада, причѣмъ между баранами происходятъ ожесточенныя схватки и нѣрѣдко побѣдитель стальной слабѣйшаго противника въ пропасть, какъ показано на рисункѣ. Алжирскіе бедуины охотятся за дикимъ бараномъ изъ-за его мяса и шерсти. Европейцамъ онъ сталъ извѣстенъ лишь во второй половинѣ XVI столѣтія; описанъ подробно только недавно.

Издѣлія Соловецкаго монастыря.

(Рис. на стр. 220).

Помимо своего высокаго религіознаго значенія, Соловецкая обитель представляетъ собою замѣчательный примѣръ русской монастырскаго общины, разившей въ себя широкую заводскую и кустарную промышленность. Монастырь все производитъ самъ и находитъ въ себѣ всѣ средства удовлетворенія нуждъ и потребностей иноковъ. Въ мастерскихъ монастыря есть представители всевозможныхъ ремеселъ и даже художества. Рѣзчики, гранильщики, серебряники, иконописцы, мѣдники, плотники, шорники—все это трудится въ стѣнахъ обители. Между кустарными издѣліями монастыря заслуживаютъ вниманія прекрасныя издѣлія изъ дерева. Особенной извѣстностью пользуются соловецкія ложки, деревянныя кружки и чашки; производятся они здѣсь въ огромномъ количествѣ и расходятся по всей Россіи, разбираясь на расхватъ богомольцами. На каждой ложкѣ изображена рыба и надписъ: „благословеніе Соловецкой обители“. Нѣкоторыя изъ ложекъ заканчиваются изображеніемъ благословляющей руки. Въ этомъ № помѣщено изображеніе прекрасно сдѣланной и расписанной кружки съ покрывшой. Съ благоговѣніемъ относятся наши поморы къ такимъ издѣліямъ чтимой ими обители и бережно хранятъ ихъ въ домѣ.

Тахиграфъ Мересса.

(Рис. на стр. 220 и 221).

Инструментъ этотъ, какъ и многіе ему подобныя, основанъ на свойствѣ подобныхъ треугольниковъ. Онъ служитъ для снятия съ геометрической точностью разныхъ рисунковъ или въ увеличенномъ, или уменьшенномъ видѣ (фиг. 1).

Изобрѣтатель его, г. Мерессъ, употребляетъ параллелограммъ съ длиною ABCD (фиг. 2), двѣ противоположныя стороны котораго имѣютъ постоянную длину С и D, двѣ же другія стороны образуются линейками А и В съ одинаковыми дѣленіями, изъ которыхъ одна продолжается до центра подобія А, Р. Получается прямая передача. Единичное чертаніе: указатель помѣщается на одной изъ полосокъ, постоянной длины, а карандашъ—на соот-

вѣтственномъ мѣстѣ параллельной полоски Е и G. Можно сказать, что тахиграфъ на планѣ имѣетъ видъ коромысла паровой машины, снабженнаго параллелограмми Уата.

Коромысло А, А' поддерживается колесцами b, b' b'', которыя облегчаютъ перемѣщеніе инструмента въ плоскости фигуры. Точка выбирается за линейкою въ катункѣ К, которою регулируется положеніе линейки такимъ образомъ, чтобы она проходила чрезъ центръ соединеній полосокъ Р, h, h'. Весь аппаратъ помѣщается въ плоскости, соедѣней съ бумагою, что уменьшаетъ уклоненія указателя и карандаша, какія могли бы происходить отъ качанія частей.

Линейка, параллельная коромыслу В, В, и само коромысло деревянные, а полоски, соединяющія С и D, изъ мѣди. Всѣ соединенія h, h' h'' h''', расположенныя вѣ этихъ различныхъ частяхъ, образуютъ вершины геометрическаго параллелограмма e, e' e'', отъ хода котораго зависитъ измѣненіе фигуры. Для помѣщенія указателя и карандаша нужно наблюдать, чтобы оконечности ихъ находились на прямой линіи съ центромъ подобія Р, g, g'. Сверхъ того концы падаютъ на прямую линію, граничащія съ боку съ параллелограмомъ силъ e, e''.

Понятно, что при такой системѣ, когда параллелограмъ сводится къ четыремъ своимъ геометрическимъ вершинамъ, каждая неточность можетъ быть своевременно исправлена; ранѣе приступленія къ дѣлу слѣдуетъ вывѣрить всѣ части. Вывѣрка состоитъ въ удостовѣреніи о нахожденіи трехъ точекъ на прямой линіи; если онѣ такъ совпадаютъ, то инструментъ вывѣренъ и можно приступити къ дѣлу.

Желая воспользоваться инструментомъ, модель кладутъ подъ указатель—направо, если конія должна быть уменьшена, и налѣво, если ее нужно увеличить; рисунокъ и бумага прикрѣпляются на столѣ гвоздиками.

Положеніе указателя и карандаша измѣняется очень легко, такъ какъ тотъ и другой придерживаются только винтикомъ, на одинаковыхъ подставкахъ. Слѣдуетъ только отвернуть винтъ пальцами правой руки, снять катушку, съ которой они образуютъ одно цѣлое, и перенести на правую сторону ту, которая находится на лѣвой, и наоборотъ.

Всѣ работы тахиграфа математически точны, такъ какъ рѣшующій имѣетъ всегда возможность регулировать инструментъ, слѣдя за тѣмъ, чтобы онъ находился въ нормальныхъ условіяхъ.

Отоскопъ для изслѣдованія уха.

(Рис. на стр. 221).

Профессоръ Ле-Форъ представилъ недавно въ парижскую медицинскую академію новый отоскопъ доктора Рателя. Мысль

объ освѣщеніи уха внутри, впервые пришла на умъ Фабрицію д'Аквападанте (въ 1600 г.). Для этой цѣли онъ ставилъ большое передъ окномъ такимъ образомъ, чтобы солнечныя лучи проникали въ наружный слуховой каналъ. Онъ также первый придумалъ ставить свѣчу позади сосуда съ водою и направлять сконцентрированныя лучи въ ухо. Гильденъ изобрѣлъ ушное зеркало или расширитель въ 1585 г., имѣвшій форму щипцовъ. Въ первый разъ онъ употребилъ въ дѣло свое зеркало для извлеченія изъ уха десятилѣтней дѣвочки стекляннаго шарика. Четыре хирурга, призванные въ разное время, не могли ничего сдѣлать. Малютка страдала очень сильно; боль распространилась къ ночи, въ особенности въ холодную и сырую погоду. Къ этому присоединились еще эпилептическія припадки и отяглась лѣвая рука. Наконецъ въ ноябрѣ 1595 г. Гильденъ пришелъ на помощь. Ему удалось понять причину болѣзни и онъ рѣшился извлечь постороннее тѣло. Для этого онъ избралъ свѣтлое мѣсто, направилъ солнечный свѣтъ въ ухо больной, смазалъ стѣнки слуховаго канала миндальнымъ масломъ и ввелъ аппаратъ. Затѣмъ, просунувъ съ нѣкоторымъ усиліемъ коноушку между стѣнкою слуховаго канала и стекляннмъ шарикомъ, извлекъ его наружу. И такъ, въ началѣ XVII столѣтія, врачи имѣли уже все необходимое для изслѣдованія уха, а именно: свѣтвой источникъ, способъ концентрировать свѣтъ и накопецъ инструментъ, который раздвигалъ стѣнки слуховаго канала. Улучшенія, которыя предпринимались впоследствии, касались вышеупомянутаго. Солнечному свѣту стали предпочитать свѣтъ искусственный (растительныхъ или минеральныхъ маселъ, газа, магнія и пр.). Сосудъ съ водою Фабриція Аквападанте, уступилъ мѣсто вогнутой линзѣ Келлана, зеркаламъ выпуклымъ, сферическимъ, параболическимъ и пр. Расширитель въ формѣ щипцовъ Гильдена былъ замѣненъ расширителями цилиндрическими, коническими, двустворчатыми. Аппаратъ, изображенный на стр. 221, служитъ также для освѣщенія уха и концентрированія свѣта. Онъ освѣщенъ небольшою лампочкою съ накаляющимися до бѣла угольками, лампочкою поставленною внутри инструмента. Лампа имѣетъ силу двухъ свѣчей и можетъ горѣть въ теченіе 100 часовъ. Рефлекторъ имѣетъ эллиптическую форму. Можно произвольно прерывать токъ и регулировать свѣтъ, проводя его чрезъ всѣ отгѣнки, начиная отъ вишнево-краснаго и кончая накаленіемъ до бѣла. Наконецъ отверстие, чрезъ которое смотритъ врачъ, такихъ размѣровъ, что пропускаетъ всѣ нужные инструменты. Этотъ способъ освѣщенія уха можетъ быть примѣненъ къ отоскопу Брунтонна, а также для изслѣдованія носа, горла и пр. По заключенію профессора Ле-Фора, новый отоскопъ очень практиченъ и отличается многими достоинствами.

Политическое обозрѣніе.

Германія.—Конференція по конгскому вопросу.—Египеть.—Италія.—Китай.

Рейхстагъ наконецъ одобрилъ дополнительный кредитъ на устройство управленія въ Камерунѣ. Князь Бисмаркъ заявилъ при этомъ, что колониальная политика возможна лишь тогда, если ей сочувствуетъ народъ; а что думаетъ народъ о колониальной политикѣ, въ случаѣ надобности, правительство могло бы узнать путемъ новыхъ выборовъ. Нынѣшній же образъ дѣйствій рейхстага можетъ только усилить противодѣйствіе иностранныхъ государствъ германской колониальной политикѣ. Уже и то Англія обнародовала конфиденціальныя заявленія германскаго канцлера и это является признакомъ сильнаго неудовольствія съ ея стороны. Изъ этой опубликованной „Синей книги“ оказывается, что Германія присоединила страну Камеруновъ въ Южной Африкѣ въ то самое время, когда Англія намѣревалась установить надъ нею свой протекторатъ, о которомъ туземные вожди ходатайствовали въ теченіи пяти лѣтъ. Лондонскій кабинетъ даже заявилъ Германіи о намѣреніи провозгласить свой протекторатъ надъ Камеруномъ, и въ тоже время унавалъ, что Германія его предупредила.

Заключительное торжественное засѣданіе конгской конференціи состоялось 26-го февраля, подъ предсѣдательствомъ имперскаго канцлера князя Бисмарка. Въ своей вступительной рѣчи канцлеръ выразилъ удовольствіе по поводу достигнутаго между державами соглашенія, относительно трехъ главнѣйшихъ пунктовъ программы конференціи, и сдѣлавъ краткій перечень принятыхъ конференціею рѣшеній, воздалъ должную хвалу великодушнымъ стремленіямъ короля бельгійцевъ, попеченіемъ котораго обязано своимъ существованіемъ образовавшееся въ центрѣ Африки государство, признанное нынѣ почти всѣми націями и долженствующее внести свѣтъ цивилизаціи въ дикія страны, оставшіяся до сихъ поръ недоступными для благодѣйній прогресса. Въ заключеніе князь Бисмаркъ заявилъ отъ имени императора германскаго всѣмъ участникамъ конференціи, посламъ, уполномоченнымъ и делегатамъ, высочайшую признательность его величества за понесенныя ими труды, нынѣ увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ. Вторая половина заключительнаго засѣданія была всецѣло посвящена скрѣпѣ „генеральнаго акта“ конференціи соответствующими рукоприкладствами.

Свѣдѣнія о взятіи Хартума и смерти Гордона дополняются все болѣе и болѣе очень интересными подробностями. Такъ

бывшій слуга Гордона доставилъ въ Корті множество бумагъ своего господина, между коими находится: полный дневникъ всѣхъ событій осады, письма Гордона къ его семейству, писаннаго въ январѣ мѣсяцѣ, въ которыхъ храбрый защитникъ Хартума выражаетъ предчувствіе о замыслаемой измѣнѣ, предотвратитъ которую онъ былъ не въ силахъ; онъ предугадываетъ также, что англичане слишкомъ поздно явятся къ нему на помощь и навсегда прощаются со своими друзьями. Въ подтвержденіе своихъ предчувствій, Гордонъ ссылается на имѣющіяся у него свѣдѣнія, по которымъ Хартумъ долженъ былъ открыть ворота приверженцамъ Махди 19 января. Онъ нишетъ, что могъ бы снаться бѣгствомъ, но не желаетъ прибѣгать къ такому безчестному средству и предпочитаетъ выждать готовящуюся ему судьбу. Быть въ плѣну онъ несогласенъ, и ему остается только умереть. Распорядившіяся пароходами Гордона, Каземъ-эль-Моусъ заявилъ полковнику Вильсону, что англичане не снаси бы Гордона даже и въ томъ случаѣ, если бы подступили къ Хартуму мѣсяцемъ ранѣе, такъ какъ оба предателя условились между собою сдать городъ Махди при первомъ извѣстіи о приближеніи англичанъ. Это рѣшеніе вызвано было у нихъ боязнью, что они не избѣгутъ должной кары какъ люди давно скомпрометтированныя въ глазахъ британскаго правительства. Само населеніе Хартума въ послѣднее время потеряло всякую надежду на помощь извнѣ и вошло въ переговоры съ суданцами, тѣмъ болѣе, что послѣ Абулейскаго сраженія Махди старался успокоить жителей Хартума широкими обѣщаніями пощады и милости. Блестящій успѣхъ, одержанный войсками гарнизона Кассаны, нынѣ не подлежитъ сомнѣнію, также какъ и то, что означенныя войска овладѣли Филкомъ, гдѣ находилась главная квартира шейха Мусса, который оказывается въ числѣ убитыхъ. Общее же число послѣднихъ простирается до 3600 человекъ. Гарнизонъ Кассаны нуждается въ провантѣ и боевыхъ припасахъ, такъ что если ему не подошлютъ помощи, то его сдача неизбежна.

Слухъ объ отравленіи изъ Рима въ Красное море четвертой экспедиціи подтверждается. Такимъ образомъ численность итальянскихъ войскъ доидетъ здѣсь до 5,000 человекъ съ 18 пушками—сила достаточная для отраженія всякаго нападенія. Кромѣ того, укрѣпленія Массовы съ суши восстанавливаются, а со стороны моря городъ будетъ защищенъ торпедами. Въ про-

кламаціи, обращенной командующимъ итальянскою экспедиціею контръ-адмираломъ Кампи къ населенію Массовы при ея занятіи, видно стараніе привлечь къ себѣ симпатію туземцевъ. „Ваша религія и ваши обычаи, говоритъ прокламація, будутъ пользоваться безусловною неприкосновенностію, точно также какъ и ваши дѣла не только не потеряютъ ни малѣйшихъ степеней и ограниченій, но, съ моей стороны, будутъ приложены всѣ старанія, къ возможно большому оживленію вашей торговли; къ тому же я обезпечиваю за вами полное благорасположеніе къ вамъ итальянскаго правительства. Смотрите на насъ, какъ на вашихъ друзей, продолжайте заниматься вашимъ дѣломъ — и вы останетесь довольны“. Какою успѣхъ имѣла эта прокламація среди населенія Массовы и съ какою чувствомъ были встрѣчены непринятые гости — нова неизвѣстно.

Въ Китаѣ то тамъ, то сямъ вѣнхиваетъ народная, фанатическая рѣзня; такъ въ письмѣ адресованномъ католическимъ миссіямъ, сообщается, что въ провинціи Юннанъ убито нѣсколько сотъ христіанъ, дома которыхъ разграблены и сожжены. Полагаютъ даже, что рѣзня совершена по тайному приказу юннанскаго вице-короля. Въ Пекинѣ теперь ощущается нужда въ деньгахъ и китайскія власти принуждены были обратиться къ своимъ старымъ друзьямъ — англичанамъ, прося ихъ согласиться на увеличеніе пошлины на ввозимый опиумъ — это любимое лакомство и вмѣстѣ съ тѣмъ отраву китайскаго народа. Ихъ просьба была повидимому принята благосклонно, и вскорѣ между Китаемъ и Англіей будетъ заключена конвенція, главней статья которой разуб-

рогъ, можно встрѣтить азіатскаго грека, итальянца, француза, голландца, англичанина. Востокъ мало-по-малу наложилъ свою печать на жителей западной Европы и создать новое племя. Итальянскій

написана извѣстнымъ уже нѣсколькими брошюрами г. Шмидтомъ и заключается въ себѣ перечень и описаніе дѣръ, какія слѣдуетъ принимать на желѣзныхъ дорогахъ при несчастіяхъ. Замѣчанія, весьма вѣрныя и полезныя, снабжены многими рисунками.

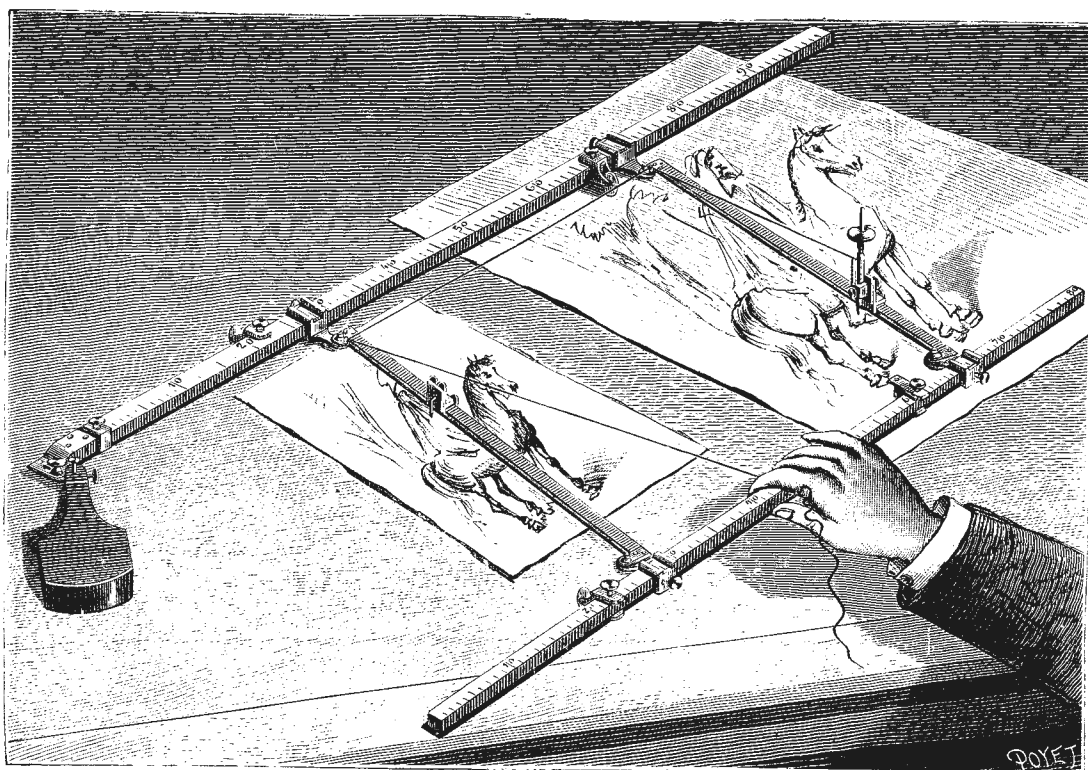
Предохранительный скотоловчикъ. Сост. Любожуровъ. СПб. 1885 г. Выгодное разведеніе домашнихъ животныхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ хорошаго ухода и кормленія. Количество и качество корма, умѣнше обращать съ животнымъ, предупреждая болѣзни и т. п., очень важное дѣло для хозяевъ, и въ этомъ ямъ можетъ много помочь эта толково и дѣльно составленная книга.

С М Ъ С Ъ .

Левантинцы. Однимъ изъ достойнѣйшихъ вниманія явленій въ жизни восточныхъ народовъ — характеръ и нравы левантинцевъ, — такъ называютъ христіанскихъ жителей Малой Азіи, Сиріи и Египта. Племя это разбросано по всему востоку и занимается почти исключительно торговлей. Левантинцы отличаются отъ коренныхъ жителей страны происхожденіемъ, религіей и образомъ мыслей. Чтобы судить о левантинцахъ, слѣдуетъ побывать въ Смирнѣ, въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ Востока. Смирна уже впродолженіи пятисотъ лѣтъ служитъ главнымъ складочнымъ пунктомъ, куда сходятся караваны нагруженныхъ верблюдовъ и товарныхъ пароходы, для обмена всякаго рода произведеній. Здѣсь, кромѣ ту-

Деревянная издѣлія Соловецкаго монастыря. Кружка.
Рис. и грав. Гошаръ.

Тахиграфъ Мересса. Рис. и грав. Цуайс.

пять китайскимъ таможеннымъ значительно повыситъ пошлины на опиумъ.

Библиографія.

Спасеніе пассажировъ на ж. д. К. Шмидтъ. СПб. 1885 г. Вотъ небольшая брошюра, польза которой несомнѣнна. Она

языкъ былъ всегда первенствующимъ при сношеніяхъ европейцевъ, торговавшихъ въ Смирнѣ; къ итальянскому примѣшались впоследствии слова французскаго, греческаго, англійскаго языковъ и подучилось смѣшанное нарѣчіе. Молодые европейскіе кушцы, которыхъ Востокъ привлекаетъ не одними только торговыми интересами, но и красавицами, поженились на гречанкахъ, армянкахъ, еврейкахъ, и дѣти

ихъ, не принадлежа ни къ той и ни другой націи, образовали особое племя, которое и называется именно левантинскимъ. То же явление происходило и въ другихъ портовыхъ городахъ востока въ такой же степени, какъ въ Смирнѣ.

Въ Египтѣ левантинцы, смотря по тому, сколько времени, т. е. десяти или сотни лѣтъ прожили ихъ предки въ этой странѣ, ориентировались въ различной степени. Левантинецъ рѣдко рѣшается оставить развѣ имъ насиженное мѣсто, чтобы попытаться счастья въ другой странѣ. Частью изъ опасенія, частью отъ лѣни, нѣкоторые остаются безвыѣдно въ своихъ имѣніяхъ; напримѣръ многіе, живя въ Александріи десятиками лѣтъ, никогда не были въ гавани, не видали моря и не бывали въ окрестностяхъ этого города. Не смотря на это, страсть къ наживѣ преодолѣваетъ лѣнь и заставляетъ левантинцевъ посѣщать отдаленный рынокъ Тапта. Въ такихъ случаяхъ они собираются большими партіями и отправляются изъ сѣнѣ Александріи въ пустыню, оставивъ дома свои кошельки.

Востокъ наложилъ свою печать и на религію левантинцевъ; она претерпѣла много измѣненій, почти всегда къ худшему, и наконецъ обратилась въ массу суевѣрныхъ вѣрованій. Объ образованіи, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, левантинецъ не имѣетъ понятія. Знанія ихъ въ большинствѣ случаевъ ограничиваются знакомствомъ съ нѣсколькими иностранными языками, на которыхъ они всегда говорятъ, но не всегда читаютъ и пишутъ. Паденіе племени левантинцевъ въ особенности видно на молодомъ поколѣніи.

Во сколько оцѣнивался въ прежнее время смѣхъ въ Англіи. Эпоху среднихъ вѣковъ нельзя считать особенно веселой, потому что, напр., въ Англіи, въ царствованіе Генриха III, каждый кто вызывалъ смѣхъ у короля, получалъ въ награду крупную золотую монету. А въ царствованіе Эдуарда IV (1461—1483), возбужденіе смѣха у королевской особы оплачивалось даже четырьмя золотыми монетами. Въ счетахъ придворнаго вѣдомства за 1477 годъ, находится напр. слѣдующая статья: „Во время пребыванія короля въ Вольмиръ, ловчій Мокрисъ, схавшій во время охоты передъ королемъ и часто падавшій съ лошади, чѣмъ вызывая смѣхъ у короля, получилъ въ награду 5 золотыхъ монетъ“.

Никогда еще не одна королевская особа не испытывала такихъ превратностей въ жизни, какъ Амедей Савойскій. Съ 1398 по 1416 годъ онъ правилъ графствомъ; затѣмъ былъ возведенъ королемъ Сигизмундомъ въ герцога. Въ 1434 году онъ сложилъ съ себя правленіе и сдѣлался монахомъ, основавъ орденъ св. Маврикія. За свое благочестіе и кротость онъ въ 1439 году, на соборѣ въ Базелѣ, былъ избранъ преемникомъ папы Евгенія IV и управлялъ христіанскимъ міромъ подъ именемъ папы Феликса V до 1449 года, когда самъ отрекся отъ папскаго престола и удовольствовался званіемъ кардинала. Онъ умеръ въ 1451 году, будучи простымъ монахомъ.

Въ 35 минутъ. Въ большихъ бойняхъ штата Канзасъ, гдѣ ежедневно убиваютъ и обдѣлываютъ отъ двухъ до четырехъ тысячъ свиныхъ тушъ, производя это упрощено до совершенства. Свины загоняются въ особое помѣщеніе, гдѣ намѣченное животное схватывается за заднюю ногу и кладется на небольшую подвижную плацформу, которая переноситъ его въ отдѣленіе, гдѣ свиный машина наноситъ смертельный ударъ. Затѣмъ животное летитъ по жолобу въ слѣдующее помѣщеніе и попадаетъ въ резервуаръ съ кипящей водой. Завѣсь непрерывно дѣйствующимъ колесомъ туша отводится на противоположный конецъ, подымается и отбрасывается на длинный покатый столъ. Отсюда она попадаетъ въ машину, которая однимъ оборотомъ снимаетъ съ нея всю шкуру и сдвигаетъ тушу по жолобу, гдѣ на пути, большимъ топоромъ машины отрубается ей голова; а черезъ минуту туша уже виситъ готовая, прикрѣпленная за заднія ноги. Однимъ ударомъ топора работникъ распарываетъ свиный брюхо, быстро вынимаетъ внутренности, а другой въ то же время проволаскиваетъ животное водою. Далѣе туша взвѣшивается на механическихъ вѣсахъ и сбрасывается въ ледникъ, гдѣ быстро разрубается на части. Вся эта процедура совершается необыкновенно

быстро. Только что свиная кричала, пойманная за заднюю ногу, какъ черезъ 35 минутъ уже виситъ вымытая, вычищенная, безъ головы и разрубленная на части.

Утилизация отбросовъ. Изъ всѣхъ отраслей промышленности первое мѣсто въ дѣлѣ утилизации отбросовъ принадлежитъ бумажному производству. Достаточно сказать, что въ Нью-Йоркѣ дѣйствуетъ паровая машина, ежедневно сортирующая 150 погрузокъ мусора, каждая въ 900 килограммовъ вѣсомъ. Машина совершаетъ 250 размаховъ въ минуту и выдѣляетъ изъ мусора куски желѣза,

черенки, кости, угли и проч., а нѣсколько человекъ рабочихъ, стоящихъ по бокамъ ея, подбираютъ тряпки и клочки бумаги. Мусоръ, оставшійся послѣ сортировки, промывается, причѣмъ тяжелые предметы (обломки посуды, желѣзо и проч.) падаютъ на дно промывательнаго аппарата, а легкіе (солома, куски кожи и проч.) остаются на поверхности воды. Рассчитано, что изъ 150 погрузокъ пронадежъ безъ пользы только 30. Тряпки продаются по 120-ти марокъ за тонну, за 50 килограммовъ старому желѣзу платятъ 1 марку 60 пфенниговъ, за обломки стекла 1 марку 20 пфенниговъ, а за кости несравненно дороже.

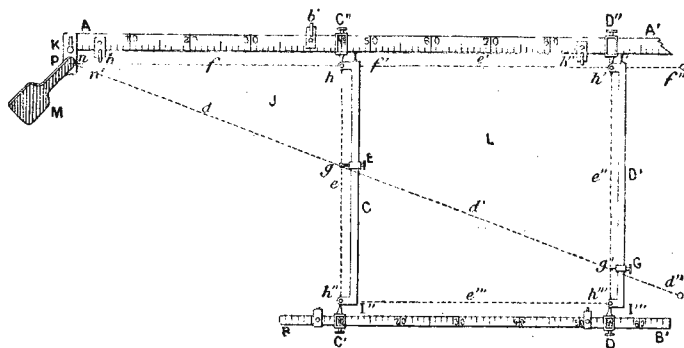
Изъ 900 килограммовъ отбросовъ получается обыкновенно около 200 килограммовъ углей и другихъ остатковъ горючихъ веществъ.

Маршалъ Макъ-Магонъ — кавалеръ Почетнаго Легіона. Считаемо не безынтереснымъ разсказать подробно какъ маршалъ Макъ-Магонъ, когда-то одинъ изъ популярнѣйшихъ военныхъ героев Франціи, заслужилъ крестъ Почетнаго Легіона. Во время африканскаго похода Макъ-Магонъ, слышавшій за искуснаго и отважнаго кавалериста, былъ адъютантомъ генерала Амары и послѣдній, послѣ одной жаркой стычки съ арабами, поручилъ ему передать, какъ можно скорѣе, письменное приказаніе начальнику одного отряда. „Захватите съ собой взводъ конноегерей!“ закричалъ ему вслѣдъ генералъ Амаръ. „Ну, этого будетъ либо слишкомъ много, либо слишкомъ мало!“ возразилъ Макъ-Магонъ: взводъ неприятель замѣтитъ, а побить съ нимъ арабовъ мудрено — лучше ужъ схватить одному!“ Быстро помчался Макъ-Магонъ, а слѣдомъ за нимъ понеслись завиднѣе его арабы; на пути отважному всаднику пришлось преодолѣть неожиданное препятствіе — бурный потокъ со скалистыми, отвѣсными берегами. Макъ-Магонъ пришипорилъ скакуна и очутился на противоположномъ берегу; правда, конь его сломалъ себѣ при этомъ прыжкѣ обѣ ноги, но арабы не отважились послѣдовать за нимъ и лишь послали ему въ догонку нѣсколько пуль. Макъ-Магонъ, цѣлый и невредимый, въшномъ добрался до отряда, передалъ надлежащія инструкции, а затѣмъ, по возвращеніи въ главную квартиру, получилъ за свою отвагу крестъ Почетнаго Легіона.

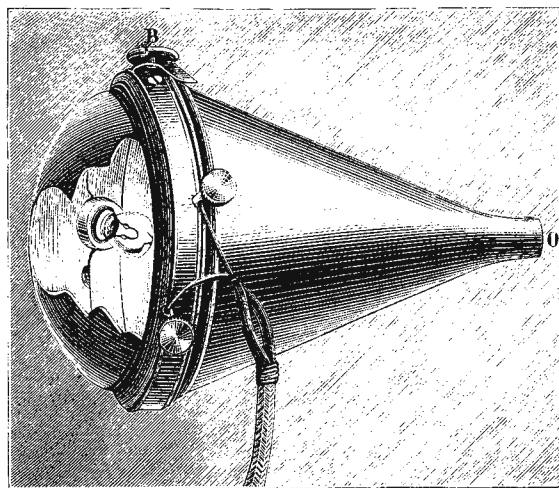
Что стоятъ военныя извѣстія. О'Релли, военный корреспондентъ газеты „Daily News“ въ Египтѣ, взялъ съ собой при отъѣздѣ 150,000 фр.; брѣжъ того онъ еще на мѣстѣ истратилъ почти столько же, и газета обязалась по договору выслать его вдовѣ 150,000 фр. Смерть Герберта и Амерона не обойдется дешевле газетамъ „Standard“ и „Morning-Post“. Послѣ крымской войны Русселя, корреспондентъ газеты „Times“, получивъ 100,000 фр. пенсін и, въ случаѣ его смерти, вдова его должна была получать 50,000 фр. согласно договору его съ газетой.

Депутация изъ 7 дамъ поднесла недавно въ подарокъ королевской четѣ въ Даніи батарею изъ 8 шестидесятифунтовыхъ пушекъ, изготовленныхъ на пожертвованія свиные 20000 датскихъ женщинъ. Подарокъ этотъ, сдѣланный на добровольности пожертвованія, служитъ выраженіемъ собогъзнованія о безоружности страны 20 лѣтъ тому назадъ. Король благосклонно принялъ пушки, какъ залогъ патристическаго настроенія.

О королевѣ Шарлотѣ мексиканской давно не проишло никакихъ извѣстій въ общество. Корреспондентъ Таймса сообщаетъ теперь, что здоровье королевы, живущей въ замкѣ Вушу въ Брюсселѣ, значительно улучшилось и доктора надѣются на совершенное его всзстановленіе.

Тахиграфъ Мересса.

Ислѣдованіе уха. Новый отоскопъ.

Промышленность китайцев. Китайцы принадлежат къ одному из тѣхъ народовъ земнаго шара, которые надѣлены особенною способностью къ рисованію и производству всякаго рода механическихъ работъ. Въ Китаѣ дѣлаются руками такія искусныя вещицы, какихъ не встрѣтишь въ другой странѣ. Арабскіе хроникеры IX столѣтія рассказываютъ о промышленности Китая слѣдующее. Каждую искусно сдѣланную вещьцу китаецъ приносилъ къ правителю провинціи и имѣлъ право требовать вознагражденія за совершенную работу. Вещь выставлялась у дворца для общаго обозрѣнія въ теченіи цѣлаго года. Если никто не оуждалъ выставленную работу, то мастеръ получалъ награду и могъ поступить на службу. Однажды былъ принесенъ для выставки кусокъ шелковой матеріи, на которой былъ вытканъ колосъ съ сидящимъ на немъ воробьемъ. Казалось, что это былъ натуральный колосъ, на которомъ сидитъ живой воробей,—такъ хорошо была исполнена работа. Долгое время всѣ восторгались этой вещьцой, но явился одинъ горбачъ и сталъ порицать работу. Губернаторъ потребовалъ строгаго судью къ себѣ и приказалъ объявить какіе онъ находитъ недостатки въ выставленномъ произведеніи. Горбачъ сказалъ на это: „Никто не будетъ, конечно, осмивать, что колосъ, на который сидеть воробей, долженъ наклониться, а здѣсь колосъ стоитъ прямо,—это неправильно“. Губернаторъ призналъ, что недостатки работы доказаны и отказалъ выдать награду. Подобныя выставки должны были весьма благотворительно вліять на развитие талантовъ и усовершенствованія въ области промышленности, но тѣмъ не менѣе извѣстно, что съ IX столѣтія промышленность Китая значительно упала и секреты многихъ производствъ забыты.

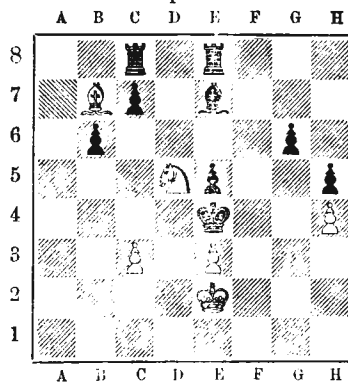
Безкорыстіе министра финансовъ. Въ 1789 году, когда во Франціи надежды на урожай были такъ слабы, что въ Парижѣ, вслѣдствіе недостатка новаго хлѣба, ожидался голодъ, министръ финансовъ Некеръ поручилъ амстердамскому банкиру Хонзъ скупить какъ можно больше шеницы для Франціи. Некеръ хорошо сознавалъ, что дороговизна хлѣба приведетъ парижское населеніе въ волненіе, что дастъ сигналъ къ общему возстанію противъ короля и

его правительства. Такъ какъ финансы Франціи въ то время были сильно разстроены и иностранные банкиры не соглашались на новый заемъ, то Некеръ, въ обезпеченіе своевременной уплаты за хлѣбъ, согласился выдать голландскому банкирскому дому миллионъ франковъ изъ своего собственнаго достоянія. Для министра финансовъ, пока онъ занималъ этотъ постъ, такой залогъ не былъ опасенъ, но вдругъ, въ іюль 1789 года, въ министерствѣ произошла перемѣна и Некеръ не только лишился портфеля, но и получилъ приказаніе оставить Францію въ 24 часа. Некеръ направился въ Брюссель, а оттуда поспѣшилъ въ Амстердамъ. Здѣсь, вмѣсто того чтобы заявить банкирскому дому Хонзъ объ отказѣ внести обѣщанный залогъ въ миллионъ франковъ, онъ, напротивъ, немедленно уплатилъ деньги, опасаясь, что покупка хлѣба будетъ приостановлена и что это обстоятельство приведетъ Францію на край гибели. Такъ безкорыстно поступилъ бывший министръ Франціи по отношенію къ своему отечеству, которое отплатило ему лишь неблагодарностью и изгнало его за предѣлы своихъ границъ! Парижъ получилъ своевременно заготовленный по распоряженію Некера, ошлоченный его собственными деньгами хлѣбъ и избежалъ грозившей ему отъ голодавки опасности. Затѣмъ была революція. Правительство республики конечно и не думало заплатить долгъ Некеру. Некеръ такъ и умеръ, не получивъ долга, и только его дочь, замѣненная М-ше Сталь, получила отъ Людовика XVIII этотъ долгъ.

Фельдмаршалъ Мольтке и школьная сберегательная касса. Подъ этимъ заглавіемъ въ циркулярѣ королевскаго почтово-сберегательнаго департамента въ Вѣнѣ находится слѣдующая любопытная замѣтка. Графъ Мольтке очень заботился объ устроеной имъ школьной сберегательной кассѣ въ деревнѣ Крейцау. Онъ установилъ, что всякій разъ какъ ребенокъ вкладываетъ свои десять пфенниговъ, управляющіе имѣніями графа Мольтке вносятъ такую же сумму. Если ребенокъ сберегаетъ въ четверть года марку, столько же вносятъ и управляющіе. До сихъ поръ 86 дѣтей въ Крейцау вложили 1200 марокъ, на которыя идетъ процентъ. Необходимыя кассовыя книги доставляетъ самъ фельдмаршалъ.

Шахматная задача № 8.

Черные.

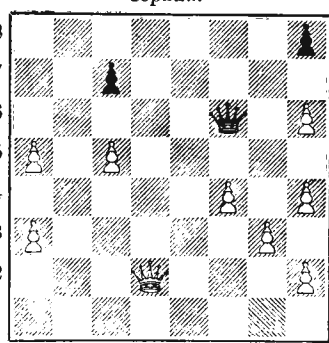
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Шашечная задача № 9.

К. О. Цѣхановича.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черн. въ 7 ходовъ.

Крестъ магическ. квадратовъ. Задача № 10.

		д	д	е			
		е	и	и			
		л	м	ч			
	а	а	б	е	е		
а	а	д	и	и	и	л	ж
д	м	м	л	н	о	о	н
о	о	т	о	р	с	с	т
		т	т	т	ф	ф	
		к	м	м			
		с	с	у			
		у	ы	ы			
	а	а	а	а	а		
а	а	а	и	а	в	в	д
и	к	к	н	д	й	к	м
о	о	с	с	н	н	о	о
т	т	ф	ч	о	о	о	р

РЕБУСЪ. Задача № 11.

СОДЕРЖАНІЕ: Г. П. Гельмерсенъ (съ портр.).—Голосъ крови. (Драма гдѣлаго форта). Н. Н. Каразина. Часть III. (Продолженіе).—Смотръ Историческій рассказъ А. Эвальда.—Тайна природы. Очеркъ.—На праздникѣ въ гостяхъ былъ (съ рис.).—Московский Благовѣщенскій Соборъ (съ рис.).—Этюдъ (съ рис.).—Засѣданіе Государственнаго Совѣта въ Берлинѣ (съ рис.).—Городъ Хартумъ (съ рис.).—Памятникъ М. Ю. Лермонтову въ Пятигорскѣ (съ рис.).—Дикій горный баранъ (съ рис.).—Издѣлія Соловецкаго монастыря (съ рис.).—Тахиграфъ Мерреса (съ 2 рис.).—Относиль для изслѣдованія уха (съ рис.).—Политич. обозрѣніе.—Библиографія.—Смѣсь.—Шахматная и шашечная задачи.—Крестъ магическ. квадратовъ.—Рѣбусъ.—Объявленія.—При этомъ № прилагаются «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за МАРТЪ 1885 г., съ 26 рис. и отдѣльнымъ листомъ съ 32 черт. выкроекъ въ натуральную величину и 25 рис. рукодѣльных работъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марксъ.

НИВА

Иллюстрированный журнал литературы

политики и современной жизни.

XVI годъ № 10 1885

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарель (1/4 шир. стр.) въ Глав. Кон. Ред. по 60 к.—Загран: для Франціи у Agence Navas по 2 fr. 40 с., для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 20 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія. 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (ПРОМЪ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

Р. Г. Судковскій.

4-го февраля скончался въ Очаковѣ Рудимъ Гавриловичъ Судковскій, живописецъ-маринистъ, выказавшій большой талантъ въ послѣдніе годы своей рано кончившейся жизни. Онъ родился въ Очаковѣ, 7-го апрѣля 1850 года. Родные его—духовные, въ теченіи трехъ поколѣній жили и служили при одной церкви въ Очаковѣ и будущій художникъ получилъ образованіе въ херсонской семинаріи. Призваніе къ живописи и именно къ пейзажу пробудилось у Р. Судковскаго въ дѣтствѣ, и оно-то привело 17-тилѣтняго юношу въ Петербургъ и въ академию художествъ. На другой же годъ по поступленіи въ академию (въ 1868 г.) онъ уже выставилъ свои этюды-картинки „Вечеръ въ Малороссіи“, „Ночь на дѣпровскомъ лиманѣ близъ Очакова“ и „Утро въ Брыму“. Затѣмъ, на слѣдующій годъ, написалъ видъ очаковской набережной; по дѣтскимъ опытамъ художника съ такимъ ран-

Р. Г. Судковскій. † 4 февр. По фотогр. Шаширо, грав. Ю. Барановскій.

нимъ развитіемъ, не обращали на себя вниманіе посетителей выставокъ, даже и при значительной техникѣ. Въ 1872 г. были его картины уже хорошо выполнены: „Послѣ бури“, „Передъ бурей“ и „Буря сколо береговъ Очакова“,—сюжеты потому имъ повторяемы не разъ и при каждомъ новомъ опытѣ съ большимъ совершенствомъ. Пробывъ 4 года въ академіи и занимаясь изученіемъ одной родной природы, Судковскій оставилъ столицу и уѣхалъ на родину. Оттуда прислалъ онъ въ 1873 г. картину „Рыбакъ застигнутый бурей“, тоже не произведшую впечатлѣнія. Художникъ отправился въ Германію, желая видѣть образцы высокаго искусства. Техника у молодого таланта стала развиваться. Это уже было замѣтно на картинахъ, выставленныхъ здѣсь въ 1877 и 1879 гг. Онъ получили уже силу, жизнь, а эффекты бури и ночи—глубину и воздушность. Затѣмъ новыя двухлѣтнія поѣздки и изученія—и въ Судковскомъ проявился ма-

стерь. На картинах, выставленных имъ съ Клеверомъ, два раза уже проявился глубокий и оригинальный талант. Академія признала его академикомъ. А послѣдняя выставка въ помѣщеніи академіи художествъ, въ минувшемъ году, поставила талантъ Судковского очень высоко. Судковский въ выставленныхъ имъ шести картинахъ средняго размѣра и четырехъ большихъ проявилъ замѣчательное стремленіе къ совершенствованію. Все, что прежде въ его картинахъ замѣчалось хорошаго — знакомство съ предметомъ, любовь къ природѣ, умѣніе воспроизводить извѣстные моменты, вѣрность въ передачѣ разныхъ мелочей — все это имѣлось и въ его новыхъ картинахъ; но кромѣ того замѣчался необыкновенный успѣхъ относительно рисунка волнъ, прозрачности воды, болѣе широкой и болѣе разнообразной и искусной композиціи. Тутъ-то несомнѣнно проявляется вліяніе Дѣвизовскаго, мастера рисунка волнъ и передачи прозрачности воды. Напримѣръ прекрасная картина „Прибой въ туманѣ“: какая достигнута прозрачность воздуха на первомъ планѣ!

(Сколько правды въ этихъ длинныхъ, тихо разливающихся волнахъ. Какъ тутъ все словно вѣетъ освѣжающимъ воздухомъ морскаго берега! Это была одна изъ самыхъ выдающихся сторонъ замѣчательнаго таланта г. Судковского: передача воздуха со всѣми особенностями. Писалъ-ли онъ бурю, или удаляющуюся грозу, солнечный зной дѣтнаго дня на берегахъ юга, или пасмурный видъ моря подъ сѣрою массою тучъ и облаковъ — все ему давалось одинаково хорошо и замѣчательно вѣрно. Смерть прервала поприще художника, уничтоживъ все его надежды и планы. Онъ умеръ 31 лѣтъ. Въ академіи художествъ была отслужена панихида по Судковскому, такъ безвременно потерянномъ нами художникѣ, передъ которымъ была такая блестящая будущность. Городъ Очаковъ хоронилъ съ почетомъ своего талантливаго земляка и гробъ покрытъ былъ цвѣтами и вѣнками. Въ „Нивѣ“ 1884 г. (22 №) была копія его превосходной картины „Пристань въ Очаковѣ“, а въ 1883 г. въ 11 № подробная статья о произведеніяхъ молодого художника.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ III.

(Окончаніе).

Условившись переговорить вечеркомъ по душѣ, комендантъ и Шелобовъ аккуратно собрались у Ивана Акимовича, къ назначенному часу.

Павлушу угнали въ командировку, хотя онъ и поурямился немного. Уже второй день, какъ его не было въ фортѣ. И теперь пріятели могли свободно говорить съ глазу на глазъ.

Первый началъ Иванъ Акимовичъ.

— И такъ, пошелъ онъ прямо къ цѣли, безъ обвиновъ,—онъ зарылъ деньги тамъ, гдѣ нибудь, по близости. Не станеть же онъ держать улику въ своей квартирѣ. И обыскъ, что мы произвели, понятно, ни къ чему не привелъ.

— Похоже! согласился Сементъ Семечовичъ Огурчиковъ.

— Вотъ и ѣздитъ все по ночамъ навѣдываться—цѣло ли? И вчера туда же поѣхалъ, да на непрошеннаго сторожа и наткнулся.

— Похоже! согласился и Василій Ивановичъ.

— Значить, надобно искать! хлопнулъ по колену кулакомъ Глухаревъ.

— Значить надобно искать! снова хладнокровно согласился Шелобовъ.

— Полагаю взять команду, роты полторы, двѣ, заступился Огурчиковъ,—и секретно обложить всю мѣстность... Стягиваться мало-по-малу кольцомъ и тщательно изслѣдовать почву. Взять съ собою лопать побольше, ломовъ—и чуть только гдѣ что подозрительнаго,—сейчасъ...

— Огласки дѣлать нельзя, замѣтилъ Василій Ивановичъ.

— Зачѣмъ огласка? Самая строгая тайна! поднялъ вверхъ палецъ комендантъ.

— А если ничего не найдемъ?

— Все равно, держать послѣ въ строгомъ секретѣ?

— Это секретъ съ полтора ротами солдатъ... Очень удобно! улыбнулся Василій Ивановичъ.

— Неудобно! затянулся дымомъ старикъ Глухаревъ.

— Уже если искать гдѣ надо, такъ это у Миробайки, заговорилъ Шелобовъ.—Подозрительныя показались мнѣ эти бумажки, да портсигаръ. Ухъ какъ подозрительны! Тамъ и искать надо. Да и то не зачѣмъ.

— Это какже? возразили ему въ одинъ голосъ собесѣдники.

— А очень просто. Допустимъ, что Криницынъ убилъ и ограбилъ Горкина. Является вопросъ—для чего онъ это сдѣлалъ? Естественно, что не для того чтобы держать деньги въ землѣ, или у кого нибудь на вѣчномъ храненіи. Значить, уѣзжая отсюда,—рано или поздно, онъ долженъ же уѣхать,—онъ забереть эти деньги съ собою. Онъ самъ и укажетъ намъ мѣсто ихъ храненія.

— Слѣдить за нимъ! догадался комендантъ.

— Естественно. Тогда мы до чего нибудь и доберемся. Осмотрѣть его и его экипажъ, уже на дорогѣ, мы всегда найдемъ, если не приличный поводъ къ этому, то просто возможность... А до тѣхъ поръ, ни гу-гу... Понимаете?

— Понятно!

— Мнѣ вотъ говорили, когда я сюда маршировалъ, что онъ уже пришелъ въ сознаніе—разговаривать началъ. Докторъ находитъ, что первое возбужденіе дошло чортъ знаетъ до чего, но за горячку не боится... Здоровая натура! Только, чего это могъ онъ такъ встряхнуться... Человѣкъ то онъ—далеко не изъ робкихъ... Не понимаю!.. Что же ты, хозяинъ, созвалъ гостей, а угощенія не ставишь? Распорядись-ка ужиномъ!

— Сейчас! встрепенулся Иванъ Акимовичъ и, отстегнувъ крючокъ у двери, крикнулъ:

— Фадѣевъ! Собрай на три прибора!

XXX.

Надя узнала, благодаря расторопности Аделаиды Францовны и востроносой Анисьи, все, что произошло.

Разсказъ дѣвицы-акушерки, разукрашенный до возможности самыми пріятными романическими красками, произвелъ на дѣвушку глубоко-потрясающее впечатлѣніе.

„Израженный, истекающій кровью, близкій къ смерти,—и одинъ, всѣми брошенный, всѣми понавидимый... представлялось ей. И вокругъ ни одного сочувственнаго слова, ни одного ласковаго взгляда. И она, слабодушная, здѣсь, а не съ нимъ... Его Надя, его сердце.—не прійдетъ къ нему, не обвинять его, не простится съ нимъ, отходящимъ въ могилу. Нѣтъ, этого не будетъ...“

Она, съ энергическою рѣшимостью, выпрямилась гордо, словно выросла разомъ цѣлою головою, нагнула платокъ и вышла изъ спальни.

Это было ночью уже. Старикъ Силагій спалъ въ своей комнаткѣ и не слышалъ ни паденія легкаго стула, опрокинутого Надею во время переходовъ черезъ темную залу, ни стука замка, ни слабого скрипа отворяющейся двери.

— Божественно! Прелестно! раздался около нея шепотъ Аделаиды Францовны.—Вы геронья! Вы сдержали свое слово!.. Прелестно!

Надя шла скоро, плотно прижимая концы платка къ своей, почти задыхающейся отъ волненія, груди, и не слыхала похвалъ дѣвицы-акушерки. Та шла за нею слѣдомъ, но, не доходя шаговъ двадцати до дверей Криницынской квартиры, остановилась и сироталась въ тѣни.

Это произошло какъ разъ въ ту минуту, когда Иванъ

Акимовичъ, наливъ до краевъ три рюмки, обратился къ своимъ гостямъ со словами:

— Прошу. По первой!

Павель Петровичъ пришелъ въ сознание.

Онъ все еще лежалъ, ощущая сильную слабость, но въ его глазахъ уже свѣтился огонекъ жизни. Онъ съ большимъ усиленіемъ, хватаясь по временамъ за голову руками, старался, по возможности, припомнить и уяснить себѣ все, что съ нимъ произошло. Мысль, что онъ самъ, въ бреду, могъ себя выдать, вызвала холодный потъ на его воспаленномъ лбу.

Нечеловѣческое усилие нужно было сдѣлать для того, чтобы, по возможности, хотя, привести въ порядокъ тотъ безсмысленный хаосъ, царившій у него въ головѣ. Онъ уже прокзаменовалъ деньщика и, видимо, былъ успокоенъ результатами этого экзамена. Больше всего смущало его посѣщеніе коменданта и Шелобова; къ визиту Ивана Акимовича онъ отнесся почему то равнодушно.

„Надо бросить, думалъ онъ, эту предательскую страсть.—Надо бѣжать!.. Пора...“

И тотчасъ же мысль о бѣгствѣ неразрывно связалась съ мыслью о Надѣ.

„Съ нею, но не одному...“ Образъ дѣвушки отчетливо рисовался передъ нимъ. Онъ мысленно тиулся къ ней руками, мысленно сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Надя! Ты мое искушеніе!.. манияльно шептали губы Криницына.

— Надя! еще разъ, громче повторилось это имя.

Живая, уже не призрачная, Надя стояла на порогѣ его дверей и слышала этотъ молящій призывъ.

Павель Петровичъ вздрогнулъ, рванулся съ постели и закрылъ лицо руками.

Онъ видѣлъ дѣвушку, но за нею, въ высококомъ темномъ четверугольничкѣ дверей стоялъ еще кто то. Этотъ кто-то былъ самъ покойный Федоръ Горкинъ... Теперь уже не затылокъ съ пробойной смущалъ Криницына своимъ молчаливымъ укоромъ; теперь прямо на него, въ упоръ смотрѣли, изъ подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей, два глаза.

Павель Петровичъ пошатнулся къ стѣнѣ, онъ готовъ былъ опрокинуть, повалить эту преграду своимъ напоромъ, но стѣна не подавалась.

Глаза призрака неподвижно были устремлены на него.

Криницынъ уналъ на колѣни.

XXXI.

Глухаревъ, комендантъ и Шелобовъ, безмятежно, и даже весело, кончали свой ужинъ, какъ вдругъ въ дверь, не растворившуюся, а точно съ петлей сорвавшуюся, какъ бомба влетѣлъ докторъ.

— Сознался! крикнулъ онъ, задыхаясь и падая на стулъ.

— Что?

— Какъ?

— Кто? Въ чемъ дѣло?

Послышались торопливые вопросы.

— Криницынъ сознался... Онъ убитъ... Сознался... О, Господи... что это у васъ?

И, не дожидаясь отвѣта, докторъ налилъ себѣ полный стаканъ изъ первой, попавшейся подъ руку бутылки и вышелъ залпомъ.

— Да говори толкомъ! обратился къ нему Шелобовъ.

— По порядку, по порядку... Съ самаго начала... По порядку! засуетился полковникъ Огурчиковъ, отыскивая глазами: куда это, молъ, онъ свою саблю запряталъ?

— Сейчасъ! Дайте духъ перевести!.. Я предполагалъ навѣдаться къ нему, думаю, поблизу, что, какъ у него

къ ночи? Иду,—вхожу и слышу... Знаете, онъ, этакъ, на полу, на колѣняхъ... Она...

— Кто она? заревѣлъ Иванъ Акимовичъ, поблѣднѣвъ какъ полотно.

— Надежда Федоровна... Наденька...

— Куда же ты, Ваня, стой! хотѣлъ было остановить Ивана Акимовича Шелобовъ.

Но того уже и слѣдъ простылъ. Не смотря на свои лѣта, старикъ бѣгомъ пустился по улицѣ, бормоча что-то несвязное.

— Ну, дальше, дальше?..

— Я остановился въ сѣняхъ, продолжалъ докторъ.— Я все видѣлъ и слышалъ. Криницынъ говорить: „Это я убилъ твоего отца.“ Потомъ я ничего не могъ разобратъ. Слышу только: „Ты моя, ты будешь моя... Я твой... Я, говорить, замѣню... Я всю жизнь...“

— А Надя? спокойно спросилъ Шелобовъ.

— Надя?.. докторъ сталъ какъ будто припоминать.— Ахъ да... Она была, но потомъ ее увели, то есть унесли,—эта Розенблюмна и баба одна, подхватили подъ руки, а я сюда...

— Да когда вы вошли, въ сѣни-то, вы видѣли Надю?.. Она тамъ была?

— Ну да, ну да... Она стояла посреди комнаты. Я, думаю, кто бы это могъ быть? Спиною она ко мнѣ стояла, а потомъ упала, то есть не совсемъ упала, а этакъ качнулась. Ее и подхватили... Да, да... Я самъ же и подхватилъ, а тутъ ее у меня изъ рукъ взяли. Павель Петровичъ уже ко мнѣ обратились, они можетъ меня за кого другаго приняли... и еще разъ: „Я убійца...“ Начали еще говорить что-то, а вдругъ какъ взорваться въ меня, да за горло. Рванулся, что было мочи, не успѣлъ и „карауль!“ крикнуть... едва отбился, да сюда къ вамъ... Вотъ посмотрите: воротникъ пальто чуть совсемъ не оторванъ, а фуражка моя тамъ и осталась...

— Арестовать немедленно! должно быть самъ себѣ, приказалъ комендантъ, отыскалъ наконецъ свою саблю, пристегнулъ и вышелъ... Шелобовъ за нимъ, докторъ подождать минуту, вышилъ еще полстакана и отправился тоже...

Въ окнахъ уже уснувшихъ домиковъ форштата, стали, тамъ и сямъ, загораться огоньки...

Не успѣлъ Глухаревъ пробѣжать половину разстоянія до квартиры Криницына, какъ на встрѣчу ему попала, медленно движущаяся, группа—это послы Надю... Аделаидѣ Францовнѣ и Анисѣ должно быть не по силамъ приплась подобная ноша: онѣ поминутно оставались и переводили духъ...

— За такія дѣла, сударыня, знаете-ли что?.. прохрипѣлъ Иванъ Акимовичъ по адресу акушерки. Прочь! оттолкнулъ онъ ногою сунувшуюся было къ нему Анисью...

Аделаида Францовна хотѣла было обидѣться, да уже очень струсилла, бросила Надю и скрылась—Анисья заревѣла благимъ матомъ:

— Не виновата, батюшка!..

Глухаревъ поднялъ свою пріемную дочь, какъ ребенка, на руки, и повернулъ къ дому.

Между тѣмъ, полковникъ съ Шелобовымъ уже вошли во дворикъ Криницынской квартиры... Докторъ догналъ ихъ и шель сзади... Изъ соседнихъ дворовъ тоже появились заспанные зрители...

Комендантъ энергично крикнулъ, понуцалъ на всякій случай, съ нимъ ли револьверъ и переступилъ порогъ первый.

На столѣ, догорая, чадила свѣча; кровать Павла Петровича въ безпорядкѣ, сдвинута была подъ угломъ на средину, прямо лежало опрокинутое кресло и столикъ, около котораго осколки умывальной чашки и мокрые компрессы... Самого хозяина на лицо не оказалось.

Въ отпуску. Съ картины Фр. Дефрегера, грав. на деревъ Кезебергъ и Эртель.

— Гдѣ же господинъ штабсъ-капитанъ Криницынъ? официальнымъ тономъ спросилъ комендантъ.

— Не могу знать-съ, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ деньщикъ.

Онъ тоже смотрѣлъ растерянно.

— Баринъ гдѣ? повторилъ вопросъ Василий Ивановичъ.

— Ушедши-съ...

— Куда?

— Не могу знать!.. Вышли недавно-съ... такъ безъ сюртука, безъ салогъ... Ничего не сказали-съ... Я думалъ куда, недалеко... Я сейчасъ погляжу-съ...

— Ищи! приказалъ полковникъ Огурчиковъ... Такъ какъ вы полагаете, господа?..

Докторъ остановился на порогѣ и осматривалъ слабо освѣщенную комнату съ любопытствомъ и нѣкоторымъ страхомъ, Шелобовъ, въ раздумьѣ, стоялъ, прислонившись къ печкѣ...

— Никакъ нѣтъ-съ! появился въ дверяхъ деньщикъ.

— Что, никакъ нѣтъ-съ... что?.. заревѣлъ ему навстрѣчу комендантъ.

— Не напелъ-съ... ихъ и тамъ нѣту. На конюшню взглянуть, тоже нѣтъ. Такъ, разумнись... Въ одномъ бѣльѣ-съ... Что же это такое?... Прости Господи!

Комендантъ многозначительно посмотрѣлъ на Шелобова, тотъ пошевелилъ плечами и сталъ закуривать папиросу.

— Далекое не могъ уйти... Здѣсь гдѣнибудь, по близости... фонарика бы гдѣ пайти... Поискать надо!..

Принялись за розыски... волонтеровъ по такому дѣлу нашлось довольно, достали и фонарей. Черезъ нѣсколько минутъ, въ темнотѣ замелькали двигающіеся огоньки, освѣщая встревоженныя фигуры искателей...

Заглядывали въ капавы, подъ каждый кустъ... слышались голоса, почему-то шепотомъ: „Здѣсь освѣти... Сюда!.. Далекое не уйдетъ!.. Гдѣ уйтить... Можетъ лежить, въ безчувствіи... Можетъ померли уже... А ну-ко, это что?.. гдѣ... гдѣ?.. Ахъ ты чортъ... это кулъ съ ячменемъ... ишь куда засунули!..“

Пранорщикъ Ползунковъ прибѣжалъ тоже и съ нимъ еще нѣсколько офицеровъ. Комендантъ, на всякій случай, распорядился приготовить развѣзды изъ шести казакъ и собрать сюда, да и его лошадь осѣдлатъ немедленно...

— Если здѣсь не найдемъ, то надо ѣхать по дорогѣ къ Вешь-арыку... больше некуда! сообщилъ свою догадку Василий Ивановичъ и тоже послать за своимъ „рыжкою“.

Ночь выдалась, на этотъ разъ, крайне тревожная...

XXXII.

Давно уже погашены были фонари, освѣщавшіе гостеприимный пріютъ кунца Миробай, давно уже, какъ сурки, сладко спали Мамунъ съ Алибеємъ, прижавшись другъ къ другу, подъ однимъ одѣяломъ, давно уже и самъ хозяинъ наслаждался полнымъ покоемъ въ своемъ комфортабельномъ договинцѣ, какъ неожиданно, сильный ударъ въ закрывавшія главный входъ доски, нарушилъ общее спокойствіе.

— Кого это чортъ несетъ въ такое позднее время? первый проснулся Миробай и сталъ боязливо прислушиваться...

Ударъ повторился, значительно сильнѣе прежняго.

— Мамунъ! Алибей! не слышите, что ли?! спросите, что тамъ пужо? кто ломится? окликнулъ татаринъ. Да не отворяйте -спросите прежде!

— Кто тамъ?

— Что пужно?

Встрепенулись оба мальчика, тревожно высунувъ головы изъ подъ теплаго стеганого одѣяла.

— Отворяй! послышался голосъ... словно какъ будто знакомый, но какой то странный...

Тотъ кто говорилъ,—будто простоцалъ свое требованіе.

— Хозяинъ!.. никакъ тюра Криницынъ! отозвался Алибей.

— Павла Петровичъ... что такое?! зажги огонь. Что такое, право?.. зажигай скорѣе!.. Это ты, Павла Петровичъ?..

— Я... отвори скорѣе!.. послышалось въ отвѣтъ.

Миробай торопливо, на свои, уже надѣтые два халата, пятауль третій и появился въ лавкѣ. Мамунъ раздулъ уже уголья и чадилъ огаркомъ салной свѣчки...

— Ты, Павла Петровичъ? переспросилъ еще осторожный хозяинъ.

— А... а... а... да отвори-же!..

— Сичасъ—сичасъ!.. Аллахъ-Аллахъ! чтобы это значило?.. Мамунъ, отцѣпи ключекъ!

Послышался стукъ засова, затѣмъ—щелкотня поочередно вынимаемыхъ изъ пазовъ досокъ; въ нагрѣтую атмосферу лавки хлынулъ потокъ холоднаго почнаго воздуха... Миробай остолбенѣлъ, глаза закрылъ даже, и попятился...

Черезъ порогъ, не перешель, а переполтъ, Криницынъ.

Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ, въ грязи... Его глаза горѣли горячечнымъ блескомъ... Кровавый шрамъ тянулся ото лба—черезъ щеку наискось... наткнулся на чтонибудь въ темнотѣ, дорогою...

— Аллахъ-Аллахъ! шепталь, охваченный ужасомъ, Миробай...

Оба мальчика смотрѣли на неожиданнаго гостя своими громадными, черными, какъ у козлятъ, красивыми глазками...

— Тюра, что ты?.. что случилось?.. повторилъ хозяинъ.

— Что случилось?! ничего не случилось, пробормоталъ Криницынъ... Давай деньги... пора... время уже... неси сюда все... пу, скорѣе!..

— Сейчасъ! отвѣчалъ глухимъ голосомъ Миробай и вышелъ.—Мамунъ, чай варить скорѣе, для Павлы Петровича!.. донесся уже издалика его приказъ.

Криницынъ легъ на коверъ и машинально потянулъ на себя первое, что попалось подъ руку...

Ему было холодно... голова горѣла, а все тѣло его охвачено было лихорадочнымъ ознобомъ...

Мамунъ раздулъ уголья и зазвенѣлъ чайниками.

— Ты пѣшкомъ пришелъ, тюра? полюбопытствовалъ Алибей.

Павель Петровичъ не отвѣчалъ, только ближе пододвинулся къ тагану, ярко уже освѣщавшему всю внутренность чай-хане... Недалеко отъ огня видѣлось мѣдное блюдо съ обрѣзками дыни, тутъ же лежалъ кривой пожъ, предназначаемый именно для этой цѣли... чашка съ остывшимъ пловомъ, обглоданная тщательно нога барашка... Но стѣнѣ тревожно бѣгали юркія сороканьжки, захваченныя свѣтомъ враслохъ, прячущіяся въ щеляхъ штукатурки...

— Скажи же ты мнѣ, тюра, что такое случилось? произнесъ Миробай, входя снова и покойно усаживаясь подлѣ Криницына.

Всезнающій, многомудрый хозяинъ чай-хане, видимо, уже овладѣлъ собою, кое что сообразилъ и теперь пристально, пытливо глядѣлъ прямо въ глаза гостю.

— Деньги принеси?

Криницынъ протянулъ руки.

— Денегъ тебѣ нужно? покойно спросилъ въ свою очередь Миробай. Я дамъ тебѣ денегъ... Я никогда не откажу другу въ такой просьбѣ... Вотъ у меня теперь есть три золотыхъ... бумажками рублей на восемь найдется... Довольно съ тебя?..

— Тѣ деньги неси... тѣ... слышишь? Вери себѣ свою четвертую долю... неси остальные...

Павель Петровичъ сбросилъ съ себя войлокъ и приподнялся...

— Какія? спокойно, передернувъ плечами спросилъ Миробай...

— А!.. застоналъ Павель Петровичъ...

И прежде чѣмъ хозяинъ успѣлъ приготовиться, успѣлъ понять движеніе своего гостя, Криницынъ схватилъ ножъ и ринулся на татарина.

Ударъ пришелся неловко, лезвіе ножа, направленное слабою рукою нападавшаго, запуталось въ безчисленныхъ складкахъ халатовъ. Миробай вскопчилъ, бросился къ дверямъ и во все горло закричалъ: „караулъ!“..

Въ эту минуту подъ сводами базара замелькали огни и послышался топотъ копытъ... Цѣлая кавалькада всадниковъ наполнила узкій проѣздъ между лавками, изъ за поворота появились еще косматые конскія головы.

Два казака впереди освѣщали дорогу фонарями, за ними отчетливо выдѣлялись фигуры коменданта и Василія Ивановича, сзади краснѣлись малиновые околыши уральцевъ и искрились концы винтовокъ у нихъ за плечами...

— Что такое? громко обликнулъ Семень Семенычъ.

— Не знаю... ничего не знаю... скороговоркою, задыхаясь отъ страха, затараторилъ Миробай... Тюр Криницынъ здѣсь... Онъ пришелъ... я его не звалъ... Я ничего не знаю... Откуда мнѣ знать!.. Я торгую чаемъ, это самъ губернаторъ знаетъ... я честный купецъ... заслуженный... у меня медаль... Мамунъ неси скорѣе мою медаль... Большую медаль—главную самую... она тамъ, на зеленомъ халатѣ... неси скорѣе... Видишь—самъ господинъ полковникъ посмотрѣть хочетъ...

Но ни Мамунъ, ни Алибей не откликнулись на зовъ своего хозяина. Они какъ крысы забились, гдѣ то, по темнымъ угламъ, и затаили духъ.

Миробай, согнувшись въ три погибели, кинулся къ стремени коменданта и чуть не на рукахъ снялъ его съ сѣдла.

Шелобовъ давно уже слѣзъ—и первый вошелъ въ лавку.

— Здѣсь! провизнесъ онъ обернувшись и пропустивъ въ двери коменданта.

Павель Петровичъ лежалъ на лѣвомъ боку, почти ничкомъ.

Василій Ивановичъ подхватилъ лежащаго подъ мышки и приподнялъ. О плиты пола зазвенѣлъ выпавшій откуда-то ножъ... Подъ тѣломъ Криницына разлилась громадная кровавая лужа.

— Самъ зарѣзался... поторопился тренеца съ оправданіемъ Миробай...

— Протоколъ! торжественнымъ тономъ провизнесъ Семень Семеновичъ и снялъ шапку...

Составили протоколъ. Миробая арестовали, усадили на лошадь и отправили подъ конвоемъ въ фортовой казематъ, до выясненія дѣла, мальчиковъ разыскали и арестовали тоже. Къ гаремной саклѣ, гдѣ были, обезумѣвшія отъ ужаса, ничего не понимающія жены хозяина, приставили часоваго; ко входу въ лавку, со стороны улицы,—тоже. Шелобовъ сообщилъ, что позади двора изъ сада есть еще калитка; калитку эту нашли и тоже поставили казака, съ обнаженною шапкою.

Семень Семеновичъ здѣсь же составилъ донесеніе къ высшему начальству и тотчасъ же это донесеніе отправлено было съ нарочнымъ джигитомъ въ городъ. Шелобовъ написалъ нѣсколько словъ Глухареву, приглашая его, если можно, пріѣхать въ Бешъ-арыкъ съ развѣтомъ. Все остальное отложили до утра; дожидаться же этого утра порѣшили здѣсь-же, на мѣстѣ загадочнаго происшествія.

Иванъ Акимовичъ бережно донесъ Надю до дому. На порогѣ встрѣтилъ его Силантій. Глухаревъ хотѣлъ

было накинуться на старика съ упреками: „Ты-же какъ прозѣвалъ, старый чортъ!..“ Началь было онъ, но замѣтилъ убитый видъ стараго инвалида—и замолчалъ.

Раздѣли Надю, уложили въ постель. Анисья хлопотала особенно усердно, ёжась, подъ влияніемъ гнѣвнаго взгляда Ивана Акимовича.

Обморокъ Нади держался упорно. Бѣдная дѣвушка не обнаруживала никакихъ признаковъ жизни.

— Уже не конецъ ли это? задавалъ себѣ вопросъ Глухаревъ и его сердце болѣзненно сжималось... рыданія подступали къ горлу—старый солдатъ крѣпился какъ могъ и не спускалъ руки съ груди Нади... Онъ все ждалъ первыхъ признаковъ пробуждающагося сердца...

Побѣждалъ Силантій за докторомъ, вернулся ни съ чѣмъ. Докторъ, вишь ты, поскакалъ, говорятъ, въ Бешъ-арыкъ, за комендантомъ.

— Анафема! проворчалъ Иванъ Акимычъ...

Прошелъ часъ, прошелъ другой... Мирный бой часовъ съ кукушкой уныло раздавался по горкинскимъ комнатамъ.

— За Аделаидою Францовною послать бы? робко осмѣлилась вымолвить слова Анисья...

Иванъ Акимовичъ подумалъ, посмотрѣлъ на Надю, вздохнулъ и провизнесъ:

— Пошли.

Побѣждалъ за акушеркою Силантій—вернулся съ отказомъ,—говоритъ: „Ни за что не пойду... Еще убьетъ меня этотъ медвѣдь необразованный!“

Дѣйствительно, еслибы Аделаида Францовна появилась въ эту минуту, послѣ своего отказа—такъ бы и случилось.

Получили записку Шелобова. Тигровый охотникъ писалъ:

„Другъ Ваня!

Этотъ зарѣзался... Чортъ съ нимъ! Сообщи, что Надя? Если можешь—пріѣзжай... Ну, и дѣла-же!

Шелобовъ“.

Внимательно прочелъ Иванъ Акимовичъ эту записку и, молча, передалъ ее Силантію. Тотъ вооружился большими очками и сталъ разбирать, вода по строчкамъ дрожавшимъ пальцемъ.

Разобралъ и набожно перекрестился... Иванъ Акимовичъ счелъ нужнымъ послѣдовать его примѣру...

Надя въ первый разъ вздохнула только съ разсвѣтомъ и ея закрытыя вѣки слегка дрогнули...

Глухаревъ торопливо вышелъ въ другую комнату и расплакался.

XXXIII.

Снова въ Глухомъ фортѣ появился губернаторскій слѣдователь. На этотъ разъ только другой, не Анатолій Робертовичъ. Снова пошли безконечные допросы и передопросы. У Миробая перерыли все верхъ дномъ. Дворъ сакли и садъ были перекопаны вдоль и поперекъ, мѣстами даже стѣны выломаны. Уликъ въ заприщенной торговлѣ опиумомъ раскурочно гашли вволю, но больше ничего... Хитрый татаринъ упорно держался на ничего невѣдѣннн и непониманнн. Мамунъ и Алибей несли такую чепуху, изъ которой, буквально, ничего нельзя было извлечь для дѣла.

Отецъ Павель наотрѣзъ отказался предать тѣло Криницына христіанскому погребенію: „аки атеиста отгнѣннаго и самоубійцы окаяннаго“.

Комендантъ несся по этому поводу съ начальствомъ, и изъ города, отъ самого владыки, получено было „разрѣшеніе“, несогласное съ воззрѣніями фортоваго батюшки...

Ночное похождение Нади дало обильную пищу злымъ языкамъ. Оно было истолковано самымъ дурнымъ образомъ для бѣдной дѣвушки. Только Груня, одна изъ всѣхъ дамъ Глухаго форта, шла въ разрѣзъ съ

общими толпами и даже переселилась совсѣмъ къ Надѣ, взявъ и ее и все ея хозяйство на свое попечение.

Наступила поздняя осень, дождливая, песносная, прерываемая изрѣдка морозами и даже чѣмъ то похожимъ на снѣгъ. Это явленіе—въ нашей сторонѣ большая рѣдкость.

Въ горинскомъ домѣ около постели Нади тѣснымъ кружкомъ группировалась дружеская компанія. Это сдѣлалось какъ то само собою, постепенно.

Сначала старикъ Глухаревъ провелъ нѣсколько ночей подрядъ, дремая въ креслахъ, въ сосѣдней отъ спальни комнатѣ. Мало-ли что можетъ случиться ночью? Нади была очень плоха, докторъ, вишь ты, сказалъ, что съ такою нервной горячкою шутки плохи—и надо стеречь ходъ болѣзни, что называется, въ оба. Затѣмъ старикъ, позамаявшись порядкомъ, изъ кресла перелазилъ на диванчикъ.

— Чѣмъ валяться по диванамъ, лучше я велю тебѣ койку твою перенести... замѣтилъ разъ Шелобовъ, и распорядился...

Самъ Василій Ивановичъ заглядывалъ каждый день раза по три, потомъ зачастилъ... потомъ, случайно, переночевалъ тоже въ залѣ, на стульяхъ. Ливень очень большой разыгрался на дворѣ—охота тоже мокнуть!.. Спалъ онъ крѣпко, на псевдобномъ ложѣ... а все таки рѣшилъ, что на диванѣ удобнѣе.. Пришелъ разъ какъ то вечеркомъ и подушку съ собой принесъ, такъ и не отнесилъ ее обратно...

Навлуша вернулась изъ командировки недѣлю спустя послѣ катастрофы. Тотъ долго къ Надѣ на глаза не показывался... Пада-бы и не узнала его... Она, почему то, только Шелобова узнавала, да и то не открывая глазъ, инстинктивно...

Молодой человѣкъ былъ сильно огорченъ всѣмъ случившимся... У него даже хватило такта не высказать своего удовольствія по поводу смерти "заклятаго врага", а удовольствіе это онъ ощущалъ безмѣрное. Его болѣе всего смущали невыгодныя толки по поводу посѣщенія Надею Крипицынскою квартиры... онъ даже отцу высказался такъ:

— Э-эхъ!.. Вѣдь она, говорить, у него не первый разъ такъ-то!..

— Дурракъ! обрѣзалъ его Иванъ Акимовичъ и цѣлый день не говорилъ съ сыномъ больше ни слова.

— Не понялъ Навлуша, какъ надо объяснить себѣ выходку отца, и остался, на этотъ разъ, со своимъ мучительнымъ сомнѣніемъ.

Попробовалъ онъ къ Василію Ивановичу обратиться. Тотъ посмотрѣлъ на него пристально.

— Да тебѣ то какое дѣло?

— Какъ какое?! озадачился Навлуша...

Вмѣсто отвѣта, Шелобовъ взялъ Навлушу за талию и вывелъ въ залъ. Тамъ они стали ходить изъ угла въ уголь. Навлуша слушала, а Василій Ивановичъ говорилъ.

— Эхъ, Пашка-Пашка, ты, братъ, ей же Богу, въ рубашкѣ родился. Ну, поздравляю отъ души!.. что у тебя за женка будетъ, такъ это я тебѣ скажу...

Но Шелобовъ должно быть не сумѣлъ подобрать подходящаго сравненія, только пальцами принципнуть очень выразительно.

— Экая душа... экая право душа... золото—не дѣвушка а, тебѣ совсѣмъ подь пару... Любитъ тебя какъ, души не чаешь... да не то чтобы какънибудь, а съ толкомъ, съ разумомъ... это вѣдь на вѣгъ...

— То есть какже это? недоумѣвалъ Навлуша...

Но въ эту минуту Груня выглянула въ дверяхъ.

— Павелъ Ивановичъ, идите завтракать... я вамъ яичницу приготовила...

Она ему уже больше "ты" не говорила, и всякій разъ

даже поправляла его, когда тотъ, по старой привычкѣ, обращался къ ней попрежнему, запросто.

Выглянула Груня, красивая, кроткая, улыбающаяся, глазенки такъ и играли... платокъ клѣтчатый соскользнулъ съ плечъ... а плечи такія круглыя и шейка видна немного, бѣлая какъ снѣгъ, а на шейкѣ ниточка голубыхъ бусъ, черною бархоткою подвязана...

Толкнулъ къ ней Навлушу Шелобовъ.

— Иди! говорить—ѣшь яичнику, да благодари Господа... Что, развѣ не правду я говорю тебѣ—найди-ка поди что лучше...

Пошелъ завтракать Навлуша, а все таки понялъ не сразу въ чемъ дѣло.

Иванъ Акимовичъ былъ, надо полагать, посообразительнѣй. Онъ уже не разъ заговаривалъ съ Шелобовымъ на эту тему.

— Понимаю я, говорилъ старикъ Глухаревъ. Это я хорошо, даже очень хорошо понимаю... онъ ей не пара... я не могу это тебѣ ясно выразить почему,—но чувствую... Признаюсь, прежде думалъ не такъ, но теперь чувствую... Ты, можетъ быть, думаешь, что я, какъ отецъ, больше о сынѣ старался.

— Нѣтъ, не думаю! вставилъ Василій Ивановичъ.

— Тогда... Я больше потому, что вѣдь надо же дѣвочку было какъ слѣдуетъ пристроить... Чего же, думалъ, лучше! Малый честный, молодой, не совсѣмъ дуракъ... съ подоженіемъ тоже... чего-же ждаты и искать лучшаго... Опять же влюбленъ... взаимное счастье и прочее... Ну, ты вѣдь меня понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, а теперь я и самъ ничего понять не могу... Вотъ, можетъ, дастъ Богъ, пронесетъ бѣду... вотъ тогда, можетъ быть, переѣдете къ лучшему. Полюбить Пашку Нади—готово дѣло! Нѣтъ—я и слова не скажу...

— Будемъ поглядѣть! улыбнулся Шелобовъ... Вчера вотъ я не сплю—спыну, а они шу-шу-шу... шепоткомъ такъ, шепоткомъ... Ты, Валя, поглядывай!

— Кто, кто они?

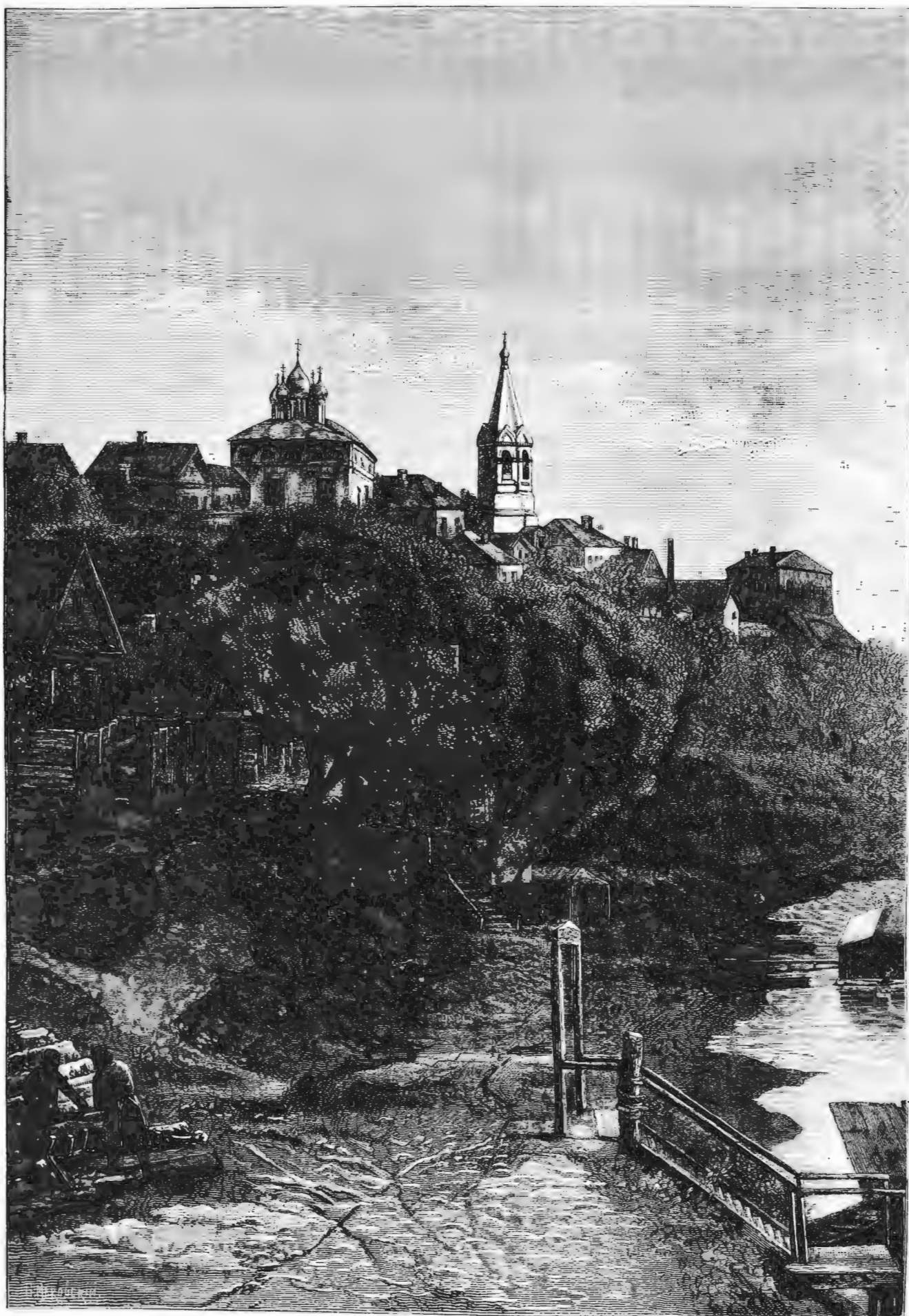
— Да Паша съ Грунею... Да, забылъ было, Спандитій говорилъ мнѣ, что дрова на исходѣ... Ты распорядился?

Наступилъ переломъ болѣзни. Кризисъ миновать счастливо, это случилось такимъ образомъ:

Была ночь. Иванъ Акимовичъ давно уже спалъ. Навлуша, котораго особенно часто въ спальню Нади не пускали, ушелъ спать домой, и у постели больной оставался Шелобовъ съ Грунею.

Груня сидѣла въ уголкѣ, около свѣчки, закрытой зеленымъ абажуромъ, и что-то чинила; Шелобовъ на креслѣ, у ногъ больной, и не спускалъ глазъ съ блѣднаго лица Нади... Онъ пристально всматривался въ ея несхудалыя черты, и первый замѣтилъ какъ открылись медленно ея глаза и пытливо посмотрѣли вокругъ. Теперь уже ничего не было лихорадочнаго въ этомъ ясномъ взорѣ.

— А лѣса у насъ, началъ Шелобовъ ровнымъ, покойнымъ голосомъ. Дремушіе! зелени что лѣтомъ, цвѣтотъ!.. запахъ какой чудный... то смолою, то ягодою снѣлою... на лужайкахъ—гдѣ изумрудомъ горитъ, а въ глуши—темень стоитъ, прохладная... Тишина такая вокругъ, спокойствіе... и слышно какъ всякая мелкая пичужка свою пѣсенку чирикаетъ... Сидишь, бывало, съ ружьемъ, подъ дубомъ, и не шелохнешься... такъ бы и просидѣлъ весь вѣгъ... слушалъ бы все, да слушалъ... Ручеекъ, это, бурлитъ... въ травѣ шелеститъ что-то... Козочка дикая, черноглазая, копытцами, этакъ, тукъ-тукъ... Меня не видитъ, а я ее вижу... Вѣтеръ чуть колыхнеть вершинами... заговорить лѣсъ инымъ голосомъ... А соловьи по веснѣ, тамъ, въ трущобѣ, за оврагами... Тамъ все кусты пойдутъ, непролазные... такъ

ХІІІ передвижная выставка въ СПБ. „Видъ Москвы у Дорогомиловскаго моста“. Картина Н. Е. Маковскаго.
Рисовалъ на деревѣ для „Нивы“ самъ авторъ, грав. М. Рашевскій.

больше въ кустахъ... Шелконеть разокъ, другой... смолкнеть, присвиснеть, да какъ закатится трелью... те...

Василій Ивановичъ сталъ все тише говорить, да тише... смолкъ, прислушался еще—и къ Грунѣ обернулся...

— Заснула онять... слава тебѣ Господи!

— Что это, слушаю я, прошептала Груня.

Она подошла сзади и стояла за кресломъ разсказчика.

— Что это вы ей Василій Ивановичъ про дѣла свои вздумали разсказывать?

— А то что же ей говорить?... про это, что случилось, что-ли?

Поняла Груня тутъ въ чемъ дѣло... сама догадалась почему надо было, въ первое же мгновение сознанія, отвѣчь его отъ роковыхъ вопросовъ, въ здоровый, покойный сонъ перевести мучительныя, безсознательныя грѣзы.

— И гдѣ это вы научились такъ то? спросила она и улыбнулась.

— Въ кадетскомъ корпусѣ, голубушка, въ кадетскомъ... удовлетворилъ ея любопытство Василій Ивановичъ...

Вообще Груня очень тонко понимала Шелобова, слово между ними двумя, само собою, безъ всякихъ предварительныхъ совѣщаній, установился полный, согласный во всемъ, планъ дѣйствій и взаимной самопомощи.

— Вотъ бы тебѣ жениться! догадался таки Иванъ Акимовичъ.

— На комъ? отвѣтилъ Шелобовъ.

— Еще спрашиваетъ—на комъ? Конечно, на Грунѣ.

— А Паша мнѣ другъ, или нѣтъ?

— Другъ!

— Ну, то-то! Стану я у друга такую невѣсту перебивать!..

Шелобовъ разсмѣялся... Иванъ Акимовичъ задумался... А время все шло да шло и неумолимо дѣлало свое нехитрое дѣло.

XXXIV.

Не стану разсказывать какъ шло дѣло. Происходятъ такія вещи и гораздо сложнѣе, и запутаннѣе,—здѣсь не такъ, здѣсь это все просто и ясно. Мало-по-малу, Надя узнала все, что случилось. Узнавала толково, толково и принималось все ей сердцемъ. Вѣдь ей, кромѣ Шелобова, никто не брался ничего ни пояснить, ни разсказать. Полюбила ли она Василю Ивановича, или нѣтъ,—она и сама путемъ не знала. Если и полюбила, то совѣмъ не такъ, какъ Кришицына, не такъ, какъ ее въ институтѣ учили, но чувствовала, что, когда Шелобовъ при ней, ей тепло, уютно и уже вовсе не страшно, ни за настоящее, ни за будущее... Нѣтъ Шелобова, она ждетъ терпѣливо, когда тотъ вернется, и тоже, ни за себя, ни за него ничего не боится! Груню, ту Надя полюбила такъ, какъ и сестра сестру не всякая любитъ, поясъ даже отцу Павлу принялась вышивать, только не дошла почему-то. Даже и Павлушу Надя полюбила, и теперь находила его совѣмъ красавцемъ; тотъ ее все на рукахъ носилъ, потому что у Пади еще ножки очень слабы были, а у того руки здоровенныя...

Въ такихъ случаяхъ Груня не ревновала нисколько. да ей и некогда было: у Ивана Акимовича она нашла въ хозяйствѣ, въ туалетѣ особенно, такіе невозможные беспорядки и упущенія, что исправилъ все этого заняло чуть не все время, отъ Рождества до Пасхи.

Иванъ Акимовичъ на цѣлую недѣлю, это какъ разъ

на Страстной было, въ городъ уѣхалъ, тамъ обратился къ женѣ своего пріятели одного, и съ нею цѣлые дни по лавкамъ таскался. Чего-чего не закупишь для себя и сына, а главное для Груни... Кольца тоже заказалъ тамъ, и имена велѣлъ вырѣзать, а числа помѣтить такія, чтобы какъ разъ на красную горку выходило!..

— И ты бы въ одинъ день, вмѣстѣ! говорилъ онъ Василю Ивановичу, вернувшись...

— Пельзя!.. отвѣчала Шелобовъ... У меня матушка жива... Хуторишко есть тамъ, подь Омскомъ... Мы вотъ туда поѣдемъ, представимся, да и къ отцу протопопу, если живъ только старикъ...

— Это гдѣ „дѣла такіе дремууучіе!..“ полюбопытствовала Надя.

— Въ самомъ томъ мѣстѣ! улыбаясь, цѣловалъ ее лобикъ Василій Ивановичъ...

И всѣ были очень счастливы.

ЭПИЛОГЪ.

Прошло лѣтъ девять... Да ровно даже девять... я это отлично помню. Въ этомъ году снаряжена была большая научная экспедиція, для самаго всесторонняго изслѣдованія верховьевъ рѣки Аму. Чуть не цѣлый годъ тогда мы шатались по горамъ и долинамъ, заходили въ такія мѣста, гдѣ до насъ не только европейской ноги, а никакой человѣческой не было... Изучили и изслѣдовали все какъ слѣдуетъ, пора была и домой возвращаться.

Вотъ, обратную то дорогою посѣтилъ я Глухой фортъ... Ничего, слава Богу, все стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ, только Иванъ Акимовичъ уже не служитъ больше, устарѣлъ очень, бѣлый какъ лушъ сталъ, самъ не ходитъ, а его подь руки водятъ, и начальства своего прямого въ грошъ не ставятъ. Удивительный сталъ либераль!.. Можетъ быть потому, что начальство у него немножко пристрастное... Комендантомъ форта теперь вѣдь Павелъ Ивановичъ Глухаревъ, майоръ и кавалеръ, а комендантша такая, что и въ главномъ штабѣ глубокое уваженіе чувствуютъ... Я у нихъ трое сутокъ прожилъ и Груня, виновать, мадамъ Глухарева, прощаясь, говорила мнѣ:

— Вы вѣдь, я знаю, тамъ все описываете, романы да повѣсти разныя сочиняете... Вы уже не компрометируйте меня передъ публикою, не говорите, что у меня уже шестеро... Пожжалуйста...

Я ей общалъ, и видите, я промолчалъ объ этомъ обстоятельстве...

Узнали Глухаревы, что я на Омскъ поѣду, западно-сибирскимъ большимъ тракторомъ, сейчасъ письмами и порученіями завалили. Письма бы еще ничего, а вотъ порученія... Думалъ было на-легкѣ, на парочкѣ прокатиться, а пришлось припрятать третью... Шутка ли! Какъ натащили мнѣ боченковъ разныхъ, да кудечковъ, да ящичковъ... Впрочемъ, ничего! Тарантасъ у меня казанской работы, крѣпкій и накатистый, выдержалъ дорогу отлично, все довезъ, ничего не попортилось.

Пашель я Шелобовыхъ въ добромъ здоровьѣ... У нихъ всего только трое, но ребята отлѣзные, особенно старшій мальчишка, Павлушей почему то назвали...

Надежда Федоровна похорошѣла, потолстѣла, только немного... Шелобовъ говорить, что это ничего, ей къ лицу...

Самъ онъ давно бросилъ службу, хозяйничаетъ, охотится.

К О Н Е Ц Ъ .

Фальшивый алмазь.

Разсказъ Е. Кирилова.

I.

Было около восьми часовъ вечера, когда красивый, молодой, лѣтъ 18-ти малый, закрывалъ желѣзныя ставни въ небольшой квартирѣ, помѣщавшейся на углу Невскаго и Колюшениной въ

нижнемъ этажѣ каменнаго дома. Не смотря на холодный февральскій вѣтеръ и мелкій пропитательный дождикъ, въ перемѣжку со снѣгомъ, онъ былъ въ одной рабочей блузѣ, безъ панчи, такъ что вѣтеръ свободно могъ раздувать его вышшіеся каштановые

волосы, схваченные поперег тонким ремешком, как носят ремесленники. Он медленно притворял одну за другою ставни, не без усилия продвигая потом в створки скважины тяжелые засовы и, окончив работу, не торопясь, съусталым видом возвращался домой. Молодой малый был очень красив. Тонкие черты лица, прекрасные большие голубые глаза и близина и нежность кожи указывали, что он происходить не из той среды, где приходилось ему теперь добывать кусок хлеба и работать по нужде. Мягкая, симпатичная улыбка, не сходящая с его красиваго рта, говорила за его добрый характер, а длинные, вечно опущенныя ресницы не доставляли сомнѣній, что онъ былъ скромный и застѣнчивъ.

Ходя въ квартиру шедъ изъ подъ вѣрток по корридорѣ, изъ котораго шла также черная лестница въ верхній этажъ, гдѣ помѣщалось роскошное барское помѣщеніе оберъ-штальмейстера, графа Николая Александровича Зубова, а низенькая желѣзная дверь, какія дѣлаются въ магазинахъ или амбарахъ, оставалась единственнымъ входомъ въ помѣщеніе нижняго этажа. Юноша тихо вошелъ въ корридоръ и только что хотѣлъ отворить желѣзную дверь, какъ услышалъ за собой легкій шорохъ.

— Гриша, это ты?

— Ахъ это ты, Лиза, проговорила онъ съ радостью, увидавъ въ полупотемкахъ корридора спускающуюся сверху молодую дѣвушку, кокетливо одѣтую въ цестрядиновое платье и опоясанную розовою ленточкой.

— Какъ я тебя хотѣла видѣть, мой милый, да все не удавалось.

— Ну что сказала графиня? спросилъ съ нетерпѣніемъ Гриша.

— Плохо. Говоритъ, что она ничего не можетъ сдѣлать, что ты живешь у хозяйки по документу, который долженъ вынудить непременно, а то въ тюрьму засадятъ, проговорила почти сквозь слезы Лиза.

Гриша стоялъ опустивши голову, совсѣмъ убитый.

— Такъ ничему этому не бывать, сказалъ онъ глубоко вздохнувъ.— Видно не видать намъ счастья съ тобой, Лиза! Мнѣ вѣдь девять лѣтъ еще сидѣть въ этой тюрьмѣ, не дожидаться же тебѣ и не сушить же тебѣ ради меня свою молодость. Прощай, голубка, не будемъ лучше встрѣчаться, авось какънибудь и отойдетъ.

— Что ты, что ты, Гриша, почти вскрикнула Лиза, схватила его за голову и поцѣловала его каштановые волосы.— На что же я зарокъ дала. Слушай, до могилы останусь вѣрна тебѣ и знай, что ни за кого не пойду. Нѣтъ, дорогой мой, ты не бросай меня, дай хоть иногда насмотрѣться на твои ясные очи! Не бросишь? скажи: не бросишь?

Лиза схватила его голову и съ заплаканными глазами долго смотрѣла въ томные, голубые глаза Гриши.

— Постой, нельзя ли откупиться отъ него? проговорила она быстро, обрадовавшись пришедшей ей въ голову мысли. Ты знаешь, я росла съ графиней вмѣстѣ, она меня безъ души любить и не пожалѣетъ ничего, чтобы осчастливить.

Гриша стоялъ совсѣмъ растерявшись. Онъ зналъ, что предложеніе Лизы почти несбыточное, ему совѣстно было принимать отъ нея помощь, да притомъ хозяйка ни на какой выкупъ не согласится.

— Трудно, Лиза, едва проговорилъ онъ.

— Отчего трудно, много запросить?

— Нѣтъ не отъ того, а отъ того, что я у него одинъ, шифовать выучиться нельзя скоро, почитай во всемъ Петербургѣ одинъ только я и есть шифовальщикъ. Прежде меня у него былъ его младшій братъ, который меня училъ, и позавчерашній годъ онъ отправилъ его въ Амстердамъ, теперь я одинъ остался.

— Достанешь когонибудь, Гриша, ты только выступи къ нему хорошенько; отпусти—скажи, возьми выкупъ, а то скажи, я тебѣ все портить стану, проговорила рѣшительно Лиза.

— Хорошо, попробую, отозвался Гриша, голосомъ, не показывавшимъ надежды.

— Лиза, графиня кличетъ, слышался голосъ сверху.

— Прощай, не печалься, чтонибудь еще придумаемъ, проговорила скороговоркой Лиза и побѣжала наверхъ.

Гриша тихонокъ вошелъ въ квартиру, заперъ засовомъ желѣзную дверь и очутился въ большой комнатѣ, гдѣ былъ накрытъ столъ и хозяинъ ожидалъ его ужинать.

— Что ты замѣкался? спросилъ его высокаго роста мужчина, съ нѣсколько еврейскимъ типомъ, уже пожилыхъ лѣтъ.

— На улицѣ постоялъ, Яковъ Аммоновичъ, отвѣтилъ Гриша, опустивъ глаза.

Хозяинъ и его подмастерье сѣли ужинать. Прислуживала имъ кухарка, толстая русская баба. Яковъ Аммоновичъ ѣлъ молча, о чемъ то думалъ и изрѣдка про себя говорилъ: двадцать каратъ, двѣнадцать тысячъ лиръ. Гриша сидѣлъ ни живъ ни мертвъ; онъ рѣшился объясниться съ хозяиномъ неотложно.

— Яковъ Аммоновичъ, я къ вамъ просьбу имѣю, проговорилъ онъ робко.

— Просьбу? какую просьбу—чего тебѣ надобно?

— Я долженъ еще у васъ служить девять лѣтъ.

— Не девять, а когда отпущу, перебить его Яковъ Аммоновичъ.

— Отпустите меня, Яковъ Аммоновичъ, ради Создателя отпустите, почти со слезами вдругъ началъ просить Гриша.

— Ты, я вижу, не въ своемъ умѣ, совсѣмъ рехнулся, прого-

ворилъ Яковъ Аммоновичъ, съ удивленіемъ смотря на Гришу. Пять лѣтъ я тебя училъ, сдѣлалъ изъ тебя хорошаго мастера, да и отпустилъ. Да что ты, въ умѣ что ли?

— Я за себя выкупъ дамъ, старался проговорить болѣе рѣшительно Гриша.

— Выкупъ? Да откуда тебѣ взять выкупъ? Ты знаешь, что дядѣ твоему самому ѣсть нечего, самъ трипьемъ га базарѣ торгуешь. Да притомъ ты для него чужой, вѣдь ты подкидышь,—онъ радъ, что сбывъ тебя съ рукъ.

Послѣднія слова, какъ ножомъ рѣзнули сердце несчастнаго Гриши. „Что я, въ самомъ дѣлѣ, подумалъ онъ, безъ роду, безъ племени и куда мнѣ любить дѣвушку, еще сдѣлаю ея несчастной.“ Онъ безотчетно посмотрѣлъ въ сторону, желая удержаться отъ слезъ, но не удержался и заплакалъ навзрыдъ. Якову Аммоновичу жалко стало юноши.

— Тебѣ вѣрно дурь какаянибудь пришла въ голову или сбиваетъ тебя ктонибудь. Не слушай ты никого, живи у меня, я тебя не обижу, будешь хорошимъ мастеромъ, а впоследствии и самъ можешь открыть лавку. Такъ то лучше будетъ. Иди-ка спать, да позабудь все эти пустяки!

Яковъ Аммоновичъ обошелъ все комнаты, осмотрѣлъ засовы, замки на большомъ сундукѣ, на которомъ онъ спалъ, потомъ сѣлъ за письменный столъ и началъ писать письма въ Амстердамъ, гдѣ оставались его родные, также какъ онъ, ювелиры. Въ Россію Яковъ Аммоновичъ прибылъ еще въ царствованіе Екатерины и обратилъ вниманіе Императрицы великолѣпнымъ ривьеромъ, который былъ купленъ у него и подаренъ княжѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой. Послѣ того Государыня заказала ему приготовить для головнаго убора бриллиантовую мушку, подобно тѣмъ, какія только что вошли въ моду въ то время при французскомъ дворѣ. Къ счастью, у Якова Аммоновича оказалась модель, высланная ему изъ Парижа черезъ Амстердамъ, и желаніе Императрицы было удовлетворено. Черезъ двѣ недѣли на выходѣ она поражала блескомъ своего головнаго убора, за что тотчасъ же сдѣлала Якова Аммоновича придворнымъ ювелиромъ.

Помѣстившись въ нижнемъ этажѣ Зубовскаго дома, Яковъ Аммоновичъ двадцать лѣтъ жилъ безвыездно въ Петербургѣ, однообразно, изо дня въ день занятый своимъ ювелирнымъ дѣломъ. Лѣтъ семь тому назадъ, по просьбѣ придворнаго камердинера, онъ принялъ къ себѣ сироту-подкидыша Гришу, содержать котораго было въ тягость приятелю камердинера, отставному сержанту изъ лейбъ-кампанцевъ, едва добывавшему себѣ существованіе мелкою торговлей. Яковъ Аммоновичъ, будучи холостымъ, полюбилъ тихаго, скромнаго мальчика, отдалъ его подлѣ ближайшій надзоръ своего младшаго брата, который въ теченіе пяти лѣтъ настолько обучилъ его ювелирному дѣлу, что онъ могъ вполне замѣнить учителя. Увидѣвъ такіе успѣхи, Яковъ Аммоновичъ нашелъ возможнымъ отослать брата въ Амстердамъ, поручивъ ему приобретеніе для него драгоценныхъ камней. Въ послѣдніе два года, Яковъ Аммоновичъ еще болѣе сжился и еще болѣе полюбилъ своего питомца, такъ что заявленіе Гриши о желаніи уйти и опечалило и удивило его. Онъ долго сидѣлъ, придумывая что бы это значило и чѣмъ можно было объяснить отказъ Гриши.

Гриша тоже долго не могъ уснуть послѣ разговора съ Яковомъ Аммоновичемъ. Онъ любилъ старика, привязался къ нему и къ дѣлу, къ которому привыкъ Мастерскую ювелира онъ считалъ для себя второй родиной, хотя въ инныя минуты, она казалась ему тюрьмой и порывы молодой крови увлекали его фантазію далеко за моря, въ чудныя страны, гдѣ бы онъ могъ наслаждаться счастливою жизнью съ Лизой, которую онъ полюбилъ первымъ пыломъ юношеской страсти. Но гнетущее прошлое, сознаніе своей безпомощности охлаждали и убивали эти фантазіи. У него еще сохранились въ свѣжей памяти несчетныя тычки и колотушки его суроваго воспріимника, и до сихъ поръ оставались еще ему памятны грубыя и жесткія его попреки, что онъ объѣдаетъ его, что онъ взялъ его, подкидыша, изъ состраданія. Слабый и першительный, вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжный и впечатлительный, онъ не зналъ теперь на что рѣшиться. Отказаться отъ Лизы ему было тяжело, а дѣйствовать настойчиво противъ Якова Аммоновича у него не доставало рѣшимости, тѣмъ болѣе, что онъ не видѣлъ передъ собой другаго мѣста, гдѣ бы могъ найти себѣ заработокъ. Приотвѣсившись въ своей маленькой комнатѣ подлѣ входной двери, онъ долго не могъ заснуть, слышалъ какъ Яковъ Аммоновичъ запираетъ свой большій сундукъ, слышалъ потомъ, какъ все успокоилось въ квартирѣ и настала могилная тишина. Надъ Гришей началъ уже посѣщаться грезы, и чудный край, и великолѣпный храмъ, и вотъ онъ съ Лизой вѣнчается въ немъ, какъ вдругъ сильный стукъ въ дверь разбилъ все грезы и напугалъ его. Онъ вскопчилъ съ постели и кинулся къ Якову Аммоновичу, который, въ свою очередь напуганный неожиданнымъ стукомъ, выскочилъ къ нему навстрѣчу.

— Опроси прежде, Гриша, кто такой, а потомъ отпирай, проговорилъ онъ вполголоса.

Стукъ повторился еще сильнѣе.

— Кто тамъ? спросилъ Гриша.

— Отпирай поскорѣй, отъ Государя, слышался голосъ за дверью.

Весь дрожа, Гриша поторопился засвѣтить огарокъ отъ тѣлившейся надъ его изголовьями лампадки, а Яковъ Аммоновичъ побѣжалъ къ себѣ въ горницу—одѣться въ свой синий камзолъ.

Засовъ былъ вынуть, желѣзная дверь съ вязгомъ открыта, вошелъ графъ Федоръ Васильевичъ Растончинъ.

— Гдѣ Яковъ Аммоновичъ, спросилъ графъ озабоченно, не обращая вниманія на Гришу.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, Гриша свѣти! торопливо крикнулъ Яковъ Аммоновичъ, едва успѣвъ надѣть камзолъ.

— Ну что же перстень будетъ готовъ? были первыя слова графа.

— Я уже докладывалъ вашему сіятельству, у меня нѣтъ здѣсь такого камня. Только что написалъ брату письмо въ Голландію, черезъ два мѣсяца вышлютъ камень, а ранѣе перстень никакъ не можетъ быть готовъ.

— Да пойми ты, глупая голова, что фельдмаршалъ послѣзавтра выѣзжаетъ въ армию, не будетъ же онъ дожидаться твоего перстня!

— Какъ хотите, ваше сіятельство, но у меня нѣтъ такого камня; доложите объ этомъ Государю.

— Я доложилъ, да Государь такъ изволилъ прогнѣваться, что и слышать не хочеть. Я тебѣ привезъ приказаніе Государя, чтобы завтра же былъ перстень, а иначе, сказалъ Государь, я этого мастера пошлю туда, гдѣ никто его не найдетъ. Ты самъ знаешь, Государь шутить не любитъ, дѣлай, какъ знаешь.

— Ваше сіятельство, почти вскрикнулъ ювелиръ, — не погубите, заступитесь, что же я буду дѣлать? Во всемъ Петербургѣ не найдется такого камня, какой угодно Его Величеству поставить въ перстень. Гдѣ же я его возьму? въ отчаяніи спрашивалъ Яковъ Аммоновичъ.

— Этого я уже не знаю, мой другъ. Я тебѣ передалъ приказаніе, чтобы завтра утромъ былъ перстень, а не будетъ его, смотри—пеняй на себя. Въ девять часовъ я ваѣду, Государь приказалъ привести перстень къ десяти часамъ, когда онъ вернется съ плаца-парада, а пока прощай.

Растончинъ быстро вышелъ, Гриша машинально заперъ дверь, заложивъ на старое мѣсто засовъ, а бѣдный ювелиръ, не зная что дѣлать, все еще стоялъ въ недоумѣніи. Прошло съ добрыхъ полчаса, пока Яковъ Аммо-

Петровский дворецъ въ Мескѣ. По фотогр. грав. О. Ротъ.

вичъ ходилъ изъ одного угла комнаты въ другой, бормоча про себя: „погибъ“, „совсѣмъ погибъ“. Потирая лобъ, наконецъ онъ остановился посреди комнаты и какъ бы рѣшившись на что то отчаянное, рѣзкимъ голосомъ приказалъ Гришѣ налаживать станокъ, а самъ отправился въ свою комнату и что то долго возился въ своемъ громадномъ сундукѣ.

— Видишь Гриша, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, показывая ему кусокъ горнаго хрустала.

— Вижу, отвѣтилъ полусонный и усталый Гриша.

— Мы изъ него вырѣжемъ камень и натремъ его брилліантовой пылью. Но только молчи, никому объ этомъ не говори. Дѣлать нечего, погибать, такъ погибать за что нибудь, а не такъ, видишь Господи—за что.

Рѣдкій гость сумрачныхъ петербургскихъ дней,—солнце уже поднялось высоко, а въ мастерской ювелира все еще продолжалась работа и бѣдный Гриша машинально, едва передвигая руками, продолжалъ натирать грани отточеннаго камня алмазною пылью. Къ девяти часамъ графу Растончину былъ врученъ перстень.

— Откуда же ты досталъ камень? спросилъ удивленно графъ.

— Это секретъ, ваше сіятельство, проговорилъ таинственно Яковъ Аммоновичъ. — У моего зѣмляка былъ такой алмазъ въ закладѣ отъ одного вельможи, имя котораго позвольте мнѣ скрыть. Я упробилъ зѣмляка уступить мнѣ камень, обѣщая ему вернуть такой же по полученіи изъ Амстердама. Ваше сіятельство, не захотите погубить меня и сохраните эту тайну.

— Хорошо, хорошо, будь покоенъ, отвѣтилъ графъ, удивляясь находчивости ювелира и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ будучи радъ, что не будетъ имѣть повода быть свидѣтелемъ неудовольствія Государя.

Въ полдень Гриша встрѣтилъ въ корридорѣ Лизу.

— Что съ тобой, мой милый? Бѣдный, усталъ? спросила она заботливо Гришу.

— Цѣлую ночь работали, Лиза.

— Работали?..

Гриша не удержался и рассказалъ тайну ювелира.

Вновь открытая Екатерининская ж. д. Мостъ черезъ рѣку Ингулецъ. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

II.

При Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, Петербургъ былъ вовсе не веселымъ городомъ. Всякій чувствовалъ, что за нимъ наблюдаютъ, всякій опасался товарищей и собраний, которые, кромѣ кое-какихъ баловъ, вообще были рѣдки. Предметомъ общаго разговора въ описываемое нами время было возвращеніе фельдмаршала графа Суворова изъ деревенской ссылки и напечатанный въ иностранныхъ газетахъ оскорбительный вызовъ бывшаго на русской службѣ шевалье де-Сакса, графу Платону Александровичу Зубову и молодому князю Николаю Григорьевичу Щербатову. О первой встрѣчѣ фельдмаршала съ Императоромъ рассказывали, что прибывъ прямо съ дороги въ двѣнадцать часовъ ночи во дворецъ, онъ не захотѣлъ входить черезъ малый подъземный мостъ и калитку, говоря, что русской фельдмаршалъ, когда нужно, въ щелочку пролѣзаетъ, а къ своему Государю онъ долженъ войти съ подобающей честью,—потребовалъ подъема главныхъ мостовъ и почетнаго караула и Императоръ Павелъ исполнилъ желаніе чудака-полковода. Рассказывали также, что увидавъ Государя фельдмаршалъ бросился ему въ ноги съ цѣлымъ потокомъ изліяній о своей преданности и послушаніи, а когда окончилась первая аудіенція, онъ немедленно отправился въ большую придворную церковь и долго лежалъ передъ алтаремъ. Относительно исторіи молодого князя Щербатова, графа Платона Зубова съ шевалье де-Саксомъ, вспоминается уже забытая исторія, бывшая при покойницѣ Императрицѣ, когда послѣ драки между Щербатовымъ и де-Саксомъ, послѣдняго, по приказанію переданному черезъ Платона Зубова, выслали за границу. Молодой и горячій де-Саксъ, писемкомъ изъ Вѣны вызывалъ своихъ петербургскихъ соперниковъ дать ему удовлетвореніе, но, не получивъ ни отъ того ни отъ другаго отвѣта, долженъ былъ прибѣгнуть къ печатной гласности, назвавъ обоихъ трусами. Рассказывали, что Императоръ Павелъ былъ очень разсерженъ и приказалъ въ ту же минуту выдать обоимъ заграничные паспорта, давая этимъ знать, что бы они смыли нанесенную имъ публичную обиду.

Наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія объ интересовавшихъ петербургское общество вопросахъ ближе всего можно было получить въ домѣ графа Николая Александровича Зубова, какъ потому что фельдмаршалъ ежедневно обѣдалъ у дочери, графини Пагалы Александровны, такъ и потому, что графа Платона, этого еще недавно гордаго и недоступнаго екатерининскаго вельможа, можно было видѣть только у брата, такъ какъ онъ нигде не выѣзжалъ и не показывался въ общество. Независимо этого, графы Зубовы съ воцареніемъ Императора Павла, были въ немилости и устраниены отъ двора; но теперь, съ возвращеніемъ фельдмаршала, отношенія могли къ нимъ перемѣниться и Зубовы могли снова войти въ силу, въ особенности графъ Николай, женатый на дочери Суворова, превосходившей графа Платона и умомъ, и тактомъ, и образованіемъ. Все это дѣлало то, что у подъѣзда Зубовскаго дома съ самаго утра не отъѣзжали кареты, сани, возки, такъ называемаго „всего Петербурга“ тогдашняго времени.

Хозяйка дома Наталья Александровна, не смотря на свою молодость, сумѣла поставить себя въ обществѣ, такъ, что всѣ ея любили и уважали. Всегда сострадательная къ бѣднымъ и нуждающимся, ласковая, внимательная и радушная ко всѣмъ, она была чужда тщеславія и мелкаго самолюбія и никогда ничего не искала ни для себя, ни для мужа. Императоръ Павелъ, не смотря на неудовольствіе къ ея отцу-фельдмаршалу, во все время деревенскаго его заключенія оставался къ ней милостивъ, когда встрѣчалъ въ обществѣ. Мужа своего Наталья Александровна обожала, хотя сватовство и свадьба явились между ними дѣломъ совершенно случайнымъ. Разъ на дворцовомъ балу, еще при жизни Екатерины, только что вернувшійся побѣдителемъ Царства Польскаго, фельдмаршалъ Суворовъ, заговорилъ съ графомъ Николаемъ Александровичемъ и замѣтивъ его здравыя сужденія о будущихъ отношеніяхъ Польши къ Имперіи, съ свойственнымъ ему пріемомъ вдругъ обратился къ графу съ такимъ предложеніемъ:

— Vous êtes brave et honnête,—faites moi le plaisir d'épouser ma fille.

Смущенный графъ волей-неволей долженъ былъ выразить радостное согласіе, и въ тотъ же вечеръ Императрица, озадаченная такимъ оригинальнымъ сватовствомъ, благословила молодыхъ.

Было уже три часа. Къ обѣду собрались графъ Платонъ, Иванъ Владимировичъ Лопухинъ, нѣсколько молодежи. Въ голубой гостиной графиня занимала небольшое общество воспоминаніемъ о прѣздѣ къ Екатеринѣ шведскаго короля и сватовствѣ его за Анной Павловной; Лопухинъ рассказывалъ о Москвѣ, въ которой онъ жилъ съ малолѣтства и которую любилъ болѣе Петербурга. Шель оживленный разговоръ, ожидали фельдмаршала.

— Ихъ сіятельство, фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскій! громко возвѣстилъ толстый дворецкій у входа въ гостиную. Всѣ встали, Наталья Александровна быстро поднялась, чтобы встрѣтить отца, но фельдмаршалъ уже былъ въ гостиной.

— Здравствуй голубушка, Суворочка, проговорилъ онъ скороговоркой, цѣлуя дочь. Помилюй Богъ, какъ усталъ, во дворцѣ, дружокъ, не въ солдатской палаткѣ. Вашимъ сіятельствамъ.

поздоровался онъ съ зятемъ и графомъ Платономъ. А! Иванъ Владимировичъ,—колыхаемся, все батюшка, колыхаемся, намякнулъ фельдмаршалъ объ измѣнившихся отношеніяхъ къ нему Императора Павла.

— Вы изъ дворца, папа? спросила Наталья Александровна.

— Отъ Государя Императора, голубушка, отъ него. Обласканъ Его Величествомъ свыше мѣры, несказанно обласканъ. Твой старикашка, видишь ты, опять пригодился.

Начался общій разговоръ. Суворовъ солдатскими прибаутками ѣдко подсмѣивался надъ существующими порядками, дворомъ и интригами придворныхъ. Съ Лопухинымъ онъ особенно долго разговаривалъ о масонствѣ, но не раздѣлялъ его мистицизма, говоря:

— У насъ батюшка, Иванъ Владимировичъ, голова тонорной работы. Помилюй Богъ, намъ и не понять вашихъ умныхъ рѣчей. Мы разсуждаемъ просто: хочешь быть хорошимъ человѣкомъ—дѣлай хорошо, а хочешь быть праведнымъ—въ церковь ходи, посты соблюдай, отъ священнаго писанія читай.

Дворецкій доложилъ, что кушанье подано, фельдмаршалъ взялъ подъ руку дочь, а за ними все маленькое общество направилось въ столовую, отдѣланную, по старинной модѣ, темнымъ коричневымъ штофомъ съ дубовою, въ готическомъ вкусѣ рѣзною мебелью. За каждымъ изъ гостей стоялъ человѣкъ въ парикѣ, въ чулкахъ и въ красномъ фракѣ. Толстый дворецкій за отдѣльнымъ столомъ чинно разливалъ супъ, который разносился лакеями. Фельдмаршалъ сидѣлъ подлѣ хозяйки, и въ то время, какъ она начала было кушать, онъ кинулъ ей что то на салфетку. Оказалось, что это былъ перстень съ огромнымъ солитеромъ, величиною въ двадцати-копѣечную монету.

— Только что получилъ, голубушка, отъ Государя. Мнѣ старику онъ зачѣмъ, а тебѣ онъ пригодится.

Наталья Александровна была очень обрадована любезностью отца, и отъ души благодарила старика-фельдмаршала цѣлуя его руки. Перстень переходилъ отъ одного гостя къ другому, возбуждая всеобщее удивленіе своею красотой и размѣрами солитера.

Послѣ обѣда, въ сопровожденіи Прошки, фельдмаршалъ отправился домой, извиняясь, что долженъ притовтвиться къ выѣзду въ армию, а Наталья Александровна, придя въ уборную, долго любовалась предѣстнымъ алмазомъ, не зная что сдѣлать: подарить ли перстень мужу, или украсить рѣдкимъ солитеромъ свое знаменитое кольцо, не уступавшее по красотѣ и роскоши кольцу, подаренному Императоромъ Павломъ княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной.

— Лиза, подай мнѣ фермуаръ и кольцо, сказала она вшедшей камеристкѣ. Какъ ты думаешь, хорошо будетъ этотъ камень подѣсить сюда въ середину, спросила она Лизу, прикладывая солитеръ къ серединѣ кольца.

— Ахъ, какъ чудесно, ваше сіятельство, вскрикнула Лиза отъ удивленія, увидя цѣлый потокъ бриллиантоваго свѣта. Вотъ алмазъ, такъ алмазъ, дорого изволили заплатить, ваше сіятельство?

— Какая ты глупая, Лиза, развѣ я могу такую вещь покупать. Это мнѣ папа привезъ, а ему сегодня Государь подарилъ.

— Государь?! съ испугомъ, вскрикнувъ, вскрикнула Лиза.

— Что же тебя это такъ удивляетъ?

— Ничего, ваше сіятельство, я такъ, отвѣтила уже совсѣмъ сконфуженная Лиза.

Наталья Александровна съ удивленіемъ посмотрѣла на камеристку.

— Да что же съ тобой, Лиза?

— Ничего, право ничего, снова отвѣтила она опустивъ глаза.

— Ты что то скрываешь, посмотри на меня, сказала Наталья Александровна, взявъ Лизу за подбородокъ и поднявъ ей голову.

— Ваше сіятельство, алмазъ фальшивый! проговорила она тихо и невнятно, со слезами на глазахъ.

— Какой алмазъ? что ты говоришь?

— Этотъ! отвѣтила Лиза, указывая на перстень.

— Ты нынче совсѣмъ съ ума сошла, глупая дѣвчонка.

— Нѣтъ, онъ фальшивый, ваше сіятельство, продолжала настаивать Лиза.

— Перестань глупости говорить, начала сердиться Наталья Александровна. Я тебѣ сказала, что этотъ перстень подаренъ сегодня фельдмаршалу самимъ Государемъ, проговорила она строго.

— Простите, ваше сіятельство, ради Бога простите, но я знаю навѣрное, что онъ фальшивый.

— Да почему ты знаешь? спросила Наталья Александровна, начавъ пристально разсматривать перстень.

— Мнѣ Грина сказала, отвѣтила вся всхлинувъ Лиза.

Наталья Александровна еще разъ пристально посмотрѣла на Лизу и у ней невольно родилось сомнѣніе, что нѣтъ ли здѣсь мистификаціи, или даже подлога. Она знала, что Лиза влюблена въ Грину, и что Грина подмастерье у придворнаго ювелира, а потому высказанное ею увѣреніе, что алмазъ фальшивый, могло имѣть нѣкоторое вѣроятіе.

— Что же тебѣ говорилъ Грина? спросила она.

— А видите ли, ваше сіятельство, Якову Аммоновичу, т. е. ювелиру, сказано было, что если онъ нынче утромъ не доста-

вить перстня, то его въ Сибирь сошлютъ, а у него такого большаго алмаза не было. Опъ возьми какой то камень, натри его другими алмазами, да и сдѣлалъ перстень. Грину нынче всю почъ работаль.

Наталя Александровна ничего не сказала, вышла въ гостиную и уже поздно, когда разбѣхались гости, подъ секретомъ приказала Лизѣ позвать къ себѣ ювелира.

Яковъ Аммоновичъ еще не зналъ, что заготовленный имъ перстень находится въ рукахъ Натали Александровны. Приглашеніе въ такой поздній часъ зайти въ анартаменты графини, и боязнь за совершенный имъ подлогъ, окончательно разстроили ювелира. Весь дрожа шелъ онъ за Лизою по лестницѣ и едва переводя духъ вошелъ въ маленькую приемную, гдѣ на столѣ лежало кольцо и злополучный перстень.

— Извините, что я васъ побеспокоила такъ поздно, холодно начала Наталя Александровна, — но мнѣ необходимо, чтобы завтра утромъ готово было это кольцо. Я хочу солитеръ изъ этого перстня поставить въ середину. Какъ вы думаете, это хорошо будетъ? спросила она совсѣмъ растерявшагося ювелира.

Дрожащими руками взялъ перстень Яковъ Аммоновичъ и тотчасъ же бросился на колѣни передъ графиней.

— Ваше сіятельство, Бога ради, не погубите меня, началъ просить онъ умоляющимъ голосомъ. Я не виновенъ, видитъ Богъ не виновенъ. Камень этотъ поддѣльный, я получилъ за него сегодня деньги изъ кабинета, и сегодня же выписалъ изъ Голландіи настоящій солитеръ. Вы получите настоящій камень черезъ два мѣсяца, а до тѣхъ поръ умоляю васъ сохранить тайну. Если Государь узнаетъ, — я погибшій человекъ.

Наталя Александровна увидала, что здѣсь не было злаго умысла и успокоила робѣвшаго ювелира. Опъ рассказалъ ей, какъ прїѣзжалъ вчера графъ Растончинъ, какъ напугалъ его словами Государя, такъ что ему ничего не оставалось дѣлать, какъ только прибѣгнуть къ поддѣлу.

— Я, ваше сіятельство, уже бѣгалъ сегодня на квартиру къ фельдмаршалу и спрашивалъ ихъ камердинера Прокофія Герасимовича, да ничего не могъ узнать, говоритъ, что ему неизвестно, чтобы Государь пожаловалъ фельдмаршала перстнемъ.

— Очень рада, что все такъ случилось и что вы можете теперь быть спокойны. Объ этомъ перстнѣ никто не будетъ знать, я вамъ обещаю, сказала Наталя Александровна, но взамѣнъ того и вы должны исполнить мою просьбу.

— Ахъ, ваше сіятельство, какую угодно, приказывайте.

— Моя просьба небольшая, отпустите вашего подмастерья Грину.

Яковъ Аммоновичъ раскрылъ широко глаза и удивленно посмотрѣлъ на графиню.

— Васъ это удивляетъ? Все это очень просто. Моя камеристка влюблена въ него, а онъ ее любитъ. Они хотятъ повѣнчаться, но такъ какъ онъ обязанъ у васъ служить еще девять лѣтъ, то этого сдѣлать они не могутъ. Зачѣмъ же вы, скажите пожалуйста, будете препятствовать ихъ счастью?

— Да, да, совершенно вѣрно, отвѣтила растерянно Яковъ Аммоновичъ, — зачѣмъ мѣшать ихъ счастью...

— Развѣ вамъ жалко Грину, спросила удивленно Наталя Александровна.

— Какъ же не жалко, ваше сіятельство, я его полюбилъ, какъ сына, юноша онъ скромный, отличный мастеръ, у меня онъ теперь правая рука... Ну, да что дѣлать, я долженъ исполнить волю вашего сіятельства, сказалъ вздохнувъ Яковъ Аммоновичъ.

— Онъ у васъ можетъ работать первое время, наконецъ, вы можете не разставаться съ нимъ, пока онъ не устроится, начала его успокаивать Наталя Александровна.

— Пѣтъ, ужъ это не то, ваше сіятельство, возразилъ Яковъ Аммоновичъ почти со слезами на глазахъ.

Черезъ два мѣсяца, у графини Натали Александровны былъ настоящій, великолѣпный солитеръ. Яковъ Аммоновичъ, какъ ни тяжело ему было, въ скоромъ времени разстался съ Гринею, котораго графъ Зубовъ опредѣлилъ къ себѣ въ домовую контору, а Лиза получила назначеніе помощницы экономки. Свадьбою ихъ занялась Наталя Александровна, причемъ, когда потребовались документы Грину, то Яковъ Аммоновичъ вручилъ графинѣ ящичекъ, который найдень былъ вмѣстѣ съ Гринею, когда его подкинули отставному сержанту. Въ ящичкѣ этомъ Наталя Александровна нашла золотой крестикъ и свидѣтельство Самсоньевской церкви о крещеніи младенца, причемъ восприемникомъ и восприемницей поименованы были дѣвица Кулибина и графъ Кушелевъ-Безбородко...

Свадбу молодые сыграли на графскій счетъ, но жить долго въ домѣ графа имъ не пришлось. Яковъ Аммоновичъ заскучалъ, оставилъ дѣло и возвратился къ себѣ на родину въ Амстердамъ. Заведеніе свое онъ передалъ Грину, впоследствии Григорію Михайловичу и вотъ, почти спустя вѣкъ, внукъ его по сей день достойно поддерживаетъ фирму амстердамскаго основателя ея.

Къ рисункамъ.

Въ отпуску.

(Рис. на стр. 228 и 229).

Чрезвычайно быстро заслужившій большую извѣстность своими сценами изъ жизни горшаго Тироля, Францъ Дефрегеръ въ этихъ сценахъ достигъ поразительнаго мастерства. Напримѣръ въ картинѣ „Въ отпуску“, конія которой здѣсь помѣщена, сколько жизни, мѣткости, какъ закончена и вѣрна каждая малѣйшая подробность, выраженіе лицъ, положеній, какая глубина пониманія и какъ сосредоточено дѣйствіе! Напряженное вниманіе, полное любопытства и любви, сосредоточено около героя семьи—этого ловкаго, веселаго молодца, внезапно пришедшаго къ своимъ въ отпускъ, въ своемъ красивомъ мундирѣ. Опъ что то оживленно рассказываетъ—о своей жизни въ полку, конечно, смотрахъ, увечьяхъ, прїѣздѣ императора, жизни въ томъ большомъ, блестящемъ городѣ, гдѣ стоитъ ихъ полкъ. Сдержанное оживленіе и радость горятъ въ глазахъ его отца, главы семьи, глубокое вниманіе и увлеченіе оживленнымъ разговоромъ заставило старушку-бабушку распусить цѣли и уронить клубокъ, а юное поколѣніе съ такимъ милымъ любопытствомъ возвратиться въ прїѣздаго. Каждое лицо здѣсь полно жизни и выраженія и каждое внимательно сообразно возрасту и характеру. Сдержаннѣе любопытство молодыхъ дѣвушекъ. Но какъ прелестенъ этотъ мальчикъ справа и дѣвочка, какъ милъ этотъ малютокъ увлекшійся блестящими пуговицами мундира старшаго брата! Мать хлопочетъ варить кофе дорогомъ любимцу. Дѣтямъ хочется его распранивать, но они еще не обвыкли, не рѣшаются. Эта мастерская картина доставляетъ истинно-художественное наслажденіе.

Видъ Москвы, Н. Е. Маковского.

(Рис. на стр. 233).

Между другими выставленными картинами XIII передвижной выставки часто встрѣчается имя талантливыхъ братьевъ Маковскихъ. Кромѣ картинъ В. Маковского, который одинъ представилъ до 50 номеровъ, есть 10 очень милыхъ и прелестно исполненныхъ вещей брата его, Н. Е. Маковского. Конію съ одной изъ нихъ мы здѣсь помѣщаемъ. Какіе живописные, характерные уголки есть въ нашей древней столицѣ, въ родѣ того вида у Дорогомилловскаго моста, который облюбовалъ и изобразилъ такъ хорошо талантливый художникъ! Эти маленькіе старые домики исконныхъ обывателей, гирлянда картина

работы слѣва, густо заросшій старыми деревьями берегъ рѣки и вѣнчающая все это небольшая старая церковь—все это дышетъ такимъ мирнымъ спокойствіемъ забытаго уголка огромнаго города, уголка живущаго своей маленькой жизнью, не много заботящагося о тревожащихъ событіяхъ, идущихъ мимо него.

Петровский дворецъ въ Москвѣ.

(Рис. на стр. 236 и 237).

Среди красивыхъ окрестностей, которыми такъ богата Москва, Петровский паркъ съ Петровскимъ дворцомъ, пользуется особенною любовью москвичей. Это объясняется можетъ быть близостью ихъ отъ города; такъ какъ паркъ и дворецъ расположены лишь въ двухъ верстахъ отъ московскихъ триумфальныхъ воротъ императора Александра I, по правую сторону петербургскаго шоссе. До 1776 года мѣсто это было совершенно пустынное; оно принадлежало Высокопетровскому монастырю, почему и получило названіе Петровскаго. На всемъ этомъ пространствѣ издавна существовали глиняныя кони, кой гдѣ какъ оазисы виднѣлась тощая зелень, лачуги огородниковъ, поляны засѣяныя рѣпой, да землянки ямщиковъ тверской слободы, которые копали глину и песокъ. Въ 1776 году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, здѣсь началъ строиться дворецъ архитекторомъ Казаковымъ въ затѣйливомъ мавританскомъ вкусѣ. Этотъ дворецъ назывался поддѣльнымъ дворцомъ и служилъ обыкновенно мѣстомъ пребыванія императрицы до вѣзда въ первопрестольную столицу. Въ первый разъ, по прїѣздѣ изъ Петербурга въ Москву, Екатерина оставалась въ этомъ дворцѣ въ 1787 году. Она отослала приготовленную для нея стражу, сказавъ, что желаетъ быть подъ охраною преданнаго ей народа. И народъ понялъ довѣріе къ нему императрицы: онъ тихо толпился около дворца и каждый остерегалъ другъ друга говоря: „не шумите, не нарушайте покоя нашей матушки“.

Петровскому дворцу суждено было достоять въ прежнемъ видѣ лишь до достопамятнаго 1812 года. Во время пожара Москвы въ немъ провелъ Наполеонъ цѣлые четыре дня и тутъ же былъ подписанъ имъ приказъ объ обратномъ походѣ. По отбѣздѣ Наполеона, петровскій дворецъ не избѣгъ общей участи другихъ зданій Москвы: онъ былъ опустошенъ пожаромъ, неизвѣстно отъ небрежности, или отъ умышленнаго поджога, и восстановленъ изъ развалинъ лишь около 1840 года. Съ этого времени роль его не измѣнилась. Здѣсь наши государи обыкновенно

повенно гостить не по долгу, приѣзжал на коронацію или для осмотра войск на ближайшем Ходынскомъ полѣ, которое разстилается прямо противъ дворца, по другую сторону петербургскаго шоссе. На этой равнинѣ въ бѣдственное время самозванцевъ стояли защитники отечества противъ Тушинскаго вора, который укрѣнился противъ деревни Тушино. Въ настоящее время на этомъ обширномъ полѣ каждое лѣто бываетъ расположенъ лагерь войскъ и все лѣто производится здѣсь ученья, заканчивающіяся общими маневрами.

Внѣшній видъ Петровскаго дворца очень красивъ среди яркой зелени парка. Дворецъ возобновленъ въ затѣливомъ мавританскомъ стилѣ; украшенъ посрединѣ широкимъ куполомъ и зубчатыми башенками съ красивымъ балкономъ и крыльцомъ, навѣсъ котораго поддерживается узорными, изящными колонками въ восточномъ вкусѣ. Яркій цвѣтъ всѣхъ деталей дворца придаетъ ему еще довольно свѣжій видъ, не смотря на его столѣтнее существованіе.

Мостъ черезъ р. Ингулецъ, на Екатерининской ж. д.

(Рис. на стр. 236 и 237).

Сообщая въ № 18 „Нивы“, за минувшій годъ объ оконченномъ въ то время екатеринославскомъ мостѣ черезъ рѣку Днѣпръ, мы упомянули о другомъ, не менѣе значительномъ мостовомъ сооруженіи на той же дорогѣ — Ингулецкомъ мостѣ, соперничающемъ своею высотой со Мстинскимъ мостомъ на Николаевской д. Екатерининская дорога (первоначально называвшаяся Криворогскою) пересѣкаетъ р. Ингулецъ вблизи мѣстечка Кривой Рогъ (Херсонской губ.); мѣстность у Криваго Рога заключаетъ богатая залежь желѣзной руды, дающей до 75% чистаго желѣза; пласты руды мѣстами выклиниваются на поверхность земли; въ будущемъ ожидается обширная добыча руды, для снабженія южныхъ заводовъ Россіи чугуномъ. Мостъ черезъ Ингулецъ устроенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ пологій правый берегъ, образующій широкую долину, переходитъ въ почти отвѣсную скалу, на которой, какъ видно на рисункѣ, громоздится лѣвый устой моста. Мостъ, при полной длинѣ между задними стѣнками устоевъ въ 152 саж., состоитъ изъ 5 пролетовъ: одинъ изъ нихъ большой, въ 45 саж., перекрываетъ самую рѣку, а четыре меньшихъ, по 25 саж., идутъ по правому, постепенно возвышающемуся берегу. Оба устоя, правый высотой 7 саж. и лѣвый 12 саж., помѣщены на гребняхъ оврага, представляющихъ обнаженія кварцита. Рѣчной быкъ (№ 1), имѣющій полную высоту до 23 саж., пришлось возвести на желѣзномъ кессонѣ, погруживъ его черезъ слой песку, до плотной глины; остальные 3 быка основаны прямо на каменномъ грунтѣ. Для удобства удаленія земли при рытвѣ глубокихъ котловановъ для быковъ № 2 и 4 (считая отъ рѣки), пользовались временно устроенной подземной галлереей, выходящей изъ котлована быка по направленію къ рѣкѣ. Работы по устройству быковъ потребовали времени съ іюля 1882 г. по ноябрь 1884 г., причемъ въ послѣдніе полгода работа велась и почная при электрическомъ освѣщеніи. Для ускоренія дѣла часть кладки на быкахъ № 3 и 4 выведена была зимою 1883 г. въ построенныхъ надъ быками теплыхъ баракахъ, но ранняя весенняя вода, поднимавшаяся на 5 саж., повредила бараки, что и заставило прекратить работы до спада воды. Каменные опоры выведены изъ мѣстнаго песчаника и гранита съ облицовкою гранитомъ розоваго и сѣраго цвѣтовъ.

Желѣзное строеніе моста представляетъ въ 4 меньшихъ пролетахъ фермы рѣшетчатой системы, а въ большомъ пролетѣ фермы полупараболической системы съ нижнимъ криволинейнымъ поясомъ.

Верхніе пояса фермъ связаны между собою системою желѣзныхъ же поперечныхъ и продольныхъ балочекъ, поддерживающихъ помощью шпаль рельсовый путь. Система связей между фермами въ видѣ распорокъ и диагоналей дополняетъ устройство металлическаго строенія. Сборка фермъ, потребовавшая отъ завода крайне напряженной работы съ сентября 1883 г. по апрѣль 1884 г., производилась на подмостяхъ, причемъ для большого пролета управленіемъ дороги устроены были подмости подкосной системы, сами по себѣ при своей высотѣ представлявшія грандиозное временное сооруженіе.

Стоимость моста около 900000 руб., что даетъ на футъ длины

моста 846 руб. Каменной кладки въ опорахъ до 1,000 куб. сажень, металла въ желѣзномъ строеніи 68400 пуд., порландскаго цемента (русскихъ заводовъ) потребовалось до 9,000 бочекъ. Всѣ опоры, поставленныя другъ на друга, даютъ столбъ въ 92 саж.

Высота сооруженія отъ уровня рельсовъ до гор. низкихъ водъ 23 саж., а вся высота строенія до подошвы кессона въ быкѣ № 1—32 саж.

Металлическое строеніе моста исполнено Брянскимъ заводомъ, кессонное же основаніе быка № 1 С.-Петерб. Металлическимъ заводомъ. Сооруженіемъ моста завѣдывалъ нач. участка инж. С. М. Гуттъ, при общемъ наблюденіи по постройкѣ дороги нач. раб. В. А. Титова. Проектъ желѣзнаго строенія моста составленъ Н. А. Бѣделюбскимъ.

При удачной сортировкѣ цвѣта облицовки на каждой опорѣ, при значительной высотѣ всего строенія, висящаго надъ отвѣсной скалою съ рудными обнаженіями и открывающаго подъ собою прекрасную панораму, наконецъ при живописности самой мѣстности Криваго Рога, богатой дарами природы, посѣщеніе Ингулецкаго перехода и окрестностей Криваго Рога доставитъ несомнѣнно наслажденіе и технику, и художнику.

П. М. Лессаръ.

Определеніе афганской пограничной линіи все еще остается нерѣшеннымъ. Теперь посланъ въ Среднюю Азію нашъ инженеръ Лессаръ, который недавно находился въ Лондонѣ.

Миссія Лессара англійскія газеты придаютъ большое значеніе, можетъ быть больше чѣмъ она имѣетъ. Лессаръ не уполномоченъ предъявить Лондонскому кабинету новыя требованія Россіи,—это несомнѣнно съ его служебнымъ положеніемъ—онъ какъ компетентное лицо лишь будетъ состоять въ качествѣ прикомандированнаго при русскомъ посольствѣ во время предстоящихъ переговоровъ.

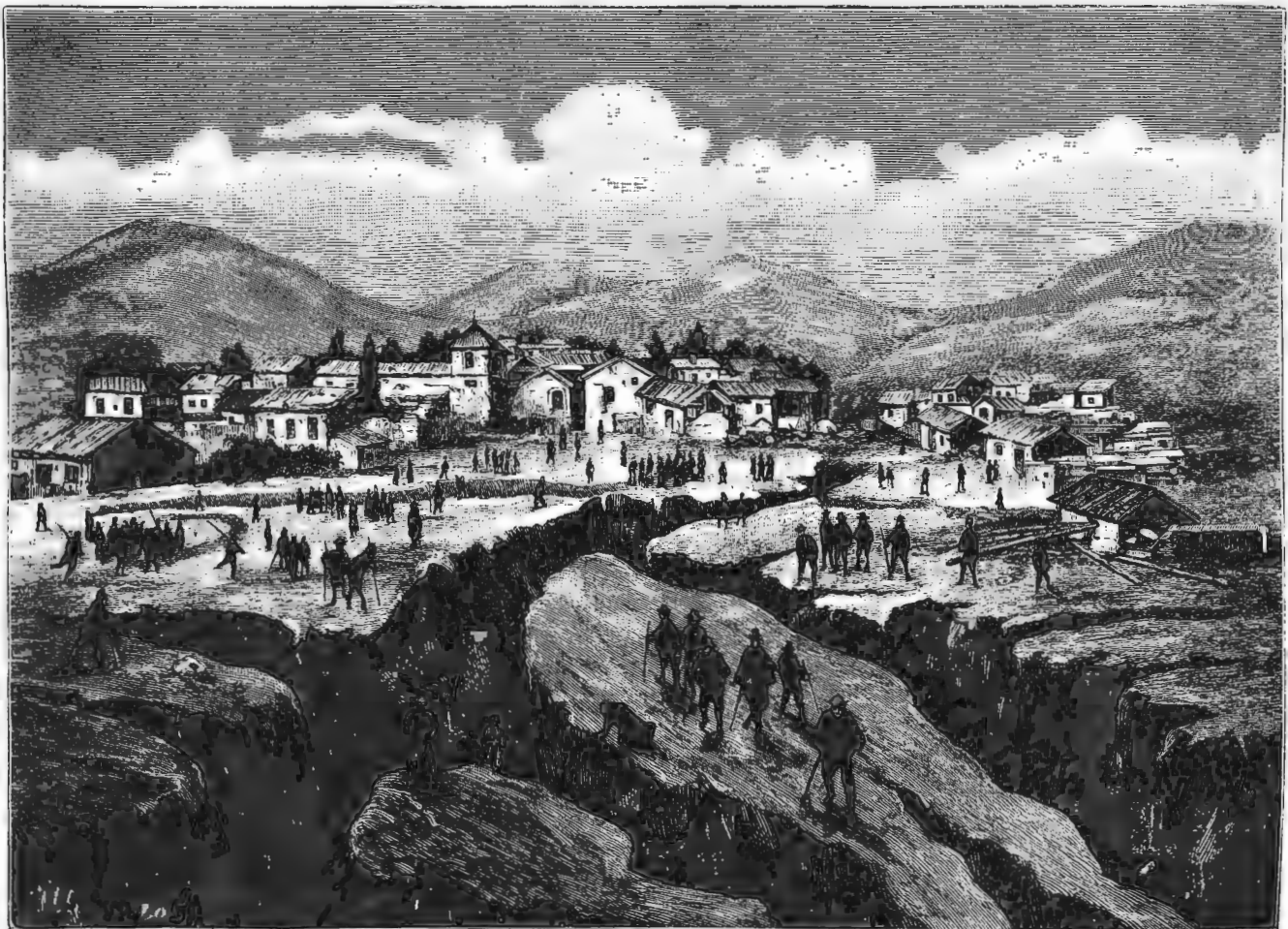
Переговоры касаются определенія въ принципѣ той полосы земли, въ предѣлахъ которой будетъ проведена линія новой границы. Въ 1872 г. была установлена граница владѣній Россіи и Англии въ Средней Азій. Россія до сихъ поръ однако остается безъ удовлетворительнаго отвѣта на предложеніе о пограничной линіи. Но когда Англія заняла своей пограничной комиссіей всю область этого пояса, Россія не оставалось ничего болѣе какъ двинуть свой отрядъ тоже въ эту область, что именно и вызвало занятіе Пуль-и-Шагуна. Обоюдное это занятіе осложнило вопросъ. Желательно конечно въ общихъ интересахъ миролюбивое устраненіе временнаго недоразумѣнія, но это недоразумѣніе заставитъ министерство Гладстона дать наконецъ положительный отвѣтъ.

Съ конца лѣта прошлаго года въ политической печати упоминалось объ Афганистанскомъ разграниченіи. П. М. Лессаръ, справедливо считается однимъ изъ видныхъ нашихъ дѣятелей по изслѣдованію азіатскихъ окраинъ Россіи. Павелъ Михайловичъ Лессаръ—потомокъ выходца изъ Черногоріи и сынъ офицера русской службы. Посвятивъ первые годы службы, по окончаніи въ 1873 г. курса въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, спеціальной своей дѣятельности внутри Россіи*), П. М. Лессаръ въ 1882 г., при открытіи военныхъ дѣйствій въ Ахаль-Теке, поступилъ къ генералу Скобелеву для производства изысканій линіи желѣзной дороги отъ Михайловскаго залива до Кизиль-Арвата, въ постройкѣ которой затѣмъ и участвовалъ. Осенью 1881 года, съ покореніемъ Ахаль-Теке, П. М. Лессару поручено было производство изысканій отъ Асхабада до Серакса, и съ этого времени начинается рядъ его изслѣдованій въ Туркменіи и сопредѣльныхъ съ нею странахъ. Совершенное имъ замѣчательное географическое открытіе, опровергло прежнія представленія о характерѣ горной страны, отдѣляющей Гератскую долину отъ Туркменіи. Отсутствие неприступной преграды для движенія къ Герату съ сѣвера, обратило на себя вниманіе Англіи; значеніе этого открытія обсуждалось въ газетахъ, было доложено серомъ Генри Роулинсономъ въ

*) П. М. Лессаръ принималъ участіе въ работахъ по возведенію Полтвскаго порта, завѣдывалъ работами по устройству канала къ новому доку въ Кронштадтѣ, а во время войны 1877—1878 гг. строилъ желѣзнодорожный мостъ черезъ Прутъ и ближайшій къ Галацу участокъ Бендеро-Галацкой желѣзной дороги. Описание желѣзнодорожныхъ сооруженій, произведенныхъ въ теченіе войны, составленное Лессаромъ, появилось въ печати въ 1878 году; оно переведено на французскій языкъ и издано Е. Ласроизъ.

Выставка въ Нью-Орлеанѣ. Калифорнійскій отдѣлъ Поперечный разрѣзь колоссальнаго дерева По фотогр. грав Флюгель.

Землетрясеніе въ Испани. Разсѣвшіяся сналы близъ города Гведаара Цу рис. Д. W рисоваль И Сусловъ, грав М. Рашевскій.
Библиотека "Руниверс"

особым засѣданіи Лондонскаго географическаго общества и наконецъ описаніе путешествія П. М. Лессара составило предметъ особой „Синей книги“. Изысканія Лессара дали ему случай коснуться жизненнаго вопроса Атека, а именно, распределения водъ въ рѣчкахъ, питающихъ оазисъ и имѣющихъ свои верховья въ персидскихъ владѣніяхъ. За произведенія во время его путешествій изслѣдованія П. М. Лессару была присуждена Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ золотая медаль. Въ началѣ прошлаго года П. М. Лессаръ былъ въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ начальника закаспійской области генерала Комарова при занятіи Мерва, и на слѣдующій день во вступленіи русскихъ войскъ въ Кошутъ-Ханъ-Калу направился вверхъ по Мургабу въ поселенія туркменъ-сарыковъ въ Пенде. Эта поѣздка, сообщеніе о которой читано П. М. Лессаромъ 5-го декабря въ общемъ собраніи Императорскаго русскаго географическаго общества, дополнила прежде сдѣланныя имъ изслѣдованія и выяснила общій характеръ всей мѣстности, приобретающей теперь столь важное значеніе въ вопросѣ о разграниченіи туркменскихъ земель съ Афганистаномъ. Результаты изслѣдованій П. М. Лессара, по мѣрѣ производства работъ, были сообщаемы и печатались въ извѣстіяхъ Императорскаго русскаго географическаго общества за 1882—1884 года.

Калифорнійскія деревья на выставкѣ въ Нью-Орлеанѣ.

(Рис. на стр. 241).

Извѣстно, что самыя высокія и толстыя деревья встрѣчаются исключительно въ Калифорніи; въ Африкѣ достигаютъ громадной толщины лишь одни боабабы; въ Европѣ же деревья, достигшія феноменальной вышины или окружности ствола, извѣстны всѣ на перечесть, такъ какъ ихъ очень немного. Знаменитый капитанъ Этви, близъ Нейштадта въ Виртембергѣ и наконецъ громадный платанъ въ Вуюкдере, подъ которымъ по преданію стоялъ лагерь Готфрида Бувонскій на своемъ пути къ Иерусалиму, вотъ тѣ гигантскія по своимъ размѣрамъ деревья, которыми по справедливости гордится Европа. Но всѣ они могутъ казаться пигмеями въ сравненіи съ громадными калифорнійскими великанами растительнаго царства, которые остаются здѣсь даже незамѣченными, такъ какъ составляютъ очень обычное явленіе. Такъ, дерево, которое красовалось недавно на выставкѣ въ Нью-Орлеанѣ, имѣло восемнадцать футовъ въ діаметрѣ; по это дерево не составляетъ исключенія; много другихъ, еще толще, растутъ въ Юстинской долині, и между послѣдними, какъ говорятъ, встрѣчаются такія деревья, которыя достигаютъ до тридцати шести футовъ въ діаметрѣ, т. е. представляютъ такую площадь въ поперечникѣ, на которой легко помѣстятъ не только четырехъ лошадей, но даже и широкую дорожную карету. Древесина этихъ деревьевъ, безъ чуръ плогная, какъ строительный матеріалъ, не особенно цѣнится при облицовкѣ тунелей, потому что не пропускаетъ сырости. Но за то это свойство калифорнскаго лѣса дѣлаетъ его чрезвычайно годнымъ и полезнымъ для покрышки домовъ, и деревянныя крыши изъ этого дерева теперь понемногу вытѣсняются въ Америкѣ асбидныя и оловянныя пластинки и входятъ во всеобщее употребленіе.

Землетрясеніе въ Испаніи.

(Рис. на стр. 241).

Недавно (въ № 5 „Нивы“) была у насъ подробная статья объ ужасающихъ извѣстіяхъ изъ Испаніи, о небываломъ со временъ Лиссабонскаго несчастья—въ 1755 г. землетрясеніи. Катастрофа была ужасна. Почва растрескалась, треснули всѣ на большомъ разстояніи скалы, въ которыхъ отдалось внутреннее движеніе. Рушились зданія, провалилась земля, образовались внезапно ужасныя расщелины и пропасти въ скалахъ, разсѣлины подобныя тѣмъ ужасающимъ по своимъ размѣрамъ, которыя представлены на нашемъ рисункѣ. Здѣсь—близъ горнаго городка Гведальра, между скалами образовались пропасти, около которыхъ съ ужасомъ толпились несчастные, достигнутые бѣдствіемъ, люди. Здѣсь безсильны средства человека и невозможна борьба. Землетрясенія, происходящія отъ подземныхъ переворотовъ, бывають всегда внезапны и случайны. Наибольше подверженны имъ области, разумѣется, вулканическія, гористыя или расположенныя вблизи моря. Пиринеи также принадлежатъ къ такимъ областямъ. Они образовались подъ вѣдъ другихъ вулканическихъ областей, напр. Альпъ, и по мнѣнію ученыхъ, наслоеніе ихъ еще не окончено. Больше 120 лѣтъ не подавали Пиринеи признаковъ опасности. Во многихъ мѣстахъ насчитывалось до 45 послѣдовательныхъ ударовъ—удары были коротки, не болѣе секунды, и что очень рѣдко бывають—они достигали даже вершинъ горъ.

Скелетъ пещернаго медвѣдя.

(Рис. на стр. 244).

Въ различныхъ известковыхъ горахъ австрійскихъ Альпъ находится множество, иногда въ нѣсколько верстъ длины,

развѣтвляющихся пещеръ, происхожденіе которыхъ зависитъ отъ различныхъ причинъ. Большая часть этихъ пещеръ образовалась отъ поднятія, опущенія и скатыванія пластовъ земли, зачастую отъ отслоенія подвижнаго матеріала рѣкъ въ иль рѣсныхъ нервыбныхъ морей; пещеры, опускаясь, были нѣсколько разъ закрываемы и впоследствии снова размывались водою, образовавъ новые стоки, такъ что теперь въ известковыхъ массахъ нѣрѣдко встрѣчается по нѣсколько пещеръ, лежащихъ одна надъ другою. Дальнѣйшія измѣненія придали пещерамъ самыя разнообразныя формы. Различныя дельты, устья и рукава рѣкъ являются теперь въ видѣ колоннъ, соборовъ, гротовъ и трубъ, прежіи матеріалъ которыхъ, какимъ они наполнялись, былъ смѣтъ проникшей водою и гдѣ теперь появились третичныя и дилювіальныя наслоенія. Съ теченіемъ времени воды промывы въ известковыхъ горахъ долины и пропасти, и старые ручьи встрѣчаются иногда на нѣсколько сотенъ метровъ подъ нынѣшними руслами рѣкъ.

Въ одной изъ такихъ пещеръ, находящейся въ отвѣсной, въ нѣсколько сотенъ метровъ вышины скалѣхъ возлѣ Пеггау, былъ найденъ недавно (рисунокъ помѣщенъ на стр. 244) скелетъ пещернаго медвѣдя (*Ursus spelaeus*), а также черепъ другаго такого же животнаго. Все это открыто въ мѣстности совершенно нетронутой, такъ какъ она была покрыта слоемъ сталактита въ 10—15 центиметровъ толщины, который въ свою очередь лежалъ на смѣси изъ остатковъ костей, известковаго шпата и песку. Кости были разбросаны на пространствѣ въ 8 квадратныхъ метровъ и стоило большаго труда извлечь ихъ безъ поврежденія. Черепъ, лежащій на нашемъ рисункѣ на доскѣ, замѣчательнъ прекраснымъ, въ 3 и 6 центиметровъ длины, кристаллами изъ известковаго шпата, которыми покрыта внутренность его. Разстояніе между коренными зубами равняется 14 цент., лобъ—17 цент.; черепъ же скелета имѣетъ въ тѣхъ же мѣстахъ 10 и 13 центиметровъ. Изображенный на рисункѣ скелетъ можно считать самымъ большимъ и самымъ лучшимъ изъ всѣхъ найденныхъ до сихъ поръ. Вышина его 3 метра (4 $\frac{1}{4}$ ар.) и за немногими неизбежными поврежденіями онъ сохранился всецѣло.

Подъ остатками костей, въ рыхлыхъ, наносныхъ слояхъ, на глубинѣ 1—2 метровъ нѣрѣдко можно узнать мѣсто раскладыванія огня съ нѣсколькими черенками горшковъ и обломками кремня. Въ болѣе глубокихъ слояхъ черенки не имѣють никакихъ украшеній и сдѣланы грубо; напротивъ въ высшихъ мѣстахъ они лучшей работы и нѣрѣдко съ украшеніями. Горшки, найденные на глубинѣ 30 центим., покрыты внутри слоемъ въ 2 центим. толщины шлаковой, съ металлическимъ блескомъ массы, которая послѣ химическаго изслѣдованія оказалась углемъ, происшедшимъ изъ смѣси крови и муки, т. е. оказалась обуглившимися остатками пищи. Очень возможно, что это остатки хлѣба, слой котораго оставался послѣ всякаго печенья, пока наконецъ горшокъ становился негоднымъ къ употребленію.

Интересна находка въ этомъ мѣстѣ прозрачнаго, полированного крючка для ловли рыбы, сдѣланнаго изъ сталактита и имѣющаго 4 центим. длины и 7—8 миллиметровъ толщины. Крючокъ употреблялся вѣроятно безъ приманки, такъ какъ онъ самъ похожъ на червяка. Для испытанія прочности подобнаго крючка, на такой же величины кусокъ сталактита привѣсили тяжесть въ 15 килограммовъ. Сталактитъ не обломался, что доказываетъ, что крючокъ былъ пригоденъ для ловли рыбы большаго размѣра. Кремневыхъ орудій найдено сравнительно мало. По всей вѣроятности человекъ только случайно заходилъ въ пещеры, не избирая ихъ своимъ постояннымъ мѣстомъ жительства.

Подъемная машина и мостъ въ Стокгольмѣ.

(Рис. на стр. 245).

Часть города Стокгольма Мозебаке (гора Моисей) построена на отвѣсныхъ скалахъ въ 35 метровъ вышины (1 метръ—1 $\frac{1}{2}$ аршина), что значительно затрудняетъ сообщеніе съ нею, такъ что даже иностранцы неохотно посѣщали ее, хотя оттуда открывается чудный видъ на весь городъ. Теперь же неудобство это устранено. Капитанъ Линдмаркъ получилъ концессию на постройку подъемной машины, которая окончена и дѣйствуетъ уже съ 1883 г. Подъемная машина сдѣлана вся изъ ковannaго желѣза и состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: горизонтальнаго помоста и четырехъ поддерживающихъ его столбовъ. Передній изъ этихъ столбовъ болѣе всего привлекаетъ вниманіе. Вышина его равняется 35 метрамъ; въ немъ движутся попеременно внизъ и вверхъ двѣ каюты, каждая на пятнадцать человекъ. Внутри каюты эти похожи на маленькія комнатки, очень удобно меблированныя. Спускъ и подъемъ ихъ совершается при помощи громаднаго ворота, приводимаго въ движеніе паровой машиной и соединеннаго съ вею гидравлическаго пресса. Движеніе совершается со скоростью одного метра въ секунду. Внизу столба устроена станція, боковые флигели которой отведены подъ вышеупомянутыя машины. На верху столба устроенъ ресторанъ съ балконами, откуда можно осматривать городъ. За поѣздъ въ машинѣ назначена самая незначительная плата: за подъемъ пять эръ и за спускъ три эр (1 эръ=1/4 коп.).

Политическое обозрѣніе.

Англія.—Турція.—Франція и Китай.—Швейцарія.—Бельгія.

Англійскія газеты высказываютъ надежду, что натянутыя отношенія между Англіей и Германіей должны скоро прекратиться. По ихъ мнѣнію, въ недоразумѣніяхъ виноваты обѣ стороны, но на некультурованныхъ пунктахъ земнаго шара будетъ достаточно мѣста для обоихъ государствъ. Въ опубликованной новой „Синей книгѣ“ о южно-африканскихъ дѣлахъ сообщаются заявленія лорда Гренвилля германскому послу, что британская экспедиція въ страну Бечуановъ не имѣетъ никакой связи съ колониальнымъ движеніемъ Германіи въ Ангрѣ-Пеквенѣ. Британское правительство ничего не имѣетъ сказать противъ распространенія германской колонизаціи въ Ангрѣ-Пеквенѣ, равно какъ противъ протектората Германіи надъ побережьемъ Дамары и Намачуи. Что же касается положенія, приобретеннаго Германіею въ Камерунѣ, то, по словамъ денешъ, британское правительство относится безъ чувства соперничества какъ къ присутствію Германіи по содѣйствію съ его новѣйшими пріобрѣтеніями въ бассейнѣ Масляной рѣки, такъ и къ распространенію германскихъ владѣній по направленію къ верховьямъ Калабаса.

Не смотря на опасность министерскаго кризиса, въ виду парламентскихъ прерій по вопросу о заявленіи недовѣрія къ политикѣ правительства, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Лондона, Гладстонъ остается у дѣлъ и нынѣшнее британское министерство не подаетъ въ отставку. Хотя въ недавнемъ совѣтѣ министровъ многіе члены кабинета, а въ томъ числѣ и Гладстонъ, высказались за немедленный выходъ въ отставку, но противное мнѣніе одержало верхъ. Кабинетъ рѣшилъ посѣтить обсужденіемъ билля о преобразованіи избирательныхъ округовъ, внести проектъ новой регистраціи выборщиковъ и, по утвержденіи ихъ парламентомъ, распустить послѣдній, съ тѣмъ, чтобы въ первыхъ числахъ ноября произвести новыя выборы. Впрочемъ, нельзя не сознаться, что положеніе либеральнаго министерства весьма непрочное, и что оно легко можетъ рухнуть подъ напоромъ коалиціи консерваторовъ съ радикалами, могущей образоваться во время прерій о новыхъ кредитахъ для суданской экспедиціи.

Гассанъ-Феми-паша, турецкій уполномоченный, пребывающій теперь въ Лондонѣ, рѣшился выждать результатовъ прерій британскаго правительства, для возобновленія съ сентъ-джемскимъ кабинетомъ своихъ переговоровъ, прерванныхъ вслѣдствіе вѣсеннаго въ парламентѣ предложенія о заявленіи порицанія министерству. Если Гладстонъ останется у дѣлъ, то турецкій уполномоченный будетъ продолжать свои совѣщанія съ лордомъ Гренвиллемъ, допустившимъ въ принципѣ право вѣнзательства Турціи въ суданскія дѣла, и въ то же время давшимъ понять Порта, что ей слѣдовало бы заблаговременно озаботиться подготовленіемъ средствъ къ перевозкѣ извѣстнаго числа войскъ на тотъ или другой пунктъ Чермнаго моря. По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Каира, около шести тысячъ турецкихъ войскъ уже ожидаютъ приказанія съѣхать на суда и направиться къ берегамъ Египта. Весь вопросъ заключается лишь въ томъ, какъ огнесутся итальянцы, занимающіе Массову и Бейлуцъ,

къ появленію турецкихъ солдатъ на Пубійскомъ побережьи. Дѣла французовъ въ Тонкинѣ начинаютъ принимать весьма благоприятный оборотъ. Генералъ де-Лилль съ систематическою настойчивостью продолжаетъ преслѣдовать заданную имъ себѣ задачу—вытѣснить совершенно китайцевъ изъ Тонкина. Неславная побѣда, одержанная французами при Туанъ-Квангѣ, даетъ имъ возможность предпринять дальнѣйшее движеніе къ китайской границѣ. Кроме того, генералъ Негрие окончательно очистилъ отъ непріятеля восточную часть полосы, лежащей со стороны Лангсона. Онъ разрушилъ китайскіе пограничные форпосты и поставилъ китайцевъ въ необходимость отступить въ сторону Юнапа. Если генералъ Бриеръ де-Лилль будетъ продолжать свое наступленіе съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ до сихъ поръ, то уже недалеко то время, когда китайцевъ вовсе не останется въ Тонкинѣ. Тогда французы получатъ возможность сосредоточить всѣ свои силы на такихъ военныхъ дѣйствіяхъ, которыя могли бы произвести въ Китаѣ наиболее сильное впечатлѣніе и заставить китайцевъ подумать о скорѣйшемъ заключеніи мира. Объявленіе рѣса военной контрарандой составляетъ первый шагъ въ этомъ направленіи. Эскадра адмирала Курбэ имѣетъ теперь полную возможность пренятствовать подвозу съ моря этого необходимаго для китайцевъ жизненнаго продукта. Англія, хотя и отказывается признать рѣса военною контрарандою, но такой отказъ не можетъ имѣть большаго практическаго значенія, и цѣль принятой мѣры, т. е. недостатокъ въ рѣсѣ, все таки будетъ достигнута и въ Пекинѣ она произведетъ, конечно, не малый переполохъ и, можетъ быть, значительно охладитъ воинственный пылъ самодѣйныхъ совѣтниковъ малолѣтнаго богдыхана.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Шанхая, адмиралъ Курбэ недавно занялъ островъ Пугу. Эта оккупація возбудила сильное негодованіе въ китайскомъ населеніи, такъ какъ островъ Пугу служитъ мѣстомъ паломничества для буддистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ загороднымъ мѣстомъ для богатыхъ китайцевъ Шанхая, куда они лѣтомъ переѣзжаютъ на дачи.

По извѣстіямъ изъ Берна, согласно рѣшенію, принятому союзнымъ совѣтомъ, швейцарскія власти, не шутя, начинаютъ принимать мѣры противъ анархистовъ. Домовые обыски были произведены въ Цюрихѣ и Базелѣ, а затѣмъ было приступлено къ одновременной поголовной высылкѣ анархистовъ изъ всѣхъ большихъ городовъ Швейцаріи. Арестованные будутъ судиться швейцарскимъ судомъ присяжныхъ и, по общему предположенію, въ настоящемъ процессѣ должно разоблачиться существованіе весьма важныхъ анархическихъ заговоровъ.

Бельгійскія газеты сообщаютъ, что король бельгийцевъ Леопольдъ II не приметъ титула „государа Конго“, но, въ качествѣ протектора свободнаго конгскаго государства, станетъ во главѣ его администраціи, имѣющей сосредоточиться въ особой коммисіи. По приказанію короля, подробный отчетъ о дѣятельности международной африканской ассоціаціи со дня ея основанія вмѣстѣ со всѣми документами, касающимися признанія конгскаго государства, будетъ предьявленъ бельгійскому парламенту.

С М Ъ С Ъ .

Римъ во Франціи. Во время французской революціи въ прошломъ столѣтіи, въ парижскомъ обществѣ внезапно возникла любовь ко всему древнему, въ особенности къ римской культурѣ. Начали вводить античные обычаи и такъ какъ древніе римляне употребляли въ разговорѣ „ты“, то французское общество также ввело у себя эту моду, которая сдѣлалась закономъ. На дверяхъ присутственныхъ мѣстъ были прибиты объявленія: „Здѣсь нужно говорить ты!“ Во время процвѣтанія римской Имперіи слово „гражданинъ“ (civis romanus) было особенно почетнымъ. Поэтому вмѣсто архаическаго слова „monsieur“ французская республика стала употреблять слово „citoyen“. Принято было также переимѣнять христіанскія имена на римскія. Извѣстный французскій демагогъ Франсоа Ноэль Бабефъ, издававшій журналъ „Народный трибунъ“, называлъ себя Каюсомъ Гракхомъ Бабефомъ. Многіе приняли имя Брута. Въ 1793 г., въ Конвентѣ явилась депутація отъ одной общины и выразила свое неудовольствіе на то, что община эта называлась именемъ святаго. Тогда ее переименовали въ общину Брута. Конечно мода одѣваться такъ же избѣжала стремленія къ античному. Магистратъ и представители народа одѣлись въ римскую тогу; женщины стали носить туники и сандалии. При этомъ платья ихъ были изъ такой легкой матеріи, точно между Римомъ и Парижемъ не существовало никакой климатической разницы. Даже календарь былъ измѣненъ: введены новыя названія мѣсяцевъ Фруктидоръ, Мессидоръ и проч. Дальнѣйшее вліяніе классической древности сказалось въ подраздѣленіи мѣсяца на три декады. Республиканская недѣля какъ и антическая и римская, состояла изъ десяти дней. Революція уничтожила конечно христіанскіе праздники и ввела праздники республики, какъ то: генія, работы, общественнаго мнѣнія, благодарности, земледѣлія, свободы, супруговъ и пр. Подобный культъ содержится въ римскомъ календарѣ. Точно такъ какъ и въ Римѣ, во

Франціи были цензоры, военные трибуны и диктаторы. Позднѣе были также и консулы, и первый консулъ ввелъ сенатъ, судъ и многое другое по образцу Рима. По примѣру Рима консулъ дарилъ солдатамъ почетное оружіе. Вслѣдствіи оны основалъ Legion d'honneur (почетный легионъ), члены котораго назывались легионерами, а отдѣленія—корортами. Наполеониды возобновили обычай римлянъ давать титулы, напоминающіе военныя дѣйствія. У римлянъ былъ Азіатикъ, Нумидикъ, Германикъ и пр.; во Франціи встрѣчаются герцоги Монтебелло, Тревизо, князя Ваграмъ и пр. Римскимъ духомъ и римскими выраженіями отличалась военная рѣчь Наполеона перваго. Послѣ битвы при Эйлау въ 1807 г. онъ писалъ своему брату Жозефу: „Мы сражаемся съ племенами сѣвера, наводившими некогда Римское государство“. Сдавшись въ 1815 г. англичанамъ, онъ между прочимъ писалъ принцу регенту: „какъ Фемистоклъ, салуясь я очуаю британскаго народа“. Монеты, вычеканенныя во время республики, носятъ эмблемы классической древности. Позднѣе на нихъ является голова перваго консула. Въ литературѣ замѣчается то же направленіе; строительное искусство тоже клонилось къ подражанію древности. Почти всѣ Наполеоновскія сооруженія сдѣланы по римскимъ образцамъ. Въ театрѣ давались представленія, содержаніе которыхъ заимствовано было изъ греческой и римской жизни.

Путешествіе д-ра Оснара Ленца изъ Марокко, чрезъ Сахару въ Тимбукту, а оттуда къ устью Сенегала въ Атлантическій океанъ составило одну изъ замѣчательнѣйшихъ главъ въ исторіи изслѣдованія Африки. 22-го декабря 1879 года Ленцъ, у Тагера, покинулъ берега Средиземнаго моря, а спустя одиннадцать мѣсяцевъ, 23-го ноября, былъ уже въ Ст. Луи, въ Атлантическомъ океанѣ. За это время онъ сдѣлалъ около 5,000 километровъ пути, перешелъ снѣговыя горы, перенесъ жажду въ пустынѣ и четвертымъ по счету европейцемъ, которому удалось преодолѣть эти трудности, достигъ

Тимбукту—„Королевы пустыни“. Достижение этого города составляет главный результат путешествия, богатого и приключениями, и опасностями. О трудности путешествия по Судану, можно судить по следующей выдержке: „19-го августа все мои люди заболели;

много зеленого чаю. Из медикаментов у меня сохранился еще хинин, другие средства попорчены водою. Каддурь, сильный и здоровый марокканец, слег, а сам я страдал бессонницей.“ В сочинении, изданном Лепцом под названием „Тимбукту“ говорится:

Скелет пещерного медведя, недавно найденный в Штирии. Рис. и грав. О. Ротъ.

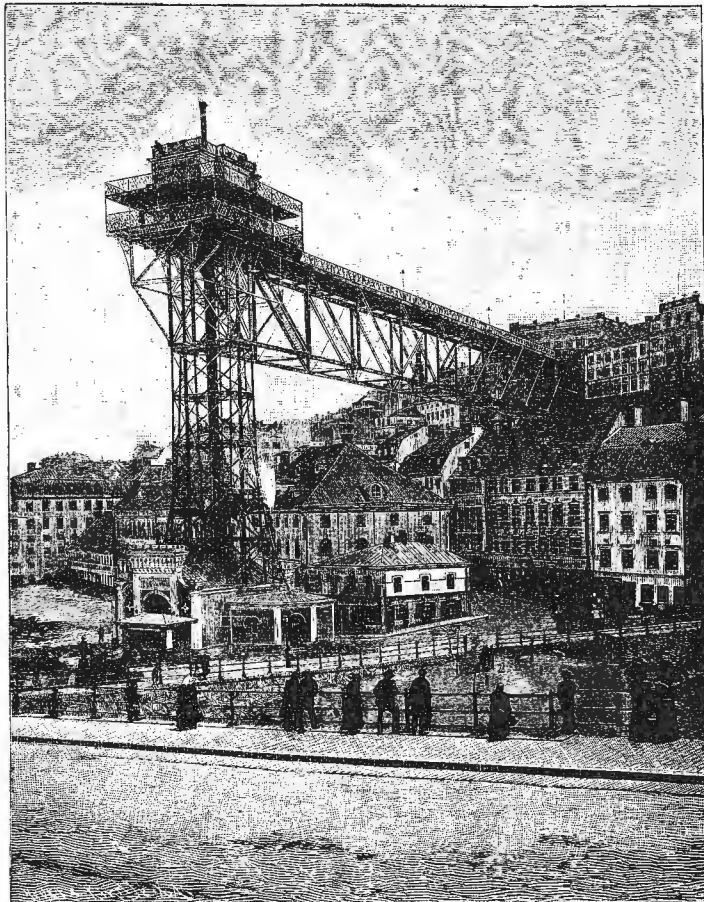
Бенитецъ захворалъ очень сильно, и самъ я долженъ былъ осилить себя, чтобы не слечь. Къ несчастію, мы лишены всего: кофе, вино, сахаръ и табакъ давно у насъ вышли, осталось только не-

подробно о Марокко. Незадолго до прибытія Лепца въ городъ Тетуанъ, тамъ былъ убитъ испанецъ. Вслѣдствіе жалобы испанскаго консула, мароккскія власти велѣли схватить перваго встрѣчнаго,

ни в чем неповинного человека. „Он был привязан къ столбу у стѣны и чрезъ каждыя полчаса въ него стрѣляли, съ цѣлью его ранить, но не убить. Когда спустя нѣсколько часовъ, несчастный не былъ еще мертвъ, консулъ потребовалъ, чтобы перестали его мучить, послѣ чего его убили.“

Магометанскій фанатизмъ сильно развитъ въ Марокко; секта Сенузи направляетъ его противъ христіанъ. Въ годовщину рожденія Магомета, Ленць былъ въ городѣ Микнасъ. „Разъяренная толпа изъ низшаго класса, состоявшая преимущественно изъ негровъ-рабовъ и женщинъ, была точно бѣшеная; она разрывала встрѣчавшихся на дорогѣ животныхъ, какъ напр. собакъ и овецъ, и пожирала ихъ сырыми. Бывали случаи, что въ Микнасъ такимъ образомъ погибали и люди, и все это въ честь Аллаха“. Но заповѣди Магомета часто не соблюдаются. Такъ марроканскія дамы пьютъ водку.

Труднѣе всего былъ переходъ на югъ Марокко. „Опасность въ этомъ красивомъ уголкѣ земли неслыханна. Каждый ходитъ сильно вооруженнымъ и видитъ врага въ каждомъ встрѣчномъ“. Дома берберійцевъ—это настоящія крѣпости. Гораздо безопаснѣе пустыня; съ западной Сахарой Ленць впервые знакомитъ насъ ближе. Многие изъ прежнихъ рассказовъ о пустынѣ оказываются вымышленными. 18 мая 1880 года, подъ 24 градусомъ сѣверной широты, въ Сахарѣ шелъ дождь и показалась радуга. Второю любопытный феноменъ это *ночище песка*. Среди пустыни, песчаная гора издастъ внезапно долгій, глухой звукъ, точно изъ трубы, кото-

Подъемная машина и мостъ въ Стокгольмѣ. Рис. и грав. Кнезингъ.

просить не въ залу, гдѣ иногда они скучаютъ, но беруть нѣсколько ложъ въ театрѣ, куда и отправляютъ все общество тотчасъ послѣ обѣда.

рый повторяется въ другомъ и третьемъ мѣстѣ. При гробовой тишинѣ въ безлюдной пустынѣ, это производитъ неприятное впечатлѣніе. Тутъ нѣтъ никакого обмана слуха, пощѣ нескѣ встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Ленць объясняетъ это трепіемъ песочныхъ зеренъ. Замѣчательна пересылка почты въ пустынѣ. Ленць передалъ письма, въ Аруанѣ, среди Сахары, магометанину, который повезъ ихъ на югъ Марокко, откуда шейхъ послалъ ихъ дальше съ караваномъ въ Могадоръ, гдѣ жилъ германскій консулъ. Такимъ образомъ, письма аккуратно приходили въ Европу. „Удивительно какъ вѣрно письма передаются въ этихъ странахъ; потеря ихъ бываеъ очень рѣдка, такъ какъ магометанинъ считаеъ все писанное святыней“. На южной границѣ Сахары, собственно между неграми, живеть болѣе свѣтлый и развитой народъ—фульби. Въ каждой изъ ихъ деревень находится мѣсто для молитвы. Ленць замѣчаетъ объ этомъ народѣ: „Почти каждый изъ нихъ умѣеъ читать и писать по арабски и зачастую можно видѣть юношей и дѣтей съ деревянной дощечкой для писанія или читающихъ коранъ“.

Новѣйшая мода, которая по всей вѣроятности понравится директорамъ театровъ, начинаеъ все болѣе прививаться въ Парижѣ, куда она занесена дамами американской колоніи. Послѣ обѣда гостей

2-й заемъ 1866 года.

38-й тиражъ 1-го марта 1885 года.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
28	14	500	2649	49	500	5144	8	500	7650	41	500	10728	3	500	13093	49	500
105	6	500	2742	44	500	5254	16	500	7718	5	500	10804	30	500	13134	16	25000
116	38	500	2869	31	500	5303	50	500	7864	9	500	10848	30	500	13150	14	500
128	26	1000	2880	14	500	5514	1	500	7881	1	500	11146	32	500	13151	24	500
145	1	500	2916	8	500	5517	9	500	7912	38	500	11206	2	500	13168	34	500
241	38	500	2956	15	500	5519	18	500	7936	31	500	11208	39	1000	13287	39	500
536	19	500	3063	34	500	5618	32	500	7954	19	500	11255	38	500	13454	8	500
558	13	500	3123	43	500	5693	27	500	7964	23	500	11259	40	500	13568	24	500
572	46	500	3187	15	500	5760	31	500	8051	16	500	11292	25	8000	13611	18	500
579	24	500	3195	37	500	5770	46	500	8215	35	500	11368	10	500	13617	49	500
602	20	500	3269	13	500	5787	2	500	8279	14	1000	11383	20	10000	13642	4	500
618	25	500	3310	34	500	5788	9	500	8292	24	8000	11450	9	500	13648	20	500
663	14	500	3335	39	500	5814	19	500	8305	31	500	11486	18	500	13740	35	500
692	10	1000	3361	39	500	5932	15	500	8325	13	1000	11564	5	500	13864	3	500
759	50	500	3451	33	500	5971	29	500	8402	7	500	11614	39	500	13956	14	500
807	40	500	3472	38	500	6022	3	500	8510	42	500	11629	23	500	13971	33	500
812	31	500	3501	16	500	6050	21	1000	8630	3	500	11654	46	500	14065	24	500
870	9	500	3504	26	500	6084	43	8000	8659	39	500	11656	19	500	14098	42	10000
1014	25	20000	3643	21	500	6087	38	500	8753	17	500	11688	12	500	14161	39	500
1025	10	500	3717	38	500	6090	32	500	8958	15	500	11709	42	500	14216	28	500
1178	27	500	3929	13	500	6214	2	500	8966	9	500	11855	8	500	14219	27	500
1335	27	8000	3985	14	500	6242	33	500	9155	23	500	11924	8	500	14226	44	500
1302	23	500	4195	22	500	6250	44	500	9257	8	500	12039	23	500	14233	32	500
1313	8	500	4268	24	1000	6440	17	500	9569	11	500	12140	19	1000	14269	10	500
1366	8	500	4271	40	500	6471	40	500	9599	24	500	12146	2	500	14290	25	500
1412	22	500	4320	24	500	6674	11	500	9651	40	500	12198	24	500	14457	44	500
1441	42	1000	4332	9	500	6932	18	500	9766	9	500	12339	40	500	14658	8	500
1502	32	1000	4336	42	500	6962	45	500	9779	39	500	12359	22	10000	14677	39	500
1511	43	500	4373	16	500	7056	37	1000	9844	34	500	12486	37	500	14754	12	500
1703	49	500	4495	19	5000	7139	27	75000	10038	13	500	12595	9	500	14754	34	500
1835	3	500	4623	41	5000	7250	18	1000	10052	46	500	12688	11	500	14810	19	500
1914	28	5000	4701	5	1000	7283	45	500	10168	18	500	12707	15	500	14846	33	500
2205	8	500	4732	40	500	7298	41	500	10174	21	500	12762	47	5000	14847	30	40000
2311	31	500	4834	32	500	7359	2	500	10401	41	5000	12805	11	500	14871	13	500
2391	22	500	4866	23	500	7353	49	500	10448	13	500	12927	34	500	14876	38	500
2400	27	500	4949	5	500	7407	7	500	10521	44	500	12998	4	500	14968	47	500
2432	7	500	5108	20	500	7441	28	500	10644	35	500	13070	27	500	14986	45	5000
2575	2	500	5185	3	500	7638	32	500	10672	3	500						

№№ серий, вышедших въ тиражъ погашенія.

129, 218, 587, 697, 723, 1256, 1705, 1892, 2233, 3127, 3729, 5349, 5396, 5422, 5777, 5975, 6364, 6566, 6579, 6877, 7040, 7146, 7307, 7560, 7969, 8872, 8929, 9530, 9550, 9792, 10002, 10250, 10321, 10337, 10488, 10980, 11111, 11253, 11390, 11448, 11631, 12311, 12440, 12580, 12602, 12942, 12953, 13162, 13338, 13374, 13405, 14047, 14054, 14401, 14532, 14879, 14975, 15795, 15983, 16192, 16198, 16388, 17029, 17112, 17253, 17266, 17384, 17810, 17934, 18353, 18388, 18390, 18436, 19005.

СПбурѣ, Невскій пр. № 52,
противъ Публ. Библиотеки
ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ,
специалитъ хронометровъ
и сложн. час. механизмовъ.
Прейсъ-куранты по востреб.

28 и 29 МАРТА 1885 года
будетъ разыграна
ВЫСОЧАЙШЕ РАЗРЕШЕННАЯ
XXXIV ЛОТЕРЕЯ
Московскихъ Дѣтскихъ Приютовъ.
Выигрываетъ 500 на сумму 25000 руб.
Первый выигрышъ брил. серебр. вещами
№ 3839 10000 руб. 10—7
Цѣна билета 1 р.
Билеты продаются въ Московскихъ дѣт-
скихъ приютахъ, по всѣмъ извѣстнымъ ма-
газинамъ и Канцеляріи Совѣта—Москва,
Собачья площадь, д. Каренина.

ПЛОХОМО
РАШИРАЕМЫЙ
ШРИФТИМЪ
ГОДА
АНГЛИСКИМЪ
РОДАГОМЪ
ФРАГТУРЪМЪ
ВЪ
ПО
ГОДА
ПО
ГОДА

Пріемъ отъ
6 1/2—8 ч. вѣч.
ежедневно
и въ праздники
отъ 10—2 ча-
совъ дня.

КУРОУ БУХГАЛТЕРИ
и исправительныя
ДУРНАГО ПОЧЕТКА
Капитала А. В. Иванова въ Мо-
сквѣ Лейтеновъ б-ва, д. Торопова,
кв. 8. Нюг. пріемн. палеисловарами.

въ праздники
отъ 10—2 ча-
совъ дня.

Голубое подлинно съ этой фабрич. маркою.

Huste-Nicht

„Gerichtl. geschützt“

„НЕ КАШЛЯЙ“

Медо-Травяной Мальвъ-Экстрактъ и Кон-
фекты отъ А. Г. ПИТШЪ и комп. въ Бре-
славѣ).
Признанъ за лучшее средство противъ
кашля, мокроты, охриплости, страданій гор-
ла и груди, начиная съ простаго натар-
да до чахотки и противъ блѣдн. немочи.
Мы имѣемъ официальное благодарствен-
ное писмо отъ № 3840 10—5
Главнаго Управленія Общества Крас-
наго Креста для вспоможенія больнымъ
и раненымъ воинамъ въ С.-Петер-
бургѣ.
Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и
2 руб. 40 коп., конфетки 30 и 50 коп.
Упаковка и пересылка считаются особо.
Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ ма-
газинахъ и аптекахъ Россіи.
Главный складъ для Россіи въ С.-Петер-
бургѣ у В. Аурика, Б. Морск. 17.

ГРАНИТЬ
лучшихъ сортовъ, обдѣланный и не обдѣлан-
ный, доставляется до СПбурга во всякое
время года

Вильманстрандскою каме-
ноломною № 3843

Э. ВИКБЕРГА.
Адресъ: Финляндія, г. Вильманстрандъ, а
въ СПбурга, Бирочная ул., № 46, кв. 14.

SUITE № 3
СОЧИНЕНІЕ ДЛЯ ОРКЕСТРА
П. ЧАЙКОВСКАГО
неизданная съ большимъ успехомъ въ С.-Пе-
тербургѣ и Москвѣ въ концертахъ Изящн.
Русск. Муз. Общ. въ январѣ 1885 г. Пар-
титура. Цѣна 9 руб. Голоса 16 р. 70к. Въ
четыре руки цѣна 5 р. 50к. П. № 3951

МОСКВА,
У П. ЮРГЕНСОНА
НЕГЛИННІЙ ПР. 10.
СПБурѣ, у П. Юргенсона, Б. Морская 9.

ИКОНЫ
СВ. КИРИЛЛА И МЕОДИЯ,

подобныя изображеніямъ святыхъ первоучителей Славянскихъ, прило-
женнымъ къ ихъ жизнеописаніямъ, изданнымъ ко дню тысячелѣтія бла-
женной кончины св. Меодія С.-Петербургскимъ Славянскимъ Благово-
рительнымъ Обществомъ, изготовлены Академикомъ М. О. Микшинимъ
на деревянныхъ доскахъ, въ размѣрѣ 6 1/2×10 квадратныхъ дюймовъ.
Желающіе могутъ приобрести иконы св. Кирилла и Меодія нынѣ
же по одному рублю. За укупорку св. иконъ слѣдуетъ прилагать къ ихъ
стоимости по 5 коп. за каждую. Деньги за пересылку св. иконъ по поч-
тѣ слѣдуетъ высылать по разчету разстоянія отъ С.-Петербурга: за
пересылку одной иконы—за два фунта, двухъ иконъ—за три фунта,
трехъ иконъ—за четыре фунта и т. д.
Желающіе получить иконы св. Кирилла и Меодія благоволятъ обра-
щаться съ требованіями о высылкѣ ихъ по почтѣ, по слѣдующему а-
дресу: **Академику Михаилу Осиповичу Микшини**, въ помѣщеніи
С.-Петербургскаго Славянскаго Благовоительнаго Общества, на пло-
щади Александринскаго театра, № 7, гдѣ иконы эти приобретаются паз-
склада безъ укупорки. № 3926 4—2

БИЛИАРНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙВЕРГЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
БИЛИАРДЫ И КЪ БИЛИАРДНОЙ
ИГРѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.
Тронный проспектъ, близъ Енисейскаго мо-
ста, д. № 13—2. № 3855 17—3
Иллюстрир. преисъ-куранты по востреб.
высл. безвозмездно.

КЛАРКЪ и К°
ВЪ ПЕЙСЛЕЙ.
Самая лучшая швейная бумага для машинной
и ручной работы.
Безъ „ЯКОРЯ“ не настоящая! № 3854

С.Петербургская Химическая Лабораторія
Фабрика парфюмерныхъ модальей.

На каждомъ пред-
метѣ требовать фаб-
ричною клеймомъ

Обращать вниманіе при
покупкѣ каждаго предмета
на точность формы:

„С. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

ВЪ С ПЕТЕРБУРГѢ: 1, Невскій проспектъ, домъ № 32. Католической церкви.
2, Невскій проспектъ, домъ № 66 у Анцикина моста.
3, Вознесенскій проспектъ, домъ № 13-54 Шредера.
ВЪ МОСКВѢ: 1, Кузнецкій мостъ, домъ Третьяковскихъ.
Контора и оптовый складъ въ зданіи фабрики въ С.Петербургѣ
Измайловскій проспектъ, 21. № 3866

НАСТОЯЩІЙ КИТАЙСКИЙ ЧАЙ,
развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цѣбиковъ
ТОРГОВАГО ДОМА
„БРАТІЯ ЗЕНЗИНОВЫ“
Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.
ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.
П. № 3947 Преисъ-куранты высылаются бесплатно. 16—1

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ.

Полнѣйшій въ Россіи, на 1885 г., заключающій въ себѣ болѣе 4500 лучшихъ, новѣйшихъ
и рѣдкѣйшихъ сортовъ огородныхъ и дѣланныхъ сѣмянъ, полученныхъ отъ 11 фирмъ, изъ
Будапешта, Вѣны, Лейпцига, Метца, Парижа и Эрфурта;—предлагаетъ гг. любителямъ са-
доводства ПРИВОЛЖСКОЕ ДЕПО СѢМИНЪ ВЪ САРАТОВѢ, которое, пользуясь благосклон-
нымъ вниманіемъ своихъ многочисленныхъ покупателей, не только по всей Россіи, но и въ
княжествѣ Болгарскомъ, и встрѣчалъ большой спросъ преимущественно на исключительные
и рѣдкіе сорта сѣмянъ, нашедъ возможнымъ увеличить свою богатую коллекцію сѣмянъ
единственною въ Россіи, еще на 1400 сортовъ и при томъ, имѣя неожиданный сбытъ сѣ-
мянъ въ прошлый сезонъ—имѣетъ возможность предложить ихъ по значительно пониженнымъ цѣнамъ; разность въ цѣнахъ, проти-
въ другихъ фирмъ, въ некоторыхъ сортахъ доходитъ до 500%, т. е. въ 5 разъ дешевле, и не смотря на необычную въ Россіи
дешевизну цѣнъ, Приволжское депо предлагаетъ настоящія заграничныя сѣмена, лучшего качества и послѣдняго сбора, но не рос-
товскіе рыночныя сорта, продающіеся подъ заграничными названіями и не выдерживающіи никакого сравненія съ предлагаемыми
сортами, безспорно лучшими изъ существующихъ. Каталогъ высылается въ 3 семиполетнихъ марк. Адресъ: Саратовъ. При
возможное депо сѣмянъ. № 3943

АРИСТОНЪ.

Новѣйшій
ручной органъ,
на которомъ
можно, посред-
ствомъ пере-
менныхъ кружковъ,
играть безчи-
сленное множе-
ство пѣсней; въ
настоящее вре-
мя уже болѣе
тысячи номе-
ровъ; весьма
удобенъ для
танцевъ; игра-
етъ также известнѣйшія оперы, оперетки,
русскія пѣсни и много другихъ.

Цѣна аристону съ 10-ю пѣсами по
выбору 25 рублей.
За пересылку прошу прилагать за 40 фунт.
отдѣльными пѣсами по 60 коп. рекомендуетъ
Юлій Генрихъ
ЦИММЕРМАНЪ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ
ИНСТРУМЕНТОВЪ.
С.-Петербургъ: В. Морская, домъ № 38.
Москва: Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго.
Новый каталогъ пѣсней для аристонна для
русскаго и нем. яз. бесплатно. P. 3919 3—3

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСЪКАТЕЛЬ
ДЛЯ РЫБНОГО ЛОВЛИ,

одобренный всѣми
любителями рыбной
ловли. Съ успѣхомъ
примѣнимъ во вся-
кое время года и
для всякой рыбы;
захватываетъ грузъ,
карабинъ и блесну.
Устроенъ такъ, что
когда рыба хвата-
етъ наживку, то
крючекъ механи-
чески задвигается
за щеку. Способъ
употребленія при
каждомъ экземп-
лярѣ. Ц. 60 к. На
посылку отъ 1 до
6 прибавляется
40к. Единственный
складъ у П. Ф. Ка-
ратаева, Невскій
пр., Милютинъ.

рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.
Полный иллюстриров. въ краскахъ преисъ-
курантъ рыболовныхъ принадлежностей вы-
сылается за 5 семи-копечныхъ марокъ.
Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 к.;
вынимающіе подсѣкатели прибавляютъ за
микроскопомъ только 20 к. № 3954 1—1

АМЕРИКАНКА.
полезный всякому хозяйству снарядъ для
стирки бѣлья въ обыкновенной комнатной
водѣ. Расходу весьма мало мыла и сохра-
няетъ отлично бѣлье, стирка доступна даже
малолѣтнимъ. Приглашаются агенты. Цѣна
снаряда съ пересылкою по почтѣ 5 р., въ
Сибирь 8 руб. При каждомъ снарядѣ при-
лагается наставленіе. Адресъ: Губернскому
агенту Русск. Страх. Общества, В. Шле-
мензону, въ Симферополѣ.
ОТЪЗВЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.
М. Г. Венямины Ильяшъ. Я уже имѣю
удовольствие получить отъ васъ одну
„Американку“, которая вполне оправдала
свою цѣль и за которую приношу вамъ
большую благодарность и желаю, чтобы
она была опубликована нами въ газетахъ.
Прилагаю при семъ пять руб., прошу вы-
слать мнѣ еще одну „Американку“, адре-
суя въ г. Старобѣльскъ, Харьковской гу-
берніи, подполковнику Федору Александровичу
Голодоліискому. 8 января, 1885 г.
Старобѣльскъ. № 3944
Фабричною клеймо на снарядѣхъ:
„В. ШЛЕМЕНЗОНЪ—Симферополь“.

НЕВОЛЬНОЙ ЗАВОДЪ
Лѣсок., столари. и парк. продается
съ домомъ или отдѣльно. Локомотивъ, рама и
20 станковъ. Удобенъ какъ ремонтный для
жел. дор., для разр. лѣса или для подрѣдки-
ка по значительнымъ работамъ въ провинціи.
СПБ. Фонтанка, д. 168 и 2-ой по Эста. у.
расшир. вагон. общ., палач., галт., рутисъ.

Только что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу
НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:

Большой красивый томъ in quarto, болѣе 500 страницъ убористаго шрифта, въ 2 столбца, съ 430-ю ПРЕВОСХОДНО ИСПОЛНЕННЫМИ ГРАВЮРАМИ и рисунками въ текстѣ.

Настоящая книга, по полнотѣ своего содержанія, является первымъ оригинальнымъ русскимъ сочиненіемъ по исторіи искусствъ. Все изданное у насъ до сихъ поръ по этому предмету представляетъ переводъ иностранныхъ компиляцій, годныхъ болѣе для справокъ, чѣмъ для чтенія. Авторъ, въ сжатой и общепонятной формѣ изложенія, весьма живо знакомитъ читателя со всѣми отраслями искусствъ и общимъ ходомъ развитія ихъ — съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Сочиненіе это должно заинтересовать образованное общество вообще и художниковъ по преимуществу. Кроме того, оно можетъ служить полезной и необходимой книгой для чтенія всѣмъ интересующимся дѣломъ искусства. Изданіе напечатано на хорошей веленовой бумагѣ, четкимъ шрифтомъ и съ превосходно выполненными гравюрами. Въ видахъ возможности большаго распространенія книги и чтобы сдѣлать пріобрѣтеніе ея доступнымъ каждому, издатель назначилъ цѣну ей сравнительно весьма не дорогою, а именно: въ изящной бумаж. оберткѣ 6 р., съ перес. 7 р.; въ роскошномъ каленкорев. переплетѣ, съ золот. тиснен. 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Главный складъ книги находится въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи журнала „НИВА“ (Большая Морская 9), куда и просить обращаться съ требованіями.

Въ Москвѣ: въ отдѣл. конт. „НИВЫ“ у Н. Н. Печниковой (Петровскія линіи), а также и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XVI годъ
№ 11

годъ XVI
1885

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 16 Марта 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (т. е. шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 60 к. — Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія. 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

Общій видъ гор. Сиры и Гермуполиса на о. Сирѣ. Ориг. рис. Вальианъ, грав. П. Коль.

Островъ и городъ Сира.

Острова греческаго архипелага, столь прелестные съ моря по своей гористой мѣстности и яркой зелени и по массѣ разбросанныхъ между горъ бѣлыхъ мраморныхъ домиковъ, совѣмъ не представляютъ такой отрадной картины когда вступишь на берегъ и ознакомишься съ ними поближе. Становится очевиднымъ, что здѣсь уже отразилось въ сильной степени влияние востока и очень мало сохранилось чертъ древней классической жизни. О послѣдней напоминаютъ лишь роскошныя, величественныя развалины, разбитыя мраморныя колонны и фризы, обломки барельефовъ и статуй. Новая же жизнь тѣснится въ узкихъ, кривыхъ улицахъ, въ жалкихъ мазанкахъ, кое какъ сложенныхъ изъ того же вѣчнаго, классическаго матерьяла. Типы, костюмы, обычаи жителей—все это напоминаетъ болѣе востокъ, нежели древнюю Элладу и только одинъ гармоническій языкъ, хотя и значительно испорченный и далекий отъ своего первобытнаго образца, напоминаетъ вамъ, что вы находитесь среди прямыхъ потомковъ классическихъ грековъ.

Островъ Сира расположенъ въ центрѣ неправильнаго круга, образуемаго группою Цикладскихъ острововъ, и представляетъ собою трехугольную скалу, имѣющую около 35 верствъ въ окружности. Объ немъ упоминаетъ еще Гомеръ, такъ какъ здѣсь, по его словамъ, было отечество Евмея, вѣрнаго слуги Улисса и вмѣстѣ съ тѣмъ сына Ктезія, царя Сиры. Портъ Сиры теперь болѣе посѣщаемый изъ портовъ Средиземнаго моря. Въ него заходятъ почти всѣ пароходы, идущіе на востокъ или въ Черное море, и кромѣ того онъ служитъ мѣстомъ склада громаднаму количеству товаровъ, которые потомъ направляются въ Триестъ, Марсель и Бриндизи. Провѣтаніе Сиры началось особенно со времени достопамятной борьбы за греческую независимость. Амфитеатромъ на двухъ холмахъ конической формы, раздѣленныхъ глубокимъ оврагомъ, расположены вверху старый городъ Сира, а внизу, у моря, новая Сира, называемая также Гермуполисъ. Дома ея построены изъ бѣлаго мрамора и довольно живописное впечатлѣніе производятъ его сводчатыя улицы, пересѣкаемыя крутыми лѣстницами, и его обширныя террасы, ведущія на вершину стараго города. Здѣсь возвышается храмъ св. Георгія, обращенный теперь въ римско-католическую церковь. Съ верхней платформы видъ восхитительный: внизу простирается портъ съ судами всѣхъ націй, и городъ съ его многочисленными темными улицами, пересѣкающимися во всевозможныхъ направленіяхъ; вдали видна великолѣпная панорама Цикладскихъ острововъ, неправильно разбросанныхъ на лазурной поверхности моря. На

сѣверѣ можно различить острова Пира, Андросъ и южную оконечность Эвбеи; на востокѣ—Зею, Термію, Серфосъ; на югѣ—Паросъ, Антипаросъ, Никсосъ, Сифаносъ, и когда благоприятствуетъ погода, то даже Санторинъ и Анафи; на западѣ—Микносъ и Делосъ, островъ Аполлона.

Сира почти совѣмъ лишена растительности; лишь только около маленькой гавани Посейдона, на сѣверномъ берегу, видно нѣсколько садовъ, гдѣ растутъ пальмовыя и лимонныя деревья. Дорога, спускающаяся отъ церкви Св. Георгія, идетъ среди бѣдныхъ кварталовъ, съ улицами обстроеными жалкими мазанками, которыхъ открытыя двери и окна даютъ полную возможность путнику ознакомиться со всѣми подробностями домашняго быта ихъ обитателей. Здѣсь же, на открытомъ воздухѣ готовится для семьи незатѣливый обѣдъ или ужинъ, состоящій изъ оливокъ въ горячемъ маслѣ и нѣсколькихъ кусковъ баранины, поджаренныхъ на угольяхъ. Наибольшее многообразие можно встрѣтить у водоема, который снабжаетъ водой цѣлый городъ и гавань. Здѣсь толпятся и греческіе матросы, мускулистые ребята въ бѣлыхъ юбкахъ, и дѣти, и молодыя дѣвушки и пожилыя женщины въ яркихъ костюмахъ голубаго, зеленого и краснаго цвѣта. Здѣсь женщины наполняютъ драгоценною водою красивыя сосуды, напоминающіе собою классическія амфоры, и бережно несутъ ихъ вверхъ, въ городъ. Жизнь въ Сирѣ тѣсно связана съ существованіемъ этого водоема. Случись землетрясеніе, столь обычное на этихъ островахъ, и повлечь оно за собою скрытіе источника, то съ того же момента вся Сира была бы осуждена погибнуть отъ жажды, такъ какъ другіе источники не могутъ удовлетворять ея потребностей. На площади Леостакосъ, на которой растутъ лишь нѣсколько тощихъ, полузавядшихъ деревьевъ, подъ аркадами, помѣщается главная кофейня города, мѣсто свиданія всѣхъ мѣстныхъ политиковъ. Здѣсь, за чашкой кофе, соединяются всѣ классы общества, и моряки, и паликары, и адвокаты, и медики, и даже рыбаки въ ихъ незатѣливомъ, народномъ костюмѣ, шумятъ и спорятъ тутъ безъ всякаго стѣсненія, будто какъ дома. Промышленность Сиры довольно ограничена; она приготовляетъ въ большомъ количествѣ тѣ частью сухія и частью мягкія конфеты, которыя носятъ названія *глойкумъ* и имѣютъ довольно большое распространеніе на востокѣ. Вывозъ ихъ съ острова производится въ большихъ размѣрахъ, а сами кондитеры занимаютъ въ Сирѣ цѣлыя двѣ улицы и въ ихъ лавкахъ можно найти до сорока сортовъ глойкума отъ самыхъ дешевыхъ, до самыхъ изысканныхъ, украшенныхъ фисташками и пащичканыхъ разными дорожными приносами.

Кулисы.

Повѣсть

Вас. И. Немировича-Данченко.

I.

Рауль и Валентина.

— Джо, Джо!.. Аванти! (впередъ!) подгонялъ маленькаго ослика смуглолицый Луиджи, поднимаясь въ гору по узкой тропинкѣ, вымощенной камнями, такъ что острые края ихъ торчали вверхъ и рѣзали ноги. Джо!.. Джо!.. Аванти!

Осликъ терпѣливо помахивалъ головою, точно отвѣчалъ: „И безъ тебя знаю!.. Отстань!..“ По бокамъ его колыхались корзины, прикрытыя пледомъ, пальто, платками... Приподымая ихъ, Луиджи любозался на положенныя въ солонку узкогорлыя бутылки съ душистымъ виномъ Италіи и на какіе то пакеты съ принасами. У него только слюнки текли при видѣ этихъ сокровищъ.

— Хорошо, форестерамъ (иностранцамъ)—у нихъ всего вдоволь... Разбогатѣю, непременно отель построю... Экъ, отстаютъ они! Нужно подать имъ голосъ.

Луиджи остановилъ ослика... „Улыбнись мнѣ моя дѣвушка, улыбнись мнѣ, мой чудная.“ Громко зашѣлъ онъ на весь этотъ просторъ... „Туманъ въ душахъ моей, зарони въ мое сердце яркій лучъ и всыхнетъ въ ней свѣтлая заря, и ароматная весна расцвѣтетъ въ моемъ сердцѣ... Улыбнись мнѣ, моя дѣвушка, посмотри на меня, мой чудная...“

Точно въ отвѣтъ ему послышался тотъ же мотивъ снизу... Чистое и звучное сопрано—точно серебряная струна прозвенѣла въ горахъ... Нѣсколько минутъ спустя, на облитой луннымъ свѣтомъ тропинкѣ показалось

трое пѣшеходовъ... Стройная женская фигура и двое мужчинъ съ нею.

— Что, Нина Борисовна, не устали еще? не хотите ли руку?.. предложилъ ей блондинъ, шедшій рядомъ.

— Я привыкла къ горамъ—да тутъ и не замѣаешь утомленія... Экая ночь кака!..

Ночь дѣйствительно была дивная... Надъ словно задумавшимися горами и ущельями ярко горѣли звѣзды. Крестъ Оріона сверкалъ всѣми цвѣтами радуги, такъ и рѣжетъ глаза блистательный Сирусъ. Слово кровавое око зловѣще свѣтитъ Альдеборахъ и широко раскинувшись во всѣ свои семь кроткихъ глазъ смотритъ на чудный край этотъ Большая Медвѣдича.

— Хорошо! тихо отозвался одинъ изъ пѣшеходовъ.

— Да... Не наша холодная почь... Посмотрите-ка назадъ!

Сонно мерцающее озеро пряталось въ синеву молчаливыхъ горъ. Лунный свѣтъ билъ прямо на пологій южный берегъ, гдѣ весь точно выкопанный изъ матоваго серебра вырѣзывался красивый городъ со своими соборами и башнями...

Глубокія синія ущелья разбѣгались во всѣ стороны... Голубыми пятнами по склонамъ горъ темѣли роши... Точно сказочное чудовище, изогнувъ свой крутой хребетъ—залегъ передъ путниками громадный Бисино, на который они уже два часа подымались. Едва-едва выдѣлялись сползающіе внизъ широколистые каштаны Мѣсяцъ скользилъ по нимъ своими мечтательными лучами,

обливалъ яркимъ свѣтомъ крутой хребетъ горы, съ рѣзко обрисовавшимися по сторонамъ ребрами-утесами.

Теплый вѣтерокъ прямо въ лицо вѣялъ мягкими волнами ароматовъ, словно это былъ не воздухъ, а тихое, какъ ласка, робкое прикосновеніе пѣжныхъ лепестковъ горныхъ фіалокъ, что тутъ-же, среди скалъ, жались къ нагрѣтой солнцемъ и еще не похолодѣвшей за ночь землѣ... А вдали! Мягко рисовались горы за горами, свѣтлыя черточки озеръ между ними, идиллическія долины... И все—и горы, и озера, и долины—точно задумались. Сладкая дрема въ воздухѣ... Внизу, въ ущельѣ, между двумя высокими каменными заборами, едва-едва позванивая, словно шестая мелодическими колокольчиками, сплошною серебряною массою движется стадо. За каменными заборами громадные магнолии, отъ которыхъ вѣетъ такую полнотою роскошно разившейся жизни! Черная и рѣзкая тѣнь отъ нихъ ложится кое гдѣ на матово-серебристыя снѣжныя барановъ... Но ни движеніе стада, ни шестая колокольчиковъ, не мѣшаютъ сладкой дремѣ ночи все крѣпче и крѣпче вѣять на эти горы и долины...

— Равенна! звучно крикнулъ Луиджи, показывая на бѣлую массу домовъ, похожихъ на замки, которая на поворотѣ тропинки точно сама надвинулась на путниковъ.

Горная деревня уже спала. Въ черныхъ огняхъ не свѣтился ни одинъ огонекъ. Выстроенные изъ бѣлаго камня дома облиты волшебнымъ свѣтомъ мѣсяца. На серебряныя стѣны рѣзко легли черныя тѣни; лунный свѣтъ наполняетъ бѣлые переулки, дробится по ступенямъ сбѣгающихъ внизъ каменныхъ лѣстницъ, тихо скользитъ подъ арки, отнимая у теплаго мрака то змѣи перекинувагося черезъ стѣну плюща, то неподвижные бѣлые двory, посреди которыхъ еще неподвижныя кажутся раскидистые каштаны... Ровное журчаніе воды—еще нѣсколько шаговъ и садятся на ступени у какого то дома. Передъ ними выстланная камнемъ площадь. Свѣтъ прямо бьетъ сюда, оставляя въ сумракѣ тѣспныя какъ щели, уходящія вверхъ и внизъ улицы арки воротъ, высокіе, какъ башни, дома... Говоръ воды въ фонтанѣ тутъ еще громче. Онъ одинъ звучитъ въ задумчивомъ безмолвіи ночи. Равенна спитъ.

— Какъ тихо... Сергѣй Федоровичъ... Не сказка-ли это? Помните, какъ я была еще маленькая—вы прѣзжали къ намъ...

— Еще-бы не помнить!..

— Убѣжимъ мы бывало въ садъ, въ бесѣдку... Прижмусь я къ вамъ, а вы и начнете мнѣ рассказывать... Много рассказывали. И что страннѣе всего, мнѣ не такъ ваши сказки нравились, какъ голосъ. Я его слушала больше чѣмъ слова... А уйдете вы — я тоскую, тоскую. Бывало дѣваться некуда!

— Хорошее было время!.. Грустное что то слышалось въ голосѣ говрившаго... Онъ и самъ замѣтилъ это и остановился на полусловѣ.

Нина Борисовна наклонилась и посмотрѣла ему въ глаза.

— Это что? Сожалѣніе о прошломъ?.. Когда настоящее хорошо такъ?.. Чтожъ вамъ лучше, еслибы я была дѣвочкой... Я думала, что вы давно уже забыли это?

— Вы сами знаете... забывалъ-ли я васъ... И Сергѣй Федоровичъ замолчалъ.

— Ну, полно! и Нина Борисовна взяла его за руку. Такъ лучше, вы сами знаете — наши дороги разныя... Для меня сцена — все... Я не пожертвую ею... Наконецъ мы—слишкомъ друзья... Вернетесь вы на свои заводы, забудете меня. Довольно!.. Вонъ и Соломонъ Иосифовичъ идетъ.

Небольшаго роста красивый брюнетъ съ сладкими глазами, необыкновенно юркій, подошелъ къ нимъ.

— Ну и что я вамъ говорилъ! набросился онъ на Нину Борисовну.

— Что М-гъ Мандель?

— Это я васъ убѣдилъ пойти съ нами... Такую ночь у насъ въ Россіи ни за какія деньги купить нельзя... Я непременно закажу художнику нарисовать эту Монте-Бисбино и съ вами чтобъ. У себя, въ мой банкъ по-вѣшу. У меня такой кабинетъ есть куда я уйду отдохнуть. Тамъ всѣхъ артистокъ портреты — и вашъ будетъ. И Монте-Бисбино будетъ... Очень поэтической ночь... Мандель сталъ необыкновенно сладокъ. Вы — господинъ баронъ фонъ Вельсбергъ знаете? обратился онъ къ высокому блондину.

— Какъ-же, у меня съ нимъ дѣла по заводу.

— Ну вотъ, такъ этотъ самый баронъ говоритъ мнѣ: герръ Мандель—вы очень искусственный человѣкъ.

— Что такое? улыбнулся блондинъ.

— Искусственный, который любитъ искусство... А это—вы знаете, этотъ любовь за деньги не купишь... Это возрожденно!

— Звѣзды, звѣзды какъ разгорѣлись! засмотрѣлась Нина Борисовна въ высоту.

Въ недосыгаемой глубинѣ, когда луна зашла за громадный конусъ С. Дженозеро—звѣзды точно еще шире открыли свои безсонныя очи. Въ ихъ трепетѣ чувствовалась теплота жизни. Это были не холодныя созвѣздія сѣвера,—здѣсь проникнутой сладкою пѣгой воздухъ и имъ придавалъ что-то страстное... Онъ точно манили къ себѣ, мерцающаю истомою желаній... Тутъ онъ дѣйствительно были глазами неба. Казалось онъ видѣли все: и эту чудную ночь, и этотъ дивный край, раскидывавшійся подъ ними.

— Зачѣмъ эта ночь молчитъ такъ? словно самого себя спросилъ Сергѣй Федоровичъ.

— Молчаніе ей къ лицу!.. отозвалась дѣвушка.

— О пѣть, сантиментально вступился Мандель.— Еслибы сюда на площадь военный оркестръ...

— Ну?

— И чтобъ военный оркестръ игралъ маршь изъ Lustige-Krieg.

Дѣвушка засмѣялась...

— Знаете, Соломонъ Иосифовичъ, замѣтила она,—лучше бы вы... Такой ночи нуженъ голосъ человѣка—а не мѣдные рожки... Это что? всполохнулась она.

Точно она накликала... Въ неподвижномъ прозрачномъ воздухѣ пронесся полный отваги и силы мотивъ... Кто то загѣлъ внизу. Голосъ его будто съвозъ трубу прозвучалъ по узкой каменной улицѣ и вырвавшись на площадь, привольно разлился по ей простору. Въ такія ночи, среди чуткаго молчанія задумавшейся природы—даже плохіе пѣвцы производятъ глубокое впечатлѣніе... Нина Борисовна всполохнулась. Въ душѣ проснулись цѣлый рой знакомыхъ грезъ и волненій, отъ которыхъ когда-то такъ сладко плакалось... Въ такія-же ночи!..

— „Гугеноты!..“ Слышите Сергѣй Федоровичъ... Она схватила его за руку.—Дуэтъ четвертаго акта.

Тотъ чувствовалъ, какъ ея рука дрожитъ. Артистка проснулась въ дѣвушкѣ. Голосъ пѣвшаго звучалъ все сильнѣе и увѣреннѣе. Теноръ звучалъ мщепіемъ и горемъ.

„На помощь братьямъ — иду вооружить ихъ руку. Близокъ врагъ!.. Io soggio

A socorrer gli amici, a disvelare
L'orribile complotto, armar lor destre,
E del nemico indegno
A prevenire il barbaro disegno...*)

— Ахъ какъ хорошо... какъ хорошо... Соломонъ Иосифовичъ, не подпѣвайте, что это!.. Вотъ еще...

Звуки лились и лились. Живая душа, боролась между любовью и долгомъ, билась въ этомъ мотивѣ. Страстью былъ проникнутъ онъ—Рауль вырывается изъ объятий Валентины. Опасность близка, время летитъ.

„Оставь его скорѣе, несчастная... Тамъ за окномъ, озаренные кровавымъ блескомъ пожаровъ, гибнутъ братья,

*) Слѣду вооружиться на помощь своимъ, на разрушеніе страшнаго заговора, предупредить замыслы и жестокое нападеніе враговъ.

Мадонна въ Нюрнбергъ. Старииннаа дерев. статуя неизв. художн. Грав. Жоцаръ.

Богоматерь у подножія Креста. Съ картины Родена, грав. Бенцигеръ.

подъ ножами предателей. Честь зоветь, онъ долженъ идти... Спаси нельзя—надо умереть съ ними...”

Нина Борисовна выпрямилась. Последній звукъ пропикнутаго страстью голоса еще послышался по каменной площади Равенны.

— Что вы хотите дѣлать... Нина!

— Идите прочь! оттолкнула она Сергѣя Федоровича.

И не успѣлъ еще онъ опомниться, какъ въ сонномъ воздухѣ горной ночи полный отчаянія послышался отвѣтъ Валентины.

Нина Борисовна точно вызовъ послала въ сумракъ сползавшаго внизъ переулка...

„Если ты выйдешь — тебя умертвятъ... Остерегись, остерегись!..“

„Съ тобою и я умру!“ умоляюще рыдало сопрано.

„Слушать тебя—преступление!“ гордо отозвался откуда-то теноръ.

„А я... Я не преступна, внимая тебѣ... Останься Рауль... Останься... Заклинаю—останься!..“

Нина Борисовна впиалась во тьму переулка, откуда долженъ былъ появиться ея Рауль.

„Кончено... Часъ пробилъ, небо ждетъ моей смерти... Боже, дай мнѣ силы...“ приближался голосъ...

— Да это Барсовъ!.. послышался удивленный голосъ Соломона Иосифовича.

Въ переулкѣ показался блѣдный отъ луннаго свѣта и возбужденіи брѣнеть. Волны черныхъ волосъ падали назадъ... Въ рукахъ онъ держалъ свою шляпу... Рванулся впередъ,—и остановился разомъ.

— Мандель... Валентина... Мандель ты какъ попалъ сюда?

— Сначала давай себя представлять... Александръ Петровичъ Барсовъ... Первый теноръ *** театра.

Нина Борисовна сейчасъ же узнала его. Еще передъ отъѣздомъ въ Миланъ, гдѣ училась пѣть, она ни разу не пропускала спектакля, въ которомъ участвовалъ Барсовъ... „Такъ вотъ онъ—ея Рауль... И какъ близко!..“ Слышала его когда-то, она рѣшилась во что-бы то ни стало идти на сцену... Онъ первый разбудилъ въ ней артистку... И какъ нарочно теперь здѣсь... среди этой задумчивой ночи, подъ этими чудными звѣздами итальянскаго неба.

— Нина Борисовна Раевская!.. Будущая планета!.. продолжалъ Мандель.

Раевская опомнилась. Она еще не подала руки Барсову. Порывисто протянула ее и крѣпко пожала, глядя прямо въ лицо ему и точно думая—„такъ вотъ ты какой.“ Ея радостное волненіе не ускользнуло отъ опытнаго пѣвца.

— Да съ такимъ голосомъ, какъ у васъ, можно быть солнцемъ!..

Нина вспыхнула. Похвала отъ него!.. По нервности съ какою онъ сказалъ это, она поняла, что тутъ не одна любезность.

— Сергѣй Федоровичъ Кашинцевъ! представила она своего спутника, чтобы скрыть охватившее ее волненіе... Сергѣй Федоровичъ — мой хорошій другъ... Дѣтства... „Господи зачѣмъ я это!“ мелькнуло у нея въ головѣ.

— Капиталистъ, заводчикъ... началъ было Мандель, но Барсовъ не далъ ему кончить.

— Ты зачѣмъ здѣсь. А кто же у тебя въ банковской кассѣ сидитъ, деньги считаетъ.

— Вы на Бисбино тоже! обратился къ нему Кашинцевъ. Очень не нравился ему этотъ красивый и съ перваго слова такой развязный спутникъ. „Слишкомъ уже театраленъ“ всматривался онъ въ его пріемы. „Все расчитано... Самъ чтонибудь скажетъ—и незамѣтно на Ницу посмотреть!.. А тебѣ что?“ поймалъ себя на этой мысли Сергѣй Федоровичъ. „Тебѣ сказано—что ты другъ и ничего болѣе. Съверное дѣло — дружба. На другое не перейдешь. И какъ онъ смѣетъ смотрѣть на

нее такъ!“ волновался Кашинцевъ опять. „Точно она—его уже. Что за нахальство...“

Было отчего злиться. Барсовъ не сводилъ взгляда съ Нины Борисовны, говоря съ нею. Онъ ее ласкалъ взоромъ, въ то время какъ голосъ его, еще не усокоившійся отъ импровизированнаго дуэта—точно вздрагивалъ отъ чего то, съ чѣмъ онъ и самъ совладать не могъ, что у него творилось въ сердцѣ.

— Вы надолго въ Италію? спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ... Я уже кончила въ Миланѣ. Теперь возвращаюсь въ Россію.

— На сцену?.. Разумѣется на сцену...

„Только поступи!..“ мелькнуло у него въ головѣ.

— Если удастся... Я слышала, это очень трудно...

— Вотъ еще!.. Позвольте мнѣ... Я устрою. Если вамъ не дадутъ дебюта, вы поете въ мой бенефисъ. Согласны? Я настою. Нельзя скрывать такой чудный голосъ...

Она молча протянула ему руку. Кашинцева обдало холодомъ.

II.

Монте Бисбино.

До вершины горы было уже недалеко.

Нина Борисовна очень устала и съ удовольствіемъ приняла руку Барсова.

Мандель и Кашинцевъ шли позади... Луиджи со своимъ осломъ уже взбирался на конусъ, которымъ заканчивалось Бисбино. На самой вершинѣ его—старинный, оставленный монастырь... Ушедшая за гору, спрятавшаяся въ тучу луна бросала на него съ той стороны красный отблескъ. Черный на этомъ зловѣщемъ фонѣ стоялъ онъ, точно нахмурившись.

— Какъ смотреть негостеприимно! проговорилъ Барсовъ, глядя на него и поддерживая Раевскую...—Сильнѣе опируйтесь. Тутъ круто!..

Красные отблески погасающей луны легли на скалы окрестныхъ горъ, скользнули въ туманъ, наполнившій ущелья. Лишь только усталые путники добрались до вершины горы—мѣсяцъ уже отгорѣлъ. Былъ тотъ торжественный часъ, когда набрасывая на себя свѣтлую лазурную ризу — природа словно готовится встрѣтить медленно приближающееся солнце. Дивныя дали раскидывались кругомъ. Вся Швейцарія на сѣверъ и на западъ, точно дремала еще въ передразвѣтной прохладѣ. Прямо вознеслись бѣлыя массы Монте-Розы. Вѣчные льды серебрились на ея откосахъ. Рѣзкія очертанія вершинъ выдѣлялись и теперь изъ таинственнаго сумрака. Точно передъ ними была уже безсильная, умирающая тьма. Направо—падающіе конусы и иглы Барскихъ Альповъ пугали воображеніе своими мрачно причудливыми формами. Точно бѣлые шатры въ пустынѣ неба мерещились они... А дальше!.. Вонъ грозный Монсенисъ, вонъ едва-едва чудится Симплонъ и только чувствуется пока царственная громада Монблана.. И горы точно алтари зажглись золотомъ и багрянцемъ небснаго огня... Свѣтлые, розовые, алые тоны слѣдовали одни за другими. Изъ ущелій подымается розовый паръ. На этомъ золотѣ еще ярче изнутри свѣтятся лазуревыя горы. Тамъ, гдѣ прежде было одно темное море, на которомъ грандіозными островами плавали отдѣльныя вершины—теперь выдвинулись темно-коричневыя массы кряжей, хребтовъ, цѣпей, тяжело переваливавшихся одинъ черезъ другія, стalkerивавшихся и разбѣгавшихся, связывавшихся въ безконечные узлы. И надъ всѣмъ этимъ горѣли вѣчные ледники недосягаемыхъ твердынь.

— Какъ хорошо, Боже какъ хорошо!..

Нина Борисовна забыла даже оставить руку Барсова и совершенно безсознательно пожимала ее.

— На югъ... На югъ—посмотрите!..

Вся Ломбардія уже была затоплена солнечнымъ свѣтомъ. Направо голубѣлъ клочекъ Луганскаго озера.

Вонъ изумрудное Лаго-Маджоре... Вотъ Комское—совсѣмъ близко, какъ щитъ сверкающій подъ солнцемъ... Точно выточенный изъ одного куска мрамора городъ Комо.. А дальше сотни городовъ, сель, замковъ... Каждый блеснетъ и опять померкнетъ на этой равнинѣ... На самомъ горизонтѣ далеко-далеко обложили ее Апеннины.

— Вонъ тамъ точно море подступило къ Апеннинамъ... Посмотрите какой голубой воздушный фонъ.

— Это Милапъ видѣнъ отсюда? прервала Барсова Нина Борисовна.

— Да...

— Точно бѣлосе пятно... Въ бинокль даже мраморное кружево собора различить.

Кашинцевъ улыбнулся. Улыбнулся и пѣвецъ.

— Что вы смѣтаете?

— Это такъ кажется возбужденному взгляду...

— Какъ хорошо, какъ хорошо... Ей, радостной и счастливой—въ виду этого чуднаго утра хотѣлось, чтобы всѣ кругомъ были рады и счастливы... Мандель, посмотрите же...

— Да.. точно картина!.. совсѣмъ какъ будто нарисовано. Такой картины не купишь.

— Я ничего подобнаго не знаю! задумчиво говорилъ Барсовъ.

— Что вы такъ смотрите на меня? обернулась къ нему Раевская.

— Вы сами не знаете какъ вамъ идетъ этотъ блескъ, это солнце! скорѣе прошептала чѣмъ проговорилъ Барсовъ.

Нина Борисовна вспыхнула. Она была дивно хороша въ эту минуту... Шляпу она сняла и непокорные волнистые волосы, золотую, солнечною волною падали съ ея гордой головки. Напрасно она ихъ связала узломъ—волосы не слушались и узелъ, полураспустившійся, едва держался... Изъ подъ темныхъ бровей крупныя сѣрые глаза глядѣли на все съ такимъ выраженіемъ счастья, что не солнцемъ, а ими казалось озарено это лицо съ румяными губами, изыщными, нѣсколько загорѣвшими щеками, подъ которыми такъ и переливалась кровь. Тонкія, какъ будто сквозныя ноздри слегка вздрагивали. Порода сказывалась въ каждой чертѣ ея. Тонкій станъ и округленныя плечи, маленькая нервная рука—все, на что ни смотрѣлъ Барсовъ, дышало изыществомъ, силой... Она была высока для женщины, чуть-чуть пониже его, но это не обезобразило, благодаря ея удивительной стройности... Все въ ней дышало полнотою жизни, какъ въ южныхъ розахъ, только что распустившихся, но уже затопившихъ воздухъ своимъ благоуханіемъ. Она была такъ охвачена тепломъ, свѣтомъ, жаждой еще невѣдомыхъ ей ощущеній, что влажный блескъ подернулъ ея глаза, придавъ имъ выраженіе нѣги и страсти.

— Воздуху много, а точно дышать нечѣмъ... наивно призналась она, подымая взглядъ на Барсова.

— Что это вамъ Кашинцевъ такъ мраченъ...

— Да? очнулась она... И вдругъ ей стало стыдно. Она вырвала руку у Барсова.—Сергѣй Федоровичъ подите ко мнѣ. У, хмурый какой!

Она прижалась къ нему, какъ въ далекомъ дѣтствѣ, когда въ темнотѣ и безмолвіи садовой бесѣдки онъ рассказывалъ ей одну за другой фантастическія сказки...

— Настоящій буга и... и невѣжа! неожиданно закончила она и ни съ того ни съ сего обидѣлась.

— Это я невѣжа?

— А кто же... Давайте вашу руку... Ну что вы такой...

— Вы любыя тучи разгоните, Нина.. улыбнулся онъ.

— Вотъ это хорошо, по старому Ниной назвали... Теперь я прощаю.

Кашинцевъ съ безконечною нѣжностью смотрѣлъ на нее... Онъ былъ очень красивъ по своему. Одно изъ

тѣхъ русскихъ лицъ, которыя, загорѣвъ, кажутся гораздо темнѣе бороды и усовъ. Свѣтлые голубые глаза ясно глядѣли на каждого. Въ очертаніи рта, въ прямой линіи бровей и морщинѣхъ поперекъ высокаго лба сказывалась упорная воля. Онъ отвелъ дѣвушку отъ Барсова и съ горечью замѣтилъ взглядъ сожалѣнія, который она бросила на артиста.

— Слушайте, Пина! голосъ его дрогнулъ.

Она тревожно взглянула на него.

— Не безпокойтесь... О томъ—знаете—ни звука не будетъ. Теперь другое... Вы должны дать мнѣ слово.

— Я?... какое?... удивилась она.

— Обѣщайтесь мнѣ, онъ заговорилъ почти шепотомъ... Обѣщайтесь мнѣ, здѣсь, передъ лицомъ Бога, передъ этимъ алтаремъ Его, махнулъ онъ рукою на серебряныя вершины горъ, если васъ когда нибудь постигнетъ несчастіе, если вамъ нуженъ будетъ другъ, настоящій, любящій другъ, который за васъ пойдетъ на все... Обѣщайтесь—не обращайтесь ни къ кому кромѣ меня...

— Зачѣмъ это? нахмурилась Раевская.

— Обѣщайтесь мнѣ! настойчиво повторилъ Кашинцевъ,—вы выросли на моихъ глазахъ, я подмѣтилъ на вашемъ лицѣ первую улыбку женщины, я былъ свидѣтелемъ вашего разцвѣта. Я долгія ночи и дни думалъ о васъ. Я теперь вижу, что подымается въ вашей душѣ... Небо не всегда такъ безоблачно и ясно... Въ тучахъ гроза... Слышите ли... Обѣщайтесь мнѣ... Пина!..

Она была глубоко тронута и разомъ поняла что дѣлалось въ немъ.

— Сергѣй Федоровичъ... пользоваться вашей добротой... начала было она.

— О, Господи... Да для меня это, поймите. Не для васъ, для меня. Быть вамъ нужнымъ... Быть всегда за васъ. Поймите, Нина...

— Хорошо, Кашинцевъ... Если когда нибудь мнѣ нужна будетъ... ваша... затруднялась она.

— Преданность!

— Дружба... Если мнѣ одной трудно будетъ... Ни къ кому другому...

— Благодарю, Нина... А теперь... Господь съ вами... Будьте счастливы—живите!..

И онъ вырвалъ свою руку и отошелъ въ сторону...

А окружающія горы уже успокоились. Ледники ихъ опять легли серебряными разливами... Затопленная свѣтомъ Ломбардская равнина казалась однимъ волшебнымъ маревомъ, однимъ моремъ зелени, вплоть до Апеннинъ, туманныя массы которыхъ еще мѣли въ золотомъ блескѣ ярко рождавшагося дня... Около Нины запахло фіалками... онъ тоже просыпались, онъ тоже подставляли солнцу свои свѣжіе, скромные лепестки...

Снизу донесся звонъ колокольчиковъ... Настухъ гналъ свое стадо въ горы...

Мандель, какъ библейская Марфа, позаботился о хлѣбѣ насущномъ. Вышивъ душистаго кіанто и отдохнувъ немного, наши путники стали спускаться внизъ... Солнце горѣло въ зелени каштановъ, сверкало въ кристалльных брызгахъ ручья, словно очертя голову сбрасывавшагося съ горъ, отыскивало самые робкіе цвѣты въ травѣ, выстилавшей скаты. Вонъ туманъ, какъ занавѣсъ спустился надъ горою... Повисѣлъ, разорвался и подъ нимъ вдругъ блеснула словно только что явившаяся изъ подъ земли каменная деревушка, вся потонувшая въ садахъ. Старая башня надъ нею чудится: вотъ-вотъ выѣдетъ изъ ея черныхъ воротъ, блистая золотыми латами, смѣлый кондотьеръ. Яркія перья заковылятъ надъ его шоломомъ. Нина Борисовна оглинулась. Она шла подъ руку съ Барсовымъ. Кашинцевъ отсталъ. „Нарочно!“ съ досадой подумала она и не поняла своей досады. А Кашинцевъ въ это время вдругъ ни съ того ни съ сего обернулся къ Манделю.

— Вы Байрона читали?..

— Я? Нѣтъ... Я Некрасова читалъ...
 — Хорошая фраза одна есть... I learn' d to love despair! Я научился любить отчаяніе!..
 — Некрасовъ—великій поэтъ!.. сказалъ Мандель.
 — Ну и Богъ съ нимъ! Сядемъ—отдохнемъ.
 — А Нина Борисовна?
 — Она съ Барсовымъ, не безпокойтесь... мрачно оборвалъ Кашинцевъ, усаживаясь подь каштаномъ надь обрывомъ, гдѣ шумѣлъ горный потокъ...

Становилось жарко

— И вѣдь всегда такъ! вырвалось у него.

— Что всегда?

— Ничего.... Вояъ наши, постарался онъ равнодушно указать внизъ.

Хребетъ Монте - Бисбино тамъ дѣлалъ поворотъ и Кашинцеву хорошо было видно, какъ, близко-близко прикинувъ къ Барсову, шла съ нимъ подь руку Нина... „О чемъ говорятъ они?.. А мнѣ что за дѣло?.. Когда понадобится—скажутъ. До тѣхъ поръ сиди смирно... не трогайся“ И онъ нервно засмѣялся самъ надь собою

— Настоящіе Рауль и Валентина! сентиментально проговорилъ Юсифъ Соломоновичъ, — точно въ оперѣ... А это все какъ декораций...

— Такъ! Не герцогъ ли и Джильда?..

А у Раевской голова кружилась отъ пережитыхъ ощущеній... Эта чудная ночь, этотъ неожиданный дуэтъ, встрѣча съ человекомъ, который всегда рисовался ей какимъ то идеаломъ... Эта панорама горъ и долинъ, въ его присутствіи, съ нимъ вмѣстѣ!.. Наконецъ это одиночество, охватившее ихъ кругомъ... Она такъ себѣ, только чтобы поддержать разговоръ, отвѣчала ему.. Ей лучше казалось бы молчать — и безъ того душа была полна.

— Какъ только вы пріѣдете, сейчасъ же дайте знать... Я уже постараюсь. Знаете, сцена такое дѣло, гдѣ мало таланта, тутъ нужно быть мудрымъ какъ змій и злымъ какъ собака... Иначе задавятъ... Я до вашего пріѣзда

устрою вамъ все... Вы это мнѣ поручите... Зачѣмъ вамъ самимъ мѣшаться въ нашу грязь..

— Не знаю какъ благодарить васъ!

— О благодарности мы потолкуемъ послѣ, когда вы прочно станете на сценѣ.

Что то странное послышалось въ его голосѣ. Она быстро взглянула на него и уловила его взглядъ опять таки не тотъ, что еще недавно такъ ласкалъ и нѣжилъ ее... Что то холодное, странное сверкнуло въ немъ

какъ лезвіе гинжала... Но только на минуту.

— Сцена на всѣхъ кладетъ клеймо Каиново, вспомнила она недавнія слова Кашинцева.

— Правда ли это — на сценѣ жизнь другая? обернулась она къ Барсову.

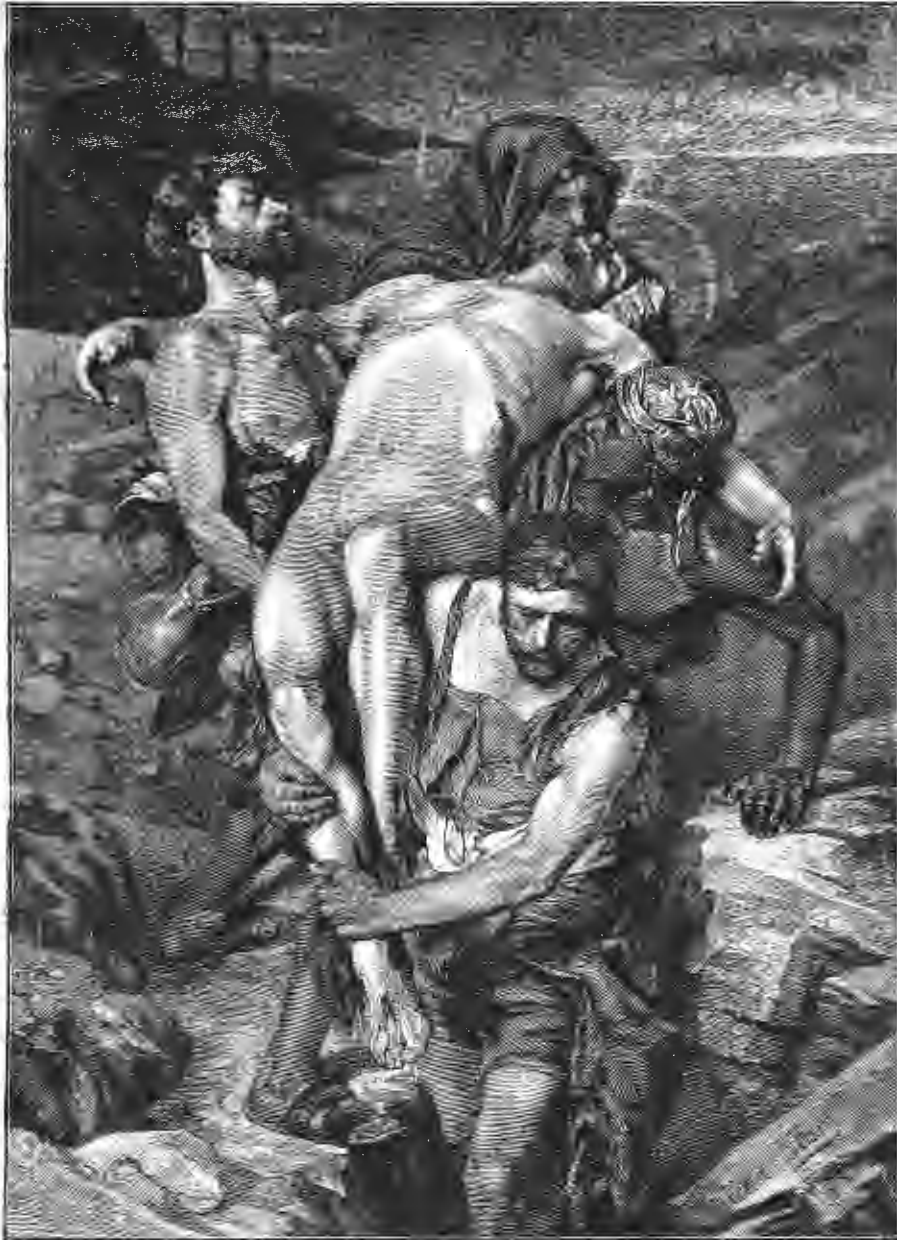
— О, Господи, вѣчно одно и то же... Мы, люди сцены, шире смотримъ на вещи. И разумѣется узкая мораль насъ не стѣсняетъ Богъ съ пей.. Мы живемъ лихорадочно, нѣсколько бѣшено даже, мы живемъ за десятки и сотни людей изображаемыхъ нами... Къ намъ нельзя прилагать общихъ мѣрокъ.

Онъ сталъ ей говорить какимъ царственнымъ блескомъ сцена облакаетъ своихъ избранниковъ, какъ толпа живетъ ихъ чувствомъ, какъ артистъ властвуетъ ею, какъ въ душѣ его растетъ торжественное со-

знание счастья и побѣды, когда тысячи рукъ поднимаются рукоплескать ему, когда крики восторга слѣдуютъ за нимъ...

Впереди была каменная пастушья лачуга. Около подымалось зеленое облако каштана, перевивающагося съ пестрыми, точно тигровыми листьями какого то дерева.

Они молча шли впередъ, какъ вдругъ близко-близко, за поворотомъ тропинки, послышались тревожные голоса, крики... Смуглый, весь въ поту, съ мѣшкомъ за спиною оборванецъ, показался передъ ними. Лицо его было крайне встревожено—онъ сломя голову бѣжалъ по тропинкѣ.

Погребеніе Христа Спасителя. Съ карт. Ю. Стори, грав. Джемсъ.

Апокалипсические всадники. Фрески П. Корнелиуса. Грав. Кеслеръ и Эртель.

-- Догащери, догащери! *) кому то кричалъ онъ. Другіе, такіе же, торопились за нимъ, и тоже съ мѣш-ками за спиною. Одинъ изъ нихъ выхватилъ изъ карма-на револьверъ и выстрѣлилъ внизъ.

Нина Борисовна вздрогнула и прижалась къ Бар-сову.

Выстрѣлъ подхватили ущелья. Не прошло нѣсколь-кихъ мгновений, какъ трескъ залпа всколыхнулъ за-стоявшійся знойный воздухъ. Пуля, просвиставъ мимо головы Нины Борисовны, вилась въ корявый коричне-вый стволъ кашгана. Барсовъ схватилъ за руку Раев-скую и быстро вбѣжалъ въ каменную сторожку.

-- Что это, что это? повторяла она.

Вотъ показались желтые мундиры. Какой то контра-бандистъ въ сѣрой блузѣ, весь въ крови, бьется у нихъ въ рукахъ... Нина бросилась къ Барсову... Тотъ крѣпко охватилъ ее рукою, точно защищая... И контрабан-дистъ и таможенные пробѣжали дальше... Прямо въ дверь лачуги теперь видѣла она жаркое, темносинее небо. Колыхалась передъ ея глазами какая то зеле-ная вѣтка. Барсовъ какъ охватилъ ее рукою, такъ и не выпускалъ. Она не знала что дѣлается съ нею. Кровь прилиwała къ вискамъ, сердце билось...

(Дѣ слѣд. №)

Какъ открыли островъ Мадейру.

Рассказъ.

Во второй половинѣ XIV столѣтія, въ царствованіе англій-скаго короля Эдуарда III, въ Лондонѣ былъ случай, который послужилъ къ открытію новаго острова.

Робертъ Махимъ, красивый, статный и предприимчивый мо-лодой англичанинъ, влюбился въ дѣвушку богатой семьи. Она отвѣчала молодому человѣку взаимностью, но родители ея бы-ли противъ и воспретили дочери всякое сношеніе съ бѣднымъ юношею. Когда Робертъ получилъ рѣшительный отказъ, онъ, увѣренный въ любви Анны Дорсетъ, далъ себѣ слово ее похи-тить и попытать съ нею счастья въ чужихъ краяхъ. Но планъ этотъ былъ открытъ раньше, чѣмъ Робертъ успѣлъ привести его въ исполненіе, и родители Анны ходатайствовали и доби-лись арестованія Махима. Когда молодой человѣкъ былъ поса-женъ въ тюрьму, гордое семейство Дорсетъ успокоилось и рѣши-ло, что навсегда теперь избавилось отъ непрошеного негателя.

Анна Дорсетъ, узнавъ о случившемся, рѣшилась употребить всѣ средства освободить любимаго человѣка. Не смотря на то, что за дѣвушкою былъ самый строгій надзоръ, ей удалось под-купить стражу, и дать возможность Роберту бѣжать изъ тюрь-мы. Сама она также покинула родительскій домъ и вмѣстѣ съ бѣжавшимъ направилась во Францію на маленькомъ суднѣ. Нѣсколько друзей Махима предложили свои услуги бѣглецамъ помочь переправиться на французскій берегъ. Во время путеше-ствія однако поднялся сильный противный вѣтеръ и занесъ маленькое судно въ Атлантическій океанъ. Путешественни-камъ угрожала опасность умереть голодной смертью какъ толь-ко истощили взятый ими съ собою небольшой запасъ, или еще ранѣе погибнуть въ океанѣ, такъ какъ никто изъ нихъ не умѣлъ справиться съ судномъ. Тринадцать дней провели они въ плаваніи, не зная даже гдѣ находятся. Нѣсколько разъ не-вдалекѣ отъ нихъ проходили корабли, но путешественники не имѣли на суднѣ никакихъ сигналовъ, чтобы дать знать объ опас-ности и просить помощи.

Наконецъ на четырнадцатый день на горизонтѣ показалась темная полоса, все яснѣе и яснѣе, и можно было признать ее за берегъ. Отчаяніе погибавшихъ смѣнилось надеждою. Вотъ судно уже добралось до неизвѣстной земли; никто не могъ себѣ объяснить гдѣ они находятся, всѣ хорошо сознавали только, что противный вѣтеръ занесъ ихъ далеко отъ мѣста путешествія. Глазамъ прибывшихъ представился островъ, покрытый неизвѣст-ными имъ породами деревъ; множество никогда невиданныхъ или породъ птицъ, не пугаясь людей, садилась на судно. При-близившись, путешественники спустили лодку и оглядели нѣ-сколько человѣкъ на берегъ, чтобы отыскать, куда бы могло пристать судно. Посланные скоро вернулись и объявили, что какъ кажется, судно ихъ пристало къ необитаемому острову, который отличается роскошною растительностью, имѣетъ мно-жество ручьевъ чудесной воды, что имъ встрѣчались животныя, которыя не пугались людей. Послѣ такихъ удивительныхъ извѣ-стій Робертъ и Анна рѣшили отправиться въ сопровожденіи своихъ друзей на берегъ. Растительность острова была дѣй-ствительно поразительна и чѣмъ дальше путешественники на-правлялись въ глубь страны, тѣмъ больше дивились богатству природы. Островъ былъ покрытъ горами, по склонамъ кото-рыхъ сбѣгало множество ручьевъ, падая то тамъ, то здѣсь кас-кадами. По берегу острова тянулись каштановые и лавровые лѣса; было множество фиговыхъ, лимонныхъ и апельсинныхъ деревъ. Путники подумали, что могутъ приятно провести время на островѣ. Въ одной изъ прекраснѣйшихъ долинъ путники устроили шалаши и рѣшили провести здѣсь нѣсколько дней, чтобы спокойно обсудить свое положеніе.

Однажды, среди ночи, поднялась страшная буря, сорвала съ якоря судно и унесла его въ океанъ вмѣстѣ съ людьми, сторо-жившими его. Вѣтеръ приблизилъ судно къ западному берегу Мо-рокко, гдѣ оно стало добычею морскихъ разбойниковъ, а на-ходившіеся на немъ люди были взяты въ плѣнъ. Войны и мор-скіе разбой того времени доставляли маврамъ множество плѣн-ныхъ еврейцевъ и захваченные путники встрѣтили въ Мо-рокко не мало товарищей по несчастью, своихъ соотечествен-

*) Таможенныя.

никовъ. Когда кончались тяжелыя невольническія работы и наступала часть отдыха, плѣнники рассказывали другъ другу свои приключенія, чтобы хоть этимъ разсѣять тоску. Новые пришельцы рассказали своимъ товарищамъ какимъ образомъ они сюда попали; рассказали, что часть ихъ спутниковъ оста-лась на островѣ, который, кажется, необитаемъ. Рассказъ этотъ слышалъ одинъ изъ плѣнныхъ испанцевъ Жуанъ Моралесъ, который, за много лѣтъ передъ тѣмъ какъ попалъ въ руки мавровъ, служилъ доцманомъ. Повѣствованіе о необитаемомъ роскошномъ островѣ возбудило въ немъ живѣйшій интересъ; онъ расширявалъ о немъ подробно и старался представить себѣ его географическое положеніе. Впоследствии, когда испан-цу Моралесъ, благодаря счастливой случайности, удалось воз-вратиться на родину, онъ только и мечталъ объѣхать Атлан-тическій океанъ и отыскать островъ, который случайно открыли англичане.

Вскорѣ ему представился случай познакомиться съ порту-гальскимъ дворяниномъ Гонзалвемъ Зарго, которому принцъ Генрихъ поручилъ изслѣдованіе африканскихъ морей. Мора-лесъ рассказалъ ему, что слышалъ отъ англичанъ объ откры-томъ островѣ, и возбудилъ своимъ рассказомъ живѣйшій инте-ресъ. Португалецъ высказалъ предположеніе, что островъ этотъ лежитъ недалеко отъ Порто-Санто, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ былъ открытъ Перестрелло и на которомъ онъ самъ былъ недавно. Гонзалвъ Зарго принялъ къ себѣ на служ-бу Моралеса и вмѣстѣ еще съ другимъ португальцемъ, Триста-номъ Вацъ, отправился въ 1420 году, въ Порто-Санто. Здѣсь предположеніе Гонзалва подтверждала многие моряки, хоро-шо знавшие океанъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Порто-Санто на востокъ, рассказывали они, высятся на морѣ, подобно стѣнѣ, мрачный островъ, окруженный бѣлымъ кольцомъ нѣбистыхъ волнъ и вѣчно покрытый облаками. Моралесъ нашелъ это опи-саніе подходящимъ, такъ какъ вновь открытый островъ, по рассказамъ, покрытъ густымъ лѣсомъ, гдѣ, какъ извѣстно, ско-пится много влаги, которая подъ вліяніемъ лучей тропиче-скаго солнца сильно испаряется и покрываетъ облаками гу-стаго тумана островъ.

Рѣшено было идти на новый островъ. Едва отважные путе-шественники прошли нѣсколько миль, какъ увидѣли крутой темный берегъ. Гонзалвъ предложилъ направиться прямо на него, но встрѣтилъ сопротивленіе со стороны спутниковъ, ко-торые съ ужасомъ глядѣли въ мрачную даль. Отважные мат-росы, испытавшие множество бурь, не разъ смотрѣвшие прямо въ глаза смерти и закаленные въ борьбѣ съ волнами, теперь какъ чуждые дѣти суевѣрно боялись, уранивали на колѣ-няхъ своего начальника оставить намѣреніе плыть къ таин-ственному, мрачному острову, гдѣ ихъ ожидаетъ навѣрное по-гибель. Но Гонзалвъ былъ непреклоненъ и спутники его, тре-пещуще и со скрытой злобой, должны были исполнить требо-ваніе грознаго капитана, убѣжденные, что идутъ на вѣрную смерть. Когда корабль приблизился къ острову на столько, что ясно видны были черныя массы таинственныхъ скалъ, о ко-торыхъ съ шумомъ и ревомъ разбивались морскія волны, уласть матросовъ достигъ высшаго предѣла и Гонзалвъ началъ она-саться открытаго бунта. Долго плыли они вдоль этихъ скалъ и когда туманъ къ полудню разсѣлся, путешественники увидѣли мысъ, которому Гонзалвъ далъ названіе Сантъ-Лоренцъ. Изум-леннымъ взорамъ путниковъ представилась теперь прекрасная, возхитительная картина. Послышались крики общаго восклицанія и изумленія. Моралесъ просилъ уступить ему честь всту-пить первому на неизвѣстную землю, и его, въ сопровожденіи нѣсколькихъ матросовъ, отиравали изслѣдовать берегъ. Онъ присталъ въ заливъ, который по виду подходилъ къ описаннымъ плѣнныхъ англичанъ, и когда окончательно убѣдился въ этомъ, возвратился на корабль. Зарго вступилъ тогда со всѣмъ эки-пажемъ на островъ.

Это было 8-го іюля 1420 г., когда прибывшіе водрузили на островѣ португальскій флагъ именемъ короля Иоанна I и на-сѣдника его Генриха, названнаго Морендавателемъ. Подви-гався вглубь страны, они убѣдились въ необитаемости остро-

ва, доказательством чему служили животные, которых не пугались люди и доверчиво подходили къ пришельцамъ. Сдѣлавъ необходимыя приготовления, чтобы прожить нѣкоторое время на островѣ, Моралесъ сталъ уговаривать капитана корабля отправиться на поиски за Робертомъ Махимомъ и его спутниками. Зарго уступилъ просьбамъ своего кормчаго и, въ сопровожденіи части экипажа, направился внутрь страны.

Пройдя лѣсъ, который ограничивалъ кругозоръ путешественниковъ, они вошли въ прекрасную долину, но и здѣсь нигдѣ не могли отыскать слѣдовъ пребыванія человѣка. Спустивъ нѣкоторое время путники наткнулись на большой плоскій павильонъ съ высѣченными на немъ именами: „Робертъ Махимъ и Анна Дорсетъ“.

Не было сомнѣнія, что Зарго со своими товарищами находился на томъ самомъ островѣ, который они искали. Поднявъ камень, они нашли подъ нимъ металлическій сосудъ, въ которомъ было вложено описаніе приключеній злочестныхъ путешественниковъ. Забѣтки были написаны рукою друга Махима, понаважно вмѣстѣ съ нимъ на островъ; онѣ были начаты съ того момента, когда бурей уведено ихъ судно, и гласили слѣдующее:

„Когда прошла буря, Махимъ бросился къ берегу, но нашего судна уже не было видно, вѣтеръ унесъ его далеко въ океанъ. Это былъ страшный ударъ судьбы; но Махима больше всего огорчало то, что это сильно подѣйствовало на Анну. Она видѣла въ этомъ наказаніе Божіе за сопротивленіе родителямъ. Въ тотъ же день она стала тосковать, сильно заболѣла и, не смотря на все старанія и попеченія, которыми была окружена молодая женщина, ей не стало на третій день. Робертъ не могъ забыть понесенной утраты; ничто больше не интересовало его; казалось, что онъ покончилъ съ этимъ міромъ. Махимъ собственными руками вырылъ могилу для Анны Дорсетъ на опушкѣ лимоннаго лѣса и черезъ пять дней послѣ погребенія Анны, заболѣвъ самъ горячкою, которая привела скоро и его къ печальному концу. Последнее его желаніе было исполнено: онъ былъ похороненъ въ той же могилѣ, гдѣ покоилась Анна“.

Португальцы перенесли кости Махима и Анны въ церковь мѣстечка Махико (получившаго названіе отъ фамиліи Махима).

гдѣ можно могли видѣть и до настоящаго времени. Но гдѣ находится друзья, которые похоронили ихъ и написали объ ихъ послѣднихъ часахъ, — неизвѣстно. Возможно, что они отправились на бывшемъ у нихъ небольшомъ ботѣ въ океанъ поискать не встрѣтятся ли корабль, на которомъ можно было бы обратиться до родины, и погибли жертвою своего риска. Никто о нихъ не находилъ никакихъ свѣдѣній.

Зарго со своими спутниками продолжалъ изслѣдованія, пока не убѣдился окончательно, что находится на необитаемомъ островѣ; въ западной половинѣ его они нашли первобытныя лѣсы съ испанскими деревьями, гдѣ Гонзалъ приказалъ сдѣлать изъ вѣковаго ствола большой крестъ и поставить его на берегу; съ тѣхъ поръ мѣсто это стало называться Санта-Круцъ (Св. Крестъ).

Въ послѣдующіе года островъ сталъ заселяться европейцами и за свое богатство лѣсомъ получилъ названіе Мадейра, т. е. лѣсистый островъ. Первые поселенія были учреждены въ обширной равнинѣ, менѣе богатой лѣсомъ; здѣсь же появился и первый городъ Фунхаль, т. е. укрѣпленіе, растеніе, которое произростало здѣсь въ громадномъ количествѣ. Извѣстіе объ открытіи Мадейры привлекло вниманіе всей Европы; многіе полагали, что нашли Атлантисъ, т. е. тотъ фантастическій островъ, который, по сказаніямъ, занималъ большую часть Атлантическаго океана. Слѣдствіемъ этого было, что массы европейцевъ устремились на Мадейру, стали выжигать лѣсы, который мѣшали обработкѣ земли, и кончили тѣмъ, что въ настоящее время отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ.

Вино и сахарный тростникъ составляютъ главные предметы отпускиной торговли Мадейры. Въ особенности славился островъ своимъ виномъ, производствомъ котораго, впрочемъ, въ послѣднее время сильно уменьшилось вслѣдствіе болѣзней виноградныхъ лозъ.

Мадейра пользуется извѣстностью и какъ мѣсто лѣченія страдающихъ болѣзнями легкихъ. Прекрасный, ровный климатъ острова (средняя годовая температура +19°; разница между зимними и лѣтними мѣсяцами не бываетъ выше 5°), съ большимъ количествомъ влаги въ воздухѣ, благотворно дѣйствуетъ на больныхъ.

Артезианскій колодезь въ Москвѣ.

Очеркъ М. М. Щ—цова. Рис. на стр. 264.

Въ числѣ способовъ добыванія воды изъ нѣдръ земли, посредствомъ колодезевъ: *обыкновенныхъ* (рытыхъ), *трубчатыхъ* (американскихъ), изобрѣтенныхъ недавно Портономъ, и *буравныхъ*, послѣдніе извѣстны подъ общимъ названіемъ артезианскихъ, но причинѣ перваго сооруженія ихъ въ графствѣ Артуа во Франціи. Портоновскіе колодезы состоятъ изъ узкихъ (до 2-хъ дюймовъ въ діаметрѣ) трубокъ, длиною въ 3 аршина, выкованныхъ изъ желѣза, вгоняются въ землю ударами тяжести (бабы), приводимой въ движеніе на блокахъ. При этомъ, когда трубка, снабженная острымъ стальнымъ наконечникомъ, углубится до верху, — на нее, для удлиненія, надѣваютъ 2-ю, потомъ 3-ю и т. д., пока 1-я трубка не достигнетъ воды, извлекаемой наружу насосомъ.

Такіе американскіе колодезы имѣютъ громадныя преимущества передъ обыкновенными: по дешевизнѣ, простотѣ устройства, подвижности, возможности перенесенія ихъ на любое мѣсто и быстротѣ добыванія воды, — применимы лишь въ рыхлыхъ или слабыхъ почвахъ. Поэтому въ Англіи и Франціи они употребляются преимущественно при передвиженіи войскъ, въ мѣстностяхъ изобилующихъ водою на мягкомъ грунтѣ. Гдѣ же почва содержитъ известнякъ, песчанникъ, или иныя твердыя породы, тамъ, для добыванія воды пригодны лишь артезианскіе (буравные) колодезы.

Имѣя вышнее сходство съ американскими, потому что въ тѣхъ и другихъ въ землю углубляется трубка, чрезъ которую вода восходитъ наружу, — буравные (артезианскіе) отличаются размѣрами и способомъ опусканія трубъ, а главное тѣмъ, что при этомъ долбятъ и сверлятъ землю особыми инструментами, тогда какъ въ Портоновскихъ колодезахъ непосредственно вколачиваютъ трубы, безъ буравленія почвы. Вслѣдствіе различныхъ преимуществъ предъ прочими колодезами, артезианскіе крайне распространены повсюду и служатъ для орошенія садовъ, огородовъ, полей и луговъ (особенно въ Алжирѣ) и даже улицъ, а равно для снабженія водою цѣлыхъ городовъ и заводовъ. Становясь иногда мощною силою, приводящею въ движеніе огромные молоты, маннины и т. п., вода, выбрасываемая изъ нѣдръ земли, утилизируется въ этомъ отношеніи всего чаще въ Америкѣ и Англіи. Устраняются буравные колодезы и для осушенія болотъ, затопленныхъ лѣсовъ; для повышенія уровня судходоходныхъ рѣкъ или каналовъ, и для различныхъ мануфактурныхъ, строительныхъ и общежитейскихъ цѣлей. Съ большимъ удобствомъ применяются они и какъ согревающее средство, по той причинѣ, что выбрасываемая ими вода, имѣя постоянную температуру во все время года не ниже +8° по Реомюру, достигаетъ иногда значительной теплоты. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. горячую воду направляютъ то въ ванны, то въ пруды, если въ нихъ водятся рыба, не переносящая зимней стужи,

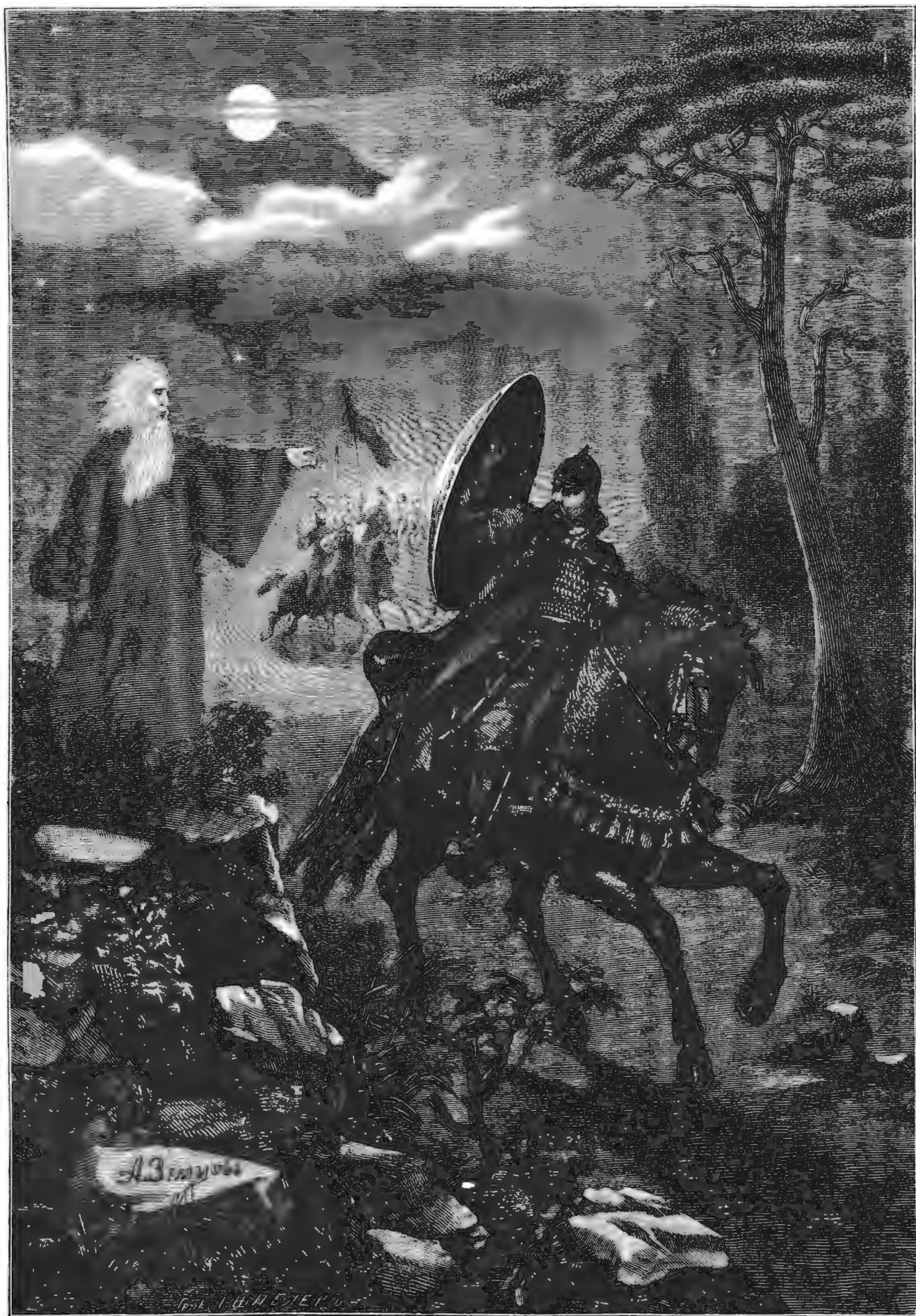
или же въ оранжереи и фабрики, вмѣсто отопленія ихъ горячимъ матеріаломъ. Въ иныхъ мѣстахъ, помощью артезианскихъ колодезевъ добываютъ изъ глубины земли горное масло (нефть) для бумажныхъ фабрикъ, соляные рассолы и т. п.

Соорудить артезианскій колодезь возможно въ какомъ бы ни было твердомъ грунтѣ, но лишь при непремѣнномъ условіи, чтобы слой, чрезъ который просачивается вода, находился между двумя глиняными и притомъ въ котлообразномъ углубленіи. Въ послѣднемъ случаѣ, атмосферная вода, падая въ видѣ дождя или снѣга на окранныя названныхъ слоевъ и стекая по дугѣ котловина, собирается въ нижнихъ ея частяхъ въ значительномъ количествѣ. Все отличие артезианскихъ колодезевъ отъ естественныхъ ключей заключается лишь въ томъ, что у 1-хъ каналъ, соединяющій пространство наполненное водою съ поверхностью земли, — продѣланъ искусственно инструментомъ, называемымъ „буравъ“, тогда какъ въ натуральныхъ ключахъ такой каналъ существуетъ какъ явленіе природы. Обыкновенная глубина буравленія колеблется между 50 и 250 (иногда болѣе) саженьями и если касается значительнаго выстигиванія воды, тогда послѣдняя, силою собственного напора, вырывается наружу фонтаномъ.

Этотъ подъемъ воды изнутри земли, объясняется гидростатическимъ давленіемъ, основаннымъ на законѣ физики, по которому въ обихъ соединенныхъ между собою и изогнутыхъ на подобіе латинской буквы U трубкахъ, вода всегда стоитъ на одномъ общемъ уровнѣ. На этомъ законѣ основано дѣйствіе естественныхъ фонтановъ, выбрасывающихъ струю на высоту бассейна, изъ котораго вода получаетъ начало (напр. изъ горнаго источника). Буравную скважину, т. е. артезианскій колодезь, обыкновенно сравниваютъ съ короткимъ колѣномъ такого сифона, у котораго натуральное (длиннѣйшее) колѣно очерчивается, на склонахъ высокихъ горъ, точно изъ наполненнаго сосуда, — атмосферическіе осадки.

Полагаютъ, что артезианскіе колодезы, хотя и не въ тѣхъ размѣрахъ, были извѣстны изстари народамъ Африки, Америки и Азии. Въ Европѣ же они впервые появились въ XII в., во Франціи и Англіи. Что же касается Россіи, то устройство въ ней буравныхъ колодезевъ относится ко временамъ древнихъ Повгородцевъ (лѣтъ за 400 назадъ) въ Старой Русѣ. Затѣмъ послѣдовало буравленіе въ XVI ст. въ Пермской губ., причемъ такія работы предпринимались для извлеченія наружу подземной соленой воды, или рассоловъ, изъ которыхъ вываривалась соль.

Въ настоящее время дѣйствуютъ сотни буравныхъ колодезевъ въ Сѣв. Америкѣ, Соед. Штатахъ и почти во всехъ европейскихъ государствахъ. Изъ числа же ихъ, иные колодезы выбрасываютъ струю высоко надъ землею, какъ напр. болѣзнь Нарляка въ

Видѣніе царя Болгарскаго Симеона. Ориг. рис. А. Зенцова, грав. Флюгель.

Мексиканскія древности. Раскопки въ Юкатанѣ. Самоистязаніе жреца. Рис. Шапон, грав. Бертрапъ

Гранельф, гдѣ получается ежедневно 100,000 куб. фуговъ воды изъ глубины 560 метровъ; другіе же, напр. въ Лондонѣ, его окрестностяхъ и въ г. Піортѣ (во Франціи), отличаются тою особенностью, что вода въ нихъ стоитъ всегда нѣсколько ниже земной поверхности. Тоже явленіе существуетъ и въ московскомъ артезианскомъ колодцѣ.

Поводомъ къ сооруженію его послужила крайній недостатокъ въ водѣ, получаемой Москвою ежедневно въ количествѣ: а) 500,000 ведеръ изъ ключей въ 1-ой верстѣ отъ С. Большіе Мытищи и 15 вер. отъ Крестовской городской заставы, б) 40,000 ведеръ изъ Сокольничьей рои и в) 120,000 вед. на Ходынскомъ полѣ. Теперь, когда въ Англіи на каждого жителя приходится по 3 ведра, а во Франціи по 2, Москва не имѣетъ воды ни для тушенія пожаровъ, ни для промыванія канавъ и поливки улицъ въ надлежащемъ количествѣ, вслѣдствіе чего воздухъ первопрестольной столицы, заражаемый бесчисленными миазмами, ставитъ ее населеніе въ самыя антигигіеническія условія жизни.

Постоянное увеличеніе народонаселенія Москвы побудило горнаго инженера Бабина предложить город. думѣ проектъ артезианскаго колодца, къ устройству котораго было приступлено въ 1866 г. Начало затымъ 4 февраля 1867 г. сверленіе земли на Яузскомъ бульварѣ, сопровождалось, при углубленіи въ юрскія и горнозаводскія формаліи, множествомъ затрудненій, происходившихъ отъ притока подпочвенныхъ ключей, пловучихъ песковъ и глины, засасывавшей буровую скважину, а также отъ кремнистыхъ прослоекъ и обваловъ разныхъ твердыхъ породъ. На глубинѣ почти 70 сажень оказалась настолько крѣпкая, кремнистая среда, что лезвіе долотъ, приготовленныхъ изъ лучшей англійской стали, носилъ каждыя 2-хъ часовыя работы иступалось совершенно. Въ довершеніе неудачъ, въ 1871 г. сломался буръ. Въ это время громадныя трубы, диаметромъ нѣсколько болѣе аршина, послѣдовательно опускаемыя въ землю, по мѣрѣ бурвленія, достигли уже глубины болѣе 200 саж. и на работу было уже думою истрачено до 180,000 р., а между тѣмъ вода все еще не достигала поверхности земли на нѣсколько сажень. Буреніе не возобновлялось.

Такое положеніе дѣла вызвало въ инженерахъ рѣшимость, не подымающейся до поверхности бульвара водѣ дать боковой истокъ. Для этого, воспользовавшись гористою мѣстностью и значительною покатостію отъ артезианскаго колодца къ югу, они придумали прорыть подземную галерею, которая, начинаясь съ южнаго, наитончайшаго края горы и направляясь на сѣверозападъ, подъ прогрессивно-утолщающейся ее поверхностью, подошла бы къ тому уровню, на которомъ остановилась вода въ буровой скважинѣ. 6 декабря 1883 г. послѣдовало освѣщеніе работъ штольни, т. е. упомянутой только что выработки водосливнаго хода, который, вслѣдствіе значительной крѣпости горной извести, протекающей толстымъ пластомъ на этой глубинѣ, производился съ большимъ трудомъ.

Вызывая трещины въ этомъ пластѣ посредствомъ пороховыхъ, а иногда динамитныхъ взрывовъ, рабочие расчищали себѣ путь едва по 1-му прогонному аршину въ день, продѣлывая, такимъ образомъ, галерею вышиною и шириною около 2³/₄ арш.

Оконченная въ виходѣ 1884 г. штольня имѣетъ слѣдующій видъ. Вблизи р. Яузы, на углу Серебренническаго и Николоворобинскаго переулковъ, вольѣ Яузскаго бульвара, устроенъ въ видѣ домика (означеннаго на рисункѣ 1) шатеръ, внутри котораго, по широкой лѣстницѣ, спускаются на глубину 3-хъ сажень и вступаютъ въ галерею, обдѣланную деревомъ на подобіе рамъ, плотно приставленныхъ одна къ другой. Дно этого хода, на всемъ его протяженіи въ 135 саж., представляется какъ бы сплошнымъ желобомъ, покрытымъ на по-

ловину его ширины мостками, непосредственно примыкающими къ правой стѣнѣ, а по лѣвой тянется другой, особый желобъ, въ ³/₄ арш. шириною. Эта галерея не вполнѣ горизонтальна. Чтобы дать водѣ свободное движеніе по 2-мъ названнымъ желобамъ, дну приданъ нѣкоторый подъемъ, по 1-му верхку на каждыя 10 саж. Туда же стекаютъ и ручейки 5-ти родниковъ, находящихся въ правой стѣнѣ, покрытой въ такихъ мѣстахъ густымъ слоемъ рапшевой глины. Освѣщенный довольно скуднымъ лампами и не достигая даже 2¹/₂ ар. въ вышину, описываемый ходъ содержитъ въ себѣ отчасти сѣрный запахъ, вслѣдствіе присутствія закиси и перекиси водорода и вообще различныхъ газовъ, и на 91-ой сажени дѣлаетъ влѣво поворотъ, образующій съ первоначальнымъ направлениемъ тупой уголъ въ 142° (рисункъ 4).

Пройдя еще 40 саж., достигаютъ пещеры (рисункъ 3) въ 4 квадрат. аршина и въ 3 вышиною, выдолбленной подъ бульваромъ на 12 саж. глубины, въ томъ же горнозаводскомъ пластѣ. Въ серединѣ пещеры четырехугольный водоємъ, посредникъ котораго возвышается на нѣсколько вершковъ, опущенная въ землю на 215 саж. труба, съ наконечникомъ, открытымъ въ видѣ самоварной канфорки, со множествомъ отверстій для стока воды. Какъ разъ надъ этой артезианской трубой, въ полости пещеры, продѣлано отверстіе, проникающее черезъ 12 саж. поверхность Яузскаго бульвара и представляющее собою, разумѣется, ничто иное какъ начало буровой скважины. Изъ упомянутого бассейна, изливаясь подъ мостками во всю ширину галереи, а также небольшимъ потокомъ въ 6 верш. глубиною, по отдѣльному желобу, предназначенному для измѣренія суточной прибавки воды, она достигаетъ того мѣста штольни, гдѣ лѣстница, а оттуда 2-мя трубами, проведена еще на 53 сажени для спуска въ р. Яузу.

Итъя около 8° тепла по Реомюру и оказавшись по химическому анализу значительно мягче Ходынской, по тверде Мытищенской, пріятная на вкусъ вода артезианскаго колодца получается ежедневно въ количествѣ 280,000 ведеръ, но пока еще не утилизируется. Причиной то обстоятельство, что по условію, заключенному думою съ инженеромъ Бабинымъ, потрагившимъ собственныхъ 40,000 р. на штольню, количество и качество воды подлежатъ годичному наблюденію, послѣ чего, окончательно будетъ постановлено город. думою, или о переходѣ артезианскаго колодца въ вѣдѣніе города, или же о предоставленіи строителю права эксплуатировать въ свою пользу воду, направленную имъ изъ буровой скважины. При этомъ, если въ сутки никогда не будетъ получаться менѣе 200,000 ведеръ, тогда дума уплатитъ г. Бабину 40,000 руб.; за каждыя же 50,000 ведеръ лишннихъ, будетъ ему добавлено по 5,000 руб.

Подобное условіе о минимальномъ количествѣ ведеръ, объявляется, вѣроятно, тѣмъ, что наименьшее ливаніе земли водою, замѣчаемое обыкновенно въ студеную пору года, всегда невыгодно отражается на артезианскихъ колодцахъ, уменьшеніемъ количества выбрасываемой ими воды. Въ настоящее время, при спускѣ въ штольню помѣщенъ ручной насосъ, для нагнетанія въ наружный желобъ воды, которою, пока, безплатно пользуются жители ближайшихъ мѣстностей и отчасти водовозы.

19-го декабря прошлаго года, по окончаніи работъ, послѣдовало, въ присутствіи московскаго генералъ-губернатора, освѣщеніе штольни высшимъ духовенствомъ, а со временемъ, вѣроятно, на мѣстѣ буровой скважины Яузскій бульваръ украсится какимъ либо сооруженіемъ, для регулярнаго снабженія города, изъ новаго источника, водою, необходимою Москвѣ, въ количествѣ нѣсколькихъ миллионъ ведеръ ежедневно, а не въ такомъ скудномъ, какъ 950,000, если еще включить въ это число и прибавить, доставляемую описаннымъ нами артезианскимъ колодцемъ

Къ рисункамъ.

Мадонна въ Нюрнбергѣ.

(Рис. на стр. 252).

Эта старинная, изъ дерева изваянная статуя Мадонны у подножія Креста принадлежитъ неизвѣстному художнику и находится въ городѣ Нюрнбергѣ, который такъ чудесно сохранилъ характеръ среднихъ вѣковъ въ зданіяхъ и памятникахъ. Городъ издавна славился своими рѣзными издѣліями, изъ которыхъ много старые образцы очевидно принадлежали рѣзку замѣчательныхъ художниковъ. Это должно сказать и о ваятельѣ, которому принадлежитъ здѣсь изображенная статуя. Выраженіе глубокой скорби, благородство и чистота линий замѣтно выдѣляютъ это художественное произведеніе

Богоматерь у подножія Креста.

(Рис. на стр. 253)

Выраженіе безрѣдѣнной скорби Богоматери у Креста Христа Спасителя во всемъ христіанскомъ мірѣ служило великою темою благоговѣйнаго изображенія въ массѣ художественныхъ произведеній. На картинѣ, копія которой помѣщена здѣсь, этотъ высокій моментъ разработанъ съ глубокимъ чувствомъ и замѣ-

чательною силою. Вверху картины видна лишь нижняя часть Креста. Мракъ темной ночи окутываетъ землю въ эту скорбную минуту, и глубокая скорбь, мрачнѣе ночи земной, выражается въ лицѣ Богоматери.

Погребеніе Христа Спасителя.

(Рис. на стр. 256).

На картинѣ талантливаго художника Стори изображеніе погребенія Христа Спасителя взято не обычно, а совершенно оригинально. Тѣло Спасителя, только что снятое со Креста, несутъ внизъ съ Голгофы поворотомъ прямо впередъ, что дало художнику возможность выказать мастерство и свободу, съ какими онъ изобразилъ въ смѣломъ ракурсѣ положеніе тѣла Христа и усиліе несущихъ Его.

Апокалипсическіе всадники Петра Корнелиуса.

(Рис. на стр. 257)

Въ сентябрѣ, полтора года назадъ, Германія праздновала столѣтіе со дня рожденія Петра Корнелиуса, великаго реформатора нѣмецкаго искусства.

Корнелиус родился в Дюссельдорфе в 1783 году. Отец его был инспектором галлерей курфюрста и преподавателем Дюссельдорфской академии. Неудивительно поэтому, что художественная склонность мальчикашла к себѣ богатую пищу в болшихъ собраніяхъ роднаго города и родительскаго дома и что вскорѣ ему представилась возможность заниматься рисованіемъ подъ хоронимъ руководствомъ. Но юноша съ начала ученія захотѣлъ идти по собственному пути и это не понравилось его учителю, директору Лангеру, который, послѣ смерти его отца, совѣтовалъ матери, оставшейся безъ средствъ, помѣстить сына въ какое нибудь мастерство. Къ счастью, совѣту этому не послѣдовали, и юноша, не оставляя своего любимаго занята, кое какъ пробивался, рисуя картинки для книгопродавцевъ и церковныя хоругви.

Давленіе Наполеоновской тиранин, тяготѣвшее въ то время надъ Германіей, вызвало въ немъ необыкновенную ненависть ко всему чужеземному; обратясь къ старымъ художникамъ нѣмецкаго искусства, для своихъ новыхъ произведеній онъ выбиралъ также нѣмецкіе сюжеты. Иллюстраціи къ Фаусту и Нибулунгамъ были его первыми болшими произведеніями.

Въ 1811 году Корнелиусъ нѣшкомъ отправился въ имъ, гдѣ на чужой классической почвѣ вырабатывалъ нѣмецкую школу. Отсюда онъ былъ вызванъ въ Мюнхенъ королемъ Людвигомъ Баварскимъ, который поручилъ ему писать его знаменитыя картины въ Глинготекѣ. Извѣстность его была установлена и вскорѣ онъ былъ назначенъ директоромъ Дюссельдорфской академіи, той самой, откуда былъ исключенъ за несоблюденіе. Изъ Дюссельдорфа онъ перешелъ въ Мюнхенъ въ качествѣ директора академіи и отсюда въ 1840 году былъ отозванъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV на ту же должность въ Берлинѣ. Въ Мюнхенѣ онъ создалъ замѣчательныя картины: „Сотвореніе міра“ и „Страшный судъ“, украшающія церковь Людвига. Въ Мюнхенѣ-же, разсматривая его картину „Разрушеніе Трои“, король Людовигъ надѣлъ ему въ 1825 году орденъ „за заслуги“, прибавивъ: „Героевъ посвящаютъ обыкновенно въ рыцари на мѣстѣ ихъ дѣяній“.

Въ 1843 году Корнелиусу поручено было воспроизвести христіанскій циклъ картинъ для Кампо-Санто — поргала мѣста ушибленія императорской фамилии возлѣ собора въ Берлинѣ. Въ этомъ же году онъ отправился въ Римъ, чтобы тамъ на покой заняться выполненіемъ этой задачи. Эти великолѣпныя творенія его не появились законченными масляными картинами, но художникъ познакомилъ съ ними цѣлкомъ въ видѣ картоновъ. Одна изъ нихъ, помѣщенная на стр. 257, назначалась украшать главную стѣну Кампо-Санто; она изображаетъ четырехъ апокалипсическихъ всадниковъ: Заразу, Голодь, Войну и Смерть.

Картонъ фресокъ, предназначенныхъ для усыпальницы въ берлинскомъ соборѣ или Кампо-Санто, были окончены Корнелиусомъ въ Римѣ въ 1849 году. Грандіозный проектъ не приведенъ былъ въ исполненіе и картина великаго художника сохраняется для потомства въ берлинскомъ музее. Этотъ громадный рядъ изображеній, долженствовавшій по проекту занять пространство въ 180 футовъ, на четырехъ сторонахъ кладбища, производилъ бы сильное и глубокое впечатлѣніе. Каждая отдѣльная картина отдѣляется отъ другой нишами, поддерживаемыми архитравами; крозмъ того въ промежуткахъ предполагались ниши для помѣщенія въ нихъ скульптурныхъ произведеній. Каждое изображеніе состоитъ изъ трехъ частей: верхней, средней и нижней; верхняя картина на фронтонѣ писана на золотомъ фонѣ; средняя, главная — яркими, блестящими красками, а нижняя, на pedestаль — исключительно сѣрыми. Содержаніе картоновъ обнимаетъ собою четыре громаднхъ цикла христіанской эпохи: Искупленіе, Воскресеніе изъ мертвыхъ, Ниспосланіе высшей благодати и прощенія и конечныя событія міра. Послѣдній отдѣлъ фресокъ, особенно поразителенъ по мощности кисти и ея экспрессіи. Изображенная на нашемъ рисункѣ изъ этого отдѣла превосходная фреска, извѣстная подъ именемъ „Всадники Апокалипсиса“, производитъ и на картонѣ поразительно сильное впечатлѣніе. Въ верхней ея части изображено небесное пространство, гдѣ лѣтящіе ангелы изливаютъ изъ чаши потоки гнѣва Божія на несчастную землю, отданную Творцомъ на жертву всякаго рода бѣдствій. Въ средней части эти бѣдствія или казни: война, голодь, чума и смерть, представлены въ образѣ четырехъ гнѣвныхъ всадниковъ, безпощадно истребляющихъ людей и несущихся на коняхъ по гудѣ ихъ труновъ. Въ нижней части, на pedestаль, художникъ какъ бы хотѣлъ выразить, что и въ самыя ужасныя времена дѣла милосердія и человѣколюбія могутъ служить утѣшеніемъ и опорой для страждущаго и бѣдствующаго челоувѣчества, и въ трехъ болшихъ картинахъ изобразилъ, въ лицахъ, три великія правила христіанской морали, заповѣданныя намъ нашимъ Искупителемъ: „Посѣтить заключеннаго въ темницѣ, утѣшить плачущаго и заблудшаго вывести на настоящій путь“.

Для исполненія этой величественно задуманной картины приведемъ подлинныя слова Апокалипсиса (откровеніе Іоанна, гл. 6):

„И видѣхъ егда отверзе агнецъ іедину отъ седми печатей,

и слынахъ іединаго отъ четырехъ животнохъ глаголюща яко же гласъ громный: „гряди и видѣждь“.

„И видѣхъ и се конь бѣлъ, и сядяи на немъ имѣяше лукъ: и данъ бысть ему вѣнецъ, и изыде побѣждаи и да побѣдитъ.“

„И егда отверзе печать вторую, слынахъ второе животно глаголющее: „гряди и видѣждь“.

„И изыде другій конь рыжъ: и сядящему на немъ дано бысть взяти миръ отъ земли, и да оубіетъ другъ друга: и данъ бысть ему мечъ великій.“

„И егда отверзе третію печать, слынахъ третіе животно глаголющее: „гряди и видѣждь“. И видѣхъ, и се конь воронъ, и сядяи на немъ имѣяше мѣрило въ рудѣ своей.“

„И слынахъ гласъ посредь четырехъ животнохъ глаголющій: „мѣра пшеницы за динаръ, и три мѣры ячменя за динаръ: и ісея и вина не вреди“.

„И егда отверзе четвертую печать, слынахъ гласъ четвертаго животно глаголющій: „гряди и видѣждь“.

„И видѣхъ и се конь бѣденъ, и сядяи на немъ, имя ему Смерть: и адъ идяше въ слѣдъ его: и дана бысть ему область на четвертой части земли оубити оружіемъ и голодомъ и смертію, и звѣрми земными“.

Вотъ огненная страница, которая вдохновила художника. Четыре всадника на дикихъ коняхъ устремляются на гибнущее челоувѣчество. Они безжалостно разятъ своимъ страшнымъ оружіемъ. Зараза мечетъ отравленныя стрѣлы; тоній Голодь поднимаетъ вѣсы, — знакъ дороговизны; Война направляетъ противъ безоружныхъ свой истреблющій мечъ, и неустержимо коситъ Смерть своей неумолимой косою...

Корнелиусъ умеръ 6 марта 1867 года.

Видѣніе болгарскаго царя Симеона.

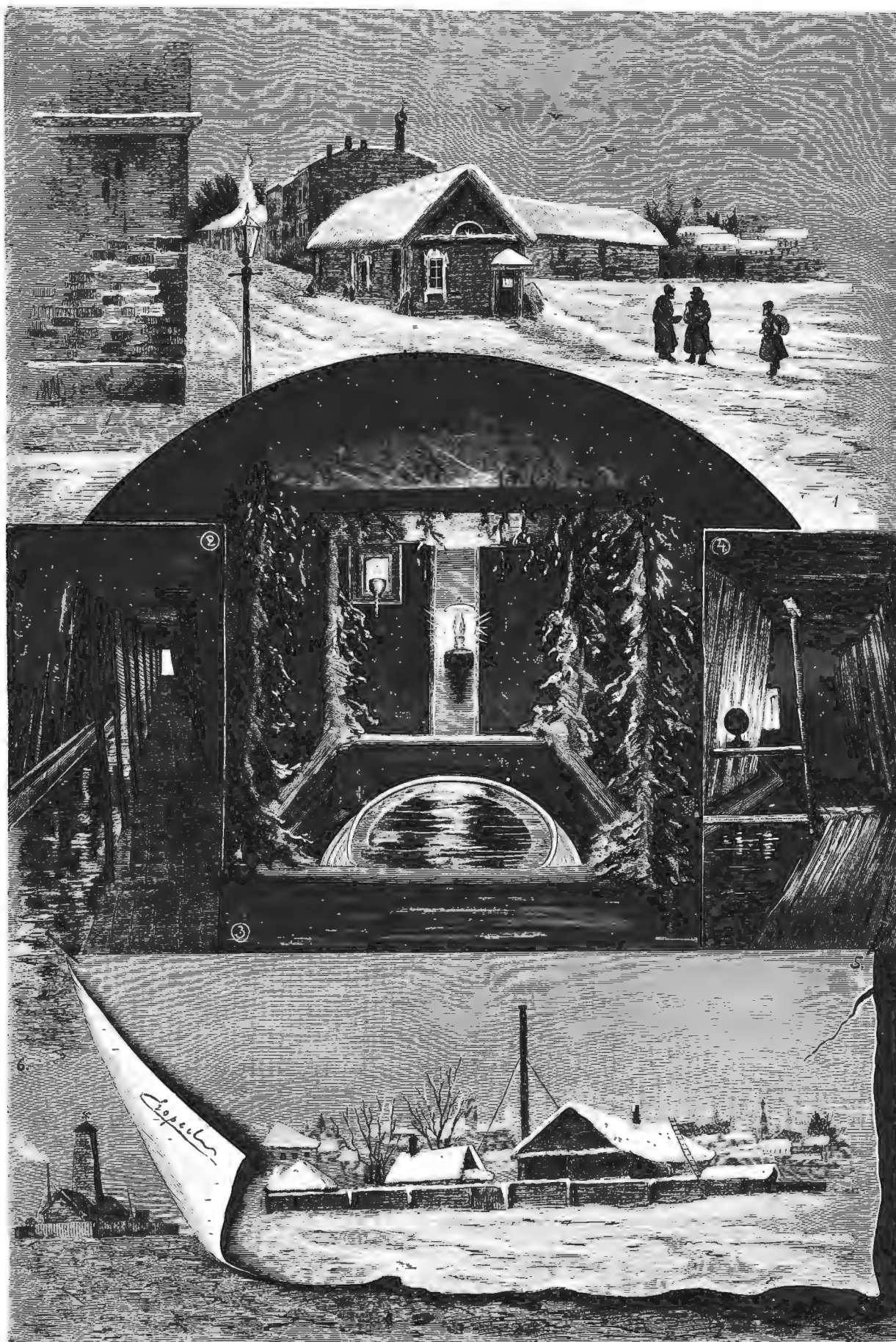
(Рис. на стр. 260).

Въ десятомъ вѣкѣ, подъ правленіемъ царя Симеона, болгарское государство достигло высокой степени силы и процвѣтанія; не только болхъ его могущества окрестныя варвары, но и сама Византія трепетала при появленіи подъ ея стѣнами болгарскихъ полчищъ. Въ борьбѣ съ Симеономъ византійцы почти постоянно терпѣли поражение; съ 912 по 923 годъ Симеонъ четыре раза подступалъ къ Царь-граду и два раза бралъ столицу Оракии, Адрианополь, служившіи преддверіемъ Царь-града, и два раза возвращалъ его опять грекамъ. Въ послѣдніе годы своего царствованія Симеонъ сталъ особенно энергично тѣснить Византію. На Царь-градъ стали тогда падать тяжелыя удары болгарскаго оружія, такъ какъ болгарскій царь очень хороно видѣлъ и понималъ всю слабость и полнѣйшую расшатанность Византійской Имперіи, которая поддерживала свой престижъ среди варваровъ лишь пышнымъ, вышнимъ блескомъ. Весной 923 года болгарское войско проникло до самыхъ предмѣстій Константинополя. Адрианополь былъ уже въ рукахъ болгаръ и слабый императоръ Романъ, не видя другаго исхода, рѣшился кинуть у Симеона миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ къ болгарскому царю пословъ, но тотъ отослалъ ихъ назадъ и изъявилъ желаніе лично видѣться и переговорить съ императоромъ. Романъ волей-неволей долженъ былъ согласиться на это свиданіе и въ назначенный день трирема императора причалила къ берегу, гдѣ уже ожидалъ ее Симеонъ.

Послѣ обычныхъ пріветствій, Романъ и Симеонъ приступили къ переговорамъ и заключили миръ. Вскорѣ потомъ царь Симеонъ умеръ (въ 927 году) и Византія наконецъ вздохнула свободно, освободившись отъ грознаго и сильнаго врага. Пророческое видѣніе, явившееся царю Симеону послѣ его мира съ греками, послужившее темой для рисунка нашего художника, упоминается въ одной народной болгарской легендѣ. Эта легенда художественно передала нашимъ извѣстнымъ поэтомъ Полонскимъ, въ его небольшомъ стихотвореніи „Царь Симеонъ“.

Какъ въ легендѣ, такъ и у нашего поэта видѣніе останавливаетъ царя на обратномъ пути изъ Царьграда въ Болгарію; ему является тѣнь: грознаго вида монахъ, сѣдовласый, съ крестомъ, съ бѣлымъ крестомъ на черной рясѣ, и начинающъ его горько упрекать за миръ, заключенный съ греками:

„Что ты сдѣлалъ, царь великій,
Царь славянскихъ христіанъ!
Уступилъ ты тронъ востока
Тяжкой власти мусульманъ!
Мечъ твой былъ въ десницѣ Бога...
Знай же, царь болгарскій, знаи:
Опустилъ свой мечъ, ты предалъ,
Ты сгубилъ родимый край.
Вижу я потоки крови,
Бездну ужасовъ и зла,
Отъ Царьграда до Дуная
Замолчать колокола.
И народъ твой будетъ, плѣнный,
Цѣпи рабскія влѣчить,
Надрываться, или — „братъ,
Помогите!“ — голосить...“

Артезианскій колодезь въ Москвѣ. Ориг. рис. Егорьева, грав. М. Рашевскій.

1) Шатеръ надъ штольней. 2) Подземный коридоръ. 3) Буравная скважина. 4) Уголь штольни. 5) Постройки надъ машиной. 6) Башни надъ штольней.

Зима в Канадѣ. Рис. 1. Приготовленіе натальной горы.

Мексиканскія древности и раскопки.

(Рис. на стр. 261).

Въ Америкѣ, называющейся „Новымъ Свѣтомъ“, не мало остатковъ древнихъ городовъ, имѣющихъ свою исторію и знанія которыхъ можно подраздѣлить на болѣе простыя и болѣе сложныя и роскошныя. Первые можно отнести къ древней эпохѣ и послѣднія къ эпохѣ уже новѣйшей. Городъ Лорильяръ въ Юкатанѣ, на правомъ берегу Узумацинта, гдѣ теперь производится обширныя раскопки и открываютъ любопытныя вещи, слѣдуетъ причислить къ городамъ позднѣйшей эпохи; жители его по всей вѣроятности были современниками Итца Петеновъ, которые, какъ извѣстно, сохраняли свою независимость болѣе 150 лѣтъ послѣ испанскаго завоеванія. Столица ихъ Таясалъ была разрушена только въ 1696 году и Локандоны, болѣе укрытые въ горахъ, пережили своихъ сосѣдей Историкъ Гюльеръ Сато старшій говоритъ, что Итца Петены враждовали съ Локандонами и прибавляетъ, что въ 1694 г. за два года до разрушенія ихъ города испанцами, они дѣлали на сосѣдей набѣги. Бойль утверждаетъ даже, что Локандоны сохранили остатки древнихъ обычаевъ еще 150 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1730 году.

Въ Лорильярѣ встрѣчаются чрезвычайно любопытныя археологическія памятники, такъ напр. замѣчательныя каменные обломки, покрытыя барельефами. Нѣкоторые изъ нихъ вполне закончены и сохранились, какъ напр. помѣщенный на стр. 261 точный снимокъ такого барельефа. За исключеніемъ головъ съ покатымъ лбомъ, которыя, какъ извѣстно, не составляли расоваго типа—это было условнымъ типомъ извѣстныхъ классовъ—все въ этомъ барельефѣ прекрасно отдѣлано и точность деталей поразительна. Это религиозная сцена. Лицо, стоящее на колѣняхъ—жрецъ: онъ продѣлъ черезъ языкъ веревку, усѣянную шипами, съ цѣлью ужаснаго добровольнаго самоистязанія. Другое лицо, также жрецъ, держитъ пальму и понуждаетъ и ободраетъ къ самоистязанію перваго жреца. Это извѣстный обрядъ тольтековъ. Мрачный культъ Кветцакоатли, распространенный на плоскогоріяхъ, былъ занесенъ сюда на Юкатанъ уже издавна. Торквемада и Клавигеро въ своихъ описаніяхъ говорятъ о мученіяхъ, которымъ подвергали себя жрецы въ честь этого кроваваго божества тольтековъ. Жрецы Кветцакоатли, говоритъ Торквемада, во главѣ со старѣйшимъ жрецомъ, называемымъ Ачкотли, послѣ пятидневнаго поста и покаянія забирались въ храмъ, куда приносили цѣлыя цуки гибкихъ тонкихъ палочекъ. Затѣмъ приходили одни жрецы и обтачивали палки, придавая имъ нужную толщину и форму, затѣмъ съ разными об-

рядами входили старшіе, изготовлявшіе ножи изъ обсидіана (вулканическое стекло) для прокалыванія языковъ. Всѣ горячо молились, и старыя, и молодые жрецы, и готовились къ мученіямъ. Одинъ изъ жрецовъ прокалывалъ всѣмъ языки, послѣ чего старшій жрецъ Ачкотли продѣлывалъ въ отверстіе своего языка палочки, одну за другой, до сотни и болѣе, и прочіе жрецы старались подражать ему. Боль однако была такъ велика, что немногіе достигали до требуемаго количества, такъ какъ первыя палочки были тоньше, а затѣмъ постоянно доходили до толщины большаго пальца. Во время поста, жрецъ Ачкотли ходилъ по городамъ и деревнямъ, призывая къ покаянію, въ знакъ чего носилъ съ собою зеленую вѣтвь пальмы.

На барельефѣ изображенъ жрецъ съ такою большою вѣтвью пальмы. Нѣтъ сомнѣнія, что истязаніе, здѣсь совершающееся въ честь Кветцакоатли—есть именно то, о которомъ говоритъ Торквемада.

Зимній сезонъ въ Канадѣ.

(Девять рис. на стр. 265, 267, 268 и 269).

Собственно, зимній сезонъ въ Канадѣ начинается обыкновенно въ декабрѣ; рождественскіе праздники проходятъ особенно шумно и весело, и пользуясь вплоть до марта сухой, свѣтлой, морозной погодой, жители Канады могутъ какъ угодно разнообразить свои зимнія удовольствія. Здѣсь нѣтъ нигдѣ и въ поминѣ туманныхъ дней англійской или Петербургской зимы; рѣзкія перемены въ погодѣ здѣсь неизвѣстны и потому нѣтъ

Зима в Канадѣ. Рис. 2 Съ горы ночью.

тѣхъ обычныхъ зимнихъ недуговъ, которыми такъ страдаютъ у насъ. Напротивъ того, канадцы, подъ вліяніемъ холода, пользуются превосходнымъ здоровьемъ, они страстные конькобѣжцы: кататься съ горъ, бѣгать въ запуски, составляетъ здѣсь обычное зимнее удовольствіе; все это требуетъ сильна-

го тѣлеснаго движенія, а движеніе, какъ извѣстно, даетъ здоровье.

Квебекъ—этотъ старинный центръ военной, политической и духовной власти, во время господства французовъ, до сихъ поръ пользуется нальной первенства въ умѣнн разнообразіи зимняго удовольствія. Такъ въ Таронто, на гладкомъ какъ зеркало заливѣ несется по льду какъ стрѣла особаго устройства боты, между которыми сплываютъ сотни конькобѣжцевъ. Въ Кингстонѣ тоже къ услугамъ публики громадная бухта, на которой совершаются прогулки въ большихъ саняхъ; арена, на которой устраиваются на льду потѣшныя бои и разныя упражненія на конькахъ. Виннипегъ, Галифаксъ тоже не отстаютъ въ шумномъ, зимнемъ весельи, также какъ и Квебекъ, гдѣ общественная жизнь отражаетъ въ себѣ счастливое смѣшеніе двухъ элементовъ—стариннаго французскаго и новаго англійскаго. Квебекъ славится своими быстрыми, несущимися какъ вихрь поны, управляемыми локими и смѣлыми возницами, и своей катальной горой въ Монморанси, которую устраиваетъ каждый годъ сама природа, по скаку скаль. Первый снѣгъ ожидается въ Канадѣ какъ какаля то благодатная манна. Дѣти видятъ себя отъ восторга, когда на нихъ падаетъ пушистый и мягкій иней. Улицы города оживляются, повсюду слышенъ смѣхъ и говоръ, какъ будто уже начался зимній карнавалъ. Почти непрерывно слышенъ звукъ колокольчиковъ; это звонятъ собаки, несущіяся по улицамъ, по слѣдамъ своихъ хозяевъ. На всѣхъ естественныхъ возвышенностяхъ устраиваютъ (рис. 1) катальныя горы, но теперь здѣсь вводится въ употребленіе и наин русскія горы и пользуются даже большою популярностью. Въ послѣдніе годы въ Канадѣ даже устроено не мало правильныхъ клубовъ для общественного катанія съ горъ. Къ этой идѣи отнеслись съ увлеченіемъ, и мужчины, и женщины, и дѣти въ запуски несущая въ легкихъ саняхъ съ горъ (рис. 5). Ночью (рис. 2) эти горы представляютъ фантастическую картину: они освѣщаются фонарями, укрѣпленными въ снѣгу по обѣимъ сторонамъ ската; кромѣ того, кругомъ зажигаютъ потѣшныя огни, и мракъ вдругъ уступаетъ мѣсто яркому, блестящему свѣту. Вообще, изъ всѣхъ удовольствій зимняго карнавала—это самое любимое (рис. 4), не смотря на то, что сопряжено съ опасностью вывалиться изъ саней и даже ушибиться; но эта опасность даже нравится многочисленнымъ любителямъ сильныхъ ощущеній.

Что же касается до конькобѣжцевъ, то даже въ другихъ сѣверныхъ странахъ и найдутся болѣе быстрые и искусные, то за то навѣрное нигдѣ, какъ въ Канадѣ, вы не увидите на льду

такихъ живописныхъ и веселыхъ картинъ, и такихъ роскошныхъ карнаваловъ (рис. 3), гдѣ цѣлая масса молодежи является въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, заимствованныхъ изъ разныхъ странъ и народностей. При помощи единственныхъ материаловъ—снѣга и льда, сооружаютъ здѣсь такія дивныя декоративныя постройки, которыя какъ бы прямо взяты изъ чудесъ тысячи одной ночи. Такъ, въ Монреаль каждую зиму создается ледяной дворецъ, прелестная выдумка, въ которой въ реальной формѣ воплощаются фантастическія, кристаллыныя черты волшебныхъ сказокъ. Величественный, монументальный этотъ дворецъ стоитъ до самой весны и, наконецъ, обращается въ „ничто“ отъ горячихъ лучей весенняго солнца.

Бѣгъ на лыжахъ тоже одно изъ интересныхъ народныхъ удовольствій Канады; на своихъ длинныхъ лыжахъ, сильныи, мускулистый аборигенъ „Кануэкъ“ не боится ни глубокаго снѣга, ни страшной бури. Отъ народа лыжи перешли къ образованному обществу, и теперь существуетъ много клубовъ, члены котораго посвящаютъ свои досуги бѣгу на лыжахъ. Одинъ изъ самыхъ старѣйшихъ клубовъ такого рода—это клубъ св. Георгія. Среди его членовъ попадаются дѣйствительно люди атлетической силы, которые пробѣгаютъ громадное пространство и даже вступаютъ въ состязаніе съ индѣйцами (рис. 6), людьми съ самыхъ юныхъ лѣтъ привыкшими къ путешествіямъ подобнаго рода. Всѣ члены клуба во время своихъ упражненій носятъ особый костюмъ, въ которомъ преобладаетъ темно-красный цвѣтъ. Бѣлый верхній нарядъ съ кашпономъ тоже украшенъ красными полосами. Поясъ пуховой, также какъ и крестъ св. Георгія, вышиты на лѣвой груди. Женщины тоже могутъ вступать въ клубъ (рис. 8), получаютъ также костюмъ довольно живописный и оригинальный. Кромѣ бѣга на гладкой поверхности, иногда назначаются особые бѣга съ препятствіями (рис. 7), на которыхъ искусные члены клуба ловко перескакиваютъ черезъ нарочно сдѣланныя перегородки и выкидываютъ разные другія замысловатыя шутки. Въ этихъ упражненіяхъ молодежь не замѣчаетъ холода и бѣжитъ все дальше и дальше по безконечной снѣжной равнинѣ. За слишкомъ увлеченными конькобѣжцами посылаются лошади, а другихъ привозитъ обратно, къ мѣсту общаго сбора, ближайшая желѣзная дорога. Нечего и говорить, съ какимъ волчьимъ аппетитомъ набрасываются члены клуба на приготовленный имъ ужинъ въ клубной гостиницѣ (рис. 9), гдѣ вскорѣ шумъ, смѣхъ и пѣніе служатъ явнымъ доказательствомъ, что голодь утоленъ и что все общество находится въ самомъ лучшемъ настроеніи духа.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Египетъ.—Бельгія.—Италія.—Индіа.

Англійское правительство старается въ настоящую минуту изъ всѣхъ силъ, смягнуть слѣды того тяжелаго впечатлѣнія, которое было произведено на общественное мнѣніе хартумской катастрофой и полнымъ неуспѣхомъ британской экспедиціи, и тщательно маскируетъ совершенные имъ промахи и ошибки громкими и хвастливыми заявленіями о своей твердой рѣшимости не отступать отъ начатаго дѣла, а довести его до желасмаго конца. Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Суданѣ можетъ навести англичанъ на самыя печальныя размышленія; обратное движеніе англійскихъ экспедиціонныхъ войскъ принимаетъ все болѣе и болѣе размѣры; ссылаясь на невыносимый для европейскихъ солдатъ зной, главнокомандующій, генералъ Вольслей, отдалъ приказаніе объ отступленіи къ Донголь. Въ то же время имъ сдѣлано распоряженіе о разбѣженіи англійскихъ войскъ мелкими отрядами вдоль течения Нила, для охраны воднаго пути отъ непріятельскихъ нападений. Такимъ образомъ все ясно показываетъ, что суданскій вопросъ возвращается къ тому положенію, въ какомъ онъ находился до движенія войскъ на Хартумъ. Оказывается, что побѣды англичанъ и всѣ переселенія ими неимовѣрныя тягости пропали совершенно даромъ, и новый походъ съ значительно большими боевыми силами предпримется не ранѣе осени; до того же времени, т. е. продолженіе семи мѣсяцевъ, весь Суданъ остается въ полной власти Махди. Неудивительно, что послѣ такихъ усѣбхъ, послѣдній не только воодушевился до чрезвычайной степени фанатизмъ суданскихъ племенъ, но даже привлекъ къ себѣ массу авантюристовъ разныхъ европейскихъ національностей. Такъ, кромѣ того, что въ его лагерь фигурируютъ нѣсколько французовъ, извѣстія изъ Нью-Йорка единогласно подтверждаютъ, что американскіе ирландцы посылаютъ Махди цѣлый вспомогательный отрядъ и значительныя транспорты оружія. Нью-Йоркъ, Филадельфія, Буффало и Бостонъ вносятъ каждый по пятнадцати тысячъ долларовъ въ такъ называемый „экспедиціонный фондъ“, и поставляютъ по двѣсти человѣкъ, изъ коихъ сформирована вспомогательный отрядъ въ тысячу человѣкъ. Люди будутъ вооружены саблями и винтовками, но главнѣйшее ихъ оружіе составитъ динамитъ. Махди, какъ утверждаютъ англійскія арабскія газеты, серьезно намерѣнъ оградить отъ англичанъ свои земли установленіемъ границы отъ Суакима до Метамнэ, черезъ Берберъ и Шенди. Что же касается Абиссиніи, то джепророкъ норѣшится совершенно сокрушить это христіанское государство, и двинется противъ короля Юанна со

всеми своими силами. По увѣренію газеты „Эль-Анбаръ“, Махди задумываетъ создать независимое магометанское государство, которое не было бы эксплуатировано разными европейскими выходцами и авантюристами, и не находилось бы подъ ихъ постояннымъ давленіемъ. По послѣднимъ телеграммамъ, приверженцы Махди уже овладѣли Кассалой, оставленной безъ всякой помощи, и перебили весь гарнизонъ.

Лорду Гренвиллю, какъ оказывается, пришлось дорого заплатить за свое примиреніе съ Бисмаркомъ. Онъ предоставляетъ ему въ Южной Африкѣ всѣ оспариваемыя территоріи страны Камеруновъ, и, кромѣ того, сдѣлалъ ему территоріальныя уступки въ Новой Гвинее, не смотря на протесты англійскихъ колоній въ Австраліи противъ вторженія германцевъ въ эту часть земнаго шара. Берлинское же правительство, въ обмѣнъ вышеозначенныхъ уступокъ, даетъ Англій общинѣ уважать ея права на тѣ земли, гдѣ уже развивается британскій флагъ.

Въ Бельгіи общественное мнѣніе сильно заинтересовано теперь положеніемъ дѣлъ въ Конго—не столько изъ-за политическихъ, сколько изъ-за чистаго промышленнаго и коммерческаго видовъ. Король Леопольдъ II, получивъ поздравительный адресъ отъ антверпенскаго муниципальнаго совѣта, по поводу благоприятной развязки конгокаго вопроса, написалъ ему очень благосклонный отвѣтъ, въ которомъ указалъ на необходимость обезпечить на конгокомъ бассейнѣ повые рынки для бельгійской промышленности. Въ Брюсселѣ теперь договариваютъ объ образованіи нѣсколькихъ акціонерныхъ обществъ для эксплуатаціи природныхъ богатствъ внутренией Африки.

Изъ Рима послѣднія извѣстія подтверждаютъ слухъ о томъ, что итальянское правительство сдѣлало распоряженіе о новой отравкѣ войскъ въ Красное море. Такое подтверженіе является даже неотложною необходимостью, такъ какъ высадившіяся въ Массовѣ итальянскій отрядъ вынужденъ напрягать всю свою бдительность, чтобы не подвергнуться нападению безпрестанно возрастающихъ скопищъ фанатическихъ мятежниковъ, грозящихъ задвинуть итальянскихъ пришельцевъ своею численностью.

По сообщенію изъ Калькутты, вице-король Индіи рѣшилъ выѣхать 24 февраля и встрѣтиться съ афганскимъ эмиркомъ Рававъ-Пинда. Его сопровождаютъ члены государственнаго совѣта и губернаторы сѣверо-западныхъ провинцій, въ томъ числѣ и Пенджаба. Извѣстія изъ Лагора сообщаютъ между тѣмъ тревожныя свѣдѣнія о настроеніи туземнаго населенія. Мѣст-

ныя власти узнали о существованіи заговора, имѣвшаго цѣлью взорвать на воздухъ желѣзнодорожныя мосты въ Пенджабѣ, но, къ счастью, во время принятыя мѣры къ предотвращенію этого покушенія, которое могло бы имѣть серьезныя послѣдствія.

52 года заняты два семейства; одинъ изъ раскрашивателей умеръ недавно на 66 году жизни, работая съ 15-лѣтняго возраста до самой смерти для „Scopes“ Цѣна послѣдняго также замѣчательна; 22 тома стоятъ 1350 марокъ; послѣ выхода предположенныхъ еще трехъ томовъ, цѣна возвысится до 1700 марокъ. Самое замѣчательное при этомъ, это изданіе такого спеціальнаго, дорогаго и большаго сочиненія, продолженія полулѣтка, безъ всякаго пособія отъ правительства, академіи или научнаго общества: единственно собственными средствами фирмы издателя.

Средство отъ обжога. Докторъ Адальбертъ Вейсъ сообщаетъ слѣдующее: „25 декабря 1884 г., въ 9 часовъ утра я былъ позванъ къ профессору Ш., который предъ тѣмъ дѣлалъ вдыханіе помощью аппарата старой конструкціи. Аппаратъ всахнулъ и горячій паръ обжогъ глаза, лобъ, носъ, щеки и верхнюю губу профессора. Боль была такъ сильна, что я опасался наступленія общихъ конвульсій. Прежде всего я распорядился покрыть больныя мѣста пропитанной масломъ тряпочкой, поверхъ которой прикладывалъ ледяные компрессы. Загѣвъ я прописалъ смѣсь изъ Aqua calc. и oleum lini, а также двухпроцентнаго раствора *Coscinum nitratum*. Пока приготовляли лекарство, я не переставалъ ежеминутно мѣнять компрессы, но боль не унималась. Но въ моментъ, когда вышеназванной смѣсью я, при помощи ваточки, смазалъ больныя мѣста, гдѣ частями уже образовались пузыри, невыносимая боль мгновенно утихла и не повторилась болѣе. Къ вечеру пациентъ чувствовалъ себя совсѣмъ хорошо и обожженные мѣста не представляли ничего опаснаго. Это поразительное дѣйствіе требуетъ дальнѣйшихъ наблюденій и съ этою цѣлью я сообщаю о немъ“

Къ особенностямъ Мюнхенскаго Карнавала принадлежитъ устраиваемый уже нѣсколько лѣтъ артистическій балъ, на который доступны мужчинамъ воспрещены. Балъ устраивается ученицами мѣстнаго артистическаго училища и бываетъ такимъ удачнымъ, что на немъ не замѣчается вовсе отсутствія мужчинъ, которыхъ замѣняютъ костюмированныя учени-

С М Ъ С Ъ.

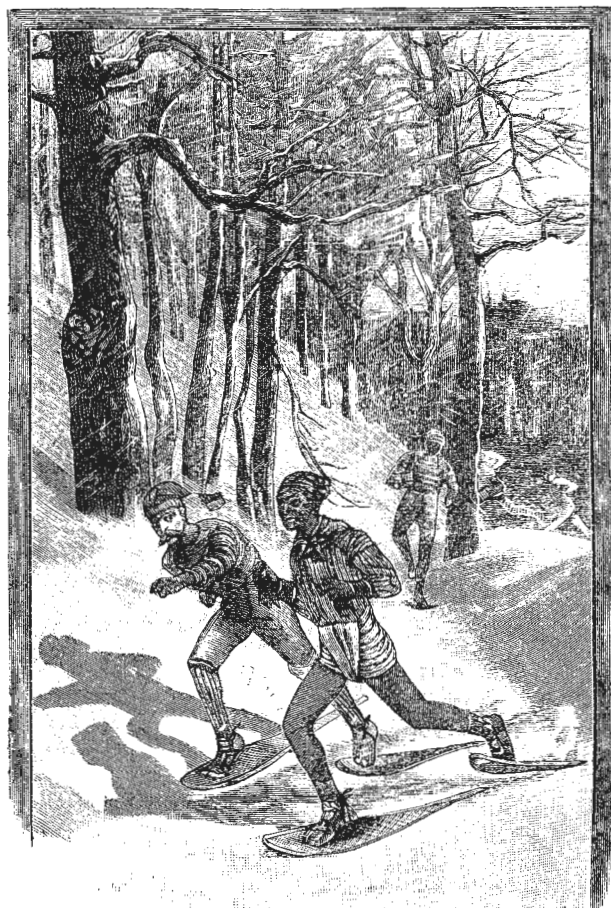
Во время сѣверной войны 1710 года, когда городъ Рига былъ осажденъ русскими войсками и принужденъ сдать, великодушный и человеколюбивый фельд-маршалъ Шереметевъ выхлопоталъ у Петра Великаго различныя льготы для горожанъ. Чтобы выразить ему свою признательность, жители Риги заказали два большихъ золотыхъ ключа, вѣсомъ въ три фунта, съ подобающею надписью, и поднесли ихъ своему побѣдителю, какъ ключи города Риги. Императоръ Петръ I разрѣшилъ фельдмаршалу принять этотъ подарокъ и оставить его въ родѣ Шереметевыхъ. Латинская надпись на каждомъ ключѣ въ русскомъ переводѣ: „Преданность города Риги, завоеваннаго Россійскимъ генералъ-фельдмаршаломъ, графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, кавалеромъ Малтыѣскимъ, св. Апостола Андрея и пр. 1710 г., 13/2 июля“. Ключи эти и до нынѣ хранятся у графа Сергія Дмитріевича, какъ у старшаго въ родѣ графовъ Шереметевыхъ.

Зима въ Канадѣ. Рис. 3. Карнавалъ на льду.

Новая пряжа. По Дибровскимъ плавильямъ въ изобиліи растетъ родъ бурьяна по мѣстному названію „кукотына“ изъ которой, вымочивши, выходятъ прекрасныя, прочныя волокна, годныя для пряжи; изъ нихъ выходятъ нитки весьма прочныя и удобныя для веревокъ или мѣшечнаго полотна.

Любопытное изданіе. Эпитетъ этотъ въполнѣ примѣнимъ къ сочиненію *Scopes florae germanicae et helveticae simul terrarum adiacentium* (Флора Германіи, Швейцаріи и прилегающихъ областей). Изданіе его начато въ 1833 г. покойнымъ надворнымъ совѣтникомъ Рейхенбахомъ въ Дрезденѣ. Сынъ его Густавъ сталъ продолжать изданіе съ 1853 г., но сомнительно, доведетъ ли онъ его до конца. Въ то время какъ авторы сочиненія находятся во второмъ поколѣннн, издатели его достигли уже третьяго. Настоящій собственникъ фирмы Амброзій Абель въ Лейпцигѣ, которому принадлежитъ изданіе, внукъ перваго издателя Фридриха Гофмейстера, передавшаго фирму своему зятю въ 1852 г.

До сихъ поръ появилось 22 большихъ латинскихъ тома этого сочиненія, содержащія въ себѣ болѣе 3000 рисунковъ, раскрашенныхъ исключительно отъ руки Раскрашивателемъ этихъ 22-хъ томовъ уже

Зима въ Канадѣ. Рис. 6. Бѣгъ на лыжахъ индійца съ бѣлымъ.

Зима в Канадѣ. Рис. 4 На пути къ natalнымъ горамъ.

цы, изображая любезныхъ кавалеровъ, живописцевъ, студентовъ, лаццарони и щеголей въ маскахъ. Балъ этого года былъ данъ недавно; на немъ веселились до самаго утра.

Замѣчательный артезианскій колодезь находится въ городкѣ Сельма (Алабама). Изъ него бьютъ двѣ струи воды, изъ которыхъ каждая отличается особымъ свойствомъ. Эгого достигли закладкой въ десяти-сантиметровой ширины трубу другой трубы въ 5 сантиметровъ. Первая углубляется на 110 метровъ и даетъ воду довольно холодную, безъ всякой примѣси минеральныхъ частей. Больше узкая труба углубляется на 200 метровъ и даетъ воду довольно теплую, въ составъ которой входятъ желѣзо и сѣра.

Самая высокая обсерваторія устраивается въ настоящее время въ Калифорніи на вершинѣ горы Хамилтонъ, почти въ 5 тысячъ метровъ высоты, около Санъ-Франциско. По проекту основателя, обсерваторія эта будетъ имѣть самый лучшій изъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время телескоповъ. Исполненіи инструмента будетъ имѣть линзу въ три фута въ діаметрѣ. Телескопъ изготовляется Кларкомъ въ Кембриджпортѣ; стекло же отливается въ Парижѣ. Бѣлый англійскій хру-

Зима в Канадѣ. Рис. 7. Бѣгъ на лыжахъ съ препятствіями.

Зима в Канадѣ. Рис. 9. Ужинъ въ клубной гостинницѣ.

сталь линзы вѣситъ 170 килограмовъ; отливка ея продолжалась три дня, охлаждение—30 дней.

Искусственное окрашиваніе цвѣтовъ. Способъ придавать цвѣтамъ различную окраску помощью смѣшиванія земли съ красящими веществами былъ извѣстенъ уже давно, но только въ послѣднее время стало возможнымъ окрашивать срѣзанные цвѣты въ любой цвѣтъ, причѣмъ они нисколько не теряютъ свой ароматъ. Для этого достаточно опустить стебли въ слабый растворъ же-

Зима в Канадѣ. Рис. Женщины—члены клуба св. Георгіа.

Зима в Канадѣ. Рис. 5. Катанье съ горъ.

лаемой краски. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что способность цвѣтовъ поглощать краску далеко не одинакова. Такъ, въ некоторые цвѣты совсѣмъ не поглощаютъ ту или другую краску, а другіе разлагаютъ краски на составныя части. Если мы опустимъ напр. лиліи въ растворъ пурпурной краски, то на цвѣткѣ ясно обозначатся красные и синіе прожилки.

Освѣщеніе фарватера океана. Какъ ни труденъ этотъ проектъ, между тѣмъ американскіе техники заняты въ настоящее время разработкой его. Между Ньюфаундлендскими косами и ирландскимъ берегомъ предполагаютъ установить 10 кораблей-маяковъ, каждый на разстояніи 200 морскихъ миль, такимъ образомъ, чтобы они могли ясно свѣтить во всякую непогоду. Корабли-маяки будутъ соединены при помощи электричества съ однимъ изъ трансатлантическихъ кабелей. Пароходы, ходящіе по океану, должны будутъ имѣть кораблей-маяки съ лѣвой стороны корабля; послѣдніе будутъ снабжены нумерами и будутъ отличаться разноцвѣтными огнями. Такимъ образомъ, не только пароходы, но, какъ предполагаютъ, и нарушеніе кораблей, будутъ въ состояніи проверять свой путь, какъ только увидятъ одинъ изъ кораблей-маяковъ, точное положеніе, длина и ширина которыхъ будетъ подробно обозначена на морскихъ картахъ. Далѣе будетъ возможность подавать скоро на материкъ извѣстіе о постигшемъ корабль несчастіи, о прохожденіи ледяныхъ горъ и движеніи бурь. Предприняты недавно профессоромъ Беллемъ опыты относительно возможности установленія между двумя кораблями телефоннаго сообщенія безъ прямаго проводника, дали новый толчекъ проекту освѣщенія фарватера океана. Опыты производились надъ двумя судами, отстоящими на разстояніи 1 1/2 морской мили, и были успешны; однако сомнительно, удастся ли установить сообщеніе между кораблями, отстоящими на 200 морскихъ миль. Но наибольшая трудность заключается въ установкѣ кораблей-маяковъ на якоряхъ. Безъ сомнѣнія, корабли маяки могутъ крѣпко стоять на якоряхъ на значительной глубинѣ и въ бурю, но еще никогда не дѣлалось опытовъ на такой глубинѣ, какая существуетъ между мысомъ Клеръ и Ньюфаундлендомъ. Мѣсто, по которому проходитъ кабель, составляетъ площадь въ 400 морскихъ миль ширины, на которой вода доходитъ отъ 10000 до 12000 футовъ глубины. Но въ Америкѣ считаютъ вполне возможнымъ укрѣпить на этой глубинѣ корабли. Осуществится ли этотъ проектъ—покажетъ время

Мейнингенская труппа. Петербургъ получилъ постоумъ неожиданное удовольствіе, и весьма благородное и весьма поучительное въ то же время. Это превосходная Мейнингенская труппа, приѣхавшая сюда со своими декораціями, классическимъ репертуаромъ и нѣвымъ составомъ артистовъ даже на самыя, повидимому, незначительныя роли. Такъ какъ труппа эта на Страстной недѣлѣ ѣдетъ въ Москву, то мы съѣшимъ сказать хотя нѣсколько словъ, сколько дозволяетъ мѣсто, объ этомъ замѣчательномъ художественномъ явленіи, которое разумѣется стоило бы гораздо большаго и серьезнѣйшаго сообщенія.

Когда мейнингенцы приѣхали, то большинство нашей публики не могло даже себѣ представить съ чѣмъ она имѣетъ дѣло. Сомнѣвались, чтобы труппа, не имѣющая, кромѣ Барнаа, извѣстныхъ именъ, могла бы имѣть здѣсь какой нибудь серьезный успѣхъ. Удивлялись риску привезти съ собой 24 вагона декорацій и вещей, словно у насъ нѣтъ хорошихъ декорацій.

Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ действительно оказалось нѣчто выходящее изъ ряда обыкновеннаго и достойное самаго серьезнаго вниманія. Художественныя декораціи, превосходныя и изящныя костюмы, масса повидимому мелкихъ, но глубоко обдуманыхъ и внимательно выбранныхъ и расположенныхъ аксессуаровъ, замѣчательное освѣщеніе и въ общемъ до мелочей исторически выдержанная постановка, отчетливое знаніе ролей, умѣние держать себя на сценѣ, неустанный, терпѣливый трудъ, вниманіе къ ролямъ, въ чемъ выражается уваженіе къ автору и публикѣ—вотъ тѣ достоинства, которыя въ совокупности составили нѣчто замѣчательное. Но одинъ

упорный трудъ разумѣется бы ничего не сдѣлалъ безъ таланта, души, которая явно, видимо проникаетъ всю постановку, глубокой любви къ дѣлу и высокаго художественнаго вкуса и чувства, которые руководили всемъ этимъ. Первой пьесой, поставленной мейнингенцами, былъ „Юлій Цезарь“ Шекспира, и она сразу поразила публику: постановка до такой степени была блестяща, такъ поражала выдержкою во всемъ и на столько превосходила видное нами до сего времени, что и публика, и печать единогласно признали ее удивительной. Затѣмъ блестяще поддержала это мѣрное постановка знаменитой трилогіи Шиллера „Валленштейнъ“, гдѣ распорядженіе народными массами было положительно невиданное въ „Лагеръ“ и „Пиръ“. Производящемъ поражающее впечатлѣніе. Барнаа, игравшій Валленштейна, превосходно выдержалъ роль. Каждая комната, каждая зала сдѣлана соответственно и художественно, мелкія вещи, мебель, гримировка историческихъ лицъ по современнымъ портретамъ—все это было ново и поразительно. Постановка пьесы Шекспира „Какъ угодно“ и „Зимняя сказка“ также хороша, какъ и предыдущей, и ихъ превосходить еще, если возможно, постановка одного изъ лучшихъ созданій Шиллера, „Вильгельма Теля“. Съ такимъ же глубокимъ изученіемъ поставленъ и Мольеръ; съ такимъ же умѣньемъ распорядятся средствами сцены поставлена эффектная и мрачная драма Гримальдиера „Прабабка“ и прекрасная пьеса „Лидія“. Все выдержано и изучено вполнѣ.

Не можемъ здѣсь не отмѣтить, что публика наша съумѣла оценить и съ полнымъ уваженіемъ отнеслась къ этому явленію. Театръ былъ всегда полонъ.

Алгебраическая задача № 12.

Одна русская пословица состоитъ изъ 17 буквъ; если буквы эти замѣнить числами, соответствующими мѣстамъ буквъ въ русской азбулкѣ, то между числами получатся слѣдующія соотношенія:

- 1) Разность между десятимъ и шестнадцатымъ числами равна суммѣ девятаго и втораго чиселъ.
- 2) Отношеніе пятнадцатаго числа къ пятому равно отношенію 3:1.
- 3) Разность между восьмымъ и двѣнадцатымъ числами равна разности между пятымъ и вторымъ числами.
- 4) Отношеніе шестаго числа къ пятому равно отношенію шестнадцатаго числа къ 4.
- 5) Разность между шестымъ и шестнадцатымъ числами равна четырнадцатому числу.
- 6) Седьмое число относится къ четырнадцатому, какъ 4:1.
- 7) Разность между пятнадцатымъ и четырнадцатымъ числами равна $\sqrt{1728}$.
- 8) Сумма третьяго и десятаго чиселъ равна суммѣ чиселъ одиннадцатаго и тринадцатаго.
- 9) Удвоенное пятое число равно разности между третьимъ и шестымъ числами.
- 10) Разность между одиннадцатымъ и четвертымъ числами равна половинѣ седьмаго числа.
- 11) Разность между шестымъ и девятымъ числами равна разности между первымъ и вторымъ числами.
- 12) Сумма пятнадцатаго и пятаго чиселъ на 2 меньше разности двѣнадцатаго и одиннадцатаго чиселъ.

- 13) Первое число относится къ одиннадцатому, какъ 2:1.
- 14) Сумма втораго и двѣнадцатаго чиселъ равна разности восьмаго и четырнадцатаго чиселъ.
- 15) Разность между семнадцатымъ и четырнадцатымъ числами равна $\sqrt{27000}$.
- 16) Сумма перваго и четвертаго чиселъ равна суммѣ седьмаго и четырнадцатаго чиселъ.
- 17) Разность между послѣднимъ и первымъ числами равна суммѣ седьмаго и одиннадцатаго чиселъ.

Рѣшеніе ребуса № 5, помѣщеннаго въ № 5 „Нивы“ 1885 г.

„Услужливый-то дуракъ опаснѣе врага“.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ гг.: СПб.—Голштинскаго, Голова, Токареваго, Жукова; Москва—Безалова, Васильева, Федичко, Воаршинова, Сумбулъ, Еремича, Рѣшнова, Константиновской, Коричаго; Бабино—Лавровой; Березны—Бурной; Б. Коровино—В. К. Терскаго; Вильно—Тельневскаго, Холонова; Каауга—Голова; Кишиневъ—Долженко, Яржебскаго; Невъ—Шилова; В. З. Бѣлова, Чернецкаго; Нозловъ—Тарабарина; Курскъ—Мазуръ; Лебединъ—Кодратченко; Лебедянъ—Урудина; Липецкъ—Чихачева; Николаевъ—Ильмова; Путиль—Вознесенскаго; Рогачево—Позняковой; Ростовъ на Д.—Эрбертъ; Рыбинскъ—Нераславцова; Самара—Бабушкина; Севастополь—Дремляж, Фишеръ; Суздаль—Минкина; Тверь—Ковалева; Харьковъ—Катериничъ, Сиваловскаго; Царское Село—Голыши, Казанскаго.

СОДЕРЖАНІЕ: Островъ и городъ Сира (съ рис.).—Кулисы. Повесть Вас. И. Немиревича-Данченко.—Какъ открыли островъ Мадейру. Рассказъ.—Артезианскій колодезь въ Москвѣ. Очеркъ М. М. Щ.—цного (съ рис.).—Мадонна въ Нюрнбергѣ (съ рис.).—Богаматерь у подножія Креста (съ рис.).—Погребеніе Христа Спасителя (съ рис.).—Апокалипсическія всадники Петра Корнелиуса (съ рис.).—Видѣніе болгарскаго царя Симеона (съ рис.).—Мексиканскія древности и раскопки (съ рис.).—Зимній сезонъ въ Канадѣ (съ 9 рис.).—Политич. обзоръ.—Смѣсь.—Алгебраическая задача.—Рѣшеніе ребуса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Марксъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 2-е ИЗДАНИЕ Альбома рисунковъ художника † В. С. ШПАКА

въ пользу осиротѣвшей единственной его дочери.

Число подписчиковъ на изданный нами „Альбомъ въ пользу семейства художника В. С. Шпана“ значительно превысило количество напечатанныхъ экземпляровъ и до настоящаго времени все еще продолжаются полученія требованій на альбомъ. Въ виду неубудства обратной отсылки денегъ и желанія удовлетворить эти многочисленныя требованія лишь, оцоздавшихъ съ подпиской, мы приступили ко второму изданію „Альбома“, на которое и отирается **ВНОВЬ ПОДПИСКА**. Это изданіе будетъ напечатано на такой-же бумагѣ, также тщательно и издано, какъ и первое изданіе, *вызываетъ самыя лестныя одобренія какъ публики, такъ и прессы*, и выйдетъ около Пасхи, а потому желающихъ подписаться просимъ поспѣшить со своими заявленіями. Цѣна „Альбома“ въ Петербургѣ 3 р., съ пересылкой 3 руб. 50 к. Подписка *принимается въ прежнихъ мѣстахъ*.

Издатель: А. Ф. Марксъ, издатель журнала „Нива“. Германъ Корифельдъ, издатель журнала „Стрекоза“. СПб. мастерская учебныхъ пособій и игръ.

№ 3978

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Иденіе Бирона и воцареніе Елисаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е изданіе. СПб. 1882 г. II. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. переп. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Ползующійся во всѣхъ европейскихъ государствахъ заслуженною славой, бывшій на выставкахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ,

АНГЛИЙСКІЙ ХОЛСТЪ ПРОТИВЪ РЕВМАТИЗМА.

Продается въ пакетахъ, съ описаніемъ употребленія, по 1 рублю; двойной силы, по 2 рубля.

Знаменитый д-ръ Гуффельндъ говоритъ въ своихъ медицинскихъ сочиненіяхъ: „Есть двѣ болѣзни, противъ которыхъ медицина напрасно искала до сихъ поръ сильно-дѣйствующихъ лекарствъ: это — ревматическая головная боль и подагра“; это средство нашлось въ употребленіи вышеозначеннаго холста противъ ревматизма.

Продажа для всей Россіи настоящаго холста: въ С.-Петербургѣ, въ аптекарскомъ магазинѣ г. Оскаря Гертхенъ, Казанская улица, д. № 37. На почтовые расходы прилагается 50 коп. Р. № 3974 3—1

20-й иллюстрированный каталогъ СОРТАМЪ ПЛОДОВЫХЪ, ДРЕВЕСНЫХЪ, КУСТАРНЫХЪ И МНОГОЛѢТНИХЪ РАСТЕНІЙ БОМОЛОГИЧЕСКАГО САДА Р. № 3967
Д-РА РЕТЕЛЯ И КСЕВЕДЖИГА
высылается бесплатно желающимъ. Обращаться къ Д-ру Е. Ретелю въ Императорскомъ Ботаническомъ Саду, въ Петербургѣ.

Книжки „Н Е Д Ъ Л И“.

Въ первыхъ трехъ книжкахъ „Недѣли“, составляющихъ ежемѣсячное приложение къ газетѣ „Недѣля“, напечатано слѣдующее: I. Неумытныя трезоръ, сказка Н. Щедрина. II. Про счастливыхъ людей, святочный рассказъ Гл. И. Успенскаго. III. Свѣдущій челоуѣкъ, А. Б. IV. Четыре времени года, повесть И. Салова. V. На развалинахъ стараго, серия современныхъ повѣстиковъ. VI. Лимонъ, историческій рассказъ Е. П. Нарновича. VII. Маленькая экскурсія, Н. Л. VIII. Во время холеры, П. В. Сахарова. IX. Аллегорія, стихъ Я. П. Полонскаго. X. Два стихотворенія Ю. М. Сигала. XI. Мать, стихотвореніе Н. Д. Щедрова. XII. Углекислоты (Germinal), романъ Э. Зола. XIII. Въ семь дней, романъ Дженнинса.

Подписка на получение въ 1885 году ежемѣсячной газеты „Недѣля“, съ приложеніемъ ежемѣсячныхъ книжекъ, продолжается. Новыя подписчики получаютъ все вышедніе уже номера и книжки, начиная съ первыхъ. № 3940
Цѣна газеты „Недѣля“, съ приложеніемъ ежемѣсячныхъ книжекъ, восемь рублей въ годъ. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „Недѣли“, у Владимирской церкви, Лыская, 6.
Редакторъ-издатель П. А. Гайдебуровъ.

Торговый дом признавая
достоинством своего на-
звания за высокое каче-
ство и действительно де-
шевую цену всех то-
варов.

Большие магазины „ЛУВРЪ“

НАИБОЛЬШЕ ВО ВСЕЙ РОССИИ.

С.-Петербургъ, 63, Мойка, домъ Кононова, 63, С.-Петербургъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ПОСЛѢДНІЯ ПАРІЖСКІЯ НОВОСТИ.

Торговый домъ „ЛУВРЪ“ получилъ модели всѣхъ послѣднихъ новостей для весенняго сезона, какъ-то: конфе (слюсы, костюмы, напеты, матизы, ватерпруфы, мантильи, также большое количество тканей: шелковыхъ и шерстяныхъ, кружевъ, бѣлья для приданого, шляпъ, чепчиковъ, цвѣтовъ, перьевъ.

ОТДѢЛЪ костюмовъ и конфекціонъ представляетъ несравненный выборъ новѣйшихъ моделей по цѣнамъ, недопускающимъ никакой конкуренціи.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ,

имѣющій всѣ принадлежности дамскаго туалета послѣдней моды.

БОЛЬШАЯ ФАБРИКА ШЛЯПЪ. ОТПРАВКА ВЪ ПРОВИНЦІЮ ПО ПОЛУЧЕНІИ ДЕНЕГЪ.

№ 3963

Система продавать луч-
шій товаръ съ наимен-
шимъ барышомъ бе-
зусловно соблюдается
въ Большихъ магазинахъ
„ЛУВРЪ“.

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ

ЧАСТНЫЙ ПРИЮТЪ

Принимаются: беременныя, роженныя, а также грудныя и малолѣтнія дѣти на воспитаніе за умеренныя цѣны. С.-Петерб. Каменноостровский просп., д. № 52. № 3960

Съ Высочайшаго разрѣшенія отпечатанъ ДНЕВНИКЪ ПРЕБЫВАНІЯ ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ

въ Дунайской арміи въ 1877 году,
Составленный Л. Чичаговымъ.
Цѣна 2 р. безъ пересылки;
главный складъ: С.-Петербургъ,
Надеждинская 19, кв. 26. № 3961

ПАРІЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота!
Ручательство—5 лѣтъ, что не почернѣютъ!
Предлагаетъ депо Василія Аурихъ, Больш. Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лѣстница въ С.-Петербургъ. № 8812

МУЖСКИЯ
въ 2, 3, 3 1/2 и 4 1/2 руб.
Двойныя
въ 5 1/2, 7 и 8 руб.
ДАМСКИЯ
въ 4, 5, 6, 6 1/2,
8 и 9 руб.
пересылка—50 коп.
Торговцамъ скидка!

За 20 рублей.

1. Амер. приборъ для уженія рыбы: удочки, искусств. рыбки, наскокъ и пр. 2. Амер. аппаратъ для ловли птицъ. 3. Микроскопъ, увел. въ 1500 разъ. 4. Бронз. солн. часы съ компасъ. 5. Самоуч. рисов. (печат. руков. и бол. ашикъ крас.). 6. Намеръ-обскура для слатія видовъ.

За 10 рублей.

1. Американскіе вѣсы, металлич., новой конструкціи, необход. въ хозяйствѣ. 2. Американскій фильтръ для очищ. воды, изъ авт. отъ многихъ болѣзней. Отд. вещь. 3. Анг. латунная металл. мельница. Адресовать въ Москву, въ контору „Сельской Библиотекѣ“ № 8970

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія
каждъ изъ содерж. въ соет. своемъ вредн.
здор. веществъ

„МОЗОЛИНЪ“

провизора Пинесъ и №.
Превосходное средство противъ мозолей 1 коробка 35 коп.
Съ пересылкой 2 кор. 1 р. 20 к., 4 кор. 2 р., 6 кор. 2 р. 50 к.
Главный складъ для Россіи Л. Власовъ С.-П. Петерб. Сторона, Большой пр. № 27.
„Мозолинъ“ только провизора И. Пинесъ и №. № 8831 10—9

**ВНОВЬ ИЗОБРЕТЕННАЯ
УНИВЕРСАЛЬН. ШВЕЙНАЯ МАШИНА**
Патентъ въ Россіи и за границей
Патентъ въ Россіи и за границей

„ЮТІНЪ“

Вышивки
и другія работы
ПРОДАЖА съ РУЧАТЕЛЬСТВОМъ.
ОБУЧЕНІЕ БЕЗПЛАТНО.
Единственный Складъ
ГЕРМАНЪ ГЕССЕ С ПЪ.
Больш. Садовая Ямъ, уг. Уголь
Толмазовъ пер. прот. Гостин. двора
Р. № 8956

ИКОНЫ СВ. КИРИЛЛА И МЕОДІА,

подобныя изображеніямъ святыхъ первоучителей Славянскихъ, приложеннымъ къ ихъ жизнеописаніямъ, изданнымъ ко дню тысячелѣтія блаженной кончины св. Меодія С.-Петербургскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ, изготовлены Академикомъ М. О. Микѣшинымъ на деревянныхъ доскахъ, въ размѣрѣ 6 1/2×10 квадратныхъ дюймовъ. Желающіе могутъ приобретать иконы св. Кирилла и Меодія нынѣ же по одному рублю. За укупорку св. иконъ слѣдуетъ прилагать къ ихъ стоимости по 5 коп. за каждую. Деньги за пересылку св. иконъ по почтѣ слѣдуетъ высылать по расчету разстоянія отъ С.-Петербурга: за пересылку одной иконы—за два фунта, двухъ иконъ—за три фунта, трехъ иконъ—за четыре фунта и т. д. Желающіе получить иконы св. Кирилла и Меодія благоволятъ обращаться съ требованіями о высылкѣ ихъ по почтѣ, по слѣдующему адресу: Академику Микхилу Осиповичу Микѣшину, въ помѣщеніи С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, на площади Александринскаго театра, № 7, гдѣ иконы эти приобретаются изъ склада безъ укупорки. № 3926 4—3

С.Петербургская Химическая Лабораторія Фабрика парфюмерныхъ издѣлій.

На каждомъ предметѣ требовать фабричное клеймо.

Обращать вниманіе при покупке каждого предмета на точность фирмы.

„С.Петербургская Химическая Лабораторія“ ЯИЦА ИЗЪ М

прозрачныя и непрозрачныя.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ХРУСТАЛЬНЫХЪ И БРОНЗОВЫХЪ ЯИЦЪ ДЛЯ ПОДАРОКОВЪ.

БЕЗВРЕДНАЯ
КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ
разрѣшена С.-Петербургскимъ Врачебнымъ Управленіемъ.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: 1. Невскій проспектъ, домъ №32. Католическая церковь.
2. Невскій проспектъ, домъ №66 у Анничкина моста.
3. Вознесенскій проспектъ, домъ №18-54. Шредера.
ВЪ МОСКВѢ: 1. Кузнецкій мостъ, домъ Третьяковскихъ.
Контора и опловый складъ въ админіи фабрики въ С.Петербургѣ
Измайловскій проспектъ, 21

ВНИМАНІЮ ПУБЛИКИ
Лестные отзывы о вновь вышедшей книгѣ съ роскошн. портрет.
Артистки В. В. ЗОРИНОЙ

„Альбомъ золотыхъ мотивовъ“,
содержащ. въ себѣ болѣе 800 лучш. русск. и цыганск. романсовъ, цыганск., венгерск. и народн. пѣсенъ, оперъ, опереттъ, вальсовъ, серенадъ, баркарольдъ, комич. куплетовъ, сатирич. и юмористич. стихотвореній, разсказовъ и проч., исполн. всѣми извѣстными артистами на столнич. загородн. сценахъ. Продается во всѣхъ книжн. магаз. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою. Складъ: С.П.Б. муз. магаз. А. Габлера, Мал. Конопенная ул., д. № 10. № 3962

Настоящій кяхтинскій чай,
развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цыбиковъ
ТОРГОВАГО ДОМА
„БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“
Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.
ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.
Прейсъ-курранты выслаются бесплатно. 16—2

СПБургъ, Невскій пр. № 52,
противъ Публич. Библиотекы
**ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ,**
специалистъ хронометровъ
и сложн. час. механизмовъ.
Прейсъ-курранты по востреб.

28 и 29 МАРТА 1885 года
будетъ розыграна
высочайше разрѣшенная
XXXIV ЛОТЕРЕЯ
Московскихъ Дѣтскихъ Приютовъ.
Выигрываетъ 500 на сумму 25000 руб.
Первый выигрываетъ брил. серебр. вещами
№ 3839 10000 руб. 10—8
Цѣна билета 1 р.
Билеты продаются въ Московскихъ дѣтскихъ приютахъ, во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ и Канцеляріи Совѣта—Москва, Собачья площадь, д. Карепина.

ПРИГЛАШАЮТЪ
для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургъ, Генриху Блонку Невскій 51. № 8907 4—4

ПАРКЕТЪ дубовый и сосновый, шпунтовые полы, двери, оконныя рамы, полная столѣтарная отдѣлка домовъ съ достижкою, установкаю на мѣсто и ответственностью за сухость и прочность.
ИЗДѢЛІЯ изъ дуба и сосны для ж. д. Письменно обращаться на Коптарскіе паровыя, дѣсопильныя и столѣтарно-паркетный заводы на Волгѣ, г. Чебоксары, Каз. губ.
Телеграммы: „Коптарскіе заводы“.
Контора и складъ въ Москвѣ: Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Зворыкиной. ***

Охотникамъ и Рыболовамъ
желающимъ за весьма умеренную цѣну приобрести высокаго качества англійскія ружья и рыболовныя снасти, предлагаю свое содѣйствіе. Перешлю съвѣтныя вести заказано, на отвѣтъ прилагаю марки. Адресъ: Барону Павлу Гавриловичу Чернасову, Сердобскъ, Саратовской губ. № 3959

У ПРОДАЖА и ПРОКАТЪ
Хорошія заграничныя планино по дешевымъ цѣнамъ. Обязательныя платежи взносима по 40 руб. и 25 руб. Р. № 3975
АЛЕКСАНДРЪ ВИЛЬКЕНЪ.
Вас. Островъ, 5 линія, № 2.

ИМѢНІЕ
жел. куп. небольш., устр., съ лѣс., усад. на рѣкѣ или озерѣ, въ наличн. деньгъ, безъ комисс. Прѣд. адр. письм.: Забалк. просп. № 10, кв. 3. № 3953 3—2

4711

СОСНОВЫЕ ДУХИ.

врачами признаны превосходными; особенно рекомендуются для очищенія комнатнаго воздуха. Можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ антипаркерскимъ товарамъ. 3756. 17—5
ПЛАВОМЪДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. В. Соловьева. II. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; III. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ФИСГАРМОНИИ

наилучших парижских фабрик, по фабричным ценам.

4 окт.	1	игра, дубового дерева	90 р.
	1	палисад. дер.	100 "
	1	1 рег. дуб. дер.	130 "
	1	палис. дер.	130 "
	1	3 дуб. дер.	140 "
	1	палис. дер.	150 "
	1 1/2	7 "	175 "
	2 1/2	11 "	230 "
	4 1/2	18 "	400 "

Школы для фисгармонии по 1 р. 20 к. и 4 р.

Гармонифлюты
в 45 р., 60 р., 75 р., 90 р. и 140 р.
Складная желѣзная подставка для гармонифлюты 10 р.
Школы для гармонифлюты по 75 к. и 1 р.
Гармонифлюты съ органомъ
съ однимъ валомъ, играющимъ 6 пьесъ, 250 р., отдѣльные валы по 30 р. и фисгармонию съ органомъ съ однимъ валомъ, играющимъ 7 пьесъ, 300 р., отдѣльные валы по 35 р.

АМЕРИКАНСКІЯ ФИСГАРМОНИИ
превосходнаго тона и особенно удобны для духовной музыки и для пѣнія, роскошной и солидной работы, въ 225 р., 300 р., 400 р., 500 р., 600 р., 700 р., 900 р.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЯЩИКИ

малые рудные по 1 р. 50 к., 1 р. 75 к., 2 р., 3 р. 50 к., 7 р.

Малые заводные, играющие 2 пьесы 5 руб.
Малые заводи, игр. 4 пьесы 9 и 10 р.
Малые заводи, игр. 6 пьесъ 14 и 16 р.
Больш. заводные играющие
4 пьесы по 20 р., 20 р., 30 р.
6 пьесъ по 28 р., 35 р., 40 р.
8 пьесъ по 40 р., 50 р., 55 р.
12 пьесъ по 60 р.
8 пьесъ съ цитрой 60 р., 65 р., 75 р. и дороже до 150 р.
12 пьесъ съ цитрой 75 р., 90 р.
6 пьесъ съ видными барабаномъ и колокольчиками 100 р.
8 пьесъ съ видными барабаномъ и колокольчиками 135 р.
8 пьесъ съ видными барабаномъ, колокольчиками и цитрой 150 р.
12 пьесъ съ видными барабаномъ, колокольчиками и цитрой 200 и 225 р.

Планино съ валами, на которомъ можно играть какъ обыкновенно на клавиатурѣ или посредствомъ ручки.

Цѣна съ 2 валами, играющими 16 пьесъ, 800 руб.

КОНЦЕРТИНО
пѣмечная по 3 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р. Самоучитель 75 к. 3 тетради нотъ по 1 р.

Англійскія концертино
по 28 р., 35 р., 45 р., 55 р., 70 р., 100 р., 125 р., 140 р., 200 р. Самоучитель 3 р. Ноты по 60 к., 1 р. 20 к. тетради.

Бандонионы
по 25 р., 35 р., 40 р., 50 р. Самоучитель 1 р. Разн. ноты.

ГАРМОНИИ. Самый легкій инструментъ для игры. На ней можно въ скоромъ времени по слушать или самоучителямъ играть танца, мелодій, пѣсни.

Въ 1 рядъ клавионъ 2 1/2 р., 3 1/2 р., 4 1/2 р., 5 1/2 р., 7 р., 8 р., 9 р., 10 р., 15 р., 20 р., 24 руб.

2 ряда клавионъ 9 р., 14 р., 15 р., 16 р., 20 р., 24 р., 30 р.

Въ 3 ряда клавионъ 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р.

Самоучитель Соколова 1 р.
6 тетрадей нотъ съ танцами, операми, романсами по 75 к.

И все другіе инструменты рекомендуютъ въ громадномъ выборѣ, по весьма умереннымъ цѣнамъ.

Юлія Геврихъ Циммерманъ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 86.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торехкаго.
Заказы исполняются немедленно и аккуратно.
За пересылку прошу приложить приблизительное.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безр. № 8975 платно.

ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ.

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНИЕ:

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

П. П. ГНѢДИЧА.

Переводъ А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 400 иллюстраціями въ текстъ—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ кален. переплетѣ съ золот. тисн. 7 рубл., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ контору редакціи журнала „НИВА“, СПб. Большая Морская, № 9; въ отдѣленіе конторы „НИВА“ Н. Н. Печовской, въ Москвѣ, д. Петровскихъ торговыхъ линій.

Эта книга имѣется также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЗУБЫ.
ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
Р. А. БАРСЪ.
Москва, Газетный пер., д. Фульда.
Лечение болѣзней зубовъ.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ!!
ПРЕКРАСНАЯ НОВОСТЬ!!
„КОНЦЕРЦІОНЪ“.

Большая красивая гармонія съ особенно изысканнымъ тономъ, на которой вселіе не умѣющей и не знающей, можетъ играть всевозможныя пьесы изъ оперъ и опереттъ, танца, пѣсни и пр. Цѣна „Концерціонъ“ съ двумя валками (играющие 8 пьесъ) Р. с. 30. На пересылку прил. за 15 ф.—Одѣлѣн. валки (игр. 4 пьесы) по 3 руб.
Главное депо въ конторѣ новѣйш. практическихъ изобрѣтеній—А. Граге. С.-Петербургъ, Б. Морская, Кириничный пер. д. Воронихи № 27/5. № 8976
Здѣсь жемчужинъ русскихъ музыкальныхъ аппаратовъ „Винторія“ больше, дешевле, изящнее, практичнее.
Иллюстр. о. и м. г. платно.

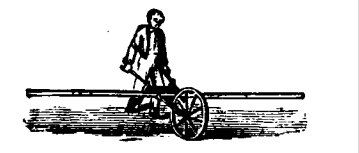
150 русскихъ народныхъ пѣсень въ 13-изданіяхъ для слѣдующихъ инструментовъ:
для фортепiano, цѣна 1 руб. 50 к. Гармоніума 1 р. 50 к. Скрипки, виолончели, флейты, кларнета, корнета—а также, гармонифлейты, гармоніи.
по 1 рублю для гитары 1 р. 50 к., для скрипки съ фортепiano 2 р. 50 к., для виолончели съ фортепiano 2 р. 50 к., для цитры 1 р. 50 к.
Москва, у П. Юргенсона.
НЕГДЕШНИЙ ЦР. 10.
С.-Петербургъ, у П. Юргенсона Б. Морская 9. Ц. № 8958 1—1

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
ЕЖЕДНЕВНАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА НА 1885 ГОДЪ.
Переводъ М. И. Румша, съ календаремъ на каждый день, особыми листками для адресовъ, расположенными въ алфавитномъ порядкѣ, и многими необходимыми свѣдѣніями. Карманное издание, на поттовой бумагѣ, въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ.
Цѣна 1 руб.
Выписывающіе прямо изъ типографіи М. И. Румша (С.-Петербургъ, Невскій, 75—2) за пересылку не платятъ. № 8969

АРГОСІЙ-ПОДТЯЖКИ
съ пересылкою 2 р. 25 к.
Оптовая и розничная продажа. Складъ резинов. товаровъ **Конст. МАЛЬМЪ,** Большая Морская № 36. По Воскресеньямъ закрытъ. № 3922 5—4

НОВОЕ ПРАКТИЧНО!
Для дѣтей и взрослыхъ: 1) Ножныя машинны для вышиванія ажур. раб. дерева, цинка, и пр. Цѣна 3 р. 50 к., пересылка за 10 фунт. 2) Машина для дѣланія рабъ изъ багета. Ц. 8 р., перес. за 6 ф. 3) Амер. переплетчикъ съ 500 скобъ, служитъ также д. скрипки, рабъ и пр. Ц. 1 р. 4) Оптический аппаратъ, которымъ можно весьма скоро выучиться рисовать. Ц. 1 р. 50 к. 5) Намеры-обусуръ д. рисования съ натурой, 2 и 6 р. 6) Самоинициаторъ со стрѣлками, 40 к. 7) Модели костюмъ, всѣхъ народовъ, 40 к. 8) Отгадываніе мыслей, 50 к. 9) Замѣчательные фокусы и шутки: Маг. портмоне, Маг. портфель. Чудо веркала и пр. за 10 фок. 2 р., за 20 фок. 3 р. 75 к., за 40 фок. 7 руб. 10) Шаблоны д. рисования 60 к. 11) Птицеловъ. Ц. 2 р. Рыболовство. Прѣрборъ и руководство 3 р. 50 к. 12) Гимнастика. Ц. 2 р. 13) Брызганіи-насосы для пѣствовъ. Ц. 1 р. 14) Фонари жармаи, никелев. со спич. 1 р. 15) Силезиный стекла, фарфора и пр. 20 и 40 к. 16) Серебрение, прочн., настоящее 75 коп. 17) Дальнотеры, карман., выноши, замѣняютъ больш. подзорн. трубы. Ц. 1 и 3 р. 18) Замазка д. починки резинов. галошъ. Ц. 50 к. Для поч. кож. обуви. Ц. 1 р. 19) Филтраты, очнщ. воды 2 р. 20) Самоствѣт. краска 1 р. 21) Сам. спичечницы и пр. отъ 50 к. 22) Буквы, монограммы и краска д. нитки бѣлыя по 40 к. 23) Все цѣны съ пересылкою куда угодно (крошъ № 1 и 2). Съ № 11 по 20-го выслать не менѣе чѣмъ на 2 р. Оптомъ уступаю. Малые деньги можно высл. 7 коп. марк. Все товары, опубликованные мною съ 1872 г. и др. фирмами, выслать по возможности немедленно. Адресъ: Выставка новыхъ изобрѣтеній. Г. Зегимель, Невскій пр. 4. СПб. № 8964 1—1

Н. П. ДАНИНЪ,
коммиссіонеръ общества русскихъ врачей въ Москвѣ, у Москворецкаго моста, собственный домъ, удостоенный высочайшей благодарности, двухъ привилегій и многихъ наградъ на всероссійскихъ и иностранныхъ выставкахъ, въ томъ числѣ новой, высшей награды на Одесской выставкѣ 1884 года: почетный дипломъ съ правомъ ходатайства на награжденіе **ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ**, имѣетъ честь уведомить, что его приготовленія годныя и фруктовыя воды, „Русское Шампанское императорское“ и „Русское шампанское“, находятся въ продажѣ во всѣхъ городахъ Европейской Россіи, большіе части городовъ Сибири, Закавказья, Царства Польскаго, Великаго Княжества Финляндскаго и нашихъ новыхъ владѣній въ Азіи, и что крошъ того въ непродолжительно время поступать въ продажу еще новое чистое сорта Русскаго шампанскаго „ИМПЕРАТОРСКАГО“: 1) ПОЛУ-СУХОЕ (Demi sec. „England“ à la Cîquot). 2) ОЧЕНЬ СУХОЕ (Extra sec. à la Perthery). 3) РОЗОВОЕ СУХОЕ (Oeil de Perdrix à la Roederer). 4) РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ (à la Cîquot). № 8946 5—2

ВСЯКАГО РОДА СВЯЛКИ, ПЛУГИ, ВОРОНЫ, КАТКИ
и пр. земледѣльч. орудій предлагается въ богатѣйш. выборѣ № 3968 4—1

ТУОВАРИЩЕСТВО БУРКГАРТЪ И УРЛАУЪ.
С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линія, Москва, Мясницкая, д. Сытова, Иллюстриров. каталоги по востребованію.

6 разъ удостоенныя первыя награды
СКРИПКИ
срмяны лучшія и дешевыя, новѣйшійхъ времени, отъ 6—30 мар., знаменитыхъ мастеровъ 30—200 ж. Альта, виолончели и басы. Смычки 1 1/2—50 м. Футляры 3 1/2—40 м. Цитры 16—200 м. Гитары 6—50 м. Все духовыя инструменты. Превосходныя струны Патентованная нѣмая скрипка для уграженія (собственнаго изобрѣтенія). Мастерская для починковъ. Рекомендация отъ Вильгельма, Сараате, Зингеръ, Соръ, Контскаго, Дангремона и пр. Ручательство. Поставкамъ скидки. Прейсъ-курантъ бесплатно и франко.
БРАТЯ Вольфъ,
фабрика инструментовъ въ Крейнциахъ. (Пруссія). Р. № 8721 6—5

ИЩУТЪ
въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральн. контору объявленій, Невскій пр. № 8, подъ лит. В. Р. № 3328

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛУКЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 21 (прот. Бол. Конюшенной), предлагаетъ свои услуги по покупке и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховыхъ, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ банковъ по покупке и продажѣ иностранныхъ монетъ и векселей, по вахоту и переложку цѣнныхъ бумагъ на срочны или до востребованія („on call“) и по всѣмъ другимъ, касающимся банкаго дѣла, порученіямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностію за самое умеренное вознагражденіе.

СТРАХОВАНИЕ
выигранныхъ билетовъ отъ продолжительнаго тиража погашенія.
СОРОКЪ КОП.
страховая компанія беретъ на почту на счетъ конторъ, всякой доплаты.
ПРОДАЖА 50% БИЛЕТОВЪ
I и II Государственныхъ внутреннихъ съ выигрыш. займовъ съ разсрочкою платежа

производителъ конторою на слѣд. условіяхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ, остальная сумма уплачивается ежемесечными взносами, по опредѣленію сегого покупателя, однакожъ не менѣе
ПЯТИ РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ.
Ср. дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на проданный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю. Р. № 8971

Только что вышла изъ столичной печати книга (бѣл. фок. 870 стр.).
ОХОТНИЧЬИ РАЗСКАЗЫ
Ф. А. Арсеньева.
Изданіе 2-ое, пополненное восемью новыми разсказами.
Цѣна 2 р. 60 к.
Книга продается въ Петербургѣ и въ Москвѣ у книгопродавца Нарбарскаго, у автора въ г. Угличскомскѣ и въ складѣ изданія въ г. Вологдѣ у Николая Николаевича Маншеева. № 8943 3—2
Выписывающіе изъ склада—за пересылку ничего не платятъ и въслѣдъ денегъ могутъ прислать почтовыми марками.
Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербурѣ, Библиотека „Руниверс“

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XVI годъ
№ 12

годъ XVI
1885

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну нонпарейль (1/2 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
60 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 3 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ
контору объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровская Торгов. линія. 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногор. по 5 р. съ тыся-
чи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Передъ Пасхой. Потревоженное гнѣздо. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Флюгель.

Потревоженное гнѣздо.

Художнику пришла идея изобразить фантастическую, чрезвычайпо милую, прелестную сцену, которую можно отнести къ разряду тѣхъ воздушныхъ, нѣжныхъ и граціозныхъ фантастическихъ образовъ, къ которымъ принадлежитъ напр. дивная „Королева Мабъ“ Шекспира и у насъ „Кузнечикъ-музыкантъ“ Полоцкого. Передъ насхальною полночью малютка—духъ цвѣ-

товъ и зари, залетаетъ въ гнѣздышко крохотной птички и на личкахъ выписываетъ „Христосъ Воскресе!“ Прелестно изображено отчаяніе птички, не знающей что такое дѣлаютъ въ ея гнѣздѣ и прыгающей и топорщащейся въ страшной тревогѣ, что ея гнѣздышко такъ потревожили. А маленький духъ такъ прилежно и благоговѣнно занять своимъ дѣломъ.

Кулисы.

Повѣсть

Вас. И. Немировича-Данченко.

(Продолженіе).

III.

Первый дебютъ.

Раевская была уже въ костюмѣ... Голова кружилась—она не знала какъ проведетъ первую сцену... Сюда въ уборную къ ней не достигалъ говоръ публики, но когда она вышла на лѣстницу, которая вела прямо къ кулисамъ,—тамъ впереди, за завѣсомъ уже стоялъ шумъ безчисленныхъ голосовъ... Ей казалось, что это вихрь, что она не совладаетъ съ нимъ, что онъ сейчасъ подхватитъ и унесетъ ее куда то далеко, далеко... Чѣмъ ближе—тѣмъ страшнѣе было ей. Она остановилась на половинѣ лѣстницы. Въ первый разъ передъ ея пораженнымъ взглядомъ открылся этотъ міръ. Сверху съ глухимъ шелестомъ развѣтывались и падали пыльные дырявые кулисы... такія красивыя издали, такія отвратительныя и грязныя вблизи... Затхлый воздухъ амбара перехватывалъ дыханіе... Въ полумракѣ видѣлись какія то балки, веревки. Двигались силуэты людей, перепосившихъ декорации, торчали сѣрые пожарные, на мѣдныхъ каскахъ которыхъ едва-едва мерцало скудное освѣщеніе нѣсколькихъ газовыхъ рожковъ. Точно штора вѣтромъ, надувалась холщевая стѣна, изображавшая залу мемфисскаго дворца... Въ шорохѣ кулисъ, скрипѣ веревокъ—топули голоса плотниковъ и только звонкая энергическая брань длиннаго, худого режиссера носилась съ конца въ конецъ этого сарая... „Нельзя иначе, матушка“, уронилъ онъ, увидѣвъ Раевскую, какъ будто извиняясь, и тотчасъ же ткнулъ въ затылокъ подвернувагося ему парня въ красной рубахѣ, который очевидно поинялъ этотъ безмолвный жестъ и, схвативъ конецъ болтавшейся тутъ же веревки, подтянулъ повыше висѣвшую рядомъ декорацию. На пыльных диванахъ сидѣли хористы... Неподалеку, прямо на полу, подъ свѣтомъ тутъ же едва-едва мигавшаго рожка—размѣстились пестро одѣтыя хористки. Оттуда слышится смѣхъ и взвизгиванія... Баритонъ Арчибальди—онъ еще не одѣтъ, ему пѣтъ въ слѣдующемъ актѣ,—возится съ ними довольно безцеремонно.—Послушай, чортъ! кричитъ на него толстая хористка, ты что тутъ... Я тебя такъ полосну!..—Уйдите!.. кричитъ другая хористка... Весь красный, съ приведенной въ безпорядокъ шевелюрой, вырывается оттуда Арчибальди... Прямо на встрѣчу ему—театральная маменька, худая, сморщенная особа, въ громадномъ чепцѣ и блузѣ.—А гдѣ Лолошка? довольно откровенно спрашиваетъ ее баритонъ...—Она въ ложѣ у Манделя... Послушайте, что-жъ это дочку мою обижаютъ, а?—Кто обижаетъ?—Да какъ же, Аиду то вѣдь ей обѣщали... Вы тоже хороши товарищи... Вѣдь моя Лолошка выросла тутъ на сценѣ, вѣдь у нея голосъ...—Ничего не подѣлаешь, Настасья Васильевна. За Раевскую Барсовъ стоитъ горой. Вы знаете—онъ заявилъ: если Раевской не будетъ—и я ухожу.—И откуда взялась эта Раевская? сердится театральная маменька. Вотъ не было печали!—Изъ Италіи, душенька, изъ Италіи... Да вѣрно провалится вѣдь барышня!—И провалится, вотъ увидите, провалится! обрадовалась Настасья Васильевна Бабкина. Какъ же можно сравнить: моя Лолошка выросла здѣсь. И

еще танцовала—такъ бывало она вотъ этакая, опустила она ладонь чуть-чуть надъ поломъ, а уже сидитъ въ закулисной ложѣ... Ни Бабкина, ни Арчибальди не видѣли Раевскую. „Еще выступить не успѣла, подумала та, а уже сунуть мнѣ неудачу... Уже ненавидятъ...“ Арчибальди съ Бабкиной ушли... Нишу Борисовну ткнуло назадъ въ уборную... Ей казалось страшно сойти еще нѣсколько ступеней внизъ, окупнуться въ этотъ чуждый ей міръ... Вотъ меццо-сопрано идетъ—Татьяна Гавриловна Досуева. Раевской уже сослестничали, что она близка была съ Барсовымъ. Что же ей за дѣло? Она вѣдь не продешевитъ себя такъ. Или все, или ничего. На мимолетную закулисную интригу не пойдетъ... Мало ли что было? когда она станетъ женой Барсова—все прошлое забудется. Женой!... отчего же онъ не сдѣлать ей предложенія. Положимъ, въ Италіи они видѣлись мелькомъ... А здѣсь? Всѣ эти дни онъ провелъ съ нею... Да когда же впрочемъ? оправдывала она любимаго чело-вѣка. Пробы голоса, возня съ дирекціей, въ соглашавшейся дать ей дебютъ, репетицій съ нимъ... Потому когда уляжется все это—тогда... Барсовъ часто смѣется надъ узкою моралью... Раевская надѣется, что не оправдываетъ же онъ легкомысленныхъ связей, рождающихся и умирающихъ за кулисами между двумя актами той же оперы... Онъ вѣдь долженъ понять ее... Она такъ не можетъ!.. Глуности? успокоила она сама себя... Разумѣется было некогда... Однако, правы здѣсь!.. Эта Досуева—ужъ врагъ ей. Она уже распустила сплетни... Мандель разсказалъ Нишѣ Борисовнѣ, что Татьяна Гавриловна подбиваетъ своихъ поклонниковъ шикать Раевской. „Да за что же? Вѣдь мы на разныхъ амплуа... Мы не соперницы...“ Когда то Калининцевъ объяснялъ ей, что на сценѣ никому не прощаютъ уступка... Тутъ на словахъ дружба, а въ сердцѣ вражда. Всѣ на „ты“ и каждый готовъ утопить другаго... Вонъ Акуловъ-басъ... Онъ кажется добродушный чело-вѣкъ... Шьяница только... Какъ нарочно Акуловъ въ это время показался... Встрѣтился съ Досуевой... Вотъ те и на!.. Поцѣловалъ ее въ щеку и обнявъ за талию пошелъ рядомъ... Объ ней, Раевской, идетъ рѣчь... Это, говоритъ Акуловъ: барышня балуется, сама уйдетъ со сцены. Зачѣмъ ей—у ея матери, говорятъ, есть деньги... Она не наша!.. „А служеніе искусству?“ проносится въ головѣ у Ниши Борисовны... Нужно сойти внизъ... Страшно одной... Вонъ знакомое лицо. Мандель съ вертливой, худенькой брюнеткой... Это вѣрно и есть Лолошка. Она не играетъ—а глаза подвела, нарумянилась, губы намазаны... Юлитъ съ бакиромъ... Досуева подошла къ нему тоже... „Это вы наградили насъ Раевской?... (За что они всѣ ненавидятъ меня такъ?.. думаетъ Ниша). Спасибо... Кажется, свои были на эти роли... Лолошка—ты тоже хороша! Зачѣмъ уступаешь?..“ Противно Раевской слушать... Сердце щемитъ... Того ли ждала она? Вонъ опять какая то хористка взвизгнула... Оказывается, тотъ же Арчибальди... и противный еврей Мандель—такъ и вился губами въ руку Досуевой... Ахъ, поскорѣй бы начпалось!.. И вдругъ ей захотѣлось сейчасъ же уйти, бѣжать отсюда... страшно... Все страшно—

и публика, и косые взгляды эти—страшны... и вражда кругомъ... Слава Богу, это кажется Барсовъ внизу... Онь! Какъ онъ хорошъ въ этомъ костюмѣ... Какое величавое лицо... Та театральность манеръ, поражавшая ее неприятно, когда она видѣла его въ сюртукѣ—теперь такъ идетъ къ нему... почему это они всегда играютъ... Не на сценѣ только, всегда... Неужели и она будетъ такая...—Барсовъ! позвала она его... Тотъ съ недоумѣніемъ оглянулся...—А я къ вамъ, Нина Борисовна... Пойдемте въ уборную...—Страшно мнѣ...—Ну вотъ еще. Намли чего бояться. Не беспокойтесь—успѣхъ будетъ...—А какъ ошибаются?—Да не волнуйтесь, я все устроилъ, постарался...—Всѣ раскъ нашими наполнилъ. Мандель всю свою банкирскую контору съ агентами, зайцами, факторами, нагналъ сюда. Въ крайнихъ ложахъ его артельщики сидятъ... А у нихъ, не горла—мѣдныя трубы!—Какъ это однако все противно... проговорила она... многіе противъ меня здѣсь.—И пускай... Не трясите, наша возьметъ... Ну ка теперь садитесь въ кресло, вотъ такъ хорошо! Барсовъ повернулъ рожекъ, газъ загорѣлся ярче...—Экъ, счастье что я зашелъ во время... Говорилъ я вамъ какъ гримироваться... Такъ нигуда не годится... Это для гостиниой хорошо, тутъ гораздо рѣзче нужно класть мазки... Позвольте ка мнѣ... Онь придвинулъ къ себѣ ящикъ съ жирными красками, взялъ гольдъ-крему и стеръ имъ прежнюю гримировку. Нина Борисовна съ удивленіемъ смотрѣла на него. Совѣтъ точно картину рисуетъ онъ. Мазнетъ кистью съ краской по лицу... и отойдетъ назадъ... Еще и еще... Подчерпиль и безъ того темныя брови... Намазалъ синею краскою вѣки, глаза стали глубже и ярче...—Зажмурьтесь!.. крѣпче!.. Провелъ тушь по рѣсницамъ... Нина совѣтъ не узнала себя...—Экое безобразіе какое!..—Не беспокойтесь, такъ хорошо будетъ. Вѣдь публика то на васъ издали смотритъ.—Страшно мнѣ Барсовъ... опять заговорила она, чувствуя, что сердце колотится въ груди.—Исполните мой совѣтъ, выпейте чего нибудь?.. Онь оглядѣлъ ее со всѣхъ сторонъ... Поправилъ парикъ... Поцѣловалъ руку выше локтя съ тѣмъ же дѣловымъ выраженіемъ, съ какимъ только что гримировалъ ее...—Дайте вашу руку на счастье!—Какъ ты сухъ сегодня со мною...

— Послушайте, Нина Борисовна, никогда не говорите мнѣ ты... Слышите ли?... Озабоченно предупредилъ онъ.

— Почему это? всполохнулась она и заглянула ему прямо въ глаза.

— А потому... Привыкнете, а потомъ и при другихъ скажете... Нѣтъ надобности вовсе чтобы тѣ знали наши отношенія. А тутъ кстати и стѣны то—чуть не ажурныя.

— Какъ же это... Да развѣ наши отношенія должны остаться тайной, хотѣла было спросить она, но къ ней постучались... Кто тамъ?

— Барсовъ здѣсь?.. пора—сейчасъ начинаемъ... На мѣста, господа, на мѣста? Послышался голосъ режиссера уже дальше...

— Ну, бодрѣе, бодрѣе, Нина Борисовна!

Поцѣловалъ ее Барсовъ въ ладонь... Когда вы выйдете—я буду на сценѣ. Не смотрите на публику, смѣшайтесь—на меня глядите...

И тутъ же, театральнымъ шагомъ онъ вышелъ изъ ея уборной, сдѣлавъ ей величественный жестъ въ дверяхъ...

— Когда онъ бываетъ самимъ собою? опять пронеслось въ головѣ у Нины Борисовны. Однако выходить пора! подумала она. Что за малодушіе, чего же бояться, наконецъ...

И быстро совладѣвъ съ собою, она подошла къ дверямъ.

Увертюра уже кончалась. Последніе звуки ея замрли въ этомъ лабиринтѣ балокъ, кулисъ, веревокъ...

Хористы—были на сценѣ. Здѣсь все опустѣло... Съ сильно бьющимся сердцемъ Раевская подошла къ кулисамъ. Вотъ отсюда она должна будетъ выйти на муку. Тамъ уже усилили свѣтъ. Нагрѣтый воздухъ дрожитъ, придавая страшное выраженіе Барсову... Онь уже на мѣстѣ передъ жрецомъ Рамзесомъ. Передъ поднятіемъ завѣса Авуловъ строитъ какія то гримасы Радамесу... Тотъ фамильярно беретъ верховнаго жреца за ухо... Позади Нины Борисовны слышится шопотъ... Лолонка пробирается поближе къ кулисамъ... „Отстаньте!“ огрызается она на кого то... А волнеше въ душѣ Раевской все растетъ и растетъ... Ее со сцены увидаль Радамесъ и улыбнулся ей... „Ахъ, Кашинцева нѣтъ! мелькнуло въ головѣ у нея... Его бы увидѣть теперь... У него столько преданности въ лицѣ... Вотъ его улыбка ободрила бы ее“... Канпельмейстеръ пожалъ пуговку звонка. Медленно шелестя и волнуясь поднялся занавѣсъ... Нину Борисовну такъ и отшибло прочь отъ кулисъ. Господи, неужели ей сейчасъ надо будетъ выйти... Выйти передъ этою залитою свѣтомъ залой... Вся она полна народа. Такъ вотъ она—публика? Это тысячеголовое чудовище, въ рукахъ у котораго ея судьба теперь... Лица зрителей первыхъ рядовъ—такъ и выдѣляются... Дальше масса—но эта масса смотритъ, видитъ, слушаетъ... Въ ложахъ—тоже яблоку упасть некуда, неужели всѣ они для нея пришли? А вдругъ... Вдругъ голосъ сидеть!.. Уже и теперь голова кружится... Дыханіе захватило—точно все эта зала колыхаться стала, отходить куда то въ туманъ... Неужели ей дурно... Нужно совладать съ собою—такъ нельзя вѣдь... Осраминься. И за чѣмъ она выступила? Жила бы спокойно. Нѣтъ, лучше не смотрѣть туда, на публику... Вонъ Лолонка косо оглядѣла ее и усмѣхнулась... Амперисъ-Досужева отодвинула локтемъ Раевскую и сама выступила впередъ. „Мнѣ выходить сейчасъ“ оправдалась она не глядя на дебютантку. А у той въ это время слезы къ глазамъ подступили, какой-то клубокъ къ горлу подкатился—дышать мѣшаютъ. Раевская, зажмурясь, прислонилась къ кулисъ. Хочетъ зарыдать. Ахъ какъ тяжело, какъ тяжело ей! Что это—неужели Лолонка выручила ее. Да, она самая—со стаканомъ воды. А вѣдь только что косилась на нее и смѣялась въ сторону,—значитъ не всѣ такъ злы здѣсь какъ казалось.—Благодарю васъ... искренно отозвалась Раевская съ блистающими отъ слезъ глазами...—Не за что... Я, душенька, знаю что это значить въ первый то разъ... И вдругъ Лолонка наклонилась и поцѣловала плечо Нинѣ Борисовнѣ... Амперисъ-Досужева оглянулась на нее...—Вы уже очень теряетесь, ворчить она. Но Раевская чувствуетъ, что и Досужевой жаль ее. Вспомнила вѣрно какъ сама пятнадцать лѣтъ назадъ переступала эту роковую черту, отдѣляющую кулисы отъ сцены...—Не бойтесь... У насъ публика добрая! уже гораздо ласковѣе говорить ей Татьяна Гавриловна. Раевская и ей жметъ руку... Радамесъ одинъ остался на сценѣ... Онь о ней поетъ теперь.

...Храбрые полки египтянъ я въ бой
Повѣсть бы... Побѣда!.. Рукоплещетъ Мемфисъ,
И предъ тобой, Анда, представъ въ вѣнѣхъ завромомъ,
Скажу я: ты радость сердца... Ты упованье,
Моя царница... Ты жизнь моя...

Онь смотритъ на нее теперь. Публикѣ незамѣтно—а Раевская видитъ... Вотъ зашуршало платье Досужевой... Она, отдѣлявшая въ кулисъ ее отъ публики, вышла на сцену... Какое у нея красивое меццо-сопрано. Вѣдь вотъ не боится же она... И какъ величаво держится на сценѣ... А тамъ на лѣво—все тѣ же жадныя, ожидающія лица... Сейчасъ она должна будетъ переступить къ нимъ... Тысячи глазъ обратятся на нее... „О, Господи, спаси меня!“ Никогда она не молилась такъ искренно, безмолвною молитвою,—гдѣ вздохи кажутся словами, гдѣ слезы доканчиваютъ то чего не успѣютъ

Свѣтлое Христово Воскресенье въ деревнѣ. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Ю. Барановскій.

дошептать разомъ высохшія губы... Дуэты Амнерисъ и Радамеса уже кончается... сейчасъ... „Горе, поетъ Амнерисъ, если тайну роковую я открою... Пощады, прощенья не будетъ“.

— Раевская, что же вы! шипитъ ей режиссеръ... Раевская машинально оглядывается и видитъ что Лолошка за нее побѣдѣла и крестить ее... „Идите“... Кто то подтолкнулъ ее... Она зажмурилась и переступила! Захолодѣла вся... Ноги стали вдругъ словно чужія... — Она!.. крикнулъ Радамесъ...

Что это—кого встрѣчаютъ рукоплесканіями?.. Кому это аплодируютъ. Неужели ей. Съ усиленіемъ подняла глаза Аида... Да—всѣ на нее смотрятъ... Вонъ изъ тѣхъ ложъ (Манделевы артельщики—мелькасть въ головѣ у Раевской) просто кричатъ ей... Мандель у самаго оркестра... Торжествующій, оглядывается на публику, точно сказать хочеть—это я все!..

— Клянитесь же... шипитъ ей Досужева. Нина Борисовна машинально клянется. Рукоплесканія сильнѣе. Публикѣ стало жаль видимо растерявшуюся дебютантку, она подхватила аплодисменты подсаженной кляки... Теперь всѣмъ театромъ встрѣчаютъ ее... И опять эти глупыя слезы... Капельмейстеръ замѣтилъ ихъ и качаетъ головой. Радамесъ съ удивленіемъ смотритъ на нее. „Скорѣ совладайте съ собою, шепчетъ онъ, проходя мимо... Ну, Нина, голубушка!“ искренне вырвалось у него... Это помогло... Она уже слышитъ какъ начала пѣть Амнерисъ. Слезы то кетати вышли и смущеніе тоже... „Плачешь, поетъ Досужева, причину горя, причину печали повѣдай мнѣ мой другъ“. Капельмейстеръ взмахнулъ на нее палочкой. Ей начинать... Аида бессознательно шагнула впередъ: „Увы все дышетъ злобою... Война грозитъ бѣдою (она старается не видѣть публику и слушаетъ себя... Голосъ все усиливается и усиливается)... Я за свою страну боюсь—за всѣхъ мнѣ страшно!“ И опять ей... „Я плачу за любовь свою, я за нее страдаю...“ Словно шелестъ бѣжитъ по шарту „браво, браво“. Тихо бѣжитъ... Это уже не клика старается... Нервы еще ходятъ, еще дыханіе перехватывается... Еще въ вискахъ стучитъ, но Аида уже чувствуетъ, что все благополучно, и первый приливъ радости и счастья закрывается къ ней въ душу... И всѣ ей теперь дороги и милы: и Досужева вдругъ, послѣ брапи и шутокъ на ея счетъ, принявшая въ ней участіе, и Лолошка, у которой она отняла роль и которая подала ей воды, перекрестила ее... Какіе они всѣ хорошіе... И какъ добра публика.

Партія Аиды точно для дебютантки написана...

Есть время справиться... Вотъ входитъ царь. За нимъ Рамзесъ—верховный жрецъ... Военно-начальники... Теперь Аида присматривается ко всему... Ей только изрѣдка давать реплики... Она было забылась, но Радамесъ подошелъ къ ней:

— Играйте... Вѣдь о вашемъ отцѣ идетъ рѣчь. Вѣдь па отца валего идутъ войной египтяне. Помните какъ я училъ васъ...

— Не могу теперь... Не могу, шепчетъ она... Дай Богъ оправиться совѣмъ...

Вотъ Радамеса избираютъ полководцемъ... „Къ берегамъ священнымъ Нила—боги намъ укажутъ путь...“ поетъ царь. „Смерть безъ пощады и гибель врагамъ!“ грозно кидаетъ свой вызовъ басъ фараона... Хоръ Рамзеса и жрецовъ: „Боги плюютъ благословеніе, на далекій путь опасный... Смерть безъ пощады и гибель врагамъ“ покрываетъ оркестръ и голоса жрецовъ теноръ Радамеса... Сейчасъ они уйдутъ всѣ и Аида останется одна на сценѣ... Лучшая арія ея теперь—она рѣшитъ все. Успѣхъ или фіаско! Всѣ провожаютъ Радамеса... „Съ побѣдой возвратисъ“ панутствуетъ его Амнерисъ. „Съ побѣдой возвратисъ“ гремитъ хоръ—и уходитъ. Раевская оглядывается... хористы толпятся въ кулисахъ... Сцена пустѣеть... Вонъ тамъ остановился и

слѣдить за нею Барсовъ... Лолошка киваетъ ей головой... Она смотритъ на публику. Первые ряды улыбаются ей. Господи, да ничего страшнаго... Мало-по-малу приходятъ въ себя Аида... Ничего страшнаго, только куда дѣвать эти руки, онѣ совершенно лишнія, висятъ, мѣшаются, а убрать ихъ некуда. Суфлеръ подаетъ ей... Капельмейстеръ показалъ своею палочкой. Пора! Одна теперь! Неужели не достанетъ силы. Нужно чтобы достало. „Съ побѣдой возвратисъ!“ поетъ Аида... „Въ моихъ устахъ—безбожно это слово... Побѣда надъ отцомъ! А онъ—оружье поднялъ за меня“. Голосъ ея все крѣпнеть и крѣпнеть. Арія свободно летитъ въ залу... Капельмейстеръ ей улыбается одобрительно. Старичекъ суфлеръ не выдержалъ и безъ шума аплодируетъ ей изъ своей будки. Улыбается и Барсовъ изъ за кулисъ. „Чтобы возвратить отчизну мнѣ и царство!“ Но вотъ страшное видѣніе пронеслось передъ нею... Страшно за отца и за Радамеса, ея избранника, страшно. Мука подымается въ душѣ. „Онъ братьевъ побѣдитъ моихъ... Египетъ ликуеть... За колесницей его—самъ царь... Отецъ мой скованный цѣпями...“ Тотъ же шелестъ: „браво, браво!“ несется по шарту... Шелестъ не мѣшающій ей пѣть, а только отгѣняющій успѣхъ Аиды... „Безумное слово... О боги, простите!“ речитативъ этотъ никогда не удавался ей... „Отцовскому сердцу вы дочь возвратите...“ И опять широко летитъ тоскующій мотивъ... „Ахъ, что сказала я, о, боги—любовь забыла!.. прошу о смерти Радамеса, любя его безумно... Да, я люблю его, люблю...“ Положительно у нея хорошо идетъ... Она сама это чувствуетъ. Сквозь дрожаніе нагрѣтаго надъ рампою воздуха, въ душной сѣровой атмосферѣ залы—она видитъ какъ передніе ряды наклоняются чтобы лучше слушать... Кое кто одобрительно переглядывается. Старикъ генераль не выдержалъ... „Браво Раевская, браво!“ Ему сейчасъ зашикали сосѣди. „Блуждаютъ мысли мои, я теряюсь“, съ отчаяніемъ оканчиваетъ Аида. „Мнѣ легче умереть, чѣмъ такъ страдать... Боги... Я васъ молю, дайте мнѣ силы горе снести... Дайте забыть муки любви“. Голосъ поднялся, чувства скорби нахлынули. Она забыла и публику, и все, она—дѣйствительно Аида. Смерть отца, или смерть любимаго человека. Нѣтъ выбора?.. Лучше ужъ умереть ей. „Дайте забыть муки любви, сердца страданія... Дайте мнѣ смерть“, высоко закончила она, покрывъ иллюстрацію скрипокъ и виолончели...

Медленно шелеститъ запавѣсь. Взрывъ „браво“ и аплодисментовъ... Уходя за кулисы, пограсенная и разомъ въ одну минуту потерявшая силы, она слышитъ какой то ревъ за собою, точно море тамъ бьетъ въ берега, желая настичь ее и унести съ своимъ бушующимъ оливономъ... Грохотъ волнъ все громче и громче. Ревъ бури все бѣшенѣе и бѣшенѣе. Запавѣсь подымается опять... Барсовъ хватается за руку ее и выводитъ. Она бессознательно клянется этому, разомъ всколыхавшемуся морю. Ее вызываютъ опять... опять... „Раевскую—соло!“ кричитъ публика. „Раевскую—соло“. За что же Барсовъ съ такимъ озлобленіемъ швырнулъ ея руку и крикнулъ на нее, грубо крикнулъ: „выходите одѣ...“ Что съ нимъ?.. Она было улыбнулась Лолошкѣ—но та фыркнула и отвернулась. Хотѣла поблагодарить Досужеву... Та оборвала тоже. Всѣ опять злы на нее... За что?.. Она ничего не понимаетъ. У барьера—раскраснѣвшіяся, возбужденныя лица кричатъ ей „браво“. Тысячи рукъ аплодируютъ... Чей то басъ гудитъ: „Раевская, брав-о-о-о!“ За кулисами она подходитъ къ Барсову—и опять „Раевская—соло!“ Опять Барсовъ швыряетъ ея руку и кусаетъ себѣ крашенныя губы... Бѣдна!..

— Барсовъ, за что вы на меня сердитесь! подошла она къ нему.

— А что же вы прикажете радоваться, когда мнѣ въ носъ кричатъ Раевскую—соло? И онъ у самаго лица ея захлопываетъ дверь своей уборной.

IV.

Аида и Амнерись—соперницы.

Всю слѣдующую картину Раевская просидѣла запершись въ своей уборной. Нужно было пережить новыя ощущенія, отдохнуть, приготовиться ко второму дѣйствию. Къ ней доносился меланхолическій нагѣвъ жриць въ Мемфисѣ „Свѣтъ неизмѣнный, вѣчный, солнце тобой горитъ—ты спизойди къ намъ!“ Подъ торжественныя звуки оркестра теперь исполняется священный тапець... Радамесь вѣрно уже вошелъ. Какъ онъ долженъ быть красивъ въ эту минуту. Вотъ и голосъ его слышенъ, и опять печальныя звуки гимна, который такъ и дышетъ знойной нѣгой востока. Писать это можно только въ Египтѣ. Только передъ лицомъ его золотыхъ пустынь, на берегахъ медлительнаго, величаваго Нила можно найти въ душѣ своей такія звуки. Поэтъ подслушалъ ихъ у смуглолицыхъ сыновъ Сахары. Именно такія гимны и должны были сложиться подъ горящимъ небомъ Африки... Громъ рукоплесканій... Какъ долго! Вызываютъ кого то. Должно быть Барсовъ выходить... Все замерло, тихо... Стучатся въ двери.

— Кто тамъ?

— Отворите, Нина Борисовна!

Весь сіяющій, возбужденный, входитъ Радамесь. Крѣпко жметъ ей руку. Куда все его раздраженіе дѣлось. Доволенъ пріемомъ!

— Сейчасъ и васъ вызывали... Отлично сдѣлали, что не вышли—только нѣсколько голосовъ было за васъ, мнѣ всѣмъ театромъ аплодировали!

Онъ бросился въ кресло рядомъ.

„Неужели правда, что у этихъ людей самолюбіе—все?“ думала она любясь, какъ яркій свѣтъ газа горѣлъ и лучился на золотѣ его вѣнца и запыстей, какъ мягко скользилъ онъ по багрянцу расшитой полкомъ и золотомъ груди...

— По окончаніи оперы не уходите. Подождите меня здѣсь. Я притащу къ вамъ нашего рецензента—Жанку Новиликина. Вы не знакомы?

— Съ кѣмъ?

— Съ Жанкомъ! Онъ собственно дуракъ, и это не его дѣло. Адвокатъ онъ—ну а въ музыкѣ столько же смыслитъ сколько животное въ анельсинахъ. Но будьте съ нимъ полюбезпѣ. Пишетъ въ очень вліятельной газетѣ, корреспондируетъ въ Питеръ. Не обижайтесь—если онъ выпалитъ какую нибудь штуку, позовите къ себѣ, угостите шампанскимъ. Главное—благоговѣйте передъ нимъ. Скажите, что вы зачитывались его фельетонами.

— Что это такое?

— Нечего дѣлать! душа моя, такое дѣло. Тутъ и глушность и подлость пужно обращать въ свою пользу... Ну, я вами доволенъ, Нина... Что же вы не поцѣлуете меня?

Онъ потянулся къ ней. Раевская взглянула на его лицо—оно было замазано красками. Барсовъ замѣтилъ ея взглядъ и расхохотался.

— Что—не нравится? А вы не брезгайте... Мы всѣ такіе теперь, живаго мѣста пѣть...

И взявъ ее за голову, онъ поцѣловалъ ее.

— Я хотѣла спросить... Какъ же мы устроимся... Вы ничего не говорите о нашемъ будущемъ?

— То есть? съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ онъ на нее.

— Впереди то какъ?.. Ваши планы?.. Нельзя же продолжать такъ.

— Дворянская щепетильность... Потому это все... Теперь не до того... „Развѣ она не знаетъ?“ мелькнуло у него въ головѣ.

— На дняхъ мы потолкуемъ съ вами... А теперь—вамъ выходить. Бонтесть?

— Нѣтъ, страхъ прошелъ.

— Вотъ что, и Барсовъ оглянулся. Вы знаете, До-

сужева вѣдь противъ васъ. Вы не становитесь къ ней близко, какъ на репетиціи. Слышите.

— Почему это?

— А потому, что если въ дуэтѣ она парочно подается назадъ—вамъ придется обернуться къ ней и пѣть спиной къ публикѣ, поняли теперь... Васъ не будетъ слышно. Такіе ли фокусы еще у насъ предѣлываютъ.

Поднялась занавѣсь. Опять Раевская стоитъ у кулисы и ждетъ выхода... Но теперь уже не страшно ей. Жутко. Она съ любопытствомъ разглядываетъ зрителей, ей отсюда видно уголокъ театральной залы.

— А корону захватили? Корона гдѣ? шипитъ ей въ ухо режиссеръ... Ахъ ты Боже мой... Вѣдь вы песете корону...

Раевская покраснѣла. Грязный плотникъ подаль ей захватанную корону...

„Твоимъ братьямъ оружіе измѣнило... встрѣтила ее Амнерисъ съ притворнымъ участіемъ... Вѣдная Аида!..“ Начался дуэтъ. Очевидно Досужева старалась. Ея прекрасный голосъ звучалъ еще красивѣе, чѣмъ обыкновенно. Одного не могла она достичь на сценѣ. Тянька ея былъ лабазникомъ—это и сказывалось до сихъ поръ. Изыщество Раевской злило ее... „Чего она жантильничаетъ здѣсь“, думала про себя Досужева, зло глядя на Нину Борисовну. Оказалось, что Барсовъ не даромъ предупредилъ ее. Досужева подошла къ Раевской близко-близко и бросивъ ей въ глаза гордое...

Люблю и я,

Ты полая? Соперница твоя!

Но я—дочь Фараоновъ!

сейчасъ же отступила назадъ. Аида обернулась къ ней и затылкомъ къ партнеру отвѣтила ей: „Какъ... Соперница... Такъ будь же ею... И я... я дочь... Что говорю? Прости мнѣ!“

Голосъ ея ушелъ въ кулисы. Чудное мѣсто дуэта пропало, публика его не слышала, за то Амнерисъ еще сильнѣе провела свое: „Ты уничтожишь страсть роковую—или погибнешь смертью позорной“.

На этотъ разъ Аида была побѣждена совсѣмъ. Всю свою сцену, не замѣчая сама, что дѣлается, она пропѣла обернувшись спиной къ зрителямъ. Мотивы ея только обрывками звучали въ театральной залѣ. Она не видѣла знаковъ, которые подавалъ ей изъ-за кулисъ Барсовъ. Только когда Амнерисъ ушла, Аида обернулась къ публикѣ и голосомъ, въ каждомъ звукѣ котораго дрожало отчаяніе—скорѣе прорыдала чѣмъ пропѣла: „Боги, я васъ молю, дайте мнѣ смерть. Я не могу его разлюбить... Боги мои, я васъ молю!“ Когда она упала вѣлѣдъ за этимъ—театръ дрогнулъ отъ рукоплесканій...

— Я вамъ говорилъ, я васъ предупреждалъ! говорилъ Барсовъ.

— О чемъ?

— Что, вы затылкомъ поете? Затылкомъ? грубо обрывалъ онъ ее.

— Скажите Досужевой. Я еще не опытна. Зачѣмъ она такъ дѣлаетъ. Развѣ это хорошо?

— Захотѣли вы здѣсь... Что вы, Нина Борисовна... Тутъ помогаютъ только любовницамъ, остальныхъ топтать, какъ слѣпыхъ котятъ, поняли?

— Я понимаю, что тутъ всѣ ненавидятъ меня... Вы ее любили!.. вырвалось у Раевской. Въ ней разомъ проснулась женщина.—Да, вы ее любили... Она ревнуетъ...

— Я не обязанъ вамъ отчетомъ, пробормоталъ Барсовъ, уходя къ себѣ.

Второй актъ весь сошелъ прекрасно. Нина увидѣла Радамеса, раскинушагося на носилкахъ, подъ яркимъ балдахиномъ. Свѣтъ прямо билъ ему въ лицо, торжество побѣды... Гордая осанка Барсова, какъ нельзя больше шла ему въ этомъ актѣ... Она опять простила ему все. Сцена съ отцомъ Амонасро „Что вижу? Ты ль

отецъ мой... Ты—въ плѣну... не предавай меня...“ прошла у нея прекрасно. Арчибалди свой монологъ „Я сражался, искалъ я смерти... Намъ сегодня судьба измѣнила—по завтра можетъ тебѣ измѣнить!“ пропѣлъ великолѣпно. Аида все время была съ нимъ.

— Ну что? обратился онъ къ ней.

— У васъ хорошо это вышло... вы артисты!.. Вы чувствуете въ эту минуту.

— Я, улыбулся Арчибалди сквозь румяна... Жизнь вотъ болитъ, вотъ что чувствую... Теперь бы халать, да чаю... Отлично!..

— Васъ не увлекаетъ сцена?

— Гораздо больше бифштексъ увлекаетъ...

И сейчасъ же, свирѣпо насупясь, запѣлъ: „Для насъ настаетъ время, когда за честь отчизны—мы всѣ сберемся грозно и отомстимъ врагамъ!..“

Аида-Раевская даже растерялась, такъ это было неожиданно.

Третій актъ больше всего правился Нинѣ Борисовнѣ. Она никогда не могла даже издали слушать его безъ волненія...

Знойная, синяя ночь Египта... Страстные, тоскующія звѣзды мерцаютъ въ глубинѣ неба. Медленно надъ гранитными утесами всплываетъ золотая луна... Точно замерли вѣтви высокихъ пальмъ... Надъ скалою—будто обернувшись величавою колонадою къ мечтательнымъ лучамъ мѣсяца, высится храмъ Изиды... Нилъ тихо плещетъ въ сонные берега... Будто ласкается къ нимъ широкими волнами... Едва-едва доносится изъ храма печальный напѣвъ жрицъ, молящихъ мать и супругу боговъ. А за этими утесами и пальмами такъ и чудится жаркое дыханіе пустыни... Близо, близо ея горячіе пески... Вотъ и она—несчастная Аида. Здѣсь она ждетъ Радамеса... Здѣсь если онъ скажетъ ей: прощай на вѣкъ, она пойдетъ могилою—въ этихъ ласковыхъ струяхъ великой рѣки. Отчизна ей грезится издалека... Чудный край, гдѣ все прекрасно, гдѣ счастье безконечно... Долины мирныя, васъ не видать ужъ ей. „Ты любишь Радамеса... Соперница твоя дочь Фараоновъ...“ мрачно поетъ ей баритонъ Арчибалди... „Все возвратится. Все вновь придетъ... Раскинутся предъ ней благоухающіе лѣса родины, она увидитъ опять и свой золотой храмъ... Народъ ихъ ждетъ, побѣда наша.“ — Измѣни только ему! Узнай какимъ путемъ пойдутъ египтяне... Она въ ужасѣ.—Не дочь ты мнѣ!—„Молю тебя отецъ мой.“ — Раба ты Фараона. — Она колеблется... Нѣтъ... Надо спасти народъ свой!.. Вотъ и Радамесъ... Раевская сама стала Андой. Это она умоляетъ его бѣжать... Пустыню жгучую оставить на вѣки... Новая отчизна ждетъ ихъ. Тамъ среди лѣсовъ прекрасныхъ они забудутъ мѣръ въ восторгахъ упоенья... „Вѣжимъ, бѣжимъ...“ Тоскующій напѣвъ флейты слѣдуетъ за нею... Меланхолическій ключъ переливается по нагрѣтымъ и еще не остывшимъ камнямъ... Все ярче и ярче разгораются звѣзды, душнѣе и ароматнѣе становится лазурная ночь пустыни... Зала замерла слушая звуки... Голосъ Раевской такъ и ластится, такъ и никнетъ къ Радамесу. Прямо въ сердце ему просится, тоскующій и зовущій, обвивается вокругъ... Она уведетъ его изъ этой чужбины, уведетъ въ ипой, цвѣтущій край. Сквозь золотые пески пустынь, сквозь каменные ущелья пройдутъ они... И вслѣдъ за нею словно рыдаютъ скрипки, стройно вздыхаетъ гармоническая арфа, все одинъ и тотъ-же мелодичный лепетъ ручья напѣваетъ флейта... Душа Радамеса раскрывается любви, какъ цвѣтокъ горячему солнцу... Аида—въ ней цѣлый мѣръ... И вдругъ... онъ—онъ измѣнникъ... Амнерисъ и жрецы появляются изъ храма...

Уронивъ красивыя руки свои на колѣна, неподвижно сидитъ Раевская въ своей уборной.

Вызовы окончились... Этотъ страстный горячій напѣвъ всколыхнулъ ея душу... Кровь огнемъ бѣжитъ по

жиламъ... „Уйдемъ, уйдемъ отсюда...“ звучитъ въ ея ухахъ... Воздухъ кажется переполненнымъ нѣгой и зноемъ...

Кто-то вопиетъ. Она знаетъ кто это, но нѣтъ силы повернуть къ нему голову... Боже какъ хорошо... какъ хорошо... Она знаетъ чьи руки обнимаютъ ее, чьи губы ищутъ ея губъ... А въ памяти такъ и проносится возбужденный лепетъ скрипокъ... Ей страшно тронуться съ мѣста... Ей кажется, что одно движеніе—и чудный сонъ улетитъ и она разомъ останется одна, въ духотѣ! Ахъ, какъ хорошо... Милый мой, милый... Солнце мое... Жизнь моя, мое все... Словно сквозь дремоту шепчетъ она ему, когда онъ кладетъ на ея колѣна свою утомленную голову...

Наконецъ онъ поднялъ ее... Съ трудомъ... Точно ему не хотѣлось уходить отъ этихъ рукъ, нѣжно перебиравшихъ его завитые волосы.

— Куда?

— Нужно... Нина... Сейчасъ я приведу къ вамъ Повиликина... Нельзя... Завтра же писать будетъ...

— Ахъ, Боже мой!

— Будьте попривѣтливѣе... Поюдите даже... Необходимо.

— Какъ же я это сдѣлаю?

— Какая же вы артистка послѣ этого... У васъ въ распоряденіи должно быть все. Зачѣмъ же данъ языкъ и лицо человѣку... Поймите!.. Это маска—она должна измѣниться по вашему желанію.

— Безнравственно это!

— На сценѣ свой катехизисъ. Пужно—значить не безнравственно. Только есть полезное и вредное. Съ морально далеко не уѣдешь. Будьте же умницей...

Жанъ Повиликинъ не успѣлъ еще показаться у нея въ уборной, какъ сейчасъ же крѣпко поцѣловалъ ея руку... Потомъ захватилъ эту руку и не выпускалъ ее, держа въ своихъ влажныхъ ладоняхъ.

— Позвольте привѣтствовать восходящую звѣзду! началъ онъ.

— Посмотримъ, какъ ты намъобразишь эту восходящую звѣзду! прервалъ его Барсовъ. Онъ рѣшительно со всѣми былъ на „ты“.

— Завтра-же... самъ привезу вамъ корректуру... если позволите, Нина Борисовна.

— Вы, Нина Борисовна, пригласите его чай пить, онъ вамъ и прочтетъ... Ты у меня смотри Жанка: старайся—и въ Питеръ напиши... А Нина Борисовна будетъ тебѣ благодарна: слышишь?

Жанъ широко улыбался и поцѣловалъ другую руку... Нина хотѣла было выдернуть ее, но Барсовъ сдѣлалъ ей большіе глаза...

— Позвольте и намъ поздравить васъ... Вы настоящей драматической сопранъ! слышался голосъ Манделы. Онъ тоже цѣловалъ ей руки. Нинѣ становилось противно...

— Ты то хорошъ! оборвалъ его Барсовъ, приперевъ въ уголь. А еще Повиликинъ тебя меценатомъ зоветъ.

— Ну?

— Отчего букета нѣтъ... Вѣдь тебѣ только букеты подавать!

— Пожалуйста ты про мой обязанность не напоминай... Самъ помню... Букетъ есть... Въ свой время будетъ.

— То-то... А то попусту не лѣзь! Смотри, если букетъ плохъ...

Въ корридорѣ послышался звонокъ... Мандель и Повиликинъ ушли... Начинаясь послѣдняя картина.

— Господи, какая тоска!

— Ну, Нина Борисовна, вы эти дворянскія штучки оставьте: хотите успѣха, живите по нашему. Вотъ Мандель вамъ сегодня букетъ подноситъ. А Повиликинъ такъ распишетъ, что вы сами себя не узнаете.

— Неужели и вы въ нихъ заискиваете.

— Въ комъ какъ. Былъ тутъ рецензентъ одинъ—

Древній русскій пасхальний обычай. Обливаніе небывшихъ у заутрени. Ориг. рис. Степанова, грав. М. Рашевскій.

того я боялся. На задних лапах ходилъ передъ нимъ. Ну, а Повиликину кулакъ покажу, такъ онъ кределемъ кувирнется. Для всякаго свой пріемъ. Иначе не долго удержишься...

Раевская помедлила еще немного и пошла... „Закрылся камень роковой надо мною и вотъ моя могила“ слышался голосъ Барсова. „Дневнаго свѣта я не увижу, какъ не видать Аиды. Аида, гдѣ ты!“ Она его слышитъ, она тайно проникла къ нему въ подземелье... Если нельзя жить для счастья въ благоухающихъ дѣсахъ ея отчины — можно умереть съ нимъ вмѣстѣ, въ безразсвѣтномъ мрачѣ могилы. Сверху къ нимъ доносятся напѣвы жриць, голоса жизни замирають надъ ними... Радамесъ потрясаетъ камень... „Оставь... Скоро кончится для насъ все на землѣ!“ склоняется къ нему Аида... „Прощай земля, пріютъ страданій...“ слышится ихъ послѣдняя молитва. „Развѣянъ бурей свѣтлый сонъ, прощай...“ А на верху на помостѣ блестящаго золотомъ, наполненнаго благоухающими храма медленно развиваются въ священномъ танцѣ, подъ меланхолическій гимнъ жриць, служительницы боговъ. Все въ черномъ, Америкъ склоняется падъ роковымъ камнемъ... Словно отдаленный привѣтъ горячей пустыни, въ тихое рыданіе оркестра врывается

знакомый напѣвъ флейты и грудные, полные страсти и нѣги звуки арфы... Тихо падаетъ занавѣсъ.

— „Раевская—соло!“ орутъ конторщики и зайцы у барьера.

— „Раевскую — брав-о-о!“ надсаживаютъ горла артистички изъ боковыхъ ложъ.

Нина Борисовна выходитъ. Капельмейстеръ подаетъ ей громадный букетъ. Публика, начавшая было расходиться, остаивается въ проходѣ, аплодируетъ... Раекъ—бѣснуется... Машутъ платками... Тотъ же необыкновенный басъ съ воздушной высоты опять рычитъ свое „Раевская!“

Нина Борисовна уходитъ за кулисы.

— Карточку то подберите! Карточку изъ букета... шенчетъ ей Досуева. Арчибалди наклоняется и читаетъ въ слухъ „Соломонъ Иосифовичъ Мандель. Бакиръ и членъ общества распространенія христіанства на Кавказѣ во имя св. Пины“.

— Такъ! Я знала! торжественно обрываетъ Досуева. Оттого отъ букета такъ чеснокомъ пахнетъ!..

— И любовь, и успѣхъ!.. Счастье. Господи, помоги мнѣ! задыхается Раевская, подымаясь въ уборную съ цвѣтами, благоуханіе которыхъ кружило ей голову.

(До слѣд. №).

Черный вождь.

Рассказъ изъ прошлаго америкаской жизни.

Георга Кабля.

Міоко-Коанго, подъ другимъ именемъ, былъ могущественнымъ вождемъ цѣлаго племени на своей африканской родинѣ. Его одушевляла жажда подвиговъ, и онъ, воинственный и могучій, во главѣ своихъ вѣрныхъ войскъ, покорялъ своей власти сосѣднія племена, во благо своихъ подданныхъ, увеличивая силу и богатство своей страны. И вдругъ въ одному бою онъ попалъ въ руки враговъ. Враги продали всѣхъ торговлю невольниками, не разбирая происхожденія своихъ военнопленныхъ; отобравъ отъ Міоко-Коанго его оружіе и украшенія вождя, купецъ свелъ его на берегъ, и черный вождь поступилъ во владѣніе капитана англійской шкуны, обмѣнивавшего его на большое зеркало.

Путешествіе невольничьей шкуны изъ Африки въ Новый Орлеанъ кончилось не совсѣмъ благополучно. Живой товаръ, бывшій на кораблѣ, отчасти испортился: погода была бурная, а судно слишкомъ переносило; но капитанъ своевременно сообразилъ, что „по ту сторону“ борта находится безконечно много свободнаго мѣста и туда, въ море, по пути отправлялъ тѣхъ негровъ, которые, какъ предполагалось, не довольно выносливы и бодры, чтобы найти скорый и хорошій сбытъ въ Америкѣ.

Могучее тѣло Міоко-Коанго перенесло всѣ невзгоды долгаго морскаго путешествія, и когда, наконецъ, люки шкуны открылись и отрадннй воздухъ твердой земли проникъ въ душный трюмъ и вскорѣ затѣмъ якорь врѣзался въ илистое дно Миссисипи, Міоко-Коанго вытянулъ свою исхудалую, жилистую шею, и молча и внимательно вглядывался въ широкую картину, открывшуюся предъ его большими, измученными глазами.

Видъ былъ прелестный: огромный городъ раскинулся передъ нимъ. Красивыя башни и укрѣпленія, чудесный, широкій паркъ, казармы, госпитали, таможи, соборы и церкви, дома и изысканныя виллы, окна которыхъ ярко блестяли на солнцѣ, а тамъ, далѣе—большія, темныя плантаціи кофе и индigo.

Міоко не долго ждалъ новаго хозяина. Величавая фигура негрятянскаго вождя, ростомъ шести футовъ четырехъ дюймовъ, привлекла взоры знатока Агриколы Фузильера, близкаго родственника богатаго владѣльца, имѣніями котораго онъ управлялъ. Онъ тотчасъ скупилъ всю партію крѣпкихъ молодцовъ, въ числѣ которыхъ находился и Міоко, съ цѣлью распродать потомъ черныя товары по частямъ и получить хорошій барышъ. По ему жалко было, что такой великолѣпный экземпляръ можетъ перейти къ какому нибудь невѣждѣ провинціалу, и онъ уговорилъ смотрителя плантацій, своего сосѣда дона Хозе Мартинаца пріобрѣсть Міоко для одной изъ плантацій своего господина.

Въ этомъ имѣніи дона Хозе царственного негра ожидалъ цѣлый рядъ неприятныхъ сюрпризовъ. Его встрѣтили привѣтливо, дали новую, красивую одежду, пригласили сѣсть въ экипажъ, запряженный паромъ коней, отвезли въ чистую, красивую хижину, далеко красивѣе и затѣйливѣе, чѣмъ бывшее его царственное жилище въ Африкѣ, и дали ему понять, что онъ можетъ считать это своею собственностію. Ему предложили хорошую пищу. Міоко принималъ все это съ молчаливымъ величіемъ. Онъ приготовился къ смерти, что непременно по его мнѣнію должно быть участію побѣжденнаго вождя, и спокойно

ждалъ казни. Но за нимъ ухаживали, и когда утоливъ голодь онъ заболѣлъ, ему дали лекарство, которое, къ его великому удивленію, помогло ему. Умный вождь по природѣ былъ серьезень и вдумчивъ и, судя по обращенію съ нимъ, онъ пришелъ къ заключенію, что его не считаютъ вождемъ.

На вопросъ: какъ его имя? онъ далъ непонятный переводчику отвѣтъ на ялофскомъ нарѣчій. Когда же продолжали допытываться, онъ перевелъ свое имя на языкъ Конго: Міоко-Коанго,—„Отсѣченная рука!“ Хотѣлъ ли онъ этимъ выразить, что былъ сильною рукою своего народа, и что теперь безъ народа онъ сдѣлался не болѣе какъ отсѣченною рукою? По новыи его хозяинъ, заплачившій за него очень дорого, вовсе не былъ расположенъ считать его бесполезнымъ и не задавалъ себѣ труда объяснять такое своеобразное имя.

Между тѣмъ новому невольнику предстояло ознакомиться со многими для него удивительными вещами. Роскошь, которую онъ здѣсь увидѣлъ, привела его въ изумленіе: всѣ черные невольники были одѣты; самыя простыя дѣвушки изъ Конго носили здѣсь ситцевыя и шерстяныя платья, изъ которыхъ каждое стоило бы по крайней мѣрѣ цѣлый слоновій клыкъ въ его родной странѣ. А затѣмъ полная безопасность! Нигдѣ не было видно львовъ, змѣй появлялись весьма рѣдко. И его правильно и обильно кормили. Послѣднее обстоятельство причиною ему какое то тайное безоконство. Что значить, что его такъ заботливо кормятъ? Это его смущало. Однако онъ замѣтно становился сильнѣе и тяжелѣе, и вскорѣ снова гордо расхаживалъ съ видомъ вождя, въ полномъ расцвѣтѣ той неукротимой силы, которая паводила ужасъ на воинствъ окрестныхъ племенъ въ Африкѣ.

Однажды его пригласили слѣдовать за надсмотрщикомъ; тотъ отвелъ его на поле, гдѣ мужчины и женщины работали заступами и лопатами. Міоко-Коанго серьезно и внимательно приглядывался къ этому знакомому для него зрѣлищу. Онъ вспоминалъ, какъ давно уже видѣлъ онъ въ Африкѣ своихъ подданныхъ-рабовъ, занятыхъ подобнымъ образомъ. Надсмотрщикъ передалъ ему заступъ. Міоко спокойно осмотрѣлъ красивый инструментъ. И вдругъ спутникъ дружески пригласилъ его присоединиться къ остальнымъ рабочимъ.

Губы вождя остались сжаты, но грозный вопросъ выразился во всей его отшатнувшейся фигурѣ и гнѣвномъ, страшномъ взглядѣ широко раскрытыхъ черныхъ глазъ. Ему показалося, что не разразилась ли молнія надъ нимъ? Какъ? Такъ вотъ къ чему его готовили: къ труду рабовъ! О! И тяжелый заступъ, который Міоко только что разсматривалъ такъ добродушно, просвистѣлъ въ воздухѣ, и несчастный надзиратель рухнулъ въ крови на землю съ раскроеннымъ черепомъ; затѣмъ Міоко схватилъ перваго попавшагося подъ руку невольника, приподнял и яростно отбросилъ далеко отъ себя; второй негръ взлетѣлъ также на воздухъ, третій былъ перекинутъ чрезъ дерево и упалъ въ прудъ. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ; затѣмъ Міоко упалъ въ порывѣ горя и отчаянія лицомъ въ землю. Старшій надзиратель выстрѣлилъ и пуля попала въ голову Міоко. Черепъ негра былъ однако крѣпокъ, а пуля была не коническая; она скользнула по правой половинѣ головы Міоко, разорвавъ только кожу.

Всѣ участвовавшіе въ этой сценѣ, кромѣ стрѣлявшаго надзирателя, были негры. Надсмотрщикъ былъ мертвъ,—этому горю нельзя было пособить, и смотритель былъ того мнѣнія, что не слѣдовало поднимать шума изъ за этого. И хотя ему нужно было дать отчетъ своему молодому хозяину дону Хозе, но онъ это сдѣлалъ такъ, что вся вина осталась за тѣмъ, кому въ этой жизни уже никто не могъ повредить—на убитомъ надсмотрщикѣ.

Донъ Хозе выслушалъ все спокойно, но только что онъ собрался говорить, какъ его перебилъ смотритель:

— Бить его нельзя.

— Вотъ! проговорилъ донъ Хозе. Почему нельзя?

— Было бы лучше, еслибы ваша милость сами убедились въ этомъ.

Дѣло принимало острый характеръ; но и владѣлецъ плантацій имѣетъ свои обязанности, и донъ Хозе рѣшился пойти въ жилище Міоко.

— Выведите его!

Его вывели со связанными руками и ногами и тяжелой греющей дѣльи на шеѣ. Испанскій креоль часто выдвигалъ на аренѣ дивныхъ быковъ съ яростно блестящими глазами; но то, что онъ увидѣлъ теперь, показалось ему посерьезнѣе.

— Это не негръ Конго, замѣтилъ донъ Хозе.

— Итъ, это негръ Ялофъ, отвѣтилъ смотритель смѣясь, легко видѣть это по его прямому носу. И, милостивый господинъ, онъ „Кадио“, вождь. Если я велю его бить, онъ умретъ!

Странный гигантъ-негръ и неустрашимый небольшой и энергичный испанецъ съ минуту молча глядѣли другъ на друга; и каждый узналъ въ другомъ себѣ равнаго, и странно: оба, и креоль, и черный, почувствовали другъ къ другу родъ какого то влеченія. Гнѣвъ дона Хозе унялъ совсѣмъ.

— Призови переводчика, сказалъ онъ медленно,—и устрой какъ нибудь это дѣло.

Явилось снова затрудненіе: гдѣ найти человѣка, который бы могъ перевести съ ялофскаго на французскій или испанскій языкъ, и который бы вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ на столько дипломатическимъ тактомъ, чтобы это привело къ какому нибудь соглашенію.

Смотритель стоялъ еще въ раздумьи, когда подошла маленькая дѣвочка-невольница, повидимому заинтересовавшаяся новымъ товарищемъ.

— Поди сюда, Клементина!

— Итъ, я не понимаю по ялофски—право ни одного слова не понимаю; Агрикола Фузильеръ—тогъ все понимаетъ!

— Агрикола Фузильеръ! Врядъ ли это былъ подходящій человѣкъ для примиренія негра съ бѣлымъ; но не оставалось выбора и надсмотрщикъ поѣхалъ въ имѣніе, гдѣ жилъ Агрикола.

— Я, Агрикола Фузильеръ? Переводчикъ негра?

— Я думалъ только, не знаете ли вы кого нибудь случайно, кто... проговорилъ оробѣвшій смотритель.

Агрикола успокоился.

— Да, сказалъ онъ равнодушно, глядя разсѣянно вдалѣ,—если я не укажу вамъ кого нибудь, дѣйствительно вамъ трудно будетъ найти... Возьмите Пальмиру.

Пальмира—любимая служанка его племянницы Евгеніи, невесты дона Хозе. Это была красивая квартиронка, высокая, стройная, съ блестящими глазами, свѣжими губами, ослѣпительно бѣлымъ рядомъ зубовъ и матовымъ цвѣтомъ лица. Пальмира тайно и безнадежно любила Оноре, отсутствующаго брата своей госпожи. Агрикола Фузильеръ преслѣдовалъ Пальмиру своими привязками: онъ не любилъ ея чарующую красоту, ея неукротимую гордость, ея тонкій умъ, видѣвшій многое, что Агрикола желалъ бы скрыть; онъ не любилъ ее за ея вліяніе на госпожу, за любовь къ Оноре, главѣ богатого дома, и не любилъ ее еще и потому, что зналъ, что она относится къ нему съ презрѣніемъ и отвращеніемъ.

Когда Агрикола назвалъ своего врага, смотритель радостно воскликнулъ: „счастливая мысль!“

— Конечно, добавилъ Агрикола, Пальмира самая подходящая. Она знаетъ столько же негрятскихъ партій, сколько и европейскихъ языковъ.

Пальмира была умная дѣвушка. Она подумала: „Моя барышня выходитъ за донъ Хозе, а потому недурно расположить его къ себѣ. Я устрою дѣло съ этимъ негромъ.“

Она богато одѣлась, причемъ, смѣясь, ей дружески помогала госпожа, и вскорѣ явилась, сіяя красотою, въ красивомъ легкомъ платьѣ, съ краснымъ платкомъ на шеѣ и съ жемчугомъ въ черныхъ волосахъ. Увѣренная въ побѣду, она приблизилась къ черному великану. Она хотѣла завладѣть имъ и сдѣлать изъ него своего раба. Этого она достигла вполне и безъ труда. Какъ только Міоко увидѣлъ эту прекрасную женщину, дикій огонь въ его глазахъ потухъ, взоръ сдѣлался мягче и покорнѣе, а когда она ласково заговорила съ нимъ на дорогомъ ему родномъ языкѣ, въ немъ сразу исчезло все его неукротимое упрямство. Въ своихъ тяжелыхъ дѣльяхъ онъ кротко опустился на землю и въ восхищеніи слушалъ сладкій голосъ Пальмиры; но когда она медленно и осторожно дошла совершенно до дѣли своего порученія, онъ взглянулъ на нее вначалѣ мрачно и съ боязнью, и когда она наконецъ осмѣлилась произнести слово „раба“—онъ, не смотря на обременявшія его дѣли, мгновенно

но вскопчилъ, какъ пущенная изъ лука стрѣла, и всталъ во весь ростъ предъ нею, какъ статуя изъ черного мрамора—олицетвореніе гнѣва и негодованія!

И Пальмира поднялась также, гордая видомъ такого вождя; кровь царственного негра билась также и въ ея жилахъ. Она прямо пошла къ дону Хозе и смотрителю. „Міоко-Коанго покоряется своей участи и ждетъ смерти, сказала она. Онъ воинъ и знаетъ, что онъ военнопленный; но, по обычаямъ его страны, нельзя чтобы властитель и вождь сталъ работать.“

— Господинъ вѣроятно помнитъ, что я говорилъ тоже самое, замѣтилъ смотритель.—Дикаго коня не запречь въ плугъ.

Донъ Хозе слушалъ сдержанно и спокойно. Смотритель, котораго особенно занимала судьба сильнаго негра и который сочувствовалъ ему почти такъ, какъ еслибы тотъ былъ бѣлымъ, продолжалъ говорить. Онъ упомянулъ, что въ числѣ невольниковъ у него уже былъ одинъ царственной крови, котораго тоже нельзя было заставить работать, но изъ котораго удалось сдѣлать прекраснаго надсмотрщика. И не было ли бы полезнымъ пріучить къ тому же и Міоко? Донъ Хозе согласился, молча кивнувъ головою. Но удивленіе его было велико и терпѣніе его чуть не истощилось, когда, нѣсколько дней спустя, смотритель въ замѣшательствѣ доложилъ ему, что Міоко отказывается и отъ предложеннаго ему занятія, какъ отъ унизительнаго.

Снова позвана Пальмира. Слова она ласково и горячо говорила съ негромъ. Одинъ и тотъ же короткій отвѣтъ.

— Не хочеть, сказала опечаленная квартиронка.

— Погоди, воскликнулъ смотритель, замѣтившій смущеніе и безпокойство на лицѣ Пальмиры.

— Держу пари, черный сказалъ что то другое. Позвольте, господинъ, отвести его къ Агриколѣ.

— Итъ, итъ! вскричала Пальмира въ испугѣ.— Не нужно Агриколы! Я скажу все! Да, онъ соглашается быть надсмотрщикомъ, только подъ условіемъ,—но господинъ, ради Бога! онъ хочеть, чтобы я вышла за него замужъ!

Смотритель вопросительно взглянулъ на донъ Хозе. Поведеніе чернаго рѣшительно поправилось гордому и неукротимому испанцу.

— Пусть рѣшить это Агрикола, сказалъ онъ спокойно.

— Я не принадлежу Агриколѣ! Онъ не имѣетъ надо мною никакихъ правъ! воскликнула Пальмира. Мой господинъ—Оноре!

— Молчи!

Она замолчала.

Агрикола согласился съ злобною готовностью. Съ чернаго принца силаи тяжелая дѣли. Дали ему понять, что если онъ будетъ вести себя хорошо, Пальмира станетъ его женою и въ тотъ именно день, когда донъ Хозе обѣщается съ ея госпожей, т. е. чрезъ полгода. — Міоко-Коанго ничего не сказалъ. Еще нѣкоторое время онъ ходилъ по плантаціи безъ всякаго дѣла, но скоро выучился тому странному, смѣшанному языку, на которомъ невольники разговариваютъ со своими бѣлыми господами и отчасти между собою, а по прошествіи полугода былъ дѣйствительно прекраснымъ надсмотрщикомъ, умѣвшимъ заставлять работать. Не смотря на это, только три человѣка во всей мѣстности не боялись его.

Не боялась его Пальмира. Съ ея появленіемъ онъ становился ласковымъ и кроткимъ. Зрѣлище по истинѣ было интересное. Укрощенный левъ подходилъ къ прелестной женщинѣ и та беззащитно съ нимъ смѣялась и забавлялась. „Парское зрѣлище!“ говорилъ смотритель. Самъ онъ однако боялся Міоко. Когда Міоко время отъ времени приходилъ къ нему, не просить позволенія, но просто говорилъ: „Теперь я пойду къ Агриколѣ смотрѣть на свою невесту“,—смотритель глядѣлъ вслѣдъ быстро исчезающему великану, въ раздумьи качалъ головою и что то ворчалъ, что обозначало приблизительно: „Ну, признаюсь, у меня не достало бы смѣлости обмануть его“. Пальмира же, какъ настоящая женщина, рѣшилась на это; она подумала, что ведетъ опасную игру, но ей нравилось скользить надъ бездною...

Это была запутанная, но обычная исторія сердца. Квартиронка удивлялась черному богатырю. Его величавое презрѣніе къ смерти, его неукротимая отвага, его царственный видъ, его презрительное равнодушіе къ окружающимъ—наполняли ее какой то расовой гордостью. Міоко казался ей олицетвореніемъ доблести и силы негровъ. Она невольно глубоко уважала его, но не могла отдать ему своего сердца: она давно и безнадежно отдала его другому, своему бѣлому господину и хозяину, Оноре! Но она покорила своей участи и послѣ перваго боязливаго проявленія своихъ чувствъ, когда она упрашивала донъ Хозе не отдавать ее негру, съ ея устъ не сорвалось болѣе ни одного слова противорѣчія или жалобы. Она играла комедію, но знала что дѣлаеть: она знала, что Агрикола сильнѣе и вліятельнѣе и непремѣнно будетъ противъ нея, если только она выразитъ желаніе не выходить за Міоко. Но ей хотѣлось непременно перехитрить врага и заставить его думать, что она ждетъ полнаго счастья отъ брака съ негромъ-вождемъ. И если это ей удастся, то она могла надѣяться, что Агрикола изъ не любви къ ней нарочно разстроитъ на зло ей ея свадьбу. Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, у нея оставалась ея госпожа, которая не откажется заступиться за нее предъ дономъ Хозе. А если не поможетъ ни хитрость, ни заступничество барышни,

Петръ I въ Саардамъ. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

Кошка завтракаетъ. Рис. Шютце, грав. Кригсманъ.

тогда—маленькій кинжалъ! Она постоянно посила его при себѣ и онъ положить конецъ ея мученіямъ...

Не боялась Міоко и ея барышня. Она хотѣла увидѣть непременно жениха своей вѣрной Пальмиры и приказала позвать чернаго красавца. Когда Міоко увидѣлъ пѣвца, прелестное личико дѣвушки, онъ съ секунду стоялъ какъ окаменѣлый, затѣмъ бросился ницъ на землю, широко раскинувъ руки и въ этомъ положеніи ожидалъ пока та ушла. Онъ тогда медленно поднялся и пугово, благоговѣнно озирался кругомъ. И когда Пальмира просила его объяснить свое поведеніе, онъ отвѣчалъ: „Не смѣю поднимать глаза на чистаго духа!“

Съ тѣхъ поръ онъ иначе не встрѣчалъ Евгенію какъ съ какимъ то благоговѣйнымъ чувствомъ.

Не боялся Міоко и никого на свѣтѣ, гордый испанецъ донъ Хозе, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые не знаютъ трепета ни предъ людьми, ни предъ судьбою. Между негромъ и его господномъ установились какія то своеобразныя отношенія. Донъ Хозе по цѣлымъ днямъ проводилъ время съ Міоко на Миссисипи или въ болотистой пустынѣ, гдѣ неосторожное слово кого нибудь изъ нихъ легко могло быть его послѣднимъ словомъ. И господинъ, и рабъ держались во взаимномъ самоуваженіи и вели себя какъ хорошіе товарищи по охотѣ: донъ Хозе какъ бы не замѣчалъ своего снисхожденія, Міоко не выказывала за него ни малѣйшей благодарности. Еслибы донъ Хозе до пѣкоторой степени не выказывалъ дружбы Міоко и охотничья жизнь не была бы негору хотя отчасти по вкусу, онъ безъ всякаго сомнѣнія никогда не покорился бы своей участи невольника и, хотя бы цѣною смерти, по давню бы сдѣлалъ попытку освободиться. Время шло быстро и довольно спокойно и наступилъ день, въ который должны были отпраздновать дѣвѣ свадьбы: донъ Хозе съ барышней и Міоко съ Пальмой.

Гости съѣхались издалека; донъ Хозе и его пѣвчая невеста были уже готовы; Пальмира сіяла чудной красотой; недоставало только чернаго жениха. Гдѣ былъ онъ?

Агрикола задалъ этотъ вопросъ Пальмирѣ и сопровождалъ его такимъ взглядомъ и такимъ тономъ, которые ясно говорили, что онъ строго встрѣтитъ всякую попытку разстроить свадьбу четверонки съ негромъ.

Пальмира не отвѣтила; за нее отвѣтилъ одинъ изъ надсмотрщиковъ.

— О, господинъ Фузильеръ, Міоко тутъ близко... По онъ — не желаетъ одѣваться. Онъ разрисовалъ себя какъ зебра, полосами и кругами...

— Скажи ему, что я, Агрикола Фузильеръ, приказываю ему тотчасъ одѣваться.

— Я пять разъ говорилъ ему это, господинъ! Но знаете, что онъ отвѣчаетъ? Онъ говоритъ, что вы ничтожный бѣлый, и — я насилию осмѣливаюсь повторить—онъ плететъ на васъ и продолжаетъ себя красить въ свадебные цвѣта по обычаю своей страны.

Трудно сказать какъ бы Фузильеръ наказалъ негра за дерзость, еслибы не вышлась барышня и не пошла сама съ Міоко. Какъ только онъ увидѣлъ ее, глаза его загорѣлись.

— Прощу тебя, Міоко, одѣваться! сказала она ласково.

Онъ ждалъ пока она ушла, и затѣмъ позволилъ одѣть себя въ сѣвѣнную полуевропейскій костюмъ, пѣчто въ родѣ краснаго съ синимъ мундира, въ который съ трудомъ вѣщались его могучіе, стройные члены. Послѣ того онъ появился въ залѣ на задней половинѣ дома, гдѣ предположено было обвѣнчать его по окончаніи церемоніи въ нарядныхъ покаяхъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Трапписты.

Очеркъ Рува.

Дѣла привели меня въ Баньялку въ Босніи, самый красивый городъ турецкой области, занятый австро-венграми въ 1878 г. Жившій тамъ австрійскій консулъ обратилъ мое вниманіе на находящійся вблизи монастырь траппистовъ „Звѣзда Маріи“, и я рѣшилъ посетить его, такъ какъ давно интересовался этимъ замѣчательнымъ орденомъ. Монастырь лежитъ живописно у дико влокочущей Вербы, притока Савы, на склонѣ горы, поросшей дѣсомъ. Пычно не нарушаетъ глубокой тишины и покоя, царствующихъ вокругъ. Со ступеней монастыря открывается чудный видъ на украшенный мечетями турецкій городъ и прекрасную долину Вербы.

Трапписты, или бенедиктинцы-цистеріане, донедѣле до первоначальной строгости подвижничества, составляютъ замѣчательнѣйшее явленіе въ исторіи религіи запада и ведутъ свое названіе отъ монастыря *La trappe*, лежащаго въ пустынной долинѣ Нормандіи, недалеко Мортани, въ департаментѣ Орны. Долина была названа жителями *la trappe*, т. е. опускная дверь, по узкому, трудно доступному входу въ нее; основанный въ ней въ 1140 г. цистеріанскій монастырь получилъ также названіе „Богородицы *la trappe*“, или просто „*La trappe*“. Въ теченіи столѣтій, въ монастырѣ стала проявляться полная распушенность, и онъ сдѣлался предметомъ общихъ нападокъ. Но въ XVII столѣтіи, когда упадокъ монастыря достигъ высшей степени, появился человекъ, положившій конецъ такому состоянію и ставшій основателемъ строжайшаго ордена католической церкви, траппистовъ.

Арманъ Жанъ ле-Бутилье де-Рансе происходилъ изъ знатной французской семьи. Онъ родился 9-го января 1626 г.; на одиннадцатомъ году жизни наслѣдовалъ права и званія своего умершаго брата и, по обычаю того времени, получилъ ребенкомъ три аббатства, между прочимъ *La trappe*, два пріоратства и мѣсто завѣдывающаго хорами въ соборѣ „*Notre Dame*“ въ Парижѣ, съ ежегоднымъ доходомъ въ 25.000 франковъ. Два года спустя, рано развившійся мальчикъ, къ изумленію ученаго міра, задалъ Анакреона съ замѣчаніями. Пользуясь расположеніемъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, балуемый женщинами, притомъ обладающій богатствомъ, красавецъ-юноша неизбежно долженъ былъ попасть въ водоворотъ свѣтскихъ удовольствій, въ которомъ въ то время вращался весь знаменитый Парижъ. Многіе годы жизни его были рядомъ удовольствій и никто не ожидалъ, что человекъ этотъ станетъ строгимъ реформаторомъ распатаанной монастырской жизни. Въ 1651 году онъ былъ посвященъ въ священники, спустя два года получилъ степень доктора и въ то же время отказался отъ епископства единственно съ цѣлью не отлучаться изъ веселаго Парижа. Но тутъ на него вдругъ посыпались удары судьбы, заставившіе его сознать ничтожество всего земнаго. Нѣсколько его друзей умерли внезапно, а также покровитель его, герцогъ Орлеанскій; по возвращеніи изъ путешествія онъ увидѣлъ въ гробу высокочтимую имъ герцогиню де-Монбазонъ, сильно изуродованную оспой. Глубоко взволнованный Рансе отшатнулся—и съ этой минуты въ немъ наступила перемѣна. Въ тоскѣ онъ сталъ избѣгать всѣхъ удовольствій, предался покаянію и размышленію и не взирая на просьбы своихъ друзей и родныхъ, рѣшился отка-

заться отъ свѣта. Все свое состояніе онъ подарилъ *Hôtel-Dieu* въ Парижѣ, отказался отъ своихъ духовныхъ званій и удержалъ только аббатство *La trappe*. Принявъ въ 1664 г. монашескій обѣтъ въ цистеріанскомъ монастырѣ Перевъ, онъ отстроилъ развалившееся зданіе бенедиктинскаго монастыря *La trappe* и ввелъ въ немъ безиримѣное по строгости отреченія правило. Рансе умеръ 20-го апрѣля 1700 г., на 74 году жизни.

Слава его монастыря распространилась повсюду и ученики Рансе во многихъ мѣстахъ устраивали подобныя по строгости монастыри.

Изгнанные во время революціи изъ Франціи и гонимые Наполеономъ изъ страны въ страну, трапписты-монахи и монахини (существовали также и женскіе монастыри) долго скитались по Европѣ, пока наконецъ послѣ смерти міроваго завоевателя не получили разрѣшенія вернуться во Францію. Сила и рвеніе ихъ не уменьшились во время преслѣдованій, напротивъ увеличились, и орденъ подъ началомъ аббата Августина достигъ небывалаго развитія. Еще разъ изгнанные во время революціи въ 1830 году и неоднократно притѣсняемые исключительными законами французскаго правительства, трапписты тѣмъ не менѣе сохраняли первоначальную строгость. Въ настоящее время они находятся почти во всѣхъ странахъ міра и даже нѣсколько лѣтъ тому назадъ трапписты основали монастырь въ землѣ каффровъ. Орденъ насчитываетъ около 3400 монаховъ и монахинь въ 45 монастыряхъ. Во главѣ каждаго монастыря, имѣющаго болѣе 12 патеровъ, находится игуменъ; въ монастырѣ же съ меньшимъ, нежели 12, числомъ патеровъ, старшій называется пріоромъ. Вѣншній знакъ игумена — это простой деревянный крестъ, въ то время какъ игумены другихъ орденовъ носятъ обыкновенно золотой крестъ. Каждую весну старшіе съѣзжаются въ *La trappe*. Генералъ ордена, подобно генераламъ прочихъ орденовъ, живетъ въ Римѣ.

По возвращеніи къ монастырю „Звѣзда Маріи“. Былъ позденъ когда я подѣхалъ къ Вербѣ. Паромъ перевезъ меня черезъ дикую рѣчку, къ монастырскому саду. Съ біеніемъ сердца я дернулъ звонокъ; дверь подалась безъ шума и блѣдный молодой монахъ, чехъ, какъ я узналъ впоследствии, молча впустилъ меня, задржалъ дверь, бросился на землю, поцѣловалъ ее и, къ моему смущенію, также мои заплясанные ноги, молча же взялъ меня за руку, повелъ въ церковь, гдѣ громко помолился по латини за гости, и оттуда проводилъ меня въ маленькую, простую, почти убогую комнатку для пріѣзжихъ и удалился, еще разъ поклонившись въ землю. Послѣ продолжительнаго ожиданія, поднялся пріоръ монастыря, человекъ въ цвѣтѣ лѣтъ, серьезно, но дружески пріѣтствовалъ меня и спросилъ чего я желаю. Онъ охотно сообщилъ мнѣ объ устройствѣ, обычаяхъ и установленіяхъ ордена и показалъ весь монастырь. Находящіеся тутъ монахи отчасти нѣмцы и отчасти австрійцы; между ними лица разныхъ сословій и даже есть одинъ графъ.

Монастырь „Звѣзда Маріи“ насчитываетъ 60 монаховъ; между ними пятьдесятъ братьевъ въ коричневыхъ рясахъ съ кожаными поясами и десять патеровъ въ бѣлыхъ мантіяхъ, черныхъ наплечникахъ и съ черными кожаными поясами; послѣдніе въ церкви надѣваютъ еще бѣлый плащъ съ капюшонкомъ. И братья

и патеры брѣютъ головы, за исключеніемъ узкаго вѣнчика волосъ; бѣльцы носятъ бороды. Не всѣ патеры священники; отъ воли аббата или пріора зависитъ посвященіе извѣстнаго числа монаховъ въ священники. Отъ кандидатовъ на священника монастыря траппистовъ не требуется ни гимназическаго, ни университетскаго образованія. Такія требованія неумѣстны. Изъ монастырей изгнана всякая наука. Тутъ нѣтъ ни амвона, ни исповѣдальни, ни школы. Монахи даютъ строгій обѣтъ молчанія, впрочемъ обьязаны пѣть хоромъ въ церкви. Уставъ траппистовъ такъ суровъ и требуетъ такой силы воли и столькихъ лишеній, что внушаетъ удивленіе и почтеніе. Вся жизнь монаховъ проходитъ въ покаяніи и умерщвленіи плоти. Они испускаютъ не только свои грѣхи, но и грѣхи всего міра вообще, и свое существованіе какъ человѣка. Ни одно свѣтское ощущеніе, ни одна свѣтская мысль не должны имѣть доступа за монастырскія стѣны, и требованія бѣдности, покорности и послушанія, выполняются здѣсь въ самомъ строгомъ смыслѣ.

Обыкновенно монахи встаютъ въ 2 часа ночи; въ воскресенье они поднимаются уже въ часъ, а въ пятницу—въ полночь. Молча они идутъ въ церковь и молятся до пяти часовъ, большею частью напѣвая медленно. Около 6 часовъ утра они моютъ лицо и руки, послѣ чего братья, работающіе внѣ дома, отправляются на работу, а патеры читаютъ священныя книги, или предаются размышленіямъ. Послѣ богослуженія, въ восемь часовъ, они также принимаются за работу. Хотя трапписты подраздѣляются на патеровъ и братьевъ и носятъ различную одежду,—относительно работы не существуетъ никакого отличія. Старикъ или молодой, священникъ или бѣлецъ, патерь или братъ, долженъ исполнять ту работу, какую ему укажетъ игумень. Послѣдній также участвуетъ въ работахъ, и даже въ самыхъ неприятныхъ и грубыхъ. До трехъ четвертей одинадцатаго всѣ работаютъ безъ устали въ разныхъ мастерскихъ, на мельницѣ, на пивномъ заводѣ, въ лѣсу и полѣ. Ни одно слово не должно сорваться во время работы съ устъ трапписта, ни одна улыбка не можетъ освѣтить его лица. Уставомъ предписана постоянная серьезность и молчаніе.

Звукъ колокола подаетъ монахамъ знакъ прекратить работу; но и теперь они не идутъ отдыхать, а направляются въ церковь помолиться, а оттуда въ столовую, гдѣ они молча прислунаютъ къ скудной трапезѣ, во время которой одинъ изъ братьевъ читаетъ жизнь святыхъ отцовъ. Замѣчательно, что для умершаго ставится впродолженіи цѣлаго мѣсяца приборъ. Послѣ обѣда, произнося громко молитву, трапписты снова идутъ въ церковь, гдѣ молятся четверть часа. Потомъ снова начинается работа, кончающаяся въ пять часовъ пополудни. Послѣ краткой молитвы въ церкви, монахи ужинаютъ кускомъ хлѣба и кружкой вина или пива, за столами безъ скатертей, уставленными въ столовой въ видѣ подковы. Затѣмъ всѣ собираются въ такъ называемой залѣ капитула, гдѣ игумень или пріоръ читаетъ имъ короткую проповѣдь, и гдѣ каждый монахъ, замѣтившій въ своемъ собратѣ ошибку или нарушеніе устава, обязанъ сообщить объ этомъ старшему. Получасовая молитва въ церкви заканчивается такъ называемый капитулъ. Каждую пятницу монахи бичуютъ себя все время, пока медленно говорится вслѣдъ „Misereatur“. Въ 7 часовъ всѣ, не исключая аббата, уходятъ въ общую спальню.

Жизнь трапписта тяжела и сурова. Онъ питается только стручковыми плодами, сваренными безъ мяса, жира, молока и яицъ. Притомъ ежедневная порція необыкновенно мала. Далѣе, онъ лишень всякаго удобства. Ни одинъ монахъ не имѣетъ своей собственной комнаты; у нихъ все общее: и столовая, и спальня, и церковь. Стулья безъ спинокъ и такъ узки, что на

нихъ съ трудомъ можно сидѣть. Въ церкви же нѣтъ скамеекъ; нѣдѣлю часовъ лѣтомъ и зимою трапписты простаиваютъ на колѣняхъ на холодномъ полу. Одежда ихъ состоитъ зимою изъ толстой шерстяной бѣдой рубахи, толстой шерстяной рясы и твердыхъ сандалій. Никто не заботится о чистотѣ одежды, трапписты сами моютъ свое платье, „единственныя молчаливыя прачки въ мірѣ“, какъ ихъ однажды называлъ Альбаній Штолицъ. Наконецъ, постель состоитъ изъ набитаго соломой мѣшка, на который они ложатся одѣтыми. Никто не въ правѣ передѣться даже и въ томъ случаѣ, когда платье его насквозь мокро отъ дождя или снѣга. Каждый ложится мокрымъ и грязнымъ. Въ спальнѣ никогда не зажигается огонь.

Всякое сообщеніе съ вѣншимъ міромъ всецѣло прекращено, траппистъ не имѣетъ права ни писать, ни получать письма. Онъ умеръ для свѣта. Умираетъ ли его отецъ, мать, братъ, сестра, другъ или родственникъ, къ нему не достигаютъ вѣсти. Если же имѣется извѣстіе о смерти, то игумень сзываетъ вечеромъ монаховъ помолиться за умершаго близкаго имъ человѣка и всѣ молятся тѣмъ усердіемъ, что всякій изъ нихъ думаетъ, что молится за своего роднаго. Траппистъ не знаетъ также прежней жизни своихъ собратьевъ; онъ не знаетъ кто они и откуда. Въ молчаніи, трудѣ и страданіи проходитъ жизнь трапписта, призывающаго смерть, которая не заставляетъ себя долго ждать. Трапписта, почувствовавшаго приближеніе смерти, относятъ въ церковь и кладутъ на соломѣ и пеллѣ. Вокругъ него становятся бѣдные братья. Монахъ, молчаливъ всю жизнь по уставу, предъ вратами вѣчности можетъ говорить, и въ горячихъ словахъ убѣждаетъ братьевъ твердо идти по избранному тернистому пути, въ концѣ котораго ихъ ждетъ золотой вѣнецъ небесъ. На слѣдующій день послѣ смерти трапписта происходитъ торжественная панихида и затѣмъ тѣло, безъ пѣнія, звона и даже безъ гроба, предается землѣ. Простой деревяный крестъ съ надписью: „*П. Иосифъ + 25. 5. 75*“ обозначаетъ мѣсто, гдѣ покоится усламый траппистъ. И если крестъ этотъ разрушится со временемъ, то имя монаха вычеркивается изъ памяти людей.

Разсказываютъ, что трапписты привѣтствуютъ другъ друга словами: „*memeto mori*“ (помни о смерти), и каждый вечеръ по нѣсколько минутъ работаютъ около своей могилы. Свѣдѣнія эти ни на чемъ не основаны: трапписты привѣтствуютъ другъ друга только вѣдлымъ наклоненіемъ головы, и никто изъ нихъ не конаетъ себя могилы. Но какими образомъ возникли эти разсказы и часто повторяются? Тому сто лѣтъ, въ итальянскихъ провинціальныхъ монастыряхъ введенъ былъ строгій уставъ; между прочимъ было принято также привѣтствовать другъ друга словами „*memeto mori*“ и конаетъ себя могилу. Но это практиковалось не долго, такъ какъ противъ этого высказался главный капитулъ траппистовъ. Въ Италіи обычай этотъ сохранялся непродолжительное время и нынѣ вывелся околчательно. Но и теперь на всѣхъ монастырскихъ кладбищахъ всегда есть начатая могила, долженствующая напоминать каждому монаху, что быть можетъ въ ней онъ скоро успокоится.

Игумень монастыря единственное лицо, могущее, въ случаѣ надобности, нарушить обѣтъ молчанія. Аббатъ или пріоръ принимаетъ и прислуживаетъ гостямъ, завѣдываетъ корреспонденціей, распоряжается работами и назначаетъ наказанія за нарушеніе устава или монастырскаго порядка. Наказанія состоятъ въ уменьшеніи или лишеніи провинившагося пищи на одинъ или нѣсколько дней, или его присуждаютъ вымаливать пищу у братьевъ, или обѣдать сидя или стоя на колѣняхъ, или, наконецъ, ложиться на землю предъ церковью или столовой, и всѣ братья должны переступить черезъ него.

Стихотворенія.

I.

Бушевали кругомъ насъ порывы
Вѣтра буйнаго; громъ грохоталъ.
Воды сѣдыхъ, безнощадныхъ приливы
Грудью каменный моль отражалъ.
Мы надолго, навѣки прощались...
Грустный мигъ!.. Безъ надеждъ впереди,
Руки съ болью, тоскливо сжимались
Горю тяжкое ныло въ груди.
„Будь счастлива!“ шепталъ я тоскливо;
„Счастлива будь!“ отвѣчала ты мнѣ...

И стонали лишь вѣтра порывы
Эхомъ горестныхъ словъ въ вышнѣй...

II.

Безвѣдно небо. Почъ темна.
Вдали, какъ звѣрь, бушуетъ море
И величавая волна
Гуляетъ грозно на просторѣ.
Душа сомнѣвными полна;
Надъ ней, какъ ночь, нависло горе...
И счастья мигъ—привѣтъ небесъ,—
Какъ солнца лучъ, во тьмѣ исчезъ.

А. Заг-инъ.

Къ рисункамъ.

Свѣтлое Христово Воскресеніе въ деревнѣ.

(Рис. на стр. 276 и 277).

Съ обычною мѣткостью и вѣрностью русской жизни изобразилъ нашъ художникъ сцену въ избѣ зажиточнаго крестьянина, въ деревнѣ, на первый день праздника. Въ обширной избѣ все уставлено на столѣ—куличи, и пасха, и яйца. Священникъ, приглашенный въ качествѣ гостя, благословляетъ трапезу, присту-

ная къ ней вѣдетъ съ хозяевами, которые молятся на образа. Домашніе всѣ заняты своимъ дѣломъ. Дѣтки уже начали катанье красныхъ яицъ по лубку и движеніе этихъ круглыхъ красныхъ предметовъ возбуждаетъ любопытство и пристальное вниманіе большой кошки, которая не прочь поиграть съ ними лапкой. Женщины заняты уборкой и стряпней и разряжены по праздничному. Къ одной изъ нихъ подходитъ христосоваться два молодыхъ парня—солдатикъ, пришедшій на побывку, и дру-

гой молодецъ, который за спиной, готовясь христосоваться, держитъ красное яичко. Молодуха смѣется. А въ избу набрались нищѣ, которыхъ въ такой великій праздникъ никакъ не обойдетъ щедрое подаяніе.

Древній пасхальный обычай.

(Рис. на стр. 281).

Здѣсь изображена сцена весьма странная—именно, обливание водой небывшихъ у Свѣтлой заутрени, сцена, которую те-

за морскимъ заливомъ Эй, въ прибрежныхъ деревняхъ и мѣстечкахъ Запдлаандскихъ, въ Саардамѣ, Когѣ, Ость-Заленѣ, Вестъ-Заленѣ и другихъ, процвѣтало обширное кораблестроеніе съ дѣятельною торговлею. Тамъ существовало не менѣе 50-ти частныхъ верфей, на которыхъ работа производилась днемъ и ночью, и суда строились съ такою быстротою, что въ пять недѣль посѣввалъ корабль, готовый выйти въ море. Голландскіе плотники, работавшіе въ Москвѣ и Архангельскѣ и пользовавшіеся довѣріемъ и милостію молодого царя, успѣли убѣдить

Изъ альбома художника. Гречанна. Ориг. рис. Милевского, грав. Ангереръ.

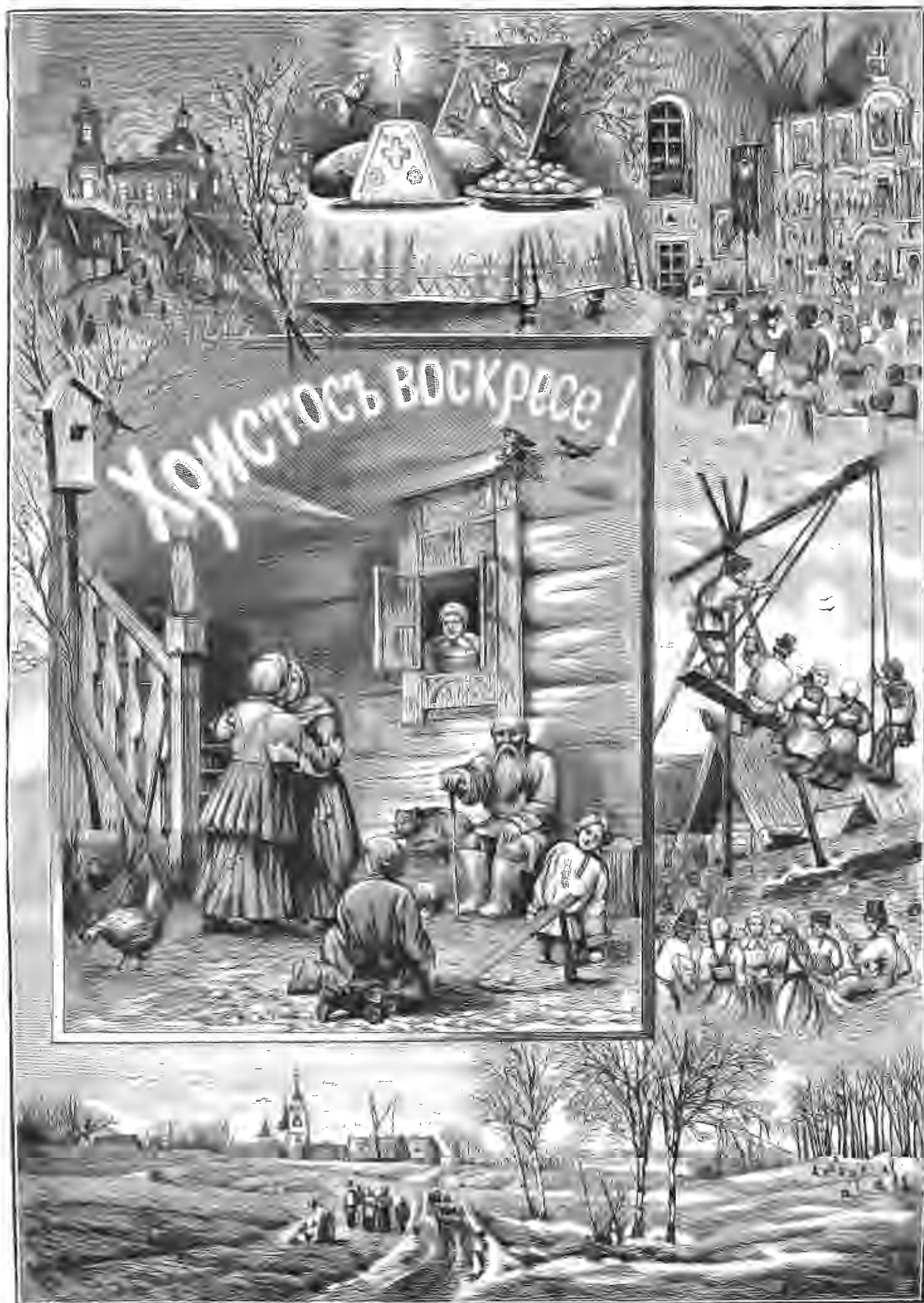
перь разумѣется пидѣ видѣть нельзя, но которая имѣла мѣсто въ донетровской Руси. Свидѣтельство объ этомъ странномъ обычаѣ есть для насъ въ указѣ Св. Синода даже отъ 1721 г.: „Понеже вѣдомо учинилось, что въ Россійскомъ Государствѣ происходитъ отъ невѣждъ нѣкоторое непотребство, а именно: во всю святую свѣтлую седмицу Пасхи, ежели кто не бываетъ у утрени, такового, яко бы штрафуя, обливаютъ водою и въ рѣкахъ и прудахъ купають; и хотя сіе дѣлають себѣ будто бы за забаву праздничную, однако отъ той суетной забавы дѣлается тщета“. Такимъ образомъ этотъ странный обычай, который въ это еще холодное время года могъ быть и вреденъ для здоровья купаемаго, былъ въ свое время прекращенъ и теперь о немъ осталось лишь смутное воспоминаніе.

Петръ Великій въ Саардамѣ.

(Рис. на стр. 284).

Въ концѣ XVII столѣтія, къ сѣверо-западу отъ Амстердама,

его, что пидѣ нельзя такъ хорошо выучиться кораблестроенію, какъ въ Саардамѣ; и вотъ, въ 1697 году, Петръ съ небольшою свитой отправляется въ Голландію, минуетъ Амстердамъ и спѣшитъ на верфи Саардама. При самомъ вѣздѣ въ городъ онъ встрѣчаетъ стараго знакомаго, кузнеца, бывшаго въ Москвѣ, Герита Киста, который едва узнаетъ царя въ одеждѣ голландскаго плотника, въ красной фризовой курткѣ, въ бѣлыхъ холщевыхъ шароварахъ, съ лакированной шляпой на головѣ. Царь, объяснивъ Гериту причину своего прѣзда, беретъ съ него слово, что онъ никому не откроетъ присутствія русскаго царя въ Саардамѣ и, кромѣ того, убѣждаетъ Киста уступить ему свое скромное жилище—маленькій домикъ въ западной части Саардама на Кримпѣ. Въ этомъ то домикѣ, сдѣлавшемся вносѣдствіи историческимъ, Петръ прожилъ цѣлую недѣлю, т. е. все то время, когда онъ работалъ на верфи Липста Рогге, подъ именемъ Петра Михайлова. Убѣдившись, что въ Саардамѣ строятъ лишь маленькія суда, и что кораблестроеніе знаютъ тамъ лишь практически, Петръ черезъ недѣлю переселился въ

Христосъ Воскресе! Ориг. рис. А. Васнецова, грав. Флюгель.

Амстердамъ, гдѣ и работалъ цѣлые четыре мѣсяца на верфяхъ ость-ландской компаніи. Время отъ времени царь все-таки посѣщалъ свой домикъ въ Саардамѣ и заходилъ къ кое-кому изъ своихъ саардамскихъ знакомыхъ, среди которыхъ онъ пользовался такой искренней и глубокой привязанностью. Какъ въ Саардамѣ, такъ и въ Амстердамѣ Петръ почти все время былъ посвященъ упорному труду; порабатывъ на верфи, неутомимый царь принимался за другія занятія—занятія государственныя: каждая почта приносила ему груду бумагъ изъ Москвы. И здѣсь на рисункѣ мы видимъ какъ онъ занятый сидитъ у стола, говоря о дѣлахъ съ однимъ изъ приближенныхъ. Царь отвѣчалъ на всѣ письма съ первою отходившею почтою; если же не успѣвалъ, то просилъ на это не сѣтовать, такъ какъ, писалъ онъ къ Виніусу, „иное за недосугомъ, иное за отлучкою, не исправилъ“. Письма, посланныя имъ во время пребывания въ Голландіи, самаго разнообразнаго содержанія. Они ярко свидѣтельствуютъ, что, окруженный толпою простыхъ рабочихъ, обтесывавъ бревна и доски и прилаживая корабельныя снасти, царь все-таки зорко слѣдилъ за всѣми современными дѣлами Европы, часто предавался думамъ о дорогой ему Россіи, и возвратившись съ верфи, въ часъ досуга и ночной тишины, торопливо и кратко, но всегда сильно и рѣзко, изъяснялъ московскимъ властямъ свои виды, желанія и надежды.

Кошка завтракаетъ.

(Рис. на стр. 285).

Пелезя не любоваться прелестнымъ выраженіемъ этихъ милыхъ личикъ дѣтей, повязывающихъ салфетку своей кошечкѣ передъ завтракомъ, чтобы она не запачкала бѣлую шерстку своей машинки. Особенно миль этотъ внимательный и наивный взглядъ младшаго малютки. Кошка зажмурила глаза и ей видимо вовсе не такъ весело какъ дѣткамъ, и едва ли она видитъ необходимость въ такой салфеткѣ. Она и безъ того очень чистоплотна и предпочла бы позавтракать безъ такихъ приспособленій, которыя ей только будутъ мѣшать.

Изъ альбома художника „Гречанка“.

(Рис. на стр. 288).

Молодой художникъ г. Милевскій передалъ намъ нѣсколько очень милыхъ головокъ, этюдовъ изъ своего альбома. Одинъ изъ этихъ этюдовъ—типъ гречанки, мы здѣсь помѣщаемъ. Чистота линий, спокойствіе и правильность очертаній, такъ восхищающія насъ въ художественныхъ изображеніяхъ древней Греціи—еще сохранились и у современной греческой красавицы, особенно на островахъ, гдѣ чистота тина составляетъ болѣе частое явленіе, чѣмъ на материкѣ и въ городахъ.

Христось Воскресе!

(Рис. на стр. 289).

Христось Воскресе! Великій всерадостный праздник! Торжество изъ торществъ и праздниковъ Праздникъ! И наша Русь съиздревле праздновала его радостно и торжественно. Пасха у всѣхъ христіанскихъ народовъ день самый веселый: праздникъ весны и пробужденія природы, соединяется здѣсь съ великимъ религиознымъ торжествомъ и даетъ ему особую прелесть и обаятельность. Природа въ это время, по народному убѣжденію, какъ бы радуется дню Воскресенія Спасителя и выражаетъ эту радость въ необычайныхъ явленіяхъ. Предки наши были вполнѣ увѣрены, что въ Свѣтлое Воскресенье вспыхивающій утренній зарі на востокъ бываетъ краснѣе, розовѣе, нежели въ другіе дни, и что солнце при своемъ восхожденіи трещитъ, играетъ... Въ старину и на колокольняхъ, и на горахъ, и вообще на высокихъ мѣстахъ уже задолго до зарі стояли набожные зрители, чтобы полюбоваться этимъ чуднымъ и таинственнымъ явленіемъ. Народное празднованіе Пасхи въ древнее время мало чѣмъ разнилось отъ празднованія нашего времени, изображеннаго на нашемъ рисункѣ. Также какъ и теперь простой русскій человѣкъ считалъ за грѣхъ ложиться спать въ ночь, предшествующую Великому дню; шелъ къ заутрени и, возвра-

тись, радостными словами „Христось Воскресе!“ поздравлялъ своихъ домашнихъ. Являлись куличи и пасхи, изображенные въ верхней части рисунка, затѣмъ христосованіе, дѣтки уже начинаютъ на унитѣ катать красныя яички, и дѣдушка старикъ, вернувшись отъ великой Заутрени, отдыхаетъ на завалинкѣ. Справа молодежь уже веселится около качелей въ ясный день, а внизу видно какъ по подмерзшему утренничку возвращаются изъ церкви, скользя иногда и падая въ полутьмѣ на скользкихъ, подмерзшихъ лужахъ.

Замокъ Кронборгъ.

(Рис. на стр. 292).

Въ самомъ узкомъ мѣстѣ Зундскаго пролива, гдѣ Нѣмецкое море вливается свои воды въ воды Категата, противъ шведскаго города Гельзингборга стоитъ замокъ Кронборгъ. Онъ былъ построенъ въ то время, когда Швеція впервые завязала борьбу со своимъ датскимъ сосѣдомъ, владѣвшимъ южными провинціями Поною и Готландомъ, борьбу, кончившуюся для Швеціи неудачей и признаніемъ верховной власти Даніи надъ названными провинціями и Норвегіей. Король датскій Фридрихъ II, пользовавшійся славою мудраго правителя, выстроилъ въ 1574—75 году на сѣверномъ берегу Зеландіи, на островѣ Гофію, въ стилѣ возрожденія, романтической замокъ Кронборгъ, который долженъ былъ преградить неприятельскому флоту доступъ въ Зундъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи замокъ вынесъ первое испытаніе во время борьбы со шведами, которые, подъ предводительствомъ Карла X, завладѣли имъ и расположеннымъ за нимъ городомъ Гельзингборгомъ въ 1658 г., хотя первоначально и были отброшены голландскимъ флотомъ. Въ 1660 году и городъ и замокъ снова перешли къ Даніи. Своєю извѣстностью всему образованному міру замокъ этотъ обязанъ великому Шекспиру, который въ знаменитой трагедіи „Гамлетъ“ дѣлаетъ замокъ этотъ сценою изображенныхъ событій. На террасѣ этого замка съ моря, какъ извѣстно, появляется тѣнь отца принца Гамлета. Въ сосѣднемъ морскомъ купаньѣ Маріенлигъ по настоящее время показываютъ могилу принца Гамлета. Это высокая груда массивныхъ береговыхъ камней. Прежде указывали въ нѣсколькихъ мѣстахъ могилу Гамлета.

Теперь замокъ этотъ служитъ казармой; въ немъ сохранилась еще хорошая картинная галлерей и богато украшенная небольшая церковь съ древними надписями. Для туристовъ замокъ представляетъ еще интересъ по превосходнымъ видамъ на море, открывающимся изъ его оконъ, частью съ такъ называемой флаговой башни (на правой сторонѣ рисунка) и частью съ сѣверозападной башни съ плоскою крышею.

Ратуша въ Геререфордѣ.

(Рис. на стр. 293).

Въ графствѣ Геререфордъ въ Англіи сохранилось много остатковъ средневѣковыхъ зданій, которыя теперь, къ сожалѣнію, совершенно исчезаютъ, уступая мѣсто новымъ постройкамъ. Старая Геререфордская ратуша не существуетъ болѣе въ первоначальномъ видѣ, между тѣмъ это было одно изъ замѣчательнѣйшихъ по своеобразности, оригинальнѣйшихъ громаднѣхъ зданій, построенныхъ въ срединѣ XVI столѣтія. Ратуша стояла, для сохраненія мѣста, на 27 столбахъ, соединенныхъ группами по девяти колоннъ. На фундаментѣ изъ кусковъ песчаника, возвышавшемся на нѣсколько футовъ надъ площадью рынка установлены были нѣдестали колоннъ. Такимъ образомъ внизу было свободное мѣсто для торговцевъ и ихъ лавочъ. Лѣстница на южной сторонѣ зданія вела въ первый этажъ, гдѣ, рядомъ съ большою залою, находилось много меньшихъ комнатъ для служащихъ. Во второмъ этажѣ было по восьми острыхъ фронтоновъ съ каждой стороны по двѣнадцать зданій и по три фронтона на поперечныхъ сторонахъ, кромѣ того крытые балкончики образовали выступы на четырехъ углахъ зданія. Надъ однимъ изъ среднихъ фронтоновъ поперечной стороны возвышалась двухъэтажная восьмьюгловая башенка. Внутреннія стѣны этого прекраснаго и оригинальнаго зданія состояли изъ балокъ, украшенныхъ разнообразной рѣзною работою.

Политическое обозрѣніе

Англія.—Египеть.—Тонкинъ.—Американскіе Соединенные Штаты.—Италія.—Японія.

Въ Лондонѣ недавно происходило, подъ предѣлительствомъ лорда-мэра, засѣданіе гордоповскаго комитета, образовавшагося съ цѣлью почитать память злополучнаго Хартума какимъ либо полезнымъ, благотворительнымъ учрежденіемъ. Въ этомъ первомъ засѣданіи было принято единогласно рѣшеніе, одобряющее проектъ, построить въ Портъ-Саидѣ международный госпиталь, мѣсто для котораго уступаетъ компанія Суэскаго канала. Госпиталь будетъ называться „Гордоповскимъ“. Кромѣ того для увѣковѣченія памяти защитника Хартума будутъ воздвигнуты статуя и монументъ.

Военныя силы отряда Граама, стоящаго подъ Суакимомъ, уже начали довольно успѣшно свои дѣйствія противъ скопищъ Османа-Дигмы. 20-го марта, выступивъ изъ лагеря, они заняли

вершины нѣсколькихъ холмовъ и прогнали неприятеля съ высоты, изолированной возвышенности. Неприятельскій отрядъ, состоявшій изъ 4,000 человѣкъ, отступилъ въ Тамай. Позіціи Османа-Дигмы были заняты. Неприятель понесъ значительныя потери. Полученныя въ Корти извѣстія подтверждаютъ распространявшійся слухъ о успѣху въ Кордофанѣ возстанія противъ лжепророка, и объ умерщвленіи тамошняго эмира, набравшаго для Махди солдатъ. Въ англійскомъ штабѣ уже составляется планъ относительно будущей осенней кампаніи. Англичане предполагаютъ устроить нѣсколько желѣзно-конныхъ дорогъ, для обхода цороговъ затрудняющихъ имъ путь по Нилу. Военное начальство сдѣлало распоряженіе о закупкѣ большого количества верблюдовъ. Жары становятся уже невыносимыми, но пока положеніе раненыхъ въ походныхъ лаза-

ретахъ еще довольно сносно. Англійскія власти въ Египтѣ рѣшились на весьма важную мѣру, арестовавъ донагольскаго мурдыра, не безъ основанія навлекшаго на себя подозрѣніе своими двуличнымъ поведеніемъ, обличавшимъ въ немъ тайнаго предателя и единомышленника Махди. Зеберъ-паша со всѣмъ своимъ семействомъ былъ доставленъ въ Александрію и затѣмъ отвезенъ на островъ Кипръ. Вслѣдъ за Зеберомъ-пашею были арестованы еще четыре египтянина, довольно извѣстныхъ по своему общественному положенію, сочувствовавшихъ народному движенію въ періодъ дѣятельности Араби-паша и принявшихъ, по общему предположенію, участіе въ суданскомъ мятежѣ.

Полученныя въ Парижѣ телеграммы сообщали, что генералъ Бриеръ де Лиль отдалъ приказаніе находящимся въ его распоряженіи канонерскимъ лодкамъ, занять Пакой, — весьма важный торговый пунктъ на Тонкинскомъ заливѣ. Съ занятіемъ этого города неизбежно пострадаютъ интересы англичанъ, такъ какъ Пакой издавна ведетъ дѣятельную торговлю съ Гонгъ-Конгомъ. Генералъ Бриеръ де Лиль приказалъ занять Пакой, въ виду того соображенія, что китайцамъ доставилось отсюда продовольствіе; съ занятіемъ же этого пункта прекратится всякое его сообщеніе съ внутренними рынками Китая. Энергія французскаго главнокомандующаго не пропадетъ даромъ. По извѣстіямъ „Сѣверо-германской газеты“, китайцы начинаютъ замѣтно склоняться въ пользу возстановленія мирныхъ переговоровъ съ Франціей.

Въ Нью-Йоркѣ 4-го происходило великое торжество. Въ этотъ день послѣ полудня Гроверъ Клевелендъ вступилъ торжественно въ должность президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Его политическое прошлое и блестящіе результаты его обществен-

ной дѣятельности, — все это расползалося каждому американцу привѣтствовать его съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ. Когда онъ прибылъ съ эстрешнымъ поѣздомъ изъ Алабаши въ Вашингтонъ, то лишь въ первый разъ въ своей жизни увидѣлъ передъ собою главный городъ Соединенныхъ Штатовъ. Клевелендъ избѣгалъ посѣщать Вашингтонъ, и неоднократно повторялъ, что не заглянетъ въ него до тѣхъ поръ, пока не представится ему уважительный къ тому поводъ. Въ настоящую минуту этотъ поводъ ему представился. Въ присутствіи болѣе ста тысячъ человѣкъ, тѣснившихся на площади передъ Капитоліемъ и въ прилегающихъ къ ней улицахъ, новый президентъ принялъ установленную присягу, и, затѣмъ, съ балкона Капитолія прочелъ свою вступительную рѣчь. Въ процессіи, прослѣдовавшей по главнѣйшимъ улицамъ Вашингтона, участвовало болѣе 25 тысячъ человѣкъ регулярныхъ войскъ, милиціи и депутатовъ, прибывшихъ съ разныхъ концовъ великой заатлантической республики.

Итальянская печать продолжаетъ настаивать на необходимости приобрѣтенія Триполиса и доказываетъ, что триполійская область находится въ связи съ Суданомъ, и что возстаніе Махди можетъ быть всего скорѣе и уснѣшнѣе подавлено отсюда.

Въ Японіи существуетъ сильное возмущеніе противъ Китая, по случаю послѣднихъ событій въ Корей, въ которыхъ Китай долженъ былъ признать свое соучастіе. Въ Токио всерьезно возмущеніе при крикахъ „война съ Китаемъ“. Японская печать настроена весьма воинственно. Она требуетъ отпущенія за обиду, нанесенную японскому посольству въ Сеулѣ. Возмущеніе настолько сильно, что даже увлекаетъ правительстве войти въ союзъ съ Франціей. Оно производитъ усиленные работы въ арсеналахъ, и объявило призывъ въ армію волонтеровъ, которые являются массами.

С М Ъ С Ъ .

Нѣкоторыя птицы отличаются замѣчательнымъ обжорствомъ. Дроздъ съѣдаетъ въ одинъ разъ такую массу большихъ улитокъ, которая соответствуетъ тому, еслибъ человѣкъ съѣлъ цѣлую заднюю ногу быка. Красношейка также чрезвычайно прожорлива; вычислено, что ей нужно такое количество животной пищи, которая равналась бы дождевому червю въ 14 футовъ длины. Если сравнить всѣхъ человѣка съ вѣсомъ красношейки и предположить, что онъ на столько же прожорливъ, какъ названная птица, то ему нужна была бы въ день колбаса толщиной въ 9 дюймовъ и длиной въ 27 футовъ.

Наперстокъ. Что такое наперстокъ — извѣстно, конечно, каждому; но едва ли кто знаетъ имя его изобрѣтателя, а между тѣмъ онъ неоспоримо имѣетъ право на безсмертіе. Наперстокъ изобрѣтенъ голландскимъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ Николаемъ ванъ Беншотенъ и служилъ первоначально предметомъ роскоши. Теперь же онъ является въ каждой семьѣ предметомъ первой необходимости и безъ него обойтись также невозможно, какъ и безъ голода.

Волосы. Парикмахеры въ Марселіи, изготовляющіе ежегодно 25,000 шиньоновъ для дамъ и нѣсколько тысячъ мужскихъ париковъ, находятся въ страшномъ затрудненіи. Ожидаемые корабли изъ Китая хотя и прибыли, но безъ обычнаго своего груза китайскихъ волосъ. До настоящаго времени Китай снабжалъ Европу волосами. Въ 1882 году ввезено во Францію 70,758 килограммовъ (1 килор. = 2 1/2 фунтамъ), а въ 1883 году 124,715 килор. китайскихъ волосъ. Война съ Китаемъ затруднила торговлю этимъ предметомъ, а между тѣмъ въ Европѣ нѣтъ столько волосъ, сколько требуется; при томъ китайцы доставляли товаръ очень дешево, по 10—12 франковъ за килограммъ. Хотя китайскіе волосы не такъ красивы, какъ волосы съ сѣвера Франціи, но послѣдніе такъ дороги, что доступны только дамамъ очень состоятельнымъ. Коса въ 80 сантиметровъ длины бретонской или нормандской красавицы стоитъ 1,000 франковъ, а цѣна за килограммъ сѣдыхъ волосъ изъ этихъ провинцій достигаетъ невѣроятной цифры въ 25,000 франковъ. Англичане и германцы, волосы которыхъ могутъ соперничать съ французскими, оставляютъ свой товаръ для потребностей своихъ странъ, такимъ образомъ у французскихъ парикмахеровъ остается одна надежда на Италію, откуда въ послѣдніе годы привозилось въ Марсель среднимъ числомъ до 22,000 килограммовъ этого рѣдкаго товара.

Тоннель подъ рѣкою Мерсей. Изъ Лондона пишутъ: Въ средній новооткрытый тоннель подъ Мерсеемъ, Ливерпуль и Биркенгедъ, въ лицѣ своихъ моровъ, подали себѣ руки. Затѣмъ каждый изъ обоихъ господъ, въ сопровожденіи своей свиты, продолжали ходъ на противоположный конецъ тоннеля и церемонія закончилась. Тоннель соединяетъ Ливерпуль съ Биркенгедомъ и чрезъ этотъ послѣдній съ цѣлымъ сѣвернымъ Валлисомъ; Биркенгедъ же соединяется со всею желѣзно-дорожною сѣтью, оапанчивающеюся въ Ливерпуль. Предположенная чрезъ тоннель желѣзная дорога еще не уложена и будетъ окончена не ранѣе половины іюня. Исторія этого громаднаго сооруженія полна разочарованій и неудачныхъ попытокъ; въ іюнь исполнится 19 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ прешель первый билль о сооруженіи тоннеля. Прошло десять лѣтъ, въ теченіи которыхъ было сдѣлано очень мало или почти ничего, пока наконецъ въ 1880 году, по почину Исаака, не образовалось новое общество, примѣнившее къ дѣлу новыя машины и счастливо его окончившее.

Фотографическій снимокъ при лунѣ. Въ Берлинѣ, общее вниманіе лицъ спеціально заинтересованныхъ привлечено снятой 26-го января при лунѣ фотографіей, которая показывалась въ по-

слѣднемъ засѣданіи общества споспѣшествованія фотографіи. Присутствовавшіе заявляли, что имъ не приходилось еще видѣть такого удачнаго снимка при лунѣ. Нужно замѣтить, что сниманіе продолжалось 2 1/2 часа. Фотографія воспроизводитъ домикъ у колодезя астро-физической обсерваторіи въ Потсдамѣ съ такою точностію всѣхъ мелочей, что производитъ впечатлѣніе фотографіи снятой днемъ.

Самая дорогая книга въ свѣтѣ. Самую дорогою книгою въ свѣтѣ должна считаться книга „Psalmorum Codex“, напечатанная въ типографіи Фауста и Шеффера въ 1449 году. Эту книгу недавно купилъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ лондонскихъ кресовъ Кваритчъ, большой любитель древностей. Онъ заплатилъ за нее 4,950 ф. стерлинговъ (почти 50 т. рублей). Владѣлецъ этой рѣдкой книги намѣренъ показывать ее публикѣ и полученный за входные билеты сборъ употребить въ пользу бѣдныхъ.

Товарищество водолазовъ. Вильямъ Финсъ, родившійся въ 1650 году, былъ одинъ и самыхъ замѣчательнѣйшихъ и предпринимчивыхъ людей своего времени въ Сѣверной Америкѣ. Отецъ его былъ кузнецомъ, самъ же онъ еще въ юности сталъ изучать мастерство корабельнаго плотника. Впослѣдствіи онъ занялся приключеніемъ на практикѣ водолазнаго колодезя и заданъ геніальной мыслью извлечь изъ глубины морской грузъ серебра, утонувшаго съ испанскимъ кораблемъ близъ острова Гаити. Проектъ свой Финсъ предоставилъ королю Карлу II и сумѣлъ описать монарху въ такихъ соблазнительныхъ и яркихъ краскахъ ту выгоду, которую можно ожидать отъ предпріятія, что Карлъ II далъ ему не только корабль, но и необходимые для приведенія въ исполненіе его плановъ денежные средства. Полный самыхъ свѣтлыхъ надеждъ, отправился Финсъ въ 1683 году въ Вестъ-Индію и началъ тамъ свои работы. Но онъ не привелъ къ желанному результату и, послѣ ряда тщетныхъ усилій, Финсъ долженъ былъ пуститься въ обратный путь и вернуться въ Англію совершенномъ бѣдникомъ. Эта первая неудачная попытка однако не охладила энтузіазмъ энергичнаго молодого человѣка: онъ попрежнему былъ убѣжденъ въ возможности выполненія своего плана. Онъ вновь обратился съ просьбой о кораблѣ къ королю Якову II, вступившему на престолъ послѣ Карла II; но молодой монархъ не выказалъ ни малѣйшаго сочувствія проекту Финса и наотрѣзъ отказалъ молодому американцу. Тогда Финсъ сталъ требовать собрать необходимые средства посредствомъ составленія компаніи на акціяхъ. Но и здѣсь онъ потерялъ сначала полную неудачу, такъ какъ никто не рѣшился дать деньги на такое рискованное предпріятіе. Публика поднимала даже на смѣхъ проектъ Финса, считая его несбыточнымъ. Энергичный американецъ не оставлялъ однако-жъ своего намѣренія и въ концѣ концовъ добился-таки того, что составилъ товарищество. Ему удалось склонить къ предпріятію герцога Альбемара, сына знаменитаго генерала Монкъ, и когда тотъ внесъ значительную сумму, его примѣру послѣдовали другіе капиталисты, числомъ до 20 человѣкъ.

И вотъ, въ 1687 году, Финсъ во второй разъ отправился въ Гаити на кораблѣ въ 200 тоннъ. Сначала поиски водолазовъ не приводили ни къ какому результату, будто море не хотѣло разстаться со своими сокровищами. Упавшій духомъ предприниматель уже собирался отказаться отъ безплодныхъ трудовъ и отправиться домой, когда при послѣдней пробѣ счастье ему улыбнулось. Водолазы, которые безчисленное число разъ выходили изъ воды съ пустыми руками, вынули на этотъ разъ съ глубины 6—7 саженъ нѣсколько кусковъ

драгоценного металла. Ободренные духом предприниматели прилились с новыми силами за работу, которая привела к результатам, превышавшим самую смелую ожидания. Сокровища, добытые с морского дна и привезенные Финсом в Англию, представляли собой ценность в 300 тысяч фунтов стерлингов (3 милл. руб.). Из этого герцог Альбемарль, который внес самую крупную сумму на предприятие, получил 90 тысяч фунтов. Финс получил на свою долю 20 тысяч фунтов, а остальные деньги были разделены пропорционально между другими членами товарищества. Блестящий успех предприятия, которое прежде возбуждало только смех, обратил теперь на себя всеобщее внимание. В числе завистников

были еще в 1816 году. Оно задолго мысль принимать к себе на правах свободных граждан вольноотпущенных негров Америки и мало по малу цивилизовать Африку. В Англии и Америке нашлось довольно лиц, которые сочувственно отнеслись к этому великому делу и жертвовали крупные суммы на учреждение колонии. Республика Либерия получила законы, выработанные в Америке. Главными основами социально-политической жизни новой республики были следующие положения: все жители республики должны быть свободны и равноправны; правление страны находится в руках народа; рабство не должно быть терпимо ни в каком виде; гражданами могут быть только темнокожие и только граждане мо-

Замок Кронборгъ въ Дани. Рис. Гердъ, грав. О. Ротъ.

предпринимчивого американца были и приближенные короля, которые старались уговорить Якова II конфисковать корабль с драгоценным грузом за то, что будто бы Финс, прося содействия короля, недостаточно хорошо объяснил ему дело. Но Яков II оказался справедливым своих завистливых царедворцов и отклонил их предложение, находя, что Финс поступил совершенно правильно. Он, напротив того, выразил полное сочувствие счастливому руководителю водлазов и возвел его в рыцарское достоинство. Король не оставлял своим вниманием Финса; он и впоследствии занимал высокие посты и умер в 1693 году в Лондоне.

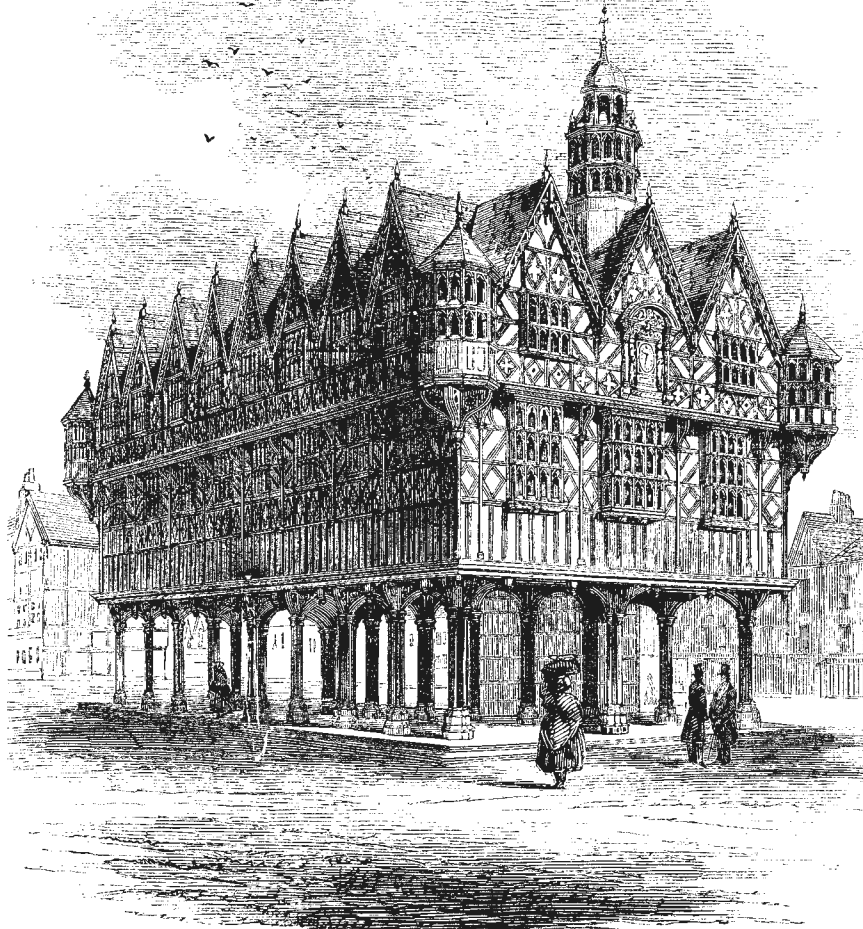
Республика Либерия. Эта, лежащая на западном берегу Африки колония, была основана стараниями американских аболиционистов (противников рабства), обществом, образовавшимся для этой

цели владеть землею. Республика управляется президентом, имет сенат, депутатов и все учреждения, какія существуют в других государствах. Надежды на быстрый успех в процветании Либерии однако не оправдались; страна управляется дурно и беспорядочно и живет дурно и в материальном отношении. Главный город республики—Монровия с 10 тыс. населения, очень беден и выглядит нищенски, старым и развалившимся. На улицах этой „столицы“ республики протоптаны дорожки для пешеходов и перейти с одной стороны на другую не представляется почти никакой возможности. Около домов всюду растут бурьяны, сорняки, трава, а по улицам бродят коровы, козы, овцы, свиньи и обезьяны. Офицеры-моряки, которым недавно пришлось быть в Либерии, находят, что дело, с которой была основана республика, вовсе

не достигнута и республиканское управление его сенатомъ и пр., что все это похоже на какую то народную учрежденія такого рода.

Рыбы пережевывающія жвачку. Доктор Сагемель сдѣлалъ новое биологическое открытіе, что есть рыбы, пережевывающія жвачку. Со времени Кювье было извѣстно, что одна порода рыбъ — *Scarus* снабжена съ обихъ сторонъ нижняго пище-приемника мышечными складками слизистой оболочки, которые до сего принимали за остатокъ отдѣлительной железы. Доктор Сагемель нашелъ, что эти сумочки служатъ только вмѣстилищемъ, въ которомъ нища, раздѣленная челюстными зубами, остается нѣкоторое время, затѣмъ пережевывается и готовится для принятія въ желудокъ. Въ этихъ сумкахъ Сагемель находилъ водоросли, части морского мху, иглы кремнистыхъ губокъ въ неизмѣнномъ видѣ, между тѣмъ какъ содержимое желудка представляло обычную желудочную кашку.

Новые часы. Въ магазинѣ Вальтера (Невскій пр. № 52), появились новые часы, показывающіе время отъ перваго часа, начиная съ полуночи, непрерывно до 24-хъ. Такъ напримѣръ,

Ратуша въ Герефордѣ. Рис. Гримсъ, грав. О. Ротъ.

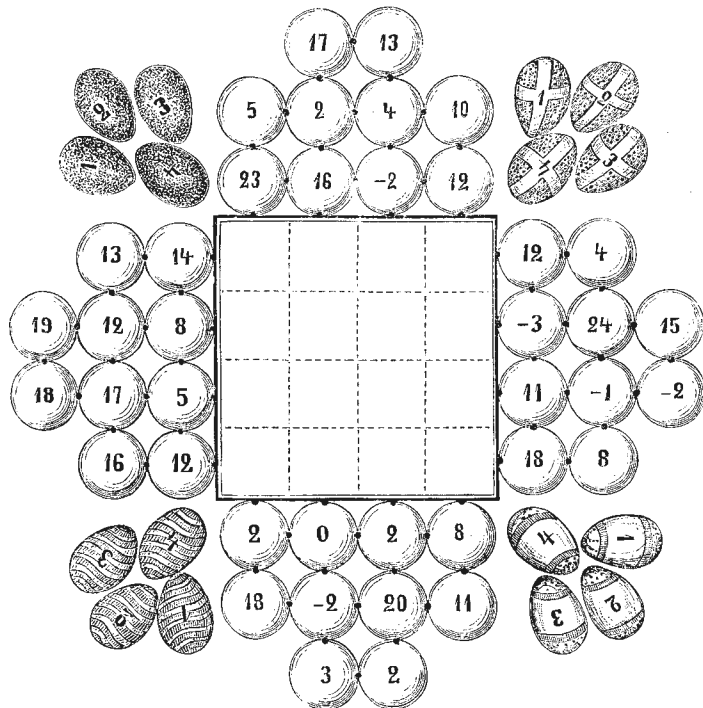
первый часъ въ полдень, обозначень числомъ 13 и 8 часовъ вечера—цифрой 20. Для удобства, вечерніе и ночные часы написаны бѣлою краскою по черному полю и наоборотъ, дневные часы—черною краскою по бѣлому полю. Въ Англии и Германіи рѣшились уже ввести такіе часы на железнодорожныхъ станціяхъ; такимъ образомъ уничтожится неудобное обозначеніе времени почтаго, утренняго, почтаго и вечерняго.

Международный комитетъ представителей торговаго права занялъ предварительными работами для конгресса объ объединеніи торговаго права. Этотъ конгрессъ долженъ состояться во время международной выставки въ Антверпенѣ и займется преимущественно тремя вопросами: о вѣселяхъ, условіяхъ транспорта и морскомъ правѣ.

Дерево вмѣсто хлѣба. Въ Штатѣ Нью-Йоркъ устроено много мельницъ, на которыхъ перерабатываются въ муку мягкія породы деревьевъ, именно тополь. Такая мука по виду не отличается отъ пшеничной. Въ настоящее время такая мука продается только для техническихъ цѣлей, а также тайно прибавляется подрядчиками въ муку, поставляемую американской арміи (!).

Пасхальная задача № 13.

Расположить яйца по клеткамъ квадрата такъ, чтобы ни въ горизонтальныхъ и вертикальныхъ столбцахъ, ни въ диагоналяхъ не находилось одинаковыхъ №№ и цвѣтовъ яицъ. Затѣмъ придать къ каждому числу шара число номера яйца, граничащаго съ тѣмъ же рядомъ шаровъ. Полученныя отъ приданія числа должны соответствовать буквамъ одной фразы.

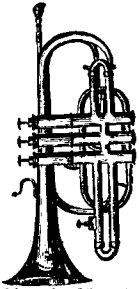
РЕБУСЪ. Задача № 14.

СОДЕРЖАНІЕ: Потроженное гнѣздо (съ рис.).—Кулисы. Повесть В. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе).—Черный вождь. Разказъ Георга Набля.—Траписты. Очеркъ Рува.—Стихотвореніе.—Свѣтлое Христово Воскресенье въ деревнѣ (съ рис.).—Древній пасхальный обычай (съ рис.).—Петръ Великій въ Саардамѣ (съ рис.).—Ноща завтракаетъ (съ рис.).—Изъ альбома художника „Гречанка“ (съ рис.).—Христосъ Воскресе!—(съ рис.).—Замокъ Иронборгъ (съ рис.).—Ратуша въ Герефордѣ (съ рис.).—Политич. обозрѣніе.—Смѣсь.—Пасхальная задача.—Робусъ.—Объявленія.

ПОЛЕЗНЫЕ ПОДАРКИ.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЫ

наилучших парижских фабрикантов и также своей фабрикации по 18 руб., 25 руб., 30 р., 40 руб., 50 руб., 60 р., 75 руб., 90 р. и 100 р. Школы для корнета по 1 руб. 50 коп., 4 руб. и 5 руб.

Альтгорны, баритоны, басы, вальторны, трубы, тромбоны, сигнальные рожки.

Флейты самой лучшей французской и вильской работы по 3 руб., 5 р., 7 р., 10 руб., 12 руб., 20 р., 30 р., 40 руб., 50 р., 60 р. и дороже.

Школы для флейты по 1 р. 50 к и 3 р. Пиколафлейты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р. и 15 руб.

КЛАРNETЫ

отъ лучших французских и вѣмецких мастеровъ по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 35 р., 40 р., 50 р., 60 р.

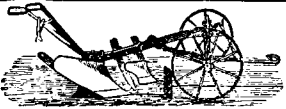
Школа для кларнета 4 руб.

Флажолеты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р.

Новый каталогъ нотъ для всѣхъ духовыхъ инструментовъ безплатно.

За пересылку прому прилагаетъ прибавительно. Заявки изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратно.

Юлий Генрихъ Циммерманъ.
Главное депо музыкальныхъ инструментовъ С.-Петербургъ, В. Морская, № 36, Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго. Р. № 3988 1-1

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К^о, СТРОИТЕЛИ

извѣстныхъ премированныхъ конныхъ молотилокъ, приводовъ, вѣлокъ, сортировокъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ, непрерывно дѣйствующихъ сѣяныхъ прессовъ, механическихъ зерносушилокъ, предлагающихъ отъ лучшихъ заграницныхъ заводовъ: Клейтона и Шулесорта—паровыя молотилки съ локлобильями, Ман-Нормина, сѣянокоилки, жней, и сноповязалки, Стодарда—тарелочныя бороны Рандала и конныя грабли Тигерта и запасныя части ко всѣмъ машинамъ.

Фабрика и Главная контора въ Москвѣ, Масляницкая улица, собств. домъ, бывш. Вр. Бутычовъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная улица. № 3991 13-1

Иллюстрированные каталоги безплатно.

Ко дню тысячелѣтня блаженной кончины Св. Меодія. 6-го Апрѣля 1885 года.

ГИМНЪ

Святѣмъ Кириллу и Меодію, Пресвѣтителямъ Славянъ.
Слова М. П. РОЗЕНГЕЙМА.
Музыка В. И. ГЛАВАЧА.

Гимнъ этотъ можно будетъ получать съ 12 марта отъ автора музыки, въ помѣщеніи С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, у Александринскаго театра, № 7 и во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ:

Для одного голоса и фортепіано, цѣна 40 коп. Для хора—партитура и четыре отдѣльные голоса, ц. 1 руб. Для одного женскаго или мужскаго хора, партитура, фортепіано и голоса, цѣна 1 руб. Ноты для каждаго голоса отдѣльно продаются по 10 коп. Пересылка по почте принимается авторомъ музыки на свой счетъ. Р. № 3986 1-1

Только что вышла изъ столичной печати книга (бол. фор. 370 стр.).

ОХОТНИЧЬИ РАЗСКАЗЫ

Ф. А. Арсенева.
Изданіе 2-ое, пополненное восемью новыми разсказами.
Цѣна 2 р. 50 к.
Книга продается въ Петербургѣ и въ Москвѣ у книгопродавца Нарбаснинова, у автора въ г. Устисловскѣ и въ складѣ изданія въ г. Вологдѣ у Николая Николаевича Маншеева. № 3943 3-3
Вышесказанное изъ склада—за пересылку ничего не платитъ и вѣсто денегъ могутъ присылать почтовыя марки.

ИКОНЫ Св. КИРИЛЛА и МЕОДІА,

подобныя изображеніямъ святыхъ первоучителей Славянскихъ, приложеннымъ къ ихъ жизнеописаніямъ, изданнымъ ко дню тысячелѣтня блаженной кончины св. Меодія С.-Петербургскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ, изготовлены Академикомъ М. О. Микѣшинымъ на деревянныхъ доскахъ, въ размѣрѣ 6 1/2 X 10 квадратныхъ дюймовъ.

Желающіе могутъ приобрести иконы св. Кирилла и Меодія нынѣ же по одному рублю. За укупорку св. иконъ слѣдуетъ прилагать къ ихъ стоимости по 5 коп. за каждую. Деньги за пересылку св. иконъ по почте слѣдуетъ высылать по расчету разстоянія отъ С.-Петербурга: за пересылку одной иконы—за два фунта, двухъ иконъ—за три фунта, трехъ иконъ—за четыре фунта и т. д.

Желающіе получить иконы св. Кирилла и Меодія благоволятъ обращаться съ требованіями о высылкѣ ихъ по почте, по слѣдующему адресу: Академику Михаилу Осиповичу Микѣшину, въ помѣщеніи С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, на площади Александринскаго театра, № 7, гдѣ иконы эти приобретаются изъ склада безъ укупорки. № 3926 4-4

НАСТОЯЩИЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ,

развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цѣмбиковъ ТОРГОВАГО ДОМА **„БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“**

Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.
ПРОДАЖА ОНТОМЪ и въ РОЗНИЦУ.
И. № 3947 Прейсъ-курранты высылаются безплатно. 16-3

Ф. К. КЕЛЛЕРЪ.

12, Пантелеймоновская, 12.

Симъ имѣю честь довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что въ моемъ магазинѣ всѣ отдѣленія вполнѣ и богато обставлены для наступающаго дачнаго сезона, а именно въ хозяйственномъ отдѣленіи, гдѣ могу предложить множество новѣйшихъ предметовъ по весьма дѣловымъ цѣнамъ. Погорно прошу обратить вниманіе на поименованный нижеслѣдующій списокъ товаровъ и при требованіи вспомнить мѣсяцъ.

Отдѣленіе хозяйственныхъ предметовъ:
Столовые и чайныя сервизы, рюмки, стаканы, графинъ, чашки, молочники, чашки для молока, сливочники, сахарницы, намы для фруктовъ, колпаки для сыра, масленицы, масленички, миски, платяныя, судки, вабаре, пенныя кружки, бокалы, чайницы, банки, корзины для хлѣба, подносы, самовары, кофевники, утюги, мѣдная, желѣзно-тужевая, эмалированная кухонная посуда, ножи и вилки, ложки, машинки для мяса, машинки для мороженого, рыбные котлы, ведра, умывальные столы съ приборами, биде, ванны, клеветы, деревянная кухонная посуда, горшки для цвѣтовъ, и множество другихъ необходимыхъ предметовъ, также фильтры изъ роинскаго камня, необходимы какъ для дачи, такъ и для города, отъ 1 р. 50 к., вѣские стулья.

Отдѣленіе обуви:
Огромный выборъ обуви специально для дачи, по 10 коп., шведскій кортопы и гвозди для обивки стѣлъ, асфальтовая шапка, и изолиръ-картопы, розетки, бордюры, багеты, ситры весьма красивыхъ цѣмбиковъ.

Отдѣленіе лампъ:
Лампы въ большомъ выборѣ изъ металла, стекла и фарфора, люстры и канделябры, подсвѣчники, приборы для письменнаго стола и куренія изъ бронзы, желѣза и композицій, разнообразнаа китайскія произведенія, лампы, фонари и множество другихъ предметовъ.

Кто желаетъ купить дешево и быть добросовѣстно удовлетворенъ, того прошу обратить вниманіе на мой магазинъ. № 3992

Ф. К. КЕЛЛЕРЪ.
Пантелеймоновская, д. 12.

ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА ОПЕРА ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА МУЗЫКА П. ЧАЙКОВСКАГО

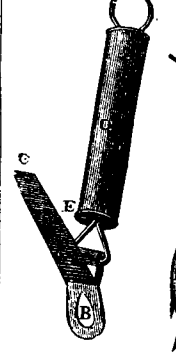
Изданіе для пѣнія 6 р.—к.
Изданіе для фортепіано въ 2 руки 3 "—
Изданіе для фортепіано въ 4 руки 8 "—

Отдѣльные номера для пѣнія:
Понурри въ 2 и 4 руки 1 р. 25 к. и 1 р. 50 к.
Понурри для скрипки съ фортепіано 1 " 25 "
Paraphrase de Concert p. Gabst 1 " 50 "
Paraphrase de Concert p. facilitée 1 " 20 "
Polonaise par Tr. Liszt. 1 " 25 "
Mazurka par A. Herzberg " 40 "
Valse dansante par F. Büchner " 70 "
Valse tirée del op. 2 mains 4 ms.

Москва, у П. ЮРГЕНСОНА НЕГЛИННЫЙ ПР. 10

С.-Петербургъ, у П. Юргенсона, Б. Морская, 9.

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСКАТЕЛЪ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,

одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ применимъ во всякое время года и для всякой рыбы: захватитъ гравіи, крабвины и блесну. Устроень такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючокъ механически задвѣвается за цѣпку. Способъ употребленія при каждомъ вземилрѣ. П. 60 к. На пе есылку отъ 1 до 6 прибалываетъ 40 к. Единственный складъ у П. Ф. Каратаева, Невскій пр., Милыотинъ

рѣдъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.
Полный иллюстриров. въ краскахъ преісъ-куррантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается за 5 семи-копѣчныхъ марокъ.
Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 к.; вышесказаніе подскатель прибавляетъ за микроскопъ только 20 к. № 3989 1-1

СКЛАДЪ СМАЗОЧНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ В. П. ГАННЕМАНЪ

въ С.-Петербургѣ, на Вознесенскомъ просп., № 15-45. Продажа по оптовымъ цѣнамъ.
Минеральное масло для машинъ.
Вазелинъ для паровыхъ цилиндровъ.
Мазь для деревян. и желѣзн. осей.
Копытная мазь. Кожевенная мазь.
Парижская вакса фабрики Жако.
Мазь для болотныхъ сапоговъ.
Бумага для чистки металловъ.
Прейсъ-курранты высылаются безплатно.

С.Петербургская Химическая Лабораторія

Фабрика парфюмерныхъ издѣлій.

На каждомъ предметѣ требовать фабричное клеймо:
Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.Петербургская Химическая Лабораторія“ ЯИЦА ИЗЪ МЫЛА

прозрачныя и непрозрачныя.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ХРУСТАЛЬНЫХЪ и БРОНЗОВЫХЪ ЯИЦЪ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ.
БЕЗВРЕДНАЯ
КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ
разрѣшена С.-Петербургскимъ Врачебнымъ Управленіемъ.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

- ВЪ С.ПЕТЕРБУРГѢ: 1, Невскій проспектъ, домъ №82. Каплицеская церковь.
- 2, Невскій проспектъ, домъ №66 у Анничкина моста.
- 3, Вознесенскій проспектъ, домъ №13-54. Шредера.
- ВЪ МОСКВѢ: 1, Кузнецкій мостъ, домъ Третьяковскихъ.

Контора и оптовый складъ въ зданіи фабрики въ С.Петербургѣ
Нзмайловскій проспектъ, 21.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КИХИД

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 21 (прот. Бол. Конюшенной), предлагаетъ свои услуги по покупкѣ и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховыхъ, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ банковъ по покупкѣ и продажѣ иностранныхъ монетъ и векселей, по залогоу и перезалогоу цѣнныхъ бумагъ на срокъ или до востребованія (on call) и по всѣмъ другимъ, касающимся банковскаго дѣла, порученіямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью за самое умѣренное вознагражденіе.

СТРАХОВАНІЕ СОРОКЪ КОП.

выигранныхъ билетовъ отъ предстоящаго тиража погашенія по страховой квитанціи высылаются по почте на счетъ конторы, безъ всякой доплаты.

ПРОДАНА 5% БИЛЕТОВЪ

и II Государственныхъ внутреннихъ съ выигрыш. займовъ съ разсрочною платжею производится конторою на слѣд. условіяхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ, остальные сумма уплачивается ежемѣсячными взносами, по опредѣленію самаго покупателя, однакожь не менѣе **ПЯТИ РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ.**
Со дня внесенія задатка всѣмъ выигрышъ, который падаетъ на проданный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю. Р. № 3971

АРГОЗИЙ-ПОДТЯЖКИ
 съ пересылкою 2 р. 25 к.
 Оптовая и розничная продажа.
 Складъ резинов. товаровъ
Конст. МАЛЬМЪ,
 Большая Морская № 36.
 По Воскресеньямъ закрытъ.
 № 3922 5-5

Н. П. ДАНИНЪ,
 КОММИССИОНЕРЪ ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ
 въ Москвѣ,
 у Москворѣцкаго моста, собственный домъ,
 удостоенный высочайшей благодарности,
 двухъ привилегій и многихъ наградъ на все-
 российскихъ и иностранныхъ выставкахъ,
 въ томъ числѣ новой, высшей награды на
 Одесской выставкѣ 1884 года: почетный
 дипломъ съ правомъ ходатайства на на-
 граждение

ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ,
 имѣетъ честь уведомить, что его приготавленія
 ягодныхъ и фруктовыхъ водъ,
 „Русское Шампанское ИМПЕРАТОРСКОЕ“
 и „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ“,
 находится въ продажѣ во всѣхъ городахъ
 Европейской Россіи, большей части городовъ
 Сибири, Закавказья, Царства Польскаго, Ве-
 ликого Княжества Финляндскаго и нашихъ по-
 выхъ владѣній въ Азіи, и что кромѣ того
 въ непродолжительномъ времени поступатъ
 въ продажу еще новыя четыре сорта Рус-
 скаго шампанскаго „ИМПЕРАТОРСКАГО“:
 1) ПОЛУ-СУХОЕ (Demi sec. «England» à la
 Clignot). 2) ОЧЕНЬ СУХОЕ (Extra sec. à la
 Pommery). 3) РОЗОВОЕ ГУСТОЕ (Oeil de
 Perdrix à la Roederer). 4) РОЗОВОЕ СВѢТ-
 ЛОЕ (à la Clignot). № 3946 5 3

Только подлинно съ этою фабрикою маркою.

„НЕ КАШЛЯЙ“
 Медо-Травяной Малино-Экстрактъ и Кон-
 фекты отъ А. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бре-
 славлѣ).

Признавъ за лучшее средство противъ
 кашля, мокроты, охриплости, страданій гор-
 ла и груди, начинали съ простаго катаръ
 до чахотки и противъ блѣдной немочи.
 Мы имѣемъ официальное благодарствен-
 ное письмо отъ № 3840 10-6
 Главнаго Управленія Общества Исаа-
 чаго Креста для вспоможенія больнымъ
 и раненымъ воинамъ въ С.-Петер-
 бургѣ.
 *) Цена: за бутылку 1 руб. 25 коп. и
 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп.
 Упаковка и пересылка считаются особо.
 Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ мага-
 зинахъ и аптекахъ Россіи.
 Главной складъ для Россіи въ С.-Петер-
 бургѣ у В. Ауриха, Б. Морск. 17.

ВНОВЬ ИЗОБРЕТЕННАЯ
 УНИВЕРСАЛЬН. ШВЕЙНАЯ МАШИНА
 Патентъ въ Россіи и за границей. Патентъ въ
 Европѣ. Изготовляетъ патентъ въ
 Америкѣ. Потличная АМЕРИКА
ЕУТИН Вышивки
 и въ ДРУГІЯ РАБОТЫ
 ПРОДАЖА съ РУЧАТЕЛЬСТВОМъ.
 ОБУЧЕНІЕ БЕЗПЛАТНО.
 Единственный Складъ
ГЕРМАНЪ ГЕССЕ СТЬБ.
 БОЛЬШ. САДОВАЯ № 16. УГОЛЬ
 ТОЛМАЗОВЪ ПЕР. ПРОТ. ГОСТИН. ДВОРА

4711
О-ДЕ-КОЛОНЪ.
 самаго высшаго качества, на всѣхъ
 всемирныхъ выставкахъ награжденъ
 только наивысшими преміями; мож-
 но имѣть во всѣхъ больш. парфюмерн.
 магазинахъ и торговляхъ аптекар-
 скихъ товаровъ. С. № 3728 18-6

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА
Ч. ГОФМАНА, СПБ., Больш. Дворянская ул., д. 26.
 Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ
 готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ — до самой изящной
 работы. Торговцамъ дѣлается уступка. № 3977

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ
 Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини
 Маріи Александровны, герцогини Эдинбургской,
БРОКАРЪ и К^о,
 въ Москвѣ.
ИЗОБРЕТАТЕЛИ
ЦВѢТЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА.
ПРЕДПОЧИТАЕМОЕ ПУБЛИКОЮ
ГЛИЦЕРИНО **ВОЕ МЫЛО.**
 St. № 3798 Прейсъ-курранты выданы бесплатно. 3-5

Ж. ВЛОХЪ.
 Москва, Кузнечій мостъ, д. Голыцина.
 С. Бургъ, Невск., № 16.
 Велосипеды для всякаго возраста и обою пола!!
 отъ 75 р. — 500 р.
 ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.
 Специальность для русскихъ дорогъ:
„РУССКІЙ КЛУБЪ.“
 Лучшій подарокъ
 ая гимнастика.
 ее средство передвиж.

ВЪНСКІЙ МАГАЗИНЪ ОБУВИ
 находящійся въ Пассажѣ Солодовникова, переведенъ до перестройки
 сгорѣвшаго Пассажа
ВЪ МАЙНЦСКІЙ МАГАЗИНЪ
 № 3905 № 34-35,
 рядомъ съ Малинъ Театромъ, въ Александровскій Пассажъ въ Москвѣ.
 Пользующийся во всѣхъ европейскихъ государствахъ заслуженною славой, бывшій на
 выставкахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ,

АНГЛІЙСКІЙ ХОЛСТЪ ПРОТИВЪ РЕВМАТИЗМА.
 Продается въ пакетахъ, съ описаніемъ употребленія, по 1 рублю; двой-
 ной силы, по 2 рубля.
 Знаменитый д-ръ Гуфеландъ говоритъ въ своихъ медицинск.
 сочиненіяхъ: „Есть двѣ болѣзни, противъ которыхъ медицина напрасно
 искала до сихъ поръ сильно-дѣйствующихъ лекарствъ: это — ревмати-
 ческая головная боль и подагра“; это средство нашлось въ употребленіи
 вышеозначеннаго холста противъ ревматизма.
 Продажа для всей Россіи настоящаго холста: въ С.-Петербургѣ, въ
 аптекарскомъ магазинѣ г. Оснаръ Гертхенъ, Казанская улица, д. № 37.
 На почтовые расходы прилагается 50 коп. Р. № 3974 3-2

ИМѢНІЕ **НОВЫЙ АЛЬБОМЪ**
 жол. куп. небольш., устр. съ зѣе, усад. на
 рѣкѣ или озерѣ, за наличн. деньги, безъ
 для салфеточекъ изъ узоровъ. Басни Кры-
 комис. Пред. адр. письм.: Забал. просп. дова. Цена 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. с.
 № 3953 3-3 У издателя А. А. Ботъ въ С.-Петербургѣ.

СПБургъ, Невскій пр., № 52,
 противъ Публич. Библиотеки
ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ,
 специалитъ хронометровъ
 и сложн. час. механизмовъ.
 Прейсъ-курранты по востреб.

ВСЯКАГО РОДА
СЪЯЛКИ, ПЛУГИ,
БОРОНЫ, КАТКИ
 и пр. земледѣльч. орудія предлагаются въ бо-
 гатѣйш. выборѣ № 3960 4-2
ТОВАРИЩЕСТВО
БУРКГАРТЪ И УРЛАУБЪ.
 С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линия,
 Москва, Мясницкал, д. Сытова.
 Иллюстриров. каталоги по востребованію.

НОВОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ.
 Ручн. и ножн. Зингеровскія швейныя машины,
 которыя кромѣ извѣстныхъ работъ выметы-
 вають петли, вышивають и шьютъ черезъ
 ирай. Подробный прейсъ-куррантъ и пробныя
 петли высылаются бесплатно. Р. № 3857 6-5
А. ШТЕЙНЪ
 С.-Петербургъ, Большая Морская № 26.

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія
 какъ не содерж. въ себѣ своей вредн.
 здор. веществъ
„МОЗОЛИНЪ“
 провизора Пинесь и К^о.
 Препосходное средство противъ мозо-
 лей 1 коробка 35 коп.
 Съ пересылкою 2 кор. 1 р. 20 к., 4 кор.
 2 р., 6 кор. 2 р. 50 к.
 Главной складъ для Россіи Л. Васовъ
 СПб. Петерб. Сторона, Большой пр. № 27.
 „Мозолинъ“ только провизора И. Пи-
 несъ и К^о. № 3841 10-10

38. ТРОИЦКІЙ ПЕР. 38.
 Прейсъ-куррантъ
 Троицкаго извѣдеша искусствен-
 ныхъ минер. водъ съ доставкою.
 Сифоны (сельтерской) по 10 к.
 25 бут. (или сод. воды) за 1 р. 13 „
 25 бут. лимонаду шипуч. 1 р. 75 „
 25 „ фруктов. и ягод. водъ. 2 р. 50 „
 25 „ ширософ. жел. водъ 1 р. 25 „
 Отправка за городъ авиц. въ 100 бут.
 Воды приготав. подъ наблюденіемъ магистра
 фармачіи. Р. № 3994 1-1
 Залогъ за сифонъ по 1 р., за бут. по 2 коп.

ЧЕРЕПОВСКІЯ
ГАРМОНИИ
 отъ 2 до 50 р., 20 сортовъ, предлагаетъ
 магазинъ учебныхъ пособій въ г. Череповцѣ
 Нов. губ. Прейсъ-куррантъ бесплатно. Ноты
 для гармоній (пѣсн. и танцъ), по нотной и
 цифирной системѣ, по 75 к. тетрадь. Само-
 учитель 1 руб. № 3987

КРЫМСКІЯ ВІНА
К. СКИРМУНТА
 № 3980 ВЪ МОСКВѢ. 2-1
 Покровка, д. Миндера.

Въ Москвѣ: у Мамонтова, (Суворина и др.
 Въ СПБургѣ: у Деріена, продается
НОВАЯ КНИГА:
Предохранительный скотолечебникъ.
 Руководство къ правильному содержанію и
 предохраненію дом. жив. отъ заразныхъ и
 одиочныхъ болѣзней, для сельск. хозяевъ.
 Сост. ветеринарн. врачъ Л. Юбомудровъ.
 Складъ у автора въ г. Коломнѣ. Ц. 1 руб.
 Выписывающіе отъ автора за пересылку не
 платятъ. № 3979

ИЩУТЬ
 въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго
 знанія для продажн, съ разсрочкою
 платежей, 5-проц. съ выигрышами биле-
 товъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обра-
 щаться письменно въ с.-петербургскіи
 централн. контору объявленій, Невскій
 пр., № 8, подъ лит. В. Р. № 3528

Полезный подарокъ на ПАСХУ.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу **НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:**

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ.

(Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковн. и Домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.)

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.

П. П. ГНѢДИЧА.

Издание А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой красивый томъ, in quarto, болѣе 500 стран. убористаго шрифта, въ 2 столбца, съ 430-ю превосходно исполненными гравюрами и рисунками въ тексты.

ЦѢНА: брошюр. 6 р., съ пер. 7 р.; въ роскош. коленкор. переплетѣ, тисненнымъ золот. и 3-мя красками, 7 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Появленіе предлагаемой книги было встрѣчено весьма сочувственными и лестными отзывами столичной прессы. Очень обстоятельные разборы были напечатаны слѣдующими періодич. изданіями: „Правительств. Вѣстникъ“ (№ 57), „СПБ—скія Вѣдомости“ (№ 68), „Художественный журналъ“ (за мартъ мѣсяцъ), „Биржевыя Вѣдомости“ (№ 45), „Петербургскій Листокъ“ (№ 69), „St.-Petersburger Herald“ (№ 69), „Петербургская Газета“ (№ 71).

„Правительственный Вѣстникъ“ объ этомъ изданіи говоритъ слѣдующее:

„На русскомъ языкѣ есть нѣсколько сочиненій по исторіи изящныхъ искусствъ, но это все переводы иностранныхъ изданій. При несомнѣнныхъ достоинствахъ, они не удовлетворяютъ русскаго читателя тѣмъ, что въ нихъ обыкновенно дается слишкомъ широкое мѣсто художественнымъ созданіямъ того народа, къ которому принадлежитъ авторъ, и при этомъ болѣе или менѣе служиваея значеніе въ искусствѣ другихъ, столько же важныхъ въ этомъ отношеніи націй. Наконецъ, еще болѣе крупный недостатокъ этихъ пересаженныхъ на нашу почву изданій состоитъ въ томъ, что въ нихъ или совсѣмъ опускается исторія русскаго искусства или, какъ-бы только ради приличія, ей отводится нѣсколько тощихъ страницъ, по которымъ нельзя составить понятія ни о нашихъ историческихъ памятникахъ, ни о нашей художественной школѣ. Понятно поэтому, какъ было желательно появленіе въ русской литературѣ самостоятельнаго сочиненія по исторіи изящныхъ искусствъ, въ которомъ были бы устранены такіе существенные недостатки. Первую попытку къ удовлетворенію этой, давно уже сознаваемой, потребности представляетъ появившееся на дняхъ сочиненіе г. Гнѣдича, въ роскошно иллюстрированномъ изданіи г. Маркса. Цель этого изданія—представить въ живомъ и сжатомъ изложеніи, поясняемомъ массою рисунковъ, картину общаго хода развитія всѣхъ отраслей искусствъ съ первыхъ ихъ памятниковъ до нашего времени. Книга начинается введеніемъ, въ которомъ авторъ даетъ понятіе о первыхъ шагахъ человѣка въ области пластическаго искусства и знакомитъ читателя съ основными законами эстетики. Затѣмъ, въ двѣнадцати главахъ, имѣющихъ характеръ отдѣльныхъ монографій, но связанныхъ однимъ руководящимъ взглядомъ, представляется развитіе и значеніе искусства въ Египтѣ, Индіи, Китаѣ и западной Азіи, въ Греціи и Римѣ, въ эпоху древне-христіанскую и подъ вліяніемъ магометанства, въ Россіи и въ западной Европѣ. Въ заключеніи характеризуются особенно выдающіяся въ накомъ-нибудь отношеніи произведенія новѣйшихъ и современныхъ художниковъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскіхъ. При изложеніи хода архитектуры, скульп-

туры и живописи у древнихъ и новыхъ народовъ, авторъ не пмѣлъ въ виду строго-научной цѣли и по возможности избѣгалъ сухой техники и спеціальной терминологіи: его задача была дать сочиненіе общедоступное, которое бы ясно и наглядно знакомило съ историческимъ развитіемъ человѣческой дѣятельности во всѣ вѣка и по всѣмъ родамъ искусства. Все это онъ представляетъ въ непосредственной связи съ религіозными вѣрованіями народа, съ его государственнымъ и общественнымъ бытомъ, съ культурой и нравственными воззрѣніями. Г. Гнѣдичъ хорошо знакомъ съ источниками по своему предмету и сумѣлъ воспользоваться ими для составленія книги, которая читается съ такою же пользою, какъ и съ удовольствіемъ. Русскому искусству посвящено въ сочиненіи два отдѣла: въ одномъ находится историческій очеркъ развитія у насъ зодчества и живописи и описаніе сохранившихся древнихъ памятниковъ въ Кіевѣ, Владимірѣ, Суздальѣ, Москвѣ; въ другомъ отдѣлѣ показана наша новая художественная школа по всѣмъ отраслямъ искусства, причемъ представлены характеристики всѣхъ, сколько нибудь выдающихся ея представителей. При этомъ авторъ не придерживается воззрѣній одной какой нибудь партіи, а относится съ одинаковымъ безпристрастіемъ къ дарованіямъ самыхъ противоположныхъ направленій. И это происходитъ не отъ отсутствія опредѣленнаго убѣжденія, а отъ желанія отдалить справедливость таланту, каковъ бы ни былъ избранный имъ путь. Многочисленные, прекрасно исполненные рисунки даютъ возможность наглядно познакомиться съ замѣчательнѣйшими явленіями древняго и новаго искусства въ Россіи. Вообще, художественная сторона отличается такою же полнотою, какъ и литературная; при каждомъ отдѣлѣ сочиненія текстъ поясняется гравюрами. Виды замѣчательныхъ зданій, рисунки съ картинъ знаменитыхъ мастеровъ, даже чертежи костюмовъ разныхъ эпохъ—все это служитъ украшеніемъ сочиненія. Можно сказать, что это одно изъ лучшихъ иллюстрированныхъ изданій, какія только появлялись въ Россіи.

„Петербургскій Листокъ“, перечисляя внутреннія и внѣшнія достоинства книги, въ заключеніе говоритъ:

„Впредь до появленія болѣе обстоятельнаго труда по исторіи искусства, мы можемъ смѣло рекомендовать для семейнаго чтенія разобранную нами книгу, авторъ которой, не вдаваясь въ строго-научную опіику памятниковъ пластическихъ искусствъ, сумѣлъ тѣмъ не менѣе дать рядъ интереснѣйшихъ очерковъ изъ исторіи одной изъ выдающихся сторонъ дѣятельности человѣческаго духа. Прекрасное изложеніе также составляетъ не малое достоинство труда П. Гнѣдича; въ воображеніи читателя рисуются не педантически мертвые, а живые

образы, онъ видитъ характерныя черты жизни древняго и средневѣковаго міра, нравы и обычаи, нашедшіе себѣ выраженіе въ произведеніяхъ искусства того времени. Не мало страницъ въ этой книгѣ посвящено также исторіи моды, начиная отъ старой простоты Эллады, переходя черезъ безобразіе моды эпохи первой революціи и кончая модами 1884 года.

Книга П. Гнѣдича можетъ служить въ качествѣ прекраснаго и разумаго подарка къ предстоящимъ праздникамъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 2-ое ИЗДАНИЕ

ПРЕДПРИЯТОЕ НА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПОЖЕРТВОВАНІЯ ПУБЛИКИ, ВНЕСЕННЫЯ ПРИ ПЕРВОМЪ ИЗДАНІИ

Альбома рисунковъ художника † В. С. ШПАКА

въ пользу осиротѣвшей единственной его дочери.

Число подписчиковъ на изданный нами „Альбомъ въ пользу семейства художника В. С. Шпакъ“ значительно превысило количество напечатанныхъ экземпляровъ и до настоящаго времени все еще продолжаютъ получать требованія на альбомъ. Въ виду неудобства обратной отсылки денегъ и желанія удовлетворить эти многочисленныя требованія лицъ, опоздавшихъ съ подпиской, мы приступили ко второму изданію „Альбома“, на которое и открывается **ВНОВЬ ПОДПИСКА.** Это изданіе будетъ напечатано на такой-же бумагѣ, также тщательно и изящно, какъ и первое изданіе, *вызываетъ самую лестную одобренію какъ публики, такъ и прессы,* и выйдетъ въ скоромъ времени, а потому желающихъ подписаться просимъ поспѣшить со своими заявленіями. Цѣна „Альбома“ въ Петербургѣ 3 р., съ пересылкой 3 руб. 50 к. Подписка принимается въ прежнихъ мѣстахъ.

Издатели: А. Ф. Марксъ, издатель журнала „Нива“.

Германъ Корифельдъ, издатель журнала „Стрекоза“.

СПБ. мастерская учебныхъ пособій и игръ.

№ 3978

КЛАРКЪ и К^о

ВЪ ПЕЙСЛЕЙ.

Самая лучшая швейная бумага для машинной и ручной работъ.

Безъ „ЯКОРЯ“ не настоящая! № 3854

Куроводство САНКТЪ ИЛЬГЕНЬ въ Баденѣ.

Самое обширное заведеніе Германіи, поставляетъ испытанныя: григальдскіе аппараты для разведенія цыплятъ, маленкіе и большіе, а также другіе снаряды для разведенія и откармливанія куръ. Устройство подобныхъ заведеній, учебные курсы, разсылка цыплятъ, продажа расовыхъ и отборныхъ птицъ. Программа по желанію. Дирекція: О. Грюгальдъ, А. Вестфелінгеръ. Н. № 3849

ПРОТИВЪ СЪДИНЫ.

Жидкость, возвращающая съдѣмъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ. Флаконъ 3 р., пересылка 1 р. Гороховая улица, д. 57. Магазины: парикмахерская Ивановой.

Дозволено цензурою. СПБ. 20 марта 1885 г.

Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяческая ул., д. № 1.

Изданіе А. Ф. Маркса въ СЛБургѣ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XVI годъ
№ 13

годъ XVI
1885

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выданъ 30 Марта 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕВЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/2 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
60 к. Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ
контору объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровская Торгов. линія. 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говьихъ домовъ принимаются
для иногр. по 5 р. съ тыся-
чи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМЪ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

Н. А. Сѣверцовъ.

Въ ночь на 28-е января утонуть въ Донѣ нашъ извѣстный ученый Николай Алексѣевичъ Сѣверцовъ. Отправляясь въ Воронежъ вмѣстѣ со своимъ сосѣдомъ по имѣнію, онъ поѣхалъ по рѣкѣ Дону до ближайшей станицы воронежско-ростовской желѣзной дороги. Лиски, по едва отъѣхали подторы версты, какъ вся тройка вмѣстѣ съ линейкою и сѣдоками провалилась въ полынью; тройка и линейка потонули, а сѣдоки начали биться въ водѣ. Дѣло происходило въ 10 часовъ ночи; кучеръ первый справился съ волнами и успѣлъ вытащить обонихъ. Погода была холодная и сильный вѣтеръ. Больше всѣхъ ослабѣлъ Сѣверцовъ, еще въ шестидесятихъ годахъ изрубленный туркменскими саблями, но какимъ-то чудомъ оставшейся въ живыхъ даже и тогда, когда его на арканѣ, истекающаго кровью, тащили въ плывъ. Генералъ-майоръ В. М. С—скій и кучеръ, трясись отъ холода и про-

Н. А. Сѣверцовъ † 27 Янв. По фотогр. Шереръ и Набогольцъ, грав. Ю. Барановскій.

моклие до костей, пытались тащить обезсилѣвшаго старика, но ноги отказывались служить знаменитому путешественнику, и Сѣверцовъ просилъ оставить его среди стени до пригона лошадей съ хутора, но векорѣ прискакавшіе съ хутора люди нашли уже окоченѣвшій трупъ, и никакія принятія мѣры не могли возвратить замерзшему старику жизнь.
Послѣ Н. А. Сѣверцова осталась замѣчательная коллекція птицъ, оцѣниваемая свыше 50 тысячъ.
Николай Алексѣевичъ Сѣверцовъ род. въ 1825 году. Онъ поступилъ на естественное отдѣленіе московскаго университета и окончилъ курсъ кандидатомъ въ 1847 году. Затѣмъ, черезъ восемь лѣтъ, онъ выдержалъ установленный экзаменъ, защищая диссертацию — *Періодическія явленія въ жизни змѣрей, птицъ и гадовъ Воронежской губерніи* (М. 1855) и получилъ степень магистра зоологіи. Императорская академія наукъ обратила вниманіе на молодого ученаго: съ 29-го января

1857 года она откомандировала его къ рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ для зоологическихъ изслѣдованій и особенно для наблюдений надъ свойствами такъ называемаго континентальнаго климата. При этихъ ученыхъ розыскахъ съ молодымъ русскимъ зоологомъ случился печальный эпизодъ: зайдя слишкомъ далеко въ киргизскую степь, онъ былъ окруженъ партией кокапцевъ, захваченъ ими въ плѣнъ и только черезъ мѣсяцъ получилъ свободу. О такомъ несчастномъ приключеніи сохранились любопытныя свѣдѣнія въ статьяхъ „Русскаго Вѣстника“ (1858) и собственныя воспоминанія Сѣверцова, напечатанныя отдѣльно. По возвращеніи изъ путешествія, г. Сѣверцовъ началъ помѣщать замѣчательныя статьи въ періодическихъ изданіяхъ, какъ напримѣръ: *Нѣсколько словъ объ акклиматизации животныхъ, Зоологическая этнографія, Объ усовершен-*

ствованіи путей сообщенія въ Оренбургскомъ краѣ, а потомъ выпустилъ въ свѣтъ слѣдующіе обширные труды: Орнитологія и орнитологическая географія Европейской и Азіатской Россіи (Спб. 1867), *Путешествіе по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня* (Спб. 1873), *Вертикальное и горизонтальное распределеніе туркестанскихъ животныхъ* (М. 1873). Одно изъ этихъ изслѣдованій, именно *Орнитологія*, доставило автору почетный дипломъ московскаго университета на степень доктора зоологіи (1868). Въ послѣднее же время покойный ученый рѣдко появлялся со своими печатными трудами: имъ помѣщены только двѣ статьи въ журналѣ „Природа“: *Аркары или горные бараны* и *О зоологическихъ, преимущественно орнитологическихъ областяхъ внѣтропическихъ частей нашего материка.*

Титанія^{*)}.

(Изъ Поля Лельёвра).

Переводъ Г. П. Данилевскаго.

I.

Въ вечерній часъ, подъ кровлею моею,
Когда шель снѣгъ и гаснула небосклопъ,
Я обогрѣлъ Титанію, ту фею,
Что обожалъ зеленый Оберонъ.

* *

Она ко мнѣ неожиданно постучалась:
„Скорѣй, скорѣй, поэтъ мой, отонри;
„Засыпалъ снѣгъ, безъ свиты я осталась...
„Скорѣй, скорѣй; мнѣ холодно, смотри!“

* *

Вошла,—въ углу, у очага, присѣла,—
Вся блѣдная, дрожа отъ выюги злой;
Блескъ комелька ея одеждой бѣлой
Игралъ, мерцающа тѣнью голубой.

* *

Митель, валя сугробы, грохотала
Безъ устали у моего окна...
„А я безъ свиты!“— мнѣ она сказала:
„И въ эту мглу, скиталась здѣсь одна!“

* *

„Ты пріютилъ меня, о, мой спаситель...
„Что хочешь взять на память встрѣчи той?
„Кольцо-ль, грядущаго провозвѣститель,
„Иль съ головы вѣнецъ мой золотой?“

* *

„Клянусь,—и что-бъ ни стоило мнѣ это—
„Я въ эту ночь внемлю твоей мольбѣ...
„О, говори, я слушаю поэта:
„Не славы ли желается тебѣ?“

II.

Я отвѣчалъ: „Ни славы мнѣ не надо,
„Ни съ русыхъ косъ короны золотой;
„Чтобъ память о тебѣ была усладой,
„Царица! я любви молю одной!“

* *

И голосъ мой звучалъ, въ истомѣ нѣжной;
Титанія, съ улыбкой, мнѣ въ отвѣтъ:

*) Переведенное здѣсь стихотвореніе „Титанія“ принадлежит молодому французскому поэту *Полю Лельёвру*, который скончался на 19 году жизни (17-го августа 1878 г.); онъ былъ другомъ известнаго поэта Франсуа Коппѣ.

„Это былъ возвышенный и привлекательный умъ — въ тѣлѣ слабомъ и болѣзненнои“—сказалъ о немъ Франсуа Коппѣ, въ надгробномъ словѣ.

Съ перваго знакомства, Поль Лельёвръ и Франсуа Коппѣ, не смотря на разность лѣтъ, стали друзьями. Шестнадцати лѣтъ, еще въ форменной одеждѣ коллегіи, Поль Лельёвръ однажды явился къ Коппѣ, со своими первыми опытами. Съ того времени, эти люди сблизились, проводя другъ съ другомъ долгіе часы, у камина, либо прогуливаясь по Парижу. Коппѣ сталъ повѣреннѣмъ задушевныхъ чувствъ и мечтаній своего молодого друга. Онъ плѣнялся возвышенностью его ума, широтою его познаній, богатствомъ воображенія, добротою сердца и привлекательною красотою его природы.

„Люби! зоветь тебя порывъ мятежный;

„Люби, о, мой возлюбленный поэтъ!

* *

„Въ цвѣтущій май, подъ вѣковою ивой,
„Ты у тропинки сядь, въ глуши лѣсной;
„Тамъ, съ урнами на плечахъ, горделиво
„Красавицы проходятъ, въ часъ ночной...“

* *

„И ты увидишь ту, о, мой мечтатель,
„Которой взглядъ, одинъ лишь взглядъ, въ груди
„Раздуетъ пламя, что вложилъ Создатель
„Въ тебя... Она тамъ будетъ, приходи!“

III.

И я присѣлъ, подъ вѣковою ивой,
Чтобъ у дороги видѣть, въ тѣмѣ лѣсной,
Какъ, съ урнами на плечахъ, горделиво
Красавицы проходятъ, въ часъ ночной.

* *

Во блескѣ звѣздъ тѣнь почи золотилась,
Все небо было сине и свѣтло;
Но сердце смутнымъ ожиданьемъ билось
И жаждой грудь пылающую жгло.

* *

И видѣлъ я, одна вслѣдъ за другою,
Онѣ въ лѣсу прошли отъ тихихъ водъ;
Ихъ лица были блѣдны, подъ луною,
И въ полный голосъ пѣлъ ихъ хороводъ.

* *

Ихъ свѣтлый гимнъ, какъ ихъ душа живая,
Изъ мрака къ небу звѣздному всходилъ;
И этотъ ропотъ женскій, улаждавая
Мнѣ сердце, духъ мой алчущій палилъ.

* *

Ночь на пролетъ, пока лишь, въ отдаленнѣ,
Мерцалъ послѣдней зорькой небосводъ,
Какъ призраки въ роскошномъ сновидѣннѣ,
Все шель и пѣлъ богинь тѣхъ хороводъ.

* *

И, молчаливъ, тоской снѣдаемъ бурной,
Все думалъ я: изъ бѣлокурыхъ фей,—
Которая, склонясь завѣтной урной
Къ моимъ устамъ, мнѣ тихо скажетъ: „пей!“

IV.

И въ тотъ желанный мигъ, когда въ безбрежной
И блѣдной выси сумрагъ утопалъ,
Въ мерцаннѣ разсвѣта—голосъ нѣжный
Раздался вдругъ, и я затрепеталъ.

* *

Услышалъ я рѣчь женщины прекрасной,
Казалось, рѣчь та съ высоты неслась;
Я ей внималъ, любовь волною страстной
Въ моей душѣ опять лилась, лилась!

* *

Былыхъ скорбей умчалась вереница,
Какъ тяжкій сонъ, и пробудился я...
Со мной была она, моя царица,
Влюбленная красавица моя!

* * *

О, пойте, пташки,—страсть пылаетъ снова;
О пойте, пойте! пѣть хочу я самъ...
Вы, ласточки—у зеркала рѣчюва,
Вы, зяблики, по хлѣбнымъ зеленымъ!

Она съ зарей пришла петеропливо,
Съ той стороны, гдѣ такъ Востокъ пылалъ;
Ея прихода я петерпѣливо,
Всю ночь, всю ночь, такъ страстно ожидалъ...

* * *

О, пойте, пташки! пламень жизни бурный
Мнѣ жаркимъ солнцемъ залилъ сердце вновь...
О, пойте, пойте! я изъ сладкой урны
Моей богини жадно пью любовь!

Кулисы.

Повѣсть.

Вас. И. Немировича-Данченко.

(Продолженіе).

V.

Первый мѣсяцъ.

Нина Борисовна устроилась. На другой день послѣ Аиды, она подписала свой ангажементъ на скромныхъ условіяхъ. Барсовъ убѣждалъ ее на первый разъ не гнаться за вознагражденіемъ. Сначала надо было установиться, она чувствовала себя совсѣмъ еще чужою на сценѣ. Къ ней относились какъ то свысока. Досуева, та просто не выносила ее. Изъ за этой дѣвчонки Барсовъ сталъ гораздо холоднѣе! Если онъ не разрывалъ съ нею совсѣмъ, то потому только, что былъ по горло ей долженъ. Досуева, не смотря на свою привязанность къ тенору, знала съ кѣмъ имѣетъ дѣло и заставляла его писать векселя со включеніемъ процентовъ. Татьяна Гавриловна въ дѣлахъ этого рода заткнула бы за поясъ даже Мандела. Лабазникъ-тятенька оставилъ ей въ наслѣдство значительную долю своихъ коммерческихъ способностей. Раевская тѣмъ не менѣе чувствовала, что она держится только однимъ Барсовымъ. Оставь онъ ее—и ее мигомъ затрутъ. Она никакъ не могла привыкнуть къ ами-кошонству закулиснаго міра. Когда Акуловъ пытался отечески поцѣловать ее, она, по его словамъ, фыркала и царапалась какъ кошка. Разъ Арчибальди обнялъ было ее проходя съ нею рядомъ по сценѣ, но она такъ толкнула безцеремоннаго баритона, что онъ вылетѣлъ сквозь кулису въ прорѣху, случившуюся весьма кстати... „Недотрога!“ шипѣла на нее Досуева. Лолошка какъ нарочно удвоила со всѣми любезность. Она и постороннимъ и своимъ жаловалась на Раевскую. Нина отбиваетъ у нея роли, изъ-за Нины она ничего не поетъ, Нинѣ покровительствуетъ Барсовъ, она „не хочетъ думать даже почему“, но Барсова всѣ боятся,—что же дѣлать ей бѣдной, беззащитной дѣвужкѣ. Настасья Васильевна Бабкина съ утра обѣдала и знакомыхъ и незнакомыхъ, обливаясь слезами. „Ахъ, милые вы мои, что же мы? мы люди смиренные, насъ обидѣть легко! И за что только эта Раевская возненавидѣла Лолошу... Она такъ противъ нея интригуетъ, такъ интригуетъ,—намъ житья нѣтъ... А гдѣ же намъ бороться, коли Барсовъ у нея съ утра до ночи... и Мандель тоже... Она ничего не хочетъ сказать этимъ—упаси Боже!.. А только вѣдь никто же даромъ помогать не станетъ. А ея Лолоша разумѣется не сдѣлаетъ карьеры... Лолоша не станетъ торговать собою...“ Жалобы Бабиной не остались безъ послѣдствій... Раевской начали уже шикать, но партеръ былъ за нее,—и пока она считала себя въ полной безопасности... Шли пока болѣе тяжелыя оскорбленія. Тенорокъ изъ семинаровъ Крестовоздвиженскій, по сценѣ почему то Кристіани, играя съ нею Фауста, безперемонно расцѣловалъ ее въ губы, а когда публикѣ это понравилось, то взявъ тутъ же да и повторилъ передъ семи-пудовыми кучками, рисуясь затынутыми въ голубое трико ногами и совершенно фатовски играя шпагой. Раевская жалова-

лась Барсову. „Что, васъ убѣло что ли отъ этого?—Какъ? И вы, вы это говорите?—Да я, вѣдь на сценѣ—не за кулисами же... Бросьте вы быть такой барышней... Не годится. По это все были очень мелкія огорченія, какъ облака по лѣтнему небу, они проходили быстро, не оставляя слѣда на чистой лазури. Жанъ Повиликинъ, котораго она нѣсколько разъ поила чаемъ (старательно моя потомъ руки отъ его поцѣлуевъ), настроилъ такой фельетонъ, что она думала даже обидѣться. Патти оказывалась жалкою хористкою рядомъ съ нею, Раевской. Что это? показала она Барсову.—Ну чѣмъ же вы недовольны! Въ слѣдующій разъ совѣтую поволить еще болѣе съ Повиликинымъ. Пусть старается...—Послушайте, да вѣдь это ложь...—Опять барышня... Ну вотъ что я вамъ скажу. Наша публика дура! понимаете? Что вотъ этакой Повиликинъ напишетъ, то она повторять будетъ... Поняли. Въ Петербургѣ и то своего мнѣнія нѣтъ. Тамъ тоже все за рецензентами идетъ. Только тамъ труднѣе. Тамъ рецензента инаго и не поймашь на эту удочку. Слѣдовательно нужно радоваться, что у насъ Повиликины завелись. Съ Повиликиными легче... Вы вонъ по-распросите-ко у Лолошки, что ей стоили отзывы того же Повиликина. Не разъ съ нимъ вмѣстѣ ужинала. Такъ это похуже цѣлованія рукъ.—Ну, ужъ! вздохнула Раевская... Мандель этотъ тоже ухаживаетъ... Все допрашиваетъ—когда же? Я не понимаю. —И не понимаете, улыбайтесь ободрительно—и только... На сценѣ надо все обѣщать. Исполненіе—оно обязательно только когда приятно... А обѣщайте все... Обѣщайте даже Манделю. Вы думаете онъ изъ любви къ искусству преподнеситъ букеты? Его на любовь не поймашь!.. Пусть питается надеждами на будущее.—Да вѣдь это же подло, Барсовъ.—Опять, что за глупое слово?.. Выгодно, выгодно—а не подло. Поняли?.. Вы вотъ Архаровцева швырнули въ кулису.—Какого Архаровцева?—Да Арчибальди нашего...—Развѣ онъ не итальянецъ.—Итальянецъ! Изъ Пошехонья... Выкрасилъ лысисомъ бороду въ черный цвѣтъ и сходить за неаполитанца! За что вы его обидѣли?—Онъ обнять меня хотѣлъ.—Велика важность! У насъ всѣ обнимаются. Тутъ ничего даже и нѣтъ... Товарищество!.. А въ немъ сильнаго врага нажили!.. Смотрите—это еще скажется!“

Въ концѣ концовъ, Раевская черезъ двѣ недѣли послѣ своего дебюта раззнакомилась со всѣмъ театромъ. Кромѣ своей уборной она не знала ничего. Разлетѣлся было къ ней режиссеръ. Зачѣмъ вы?—Посмотрѣть какъ вы одѣты! Не пустила. Повиликинъ, хваля ее, обругалъ режиссера, противъ котораго имѣлъ зубъ; режиссеръ по глупости вообразилъ, что это дѣло Нины Борисовны... Раевская—или не знала ничего этого или не хотѣла знать. Она жила дорогими ей оцущеніями на сценѣ. Она была еще въ упоеніи перваго успѣха и ей казалось, когда она поетъ, что толпа живетъ ею, что она царитъ надъ этими тысячами слушающихъ ее. Она еще

Охота во Франціи 300 л. назадъ. Съ картины В. Рейбера, гравир. Кнезингъ.

не спокойно относилась къ ролямъ и, въ ущербъ себѣ, часто плакала на подмосткахъ настоящими слезами. Она вся уходила въ свою роль—и за кулисами, измученная и потрясенная, старалась скорѣе прислонишься къ чему нибудь, чтобы не упасть, на потѣху товарищамъ. Что ей было за дѣло до нихъ? Она жила—вонь для тѣхъ, что тамъ, за рампой. Это море головъ, то волнующееся какъ въ бурю, то стихающее, чтобы сейчасъ разразиться громами рукоплесканій, это море, загадочное въ своихъ симпатіяхъ, выкупало все. Для этой минуты она жертвовала собою, да кромѣ того, она слишкомъ привязалась къ Барсову... Пока все еще было чисто между ними. Любовь ихъ не была осквернена. Ей было странно почему же онъ не кончаетъ? Она ждала предложе- нія, мечтала уѣхать съ нимъ въ тѣ блаженные уголки, которые какъ будто нарочно созданы природой на итальянскихъ озерахъ.

Но онъ молчалъ. Чего онъ ждалъ?

Ей было невдомекъ, что этотъ въ конецъ развратившійся на сценѣ, избалованный дешевыми побѣдами, низкопробный Донъ-Жуанъ, какъ огня боялся скандала. Онъ хотѣлъ чтобы сцена и ее заразила своимъ тлетворнымъ дыханіемъ. Пусть она сама кинется ему на шею—тогда онъ согласится взять ее безъ шума, безъ огласки. Онъ привыкъ любить воровски. Слишкомъ былъ связанъ своими старыми „компликаціями“, какъ онъ выражался. Одна Досуева висѣла у него на шеѣ какъ пудовикъ... Ему нельзя было явно отдаться любви и страсти. Да, пусть она сама отдастся ему, тогда онъ возьметъ ее... У нея не будетъ повода упрекнуть его,—она сама захотѣла этого, онъ только согласился, поддался ей. Были минуты когда она начинала его ненавидѣть, но это были только минуты. Оставаясь наединѣ съ нею, онъ смотрѣлъ на нее такими циническими глазами, что въ ней подымалось чувство брезгливости, отвращенія... Когда она, вся горя страстью, преданностью, съ нервною дрожью склонялась на плечо къ нему, Барсовъ вдругъ окидывалъ ее такимъ взглядомъ, что она порывисто срывалась съ мѣста и уходила. „Ничего, скоро привыкнете!“ разъ проговорился онъ, когда Нина Борисовна оттолкнула его руку...—Боюсь, никогда не привыкну... И какъ нарочно, именно въ эти мгновенія, передъ нею мелькалъ честный, теперь казанійскій идеальнымъ, образъ Кашинцева... Гдѣ онъ? Не подаль вѣсти о себѣ. И ей вдругъ становилось больно, больно... Неужели онъ забылъ ее... Неужели она потеряла его навсегда... Не можетъ быть... Да зачѣмъ онъ мнѣ! старалась опомниться Раевская... А рядомъ сидѣлъ Барсовъ—и сравненія были далеко не въ пользу счастливаго тенора.

Мандель до сумашествія ревновалъ Барсова.

Разъ онъ какъ то остановилъ его.

— Послушай, зачѣмъ ты ухаживаешь за Раевской. Она не можетъ быть твоей женой!.. Ты знаешь почему?

— А тебѣ что за дѣло, обезьяна! Ужь не ты-ли мнѣ помѣшались съ нею?

— Не ругайся. А только я чувствую большую влюбленность, тоже...

— Видишь, Мандель... Тебѣ ничего не удастся...

— Почему...

— А потому... Ну, а когда мнѣ она надоѣстъ, тогда... Ты знаешь, артисткѣ много нужно денегъ... Очень много... Устройвай ей оваціи... Тебѣ наплевать! Этимъ докажешь свою любовь. Я постоянно наблюдалъ на сценѣ. Имъ страшно труденъ первый шагъ, а разъ онъ сдѣланъ—внизъ, очертя голову... Что ты говоришь о женитьбѣ, я и не желалъ бы чтобы она вышла замужъ. Будетъ скверной женой или скверной артисткой... Одно изъ двухъ...

— Ну, а если я ей скажу... То? Знаешь? началъ было Соломонъ Иосифовичъ.

— Послушай, Мандель... Ты это видишь... И Барсовъ

безъ церемоній къ самому носу банкира поднесъ кулакъ. Ты меня знаешь. Клянусь тебѣ честью—публично избью.

Мандель съежился, постарался засмѣяться, но когда Барсовъ отошелъ отъ него въ сторону, онъ проводилъ его такимъ взглядомъ, что еслибы артистъ замѣтилъ его, у него съ лица разомъ сбѣжало бы выраженіе бахвальства и самонадѣянности. Барсовъ не настолько обросъ, чтобы въ немъ не говорила совѣсть. Иногда онъ задавался вопросомъ, что онъ дѣлаетъ? Куда онъ ведетъ Раевскую... Но сейчасъ же на помощь ему являлся цѣлый рядъ соображеній. Если она вышла бы замужъ даже за такого Паладина какъ Кашинцевъ,—не будетъ счастлива. Нина слишкомъ талантлива, чтобы ее не тянуло опять за кулисы. Въ ней для этого больше чѣмъ надо артисткѣ. Спокойная семейная жизнь, узкія рамки домашняго очага—не для нея. А настоящей артистки все таки не будетъ въ ней до тѣхъ поръ, пока она останется барышней. Пока, положимъ, у нея есть усѣхъ, ну а потомъ—не все же жить въ этомъ губернскомъ гнѣздѣ. Ей-то, съ ея голосомъ и наружностью... шире дороги—за границу, въ Парижъ, въ Лондонъ. А тамъ деньги нужны, ну а за ся добродѣтель ей не пошлютъ небеса столькохъ то тысячъ на паемъ кляки, столькохъ на уплату капельмейстеру, столькохъ на подкупъ фельетонистовъ. Опять же слишкомъ грубо быть съ дирижеромъ, съ директоромъ театра—нельзя, невозможно!.. Сама же мнѣ будетъ благодарна... Сцена и добродѣтель—двѣ вещи не совмѣстимыя... Чѣмъ скорѣе она разстанется со своими дворянскими взглядами—тѣмъ лучше. И вѣдь все онъ такъ: что изъ нихъ было пока онъ оставался чистыми дѣвушками, безукоризненными женами?.. Артистка должна быть безнравственна. Француженки—эти поняли раньше другихъ. Да и что ей въ самомъ дѣлѣ хоронить себя для одного кого нибудь, когда можетъ выбирать лучшихъ между лучшими...

— Разумѣется, сама же будетъ послѣ благодарить! рѣшалъ артистъ тревожившіе его совѣсть вопросы.—А упустить нельзя... Я еще не встрѣчалъ такихъ изящныхъ и красивыхъ...

И ему становилось неприятно, при одной мысли, что наконецъ эта чудная головка съ гордыми сѣрыми глазами и массой непокорныхъ золотыхъ волосъ склонится передъ нимъ. Что эти идеально сформированныя руки наконецъ обнимутъ его.

— Мое будетъ! самоувѣренно взбрасывалъ онъ всегда гриву черныхъ волосъ, въ которыхъ пробивались уже серебряныя нити...

Въ тотъ же вечеръ когда Барсовъ назвалъ Соломона Иосифовича обезьяной, этому „искусственнѣйшему“ изъ банкировъ случилось остаться на цѣлый актъ за кулисами. Онъ не пошелъ на свое мѣсто, застрявъ въ потемкахъ, среди цѣлаго лабиринта веревокъ, балокъ, свертковъ расписаннаго холста. Въ спину ему пестерпимо дуло отъ постоянно отворявшихся дверей въ уборныя хористовъ; сверху скрипѣлъ какой то громадный брусъ, грозя разбить голову... Мандель мужественно оставался на своемъ мѣстѣ, никѣмъ не видимый, но самъ видящій все. Его главнѣе образомъ приковало къ себѣ интереснѣешее tête-à-tête, котораго онъ совершенно неожиданно сдѣлался свидѣтелемъ.

Вблизи, очень близко, усталая, сѣла на диванъ Раевская. Головка Пины вся точно горѣла въ узкой полосѣ свѣта отъ боковой рампы. Онъ только одну ее и хватывалъ изъ окружающаго мрака. Около не было никого. Черезъ четверть часа, артистка должна была идти заканчивать актъ... Ей не хотѣлось подняться къ себѣ въ уборную и она присѣла здѣсь отдохнуть... Мандель жадно слѣдилъ какъ наклонилась ея голова. Грустное выраженіе ея глазъ тоже не ускользнуло отъ него... Соломонъ Иосифовичъ хотѣлъ уже подойти къ ней. Ему

стало жаль бѣдную дѣвушку, заброшенную въ этот шумный, чуждый ей мѣръ картошной природы, ходульных чувствъ, размалеванныхъ улыбокъ и притворныхъ слезъ. Онъ уже было направился къ ней, какъ вдругъ шагнулъ назадъ: около послышался голосъ Барсова. Вотъ онъ наклонился къ Раевской. Теперь только на эти двѣ головы и бросаетъ желтый свѣтъ свой боковая рампа... Золотые волосы одной съ черной гривой другого составляли такой красивый контрастъ... „Точно нарисовано!“ пробѣжало въ головѣ любопытнаго Манделя. Нѣсколько словъ долетѣли до него и заставили наострить уши.

— Вы, Нина, все мучитесь, все изводите себя! Полно, это скучно вѣдь прежде всего... Ну, о чемъ теперь?

— Тоска! У меня изъ головы не выходитъ эта проповѣдуемая вами свобода отношеній... Я на нее не пошла бы никогда, никогда! Быть одной изъ вашихъ любовницъ... Знать что я для васъ тоже, что и Досуева и другія... Послушайте... Такъ продолжать нельзя, слышите ли... Мое положеніе невыносимо... Такъ или иначе—пора кончить... Я все ждала... Вы знаете мои взгляды на это... Быть вашей женой!.. Я вся твоя, я люблю тебя!..

— Опять это „ты“... тихо поправилъ онъ.

— Да все равно... только скорѣе!.. Чего вы медлите.

— Я вамъ отдаю всю жизнь свою—вы толкуете о формальностяхъ.

— Перестаньте! Наконецъ я ставлю прямо вопросъ: когда наша свадьба?

Соломонъ Иосифовичъ съ злою радостью замѣтилъ какъ откинулась назадъ красивая голова Барсова...

— Вѣдь вы же ухаживали за мною не для того, чтобы развлечься отъ надоѣвшей вамъ Досуевой. Вы тысячу разъ повторяли мнѣ, что любите меня больше всего въ мѣрѣ... Я прямо ставлю вопросъ... Воровски пользоваться счастьемъ, прятаться отъ всѣхъ, соблюдать приличія—я считаю безнравственнымъ... Все, или ничего. Пойми!.. виновата—поймите... мнѣ невыносимо, душно...

Мандель до послѣдней степени напрягъ слухъ... Съ жадностью ждалъ онъ отвѣта...

— Погодите, Нина... Дайте устроить все... Есть еще кое что... кончить надо...

Соломонъ Иосифовичъ не нашелъ нужнымъ скрываться болѣе. Позади скрипнула дверь—онъ воспользовался этимъ и пошелъ прямо къ дивану...

— Кто это... Мандель! Какъ вы меня напугали! вскочила Нина протягивая ему руку...

— Я къ вамъ съ просьбою... И къ тебѣ Барсовъ... Всегда вмѣстѣ! подчеркнул онъ.

— Наконецъ то вы просите, до сихъ поръ вы только исполняли мои капризы...

— И всю жизнь готовъ ихъ исполнять... Ахъ, Нина Борисовна... Жить для васъ... Это такое счастье!..

— Ну пошелъ, пошелъ... замѣтилъ пѣвецъ. Говори что тебѣ надо и убирайся.

— Я дѣлаю небольшой *partie de plaisir*... за городъ... для всей труппы... не откажите украсить мой торжество... Завтра вечеромъ... и ты тоже!

— Чудесно... Нина Борисовна тоже не откажетъ.

— Я право не знаю... Хорошо ли это... Вы меня извините, Соломонъ Иосифовичъ.

— Нужно ѣхать! шепнулъ ей Барсовъ по итальянски. Вы и безъ того на ножахъ съ труппой... Скажутъ что гнушаетесь обществомъ товарищей.

— Хорошо... буду...

— Какъ я вамъ благодаренъ... такъ благодаренъ! и Мандель пошелъ въ уборную къ Лолошкѣ.

— Можно? постучался онъ.

— Дочь одѣвается... Выглянула въ двери госпожа Бакина.

— Э... Пустите. Онъ отодвинулъ рукою театраль-

ную маменьку и вошелъ въ небольшую комнату, сплошь заваленную юбками, платьями, чулками... Газъ искрился на стеклахъ, игравшихъ роль брилліантовъ, на бронзовыхъ обручахъ, замѣнявшихъ браслеты... Лолошка надѣвала чулокъ.

— Мандель! позвала она—застегните мнѣ подвязку... Вотъ такъ, спасибо! Теперь эту... У какой пеловкѣй—и она слегка толкнула его колѣномъ

— Ты бы хоть кофту накинулъ, безстыдница! захлопотала маменька.

— А вы погромче кричите, чтобы другіе слышали. Соломонъ Иосифовичъ—свой человекъ. И Лолошка еще ниже спустила оборки съ плеча.

— Настасья Васильевна, я къ вамъ! перешелъ въ дѣловой тонъ Мандель.

— Ну что еще?

— Вы въ понедѣльникъ просили у меня денегъ...

— Просила!.. А ты не далъ! Вотъ по уборнымъ шатайся умѣешь... а деньги платить...

— Пойдите, стойте... Я въ понедѣльникъ не могъ давать, потому что тяжелый день... А дамъ вамъ завтра... И еще больше дамъ...

— Ну? Съ чего же это расходился... Лолошка, ты бы за ширмы ушла.

— Мнѣ и здѣсь хорошо, маменька... и Лолошка раскинулась на кушеткѣ и заложила ногу за ногу, щеголяя розовыми чулками.

— Завтра я васъ приглашаю. У меня на мой загородной дачѣ большой балъ. И послѣ ужина—я вамъ въ пакетъ вручиваю деньги только съ однимъ условіемъ.

— Какимъ еще?

— За ужиномъ вы должны сказать... и Мандель сталъ шептать ей на ухо что то... та одобрительно кивала головою.

— Слышите... Но—одно: мой дѣло сторона... я ничего не знаю.

— Только то... Съ удовольствіемъ... А денюжки то приготовь.

— Соломонъ Иосифовичъ... хороши у меня ножки? позвала его Лолошка...

VI.

Черная кошка.

Госпожу Досуеву звали въ театрѣ термометромъ. Когда она, не участвуя въ спектаклѣ, сидѣла въ ложѣ, по ней, даже не глядя на сцену и не слушая пѣвицу, можно было узнать—имѣетъ артистка успѣхъ или нѣтъ. Если Татьяна Гавриловна мило улыбалась, казалась счастливою, пыталась слабо аплодировать—то это значило, что пѣвица на сценѣ детонируетъ, идетъ въ разладъ съ оркестромъ, или выкрикиваетъ свои арии, т. е. проваливается. Напротивъ—когда Татьяна Гавриловна волновалась, когда ея лицо покрывалось пятнами, а сама она, нервно пожимая плечами, поворачивалась спиною къ сценѣ,—всѣ такъ и понимали, что пѣвица поетъ и играетъ хорошо, что она имѣетъ успѣхъ несомнѣнный. „Ишь какъ скорпионъ нашъ кувиркается!“ непочтительно замѣчали о ней остряки. Въ сущности Досуева была добрая женщина, но ее испортили сцена и Барсовъ. Сцена, гдѣ люди живутъ впечатлѣніями минуты, гдѣ результаты обнаруживаются сейчасъ же, гдѣ восторгъ и недовольство слушателя высказываются когда артистъ еще не успѣетъ уйти за кулисы, гдѣ постоянно приходится быть свидѣтелемъ чужаго успѣха, молчать когда аплодируютъ другимъ, гдѣ интрига свила себѣ прочное гнѣздо, эта сцена сдѣлала Досуеву завистливою къ чужимъ и ревнивою къ своимъ триумфамъ. Эта сцена научила ее не прощать другому торжества, а постоянное возбужденіе—разбило ей нервы, сдѣлало ее подозрительною... Она столько видѣла здѣсь, что перестала вѣрить въ честность... Любовь къ Барсову довершила остальное. Барсовъ эксплуатировалъ ее

как могъ. Онъ пользовался ея деньгами, когда она была молода и красива; ея поклонники были вѣрными его слугами. Развязаться съ нею онъ не могъ, она слишкомъ хорошо знала его; измѣнлялъ онъ ей постоянно. Она молча страдала и терпѣла, убѣжденная, что въ концѣ концовъ онъ вернется къ ней же. Его увлеченія—были капризы, она же была для него постоянно „компликаціею“, какъ говорилъ онъ. За то когда „компликація“ считала нужнымъ вступиться за свои права—Барсову приходилось плохо. Онъ позорно трусилъ и только отклонялъ во все стороны голову, чтобы въ нее не попала одна изъ тарелокъ, которыми швыряла въ него Досужева. Въ гостинницѣ, гдѣ они жили, подымалось столпотвореніе вавилонское. Ея густой контраalto раздавался, крикливо отвѣчалъ ей теноръ, бѣгая по комнатѣ и впиваясь пальцами въ свою гриву, но тотчасъ же осторожно разжимая ихъ, чтобы не порѣдѣли волосы. Ссора длилась день, два, послѣ чего Барсовъ писалъ ей чувствительныя посланія—и они мирились. Она его забрала въ руки и съ нею Барсову, очень любимому трагическій тошнѣ, не удавалась ни одна изъ его рассчитанныхъ на эффектъ выходокъ. Разъ, взбѣшенный ею, онъ вскопился на подоконникъ. Одно было въ четвертомъ этажѣ. „Я брошусь!“ захрипѣлъ онъ, вращая глазами и ероша волосы... „Бросайся, только скорѣе!“ совершенно спокойно отвѣтила Досужева, а тотъ посмотрѣлъ внизъ за окно, и... осторожно спустился на полъ... Въ другой разъ онъ выхватилъ револьверъ изъ кармана—и приставилъ дуло къ виску... „Еще одно слово и прощай на вѣки!“ Досужева и тутъ не потерялась... „Смотри! У тебя курокъ взведешь!“ Барсовъ мгновенно поблѣднѣлъ и бросилъ револьверъ. Въ глаза онъ называлъ ее сатаной, другимъ изображалъ ее ангеломъ. Ему очень нравилось слыть „демопомъ“ этого ангела! На другой день послѣ подслушаннаго Манделемъ разговора Нины съ Барсовымъ—Досужева получила анонимное письмо съ намеками, которые подтверждали ея подозрѣнія и привели ее въ раздраженіе. Она нервно ходила по комнатѣ, ожидая Барсова.

Теноръ былъ на репетиціи... Пришелъ онъ не въ духѣ, швырнулъ шапку въ уголъ и театрально бросился въ кресло.

— У тебя долго будетъ тянуться съ Раевской? прямо сказала Досужева.

— Что такое? Онъ вскопился. Покоя нѣтъ. Это чортъ знаетъ что... Приснилось что ли?

— Не прикидывайся... Долго ли ты меня будешь обманывать? Я твои капризы прощаю, ты знаешь, но этотъ затянулся слишкомъ... Пора его окончить.

— Ну, до свиданія Татьяна Гавриловна, двинулся онъ было къ дверямъ, шагомъ Роберта въ сценѣ съ Изабеллой. Досужева раньше его была уже у двери и загородила дорогу...

— Какъ ты смѣешь, крикнулъ онъ было, но она въ лицо ему швырнула полученное ею письмо. Барсовъ измѣнилъ своему самообладанію. Онъ наклонился, подпалъ его и прочелъ.

— Какая подлость! Кто смѣетъ такъ клеветать! Я ее обманываю, я на ней жениться обѣщалъ. Да они съ ума сошли! Онъ забѣгалъ по комнатѣ. Чей это можетъ быть почеркъ. Я сейчасъ же пошлю это письмо въ полицію.

Началась обычная исторія, въ теченіи которой по комнатѣ летали бронзовые колокольчики, прессъ-папье, черпильницы... Наконецъ Досужева освободила его, и грозно нахлобуивъ шляпу, Барсовъ выскочилъ въ коридоръ, сбивъ съ ногъ любознательную горничную, давно уже приложившуюся къ замочной скважинѣ.

Вечеромъ Барсовъ написалъ Досужевой письмо полное раскаянія... Утро ихъ поссорило—вечеръ примирилъ.

На другой день они какъ ни въ чемъ не бывало

пили вмѣстѣ чай, являя трогательный видъ сердечнаго согласія.

— Сегодня непременно будь у Манделя на вечерѣ.

— Я бы не хотѣла. Надоѣлъ мнѣ этотъ жидъ. Лѣзетъ со своими любезностями.

— Да, но вѣдь у тебя денегъ нѣтъ!

— Ты же взялъ послѣдніе шестьсотъ рублей... Я до жалованья безъ гроша...

— Слѣдовательно ссориться съ этой обезьяной нельзя. У кого взять? Мнѣ необходимо. Ты знаешь „Африканку“ ставить. Нужно будетъ прикормить эту челядь... Да побольше ложъ взять... Иначе и уснѣха не жди!.. и Архаровцевъ хорошъ въ партіи Нелюско... Онъ совсѣмъ забыть меня. У Васко-де-Гама тутъ и нѣтъ то нечего. На одномъ благородствѣ не выйдешь. Ну, а какъ послѣ пятаго акта заорутъ съ верховъ: „Барсовъ—соло“, оно и выйдетъ педурно... Да у Манделя навѣрное вся труппа соберется. Не быть—даже неловко.

Труппа дѣйствительно собралась у Соломона Иосифовича. Его дачу за городомъ нѣсколько дней тошили. Наканунѣ онъ опустошилъ все оранжереи въ городѣ. Лампы, спрятанныя въ клумбахъ розъ, изумруднымъ свѣтомъ сквозили въ листья. Цвѣты точно таяли въ нагрѣтомъ воздухѣ, распуская въ его теплыхъ волнахъ тонкое благоуханіе... Бѣлыя и алые камелии ползли вверхъ, смѣшиваясь съ кистями олеандровъ... Въ окна, прямо въ царство темной и холодной ночи, струились отсюда мягкій, ласковый, словно зовущій свѣтъ.

— Мандель, подарите мнѣ эту дачу! наивничала Лолошка, все въ розовомъ сегодня, съ громадною бриллиантовою брошью у праваго плеча. Каре, открытое очень откровенно, дразнило Манделя, но сегодня мамаша, *rouge saucer les apparences*, не оставляла ее ни на минуту. Подарите дачу, а?

— Довольно и брошки... три тысячи заплатилъ сегодня... Да и то мнѣ еще уступили за долгъ дешевле чѣмъ она стоитъ... Можете все сказать—пять тысячъ. *Fünf Tausend Roubel!*..

— У, скупой какой!

— Вы заслуживайте... Въ свой время—все будетъ!

Крестовоздвиженскій (на сценѣ—Кристиани) и Арчибальди (въ Пошехоньѣ—Архаровцевъ) забрались въ буфетъ и такъ и не выходили оттуда. Барсовъ держался подальше отъ Нины, которая была совершенно одинока посреди всего этого. Къ ней нѣсколько разъ подходилъ Мандель, но не о чемъ было говорить съ нимъ. Она скучала, не зная куда дѣваться. Товарищи ее обѣгали, даже Акуловъ называлъ ее Миликтриссой Кирьбитьевной и присталъ къ Досужевой съ любезностями. Тенорокъ изъ полячковъ, съ узенькими плечами и сѣрымъ лицомъ, засеменялъ было за нею, но встрѣтивъ взглядъ Барсова, сейчасъ же прицѣпился къ Лолошкѣ...

— Какая тоска, какая тоска! роняла Раевская, когда Барсовъ проходилъ мимо... Послушайте, вы бѣгаете отъ меня? Досужева стояла въ дверяхъ, но дѣлать было нечего, Барсовъ сѣлъ рядомъ съ Ниной.

— Какъ хороши вы сегодня! тихо проговорилъ онъ, любуясь ею... Какъ къ вамъ идетъ этотъ черный бархатъ... И сколько вкуса... Жаль, мы не одни... Я бы расплывалъ васъ, Нина... Вы знаете: чѣмъ дальше—больше я схожу съ ума... эти золотыя волосы кружатъ мнѣ голову...

— Я не понимаю васъ...

— Почему?

— Объявимъ же имъ, что мы женихъ и невѣста... тогда прятаться нечего.

— О, какъ я хочу! съ притворною страстностью подхватилъ Барсовъ. Вы скоро увидите какъ я хочу этого... я только и живу около васъ... Смотрѣтся въ ваши глаза, ласкаетъ эту чудную волну волосъ...

Нина разгорѣлась слушая его. Губы полуоткрылись—два ряда ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ блеснули... Нѣж-

Прощеніе. Съ картины А. Девиса, грав. Жонарь.

ый румянецъ проступилъ на щекахъ... она слегка наклонила голову...

— Зачѣмъ же ждать еще... Я не могу скрываться... Александръ... мнѣ противно.

— Ты ребенокъ, Пина... Жизнь сложна! Не все въ ней такъ просто какъ кажется.

— Мосье Барсовъ... позвала его Досужева.

— Идите... идите къ ней... И горечь противъ воли послышалась въ голосѣ у Нины. Только прежде чѣмъ уйдете, скажите правду: что вамъ такое эта женщина? Слышите ли, Барсовъ. Правду... Только правду!.. Вѣдь вы еще не мужъ мнѣ. Я вамъ все прощу... Что вамъ она?

— Разумѣется—старый, испытанный другъ...

— И только?

— Только! онъ не покраснѣлъ даже.

— И всегда былъ только другомъ, только? настойчиво переспросила Пина.

— Къ прошлому не ревнуютъ! проговорилъ онъ, прижавъ видъ довольно пошлаго Донъ-Жуана.

„И никогда то не бываетъ онъ самимъ собою, мелькнуло у Раевской. Всегда на подмосткахъ. И со мною говорить—тоже! Эти вѣчныя ходули... Кашинецъ не такъовъ!“ И опять какое то, ей самой непонятное, сожалѣніе заставило тоскливо забится ея сердце.

„Гдѣ то онъ теперь?... Хорошъ другъ... глазъ не кажется... не пишетъ... а если полюбилъ другую?“ И ей вдругъ стало душно. „Не могу разобраться во всемъ этомъ. Неужели онъ мнѣ дороже, чѣмъ я думала... Или это дѣтская привычка? А только я была бы гораздо счастливѣе, еслибы видѣла его около... Съ нимъ какъ то спокойнѣе, ничего не боишься. На него можно положить... Онъ что говорить, то и думаетъ и дѣлаетъ“.

Едва дождалась она ужина. Раньше нечего было и думать уѣхать. Мандель не отпустилъ бы ее, не даль бы лошадей...

За столомъ онъ усадилъ ее рядомъ съ Барсовымъ. Досужеву помѣстилъ напротивъ. Соломонъ Иосифовичъ удвоивалъ свою любезность. Очевидно, онъ самъ волновался и ждалъ чего то. Нѣсколько разъ онъ подходилъ къ Настасѣ Васильевнѣ, но не рѣшался говорить, а только многозначительно поглядывалъ на нее. Сладокъ онъ сталъ до приторности. И безъ того румяныя губы его—складывались сердечкомъ. Два раза онъ сантиментально пожалъ руку Барсову и даже вздохнулъ при этомъ. Нинѣ Борисовнѣ онъ похвалилъ его: „это такой человекъ, такой человекъ!“

— За деньги не купишь? улыбаясь переспросилъ его Барсовъ.

Мандель сталъ вдругъ серьезенъ.

— За деньги можно все купить! съ убѣжденіемъ рѣшилъ онъ, и тутъ же, почему то, поцѣловалъ руку Досужевой.

— Ты, Соломонъ Иосифовичъ, не готовишься ли въ jeun-premier'ы?

— Нѣтъ, по я просто обожатель искусства!

Всѣ засмѣялись и Мандель засмѣялся, но какъ то перипо. Онъ сѣлъ рядомъ съ Досужевой.

— Не правда ли, какой чудный два паръ голубевъ? кивнулъ онъ ей на Раевскую и Барсова.

Досужева взглянула напротивъ и поблѣднѣла. Соломонъ Иосифовичъ сталъ еще веселѣе и опять поцѣловалъ ей руку.

— И какъ они любятъ другъ друга! Очень любятъ...

Вилка Татьяны Гавриловны звякнула о тарелку, она старалась овладѣть собою. Ей бы это удалось, еслибы Мандель не закатилъ сантиментально глаза въ потолокъ и совсѣмъ уже распустившимся голосомъ не прошепталъ:

— Я сколько разъ слышала... Онъ жениться на ней хочетъ.

— Да, ловкая барышня! уже вслухъ проговорила

Досужева, привыкшая къ безцеремонности и несдержанности театральныя нравовъ.

— Кто ловкая барышня? обернулись на нее всѣ.

— Да... Нина Борисовна—ловкая барышня... И свое, и чужое—ей все годится... И подержанными вещами не брезгуетъ...

Досужева чувствовала, что она дѣлаетъ гадость и глупость, но уже не могла остановиться. Чѣмъ болѣе она сознавала это, тѣмъ болѣе бѣсилась. Она уже зло смотрѣла въ упоръ на Раевскую.

— Что съ вами, Татьяна Гавриловна... За что это... Господи! вся блѣдная проговорила та.

— Со мной, ничего, Нина Борисовна!.. Только вы плохой выборъ дѣлаете.

— Госпожа Досужева! весь потрясенный вскочилъ Барсовъ.

— Потихоньку все, въ уголкахъ прячетесь, душенька...

Теперь и Досужева дрожала. Она уже не могла остановиться.

— Вы видите, Барсовъ... Я вамъ говорила... Что же вы молчите?... Что же вы молчите?... Скажите! шептала точно про себя Пина.

Она вся горѣла, сердце щемило тоскою и болью.

— Позвольте! вмѣшался Мандель... Я не понимаю этотъ тошъ, я знай, господинъ Барсовъ хочетъ жениться на мадамозель...

Татьяна Гавриловна вдругъ улыбнулась и успокоилась... Всѣ кругомъ оцѣнѣли... Мандель смотрѣлъ на театральную маменьку; но не успѣла та рта раскрыть, какъ заговорила Досужева.

— Это что же? Ахъ душенька, Пина Борисовна... Я даже не сержусь на васъ... Я жалѣю васъ... Вѣдная вы... Это не Барсовъ ли женится на васъ?... Ахъ вы—наивная! На васъ и сердиться то грѣхъ...

— Что это... отцы родные! послышался громкій голосъ Настасьи Васильевны Бабкиной. Театральная маменька сорвалась съ мѣста. Да какъ онъ смѣетъ благородную дѣвицу обижать?... Ему и жепиться то нельзя вѣдь... Креста на васъ нѣтъ, аспиды! Ну ужъ и мужчины!

— Вы бы успокоили себя, Настасья Васильевна... резонно замѣтилъ ей Мандель. Всякій человекъ можетъ себя женить... это его правъ!

— Да какъ же онъ женится, родные мои... Александръ Петровичъ то? Вѣдь онъ женатъ!

Нину точно полоснуло ножомъ по сердцу: Она подняла на Бабкину обезумѣвшій взглядъ.

— Пятнадцатый годъ женатъ... Жена, Анна Тимофеевна, съ дѣтками при родителяхъ живетъ при своихъ. Хорошая дама такая!.. Въ Минскѣ она, на Дворянской улицѣ домъ свой.

— Александръ Петровичъ, да развѣ вы и это скрывали? уже совсѣмъ улыбаясь говорила Досужева... Я думала, вы, опутывая такихъ невинностей, хоть на разводъ ссылались.

— Ну и мужчины... Лолоша собирайся! тебѣ здѣсь не мѣсто, негодовала Бабкина. Тутъ дѣвицамъ нельзя быть.

Шатаясь встала Пина... Ее качнуло... Она схватилась за стулъ и придерживалась за него. Мандель бросился къ ней. Удивленно, какъ будто ничего не понимая, она посмотрѣла на него.

— Зачѣмъ... не надо... оставьте меня, я одна...

— Отдохните... Въ той комнатѣ никого нѣтъ, покаль Мандель... Воды!..

— Ничего не надо... все больше и больше слабѣла Пина, одну меня оставьте, одну...

Она вышла... Тутъ ее никто уже не видѣлъ... Она засмѣялась чему то... Потомъ прижала губы рукой, точно не давая вырваться рыданію. Мягкій свѣтъ лампы дразнилъ ее. Ее душилъ ароматъ розъ, еще сильнѣе дышавшихъ въ этомъ знойномъ воздухѣ... Въ окно

смотрѣла черная ночь... Черная, влажная... Эта ночь вдругъ потянула ее къ себѣ... Ей стало невыносимо въ комнатѣ... Опираясь о стѣну, она вышла на крыльцо... Дождь ударилъ прямо въ лицо ей... Холодный вѣтеръ обдалъ раскрытую балльную платформу грудью. Ноги въ легкихъ туфляхъ ушли въ грязь улицы.

— Господи, Господи... За что же?.. зарыдала она наконецъ, и какъ спонъ свалилась у крыльца...

Въ столовой всѣ молчали. Никто не могъ еще опомниться.

— Подлецы... Всѣ подлецы!.. заоралъ вдругъ Акуловъ, совсѣмъ опьянѣвшій. Одна чистая была—да и ту затоптали!..

— Господинъ Акуловъ... подлетѣлъ было къ нему Мандель.

— Прочь жидь... Не могъ ты иначе раскрыть ей глаза?..

— Я ничего не зналъ... господинъ Акуловъ.

— Да, я господинъ Акуловъ... А ты хамъ... И я пасьвовъ тебя вижу!..

Акуловъ вышелъ въ другую комнату... Тамъ не было Нины... За этой комнатой передняя; холодный воздухъ струился въ открытыя двери... Точно предчувствуя педобное, Акуловъ выбѣжалъ на крыльцо... Передъ нимъ на ступеняхъ лежало что то бѣлое.

— Ахъ ты Господи!

И онъ, схвативъ ее на руки, внесъ въ комнату.

— Въ грязи вся!.. суетился Мандель.

Акуловъ отвелъ его рукою.

— Эта грязь ничего... А вотъ та, которую вы ее забросали!.. Лошадей—проворнѣй! Ни минуты не оставляю ее здѣсь!..

(До слѣд. №).

Черный вождь.

Разсказъ изъ прошлаго американской жизни,

Георга Кабля.

(Окончаніе).

Великанъ-вождь, которому ни одинъ изъ присутствовавшихъ не доставалъ до плеча, былъ обезображенъ своимъ новымъ платьемъ; до санка его, высоко поднятая великолѣпная голова, сверкающей взоръ и величественный шагъ были таковы, что остававливали невольно насмѣшливыя улыбки. Говоръ удивленія пронесся по залѣ и достигъ до Пальмиры, у которой сильнѣе забилось сердце. Но она составила свой плачь и не хотѣла отступать. Священникъ могъ ее повѣчать съ нимъ, но она рѣшилась не быть его женой.

Онъ еще выше поднялъ свою голову и спокойно оглядывалъ залу.

— Онъ ищетъ невѣсту, говорили негры его окружавшіе. Онъ замѣтилъ ее.

— Го-о-о-о!

Въ залѣ раздался точно звукъ трубы. Гости господъ торопливо пришли сюда посмотрѣть въ чѣмъ дѣло. Міоко лѣвой рукою взялъ руку Пальмиры, а правую, словно благословляя, положилъ ей на голову. Затѣмъ онъ возвысилъ голосъ и выбивалъ тактъ босою ногою, медленно и торжественно заплѣлъ дикую, странную пѣсню, которую никто не понималъ изъ бѣлыхъ гостей. Но пѣснь эта, въ которой слышалась печаль и тоска, была похожа на сдержанное сильное рыданіе. Всѣ молчали, пораженные. Но пора было переходить на другую половину дома, гдѣ прибывшій священникъ приступалъ къ бракосочетанію донна Хозе. Минуту среди гостей продолжалось движеніе. Затѣмъ все смолкло и слышенъ былъ только тихій голосъ священника. Затѣмъ все было кончено и Евгенія Грандиссима стала женою донна Хозе! На дворѣ же надвигалась буря. Ночь была темна.

Молодой и гости его пожелали затѣмъ присутствовать при бракосочетаніи Пальмиры и Міоко. Священникъ благословлялъ. Вдругъ буря разразилась со страшною силою. Міоко схватилъ руку Пальмиры и ласково пытался увести ее.

— Міоко-Коанго!

То былъ голосъ молодой супруги донна Хозе. Молодая до послѣдней минуты не знала, что именно замышляла ей вѣрная служанка; но умоляющей взоръ Пальмиры показалъ ей, что теперь именно она проситъ ее заступничества.

Міоко вдругъ остановился какъ вкопанный.

— Міоко-Коанго долженъ обожать когда я передамъ ему его жену.

Онъ закрылъ лицо руками и молчалъ.

— Міоко-Коанго слышитъ голосъ свѣтлаго духа, тихо и медленно сказалъ онъ. Голосъ сладокъ, но слова горьки. Міоко подождетъ. Но это жестоко! И если бѣлые хотятъ его обмануть, тогда... Онъ медленно поднялся и, съ закрытыми глазами, простеръ сжатую руку,—тогда Міоко-Коанго попроситъ помощи великаго духа Вуду, чтобы отомстить за себя!

Дикое завываніе бури казалось возбуждало вождя. Длинные, подогнанные занавѣси, навѣшенные у дверей, начали вздыматься, раздался странный взрывъ и шумъ, словно пронеслась толпа вѣдьмъ; небо разверзлось, оглушительные удары грома, потрясшіе домъ до основанія, слѣдовали одинъ за другимъ. Гости стояли молча, съ поблѣдѣвшими губами. Наконецъ пошелъ сильный южный ливень и спустя нѣсколько минутъ домъ казался островомъ среди безбрежнаго океана.

Но празднество прервалось только на короткое время. Гости поуспокоились уже въ парадныхъ комнатахъ; пришла очередь негровъ. Они усѣлись за столъ, вождь сѣлъ на почетномъ мѣстѣ и въ первый разъ въ жизни отвѣдалъ вина. Онъ медленно выпилъ стаканъ, потребовалъ другой, и затѣмъ все быстрее пилъ третій, и четвертый, и десятый. Пальмира стала беспокоиться и отодвигала отъ него полныя бутылки. Вначалѣ Міоко не замѣчалъ этого, затѣмъ молча протянулъ руку со стаканомъ,

требуя, чтобы наполнили его, и когда не исполнили его желаніе, онъ такъ ударилъ кулакомъ по столу, что столъ треснулъ пополамъ. Черные гости, предчувствуя бѣду, въ замѣнительствѣ переглянулись, и многіе встали и вышли изъ залы, а другіе забѣжали въ отдаленнѣйшіе углы.

Міоко посидѣлъ немного, мрачно улыбаясь; потомъ всталъ и направился въ большую залу, гдѣ танцовали бѣлые. Съ появленіемъ въ дверяхъ могучей фигуры вождя, танцы остановились. Всѣ глаза направились на вопеднаго и разговоръ умолкъ. Вождь же медленно подошелъ къ своему господину, дону Хозе, и положивъ тяжелую руку ему на плечо, сказалъ глубокимъ, трогательнымъ голосомъ.

— И ты, и ты хочешь меня обмануть. О презрѣнный бѣлый!

Испанецъ вскрикнулъ въ бѣшенствѣ и поднялъ на негра руку, но въ ту же минуту упалъ на полъ, оглушенный страшнымъ ударомъ.

Секунду гости были безъ движенія и молча смотрѣли, какъ невольникъ, наклонясь надъ лежавшимъ, издавалъ какіе то звуки на родномъ языкѣ. Но по тому словъ чувствовали, что онъ проклинаетъ своего господина.

— Это ужасно! шептали жепщины.

— Берегите вашихъ жещъ и дочерей! воскликнулъ одинъ испалець.

— Убейте черную собаку! прибавилъ другой.

Міоко однимъ прыжкомъ очутился у дверей залы. Какъ стадо овецъ, въ которое попалъ волкъ, гости разбѣжались кто куда. Рѣзкіе крики раздавались со всѣхъ сторонъ, но онъ уже былъ на свободѣ, убѣгая въ болота, и Агрикола Фузиллеръ бранился въ бессильной злобѣ.

Пока перевязывали истекающаго кровью донна Хозе и приготовляли комнату для раненаго, Пальмира, лихорадочно возбужденная, ходила по своей комнатѣ. Она глубоко печалилась, раздумывая о той участи, какая ждетъ Міоко; одновременно съ этимъ она чувствовала облегченіе при мысли, что ушла изъ подъ его власти. Бѣлый невольникъ проявилъ между тѣмъ свою независимость, поселившись на глухомъ островѣ въ шестьдесятъ футовъ въ диаметръ, открытомъ имъ во время охоты и расположенномъ среди недоступныхъ болотъ. Теперь надъ нимъ не было господина. Онъ снова былъ самъ себѣ королемъ.

Стая злыхъ псовъ, пущенныхъ за бѣлымъ негромъ, съ лаемъ нашла мѣсто, гдѣ онъ отплылъ лодку. Но далѣе не было никакихъ слѣдовъ. Тамъ гдѣ жилъ Міоко, никто не подумалъ искать человѣка. На своемъ островѣ онъ былъ безопасенъ и свободенъ. Онъ вспомнилъ то давно прошедшее, лучшее время, когда онъ былъ еще повелителемъ многочисленнаго племени. И какъ теперь ему пришлось устроиться!..

Осень и зима миновали, а Міоко все еще жилъ въ болотахъ. Но какъ? Никто объ этомъ не зналъ.

Донъ Хозе старался быть счастливымъ. Рапы его скоро зажили и онъ съ молодою женою переѣхалъ къ себѣ въ домъ, который подъ ея управленіемъ пересталъ быть охотничьимъ притономъ, а сдѣлался вполне приятнымъ и уютнымъ. Оружіе, рога, сѣдла и сѣти, наполнявшіе всѣ комнаты и валившіеся даже въ гостиной, исчезли вмѣстѣ съ многочисленными собаками и комнаты наполнились благоухающими цвѣтами, пестрыми птичками, весело щебетавшими въ кѣткахъ.

Но „маленькій голубокъ“ бѣлаго, прекрасная Пальмира, не была веселой пѣвуньей. Она ходила убитая и погруженная въ свои думы, и оставаясь одна ночью, горько плакала о сдѣланномъ ею ужасномъ поступкѣ: она жена раба! Въ своей безразсудной страсти или, какъ говоритъ Агрикола, въ безграничномъ высокомеріи, она продолжала любить отсутствовавшего Онопере, не смотря на то, что была законною женою раба, ко-

Молодая насьдка. Съ картины А. Ротта, грав. Р. Эрике

Первая дуга. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. М. Рашевский.

горький не смѣлъ даже прійти къ ней. Изъ Сантъ-Доминго она слышала о возстаніи черныхъ, родственныхъ ей по крови, и когда она думала, что предметъ ея любви Оноре Градиссиме такъ далеко, что врагъ ея Агрикола такъ близко и что она жена негра, тогда сердце ея усиленно билось и она грезила объ убійствѣ, огнѣ и крови! Она бы подняла негринскаго вождя, своего раба, на мятежъ! Но и это было невозможно! Для нея все было потеряно. Какъ ея любовь, такъ и ея месть были безнадежны, и отчаяніемъ горѣли ея темные, чудные глаза.

Она думала объ африканцѣ и сердце ея наполнялось жалостью къ нему и закипало ненавистью, когда она видѣла Агриколу, причину своего несчастья.

Донъ Хозе старался быть счастливымъ. Но червь гнодалъ его сердце. Испанецъ, не боявшійся ничего живаго, былъ суевѣрецъ. Онъ зналъ, что проклятіе Міоко тяготѣетъ надъ его домомъ, и это мучило его болѣе, чѣмъ кто либо могъ думать. Гусеницы напали на его плантацію индиго и къ вечеру не осталось ни одного листа. Вскорѣ затѣмъ заболѣли негры. Злокачественная лихорадка унесла у него многихъ; оставшіеся приходили болѣе на тѣни и донъ Хозе слышалъ жалобы: „Мы околдованы! Надъ нами проклятіе вождя!“

Одинъ изъ друзей посоветовалъ испанцу призвать священника и отогнать нечистаго духа молитвою. Другіе совѣтовали поймать негра. Донъ Хозе не хотѣлъ объ этомъ и слышать. Если не могли поймать бѣжавшаго, то пусть онъ живетъ и дѣлаетъ что хочетъ!

Еще разъ смотритель попробовалъ спустить собакъ и выѣхалъ съ цѣлой сворой на поимку Міоко. Но когда вечеромъ онъ возвращался обратно, лучшая собака изъ стаи лежала предъ нимъ, на сѣдлѣ со сломаннымъ копьемъ въ боку. Металлическое оружіе было грубой работы, но тѣмъ не менѣе достигло дѣла и умертвило собаку.

Сами негры пробовали по своему снять очарованіе и завели настоящую пляску въдѣмъ; но когда до ушей донъ Хозе дошелъ ихъ вой и плачь, онъ сильно разсердился и приказалъ имъ замолчать.

Въ первыхъ дняхъ февраля наступила весна, а съ нею вернулись надежда и бодрость. Донъ Хозе повеселѣлъ. Неурожай прошлаго года былъ общимъ несчастьемъ, говорилъ онъ. Моимъ сосѣдямъ не лучше было чѣмъ мнѣ.

Смотритель однако качалъ головою. Въ душѣ онъ обвинялъ во всемъ чернаго бѣглеца. Вскорѣ того же мѣсяца сталъ и донъ Хозе. Онъ снова велѣлъ воздѣлать поля, но жатва не вознаградила его за труды.

— Онъ ничего не смыслилъ въ земледѣліи, говорили между собою сосѣди, и его смотритель не умѣе его. Очень возможно, что онъ околдованъ.

Донъ Хозе заболѣлъ. Изнурительная лихорадка заставила его слечь. Въ одинъ день, когда, измученный, онъ лежалъ съ закрытыми глазами, и возлѣ него сидѣла опечаленная жена, дверь внезапно раскрылась и въ комнату вошелъ полунагой, сильно исхудалый, но все еще страшный Міоко-Коанго. Первый его взглядъ упалъ на бѣлую женщину-духа. Онъ задрожалъ, но все таки подошелъ къ больному.

— О! Міоко хочеть получить свою жену!

Испанецъ открылъ глаза и молча, пристально смотрѣлъ на повольника.

— Міоко хочеть получить свою жену! повторилъ тотъ со стономъ.

— Возьмите его! закричалъ больной, напрасно усиливаясь подняться.

Кругомъ было много прислуги, но никто не отважился приступить къ Міоко. Съ нѣмою мольбою больной посмотрѣлъ на жену, которая сидѣла неподвижно, закрывъ лицо руками.

Міоко простеръ свои большія, черныя руки и проговорилъ медленно и торжественно:

— Да будетъ проклятъ твой домъ и все въ немъ живущіе, кромѣ женщины!

Донъ Хозе безъ силъ упалъ на подушки.

Африканецъ протянулъ руку къ открытому окну:

— И да будутъ прокляты твои поля! Пусть они не знаютъ плуга и не кормятъ скотъ, пасущійся на нихъ!

Черные слуги убѣжали въ ужасѣ; въ ту же минуту вошла Пальмира.

— Поговори съ нимъ! простоналъ испанецъ.

Она рѣшительно подошла къ негру. Онъ схватилъ ее за руку, дикимъ, но граціознымъ и быстрымъ движеніемъ.

— Въ третій разъ: Міоко требуетъ свою жену! сказалъ онъ.

— Я не отдамъ ее тебѣ! воскликнулъ донъ Хозе съ яростью.

Африканецъ казался выросъ. Глубокій вздохъ вырвался изъ его груди и невидимая сила какъ будто приподняла его. „Пусть все одичаетъ и опустѣетъ здѣсь, плѣсень пусть наполнитъ воздухъ, дикая трава проростетъ на полу и служить пріютомъ змѣямъ и гадамъ!“

Собравъ послѣднія силы, донъ Хозе приподнялся на локтѣ, и не въ состояніи произнести слово, угрозилъ Міоко кулакомъ и упалъ безъ чувствъ. Когда онъ очнулся, надъ нимъ склонились Пальмира и жена, у ногъ кровати стоялъ смотритель. Міоко исчезъ!

Проклятіе подѣйствовало. Вся плантація походила на громадный лагерь больныхъ. Земледѣльческія орудія ржавѣли въ сараяхъ; стада ходили по опустѣвшимъ полямъ и разбѣгались или умирали съ голоду. Вся мѣстность поросла волчьимъ и сорной травой.

— Во имя святаго Франциска, почему, скажите, сеньора не употребила надъ чудовищемъ своей власти, когда оно стояло у постели больного мужа и произносило проклятія? спрашивалъ священникъ у смотрителя.

— Почему? отвѣтилъ смотритель тихо и съ разстановкой. Между нами, я думаю, что сеньора находитъ Міоко правымъ.

— Можетъ ли быть! А Пальмира? Почему она не вступилась?

— Пальмира? Смотритель злобно и насмѣшливо улыбнулся. Я иногда думаю, что бѣглець умеръ, а злой духъ переселился въ эту квартиру. Я думаю, что еслибы она могла увеличить силу проклятія, она бы сдѣлала это. Это опасная, злая женщина, и теперь ее боится даже Агрикола Фузильеръ.

Однажды, въ необычный часъ, Агрикола явился къ дону Хозе.

— Я съ хорошими вѣстями, сказалъ онъ съ многозначительной улыбкой.

Глаза больного просіяли и вопросительно остановились на говорившемъ. Мы не поймали его еще, продолжалъ тотъ, но уже напали на его слѣдъ.

Донъ Хозе вздохнулъ съ облегченіемъ и сказалъ любезно: — У меня также есть хорошія вѣсти: моя дорогая жена подарила мнѣ сына.

* * *

Былъ субботній вечеръ и негры справляли свой праздникъ. На площади возлѣ городской стѣны были чегъре музыканта. Одинъ былъ въ барабанъ, два другихъ извлекали раздрающіе звуки изъ деревянныхъ трубъ, а четвертый стучалъ парой громадныхъ кастаньетъ. Для негровъ это была чудная музыка и они танцевали оживленно, кривляясь и прыгая! Отъ времени до времени танцоръ падалъ въ изнеможеніи; его тотчасъ уносили и на смѣну являлся другой, со свѣжими силами.

Веселье было въ самомъ разгарѣ, какъ вдругъ среди танцующихъ очутился новый танцоръ: чернѣ остальныхъ, полунагой атлетъ, съ пестрыми перьями въ волосахъ, бубенчиками и побръкушками на рукахъ, съ украшеніемъ изъ зубовъ алигатора на груди и съ живою змѣею вмѣсто галстука.

Онъ раздвинулъ кругъ: ему надо было много мѣста, и началъ прыгать, откидывая руки и ноги такъ, что дикій танецъ до него казался только развлеченіемъ. Онъ все громче и громче кричалъ и стоналъ, движенія его становились все быстрѣе и прыжки выше, такъ что восхищенная толпа негровъ радостно закричала.

Міоко-Коанго былъ няньчъ. Пѣна выступила у него изо рта, налитые кровью глаза широко раскрылись, а грудь вздымалась и опускалась какъ бока загнаннаго звѣря. Но вотъ что то свистнуло въ воздухѣ! Раздался дикій, скоро подавленный крикъ— и Міоко лежалъ распростертый на землѣ, съ затнутымъ лассо на шѣ.

Донъ Хозе былъ такъ милостивъ, какъ только могъ быть испанецъ-плантаторъ. Онъ пощадилъ жизнь плѣнника, не велѣлъ даже наказывать Міоко за свое оскорбленіе, но не могъ простить ему, по принципу, именно попытки получить свободу.

Среди стараго города, въ той части его, которая теперь находится въ развалинахъ, стояла тюрьма съ сырыми сводами, темными кельями и желѣзными клітками. Тамъ лежалъ связанный Міоко; его показали. Но ни одинъ крикъ жалобы не вырвался изъ сжатыхъ устъ истязуемаго вождя.

Съ восходомъ солнца его отвезли на плантацію. Утренній воздухъ былъ полонъ благоуханія травъ и цвѣтовъ. Длиннорогіе быки, везшіе повозку, въ которой лежалъ наказанный, остановились у бывшей хижины Міоко.

— Бросьте его на дворѣ, сказалъ смотритель, онъ слишкомъ долго пользовался свободой и задохнется въ домѣ. Постелите ему у двери.

Явилась Пальмира и съ плачемъ упала возлѣ безпомощнаго колосса-вождя, котораго негры осторожно положили на сѣно. Онъ былъ весь избитъ. Большіе глаза его были сухи, но безконечное отчаяніе отражалось въ нихъ. Отъ времени до времени, онъ медленно взглядывалъ на Пальмиру. Теперь ему не приходилось заботиться, чтобы се отдала ему; она ни на минуту сама не отходила отъ него.

Когда кто то уиомянулъ имя Агриколы Фузильера, глаза негра такъ быстро устремились на Пальмиру, что она ждала, что онъ заговоритъ. Но онъ говорилъ только взоромъ. Пальмира попила его и отвѣчала ему наклоненіемъ головы и взглядомъ еще болѣе выразительнымъ, чѣмъ у мужа. Міоко также наклонилъ голову молча.

Отъ донъ Хозе торопливо прибѣжалъ посланный: „Господинъ приказываетъ Міоко тотчасъ снять проклятіе“. Африканецъ лишь горько улыбнулся.

Смотритель пытался убѣдить Міоко и долго дружески говорилъ съ нимъ. Вождь не удостоилъ его даже взглядомъ. Потомъ просили Пальмиру позаботиться объ умирающемъ мужѣ ея любимой госпожи. Нехотя она сдѣлала слабую попытку.

Міоко широко открылъ глаза, пристально посмотрѣлъ на Пальмиру и поднялъ дрожащую руку. Пальмира упала передъ нимъ рыдая.

Ночью въ домѣ поднялась бѣготня, плачь и рыданіе. Смерть наложила свою руку на дону Хозе...

— Міоко! начала Пальмира на слѣдующій вечеръ, тихо произнося каждое слово. Донъ Хозе умеръ! Его только что схоронили. Умиралъ, онъ просилъ тебя, Міоко, мой дорогой мужъ, чтобы ты простилъ его.

Африканецъ не издалъ ни звука. Съ тѣхъ поръ что его избилъ онъ уже все молчалъ. Но большіе глаза его, въ которые казалась перешла вся оставшаяся въ немъ сила, пылали дикимъ огнемъ.

— Попроси твою госпожу прійти сюда, шепнулъ смотритель Пальмирѣ; если она хочетъ спасти ребенка, пусть она поторопится, чтобы Міоко снялъ съ него свое проклятіе. Но скорѣе! скорѣе!

Молодая вдова, съ ребенкомъ на рукахъ, пришла тотчасъ. Она опустилась на колѣни возлѣ Міоко и положила мальчика на руки негра.

Черный вождь опустил глаза на крохотное бѣлое созданіе,

которое ангельски улыбаясь, доверчиво смотрѣло на него и проводило полной ручкой по лицу несчастнаго. И вотъ, въ первый разъ, глаза негра вдругъ наполнились слезами, которыя медленно скатились со щеки на руку ребенка. Нѣжно и ласково положилъ онъ руку на голову малютки, и уста его прошептали нѣсколько невнятныхъ словъ. Затѣмъ онъ отнял руку и закрылъ глаза. Съ дома Хозе проклятіе было снято!

— Пальмира, сказала смотритель, вытирая глаза, нужно позвать священника.

Примель священникъ, вѣнчавшій два года назадъ Міоко и Пальмиру. На вопросы Міоко отвѣчалъ глазами, взоръ которыхъ быстро потухалъ; наконецъ священникъ спросилъ:

— Знаешь ли куда ты отправляешься?

— Да, выразили глаза.

Всѣ наклонились къ Міоко, желая услышать послѣднее его слово.

Но голосъ не повиновался умирающему. Онъ поднялъ руки; глаза его нашли какую то точку въ пространствѣ, на которой онъ остановился съ выраженіемъ счастья. Тихая улыбка озарила его лицо и, прошептавъ имя своей родины, черный вождь закрылъ глаза на вѣки...

Неправильности нервной жизни.

Очеркъ.

Что можетъ быть подвижнѣе и сложнѣе нашей перво-мозговой жизни? Что можетъ сравниться съ нею по массѣ тѣхъ вліяній, которыя дѣйствуютъ на нее въ томъ или другомъ направленіи?

Наука о душевныхъ болѣзняхъ—недостаточно разработана еще. Въ лицѣ своихъ представителей, она не можетъ сказать во всякомъ данномъ случаѣ, гдѣ умственное расстройство и гдѣ нѣтъ его. Противорѣчія другъ другу судебнымъ экспертамъ служатъ тому лучшимъ доказательствомъ. Известно, что представители защиты или прокуратуры возбуждаютъ иногда вопросъ о состояніи умственныхъ способностей подсудимаго, котораго и подвергаютъ психіатрической экспертизѣ. Если окажется, что умственные способности подсудимаго были ненормальны въ моментъ совершения преступленія только или въ предыдущіе моменты, то онъ признается совершившимъ преступленіе въ состояніи невмѣняемости, и наказанія не налагается. Его оправдываютъ по суду и вмѣсто тюрьмы помѣщаютъ въ заведеніе для душевнобольныхъ. Нужно признать, однако, что многихъ присуждаютъ къ леченію вмѣсто наказанія, по трудности и часто невозможности опредѣлить дѣйствительное состояніе умственныхъ способностей подсудимаго въ моментъ совершения преступнаго дѣянія. Эксперты, часто не специалисты по душевнымъ болѣзнямъ, не психіатры, даютъ иногда самыя противорѣчивыя показанія.

Анатомія отвѣчаетъ отрицательно на вопросъ, не сопровождается ли безуміе какимъ-либо видимымъ органическимъ поврежденіемъ. Значитъ, даже по смерти человѣка, анатомическимъ вскрытіемъ нельзя доказать нормальность или ненормальность состоянія его ума.

Давно-ли мы читали въ газетахъ объ одномъ несчастномъ, который сдѣлался жертвой недостойной интриги, былъ помѣщенъ въ заведеніе для душевно-больныхъ и находился тамъ противъ воли довольно продолжительное время, въ качествѣ сумасшедшаго. Случается даже, что подобныя жертвы интриги, или простой случайности, дѣйствительно сходятъ съ ума.

Не такъ давно, напримѣръ, въ Константинополѣ, одна молодая дѣвушка, греческаго вѣроисповѣданія вышла, съ согласія своихъ родителей, замужъ за армянскаго банкира. Черезъ нѣсколько недѣль, проясками враговъ своего мужа, она была оторвана отъ супружескаго очага и помѣщена въ домъ для сумасшедшихъ. Долгое время поиски мужа оказывались тщетными. Наконецъ, онъ обратился въ министерство полиціи и открылъ мѣстопробываніе несчастной жены своей. Ее нашли въ подземельѣ, лежащей на рогожѣ, привязанной цѣпью къ стѣнѣ; возлѣ нея стоялъ кувшинъ воды. Только черезъ двѣ недѣли послѣ этого, мужу удалось выручить ее изъ этого ужаснаго положенія, въ которомъ она дѣйствительно сошла съ ума.

Тотъ способъ леченія, которому подверглась несчастная гречанка, имѣлъ широкое распространеніе въ прежнія времена. Душевнобольные огульно считались одержимыми демономъ и если ихъ не жгли на огнѣ, не топили въ водѣ или не предавали какой-либо другой казни, то сажали на цѣпи или помѣщали въ желѣзную клетку. Много гибло такимъ образомъ несчастныхъ. И нельзя сказать, чтобъ все это было очень давно.

Развитіе наукъ вообще и въ частности психологіи и психіатріи даютъ теперь возможность примѣнять къ людямъ, одержимымъ тѣми или другими умственными расстройствами, надлежащіе способы леченія. Во всѣхъ образованныхъ странахъ устроены теперь обширныя лечебницы для душевнобольныхъ, съ садами, огородами, полями. Англія занимается въ этомъ отношеніи одно изъ первыхъ мѣстъ.

Ненормальности нашей душевной жизни крайне разнообразны какъ по предмету, такъ и по проявленіямъ. Первые бо-

лѣзни были часты и въ прежнее время, и разрослись еще болѣе въ новѣйшее. Причинъ послѣдняго много. Различныя возбуждающія нервную систему средства потребляются теперь въ громадномъ количествѣ. Всякій можетъ засвидѣтельствовать насколько усилилось въ послѣднее время потребленіе чая, напримѣръ, у насъ. Далѣе, неправильная жизнь, неумѣренность—все это и многое другое служитъ обильнымъ источникомъ различныхъ, болѣе или менѣе серьезныхъ, нервныхъ расстройствъ.

Какъ фактъ, нужно замѣтить, что нѣкоторыя нервныя расстройства имѣютъ эпидемическій характеръ, характеръ повальной заразной болѣзни. Случается, что появленіе одного такого большого влечетъ за собою громадное количество заболѣваній, въ силу бессознательнаго подражанія. Таково, напримѣръ, кликушество, истерика—болѣзнь, выражающаяся во внезапныхъ переходахъ отъ смѣха къ слезамъ. Въ одномъ изъ городовъ Франціи, самоубійства, особливо между женщинами, сдѣлались эпидемической болѣзнію. Многія несчастныя жертвы эпидеміи бросались въ воду и такимъ образомъ кончали свое земное существованіе.

Угрозы какого-либо страшнаго наказанія являются, какъ оказывается, въ этихъ случаяхъ лучшимъ лекарствомъ. Такъ въ данномъ случаѣ было объявлено, что трупы женщинъ-самоубійцъ будутъ выставляться обнаженными—и эпидемія прекратилась. Примѣровъ такихъ заболѣваній и успѣшнаго примѣненія подобныхъ лекарствъ—очень много. Такъ точно, не такъ давно у насъ въ Россіи одинъ помѣщикъ высказалъ угрозу—обливать холодной водой кликушъ, число которыхъ чрезвычайно увеличилось въ его имѣніи. Угроза подѣйствовала, и на этотъ разъ эпидемія кликушества прекратилась.

Первая организація наша дѣлаетъ иногда возможными весьма странныя проявленія своей дѣятельности, постепенно постигаемья, однако, наукой.

Таковъ, напримѣръ, *гипнотизмъ* или *сомнамбулизмъ*, во время котораго человѣкъ всецѣло подчиняется волѣ производящаго опыты, дѣлаетъ что тотъ прикажетъ, отвѣчаетъ на предлагаемые вопросы и т. п., находясь въ состояніи совершенной бессознательности. Гипнотическое состояніе можно, между прочимъ, вызывать пристальнымъ смотрѣніемъ въ глаза продолженіи известнаго времени. Гапзень, такъ недавно производившій опыты гипнотизма въ Петербургѣ, ошибся, пріѣхавъ въ Россію изъ за-границы, въ своихъ ожиданіяхъ—найти въ Петербургѣ однихъ щедрыхъ поклонниковъ и ни одного противника. Д-ръ Лихонинъ, отъ котораго онъ потерпѣлъ полное пораженіе, оказался для него серьезнымъ противникомъ. Мы не будемъ повторять здѣсь того, о чемъ такъ много говорилось и подробно описывалось въ ежедневной печати.

Любопытно то еще, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ человѣкъ становится одновременно въ положеніе и наблюдателя, и наблюдаемаго въ полномъ смыслѣ. Такъ, случается, что нѣкоторые болѣе производятъ рѣчи противъ собственнаго желанія, утверждая, что дьяволъ говоритъ ихъ устами.

Въ менѣе рѣзкой формѣ, когда воля не безсильна, это явленіе—вполнѣ нормально. Такъ человѣкъ можетъ слѣдить за собой, за развитіемъ какой нибудь мысли, страсти или склонности, и является такимъ образомъ одновременно въ состояніи наблюдателя и наблюдаемаго.

Существуютъ явленія еще болѣе странныя. Мы окончимъ настоящій очеркъ передачей одного изъ нихъ.

11 іюля 1879 года, г. Дюжарденъ-Бометцъ представилъ французскому медицинскому обществу госпиталей 38-лѣтнюю женщину, страдавшую истерикой и находившуюся въ состояніи совершенной анестезіи (безчувственности). Ее буквально можно было назвать литографической женщиной. Достаточно,

было начертить на ея тѣлѣ какую нибудь букву или слово, напримеръ, чтобы на этомъ мѣстѣ тотчасъ-же образовалось соотвѣтствующее возвышеніе, настолько ощутимое, что слѣпой могъ читать такъ странно написанное рукою, посредствомъ чувства осязанія. Эти странныя надписи оставались ясными въ продолженіи четырехъ или пяти часовъ. При этомъ температу-

ра сильно возвышалась на раздраженныхъ частяхъ и согрѣвала больную.

Развивающаяся непрерывно наука все болѣе и болѣе суживаетъ область непонятнаго, постепенно даетъ объясненія необъясненному, но все же, въ концѣ концовъ, должна признать, что ей неизвѣстны первоначальныя причины этихъ явленій.

Къ рисункамъ.

Охота во Франціи 300 лѣтъ тому назадъ.

(Рис. на стр. 300 и 301).

Какая широкая, прекрасная картина! Выстрѣлы и звуки роговъ сопровождаютъ быструю скачку охотниковъ по лѣсамъ и долинамъ. Сквозь кусты и терновники, по полямъ преслѣдуютъ они дичь, и рѣзкій звукъ рога сгнуживаетъ въ чащѣ оленя. Собаки выгоняютъ на лугъ измученнаго кабана. Свора его окружаетъ, дико сверкаетъ его налитый кровью глазъ. Вотъ онъ снова скрывается въ лѣсу, но храбрые псы не перестаютъ гнаться за нимъ. Слово вихрь несетъ охота; у всадниковъ и собакъ захватываетъ дыханіе. Охотники не знаютъ никакихъ преградъ и смѣло мчатся впередъ. Вотъ кабанъ выгнанъ снова; собаки бѣшено кидаются на него, онъ съ отвагой отчаянія отражаетъ нападеніе и первой подскочившей собакой глубоко воцараживаетъ клыкъ. Но ему не справиться съ преслѣдователями: мѣткая пуля кладетъ его на мѣстѣ. Трубить сборъ, и вотъ всѣ по-немногу сѣзжаются на ошукъ лѣса. Одни волокутъ оленя, другіе ташутъ убитаго кабана, а тамъ виднѣется желтый пушистый хвостъ лисицы. Но вотъ раздаются глухіе удары копытъ о землю—это галопируетъ герцогиня со своею свитою. Стройно держится она на лошади, гордо поднимая голову, вся раскраснѣвшая отъ быстрой ѣзды. Навстрѣчу ей несутся восторженные привѣтствія, а она, ласково кланяясь, подтягиваетъ поводъ и оглядываетъ добычу охоты.

Этотъ послѣдній именно моментъ удачно окончившейся охоты, прекрасно воспроизведенъ мюнхенскимъ художникомъ. Охотѣ съ такою страстью предавались въ прежнее время, что мы уже не можемъ теперь составить о томъ себѣ точнаго понятія, хотя она и теперь увлекаетъ еще многихъ.

Прощеніе.

(Рис. на стр. 305).

Она была непослушна, строгица, она огорчила свою мать, эта молоденькая дѣвушка, и вотъ ее самое беретъ раскаяніе; ей такъ грустно, невыносимо думать, что на нее сердятся, и она не выдерживаетъ, ласкается просить прощенія, и конечно его получаетъ. Сколько нѣжности и выразительности въ ея позѣ и сколько любви во взглядѣ матери, на рукахъ которой лежитъ глубоко и мирно спящій мальчуганъ, и не подозревающей о маленькой семейной драмѣ, разыгрывающейся надъ его головой.

Молодая насѣдка.

(Рис. на стр. 308).

Дѣтки приходятъ утромъ, по обыкновенію, къ своей любимцѣ—черной хлопотливой курицѣ, и, о радости! въ гнѣздѣ ея обзавидывается цѣлая семья прелестныхъ, желтенькихъ, пушистыхъ цыплятъ, которые такъ мило поглядываютъ своими крохотными глазками, что дѣти въ умиленіи и восторгѣ не могутъ на нихъ налюбоваться, а маленькая дѣвочка беретъ въ руки самаго крохотнаго птенчика и цѣлуетъ его желтую головку, къ безпокойству молодой насѣдки, въ гордости и упоеніи семейнаго счастья, торжественно возсѣдающей въ своемъ гнѣздѣ. И насѣдка испуганно хлопчетъ, встревоженно поглядывая на малютку своимъ бойкимъ глазомъ и боясь чтобы не сдѣлали вреда ея птенчику.

Первая дуга.

(Рис. на стр. 309).

Художникъ нашъ очень удачно воспользовался интереснымъ эпизодомъ перваго выѣзда рысстаго, кровнаго жеребца на заводъ, когда послѣ гоньбы на кордѣ, его запрягаютъ наконецъ, онъ чувствуетъ на себѣ впервые збрую и нетерпѣливо и дико рвется, стремясь разшибить и сбросить эту непосную, сердящую его упряжь. Двое дюжихъ кошоховъ едва удерживаютъ великолѣпное животное, бьющее уже начинающій таять снѣгъ могучими копытами. Хозяинъ завода совѣтуетъ какъ держать коня, а въ розвальни сади уже сѣли наѣзники, и одинъ держитъ кнутъ за спиной, чтобы не испугать бѣснующагося коня.

Замокъ Нейшванштейнъ.

(Рис. на стр. 313).

Противъ замка Гогеншвангау, выстроеннаго королемъ баварскимъ Максимилианомъ, на мѣстѣ прежняго укрѣпленія Швайнштейнъ, высится съ 1882 года новый великолѣпный замокъ ко-

роля Людовика II—Нейшванштейнъ. Онъ выстроенъ на мѣстѣ старинной крѣпости Фордеръ-Швангау, отъ которой сохранились еще развалины, и стоитъ на отвѣстной скалѣ, надъ обрывомъ Пеллатъ. Прелестный видъ на замокъ представляется съ Маринскаго моста, вытянувагося на высотѣ 18 сажень надъ шумящей рѣчкой Пеллатъ, отъ которой получилъ свое названіе и обрывъ; нашъ рисунокъ изображаетъ воздушный, великолѣпный замокъ баварскаго короля именно такимъ, какимъ онъ представляется съ этого мѣста. Замокъ выстроенъ въ чисто итальянскомъ стилѣ, съ богатыми декоративными украшениями, множествомъ балконовъ, угловыхъ башенъ и т. п. Изъ середины, прочно воздвигнутаго изъ гранита, зданія поднимается вверхъ на 110 метровъ наблюдательная башня, съ галереи которой разстилается прекрасный видъ на высокую равнину Баваріи. Крыша всего замка сдѣлана изъ толстой листовой мѣди. Большой дворъ замка ведетъ къ величественному portalу, представляющему собой единственное въ своемъ родѣ произведеніе каменнотеснаго искусства. Фронтонъ праваго крыла замка украшенъ двумя фресками въ 12 футовъ вышиной; одна изъ нихъ изображаетъ св. Георгія Побѣдоносца на конѣ, поражающаго копьемъ дракона, другая—Богоматеръ съ Младенцемъ Иисусомъ на рукахъ, покровительницу Баваріи. На шпиль фронтона этого крыла укрѣпленъ вылитый изъ бронзы герольдъ, въ средневѣковомъ вооруженіи, а шпиль лѣваго крыла украшенъ мѣднымъ львомъ. Внутренняя отдѣлка, со множествомъ статуй, придаетъ замку волшебный видъ. Изъ художественныхъ украшеній можно отмѣтить здѣсь мастерской рукой выполненныя фрески: „Кольцо Нибелунговъ“ и „Парсифаль“ Рихарда Вагнера, также нѣсколько эпизодовъ изъ сраженій 1870 и 1871 годовъ, въ которыхъ принималъ участіе баварскій корпусъ, и изъ исторіи королей Баваріи съ 1806 по 1867 годъ. Достоянна вниманія также отдѣлка плафона; полъ частью мозаичный, частью паркетный, роскошнаго узора. Повседневные покои короля находятся въ самомъ верхнемъ этажѣ и состоятъ только изъ рабочаго кабинета, спальни, библиотеки и зала для пріема докладовъ. Кабинетъ украшенъ бюстами: родителей короля, Рихарда Вагнера, фонъ-деръ-Танна и министра Лютца, поодаль отъ которыхъ помѣщена картина, представляющая сцену изъ „Рейнгольда“, и планъ увеселительнаго замка Линдергофъ. Освѣщеніе замка электрическое. Замокъ Нейшванштейнъ, выстѣ съ другими увеселительными дворцами короля Людовика: Линдергофъ, Шохенъ, Эльмау и Геренхимзе, представляетъ собой украшеніе страны и принадлежитъ къ самымъ величественнѣйшимъ постройкамъ континента.

Птицы какъ друзья и защитники большихъ животныхъ.

(Рис. на стр. 316).

При всей странности и невѣроятности существованія какихъ бы то ни было дружескихъ отношеній между маленькой птичкой и огромнымъ млекопитающимъ, въ наукѣ встрѣчаются неопровержимые факты, что такія отношенія рѣдко по существу; рассказы объ нихъ содержатъ еще нѣчто легендарное, но подтвержденное наблюденіями натуралистовъ. Такъ маленькая птичка *трохилусъ* (*Troglodytes aegreus*) теперь уже пользуется вполне законно именемъ друга и хранителя крокодила и рассказы объ ней Геродота и Плинія нашли блистательное подтвержденіе и въ наблюденіяхъ новѣйшихъ ученыхъ изслѣдователей. Честь первоначальнаго наблюденія остается за Геродотомъ. Онъ первый замѣтилъ, что въ то время, какъ всѣ другія птицы и звѣри избѣгаютъ крокодила, онъ находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ трохилусомъ, который приноситъ ему большую пользу; когда крокодилъ лежитъ съ открытою частью на сушѣ, повернувъ ее по обычаю къ солнцу, то трохилусъ прилетаетъ къ нему, садится ему въ ротъ и очищаетъ его отъ шивидъ, присосавшихся къ его деснамъ. Это очень нравится крокодилу и поэтому онъ любитъ птичку и даже раскрываетъ свой ротъ какъ можно шире, чтобы ей не наклеиваться при выходѣ. Народные рассказы арабовъ пошли еще дальше въ передачѣ подробностей этой трогательной дружбы. По ихъ словамъ, зигъ-загъ, какъ они называютъ трохилуса, подражая его крику, часто такъ увлекается чистою крокодиловыхъ десенъ, что чудовище, не видя конца работѣ импровизированнаго дантиста, закрываетъ наконецъ челюсть отъ утомленія. Тогда трохилусъ, приведенный въ ярость отъ такого неблагодарнаго поступка, со всѣхъ силъ начинаетъ царапать клювомъ и когтями челюсть животнаго и заставляетъ ее еще разъ открыться для своего выхода. Новѣйшіе изслѣдователи, которые посѣщали Египетъ, подтверждаютъ единогласно истину

Нейшванштейнъ, замокъ короля Баварскаго. Рис. проф. К. Шиднера, грав. Рау.

наблюдений Геродота. Умъ и необычайная подвижность предохраняют трохилуса отъ челюстей крокодила. Житель песчаныхъ отмелей, на которыя выходитъ крокодилъ, чтобы поспать и погрѣться на солнцѣ, онъ привыкъ къ чудовищу и хорошо знаетъ, какъ нужно держать себя относительно его. Онъ всегда остороженъ и умѣетъ во время вѣрно опредѣлить грозящую опасность: при видѣ какого нибудь неизвѣстнаго ему или опаснаго существа, онъ издаетъ крикъ, который будитъ спящаго крокодила, считающаго въ такомъ случаѣ за лучшее поскорѣе опуститься въ воду.

Другой замѣчательный примѣръ птичьяго инстинкта представляется такъ называемый красноклювый личинкоѣдъ (*Virhaga erythrothynca*) изъ отряда вороповыхъ, водящійся въ лѣсахъ Африки и считающійся постояннымъ спутникомъ и вѣрнымъ другомъ носорога. Дѣйствительно, эта птица и неуклюжий малоподвижный носорогъ — неразлучны и днемъ, и ночью, и въ счастіи, и въ несчастіи, до той поры, пока хоть одно назойливое насѣкомое скрывается въ толстой и жирной кожѣ громаднаго млекопитающагося. Въ лѣсахъ Африки мириады насѣкомыхъ причиняютъ нестерпимую страданію не только носорогу, но и слону, и бегемоту, — и вотъ, въ этихъ-то случаяхъ, для названныхъ животныхъ красноклювый личинкоѣдъ является истиннымъ благодѣтелемъ. Птица руководится въ своихъ заботахъ объ крупныхъ животныхъ чисто эгоистическими дѣяніями, такъ какъ насѣкомыя составляютъ для нея главную пищу, но это эгоистическое отношеніе обращается мало по малу въ нѣчто похожее на искреннюю дружбу. Довѣрчиво и покорно подчиняется сильный и могучій носорогъ ударамъ клюва маленькой птички, такъ какъ, не смотря на боль, съ каждымъ новымъ ударомъ этого клюва, онъ освобождается отъ какой нибудь назойливой мухи или подкормкаго клеща. Особенно много работы предстоитъ личинкоѣду на пораненныхъ и наболѣвшихъ мѣстахъ животнаго. Въ жаркихъ и болотистыхъ странахъ даже легкая рана становится скоро серьезной, привлекая дѣлая мириады мухъ и другихъ мелкихъ насѣкомыхъ, и можетъ повлечь за собою смерть животнаго; вотъ въ этомъ то случаѣ услуги личинкоѣда неоцѣнимы. За носорогомъ ухаживаетъ обыкновенно не одна, а нѣсколько птичекъ; ихъ обязанности не ограничиваются однимъ исканіемъ паразитовъ. Онѣ, подобно трохилусу, стоятъ на сторожѣ спящаго животнаго и предостерегаютъ его рѣзкими криками о приближеніи врага; когда же крикъ не можетъ разбудить носорога, то личинкоѣдъ садится на его морду и бьетъ его своими крыльями. Извѣстный путешественникъ по Африкѣ, Гордонъ Румзингъ, рассказываетъ, что много разъ утѣхъ его охоты за носорогомъ разрушался бдительностью этой птицы. „Носорогъ, говоритъ онъ, превосходно понимаетъ птички сигналы и, вскакивая на ноги, прежде всего осматривается кругомъ, но всѣмъ направленіямъ, а потомъ, обыкновенно, убѣгаетъ. Я часто охотился за носорогомъ верхомъ на лошади, преслѣдовалъ его нѣсколько миль, стрѣлялъ въ него неоднократно и во все это время, пока носорогъ не былъ убитъ, птицы были съ нимъ неразлучны. Если моя пуля касалась животнаго, то онѣ поднимались на воздухъ, не выше шести футовъ, и потомъ снова занимали на спинѣ носорога прежнее положеніе. Такая же исторія происходила и тогда, когда какая нибудь нависшая вѣтвь дерева сметала ихъ съ занимаемой ими позиціи. Я часто охотился на носорога ночью, когда онъ приходилъ на водоню и птицы, думая, что убитый носорогъ спитъ, оставались съ нимъ до утра; при моемъ приближеніи, прежде чѣмъ улѣтѣть, онѣ всѣми силами старались разбудить друга отъ глубокаго, непробуднаго сна.“

Красивая маленькая птичка составляетъ странный контрастъ съ массивною, неуклюжею фигурою ея протеже. Какъ доказываетъ самое названіе — она имѣетъ красный клювъ. Вся верхняя сторона, передняя часть шеи и верхняя грудь равнотѣрнаго, красновато-коричневаго цвѣта. Нижняя сторона сѣдло-чалая, крылья и хвостъ темно-коричневые; глаза и глазныя вѣки золотистаго цвѣта. Птичка имѣетъ около девяти дюймовъ длины и встрѣчается какъ въ части центральной, такъ и береговой Африки. Хотя онѣ и зовутся въ народномъ названіи спутниками носорога, но въ сущности личинкоѣды живутъ около стадъ рогатаго скота и лошадей, а также оказываютъ свои услуги

слонамъ, верблюдамъ и буйволамъ. Самыя дикія и свирѣпыя животныя, чтобы спастись отъ своихъ мучителей — насѣкомыхъ, послушно подставляютъ свою выю этой маленькой, благодѣтельной птичкѣ и даютъ ей полную свободу терѣбить клювомъ спину, сознавая, что въ этомъ случаѣ самая боль имѣетъ для нихъ благодѣтельные послѣдствія.

Древнее русское вооруженіе.

(Рис. на стр. 317).

Въ настоящемъ № нашего журнала мы помѣщаемъ четыре сабли, принадлежавшія нѣкогда историческимъ лицамъ — гордости и славы русскаго народа.

1) Сабля великаго князя Владиміра Мономаха, называемая греческою, хранится въ московской оружейной палатѣ подъ № 2. Она булатная, на одной сторонѣ полосы — наведенъ золотомъ ликъ Богоматери съ предвѣчнымъ младенцемъ, въ десницѣ ея неувядаемый цвѣтъ, надъ которымъ изображенъ святой духъ въ видѣ голубя. Вокругъ лика Богоматери изображены херувимы, а выше архангелы, вооруженные мечами, держащіе корону. Между архангелами вставленъ небольшой яхонтъ. Надъ ними изображеніе солнца, съ разсыпанными кругомъ него звѣздами, ниже изображены двѣ свѣчи, между которыми, также въ золотомъ гнѣздѣ, — яхонтъ. Вдоль полосы, около тыла, рѣзана золотомъ надпись по гречески. Въ переводѣ: „Пресвятая Богородица помози рабу твоему въ лѣто по Христѣ“, надпись съ обѣихъ концовъ ограничена двумя большими яхонтами, вставленными въ гнѣзда. Время, въ которое именно лѣто по Христѣ, не означено.

На другой — насѣченъ золотомъ въ клеймѣ св. Георгій на конѣ, поражающій змія.

Рукоятъ этой сабли, огниво, ножны, устья, наконечникъ и обѣ обоймы съ кольцами, золотыя, украшенныя 522 алмазами и 165 яхонтами. На рукоятъ сверху ея вставленъ большой красный яхонтъ.

2) Тесакъ царя Михаила Осодоровича. Эта, чрезвычайно изящной работы, булатная, прорѣзная, съ золотой насѣчкой, сабля, или по чешски — тесагъ, сдѣланный въ мастерской оружейнаго приказа, сабельныхъ дѣлъ мастеромъ Ниломъ Просвѣтомъ, родомъ изъ чеховъ, по повелѣнію царя Михаила Федоровича Романова, и по приказу оруженачаго М. Салтыкова (1617 г.).

На полосы — съ обѣихъ ея сторонъ насѣчена золотомъ надпись чешскими буквами съ прибавленіемъ русской В, передъ нѣкоторыми ея словами. Въ описной книгѣ 1667 г. объ этой саблѣ сказано:

„Тесакъ, московскаго дѣла, рѣзанъ на просѣ, рѣзь покрыта золотомъ да серебромъ, в долу слова и голома по обѣ стороны наведены золотомъ, а на голомы по обѣ стороны наведены по два долика, ножны поволочены бархатомъ, зеленомъ, оправа на ножнахъ серебряная прорѣзная, золочена в осми мѣстахъ, поясъ тесма шолкъ зеленъ съ золотомъ, оправа на поясу серебряная, прорѣзная, золоченая въ двадцати мѣстахъ; у него-жъ темлякъ и кисть шолкъ зеленой съ золотомъ, ворворка (чашечка, съ которой скрѣплена кисть) золотая“.

Мы сказали о двухъ сабляхъ, принадлежавшихъ в. кп. Владиміру Мономаху и царю Михаилу Федоровичу Романову. Теперь скажемъ объ остальныхъ двухъ, изображенныхъ на нашемъ рисункѣ — о саблѣ князя Пожарскаго и Козьмы Минина. Эти двѣ послѣднія, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, поступили въ московскую оружейную палату въ 1830 г., изъ Свято-Троицкой Сергіевской лавры, вмѣстѣ съ сдѣломъ князя Пожарскаго, бердышами, кольчугами и ружьями защитниковъ Лаврской обители, во время осады польскими войсками подъ предводительствомъ гетмана Сагѣи въ 1608 г.

3) Сабля князя Пожарскаго, полоса булатная, азиатскаго выкова. Рукоятъ сабли, огниво, устье поженъ, наконечникъ и пять обоймъ по зеленому хзу, серебряныя вызолоченыя, поясъ при саблѣ изъ разноцвѣтнаго шелка съ серебромъ.

4) Сабля Козьмы Минина — полоса булатная, также азиатскаго выкова; рукоятъ костяная, огниво серебряное, ножны изъ чернаго хза съ двумя серебряными обоймами. Поясъ — гайтанъ шелковый.

Политическое обозрѣніе.

Англія. — Египетъ. — Италия. — Франція и Китай. — Турція.

Вопросы мобилизаціи войскъ и вообще вооруженія занимаютъ теперь всецѣло какъ правительственныя сферы, такъ и газетную прессу Англіи. Такъ, въ палатѣ общинъ было недавно прочтано посланіе королевы, въ которомъ сказано, что, въ виду нынѣшняго положенія государственныхъ дѣлъ и большой потребности въ военныхъ силахъ, для охраненія интересовъ имперіи, рѣшено созвать резервы арміи и милиціи. Кроме того, въ засѣданіи англійской палаты общинъ, происходившемъ 19-го марта, Смитъ обратилъ вниманіе правительства на недостаточность обороны англійскихъ военныхъ портовъ. Онъ сказалъ, что наилучшій способъ для упроченія мира заключается въ томъ, чтобы быть готовымъ къ войнѣ, и онъ падѣется, что правительство дастъ увѣреніе, что немедленно будутъ приняты

мѣры для снабженія портовъ достаточнымъ количествомъ торпедъ и минъ. Смитъ было отвѣчено, что въ Чатамъ учреждена школа подводныхъ минъ и, кромѣ того, будетъ сформирована корпусъ инженеровъ для руководства обороною посредствомъ подводныхъ минъ, и для принятія участія въ обученіи, упражненіи и вербовкѣ отрядовъ волонтеровъ для дѣйствія подводными минами. Въ заключеніе засѣданія маркизъ Гартингтонъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы численный составъ арміи былъ доведенъ до 114,694 человекъ. Это предложеніе принято равно какъ и кредитъ въ 4.613,000 ф. стерл. на уплату жалованья войскамъ.

Мятежныя сконница Османа-Дигми потерпѣли значительное пораженіе, послѣдствіемъ котораго было то, что всѣ позиціи непріятеля были заняты. Результатъ дѣйствій англійскихъ войскъ

состоялъ въ томъ, чтобы укрѣпиться на сильной позиціи, которая господствуетъ надъ долиною Хасеенъ, и обезопасить какъ правый флангъ, такъ и линію сообщеній въ предполагаемой экспедиціи на Тамай. Въ донесеніи генерала Трагама главнокомандующему Вольселею, говорится, что кавалерія замѣчательно отличилась; мѣстность была весьма затруднительна и солдаты выказали большую храбрость. Арабы выказали также чрезвычайное хладнокровіе и стойкость. Такъ мятежники, будучи выбиты изъ позицій, занимаемыхъ ими на высотахъ, атаковали англійскую кавалерію; они бросались на землю и саблями рубили ноги у лошадей. Бой былъ ожесточенный и узаны принуждены были отступить. Во время этихъ дѣйствій около 150 арабовъ атаковали гвардейцевъ, но были разбиты залпомъ. Другой отрядъ мятежниковъ пытался пробить себѣ дорогу по направленію къ редутамъ, но былъ почти весь истребленъ.

Арестованіе Зебера-паши возбуждало такой ропотъ среди приближенныхъ къ хедиву лицъ, что опасаются придворной революціи, вслѣдствіе чего приняты самыя строгія мѣры предосторожности для личной охраны Тевфика-паши. Арабскія газеты сообщаютъ подробности о всыхнувшемъ въ Іеменѣ, въ южной Аравіи, новомъ возстаніи. Цѣль возстанія, отразить турецкіе гарнизоны отъ всякаго сообщенія съ побережьемъ. По мнѣнію арабскихъ газетъ, Порта должна серьезно отнестись къ зародившемуся возстанію, которое распространится на Медину и Мекку, если константинопольское правительство не отправитъ своевременно военные силы.

По извѣстіямъ изъ Массовы, итальянскія войска двинулись на Керенъ, лежащій въ ста пятидесяти верстахъ отъ Массовы.

С М Ъ С Ъ .

Новые патроны. Извѣстно, что выстрѣлъ дробью дѣйствуетъ различно на дичь, смотря потому, воспламеняется ли зарядъ или нѣтъ, т. е. обладаетъ ли свойствомъ мгновенно убивать дичь огнемъ, даже и въ томъ случаѣ, если само оружіе не повреждается имъ. Причина воспламененія еще очень неясна и мнѣнія о ней охотниковъ и оружейниковъ расходятся. Старый опытный нѣмецкій охотникъ Гартигъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Что касается причины воспламененія, то ее трудно изслѣдовать“. Землевладелецъ Веберъ въ Гуммельрадейкѣ также неоднократно наблюдалъ необыкновенно различныя дѣйствія выстрѣла дробью и дѣлалъ многіе опыты. Въ прошломъ году онъ опубликовалъ въ „Иллюстрированной охотничьей газетѣ“, въ Лейпцигѣ, свои тридцатилѣтнія наблюденія о загадочномъ, но не подлежащемъ сомнѣнію воспламененіи ружья для дробы и доказываетъ, что это происходитъ отчасти отъ материала ствола, и отчасти, даже въ большинствѣ случаевъ, отъ воспламененія пороха, и что воспламененіе его внутри патрона, или же въ стволѣ, играетъ важную роль. При помощи многочисленныхъ выстрѣловъ по дичи, онъ убѣдился, что даже воспламененіе верхняго слоя пороха, непосредственно лежащаго подъ *шотголомъ*, производитъ полное и сильное воспламененіе патрона.

Принимая это во вниманіе, оружейный мастеръ Барчъ въ Липницѣ въ Германіи, сдѣлалъ для ружей Ланкастеръ, или центральныхъ, новый патронъ, который, при помощи мѣднаго зажигательнаго ядра, пропускаетъ калосоль въ верхнюю массу пороха, сквозь вѣскольکو звѣздообразныхъ отверстій и вызываетъ полное воспламененіе патрона. Для патрона этого, названнаго „*Воспламеняющимся патрономъ*“, испрашивается патентъ и онъ уже испытанъ на многихъ охотахъ. Мнѣнія разныхъ охотниковъ сводятся къ тому, что выстрѣлъ такого патрона мгновенно убиваетъ дичь, даже если имъ заряжены ружья дурно убивавшія съ другими патронами. Мгновенная смерть животнаго—это дѣло гуманности, а также личной безопасности, напр., во время охоты на хищныхъ звѣрей. Въ виду большаго сбыта новыхъ патроновъ, для ихъ изготовленія устроена машина, что дастъ возможность продавать ихъ по дешевой сравнительно цѣнѣ. Сотня такихъ патроновъ стоитъ 8 марокъ (4 рубля).

Китайскія разговоры отличаются мѣткими сравненіями. Напримѣръ забяку сыны Небесной имперіи называютъ бумажнымъ тигромъ. Расчотителя они сравниваютъ съ ракетой. Всякій, дѣлающій добро чужимъ и пренебрегающій своей собственной семьей, кажется имъ человѣкомъ несущимъ на высокой палкѣ фонарь, видный издали, но который не даетъ свѣта близи.

Парижскій издатель Лемонье и владѣлецъ типографіи Ришаръ приготовляютъ къ 84 му дню годовщины со дня рожденія Виктора Гюго, роскошное изданіе полного собранія сочиненій поэта и основали съ этою цѣлью общество съ капиталомъ въ 500000 франковъ. На это изданіе уже насчитываютъ до двухъ милліоновъ франковъ. Роскошное изданіе это состоитъ, по плану предпринимателей, только изъ 3000 экземпляровъ, которые заключаютъ каждый 40 небольшихъ четвертныхъ томовъ. Пятьдесятъ экземпляровъ будутъ напечатаны на японской бумагѣ и стоятъ 6000 франковъ каждый, затѣмъ слѣдуютъ 50 на китайской бумагѣ по 5000 фр., 200 по 4000 фр. и остальные по 3000, 2400 и 1200 фр. Бумага для перваго разряда будетъ доставлена изъ японскихъ императорскихъ фабрикъ и стоитъ для пятидесяти экземпляровъ 150000 фр.; китайская папка получится съ мѣста, но издержки на нее будутъ значительно меньше: 250000 фр.; печатаніе-же, наоборотъ, обойдется дороже вслѣдствіе твердости бумаги. Остальные экземпляры появятся на фран-

цузской бумагѣ, на каждомъ листѣ которой будетъ водяной знакъ—вензель поэта. Къ книжкамъ приложены четыре портрета Виктора Гюго, 250 гравюръ и 2500 вишетокъ. Каждая гравюра нарисована однимъ изъ лучшихъ художниковъ и, хотя они довольно дороги сравнительно съромною платкою, рисунки и гравюры будутъ стоить 1,500000 фр. Предполагается окончить это изданіе къ открытію Всемирной Выставки 1889 года. Оно будетъ выставлено для публики въ отдѣльномъ навильбѣ. Одновременно къ празднеству появится собраніе критикъ и статей о произведеніяхъ Виктора Гюго, составленное однимъ изъ его друзей, умершимъ недавно графомъ Поль де-Сень-Викторъ, авторомъ высоко цѣнимаго во Франціи произведенія „Дрѣ маски“—исторія трагедій и комедій. Сочиненія Поля де-Сень-Викторъ о Викторѣ Гюго, въ которыхъ преимущественно разобраны драмы поэта, представляютъ какъ-бы приложеніе къ „Двумъ маскамъ“.

Недавно найденный мамонтъ въ настоящее время сильно возбуждаетъ интересъ естествоиспытателей. Его видѣли на одномъ изъ острововъ рѣки Лены, уже лѣтъ двадцать тому назадъ, но съ тѣхъ поръ не было сдѣлано ни одной попытки высвободить его изъ-подъ льда. Причина этого была отчасти трудность работы въ чрезвычайно твердой почвѣ среди громадныхъ льдинъ, отчасти же сопротивленіе якутовъ, которые суетливо боится высвобожденія мамонта изъ льда. Певнѣ экспедиція полярной станціи при устьѣ Лены (172° с. ш.) предприняла выкапыванія мамонта, и руководитель экспедиціи д-ръ Бунге, построилъ баракъ, близъ мамонта, на разстояніи верстъ 15 отъ станціи. Онъ надѣется, что можно будетъ сохранить животное, вышиною около 2½ саж., цѣльнымъ и неповрежденнымъ. Кстати, до сихъ поръ было найдено только три экземпляра этихъ гигантскихъ допотопныхъ словесъ, но громадные клыки ихъ и зубы часто встрѣчаются, въ нѣмецкихъ, русскихъ и сибирскихъ каменныхъ и глиняныхъ наслоеніяхъ и образуютъ даже предметъ торговли, какъ ископаемая слоновая кость. Первый экземпляръ мамонта найденъ былъ Памласомъ на берегахъ Лены (164° с. т.) совсѣмъ почти въ разрушенномъ видѣ; скелетъ втораго можно видѣть въ Петербургскомъ Зоологическомъ Музее; мы обязаны его снисаніемъ естествоиспытателю Адамею, который только въ 1806 году могъ привести его въ сколько нибудь полный видъ, хотя онъ уже въ 1799 году былъ высвобожденъ изъ отдѣльной ледяной глыбы рѣки Лены. Туземцы-тунгусы въ то время также суетливо противились работамъ, какъ и теперь якуты. Суетворіе не помѣшало имъ однако отпилить животному громадные клыки и мѣнять ихъ на различные товары. Кромѣ того, туши были уже изуродованы хищными звѣрьми. Часть жесткой, черной колючей щетины и мягкой, красноватой шерсти была втоптана въ землю, но найдена и сохранена вмѣстѣ съ еще уцѣлѣвшимъ во льду глазнымъ яблокомъ, мозгомъ и кожей. Шмидтъ спасъ отъ третьяго мамонта очень цѣнное. вновь найденный мамонтъ, по сравнительной полнотѣ экземпляра, представляетъ большой интересъ; желательно было бы видѣть наконецъ полный экземпляръ животнаго.

Борьба за существованіе въ мѣрѣ растений. Замѣчено, что во многихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ одни древесныя породы постепенно вытѣсняють другія и стремятся исключительно завладѣть почвой. Въ Даніи, напр., найдено, что во многихъ мѣстностяхъ хвойныя деревья вытѣсняють дубы и буки и отчасти уже вытѣсняли; въ другихъ же мѣстахъ, наоборотъ, лиственные деревья вытѣсняють хвойныя. Во Франціи, въ Соленѣ, были также сдѣланы удивительныя наблюденія надъ запущенной рощей близъ Бауа: лѣтъ

Дружескія услуги. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.
Трохидусъ—другъ крокодила.

Красноклювъ-личинкоѣдъ.

Библиотека "Руниверс"

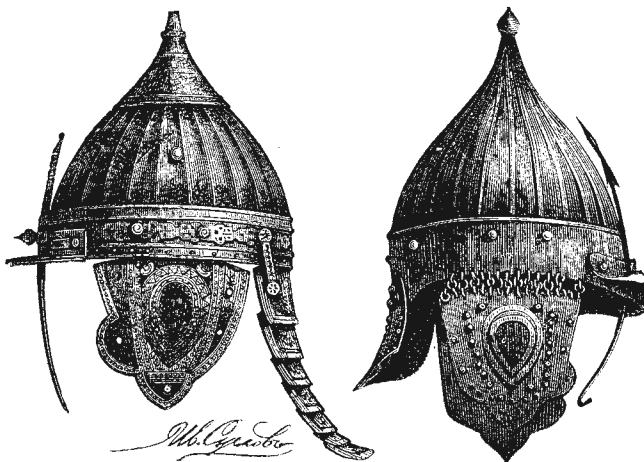
тридцать назад стали разводить лѣсъ на стѣнныхъ пространствахъ, засѣвая ихъ морскими и обыкновенными соснами; когда же лѣтъ черезъ пятнадцать очищали густую сосновую поросль, то замѣтилъ входящіе дубки, никакъ не сянныя. Вслѣдствіи сосны были вырублены и сама природа замѣнила ихъ густымъ дубовымъ лѣсомъ. По историческимъ изслѣдованіямъ, оказалось, что эта полоса земли была въ прежнее время покрыта непроходимыми дубовыми лѣсами. Явленіе это объясняется тѣмъ, что жолуди лежали глубоко скрытые въ землѣ и наконецъ пробившись и пустили ростки. Борьба между деревьями замѣчается и въ другихъ странахъ. Ботаникамъ и лѣсоводамъ стоило бы обратить больше вниманія на это явленіе, собрать и сравнить отдѣльные факты въ разныхъ странахъ Европы и Азии. Въ Граубинденѣ, напр., листовница повсюду вытѣсняетъ дубъ и сосну, а на Юрѣ сосна, наоборотъ, одерживаетъ верхъ надъ листовницей. Говорятъ, что въ Швеціи красный букъ почти вытѣснилъ дубъ, ель и березу, такъ что береза понадеется очень рѣдко и въ самомъ жалкомъ состояніи. Въ Пруссіи сосна замѣщаетъ дубъ и березу; въ русскихъ хвойныхъ лѣсахъ береза и дубъ быстро распространяются, въ сибирскихъ еловыхъ и сосновыхъ лѣсахъ береза также постепенно вытѣсняетъ первоначальную древесную растительность. Борьба за существованіе является среди растений, рыбъ и птицъ, такъ какъ и среди людей. Борьба эта идетъ между всѣми обитателями земли и водъ, и идетъ и въ растительномъ царствѣ.

На **нѣкоторыхъ побережьяхъ Новой Гвиней** деревни или кампонги туземцевъ, подобно деревнямъ на сваяхъ каменнаго періода средней Европы, удалены отъ береговъ на 150 и 200 футовъ и построены на водѣ на сваяхъ, что давно уже указано мно-

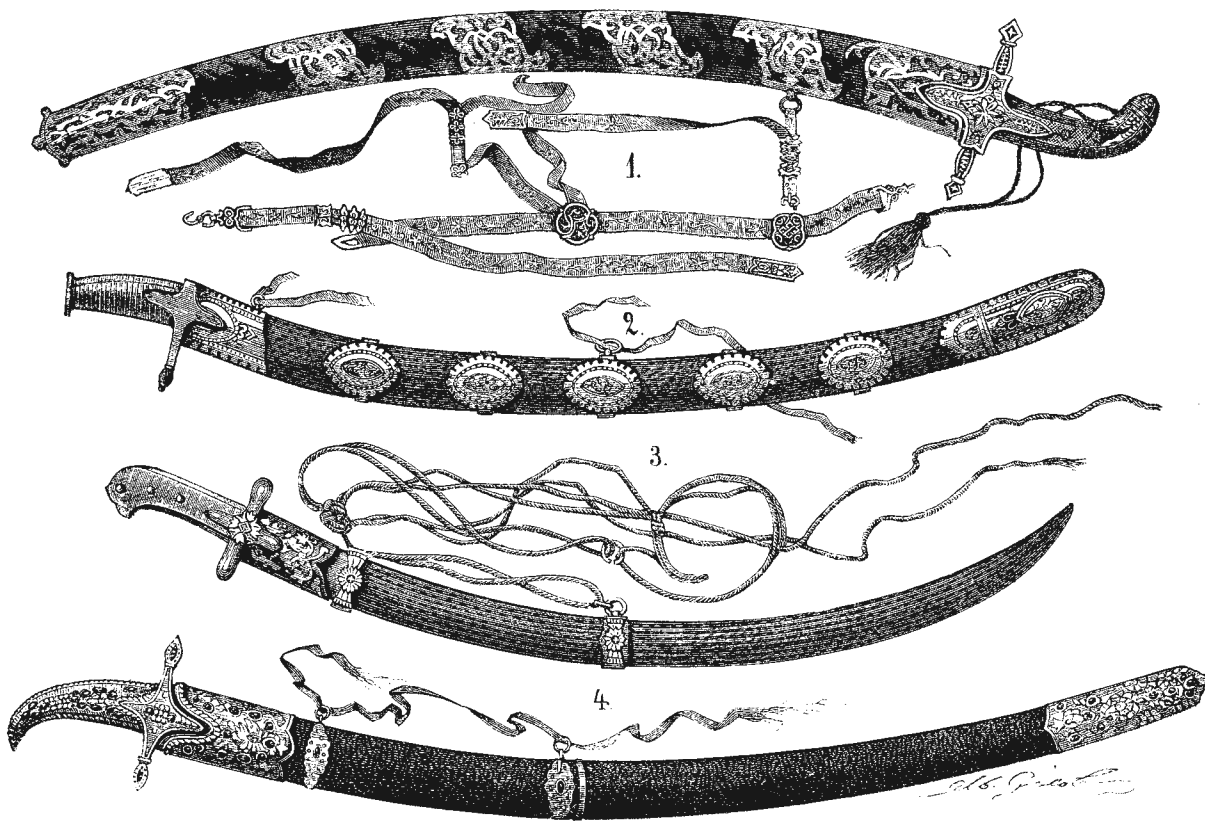
прожилъ между туземцами цѣлые 15-ть мѣсяцевъ. Жители этого мѣста, до прибытія его, не видѣли никакого металла и не имѣли никакихъ сношеній ни съ европейцами, ни съ малайцами. Не смотря однако на свои первобытные снаряды, дикари эти умѣютъ дѣлать деревянную и глиняную посуду. Они также занимаются земледѣліемъ, воздѣлывая большія пространства земли, въ изобиліи дающей имъ растительную пищу. Замѣчательно, что до прибытія Миклухо-Маклая жители бухты не умѣли самостоятельно добывать огонь и въ тѣхъ случаяхъ, когда очагъ потушалъ по недосмотру, они принуждены были отпраляться за огнемъ къ живущему на холмахъ племеню, которое по методу Робинзона умѣло высѣкать искру при помощи тренія. Известіе это изъ дальней Австраліи, схожее съ древнимъ сказаніемъ о Прометѣѣ, несомнѣно напоминаетъ о вѣчныхъ священнѣхъ огняхъ Весты у римлянъ, и заставляетъ догадываться о первоначальномъ значеніи и цѣли этого религіознаго учрежденія въ древнемъ Римѣ.

Генераль Грантъ, бывшій президентъ Соединенныхъ штатовъ, быстро приближается къ смерти. Раковидный наростъ у корня языка произошелъ, по объясненію врачей, отъ непомѣрнаго куренія табуку. Когда наростъ былъ открытъ, Грантъ пересталъ курить, но бы-

ло уже поздно. Онъ ощущаетъ ужасную боль въ правомъ ухѣ и верхней части головы, но проявляетъ необыкновенное мужество, диктуетъ по шести, восьми часовъ ежедневно исторію своего военнаго поприща, первый томъ которой уже оконченъ и второй близится къ концу. Обыкновенно, сидя съ повязанною головою, онъ диктуетъ своему сыну или же слушаетъ чтеніе написаннаго и спокойно дѣлаетъ поправки, претерпѣвая въ то же время сильныя страданія. Только задержка въ работѣ приводитъ его въ петербургъ, такъ какъ онъ боится, что

Древнее русское вооруженіе. Шлемы.
Рис. И. Сусловъ, грав. М. Рашевскій.

Древнее русское вооруженіе. 1) Тесакъ царя Михаила Теодоровича. 2) Сабля князя Д. М. Пожарскаго. 3) Сабля Минина. 4) Сабля Владиміра Мономаха. Рис. И. Сусловъ, грав. М. Рашевскій.

гма путешественниками. По до сихъ поръ было еще неизвѣстно, что на многихъ меланезійскихъ островахъ находятся племена, живущія еще и теперь въ каменномъ періодѣ и не имѣющія другаго оружія и утвари кромѣ сдѣланнаго изъ кремня или осколковъ костей. Фактъ этотъ впервые былъ сообщенъ Миклухо-Маклаемъ, который десять лѣтъ тому назадъ, въ обществѣ двухъ своихъ слугъ,

смерть наступитъ раньше, чѣмъ онъ успеетъ окончить свое сочиненіе. **Землетрясеніе въ Испаніи**, сдѣлавшее сотни богатѣе людей нищими, превратило въ богача одного бѣдняка, все имущество котораго заключалось въ небольшомъ кускѣ поля. На этомъ полѣ, недалеко отъ любимаго римлянами купанья Альгамы, открылся горючій источникъ съ большимъ содержаніемъ сѣры. Владѣлецъ преж-

няго купанья, боясь конкуренціи, предложилъ счастливцу большія деньги, но послѣдній требуетъ еще большую сумму.

Безпокойная гора. Известно, что внутри Монте-Вальдо, значительнѣйшей горы на южнотирольско-итальянской границѣ, по временамъ происходитъ усиленное броженіе; такая подземная работа причинила недавно не малый страхъ жителямъ у подножія горы. Подземная жизнь горы, въ видѣ землетрясеній, ощущалась даже въ отдаленныхъ городахъ, какъ Верона, Ала, Ровередо и даже въ Миланѣ. Сильный ударъ послышался въ названныхъ городахъ 21 февраля предъ полночью, второй—26 числа въ 10 часовъ вечера. Слабѣйшіе затѣмъ удары продолжались цѣлую недѣлю и чаще всего были 27 и 28 февраля.

Чистка пожелтѣвшихъ гравюръ. Прежде принято было чистить старыя гравюры хлористо-водородной кислотой, разведенной въ значительномъ количествѣ воды; но такой способъ не совсѣмъ удобенъ, такъ какъ въ концѣ концовъ портитъ бумагу. Такое же вредное вліяніе оказываетъ на бумагу двухлористая кислота. Го-

раздо безопаснѣе помѣстить гравюру между двухъ листовъ бѣлой бумаги, посыпанныхъ порошкомъ хлорно-кислой извести; затѣмъ кладутъ бумагу на нѣсколько дней или подъ прессъ, или вообще нѣтъ что нибудь тяжелое. Хлористо-кислая известь дѣйствуетъ обезцвѣчивающимъ образомъ, не портя бумагу. Конечно, что съ цѣнными гравюрами слѣдуетъ обращаться съ особенной осторожностью и сдѣлать первый опытъ надъ какой-нибудь простенькой гравюрой.

Изрѣченія кардинала Ришелье. Говорить мало и только о томъ что знаешь, при этомъ—кстати и по порядку. Не заботься разсѣянными, печальными, меланхолическими и не смотри въ сторону, когда кто говоритъ; слушать съ участіемъ, съ вѣжливостью, но выражать свое сочувствіе болѣе вниманіемъ и молчаніемъ, чѣмъ словомъ и одобреніемъ. Не слушать тѣхъ, кто переноситъ слезы, и не передавать того, что они говорятъ. Быть сдержаннымъ въ рѣчахъ и письмѣхъ и, если нѣтъ особенной необходимости, не пересказывать и не сообщать ничего письменно. Когда ударъ нанесенъ языкомъ или перомъ, его нѣтъ возможности исправить.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 7.
(Помѣщен. въ № 7 „Нивы“).

Неизвестны намъ числа, которыя должны быть приданы къ цифрамъ вертикальныхъ столбцовъ, обозначаемъ буквами: для 1-го столбца черезъ x, для второго—у, третьего—z, четвертаго—t, пятаго—s, шестаго—п, седьмаго—р, восьмаго—г, девятаго—m, десятаго—f.

Изъ данныхъ выше условій получаются слѣдующія уравненія:

- 1) $s + x = m + n + 1;$
- 2) $f : t = 4y : r;$
- 3) $m : z = n : 2s;$
- 4) $f - t = x + y + 1;$
- 5) $n - s = \sqrt[3]{z};$
- 6) $p - y = t + r;$
- 7) $z + s = x - 1;$
- 8) $p + x = f + 2s;$
- 9) $(m + r + f) : x = \sqrt[3]{13824} : \sqrt[3]{1728} = 24 : 12;$
- 10) $s : n = \sqrt[3]{843} : \sqrt[3]{2744} = 7 : 14;$

По рѣшеніи этихъ уравненій, получимъ:

$x=3; y=1; z=1; t=1; s=1; n=2; p=3; r=1; m=1; f=4;$ придавъ затѣмъ величину x ко всякой цифрѣ 1-го вертикальнаго столбца квадрата и придавъ такимъ же образомъ величины остальныхъ 9-ти неизвестныхъ къ цифрамъ остальныхъ девяти вертикальныхъ столбцовъ по порядку, получимъ въ квадратѣ слѣдующія цифры и соотвѣтствующія имъ буквы:

$x=3 \quad y=1 \quad z=1 \quad t=1 \quad s=1 \quad n=2 \quad p=3 \quad r=1 \quad m=1 \quad f=4$

8+3	14+1	3+1	4+1	0+1	0+2	25+3	12+1	14+1	0+1
К	О	Г	Д	А	Б	М	И	О	Г
1+3	2+1	5+1	17+1	23+1	16+2	0+3	29+1	18+1	23+1
Ъ	В	Е	С	Ь	С	В	Ъ	Т	Ъ
17+3	7+1	13+1	0+1	18+1	27+2	21+2	18+1	14+1	3+1
У	З	Н	А	Т	Ъ	Ч	Т	О	Ж
6+3	7+1	13+1	28+1	17+1	25+2	11+2	0+1	4+1	2+1
И	З	Н	Ь	С	Ъ	Н	А	Д	Е
4+3	4+1	14+1	31+1	12+1	4+2	21+3	18+1	0+1	0+1
Ж	Д	О	Ю	М	Е	Ч	Т	А	М
6+3	13+1	5+1	23+1	18+1	13+2	6+3	13+1	14+1	2+1
И	Н	Е	Ч	Т	О	Я	Н	О	Е
8+3	0+1	10+1	26+1	18+1	4+2	16+3	16+1	0+1	1+1
К	А	И	Ь	Т	Е	Т	Р	А	Д
26+3	17+1	26+1	4+1	0+1	1+2	11+3	14+1	8+1	4+1
Ь	С	Ъ	Д	А	В	Н	О	И	З
0+3	29+1	17+1	18+1	13+1	26+2	10+3	8+1	17+1	15+1
В	Ъ	С	Т	Н	Ы	М	И	С	Т
6+3	21+1	0+1	12+1	8+1	10+2	3+3	16+1	12+1	10+1
И	Х	А	М	И	Л	Е	Р	М	Н

Когда бы могъ весь свѣтъ узнать,
Что жизнь съ надеждою, мечтами—
Не что иное, какъ тетрадь
Съ давно извѣстными стихами!

Лермонтовъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: СПб. — Эфросъ, Мизяникова, Маламгренъ, Воронина, Ануфриева, Неб—ъ и Ян—ъ, Вроштадтъ, Пермилоскаго, Першина, Петровскаго, Аонасія, Мосна—А. И. З., Якобъ, Десницкаго, Бруцкусъ, Пшынна, Соболева, Ивакина, Астрахань—Коссовскаго, Черкасова, Б. Бѣлозерна—Бедеровскаго, Винница—Рабиновича, Владимиръ—Гаврилова, Владиванназъ—Курацелова, Гельсингфорсъ—Авербургъ, Городецъ—Салова, Енатирибургъ—Гадомскаго, Елатъма—А. П., Налуга—Соколова, Наменна—Барышева, Нерчь—Лосманъ, Нишиневъ—Аржемскаго, Киевъ—Чернецкаго, Шилохвастова, Ковесникова, Коробано—Вихманъ, Иронштадтъ—Якобсонъ, Курскъ—Безсаренко, Мазуръ, Лебедянь—Чурилина, Медвѣдь—Долли, Николаевъ—Гринбергъ, Новочеркаскъ—Ласточкина, Едкова, Одесса—Дивенскаго, Деспотуля, Пенза—Капранова, Пилица—Канвицкаго, Рогачево—Познякова, Сестрорѣцъ—Качюни, Симферополь—Коганъ, Гринбергъ, Славянскъ—Бабиной, Слуць—Нязлева, Тверь—Непрахина, Пилкова, Тейново—Аусманъ, Т. Х. Шура—Сипельникова, Тула—Сахарова, Харьковъ—Скворцова, Шимелница, Чугуевъ—Брановскаго, Юрчиха—Лоба, Софія (Волгарія)—Ченгеліева, Дрезденъ (Германія)—Эми Блокъ.

Рѣшеніе ребуса № 6, помѣщеннаго въ № 6 „Нивы“ 1885 г.
„Всякому кулику дорого свое болото“.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса прислали отъ гг.: Савина, Семеновской, Эйвель, Иглицонъ, Пермилоскаго; Мосна—Усатова, Сумбуль; Юл—Г—ъ, Болринова, Константиновскаго, Всеволожской, Бахчисарай—Призь, Б. Коровино—В. К. Трескаго, Бѣла—Тейсъ, Доманскаго, Варшава—Наумова, Владимиръ—Гаврилова, Гомель—Писковскаго, Динабургъ—Шахова, Киевъ—Бѣллова, Чернецкаго, Шилохвастова, Кишиневъ—Аржемскаго, Козловъ—Лебедевой, Корець—Савицкаго, Курскъ—Безсаренко, Лебедянь—Кондратченко, Лебедянь—Чурилина, Липецкъ—Чихачева, Луганск. зав.—Мальцова, Михайловъ—Неизвѣстнаго, Николаевъ—Язюкова, Андреевской, Бузукъ, Ростовъ на Д.—Николаевой, Рязань—Украинцева, Симферополь—Бруноз, Саратовъ—Александрова, Сумы—Ярошт, Тверь—Коплева, Трофимовщина—Болдова, Харьковъ—В. Ф. Святальскаго, Щербинь—Ларчикъ, Нелли.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Коптора журнала „Нивы“ просить своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, обязательно присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Н. А. Сѣверцовъ (съ портр.)—Титанія. (Изъ Поля Лальера). Перев. Г. П. Данилевскаго.—Кулисы. Повѣсть В. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе).—Черный вояждъ. Разсказъ Георга Кабля. (Окончаніе).—Неправильности нервной жизни. Очеркъ.—Охота во Франціи 300 лѣтъ тому назадъ (съ рис.).—Процѣненіе (съ рис.).—Молодая настьдн (съ рис.).—Первая дуга (съ рис.).—Замокъ Нейшванштейнъ (съ рис.).—Птицы какъ друзья и защитники большихъ животныхъ (съ рис.).—Древнее русское вооруженіе (съ 2 рис.).—Поляны. обзоръ.—Свясь.—Рѣшеніе алгебраической задачи.—Рѣшеніе ребуса.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марксъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ отъ провизъ. **КИНУНЕНА** ЭЛЕОПАТЬ,

пользующійся дѣйствительно во всѣхъ Европейскихъ государствахъ заслуженною славою, какъ безспорно самое лучшее средство для оживленія еще не отжившихъ корней волосъ.

Такъ какъ въ послѣднее время снова появилось много поддѣлокъ подъ нашу фирму „Кинунена Элеопать“, то просимъ гг. покупателей при покупкѣ нашего препарата „Элеопать“ для рошенія волосъ, и дѣйствительно какъ превосходное средство противъ перхоти на головѣ, **НЕПРЕМѢННО** обращать вниманіе и **ПОМНИТЬ** нашу фамилію и фирму **КИНУНЕНА** и клеймо въ самомъ стѣнлѣ наждаго флакона; нашъ Элеопать **ДѢЙСТВИТЕЛЬНО** прекращаетъ перхоть, почему и прекращаетъ и выпаденіе волосъ Элеопать пров. **КИНУНЕНА** теперь уже къ услугамъ публики во всѣхъ большъ Аптекъ, и Косметическихъ Магазилахъ въ столицахъ, какъ и въ провинціи. Цѣна за флаконъ **1 р. 50 коп.**, но безъ пересылки и укупорки.

№ 4009

Провизоръ **КИНУНЕНЪ**.

НОВО! УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПУЛЬВЕРИЗАТОРЪ НОВО!
 для очистки комнатнаго воздуха, для вспыскивания цвѣтв.,
 для вдыханія горломъ, для дезинфекціи и т. д.
 Цѣна 1 р. за штуку. Для провинцій 1 р. 50 к.

МОЗОЛЬНЫЯ ПИЛКИ
 изъ Акуловой кожи, превосходный инструментъ, для снятія
 мозолей безъ боли и опасности.
 Цѣна 40 коп. за штуку. Для провинцій 55 к.

Большой складъ химической резины.

ЛИМАНЪ И РИКСЪ.
 16. Гороховая у Краснаго моста. 16. М. № 4010

Дерева, кустарники, розы и пр. для весенней высадки.
 Каталогъ Древнаго Питомника Ф. Ф. Вагнера въ Тукумѣ, Курляндской губ. разсы-
 лается г. жемающимъ бесплатно. 2-1

НАСТОЯЩІЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ,
 развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цыбковъ
ТОРГОВАГО ДОМА
„БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“
 Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.
ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.
 П. № 3947 Прейсъ-куррантъ высылаются бесплатно. 16-4

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНИЕ Ф. НАВЛЕНКОВА:
ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ПОМЪШАТЕЛЬНОСТЬ
 Профессора ЛОМБРОЗО.

Параллель между великими людьми и сумасшедшими. Переводъ съ 4-го итальян. из-
 данія К. Тетюшиновой. С. и фр-гозомъ авторъ и рисунками. Цѣна 2 руб. М. № 40111-1

БИЛИАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
БИЛИАРДЫ И КЪ БИЛИАРДНОЙ
ИГРѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.
 Троицкій проспектъ, близъ Египетскаго мо-
 ста, д. № 13-2. М. № 3855 17-4
 Иллюстр. прейсъ-куррантъ по востре-
 бованію, безвозмездно.

НОВАЯ САМОПОМОЩЬ И СТРАХОВАНІЕ
ЖИЗНИ.
 Очеркъ В. Лаврентьева.
 Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 рубль.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и въ редакціи
 „Русскаго Вѣстника Страхованія“: Владимірскаго просп., д. 11-13. Лица, выпис-
 кающие изъ редакціи (СПБ., Владиміръ, просп., д. 11-13) за пересылку не пла-
 тятъ. Книгопродавцамъ обычная уступка. Подписка на „Русскій Вѣстникъ Стра-
 хованія“ продолжается. Цѣна за годовое изданіе 3 р. 50 коп., съ пересылкой и до-
 ставкой. 3-1 № 4008

Изданіе А. Ф. Маркса въ Спб.
НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современн. жи-
 зни В. Соловьева. Цѣна 2 р., съ перес.
 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес.
 3 р. 50 к.

СЛАВЯНСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ (ХАРКОВСК. ГУБЕР.).

Курсъ леченія начинается съ 19 мая и продолжается до 1 Сентября. Составъ воды
 солонощелочный, подходит къ водамъ Ишля и Крейцнаха. Воды съ испытанной поль-
 зою употребляются отъ золотухи, англійской болѣзни, ревматизма, сифилиса, женскихъ
 болѣзней, хроническаго воспаленія суставовъ, накожныхъ болѣзней и нервныхъ рас-
 стройствъ. На время сезона для консультацій приглашаются пр. фессора Харьковскаго
 Университета, преимущественно директора клиникъ: хирургической В. Ф. Грубе, тера-
 певтической В. Г. Дашкевичъ и акушерской И. П. Лазаревичъ. Сообщеніе съ Славян-
 скомъ происходитъ по Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дорогѣ до ст. Славянскъ,
 гдѣ имѣются извощики съ платою по таксу. Желющихъ имѣть удобныя квартиры про-
 сятъ адресоваться въ контору заведенія, гдѣ имѣется списокъ всѣхъ квартиръ. Квар-
 тирные въ заведеніи и въблизи его могутъ получать столъ въ буфетѣ заведенія по
 установленной таксѣ, по порціямъ и обѣдамъ. При заведеніи устроены спектакли, концерты,
 оркестръ балльной музыки. Для развлеченія публики составляются спектакли, концерты,
 феерверки и разныя другія увеселенія. Вечеромъ заведенія состоитъ **Вандалинъ Нино-**
лаевичъ Коссовскій. Въ концѣ апрѣля поступитъ въ продажу „Путеводитель къ Сла-
 вянскимъ Минеральнымъ Водамъ“, издаваемый Городскою Думою. Цѣна 50 коп. Складъ
 изданія въ книжномъ магазинѣ А. В. Мандрикина въ Славянскѣ. № 4007 2-1

ДЕПО МАШИНЪ
ВЪ МОСКВѢ
 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ
 ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.
Б. В. УРЛАВЪ И К^о
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ. № 3536 12-7

КРЫМСКІЯ ВІНА
К. СКІРМУНТА
 № 3980 ВЪ МОСКВѢ. 2-2
 Покровка, д. Миндера.

6 разъ удостоенная первыхъ награды
СКРИПКИ
 самыя лучшія и дешевыя, новѣйшихъ
 временъ, отъ 6—30 мар., знаменитыхъ
 мастеровъ 30—200 м. Альты, виолон-
 чели и басы. Смычки 1 1/2—50 м. Футля-
 ры 3 1/2—40 м. Цитры 16—200 м. Гитары
 6—50 м. Всѣ духовыя инструмен-
 ты. Превосходныя струны Патентован-
 ная нѣмая скрипка для управленія (соб-
 ственнаго изобрѣтенія). Мастерская для
 починки. Рекомендациі отъ Вильгель-
 ми, Саразате, Зингеръ, Сора, Контегаско,
 Дангстрема и пр. Ручательство. Складъ
 всякаго склада. Прейсъ-куррантъ бесплатно
 и франко.
БРАТЯ Вольфъ,
 фабрика инструментовъ,
 въ Крейцнахѣ (Пруссія). П. № 37216-6

НУЖНЫ
 благонадежныя агенты въ провин-
 ціи для банкирскаго контору А.
 Зингеръ и К^о въ С.-Петербургѣ.
 Невскій пр., № 18. р. № 3998 3-1

Механическія заплаты для садовод-
 ства и лѣсоразведенія продаются
 по 12 руб. въ городѣ Серуховѣ у
 лѣсничка Степанова, съ пересыл-
 кою по желѣзной дорогѣ. Тамъ же
 за почтовую марку высылаются опи-
 санія ихъ, съ указаніями на отзы-
 вы печати. П. № 3997

АЛЬБОМЫ ТАНЦЕВЪ
 Х. Вальтера: „Московскіе танцевальныя ве-
 черы“, тетради I, II, III, содрж. прекрасный
 выборъ новѣйшихъ танцевъ изъ оперетты:
 „Ницкій студентъ“, „Красное солнышко“,
 „Нанонъ“, „Гаспароне“, „Гасконецъ“ и пр.,
 продаются въ Москвѣ у Б. Постъ, Неглин-
 ный провѣздъ, д. Фирсанова; въ С.-Петербургѣ,
 у Юл. Генр. Циммерманъ, В. Морская, 42, у
 І. Юргенсона, В. Морская, 9, и во всѣхъ
 музык. магазинахъ. Цѣна за 3 тетради (сод.
 19 танцевъ) 3 р. 50 к., за каждую тетрадь
 отдѣльно 1 р. 25 к. Р. № 4002

„ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ“
 подписн. цѣна на 1885 г. съ пересыл. и достав. 5 р. 50 коп. съ перес. и достав. презій.
 съ перес. и достав. 5 р. 50 коп. съ перес. и достав. презій.

8 р. „ХУДОЖЕСТВЕННОГО АЛЬБОМА“ 9 р.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками отъ пяти до семи листовъ съ приложеніями:
 фотогравюры, фототипій, фотоциннографій и акварелей. Приложенія состоятъ: 1) Пор-
 третная галерея. 2) Картины русскихъ и иностранныхъ художниковъ всѣхъ современ-
 ныхъ выставокъ. 3) Рисунки русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Снимки съ натуръ:
 знаменитыхъ актеровъ въ ихъ выдающихся роляхъ, драматическихъ сценъ, группъ ба-
 лета и т. п. Въ томъ же помѣщаются: романы, повѣсти, стихотворенія, критическія статьи,
 фельетоны, библиографія, театр и смѣхъ. Литературное приложіе: „Неглія живущихъ
 въ Италіи“ Коэнде (иллюстрированная). № 4005

ПРЕМІА на 1885 г. Для годовыхъ подписчиковъ первый выпускъ большаго альбома
 галереи А. П. БОТКИНА (отъ 10 до 15 листовъ). № 4006

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: СПБ., въ конторѣ редакціи, Стремлянная, д. № 3, въ
 Москвѣ, въ книжн. маг. Мамонтова и во всѣхъ книжн. и эстамп. магазинахъ Петербурга
 и Москвы. Нижегородиме благоволятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи.

С. Петербургская Химическая Лабораторія
Фабрика парфюмерныхъ издѣлій.

На каждомъ пред-
 метѣ требовать фаб-
 ричное клеймо:

Обращать вниманіе при-
 пикуйтъ каждому предмету
 на точность фирмы:

„С. Петербургская Химическая Лабораторія“
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

СЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ: 1. Невскій проспектъ, домъ № 52. Католическаго церкви.
 2. Невскій проспектъ, домъ № 66 у Анчинна моста.
 3. Вознесенскій проспектъ, домъ № 18-54. Шредера.
 ВЪ МОСКВѢ: 1. Музеевскій мѣстъ, домъ Третьяковскихъ.
 Контора и оптовый складъ въ зданіи фабрики въ С. Петербургѣ:
 Кзмайлаевскій проспектъ 21.

ЛѢСОЖИЛЬНАЯ РАМА
 большая чугунная двойная, заграничной ра-
 боты, работавшая 2 года, заплаченная 4,500
 руб., продается случайно немедленно за пол-
 цѣны. СПб. Фонтанка, домъ № 168 и 2, по
 Эстляндской ул. на фабрикѣ. № 4003

ИЩУТЬ
 въ провинціи благонадежныхъ лицъ вся-
 каго знанія для продажи, съ расцѣпою
 платежей, 5-проц. съ выигрышами биле-
 товъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обра-
 щаться лично въ с.-петербургскіе
 централи контору объявленій, Невскій
 пр., № 9, подъ лит. В. Р. № 3925

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ
П. ЮРГЕНСОНА.
 Неглинный провѣздъ, № 10 въ Москвѣ,
 поступили въ продажу
 1. Гимны въ честь

СВ. КИРИЛЛА И МЕВОДІЯ
 Переложеніе на хоръ старинной славянскій
 мелодіи
П. ЧАЙКОВСКАГО.
 Цѣна Партитуръ 25 коп. Каждый голосъ 5 к.
 2. Тропарь, Кондакъ и Величаніе греческаго
 П. № 3996 російскаго.
 Парт. 40 коп. Каждый голосъ по 10 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Большая русская фирма имѣетъ дѣльную
 лицъ, которая за хорошее вознагражденіе
 приняла бы на себя обязать провинціаль-
 ныхъ городовъ для распространенія ея дѣлъ.
 Требуется, чтобы лица эти занимались ис-
 ключительно дѣлами фирмы и необходимо
 представленіе ими хо оныхъ аттестаговъ,
 или указаніе на солидныя рекомендаціи.
 На предлагаемыя должности могутъ быть
 опредѣляемы и слушантіе въ гражданскомъ
 или военномъ вѣдомствѣ.
 Желающіе благополучно обратиться пись-
 менно съ подробнымъ указаніемъ прежней
 ихъ деятельности съ заявленіями о своихъ
 аттестагахъ или рекомендаціяхъ въ Москву
 въ Контору Объявленій Н. Печковской (Пет-
 ровскія Линіи) под. лит. М. Н. О.
 П. № 4006 3-1

ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННАЯ
УНИВЕРСАЛЬН: ШВЕЙНАЯ МАШИНА
 Патентъ въ Европѣ Патентъ въ Америкѣ
С. ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ФАБРИКА
ПРЕССИАНТИЛЬ
СЕРВАТОРИИ
ВЫШИВКИ
И ВСѢ
ДРУГІЯ РАБОТЫ
ПРОДАЖА СЪ РУЧАТЕЛЬСТВОМЪ.
ОБУЧЕНІЕ БЕЗПЛАТНО.
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ.
ГЕРМАНЪ ГЕССЕ СТЬБ.
 БОЛЬШ. САДОВАЯ № 16. УГОЛЬ
 ТОЛМАЗОВЪ ПЕР. ПРОТ. ГОСТИН. ДВОРЪ

Вышло из печати и поступило в продажу **НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:**

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ.

(Архитектура, Скульптура, Живопись, Музыка, Оружіе, Церкви, и Домашняя утварь, Одежда, Украшения и пр. и пр.) **СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.**

П. П. ГНѢДИЧА.

Издание **А. Ф. МАРКСА** въ С.-Петербургѣ.

Большой красивый томъ, in quarto, болѣе 500 стран. убористаго шрифта, въ 2 столбца, съ 430-ю превосходно исполненными гравюрами и рисунками въ тексты. **ЦѢНА:** бронюр, 6 р., съ пер. 7 р.; въ розкошн. коленкор. переплетѣ, тисненнымъ золот. и 3-мя красками, 7 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Появление предлагаемой книги было встрѣчено весьма сочувственными и лестными отзывами столичной и провинціальной прессы. Очень обстоятельные разборы были напечатаны слѣдующими періодич. изданиями: „Правительств. Вѣстникъ“ (№ 57), „СПБ—скія Вѣдомости“ (№ 68), „Художественный журналъ“ (за февраль мѣсяць), „Биржевыя Вѣдомости“ (№ 45), „Петербургскій Листокъ“ (№ 69), „St.-Petersburger Herold“ (№ 69), Moskauer Deutsche Zeitung (№ 63), „Петербургская Газета“ (№ 71), „Гражданинъ“ (№ 22), „Донская Пчела“ (№ 17).

Художественный журналъ, перечисляя достоинства книги между прочимъ говоритъ: „Книга читается безъ перерыва, свободно, съ большимъ интересомъ. Внешность книги не оставляетъ желать ничего лучшаго: такого изданія у насъ не было... Напечатаны всѣ рисунки положительно образцово; такъ у насъ рѣдно что печаталось“.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЗУБЫ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
Р. А. БАРСЪ.
Москва, Газетный пер., д. Фульда.

Лечение болѣзней зубовъ.

Операция.

Плодворение.

Лечение болѣзней зубовъ.

ВСЯКАГО РОДА СЪЯЛКИ, ПЛУГИ, БОРОНЫ, КАТКИ

и пр. земледѣльч. орудія предлагаются въ богатѣйш. выборѣ № 3966 4—3

ТОВАРИЩЕСТВО
БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линия, Москва, Мясницкая, д. Сытова.

Иллюстриров. каталоги по востребованію.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛИМЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Невскій, 21 (прот. Бол. Коношенной), предлагаетъ свои услуги по покупкѣ и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховых, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ билетахъ по покупкѣ и продажѣ иностранныхъ монетъ и векселей, по заложу и перезаложу чужихъ бумагъ на срокъ или до востребованія („on call“) и по всѣмъ другимъ, касающимся банковскаго дѣла, порученіямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуртностью за самое укрѣпленное вознагражденіе.

СТРАХОВАНІЕ

внутришнихъ билетовъ отъ предстоящаго тиража погашенія по **СОРОКЪ КОП.**

страховая квитанція выдана по почтѣ на счетъ конторы, безъ всякой доплаты.

Продана 5% билетовъ

I и II Государственныхъ внутреннихъ съ выигрыш. займовъ съ разсрочкою платежа

производится къ второму на слѣд. условіяхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ, остальная сумма уплачивается ежемѣсячными взносами, по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе **ПЯТИ РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ.**

Со дня вѣсеня задѣтна всякій выигрышъ, который падетъ на проданный билетъ, принадлежить вполнѣ покупателю. Р. № 3971

ПОЛУ-СУХОЕ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССИИ И ЗАГРАНИЦЕЙ

Н. П. ЛАНИНА,

въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ“, ЯГОДНЫИ И ФРУКТОВЫИ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНА БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ, ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ, СЛѢДУЮЩИИ НАГРАДЫ:

1. НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА на Одесской выставкѣ 1834 года: **ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ** съ правомъ ходатайства на награжденіе **ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ**

ВСЕРОССИЙСКИИ НАГРАДЫ:

2. Серебряная медаль.	1852 г.
3. Серебряная медаль.	1870
4. Почтовый отливъ.	1874
5. Серебряная медаль.	1863
6. Серебряная медаль.	1869
7. Медаль.	1870
8. Золотая медаль.	1873
9. Высочайшая благодарность	1875
10. Золотая медаль.	1882

ИНОСТРАННЫИ НАГРАДЫ:

1. Филадель. выстав. медаль.	1876 г.
2. Филадель. выстав. медаль.	1878
3. Париж. вист. поч. отз.	1878
4. Амстердам. вист. медаль.	1883
5. Бостон. вист. почет. дипл.	1883

ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:

1. Съ 1863 г. по 1873 г.
2. Съ 1872 г. по 1882 г.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

приготовлено изъ чистаго русскаго винограднаго вина, безъ всякой примѣси иностраннаго, и нисколько не уступаетъ самымъ лучшимъ французскимъ маркамъ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

можно имѣть прямо съ фабрики ящиками въ 60 и 30 б. по 1 р. 50 к. бут.

Кромѣ того поступила въ продажу еще новые четыре сорта **РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“:**

- 1) ПОЛУ-СУХОЕ (Demi sec. «England» à la Cliquot).
- 2) ОЧЕНЬ СУХОЕ (Extra sec. à la Pommeroy).
- 3) РОЗОВОЕ ГУСТОЕ (Oeil de Perdrix à la Reims).
- 4) РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ (à la Cliquot).

Вышеозначенные четыре сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут. по 2 р. бутылка. № 4000

НВ.—ПРОСИТЬ ИЗВѢГАТЬ ПОДЪЛОЖЪ.

ОЧЕНЬ СУХОЕ.

ПРОДАЕТСЯ ДОХОДНОЕ ИМУЩЕСТВО

въ 35 верстахъ отъ г. Симбирска и 12-ти отъ пристани на Волгѣ, съ прекраснымъ мѣстоположеніемъ и хорошо барскою усадьбою, паркомъ, въ которомъ протекаетъ р. Свияга и фруктовымъ садомъ. Въ усадьбѣ большой барскій домъ со всѣми хозяйственными постройками, зерносушилкою и машинами. Строенія новыя и болышинство изъ нихъ каменные. Земли всей 528 дес., земля глубокой черноземъ, луга залитые, лѣсъ черной соснѣ изъ дуба и липы. Заложено въ банкъ. За справками о цѣнѣ и условіяхъ обраб. въ г. Симбирскѣ, Валентину Эдуардовичу Красовскому. № 4004

Пользующийся во всѣхъ европейскихъ государствахъ заслуженною славою, бывшій на выставкахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ,

АНГЛИЙСКИЙ ХОЛСТЪ ПРОТИВЪ РЕВМАТИЗМА.

Продается въ накетахъ, съ оливаніемъ употребленія, по 1 рублю; двойной силки, по 2 рубля.

Знаменитый д-ръ Гуфеландъ говоритъ въ своихъ медицинскихъ сочиненіяхъ: „Есть двѣ болѣзни, противъ которыхъ медицина напрасно искала до сихъ поръ сильно-дѣйствующихъ лекарствъ: это — ревматическая головная боль и подагра“; это средство нашлось въ употребленіи вышеозначеннаго холста противъ ревматизма.

Продажа для всей Россіи настоящаго холста: въ С.-Петербургѣ, въ аптекарскомъ магазинѣ г. Оскара Гертхеня, Казанская улица, д. № 37. На почтовые расходы прилагается 50 коп. Р. № 3974 3—3

СПбурзь, Невскій пр. № 52, противъ Публич. Библиотеки

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ,

специальность хронометровъ и сложн. час. механизмовъ. Прейс-куранты по востреб.

СКРИПКИ

для учениковъ, музыкантовъ и артистовъ, дешевыя отъ 2 р. 50 к. до 5 р. и лучшия по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 100 р. и дороже.

Смычки по 50 к., 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 10 р. и дороже.

Футляры по 4 р., 5 р., 7 р., 10 р. и дороже до 25 р.

Школы для скрипки по 1 р., 2 р., 2 1/2 р., 3 р., 4 р.

Этюды и другія ноты.

Альты по 9 р., 15 р., 25 р., 50 р. и др.

Виолончели по 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 100 р. и дороже.

Контрабасы по 40 р., 50 р., 75 р., 100 р.

ГИТАРЫ

лучшей работы и съ весьма хорошимъ тономъ съ винтами для струнъ по 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р., 50 р. и дороже до 100 р.; школы по 1 р. 50 к., 2 р. и 3 р.

ЦИТРЫ

по 12 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р. и 100 р.

Новый самоучитель 3 р., II часть 2 р.

Хорошія пѣлянок. и пѣвечк. струны, канцоль, камертоны, метрономъ и друг. принадлежностей рекомендуетъ **ЮЛЪ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ**

Главное депо музыкальн. инструментовъ СПбурзь, по Большой Морской ул. № 38. Москва, Кузнецкій мостъ д. Торчичаго

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуртно. За пересылку прошу прислать приблизительно.

Р. № 3999 1—1

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ

ЖИВОПИСЕЦЪ-САМОУЧА.

Полезный подарокъ для всякаго возраста.

Приборъ и брошюра для изученія живописи акварелью по бумажѣ, дереву, матеріи, стеклу и т. п., причѣмъ не требуется предварительнаго знанія рисованія, я доступно по простотѣ способа даже дѣтямъ. Въ брошюрѣ 14 объяснительныхъ рисунковъ и приложеніе о гелиоиниатурѣ,—самой легкой способъ расширивать фотографическія карточки, безъ знанія живописи

Полный приборъ содержитъ: въ извѣстномъ позированномъ ящикѣ 10 шаблоновъ, 10 стеколъ, 10 разныхъ красокъ въ стекляннхъ трубочкахъ, 1 стекляннну трубочку съ гумми-арабикой, 1 стекляннй шаблоннй курантикъ, 1 акварель источку, лезвья, шаблоны и рисунки. Цѣна прибора съ брошюрою 3 руб., брошюра отдѣльно 50 коп на пересылку и упаковку 1 руб., въ Сибирь за особую упаковку 2 руб.

Продается у издателя, гравера А. Нойранскаго, Москва, Тверская, д. Саввинскаго подворья, противъ брѣвѣннцка Махалова, и во всѣхъ лучшихъ естествознат. магазинахъ.

Понужающіе у издателя могутъ видѣть образцы работы по этому способу, наглядно ознакомиться съ нимъ и въ теченіи 15 минутъ въ состояніи будутъ готовить небольшую рисунку красками. Продаванъ обыкновеннаго уступка. Р. № 4001 1—1

4711

ХРУСТАЛЬНОЕ РОЗОВОЕ МЫЛО.

легко пѣнится, съ самымъ пріятнымъ запахомъ розъ, дѣйствуетъ на кожу весьма благодѣтельно вълѣдствіе большаго содержанія глицерина, что и гарантируется. Можно получить во всѣхъ болышихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. St. № 8789 17—6

XVI годъ
№ 14

годъ XVI
1885

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6 - 10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКІХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к. Выдана 6 Апрѣля 1885 г.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну непарейль (1 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
60 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ
контору объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровская Торгов. линія . . . 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говъхъ домовъ принимаются
для иногор. по 5 р. съ тыся-
чи, для городскіихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.
При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ съ 25 рисунками и отдѣльн. листомъ съ 31 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 26 рисун. рукодѣльн. работъ.

Генрихъ Стэнли.

Между многочисленными изслѣдователями Африки, принадлежащими къ разнымъ національностямъ, изслѣдованіи Генриха Мартина Стэнли, портретъ котораго здѣсь помещенъ, были самыми блестящими. Онъ именно нашелъ обширную страну въ центрѣ Африки и сдѣлалъ ее доступной торговлѣ и сообщенію. О юные-скіихъ годахъ знаменитаго путешественника существуетъ много разсказовъ, которые самымъ Стэнли признаются вымышленными. Стэнли американецъ по происхожденію; онъ родился въ 1843 г. въ Арканзасѣ и росъ въ первобытномъ дѣсу. Въ 1861 г., въ качествѣ волонтера, онъ служилъ въ арміи сѣверо-американскихъ штатовъ и послѣ заключенія мира писалъ корреспонденціи въ Нью-Йоркъ-Геральдъ. Съ этой цѣлью, въ 1865 году, онъ посетилъ Турцію и Малую Азію; въ 1868 г. въ качествѣ коррес-

Генрихъ Стэнли. По фотогр. грав. Кольбъ.

поидента, участвовалъ въ походѣ англичанъ въ Абиссинію, присутствовалъ при открытіи Суэцкаго канала, проѣхалъ по Нилу до острова Филэ, послѣ чего отправился въ Испанію съ цѣлью писать оттуда о войнѣ карлистовъ. Тамъ, къ концу 1869 г. онъ получилъ отъ Гордона Беннета, собственика газеты Нью-Йоркъ-Геральдъ, денешу изъ Парижа, съ приглашеніемъ пріѣхать по важному дѣлу. По прибытіи въ Парижъ, Стэнли получилъ лаконическое порученіе: „Поѣзжайте отыскивать Ливингстона!“ Смѣлый изслѣдователь Ливингстонъ находился съ 1840 г. на югѣ и въ центрѣ Африки, но съ 1869 года о немъ не было никакихъ извѣстій. Стэнли былъ пораженъ возлагаемымъ на него порученіемъ и обратился вниманіе Беннета на сопряженные съ этимъ расходы, на что получилъ слѣдующій отвѣтъ. „Верите 1,000 фунтовъ, когда они выйдутъ требуйте друга и т. д. сколько требуется, но найдите Ливинг-

стола". После того, в виду своего поручения, Стэнли в январе 1871 г. отправился в Зазибарь, в марте начал свое опасное путешествие и 10-го ноября нашел в Удиши Ливингстона, которого все считали мертвым. Эту поездку Стэнли описал в своем сочинении: „Как я нашел Ливингстона.“ Пять месяцев Стэнли пробыл с Ливингстоном, вернулся затем на два месяца в Зазибарь, а потом на родину, но уже в 1873 г. следовать с английским походом против ашантиев до Кумасси. В этом же году, 4-го мая, Ливингстон умер на южном берегу озера Бангвеоло от истощения сил, но Стэнли взялся продолжать начатое покойным делом. Целый ряд географических вопросов был еще не разрешен в центральной Африке: нужно еще было исследовать источники Нила, озера Викторія-Ньянца и Тапгаика и загадочную реку Луабала. Во время погребения Ливингстона в Вестминстерском аббатстве в Лондоне, издатель лондонской газеты „Daily Telegraph“ спросил у Стэнли, надбавит ли он, приведя в порядок сочинения Ливингстона. Стэнли отвечал: „Пока буду жить, надбавлю привести кое что в порядок, если же жизнь моя протянется столько времени, сколько нужно для окончания всего, то окончу все“. Затем издатель „Дэйли Телеграф“ спросил дешево Беннета, желает ли тот участвовать в расходах по посылке Стэнли в Африку, на что немедленно получил утвердительный ответ. С 1874 до 1877 г. Стэнли предпринял громадное путешествие по Африке, которое подробно описано им в сочинении: „Через Черный материк.“ Значительнейшее по своим практическим результатам путешествие это началось от Зазибара 17-го ноября 1874 г. Большая услуга оказалась складная лодка „Аэди Алис“, взятая в путешествие по предложению Стэнли. 9-го августа 1877 года, т. е. после 999 дней, удавшие от голодной смерти остатки экспедиции прибыли в Вома, у устья Конго. Из 356 человек 114 спутников Стэнли погибли в пути,

но за то были достигнуты блестящие результаты. Так напр., был разрешен вопрос об источниках Нила, в смысле Шпека, предполагавшего, что главный бассейн Нила находится в Укереве или Виктории-Ньянца; открыта была тождественность Луабалы с Конго и определено направление этой реки, вследствие чего изменилась карта центральной Африки. С этих пор Стэнли усиленно стал заботиться о введении в этих богатых и плодородных странах центральной Африки торговли и культуры, и когда, в 1876 году, состояще спод протекторатом короля Леопольда Бельгийского общество образовало комитет для исследования бассейна Конго, неутомимый ученый на место стал вести дела этого отделения. Уже 18-го марта 1879 г., на своей яхте „Альбион“, он отправился снова в Зазибарь, предпринимал отсюда небольшие поездки с целью исследования; проехал в июле через Суэцкий канал и Средиземное море к устью Конго на Африканском западном берегу, а 17-го сентября предпринял новую экспедицию вверх по Конго. Ему удалось дойти до Желаллы, первого из 32 водопадов Конго, и основать около Виви свою первую станцию. С тех пор до начала 1884 г. он основал свыше 30 станций, завел множество небольших пароходов, возивших мимо водопадов пижытого Конго, до Стенлей-Пуля (пруд Стэнли), широкой бухты Конго, названной его именем и предпринимал несколько поездок вверх по течению.

В последнее время знаменитый ученый был приглашен в Берлин для присутствия на конференции Конго и этим случаем Берлин, как поздние Кельн, Франкфурт на Майне и Висбаден, воспользовался чтобы надлежащим образом почтить заслуженного ученого.

Король Бельгии уже принял на себя протекторат конгских штатов, а Стэнли, как говорят, будет назначен президентом этих штатов.

Жулисы.

Новель

Вас. И. Немировича-Данченко.

(Продолжение).

VII.

Баядерка.

Нина Борисовна встала с постели с страшною головною болью. В окна били крупные капли осеннего дождя и как слезы скатывались вниз по стеклам. Дом напротив, через улицу, был весь облит слезами. Плакали крыши, плакали камни мостовых... Раевская, с чувством, близким к ненависти, смотрела на все это. Теперь ей был противен и этот город, и громадное сброе здание театра, одним краем выдвинувшееся из-за других домов, и ее комната с полинявшими обоями, с полинявшими, скверными олеографиями на стенах, с полинявшими салфетками на столах. Вчера ее привез сюда Акулов. Ложась в постель, она с некоторою радостью думала, что завтра проснется больною. Но молодость и здоровье взяли свое. От вчерашней простуды она отдалась за ночь. Что ей теперь делать? в сотый раз задавала себя этот вопрос Нина Борисовна. С театром она связана контрактом и громадной неустойкой. Выплатить ее нет никакой возможности. Обратиться к матери—но у той у самой ничего нет, кроме далекой, затерянной в северной глуши деревеньки. Все свои сбережения она отдала дочери, когда та училась в Италии. Единственною мечтою Раевской было получить такое жалованье, чтобы можно было перевести мать к себе. Теперь все это рухнуло. Здесь и самой нельзя оставаться. А ведь ее не отпустить. В разгар сезона—как же они заманят ее. Другого драматического содрало нет в труппе, а тут еще задумали поставить „Африканку“, разучивали „Гугенотов“, прислали ей партию „Юдифи“. Как она опять пойдет в этот театр, как она встретится с этими Досужевыми, Барсовыми? Господи, как быстро сменялись краски с ее блестящей фантазмагории. Храм оказался чьим то в роду гадкого дома, жрецы его обратились в торгашей, спекулирующих всем—и чувством, и совестью, и честью. Обман, зависть—вот пружины, руководящие действиями этих людей. Где же вы, свѣт-

лые боги искусства, где высокие, вдохновенные думы? Увы... между этими созвездиями и ею ползут по сумрачному небу холодные, тяжелые тучи. Ей взглядом безсилень проникнуть туда. Интрига со всех сторон опутала ее своею гадкою паутиной. Она бьется в ней, задыхается—а вырваться нет сил. И завтра, и послезавтра—нужно идти туда. Опять столкнуться, говорить с этими людьми, работать с ними в сотрудничестве. А у нея еще партия Маргариты. Этот Барсов—Фауст. Вести с ним сцену любви, склонить на плечо к нему усталую голову, когда теперь он противен ей, противен до омерзения, до гадости. Его печистые пощелки еще горят на ее лице... Она осквернена им... Да, раздуманный, ходульный герой, картонный театальный любовник! И она взирила ему; она первому, этому скомороху, раскрыла сердце. Вон его портрет на ее стене... Как красив!.. и как подл! Какое лицо, какие надменные глаза... кажется, на все способен, но не на мелкую ложь, не на обман... Неужели она похожа сама на этих? Неужели ее можно взять, надругаться над нею и бросить? У него раз как то вырвалось, что артистка не должна стесняться узкою моралью. Честной женщиной нет места на сцене. Неужели это так? Неужели мы баядерки, и должны служить своему богу как он? Нет, ложь!.. Тысячу раз ложь!

Но как бы ни было, а здесь оставаться нельзя! Совсем нельзя! Теперь она знает, на что они способны. Они пойдут на все, чтобы отнять у нея доброе имя. Они уронят ее во мнѣши общества, паймут шиканщичество. Ей не дадут нет, да она и теперь не может нет. Через два дня „Фауст“—опять мелькнуло в ее памяти. Ей разом стало холодно. Развѣ она не отшатнется прочь от него, там в окне. Что выйдет из этой поэмы любви и молодого счастья? Да, уходить, уходить скорѣй отсюда! Может быть ее отпустить без неустойки? Нет, она помнит, как бѣдную Ремизову заставили нет под свист и шиканье, пока та не бросилась на шею Манделю, чтобы тот

только за нее расплатился с антрепренером и выкупил ее из этого крѣпостнаго рабства. Обратиться къ къ Кашиинцеву?.. Онъ, разумѣется, явится сейчасъ же. Онъ не таковъ. Но по какому праву она сдѣлаетъ это, она, оттолкнувшая его отъ себя? По праву дѣтской дружбы? Нѣтъ, противъ этого вся ея гордость, лучше дотянуть сезонъ, изморить себя этой каторжной работой. Не показываться нигдѣ, не встрѣчаться съ ними иначе какъ на сценѣ. Перенести все, даже униженіе, но молчать, не писать Сергѣю Федоровичу. Тогда онъ взялъ съ нея слово, точно угадывалъ что случится... Но она ни за что, ни за что не сдѣлаетъ этого! Умереть легче. Развѣ онъ не предупреждалъ ее,—она тогда мало его слушала, слишкомъ увлечена была этимъ разряженнымъ скоморохомъ. Какъ она могла сдѣлать такой ужасный выборъ, когда на нее съ безконечною любовью смотрѣли такіе честные, открытые голубые глаза, когда въ голосѣ того звучало столько безавѣтной преданности, когда онъ весь былъ полонъ ею, одною ею... Господи! Осдѣлила она тогда что ли... Эта знойная итальянская ночь, это дивное утро, этотъ неожиданный дуэтъ Рауля и Валентины—рѣшили все... Слишкомъ блестящъ былъ пѣвецъ, чтобы не унести ее въ вихрь внезапно нахлынушаго чувства. То сердце, бывшее одною любовью къ ней, было затоптано ею... А вѣдь онъ нарочно и въ Италію прѣѣхалъ, и въ Миланѣ ее отыскалъ. И вдругъ съ непослѣдованностью женщины, Раевская уже вслухъ разразилась цѣлымъ потокомъ упрековъ, обращенныхъ къ тому же все человѣку...

„Зачѣмъ же онъ меня здѣсь оставилъ одну. Когда нужно—его нѣтъ около. Онъ бы могъ отвести отъ моей головы удары. Съ нимъ бы легко было, при немъ они бы не осмѣлились. Не забросали бы меня грязью. Или и его преданность на словахъ только... Воже мой!.. Да что же это я. За что я его? Онъ то чѣмъ виновать?..“

Въ дверь къ ней постучали... Нина Борисовна вся ушла въ себя. Ей теперь невыразимо противно было видѣть когонибудь... Вошла горничная...

— Васъ спрашиваютъ, господинъ Повиликинъ.

— Скажите ему, Маша...

Но господинъ Повиликинъ не ждалъ что ему скажетъ Маша. Онъ просунулъ голову въ двери.

— Нина Борисовна... На одну минуту, на одну маленькую, маленькую минуту.

— Я больна очень...

— Дива наша! Я не задержу васъ... И не ожидая приглашенія, Жанъ Повиликинъ вошелъ въ комнату, поцѣловалъ руку Раевской, развалился въ креслѣ, заболталъ ногами съ безцеремонностью короткаго знакомаго, не отводя глазъ отъ измученнаго ея лица. Что это вы вчера то должно быть кутнули. Вокругъ глазъ то... круги. Каковъ Мандель! не пригласилъ меня. Весело было? Милая барышня—попайте-ко меня кофеемъ! Жанъ Повиликинъ держалъ себя здѣсь съ развязностью провинціального щелкопера, считающаго себя въ данную минуту ей необходимымъ.—А я вамъ за это прочту статейку, о васъ! Наша божественная... Садитесь-ка вотъ сюда рядкомъ. Да послушайте, какъ мы васъ цѣнимъ. Въ столицѣ будете пѣть — тамъ такъ не напишутъ!..

Что было дѣлать? Раевская велѣла подать кофе. Жанъ сталъ читать статью, гдѣ сравнивалъ Нину Борисовну съ Малибранъ и Бозіо. Ей было противно. Она перестала слушать и только смотрѣла какъ рецензентъ захлебывался, отчеканивая свои громкія фразы. „Нѣтъ, надо уйти, уйти отсюда... Такъ нельзя. Это болото какое то... Здѣсь въ самомъ дѣлѣ съ ума сойдешь... Этотъ Повиликинъ—какъ въ трактиръ идетъ сюда!“

— И въ Петербургъ послалъ... Только не знаю отчего не печатають. Довольны вы?

— Благодарю васъ... едва, едва процѣдила Раевская, уронивъ голову на столъ.

— Экая красавица вы какаа, Нина Борисовна, пошутила Повиликинъ.—Видно устали вчера... Затормозилъ васъ Барсовъ... Малый красивый... И завидуютъ же всѣ ему здѣсь!..

И она не успѣла еще опомниться какъ Повиликинъ, почувствовавшій себя совѣмъ дома, приподнялся и поцѣловалъ ее въ шею. Только этого не доставало!.. Какъ ударомъ хлыста, обожгло ее. Она вздрогнула, горящими отъ бѣшенства, великолѣпными сѣрыми глазами смѣрилась Повиликина.

— Вонъ!

— Ну что вы, помилуйте... струсилъ адвокатъ. Нужно же быть благодарной... Онъ пятакъ однако къ дверямъ.

— Вонъ!..

И Нина Борисовна зарыдала горькими и отчаянными слезами.

— За что?.. За что?.. только и повторила она въ истерическомъ припадкѣ. — Баядерка, баядерка... Всякій прохожій... Въ грязь топчуть... Куда дѣться?

А Жанъ Повиликинъ, выскочивъ на крыльцо, моментально принялъ гордый видъ оскорбленнаго и негодующаго человѣка... Кстати ему попалась у театра Настасья Васильевна Бабкина. Онъ набросился на нее... Еще издали замахалъ руками.

— Ну, ваша Раевская... началъ онъ было.

— Знаю, знаю! и Бабкина скрожно опустила глаза внизъ.

— Что вы знаете? Ничего вы не знаете... Этакая неблагодарная! Ну ужъ и ей покажу...

— Вы то о чемъ же? удивилась та.

— Представьте? Выгнала меня вонъ... Дрянъ этакая! Барышня!

— Такъ вы еще ничего не слышали, что вчера случилось у Соломона Иосифовича? обрадовалась Бабкина. Пойдемте-ко въ театръ... Я вамъ расскажу все... Ужъ и скандалъ же былъ. Представьте!

И Настасья Васильевна, цѣлое утро разносившая на хвостѣ билетно по городу, такъ и вѣднлась въ неваго слушателя.

Только къ вечеру нѣсколько успокоилась Раевская... Что дѣлать—пужно было закончить сезонъ во что бы то ни стало—и сейчасъ же послѣ того уѣхать къ старушкѣ матери. Отдохнуть у нея лѣтомъ, въ деревнѣ, среди однообразныхъ, но успокоивающихъ редныхъ равнинъ. А до тѣхъ поръ вести замкнутую жизнь. Боятся ей нечего, вчерашнее уляжется очень скоро. Въ сущности всѣ они быть можетъ не такъ злы какъ кажутся. Акуловъ, напимѣрь, который вмѣстѣ съ другими смѣялся надъ ней, первый принялъ въ ней участіе. Архаровцевъ за нее набросился на Барсова. Ей рассказывалъ объ этомъ тотъ же Акуловъ... Одно страшно, неуспѣхъ на сценѣ, но публика ее любитъ и цѣнитъ... „Да и такъ ли еще виноватъ Барсовъ“ вдругъ озарило ее. Любовь живуча. Она цѣпляется за каждую надежду, страстно борется за возможность даже сомнѣнія когда нѣтъ увѣренности. Нина Борисовна была не исключеніемъ... Разъ явилась такая мысль, дѣвушка остановилась на ней и начала разбирать его поступки. Ложь, обманъ разумѣется гадки, отвратительны. А если онъ боялся, что, сказавъ правду, онъ потеряетъ ее навсегда? Если онъ лгалъ ей именно потому, что любилъ? Вѣдь она сама не разъ ему говорила, что можетъ быть только женою его. Онъ долженъ былъ переживать мучительныя минуты. Почему она знаетъ, а если онъ вѣдь уже дѣло о разводѣ? Даже если и не было этого, не она ли сама отняла у него возможность высказаться. Ну да, онъ не герой, разумѣется, не рискнулъ своимъ счастьемъ. Малодушно молчалъ когда надо было говорить правду. Люби онъ меньше, пожалуй и выска-

1000-лѣтній юбилей Св. Кирилла и Меѳодія. Св. Кириллъ. Съ медальона воротъ храма въ Прагѣ.
По рис. І. Манеса.

1000-лѣтній юбилей Св. Кирилла и Меѳодія. Св. Меѳодій. Съ медальона воротъ храма въ Прагѣ.
По рис. І. Манеса.

зался бы. Не могут такие глаза принадлежать негодю. Опять подошла она къ его портрету. Не могут. Онъ не способенъ играть ею. Нѣтъ, во всемъ этомъ не было расчета. Такъ сложилось все... Реакція шла все дальше и дальше. Она теперь уже хотѣла видѣть его. Заставить высказаться... Зачѣмъ? она не знала сама, но только жадно искала ему оправданій, рылась въ своей памяти, восстанавливая минуты, когда онъ былъ такъ искрененъ и пѣженъ съ нею... А Досужева, а письмо его, которое Татьяна Борисовна сегодня утромъ прислала къ ней, точно для того, чтобы не было недоразумѣній. Точно молнія упала передъ нею. Да, этого не извишишь низачто. Тутъ онъ весь... Она помнитъ эту фразу: „Раевская—мой капризъ, а ты—привязанность.“ И это сказать? кому?..

И она опять бродила изъ угла въ уголь... Опять думала, думала... Въ комнатѣ было темно. Влажные сумерки спустились за окномъ, въ душѣ ея тоже подымалась холодная, безразсвѣтная ночь... Теперь все было ясно... Всѣ оправданія рухнули... Даже въ своемъ всепрощающемъ сердцѣ—не находила она объясненій этому... И еслибы онъ былъ правъ, развѣ онъ не пришелъ бы къ ей. Гордость? Но она могла быть—пока его малодушіе, его трусость не обнаружили такъ ярко.. Теперь, теперь ему бы молить ее позабыть все это, изъ сожалѣнія протянуть ему свою руку... И что же? Она бы ему подала эту милостыню... Въ ней то не отказала бы она „нищему...“ И въ самомъ дѣлѣ, теперь она знаетъ эту среду... Развѣ она сама за какойнибудь мѣсяцъ не измѣнилась? Развѣ она не шла на сдѣлки, не кокетничала съ Манделемъ, не терпѣла до сегодняшняго дня любезностей Повиликина? Какъ же ему уцѣлѣть, какъ же ему не развратиться въ долгие годы? Какъ же онъ за эти пятнадцать лѣтъ могъ остаться неколебимымъ... Вѣдь мѣръ этотъ хуже болота, незамѣтно засасываетъ... Сегодня одна уступка, завтра другая. И не увидишь какъ потеряешь образъ и подобіе Божіе. Даже письмо это... Подло, разумѣется, гадко... Отвратительно... Но вѣдь Досужева его въ рукахъ держитъ. Почему знать, что тоже она за человѣкъ? Если ей извѣстно о немъ чтонибудь такое, чѣмъ она его загубить можетъ... Говорятъ, онъ ей долженъ много... Можетъ быть онъ этимъ связать. Если ей, Раевской, лгалъ онъ потому, что любилъ ее, развѣ онъ не могъ лгать Досужевой ради личнаго спасенія? А если онъ боялся, что та, соперница, вмѣшается въ ихъ отношенія, если онъ хотѣлъ усыпить ту, чтобы она не сказала Раевской обо всемъ?... Его положеніе тоже было ужасно, мучительно... Онъ все время метался между двухъ огней. А тутъ еще жена гдѣ то въ Минскѣ... Его не ненавидѣть, а пожалѣть надо... Разумѣется прежнее невозможно... увѣрила себя Нина. Но за что же и его проклинать буду? И что онъ молчать, не приходитъ?.. Легче было бы и ему высказаться... Ходитъ теперь вѣрно измученный, можетъ быть плачетъ тѣми мужскими слезами, которые на долго разбиваютъ сердце. Отъ нихъ раннія сѣдины, они гасятъ въ глазахъ огонь молодости. Сколько въ немъ вдохновенія на сценѣ... Развѣ можетъ быть такой, какъ онъ, подлымъ?... Совсѣмъ подлымъ... Нѣтъ, разумѣется. И она хороша тоже!.. Она!.. Еще вчера любила его, а сегодня разбила идеалъ и грязью забросала сама... Какже другимъ ему вѣрить, если и она не выдержала даже такого испытанія. Связь его съ Досужевой... Опять отъ одной мысли объ этомъ кровь ей бьетъ въ голову... Да вѣдь разъ она сошлась съ нимъ... Можетъ быть, еслибы она сказала объ этомъ, Барсовъ и не поколебался бы разорвать съ тою? Правда, это—распущенность, да вѣдь сцена!.. Болото! И вдругъ ей сдѣлалось такъ легко. Она отыскала въ душѣ оправданіе любимому человѣку... Она сама виновата предъ нимъ. А женщины любятъ извинять себя въ такихъ случаяхъ. Эти страданія—доставляютъ имъ

наслажденіе. Онъ идутъ на крестъ и радуются этому...

— Даромъ ничего не дается. Безъ борьбы не проживешь! успокоивала себя Нина ложась въ постель.

VIII.

Великодушіе Манделя.

Черезъ день послѣ загороднаго праздника Соломонъ Іосифовичъ тщательно чѣмъ когданибудь занялся своимъ туалетомъ. Цѣлый часъ вертѣлся передъ зеркаломъ, словно репетируя какую то особенно важную роль. Въ концѣ концовъ онъ остался доволенъ собою и позвалъ конторщика.

— Герръ Вахмутъ... приготовляйте мнѣ пожалуйста счетъ... этотъ покровительство на искусствѣ.

— Театральный расходъ?

— Со!..

Вахмутъ зарылся въ конторскую книгу и черезъ нѣсколько минутъ исполнилъ приказаніе патрона... Мандель старательно провѣрилъ цифры; оказалось, что поддержка Нины Борисовны Раевской съ наймомъ ложъ, покупкою вѣнковъ, обошлась ему въ шестьсотъ рублей. Соломонъ Іосифовичъ самодовольно улыбнулся и тщательно сложилъ счетъ въ свой бумажникъ. Потомъ онъ заѣхалъ къ ювелиру, купилъ брилліантовый браслетъ въ четыреста рублей, заглянулъ въ цвѣточный магазинъ и дождался тамъ, пока ему сдѣлали букетъ изъ чайныхъ розъ, и перехватилъ его этимъ браслетомъ.

— Куда прикажете? оглинулся кучеръ, не скрывая почти презрѣнія къ жиду, которому, однако, служилъ за большія деньги.

— Къ госпожа Раевской!

Конь быстро помчался впередъ. Мандель старался красиво раскачиваться въ своей эгоисткѣ.

У дверей Нины Соломонъ Іосифовичъ вынулъ зеркальце, пригладилъ баки и сжалъ губы сердечкомъ. И безъ того сладкіе глаза его стали еще слаще. Онъ тихо стукнулъ... Тамъ, очевидно, не слышали... стукнулъ еще громче.

— Entrez! послышалось за дверьми. Кто тамъ? войдите...

— Нина Борисовна, я заѣхалъ узнать вашъ здоровье... Вчера хотѣлъ, но боялся беспокоить...

— Благодарю васъ... Вы слишкомъ добры... и Нина Борисовна взяла цвѣты, не замѣчая браслета. Я напугала васъ третьяго дня... Простите!.. Раевская протянула ему руку, которую тотъ сейчасъ же поцѣловалъ.

— Это такой свинство... Я уже сказалъ господину Барсовъ... и госпожа Досужевъ сказали... Такъ нельзя. Это... это...

— Оставимъ!.. Я была виновата... Близко къ сердцу приняла выходку Татьяны Гавриловны... Не знаю, что со мною сдѣлалось... Голова кружилась отъ ваннъ цвѣтотъ, шампанскаго...

— Они всѣ не умѣютъ оцѣнить... Вы знаете... Ви должна пѣть за граница... За граница васъ будутъ оцѣнивать... Развѣ здѣсь можно чтонибудь дѣлать... Здѣсь одно паскудство... Пхе... Я самъ думаю уѣзжать изъ Россіи навсегда... Потому что для образованный мужчинъ здѣсь... sehr schlecht... Sehen sie, Нина Борисовна, вамъ тоже надо ухаживать... Такъ не можно продолжать... Съ вашъ голосъ, съ вашъ талантъ, съ вашъ красота...

— Вы очень любезны, Соломонъ Іосифовичъ... Я сама думала объ этомъ, но вы знаете—я должна допѣть сезонъ.

— Какъ вы будете пѣть послѣ такой шкандаль! благородно разгорячился Мандель...

— Что дѣлать?.. Куда же дѣться. Разорвать контрактъ—слишкомъ велика неустойка.

— Пхе!.. Это не причиняетъ. Сколько надо денегъ?.. Какъ великъ неустойка?

— Все мое жалованье—три тысячи. У меня ничего нѣтъ... Да и за границу нужны тоже деньги...

— Drei tausend... Такой пустяк! Позвольте мнѣ вамъ оказать кредитъ. И Соломонъ Иосифовичъ уже направился въ карманъ.

— Нѣтъ, ради Бога... Я вамъ и такъ благодарна за участіе... Долги такого рода я дѣлать не могу, не выплатить мнѣ такихъ... Спасибо вамъ—вотъ не думала что вы такъ добры.

— Вы знаете какой я?... Когда вы началъ здѣсь свой карьеръ, я въ свой умъ рѣшала, что васъ поддерживать надо!.. И сейчасъ же цѣлый банкъ послалъ въ театръ... Вы посмотрите, воодушевился Мандель. Вы посмотрите въ мой конторскія книги, сколько я тратилъ на это. Я не жалѣю деньги на искусство... Хотите я вамъ покажу счетъ... Зехсъ хундертъ ложи, кресла, букеты.. Зехсъ хундертъ!.. Только въ одна мѣсяць... Вотъ я какъ смотрю на деньги.. деньги что—тѣфу деньги!

И Соломонъ Иосифовичъ въ благородномъ порывѣ только плюнулъ.

— Желаете вы три тысячи на неустойка, вотъ дрей таузендъ... Надо на заграница — вотъ еще дрей таузендъ... Я хотѣлъ давать вамъ дорога... Пусть знаютъ что Соломонъ Мандель для театра вырветъ сердце! Да! и онъ ударилъ себя въ грудь.

Нина Борисовна не обидѣлась. Ей казалось, что Соломонъ Иосифовичъ дѣйствительно человѣкъ искренній, что вѣдь онъ выросъ среди конторскихъ книгъ и счетовъ—по неволѣ все цѣнить на деньги..

— Еще разъ благодарю, но согласиться на ваше предложеніе не могу. Отъ чужихъ людей такихъ одолженій не принимаютъ... Но мнѣ все-таки приятно, что вы такъ отнеслись ко мнѣ!.. Дружественно.

Соломонъ Иосифовичъ озабоченно сжалъ брови... Но сейчасъ же ихъ расправилъ. Глаза его совсѣмъ зажмурились и губы сложились уже либернымъ сердечкомъ. Очевидно, теперь онъ приступалъ къ главной цѣли посященія.

— Вы говорить: отъ чужой человѣкъ... хотите и я вамъ не буду чужой человѣкъ...

— Это же какъ? переспросила его Нина Борисовна съ самымъ искреннимъ недоумѣніемъ.

— Такъ... Я буду въ свой человѣкъ... Господинъ Барсовъ большой скотинъ. Онъ женатый. Я холостой... Зехсъ зи, холостой мужичинъ. Онъ не можетъ себя женить, я могу себя женить... Ферштеенъ зи?

— Да мнѣ до этого какое дѣло?

— Вы подождите... Воленъ зи быть моя жена. Я хочу на васъ женить, Нина Борисовна. Я васъ очень, очень люблю... Посмотрите—я доказывалъ. Ложи, кресла, букеты. Все—я... Я одинъ... Я васъ такъ люблю, что мнѣ все—тѣфу!.. Но вы знаете, я не такъ какъ господинъ Барсовъ. Я хочу чтобы вы жили со мной на одинъ кварталъ. Вы будете мой жена. Я не могу себя женить въ церковь, потому я—еврей. Въ Россіи нельзя... такой глупый законъ. Аберъ, это все равно, мы будемъ какъ будто мужъ и жена. Что же вы молчите..

Нина Борисовна откинулась на спинку дивана и смотрѣла на Соломона Иосифовича. Взглядъ ея говорилъ о такой глубокой мукѣ душевной!

„О до чего я дошла! Господи, неужели же актриса дѣйствительно считается общественнымъ достоинствомъ? Кашинцевъ предупреждалъ. Все, какъ говорилъ онъ, такъ и вышло“.

— Дальше что?

Соломонъ Иосифовичъ не понималъ.

— Я честный человѣкъ! онъ стукнулъ себя въ грудь. Я не такъ какъ господинъ Барсовъ. У господинъ Барсовъ деньги нѣтъ. Вчера я ему далъ еще пятьсотъ!.. Я буду васъ обезпечивать.

— Довольно!..

Она встала. Вскочилъ и Соломонъ Иосифовичъ.

— Вотъ видите ли, забудьте пожалуйста, что я была

знакома съ вами... Прощайте, мнѣ очень жаль, что вы на меня такъ тратились... Но я не просила объ этомъ. Будь у меня деньги, я бы сейчасъ же вернула вамъ эти расходы.

Нина взялась за голову.

— Идите же, идите!

Мандель высочилъ, даже и не раскланялся... Уже въ передней онъ вспомнилъ о браслетѣ и мигомъ вернулся.

— Что вамъ?

— Я такъ цѣнилъ вашъ талантъ! топтался Соломонъ Иосифовичъ на мѣстѣ.

— Да, я уже слышала.

— И даже сегодня купилъ браслетъ. Онъ на этотъ цвѣты.

Только сейчасъ Нина обратила на нихъ вниманіе. Вѣдныя розы, брошенныя на средину стола, уже всю комнату наполнили своимъ благоуханіемъ.

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста возьмите... поскорѣе...

Мандель не заставилъ себя просить. Получивъ браслетъ обратно, съ букетомъ вмѣстѣ, онъ по срединѣ комнаты нахально надѣлъ на себя шляпу и вышелъ побѣдителемъ.

— Куда теперь? Обернулся къ нему кучеръ.

— Къ госпожѣ Бабкиной.

Вечеромъ Раевской надо было на ренетицію. Она не могла безъ ужаса подумать объ этомъ. Пробовала пѣть, голоса не оказалось.

„Къ спектаклю поправлюсь, думала она. Отказываться нельзя—забѣдятъ совсѣмъ. А сегодня буду такъ. Скажу что нездорова!“.

Одиночество давило ее. Ей хотѣлось увидѣть хоть когонибудь, выйти на мокрую улицу, подъ дождь что ли, но и этого не удалось. Въ корридорѣ наткнулась на ча Крестовоздвиженскаго—Кристиани тоже.

— А я къ вамъ!.. съ напускною смѣлостью крикнулъ ей семинаристъ.

— Этотъ еще зачѣмъ? подумала она.

— Съ повинною головою, барышня... Прощеніе просить пришелъ... Совѣсть заѣла.

Что то странное послышалось ей въ тонѣ новаго гостя. Звучало что то искреннее.

— Одно знаете оставалось... Либо наняться, либо покаяться... Ужъ лучше каяться. Потому я по человѣчески пить не могу, чтобы, знаете, день или два... У меня запой-сь.. Опять же наняться никогда не поздно, если не простите—запью... Успию еще.

— Что же мнѣ прощать то вамъ? вошла она къ себѣ въ комнату.

— А то, что я большая свинья противъ васъ выхожу. Двѣ ночи не спалъ... послѣ этого позорища... у жиды то... Я весь вечеръ вѣдь Нина Борисовна противъ васъ орудовалъ. И смѣлся... Дуракъ дуракомъ, а смѣлся... А потомъ, какъ Акуловъ внесъ васъ... въ грязь всю, такъ меня точно пожемъ въ сердце... Такъ стыдно стало.. понялъ-сь, какая я скотина... Вы знаете... Я уже сегодня часъ у вашего крыльца дежурю, все себя пересилить не могъ... Семинарское это... Потому у насъ такъ, либо мы съ кулакомъ, либо намъ стыдно...

— Повѣрите ли, какъ я счастлива слушая васъ!.. Я до сихъ понять не могла, почему вы все такъ меня ненавидите.

— И ненависти не было. Потому мы и ненавидѣть какъ слѣдуетъ не умѣемъ. А вотъ, что вы не наша... Развѣ мы любимъ искусство?... Господину Барсову—легкія побѣды нужны. Намъ—жрать требуется. А до искусства кому какое дѣло? Я вѣдь въ архіерейскихъ нѣвчихъ о театрѣ то и не думалъ. Баритонъ нашъ Арчибальди—Пошехонскій мѣщанинъ. Ему то лестно, что дамы на него глаза пялятъ. Тоже хотъ бы вотъ полячетъ панъ Сладенкій, знаете его?

— Какже, знаю.

— Ну вотъ... Ему деньги нужны.. какой онъ артистъ, лабазника Смирнова, да жандарма Пантелѣева танцамъ обучаетъ. Жандармскій вахмистръ Пантелѣевъ. Ему за выслугу лѣтъ въ офицеры теперь. А какой же онъ офицеръ безъ кадрили и безъ лансе. Ну такъ вотъ Сладецкий по рублю часъ этого самаго Пантелѣева граціи и обучаетъ. Такъ значитъ вы на мнѣ зла не помните, барышня...

— Нѣтъ, разумѣется нѣтъ!.. Я напротивъ рада. Вы не повѣрите какъ мнѣ тяжело было.

— И чудесно. Слѣдовательно пить не стану. А вы знаете что, Нина Борисовна... Сегодня то, какъ придетъ на репетицію, такъ головку повыше держите. Носикомъ то кверху... Надлежащее отношеніе къ нимъ ко всѣмъ, совѣтую вамъ. Чуть что—и прикрикните. У насъ вѣдь какъ. настоящей то силы—ни у кого. Кто первый сталъ, тотъ и капралъ! Гладо то вѣдь ни у кого жизнь не идетъ... А у васъ еще настоящее горе только начинается... А лучше всего уходите вы отъ насъ, совсѣмъ уходите, барышня. Что вамъ въ самомъ дѣлѣ здѣсь дѣлать...

— Семь лѣтъ училась. Всѣ деньги своей матери бросила на это...

— А коли уходите нельзя, другой вамъ совѣтъ дамъ. Только не знаю, послушаете ли?

— Смотря какой.

— Выходите замужъ, барышня. Одной здѣсь нельзя. Загрызутъ одну... Вѣдь вы господина Барсова прогоните... такъ выходите замужъ. Да за зубастаго, чтобы могъ вездѣ отстоять васъ. И чтобы деньги у него были. Совсѣмъ иная опера выйдетъ, какъ онъ съ одной стороны кулакомъ пригрозитъ, а съ другой рублемъ поманитъ... Тогда у васъ вотъ какъ все гладко пойдетъ. У насъ многіе такъ бились. Соловцеву слышали вы?

— Да!

— Ну вотъ вамъ примѣръ. Мучилась, мучилась, да Ступакова и взяла къ себѣ. А Ступаковъ кочергу галстуконъ связываль... Тятенька ему полмилліона оставилъ... Ну теперь и гремитъ Соловцева вездѣ. Съ полнымъ уваженіемъ къ ней, потому, кому же охота съ вывороченной то челюстью ходить. Этотъ Ступаковъ чортъ чортомъ. Развѣ онъ разсуждаетъ куда бѣтъ? Выходите же замужъ, барышня... А теперь, прощайте!.. Гоните меня скорѣй... Потому и я такой же какъ они.

— Куда же вы, посидите

— Нѣтъ, что ужъ!.. Вы уже меня и за то простите,—помните?

— За что?

— А на сценѣ то я васъ поцѣловаль... Въ Фаустѣ. Какъ за Барсова я игралъ.

— Богъ съ вами!

— Это я ва пари... вдругъ расхохотался Крестовоздвиженскій. Купца одного тутъ оболванилъ. И все смѣясь онъ попрощался съ Ниной и вышелъ.

Наконецъ пришло и письмо отъ Барсова. Разомъ по-

холодѣвшая Нина быстро разорвала конвертъ. Въ комнатѣ было темно. Пока ей зажигали лампу, она сидѣла неподвижная. Только сердце съ болью билось въ груди, да въ головѣ звучалъ одинъ безотвязный вопросъ чѣмъ онъ объяснить все?

— Уйди, Маша, ты не нужна мнѣ...

Чтобы ей не помѣшали, Раевская заперла двери.

„Я не смѣю оправдываться... Все сложилось противъ меня, умоляю васъ только объ одномъ, не дѣлайте непослѣдственныхъ заключеній, не будьте несправедливы. Эти два дня я не могъ взяться за перо. Я былъ разбитъ совсѣмъ, боленъ. И разумѣется, не за себя страдаю, а за васъ...“

— Зачѣмъ же не пріѣхалъ ко мнѣ, если понималъ мое положеніе! вырвалось у Нины Борисовны... Нѣтъ, и здѣсь нѣтъ искренности. И тутъ ходули... Все тотъ же, неисправимый!

„Что мнѣ? продолжала читать она,—моя пѣсня снѣта, вапу вы только что начинаете“.

— Господи да гдѣ же оправданія, объясненія... Она жадно пробѣгала четыре мелко исписанныя страницы—ни одной строки не было, гдѣ бы онъ покаялся, сознался... А какъ искренно, какъ страстно она хотѣла простить его и забыть все! Подъ ея влияніемъ чтобы онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ. И онъ могъ бы стать имъ! Если онъ дѣйствительно ее любить—любовь дѣлаетъ чудеса!.. Нѣтъ, вотъ и подпись. А того что ей нужно, отъ чего сердце ее забилося бы радостно—нѣтъ. Вотъ еще впрочемъ. P. S „Сегодня на репетиціи—объясниться нельзя. Некогда. На насъ будутъ смотрѣть десятки глазъ. Умоляю васъ не уѣзжать завтра сейчасъ же послѣ спектакля. Я найду къ вамъ въ уборную. Поймите—мнѣ необходимо, необходимо объясниться съ вами!..“

— И мнѣ необходимо тоже... А это еще что? „Письмо сожгите—неравно попадетъ въ чьи нибудь руки.“ Нина Борисовна даже вспыхнула. Какая никакая трусость, какая гадость!.. Не весь ли человѣкъ сказался въ этой припискѣ... Разумѣется сожгу... не стану же беречь. Зачѣмъ мнѣ это... Не того ждала я, и не то мнѣ надо...

И она опять подошла къ его портрету. Что то блеснуло въ ея памяти. Она повернулась къ письменному столу и вынула изъ ящика другой портретъ. Честное лицо Кашинцева открыто, какъ живое, смотрѣло на нее... „О, какая разница!.. Вотъ этотъ—настоящій мужчина! Этотъ бы не измѣнилъ никогда. Съ нимъ ничего бы она не испугалась. За нимъ какъ за каменной горой. И нужно же было ей встрѣтиться съ Барсовымъ, тогда, въ эту роковую ночь, въ облитой луннымъ свѣтомъ Равеннѣ!.. Гдѣ то онъ теперь... Пожалуй тоже утѣшился.. Богъ знаетъ! У нихъ это быстро дѣлается“

И больное, ревнивое чувство проникло въ ея душу..

— Да мнѣ то что за дѣло! Пускай! Раевская бросила портретъ въ столъ обратно, точно его оригиналь чѣмъ нибудь оскорбилъ ее... Потомъ подошла къ огню и сожгла письмо.

(До слѣд. №).

Литературное чтеніе.

Разсказъ П. П. Гнѣдича.

(Посвящается А. П. Михевичу).

Госпожа Пругавина рѣшила, что необходимо каждую недѣлю устраивать литературные вечера. Госпожа Пругавина была совершенно права, такъ какъ у нея была дочь девятнадцати лѣтъ, и притомъ очень миленькая. Ей нужно общество, развлеченія. Танцевальныя вечера, практиковавшіеся у нихъ въ теченій двухъ зимъ, подошли до-смерти, и кромѣ того были сопряжены съ расходомъ. Ужъ это такъ принято: коли танцуютъ, такъ обязательно надо и кормить. Вѣроятно этотъ скверный обычай имѣетъ вполнѣ законный *raison d'être*: моціонъ возбуждаетъ голодь, а голодь, какъ извѣстно, озлобляетъ человѣка; хозяину же непремѣнно нужно, чтобы гость былъ въ хорошемъ

настроеніи. Вдобавокъ, сынъ госпожи Пругавиной, очень стройный поручикъ, хотя и бряцалъ въ танцахъ шпорами не безъ ловкости, но утверждалъ, что это допотопное удовольствіе и стоитъ несравненно ниже полотерного искусства, ибо полотеря нѣрѣдко отираетъ государственную должность, натирая полы въ высшихъ учрежденіяхъ, и получая за это законное жалованье,—а танцоры—трутъ полы и подошвы только по недостатку инициативы. Онъ утверждалъ, что интеллекты должны искать по преимуществу лица духовной. Госпожа Пругавина схватилась за эту мысль, рѣшивъ, что духовная лица позволить ограничиться однимъ чаемъ и увильнуть отъ ужина. Мысль

Память славянских Первоучителей. Проповѣдь Св. Кирилла и Меодія славянамъ-язычникамъ.
Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

эту она сообщила своему супругу, господину Пругавину, но встрѣтила по обычаю оппозицію.

— И никто, матушка, къ тебѣ не поѣдетъ, рѣшилъ онъ, — великій интересъ — такое времяпрепровожденіе! Стоитъ ѣхать, — такого добра у всякаго и дома много.

Что подразумевалъ господинъ Пругавинъ подъ словомъ добро, почему его у всякаго было много дома, — этотъ вопросъ такъ и остался открытымъ. Но всемъ было извѣстно, что господинъ Пругавинъ всегда протестовалъ относительно своей супруги — что бы она ни сказала. Это зависѣло больше всего отъ несходства ихъ комплекцій. Господинъ Пругавинъ былъ весьма сѣдъ, плѣшивъ, тощъ, желтъ и желченъ. Супруга его, напротивъ того, была особа пылка, и настолько деbeatая, что идеалисты при входѣ въ ея комнату восклицали: „что за представительная дама“, — а позитивисты прибавляли къ этому: „точно лонда въвели съ улицы“. Надо правду сказать, что госпожа Пругавина была очень монументальна, и занимала чрезвычайно много мѣста. Можно было порадоваться, что она не живетъ въ эпоху кризиса, ибо въ этой туалетной прикрасѣ она могла бы смутно напомнить уже не монументъ, а цѣлый холмъ и пригорокъ, въ полномъ цвѣтѣ, чему способствовало вдобавокъ то обстоятельство, что она обвѣщивалась, не смотря на свои сорокъ два года, травами и цвѣтами на подобіе Офеліи. Дочка вышла не въ нее, а скорѣе въ отца, — потому что была до того граціозна и гибка, такъ козыкала своей тончайшей талией, что со стороны можно было за нее безпокоиться: вотъ, вотъ сейчасъ хрупнетъ и сломается. Сынъ, — тотъ опять таки имѣлъ наклонность къ полнотѣ — и въ двадцать четыре года обладалъ очень солиднымъ закругленіемъ въ брюнкѣ, такъ что товарищи, пошлявая его, говорили: „и-и братъ, да буфетъ-то у тебя того!“

Голосъ господина Пругавина не имѣлъ первенствующаго значенія, и потому его оставили въ сторонѣ, и устроивъ домашній советъ, сообразили, кого пригласить для чтенія. Къ сожалебію, у нихъ не было знакомыхъ литераторовъ, то есть настоящихъ, которые печатали бы въ „органахъ“. Былъ, правда, одинъ, да и то не литераторъ, а стихотворецъ, Сергій Сергѣевичъ Карамелевъ, впрочемъ напечатанный въ „органѣ“ два стихотворенія: „Привѣтъ“ и „Идолъ“. — „Привѣтъ“ начинался такъ:

Привѣтъ тебѣ отъ скромнаго поэта,
Царица грезъ и сердца моего!..

Далѣе было не менѣе энергично. Но „Идолъ“ — это была вещь положительно прелестная! Поэтъ рассказывалъ, что было время, когда онъ смотрѣлъ на нее какъ на божество, какъ на идола; но вотъ теперь, когда она отдала ему всю свою любовь, онъ съ изумленіемъ замѣчаетъ, что его милая также строго смотритъ на него съ лучезарной высоты, — онъ восклицалъ:

Да, ты моя!.. Но въ прежнее изступленіи
Приникнулъ я въ слезахъ къ твоимъ ногамъ, —
Все тотъ же храмъ, и тожъ благоговѣнье,
И тѣ-жъ мольбы, и тотъ же фимиамъ!..

Барышни при послѣднихъ строкахъ не выдержали и испустили легкій сонъ восторга, чѣмъ и вознаградили поэта за три безсонныя ночи, которыми онъ высидѣлъ свое стихотвореніе.

Положено было Карамелева пригласить первымъ чтецомъ. Затѣмъ молодой Пругавинъ указывалъ на своего товарища Конаухина, очень обходительнаго штабсъ-капитана, плававшего наооской страстью къ беллетристикѣ. Онъ читалъ превосходно, и по преимуществу драматическія вещи. При чтеніи онъ такъ одушевлялся, что съ нимъ дѣлалась истерика и потомъ его часа два отпавляли эфирнымъ валерьяномъ. По крайній мѣрѣ онъ иначе не могъ читать Лермонтовскій „Маскарадъ“. Далѣе имѣлся въ виду преподаватель словесности въ одной изъ гимназій, Люгинъ, человекъ крайне серьезный, медлительный, сосредоточенный, авторъ статьи — „Замѣчанія о знакахъ препинанія“, большой любитель читать вслухъ кому бы то ни было, — почему у него никто не бывалъ, изъ боязни быть отчитаннымъ заживо.

Такимъ образомъ, на первое время исполнители находились. Рѣшено было подать къ чаю бутерброды съ тертой солониной и сыромъ, чѣмъ ужинъ и замѣнялся вполне. Хозяйка рассчитывала на значительный эффектъ отъ этихъ чтеній. Ни у кого изъ ея знакомыхъ нѣтъ литературнаго кружка, а у нея будетъ. Къ ней будутъ собираться литераторы, ей будутъ завидовать.

— Вотъ это я понимаю, говорилъ толстый поручикъ, въ волненіи расхаживая изъ угла въ уголъ. — Это дѣйствительно умно и приятно, — а то какъ вѣдь мы живемъ: пустота, сурлока!

— Только ты, Поль, ужь пожалуйста, замѣтила сестра, — распространи слухи о нашихъ чтеніяхъ въ полку, чтобъ все-все твои товарищи бывали у насъ.

— Кѣнатыхъ пожалуй и не надо, вскользя возражала мать. — А то своди потомъ знакомство съ женами, — и отъ теперешнихъ-то визитовъ не знаешь куда дѣваться.

Пругавинъ былъ отчасти правъ въ своихъ сомнѣніяхъ касательно интереса, возбужденнаго въ обществѣ вѣстью о чтеніяхъ. Иные просто испугались.

— То есть что же это будутъ читать?

Имъ объяснили, что все: романы, повѣсти, стихи, учсныя статьи. Они крутили головами и не вѣрили:

— Тутъ что нибудь не такъ, заключали они.

Дѣвицы, особенно тѣ, которымъ не давали Толстаго и Тургенева, встрепенулись, рѣшивъ, что хорошо бы послушать и Зола и Доде. Одинъ старичекъ нашель, что было бы не дурно, еслибы на этихъ вечерахъ читали вырѣзки изъ газетъ за педѣлю:

— Такъ чтобы принесли, — говорилъ онъ, — сѣсть къ креслу, — да не вставая все бы за послѣдніе дни и узналъ. Гдѣ кто кого зарѣзалъ, кого судили, кто умеръ, что въ Китаѣ дѣлается.

Ему заявили, что это неудобно.

— За то интересно, стоялъ онъ на своемъ. Всякій бы съ удовольствіемъ пошелъ, и еще за входъ бы заплачивать. Ну тамъ пять копѣекъ въ пользу погорѣльцевъ, что ли...

Многие совсѣмъ не поняли слова „Литературный вечеръ“, и рѣшили, что это домашній спектакль — поэтому озаботились о длинныхъ перчаткахъ и подвязныхъ локонкахъ. Приглашенныя читать, трое — Конаухинъ, Люгинъ и Карамелевъ — отнеслись къ дѣлу очень сочувственно, прося только, чтобы все было возможно проще, и чтобы мужчины были въ сюртукахъ. За два дня до чтенія были разосланы программы такого содержания:

Литературный вечеръ 25-го января 188 года.*

(Первое чтеніе).

1) Элементы литературныхъ импульсовъ.

Статья г. Люгина.

Прочтеть авторъ.

2) Сцена изъ драмы „Урѣзъ Агоста“.

Сочиненіе Гуцкова.

Прочтеть г. Конаухинъ.

3) „Весенніе ландыши“.

Рядъ лирическихъ стихотвореній г. Карамелева.

Прочтеть авторъ.

Начало въ 8½ часовъ.

Въ день литературнаго чтенія, домъ Пругавиныхъ принялъ совсѣмъ торжественный видъ. Всѣ лампы зажгли; посредникъ залы утвердили что-то въ родѣ лобнаго мѣста для чтеца; столъ покрыли зеленымъ сукномъ, а сверху поставили свѣчи и графинъ съ водой. М-ше Пругавина расхаживала, постукивая каблучками по паркету, и заглядывая мимоходомъ то въ одно зеркало, то въ другое. Извѣстно, что женщина не можетъ видѣть своего отраженія, чтобы не поправить на себѣ бантика, не обдернуть баски, не пригладить волосы. Братъ ея задумчиво брицалъ на фортепяно, вздрагивая при каждомъ шумѣ на лѣстницѣ. Госпожа Пругавина сіяла, она такъ чувствовала свое превосходство надъ гостями. Супругъ ея заперся въ кабинетѣ и сказалъ, что не пойдеть сморгнуть на эту срамоту.

Первымъ пріѣхалъ бѣленькій подпоручикъ, очень маленькій и застѣнчивый. Когда Пругавинъ его представилъ матери и сестрѣ, онъ усердно закачался корпусомъ, но ничего не сказалъ. Ему предложили снять саблю, онъ похраснѣлъ еще больше, охватилъ ее обѣими руками, что-то такое пролепеталъ, сѣлъ въ кресло, и такъ просидѣлъ цѣлый вечеръ.

Вторымъ явленіемъ была одна вдова мирового судьи. Къ сожалѣнію, она не прочла присланной программы. Ей было некогда: она цѣлый день ѣздила подыскивать бархата, потому что ея портника (подумайте, какая дрянь!) все ей обузила и окоротила. Ей впрочемъ показалось, что у Пругавиныхъ спектакль, и вдобавокъ дѣтскій: ей кто-то сказалъ, но кто и что, — она рѣшительно не понимала. Она глубоко извинялась въ томъ, что привезла своихъ дѣтей: дѣвочку Калочку 8-ми лѣтъ, и мальчика Павлушку 6-ти лѣтъ. Она собралась было ѣхать домой, но рѣшила посидѣть пока дѣти не захотятъ спать.

Потомъ пріѣхала жена хирурга — госпожа Чукъ. Эта явилась въ такомъ декольте, что мужчины при взглядѣ на нее только повели плечами. Профессоръ математики Кулаковскій привезъ жену, у которой голова до того была обсыпана пудрой, словно ее обмокнули въ мучной мѣшокъ. Карамелевъ пріѣхалъ съ маленькой тетрадкой въ восьмьюшку, заключающей въ себѣ благоуханіе „Весеннихъ ландышей“. Тетрадку онъ бережно хранилъ и никому не давалъ въ руки.

Вообще набралось человекъ тридцать. Пріѣхали почти все, кого ожидали. Двѣ дамы пріѣхали съ собачками. Мужчинъ было сравнительно меньше. Барышни безъ умолка болтали, а ихъ голоса звенѣли какъ бубенчики.

Ровно безъ четверти девять, господинъ Люгинъ вошелъ на трибуну, и позвонилъ въ колокольчикъ. Шумливый разговоръ сразу затихъ: такъ затихаетъ сразу иольскій ливень: еще за яниту онъ стучалъ и барабанилъ по листьямъ, — миновалъ край тучи, и все стихло, и опять солнце, и теплый паръ подымается кверху...

Люгинъ откидываясь, черезъ очки строго посмотрѣлъ на присутствующихъ, и налилъ полъ-стакана воды. Отпивъ, онъ вы-

нул красный фуляр, провел им по губамъ, протеръ очки, потомъ высморкнулся, посмотрѣлъ еще строже, и сказалъ:

— Милостивые государи!

Это у него была ужь такая привычка отъ постоянного чтенія лекцій.

— Вамъ, конечно, не безызвѣстно, началъ онъ, — что для каждаго движенія необходимъ импульсъ, при помощи котораго сила находившаяся въ напряженіи переходитъ въ живую силу. Всякій импульсъ въ области исторіи долженъ быть строго формулированъ, — историкъ обязанъ прослѣдить его зачатіе, найти его эмбріональныя формы. Исходя изъ этого положенія, нетрудно...

Хозяйка дома и ея дочка очень усердно занимались рукодѣліями: одна вышивала необычайной красоты полотенце, другая — прелестное бродери. Дама съ оголенными плечами чувствовала нѣкоторую неловкость, такъ какъ остальные барыни оказались прикрытыми. Одна старушка вытатила изъ мѣшка цѣлое одѣяло, на которомъ по красному фону изображались незабудки до того несестественной величины, что скорѣе походили на подсолнечники. Подпоручикъ застылъ охвативъ саблю и виновнѣ глазами въ лицо чтеца. Потомство мирового судьи усьбло на одно кресло, хлопало глазами и на яву видѣло сны.

— Подъ именемъ искусства, продолжалъ Люгинъ, — мы должны подразумевать то чувство изящнаго, которое сродно натурѣ человека. Резюмируя сказанное, мы установили такой критерій. Хотя абсолютно искусства не существуетъ, потому что абсолютизмъ — есть идея и абстрактъ, но тѣмъ не менѣе въ субъективныхъ индивидуальностяхъ оно можетъ проявляться, и даже прогрессировать. — Превосходный эквивалентъ этому...

— Хорошо читаетъ, замѣтилъ тотъ самый старичокъ, который такъ добывался чтенія газетъ.

— А что? тихо полюбопытствовалъ сосѣдь.

— Баритономъ, отвѣтилъ старичекъ.

— Однако, если вы такъ, то это немножко сухо, подумала хозяйка, перелглядываясь съ дочерью.

Черезъ двадцать минутъ это почувствовали и гости, которые не вертѣлись на мѣстахъ только изъ приличія. Какъ они завидывали Каночкѣ и Павлинкѣ, прикурнувшимъ другъ другу, и наслаждавшимся безмятежнымъ покоемъ!

— И такъ, читалъ Люгинъ, — мы ясно видимъ, что литература — это зеркало отражающее весь окружающій міръ въ микроскопъ, и въдобавокъ міръ профильтрованный горничнымъ искусства...

На часахъ пробило половина десятаго. Нѣкоторые потянули свои часы изъ кармана. Оказалось, что эти часы еще отстаютъ на семь минутъ. У многихъ явился ломъ въ шинѣ. А Люгинъ хоть бы что: знай себѣ читаетъ, да читаетъ.

— Модификація тутъ очень проста, объясняетъ онъ, — если мы будемъ фиксировать...

Изъ за двери уже два раза показывалась горничная и дѣлала хозяйкѣ массонскіе знаки, сообщая этимъ, что самоваръ давно кипитъ въ столовой. Хозяйка слегка наклоняла голову, и показывала глазами, что надо подождать.

Безъ четверти десять старичекъ чихнулъ, и съ такимъ вкусомъ, что невольно вызвалъ пожеланія сосѣдей. Это было единственное разнообразіе во все время чтенія. Да еще господинъ Карамелевъ не случалъ, а сиди нѣсколько сзади хирургической жены, блуждалъ не безъ удовольствія глазами по ея плечамъ. Mademoiselle Пругавина, чувствуя что на нее смотритъ штабсъ-капитанъ, несмѣла поднять глазъ, и только выгибала невозможна пальчики при работѣ, вѣроятно желая этимъ доказать, что не только она сама граціозна, но даже ея пальчики и ногти.

Пробило десять. У всѣхъ лица вытянулись еще больше. Подпоручикъ вдругъ издалъ какой то необычайный звукъ: у него до того пересохло въ горлѣ, что онъ хотѣлъ откашлянуться, но это какъ то не вышло. Дамы перешептывались; Павлинка немножко высвистывала посомъ, у разошедшейся Каночки мамаша все поправляла загибающуюся юбочку.

Десять минутъ одиннадцатаго Люгинъ кончилъ и торжественно захлопнулъ тетрадь. Въ залѣ царилъ гробовая тишина.

— Да, баритонъ пріятный, повторилъ старичекъ.

Съ нимъ тотчасъ всѣ согласились, такъ какъ въ это время въ дверяхъ показался лакей, горничная и прачка. Последнія двѣ были очень густо наомажены гвоздичной помадой. Весь кортежъ былъ вооруженъ подносами, стаканами, салфетками, ромомъ, лимонномъ и бутербродами. Подпоручикъ схватилъ свой стаканъ настолько жадно, что обварилъ себѣ колѣни, и долго потомъ извинялся, качаясь въ креслахъ, и бормоча что то подъ носъ.

Отъ Люгина какъ то сторонились, — точно онъ былъ въ дифтеритѣ: иные побавались, — а ну какъ онъ вдругъ начнетъ все сначала.

Павлинку и Каночку невозможно было добудиться. Мамаша рѣшила: Богъ съ ними, пусть поспятъ.

— Теперь будетъ очень интересно, увѣщевала хозяйка гостей. Конаухинъ давно читаетъ. Вы не слышали? Я увѣрена, вы останетесь довольны.

— Да, этотъ ужь очень того, замѣтила старушка съ одѣ-

ломъ, — читалъ долго и понять со стороны трудно, словно бѣзъ, да изъ мѣшка горохомъ сыпалъ, — ни себѣ, ни другимъ.

Когда на кафедру возмелъ Конаухинъ — кафедра дрогнула. Драматическій чтець былъ замѣтенъ сразу. По грустному, страдальческому лицу, съ которымъ онъ приготовился читать Акосту, видно было, что все это имъ перечувствовалъ. Да и вообще гости были бодрѣе, подкрѣпившись чаемъ.

Штабсъ-капитанъ, участвуя постоянно на спектакляхъ, не могъ уже читать обыкновенно, онъ непремѣнно игралъ каждую фразу, даже на своемъ лицѣ онъ изображалъ ту мимику, которую, по его соображенію, непремѣнно долженъ былъ изобразить данный субъектъ. Въ виду этого обстоятельства, лицо штабсъ-капитана напоминало тѣхъ каучуковыхъ куколокъ, которыя, по желанію, строятъ какія угодно гримасы; особенно превращенія блии замѣтны при быстромъ, перекрестномъ разговорѣ; надо отдать ему справедливость: онъ при самыхъ неожиданныхъ переходахъ успѣвалъ соорудить подходящую мину.

Штабсъ-капитанъ чрезвычайно сочувствовалъ Урѣзю, — онъ увлекъ своимъ сочувствіемъ слушателей, особенно дѣвицъ; изъ нихъ двѣ даже открыли ротикъ. Впрочемъ, послѣднее могло быть ими сдѣлано въ виду сильного насморка. Голосъ Конаухина звучалъ неподдѣльнымъ чувствомъ...

Позорное признаніе! (читалъ онъ) Въ грудь мою

Ты ранами кровавыми выпсалось,

И въ ней стоишь недвижнѣй, чѣмъ на этомъ

Пергаментѣ, — гдѣ языками змѣй

И черными ножами, и стрѣлами

Начертаннымъ тебя увидѣлъ я!..

Порою его голосъ замиралъ, доходилъ до шепота, до какого то страстнаго журчанья въ горлѣ. Но когда онъ шель crescendo, — о! какимъ громами лилась его рѣчь. Кафедра тряслась какъ въ лихорадкѣ, — казалось, минута, — и все рухнетъ, и самъ лекторъ полетитъ внизъ! Но рѣчь затихала, — и слушатели опять успокаивались.

Когда, послѣ обряда раскаянія, разъяренный Акоста является на сцену, тутъ то во всей красѣ и развернулся штабсъ-капитанъ. „Молчите! гаркнулъ онъ, — всѣ молчите! Я знаю васъ, всѣхъ знаю!“

Дѣти мирового судьи испуганно встали съ кресла. Старичекъ, тоже вздремнувшій, встрепенулся, и промолвилъ:

— Ага, вотъ какъ!

Но когда чтець добрался до знаменитаго монолога Урѣзю, — тутъ уже гнѣву его не было предѣловъ. „Снадите груди камней съ моей груди, — на волю мой языкъ!“ вопилъ онъ, уцѣпившись за подсѣвчикъ.

Восприня мой умъ, и какъ Самсонъ предъ смертью,

Съ отчаяннымъ успѣхомъ разорви

Позорныя оковы!

Онъ потрясъ подсѣвчикомъ въ пространствѣ.

Я разруму

Моей рукою колонны ваши!.. Я..

Лицо его налилось кровью, на лбу натапулись жазы, глаза обдавали картечью молній...

Павлинка въ испугъ заревѣла, но даже и его не было слышно, лекторъ дошелъ до своей кульминаціонной точки: онъ топалъ ногами, ревѣлъ, метался...

Я вѣрую въ тебя

Богъ Адонай! Богъ топущій какъ плину

Своихъ враговъ! Богъ дышущій огнемъ,

Богъ мстительный до третьяго колѣна..

Онъ захлебнулся, повалилъ обѣ свѣчи, но не замѣчая ничего, наверху, въ темнотѣ, съ послѣднимъ напряженіемъ въ голосѣ закончилъ:

Моя душа — такой же гнѣвный Богъ, —

И съ этихъ поръ служу я Богу мести!..

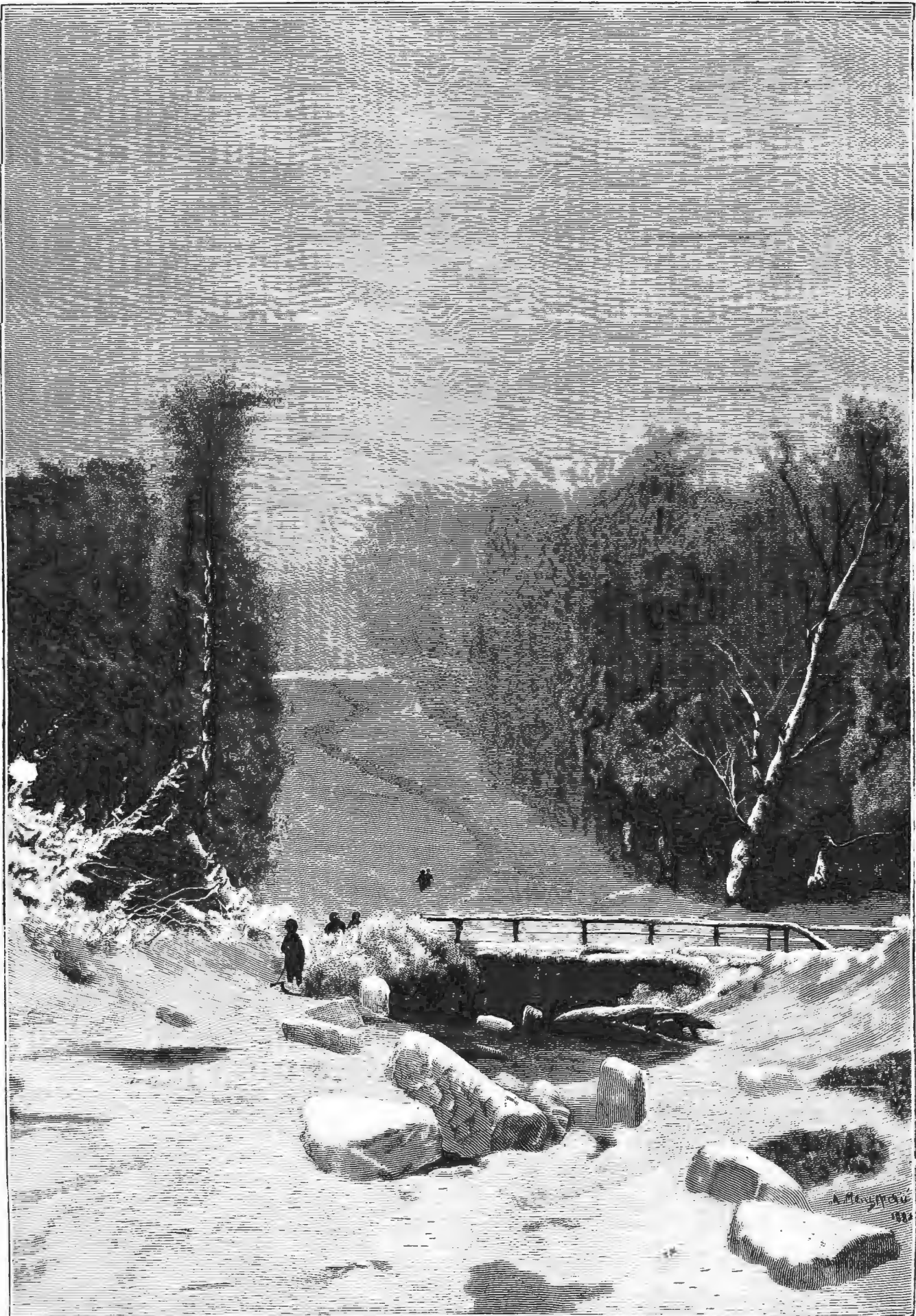
Чтеца отгнали оде-колономъ, давали ему нить, просили успокоиться. Павлинка ревѣла съ перенугу, словно его выпоролъ. Одна старушка хлопотала, чтобы ея собачку вывели скорѣе прогуляться. Испуганная прислуга толпилась въ дверяхъ. Даже самъ господинъ Пругавинъ высочилъ изъ кабинета, вообразивъ, что по крайней мѣрѣ провалится потолокъ. Если, по прочтеніи перваго номера, вокругъ царилъ такая тишина, какъ въ ту эпоху, когда голубѣ изъ Поева кѣвчага летать надъ землею, за то послѣ втораго лектора, залу Пругавиныхъ смѣло можно было угодливо Вавилонскому столпотворенію. Отъ сосѣдей звонили, прося быть потише: тамъ какъ разъ была больная.

Наконецъ, кое какъ порядокъ былъ восстановленъ. Поломанныя свѣчи были замѣнены новыми; на ревѣннаго Павлинку надѣли башлыкъ и увезли домой, штабсъ-капитана оттерли и оевѣжили. Надо было все-таки чтеніе закончить: въдобавокъ „Ландыши“ представлялись многимъ привлекательными.

Особенно барышни жаждали зирики. Тамъ навѣрно будетъ соловей, грѣзы, розы, волюя, волны, кровь, любовь, — это очень весело! Карамелевъ вошелъ на трибуну съ какой то грустно-мелан-

XIII передвижная выставка. „Малороссы у хаты“. Картина В. Е. Маковского. По фотогр. Якобия, грав. Флюгель.

ХІІІ передвижная выставка. „Февральское утро“. Картина А. И. Мещерского.

По фотогр. Ядобиа, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

холической улыбкой. На его лицѣ было написано: „я такъ далеко отъ всего земнаго, мой мѣръ—тамъ, наверху, на грани мірозданья...“ Завѣтная тетрадка дрожала въ его рукахъ. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ.

— Я позволю себѣ маленькое предисловіе, сказалъ онъ, не поднимая глазъ, и взвизывая рукой за голову. То, что я прочту—это плодъ пятилѣтнихъ моихъ бесѣдъ съ музой. Это своего рода „Лирическое интермеццо“,—это смѣхъ сквозь слезы,—это мои мысли и чувства, переложенныя на бумагу.

Онъ раскрылъ тетрадку, и откашлянулся. Всѣ ожидали въ нѣмомъ восторгѣ.

Но онъ медлилъ. Глаза его широко раскрылись, подбородокъ затрясся.

На первой страницѣ его рукописи значилось: „рубашекъ крахмальныхъ—шесть; простынь—четыре; наволочекъ—шесть; платковъ—одиннадцать...“ Онъ ошибся тетрадкой!

Такъ литературное чтеніе у господъ Пругавиныхъ и не могло закончиться.

Стихотвореніе.

Видѣлъ я что ты со мною,
Мнѣ твои смѣются глазки
И волнуютъ кровь и сердце
Лепетъ милый твой и ласки.

* * *

Нѣга счастья, сумракъ ночи,
Звѣздъ задумчивыхъ мерцанье,—

Въ грудь мою лилесь волною
Нестрыхъ грезъ и уюванья.

* * *

Но таинственная прелесть
Чаръ живаго сновидѣнья,
Какъ о камень валя,—разбилась
Скучнымъ мигомъ пробужденья.

Н. М — снѣй.

СНЫ.

Очеркъ.

Нѣтъ сомнѣній, что явленія и идеи, возникающія въ мѣрѣ сновидѣній, имѣли и имѣютъ огромное значеніе и въ вѣрованійхъ, и въ дѣйствительной жизни человѣчества. Вѣра въ духовъ, пользующаяся всемірнымъ распространеніемъ, получила въ сновидѣніяхъ свое первоначальное основаніе. И если теперь еще люди, научно знакомые съ природою, оказываются не свободными отъ вліянія, производимаго на нихъ снами, то чѣмъ же должны быть сны и ихъ вліянія для народа? Давно поражаало людей различіе между тѣломъ бодрствующаго и тѣломъ спящаго. Жить и—видѣть дѣйствительность, и спать и—видѣть сны, напоминающіе дѣйствительность... Невольно составляетъ представленіе о сновидѣніяхъ, какъ отблесахъ, отраженіяхъ, тѣняхъ дѣйствительной жизни. Въ своей знаменитой поэмѣ „Ады“, Данте говоритъ, что души, обитающія въ чистилищѣ, узнаютъ живаго человѣка по тѣни, отбрасываемой его тѣломъ. У тасманцевъ, у нѣкоторыхъ индійскихъ племенъ одно и то же слово обозначаетъ и тѣнь, и душу. А баутоусы такъ образно выражаютъ тѣсную связь между тѣломъ и тѣнью: они вѣрятъ, что крокодилъ можетъ схватить тѣнь человѣка, идущаго по берегу рѣки, и увлечь его въ воду. Гренландцы вѣрятъ, что душа покидаетъ тѣло во время сна, чтобы носиться въ любимыхъ мѣстахъ, охотиться за тѣнями звѣрей, и т. д. Таковы же и вѣрованія сѣверо-американскихъ индійцевъ, новозеландцевъ, и др. По ихъ представленію, сны—это то, что душа видитъ во время такихъ ночныхъ путешествій. Гвинейскіе негры твердо вѣрятъ въ предзнаменованія, выводимыя изъ сновъ. Но развѣ не также относится къ снамъ и масса народовъ Европы!

Многое объясненій было дано относительно сновидѣній. Въ древности сны считались символическими образами, являемыми внутреннему зрѣнію какимъ либо сверхъестественнымъ существомъ, въ видѣ извѣстныхъ предсказаній относительно будущаго. Но нынѣ дѣлаются попытки дать снамъ объясненіе, и одна изъ нихъ, считаемая наиболѣе удачною, принадлежитъ Джамсу Сѣлли.

Чтобы вѣрно разрѣшить вопросъ, необходимо прежде всего опредѣлить, что такое состояніе сна. Состояніе это характеризуется ослабленіемъ всѣхъ жизненныхъ отравленій, и именно, меньшей раздражаемостью нервовъ. Еще сорочъ глѣтъ тому назадъ, Влюменбахъ наблюдалъ на одномъ молодомъ человѣкѣ, страдавшемъ переломомъ черепа, что во время сна мозгъ нѣсколько осѣдаетъ. Въ 1860 году, англійскій врачъ Дургамъ наблюдалъ за движеніями мозга у собаки черезъ стеклянную пластинку, которою онъ замѣнилъ въ одномъ мѣстѣ черепную костную оболочку. Когда животное засыпало—поверхность мозга значительно опускалась; ткань мозга блѣднѣла, и его маленькіе сосуды, линаясь крови, дѣлались невидимыми. Замѣчено также, что біеніе пульса уменьшается у насъ на одну пятую во время сна. Говорятъ, что во время сна растительные процессы отличаются наибольшею напряженностью. Но это еще подлежитъ сомнѣнію. Очевидно однако, что высшія отравленія жизни ослабляются во время сна прежде всего, точно такъ же какъ отъ старости и болѣзни способности ослабляются, начиная съ высшихъ и сложнѣхъ.

Сновидѣній не бываетъ во время глубокаго сна. Животныя такъ же видятъ сны, какъ и мы, но рѣже и не всѣ: такъ свойство видѣть сны есть у собаки и пѣтъ у кролика. Далѣе, при

одинаковой силѣ умственныхъ способностей, люди спокойнаго ума и умѣреннаго темперамента видятъ сны весьма рѣдко, и наоборотъ, особенно сложныя сновидѣнія постигаютъ людей нервныхъ и безпокойныхъ.

Состояніе сна достаточно объясняетъ свойство сновидѣній. Во время бодрствованія впечатлѣнія наши подлежатъ провѣркѣ органовъ чувствъ, во время-же сна мы, такъ сказать, лишены этихъ повѣрочныхъ силъ, необходимыхъ элементовъ для критическаго мышленія. При отсутствіи живыхъ внѣшнихъ впечатлѣній, логика ума исчезаетъ. Онъ ошибается касательно каждаго раздраженія. При полученіи-же какого-либо раздраженія, его дѣятельность развертывается автоматически, механически, въ зависимости отъ обычныхъ занимающихъ умъ предметовъ, съ отпечаткомъ ихъ, и часто даже безъ всякаго отношенія къ причинѣ раздраженія. Въ этомъ отношеніи сны оказываются соответствующими всецѣло иллюзіямъ и галлюцинаціямъ бодрствованія. Сны походятъ на явленія гипнотизма. Но послѣдній зависитъ отъ различныхъ положеній, придаваемыхъ тѣлу,—отъ внѣшнихъ условий и раздраженій. Сны же съ ихъ безчисленными образами зависятъ отъ внутреннихъ побужденій, по преимуществу, ибо бываютъ и такіе сны, которые возникаютъ отъ причинъ одинаковыхъ съ причинами гипнотическихъ явленій; въ этихъ случаяхъ они совпадаютъ съ послѣдними. Нѣкто рассказываетъ, что, проспавшись однажды, онъ изумился увидѣвъ свою руку какъ бы протянутою къ образу, представлявшемуся ему во снѣ, а на самомъ дѣлѣ—къ полной лунѣ, которая свѣтила въ окно. Вообще, лучи луны вызываютъ нѣрѣдко сновидѣнія. Звуки, производившіеся поющими, казались одному звономъ колоколовъ. Знахъ цвѣтовъ въ сильнѣйшій нѣрѣдко вводитъ въ сновидѣніяхъ въ оранжерею, парфюмерный магазинъ и т. п. Довольно обыкновенная иллюзія, при которой засыпающему кажется, что онъ падаетъ въ пропасть, приписывается непроизвольному вытягиванію ноги, нечувствительности мускуловъ и послѣдовательной потерѣ черезъ это чувства тяжести тѣла. Иногда же причина эта получаетъ обратное дѣйствіе, и видящему сонъ кажется, что онъ подымается на воздухъ, и въ первомъ случаѣ падающему внизъ кажется, что онъ погружается въ темноту,—во второмъ случаѣ, его поражаетъ свѣтъ луны или звѣздъ.

Большая часть сновъ зависитъ отъ внутреннихъ раздраженій. Поэтому, частыя сновидѣнія могутъ даже служить указаніемъ на извѣстныя неправильности въ кровообращеніи, дыханіи, пищеваженіи. Но и извѣстное состояніе органовъ чувствъ приводитъ иногда къ сновидѣніямъ. Такъ, измѣненіе въ давленіи крови на сѣтчатую оболочку глаза возбуждаетъ причудливыя сновидѣнія со множествомъ блестящихъ предметовъ, красными птицами, цвѣтами и т. д. Органъ зрѣнія принимаетъ вообще въ такихъ случаяхъ столь большое участіе, что образы сновидѣній сохраняются иногда и по пробужденіи, возбуждаютъ чувство усталости. Начало зубной боли возбуждаетъ во снѣ представленіе, что зубы выдергиваютъ. Въ такихъ случаяхъ сны могутъ оказывать, дѣйствительно, вѣрными предзнаменованіями. Во снѣ возбуждаются иногда представленія о давнишнихъ внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, или о такихъ, которыя прошли какъ бы незамѣченными для насъ во время бодрствованія.

Память Св. Первоучителей славянъ.

(Рис. на стр. 324, 325 и 329).

6-го Апрѣля празднуется великій славянскій праздникъ — память св. Кирилла и Меѳодія, подвизавшихся въ проповѣданіи Св. Вѣры славянскимъ народамъ.

Великіе Первоучители Кирилль и Меѳодій были дѣти Солунскаго вельможи Льва. Младшій изъ братьевъ Константинъ (въ иночествѣ Кирилль) съ 842 г. воспитывался при дворѣ въ Кон-

станциополь вмѣстѣ съ малолѣтнимъ императоромъ Михаиломъ. Дарованіи и образованіе открывали ему блестящее поприще, но юноша ветунилъ въ духовное званіе, а потомъ скрылся въ пустыню. Меодій послѣ тщательнаго домашняго образованія былъ воиномъ и состоялъ нѣсколько лѣтъ правителемъ Славяно-греческой области. Въ 851 г., 24-хъ лѣтъ, Константинополь удалился съ братомъ отъ свѣта, проводя время въ постѣ и молитвахъ. Затѣмъ, такъ какъ послы хозаръ просили прислать имъ ученаго мужа, который бы могъ научить ихъ истинной вѣрѣ, императоръ послалъ ихъ къ хозарамъ, и они съ великимъ усѣхомъ исполнили свою великую миссію. Едва воротившись въ Царьградъ, они были вызваны къ западнымъ славянамъ. Славяно-паннонскіе князья Ростиславъ и Святополкъ, желая имѣть ученіе о вѣрѣ, богослуженіе на родномъ языкѣ, просили императора Михаила прислать имъ учителей. Избраны были Кириллъ и Меодій. Тогда сдѣланъ былъ ими знаменитый переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ, положившій начало между славянскими племенами русской письменности. Въ Моравіи провели Св. Первоучители четыре года, проповѣдуя, обучая дѣтей, устроивъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Св. Кириллъ скончался въ Римѣ, принявъ схиму, а Меодій возвратился къ славянамъ, и славянскія племена съ Хорватіи и Далмаціи до границъ Польши слушали славянскую службу. Чехія приняла Св. Крещеніе и память Св. Братьевъ тамъ до сихъ поръ священная. По смерти Меодія (6 апр. 885 г.), ученики его выжили въ Болгарію и тамъ свѣмена православія проповѣдали и оттуда уже были переданы на Русь. Изобрѣтенная Св. Братями славянская азбука до сихъ поръ употребляется нами подъ именемъ Кириллицы, отличаясь отъ латинскихъ и готическихъ письменъ.

Въ Моравіи, въ округѣ Знайма, по желѣзной дорогѣ за станціей *Угорское Градице*, на сѣверо-западъ, гдѣ шоссе идетъ въ гору, показываются сперва двѣ, потомъ три башни, высокая и длинная церковь, возлѣ которой среди прекраснаго парка виденъ обширный замокъ Велеградъ. Это бывшій монастырь цистерціанскаго ордена; имя это паноминируетъ одну изъ блестящихъ страницъ исторіи славянъ, время когда наши апостолы св. Кириллъ и Меодій съ востока принесли къ западнымъ славянамъ Христово ученіе на славянскомъ языкѣ.

Велеградъ—столица моравской династіи Моймировичей, столица Ростислава, Святополака, престоль бывшей метрополии моравской св. Меодія, скончавшагося тамъ 6-го апрѣля 885 г. Теперь этотъ Велеградъ не болѣе какъ незначительное селеніе съ упраздненнымъ монастыремъ и замкомъ. Велеградъ былъ столицей Моймира I, собирателя моравско-чешскихъ племенъ и основателя велико-моравскаго царства. Моймиръ соединилъ Питру съ Моравію (830 г.) и оставилъ это царство своему племяннику Ростиславу (846—870). Ростиславъ построилъ около Велеграда грандіозныя укрѣпленія, о которыхъ франки говорили какъ о неприступныхъ. Ростиславъ просилъ императора греческаго Михаила послать ему славянскихъ вѣроучителей. Императоръ отправилъ св. Кирилла и Меодія (863 г.). Весь моравскій народъ принялъ вѣру Христову и Ростиславъ основалъ самостоятельное славянское царство. При его наслѣдникѣ Святополкѣ молодое царство было однако въ большой опасности, и только при содѣйствіи св. Кирилла и Меодія, Велеградъ былъ освобожденъ и къ моравамъ присоединились тогда славяне на Лабѣ, Вислѣ, чехи и др. Въ 874 г. Велеградъ былъ столицей не только политической, но и церковной жизни и имѣлъ чисто славянскій характеръ. Велеградъ тогда былъ центромъ апостольской дѣятельности св. Меодія. Изъ Велеграда св. Меодій распространялъ на славянскомъ языкѣ Христову вѣру среди чеховъ и лужичанъ. Изъ Велеграда же онъ управлялъ славянскими епархіями и скончался здѣсь въ 885 году 6-го апрѣля—послѣ его смерти велико-моравское царство распалось. Въ концѣ IX вѣка разорили и Велеградъ и изгнали славянское духовенство.

Въ народѣ сохранилось преданіе о церкви, въ которой былъ погребенъ св. Меодій, что она была на мѣстѣ нынѣшней церкви (изображенной на нашемъ рисункѣ), которая имѣетъ центромъ торжества въ Велеградѣ. Въ 1198 г. братъ чешскаго короля Владиславъ, правитель Моравіи, на мѣстѣ прежняго Велеграда, въ узкой котловинѣ между невысокими горами, въ часовомъ отстояніи отъ стараго мѣста и Угорскаго Градица на сѣверо-западъ, положилъ основаніе монастырю, названному по имени прежней столицы Велеградомъ, и, надѣливъ его богатыми землями, передалъ его ордену Цистерціанцевъ, отличавшемуся тогда строгостью правилъ и пользовавшемуся особеннымъ уваженіемъ.

Такъ какъ до пятидесятихъ годовъ нашего вѣка не было ни одного храма имени Кирилла и Меодія, то въ Чехіи открыта была на этотъ предметъ повсемѣстная подиска. Основаніе перваго храма св. Кирилла и Меодія было положено въ Прагѣ въ предмѣстѣ Карлинѣ 10-го юня 1854 г. Виолетъ оконченный, онъ освещенъ былъ въ 1863 году во время празднованія тысячелѣтія введенія христіанства у чеховъ. Фрески на главныхъ воротахъ этого храма изображены на нашихъ рисункахъ.

Во время всеобщей секуляризаціи монастырей въ Австріи,

Велеградскій монастырь былъ закрытъ въ 1784 году и обращенъ въ простую приходскую церковь, а монастырь купилъ баронъ Сина, и передѣлалъ въ замокъ для жилья. Отъ него замокъ перешелъ къ барону де-Кастрисъ, родственнику бывшаго президента французской республики, маршала Макъ-Магона.

Но къ Велеградскому храму продолжали ходить богомольцы изъ Моравіи по три раза въ годъ въ большомъ количествѣ. День 9-го марта былъ посвященъ св. Кириллу и Меодію, затѣмъ день св. Троицы и 20-го августа. Съ 1863 года, когда праздновали тысячелѣтіе введенія христіанства среди западныхъ славянъ, Велеградъ сдѣлался опять мѣстомъ ежегодныхъ паломничествъ, гдѣ праздновали въ 1869 году въ честь исполнившагося тысячелѣтія со дня кончины св. Кирилла, и къ этому празднованію мало-по-малу присоединяются теперь уже и остальные славяне.

По прибытіи въ Велеградъ паломники прежде всего посѣщаютъ часовню, называемую тамъ „Цирилка“. Не доходя еще до первыхъ домиковъ нынѣшняго Велеграда, вы видите эту красивую часовню близъ шоссе, въ зелени старыхъ деревьевъ замковаго сада. Судя по стилю часовни, основаніе ея должно относиться къ XIV вѣку, когда готическій стиль преобладалъ даже въ странахъ западныхъ славянъ. Но это лишь внѣшняя постройка, такъ сказать, обивка древней часовни, по народному преданію основанной самимъ св. Кирилломъ, по имени коего она до сихъ поръ называется „Кириллкой“. На томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь находится „Кирилка“, была церковь во времена славянскихъ апостоловъ.

Въ 1754 г. почти всѣ привилегіи Велеградскаго монастыря были отняты, даже имѣнія отняты и наконецъ въ 1784 году и самый орденъ совсѣмъ уничтоженъ, а монастырь закрытъ вмѣстѣ съ часовней и паломничество въ Велеградъ прямо запрещено.

Замѣчательно, что во время гуситскихъ войнъ табориты, не пощадивъ Велеградскаго монастыря, оставили нетронутую часовню и въ ней послѣ этого долгое время производилось богослуженіе. Въ 1828 году „Кирилка“ и самый монастырь были сильно повреждены грабобитіемъ, такъ что тогдашній приходскій настоятель предложилъ совсѣмъ разобрать часовню. Но однако уничтожить такой памятникъ древности не было разрѣшено. Баронъ Сина въ 1837 г. приобрѣлъ все это имѣніе и въ часовнѣ сдѣлалъ складъ амуниціи въ 1850 году, когда австрійскія войска заняли Велеградъ, и затѣмъ складъ соломы и сѣна для конюшенъ барона Сины. Въ 1859 г. одинъ паломникъ горячо возсталъ печатно противъ такого обращенія съ святыней и настаивалъ на возстановленіи ея. Началась подиска въ Моравіи, Чехіи и Силезіи, по результаты подиски были скудны. Въ 1862 г. архіепископъ, кардиналъ, князь Фридрихъ Фюрстенбергъ приобрѣлъ часовню отъ барона Сины и благодаря его щедрости и инициативѣ предпріятыя была ея реставрація и всѣ работы исполнены были на мѣстѣ моравскими рабочими.

Самое замѣчательное въ часовнѣ—это алтарь, который стоилъ болѣе 10000 рублей; онъ представляетъ киотъ со створами весьма хорошею рѣзбы. На лѣвой сторонѣ створовъ, на золотомъ фонѣ, весьма хорошая икона св. Кирилла и на правой св. Меодія. За алтаремъ начертана надпись—годъ (1863), когда писаны иконы. Внутренній видъ часовни изображенъ на нашемъ рисункѣ.

На лѣвой сторонѣ часовни находится икона весьма замѣчательная, имѣющая для насъ особое значеніе. Это икона отъ нашего славянскаго комитета, присланная изъ Петербурга въ 1869 г., какъ знакъ глубокаго почитанія памяти св. апостоловъ и Велеграда. Икона эта прислана была 27 марта 1869 г. и помещена была здѣсь вмѣстѣ съ драгоценною лампадой, доставленною отъ московскаго славянскаго комитета. Адресъ, посланный С.-Петербургскимъ слав. комитетомъ слѣдующаго содержания:

„Возлюбленнымъ братьямъ чехамъ и моравамъ о Христѣ радоваться!“

„Вы всегда, возлюбленные братья, высоко чтли память нашихъ славянскихъ первоучителей, святыхъ Кирилла и Меодія. Мы, русскіе, пользуемся по преимуществу ихъ священнымъ наслѣдіемъ, дорожимъ этою памятью, какъ знаменіемъ всеславянскаго единства, которое нынѣ, въ смыслѣ духовнаго общенія, воочию ведемъ является.“

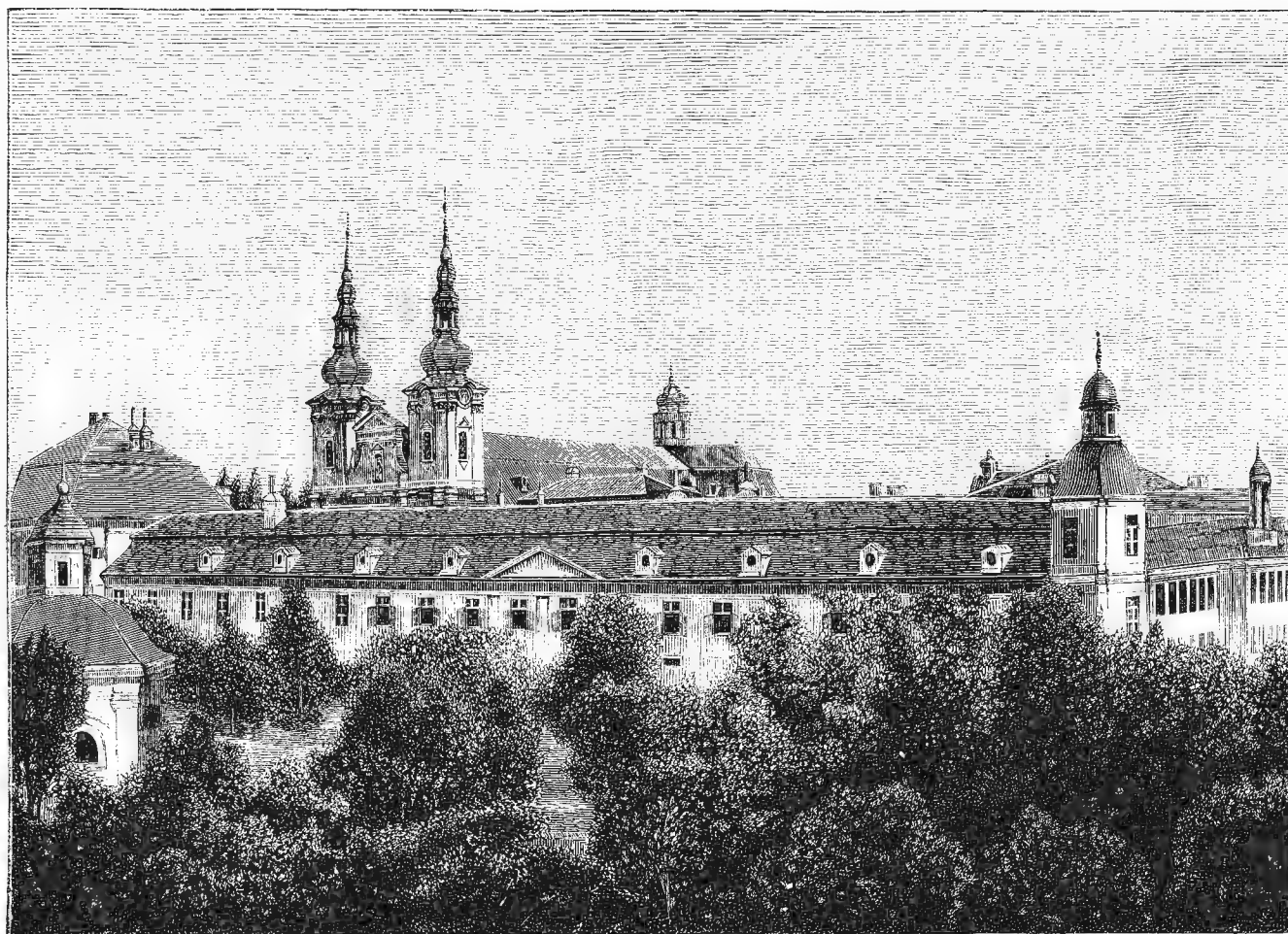
„Въ нынѣшнемъ году исполнится тысячелѣтіе со дня кончины преподобнаго Кирилла. Приносимъ Вамъ для Велеградской церкви икону Его и брата его Меодія, у Васъ подвизавшагося. Присоединяемую лампаду просимъ возжечь предъ ними. Да будетъ сей малый даръ свидѣтельствомъ нашей горячей къ Вамъ пріязни и усерднаго призванія лучшихъ и славнѣйшихъ временъ для всего славянскаго міра.“

Лампада, полученная изъ Москвы, теперь теплится предъ гробницею св. апостола Кирилла.

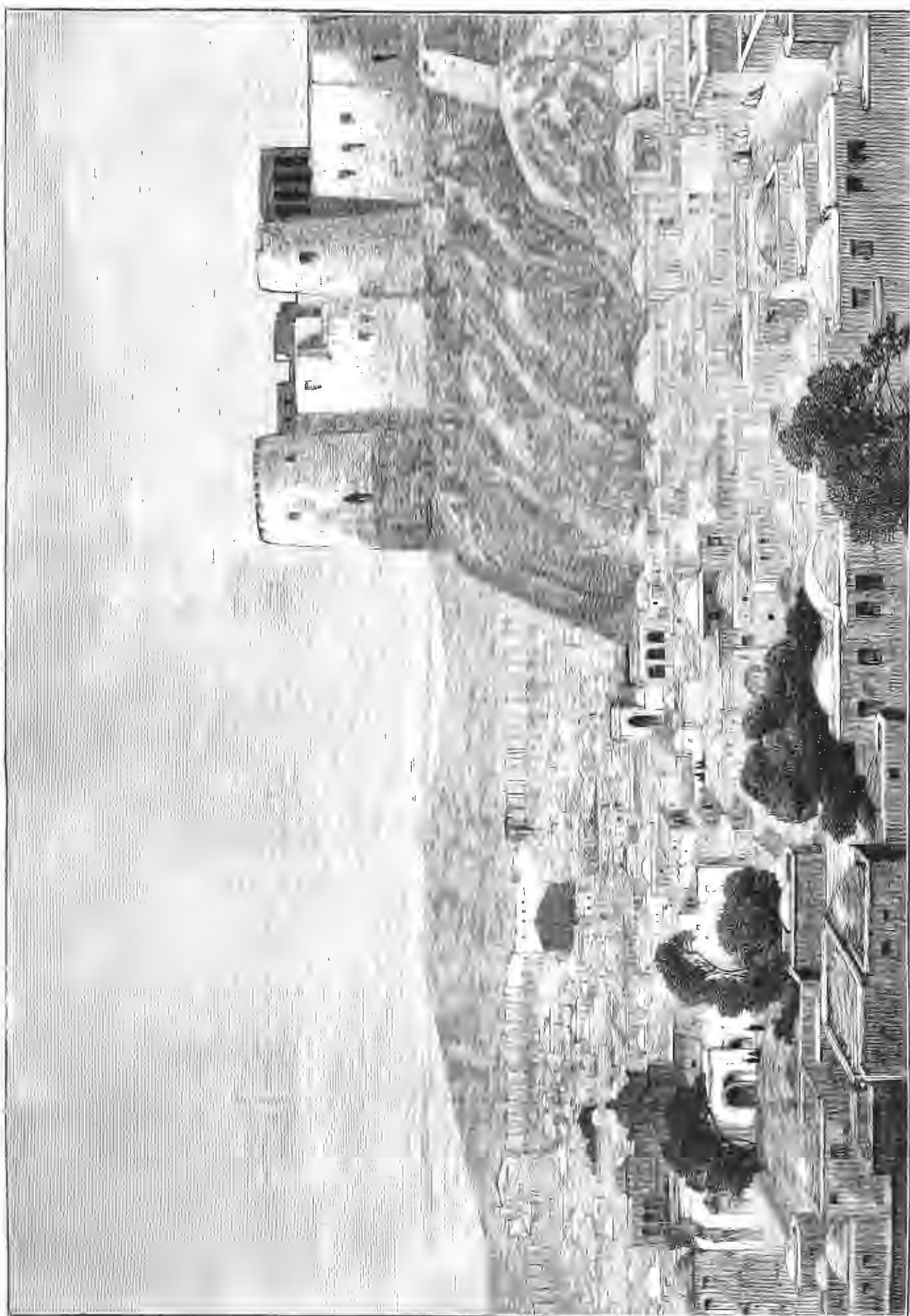
Вотъ въ какомъ знаменательномъ согласіи всѣ соединяются въ Велеградѣ предъ гробомъ св. Меодія, въ благоговѣнномъ почитаніи св. славянскихъ Апостоловъ.

Память 1000-лѣтія славянскихъ Первоучителей. Внутренность часовни Св. Кирилла въ Велеградѣ. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Память 1000-лѣтія славянскихъ Первоучителей. Велеградъ. Замонъ и храмъ въ Велеградѣ, По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Общій видъ города Герата. По рис. Гр. грав. М. Рацевскій.

Къ рисункамъ.

Малороссы у хаты.

(Рис. на стр. 332).

На XIII передвижной выставкѣ особенно было замѣтно обиліе этюдовъ и картинъ извѣстнаго жанриста Вл. Е. Маковскаго. Это показывало какъ много трудится и работаетъ почтенный художникъ и какъ занятъ теперь самымъ многообразнымъ и разностороннимъ изученіемъ русской народной жизни. Всѣ этюды его отличаются чрезвычайно выразительностью и мѣткостью въ передачѣ типичныхъ чертъ. Къ такимъ этюдамъ несомнѣнно принадлежитъ и тотъ, копія съ котораго помещена въ настоящемъ №, этюдъ, названный „Малороссы у хаты“.

Февральское утро.

(Рис. на стр. 333).

Однимъ изъ лучшихъ украшеній той же XIII выставки была превосходная вещь нашего извѣстнаго пейзажиста А. И. Мещерскаго „Февральское утро“, удивительно вѣрно передающая эту крѣпкую свѣжесть легкаго морозца и эффектное освѣщеніе, особенно туманную даль среди деревьевъ и стѣгъ. Краски просто горятъ у нашего художника и его „Февральское утро“ только подтверждаетъ то лестное мнѣніе, которое уже прочно образовалось въ публикѣ о его талантѣ.

Городъ Герать.

(Рис. на стр. 337).

О Гератѣ, какъ о важномъ стратегическомъ пунктѣ, какъ о ключѣ, необходимомъ для завоеванія Индіи, теперь часто упоминается какъ въ нашихъ, такъ и въ иностранныхъ политическихъ газетахъ. Если какія нибудь необычныя обстоятельства заставятъ Россію взяться за оружіе и вторгнуться въ Афганистанъ, то конечно ей придется прежде всего овладѣть Гератомъ, который на востокѣ всегда пользовался извѣстностью, какъ важный стратегическій пунктъ и важная крѣпость. Конечно, мнѣніе, существующее на востокѣ о неприступности Герата, довольно преувеличено. Намъ, русскій путешественникъ Гродековъ, посѣтившій Герать въ 1878 году, намелъ, что онъ укрѣпленъ вообще плохо; стѣны его не имѣютъ вооруженія; никакихъ отдѣльныхъ укрѣпленій въ города не существуетъ; и вообще пѣтъ ничего такого, что бы напоминало европейскую фортификацію. По мнѣнію Гродекова, Герать при настоящемъ положеніи обороны не въ состояніи защититься противъ европейскаго войска, такъ какъ въ 1½ верстахъ къ сѣверу отъ города есть господствующія высоты, съ которыхъ его можетъ разгромить артиллерія. Весь городъ окруженъ кирпичною стѣною въ четыре сажени вышины; впереди стѣны не глубокой ровъ. Въ срединѣ города возвышается цитадель, построенная на искусственной насыпи и окруженная глубокимъ ровомъ, наполненнымъ водою и въ которомъ растетъ камышъ. По размаху Герать очень большой городъ, не меньше Ташкента, и число его жителей простирается до 50 тысячъ. Физіономія города обычная для всѣхъ азіатскихъ городовъ: улицы кривыя, узкія, грязныя; сѣверная стѣна заключаетъ въ себѣ двое воротъ; съ другихъ сторонъ имѣются лишь одни ворота. Главная улица идетъ отъ сѣвера къ югу и прорѣзывается лишь площадью, устроенною передъ цитаделю. Вся городская жизнь сосредоточена на этой главной улицѣ, такъ какъ тутъ находится и караванъ-сарай, и крытый базаръ, который былъ построенъ еще въ эпоху процвѣтанія Герата, въ царствованіе султана Гуссейпъ-Мирзы, стало быть болѣе 400 лѣтъ тому назадъ. Теперь онъ полуразрушенъ, но тѣмъ не менѣе, по словамъ Вамбери, вполне заслуживаетъ эпитетъ прекраснаго. Этотъ базаръ представляетъ для европейца чрезвычайно интересный образчикъ восточной жизни—ослѣнительное смѣшеніе индусовъ, персіанъ и жителей средней Азіи; толпа здѣсь волнуется въ полномъ значеніи слова и поражаетъ какъ разнообразіемъ племенъ, такъ и яркостью и оригинальностью костюмовъ. Многолюдность гератскаго базара легко объясняется тѣмъ, что Герать служитъ обязательной станціей для всѣхъ каравановъ, идущихъ въ Персію съ востока и юга; кромѣ того, сюда же постоянно приходятъ караваны изъ Индіи, преимущественно съ шелковымъ товаромъ. Весь округъ Герата, по его плодородію и живописности, жители востока называютъ Дженнесифотъ, т. е. подобный раю, и эта метафора не являлась бы слишкомъ смѣлою, если бы на этой необозримой и прекрасной равнинѣ, среди многочисленныхъ каналовъ и деревень, окруженныхъ полями, садами и виноградниками, не виднѣлись повсюду груды развалинъ и мусора, печальные слѣды разрушенія, войнъ и междоусобій.

Памятникъ Вашингтону въ г. Вашингтонѣ.

(Рис. на стр. 340).

21-го февраля, въ главномъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ торжественно открытъ, строившійся почти 37 лѣтъ, колоссаль-

ный памятникъ Георгу Вашингтону, основателю сѣверо-американской независимости. Въ 1783 году, спустя семь лѣтъ послѣ провозглашенія независимости, конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ рѣшилъ воздвигнуть Вашингтону памятникъ въ томъ городѣ, который будетъ избранъ мѣстопребываніемъ правительства, но къ осуществленію этого плана было приступлено только въ 1833 году; тогда именно былъ избранъ комитетъ для изысканія необходимыхъ на постройку средствъ. Вначалѣ стали поступать со всѣхъ сторонъ пожертвованія, но денежный кризисъ, который испытала Америка въ 1837 г., оказался очень неблагоприятнымъ для новаго предпріятія, и только спустя десять лѣтъ, о немъ снова былъ возбужденъ вопросъ. 4-го іюля 1848 года былъ заложенъ фундаментъ памятника на площади между Бѣлымъ Домомъ и Потомакомъ, и дѣйтельно приступлено къ работѣ. Памятникъ, некрасивая и грубая постройка—въ формѣ обелиска, считается высочайшей постройкой въ мірѣ, такъ какъ высота его равняется 555 футамъ. Кельнскій соборъ имѣетъ 515 футовъ, Мюнстерская башня въ Страсбургѣ 453 и церковь св. Стефана въ Вѣнѣ 432½ фута. У основанія, обелискъ имѣетъ 55 квадрат. футовъ; 15 футовой толщины стѣны утончаются постепенно къверху, до 30 дюймовъ толщины, оставляя въ срединѣ отверстіе въ 25 квадрат. футовъ, гдѣ устроена желѣзная лѣстница и подземная, паровая машина, доставляющая на площадку, откуда открывается видъ на 20 миль въ окружности. На памятникъ потребовалось 82000 тоннъ гранита (1 тонна=62 пудамъ); расходы по постройкѣ составляли 1.187,000 долларовъ (1 долларъ=2 руб.). Всѣ штаты прислали свои сорта камня, снабдивъ ихъ надписями; такъ Калифорнія прислала кусокъ золотого кварца, Мичиганъ—кусокъ мѣди, Огіо—желѣзную руду, Невада—серебряную и т. д. Даже многія индійскія племена озаботились доставкою камня для памятника „отцу отечества“.

6-го декабря памятникъ былъ оконченъ съ подобающею торжественностію, при чемъ послѣдній камень съ шипцемъ для флага, одновременно служащимъ и громоотводомъ, былъ поставленъ въ углубленіе на вершинѣ обелиска, при радостныхъ кликахъ народа и пушечныхъ выстрѣлахъ. На мраморномъ камнѣ, оканчивающемъ обелискъ и вѣсящемъ 80 пудовъ, поставлена пирамида изъ алюминія, по сторонамъ которой выбиты имена строителей и членовъ комитета, а также числа основанія и окончанія монумента. Собственно освященіе и передача памятника было отложено до 21 февраля, годовщины рожденія Вашингтона (22 февраля 1732 г.). Не смотря на вѣтряную погоду, къ торжеству открытія собралась многочисленная толпа народа; 6000 войска было выставлено подъ командой генерала Шеридана. Сенаторъ Шерманъ произнесъ торжественную рѣчь, затѣмъ говорилъ инженеръ Казей, строитель памятника, и въ заключеніе было прочитано письмо Коркорана, предѣлателя комитета. Послѣ окончанія освященія, войска прошли къ Капитолію, гдѣ имъ былъ сдѣланъ смотръ; въ конгрессѣ было произнесено нѣсколько рѣчей, въ воспоминаніе заслугъ Вашингтона отечеству. Мало можно найти памятниковъ, столь поразяющихъ отсутствіемъ всякаго вкуса, какъ этотъ памятникъ Вашингтону.

Древнія русскія монеты.

(Рис. на стр. 341).

Древнѣйшіе славяне, ведя мѣшную торговлю съ сосѣдями, цѣнили вещи не монетою, а шкурами звѣрей: *куницы и бѣлокъ*. Поэтому первыми представителями народнаго богатства были куны, означавшія у русскихъ славянъ деньги. Неудобство носить съ собою цѣлыя шкурки для купли подало послѣдствіемъ мысль замѣнить ихъ мордками и другими лоскутками купными и бѣличьими. Мордки ходили въ Новгородѣ до XV вѣка. За кожаными появились новыя монеты: *вѣкоши, полаты и рѣзаны*. По мнѣнію одного ученаго, Круга, рѣзаны были серебряныя *рѣзаньяныя бляхи*, имѣвшія опредѣленный вѣсъ. Деньги эти оставались въ употребленіи долгое время. Были также въ обращеніи рубли и полтины—куски серебра, въ видѣ прута, длиною вершка въ полтора, а толщиною въ перстъ, имѣющія на себѣ клейма съ надписью и изображеніемъ нѣкоторыхъ знаковъ. Такіе куски рублили или распилывались пополамъ вдоль на двѣ равныя части; отъ этой рубки пополамъ произошло, внослѣдствіи, названіе *полтины*. На нѣкоторыхъ изъ брусковъ встрѣчаются клейма съ ликами святыхъ, коихъ голова окружена вѣицомъ, а на другихъ изображены какихъ то птицъ и животныхъ. Другіе же вовсе безъ клейма. Затѣмъ идутъ монеты уже съ изображеніями и надписями: такъ, на монетѣ времени Святополка изображенъ князь съ крестомъ, или скипетромъ въ правой рукѣ съ надписью: „Святополкъ на столѣ“. На другой сторонѣ: „а се его серебро“. Въ княженіе Олега появилась *гривна*, названіе которой нѣкоторые ученые производятъ отъ коискаго гривы, полагая, что гривна означала цѣну копи. Въ отношеніи вѣса, гривны были различны: такъ, гривны кievскія были меньше новгородскихъ. Гривны употреблялись до 1316 года, а съ этого времени начали ходить рубли и полтины. Въ 1411 году

псковитяне уничтожили куны и установили ходячія монеты, серебряныя и мѣдныя. Псковскія серебряныя монеты величю были съ выпѣнній гривенникъ и имѣли пять различныхъ клеймъ. Въ 1420 году и новгородцы начали чеканить монету. На нихъ изображался: великій князь, сидящій въ креслахъ, и человекъ, склоняющій передъ нимъ голову. На московскихъ монетахъ изображались: всадникъ съ мечемъ, а иногда съ копьемъ, поражающимъ змія. По покореніи Новгорода, чеканка монетъ, производившаяся по городамъ и удѣльными князьями, была запрещена Иоанномъ Васильевичемъ. На серебряныхъ моне-

тахъ эпохи Иоанна Грознаго, круглыхъ, величиною съ пятакъ, изображалось славянскою надписью: „Царь і великій князь Иванъ всея роуסי“ и на овальныхъ „Князь великій Иванъ, всея руси“. На оборотной сторонѣ—гербъ московскаго государства. Окончательное право чеканить монету одному правительству установлено было въ 1663 году, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Съ этого времени, на устроенномъ въ Москвѣ монетномъ дворѣ началась чеканка, для повсемѣстнаго употребленія, серебряныхъ рублей и полуполтинниковъ съ изображеніемъ на нихъ всероссійскаго герба.

Политическое обозрѣніе.

Франція.—Тонкинъ.—Англія и Египетъ.—Канада.—Австро-Венгрія.

Послѣднія неудачи французовъ въ Тонкинѣ и отступленіе ихъ по всей линіи передъ силами китайцевъ не прошли даромъ для министерства Жюлю Ферри и неожиданно послужили причиною его паденія. Засѣданіе 21 марта палаты депутатовъ было чрезвычайно бурное. Бонапартистъ Жюлибуа назвалъ сообщенное газетою „Paris“ извѣстіе о мирѣ съ Китаемъ „скандальною биржевою уловкою“ и потребовалъ, чтобы парламентская коммиссія немедленно внесла докладъ о преданіи министровъ суду. Но предложеніе это было отвергнуто большинствомъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Жюлю Гриви удалось отыскать уже себѣ новое министерство, не прибѣгая къ прискорбной необходимости замѣнить кабинетъ Ферри простымъ „дѣловымъ“ министерствомъ. Новое министерство состоитъ изъ коалиціи всѣхъ республиканскихъ фракцій. Такъ главою кабинета является президентъ палаты депутатовъ Бриссонъ—вождь фракціи крайнихъ радикаловъ. Съ званіемъ президента совѣта министровъ онъ соединяетъ званіе министра юстиціи. Портфель министерства иностранныхъ дѣлъ предоставленъ снова де-Фрейсина, который съ другими членами новаго кабинета является представителемъ фракціи умѣренныхъ республиканцевъ. Гамбетты получаютъ три политическихъ портфеля. Кромѣ того, министромъ внутреннихъ дѣлъ назначаетъ Алланъ Тарже, министромъ финансовъ—Кламожеронъ, а военнымъ—генералъ Кампенонъ, пользующійся, какъ извѣстно, сочувствіемъ крайней дѣвой стороны. Группа республиканской дѣвой стороны имѣетъ своими представителями въ министерствѣ гг. Сади-Карно (министръ публичныхъ работъ) и Гобле (министръ народнаго просвѣщенія). По главному вопросу дня, вызвавшему паденіе министерства Ферри, составъ новаго кабинета имѣетъ весьма опредѣленный политическій смыслъ. Во главѣ его стоитъ представитель парламентской группы, никогда не одобрявшей тонкинской экспедиціи; министромъ иностранныхъ дѣлъ является политическій дѣятель крайне миролюбиваго характера. Новый же военный министръ, генералъ Кампенонъ, какъ извѣстно, также не одобряетъ плана военныхъ дѣйствій въ Тонкинѣ, стремившагося распространить французское занятіе до самой китайской границы, не ограничиваясь одною дельтою Красной рѣчки. Все это служитъ ручательствомъ, что новое министерство будетъ умѣреннымъ и осторожнымъ въ отношеніи къ тонкинскому вопросу и можетъ быть дать скорѣе давно ожидаемый миръ Франціи. Положеніе французской арміи въ Тонкинѣ довольно критическое. Въ децѣбѣ къ военному министру генералъ Бриеръ де-Лиль не скрываетъ печальной неудачи. „Съ глубокимъ прискорбіемъ, пишетъ онъ, увѣдомляю васъ, что генералъ Негрѣзъ, тяжело раненый, долженъ былъ очистить Лангъ-Сонъ. Китайцы, наступая въ большихъ массахъ, тремя колоннами, стремительно атаковали наши позиціи впереди Ки-Луа. Полковникъ Эрбенже, въ виду столь громаднаго превосходства силъ непріятеля и разстрѣлявъ всѣ свои патроны, увѣдомляетъ меня, что вынужденъ отступить на Донгъ-Сонгъ и Тацъ-Мой. Я сосредоточиваю всѣ имѣющіяся въ моемъ

распоряженіи войска у Кепа и Чу. Численность непріятеля па Сонгъ-Кои продолжаетъ увеличиваться. Что бы ни случилось, я не теряю однако надежды отстоять всю Дельту. Прошу правительство какъ можно скорѣе прислать мнѣ подкрѣпленія“.

На театрѣ военныхъ дѣйствій въ Египтѣ весь интересъ сосредоточенъ теперь на борьбѣ англичанъ съ силами Османа-Дигмы. По извѣстію изъ Суакима, планъ главнокомандующаго суакимскою экспедиціею состоялъ въ томъ, чтобы разбить сначала армію Османа-Дигмы и придвинуться потомъ къ Синкату, съ цѣлью провести тамъ жаркое время года. Въ мѣстечкѣ Ариабѣ, лежащемъ на полпути между Суакимомъ и Берберомъ, будутъ возведены укрѣпленія для охраны безопасности рельсоваго пути, долженствующаго пролегать вдоль линіи колодцевъ. Въ англійскомъ штабѣ надѣются, что при благоприятныхъ обстоятельствахъ, постройка проектируемой желѣзной дороги окончится въ послѣднихъ числахъ августа. Суданцы держатся тактики, могущей причинить въ будущемъ тяжкія затрудненія англичанамъ. Даже и теперь, когда нападены арабовъ на англійскіе отряды и конвоирующія транспорты колонны отражаютъ съ большимъ урономъ непріятеля, тѣмъ не менѣе англичане далеко не могутъ считать себя вполне обезпеченными отъ всякихъ опасныхъ для нихъ случайностей, такъ какъ войска Османа-Дигмы могутъ во всякое время пресѣчь имъ тыльныя сообщенія съ Суакимомъ. Частныя извѣстія изъ Корги тоже крайне тревожны. Съѣстные припасы, доставленные по Нилу съ громадными затрудненіями, оказываются дурнаго качества и если туземное населеніе откажетъ англичанамъ въ продовольствіи, то въ лагерѣ генерала Вольселея легко можетъ оказаться голодъ. Ко всѣмъ этимъ невгодамъ присоединяется невыносимая жара; кромѣ того болотный грунтъ, окружающій Корги, разливаетъ въ войскахъ лихорадки. Самъ Вольселей покинулъ Корги и перевелъ свою главную квартиру въ Донголу.

Изъ Канады сообщаютъ о возстаніи, вспыхнувшемъ тамъ среди такъ называемыхъ „метисовъ“, происходящихъ отъ скрещенія европейской расы съ краснокожими. Метисы образуютъ отдѣльное въ Канадѣ племя, говорящее на французскомъ языкѣ. Волненія возникли по причинѣмъ схожимъ съ тѣми, изъ за которыхъ вспыхнуло въ Канадѣ возстаніе метисовъ въ 1870 году, а именно за неприкосновенность ихъ льготъ, которыми они считаютъ себя въ правѣ пользоваться въ силу давности ихъ населенія. Изъ Оттавы даже сообщаютъ о сраженіи, происходившемъ между метисами и коннымъ отрядомъ, потерявшимъ до пятнадцати человекъ убитыми. Канадское правительство назначило комиссію для изслѣдованія жалобъ метисовъ и принятія мѣръ къ ихъ удовлетворенію.

Изъ Вѣны сообщаютъ, что ихъ высочества наследный принцъ Рудольфъ и принцесса Стефанія вернулись въ Вѣну изъ своей поездки въ Аоныи и Цетинье. По газетнымъ свѣдѣніямъ, они встрѣтили повсемѣстно самый сердечный пріемъ и оставили по себѣ самое отрадное впечатлѣніе, такъ что сдѣланные ими визиты царствующимъ лицамъ послужатъ источникомъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній не только для государей, но и для управляемыхъ ими народовъ.

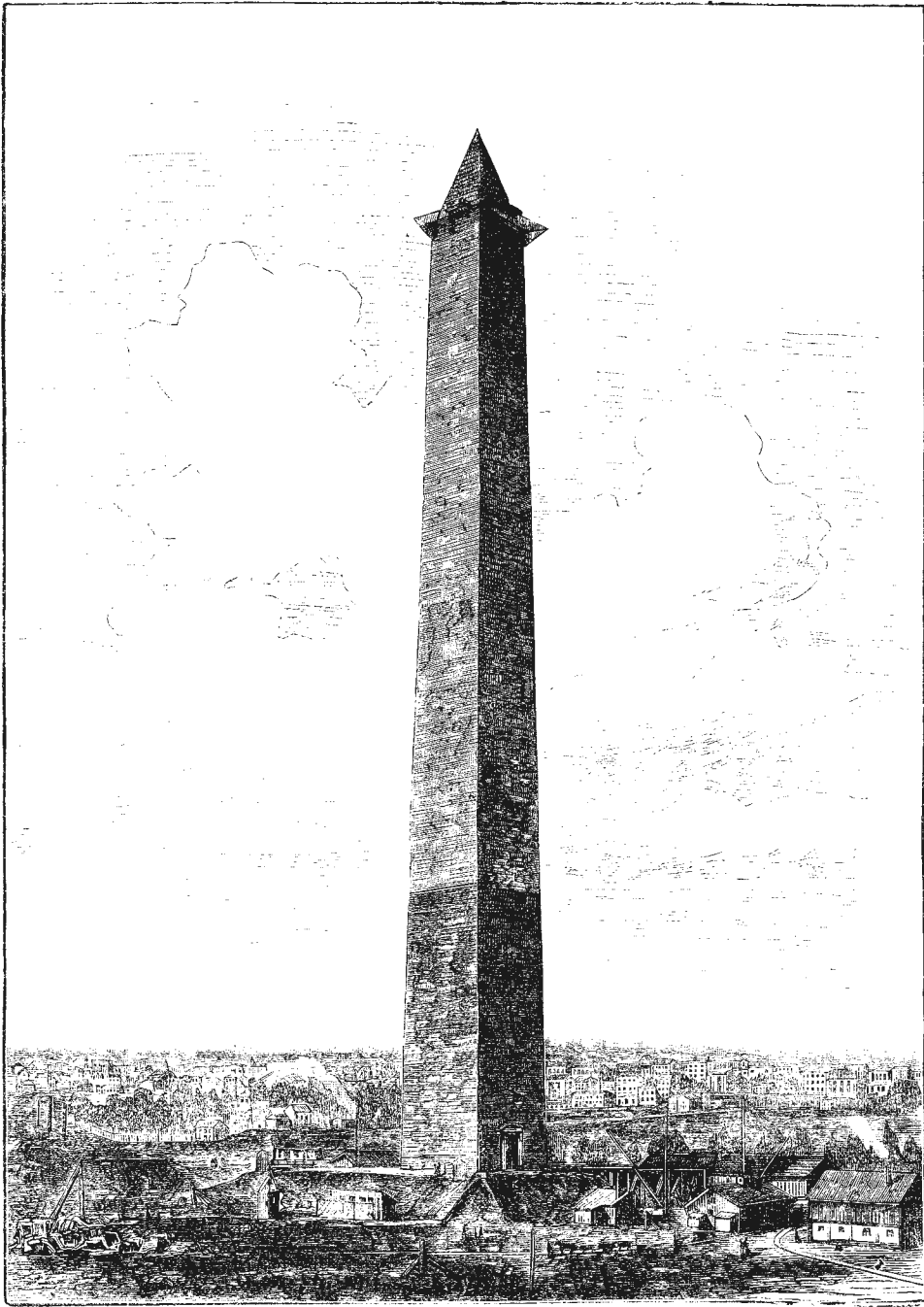
День рожденія Бисмарка.

1 апрѣля с. г. знаменитому государственному дѣятелю, канцлеру Германской имперіи, князю Бисмарку исполнилось 70 лѣтъ и день этотъ былъ истиннымъ народнымъ торжествомъ въ Германіи. Уже наканунѣ начались праздничныя шествія. Даже въ краткомъ описаніи поражаетъ грандіозность праздника. Послѣ полудня 5000 человекъ воиновъ и ландвера прошли церемониальнымъ маршемъ мимо дворца князя Бисмарка. Шествіе тянулось цѣлой частью и въ то время какъ передніе ряды достигли дворца канцлера, конецъ былъ еще подлѣ Липами. У дворца ряды выстроились и начальникъ, въ сопровожденіи пикета знаменъ, отправился во дворъ, гдѣ председательствующій, Густавъ Миллеръ, произнесъ рѣчь. Между прочимъ, онъ отъ имени арміи благодарилъ князя за пятидесятилѣтнее служеніе его отечеству и королю и за оказанныя имъ услуги. Рѣчь была закончена пожеланіями многими лѣтъ князю. Бисмаркъ отвѣтилъ также краткой рѣчью, говоря, что онъ только совѣтникъ, но что армія—это исполнитель, и что безъ хорошихъ исполнителей совѣты его не имѣли бы никакого значенія. Пожеланіемъ многихъ лѣтъ императору Бисмаркъ окончилъ свою рѣчь. Раздалось затѣмъ мно-

гочисленное „Hoch“ и обнаживъ головы всѣ запѣли „Die Wacht am Rhein“. Шествіе двинулось къ Крейцбургскому памятнику, гдѣ Мюллеръ, послѣ короткой, но сильной рѣчи, пожелалъ еще разъ многими лѣтъ „лучшей охранѣ и защитѣ германскаго народа, всемілостивѣйшему Императору“. Послѣ того участники шествія отправились въ большой залъ Тиволи, на торжественное ширшество.

Въ этотъ же день, въ 7½ ч. вечера, начался громадный, величественный факельный гнъгъ. Центръ этого шествія составляла триумфальная колесница, устроенная берлинскими художниками и изображающая поклоненіе нѣмецкаго народа Германіи. Колесница въ формѣ фантастическаго корабля имѣетъ гигантскіе размеры: длина ея 12 метровъ, высота 4,80 и ширина 4 метра. Паружныя стѣны художественно украшены бронзою. На носу корабля находится громадный левъ; на противоположномъ концѣ устроенъ балдахинъ, надъ которымъ помѣщается ларинчій орелъ. Въ глубинѣ балдахина стоитъ вооруженная женская фигура, изображающая Германію. На ступеняхъ, ведущихъ къ возвышенному мѣсту, гдѣ поставлена Германія, помѣщаются

аллегорическія фигуры, олицетворяющія разныя племена и ремесла, находящіяся въ Германіи. Снасти корабли украшены гирляндами, вымпелами и флагами, а на палубѣ довольно мѣста для костюмированнаго хора музыкантовъ. Ровно въ 7^{1/2} часовъ кортежъ двинулся, предшествуемый 6 трубочками и барабанищиками въ одеждѣ герольдовъ. За ними слѣдовали два парадныхъ экипажа, далѣе 200 пѣвцовъ, эскортируемыхъ 40 факельщиками. Къ нимъ присоединились корпусъ музыкантовъ полка императора Александра и студенты университета. Затѣмъ слѣдовала вышеописанная колесница, за которой шла

Открытие памятника Георгу Вашингтону въ г. Вашингтонѣ 26 февраля. По фотогр. грав. Флогель.

группа, изображающая Германию какъ силу колониальную. Два верблюда со всадниками-африканцами составляли центръ, а повозка маркизанта времени 30-лѣтней войны—окончаніе этой группы. Затѣмъ слѣдовали гребцы и ружье Берлина. Чрезвычайно эффектно были костюмы времени 30-лѣтней войны полковыхъ музыкантовъ 1-й гвардейской полевой артиллеріи верхами, съ депутатами перваго избирательнаго округа рейхстага во главе, а также костюмы времени Фридриха Великаго музыкантовъ кирасирскаго полка. Необыкновенно живописна была повозка, изображающая полную типографію; тутъ во время ѣзды писались, набирались и печатались листки газеты и раздавались публикѣ; далѣе слѣдовали декоративный экипажъ пивоварни Тиволи. Потомъ шли цехи со своими эмблемами и наконецъ шествіе замыкали около 2,000 машинистовъ-строителей съ полковыми стрѣлковыми музыкантами и рабочими фабрики Шеринга съ ихъ сверкающими факелами изъ магнія и стронція. Въ общемъ въ шествіи участвовало болѣе 10,000 лицъ и 5000 факеловъ. Достигнувъ дворца, пѣвчіе выстроились подъ окнами знаменитой конференцъ-залы и зашѣли гимнъ, сочиненный Рудольфомъ Готтшалемъ. Канцлеръ появился въ окнѣ кури трубку, въ плащѣ и каскѣ; рядомъ съ нимъ стояла его супруга, а позади графъ Гербертъ Бисмаркъ и графъ Ранцау съ супругой. Графъ Гербертъ держалъ въ рукѣ высоко лампу, освѣщая лицо отца, дабы его могли видѣть, и когда рука его уставала, передавалъ лампу своему шурину; такъ они чередовались. Канцлеръ все время внимательно смотрѣлъ на шествіе, часто кланялся и снималъ каску. При появленіи группы Камеруна, когда дикіе участники начали своеобразный военный танецъ, семья Бисмарка искренно смѣялась и въ особенности канцлеръ, который даже аплодировалъ. Въ 9 часовъ шествіе окончилось. Отъ дворца все направилось въ улицу пионеровъ, гдѣ побросали факелы въ одинъ костеръ, который и былъ затушенъ пожарными.

Слѣдующій затѣмъ день 1-го апрѣля, начался поздравленіемъ

канцлера ближайшими родными, которые пріѣхали все къ этому торжеству. Затѣмъ прибыли министерства и все члены совѣта. Рѣчи были произнесены министромъ внутреннихъ дѣлъ Пютклеромъ и барономъ фонъ-Люцъ. Въ отвѣтній рѣчи канцлеръ благодарилъ за совмѣстные труды и за содѣйствіе къ благосостоянію страны. Ровно въ 11 часовъ, во дворѣ показались экипажъ императора, который пріѣхалъ въ сопровожденіи великаго герцога баденскаго. Непосредственно затѣмъ, изъ дворца принца Фридриха-Карла, гдѣ все были въ сборѣ, вышли кронпринцъ, принцы Вильгельмъ, Генрихъ, Фридрихъ-Карлъ, Леопольдъ и Георгъ и присоединились къ ожидавшему ихъ императору.

Съ глубокимъ почтеніемъ князь Бисмаркъ поцѣловалъ руку у своего государя, а взволнованный императоръ заключилъ перваго слугу государства въ объятія и дважды поцѣловалъ его. Это произошло предъ картиною, изображавшею провозглашеніе короля Вильгельма императоромъ въ Версалѣ. Драгоценная картина, подарокъ императорской семьи, была завѣшена тяжелою шелковою завѣсою, но завѣса упала, когда императоръ поздравлялъ князя. Затѣмъ императоръ дружески бесѣдовалъ съ семействомъ канцлера. Императрица уполномочила графиню Гаке, передать канцлеру ее поздравленіе. После того былъ переданъ князю національный подарокъ. Герцогъ Ратноборъ сказалъ Бисмарку, что онъ уполномоченъ выразить радость германскаго народа по поводу того, что онъ въ состояніи возвратитъ князю, возвратившему Германіи Эльзасъ и Лотарингію, его родовое имѣніе Шенгаузенъ. Заучателемъ отвѣтъ канцлера на поднесенный ему адресъ отъ берлинскаго университета. Между

прочимъ онъ сказалъ, что ставить университеты очень высоко, такъ какъ они могутъ быть сравнены съ весталками, которые неусыпно охраняли огонь національнаго ума; университеты—это воспитатели національнаго духа. Канцлеръ выразилъ тендую благодарность за оказанныя оваціи представителямъ 19 германскихъ университетовъ. Все надежду въ будущемъ онъ возлагаетъ на академическое юношество, которое онъ здѣсь предостерегъ отъ вмѣшиванія въ распри партій. „Я охотно умру (такъ закончилъ князь), видя эту молодежь предо мною“. После того явились съ поздравленіемъ дѣйствующіе генералы, числомъ до 50-ти. Между тѣмъ во дворѣ собралось отъ 500 до 600 лицъ. Все комнаты представляли изъ себя оранжерею. Въ конференцъ-залѣ были устроены гигантскій буфетъ. Поднялись несомлазные радостные клики, когда Бисмаркъ предложилъ тостъ за императора; клики возобновились, когда генералъ Панае поднялъ бокалъ за канцлера.

Заключимъ замѣтку прекрасными словами „Моск. Вѣдом.“:

..Велика заслуга князя Бисмарка предъ своимъ монархомъ и обществомъ. Но онъ немаловажную услугу оказалъ своимъ примѣромъ и другимъ современнымъ ему государственнымъ дѣятелямъ. Въ эпоху всеобщаго растлѣнія воли и шатающаго умовъ, ослабленія власти и увлеченія доктринами, князь Бисмаркъ одинъ не увлекся буншеваньемъ вокругъ него

воодоворотомъ, и своею здравую, простую, откровенною политикою избавить вѣтренное ему императоромъ государство отъ роковыхъ ошибокъ. Народъ все уваженіе свое сосредоточилъ на величавой личности своего императора и на преданномъ ему канцлерѣ, никогда не искавшихъ фальшивой и ефемерной популярности."

С М Ъ С Ъ .

Поддѣлка драгоценныхъ камней. Въ торговлѣ жемчугомъ и драгоценными камнями такъ часто встрѣчаются болѣе или менѣе искусныя поддѣлки, иногда доводяшія покупателя до процесса съ продавцемъ, что нужно быть какъ можно осмотрительнѣе при ихъ покупкѣ. Чаще всего совершается обманъ „двойными или полукамнями“. Въ этомъ случаѣ, только верхній слой камня — настоящій; нижняя же часть камня — просто стекло, искусно соединенное съ верхнимъ слоемъ. Верхъ, напримѣръ, слабый сапфиръ, низъ — только гранатъ. Если ловко пригнуть оба слоя, то можно обмануть и опытнаго знатока, а не только случайнаго покупателя. Если низъ камня — простое стекло, то полпроваальной иглой легко открыть обманъ; но сдѣлать это довольно трудно, когда камни вставлены въ оправу. Вообще, подложные стекломъ камни не имѣютъ большого блеска и яркаго цвѣта и только поддѣланы искусственно. Въ поддѣльныхъ

брилліантахъ подкладывается полированное серебро, чтобы устранить жесткую воду. Такъ называемые двойные камни продаются въ Коломбо и изъ Бирмингэма привозятся въ Парижъ и выдаются за настоящіе. Части горнаго хрустала нерѣдко сходятъ за брилліанты — это давно извѣстно. Жемчугъ поддѣльный гораздо легче настоящаго. У настоящаго отверстия вообще очень тонки и остры; у фальшиваго же они крупнѣе и тупѣе.

Нѣсколько словъ о перувіанкахъ. Лима, говорятъ, рай женщинъ. Жительницы Лимы — красавицы, предполагая, что черные глаза и волосы цвѣта воронова крыла принадлежность красоты. Эти счастливыя женщины никогда не работаютъ и не хозяйничаютъ, потому что считаютъ работу униженіемъ; онѣ рано встаютъ, пьютъ чашку чаю или кофе и идутъ къ обѣднѣ. На утренній туалетъ онѣ тратятъ немного времени. Ихъ костюмъ для гулянья удобенъ и изященъ. Онѣ обыкновенно ходятъ въ короткомъ черномъ платьѣ; бѣлая юбка безукоризненной чистоты, обшитая вышитыми оборками, выглядываетъ изъ подъ рубца платья. Кружевная ман-

Древнія русскія монеты. Ориг. рис. В. Сулова, грав. Флюгель.

- 1) В. Кн. Киевскаго 2) В. Кн. Вас. Костромскаго 3) В. Кн. Рязанскаго 4) Дм. Пв. Донскаго. 5) Исконскіа. 6) Вас. Тезнаго. 7) Иоанна III. 8) Тверскаго князя Бориса Александровича. 9) Ивана IV Грознаго. 10) Бориса Годунова.

тилья накидывается на голову, скрѣпляется живымъ цвѣткомъ и спускается граціозными складками до самаго подола. На балахъ и въ оперѣ онѣ появляются одѣтыя по послѣдней модѣ и обсыпанныя драгоценными камнями, но всегда безъ перчатокъ. Вѣрѣ, букеты цвѣтотъ и изящный портъ-сакъ съ конфетками составляютъ необходимую принадлежность каждой. Особенную роскошь, онѣ проявляютъ въ обуви. Вообще, паряды играютъ у нихъ большую роль; онѣ проводятъ дни въ посѣщеніи магазиновъ и совѣщаніяхъ съ модисткой. По миловидности, перувіанки оставляютъ далеко за собой женщинъ сѣвера и востока. Но между ними мало развитыхъ и образованныхъ женщинъ. Окончивъ курсъ въ школѣ, отличающейся вообще небрежностью преподаваніемъ и краткой программой, перувіанка навсегда бросаетъ книжки и тетради и жадно кидается въ вихрь свѣтскихъ удовольствій. Безъ вечеровъ, театра, маскарадовъ и пикниковъ — жизнь для нея не жизнь. Онѣ страстныя любительницы музыки, хотя немногія обладаютъ музыкальнымъ талантомъ; но почти у всѣхъ великолѣпные голоса. У нихъ хорошія манеры, вкрадчивое обращеніе и много природной веселости и живости. Перувіанки, какъ и большинство южныхъ красавицъ, быстро отцвѣтаютъ; уже въ 20 лѣтъ для нихъ наступаетъ осень; только граціозныя, гибкія движенія и большіе черные глаза, полные огня, переживаютъ ихъ недолговѣчную красоту и лѣняютъ даже у пожилыхъ женщинъ.

Новый оперный театръ въ Ниццѣ, построенный вмѣсто сгорѣвшаго четыре года тому назадъ, открылся 8-го февраля представленіемъ „Анды“ въ присутствіи избранной публики. Новое, великолѣпное зданіе построено со всеми новѣйшими приспособленіями относительно безопасности отъ огня; примѣнена система вентиляции, еще неупотреблявшаяся во Франціи. Она имѣетъ повидимому большія преимущества и имѣется въ настоящее время только въ Вѣнѣ и Женевѣ. Отсутствие итальянской оперы выродоженіемъ трехъ послѣднихъ сезоновъ составляло чувствительное лишеніе для Ниццы. Новый театръ вмѣщаетъ 1500 человекъ и обошелся въ 600,000 флоринтовъ.

Интересный электрическій опытъ, доступный всякому безъ особаго прибора. Листъ бумаги, нагрѣтый надъ лампой, даетъ отъ прикосновенія въ темнотѣ электрическую искру. Если по листовому золоту, положенному между двумя листами бумаги и также согрѣтому, провести въ темной комнатѣ концомъ карандаша, тогда получается блестящая полоса электрическаго свѣта.

Драгоценная находка. Изъ Рима пишутъ, что какъ мѣстное общество, такъ и туристы, любители древностей, сильно возбуждены находкой при постановкѣ фундамента для новаго драматическаго театра. Два работника ударились заступами о твердый металлическій предметъ, — это навело ихъ на мысль о находкѣ, и они продолжали работать осторожно. Черезъ нѣсколько минутъ публикѣ, привлеченной радостнымъ возгласомъ счастливыхъ находчиковъ, представилась большая бронзовая превосходная статуя мужнина; одна рука и ноги были отколоты, но тутъ-же найдены неповрежденными, такъ что образцовое произведеніе цѣло. Это замѣчательное художественное произведеніе и за него предлагаютъ уже сотни тысячъ лиръ. Статуя представляеть, повидимому, Геркулеса, и далеко превосходить изяществомъ и прекраснымъ выполненіемъ все до нынѣ извѣстное въ этомъ родѣ; она вышиною въ 23 метра, лѣвая рука поднята вверхъ, правая

вытянута вдоль бедра, лѣвая нога нѣсколько согнута назадъ. Судя по положенію, правая рука опиралась на какой нибудь предметъ, вѣроятно, на палицу, которая еще не найдена. Предполагаютъ, что статуя эта служила украшеніемъ большой лѣстницы храма Аврелиана, посвященнаго богу солнца и стоявшаго на вершинѣ Квиринальскаго холма, противъ Марсова поля.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Въ виду постоянныхъ жалобъ нашихъ подписчиковъ на высоту лѣстницы номѣщенія редакціи „НИВЫ“ и вслѣдствіи многихъ другихъ неудобствъ и недостатковъ квартиры, мы рѣшили перемѣнить квартиру.

Контора „Нивы“ будетъ находиться весьма близко отъ теперешняго номѣщенія, только черезъ улицу, а именно по Невскому проспекту, въ болѣе удобной и обширной квартирѣ, въ нижнемъ этажѣ. Переходъ на новую квартиру состоится въ теченіи мал или началѣ іюня мѣсяца, о чемъ будетъ своевременно заявлено.

Въ книжно-музыкальный магазинъ
В. ЭРИНСОНЪ и №
С.-Петербургъ, Вознесенск. пр., 23,
поступили въ продажу:

ПЕТРОВЪ, Ангра-Пенена-Полька. 60 коп.
Эйтнеръ, Fleurs du nord. Вальсъ. 1 руб.
Зальтеръ, Незабудка. Полька. 60 коп.
Шредеръ, Что вамъ нравится? Кад-
риль. 75 коп.
Шенекеръ, Пда-Полька. 60 к. № 1008

Велосипеды Английскіе
2-хъ и 3-хъ колесные
завода HICKLING & C
и принадлежности по
дешевымъ цѣнамъ.
Представитель г. Нем-
лична, въ Москвѣ, Цвѣт-
ной б., д. Брюсова
Прейсъ-курантъ 14 к. маркама. П. № 1017

4711
СОСНОВЫЕ ДУХИ

врачами признаны превосходными;
особенно рекомендуются для очи-
щенія комнатнаго воздуха. Можно
имѣть во всѣхъ большихъ парфю-
мерныхъ магазинахъ и торговляхъ
аптекарскими товарами. 3756. 17—6

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛУХИ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Невскій, 21 (прот. Бол. Коношенной),
предлагаетъ свои услуги по покупке и
продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ,
акцій желѣзныхъ дорогъ, страховыхъ,
промышленныхъ, транспортныхъ и
другихъ обществъ, а также частныхъ
банковъ по покупке и продажѣ ино-
странныхъ монетъ и векселей, по за-
логу и переалоту цѣнныхъ бумагъ на
срокъ или до востребованія ("on call")
и по всѣмъ другимъ касающимся бан-
ковскаго дѣла, порученіямъ, которая
исполняетъ съ совершенною акку-
ратностью на самое умѣренное воз-
награжденіе.

СТРАХОВАНІЕ
выпущенныхъ билетовъ отъ предсто-
ящаго пожара погашенію по

СОРОКЪ КОП.
страховая квитанція высылается по
почтѣ на счетъ конторы, безъ всякой
доплаты.

Продана 5% билетовъ
и II Государственныхъ ину-
треннихъ съ выигрыш. займовъ
съ разсрочною платжею

производится конторою на слѣд. усло-
віяхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ,
остальная сумма уплачивается ежемѣ-
сячными взносами, по опредѣленію са-
мого покупателя, однакожъ не менѣе

пяти руб. въ мѣсяцъ.
Со дня внесенія задатка всѣмъ выиг-
рышъ, который падеть на проданный
билетъ, принадлежитъ вплоть поку-
пателю. Р. № 3971

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Руки и ноги. Зигтеровскія швейныя машини,
которыя кромѣ известнаго работъ выметы-
вають петли, вышиваютъ и шьютъ черезъ
край. Подробный прейсъ-курантъ и пробныя
петли высылаются бесплатно. Р. № 38578—6

А. ШТЕЙНЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская № 28.

ИЩУТЪ

въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго
званія для продажи, съ разсрочною
платежей, 5-проц. съ выигрышами биле-
товъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обра-
щаться письменно въ с.-петербургскую
центрально контору объявленій, Невскій
пр., № 8, подъ лит. В. Р. № 3328

№ 1011 Полотно и столовое бѣлье 1—1
ЧИСТАГО ЛЬНА.

Честъ имѣю покерѣбные просить много-
уважаемую публику обратитъ вниманіе на
мои склады русскаго полотна. Получаю всѣ
товары отъ лучшихъ фабрикантовъ, и по-
этому и имѣю возможность продавать по
крайне умѣреннымъ цѣнамъ. Канѣфасъ кус.
13 к. Торговля А. Введенскаго: 1-я близъ
Невскаго монастыря, д. № 145, 2-я вновь
открыта на Малой Морской, д. № 21-й.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Большая русская фирма шестъ дѣланныхъ
лицъ, которая за хорошее вознагражденіе
приняла бы на себя объездъ провинціаль-
ныхъ городовъ для распространенія ея дѣлъ.
Требуется, чтобы лица эти занимались ис-
ключительно дѣлами фирмы и необходимо
представленіе ими хорошихъ аттестатовъ,
ими указаніе на солидныхъ рекомендацій.
На продаваемые должности могутъ быть
опредѣлены и служившіе въ гражданскомъ
или военномъ вѣдомствѣ.
Желающие благоволятъ обращаться пись-
менно съ подробными указаніемъ прежней
ихъ дѣятельности съ ссылками о своихъ
аттестатахъ или рекомендаціяхъ въ Москву
въ Контору Объявленій Н. Печковой (Пет-
ровскія Линія) под. лит. М. П. О.
П. № 4008 3—2

Съ разрѣшенія Медицинскаго Начальства.

ПЕРСИДСКІЙ ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ,

цѣна 60 к. и 1 р.,

СИБИРСКІЯ ЗУБНЫЯ КАПЛИ,

цѣна 75 к.,

МАГИСТРА ФАРМАЦІИ Л. ГИРШГОРНА,

продаются во всѣхъ аптекахъ, магазинахъ Москвы; въ Петербургѣ, въ Невскомъ аптек.
магазинѣ, а также во всѣхъ аптекахъ Россіи. Главный складъ въ Москвѣ: у про-
визора О. М. Шапиро, въ аптек. магазинѣ Брюса. Въ С.-Петербургѣ и Харьковѣ:
П. № 1001 въ Русск. Общ. Торговли аптек. товарами. 1—1

БАДЕНЪ-БАДЕНЪ.

Давно известныя теплыя аналитическія соляныя воды отъ 44—69° Ц.

Источники съ значительнымъ содержаніемъ хлористаго литія.

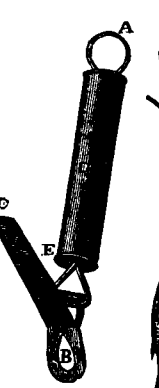
Новая Великокняжеская купальня "ФРИДРИХСВАДЪ"

открыта круглый годъ.

Образцовое заведеніе единственное въ своемъ родѣ, отличающееся совершен-
ствомъ и изяществомъ. Минеральныя и медицинскія ванны всякаго рода. За-
веденіе для врачебной механической гимнастики. Частная лечебница съ теплыми
ваннами. Галлерей для минеральныхъ водъ всѣхъ извѣстныхъ источниковъ, пнев-
матическое заведеніе съ 2 намерами для 4 лицъ. Лечение молокомъ и сыворо-
ткою. Разсылка водъ главнаго источника съ богатѣйшимъ содержаніемъ литія
черезъ Правленіе водъ.

Кургаузъ съ великолѣпными залами для концертовъ, баловъ, чтенія, ресторана
и собраній открытъ круглый годъ.—Превосходный оркестръ.—Многочисленныя
удовольствія всякаго рода.—Охота и рыбная ловля.—Большія скачки.—Высшія
учебныя и воспитательныя заведенія.—Пансіоны для дѣвицъ.—Очаровательныя
прогулки и поѣздки.—Превосходный климатъ. Великолѣпная мѣстность. Средняя
температура: 7, 4° R. К. № 1016 3—1

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢНАТЕЛЬ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ.

одобренный всѣми любителями рыбной ловли, съ успѣхомъ
примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы, заимлетъ
грузъ, карабинъ и блесну и устроитъ такъ, что когда рыба хва-
таетъ наживку, то крючекъ механически задвѣкаетъ ее на це-
ку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Цѣна 60 к.;
на пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. Единственный
складъ у П. Ф. Каратаева, Невскій проспектъ, Милютинъ рядъ.
№ 18, вѣ. С.-Петербургъ.

Большой выборъ английскихъ принадлежностей для рыбной
ловли, которыми магазинъ издалъ иллюстрированный прейсъ-
курантъ въ краскахъ и въ натуральную величину и съ точно
обозначенною мѣрою, съ цѣнами при каждомъ рисункѣ, изъ
которыхъ 48 сортовъ разныхъ рыбокъ, 66 сортовъ ложекъ (блес-
ны), 48 сортовъ мушекъ, 13 сортовъ искусственной приманки:
червячки, жуковъ, мухъ, стрекозъ, коровокъ, и друг., 45 сор-
товъ поплавокъ, 16 сортовъ готовыхъ удочекъ, крючки диме-
риксъ, кирби, все №№, также на жалѣ, на струнѣ, на проло-
кѣ (жерлицы). Крючки двойные, тройные, четверные, крючки
морские. Крючки механически радиантные, карабины (чтобы
не крутились леса) разныхъ системъ удилница, леса пеньковая,
крученая и плетеная шелковая, крученая и плетеная волося-
ная, волосяная съ шелкомъ, шелковая плетеная, смолена, всѣхъ
толщинъ и дѣвтовъ, разной мѣры. Наконечники (жидки изъ
шелковичнаго черва) разной толщины и длины, съ карабинами

и безъ оныхъ, струна съ карабинами, грузило, терлацница, коряжки для рыбы, щип-
цы для дробн, для травы, кошки для отдѣлки лесъ, машинки для наматыванія лесъ, мѣд-
ныя и деревянные, остроги, гарпуны, иголки для выниманія крючковъ и наживанія
рыбъ, бумажки для мушекъ, сачки, садки, мѣшки для рыбы, раковныя сѣти и много
другихъ предметовъ. Прейсъ-курантъ будетъ ежегодно пополняться всѣми английскими
новостями по ужению рыбы, цѣна 30 коп. Р. г. и погороднымъ высылается за 5 семи-
копѣенныхъ марокъ.
Единственный складъ: магазинъ П. Ф. Каратаева, Невскій проспектъ, Милютинъ рядъ.
№ 18, С.-Петербургъ.

ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННАЯ
УНИВЕРСАЛЬН: ШВЕЙНАЯ МАШИНА
ПАТЕНТЪ З. М. ИЗОБРАТОВАЕТЬ ПАТЕНТЪ З. М.
ЕВРОПА ОТЛИЧНЫЯ АМЕРИКА
СУТИН Вышивки и асьв
и друія работы
ПРОДАЖА съ РУЧАТЕЛЬСТВ.
ОБУЧЕНІЕ БЕЗПЛАТНО!
Единственный Складъ
ГЕРМАНЪ ГЕССЕ СТЬБ.
БОЛЬШ. САДОВАЯ № 16. УГОЛЬ
ТОЛМАЗОВЪ ПЕР. ПРОТ. ГОСТИН. ДВОРА

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.
Huste-Nicht
Berichtl. geschützt
НЕ КАШЛЯЙ
Медо-Травяной Малцъ-Экстрактъ и Ком-
фекты отъ Л. Г. ПИТШЪ и Кома. въ Бре-
славѣ!).
Признавъ за лучшее средство противъ
нашля, мокроты, охриплости, страданій гор-
ла въ груди, начиная съ простаго напар-
на до чаюти и противъ блѣдной немочи.
Мы имѣемъ официальное благодарствен-
ное письмо отъ № 3840 10 7
Главнаго Управленія Общества Крас-
наго Креста для вспоможенія боль-
нымъ и раненымъ воляемъ въ С.-Петер-
бургѣ.
(*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и
2 руб. 40 коп., конфетки 30 и 50 коп.
Упаковка и пересылка считаются особо.
Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ мага-
зинахъ и аптекахъ Россіи.
Главный складъ для Россіи въ С.-Петер-
бургѣ у В. Ауриха, В. Морск. 17.

ВЕНГРІЯ ВУДАПЕШТЪ
ВЕНГЕРСКАЯ МѢСТНАЯ ВЫСТАВКА
подъ Высочимъ Покровительствомъ Его Импер. и Корол. Высоч. Наслѣднаго Принца Эрцгерцога Рудольфа.

Открытие 1-го Мая 1885 года. Конецъ въ концѣ Октября 1885 г.

Выставляются: Сельское хозяйство, Лѣсоводство, Горное производство, Промышленность, Гигіена, Народное просвѣщеніе, искусство. Выѣстъ съ
тѣмъ выставки машинъ, сѣмянъ и животныхъ.

ПРАЗДНЕСТВА КАТАЛОГИ на венгерскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ,
а также спеціальныя каталоги для искусства, машинъ
горнаго производства и проч. Пріѣзжъ объявленій.
РУДОЛЬФЪ МОССЕ, ВЕРЛИНЪ—ВѢНА.
ОСЩЕСТВЕННЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ДЛЯ УКАЗАНІЯ КВАРТИРЪ ВО ВСѢХЪ ВОЗДАЛѢХъ. Р. № 8830 3—2

Вышло из печати и поступило в продажу **НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:**

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ.

(Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковн. и Домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.)
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

П. П. ГНѢДИЧА.

Издание **А. Ф. МАРКСА** въ С.-Петербургѣ.

Большой красивый томъ, in quarto, болѣе 500 стран. убористаго шрифта. въ 2 столбца. съ **430-ю** превосходно исполненными гравюрами и рисунками въ тексты.
ЦѢНА: брошюр. 6 р., съ пер. 7 р.; въ роскошн. коленкор. переплетѣ, тисненными золот. и 3-мя красками, 7 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Появленіе предлагаемой книги было встрѣчено весьма сочувственными и лестными отзывами столичной и провинціальной прессы. Очень обстоятельные разборы были напечатаны слѣдующими периодич. изданіями: „Правительств. Вѣстникъ“ (№ 57), „СПБ—скія Вѣдомости“ (№ 68), „Художественный журналъ“ (за февраль мѣсяцъ), „Биржевыя Вѣдомости“ (№ 45), „Петербургскій Листокъ“ (№ 69), „St.-Petersburger Herold“ (№ 69), „Moskauer Deutsche Zeitung“ (№ 63), „Петербургская Газета“ (№ 71), „Гражданинъ“ (№ 22), „Донская Пчела“ (№ 17), „Русскія Вѣдомости“ (№ 80), „Кавказъ“ (№ 78). „С.-Петербургскія Вѣдомости“, между прочимъ, говорятъ объ этомъ изданіи слѣдующее: „Книга эта вполне удовлетворяетъ какъ въ литературномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи. Живо и занимательно изложенный текстъ и сотни прекрасно исполненныхъ гравюръ, даютъ читателю ясное понятіе о ходѣ и характерѣ художественнаго творчества... Исполненіе рисунковъ удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ, и вообще изданіе г. Маркса отличается вкусомъ и роскошью“.

СПБургъ, Невскій пр. № 62, противъ Публич. Библиотеки

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ,
специальность хронометровъ и сложн. час. механика.
Прейсъ-куранты по востреб.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К^о, СТРОИТЕЛИ

мѣстныхъ премированныхъ конныхъ молотилокъ, приводовъ, вѣялокъ, сортировочн. плуговъ, боронъ, сѣяло въ непрерывно дѣйствующихъ стѣнныхъ пресовъ, механическихъ зерносушилокъ, предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: Клейтона и Шулесорта—паровыя молотилки съ локомотивами, Мак-Нормана, сѣялокосилки, жерн. и спонжиалки, Стодарты—тарелочныя боронныя Раидала и конныя грабли Тибуръ, и запасныя части ко всемъ машинамъ.

Фабрика и Главная контора въ Москвѣ, Мясницкая улица, собств. домъ, б. выш. Бр. Бутовскаго. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная улица. № 3911 13-2
Иллюстрированные каталоги бездѣл. гл.

Иллюстрированные каталоги бездѣл. гл.

П. П. ЛАШИНЪ,
коммиссіонеръ общества Русскихъ врачей въ Москвѣ.

у Москворѣцкаго моста, собственный домъ, удостоенный высочайшей благодарности, двухъ привилегій и многихъ наградъ на все-русскихъ и иностранныхъ выставкахъ, въ томъ числѣ и новой, высшей награды на Одесской выставкѣ 1884 года: почетный дипломъ съ правомъ ходатайства на награжденіе ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ, имѣетъ честь уведомить, что его приготовленія ягодныя и фруктовыя воды.

„Русское Шампанское ИМПЕРАТОРСКОЕ“ и „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ“
находится въ продажѣ во всѣхъ городахъ Европейской Россіи, болѣе части городовъ Сибири, Закавказья, Царства Польскаго, Великаго Княжества Финляндскаго и нашихъ новыхъ владѣній въ Азій, и что **кроме того** въ непродолжительное время поступятъ въ продажу еще новыя четыре сорта Русскаго шампанскаго „ИМПЕРАТОРСКОГО“: 1) ПОЛУ-СУХОЕ (Demi sec. «England» à la Cliquot). 2) ОЧЕНЬ СУХОЕ (Extra sec. à la Pommeroy). 3) РОЗОВОЕ ГУСТОЕ (Oeil de Perdrix à la Roederer). 4) РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ (à la Cliquot). № 3946 5-4

АМЕРИКАНСКІЙ ПЕРЕПЛЕТЧИКЪ
НЕОБХОДИМЪ КАЖДОМУ

для шиванія бумажекъ, журналовъ, газетъ, а также и для всѣхъ торговыхъ заведеній, для шиванія счетовъ, накладныхъ, квитанцій и прочихъ разрозненныхъ бумажекъ, во многихъ случаяхъ вмѣняютъ гвоздь, не портятъ обоевъ, даже въ каменной стѣнѣ, въ которую легко приколочивать объявления, афиши, календари, термометры, комп. знаменія, драпир. при выпиливаніи изъ дерева примѣнимъ для скрѣпленія угловъ и прочихъ частей. При каждомъ американскомъ переплетчикѣ прилагается 500 шпилькъ 4-хъ величинъ; цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 35 к., кроме Азиатской Россіи. Торговцамъ по соглашенію.

С.-Петербургъ, Невскій, Милютинъ рядъ, № 18, магазинъ П. Ф. Каратаева.

ВѢЧНАЯ МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ВЪШАЛКА
для мужскихъ и дамскихъ пальто, шубъ и прочаго платья. При вынискѣ американскаго переплетчика 15 коп. № 1048

ЧОКРАКСКОЕ ГРЯЗЕ-ЛЕЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ВЪ КРЫМУ,
въ 12-ти верстахъ отъ г. Керчи, будетъ открыто съ 20 мая по 1-го сентября. Минеральныя грязи и рапа солянаго озера, а равно сѣрные и щелочные источники радикально лечиваютъ ревматизмъ, золотуху, опухли суставовъ, желчь и мочу, сведены членовъ, воспаленія надпочечной железы, костляе нерости, катарры желудка, брюшные язвы, геморрой, параличи, неврастхія, воспаленія сѣдалищнаго нерва (ишиасъ), накожныя сыпи, меркуриализмъ, психотенію и скрѣпый сифилисъ. Курсы леченія трехнедѣльныя. Заведеніе заново отдѣлаю и снабжаю всѣми удобствами жизни. Подробности см. путеводецъ „Фрумъ“. За справками обращаться къ д-ру Добровольскому въ г. Керчь, прилагая 2 марки. № 1003

ПАРКЕТЪ дубовый и сосновый, вилупи говые парк. дщери, оканная рамъ, полная столарная отдѣлка домовъ съ доставкой, установкою на мѣсто и отвѣтственностью за сухость и прочность.

ИЗДѢЛІЯ изъ дуба, лиственницы и сосны для ж. д. и пароходовъ.

Письменно обращаться на Контарскіе заводы, расположенныя въ Контарскіе на Волгѣ, в. Чобоксара, Каз. губ.

Телеграммы: „Контарскіе заводы“
Контора и складъ въ Москвѣ: Мясницкая, Фуркасовскій пер.-д. Звонкошій. 1012 26-1

ВСЯКАГО РОДА СЪЯЛКИ, ПЛУГИ, ВОРОНЫ, КАТКИ и пр. земледѣльч. орудія предлагаются въ богатѣйш. выборѣ. № 3966 4-4

ТОВАРИЩЕСТВО БУРКГАРТЪ И УРЛАУБЪ.
С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линия. Москва, Мясницкая, д. Сытова. Иллюстрир. каталоги по востребованію.

НОВАЯ КНИГА:
„Историко-критическій комментарий къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго“. (Сборникъ критикъ). Ч. 1. Сост. В. Зелинскій. Ц. 1 р.—Того-же автора: „Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева“. 2 вып. М. 1884 г. Ц. каждому вып. 2 р. П. № 1002

„АМЕРИКАНКА“, полезный великому хозяйству снарядъ для стирки въ обыкновенной компаніи водѣ бѣлыя. Расходу весьма мало мыла и сохраняетъ отлично бѣлье, стирка доступна даже малолѣткамъ. Приглашаются агенты. Цѣна снаряда съ пересылкою по почтѣ 5 р., въ Сибири 8 руб. При каждомъ снарядѣ прилагается инструкція. Адресъ: Губернскому агенту Русскаго Страх. Общества, в. Пшеманоу, въ Симферополѣ. № 1010

ОТЗЫВЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.
М. Г. Веніаминъ Ильичъ. Полученный мною отъ васъ снарядъ для стирки бѣлыя очень хорошъ, вполне оправдываетъ свое назначеніе и удобенъ въ хозяйствѣ; прилагаю 5 р., прошу выслать еще одинъ по слѣдующему адресу: Новоспльскаго уѣзда, поч. ст. Хомутово, Тульск. губ., с. Славское, Антоноу Адамовичу Рузницкому. Покорнѣйш. прошу потрудиться выслать снарядъ. Фабричное клеймо на снарядѣ: „В. ШЛЕМЕНЗОНЪ—Симферополь“.

Только что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу **ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА ВС. СОЛОВЬЕВА: ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.**

Романъ-хроника въ 3-хъ частяхъ.

Съ портретомъ Императора Петра II и со многими виньетками Каразина. Красивый томъ in 8, на веленев. бумагѣ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленкор. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к. Съ требованіями обращаться въ контору журн. „НИВА“ (СПБ., Бол. Морская, 9), въ Москвѣ въ Отдѣл. конторы журн. „Нива“ у Н. Н. Печковской (Петровск. линіи), а также и у всѣхъ книгопродавцевъ.

Ж. БЛОКЪ.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Голцинина. С.-Петербургъ, Невск., № 16.
Велосипеды для всякаго возраста и обою пола! отъ 75 р.—500 р.
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.
Специальность для русскихъ дорогъ: **„РУССКІЙ КЛУБЪ“**

или подарокъ. ая гимнастика. ее средство передвиж.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА
Ч. ГОФМАНА, СПБ., Больш. Дворянская ул., д. 26.
Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамокъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ—до самой изощренн. работы. Торговцамъ дѣляется уступка. № 3977

НОВАЯ САМОПОМОЩЬ И СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ. КНИГА

Очеркъ **В. Лаврентьева.**
Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 рубль.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и въ редакціи „Русскаго Вѣстника Страхования“: Владимірскаго просп., д. 11—13. Лица, выписывающія изъ редакціи (СМБ., Владимірскаго просп., д. 11—13) за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ обычная уступка. Подписка на „Русскій Вѣстникъ Страхования“ продолжается. Цѣна за годовое изданіе 3 р. 50 коп., съ пересылкой и доставкой. 3—2 № 4008

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XVI годъ
№ 15

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XVI
1885

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выдаѣ 13 Апрѣля 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫНРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (3/4 шир.
страни) въ Глав. Кон. Ред. по
60 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ
Петербургъ. 4 р.
Съ доставкою въ
Петербургъ. 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ
контору объявл. Н. П. Печков-
ской, Петровская Торгов. линія 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говъ:хъ домовъ принимаются
для иногор. по 5 р. съ тыся-
чи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ. ВЪ Д. № 9
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

Ф. Дефрегеръ.
Между жаприс-
тами-художниками
настоящаго време-
ни рѣдко кто до-
стигъ такъ скоро
извѣстности, какъ
Францъ Дефрегеръ,
портретъ котораго
помѣщенъ въ этомъ
номерѣ. Мастер-
скія картины его,
изображающія
жизнь тирольцевъ,
извѣстны всему
образованному міру.
Францъ Дефрегеръ
родился 30 апрѣля
1835 г. въ Тиролѣ,
на фермѣ принад-
лежащей къ прихо-
ду Дэльзахъ; первые
годы жизни провелъ
среди величествен-
ной горной при-
роды. Досматривая
козъ своего отца,
Дефрегеръ самоуч-
кой началъ рисо-
вать и вырѣзывать,
ни мало не пред-
чувствуя, что эти
любимыя его раз-
влеченія станутъ
призваніемъ его
жизни. Пятнадца-
тилѣтнимъ юношей
онъ работалъ еще
со сверстниками въ
лѣсу, на полѣ и въ

Францъ Дефрегеръ. По фотогр. грав. К. Кохъ.

овинахъ и когда
отецъ его умеръ въ
1858 г., онъ, какъ
настоящій крестья-
нинъ, принялся хо-
зяйничать. Но
вдругъ ему захотѣ-
лось повидать свѣтъ;
онъ предположилъ
поѣхать въ Амери-
ку, и размысливъ о
будущей судьбѣ сво-
ей, ему пришло въ
голову сдѣлаться
художникомъ. Онъ
продалъ домъ, вы-
платилъ часть се-
страмъ и въ 1860 г.
ушелъ въ Инсбрукъ,
гдѣ и поступилъ въ
мастерскую скульп-
тора Штольца. Но
скульптура не да-
лась ему и Штольцъ
посоветовалъ обра-
титься къ живописи
и съ этою цѣлью
поѣхать въ Мюн-
хенъ къ Пилоти.
Пилоти призналъ
въ немъ значитель-
ный талантъ и Деф-
регеръ поступилъ
прежде въ художе-
ственно-промыш-
ленную школу, а
потомъ въ акаде-
мію. Для усовер-
шенствованія онъ
въ 1863 г. уѣхалъ
въ Парижъ, оста-
вался тамъ до 1865

года, вернулся на родину и два года рисовал картины и портреты, не будучи ими доволен. Только в 1867 году, послѣ поступления ученикомъ къ Пиолти, талантъ его началъ замѣтно развиваться. Уже первая его картина „Раненый охотникъ“ обратила на себя вниманіе художниковъ и общества, а вторая картина, написанная имъ в 1869 году „Военный сойтѣ въ главной квартирѣ“, доказала, что онъ пересталъ уже быть ученикомъ. Затѣмъ онъ нарисовалъ цѣлый рядъ прекрасныхъ жанровыхъ картинъ, поражающихъ правдивостью, типичностью и свѣжестью. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: „Балъ на Альпѣ“, „Два брата“, „Пѣвцы-ниціе“, „Ощипанный гусь“, „Возвращеніе побѣдителя“, „Выѣздъ на охоту“, „Объѣденная молитва“ и др. Последнія его произведенія: „Прѣздъ на танецъ“, „Кузнецъ Кохеля“, „Салонный тиролецъ“, „Въ отпуску“, недавно помѣщенное у насъ въ „Нивѣ“, и „Итальянскій странствующій пѣвецъ“ еще болѣе способствовали къ громкой извѣстности художника. Особенно обращала на себя вниманіе послѣдняя картина, въ которой былъ изображенъ итальянскій музыкантъ въ сопровожденіи мальчика и дѣвочки. Итальянцы поютъ и играютъ, а ихъ восторженно слушаетъ тирольское семейство въ полномъ составѣ своихъ чадъ и домочадцевъ. Кроме сценъ, взятыхъ изъ обыденной жизни его земляковъ-тироль-

цевъ, Дефрегеръ написалъ еще много талантливыхъ картинъ, изображающихъ ихъ историческое прошлое, ихъ подвиги и борьбу за независимость. Одна изъ этихъ картинъ „Тирольскій ландштурмъ, возвращающійся изъ похода 1809 г.“, красуется теперь въ национальномъ берлинскомъ музее. Въ религиозной живописи Дефрегеръ испробовалъ свои силы лишь разъ въ жизни, написавъ в 1873 г. „Божію Матерь“, по объѣту, послѣ своего выздоровленія отъ тяжелой болѣзни. Эта картина подарена имъ мѣсту своего рожденія Дользаху, гдѣ и находится понынѣ въ мѣстной церкви.

Дефрегеръ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ нѣмецкихъ художниковъ. Вѣрный природѣ, владѣющій замѣчательнымъ колоритомъ, онъ изображаетъ пародный бытъ въ высшей степени характерно во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ, начиная съ лицъ и кончая самыми обыденными атрибутами домашней жизни. Тирольскій бытъ даетъ широкій просторъ его талантливой кисти въ изображеніи сценъ въ высшей степени поэтическихъ, живыхъ и веселыхъ, въ которыхъ свѣжіе и энергичскіе типы горцевъ схвачены съ необычайнымъ мастерствомъ. Даже лошади и собаки Дефрегера никогда не являются въ его сценахъ пародной жизни лишнимъ атрибутомъ; онъ въ нихъ всегда играетъ извѣстную роль и принимаютъ самое живое участіе въ эпизодахъ, изображенныхъ художникомъ.

КУЛИСЫ.

Повѣсть

Вас. И. Немировича-Данченко.

(Продолженіе).

IX.

Объясненіе.

Раевская всю ночь продержала компрессъ на шеѣ, потомъ заѣхала къ доктору—тотъ какимъ то порошкомъ продулъ ей горло. Тѣмъ не менѣе она чувствовала, что будетъ пѣть дурно. Голоса не было—это вовсе не улучшало расположенія ея духа. Отказаться отъ спектакля нельзя было. Послѣ скандала—это ея первое появленіе на сценѣ. Она должна пѣть во что бы то ни стало. Дать возможность лишній разъ торжествовать врагамъ, трусить передъ ними—ей не позволило бы достоинство женщины и гордость артистки. „Я покажу вамъ!“ думала она, запершись въ своей комнатѣ. Да наконецъ нужно разъ на всегда разъяснить свои отношенія съ Барсовымъ. Если онъ страдаетъ, если онъ явится къ ней разбитымъ, искренно сознающимъ свою вину—она ему проститъ все... Въ самомъ дѣлѣ въ жизни нѣтъ героевъ. Нельзя же такъ разомъ бросить кого любишь, только потому, что онъ въ одномъ случаѣ не оказался „на высотѣ положенія“. Напротивъ здѣсь-то и начинается ея задача. Она видитъ теперь его недостатки—на ея обязанности измѣнить его къ лучшему. Любовь и кротость—великое оружіе. Ими былъ побѣжденъ міръ. Неужели же она безсильна? А все таки жаль, что около нѣтъ Капинцева. Именно теперь, передъ этимъ спектаклемъ. Поѣхать туда, увидѣть его, съ его ободряющей улыбкой и спокойнымъ мужествомъ въ глазахъ, сидящего въ первомъ ряду... Только артистка можетъ понять насколько легче играть и пѣть когда видишь передъ собою когонибудь дорогаго и близкаго. Когда знаешь, что на его чувство не повліяютъ ни восторги, ни равнодушіе, ни пренебреженіе толпы...

Передъ самымъ отъѣздомъ въ театръ Раевской подали письмо. „Отъ кого бы это—рука незнакомая“. Она распечатала, изъ конверта выпалился клочекъ газеты. Какая то замѣтка была отмѣчена краснымъ карандашомъ. Нина Борисовна стала читать ее: „Дивныя дѣла творятся въ нашемъ театрѣ—писали въ мѣстной газеткѣ—какаянибудь неразборчивая на средства интригантка, имѣвшая кое-какой успѣхъ въ „Аидѣ“ и провалившая Маргариту, отбиваетъ не только любовниковъ у своихъ подругъ, но и роли у болѣе талантливыхъ исполнительницъ. Мы хотѣли быть справедливыми къ ней и поддержали ее послѣ дебюта. Къ началу всегда относишься снисходительнѣе, но оче-

видно г-жа Р. изъ молодыхъ да ранняя. Она любезность приняла за чистую монету и совѣтъ спустя рукава начала появляться передъ зрителями. Разумѣется мы долготерпѣливы, но и мы выходимъ изъ себя наконецъ, когда всякая раздутая бездарность съ голоскомъ въ мизансценѣ и претензіями, простительными только крупному таланту, эксплуатируетъ до такой степени нашу деликатность. Въ самомъ дѣлѣ, только тотъ, у кого уши изъ санюжнаго товара, можетъ не понять что такое эти доморощенныя Патти!.. Онѣ впрочемъ въ самой средѣ своихъ товарищей встрѣчаютъ справедливое осужденіе. Такъ недавно одну такую выгнали изъ за стола за ужиномъ у нашего мецената г. М... Кстати будетъ спросить у заправиль нашего театра, почему партію Маргариты опять поестъ такъ позорно провалившая ее г-жа Раевская, между тѣмъ какъ талантливая и изящная артистка, наша милая Елена Алексѣевна Бабкина остается внѣ репертуара. Рекомендуемъ передать именно ей эту партію какъ и многія другія, которыя разумѣется только выиграютъ въ ея исполненіи...“

Этотъ новый сюрпризъ былъ совершенно неожиданнымъ... Подлость, разумѣется, но больно ударившая по сердцу!

Нина Борисовна безсильно опустилась на диванъ и оставалась такъ, оцѣпечившая отъ оскорбленія, напеченнаго пасквилянтомъ.

— Карета ѣдетъ... Кучеръ говоритъ что давно пора—опоздаете! замѣтила горничная.

Раевская съ усиліемъ очнулась и привсталала...

„Что же, нужно ко всему быть готовой... Еще и не то будетъ. Такая карьера! говорила она самой себѣ. Разумѣется это Повиликинъ,—еще наканунѣ сравнивалъ ее съ Патти, Бозіо и Малибранъ. Можно утѣшиться презрѣніемъ къ нему. Да вѣдь презрѣніемъ не проймешь его. Говорятъ, публика по отчетамъ составляетъ свои мнѣнія... Что же дѣлать? Увидимъ сегодня. Все равно! и какая низость! Господи!... Какъ горько одиночество. За меня некому всгуниться, а сама... Что я могу? Такіе господа вѣдь только и обрушиваются на женщинъ. Но, пора!“

И Нина Борисовна—поѣхала въ театръ.

Она быстро прошла въ свою уборную—и заперлась въ ней. Рядомъ одѣвалась Досуева. Стѣнки были толщи—и Раевская слышала какъ тамъ громко, нарочно громко читаютъ ту замѣтку. Очевидно и туда поторопился доставить ее авторъ. У Татьяны Гавриловны сочувственно хохотали. Проклятая сцена! Се-

годня Нинѣ съ нею же придется вести цѣлый актъ. Хорошо еще если Зибель не испортитъ ей... Случалось и это. Да, дѣйствительно, надо быть на все, на все готовой!.. Первое дѣйствіе кончилось. Когда во второмъ она вышла и стала на свое мѣсто у лѣвой кулисы—пришлось встрѣтиться съ Барсовымъ. Онъ отвѣсилъ ей глубокий поклонъ... Мефистофель Акуловъ дружески пожалъ ей руку... „Богъ не выдастъ—свишня не съѣстъ, Нина Борисовна... Не волнуйтесь, главное“... „Я сегодня не пою, а нарочно для васъ принель... улынулся ей Крестовоздвиженскій... Головку то барышня повыше... Посикъ то кверху... Наплойте на нихъ, на дураковъ!..“ Раевская пристально всматривалась въ Фауста—Барсова. Сквозь рюмяна видно было какъ онъ поблѣднѣлъ за эти дни. Осунулся... Похудѣлъ. Слава Богу! значить и онъ страдаетъ—не все еще потеряно!.. И ей вдругъ стало весело, такъ весело что даже семинаристъ ее одобрилъ. „Вотъ, барышня, теперь такъ. Смотрите-ка Досужева къ вамъ какъ подбирается!“ Досужева—Зибель дѣйствительно подходила, кусая губы. Очевидно еще не улеглось въ ней. Ни съ того ни съ сего Раевской захотѣлось сошкотьничать. Такъ какой то внезапный приливъ легкомыслія охватилъ ее всю. Она неожиданно, разомъ, обернулась къ Досужевой.. „Здравствуйте Татьяна Гавриловна!“ и подала ей руку. Зибель растерялся... Взяла руку и держитъ ее, не зная что съ нею дѣлать... „Вотъ мѣдный лобъ-то эта Раевская!“ не выдержала госпожа Бабына, бывшая около, и бросилась къ Лолошѣ сообщить ей какъ „дѣла то недотрога—сама первая съ Досужевой поздоровалась!“

А Барсовъ, уже стоя за противоположной кулисой, не могъ отвести глазъ отъ Раевской... „Какъ хороша, о какъ хороша! повторилъ онъ про себя. Какъ ей идетъ этотъ костюмъ... эти длинныя золотыя косы... Чему она радуется! Неужели же ушла изъ его рукъ.“ До того взволновало это Фауста, что выйдя на сцену онъ спѣлъ дурно.

Въ партерѣ даже смѣхъ послышался.

У Гретхенъ очень билось сердце, когда она показала на сценѣ. Ея выходъ такъ поставленъ композиторомъ, что зрителямъ нельзя встрѣчать ее ни рукоплесканіями, ни шиканьемъ. Только въ слѣдующей партіи она узнаетъ произвела ли газетная замѣтка какое нибудь впечатлѣніе или нѣтъ. И дѣйствительно узнала. *Air de bijou*—у нея прошелъ прелестно. Кое кто въ партерѣ аплодировалъ, но тотчасъ же изъ боковыхъ ложъ, откуда еще недавно кричали „Раевскую solo“, послышалось шиканье. Нина Борисовна опустила голову...

Сцена въ огнѣ—не удалась ей. Она, начавъ свою арію, случайно увидѣла какимъ взглядомъ обмѣнялись Барсовъ на сценѣ съ Досужевою за кулисами. Тутъ уже никто не бросилъ ей „браво“. Но сегодня она и не гналась за этимъ. Лишь бы кое какъ сбыть спектакль... Лишь бы не провалиться окончательно. Въ пятъ актѣ она разошлась и выдержала его какъ никогда—но враждебно настроенная публика и его обошла молчаніемъ. Вызывали Барсова solo, вызывали потомъ Мефистофеля-Акулова. Все тотъ же феноменальный басъ заоралъ было „Раевскую“, но Повиликинъ такъ энергично зашикалъ въ партерѣ, что у ея поклонника не хватило храбрости продолжать. Тѣмъ не менѣе она не была огорчена всѣмъ этимъ и даже улыбнулась, когда проходившая мимо театральная маменька разчитанно громко сказала ей вслѣдъ: „Вотъ роли то проваливаютъ и играютъ, а моя дочь всегда имѣетъ успѣхъ—ей не даютъ. А почему? потому что у насъ только интригами и можно держаться. Честной дѣвухкѣ уходить надо отсюда!..“

Черезъ нѣсколько минутъ должно было начаться объясненіе съ Барсовымъ. Нина Борисовна сняла съ себя сценическій костюмъ и набросила блузу. Досужева

очень недолго была рядомъ. Она торопилась куда то и уѣхала живо... Молчаніе стояло кругомъ... Горничная еще возилась около...

— Маша, ты бы ѣхала домой... За венцами придешь сюда завтра. Уборную запереть можно. Черезъ полчаса приготовь мнѣ чай. Я только отдохну. Сама доберусь одна. Тутъ недалеко...

Ушла горничная. Газовые рожки сильно нагрѣвали уборную. Жаркая атмосфера ея дѣйствовала расслабляющимъ образомъ. Маша, уходя, печально пролила духи... Одурачившій запахъ бѣлаго геліотропа кружилъ голову... Послѣднія отзвучія суматохи на сценѣ замирали. Все тише и тише становилось. Должно быть и тамъ опустѣло все. Въ уборной теперь мертвое безмолвіе; такое глубокое, что даже шипѣніе газа, вырывающагося изъ рожковъ, нѣсколько беспокоило Раевскую. Уснуть бы... Такъ и клонило... Забыть бы все что случилось... Даже умереть пожалуй, только сейчасъ умереть, въ такомъ состояніи полубезсознательной нѣги, смѣнившей недавнее утомленіе. Свѣтъ дробился на разбросанныхъ по столу браслетахъ, серьгахъ... Прямо передъ нею горитъ брилліантъ. Она не можетъ отвести отъ него взглядъ, хотя онъ то именно и усыпляетъ ее такъ. Печально спала туфля. Ей лѣнь надѣть ее. На темномъ коврѣ—голубой чулокъ придаетъ удивительное изящество ногѣ... Что она теперь скажетъ Барсову... И говорить даже трудно... Видѣть его около, смотрѣть въ его глаза... Слушать его... Видѣть пожалуй онъ и правъ. Жизнь сложна. Нужно брать то, что даетъ она. Что толку въ аскетизмѣ. Этакъ пожалуй до смерти не узнаешь ни любви, ни радости. А если и будетъ любовь, то она коснется тебя только обратной своей стороной. Отравитъ своими муками и сомнѣніями. Что ей за дѣло до прошлаго, до будущаго... Принель моментъ—и бери его... живи ради сегодняшняго дня. Еще неизвѣстно что будетъ завтра! А въ уборной становилось все жарче. Въ разгоряченномъ воздухѣ сильнѣе пахли духи. Глубже дышала она, медленнѣе... Ей казалось, что брилліантъ ея браслета все растетъ и приближается къ ней. Она даже глаза сомкнула было, какъ вдругъ стукнули въ дверь... „Наконецъ то...“ вздрогнула она, сбрасывая съ себя это полное нѣги, успокоительное, точно обморочное очарованіе.

— Войдите!.. Страшно блѣдный—она его не видала еще никогда такимъ,—показался Барсовъ.

Ему это шло. Ярче горѣли глаза... Переступилъ порогъ и остановился...

— Я не знаю какъ мнѣ говорить съ вами... Я измученъ... Живаго мѣста во мнѣ не осталось за эти дни!.. онъ не рѣшается подать ей руку.

— Я сама выстрадала столько... поднялась Раевская. Свѣтлая блуза плотно охватывала ея стройный станъ. Только теперь она замѣтила, что одна туфля спала съ ноги. Она наклонилась и одѣла ее. Свѣтъ газовыхъ рожковъ на мгновеніе обвилъ округленный красивый изгибъ ея стапа, золотомъ загорѣлся на волосахъ, свернутыхъ у нея на затылкѣ... „Что же вы? Александръ Петровичъ“. Ей стало жаль его.

Она сама подошла и подала руку... Его рука была холодна какъ ледь. „Ну, довольно... поговоримъ теперь...“

Онъ придвинулъ къ ней кресло... Неловкое молчаніе... Шипитъ газъ въ рожкахъ да изрѣдка слышится легкій стукъ дождевыхъ капель въ окно, занавѣшенное тяжелою шторой...

— Зачѣмъ... Зачѣмъ все это случилось!.. вырвалось у нея. Какъ хорошо было... Я такъ вѣрила вамъ!

— И теперь вѣрите... Нина Борисовна... Да что же мнѣ было дѣлать... Развѣ вы знаете мое прошлое...

„Театральный жестъ!“ мелькнуло у нея въ головѣ.

— Развѣ вы знаете, чѣмъ я связанъ съ этою женщиной. Не судите!.. Не судите меня, потому что...

— Почему? лѣжливо переспросила Нина. Она опять

Роландъ въ битвѣ при Ронсевальѣ. Карт. Л. Гене. По фотогр. Лесадре въ Парижѣ, гравир. Кроссъ.

стала слабѣть подъ вліаніемъ жары и утомленія.

— Потому что я люблю тебя! Потому что такая любовь оправдываетъ все... Ты понимаешь,—все!.. Потому что ради нея я пойду на преступленіе, на смерть... О, Нина, Нина! еслибы ты только знала, что творится въ душѣ моей... Цѣлый адъ. Я кажется съ ума сойду. Я не могу видѣть тебя такой спокойной, холодной... Я знаю, я не стою тебя, но я съ ужасомъ думаю о томъ, что ты можешь принадлежать другому... Лучше, легче мнѣ видѣть тебя мертвой...

Она порывисто протянула ему руку. Опъ покрылъ ее поцѣлуями. Нинѣ Борисовнѣ и сладко и жутко стало теперь. Она чувствовала, что послѣднее сопротивленіе въ ней гаснетъ, уступая мѣсто какой то упорной, всю ее охватывающей волнѣ... Волна эта подымалась все выше и выше. Съ головой ее покрыла. Она уже не разсуждаетъ теперь. Она видитъ только его... своего избранника. И онъ не тотъ какъ былъ прежде. Гдѣ этотъ самоувѣренный тонъ?.. Какъ то незамѣтно соскользнулъ онъ съ кресла, на которомъ сидѣлъ. Сталь около нея на колѣни. Она хотѣла оттолкнуть его, поднялась, но опять безильно упала въ кресло... Будь что будетъ... Опъ цѣлуетъ ея колѣни, роиаетъ свою черноволосую голову къ ея ногамъ... Не все ли равно, что случится завтра—сегодня хорошо ей. Молчи разсудокъ. Пусть сильнѣе кружится голова...

И онъ наклонился къ ней. Заглянулъ прямо въ глаза.

— Что это, что это?.. вскочила она.

Разомъ нахлынула сила. Она схватила руками его голову, повернула къ огню. Да, это такъ. Какой циническій взглядъ! Противно, противно, гадко...

— Уйди... Нѣтъ, постой... Намъ надо переговорить; обо многомъ переговорить. Нельзя такъ... Воды! Подошла и сама налила воды.

— О чемъ говорить... Сію минуту, ни потомъ, ни завтра, ни даже черезъ часъ!

— Послушайте. Еще одно движеніе и я крикну... Сторожа!.. Слышите... Она выпрямилась передъ нимъ съ сверкающимъ взглядомъ и вздрагивающими поздырями. Она была хороша теперь... Грудь ея высоко поднималась. Съ лица еще не сбѣжалъ яркій румянецъ гнѣва.

— Садитесь!.. повелительно указала она ему кресло. Я ждала отъ васъ другаго. Сознанія въ той подлой лжи, которой вы меня опутали! Я слезъ вашихъ хотѣла, а не такой страсти... Я бы вамъ простила, что вы мнѣ сдѣлали...

— Что я вамъ сдѣлалъ?

— Какъ, развѣ для васъ это еще вопросъ?

— Разумѣется вопросъ. Не ради ли васъ я поссорился со всѣми... Благодаря кому вы попали на сцену. Кто разрывался ради этого. Кто шелъ для васъ на сдѣлки со всевозможной сволочью, чтобы создать вамъ успѣхъ. Я рисковалъ ради васъ ангажементами. Я поставилъ условіемъ ваше поступленіе въ труппу... А для меня ангажементъ—все... Вѣдь кромѣ сцены я только въ шарманчики гожусь... Чѣмъ же вы мнѣ отплатили за все это... выразили свою благодарность... Не даромъ же я распинался!

— Чего же вы отъ меня хотите...

— Вы должны мнѣ быть благодарны...

Нина Борисовна закрыла себѣ глаза руками.

— Погодите... Дайте сказать мнѣ... Александръ Петровичъ, я вамъ готова простить все... Все—слышите?.. Я знаю, что вы жепаты... Зачѣмъ вы это скрыли отъ меня! Повторяю вамъ, прятаться, скрываться, любить воровски не стану. Слышите вы... Не терзайте вы меня... Я вамъ многимъ жертвую... Я знаю, что мою мать это убьетъ...

— Дитя! Вы сами не понимаете чего хотите... Любите вы меня или нѣтъ?

— Вы видите!

— Ну такъ прочь всякія иллюзіи, будемъ брать отъ жизни, что она дать можетъ. О нашихъ отношеніяхъ не узнаетъ никто, ни одна душа. Я буду у васъ бывать часто... Съ Досужевой разомъ кончить я не могу... Насъ не одно связало.

Нина Борисовна зашаталась. Она встала совсѣмъ какъ мертвая.

— Прощайте!

— Это ваше послѣднее слово? вскочилъ тотъ какъ ужаленный.

— Да, послѣднее... Я васъ испытывала. Мнѣ стыдно даже, что я могла говорить съ вами... Послѣднія сомнѣнія разсѣялись. Я вижу съ кѣмъ имѣю дѣло... Прощайте.

— Хорошо же... Помните это!

— О! Никогда не забуду! серьезно отвѣтила та. Развѣ подобные уроки забываютъ?

— Я создалъ васъ для сцены, я могу и уничтожить васъ на ней же.

— Дѣлайте что хотите, только уходите: совсѣмъ упавшимъ, утомленнымъ голосомъ проговорила она.

Она нарочно пѣшкомъ пошла домой.

— Ахъ, Кашинцевъ, Кашинцевъ! зачѣмъ силой не удержалъ онъ меня!.. Какая то пустота въ душѣ... Тяжело... Холодно все... Сцена? Да какъ нибудь дотяну—и къ моей милой старушкѣ... Одинъ онъ могъ бы меня спасти теперь, одинъ онъ. Пришла минута когда мнѣ нуженъ онъ. Я общала ему дать знатъ... А раньше—чего думала? Ни строки не послала... Хотъ бы заболѣть!

Х.

Тучки.

Черезъ день послѣ „Фауста“ Нина Борисовна опять получила, но въ этотъ разъ уже три вырѣзки изъ газетъ. Губернскіе писачки разошлись во всю; разнесли ее въ клочки. Ея успѣхъ въ партіи Гретхенъ объявили полною бездарностью, удивлялись наглости выступать съ такими ничтожными данными передъ публикой, когда то освиставшей даже Герстеръ, давали ей совѣтъ не слишкомъ полагаться на красивое личико и умѣние вести интригу, а поскорѣе занять на сценѣ подобающее мѣсто на вторыхъ роли, уступивъ первыя „нашей симпатичной и талантливой Е. А. Вабкиной...“ „Африканку“ еще начинали только репетировать, а рецензенты уже пророчили пѣвцу самое позорное фіаско. „Госпожа Раевская — Селика! Да есть ли что нибудь нелѣпнѣе этого. Артистка, которая съ грѣхомъ пополамъ могла бы занять ампуа кафе-шантанной дивы, покушается на твореніе Мейербера!.. И мы это терпимъ, мы допускаемъ такое поруганіе!..“

Она бросила читать дальше. Всюкозь замѣтила только гнусную фразу о своихъ отношеніяхъ къ Барсову... И сожгла эти газетные клочки. Глубокое сознаніе обиды уже лежало въ ея душѣ и безъ того; нѣсколько больше или нѣсколько меньше клеветали на нее — не все ли равно? Вѣдь гдѣ же найти защиты—нельзя самой обратиться къ печатному слову, раскрыть на тѣхъ же страницахъ свое сердце, сказать: вотъ я съ моими страданіями и увлеченіями, съ моими надеждами и разочарованіями. Не всегдадатамъ трактировъ было рѣшать, виновата она или нѣтъ.

И кто здѣсь пишетъ? Жалкій адвокатишка, чернающій свои свѣдѣнія изъ музыкальныхъ словарей и энциклопедій, неудавшійся чиновникъ, прогорѣвшій антрепренеръ, съ безмѣрнымъ самолюбіемъ, жолчный и злобный. свой же братъ артистъ — вотъ цѣпители и судьи!.. И ихъ слушаютъ, они дѣлаютъ общественное мнѣніе,—и это критика!.. Что же дѣлать, не разъ повторяла себѣ Нина Борисовна. Кто понимаетъ — тотъ не обратитъ вниманія на такія статьи. А кто же понимаетъ? Пониженіе вкуса повсюду страшное. Широкимъ моремъ разлившаяся пошлость и сцену захватила въ свои ру-

ки. Въ драмѣ — грубые эффекты, несестественныя положенія, богатство декорацій и умственное убожество авторовъ, въ оперѣ — безобразное выкрикиваніе, грохотаніе трубъ, отъ котораго допнули бы болѣе тонкія барабанныя перепопки. Составленіе оркестра съ пѣвцами — кто громче; эффектные копчики и сплошь профальшивленныя арии... Оперетка съ нагляднымъ осмѣяніемъ всего, падъ чѣмъ плакали, чему молились отцы и дѣды... Вотъ послѣдняя формация вкуса, вотъ чего требуетъ толпа, на чемъ она воспитываетъ молодія поколѣнія!.. Можно ли быть выше этого — вѣдь поешь для толпы, работаешь не для потомства, или для лучшаго времени, которое тебя не услышитъ. Счастливы писатели. Онъ можетъ пережить переходную эпоху. Когда вновь воскреснуть идеалы красоты, добра и правды — его произведенія отыщутся, займутъ свое мѣсто. Онъ не рабъ, не слуга настоящаго. Актеръ, пѣвецъ — о, это иное дѣло! Этихъ слушаютъ сегодня, забываютъ завтра. Они невольники, они должны служить вкусамъ своего господина, иначе онъ ихъ прогонитъ. Какъ бы дикіи и безобразны ни были эти вкусы — все равно. Отбрось цѣломудріе въ сторону — служи смѣ! Чувствуетъ тупоумный идиотъ, безсознательно чувствуетъ свое ничтожество передъ историческими и нравственными типами и хочетъ ихъ низвести, унижить — осмѣивай ихъ, пизводи въ его грязь, опонялай — и онъ станетъ аплодировать. Онъ что то слышалъ о сатиры, объ обличеніи — набрасывайся на кассировъ, интендантовъ, подрядчиковъ — и онъ будетъ рукоплескать гражданству. Онъ не понимаетъ людей, если у нихъ на лбу пѣтъ ярлыка — выставь этотъ ярлыкъ... Къ этому идетъ толпа, къ этому идетъ все больше и больше развивающаяся пошлость ума и души. Бывало, геніи руководили обществомъ. Теперь — общество ненавидитъ генія и цѣнитъ только наглость. Мѣщанинъ во дворянствѣ, лишь вчера узнавшій, что онъ всю жизнь говорилъ прозой — желаетъ приказывать, для него это новость, онъ торопится насладиться ею... И чѣмъ талантливѣе, чѣмъ образованнѣе артистъ, тѣмъ хуже...

Все эти мысли пробѣгали въ головѣ Нины Борисовны. Она ходила изъ угла въ уголь, думала, думала — не придумать исхода! Уйти, когда кончатся контракты... Куда же? Одной не устоять. Нужно опираться непременно о чью нибудь сильную руку... За границей развѣ лучше?... Слава Богу — посмотрѣлась и тамъ. Еще у насъ артистка можетъ не торговать собою, а тамъ если она отринетъ ухаживаніе директора, съ ней просто не заключать контракта, если она не приметъ сдѣланнаго дирижеромъ приглашенія на ужинъ послѣ спектакля, да еще кромѣ того сама же потомъ не заплатитъ за этотъ ужинъ — въ слѣдующій разъ онъ торжественно провалитъ ее. Есть у нея деньги — дѣло другое. Если у нея нѣтъ денегъ — она должна расплачиваться собою съ вліятельнымъ фельетонистомъ какого нибудь продажнаго листка. Она занимается клаку, она платитъ за право дебюта, за постановку оперы, гдѣ можетъ показать свой талантъ. Къ ней въ уборную разная финансовая мразь входитъ со шляпами на головѣ и съ хлыстомъ въ рукахъ, какъ въ свою конюшню. Когда она сдѣлаетъ себѣ имя — она можетъ мстить за себя. Она можетъ требовать съ директора что хочетъ, раззорять когда то покровительствовавшихъ ей жидовъ, интриговать противъ новыхъ талантовъ, чтобы сохранить свое положеніе, доставшееся такъ ужасно и такъ дорого... О, какъ нужна чья нибудь сильная рука, чье нибудь преданное сердце!.. Одной не выстоять, не выдержать! О, еслибы онъ былъ здѣсь!.. И Нина опять взяла портретъ Кашинцева. Думала ли она еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, что онъ будетъ ей такъ близокъ, такъ дорогъ, такъ необходимъ!..

Разумѣется, можно было бы бросить этотъ міръ, оставить сцену. Но Нина слишкомъ была артисткой для этого. Сцена именно создаетъ такіе типы... Чистая,

честная дѣвушка идетъ на сдѣлки съ совѣстью, со всемъ что и свято и дорого — ради успѣха, ради жизни, именно художественной, сценической. Разъ она вдохнула въ себя отравленный извѣстностью, самолюбіемъ, завистью — воздухъ кулѣсь, она заражена имъ навсегда. Ни интриги, ни несправедливость, ни преслѣдованія, ни признанія необходимости нравственныхъ уступокъ не заставятъ ее отступитъ отъ цѣли... Она, оставаясь одна, въ безсонныя ночи, будетъ плакать жгучими слезами отчаянія, станетъ биться головой объ стѣну, вспоминая противныя ласки, разочарованія, клеветы — и какъ раненая до развѣта измучится въ этой агоніи — а утромъ опять пойдетъ на репетицію и вечеромъ съ такимъ же жаднымъ нетерпѣніемъ будетъ ждать первыхъ аплодисментовъ своего властелина-публики. Въ Ниноѣ жило сознаніе силы, таланта. Она знала, что она можетъ сдѣлать, и чѣмъ грознѣе скопились темныя тучи, чѣмъ неизбежнѣе и ближе была буря, тѣмъ сильнѣе росло въ ней желаніе выстоять, пойти на все, на борьбу, на смерть пожалуй, но не уступить никому своего мѣста, жить и умереть въ этомъ отравленномъ воздухѣ кулѣсь, въ духотѣ уборныхъ, среди змѣйнаго пшѣбнаго клеветы, ропота зависти, громкихъ восклицаній лести. Артистка, хотя бы въ самомъ глубокомъ отчаяніи, — все таки не уйдетъ изъ за кулѣсь, чтобы и въ эти мгновенія ее окружали тѣ же пыльные, размалеванные холсты, тѣ же наруганные лица, чтобы она видѣла передъ собою море толпы, внимающей ей, слышала то вспыхивающее, то замирающее „браво!“ Въ сценѣ она не человѣкъ... Въ сценѣ — сонъ, на сценѣ — жизнь. Потрясетъ ли ее чувство и начнетъ она высказываться — остановится на полусловѣ, потому что на языкъ наверхулась фраза изъ такого то монолога, изъ такой то роли... Сразитъ ли ее ударъ — она упадетъ именно такъ, какъ упала бы, играя ту или другую пьесу. Она вся дѣлается преувеличенной, ходульной. Она столько чувствуетъ за другихъ, изображая разныхъ лица, что уже почти перестаетъ чувствовать за себя!.. Говорятъ, что курильщики опія нѣчто въ этомъ родѣ. Они тоже живутъ подъ вліяніемъ своего яда и прозябаютъ въ рѣдкія минуты трезвости. Имъ необходимо это искусственное возбужденіе, создающее вокругъ нихъ миражи... И ради этихъ миражей — все больше блѣднѣетъ передъ ними действительность... Отходить куда то далеко, далеко... Опрокинутое существованіе съ призрачными радостями и печалями продолжается до тѣхъ поръ, пока есть молодость, талантъ, сила... Потомъ наступаютъ какіе то потемки, захирѣлое, скучное существованіе, долгая агонія.

И все-таки Нина не отдала бы ни за что другое эту проклятую жизнь съ ея рѣдкими минутами счастья. Мареву сцены уже стало для нея дорого. Она — словно тѣ узники, которые стараются видѣть хоть сны, и жизнь ихъ проходитъ снами.

Чѣмъ больше Раевская всматривалась въ портретъ Кашинцева, тѣмъ менѣе себя понимала. Какъ прежде могла она не оцѣнить его, какъ могла оставаться равнодушной къ этому... этому честному человѣку! Именно! Онъ, сильный, преданный, съ этими энергичными глазами, искренній, — именно былъ тѣмъ человѣкомъ, какой ей нуженъ... Она долго всматривалась въ портретъ... И потомъ разомъ отбросила... Встала и прошлась по комнатамъ.

„И кулакъ и деньги есть!“ пришла ей въ голову фраза Крестовоздвиженскаго, — и дѣвушка вспыхнула...

— Какая я стала! Боже! Прежде и не думала, а теперь когда онъ мнѣ нуженъ... Кто тамъ?.. войдите...

Въ дверь стучали.

— А!.. Агуловъ... Вы ктати зашли... Я очень скучала все это время... Такая тоска!

— И я золь сегодня. Помилуйте, эта каналья Сла-

децкій заболѣлъ, и я долженъ въ „Африканкѣ“ пѣть двѣ партіи... Что за безобразіе! Изображай верховнаго жреца Враны за себя, и великаго инквизитора—за него. Чортъ знаетъ что такое. Устанешь какъ собака!..

— Вы откажитесь!

— А штрафъ въ полтораста рублей... У насъ на этотъ счетъ строго... Дама—та всегда можетъ заболѣть, ей повѣрятъ, а намъ грѣшнымъ—ни-ни. Сегодня же нѣмца-доктора пришлютъ... Я разъ дѣйствительно былъ боленъ... Мнѣ навязали тоже двѣ партіи. Такъ вѣдь съ постели подняли, заставили пѣть... А я къ вамъ, барышня. Вамъ то вотъ на „Африканку“ слѣдуетъ заболѣть.

— Почему это... Я люблю это и давно готовилась... Съ чего это я отказываться стану.

— Такъ... Заболѣйте-ко Нина Борисовна, право заболѣйте... Въ воздухѣ скверно пахнетъ... Сплетничать не хочу... А заболѣть вамъ слѣдуетъ... Намъ то ничего, пошникаютъ и чортъ съ ними... А васъ жаль...

— Да говорите толкомъ... Не мучьте меня... Вѣдь такъ хуже еще: намекнули и замолчали.

— У васъ что опять вышло съ Барсовымъ... Сегодня онъ все съ капельмейстеромъ нашимъ разносилъ васъ... А знаете—вѣдь этотъ лысый чортъ терпѣть васъ не можетъ...

— Да за что же? Ему то я чѣмъ мѣшаю?

— Ему вы не мѣшаете, а у Лолошки на дорогѣ встали.

— Какъ, и тутъ Лолошка?

— Лолошка, душа моя, всюду. Она и его, и Вениамина нашего завертѣла. Вы видѣли какъ онъ ей дирижируетъ? Вретъ она—онъ ее выручить... Голоса не хватить—такъ „пiano“ оркестръ поведетъ, что мышиный пискъ услышишь... Барсовъ ему сегодня каялся, что хлопоталъ за васъ. Я, говоритъ, въ ней ошибся. Какая это артистка, это барышня. И чѣмъ скорѣе ее долой, тѣмъ лучше...

— Ну, а директоръ нашъ... Вѣдь ему же невыгодно если меня провалить.

— Ему то выгоды чѣмъ кому.

— Я васъ не понимаю?

— Очень просто. Онъ тогда съ горяча подписалъ съ вами контрактъ на три тысячи за пять мѣсяцевъ... А теперь денегъ жаль... Вы въ контрактѣ то замѣтили пунктикъ: если же госпожа, такая то, успѣха имѣть не будетъ, то предоставляется ему, директору, или нарушить съ ней контрактъ, или заключить новый, на другихъ условіяхъ... Поняли... Вѣдь наша публика какая? Вѣдь опера для нея... Она и Лолошкой довольна, а Лолошка директору выгоднѣй... Провалитесь вы, онъ знаетъ, что у васъ денегъ нѣтъ, что вамъ ѣсть нечего, ну и посадить васъ на вторыя роли... Дѣло извѣстное... Онъ и то говоритъ: Раевскую пресса ругать стала... Это скверно.

— Да развѣ же онъ не понимаетъ, что такое Повиликинъ, и ему подобное?

— А откуда ему понимать то, позвольте спросить? Гдѣ онъ музыкальное то образованіе получилъ? Онъ отъ Лолошки въ восторгъ тогда пришелъ. Вы, говорить, поете какъ „госпожа Тамберликъ“ пѣла когда то. Вѣдь онъ, милая моя, и родился то въ управѣ благочивія и выросъ тамъ, а въ оперу то попалъ фугсомъ. Лансковъ задолжалъ ему,—онъ и взялъ у него театръ. Съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ. И то-де хорошо... Ужъ говорить, такъ говорить все... Мандель тоже противъ васъ... Заболѣйте, Нина Борисовна, вотъ какъ мнѣ васъ жаль! Коли бы вы обстрѣяны были—я ни слова. А то вѣдь у насъ какъ шикаютъ? до безобразія...

— Нѣтъ, знаете, я уже пойду лучше на все, будь что будетъ. Вѣдь не избѣжишь этого!.. Сегодня уйдешь отъ нихъ—завтра опять съ ними. Или сцену бросить,

или ужъ встрѣчать и вражду, и зависть... Все же я не вѣрю, чтобы публика такъ глупа была. Ну встрѣтятъ дурно, а проводятъ хорошо.

— Эхъ, не знаете вы нашихъ. Они вѣдь Герстеръ освистали... Да еще какъ важничали... Вотъ вамъ, говорятъ, и европейская знаменитость!.. А у насъ провалилась. А пѣла то она тогда лучше чѣмъ когда нибудь; говорятъ, вонъ за границую то ее на рукахъ носятъ. Если я васъ не убѣдилъ, значитъ только испортилъ дѣло. Такъ бы вы не думали и не волновались, а теперь мучиться станете... Вотъ что, Нина Борисовна. Нѣтъ ли у васъ жениха какого... хоть самаго завалищаго...

— Ну?

— Выходите за него замужъ... Все будетъ кому вступиться. Все страшнѣе всѣмъ этимъ!

— Не вы первый совѣтуете мнѣ это. Она принудила себя улыбнуться. Чтобъ и кулакъ былъ и деньги.

— Вотъ, вотъ!.. именно это! Такая ужъ судьба актрисы.

„Такъ вотъ какъ, значитъ Барсова угроза была недаромъ!.. думала Нина когда Акуловъ ушелъ... Такая подлость!.. Это значитъ готовятъ мнѣ провалъ... Посмотримъ... „Я васъ создалъ для сцены, я васъ и уничтожу!“

Что противъ нея работали и въ публикѣ, и въ печати, и за кулисами, для нея это не было тайной. Первые признаки популярности артистки—появленіе въ ея квартирѣ робкихъ молодыхъ людей, вовсе ей неизвѣстныхъ, которые, являясь, краснѣя, садятся на кончикъ стула, жмутся и наконецъ разрѣшаются просьбой дать имъ фотографическую карточку. Не то, чтобы имъ фотографія пужна была, се и купить можно, но это все влюбленные, они хотятъ увидать артистку вблизи, услышать отъ нея нѣсколько ласковыхъ словъ, унести съ собою ея подпись какъ драгоценность. Были такіе, которые покрывали поцѣлуйми такой напимѣръ автографъ какъ „Илена Вапкина“, развязно подписываемый на своихъ карточкахъ тою же Лолошкой. Посѣщенія такого рода—термометръ успѣха, и этотъ термометръ сильно упалъ за послѣдніе дни. Со времени появленія первой замѣтки въ газетахъ, никто не приходилъ къ Раевской. Но вотъ судьба точно сжалилась. Не успѣлъ уйти Акуловъ, какъ Маша доложила, что двое „какихъ то“ желаютъ ее видѣть. „Какими то“ Маша называла тѣхъ, которые не догадывались всунуть ей въ руку рублевую бумажку.

— Кто такіе?

— Цивильные... Что за натретами шлюются...

Маша всѣхъ посѣтителей дѣлила на два сорта: на дающихъ на чай и щиплющихъ ее за подбородокъ, и недающихъ. Послѣдніе, и въ ихъ числѣ любители карточекъ, не пользовались ея расположеніемъ.

— Проси!

Явилось дѣйствительно два пренахальныхъ хама въ въ смазныхъ сапогахъ и шитыхъ рубахахъ.

„Нѣтъ, это не за карточками“, рѣшила Нина Борисовна.

— Закурить позволите?.. и не ожидая ея согласія, они запалили папироски.

— Васъ ошкять собираются! безцеремонно объяснилъ одинъ. Вотъ намъ даже ложу прислали—видите... и онъ ей показалъ билетъ. А мы за васъ... и онъ нагло уставился на нее.

— Только мы люди бѣдные... Мы такъ не можемъ, замѣтилъ другой.

— Чего же вы хотите?

Нина еще была очень неопытна и подобный типъ попался ей впервые. Она пристально разглядывала посѣтителей, что очевидно ихъ вовсе не смущало.

— Этимъ дѣломъ орудуетъ барсовскій молодецъ. Жидокъ такой есть здѣсь... У него ужъ семь ложъ. Одну

Въ церкви. Карт. Р. Бейшлага, грав. Кнезингъ. Библиотека "Руниверс"

вотъ намъ далъ. Но если вы дадите намъ за семь ложъ... Да сколько нибудь еще...

— Да неужели же кто нибудь къ такимъ средствамъ прибѣгаетъ?

Молодецъ выучилъ глаза на нее, переглянулся съ товарищемъ и весьма развязно расхохотался.

— Да вы откуда... Помилуйте... Постоянно... Дѣло

это извѣстное... Изъ за чего же горло драть—помилуйте.

— Ну... я вамъ благодарна за участіе... Но принять предложенія не могу... Простите... И она всгала... До свиданія, господа.

— Смотрите не пожалѣйте!.. заговорилъ было въ дверяхъ пощѣтитель.

(До слѣд. №).

Оригиналъ.

Разсказъ Н. В. Успенскаго.

Зимнія сумерки спускались надъ торговымъ селомъ Афонасьевымъ, когда въ отворенныя ворота мѣстной гостинницы вѣхалъ объемистый возокъ, принадлежавшій извѣстному богатому землевладельцу Титу Семенову Кафлину. Стоявшій у крыльца хозяинъ, одѣтый въ калмыцкій подшубокъ, торопливо отворилъ дверь экипажа и, раскланиваясь съ прѣблжкимъ, проговорилъ:

— Давненько вы у насъ, сударь, не были... а мы, признаться, безъ васъ соскучились. Должнѣ на подуставокъ извольте проѣзжать?

— Хочу побывать въ Бѣлокаменной.

— Не худое дѣло!

— Что, у тебя теплая комната есть?

— Какъ не быть, Титъ Семеновъ... вѣдь я недавно весь домъ заново перестроилъ... У меня теперь есть особенное отдѣленіе для благородныхъ лицъ, какъ есть, надъ самой пекарней... Тепльшъ вотъ кака! — хогъ нарся! Очень вольготно для вашего сословія... пожалуйте!..

Хозяинъ привелъ прѣблжата въ просторную комнату, надъ которой красовалась надпись: „въ хогъ въ дворянскую залу“. Стѣны этого помѣшенія были расписаны смѣло кистью какою-то сельскаго художника.

— Славно, братецъ, ты отдѣлалъ померал снимая съ себя медвѣжью шубу, замѣтилъ баринъ.

— Нарочно постарался, ваше благородіе, чтобы люди не смѣялись, да и господамъ прѣблжющимъ захогѣлось сдѣлать удовольствіе...

— Право, славно! Это, братецъ мой, что за картина? спросилъ Кафлинъ, указывая на лодку съ гребцами, подъ которой плавали чудовища въ видѣ змѣй, съ разинутой пастью.

— Эфто приставленъ Ермакъ, покоритель Сибиря... А вотъ не угодно ли взглянуть еще на одну картину... Недавно я купилъ у разношника.

Баринъ подошелъ къ картинѣ и прочиталъ такое объясненіе: „Бояринъ Орша внезапно застаегъ свою родную дочь въ объятіяхъ земной компаніи саваннъ рабомъ такъ какъ онъ дѣлннвозможности были влюбленъ про между собою. И за то ея родители положили такому наказанію, чтобы уморить ее въ страшной тизнице голодомъ. И такъ было зделано. То молодая боярыня черезъ 28 дней оставила прахъ своихъ костей. Араба своего: то есть ея любезно влюбленаго по суду гордаго боярина опредѣлено придать смертной казни; и вотъ что бываетъ за любви: еще певниныхъ людей!“

— Хорошая картина! вдругъ послышался хриплый басъ за ширмами.

— Кто это тутъ? обратившись къ хозяину, спросилъ баринъ.

— Прѣблжатель... изъ кучечества... Онъ васъ не пощѣтитъ... второе дѣло, онъ человекъ не буйственный... Вамъ еще веселѣ съ нимъ будетъ...

Хозяинъ не ошибся. Конецъ оказался не только не буйственнымъ человекомъ, но и пріятнымъ собесѣдникомъ. Это былъ рослый мужчина, лѣтъ 45, съ рѣдѣющей бородкой, тусклыми карими глазами и едва замѣсной лысиной на затылкѣ. Его костюмъ состоялъ изъ ситцевой, пунцовой рубахи, вытѣгнувшей изъ подъ суконнаго жилета, и плюсовыхъ шталовъ, зауженныхъ въ ярко блестящія, дутые сапоги. Звали его Петромъ Спиридоновичемъ Индовскимъ.

Оставшись вдвоемъ, путники устѣлись за самоваръ, продолжая рѣчь о бояринѣ Оршѣ; загѣтъ, мало-по-малу, перешли къ наболѣвшимъ вопросамъ по сельскому хозяйству, при чемъ обнаружилось, что Индовскій собственнo не былъ купцомъ, въ общепринятомъ смыслѣ, а его скорѣе можно было назвать однимъ изъ „новыхъ помѣщиковъ“, ибо онъ жилъ въ селѣ, въ своемъ благопріобрѣтенномъ имѣніи (вълѣдствіе долговъ перешеденномъ на имя жены) и занимался исключительно агрономіей.

— Да, государь мой, благодарю Бога: всего у меня довольно, разсказывалъ Петръ Спиридоновичъ, подливая въ чай коньяку: есть у меня около 400 десятинъ земли, превосходная пашка, нѣсколько фруктовыхъ садовъ, крахмальный заводъ... Не смотря на то, говорю вамъ откровенно, я самый несчастный человекъ... Не буду таиться: сокрушила меня жена и дочь...

— Въ самомъ дѣлѣ? возразилъ Кафлинъ, закуривая сигару.

— Богъ свидѣтель! Надо вамъ сказать, что супруга моя престранная женщина: она ничѣмъ никогда не бываетъ довольна... Вотъ купи ей сейчасъ цѣлое имѣніе, она и словечка не вымол-

витъ, только будетъ хмуриться... Наконецъ того, доложу вамъ, она меня порядкомъ не долюбиваегъ... за что, и самъ не знаю...

— Плохо! замѣтилъ баринъ: но можетъ быть, ей кто нибудь другой нравится?

— Объ этомъ я доложу вамъ послѣ... Теперь же скажу, что у ней издавна была страсть въ молодымъ людямъ, все больше къ ученому сословію... Напримѣръ, вдругъ скажетъ такого рода новость: „Слушай! (она меня никогда не называетъ по имени) Говорятъ въ село Буераки прѣблжалъ интересный студентъ... Съѣзди и привези его сюда... а завтра отправившись въ городъ за другимъ...“

— Ну, что же вы?..

— Натурально, безпрекословно повинуюсь... потому, иначе она мнѣ житья не дастъ... Однимъ словомъ, скажу вамъ, я у ней самый безотвѣтный и покорный рабъ, а она моя владытельница... Чего только она со мною не проделываегъ? Иногда заставитъ сидѣть ночью у окна и глядѣть, куда идутъ тучи? (она боится грозы) а сама спрячетъ голову подъ подушку и лежитъ въ постели. Однажды она меня и спросила:

— Слушай! Тучи прошли?

— Прошли...

— Такъ можешь ложиться...

— И я повалился, какъ снопъ. Вдругъ, сударь мой, откуда не возьмись, грянулъ такой громъ, что все стекла задребезжали... Я такъ и загреся: ужъ не грозы испугался, а жены... И точно, по утру была со мной расправа: сиди я за чаемъ, жена подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „такъ-то ты сѣлннн за тучами? Вотъ же тебѣ за это!“ да со всего розмаху... Пошмаегъ?..

— Ум... Теперь я вижу, что вы дѣйствительно несчастный человекъ... Извиняте за нескромный вопросъ: почему ваша супруга лнтаегъ страсть именно къ студентамъ?

— А вотъ, милостивый государь, по какой причинѣ: они, извольте видѣть, люди полированные, могутъ разсуждать о разныхъ ученыхъ матеріяхъ, къ примѣру, есть ли на звѣздахъ жители и т. п. Супруга моя очень любитъ такіе разговоры.

— Она выког изъ студентговъ не полюбила?

— Точно, нѣкоторые ей нравились, по чтобы влюбиться въ кого такъ, какъ дочь боярина Орши въ своего раба, этого не было... За то, сударь мой, навернулся одинъ господинъ, въ котораго, какъ бы стоворившись, сразу втюрился и мамаша, и дочка...

— Кто же этотъ господинъ?

— Доподлинно не могу вамъ объяснить; знаю только, что онъ ннгда не служилъ, что у него не было ни кола, ни двора, и чѣмъ существовалъ, одинъ Богъ вѣдаегъ; но былъ очень красивый, веселый и остроумный мужчина, лѣтъ 32. Звали его Гешадій Николаичъ Уткинъ, по прозванію Оригиналъ. Дали ему эту кличку за то, что онъ не входилъ на обыкновенныхъ людей: все въ немъ было, какъ бы сказать, причудливо, начиная съ костюма и кончая каждой выходкой, каждымъ словомъ. Онъ много странствовалъ; говорятъ, даже былъ заграницей, много читалъ, зналъ иностранные языки. Когда начнегъ что нибудь читать или разсказывать—заслушаснесь! мастерски игралъ на скрипкѣ и считался однимъ изъ лучшихъ танцоровъ. Умѣлъ смѣннн до упаду; лучше его никто не могъ представить кого нибудь или раскритиковать... словомъ сказать, въ компаніи это былъ золотой человекъ; по характера былъ самаго непереносимаго: сколько разъ являлся въ нашъ домъ то фрагтомъ, то чуть не нищимъ, въ посконной рубахѣ и армякѣ; то проклиналъ города и восхвалялъ избушки на курьихъ ножкахъ, а то принимался бранить деревню и постоянно проповѣдывалъ какую то свободную любовь... Вотъ въ этого-то молодца и влюбилась моя супруга и дочь...

— Что же, Уткинъ отвѣчалъ которой нибудь изъ нихъ взаимностью?

— Онъ полюбилъ мою дочь... звали ее Лизой, царство ей небесное! Ей было тогда всего 17 лѣтъ...

Разскащнвъ вздохнулъ и въ раздумьи началъ наливать себѣ въ чашку коньяку.

— Такъ ваша дочь скончаласъ? спросилъ Кафлинъ.

— Померла отъ чахотки.

— Она не вышла замужъ за Оригинала?

— Извольте послушать, какъ было дѣло. Разъ, на самый Свѣтлый день Уткинъ вдругъ объявляегъ намъ:

— Я люблю вашу дочь и желаю вступить съ ней въ законный бракъ... Благословите!

Я засмѣлся. Говорю:

— Въ своемъ ли ты умѣ, Геннадій Николаичъ? Не ты ли самъ всегда возставалъ противъ брака?

— Миѣ хочется угодить Елизаветѣ Петровна... она желаетъ обвѣнчаться со мной...

— Но подумай же ты, чѣмъ и какъ вы будете жить съ женою? Вѣдь у васъ могутъ быть дѣти... Своего состоянія у тебя ни снѣ-пероха цѣтъ, служить ты не можешь и не хочешь, да тебя, пожалуй, и не примутъ нигуда...

— А развѣ безъ службы обойтись нельзя? Есть много другихъ средствъ къ существованію...

Въ это время сурруга моя вкочила съ своего мѣста и не своимъ голосомъ закричала на Уткина:

— Говори, ты честный человѣкъ, или пѣтъ?

— Разумѣется, честный.

— Врешь... Если бы у тебя была совѣсть, ты не сталъ бы увлекать невинную дѣвочку... Скажи на милость, какая она можетъ быть тебѣ жена?.. вѣдь ты годишься ей въ дядюшки... Ей только минуло 17 лѣтъ, а ужъ тебѣ—32 года... Ей будетъ 25 лѣтъ, а тебѣ—40, ей будетъ 35 лѣтъ, а тебѣ 50... Она будетъ въ самой порѣ, какъ пышный цвѣтокъ, а ты и мышей не будешь топтать... Ты бы искалъ себѣ ровню...

— Полина Михайловна, сказала Уткинъ: одинъ англійскій ученый совѣтуетъ мужчинамъ жениться на молодыхъ дѣвушкахъ не раньше 40...

Полина ничего не могла говорить. Съ ней сдѣлался истерическій припадокъ, и мы отнесли ее въ спальню. Тотчасъ же я послалъ за докторомъ, потому жена расхворалась не на шутку; съ ней приключилось что-то въ родѣ горячки и она въ забытій все твердила: „вамъ вѣнецъ, а миѣ конецъ“.

Послѣ визита доктора больной стало лучше и она позвала къ себѣ дочь.

— Лиза, сказала она: правда что ты любишь Геннадія?

— Правда, мамаша.

— И тебѣ не стыдно увлечься такимъ вертопрахомъ?

— Какой же онъ вертопрахъ? Не вы ли сами всегда расхваливали его и говорили: „вотъ это — мужчина! настоящий бодомъ“.

— Какъ будто я не могла ошибаться... странное дѣло! Но теперь я вполнѣ убѣдилась, что онъ низкій и безсовѣстный человѣкъ: онъ притворился, что любить тебя... Повѣрь миѣ, ему просто хочется завладѣть твоимъ приданымъ, потому онъ знаетъ, что ты богата... Помни однако, что если ты рѣшишься выйти за него, а тебѣ желѣзнаго гроша не дамъ... Наконецъ, я убѣждена, что онъ тебя броситъ, и тогда ты не смѣй ко миѣ показываться на глаза...

— Я все-таки за него пойду, мамаша... Не лишайте меня счастья...

— Глухая ты!.. Говоришь, сама не зная чгд... Ну, можешь ли ты быть счастлива съ этимъ вѣтрономъ? А вотъ тебѣ мой материнскій совѣтъ: подожди, пока тебѣ исполнится 21 годъ... Ты теперь еще не въ полномъ разумѣ... ты слишкомъ молода... Потерпи года три-четыре... а Геннадію и откажу отъ дома...

— Пѣтъ, мамаша, миѣ не перенести этого...

— Можеть быть, тебѣ понравится ктонибудь изъ студентовъ...

— Кромѣ Геннадія Николаича никого другаго я не могу любить...

— Скажи пожалуйста, чѣмъ онъ тебя такъ обворожилъ?

— Я знаю только одно, что онъ для меня все... Каждый разъ, какъ я просыпаюсь, первое — что миѣ приходитъ въ голову, это мысль объ немъ... миѣ даже всегда казалось страннымъ, чтобы Геннадій Николаичъ сталъ когданибудь постороннимъ для меня человѣкомъ...

— А давно ты завела съ нимъ шапки?

— Въ прошлую осень онъ назначилъ миѣ свиданіе...

— Ты пришла къ нему?

— Пришла... и сказала, что люблю его...

— Гдѣ это было?

— За садомъ... около пруда...

— Какая безсовѣстность!.. Такъ ты рѣшилась совѣмъ выйти за Геннадія?

— Да, мамаша...

— Значить, все кончено... Послѣ этого объявляю тебѣ, что ты миѣ болѣе не дочь, а я тебѣ не мать... Послушай, обратилась сурруга ко миѣ: распорядись поскорѣ свадьбой и сдѣлай такъ, чтобы молодые прямо послѣ вѣнца вѣхали себѣ на всѣ четыре стороны...

И послалъ за причетниками и велѣлъ писать обыскъ. Уморительная была исторія, когда отецъ діаконъ взялъ документы Оригиннала и сталъ читать его аттестатъ: онъ походилъ на какое-то житіе съ разными выгарадами... „Предъявитель сего такой-то... чина не имѣетъ. Никакого имущества за нимъ не состоитъ. Въ походахъ противъ непріятели не былъ. Не окончивъ курса наукъ въ N...ской гимназіи уволенъ для поступленія въ мѣдику; по увольненіи изъ оной, не окончивъ курса, перешелъ въ университетъ; а по увольненіи изъ онаго, также не окончивъ курса, поступилъ въ лѣсной институтъ...“ и т. д.

На Красную горку влюбленныхъ обвѣнчали, и они послѣ закуски отправились въ Москву. Жена моя не приказала имъ писать къ ней ни строки. Она даже не вышла и проводить ихъ,

только взглянула въ окно, когда экипажъ тронулся... Оригинналъ, обнявъ свою жену, долго махалъ шляпою и платкомъ...

Прошло болѣе года. О вашихъ молодыхъ не было ни слуху, ни духу. Полина начала скучать... Пѣтъ-пѣтъ да и проговорится:

— Хотѣ бы отъ когонибудь узнать, жива ли Лиза?.. Не затиранилъ ли ее зототъ вампиръ... впротемъ, вѣришь всего, онъ ее бросилъ и она скитается по чужимъ угламъ...

Однажды, осеннимъ вечеромъ, сижу я въ кабинетѣ, составляю смѣты по имѣнію, горничная докладываетъ миѣ:

— Васъ спрашиваетъ какая-то барыня.

Выхожу въ залъ, смотрю, стоитъ дама, закрытая вуалю, съ сакъ-воижемъ въ рукѣ.

— Что вамъ угодно, сударыня?

— Папаша, вы меня не узнаете?

— Ты ли это, Лизочка? вскрикнулъ я: что-же ты не раздѣ-вашейся?

— Боюсь, мамаша меня не приметъ...

— Эхъ, глупенькая!.. Ты не знаешь, какъ мать страдаетъ по тебѣ...

Вдругъ вошла Полина.

— Это откуда? сурово спросила она дочь.

— Изъ Москвы, мамаша...

— Ну, что, обратилась жена ко миѣ: ошиблась я? Я давно знала, что онъ ее броситъ... Мое предсказаніе оправдалось...

— Меня мужъ не бросилъ, сказала дочь: онъ только отпустилъ меня погостить къ вамъ.

— Неправда! Вздоръ! тебѣ стыдно сознаться...

— Увѣрю васъ, что я мужемъ счастлива... онъ очень хороший человѣкъ... Недаромъ вы его когда-то хвалили... Но я была бы гораздо счастливѣе, если бы вы на меня не гнѣвались...

Полина подумала, затѣлъ улыбулась и сказала дочери:

— Ну, давай хоть повидаемся... видно, такъ и быть... Богъ тебя проститъ...

Мать съ дочерью поцѣловались. Я былъ вѣ себя отъ радости. Лиза прогостила у насъ недѣли три. Около Покрова ей Богъ послалъ сынка... Полина такъ обрадовалась своему внучку, что и на Оригиннала перестала сердиться. Она приказала миѣ извѣстить его телеграммой о рожденіи сына и даже позволила ему прѣхать къ намъ въ домъ. Оригиналъ, съ своей стороны, не заставилъ себя долго ждать... На другой же день онъ явился къ намъ и, представьте, въ какомъ видѣ: пальто изорвано, самъ весь въ илы и одна щека подбита... Говорю ему:

— Это что съ тобой?

— Да сейчасъ изъ вагона выброшенъ на полномъ ходу... Жаль только, что второпяхъ не принялъ въ расчетъ центробѣжной силы... Она отнесла меня сажени на двѣ въ сторону и я, вмѣсто того, чтобы попасть въ песокъ, очутился въ глубокой канавѣ...

— Нельзя же иначе... потому оригиналъ... Ты бы доѣхалъ до станціи и оттуда нанялъ лошадей.

— Да захотѣлось поскорѣ увидать сына.

Причудамъ моего зятя не было конца. когда онъ увидалъ своего ребенка, лишь только поздоровался съ женой (она лежала въ постели), сейчасъ же и поднялъ гвалтъ:

— Это съ какой стати спеленали мальчика? Хотите его уродомъ сдѣлать? А колыбель для чего? Отъ качанья онъ можетъ быть идотомъ...

И пошелъ куролесить... Даже Лиза не вытерпѣла и сказала:

— Что ты съ ума чтоль сошолъ?.. Какъ-же часть-то всѣхъ качали и спеленали?

— Вы, сударыня, въ дѣлѣ воспитанія дѣтей ничего не понимаете... Вы хотите, чтобы изъ нашего сына вышелъ Митрофанушка? Пѣтъ, я не донупу этого...

Вдругъ ребенокъ заплакалъ. Оригиналъ спрашиваетъ жену:

— Давно ты кормила его?

— Минуть пять тому назадъ...

— Такъ пусть кричитъ...

Мы всѣ такъ и остолбенѣли... Думаемъ себѣ: „что это: шутка или ужъ прямое сумасшествіе?“ А между тѣмъ ребенокъ все плачетъ. Полина говоритъ Оригинулу:

— Безбожникъ ты, безбожникъ... За что ты мучишь ангела небеснаго... вѣдь у него можетъ повредиться чтонибудь...

— Не беспокойтесь, Полина Михайловна... ничего не можетъ повредиться... на зототъ счетъ природой все предусмотрѣно... Повѣрьте, что я моего сына люблю гораздо болѣе, чѣмъ вы, и потому отъ всей души желаю ему добра...

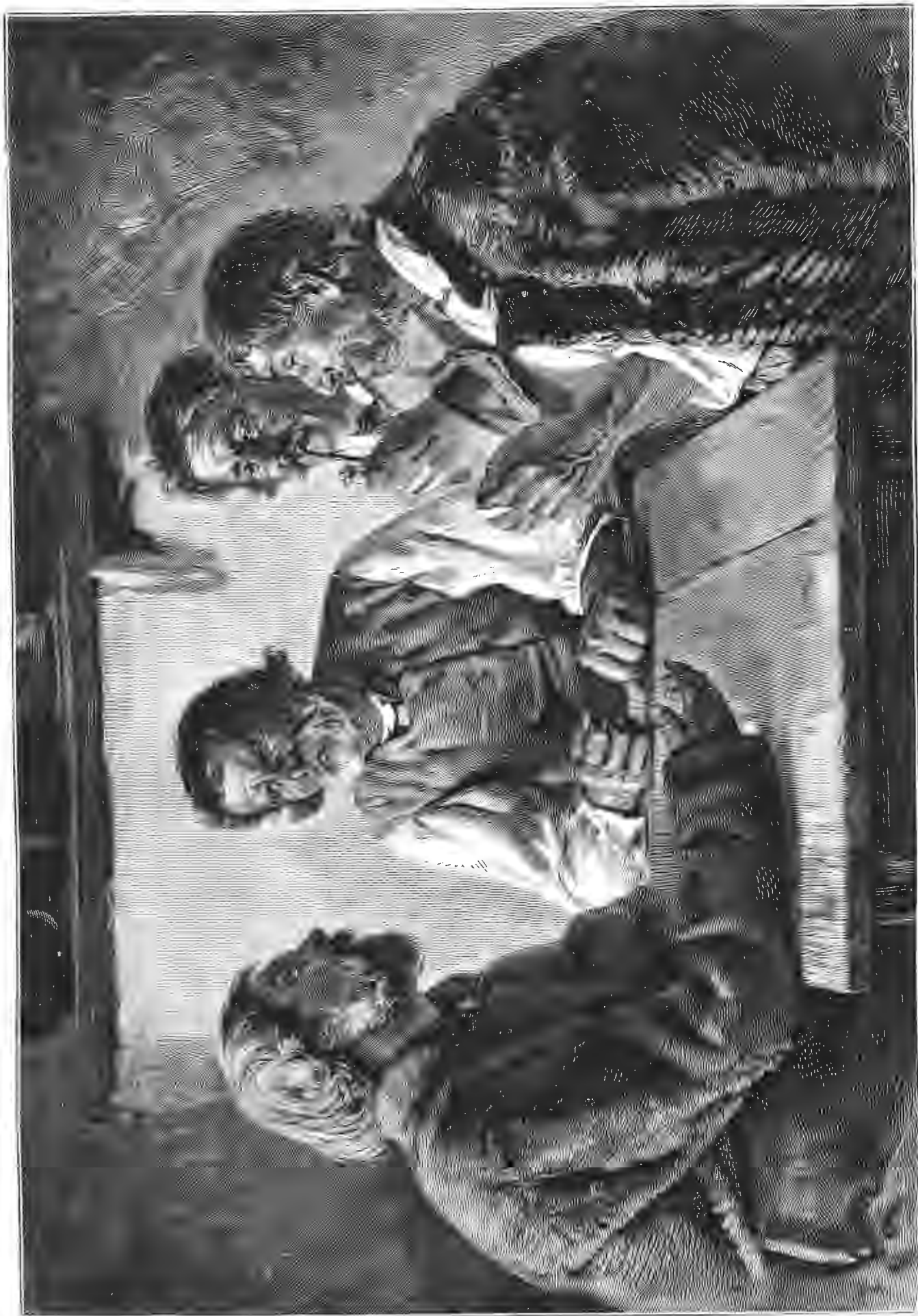
— Да развѣ это добро, тирашь ты этакій! Пѣтъ, я болѣе не могу выносить подобныхъ истязаній...

Сказавши эти слова, жена хлопнула дверью и ушла въ свою комнату. Наступила ночь. Оригиналъ не унимался... Всякому извѣстно, что грудныя дѣти очень часто просыпаются ночью, а нѣкоторые даже любить, чтобы ихъ въ это время забавляли. И разумѣется, ни одна мать не вытерпитъ, чтобы не податься на вопль ребенка. Вообразите же себѣ, какую нулю отлить Оригиналъ: онъ не только не велѣлъ зажигать свѣчки, когда ребенокъ заплачетъ, но даже и подходитъ къ нему: а женѣ своей онъ объяснилъ эту выходку такъ:

— Ночью всѣмъ нуженъ покой, а тебѣ — особенно... „Совѣсть есть хозяйка на жизненномъ пиру...“ сказалъ одинъ англійскій сочинитель...

ХІІІ передвижная выставка. „Учитель танцевъ“, Нарт. Вл. Е. Маковского. По фотогр. Якобія грав. Ю. Барановскій.

XIII передвижная выставка „Малороссы у стола“ - Карт. Вл. Е. Маковского. По фотогр. Якобия, грав. Ю. Барановский.

Хорошо, сударь мой... Полина сидитъ въ спальнѣ и слушаетъ, какъ издѣвается отецъ надъ сыномъ, потомъ вдругъ объявляетъ мнѣ:

— Знаешь, что? Я хочу подать прошеніе мировому...

— Но вѣдь Геннадій законный отецъ, говорю я.

— Пускай! Все-таки онъ не имѣетъ права мучить своего ребенка... Слышишь... слышишь, какъ плачетъ несчастный младенецъ? Сядишь и сейчасъ ниши прошеніе... Ты такъ сочини: „Сего 18. года, Сентября... Не имѣючій чина и нигдѣ не служащій зять мой Геннадій Уткинъ, увидавъ своего поворожденнаго сына, какъ дикій звѣрь, набросился на него...“ и т. д.

Я вижу, дѣло принимаетъ крутой поворотъ, отправился къ зятю и говорю ему:

— Вотъ что, братъ: Полина хочетъ привлечь тебя къ законной отвѣтственности... Ты знаешь, она шутить не любитъ...

Оригиналь расхохотался. Потомъ взявъ со стола какую то книгу и говоритъ мнѣ:

— Передайте вашей супругѣ сочиненіе одного нѣмецкаго ученаго: пусть она узнаетъ, что пишутъ умные люди о воспитаніи дѣтей...

Я принесъ Полину книгу... забылъ ея названіе... не то „Желаю быть здоровымъ“, не то „Доброго здоровья...“

Жена бросила книгу на полъ и закричала:

— Знать не хочу никакихъ ученыхъ! всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ Оригиналломъ надо повѣсить на одну осину...

Прошло нѣсколько дней, Полина однако раздумала подавать прошеніе.

Что-жъ бы вы думали, сударь мой? вѣдь Оригиналль добился-таки своего: ребенокъ не только пересталъ кричать по ночамъ, но спалъ непробудно отъ зари до зари... И такой былъ, Господь съ нимъ, здоровенькій да угѣбный, что мы не могли радоваться на него... Но видно ужъ такъ угодно было Промыслу: сама мать, т. е. это Лиза, вдругъ такъ занемогла, что докторъ потерялъ всякую надежду на ея выздоровленіе.

Оригиналль сильно пріунылъ, да и было отъ чего: избави Богъ, умереть жена, что онъ будетъ дѣлать съ ребенкомъ? вѣдь онъ свяжетъ его по рукамъ — по ногамъ... близкихъ же родныхъ, которые бы взяли къ себѣ младенца, у моего зятя не было; ему ничего другаго не оставалось дѣлать, какъ покинуть сына у насъ... Мы съ женой такъ и предполагали, только она желала, чтобы мальчикъ былъ ей отданъ совсѣмъ, чтобы Оригиналль не смѣлъ предъявлять своихъ правъ на него...

Наступила весна. Лизѣ становилось все хуже и хуже; она таяла, какъ свѣча. На самую Троицу она попросила къ себѣ меня съ Полиной и едва слышно проговорила:

— Прощайте... Я скоро умру... Не откажитесь исполнить мою послѣднюю просьбу: не оставьте моего мальчика...

— Послушай, Лиза, сказала жена: если твой благовѣрный, послѣ твоей кончины, отдастъ мнѣ своего сына на правахъ усыновленія, то я воспитаю его и обезпечу. Въ противномъ-же случаѣ, я не дамъ ему ничего...

— Ну, благословите меня, прощентала больная и вскорѣ скончалась...

Полина приказала скорѣе готовиться къ похоронамъ: она боялась покойниковъ, какъ грозы. На другой же день Лизу отпѣли въ церкви и опустили въ могилу... Вѣчная ей память!

За обѣдомъ, когда причетники проѣли „Зряча мя безгласна“, Оригиналль вдругъ приподнялся и сказалъ рѣчь, которая всѣмъ очень понравилась... Я даже хотѣлъ списать ее, но въ хлопотахъ не успѣлъ и теперь не могу ее вспомнить; лишь кое что уцѣлѣло въ памяти. Дѣло въ томъ, что покойница, какъ говорилъ мой зять, не имѣла ровно никакихъ земныхъ сокровищъ, она даже не старалась и приобрѣтать ихъ, зато она стяжала не ветшающее богатство, у ней было много сокровищъ душевныхъ, она не искадила и не посрамила въ себѣ образъ и подобіе Божіе... Закончилъ онъ свою рѣчь такъ: она много любила, ей многое и отпустился...

Наравнѣ похоронъ сидимъ мы съ женой на балконѣ за чаемъ и ждемъ, что вотъ явится къ намъ Оригиналль и скажетъ:

— Полина Михайловна, позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой: замѣните моему сыну родную мать...

Ждемъ часъ и болѣе, зять не показывается. Полина спрашиваетъ горничную:

— Гдѣ Оригиналль?

— Они въ своей комнатѣ... собираются въ дорогу...

— А ребенокъ?..

— Они и его берутъ съ собою... совсѣмъ ужъ одѣли...

— Ахъ онъ разбойникъ! закричала жена и всплеснула руками.

Она не вытерпѣла, прибѣжала въ комнату зятя и спросила его:

— Отвѣчай, варваръ, какую такую пулю еще ты хочешь отпустить? Что ты дѣлаешь? Говори!

— Какъ видите, собираюсь въ путь...

— А Васю съ собой берешь?

— Непремѣнно...

— Да ты шутишь, или нѣтъ?

— Нисколько... Вы видите, мы ужъ съ нимъ снарядились совсѣмъ... Ждемъ подводу... Вчера я нанялъ мужичка...

— Злодѣй ты, злодѣй!.. Куда ты тащишь несчастнаго малютку? Кто будетъ ходить за нимъ?

— Конечно, я... вѣдь я ему не чужой...

— Отчего-жъ ты его у меня то не оставишь? Я тоже ему не чужая...

— Ну, это секретъ, Полина Михайловна...

— Отдай его, говорить тебѣ...

— Нѣтъ, судариня, я не разстанусь съ сыномъ... на мнѣ лежитъ священный долгъ отца—сдѣлать его человекомъ...

— Слушай! обратилась ко мнѣ супруга: съѣзди ты сейчасъ за урядникомъ... Пускай онъ этому асиду свяжетъ руки и отправитъ въ городъ...

Но Оригиналль ничего не боялся. Онъ завернулъ Васю въ одѣло, уѣхалъ съ нимъ въ простой, мужицкой телѣгѣ—жена не приказала давать ему лошадей—и отправился... Куда?... неизвѣстно... Съ Полиной, разумѣется, истерика... а я съ горя порядкомъ таки подвыпиалъ... Судите сами: въ одно и то же время мы линились и дочери, и внучка...

Прошло, сударь мой, цѣлыхъ шесть лѣтъ. Виродженіе всего этого времени Уткинъ не прислалъ намъ ни одного письма, и гдѣ проживалъ со своимъ сыномъ, одинъ Богъ знаетъ. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ, въ бытность свою въ Москвѣ, па-водили справки въ адресномъ столѣ, по его отмѣчали выбывшимъ... Только разъ ѣду я въ вагонѣ третьяго класса, слышу, дѣй чуйки разговариваютъ между собою о какомъ то овдовѣвшемъ баринѣ съ мальчикомъ:

— Куда отецъ, говорить одинъ изъ нихъ,—туда и сынъ: отецъ въ трактиръ и сынъ за нимъ... И удалой же баринъ... да и мальчикъ, мотри, шустрый такой... должно, весь въ отца...

Я подсѣлъ къ чуйкамъ и спрашиваю:

— Не Уткинъ ли фамилія этого барина?

— Такъ точно...

— Гдѣ онъ живетъ?

— Рязанской губерніи, Скопинскаго уѣзда, въ деревнѣ Еловой.

— Такъ мальчикъ живъ?

— Слава Богу... умный ребенокъ... онъ вмѣстѣ съ крестьянскими ребятами учится... потому господинъ Уткинъ нарочно для него открылъ училищу...

— Кто же учитъ дѣтей?

— Да, стало быть, самъ же Епнадей Николаичъ... Его ученые всѣ одобряютъ...

Онъ и пѣню учить подъ свою скринку... А ужъ играетъ какъ на ней—унеси ты мое горе!.. Одно слово росейскій баринъ...

Пріѣзжаю домой и все рассказываю Полину. Она приказала мнѣ немедленно ѣхать въ Еловую и просить Утына, чтобы онъ привезъ внучка къ ней. Отправляюсь, сударь мой, въ Рязанскую губернію, разыскиваю означенную деревню и наконецъ школу Утына. Это крестьянская девятиклассная изба—бывшее питейное заведеніе—съ широкимъ крыльцомъ, надъ которымъ прибита вывѣска „училище для дѣтей младшаго возраста“.

Съ замираніемъ сердца вступаю въ избу. Уткинъ сидитъ за столомъ и что-то пишетъ. Услыхавъ скрипъ двери, оглянулся и мнѣ весело проговорилъ:

— Добро пожаловать, Петръ Спиридонычъ; какъ это вы попали въ наши края?

— Изъ нарочнаго пріѣхалъ... Полина прислала узнать, какъ поживаетъ ея внучекъ?

— Благодарю за вниманіе... Вася здравствуетъ... Вы его теперь не узнаете: большой сталъ... Онъ скоро придетъ...

— А ты, братъ, попрямнее, все чудинь? Открылъ какую-то школу...

— Да вѣдь надо-же сына учить грамотѣ... Ему скоро семь лѣтъ... а одному ему учиться скучно...

— Ну, перестань вздоръ говорить... Ты вотъ что лучше сдѣлай: всю эту затыку брось да поѣдемъ къ намъ... Полина приказала тебѣ сказать, что она тебя прощаетъ и даже позволяетъ жить у ней... Скажу по секрету: она никогда не переставала любить тебя.

— Жалко, что не могу воспользоваться ея милостями...

— Это отчего? Опять причуды? Ну, поѣдемъ, ради Бога... Я самъ тебя прошу... Что касается Васи, то мы найдемъ ему учителя...

— А я-то что-же буду дѣлать?

— Какъ что дѣлать? Ну, просто живи себѣ бариномъ—и все тутъ... Старайся только не раздражать Полину... Она стала ужасно вспыльчива...

— Вотъ въ томъ-то вся и бѣда, что я не могу жить у нея на хлѣбахъ, да и Васю не желаю приучать къ праздной жизни... Посмотрите, какъ онъ у меня работаетъ... Приноситъ воду, дрова, мететъ полъ. Я радъ, что судьба послала мнѣ такое дѣло—воспитаніе сына.

— Скажи ради Бога, ну, какой ты учитель? Учини сына вмѣстѣ съ крестьянскими ребятами...

— Это-то и хорошо!.. Жаль, что насъ съ вами съ дѣтства оторвали отъ народа...

— Нѣтъ, братъ, что ни говори, а то-ли дѣло — отдать Васю въ какой нибудь благородный пансіонъ...

Уткинъ разразился смѣхомъ. Въ это время вошелъ кудравый мальчикъ съ черными глазами, одѣтый въ полушубокъ. Уткинъ взялъ его за руку, подвелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Позвольте вамъ представить моего сына, а вашего внуч-

ка... Вася, вот это твой дѣдушка, о которомъ я тебѣ рассказывала...

— Богатый-то? спросилъ мальчикъ...

— Да! который мамѣ твоей ничего не далъ...

— Зачѣмъ-же ты, Геннадій, внушаешь ребенку такіа мысли? сказалъ я: какой ты послѣ этого учитель? Не хорошо, братъ... Ну, здравствуй, Васенька! Вотъ тебѣ отъ меня красненькая бумажка... Она дорогая... ты ее спрячь и береги про черный день... а вотъ бабушка прислала тебѣ крестикъ... Онъ тоже дорогой... ты его не потеряй, смотри... Ну, чтожъ, ты молитвы знаешь?

— Знаю.

— Какія-же?

— Богородицу и Отче нашъ...

— Прекрасно... А молиться умѣешь? Ну-ко, перекрестись...

Мальчикъ перекрестился какъ слѣдуетъ, и я погляделъ его за это по головкѣ.

— Вотъ видите, какой молодецъ мой сынъ? сказалъ Уткинъ: а вы говорите, я плохой учитель... Послушали-бы вы, какъ онъ поетъ...

— Нѣтъ, любезный другъ, отвѣчалъ я: все таки мальчика надо непременно отдать въ благородный пансіонъ... Поѣдемъ же къ намъ, Геннадій... Утѣшь Полину...

— Не могу...

— Знаешь ли, что я тебѣ скажу? Если ты исполнишь желаніе Полины, очень можетъ быть, что она выдастъ внучку часть изъ своего имѣнія... понимаешь? Вѣдь мальчикъ-то будетъ счастливымъ...

— Едва ли имѣніе сдѣлаетъ его счастливымъ; скорѣе всего оно испортитъ его... будетъ паразитомъ...

Какъ я ни улаживалъ Уткина ѣхать со мной, стоитъ на своемъ.

— Коли кто, говоритъ, мужикъ—нечего ему въ барѣ лѣзть—только одна смѣхота да порча...

Я приказалъ подавать лошадей и отправился въ обратный путь. Думаю себѣ: вѣдь вотъ какіе чудачки бываютъ на свѣтѣ; и сами-то живутъ не по людски, и дѣтей своихъ лишаютъ счастья... Однако и мое дѣло плохо: какъ я теперь покажусь къ Полинѣ? Что ей скажу? Она увѣрена, что я приѣду вмѣстѣ съ Уткинымъ и внучкомъ...

По дорогѣ, въ городѣ я запродалъ одному куцу четвертей двѣсти овса; беру домой цѣлую охапку ассигнацій, но, признаться, и деньги не радуютъ... Подъѣзжаю къ дому, смотрю: Полина ждетъ уже меня, стоитъ около крыльца. Ну, говорю себѣ: намылить она мнѣ голову... Помяни, Господи, царя Давида... Вдругъ она подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Ну, что? Говори скорѣй!

— Позволь мнѣ хоть изъ экинажа то вылѣзть...

— Да говори-же наконецъ! Я тебя спрашиваю...

— Полина! Побойся Бога: я до смерти усталъ и голоденъ, дай хоть закуситься и духъ перевести.

Не дожидаясь горничной, жена сама подала мнѣ что-то на столѣ и даже водки поставила. Не успѣлъ я проглотить куска хлѣба, какъ она опять закричала на меня:

— Успѣешь набить мамонь-то свой... авось не умрешь... Рассказывай!

Я отодвинулъ отъ себя тарелку и принялся пить водку и рассказывать. Слушала она, слушала, потомъ подбоченилась и спросила съ извѣстной усмѣшкой:

— А хорошъ мальчикъ-то?

— Ужъ столъ хорошъ, что и словъ не нахожу... Какъ есть—херувимъ...

— Гмм... А я думала, отъ этого безобразнаго брака выйдетъ антихристъ...

Я сказалъ, что внучекъ молитвы знаетъ и умѣетъ креститься.

— Ну, значитъ, я ошиблась... Скажи мнѣ вотъ-что: самъ Геннадій измѣнился?

— Еще-бы! Ужъ сѣдѣть началъ...

— Ага! жизнь-то хоть кого продорожитъ, подхватила жена и хлопнула цѣлую рюмку водки—она пила съ солью. Такъ и сказалъ, что не поѣдетъ сюда?

— Не могу, говорить.

— Почему же наконецъ? Меня чтоль боится?

— Очень можетъ быть...

— А не обидѣлся хоть когданибудь пріѣхать?

— Нѣтъ...

Полина опять выпила, надѣла пальто, калоши и вышла изъ дому. Я отправился за ней, потому вижу, захандрила: не надо се оставлять одну. Спрашиваю:

— Куда ты, голубушка?

— Отстань отъ меня, слонъ астраханскій... Ты мнѣ надоѣлъ, какъ горькая рѣдька...

— Послушай, другъ милый! Я слышалъ, что въ городѣ пріѣхалъ одинъ интересный студентъ. Мнѣ хотѣлось развлечь жену.

— Поди ты къ чорту со своими студентами...

— По крайней мѣрѣ скажи, куда идешь?

Она ни слова... Такимъ-то, сударь, образомъ мы теперь и живемъ: встанемъ по утру, сейчасъ принимаемся за „Адамовы слезки...“ Вотъ и богатство есть, а счастьемъ не можемъ похвалиться... Однако пора и на покой, взглянувъ на часы, сказалъ Петръ Спиридонычъ: извините, что насучилъ вамъ своимъ разговоромъ... Покойной ночи...

— Гдѣ же теперь Уткинъ? спросилъ баринъ.

— Не могу вамъ объяснить. Знаю только, что Полина окончательно разгнѣвалась на него за то, что онъ недавно пріѣхалъ въ наше село къ священнику и просилъ его отслужить михиду на могилѣ своей жены, а къ намъ и не завернуть... Вотъ и бездомовникъ, а смотри какъ на насъ фыркаетъ...

Къ рисункамъ.

Роландъ въ битвѣ при Ронсевалѣ.

(Рис. на стр. 348 и 349).

Роландъ—любимый герой народныхъ сказаній въ средніе вѣка, вплоть до XVI вѣка оставался самымъ популярнымъ типомъ рыцаря, подвиги котораго то описывали въ романахъ, то воспѣвали въ поэмахъ писатели Франціи, Италіи и Испаніи. Самая замѣчательная изъ такихъ поэмъ—это „Неистовый Роландъ“, Ариосто, гдѣ итальянскій поэтъ, пользуясь народными преданіями, описалъ похождения своего героя въ самыхъ яркихъ и фантастическихъ картинахъ. Здѣсь Роландъ является могучимъ, ненормальнымъ рыцаремъ, обладателемъ чудесныхъ сокровищъ—рога Олифанта и страшнаго меча Дюрандали. Звукъ перваго былъ слышенъ на громадномъ разстояніи, по сказочному—за тридцать земель, а ударъ втораго разбивалъ даже скалы. Но ни страшный мечъ, ни чудесный рогъ не спасли Роланда отъ роковой гибели. По народному преданію, онъ погибъ въ битвѣ при Ронсевалѣ, сражаясь въ рядахъ войскъ своего дяди—Карла Великаго. Послѣдній тогда напрягалъ всѣ усилія, чтобы овладѣть Испаніей, и это ему уже почти удалось: онъ захватилъ всю неприятельскую страну, до самой Сарагоссы, резиденціи короля Марсилія. Марсилій, видя что дѣло его почти проиграно, заключилъ тогда тайный союзъ съ измѣнникомъ Генелуномъ и по его совѣту притворно покорился побѣдителю. Карлъ повѣрилъ покорности Марсилія и вывелъ свое главное войско изъ Испаніи, оставивъ въ ней лишь Роланда съ небольшимъ отрядомъ. Видя, что хитрость удалась, Марсилій и его союзники тотчасъ же напали на Роланда въ долинѣ Ронсевала и, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, начали истреблять одного за другимъ его храбрыхъ соратниковъ. Въ эту страшную, рѣшительную минуту Роландъ схватываетъ свой чудесный рогъ Олифанта и трубитъ въ него изо всѣхъ своихъ могучихъ силъ. Оглушительный звукъ раздается по долинѣ и летитъ далеко, далеко. Карлъ Великій слышитъ, что Роландъ зоветъ его на помощь, и сбѣгаетъ со своимъ войскомъ къ мѣсту битвы, но, увы, приходится сюда слишкомъ поздно. Онъ находитъ въ долинѣ Ронсевала лишь груды убитыхъ и между ни-

ми трупъ своего любимаго рыцаря—Роланда. Такъ повѣствуетъ легенда, но исторія говоритъ о Роландѣ довольно сухо и коротко. Эгингардъ, въ своей „жизни Карла Великаго“, рассказывая о пораженіи, понесенномъ частью арміи франковъ при Ронсевалѣ, прибавляетъ, что въ громадномъ количествѣ убитыхъ въ этомъ сраженіи, было нѣсколько знатныхъ лицъ и въ томъ числѣ Эгингардъ, Ансельмъ и Роландъ. Ни о подвигахъ, ни о доблестяхъ Роланда здѣсь не упоминается ни одного слова. Несомнѣнно лишь одно, что Роландъ палъ при Ронсевалѣ; но народная легенда не ограничилась этою доблестною смертью: она сдѣлала своего героя существомъ сверхъестественнымъ, обладателемъ необычной силы и энергіи. Его безчисленныя приключенія и побѣды передавались на разные лады и образовали цѣлый циклъ легендъ, собранныхъ потомъ вмѣстѣ и составившихъ знаменитую народную поэму „Пѣнь о Роландѣ.“ Имя Роланда стало знаменито и во Франціи, и въ Италіи, и даже дальше, въ Германіи. Разныя чудеса природы приписывались народомъ Роланду и окрещивались его именемъ. Такъ среди снѣжныхъ вершинъ Пиренеевъ до сихъ поръ одно мѣсто носить названіе „Brèche de Roland“ т. е. „проломъ Роланда“. По народному преданію, эта разщелина сдѣлана рыцаремъ передъ смертью ударомъ его чудеснаго меча Дюрандали. Завѣтный мечъ при этомъ ударѣ разбился на куски и такимъ образомъ не достался неприятелю. Близъ Руссильона народъ указываетъ впадину въ скалахъ, которую называютъ „шагомъ Роланда“. Въ Италіи въ Газѣ до сихъ поръ существуетъ башня Роланда и даже въ Германіи близъ Бонна именемъ Роланда названа одна изъ горныхъ вершинъ. Кромѣ того въ Гасконіи памяти Роланда посвящено множество скалъ и неперть, а въ Италіи имя его встрѣчается даже на стѣнахъ храмовъ, вмѣстѣ съ его изображеніемъ, и возбуждаетъ въ народѣ до сихъ поръ какое то сугубое, почтительное чувство.

Въ церкви.

(Рис. на стр. 353).

Прелестныя произведенія извѣстнаго германскаго художника

Бейшлага, часто имѣютъ предметомъ жапровайя сцены, относящаяся къ среднимъ вѣкамъ. Живописные костюмы того времени, бурная жизнь, разнообразіе событій—все это, естественно, привлекаетъ воображеніе художника. Въ картинахъ своихъ Бейшлагъ, минуя воинственную сторону и политическую жизнь того времени, переноситъ насъ въ сферу частной жизни горожанъ и гордыхъ обитателей замковъ и передаетъ удивительно полно и живо всѣ характерныя черты. Въ этой граціозной картинѣ прелестное личико малютки, котораго мать учитъ молиться, полно милого, павиваго, серьезнаго выраженія, и вмѣстѣ съ молодою матерью малютка составляетъ красивую, изящную группу.

Учитель танцевъ.

(Рис. на стр. 356).

Мы уже говорили какое обиліе произведеній Вл. Е. Маковского появилось на XIII передвижной выставкѣ, выказавъ все разнообразіе и выразительность его таланта. Картина, копія которой здѣсь представлена, отличается замѣчательною типичностью: начиная съ обстановки комнаты стараго московскаго дома и кончая каждымъ лицомъ сцены—все схвачено мѣтко и вѣрно. Фигура почтеннаго учителя, увлеченнаго своимъ дѣломъ, показывающаго граціознымъ движеніемъ какъ надо выступать и держать себя въ танцахъ, очень хороша и добродушна. Дѣти, выстроившіяся въ рядъ, съ длиннаго нескладнаго гимназиста до маленькой миловидной дѣвочки, старательно разставляющей толстыя ножки и выглядывающей изъ ряда, старый дѣдушка, пришедшій изъ кабинета полюбоваться на внучатъ, сидящій у входной двери со скрипкой бѣдный старичокъ—музыкантъ—все выполнено одинаково вѣрно и типично.

Малороссы у стола.

(Рис. на стр. 357).

Особенно много этюдовъ того же талантливаго художника, Вл. Е. Маковского, на XIII передвижной выставкѣ, посвящено Малороссіи. Мы уже представили въ прошломъ номерѣ копію одного изъ такихъ этюдовъ и настоящей отличается такой же выразительностью и такъ же хорошо изображаетъ медлительныхъ, задумчивыхъ жителей нашего юга, съ ихъ нетерпеливыми жестами и спокойнымъ выраженіемъ. Эти сидящіе у стола люди, такъ и видишь ихъ какъ они пойдутъ около своихъ воловъ, углубленные въ себя, флегматически покуривая трубочки и изрѣдка покрикивая на такихъ же медлительныхъ воловъ, тинущихся по родной степи, безконечно зеленѣющей кругомъ подъ чуднымъ голубымъ небомъ юга.

Муха.

(Рис. на этой страницѣ).

Фотографіи съ натуры, умѣло составленныя, могутъ представить большой интересъ, если выборъ предмета или лица удаченъ, какъ напр. въ настоящемъ случаѣ. Это премилая жапровайя картинка. Премиленькая дѣвочка отрывается отъ своего занятія, нѣсколько испуганная осой, тонкимъ голоскомъ пищавшей и летающей около нея и чуть ли не собирающейся ее укусить. Выраженіе личика очень мило и передано талантливымъ граверомъ прекрасно.

С.-Петербургское общество велосипедистовъ-любителей.

(Рис. на стр. 361).

С.-Петербургское общество велосипедистовъ служитъ центромъ сближенія любителей ѣзды на велосипедахъ, задается цѣлями содѣйствовать распространенію велосипеда, какъ удобнаго и пріятнаго средства передвиженія. Руководствуясь такого рода намѣреніями, общество устраиваетъ разные упраж-

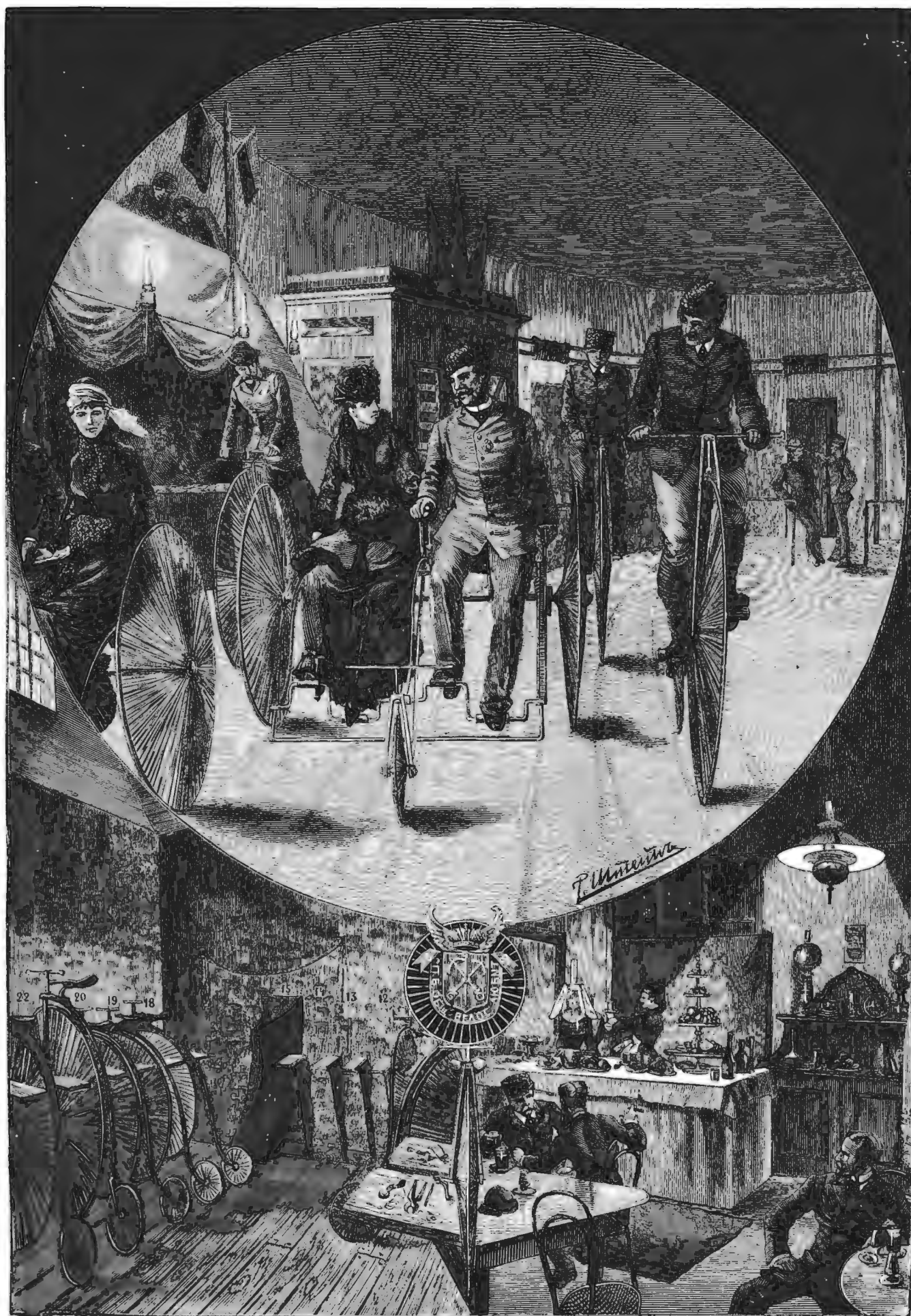
ненія и состязанія, въ столицѣ—въ особыхъ помѣщеніяхъ и огражденіяхъ, на окраинахъ—экскурсіи и гонки—безъ всякихъ огражденій. Какъ средства всякаго клуба—средства общества слагаются изъ членскихъ взносов, разныхъ пожертвованій и сборовъ съ устраиваемыхъ обществомъ концертовъ, танцевальныхъ вечеровъ, чтеній публичныхъ лекцій по вопросамъ относящимся до задачъ общества. Въ настоящее время общество насчитываетъ въ своемъ составѣ до 70 членовъ, въ числѣ которыхъ состоитъ почетнымъ и постояннымъ посѣтителемъ его высочество принцъ И. П. Ольденбургскій. Общество помѣщается въ зданіи панорамы Карса, но на лѣто проектируетъ намѣстачи гдѣ нибудь около Тучкова или Троицкаго моста, откуда удобнѣе отправляться на экскурсіи. Въ приближающееся лѣто обществомъ замышляются разные увеселительныя и интересныя состязанія, изъ которыхъ назовемъ имѣющій быть въ половинѣ мая бѣгъ на призы въ пользу Общества Краснаго Креста. Тутъ между прочимъ проектируется одинъ очень интересный померъ—состязаніе съ рысистою лошадию на дистанцію не менѣе 35 верстъ. Этому послѣдняго рода гонки дали слѣдующіе, интересные результаты въ Англии: лошадь Вагъ-дербъ-Бильдта—прошла англійскую милю = 1½ верстамъ въ 2 мин. 09 сек., а

двухколесный велосипедъ то же разстояніе—въ 2 мин. 39 сек.; 7½ верстъ „Лэди Магъ“ сдѣлала въ 13 мин., а г. Галльберъ въ 14 мин. 18 сек. Какіхъ результатовъ достигнуть наши велосипедисты въ такомъ интересномъ состязаніи—покажетъ время.

Какъ всякій клубъ—общество велосипедистовъ имѣетъ свои довольно строгія домашнія правила, сходныя съ установленіями National Cyclist въ Лондонѣ. Комитетъ общества обращаетъ особенное вниманіе на посѣщеніе собраній велосипедистовъ гостями, съ которыхъ пока никакой платы не берется. Постороннее лицо вводится по рекомендаціи членовъ общества и можетъ кататься въ залѣ не болѣе 3-хъ разъ, и затѣмъ, для продолженія своихъ посѣщеній, должно вступать въ члены общества. Плата съ г. членовъ—10 руб. единовременнаго взноса при поступленіи и 20 рублей—за годовую билетъ. Каждый кандидатъ рекомендуется не менѣе какъ двумя членами, причѣмъ въ число послѣднихъ могутъ поступать и дамы, для которыхъ имѣются *общественныя* велосипеды,—равно какъ и дѣти, которымъ только не предоставлено право голоса въ собраніяхъ общества. Цѣль общества, помимо развитія велосипеднаго спорта, распространяется и на техническую сторону дѣла, т. е. на улучшеніе типовъ велосипедовъ и введеніе ихъ отечественнаго производства. Вотъ основы давняго возникшаго въ Петербургѣ общества велосипедистовъ, которому можно пожелать всякаго преуспѣванія и успѣха.

Муха. Фотогр. съ натуры, гравир. О. Ротъ.

Клубъ велосипедистовъ на Екатерининскомъ каналѣ, въ СПБ. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.

Отъ Мерва до Герата.

(Карта на стр. 365).

Помѣщаемъ карту части средней Азии отъ Мерва до Герата, знакомство съ которой является необходимымъ въ виду послѣднихъ событий у границы Афганистана. Вотъ главнѣйшіе пункты изображенной нами мѣстности. Самымъ высшимъ пунктомъ на нашей картѣ является, теперь покорный намъ, Мервъ—древній городъ, оспаривающій у Балха титулъ „матери городовъ Азии“ и нѣкогда гордо величавшій себя „царемъ вселенной“. Между Мервомъ и Мешедомъ является крупнымъ пунктомъ нашей карты Серахсъ. Это персидскій укрѣпленный городъ, лежащій въ оазисѣ, который орошается и оплодотворяется водами Гери-руда, или Теджена, гератской рѣки. Къ западу отъ Серахса, на большое пространство, туркмены не имѣютъ городовъ, въ собственномъ смыслѣ слова, а только становища, на берегахъ рѣкъ, постоянныхъ или временныхъ, и источниковъ, вытекающихъ изъ разсѣлинь горъ. Съ укрѣпленія Бала-Мургабъ, расположеннаго на рѣкѣ Мургабъ, начинается Гератская область. Пропустивъ нѣсколько назначенныхъ пунктовъ, мы находимъ на нашей картѣ названіе, которое теперь у всѣхъ на устахъ—рѣка Кушкъ. Рѣка Кушкъ протекаетъ нѣсколькими рукавами. Нѣсколько селеній, носящихъ одно общее имя Кушкъ, тянутся на протяженіи пяти верстъ по обѣимъ сторонамъ долины, въ которой она протекаетъ. Сама долина имѣетъ ширины до четырехъ верстъ. Дно ея покрыто галькою. Ближайшая населенная мѣстность отъ Герата—это Кусанъ, которая до сихъ поръ лежитъ въ развалинахъ, разрушенная набѣгами степныхъ разбойничьихъ племенъ. По разсказу нашего русскаго путешественника Гродекова, въ Кусанѣ нѣтъ семьи, въ которой кто нибудь не былъ

бы въ плѣну у текинцевъ, и всѣ жители ждутъ съ нетерпѣніемъ прихода русскихъ, какъ своихъ истинныхъ защитниковъ и освободителей.

Всемирная выставка въ Антверпенѣ.

(Рис. на стр. 364).

Всемирная выставка въ Антверпенѣ представляетъ любопытный примѣръ того, до какихъ размѣровъ можетъ достигнуть частное предпріятіе. Въ прошломъ году нѣсколько богатыхъ антверпенцевъ, справедливо гордящихся значительными промышленными успѣхами своего города, возымѣли мысль показать образованному міру то энергическое движеніе, которое менѣе чѣмъ въ полъ-вѣка превратило торговую столицу Бельгии въ первый портъ европейскаго материка. Они задумали устроить выставку. Цынѣ смѣлый этотъ замыселъ приведенъ въ исполненіе. Пространство въ 220000 квадратныхъ метровъ, на которомъ расположены зданія промышленнаго отдѣла, машинная галерея и безчисленныя подраздѣленія выставки, все это наполнилось въ избыткѣ. Всѣ государства отозвались на призывъ антверпенцевъ. Выставка состоитъ подъ особымъ покровительствомъ короля Бельгии, Леопольда II.

Бельгія съ 2400 экспонентовъ займетъ мѣсто въ 30000 квадратныхъ метровъ. За Бельгіей слѣдуетъ Франція, которой отведено 20000 кв. метровъ. Что касается Россіи, то и она будетъ имѣть тамъ участіе. Уже дѣлаются необходимыя приспособленія. Между прочимъ будетъ выслано довольно картинъ нашихъ художниковъ и устроителемъ этого отдѣла послышается нашъ извѣстный талантливый художникъ, профессоръ Ю. Ю. Клеверъ. Самое зданіе выставки, какъ видно на нашемъ рисункѣ, представляетъ грандіозный и великолѣпный видъ.

Политическое обозрѣніе.

Сраженіе при Кушкѣ.—Россія и Англія.—Египетъ.—Франція и Китай.—Италія.

Побѣда генерала Комарова надъ афганцами при рѣкѣ Кушкѣ явилась совершенно неожиданнымъ событіемъ среди мирныхъ переговоровъ надъ проведеніемъ новой пограничной линіи между русскими владѣніями въ средней Азии и Афганистаномъ. Эта побѣда вызвала въ Англіи волю негодованія; газеты яро объявляли Россію въ вѣроломной политикѣ и сваливали на нее одну всю вину насильственнаго нарушенія мира. Но факты служатъ очевидно въ нашу пользу; генералъ Комаровъ въ своемъ донесеніи прямо говоритъ, что онъ вынужденъ былъ атаковать 18-го марта афганскій отрядъ, вслѣдствіе вызывающихъ и явно враждебныхъ дѣйствій афганцевъ. При приближеніи нашихъ войскъ къ Тапъ-Кенри, на нашемъ берегу, у моста оказался занятый афганцами окопъ. Несмотря на переговоры съ начальникомъ ихъ отряда, капитаномъ Истомаъ, они день ото дня начали подвигаться къ нашему лагерю. Такъ они заняли командующую лѣвымъ флангомъ нашего лагеря высоту и начали дѣлать тамъ окопы; выставили кавалерійскій постъ въ тылу нашей линіи и, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ нашей переправы, поставили караулъ. На энергическое требованіе нашего главнокомандующаго—очистить лѣвый берегъ Кушка и правый берегъ Мургаба до устья Кушка, начальникъ афганскаго отряда далъ отвѣтъ, что, *слѣдуя совѣту англичанъ*, онъ не отойдетъ за Кушку. Тогда наши войска, вызванныя на бой, атаковали неуряделя и жестоко наказали его дерзость. Афганскій отрядъ, силою въ 4000 человекъ при 8 орудіяхъ, разбитъ и разсѣянъ, потерявъ до 500 человекъ убитыми, всю артиллерию, два знамени, и весь лагерь съ обозомъ и запасомъ. Потери съ нашей стороны были самыя незначительныя. По окончаніи боя генералъ Комаровъ перешелъ обратно за рѣку Кушкъ и возвратился на свои позиціи. У насъ извѣстіе о сраженіи при Кушкѣ, не смотря на его блестящій результатъ, было принято спокойно, съ полнымъ убѣжденіемъ, что нашъ главнокомандующій не могъ поступить иначе. Но въ Лондонѣ извѣстіе о событіяхъ въ Афганистанѣ вызвало странную нацику, особенно когда узнали, что лагерь Лемсдена былъ сожженъ афганцами же! Всѣмъ казалось, что Англія наканунѣ войны съ Россіей, и что трудно предвидѣть всѣ послѣдствія столь серьезнаго столкновенія. Теперь, впрочемъ, и въ Англіи стали спокойно относиться къ событіямъ въ Афганистанѣ, и терпѣливо выжидаютъ дальнѣйшихъ извѣстій, которые бы пролили болѣе свѣта на причины, заставившія русскихъ взяться за оружіе. Гладстонъ и Грэнвилль энергически настаиваютъ на необходимости миролюбиваго улаженія всего этого инцидента.

Газета „Daily News“ надеется, что суакимская экспедиція приближается къ концу. „Если эта экспедиція, говоритъ она,

привела къ тому, что поставила Османа-Дигму въ невозможность что либо предпринять противъ Египта и противъ арміи генерала Вольслея, сосредоточенной въ Корги, то ей цѣль достигнута. Правительство не желаетъ вести ни наступательной, ни завоевательной кампаніи. Пока Махди не угрожаетъ Египту, пока безопасность этой страны и британскихъ войскъ не требуетъ истребленія полчищъ Махди, до тѣхъ поръ нѣтъ повода вмѣшиваться въ его дѣла. Было бы безразсудно идти на Хартумъ лишь для того, чтобы доказать, что мы можемъ войти туда, тѣмъ болѣе, что о присоединеніи всего Судана или его части—нѣтъ и рѣчи. По словамъ дезертировъ, пришедшихъ изъ Хартума въ Мерано, большая часть кардофанской арміи покинула Махди и разошлась по домамъ, объявивъ, что она уже достаточно послужила въ военной службѣ и что цѣль достигнута“.

Изъ Гонгъ-Конга телеграфируютъ, что французами заняты „Рыбачьи острова“, которые группой (въ семь острововъ) расположены въ Формозскомъ каналѣ. Эти острова обилуютъ глубокими и превосходными для стоекки бухтами, которыя можно удобно защищать отъ нападений съ моря. Архипелагъ Рыбачьихъ острововъ считается ключемъ къ острову Формоза.

По словамъ „Агентства Гаваса“, главные пункты уже заключенныхъ между Франціей и Китаемъ предварительныхъ условій мира, заключаются въ слѣдующемъ: тотчасъ по обнаруженіи повелѣнія богдыхана выполнить тѣнь-тцинскую конвенцію и очистить Тонкинъ отъ китайскихъ войскъ, всѣ военныя дѣйствія будутъ прекращены и блокада Формозы и Па-Хоя снята. Въ то же время, когда китайскими войскамъ будетъ предисано перейти обратно черезъ границу, французскій посланникъ Патенотръ отправится въ Тянь-Тцинь, или Пекинъ, для переговоровъ объ окончательномъ мирѣ и объ заключеніи дружественнаго и торговаго договоровъ. Срокъ очищенія Формозы будетъ опредѣленъ особымъ договоромъ. Когда договоръ будетъ подписанъ и подтвержденъ декретомъ богдыхана, послѣдуетъ отгѣна запретительныхъ мѣръ, принятыхъ французскими крейсерами, по отношенію къ доставкѣ военной контрабанды въ сѣверный Китай, при чемъ Франція отзоветъ свой флотъ изъ китайскихъ водъ, а Китай снова откроетъ свои порты для французской торговли.

Изъ Рима пишутъ, что итальянское правительство не предпринимаетъ никакихъ мѣръ относительно снаряженія четвертой экспедиціи въ Африку. Все зависитъ отъ дѣйствій англичанъ въ Суакимѣ. Если англичанамъ удастся нанести рѣшительное пораженіе инсургентамъ Османа-Дигмы, то министерство не пожелаетъ другихъ войскъ въ Массову. Если же, напротивъ того, англичане потерпятъ неудачу, то въ Массову будутъ отправлены новыя войска, для усиленія тамошняго гарнизона.

Библиографія.

Изъ Мицкевича. Переводъ Н. П. Семенова. СПб. 1885. Эта весьма изящно изданная книжка содержитъ въ себѣ переводы „Валленрода“ и „Крымскихъ сонетовъ“ знаменитаго польскаго поэта. Переводы отличаются замѣчательною близостью къ подлиннику и весьма уважительнымъ отношеніемъ къ оригиналу, чѣмъ выгодно выдѣляются среди другихъ переводовъ.

Скоромный и постный столъ. А. Толмачевой. СПб. 1885. Отъ другихъ подобныхъ изданій эта книга отличается весьма замѣтно ясностью и достоинствомъ изложенія и практическою софѣтствомъ хозяйкамъ. Кромѣ того, здѣсь же есть совѣты и по домоводству, и вообще книгу эту смѣло можно рекомендовать предпочтительно передъ многими этого рода.

Политическое дѣло. Тенета. Романъ К. Тхоржевскаго. СПб. 1885. Чрезвычайно поучительный и высоко-интересный романъ. Въ виду печальныхъ явленій современной, умственныхъ и нравственныхъ шатацій среди нашей молодежи, исторія такихъ печальныхъ, такъ наз., „политическихъ“ дѣлъ представляетъ огромный интересъ. Здѣсь же и рассказы, кромѣ того, очень увлекательны и талантливо.

Бразилская имперія. I и II отдѣлы. А. Селлима. Лейпцигъ. 1885. Первая часть даетъ общія политія объ имперіи, знако-

мить съ ея флорой и фауной, историческимъ развитіемъ народа съ самаго начала до настоящаго времени.

Во второй части содержится описаніе отдѣльныхъ провинцій. Въ книгѣ 23 большихъ рисунка, 66 рисунковъ въ текстѣ и карты.

Руководство для угадыванія погоды. Г. Клейна. Лейпцигъ. 1885. Книга имѣетъ большое значеніе для сельскихъ хозяевъ. Руководство отличается легкимъ, понятнымъ изложеніемъ.

Всѣ три послѣднія книги на шведскомъ языкѣ.

С М Ъ С Ъ.

Герцогская Мейнингенская труппа закончила у насъ, какъ известно, свой спектакль драмой „Разбойники“ и вышла въ Москву гдѣ пользуется огромнымъ успѣхомъ. Затѣмъ мейнингенцы наѣзжаютъ посѣтить Варшаву и Кенигсбергъ. Въ Петербургѣ получили до 100.000 р. валоваго сбора; расходы вмѣстѣ съ жалованьемъ составляли ежедневно 4,500 марокъ. Послѣ лѣтнихъ каникулъ они имѣютъ въ виду Пешть и Граць, а къ зимѣ Италію и предполагаютъ ичаться съ Триеста, Милана и Венеціи.

Убѣжище для дѣтей рабочаго класса. Капиталь Общества состоитъ изъ 4,630 р. облиг. 2-го восточнаго займа. Приходъ составлялъ 2,433 р. 11 к., расходъ 1,822 р. 44 к., съ перваго января 1885 г. оставалось 610 р. 67 к. Дѣтей въ теченіи года было 11,822, въ томъ числѣ до 12 человекъ полныхъ пансіонеровъ. Убѣжище состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій: школы, колыбельни и отдѣленія для полныхъ пансіонеровъ. Дѣти остаются въ школѣ отъ 9 час. утра до 5 час. вечера; въ колыбельнѣ маленькія и грудныя дѣти остаются пока прійдутъ за ними ихъ матери; въ обоихъ отдѣленіяхъ приходящія дѣти получаютъ обѣдъ изъ 2-хъ блюдъ въ 12 час. и молоко съ хлѣбомъ въ 4 часа; груднымъ даютъ цѣльное коровье молоко. Въ прежніе года была установлена плата въ 5 к. за день, но число платящихъ съ каждымъ годомъ уменьшалось до такой степени, что въ настоящее время изъ 60 дѣтей едва 5 вносятъ установленную плату. Чтобы убѣжище могло болѣе расширить свою дѣятельность, требуется болѣе просторное помѣщеніе, что составить съ отопленіемъ и освѣщеніемъ 500 р. въ годъ, не считая мебели, кровати и т. п. для устройства добавочнаго отдѣленія. Желавшихъ помочь приюту, принявъ на себя часть этихъ расходовъ, просить обращаться въ приютъ, Пески, 3-я улица, № 25, къ надзирательницѣ младшаго отдѣленія Яковлевой; за внесенныя деньги или вещи выдаются ею квитанція за № и съ ея подписью.

Деньги можно также внести въ Волжско-Камскій банкъ на текущій счетъ Общества Убѣжища для дѣтей р. бочаго класса.

Какъ приютъ, такъ и книги расходныя по приюту открыты для всѣхъ, желающихъ ближе ознакомиться съ этимъ добрымъ дѣломъ.

На островѣ Готландѣ, найденъ въ верхнихъ каменистыхъ слояхъ допотопный скорпионъ, существенное обогащеніе палеонтологическихъ коллекцій. Этотъ скорпионъ похожъ, по строенію и вѣликому виду, вообще на нынѣ существующихъ представителей этой породы, и отличается отъ послѣднихъ величиною и четырьмя парами короткихъ, заостренныхъ ногъ, прикрѣпленныхъ къ груди и совершенно не похожихъ не только на ноги теперешнихъ скорпионовъ, но даже на ноги допотопныхъ скорпионовъ каменноугольной формации; это особенно заслуживаетъ вниманія. Palaeophonus Nupis—какъ его назвали—древнѣйшее сухопутное животное, доселѣ известное.

Нумизматика. Въ Римѣ, у подножія Палатинскаго холма, возлѣ самаго дома всталокъ недавно сдѣлана удивительная находка—складъ англо-саксонскихъ монетъ, очевидно „зента Св. Петра“ пришедшая изъ Англій. Число монетъ различной стоимости, различныхъ годовъ, простирается до 830-ти: 3 изъ нихъ времени Альфреда Великаго (871—900), 217—Эдуарда I (900—924), 393—Эдмунда I (940—946). Почва „вѣчнаго города“, такъ часто перерываемая, все еще доставляетъ драгоценныя находки.

Пасилинга — всемірный языкъ. Какъ ни несбыточно изобрѣтеніе такого языка, но уже имена Екатерины II и Лейбница, помышлявшихъ о международномъ языкѣ, заставляютъ придать ему известное значеніе. Пасилинга Штейнера не прибавляетъ къ существующимъ уже новаго труднаго языка, но основана на чрезвычайно простой, легкой и понятной международной грамматикѣ, состоящей изъ общихъ корней словъ живыхъ языковъ, особенно изъ самаго распространеннаго международного языка, латинскаго. Конечно, рѣчь идетъ о языкахъ образованныхъ народовъ—романскомъ, германскомъ или латинскомъ. Взять корень любого языка, при помощи международной грамматикѣ и, въ случаѣ надобности, при помощи такого же словаря, легко можно будетъ понять другой языкъ.

Сумасшедшіе полипы. У высшихъ животныхъ, стоящихъ ближе къ человеку, неоднократно наблюдались дѣйствія, свидѣтельствующія о разстройствѣ мозга, но подобныя явленія у низшихъ животныхъ впервые были замѣчены докторомъ Элригомъ на полянахъ въ бассейнѣ зоологическаго сада въ Неаполѣ. Случилось не разъ видѣть, что цульпы—восемниогіе полипы водящиеся въ Средиземномъ морѣ—начинали подѣлать свои оконечности, обезображивали себя и наконецъ умирали. Самецъ и самка во время ухода за дѣтенышами обыкновенно отказываются отъ приема пищи и страшно тощатъ, вслѣдствіе чего смертность между ними увеличивается. Самоубившія цульпы—это именно особи, оцѣпавшія въ упомянутый періодъ. Заболѣвавшимъ животнымъ, начинавшимъ подѣлать око-

нечности, предлагалась всевозможная пища, но она не принималась. На подобіе того какъ человекъ сумасшедшій отвергаетъ пищу, такъ и животное не только ничего не ѣло, но напротивъ отодвигало отъ себя кормъ обглоданной оконечностью и продолжало подѣлать себя. Доказательствомъ тому, что подобныя дѣйствія вызываются не лишеніемъ свободы, служить то обстоятельство, что рыбаки неоднократно находили такихъ полубожденныхъ животныхъ въ заливахъ.

Въ виду того, что самоубиеніе, которому такъ явно противопоставить самоубиеніе, есть главнѣйшій инстинктъ всѣхъ организмовъ, дѣйствія больныхъ полиповъ можно приписать только безумію. Самоубиеніе зачастую называютъ сумасшествіемъ, на основаніи этого самоубивающихся полиповъ можно назвать безумными.

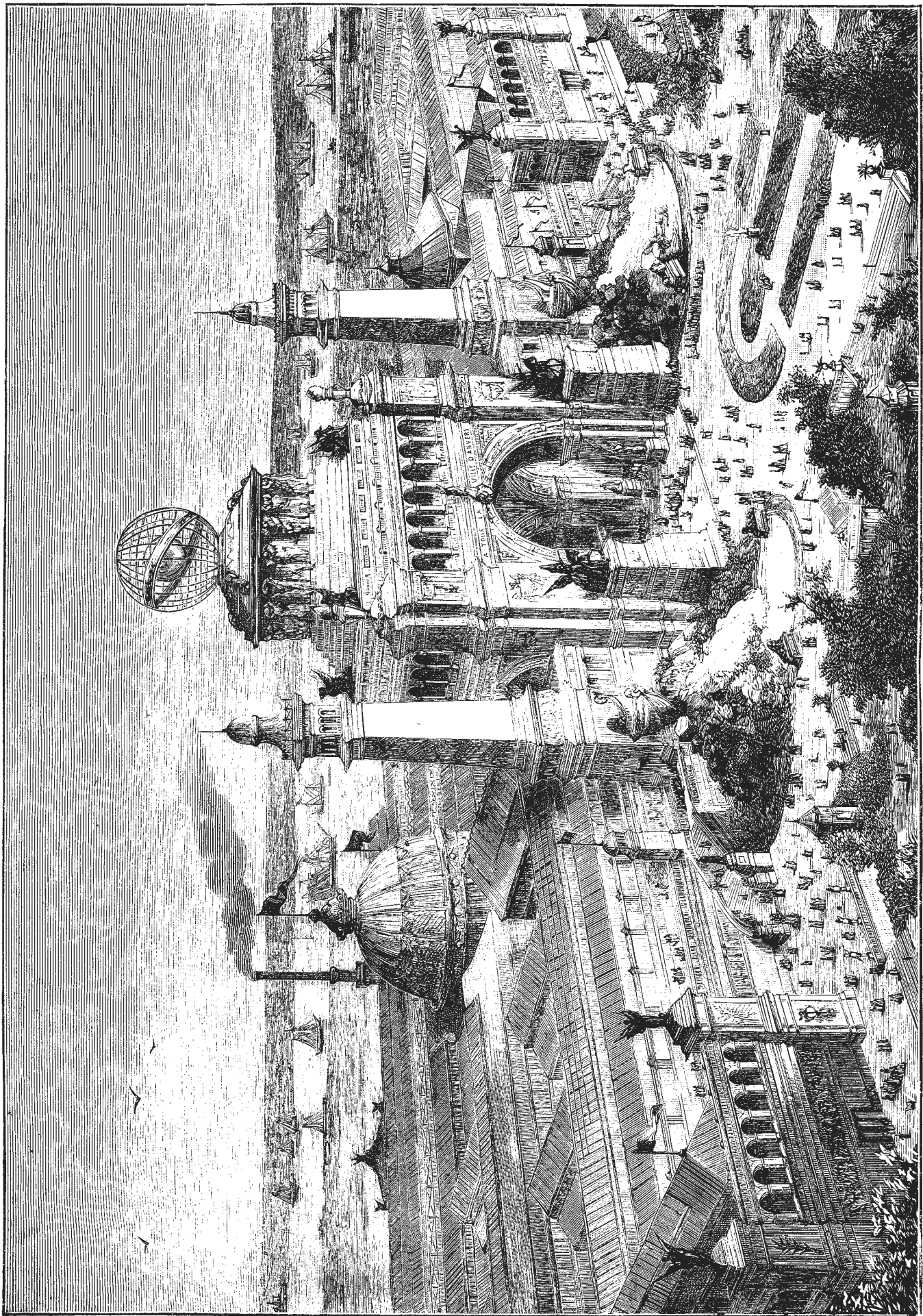
Вдова Іоанна Грея, Елизавета Вудвилъ, въ 1465 году вступившая въ бракъ съ англійскимъ королемъ Эдуардомъ IV, въ двиникѣ веденномъ до перваго замужества, говоритъ о времяпровожденіи дамъ и двиницъ въ XV столѣтіи: „Понедѣльникъ, 9-го марта. Встала въ 4 часа утра и съ Катериной доила коровъ; била масло въ молочной съ Рахилью; Рахиль обваривала себѣ руку—я ей сдѣлала примочку. Въ 6 часовъ: говядина слишкомъ разварилась—я должна бы быть внимательнѣе. Въ 7 часовъ: завтракали съ матерью и прислугой. Въ 8 часовъ: два часа читала свою лонаду „Гуми“. Въ 10 часовъ обѣдала. Іоаннъ (женихъ) очень хорошо относится ко мнѣ, но мало ѣстъ. Въ 11 часовъ я гуляла и осматривала поле. Іоаннъ оставался со мной и два раза такъ сжалъ мнѣ руку, что просто слезы выступили изъ глазъ и я чуть не вскрикнула. Онъ дѣйствительно премилый, къ тому же ходитъ каждое воскресенье въ церковь. Въ 3 часа: у нашего арендатора Робинсона былъ пожаръ, но впрочемъ скоро потушенъ. Іоаннъ подарилъ ему 4 фунта сгера. Въ 6 часовъ накормила скотину и птицу. Къ семи часамъ съѣла ужина. Гусь былъ недожаренъ, а свинина пригорѣла. Мать меня побила, а все виноватъ Іоаннъ; но все таки онъ славный, красивый молодой человекъ. Въ девять часовъ пошли мы спать.“

Новое средство противъ холеры. Итальянскій врачъ профессоръ Фалькони, недавно обратилъ вниманіе на мало известное средство, отлично дѣйствующее въ первыхъ стадіяхъ холеры. Цѣлебная трава, называемая куриной слѣнотой, какъ известно, самое обыкновенное растеніе, часто встрѣчаемое между камнями мостовыхъ. Профессоръ Фалькони рекомендуетъ отваръ 100 граммъ этой травы на 400 граммъ воды и свидѣтельство ея чудесное дѣйствіе. Онъ самъ уже во время эпидемій 1854 и 1855 годовъ применялъ и обнародовалъ это средство,—оно легко приготавливается дома. Борьба итальянскихъ врачей съ нефѣжесомъ мѣстнаго простонародія известна: во время сильныхъ эпидемій, напр. въ Генуѣ въ 1854 году и въ Цассарѣ въ 1855 г., добросовѣстные врачи, первые заявившіе объ эпидеміи, едва не были побиты камнями; печальные случаи послѣдней эпидеміи также еще свѣжи въ памяти. Врачей просто считали отравителями, отказывались принимать прописанныя ими лекарства, больные скрывали болѣзнь, чтобъ не попасть въ руки „цалачей“ (какъ они называли докторовъ). Весьма извѣстная, безвредная трава не вызываетъ конечно такого сопротивленія и послужитъ спасеніемъ для противниковъ аптечныхъ лекарствъ. Врачи, во время практики у холерныхъ больныхъ, также пользовались этимъ средствомъ, и оно спасло ихъ отъ заразы; но послѣ періода „угрожающаго поноса“ оно также бесполезно, какъ и всякое другое средство.

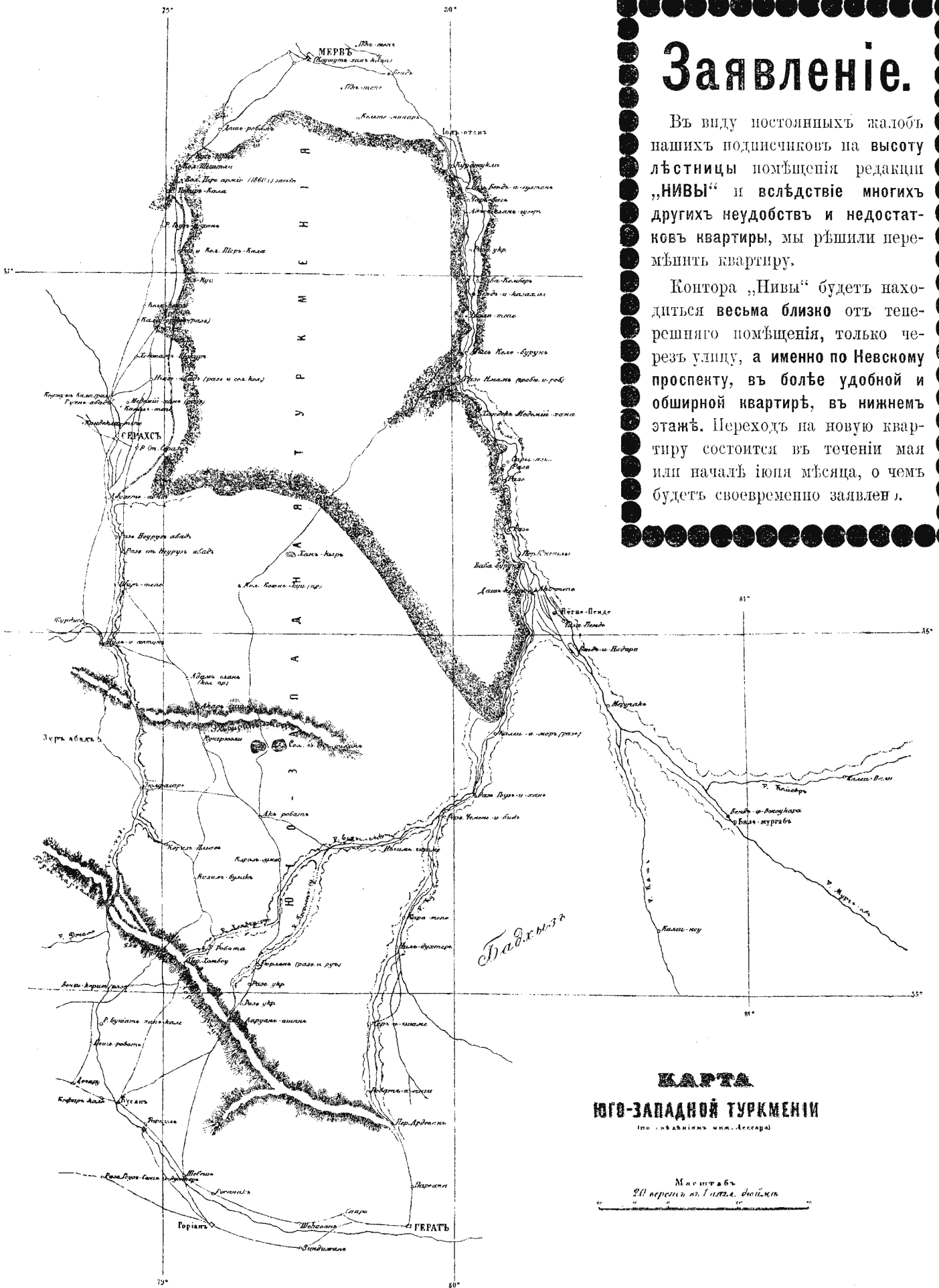
Прожожденіе лучей свѣта въ водѣ Женевского озера научно изслѣдовано комиссіей физико-естественнаго общества по инициативѣ и подѣ руководствомъ Сорэ; бромистые студенистыя пластинки, очень чувствительныя къ свѣту, спускали на различную глубину и оставляли тамъ минутъ на десять. Произведенные опыты дали следующие результаты: 1) дневной свѣтъ проходитъ воду Женевского озера на 170 метровъ и даже глубже; сила дневнаго освѣщенія на такой глубинѣ равняется свѣтлой безлуной ночи; 2) на 120 метровъ глубины свѣтъ еще очень силенъ.

Знамя новыхъ штатовъ Конго послужило при похоронахъ. Одинъ шведскій офицеръ, лейтенантъ въ Йонкеннскомъ полку, Перъ Гингце, отправившись въ Африку, поступилъ на службу Конгской компаніи; 27-го янв ря вечеромъ его ужалилъ змѣя и черезъ 24 часа онъ скончался. Товарищи похоронили офицера съ военными почестями и покрывли гробъ Конгскимъ знаменемъ за немнѣимыя отечественнаго покойному флагу.

Безспорно дѣйствительное средство удерживать народъ отъ пощепенія винныхъ погребовъ во время службы было употреблено въ одномъ французскомъ городѣ. Мѣстныя власти издали распоряженіе: всѣ гости, находящіеся въ гостиницахъ во время обѣденъ и вечеренъ, имѣютъ право не платить за все потребленное ими. Средство вполне достигло намѣченной цѣли.

Общій видъ съ птичьаго полета вскорѣ открывающейся выставки въ Антверпенъ (въ Бельгіи).
По рисунку Ш. грав. М. Рапчевскій.

Заявленіе.

Въ виду постоянныхъ жалобъ нашихъ подписчиковъ на высоту лѣстницы помѣщенія редакціи „НИВЫ“ и вслѣдствіе многихъ другихъ неудобствъ и недостатковъ квартиры, мы рѣшили переимѣнить квартиру.

Контора „Нивы“ будетъ находиться весьма близко отъ теперешняго помѣщенія, только черезъ улицу, а именно по Невскому проспекту, въ болѣе удобной и обширной квартирѣ, въ нижнемъ этажѣ. Переходъ на новую квартиру состоится въ теченіи мая или началѣ іюня мѣсяца, о чемъ будетъ своевременно заявлено.

КАРТА
ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ
(по изданію м.м. Десса)

Масштабъ
20 верстъ въ 1 дюймѣ

Отъ Мерва до Герата.

Рѣшеніе задачи—креста магическ. квадратовъ, № 10. (Помѣщен. въ № 9 „Нивы“).

м е д									
е л и									
д и ч									
л о т о с									
д о м	о л и ф а				н о ч				
о д а	т и б е т о ч и								
м а т	о ф е н и ч и ж								
с а т и р									
к у м									
у с ы									
м ы с									
к о м о д									
а и е т	о р а в а				у р о д				
и н о к	м а с о н				р а м а				
с о ф а	о в о д а				о м а р				
т к а ч	д а н а й				д а р ы				

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Москва—Корженевского, Всеволодской, Горяевой; Ириновна—Фрейманъ; Кіевъ—Шилохвоста.

Рѣшеніе шахматной задачи № 8 (помѣщенной въ „Нивѣ № 9).

- Бѣлые.
- 1) В 7—С 6
 - 2) С 6—D 7
 - 3) С 3—С 4
 - 4) Конь даетъ матъ.
- Черные.
- 1) Е 4—F 5
 - 2) F 5—Е 4
 - 3) Куда угодно.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг: СПб.—Красниковскаго, Кроткова—Мурзалимова, Насилова, Колювача, Петрушевскаго, Диковскаго; Москва—Рафетова—Бирючь—Ласкарева, Благотѣцъ заводъ—Шудовина, Бѣлостонъ—Вейрейхъ, Гатчино—Мирослава, Житомиръ—Вайлуца, Кременчугъ—Барской, Люблинъ—Пономарева, Могилевъ—Тиховскаго Муромъ—Гладкова, Рогачево—Повнянкой, Родинка—Ю. В., Рыбинскъ—Высоцкаго, Тверь—Ветулна, Тифлисъ—Гребина.

Рѣшеніе шашечной задачи № 9. (Помѣщенной въ № 9 „Нивы“).

- Бѣлыя:
- 1) а5 — b6
 - 2) f4 — e5
 - 3) e1 — f2
 - 4) h6 — g7
 - 5) h4 — g5
 - 6) Dd2 — e1
 - 7) a3 — c5 × ×
- Черныя:
- 1) c7 — a5⁰⁰
 - 2) Df3 — b6⁰⁰
 - 3) Db6 — g1⁰
 - 4) h8 — f6⁰
 - 5) f6 — f2⁰⁰
 - 6) a5 — b4

и дамка и шашка черныхъ заперты.

СОДЕРЖАНІЕ: Ф. Дефрегеръ (съ портр.).—Кулисы. Повесть В. И. Немировича-Данченко. (Продолженіе).—Оригиналъ. Разсказъ Н. В. Успенскаго. — Роландъ въ битвѣ при Ронсевалѣ (съ рис.).—Въ церкви (съ рис.).—Учитель танцевъ (съ рис.).—Малоры у стола (съ рис.).—Муха (съ рис.).—С.-Петербургское общество велъ сипедистовъ-любителей (съ рис.).—Отъ Мерва до Герата (съ картой).—Всемирная выставка въ Антверпенѣ (съ рис.).—Полятическое обозрѣніе. — Библиографія. — Смѣсь.—Заявленіе.—Рѣшеніе задачи—креста магическ. квадратовъ.—Рѣшеніе шахматной задачи.—Рѣшеніе шашечной задачи.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марнсъ.

ЭЛЕПАТЬ ВО ВСѢХЪ КОСМ. МАГАЗИН.

ПРОВ. КИНУНЕНА
ЭЛЕПАТЬ

Превосходное средство противъ перхоти, почему и превращаетъ дѣйствительно выпаденіе волосъ къ услугамъ публики во всѣхъ больш. аптек. и космет. магазинахъ. Цѣна флаону 1 р. 50 к. безъ пересылки.

Провизоръ Кинуненъ.

ЭЛЕПАТЬ КИНУНЕНА.

NOUVEAU PARFUM
excessivement fin et suave — extrait quadruple pour le mouchoir

EXTRAIT **FÊTE**
parfum exquis

PARFUMERIE DU GRAND MONDE.
16. GRANDE MORSKAIA, 16. Мт. № 1022

СЛАВЯНСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ (ХАРКОВСК. ГУБЕР.).

Курсъ леченія начинается съ 19 мая и продолжается до 1 Сентября. Составъ воды солнечнощелочной, подходит въ водами Ишля и Крейдяхъ. Воды съ испытанной пользой употребляются отъ золотухи, англійской болѣзни, ревматизма, сифилиса, женскихъ болѣзней, хроническаго воспаленія суставовъ, наложныхъ болѣзней и нервныхъ расстройствъ. На время сезона для консультацій приглашаются профессора Харьковскаго Университета, преимущественно директора клиники: хирургической В. Ф. Грубе, терапевтической В. Г. Лашневичъ и акушерской И. П. Лазаревичъ. Сообщеніе съ Славянскомъ происходитъ по Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дорогѣ до ст. Славянскъ, гдѣ имѣются извозчики съ платою по таксѣ. Желающихъ имѣть удобныя квартиры просятъ адресоваться въ контору заведенія, гдѣ имѣется списокъ всѣхъ квартиръ. Квартиранты въ заведеніи и вблизи его могутъ получать столъ въ буфетѣ заведенія по установленной таксѣ, по порціямъ и обѣдамъ. При заведеніи утроемъ и вечеромъ играютъ оркестръ балльной музыки. Для развлеченія публики составляются спектакли, концерты, фейерверки и разныя другія увеселенія. Врачемъ заведенія состоитъ Вандилинъ Николевичъ Носовскій. Въ концѣ апрѣля поступитъ въ продажу „Путеводитель къ Славянскимъ Минеральнымъ Водамъ“, издаваемый Городскою Думою. Цѣна 50 коп. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ А. В. Мандрыкина въ Славянскѣ. № 4007 2—2

ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТІЕ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ!

Извѣстная банкирская контора ищетъ въ провинціи, во всѣхъ мѣстахъ Имперіи, благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи 5% Государственныхъ I и II съ выигрышами займовъ съ разсрочкою платежа и для страхованія билетовъ тѣхъ-же займовъ отъ тиражей погашенія на выгодныхъ условіяхъ. Этимъ дается каждому возможность съ легкостью, безъ всякаго расхода и купческаго познанія, увеличить свой годовой приходъ.

Обратиться съ указаніями настоящихъ занятій въ С.-Петербургскую Центральную Контору Объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. (письменно). № 1036

4711
О-ДЕ-КОЛОНЪ.

самого высшаго качества, на всѣхъ всемирныхъ выставкахъ награждены только наивысшими преміями; можно имѣть во всѣхъ больш. парфюжери. магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. С. № 8728 19—7

С.Петербургская Химическая Лабораторія

Фабрика парфюмерныхъ изделий.

На каждомъ предметѣ требовать фабричнаго клейма!

Обращать вниманіе при покупкѣ каждого предмета на точность формы!

„С. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

- ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ: 1. Невскій проспектъ, домъ №32 Катколицкой церкви.
- 2. Невскій проспектъ, домъ №66 у Английскаго моста.
- 3. Вознесенскій проспектъ, домъ №18-54 Шредера.
- ВЪ МОСКВѢ: 1. Кузнецкій мостъ, домъ Трубецкихъ.

Контора и складъ въ админі. фабрици въ С. Петербургѣ: Маманинскій преслентъ 21.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 8-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ВЪ НАМЫШАХЪ, пов. Н. Каразина. второе изданіе, съ 39 рис. автора, большой томъ въ 8- всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Подпис. „Нивы“ за перес. не платятъ.

ЧЕРНИЛЬНЫЙ ПОРОШОКЪ для моментальнаго приготовленія лучшаго качества чернилъ, удобно для путешествія и дома, осадка на перѣ и чернилахъ не дѣлаетъ, фотолѣтливъ, зеленый и красный. Цѣна съ настановленіемъ и пересылкою 1 р. Торговля въ 50% услуги. Адресъ: Спасскск., Казанск. г. Торголки Бозьмы Мошкова.

НУЖНЫ

благонадежные агенты въ провинціи для банкирской конторы А. Зингеръ и Ко въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 18. Р. № 3998 3—3

ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННАЯ
УНИВЕРСАЛЬН. ШВЕЙНАЯ МАШИНА

Патентъ въ Европѣ и Америкѣ
ПРОДАЖА съ РУЧАТЕЛЬСТВОМъ.
ОБУЧЕНІЕ БЕЗПЛАТНО!
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ
ГЕРМАНЪ ГЕССЕ С.ПБ.
БОЛЬШ. САДОВАЯ №16, УГОЛЬ
ТОЛМАЗОВЪ ПЕР. ПЛОТ. ГОСТИН. ДВОРЪ

СЪ ДОВОЛЕНІЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СТОЛИЧНАГО ВРАЧЕВНАГО ПРИСУТСТВІЯ.

ЭЛЕКСИРЪ-MELANGE.

Для быстрого и обильнаго роженія волосъ и предохраненія ихъ отъ выпаденія. Ц. 2 р. за флаконъ съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французск. и нѣмецк. языкахъ.

БАЛЬЗАМЪ-EUGÉNIE,

изъ миртовыхъ и свадебнаго букета цвѣтовъ для приданія лицу, шеѣ и рукамъ нѣжной мягости, мраморной бѣлизны съ благоуханіемъ лилій и розъ, а также для уничтоженія вѣснушекъ и всякой шероховатости кожи. Цѣна 1 р. 75 к. за флаконъ, съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

РУМЯНА EUGÉNIE,

жидкія, чтобы придать щекамъ и унамъ натуральный розовый цвѣтъ, не мнѣняющійся при электрич. кож. освѣщеніи и не вытирающійся даже при потномъ состояніи лица. Рекомендуется въ особенности для театровъ и баловъ. Ц. 1 р. 50 к. за флаконъ, съ наставленіемъ какъ употреблять на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Всѣ эти три косметическихъ продукта, по свидѣтельству медицинскаго начальства, не содержатъ въ себѣ никакихъ бы то ни было вредныхъ веществъ.
Bertha Ries.
№ 1029 3-1

ПРИВЛЕГИРОВАННЫЯ ПОМАДЫ

ПОДЛИННИКЪ „PASTA EUGÉNIE“, превосходное средство для устраненія вѣснушекъ, родимыхъ и красныхъ пятенъ и другихъ дурныхъ явленій, встрѣчающихся на лицѣ, и дающее цвѣту лица юную свѣжесть и красоту. Цѣна баночка 1 руб. 60 коп.

Хинно-глицериновая помада на перуанскомъ бальзамѣ, для укрѣпленія, сгущенія и роженія волосъ. Ц. баночка 2 руб.

Ручная раювинная помада. Цѣна баночка 1 р. 30 к. На каждой баночкѣ находится охранительная марка „амуръ“ и подлинныя изобрѣтательскія „Bertha Ries“.

ПОДЛИННИКЪ „Pomade Eugénie“ бѣлая и розовая. Ц. коробокъ съ пуховкой 1 р. 50 к., бѣзъ пуховки 1 р. 20 к.

Краска для волосъ трехъ цвѣтовъ: черная, коричневая и свѣтлорусая. Цѣна коробокъ 3 р. Краска фабриканта

РИСЪ ГУТМАНЪ.

Депо находятся: С.-Петербургъ: Русское Общество торговли антек. товарами, на Казанской, с. д.; у Оливіе, Невскій пр., № 54; у бывш. Дарзанскъ, Пассаажъ, № 15 и № 17; у С. Ш. Грикурова, Невскій пр., у Казанскаго моста, № 30; парикмах. Эмиль, бывш. Сансеро, Литейный пр., № 43; у парикмахера Аристанъ, Васильевскій островъ, первая линія, домъ № 18; у Просперъ, Вознесенскій проспектъ, № 18. Въ Москвѣ: на Никольской; у Р. Келеръ и К° и у К. Феррейна; на Маросѣевъ; у А. Врусь (бывш. Цепь) и Л. Борхардтъ, д. Еремѣева; на Кузнецкомъ мосту у В. Качъ и парикмах. Теодоръ; на Петровкѣ у В. Кузень и Геллингъ; въ Газетн. пер. у Р. Дарзанскъ въ Алек-

сандроскомъ пассаажѣ; у Галлертъ; на Масницкой улицѣ, у Лютеръ и Гиршфельдъ; домъ Обидино; у Сртненскихъ воротъ у А. Я. Пончковскаго и Лукьянова. Въ Астраханн, магаз. Фадѣева. Въ Бану, магаз. Погосова. Въ Варшавѣ, у Grand, магазинъ „Липинъ, Краковское предмѣстье, и у Леонъ и К°. Ново-Сенаторская ул. Въ Вильно, магазинъ Гуржевскаго. Во Владивостокѣ, магаз. Н. Н. Ланна. Въ Воронежѣ, парикмах. Куряличенко и Вухонкова. Въ Гельсингфорсѣ, магаз. Н. О. Сванъ. Въ Енатеринбургѣ, магаз. Заваранинъ. Въ Енатеринославѣ, магаз. В. Ефанова. Въ Елизаветградѣ, Г. А. Трестера наслед. и маг. П. Г. Контиспалова. Въ Назани, магаз. Мурзаева. Въ Кіевѣ, магаз. Ф. Дотель и К°. Въ Кременчугѣ, магаз. Завъ. Въ Курскѣ, магаз. Свиричевскаго. Въ Новочеркасскѣ, у З. Петрова. Въ Одессѣ, магаз. Гельдеръ и К°, Петровкино и Гумель и бр. Петровкино. Въ Пензѣ, магаз. Кликунова. Въ Перми, магаз. Н. Церетцъ. Въ Полтавѣ, магаз. Фердинандъ Тренке. Въ Ревелѣ, Христіана Келеръ, А. Лянда. Въ Ригѣ, бр. Видеманъ, Кунеческая ул., № 15. Въ Ростовѣ-на-Дону, у А. Эдельбергъ и Я. Рапелортъ. Въ Самарѣ, магаз. Ю. В. Кристенченка. Въ Саратовѣ, магаз. Матейлена и Р. Штроль. Въ Ставрополѣ, у парик. Куряличенко. Въ Таганрогѣ, магаз. Майкпаръ. Въ Тифлиси, у П. Ланко, въ домѣ ген. Лацарони. Въ Томскѣ, магаз. Ненашева и К°. Въ Харьковѣ, Русское общество торговли антекеровскими товарами и В. Хураева, Пассаажъ, № 17. Въ Оренбургѣ и Уфѣ, галантерейный магазинъ Арсбристеръ.

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ

ПРОИЗВЕДЕНІЯ

БЕНЕДИКТИНОВЪ

Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).
НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.

С.-Петербургскимъ столичнымъ врачевнымъ присутствіемъ разрѣшено ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ.

2 ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ:

Б. Юссель 1880—Лондонъ 1884 г.

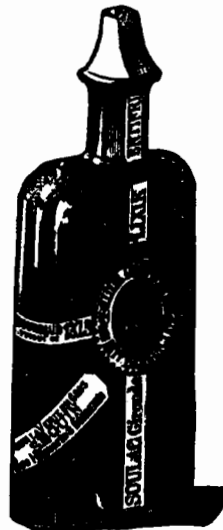
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ.

Изобрѣтеніе въ 1373 г. ПЬЕРРЪ БУРСО

Домъ основанный въ 1807 г. Се-генъ, въ Бордо, ул. Гюгери, 3.

ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ **SEGUIN** RUE HUGUERIES BORDEAUX.

Складъ у аптекарей, парфюмеровъ и парикмахеровъ.

БОЛЬШОЕ ГЕРМАНСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ РОЗЪ

Вилг. Кёлле и К°, въ Аугсбургѣ (Баварія)

рекомендуетъ свои великолѣпныя пирамиды розъ

ко весьма уменьшеннымъ весеннимъ цѣнамъ

15 великолѣпныхъ сортовъ годныхъ для пирамидъ 6 р.

15 исполонскихъ розъ, цвѣты до 40 сант. окруж. 18

Особенно крупныя экземпляры разныхъ розъ... по 2 и 3

15 сортовъ шпестыхъ розъ, между ними ремонтантъ 6

15 сорт. франц. полосатыхъ розъ, выдержив. зиму 6

15 сорт. лучшихъ чайныхъ розъ, крупныя растенія 6

15 сорт. золотист. чайн., М. Нюль. Etoile de Lyon и пр. 6

20 сортовъ чайныхъ для группъ или горшковъ 6

20 бенгальскихъ или пунзетъ—или вьющихся розъ 6

1000 штукъ въ 500 сортовъ вышеозначен. великолѣпныхъ розъ 800

10 сортовъ высокост. великолѣпн. ремонтантъ

всѣхъ величинъ 6-9

10 сортовъ высокост. чайныхъ гибкихъ 1 1/2—2 метр. высоты 12

1 высокая превосходная плакучая роза, одинокая для газона 2-3

10 высокостоящ. кустовъ ирмывонина и смородины интерес. и полезныхъ для приготовленія вина 9-12

Меньшіе экземпляры вышеозначенныхъ розъ въ подцѣнѣ.

Всѣ наши экземпляры настолько равны, что они даютъ уже въ первомъ году обильные цвѣты, если только съ ними обходится какъ слѣдуетъ. Календарь культуры 50 коп.

Самое дешевое украшеніе садовъ—это группа розъ, радующая насъ цѣлою десяткой лѣтъ своими прекрасными цвѣтами. Малюстр. каталоги безпа тно. Пересылка во всѣ страны свѣта. R. № 1025 1-1

ПРОТИВЪ СЪДИНЫ.

№ 1028

Жидкоств. возвращающая сѣдинѣ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ. Флаконъ 8 р. изобрѣтено 1 д. Бурхардтъ, д. 87. Магазины-парикмахерская Ивановой.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА А. ЗИНГЕРЪ и К°.

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ № 18, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Получаетъ и продаетъ всѣ на здѣшней биржѣ котировшіяся бумаги; принимаетъ биржевыя порученія на невыгоднѣйшихъ для кліентовъ условіяхъ; выдаетъ въ высшемъ размѣрѣ ссуды подъ процентныя бумаги; продаетъ выигрышные билеты I и II внутреннихъ займовъ съ разсрочкою платежей съ задаткомъ въ 20 рублей и ежемѣсячными взносами по 10 рублей; принимаетъ выкупъ въ другихъ учрежденіяхъ заложенныхъ бумагъ и увеличиваетъ подъ нихъ ссуду; страхуетъ отъ пожара погашенія билеты I и II выигрышныхъ займовъ по 40 коп. съ билета для мѣстныхъ и по 50 коп. для иногородныхъ, кромѣ гербового сбора; принимаетъ денежные вклады для приращенія изъ процентовъ и платитъ:

Отъ 3-хъ мѣсячныхъ вкладовъ 7%
6-ти 7 1/2%
годовыхъ и болѣе 8%

Проценты уплачиваются впередъ за все время вклада. Рекомендуется помѣщеніе капиталовъ въ государственныя процентныя бумаги, какъ банковые билеты, восточные займы, закладные листы земельныхъ банковъ, которые продаются по курсу дня съ 5% задатка на каждые 100 рублей и дальнѣйшими уплатами по желанію вкладчика.

Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ контора не имѣетъ представительства, желательны благонадежные и солидные агенты.

Лица, входящія въ корреспонденцію съ конторой, прилагаютъ почтовые марки для отвѣта. R. № 1019

НАСТОЯЩІЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ,

разрѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цѣпочковъ

ТОРГОВАГО ДОМА

„БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“

Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

И. № 3947

Прейсъ-курранты высылаются бевплатно.

16-6

NOUVEAU PARFUM

excessivement fin et suave

extrait quadruple pour le mouchoir

EXTRAIT FESTIVAL

PARFUM EXQUIS

PARFUMERIE DU GRAND MONDE

16. Grande Morskaïa, 16.

№ 1021

АНГЛІЙСКІЙ ПОГРЕБЪ

Вильямсъ Дикинсъ и К°,

167, Малая Морская, С.-Петербургъ

имѣетъ честь довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что въ Одессѣ вина ихъ можно получать въ складѣ иностранныхъ винъ

А. А. МАЮРОВА,

№ 1033

Александровская площадь, домъ Маюрова.

1-1

PARFUMERIE DU GRAND MONDE

16. GRANDE MORSKAÏA, 16.

Parfum le plus nouveau

BELLE DE NUIT

EXCELLENTISSIME

UNE RARETÉ, UNE MERVEILLE.

№ 1023

СПБургъ, Невскій пр. № 62, противъ Публич. Библиотеки
ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ,
 специалитетъ хронометровъ и сложн. час. механизмовъ.
 Прейсъ-куранты по востреб.

ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
 въ издаваніяхъ Императорской Пѣвческой Капеллы имѣются постоянно на складѣ, въ отдѣлѣ церковной музыки, по цѣнамъ канцеляр., въ музыкальной торговлѣ
П. ЮРГЕНСОНА.
 НЕГЛИННЫЙ ПР. 10, УГ. КУЗНЕЦКАГО П. № 1026 МСТА, 3-1
ВЪ МОСКВѢ.

ЦЕЗАРЬ И МИНКА.
 Всякъ извѣстно какъ самое обширное заведеніе въ Европѣ для разведенія собакъ, получившее золотыя и серебряныя государственныя и общественныя медали.

ЦАНА въ Прусской Саксоніи.
 Прейсъ-куранты на нѣм. и франц. яз. безплатно и франко. Брошюра съ 50 разн. оригинальн. собачьихъ расъ, получившихъ всѣ 1 награду, руководство для заводчиковъ и любителей за 10 мар., 6 рублей, 6 гульд., 12 фр. 50 с.
 К. № 1015 4-2

ОБЪЯВЛЕНІЕ.
 Большая русская фирма ищетъ дѣльныхъ лицъ, которыя за хорошее вознагражденіе приняты бы на себя обязать провинціальнымъ городомъ для распространенія ея дѣлъ.
 Требуется, чтобы лица эти занимались исключительно дѣлами фирмы и необходимо представленные ими хо оиныхъ аттестатовъ, ими указаніе на солидныя рекомендаціи.
 На предлагаемыя должности могутъ быть опредѣлены и служившіе въ гражданскомъ или военномъ вѣдомствѣ.
 Желавшіе благоволятъ обращаться письменно съ подробнымъ указаніемъ прежней ихъ дѣятельности съ заявленіями о своихъ аттестатахъ или рекомендаціяхъ въ Москву въ Контору Объясненій П. Печковской (Петровскія Линіи) под. лит. М. Н. О.
 П. № 4006 3-8

ВОЗДУШНАЯ ГАРМОНИЯ,
 прикрѣпленная къ шести или къ крышѣ дачи, производитъ пріятные и полные звуки, похожіе на аккорды отдаленнаго оркестра; цѣна 10 руб., съ пересылкой по почтѣ 12 р.
ВЪ МАГАЗИНѢ
НЮРНБЕРГЪ,
 въ Москвѣ, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, домъ Шаховскаго.
 П. № 1027 1-1

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ
 ДЛЯ ЧАСОВЪ.
 Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство — 5 лѣтъ, не почернѣютъ! Предлагаетъ депо Васильевскихъ, Большой Морская, д. 17, кв. 6, нарядн. лѣстница № 1020 въ С.-Петербургѣ. 10-1

МУЖСКИЯ ОДИНОЧН.
 въ 2, 3, 3 1/2 и 4 1/2 руб.
 Двойная
 въ 4 1/2, 5 1/2, 7 и 8 руб.
ДАМСКИЯ СЪ КИСТЮ
 въ 4, 5, 6, 6 1/2, 8 и 9 руб.
НАРАДАШИ
 въ 1, 1 1/4, 1 1/2 и 2 руб.
 Ключики по 75 коп.
 Пересыла 50 коп.
 Торговать смѣшно.

КРЕДИТЪ ПО ПЕРЕВОДАМЪ
 дасть хорошо извѣстнымъ фирмамъ торговый домъ въ Лондонѣ. Адресъ: № 214, Рудольфъ Моссе 98 Queen Victoria St London. P. № 1032

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ. Смотри объявленія въ предидущихъ № № „НИВЪ“.
П. П. ГНѢДИЧА.

ПОЛУ-СУХОЕ.
РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
 ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССИИ И ЗАГРЯНИЦЕЙ
Н. П. ЛАНИНА,
 въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.
 ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ“, ЯГОДНЫИ И ФРУКТОВЫИ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНУ БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ, ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ, СЛѢДУЮЩІИ НАГРАДЫ:
 1. **НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА** на Одесской выставкѣ 1884 года: **ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ** съ правомъ ходатайства на награжденіе **ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОВОМЪ**
ВСЕРОССИЙСКИИ НАГРАДЫ:
 2. Серебряная медаль 1852 г.
 3. Серебряная медаль 1860 „
 4. Почетный отзывъ 1864 „
 5. Серебряная медаль 1865 „
 6. Серебряная медаль 1869 „
 7. Медаль 1870 „
 8. Золотая медаль 1872 „
 9. Высочайшая благодарность 1875 „
 10. Золотая медаль 1882 „
ИНОСТРАННЫИ НАГРАДЫ:
 1. Филадель. выстав. медаль . . . 1876 г.
 2. Филадель. выстав. медаль . . . 1878 „
 3. Париж. выстав. поч. отв. 1878 „
 4. Амстердам. выстав. медаль . . . 1883 „
 5. Бостон. выстав. почет. днлн. . . 1889 „
ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:
 1. Съ 1863 г. по 1873 г.
 2. Съ 1874 г. по 1882 г.
РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
 приготовлено изъ чистаго русскаго винограднаго вина, безъ всякой примѣси иностраннаго, и нѣсколько не уступаетъ самымъ лучшимъ французскимъ маркамъ.
РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
 можно имѣть прямо съ фабрики ящиками въ 60 и 30 б. по 1 р. 50 к. бут.
 Кроме того поступили въ продажу еще новые четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“:
 1) ПОЛУ-СУХОЕ (Demi sec. «England» à la Cliquot).
 2) ОЧЕНЬ СУХОЕ (Extra sec. à la Pommeroy).
 3) РОЗОВОЕ ГУСТОЕ (Oeil de Perdrix à la Roederer).
 4) РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ (à la Cliquot).
 Вышеозначенные четыре сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут. по 2 р. бутылка. № 4000
ЛВ.—ПРОСЯТЪ ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛОЕЪ.
ОЧЕНЬ СУХОЕ.

Только что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ
романа В. С. СОЛОВЬЕВА:
ЮНЫИ ИМПЕРАТОРЪ.
 Романъ-хроника въ 3-хъ частяхъ.
 Съ портретомъ Императора Петра II и со многими вынетками Каразина. Красивый томъ in 8, на веленев. бумагѣ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленкор. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
 Съ требованіями обращаться въ контору журн. „НИВА“ (СПБ., Бол. Морская, 9), въ Москвѣ въ Отдѣл. конторы журн. „Нива“ у Н. Н. Печковской (Петровск. линіи), а также и у всѣхъ книгопродавцевъ.

Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons
RECOMMANDÉ
PRODUIT ROUME
 Médai.le d'argent
 Article recommandé par excellence
 Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons
ROUME

LA DIAMANTINE
 La teine des poudres de riz, admirable comme adhérence et parfum, devient la plus demandée étant la plus saine M. № 1024
 Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons
PARFUMERIE DU GRAND MONDE
 MAISON DE CONFIANCE
 16. Grande Morskaïa, 16.
 Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons
ROUME

Ж. БЛОКЪ.
 Москва, Кузнецкій мостъ, д. Голыцина.
 СПБургъ, Невск., № 16.
 Волоснепки для всякаго возраста и обоего пола! отъ 75 р. — 500 р.
 ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.
 Специальность для русскихъ дорогъ:
„РУССКІИ КЛУБЪ.“
 Лучшій подарокъ. ая гимнастичка. ее средство передвижн.

Чокракское грязе-лечебное заведеніе въ Крымѣ открыто съ 20 мая. Подробности см. № 14 журнала „Нива“ № 1004

Съ разрѣшенія Спб. Врачебнаго Управленія.
СВОБОДИНЪ
 ПРЕВОСХОДНОЕ
СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ
 уничтожаетъ въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ. Постоянно возрастающее употребленіе Свободина, вслѣдствіе рекомендацій потребителей, доказываетъ отличное дѣйствіе этого средства. № 1084 15-1
 Цѣна въ флаконѣ 35 коп. Съ пересылкой 2 флак. 1 руб., 4 флак. 1 руб. 70 коп., 6 флак. 2 руб. 40 коп.
ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССИИ
А. ГЕБГАРДТЪ.
 Каванская ул., д. № 3, магазинъ № 1.

МѢСТО ДИРЕКТОРА
 для главнаго техника значительнаго завода ищетъ инженеръ съ многолѣтнею практикою въ червоарадныхъ англійскихъ и германскихъ заводахъ. Большая опытность въ сооруженіи новѣйшихъ машинъ для большихъ океанскихъ пароходовъ, броненосныхъ судовъ, легкихъ плоскодонныхъ рѣчныхъ пароходовъ и миноносковъ. Знаніе 4-хъ языковъ. Предлож. подъ лит. З. А. доставить въ Центральную Контору Объясненій, Невскій № 8. P. № 1030 3-1

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛУХИД
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
 Невскій, 21 (прот. Бол. Нюношенной), предлагаетъ свои услуги по покупкѣ и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховыхъ, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ банковъ по покупкѣ и продажѣ иностранныхъ монетъ и векселей, по заложу и перезалогу цѣнныхъ бумагъ на срокъ или до востребованія („on call“) и по всѣмъ другимъ касающимся банковаго дѣла, порученіямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью за самое умѣренное вознагражденіе.

СТРАХОВАНІЕ
 выигрышныхъ билетовъ отъ предстоящаго тиража погашенія по **СОРОКЪ КОП.**
 страховая квитанція высылается по почтѣ на счетъ конторы, безъ всякой доплаты.
Продана 5% билетовъ
 I и II Государственныхъ внутреннихъ съ выигрыш. займовъ съ разсрочкою платежей

производится конторою на слѣд. условіяхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ, остальная сумма уплачивается ежемѣсячными взносами, по опредѣленію самаго покупателя, однакожъ не менѣе **ПЯТИ РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ.**
 Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падеть на проданный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю. P. № 3971

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ
 И ИСПРАВЛЕНІЯ
ДУРНАГО ПОЧЕРКА
 КАЛЛИГРАФЪ А. В. ИВАНОВА,
 МОСКВА, центральн. бульваръ, д. Торопова, кв. № 9.
 ПРИИМН. ИГОРОБОДНИХЪ ПАНСИОНЕРАМЪ.
 P. № 1016 3-2

ВОДА СЕНТЬ-ЛО,
 разрѣшенная С.-Петербургскимъ Медицинскимъ Управленіемъ.
НѢТЬ БОЛЕЕ СЪДЫХЪ ВОЛОСЪ!
 Эта вода придаетъ съдымъ волосамъ ихъ первоначальный черныи или блондинскій цвѣтъ, послѣ однократнаго употребленія, безъ всякаго предварительнаго приготовленія и умыванія.
 Eau Mascotte для превращенія блонкураго цвѣта.
 Aubign для превращенія съдыхъ волосъ въ блонкуре.
 Продаются у изобрѣтателя:
ГЮСТАВЪ, специалитетъ для краски волосъ. Невскій пр., № 19, въ С.-Петербургѣ.
 Цѣна для провинціи: большой флак. 5 руб., мал. флак. 3 руб. За перес. 1 р. P. № 1081

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XVI годъ
№ 16

годъ XVI
1885

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 20 Апрелья 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (¼ шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 60 к. — Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМЪ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 8 Ч. ВЕЧЕРА.

А. В. Комаровъ.

Недавно вся Россія была взволнована полнеченною отъ одного изъ нашихъ доблестныхъ военачальниковъ телеграммою о побѣдѣ, телеграммою, которая читалась и толковалась повсемѣстно съ живымъ увлеченіемъ. Генералъ Комаровъ доносилъ, что вслѣдствіе вызывающихъ и враждебныхъ дѣйствій афганцевъ, онъ былъ вынужденъ 18-го марта атаковать укрѣпленныя ихъ позиціи, по обоимъ берегамъ р. Кушки. Афганскій отрядъ, силою въ 4,000 чел., при 8 орудіяхъ, разбитъ и разсѣянъ, потерявъ болѣе 500 чел. убитыми, всю артиллерию, два знамени и весь лагерь съ обозомъ и запасами. По окончаніи боя, генералъ Комаровъ перешелъ обратно за р. Кушкъ и возвратился на свои позиціи. Англійскіе офицеры, принимавшіе участіе въ боѣ, видя поражение афганцевъ, обратились къ намъ съ просьбою объ охранѣ. Побѣдитель афганцевъ, Александръ Вис-

Генералъ-лейтенантъ А. В. Комаровъ. По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

саріоновичъ Комаровъ, родился въ 1823 году и получилъ воспитаніе въ навловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1849 году онъ произведенъ въ офицеры лейбъ-гвардіи егерскаго полка и принималъ участіе въ венгерскомъ походѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ поступилъ въ академию генеральнаго штаба, откуда въ 1855 году, по окончаніи курса наукъ, поступилъ въ гвардейскій генеральный штабъ, но вскорѣ перешелъ на Кавказъ, гдѣ въ теченіе 1856, 1857, 1858 и 1859 годовъ отличался во многихъ сраженіяхъ и участвовалъ въ плѣненіи Шамиля. Въ шестидесятыхъ годахъ Александръ Виссаріоновичъ былъ назначенъ дербентскимъ градоначальникомъ и начальникомъ южнаго Дагестана. Въ 1869 году, посланъ въ Закаспійскій край, гдѣ провелъ и 1870 годъ, устраивая мангышлакское приставство. Въ 1876 году онъ назначенъ начальникомъ главнаго управленія по завѣдыванію кавказскими горцами. Перебравъ на жительство въ Тифлисъ, онъ сдѣлался

ближайшимъ помощникомъ великаго князя Михаила Николаевича по гражданскому устройству края. Въ 1882 г., до отъѣзда своего въ Закаспійскую область, онъ председательствовалъ въ археологическомъ съѣздѣ на Кавказѣ, гдѣ стяжалъ себѣ признательность всѣхъ участниковъ за вполне прекрасное руководство запятіями съѣзда. Александръ Виссаріоновичъ пользуется и въ ученомъ мірѣ извѣстностью за свои изслѣдованія. Онъ посвятилъ труды свои орнитологіи и инсектологіи Кавказа и успѣлъ составить весьма богатая ученыя коллекціи, хранящіяся въ кавказскомъ музеѣ. Въ 1882 году генералъ-лейтенантъ Комаровъ былъ назначенъ начальникомъ Закаспійскаго края, гдѣ въ короткое время умѣлъ приобрести общее расположеніе и любовь туземцевъ.

Уже съ конца декабря 1883 года стали ходить по Асхабаду слухи, что А. В. Комаровъ, желая воспользоваться впечатлѣніемъ, которое произвело на мервцевъ отправленіе отряда нашихъ войскъ на Теджентъ, поручилъ находившимся въ этомъ отрядѣ штабсъ-ротмистру Алиханову и текинскому маюру Махтумъ-Кули-хану проѣхать въ Мервъ и предложить мервцамъ изъявить покорность и принять русское подданство. Затѣмъ, въ январѣ, заговорили, что попытка эта удалась вполне. 17-го января неопредѣленные слухи перешли въ дѣйствительность: плѣнные были доставлены въ Асхабадъ подъ кон-

воемъ текинцевъ. Это были первые вѣстники нашей мирной побѣды, принесшей намъ безъ пролитія крови и затратъ дѣльную область съ 200-тысячнымъ населеніемъ. Затѣмъ, 25-го января, прибыла въ Асхабадъ и самая депутація мервцевъ. 27-го января, депутація была принята генераломъ Комаровымъ, поднесла ему прошеніе на Высочайшее имя о принятіи подданства и приняла присягу. Объяснивъ обязанности, которыя возложатся на мервцевъ взаимъ даруемыхъ имъ правъ русскихъ подданныхъ, генералъ Комаровъ объявилъ депутатамъ, кто къ нимъ назначаются окружными начальниками. Депутаты принесли присягу на подданство. 13-го февраля ханы и старшины выѣхали изъ Асхабада. Такъ, благодаря А. В. Комарову, тихо, безъ шума совершилось крупное событіе: „владыка степи“ — Мервъ, гнѣздо разбоевъ и разрушенія, тормозившее развитіе чуть ли не всей средней Азии, приютилось подъ сѣнью великой русской державы, чтобъ вступить на путь мирной жизни.

Генералъ-лейтенантъ А. В. Комаровъ 3-й, старшій братъ того генерала-маюра Комарова, который командовалъ кавказской гренадерской дивизіей во время минувшей войны и умеръ отъ ранъ, полученной подъ Зивиномъ, и Константина Комарова, бывшаго начальника Ардаганскаго отряда, впоследствии батумскаго губернатора.

Кулисы.

Повѣсть

Вас. И. Немировича-Данченко.

(Продолженіе).

XI.

Африканка.

Заломивъ назадъ свои прекрасныя руки, въ жаркой и душистой уборной, стояла у зеркала Нина Борисовна. Сейчасъ выходить. Четвертое явленіе. Сквозь полуотворенную дверь она слышала восторженную фразу Васко-де-Гама: „Везсмертье—для меня!“ Еще минута и она на сценѣ. О какъ бы теперь дорого дала она, чтобы сегодняшняго дня не было... Еслибы еще она не знала, еслибы ее не предупредили, что для нея готовится! Какъ тяжело, какъ тяжело! И все это будетъ непремѣнно. Иначе не оглядѣла бы ее съ такимъ торжествующимъ видомъ Досуева, не фыркнула бы госпожа Бабкина, проходя мимо. Да кромѣ того ей и напомнили. Вонъ на столѣ лежитъ анонимное письмо. Совѣтуютъ ей смотрѣть въ оба, „потому что не всегда же интриганка будетъ безнаказанна“. Это она-то интриганка! Да противъ кого же?

— Нина Борисовна!.. улыбающійся режиссеръ просунулъ голову въ двери. Пожалуйте... и онъ живо сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

Раевская быстро опустила на колѣни... Кроткое лицо Богоматери печально смотрѣло на нее съ иконы.

— Спаси меня... Помоги мнѣ!.. только и могла проговорить бѣдная дѣвушка...

Она уже у кулисы. Вонъ Васко. Красивъ сегодня Барсовъ! Онъ поетъ о невольникахъ, купленныхъ имъ. „Пусть войдутъ...“ слышится густой басъ донъ Педро. „Дай мнѣ силу выдержать!..“ закончила свою молитву Нина Борисовна и, вмѣстѣ съ Арчибальди-Нелюско, вышла на сцену... Никто не аплодируетъ... Тишина... Публика точно притаилась... Такъ звѣрь притаивается передъ рѣшительнымъ прыжкомъ. Она подняла глаза... обвѣда товарищей. Ни въ комъ, кромѣ Акулова, нѣтъ признака участія. Всѣ улыбаются, или отворачиваются отъ нея... Въ кулисахъ собралась остальная труппа. Точно ждуть когда начнется скандалъ... Ей—нѣтъ. Голосъ не слышится... На нее съ удивленіемъ смотритъ капельмейстеръ...

...Вдали отъ береговъ родимой стороны
Застыгла буря насъ... Мы не могли вернуться,
Насъ взяли въ плѣнъ—рабами стали мы!..

Докончила она дрожащимъ, неувѣреннымъ голосомъ. Легкое шиканье послышалось слѣва. Она не взглянула даже туда. Она знала, что все это сегодня будетъ... Клака ждала слѣдующаго акта. Что это, какъ кричить сегодня Арчибальди... Ему вѣрно хочется за-

глушить ее... Старая исторія, и оркестръ ведется *forto*... „Какой я дамъ отвѣтъ—рабамъ отчизны нѣтъ!“ Едва-едва окончила она свою партію. До слѣдующаго акта она можетъ уйти, спрятаться въ уборную... Не видѣтъ враждебныхъ лицъ, всего чуждаго ей міра!.. А можетъ быть обойдется, и ничего не будетъ... Вѣдь не всѣ же безъ чести и безъ совѣсти. Можетъ быть она напрасно волнуется... О еслибы такъ... еслибы такъ!.. Она въ чудеа когда то вѣрила, вотъ теперь бы случиться чуду. И опять она полными слезъ, прекрасными глазами смотритъ на печальную Богоматерь съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ... Кто то стукнулся въ дверь къ ней.

— Послушайте, Нина Борисовна, врывается весь взволнованный Акуловъ. Что вы имъ въ руку играетъ... Куда вы голосъ спрятали? Покажите публикѣ... Говорю я вамъ... Эхъ вы!.. Тутъ то вамъ и развернуться!..

— Страшно... Сама чувствую что скверно...

— Еще бы... чего хуже... За васъ досадно... Натекла, хлебнуть!.. Да побольше.

— Что это?.. отвела она рукою какую то фляжку и крошечную рюмку.

— Да ужъ не разсуждайте, что!.. Коньякъ—вотъ что... Смотрите, вѣдь я самъ изъ за васъ, ни на что не похожъ... Пейте, пейте, я вамъ дѣло говорю... Знаю... Не лимонадомъ же бодрить себя.

Коньякъ обжогъ ей горло, ударилъ въ голову...

— Ну, будьте же молодцомъ—вамъ начинать.

Въ кулисахъ она наткнулась на директора... Тотъ какъ увидѣлъ ее, такъ и набросился:

— Такъ нельзя-съ... Такъ нельзя-съ... Помилуйте. Публика жалуется—не слышать совѣмъ. Коли голоса нѣтъ такъ и контракта бы не заключали... Кажется не шепками я плачу... Три тысячъ-съ... Покорѣйше прошу пѣть-съ какъ слѣдуетъ, не модничать, да-съ!.. Вонъ и господинъ Барсовъ на васъ жалуется...

Барсовъ тутъ же, на сценѣ. Онъ укладывался уже на каменную скамью...

— Вы на что жаловались? обратилась она къ нему. Барсовъ приподнялся.

— А то что если вы со мною дуэтъ будете такъ вести, то вы меня зарѣжете—слышите!.. Я васъ предупреждаю, что я уйду со сцены—оканчивайте сами, какъ знаете.

Онъ старался не глядѣть ей въ глаза...

Прелюдія оркестра... грустный мотивъ скрипокъ. Тихо приподнимается занавѣсъ... Она еще не совлала съ собою... Кто то шикнулъ изъ партера... „Слопнсь ко

мнѣ—на грудь ко мнѣ—сынъ солнца!.. “Голосъ ея звучитъ все увѣреннѣе и увѣреннѣе... Прежняя гибкость въ немъ. “Съ моря вѣтерокъ—лети, вечеръ недалеко—глади!..” Лопнула струна на чьей то скрипкѣ... Въ партерѣ засмѣялись... Все равно—она теперь взяла себя въ руки. Широкиѣ, полнымъ страсти и нѣги разливомъ несетъ музыкальная фраза „Засни скорѣй, о милый мой!.. Молю то пламя затуши, что день и ночь горитъ въ моей груди... Нѣтъ больше силъ...” Капельмейстеръ оборвалъ оркестръ раньше... Публикѣ показалось, что она затянула, въ разладъ съ акомпаниментомъ пошла. Все равно... Вотъ она наклоняется надъ спящимъ Васко: „Люблю тебя лишь одного я... Въ тебѣ одною вся жизнь моя...” Послышались аплодисменты... Нелюско не далъ имъ разгорѣться... Слѣва раздалось звучное: „честь царицы спасти обязанъ я...” Начался дуетъ...

Архаровцевъ кончилъ свою арію... Громъ аплодисментовъ... Арчибальди схватилъ ее за руку и подвелъ къ рампѣ... Прямо въ лицо ей изъ партера и ложь: „Арчибальди... solo!.. не нужно Раевскую...” крикнулъ кто то... Въ райгѣ загоготали... Сконфуженная, она отошла назадъ... „Такъ тебѣ и надо!” Продолжаетъ все тотъ же голосъ... Нина Борисовна видитъ какъ полицейскій сорвалъ изъ третьяго ряда... Наверху суматоха... Выводятъ кого то... „Что же намъ навизываютъ безголосныхъ пѣвицъ...” во все горло оправдываются тамъ... „Подходите ко мнѣ—ко мнѣ... ближе!” шепчетъ ей ВаскодеГама... Совсѣмъ растерявшася, она постъ опять обернувшись къ публикѣ спиною. Ее неслышно... „Какъ мнѣ дорога ты—мой ангелъ небесный!” пѣлъ Барсовъ. Онъ схватываетъ ее за голову... Поворачиваетъ къ себѣ и Нина, растерявшись, пропускаетъ свое: „Вѣрнѣе не смѣю себѣ”. Она видитъ какъ капельмейстеръ отчаянно машетъ на нее палочкой... Она наконецъ вырывается изъ рукъ Васко и когда оркестръ уже оканчивается „счастьемъ все дышетъ во мнѣ”—бѣдная, она продолжаетъ еще только:

„Правда ль—ему дорога я”—подъ смѣхъ партера и пиканье изъ ложъ... Вѣрно изъ тѣхъ семи ложъ, о которыхъ говорили двое посѣтившихъ ее молодецъ... Опустивъ голову, какъ виноватая, она отходитъ въ сторону, когда отворяется дверь тюрмы.

Донъ Педро ведетъ Инесу... Инеса—Лолошка, съ манерами субретки дурнаго типа, подбѣгаетъ къ рампѣ. Увидѣвъ ее, публика аплодируетъ... Въ *тѣхъ* ложахъ бѣснуются... „Бабкина bravo... bravo Бабкина!..” Очевидно эти восторги направлены противъ Нины.

— Вы пѣть не умѣете!.. шепчетъ ей Барсовъ въ то время какъ размалеванная Лолошка присѣдаетъ во всѣ стороны у рампы, посылая въ публику поцѣлуи... Лолошка знаетъ, что пока она будетъ кланяться и благодарить, до тѣхъ поръ и публика не перестанетъ аплодировать... Она длитъ сладкія мгновенія...

— Вотъ партія то и не вызывная, а какъ мою дочку встрѣчаютъ!.. слышится въ кулисахъ...

— Да, я съ этой Раевской убилъ бобра!.. недовольно отвѣчаетъ директоръ...

— Понимаете?.. оборачивается Барсовъ къ Нинѣ. И торжествующая улыбка попляка еще больше ее оскорбляетъ.

— Понимаю и благодарю васъ! презрительно отвѣчаетъ Нина.

Она совсѣмъ разволновалась. Ея угрожающій жестъ когда она слышитъ имя Инесы вышелъ просто смѣшонъ... Въ септетѣ она уже не пѣла, а стояла, опустя глаза и моля только о томъ, чтобы поскорѣе окончился этотъ ужасный актъ. Она забыла все, что должна была дѣлать и въ концѣ акта вмѣсто того чтобы броситься къ Васко—ушла въ кулису; быстро, мимо недоумѣвающихъ хористовъ, вбѣжала къ себѣ въ уборную и запершись, дала наконецъ волю истерическимъ

рыданіямъ... Никто не мѣшалъ ей. Никто не явился ни съ сожалѣніями, ни съ упреками. Она могла оставаться одна—еще нѣсколько минутъ. Послѣ третьяго акта она опять ушла сюда и къ четвертому уже успокоилась совсѣмъ... Въ третьемъ актѣ—ее не замѣтили. Она настолько овладѣла собою, что не спутала ни разу. Въ ея положеніи и это было успѣхомъ.

На сценѣ живутъ мгновеніями. Полчаса назадъ она рыдала и билась въ креслѣ, теперь, напротивъ, она точно передъ боемъ стояла, стиснувъ зубы и нахмурясь... „Что я за слабонервная дрянь такаа!” разозлилась она на самое себя... Когда даже Агуловъ за кулисами отшатнулся отъ нея—она только улыбнулась. Не успѣхъ въ этомъ мѣрѣ ужасенъ тѣмъ, что даже друзья не узнаютъ ее когда пройдетъ она мимо нихъ, растерянная и осниганная. Какъ зачумленная будетъ артистка пугать всѣхъ, пока благосклонность капризнаго властелина-публики не сниметъ отлученія... Агуловъ, еще въ началѣ спектакля ободрившій ее, теперь отошелъ прочь. Онъ боялся за себя, боялся стать противу всѣхъ. Онъ не былъ героемъ: всѣ эти сценическіе герои—ходульные, когда опустится занавѣсъ и они сотрутъ свои румяна и снимутъ яркіе, мишурные костюмы, они оказываютъ трусливѣе и малодушнѣе послѣдняго изъ восторжавшихся ими зрителей... „Какая я слабонервная дрянь!” повторяла она про себя и въ вызывающимъ видомъ смотрѣла въ лицо всѣмъ этимъ радовавшимся ея успѣху. Она сознавала въ себѣ силы, она понимала, что въ сегодняшнемъ успѣхѣ—виновата сама. Ничего бы не подѣлать и клакъ. Передъ ней еще четвертый актъ... У нея еще великолѣпная арія пятой картины... Есть время заглядить все, заставить забыть все. И когда Агуловъ опять встрѣтился съ ней, Нина не выдержала:

— Погодите еще, Иванъ Семеновичъ. Дождитесь конца оперы.

Вотъ и четвертое дѣйствіе... Электрическій свѣтъ ярко зыблется на золотистыхъ вершинахъ пальмъ... Тяжелый индійскій храмъ слѣва, могуче вздымается изъ густой чащи отовсюду охватившихъ его священныхъ деревьевъ. Легкая колонада дворца. Толпа народа радостно встрѣчаетъ Селику, которая, вся въ золотѣ и каменьяхъ, величаво раскинулась на носилкахъ... Вызывающе смотритъ она въ партеръ... Она видитъ—къ нечаястию слишкомъ зорка Раевская—она видитъ этихъ улыбающихся людей, весь этотъ жалкій фонъ театра, этихъ Малделей, Повиликиныхъ, бессмысленно выпучившую на нее глаза клаку. Она видитъ ихъ, какъ царица, окидывая сверху до низу взглядами. Какъ царица оскорбленная, знающая что сейчасъ этотъ звѣрь, готовый разорвать ее, станетъ лизать ей руки!.. „Погодите...” думала она сходя на землю... Нелюско и хоръ жрецовъ кланяются чтить ее... Она сама должна повторитъ клятву—надъ золотой книгой. „Я кланусь!..” могуче звучитъ ея сопрано, покрывая оркестръ... Только два слова—но они заставили приподняться слушателей... Это совсѣмъ не то! Барсовъ изъ за кулисъ уловилъ ея торжествующій взглядъ... Онъ холодомъ обдалъ его... И все же, красота Раевской одуряюще дѣйствовала на него. „Освищенная или торжествующая—а она должна быть моею... Въ крайнемъ случаѣ брошу Досузеву...” Теперь уже не то. Она ждетъ у кулисы... Она презрѣниемъ встрѣчаетъ насмѣшливые взгляды, когда Лолошка, по хамской привычкѣ своей, фыркнула—она прямо обернулась къ ней.

— Что вамъ угодно!.. смѣрила ее съ ногъ до головы Нина.

— Я... я ничего. Ленгу поправить у васъ.

— Поправьте... И она улыбаясь повернулась къ Бабкиной.

Бабкина смутилась до того, что дѣйствительно поправила какую то кисть роскошнаго костюма.

Спасенный отъ смерти 3-лѣтній Размысловъ, вытасченный 10 февраля изъ-подъ развалинь дома
Вяземскаго въ СПб. Орлг рис. Мэри, грав. Ю. Барановскій.

ХІІІ передвижная выставка. „Малороссы“. Картина В. Е. Маковского. По фотогр. Якобъ, грав. Флегель.

— Спасибо, милая! сказала Нина и, кивнув головой, пошла прочь.

На сценѣ толпа полудикихъ воиновъ занесла топоры надъ головою Васко...

„Ну что жь—пробилъ мой часъ! Умру я какъ герой! идемъ!“ звучитъ его теноръ. „Остановитесь!“ показывается Селика на ступеняхъ храма.

„Селика... Тебя ли вижу я, какъ съ неба ты явилась на спасенье!“ „О еслибъ ты цѣнилъ!“ глубокою печалью проникнуть голосъ Нины... Вступаются жрецы... Васко грозитъ смерть... „Молчи...“ поетъ она ему. „Забудешь все потомъ... Сама судьба его на вѣкъ соединила со мной—царицей вашей!“ Во весь ростъ выпрямляется она, словно вырастаетъ. „Рабынею была въ далекомъ и краю—онъ на чужбинѣ спасъ и жизнь и честь мою...“

Селика стояла передъ жрецами, Селика—царица надъ внезапно заиспесовавшимися зрителями... Вотъ клятва Нелюско... Всѣ уходятъ... Она одна остается съ Васко. „Прости! бѣги отъ насъ, бѣги съ своею славой... Страданье, мнѣ оставь... Ты никогда не могъ... Ты не хотѣлъ любви моей понять...“

„О! своего не признавалъ я счастья... О, замолчи... Теперь я твой... Отнынѣ сердце будетъ биться лишь для тебя одной!..“

Какъ хороша была она, когда, въ порывѣ страсти и радости, бросилась къ Васко... Сомнѣнія разрѣшились. Она любима... Могучею волной льется ея голосъ... Она наполняетъ имъ весь театръ... Звуки, вызывающіе на глаза слезы... Капельмейстеръ нарочно велъ оркестръ forte—по и онъ не выдержалъ, артистическая жилка и въ немъ сказала... Одушевленнѣе замахалъ онъ палочкой... Васко и Селика клянутся любить, забыть прошлое. Безоблачное небо, рай передъ ними, рай, полный свѣтлыхъ грезъ и волшебныхъ вдохновеній...

— Bravo, bravo... рвется публика... Аплодисменты покрываютъ все... „Bravo! bravo! Раевская! bravo!“ Занавѣсъ опускается... Ее вызываютъ... Что это... Сквозь восторги сначала прорывается робкое шиканье... Шиканье растетъ... Клака старается заработать свои деньги... Въ *тѣхъ* ложахъ—крайнихъ, бѣснуются голодные партіи, подкупленные Манделемъ и Барсовымъ—шиканье растетъ, растутъ и рукоплесканія... Выходитъ ли? Разумѣется выходитъ... Вѣдь она знаетъ *кто* ей шикаетъ—обращать ли на нихъ вниманіе! И она выходитъ... Какъ царица останавливается у рампы... Вонъ изъ той ложи особенно озлобленно свистятъ ей. Раевская поднимаетъ туда глаза... и низко-низко кланяется клакерамъ.

— Bravo, bravo! звучитъ еще громче. Уходя за кулисы, она сталкивается съ Досужевой.

— Раевскую соло... Не нужно Раевскую... Барсова! бѣснуются въ театрѣ.

— Не рано ли вы отвернулись отъ меня, Акуловъ... грустно упрекаетъ его Нина Борисовна.

— Что голубушка. Всѣ мы!.. Эхъ! сконфуженно оправдывался Акуловъ...

Вотъ и послѣдняя картина. Знойное небо опрокинулось надъ теплымъ, мерцающимъ моремъ. Въ неоглядную даль уходитъ его густая лазурь. Пологий зеленый мысъ—на немъ раскинулась губительная манценилла, широко разбросались ея могучія вѣтви... Полную тихой грусти арію играетъ оркестръ... Въ тихую грусть врываются медлительные торжественные звуки. Кажется что это видѣнія умирающаго. Какъ будто приподнимается передъ его гаснущимъ взглядомъ голубое небо, и за нимъ, полная блеска и славы, раскидывается безконечность...

Медленно показывается Селика... Она рѣшилась умереть. Зачѣмъ ей жить, отвергнутой и брошенной... Отсюда видитъ она безпредѣльное море, глубокое какъ ея тоска... Волны за волнами несутся по его простору. Такъ и страсть въ ея душѣ. „О грозный манценилла,

храмъ зелени роскошной! Широко раскинулись твои вѣтви... Пришла къ тебѣ искать успокоенія... Твоя вѣчная тѣнь—тѣнь могилы...“ Нѣтъ въ ней ненависти... Она простила всѣмъ... „Будь счастливъ Васко!“

Вздохи арфы сливаются съ грустнымъ напѣвомъ. Но что это... изъ ложи направо слышится смѣхъ... Налѣво подхватываютъ шиканьемъ... Публика въ недоумѣніи... Какой то мужикъ въ красной рубахѣ, должно быть изъ театральнахъ плотниковъ, выпятился на самую сцену... Позади за нимъ спряталась почтенная маменька Лолошки. Мужикъ выпучилъ глаза и глазъ не сводитъ съ Селики... Голосъ ея дрогнулъ... Въ ложахъ зашикали сильнѣе... Шиканье растетъ и растетъ. Какой то пьяный въ райкѣ зашѣлъ пѣтухомъ. Клака работаетъ изо всѣхъ силъ. Вонъ артельщикъ, должно быть изъ ближайшей къ сценѣ ложи, наклонился и бросилъ что то—въ залѣ засмѣялись... Раевская машинально подходитъ—баннй вѣникъ у ея ногъ. Гордость женщины, негодование артистки проснулись въ пей. Она подошла къ рампѣ, блѣдная, какъ смерть... Оркестръ замеръ...

Зала разомъ смолкла. Слышно какъ тяжело дышетъ кто то... Точно всѣмъ стыдно стало... Нина какъ будто хотѣла сказать что то. Она раскрыла губы... Грудь волнуется... Безсознательно артистка прижала руку къ сильно бьющемуся сердцу—но не успѣли слушатели еще сообразить въ чемъ дѣло, какъ она съ глухимъ шумомъ, какъ подкошенная, упала на полъ...

ХІІ.

Перемѣна декораціи.

Раевская проснулась. То есть она за все это время не разъ и просыпалась и засыпала снова, но она не помнила, что съ нею... Теперь—она узнала свою комнату... Былъ вечеръ... Она съ недоумѣніемъ привстала... Давно ли? Когда она раздвинула драпировку,—удивленіе ея усилилось. За столомъ на диванѣ лежала какая то совсѣмъ незнакомая ей особа... Лица ея она еще не видѣла... Но костюма никакъ не могла понять... Ноги въ розовомъ трико, коротенькая юпочка, поднимавшаяся вверхъ отъ дивана, и какой то глазетовый корсажъ... На полъ брошенъ старый салопъ... Что бы это значило? Нина Борисовна попробовала привстать, но не могла, и безсильно откинулась назадъ. Шумъ этого разбудилъ лежавшую на диванѣ. Она описала въ воздухѣ легкой пируэтъ и разомъ встала на ноги... Юпочка ея заколыхалась во всѣ стороны, когда она подошла къ постели Раевской...

— Что это со мной? проговорила та... Господи, да это вы, Серафимочка?

Серафимочка въ томъ же театрѣ служила танцовщицей—и до сихъ поръ Раевская ее не замѣчала вовсе.

— Я, Нина Борисовна... Не надо ли вамъ чего? Ну, слава Богу—наконецъ вы опомнились... всплеснула она руками.

— Что вы здѣсь дѣлаете? въ этомъ платѣ.

— Да мы съ мамашей недѣлю уже около васъ. Вы вѣдь и не знали, а мы живемъ тутъ же, въ одномъ корридорѣ съ вами. У насъ комнатка въ уголку... Маленькая... Ну, какъ васъ господинъ Акуловъ привезъ тогда изъ театра, вы совсѣмъ не въ себѣ были, маменька и рѣшили, что никому какъ намъ смотрѣть за вами... Мы все и дежурили... Пока я сегодня въ театрѣ была... въ Риголетѣ танцевала, около васъ маменька сидѣла. А они теперь поскорѣй побѣжали въ аптеку за питьемъ для васъ, я торопилась тоже изъ театра—да вотъ такъ, не переодѣвшись, къ вамъ и попала.

И Серафимочка, засмѣявшись, ударила ладонями по юпочкѣ, такъ что та вся откинулась назадъ.

— Вы добрая, Серафимочка... Какъ благодарить васъ!

Слезы ей навернулись на глаза. Вотъ не ожидаешь откуда помощь придетъ.

— Что же, помилуйте!.. Мы васъ такъ любимъ всѣ... на сценѣ.

— На сценѣ любить!.. Что вы, Серафимочка, полноте!..

— Вѣрно, Нина Борисовна!.. Большіе точно что противъ васъ, а мы всѣ вотъ, и хористы съ хористками тоже—мы васъ очень любимъ. Очень любимъ!.. И Серафимочка совершенно неожиданно схватила и поцѣловала руку Пины Борисовны.

— За что же любить меня?

— А потому вы за людей насъ считали. Тѣ вѣдь какъ съ нами обращаются, съ горничными лучше. А вы всегда съ нами хорошо!.. Мама у меня больная,— вы ее два раза въ каретѣ домой довели. Разъ я танцевала, а вы сидѣли; вы меня подозвали и приласкали. Мы все помпимъ!.. Господинъ Акуловъ у васъ тоже часто бывалъ!.. Сегодня еще они были!.. Ужъ я и познаю хорошо ли они сдѣлали.

— Что такое?

— Да вы все про Кашинцева какого то говорили. Не въ себѣ были. Портретъ его требовали. Господинъ Акуловъ вамъ давалъ разные портреты, пока на стояціи не напалъ. Вы и давай цѣловать его!.. портретъ то. А на портретѣ то—городъ, гдѣ снятъ онъ!.. Акуловъ возьми да и телеграфируй туда!.. Авось, говорятъ, найдутъ его!.. Коли хорошій человекъ—пріѣдетъ, а коли дурной—и Богъ съ нимъ.

— Когда это онъ сдѣлалъ!.. вдругъ оживилась Нина.

— Вчера вечеромъ!.. Самъ и на телеграфъ побѣжалъ. Вотъ тоже Крестовоздвиженскій справлялся объ васъ.

— Какъ Акуловъ придетъ—вы ему скажите, что за эту телеграмму я ему очень благодарна.

— Видите!.. обрадовалась Серафимочка.

Въ дверь другой комнаты постучали, помахивая юпочкой во всѣ стороны и подпрыгивая по балетной привычкѣ на носкахъ, Серафимочка побѣжала туда!.. Тамъ она зашептала съ кѣмъ то!.. Нина слышала только какъ она радостно сообщала: „Совсѣмъ опомнилась!.. Со мной разговаривала!.. Сейчасъ только что!..“ — „Ну и отлично, ну и слава Богу!..“ отвѣтилъ старушечій голосъ и вмѣстѣ съ танцовщицей въ спальню къ больной вошла маленькая толстая старушка. „Ну ты, стрекоза, бѣги теперь, переодѣнься!.. А я посижу!.. И слава Богу, и слава Богу. Скоро и совсѣмъ здоровы будете, Нина Борисовна!..“ Серафимочка сдѣлала скачекъ на воздухъ, перевернулась на носкѣ, упала въ позѣ умирающей нады на салопъ, лежа обернулась въ него и, вскочивъ, съ громкимъ смѣхомъ убѣжала въ корридоръ.

— Какъ васъ и благодарить!.. не знаю!.. начала было Нина!.. Старушка перекрестила ее и поцѣловала въ лобъ.

— Чего благодарить. Мы люди бѣдные. Привыкли!.. Другъ за друга, а Богъ за всѣхъ!.. Слышу—вы больны!.. Акуловъ сказалъ!.. Ну я сейчасъ же его то прогнала: не мужинское дѣло,—да сама съ дочкой къ вамъ навизалась!.. хорошая вы моя!.. Семь дней вѣдь вы провалялись. Докторъ сказалъ что ничего опаснаго нѣтъ, а покой только требуется, да уходъ!

— Какая дочка у васъ милая, добрая!..

— Серафимочка то!.. Въ строгости я ее выростила, что говорить. Ничего что театр—баловаться то я ей не давала. Пошлетъ Богъ хорошаго человека—успокоитъ она меня. Я вѣдь какъ. Первое то время я отъ нея ни на шагъ. Вотъ теперь только, эти два дня, безъ меня она по уборнымъ. Ну, да теперь я спокойна. Теперь ничего, знаю ее!.. Я вѣдь, матушка вы моя, и сама на театрѣ выросла. Мужъ то мой тоже театральнй былъ!.. Въ суфлерахъ!.. Вонъ мы какъ!.. Сказывала дочка вамъ, что Акуловъ депешу послалъ?.. Какъ его фамилія такая еще!.. патрета вотъ этому!..

— Ну?

— Въ тую же ночь и отвѣтъ пришелъ. Вчера это было!..

— Ну?.. взволновалась Раевская, кровь прилила къ ея сердцу!.. Что если отказъ, что если онъ позабылъ ее. Видѣли вы отвѣтъ?.. Говорить вамъ Акуловъ?

— Какже. Ентотъ самый!.. пишетъ: „Сейчасъ выѣзжаю и самолично, значить, черезъ два дня буду!..“

— Завтра слѣдовательно.

— Вотъ именно.

Нина Борисовна протянула свои похудѣвшія руки, схватила старушку за голову, прижала къ себѣ и поцѣловала.

— Обрадовалась!.. засмѣялась старуха!.. Что жъ онъ— женихъ тебѣ, перешла она сразу въ материнскій тонъ.

— Сватался когда то!.. да я отказала!.. Любить очень онъ меня. А я думала что не его люблю!..

— Анъ вышло то иначе!.. На повѣрку онъ оказался— такъ; что же, это бываетъ. Ну что жъ, дай Богъ, дай Богъ!.. У насъ въ театрѣ мужъ нуженъ. У насъ безъ мужа нельзя!..

На другой день когда Нина проснулась—ей рядомъ въ комнатѣ послышались чьи то голоса. Говорили шепотомъ, очевидно не желая разбудить ее. Она позволила. Къ ней въ спальню вошла Серафимочка.

— Милая, хорошая!.. бросилась она цѣловать больную!.. Какой красавецъ тамъ ждетъ васъ!.. Ласковый такой, высокій!..

— Пріѣхалъ?.. обрадовалась Нина. Давно ли?

— Онъ часа два тутъ.

Нина привела себя въ порядокъ, накинула блузу. Когда Сергій Федоровичъ вошелъ, она порывисто протянула ему руку и заплакала!..

— О чемъ!.. о чемъ Нина!.. А я браниться съ вами буду!.. И не отойдетъ пока не выскажусь. Такъ то исполнили вы свое слово, обѣщаніе. Мнѣ все рассказали этотъ Акуловъ. Онъ и встрѣтилъ меня въ вокзалѣ. По портрету узналъ. Вамъ жутко было, а вы забыли нашъ уговоръ. Отчего вы тогда же не телеграфировали мнѣ!..

— Почему я знала!.. Столько прошло времени!.. Вы могли забыть!.. Да и какъ же я бы это сдѣлала, развѣ теперь я имѣю право!..

— Нина, что это за трагическое „теперь“. Разумѣется всегда имѣли, имѣете и будете имѣть это право.

— Стыдно было!.. Сколько бессонныхъ ночей я продумала о васъ. Какъ я каялась!.. Я кошмаръ пережила за это время!.. Во мнѣ такая борьба происходила!.. Помните, въ дѣтствѣ еще вы рассказывали мнѣ какъ чернй ангелъ боролся со свѣтлымъ. Ну вотъ тоже самое и въ душѣ моей было!..

Она опять заплакала!..

— Знаете, Нина, вы мнѣ расскажете все это потомъ, когда оправитесь. Теперь это только разстроить васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сейчасъ. Поймите—у меня это на сердцѣ лежитъ!.. Тяжесть такая!.. Я должна рассказать—иначе покойна не буду. Какъ я бы хотѣла вернуться ту ночь, помните когда мы сидѣли на площади Равенны!.. у фонтана!.. Какъ ярко луна свѣтила тогда!.. Помните, какъ я вамъ отвѣтила на вашъ вопросъ тогда!.. А теперь!.. А теперь я готова была бы молить какъ счастья, чтобы вы опять мнѣ предложили его. И она закрыла лицо руками!..

Кровь бросилась ему въ голову. Онъ точно озарился весь!.. Счастливая улыбка показалась на губахъ!..

— Нина!.. И онъ отвелъ ея руки. Знаете ли вы: не было дня, минуты не было, когда бы я не думалъ!.. Понимаете ли, что десятки лѣтъ я способенъ ждать!.. Голосъ его дрогнулъ!.. Онъ смотрѣлъ на нее съ безконечною нѣжностью!..

Глаза ея приняли испуганное выраженіе. Точно передъ ней пропелся какой то призракъ!.. Она даже про-

тянула руки впередъ, будто отталкивая его... Только теперь онъ замѣтилъ какъ похудѣла она за это время.

— Нѣтъ... теперь поздно, теперь уже нельзя... Нельзя—слышите ли... Оставьте меня... Я дурная стала. Когда я расскажу вамъ, вы сами отвернетесь отъ меня... Что я сдѣлала, что сдѣлала, Господи!.. Тогда, вы помните эту встрѣчу мою съ этимъ...

— Помню!.. Онъ разомъ поблѣднѣлъ.

— Слушайте... Только не смотрите на меня... Я ничего не скрою, я все расскажу.

И поминутно останавливаясь, словно стыдясь недавняго увлеченія, она передала ему шагъ за шагомъ что случилось, всю печальную страницу любви... Глубокое горе дрожало въ звукахъ ея голоса... Нѣсколько разъ онъ прерывался. Казалось что у нея не будетъ силъ окончить исповѣдь—но она съ лихорадочною поспѣшностью опять начинала ее... Она не скрыла ничего... Напротивъ, выискивала мельчайшую возможность обвинить себя—и каялась, точно онъ былъ ея судьей, онъ, лицо котораго все свѣтлѣло и свѣтлѣло... Когда она оканчивала—невыразимое счастье охватило его... Она его не видѣла отвернувшись.

— Вотъ я... кажется, все сказала... Все... Не спрятала... Теперь вы знаете... Уѣзжайте же... уѣзжайте... Только не кланите меня... Простите... Пусть я навсегда останусь въ вашей памяти такою, какою была тогда... До этого утра... Что жъ вы молчите...

Онъ порывисто прошелся по комнатѣ... Еслибы онъ заговорилъ сейчасъ—не пришлось бы кончить... Слезы къ глазамъ подступали...

— Нина... Все что вы рассказали мнѣ—что же это? Въ этомъ вся честь на вашей сторонѣ... иначе вы не могли чувствовать, желать и думать... Уваженіе мое только выросло... А любовь... любовь моя—не могу полюбить я васъ больше...

— Боже мой!

— Знаете... То былъ дурной сонъ... Скверный сонъ... Забудьте его скорѣе!..

— Милый!.. О какъ мнѣ легко теперь... Какъ хорошо... Какъ я могла тогда не понять тебя... Гдѣ были мои глаза?

И полились счастливыя, свѣтлыя рѣчи...

Навѣдалась было въ комнату Серафимочка, но разомъ замѣтила, что въ ней тутъ вовсе не предстоитъ никакой надобности. Лукаво улыбнулась Кашиинцеву и побѣжала къ себѣ... Черезъ часъ только вошла горничная. Директоръ пріѣхалъ, видѣтъ васъ желаютъ?.. Та разволновалась.

— Я съ нимъ переговорю за тебя... Позволь мнѣ...

— Да я все равно бы не могла принять его.

Директора пригласили. Кашиинцевъ отрекомендовался ему.

— Вы не родственникъ ли тому... извѣстному заводчику?.. поднялъ брови антрепренеръ.

— Я самъ и есть.

Директоръ вскочилъ съ мѣста...

— Помилуйте, вы меня извините... Я бывалъ на вашихъ заводахъ... За честь считаю... Вы какъ же имъ будете?.. вдругъ забеспокоился онъ.

— Нинѣ Борисовнѣ?.. Женихъ ея.

— Чего съ?

Ушамъ не вѣрилъ тотъ.

— Женихъ... Какъ выздоровѣтъ—я и жепюсь на ней.

— А какъ же, растерялся директоръ... Тутъ говорили... И спохватился во время... То есть я, знаете, всегда...

— Это вы насчетъ сплетни о Барсовѣ? совершенно спокойно отвѣтилъ тотъ. Все ложь и клевета. Чтобы положить конецъ этимъ мерзкимъ выдумкамъ, я завтра господину Барсову визитъ сдѣлаю!.. Предупредите его. Слышите ли?..

— Какъ же съ... Какъ же съ... Сейчасъ же... Сочту за честь... Такъ вы тотъ самый... На Уралѣ еще рудники?..

— Есть, есть!.. улыбнулся тотъ... А вотъ, что съ моей невѣстой здѣсь вы надѣлали?

— Да еслибы я зналъ... Да я бы ее на ладошкѣ носилъ... Пушинки бы съ нея сдувалъ. Вѣтерку ко-снутъ бы не далъ... И въ Астраханской губерніи рыбныя ловли?..

— Ну, а зачѣмъ вы сегодня пожаловали?

— Такъ знаете... Что ужъ теперь... Я насчетъ контракта—хотѣлъ измѣненіице легонькое... Но я не зналъ... Теперь пускай по старому... По старому... Я согласенъ...

— Нѣтъ, по старому не будетъ...

— Значитъ, они сцену оставляютъ... И куда же въ самомъ дѣлѣ: вашей супругѣ вдругъ и на сценѣ!

— Нѣтъ не оставляетъ... Она училась и работала... Она будетъ пѣть. Только я ее увезу. Пускай въ другомъ мѣстѣ.

— Какъ же вы ее отъ насъ-то отнимаете... Звѣзду-то! Тотъ отъ души расхохотался.

— Послушайте, комикъ вы этакій: покажите новый контрактъ, который заготовили... Вѣдь вмѣсто трехъ—полторы тысячи написали, а?.. А теперь ужъ и звѣзда!.. Давайте на чистоту! Сколько неустойки?

— Три тысячи, всего... печально даже проговорилъ директоръ... Зналъ бы я, думалъ онъ про себя, я бы десять написалъ.

— И старый контрактъ съ вами?

— Да.

— Давайте ка его сюда. Я вамъ сейчасъ и неустойку вручу... Только съ условіемъ...

— Приказывайте-съ... Въ ниточку для васъ вытянуть!..

— Видите... Оставлять вашу сцену, опиканпой—нельзя. Она должна сама уйти, съ честью... Понимаете?..

— Нѣтъ-съ, не понимаю! совершенно откровенно отвѣтилъ антрепренеръ.

— Она должна въ послѣдній разъ выступить въ большой, отвѣтственной роли... Ей надо въ этой партіи имѣть успѣхъ. Для этого сдѣлать все. И трупа, и оркестръ пусть содѣйствуютъ—я заплачу! Публику, если нужно, подготовьте также... цвѣты, вѣнки и т. д. дѣлайте все пошире... счеты мнѣ, но смотрите, чтобы она не знала.

— Будетъ все исполнено-съ!

— Еще разъ повторяю: она объ этомъ не должна знать вовсе... Слышите! Я въ этомъ участія не принимаю... Поняли? Вы тоже. Я желаю, чтобы всѣ эти Досужевы, Бабкины пріѣхали къ ней съ визитомъ... Слышите?.. Заставьте ихъ.

— Все будетъ-съ... Я только вотъ въ сомнѣніи насчетъ нашей здѣшней газеты...

— Авторъ этихъ пасквилей?.. Не беспокойтесь. Это мое дѣло.

— Кабы знать было раньше! вздохнулъ грустно директоръ, прощаясь съ Кашиинцевымъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

На охотѣ.

Изъ очерковъ Канады. Л. Биара.

I.

...Въ одинъ прекрасный день на охотѣ я заплутался. Мнѣ любезно указали дорогу въ сосновый лѣсъ и я отправился, раскланываясь съ мужчинами и женщинами сосѣдней деревни, съ любопытствомъ смотрѣвшими на меня.

Меня удивляли окружающія меня эти зеленыя и обработанныя поля. Два года тому назадъ мнѣ привелось видѣть эти поля, когда они были покрыты глубокимъ снѣгомъ, тогда страна мнѣ показалась мрачною и неплодородною; кое гдѣ попадались безлистые остова деревьевъ; надо мною было сѣрое небо

Красавица. Ориг. рис. И. Веле, грав. Пааръ.

и стал воронь. И тогда припомнил слова Вольтера постъ парижскаго трактата 1763 года, по которому были уступлены Англіи французскія владѣнія въ Канадѣ. „Мы потеряли нѣсколько десятинъ сѣвгу“ говорилъ знаменитый писатель. Между тѣмъ эти нѣсколько десятинъ сѣвгу—страна вдвое обширнѣе Франціи, покрытая дѣственными лѣсами, богатая желѣзною рудою, ртутными, свинцовыми рудами и плодородная. Два столѣтія мы владѣли ею; тамъ успѣли прославиться наши храбрцы—Денессъ Картье и маркизъ Монкальмъ, защищавшій ее отъ притязаній Англіи.

Этотъ герой, командовавшій въ 1756 г. отрядами французскихъ войскъ въ Сѣверной Америкѣ, разъ двадцать одерживалъ верхъ надъ англичанами съ горстью солдатъ. Принужденный бороться весьма неравными силами подъ стѣнами Квебека, онъ былъ убитъ въ началѣ битвы. Соперникъ его генераль Вольфъ погибъ въ этомъ сраженіи. На мѣстѣ, гдѣ пали оба генерала, поставили пирамиду и подписали ихъ имена.

Въ 1497 г. Венеціанецъ Каботъ, офицеръ англійской службы, открылъ Канаду и овладѣлъ ею. Въ 1506 г. французъ Денессъ, посланный Францискомъ I, посѣтилъ заливъ св. Лаврентія. Черезъ нѣсколько лѣтъ появились здѣсь испанцы. Разеказываютъ, что не найдя золота, кастильцы отравились обратно повторилъ: „Аса пада“ (здѣсь ничего нѣтъ). Эти слова, оставшіяся въ памяти у туземцевъ и слышанныя французами, получили популярность и впоследствии составили названіе страны.

Квебекъ, напоминающій французскіе города, раздѣленъ на двѣ части: Верхній и Нижній городъ. Въ верхней части, на крутой скалѣ построена крѣпость, куда ведутъ лѣстницы, высѣченныя въ скалѣ; эта часть города древнѣе, тамъ есть старинныя постройки, неправильныя улицы, составляющія контраранъ съ прямыми, изящными и красивыми улицами и новѣйшими постройками нижней части.

Замѣчательно красивыя окрестности Квебека застроены изящными дачами. Зимой здѣсь руть замерзаетъ, а лѣтомъ бываютъ тропическіе жары. На побережьи, попадающихъ въ этотъ гостеприимный городъ, всегда производятъ впечатлѣніе два великолѣпныхъ водопада, заслуживающія вниманія даже постъ Ниагары. Рѣка Монморанси падаетъ съ высоты 20 фут. Другой водопадъ образуется ея притокомъ шириною въ 230 фут. Трудно представить себѣ что нибудь красивѣе величественнаго залива св. Лаврентія, если смотреть на него съ высоты крѣпости св. Людвига; Яковъ Картье первый вѣхалъ по его водамъ, омывающимъ цѣлые ряды роцъ, обращенныхъ теперь въ роскошныя сады.

Я взобрался на холмъ и очутился у опушки лѣса, гдѣ надѣялся найти дичь. Я окинулъ послѣднимъ взглядомъ окружающую мѣстность, и Квебекъ, вѣпчавшій вершину укрѣпленной скалы, напомнилъ мнѣ Брестъ. Лѣса Сѣверной Америки не имѣютъ ничего общаго съ лѣсами ея тропическихъ странъ. Не видно ни лѣнъ, ни птицъ, ни деревьевъ съ разнообразной листвою; всюду темныя ряды мрачныхъ, громадныхъ, темныхъ елей. Въ роскошныхъ странахъ, вѣчно согрѣваемыхъ налящими лучами, жизнь идетъ какъ-то напряженно: на каждомъ шагѣ вы встрѣтите птицу, четвероногое или пресмыкающееся, или насѣкомое; въ тропическихъ лѣсахъ никогда не бываетъ полной тишины: и днемъ и ночью слышны шумъ крыльевъ въ вѣтвяхъ, въ воздухѣ жужжанье насѣкомыхъ, въ травѣ шелестъ ползущихъ гадюкъ, вой агуровъ, мексиканскихъ кабановъ, раздаются голоса какаду или жалобныя крики ночныхъ птицъ, привѣтствующихъ восходъ и закатъ солнца; глазъ утомляется отъ разнообразія растительности. Въ еловыхъ же лѣсахъ вѣчно царитъ безмолвіе, полнѣйшая тишина, суровая природа работаетъ молча и здѣсь трудно избавиться отъ чувства какой то необъяснимой тоски. Тропическій лѣсъ можно сравнить съ смѣлой живой юностью; еловый же лѣсъ—это мрачная, суровая, тихая старость. Съ минуту шелъ я по опушкѣ лѣса, по понавѣ на тропинку, вошелъ въ самую чащу. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа ходьбы, я увидѣлъ ровъ, гдѣ глыбы выолпированнаго, гладкаго камня указывали, что это было ложе потока; небольшія лужи прозрачной воды, гдѣ колопились мириады головастиковъ; кое-гдѣ вскрикивали птицы. Я шелъ близъ потока, въ надеждѣ найти тутъ дичь. Я задыхался, такъ какъ приходилось все спускаться и подниматься; жара была удручающая. Наконецъ я дошелъ до какого то дикаго, мрачнаго и величественнаго мѣста, гдѣ и рѣшилъ отдохнуть и воспользоваться захваченными съ собой припасами.

Я провелъ здѣсь часа съ два, собирая растеній и насѣкомыхъ. Меня привлекала эта дикая, пустынная, лѣсная картина. Поднявшійся вѣтеръ колыхалъ верхушки еосенъ. Вдругъ громадный, темный облакъ закрыли видимый мнѣ лоскутъ неба и лѣсъ потемнѣлъ. Поднялся громовой раскатъ. Собиралась гроза. Я надѣялся добраться до Квебека, но пройди часа два, почувствовалъ капли дождя. Оставалось спрятаться подъ скалою и переждать бурю.

Я помѣтился между двумя глыбами несчащана, на верху которыхъ образовалась крыша изъ уха; едва успѣлъ я присѣсть, какъ молнія озарила лѣсъ и надъ моею головою раздался раскатистый ударъ грома.

Около трехъ часовъ высидѣлъ я подъ скалою, оглушаемый громомъ и ослѣпленный молніей. Сперва я философски отно-

сился къ своей неудачѣ и вспоминая тропическія грозы. Но не смотря на все величіе представлявшейся картины, я потерялъ терпѣніе, и мной овладѣлъ страхъ, когда я замѣтилъ, что гроза увеличивается. Страшный вихрь колыхалъ верхушки деревьевъ съ какимъ то злобѣннымъ шумомъ, а потокъ наводнялся грязной водою, громадными массами бѣжавшей со скалъ и соединившей свой шумъ со стономъ бури и съ ревомъ вѣтра. Я вышелъ изъ моего убѣжища, рѣшившись, не смотря на дождь, поскорѣй добраться до Квебека.

Надо было перейти потокъ, такъ какъ, не предвидя бури, я имѣлъ неосторожность зайти по ту сторону рва. Пройди съ полчаса, я увидѣлъ что берега все затопились. Промокнуть, до костей, я началъ каяться, что покинулъ свое убѣжище. Но это не могло высушить мою одежду... Дождь лилъ, я рѣшился войти на берегъ, найти тропинку, и полагаясь на волю Божію, идти впередъ. Но подняться на скалистый, мокрый берегъ, устѣпанный сосновыми иглами, не совѣтъ легкое предпріятіе! Я карабкался, скользилъ, падалъ, начался въ грязь, но наконецъ достигъ своей цѣли. Я такъ утомился, что принужденъ былъ сѣсть на землю, и спрятался подъ сосну, какъ будто большее или меньшее количество падавшихъ капель для меня теперь было не все равно.

На мнѣ была шляпа, купленная въ Нью-Йоркѣ, и сдѣланная, по увѣренію продавца, изъ англійскаго кастора. Но этотъ любопытный экземпляръ американскаго производства оказался сдѣланнымъ изъ сѣрой бумаги. Загнутыя поля моей шляпы, подъ вліяніемъ продолжительнаго дождя, совершенно оустились и отдѣлившись отъ шляпы упали мнѣ на шею въ видѣ довольно неизящнаго воротника. И такъ, на моей головѣ оставалась помпата, сѣрая шапочка, а на лицѣ и на платьѣ желтоватая грязь.

Дождь пересталъ, но небо было покрыто тучами и солнце, которое могло замѣнить проводника, не показывалось. Я долго шелъ, удивляясь, что не встрѣчаю живой души. Приблизился вечеръ, и меня начинала беспокоить мысль о предстоящей ночи посреди мрачнаго лѣса. Вдругъ я услышалъ позади себя стукъ колесъ, показавшійся мнѣ мелодичные всякихъ арій. Я посторовился, притотовившись окликнуть возницу. У меня была такой жалей видѣ, что этотъ возница, закутанный въ клеенчатый плащъ, ничуть не испугался. Онъ остановилъ лошадь, и я увидѣлъ цвѣтущее женское личико съ голубыми глазами и бѣлокурыми локонами.

— Эта дорога ведетъ въ Квебекъ? обратился я къ молодой жещинѣ, смотрѣвшей на меня съ удивленіемъ.

— Да, отвѣчала она;—только вы взяли не въ ту сторону, Квебекъ тамъ, прибавила она, указывая хлыстомъ по направлению, отъ котораго я удался.

Я предложилъ нѣсколько вопросовъ, по путешественница, не отвѣчая на нихъ, проговорила устремивъ на меня свои прекрасныя голубыя глаза:

— Вы французъ?

— Да, жалобно отвѣчалъ я, сознавая что въ эту минуту служу плохимъ представителемъ націи.

— Гражданинъ великой націи? прибавила она.

— Гражданинъ великой націи, повторилъ я улыбаясь.

— Если бы я не боялась обезпокоить моего отца, то охотно бы предложила довести васъ до города, вы кажется сильно устали.

Я поблагодарилъ мою сострадательную собесѣдницу и снова просилъ указать ближайшій путь въ Квебекъ.

— Вамъ надо идти прямо, сказала путешественница,—но если вы не очень торопитесь, то проведите меня, а разъ попадете на ферму, такъ я вамъ дамъ проводника.

— Я очень благодаренъ за ваше предложеніе, послѣдно сказала я.

И оустивъ ружье на плечо, я собрался слѣдовать за экипажемъ.

— Садитесь, проговорила жещина, отодвигаясь, чтобы дать мнѣ мѣсто; намъ остается еще цѣлая верста, а вы не посѣдете за моей лошадыю.

Я съ удивленіемъ взглянулъ на эту прекрасную, довѣрчивую незнакомку. Какая разница между странами цивилизованными и, такъ называемыми, дикими! Во Франціи, попадись я на встрѣчу особѣ прекраснаго пола, въ лѣсу, въ платьѣ, покрытомъ грязью, въ изорванной шляпѣ и съ ружьемъ на плечѣ, она не предложила бы мѣста въ своемъ экипажѣ, а стегнула бы лошады и вечеромъ разеказала бы своимъ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ, что ее перепугалъ на дорогѣ разбойникъ, и что она снаелась отъ смертельной опасности, благодаря лишь своему приуствѣію духа.

Я успѣлъ возлѣ моей благодѣлительницы со всевозможными предосторожностями, чтобы не зачухать ея бѣлый плащъ. Она ударила лошады и та побѣжала рысью.

— Вы не сочтете за нескромность, сказала она, если я спрошу, какимъ образомъ вы очутились такъ далеко отъ Квебека, и въ такую погоду?

— Это вина *loxia enucleator*! вскричалъ я.

— Одного изъ вашихъ друзей, конечно?

— Нѣтъ, птицы, классифицированной Линнеемъ, плохо описанной Бюффеномъ и живущей въ Ланландіи и въ вашей странѣ, которую я собирался подстрѣлить.

И прочтя вопросъ въ прекрасныхъ глазахъ моей собесѣдницы, я рассказалъ выходъ изъ Квебека, неудачи путевыя, за что былъ награжденъ блескомъ бѣлыхъ зубовъ и веселымъ смѣхомъ, каковымъ смѣются въ двадцать лѣтъ.

— Не сердитесь, что смѣюсь надъ вашими несчастіями, я бы желала, чтобы наше небо было къ вамъ милосерднѣе.

— Я знаю, вы сострадательны.

— Меня зовутъ Луиза Мартенъ.

Мы были недалеко отъ берега и лошадь пошла шагомъ. Вдругъ моя спутница приподнялась и стала всматриваться въ вершину холма, къ которому мы направлялись. Всѣ черты ея лица измѣнились и она полузакрываетъ глаза, какъ бы размышляя. Я заговорилъ съ ней, но она, казалось, не слышала моего вопроса—вниманіе ея было отвлечено. Я боялся помѣшать ея мечтамъ, но взглянувъ на ту же вершину, увидѣлъ человѣческую фигуру, сидѣвшую между деревьями, окаймлявшими дорогу. Машинально я схватился за ружье; молодая дѣвушка быстро повернулась ко мнѣ.

— Тамъ кто-то есть, сказалъ я.

— Да, отвѣчала она, похлопывая бичемъ.

Лошадь, возбужденная шелканьемъ бича, приподняла уши и ускорила шагъ. Скоро я могъ разглядѣть высокаго мужчину въ охотничьемъ платьѣ и въ большихъ охотничьихъ сапогахъ. Онъ всталъ и пошелъ къ краю дороги, какъ бы желая преградить намъ путь. При нашемъ приближеніи, онъ снялъ фуражку, закрывавшую лобъ, и оказался красивымъ, безбородымъ юношей съ бѣлоклыми волосами, широкимъ лбомъ и правильными чертами лица.

— Луиза, проговорилъ онъ, мнѣ надо поговорить съ вами. Лицо моей спутницы стало серьезно и лошадь ускорила шагъ. Лицо моей спутницы стало серьезно и лошадь ускорила шагъ. Лицо моей спутницы стало серьезно и лошадь ускорила шагъ.

— Здравствуйте, Луиза, сказала охотникъ, протягивая ей свою широкую руку.

— Здравствуйте Пьеръ, отвѣчала молодая дѣвушка.

— Какъ здоровье вашего отца?

— Ему лучше, благодарю васъ.

— Луиза, я хотѣлъ бы поговорить съ вами.

— Возьмите возки, обратилась ко мнѣ молодая дѣвушка, послѣ минутнаго колебанія, и дождитесь до вершины холма.

Загнѣвъ, не дождавшись моего отвѣта, она взяла охотника подъ руку и увлекла его впередъ.

Удивленный этой сценой, я собралъ возки и шагомъ поѣхалъ за молодыми людьми.

II.

Дождь пересталъ. Мало по малу небо прояснѣло; на концѣ каждой еловой иглы висѣла блестящая капля и когда солнце проникло въ какой нибудь уголокъ лѣса, то деревья казались осыпанными брилліантами. Окранны дороги, чуднаго оранжеваго цвѣта, напоминали мнѣ утесы нѣкоторыхъ мѣстъ Нормандіи. При взглядѣ на эти деревья, кусты, тропинки и траву, растущую на краю дороги, я мысленно переносился въ Францію, позабывъ обо всѣхъ утреннихъ неудачахъ и мнѣ казалось невѣроятнымъ, что я отдѣленъ отъ своего отечества неособозримымъ океаномъ.

По временамъ я поглядывалъ на обонихъ молодыхъ людей; они разговаривали вполголоса. Охотникъ сильно жестикулировалъ и казалось старался оправдаться передъ молодой дѣвушкой, или убѣдить ее въ чемъ то, она же, наклонивъ голову, изрѣдка отвѣчала ему. Теперь она откинула плащъ и я лучше могъ ее разглядѣть. Высокаго роста, она была граціозна. На ней надѣто было сѣрое платье, отдѣланное голубымъ, и хотя оно не было ни въ какомъ случаѣ модно, но очень шло къ ней. На ногахъ у нея были лайковыя ботинки, напоминавшія древнюю обувь, которую туземные индійцы употребляютъ и по настоящее время. Въ ея густыхъ, золотистыхъ волосахъ были вшиты темно-голубой бантъ въ родѣ головнаго убора эльзасокъ. Походка прекрасной обитательницы Канады была тверда, увѣренна и изящна. Однимъ словомъ у Луизы Мартенъ былъ просто аристократическій видъ.

Молодые люди составляли прелестную парочку и я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ. Эта неожиданная встрѣча сильно возбудила мое любопытство, я замѣтилъ фамиліарность ихъ обхожденія, доказывавшую давность знакомства. Мнѣ казалось, что это женихъ и невѣста, между которыми произошла размолвка и они хотѣтъ примириться.

Когда мы достигли вершины холма, Луиза остановилась:

— Прощайте, Пьеръ, сказала она, протягивая своему спутнику руку.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, съ живостью взявъ протянутую руку, до свиданья.

— Хорошо, до свиданья,—зависитъ это отъ васъ, отъ васъ только.

Молодой человѣкъ покачалъ головой, помогъ ей сѣсть въ экипажъ, потомъ, отойдя, чтобы дать намъ проѣхать, вѣжливо мнѣ поклонился. Минуту спустя, лошадь рысью спускалась съ берега и я увидѣлъ прелестную долину, въ глубинѣ которой высились большія строения. Луиза, задумчивая и серьезная,

хранила глубокое молчаніе, я неподвижно сидѣлъ, не желая отвлекать ее отъ думъ. Неожиданно обернувшись назадъ, она поклонилась охотнику, потомъ глубоко вздохнула, махнула бичемъ и сказала, указывая мнѣ на строения:

— Глубокая Долина, жилище моего отца. Глубокая Долина—подходящее названіе. Долина, въ которую мы спускались, была окружена со всѣхъ сторонъ высокими холмами, на ней видѣлись роскошныя нивы. Мы проѣхали мимо старой женщины, занятой обстругиваньемъ кустарника и складываньемъ его въ вѣзанки. Она привѣтствовала насъ по французски, ея акцентъ и юбка съ черными полосами снова напомнили мнѣ Нормандію.

Я передалъ свое впечатлѣніе моей спутницѣ.

— Вы во Франціи, отвѣчала она,—мои родные, владѣющіе этимъ имѣньемъ болѣе двухъ столѣтій, уроженцы Руана, какъ и наши слуги.

— Вы были во Франціи.

— Нѣтъ, я родилась въ этомъ домѣ и Квебекъ единственный городъ, который я видѣла.

— Вы воспитывались въ Квебекѣ?

— Я воспитывалась въ этой Долинѣ и ни одной ночи не провела подъ другой крышей. Но зачѣмъ эти вопросы?

— Вы такъ говорите по французски, что и во Франціи это не всегда услышишь.

— Благодарю васъ, улыбаясь сказала молодая дѣвушка, но замѣтьте, для меня и для половины жителей Канады, французскій языкъ родной. И хоть мы и знаемъ англійскій, но не говоримъ на немъ свободно.

— Но однако не всѣ ваши соотечественники выражаются такъ изящно.

— Я умѣю читать и писать, возразила моя прекрасная спутница, въ этомъ весь секретъ. Но вы не очень любезны, вы хоти и видѣли Квебекъ, но считаете, насъ, кажется дикими.

Я поспѣшилъ отдать полную справедливость Квебеку, гдѣ воспитался англійскими и французскими школами. Но все же Долина—не Квебекъ, и потому я и могъ выразить свое удивленіе при встрѣчѣ съ прекрасной дѣвушкой, обладавшей изящными манерами и оказавшейся дочерью фермера.

— Да развѣ у васъ это положеніе считается униженнымъ? спросила молодая дѣвушка, пристально смотря на меня.

— Нѣтъ, поспѣшилъ я отвѣтить. Земледѣліе всездѣ уважается. Но, къ несчастію, то что у васъ и у англичанъ подразумѣвается подъ словомъ фермеръ, у насъ рѣдко встрѣчается. Наши фермеры хорошіи народъ, но ихъ простота доходитъ до грубости и кромѣ своего занятія они ничего не знаютъ.

Миновавъ ворота при лаѣ двухъ черныхъ громадныхъ собакъ, мы вѣхали во дворъ, усыпанный пескомъ, и остановились у крыльца стариннаго дома съ неправильно расположенными окнами, какъ любили строить наши предки, враги всякой симметріи.

Ко мнѣ подошелъ, опираясь на трость съ набалдашникомъ, высокій старикъ, одѣтый во французское платье, въ треугольнѣ и синихъ чулкахъ, казалось словно одинъ изъ предковъ нашихъ вышелъ изъ портретной рамы; ему не доставало только наряда до-восемидесятыхъ годовъ, но онъ носилъ старинное жабо и бретюки. Онъ раскланялся со мною; голова его была украшена бѣлыми, какъ снѣгъ, бублими; никогда не приходилось мнѣ видѣть такого красиваго и почтеннаго старца.

— Очень радъ васъ принять у себя, сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку; если уже вы когда нибудь и были здѣсь, то простите моей старой памяти, я забылъ и ваши черты и ваше имя.

Въ нѣсколькихъ словахъ я рассказалъ, какъ заблудился въ лѣсу, встрѣтился съ Луизой и какъ она любезно предложила мнѣ въ своемъ экипажѣ, и обѣщала дать проводника до Квебека.

— Прекрасно, вскричалъ старикъ; но гость не долженъ уѣзжать, не отдохнувъ и не утоливъ голода,—позаботьтесь объ этомъ.

— Дѣвушка, сказала молодая дѣвушка, этотъ гость французъ.

— Боже! неужели!

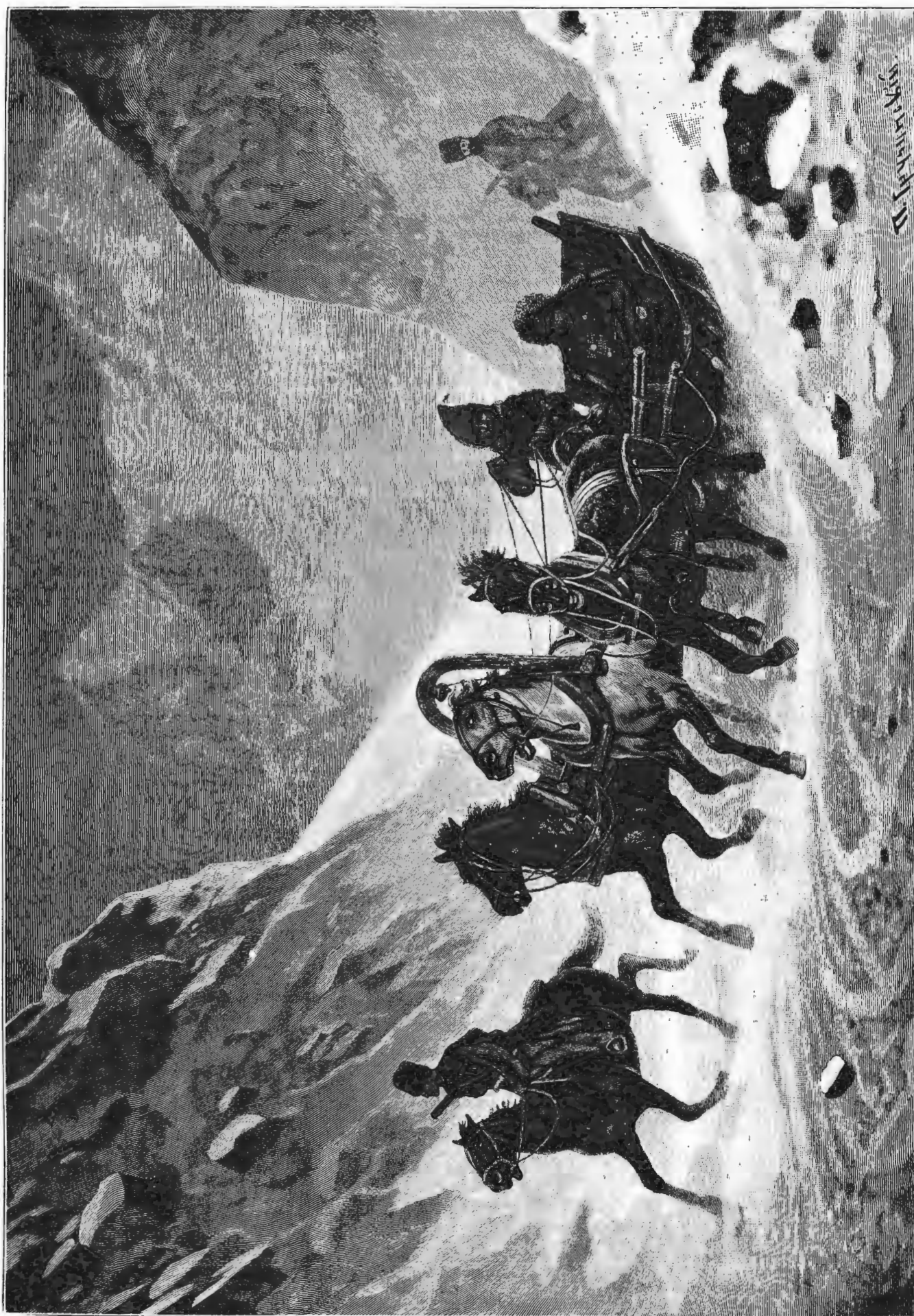
— Да, отвѣчалъ я.

— Тогда вы вдвойнѣ желанный гость; вы попали къ друзьямъ, землякамъ и братьямъ.

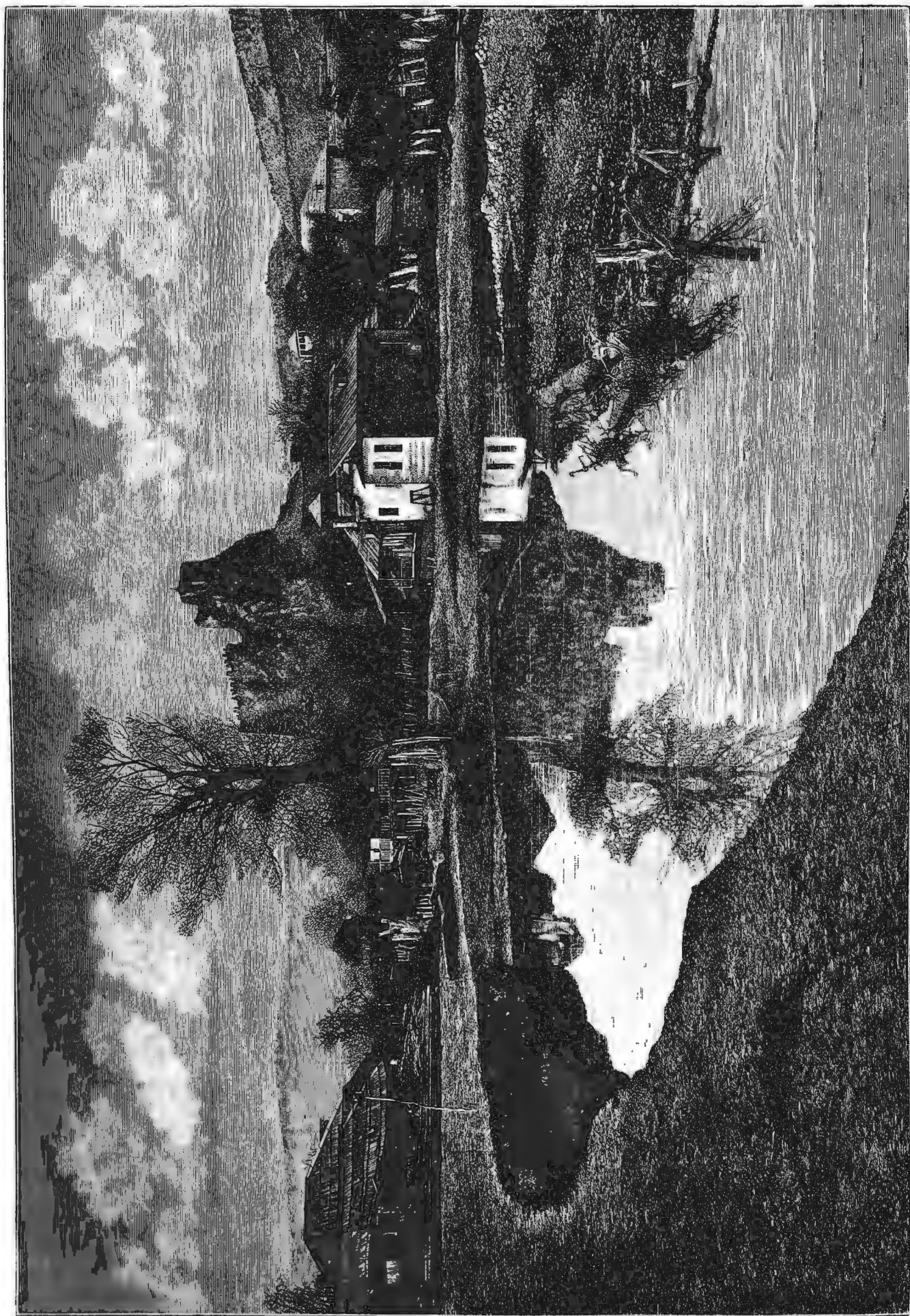
Этотъ простой и радушный пріемъ тронулъ меня до слезъ. Я находился за нѣсколько тысячъ верстъ отъ страны, во имя которой меня такъ дружески принимали. Какъ почетно и драгоцѣнно казалось мнѣ быть французомъ, при видѣ этого почтеннаго старца, крѣпко сжимавшаго мнѣ руку и приглашавшаго меня въ свой домъ. И прежде я слышалъ о расположеніи жителей Канады къ странѣ ихъ предковъ, но не приходилось мнѣ видѣть такого трогательнаго выраженія симпатіи.

Черезъ два часа я, въ качествѣ гостя, уже садился за столъ съ хозяйкой дома Мартенъ и дѣдомъ Луизы, а слуга отправлялся въ Квебекъ извѣстить, что я въ живыхъ.

Отцу Луизы было 48 лѣтъ, матери 40, Луизѣ 18, ея сестрѣ, Виктори 16, а двумъ сыновьямъ 14 и 12. Дѣду и бабушкѣ за 70. Слуги сидѣли за общимъ столомъ, ихъ было человѣкъ десять, и двоеили трое, съ бѣлыми головами, говорили „ты“ своимъ господамъ, какъ дѣтямъ, такъ и старшимъ. Дѣдъ прочелъ молитву и всѣ сѣли, подали ветчину съ капустой и жареную баранину.

Тройка съ конюемъ въ горахъ Кавказа. Съ карт. проф. П. Грузинскаго. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Древняя крѣпость близь станціи Сурамъ, по Поті-Тифлісской ж. Д. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

— Батюшка! вдруг сказала Луиза, возвращаясь съ гостемъ изъ Квебека, я встрѣтила Пьера.

— Ты съ нимъ говорила?

— Да, говорила, отвѣчала молодая дѣвушка, блѣдная. Воцарилось молчаніе, слышенъ былъ только стукъ ножей и вилокъ.

— Хорошо, кратко сказалъ фермеръ, мы поговоримъ объ этомъ послѣ.

И обратившись ко мнѣ, онъ сталъ разсказывать о жатвѣ, о предпринятыхъ имъ работахъ и о предполагаемыхъ хозяйственныхъ преобразованіяхъ. Я разсѣянно слушалъ его; казалось призваніе Луизы навело тѣнь на всѣхъ присутствующихъ. Кто такой былъ этотъ Пьеръ, если одно имя его приводило въ неприятное настроеніе семейство? Пенкорный, или, можетъ быть, блудный сынъ? Нѣтъ. Я слышалъ, Луиза говорила ему „вы“. Я совѣмъ сбился въ предположеніяхъ.

Дѣдъ прочелъ благодарственную молитву и всѣ встали. Мы ужинали въ продолговатой залѣ, съ громадными каминами, какіе и теперь еще встрѣчаются въ Нормандіи. На полкахъ разставлена блестящая кухонная посуда, въ потолкахъ были массивные дубовые брусья. Фермеръ пригласилъ меня выйти на воздухъ, а Луиза, разливъ на маленькомъ столѣ кофе, предложила мнѣ длинную, американскую трубку.

Часы пробили 8; ночь была свѣтлая и звѣздная. Луна еще не вышла, но поднималась съ сѣвера, а ея свѣтъ придавалъ

берегамъ серебристый цвѣтъ. Погода стояла чудная, изъ коношенъ и хлѣвовъ раздавались ржаніе, бляење и кудаханье. Я разспрашивалъ моего хозяина, онъ любезно отвѣчалъ на мои вопросы; это былъ серьезный и почтенный человекъ. Я узналъ, что онъ съ женой самъ училъ дѣтей и что на большомъ кладбищѣ Долины покоилось шесть поколѣній Мартевыхъ, прожившихъ счастливо, по понятіямъ о счастіи людей трудолюбивыхъ, вѣрующихъ и простыхъ. Мартенъ мечталъ о такомъ же счастіи и для своихъ дѣтей—желалъ, чтобы они никогда не покидали этой счастливой Долины.

Прошло много лѣтъ, я уже съѣдъ, но во мнѣ еще живы впечатлѣнія, вынесенныя изъ этой Долины. Стоило мнѣ закрыть глаза и мнѣ представлялся дѣдъ Мартенъ, читающій молитву въ большой залѣ, гдѣ меня приняли, я видѣлъ передъ собой строгія черты лица его сына, доброту, написанную на лицѣ его жены; прекрасные глаза Луизы и умныя лица ея сестры и мальчиковъ-братьевъ. Я снова вижу большую залу, куда меня повелъ хозяинъ послѣ кофе. При свѣтѣ двухъ лампъ, мать и обѣ дочери работаютъ, дѣдъ читаетъ а его внуки приготавливаютъ свои уроки къ слѣдующему дню. Славная и простая семья! И какой неизгладимый слѣдъ оставила во мнѣ недѣля, проведенная съ ними. Если счастье не пустой звукъ и если оно существуетъ только на нашемъ свѣтѣ, то, конечно, оно обитаетъ тамъ, въ Долинѣ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Въ Персіи.

Очеркъ барона К. Тейфенштейна.

Нѣсколько лѣтъ назадъ я былъ призванъ въ Персію для введенія тамъ правильной европейской системы управленія; и мнѣ, болѣе чѣмъ кому либо изъ живущихъ тамъ европейцевъ, удалось ознакомиться съ тѣми порядками, съ которыми я долженъ былъ бороться и стараться замѣнить ихъ лучшими. Любезный приемъ, котораго я удостоился вскорѣ послѣ моего прибытія въ Тегеранъ въ 1880 г., со стороны моего непосредственнаго начальника, министра иностранныхъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ военнаго, его высочества Хаджи-Мирзы-Гуссейнъ-Хана, которому подчинены всѣ живущіе въ Персіи иностранцы, а спустя нѣсколько дней со стороны самого шаха, давали мнѣ поводъ надѣяться на успѣхъ дѣла.

Первое время моего пребыванія я посвятилъ изученію условій страны; наблюденіями и справками старался я уяснить себѣ положеніе дѣла, а также дѣятельно занялся изученіемъ языка.

Медлительные въ дѣлахъ, персы проявляли однако нѣкоторое нетерпѣніе по отношенію нововведеній. Не винкая серьезно въ дѣло, они желаютъ видѣть только „повое“. Этимъ обстоятельствомъ объясняются неудачи или мнимыя удачи, какъ напр. военной реформы, введенія европейской полиціи, газоваго освѣщенія, электрическаго и проч. Отъ первыхъ двухъ остался только австрійскій мундиръ, а отъ послѣднихъ лишь фонари.

Я счелъ нужнымъ, поэтому, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, предложить персидскому правительству общій проектъ управленія краемъ. Онъ былъ по возможности простъ и припаровленъ къ мѣстнымъ условіямъ. Переводъ проекта на персидскій языкъ занялъ нѣсколько недѣль, въ теченіи которыхъ я занялся другими предметами, какъ: нормы содержанія и пенсій, податей, новыхъ мѣръ и вѣсовъ и пр. По прошествіи перваго года я составилъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ проектовъ и началъ принимать мѣры къ приведенію ихъ въ дѣйствіе. Послѣ многихъ представленій съ моей стороны, состоялось нѣсколько министерскихъ совѣщаній, во время которыхъ я разъяснял свои проекты министрамъ. Послѣ окончанія совѣщаній прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ, какъ было сказано, проекты мои издали одобренія шаха.

Но вотъ Мирза-Гуссейнъ-Ханъ внезапно подвергся немилости. Шахъ, недовольный составомъ министерства, принялъ управленіе въ свои руки, и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль въ Тегеранѣ царствовала какъ бы полная анархія. Наконецъ составлено было новое министерство. Такое министерство состоитъ въ Персіи изъ министра и нѣсколькихъ чиновниковъ, не имѣющихъ ни опредѣленнаго помѣщенія для занятій, ни всѣхъ тѣхъ приспособленій, которыя европейцамъ кажутся необходимыми. Канцелярія устранивается въ мѣстѣ пребыванія министра, или у него на дому, или въ одной изъ переднихъ или дворовъ шахскаго дворца. Цѣлая толпа чиновниковъ слѣдуетъ всюду за начальникомъ, и такъ какъ каждый изъ нихъ неизбѣжно носитъ при себѣ приборъ для писанія и всѣ акты въ кармапахъ, то легко можно присунуть къ дѣламъ гдѣ угодно. Въ кармапахъ такого мирзы зачастую помѣщаются акты за цѣлые года, состоящіе изъ записокъ, которыя считаются частной собственностью, а не документами канцеляріи.

Спустя нѣсколько дней послѣ вынесенія новаго порядка я получалъ письмо на французскомъ языкѣ отъ новаго военнаго министра, младшаго сына шаха, принца Наиба-Эс-Салтане—онъ просилъ меня къ себѣ. Къ этому принцу, согласно распоряженію шаха, я долженъ былъ обращаться по всѣмъ дѣламъ.

Принцъ, умный молодой человекъ лѣтъ 25, принялся за мои проекты съ рвеніемъ новоназначеннаго сановника. Проекты снова были разобраны, другіе же, которые я имѣлъ лишь въ

виду, онъ поручилъ мнѣ составить немедленно. Наступилъ новый годъ и принцъ, бывшій одновременно губернаторомъ нѣсколькихъ провинцій (Тегерана, Саве, Мазандерана, Гилана и Демавенда), предложилъ мнѣ постъ главнаго губернатора Саве съ неограниченными полномочіями для практическаго примѣненія моихъ проектовъ въ этой провинціи. Довольный подобнымъ назначеніемъ, я, понятно, предъ вступленіемъ своимъ въ должность поставилъ нѣкоторыя условія и прежде всего пожелалъ ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ провинціи, съ цифрой назначаемаго мнѣ кредита и многими другимъ, что я считалъ необходимымъ для обезпеченія себя на такомъ отвѣтственномъ мѣстѣ.

Все это было съ готовностію обѣщано,—но не исполнено. Я не могъ никакъ получить ни малѣйшихъ свѣдѣній о провинціи и наконецъ долженъ былъ уѣхать не зная даже ея границъ. За день до отъѣзда мнѣ вручили маленькую записку, въ которой значилось, что провинція обязана выплачивать столько то тысячъ франковъ и столько то тысячъ шарваровъ *) ржи налога. Въ сопровожденіи одного помощника и переводчика я выѣхалъ съ своимъ караваномъ изъ Тегерана. Ранѣе чѣмъ перейду къ описанію новаго мѣста моей дѣятельности, я постараюсь познать о способѣ замѣщенія правительственныхъ постовъ въ провинціяхъ Персіи.

Всѣ выдающіеся посты отдаются въ Персіи, такъ сказать, въ аренду. Такъ, напр. таможи, почты и телеграфы не подчинены какому либо министерству, но каждое учрежденіе подчиняется отдѣльному министру, для котораго оно составляетъ и статью дохода. Тоже самое и въ провинціальномъ управленіи. Губернаторъ считается высшей инстанціей по всѣмъ дѣламъ и долженъ только правильно вносить назначенныя подати и арендную сумму. Затѣмъ объ его дѣятельности не заботятся очень. Для нѣкоторыхъ провинцій арендныя суммы называются пенсией (подарокъ); въ большинствѣ случаевъ онѣ опредѣлены, но иногда аренда отдается и съ публичныхъ торговъ. Система эта идетъ отъ самого шаха и переходитъ въ постепенномъ порядкѣ до помощниковъ губернаторовъ и уѣздныхъ властей,—ходъ военнаго управленія. Генералъ, получившій подокъ, старается вернуть затраченный капиталъ съ офицеровъ штаба, а послѣдніе съ солдатъ, которыхъ они за деньги напр. отпускаютъ даже на частную работу, въсто того чтобы занимать ихъ службой.

Въ Персіи нѣтъ опредѣленныхъ нормъ содержанія чиновниковъ, и губернаторъ получаетъ жалованья такъ немного, что этого было бы недостаточно даже для содержанія его конюшни. Тѣмъ обильнѣе за то другіе источники, въ избыткѣ возмѣщали ему арендную плату. Предшественникъ мой платилъ 25,000 франковъ за свою провинцію, но говорилъ, что онъ кромѣ того получалъ 80,000 франковъ чистаго дохода. Побочные эти доходы губернатора истекаютъ изъ его двойственной власти—финансовой и юридической.

Около ста лѣтъ тому назадъ въ Персіи установился родъ комиссіи для опредѣленія ремеслъ, скотоводства и числа жителей страны, и это послужило основаніемъ для установленія налоговъ, существующихъ и по настоящее время. Кадастровыхъ и земельныхъ книгъ здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Чѣмъ руководствовались прежде, мнѣ не удалось узнать, не смотря на всѣ мои старанія, теперь же общіе налоги составляютъ отъ 10 до 15 процентовъ. Прибавляя къ этому подарку и другія повинности, налоги въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возрастаютъ до 30 процентовъ. Но нельзя установить извѣстнаго правила.

*) 1 шарваръ около 6 пудовъ.

Въ послѣдніе годы конечно произошли значительныя измѣненія относительно имущества и населенія страны. Во время года въ 1873 году въ Персіи перемерло около двухъ миліоновъ, вымирали цѣлыя деревни. Однако поголовный налогъ не измѣнился въ общей суммѣ, такъ что въ нѣкоторыхъ деревняхъ онъ колеблется между 50 к. и 3 р. на наши деньги. Цвѣтущія мѣстности превратились въ пустыни, частью отъ недостатка воды, частью отъ выселенія жителей. Тѣмъ не менѣе деревни значатся въ спискахъ и губернаторъ обязанъ уплачивать соответствующую съ нихъ сумму налога. Но бывають и противоположныя случаи: новообразовавшіяся деревни не занесены въ списки и не платятъ прямыхъ налоговъ. Для устраненія этого губернаторы съ нѣкоторыхъ поръ стараются ввести въ нѣкоторыхъ деревняхъ кромѣ прямыхъ еще добавочныя налоги, которые также называются пешкешъ, т. е. подарки. И такъ какъ такіе пешкешы не подвержены никакому контролю, но зависятъ совершенно отъ усмотрѣнія губернатора, то и составляютъ самую прибыльную статью. Поэтому нѣкоторыя мѣстности уплачивають на подарки болшую сумму, нежели та, которая составляетъ прямой налогъ. Губернаторы не доносятъ о новыхъ деревняхъ правительству, которое не преминуло бы обложить ихъ налогомъ, не снявъ въ то же время его съ деревень несуществующихъ.

Скорѣ послѣ вступленія въ должность я просилъ освободить отъ налога двѣ деревни разоренныя градомъ, на что получилъ денешу отъ шаха, въ которой говорилось, что это касается лично губернатора, что верховная власть не можетъ входить въ подобныя разбирательства, такъ какъ къ государственной кассѣ постоянно предъявляются требованія. И за деревни должно было платить.

Путешествіе по Персіи наглядно свидѣтельствуетъ объ удовлетворительномъ состояніи страны.

Люди, даже очень зажиточные, за немногими исключеніями, живутъ въ очень небрежныхъ постройкахъ, что обусловливается и жаркимъ климатомъ, а гдѣ нѣтъ бѣдности, тамъ ее выставляютъ парочно, чтобы избавиться отъ взятки. Легко себѣ представить какъ шатко при такихъ обстоятельствахъ идетъ торговля и производительность.

Вторымъ источникомъ дохода губернатора служитъ его компетенція высшей юридической власти. Каждый разборъ гражданскаго и уголовнаго дѣла даетъ доходъ губернатору, достигающій иногда высокой цифры. Въ первомъ случаѣ выигрывающая сторона платитъ 10 процентовъ съ суммы иска; въ послѣднемъ сумма опредѣляется не согласно важности преступленія, а смотря по зажиточности подсудимаго. Кромѣ того стороны должны еще вознаграждать судебныхъ чиновниковъ (фаранш), которые оповѣщаютъ стороны и производятъ аресты. Зачастую для исполненія такихъ обязанностей приходится ѣхать очень далеко; тогда лицо оповѣщаемое должно платить расходы гуляями (коннаго фаранша) въ оба пути и все таки вознаграждать его. Заключение въ тюрьму, состоящая изъ глиняныхъ мазанокъ, практикуется очень рѣдко. Въ какомъ нибудь провинціальномъ правительственномъ зданіи находится обыкновенно подземелье, гдѣ преступники приковываются за шею. Въ наибольшемъ однако употребленіи денежныя штрафы и тѣлесныя наказанія. Послѣднія бывають жестоки: виновный ложится на спину, поднимаютъ ноги и его по голымъ подонкамъ стегаютъ розгами или ремнями. Если приходится наказывать женщину, то ее завязываютъ въ мѣшокъ и бьютъ, не разбирая куда попадаютъ удары. Но даже и въ этомъ случаѣ наказывающій требуетъ вознагражденія отъ своей жертвы.

При вступленіи въ должность новаго губернатора начинается масса слѣдствій, что, можно сказать, вошло уже въ обычай и имѣетъ цѣлью внушить себѣ болше уваженія. Доброта въ начальникѣ неизвѣстна персу и считается имъ слабостью, почему и стараются убѣдить въ противоположномъ вышеописаннымъ способомъ. Персидскій губернаторъ не упускаетъ ни одного случая, чтобы не извлечь изъ него пользы. Если принять во вниманіе, что всѣ чиновники и писцы получаютъ жалованье не отъ правительства, а вознаграждаются лицами, которымъ они оказываютъ услуги, то станеть понятнымъ, что ни одному народу не приходится такъ тяжело, какъ жителю Персіи. Всѣ эти злоупотребленія до такой степени вкоренились,

что никому не приходитъ на мысль скрывать ихъ; что у насъ повлекло бы за собою увольненіе отъ должности, въ Персіи считается совершенно законнымъ. Изъ этого легко заключить какъ трудно европейцу бороться съ подобными видѣрившимися воззрѣніями.

Благодаря моему неустанному и внимательному надзору, мнѣ удалось до нѣкоторой степени прекратить грубыя злоупотребленія и ввести немного дисциплины между непосредственно подчиненными мнѣ чиновниками. Отдаленные округа, уходившіе отъ моего непосредственнаго надзора, только неослабной строгостію могли быть удержаны отъ взиманія чрезмѣрныхъ подарковъ.

Въ теченіи года я успѣлъ завести нѣкоторый порядокъ въ дѣлахъ, распредѣлить ихъ сообразно способностямъ служащихъ, устроить архивъ и назначить часы занятій. Назначеніемъ извѣстнаго вознагражденія за различныя служебныя услуги народъ былъ избавленъ отъ вымогательства чиновниковъ.

Доходы съ тринадцати областей моей провинціи, благодаря рациональной арендной системѣ и упорядоченію орошенія, составили на 15,000 франковъ болѣе противъ прошлаго. Губернаторы продавали обыкновенно воду частнымъ владѣльцамъ, что повело къ тому, что во многихъ мѣстахъ вода исчезала окончательно.

Столица пров. — и того же имени—Саве, лежитъ въ долинѣ окруженной высокими горами и прорѣзаемой рѣкою, входящею въ долину чрезъ узкое ущелье на западномъ концѣ горъ. Это ущелье въ 40 метровъ ширины было употреблено шахомъ Аббасомъ (названнымъ Великимъ, 1586—1628) для устройства шлюза съ двойною цѣлью: для сбора весеннихъ водъ и запаса воды для сухаго времени года, а также для того, чтобы поднятіемъ уровня воды способствовать орошенію болѣе возвышенныхъ частей долины.

Эта громадная постройка существуетъ еще и нынѣ во всей своей величественной красотѣ, но фундаментъ ея подмытъ, такъ что рѣка протекаетъ внизу и шлюзъ не исполняетъ уже болѣе своего назначенія. Я изслѣдовалъ эту постройку и нашель, что при затратѣ 200 или 300 франковъ ее можно возстановить, что принесло бы значительную пользу странѣ въ нѣсколько квадратныхъ миль, и изложилъ все это шаху, который съ своей стороны поручилъ дѣло принцу. Я сдѣлалъ подробное вычисленіе и необходимые техническія планы и ежедневно ожидалъ порученія начать постройку. Но затрата такихъ капиталовъ не въ правилахъ персидскаго правительства. Персъ желаетъ получать выгоды впередъ; будущность лежитъ внѣ его комбинацій. Такимъ образомъ дѣло кончилось однимъ проѣздомъ.

Между тѣмъ проэктъ орошенія возбудилъ духъ предприимчивости у нѣкоторыхъ болшихъ земледѣльцевъ провинціи, которые хотѣли основать акціонерное общество. Но и этотъ планъ не осуществился въ виду неизвѣстности сколько времени продолжится настоящее управленіе и въ виду опасенія будущаго.

Главною моею заботою было опредѣленіе въ Саве количества собственности и выѣстъ съ тѣмъ выработка основаній для налоговъ. Все было подготовлено для составленія предварительныхъ кадастровыхъ книгъ, какъ вдругъ я былъ отозванъ въ Тегеранъ для введенія гербоваго закона, проэктъ котораго исходилъ отъ меня. Къ этому времени прибыли изъ Вѣны заказанные мною штемпеля.

Напрасно противился я своему отозванію изъ Саве, гдѣ начатое мною дѣло, безъ сомнѣнія, должно было погибнуть въ короткое мое отсутствіе. Настоятельно требовали моего пріѣзда въ Тегеранъ, и прошло много недѣль, пока мнѣ, для моей новой задачи, удалось собрать совѣтъ министровъ.

Долгое мое отсутствіе вызвало наконецъ необходимость назначить въ Саве новаго губернатора. Это уничтожило все, чего я достигъ съ такимъ трудомъ. Новый губернаторъ, какъ оказалось, пользовясь тѣмъ, что провинція немного при мнѣ отдохнула, сталъ предъявлять къ ней тѣмъ болшія требованія.

Между тѣмъ дѣла съ гербовымъ уставомъ затлгивались; мнѣ снова дано было новое назначеніе, имѣвшее вначалѣ видъ болшнаго промышленнаго предиріятія, но которое впоследствии оказалось насиліемъ надъ цѣлою провинціей, въ чемъ я не желалъ участвовать, и не смотря на любезность ко мнѣ правительства, рѣшился просить объ увольненіи меня отъ службы.

Къ рисункамъ.

Спасенный отъ смерти.

(Рис. на стр. 372).

На стр. 372 читатель найдетъ портретъ 3-хъ-лѣтняго малютки Васи Размылова, вытасченнаго 10-го февраля вечеромъ живымъ изъ-подъ развалинъ дома Вяземскаго, 22 часа спустя послѣ случившагося обвала.

9-го февраля вечеромъ произошелъ обвалъ въ домѣ Вяземскаго, по Мучному переулку. Въ числѣ жертвъ этого грустнаго происшествія находился и этотъ ребенокъ, жившій при родителѣхъ въ четвертомъ этажѣ вышепазваннаго дома. Въ минуту катастрофы онъ сидѣлъ на табуреткѣ. Вслѣдствіе провалившейся крыши, рухнуль подъ ея тяжестью потолокъ ком-

наты 4-го этажа, въ которой находился Вася; обломки крыши и потолка придавили находившихся въ ней людей и въ то же время, проломивъ своею тяжестью полъ комнаты, увлекли ихъ въ образовавшееся отверстіе, въ 3-й этажъ, гдѣ они и очутились подъ грудками балокъ, досокъ, кирпичей и мелкаго мусора.

Одинъ изъ двухъ мужчинъ, сидѣвшихъ рядомъ съ ребенкомъ, былъ убитъ на повалѣ; другой, оставшійся въ живыхъ, съ переломами реберъ и конечностей, былъ отправленъ въ Обуховскую больницу.

Ребенка считали убитымъ. Стоны его, слышавшіеся нѣкоторое время, прекратились, и лишь по настоянію графа Левашева, распорядившагося раскопками, поиски энергично продолжались. Къ концу первыхъ сутокъ, т. е. вечеромъ 10-го февра-

ли, несчастный ребенок наконец был извлечен из под груды мусора и обломков. Около 24 часов он провель без питья, нищи, и на морозъ, достигавшемъ въ ту ночь 15° Р.

Доставленъ онъ былъ, по приказанію неотступно находившагося на мѣстѣ катастрофы градоначальника, въ Николаевскую дѣтскую больницу въ 10 час. вечера. При осмотрѣ ребенка оказалось: рана на лобикѣ, ссадины и царапины лица, ушибы и потрясеніе нервной системы, выражающееся въ постоянномъ страхѣ, дрожаніи и бессонницѣ.

Въ настоящее время ребенокъ уже здоровъ и ходитъ безъ посторонней помощи; на дняхъ онъ будетъ возвращенъ родителямъ.

Во время пребывания его въ больницѣ, многія лица посѣщали ребенка и осыпали ласками и подарками. Тамъ же нарисованъ и портретъ его, здѣсь помѣщаемый. О здоровьи ребенка изволятъ осведомляться Государыня Императрица.

Малороссы.

(Рис. на стр. 373).

Мы уже говорили по однойжды, при помѣщеніи копій съ картинъ талантливаго Вл. Е. Маковскаго, о вѣрности и мастерствѣ его малороссійскихъ типовъ. И эта картина отличается тѣми же достоинствами. Стененно, разсудительно и негорлоливо толкуютъ, собравшись у хаты, сосѣди-домохозяева, покуривая коротенькія трубки. Невдалекѣ стоитъ мальчуганъ, который прислушивается къ ихъ разговору. Вся сцена полна естественности и оживленія.

Красавица.

(Рис. на стр. 377).

Изъ превосходной коллекціи этюдовъ женскихъ головокъ талантливаго Велла, имѣющагося въ нашемъ распоряженіи, этотъ чуть ли не лучший. Здѣсь не знаешь чему отдать преимущество: удачному ли выбору типа, блестящему таланту художника, или мастерству гравера. Все одинаково соединяется здѣсь, производя самое выгодное впечатлѣніе.

Тройка съ конвоемъ.

(Рис. на стр. 380).

Переходъ черезъ горы на Кавказѣ теперь уже не сопряженъ съ такимъ рискомъ и опасностями, какъ бывало прежде, но все же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ѣхать безъ конвоя не рѣшаются,—это профессоръ Грузинскій и изобразилъ здѣсь. Грозно завываетъ мителъ въ горахъ, путникъ кутается въ толстую бурку. При взглядѣ на картину невольно припоминается извѣстное описаніе такого переѣзда въ „Бѣлѣ“ Лермонтова: „дорога была опасная: висѣли надъ нашими головами груды снѣгу, готовые какжется оборваться въ ущелье. Узкая дорога была покрыта снѣгомъ—мы съ трудомъ пробирались. Налѣво зіяла глубокая разсѣлина, гдѣ клубился потокъ, то скрываясь подъ ледяной корою, то съ пѣною прыдая по чернымъ камнямъ. Тучи спустились, повалилъ градъ, снѣгъ; вѣтеръ въ ущельяхъ ревѣлъ, свистѣлъ какъ Соловей-Разбойникъ. Волны тумана все гуще и тѣснѣе набѣгали съ востока. Лошади измучились, мы продрагли, мителъ гудѣла сильнѣе и сильнѣе, точно наша родимая сѣверная—только ея дикіе нагѣвы были печальнѣе, заунывнѣе. „И ты, испанка, думай я, плачешь о своихъ широкихъ, раздольныхъ степяхъ! Тамъ есть гдѣ развернуть холодныя крылья, а здѣсь тебѣ душно и тѣсно какъ орду, который съ крикомъ бьется о рѣшетку своей желѣзной кѣтки!..“

Древняя крѣпость въ Сурамѣ.

(Рис. на стр. 381).

Селеніе Сурамъ, лежащее теперь около самой линіи почтафидельской желѣзной дороги, пользуется на Кавказѣ извѣст-

ностью какъ мѣстность очень здоровая и вмѣстѣ съ тѣмъ живописная. Съ открытіемъ здѣсь станціи, сюда начали стекаться дачники изъ Тифлиса и мало по малу селеніе начало обстраиваться болѣе чистыми домиками и выходить изъ той заброшенности и запустѣнія, въ которыхъ оставалось такъ долго, цѣголяя лишь своими развалинами и своей древней исторической славой. Сурамъ дѣйствительно былъ знаменитъ еще въ глубокой древности. Онъ былъ построенъ, по преданію, за два вѣка до Р. Х., также какъ и его крѣпость. Послѣднюю поддерживали грузинскіе цари всѣхъ династій и она даже

въ 1800 году еще была вооружена. Теперь отъ крѣпости остались лишь одніе живописныя развалины, которыя даютъ впрочемъ еще ясное понятіе объ ея монументальной и внушительной архитектурѣ. Особенн передъ этой темной и мрачной громадой кажутся жалкими низкіе домики современнаго намъ Сурама, съ ихъ крохотными башенками и балкончиками и разными пристройками, разбросанными въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ. О красотѣ стили здѣсь никто и не заботится; улицы селенія представляютъ какіе то лабиринты, а ихъ грязь и запущенность никого здѣсь не удивляетъ. Даже дачники и туристы относятся къ безобразіямъ Сурама довольно равнодушно, такъ какъ имъ стоитъ лишь перешагнуть его границу, чтобы стать лицомъ къ лицу съ самой роскошной горной природой. За рѣчкой Сурамкой уже начинается подъемъ на малитскій перевалъ и здѣсь съ самаго подъема начинается болѣе разнообразная и богатая растительность, вообще присущая Имеретіи. Дубъ, сосна, грецкій орѣхъ—перемѣшаны здѣсь съ рододендронами и перевиты душистыми плющомъ. Отсюда начинаются беспредѣльные лѣса, покрывающіе всю Имеретію, и то и дѣло открываются чудныя перспективы на грады горъ, утопающихъ въ синевѣ дали, на ущелья и на башни и замки, висящія на вершинахъ обнаженныхъ скалъ.

Людвигъ Барнай.

Недавно пала публика имѣла случай восхищаться игрою знаменитаго германскаго артиста Л. Барнаи. Образы имъ созданные и видѣнные нами: „Вильгельмъ Телль“, „Валенштейнъ“, „Антоній“ въ „Юліѣ Цезарѣ“ не изглаживаются изъ нашей памяти въ ихъ яркомъ, прекрасномъ изображеніи артистомъ.

Людвигъ Барнай родился 11-го февраля 1842 года въ Пентѣ, гдѣ отецъ его состоялъ на коронной службѣ. У его отца часто бывали художественные вечера, на которыхъ дилетанты занимались музыкой и декламировали. Тутъ также бывалъ Адольфъ Зоненталь,—быстрал, блестящая артистическая карьера его не могла не произвести впечатлѣнія на юношу, призваніе къ сценѣ котораго сказалось такъ рано, а неправильное ученіе не могло быть помѣхой. Юноша Барнай готовился быть бюрократомъ или купцомъ; онъ писалъ акты и велъ книги отца, а въ свободное время разыгрывалъ съ друзьями пьесы и писалъ театральныя рецензіи. Уже осенью 1857 г., пятнадцатилѣтній Барнай ѣхалъ съ цѣлью заняться въ Вѣпѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго Зонентала, изученіемъ роли Косинскаго въ „Разбойникахъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по желанію отца, онъ посѣщалъ политехническую школу. Затѣмъ снова занимался въ одной конторѣ въ Пентѣ и въ 1859 г. въ Каушау. Однако стремленіе къ театру у него было непреодолимо и, не смотря на запрещеніе отца, онъ окончательно посвятилъ себя сценѣ.

Теперь начинаются странствія молодого артиста съ небольшою труппою. Въ первый разъ онъ выступилъ въ небольшомъ городкѣ, въ Богеміи, Траутенау, и потерпѣлъ неудачу, такъ что съ тѣхъ поръ его преимущественно стали употреблять на роли безъ разговоровъ. Труппа играла затѣмъ въ Браунау,

Людвигъ Барнай. По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Олег прибывает щитъ ко вратамъ Царяграда. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

дѣла выручку пропорціонально, и на долю Барналя пришлось за два лѣтних мѣсяца, июнь и июль, пять гульденовъ двадцать одинъ крѣйцеръ. Но положеніе его внезапно поправилось: онъ былъ приглашенъ директоромъ Ледереромъ въ Вейскирхенъ, въ Моравіи, на роли первыхъ героевъ и любовниковъ, съ содержаніемъ въ 24 гульдена въ мѣсяць, и уже въ то время игралъ Ингомара, Эссекса и другія подобныя роли. Долгое время онъ игралъ на маленькихъ сценахъ въ Моравіи и Австрійской Силезіи, пока мать не вызвала его въ Пештъ, желая помирить съ отцомъ. Однако отецъ не хотѣлъ видѣть комедiantа; тогда сынъ рѣшился на смѣлый шагъ, выступить на пештской сценѣ подъ своимъ именемъ и доказать отцу, что какъ артистъ онъ можетъ сдѣлать честь этому имени. Дѣйствительно 1-го іюня 1861 года онъ игралъ съ большимъ успѣхомъ. Всѣ начали поздравлять отца, который примирился съ сыномъ и не противился болѣе его запитіямъ. Съ этихъ поръ начинается правильная артистическая карьера Барналя, хотя онъ все продолжаетъ перекочевывать изъ города въ городъ. До 1867 года онъ побывалъ въ Пештъ, Грацѣ, Ригѣ и нѣсколько разъ въ Майнцѣ. Съ этимъ же временемъ совпадаютъ его гастроли въ Мюнхенскомъ придворномъ театрѣ и его дебютъ въ Бургтеатрѣ въ Вѣнѣ. Въ 1868 году Барналь пріѣхалъ въ Лейпцигъ. Это была самая цвѣтущая пора городского театра. Присутствіе выдающихся силъ давало возможность ставить большія трагедіи, какъ напр. „Шибелунги“ Гебеля. Барналь игралъ Гагена и произвелъ сильное впечатлѣніе въ этой роли, точно также какъ прежде въ роляхъ Телли, Эссекса и Ореста. Но талантъ его еще болѣе развился при послѣдующихъ ангажементахъ въ Веймарѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, Ганноверѣ и особенно во время артистическихъ побѣдокъ съ Мейнингенской придворной труппой, въ которой онъ былъ блестящимъ центромъ.

Дѣятельность Барналя не исчерпывается одной сценой. Въ театрѣ — это прекрасный ораторъ и кромѣ того онъ хорошо владелъ перомъ. Эти свои способности онъ употребляетъ въ пользу поднятія званія артиста. Для этого онъ съ нѣсколькими единомыслицами товарищами основалъ въ Майнцѣ союзъ артистовъ „Рютли“, цѣль котораго — стремленіе къ высшему изученію искусства. Отдѣленіе Майнцаго Рютли въ Базель, сдѣлало Барналь своимъ почетнымъ членомъ. По почину и стараніямъ Барналя былъ созванъ въ 1871 году въ Веймарѣ „Общій германскій театральный конгрессъ“, на которомъ обсуждался законъ театральнаго концессіи, дисциплинарный законъ, общія формы контрактовъ и общій пенсіонный и вспомогательный союзъ. Многое что въ то время было предметомъ обсужденія, теперь уже осуществилось. Заслуги Барналя по образованію товарищества были признаны артистами и ему былъ поднесенъ въ 1872 году адресъ съ 4,000 подписей, между которыми встречаются имена Эмилъ Девриена, Эрнста Поссара и другихъ.

Въ настоящее время Барналь состоитъ почетнымъ членомъ Мейнингенской труппы, которую Петербургъ имѣлъ случай видѣть и оцѣнить по достоинству.

Олегъ передъ воротами Царь-града.

(Рис. на стр. 385).

Олегъ — одинъ изъ наиболѣе славныхъ героевъ нашей первоначальной лѣтописи, полунесторическіе, полумифическіе подвиги котораго оставили слѣды не только въ народныхъ преданіяхъ славянъ, но и въ скандинавскихъ сагахъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ онъ называется *вѣнцмъ*, великимъ колдуномъ и чародѣемъ, котораго хитрость и знаніе были выше обыкновенныхъ, чело-вѣческихъ. Въ народныхъ пѣсняхъ былинахъ онъ обращается уже въ богатыря Вольгу, имѣющаго способность оборачиваться въ разныхъ животныхъ и соединяющаго въ себѣ доблести воина съ хитростью и искусствомъ чародѣя. Въ исторической передачѣ лѣтописцемъ княженія Олега тоже на каждомъ шагѣ встрѣчаются отголоски народнаго преданія и мифическія, легендарныя подробности. Особенно ими богатъ разсказъ лѣтописца о походѣ Олега на Царь-градъ въ 907 году. Походъ этотъ былъ предпринятъ Олегомъ послѣ того какъ онъ соединилъ подъ своею властью славянскія племена, не платившія до тѣхъ поръ никакой дани, и утвердилъ въ Кіевѣ свою столицу. Это уже не былъ набѣгъ варяжской шайки, а дѣйствительно грозное пашествіе. По словамъ лѣтописца, Олегъ двинулся на Царь-градъ на коняхъ и на судахъ; судовъ было 2,000 и на каждомъ кораблѣ по 40 человекъ. Когда силы Олега были въ виду греческой столицы, то греки замкнули гавань и заперли городъ. Олегъ же вынелъ безпримѣнно на берегъ; суда были выволочены; ратные люди разсыпались по всѣмъ окрестностямъ Царь-града и начали опустошать ихъ; грабили жителей, жгли палаты и церкви, мучили плѣнныхъ и бросали ихъ въ море. Преданіе прибавляетъ, что Олегъ велѣлъ поставить лодки на колеса и подвѣсивъ попутнымъ вѣтромъ, двинулъ ихъ на парусахъ, но сушь, къ Константинополю. Греки испугались осады и прислали къ Олегу пословъ сказать ему: „не губи городъ; мы беремъ давать тебѣ дань какою хочешь“. Какъ побѣдитель, Олегъ послалъ къ императору пословъ, которые и потребовали по 12 гривенъ на судно; да еще особая дань на разные русскіе города. Кромѣ того были выговорены широкія льготы для русскихъ торговыхъ людей во время ихъ пребыванія въ Царь-градѣ. Незамѣнность

договора подтвердилась присягой; императоры Левъ и Александръ цѣловали крестъ; послы же Олега клялись на оружій своими богами Перуномъ и Волосомъ. Олегъ, какъ заключаетъ преданіе, возвратился въ Кіевъ съ золотомъ, дорогими тканями, винами и всякимъ узорочьемъ. Но передъ прощаніемъ съ Царь-градомъ, Олегъ еще выполнилъ, какъ говоритъ народная легенда, завѣтный у варяговъ обычай побѣдителя; онъ прибилъ свой щитъ къ воротамъ знаменитаго города. Щитъ въ превосходныхъ стихахъ передаетъ эту подробность исторической легенды, изображенную на нашемъ рисункѣ:

„Когда ко граду Константина,
Съ тобой, воинственный варягъ,
Пришла славянская дружина
И развила побѣды стягъ.
Тогда во славу Руси ратной,
Стронтину греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатный
На царьградскихъ воротахъ.“

Грязелечебное заведеніе на Эзелѣ.

(Рис. на стр. 388).

Благоприятныя для здоровья условія морскаго побережья въ особенности рельефно выступаютъ на берегахъ со всѣхъ сторонъ окруженныхъ моремъ — на островахъ. Качество флоры есть главное доказательство мягкости климата. Даже въ средней половѣ Европы, растительность и климатъ на нѣкоторыхъ островахъ представляютъ поразительныя явленія. Островъ Уайтъ, находящійся по 51° 45' с. ш. и 1° 20' з. д., обладаетъ климатомъ и флорой едва ли уступающими южной Франціи; на этомъ островѣ растутъ мирты, фиговья и померанцевыя деревья, даже нѣкоторыя породы кактусовъ, на открытомъ воздухѣ; не даромъ англичане называютъ его „садомъ Англіи“. На островѣ Рюгенѣ въ Балтійскомъ морѣ, даже на горахъ растутъ цѣлѣе лѣса бука, а въ долинахъ липы, пирамидальныя тополи, въ садахъ же сирень растетъ не кустами, а деревьями.

Островъ Эзелъ, находящійся почти надъ однимъ градусомъ съ Костромой и Перью, климатомъ и растительностью приближается къ нашему югу. Въ садахъ есть бѣлая акація, пирамидальныя тополи, каштаны; въ лѣсахъ плющъ. Это одишь изъ прелестныхъ уголковъ нашего отечества. Важнѣйшимъ доказательствомъ умѣренности климата Эзелы служить богатство его флоры. Здѣсь растутъ сныть, бергамоты, шпанскія вишни на открытомъ воздухѣ; также грецкій орѣшникъ (*Juglans regia*), хотя и безплодный; даже шпалерный виноградъ достигаетъ иногда полной зрѣлости. Зима продолжается нѣсколько недѣль; иногда вовсе не бываетъ снѣжной дороги.

Славу Арнсбургу сдѣлали извѣстныя своею цѣлебностью морскія грязи, но едва ли бы результаты леченія были такіе блестящія, если бы на подмогу ваннамъ не приходилъ климатъ острова — этого русскаго Уайта. Одна изъ лучшихъ грязелечебницъ — имени доктора Мержеевского, изображена на нашемъ рисункѣ.

Нельзя при этомъ не вспомнить, что прочное излеченіе можно ожидать только въ томъ-же климатѣ, въ которомъ человекъ имѣлъ свое постоянное мѣстожительство. Слишкомъ рѣзкихъ пережвѣнъ климата, какъ растеніе, такъ и организмъ человека не могутъ переносить безнаказанно. Существуютъ границы, которыя переступать не нужно. Слѣдуетъ искать возможно-лучшаго климата, въ ближайшемъ соседствѣ; если-же характеръ болѣзни заставляетъ человека пережвѣнить климатъ, напр. страдающихъ грудными болѣзнями, то въ немъ и надо оставаться если не навсегда, то на продолжительное время. Кому неизвѣстны примѣры ревматиковъ и малокровныхъ, излечившихся въ тепломъ климатѣ и блаженствующихъ, пока живутъ тамъ — гдѣ либо въ Италіи или южной Франціи, но у которыхъ съ переѣздомъ въ родной, менѣе пріятный климатъ, опять начинается прежняя болѣзнь.

Долина рѣки Кушки.

(Рис. на стр. 389).

Здѣсь представляемъ мы видъ тѣхъ мѣстъ среднеазиатской пустыни, гдѣ наши войска покрыли себя новою славою. Можно судить о трудахъ, какіе должны претерпѣвать наши доблестные воины сражаясь въ такой пустыни. Климатъ долины, находящейся въ одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ съ Самаркандомъ, Ходжентомъ, Хивой, весьма сухой. Средняя мѣсячная температура: въ январѣ +4 градуса, въ февралѣ +7, мартѣ +15, апрѣлѣ +22, май +28, июнѣ +33, июль +34, августѣ +33, сентябрѣ +26, октябрѣ +18, ноябрѣ +10, декабрѣ +6. Такимъ образомъ средняя годовая температура составляетъ +18 градусовъ Цельсія. Въ сравненіи съ другими странами, лежащими на одинаковой географической широтѣ, оказывается, что эта долина принадлежитъ къ самымъ жаркимъ странамъ міра. Климатъ болѣе жаркій только въ Аравіи, Внутренней Африкѣ и затѣмъ на Эквадорѣ, въ Южной Америкѣ. Что касается влажности, то здѣсь господствуетъ исключительно искусственное орошеніе. Проводятъ воду изъ Мургаба и его притоковъ. Такъ какъ повсюду, до самыхъ горъ, гдѣ лежатъ Пешаде и Ак-тепе, нахо-

дятся слѣды многочисленныхъ занесенныхъ песками каналовъ и древнихъ стѣвъ, то есть основаніе предполагать, что область эта была плодородна и очень населена. Теперь страна представляетъ довольно пустынный видъ. Кое гдѣ есть однако фруктовые сады, поля засѣяныя рисомъ, пшеницей, ячменемъ, хлопчатникомъ, кунжуткомъ и коноплею. Въ промежуткахъ глинистая почва и солончаки. Только въ орошенныхъ мѣстахъ растительность богаче и количество животныхъ значительнѣе. Особенно многочисленны водяныя птицы и фазаны. Красивый евфратскій тополь встрѣчается часто по берегамъ Мургаба, за которыми уже тянутся прекрасныя плодовые сады. Дрова очень дороги, ибо доставляются съ горъ. Чтобы дать приблизительное понятіе о сухости воздуха этой области, скажемъ только, что въ недалекомъ отстоящемъ отсюда и равномъ климатическими условіями Ходжентѣ бываетъ иногда въ году только 24 дождливыхъ дни. Холмы Эльбиринъ-Куръ раздѣляютъ юго-западную Туркменію на двѣ части, весьма различныя по характеру, мѣстности,

растительности и климату. Холмы эти въ недалекомъ разстояніи отъ рѣки Кушки, являются разбросанными въ безпорядкѣ, рядами отдѣльныхъ возвышенностей. Треугольникъ, имѣющій основаніемъ горы Борхутъ отъ Хомбоу до Ардевана и вершину въ Чемеи-и-Бидѣ, явственно составляетъ часть бассейна рѣки Кушки. Весь треугольникъ состоитъ изъ долинъ, начинающихся на склонахъ горы Борхутъ; промежутки между долинами—слегка холмистая мѣстность, постепенно понижающаяся отъ Борхута къ сѣверу. Западная часть южной половины имѣетъ скатъ къ Гери-рудѣ вмѣстѣ съ Мургабомъ, наибольшей рѣкѣ югозападной Туркменіи. Грунтъ рѣки Мургабъ ниже Калеи-Моръ вязкій, иловатый, а потому переправы возможны лишь въ рѣдкихъ пунктахъ, хотя глубина воды нигдѣ не болѣе аршина. Выше Калеи-Моръ грунтъ гравенистый и переправы не представляютъ затрудненія. Вода въ Кушкѣ прѣсная, но послѣ долгой засухи солоноватая и въ пути пользуются встрѣчающимися по берегамъ рѣки Кушки родниками.

Политическое обозрѣніе.

Россия и Англія.—Египетъ.—Франція и Китай.—Италія.

Англія ищетъ союзниковъ. Но Швеція уже объявила себя нейтральною, также какъ и Турція. Въ Константинополѣ произвело дурное впечатлѣніе сдѣланное Англіей Италіи предложеніе о занятіи войсками послѣдней Египта, въ случаѣ отозванія оттуда египетскихъ войскъ и въ особенности одобреніе его хедивомъ. Британское правительство добилося отъ парламента огромныхъ кредитовъ, 11 мил. ф. ст., т. е. 110 мил. руб., для покрытія расходовъ по экспедиціи суданской и „иныхъ расходовъ“, производство коихъ стало неизбѣжнымъ, въ силу исключительныхъ обстоятельствъ. Что касается до кредита, разрѣшеннаго парламентомъ,—кредита не во всемъ своемъ размѣрѣ предназначенаго для египетской экспедиціи,—то изъ этого видно, что Англія волнуется. Россія остается спокойною, и, воплі созывая серьезное значеніе настоящихъ обстоятельствъ, съумѣетъ стать лицомъ къ лицу къ обстоятельствамъ, вызваннымъ необходимою.

Въ виду афганскихъ событий, египетскія дѣла уже отошли на задній планъ, и даже, если вѣрить денешъ изъ Александріи, то лордъ Вольсей вернется въ Лондонъ, такъ какъ англійское правительство имѣетъ намѣреніе поручить ему командованіе войсками, которыя будутъ сосредоточены въ Афганистанѣ. Колонцу Граама британское правительство также рѣшило вызвать изъ Судана немедленно, чтобы не подвергать долѣе лучшихъ англійскихъ солдатъ вліянію тамошняго климата. Извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ англичанъ противъ Османа-Дигмы дѣйствительно перестали быть интересными съ тѣхъ поръ, какъ, повидимому, подтверждено, что войска генерала Граама съ часу на часъ могутъ получить приказаніе отплыть въ Индію. Послѣ неоднократныхъ безплодныхъ попытокъ наступить Османа-Дигму и принудить его дать сраженіе, и послѣ занятія безъ боя Тамаи, генералъ Граамъ измѣнилъ планъ кампаніи и направилъ свои войска въ Хандубъ, къ сѣверо-востоку отъ Суакима. Этотъ пунктъ расположенъ почти у самыхъ колдцевъ Хассана и образуетъ первую станцію желѣзной дороги, которая должна соединить Суакимъ съ Берберомъ, если только этому прозку суждено осуществиться. Вообще съ той и другой стороны, какъ со стороны войскъ Махди, такъ и въ англійскомъ лагерѣ, повидимому отказались отъ рѣшительныхъ ударовъ. Англійскія войска отнынѣ будутъ двигаться впередъ небольшими партіями, по направленію къ Берберу, устраивая при каждомъ колдцѣ блокгаузъ, гдѣ они оставляютъ небольшой гарнизонъ, какъ для охраны этихъ необходимыхъ источниковъ, такъ и постройки желѣзной дороги. Въ англійскомъ лагерѣ даже наши очень оригинальное средство сносится съ невидимымъ неприятелемъ. Писма, приглашающія Османа-Дигму и состоящихъ при немъ шейховъ войти въ переговоры съ англи-

чанами, должны быть отправлены на воздушномъ шарѣ и выброшены изъ него въ Тамаи или въ Таманибѣ. Выполненіе воздушнаго путешествія было возложено на маіора Темплера, и въ англійскомъ штабѣ надѣются, что этимъ своеобразнымъ способомъ заставятъ неприятеля прервать свое упорное молчаніе и войти въ сношеніе съ англичанами.

Денеші, полученные изъ Пекина нѣсколько дней тому назадъ, уже извѣстили, что между Франціей и Китаемъ заключенъ миръ. Теперь „Journal officiel“ подтверждаетъ это извѣстіе и кромѣ того добавляетъ, что вслѣдствіе переговоровъ съ делегатомъ китайскаго правительства, предварительныя условія мира были заключены въ Парижѣ 4-го апрѣля. За этимъ актомъ въ Пекинѣ должно было послѣдовать обнародованіе императорскаго декрета, ратификующаго конвенцію отъ 11-го мая 1884 года и повѣляющаго китайскимъ арміямъ Юннана и Куангъ-Си снова перейти границу въ опредѣленные сроки. 9-го апрѣля французскій министръ иностранныхъ дѣлъ получилъ отъ французскаго посланника въ Шанхаѣ телеграмму, извѣщающую, что означенный декретъ обнародованъ и является въ надеждою формѣ. Если Китай и на этотъ разъ станетъ колебаться и затягивать ратификацію мирнаго соглашенія, то въ такомъ случаѣ французскія войска двинутся въ предѣлы китайской территоріи. Впрочемъ изъ Шанхая телеграфируютъ, что въ Пекинѣ уже обнародованъ императорскій декретъ о прекращеніи войны Китая съ Франціей. Этимъ курьезнымъ декретомъ императоръ объявляетъ своему народу, что „наши духомъ“ французы просили мира и онъ милостиво выслушалъ ихъ мольбамъ. Вице-королямъ и губернаторамъ предписывается строжайше наблюдать за тѣмъ, чтобы до заключенія окончательнаго договора, китайскія войска не дозволяли себѣ никакихъ самовольныхъ враждебныхъ дѣйствій.

Итальянцы начинаютъ постепенно устраниваться на берегу Чермнаго моря. Такъ, изъ Рима сообщаютъ, что въ Массовѣ и ея ближайшихъ окрестностяхъ были воздвигнуты укрѣпленія, дающія возможность отражать внезапныя атаки ринущихъ въ окрестностяхъ Массовы скопищъ дикарей. Мѣстное населеніе относится къ итальянцамъ скорѣе дружелюбно, нежели враждебно. Здоровье войскъ удовлетворительно и они снабжены всѣмъ необходимымъ. Итальянцы заняли также Аунеслейскую гавань, очень удобную мѣстность для зимней стоянки, въ семидесяти верстахъ отъ Массовы, а также Арафоли. Арафоли составляетъ важный стратегическій пунктъ близъ абиссинской границы. Это лѣтняя станція съ весьма свѣжимъ воздухомъ, хорошою водою и пастбищами. Итальянское посольство, отправленное къ абиссинскому королю, съ Феррари во главѣ, уже выѣхало изъ Адуа къ мѣсту своего назначенія.

Библиографія.

Дяди. Историч. повѣсть В. В. Крестовскаго. СПб. 1885 г. Къ числу наиболѣе выдающихся произведеній исторической беллетристики несомнѣнно принадлежитъ повѣсть талантливаго автора, отличающаяся живостью, интересомъ изложенія и совершенно оригинальнымъ освѣщеніемъ личности императора Павла I. Успѣха такому замѣчательному произведенію желать излишне—оно неурѣвно будетъ его имѣть.

Южная Африка до Замбези. Г. Фрича. Отдѣлъ I. Лейтцигъ. 1885. Книга Фрича даетъ ясную картину южно-африканской природы и міра животныхъ. Въ пей подробно описаны свойства почвы и климатъ; сухіе и водяные пути, ихъ значеніе

для торговыхъ сообщеній; мѣста нахожденія минеральныхъ сопровищъ и способъ ихъ добыванія; растительность и мѣръ животныхъ по отношенію прирученія и охоты.

Законъ равновѣсія. П. А. Горбатова. СПб. 1884 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 75 к. Основная идея этого сочиненія—единство и непрерывность міровой матеріи, съ замѣною притяженія, напряженіемъ среды. Вліянія массъ и разстояній, управляющія движеніями міровыхъ тѣлъ, выражаются и въ явленіяхъ магнетизма, электричества, теплоты и свѣта Органическаго и психическаго явленія пополнены субъективными наблюденіями, дающими возможность понять начальный механизмъ мышленія.

Смѣсь.

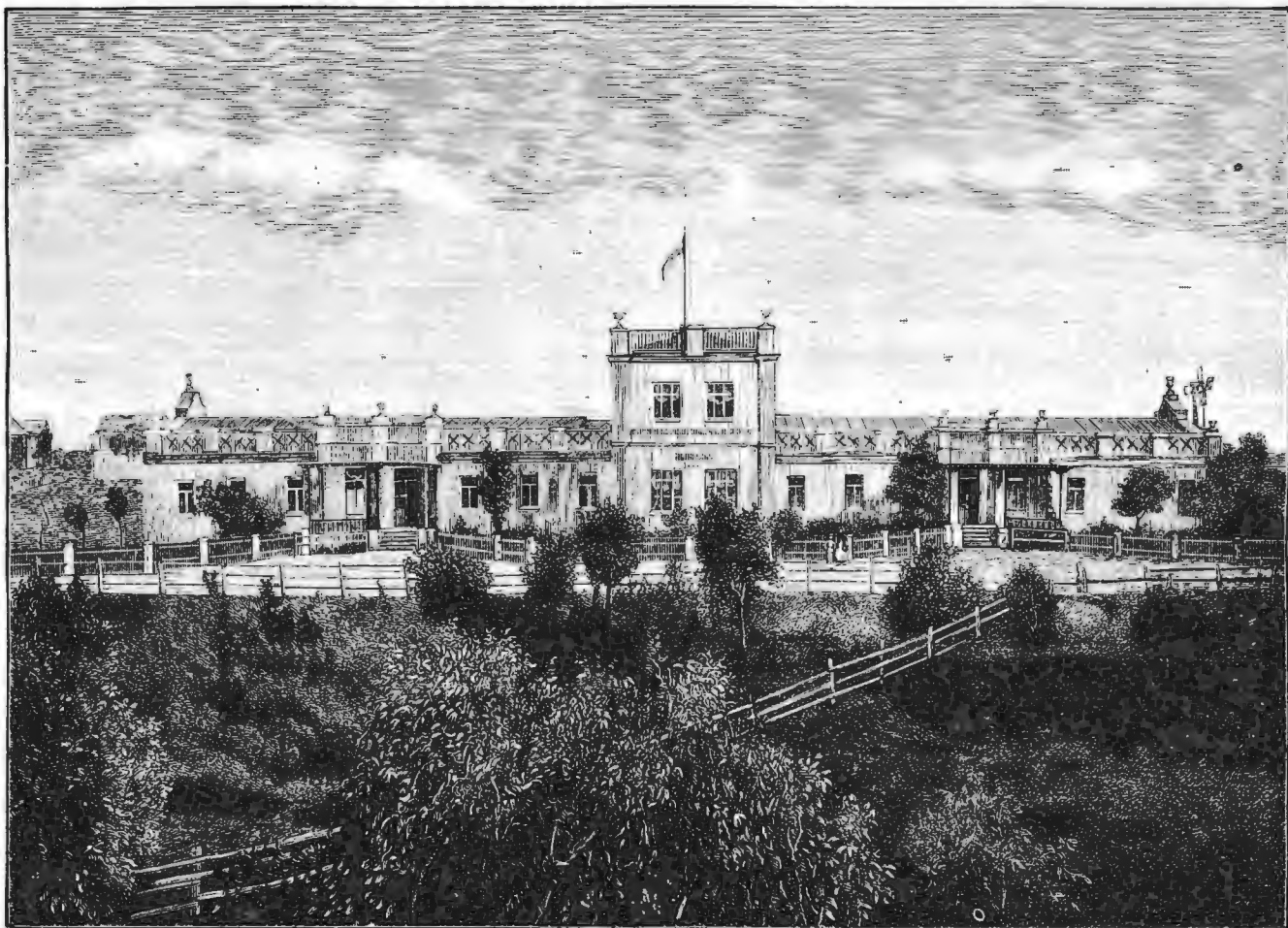
Карманный микроскопъ. Изъ многихъ существующихъ карманныхъ микроскоповъ ни одинъ не отличается тѣми удобствами какъ ахроматическій всеобщій карманный микроскопъ Павла Вэхтера (Берлинъ, Кашинкертштрассе 115). При 50-ти-кратномъ лансей-

номъ и 2500-кратномъ квадратномъ увеличеніи онъ даетъ совершенно ясныя изображенія и можетъ быть употребленъ на всякомъ мѣстѣ, гдѣ есть немного свѣта. Въ виду легкости его употребленія, онъ чрезвычайно пригоденъ для фармацевтовъ, химиковъ, ботани-

ковъ и наконецъ для всякаго любителя природы. Микроскопъ помещается въ маленькомъ ящикѣ. При употребленіи слѣдуетъ двумя пальцами лѣвой руки потянуть внизъ обѣ пуговки, находящіяся по бокамъ трубки, послѣ чего вкладываютъ препаратъ въ выемку трубки, въ самую средину ея. Желая вынуть препаратъ, точно также нажимаютъ пуговки внизъ. Точная установка препарата въ фокусъ совершается помощью отвинчивания и завинчивания крышки, въ которой находятся линзы. Стекла чистятся отъ пыли кисточкой и замшей; линзы можно чистить съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ онѣ раздѣляются, что чрезвычайно важно для ясности изображенія. Приложенныя стеклянныя пластинки служатъ для приготовленія препаратовъ, которые зажимаются между пластинками. Пластинка съ впадинкой служитъ для капель воды и прикрывается другой, ровной пластинкой. Сухіе предметы легко пристають если ихъ немного смочить или даже дунуть. Желая рассмотреть воду, берутъ самое небольшое количество, не болѣе полъ-капельки. При наблюденіи, инструментъ держать какъ подзорную трубу, концомъ къ свѣту. Небольшой и дешевый этотъ инструментъ даетъ возможность дѣлать многочисленныя любопытныя наблюденія. Кромѣ твердыхъ предме-

чина ферика и даже эмира. Когда Махди лично командуетъ, его окружаютъ десять эмировъ,—это его высшій военный судъ,—десять ординарцевъ и десять верховыхъ „Байрадаровъ“ (знаменоносцевъ).

Соединеннымъ штатамъ Президентъ стоитъ 50,000 долл., но это лишь его годовой окладъ. Казна штатовъ платитъ всѣмъ чиновникамъ и служащимъ въ Бѣломъ домѣ, вообще принимаетъ на себя весь домашній расходъ, что составляетъ въ итогѣ отъ 125,000 до 150,000 долл. въ годъ. Кромѣ оклада въ 50,000 долл. на расходы президента выдается 37,000 долл. на жалованье секретарямъ и служащимъ у президента. Личный секретарь получаетъ 325 долл., его помощникъ 2,250 долл., стенографъ 1,800 долл., 5 вѣстовыхъ по 1,200 долл., телеграфистъ и 4 писаря также получаютъ хорошей окладъ, ночной дежурный 1,200 долл., сторожъ 900 долл. и истопникъ 864 долл. въ годъ. 8,000 долл. назначены для другихъ издержекъ, письменныхъ принадлежностей ковровъ, содержанія конюшенъ, ухода за лошадьми и т. д. Въ слѣдующей графѣ назначено 40,000 долл.: 12,500 долл. на ремонтъ Блага дома и мебели, 2,500 долл. на топливо, 4,000 долл. на оранжерею и 15,000 на освѣщеніе и другіе расходы.

Островъ Зелъ. Грязелечебное заведеніе „Ромассааръ“, д-ра В. Моржевскаго, въ г. Аренсбургѣ. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

товъ въ него можно разсматривать нарцы минеральныхъ водъ, охлажденные до капель, такъ напр. горькой воды, глауберовой и поваренной соли. Тогда однако объективы не нужно прикрывать сверху другими пластинками, такъ какъ при этомъ повреждаются кристаллы солей. Приложенная къ микроскопу лупа даетъ возможность изслѣдовать растенія или цвѣты, насѣкомыхъ, мухъ, ткани, сѣмена и пр. и хотя она увеличиваетъ гораздо менѣе чѣмъ микроскопъ, однако чрезъ нее легко различаются самыя тонкія волокна.

И линзы микроскопа, и лупу нужно чистить всякій разъ до употребленія, что дѣлается замшей, въ предупрежденіе царапинъ на стеклѣ.

Войско Махди. „Вотъ болѣе вѣрнаго извѣстія объ организаціи и чинахъ войска Махди. Магометъ Ахметъ во всемъ старался подражать древнимъ калифамъ и при организаціи войскъ также держался ихъ системы. Каждые десять человѣкъ составляютъ „братство“, подъ командой старшаго; десять такихъ братствъ составляютъ „товарищество“, во главѣ котораго стоитъ „ферикъ“; десять товариществъ образуютъ „отрядъ“ подъ начальствомъ эмира и его намѣстника. У cadaго отряда свое знамя съ военнымъ гербомъ Махди (два скрещенныхъ меча). Цвѣта знаменъ различны: красный, бѣлый, зеленый, красный съ бѣлымъ, зеленый съ бѣлымъ и др.—у cadaго отряда особый цвѣтъ. Воинъ, отличившійся храбростью, получаетъ денежную награду и повышение чинамъ, т. е. считается въ братствѣ первымъ, вторымъ и т. д.; онъ можетъ дослужиться до

О паукахъ. Послѣ змѣй пауки болѣе возбуждаютъ отвращенія въ человѣкѣ. Причина этому заключается въ ихъ хищническомъ характерѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Живущій на Явѣ еронецъ отправился на прогулку въ горы; проходя по лѣсу, вниманіе его привлечено было своеобразнымъ движеніемъ листьевъ. Приблизившись, онъ замѣтилъ въ гнѣздѣ поугая громаднаго паука,—какіе часто встрѣчаются въ Остѣ-Индіи и Бразиліи,—высасывающаго кровь изъ итенца. Длинные ноги насѣкомаго торчали изъ гнѣзда и отвратительное, покрытое волосами тѣло раздувалось все больше отъ крови беззащитной жертвы. Но вотъ вернулась мать и съѣла на краю гнѣзда, старалась освободить свое дѣтище отъ хищника,—но безуспѣшно. Наконецъ паукъ оставилъ маленькую птвичку и съ яростью бросился на новаго непріятеля. Ногами онъ охватилъ шею поугая, которому пришлось бы плохо, еслибы онъ не успѣлъ ударить клювомъ противника въ грудь. Послѣдній все крѣпко держался за птвичку и наконецъ упалъ съ нею на землю. Тутъ борьба продолжалась еще около пяти минутъ, пока зритель, съ цѣлью освободить поугая, не убилъ паука прикладомъ ружья. Другой случай также не менѣе характеренъ. Тоже лицо увидѣло громаднаго паука, вслѣджившаго добычу на нижнемъ краю паутины, а не по срединѣ ея, какъ это обыкновенно бывало. Чтобы узнать причину этому—наблюдавшій поймалъ муху и поднесъ ее къ паутинѣ такъ близко, что она запуталась въ ней. Въ ту же минуту на нее набро-

сидя паукъ и между обоими началась драка изъ за добычи. Первый паукъ былъ однако слабѣе, не могъ отстоять свои права и долженъ былъ отступить. Но убѣгая онъ раза два оглянулся на дерзкаго пришельца и затѣмъ быстро направился къ наружному краю паутины. Тутъ онъ началъ посильно отрывать ее отъ стѣны и подвигаясь все дальше, достигъ того, что паутина стала держаться только на одной нити, по которой паукъ поднялся вверхъ. Пришелецъ же опуталъ уже свою жертву нитями и вѣроятно приступилъ бы къ ѣдѣ, еслибы положеніе его не было такимъ критическимъ. Завхвативъ муху одной лапой, остальными онъ крѣпко уцѣпился за паутину и въ такомъ положеніи ожидалъ катастрофы, которая не замедлила наступить. Последняя нить, удерживъ вышя паутину, была перервана, и паутина, пришелецъ и жертва—все полетѣло внизъ. Первый паукъ, такъ храбро избавившійся отъ своего противника, принялся за плетеніе новаго гнѣзда.

Народонаселеніе Европейской Россіи въ 1882 г., по недавно опубликованномъ статистическомъ даннымъ, составляло 77.879,521 человекъ, изъ нихъ 38.651,977 мужчинъ и 39.227,544

деревни; въ городахъ же, вслѣдствіе значительнаго прихода рабочихъ, мужчинъ болѣе нежели женщинъ. Перевѣсъ этотъ наиболѣе замѣтенъ въ промышленныхъ городахъ. Вообще же на 100 мужчинъ въ городахъ приходится 89,2 женщины, а въ деревняхъ 103,2.

Что касается движенія населенія, то въ 1882 году родилось 3.904,577 дѣтей (2.001,975 мальчиковъ и 1.903,602 дѣвочки), причемъ въ городахъ на 1000 жителей приходилось 36,7 рожденій, а въ деревняхъ 51,9. Замѣчательно тотъ фактъ, что процентный приростъ мальчиковъ былъ значительнѣе въ городахъ, нежели въ деревняхъ. На 100 дѣвочекъ приходилось 108,2 мальчиковъ въ городахъ, и 104,2 мальчиковъ въ деревняхъ. Большинство незаконныхъ рожденій падаетъ на города. На 101,698 незаконныхъ рожденій въ 1882 г. приходится на 1000 жителей въ городахъ 113,2 и въ деревняхъ только 17,7. Въ 1882 году умерло 3.033,569 человекъ (1.567,200 мужчинъ и 1.466.369 женщинъ). Сопоставляя эти цифры съ числомъ рожденій, получится слѣдующее: родилось 93,373 мальчика болѣе нежели дѣвочекъ, но умерло 100,891 мужчина болѣе нежели женщинъ. Такимъ образомъ процентъ смертности между мужчи-

Видъ въ долину Кушки. Мѣсто боя 18 марта. По рис. Гр. грав. Флюгель.

женщинъ, т. е. послѣднихъ болѣе мужчинъ на 575,567. Включая остальныя части Имперіи и великое княжество Финляндское, общая цифра населенія достигаетъ 102 миллионъ. По многочисленности населенія первое мѣсто принадлежитъ Вятской губ., гдѣ 2.740,953 жителя; далѣе идутъ губерніи: Пермская съ 2.539,374 душами. Киевская съ 2.507,231, Тамбовская съ 2.490,813, Полтавская съ 2.473,958, Воронежская съ 2.433,657, Курская съ 2.314,300, Подольская съ 2.276,518, Самарская съ 2.224,093, Московская съ 2.137,179, Харьковская съ 2.160,263, Саратовская съ 2.113,077 и Волынская съ 2.062,270 жителей. Въ остальныхъ губерніяхъ число жителей не достигаетъ двухъ миллионъ; самыя бѣдныя по населенію губерніи: Архангельская (315,567 жит.) и Олонецкая (327,328 жит.). Что же касается густоты населенія, то Московская губернія съ 73,4 жит. на квадратную версту занимаетъ первое мѣсто, а затѣмъ слѣдуетъ Подольская съ 61,7 жителей на квадратную версту. Всѣ прочія губерніи заселены гораздо рѣже, нежели названныя двѣ губерніи. Отъ 60—50 жителей приходится на квадратную версту въ губерніяхъ Полтавской, Курской и Киевской; около 50—40 въ Тульской, Рязанской, Орловской, Харьковской, Черниговской, Калужской, Воронежской, Петербургской, Ковенской и Пензенской. Губерніи эти, съ Московской и Подольской во главѣ, самыя населенныя въ Имперіи. Бѣднѣе всего по населенію губерніи: Пермская съ 8,7 жит. на квадратную версту; Оренбургская съ 7,2 жит.; Астраханская съ 3,2 жит.; Вологодская съ 3,2; Олонецкая съ 2,9 и Архангельская съ 0,4 жит. на квадр. версту. Изъ общей цифры населенія на города приходится 9.263,100 жителей и на деревни 68.616,418 человекъ. Упомянутый выше перевѣсъ женскаго населенія распространяется на

нами гораздо значительнѣе, нежели между женщинами. Смертность всего сильнѣе въ тѣхъ округахъ, гдѣ ощущается недостатокъ въ медицинской помощи. На 1000 жителей въ городахъ приходилось 34,4 смертныхъ случая и въ деревняхъ 39,5. Но такъ какъ число рожденій въ деревняхъ больше, то не смотря на большую смертность, процентный приростъ населенія все же больше въ деревняхъ; такъ, въ послѣднихъ на 100 смертныхъ случаевъ приходилось 131,2 рожденія, а въ городахъ только 106,2. Браковъ въ 1882 году было заключено 716,247, причемъ число браковъ въ деревняхъ превзошло число браковъ въ городахъ. На 1000 жителей въ городахъ приходилось 7,1 брака и въ деревняхъ 9,2. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, между прочимъ, незначительное число незаконныхъ рожденій въ деревняхъ.

Предостереженіе отъ переселенія въ Америку. Въ Нью-Йоркѣ въ настоящее время до 76,000 человекъ безъ хлѣба и не имѣютъ работы; 10,000 портныхъ, 6,000 старьевщиковъ, 5,000 кузнецовъ, 4,500 каменщиковъ, 3,000 обойщиковъ, 3000 мастеровъ желѣзныхъ издѣлій, 2000 каменотесовъ, 1,500 столяровъ, 1,500 переплетчиковъ, 1,500 цвѣточниковъ, 1,400 плотниковъ, 1,250 мастеровъ свинцовыхъ издѣлій, 1,000 типографщиковъ, 1,000 лакеевъ, 800 булочниковъ, 500 сапожниковъ, 400 тѣпичниковъ, и 2,500 по различнымъ мелкимъ отраслямъ работъ. Статистика добавляетъ, что 30,000 женщинъ, 3,000 нагрузчиковъ, и 6,000 итальянцевъ также безъ работы. Въ одномъ Нью-Йоркѣ мѣстное благотворительное общество поддерживало въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ 45,000 семействъ, т. е. 180,000 человекъ! Такъ какъ эта „армія нищихъ“ постоянно увеличивается новыми переселенцами, посредники торговыхъ до-

моль въ Нью-Йоркѣ обратились во всѣ торговыя дома и консульства прося приотстановить переселеніе въ Америку.

Новый городъ въ Черногоріи. Сообщаютъ изъ Цетиньи отъ 30 го марта, что недавно тамъ произошло переселеніе жителей стараго, полуразрушеннаго и теперь покинутаго города въ новый городъ Никшичъ, построенный по плану архитектора Слада. Князь Николай принималъ дѣятельное участіе при постройкѣ города—безмездно раздавалъ землю и строевой лѣсъ изъ ближайшихъ казенныхъ лѣсовъ, предоставилъ гарнизонъ для исполненія главныхъ работъ при мощеніи улицъ и устройствѣ рыночной площади. Князя благодарили со всѣхъ сторонъ телеграммами. Князь Николай благодарилъ телеграммой въ формѣ прекраснаго стихотворенія слѣдующаго содержания: „Я отвѣчаю моимъ землякамъ поздравленіемъ. Да процвѣтаетъ городъ и да благоденствуетъ! Да найдете любовь къ отчизнѣ теплой пріютъ въ новомъ Никшичѣ. Цетинья долгое время была очагомъ горячей любви къ родинѣ и свободѣ, славно и мощно сіявшая какъ алмазъ въ древней сербской коронѣ. Жители моего Никшича, да освѣтитъ и согрѣваетъ сердца ваши пламя возжженное въ сердцахъ вашихъ Душаномъ и княземъ Данилой. Да уподобится новый Никшичъ льву мужествомъ, а муравью трудолюбіемъ.“

Экипажъ, приводимый въ дѣйствіе силою натрвога пара. Хонигманнъ, въ Гревенбрукѣ близъ Ахена, извѣстный изобрѣтателемъ натрвога парового котла, устроилъ теперь паровой экипажъ. Передъ тѣмъ какъ вѣхатъ выпариваютъ разведенный растворъ натра посредствомъ подогреванія до тѣхъ перъ, пока предохранительный клапанъ будетъ выдерживать давленіе 8-ми атмосферъ. Если насосомъ накачать воду, чтобы достигнуть нормальнаго давленія при работѣ, т. е. 4-хъ атмосферъ, то экипажъ можетъ пройти отъ 20 до 50 километровъ подъ однимъ и тѣмъ же давленіемъ, между тѣмъ какъ въ натрвогѣ котлѣ образуется противодѣйствующее давленіе.

Этотъ новый котель будетъ очень полезенъ въ примѣненіи къ военнымъ кораблямъ и въ особенности къ торпедамъ, для которыхъ чрезвычайно быстрый ходъ при отсутствіи дыма составляетъ неоцѣнимую выгоду. Если же вдругъ потребуется работать подъ высокимъ давленіемъ, то накачиваютъ воды въ пустой водяной котель, отъ чего быстро образуется паръ сильной упругости, между тѣмъ какъ упругость пара въ натрвогѣ котлѣ почти исчезаетъ вслѣдствіе охлажденія. И машина можетъ работать подъ высокимъ давленіемъ и безъ огня, когда испаряющійся паръ вводится въ натръ.

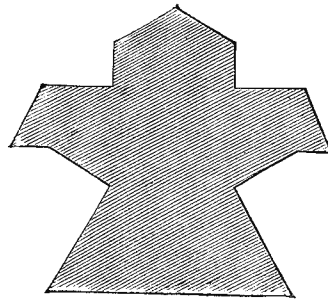
Задача

стью быть

ходъ коня № 17.

Word search grid with words like 'мой', 'лю', 'то', 'жеть', 'бо', 'рев', 'би', 'дру', 'васъ', 'ду', 'молв', 'но', 'билъ', 'быть', 'васъ', 'е', 'чѣмъ', 'но', 'дж', 'ро', 'въ', 'лю', 'но', 'я', 'гимъ', 'лю', 'васъ', 'на', 'шѣ', 'но', 'Богъ', 'безъ', 'то', 'я', 'ще', 'стью', 'бовъ', 'ни', 'билъ', 'тачъ', 'вашъ', 'крен', 'мо', 'танъ', 'я', 'всѣмъ', 'не', 'васъ', 'болъ', 'то', 'она', 'безъ', 'нѣмъ', 'не', 'къкъ', 'ей', 'лить', 'я', 'со', 'пустъ', 'лю', 'дай', 'ис', 'жить', 'билъ', 'тре', 'но', 'шз', 'мимъ', 'но', 'хо', 'ча', 'у', 'не', 'васъ', 'га', 'во', 'лю', 'пе', 'чу', 'сла'

Геометрическая Задача № 18.

Данную фигуру раздѣлить прямыми линіями на 8 частей, изъ которыхъ составить правильный шестиугольникъ.

Рѣшеніе ребуса № 11

(помѣщеннаго въ „Нивѣ“ № 9).

„На землѣ никѣмъ матери родной не замѣнить.“

Вѣрные рѣшенія этого ребуса прислали отъ Гр.: СПб.—Миши, Манямакъ, Аверьянова, Жукова, Периловова, Талигадженой, Чернашова, Розенбергъ, Головинъ; Мск а—А. К—ва, Самбулъ, Боаршинова, Митрофанова, Ананьевъ—Охременко, ольшо Коровино—В. К. Терскаго, Бѣла—Доманскаго, Витебси—Ватчинна, Гельсингфорсъ—М. А. В., Шадренкой, Кромы—Беркиной, Кронштадтъ—Бериславскаго, Лебединъ—Кондраченко, Липецкъ—Москитъ, Н. Но город—Герке, Соловьева, Николаевъ—Милкова, Андреевской, Севастополь—Гуськова, Слудцъ—М.—И—ва, Харьковъ—Фавръ, Святальскаго, Южно ъ—Иванова.

СОДЕРЖАНІЕ: А. В. Комаровъ (съ портр.)—Кулисы. Повѣсть В. и. Кемировича-Данченко. (Продолженіе).—На охотѣ. Изъ очерковъ Канады, Л. Блара.—Въ Перси. Очеркъ барона К. Тейффенштейна.—Спасенный отъ смерти (съ рис.).—Малороссы (съ рис.).—Красавица (съ рис.).—Тройка съ конюшью (съ рис.).—Древняя крѣпость въ Сурамѣ (съ рис.).—Людвигъ Барнай (съ портр.).—Олегъ передъ воротами Царь-града (съ рис.).—Грязелечебное заведеніе на Эзелѣ (съ рис.).—Долина вѣки Кушны (съ рис.).—Поэтическое обозрѣніе.—Библиографія.—Смѣсь.—Задача—ходъ коня.—Геометрическая задача.—Рѣшеніе ребуса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марксъ.

Только что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

романа В. С. СОЛОВЬЕВА:

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Романъ-хроника въ 3-хъ частяхъ.

Съ портретомъ Императора Петра II и со многими вишѣтками Каразина. Красивый томъ in 8, на веленев. бумагѣ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленкор. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к. Съ требованіями обращаться въ контору журн. „НИВА“ (СПБ., Бод. Морская, 9), въ Москвѣ въ Отдѣл. конторы журн. „Нива“ у Н. Н. Печковской (Петровск. линіи), а также и у всѣхъ книгопродавцевъ.

Единственная на югѣ Россіи специальная мастерская прачешныхъ машинъ, усовершенствованныхъ многолѣтнею практикою (мастерская сущ. съ 1875 г.). Употребленіе ихъ самое упрощенное, приспособлены для семействъ и большихъ прачешныхъ заведеній. Прому не представляютъ чѣмъ либо въ родѣ американскъ. Батин давленіе до 40 пуд. Цѣна и вѣсъ съ уликъ 20 р., 2 п. 10 ф. Мойки могутъ мыть даже кружева, тюль, газъ и пеньковыя половники 15 р., 2 п., выжимки 10 р., 20 ф. Также имѣю всегда готовыми товарныя станины въ 35, 45, 60 и 75 р. Конторскіе счета 7 р., бухгалтерскіе 10 р. Ниогор. могутъ выписывать съ налож. платежомъ, выслалъ задатка 20%. Харьковъ, Енатер. ул. № 13. Николай Ивашѣвъ. № 1046 10—1

НОВАЯ

САМОПОМОЩЬ И СТРАХОВАНІЕ

ЖИЗНИ.

Очеркъ В. Лаврентьева.

Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 рубль.

КНИГА

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и въ редакціи „Русскаго Вѣстника Страхования“: Владимірскій просп., д. 11—13. Лица, выписывающія изъ редакціи (СПБ., Владимірск. просп., д. 11—13) за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ обычная услуга. Подписка на „Русскій Вѣстникъ Страхования“ продолжается. Цѣна за годовое изданіе 3 р. 50 коп., съ пересылкой и доставкой. 3—3 № 4008

ИЗВѢЩЕНІЕ ОТЪ ЧАЙНОЙ КОНТОРЫ ТОРГОВАГО ДОМА

Ф. и Н. АХИЛАКШИНЫ,

въ Москвѣ, у Красныхъ Воротъ, домъ „Сѣверной гостиницы“.

Доводимъ до свѣдѣнія своихъ гг. покупателей, что, не взирая на возмненіе пошлны на чай до 16 коп. на фунтъ, намъ торговый домъ, имѣя въ нашемъ складѣ большой запасъ первосортнаго чая, вырѣдъ до новаго сезона будетъ отпускать чай безъ измѣненія, согласно изданному намъ прейсъ-куранту. № 1047

ПОРТРЕТЫ

величюною почтовой марки, фотографич., гумированныя для наклейки на письма, визитной и поздравительной карточкѣ, на абонементный билетъ жел. дор. и пр. доставляю по каждой кабинетной карточкѣ.

25 шт. за 1 1/2 р., съ почт. перес. 2 р. 50 „ „ 2 1/2 „ „ „ „ 3 „ 100 „ „ 3 „ „ „ „ 4 „

Копіи машинъ, аппаратовъ, мебели и пр. для прейсъ-курантовъ дешево.

КАУЧУКОВЫЕ ШТЕМПЕЛЯ всяк. велич. Карман. шт. съ перомъ, карандашомъ или въ медальонѣ по 2 1/2 р. и пр. ТЕРРАКОТЫ

древн., уменьшенной формы, вазы, фигур. блюдачки и пр. отъ 25 к. до 18 р.

Э. Г. Дезлеръ, СПб., угловой магазинъ Гороховой и Мойки. № 1050

ЗЕННЕНЕН. СТАЛЬН. ПЕРЬЯ И РУЧНИ.

Нормальныя перья (не причиняющія близорукости и напряженія груди, меньше утомляютъ руку и зрѣнію, нежели всѣ другія).

Ручни для потныхъ рукъ по 25 коп., для слабонервныхъ по 50 к., для дрожащихъ рукъ по 1 руб.

ХОЗЯЙКА

практическая карманная книжка

необходима въ каждомъ хозяйствѣ; служащая для записки бѣлья и содержащая 30 лучшихъ рецептовъ, крайне полезныхъ въ домашнемъ быту. Цѣна 15 коп., съ перес. 25 коп.

БУМАГА ОТЪ МОЛИ.

Самая лучшая и чистая для сохраненія мѣха, накетъ 30 коп.

ФАБРИКА РАМЪ

золоч., черн., бронз., илос., дерев. и пр. отъ 10 к. до 20 р. за арш. Мора (стекло съ станокъ). Примѣмаю позолоту старыхъ рамъ, наклеюу, поправку и встанленіе въ рамы картинъ всякаго рода.

№ 1050

СПбурзь, Невскій пр. № 52,
противъ Публич. Библиотеки
ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ,
специальность хронометровъ
и сложн. час. механизмовъ.
Никелев. часы (походные).
Прейсъ-курранты по востреб.

МИНКЕВИЧЪ Гомеопатъ въ Кіевѣ, Б. Ва-
сильев. ул., д. № 15.—10—2 ч. № 1044

КРЕДИТЬ ПО ПЕРЕВОДАМЪ
дають хорошо известнымъ фирмамъ торговый
домъ въ Лондонѣ. Адресъ: № 214, Рудольфъ
Моосъ 98 Queen Victoria St London. P. № 1032

ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТИЕ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ!
Извѣстная банкирская контора пишетъ
въ провинціи, во всѣхъ мѣстахъ Имперіи,
благонадежныхъ лицъ всякаго званія для
продажи 5% Государственныхъ I и II съ
выпиршинами займовъ съ разсрочкою пла-
тежа и для страхованія билетовъ тѣхъ-же
займовъ отъ тиражей погашенія на выгод-
ныхъ условіяхъ. Этимъ дается каждому
возможность съ легкостью, безъ всякихъ
расходовъ и купеческаго познанія, увели-
чить свой годовой приходъ.
Обращаться съ указаніями настоящихъ
занятій въ С.-Петербургскую Центральную
Контору Объявленій, Невскій пр., № 8,
подъ лит. В. (письменно). № 1036

ПАРКЕТЪ дубовый и сосновый,
шпунтовые полы,
двери, оконныя ра-
мы, полная столярная отдѣлка домовъ съ
доставкою, установкою на мѣсто и отвѣт-
ственности за сухость и прочность.

ИЗДѢЛІЯ изъ дуба, лиственницы и со-
сны для ж. д. и пароходовъ.
Письменно обращаться на Коптарскіе па-
ровыи, дѣлосильный и столярно-паркетный
заводы на Волгѣ, г. Чебоксары, Каз. губ.
Телеграммы: „Коптарскіе заводы“.
Контора и складъ въ Москвѣ: Мясницкая,
Фуркасовскій пер., д. Зворыкинъ. 1012 10-2

**Чугунно-лит. механическій
и котельный заводъ**
Ф. САНЪ-ГАЛЛИ.
С.-Петербургъ, Лиговка, № 46.
Памятники, кресты, часовни.
P. № 1042 1-1

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ВИЗАНЬСКИХЪ И ШВЕЙСКИХЪ МАШИНЪ
В. К. ЖЕЛЯКОВА
СЪ СЫНОМЪ,
ГОРОХОВАЯ УЛ., Д. 41,
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Спеціальнй большой выборъ семейныхъ
швейскихъ машинъ новѣйшихъ системъ.
Ручная въ 1 нит. отъ 7 руб.
" въ 2 " 18 "
Ножныя въ 2 " 35 "
Иллюстрированные преисъ-курранты вы-
сылаемъ безплатно. № 1039 1-1

НУЖНЫ
благонадежные агенты, имѣющие постоян-
ное мѣстопробываніе въ провинціи для бан-
кирскаго контора А. ЗИНГЕРЪ и №, въ
С.-Петербургѣ, Невскій пр. № 18.
P. № 1043 7-1

НАСТОЯЩІЙ КХАТЪНСКІЙ ЧАЙ,
развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ чайниковъ
ТОРГОВАГО ДОМА
„БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“
Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.
ПРОДАЖА ОНТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.
Прейсъ-курранты высылаются безплатно. 16-7

СКЛАДЪ ПИСЧЕЙ БУМАГИ
АВГУСТЪ НАУМАНЪ
въ С.-Петербургѣ, Казанская ул. № 42.
Вышла новая коллекція образцовъ почтовой, писчей, печатной,
обверточной бумаги, переплетныхъ матеріаловъ и т. п. и пересылает-
ся по полученіи 45 коп. почтовыми марками. P. № 1048 4-1

СТОЛЫПИНСКІЯ
МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

Стрѣно-соляные и желѣзные источники. Соляная (разсолная) вода и минеральная
рѣзъ. Настоящій степной нумсъ. Лечебный сезонъ съ 25 мая. Главншія болѣзни: рев-
матизмъ, золотуха, сифилисъ, наклонныя болѣзни, болѣзни костей и суставовъ, застой
крови въ брюшннхъ органахъ, геморрой, неврастѣніи, параличи, хроническія женскія
болѣзни, малокровіе и зависяція отъ него страданія. Врачи заведенія: директоръ под-
д-ръ мед. К. В. Иносенъ; консультантъ д-ръ мед. В. В. Шеманъ (изъ Москвы). За-
веденіе находится въ Самарской губ. въ 50 верст. отъ пароходной пристани с. Бала-
кова (на р. Волгѣ). Химическій анализъ воды и такса заведенія высылаются образ-
цамъ по почтѣ: „въ контору Ст лып минер. воды, Самарской губ. на почт. станці
Криволучье“. № 1045 1-1

ПОЛУ-СУХОЕ.
РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ
„ИМПЕРАТОРСКОЕ“
ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССИИ И ЗАГРАНИЦЕИ
Н. П. ЛАНИНА,
въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.
ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, „РУССКОЕ ШАМПА-
НСКОЕ“, ЯГОДНЫИ И ФРУКТОВЫИ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНА БЫЛИ ПРИ-
СУЖДЕНЫ, ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ, СЛѢДУЮЩИИ НАГРАДЫ:
1. **НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА** на Одесской выставкѣ 1884 года: **ПОЧЕТНЫЙ**
ДИПЛОМЪ съ правомъ ходатайства на награжденіе
ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ
ВСЕРОССИЙСКИИ НАГРАДЫ:
2. Серебряная медаль. 1852 г.
3. Серебряная медаль. 1860 г.
4. Почвадный отзывъ. 1864 г.
5. Серебряная медаль. 1865 г.
6. Серебряная медаль. 1869 г.
7. Медаль. 1870 г.
8. Золотая медаль. 1872 г.
9. Высочайшая благодарность 1875 г.
10. Золотая медаль. 1882 г.
ИНОСТРАННЫИ НАГРАДЫ:
1. Филадель. выстав. медаль . . 1876 г.
2. Филадель. выстав. медаль . . 1876 г.
3. Париж. выстав. поч. отз. . . . 1878 г.
4. Амстердам. выстав. медаль . . 1883 г.
5. Бостон. выстав. почет. дилл. . 1883 г.
ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:
1. Съ 1863 г. по 1873 г.
2. Съ 1872 г. по 1882 г.
РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
приготовлено изъ чистаго русскаго винограднаго вина, безъ всякой примѣси
иностранныаго, и нисколько не уступаетъ самымъ лучшимъ французскимъ маркамъ.
РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
можно имѣть прямо съ фабрики ящиками въ 60 и 30 б. по 1 р. 50 к. бут.
Кромѣ того поступили въ продажу еще новые четыре сорта **РУССКАГО**
ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“:
1) **ПОЛУ-СУХОЕ** (Demi sec. «England» à la Cliquot).
2) **ОЧЕНЬ СУХОЕ** (Extra sec. à la Pommery).
3) **РОЗОВОЕ ГУСТОЕ** (Oeil de Perdrix à la Roederer).
4) **РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ** (à la Cliquot).
Высоочазначенныя четыре сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут.
по 2 р. бутылка. № 4000
НВ.—ПРОСЯТЪ ИЗВѢГАТЬ ПОДЪЛОЖЪ.
ОЧЕНЬ СУХОЕ.

МѢСТО ДИРЕКТОРА
или главнаго техника значительнаго завода
ищетъ инженеръ съ многолѣтнею практикою
въ цеврозарядныхъ англійскихъ и герман-
скихъ заводахъ. Большая опытность въ соо-
руженіи новѣйшихъ машинъ для большихъ
океанскихъ пароходовъ, броненосныхъ су-
довъ, легкихъ плоскодонныхъ рѣчныхъ па-
роходовъ и минососокъ. Знаніе 4-хъ язы-
ковъ. Предлож. подъ лит. Z. A. доставити
въ Центральную Контору Объявленій, Нев-
скій № 8. P. № 1030 3-2

ПРИГЛАШАЮТЪ
для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ
провинціи на выгодныхъ усло-
віяхъ. Обращаться письменно въ
С.-Петербургѣ, Генриху Блоннѣ
Невскій 51. № 1038 4-1

НОВАЯ КНИГА.
ОБЪЕДНЕНЪ
ЛОШАДИНЫХЪ БАРЫШНИКОВЪ.
Практическое руководство для покупа-
телей лошадей. В. Хлюдожнскоаго. Цѣна 75 к.
Продается у Девриена, Васильевск. Остр., Ру-
минцева площадь, собст. домъ, С.-Пете-
рбургъ. № 1037

САМОДѢЙСТВУЮЩИИ ПОДСЪКАТЕЛИ
ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,

одобренный всѣми
любителями рыбной
ловли. Съ успѣхомъ
примѣнимъ во все-
кое время года и
для всякой рыбы;
замыкаетъ грузы,
саранки и блесну.
Устроены такъ, что
когда рыба хвата-
етъ наживку, то
крючекъ механи-
чески задвѣвается
за щеку. Способъ
употребленія при-
каждомъ экземп-
лярѣ. Ц. 60 к. На
пе есылку отъ 1 до
6 прибавляется 4
40 к. Единственный
складъ у П. Ф. На-
ратаева, Невскій
пр., Милютинъ

4711
ХРУСТАЛЬНОЕ
РОЗОВОЕ МЫЛО

легко пѣнится, съ самымъ пріятнымъ
запахомъ розъ, дѣйствуетъ на кожу
весьма благотвѣтельно, во вѣдствіе
большаго содержанія глицерина, что
и гарантируется. Можно получить
во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ
магазинахъ и торговляхъ аптекар-
скихъ товарами. № 3739 17-7

АНГЛІЙСКІИ ПОГРЕБЪ
Вильямсъ Дикинсъ и К°,
17/2, Малая Морская, С.-Петербургъ,
имѣетъ честь довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что въ Одессѣ вина ихъ мож-
но получать въ складѣ иностранныхъ винъ
А. А. МАЮРОВА,
№ 1051 Александровская площадь, домъ Маюрова. 1-1

БИЛИАРНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙВЕРГЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВИЛИАРДЫ И КЪ ВИЛИАРДНОИ
ИГРѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.
Троицкій проспектъ, близъ Египетскаго мо-
ста, д. № 13—2. № 3855 17-5
Иллюстрир. преисъ-курранты по востреб.
всегда безвозмездно.

Куроводство САНКТЪ ИЛЬГЕНЪ въ Баденѣ.
Самое обширное заведеніе Германіи, поставляетъ испытанныя Грюнгалдскіе аппа-
раты для разведенія цыплятъ, малюшки и большіе, а также другіе снаряды для разве-
денія и откармливанія куръ. Устройство подобныхъ заведеній, учебныя курсы, раскладка
цыплятъ, продажа расовыхъ и откармливаемыхъ птицъ. Программа по желанію.
Дирекція: О. Грюнгалдъ, А. Вестфалингеръ. В. № 3849

Ж. ВЛОКЪ.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Голлицина.
СПбурзь, Невск., № 16.
Велосипеды для всякаго возраста и обоаго пола!!
отъ 75 р.—500 р.
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.
Специальность для русскихъ дорогъ:
„РУССКІИ КЛУБЪ.“
НАИЛУЧШ (И подаркомъ
из гимнастич. оо средство передвиж.)

Чокракское грязе-лечебное заведение въ Крыму открыто съ 20 мая. Подробности см. № 14 журнала „Нива“.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К^о, СТРОИТЕЛИ

высокихъ премированныхъ конныхъ молотилокъ, приводовъ, въялокъ, сортировокъ, плуговъ, борошъ, сѣялокъ, перпорныхъ дѣлательныхъ сѣяныхъ прессовъ, механическихъ зерноосушилокъ, предлагающихъ отъ лучшихъ иностранныхъ заводовъ: Клейтона и Шугассорта паровыя молотилки съ до-вомобилами, Мак-Кормика, сѣялки сѣлки, жерки и сноповязалки, Стодарта тарелоч-ная борона Ранделя и конная грабли Тигера, и запасныя части ко всемъ машинамъ.

Фабрика и Главная контора въ Москвѣ, Мясницкая улица, собств. домъ, башн. Пр. Бу-тышев. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная улица. № 3994 13-3

Иллюстрированное каталогъ безплатно

ЦЕЗАРЬ И МИНКА

Вѣдь известно какъ самое обширное заведение въ Европѣ для разведенія собакъ, получили золотыя и серебряныя государ-ственные и общественыя медали.

ЦАНА въ Прусской Саксоніи.

Прейс-куранты на нѣм. и франц. яз. безплатно и франко. Брошюра съ 50 разн. ори-гинальн. иллюстр. собакъхъ расъ, получившихъ въ 1 награду, руководство для заводчиковъ и любителей за 10 мар., 6 рублей, 6 унц., 12 фр. 50 с. К. № 1015 4-3

Съ разрѣшенія Спб. Врачебнаго Управленія.

СВОБОДИНЬ

ПРЕВОСХОДНОЕ

СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ

уничтожаетъ въ нѣсколько дней безъ боли казвѣрныя мозоли и бородавки съ корнями.

Постоянно вознасающее употребленіе Свобо-диня, по дѣйствию рекомендацій потреби-тель доказываетъ отличное дѣйствіе этого средства. № 1034 15-2

Цѣна за флаконъ 35 коп. Съ пересылкой 2 флак. 1 руб., 4 флак. 1 руб. 70 коп., 6 флак. 2 руб. 40 коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССИИ А. ГЕВГАРДТЪ.

Казанская ул. д. № 3, магазинъ № 1.

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ для часовъ.

Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство 5 лѣтъ, что не потерпятъ! Предлагаетъ дѣло Василіа Аурихъ, Возня Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лестница № 1020 въ С.-Петербургѣ. 10-2

МУЖСКІЯ ОДИНОЧН. въ 2, 3, 3 1/2 и 4 1/2 руб.
Двойныя въ 4 1/2, 5 1/2, 7 и 8 руб.
ДАМСКІЯ СЪ КИСТЬЮ въ 4, 5, 6, 6 1/2, 8 и 9 руб.
КАРАНДАШИ № 1, 1 1/4, 1 1/2 и 2 руб.
Ключики по 75 коп.
Пересылка 50 коп.
Торговцамъ скидка.

ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННАЯ УНИВЕРСАЛЬН. ШВЕЙНАЯ МАШИНА
Патентъ въ Европѣ и Америкѣ
ПЕДУН Вышивки и всѣ другія работы
ПРОДАЖА съ РУЧАТЕЛЬСТВОМъ.
ОБУЧЕНІЕ БЕЗПЛАТНО.
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ГЕРМАНЪ ГЕССЕ СТЬБ.
БОЛЬШ. САДОВАЯ № 10, УГОЛЬ
73 МАКОВЪ ПЕР. ПРОТ. ГОСТИН. Д. 35

Вышло изъ печати и поступило въ продажу **НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:**

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ.

(Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковн. и Домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.)

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

П. П. ГНѢДИЧА.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой красивый томъ, in quarto, болѣе 500 стран. убористаго шрифта. въ 2 столбца, съ 430-ю превосходно исполненными гравюрами и рисунками въ тексты.

ЦѢНА: брошюр. 6 р., съ пер. 7 р.; въ роскошн. колленкор. переплетѣ, тисненномъ золот. и 3-мя краск., 7 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Появленіе предлагаемой книги было встрѣчено весьма сочувственными и лестными отзывами столичной и провинціальной прессы. Очень обстоятельныя разборы были напечатаны слѣдующими періодич. изданіями: „Правительств. Вѣстникъ“ (№ 57), „СПБ-скія Вѣдомости“ (№ 68), „Художественный журналъ“ (за февраль мѣсяца), „Биржевыя Вѣдомости“ (№ 45), Петербургскій Листокъ (№ 69), „St.-Petersburger Herald“ (№ 69), Moskauer Deutsche Zeitung (№ 63), Петербургская Газета“ (№ 71), „Гражданинъ“ (№ 22), „Донская Пчела“ (№ 17), „Русскія Вѣдомости“ (№ 80), „Кавказъ“ (№ 78), „Нижегородск. Биржез. Листокъ“ (№ 73), „Саратовскій Дневникъ“ (№ 68).

„ГРАЖДАНИНЪ“, посвящая постоянному изданію большую статью, между прочимъ говоритъ, что:

„Такая книга давно нужна намъ. „Все“ что мы имѣемъ въ этомъ родѣ,—или довольн. тяжело, передано убійственнымъ языкомъ... или по верхности. напоминаетъ каталогъ худож. выставки... Книга г. Гнѣдича такимъ образомъ является первой попыткой дать на русскомъ языкѣ, въ живомъ и сжатомъ изложеніи,—картину общаго хода развитія искусства съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.“

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНИЕ **Ф. ПАВЛЕНКОВА: УЧЕВНИКЪ ХИМІИ** Н. АЛЬМЕДИНГЕНА.

Составленъ въ объемѣ курса реальн. училищъ. Съ приложеніемъ 140 химическихъ задачъ. Въ томѣ 96 рисунковъ. Цѣна 2 руб. М. № 1041

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА

Ч. ГОФМАНА, СПБ. Больн. Дворянская ул. д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Слѣдъ за ними рамы, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешовыхъ до самой изощр. работы. Торговцамъ дѣляется уступка. № 3977

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ

ПРОИЗВЕДЕНІЯ

БЕНЕДИКТИНОВЪ

Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).

НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.

С.-Петербургскимъ столичнымъ врачебнымъ присутствіемъ разрѣшенъ ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вред-ныхъ здоровью веществъ. № 1052 26-2

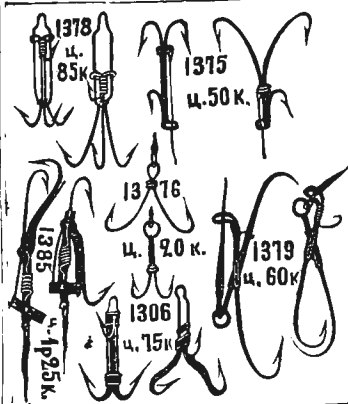
2 ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ: Брюссель 1830—Лондонъ 1894 гг. ВѢЩІЯ НАГРАДЫ.

Изобрѣ- теніе въ 1373 г. настоятелемъ Домъ основанный въ 1807 г. Се- генъ, въ Бордо, ул. Гюгерн, 3. ГЕНЕРАЛЬН. **SEGUIN** RUE HUGUERIE 3 АГЕНТЪ **SEGUIN** BORDEAUX.

Складъ въ С. Петербургѣ: въ Техно-Химиче-ской Лабораторіи; въ магазинѣ A la Renomée; у А. Рузанова и Флейша, парфюмеровъ.

Механическіе крючки для рыбной ловли.

Разныхъ системъ и величинъ. За пересылку (кромя Азіатской Россіи) отъ 1-го до 12 прибавляется 40 коп.

Точные размѣры и цѣны помѣщены въ иллюстрированномъ каталогѣ, который магази-ну высылается за 5 семикопечн. марокъ. С.-Петербургъ, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, магазинъ П. Ф. Наратаева. № 1049

Только подлинно съ этого фабрич. маркою.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“

Медо-Травяной Мальць-Экстрактъ и Кон-фекты отъ Л. Г. ПИТШЪ и Кооп. въ Бре-славль*).

Признавъ за лучшее средство противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная съ простаго катаръ до чахотки и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ официальное благозвѣщенное письмо отъ № 3840 10 8

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспоможенія больнымъ и раненымъ воинамъ въ С.-Петер-бургѣ.

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфеты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ магази-нахъ и аптекахъ Россіи. Главн. складъ для Россіи въ С.-Пете-бургѣ у В. Ауриха, В. Морск. 17.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛУХИНА С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Невскій, 21 (прот. Бол. Коношешной), предлагаетъ свои услуги по покупкѣ и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховыхъ, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ банковъ по покупкѣ и продажѣ иностранн. монеты и векселей, по залогу и перепагоу цѣнныхъ бумагъ на срокъ или до потребованія („on call“) и по всѣмъ другимъ касающимся бан-ковскаго дѣла, порученіямъ, которыя исполняются съ совершенною акку-ратностью за самое умеренное воз-награжденіе.

СТРАХОВАНІЕ

внугранныхъ билетовъ отъ предсто-ящаго тиража погашенія по

СОРОКЪ КОП.

страховая квитанція высылается по почтѣ на счетъ конторы, безъ всякой доплаты.

Продана 5% билетовъ

I и II Государственныхъ вну-треннихъ съ выигрышъ займовъ съ разсрочкою патеней

производится конторою на слѣд. усло-віяхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ, остальная сумма уплачивается ежемѣсячными взносами, по опредѣленію само-го покупателя, однакожъ не менѣ

ПЯТИ РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ!

Со дня внесенія задатка всякій выиг-рышъ, который падетъ на проданный билетъ, принадлежитъ вполнѣ поку-пателю. Р. № 3971

XVI годъ
№ 17

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XVI
1885

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выданъ 27 Апрѣля 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1885 г.

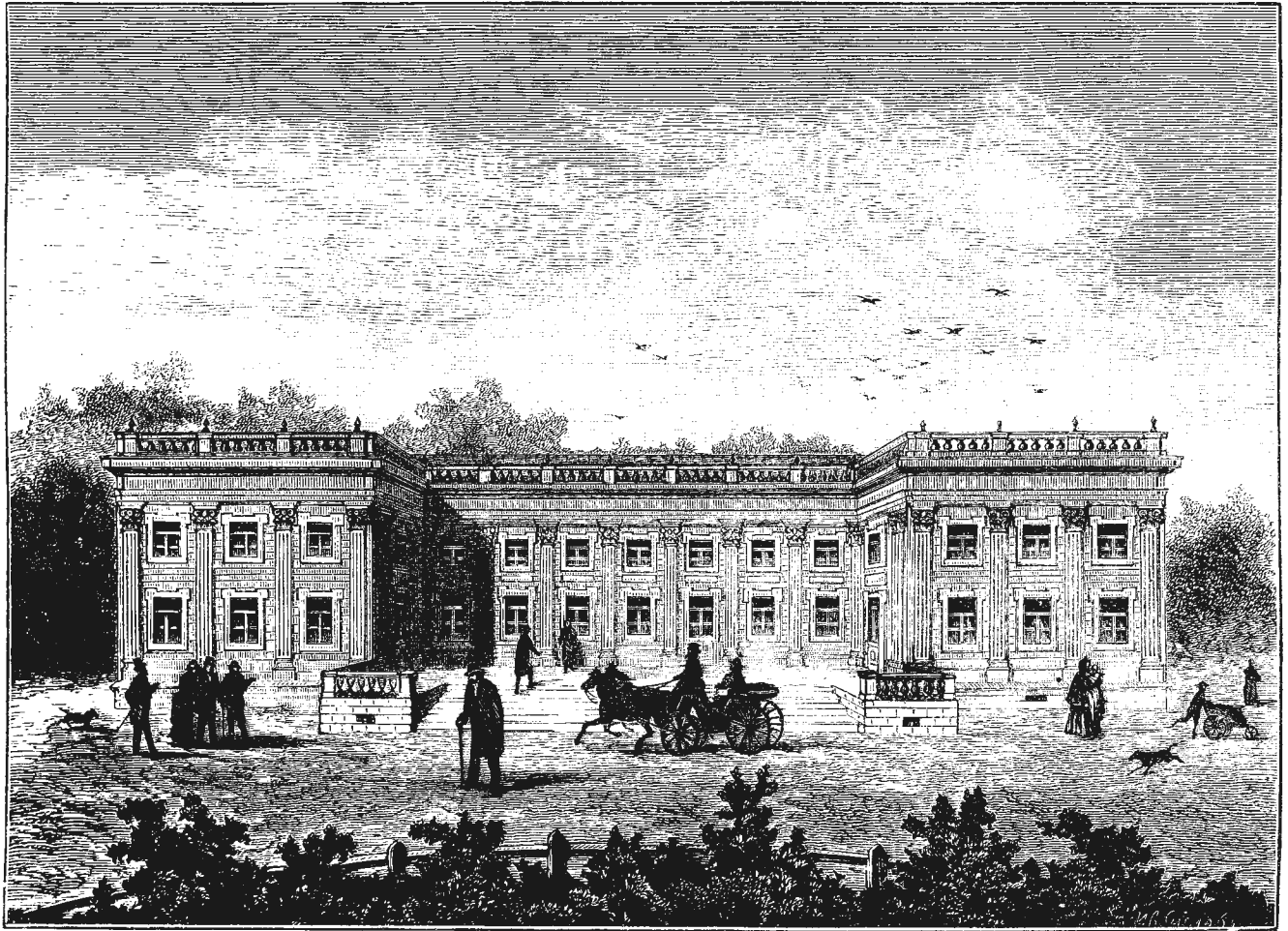
ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
60 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ
контору объявл. Н. Н. Лещков-
ской, Петровская Торгов. линія . . . 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложения при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногор. по 5 р. съ тыся-
чи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложениями.

Окрестности Петербурга. Дворецъ Петра I въ Енатерингофѣ. Ориг. рис. И. Суцова, грав. М. Раженскій.

Екатерингофскій дворець.

(Рисунки на стр. 393 и 396).

По довершеніи завоеванія Карелии, Эстляндіи и Лифляндіи (1710 г.) Петръ I, утвердившись на берегахъ Невы, дѣятельно приступилъ къ устройству новой столицы, заселенія ея окрестностей, до того пустынныхъ и безлюдныхъ: онъ раздалъ своимъ вельможамъ острова, окружающіе нынѣшній Петербургъ: Меньшикову—Крестовскій, графу Головину—Каменный, Шафирову—Елагинъ, царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ—Петровский и т. д. А въ Екатерингофѣ, въ память своей морской побѣды въ крошадскомъ заливѣ надъ шведскимъ флотомъ, на берегу, нѣсколько далѣе устья Фонтанки, построилъ деревянный небольшой двухъ-этажный дворець, назвавъ его, въ честь своей супруги, Екатерингофскимъ, и подарилъ ей для лѣтняго пребыванія.

Императорскій загородный Екатерингофскій домъ, какъ мы уже выше сказали, былъ двухъэтажный деревянный, въ 7 оконъ, безъ двора, съ молодой рощей у залива и двумя четвероугольными прудами; берега прудовъ были выложены булыжникомъ и окружены земляными валами, за которыми начинался густой лѣсъ съ просѣками для прогулокъ, и тутъ-же впоследствии былъ выстроенъ небольшой звѣринецъ съ мелкими деревянными строениями по сторонамъ. Вотъ что представлялъ собой Екатерингофъ при Петрѣ I и Екатеринѣ. И здѣсь чаще, нежели въ Петергофѣ, жилали лѣтомъ, съ ранней весны до глубокой осени, царица со своими дочерьми.

По смерти Екатерины I Алексѣевны Екатерингофскій дворець долгое время оставался пустынь и какъ бы забытымъ и только въ 1745 г., съ воцареніемъ Елизаветы Петровны, ему было обращено на него вниманіе и по проекту графа Растрелли дворець былъ увеличенъ болѣе нежели вдвое: съ каждой стороны по главному фасаду подъ одну крышу съ Петровскимъ дворцомъ было прибавлено по три окна съ выступомъ на одно окно вперёдъ для открытой террасы, которая ограждена баллюстрадаю; такая же баллюстрада идетъ кругомъ и по всему верхнему карнизу дворца, ступенчатая собою очертанія крыши. Самый дворець былъ обшитъ тесомъ, между оконъ сдѣланы пиллястры съ коринтскими капителями. Въ такомъ видѣ Екатерингофскій дворець оставался до конца царствованія Елизаветы Петровны, оживляясь время отъ времени пріѣздомъ царской семьи въ Екатерингофъ для прогулокъ, охоты и т. и.

Съ воцареніемъ Екатерины II Екатерингофскій дворець снова былъ осужденъ на забвене и только ежегодно, 1-я мая, по заведенному обычаю, здѣсь петербургскіе жители встрѣчали лѣто, при чемъ бывала иллюминація съ музыкой, на которую пріѣзжала и императрица, но эвѣмъ все и ограничивалось. Дворецъ замѣтно приходилъ въ ветхость, но нѣкоторое время еще поддерживался; а по докладу о дороговизнѣ его ремонта, императоръ Павелъ I приказалъ сломать всѣ ветхія надворныя строения, оставивъ одинъ дворець, при чемъ большая часть земли подарена графу фонъ-деръ-Палену. Въ 1804 г., указомъ Александра I, дворець со всѣмъ, что въ немъ находилось, а также и самая мѣстность передана въ вѣдѣніе графа А. С. Строганова, завѣдывающаго комитетомъ правленія городскихъ повинностей въ С.-Петербургѣ, т. е. отданъ былъ городу. Позднѣе, именно въ 1826 г., дворець снова перешелъ въ вѣдѣніе гофъ-интендантской конторы, приказано было возобновить и поддерживать его. Въ сороковыхъ годахъ дворець не разъ еще реставрировался. Такимъ образомъ Екатерингофскій дворець въ концѣ концовъ принялъ иной видъ отъ первоначальнаго.

Что касается внутренняго расположенія дворца, всѣ комнаты петровскаго времени сохранились въ томъ же видѣ и почти при той же обстановкѣ, а нѣкоторыя изъ комнатъ дворца, какъ напр. спальня Петра I, остались неприкосновенными (рис. 2 на стр. 396)—это очень небольшая, въ одно окно, комнатка, довольно низенькая, съ выбѣленными стѣнами; при входѣ въ нее видишь прежде всего широкую кровать и надъ нею, въ углу, образъ. Кровать работы рукъ самого Великаго Монарха; она проста, безъ всякихъ украшеній, дѣлана изъ сосноваго дерева. На кровати тотъ тюфякъ, на которомъ спалъ Петръ, тѣ подушки и то одѣяло, которымъ онъ покрывался. Но матерія, изъ которой были сшиты наволочки и покрыто одѣяло, за ветхостью, замѣнена новой. Направо столикъ по одной стѣнѣ и другой, обитый матеріей, у противоположной, налѣво—деревянное, довольно изящное по работѣ, кресло; на стѣнѣ небольшое зеркальце. Вотъ и все, что вмѣщаетъ опочивальня великаго императора. Другія три комнаты, представленныя на томъ же рисункѣ, относятся уже ко времени Елизаветы Петровны. Одна изъ нихъ (рис. 1) служила танцевальной и обѣденной залой; она въ два свѣта, съ большимъ дубовымъ, по коннамъ закругленнымъ, столомъ посрединѣ, съ четырьмя дверями: двумя внутренними и двумя наружными. Между первыми помѣщается прекрасная старинная кафельная печь, доходившая до потолка; противъ печи, по другой стѣнѣ, находится буфетъ изъ краснаго дерева, съ выдвижными и потайными ящиками, нѣсколько мягкихъ стульевъ; между оконъ—картины въ старинныхъ рамахъ, почернѣвшія отъ времени и довольно оригинальныя люстры довершаютъ убранство залы. Какое было назначеніе двухъ другихъ комнатъ (рис. 3 и 4), въ настоящее время опредѣлить трудно, во всякомъ случаѣ онѣ также интересны простотою отдѣлки и убранства. Всѣ полы, какъ въ первомъ этажѣ, такъ и во второмъ, изъ сосноваго дерева—простые, вошечные, даже не крашеные. Не всѣ однако комнаты носятъ на себѣ отпечатокъ простоты; въ нѣкоторыхъ (всѣхъ комнатъ 21) разставлена богатая мебель, обитая штофомъ и шелкомъ, съ раззолоченными ножками и спинками изящной работы, съ инкрустаціей, столы и столики „нѣмецкаго дѣла“, шкафы, комоды, ширмы, поставцы и т. п.; есть огромная стѣнная карта Россіи, дѣланная самимъ Петромъ I; не мало картинъ развѣшано по стѣнамъ дворца, писанныхъ масляными красками разныхъ школъ; также достойны вниманія большія картины, вышитыя шелкомъ, нѣсколько портретовъ Петра I въ разное время его жизни и въ разныхъ костюмахъ; гравюры первыхъ нашихъ гравировъ, планы, географическія карты и т. д. Въ такъ называемой каминной комнатѣ повѣшенъ большой компасъ съ указателемъ вѣтровъ, работы Петра I и проч.

Во дворцѣ находится не мало замѣчательныхъ вещей китаискіи работы, присланныхъ Петру I въ даръ отъ китайскаго богдыхана чрезъ нашего посланника капитана Измайлова. Но большая часть вещей изъ Екатерингофскаго дворца, современная Петру I и лично ему принадлежащая, перешла въ пятидесятыхъ годахъ, во время ремонта дворца въ составъ Петровской галереи Императорскаго Эрмитажа, а также и всѣ книги, находившіяся до того времени, частью собранныя самимъ Петромъ, частью приписанныя въ даръ въ послѣдующія царствованія.

К у л и с ы.

Повѣсть

Вас. И. Немировича-Данченко.

(Окончаніе)

ХІІІ.

Два визита.

Господинъ Повиликинъ только что отпустилъ очень выгоднаго клиента. Купецъ Миловидовъ, псжелавъ обанкротиться, какъ человѣкъ благоразумный, нашель необходимымъ справиться сначала, что отъ сего можетъ воспослѣдовать. Поговоривъ по душѣ съ адвокатомъ, и условясь въ цѣнѣ, онъ ушелъ съ облегченнымъ сердцемъ... Жанъ Повиликинъ, исполнивъ такимъ образомъ одну изъ своихъ гражданскихъ обязанностей, былъ въ благодушномъ настроеніи и пожелалъ съѣсть котлетку... Заказавъ ее, онъ былъ потревоженъ поданной, незнакомой ему, карточкой: „Сергій Федоровичъ Кашинцевъ“.

— Скажи, что я по дѣламъ принимаю только до часу...

Лакей ушелъ, но сейчасъ же возвратился обратно.

— Они желаютъ васъ видѣть сейчасъ же—говорятъ, что очень нужно... Они не уйдутъ-съ.

Жанъ Повиликинъ быстро выбросилъ на столъ три-четыре сотенныя бумажки и скомкалъ въ одинъ свертокъ нѣсколько двадцати-пяти рублевыхъ. Любопытный посетитель увидѣлъ бы въ этомъ ту плату, которую восхитенные клиенты оставляютъ знаменитому адвокату за консультацію... Затѣмъ онъ развернулъ передъ собою какое то толстое дѣло въ синей оберткѣ и придалъ себѣ серьезный видъ.

— Проси... Да предупреди, что я очень, очень занятъ... Котлетку погоди подавать.

Смѣшеніе полезныхъ и пріятныхъ обязанностей господина Повиликина сказывалось въ его кабинетѣ. Рядомъ съ классическими сочиненіями по юриспруденціи, запертыми въ шкапы, на стѣнахъ висѣли портреты раз-

ных пѣвицъ, съ автографами. Такъ какъ никому здѣсь настоящей почеркъ Патти, Лукки и другихъ извѣстенъ не былъ, то находчивый Жанъ Новиликинъ добродушно росписался за нихъ, при чемъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ себя за просвѣщенное участіе и свидѣтельствовавъ самому себѣ отъ имени ихъ уваженіе.

— Позвольте представиться: Сергѣй Федоровичъ Кашищевъ.

— Я уже видѣлъ вашу карточку, довольно небрежно отвѣтилъ адвокатъ. Простите: я такъ занятъ, чѣмъ могу служить?

— Я не надолго отвлеку васъ отъ вашихъ занятій... Скажите—вы ведете театральнѣйшій отдѣлъ въ здѣшней газетѣ?

„Должно быть дебютировать собирается“, рѣшилъ Новиликинъ, и сталъ еще величественнѣе и недоступнѣе.

— Да я! Здѣсь больше никому...

— Такъ что все, что появляется въ театральной хроникѣ,—ваше?

— Все!..

Кашищевъ вынулъ довольно толстый бумажникъ... Новиликинъ увидѣлъ тамъ весьма полныя пачки сто-рублевыхъ.

„Однако онъ быстро идетъ къ цѣли! подумалъ адвокатъ. Интересно, сколько предложить“.

— Я вообще весьма симпатизирую начинающимъ артистамъ, и по мѣрѣ своихъ силъ содѣйствую ихъ успѣху, заговорилъ онъ

— Это вамъ дѣлаетъ честь!.. Слѣдовательно и эта замѣтка—ваша!

И оставляя въ сторонѣ сторублевые бумажки, изъ другаго отдѣленія бумажника Кашищевъ вынулъ вырѣзку изъ газеты и положилъ ее на столъ передъ Новиликинымъ.

— О чемъ она? небрежно спросилъ тотъ, съ сожалѣніемъ замѣчая, что бумажникъ обратно отправился въ карманъ.

— Это подлые и грязные пасквили о Нинѣ Борисовнѣ Раевской, не только какъ объ артисткѣ, но и какъ о жепщицѣ... Эти замѣтки ваши... Онѣ изъ театральной хроники здѣшней газеты...

Жанъ Новиликинъ откинулся... глаза его забѣгали по сторонамъ.

— По какому праву вы меня спрашиваете? довольно тревожно уже отвѣтилъ онъ.

— По праву защитника оскорбленной дѣвушки. Я имѣю честь быть женихомъ Нины Борисовны...

— Я никого не называю въ этихъ замѣткахъ...

— Вы опытный адвокатъ. Но оскорбленіе остается все-таки оскорбленіемъ. Называть и не нужно было,—намеки ясны.

— Замѣтки не подписаны... Это дѣло редакціи... чего вы ко мнѣ?!

— Я прямо изъ редакціи. Редакторъ былъ такъ любезенъ, что снабдилъ меня письмомъ, въ которомъ снимаетъ съ себя всю отвѣтственность за „позорную билетную, достойную негодія“. Неудобно ли посмотреть—это его подлинное выраженіе.

— Что же вамъ нужно? Вы хотите драться со мною, что ли? И Жанъ Новиликинъ отодвинулся еще дальше. Такъ вѣдь это, позвольте, предусмотрѣно...

— Видите ли... Стаповисъ съ кѣмъ либо на барьеръ, я ему дѣлаю этимъ честь... Съ пасквилинтами поступаютъ иначе. А какъ я поступлю, это будетъ видно сейчасъ же. Сначала я изложу вамъ свои требованія, и только вашъ отказъ исполнить ихъ поставитъ меня въ печальную необходимость прибѣгнуть къ мѣрамъ...

Голосъ Кашищева былъ ровенъ и спокоенъ, но хотя онъ говорилъ вполнѣ дѣловымъ тономъ, Новиликинъ чувствовалъ, что отъ этого посѣтителя не отвертись.

— Какія же требованія?.. Согласитесь, это наконецъ похоже на насиліе... А насиліе...

— Называйте, какъ вамъ угодно, мнѣ все равно. Что касается до моихъ требованій,—они вотъ каковы. Вы сейчасъ напишете въ вашу редакцію, подѣ мою диктовку письмо, которое должно появиться въ завтрашнемъ номерѣ... Видите ли въ чемъ дѣло: о той части вашей замѣтки, гдѣ вы говорили про Нину Борисовну, какъ про бездарную артистку и дурную пѣвицу, я не говорю. Это дѣло вкуса. Вы въ правѣ разбирать ея игру. Но, по поводу того, что вы приписали ей желаніе отбить какого то любовника, какъ она была выгнана изъ за ужина, соболѣзновали, зачѣмъ она интригуетъ противъ кого то,—вотъ по поводу то всего этого вы сейчасъ же извольте печатно сознаться, что вы лгали, и выразить свое раскаяніе въ этомъ, и обѣщать впредь такъ не поступать. Не угодно ли приступить... Вы говорили о г-жѣ Р.—вы будете говорить тоже по поводу этого инициала.

— Я никогда не напишу ничего такого! взволновался Новиликинъ.

— Жаль! Однако... Даю вамъ двѣ минуты сроку...

Адвокатъ поблѣднѣлъ, зашарилъ въ столъ и вытащилъ ржавый револьверъ.

— Я стрѣлять въ васъ буду...

Рука у него дрожала. Губы приподнялись еще больше, точно желая показать, до какой степени гнилые зубы могутъ уродовать человѣка.

— Стрѣляйте... я ничего противъ этого не имѣю... Это ваше право—я вовсе не рассчитываю на вашу благодарность...

Новиликинъ вдругъ ослабѣлъ и упалъ въ кресло...

— Послушайте... это... вѣдь это я не знаю что... такъ нельзя—послушайте... Я напишу такъ: по наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что все сообщенное о г-жѣ Р. невѣрно.

— Это будетъ ложь... Вы никакихъ справокъ не наводили, а я не хочу принимать участіе въ повомъ вымыслѣ. Минута прошла, угодно вамъ исполнить требованіе,—и Кашищевъ привсталъ.

— Но послушайте... я только прибавлю слѣдующее: я сознаюсь въ этомъ „какъ честный человѣкъ“, которому жаль, что онъ оскорбилъ уважаемую артистку, только „какъ честный человѣкъ“.

— Это вы могли сдѣлать ранѣе моего посѣщенія. Теперь вы не имѣете права на такую редакцію письма.

— Но изъ уваженія къ печати... забормоталъ что то адвокатъ.

— Что же общаго между вами и литературой? какая же это литература? показалъ онъ на вырѣзки, лежавшія на столѣ предъ Новиликинымъ. Минута прошла. Еще разъ. Угодно вамъ исполнить мое требованіе?

— Это чортъ знаетъ что!.. Это насмѣха... Это правезъ какой то... Диктуйте... и онъ въ отчаяніи взялся за перо.

Когда покаянная записка была окончена, Кашищевъ провѣрилъ ее, поставилъ даже пронуженную Новиликинымъ запяту и всталъ.

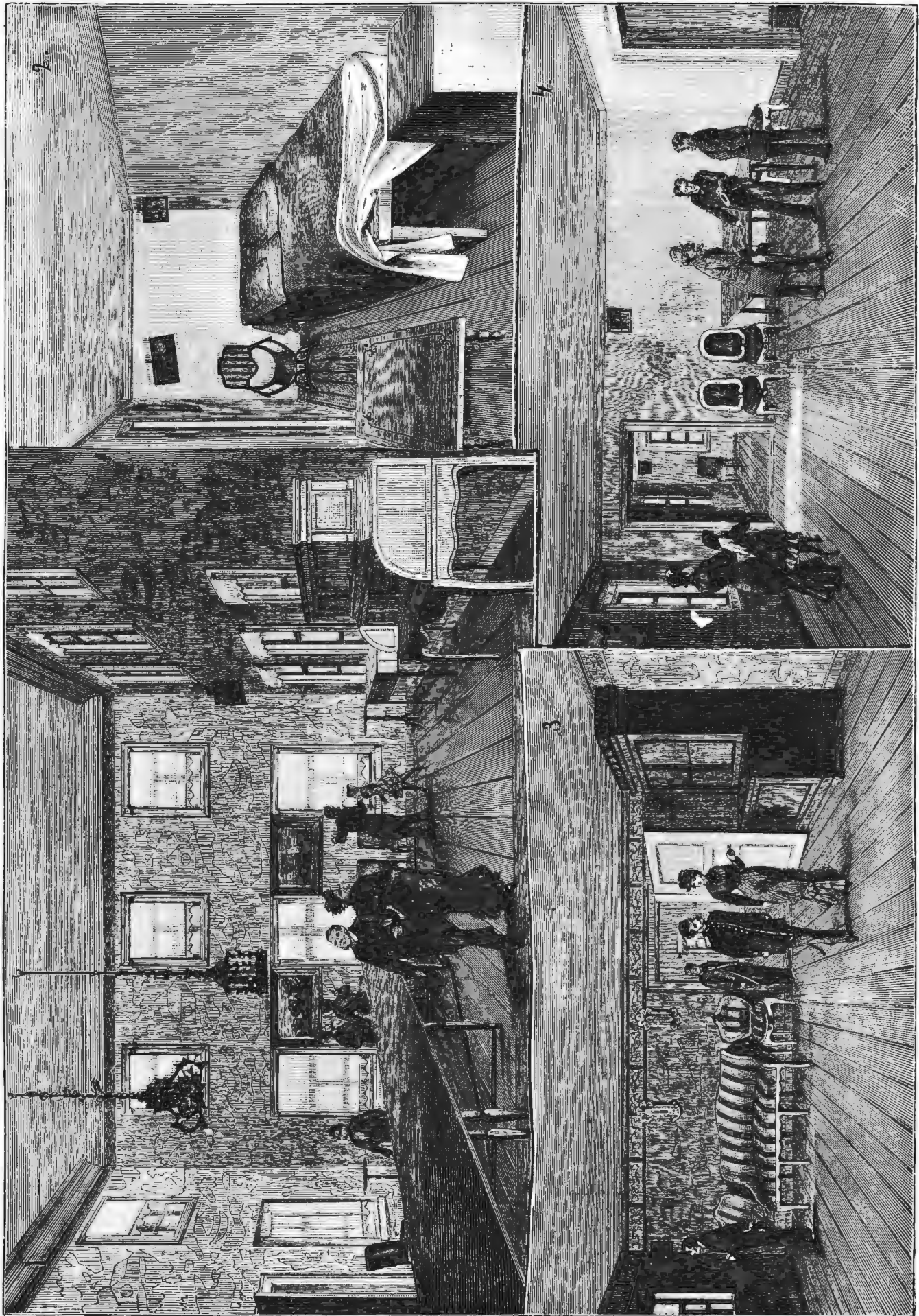
— Теперь довольно!.. онъ пошелъ къ дверямъ и вдругъ остановился. Вы жаловались на недостатокъ времени. Простите, я и забылъ, что отнялъ у васъ полчаса... Во сколько вы цѣните его?..

— Послушайте, это новая дерзость?

— Нисколько... вы за юридическія консультаціи берете же деньги?.. Вотъ у васъ на столѣ... за что же я буду въ долгу у васъ... я рѣшительно не желаю этого... Постарайтесь сообщить мнѣ цифру.

Но Новиликинъ совсѣмъ растерялся и молчалъ.

— Я думаю, сто будетъ довольно! совершенно дѣловымъ тономъ рѣшилъ Кашищевъ, и выбросилъ бумажку на столъ.

Окрестности Петербурга, Екатерингофскій дворець Петра I. Ориг. рис. И. Сулова, грав. М. Рашевскій.

1) Заѣз-столовая. 2) Спальня Петра I. 3) Одна изъ комнатъ перваго этажа. 4) Одна изъ комнатъ второго этажа.

Бояринъ Федоръ Ивановичъ Шереметевъ сдаетъ сохранныя имъ въ Смутное Время царскія сокровища.
Ориг. рис. А. Земцова, грав. Флюгелъ.

— Я изорву ее! воскликнул Повиликинъ.

— Что же мнѣ за дѣло. Она ваша. Если это доставитъ вамъ удовольствіе,—рвите... и выньте изъ кабинета.

На Повиликина пашель припадокъ обшества. Онъ швырнулъ котлетой въ человека и поналъ прямо въ факсимилерованный имъ самимъ портретъ Патти... Кидался на стулья, ерошилъ волосы на головѣ, но... справедливость требуетъ сказать, сторублевой бумажки онъ не изорвалъ, а довольно тщательно, вмѣстѣ съ другими такими же, разгладилъ и спряталъ въ бюро...

Барсова Сергѣй Федоровичъ засталъ дома. Теноръ сидѣлъ у камина и приготовился эффектно встрѣтить Кашинцева. Самыя высокія ходулы! Онъ припоминалъ Росси и Сальвини съ ихъ пріемами, даже пощуповалъ голосъ, достаточно ли искренно звучитъ онъ. Его модуляции удовлетворили артиста. Во что бы то ни стало надо было забрать Кашинцева въ руки. Пускай женится, что же! Всѣ артистки выходить замужъ, чтобы потомъ имѣть любовниковъ. А этотъ, къ тому же, богатъ.—роль третьяго въ семьѣ при этихъ условіяхъ очень улыбалась Барсову.

„Нина тоже не долго будетъ колебаться... Спою нѣсколько разъ Фауста съ пею—и кончено.. Эта опера!.. Не было до сихъ поръ пѣвицы у которой не закружилась бы голова отъ нея.. Сначала—объяснение въ уборной. Мужъ слишкомъ гордъ, чтобы шлеться туда за пею,—а потомъ.. Если она и уйдетъ отсюда, я тоже перейду на ту сцену, гдѣ будетъ пѣть Раевская... Какъ нибудь все устроится!“

— Я запоздалъ къ вамъ, послышался голосъ Кашинцева. Я забѣжалъ въ редакцію.. нужно было.

Радъ случаю возобновить знакомство, которое началось въ такой поэтической обстановкѣ... на Монте-Бисбино...

Голосъ Барсова звучалъ благородно, и еще великодушнѣе онъ протянулъ руку сопернику. Но, къ крайнему изумленію артиста, Кашинецъ не припалъ этой руки, и съ отличавшимъ его спокойствіемъ и сдержанностью сѣлъ противъ.

— Чему обязанъ?.. перешелъ въ холодный тонъ Барсовъ.

— Сейчасъ узнаете... И Кашинецъ задумался нѣсколько. Неужели вы бывший студентъ *** университета?

— Я... да... а что? растерялся Барсовъ.

„При чемъ тутъ университетъ?“ мелькнуло у него въ головѣ.

— Выпуска *** года?

— Да. Что за вопросы!

— Хорошій выпускъ былъ—были честные люди.. и какъ быстро вы забыли... эти преданія...

— Послушайте, милостивый государь!

— Какъ быстро забыли вы... Неужели, Барсовъ, въ тѣ минуты, когда вы такъ вотъ, одни, сидите у камина, вамъ не дѣлается страшно за себя самого?.. Вспомните,—вы тогда вѣрно были совсѣмъ другимъ, неспособнымъ на пизость, на оскорбленіе бѣдной, беззащитной дѣвушки, на подлую интригу...

Барсовъ прошелся по комнатѣ. Что то подступило у него къ сердцу...

— Вы вѣрно и любили тогда честнѣе... Неспособны были требовать платы за услуги, сдѣланныя любимой дѣвушкѣ... Да неужели вы такъ низко могли пасть?..

— Почему вы знаете? всполохнулся Барсовъ. О какой платѣ вы говорите... Я не понимаю?

— Мнѣ подробно рассказана вся эта позорная сцена въ уборной. Да и все вообще... Она ничего не скрыла отъ меня.

— Съ какихъ это поръ—любовь стала позоромъ... Развѣ я долженъ стыдиться своего увлеченія... Нина Борисовна такъ хороша! съ пафосомъ заговорилъ Барсовъ.

— Полноте... Развѣ любимую дѣвушку освящаютъ, развѣ представляютъ такіе счеты къ уплатѣ... Ну, вотъ что. Довольно... Я перехожу къ дѣлу прямо... У васъ есть ея письма...

— Это моя тайна!.. Я не обязанъ отвѣчать вамъ... Прошу васъ прекратить объ этомъ.

— У васъ есть ея письма и портреты... У нея были ваши письма... хоть надо вамъ отдать справедливость... вы были очень осторожны, слишкомъ осторожны для пылкаго влюбленнаго. Ни одного намека, ничего, что могло бы повести къ какимъ либо обязательствамъ... Точно вы имѣли дѣло съ слѣдователемъ.. Ваши письма у меня. Потрудитесь мнѣ выдать ея письма. Она меня уполномочила. Слышите!.. И получите ваши дипломатическія ноты.

— Я не обязанъ... началъ Барсовъ по Кашинецъ схватилъ его за плечо, такъ что кости актера хрустнули.

Онъ посмотрѣлъ въ лицо Сергѣя Федоровича. Оно пылало негодованіемъ Спокойные до сихъ поръ, голубые глаза метали пламя. Барсовъ понялъ что шутить не время...

— Или вы сейчасъ отдадите мнѣ ея письма, или я... хрипло заговорилъ Кашинецъ.

Нѣвецъ, ничего не отвѣчая, подошелъ къ столу и вынулъ оттуда пачку исписанныхъ листковъ... Она была аккуратно перевязана, и наверху значилось: „Отъ Нины Раевской“.

— Позвольте мнѣ отдать ей самому, или послать... Они писаны не для того, чтобы вы ихъ читали...

— Не судите по себѣ!.. Для меня дорога чужая тайна...

И Кашинецъ, мелькомъ взглянувъ на пакетъ, бросилъ его въ каминъ. Пламя охватило листки, скоро отъ нихъ остался только черныи, сгорѣвшій пепелъ, по которому бѣжали во всѣ стороны золотыя искры.

— Вотъ ваши упражненія въ адвокатскомъ краснорѣчьи... Извольте получить... И знаете что... Съ ея согласія—я прочиталъ ихъ. Вѣдь у васъ здѣсь ни одной фразы нѣтъ, гдѣ бы вы не оставили себѣ лазейки на всякій случай... Возьмите ихъ, возьмите скорѣй.. Кашинецъ всталъ. Знаете, пожелать вамъ, чтобы вы стали другимъ человекомъ?.. Это невозможно.

— Вы меня обвиняли въ интригахъ противъ госпожи Раевской... Въ томъ, что я исписалъ ее...

— Да, обвинялъ и обвиняю

— У васъ есть свидѣтели, или документы?..

— Развѣ мы въ судѣ? Вы впрочемъ выполнили только угрозу, сказанную тогда въ уборной?

— Я ничего не говорилъ... Кто это слышалъ... Я никого не называлъ!..

— Одно меня удивляетъ, мягко уже заговорилъ Кашинецъ, глядя въ огонь... Какъ это талантъ можетъ уживаться въ одномъ и томъ же человекѣ съ такою пизостью Какъ вы можете вдохновляться на сценѣ?.. Поддаваться чувству, негодованію, благородному гнѣву—и быть такимъ жалкимъ, такимъ.. впрочемъ, простите—теперь это не мое дѣло... Я имѣю къ вамъ еще, только на этотъ разъ уже отъ себя... Вы странно зачутаны. Вы кругомъ должны?..

— У васъ мои векселя?.. Какъ вы могли?.. всыхнулъ артистъ.

— Вашихъ векселей у меня нѣтъ, векселями я не торгую. Но видите ли, вы очень много хлопотали, чтобы Нина Борисовна была принята на сцену; въ первое время вы ей оказали много дѣйствительныхъ услугъ... Потомъ вы ей бросили упрекъ, что она должна быть благодарной вамъ, что она не расплатилась... Простите, я человекъ коммерческой... Въ какую сумму обвиняете вы эту благодарность?.. У насъ принято платить всякаго рода долги. Что вамъ должны госпожа Раевская? Мнѣ известно, что другіе за свой дебютъ входятъ въ различныя денежныя сдѣлки...

— Знаете, вдруг искренно вырвалось у Барсова, знаете... Вы только что говорили о университетских преданіяхъ... Ну, а вашъ поступокъ, это предложеніе денегъ разбитому и безъ того вами же униженному человеку—какъ назвать? Надъ чѣмъ вы тѣшитесь?

— Вы меня не поняли, если хотите—я объяснюсь... Я знаю въ какихъ ежовыхъ рукавицахъ васъ держатъ, благодаря какимъ то денежнымъ счетамъ. Я знаю, что нѣтъ минуты когда вы могли бы свободно вздохнуть... Я хочу вамъ дать эту свободу. Если я сдѣлалъ свое предложеніе въ оскорбительной формѣ... Простите.

Сергѣй Федоровичъ протянулъ руку. Барсовъ горячо пожалъ ее и взволнованный прошелся.

— Чортъ знаетъ что такое! Вы правы. Я былъ другимъ человекомъ... Теперь поздно... Длинный путь позади... Въ сорокъ лѣтъ не исправляются... Да и возврата нѣтъ... Измочалился совѣмъ... Гдѣ взять силы? Ради Бога, только не говорите о деньгахъ. Выпугайся я сегодня—завтра вмѣсто Досужевой явится кто нибудь еще хуже... Эхъ!.. каторжная карьера... Дайте мнѣ руку еще разъ... И уходите отсюда, уходите скорѣе... Прощайте!..

Долго послѣ этого сидѣлъ еще пѣвецъ, глядя полными слезъ глазами на потухавшій уже огонь камина..

XIV.

Серафимочкинъ рай.

Нина съ прїѣзда Кашинцева оправлялась чрезвычайно быстро. Сегодня была она особенно весела. Утромъ появился въ мѣстной газетѣ покаянный вопль Повиликина; днемъ, ни съ того, ни сего, сдѣлали визиты всѣ, кого еще недавно она считала своими врагами по сценѣ. Даже театральная маменька посидѣла у нея какъ на иголкахъ, выпросила себѣ старую шаль и шляпку— „все равно вамъ халдейкамъ этимъ дарить“, и исчезла, чуть не сбивъ въ прихожей свою же дочку. Та расфуфырилась на славу. Бриллиантовая брошь, бриллиантовая ящерица, знакомый Нинѣ бриллиантовый браслетъ, серьги—такъ и блистали на Лолошкѣ, которая почла своимъ долгомъ объявить всѣмъ, что она сегодня въ банкѣ внесла на свое имя пять тысячъ...

— Это вы откуда же... изъ жалованья?.. добродушно улынулся Кашинецъ.

— Нѣтъ... Вчера пѣла Грамату—поднесли мнѣ въ корзинѣ съ цвѣтами. Меня публика здѣсь ужасно любить. Вотъ и Нину Борисовну бы полюбили, да она гордячка... А надо быть поласковѣе.

Явилась и Досужева, просидѣла нѣсколько минутъ, боясь открыть ротъ, потомъ величественно поднялась и вышла изъ комнаты.

— Скоро на вашей свадьбѣ пировать будемъ? безцеремонно ворвался Крестовоздвиженскій.

— Скоро! покраснѣла Нина. Вотъ вашъ совѣтъ исполнила... Помните, говорили вы?

— А что, внезапно воодушевился семинаристъ. Скажете развѣ неправда?

— А гдѣ же сидѣлка то ваша, дѣва Серафима?

— Вы надъ ней смѣетесь. Серафимочка золотой человекъ... Сердца то у нея на всѣхъ васъ хватить.

— Это я смѣюсь надъ нею? покраснѣлъ Крестовоздвиженскій. Да помиуйте, Нина Борисовна, я за нее всякаго обломать готовъ!.. наивно признался онъ. Я разъ одного въ рѣкѣ искупалъ за нее... Вотъ какъ... Вздумалъ онъ за Серафимочкой приволокнуться... Выгнать хотѣли за это, да я имъ тоже посулилъ, что театръ снаю!.. Да и гдѣ же имъ теноровъ взять, теноръ—голосъ вольный.

— То есть, какъ же это? переспросилъ Кашинецъ, котораго заинтересовалъ Крестовоздвиженскій.

— А такъ, что хочеть то и дѣлаетъ.. Баритоновъ сколько угодно, но всѣмъ мѣстамъ. Басовъ тоже хоть на вѣдь, ну а теноровъ наплачешься. Да вотъ какъ,

по всей Россіи можетъ быть и десяти хорошихъ не найдется. Вы думаете—Барсовъ? Барсовъ игрой беретъ, а чу-ка онъ верхнее фа? Сдѣлайте одолженіе, а я и сол—съ полнымъ удовольствіемъ. Ну какъ же имъ меня прогнать?.. Да вотъ какъ будемъ говорить. телеграфируй я сегодня въ Питеръ. сол—могу, завтра же отвѣтъ—пожалуйте! Я вѣдь изъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Преосвященный Климентъ какъ убивался, что я ухожу отъ него.

Серафимочка—легка на поминѣ. Крестовоздвиженскій такъ и просіялъ, увидѣвъ ее. На дворѣ было холодно сегодня, она влетѣла въ комнату вся раскраспѣвшаяся, только черные глазенки горѣли.

— Съ репетиции?.. Ну что, какъ идетъ все?

— Да хорошо-съ. Балетъ будетъ на славу.

— Какая вы прелесть, Серафимочка! сказала Нина. Сколько вамъ лѣтъ теперь?

— Да ужъ много! она засмѣялась, показавъ свои ослѣпительные зубки. Ужъ много—двадцать два.

— Замужъ поралъ.. Вотъ Крестовоздвиженскій увѣряетъ, что на сценѣ такъ нельзя..

Кристиани завозился на стулѣ.

— И нельзя-съ Имъ можно, а вамъ нельзя-съ. Потому онъ балетная, а балетныхъ у насъ мало и получаютъ онъ немного.. Слѣдовательно, у нихъ и враговъ нѣтъ.

— Что же, я бы замужъ пошла! съ тою же смѣшной серьезностью рѣшила Серафимочка... Только гдѣ же! За бѣднаго я не пойду, слава Богу—навидалась! а богатые на насъ балетныхъ знаете вѣдь какъ смотрятъ... Не подъ вѣнецъ.. А обмануть нарываютъ. Вотъ напрямѣръ Мандель, сколько нашихъ балетныхъ несчастными сдѣлалъ..

— Ну, а если вы полюбите Если полюбите, напрямѣръ, бѣднаго, у котораго ничего нѣтъ?

— Да когда же мнѣ время полюбить то, наивно улыбнулась Серафимочка. Утромъ я на репетиціи, вечеромъ танцуу, а днемъ уроки выучилась, Нина Борисовна. Вѣдь меня только къ танцамъ и готовили... Любовь—это для богатыхъ, а по моему вотъ рай выйти замужъ—чтобъ и я работала, и мужъ работалъ. Только чтобы онъ получалъ много. Такъ, знаете, тысячи двѣ, да я пятьсотъ. Вотъ бы мы тогда и зажили. Маменька у насъ бы хозяйствомъ занималась. Всю мы зиму такъ бы работали, а весной, либо лѣтомъ, другъ для друга... Осенью—опять за дѣло. Вотъ это рай!.. Сдѣлалъ бы мнѣ предложеніе, только чтобы не противный, сейчасъ бы пошла.

— А я бы васъ за это самое пополамъ перервалъ! вдругъ разозлился Крестовоздвиженскій.

Всѣ обернулись на него, а Серафимочка тоже изумулась, даже руками всплеснула.

— За что же это?

— А за то за самое... Какъ же бы вы это да замужъ пошли!.. и теноръ вдругъ спохватился, покраснѣлъ и забѣгалъ глазами по комнатѣ—близко ли шляпа на всякій случай... Нашелъ ее и схватилъ въ обѣ лапы, точно драгоценность какую.

— А кто же бы мнѣ запретилъ въ законъ вступить!.. Я и то съ маменькой какъ бьюсь.

Нина Борисовна вдругъ расхохоталась.

— Крестовоздвиженскій, оставьте шляпу въ покоѣ Положите ее, вотъ такъ! Ну а что, Серафимочка, если бы вамъ предложеніе сдѣлалъ Крестовоздвиженскій—пошли бы вы за него.

Серафимочка покраснѣла, посмотрѣла на Крестовоздвиженскаго, и еще пуще облилась румянцемъ. Крестовоздвиженскій отступалъ въ это время къ дверямъ, но, на звое несчастіе, мимо Акулова,—тотъ и схватилъ его за фалду.

— Что-жъ, за Крестовоздвиженскаго пошли бы? Онъ три тысячи получаетъ...

— Коли бы они пить перестали... А то странно... Совсѣмъ уже растерялась Серафимочка.

— Вотъ оно!.. Ура! швырнулъ Крестовоздвиженскій шляпу въ потолокъ. Пусти, Акулина, чего держишь. Серафимочка—ей-Богу перестану.. Ни вотъ сколько... Давайте, удивимъ всѣхъ... Пойдемъ да—„Исаія ликуй!..“ Чего тутъ еще... Мнѣ ужъ надоѣло смотрѣть на васъ издали... Что въ самомъ дѣлѣ!.. Хотите? Нина Борисовна, то есть вотъ, подите, думалъ ли я, чтобы вы такая умная были... Сидѣли, сидѣли цѣлый вечеръ—ничего не было, а тутъ вдругъ... Ну, Серафимочка, теперь мы съ вами вдвоемъ!.. Во какъ ихъ всѣхъ возьмемъ!.. погрозился онъ невѣдомо кому...

XV.

Прощальный спектакль Нины Борисовны ужъ объявленъ. Сегодня она должна въ послѣдній разъ пѣть въ „Гугенотахъ“ Съ утра въ театрѣ необычайная суматоха. Готовилось нѣчто торжественное. Директоръ изумилъ всѣхъ расходами. Были заказаны новые костюмы и новыя декорации. Весь городъ хотѣлъ попасть на этотъ спектакль. У кассы толпились. Было извѣстно уже, что Раевская выходитъ за богача Кашинцева, и не только не оставляетъ сцену, но, напротивъ, ѣдетъ въ Петербургъ, а потомъ въ Парижскую большую оперу. Слетни улеглись съ тѣхъ поръ, какъ Повиликинъ самъ себя обличилъ въ газетѣ. Всѣ только и говорили о томъ, что Нину Борисовну не оцѣнили, что се оскорбила въ послѣдній разъ партія,—и больше всего горячился въ этомъ отношеніи Мандель, ежедневно оставлявшій визитныя карточки у Раевской. Молодежь готовила ованію, а мѣстный фотографъ не успѣвалъ выпускать ея портреты. Въ самый день спектакля мѣстная газета сообщила въ фельетонѣ біографію „нашей несравненной дивы, восходящая звѣзда которой скоро затмитъ устарѣвшихъ Патти и Альбани“. Подъ этимъ дифирамбомъ стояло имя Повиликина en toutes lettres и даже для вѣрности были указаны годъ и число. Авторъ между прочимъ скромно намекалъ, что если къ ней и были прежде несправедливы, то только потому, что къ такому таланту и требованія предъявляются необычныя. Режиссеръ передъ послѣдней репетиціей сіялъ празднично. Онъ ни съ того, ни съ сего сталъ расхваливать Раевскую, соболѣзнуя о томъ, что вотъ-де не живетъ у насъ талантамъ. Сейчасъ отнимаетъ ихъ за граница.

— Постарайтесь ужъ... ведите оркестръ какъ слѣдуетъ, наткнулся онъ на капельмейстера.

— Это для Нинки то? изумился тотъ.

— Да вѣдь въ послѣдній разъ!..

— Въ послѣдній? ну чортъ съ нею!.. Коли уходитъ сама—топить не стану.

— Наша то недотрога, и въ самомъ дѣлѣ уѣзжаетъ! летала по уборнымъ театральная маменька. Что же? Я на ней зла не помню!

Лолошка была въ восторгѣ: въ слѣдующій разъ Валентину должна была пѣть она, а костюмы для этой роли были заготовлены хорошіе.

— Я не боюсь сравненій, маменька, скромно сознавалась она.

— И бояться печего, благоразумно рѣшила маменька. Соломонъ Иосифовичъ долженъ для тебя постараться—слава Богу! Что его жидовской мордѣ стоитъ взять десять ложекъ!..

Вечеромъ театръ освѣтили a giorno. Публики было полнымъ полно: когда Кашинецъ показался въ первомъ ряду, на него устремились сотни биноклей. Повиликинъ, очевидно рассчитывавшій на его признательность за сегодняшнюю статью, разлетѣлся было къ нему, но Сергѣй Федоровичъ шага за три такъ посмотрѣлъ

на адвоката, что тотъ совсѣмъ растерялся и у незнакомаго человѣка справился о здоровьѣ; получивъ удовлетворительныя свѣдѣнія по этому предмету, Повиликинъ полюбопытствовалъ у Манделя какова сегодня погода, на что Соломонъ Иосифовичъ, только что тоже сбитый съ позиціи Кашинцевымъ, немедленно отвѣтилъ:

— Очень вамъ благодаренъ, и особенно дружески пожалъ руку рецензенту.

Когда началась пьеса, публика не позволяла амфилодировать никому кромѣ Раевской.

Въ первомъ актѣ, въ райкѣ только что было приняли въ восторгъ отъ Рауля, какъ внизу, въ партерѣ, имъ зашикали.. Въ антрактѣ Нина, въ отверстіе занавѣса, взглянула на публику... Теперь она уже смотрѣла на нее безъ страха и уваженія. Людское море казалось ей столь же бессмысленнымъ и стихійнымъ, какъ и море дѣйствительное. Подуетъ вѣтерокъ справа—гонитъ волны налево, подуетъ слѣва—тѣ же вспѣнные гребни бѣгутъ направо!.. Не тутъ ея судъ, смыслъ ея дѣла! Вонъ сидитъ Кашинецъ, онъ веселъ и спокоенъ. Увидя его улыбку, Нина и сама разомъ ободрилась. Ажитация исчезла, ей стало легко. Не все ли равно какъ отнесутся: онъ здѣсь, она будетъ пѣть для него. Она не знала, что ей готовилась ованія. Пусть зала будетъ холодна, Раевская была увѣрена, что въ одномъ сердцѣ голосъ найдетъ отзвучіе. И этого было довольно... Когда во второмъ актѣ, на ступеняхъ лѣстницы, ведущей въ паркъ королевы Маргариты, показалась Валентина—ее встрѣтили такими долгими амфилодисментами, что остановился даже оркестръ, и музыканты, отложивъ инструменты, присоединились къ ованіи. Еще недавно какъ бы ей закружилъ голову такой приемъ, въ какое волненіе онъ привелъ бы артистку, но теперь она уже знала цѣну этому приливу. Когда она подошла къ рампѣ ей подали вѣнокъ, не успѣла она передать его за кулисы—поднесли корзину цвѣтовъ. Бура усилилась еще больше, изъ ложъ замахали платками. Сергѣй Федоровичъ не отводилъ глазъ отъ нея и замѣтилъ на ея лицѣ презрительную улыбку... Не та ли самая зала еще наканунѣ шикала и свистала ей, не изъ этой ли ложи, откуда отчаянно кричатъ „браво“, въ послѣдній разъ ей же бросили вѣникъ. Вонъ Повиликинъ надсаживается—завтра вѣрно будетъ возиться съ охришимъ горломъ, Мандель чуть не влѣзъ на барьеръ... О, какъ они жалки ей въ эту минуту, какъ смѣшно ей ея прежнее благоговѣніе передъ этой жаждущей „хлѣба и зрѣлищъ“ массой!.. „За что теперь—вѣдь я еще не пѣла“, думала про себя Нина, всматриваясь въ это тысячеголовое, взбалмошное чудовище, быстро творящее себѣ кумировъ и еще быстрѣе разбивающее ихъ. Сегодня—на пьедесталѣ, вся въ вѣнкахъ... Завтра—сокрушенная, въ пыли, никому не дорогая, никому не памятная. Сегодня—на колесницѣ, за тобою толпа, ликующая, готовая броситься тебѣ подъ колеса; завтра—побиваемая камнями, брошенная на жертву... Начался третій актъ „Гугенотовъ“. Все это полно глубокаго горя, взрывовъ страсти и печали; свадебный привѣтъ счастливица сливается съ воплями сердца истекающаго кровью, крики мести и благословеній звучать въ одно и то же время, меланхолическіе напѣвы и боевые призывы растутъ и растутъ подъ зловѣщимъ свѣтомъ факеловъ, подъ звонъ мечей, подъ глухія, какъ удары могучаго колокола, проклятія... Никогда голосъ Нины не звучалъ какъ сегодня... Слово гальванической токъ пробѣжалъ по залѣ... Это уже была не только пѣвица, но женщина, узнавшая глубину горя. Да, несчастіе выработало ее, дало ей огонь и страсть, какихъ прежде не было. Еще мѣсяць назадъ она бы и не додумалась до тѣхъ отѣнковъ, которые теперь, помимо ея воли, явились сами... Для сцены горе лучшей учитель... Оно разбиваетъ сердце, но создаетъ гелій. Школа жестокая, но вѣрная. Красивый и безжизненный вчера голосъ,

Новыя рѣчи. Рис. А. Девисъ, грав Орландъ.

сегодня полонъ выражения и силы. Наканунѣ удивлялись ему, сегодня плачутъ... Вчера смычокъ спокойно пробѣгалъ по струнѣ, сегодня онъ отыскалъ эти струны въ нашемъ сердцѣ и заставилъ его биться то радостью—то мукой, то счастьемъ—то страданьемъ. Вчера еще слушалъ эти модуляціи, англодировалъ ихъ легкости и изыществу и спокойно шелъ къ себѣ домой къ будничному дѣлу, завтра же, съ глазами полными слезъ, вдругъ выбить изъ обычной колѣн, идешь по улицамъ мечтая, и только ночь, съ ея кроткими звѣздами, меланхолическимъ мѣсяцемъ, знаетъ, что творится въ душѣ! Вчера слушалъ—сегодня живешь!.. Вотъ что даетъ горе таланту, и да будетъ благословенно очищающее и вдохновляющее горнило несчастья... Для дѣвственнаго сердца оно тоже, что первая гроза послѣ зимняго сна... Идутъ ея поля, гдѣ въ черныхъ глыбахъ притаились ростки свѣжей травки, ждутъ ея лѣса, въ почкахъ которыхъ еще зрѣетъ зеленый листъ, какъ младенецъ въ колыбели спитъ, пока съ высоты небесной не разбудитъ его призывъ къ жизни, теплу и свѣту...

Въ антрактѣ Кашищевъ занелъ въ уборную къ Нинѣ... Вся сіяющая, одушевленная, она стояла посреди комнаты, точно ожидала его... Когда онъ показался, она съ глубокимъ чувствомъ счастья спрятала свою золотую головку на его груди... На эту сцену разлетѣлась было Серафимочка... И сконфузилась... Влюбленные, полные эгоизма страсти—расхохотались.

Овація росла и росла. Въ четвертомъ актѣ Нину забросали цвѣтами. Въ дуетѣ съ Раулемъ, она невольно вспомнила южную, теплую ночь, когда по озареннымъ яркою луною каменнымъ улицамъ тихой Равенны неслись къ ней тѣ же пламенные звуки, тотъ же голосъ вдохновилъ ее на полный вспыхнувшей страсти отвѣтъ.

И тотъ ропотъ фонтана и тѣ потонушіе въ лазурныхъ сумеркахъ вершины и то дивное утро, когда въ одно и то же время ее благословили горы и кротко улыбнулись счастливыя равнины Ломбарди—все пронеслось въ ея памяти... Какая бездна легла теперь между этимъ прошлымъ и настоящимъ... Вотъ онъ, опять передъ нею, опять поетъ то же, но она уже спокойно слушаетъ размалеваннаго фигляра и ничего въ ея сердцѣ нѣтъ кромѣ презрѣнія! И красота его не вліяетъ на нее. Онъ ей противенъ, лицо его также фальшиво какъ маска арлекина, за которой можетъ быть скрывается лицо негодяя! И когда въ антрактѣ онъ, печально поклонившись ей, разомъ отвернулся, точно желая скрыть слезы, нагнувшіяся на эти вѣчно лгущіе глаза, она не повѣрила ему ни на одну минуту... Ходули, вѣчныя ходули!.. Она даже почувствовала себя оскорбленной и занершись въ уборной думала: зачѣмъ онъ притворяется, зачѣмъ? на что же еще можетъ рассчитывать онъ, на что надѣяться... А Барсовъ, уйдя къ себѣ, бросился въ кресло, совершенно измученный, не зная какъ совладѣть съ отчаяніемъ, закрывшись въ эту стужую, истрепанную душу. Именно теперь, когда онъ почувствовалъ себя совершенно чужимъ ей, изнемо теперь, когда онъ въ ея глазахъ прочиталъ отвращеніе къ нему—онъ понялъ, что опять полбилъ ее, полюбилъ безвозвратно, искренно, глубоко. Онъ знаетъ, что это чистую будетъ его вѣчною карой, что онъ отнынѣ не заснетъ спокойно, что его горе будетъ садиться рядомъ съ нимъ, преслѣдовать во снѣ, что оно не оставитъ его ни въ тяжелые часы одиночества, ни въ шумѣ и гомонѣ дни... Онъ знаетъ это и съ ненавистью смотрѣлъ кругомъ на этотъ миръ полинявшихъ булешъ, размалеванныхъ товарищей, горничныхъ слѣзъ и холодныхъ сердецъ, вѣчныхъ ходулъ и неизмѣннаго малодушія... Въ оркестрѣ ужь слышны словно погребаемые удары колокола... Замираетъ веселая сарабанда, бѣшеные крики врываются въ мелодическіе наигрыши скрипокъ... Чу-

дится, что на этихъ звукахъ дрожитъ зловѣщій отвѣтъ, красныхъ факеловъ... Трескъ выстрѣловъ, воли и проклятія, торжествующій крикъ убійцы—вихремъ несутся сквозь вѣка и пространства, воскрешенные поэтому, маэстро, вызванные изъ давно позабытыхъ могилъ... Чудятся блѣдныя отъ ужаса женщины съ дѣтми на рукахъ, слышится лязгъ скрежывающихся снаговъ... Смятенная толпа бѣжитъ по улицамъ и изъ всѣхъ оконъ, черныхъ и мрачныхъ домовъ встрѣчаетъ ее въ упоръ огонь безпощадныхъ выстрѣловъ. Казалось, въ высотѣ носится еще мрачный гимнъ, воодушевляющій убійцу: „Слава Богу мстителю...“ Нѣтъ никому пощады: ни дряхлость старца, ни мольба дѣвушки, ни улыбка ребенка—не остановитъ грознаго кинжала!.. Вѣра озарена кострами, мечъ и штыка пронзываютъ любовь... Вонъ храмъ Гугенотовъ... Оттуда на встрѣчу зловѣщему хору звучитъ торжественный гимнъ обреченныхъ на смерть... По узкимъ улицамъ, въ эту полную гнѣва ночь, озаренную только заревомъ пожаровъ, бѣжитъ она... Воздухъ переполненъ острымъ запахомъ крови, перехватываетъ ей дыханіе, стопы жертвъ несутся за нею, словно вихрь догоняютъ ее бѣшеные крики! Что ей за дѣло... она ищетъ своего воина... Она съ ужасомъ влидывается въ лица труповъ, когда по нимъ скользитъ багровый отвѣтъ дымнаго факела... Слава Богу, его нѣтъ между этими безмолвными и недвижными свидѣтелями!.. „О нѣтъ, ты не умрешь!..“ Она его видитъ. Счастье возможно для нихъ. Врагъ убитъ... Отнынѣ никто не станетъ между ними... Жизнь зоветъ къ себѣ—радостная, полная блеска и страсти. О, наконецъ то этотъ рай открылся имъ... Но что это? Суровый призывъ говорить о смерти—теперь, теперь, когда надо жить... И опять этотъ вихрь бѣшеной схватки, мстительный гимнъ, торжественное прощаніе умирающихъ съ землею... „Нѣтъ, нѣтъ—вмѣстѣ мы можемъ только встрѣтить смерть.“ И она радостно идетъ на смерть, рука въ руку съ нимъ—прямо къ небесамъ, гдѣ соединятся ихъ чистыя души. Сквозь стекла храма сверкнулъ огонь безчисленныхъ факеловъ... Навстрѣчу гимну Гугенотовъ грянулъ оглушительный залпъ... Они еще поютъ. Оमितъ громъ выстрѣловъ, гимнъ слабѣетъ и слабѣетъ... Последние крики убійствъ... Тишина кругомъ... „Смотрите... Раскрылись небеса... Легіоны ангеловъ несутся къ мученикамъ... Туда, туда, поетъ умирающій, туда, гдѣ царитъ вѣчная радость!..“ Лицо его слезы, молнія вѣщомъ озарила его чело... Голосъ его наполняетъ пространство... То не архангелъ ли Божій! Прости земля, прости... Широко, въ безконечность раздвинулись стѣны... Варфоломеевская ночь опять длится и длится... Волны крови по старому Парижу... „Кто идетъ?“ звучитъ мрачный голосъ... Умирающій подымаетъ свою отяжелѣвшую голову... Изъ смертельной раны сочится кровь... Въ послѣдній разъ открываетъ глаза умирающій... „Я Гугенотъ!“ выдаетъ онъ гордый вызовъ... „Мы тоже!..“ Она обвиняетъ его руками. Послѣдній залпъ...

Еще нѣсколько мгновений—и отъ криковъ восторга дрожатъ каменные стѣны театра... Нина, съ лица которой еще не сбѣжало волненіе, какъ триумфаторъ останавливается у рамы. Людское море бѣшеннымъ раскатомъ валовъ несется ей навстрѣчу... Теперь она—царица... Въ это мгновеніе—все кругомъ живетъ ею, бури восторговъ растутъ и растутъ. Ей кажется, что это небесныя тучи съ громомъ и молніями двигаются кругомъ. Но вотъ взглядъ ея падаетъ на его лицо. Онъ одинъ не апплодируетъ. Онъ одинъ сидитъ, полный молчаливаго восторга... На глазахъ его слезы... И минуя шумное людское море, на мгновеніе забывъ грозовыя тучи—она наклоняетъ голову ему, ему одному—на его безмолвный привѣтъ и восторгъ...

к о н е ц ъ .

На охотѣ.

Изъ очерковъ Канады. Л. Біара.

(Окончаніе).

— Девять часовъ, вдругъ произнесъ дѣдъ, взглянувъ на часы съ громаднымъ маятникомъ, и прибавилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вы любите музыку?

— Очень, отвѣчалъ я.

— Слышали, Луиза, продолжалъ старикъ, нашъ гость не будетъ строгъ.

Луиза сѣла за рояль и очень недурно начала играть, скоро къ ней присоединились сестра и оба брата, одинъ съ флейтой, а другой со скрипкой, и всѣ играли замѣчательно вѣрно. Послѣ этого импровизированнаго концерта, хозяинъ проводилъ меня въ назначенную мнѣ комнату и я тотчасъ заснулъ, раздумывая какую важную роль въ нашей жизни занимаютъ неожиданности.

Вмѣстѣ съ пѣніемъ птицъ утромъ до моего слуха дошелъ звукъ голосовъ. По длинной аллеѣ прохаживалась Луиза съ отцомъ и дѣдомъ; этотъ послѣдній держалъ руку молодой дѣвушки, шедшей съ пониженой головой; повидимому, разговоръ шелъ о Пьерѣ.

Одѣвшись, я спустился въ садъ, чтобы привѣтствовать моихъ хозяевъ. При входѣ я услышалъ слова отца дочери:

— Надѣюсь, дитя мое, ты не сомнѣваешься, что у меня одна забота—твое счастье?

— Конечно, развѣ я могу думать иначе

— Ну, Луиза, надо забыть и мы тебѣ поможемъ.

Луиза тихо покачала головой, какъ бы говоря: „это невозможно“. И поклонившись мнѣ вышла. Оба Мартена подошли ко мнѣ и дружески протянули руки.

— Бѣдная Луиза! сказалъ дѣдъ, провожая внучку глазами, плачетъ.

— Отецъ, возразилъ Мартенъ, развѣ и вы съ женщинами противъ меня.

— Да, когда вижу слезы Луизы

— Мы ихъ осушимъ, а потомъ, когда насъ не будетъ, кто ее поддержитъ?

Я хотѣлъ отойти.

— Оставайтесь, сказалъ дѣдъ, это не тайна. У насъ большое горе, мой внучка любитъ своего двоюроднаго брата, и есть препятствіе ихъ любви.

— Онъ дурной человѣкъ? рѣшился я спросить.

— Нѣтъ, съ живостью возразилъ отецъ Луизы, трудно найти человѣка лучше Пьера, я бы охотно назвалъ его своимъ сыномъ, и уже годъ тому назадъ Луиза была бы его женой, если бы... Извините, впрочемъ, наши семейныя дѣла не могутъ васъ интересовать.

Не зная, что значили недомолвки моего хозяина,—не было ли это желаніе перемѣнить разговоръ, я не рискнулъ отвѣчать, что меня сильно интересуетъ судьба Луизы и что мнѣ очень хотѣлось узнать, какое препятствіе мѣшало ихъ браку. Но Мартенъ предложилъ мнѣ показать свое хозяйство и мнѣ пришлось осматривать все, съ чердака до ледника. Такая подробная экскурсія всегда уютна; но въ этотъ разъ я узналъ много интересныхъ подробностей о климатѣ и произведеніяхъ Канады.

Въ полдень раздался звонокъ призывавшій насъ къ завтраку; я видѣлъ, что Луиза съ сестрой помогали матери въ хозяйствѣ, а дѣдъ репетировалъ съ мальчиками.

Моимъ хозяевамъ была знакома исторія ихъ страны въ Франціи. Они удвоили свое вниманіе ко мнѣ, замѣтивъ, что мнѣ извѣстны имена и труды первыхъ миссіонеровъ, изслѣдовавшихъ сѣверную Америку, а въ особенности Канаду. Они жаловались, что ихъ плохо знаютъ во Франціи и нисколько не интересуются ими.

— Вы ошибаетесь, беспрестанно повторялъ я. На канадца не смотреть у насъ, какъ на иностранца.

Дѣдъ улыбался и покачивалъ головой; много видѣлъ онъ французовъ въ Канадѣ, говорилъ онъ, но ни одному изъ нихъ не были извѣстны имена Картье и Монткальма. Я какъ могъ защищалъ своихъ, но мысленно соглашался съ хозяевами, что мы, великая нація, совершенно равнодушны къ нашей прошедшей славѣ. Видимая любовь всей семьи къ Франціи ввела меня въ странную ошибку.

— Можетъ быть, вскричалъ я, наступилъ счастливый день, когда вы опять сдѣлаетесь французами.

— Сохрани насъ Боже, отъ такого несчастья, въ одинъ голосъ вскричали дѣдъ и сыны; мы уроженцы Канады, подданные Англіи и также мало желаемъ быть французами, какъ и американцами, хотя они и не вѣрятъ этому.

Мнѣ стало неловко.

— Мнѣ казалось, началъ я конфузясь, что вамъ жаль вашей утраченной національности.

— Мы сыны Франціи и чтимъ прошлое, сказалъ дѣдъ, но ни за что въ мірѣ не хотѣли бы мы стать гражданами вашихъ республикъ, потому что мы владѣемъ тѣмъ, чего у васъ нѣтъ,—твердыми государственными основами. Мы увѣрены въ автрашнемъ днѣ. Пресловутое ваше Правительство обратило бы нашу свободу въ пустой звукъ; мы любимъ Францію и французовъ, но пока намъ нельзя сдѣлаться настоящими канадцами, мы

останемся подданными Англіи, ради ея высокаго политическаго благоразумія и изъ любви къ справедливости и настоящей свободѣ. Я замолчалъ. Впослѣдствіи и у другихъ канадцевъ я встрѣчалъ тѣ же чувства. Хотя они насъ любятъ, но ихъ удивляетъ наше политическое филлятрево и непостоянство. Это все вашъ Парижъ, все Парижъ! говорить они.

Остальную часть дня я провелъ, осматривая поля моего хозяина, гордившагося ими. Вечеръ провели патриархально, какъ наканунѣ; едва по моей просьбѣ Луиза заиграла прелюдію, какъ одинъ изъ мальчиковъ неожиданно вскричалъ:

— А! да это пѣсенка Пьера.

При этомъ восклицаніи, музыкантна закрыла лицо руками. Виновный подбѣжалъ къ ней и обнялъ ее.

— Луиза, сказала она, неужели это я заставилъ тебя плакать.

Луиза встала и поцѣловала ребенка, потомъ отерла глаза и молча сѣла возлѣ матери; Викторія заняла ея мѣсто. Эта сцена взволновала всѣхъ и меня тоже; маленькая Викторія поступила съ большою находчивостью, давъ всѣмъ возможность предаться своимъ думамъ. Мнѣ очень хотѣлось знать, что препятствовало браку Луизы и что отнимало душевное спокойствіе у всей семьи.

Часовъ въ десять я сталъ прощаться съ хозяевами.

На другой день собрался на охоту.

Мой хозяинъ предложилъ дать слугу въ проводники, но я отказался. Тогда дѣдъ объявилъ, что на одинъ день можно освободить мальчиковъ отъ уроковъ и они проводятъ меня; при этомъ дѣти вскочили и взоры ихъ устремились на меня, какъ бы надѣясь угадать мой отвѣтъ; я согласился, они запрыгали отъ радости и подбѣжавъ ко мнѣ, показали руку.

Мои маленькіе товарищи обѣщали разбудить меня и на зарѣ уже стучались въ дверь. Я увидѣлъ Луизу въ большой залѣ, она наполнила провизіей наши охотничьи сумки, такъ какъ мы предполагали завтракать въ лѣсу.

— Вы такъ были добры ко мнѣ, сказала я молодой дѣвушкѣ, въ минуту отравленія, не могу ли я услужить вамъ чѣмъ нибудь?

— Нѣтъ, отвѣчала она, отъ души благодарю васъ.

Она мнѣ поклонилась, я послѣдовалъ за ея братьями, ветерпѣливо ожидавшими меня.

III.

День обѣщаль быть отличнымъ. Бѣлый туманъ покрывалъ вершину холмовъ, но солнце скоро сбросило это легкое покрывало. Мои проводники повели меня черезъ поле, засѣянное рожью; крутой тропинкой мы поднялись въ лѣсъ.

Свободная манера мальчиковъ нести ружье въ легкая походка говорили въ пользу ихъ охотничьихъ талантовъ и дѣйствительно охота уже давно служить имъ пріятнымъ развлеченіемъ послѣ занятій; ихъ кузень Пьеръ, во всей странѣ извѣстный своею ловкостью, былъ ихъ учителемъ. Дорогой, мои спутники разспрашивали меня съ любопытствомъ о Парижѣ, Лондонѣ и Нью-Йоркѣ; имъ очень хотѣлось видѣть эти города. Они оказались живыми и остроумными собесѣдниками, но гораздо серьезнѣе, чѣмъ бываютъ наши мальчики этихъ лѣтъ. Мы дошли до узкой долины, спрятанной между двумя холмами, и мои проводники начали охоту подстрѣливъ черную бѣлку.

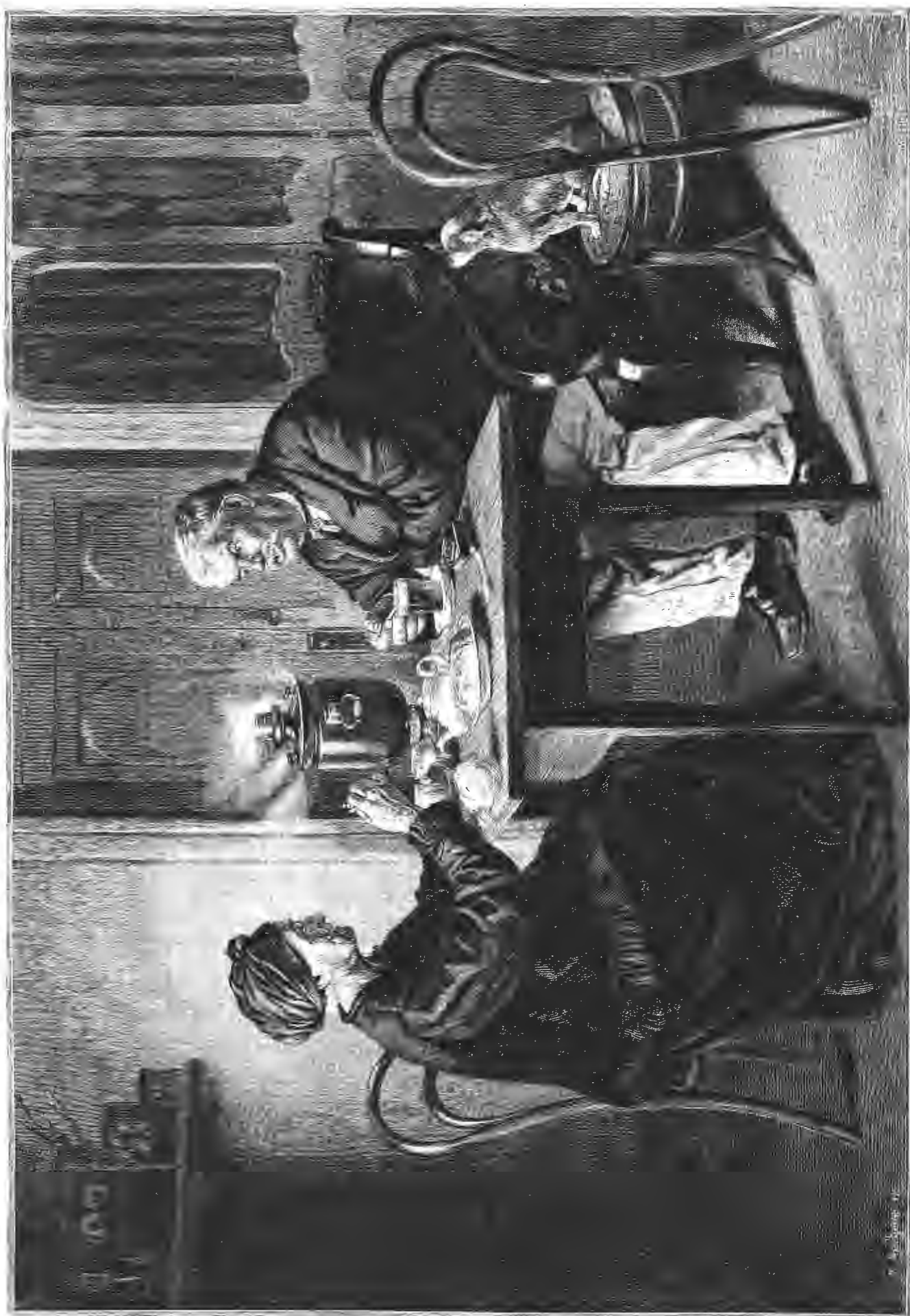
Мы рѣшили разойтись, условившись перекликаться. Я долженъ былъ идти прямо и подниматься на покатыя холма; оба брата, одинъ съ правой другой съ лѣвой стороны, должны были присоединиться ко мнѣ на вершинѣ холма.

Взобравшись на вершину холма, я очутился на площадкѣ, покрытой грудями несчаника, съ нея видна была Глубокая Долина, со всѣми ея строениями. Солнце обливало тучами хорошенькую долину, а изумрудный пѣвъ зелени фруктовыхъ деревьевъ пріятно выдѣлялся на темной зелени сосенъ. Я дошелъ до мѣста, назначеннаго сборнымъ пунктомъ, но не слышно было приближенія моихъ товарищей. Я сѣлъ подъ дубомъ, его листья рѣзко отдѣлялись отъ окружающей его однообразной растительности. Подождавъ съ полчаса, я пошелъ налѣво. Съ этой стороны спускъ былъ почти вертикаленъ, я наклонился и, къ крайнему изумленію, увидѣлъ, шагахъ въ десяти отъ себя Пьера, жениха Луизы; онъ сидѣлъ на скалѣ, а у его ногъ лежало ружье.

На молодомъ человѣкѣ было то же охотничье платье, въ которомъ я его встрѣтилъ въ первый разъ; онъ смотрѣлъ по направлению къ фермѣ, хорошо видной съ этого мѣста. Онъ такъ задумался, что даже неслыхалъ моихъ шаговъ. Мнѣ не видно было его лица; но по его движеніямъ я угадалъ, что онъ за кѣмъ то слѣдитъ. Вдругъ онъ повернулъ голову налѣво, потомъ, прислушавшись, вскопчилъ на ноги, схватилъ ружье и зарядилъ его. Я вспомнилъ, что съ этой стороны долженъ придти одинъ изъ моихъ спутниковъ, и хотѣлъ предупредить охотника, какъ вдругъ явился Викторъ.

— Пьеръ! Пьеръ! радостно закричалъ ребенокъ.

И рискуя сломать себѣ шею, Викторъ, по крутой дорогѣ, бросился къ своему двоюродному брату и обнялъ его.

ХІІІ передвижная выставка. „Чайпигіе“. Картина Вл. Е. Маковского. По фотогр. Якоби, грав. Дзедзицъ.

Цибета африканская. Рис. А. Элерса, грав. Брендамуръ.

Въ ту же минуту, немного ниже показался Эмили; услышавъ условленный крикъ своего брата, онъ взглянулъ на верхъ и прямо направился къ охотнику.

— Пьеръ! Пьеръ! радостно повторяли братья.

И они взапуски цѣловали молодого человѣка, отвѣчавшаго на ихъ ласки.

— Ну, какъ у васъ поживаютъ? спросилъ наконецъ Пьеръ.

— Хорошо, отвѣчалъ Викторъ, — у отца была лихорадка, но теперь ему лучше.

— А Викторія?

— Такая же озорница, какъ была при тебѣ.

— А... Луиза?

— Такая, какъ всегда, Пьеръ, только рѣдко смѣется, она плачетъ..

— И именно съ твоего отъѣзда, прибавилъ Эмили.

Пьеръ провелъ рукой по лицу и замолчалъ.

— Какъ вы сюда попали? началъ онъ снова, — вѣдь сегодня, кажется, не праздникъ?

— Мы проводниками одного француза, онъ заблудился по дорогѣ къ Квебеку, а Луиза привезла его къ намъ, сказала Викторъ.

— Въ тотъ день, какъ съ тобой встрѣтилась, прибавилъ Эмили.

— Да гдѣ же нашъ охотникъ? онъ долженъ былъ сюда придти, сказалъ старшій братъ.

— Такъ это вы стрѣляли? спросилъ Пьеръ.

— Да, мы убили ко кролику и птицу для нашего гостя; мы хотѣли убить для него красную птицу

— Ну, такъ идите же къ вашему гостю, дѣти.

— Ну нѣтъ, я не могу такъ скоро разстаться съ тобой. Пусть Эмили поидетъ за нимъ.

— Иди самъ, безцеремонно отвѣчалъ Эмили, — ты вѣдь старшій. Послушай Пьеръ, сказалъ мальчикъ, хватая своего двоюроднаго брата за руку — развѣ правда, что ты никогда не вернешься къ намъ, и что ты насъ не любишь?

Вмѣсто отвѣта, охотникъ обнялъ обоихъ мальчиковъ и прижалъ ихъ къ своей груди.

— Милые мои! это неправда! вскричалъ онъ наконецъ.

Въ эту минуту Викторъ увидѣлъ меня и указалъ братьямъ. Пьеръ поклонился и подошелъ ко мнѣ съ обоими мальчиками. Это былъ красивый молодой человѣкъ, съ вьющимися, блондурыми волосами, съ тонкими чертами лица и свѣжимъ цвѣтомъ лица. Онъ говорилъ изыщно, но съ примѣсью какой то грубоватой откровенности. Черезъ часъ, мы сидѣли съ нимъ рядомъ на травѣ, завтракали, и дружески разговаривали. Послѣ завтрака онъ мнѣ предложилъ сигару и занялъ свое прежнее мѣсто, не желая, вѣроятно, покидать этотъ наблюдательный постъ.

Мальчикамъ не сидѣлось на мѣстѣ, и пока мы курили, они охотились, предварительно испросивъ нашего разрѣшенія. Отсутствіе дѣтей придало разговору болѣе дружескій характеръ

— Знаете, сказалъ я моему собесѣднику, — если бы я не боялся разсердить васъ, то спросилъ бы, что за причина удаляетъ васъ отъ семьи Мартенъ и разлучаетъ съ Луизой?

— Разлучаетъ съ Луизой! вскричалъ охотникъ.

Я думалъ, онъ будетъ продолжать, но, закрывъ лицо руками, Пьеръ молчалъ.

— Извините меня за нескромность, началъ я снова; но вѣрите, что меня подстрекнуло сдѣлать этотъ вопросъ не пустое любопытство.

— Ради Бога, не думайте, что меня оскорбилъ вашъ вопросъ. Вы знаете, я люблю Луизу и она меня любитъ. Воспитывался я въ Квебекѣ и учился хорошо, у меня есть свое состояніе. Я хочу жить въ городѣ и принимать участие въ дѣлахъ моей страны. Мой дядя и дѣдъ нашли счастье въ этой долинѣ и не допускаютъ возможности найти его въ другомъ мѣстѣ

— Мартенъ желаетъ видѣть своего зятя фермеромъ?

— Именно А я меня въ головѣ другое, но онъ не можетъ понять этого

— Вы честолюбивы?

— Да. Не хочу скрывать этого. а ради Луизы я вдвойнѣ честолюбивъ

— Она одобряетъ ваши мечты

— Нѣтъ, она противъ нихъ

Наконецъ, послѣ множества скромныхъ оговорокъ со стороны моего собесѣдника, я узналъ, что онъ чувствуетъ въ себѣ способности, даже таланты. Я мечтаю о блестящей и извѣстной будущности для себя и для своей жены. Нельзя было порицать такое честолюбіе. Но не былъ ли правъ и дядя, просившій племянника не покидать скромной Долины, гдѣ столько поколѣній Маргеновъ прожили счастливо? У молодого человѣка еще не пропала ялюзия, и рѣшился показать ему оборотную сторону жизни. Политика и литература! Многие считаютъ себя призванными, но всегда оказывается мало избранныхъ.

— Если я потерплю неудачу, отвѣчалъ молодой человѣкъ, — то вернусь въ Долину.

— Да! Но разочарованнымъ, озлобленнымъ, привыкшимъ къ шумному обществу, вскричалъ я; — да и къ тому же вамъ постоянно будетъ казаться, что вы наканунѣ успѣха, и возвращеніе будетъ откладываться. Но допустимъ, что вы добьетесь,

чего хотите; припомните слова Сталь: „Слава и счастье не одно и то же, и очень часто первое бываетъ могилой втораго“.

Моя симпатія къ Луизѣ сдѣлала меня краснорѣчивымъ, и я долго говорилъ Пьеру, а онъ, надо отдать ему справедливость, внимательно слушалъ меня и терпѣливо возражалъ на мои доводы; онъ былъ убѣжденъ, что еслибы его невѣста захотѣла, то родные уступили бы ей, но она не хотѣла покинуть родной долины

— Или мы здѣсь будемъ жить, рѣшительно сказала она, или разстанемся.

И эти переговоры шли цѣлый годъ.

О! какая умица Луиза! Она, обладавшая красотой, образованіемъ и всѣми данными, чтобы блистать въ томъ свѣтѣ, куда хотѣлъ ее перенести женихъ, упорно держалась за тотъ темный уголокъ міра, гдѣ родилась. Какая противоположность нашимъ женщинамъ! У дочери французскаго фермера одно желаніе: какъ можно скорѣй покинуть родныя поля, давній ей силу и богатство и идти сохнуть въ контору нотаріуса, или въ кабинетъ адвоката, какъ будто.. Да впрочемъ, къ чему вспоминать это?

Я провелъ весь день, охотился съ Пьеромъ, и почувствовалъ къ нему дружеское расположеніе. Передъ наступленіемъ ночи онъ насъ проводилъ до долины.

Солнце скрылось и легкій туманъ покрылъ стресенія долины; до насъ доходили обыкновенные вечерніе звуки ржанія лошадей, мычаніе коровъ, блеяніе барановъ, скрипъ воротъ.

— Тамъ счастье, сказалъ я, указывая на ферму и обращаясь къ Пьеру, постарайтесь въ этомъ убѣдиться.

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ.

— Тамъ одно чудное сердце страдаетъ изъ за васъ, не забывайте этого.

Пьеръ вздохнулъ и быстро удалился, не протянувъ мнѣ руки и не простившись съ мальчиками; опомнившись отъ изумленія при такомъ неожиданномъ исчезновеніи, они закричали въ одинъ голосъ:

— До свиданья, Пьеръ!

Отвѣтъ послышался изъ глубины лѣса, но никто изъ насъ не разслышалъ словъ.

Уже стемнѣло, когда мы вернулись, мы принесли четырехъ кроликовъ, трехъ бѣлокъ и около дюжины воробьевъ. Добыча неважная. Еще впродолженіи двухъ дней я охотился въ сосновомъ лѣсу; мнѣ хотѣлось поговорить съ Пьеромъ. Я никому не рассказывалъ о своей встрѣчѣ съ нимъ, боясь, что подумаютъ, будто я вмѣшиваюсь не въ свои дѣла. Но наканунѣ отъѣзда, оставшись съ Луизой наединѣ, я рѣшился заговорить.

— Вы знаете, я видѣлъ Пьера?

— Да, отвѣчала она, братья рассказывали.

— Такъ это правда, что вы не хотите переселиться въ городъ?

— Я убѣждена, что мое счастье прочнѣе будетъ здѣсь. Пьеръ любитъ книги, у насъ есть библиотека, кто мѣшаетъ ему читать и даже писать здѣсь? Если онъ чувствуетъ въ себѣ талантъ писателя, то произведеніе его не выйдетъ хуже только отъ того, что онъ живетъ въ долинѣ.

— Но полевая работы его не привлекаютъ.

— Онъ любитъ ихъ, потому что привыкъ къ нимъ съ дѣтства; да наконецъ, отъ него требуютъ одного: сдѣлаться здѣсь господиномъ, а приказывать не тяжелая работа. Что до меня касается, — я родилась фермершей и умру ею. Боже мой, да что бы я дѣлала въ залахъ Квебека? Я не посмѣю ни говорить, ни двигаться. Я вамъ представила свои резоны, а подумайте о моемъ отцѣ и дѣдѣ, и вы поймете, что я хорошо поступаю, не соглашаясь съ Пьеромъ.

— Вы хотите, чтобы онъ пожертвовалъ собой для васъ, а себя не хотите принести въ жертву его жизни, возражалъ я.

Молодая дѣвушка пристально посмотрѣла на меня и ея прекрасные, голубые глаза наполнились слезами.

— Увѣрю васъ, сказала она мнѣ дрожащимъ голосомъ, въ этомъ случаѣ я забочусь только о счастіи Пьера, никакъ не о своемъ.

Я собирался возражать и увѣрить мою прелестную хозяйку, что ничуть не сомнѣваюсь въ ея способности отречься отъ себя ради другаго, но приходъ дѣда прервалъ нашъ разговоръ. Луиза ушла, а потомъ уже мнѣ не случилось говорить съ нею.

Вечеромъ, я въ послѣдній разъ смотрѣлъ на эту милую, честную семью, сидѣвшую при свѣтѣ двухъ старинныхъ лампъ, служившихъ нѣсколькимъ поколѣніямъ Мартенъ. По обыкновенію, Луиза сѣла за рояль, а я подошелъ къ ней, чтобы оправдаться и объяснить свои утреннія слова. По приказанію дѣда, Эмили и Викторъ взяли, одинъ флейту, другой скрипку, какъ вдругъ раздался лай собакъ. Но шумъ скоро стихъ, и я впродолженіи часа слушалъ канадскія аріи, исполняемыя молодыми артистами по моему просьбѣ. Потомъ Луиза приготовила чай.

— Вы на меня сердитесь? спросилъ я ее вполголоса, беря изъ ея рукъ чашку.

— Нѣтъ, отвѣчала она, но нахожу, что вы меня не понимаете.

Я протестовалъ. Вдругъ отворилась дверь и, къ моему крайнему изумленію, на порогѣ остановился мой товарищъ по охотѣ,

Пьеръ Мартенъ. Молодой человекъ, съ фуражкой въ рукѣ, подошелъ къ отцу Луизы, быстро вставшему при его входѣ.

— Дядя, съ волненіемъ сказалъ онъ, найдется ли у васъ для меня мѣсто?

— Здѣсь ты у друга отца твоего, у родныхъ, однимъ словомъ у себя дома, отвѣчалъ дядя. Но ты, можетъ быть, явился къ намъ гостемъ.

— Нѣтъ, я прошу дать мнѣ мѣсто у вашего очага, какъ вашему сыну.

Отецъ Луизы не могъ отвѣчать; онъ обнялъ племянника и съ минуты не выпускалъ его. Дѣдъ плакалъ. Мать Луизы тоже всхлипывала, оставалось мнѣ только послѣдовать ихъ примѣру. Луиза рыдала.

— Пьеръ, сказалъ дядя, завтра десять человекъ должны работать въ долину, между ними есть новички—поручаю ихъ твоему присмотру. Луиза, дитя мое, дай чаю твоему жениху.

— Пусть она поцѣлуетъ его! вскричалъ дѣдъ.

И Луиза поцѣловала Пьера, но поцѣлуй былъ такъ продолжителенъ, что Эмили и Викторъ рѣшились отвести наконецъ жениха отъ невѣсты. Какой чудный вечеръ! И какія радостныя лица окружали меня. Я скромно принималъ участіе въ этой семейной радости. Пьеръ подошелъ ко мнѣ.

— Ваше краснорѣчіе, сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку,—сдѣлало меня счастливымъ нѣсколькими мѣсяцами раньше, такъ какъ все равно я бы сюда вернулся, прибавилъ онъ, обра-

щаясь къ Луизѣ, покрасѣвшей до корней волосъ, на что обратила вниманіе рѣзвая Викторія.

Года два тому назадъ, я вернулся разъ домой, когда мнѣ доложили, что уже цѣлый часъ меня ждетъ какой то молодой человекъ, не сказавшій своего имени. При моемъ входѣ въ кабинетъ, незнакомецъ, сидѣвшій у камина, быстро всталъ и подошелъ ко мнѣ.

— Вы меня не узнаете? спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ, перѣшительно отвѣчалъ я,—но ваши черты напоминаютъ мнѣ...

— Вы не забыли Глубокую долину?

— Нѣтъ, такъ вы изъ семейства Мартенъ; вѣроятно Эмили?

— Нѣтъ, грустно отвѣчалъ молодой человекъ,—мой бѣдный братъ умеръ; я Викторъ.

И крѣпко пожалъ руку канадца и усадилъ его.

— Я боюсь васъ разспрашивать; въ пятнадцать лѣтъ много могло произойти переменъ... Вангъ дѣдушка?

— Онъ умеръ прежде матери и брата, но отецъ живъ. Онъ, Пьеръ и Луиза поручили мнѣ павѣстить васъ. Я прѣхалъ въ Европу сдѣлать кое-какія закупки. У меня есть племянникъ, прибавилъ молодой человекъ,—она отчасти ваша крестница; вотъ ея портретъ, зовутъ ее Люсенья.

Викторъ показалъ мнѣ карточку, и я думалъ что это Луиза, какую увидѣлъ я ее въ первый разъ, на дорогѣ въ Квебекъ. Богъ да хранить ее!

Прежде ядъ—нынѣ лекарство.

Очеркъ.

Въ № 51 „Нивы“ за 1879 годъ, мы познакомили читателей съ повѣшными изслѣдованіями относительно мѣди и ея солей. Рядомъ опытовъ, произведенныхъ главнымъ образомъ французскимъ ученымъ Галинэ, было доказано, что мѣдь считалась и считается ядомъ, и страшнымъ ядомъ, *по предубѣжденію*, ни на чемъ неоснованному; что луженая посуда, которую мы предохраняемъ себя противъ дѣйствія этого воображаемаго яда, скорѣй сама представляетъ собою ядъ, такъ какъ въ ней содержится больше мышьяковистаго цинка и свинца, чѣмъ олова; что невозможно ни злонамеренное отравленіе, ни самоубійство—самоотравленіе, посредствомъ мѣди, вслѣдствіе отвратительнаго вкуса и сильнѣйшихъ рвотныхъ свойствъ солей мѣди. Невозможно и медленное отравленіе, путемъ постояннаго поглотенія мѣди въ малыхъ дозахъ, потому что въ такомъ случаѣ мѣдь не производитъ на организмъ никакого дѣйствія. Словомъ, было доказано, что мѣдь безвредна и что опасаться ее нечего. Начало этихъ изслѣдованій было сдѣлано еще въ 1857 году петербургскимъ профессоромъ Пеликаномъ; въ описаніи же нами болѣе полною видѣ они были обнародованы въ 1878 году, а съ тѣхъ поръ изслѣдованія эти были продолжены Галинэ и получили послѣднее подтвержденіе со стороны бельгійскаго профессора дю-Мулена.

Правда, во всѣхъ случаяхъ отравленія будто бы солями мѣди, химики находили слѣды этого металла въ трунахъ умершихъ. Но мѣдь находится въ нормальномъ состояніи въ нашихъ тканяхъ, а потому, ея присутствіе въ нихъ и не можетъ служить основаніемъ къ предположенію, что въ этихъ случаяхъ дѣло шло, дѣйствительно, объ отравленіи.

Галинэ нашелъ, что мѣдь содержится въ крови, печени и мозгѣ человека. Но не слѣдуетъ приписывать это употребленію мѣдной посуды, потому что мѣдь находится также и въ тѣлѣ животныхъ, употребляемыхъ нами въ пищу. А такъ какъ животные эти, въ свою очередь, питаются растениями, то она должна содержаться и въ послѣднихъ. Еще до изслѣдованій названнаго ученаго, присутствіе мѣди было открыто въ пшеницѣ, рисѣ и картофелѣ, а равно и въ паносной почвѣ, питающей растений. Въ свою очередь, Галинэ нашелъ, что мѣдь содержится какъ въ зерновомъ хлѣбѣ, такъ и въ хлѣбѣ печеномъ, въ цѣлоторыхъ овощахъ, шоколадѣ и даже лекарствахъ, въ родѣ хинной корки и инекакуаны (рвотный корень). Наконецъ, весьма значительное количество ея содержится въ произведеніяхъ кондитерскихъ, гдѣ она идетъ между прочимъ и для окрашиванія. Но хотя эти произведенія потребляются и дѣтьми, и больными, тѣмъ не менѣе они не влекутъ за собою вредныхъ послѣдствій.

Всѣ приведенные опыты должны будутъ произвести переворотъ въ гигиенѣ и судебной медицинѣ. Въ Брюсселѣ былъ уже такой случай: въ прошлую зиму санитарная полиція захватила у двухъ кондитеровъ значительное количество товара, въ которомъ, по ея предположеніямъ, содержалась мѣдь. Это и было доказано химическимъ изслѣдованіемъ. Привлеченные къ судебной ответственности, купцы были, поэтому, присуждены къ значительному штрафу. Но одинъ изъ нихъ подалъ аппеляціонную жалобу и избралъ контръ-экспертомъ профессора дю-Мулена, о которомъ мы уже говорили. Послѣдній повелѣ дѣло такъ, что во второй инстанціи подсудимые были оправданы.

Но во Франціи явился Галинэ со своими изслѣдованіями. Не задолго до обнародованія этихъ изслѣдованій, былъ осужденъ и умеръ на эшафотѣ жертвою судебной ошибки человекъ, обвиненный въ отравленіи своихъ сестеръ солями мѣди. И такъ,

мѣдь была, такъ сказать, оклеветана, и должна быть теперь исключена изъ числа ядовъ.

Въ тоже время, въ виду грозившей еще Европѣ холеры, металлъ этотъ можетъ получить важное медицинское значеніе. Переставъ быть ядомъ, мѣдь сдѣлается лекарствомъ. Этимъ будетъ она обязана французскому доктору Бюркъ (Burg).

Еще въ 1852 году, онъ нашелъ, что лица, работающія надъ мѣдью, отличаются замѣчательною неуязвимостью по отношенію къ холерѣ. Онъ посѣтилъ въ то время до четырехсотъ заводовъ, мастерскихъ и заведеній, въ которыхъ работы происходили надъ мѣдью, бронзой, желѣзомъ, сталью, цинкомъ и свинцомъ; онъ узналъ, что изъ 7,695 рабочихъ надъ мѣдью только 20 человекъ умерли отъ холеры во время эпидеміи 1832 и 1849 годовъ, когда холера унесла весьма много жертвъ во Франціи. Напротивъ, рабочіе надъ другими металлами подверглись большой смертности въ то время. Въ 1853—1854 годахъ Францію вновь посѣтила эпидемія, по минованіи которой Бюркъ произвелъ новое изслѣдованіе смертности рабочихъ надъ мѣдью и пришелъ къ прежнимъ заключеніямъ. Заключенія эти получили и официальное подтвержденіе. Статистика смертности отъ этой эпидеміи показала, что процентъ умершихъ среди рабочихъ надъ мѣдью равнялся приблизительно 4, то есть, изъ ста такихъ рабочихъ, умирало четыре человекъ; среди поденщиковъ же смертность достигала 45% и среди рабочихъ надъ желѣзомъ 8%.

Въ 1865 году холера, начавшись съ Марселя, стала придвигаться къ Парижу. И въ Тулонѣ Бюркъ сдѣлалъ слѣдующее поразительное наблюденіе: въ то время какъ въ городѣ, среди всѣхъ слоевъ населенія, происходила страшная паника, вслѣдствіе большой смертности, и населеніе города разбѣгалось во всѣ стороны передъ грознымъ бичомъ,—рабочіе надъ мѣдью въ арсеналѣ, узнавъ о результатахъ изслѣдованій доктора Бюрка, остались на своихъ мѣстахъ и продолжали работать съ удвоенною энергіею, какъ бы желая возможно больше насытиться мѣдью. И изъ 250 человекъ умеръ только одинъ рабочій, и то потому, что смерть зобственнаго ребенка заставила его покинуть на время мастерскую. Такъ точно здоровыми и невредимыми остались другіе рабочіе надъ мѣдью въ городѣ—до 900 человекъ, въ то время, какъ въ Тулонѣ холера вырывала тысячи жертвъ изъ среды прочаго населенія. Изслѣдованіе, произведенное въ Парижѣ Бюркомъ, по окончаніи эпидеміи, дало еще болѣе поразительные результаты. Изъ 30 тысячъ рабочихъ надъ мѣдью, насчитывавшихся въ то время во „всѣмирномъ городѣ“, умерло только 16 человекъ. Холера падала также и лицъ, по профессіи обращавшихся съ мѣдными инструментами. Такою неуязвимостью, оказалась, отличались торговцы и производители парфюмерныхъ товаровъ.

Такіе результаты, найденные Бюркомъ, заставили администрацію произвести тщательное изслѣдованіе, въ свою очередь, и результатомъ этого изслѣдованія явилось официальное соображеніе: „Смертность рабочихъ надъ мѣдью составляла 3 на 10,000 всего, что даетъ возможность считать ихъ находившимися въ совершенно исключительныхъ условіяхъ и наиболѣе пощаженными холерою“. Изъ того-же сообщенія слѣдовало, что въ наибольшей безопасности отъ холеры находились тѣ рабочіе, которые поглощали наибольшее количество мѣди. Изъ рабочихъ же надъ металлами вообще, наиболѣе пострадали—золотыхъ дѣлъ мастера, граверы на золотѣ, серебряныхъ дѣлъ мастера. Изъ 11,500 послѣднихъ рабочихъ умерло 719 человекъ.

Наблюденія эти получили дальнѣйшее подтвержденіе и въ

другихъ странахъ. Въ Швеціи, профессоръ Гуссъ нашелъ, что холера не касается рабочихъ въ мѣдныхъ коняхъ. Тоже самое подтвердилъ относительно Испаніи инженеръ Кассіано; онъ нашелъ, что даже ближайшее къ конямъ население пользуется большою безопасностью отъ холеры, нежели удаленное. Въ Италіи, доктора Рогатисъ и Галларіни, согласно съ заключеніями доктора Бюрка, нашли, что во время эпидеміи 1836 и 1854 годовъ во Флоренціи не умеръ ни одинъ изъ рабочихъ надъ мѣдью; тоже самое показали и Неаполь. Это же явленіе наблюдалось и въ Багдадѣ.

На основаніи столь разнообразныхъ и многочисленныхъ данныхъ, докторъ Бюркъ пришелъ къ слѣдующему общему заключенію: „Всѣ лица, которымъ, по свойствамъ запятія, совмѣстному жителству, или по простому сосѣдству съ заведениями, въ которыхъ обрабатывается мѣдь, приходится ежедневно вдыхать мѣдную пыль, дѣйствіе которой не ослабляется при этомъ какими либо посторонними причинами, — пользуются безопасностью отъ холеры, и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе количество поглощаемой ими мѣди.“

На томъ же основаніи, докторъ Бюркъ предположилъ, что для предохраненія отъ холеры слѣдуетъ поглощать извѣстное количество мѣди при приближеніи эпидеміи, увеличивая его во время самой эпидеміи. Къ самому же себѣ онъ и примѣнилъ впервые этотъ способъ еще въ 1865 году. Прежде нежели отправиться въ Марсель, на мѣсто дѣйствія эпидеміи, онъ принималъ въ умываніи отъ 15 до 20 сантиграммовъ сѣрнокислой мѣди, и кромѣ того, носилъ на тѣлѣ мѣдныя пластинки. Пропитанный такимъ образомъ мѣдью, онъ совершилъ путешествіе по Марселю, Тулону и т. д. въ полной безопасности. Желая же произвести контрольный опытъ, онъ пересталъ было пользоваться предохранительными дѣйствіями мѣди и схватилъ въ Марсели холерину, отъ которой и избавился только съ помощью усиленнаго поглощенія мѣди.

Вообще, во время холеры, онъ предлагаетъ пользоваться слѣдующимъ образомъ предупреждающими и пресѣкающими болѣзнь свойствами мѣди:

Снаружи, около тѣла, носить поясъ изъ мѣдныхъ кружковъ, при чемъ послѣдними могутъ служить мѣдныя монеты. Такъ точно можно носить пояса, жилеты и фланелевыя рубашки, окрашенные сѣрнокислой мѣдью. При этомъ не слѣдуетъ удалять яръ-мѣдянку образующуюся поясами или фланелью.

Жечь въ комнатахъ въ спиртовыхъ лампахъ хлорную окись мѣди.

Принимать внутрь пилюли, содержащія 1 сантиграммъ двуокиси мѣди, — отъ 2 до 6 разъ въ день, смотря по возрасту, по два раза, напримѣръ, утромъ и вечеромъ, и черезъ полчаса послѣ обѣда. За отсутствіемъ пилюль, класть въ умыванье отъ

10 до 20 сантиграммовъ мѣди. Такъ точно онъ совѣтуетъ пить во время обѣда минеральную воду, содержащую мѣдь, и окрашивать овощи сѣрнокислой мѣдью.

Новѣйшія изслѣдованія Галиннѣ, приведенныя нами, оказываются, слѣдовательно, весьма кстати. Найдено, что мѣдь обладаетъ дезинфекціонными свойствами, уничтожаетъ паразитовъ, то г. Бюркъ предлагаетъ пользоваться ею и въ дѣляхъ обеззараживанія платья и изверженій больныхъ.

Примѣнивъ прежде всего къ самому себѣ мѣдь какъ лекарство противъ холеры въ 1865 году, Бюркъ дѣлалъ затѣмъ опыты и надъ другими. Оказалось, что въ послѣднемъ періодѣ болѣзни, она почти уже не дѣйствуетъ, но вначалѣ заболѣванія даетъ блестящіе результаты. Именно, изъ 18 больныхъ шестнадцать выздоровѣли совершенно и только два умерло, но уже въ періодѣ выздоровленія и отъ постороннихъ причинъ. Такъ точно докторъ Диль вылечилъ мѣдью 26 больныхъ холерою изъ 32, тогда какъ изъ 36 больныхъ подвергавшихся леченію обыкновенными средствами, умерло 28 человекъ и выздоровѣли только 8.

Но если мѣдь не излечиваетъ больныхъ холерою въ каждомъ случаѣ, то она безусловно устраняетъ судороги и разныя другія проявленія болѣзни. Такое дѣйствіе ее докторъ Бюркъ наблюдалъ еще въ 1849 году. въ бытность свою студентомъ. Подавъ помощь многимъ лицамъ черезъ посредство мѣдныхъ кружковъ, прикладываемыхъ къ пораженнымъ судорогами мускуламъ, онъ получилъ тогда въ награду медаль.

Нельзя не упомянуть при этомъ о цѣлебныхъ свойствахъ, присписываемыхъ мѣди нашимъ народомъ. Кому неизвѣстно, что въ случаяхъ ушибовъ, вызывающихъ опухоль и синеву на тѣлѣ, называемая

въ просторчій у насъ „рогами“ („рогъ посадилъ“), народъ сѣбѣ приложить мѣдную монету къ ушибленнымъ мѣстамъ. Это обычай давній, скорѣй выходящій изъ употребленія, нежели входящій въ него. Онъ не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ наукою. Но тѣмъ любопытнѣе для насъ новѣйшее приобрѣтеніе науки — металлотерапія, примѣненіе металловъ къ леченію болѣзней, произведенное тѣмъ же докторомъ Бюркомъ. Недавно онъ сдѣлалъ по этому подробное сообщеніе во французской академіи наукъ.

Уже давно, докторъ Бюркъ открылъ, что нѣкоторые металлы, выказываютъ большую чувствительность къ дѣйствію металловъ, что послѣднее, будучи приложено къ больнымъ частямъ, или принято внутрь, приводитъ къ значительнымъ улучшеніямъ и даже, нерѣдко, къ полному выздоровленію.

При пользованіи съ этою цѣлью металлами, слѣдуетъ прежде всего опредѣлить, какой металлъ представляется болѣе дѣйствительнымъ по отношенію къ данной болѣзни. Искомый металлъ узнается по тому, что, будучи приложенъ къ больному мѣсту, напримѣръ къ нечувствительной части кожи, — повышаетъ температуру, усиливаетъ дѣятельность кровообращенія, восстанавливаетъ чувствительность, увеличиваетъ мускульную силу.

Н. И. Ностомаровъ † 1 Апр. По фот. грав. Вейерманъ.

Къ рисункамъ.

Федоръ Ивановичъ Шереметевъ.

(Рис. на стр. 397).

Бояринъ Федоръ Ивановичъ Шереметевъ является одною изъ болѣе крупныхъ историческихъ личностей въ памятную эпоху самозванцевъ, какъ храбрый воинъ и доблестный гражданинъ, а по вошествіи на престолъ юнаго Михаила дѣлается во всѣхъ дѣлахъ его правую руку, его другомъ и совѣтникомъ. Федоръ Ивановичъ былъ емикъ боярина и воеводы Ивана Васильевича Шереметева, убитаго въ 1577 году подъ Ревелемъ. На служебномъ поприщѣ онъ выступилъ довольно рано; такъ,

въ 1601 году онъ былъ воеводою въ Тобольскѣ. въ 1605 г. онъ начальствовалъ ратью подъ Кромами, противъ донскихъ казаковъ, помогавшихъ самозванцу; зажегъ городъ и навѣрное овладѣлъ бы имъ, еслибы не воспрещителемъ ему въ томъ начальствовавшій нарядомъ (артиллерією) воевода Салтыковъ — тайный пособникъ самозванца. Затѣмъ, уже при Шуйскомъ, Федоръ Ивановичъ ходилъ съ войскомъ противъ Астраханскихъ мятежниковъ. Укрѣпившись на островѣ Ваадишскомъ, Шереметевъ, не взирая на зимній холодъ и смертоносную плшу въ своемъ войскѣ, отражалъ всѣ приступы мятежниковъ. По усмиреніи Астраханцевъ, Федоръ Ивановичъ Шереметевъ дви-

вудея со своею низовою ратью на защиту Москвы отъ полчищъ Тушинскаго вора. Послѣ несчастнаго Клушинскаго боя, рѣшившаго жребій царя Василя Ивановича Шуйскаго, Шереметеву, вмѣстѣ съ другими шестью боярами, поручено было временное правленіе государствомъ. Въ тяжкую годину московскаго осад-

ствованіе юнаго государя Ѳедору Ивановичу поручались наибольшія дѣла, военныя и дипломатическія.

Нашъ рисунокъ представляетъ одинъ изъ выдающихся моментовъ въ жизни Ѳедора Ивановича Шереметева, а именно когда онъ сдаетъ боярамъ государственныя сокровища, сохра-

Картинки. Рис. Э. Кохъ, грав. Кемпленъ.

наго сидѣнія Шереметевъ завѣдывалъ казеннымъ дворомъ, оберегая царскія сокровища отъ расхищенія. Наконецъ, когда состоялось въ 1613 году призваніе на царство Михаила Ѳедоровича Романова, Шереметевъ находился въ числѣ пословъ, отправленныхъ въ Кострому, къ избраннику народа. Въ цар-

енныя имъ въ Смутное Время. Наибольше цѣнныя вещи онъ отпускалъ не иначе какъ въ закладъ, съ правомъ выкупить ихъ въ случаѣ надобности. Предметы-же, которые употреблялись при вѣнчаніи царей, какъ то: царскія одежды, утварь золотая и серебряная, золотая столовая посуда, драгоценныя ка-

менья, дорогие столы и стулья, золотые обои, жемчугъ, шитые ковры и многое тому подобное хранилось имъ какъ нечто неприкосновенное, даже не отпускаемое и въ закладъ. Но вотъ наступила наконецъ радостная минута, когда всѣ эти сокровища можно было считать вполне обезпеченными отъ хищническаго захвата. Воцареніе Михаила дало государству спокойствіе и миръ и при вѣнчаніи юнаго царя казенный дворъ, благодаря главнымъ образомъ Шереметеву, даже послѣ страннаго Лихолѣтія, въ состояніи былъ выдать все нужное для достойной, величественной обстановки священнаго обряда. За всѣми этими драгоценными предметами присланы были отъ царя къ Шереметеву, на казенный дворъ, почетныя лица: духовникъ государевъ, Благовѣщенскій протопопъ Кирилль, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, казначей Никифоръ Васильевичъ Траханіотовъ и два дяка.

Федоръ Ивановичъ Шереметевъ самъ раздавалъ регалии по назначенію. Крестъ, діадему, вѣнецъ и цѣпь, положенныя на золотомъ блюдѣ, понесъ на головѣ протопопъ Кирилль, поддерживаемый подъ руки дяконами. Затѣмъ шелъ князь Пожарскій, со скипетромъ въ рукѣ, потомъ казначей Траханіотовъ съ державою. Блюда и стоянецъ несли дяки. Въ Успенскомъ соборѣ всѣ регалии были разложены на трехъ наложахъ, около которыхъ стали князь Пожарскій, Траханіотовъ и оба дяка. На нихъ лежала обязанность „чтобы никотже отъ простыхъ людей прикоснулся того царскаго чина“. Такимъ образомъ юный царь Михаилъ, не смотря на то, что минувшее, страшное время неурядицы и общаго хищничества, вѣнчался на царство съ полнымъ великолѣпіемъ, въ полномъ убранствѣ своихъ вѣнценосныхъ предшественниковъ.

Всѣ эти подробности извлечены нами изъ замѣчательнаго сочиненія А. П. Барсукова „Родъ Шереметевыхъ“, гдѣ это появилось впервые въ надеждахъ полнотѣ.

Новыя рѣчи.

(Рис. на стр. 401).

Она еще такъ молода и жизнь ея текла до сихъ поръ такъ спокойно, ничто не смущало ея воображенія, не ускоряло бѣгъ ея молодого сердца. Давно замѣтила она, что красивый юный пажъ изъ густаго сада замка внимательно глядитъ на нее, когда она проходитъ къ колодузу за водою; но это пристальное вниманіе ее только неприятно смущало, не пробуждая въ ней никакихъ особыхъ чувствъ. Но сегодня она вдругъ почувствовала что кто то за ней есть, но не оглянувшись, ибо почти догадалась кто это. И вотъ она, вся пылая, слышитъ совѣтъ новья для нея рѣчи. Въ нихъ столько нѣжности, ласки и страсти, что она сама не знаетъ, что съ нею дѣлается. Ей и стыдно, и весело, и сердце бьется такъ шибко, и щеки пылаютъ, и какія то пестрыя, чудныя грезы мелькаютъ передъ ней, слышая голосъ юности—такое сильное впечатлѣніе производить на нее эти новья для нея рѣчи!..

„Чаепитіе“.

(Рис. на стр. 404).

Изъ числа жанровъ Вл. Е. Маковского, полвившихся на XIII передвижной выставкѣ, особенно была замѣчена съ большимъ мастерствомъ и типичностью исполненная картинка „Чаепитіе“. Лица почтенной четы,—занимающейся чаепитіемъ такъ серьезно, почти какъ совершая обрядъ,—очень хороши. Особенно пріятно попить чайку въ прохладной комнатѣ въ жаркій лѣтній вечеръ. Ароматъ цвѣтовъ и травъ, льющійся въ комнату, еще улучшаетъ ароматъ китайской травы, которою наслаждаются старики.

Цибета африканская.

(Рис. на стр. 405).

Цибеты водятся въ большей части сѣверной и средней Африки и не только въ дикомъ состояніи, но и какъ домашнія животныя. Онѣ преимущественно водятся въ Верхней и Нижней Гвинее, живя въ сухихъ, песчаныхъ, безплодныхъ долинахъ и горахъ, поросшихъ кустарникомъ и деревьями; но онѣ также встрѣчаются и на востокѣ и даже на островахъ восточнаго побережья. На Занзибарѣ онѣ извѣстны подъ именемъ „нгана“ и въ Суданѣ подъ именемъ „собатъ“. По величинѣ цибеты превосходятъ нашихъ лисицъ (въ нихъ 70 сент. длины и хвостъ въ 35 сент.) и не уступаютъ имъ въ хищничествѣ. По строенію тѣла онѣ занимаютъ средину между кундией и кошкой. Широкая выгнутая голова съ острымъ носомъ и острыя уши; глаза съ круглыми зрачками поставлены искосо. Туловище заканчивается средней длинны хвостомъ. Подшвы короткихъ ногъ покрыты шерстью. Отъ шеи до хвоста идетъ пенельнаго цвѣта гривка, переходящая на спинѣ въ черно-коричневый цвѣтъ и мѣстами желтоватая у хвоста и шеи. По обѣимъ сторонамъ гривки находится различноя величины кругловатая и острья пятна; заднія же бедра покрыты полосами. Низъ туловища окрашенъ свѣтлѣе и пятна здѣсь гораздо блѣднѣе. Хвостъ украшенъ черными полосами и на концѣ переходитъ въ черно-коричневый цвѣтъ. По обѣимъ сторонамъ шеи идутъ четырехугольныя бѣлыя пятна, раздѣленныя черными полосками на двѣ равныя части. Мѣсто около лба и

ушей окрашено въ желтовато-коричневый цвѣтъ, становящейся свѣтлѣе къ затылку. Ловкія эти животныя питаются гадами и птицами, но также растениями и особенно плодами. Иногда онѣ врываются въ курятники и производятъ тамъ опустошенія. Пойманныя маленькими, цибеты легко свываются съ неволей и скоро дѣлаются ручными, но взрослые, попавшія въ въ неволю, ведутъ себя вначалѣ точно безумныя, проявляютъ сильную злобу и необыкновенную силу и подвижность. Каждый мускулъ ихъ тѣла кажется напряженнымъ; онѣ безпрерывно прыгаютъ по клѣткѣ въ надеждѣ освободиться. При этомъ глаза ихъ сверкаютъ, онѣ поводятъ ушами, оскалываютъ зубы, обнюхиваютъ воздухъ по всѣмъ направленіямъ и распространяютъ такой сильный запахъ цибеты, который не выносятся вблизи и наполняютъ весь домъ. Душистая жидкость, выделяемая цибетами, издавна употребляется какъ цѣлебное средство, а также подмѣшивается въ благовонныя вещества. Поэтому цибеты держатъ въ качествѣ домашнихъ животныхъ, въ клѣткахъ и сараяхъ, и кормятъ ихъ мясомъ. Жидкость выдавливаютъ изъ особыхъ железъ, подъ животомъ. Животное даетъ въ недѣлю около 3 1/2 граммовъ душистой жидкости. Въ Абиссиніи прежде былъ центръ торговли жидкостью цибеты и нѣкоторые кушцы держали у себя по нѣскольку сотенъ этихъ животныхъ. Въ послѣднее время душистое это вещество стало мѣше появляться въ торговлѣ и вытѣсняется мускусомъ. Кроме африканской цибеты есть еще двѣ азіатскія породы: Viverra zibetha и Viverra indica.

Н. И. Костомаровъ.

(Портр. на стр. 408).

Въ 7 часовъ утра 7-го апрѣля Н. И. Костомарова не стало. Это былъ замѣчательный историкъ-художникъ, умѣвшій воплотить историческія лица въ яркіе, полные образы. Жизнь, полная труда, прекратилась, и историческая наука потеряла одного изъ самыхъ видныхъ своихъ писателей, одного изъ самыхъ талантливыхъ и самыхъ дѣятельныхъ. Это былъ человѣкъ необыкновенно отзывчивый, увлекающийся трудомъ. Потеря для науки незамѣнимая.

Николай Ивановичъ Костомаровъ родился въ 1817 году, въ слободѣ Юрасовкѣ, Воронежской губерніи, Острогорскаго уѣзда, въ помѣщичьемъ семействѣ. Отецъ опредѣлялъ его въ московскій частный пансіонъ, но трагическая смерть его отца, умерщвленнаго дворовыми людьми, заставила его мать опредѣлить его въ воронежскій частный пансіонъ, который содержался учителями гимназій. Гимназіи были тогда четырехклассными и Н. И. поступилъ прямо въ 3-й классъ и въ 1833 г. поступилъ въ харьковскій университетъ по историко-филологическому факультету. Окончивъ курсъ въ 1836 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента, а въ 1837 году получивъ по экзамену званіе кандидата, Н. И. опредѣлился было въ кинбурнскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Острогорскѣ, юнкеромъ, но оказался неспособнымъ къ военной службѣ. Онъ стал заниматься исторіей, рѣшился держать экзаменъ на магистра историческихъ наукъ и написалъ диссертацию „О значеніи уніи въ Западной Россіи“. Н. И. Костомаровъ приниалъ мѣсто субинспектора въ харьковскомъ университетѣ и началъ писать новую диссертацию „Объ историческомъ значеніи русской пародной поэзіи“. Н. И. переехалъ въ Кіевъ, откуда въ 1844 году его назначили старшимъ учителемъ исторіи въ Ровенскую гимназію. Тамъ онъ пробылъ около года и за это время имъ сдѣлано было нѣсколько поѣздокъ въ разныя историческія мѣстности Волынской губерніи, причѣмъ онъ собралъ большое количество народныхъ пѣсень. Лѣтомъ 1846 г. его единогласно избрали адъюнктомъ-профессоромъ по кафедрѣ русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра; въ томъ-же году онъ издалъ свой трудъ „Славянская миоология“, напечатанной кириллицей. Въ 1847 г. его постигла катастрофа, вмѣстѣ съ нѣсколькими малороссійскими публицистами: Н. И. былъ на нѣкоторое время заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Его затѣмъ перевели на службу въ Саратовъ, гдѣ онъ занималъ должность переводчика при губернскомъ правленіи и дѣлопроизводителя статистическаго комитета, занимаясь въ то-же время этнографіей; онъ успѣлъ собрать за эти годы много народныхъ пѣсень, помѣщенныхъ въ 1861 году въ „Лѣтописяхъ Русской Литературы“ Н. С. Тихонравова. Въ 1856 году ему дозволили печатать свои статьи. Въ слѣдующемъ-же году былъ напечатанъ въ „Отеч. Зап.“ его „Богданъ Хмельницкій“, за которымъ послѣдовало нѣсколько другихъ крупныхъ монографій, какъ, напримеръ, „Бунтъ Стеньки Разина“. Онъ былъ приглашенъ цетербургскимъ университетомъ на кафедру русской исторіи, которую и занялъ въ 1858 г., послѣ Всемилоствѣйшаго снятія съ него запрещенія служить по ученой части. Его статьи по варяжскому вопросу, напечатанныя въ „Современникѣ“, вызвали возраженіе со стороны М. П. Погодина и 19-го марта 1861 г. Костомаровъ имѣлъ съ нимъ свой извѣстный публичный диспутъ. Онъ пробылъ въ званіи ординарнаго профессора до мая 1862 года, когда подалъ въ отставку и посвятилъ себя исключительно кабинетнымъ занятіямъ. Время отъ времени онъ дѣлалъ поѣздки въ разныя историческія мѣстности и напечаталъ въ разныхъ журналахъ этихъ годовъ значительное коли-

чество исторических статей. Онъ состоялъ также членомъ археологической комисіи и занимался редакціей „Актовъ южной и западной Россіи“; кромѣ того онъ еще редактировалъ „Памятники старинной русской литературы“, которые издавались на средства графа Куселева-Безбородко.

Свою литературную дѣятельность Н. И. Костомаровъ началъ еще въ концѣ 30-хъ годовъ, когда имъ были напечатаны, подъ псевдонимомъ Іереміи Галки, на малорусскомъ языкѣ, „Украинскія баллады“ и драматическія сцены „Савва Чалый“. Его историческія сочиненія на русскомъ языкѣ, среди которыхъ сѣть и романы и повѣсти, въ общей сложности составляютъ не меньше сорока томовъ, въ томъ числѣ: „Историческія монографіи“—15 томовъ, затѣмъ 6 томовъ „Русской исторіи въ живописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, нѣсколько томовъ крупныхъ историческихъ изслѣдованій, каковы напр., „Мазепа“, „Мазеницы“ и „Руины“. нѣсколько томовъ беллетристическихъ вещей и болѣе ста критическихъ рецензій и статей.

Картинки.

(Рис. на стр. 409).

Миловидная дѣвочка эта такъ углубилась въ разсматриваніе картинокъ, что ничего кругомъ не видитъ и не слышитъ. Ее давно зовутъ завтракать, но она не можетъ оторваться: тутъ нарисованы такіе смѣшные паяцы и красивые узоры, что не насмотришься на нихъ—и наклонивъ головку, дѣвочка всматривается внимательно.

Кветта.

(Рис. на стр. 412).

Кветта считается важнымъ пограничнымъ пунктомъ между Синдомъ и Кандагаромъ, лежитъ въ Келатскомъ округѣ Белуджистана. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ британское правительство вошло въ соглашеніе съ келатскимъ ханомъ и приобрѣло Кветту, которую и сдѣлало центромъ военнаго округа и главною квартирою одного изъ отрядовъ индійской арміи. Изъ Синда въ Кветту можно проникнуть двумя путями: боланскимъ переходомъ, или по желѣзной дорогѣ, которая впрочемъ еще нахо-

дится въ постройкѣ. Эта послѣдняя дорога, которая будетъ идти къ сѣверу отъ Кветты, на разстояніи тридцати миль, не можетъ быть окончена постройкой ранѣе осени слѣдующаго года, такъ что главнымъ путемъ для передвиженія войскъ и тяжелой остается пока боланскій проходъ. Городъ Кветта стоитъ въ долинѣ, на пространствѣ двадцати миль длины и пяти ширины, окруженный почти вилотную громадными горами. Долина открыта лишь съ юга и сѣвера.

Самый городъ окруженъ глинилою стѣной, съ двумя воротами, южными и восточными. Укрѣпленіе построено на искусственномъ холмѣ, съ котораго открывается широкая перспектива на окрестныя долины. Съ стратегической точки зрѣнія, эта мѣстность имѣетъ большое значеніе, такъ какъ она расположена на самомъ живомъ пунктѣ пути между Индіей и Афганистаномъ. Кветта играла довольно важную роль въ афганской войнѣ 1878—80 года; она составляла тогда базисъ военныхъ операцій южнаго отряда англійскихъ войскъ, и именно съ этого пункта англичане двинулись на Кандагаръ, которымъ и овладѣли послѣ слабого сопротивленія. Долина Кветты лежитъ на пять или шесть тысячъ футъ выше морской поверхности, и лѣтомъ климатъ здѣсь очень пріятенъ, такъ какъ жаръ умѣряется свѣжимъ вѣтеркомъ, проникающимъ сюда съ возвышенностей. Зимой же здѣсь порядочно холодно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было приведено въ извѣстность, что число жителей въ Кветтѣ достигаетъ до четырехъ тысячъ, изъ которыхъ большая часть афганцы, но съ этого времени, населеніе города возрасло значительно.

Лѣто.

(Рис. на стр. 413).

Пастая жаркіе дни; солнце, синее небо ярко и свѣтло. Пыльная листва развернулась во всемъ своемъ чудномъ великолѣпнн и жизнь закинула въ поляхъ и лѣсахъ. Поднялся, красиво и широко разметавшись въ воздухъ крыльями, хищный коршунъ, и трусливый заяцъ выглядываетъ, поднимая чуткія уши, изъ густыхъ кустовъ, гдѣ такъ укромно онъ упрятался, что не найти его ни привычному глазу охотника, ни зоркому глазу хищной птицы.

Политическое обозрѣніе.

Россія и Англія.—Египетъ.—Франція и Китай.—Италія.

Пренія въ англійскомъ парламентѣ о потребованіи правительствомъ кредитъ, доказали, что Гладстонъ еще не считаетъ недоразумѣніе между Англіей и Россіей обострившимся до такой степени, чтобы не оставалось средствъ уладить его путемъ обыкновенныхъ переговоровъ. Премьеръ категорически заявилъ, что не находитъ нужнымъ прибѣгать къ третейскому суду, потому что правительство, сознавая свою тяжелую отвѣтственность и обязанность поддерживать честь Англіи, въ то же время считаетъ своимъ долгомъ употребить всѣ средства къ предотвращенію войны. Это заявленіе Гладстона было какъ бы косвеннымъ отвѣтомъ на весьма распространенные толки о возможности посредничества Германіи. Кромѣ того, Гладстонъ въ одномъ изъ преній въ Палатѣ заявилъ, что генералъ Лемсенъ извѣстилъ его объ отъѣздѣ въ Лондонъ одного изъ спутниковъ англійскаго комиссара, Стивена, которому поручено объяснить лорду Грэнвиллю подробности по разнымъ вопросамъ, касающимся какъ дѣлешъ Лемсена, такъ и обстоятельствъ недавняго нападенія на афганцевъ. Пройдетъ нѣсколько недѣль прежде чѣмъ посланецъ генерала Лемсена прибудетъ въ англійскую столицу, и потому опасности немедленнаго столкновенія между Англіей и Россіей, пока еще не существуетъ. Такимъ образомъ пренія о потребованіи правительствомъ кредитъ начались при увѣренности палаты, что неизбѣжной опасности войны пока не существуетъ, и что развязка дѣла во всякомъ случаѣ отсрочена на нѣсколько недѣль. Судя по преніямъ, оказалось положительнымъ установленнымъ, что изъ требуемыхъ денегъ на суданскую экспедицію предполагается употребить сумму, ясно доказывающую, что британское правительство не намѣрено продолжать этой экспедиціи. Гладстонъ объявилъ, что министерство ни въ какомъ случаѣ не употребитъ на расходы въ Суданѣ денегъ, предназначенныхъ на особыя военныя приготвленія, и даже, наоборотъ, часть суданскаго кредита, можетъ, напротивъ, быть употреблена съ этою цѣлью. „Махди, сказалъ премьеръ въ своей парламентской рѣчи,—не такъ уже страшенъ, какъ послѣ взятія Хартума, къ тому же ему приходится обороняться противъ своихъ соперниковъ. Что касается обороны Египта, то мы ни мало не отказались отъ главныхъ прицѣловъ нами на себя обязательствъ. Предложеніе наше столь же просто, сколько ясно; высшій долгъ нашъ—держать расположенныя въ Суданѣ войска на готовѣ, для отправки туда, куда призываетъ ихъ чувство долга и національная честь“. Послѣ рѣчи Гладстона, палата общинъ приняла одиннадцатимилліонный кредитъ безъ голосованія, безъ преній, единогласно.

Лондонскіе дипломатички опять заявили о своемъ существованіи, и недавно британская столица была встревожена новымъ взрывомъ. На этотъ разъ цѣлью для разрушенія было

выбрано адмиралтейство. Причиненныя взрывомъ поврежденія оказались, впрочемъ, далеко не такъ значительными, какъ въ парламентѣ и Тауэрѣ, хотя комната, въ которой произошелъ взрывъ, представляетъ все-таки хаотическую картину. Тяжелая мебель въ ней переломана и исковеркана, окна и двери выбиты, полъ покрытъ толстымъ слоемъ штукатурки и обрывками книгъ и бумагъ. Находившійся въ ней помощникъ секретаря поднятъ былъ въ безчувственномъ состояніи, съ нѣсколькими ранами, впрочемъ не представляющими опасности для его жизни.

Въ Суданѣ полвился новый пророкъ, который недавно совершилъ торжественный въѣздъ въ Эль-Обейдъ. Этотъ новый махди—Мудей-Хассанъ-Али. Онъ вѣхалъ на бѣлой лошади и держалъ въ своихъ рукахъ длинный мечъ, который, по его словамъ, вручилъ ему самъ Магометъ, чтобы онъ прогналъ изъ Египта всѣхъ невѣрныхъ и убилъ бы обманщика—Махомеда-Ахмеда, т. е. суданскаго Махди. Новый махди обратился къ народу съ рѣчью, въ которой заявилъ, что твердо увѣренъ въ томъ, что пророкъ поможетъ ему побѣдить и наказать обманщика, давшаго народу невѣрный переводъ корана. По слухамъ, уже происходило два сраженія между приверженцами стараго и новаго махди, въ которыхъ побѣда осталась за Мудемъ-Хассанъ-Али. Въ Суакимѣ распространился слухъ, что Османъ-Дигма былъ убитъ своими же людьми. Правда, что уже давно приходили извѣстія о недовольствѣ въ лагерѣ Османа, воины котораго стали разбѣгаться; но извѣстіе объ убійствѣ Османа-Дигмы пуждается пока въ подтвержденіи.

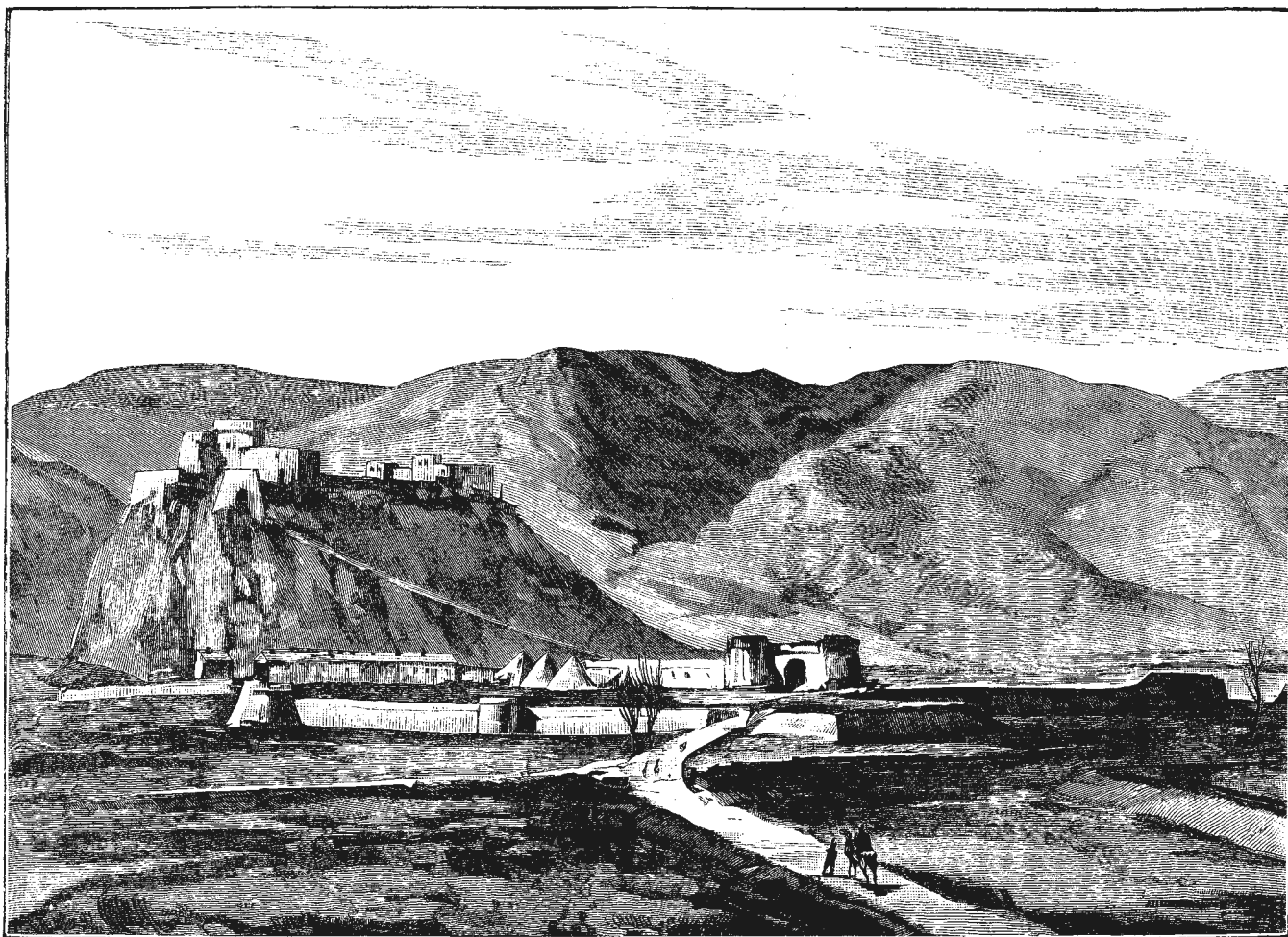
По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Парижа, французскій посланникъ Патенотръ отправился изъ Шанхая въ Тіень-Цзинь, для началія переговоровъ о заключеніи окончательнаго мирнаго трактата между Франціей и Китаемъ. При этихъ переговорахъ возникли нѣкоторыя затрудненія относительно Формозы. Дѣло въ томъ, что послѣ извѣстія о дѣлѣ при Лангъ-Сопѣ, предшествующій кабинетъ отдалъ приказаніе адмиралу Курбѣ очистить Формозу. Это приказаніе было не исполнено по время образованія новаго кабинета, и его успѣли отменить. Китайцы, основываясь на томъ фактѣ, что очищеніе острова началось до подписанія предварительныхъ условий мира, требовали, чтобы статья, касающаяся оккупации Формозы, была исключена изъ предварительныхъ условий. Въ настоящее время происходятъ переговоры именно объ этомъ пунктѣ, который, впрочемъ, нисколько не помѣшаетъ успѣшному ходу соглашенія.

Газета „Popolo romano“ называетъ лишеннымъ всякаго основанія извѣстіе, будто Италия обязалась передъ Англіей замѣнить британскія войска въ большихъ городахъ Египта итальянскими, занявъ Суакимъ и Берберъ, и, въ случаѣ столкновенія между Россіей и Англіей, дѣйствовать совмѣстно съ послѣдней. Это опроверженіе подтверждается и другими итальянскими газетами.

СМЪСЪ.

Профессоръ Норденшильдъ объ эскимосахъ. Передаемъ содержаніе интересной лекціи объ образѣ жизни эскимосовъ, читанной проф. Норденшильдомъ въ шведскомъ Географическомъ обществѣ. Эскимосы живутъ отъ Гренландіи до сѣверныхъ областей Америки и Азіи. Древнѣйшія свѣдѣнія о Гренландіи, дошедшія до насъ, приведены профессоромъ: онъ говоритъ о первыхъ сношеніяхъ европейцевъ съ эскимосами въ началѣ XI столѣтія. Мирныя отношенія двухъ народовъ продолжались до 1379 года, но возникли междоусобія, окончившіяся истребленіемъ норманновъ въ Гренландіи эскимосами. Далѣе профессоръ сообщилъ наблюденія и замѣчанія датскаго посла Ганса Эгеде, поселившагося въ Гренландію въ 1720 г. Онъ горячо оспаривалъ общее мнѣніе, составившееся объ эскимосахъ, какъ о грубомъ, неразвитомъ, грязномъ народѣ, и утверждалъ наоборотъ, что это привѣтливое добродушное племя при болѣе близкомъ знакомствѣ возбуждаетъ живѣйшій интересъ и искреннее расположеніе. Они вовсе не такъ некрасивы и грязны, какъ говорятъ;

лишеніе котораго они считаютъ большимъ несчастіемъ; вино и водку они пьютъ охотно, но самое большое лакомство для нихъ—вишныя ягоды; когда приходитъ корабль, нагруженный ими, эскимосы готовы разориться. Пищу готовятъ вообще на каменныхъ сковородахъ; для горѣнія и освѣщенія употребляютъ жиръ, фитили изъ мочу; чадъ отъ жира наполняетъ ихъ жилища нестерпимымъ запахомъ. Профессоръ сообщилъ слѣдующее меню эскимосскаго обѣда: вяленая селедка (мелкая), вяленое мясо морской собаки, вяленое соленое китовое мясо, сушеная рыба, вяленая лососина, и т. д., въ заключеніе десерты: особый родъ ягодъ (*empetrum nigrum*) въ жарѣ. Передъ обѣдомъ и послѣ него подаютъ кофе. Такія ширшества бывають очень рѣдко, но къ обыкновенному столу эскимосовъ европеецъ легко привыкаетъ. У гренландцевъ многоженство дозволяется, но случается рѣдко; женщины сами уклоняются отъ него. Языкъ такъ своеобразенъ, что взрослому человеку невозможно его изучить, дѣтямъ же онъ легко дается, такъ

Квѣтта. Самое сѣверное Англо-индійское укрѣпленіе. По рис. Гр. грав. М. Рашевскій.

между ними можно даже встрѣтить красивыхъ. Дѣти европейцевъ и гренландскихъ женщинъ болѣею частью высокаго роста, свѣтлорусы и особенно стройны; прежня чистокровная раса менѣ красива. Гренландцы веселы, ласковы и умны; они всегда даютъ европейцу прозвище, обыкновенно выражающее поразившую ихъ особенность: большой носъ считается у нихъ, имѣющихъ въ большинствѣ плоскіе носы признакомъ глупости. Всѣ умѣютъ читать и писать. У нихъ нѣтъ ни старшинъ, ни полиціи, такъ какъ преступленій вообще не случается. Честность царствуетъ повсюду, въ чемъ Норденшильдъ въ своихъ путешествіяхъ много разъ имѣлъ случай убѣдиться. Онъ часто оставлялъ безъ надзора палатки и лодки съ вещами, заманчивыми для эскимосовъ,—никогда ничего не пропадало. Въ Шанхаѣ, по случаю обѣда въ честь мѣстнаго судьи-англичанина, Норденшильдъ упомянулъ, что знаетъ 10,000 чел. народу, у котораго нѣтъ ни судей, ни преступленій—англичанинъ недовѣрчиво покачалъ головою. Эскимосы очень любятъ музыку; они поютъ пѣсни, черпая у датскихъ моряковъ и переложивши на собственный текстъ.—это часто сатиры на европейцевъ. Они чрезвычайно горды и считаютъ себя выше и древнѣе другихъ народовъ. Дѣти ихъ очень милы и привыкли лишь къ ласкѣ; ихъ никогда не бьютъ—ударившій ребенка дорого бы заплатился за это. Главную пищу эскимосовъ составляетъ мясо китовъ и морскихъ собакъ, вареное или жареное въ жирѣ, но никогда не сырое; любимый напитокъ—кофе,

что дѣти европейца, женатаго на гренландкѣ, говорятъ охотнѣе и почти исключительно по-гренландски. Рыболовныя снасти и лодки эскимосовъ совершенны въ своемъ родѣ: „каакъ“—лодка для одного человека, состоитъ изъ деревяннаго корпуса, обтянутаго кожей морской собаки; „умъятъ“ (женская лодка)—плоскодонная, вмѣщаетъ отъ 20—30 человекъ и отличается чрезвычайно быстрымъ ходомъ. Лодки сдѣланы изъ прекраснаго матеріала и тщательно отдѣланы до мелочей; ловкость гренландцевъ замѣчательна. Норденшильдъ высказалъ свое личное предположеніе, что эскимосы—абригены полярныхъ странъ и прямыя потомки жителей ледянаго періода. Найденныя допотопныя растенія—тюльпаны, лавровая и каменная деревья и проч. свидѣтельствуютъ о нѣкогда тепломъ и благоприятномъ климатѣ Гренландіи и Шпицбергена.

Салициловая кислота лучшее средство противъ бородавокъ, мозолей и затвердѣвшей кожи. Одинъ граммъ салициловой кислоты распускаютъ въ десяти граммахъ коллодіума и растворомъ этимъ намазываютъ кисточкою больное мѣсто чрезъ день. При этомъ однако нужно избѣгать продѣлывать все это вблизи свѣчки или лампы, такъ какъ коллодій легко воспламеняется. Дѣйствіе раствора будетъ еще быстрее, если прибавить два грамма тинктуры индійской конопли. Въ теченіи одной или двухъ недѣль толстая кожа разрыхляется до того, что ее легко снять ногтемъ.

Гіацинты въ стананахъ. Каждому любителю цвѣтвъ, разво-

дающему зимой глицинты и другія луковичныя растенія, не безизвѣстно, что часто при этомъ луковицы гниютъ еще до начала цвѣтенія или если и пускаютъ ростки, то плохо цвѣтутъ. Отъ примѣненія угольной пыли, луковицы не только предохраняются отъ гниенія, но и лучше сохраняются послѣ цвѣтенія. Древесный уголь толчется въ порошокъ не очень мелкій и этотъ порошокъ насыпаютъ въ обыкновенный глицинтовый стаканъ, наполненный водой. Взболтавъ и размѣшавъ эту смѣсь кладутъ въ стаканъ свѣжую луковицу. Мелкій порошокъ остается нѣкоторое время на поверхности воды. Черезъ нѣсколько дней взбалтываютъ чешного воду, отчего осѣдаетъ и оставшійся наверху порошокъ. Чтобы нѣсколько замедлить слишкомъ быстрый ростъ, вредный для луковицы, не слѣдуетъ оставлять стаканъ первое время въ черзачуръ теплой комнатѣ. Черезъ 2—3 недѣли перемѣняютъ угольный порошокъ, пока онъ еще не имѣетъ гнилаго запаха. Чтобы не повредить въ послѣдствіи, при перемѣнѣ воды корней луковицы, слѣдуетъ предварительно смѣшать свѣжую воду съ угольнымъ порошокомъ и затѣмъ осторожно влить въ стаканъ. Когда появится ростокъ, количество угольного порошка уменьшается, потому что иначе уменьшается ароматичность цвѣтка. Этимъ способомъ луковицы не только предохраняются отъ гниенія, но и годны къ употребленію въ слѣдующемъ году и даже дольше.

Американское производство домовъ. Едва ли можно составить себѣ понятіе о томъ, въ какомъ размѣрѣ ведется это дѣло въ Фэффилдѣ, Ватервиллѣ и окрестности ихъ. Здѣсь изготовляются дома такъ, какъ въ другомъ мѣстѣ сапоги, перчатки и проч. и посылаются во все страны. Последній заказъ былъ сдѣланъ на пятьдесятъ домовъ съ мѣся Мэй. Дома были

воплнѣ изготовлены и теперь въ нихъ живутъ сотни людей. Постоянно получаютъ новые заказы, то на домъ въ 100.000 рублей, то на дачу, то на помѣщичій домъ, и все это исполняется такъ же скоро, какъ какая нибудь хижина или сарай. Дома отсылаются на мѣсто въ полной готовности; все до мельчайшихъ подробностей прилажено и пригнано. На готовѣ стоятъ повозы, нагружаемые домами ежедневно. Опилки и стружки отсылаются на сосѣднюю мельницу, гдѣ они перерабатываются въ матеріалъ для прибавленія въ бумагу. На фабрикахъ установлены машины для всевозможныхъ работъ. Недавно былъ сдѣланъ домъ въ нѣсколько сотъ футовъ длины и соотвѣтствующей вышины; при установкѣ всѣ части превосходно приладились. Все необходимое, до послѣдняго клина, было поставлено фабрикой.

Докторъ Бенекъ, въ Кенигсбергѣ, изобрѣлъ спасительную куртку для утопающихъ, далеко превосходящую все доселѣ употребляемые пробковые пояса, фуфайки и пр. Спасительныя куртки Бенекъ имѣютъ видъ стеганыхъ куртокъ, но содержатъ между верхомъ и подкладкой раздробленный пробковый уголь, отчего онъ

легче пробковыхъ фуфаякъ и не стѣсняютъ тѣлодвиженій. Онъ вполне замѣняетъ верхнее платье и жилетъ, очень теплый, ибо пробковый уголь дурной теплопроводъ; верхъ изъ непротокаемой матеріи, защищаетъ отъ вѣтра, дождя и брызговъ. Пробковый уголь почти втрое легче сырой пробки и гораздо медленнѣе пробки впитываетъ влагу, вслѣдствіе чего прочнѣе и дольше можетъ пробить въ водѣ; чтобы удержать на водѣ дороднаго человѣка, вполне одѣтаго и въ болотныхъ сапогахъ, достаточно отъ 700—800 граммъ (1½ ф.) пробкового угля. На употребленіе пробкового угля для подшивки въ платье Бенекъ уже имѣетъ привилегію въ Германіи и другихъ странахъ Европы.

Тоннинское нарѣчіе необыкновенно трудно. При серьезномъ изученіи болѣе чѣмъ полгода насили можно говорить съ большимъ трудомъ. Для европейца немислимо произносить правильно. Языкъ не имѣетъ ни спряженій, ни склоненій, но зато множество маленькихъ частичекъ; тоже слово, смотря по надобности, можетъ быть существительнымъ, глаголомъ или предлогомъ. Въ языкѣ есть шесть тоновъ: ровный, твердый, нѣмой, легкій, тяжелый, острый. Это, если можно такъ выразиться, ноты, и голосъ попеременно нужно понижать, возвышать, протягивать. Слово, выговоренное шестью помянутыми тонами, имѣетъ шесть различныхъ значеній; кромѣ того, при существованіи трехъ а, трехъ о, двухъ е и двухъ у, трудности языка становятся непреодолимыми.

Городъ Ширазъ въ Персіи извѣстенъ своими розами и тѣмъ, что онъ былъ мѣсторожденіемъ поэта Гафиза, прославившагося своими эротическими произведеніями. Гафизъ похороненъ въ Ширазѣ. Гробница его находится у воротъ Алагу-акберъ на кладбищѣ, обнесеномъ

высокою стѣною. Гробница поэта отличается отъ остальныхъ: она состоитъ изъ громадной полированной плиты желтаго мрамора, на которой выбита надпись на персидскомъ языкѣ. Гафизъ умеръ въ 1388 г.; настоящее его имя было Шемсэддинъ-Магометь.

Съ слѣдующаго 18 № „Нивы“ начнется печатаніемъ большая повѣсть нашего извѣстнаго писателя Я. П. Полонскаго „Искушеніе“.

СОДЕРЖАНІЕ: Екаторингофскій дворецъ (съ 2 рис.).—Кулисы. Повѣсть В. И. Мировича-Данченко. (Оконч.).—На охотѣ. Изъ очерковъ Канады. Л. Блара. (Оконч.).—Прежде ядъ—нынѣ лекарство. Очеркъ.—Бояринъ Шереметьевъ сдаетъ регали (съ рис.).—Новыя рѣчи (съ рис.).—„Чаепитіе“ (съ рис.).—Цибета африканская (съ рис.).—Н. И. Ностомаровъ (съ портр.).—Картинки (съ рис.).—Кветта (съ рис.).—Лѣто (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Объявленія.

ДОМАШНИЙ ВРАЧЪ.

Общедоступный лечебник.
Составленъ д-ромъ Лунинимъ.
М. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
Складъ въ книжномъ магазинѣ А. Карцева, Москва, Фуркасовскій пер., д. Обинной. № 1082 5-1

МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

свѣжаго розлива получены въ Старо-Никольской аптеки и въ магазинѣ аптекарскихъ матеріаловъ Феррейна, въ Москвѣ, на Никольской ул. Высылка во всѣ города Россіи. П. № 1053 3-1

ДЕЛО МАШИНЫ ВЪ МОСКВѢ
Иллюстрированные каталоги высылаются бесплатно.
Б. Р. Урлаубъ и Ко
№ 3536 12-8

NOUVEAU PARFUM
excessivement fin et suave — extrait quadruple pour le mouchoir
EXTRAIT FÊTE
parfum exquis
PARFUMERIE DU GRAND MONDE.
16. GRANDE MORSKAIA, 16. Мт. № 1065

Жельзнодорожная станція Оппену.
МИНЕР. ВОДЫ ТРИСБАХЪ,
Открытіе 15-го мая.
давно известныя жельзные воды, 560 м. надъ уровнемъ моря, въ живописной вершинѣ Рейнской долины, 8 жельзныхъ источниковъ. Паровыя ванны по методу Шварца. 300 комнатъ, по желанію со столомъ. Мѣстный врачъ Д-ръ Гегершмидъ. Высочайшій комфортъ. Дешевыя цѣны. Программа бесплатно.
Владѣльцы Schiedtke & Simon. № 1072. 6-1

ПРОТИВЪ СЪДИНЫ. № 1074
Жидкость, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяеть. Флаконъ 3 р., пересылка 1 р. Гороховая улица, д. 57. Магазины-парикмахерская Ивановой.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII вѣка. В. Соловьева. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп.; въ кален. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

У книгопр.-изд. А. Ф. Девриена (СНБ. Вас. Остр., Румянц. пл. д. № 1/8).
ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

Плодовая школа и плодовой садъ.
Руковод. къ культ. плодов. деревь въ ю. пол. Россіи, составл. подѣзгана. ред. М. Н. Раевскаго. Изд. 2-е испр. и дополн. съ 143 полит. въ текстѣ. № 1061
Цѣна 1 р., въ переплетѣ 1 р. 50 коп. Первое изд. разошл. быстро и приобрѣло себѣ большую известн. среди садов. ю. пол. Россіи. Г. г. книгор. требуютъ эту книгу отъ изд. прямо за перес. не платя.

ПРИГЛАШАЮТЪ
для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться писменно въ С.-Петербургъ, Генриху Блюки Невскій 51. № 1038 4-2

НАСТОЯЩІЙ КЯЖТИНСКІЙ ЧАЙ,
развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цѣмбиковъ
ТОРГОВАГО ДОМА „БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“
Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.
ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ. 16-8
П. № 3847
Прейсъ-курранты высылаются бесплатно.

СКЛАДЪ ПИСЧЕЙ БУМАГИ
АВГУСТЪ НАУМАНЪ
въ С.-Петербургѣ, Казанская ул. № 42.
Вышла новая коллекція образцовъ почтовой, писчей, печатной, оберточной бумаги, переплетныхъ матеріаловъ и т. п. и пересылается по полученіи 45 коп. почтовыми марками. Р. № 1048 4-2
ТЕЛЕФОНЪ № 55.

ОДЕССКІЙ АНДРЕЕВСКІЙ ЛИМАНЪ.
Городское грязе-лечебное заведеніе
открыто съ 1-го мая по 1-ое сент. подъ вѣдѣніемъ д-ра Е. М. Брусилоссаго. Составъ воды йодо-бромисто-соляной, подходитъ къ водамъ Шила, Крейцнаха, Краменталя; по своей концентраціи сильнѣе воды прочихъ одесскихъ лимановъ. Вода и грязь съ особенной пользой примѣняются: при золотухѣ, сифилисѣ, ревматизмѣ, подагрѣ, во многихъ нервныхъ, женскихъ и наклонныхъ болѣзняхъ, при хроническихъ пораженіяхъ костей, мѣнщъ и суставовъ, при ушибленіяхъ и домотѣ послѣ различныхъ поврежденій. Желающіе имѣть удобныя квартиры обращаются въ контору лечеб. заведенія. При немъ имѣется ресторанъ, буфетъ минеральныхъ водъ, кумысъ, кефиръ; рядомъ съ нимъ — аптека. Сообщеніе съ городомъ по желѣз. дорогѣ ежедневно. За болѣе подробными свѣдѣніи обращаться въ кв. д-ра Брусилоссаго (Успенская, 67) или въ городское ле. об. заведеніе на Андреевскомъ (Нульницкомъ) лиманѣ въ Одессѣ. № 1054 1-1

ПОЛУ-СУХОЕ.
РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССІИ И ЗАГРАНИЦЕЙ
Н. П. ЛАНИНА,
въ Москвѣ, Софійскій набережная, соб. домъ.
ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ“, ЯГОДНЫЯ И ФРУКТОВЫЯ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНА БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ, ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ, СЛѢДУЮЩІЯ НАГРАДЫ:
1. **НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА** на Одесской выставкѣ 1884 года: **ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ** съ правомъ ходатайства на награжденіе **ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ**
ВСЕРОССІЙСКИЯ НАГРАДЫ:
2. Серебряная медаль. 1852 г.
3. Серебряная медаль. 1860
4. Почетный отзывъ 1864
5. Серебряная медаль. 1865
6. Серебряная медаль. 1869
7. Медаль. 1870
8. Золотая медаль. 1872
9. Высочайшая благодарность 1875
10. Золотая медаль. 1882
ИНОСТРАННЫЯ НАГРАДЫ:
1. Филадель. выстав. медаль . . . 1876 г.
2. Филадель. выстав. медаль . . . 1876
3. Париж. выст. поч. отз. 1878
4. Амстердам. выст. медаль . . . 1883
5. Бостон. выст. почет. дипл. . . 1883
ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:
1. Съ 1863 г. по 1873 г.
2. Съ 1873 г. по 1882 г.
РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
приготовлено изъ чистаго русскаго винограднаго вина, безъ всякой примѣси иностраннаго, и нисколько не уступаетъ самымъ лучшимъ французскимъ маркамъ.
РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
можно имѣть прямо съ фабрики цѣнами въ 60 и 30 б. по 1 р. 50 к. бут.
Кромѣ того поступили въ продажу еще новые четыре сорта **РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“:**
1) **ПОЛУ-СУХОЕ** (Demi sec. «England» à la Cliquot).
2) **ОЧЕНЬ СУХОЕ** (Extra sec. à la Pommery).
3) **РОЗОВОЕ ГУСТОЕ** (Oeil de Perdrix à la Boederer).
4) **РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ** (à la Cliquot).
Вышеозначенные четыре сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут. по 2 р. бутылка. № 4000
НВ.—ПРОСЯТЪ ИЗБѢГАТЬ ПОДДЪЛОКЪ.
ОЧЕНЬ СУХОЕ.

PARFUMERIE DU GRAND MONDE
16. GRANDE MORSKAIA, 16.
Parfum le plus nouveau
BELLE DE NUIT
EXCELLENTISSIME
UNE RARETÉ, UNE MERVEILLE. Мт. № 1066

РОСКОШНЫЕ ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ:
П. № 1060
НОВАЯ КНИГА
„ПРОГАЗЫ МАЛЕНЬКАГО ШАЛУНА“.
68 картинъ, исполненныхъ красками.
ВЪ ИЗЯЩНОСТИ ЛАКИРОВАННОМЪ ПЕРЕПЛЕТѢ.
Книга эта, чрезвычайно занимательная по содержанію, написана стихами; въ ней изображены смѣшныя приключенія маленькаго шалуна, съ которымъ, послѣ каждой новой шалости, случалось смѣшное несчастье.
Рисунки исполнены красками хромолитографическимъ способомъ.
Цѣна книгъ съ пересылкою во всѣ города **1 рубль.**

ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА
ИЛИ
АЛАДИНЪ.
Большая фантастическая сказка, съ роскошными картинами и чудесными превращеніями.
Книга эта, изданная замѣчательно издично, заключаетъ въ себѣ, кромѣ роскошно богатаго переплета и текста, **восемь большихъ акварельныхъ картинъ** на глазированной бумагѣ, съ волшебными превращеніями. Каждая картина исполнена въ **дѣсять цвѣтныхъ красокъ**, по оригиналамъ известнаго художника и совершенно измѣняется, если дернуть, находящуюся на оборотной сторонѣ картины, передвигаю. Картины изображаютъ, такимъ образомъ, **восемь волшебныхъ приключеній Аладина** и его чудесной лампы:

ДЕШЕВЫЯ ДѢТСКІЯ КНИГИ,
съ хромолитографированными рисунками въ краскахъ и въ роскошныхъ обложкахъ исполненныхъ золотомъ и красками.
Въ текетъ книжекъ вошли: волшебныя сказки, мѣлкіе рассказы изъ русской жизни, шутки, стихи, анекдоты и загадки.
Въ каждой книгѣ отъ 4 до 5 картинъ изъ русской жизни, исполненныхъ красками известными художниками.
ЦѢНА
съ пересылкою въ города:
Дѣтская утѣха 30 к. Сказки 25 к.
Ландыши и Море 25
розъ 30) Васильекъ 25
Колокольчики 30) Елка 25
Звѣздочка 25) Родина 25
Ледяная сосулька 25) Незабудки 25

- I-я. Волшебникъ показываетъ Аладину огненное подземелье, изъ котораго появляются духи.
 - II-я. Первое появленіе исполнимаго духа лампы.
 - III-я. Фантастическая уборная процессія.
 - IV-я. Неожиданно появляющіеся невольники.
 - V-я. Аладинъ въ роскошномъ дворцѣ.
 - VI-я. Похищеніе лампы или закованный Аладинъ.
 - VII-я. Сначала видъ дворца, а отдернувъ сѣтку, — счастливая свадьба Аладина.
 - VIII. На обложкѣ, Аладинъ и духъ лампы.
- Изданіе это, благодаря превращеніямъ картинъ, представляетъ совершенно новую среди изданій дѣтской литературы.
Цѣна книги съ пересылкою **1 р. 20 к.** Безъ пересылки **1 р.** Торговцамъ при выпискѣ за 10 экземпляровъ **7 руб.**

ВЫПИСЫВАЮЩІЕ 11 КНИГЪ ПЛАТЯТЪ ТОЛЬКО 2 Р. 50 К.

АЛБОМЪ БАННОВЫХЪ УЗОРОВЪ.
НОВѢЙШЕ
РУССКІЕ И МАЛОРОССІЙСКІЕ РИСУНКИ ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ ПО НАИВЪ.
Въ альбомѣ помѣщено двѣнадцать листовъ узоровъ, исполненныхъ красками, для вышиванія цвѣтами: красными, желтыми и синими.
Рисунки альбома вложены въ роскошную, отпечатанную золотомъ и красками, обертку.
Цѣна альбома съ пересылкою во всѣ города **75 коп.**

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ:
Москва, Редакція журн. „Волна“, Леонтьевскій пер. д. Корфъ.
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на иллюстрированный въ краскахъ журналъ „ВОЛНА“.
Подписная цѣна **8 руб.** въ годъ, съ роскошной преміей на 1885 годъ: „НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ“.

Ж. БЛОКЪ
 ПРЕЙСЪ КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТЪ БЕЗПЛАТНО.
 СПЕЦИАЛЬН. ДЛ. РУССКИХЪ ДОРОГЪ.
РУССКІЙ КЛУБЪ
 СКЛАДЫ: С. П. Б. НЕВСКІЙ № 16
 МОСКВА, КУЗН. М. Д. ГОМЩИНА

Чокракское грязе-лечебное заведение въ Крыму открыто съ 20 мая. Подробности см. № 14 журнала "Нива". № 1004

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛХХА
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 Невскій, 21 (прот. Бол. Коношенной), предлагаетъ свои услуги по покупке и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховых, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ банковъ по покупке и продажѣ иностранныхъ монетъ и векселей, по залогу и перезалогу цѣнныхъ бумагъ на срокъ или до востребованія ("on call") и по всѣмъ другимъ, касающимся банковскаго дѣла, порученіямъ, которыя исполняются съ совершенною аккуратностью за самое ускоренное вознагражденіе.

СТРАХОВАНІЕ
 выигрышныхъ билетовъ отъ предстоящаго тиража погашенія по **СОРОКЪ КОП.**
 страховая компания высчитается по почтѣ на счетъ конторы, безъ всякой платы.

Продана 5% билетовъ
 I и II Государственныхъ внутреннихъ съ выигрыш. займовъ съ разсрочкою платежей
 производится конторою на слѣд. условияхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ, остальная сумма уплачивается ежемѣсячными взносами, по опредѣленію самаго покупателя, однакожъ не менѣе **ШТИ РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ.**
 Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на проданный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю. Р. № 3971

ПИСЬМЕННОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ ДВОЙНОЙ БУХГАЛТЕРІИ,
 вполнѣ замѣняющее устное преподаваніе, съ успѣхомъ практикуемое во всей Россіи въ теченіи многихъ лѣтъ, быстро и легко усваиваемое лицами обоаго пола. Преподаваніе производится на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Полнѣйшее ручательство за успѣхъ. Окончившимъ курсъ выдаются свидѣтельства. Вознагражденіе весьма умеренное. Программы и пробныя письма высылаются бесплатно. Преподаватель Коммерческихъ наукъ Р. Б. Гроссъ. Рига, Большая Песочная ул. № 1. Р. № 1056 1—1

NOUVEAU PARFUM
 excessivement fin et suave
 extrait quadruple pour le mouchoir
EXTRAIT FESTIVAL
 PARFUM EXQUIS
PARFUMERIE DU GRAND MONDE
 16. Grande Morskaia, 16. М. № 1067

УНИВЕРСАЛЬНАЯ АМЕРИКАНСКАЯ БОРОНА АКМЭ,
 она же глыбодробъ, рыхлитель, уравнитель, катокъ и запашникъ — рекомендуется какъ лучшее орудіе для водѣлки почвы.
 Вся изъ желѣза и стали и поэтому прочна. Новый роскошно иллюстр. каталогъ новѣйшихъ земледѣльч. машинъ и орудій, насосовъ и пожарн. трубъ высылается за 21 коп. марсами.
Товарищество БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.
 СШБ. Вас. Остр. 1 линія № 10 и Москва, Мясницкая ул., д. Сытова.
 Американскую борону — рыхлитель Ла-доа съ 12-ю стальн. дисками въ 13 дюйм. предлагаемъ за 65 рублей. № 1069 3—1

БАДЕНЪ-БАДЕНЪ.
 Давно известная теплая алкалическая соляная вода отъ 44—69° Ц. Источникъ съ значительнымъ содержаніемъ хлористаго литія.
Новая Великокняжеская купальня „ФРИДРИХСБАДЪ“
 открыта круглый годъ.
 Образцовое заведеніе единственное въ своемъ родѣ, отличающееся совершенствомъ и изяществомъ. Минеральная и медицинская ванны всякаго рода. Заведеніе для врачебной механической гимнастики. Частныя лечебницы съ теплыми ваннами. Галлерей для минеральной воды всѣхъ известныхъ источниковъ, пневматическое заведеніе съ 2 камерами для 4 лицъ. Лечение молокомъ и сывороткою. Разсылка водъ главнаго источника съ богатѣйшимъ содержаніемъ литія черезъ Правленіе водъ.
 Кургаузъ съ великолѣпными залами для концертовъ, баловъ, чтенія, ресторана и собранія открытъ круглый годъ. — Превосходный оркестръ. — Многочисленныя удовольствія всякаго рода. — Охота и рыбная ловля — Большия скачки. — Высшія учебныя и воспитательныя заведенія. — Пансионъ для дѣвочъ. — Очаровательныя прогулки и поѣздки. — Превосходный климатъ. Великолѣпная мѣстность. Средняя температура: 7, 4° R. № 1016 3—2

СПбурзь, Невскій пр. № 52, противъ Публич. Библиотеки
ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛТЕРЪ,
 специалистъ хронометровъ и сложн. час. механизмовъ.
 Дорожные часы.
 Преисъ-куранты по востреб.

Съ разрѣшенія врачебнаго управленія
ОДОБРИНЪ
 Своею цѣлю уничтожаетъ въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ. Продается въ Русскомъ общ. торгов. агент. товар. Казанская, № 12, многораздѣльн. съ перес. 2 коробки 1 р. 50 к., 4 кор. 2 р. 25 к., 6 кор. 3 р., 11. деп. "Одобринъ" для всей Россіи: Гороховая ул., № 53, кв. 24, М. В. Лебедевъ. № 1073

ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТІЕ ДЛ. ПНОГОРОДНЫХЪ
 Пѣвѣтная банкирская контора ищетъ въ провинціи, во всѣхъ мѣстахъ Имперіи, благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажн 5% Государственныхъ I и II съ выигрышами займовъ съ разсрочкою платежа и для страхованія билетовъ тѣхъ-же займовъ отъ тиражной погашенія на выгодныхъ условіяхъ. Этимъ дается каждому возможность съ легкостью, безъ всякихъ расходовъ и купеческаго познанія, увеличить свой годовой приходъ.
 Обращаться съ указаніями настоящихъ занятій въ С.-Петербургскую Центральную Контору Объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. (письменно). Р. № 1057

Съ разрѣшенія СШБ. Врачебнаго Управленія.
СВОБОДИНЪ
 ПРЕВОСХОДНОЕ
СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ
 уничтожаетъ въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ. Постоянно возрастающее употребленіе Свободина, вслѣдствіе рекомендацій потребителей, доказываетъ отличное дѣйствіе этого средства. № 1034 15—3
 Цѣна за флаконъ 35 коп. Съ переслочною 2 флак. 1 руб., 4 флак. 1 руб. 70 коп., 6 флак. 2 руб. 40 коп.
ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛ. РОССІИ
А. ГЕБГАРДТЪ.
 Казанская ул., д. № 3, магазинъ № 1.

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СТОЛИЧНАГО ВРАЧЕБНАГО ПРИСУТСТВІЯ.

ЭЛЕКСИРЪ-MELANGE.
 Для быстро и общаго рошенія волосъ и предохраненія ихъ отъ выпаденія. Ц. 2 р. за флаконъ съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французск. и нѣмецк. языкахъ.
БАЛЬЗАМЪ-EUGÉNIE,
 изъ миртовыхъ и свадебнаго букета цвѣтовъ для приданія лицу, шеѣ и рукамъ нѣжной мягости, мраморной бѣлизны съ благоуханіемъ лиліи и розъ, а также для уничтоженія веснушекъ и всякой шероховатости кожи. Цѣна 1 р. 75 к. за флаконъ, съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА
 ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПОМАДА "PASTA EUGÉNIE"
 ПОМАДЫ!
 Берта Рисъ

РУМЯНА EUGÉNIE,
 жидкія, чтобы придать щекамъ и ушамъ натуральной розовой цвѣтъ, не мѣняющійся при электрическомъ освѣщеніи и не вытирающійся даже при потномъ состояніи лица. Рекомендуются въ особенности для театровъ и баловъ. Ц. 1 р. 50 к. за флаконъ, съ наставленіемъ какъ употреблять на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.
 Всѣ эти три косметическихъ продукта, по свидѣтельству медицинскаго начальства, не содержатъ въ себѣ никакихъ бы то ни было вредныхъ веществъ.
 Берта Рисъ.
 № 1029 3—2

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЯ ПОМАДЫ

ПОДЛИННИКЪ „PASTA EUGÉNIE“, превосходное средство для устранения веснушекъ, родимыхъ и красныхъ пятенъ и другихъ дурныхъ явленій, въстрѣчающихся на лицѣ, и дающее цвѣту лица юную свѣжесть и красоту. Цѣна банки 1 руб. 60 коп.
Хинно-глицериновая помада на перуанскомъ бальзамѣ, для укрѣпленія, сгущенія и рошенія волосъ. Ц. банки 2 руб.
Ручная раковинная помада. Цѣна банки 1 р. 30 к. На каждой банкѣ находится окранный марки "амуръ" и подпись изобрѣтателя, "Bertha Rises".
ПОДЛИННИКЪ „Poudre Eugénie“ бѣлая и розовая. Ц. коробка съ пуховкой 1 р. 50 к., безъ пуховки 1 р. 20 к.
Краска для волосъ трехъ цвѣтовъ: черная, коричневая и свѣтлорусая. Цѣна коробки 3 р. Краска фабриканта
РИСЪ ГУТМАНЪ.
 Депо находятся: С.-Петербургѣ: Русское Общество торговли агент. товарами, на Казанской, с. д.; у Оливіе, Невскій пр., № 54; у бывш. Дарзанск. Пассажа, № 15 и 17; у С. П. Грикурова, Невскій пр., у Казанскаго моста, № 30; парикмах. Эмиль, бывш. Сансеро, Литейный пр., № 43; у парикмахера Аристидъ, Васильевскій островъ, первая линія, домъ № 18; у Просперъ, Вознесенскій проспектъ, № 18. Въ Москвѣ: на Никольской: у Р. Бельеръ и К° и у К. Феррейтъ; на Маросейск.: у А. Врускъ (бывш. Лецъ) и Л. Борхгардтъ; у Д. Ерехина; на Кузнецкомъ мосту у В. Каты и парикмах. Теодоръ; на Петровск. у Герлинга; въ Петровскихъ торговыхъ линіяхъ № 10 у В. Кузнецъ; въ Галетн. пер. у Р. Дарзанск. въ Александронскомъ пассажѣ: у Галлертъ; на Мясницкой улицѣ, у Лютеръ и Гиршфельдъ, домъ Обиндинъ; у Срѣтенскихъ воротъ у А. И. Поняковского и Лукьянова. Въ Астраханн, магаз. Фадѣева. Въ Бану, магаз. Погосова. Въ Варшавѣ, у Grand, магазинъ Липшицъ, Кравковское предмѣстье, и у Леонъ и К°. Ново-Сенаторская ул. Въ Вильно, магазинъ Грузежскаго. Во Владивостокѣ, магаз. Н. Н. Лапина. Въ Воронежѣ, парикмах. Курлиниченко и Бухонькова. Въ Гельсингфорсѣ, магаз. И. О. Сванъ. Въ Енаторинбургѣ, магаз. Заварзинъ. Въ Енаторинославѣ, магаз. В. Ефанова. Въ Елизаветградѣ, Г. А. Трестера пасадъ, и маг. П. Г. Костинилова. Въ Казани, магаз. Муравьева. Въ Мѣстѣ, магаз. Ф. Дютея и К°. Въ Кременчугѣ, магаз. Завъ. Въ Курскѣ, магаз. Свиричевскаго. Въ Новочеркасскѣ, у З. Петрова. Въ Одессѣ, магаз. Гельдеръ и К°. Петроковско и Петромъ и бр. Петроковино. Въ Пензѣ, магаз. Клепикова. Въ Перми, магаз. Н. Перетцъ, Въ Полтавѣ, магаз. Фердинандъ Тренке. Въ Ревелѣ, Христиана Келеръ, А. Лянде. Въ Ригѣ, бр. Видеманъ, Купеческая ул., № 15. Въ Ростовѣ-на-Дону, у А. Эдельберга и Д. Рапенорга. Въ Самарѣ, магаз. Ю. В. Крестенцева. Въ Саратовѣ, магаз. Матейсона и Р. Штроль. Въ Ставрополѣ, у парик. Курьяченко. Въ Татароѣ, магаз. Майжаръ. Въ Тифлисѣ, у П. Давко, въ домѣ ген. Лацарова. Въ Томскѣ, магаз. Козачева и К°. Въ Харьковѣ, Русское общество торговли агент. товарами и В. Кузнецова, Пассажа, № 17. Въ Омбургѣ и Уфѣ, галантерейный магазинъ Арамбаторъ.

ТРАВКОСИЛКИ

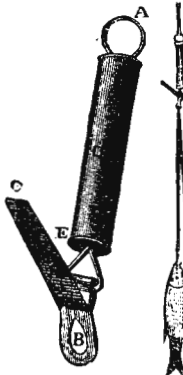
„Pensylvania“.
10" 30 р.
12" 35 „
14" 40 „
16" 45 „
18" 50 „

Легкий ход, чистая работа, простой механизм, большая прочность.

Ж. Блонь,

Москва, Кузнецкий мост, д. Голицына. СПб., Невский 16. Р. № 1059 8—1

САМОДЕЛЪЮЩИЙ ПОДСЪКАТЕЛЬ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ.

Одобренный всеми любителями рыбной ловли. Съ успехомъ применимъ во всякое время года и для всякой рыбы: замякаетъ рыбу, карабитъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватается наживку, то крючокъ механически заводится за щеку. Способъ употреблений при каждомъ экземпляре. Ц. 60 к. На посылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. Единственный складъ у П. Ф. Наратова, Невский пр., Милютинъ

рядъ, № 16, въ С.-Петербургѣ.
Полный иллюстриров. въ краскахъ префектуръ рыболовныхъ принадлежностей высылается за 5 семи-копеечныхъ марокъ.
Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 к.; вынимающие подсѣкатели прибавляютъ за микроскопъ только 20 к. № 1055 1—1

НУЖНЫ

благонадежные агенты, имѣющие постоянное местопребываніе въ провинціи для банкирской конторы **А. ЗИНГЕРЪ и Ко**, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр. № 18. Р. № 1043 7—2

ЦЕЗАРЬ И МИНКА

Всѣмъ извѣстно какъ самое обширное заведеніе въ Европѣ для разведенія собакъ, получившее золотыя и серебряныя государственныя и общественныя медали.

ЦАНА въ Прусской Саксоніи.

Префектураты на нѣм. и франц. яз. бесплатно и франко. Бронтора съ 50 разн. оригинальн. собакъ разныхъ расъ, получившихъ въ 1 награду, руководство для заводчиковъ и любителей за 10 мар., 6 рублей, 6 гульд., 12 фр. 50 с. Р. № 1015 4—4

10 коп. экземпляр!

Поступила въ продажу новелла „Адмиралъ“ Соч. Клейфа. Книгопрод. 25% скидки. Складъ изданія въ Николаевѣ (Херс. губ.), у издателя **С. М. Бота**. № 1068

4711
СОСНОВЫЕ ДУХИ.

врачами признаны превосходными; особенно рекомендуются для очищенія комнатнаго воздуха. Можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. 8756. 17—7

RECOMMANDÉ PRODUIT ROUME
MÉDAILLE D'ARGENT
Article recommandé par excellence
LA DIAMANTINE
La reine des poudres de riz, admirable comme adhérence et parfum, devient la plus demandée étant la plus saine
PARFUMERIE DU GRAND MONDE
MAISON DE CONFIANCE
16, Grande Morskaia 16.

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ
ПРОИЗВЕДЕНІЯ
БЕНЕДИКТИНОВЪ
Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).
НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.
С.-Петербургскимъ столичнымъ врачевнымъ присутствіемъ разрѣшено въвозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. № 1072 26—3
2 золотыя медали:
Брюссель 1880 Лондонъ 1884 гг.
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ.
Изобрѣт. настоятель тоне въ **1373 г. ПЬЕРРЪ БУРСО**
Домъ основанный въ 1807 г. Сегаенъ, въ Бордо, ул. Гюгери, 3.
ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ **SEGUIN** RUE HUGUERIE 3 BORDEAUX.
Складъ въ С. Петербургѣ: въ Техно-Химической Лабораторіи; въ магазинѣ **A la Renommée**; у А. Гуанова и Флейша, парф.-меромъ.

ИСКУССТВЕННЫЕ БРИЛЛАНТЫ
въ золотѣ, 14 каратъ, оправы (ничѣмъ не различающіеся отъ настоящихъ, весьма эффектные). Пересылка послѣдуетъ франко, только по получеши стгоности ассигнаціями.
КАРЛЬ ГОЛЛЬ (Нолл) ювелиръ Штутгартъ (Германія). Р. № 1007
8 рублей. Пара 7 рублей.

С.Петербургская Химическая Лабораторія
Фабрика парфюмерныхъ издѣлій.
На каждомъ предметѣ требовать фабричное клеймо:
Обращать вниманіе при покупке каждаго предмета на точность фирмы:
„С.Петербургская Химическая Лабораторія“
съ разрѣшеніемъ С.-Петерб. Врачебнаго Управленія.
ЖИДКОСТЬ ОТЪ МОЛИ
для сбереженія шубъ, платьевъ, ковровъ, мебели и проч.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: 1, Невскій проспектъ, домъ №32. Каплицеской церкви.
2, Невскій проспектъ, домъ №66 у Аничкина моста.
3, Вознесенскій проспектъ, домъ №18-54. Шредера.
ВЪ МОСКВѢ: 1, Кузнецкій мостъ, домъ Трубецкихъ.
Контора и оптовый складъ въ едѣлѣй фабрици въ С.Петербургѣ: Измайловскій проспектъ, 21.

АРИСТОНЪ
съ 10 пьесами 25 руб.
НОВАГО ОБРАЗЦА,
самый усовершенствованный, отличается какъ мелодичнымъ звукомъ, такъ и прекрасной работой и вполне служитъ домашнимъ развлеченіемъ; весьма удобенъ на дачахъ. Цѣна новому аристону съ 10-ю пьесами по выбору 25 руб. Отдѣльныя пьесы, которыхъ сколо тысяча разныхъ номеровъ и состоящая преимущественно изъ лучшихъ танцовъ, оперъ, новѣйшихъ оперетокъ, русскихъ пьесъ и другихъ, по 60 коп.
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо музыкальн. инструментовъ. С.-Петербургъ: В. Морская, домъ № 36. Москва: Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго. Новый каталогъ пьесамъ для аристона на русск. и нѣм. яз. бесплатно. За пересылку прошу прилагать за 40 фунт. Р. 1071 3—1

ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННАЯ УНИВЕРСАЛЬН. ШВЕЙНАЯ МАШИНА
Патентъ въ Европѣ и Америкѣ
ПЕТЛИ Вышивки и въсь Другія работы
ПРОДАЖА съ РУЧАТЕЛЬСТВОМъ.
ОБУЧЕНІЕ БЕЗПЛАТНО.
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ
ГЕРМАНЪ ГЕССЕ С ПБ.
БОЛЬШ. САДОВАЯ № 16, УГОЛЬ ТОЛМАЗОВЪ ПЕР. ПРОТ. ГОСТИН. ДВОРЪ

МѢСТО ДИРЕКТОРА
или главнаго техника значительнаго завода ищетъ инженеръ съ многолѣтнею практикою въ перворазрядныхъ англійскихъ и германскихъ заводахъ. Большая опытность въ сооружеши новѣйшихъ машинъ для большихъ океанскихъ пароходовъ, броненосныхъ судовъ, легкихъ плесководныхъ рѣчныхъ пароходовъ и миноносковъ. Знаніе 4-хъ языковъ. Предлож. подл. лит. З. А. доставитъ въ Ц.итральную Контору Объявленій, Невскій № 8. Р. № 1080 1—3
Косметич. спертментовые лица

УТИРАЛЬНИКИ

косметика № 1070
А. ЭНГЛУНДЪ.
Средство противъ вѣснушекъ, жопышекъ, пятенъ, прыщей, угрей и пр. При употреб. сперт. утир. кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и приятно освѣжается. Удобное средство въ дорогахъ, гдѣ особенно лицо подвержено вліянію солнца, вѣтра; они — единственное вѣрное средство отъ вѣснушекъ; также служатъ освѣженіемъ раздраженной кожи дурнымъ воздухомъ въ театрахъ, салонахъ и пр. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать на каждой пачкѣ подписи: „А. Энглундъ“, печати, чернилъ и марку С.-Петербургской косметической лабораторіи. Пачка 60 к., съ перес. не менѣе 2 пач. 2 р.; 4 пачки съ перес. 3 р. Получать можно: во всѣхъ магазинахъ С.-Петербургской химич. лабораторіи, въ „Русск. обществѣ торг. аптек. тов.“, Казанская ул. д. 12; у А. Рузанова, въ Гостиный дворѣ, по Зеркальной линіи, № 40, и во всѣхъ аптекахъ и парф. торговл. Всероссийской Имперіи. Главн. складъ для всей Россіи: С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, въ С.-Петербургѣ, Литейная № 38.

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ
ДЛЯ ЧАСОВЪ.
Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство — 5 лѣтъ, что не почернѣютъ! Предлагаетъ депо **Василія Аурихъ**, Больш. Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лѣстница № 1020 въ С.-Петербургѣ. 10—3
МУЖСКАЯ ОДИНОЧН.
въ 2, 3, 3 1/2 и 4 1/2 руб.
Двойная
въ 4 1/2 5 1/2, 7 и 8 руб.
ДАМСКАЯ СЪ КИСТЬЮ
въ 4, 5, 6, 6 1/2, 8 и 9 руб.
КАРАНДАШИ
въ 1, 1 1/4, 1 1/2 и 2 руб.
Ключница по 75 коп.
Пересылка 50 коп.
Торговцамъ скидка.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XVI годъ
№ 18

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XVI
1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВЪ“ принимаются за
стороу непарейль (1/2 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
60 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 20 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. = руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ
контору объявл. П. Н. Печков-
ской, Петровская Торгов. линія. 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВЪ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногор. по 5 р. съ тыся-
чи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.
При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКИЯ МОДЫ“ за МАЙ 1885 г., съ 28 рисунками и отдѣльн. листомъ съ 33 чертеж. выкроекъ въ натуральную велич. и 35 рисунками рукод. работъ.

Поль Гейзе.

Въ ряду современ-
ныхъ германскихъ пи-
сателей Гейзе зани-
маетъ видное мѣсто.
Онъ приобрѣлъ уже об-
ширную и почетную
извѣстность. Образ-
ность языка и худо-
жественная закончен-
ность его произведеній
отличаютъ его весьма
замѣтно. Сынъ, внукъ
и племянникъ извѣст-
ныхъ филологовъ и
профессоровъ, Поль
Гейзе родился въ Бер-
линѣ 15 марта 1830 г.
и подъ руководствомъ
отца получилъ пре-
красное образование.
Уже ребенкомъ онъ
проявлялъ поэтическій
даръ. Въ Берлинѣ и
Боннѣ Гейзе изучалъ
впослѣдствіи филоло-
гію, а съ 1849 по
1852 годъ путешество-
валъ по Италіи. Въ
1854 году появились
его первые выдающія-
ся стихотворенія „Гер-
мы“. Еще будучи сту-
дентомъ, онъ написалъ
трагедію „Франческа-
да-Римини“ (1851) и
маленькіе рассказы
въ стихахъ „Урика
и братья“ (1852). Даль-
нѣйшими поэтически-

Поль Гейзе. Рис. Коппе, грав. Эртель.

ми произведеніями бы-
ли его точные, изящ-
ные переводы испан-
скихъ стихотворе-
ній, которые онъ из-
далъ вмѣстѣ со сво-
имъ умершимъ дру-
гомъ Эмануиломъ Гей-
белемъ, подъ заглаві-
емъ „Испанскія пѣс-
ни“. Король бавар-
скій, Максимилианъ,
обратилъ вниманіе на
юнаго поэта, призвалъ
его въ Мюнхенъ въ
1854 году и далъ воз-
можность всецѣло по-
святить себя поэзіи и
развить свой талантъ.
Какъ плодъ его путе-
шества по Италіи,
слѣдуетъ упомянуть
еще объ „Италян-
скихъ пѣсняхъ“ и о
„Собраніи Италян-
скихъ Повеллеттовъ“.
Гейзе сдѣлался извѣ-
стенъ благодаря сво-
имъ повѣстямъ, кото-
рыя онъ пишетъ съ
рѣдкимъ искусствомъ,
свѣжестью, изящ-
ствомъ и, если можно
такъ выразиться, ве-
селостью, которая ос-
вѣщаетъ самыя траги-
ческіе изъ его раз-
сказовъ. Въ прош-
ломъ году появился
его сборникъ повѣстей
„Книга дружбы“; въ
числѣ многихъ выдаю-

щихся повѣстей, „Ля-Раббіата“ можетъ считаться классической повѣстью. Гейзе написалъ также два романа: „Дѣти міра“ и „Въ раю“. Кромѣ большихъ эпическихъ стихотвореній, какъ напри- мѣръ: „Кипрская невѣста“, „Текла“, „Мадонна Эльвальда“, „Си- рита“ и пр., онъ написалъ цѣлый рядъ лирическихъ стиховъ („Кни- га эскизовъ“, „Юнгбрунненъ“, „Стихотворенія изъ Италіи“ и пр.) и драмъ, трагедію „Мелеагеръ“, „Сабинянки“ (удостоившуюся награды), „Людвигъ Баварскій“, „Елизавета Шарлотта“, „Ма-

ри Марони“, „Гансъ Ланге“, „Кильбергъ“, „Югиня Разума“, „Честь за честь“, „Графъ Кенигсмаркъ“, „Эльфрида“, „Право сильныхъ“, „Алквиадъ“ и др. Наконецъ упомянемъ о его пе- реводахъ драмъ Шекспира и объ изданіи повѣстей нѣмецкаго народа и повѣстей иностранныхъ.

Въ теченіе 16 лѣтъ изданія „Нивы“, было у насъ помѣщено въ переводахъ много повѣстей и рассказовъ Гейзе, какъ напр.: „Бе- атриса“, „Маркиза“, „Записки больной“, „Нино и Мазо“ и друг.

Искушеніе.

Рассказъ Я. П. Полонскаго.

I.

Все у него было такъ хорошо, даже слишкомъ хо- рошо для недорогой, меблированной комнатки. Лампа сіяла подъ цвѣтнымъ абажуромъ; стеариновые свѣчи, снизу обрамленные хрусталемъ, стройно бѣлѣлись въ двухъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ; на письменномъ столѣ лежали бумаги, прикрытыя счетами, книги помѣщались на этажеркѣ, а за ширмами виднѣлась кровать, покры- тая голубымъ, вязанымъ одѣяломъ, съ бѣлыми разво- дами.

Пріятному впечатлѣнію не мѣшала даже желѣзная, круглая печь, снизу нѣсколько закоптѣлая;—но въ ка- кихъ же меблированныхъ комнатахъ, отдаваемыхъ за 15—17 рублей помѣсячно, не дымятъ печи и не тре- скаются обои? И не гораздо ли лучше, если печи ды- мятъ и все-таки грѣютъ, а обои, хоть и трескаются, но не мокнутъ и не покрываются плѣсенью?

Очевидно, что комната эта не была сыра и холодна,— иначе Валентинъ Петровичъ Аркашинъ никакъ бы не могъ прожить въ ней три года и три мѣсяца. Нанята она въ сентябрѣ 1864 года, а начало моего рассказа относится къ декабрю 1867 г.; стало быть ровно три года и три мѣсяца, какъ Валентинъ Петровичъ оби- таеетъ въ ней и... счастливъ настолько, насколько мо- жетъ быть счастливъ россиянинъ 28 лѣтъ, получающій около 1000 рублей жалованья и наградныхъ въ каче- ствѣ помощника столоначальника.

Въ какой канцеляріи, или въ какомъ департаментѣ служилъ Валентинъ Петровичъ,—я не скажу. Скажу только, что будь у него деньги, или протекція,—онъ бы пошелъ далеко. Ему даже и безъ всякой протекціи, не далѣе, какъ въ прошломъ году, за 6 лѣтъ „безпо- рочной“ службы дали Станислава третейей степени. Еслибы судьба ему улыбнулась и подарила ему 200,000, всѣ увидали бы, какъ онъ уменъ, честенъ и добросо- вѣстенъ. Умъ у него, конечно, не былъ изъ числа высреннихъ, и въ характерѣ его не было ничего осо- беннаго; но онъ отлично понималъ всякое дѣло, кото- рое попадалось ему подъ руку или ему поручалось. Не даромъ иногда въ департаментѣ, пробѣгая глазами на- писанное и подписанное, онъ улыбался: онъ видѣлъ ясно, что бумага эта ничего въ сущности измѣнить, или исправить не можетъ, не оставитъ по себѣ ника- кого слѣда, и все останется по прежнему, или думать: вотъ эту бумажку, изъ за которой мы три ночи не спали, изъ комитета министровъ намъ вернуть назадъ и потребуютъ объясненій... а какія дадимъ мы ему объясненія?—никакихъ данныхъ, никакого резона!.. Но языкъ свой онъ держалъ за зубами, и если улыбался, то улыбка его была скорѣе меланхолическая, чѣмъ ядо- витая и насмѣшливая... Валентинъ Петровичъ былъ да- леко не изъ числа современныхъ людей, желчныхъ, себя- любиво-безпокойныхъ, склонныхъ къ отрицанію. Онъ понималъ не столько жизнь во всемъ ея объемѣ, сколько жизнь ограниченную сферой того министерства, или той сферой, гдѣ былъ онъ, какъ дома. Онъ, можетъ быть, не понималъ Бисмарка, но отлично понималъ началь- ника департамента, секретаря и другихъ политическихъ дѣятелей того времени...

Мысленно анализируя современные идеи и событія, никогда ни съ кѣмъ не дѣлился онъ результатами

думъ своихъ, и это дѣлало честь его такту, такъ какъ онъ понималъ, что до этихъ результатовъ никому ни- какого дѣла нѣтъ. О литературѣ и литераторахъ онъ говорилъ гораздо чаще и откровеннѣе, чѣмъ о своемъ департаментѣ или о политикѣ. Къ иностраннымъ язы- камъ не чувствовалъ никакой склонности и только по изданіямъ Гербеля познакомился съ Байрономъ, Шек- спиromъ и Шиллеромъ и, что всего удивительнѣе, ни разу не пожелалъ быть ни Байрономъ, ни Шекспиromъ, ни Шиллеромъ, а желалъ быть только честнымъ чело- вѣкомъ, да хорошимъ столоначальникомъ, и получать пятьюстами рублей въ годъ ботѣе, чѣмъ получалъ.

У него было два-три дома знакомыхъ, куда онъ хо- дилъ иногда по вечерамъ въ большіе праздники, или въ именины, по приглашенію, и гдѣ игралъ въ пре- ферансъ, или винтиль, если только игра была неболь- шая. Валентинъ Петровичъ не былъ воловитой, ни за кѣмъ не ухаживалъ, и все-таки былъ порядочнымъ сердцеѣдомъ. Барышнямъ въ особенности нравились его большіе задумчивые глаза, продолговатый, тонкій, от- чечаненный носъ, мягкія губы и пушистая, раздвоив- шаяся борода. Не разъ по городской почтѣ получалъ онъ признанія въ безумной любви, и... если случались съ нимъ разныя завидныя приключенія, то не потому, чтобы онъ искалъ ихъ, а просто потому, что избѣжать ихъ никакъ не могъ по добротѣ, или по слабости сво- его характера. Отказать какойнибудь дамѣ въ рандэ-ву— онъ считалъ невѣжествомъ, недостойнымъ порядочнаго кавалера... Къ счастью для него, изъ числа страдаю- щихъ по немъ, неопытныхъ дѣвицъ, не было ни од- ной, которая бы ему нравилась... Но Валентинъ Петро- вичъ, какъ чловѣкъ добрый, былъ далеко чловѣкъ безчувственный: потребность любви жила въ немъ, но не жгла его и не томила. Чаще мечталъ онъ о тихой, семейной жизни, чѣмъ о сладостныхъ часахъ скоройро- ходящихъ восторговъ, смѣняемыхъ тревогой, и какъ во- ровство прикрываемыхъ тайной. Словомъ, во всѣхъ от- ношеніяхъ Валентинъ Петровичъ былъ чловѣкъ, такъ сказать, срединный, умѣренный, или уравновѣшенный: умный, но не мудрецъ, образованный, но не ученый, любящій, но не страстный, дѣятельный, но не обще- ственный дѣятель, такъ какъ въ немъ ни на грошъ не было честолюбія, иногда увлекающійся, но при этомъ *разсудительно-мнительный*, какъ выразился Тургеневъ объ одномъ героѣ своей недоконченной сказочки, не больной, но и не здоровенный, такъ какъ частенько простужался, и его лихорадило. Конечно, въ природѣ нѣтъ абсолютнаго равновѣсія, и колебаться свойственно чловѣческой природѣ, только честность его была не- поколебима, за что, конечно, никто не хвалилъ его, такъ какъ для многихъ изъ числа его современниковъ, честь и глупость были синонимы.

II.

Валентинъ Петровичъ на обѣдъ свой тратилъ около 16 рублей въ мѣсяцъ. Онъ постоянно ходилъ обѣдать въ дешевый ресторанъ и оттуда, не сѣйна, пѣшкомъ возвра- щался домой, на Обуховскій. Лѣтомъ, въ концѣ іюня, или въ іюль, мѣстомъ его любимой прогулки была на- бережная Невы отъ Сенатской пристани до Лѣтняго сада Съ папироской въ зубахъ, шагаль онъ въ пальто

и цилиндрѣ, поглядывая на барки, пароходы и колыхающіеся между ними ялики. Даже походка его, ровные шаги и прямой станъ—выражали характеръ его, прямой и ровный. Иногда онъ садился на пристани, спранивалъ себѣ чаю, или стаканъ пива и, облокотясь на деревянную балюстраду, до заката солнца провожалъ и встрѣчалъ глазами то ѣдущихъ на острова, то причаливающихъ къ пристани. Иногда въ толпѣ мелькали лица знакомыхъ ему сослуживцевъ, но никогда онъ не вскакивалъ съ мѣста и не бросался къ нимъ здороваться, или о чемъ нибудь разспрашивать. Иногда онъ замѣчалъ женское лицо, близко ему знакомое, подъ руку съ другимъ, и... при этомъ легкая краска покрывала его лобъ и щеки, ноздри расширились и глаза презрительно съживались. Ни въ чемъ онъ не раскаявался, но все-таки ему чего то было стыдно и совѣстно... Когда прозрачная, бѣлая ночь начинала сѣрѣть, онъ шелъ домой;—дома опускалъ шторы, зажигалъ свѣчи, садился работать, или принимался за чтеніе новой повѣсти Тургенева, или романа Достоевскаго... Иногда, читая, онъ про себя шепотомъ разговаривалъ: „неужели это правда?“—„Что если бы и былъ на его мѣстѣ?..“—„Ахъ, канальство!—какъ это хорошо, какъ это вѣрно!..“ Затѣмъ, засучивъ рукава ночной рубашки, умывалъ на ночь пыльное лицо, раздѣвался, тушилъ свѣчу и при этомъ или набожно крестился, или иногда про себя философствовалъ, хотѣлъ понять, что такое безграничный Богъ, что такое природа, и есть ли личное бессмертіе,—и ни до чего собственнымъ умомъ не донывавшись, бранилъ себя за бесплодные мысли, читалъ: „Отче нашъ“—и засыпалъ.

Какъ видите, его не тянуло ни на острова, ни на дачи... хотя, встрѣтившись съ нимъ, вы могли бы уговорить его разориться рубля на два, чтобы подышать болѣе свѣжимъ воздухомъ... При этомъ, соглашаясь съ вами, онъ бы непременно улыбнулся и сказалъ бы вамъ: „Знаемъ мы этотъ свѣжій воздухъ! Однажды съ Крестовскаго я привезъ жабу въ горлъ и чуть не умеръ; но... какъ и быть—поѣдемте!“

Однажды, вернувшись съ прогулки домой, около полудни, и веходя къ себѣ наверхъ по чугунной лѣстницѣ, онъ услышалъ за собой шаги, шорохъ женскаго платья и приостановился на площадкѣ, тускло освѣщенной широкимъ окномъ, выходящимъ на улицу. Желтоватый отблескъ зари, казалось, все еще лежалъ на чугунной рѣшеткѣ и никакъ не хотѣлъ разстаться съ мѣднымъ шарикомъ, который украшалъ одинъ изъ ея столбиковъ. Мимо Аркашина прошла женщина вся въ сѣромъ, какъ сѣрая тѣнь, повернула къ нему блѣдное лицо, и онъ увидѣлъ ясно, какъ пристально ему въ глаза заглянули ея свѣтлыя очи. Въ нихъ былъ тотъ же ночной блескъ, который отсвѣчивалъ и на мѣдномъ шарикѣ; но тихій, мечтательный блескъ этого взгляда поразилъ его—показался ему загадочнымъ... Она позвонила въ ту же дверь, гдѣ жилъ Аркашинъ, и Аркашинъ, остановившись за ней, точно замеръ, сталъ ожидать, когда горничная Варвара смилуеться, отопретъ имъ эту дверь и выпуститъ ихъ. Дверь отворилась... Женщина прошла первая и потонула въ сумеркахъ длиннаго корридора.

— Кто такая? спросилъ Аркашинъ.

— Новая жиличка, отвѣчала Варвара, желѣзной цѣпью замыкая кильцовъ, какъ острожниковъ, въ сущности же оберегая ихъ отъ незваныхъ гостей, не признающихъ собственности у людей снящихъ или мирно и сладко отдыхающихъ.

„Гм! новая жиличка! подумалъ Аркашинъ, входя въ свою комнату. Отчего такими испуганными, или удивленными глазами она на меня посмотрѣла? или я похожъ на кого нибудь изъ ея знакомыхъ, и ей показалось, что этотъ знакомый, пробравшись на лѣстницу, ждетъ ее. Встрѣчу другой разъ—погляжу, какая такая...“

На этомъ, разумѣется, и окончились всѣ его мечты. Закуривъ папироску, усѣлся онъ за письменный столъ и, засвѣтивши лампу, принялся писать экстрактъ изъ полученнаго имъ для доклада дѣла. Въ это же лѣто онъ исправлялъ должность отсутствующаго столоначальника и работалъ за двоихъ. Уже разсвѣло, когда онъ легъ и заснулъ. Спящій въ полусвѣтѣ, онъ походилъ на юнаго рыцаря, который, прижавъ къ ранѣ ладонь свою, находится въ забытіи и еле дышетъ, не чувствуя своего поражения, и не слыша трубы, призывающей къ отступленію. Въ это время, какъ на картинѣ можно было любоваться имъ,—такъ онъ былъ живописенъ и такъ много тишины и покоя лежало на лицѣ его съ раздвоившейся темной бородой и длинными рѣсницами.

III.

До сентября онъ всего раза два, или три, встрѣтилъ свою сосѣдку на лѣстницѣ, и всякій разъ она смотрѣла ему въ глаза, и, казалось, глаза эти ему говорили: „остановись и дай мнѣ на тебя полюбоваться!“

Онъ уже разглядѣлъ ее и не нашелъ ее хорошенькой. Лицо ея показалось ему увядшимъ, съ неправильными чертами, но привлекательнымъ и какъ бы загадочнымъ.

Отчего это случается, что лицо женщины, самое простое, кажется загадкой тому, кому суждено полюбить ее, и никому другому такимъ не кажется?..

Была уже поздняя осень, когда, проходя корридоромъ, онъ увидалъ ее въ дверяхъ ея комнаты.

— Валентинъ Петровичъ! сказала она,—если вы идете въ кухню, пожалуйста, попросите Варвару унести самоваръ: онъ падитъ, и я могу угорѣть.

Это было такъ просто сказано, какъ будто они давно были знакомы, и ей нечего церемониться.

Аркашинъ изумился, поглядѣвъ на нее и тотчасъ пошелъ за Варварой, но вдругъ вернулся и сказалъ:

— Если угодно, позвольте я вынесу вашъ самоваръ, и въ кухню самъ снесу его. А вы отворите форточку, а на сквозномъ вѣтру не стойте!..

— Но, вѣдь я могу и сама свести его. Нѣтъ! или позовите Варвару, или я сама его вынесу... Благодарю васъ!

„Гм, гм! Это она не хочетъ, чтобы я вошелъ къ ней,“ подумалъ Аркашинъ, и пошелъ за Варварой.

И этотъ случайный разговоръ нисколько не познакомилъ ихъ. Дѣло въ томъ, что разсудительно мыслительный Аркашинъ боялся съ ней познакомиться.

„Почему она знаетъ мое имя и отчество? что за странность!“ думалъ Аркашинъ.

Никакой странности въ этомъ не было. Вѣдь зналъ же онъ черезъ прислугу, что она по фамиліи Лебедева,—почему же и ей отъ той же прислуги не узнать, что его зовутъ Валентиномъ Петровичемъ.

„Очень странно!“ думалъ Валентинъ Петровичъ, точно и эта встрѣча, и этотъ разговоръ о самоварѣ были для него загадкой.

Само собой разумѣется, что всякая загадка, задаваемая судьбой, требуетъ отгадки, хочетъ, чтобы мы ее отгадали во что бы то ни стало, иначе—пойдутъ безсонныя ночи и начнутъ всякаго рода глупыя фантазіи залзывать въ голову и тамъ плести всякій вздоръ или околесицу.

Разсудительному Валентину Петровичу показалось сначала, что эта жилица одна изъ тѣхъ, которые держатся на бѣломъ свѣтѣ только потому, что какой нибудь пожилой человекъ снабжаетъ карманъ ихъ своими деньгами и, разумѣется, не даромъ.

„Эта Лебедева иногда поздно возвращается домой, думалъ Аркашинъ,—гдѣ ей быть?.. Впрочемъ, не такъ поздно, чтобы танцовать въ клубѣ, или на студенческомъ балѣ!.. Да неужели она еще танцуетъ?“ произнесъ

Во времена римско-галльскихъ войнъ. Съ картины Люмине, гравир. Тришоузъ.

онъ чуть не вслухъ. И всякій могъ бы спросить его: „а какое тебѣ дѣло, танцуетъ она, или не танцуетъ?!“

Разъ вечеромъ, когда онъ пилъ у себя чай и, повидимому, былъ совершенно спокоенъ, онъ вдругъ поднялъ голову и спросилъ Варвару, которая пришла убрать постель его:

— А что, жилищка Лебедева дома?

— А пѣтъ еще, отвѣчала та.

— Бываетъ у ней ктонибудь?

— Не знаю. Мало ли тутъ народу шляется?

— Есть же у ней какіе нибудь родственники; вѣдь она, чай, здѣшняя?

— А не знаю... Вдова говорятъ. Можетъ быть, и есть какіе нибудь родственники. Ходитъ тутъ одна старушка... наведни съ лѣстницы подь руку свела ее... Кто ее знаетъ?

И Варвара, загнувъ одѣяло и расправивъ простыню, отошла отъ кровати, спросила можно ли убрать самоваръ, и, подхвативъ его за уши, удалилась въ свою каморку.

Валентину Петровичу стало досадно, что на этотъ разъ пѣтъ у него подь рукой канцелярскихъ бумагъ, и что нечего дѣлать. Онъ сталъ набивать папиросы и, окончивъ эту процедуру, вдругъ почему то снялъ халатъ, надѣлъ сюртукъ, подошелъ къ двери и сталъ прислушиваться. По лѣстницѣ, которая была въ 7 шагахъ отъ его номера, кто то шагаль, но это были не женскіе — это были мужскіе, тяжелые шаги. Варвара, какъ вихрь, пробѣжала на звонокъ и выпустила отставнаго капитана Кузнечикова, тоже одного изъ жильцовъ.

Аркашинъ выглянулъ въ корридоръ и окликнулъ Варвару.

— Что еще! разсердилась горничная, впрочемъ неизвестно на кого: на Аркашина, или на Кузнечикова, который побеспокоилъ ее.

— Я еще не скоро лягу, проговорилъ Аркашинъ, — коли кто позвонитъ, могу отворить дверь; вы же ложитесь спать и не беспокойтесь.

Варвара на это не сказала ни слова, потушила газовый рожокъ, толкнула въ спину Кузнечикова, который посвистывая отворялъ дверь въ номеръ свой, и убѣжала...

IV.

Когда Аркашину нечего было дѣлать и нечего было читать, онъ дремалъ. Ему хотѣлось спать, но онъ настойчиво ожидалъ Лебедеву. Облокотясь на столъ и опустивъ рѣсницы, онъ никакъ не могъ вообразить себѣ лица ея. Оно безпрестанно, какъ бы колыхаясь въ подвижномъ туманѣ, теряло свои очертанія. Изъ этого тумана сіяли одни глаза и эти глаза были, дѣйствительно, — ея глаза, и въ этихъ глазахъ была душа ея, т. е. — тайна...

„Пфу!“ говорилъ про себя Аркашинъ, и онъ бы непременно легъ спать, еслибы не помнилъ обѣщанія, даннаго Варварѣ.

„Вѣдь если я познакомлюсь съ ней, вѣдь я и самъ увижу, что она вовсе не хороша, самое обыкновенное, простое лицо... только глаза не дурны... это надо отдать имъ справедливость, очень не дурны, такіе ласковые... вкрадчиво проникательные...“ бормоталъ онъ про себя, чувствуя ежeminутно, что онъ сейчасъ заснетъ и ничего не услышитъ.

„Всего только второй часъ почи!.. Вѣдь еще не очень поздно! что же значить, что я совсѣмъ сплю... а свѣча догораетъ... Чу! никакъ мятель востъ... или это тельги бдутъ...“

Вдругъ, въ корридорѣ что то звякнуло. Онъ всталъ, взялъ свѣчу и вышелъ въ корридоръ. Опять зазвонилъ колокольчикъ. Онъ отворилъ дверь на лѣстницу и освѣтилъ, закутанное въ шерстяной, вязаный платокъ, лицо молодой женщины.

Это была она.

— Отчего вы не спите? спросила она, входя въ ту часть корридора, гдѣ по утрамъ вакаси сапоги, чистили платье и гдѣ стояла вѣшалка.

— Да, не спится... и не работается.

— А я заработалась... веселымъ голосомъ заговорила Лебедева. У Катерины Ивановны завтра маленькая дочка именинница, и я помогала ей дошивать новое платье.

— Дошили? спросилъ онъ, точно зная, кто такая Катерина Ивановна.

— Кончили, слава Богу... только зачѣмъ же вы не спите?

— Сказать по правдѣ, далъ слово горничной отворить дверь, когда вы вернетесь.

Но Варвара, какъ бы на зло ему, проснулась и, продирая глаза, босая, шла уже по корридору, накинувши на себя пѣчто въ родѣ кацавейки. Увидавши, что баринъ изъ втораго номера стоитъ со свѣчей и запираетъ дверь, а жилищка разматываетъ голову, она постояла, что то проворчала... и ушла.

— Я думалъ, что вы въ театрѣ, или въ клубѣ танцуете.

— Давно ужъ не была я въ театрѣ, а въ клубѣ ѣздила съ покойнымъ мужемъ, когда молода была. Онъ игралъ въ карты, а я плясала. Но, прощайте, спасибо вамъ!

— А когда же мы съ вами познакомимся?

— А развѣ мы съ вами не знакомы? Не встрѣчаемся только потому, что оба заняты. Вамъ не до меня, а у меня работа. Заходите когда нибудь, вы мнѣ не помѣшаете.

— А если вамъ будетъ неприятно?

— Какая же тутъ можетъ быть неприятность? удивилась она, какъ бы раздумывая, или не довѣряя ушамъ своимъ.

Въ голосѣ ея послышалась иная нота, болѣе пѣвучая и сладкая, чѣмъ обыкновенно.

— Но пора спать — прощайте!

Улыбаясь, онъ поднялъ свѣчу и сталъ освѣщать ей дорогу до тѣхъ поръ, пока не щелкнулъ замокъ подь ключемъ въ ея комнату.

Совершенно чѣмъ то довольный и счастливый, Аркашинъ легъ спать.

„А все же она не подала мнѣ руки... и подѣломъ! думалъ онъ, засыная: она работала, а я... чортъ знаетъ, что приходило мнѣ въ голову!! Подѣломъ мнѣ, подѣломъ!“

V.

Аркашинъ вовсе не былъ букой, да и не могъ имъ быть, такъ какъ былъ когда то очень красивымъ мальчуганомъ, и съ 18 лѣтъ, не успѣлъ легкой пушокъ пробиться надъ губой его, былъ уже любимцемъ дамъ. Но это его несколько не избаловало, не сдѣлало его ни ловеласомъ, ни искателемъ приключеній. Не было въ немъ ни той юркой назойливости, которая выводитъ въ люди, ни той предумышленной предупредительности, которая дурачитъ умныхъ. Когда то, по выходѣ изъ ** училища, онъ жилъ на квартирѣ у своей тетюшки, полковницы Анцыперовой, Прасковьи Степановны, женщины хотя и не свѣтской, въ полномъ смыслѣ этого слова, но все-таки въ высшей степени сообщительной и обаятельной. У Анцыперовой была небольшая усадьба и около 600 десятинъ лѣсу и нахатной земли въ Новгородской губерніи. Весь уѣздъ звалъ ее... и она чуть не каждое лѣто пускалась странствовать по сосѣдямъ: у бѣдныхъ помѣщиковъ крестила дѣтей, у богатыхъ заживалась по цѣлымъ педѣлямъ, и всѣ были ею довольны. Она же умѣла казаться женщиной съ большими связями, и для нуждающихся въ протекціи — дамой хоть и не всегда приятной, но зато полезной во всѣхъ отношеніяхъ.

Нечего и говорить, что Аркашина она и опредѣлила на службу. Это было въ тотъ самый годъ, когда университетъ, куда онъ стремился, и куда готовился, оказался неблагонадежнымъ съ точки зрѣнія Прасковьи Степановны.

— Поступай на службу, говорила она своему племяннику, — очень тебѣ нуженъ твой университетъ! Я тебѣ по пальцамъ перечту такихъ людей, которые и не нюхали никакихъ лекцій. Очень нужно! Помни, за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ, и нечего тебѣ больше знать... Глупости, глупости!

Аркашинъ не блисталъ никакими особенными способностями, не мучился никакой мировой скорбью. Читалъ и размышлялъ было его потребностью, но знать все, что доступно человѣческому уму, казалось ему свыше силъ его. Ему не давались языки, въ особенности древнiе, и онъ поступилъ на службу въ качествѣ канцелярскаго служителя и принялся за переписку; а тамъ, у него открылись другія способности, пониманiе дѣлъ и сообразительность, что и придадо ему нѣкоторый вѣсъ между сослуживцами.

Однажды, въ началѣ iюня, по обыкновенiю, собираясь въ походъ на деревенскихъ сосѣдей, тетушка рассчиталась съ прислугой (такъ какъ даже честнѣйшая Матрена, — кухарка, ея любимица, которая десять лѣтъ служила ей, оказалась воровкой), поручила свою квартиру швейцару, а Валешѣ, или Валентину посоветовала перебраться въ меблированныя комнаты — и зажить самостоятельно.

— Ибо, что ни говори, другъ мой любезный, урезонивала она племянника, — я тебя стѣсняю. И не возражай! чувствую, что стѣсняю. Ты — молодой человекъ, а я — старая, ворчливая, капризная женщина... Пожалуйста, не возражай! я капризная, и буду еще капризнѣе, потому что жизнь становится дорога и люди стали такая дрянь, такая мелюзга, что не дай Господи!

Аркашинъ нанялъ меблированную комнату и зажилъ въ ней.

„Давно бы мнѣ слѣдовало такъ поступить, думалъ онъ, — давно бы слѣдовало, такъ какъ въ сущности не она меня стѣсняла, а я ее. Ей самой нужна лишняя комната для прѣзжающихъ изъ провинци... Пока я былъ предметомъ ея заботливости, я былъ ей нуженъ; но не вѣчно же ей обо мнѣ заботиться! я, слава Богу, не маленькiй!“

VI.

Много чего то женственнаго заключалось въ характерѣ Аркашина. Къ счастью для него, причудливыя вѣтрянницы, удостоивавшия его своего вниманiя, сегодня влюблялись въ него, а завтра зѣвали съ нимъ. Онъ былъ не достаточно уменъ для нихъ, иначе сказать, незанимательнъ. Сердце его еще было нетронуто, какъ уже здоровье расшатано. Но разсудительно-мнительный Валентинъ Петровичъ не только сталъ казаться человѣкомъ солиднымъ, онъ въ самомъ дѣлѣ сталъ солиденъ до такой степени, что тетушка дала ему слово женить его.

— А что же, тетушка, шути иногда говорилъ онъ ей, когда заходилъ къ ней по праздникамъ, — когда же вы меня жените?

— Погоди, погоди, другъ любезный, погоди! я и о тебѣ думаю... я вѣдь не глупа, знаю, какая нужна тебѣ, чтобы ты порядочнымъ человѣкомъ сталъ...

Подъ словомъ „порядочный человекъ“, тетушка несомнѣнно разумѣла „богатый, чиновный, влиятельный“.

— Ну хорошо, подождемъ, говорилъ, улыбаясь, добродушный Валентинъ Петровичъ.

Онъ, конечно, не вѣрилъ, чтобы тетушка когданибудь могла женить его.

„Какая, чортъ возьми, состоятельная или богатая, пойдетъ за меня, думалъ Аркашинъ, — а она все только

и вертится между генералами да богачами. Жениться, это я еще понимаю, — но какъ это дать себя женить! Это нелѣпость!.. Этого я даже не понимаю.“

Разсудительный человекъ былъ нашъ Валентинъ Петровичъ, часто бывалъ не въ духѣ... часто грустилъ, но скучать у него не было времени...

И знакомясь съ Марьей Ильинишной, онъ вовсе не думалъ о женитьбѣ, не подозревалъ даже, что истинныя страсти мгновенны и безпричинны, и что уже первая его встрѣча съ этой женщиной заронила въ душу его (какъ бы въ почву, для любви давно готовую) одно едва замѣтное сѣмя страсти. Это нѣсколько его безпокоило, но... „что за нелѣпость! думалъ онъ, — влюбиться въ женщину, да еще, Богъ ее знаетъ, какую, даже не красавицу! Но почему же не поволочиться, почему не разсѣяться?“

Словомъ, Аркашинъ былъ въ игривомъ настроенiи мыслей, когда подходилъ къ двери подъ № 7, гдѣ жила Марья Ильинишна. Но... вдругъ онъ чего то струсилъ, и покраснѣлъ какъ школьникъ, когда, постучавшись къ ней въ дверь, услышалъ ея голосъ: „войдите!“

Онъ засталъ Лебедеву за шитьемъ, у окна. Она только что додѣлала женскую шляпку, самую въ то время модную. Материаль, изъ котораго она была состригана, беспорядочной, пестрой кучей, вмѣстѣ съ пожитками, лежалъ передъ ней на столикѣ.

Шляпка, которую Марья Ильинишна повертывала у себя на рукахъ, была, такъ сказать, художественное произведенiе, походила на прелестную, никѣмъ еще невиданную раковину, стѣсненную изъ бархата, блондъ, лентъ и цвѣтовъ. Она была такъ легка и изящна, что Валентинъ Петровичъ пришелъ отъ нея въ восторгъ и удивленiе. Я даже думаю, что та барыня, для которой шляпка эта была заказана, не была въ такомъ восторгѣ, когда украсила ею свой шиньонъ и глядѣлась въ зеркало. Дамы любятъ восхищаться, но не восхищаться, особливо, вынужденныя платить по магазинному счету, никогда не восхищаются.

— И много вы зарабатываете? спросилъ Аркашинъ.

Марья Ильинишна поглядѣла на потолокъ, на него поглядѣла, подумала и сказала, что она и сама не знаетъ, много ли... Иногда достаточно, иногда плохо... магазины платятъ дешево, а съ знакомыхъ какъ то совѣстно брать, и что если она работаетъ, то потому только, что это доставляетъ ей большое удовольствiе.

— Отчего же вы сами такъ не наряжаетесь? спросилъ Аркашинъ.

Лебедева на это ничего не отвѣтила, только пожалала плечами и подумала; подумавши, она опять заговорила.

— Мой мужъ, царство ему небесное, заставлялъ меня надѣвать самое лучшее мое платье, когда тащилъ меня въ клубъ, или въ гости. Въ клубѣ я все-таки была бѣднѣе всѣхъ одѣта, и это нисколько меня не огорчало, потому что я никому не желала нравиться.

— Даже мужу?

— Мужу было не до меня: онъ любилъ карты и свою собственную компанiю. Разъ я помню... это было на святкахъ — всѣ уже развѣзжались; я пошла искать его, заблудилась и зашла въ какую то комнату, гдѣ кто то спалъ, сидя на стулѣ, съ разинутымъ ртомъ. Я такъ испугалась, что пообѣжала назадъ безъ оглядки. Оказалось, мужъ мой игралъ не въ общей картежной комнатѣ, а гдѣ то наверху. Я велѣла позвать его, а онъ велѣлъ сказать, чтобы я ѣхала домой одна. Но, только что я вышла на улицу, не успѣла найти извозчика... какъ пристали ко мнѣ двое какихъ-то (одинъ военный, другой статскiй). Вѣрите ли, въ какомъ испугѣ я доѣхала до дому? За мной гнались до самаго нашего подъѣзда, и... даже, когда вбѣжала я на лестницу, они въ потемкахъ, оцупью карабкались за мной... Меня, слава Богу, выручила кухарка. Я, что есть силы, стала звонить, она вышла со свѣчей встрѣчать меня и

закричала на всю лестницу благим матомъ, такъ что у сосѣдей собаки залаяли. Тогда я была труслива... да и теперь еще не могу похвалиться храбростью... Впрочемъ, чему не научить нужда?—всему, чему хотите: и дурному, и хорошему!

Валентинъ Петровичъ былъ очень доволенъ, что зашелъ къ Марьѣ Ильинишнѣ. Все, что она говорила, казалось ему такъ просто, такъ хорошо и такъ мило. Онъ бесѣдовалъ съ нею до тѣхъ поръ, пока профиль ея на фонѣ потускнѣвшаго окна не превратился въ темный силуэтъ, и она не бросила своей работы, вздохнувъ, что такъ скоро наступили сумерки.

— Когда же вы опять? спросила она Валентина Петровича, прежде чѣмъ встала, чтобы проводить его.

— Когда позовете?

— Да ну хоть завтра... когда хотите!

— А завтра все утро, до обѣда, я буду на службѣ.

— Что вы, перекреститесь! какая завтра служба? 21 ноября, праздникъ Введения во храмъ.

Аркашинъ припомнилъ, что, дѣйствительно, завтра какъ будто праздникъ, но сказалъ, что не хочетъ ей надоѣдать.

— Буду часто къ вамъ заходить—надоѣмъ.

— А вы попробуйте надоѣсть, можетъ быть, и не надоѣдите.

— Не „можетъ быть“, а навѣрное надоѣмъ. Прощайте!

И Аркашинъ, точно какая то теплая волна вынесла его въ корридоръ и внесла въ его комнату, былъ совершенно счастливъ и доволенъ судьбой своей. Ему казалось, что еще отъ роду онъ ни гдѣ ни съ кѣмъ такъ тепло не бесѣдовалъ. Онъ нашелъ, что Марья Ильинишна очень тонкая женщина и такъ мила, что надо быть осторожнѣе.

VII.

Недѣли черезъ двѣ, казалось имъ, что они уже давно знакомы—давнымъ-давно. На его вопросъ: „Вы не кокетка?“ она сказала: „Да мнѣ самой кажется, что съ вами я кокетничаю“. А когда онъ схитрилъ и сказалъ, что онъ этого не замѣчаетъ, то и она схитрила, сказала, что еслибы онъ былъ не такъ разсѣянъ, то непременно бы замѣтилъ.

Разъ засталъ онъ у ней старушку, сморщенную и полуглухую, улыбающуюся, и въ то же время на все и всѣхъ вопросительно поглядывающую, точно ей, Богъ знаетъ, что лѣзетъ въ голову, и ей хочется знать, дѣйствительно ли то, что ей лѣзетъ въ голову, похоже на правду, или же ей мерещится. Старушка эта, въ салопчикѣ и съ мѣшечкомъ, оказалась матерью Марьи Ильинишны.

Она жила во вдовьемъ домѣ и очень рѣдко навѣщала дочь свою. Отецъ Марьи Ильинишны былъ изъ простихъ. Онъ былъ управляющимъ при домѣ купца Е.; говорить, втайнѣ принадлежалъ къ расколу, но дочь свою посылалъ учиться въ гимназію. Марья Ильинишна была уже въ шестомъ классѣ, когда отецъ ея умеръ. Ей было всего только 17 лѣтъ, когда она вышла замужъ за казначея Т—ой конторы. Когда то, во времена Каратыгина, казначей этотъ былъ актеромъ и исполнялъ на александринской сценѣ роли лакеевъ. Вышла она не по любви, а для того только, чтобы освободить мать свою: такъ какъ ни въ какую богадѣльню, ни въ какой вдовой домъ ее бы не приняли со взрослою дочерью. Что за личность былъ ея покойный мужъ, Аркашинъ уже могъ имѣть понятіе изъ небольшого, вышеприведеннаго разсказа Марьи Ильинишны, и удивился, какъ при такомъ мужѣ она не свихнулась, не закутила и пр. и пр.

Марья Ильинишна уже вдовствовала слишкомъ два года, и Аркашинъ, при всемъ своемъ добродушіи, скептически относился къ двумъ годамъ вдовства одинокой, бѣдной, молодой женщины. Онъ не вѣрилъ, чтобы у нея не

было когонибудь, кто бы поддерживалъ ее своими средствами. Онъ не вѣрилъ, чтобы въ 25 лѣтъ, хорошенькая женщина въ Петербургѣ сумѣла сберечь себя, и ни разу не выйти изъ границъ благоразумія. „Вѣдь не мнѣ же первому она правится!“ думалъ Аркашинъ; но всѣ эти мысли ни къ чему не вели; все больше и больше всей душой прилѣплялся онъ къ этой труженицѣ, которая постоянно была въ хорошемъ настроеніи духа, и никогда ни на что не жаловалась.

Долго не хотѣлъ онъ, чтобы она набивала ему его паширосы, долго не соглашался, чтобы она починила ему бѣлье его и надвизывала шерстяные чулки; но вдругъ на все согласился, съ единственной цѣлью—наканунѣ Рождества отблагодарить ее какимънибудь подаркомъ. Больше всего правилось Аркашину то, что Марья Ильинишна была очень религіозна, глубоко вѣрила въ загробную жизнь, даже сама собственными глазами своими видѣла, какъ одна изъ покойныхъ подружекъ ея, ночью, не отворяя дверей, вошла къ ней въ комнату и сказала „Маня, приходи ко мнѣ на панихиду. Меня забыли“.

VIII.

Передъ праздниками Валентинъ Петровичъ получилъ пособіе, т. е. около полутора ста рублей депозитками, положилъ въ свой бумажникъ и почувствовалъ себя богачемъ. Такъ иногда голодный чувствуетъ, что онъ совершенно счастливъ потому, что ему дали перекусить...

Наканунѣ Рождества, выходя, онъ встрѣтился на лестницѣ съ Марьей Ильинишной. Она была въ своей бѣличей шубкѣ и все въ томъ же атласномъ капорѣ, въ которомъ лицо ея казалось еще бѣлѣе, глаза еще голубѣе, улыбка еще розовѣе.

— Вы куда? спросила она Аркашина.

— А въ гостиный, по лавкамъ и магазинамъ...

— И я туда же.

— Значить, по дорогѣ...

— Пойдемте вмѣстѣ. Да не надо ли вамъ денегъ? возьмите у меня займы.

— Не надо. Но пойдете вмѣстѣ пошляться, авось не соскучитесь.

Они сошли на тротуаръ и, пробираясь между возами съ замороженной живностью и толпой народа, въ сапжахъ отправились въ гостиный дворъ.

Ничего нѣтъ скучнѣе, какъ сопровождать барынь, кто бы онѣ ни были, по магазинамъ и лавкамъ, туно глядѣть и слушать, какъ онѣ выбираютъ вещи, какъ онѣ бракують ихъ, какъ торгуются, упрашиваютъ уступить имъ, лгутъ, что онѣ точно то же самое покупали гораздо дешевле, и ждать, скоро ли онѣ чтонибудь купятъ. Я никогда не могъ равнодушно выносить этой медленной пытки, зѣвалъ на всю лавку и проклиналъ судьбу свою.

Но Аркашинъ никогда еще никого не сопровождалъ по гостиному двору, былъ очень доволенъ толкотней, тѣснотой покупателей и покупательницъ. Въ этой тѣснотѣ, подъ предлогомъ согрѣванія озябшихъ ручекъ Марьи Ильинишны, онъ могъ иногда жать и мять ихъ и онццать, какъ мягкая теплота ихъ сообщается его, дѣйствительно, похолодѣвшимъ и жесткимъ пальцамъ. Она не отнимала отъ него руки своей, какъ предметъ, на этотъ разъ, ей совершенно ненужный, или такой, на который не стоитъ обращать никакого вниманія, и терпѣливо ждала своей очереди подойти къ осажденному прилавку, и просить прикащикова — измученныхъ, но все еще приторно любезныхъ, — показать ей то, что ей нужно. Моги ли скучать Аркашинъ, соображая что бы такое и ему купить для Марьи Ильинишны (вопросъ первостепенной важности!): портмоне, колечко, брошку или какуюнибудь косынку, или рукавички? Какъ знать, что ей будетъ приятнѣе? и какъ такъ купить, чтобы она не замѣтила?

Весна. Ориг. рис. И. Шапова, гравир. Голевинский.

А что, если она не захочет принять отъ него? почему онъ знаетъ?

Марья Ильинишна, послѣ долгихъ блужданій по лавкамъ, передала, наконецъ, всѣ свои покупки ему на руки и сказала: „мамаша будетъ очень довольна мѣховымъ воротникомъ.“

— А эти игрушки для кого? спросилъ Аркашинъ, у котораго на рукахъ очутилась какая-то кукла и какіе-то изъ картона сдѣланные домики.

— А я это для дѣтей Катерины Ивановны.

Кто такая Катерина Ивановна—Аркашинъ не спрашивалъ.

Съ 6 до 9 часовъ вечера бродили они вдвоемъ мимо зеркальныхъ стеколъ, ярко освѣщенныхъ витринъ, сверкающихъ позолотой, фарфоромъ, зеркалами и бархатомъ, дорогими коврами съ наляпанными на нихъ яркими цвѣтами, тяжелыми тканями и легкими, какъ пухъ,

воздушными кружевами. Въ особенности выставленные женскія шляпки обращали на себя вниманіе Марьи Ильинишны. Но всякому благополучію бызаетъ конецъ,—и они поѣхали къ себѣ домой въ номера.

Аркашинъ хоть и сообразилъ, что лавки и магазины, по случаю завтрашняго праздника, будутъ отворены до полночи, и все таки усилъ какъ-то купить коробку съ изящнымъ женскимъ галстучкомъ, протканнымъ золотыми узорами, да съ полдюжины воротничковъ и рукавичковъ, полотняныхъ, лоснящихся, какъ слоновою кость, и самыхъ модныхъ, только что полученныхъ не то изъ Парижа, не то съ Большой Морской.

Очугившись у себя въ корридорѣ, онъ сказалъ Марьѣ Ильинишнѣ: „сейчасъ я все это принесу къ вамъ,—вотъ только сниму калоши и шубу да на минуту найду къ себѣ въ комнату.“

— Снимайте шубу и приходите!

До слѣд. №).

Тайна съ переодѣваньемъ.

Разказъ Оттле.

Натали Оттевилль было двадцать два года. Это одна изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ; брющетка очаровательная. Черные большіе глаза ея имѣли какую-то особенную прелесть. Она обладала живостью итальянки, страстностью испанки и граціею француженки. Такимъ образомъ въ ней сосредоточивалось все, что только можетъ нравиться. Уже три года какъ она овдовѣла.

Выходя восемнадцати лѣтъ замужъ, за человѣка втрое старше ея, Натали, еще ребенокъ, думала только о нарядахъ, о свадебныхъ подаркахъ и т. п. вещахъ, доставляемыхъ брачною жизнью. Богатство ея мужа позволяло ему дѣлать всевозможные подарки и удовольствія жепѣ. Такимъ образомъ прошелъ годъ какъ вдругъ непродолжительная болѣзнь мужа... и Натали овдовѣла. Она не долго оплакивала потерю своего друга и покровителя. Въѣ въ восемнадцать лѣтъ всякое горе мимолетно! Душа еще молода и постоянно жаждетъ испытать новыя чувства. Средства, которыми она располагала, позволяли ей посѣщать лучшее общество.

Не ошибаясь, можно было сказать, что ея присутствіе сдѣлалось необходимымъ на различныхъ вечерахъ и балахъ; но выѣзжать женцинѣ одной, особенно такой молодой и хорошенькой, какъ г-жа Оттевилль, было бы найдено неприличнымъ. Необходимо было имѣть при себѣ спутника. Поэтому она предложила своему дядѣ г-ну Аблейкуръ переселиться къ ней. Дядя ея былъ старый холостякъ и человѣкъ эгоистичный, но обладалъ хорошими манерами и считался за человѣка образованнаго. У него вездѣ на первомъ планѣ былъ собственный интересъ. Исполняя свое собственное желаніе, онъ любилъ дѣлать видъ будто бы жертвуетъ собою на пользу другихъ.

Въ довершеніе всего онъ любилъ комфортъ, который доставляется богатствомъ. Таковъ былъ г. Аблейкуръ, согласившійся поселиться у своей племянницы на томъ простомъ основаніи, что она съумѣетъ окружить его своими заботами.

Онъ охотно выѣзжалъ съ племянницею на вечера отчасти и оттого, что самъ до нихъ былъ большой любитель. Но какъ только получалось приглашеніе на такой вечеръ, гдѣ онъ не надѣялся провести весело время, то начиналъ всяческими манерами уговаривать Натали не ѣхать, обыкновенно говоря такъ:

— И боюсь, что ты проскучаешь на этомъ вечерѣ. Ты не бвидишь изящныхъ туалетовъ. Будутъ только играть. Что касается меня, то ты можешь быть вполне увѣрена, что я готовъ исполнить всѣ твои прихоти, хотя я все-таки очень боюсь, что ты можешь умереть со скуки.

Подобными доводами ему удавалось убѣждать Натали, которая обыкновенно отвѣчала:

— Вы совершенно правы: мнѣ кажется самой, что лучше остаться дома.

Такъ было во всемъ. Дядя ея любилъ хорошо поѣсть и не былъ доволенъ кухаркой. Не разъ онъ говорилъ племянницѣ:

— Ты знаешь, мой милый другъ, что я вовсе не лакомка. Я не обращаю никакого вниманія на сервировку стола и на то, что подаютъ. Но согласись съ тѣмъ, что твоя кухарка готовитъ очень грязно. Это вредно для тебя и наконецъ неприлично когда бывають у тебя гости. Помнишь, недавно, какъ она подала соусъ изъ шпината? Въѣ есть люди, которые обращаютъ вниманіе на всякую бездѣлицу и будутъ потомъ говорить про тебя, что ты не умѣла устроиться. Все это само по себѣ пустяки, но они могутъ тебѣ сильно повредить.

— Это вѣрно, дядюшка, но какъ мнѣ быть? Откуда я достану хорошаго повара?

— Ты хорошо знаешь, моя милая, что для меня не составитъ большаго труда похлопотать насчетъ этого. Чтобъ сдѣлать тебѣ удовольствіе—я готовъ на все.

— О дядюшка! Вы не можете себѣ представить, какъ я сча-

стлива имѣть васъ при себѣ. Вы избавляете меня отъ множества неприятностей, которыя такъ часто встрѣчаются въ жизни.

— Будь увѣрена, что я за всѣмъ присмотрю.

Натали горячо обняла своего дядю. Кухарку тотчасъ же отослали, а на ея мѣсто явился превосходный поваръ, въ совершенствѣ готовившій всевозможныя сладости, до которыхъ милый дядя былъ большой охотникъ. Въ другой разъ дѣло касалось сада. Дядя находилъ необходимымъ срубить нѣкоторые деревья, которые росли противъ его окна, въ виду того, что ихъ тѣнь вызывала сырость, весьма вредную для здоровья Натали. Или же нужно было изящную коляску замѣнить ландо, въ которомъ молодая женщина должна была себя чувствовать гораздо лучше. Вотъ тѣ способы, при помощи которыхъ дядя старался себѣ приобрести расположеніе племянницы.

Натали была кокетка, привыкшая плѣнять всѣхъ своимъ взглядомъ и обращеніемъ. Она обыкновенно смѣясь высушшила всѣ объясненія и направляла всѣхъ искателей ея руки къ дядѣ, говоря:

— Прежде чѣмъ васъ обнадежить, я хочу знать понравится-ли вы моему дядѣ.

Конечно Натали отвѣтила бы иначе, еслибъ ей сердце кое-что подсказало. Но такъ какъ ея сердце еще молчало, то она и находила гораздо пріятнѣе нравиться другимъ и сохранять свою свободу. Съ своей стороны дядя, хозяйничая у нея, не желалъ, чтобы она выходила замужъ. Очень возможно, что мужъ ея не подчинился бы его вліянію и вмѣстѣ съ этимъ и Натали вышла бы у него изъ повиновенія. Вотъ почему въ каждомъ претендентѣ на руку племянницы дядя находилъ постоянно какой нибудь недостатокъ. Этотъ черзчуръ строгъ и сурьезенъ для Натали; другой увлекался игрою и могъ въ одинъ прекрасный день выкинуть какое нибудь сумасбродство; третій былъ любителемъ разнаго рода похощеній и по всему вѣроятію не вполне еще исправился. Однимъ словомъ, дядя весьма искусно отклонялъ всѣ предложенія, выставляя всегда на видъ свой долгъ сдѣлать племянницу счастливою.

Кромѣ вышесказаннаго, милый дядя питалъ страсть къ игрѣ въ трикъ-тракъ. Эта игра ему нравилась болѣе всѣхъ остальныхъ. Онъ готовъ былъ за нею проводить все свое время. Но, къ сожалѣнію, эта игра мало известна; прекрасный полъ терпѣть не можетъ шумъ, производимый ею; молодежь же предпочитаетъ различныя азартныя игры. Вслѣдствіе этого ему рѣдко приходилось встрѣчать партнера. Но разъ встрѣчался подобный, то дядюшка ухъ безъ церемоній не отпускалъ его отъ себя, заставляя сыграть съ нимъ нескончаемое число партій. Такіе случаи бывали очень рѣдки, такъ что г. Аблейкуръ зачастую тяжело вздыхалъ по партнерѣ. Натали подмѣтила эту грусть и, чтобы сдѣлать удовольствіе старику, просила его научить ее играть. По такой живой натурѣ рѣшительно не давалась игра. У нея не хватало терпѣнія и вниманія. Она плохо играла и постоянно ошибалась. Въ концѣ концовъ она рѣшительно отказалась когда бы то ни было выучиться играть. Дядя очень сожалѣлъ, но не хотѣлъ ей дѣлать неприятное, заставляя ее играть.

Въ такомъ положеніи находились дѣла. Однажды Натали, роскошно одѣтая и обаятельная болѣе чѣмъ когда нибудь, находилась на одномъ вечерѣ, гдѣ между приглашенными находился и капитанъ Апремонъ, молодой еще человѣкъ, хотя уже достигшій на коронной службѣ званія командира и репутаціи хорошаго моряка. Онъ чувствовалъ уже необходимость отдохнуть послѣ пятнадцатилѣтней скитальческой жизни по морьямъ. Какъ средство для отдыха, ему совѣтовали жениться. По на эти предложенія онъ обыкновенно отвѣчалъ смѣхомъ. До тѣхъ

порь капитанъ избѣгалъ женскаго общества, а на ухаживанія и на любовныя интриги смотрѣлъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, какъ на запятіе недостойное нестаго моряка. Но при видѣ Натали, граціозно танцующей, онъ незамѣтнымъ для себя образомъ перенелъ въ ту среду, о которой такъ недавно еще отзывался съ презрѣніемъ. Измѣнивъ своимъ традиціямъ, онъ только и думалъ о томъ, какъ бы познакомиться съ Натали.

— Кто эта дама? спросилъ онъ стоявшаго около кавалера.

— Это г-жа Оттевилль... Молодая вдова... Она вамъ нравится, капитанъ?

— Даже очень. Я-бы даже не прочь съ ней познакомиться.

— Это не трудно. Стоить ее только пригласить танцовать.

— Но я танцовать не умѣю.

И капитанъ можетъ быть въ первый разъ пожалѣлъ, что пренебрегалъ этимъ искусствомъ. Онъ вертѣлся кругомъ да около, стараясь обратить на себя вниманіе Натали. Но каждый разъ какъ онъ собирался съ духомъ обратиться къ ней съ комплиментомъ, какойнибудь кавалеръ, какъ бы предугадывая его намѣренія, подходилъ къ ней и уносился въ вихрь вальса. Эти неудачи сильно бѣсили капитана. Ему такимъ образомъ приходилось только издали восхищаться красавицей и онъ ни минуты не спускалъ съ нея глазъ.

Натали неприминула замѣтить неудачные маневры капитана, которые ей казались тѣмъ болѣе забавными, что она знала репутацію его, такъ какъ про него говорили, что онъ не отличается особенною любезностью къ прекрасному полу и что впродолженіи всей своей жизни не сказалъ ни одного комплимента. И Натали находила крайне любопытнымъ посмотрѣть какъ капитанъ приметъ за свою первую любовную интригу. Между тѣмъ капитанъ началъ усердно посѣщать общество, въ которомъ онъ надѣялся встрѣтиться съ Натали, старая желаніемъ съ ней познакомиться. Эти энергическія дѣйствія вскорѣ увѣнчались заслуженнымъ успѣхомъ. Знакомые капитана увидѣли какъ онъ разыгрался въ комплиментахъ предъ Натали, не усугубля въ этомъ отношеніи и самому пылкому юности.

Нашлись какъ и всегда друзья, которые предостерегали его противъ новаго знакомства: чувства капитана, неопытнаго въ этихъ дѣлахъ, были вскорѣ замѣчены окружающими.

— Не совѣтуемъ вамъ слишкомъ увлекаться, говорили они, такъ какъ г-жа Оттевилль пользуется репутаціей кокетки, которая привыкла забавляться чувствами обожателей.

Не было недостатка въ такихъ же совѣтищахъ и около Натали. Ей говорили:

— Этотъ капитанъ—оригинальная личность, морской волкъ, имбюишъ все тѣ грубыя привычки, которыми отличаются моряки. Онъ человѣкъ сердитый и вельничивый; постоянно курить трубку и не прочь украшать свою рѣчь такъ называемыми кружками словами. Вамъ никогда не отучить его отъ этихъ мерзкихъ привычекъ.

Все эти добрые совѣты однако не мѣшали имъ быть въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Морякъ и кокетка сошлись вполне и были крайне довольны, когда случай сталкивалъ ихъ въ посѣщаемомъ ими обществѣ. Когда Апремонъ слишкомъ увлекался и собирался употребить слишкомъ морское выраженіе, Натали во время останавливала его взглядомъ, и сконфуженный капитанъ нѣкоторое время не смѣлъ взглянуть даже въ лицо своей собесѣдницы—до такой степени онъ страшился на немъ встрѣтить выраженіе строгости. Вотъ какъ любовь измѣнила капитана, дотогѣ незнакомаго съ болзнію.

Слухи о новомъ поклонникѣ Натали вскорѣ дошли и до ея дяди. Этотъ послѣдній, первое время не обращалъ на это большаго вниманія, такъ какъ Натали довольно быстро мѣняла своихъ поклонниковъ. Однако ему вскорѣ пришлось переимѣнить мнѣніе и когда Натали объявила ему, что она пригласила капитана бывать у нихъ, это его даже раздражило.

— Ты нехорошо сдѣлала, Натали, сказалъ онъ. Надо было посоветоваться со мною. Говорить, что капитанъ человѣкъ характера грубаго и вельничиваго. Я его нѣсколько разъ видѣлъ съ тобою, но онъ даже никогда не позаботился осведомиться о моемъ здоровьи. Вообще онъ крайне невѣжливъ. Понитно, я говорю только въ твоихъ интересахъ. Но ты поступила необдуманно.

Огорченная этимъ отвѣтомъ, она уже хотѣла отказать капитану, но видя, что дядя не слишкомъ настаиваетъ на своемъ мнѣніи, рѣшилась на этотъ разъ сдѣлать по своему.

Въ послѣдующемъ читатель увидитъ какъ иногда маленькія причины порождаютъ великія послѣдствія. Наше счастье зачастую зависитъ отъ самыхъ пустыхъ обстоятельствъ.

Въ жизни же капитана простое умѣніе играть въ трикъ-тракъ имѣло громадное вліяніе на всю его послѣдующую жизнь.

Узнавъ, что капитанъ играетъ въ трикъ-тракъ, дядя въ первый же вечеръ овладѣлъ имъ совершенно. Ни на шагъ не отлучалъ его отъ себя. Натали не нравилось поведеніе капитана, и послѣ вечера эпа замѣтила дядѣ съ ироніей:

— Теперь я вполне съ вами согласна, что моряки совсѣмъ не умѣютъ себя держать. Я сожалѣю, что пригласила его.

Напротивъ, моя милая, это золотой человѣкъ. Я жестоко ошибалась въ немъ и чтобъ загладить какъ-нибудь просилъ его

возможно чаще посѣщать насъ. Онъ будетъ ухаживать за тобой и по временамъ составлять мнѣ партію въ трикъ-тракъ.

Натали наконецъ поняла, что было причиной такъ быстро измѣнивагося мнѣнія. Она слисходительно отнеслась къ дѣйствію капитана, который и въ послѣдующіе вечера посещалъ себя дядѣ. Мало-по-малу капитанъ сдѣлался желаннымъ гостемъ для дяди Натали. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не терялъ времени на ухаживаніе за племянницей и сдѣлалъ уже ей предложеніе, такъ что Натали наконецъ обратилась къ дядѣ съ просьбой дать ей совѣтъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Дядя сразу не далъ ей отвѣта. Голова его въ это время усиленно работала. Онъ предчувствовалъ, что этимъ вопросомъ затрогивается и его благосостояніе. Если отказать, то прекратится посѣщенія капитана и игра съ нимъ въ трикъ-тракъ; если же принять, то капитанъ будетъ въ домѣ и не придется ходить далеко за партнеромъ. Послѣднее размышленіе такъ ему пришло въ душѣ, что онъ даже забылъ совсѣмъ спросить Натали, нравится-ли ей самой капитанъ, а прямо объявилъ ей, что она поступитъ очень хорошо выйдя за него. Натали чрезвычайно обрадовалась такому отвѣту дяди, такъ какъ она сама успѣла полюбить Апремона. Но она не желала, чтобы капитанъ думалъ, что ее такъ легко побѣдить, и поэтому рѣшилась сдѣлать ему предварительныя условія.

— Если вы дѣйствительно меня любите, то...

— Ахъ, сударыня! Будь я проклятъ, если...

— Постойте же! Дайте мнѣ договорить: если вы дѣйствительно меня любите, то мнѣ нужны нѣкоторыя доказательства этой любви...

— Ей Богу, я...

— Но, капитанъ, когда вы перестанете прерывать меня? Прежде всего я прошу васъ болѣе не клясться, такъ какъ это очень дурная привычка. Кромѣ того я уже не прошу, а требую, чтобы вы бросили для меня свою отвратительную трубку. Я не желаю имѣть мужа, который куритъ.

Капитанъ тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Хорошо. Я на все готовъ, чтобы угодить вамъ. Я больше курить не буду.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ моя рука.

Вскорѣ послѣ этого разговора была сыграна свадьба. Капитанъ казался въ восхищеніи отъ своей жены. Натали тоже казалась вполне счастлива. Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы прошли совершенно незамѣтнымъ образомъ и ничто не нарушало счастья новобрачныхъ. Однако посреди разнообразныхъ удовольствій своей новой жизни, иногда, даже въ присутствіи своей Натали, капитанъ по временамъ становился задумчивымъ. Лицо его принимало серьезный видъ. Въ глазахъ читалось какое-то безпокойство. Однако это облако скоро проходило обыкновенно незамѣченнымъ его молодой супругой. Впрочемъ чрезъ нѣкоторое время эти припадки мрачной задумчивости сдѣлались болѣе частыми и Натали не могла ихъ не замѣтить.

— Что съ тобой, мой другъ! говорила она, замѣтивши эту внезапную переимѣну въ его лицѣ. Не боленъ ли ты?

— Я! Нѣтъ, ничего... отвѣчалъ капитанъ, какъ будто стыдясь что не могъ скрыть свои ощущенія. Я вовсе не боленъ. Да чего и быть-то мнѣ больнымъ?

— Не знаю, мой другъ! Но вотъ уже не разъ какъ я замѣчала въ тебѣ какую-то переимѣну. Извини, если я ошиблась, но я ужъ начала безпокоиться о твоёмъ здоровьи. Капитанъ поцѣловалъ нѣжно свою супругу, повторяя ей, что онъ совершенно здоровъ, и нѣсколько дней послѣ этого онъ оставался спокойнымъ. Но вскорѣ тоже мрачное безпокойство появилось въ его глазахъ. Онъ не могъ иногда удерживаться отъ нетерпѣливыхъ движеній и жена его напрасно старалась угадать причины его безпокойства.

Натали сообщила о странномъ поведеніи своего мужа дядѣ, причемъ старый холостякъ воскликнулъ:

— Это совершенно вѣрно! Я тоже замѣтилъ въ капитанѣ какія-то странности. Даже играя со мною въ трикъ-тракъ, я видѣлъ какъ онъ безпокойно оглядывался, проводилъ рукою по лбу, какъ бы стараясь отогнать тяжелыя размышленія. И тогда онъ дѣлалъ ошибку за ошибкой.

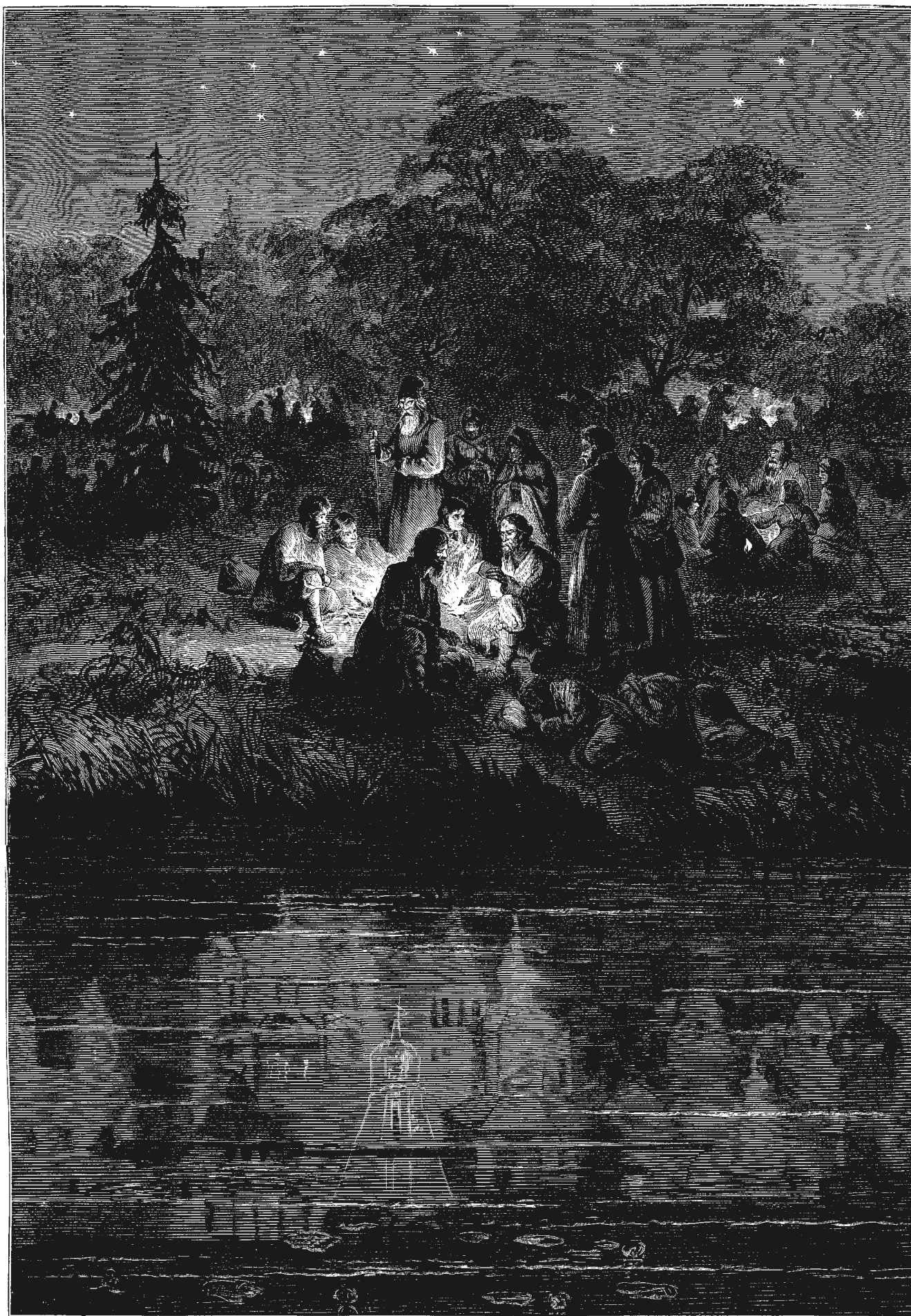
— Но дядя! Что это можетъ означать? У него есть какаянибудь страшная тайна, которая убиваетъ его. Я увѣрена въ этомъ, и онъ даже не хочетъ довѣрить ее мнѣ.

— Это возможно! Есть вещи, которыя нельзя рассказывать своей супругѣ.

— Которыя нельзя рассказывать своей супругѣ! Но я не допускаю этого. Я желаю, чтобъ мой мужъ мнѣ говорилъ все; чтобы онъ не имѣлъ отъ меня секретовъ, какъ я не имѣю. Я не могу быть счастлива съ человѣкомъ, которому отдала сердце, если онъ скрываетъ отъ меня свои поступки.

Аблеякуръ общалъ сдѣлать все возможное, чтобы узнать причину безпокойства своего племянника; но онъ ограничился тѣмъ, что заставилъ несчастнаго капитана играть какъ можно болѣе съ нимъ въ трикъ-тракъ—средство, которое, по его мнѣнію, должно было поддерживать въ капитанѣ самое лучшее расположеніе духа.

Пришло это и семейство покинуло Парижъ, чтобы поселиться въ помѣстьи капитана, которое находилось въ окрестностяхъ

Литературный альбомъ. „Въ лѣсахъ“. Повѣсть П. И. Мельникова. (IV ч., гл. 2). „Невидимый градъ Китежъ“.

Ориг. рис. А. Земцова, грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

Русские воины XVI в. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Ю. Барановский.
Библиотека "Руниверс"

Фонтанбло. Апремонтъ, казалось, любить свою жену по презрѣному. Онъ дѣлалъ все возможное, чтобъ ей нравиться, чтобъ предупредить все ея желанія. Однако, такъ какъ Натали не любила прогулокъ, а предпочитала проводить время дома, то мужъ просилъ у нея разрѣшенія дѣлать ежедневно послѣ обѣда небольшую прогулку въ окрестностяхъ своей дачи. Эта просьба не имѣла въ себѣ ничего неестественнаго и Натали не находила причинъ ему отказать. Съ этого дня ежедневно послѣ обѣда капитанъ удалялся для своей прогулки, причемъ ни что и никакая погода не могла его удержать. За то онъ возвращался всегда въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Его придали мрачной задумчивости и нетерпѣливости совершенно исчезли.

Однако Натали не могла успокоиться. Ея подозрѣнія становились все сильнѣе и сильнѣе. Она говорила сама себѣ: „странная вещь! Съ тѣхъ поръ какъ мы перѣехали сюда, въ моемъ мужѣ произошла видимая перемѣна. Но это послѣ того, какъ начались его послѣобѣденныя прогулки. Онъ иногда отсутствовалъ цѣлые два часа. Гдѣ онъ проводитъ это время? Онъ предпочитаетъ ходить одинъ. Въ его поведеніи что-то странное. Я не буду счастлива, покуда не открою эту тайну.“

Иногда у Натали являлась мысль послать кого нибудь прослѣдить прогулку ея мужа, но она не хотѣла посвящать въ свои сердечныя безпокойства постороннихъ людей. Поэтому она рѣшилась обратиться къ своему дядѣ, который ей отвѣчалъ:

— Правда, что твой мужъ теперь играетъ меньше въ трикъ-тракъ, что меня начинать беспокоить. Но я не могу слѣдовать за нимъ во время его прогулокъ, такъ какъ я старъ и догнать мнѣ его трудно; поэтому все попытки мои будутъ напрасны.

Однажды, когда были гости у капитана, одинъ изъ приглашенныхъ сказалъ ему смѣясь:

— Скажите пожалуйста, любезный капитанъ, что это вы вчера дѣлали, переодѣтый крестьяниномъ, у окна избушки, съ полверсты отсюда? Если бы я не легъ въ карьеръ мимо вая, и бы непременно оставилъ лошадей, чтобы узнать, не охраняете ли вы тамъ интересы какой нибудь настушки?

— Мой мужъ, переодѣтый крестьяниномъ! воскликнула Натали, смотря съ удивленіемъ на своего супруга.

— Мой другъ, вы ошибаетесь, сказалъ капитанъ, тѣсно стараясь скрыть свое замѣчательство. Вы не могли меня видѣть.

— Не могъ васъ видѣть? сказала молодой человѣкъ, смущенный впечатлѣніемъ, которое произвели его слова на присутствующихъ. Я можетъ быть ошибся.

— Но какъ быть одѣтъ этотъ человѣкъ? спросила Натали. Гдѣ находится эта избушка?

— Признаться, мнѣ трудно было бы узнать это мѣсто, отвѣчала молодой человѣкъ, стараясь исправить свою ошибку. Что касается до человѣка, онъ былъ одѣтъ въ синюю блузу и на головѣ фуражка. Ужъ не знаю право какъ я могъ принять его за капитана. Теперь я припоминаю, что и сходства съ нимъ не было большаго.

Натали не продолжала своихъ разспросовъ, но однако осталась убѣжденною въ томъ, что мужъ ея замѣшалъ въ какую-то интригу, заставляющую его мѣнять свой костюмъ на платье крестьянина.

Оставшись одна, она горько заплакала, восклицая: „какъ я несчастлива, что вышла замужъ за человѣка, который скрываетъ отъ меня какия-то страшныя тайны.“

Вскорѣ въ сердцѣ ея пробудилась ревность. Она начала подозрѣвать, что капитанъ имѣетъ какия нибудь любовныя интриги и потребовала отъ капитана возвращенія съ нею въ городъ. Всегда безпрекословно исполняющій ея прихоти, капитанъ немедленно возвратился въ Парижъ. Вначалѣ Натали не замѣчала въ немъ никакой перемѣны, но вскорѣ прѣжде принадеки начали проявляться въ немъ съ той же силой. Наконецъ онъ сказалъ ей:

— Милая моя, мнѣ непременно нужно дѣлать вечеромъ мои прогулки. Это необходимо для моего здоровья. Я старый морякъ и мнѣ необходимъ воздухъ, я не привыкъ сидѣть въ душной комнатѣ послѣ обѣда.

— Да, я хорошо понимаю, отвѣтила Натали, стараясь скрыть свое волненіе. Идите, идите, это крайне полезно для васъ.

— Но, милая моя, если ты этимъ недовольна...

— Пѣть, пѣть, я вамъ не преняетвую.

Такимъ образомъ капитанъ возобновилъ свои послѣобѣденныя двухъ-часовыя прогулки. Къ нему опять вернулось хорошее расположеніе духа.

— Я увѣрена, что онъ завелъ какую нибудь интригу! Полюбила другую женщину и не имѣетъ силъ не видѣть ее, говорила Натали, рыдая втихомолку. Вотъ чѣмъ развѣсняются его тайныя прогулки. Ахъ, Боже мой, какъ я несчастлива! Тѣмъ болѣе несчастлива, что онъ всегда такой милый, такой любезный, что всегда исполняетъ безпрекословно все мои желанія, такъ что не дасть мнѣ права назвать его чудовищемъ, обманщикомъ. Но я не могу этого ему не сказать, ужъ это становится невыносимымъ. Но прѣжде я хочу достать доказательство его измѣны—и я ихъ достану!

Натали направилась къ своему дядѣ. Она взволнована,

глаза ея наполнены слезами. Подходя къ нему она восклицаетъ:

— Ахъ, я самая несчастная изъ женщинъ!

— Въ чемъ дѣло? спокойно спрашиваетъ ее старый холо- стикъ, принимая болѣе удобную позу въ своемъ вольтеровскомъ креслѣ. Что случилось?

— Мой мужъ ходитъ каждый день гулять два часа послѣ обѣда. Это ужасно! Онъ возвращается всегда веселымъ, привѣтливымъ. Клянется, что обожаетъ меня какъ въ день свадьбы. Это не натурально. Здѣсь кроется измѣна. Мой мужъ очевидно меня обманываетъ. У него какая-то интрига.

— Онъ играетъ со мной гораздо меньше въ трикъ-тракъ, это правда, сказалъ глубокомысленно дядя. Однако...

— Ахъ дядя! если вы мнѣ не поможете открыть эту тайну, я умру съ горя. Я рѣшусь на что нибудь ужасное. Я разведусь съ мужемъ.

— Но, милая...

— Милый дядя, вы такъ добры, такъ любезны, сдѣлайте мнѣ еще одно одолженіе: узнайте гдѣ мой мужъ проводитъ вечера. — Я дѣйствительно люблю служить другимъ. Я всю жизнь провела въ этомъ. Но я не понимаю, какъ...

— Повторяю вамъ, дядя, мнѣ нужно раскрыть эту тайну, или вы можете лишиться племянницы.

Аблейкуръ не хотѣлъ лишиться ни племянницы, ни племянника, онъ чувствовалъ, что ссора супруговъ нарушитъ беззаботную жизнь, которую онъ велъ въ ихъ обществѣ. Поэтому онъ рѣшился успокоить по возможности Натали. Онъ нѣсколько разъ дѣлалъ видъ, будто бы слѣдитъ за капитаномъ во время его прогулокъ; но такъ какъ онъ это находилъ крайне утомительнымъ, то, отошедши нѣсколько шаговъ отъ дому, предоставлялъ капитана самому себѣ, послѣ чего возвращался къ племянницѣ и говорилъ ей:

— Я слѣдилъ за твоимъ мужемъ нѣсколько разъ. Онъ прѣспокойно гуляетъ совершенно одинъ, такъ что твои подозрѣнія не имѣютъ никакого основанія.

Натали однако на этотъ разъ поняла предѣлку дяди. Она сдѣлала видъ будто ему вѣрить. Но рѣшившись наконецъ узнать правду, приказала позвать къ себѣ комиссіонера, котораго ей рекомендовали какъ человѣка хитраго и опытнаго, и поручила ему выслѣдить на слѣдующій же день—куда отирается ея мужъ вечеромъ.

На другой день, когда мужъ ея ушелъ, Натали нетерпѣливо ожидала возвращенія комиссіонера, который чрезъ полчаса вернулся усталый и покрытый пылью.

— Ну что ты узналъ, сказала Натали задыхающимся отъ волненія голосомъ. Что ты узналъ? Говори все, ничего не пропускай.

— Сударыня, я послѣдовалъ за этимъ господиномъ, какъ вы мнѣ приказывали. Онъ шелъ очень скоро, пока не пришелъ въ переулокъ въ окрестностяхъ города. Тамъ онъ вошелъ въ какой-то домъ. Дворника тамъ не было, чтобы разспросить, но я самъ прослѣдилъ въ какую дверь онъ вошелъ.

— Въ какой-то переулокъ! и не было дворника? Это ужасно! Что-жъ дальше?

— Я вошелъ за нимъ въ домъ, поднялся по лѣстницѣ и увидѣлъ какъ онъ дошелъ до третьяго этажа, отворилъ дверь ключемъ, который былъ у него въ карманѣ и вошелъ.

— Ты говоришь, что онъ открылъ самъ. Ты увѣренъ въ этомъ?

— О да, сударыня.

— Ахъ я несчастная! Онъ даже имѣетъ ключъ. И мой дядя смѣлъ еще его защищать. Но что же дальше?

— Когда онъ залеръ за собой дверь, я осторожно подошелъ и, стараясь дѣлать какъ можно меньше шума, началъ наблюдать чрезъ замочную скважину.

— Хорошо. Ты за это получишь лишнихъ 20 франковъ. Что-жъ онъ дѣлалъ?

— Я увидалъ какъ онъ потащилъ на самую средину комнаты большой сундукъ. Потомъ онъ началъ раздѣлываться.

— Началь раздѣлываться! Боже мой, какъ я несчастна! Потомъ что?

— Потомъ... Я потерялъ его на нѣкоторое время изъ виду. Наконецъ я его снова увидѣлъ, одѣтымъ въ блузу и съ феской на головѣ.

— Что-жъ послѣ этого?

— Послѣ этого, сударыня, я думалъ, что узналъ достаточно и послѣнилъ возвратиться, чтобы передать вамъ объ этомъ.

— Хорошо. Ступай за каретой. Потомъ жди меня внизу. Сядешь около кучера, покажешь ему дорогу и скажешь гдѣ ему остановиться.

Комиссіонеръ отиравался за каретой. Натали наскоро одѣвается и входитъ къ дядѣ, восклицая:

— Мой мужъ обманщикъ! Я имѣю въ томъ доказательство. Онъ теперь у своей любовницы. Онъ въ синей блузѣ. Но это ему не поможетъ... Я его уличу.

И прѣжде чѣмъ дядя могъ ее удержать, Натали бѣгомъ спустилась по лѣстницѣ, сѣла въ карету и уѣхала.

Наконецъ карета остановилась у маленькаго трехъ-этажнаго домика и Натали вышла блѣдная и взволнованная, едва держась на ногахъ.

— Не прикажете ли сопровождать васъ, сударыня, спросила комиссіонеръ.

— Итъ, не надо. Я пойду одна.

И молодая женщина, едва удерживаясь за перила, поднимается по узкой и темной лестницѣ наверхъ. Наконецъ она дошла до третьяго этажа; но тутъ силы ея совсѣмъ оставляютъ. Она ударяетъ въ дверь и шепчетъ едва слышимымъ голосомъ:

— Отворите, ради Бога! или я умру.

Дверь открывается капитаномъ, который бросается поддерживать свою супругу. Натали обводитъ комнату глазами и видитъ своего мужа одного, въ синей блузѣ, въ фескѣ, курящаго роскошную турецкую трубку небывалыхъ размѣровъ.

— Какъ! Натали! воскликнулъ капитанъ, смотря на нее съ изумленіемъ.

— Да сударь... Натали, которая узнала, что вы ей измѣнили, что вы переодѣваетесь, и которая наконецъ хочетъ знать причину вашего таинственнаго поведенія.

— Неужели, Натали, ты могла подумать, что я дѣлаю что нибудь дурное. Ты хочешь знать тайну моего оведенія? Вотъ она: и капитанъ указалъ на свою турецкую трубку. До нашей свадьбы ты запретила мнѣ курить и я далъ слово исполнить твое желаніе. Нѣкоторое время я и свято сохранялъ свое обѣщаніе; но если бы ты знала какъ мнѣ это было трудно. Мнѣ постоянно казалось, что мнѣ чего то недостаетъ для полнаго счастья. Это была моя трубка. И при мысли о ней я не могъ удерживаться отъ тяжелаго вздоха. Наконецъ я не могъ болѣе переносить эту жертву и лѣтомъ я нашелъ избушку, гдѣ я могъ безпре-

пятственно предаться моей страсти. Но чтобы платѣ мое не сохраняло запахъ табаку, который могъ меня выдать, я рѣшилъ завести особенный костюмъ, который и одѣвалъ предъ своей операціей и въ которомъ ты видишь меня теперь. Вотъ въ чемъ состоитъ вся тайна, милая моя. Извини, если я не исполнилъ твоего желанія, но какъ видишь, я одѣвалъ все возможное, чтобы ты этого не замѣтила.

Натали уже бросилась въ объятія своего супруга. Она рѣжно цѣлуетъ его, говоря:

— Неужели! Такъ твоя тайна состоитъ въ этомъ? Ахъ, какъ я счастлива! Съ этихъ поръ, мой милый, можешь курить дома сколько хочешь. Я тебѣ препитствовать не стану.

Натали возвратилась къ дядѣ, вся сіяющая отъ счастья, и говоритъ ему:

— Онъ продолжаетъ любить меня, милый дядя. Онъ обожаетъ меня. Онъ только курить... больше ничего. Я теперь желаю, чтобы онъ курилъ здѣсь сколько ему хочется. Я такъ рада...

— Есть возможность поправить это дѣло, сказала дядя. Ты можешь разрѣшить твоему мужу курить въ то время какъ онъ играетъ со мной въ трикъ-тракъ. Такимъ образомъ, думаетъ дядя, я буду увѣренъ, что онъ каждый вечеръ будетъ играть со мной нѣсколько партій.

— Милая Натали, я воспользуюсь твоимъ позволеніемъ, но сдѣлаю все возможное, чтобы не беспокоить тебя.

— Ты слишкомъ добръ. Я такъ счастлива! Право мнѣ кажется, что я начинаю любить запахъ табаку.

Къ рисункамъ.

Во времена римско-галльскихъ войнъ.

(Рис. на стр. 420 и 421).

Были грозныя и дикія времена. Среди лѣсовъ и полей благословенной Галліи не было мира и спокойной жизни. Грозныя легионы, ведомые знаменитымъ вождемъ своимъ, какъ буря направились на страну. То было за полвѣка до величайшаго событія въ христіанскомъ мірѣ—рожденія Христа Спасителя на дальнемъ Востокѣ. Кромѣ римлянъ, и гелветы, обитатели нынѣшней Швейцаріи, залили какъ волны своими толнами несчастную страну. Легионы Цезаря мужественно встрѣтились съ ними и принудили уйти въ горы изъ тѣхъ мѣстъ, которые были уже отвоеваны желѣзною рукою Рима. Въ это время крови и грозныхъ передвиженій народовъ тяжело приходилось мирнымъ жителямъ Галліи. Все, что способно было носить оружіе, всѣ рабочія руки были заняты защитой своей родины, „железо все перековано на мечи, кони всѣ на кровавыхъ поляхъ битвы“, какъ поетъ древняя пѣсня. Дома одни старики, женщины да дѣти. И вотъ, молодая, сильная дѣвушка и женщины, чтобы прокормить и прокормить семью, сами должны работать на поляхъ, и онѣ тащутъ тяжелую корягу, глубоко взрыхляя землю этимъ импровизированнымъ плугомъ, у котораго идетъ преклонный старецъ. Лица трудящихся серьезны и мрачны—они не могутъ забыть своихъ милыхъ, близкихъ, своихъ родныхъ воиновъ, которые на дальнихъ, кровавыхъ поляхъ битвы мужественно и отчаянно отстаиваютъ свою родину. Картина извѣстнаго французскаго художника Люмине весьма эффектно передаетъ данную тему.

Весна.

(Рис. на стр. 425).

Изъ портфеля нынѣшнихъ у насъ рисунковъ покойнаго талантливаго художника И. С. Панова, бывшаго нашимъ постояннымъ сотрудникомъ, помѣщали мы уже неоднократно нѣкоторыя весьма интересныя вещи. Какого прекраснаго рисовальщика лишилось наше искусство, видно между прочимъ и изъ помѣщаемаго здѣсь рисунка—аллегорическаго изображенія шестивъ весны. Удивительно легко и рѣжно выдѣляется образъ юной весны, а въ нижнихъ рисункахъ съ такимъ мастерствомъ выражена даль и эффекты освѣщенія. Граверъ также достойно выполнилъ свою задачу.

Невидимый градъ Китежъ.

(Рис. на стр. 428).

Не однажды появлялись у насъ рисунки, изображавшіе различные эпизоды изъ извѣстнаго романа П. И. Мельникова „Въ лѣсахъ“. Достоинства его такъ значительны и много сценъ его такъ картинны, что мы продолжаемъ помѣщать этихъ иллюстрацій.

Настоящій рисунокъ относится къ одной изъ поэтичѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ сценъ романа—преданію о невидимомъ градѣ Китежѣ. „Ночь. Въ углубленіи между холмовъ, подъ вѣтвистымъ дубомъ, у озера сидятъ кучка людей. Тихонько бесѣду ведутъ. Возлѣ небольшой костеръ сушилка тускло курится и дышитъ. Разсказываетъ старикъ поэтическую легенду о градѣ Китежѣ. Когда Батый убитъ при взятіи Китежа благовѣрнаго князя Георгія, запустѣлъ городъ и лѣсомъ поросла вся земля

Заузейская и невидимымъ сталъ городъ—Господь явилъ чудо. И теперь лишь вѣрующимъ и усерднымъ бываетъ видимъ Господнимъ изволеніемъ...

— Видишь-ли, таинственно шепталъ старичекъ, — на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы сидимъ—городскія ворота... Отседева, направо, вокругъ всего города рвы конаны и валы насыпаны, а на валахъ дубовыя стѣны съ башнями. Мы, грѣшныя, слѣбными-то очами не видимъ, а это все тутъ... На правомъ холму храмъ Воздвиженія, а рядомъ Благовѣщенія, а на лѣвомъ холму Успенскій соборъ—межъ соборовъ все дома—у бояръ каменны, а иныхъ чиновъ людей кондоваго лѣса... Праведный, нѣмъ очи отверсты, все это видить: и градъ, и церкви, и палаты... И какъ они въ озерѣ отражаются...

— О, Господи, Господи! вздохнула одна старушка.—Хоть бы глазкомъ взглянуть!

— Иного Господь удостоитъ—ещели прилечь къ землѣ—тихий звонъ колоколовъ слышешь...

Все затихло кругомъ. Всѣ приникли къ землѣ ухомъ. Ночь стояла звѣздная и чудная.

— Первое дѣло усердіе, говорилъ тихонько старикъ. Въ безмолвіи пребывая, молитесь православные. И егда придетъ часъ блаженнымъ узрѣть градъ, услышишь звонъ серебряныхъ колоколовъ. Густой звонъ, малиновый,—заслушаешься! Лежи безмолвно, ничто же земное въ себѣ помыслия. Заря въ небѣ зачнетъ зачнетъ—гляди на озеро: узриши золотыя кресты, церковныя главы. И тогда въ озерѣ, ровню въ зеркалѣ, узриши невидимый градъ: церкви, монастыри, княжія палаты, высокіе терема... А по улицамъ птица райская ходитъ и дивные единороги, у градскихъ воротъ львы и драконы стрегуть...

Все молчало, прилегли къ землѣ. Слово тѣни тѣснились странники кругомъ. Костеръ трещалъ. Ночь шла звѣздная и тихая...

Русскіе воины XVI вѣка.

(Рис. на стр. 429).

До восемнадцатаго столѣтія русскія военныя силы состояли изъ двухъ элементовъ—войска временнаго и постояннаго. Первое собиралось только въ военное время, но мивованіи же необходимости опять расходилось по домамъ. Постоянное же войско должно было служить опредѣленный срокъ и кромѣ того имѣть одежду и оружіе установленнаго, однообразнаго вида, болѣею частью получаемыя отъ казны. Какъ у временнаго, такъ и у постояннаго войска первое мѣсто въ вооруженіи занимали *брони* или *доспѣхи*. Грудь защищалась панциремъ, кольчужой, бахтерцемъ, зеркаломъ или другой какой либо металлической кирасой, служившей достаточною защитой при рукопашномъ боѣ. Вѣдники, которымъ не по силамъ было имѣть желѣзный панцирь, носили на груди такъ называемый тегилай, который дѣлался изъ сукна, а также изъ другихъ шерстяныхъ или бумажныхъ матерій, плотно подбивался холстомъ или пенькомъ, иногда съ прибавленіемъ панцирныхъ или кольчужныхъ колецъ и былъ насквозь простеганъ. Въ такомъ видѣ тегилай оказывался неуязвимъс лобого доспѣха. Голова нашего стариннаго воина защищалась шлемомъ или шишакомъ или просто мѣховою шапкой. На нашемъ рисункѣ есть образцы и того и другаго убора. Шлемы дѣлались часто съ носомъ, т. е. продольною желѣзною полосою, которая съ усѣхкомъ отражала сабельные удары врага, если они наносились по лицу; шея защищалась спускавшейся на нее со шлема сѣткою. До самаго начала

царствования Петра, въ наибольшемъ употребленіи было почти одно холодное оружіе, хотя огнестрѣльное было известно уже въ концѣ XIV вѣка. Первое ручное и огнестрѣльное оружіе, которое употреблялось русскимъ войскомъ, были пищали. По наружности эти пищали походили на пищійныя ружья и состояли изъ желѣзнаго ствола, прикрѣпленнаго къ деревянному станку съ прикладомъ. Зелье, т. е. порохъ насыпался въ пищаль черезъ такъ называвшееся устье. Пищали эти и затѣмъ ружья были очень тяжелы, такъ что и стрѣляли изъ нихъ не иначе какъ съ подпорокъ, какъ изображено на рисункѣ. Введеніе огнестрѣльнаго оружія мало по малу дало перевѣсъ въ русскомъ войскѣ пѣшему строю надъ коннымъ, тогда какъ прежде, съ XV столѣтія, русскіе употребляли почти исключительно одну конницу, подражая въ этомъ отношеніи монголамъ. Даже въ сухопутномъ походѣ всякій воинъ долженъ былъ быть на конѣ; кто же не имѣлъ коня, того паряжали въ городовую службу. Такихъ пѣхотинцевъ впрочемъ было немного и они употреблялись въ военномъ дѣлѣ исключительно для обложенія и осады крѣпостей.

Ксенія Ивановна Романова.

Ксенія Ивановна Романова, которой нѣсколько суровый образъ сохранился на стѣнахъ романовской галереи, была одною изъ замѣчательныхъ историческихъ женщинъ допетровскаго времени. Уже одно то, что она была матерью юнаго царя, перваго вѣнчепсона изъ дома Романовыхъ, давшаго Россіи миръ и спокойствіе, послѣ тяжкихъ годовъ смуты и анархій — уже одно то даетъ ей важное историческое значеніе; но и помимо этого факта, есть много еще другихъ, которые даютъ этой русской женщинѣ полное право на намяте потомства. Ксенія Ивановна была дочь дворянина Ивана Васильевича Шестова. Бракъ ея съ Ѳеодоромъ Никитичемъ Романовымъ совершился около 1590 г., и молодые супруги безмятежно наслаждались жизнью и семейнымъ счастьемъ, пользовались благополучіемъ какъ царя Ѳеодора такъ и его преемника, царя Бориса. Но вотъ, не прошло и двухъ лѣтъ послѣ восшествія на престолъ Годунова, какъ обстоятельства измѣнились и бѣда обрушилась на всю семью Романовыхъ. Ихъ обвинили въ чародѣйствѣ и чтобы сдѣлать по возможности безопасными — разослали по монастырямъ. Ѳеодоръ Никитичъ былъ постриженъ подъ именемъ Филарета и заточенъ въ Антоніевъ-Сійскій монастырь, а жена его, Ксенія Ивановна, пострижена подъ именемъ Марѳы, и сослана въ одинъ изъ пустынныхъ заонежскихъ погостовъ. Дѣтей разлучили съ матерью; младшій вскорѣ умеръ, а двое старшихъ — Михаилъ и Татьяна, были отправлены съ теткою, княгиней Марѳою Никитичною Черкасскою на Вѣхоозеро. Участь жены и дѣтей оставалась долго совершенно неизвѣстною для несчастнаго узника Ѳеодора Никитича, и по доносенію пристава къ нему приставъ, онъ часто вспоминалъ объ нихъ со слезами: „А жена моя, бѣдная! говорилъ онъ, — жива ли она? Что она туда завезена, куда и слухъ никакой не дойдетъ? Миѣ ужъ что надобно! Бѣда на меня жена да дѣти; какъ ихъ вспоминишь, такъ точно рогаминою въ сердце толкнешь“. По вотъ обстоятельства измѣняются: Борисъ Годуновъ лишается престола и погибаетъ; на тронѣ является Лжедмитрій, и Ѳеодоръ Никитичъ получаетъ свободу и даже жалуютъ его бояриномъ. И послѣ паденія самозванца онъ не перестаетъ быть очень виднымъ лицомъ, въ числѣ дѣятелей послѣднѣго акта смутной драмы лихолѣтія, пока поляки не берутъ его въ плѣнъ какъ заложника. Мало-по-малу оправившаяся Русь ищетъ себѣ царя и наконецъ находитъ его въ шестнадцатилѣтнемъ сынѣ Ксеніи Ивановны Романовой, мудрой старицы Марѳы,

которая уберегла и вскормила этого сына въ странную пору лихолѣтія и жила съ нимъ тогда въ Ипатьевскомъ монастырѣ близъ Костромы. Сюда то явилось 14 марта 1612 г. русское посольство изъ Москвы, чтобы звать юнаго Михаила на царство. „Съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ“ отвѣчалъ избранный царь, что не хочетъ быть государемъ надъ русскою землею, а мать его, Марѳа, объявила, что не благословляетъ сына на этотъ великій подвигъ. Старица Марѳа сказала посламъ: „У сына моего и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ преславныхъ великихъ государствахъ быть государемъ, онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а московскаго государства всѣхъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались — давъ свои души, прежнимъ государямъ не прямо служили“. „Съѣсть на московскомъ престолѣ, говорила Ксенія Ивановна, — это идти на явную гибель.“ Она наконецъ напомнила выборнымъ, что мужъ ея въ Литвѣ, въ плѣну и что узнавши объ этомъ избраніи сына его на царство, король не пощадитъ старца Филарета въ отомщеніе за свои неудачи въ русской землѣ.

Долго, долго всѣ молебны и только когда они начали грозить Марѳѣ гнѣвомъ Божиимъ въ наказаніе, что она даетъ погибать русской землѣ до конца — только тогда старица благословила сына на царство. За этимъ подвигомъ она какъ бы отходить на второй планъ, но вліятельная ея рука виднѣется иногда среди первоначальныхъ остророжныхъ и умныхъ мѣропріятій юнаго царя. 2 мая 1612 г. состоялся торжественный въездъ въ Москву царя Михаила Ѳеодоровича и матери его, Ксеніи Ивановны, старицы Марѳы. По возвращеніи Филарета Никитича изъ плѣна, отецъ и сынъ уже правятъ вмѣстѣ русскою землею и о старицѣ Марѳѣ съ этихъ поръ встрѣчаются лишь рѣдкія и неважныя упоминанія. Она, какъ кажется, всецѣло посвятила себя служенію Богу, дѣламъ благотворенія и особенно

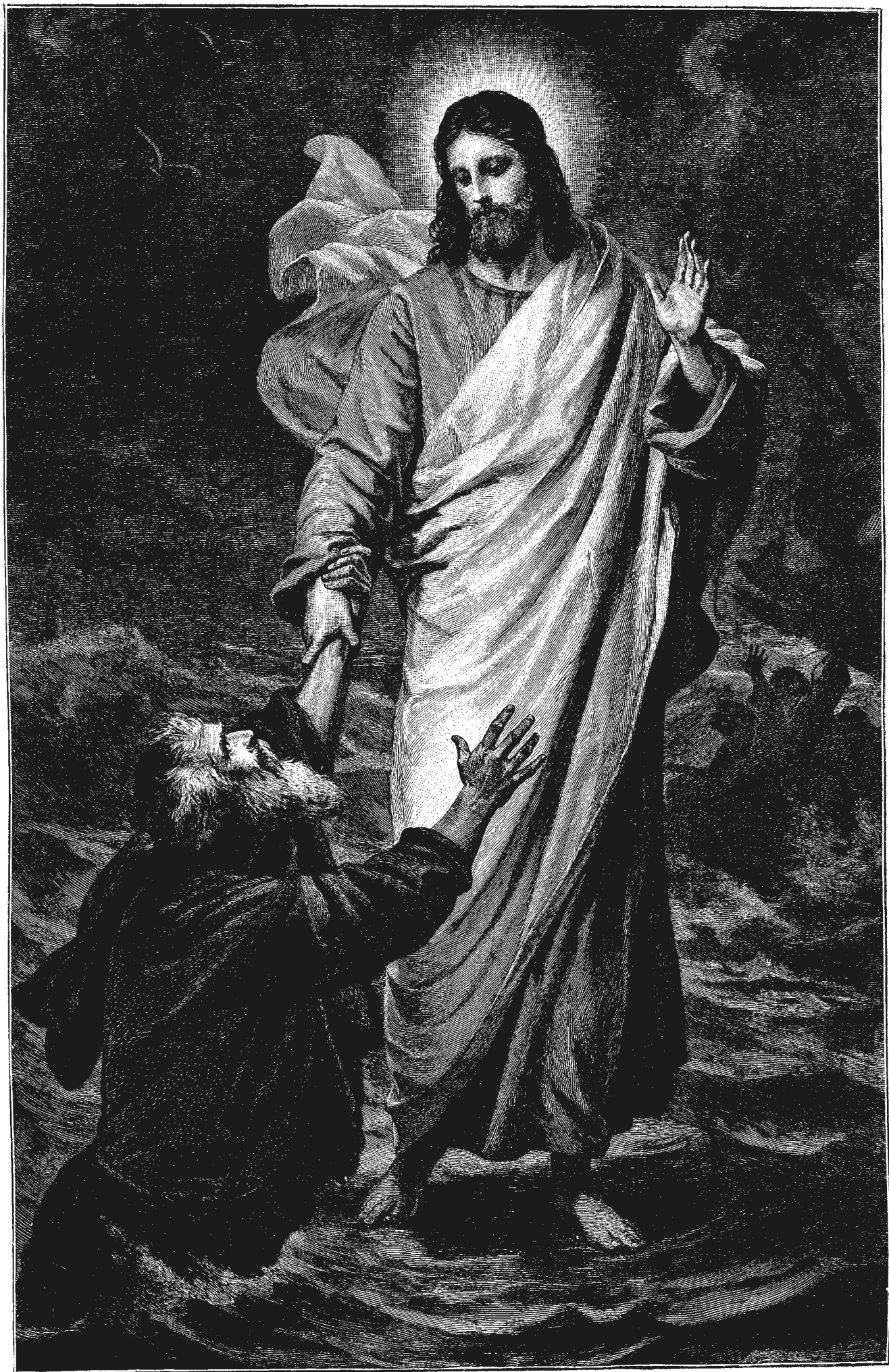
Ксенія Ивановна Романова, родительница царя Михаила Ѳеодоровича. Съ портрета Романовской галереи Зимняго дворца. По фотогр. грав. Гельштейнъ.

попеченію о судьбѣ нѣкоторыхъ насильственно-постриженныхъ знатныхъ инокинь, которыя нанюжились ей ея собственную горькую участь. Кроме того, она заботилась о воспитаніи царевичей и царевенъ, а также о хозяйствѣ двора, входя во всѣ его подробности. До насъ дошли даже свѣдѣнія о нѣкоторыхъ домашнихъ развлеченіяхъ старицы Марѳы. Умерла Марѳа Ивановна 1631 года января 27-го и погребена была въ усыпальницѣ рода Романовыхъ въ Новоспаскомъ монастырѣ

„Господи, спаси меня!“

(Рис. на стр. 433)

О хожденіи Иисуса Христа по морю повѣствуютъ многіе евангелисты, но подробнѣе всѣхъ рассказываетъ объ этомъ св. Маттеей, въ главѣ четырнадцатой. Послѣ чудеснаго насыщенія пяти тысячъ, Христосъ, желая уйти отъ народа, понудилъ учениковъ своихъ отправиться прежде его на другую сторону въ лодкѣ. Когда, въ четвертую стражу ночи, Онъ пошелъ къ нимъ, лодка была уже на срединѣ моря и сильно колебалась волнами. Христосъ пошелъ къ лодкѣ по морю и ученики, увидя Его, приняли за призракъ и закричали отъ страха. Иисусъ успокоилъ ихъ, и Петръ рѣшился на просьбу — позволить и ему идти по водѣ. Просьба была исполнена и Петръ пошелъ на встрѣчу Иисусу, но испугавшись на пути сильныхъ волнъ, началъ тонуть и закричалъ: „Господи, спаси меня!“ Иисусъ простеръ руку, чтобы поддержать его, и сказалъ: „Маловѣрный, зачѣмъ ты усумился?“ Они вошли въ лодку и вѣтеръ утихъ. Событіе это часто выбиралось художниками сюжетомъ для своихъ картинъ, но ни одинъ не умѣлъ передать его съ такою силою и

„Господи! Спаси меня!“. Съ картины В. Пюкгорста, грав. Кезе

наглядностью, какъ Бернардъ Плоггорстъ, который неоднократно черпалъ вдохновение изъ Книги Книгъ. Удивительно выражено это божественное спокойствіе лица Спасителя среди мятущейся бури и кипящихъ волнъ, и какъ противоположность этому спокойствію—встревоженное и молящее выраженіе лица Апостола.

На днѣ океана.

(Рис. на стр. 436 и 437).

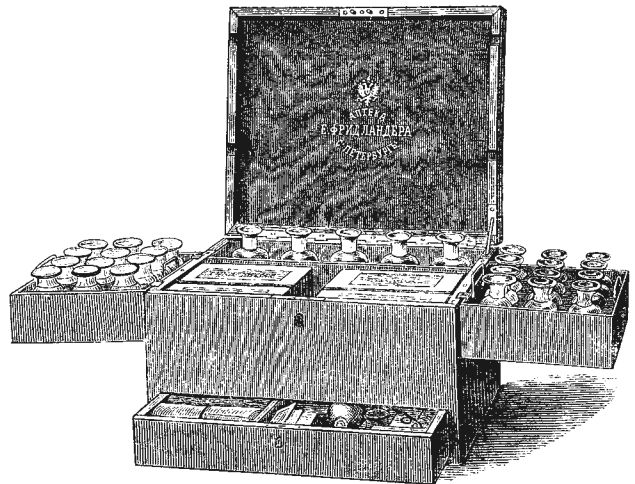
Въ прошломъ году въ „Нивѣ“ неоднократно помѣщались рисунки животныхъ, извлеченныхъ клинеромъ „Талисманъ“ съ морскаго дна. Продолжаемъ знакомить читателей съ результатами этихъ любопытныхъ изслѣдованій. Рисунокъ на стр. 436 изображаетъ животныхъ подъ названіемъ криноиды, тѣло которыхъ имѣетъ форму чаши. Отъ края идутъ оконечности одиночныя, раздвоенныя, или развѣтвляющіяся, снабженныя по сторонамъ шипчиками. Со спины выходитъ суставчатая вѣтвь, которая цѣпляется за окружающіе предметы. У этихъ видовъ антедонъ—актинометровъ, показанныхъ на рисункѣ, вѣтвь эта существуетъ только въ первое время жизни; въ известную эпоху развитія тѣло освобождается отъ нея, между тѣмъ какъ у пентакринусовъ, демокринусовъ и батикрипусовъ она во всю жизнь составляетъ часть тѣла животнаго. Криноиды всегда возбуждали живѣйшій интересъ натуралистовъ, какъ въ виду ихъ необыкновенной рѣдкости среди настоящей морской фауны, такъ и въ виду ихъ изобилія въ древнія геологическія эпохи. Дѣйствительно, животныя эти, часто встрѣчавшіяся въ періодъ силурійскій, еще увеличались въ періодъ известковый, такъ что слои этого послѣдняго состоятъ преимущественно изъ остатковъ криноидъ. Затѣмъ, послѣ этого изобилія, криноиды, по словамъ Томпсона, погибли въ борьбѣ за существованіе; но мѣръ приближеній къ нашей эпохѣ, онѣ встрѣчаются все рѣже, такъ что одно время полагали, что теперь сохранились только одиѣ аптедонъ. Благодаря однако подводнымъ изысканіямъ, мнѣніе это опровергнуто и стало извѣстнымъ, что пентакринусы, демокринусы и батикрипусы во множествѣ водятся на днѣ морскомъ и образуютъ тамъ большія колоніи. Первые пентакрипусы, встрѣчающіеся въ слояхъ чернаго мергеля и оолита, были привезены въ Парижъ въ 1755 г. съ Мартиники. Затѣмъ появились изрѣдка экземпляры, привозимые изъ Антильскаго моря. Въ 1870 г. былъ найденъ новый родъ пентакрипуса, которому дано названіе пентакрипусъ-Вивиль-Томпсона. Съ борта „Талисмана“ два раза былъ спущенъ черпакъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ былъ вышеупомянутый экземпляръ пентакрипуса, первый разъ у береговъ Марокко, и второй напротивъ Рошфора. Но извлеченнымъ экземплярамъ можно было удостоверить, что пентакрипусы живутъ плотно прикрѣпившись къ грунту (какъ показано на рисункѣ), и чтобы отдѣлать ихъ, приходится сломать вѣтку, такъ какъ прицѣпки какъ бы принаиы къ грунту. На рисункѣ показанъ точный видъ морскаго дна на глубинѣ 3600 футовъ. Пентакрипусы и свободно плавающая криноида-актинометра были прекраснаго зеленого цвѣта, палани—темнофіолетоваго, а крустацен—бѣлаго.

Альционныя, къ которымъ принадлежитъ группа коралловъ, имѣютъ разнообразныхъ представителей на значительной глубинѣ. У Зеленаго мыса былъ выловленъ кораллъ, встрѣчающійся въ Средиземномъ морѣ, который въ большомъ количествѣ понадеетъ въ торговлю. Тутъ же, на глубинѣ 4500 футовъ были выловлены изисы и монсей, съ изящными вѣтками, составленными изъ серіи известковыхъ цилиндровъ, на которыхъ, въ видѣ цвѣтковъ, помѣщались полипы, снабженные восемью двукрылыми щупальцами (рис. на стр. 437). Однимъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ коллекціи Талисмана являются губки. Самыя замѣчательныя изъ кремнеземныхъ губокъ, выловленныхъ „Талисманомъ“—это голтенинъ, имѣющія форму пичьихъ гнѣздъ. Въ своей окружности, или у основанія, онѣ состоятъ изъ тонкой кремнеземной ткани, дающей возможность прицѣпляться къ илу. Далѣе идутъ: электелла—въ формѣ длинныхъ, перевитыхъ трубокъ, галонема, кондроклядія, которая погружаетъ въ илъ бахрому изъ длинныхъ стрѣлокъ, кажущихся сплетенными изъ стекла. Въ числѣ кремнеземныхъ губокъ, у которыхъ стрѣлки спиваются для образованія сѣтки, самыя замѣчательныя—это афрокалесты, прекрасныя образчики которыхъ показаны на стр. 437. Въ губкѣ этой илы кремнезема соединяются между собою и образуютъ шестиугольныя ячеи. Продолженія, въ формѣ пальцевъ перчатки, идутъ отъ центральной части, и нѣкоторыя, встрѣчая плотное тѣло, скалу или кораллъ, прочно къ нимъ принаиваются. Верхняя часть губки заканчивается извѣстными пле-

теніемъ изъ кремнезема. Внутренность афрокалесты вмѣщаетъ множество морскихъ животныхъ, такъ напр. кольцецовъ и особенно рода маленькихъ раковидныхъ животныхъ—галатей.

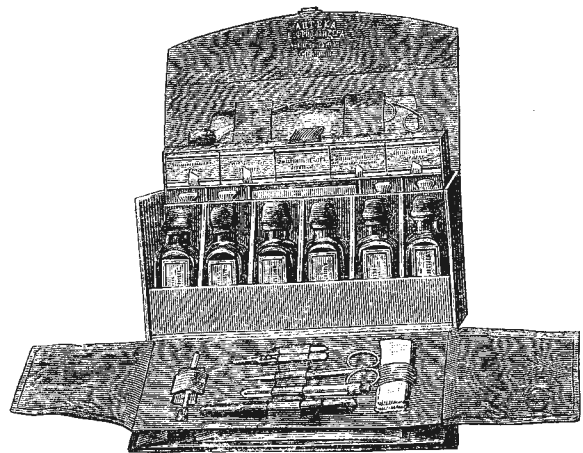
Домашнія аптеки.

Въ виду приближающагося лѣта мы считаемъ не безполезнымъ обратить вниманіе на то какъ въ деревнѣ и во время путешествія, а также иногда и въ городѣ, гдѣ не всегда можно воспользоваться немедленнымъ совѣтомъ врача, трудно оказать первую помощь въ случаяхъ внезапныхъ заболѣваній и поврежденій. А какъ много зависитъ отъ своевременной подачи первой помощи, особенно въ дѣтскихъ заболѣваніяхъ и при несчастныхъ случаяхъ, это излишне и разъяснять. Мы считаемъ весьма полезною въ такихъ случаяхъ домашнюю аптечку.

Такими домашними аптеками можно пользоваться до призыва врача, такъ какъ онѣ содержатъ только такія средства, которыя могутъ быть употреблены и безъ указанія врача. Врачу однако же слѣдуетъ объявить о существованіи въ домѣ подобной аптеки, чтобы дать ему возможность безотлагательно прибѣгнуть къ имѣющимся въ ней необходимымъ лекарствамъ и дополнить ихъ такими средствами, которыя безъ рецепта не отпускаются изъ аптекъ.

Мы имѣли случай ознакомиться съ разнаго рода домашними и дорожными аптеками, составленными аптекаремъ Е. Фридландеромъ (аптека его помѣщается на Гороховой ул. у Каменнаго моста) и желающіе могли бы напр. хоть у него воспользоваться такими аптечками, которыя составлены очень добросовѣстно.

Особенно практичны, по нашему мнѣнію, малые и большіе ящики, подъ названіемъ „Первая помощь при несчастныхъ случаяхъ“. Они могутъ быть весьма полезны и даже необходимы не только для фабрикъ, но и вообще вездѣ, гдѣ скученно работаетъ значительное число людей.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Россія.—Египетъ.—Франція и Китай.—Турція.—Италія.—Бельгія.

Въ „Правит. Вѣст.“ напечатано отъ 26 апрѣля официальное сообщеніе, смыслъ котораго тотъ, что дѣйствія генерала Комарова вполнѣ согласовались съ данными ему приказаніями. „Предметомъ разногласія, говоритъ нашъ официальный органъ, между императорскимъ и великобританскимъ правительствами

могъ служить лишь вопросъ—какимъ изъ нихъ были правильнѣе истолкованы состоявшіяся между ними условія. Оба правительства согласились возобновить переговоры о пограничной чертѣ, на основаніи ранѣе состоявшихся предположеній, чтобы главныя пункты границы были условлены между кабинетами, а точное опредѣленіе черты на мѣстѣ и постановка погра-

ничных знаков предоставлены уполномоченным для того с каждой стороны лицам. Для облегчения работ по разграничению, передовые посты будут передвигаться по прибытии комиссии на место, и по мере определения направления пограничной черты. Пункты будут занимать постами подлежащих сторон, на которых падет за сими обязанность поддерживать порядок и спокойствие в присвоенных им территориях. Так заканчивается дело. Гладстон открыто заявил, что по его мнению донесения Лемсона не отличались безпристрастием; „я думаю, сказал премьер, — что он уведомлял нас о происшедшем руководясь собственным взглядом. Сделано распоряжение, чтобы он и Стюарт немедленно прибыли в Лондон“, прибавил премьер в заключение своей речи.

Из Суакима сообщают, что Осман-Дигма сдѣлался снова чрезвычайно дѣятельным и старается воодушевить своих сторонников новою отвагою. Мелкія стычки почти не прекращаются; кроме того, недавно партія гагендовасов, при содѣйствии бѣглыхъ египетскихъ арестантовъ, перешедшихъ къ Осману-Дигмѣ, оборвала телеграфныя проволоки, повалила столбы и подожгла пороховъ подъ желѣзнодорожные рельсы, въ нѣсколькихъ мѣстахъ между Хондубомъ и Суакимомъ. Въ англійскомъ штабѣ господствуетъ мнѣніе о необходимости захвата Османа-Дигмы, живаго или мертваго, въ плѣнъ, и съ этою цѣлью, какъ слышно, состоится въ скоромъ времени полая экспедиція.

Замиреніе на крайнемъ востоѣ совершается до сихъ поръ при самыхъ благоприятныхъ условияхъ. На дняхъ генералъ Брйеръ де Лиль донесъ своему правительству объ очищеніи Лангсона китайцами. Послѣдніе, повидимому, рѣшились на этотъ разъ честно выполнить все предварительныя условия мира. По словамъ газеты „National“, Фрейсинъ послалъ Патенотру, находящемуся теперь въ Тьень-Цзинѣ, подробныя инструкціи, относительно способа веденія переговоровъ, въ виду заключенія окончательнаго мирнаго трактата между Франціей и Китаемъ. Теперь опасаются лишь, что Китай, во избѣжаніе общей границы, потребуетъ, въ нѣкоторомъ родѣ нейтральной полосы. Предварительныя переговоры, уже происходившіе въ Тьень-Цзинѣ, повидимому, несомнѣнно доказываютъ, что именно таково намѣреніе пекинскаго кабинета, и что французскіе агенты встрѣтятъ большія затрудненія для установленія непосредственныхъ торговыхъ сношеній между югомъ Китая и Тонкинномъ.

Изъ Константинополя сообщаютъ, что по личному приказанію

султана, адмиралъ Старке-паша и генералъ фонъ-дербъ-Гольдъ-паша и Ристовъ-паша, все трое вѣмчи, посѣтили вѣдѣть съ Руссеиномъ-пашей Дарданеллы, съ цѣлью составить планъ защиты пролива съ моря и съ суши. Кроме того, адмиралство ведетъ переговоры съ средиземнымъ французскимъ кораблестроительнымъ заводомъ, относительно покупки новыхъ торпедныхъ судовъ.

Положеніе итальянцевъ на берегу Краснаго моря, по послѣднимъ извѣстіямъ, не особенно благоприятно, хотя слухи о пораженіи, нанесенномъ итальянскимъ войскамъ подъ Массовою и не подтвердились. Такъ въ Неаполѣ были получены письма изъ Массовы, сообщающія, что итальянскій уполномоченный Траверси, отправившійся въ Шоа черезъ Абиссинскія владѣнія, по приказанію короля Иоанна, былъ препровожденъ обратно за границу и уже вернулся теперь въ Массову. Въ тѣхъ же письмахъ говорится о необходимости движенія на Кераль, чтобы этотъ важный пунктъ не достался въ руки мятежникамъ. Изъ Рима сообщаютъ, что коллегія кардиналовъ занята съ нѣкотораго времени весьма важнымъ вопросомъ о пресмственности папской власти. Значительная группа кардиналовъ высказала тотъ взглядъ, что съ утратою свѣтской власти, папы перестали быть итальянскими государями, а потому и булла, устраниющая чужеземныхъ кардиналовъ отъ римскаго первосвятительскаго престола, должна быть отмѣнена. Другая группа держится противоположнаго мнѣнія, и утверждаетъ, что утрата свѣтскаго владычества не исключаетъ права римскаго первосвятителя слагать себя итальянскимъ государемъ, а потому и принципъ, устраниющій отъ первосвятительскаго тиара иноземныхъ кардиналовъ, долженъ сохраниться во всей своей силѣ. Левъ XIII рѣшилъ передать этотъ вопросъ на заключеніе конгрегации кардиналовъ.

Недавно бельгійская палата представителей разсматривала законопроектъ, разрѣшающій королю принять титулъ главы государства Конго. Бернертъ, глава кабинета, въ энергической рѣчи высказалъ многочисленныя причины, обязующія палату принять законопроектъ, и старался разсѣять опасенія, которыя могъ бы возбудить означенный проектъ. Онъ въ особенности указывалъ на торговый интересъ, который имѣетъ Бельгія, содѣйствуя успѣху африканскаго предпріятія. Принятіе проекта было встрѣчено рукоплесканіями и криками: „Да здравствуетъ Король!“

С М Ъ С Ъ .

О вкладахъ и древностяхъ. Пастушья пора обширныхъ земляныхъ работъ по расчисткѣ полей, прорытію каналовъ, проведенію желѣзныхъ дорогъ и т. д. судитъ по обыкновенію открытіе разныхъ зарытыхъ въ землѣ древностей, представляющихъ любопытный и нерѣдко единственный научный матеріалъ для разъясненія нашего древняго бѣга. Каждому понятно важность подобныхъ находокъ. Каждому слѣдовало бы принять участіе въ сохраненіи старинныхъ кладовъ, если объ открытіи такихъ приведется узнать въ своей мѣстности.

Самое простое проявленіе такого участія (въ случаѣ невозможности принять болѣе дѣятельныя мѣры) заключается въ краткомъ, но немедленномъ, извѣщеніи объ открытомъ кладѣ Императорской Археологической Комиссіи, или ближайшей мѣстной власти, чтобы дать ей возможность по горячимъ слѣдамъ собрать о немъ необходимыя свѣдѣнія и устранить расхищеніе или пронажу клада. Такъ какъ большая часть подобныхъ находокъ дѣлается обыкновенно простоящими, которые въ избѣжаніе „дѣла“ или стараются скрыть найденный кладъ, или нерѣдко сбываютъ его первому встрѣчному лицу за безцѣнокъ, тогда какъ онъ, помимо научной цѣнности, имѣетъ еще значительную матеріальную стоимость, то и находившимъ и лицамъ, на землѣ которыхъ кладъ найденъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что за древности, представляемыя ими казны и приобретаемая послѣднею, выдается соответственное денежное вознагражденіе, а именно не только цѣна дѣйствительной стоимости золота, серебра или того вѣщества, изъ котораго вещи сдѣланы, но и особая добавочная сумма, сообразная со степенью древности и рѣдкости найденныхъ предметовъ.

Древности, которыя находчикъ или владѣлецъ земли пожелаетъ оставить за собою, или Комиссія почему-либо не признаетъ нужнымъ приобрести, будутъ возвращаемы по принадлежности, съ оплатою всѣхъ расходовъ.

Найденныя древности могутъ быть доставлены или непосредственно въ Археологическую Комиссію (въ С.-Петербургѣ, въ зданіи Императорскаго Эрмитажа), или чрезъ мѣстные Статистическіе Комитеты, съ которыми она, по согласенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, находится въ сношеніяхъ по этому предмету.

Чѣмъ скорѣе Комиссія будетъ доставленъ найденный кладъ и выражена готовность находчиковъ уступить его казнѣ, тѣмъ скорѣе и Комиссія будетъ имѣть возможность удовлетворить лицо, заинтересованное въ полученіи причитающагося ему вознагражденія.

Всемирная выставка въ Антверпенѣ. Недавно послѣдовало открытіе выставки въ Антверпенѣ въ присутствіи короля Бельгій, дипломатическаго корпуса, палаты представителей, сената и всѣхъ высшихъ чиновъ страны, прѣбывавшихъ для того въ специальныхъ поѣздахъ. На Восточномъ вокзалѣ король Леопольдъ II былъ горячо привѣтствованъ населеніемъ. Гражданская стража и войско образовали шпалеры вдоль аллей Кейзера, Художествъ, Промышленности и Южной,

но только съ одной стороны, такъ какъ король выразилъ желаніе видѣть непосредственно антверпенцевъ пробѣжавъ по городу. Все дома были прекрасно убраны. На выставкѣ король былъ встрѣченъ въ парадной залѣ исполнительнымъ комитетомъ во главѣ съ предѣтелемъ Линееномъ, который въ краткой рѣчи пояснилъ цѣль выставки. Парадная зала, вмѣщающая 7000 человекъ, представляла неопишуемое зрѣлище, когда оркестръ и хоры, составляющіе 1400 человекъ, исполнили торжественную пѣснь Петра Велюа, который дирижировалъ эггиди инструментальными и вокальными массами. За хораломъ, оканчивающимъ это грандіозное сочиненіе, началось пѣніе канона и все собравшіеся восторженно стали аплодировать. Затѣмъ все направилось въ промышленный отдѣлъ, въ концѣ котораго находится монументальная лѣстница. Сверху этой лѣстницы, образующей террасу, открывается видъ на всю машинную галлерею. Тутъ министры промышленности, земледѣлія и общественныхъ работъ просили короля объявить выставку открытой. По знаку Леопольда II громадное собраніе всѣхъ механизмовъ было пущено въ ходъ. Зрѣлище не поддается описанію. Нигдѣ не было ничего подобнаго этому четырехстороннику въ 20000 квадратныхъ метровъ, гдѣ дѣйствовала механика, паръ и электричество. Побывавъ въ различныхъ отдѣлахъ, король закончилъ осмотръ выставки отдѣломъ художественнымъ.

Цѣнность работы. Мы видимъ на желѣзѣ какую цѣнность и значеніе придаетъ отдѣлка и обработка предметамъ даже ничтожной стоимости. Указываютъ для сравненія насколько часовая пружина дороже цѣлаго фунта желѣза; слѣдующее перечисленіе различныхъ степеней обработки дастъ болѣе ясное понятіе о цѣнности самой „работы“: центнеръ желѣзной руды въ рудникѣ стоитъ всего 30 фениговъ, центнеръ необработаннаго желѣза уже стоитъ 3 марки, чугуна—9 марокъ, полосоваго желѣза—9,30 мар., жести—11,50 мар., проволоки—12 мар., литой стали—27 мар., ножевыхъ лезвий отъ 1,5 0 до 2,100 мар., а тончайшихъ часовыхъ пружинъ—шесть миліоновъ марокъ. Послѣдняя отдѣлка увеличиваетъ стоимость желѣза въ 20 миліоновъ разъ.

Реставрированіе серебра. Для приданія потускнѣвшимъ серебрянымъ вещамъ блестящаго и совершенно новаго вида, слѣдуетъ положить ихъ въ кострюлю съ водою и прокипятить, прибавивъ предварительно къ водѣ немного поваренной соли, квасцовъ и кремортартора, въ равныхъ частяхъ. Вынувъ вещи изъ воды, обтереть ихъ до суха мягкимъ полотенцемъ.

Не проходитъ недѣли безъ новаго открытія или усовершенствованія въ области электричества. Здѣсь рѣчь идетъ о телефонѣ, превосходящемъ звучностью и ясностью все остальные звукопроводники. „Опытъ съ телефономъ, произведенный недавно, дали удли-

вительные результаты. Въ третьемъ этажѣ дома географическаго общества въ Парижѣ былъ помѣщенъ небольшой оркестръ (фортепиано, три скрипки и валторны) и два хориста, на разстояніи же нѣсколькихъ метровъ поставленъ звуковой проводникъ; звукоприемникъ находился въ нижнемъ этажѣ въ большой залѣ, вмѣщающей до 500 человѣкъ. Музыка ясно слышалась во всей залѣ, ни одна нота не про-

еще не объясняетъ устройства своего усиливающего звукъ телефона. Хотя звукоприемникъ и звукопроводникъ оба новой конструкціи, сила звука составляетъ особенность послѣдняго. Для полученія удачныхъ опытовъ аппаратъ предварительно нагревается (отъ 13°—37° по Цельсію); докторъ Ожоровичъ самъ назвалъ его „термомикрофонъ“. Какъ у всѣхъ телефоновъ, звукоприемникъ можетъ служить и звуко-

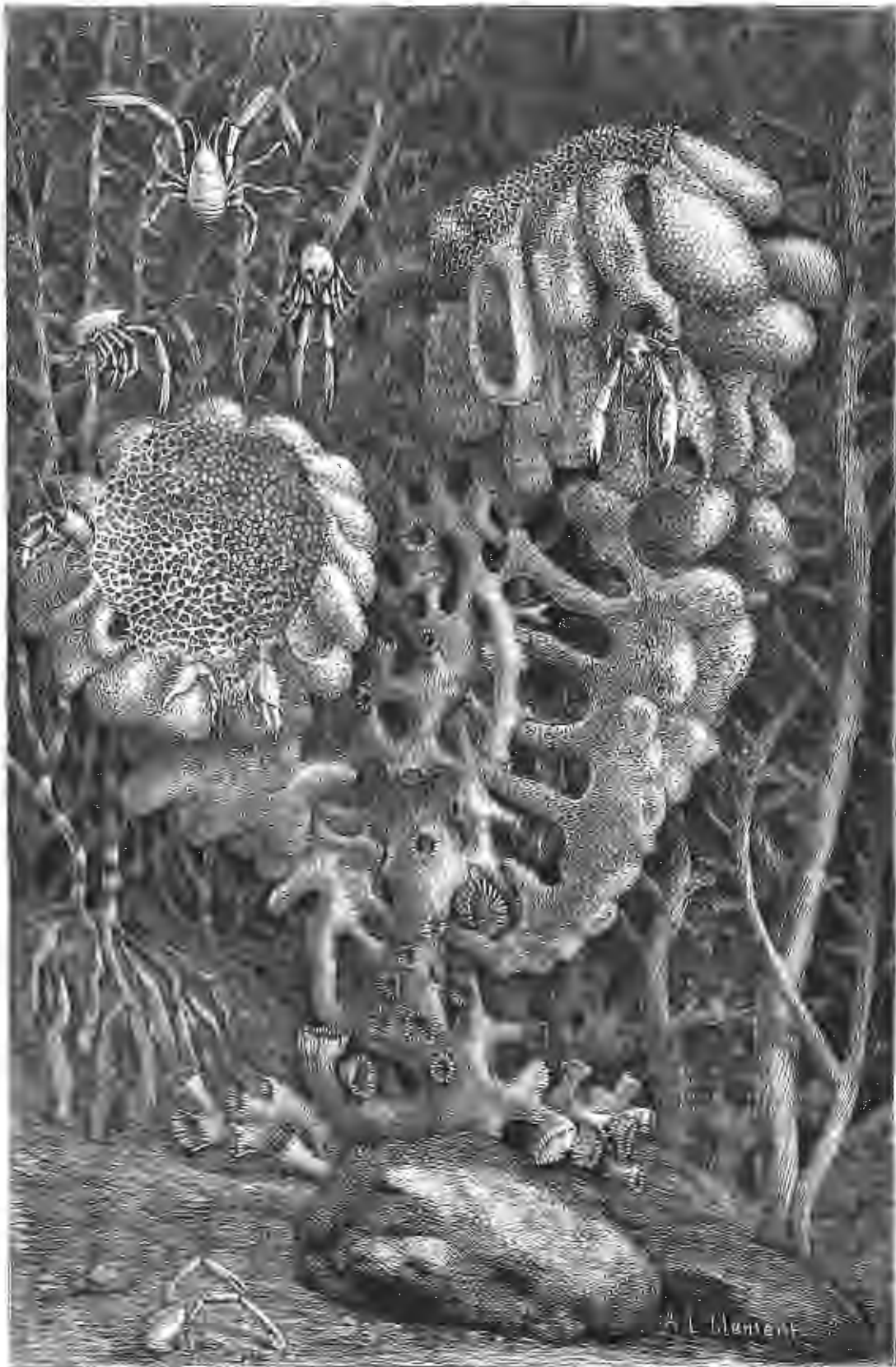
На днѣ океана, на глубинѣ 3600 ф. Ислѣдованія клипера „Талисманъ“. Криноиды чашеобразныя. Рис. Дятрихъ, грав. Клеменць.

падала, голоса хористовъ также хорошо выдѣлялись. Когда прочли стихи, каждое слово ясно и отчетливо доносилось до слушателей. Можно было присутствовать на первомъ представленіи „Риголетто“ въ залѣ министерства почтъ и телеграфовъ, соединенной съ оперой посредствомъ новаго телефона. Изобрѣтатель д-ръ Ожоровичъ—онъ

проводникомъ, но не придаетъ звукамъ болѣе полноты, чѣмъ аде-ровскіе телефоны. Ожоровичъ вѣроятно въ скоромъ времени подробнѣ разъяснитъ свой термомикрофонъ, особенно удобный для лицъ, которыя могли бы присутствовать на засѣданіяхъ парламента, оставаясь въ своемъ кабинетѣ.

Успѣхи пневматическихъ примѣненій во всѣхъ почти главныхъ городахъ Европы и Англіи, для отправленія писемъ и небольшихъ посылокъ, навели французскаго инженера Берлье на мысль установить пневматическое сообщеніе въ большихъ размѣрахъ между Парижемъ и Лондономъ. Берлье не видитъ никакихъ непреодолимыхъ техническихъ препятствій—весь вопросъ въ деньгахъ. Нуж-

Трубы по проекту должны быть проложены рядомъ съ полотномъ Сѣверной ж. д. Самая высокая точка—121—132 метра, самая глубокая въ каналѣ—56—70 метровъ. Принимая во вниманіе неровности почвы, треніе и прочія неудобства—для отправленія въ часъ времени изъ Парижа въ Лондонъ или обратно поѣзда въсомъ въ десять килограммовъ и съ грузомъ въ пять килограммовъ, достаточно

На днѣ океана, на глубинѣ 4500 футовъ. Исслѣдованія клипера „Талисманъ“. Молосей съ галатеями и губки на кораллахъ.
Рис. Тилли, грав. Клеменць.

ны будутъ двѣ чугунныхъ трубы сандиметровъ въ 300 въ поперечникѣ: одна для пути въ Англію, другая—обратно; эти трубы должны быть проложены на три главныхъ разстояніи: отъ Парижа до Калэ—297 километровъ, отъ Калэ до Дувра по дну канала—39 кил., отъ Дувра до Лондона—139 кил.; длина трубъ въ общемъ—475 кил.

машины въ 60 силъ. Давленіе воздуха въ трубахъ едва равняется двумъ атмосферамъ. Берлье считаетъ всѣхъ расходовъ 34 милліона; онъ надѣется дать компаніи 5% съ капитала и столько же дивиденда, предполагая отправлять ежедневно 20 нагруженныхъ поѣздовъ, приносящихъ каждый 83 франка валоваго дохода въ день.

Рѣшеніе ребуса № 14

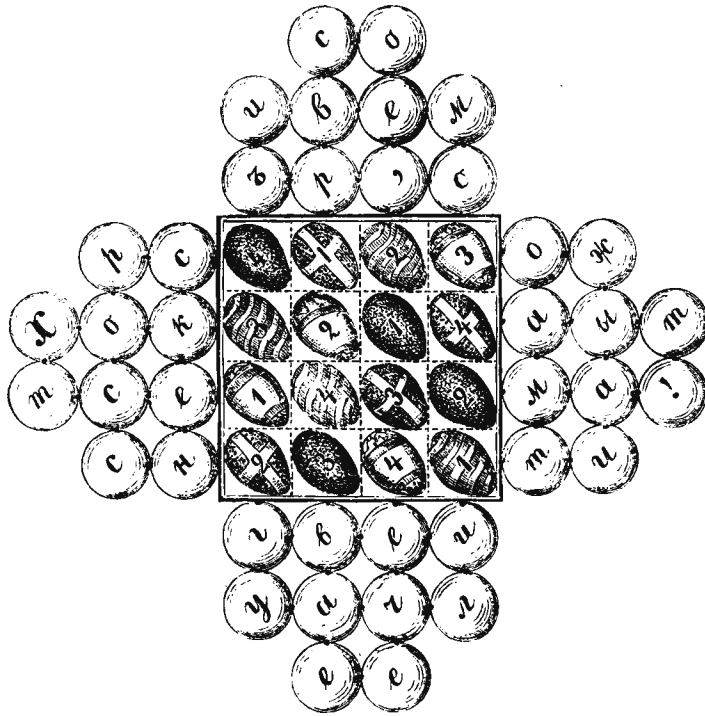
(помѣщеннаго въ № 12 „Нивы“).

„Одинъ въ полѣ—не воинъ.“

Рѣшенія этого ребуса присланы отъ 548 лицъ, почему, за недостаткомъ мѣста, фамиліи ихъ и не могутъ быть помѣщены.

Рѣшеніе пасхальной задачи № 13

(помѣщенной въ № 12 „Нивы“).

„Христосъ Воскресе, многоуважаемые читатели!“

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг: СПб.—Цапе, Сухороваго, Дитмана, Бахчисарай—Дремдзи, Болотново—Заварина, Б. Норовино—В. К. Терскаго, Елатъма—А. П., Невъ—Шиловаго, Липецъ—Мосина, Лубны—Страдееваго, Тула—Нейландъ, Стругова, Чудово—Ивановской.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 12

(помѣщенной въ „Нивѣ“ № 11).

1) $j - p = i + b$	$a = 14 = n$	10) $k - d = 1/2 g$	$j = 15 = o$
2) $o : e = 3 : 1$	$b = 1 = a$	11) $f - i = a - b$	$k = 7 = ж$
3) $h - l = e - b$	$e = 25 = ш$	12) $o + e - l - k = 2$	$l = 29 = в$
4) $f : e = p : 4$	$d = 1 = a$	13) $a : k = 2 : 1$	$m = 33 = и$
5) $f - p = n$	$e = 5 = д$	14) $b - l = h - n$	$n = 3 = в$
6) $g : n = 4 : 1$	$f = 15 = o$	15) $q - n = \sqrt{27000}$	$o = 15 = o$
7) $o - n = j$ 17:8	$g = 12 = л$	16) $a + d - g + n$	$p = 12 = л$
8) $e + j = m + k$	$h = 33 = и$	17) $q - a = g + k$	$q = 33 = и$
9) $e - f = 2e$	$i = 2 = в$		

Наша доля—Божья воля.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг: Спб.—Аверьянова, Гуглинскаго, В. Д., В. С. Е., Кедровскаго, Боринина, Бубнова, Эфросъ, Шнейдеръ, Пермилоскаго, Лашина, Перетерскаго, А. И. З., Черепъ-Спиридовича, Броматъ, Бродячъ, Мосва—Якоби, Вильгельмъ, Галицкаго, Шингерника, Мазаракій, Н. М. . . Захарова, Матвѣева, Вилдлеръ, Пулята, Соколова, Врукусъ, Протопопова, Ивакина, Астрахань—Косовскаго, Черкасова; Балахна—Грацианова; Бердичевъ—Гольденбергъ; Березна—Бурнаго; Ботруйсь—Попова; Богородицъ—Сивякина; Болотново—Зельманъ; Бутское—Надежнаго; Бѣжецъ—Успенскаго; Варшава—Бухъ, Наумова; Велюжъ—Львова; Вильно—Грейффенфельдъ; Винница Рабиновича; Владимировъ—Граневича; Владиміръ—Гаррилова; Вологда—Маака; Гельсингфорсъ—Авербуръгъ; Городецъ—Салова; Елатъма Шиловаго; Нитоміръ—Вайлудъ; Зарайскъ—В. А. А.; Иваново-Вознесенскъ—Хлѣбникова, Миланкина; Калуга—Скокова; Наменка—Барашева; Намышинъ—Волковскаго; Керчь—Зендельскаго; Нишинецъ—Мазуръ, Драмбскаго; Невъ—Бѣлова, Торичева, Дикровскаго, Чернецкаго, Коляничкова, Шиловаго; Ковно—А. В. С., Левинсонъ; Козревъ—Адамова; Коза—Кузнецова; Козельскъ—Безсаренко; Кострома—Груздева; Кронштадтъ—Шкифорова, Астафенова; Курскъ—Сергѣевой, Рыжкова, Мазуръ; Лебедя—Чуринина; Липецъ—Мосина; Лузь—Брыгалова; Люблинъ—Прицотъ; Малышъ—Гаррилова; Медвѣдъ—Долли; Моршанскъ—Воскресенской; Мценскъ—Бобриковой; Мѣна—Лифшица, Бергеръ; Немировичъ—Кельберъ; Николаевъ—Гринбергъ; Новый Бугъ—Гурьева; Новочеркасскъ—Мильштейнъ, Филиппова; Одесса—Савосиной, Гельфрейхъ; Пенза—Жанъ-Ленинъ; Полтава—Богдановскаго; Ровно—Водополюва; Родники—Юшницкаго; Рыльскъ—Аристарховой; Самара—Мележъ; Саратовъ—Вадонской; Стястополь—Дремдзи; Симбирскъ—Охотникова; Симферополь—Гринбергъ, Коганъ, Мулдумова; Стаучъ—М. Н.; Сорочинская—Романовскаго; Софія—Чисельова; Ст.-вродполь—Шинина, Попова; Старобѣльскъ—М...скаго; Тамбовъ—Коржавина; Ташкентъ—Лифшица; Тверь—Неприкина; Тейково—Алмазъ; Тифлисъ—Татевскаго; Тотьма—Харламова; Трусовна—Гуфанъ; Тула—Т. Р., Оболенскаго, Захарова; Харьковъ—Шимковича, Скворцова; Цѣхоявъ—Ермолаева; Чернасы—Д. Береза; Чугуевъ—Браковецкаго; Чудово—Тимофьева.

СОДЕРЖАНІЕ: Поль Гейзе (съ портр.).—Искушеніе. Новѣсть Я. П. Полонскаго.—Тайна съ педодѣваньемъ. Рассказъ Оттае.—Во времена римско-галльскихъ войнъ (съ рис.).—Весна (съ рис.).—Невидимый градъ Китевъ (съ рис.).—Русскіе воины XVII вѣка (съ рис.).—Ксенія Ивановна Романова (съ рис.).—„Господи, спаси меня!“ (съ рис.).—На днѣ озека (съ 2 рис.).—Домашній аптеки (съ 2 рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Рѣшенія ребуса и задачи.—Объявленія.—При этомъ № предлагаются „ПАРИЖСІЯ МОДЫ“ за МАЙ 1885 г., съ 28 рис. и отдѣльн. листомъ съ 33 чертень, выроекъ въ натур. величину и 35 рис. рукод. работъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марксъ.

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ + ХУДОЖНИКА

В. С. ШПАКА

ВЫШЕЛЪ ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ.

Городскіе подписчики могутъ за полученіемъ его прислать съ подписнымъ билетомъ въ то мѣсто, гдѣ подписывались. Иногороднымъ подписчикамъ альбомъ сдать сего 19-го Апрѣля

ПОДПИСКА НА АЛЬБОМЪ ЗАКРЫТА.

Оставшіеся экземпляры приобрести можно въ редакціяхъ: „Нивы“ и „Стрекозы“, въ эстампныхъ магазинахъ: Даццаро, Ронра (à la Palette), Фельтена, въ Спб. Мастерской учебныхъ пособій и игръ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ по 4 р. с. за экземпляръ.

ВЫПРОЙКИ ДЕМОРЕСТЬ

отъ 15 копѣекъ до 80 коп.

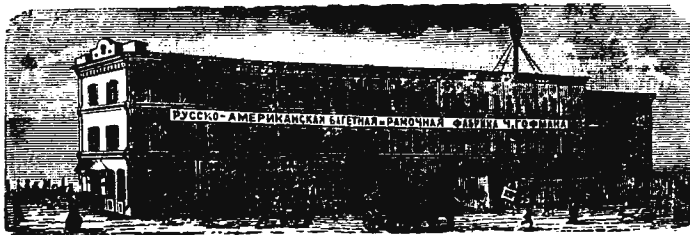
Журналъ Деморестъ изъ Парижа въ 600 модныхъ гранюръ, съ пересылкою 1 р. 10 к.

1885 Г. И. ВАКОНЬ 1885 Г.

Гороховая д. № 9, кв. № 8, въ бель-этажѣ, въ С.-Петербурѣ. № 1080.

НУЖНЫ

благонадежные агенты, имѣющие постоянное мѣстопробываніе въ провинціи для банковской конторы А. ЗИНГЕРЪ и К°, въ С.-Петербурѣ, Невскій пр. № 18. Р. № 1043 7—3

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА

Ч. ГОФМАНА, Спб., Больш. Дворянскаго ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ бѣгата самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ до самой изящной работы. Торговцамъ дѣляется уступка. № 8977

ЭЛЕОПАТЬ ВО ВСѢХЪ КОСМ. МАГАЗИНАХ.

ЭЛЕОПАТЬ КИНУНЕНА.

ПРОВ. КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЬ

Превосходное средство противъ перхоти, почему и прекращаетъ дѣйствительно выпаденіе волосъ. Къ услугамъ публики во всѣхъ больш. аптек. и космет. магазинахъ. Цѣна флакону 1 р. 50 к. безъ пересылки.

Провизоръ Кинуненъ.

ЭЛЕОПАТЬ КИНУНЕНА.

ЭЛЕОПАТЬ КИНУНЕНА.

Чокранское грязе-лечебное заведеніе въ Крымъ открыто съ 20 мая. Подробности см. № 14 журнала „Нива“.

НАВОЖДЕНІЕ.

Ром. изъ современной жизни. Вс. Соловьева. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп.; въ каленк. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Романъ-хроника XVIII вѣка.

Вс. С. СОЛОВЬЕВА.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп.; въ каленк. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

СКЛАДЪ ПИСЧЕЙ БУМАГИ АВГУСТЪ НАУМАНЪ

въ С.-Петербурѣ, Казанская ул. № 42.

Вышла новая коллекція образцовъ почтовой, писчей, печатной, оберточной бумаги, переплетныхъ матеріаловъ и т. п. и пересылается по полученіи 45 коп. почтовыми марками. Р. № 1048 4—3

ТЕЛЕФОНЪ № 55.

Съ разрѣшенія С.Пб. Врачебнаго Управленія.

СВОБОДИНЬ

ПРЕВОСХОДНОЕ

СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ

уничтожаетъ въ несколько дней безъ боли встарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ. Постоянно возрастающее употребленіе Свободина, вълѣдствіе рекомендацій авторитетнейшей доказываетъ отличное дѣйствіе этого средства. № 1034 15—4

Цѣна за флаконъ 35 коп. Съ пересылкой 2 флак. 1 руб., 4 флак. 1 руб. 70 коп., 6 флак. 2 руб. 10 коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССИИ

А. ГЕБГАРДТЪ.

Казанская ул., д. № 3, магазинъ № 1.

ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТИЕ ДЛЯ ПНОГОРОДНЫХЪ

Извѣстная банкирская контора ищетъ въ провинціи, во всѣхъ мѣстахъ Имперіи, благонадѣжныхъ лицъ всякаго званія для продажи 5% Государственныхъ I и II съ выигрышами займовъ съ разсрочкою платежей и для страхования билетовъ тѣхъ же займовъ отъ тиражей погашенія на выгодныхъ условияхъ. Этимъ дается каждому возможность съ легкостью, безъ всякихъ расходовъ и купеческаго познанія, увеличить свой годовой приходъ.

Обращаться съ указаніями настоящихъ лаянтіи въ С.-Петербургскую Центральную Контору Объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. (письменно). Р. № 1057

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. Д. КЛХХХ Д. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Невскій, 21 (прот. Бол. Новошенскій), предлагаетъ свои услуги по покупке и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховых, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ банковъ по покупке и продажѣ иностранныхъ монеты и векселей, по заложу и переялозу цѣнныхъ бумагъ на срокъ или до востребованія («on call») и по всѣмъ другимъ, касающимся банковаго дѣла, порученіямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккурратностью за самое удѣльное вознагражденіе.

СТРАХОВАНІЕ

выигрышныхъ билетовъ отъ предстоящаго биржеваго пониженія по

СОРОКЪ КОП.

страховая квитанція выдается по почтѣ на счетъ конторы, безъ всякой доплаты.

Продажа 5% Билетовъ

I и II Государственныхъ внутреннихъ съ выигрыш. займовъ съ разсрочкою платежей

проводится конторою на след. условияхъ: выдѣтокъ 15 руб. на билетъ, остальная сумма уплачивается ежемѣсячными взносами, по опредѣленію самаго покупателя, однакожь не менѣе **пяти руб. въ мѣсяцъ.**

Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падеть на проданный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю. Р. № 3971

ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА

Патентъ S.M. ИЗОБЪЯВЛЯЕТЪ ПАТЕНТЪ S.M. АМЕРИКА

ВЫШИВИ И ВСѢ ДРУГІЯ РАБОТЫ

Продажа съ рѣчительств. ОБУЧЕНІЕ БЕЗПЛАТНО. Единственный складъ ГЕРМАНЪ ГЕССЕ С.Пб. БОЛЬШАЯ САДОВАЯ № 10, УГОЛЬ ТОЛМАЗОВЪ ПЕР. ПРОТ. ГОСТИН. ДВОРЪ

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

Извѣстной фабрики въ России и за границей

Н. П. ЛАНИНА,

въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, ЯГОДНЫИ И ФРУКТОВЫИ ВОДЫ И. П. ЛАНИНА БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ СЛѢДУЮЩІИ НАГРАДЫ:

1. НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА на Одесской выставкѣ 1884 года: ПΟЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ съ правомъ ходатайства на награжденіе

ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ

ВСЕРОССИЙСКІИ НАГРАДЫ:

- 2. Серебряная медал. 1852 г.
- 3. Серебряная медал. 1860
- 4. Почетный отъимъ 1864
- 5. Серебряная медал. 1865
- 6. Серебряная медал. 1869
- 7. Медаль 1870
- 8. Золотая медал. 1872
- 9. Высочайшая благодарность 1875
- 10. Золотая медалъ 1882

ИНОСТРАННЫИ НАГРАДЫ:

- 1. Филадель. выстав. медалъ 1876 г.
- 2. Филадель. выстав. медалъ 1876
- 3. Париж. выстав. поч. отъ. 1878
- 4. Амстердам. выстав. медалъ 1883
- 5. Бостон. выстав. почет. дипл. 1883

ДВѢ ПРИВЛЕГИИ:

- 1. Съ 1863 г. по 1873 г.
- 2. Съ 1872 г. по 1882 г.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

приготовлено изъ чистаго русскаго винограднаго вина, и нисколько не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ. 1 р. 50 к. за бутылку.

Кромѣ того поступили въ продажу еще новые четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“:

- 1) ПОЛУ-СУХОЕ (Demi sec. «England» à la Cliquot).
- 2) ОЧЕНЬ СУХОЕ (Extra sec. à la Pommery).
- 3) РОЗОВОЕ ГУСТОЕ (Oeil de Perdrix à la Roederer).
- 4) РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ (à la Cliquot).

по 2 р. за бут.

Всѣ вышеозначенные сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут.

НВ. — ПРОСЯТЪ ИЗБѢГАТЬ ПОДЪДЛОКЪ.

ОЧЕНЬ СУХОЕ.

Въ редакціи журнала „ПРИРОДА И ОХОТА“ (Москва, Мясницкая, у Красныхъ воротъ) и во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ продается новая книга:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОХОТНИЧІЙ КАЛЕНДАРЬ“

составленный редакторомъ журнала — Л. П. Сабаньевымъ. 640 страницъ большаго формата, убористой печати и 382 рисунка (всѣ породы охоты: звѣрей и птицъ, собакъ, ружья охоты, принадлежности, снаряды для уценія рыбы и пр.). — Календарь содержитъ въ календарномъ порядкѣ, указаній того: 1) что въ каждомъ мѣсяцѣ происходитъ (отдѣльно для сѣверной, средней и южной полостей Россіи) съ дичью и рыбой, и гдѣ онъ держится; 2) какими способами охотиться на дичь и удить рыбу; 3) какъ когда содержать, легавыхъ, гончихъ, борзыхъ, чѣмъ когда — и какъ кормить ихъ, когда и какъ обучать и т. д.; 4) какъ выбирать и содержать ружья и удильща, а равно охоты, и рыболовныя принадлежности — и т. п. практическія наставленія и совѣты охотникамъ съ ружьемъ, гончими, борзыми и съ удочкой. Въ приложеніи: а) портретъ собакъ, б) собачій львобичъ и в) сирачный отъдѣлъ. — По своему объему, богатству содержанія и количеству рисунковъ, календарь представляетъ самое полное руководство къ охотѣ ружейной, соевой, рыболовной — и съ ловчими птицами.

Цѣна 5 р., въ отличномъ переплетѣ 6 р. Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не прилагаютъ.

Продолжается подписка на журналъ. Новые подписчики получаютъ 4 вышедшія книги и календарь, какъ премію. Подписная цѣна 14 р. съ пересылкою. П. № 1075 1—1

НАСТОЯЩІЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ,

развѣщенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цибиковъ

ТОРГОВАГО ДОМА

„БРАТІЯ ЗЕНЗИНОВЫ“

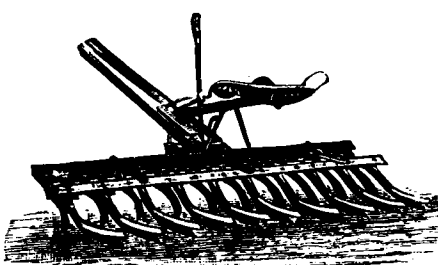
Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

ПРОДАКА ОПОТМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

П. № 3947 Прейсъ-куррантъ высылается бесплатно. 16—9

Единственная на югѣ Россіи специальная мастерская прачешныхъ машинъ. усовершенствованныхъ изобрѣтенною практикою (мастерская сущ. съ 1875 г.). Употребленія ихъ самое упрощенное, приспособлены для семействъ и большаго числа прачешныхъ заведеній. Прому не представляютъ чѣмъ либо въ родѣ американскіи. Катки давленіе до 40 пуд Цѣна и вѣсъ съ унак. 20 р., 2 п. 10 ф. Молки могутъ мыть даже кружева, тюль, газъ и пеньковыя полотенки 15 р., 2 п. выжимки 10 р., 20 ф. Также имѣю всегда готовыми токарные станки въ 35, 45, 60 и 75 р. Конторскіе сметы 7 р., бухгалтерскіе 10 р. Иногородные могутъ выписывать съ вылож. платежомъ, выславъ задатка 20%. Харьковъ, Екатер. ул. № 13. Николай Ивашевъ № 1046 10—2

УНИВЕРСАЛЬНАЯ АМЕРИКАНСКАЯ БОРОНА АИМЪ,

она же глибодробъ, рыхлитель, ровнитель, катокъ и запашникъ — рекомендуется какъ лучшее орудіе для воздѣлки почвы.

Всѣ изъ желѣза и стали и поэтому прочна. Новый росоиши: иллустр. каталогъ новѣйшихъ земледѣльч. машинъ и орудій, насосовъ и помарн. трубъ высылается за 21 коп. марками.

Товарищество БУРКГАРТДЪ и УРЛАУБЪ.

С.Пб. Вас. Остр. 1 линія № 10 и Москва, Мясницкая ул., д. Сытова.

Американскую борону — рыхлитель Ла-доа съ 12-ю стальн. дисками въ 13 дюйм. предлагаемъ за 65 рублей. № 1069 3—2

СТУД. УНИВ. (зол. мед.) мол. имѣть урокъ въ отвѣдъ. Приготовл. во всѣхъ учебн. завод. за умѣр. вознагражденія. Сольдид. рекомендаціи. С.Пб., Петерб. сторона, Петровская ул., домъ 13, кв. 1. Д. М. № 1081

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К^о, СТРОИТЕЛИ

Извѣстныхъ преміированныхъ конныхъ молотилокъ, приводовъ, вѣялокъ, сортировокъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ, непрерывно дѣйствующихъ сѣяныхъ прессовъ, механическихъ зерносушилокъ, предлагаютъ отъ лучшихъ иностранныхъ заводовъ: Клейтона и Шутлеворта — паровыя молотилки съ locomobiles, Мак-Кормика, съ вѣко сѣлки, жни, и сноповязки, Столардта — тарелочныя боронъ Рандаля и ковшныя грабли Тигеръ, и запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная контора въ Москвѣ, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Вр. Бутоновъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ. Рыбная улица. № 8991 13—4

ПАРИЖСКІИ ЦѢЛОЧКИ ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство — 5 лѣтъ, что не почернится! Предлагаетъ депо Василія Аурихъ, Бельми Морская, д. 17, кв. 6, паради. Лѣтница № 1020 въ С.-Петербургѣ. 10—4

МУЖСКИИ ОДИНОЧН. въ 2, 3, 3 1/2 и 4 1/2 руб.
Двойные въ 4 1/2, 5 1/2, 7 и 8 руб.
ДАМСКИИ СЪ НИТЬЮ въ 4, 5, 6, 6 1/2, 8 и 9 руб.
НАРАДАШИ въ 1, 1 1/4, 1 1/2 и 2 руб.
Ключики по 75 коп.
Пересылка 60 коп.
Торговцамъ скидка.

Успѣшное изъченіе англійскаго языка безъ всякой помощи учителя. Англійскій ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для русскаго юношества и дѣтей.

НАШИ ДѢТИ OUR CHILDREN.

Сохраняя полную программу прошаго года, редакція прибавила еще одинъ отдѣлъ подъ названіемъ „САМОУЧИТЕЛЬ“, дающій средства изучить произношеніе англійскаго языка. Въ послѣдней, дополненной и улучшенной, формѣ журналъ „НАШИ ДѢТИ“ всегда окажетъ русскому юношѣ незамѣнимую услугу. Онъ даетъ ему вѣрныя средства успѣшно изучать англійскій языкъ съ наименьшимъ затратою силъ и времени и въ тоже время, совершенно устраняя лѣноность въ дорого стоящемъ учителѣ, не требуетъ отъ него никакихъ денежныхъ средствъ.

Всѣ подписчики 1885 года получаютъ бесплатное приложеніе: АНГЛО-РУССКІИ СЛОВАРЬ, выходящій по частямъ при №№ журнала. 1084

СЛОВІИЯ ПОДПИСКЪ: на годъ безъ доставки 6 р., съ доставкой 7 р.

Подписка принимается: въ редакціи, С.-Петербургъ, Чернышевъ пер. дз. Коммерческаго Училища, кв. № 9 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Все изданіе прошаго года распродано. Редакторъ-издатель В. В. БРЕЙ.

О-ДЕ-КОЛОНЪ.

самаго высшаго качества, на всѣхъ всемирныхъ выставкахъ награждены только самыми высокими преміями; можно имѣть во всѣхъ больш. парфюмерн. магазинахъ и торговл. анткар-скихъ товарами. С. № 3728 18—8

Ж. БЛОКЪ
 ПРЕЙСЪ КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТ БЕЗПЛАТНО
 СПЕЦИАЛЬН. ДЛ. РУССКИХ ДОРОГЪ.
РУССКІЙ КЛУБЪ
 СКЛАДЫ С П.Б. НЕВСКІЙ № 16
 МОСКВА, КУЗН. Д. ГОМЦЫНА.

„АМЕРИКАНКА“,
 полезный всакому хозяйству снарядъ для стирки въ обыкновенной комнатной водѣ бѣлыя. Расходуя весьма мало мыла и сохраняя отлично бѣлыя, стирка доступна даже малодѣткамъ. Приглашаются агенты. Цена снаряда съ пересылкою по почтѣ 5 р., въ Сибирь 8 руб. При каждомъ снарядѣ предлагается наставленіе. Адресъ: Губернскому агенту Русскаго Слрх. Общества, В. Шлемензоню, въ Симферополь. № 1077

ОТЗЫВЪ ЧЕТЫРНАДАЦАТЫЙ.
 М. Г. Веніаминъ Ильичъ! Два снаряда для стирки бѣлыя получилъ 3 декабря 1884 г. по почтѣ, сохранив. На практикѣ снарядъ весьма хорошъ и удобенъ: сберегаетъ время и трудъ и уменьшаетъ расходъ по хозяйству. Съ благодарностью за акуратную высылку, прилагаю опять 16 руб. и прошу выслать мнѣ еще такіе же два снаряда. По моему „Американкѣ“ весьма привычными и для нижнихъ воинскихъ чиновъ, особенно въ лѣтнее время, когда ежедневно требуется имъ бѣлое платье и проч. Съ глубочайшимъ вниманіемъ къ Вамъ, имѣю честь быть Протоіерей Іоаннъ Гитовъ. 14 января 1885 г. Адресъ: Его Высочайшему Протоіерю О. Іоанну Гитову, въ г. Читѣ, Забайкальск. обл. (Сибирь). Фабричное клеймо на снарядѣ: „В. ШЛЕМЕНЗОНЪ — Симферополь“.

АМЕРИКАНСКІЙ ПЕРЕПЛЕТЧИКЪ НЕОБХОДИМЪ КАЖДОМУ

для стипанія бумагъ, журналовъ, газетъ, а также и для всѣхъ торжественныхъ заведеній, для стипанія счетовъ, накладныхъ, квитанцій и прочихъ разрозненныхъ бумагъ, во многихъ случаяхъ замѣняетъ гвоздь, не портитъ обоевъ, даже въ каменной стѣнѣ, въ которую легко приколачивать объявленія, афиши, календари, термометры, часы, заставки, драпери, при вышиваніи изъ дерева привѣсными для скрѣпленія угловъ и прочихъ частей. При каждомъ американскомъ переплетчикѣ прилагается 500 штучекъ 4-хъ величинъ: цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 35 к., вромѣ Азиатской Россіи. Торговцамъ по соизволенію.

С.-Петербургъ, Невскій, Малютинъ рядъ, № 18, магазинъ П. Ф. Каратаева.

Вѣчная металлическая вѣшалка для мужскихъ и дамскихъ пальто, шубъ и прочаго платья. При выдѣлкѣ американскаго переплетчика 15 коп. № 1078

ПАРКЕТЪ
 дубовый и сосновый, шпунтовое полы, двери, оконныя рамы, полная столарная отдѣлка домовъ съ доставкой, установкою на мѣсто и отвѣтственностью за сухость и прочность.

Издѣлія изъ дуба, ливственницы и сосны для ж. д. и парокондуктовъ. Пишменно обращаться на Контарскіе паровые, лѣсопильный и столарно-паркетный заводы на Волгѣ, г. Чебоксары, Каз. губ.

Телеграммы: „Контарскіе заводы“.
 Контора и складъ въ Москвѣ: Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Заорыинной. 1012 28-2

ИЗВѢСТНАЯ МАСЛОВОЙКА „БЛАНГАРДЪ“.
 Американскія машины для сѣна и сѣна изъ лучшей стали. Р. № 10837-1

САДОВЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.
Ж. БЛОКЪ.
 СПБ. Невскій 16. Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.

Поступило въ продажу **НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:**

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ.

(Архитектура, Скульптура, Живопись. Мозаика, Оружіе, Церковн. и Домашняя утварь. Одежда. Украшенія и пр. и пр.)

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.
П. П. ГНѢДИЧА.
 Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой красивый томъ. in quarto, болѣе 500.строн. убористаго шрифта. въ 2 столбца. съ 430-ю превосходно исполненными гравюрами и рисунками въ текствѣ.

ЦѢНА: брошюр. 6 р., съпер. 7 р.; въ роскошн. коленкор. переплетѣ, тисненномъ золот. и 3-мя краск. 7 р., съпер. 8 р. 50 к.

Появленіе предлагаемой книги было встрѣчено весьма сочувственными и лестными отзывами столичной и провинціальной прессы. Очень обстоятельные разборы были напечатаны слѣдующими періодич. изданіями: „Правительств. Вѣстникъ“ (№ 57), „СПБ-скія Вѣдомости“ (№ 68), „Художественный журналъ“ (за февраль мѣсяца), „Биржевыя Вѣдомости“ (№ 45), „Петербургскій Листокъ“ (№ 69), „St. Petersburg Herald“ (№ 69), „Moskauer Deutsche Zeitung“ (№ 63), „Петербургская Газета“ (№ 71), „Гражданинъ“ (№ 22), „Донская Пчела“ (№ 17), „Русскія Вѣдомости“ (№ 80), „Кавказъ“ (№ 78), „Нижегородск. Биржев. Листокъ“ (№ 73), „Саратовскій Дневникъ“ (№ 68), „Rigasche Zeitung“ (№ 69).

Въ „Петербургской Газетѣ“ между прочимъ говорится: „Книга г. Гнѣдича написана живымъ литературнымъ языкомъ. она является рядомъ интересныхъ и удобочитаемыхъ монографій объ искусствѣ въ разныхъ странахъ.... Мы отъ души желаемъ наибольшаго распространенія книги между публикой.... Ознакомленіе съ безсмертными произведеніями искусства особенно желательнo въ нашъ прозаическій вѣкъ“.

La génération actuelle ne souffrira plus, celle qui nous suit, ne souffrira jamais.

EAU DE SUEZ

VACCINE DE LA BOUCHE POUR LA SUPPRESSION IMMÉDIATE ET PERMANENTE DES MAUX DE DENTS DE GORGE, DE L'IMPURETÉ D'HALEINE, ETC.

Supprimer à l'instant même et pour toujours les maux de dents et, par conséquent, l'aurification, le plombage et l'extraction des dents. Maintenir, jusqu'à la fin, les DENTS INTACTES ET BLANCHES. Assurer, jour et nuit, la PURETÉ DE L'HALEINE. Supprimer toute mauvaise odeur, y compris celle du T A B A C. Telle est la mission que, depuis dix ans, L'eau de Suez remplit avec un succès toujours croissant.

Dépôt général
Parfumerie du Grand Monde
 16. Grande Morskaïa 16. М. № 1082

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ

ПРОИЗВЕДЕНІЯ

БЕНЕДИКТИНОВЪ

Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).
НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.
 С.-Петербургскимъ столичнымъ врачебнымъ присутствіемъ разрѣшено ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. № 1052 26-4

2 ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ:
 Брюссель 1880 — Лондонъ 1884 гг.
 ВЫСШІЯ НАГРАДА.

Изобрѣт. настоятелемъ 1373 г. ПЬЕРРЪ БУРЗО Домъ основанный въ 1807 г. Сен-Генъ, въ Бордо, ул. Гюгери, 3.

ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ **SEGUIN** RUE HUGUERIE 3 BORDEAUX.

Складъ въ СПБ. въ Техно-Химической Лабор. Гостин. дворъ № 45, въ магазинѣ А la Renouée: у А. Рузанова и Флейша, парфюмеровъ.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ АРИСТОНЪ,

новаго образца, отличающагося мелодичными и полными отчетливыми звуками, и хорошей отдѣлкой, самый удобный инструментъ для домашняго развлеченія, для танцевъ, въ особенности на дачѣ.

Цѣна новому усовершенствованному ари тону съ 10-ю пѣсами по выбору **25 р.**

отдѣльныя пѣсемъ, которыхъ около тысячи разныхъ номеровъ, какъ-то: лучшихъ танцевъ, оперъ, новѣйшихъ оперетокъ, русскихъ пѣсенъ и другихъ по 60 коп. Рекомендуютъ какъ и всѣ другіе музыкальные инструменты въ громадномъ выборѣ по весьма дешовымъ цѣнамъ.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.
 С.-Петербургъ, Вол. Морская № 36 и Горюховая ул. домъ № 32. Р. № 1085 2-1 Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торжковская. Новый дополненный каталогъ пѣсамъ для аристана на русскомъ и ивмскомъ языкахъ бесплатно. На пересылку аристана по почтѣ прощу прилаг. за 40 фунт.

МИНИРАЛЬНЫЯ ВОДЫ
 свѣжаго разлива получены въ Старо-Николевской аптекѣ и въ магазинѣ аптекарскихъ матеріаловъ Феррейна, въ Москвѣ, на Никольской ул. Высылаю во всѣ города Россіи. П. № 1053 3-2

Только подлинно съ этого фабрик. маркою.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“

Медо-Травяной Махльцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ Л. Г. ПИТШЪ и Копп. въ Бреславль“.

Признанъ за лучшее средство противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная съ простаго натиранія до чаюти и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ официальное благодарственное письмо отъ № 3840 10-9

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспоможенія больнымъ и раненымъ воинамъ въ С.-Петербургѣ.

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфетамъ 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ у В. Аурыха, В. Морск. 17.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургѣ, Генриху Блокнъ Невскій 51. № 1038 4-3

№ 12. КАЗАНСКАЯ.

ФИЛЬТРЫ ДЛЯ ВОДЫ

ДЖОРДЖА ЧЕВИНСА.

Всѣму міру извѣстныя, награжденные 48 золотыми и серебряными медалями. Фильтры: для кухни, кабинета, домовъ, фабрикъ, аптекъ и пр. Исключительная роз. Р. № 1076 ничная продажа 1-1

ВЪ РУССКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ТОРГОВЦА АПТЕКАРСКИМЪ ТОВАРАМЪ. КАЗАНСКАЯ № 12.
 ГЛАВНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ:
Е. А. ВТ. МЕЛДЕРЪ.
 В. О. 8 линия № 3.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну непарейль (¼ шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
60 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москву черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линия
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 5 р. 6 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 8 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Идиллія времянь Директоріи. Съ картины Цика, грав. Бонгъ.

Идиллія временъ „Директоріи“.

Въ мрачную эпоху террора во Франціи нѣжное чувство, движеніе чувствительнаго сердца какъ то умышленно скрывались и считались какъ бы слабостью, педостойной истиннаго гражданина республики. Всѣ представляли изъ себя людей съ героическимъ характеромъ, стоящихъ выше мелкихъ страстей и увлеченій. Мужчины казались воскресшими Катонами и драпировались въ лохмотья античнаго стоицизма; женщины, всецѣло увлеченныя политикой, промѣняли мирный семейный очагъ на бурную дѣятельность революціонныхъ клубовъ и часто, очертя голову, принимали участіе въ отчаянной борьбѣ партій. Онѣ хладнокровно присутствовали при казняхъ, у эшафота, и безсердечно относились къ жертвамъ. Быть чувствительнымъ, сострадательнымъ, выражать горе и ужасъ—считалось неумѣстнымъ и женщины щеголяли палускою холодностью. Съ водвореніемъ Директоріи все измѣнилось и впечатлительные французы быстро впали въ другую крайность. Какая

то неудержимая, страстная веселость овладѣла Парижемъ; недавній терроръ былъ забытъ и смѣнился балами и увлеченіемъ танцами. Революціонная грубость была замѣнена сентиментальностью, изысканною нѣжностью и женщины стали предметомъ восторженнаго культа. Французы по прежнему копировали античныхъ людей, но теперь образами ихъ явились уже не Катоны и Диогены, а римляне временъ цезаризма. Женщины являлись публично въ прозрачной, откровенной одеждѣ Мессалины и какъ бы гордились легкостью и свободой своихъ нравовъ. Любовь снова вступила въ свои права; элегантныя парочки бесѣдовали теперь свободно о высокихъ чувствахъ любви и объ дѣлахъ своего сердца... Одно изъ такихъ нѣжныхъ свиданій и представлено на нашемъ рисункѣ: это идиллія временъ Директоріи, такъ прелестно изображенная художникомъ—эта парочка въ оригинальныхъ и нѣсколько странныхъ для насъ костюмахъ того времени.

Искушеніе.

Разсказъ Я. П. Полонскаго.

(Продолженіе).

IX.

Войдя съ покупками къ Марьѣ Ильинишнѣ, Аркашинъ засталъ ее въ углу, на сундукѣ, съ протянутыми руками: она зажигала лампадку передъ образомъ, и тѣль отъ нея, колышась по всему полу, покрывала тотъ столъ, на который Аркашинъ выложилъ всѣ покупки, а въ томъ числѣ и свой рождественскій подарокъ. Сильно билось въ немъ сердце... Онъ улыбался какой-то блуждающей улыбкой и былъ блѣденъ, когда Марья Ильинишна, нѣсколько разъ перекрестившись на образъ, оперлась на его плечо и соскочила на полъ.

— Вы не замерзли, не заморозила я васъ? проговорила она, стоя передъ нимъ и, видимо, любуясь лицомъ его, озареннымъ однимъ только лампаднымъ, розовымъ сіяніемъ. Еслибы желѣзо могло создавать, съ какою неодолимою силой потянуло его къ магниту, къ которому поднесли его, оно бы ощутило то-же самое, что ощущалъ нашъ скромный и благоразумный Валентинъ Петровичъ. Онъ люблѣднѣлъ...

— Поцѣ—луйте меня!.. проговорилъ онъ замирающимъ отъ волненія голосомъ. Но она поглядѣла ему въ глаза, также точно поплѣднѣла и отшатнулась.

Онъ хотѣлъ поймать ее за руку, но она, увернувшись, прошла по комнатѣ, точно чего-то ища и ничего не видя, и затѣмъ, точно такимъ-же голосомъ проговорила:

— Нѣтъ... Уйдите... не могу, не могу...

И неизвѣстно, что больше, страхъ или мольбу изобразило въ эту минуту ея милое личико, освѣщенное тѣмъ-же лампаднымъ свѣтомъ... Глаза иконы смотрѣли на нихъ, строгіе и спокойныя.

Почувствовалъ-ли на себѣ взглядъ этотъ Аркашинъ—не знаю. Знаю только, что онъ исчезъ, точно его и не было... Какъ онъ ушелъ—не замѣтила даже сама Марья Ильинишна. Она сѣла на сундукъ, опустила на ладони пылающее лицо свое и погрузилась въ тотъ хаосъ, который поднимался со дна души ея. Лихорадка страсти, любви. Рождественскій праздникъ, воспоминанья, надежды, недовѣріе, радость торжества, испугъ за него, за всю его будущность, жажда жертвы и горькіе плоды, которые, быть можетъ, принесетъ эта жертва, — словомъ, отрывки всевозможныхъ неопредѣленныхъ чувствъ и неясныхъ мыслей—вотъ тотъ хаосъ, который заставилъ ее забыть и о покупкахъ, и о самоварѣ, и о томъ, что она намѣрена была пригласить Валентина Петровича выпить съ нею чаю и еще разъ поблагодарить его за хлопоты.

— Гм! рѣшила она, вставая: вѣдь я не дѣвочка! я вѣдь знала, да и какъ же было не знать, къ чему ведутъ такія близкія отношенія: пожиманія рукъ, услуги, намеки и пр. и пр.? — Ну, что-же? чего-жъ я испугалась? что мнѣ стоило поцѣловать его! Вѣдь онъ меня

любитъ! Вѣдь я люблю его!.. Какъ это все глупо, непростительно глупо!.. Конечно, отъ меня зависѣло, ради праздника, подарить ему минуту счастья и не доводить ни его, ни себя до... до грѣха. Или ужъ я такая, что не могу за себя поручиться, не могу быть въ себѣ увѣренной!..

И она, то скорыми шагами ходила изъ угла въ уголь и ломала руки, то вдругъ останавливалась, глядѣла на образъ, начинала молиться и опять принималась ходить.

Наконецъ, вздрогнула и подняла голову: кто-то постучался. Но это былъ не онъ, это была Барбара. Она отворила дверь, затѣмъ чтобы внести самоваръ.

— Что же вы свѣчи не зажигаете? спросила она.

— Сейчасъ зажгу, сходи за хлѣбомъ. Да поди, спроси Валентина Петровича, будетъ ли онъ со мной чай пить?

— Ихъ пѣтъ-съ. Сейчасъ надѣли шубу и вышли-съ.

— А калоши надѣлъ?

— Не замѣтила.

Заваривая чай, Марья Ильинишна нѣсколько успокоилась. Мысль, что Валентинъ Петровичъ теперь ходить на морозѣ и, можетъ быть, даже безъ калошъ—мысль эта только тѣмъ ее и успокоила, что одна тревога смѣнилась другой, волненіе крови и нервная возбужденность перешли въ безпокойство, что Валентинъ Петровичъ можетъ простудиться и заболѣть или Богъ знаетъ, куда пойдетъ, и его ограбятъ.

Выпивъ чашку чаю, она вышла въ корридоръ, еще освѣщенный маленькимъ пучкомъ пылающаго газа. Было уже 11 часовъ.

Она прошла мимо дверей его комнаты; постояла, послушала;— „пѣтъ еще, не вернулся!“ подумала она и, всякій случай, шаловливо стукнула въ его дверь сгибами пальцевъ. „Нѣтъ, еще не вернулся!“ Она прошла еще нѣсколько шаговъ, нагнулась и стала разматривать калоши, стоящія у стѣнки около вѣшалки. не нашла его калошъ съ буквами В. А. и, успокоенная, вернулась въ свою комнату.

X.

Валентинъ же Петровичъ вышелъ на улицу въ томъ состояніи духа, когда человекъ и самъ не знаетъ, что онъ, куда и зачѣмъ. Никогда еще не случалось съ нимъ такого казуса. Въ немъ много было силы для пассивнаго сопротивленія; но никакой—для того, чтобы самому достигать чего нибудь, и вдругъ,—такъ выдти изъ колеи! поступить такъ опрометчиво на зло своей натурѣ и добро бы еще признаться въ любви, пѣтъ—промолчать и обнаружить свои поползновенія, и такъ не кстати, такъ дерзко, такъ неожиданно! Что она подумаетъ о немъ, если только она порядочная жепщица, а не пе-

тербургская гризетка или хоть не та дама, приятная во всѣхъ отношеніяхъ, которая первая захотѣла научить его не церемониться съ дамами, когда онъ былъ еще ничто иное, какъ взрослый школьникъ! „Какой я дуракъ, какая скотина!“ думалъ Аркашинъ, шагая по тротуарамъ изъ улицы въ улицу. Сначала онъ не чувствовалъ холода; наконецъ, прозябъ и усталъ до изнеможения. Онъ уже хотѣлъ кликнуть извозника, какъ вдругъ, увидаль яркій свѣтъ въ окнѣ одного дома и, оглядѣвшись, догадался, что онъ на Гороховой, потому что идетъ мимо квартиры нѣкогого надворнаго совѣтника, Генриха Федоровича Бульке, и что самое лучшее, если онъ зайдетъ къ нему. Онъ уже зналъ, что Бульке — человекъ не церемонный, большой семьянишъ и, наконецъ, на столько русскій, что очень плохо говоритъ по нѣмецки, мало читаетъ по русски и выписываетъ французскую газету.

У Бульке онъ засталъ елку, всю въ огняхъ и бомбоньеркахъ съ конфетами, много дамъ и цѣлую кучу дѣтей, а въ дымномъ кабинетѣ самого хозяина, неизбѣжный карточный столъ и гостей со стаканами чая. Бульке принялъ его очень радушно, упрекнулъ, что онъ совсѣмъ забылъ ихъ, и Валентинъ Петровичъ самъ же помнилъ, какъ онъ очутился за ломбернымъ столомъ съ мѣлками и какъ очутился въ рукахъ его козыри.

Къ чести моего скромнаго героя я долженъ сказать, что въ эту рождественскую ночь онъ проигралъ около 8 рублей и выпилъ лишній стаканъ вина за ужинкомъ; только это и намекало на ненормальное настроеніе его духа; наружно же онъ былъ совершенно такой же, какъ и всегда: немного блѣденъ, но также спокоенъ, также молчаливъ и солиденъ.

Поздно подъ утро вернулся онъ домой и еще позднѣе на другой день проснулся. Зимнее солнце уже стояло сажени на двѣнадцать горизонтомъ, и уже весь городъ топился: надъ его бѣлыми кровлями медленно поднимались столбы волнистаго дыма, расплывающагося въ верхнихъ слояхъ неподвижно застывшаго воздуха. Въ окно только этотъ дымъ и былъ виденъ съ того мѣста, на которомъ покоилась голова его. Только печь его не могла исполнять своей обязанности, такъ какъ дверь его была заперта, и была-бы заперта до 12 часовъ, еслибы не постучалась горничная и не принесла ему двухъ записокъ: одну съ городской маркой, другую безъ марки, но съ знакомымъ ему почеркомъ. Этотъ почеркъ нѣсколько смутилъ его. Записка эта, очевидно, была только что написана: чернила еще сохраняли слѣды посыпавшаго на нихъ пшена. Но что-же мудренаго? записка эта пришла изъ того-же коридора, изъ 7-го номера. Марья Ильинишна письменно благодарила дорогого Валентина Петровича за дорогой подарокъ, упрекала его за бессонную ночь и заканчивала слѣдующими словами: „я вѣрю Вамъ, по умолю: не шутите съ огнемъ! или постарайтесь забыть Вашу М.“

Записка эта до такой степени поглотила его вниманіе, такъ его взволновала, такъ обрадовала и такъ испугала, что долго не замѣчалъ онъ другаго письма и только тогда догадался прочесть его, когда принесли самоваръ, и онъ долженъ былъ взять нераспечатанный конвертъ, чтобы дать мѣсто старому, на сей разъ прервосходно вычищенному воркуну и зацѣвалъ.

Такая разсѣянность тоже не была въ его характерѣ.

Письмо было отъ тетюшки его Анциперовой слѣдующаго содержания:

„Любезный племянникъ! ты забылъ меня старуху — грѣхъ тебѣ! Пожалуйста, пріѣзжай завтра, т. е. 25-го декабря, такъ какъ въ этотъ день дѣлать визитовъ не принято, и ты свободенъ. У меня до тебя есть большое дѣло, нужно переговорить съ тобой. Буду ждать тебя къ завтраку. До свиданья. Твоя любящая тетка

Прасковья Анциперова“.

„Надо сейчасъ ѣхать!“ подумалъ Валентинъ Петровичъ: не поспѣю я къ завтраку... Онъ закурилъ папиросу и сталъ одѣваться.

Одѣвшись, онъ спросилъ, дома ли Марья Ильинишна. Ему сказали, что ея дома нѣтъ.

XI.

Аркашинъ, не смотря на первый день рождественскаго праздника, засталъ старушку въ домашнемъ чепцѣ, въ ея будуарчикѣ, передъ столомъ, на которомъ она раскладывала грампасьянсъ, и до тѣхъ поръ не разговорила съ нимъ, какъ слѣдуетъ, пока не смѣшала карты:

— О тебѣ гадала, сказала она: ну, да что! карты постоянно врутъ! А ты похудѣлъ... Что ты такъ поздно? и ужъ цѣлый часъ, какъ жду тебя. — Ну, другъ любезный, поклонись мнѣ въ ножки: я невѣсту нашла тебѣ. Завтра тебѣ пужно будетъ ѣхать...

— Какъ завтра? куда? испугался Аркашинъ.

— Ты поѣдешь отъ меня съ письмомъ къ Захару Олимпіевичу и отвезешь ему отъ меня маленькую посылочку, машинально тасуя карты, продолжала тетюшка.

— Кто такой Захаръ Олимпіевичъ?

— Будто ты и не знаешь Варшавина, Захара Олимпіевича! Самаго близкаго друга твоего покойнаго папа, который и послѣ его смерти не разъ помогалъ твоей матери, когда она нуждалась. У Варшавиныхъ ты бывалъ, я это помню... ребенкомъ бывалъ у нихъ. Вотъ еще эдакій... въ курточкахъ ходить.

— Варшавиныхъ фамилію я хорошо помню, возразить все еще недоумѣвающей Валентинъ Петровичъ. — Вы бы такъ и сказали, что тотъ Варшавинъ, у котораго вы гостили.

— Гостила я у нихъ всю осень, и только что отъ нихъ пріѣхала. Прожила бы тамъ всѣ праздники, да вспомнила, что я тутъ пужище... да и съ тобой переговорить нужно... О твоей судьбѣ позаботиться. Нарочно завилла у старика 200 рублей и общалась въ декабрѣ расплатиться съ нимъ, по теперь лишнихъ денегъ у меня нѣтъ. Ты отвезешь извинительное письмо, да кетати и познакомишься съ его дочкой, Олимпіадой Захаровной. Она родилась отъ второй жены его, Людмилы Павловны, урожденной княжны Замятовой. Олимпіочка — единственная наследница своей покойной матери и уже совершеннолѣтняя: дѣвушка 22 лѣтъ, красоты неописанной, большая умница и съ большимъ состояніемъ.

— Да развѣ она теперь въ Петербургѣ?

— Ахъ, зачѣмъ ей быть въ Петербургѣ? Чего она здѣсь не видала? Она у себя въ имѣньи, въ Новгородской губерніи.

— И мнѣ ѣхать въ Новгородскую губернію!

— А почему же тебѣ не ѣхать? И въ Сибирь ѣздить, не то что въ Новгородскую.

— Да мнѣ вовсе не хочется жениться...

— Пожалуста... не ври... За тобой этого прежде не водилось. Самъ же пристаешь ко мнѣ...

— Да помилуйте! Неужели вы не понимаете, что я шутлю...

— Шути съ шутками, а я не шутиха! Общала тебѣ высватать невѣсту и долго о тебѣ думала, — долго ты у меня вотъ тутъ сидѣлъ...

И Прасковья Степановна указательнымъ пальцемъ потрогала себѣ лобъ и поглядѣла на него строго и разсительно.

— Очень вамъ благодаренъ! но ѣхать въ Новгородскую деревню... этого, тетюшка, я не ожидалъ. Этого... признаюсь... я даже и ожидать не могъ!.. Шутка сказать: ѣхать зимой въ Новгородскую губернію!

— И на край свѣта поѣзжай, если тамъ ждетъ тебя такое благополучіе... Экіп ты ямля... стоишь-ли ты.

Молодая цвѣточница. Съ картины Ф. Бергге, грав. Брендагуръ.

чтобы я о тебѣ заботилась... Нарочно карточку твою ей показывала... и на фотографіи ты ей очень понравился... И если... ты ее не разочаруешь, будь увѣренъ—отецъ тоже не станетъ кобанинъ: онъ давно ищетъ человѣка хорошаго; нуженъ ему хорошій дѣловой человѣкъ, до зарѣзу нуженъ! Тебя же давно онъ знаетъ по репутациі. Денегъ имъ не нужно: человѣкъ нуженъ, который не проморгалъ бы состояніе Олимпочки. А если ты не помнишь Захара Олимпьевича, то коротка у тебя память—жаль это. Онъ тебя помнитъ, и курточку твою, и панталончики,—и будетъ очень радъ съ тобой познакомиться, очень радъ. Ужь такъ я всѣхъ тамъ построила, что всѣ будутъ радеховки.

— Тетушка! сказали Аркашинъ (опъ все еще протестовалъ и противился), я, конечно, готовъ повиноваться вамъ, по мѣрѣ силъ моихъ, но если они — и старикъ и дочка—знаютъ, что я прѣйду къ нимъ съ намѣреніями, что я, такъ сказать, претендую, то воли ваша,—мнѣ будетъ такъ тяжело, что лучше не ѣхать.

— Да развѣ я дура! Стану я заранѣе чтонибудь говорить? Вдругъ ты не понравишься или она тебѣ не понравится—а я буду, ни къ селу ни къ городу, языкъ чесать! Ожидайте, молъ, жениха. — жениха принлю; точно у ней нѣтъ жениховъ? да у ней отъ нихъ отбою нѣтъ. Вся губернія влюблена! Что ты, опомнись!

— Дайте подумать!

— Пожалуй, думай! Кто тебѣ мѣшаетъ?

— А если я не изъявлю желанія?

— Ну, тогда ничего и не будетъ. Не насильно-же, связавши по рукамъ, по ногамъ, мы тебя къ вѣнцу потащимъ! И безъ тебя найдутся хорошіе люди!

— Значить, эта поѣздка ни къ чему меня не обязываетъ... Если — да, то... извольте, я исполню ваше порученіе, только когда-же? лѣтомъ?

— Лѣтомъ!.. Нѣтъ братъ... много воды утечетъ до того времени, зѣвать не совѣтую. Куй желѣзо — пока горячо... Завтра и поѣзжай съ Богомъ! Я уже писала, что ты ѣдешь въ мое имѣніе и заѣдешь къ нимъ. Завтра къ 9 часамъ вечера и лошади на станціи будутъ отъ нихъ ожидать тебя.

— Какъ-же я завтра поѣду? Сами разсудите: вѣдь не могу же я ѣхать безъ отпуска, а кто мнѣ теперь дастъ его?—канцелярія заперта, и не только начальства или чиновниковъ—сторожей съ собаками не найдешь!

— Очень тебѣ нужны сторожа или отпуск! Вѣдь ѣздишь-же ты въ Царское Село или въ Павловскъ безъ всякаго отпуска. А тутъ на два или на три дня какихънибудь, въ праздники — и еще отпускъ! Пожалуйста, ужъ ты не отлынивай! Или у тебя тутъ какаянибудь метреса завелась, не отпускаетъ, нужно будетъ у ней позволенія испрашивать,—а?

— Ничего подобнаго! покраснѣвъ, пробормотала Аркашинъ и потупился. Невольная, грубая мысль пришла ему въ голову: „связись-ка я съ Марьей Ильининой—и было-бы то, что говорить тетушка: и не могъ бы я ѣхать безъ ея позволенія, и не пустила-бы...“

— Ну, завтра—такъ завтра! въ которомъ-же часу?

— Да въ два или въ три пассажирскій поѣздъ идетъ—ты тамъ узнай хорошенько; я не помню... и пошла на Волховскую станцію телеграмму на имя Варшавина. Захара Олимпьевича, съ доставкой въ село Самородное. Напиши только: такой-то Аркашинъ выѣхалъ въ такомъ-то часу съ такимъ поѣздомъ—больше ничего.

Говоря это, старуха протянула руку къ колокольчику и позвонила.

Вошла горничная, шумя новымъ ситцевымъ платьемъ, изенькая, курносая, напомаженная и съ височками.

— Позовите Лизавету Карловну.

— Они собираются куда-то, говорить... уходятъ...

— Позовите ее сюда, настойчиво повторила старуха.

Уходитъ — какой вздоръ! обидѣлась — это отъ нея станетъ!..

И Прасковья Степановна, въ ожиданіи своей экономки, положила локти на столъ и опять стала тасовать карты, шевели своими пухлыми, когда-то красивыми, пальцами.

Нѣмка вошла въ пляскѣ съ заплаканными глазами.

— Лизавета Карловна! голубушка! куда вы?

Нѣмка потупилась и опустела рѣспицы.

— Говорятъ, будто я васъ обидѣла,—когда-же это? я не помню—совсѣмъ что-то не помню... Да и стану-ли я обижать въ такой праздникъ, когда все ликуетъ и веселится! А я позвала васъ... не сходите-ли вы въ мою спальную, тамъ у меня на кушеткѣ лежитъ вчерашняя покупка—вы ее видѣли... а потомъ, выдвиньте верхній ящикъ комода, что за ширмами, онъ не запертъ — и принесите мнѣ... тамъ вы найдете эдакую коробку, перевязанную розовой ленточкой. А комодъ не запирайте: у меня, слава Богу, все народъ честный, и никогда ничего не пропадало, слава Тебѣ Господи! хоть золото рассыпъ!

Нѣмка вытерла глаза и побѣжала показатъ свое усердіе.

— Такъ-то иногда воруетъ!.. въ полголоса проговорила Прасковья Степановна: чай, сахаръ — все это у меня точно на огнѣ горитъ. А кто знаетъ? — съ другими людьми еще и хуже какуюнибудь бѣду наживешь. Эти, по крайней мѣрѣ, чувствительны. Шивъ вѣдь какъ расчувствовалась, не безъ удовольствія добавила старуха и затѣмъ стала уговаривать своего племянника, чтобы опъ взялъ отъ нея двадцать рублей на дорогу.

— Ни за что не возьму, упрямъ отвѣчалъ Валентинъ Петровичъ,—дорога стоитъ пустяки: я могу и во 2-мъ и даже въ 3-мъ классѣ мѣсто взять.

— Непремѣнно возьми въ первомъ классѣ, — нельзя иначе... и непременно не позабудь людямъ давать на чай. Кучеру ихнему рубль дай, съ него довольно, камердинеру, который сапоги тебѣ вычиститъ—пу, тому 2 рубля въ зубы сунъ, горничной, швейцару, швейцарихѣ...

„Какіе такіе швейцары въ деревнѣ?“ подумалъ Аркашинъ.

— Ой, возьми отъ меня деньги — вѣдь я не взятку даю.

Но Аркашинъ ни за что не хотѣлъ взять денегъ, и даже разсердился.

— Ну ужъ отъ этого-то, погляжу я, какъ ты откажешься, проговорила она, принимая изъ рукъ Лизаветы Карловны большой свертокъ въ сѣрой бумагѣ, перевязанной веревочкой, и тотчасъ передавая эту тяжесть на руки Аркашину.

— Что это такое?

— Рождественскій подарокъ съ елки — пледъ англійскій, мягкій, какъ шелкъ, и длинный: можно и спину, и ноги, и все закутать. Я точно предчувствовала, что ты поѣдешь въ дорогу.

— Да вѣдь у меня шуба?

— Не надѣвай шубу, надѣнь бекешу, старую твою бекешу съ мѣховымъ воротникомъ. Шуба — это такой mauvais genre!

— Не могу, тетушка.

— И вовсе не такъ холодно: вагоны патоцлены. Только не садись около печки.

— Чудесный, безнудный пледъ! сказала Аркашинъ, щупая ткань: отъ Рождественскаго подарка я не отказываюсь. Но за что же такое баловство?

— А вотъ, я вчера забыла вамъ отдать этотъ баульчикъ, уже, не слушая племянника, обратилась старуха къ Лизаветѣ Карловнѣ: тутъ зеркальцо, духи, мыло и всякая всячина. Возьмите, это для васъ было куплено. И я ужъ не знаю, какъ это я забыла вамъ вчера отдать...

„Умѣть за добривать!“ подумалъ про себя Аркашинъ. Нѣмка восторженно приложила къ рукѣ ея, взяла свертокъ, подпрыгнула, точно молоденькая, и убѣжала. — Ну, теперь я переодѣнусь. Подожди меня въ столовой...

XII.

Вернувшись отъ переговоровъ и завтрака съ тетуской, онъ тотчасъ же отправился къ Марьѣ Ильинишнѣ поздравить ее съ праздникомъ. Но напрасно стучалъ онъ въ дверь 7-го номера, дверь была заперта. Варвара же сказала, что Марья Ильинишна взяла вещи и куда-то уѣхала.

И Марья Ильинишна пропала на всю ночь, и на другой день Аркашинъ до третьяго часу пополудни не дождался ея.

Страшное безпокойство мучило его душу: гдѣ бы могла быть Марья Ильинишна? Неужели у матери или у какой-то Катерины Ивановны? или нѣтъ ли у нея какойнибудь тайной зазнобы, тайнаго друга?

Неизвѣстность и нѣчто, похожее на ревность, сосало его за сердце. За 10 минутъ до отбѣзда на станцію, написалъ онъ ей, и велѣлъ передать слѣдующую записку: „Милая Марья Ильинишна! Мнѣ очень хотѣлось поздравить Васъ, но Вы пропали... Меня посылаетъ тетуска въ деревню, и я уѣзжаю дни на 2. Надѣюсь вернуться на четвертый день праздника. Но здоровы-ли Вы? Благодарю Васъ за письмо, за прощенье, за все благодарю Васъ! О, еслибы Вы знали, что у меня на сердцѣ! Но прощайте, до свиданья!

Вашъ В. А.“

Въ тотъ же день вечеромъ, около 9 часовъ, по Николаевской желѣзной дорогѣ поѣздъ медленно подходилъ къ Волховской станціи. Мелькали красные огоньки, раздавался свистокъ и кондукторъ, проходя вагоны, говорилъ себѣ подъ носъ: „Волховская—10 минутъ“. Онъ былъ увѣренъ, что скажи онъ это хоть шепотомъ—все, кому слѣдуетъ услышать, его услышатъ.

Аркашинъ, который чуть было не задремалъ отъ истомы душевной и физической, встрепенулся, снялъ свой чемоданчикъ, сложилъ пледъ, надѣлъ шубу въ рукава и ждалъ остановки.

Вчерашнія газеты, купленные имъ въ Петербургѣ на станціи, лежали на полу, и онъ топталъ ихъ своими калошами.

Но прежде чѣмъ онъ выйдетъ изъ вагона, скажемъ въ короткихъ словахъ, о чемъ онъ думалъ дорогой.

Сначала онъ былъ какъ будто радъ, что судьба хочетъ отрезвить его, провѣтрить, такъ сказать, подвергнуть испытанію сердце,—сердце, которое несомнѣнно страдаетъ, потому что любить и—любить вопреки всѣмъ расчетамъ и соображеніямъ, и не столько страхъ нужды его останавливаетъ, сколько совершенное невѣдѣніе, дѣйствительно ли Марья Ильинишна такова, какою она ему кажется. У нея столько природнаго ума, что ей сыграть роль недоступной или честной ничего не стоитъ. Что это за дѣти, которымъ она покупаетъ игрушки на свои трудовыя деньги? что, если это ея дѣти? Нельзя ли какънибудь постараться разлюбить ее или хотя быть хладнокровнѣе. Сама же она пишетъ, что съ огнемъ не шутятъ. Что это значитъ? Не ея ли это ультиматумъ: дескать, женись, или оставь меня въ покоѣ?

Но чѣмъ далѣе трясла его дорога, чѣмъ больше зябъ онъ, чѣмъ темнѣе становилась ночь, и ярче пролетавшія искры, относимыя вѣтромъ и огненными черточками мелькавшія за двойными стеклами околовъ, чѣмъ тоскливѣе и мрачнѣе становилось на душѣ его, тѣмъ все больше и больше сожалѣлъ онъ, что послушался тетуски: „Какъ бы я теперь былъ снокоенъ, думалъ онъ: какъ бы мы хорошо встрѣтились и стали бы пить чай, и стала бы она мнѣ рассказывать, гдѣ была и что

видѣла. Вѣдь она все такъ хорошо и ясно умѣетъ рассказывать! И какъ я могу, какъ я смѣю, какое право я имѣю думать о ней дурно или осуждать ее! Вѣдь будь у ней ктонибудь, вѣдь это было бы видно: шила въ мѣшкѣ не утаишь. Вотъ, къ праздникамъ было у ней въ карманѣ не болѣе 20 рублей, которые мѣсяцами она копила и откладывала. Сколько же у ней останется на праздники, если 14 рублей она уже истратила на подарки?! Хватитъ ли это ей на обѣдъ до Новаго года? Что-же мудренаго, что она осталась почевать у когонибудь изъ своихъ подругъ или хоть у этой Катерины Ивановны, можетъ быть, добрѣйшей и честнѣйшей женщины! Такъ бы и полетѣлъ назадъ въ мой номеръ! но несетъ, несетъ меня чортова сила, и ничего не подѣлаешь!“

XIII.

Онъ вышелъ на деревянные подмостки, и тотчасъ-же па морозѣ легкій паръ обволокъ усы его и бороду.

— Вотъ не было печали... пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ и, не видя никого, кромѣ кондукторовъ да выскочившихъ изъ вагоновъ тѣхъ пассажировъ, которымъ не сидится на ихъ мѣстахъ или которые вѣчно голодны, — пожалѣлъ, что ѣхалъ, по совѣту тетуски, въ первомъ классѣ и заплатилъ за это лишнее.

— А что если даже и лошадей нѣтъ? Что я буду дѣлать всю ночь на станціи? Да тутъ, кажется, и буфета нѣтъ.

Кондукторъ далъ свистокъ, поѣздъ тронулся и, сверкая золотыми искрами, постепенно въ сумракѣ ночи ушелъ изъ глазъ Аркашина.

Аркашинъ прошелся по доскамъ. Онъ былъ въ своей старой кунцевой шубѣ, несъ чемоданчикъ, и не зналъ, куда дѣвать ему тяжелый пледъ — подарокъ тетуски. Нѣчто, похожее на глухое отчаяніе, шевельнулось въ душѣ его.

„Пойду справляться: нѣтъ-ли лошадей...“ Но, не успѣлъ онъ это подумать, какъ передъ нимъ при свѣтѣ фонарей вырисовалась фигура въ тепломъ пальто, въ кашне и въ барашковой, сѣрой шапкѣ.

— Вы господинъ Аркашинъ? спросилъ его знакомый, не особенно пріятный, пискливый голосъ.

— Я.

— А если вы, то лошади давно уже ждутъ васъ... Позвольте, я снесу ваши вещи. Имѣю честь рекомендовать: родственникъ г. Варшавина, Самославскій.

Онъ такъ произнесъ свою фамилію, что въ ушахъ Аркашина что-то просвистало и не вышло никакой фамилии.

— Телеграмма ваша пришла какъ разъ во время, и хорошо еще, что попала къ намъ въ руки. Мы только что встали изъ за стола, тотчасъ же распорядились и велѣли закладывать... Жаль вотъ только, что туманно, мѣсяца невидать, а то бы...

— А не знаете, сколько градусовъ?

— Да не очень холодно... а сколько градусовъ—не знаю-съ; но не очень холодно...

Такъ, перекидываясь словами, обошли они товарный поѣздъ и, перешагнувъ черезъ немалое количество пролегающихъ и мѣстами отъ огней лоснящихся рельсовъ, вышли на то самое мѣсто, гдѣ ожидали ихъ большія ковровыя сани съ высокимъ задкомъ и, жесткой отъ мороза, сукномъ крытой полостью.

Мѣшковато Аркашинъ влѣзъ въ эти сани, запахнулъ шубу, закуталъ ноги въ пледъ и надвинувъ на лобъ мѣховую шапку, мысленно перекрестился.

Съ нимъ рядомъ помѣтился Самославскій. Кучеръ подобралъ возжи, и тройка здоровыхъ, барскихъ коней, звеня бубенцами, двинулась сначала легкой рысью, и все шибче и шибче понеслась по лѣсной дорогѣ. Ночь не была темна, моросилъ снѣжокъ, лунный дискъ казался желтоватымъ пятномъ, и куда ни глядѣлъ Арка-

шинъ, все казалось блесоватымъ, сѣрымъ, безжизненнымъ...

Лѣсъ былъ хвойный, невысокій, мѣстами вырубленный, заваленный горами снѣга, и только изрѣдка надъ этими горами бѣлѣлись изогнутые стволы березъ или чернѣли ины, принимая фантастическія очертанія то какой-то птицы, то звѣря, то черной мертвой руки съ растопыренными пальцами.

Аркашинъ, какъ истый петербуржецъ, отвыкъ не только отъ ухабовъ, которые безпрестанно подбрасывали сани, но и отъ этого унылаго простора и отъ этого вольнаго воздуха.

— Не слишкомъ-ли мы гонимъ? замѣтилъ онъ своему спутнику, который все больше поглядывалъ на задъ пристижной и на нервные скачки ея, особенно когда она прижималась къ коренной и косилась, осыпанная инеемъ какого нибудь прилегающаго къ дорогѣ куста или дерева.

— Ничего-съ, сказалъ спутникъ: скорѣе доѣдемъ. Не хотите-ли водочки хлебнуть? у меня есть лядунка съ забористой...

— Благодарю покорно, я водки не пью.

— Какъ не пьете! можетъ ли это быть?! Что-же вы пьете?

— То-есть пью, пожалуй, въ экстренныхъ случаяхъ.— Впрочемъ, позвольте немного.

Спутникъ точно обрадовался, тотчасъ же вытащилъ изъ широкаго кармана своего пальто плетеную кубышечку, отвинтилъ крышку и поднесъ Аркашину.

Проглотивъ два-три глотка, Аркашинъ сказалъ, что водка, дѣйствительно, забористая—чистѣйшій спиртъ.

Самославскій немедленно послѣдовалъ его примѣру, приложилъ лядунку ко рту и сталъ тянуть, слегка запрокинувъ голову.

Тройка бѣжала тише, и спутники стали разговаривать. Родственникъ Варшавинныхъ сталъ спрашивать Аркашина, какое вино любить онъ предпочтительно, и когда тотъ подумавши отвѣчалъ, что любить портеръ, обратился къ кучеру:

— А никакъ портерку-то у насъ и нѣтъ—а?

Кучеръ быстро оглянулся, пожалъ плечами и не отвѣчалъ ни слова. Аркашину только показалось, что одинъ глазъ изъ подъ шапки сверкнулъ какимъ-то сердитымъ, яркимъ блескомъ.

— Молодой еще должно быть?

— Кто-съ?

— Да кучеръ-то вашъ.

— Да-а-съ, еще очень молодой, изъ фореиторовъ... очень еще молодой, но вы не беспокойтесь, править лучше всякаго стараго, молодцомъ править, и до лошадей большой охотникъ—изъ цыганъ должно быть: они всѣ до лошадей большіе охотники. Онъ у насъ и сѣмого старика возить.

— Захара Олимпевича?

— Да-а-съ...

— А онъ часто выѣзжаетъ?

— Бывало часто-съ, на охоту бывало... ну а теперь, какъ съ лошади разъ свалился, все больше крахтитъ, должно быть, отшибли себѣ что нибудь... Ноги стали оченно измѣнять ему, да ужъ и старъ-же онъ! Вотъ увидите! Вы никогда его не видали?

— Давно не видалъ, съ дѣтства.

— И Олимпиаду Захаровну никогда не видали?

— И се не видалъ.

— Славная, я вамъ скажу, дѣвица... т. е., я вамъ скажу...

Кучеръ привсталъ, взмахнулъ возжами, и лошади помчались; такъ и полетѣли изъ подъ коньтъ ихъ комья снѣгу во всѣ стороны.

Спутникъ прикусилъ языкъ и опять сталъ поглядывать, какъ скачетъ пристижная.

„Быть намъ гдѣ нибудь въ оврагѣ!“ подумалъ не привыкшій къ такой поѣздкѣ Аркашинъ.

Воздухъ вылъ и свисталъ въ ухахъ его... Но вотъ дорога стала по-шире и глаже, лѣсъ разступился въ обѣ стороны и выше, въ млечную мглу поднялъ темные, неопредѣленно-острые верхи свои.

„Непремѣнно отморожу себѣ носъ,“ подумалъ Аркашинъ и спряталъ его въ приподнятый воротникъ своей шубенки. Ему казалось, что ставовилось все холоднѣе и холоднѣе и что этой дорогѣ, оглашаемой однообразнымъ побрякиваніемъ бубенчиковъ, конца нѣтъ.

Такъ ѣхали они слишкомъ часъ, который Аркашину казался цѣлой вѣчностью. Миновали двѣ какія то деревеньки, или выселка, съ занесенными снѣгомъ избами. Два раза собаки съ лаемъ сопровождали ихъ. Одинъ песь бѣжалъ за ними чуть не цѣлую версту и охринъ отъ слишкомъ усерднаго лая...

Наконецъ то вдали мелькнулъ рядъ огоньковъ... Аркашинъ освободилъ носъ свой, а его спутникъ опять вынулъ лядунку и такъ запрокинулъ свою голову, что вѣроятно вытнулъ все, что было въ ней.

— Ну, доѣхали! проговорилъ онъ довольнымъ голосомъ,—все обошлось благополучно, слава тебѣ Господи! Тройка влетѣла въ отворенныя ворота и мимо ярко освѣщенныхъ оконъ дома подлетѣла къ крыльцу и остановилась.

Съ окоченѣлыми отъ стужи ногами, вышелъ Аркашинъ изъ саней, и пока проводникъ его дергалъ за ручку звонка, при свѣтѣ фонаря, увидалъ, что это былъ худенькій, невысокаго роста человѣчекъ съ маленькими глазками и рыжеватый.

Кто-то шелъ отворить имъ двери.

— Постоите! сказалъ Аркашинъ кучеру,—подождите!

— Что вамъ? торопливо спросилъ его спутникъ.

— Да вотъ, пожалуйста, отдайте ему на водку.

Аркашинъ отвернулся къ фонарю, сталъ вынимать деньги и услышалъ за спиной своей, что кто то хихикнулъ.

Онъ обернулся.

Самославскій хохоталъ и топтался на одномъ мѣстѣ.

— Чему вы? спросилъ Аркашинъ.

„Не надо мной ли потѣшается?“ подумалъ онъ.

— Да такъ какъ то стало смѣшно...

Въ это время человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, въ ливрейномъ сюртукѣ, отворилъ двери снѣней, и показалась невысокаго, вкромѣ обитая лѣстница.

— Такъ вотъ, пожалуйста! сказалъ Аркашинъ и протянулъ руку съ рублевой депозиткой.

Кучеръ быстро оглянулся, и опять, какъ молнія, блеснули глаза его. Но Аркашинъ уже всходилъ на лѣстницу съ такимъ чувствомъ, какъ будто онъ сказочный герой и всходитъ въ какой то фантастическій замокъ.

XIV.

Не успѣлъ онъ скрыться за тяжелой дверью, какъ кучеръ соскочилъ съ облучка и далеко не мужицкимъ голосомъ проговорилъ все еще хохочущему Самославскому:

— Ну, гдѣ рубль? что же вы не даете? Вѣдь не вамъ дали на водку—миѣ...

— Ха-ха-ха! нѣтъ, ужъ позвольте миѣ его у себя оставить; и вѣдь тоже не даромъ сопровождалъ его.

— Давайте!

— Да помилуйте, скажите ради Бога!

— Я вамъ сегодня же другой рубль вышлю, если хотите, серебромъ, а эту бумажку я спрячу на память.

И, высвободивъ одну свою руку изъ теплой варежки, кучеръ протянулъ ее. Рублевая, смятая депозитка перешла въ его полное распоряженіе.

Рука кучера вовсе не была похожа на кучерскую руку: она была такая бѣленькая, такая стройная.

— Ну, теперь садитесь на мое мѣсто и проводите

Ледовое побоище (1242 г.). Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Дедзиць.

лошадей, да спросите, отчего Кузьма не вышелъ къ воротамъ. Неужели спитъ? кажется, могъ бы слышать...

— Такъ за вами, значить, рубль? присаживаясь на облучекъ и забирая возжи, произнесъ Самославскій.

— Если вы не проболтаетесь...

— Будьте благонадежны...

— Ну, хорошо, ступайте!

— Постоите... ради Бога... что за человекъ этотъ Аркашинъ?

— А вамъ зачѣмъ?

— Женихъ?

— И это до васъ нисколько не касается, ступайте!

Тройка шагомъ отъѣхала къ фонарю, который одиноко свѣтился въ глубинѣ двора, у самыхъ конюшенъ,

и издали, казалось, красный глазокъ его съ завистью поглядывалъ на бѣлый, зеркальный фонарь у главнаго подъѣзда.

А молоденькій кучеръ, похлестывая кнутикомъ по погамъ своимъ, обутымъ въ мѣховые, сафьяномъ крытые сапожки, маленькими шажками пошелъ вокругъ дома на другое, заднее крыльцо, на которое уже выбѣжали горничныя, услыхавши давно имъ знакомое зыканье збруи и бубенчиковъ. У крыльца подбѣжала къ нему черная собака, которую онъ погладилъ, затѣмъ, стуча каблучками, вбѣжалъ онъ по ступенькамъ лѣстницы и проговорилъ одной изъ горничныхъ:

— Переодѣваться... да зажги свѣчи!... поскорѣй причесать меня!

(До слѣд. №).

Капитанъ Гаспарини.

Разсказъ временъ Фронды. Ф. Лилля.

Въ срединѣ XVII столѣтія большія дороги во Франціи были далеко не безопасны. Высшее дворянство, духовенство и парламентъ, права которыхъ были сильно ограничены строгими мѣрами Мазарини, управлявшаго за королеву Анну и малолѣтняго Людовика XIV, открыто возстали противъ всемогущаго министра. Только общая выгода связывала эти разнородные элементы въ одинъ союзъ, извѣстный въ лѣтописяхъ исторіи подъ именемъ „Фронды“. Подъ знаменами недовольныхъ собрались многочисленныя искатели приключеній, имѣвшіе цѣлью только грабежи и разбои, по которые подъ видомъ шпионовъ и патуруля выслѣживали непріятеля и дѣлали дороги опасными.

Это пришлось испытать на себѣ красивому сенъору, который, въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ людей, ѣхалъ верхомъ по дорогѣ изъ Буржа въ Орлеанъ. Всадникъ, тонкія черты лица котораго изобличали высокой умъ, былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, въ военной формѣ. Но по всему казалось, что ему чаще приходилось владѣть перомъ, чѣмъ мечомъ.

Былъ жаркій лѣтній полдень; дорога пустынная; по сторонамъ тянулася густая заросль. Все казалось спокойно, но вдругъ одинъ изъ слугъ воскликнулъ въ тревогѣ:

— Посмотрите, ваша милость! Изъ лѣсу выѣзжаютъ четыре замаскированныхъ всадника, они вооружены длинными шпагами и карабинами.

— Но можетъ быть они оставятъ насъ въ покоѣ. Въ порядкѣ-ли твои пистолеты?

— О да!

— А твои, Викторэнъ?

— Въ порядкѣ, ваша милость! отвѣтилъ тотъ спокойно.

— Послушайте, не зовите меня ваша милость передъ этими подозрительными молодцами и главное не говорите моего настоящаго имени. Я капитанъ Гаспарини, не забывайте! Если замаскированные задержатъ насъ, я постараюсь ихъ обыграть; если же это не удастся, будьте готовы, придется можетъ быть съ ними схватиться. Недалеко отсюда военный постъ—тамъ мы найдемъ защиту.

Между тѣмъ замаскированные подбѣжали ближе и одинъ изъ нихъ, повидимому начальникъ, повелительно закричалъ:

— Стой!

— Что вамъ угодно, господа? спросилъ всадникъ.

— Вы изъ партіи принца?

— Вамъ нужно знать это?

— Да! нужно!

— Ну что-же, если я и изъ партіи принца?

— Тогда васъ и вашихъ людей мы арестуемъ именемъ великаго Мазарини. При этомъ говорившій схватился за шпагу.

— О господа, при такихъ условіяхъ, самую собою разумѣется, мы приверженцы Мазарини.

Замаскированные разразились презрительнымъ смѣхомъ.

— Клянусь именемъ великаго Конде, сказалъ одинъ, насколько мы принадлежимъ принцу, вотъ этотъ принадлежитъ Мазарини; будь я проклятъ, если это неправда! Это вовсе не французъ, онъ и говоритъ съ итальянскимъ акцентомъ.

— Вѣрно, я капитанъ Гаспарини, неаполитанецъ. Но насколько мнѣ извѣстно, итальянцамъ не запрещено жить во Франціи.

— Въ такія времена, въ какія мы живемъ, этого нельзя! Сдавайтесь, итальянецъ!

— Вы можетъ быть имѣете въ виду мой кошелекъ?

— И кошелекъ, и также ваши бумаги. Давайте ихъ сюда спорѣ!

— Мои бумаги? Ну нѣтъ! воскликнулъ тотъ въ волненіи; насъ трое противъ четверыхъ, и все же вы не получите моихъ бумагъ. Карлино! Викторэнъ! стрѣляйте! За шпаги!

Завязалась схватка; Карлино и Викторэнъ выстрѣлили; пуля перваго пролетѣла мимо, выстрѣлъ втораго ранилъ одного изъ нападающихъ повидимому тяжело. Остальные яростно набросились на нихъ. Карлино былъ убитъ, Викторэнъ раненъ. Онъ

упалъ съ лошади. Теперь капитану пришлось защищаться противъ трехъ.

— Я погибъ! простоналъ онъ.

Онъ однако искусно отражалъ нападеніе. Но въ самую критическую минуту появился новый всадникъ, молодой сенъоръ, который со шпагою въ рукѣ примчался бѣшенымъ карьеромъ на прекрасной лошади.

— Защищайтесь! крикнулъ онъ и ловко сверкая шпагой ринулся на замаскированныхъ. Одного изъ нихъ онъ ранилъ, другаго сшибъ съ лошади, третій уже самъ поспѣшно ускакалъ въ лѣсъ.

— Помощь подослѣла во время, сказалъ итальянецъ. Сенъоръ, вы оказали мнѣ большую услугу.

— Вы ранены?

— Нѣтъ, вотъ только эта царапина на рукѣ. Но негодны навѣрно убили бы меня или бы захватили. Это было бы несчастіемъ для страны; со мною важныя секретныя бумаги... но простите, позвольте узнать къ какой политической партіи принадлежите вы?

— Я? Клянусь честью, я дворянинъ и могу быть только за королеву, мою законную монархиню, пока юный король самъ не вступитъ въ управленіе.

— Въ такомъ случаѣ наши политическія мнѣнія сходны. Я капитанъ Гаспарини, преданный Мазарини.

— Да это великій государственный человекъ, что бы объ немъ ни говорили.

— Что же говорить объ немъ?

— Что онъ скрива, человекъ неблагодарный и стремится наполнить лишь свои карманы на счетъ государства.

— Per Dio, если современники такъ дурно говорятъ о немъ, ему слѣдуетъ утѣшаться мыслью, что хотя потомство будетъ иначе судить и признаетъ, что въ трудныя времена онъ твердо держитъ кормило правленія.

— Если вы довѣренное его лицо, вы конечно лучше меня можете знать его. Я никогда не былъ при дворѣ.

— Ваше имя, сенъоръ? Я хочу знать кому я обязанъ благодарностью.

— Виконтъ Филиппъ де Морвилле, бѣдный беррійскій дворянинъ.

— Будьте увѣрены, виконтъ, я никогда не забуду—вы спасли мнѣ жизнь.

— О не придавайте этому такого значенія! Я просто исполнилъ свой долгъ. Но однако что раненые?

Оказалось, что бѣдный Карлино былъ уже мертвъ, Викторэнъ еще дышалъ. Съ помощью виконта итальянецъ наложилъ повязки и остановилъ кровь. Затѣмъ они осмотрѣли раненыхъ разбойниковъ. Одинъ былъ также мертвъ, другою, тяжело раненый Викторэнномъ, былъ при послѣднемъ издыханіи; третій, хотя и получилъ ударъ шпагой, но не потерялъ сознанія.

Капитанъ Гаспарини спялъ съ него и съ двухъ остальныхъ маски и сказалъ:

— Вы здѣшній, виконтъ, не знаете ли случайно кого изъ нихъ?

— Нѣтъ, по кажется, это разбойники, — подъ маской партизановъ они вышли на грабежъ.

— Послушай, дружище, сказалъ итальянецъ обращаясь къ раненому бандиту, ваше нападеніе было простой разбой или имѣло иное значеніе?

Тотъ молчалъ.

— Ты упрямъ, не хочешь отвѣчать. Хорошо, тебѣ приплотъ хорошаго доктора, онъ тебя вылечитъ отъ нѣмоты. У насъ есть маленькіе спаряды, чтобы заставить тебя говорить.

Вы думаете я могу выздоровѣть? спросилъ бандитъ въ ужасѣ, и потомъ меня будутъ пытать?

— Надо-же заставить тебя сознаться; придется прибѣгнуть къ этой крайности.

— А если я скажу все что знаю?

— Если ты будешь откровененъ, конечно зачѣмъ-же пытка? Тебѣ даруютъ жизнь.

— Въ такомъ случаѣ я готовъ сознаться. Прежде всего вамъ нужно знать, что я бѣдный браконьеръ. Меня зовутъ Венау. Я только потому принялъ участіе въ этой проклятой схваткѣ, что мнѣ пообѣщали двѣсти ливровъ.

— Кто пообѣщалъ?

— Предводитель нашъ, который убѣждалъ. Ваши деньги предназначались намъ, а денеши онъ хотѣлъ взять себѣ.

— И такъ вы поджидали посланнаго Мазарини, чтобы схватить его.

— Да, кажется такъ.

— Все, что ты говоришь, очень интересно, и если теперь ты назовешь мнѣ имя своего пачальника, то можешь считать себя совсѣмъ прощеннымъ.

— Могу ли я этому вѣрить?

— Ручаюсь тебѣ въ томъ словомъ дворянина.

— Начальникъ нашъ де-Гриньонъ.

— А, любимецъ герцога Ларошфуко, проговорилъ капитанъ въ раздумьи.— Тутъ кроется измѣна. Всегда такъ, когда замѣшаются болтливыя женщины—онѣ мѣшаются въ государственныя дѣла и составляютъ заговоры. Принцесса вѣроятно проговорила; одна изъ ея приближенныхъ передала это дальше, а я чуть было не погибъ.

— Изъ благодарности за то, что вы меня отпускаете, я дамъ вамъ еще добрый совѣтъ, капитанъ, проговорилъ раненый. Поспѣшите уйти; въ четырехъ миляхъ отсюда стоятъ военные посты фрондеровъ, откуда де-Гриньонъ получитъ подтвержденіе и еще разъ задержитъ васъ на пути.

— Дявою, ты можешь быть и правъ; по къ счастью въ двухъ миляхъ гаходится наши военные посты.

— Около Фирциона, недалеко монастыря Уреулинокъ, сказалъ виконтъ.

— Да; тамъ я найду пристанище.

— Если желаете, я готовъ сопровождать васъ, капитанъ, я такъ ѣду туда.

— Тѣмъ лучше. Но что дѣлать съ этими ранеными? Жаль оставить ихъ здѣсь безъ помощи.

— Я вижу тамъ нѣсколькихъ человѣкъ, которые кажется боятся насъ.

Гаспарини посмотрѣлъ куда указывалъ виконтъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи стоялъ лѣсникъ и два дровосѣка. Они шептались между собою, но не рѣшались подойти ближе.

— Не бойтесь, добрые люди, идите сюда! закричалъ капитанъ. Тѣ приблизились.

— Я эмиссаръ королевы; на меня тутъ напали разбойники. Уберите въ сторону труны и позаботьтесь о раненыхъ. Вотъ сорокъ лундоровъ; половина для васъ, половина для раненыхъ. Есть близости жилище?

— Вонъ та тропинка ведетъ къ моей хижинѣ, куда можно дойти въ десять минутъ, сказалъ лѣсникъ. Меня зовутъ Бертенъ—къ услугамъ вашей милости.

— Перенесите же туда раненыхъ и возьмите лошадей. Черезъ сутки я пришло за ними.

Щедрое вознагражденіе сдѣлало лѣсныхъ обитателей услужливыми. Позаботившись такимъ образомъ о раненыхъ, оба сеньора вскочили на лошадей и поѣхали сперва молча; Гаспарини погрузились повидимому въ раздумье, лицо же его спутника выражало грусть.

По первому вскорѣ нарушилъ молчаніе почти весело.

— Дошли ли до Берри извѣстія о событіяхъ въ Геннѣ?

— Что касается меня, я не знаю ничего, отвѣтилъ молодой человѣкъ. На сколько знаю, Бордо во власти фрондеровъ.

— Нѣтъ, Бордо снова королевскій городъ. Въ субботу онъ сдѣлался.

— Это тяжелый ударъ для фронды.

— Она потеряла послѣднее укрѣпленіе.

— Держу пари, что Мазарини хитростью заставилъ городъ сдать. Мазарини очень умный человѣкъ; въ немъ ума болѣе чѣмъ во всѣхъ недовольныхъ принцахъ и принцессахъ, стоящихъ во главѣ фронды.

— Недовольные эти принцы и дамы фронды вмѣсто того, чтобы дѣйствовать единодушно, только ссорятся. Самая ярая изъ нихъ была до сихъ поръ старуха принцесса Конде, но кажется и она стала смиреннѣе. Если принцесса согласится на предложенія Мазарини,—и врядъ ли въ этомъ можно сомнѣваться,—въ странѣ скоро наступитъ миръ.

— А что станеть съ главами фронды; ихъ вѣдь нельзя не считать возмутителями?

— Нужно дѣйствовать кротостью, это самое разумное.

— Но кардиналъ ихъ пошлетъ на эшафотъ или въ Бастилію?

— Нѣтъ, эти сеньоры слишкомъ высоко поставлены. Онѣ ихъ укротить добротою: одному дать провинцію, другому высокой постъ, третьему громкій титулъ, четвертому еще что нибудь. Конечно, при этомъ они перессорятся, изъ желанія захватить что лучше. Но, чѣмъ больше несогласій между недовольными, тѣмъ лучше.

— Эта политика слишкомъ для меня тонкая, я бы могъ сказать—слишкомъ итальянская.

— Это политика Мазарини. Дѣли и властвуй,—это его поговорка. Но, виконтъ, какъ это вышло? вы дворянинъ и не участвовали въ походѣ на Генну?

— Виновать все этотъ медлительный Эффіа, командующій королевской гвардіей.

— Какъ такъ?

— При посредствѣ моего дяди, друга его юности, уже два года тому, онъ обѣщалъ мнѣ патентъ, который далъ бы мнѣ право поступить въ гвардію. Началась война, и я обратился къ нему за патентомъ, но мнѣ отвѣтили заявленіемъ, что свободныхъ вакансій нѣтъ, и мнѣ придется ждать. Да еще меня задержала моя несчастная любовь.

— Ужели вы не нравитесь какой нибудь дѣвушкѣ?

— Напротивъ, она меня любитъ, но ее отдали въ монастырь Уреулинокъ, чтобы только отдалить отъ меня.

— А ее не заставляютъ постричься?

— Нѣтъ, но хотятъ чтобы она вышла замужъ за другого, а того она вовсе не любитъ.

— Ну, пока она еще не замужемъ, нечего отчаяваться. Какъ фамилія дѣвушки?

— Генриетта де-Мативьонъ. Мы знаемъ другъ друга съ дѣтства. Мы сироты и любимъ другъ друга съ юныхъ лѣтъ. Но тетка ея, старая графиня, противъ этого.

— И что же вы намѣрены дѣлать?

— Стараюсь проникнуть къ Генриеттѣ, переговорить. Два раза въ недѣлю ѣзжу въ монастырь, прошу впустить, но всякій разъ мнѣ отказываютъ.

— Вотъ это неприятно, а все же не падайте духомъ. Если графиня не уступитъ добровольно, можно принудить ее къ этому. Будьте стойки—и Генриетта станетъ вашей женой.

Между тѣмъ, всадники доѣхали до конца лѣса, увидѣли стѣны монастыря и небольшой отрядъ всадниковъ, ѣдущихъ къ нимъ навстрѣчу, съ офицеромъ во главѣ.

Капитанъ подѣхалъ къ офицеру, и тихо переговорилъ съ нимъ. Тотъ почтительно поклонился и повернулъ обратно.

— Капитанъ, сказалъ виконтъ,—если вы хотите добраться до военного поста, вамъ нужно ѣхать за поручикомъ. Аллея, въ которую мы вѣвѣжаемъ, ведетъ въ монастырь.

— Я туда и ѣду.

— Вы ѣдете въ монастырь? Но васъ не пустятъ.

— Ну, какъ нибудь войду, это не трудно, только вотъ какъ выйду оттуда? Къ счастью, мои военные друзья близко; они знаютъ что дѣлать, если я не вернусь черезъ часъ.

— Не понимаю...

— Но вы видѣли, виконтъ, я отдалъ приказаніе поручику.

— Да, но чего вы опасаетесь, капитанъ? Монахи не сдѣлаютъ вамъ вреда.

— Посмотримъ. Вотъ и монастырскія ворота. Постучите, виконтъ, попытайте счастья.

Де-Морвилль сошелъ съ коня и потянулъ шнурокъ. Отодвинулась оконная рама и показалось блѣдное лицо стараго монаха.

Филиппъ отступилъ въ удивленіи. Обыкновенно ему приходилось имѣть дѣло съ привратницей, монотонно говорившей:

„Уйдите, сеньоръ, впускъ не разрѣшенъ.“

Вѣроятно случилось что нибудь особенное. Кто былъ этотъ блѣдный человѣкъ? Быть можетъ посланный его соперника? Виконтъ смутился.

— Кто проситъ впуска? рѣзко спросилъ блѣдный монахъ, поглядывая на сидящаго на конѣ капитана.

— Я виконтъ Филиппъ де-Морвилль.

— Вы знаете пароль?

— Какой пароль?

— Хорошо, сударь! Вы не тотъ, кого ожидаютъ. Проходите.

— А теперь попытаюсь я, сказалъ капитанъ съ улыбкой. Не беспокойтеся виконтъ, я войду, и проведу васъ къ Генриеттѣ. Но отойдите подальше, вамъ не зачѣмъ слышать, что я буду говорить.

Онъ подошелъ къ воротамъ; блѣдный монахъ былъ еще у окна.

— Я изъ Буржа, прошепталъ капитанъ.

— Какой пароль? спросилъ тотъ также шопотомъ.

— Мазарини и Конде.

— Да. Вы капитанъ Гаспарини, тайный эмиссаръ ея величества королевы?

— Да, Лена. Кто кромѣ васъ сопровождаетъ принцессу Конде въ монастырь?

— Только одна камерфрау.

— И это правда?

— Слово честнаго человѣка. Но почему это недовѣрие?

— Я долженъ сказать вамъ, Лена, что по дорогѣ на меня напали и чуть не убили. Де-Гриньонъ, приверженецъ герцога Ларошфуко, велъ убійцъ. Надѣюсь, что за стѣнами этого монастыря не кроется измѣна. Впрочемъ, неподалеку два отряда мушкетеровъ; имъ приказано перевернуть въ монастырь все верхъ дномъ, если я не вернусь черезъ часъ. Впустите меня.

— А другой сеньоръ?

— Это мой спаситель, у него частное дѣло въ монастырь. Будьте любезны, пропустите и его.

Точно во снѣ, едва вѣри своему счастью, шелъ Филиппъ за своимъ страннымъ покровителемъ. Лена приказалъ садовнику посмотрѣть за лошадьми, а самъ повелъ пришедшихъ по корридору въ залу, гдѣ въ обществѣ настоятельницы сидѣла знаменитая фрондерка, принцесса Конде.

Весеннее распутье. Улица въ польской деревенькѣ. Ориг. рис. А. Ковальскаго, грав. Гейеръ и Кирмсс.

Передъ праздникомъ. „Какой ты теперъ чистенькій“! Рис. Иглера, грав. Эрике

Гаспарини поклонился и принцесса церемонно отвѣтила поклономъ.

Ловкій дипломатъ сказалъ:

— Ваше высочество понимаете, что необходимо удалить лишнихъ свидѣтелей ранѣе, чѣмъ приступитъ къ переговорамъ. Это виконтъ де-Морвилль, женихъ мадемуазель де-Матиньонъ, находящейся въ этомъ монастырѣ.

Принцесса удивленно посмотрѣла на настоятельницу и сказала:

— Я ничего объ этомъ не знаю.

Аббатиса шепнула ей нѣсколько словъ.

— Будьте любезны, обратился капитанъ повелительно къ настоятельницѣ,—проводитъ къ дѣвицѣ Матиньонъ виконта, намѣренія котораго вполне честны.

— Повинуюсь приказаніямъ, отвѣтила та. Слѣдуйте за мною, виконтъ. Я проведу васъ въ приемную.

И она пошла, шепнувъ нѣсколько словъ принцессѣ. Филиппъ, ранѣе чѣмъ уйти изъ зала, съ благодарностью посмотрѣлъ на своего покровителя. При этомъ онъ увидѣлъ, какъ Гаспарини положилъ передъ принцессой документъ. Ленъ обмакнулъ перо и, казалось, хотѣлъ передать его принцессѣ, чтобы та подписала документъ. Какъ ни былъ занятъ виконтъ своею любовью, онъ все же не могъ не понять, что дѣло идетъ о подписаніи мирнаго договора, который лишитъ фрондеровъ самой важной ихъ союзницы. Онъ молча послѣдовалъ за настоятельницей въ приемную, куда вскорѣ пришла вся сіяющая счастьемъ Генриетта.

Спустя полтора часа, настоятельница вернулась, говоря, что пора прекратить посѣщеніе.

— Но, прибавила она, по просьбѣ капитана Гаспарини и принцессы, вамъ, виконтъ, разрѣшается пріѣзжать развѣ въ недѣлю, повидаться съ дѣвицей Матиньонъ.

Филиппъ простился и изъ монастыря поѣхалъ къ военному посту, чтобы поблагодарить капитана Гаспарини. Но офицеръ сказалъ ему, что эmissаръ королевы уже уѣхалъ неизвѣстно куда.

Въ теченіи слѣдующихъ недѣль виконтъ три раза посѣтилъ Генриетту. Въ четвертый его визитъ настоятельница улыбалась сказала ему:

— Вашей дамы нѣтъ болѣе здѣсь. Васъ увѣдомитъ нисѣмненно гдѣ она находится. Возвращайтесь домой и ждите спокойно. У меня есть основаніе думать, что васъ ожидаетъ большое счастье. Да хранитъ васъ Богъ, сударь.

Филиппъ старался разузнать все точнѣе, но или настоятельница не знала ничего болѣе, или не хотѣла ему говорить. По пріѣздѣ домой, онъ нашелъ нисѣю отъ маршала Эффиа, который извѣщалъ его, что онъ немедленно можетъ поступить въ королевскую гвардію. При этомъ былъ приложенъ чекъ въ триста

лировъ, на его экипировку. Кромѣ того, въ письмѣ была еще сложенная записочка, которую онъ прочелъ съ большимъ изумленіемъ:

„Торопитесь пріѣздомъ въ Парижъ, гдѣ уже находится Генриетта де-Матиньонъ.

Вашъ другъ Гаспарини“.

На слѣдующій день молодой человекъ отправился въ столицу. Его дружески привѣтствовалъ Эффиа и сказалъ, что онъ, немедленно, долженъ явиться къ королевѣ-регентшѣ.

Удивляясь чудесному перевороту въ своей судьбѣ, виконтъ отправился въ Лувръ. Его милостиво приняла Анна Австрійская, вдова Людовика XIII и мать Людовика XIV.

— Вы оказали большую услугу государству, сказала она ласково,—и заслуживаете награды.

Она вручила ему патентъ на званіе поручика королевской гвардіи.

Въ величайшемъ изумленіи Филиппъ благодарилъ королеву.

— Но это еще не все, продолжала регентша. Генриетта де-Матиньонъ, невѣста ваша, страдала отъ несправедливости своей тетки. Это дало мнѣ поводъ вступить за нее и я даю за ней въ приданое сто тысячъ ливровъ. Вашему браку, виконтъ, теперь ничто не можетъ помѣшать. Ваша невѣста здѣсь, мы взяли ее къ себѣ.

Королева позвонила. Открылась дверь и появилась Генриетта, сіяя счастьемъ и радостью. Подъ впечатлѣніемъ благодарности, счастливая чета стала на колѣни передъ королевой.

Въ это время вошелъ служитель съ докладомъ о приходѣ Его Свѣтлости.

Великій государственный человекъ вошелъ въ комнату. Филиппъ взглянулъ на него и къ немалому изумленію узналъ капитана Гаспарини, одѣтаго теперь конечно нѣсколько иначе. И такъ, Гаспарини и Мазарини—это одно лицо!

— Ну, виконтъ, довольны ли вы мною? спросилъ онъ съ улыбкой. Дѣйствительно ли я такой скряга и неблагодарный, какъ вамъ про меня рассказывали?

— О Ваша Свѣтлость, простите! Могъ ли я предполагать...

— Однако все кончилось хорошо! не правда ли? Вы оказали мнѣ большую услугу—спасли жизнь, и я васъ отблагодарилъ. Мнѣ тогда необходимо было сохранить инкогнито, для заключенія договора съ принцессой Конде. Вы храбрый и честный дворянинъ, виконтъ, и я не сомнѣваюсь, скоро дослужитесь до полковника.

Послѣ нѣсколькихъ ласковыхъ словъ королевы, молодые люди были отпущены.

Виконтъ де-Морвилль достигъ высокихъ степеней. Онъ счастливо жилъ съ Генриеттой. Они никогда не забывали, чѣмъ обязаны были капитану Гаспарини.

Стихотвореніе.

Я помню садъ, я помню блескъ
Роскошно-сладострастной ночи,
Полночныхъ водъ чуть слышный плескъ
И образъ твой и эти очи....

* *

Я помню пѣсню соловья:
Она лилась, не умолкая,
Она сулила намъ, звеня,
Блаженство жизни, счастье рая.

* *

Но дни прошли... Бѣлѣтъ спѣтъ
Въ поляхъ, и въ рощахъ, и въ долинахъ,
Шумливой рѣчки сковавъ бѣгъ,
Нѣтъ страстныхъ пѣсень соловьиныхъ,

* *

И изумрудною листвою
Надъ нами стройныя березы

Уже не шепчутъ въ часъ ночной
Про нѣгу, радости и слезы.

* *

Все сномъ оковаю—и спать,
Но часъ ударилъ пробужденья—
И снова пѣсня загремитъ
Въ тиши глухой уединенья,

* *

И снова мы увидимъ блескъ
Спокойно-нѣжащейся ночи,
Полночныхъ волнъ, чуть слышный плескъ
И звѣздъ мерцающія очи.

* *

И снова, ласкою согрѣтъ,
Какъ ты, забуду я былое:
Живеть лишь сердца сладкій бредъ,
Да чувство вѣчно-молодое!

К. Тронинъ.

Къ рисункамъ.

Молодая цвѣточница.

(Рис. на стр. 444 и 445).

На благословенномъ югѣ, въ странѣ солнца и цвѣтовъ, продавщица великолѣпныхъ гирляндъ и букетовъ не такое необыкновенное явленіе, какъ на нашемъ суровомъ сѣверѣ. У насъ не встрѣтите вы на гуляньяхъ и въ садахъ этого граціознаго явленія,—прелестной дѣвушки, которая сама кажется милымъ цвѣткомъ среди своего цвѣтущаго товара. Можно ли не купить букета у такой продавщицы? И всѣ наперерывъ покупаютъ у нея, любуются ея личикомъ и граціозной фигурой. Торговля ея, навѣрное, идетъ бойко.

Ледовое побоище въ 1242 г.

(Рис. на стр. 449).

Въ первой половинѣ тринадцатаго вѣка наши сѣверныя народопрарства, Новгородъ и Псковъ должны были вести почти постоянную борьбу съ сильными и безпокойными сосѣдями—шведами и рыцарями. Первое столкновеніе новгородцевъ со шведами произошло еще въ 1164 году, когда въ Неву, принадлежавшую еще безспорно Новгороду, вошли 55 шведскихъ шнекъ, и, пройдя въ Ладожское озеро, намѣрены были овладѣть ладожскимъ острогомъ, при устьѣ Волхова. Этотъ набѣгъ кончился пораженіемъ шведовъ; „овыхъ избива и овыхъ изимаа“,

как говорить летописецъ. Но этотъ урокъ былъ скорѣй запятъ, и въ 1228 году множество шведскихъ лодокъ опять поплыли къ Ладогѣ. Этотъ набѣгъ опять дорого обошелся шведамъ, такъ какъ изъ нихъ погибло до 2000 человекъ, отъ меча и голода. Но вотъ, въ 1240 году шведы устроили настоящій походъ; Ярнъ Биргеръ былъ посланъ королемъ шведскимъ Эрикомъ обращать мечемъ въ католицизмъ непокорныхъ финновъ, но съ сторону Балтики. По словамъ нашего летописца, мотивъ для войны будто бы заключался въ зависти шведскаго короля, до котораго дошелъ слухъ о высокихъ, какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ свойствахъ князя Александра Ярославича, доблестнаго покровителя новгородцевъ. При извѣстии о походѣ шведовъ, Александръ Ярославичъ принялъ благословеніе отъ архіепископа Спиридона и поспѣшилъ напасть на враговъ, стоявшихъ уже лагеремъ при устьѣ Ижоры. Отъ перваго же стремительнаго натиска новгородской дружины ряды шведовъ разстроились и скорѣй обратились въ безпорядочное бѣгство. Самъ Александръ, увлеченный мужествомъ, сбѣжался лицомъ къ лицу съ предводителемъ шведскимъ Биргеромъ, ударомъ меча раздробилъ ему шлемъ, а другихъ „возложи печать на лице его“. Побѣда была полная, и доблестный побѣдитель получилъ за нее прозваніе „Невскаго“. Но отразивъ шведовъ, Александру еще нужно было положить предѣлы набѣгамъ рыцарей, уже давно безпокоившихъ предѣлы Пскова, и уже считавшихъ своимъ достояніемъ Водь, Ижору, берега Невы и Корелю. Въ 1242 году снова большая сила рыцарей двинулась на Псковъ. Магистръ Валкъ былъ увѣренъ заранѣе въ успѣхѣ, и двинулъ свои войска по льду, по Чудскому озеру, съ цѣлью дойти этимъ путемъ до самаго Пскова. Но Александръ предвидѣлъ направленіе врага и самъ выступилъ изъ Пскова по льду съ новгородцами и псковичами. Александръ установилъ свое войско въ боевой порядокъ, на озерѣ, у скалы „Вороній камень“, при поворотѣ изъ Псковскаго озера въ Чудское. Войско его образовало собою треугольникъ, обращенный острымъ концомъ къ неприятелю. Увидя приближающагося врага, Александръ громко молился. Была тогда суббота пятой недѣли великаго поста, день 5-го апрѣля. Солнце только что всходило. Когда неприятели приблизились, то Александръ стремительно двинулъ свое войско вперед острымъ концемъ строя, и вражье войско было разбито пополамъ. Тогда, какъ говоритъ летописецъ, „поднялся трескъ отъ ломки коней и звукъ отъ мечаго сѣченія. Казалось двинулось замерзшее море, и великая стала сѣча. А льду не видно было; все покрылось кровью“. Разорванные, потерявшие строй враги бѣжали; русскіе гнали ихъ за ними семь верстъ по льду и побили до 500 человекъ; чуди же погибло, по словамъ летописца, великое множество. Со славою возвратился Александръ въ Псковъ. По приближеніи побѣдителя къ городу, на встрѣчу его вышло духовенство и весь народъ изъявлялъ свою радость шумными криками. Впечатлѣніе, произведенное ледовымъ побоищемъ на современниковъ, было, по словамъ летописца, чрезвычайно сильное. „Имя великаго князя Александра Ярославича, говоритъ онъ, прославилось отъ моря Варяжскаго до моря Понтійскаго.“

Весенняя распуца въ польской деревнѣ.

(Рис. на стр. 452).

Картина эта кисти талантливаго Ковальскаго очень характеристична и отличается большими достоинствами. Теплый и мокрый дождь только что прекратился; широкая, немощеная улица деревеньки обратилась въ рядъ лужъ. Ночь спускается на землю—сыро и туманно. Бѣжать по размытой дорогѣ очень таки затруднительно. Дождливые дни—трудные дни для мѣстностей, лишенныхъ хорошихъ дорогъ. Но уже не долго ждать—солнце, весеннее, яркое солнце своими живительными лучами сбѣгаетъ свое благотворное дѣло и все кругомъ зацвѣтаетъ и повеселѣетъ. Вотъ помѣщики бѣгутъ въ городъ въ грузномъ дормезѣ, который усиленно вытаскиваетъ изъ грязи тройка бодрыхъ, сильныхъ коней. Зоркій взглядъ жида-торговца, бѣдущаго въ телѣгѣ, слѣдитъ за знакомымъ ему экипажемъ; крестьянинъ низко кланяется. Фонари ярко прорѣзаютъ своимъ свѣтомъ тусклый сумракъ наступающей ночи.

Передъ праздникомъ.

(Рис. на стр. 453).

Мальчуганъ плакалъ и не хотѣлъ принимать ванну—это такъ неприятно и не удобно, а ему такъ хочется играть и его веселая собачка ждетъ его бѣгать въ саду, а тутъ надо сидѣть въ водѣ и подоскаться; это такъ гадко и мыло пинаетъ ему глазки, и его стыдитъ няня, что онъ такой капризный и говоритъ что передъ праздникомъ непременно надо сидѣть въ ваннѣ. Но вотъ все кончилось и няня показываетъ ему въ зеркалѣ его розовое, раскраснѣвшееся личико и онъ самъ себя улыбається при словахъ няни: „видишь какой ты теперь чистенькій!“

Передвиженіе большихъ массъ.

(Рис. на стр. 456).

Въ 1776 году неграмотный каменщикъ переставилъ съ мѣ-

ста на другое цѣлью колокольню, которая находится и нынѣ въ Кресцентино, на лѣвомъ берегу По, между Туринио и Казалемъ. Вотъ протоколъ этой перестановки: „Въ 1776 году 2-го сентября былъ созданъ чрезвычайный совѣтъ, такъ какъ извѣстно, что 26-го минувшаго мая была совершена переноска колокольни вышиною въ 7 трабуку (около 33 арш.) церкви Мадонны день Палаццо, въ присутствіи громаднаго населенія города и многихъ прѣзжихъ, прибывшихъ чтобы быть свидѣтелями переноски колокольни съ ея основаніемъ, по способу нашего согражданина Серра, каменщика, который обязался передвинуть упомянутую колокольню на разстояніи 5 футовъ лирандо (4½ аршина) и такимъ образомъ соединить ее со строющейся церковью.“

„Для этого прежде всего подрѣзали четыре стороны кирпичныхъ стѣнъ у основанія и въ сбѣланныя въ нихъ отверстія продѣли, съ сѣвера на югъ, т. е. по направленію, которое должно было принять зданіе, двѣ большія балки, параллельно которымъ сбоку колокольни было положено два ряда другихъ балокъ такой длины, какавъ требовалась для помѣщенія, переноски и установки колокольни на новомъ ея мѣстѣ, гдѣ заранѣе былъ приготовленъ кирпичный фундаментъ. Затѣмъ на балкахъ положили валики въ 3½ дюйма въ діаметрѣ, а на нихъ второй рядъ балокъ такой же длины какъ и первый рядъ. Въ отверстія съ востока на западъ, въ видѣ креста, вложили двѣ балки покорооче. Для того, чтобы колокольня не шаталась, ее поддерживали восемью брусьями, по два съ каждой стороны; брусья внизу поставлены были на каждую изъ четырехъ балокъ, а сверху упирались въ стѣны на высотѣ трехъ четвертей колокольни. Площадь, по которой предполагалось тащить колокольню, имѣла наклонъ въ одинъ дюймъ. Колокольню тащили тремя канатами, наверху на ворота, изъ которыхъ каждый приво-дился въ движеніе десятью человекъ. Передвиженіе колокольни совершилось менѣе чѣмъ въ часъ.“

„При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что сынъ Серра, находившійся на колокольнѣ, звонилъ все время пока ее перетаскивали, такъ какъ колокола не были сняты.“

„Писано въ Кресцентино въ день и годъ вышеобозначенные.“

Замѣтка, сообщенная академіи наукъ въ засѣданіи 9-го мая 1831 года, показываетъ, что у основанія колокольни имѣла по 3,30 метра съ каждой стороны, что даетъ возможность опредѣлить вѣсъ ея въ 9,000 пудовъ.

На фиг. 1 показанъ общій видъ колокольни съ ея подпорками, сбѣланный по рисунку, подвизшемуся 1844 году и принадлежавшему г. Грегори, который въ дѣтствѣ былъ самъ свидѣтелемъ перестановки и старался дополнить свѣдѣнія, данныя протоколомъ, не будучи однако въ состояніи объяснить болѣе понятно.

Въ 1854 году Викторъ Плясъ перевезъ изъ Ниневіи въ Моссулъ каменныхъ крылатыхъ быковъ, находящихся теперь въ ассирійскомъ музее въ Луврѣ. Каждый изъ быковъ вѣсиль 1,920 пудовъ.

Упаковавъ ихъ старательно въ ящики для предохраненія отъ толчковъ, г. Плясъ, при помощи рычаговъ, упертыхъ въ земляную покатую насыпь, повернулъ ихъ на бокъ. Насыпи были потомъ разобраны. Затѣмъ онъ велѣлъ сбѣлать громадную телѣгу, оси которой имѣли 0,25 метра въ поперечникѣ, а колеса 0,80 метра (фиг. 2). Подъ серединой ящика вырытъ былъ отлогій ровъ, такой ширины и длины, чтобы въ него могла войти телѣга. Самый ящикъ поддерживался откосами, которые были разрыты, когда телѣга очутилась подъ ящикомъ, который вмѣстѣ съ грузомъ безъ сотрясенія легъ на нее. Потомъ въ телѣгу впряглось 600 человекъ, которые и вытащили ее наверхъ. Это количество людей требовалось почти на протяженіи всей дороги, почва которой была не очень плотная.

Отъ Хорсабада до Моссула почти 18 верстъ, включая сюда всѣ обходы, которые нужно было сбѣлать, съ цѣлью идти по болѣе плотному мѣсту. Перевозка перваго быка продолжалась четыре дня; втораго же—только полтора дня, такъ какъ дорога сбѣдалась болѣе гладкой отъ первой перевозки и люди болѣе опытни. 600 человекъ, которыми располагалъ г. Плясъ, цѣлыхъ три мѣсяца приготовляли путь, укрѣпляя его въ однихъ мѣстахъ фашинами и вымачивая въ другихъ шлитами, взятыми изъ развалинъ Ниневіи.

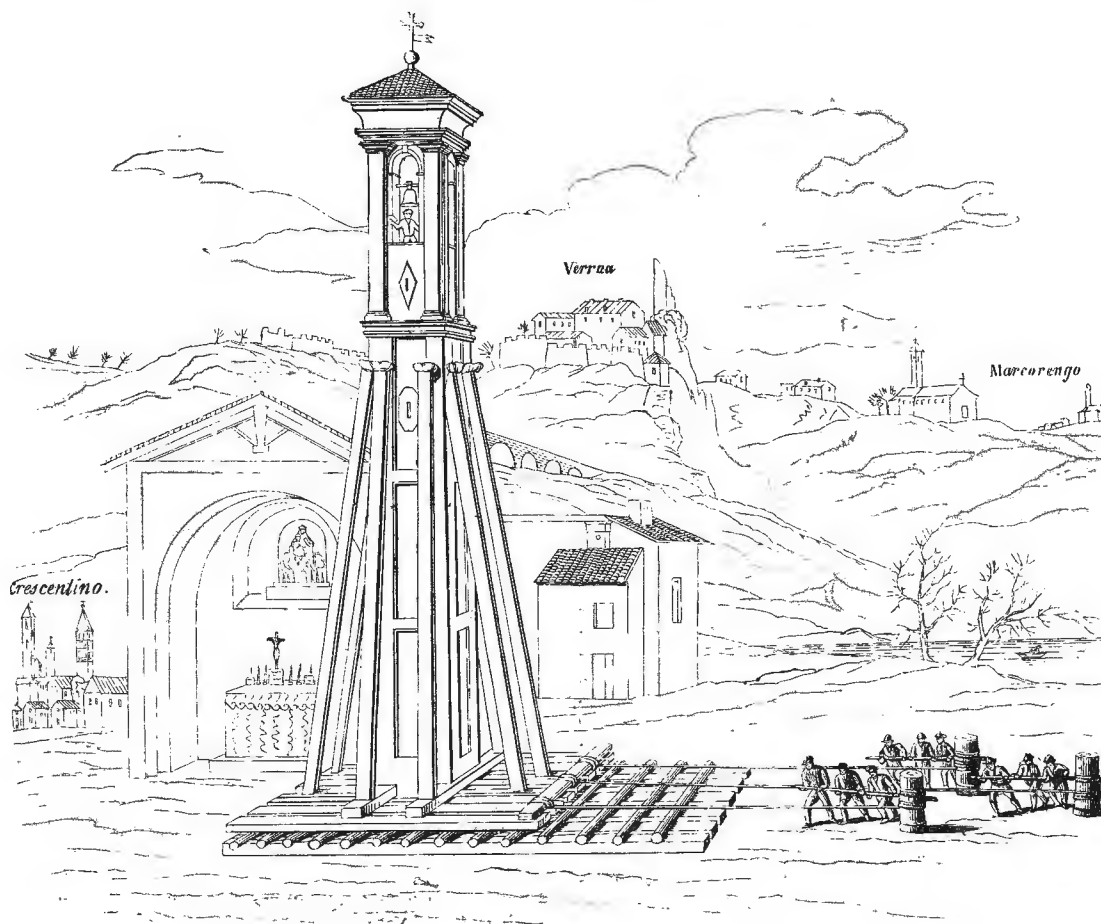
Незванные гости.

(Рис. на стр. 457).

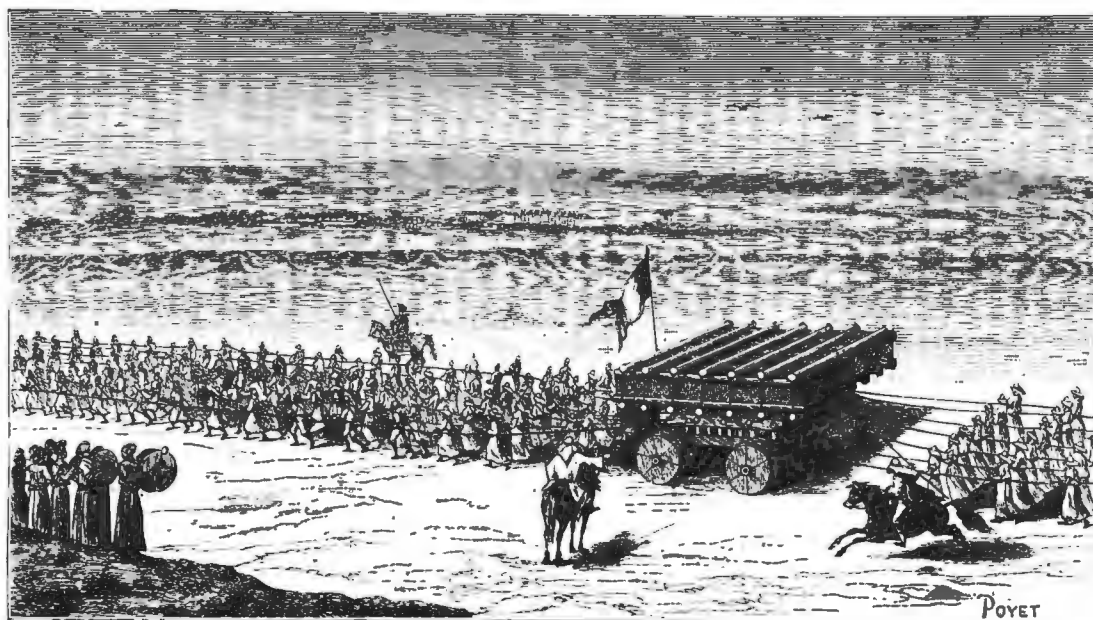
Чудесный рисунокъ талантливаго Джакомелли, такъ изучившаго маленькихъ животныхъ, изцѣпно и мило изображаетъ маленькую драму, разыгрывающуюся въ глухомъ мѣстечкѣ цвѣтушаго зеленаго оврага, гдѣ такъ укромно пріютилось крохотное птичье гнѣздышко. Возвращаясь назадъ къ своимъ птенчикамъ съ кормомъ, крошечные родители въ отчаяніи видятъ, что покой ихъ птенчиковъ потревоженъ непрошеными, незванными, неприятными гостями—такими же крошечными, какъ птички—полевыми мышками. Одна изъ мышекъ, спокойно и твердо уютившись на краю гнѣзда, не безъ любопытства поглядываетъ на отчаянно пищущихъ птичекъ. Другая же мышка сердито поднялась на заднія лапки, скаля зубы и по-

шевеливая длинными усиками. Надо думать, что птички, постоянными нападениями сверху, прогонять дерзких посетителей-грызунов, ибо те не могут с ними бороться — у птичек большое преимущество: ударив клювом мышку, они могут тотчас взлететь. Чем-то кончится маленькая драма?

бы стекались все воды горы, и из чаши изливались бы в море. Александру очень понравилась эта мысль, но он спросил: будет ли этот город окружен деревнями, которые могли бы доставлять хлеб, необходимый для его существования. Узнав, что подвозить припасов может производиться только с моря, Александр сказал: „Динократь, я со-

Передвижение больших масс. Перевозка колокольни в Кресцентино, в 1776 г.

Передвижение больших масс. Перевозка крылатых Ниневийских быков, в 1854 г.

Искусственные пейзажи.

(Рис. на стр. 460).

У Витрувия, римского писателя времен Ю. Цезаря, есть рассказ об строителе Динократь, который предложил Александру Великому обдѣлать Афонскую гору таким образом, чтобы она уподоблялась великой фигурѣ челоука, поддерживающаго одною рукою цѣлый городъ, а другою чашу, куда

зпаю величїе твоего проэкта: онъ огроменъ и многозначителенъ; но полагаю, что тотъ, кто рѣшится устроить колонїю въ томъ мѣстѣ, въ которомъ ты предлагаешь, будетъ справедливо названъ опрометчивымъ, ибо какъ дитя не можетъ питаться и развиваться безъ молока кормилицы, такъ и городъ не можетъ держаться и развиваться безъ плодородныхъ окрестныхъ деревень, не можетъ имѣть значительнаго населенїя безъ обильной пищи. Я не могу одобрить мѣста, которое ты выбралъ для при-

веденія великаго плана твоего въ исполненіе, но желаю, чтобы ты оставался при мнѣ; мнѣ нужны люди съ такими великими идеями".

Этотъ колоссальный проэктъ по всей вѣроятности былъ внушенъ македонскому архитектору тѣми странными и любопытными очертаніями, какія принимаютъ иногда горы. Дѣйстви-

края этихъ выемокъ, то ясно можно различить профиль лица, чему примѣромъ можетъ служить хотя гора Ланъ, если смотрѣть на нее отъ Гренобля.

Въ XVII вѣкѣ Кирхнеръ, интересовавшійся различными своеобразностями, задумалъ возстановить въ маломъ размѣрѣ гигантскій проэктъ Динократа и составилъ проэктъ пейзажа, по-

Незванные гости. Ориг. рис. Джакомелли, грав. Руже.

тельно, нерѣдко можно видѣть ясно обрисовывающійся на небѣ, какъ бы человѣчскій профиль. Явленіе это замѣчается наиболѣе въ тѣхъ странахъ, гдѣ известковыя выемки выламывались такимъ образомъ, что образовывали глубокія долины, перпендикулярныя направленію цѣпи. Если смотрѣть сбоку на

казанный на фиг. 1. Рисунокъ этотъ, изваянный на мраморѣ, долгое время оставался вѣданнымъ въ стѣну сада кардинала Монтальто въ Римѣ. Позднѣе художники совершенствовали и разнообразили этотъ проэктъ, что показываютъ фигуры 2 и 3. Смотри на рисунки сбоку, въ нихъ видны человѣчскіе профили.

Фигура 2 изображает старуху, а фиг. 3 мужчину, волосы и борода которого составлены из кустарника. Слѣдует предположить, что такіе проекты когда нибудь и осуществятся. Геронъ и позднѣе его Скоттъ описывают снаряды, посредствомъ которыхъ производятъ извѣстные выемки и насыпи съ цѣлью придать

части мѣстности требуемую форму. Въ малыхъ размѣрахъ это постоянно производится въ садахъ и паркахъ, гдѣ устраиваются извѣстные красивые виды, располагая насыпные холмы и искусственные выемки и насаждения для произведенія извѣстнаго впечатлѣнія, т. е. устраиваются „искусственные пейзажи“.

Новый аэростатъ.

(Рис. на стр. 461).

Извѣстно, что то, чего недостаетъ шарлѣрамъ (поднятія, или опусканія безъ выбрасыванія баласта, или выпусканія газа), имѣютъ монгольфьеры, и наоборотъ, чего не достаетъ монгольфѣрамъ (достаточно подъемной силы и пр.), всѣми этими преимуществами обладаютъ шарлѣры; совершенно естественнымъ представляется заключеніе: какимы бы образомъ, соединивъ обѣ эти системы въ одну, воспользоваться преимуществами той и другой, безъ недостатковъ обонхъ, чтобы получить аппаратъ, который бы, безъ помощи всякихъ механическихъ силъ, могъ бы по произволу подниматься и опускаться на различныхъ атмосферическихъ высотахъ, не выпуская газа и не выбрасывая баласта.

Это именно и достигается „Апраксинъ-Кароло-Монгольфѣромъ“. Мы называемъ эту систему „Апраксинъ-Кароло-Монгольфѣръ“—изображеніе кольцеобразныхъ шаровъ фиг. С намъ представляетъ изобрѣтеніе графа Апраксина, получившее привилегію, какъ для Европы, такъ и для Америки. Этими путемъ представляется единственная возможность осуществить на практикѣ соединеніе монгольфѣра съ шарлѣромъ, какъ показывается фиг. А, или фиг. В.

На рисункѣ фиг. А (равно какъ и фиг. В) показанъ весь аппаратъ цѣликомъ, а именно: монгольфѣръ, соединенный съ кольцеобразнымъ шаромъ, наполненнымъ газомъ; монгольфѣръ фиг. т служитъ для урегулированія высоты всего аппарата въ атмосферномъ воздухѣ, т. е. если мы нагрѣемъ въ немъ воздухъ чрезъ трубку 1, посредствомъ соотвѣтствующей печки, или же черезъ отверстіе вентиляціоннаго клапана v^1v^2 проведемъ токъ холоднаго воздуха, то мы получимъ болѣе или менѣе значительную подъемную силу, посредствомъ которой мы по произволу можемъ подниматься или опускаться; кольцеобразный шаръ фиг. С наполненъ газомъ и предназначенъ для подъема всего аппарата, а именно: посредствомъ легкаго стаяка, или мачты, какъ показывается фиг. п, поддерживается вѣсь регуляціоннаго шара (на фиг. В посредствомъ ниспадающихъ веревокъ); далѣе, събѣгу ниспадающихъ веревокъ кольцеобразный шаръ соединенъ съ гондолой, а потому онъ долженъ поднимать и весь грузъ людей, снаряженія и баласта, т. е. приводить въ равновѣсіе съ атмосфернымъ воздухомъ и тогда дальнѣйшее подниманіе, или опусканіе производится регуляціоннымъ шаромъ (монгольфѣромъ).

За температуру монгольфѣра, которую не слѣдуетъ переступать, можно принять 100° Ц.; по совершенно безопаснымъ возвышеніемъ температуры воздуха можно считать около 80° Ц. противъ вѣшняго воздуха. Но такъ какъ регуляціонный шаръ, какъ уже объяснено, не предназначается для безпрерывнаго подниманія части вѣса всего аппарата; его задача—регулировать восхожденіе, или опусканіе судна въ надлежачій слой воздуха, то для этого достаточно (если вся машина хорошо уравновѣшена) лишь весьма незначительныхъ возвышеній температуры въ регуляціонномъ шарѣ отъ 8° и самое большее до 12° Ц.

Четыре небольшихъ цилиндра для амміака, содержащіе жидкій амміакъ, который употребляется сперва вмѣсто баласта, а потомъ для замѣны, постепенно уменьшающейся подъемной силы главнаго шара; s, s.—трубы, по которымъ проводится амміачный газъ въ главный шаръ изъ резервуаровъ для амміака.

Печка особаго устройства, помѣщенная въ гондолѣ, служитъ для нагрѣванія воздуха въ регуляціонномъ шарѣ; она устроена для регулированія источника теплоты и можетъ быть отапливаема керосиномъ, нефтянымъ коксомъ, или иными горючими веществами. *Изоляціонная труба* окружаетъ печку и закрывается ея герметически отъ доступа вѣшняго, атмосферическаго воздуха.

Проводящая труба 1 составляетъ продолженіе изоляціонной трубы; она проводитъ теплоту печи въ регуляціонный шаръ. На фиг. В она излишня, такъ какъ теплота по изоляціонной трубѣ проводится прямо въ регуляціонный шаръ.

Изоляціонная труба i^1 изолируетъ проводящую трубу 1 отъ стѣнокъ главнаго шара (на фиг. В она можетъ быть замѣнена ширмой).

Вентиляціонные клапаны v^1v^2 служатъ для пропусканія холоднаго тока воздуха чрезъ регуляціонный шаръ, если желательно болѣе быстрое охлажденіе его для болѣе быстраго опусканія всего аппарата.

Печка имѣетъ клапанъ для задерживанія въ печи тепла. Также изоляціонная труба имѣетъ клапанъ для задержанія перехода теплоты въ регуляціонный шаръ. (Перечисленные приспособленія дѣлаются при коксовой печи, а при керосинной печкѣ клапанъ замѣняетъ машинка, подобная ламповой машинкѣ для подниманія, или опусканія фитиля).

Одинъ автоматическій регуляторъ высоты служитъ для удержанія всего аппарата на одной желаемой высотѣ. Для этого служитъ ртутный барометръ, длинное колыно котораго состоитъ изъ желѣза, приделано къ маленькому металлическому ящику; къ этому же ящику прикрѣплено короткое стеклянное колыно, въ которое вводится металлическій винтъ. Если поствѣднй коснется ртуть, то замыкается маленькая батарея и приводится въ движеніе электромагнитная машина, которая закрываетъ печной клапанъ и клапанъ изоляціонной трубы и открываетъ вентиляторы v^1 и v^2 (при керосинной печкѣ открывается фитильный вентиль). Если же винтъ и ртуть не соприкасаются, тогда машинка, подгоняемая пружиной, начинаетъ двигаться и клапаны снова открываются, а вентиляторъ закрывается.

Винтъ снабженъ указателемъ и дѣленіями, такъ что какаго угодно высота до извѣстной стѣпени можетъ быть отсчитана и затѣмъ по желанію винтъ можетъ быть переставленъ для удержанія всего аппарата на другой высотѣ.

Всѣ упомянутые клапаны, въ случаѣ надобности, могутъ быть открываемы или закрываемы и рукою для регулированія всего аппарата.

Кромѣ того совокупный аппаратъ имѣетъ:

Вѣтровая компасъ (кружокъ съ дѣленіями), имѣющій цѣлью опредѣлять, какимы образомъ достигнуто болѣе благоприятнаго для цѣли путешествія воздушнаго теченія, т. е. поднятіемъ или опусканіемъ. Это производится съ помощью малаго (индикаторнаго) шара 0, который прикрѣпляется на шнурѣ, на глубинѣ приблизительно около 1,000 футовъ подъ гондолою и отклоненіе котораго отъ вертикальнаго положенія указываетъ на направленіе воздушнаго теченія на всякой глубинѣ, на какую его опустятъ. Могущее произойти отклоненіе нижняго воздушнаго теченія означаетается на кружкѣ, который снабженъ соотвѣствующими дѣленіями и чрезъ который проходитъ шетка индикаторнаго шара.

Аэронавигическій компасъ для показанія курса шара; онъ вѣситъ, подобно обыкновенному корабельному компасу, въ универсальномъ шарнирѣ; но только коробка компаса не прикрѣпляется, какъ обыкновенный корабельный компасъ къ кораблю, а здѣсь слѣдовательно, къ гондолѣ шара; напротивъ, онъ совершенно независимъ отъ движеній гондолы шара.

Употреблявшійся донынѣ въ аэронавигикѣ обыкновенный морской компасъ можно было считать лишь излишнимъ балластомъ въ гондолѣ шара, такъ какъ съ нимъ, теряя землю изъ вида, абсолютно невозможно ориентироваться даже и приблизительно, потому что шаръ постоянно вращается около своей оси, а съ нимъ вмѣстѣ вращается и гондола и коробка компаса, помѣщенная въ этой гондолѣ или прикрѣпленная къ ней. Чтобы на компасѣ узнавать дѣйствительное отклоненіе, когда такое случится, компасъ долженъ быть устроенъ, какъ описано выше, т. е. коробка компаса не должна дѣлать вращательныхъ движеній вмѣстѣ со всѣмъ аппаратомъ, а только при отклоненіи аппарата съ курсовой линіи, такъ какъ лишь тогда видна разность отклоненія отъ устойчиво стоящей магнитной стрѣлки.

Два предохранительныхъ клапана k^1k^2 открываются сами при болѣе значительномъ противъ нормальнаго давленія, въ видахъ предохраненія главнаго шара отъ опаснаго напирженія газа. Кромѣ того два *ручные* (несамодѣйствующие) клапаны, которые, смотря по надобности, можно открывать изъ гондолы.

Кромѣ перечисленныхъ снарядовъ изоляціонная труба, окружающая печку, снабжена термометромъ, показывающимъ температуру въ изоляціонной трубѣ около печки, и еще другимъ термометромъ, показывающимъ температуру вверху въ регуляціонномъ шарѣ. Кромѣ того, ко всему аппарату можно придать еще различныя инструменты для астрономическихъ опредѣленій мѣсты и метеорологическихъ наблюденій.

Гондола g построена въ видѣ каюты, весьма крѣпкой и чрезвычайно легкой, обставленной весьма удобно и роскошно отдѣланной.

Съ помощью такого аппарата, снабженнаго вышеозначенными инструментами, представляется возможность не только опредѣлять съ полною точностью и во всякое время измѣненія воздушныхъ теченій на различныхъ высотахъ надъ поверхностью земли, но и не исключается возможность приближительнаго достиженія предоставленной себѣ цѣли, пользуясь для этого наиболѣе благоприятнымъ по желаемому направленію вѣтромъ. Извѣстно, что мы приблизительно на каждомъ разстояніи атмосферической высоты въ 1000 фут. имѣемъ другое направленіе воздушнаго теченія и при томъ эти направленія на разныхъ высотахъ вообще пропорціональны разности высотъ барометра. Если напр. токъ воздуха при высотѣ баро-

метра въ 500 миллиметровъ имѣть направленіе NO, а при высотѣ въ 460 миллиметровъ направленіе NNO, то направленіе вѣтра будетъ:

при 410 милим. почти NNO $\frac{1}{2}$ O
 " 480 " " NO къ N
 " 490 " " NO $\frac{1}{2}$ N

Далѣ ясно, что въ этомъ случаѣ направленіе вѣтра будетъ:

при 510 милим. почти NO $\frac{1}{2}$ O
 " 520 " " NO къ O и т. д.

Малѣйшее движеніе вѣтра передаетъ ту же скорость движенію этому аппарату, который легче воздуха, и онъ во всякое время можетъ найти благоприятное и довольно сильное воздушное теченіе, направленное къ железу на направленію, а поэтому этотъ парусный воздушный корабль находится въ несравнен-

но болѣе выгодныхъ и благоприятныхъ обстоятельствахъ, нежели морское парусное судно на водѣ, которое не можетъ отыскивать по произволу благоприятное для своего плаванія воздушное теченіе, но вынуждено выжидать иногда по нѣскольку недѣль благоприятнаго ему, достаточно сильнаго вѣтра. Но и при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ оно не можетъ достигнуть даже средней скорости паруснаго воздушнаго судна, движущаго равной скоростью съ вѣтромъ.

Аппаратъ этотъ, со всеми вспомогательными приборами, исполненъ въ величину, приспособленную для подъема 10 человѣкъ, очень удачно, при небывалой легкости, весьма солидно и изящно, изобрѣтателемъ и строителемъ Костовичемъ, помимо постройки изобрѣтеннаго имъ, произвольно управляемаго и движущагося противъ вѣтра „воздушнаго корабля Россія“. Эта послѣдняя громадная и небывалая постройка, не имѣющая ничего общаго съ вышеописаннымъ аппаратомъ „Апраксинъ-Кароло-Монгольфьеромъ“, нынѣ удачно приближается къ окончанію.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Россія.—Египетъ.—Италія.—Бельгія.—Сербія.

Въ „Правит. Вѣстн.“ напечатанъ докладъ генерала Комарова о дѣлѣ при Кушѣ, чрезвычайно интересный, въ которомъ подробно подтверждаются сообщенія о ходѣ боя, извѣстныя намъ изъ телеграммъ. Во главѣ афганской пограничной комисіи будетъ состоять полковникъ Риджвей, къ которому будутъ прикомандированы капитаны Уэть и нѣсколько другихъ офицеровъ. Въ то же время лордъ Кимберлей заявилъ въ палатѣ лордовъ, что ошибочно предполагать, будто правительство намѣрено сохранить Афганистанъ какъ нейтральную полосу. Правительство присоединяется къ мнѣнію герцога Аргайля, что постъ, выдвинутый для защиты Индіи, долженъ находиться не слишкомъ далеко отъ базиса Англіи. Во время управленія лорда Рипона въ Индіи, выработаны тщательные планы обороны границы, и планы эти теперь одобрены. Лордъ Гренвилъ сказалъ, что цинѣшныя пренія по афганскому вопросу онъ считаетъ очень умѣстными и цѣнными, потому что они доказываютъ индіямъ, что вся Англія единодушно готова защищать ихъ отъ всякой опасности. Въ палатѣ общинъ Чайндерсъ сообщилъ, что изъ 11 милліоновъ кредита $7\frac{1}{4}$ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ частью уже израсходованы, частью предназначены на покрытіе принятыхъ на себя Англіею обязательствъ; кромѣ того, вѣроятно, потребуется еще $\frac{3}{4}$ милліона на расходы въ Суакимѣ и на нильскую экспедицію. Гладстонъ прямо заявилъ, что онъ не сомнѣвается въ томъ, что Россія ратификуетъ состоявшееся соглашеніе, и присовокупляетъ, что съ Россіей предполагается заключить договоръ, но желательнo, чтобы его подписаніе не послѣдовало ранѣе обстоятельнаго установленія пограничной черты.

Изъ тѣхъ же послѣднихъ парламентскихъ сообщеній видно, что англичане окончательно очищаютъ Суданъ. Нѣтъ сомнѣній, что это рѣшеніе принято будетъ съ восторгомъ англійскимъ экспедиционнымъ корпусомъ, такъ какъ положеніе послѣдняго дѣйствительно весьма тягостно. Изъ 8000 чел., расположенныхъ къ югу отъ Донголы, около одной трети можно смѣло отчислить въ инвалидные команды, но и на остальные двѣ трети нельзя много рассчитывать, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ рядахъ войскъ укоренилось убѣжденіе, что планъ наступательнаго движенія на Хартумъ окончательно оставленъ, и что войска стоятъ въ пустынѣ лишь въ силу какихъ то политическихъ соображеній. По сообщенію въ палатѣ общинъ маркиза Гартингтона, правительство рѣшило вывести какъ можно скорѣе войска изъ Вадигалфа и Ассуана. Отступательное движеніе начнется въ концѣ текущаго мѣсяца, а наступательное на Хартумъ совсѣмъ не состоится. Очищеніе такихъ позицій какъ Донгола требуетъ извѣстнаго времени. Относительно же Суакима, правительству еще не считаетъ возможнымъ представить окончательныя свѣдѣнія, а можетъ только сообщить, что очищеніе Суакима не послѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока не состоится соглашенія съ другою державою объ оккупации этого пункта. Продолженіе постройки желѣзной дороги на Берберъ не предполагается.

Въ Италіи, предпринятая экспедиція въ Красное море тоже уже не пользуются прежнимъ довѣріемъ и къ нимъ относится

даже съ некоторымъ разочарованіемъ. „Наша колониальная политика, говоритъ газета „Perseverenza“ проявилась въ обстоятельствахъ гораздо болѣе неблагоприятныхъ, чѣмъ даже можно было ожидать. Мы не успѣли прибыть въ Массову, какъ Хартумъ уже палъ, и англійскія войска должны были двинуться обратно изъ Судана. Улыбавшаяся многимъ итальянцамъ мысль о нашемъ наступательномъ движеніи въ глубь Судана, теперь уже нисколько не кажется имъ привлекательною. Весь вопросъ сводится нынѣ къ отысканію такой мѣстности для лѣтнаго квартированія нашихъ войскъ, климатъ котораго былъ бы менѣе вреденъ климата Массовы. Но и на такой позиціи наше положеніе было бы сопряжено съ большимъ рискомъ. Война въ такомъ краѣ стоила бы много денегъ, поглотила бы много человѣческихъ жертвъ, безъ всякаго соответствующаго для насъ вознагражденія“. Абиссинскій король тоже оказывается отнынѣ враждебнымъ итальянцамъ. Его войска заняли Керанъ и плоскогорья Богосовъ; это завладѣніе поставило итальянскіе гарнизоны въ Массовѣ и его окрестностяхъ въ крайне затруднительное положеніе. Въ Римѣ ходятъ слухи, что населеніе Богосовъ хотѣло воспротивиться вторженію абиссинцевъ и встрѣтило ихъ оружіемъ въ рукахъ, но безуспѣшно. Во всякомъ случаѣ полковникъ Сакетта, командующій отрядомъ въ Массовѣ, не хотѣлъ оставаться въ бездѣйствіи въ виду угрожающаго образа дѣйствій Абиссиніи и занялъ селеніе Аркико, весьма важный пунктъ, расположенный на югѣ Массовы, составляющей по прежнему центръ дѣйствій Италіи.

По сообщенію брюссельскаго корреспондента газеты „Debats“, 4-го мая лордъ-меръ торжественно вручилъ королю Бельгійскому адресъ, касающійся Конго. Король сердечное благодарилъ его и присовокупилъ, что мысль о созданіи конгскаго государства возникла изъ за желанія уничтожить невольничество и послужить дѣлу цивилизаціи и торговли въ Африкѣ. Основой новаго государства служить свободный ввозъ товаровъ. Пороги составляютъ препятствія, которыя промышленность должна преодолѣть. Расходы же на постройку дорогъ по берегу Конго безъ сомнѣнія вознаграждаются. Въ заключеніе король Бельгійскій сказалъ, что онъ, въ интересахъ цивилизаціи, надеется, что означенное предпріятіе привлечетъ къ себѣ капиталы.

Недавно умеръ въ Темашварѣ князь Александръ Карагеоргиевичъ, сынъ основателя сербской независимости и бывшій сербскій владѣтельный князь. Онъ родился въ 1806 году и такъ какъ послѣ смерти его отца власть перешла къ Обреновичамъ, то онъ вмѣстѣ съ матерью удалился въ Валахію. Въ 1842 г., послѣ наденія Михаила, втораго сына Милоша, которому онъ наследовалъ послѣ его отреченія, онъ былъ провозглашенъ княземъ и царствовалъ до 1858 года. Свергнутый въ свою очередь, онъ былъ снова замѣненъ старикомъ Милошемъ Обреновичемъ. Когда же сынъ и наследникъ послѣдняго былъ убитъ въ 1868 году, то князь Александръ былъ обвиненъ въ подстрекательствѣ и приговоренъ въ Пенстѣ къ восьмилѣтнему тюремному заключенію. Князь Александръ оставилъ послѣ себя трехъ сыновей, изъ которыхъ старшій, Петръ, имѣетъ въ супружествѣ дочь князя Николая Черногорскаго.

С М Ъ С Ъ.

Водопроводы въ Парижѣ. Въ столицѣ Франціи устроено два новыхъ водопровода ключевой воды. Первый въ 134 километра, изъ рѣки Аврв близъ Эврѣ, второй, въ 135 килом. изъ рѣки Бульси въ Провансѣ. Каждый водопроводъ ежедневно вводитъ въ Парижъ до 200000 ведеръ воды. Источники лежатъ на высотѣ 80 и 95 метровъ надъ уровнемъ моря, и имѣютъ достаточное давленіе, чтобъ доставлять воду въ городъ, расположенный лишь на 32—70 метровъ выше уровня моря. Прежній водопроводъ изъ рѣки Дюиссы доставляетъ Парижу 80000 ведеръ воды, а устроенный въ 1874 изъ рѣки Ваны 20000 ведеръ, онъ длиною въ

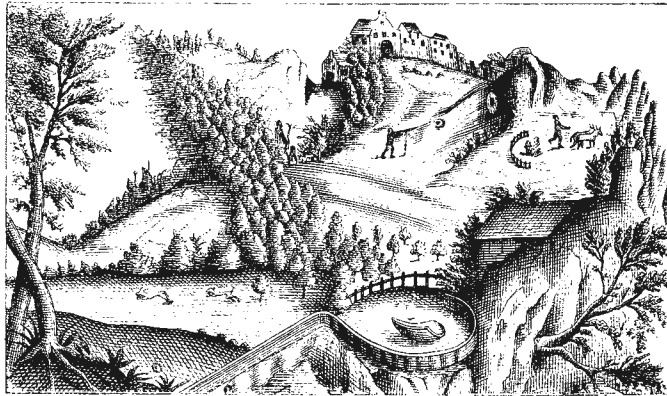
139 километровъ. Кромѣ того Парижъ издавна потребляетъ воду рѣчекъ Урка и Жибетты, но эта вода такъ грязна и дурна, что ее никакъ нельзя назвать ключевой водою; городскіе водопроводы, посредствомъ двухъ большихъ водоподъемныхъ машинъ, поставляютъ двѣ трети потребляемой въ Парижѣ воды изъ Сены и Марны. Прежней воды едва хватаетъ только для питья и домашняго обихода; для бань, прачешныхъ фабрикъ и поливки улицъ и садовъ требуется еще столько же сколько было. Два новыхъ водопровода восполнили этотъ недостатокъ и стоили городу 64 милл. франковъ.

Сбережение мѣховъ, сунна и шерстяной матеріи. Въ виду наступающаго теплаго времени, сообщаемъ нашимъ чятательницамъ нѣсколько испытанныхъ способовъ—сберегать отъ моли мѣха и другія вещи; для сбереженія мѣховъ рекомендуются слѣдующіе способы: 1) вещи посынаются истолченнымъ желѣзнымъ купоросомъ; 2) употребляется смѣсь изъ 4-хъ ложекъ эфирнаго, полнннато масла и

вовъ преклоняютъ при встрѣчѣ коленно. Гренландцы лизутъ щеки другъ друга, а лапландцы прикладываются другъ къ другу кончиками носовъ.

Значитъ, чтобы быть истинно вѣжливымъ и благосовитаннымъ во всѣхъ уголкахъ міра, слѣдуетъ изучить всевозможные обычай.

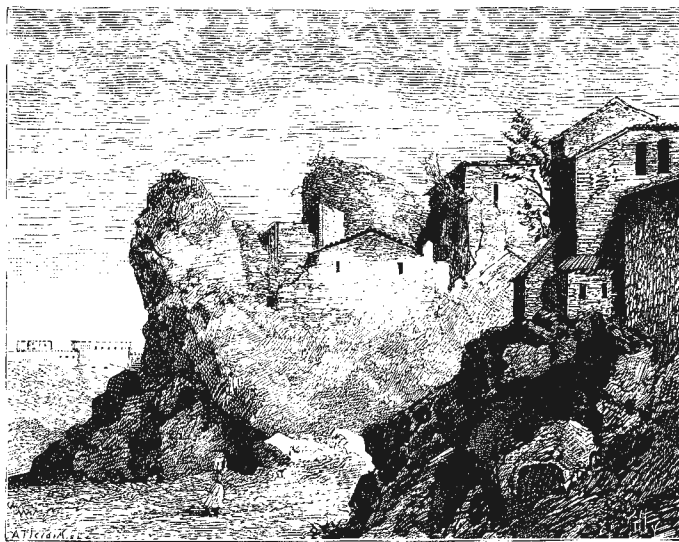
Сохраненіе хлѣба. Въ сельскихъ хозяйствахъ, гдѣ приходится разогрѣвать много хлѣба, случается иногда, что хлѣбъ, вслѣдствіе сырости, покрывается плѣсенью. Какъ испытанное средство противъ этого, рекомендуется—свѣже испеченные хлѣбы, прямо изъ печки, положить въ мучной мѣшокъ, гдѣ имѣется еще немного муки и притомъ такъ, чтобы верхнія корки хлѣбовъ соприкасались. Затѣмъ, завязываютъ мѣшокъ и подвѣшиваютъ его на свѣжій воздухъ. Такимъ образомъ хлѣбъ сохраняется мѣсяцъ или полтора, не сохнетъ и не покрывается плѣсенью. Въ имая хлѣбъ изъ мѣшка для употребленія въ пищу, его счищаютъ чистой щеткой и кладутъ на одну ночь въ погребъ, чтобы сдѣлать его снова мягкимъ.

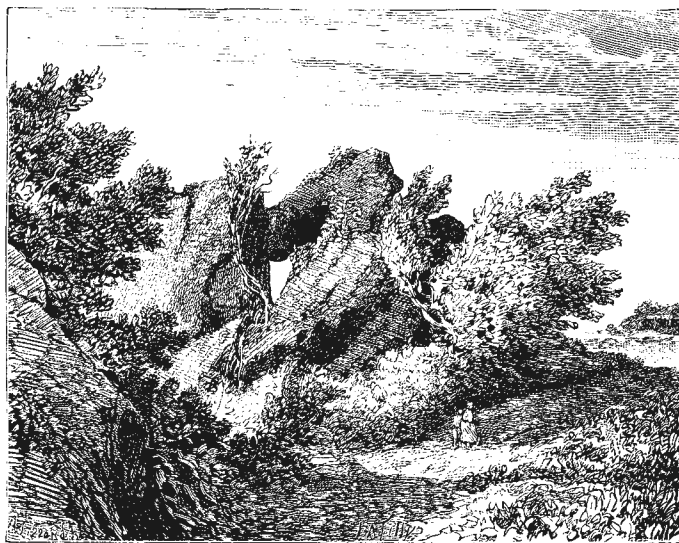
Искусственные пейзажи. 1. Пейзажъ Кирхнера.

Отъ моли рекомендуются: обкуриваніе сундуковъ и шкаповъ нашатыремъ; обертываніе вещей въ чистыя, полотняныя простыни и узкіе мѣшки; персынаніе вещей табакомъ, камфарой, перцемъ, окурками отъ сигаръ, коноплянымъ цвѣтомъ. Необходимо также, прежде чѣмъ убирать мѣха и зимнія вещи, тщательно ихъ вычесать, выколотить и вычистить, такъ какъ пылъ болѣе всего способствуетъ разведенію моли. Для предохраненія отъ моли мебели, обитой шерстяной матеріей, слѣдуетъ смѣшать волосъ со свѣжезасушенными цвѣтами конопли, запаха которыхъ моль не переноситъ.

Что городъ — то норовъ, что деревня — то обычай. Понятія о вѣжливости и приличіи въ сущности только относительны и основаны на обычаяхъ каждой націи. Вотъ, для примѣра, различныя формы привѣтствія, принятія у разныхъ народовъ. Мексиканецъ, встрѣчаясь со знакомымъ, цѣлуетъ его руку и, въ тоже время, касается своей рукой земли. Бразиліанецъ, напротивъ, беретъ голову знакомаго и прижимаетъ ее къ груди. Мадагаскарецъ довольствуется прикладываніемъ своей ладони къ ладони другаго. Сіамецъ, при встрѣчѣ съ другимъ, снимаетъ свое верхнее платье и обвиваетъ имъ станъ встрѣчнаго, а эвоишъ снимаетъ съ пріятеля поясъ и опоясывается имъ на минуту самъ. Арабъ говоритъ при встрѣчѣ: „Салемъ Алейкумъ“ (миръ съ тобой), на что ему отвѣчаютъ: „Алейкумъ есалемъ“ (и съ тобою да будетъ миръ); въ Іеменѣ же, арабы, кромѣ этого привѣтствія, цѣлуютъ другъ у друга руку, но не сразу, а послѣ нѣкотораго сопротивленія и чѣмъ дольше человекъ не даетъ цѣловать руку, тѣмъ онъ благосовитанныѣе. Кохинхинецъ снимаетъ свою тростниковую шляпу и кладетъ на землю, а обитатели острова Южнаго океана надѣваютъ свою корону изъ перьевъ на голову встрѣтившагося знакомаго. Персъ киваетъ головой и прикладываетъ палецъ ко рту. Японецъ вытягивается въ струнку и для выраженія особеннаго уваженія садится на землю. Жители Курильскихъ остро-

Искусственные пейзажи. 2. Очертаніе лица старухи.

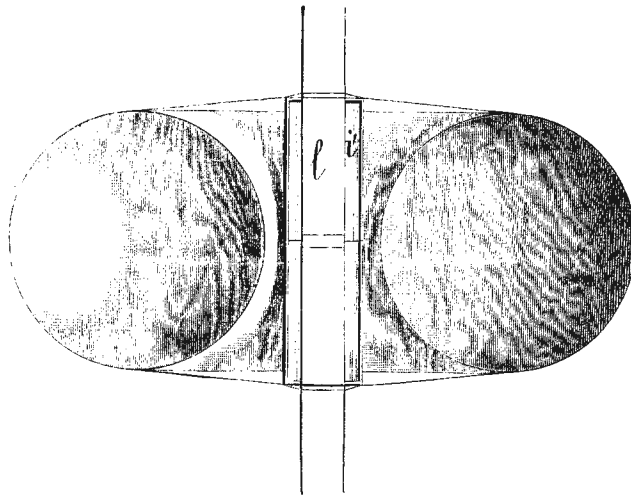
Искусственные пейзажи. 3. Варіація того же пейзажа.

Дешевая сила — вотъ лозунгъ мелкихъ производителей, желающихъ противостоять конкуренціи оптовыхъ промышленниковъ. Уже нѣсколько лѣтъ существуютъ такъ наз. „заведенія для найма силы“, которыя имѣютъ только то неудобство, что ремесленникъ долженъ устроить свою мастерскую въ самомъ зданіи или въ ближайшемъ отъ него разстояніи. Распространеніе подобнаго рода заведеній было бы дѣльнымъ и хорошимъ употребленіемъ „излишнихъ“ капиталовъ, обременяющихъ банки и сберегательныя кассы. Пасъкъ силы принялъ однако особую форму, которую слѣдовало бы ввести всадѣ. Въ Нью-Йоркѣ отдается извѣстное количество силъ нара посредствомъ крановъ. Въ Бирмингамѣ машины со сжатымъ воздухомъ—на значительномъ даже разстояніи отъ источника силы. Парижское учрежденіе существуетъ всего два мѣсяца въ улицѣ Бобуръ — средоточіи мелкихъ промышленниковъ, щеточниковъ, гребенщиковъ, переплетчиковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и др. и приобрѣло уже значительное число абонентовъ. Теперь вполнѣ примѣнились къ новому приспособленію. Силу покупаютъ какъ газъ; пользуются ею или прекращаютъ ея дѣйствіе посредствомъ открыванія или замыканія крана. Все устройство заведенія состоитъ изъ паровой машины въ 84 лошадиныя силы, 250-ти метровъ проводныхъ трубъ и маленькихъ двигателей, отдаваемыхъ абонентамъ. Паровая машина приводитъ въ движеніе пневматическую машину, имѣющую въ главной и боковыхъ трубахъ пустоту въ 75%. Въ центральной станціи можно помѣстить еще три большихъ паровыхъ машины, въ случаѣ усиленія требованія силы. Главныя чугунныя трубы проложены въ уличныхъ каналахъ и имѣютъ при выходѣ изъ центра 25 центиметровъ въ поперечникѣ, въ каналахъ 15 цент., а въ концѣ провода 10 цент. Боковыя трубы вылиты изъ свинца, подобно газопроводнымъ. Двигатели, отдаваемые въ мастерскія, шести различныхъ размѣровъ, до 1 лошадиной

силы. Расчет производится ежемесячно или послѣ каждыхъ десяти дней. Принимая во вниманіе дороговизну содержанія паровыхъ и газовыхъ машинъ, нанимаемая такимъ образомъ сила стоитъ не дешево. За одну лошадиную силу платятъ 4 франка въ день. Предприниматели получаютъ большую прибыль, такъ какъ одна лошадиная сила обходится имъ не болѣе 12—15 сантимовъ.

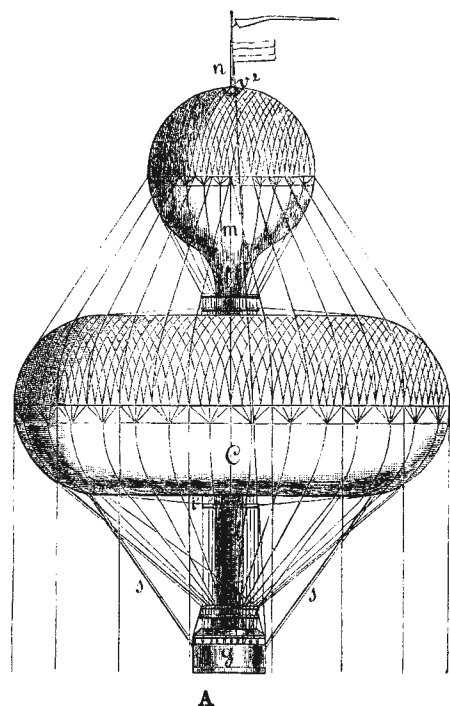
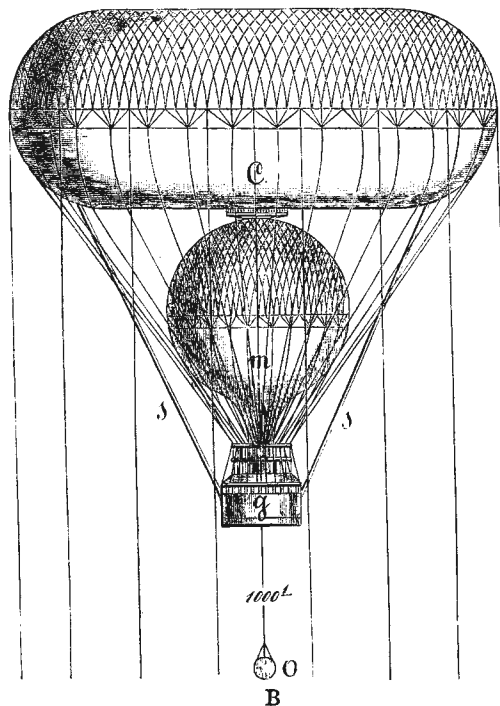
Ползаніе мухъ. Много самыхъ обыкновенныхъ явленій въ природѣ мы видимъ ежедневно, но затруднились бы объяснить ихъ тайну. Долгое время представляло такую тайну ползаніе мухи и другихъ насекомыхъ по отвѣснымъ стѣнамъ и гладкимъ поверхностямъ. Наконецъ попали на слѣдъ этой искусной гимнастики, умѣющей ходить даже по потолку. Сперва предполагали, что безчисленное количество волосковъ, которыми покрыты ноги мухи, даетъ ей возможность крѣпко держаться, входя въ поры стѣвъ; это предположеніе оказалось невѣрнымъ, такъ какъ мухи ползаютъ по стеклу, которое, какъ извѣстно, не имѣетъ поръ. Тогда составили глубокомысленную теорію, будто бы муха, садясь, поднимаетъ среднюю часть ступни, образуя безвоздушное пространство и виситъ на стѣвѣ, какъ держится у насъ на губѣ или языкѣ пузырькъ, изъ котораго мы высосемъ воздухъ. Это была теорія тоже ошибочная—мик-

капи масла въ диаметръ самаго волоса. У мухи на каждой ногѣ не менѣе 1600—2000 волосковъ, которые, смоченные ничтожнымъ количествомъ этого масла, могутъ удержатъ на самой гладкой поверхности насекомое. Этимъ также объясняется, что муха не можетъ ползати и падаетъ на вспотѣвшемъ стеклѣ, такъ какъ жиръ ея ногъ не смѣшивается съ водяными каплями пара и не пристаетъ къ стеклу. На этомъ же основаніи муха очень неповоротлива на запыленной поверхности: промежутки между волосками наполняются пылью, останавливающей отдѣленіе маслянистой жидкости. Муха умѣетъ устранить это препятствіе—поднимаетъ ноги, третъ ихъ о покрытыя жесткими волосами крылья и, очистивъ ихъ такимъ образомъ отъ пыли, ползетъ дальше.

Разрѣзъ фиг. С.

Ванъ-Зандтъ. Искренній пожеланіи ея поклонниковъ, чтобы артистка своимъ пѣніемъ обезоружила всѣхъ своихъ противниковъ, не исполнилось; ее встрѣтили въ Парижѣ громкимъ протестомъ. Цѣлая толпа явилась въ театръ „комической оперы“, гдѣ давали „Дамъ“. Когда въ кассѣ объявили, что всѣ билеты проданы, толпа разразилась страшными криками. Вышибли окна, сломали дверь, нѣсколько человекъ ворвались въ театръ, между тѣмъ какъ стоявшіе на улицѣ кричали: „Долой Кавальо!“, „Долой Ванъ-Зандтъ!“ Три полицейскихъ комиссара, во главѣ цѣлаго отряда, нѣсколько

„Апраксинъ-Кароло-Монгольфьеръ“.

Изобрѣтеніе Ген.-Лейт. графа А. С. Апраксина, конструція Костовича, чертежъ его же, граф. М. Рашевскій.

роскопъ показалъ, что нога мухи лишена мускуловъ, необходимыхъ для такого движенія. Наконецъ нашли, что ноги мухи выдѣляютъ жидкость, слѣды которой остаются на стеклѣ, и предположили, что это клейкое вещество быстро плотнѣетъ и удерживаетъ муху. Это остроумное объясненіе не понравилось ученымъ; иные справедливо замѣчали, что при такихъ условіяхъ муха, побывъ на одномъ мѣстѣ, несомнѣнно прилипла бы, а въ дѣйствительности она всегда легко перемѣщается. Теперь есть новая и самая правдоподобная теорія, что ноги мухъ выдѣляютъ только небольшое количество жира, смачивающее волоски и вполне достаточное, чтобъ предотвратить паденіе. Это предположеніе подтверждается цифрами: нашли, что волосъ, длиной въ 16 сантиметровъ, держится на стеклѣ съ помощью

разъ отгѣснили скандалистовъ и арестовали коноводовъ. Въ залѣ въ то же время происходила борьба приверженцевъ пѣвицы, большей частью американцевъ, и ея противниковъ. При каждомъ появленіи пѣвицы первые сильно аплодировали, а вторые шикали. Въ первыхъ дѣйствіяхъ аплодисменты брали верхъ, но подъ конецъ восторжествовало шиканье, къ которому примѣшалась суматоха въ корридорахъ и на улицѣ. Бѣдная Ванъ-Зандтъ въ антрактахъ рыдала; наконецъ послѣ спектакля ушла со своею матерью въ боковую дверь, такъ какъ толпа ее ожидала у артистическаго подъѣзда и еще долго кричала: „Прочь Ванъ-Зандтъ! Артистка отказалась отъ контракта и не выступитъ болѣе въ Парижѣ. Весь этотъ шумъ былъ вызванъ нѣсколькими шаптаньями листками.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нивы“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, обязательно присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Идиллія времяя директоріи (съ рис.).—Искушеніе. Повесть Я. П. Полонскаго. (Продолженіе).—Капитанъ Гаспарини. Разсказъ времяя Фронды. Ф. Лилля.—Стихотвореніе К. Тронина.—Молодая вѣсточница (съ рис.).—Ледовое побоище въ 1242 г. (съ рис.).—Весенняя распутица въ польской деревнѣ (съ рис.).—Передъ праздникомъ (съ рис.).—Передвиженіе большихъ массъ (съ 2 рис.).—Незваные гости (съ рис.).—Искусственные пейзажи (съ 3 рис.).—Новый аэро-статъ (съ 3 рис.).—Политическое обозрѣніе.—Слѣсъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марисъ.

НАВОЖДЕНИЕ. Ром. изъ современн. жизни.
Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.;
въ перепл. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ.

Общедоступный лечебникъ.
Составленъ докторомъ Луинымъ.
М. 1884 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
Складъ въ книжномъ магазинѣ А. Нар-
цеза, Москва, Фуркасовскій пер., д. Оби-
дской. № 1062 5-2

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Романъ-хроника XIII вѣка.
Вс. С. СОЛОВЬЕВА.
Цѣна 2 р., съ перепл. 2 р. 50 коп.; въ
перепл. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ИЗЪ
КОВАННАГО ЖЕЛЪЗА
намогильныя рѣшотки,
палісады, намогиль-
ныя часовни, кресты
для могилъ.

ИЗЪ
КОВАННАГО ЖЕЛЪЗА
ворота, перила, балко-
ны, флюгарки, подъѣз-
ды, зонтики, лѣстницы,
изъ кованнаго желъза.

ХУДОЖЕСТВЕННО-СТРОИТЕЛЬНО-СЛЕСАРНЫЙ ЗАВОДЪ
КАРЛЪ ВИНКЛЕРЪ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
№ 1098 Вас. Остр., 13 линия, № 60-9. 3-1

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНЫЕ ПРОТИВУХОЛЕРНЫЕ ПОЯСА,
сдѣланные по идеѣ известнаго французскаго ученаго, Доктора Бюрка, продаются съ
разрѣшенія Медицинскаго Совѣта. Дено: С.-Петербургъ, Аптека Трофимова, по Заго-
родному проспекту, противъ Технологическаго Института. Также продаются у Рузанова,
Гостинный дворъ, № 40. № 1161

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНИЕ Ф. НАВТЕНКОВА:
ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ФИЗИКОЙ
ПОСРЕДСТВОМЪ ПРОСТЫХЪ ПРИБОРОВЪ. М. № 1099
Руководство для дѣтей средняго возраста, составленное М. Герасимовымъ и редакци-
рованное докторомъ физики О. Хвольсономъ. Съ 96 рис. и 275 вопросами. Цѣна 50 коп.

Железод. станція Оппенгау. Открытіе 15-го мая.

МИНЕР. ВОДЫ ГРИСБАХЪ,

дано известныя желѣзныя воды, 560 м. надъ уровнемъ моря, въ живописной вер-
хней Рейнской долинѣ, 8 желѣзныхъ источниковъ. Паровыя ванны по методу Шар-
да. 300 комнатъ, по желанію со столомъ. Мѣстный врачъ Д-ръ Гершмицъ. Высочай-
шій комфортъ. Дешевыя цѣны. Программа бесплатно.
R. № 1072. 4-2 Владельцы Schliedtke & Simon.

С.Петербургская Химическая Лабораторія
Фабрика парфюмерныхъ издѣлій.

На каждомъ пред-
метѣ требовать фаб-
ричное клеймо:

Обращать вниманіе при
покупкѣ каждого предмета
на точность фирмы:

„С.Петербургская Химическая Лабораторія“
Съ разрѣшенія С.Петербургскаго Врачебнаго Управленія.
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МОЛОКО,
средство для смягченія и бѣланы кожи.
ВЕСЕННЕЕ МОЛОКО
средство отъ загара, красноты, пятенъ.
ОГУРЕЧНОЕ МОЛОКО. ЧЕРЕМУХОВОЕ МОЛОКО.
ПРИСОВОЕ МОЛОКО
самаго высшаго качества. № 1097
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: 1. Невскій проспектъ, домъ №32. Наголицынской церкви.
2. Невскій проспектъ, домъ №66 у Анничкина моста.
3. Вознесенскій проспектъ, домъ №18-54. Шредера.
ВЪ МОСКВѢ: 1. Кузнечій мостъ, домъ Третьяковскихъ.
Контора и оптовый складъ въ зданіи фабрики въ С.Петербургѣ:
Намавлонскій проспектъ, 21.

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ
„ЭЛЕПАТЪ“
◆ **ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА** ◆

употребляется для останавливанія выпаденія волосъ и противъ
столь вредной для роста волосъ перхоти.

Продается въ С.-Петербургѣ во всѣхъ косметическихъ магазинахъ, въ Москвѣ
и провинціи—во всѣхъ большихъ аптекахъ и у Дрогистовъ; цѣна флакону 1 руб.
50 коп. безъ пересылки.

Провизоръ **КИНУНЕНЪ.**

• **БИЛІАРДНАЯ ФАБРИКА**
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
БИЛІАРДЫ И КЪ БИЛІАРДНОЙ
ИГРѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.
Троицкій проспектъ, близъ Египетскаго мо-
ста, д. № 13-2. № 3855 17-6
Иллюстрир. прелесъ-курранты по востре-
б. высл. безвозмездно.

Предстоящій ТИРАЖЪ 1-го ІЮЛЯ 1885 г.

Ижеозначенная контора продаетъ
5% ГОСУД. ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ

а) на наличныя деньги: по дневному биржевому курсу, взимая
въ свою пользу 1/8% комиссіи, т. е. 27 коп. съ билета.
б) съ разсрочкою платежа: съ задаткомъ не менѣе 15 рублей и
мѣсячными платежами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ
не менѣе

пяти РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со времени полученія конторою задатка, всякій выигрышъ, который
падетъ на купленный и означенный въ свидѣтельствѣ билетъ, при-
надлежитъ покупателю и будетъ выплаченъ конторою безъ всякихъ
въ свою пользу вычетовъ.

Страхование выигрышныхъ билетовъ по 40 коп.

Порученія изъ провинціи исполняются конторою обратною поч-
тою, причемъ контора не лишнимъ считаетъ обратить вниманіе
гг. покупателей на то, что въ послѣднихъ дняхъ до тиража по-
рученія поступаютъ въ большомъ количествѣ, а потому желатель-
но, для точнаго исполненія иногородныхъ порученій, в. сылать та-
ковыя по возможности заблаговременно, кромѣ того, прямая вы-
года гг. покупателей обращаться заблаговременно со своими по-
рученіями въ контору уже потому, что биржевая цѣна билетамъ
въ тиражѣ постоянно повышается. P. № 1103 7-1

Банкирская
контора **Ф. А. КЛИМА**
въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 21.

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ
ПРОИЗВЕДЕНІИ
БЕНЕДИКТИНОВЪ
Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).
НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.
С.-Петербургскимъ столичнымъ врачебнымъ при-
сутствіемъ разрѣшенъ ввозъ изъ-за границы,
какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вред-
ныхъ здоровью веществъ. № 1052
26-5

2 ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ:
Брюссель 1880—Лондонъ 1884 гг.
ВЫСШІЯ НАГРАДА.

Изобрѣ-
теніе въ **1373 г.** ПЬЕРРЪ БУРСО
Домъ основанный въ 1807 г. Се-
генъ, въ Бордо, ул. Гюгери, 3.
ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ **SEGUIN** RUE HUGUERIE 3
BORDEAUX.
Складъ въ СПб. въ Техно-Химической Лабор.
Гостин. дворъ № 45, въ магазинѣ А la Renomée;
у А. Рузанова и Флейша, парфюмеровъ.

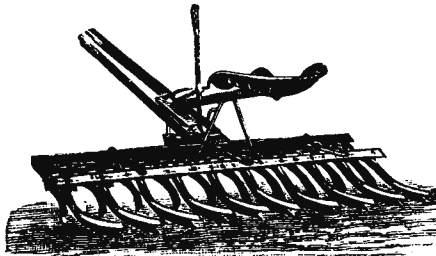
РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ К. К. МАЗИНГА вЪ Москвѣ,

(Знаменка, Ваганьковский пер.) St. № 1093 5-1

Пользуется правами казенныхъ реальныхъ училищъ.

Училище состоитъ изъ 6 основныхъ классовъ и дополнительнаго, съ двумя отдѣленіями: общимъ и химико-техническимъ. Воспитанники принимаются во все классы приходящими и пансіонерами.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ АМЕРИКАНСКАЯ БОРОНА АКМЭ,

она же глыбодробъ, рыхлитель, уравниль, катокъ и запашникъ—рекомендуется какъ лучшее орудіе для воздѣлки почвы.

Вся изъ желѣза и стали и поэтому прочна. Новый роскошно иллюстр. каталогъ новѣйшихъ земледѣльч. машинъ и орудій, насосовъ и пожарн. трубъ высылается за 21 коп. марками.

Товарищество БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ.

СПБ. Вас. Остр. 1 линия № 10 и Москва, Мясницкая ул., д. Сытова.

Американскую борону—рыхлитель Ла-доа съ 12-ю стальн. дисками въ 18 дюйм. предлагаемъ за 65 рублей. № 1069 3-3

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ В. БЕССЕЛЯ и К^о ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВУЮ МУЗЫКАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ
(ЕДИНСТВЕННУЮ ВЪ РОССИИ):

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

съ нотными приложениями и безплатными преміями, подъ редакціею своб. художника В. В. БЕССЕЛЯ, при участіи гг.: Ц. А. Нию (***) и Г. А. Лароша, затѣмъ гг.: П. И. Блауберга, А. В. Виноградскаго, С. И. Габеля, Э. Ю. Гольдштейна, И. А. Губерта, А. И. Красковскаго, С. Н. Кругликова, Л. А. Самитты, П. П. Сокольскаго, Н. Ф. Христіановича и друг.

Газета выходитъ ежедневно въ теченіи сезона, всего около 30 номеровъ въ одинъ печатный листъ, in 4°, нотныя приложения ежемесячно (8 тетрадей) по 6 листовъ, около 30 страницъ ежемесячно; безплатныя преміи по собственному выбору изъ объявленнаго перечня, который высылаются безплатно, или на три руб. нотъ изъ каталога собственныхъ изданій фирмы В. БЕССЕЛЯ и К^о, въ С.-Петербургѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на одну газету, безъ прилож. и преміи 4 руб. на одинъ приложеніе, безъ газеты и безъ преміи 5 " на газету съ приложениями и преміей 8 "

Расходи на пересылку включены въ подписную плату (кроме Сибири и Закавказья). Преимущество гг. подписчиковъ на полное изданіе, т. е. за 8 руб., очевидно: 30 номеровъ газеты, около 50 листовъ (лучшихъ), преимущественно русскихъ, композиторовъ: Рубинштейна, Чайковскаго, Кюи, Бородина, Римскаго-Корсакова, Лядова, Глазунова и друг., и премія, стоимость которой доходитъ до 5 руб., какъ напр. оперы "Сибирючка", "Демонъ" и др.

Гг. желающихъ подписаться покорнѣе просятъ сообщать точный адресъ и обращаться преимущественно въ музыкальную торговлю В. БЕССЕЛЯ и К^о, С.-Петербургѣ, Невскій пр., 58. № 1089

НАСТОЯЩІЙ КНЯЖТИНСКІЙ ЧАЙ, развѣщенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ чайниковъ ТОРГОВАГО ДОМА „БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“ Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ и въ РОЗНИЦУ.
Прейсъ-курранты высылаются безплатно. 16--10

СКЛАДЪ ПИСЧЕЙ БУМАГИ АВГУСТЪ НАУМАНЪ въ С.-Петербургѣ, Казанская ул. № 42.

Вышла новая коллекція образцовъ почтовой, писчей, печатной, оберточной бумаги, переплетныхъ матеріаловъ и т. п. и пересылается по полученіи 45 коп. почтовыми марками. Р. № 1048 4-4

РОЗОВОЕ ГУСТОЕ РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“ ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССИИ И ЗАГРЯНИЦЕИ Н. П. ЛАНИНА, въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, ЯГОДНЫИ и ФРУКТОВЫИ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНУ БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ СЛѢДУЮЩИИ НАГРАДЫ:

1. НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА на Одесской выставкѣ 1884 года: ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ съ правомъ ходатайства на награжденіе

ВСЕРОССІЙСКІИ НАГРАДЫ:		ИНОСТРАННЫИ НАГРАДЫ:	
2. Серебряная медаль	1852 г.	1. Филадель. выстав. медаль	1876 г.
3. Серебряная медаль	1880 „	2. Филадель. выстав. медаль	1876 „
4. Почтовый отзывъ	1864 „	3. Париж. выстав. поч. отв.	1878 „
5. Серебряная медаль	1865 „	4. Амстердам. выстав. медаль	1883 „
6. Серебряная медаль	1869 „	5. Восток. выстав. почет. дилл.	1883 „
7. Медаль	1870 „		
8. Золотая медаль	1872 „		
9. Высочайшая благодарность	1875 „		
10. Золотая медаль	1882 „		

Государственнымъ гербомъ
ВЪ МОСКВѢ, СОФІЙСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ, СОБ. ДОМЪ.

Кромѣ того поступили въ продажу еще новые четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“:

- 1) ПОЛУ-СУХОЕ (Demi sec. «England à la Cliquot).
- 2) ОЧЕНЬ СУХОЕ (Extra sec. à la Pommery).
- 3) РОЗОВОЕ ГУСТОЕ (Oeil de Perdrix à la Roederer).
- 4) РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ (à la Cliquot).

Всѣ вышеозначенные сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут. **НВ.—ПРОСЯТЬ ИЗБѢГАТЬ ПОДДВОЛОКЪ.**

ОЧЕНЬ СУХОЕ.

СЪ ДОВОЛЕНІЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СТОИЧНАГО ВРАЧЕВНАГО ПРИСУТСТВІЯ.

ЭЛЕКСИРЪ-MELANGE.

Для быстрого и обильнаго роженія волосъ и предохраненія ихъ отъ выпаденія. Ц. 2 р. за флаконъ съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французск. и нѣмецк. языкахъ.

БАЛЬЗАМЪ-EUGÉNIE,

изъ миртовыхъ и свадебнаго букета цветовъ для приданія лицу, шеи и рукамъ нѣжной мягкости, мраморной бѣлизны съ благоуханіемъ лилій и розъ, а также для уничтоженія веснушекъ и всякой шероховатости кожи. Цѣна 1 р. 75 к. за флаконъ, съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

РУМЯНА EUGÉNIE,

жидкія, чтобы придать щекамъ и ушамъ натуральный розовый цвѣтъ, не мѣняющійся при электрическомъ освѣщеніи и не выгорающій даже при потномъ состояніи лица. Рекомендуются въ особенности для театровъ и баловъ. Ц. 1 р. 50 к. за флаконъ, съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫИ ПОМАДЫ

ПОДЛИННИКЪ „PASTA EUGÉNIE“, превосходное средство для устранения веснушекъ, родимыхъ и красныхъ пятенъ и другихъ дурныхъ явленій, встрѣчающихся на лицѣ, и дающее цвѣту лица юную свѣжесть и красоту. Цѣна банки 1 руб. 60 коп.

Хинно-глицериновая помада на перуанскомъ бальзамѣ, для укрѣпленія, сгущенія и роженія волосъ. Ц. банки 2 руб.

Ручная раковинная помада. Цѣна банки 1 р. 30 к. На каждой банкѣ находится охранительная марка „амуръ“ и подпись изобрѣтательницы „Berthae Ries“.

ПОДЛИННИКЪ „Pomde Eugénie“ бѣлая и розовая. Ц. коробк. съ пуховкой 1 р. 50 к., безъ пуховки 1 р. 20 к.

Краска для волосъ трехъ цвѣтовъ: черная, коричневая и свѣтлорусая. Цѣна коробк. 3 р. Краска фабриканта

РИСЪ ГУТМАНЪ.
Дело находится въ С.-Петербургѣ: Русское общество торговли антек. товарами, на Казанскомъ, с. д. у Оливье, Невскій пр., № 54 у бывш. Дарьянск. Пассажа, № 15 и в 17; у С. П. Гуркунова, Невскій пр., у Казанскаго моста. № 30; парижск. Эмиль, бывш. Сансеро, Литейный пр., № 43; у парижскаго Арстида, Васильевскій островъ, первая линия, домъ № 18; у Просперъ, Воанесенскій проспектъ, № 18. Въ Москвѣ: на Николаевской; у Р. Делеръ, № 10; у К. Феррейна; на Маросейск. у А. Врунск. (бывш. Петъ) и Л. Борхардтъ; А. Еремѣевъ на Кулинецкомъ мосту у В. Киль и парижск. Гюдоаръ; на Петровск. у Гетлингъ; въ Петроскихъ торговыхъ линіяхъ № 10 у В. Кузнецъ; въ Газетн. пер. у Р. Дар-

ОПТОМЪ.

ВЪ РОЗНИЦУ.

П. № 1102

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
НОВЫЙ СОРТЪ РУЧНАГО ОРГАНА:
АРИСТОНЪ-АНТИКЪ.

болѣе прочной и лучшей работы противъ бывшихъ въ продажѣ до сихъ поръ аристонъ, съ болѣе приятными и прочными подосама, и вслѣдствіе большого спроса имѣю возможность продавать новый сортъ по прежней цѣнѣ, а именно:

съ 10-ю пьсами по выбору
25 р.

отдѣльные пьсы, состоящія изъ лучшихъ латуней, оловъ, оперетокъ, русскихъ пьсонъ и др. по 60 коп. Пьсы, приобретаемыя къ прежде бывшимъ въ продажѣ аристонъ, поддаются къ антикъ-аристонъ. Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратно, на пересылку прому прилагать за 40 фун. Каталогъ пьсовъ для аристона высылается бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ С.-Петербурга, Больш. Морская, № 36. Отдѣленіе: Гороховая, д. № 32. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСЪКАТЕЛЪ
ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,

одобренный всеми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ применивъ во всеякое время года и для всякой рыбы: амблянетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватитъ наживку, то крючокъ механически захватываетъ ее за щеку. (Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. Единственный складъ у П. Ф. Наратаева, Невскій пр., Милутиныхъ ряды, № 18, въ С.-Петербурге.

Полный наборъ инструментовъ въ краскахъ прейсъ-куранта рыболовныя принадлежностей высылаются за 1 семи-копѣечную марку.

Микроскопъ 20 к., съ пересылкой 45 к.; вышесказаніе подсѣкатель прибавляютъ за микроскопъ только 20 к. № 1091 1-1

ПРИГЛАШАЮТЪ

для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургъ, Генриху Блоннъ Невскій 51. № 1038 4-4

НАСОСЫ

НАСОСЫ И ПАЛАСЫ. ВСЯКА РАЗМѢРОВА. ОТЪ РЫБНОЙ. ВСѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ. **Ж. БЛОКЪ.** СПб., Невскій, 16. Москва, Кузнецкій м., д. Голицына. Р. 1100 7-1

ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТІЕ
ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

Извѣстная банкирская контора ищетъ въ провинціи, во всѣхъ мѣстахъ Имперіи, благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи 5% Государственныхъ I и II съ выигранными займовъ съ разсрочкою платежа и для страхованія билетовъ тѣхъ же займовъ отъ тиражей погашенія на выгодныхъ условіяхъ. Этимъ даются каждому возможность съ легкостью, безъ всякихъ расходовъ и купеческаго познанія, увеличить свой годовой приходъ.

Обращаться съ указаніями настоящихъ лангій въ С.-Петербургскую Центральную Контору Объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лнц. В. (инимено). Р. № 1057

АМЕРИКАНКА.

полезный всякому хозяйству снарядъ для стирки въ обыкновенной комнатной водѣ бѣлая. Работаетъ весьма мало мыла и сохраняетъ отлично бѣлье, стирка доступна даже малодѣткамъ. Приглашаются агенты. Цѣна снаряда съ пересылкой по почтѣ 5 р., въ Сибирь 8 руб. При каждомъ снарядѣ прилагается наставленіе. Адресъ: Губернскому агенту Русскаго Сстрах. Общества, В. Шеннону, въ Симферополѣ.

ОТЗЫВЪ ПЯТНАДЦАТИ.

М. Г. Веліаминъ Пыльцъ: Стиральный аппаратъ вполне удовлетворяетъ своицѣли; употребляется меньше мыла противъ обыкновенной стирки и бѣлье лучше сохраняется; кромѣ того требуется времени на половину меньше. На послѣднее пять рублей прошу выслать еще экземпляръ на имя Ея Превосходительства Надежды Петровны Васильевой, Подольской губерціи, чрезъ ст. Жовнино, въ село Клицины, 20 февраля 1885 г. № 1086

Фабричное дѣло на снарядѣ: **„В. ШЛЕМЕНЗОНЪ—Симферополь“.**

ИНТЕРЕСНОЕ И ПОЛЕЗНОЕ ЗАНЯТІЕ
ДЛЯ ДАМЪ:

РУЧНОЙ ТКАЦКІЙ СТАНОКЪ!
„ТЕКСТИЛЬ—ВИКТОРІЯ“

Ц. съ перес. № 3 (30 сант.) 14 руб., № 4 (40 сант.) 20 руб. Образцы разл. работъ и узоровъ 3 руб.

Иллюстр. описаніе высыла бесплатно.

Контора практическихъ изобрѣтеній А. Граге, С.-Петербургъ, Б. Морская, Киришицкій пер., № 29/5. № 1088

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛИМЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Невскій, 21 (прот. Бол. Коношенной), предлагаетъ свои услуги по покупкѣ и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховых, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ банковъ по покупкѣ и продажѣ иностранныхъ монетъ и векселей, по заложу и пережалогу цѣнныхъ бумагъ на срокъ или до востребованія (до call) и по всѣмъ другимъ, касающимся банковскаго дѣла, порученіямъ, которыя исполняются съ совершенною аккуратностью за самое умѣренное вознагражденіе.

СТРАХОВАНІЕ

выигранныхъ билетовъ отъ предосторожнаго тиража погашенія по

СОРОКЪ КОП.

страхованія купанія высылается по почтѣ на счетъ конторы, безъ всякой доплаты.

ПРОДАЖА 5% БИЛЕТОВЪ
 I и II Государственныхъ внутреннихъ съ выигранными займовъ съ разсрочкою платежей

производится конторою на слѣд. условіяхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ, остальная сумма уплачивается ежемѣсячными взносами, по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

ПЯТИ РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со дня внесенія задатка всякій выигрышь, который падетъ на проданный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю. Р. № 1091

Ж. БЛОКЪ

ПРЕЙСЪ КУРАНТЫ ВЫСЛАЮТЪ БЕСПЛАТНО.

СПЕЦІАЛЬН. ДЛЯ РУССКИХЪ ДОРОГЪ.

РУССКІЙ КЛУБЪ

СКЛАДЫ: С. П. Б., НЕВСКІЙ № 16 МОСКВА, КУЗН. М. Д. ГОМЦЫНА.

Чокранское грязе-лечебное заведеніе въ Крыму открыто съ 20 мая. Подробности см. № 14 журнала „Нива“.

Съ разрѣшенія Спб. Врачебнаго Управленія.

СВОБОДИНЬ

ПРЕВОСХОДНОЕ
СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ

умножаетъ въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ. Постоянно возрастающее употребленіе Свободина, вслѣдствіе рекомендаціи потребителей, доказываетъ отличное дѣйствіе этого средства. № 1034 15-5

Цѣна въ флаконѣ 35 коп. Съ пересылкой 2 флак. 1 руб., 4 флак. 1 руб. 70 коп., 6 флак. 2 руб. 40 коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ
А. ГЕБГАРДТЪ.

Казанская ул., д. № 3, магазинъ № 1.

за 22 руб.

высылаются съ первой почтой слѣдующія четыре вещи, необходимые въ особенности для сельскихъ хозяевъ:

1) **БАРОМЕТРЪ** металлическій, усовершенствованной конструкции, задого предсказывающій всѣ перемены погоды: ясную погоду, туманъ, дождь, снѣгъ, бурю и проч. Съ книжкою о примѣн. къ сельск. хозяйству.

2) **ПОЛЕВАЯ ЗРИТЕЛЬНАЯ ТРУБА**, приближающая на нѣсколько верстъ.

3) **МИКРОСКОПЪ**, увеличивающій до 500 разъ.

4) **ЧАСЫ КАБИНЕТНЫЕ** столовые, изълучной лагранicznej работы, съ вѣрнымъ ходомъ. Отдѣльно высылаются всѣ вещи, по 7 руб. за каждую, съ пересылкой. За перес. въ Азіатск. Россію и на Кавказъ прибавляется 10%.

Требованія адресуются: въ Москву, въ контору „Дѣтской Библіотеки“ (Петровка, д. Кредитнаго Общества). № 1095

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ
ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство—5 лѣтъ, что не почернѣютъ! Предлагаетъ депо Василія Аурихъ, Больш. Морская, д. 17, кв. 8, нарядн. хлѣбница № 1020 въ С.-Петербургѣ. 10-8

МУЖСКИЯ ОДИНОЧН.
 въ 2, 3, 3 1/2 и 4 1/2 руб.
 Двойныя
 въ 4 1/2, 5 1/2, 7 и 8 руб.
ДАМСКІЯ СЪ НИСТЬЮ
 въ 4, 5, 6, 6 1/2, 8 и 9 руб.
НАРАДАШИ
 въ 1, 1 1/4, 1 1/2 и 2 руб.
 Ключики по 75 коп.
 Пересылка 50 коп.
 Торговцамъ скидка.

4711

ХРУСТАЛЬНОЕ РОЗОВОЕ МЫЛО

легко пѣнится, съ самымъ приятнымъ запахомъ розъ. Дѣйствуетъ на кожу весьма благотѣльно вслѣдствіе большаго содержанія глицерина, что и гарантируется. Можно получить во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. Ст. № 3739 17-8

СПБургъ, Невскій пр. № 62, противъ Публич. Библіотеки

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ,

специальность хронометровъ и сложн. час. механизмовъ. Мужск. и дамск. часы. Прейсъ-куранты по востреб.

НУЖНЫ

благонадежные агенты, имѣющіе постоянное мѣстопробываніе въ провинціи для банкирской конторы **А. ЗИНГЕРЪ** и №, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр. № 18. Р. № 1043 7-4

№ 9. СПЕЦІАЛЬНОСТЬ № 9.

для **ПОРТНИХЪ** и **ПОРТНУХЪ**. **МАНЕННЫ** изъ **ПАРИМА**. Манены для корсетовъ. Манены для бѣлья. Манены для платковъ. Манены для мужскихъ. Манены полудлинные, для дамъ. И. Вакопъ.

№ 9. Гороховая № 9, кв. № 8, № 9, въ бель-этажѣ, въ С.-Петербургѣ. Прейсъ-куранты посылаются бесплатно. № 1096 2-1

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
ПРОПЕДАВТИЧЕСКІЙ КУРСЪ **ДЛЯ**
ПРОПЕДАВАНІЯ НАУКИ **ВООБЩЕ** **И**
АРИОМЕТРИИ **ВЪ** **ОСОБЕННОСТИ.**

Сост. Д. Адамантовичъ.

Во второй части курса помѣщено теоретическое объясненіе педагогическихъ примѣровъ, относящихся къ объекту воспитанія согласно требованіямъ современнаго научнаго естествознанія. Цѣна съ перес. 1 руб.

Обращаться во всѣ книжные магазины г. Назани и къ издателю въ III гимназію Книгопродавцамъ обычная уступка. № 1094

Оканчивается печатаніемъ и надняхъ поступить въ продажу новая книга:

„КУМЫСЪ“.

Его значеніе при леченіи различныхъ болѣзней. № 1087

Сост. Д-ръ А. М. Докманъ.

Приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Казань, 1885 г. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

Продается у издателя-книгопродавца А. А. Дубровина, Назанъ, Гостиный дв., При требованіи одного изъ гг. иногородн. могутъ высилать стоимость книги почтовыми марками.

ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ. Каталогъ книгъ на 4-хъ языкахъ. Магазинъ „Новаго Времени“. Невскій, 38. Ц. 40 к. № 1090

КУМЫСЪ 1885 г.

въ 4 нѣр. 6 1/2 гол.

въ дачѣ „ГЛУМИЛИНО“ (имініе БАРСОВА). Квартиры: одиночныя, за сезонъ—20 руб. Семейныя—по особому условію.

Обѣдъ изъ двухъ мясныхъ блюдъ и завтракъ изъ одного—15—18 руб. за мѣсяцъ.

Кумысъ и нифиръ—15 коп. бутылка.

Отъ Назани до Уфы пароходство ежедневное. Сезонъ отъ 20 мая до 15 августа.

Адресъ: Уфа, врачу Леона. Серг. Бонне. № 1092

ДУХОВНАЯ МУЗЫКА

въ изданіяхъ Императорской Пѣческой Напеллы имѣется постоянно на складѣ, въ отдѣлѣ церковной музыки, по цѣнамъ капеллы, въ музыкальной торговлѣ

П. ЮРГЕНСОНА.

НЕГЛЕИНЫИ ПР. 10, УГ. КУЗНЕЦКАГО П. № 1026 МОСКВА, 8-2

ВЪ МОСКВѢ.

ВНОВЬ ИЗОБРЕТЕННАЯ
УНИВЕРСАЛЬН. ШВЕИНАЯ МАШИНА
 ПАТЕНТЪ З.М. ИЗОБ. Г. ВАЛЕНТЪ ПАТЕНТЪ З.М. ЕВРОПА ВОТТИН-МАНЪ АМЕРИКА

ВЫШИВКИ и въсп. ДРУГІЯ РАБОТЫ

ПРОДАЖА РАСПРОДАТЕЛЬСТВ.
ОБУЧЕНІЕ БЕСПЛАТНО.
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ.
ГЕРМАНЪ ГЕССЕ С ПБ.
 БОЛЬШ. С. А. Д. ОВАЯ № 16, УГОЛЬ ТОЛМАЗОВЪ ВЪ ПР. ГОСТИН. ДВОРА

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключ. московскихъ) прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина Н. Е. Киселева въ Москвѣ.

НИВА

Иллюстрированный
Журнал
Литературы

XVI год
№ 20

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

год XVI
1885

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ В ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫНРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/2 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
60 и — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ
контору объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровская Торгов. линія. 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ
Особья приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногор. по 5 р. съ тыся-
чи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМЪ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 6 Ч. ВЕЧЕРА

Графъ
П. А. Шуваловъ.

Чрезвычайно важный дипломатическій постъ-русскаго посла при берлинскомъ дворѣ, оставшіся вакантнымъ послѣ смерти графа Орлова, теперь, какъ извѣстно, замѣненъ генералъ-адъютантомъ, графомъ Павломъ Андреевичемъ Шуваловымъ, личностью пользующеюся достаточною извѣстностью по своимъ высокимъ талантамъ и достоинствамъ. Гр Шуваловъ, по словамъ лицъ близко его знающихъ, обладаетъ особенно пріятными свойствами ума, обращенія и характера, въ соединеніи съ весьма тонкимъ, прикрытымъ веселымъ добродушіемъ, юморомъ. Столь важное искусство для дипломата — увлекать и очаровывать прямою и честностью своихъ дѣйствій и умѣть привлечь симпатіи не только къ себѣ, но и къ своему дѣлу — всегда отличало П. А. Шувалова на всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ и въ этомъ от-

Нашъ новый посолъ въ Берлинѣ, графъ П. А. Шуваловъ.
По фотогр. Левицкаго, грав. Ю. Барановскій.

ношеніи онъ можетъ быть вполне достойнымъ преемникомъ графа Орлова, оставившаго послѣ себя такія глубокія чувства симпатіи и признательности какъ въ Германіи, такъ и во Франціи. Графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ получилъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ, откуда и былъ вынужденъ въ 1849 году въ корнеты лейбъ-гвардіи коннаго полка. Пять лѣтъ спустя ему уже удалось отличиться и принять участіе въ восточной войнѣ; назначенный адъютантомъ къ его высочеству великому князю Николаю Николаевичу, онъ доблестно сражался при Инкерманѣ и принималъ дѣятельное содѣйствіе въ оборонѣ Севастополя. По окончаніи войны, графъ Шуваловъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, а въ 1859 году участвовалъ въ трудахъ комиссіи по освобожденію крестьянъ, занимая въ то же время, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, должность директора департамента общихъ дѣлъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ нача-

лѣ шестидесятихъ годовъ графъ П. А. снова посвятилъ себя исключительно военной дѣятельности; въ 1863 г. онъ былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи стрѣльцоваго Его Величества батальона, а въ 1864 г. командиромъ лейбъ-гвардіи семеповскаго полка, съ производствомъ въ генераль-маіоры и съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества. Въ 1866 г. графъ Шуваловъ занялъ видный постъ—начальника штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военного округа, а въ 1871 г. пожалованъ въ генераль-адъютанта. Занявъ затѣмъ въ слѣдующемъ году мѣсто помощника его высочества великаго князя Николая Николаевича, председателя главнаго комитета по устройству и образованію войскъ, съ оставленіемъ въ должности начальника штаба, графъ П. А. принималъ постоянное участіе въ разныхъ спеціальныхъ коммиссіяхъ, а также особенно много трудился въ главномъ военно-тюремномъ комитетѣ по устройству тюремъ военного вѣдомства. Разрывъ съ Турціей призвалъ его снова на поле битвы, гдѣ онъ по прежнему выказалъ свои блестящія боевыя способности. Онъ особенно отличился при штурмѣ Горнаго Дубняка, а также при взятіи правецкой позиціи. Онъ же главнымъ об-

разомъ содѣйствовалъ окончательному пораженію арміи Сулеймана-Паши при Дермендере и подъ Филиппополемъ. Кромѣ того, отрядъ графа Шувалова былъ дѣйствительно образцовый по строгой дисциплинѣ и чисто спартанской выносливости, которой примѣръ подавалъ самъ начальникъ. Постоянная заботливость о солдатѣ тоже была одной изъ характерныхъ чертъ П. А. въ военное время и благодаря ей онъ являлся однимъ изъ любимѣйшихъ командировъ, за которымъ солдаты шли куда угодно, съ полнымъ довѣріемъ и энтузіазмомъ. По окончаніи войны, до самаго своего назначенія посломъ въ Берлинъ, графъ Павелъ Андреевичъ командовалъ гвардейскимъ корпусомъ и не смотря на неуклонное и строгое требованіе отъ подчиненныхъ выполнения ихъ служебныхъ обязанностей, сумѣлъ заслужить ихъ любовь и уваженіе. Пожеланіе счастливаго пути и успѣха новому послу не ограничивалось военнымъ кружкомъ; все русское общество отнеслось сочувственно къ назначенію графа Павла Андреевича и сопровождало его отъѣздъ самыми искренними пожеланіями успѣха на этомъ новомъ и трудномъ поприщѣ.

Искушеніе.

Разсказъ Я. П. Полонскаго.

(Продолженіе)

XV.

Прошу теперь вообразить себѣ Аркашина въ той комнатѣ, куда старый лакей въ сѣромъ фракѣ привелъ его, молча зажегъ свѣчи, закрылъ растворенную форточку, оглядѣлъ, все ли на мѣстѣ, есть ли вода въ умывальникѣ, и пошелъ за его чемоданомъ въ переднюю.

Аркашину деревенскій домъ Варшавиныхъ показался большимъ, барскимъ домомъ, полнымъ жизни и движенія. Когда проходилъ онъ корридормъ, въ отведенную ему комнату, онъ видѣлъ въ растворенныя двери зажженныя стѣнные лампы, видѣлъ свѣчи, чей то профиль съ картами, и слышалъ звуки рояля; словомъ, ото всего дома вѣяло чѣмъ то праздничнымъ. Самая же комната, куда провели его, показалась ему мрачной, даже мрачнѣе той передней, гдѣ тоже какой то старикъ, въ такомъ же сѣромъ фракѣ, съ мѣдными пуговицами, снялъ съ него шубу и посоветовалъ ему свою шапочку отдать ему на сохраненіе.

„Ну, вотъ и заѣхалъ!“ Ему почему то было и жутко, и даже неуютно... Куда онъ пойдетъ? кого увидитъ? какъ отрекомендуется, и какъ его примутъ? не фантазія ли это тетушки, нелѣпая бабья фантазія?! Ну, что онъ скажетъ, если его спросятъ: какими судьбами вздумалось вамъ пріѣхать къ намъ?—„Вр! здѣсь даже не тепло.. А я долженъ еще переодѣваться!“

Онъ пощупалъ рукой, топлена ли изразцовая печь, прошелся по ковру, поглядѣлъ зачѣмъ то въ окошко и, когда вернулся лакей съ чемоданчикомомъ, спросилъ, какъ его зовутъ.

— Федоръ! пожалуйте, почистите мой сюртукъ, да принесите сюда на ночь пледъ мой, я оставилъ его въ передней.

— А кушать чай, или закусить, вы пожалуете въ столовую, или прикажете вамъ сюда подать?

— Ужъ и самъ не знаю.

Федоръ поглядѣлъ на него своими умными, стариковскими, блесоватыми глазками и произнесъ наставительно:

— Лучше, если вы пожалуете въ столовую: тамъ и закуска... и все-съ... да и вамъ, сударь, будетъ пріятнѣе.

— Что дѣлать—надо идти, подумалъ про себя Аркашинъ, засучивая рукава, чтобъ вымыть руки и все еще вздрагивая отъ холода.

— Надѣюсь, что въ столовой я найду Захара Олимпевича. Мнѣ нужно его видѣть: я привезъ къ нему письмо отъ тетушки, Анцыперовой. Знаете вы мою тетушку?

— Гм! да-съ! Какъ не знать-съ госпожи Анцыперовой?

— Ну, такъ какъ-же? найду я тамъ Захара Олимпевича, или вы проводите меня прямо въ кабинетъ его?

Лицо Федора слегка перекошилось и сдѣбалось какъ бы таинственнымъ.

— Нашего барина, сударь, не всегда можно видѣть, такъ какъ они уже не очень молоды и часто изволятъ похваривать. Я, если прикажете, могу черезъ его камердинера доложить ему или спрошу у Олимпіады Захаровны?

— Пожалуйте!

Федоръ вышелъ и, какъ показалось Аркашину, вышелъ на цыпочкахъ и тихо притворилъ за собой дверь.

О такихъ камердинерахъ Аркашинъ, какъ петербургскій чиновникъ, не имѣлъ никакого понятія. Федоръ былъ человекъ, вскормленный и выполненный крѣпостничествомъ, и не столько гордился эмансипаціей или тѣмъ, что онъ человекъ свободный, сколько тѣмъ что онъ видалъ виды... и знаетъ себѣ цѣну. Онъ былъ очень вѣжливъ своей особенной, лакейской вѣжливостью, и еслибы Аркашинъ далъ ему на водку двугривенный, онъ бы почелъ за невѣжество не взять его, но принялъ бы его, не говоря ни слова, не благодаря, даже глядя куда-то въ стѣну,—словомъ такъ, какъ старые крючки принимали взятку отъ просителей, т. е. прикидываясь, что и не замѣчаютъ такихъ пустяковъ,—замѣчать не стоить, а не принять совѣстно: товарищество можетъ обидѣться, ибо... всякое даваніе—благо, и курочка по крупчкѣ клюетъ и тѣмъ сыта бываетъ... Послѣ эмансипаціи ѣздилъ онъ въ Петербургъ, но скоро вернулся въ старое господское гнѣздо. Петербургъ ему не понравился „Съ семьей тамъ жить нельзя, говорилъ онъ. господя живутъ тѣсно, а на улицахъ, что ни шагъ, либо трактиръ, либо кабакъ, либо пивная. Соблазну много, а жить нельзя...“ Почему именно нельзя, Федоръ не пускался въ подробности: человекъ онъ былъ немолодой, трезвый и сдержанный.

Одѣвшись и повязавши новый галстукъ, Аркашинъ погрузился въ кресла и задумался... Мысль, что, уѣзжая, не успѣлъ онъ проститься съ Марьей Ильининой, тяжелымъ камнемъ лежала у него на сердцѣ.

XVI.

Домъ не отдыхалъ, не смотря на поздній часъ вечера: безпрестанно слышались голоса, бѣготня дѣтей, шаги лакеевъ или горничныхъ, чей то шопотъ и позвякиванье тѣсно поставленныхъ на подносіе стакановъ; но Аркашинъ сидѣлъ точно въ засадѣ и все ждалъ возвращенія Федора, все сидѣлъ и думалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ позовутъ его въ кабинетъ къ Захару Олимпевичу. Онъ воображалъ его старымъ самодуромъ, сухимъ и гордымъ, избалованнымъ судьбою; но, по увѣренію его тетушки, человекомъ очень умнымъ, хотя немного и страннымъ.

Такъ прошло полчаса.

Вдругъ, шумно отворилась дверь и показалась чело-
вѣческая фигура, изъ за которой мелькала почтенная,
хоть и лакейская фізіономія Федора. Эта фигура была
ничто иное, какъ средняго роста большоголовый тол-
стякъ, безусый и безбородый, очевидно, гладко выбри-
тый, въ какомъ-то казакинѣ на распашку, въ шелковой,
нѣсколько полинялой, желтой рубашкѣ съ косымъ во-
ротомъ, и безъ галстука. Сѣдые, ровной щеткой вы-
стриженные волосы сильнѣе выдѣляли смуглый, почти
бронзовый цвѣтъ его кожи, красныя уши, темныя гус-
тыя брови и мутно-сѣрые глаза, тяжелый и проница-
тельный взглядъ которыхъ почувствовалъ на себѣ Арка-
шинъ, привставшій съ мѣста и смутно догадавшійся,
что онъ видитъ передъ собой самого Захара Варшави-
на, такъ какъ Федоръ, притворивши за нимъ дверь,
остался стоять у порога.

Толстякъ съ полминуты оглядывалъ гостя,—причемъ
голова его тряслась, а морщины на лбу лежали суро-
выми складками.

Но пока гость молчалъ, соображая, что все это зна-
чить и въ какихъ выраженіяхъ ему отрекомендовать
себя, у вошедшаго толстяка морщины сглаживались,
взглядъ становился добѣрчивѣе, на губахъ появилось
нѣчто похожее на улыбку.

— Похожъ! заговорилъ онъ хриповатымъ голосомъ.—
Похожъ.. только покрасивѣе отца... повыше... а похожъ,
похожъ! Ну, нечего вамъ и рекомендоваться: самъ ви-
жу, что вы ничего . молодець . Рыцарь, совсѣмъ ры-
царь! Милости просимъ! чѣмъ богаты... Тетушка ваша—
здорова-ли? кажется, она вамъ тетушка, эта Прасковья
Степаповна?

— Я имѣю отъ нея письмо къ вамъ, съ тѣмъ и при-
ѣхалъ, чтобы...

— Ну, письмо, это — того.. это мы завтра.. Кой
чортъ стану я теперь читать его? Идемъ чай пить—
согрѣйся! Да... если хочешь пуншу хорошаго—выпей!

— Федька! обратился онъ къ старому лакею: служи
ему: это сынъ Петра Валентиновича. Помнишь Петра
Валентиновича—а?

И голова его затряслась еще сильнѣе, должно быть,
подъ напывомъ молодыхъ и горячихъ воспоминаній.

— Ну, веди меня!

Федоръ взялъ его подъ локоть, и старикъ вышелъ,
не сказавши больше ни слова, не обернувшись даже
на приѣзжаго, только глаза его увлажнились...

— Веди въ столовую! и Петра Валентиновича при-
глашай!

— Какого Петра Валентиновича? изумился Федоръ.

Старикъ приостановился на порогѣ, точно тоже изу-
мился, и съ укоризной поглядѣлъ на стараго Федора.

— Ну сына его! Сына...

— Ну, вотъ-съ! изволили видѣть? проговорилъ Фе-
доръ, вернувшись къ Аркашину. — Теперь пожалуйста
чай пить.

XVII.

Въ столовой, за длиннымъ столомъ, Аркашинъ за-
сталъ большую кампанію — и все зарыбило въ глазахъ
его: дымящійся самоваръ, свѣчи и канделябры, блюда
съ коклетами, соусники, бутылки, незнакомыя лица муж-
чинъ, какія-то дамы, дѣти, самъ Захаръ Олимпьевичъ,
облокотившійся на столъ и какъ бы задремавшій.

Онъ поклонился, мужчины привстали и опять усѣлись.
Дамы оглядѣли его не безъ любопытства.

— Папа! пронесся голосъ одной изъ дамъ, и такъ
звонко, что Захаръ Олимпьевичъ поднялъ голову.

— Что?

— Аркашинъ...

— А.. да... гдѣ? Садись тутъ... вотъ тебѣ мѣсто...
очень радъ... Слава Богу... Ну что—какъ ты?.. Ёшь и
пей.—Будь какъ дома... А гдѣ Олимпія?

— Не пришла еще...

— А?

— Переодѣвается еще, должно быть, не знаю.

— Это зачѣмъ? какой вздоръ! зачѣмъ ей переодѣ-
ваться? кажется, ей не въ диковину, что гости то и
дѣло наѣзжаютъ къ намъ. И отчего такъ поздно чай?
неужели никто не пилъ?

— Это второй самоваръ ужь . Ждали гостей . Олим-
па еще не пила.

Старикъ что-то хотѣлъ возразить своей старшей до-
чери (такъ какъ щеголеватая дама въ кружевной на-
колѣѣ и въ модныхъ воротничкахъ была никто иная,
какъ Варвара Захаровна Плюшина, старшая замужняя
дочь его), но страшно закашлялся... причѣмъ жилы на-
прыглись на вискахъ его, и лицо побагровѣло.

Понемногу успокоившись, онъ обвелъ глазами при-
сутствующихъ и спросилъ, гдѣ Юрка (т. е. Юрій Фе-
доровичъ Плюсь, мужъ его младшей дочери, Ольги За-
харовны).

Ольга Захаровна, которая въ эту минуту занималась
разрѣзываніемъ на кусочки холодной телятины, иначе
сказать, трудилась надъ тарелкой своей маленькой трех-
лѣтней дочки, подняла свою голову съ подрѣзанными
черными волосами, блѣдными, продолговатыми чертами
лица и безпокойнымъ взглядомъ.

— Мужъ мой, отозвалась она, вкладывая вилку въ
руку дѣвочки;—сейчасъ прійдетъ, у него голова болитъ.
Вамъ его нужно, папа? добавила она, привставая и
какъ-бы собиравшись выйти.

— Навѣрное дуется на кого нибудь, проворчалъ ста-
рикъ, поглядѣвши на Ольгу Захаровну. Та ничего на
это не сказала и тотчасъ-же вышла.

Ей вслѣдъ, загнувъ назадъ голову, поглядѣлъ одинъ
изъ присутствующихъ, который, повидимому, меньше
всѣхъ обращалъ вниманія на Захара Олимпьевича и
на неизвѣстное ему лицо Аркашина. Сидѣлъ онъ нѣ-
сколько разваливъ, пилъ лафитъ изъ стакана, изрѣдка
поднося его къ губамъ своимъ и моча въ немъ концы
усовъ своихъ. Это былъ очень видный джентльменъ, нѣ-
сколько беззаботной наружности, но въ превосходномъ
бѣльѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Отъ его лица и углублен-
ныхъ темно-сѣрыхъ глазъ вѣяло чѣмъ-то холоднымъ и
презрительнымъ, печать скуки лежала на этомъ пожи-
ломъ лицѣ, не смотря на усмѣшку, какую сопровож-
далъ онъ свои короткія рѣчи, исполгоса поговари-
вая со своимъ сосѣдомъ, Самославскимъ, да еще съ ка-
кою-то дѣвушкой, круглолицей, съ голубыми блестящи-
ми отъ влаги глазками и пухленькимъ совершенно ре-
бяческимъ ротикомъ. Сей джентльменъ былъ никто иной,
какъ Плюшинъ, мужъ старшей дочери Варшавина. Дѣ-
вица-же, которую онъ конфузиль, была гувернанткой у
Ольги Захаровны при той дѣвочкѣ, которую она кор-
мила. У дѣтей же Плюшина (двухъ дѣвочекъ и одного
6-ти-лѣтняго мальчика, которая были тутъ-же за сто-
ломъ, сидѣли подвязанныя салфетками и все больше
уплетали сыръ, икру и сардинки), находилась другая
дѣвица—и, никому не отрекомендованный, Аркашинъ
разомъ догадался, что она англичанка, такъ какъ у ней
отъ ноздрей до верхней губы былъ по крайней мѣрѣ
вершокъ разстоянія, а лицо было все таки довольно
пріятно, т. е. осмысленно, иначе сказать, въ головѣ ея
русскаго ума было на копѣйку, а англійскаго ума по
крайней мѣрѣ на 10 фунтовъ стерлинговъ.

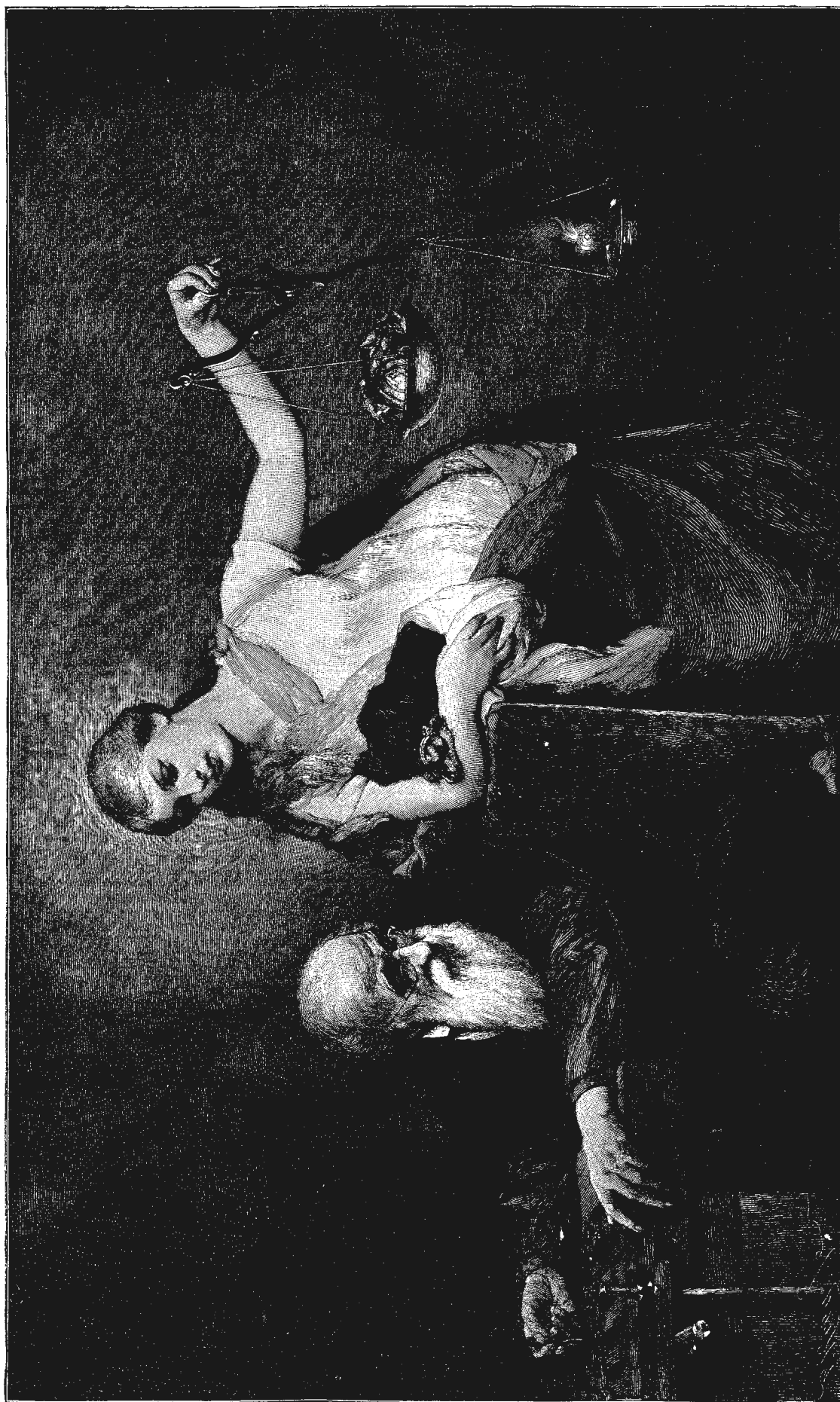
— Степанъ Ильичъ! ты здѣсь? спросилъ Захаръ
Олимпьевичъ, все еще почему то хмуря брови и недо-
вольнымъ голосомъ.

— Что прикажете? встрепенулся сидящій за столомъ
какой-то старичекъ очень смиреннаго вида, сутулова-
тый, съ длиннымъ, въ серединѣ толстымъ носомъ, рѣ-
денькой козлиной бородкой и безволосый на впалыхъ
щекахъ и выдающихся скулахъ.

— Много гостей къ тебѣ наѣзжало сегодня съ по-
здравленіемъ—а? Ты вѣдь имянинникъ—а?

Павзій и Гликерія. Съ картины Сцифони, грав. Брендсамуръ.

Вивисенторъ. Съ картины Габрієли Макса, грав. Крей.

— Былъ только батюшка, отецъ Иларіонъ, да дьяконица, да еще вотъ г. Самославскій завернулъ ко мнѣ пирога отвѣдать,—а то никто-съ...

— А что твой голуби?

— Ничего, воркуютъ

— А будешь ты сегодня пуншъ пить?

— Какъ вамъ будетъ угодно.

— Ступай, наливай чай! Видно я никогда не дождусь.

Степанъ Ильичъ поднялся съ мѣста и кругомъ стола побрелъ къ самовару, Плюшинъ ткнулъ ему пальцемъ въ бокъ, на что тотъ засмѣялся, и въ полуоборотъ, скорчилъ мину.

— Шалунъ! выразила его нѣсколько сконфуженная физиономія.

Этотъ Степанъ Ильичъ давно уже, съ незапамятныхъ временъ, жилъ во флигелѣ, и былъ какъ бы нахлѣбникомъ при семьѣ Варшавина. Когда-то онъ былъ учителемъ у единственнаго сына Захара Олимпьевича, умершаго тому назадъ лѣтъ 20, уже при второй женѣ его.

Но не успѣлъ онъ снять съ самовара чайникъ и глазами опытнаго знатока по части разливанья оглядѣть стаканы и чашки, принялся за сахарницу и поглядѣть на склянницу съ коньякомъ,—какъ въ дверяхъ изъ корридора появилась дѣвушка—младшая дочь Варшавина, Олимпіада Захаровна.

Она молча подошла къ отцу и поцѣловала его въ голову?

— Ты переодѣвалась? спросилъ онъ полу-шутя, полу-сердито.

Олимпіада быстрымъ взглядомъ оглядѣла столъ и незнакомаго гостя, который всталъ при ея появленіи, и отвѣчала отцу:

— Извини папа, я выѣзжала и немного прокатилась... погода славная... тихо и не очень морозить.. А вы зачѣмъ не за свое дѣло? обратилась она къ носастому Степану Ильичу: кто васъ просить?

Степанъ Ильичъ поглядѣлъ на нее изподлобья, потрясъ головой, опустилъ руки и сказалъ:

— Такъ было угодно вотъ имъ...

И онъ подбородкомъ или, лучше сказать, кончикомъ бороды своей указалъ на Захара Олимпьевича.

— Эге братъ! видно того... не въ свои саши не садись! засмѣялся Захаръ Олимпьевичъ и опять чуть было не раскашлялся. — А ты, Олимпіада, пожалуйста, сдѣлай мнѣ пуншику... да вотъ и гостю не мѣшаетъ съ дороги.

— Съ меня довольно и чаю, къ пуншу я не привыкъ, замѣтилъ Аркашинъ, садясь на свое мѣсто блѣднѣе и сконфуженнѣе, чѣмъ когда нибудь.

XVIII.

Онъ сконфузился потому, во первыхъ, что Олимпіада сразу поразила его красотой своей: ему показалось, что сроду никогда еще не видалъ онъ такой блистательной красавицы; во вторыхъ, потому, что никто не догадался его ей представить, и что она не обратила на него почти что никакого вниманія, точно его не было; в третьихъ, потому, что общество, которое засталъ онъ за столомъ, показалось ему такимъ чужимъ ему, такимъ не симпатичнымъ, что онъ не зналъ, какъ ему вести себя. Подвыпившій и суровый на видъ Захаръ Олимпьевичъ больше всѣхъ ему нравился, но и онъ, не смотря на то, что всѣ замѣтно его побаивались, казался какимъ-то несчастнымъ старикомъ, удрученнымъ тайною скорбью.

Аркашинъ еще вчера слышалъ отъ своей тетушки (когда оставался у ней завтракать), что къ Захару Олимпьевичу наѣхали его зятя, мужья дочерей его, да такъ и остались въ его усадьбѣ со всѣми своими чадами и домочадцами,—одинъ оттого, что прокутилъ все свое состояніе, другой потому, что выгнали его со

службы за вспыльчивый нравъ, неукротимый и подозрительный.

Самославскій тоже показался Аркашину какимъ-то шалопаемъ и будущимъ горькимъ пьяницей. Степанъ Ильичъ, котораго глазки точно мыши выглядывали изъ подъ выпуклостей, на которыхъ не было бровей, тоже не внушилъ большаго довѣрія: онъ показался ему иезуитомъ, смиреннымъ на видъ, но плутоватымъ и себѣ на умѣ. Ему даже казалось, что Плюшинъ волочится за молоденькой гувернанткой съ припухлыми губками и что жена его, Варвара Захаровна, на это не обращаетъ никакого вниманія, и глядитъ на него, Аркашина, такъ, какъ будто старается понять, къ какому обществу онъ принадлежитъ, и стоитъ-ли съ нимъ порядочной женщиной кокетничать.

Многое, можетъ быть, Валентинъ Петровичъ преувеличивалъ, но онъ былъ не въ духѣ—боялся, что простудился — и, что всего хуже, цѣлые полчаса сидѣлъ передъ самоваромъ, дожидаясь чаю, и изнывалъ отъ жажды, съ лихорадочнымъ ощущеніемъ въ спинѣ и холодными какъ ледъ ногами.

Ему было невесело; но когда увидалъ онъ Олимпіаду, онъ забылъ и свою жажду, и свои холодныя ноги, и весь превратился въ то вниманіе, которое не безъ усилія воли нужно было скрывать, не давая замѣчать его.

Олимпіада, дѣйствительно, была красивая, рослая и сильная дѣвушка съ правильными чертами лица, съ черными какъ уголь глазами, снизу — также какъ и сверху опущенными длинными рѣсницами, съ красивымъ ротикомъ, свѣжая, высокогрудая и тонкая. Вся она — какъ-то розовѣла, свѣтилась и лоснилась. Лоснились ея темныя брови — лоснились ея волосы и лицо, тамъ, гдѣ кончались влажные и продолговатые углы глазъ ея, что было особенно замѣтно, когда она въ профиль поворачивала свою голову.

„И эта царица, эта богиня захочетъ стать женой моей? какой вздоръ! думалъ Аркашинъ на нее можно заглядѣться, но мечтать о ней, не обладая сотнями тысячъ, просто святотатство! Это то-же, что бриллиантъ стараться обдѣлать въ орѣховую скорлупу. Да и любоваться на нее не слѣдуетъ слишкомъ.“

А между тѣмъ, онъ изподтишка любовался, какъ она бралась за серебряные щипчики, какъ клала сахаръ, какъ наливала чай, какъ дѣлала пуншъ своему отцу, какъ двигались красивые, восточные глаза ея и такъ поглядывали на отца, какъ будто ей было жаль его.

— Ты, папа, какъ будто не въ духѣ, сказала она, подавая ему стаканъ, благоухающей ананаснымъ ромомъ.

— Да вотъ стало грустно: напомнилъ мнѣ этотъ молодецъ — онъ указалъ на Аркашина, — и мое молодечество, и мою дружбу съ его отцомъ, и наши походы, и мало-ли что... Не люблю я всего этого припоминать себѣ, — страшно за себя, за человѣка страшно! Такъ, кажется, сказалъ Гамлетъ: за человѣка страшно!

— Пожалуйста не хандри!

— Э! что хандрить! Вѣришь-ли: я вѣдь не повѣрилъ, что приѣхалъ Аркашинъ, сынъ моего голубя, Петра Валентиновича, пошелъ поглядѣть — ну... и похожъ и не похожъ. Тотъ какъ будто былъ немного посмѣлѣе и поразвязнѣе.

— Тотъ былъ съ друзьями, замѣтилъ Аркашинъ: а я — я здѣсь въ первый разъ, и никто меня не знаетъ. Къ тому же я человѣкъ не свѣтскій, и не привыкъ...

Онъ это сказалъ такъ тихо, сидя вытянувшись въ струнку, какъ сидятъ мальчики передъ начальствомъ, такъ тихо, что Варвара Захаровна ерезъ столъ услышала только, что онъ не свѣтскій, и чему-то улыбнулась.

„Я такъ васъ и понимаю, говорили въ эту минуту глаза ея: такъ и понимаю, но, не смотря на это, вы все-таки очень недурной собою мужчина, и я готова съ вами познакомиться.“

— Къ тому же, продолжалъ Аркашинъ: я никому здѣсь не былъ представленъ и никого не знаю даже по имени.

Глаза Олимпіады остановились на лицѣ своего родителя, и румянецъ ярче заигралъ на щекахъ ея...

— Да и не нужно, ничего этого не нужно! Мнѣ сказали, что пріѣхалъ Аркашинъ, ну, и этого съ меня довольно, а что я тебя тутъ не познакомилъ ни съ кѣмъ, то вѣдь и меня здѣсь не знакомятъ съ тѣми, кто пріѣзжаетъ въ гости къ дочерямъ моимъ.

— Ахъ, папа! мы всегда, всегда тебя рекомендуемъ—какъ это можно! всплеснувъ руками, произнесла Варвара Захаровна.

— Гостей иногда полонъ домъ, а я и не знаю, половины не знаю. Намедни былъ какой-то уланъ, а кто онъ такой—Господь его знаетъ!

— Это былъ князь Плонскій изъ Старой Русы, гдѣ у него имѣнье. Мы думали, что ты знаешь, знакомъ съ нимъ—какъ это можно! Даже удивились мы всѣ, что ты не подаль ему руки—какъ это можно!

— У меня въ домѣ республика! всякій дѣлаетъ что хочетъ, и ты дѣлай что хочешь—хоть на головѣ пляши!

Аркашинъ нисколько не удивился, что старикъ говорить ему „ты“: это даже ему понравилось. „Это, подумалъ онъ: невольное наслѣдіе отношеній его къ моему родителю.“

Выпивши стаканъ пуншу, старикъ на вопросъ дочери, не принести ли ему трубку, отвѣчалъ, что онъ уходитъ. Затѣмъ онъ протянулъ руку Аркашину, и далъ ему понять, какъ еще много силы въ рукѣ его.

— До завтра! сказалъ старикъ: а теперь я спать хочу.

Его подняли съ кресель, и онъ ушелъ.

Аркашинъ сзади видѣлъ его широкую спину и голову, ушедшую въ плечи. Не успѣлъ онъ пройти въ корридоръ, какъ въ столовую вошелъ толстякъ совсѣмъ другаго сорта: рыжеватый, румяный, съ сѣрыми глазами на выкатѣ—типъ не русскій, но, очевидно, сѣверный.

XIX.

Это былъ Плюсъ, Юрій Федоровичъ. За нимъ вошла жена его и посадила его около себя, на пустоороженее, для него накрытое, мѣсто.

Юрій Федоровичъ былъ гораздо симпатичнѣе другаго зятя, Плюшина. у него было открытое, широкое лицо, нѣсколько капризное, но доброе. Что онъ до крайности вспыльчивъ—это было видно и по розовымъ пятнамъ надъ его бровями, и по его глазамъ; что онъ былъ порядочный кутила—это тоже было видно по его фигурѣ, очевидно, требующей нѣкоторой траты силъ, чтобы не лопнуть отъ прилива крови и порядочной плотности.

Столъ замѣтно оживился, даже глазки Стенана Ильича какъ-бы вытѣзли изъ подъ своихъ безбровныхъ выпуклостей. Самославскій крикнулъ Аркашину, не хочетъ ли онъ папиреску, Варвара Захаровна повеселѣла, Ольга Захаровна налила своему мужу вина и шепнула ему „не обращай вниманія, будь умникъ!“ Плюшинъ чему то громко засмѣялся.

— Вы къ намъ на долго? спросила Аркашина Варвара Захаровна.

— Я завтра утромъ передамъ письмо отъ тетужки и надѣюсь уѣхать, такъ какъ мое поручение будетъ исполнено.

Олимпіада поглядѣла на него и сказала:

— Надѣюсь, вы не сердитесь на моего папу, что онъ никому васъ не рекомендовалъ?

— За что-же я буду сердиться? Вѣдь это не помѣшало вамъ заговорить со мной.

Олимпіада опять на него поглядѣла и произнесла:

— Вы завтра еще не успѣете отдохнуть.

— Да я не усталъ.

— Ну, тѣмъ лучше, что не устали. А какъ здоровье Прасковьи Степановны?

— Она просила меня передать вамъ свой усердный поклонъ.

— И... начала Олимпіада, наклонивъ голову и поглядывая на ситечко, черезъ которое почему-то не проходилъ чай такъ, какъ слѣдуетъ: и—приказала вамъ на другой же день отъ насъ уѣхать?

— Нѣтъ, она мнѣ ничего не приказывала; но...

— Но, не чинясь, я скажу вамъ, что вы завтра отъ насъ не уѣдете. Завтра или всѣ лошади будутъ въ разгонѣ, или кучера будутъ такъ пьяны, что некому будетъ закладывать.

— Какъ! и тотъ молоденькій кучеръ, что везъ меня, и тотъ будетъ пьянъ?

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ Самославскій фыркнулъ отъ смѣха. Олимпіада вспыхнула и, сдвинувъ свои темныя, совершенно восточныя брови, поглядѣла въ его сторону.

— И онъ будетъ пьянъ, отрѣзала она, подавая Аркашину третій стаканъ чаю: не дай Богъ, какъ это пьянство у насъ распространено—горничныя и тѣ водку пьютъ.

„Это она выскиваетъ предлогъ, чтобы завтра не пускать меня, подумалъ про себя Аркашинъ: ну, что-же? можно будетъ и послѣ-завтра выѣхать. Вѣдь глупо, право глупо воображать себѣ, что... Да я буду дуракомъ, если воображу, что такая красавица, такая богачка, избалованная и гордая, захочетъ быть женой какого-то помощника столоначальника...“

И чувство одиночества въ чужомъ домѣ стало замѣтно въ немъ улетучиваться—ему самому стало веселѣе при мысли, что не успѣли его принять, какъ уже его стараются удержать.

— Вы какъ будто и не рады, что къ намъ заѣхали, проговорила Олимпіада.

— И радъ и не радъ...

Но въ эту минуту на другомъ концѣ стола начался крупный разговоръ. зятя опять начали вздорить.

Гувернантки уводили дѣтей, матери цѣловали ихъ, Ольга крестила свою дѣвочку и въ то-же время трусила за вспыльчивость мужа.

— Господа! нельзя-ли потише! сказала Олимпіада, обратившись къ мужчинамъ. вѣдь ничего не слышать—такой шумъ!

Зятя отодвинули стулья, встали и вышли въ другую, лампами освѣщенную, комнату.

За ними поплелся носатый старичекъ и выбѣжала Ольга Захаровна. Самославскій остался: его бутылка еще не совсѣмъ была опорожнена.

— Отчего-же не рады? обратилась снова съ вопросомъ къ Аркашину молодая дѣвушка.

Задавшись задачей и виду не показывая, что онъ пріѣхалъ высматривать невѣсту, Аркашинъ отвѣчалъ заминаясь, что онъ не радъ, потому что не въ пору гость, да еще незваный...

— Хуже татарина... досказала Олимпіада: но татары, говорятъ, народъ очень честный, и я не вѣрю, чтобы вы были хуже ихъ.

И улыбка обнажила рядъ бѣлыхъ, блестящихъ зубовъ ея, тогда какъ брови ея все еще какъ будто хмурились.

XX.

Былъ уже первый часъ ночи, но ни одна лампа въ домѣ еще не потухала. Изъ дальнихъ комнатъ слышались голоса. Аркашинъ остался за чайнымъ столомъ, втроемъ съ Олимпіадой и Варварой, сестрой ея. Онъ сознавалъ, что, не смотря на все его желаніе казаться развязнымъ, разговоръ какъ то не особенно клеился: мысль, что эта красавица или знаетъ, или подозрѣ-

ваеть, съ какимъ дерзновеннымъ умысломъ прѣхалъ онъ, связывала языкъ его. Но съ нимъ не церемонились. Его заставили съѣсть кусокъ ветчины, причемъ сама Олимпіадала подала ему горчицу, налила въ стаканъ его краснаго вина и, наливая, настойчиво увѣряла его, что онъ голоденъ, и что если онъ будутъ плохо кормить его, то, чего добраго, онъ подастъ на нихъ жалобу Прасковѣ Степановнѣ... Она сама подавала хорошій примѣръ и не безъ аппетита кушала.

Варвара Захаровна разспрашивала его, съ кѣмъ въ Петербургѣ онъ чаще всего видится, гдѣ бываетъ, часто-ли танцуетъ и любитъ-ли музыку...

„Меня экзаменуютъ,“ думалъ про себя Аркашинъ и увѣрялъ, что онъ никого не видитъ, ничего хорошаго не слышитъ и никогда не танцуетъ...

— Вы ужь, кажется, очень солидны, или стараетесь оправдать рекомендацію вашей тетушки, замѣтила Варвара, поглядывая на него, хотъ и изподлобья, но привѣтливо.

— Никогда не вѣрете тетушкамъ, отвѣчалъ Аркашинъ: онъ пристрастенъ.

— Какое-же это пристрастіе! развѣ въ ваши лѣта позволительно быть солиднымъ? Это вовсе не добродѣтель... Вотъ, завтра мы устроимъ балъ и заставимъ васъ танцовать.

Олимпіада, выпивъ рюмку вина, сидѣла облокотясь на столъ и молчаливо вглядываясь въ гостя, была отчасти довольна, что сестра такъ за нее старается... Ей самой говорить не хотѣлось, печать усталости лежала на лицѣ ея...

Закусивши и выпивши, Валентинъ Петровичъ сталъ прощаться.

Олимпіада, не вставая, протянула ему руку... Варвара отодвинула стулъ свой и, присѣдая, пожелала ему покойной ночи и прятнаго сна.

Въ эту минуту на дворѣ послышался глухой топотъ и легкій шумъ подѣхавшихъ саней.

— Это еще кто? съ досадою проговорила Олимпіада, поворачивая голову, сдвинувъ свои соболиныя брови и прислушиваясь.

— Не Плонскій ли князь съ своей компаніей?

— Ну, если князекъ, скажите ему, что я пошла спать.

И Аркашинъ слышалъ, какъ Олимпіада пошла вслѣдъ за нимъ и когда онъ отворялъ дверь ему отведенной комнаты, догнала его.

— Прощайте еще разъ! сказала она и во второй разъ, сильнѣе прежняго пожала его уже теплую и мягкую руку.—Вамъ давно ужь пора отдохнуть съ дороги. А знаете, я ваша сосѣдка: черезъ дверь направо—моя комната. Если случится пожаръ, приходите спасать меня... Прощайте!

Она пошла дальше. Ей навстрѣчу выскочили горничныя и она стала имъ что-то приказывать. Аркашинъ, войдя въ свою комнату, опять нашель форточку раскрытой и дышащей холодомъ: онъ тотчасъ же бросился закрывать ее; потомъ зажегъ свѣчу и, раздѣвшись, былъ очень доволенъ, что нашель свой пледъ у себя въ ногахъ постели.

Накрывшись вѣемъ, чѣмъ только можно было накрыться, не скоро онъ согрѣлся и сталъ дремать, но скоро заснуть мѣшали ему впечатлѣнія дня, мечты и воспоминанія.

Образъ Олимпіады, роскошной, дѣвственной красотой своей, казалось, затмилъ въ немъ блѣдный образъ блѣдной Марьи Ильинишны. То была полевая фіялка, это—цвѣтущая роза или лилія, та была звѣздочка, эта—солнце, при которомъ меркнутъ тысячи звѣздъ, та была огонекъ лампы, эта—сверкающее пламя на жертвенникѣ какого то невѣдомаго божества... „Неужели.. неужели возможно, чтобы такая дѣвушка вдругъ... очертила голову, согласилась быть женой моею!.. Невозможно!!

Только у тетушекъ и могутъ возникать въ головѣ такіе фантастическіе планы и предположенія!... Тутъ и думать нечего.

„А что если я уѣду, завтра-же уѣду и скажу тетушку ну!.. я совсѣмъ одурѣлъ! дѣлайте со мной, что хотите! по крайней мѣрѣ я умываю руки... Я тутъ не причемъ.. Сватайте вы,—я же—слуга покорный! Надо имѣть 30,000 годоваго дохода, чтобы рисковать быть мужемъ такой пышной барыни...“

И Аркашинъ, въ глубинѣ души своей, былъ очень доволенъ, что ничѣмъ не связалъ себя съ Марьей Ильинишной. „Сама судьба спасла меня!“ подумалъ онъ.

И въ его воображеніи опять промелькнуло доброе, симпатичное личико той петербургской сосѣдки, у которой не далѣе, какъ третьяго дня, онъ такъ жалъ руки и такъ невольно, отъ всей души просилъ поцѣловать его. Но... это все промелькнуло какъ что-то далекое и неуловимое и опять закуталось въ какую-то блестящую фантазмагорію, и опять послышался новый, ему невѣдомый голосъ: „я ваша сосѣдка (опять сосѣдка!) и если будетъ пожаръ (не дай Господи!)—приходите спасать меня (Господи! какъ бы это было хорошо, если бы я спасъ ея!..)“

Но передъ тѣмъ, чтобъ заснуть, онъ сталъ думать о своемъ департаментѣ, о томъ, послана-ли бумага, за которую ему сказали „спасибо“, о томъ, какъ не хотѣли ему дать и полтораста рублей къ празднику и вѣроятно бы дали какихъ нибудь 70, еслибы не Леонидъ Семенычъ (великое ему за то спасибо!) О томъ, назначутъ-ли засѣданье раньше 1-го января, или до Новаго года на службу никто не придетъ... А что если его спросятъ или пошлютъ за нимъ по какому нибудь экстренному дѣлу!

Всѣ эти скучныя и уже нисколько не фантастическія мысли были переходомъ къ тому, чтобъ онъ легъ на спину, положилъ руку себѣ на сердце и заснулъ сномъ праведника.

XXI.

Было еще очень темно—темнѣе, чѣмъ было съ вечера. Аркашинъ услыхалъ за дверью чьи-то шаги и приподнял голову. Ему показалось, что еще ночь или около четырехъ-пяти часовъ по полуночи. Прислушавшись, онъ зажегъ свѣчу, поглядѣлъ на свои часы и увидалъ что 8.

Не спѣша умывшись и одѣвшись передъ туалетомъ, онъ пріотворилъ дверь. въ корридорѣ трещала затопленная печь; алое зарево отъ пылающихъ дровъ играло на полурастворенной двери. Черезъ корридоръ прошелъ онъ въ одну, потомъ въ другую комнату, гдѣ на ломберномъ столѣ горѣла свѣча; тутъ увидалъ онъ неприбранные мѣлки, такъ сказать очевидныя, свѣжіе слѣды ночи, проведенной за картами. Неподалѣку, передъ простѣлочнымъ зеркаломъ мелькалъ козырекъ военной фуражки, на полу валялись папиросныя окурки.

Въ этой утренней, рождественской темнотѣ, въ этомъ ему незнакомомъ еще домѣ, среди новой обстановки, чувство, похожее на дѣтское, очень пріятное, и въ то же время безотчетно жуткое, проникло въ него. Онъ закурилъ папироску, поглядѣлъ въ темныя окна и вошелъ въ залу. Тамъ топились каминъ; лакей, тощій, испитой и въ фартукѣ, подметалъ полъ и очень удивился, увидавши такъ рано въ дверяхъ фигуру какого-то барина.

Лицо лакея при свѣтѣ камина показалось Аркашину какимъ-то зеленымъ, лоснящимся.

— Можно здѣсь пройти въ корридоръ? спросилъ онъ.

— Пожалуйте черезъ столовую.

— Куда-же?..

— А вотъ.

— Всѣ еще спятъ? спросилъ Аркашинъ.

Новый инструментъ. Съ картины Фоглера, грав. Шульце.

Лакей оперся обѣими руками о рукоять щетки, молча поглядѣлъ на него и спросилъ:

— А вы почевали здѣсь?

— Да, почевалъ.

— Что-же вы ни свѣтъ ни зари?

— Да ужь 9 часовъ!

— Что-жь, что девять? гости у насъ обыкновенно къ завтраку просыпаются.

— А когда завтракъ?

— А во второмъ часу—начнутъ звонить.

— А Захаръ Олимпьевичъ когда просыпается?

— Да вы нѣчто никогда у насъ не бывали?

— Никогда.

— Во-отъ что! протянулъ лакей и, какъ бы вполне удовлетворившись, опять принялся шаркать половиной щеткой, передвигая съ мѣста на мѣсто столы и стулья.

Подходя къ столовой, Аркашинъ дрогнулъ: онъ увидѣлъ въ полуотворенную дверь буфетной свѣтъ огарка и два профиля: одинъ Олимпіады, облокотившейся на столъ съ распушенными волнистыми волосами и въ чемъ-то бѣломъ, и другой—человѣка въ фартукѣ, очевидно, повара, освѣщеннаго такъ, что низъ подбородка, кончикъ краснаго носа и часть свѣсившагося на лобъ

колпака его казались свѣтлыми бликами на пасмурномъ фонѣ темной стѣны или шкафа. Олимпіада, очевидно, заказывала завтракъ или обѣдъ. — „Что-жь, можно и съ гарниромъ. Это какъ вамъ угодно-съ...“ отзывался ей глухо-басистый, спросонья охрипый голосъ хозяина кухни и баловня господскихъ желудковъ.

— Справься! Куплено было два пуда и 20 фунтовъ. . повысился голосокъ дѣвушки, образъ которой въ такомъ идеальномъ свѣтѣ всю ночь рисовался въ воображеніи Аркашина. Изъ боязни быть замѣченнымъ и сконфузить одѣтую въ шлафрокъ и непричесанную красавицу, Аркашинъ съ бьющимся сердцемъ повернулъ назадъ, тѣмъ же путемъ черезъ залу, освѣщенную дровами, пылающими въ каминѣ, и черезъ другія комнаты. Только трюхоя мимо ломбернаго стола, приостановился, оглянулъ стѣны, на которыхъ висѣли двѣ большихъ картины, писанныя масляными красками. Изъ рамъ ихъ или, лучше сказать, изъ тѣмы тѣневыхъ частей, смутно въ натуральную величину вырисовывались глаза, бородаатыя лица, и выступали бѣлыя плечи и ноги полубоженныя женщины. Аркашинъ при одной свѣчѣ не могъ разглядѣть, что значать эти изображенія, и прошелъ въ свою комнату.

(До слѣд. №).

Еще о дуэли Лермонтова.

По поводу возбужденныхъ общій интересъ воспоминаній доктора Раевского, помѣщенныхъ въ „Нивѣ“ (№№ 7 и 8), мы получили отъ разныхъ лицъ нѣсколько сообщеній, изъ которыхъ считаемъ не излишнимъ для разъясненія дѣла помѣстить, не вдаваясь въ ихъ разборъ и оцѣнку, слѣдующія:

I.

Письмо доктора Пирожнова изъ Ярославля.

Прошло болѣе 40 лѣтъ со дня смерти М. Ю. Лермонтова, а между тѣмъ до сихъ поръ печать не разъяснила поводовъ роковой дуэли. Все, что говорилось объ этомъ, ограничивается указаніемъ на какую-то пустую, вздорную ссору изъ за ничтожной остроты, какихъ-то насмѣшекъ и т. п. Но трудно допустить, чтобы два человѣка, принадлежащихъ къ лучшему обществу, близко стоявшихъ другъ къ другу по своему социальному положенію и даже бывшихъ въ хорошихъ отношеніяхъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего, начали оскорблять одинъ другаго — и, наконецъ, пришли къ тому выводу, что приходится искать рѣшенія вопроса посредствомъ дуэли. Сколько извѣстно, поэтъ, будучи 26 лѣтъ отъ роду, обладалъ твердымъ и стойкимъ характеромъ, тонкимъ и глубокимъ умомъ; противникъ его также не юноша, а вполне сложившійся, практической человѣкъ, въ чинѣ майора, человѣкъ лѣтъ уже 30-ти. Это такіе годы, когда легкомысленные порывы уже труднѣе допустимы, когда воля крѣпче и строже подчиняется разуму. Возможно ли предположить, чтобы такой человѣкъ за одну остроту своего хорошаго знакомаго или пріятеля, быть можетъ и неумѣстную, рѣшился на такой поступокъ, который на цѣлую жизнь его наложилъ какое-то неизгладимое впечатлѣніе? Тутъ очевидно были другія какія то причины. Ни самъ Мартыновъ, ни близко стоявшіе къ нему люди, ничего и никогда не разъяснили читающей публикѣ. Недавно напечатанный въ „Нивѣ“ прекрасный рассказъ Раевского, также однако поддерживающій мысль, что дуэль возникла изъ за остроты поэта Мартыновъ будто-бы имѣлъ привычку носить большой кинжалъ и Лермонтовъ неоднократно называлъ его, смѣясь, Poignard'омъ. Вотъ по мнѣнію человѣка близко стоявшаго и къ Лермонтову и къ Мартынову, вся причина дуэли. Однако причины дуэли были не такъ маловажны.

Прошло почти 40 лѣтъ съ того времени какъ судьба столкнула меня въ жизни съ Н. С. Мартыновымъ, нынѣ уже умершимъ. Я былъ ему полезенъ въ одномъ весьма важномъ для него дѣлѣ и въ теченіи нѣсколькихъ вечеровъ велъ съ нимъ продолжительныя бесѣды. При первой возможности, разумеется кстати, я навелъ разговоръ на поединокъ его съ Лермонтовымъ — и вотъ, что услышалъ отъ него по этому дѣлу. Предварительно я скажу нѣсколько словъ о томъ — какимъ показался мнѣ вообще Н. С. Мартыновъ. Видно было, что это человѣкъ съ силой и энергическимъ, замѣчательно твердымъ характеромъ. Образованъ онъ былъ весьма хорошо, манеры вполне изящныя. Это былъ джентльменъ въ полномъ смыслѣ слова. Я вполне вѣрилъ и до сихъ поръ вѣрю искренности его словъ. Я видѣлъ какую во время разсказа онъ испытывалъ душевную борьбу. Я видѣлъ какъ тяжело ему было вызывать эти воспоминанія, но онъ говорилъ подъ вліяніемъ внутренняго движенія съ чувствомъ глубокой скорби о роковомъ событіи. По словамъ Мартынова, дѣло было такъ. Отецъ Мартынова съ двумя дочерьми постоянно жилъ въ Петербургѣ. Въ этой семьѣ Лер-

монтовъ былъ всегда хорошо принятъ. Случалось, что когда Мартыновъ былъ на Кавказѣ, Лермонтовъ также готовился туда отправиться. При послѣднемъ прощальномъ посѣщеніи Лермонтова, сестры Н. С. Мартынова поручили ему передать брату ихъ работы и дневники, а отецъ съ своей стороны вручаетъ ему пакетъ на имя сына, не говоря ничего о его содержимомъ. Является Лермонтовъ на Кавказѣ и при свиданіи съ Мартыновымъ рассказываетъ, что съ нимъ въ дорогѣ случилась неприятность: его обокрали на одной станціи — и въ числѣ украденныхъ вещей, къ сожалѣнію его, находились также послышки и дневники сестеръ Мартынова и пакетъ отъ отца — съ деньгами 300 руб. Деньги Лермонтовъ передалъ Мартынову. Какъ ни грустно было Мартынову услышать вѣсть о пронажѣн семьѣ и дневника сестеръ, но что же дѣлать?

Это конечно не повредило ихъ хорошихъ отношеній. За тѣмъ Мартыновъ пишетъ къ отцу, что дневники сестеръ и пакетъ съ деньгами у Лермонтова украдены на дорогѣ. Почтовые сообщенія въ тѣ времена съ Кавказомъ были очень медленны и потому отвѣтъ со стороны отца послѣдовалъ не такъ-то скоро. Но вотъ, получено письмо отъ отца Мартынова, который задаетъ въ немъ сыну довольно странный вопросъ: почему Лермонтовъ могъ знать, что въ пакетѣ были деньги? Вручая ему пакетъ, онъ ни слова не сказалъ объ нихъ? Вышелъ разговоръ и очевидно не пустякъ остроты играютъ роль побудителей къ тяжелой развязкѣ. Мартынову было тяжело дообразить какъ дерзко, какъ, скажемъ, нагло было поправить дѣвріе сестеръ, отца, оказанное товарищу... Что за несчастное побужденіе влекло Лермонтова къ такому просто непонятному поступку? Вѣдь онъ конечно понималъ, что рано или поздно, оно во всякомъ случаѣ должно было выйти наружу? Но такъ оно случилось. Само собой, для Мартынова съ того момента пропалка представилась уже совершенно въ другомъ свѣтѣ. Это обстоятельство онъ быть можетъ рѣдко высказалъ Лермонтову и тогда уже роковое столкновеніе явилось само собой, какъ неизбежное послѣдствіе.

„Вотъ собственно причина, которая поставила насъ на барьеръ, заключилъ свой рассказъ покойный Мартыновъ, — и она даетъ мнѣ право считать себя вовсе не такъ виновнымъ, какъ представляютъ меня вообще.“

Выдумывать Мартынову предъ мной было не для чего. мы въ жизни встрѣтились разъ на нѣсколько дней и затѣмъ уже больше не полагали видѣться и не видѣлись. Спустя лѣтъ 20 послѣ нашей первой встрѣчи мнѣ случилось видѣть его только на мигновение, въ одной гостиницѣ въ Ярославлѣ. На подъѣздѣ я увидѣлъ сходящаго съ лѣстницы господина, солиднаго и красиваго, но уже совершенно сѣдаго, хотя весьма бодрого. Черты лица напомнили мнѣ Мартынова. Только потомъ, увидѣвъ въ швейцарской, на номерной доскѣ, фамилію Мартынова, я убѣдился, что это былъ онъ. Меня онъ не узналъ. Въ молодости Мартыновъ былъ очень красивъ — онъ былъ высокаго роста, прекрасно сложенъ. Волосы на головѣ, темпорусые, всегда носилъ онъ коротко остриженными; большіе усы, спускавшіеся по угламъ рта, придавали физиономіи внушительный видъ. Церковное покаяніе, къ которому онъ былъ присужденъ за свою дуэль, посланный въ Кіевъ, къ нему не шло и онъ отбывалъ его не строго. Богатый человѣкъ онъ занималъ отличную квартиру въ одномъ изъ флигелей Лавры, гдѣ была общая гостиница, и окружилъ себя комфортомъ.

Дамы кievскаго общества были очень заинтересованы появлением въ свѣтъ сосланнаго красавца.

Впослѣдствіи, спустя 3—4 года, онъ влюбился въ жену одного польскаго помѣщика, принявъ на себя расходы развода и женился на ней. Затѣмъ онъ скромно жилъ частнымъ человекомъ въ Москвѣ—и нѣсколько лѣтъ тому назадъ тамъ же и умеръ. Въ газетахъ я прочиталъ о его смерти. Вотъ въ короткихъ словахъ все, что я знаю о человѣкѣ, которому было суждено прервать такъ неожиданно, въ полномъ развитіи, молодую жизнь нашего незабвеннаго поэта.

II.

Письмо г Бетлинга изъ Ардатова (Ниж. губ.).

Болѣе 25 лѣтъ назадъ, по непредвидѣнной случайности, встрѣтился я съ покойнымъ Н. С. Мартыновымъ на подмосковномъ бумажномъ заводѣ, у юстерианнаго, почтеннаго хозяина завода, г. В. Ни прежде, ни потомъ я не видѣлъ Мартынова. Мнѣ довелось погостить съ нимъ въ одной комнатѣ, и мы ознакомились и разговорились. Мартыновъ показался мнѣ не по лѣтамъ состарѣвшимся, но все еще красивымъ и очень милымъ и добродушнымъ человекомъ. Я, признаюсь, нарочно навелъ бесѣду на его дуэль. Мартыновъ, съ неподдѣльной простотой и искренностью, рассказалъ мнѣ приблизительно следующее: онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Михаиломъ Юрьевичемъ, но въ послѣднее время вышло нѣчто, вызвавшее крупное объясненіе. Пріятель таки раздули ссору. Состоялась несчастная дуэль. Секунданты условились о порядкѣ дуэли; были приготовлены пистолеты Кухенрейтера, крупнаго калибра и дальнобойные. Разумѣется, обѣ стороны согласились на условія поставленныхъ секундантами. Передъ дуэлью,—она не составляла для Мартынова шутки,—онъ заранее обдумалъ планъ своихъ дѣйствій. Онъ порѣшилъ, не поднимая на прицѣлъ пистолета, крупными шагами подойти къ указанному секундантамъ барьеру, и тогда, прицѣлясь—стрѣлять. Противникъ его, какъ оказалось на самой дуэли, принялъ методъ совершенно противоположный: онъ, обратясь къ Мартынову вполнѣ правымъ бокомъ, держа пистолетъ, съ мѣста, на полномъ прицѣлѣ, медлительно подвигался къ барьеру, такъ что Мартыновъ могъ ожидать выстрѣла ежеминутно, даже съ перваго, подходнаго шага своего къ барьеру. Дойдя до пункта и начавъ наводить пистолетъ, Мартыновъ удивился, почему не стрѣляетъ Лермонтовъ, такъ какъ, наведя уже пистолетъ съ самаго начала дуэли, оставалось ему только нажать... Мартыновъ нѣсколько задержалъ выстрѣлъ... „На нашу общую бѣду,—я продолжаю почти словами Мартынова,—шелъ рѣзкій дождь и прямо билъ въ лицо секундантамъ... Лермонтовъ, приостанавливаясь на ходу, продолжалъ тихо въ меня цѣлить... Я вскрикнулъ. Ни секундантами, ни дуэлью не шутить... и спустилъ курокъ. Лермонтовъ упалъ. Пуля прошла насквозь руку, заслонявшую бокъ, и въ грудь *). Ко мнѣ на гауптвахту приходили секунданты, и просили показать на слѣдствіи, что они принимали всѣ мѣры къ нашему примиренію. Я отвѣтилъ имъ, что для суда я покажу это; но для частныхъ лицъ буду говорить, какъ было на самомъ дѣлѣ, т. е., что ссору раздули. Впослѣдствіи, продолжалъ Мартыновъ,—я слышалъ, что Лермонтовъ медлилъ выстрѣломъ будто бы потому, что, находя меня правымъ, не желалъ стрѣлять. Я былъ разжалованъ въ солдаты и преданъ церковному покаянію. Мнѣ присовѣтовали, для снисканія милости Государя, перепроситься въ дѣйствовавшіе тогда на Кавказѣ передовые отряды, что и было мною исполнено при первой возможности“.

Н. С. Мартыновъ уже перешелъ въ тотъ міръ, гдѣ „нѣтъ болѣзней и печали“, и я почти какъ бы обязанъ передать его оправдательное слово.

III

Письмо г-ни А сной изъ Пятигорска.

Нахожу нужнымъ по поводу воспоминаній Раевского необходимое разъясненіе. Я все очень хорошо помню. Вотъ какъ это было: наканунѣ памятной, несчастной дуэли, вечеромъ пришелъ къ мужу моему г. Дороховъ, квартировавшій у насъ въ домѣ на бульварѣ, и просилъ верховую лошадь ѣхать за городъ не далеко; мой мужъ отказывалъ ему, думая не какое-нибудь здѣсь непріятное дѣло, зная его какъ человѣка уже участвовавшаго въ дуэляхъ, и не соглашался, желая прежде знать для чего нужна лошадь. Но тотъ убѣдительно просилъ, говоря, что лошадь не будетъ заморена, и скоро ее доставить сохриною, и непріятности никакой не будетъ; мужъ согласился, и дѣи твительно лошадь привели вечеромъ не заморенной.

На другой день часовъ въ 6—7 утра, я сидѣла въ залѣ противъ двери, которую отворилъ человѣкъ высокаго роста, тонкій и худой, согнувшись, потому что дверь была низка; это былъ князь Васильчиковъ, за нимъ еще трое. Я спросила, что имъ угодно; кто то изъ нихъ отвѣчалъ, что намъ нужно священника. Я пригласила ихъ къ мужу, они взошли и затворили дверь; спустя довольно времени -- они ушли, а мужъ позвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „у меня было предчувствіе, я долго не рѣшался давать лошадь Дорохову. Вчера вечеромъ у подошвы Мануки за кладбищемъ была дуэль; Лермонтова убилъ Мартыновъ, а Дороховъ спѣшилъ за городъ именно поэтому“, и опять задумавшись сказалъ: „чувствую невольно себя виновнымъ въ этомъ случаѣ, что далъ лошадь; безъ Дорохова это могло бы окончиться примиреніемъ, а онъ взялся за это дѣло и привелъ къ такому окончанію, не склоняя противниковъ на миръ“.

Мужъ объяснилъ мнѣ, что были у него за молодые люди сейчасъ: секунданты—князь Васильчиковъ, Глѣбовъ и Раевскій и кажется Столыпинъ. Просили его убѣдительно предать тѣло Лермонтова землѣ по христіанскому обряду; но тогда взгляды были на это строгіе и мой мужъ, не ради интереса и не ради выговора отъ преосвященнаго, долго не соглашался, а потому, что это ему угрожало потерю священническаго сана за самовольное распоряженіе, безъ разрѣшенія архіерея, что было въ то время немислимо.

Итакъ все, что было по этому поводу, истинно и вѣрно передала я здѣсь. Остальныя подробности объ этомъ, что касается меня, не вѣрны. Будто бы *цѣловали мнѣ руки*,—но о чемъ было меня просить? Мужъ былъ на лицѣ и принялъ ихъ тотчасъ-же.

И еще болѣе странно сообщеніе, будто предложены были мнѣ *подарки, которые были приняты мною*; ничего этого не было. Г-ну Раевскому вѣроятно память измѣнила.

Потомъ и еще приходили къ мужу убѣждать его, чтобы онъ согласился исполнить обрядъ. Князь Васильчиковъ честно увѣрилъ, что мужъ за исполненіе отвѣчать не будетъ, что отецъ его испроситъ разрѣшеніе на этотъ случай; все это мужъ мнѣ передалъ, но больше этихъ господъ я у себя въ домѣ не видала. Однажды мужъ спросилъ моего совѣта: исполнить ихъ просьбу или нѣтъ? Я ему отвѣчала, что по неопытности и незнанію церковнаго положенія совѣта дать не могу а только скажу одно: „не забывай, что у тебя семейство“.

Вотъ все какъ было!..

Пьеръ де-Бомарше.

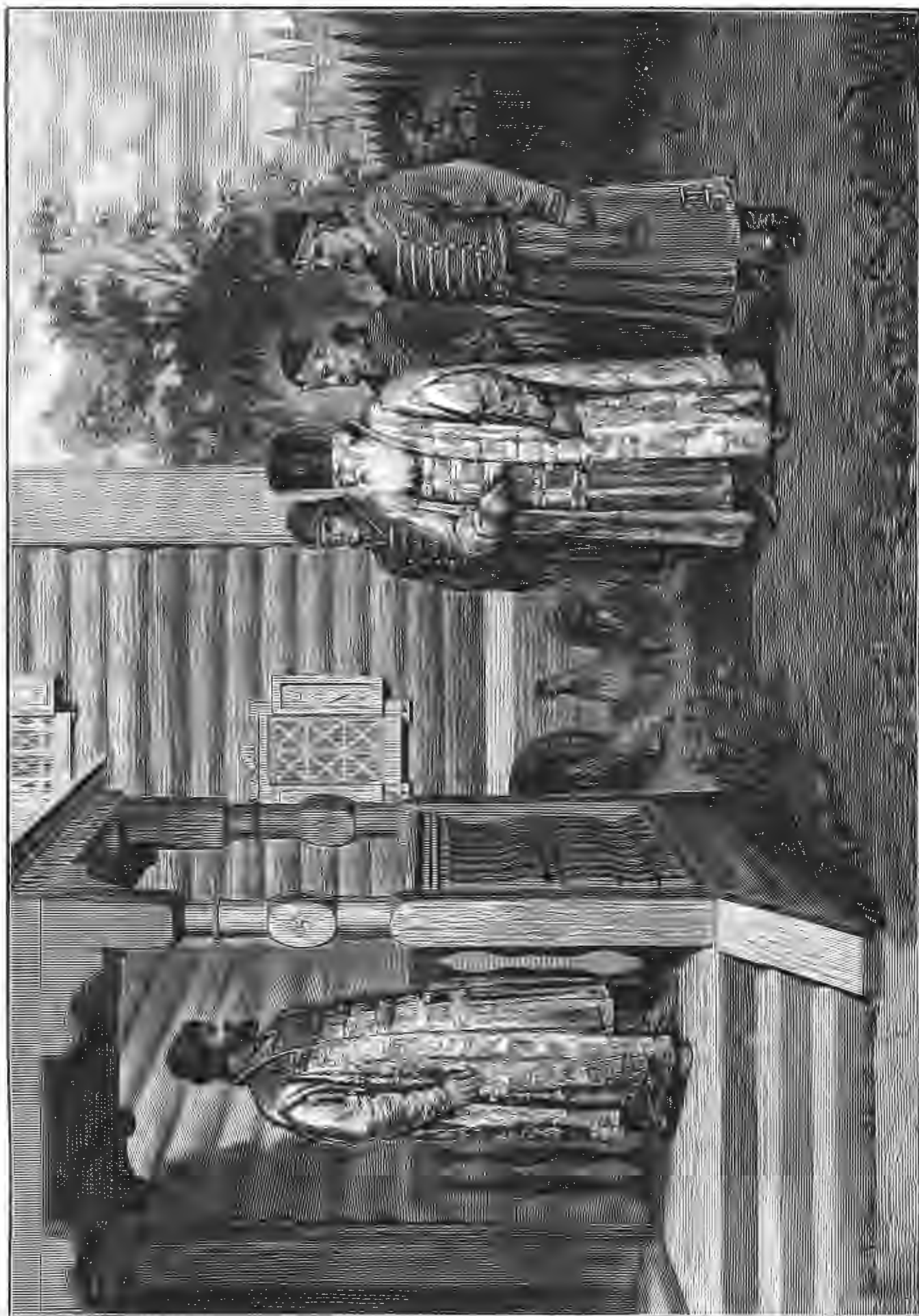
Очеркъ.

Пьеръ де-Бомарше, французскій писатель времени Людовика XV и первой революціи, какъ своей шумной, полной приключеній жизнью, такъ и характеромъ, наконецъ своими произведеніями какъ нельзя лучше характеризуетъ эпоху, въ которую жилъ. Только въ то бурное, полное рѣзкихъ перемены и крупныхъ противорѣчій время, къ которому относятся послѣдніе годы царствованія Людовика XV и начало революціи, могло случиться, что драматическій писатель имѣлъ такую разнообразную и разностороннюю дѣятельность, какъ Бомарше. Не смотря на то, что Бомарше, согласно своему происхожденію, готовился сдѣлаться ремесленникомъ, жизнь его прошла въ самыхъ странныхъ противоположностяхъ; мы видимъ его занимающимъ должность при дворѣ, писателемъ, музыкантомъ, адвокатомъ, дѣловымъ и денежнымъ человекомъ, поставщикомъ, спекулянтномъ, типографщикомъ, книгопродавцемъ, тайнымъ агентомъ короля, комиссаромъ республики и т. д. Такія же рѣзкія противоположности были и въ характерѣ Бомарше; съ одной стороны это человекъ любящій жизнь и наслаждающийся ею; съ другой—нѣжный сынъ и братъ, любящій отца и мужъ; онъ могъ очень зло смѣяться и быть добрымъ и любящимъ. Онъ, практическій человекъ, авантюристъ, бросалъ вызовъ современному ему обществу своими извѣстными

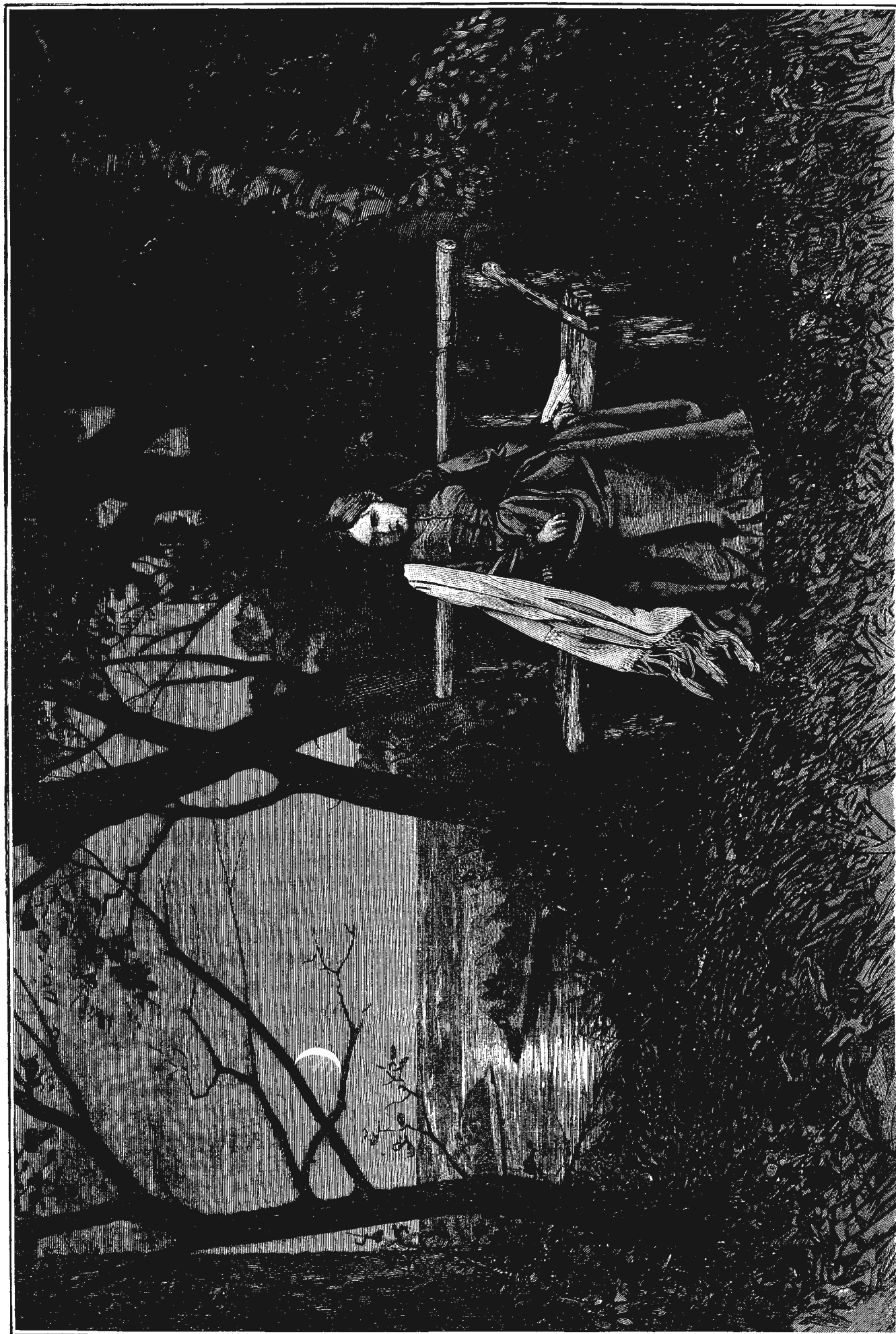
комедіями. Нѣтъ дѣла, которымъ бы не занимался Бомарше, если къ этому еще прибавить, что онъ почти всю жизнь велъ процессы, которые почти всегда выигрывалъ, то вполнѣ понятно, что никто не имѣлъ больше права сказать, что „жизнь моя—вѣчная борьба“.

Пьеръ де-Бомарше родился 24 января 1732 года въ Парижѣ; отецъ его Шарль былъ честный гражданинъ, часовыхъ дѣлъ мастеръ. Только спустя двадцать пять лѣтъ, молодой часовщикъ Пьеръ сдѣлался всѣмъ извѣстнымъ де-Бомарше. Онъ росъ въ своей семьѣ среди пяти сестеръ, ни чему не учась и не бывая въ магазинѣ своего отца, не смотря на то, что родители его старались дать ему подходящее образованіе. Въ двадцать лѣтъ молодой Пьеръ довелъ себя до того, что его, какъ негодяя, выгнали изъ родительскаго дома. Не смотря на это, онъ и въ то время уже отличался смѣлостью и сдѣлалъ важное усовершенствованіе въ области часоваго мастерства, изъ за котораго и началъ свой первый процессъ, доведенный имъ съ замѣчательнымъ искусствомъ до конца. Въ 1755 году мы встречаемъ Пьера уже придворнымъ поставщикомъ. Этому онъ удостоился за то, что устроилъ часы, которые были вставлены вмѣсто камня въ перстень, поправившійся маркизъ Помпадуръ. Дальѣйшими успѣхами молодой часовщикъ былъ обязанъ расположенію, которымъ онъ пользовался у женщинъ. Стройный, красивый молодой человекъ съ свѣтлымъ взоромъ, самоувѣренный

*) Помнится, онъ говорилъ, что лѣвая рука Лермонтова тоже была поранена этой пулей, но утвердительно не говорю, опасаясь ошибиться.

Мѣстничество въ древней Россіи. Выдача головой. Ориг. рис. Земцова, грав. Ю. Барановскій.

Литературный альбомъ. „Гроза“. Драма А. Н. Островскаго. „Катерина“. (Актъ V).
Ориг. рис. М. Зиновьева, грав. Флюгель.

всегда веселый, живой, остроумный, он правил всѣмъ. Въ томъ же году Пьеръ добился уже придворной должности. Обязанность его заключалась въ томъ, что онъ, въ парадномъ мундирѣ, со шпагою, стоялъ за королевскимъ столомъ. Мѣсто это тогда покупалось и Бомарше получилъ его отъ своего предшественника, обязавшись уплачивать ему свое ежегодное жалованье. Вскорѣ однако кредиторъ его умеръ и Пьеръ женился на красивой, богатой вдовѣ покойнаго. Спустя годъ Бомарше снова остался бѣднякомъ на 150 франкахъ жалованья; не принявъ никакихъ предосторожностей, онъ лишился всего достоянiя жены, умершей скоропостижно отъ тифозной горячки. Полученное имъ черезъ женитбу дворянство и прибавка къ фамилии—де-Бомарше, которую онъ произвелъ отъ названiя имѣнiя своей жены, являлись теперь сомнительными. Ему приходилось искать новыхъ источниковъ доходовъ и озаботиться о болѣе прочномъ положенiи въ обществѣ; послѣдняго ему скоро удалось добиться, благодаря своимъ разнообразнымъ талантамъ. Онъ хорошо игралъ на флейтѣ и арфѣ, что въ то время пользовалось большимъ почетомъ во Францiи. Бомарше получилъ мѣсто учителя музыки у принцессы, дочерей Людовика XV, и сдѣлался дирижеромъ интимныхъ королевскихъ концертовъ. Это принесло ему извѣстность и массу приглашенiй. Самъ король не оставлялъ вниманiемъ молодого учителя своихъ дочерей; между тѣмъ дворня не хотѣли признать себя равнымъ выскочку, который еще недавно былъ часовымъ мастеромъ. При каждомъ случаѣ ему напоминали объ этомъ Бомарше старался отражать нападенiя; вотъ два случая, которые указываютъ какимъ оружиемъ парировалъ онъ удары. Однажды рѣшились умирить его прятъ и нанести ему оскорбленiе. Въ приемной короля къ Бомарше подошелъ одинъ изъ придворныхъ и попросилъ его починить свои испортившiеся часы. Бомарше отвѣтилъ, что онъ давно не занимается этимъ мастерствомъ и почти совсѣмъ забылъ его; но, вслѣдствiе настоятельной просьбы вельможи, онъ не смущаясь сказала: „Повторяю, я сталъ очень плохимъ мастеромъ и не ручаюсь за успѣхъ.“ Отъ этими словами онъ ваялъ часы и сдѣлалъ видъ, что разсматриваетъ механизмъ, но въ тотъ же моментъ часы очутились на полу, разбитые въ дребезги. Обратясь съ поклономъ къ присутствовавшимъ онъ сказалъ: „Я говорилъ, что сталъ очень неумѣлымъ мастеромъ!“ Въ другой разъ молодой Бомарше доказалъ, что у него такъ же острый языкъ какъ и его шпага. Онъ вызвалъ на дуэль за оскорбленiе одного придворнаго и нанесъ ему смертельную рану. Кстати упомянуть еще объ одномъ рыцарско-романическомъ эпизодѣ въ жизни Бомарше, который былъ въ послѣдствiи увѣковѣченъ великимъ нѣмецкимъ поэтомъ Гете въ его трагедiи „Клавиго“,— именно о трагической исторiи сестры Бомарше, Луизы Каро, съ испанцемъ донъ-Клавиго.

Луиза Каро съ сестрою своею Марiею и мужемъ ея, архитекторомъ Гильбертомъ оправились въ Мадридъ, гдѣ сестры открыли модный магазинъ. Здѣсь въ 1763 году онѣ познакомились съ Иосифомъ Клавиго, который обѣщалъ жениться на Луизѣ. Но вдругъ, безъ всякой видимой причины, Клавиго отказался отъ брака и оставилъ несчастную невѣсту на жертву злословія. Глубокооскорбленная дѣвушка обратилась къ единственному своему защитнику—брату, прося у него совѣта и помощи Бомарше не былъ изъ тѣхъ, которые долго заставляютъ себя ждать въ такихъ случаяхъ. Въ маѣ 1764 года, онъ послѣдно поѣхалъ въ Мадридъ потребовать удовлетворенiя отъ вѣроломнаго испанца за оскорбленную честь своей сестры. Клавиго былъ такъ пристыженъ, что сталъ просить у него извиненiя, примирился съ невѣстой и назначилъ даже день свадьбы. Воспользовавшись своимъ положенiемъ, испанецъ выхлопоталъ приказъ объ арестованiи и высылкѣ изъ столицы всего семейства Бомарше. Но донъ-Клавиго ошибся въ своемъ противникѣ. Бомарше сумѣлъ добиться аудiенции у короля; пылко и краснорѣчиво доказалъ онъ свою невинность и выставилъ поступокъ Клавиго въ такомъ свѣтѣ, что тому отказали отъ мѣста и воспретили прiѣздъ ко двору; а Бомарше сдѣлался любимцемъ столицы и въ теченiи цѣлаго года, пока оставался въ Мадридѣ, вращался въ салонахъ Луиза вышла вскорѣ замужъ за одного француза, а братъ ея отправился въ Парижъ, гдѣ за 85000 франковъ купилъ себѣ мѣсто королевскаго секретаря, которое дало ему дворянское достоинство.

Въ 1768 году Пьеръ де-Бомарше женился во второй разъ на красивой, богатой вдовѣ Мадленѣ Леве; но и этотъ бракъ не принесъ ему счастья. Черезъ два года молодая жена его умерла и вслѣдъ за ней умеръ и единственный ихъ ребенокъ. Это подѣйствовало на Бомарше и повлiяло на его финансы, такъ какъ состоянiе его покойной жены заключалось главнымъ образомъ въ пожизненныхъ доходахъ, которые и прекратились съ ея смертью. Наступила самая тяжелая пора въ жизни Бомарше. Смерть жены и потеря состоянiя повлекли за собой и другiя послѣдствiя. Бомарше видѣлъ, что ему нѣтъ возможности вести далѣе дорогую придворную жизнь, и вотъ онъ, для изысканiя новыхъ источниковъ, знакомится съ знаменитымъ въ то время финансовымъ тузомъ Парижа, Дювернье и дѣлается подъ его руководствомъ спекулянтномъ, прiобрѣтаетъ деньги и наживаетъ миллионы.

Въ 1770 году, когда покровитель и другъ Бомарше умеръ, онъ началъ процессъ со своимъ двоюроднымъ внукомъ, графомъ де-ла-Блокомъ, который требовалъ съ него 139 тысячъ лив-

ровъ и обвинялъ его въ подлогѣ; процессъ этотъ кончился не въ пользу Бомарше и тянулся почти восемь лѣтъ. Драматическiя произведенiя, которыя Бомарше написалъ во время процесса, были оскисаны и авторъ ихъ подвергнулся злымъ насмѣшкамъ. Несчастья не оставляли затѣмъ преслѣдовать Бомарше. Въ 1773 году на него обрушился гнѣвъ герцога Шолень изъ ревности къ одной красавицѣ-актрисѣ. Бомарше въ то время имѣлъ уже опять должность главнаго начальника королевскихъ охотъ, что давало право прежнему часовщику возсѣдать въ длинной одеждѣ на креслѣ судей въ Луврѣ. Однажды, во время засѣданiя, герцогъ Шолень, войдя на трибуну, началъ осмѣять Бомарше порицанiями, насмѣшками и намѣревался даже нанести ему оскорбленiе. Долго боролся Бомарше между гнѣвомъ и благоразумiемъ, наконецъ не выдержалъ и оскорбилъ изра Францiи. Постушокъ этотъ повлекъ за собою весьма печальныя послѣдствiя для Бомарше; его арестовали и по повелѣнiю короля посадили на два мѣсяца въ тюрьму. Онъ не потерялъ и это время даромъ; онъ выпустилъ въ свѣтъ четыре диссертации о судѣ. Диссертации эти явились слѣдствiемъ процесса его съ Гетцманомъ, представлявшимъ собою одинъ изъ тѣмъ многочисленныхъ случаевъ подкупа, которые были тогда обыкновенны.

Во время процесса съ де-ла-Блокомъ, Бомарше рекомендовали обратиться къ совѣтнику парламента Гетцману или вѣрнѣе къ его молодой красивой женѣ, которая намекнула ему, что дѣло это будетъ стоить ему 200 ливидоровъ. Бомарше сдѣлалъ ей подарокъ въ требуемую сумму, но съ него потребовали еще пятнадцать ливидоровъ, будто-бы для секретаря совѣта, на самомъ же дѣлѣ и эти деньги пошли въ карманъ красавицы. Подарокъ былъ сдѣланъ съ условiемъ хорошаго исхода дѣла, и Бомарше послѣ скончанiя процесса, рѣшеннаго не въ его пользу, получилъ подарокъ обратно. Выдать же остальные 15 ливидоровъ госпожа Гетцманъ отказалась и заявила даже, что не получала этихъ денегъ. Самъ Гетцманъ подалъ жалобу на Бомарше за клевету. Дѣло окончилось въ пользу Гетцмана.

Тогда Бомарше выступилъ съ четырьмя своими диссертациями, которыя привели къ тому, что дѣло это было разсмотрѣно вновь и въ 1774 году послѣдовалъ приговоръ, на основанiи котораго г-жа Гетцманъ должна была вернуть 15 ливидоровъ Бомарше, а самъ Гетцманъ лишился мѣста. Виновнику процесса тоже было не легче; судъ порицалъ его за подкупъ, объявилъ его безчестнымъ и недостойнымъ къ занятiю общественныхъ должностей. Этимъ рѣшенiемъ были однако иные недовольны.

Въ 1775 году, Бомарше въ первый разъ имѣлъ большой успѣхъ, какъ драматическiй писатель. 23-го февраля былъ поставленъ въ первый разъ „Севильскiй цирюльникъ“; новая пьеса привлекла массу публики, но не понравилась ей, такъ какъ осмѣивала нравы того времени и была оскисана. Тѣмъ не менѣе черезъ два дня, немного передѣланная и сокращенная, она была поставлена вновь и на этотъ разъ имѣла громадный успѣхъ, который сразу сдѣлалъ Бомарше знаменитымъ драматическимъ писателемъ.

Осенью того же года, покрывшiй славою писатель находился уже на пути въ столицу Англiи, но на этотъ разъ уже въ качествѣ политическаго агента, только что вступившаго на престолъ, Людовика XV. Ранѣе, въ 1774 году, Бомарше былъ посланъ Людовикомъ XV по одному дѣлу въ Англiю въ качествѣ тайнаго агента. Ему было поручено подробно развѣдать въ Лондонѣ, какъ на самомъ дѣлѣ Англiя относится къ американскому вопросу. Послѣдствiемъ этой мисси было то, что Францiя, сначала незамѣтнымъ образомъ, въ торговыхъ дѣлахъ стала помогать Америкѣ въ борьбѣ ея за независимость; а въ слѣдующемъ году, Францiя, въ тайномъ союзѣ съ Испанiей, купила пароходы, снабдила ихъ орудiями, военными припасами и отправила въ Америку. Три милiона ливровъ, которые Бомарше истратилъ на это дѣло, онъ никакъ не могъ получить отъ американскаго конгресса. И только 36 лѣтъ спустя послѣ его смерти, наследники Бомарше получили 800 тысячъ франковъ.

Бомарше получилъ большую сумму денегъ также и отъ Людовика XVI, при постановкѣ на сцену своей второй комедiи „Женитба Фигаро“, которая намъ хорошо извѣстна благодаря Моцарту, передѣлавшему ее въ оперу. Нужно было имѣть энергiю Бомарше, чтобы поставить комедiю въ одно время съ тѣми сложными и трудными предпрiятiями, какими былъ занятъ въ то время авторъ.

Въ 1779 г. Бомарше является уже книгопродавцемъ, съ большими затрудненiями издаетъ онъ часть запрещенныхъ во Францiи сочиненiй Вольтера. Для этой цѣли онъ купилъ три писчебумажныя фабрики, устроилъ свою типографiю и выписалъ изъ Англiи болѣе 150 т. буквъ. Кроме того онъ прiобрѣлъ за 160 т. фр. неизданныя еще сочиненiя Вольтера. Спекуляци эта дала ему громадные деньги, которыя онъ не стѣсняясь сыпалъ направо и налево, чтобы добиться постановки своей комедiи „Женитба Фигаро“ (про которую Наполеонъ I сказалъ: „Революция уже поставлена на сцену“). Сначала Людовикъ XVI запретилъ ее, но въ 1784 году она была поставлена съ большимъ блескомъ. Публики на первыхъ представленiяхъ была такая масса, что нѣсколько человекъ было задавлено въ тѣснотѣ, а выраженiе восторговъ доходило до неистовства. Въ теченiи восьми мѣся-

цевъ пьеса была поставлена 68 разъ и дала 40,000 ливровъ собору. Послѣ такого неслыханнаго успѣха, у Бомарше явилось довольно враговъ и недоброжелателей, которые старались вредить ему.

За дерзкія слова о королѣ, Бомарше попалъ въ тюрьму св. Лазаря. Однако черезъ пять дней былъ освобожденъ и для искупленія наказанія приглашенъ въ самый интимный кружокъ двора, гдѣ онъ долженъ былъ присутствовать при представленіи „Севильскаго цирюльника“, гдѣ главную женскую роль Розины играла сама королева Марія-Антуанета, а братъ короля, графъ Артуа, исполнялъ роль веселаго Фигаро. Итакъ, эта комедія проникла даже въ покои королевскаго дворца и тамъ добродушно была поставлена на сцену членами царствовавшей фамилии.

Революція 1789 года застала Бомарше еще въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья. Какъ дѣловой и практичный спекулянтъ, онъ купилъ у города Парижа то пространство бульвара, которое лежало противъ Бастиліи и которое еще и теперь носить его имя. Здѣсь въ 1787 году построилъ онъ себѣ домъ, который обошелся ему со всѣмъ убранствомъ болѣе 1½ милліона франковъ. Отсюда, изъ оконъ своего дома, онъ, спасшійся отъ ярости народной толпы, смотрѣлъ въ 1789 году на штурмъ Бастиліи. Онъ тогда не пожелалъ оставить Парижа, отправивъ только въ Гавръ свою третью жену и дочь, и предложилъ правительству свои услуги доставить изъ Голландіи 60 тысячъ ружей. Послѣ наденія королевской власти, революционеры напали на его домъ, надѣясь найти въ немъ большіе запасы оружія, но ошиблись въ расчетѣ, такъ какъ оно еще не прибыло изъ Голландіи. Тѣмъ не менѣе Бомарше былъ арестованъ и отправленъ въ

монастырь. Благодаря тогдашнему прокурору коммуны, Мануилу, Бомарше избѣжалъ гильотины и былъ освобожденъ.

Взятая на себя поставка оружія грозила сдѣлаться роковой для Бомарше; онъ употребилъ почти все свои деньги на это дѣло, которое теперь требовало его личнаго присутствія въ Голландіи. Бомарше отправился въ Гагу и его за это объявили измѣнникомъ отечества. Прочитавъ объ этомъ въ газетахъ, онъ весною 1793 года вернулся въ Парижъ, чтобы оправдаться; въ письмѣ къ начальнику національной гвардіи онъ говоритъ: „Я пріѣхалъ подставить свою голову подъ мечъ правосудія, если не докажу, что оставался всегда честнымъ гражданиномъ“. Бомарше дѣйствительно удалось избѣжать гильотины и онъ получилъ порученіе доставить для республики 60 тысячъ ружей, которыя между тѣмъ были конфискованы въ то время въ Голландіи англичанами. Подъ именемъ Пьера Каро отправился Бомарше въ Голландію, но на этотъ разъ уже какъ комисаръ республики, отсюда черезъ Гамбургъ направился онъ въ Лондонъ и, по тогдашнимъ порядкамъ, когда онъ хлопоталъ исполнить порученіе Комитета Народнаго Благосостоянія, Комитетъ Безопасности помѣстилъ его въ списки эмигрантовъ, конфисковалъ его имущество и посадилъ въ тюрьму его семейство. Самъ Бомарше, тогда уже семидесятилѣтній старикъ, жилъ на чердакѣ и терпѣлъ крайнюю нужду. Только въ 1796 г. онъ получилъ возможность вернуться на родину, гдѣ нашелъ еще живыми своихъ родныхъ, избѣжавшихъ смерти благодаря только частой перемѣнѣ правителей республики. Бомарше дожилъ еще до Наполеона-Бонапарте и провелъ еще три счастливыхъ года въ своей жизни. Весною 1799 года прекратилась его жизнь, такая разнообразная, пестрая и бурная.

Къ рисункамъ.

Павзій и Гликерія.

(Рис. на стр. 468).

Павзій, жившій, въ срединѣ четвертаго столѣтія до Р. Х., въ Пелопонезскомъ городѣ Сикионѣ, увѣковѣчилъ свое имя картиной „Цвѣточница“. Онъ полюбилъ молодую дѣвушку, Гликерію, занимавшуюся плетеньемъ вѣнковъ и рисовала семенно за этой работой. Кистью его водила любовь, и картина вышла такъ хороша, что онъ получилъ извѣстность. Спустя три столѣтія послѣ его смерти, богатый римлянинъ Лукуллъ за коню съ „Цвѣточницы“ долженъ былъ заплатить два полныхъ таланта (бол. 2000 р., но по цѣнности денегъ въ то время это была огромная сумма). Ни древней картины, ни кони ей болѣе не существуетъ, но художникъ Скифони знакомить насъ съ прелестной сикионяночкой Гликеріей, плетившей Павзію. На рисункѣ стр. 468 изображено жилище съ залитымъ солнцемъ дворикомъ, гдѣ растутъ тѣ цвѣты, изъ которыхъ дѣвушка плететъ свои вѣнки. Гликерія однако живетъ не одна. Ея ли это сестры работаютъ у стола, или это ея помощницы? Гликерія несравненно красивѣе ихъ обихъ. Какъ изящна ея фигура, какъ правильны черты лица. Она прикрѣпляетъ послѣдній цвѣтокъ къ вѣнку, съ улыбкой полуоткрывъ губки

Вивисекторъ.

(Рис. на стр. 469).

Картина знаменитаго Габріеля Макса затрогиваетъ вопросъ, неоднократно поднимаемый въ послѣднее время — вопросъ о вивисекціи. Прекрасная женская фигура, съ упрямомъ глядящая на стараго ученаго, сидящаго за столомъ, — это гений сострадательности. Правую руку, точно для защиты, она кладетъ на связанную, полузакрытую окровавленной перевязкой собачку, которую, повидимому, взяла у изслѣдователя; лѣвою рукою она поднимаетъ вѣсы. Одна чашка ихъ съ пылающимъ сердцемъ Состраданія, которое должно распространяться на все существа, опущена внизъ, другая же высоко поднялась, на ней лежитъ человеческій мозгъ въ золотомъ лавровомъ вѣнкѣ. Этой аллегоріей художникъ желалъ выразить, что высшее торжество человеческого ума и науки, достигнутое нарушеніемъ закона сострадательности, не имѣетъ никакого значенія.

Картина написана съ рѣдкимъ талантомъ, но конечно для цѣлей науки вивисекціи безусловно необходима и полезна, если она составляетъ занятіе истиннаго ученаго, а не профана.

Новый инструментъ.

(Рис. на стр. 473).

Картина переноситъ насъ въ аристократическій салонъ XVII столѣтія. Двѣ сестры заняты осмотровъ только что привезеннаго новаго музыкальнаго инструмента. Это родъ маленькаго фортепьяно, — изобрѣтеніе котораго совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, — съ немногими клавишами для нѣсколькихъ аккордовъ. Воля инструмента, который всецѣло поглотилъ вниманіе дѣвушекъ, лежитъ книга, по всей вѣроятности духовные гимны. Фигуры обихъ сестеръ прелестны; старшая — брюнетка, нагнувъ голову, прислушивается къ звукамъ, которые она извлекаетъ изъ клавишей своими изящными пальчиками; на личикѣ младшей ясно выражается радость по поводу новаго развлеченія.

Мѣстничество. Выдача головою.

(Рис. на стр. 476).

Мѣстничество нашихъ бояръ, г. е. притязаніе каждаго рода въ занятію извѣстныхъ мѣстъ въ государственной службѣ, получило начало на Руси еще въ періодъ дружиннаго устройства и такъ впоследствии укрѣнилось въ нравахъ и обычаяхъ, и не смотря на постоянное стремленіе московскихъ царей противодействовать этому, было такъ сильно, что государи должны были на невольнѣ уступать ему. Даже самъ Грозный относился внимательно къ спорамъ мѣстниковъ: разбиралъ ихъ многочисленныя челобитья, самъ свѣрлялъ старыя разрядныя книги и по нимъ постановлялъ свои рѣшенія. При царѣ Феодорѣ и Годуновѣ уже стали строже относиться къ мѣстничеству, и уже не поощряли снисхожденіемъ спорить бояръ о мѣстахъ, часто прямо вредившихъ интересамъ государства. Особенно мѣстничество отражалось на дѣлахъ въ военное время. Мѣста въ войскахъ не подлежали распредѣленію исполнительной власти; каждое мѣсто было уже напередъ опредѣлено за извѣстнымъ лицомъ, но извѣстнымъ обычнымъ отношеніямъ этихъ мѣстъ между собою, переходящимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Царь предоставлялъ самимъ воеводамъ заранѣе обсудить гдѣ кому съ кѣмъ быть *приложе* или *не приложе*. Случалось, войску нужно было уже двинуться, но начинался споръ о мѣстахъ и къ царю посылались челобитья объ обидѣхъ и безчестьяхъ. Одинъ жаловался, что ему вазорно служить подъ начальствомъ такого то, и даже часто уѣзжалъ съ мѣста, другой билъ челомъ за безчестье, что такой то не хочетъ служить подъ его началомъ. Легко представить какія затрудненія происходили въ рядахъ войскъ отъ этихъ споровъ и претензій, и какъ трудно было высшему правительству ихъ уладить и умиротворить. Въ придворныхъ соораніяхъ бояръ, это иногда доходило до крайностей; такъ за обѣденнымъ столомъ ихъ нужно было сажать тоже въ строго-мѣстническомъ порядкѣ, иначе обиженный громко заявлялъ свой протестъ и не садился за столъ. „Иногда, какъ рассказываетъ Котошихинъ, царь велитъ насильно посадить такого упрямаго боярина за столъ, но онъ не сидитъ“. Съ упрямыми иногда по необходимости поступали строго такъ при царѣ Феодорѣ Ивановичѣ, Гвоздевѣ, за свое, конечно несправедливое челобитье, безъ суда *выданъ головою* Одоевскому. Обрядъ выдачи головою самъ по себѣ очень любопытный и, по разсказу Котошихина, заключался въ слѣдующемъ: „Виноваго, выданнаго боярину головою, приводили пѣшкомъ дьяки или подьячие на боярскій дворъ, гдѣ и ставили его на нижнемъ крыльцѣ; когда же выходилъ бояринъ, то дьякъ говорилъ рѣчь, что великій государь указалъ и бояре приговорили того человѣка, который съ нимъ быти не хотѣлъ, за его боярское безчестіе, отвѣстъ къ нему, боярину, головою“. Тогда бояринъ благодарилъ царя за милость, и бѣгъ челомъ на царскомъ жалованьи, и велитъ отпустить домой супротивника, но не дозволяетъ ему при этомъ садиться на коня на своемъ дворѣ. Выданный головою при этомъ безнаказанно могъ, по словамъ Котошихина, ругать своего недруга. „А тотъ ему за злая слова ничего не чинитъ, не смѣетъ потому, что того человѣка отсылаетъ царь къ тому человѣку за его безчестіе любяча его, а не для того, чтобы тотъ человѣкъ учинилъ надъ нимъ убійство или увѣчье; а кто-бы что надъ такимъ отсылаемымъ человѣкомъ что учинилъ, какое злое безчестіе и

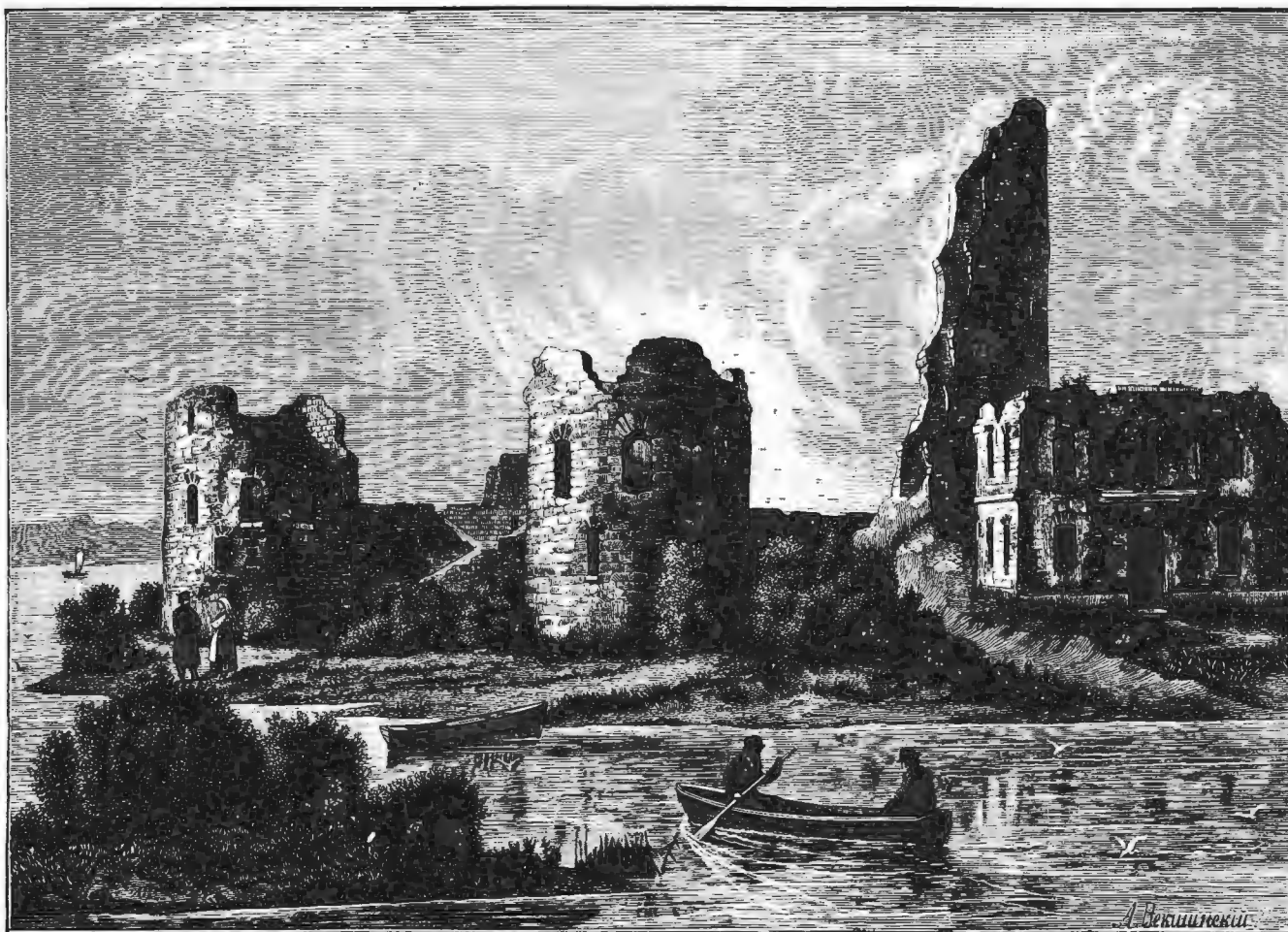
увѣче, и тому бы человѣку самому бы указъ былъ противъ того вдвое, потому что онъ безчестить не того, кого къ нему отошлютъ, истинно будетъ самого царя“. Бояринъ, удовлетворенный въ безчестьи, долженъ былъ еще вознаградить дьяковъ или подъячихъ, приведшихъ къ нему на дворъ его соперника „не малыми подарками“. Но зато чувство удовлетвореннаго самолюбія выкупало неприятности и расходы; бояринъ, удостоенный царскою милостью, на другое утро слѣзаетъ во дворецъ и прѣхавъ „бьетъ челомъ царю на его жалованье, что онъ къ нему велѣлъ за безчестье противника его отослать головою“ Царь приказываетъ тогда опредѣлить къ мѣсту, подъ начало боярина, другаго служилаго человѣка, а провинившійся въ напрасной жалобѣ и выданный головою подвергается долгой опалѣ „и очей ему царскихъ не видѣти долгое время“.

Развалины Тронскаго замка.

Извѣстно, что городъ Троки, лежащій въ 20 верстахъ отъ Вильны и бывший когда-то столицею литовскихъ князей, играетъ

полуобрушившіеся массивные бастиона, другіе осыпались до основанія. Надъ этими развалинами гордо высится поврежденная временемъ башня. Въ жилыхъ комнатахъ, на оставшейся штукатуркѣ, сохранилась интересная стѣнная живопись. Въ одной изъ амбразуръ, въ неясныхъ очеркахъ, видны три фрески: одна представляетъ какого-то короля, сидящаго на тронѣ, другая—его же, держащаго въ одной рукѣ мечъ, въ другой хартію; въ 3-ей фрескѣ—князь и бьющій ему челомъ народъ.

Название *Троки* въ первый разъ встрѣчается у исландца Стурлезона, который, побывавъ здѣсь въ концѣ XII столѣтія, оставилъ воспоминаніе о Вильнѣ и Трокахъ (значить „расчищенное мѣсто“). Подъ такимъ названіемъ существовало это мѣсто и спустя болѣе 100 лѣтъ со времени Стурлезона, когда въ 1321 году Гедиминъ перенесъ сюда свою столицу, и для защиты отъ неприятелей, а также для централизаціи населенія страны,—выстроилъ замокъ. Но Гедиминъ былъ здѣсь недолго. Преслѣдуемый новыми планами, онъ вблизи замка положилъ основаніе городу и вмѣстѣ съ тѣмъ—новому замку. Послѣ его смерти сыновья Ольгердъ и Кейстутъ раздѣлили между собою

Развалины Тронскаго замка (1320 г.) (20 в. отъ Вильны). Ориг. рис. Векшинскаго, грав. М. Рашевскій.

видную роль въ исторіи Литвы. Политическія событія, которыя въ немъ происходили, его могущество въ эпоху постояннаго или временнаго пребыванія въ немъ литовскихъ князей, имѣло вліяніе на ходъ дѣлъ всего княжества. Городъ расположенъ на полуостровѣ, далеко выдающемся въ озеро, извѣстное подъ именемъ Гальве, разнообразныя и прихотливыя изгибы котораго, составляющіе какъ бы отдѣльныя озера и острова—соединяютъ всей мѣстности весьма живописный видъ. Есть преданіе, что озеро въ старину облегалъ городъ со всѣхъ сторонъ, но затѣмъ сдѣлана была насыпь, которая и соединила одну сторону острова съ материкомъ въ мѣстѣ, гдѣ нынѣ проходитъ почтовая дорога до Вильны. Изъ сохранившихся старинныхъ построекъ города замѣчательнъ римско-католическій костелъ, построенный Витовтомъ въ 1409 году, остатки Гедиминова замка и развалины величественнаго Кейстутова замка, изображенны на рисункѣ, находящіяся на островѣ. Уже много лѣтъ прошло, какъ замокъ разрушился; миновали вѣка, какъ сошли съ исторической сцены его основатели. И жизнь острова, въ былыя времена бурная и полная движенія, затихла. Слышенъ здѣсь лишь крикъ чаекъ, носящихся надъ руинами Замка, построенный прямоугольникомъ, былъ великъ. Главный фасадъ занимаетъ до 40 саж., а боковой до 25. Еще и нынѣ можно видѣть остатки стѣнъ, которыми былъ обнесенъ замокъ, и два

господство надъ отцовскими владѣніями: первый сѣлъ княжить въ Вильнѣ, а Кейстутъ взялъ въ удѣлъ Троки. Въ 1348 году, послѣ женитьбы на Бирутѣ, служившей жрицей при храмѣ богини Прауримы, Кейстутъ построилъ на одномъ изъ острововъ озера Гальве замокъ, о которомъ мы выше говорили и рисунокъ котораго прилагаемъ. Спустя 30 лѣтъ послѣ постройки замка, сюда былъ привезенъ схваченный подъ Инстербургомъ жестокой комтуръ (командоръ) ордена рыцарей Іоаннъ Сурбанъ и былъ осужденъ на принесеніе въ жертву богамъ. Великодушіе Кейстута спасло его, но въ слѣдующемъ же году крестоносцы сожгли городъ Троки и въ замкѣ былъ подписанъ трактатъ между Литвою и орденомъ. Послѣ смерти Кейстута, въ 1430 году, въ замкѣ поселился Витовтъ и на свою коронацію пригласилъ сюда князя московскаго Василія Темнаго, митрополита Фогія, князей Тверскаго, Рязанскаго, короля Ягелло и много другихъ высшихъ лицъ. Лѣтописцы говорятъ, что сѣздъ этотъ представлялъ рѣдкое зрѣлище. Гости поражали великолѣпиемъ своихъ одеждъ и многочисленностью свитъ, хозяинъ—роскошью шировъ, для которыхъ ежедневно отпускалось до 700 бочекъ меду, кромѣ вина, романа, пива, ѣ на кухню привозили по 700 быковъ, 1,400 барановъ, 100 зубровъ, столько же лосей и кабановъ. Праздновали около 7-ми недѣль и пиръ мрачно закончился болѣзнью и смертью Витовта. Послѣ смерти его на

престоль вступилъ братъ Сигизмундъ Кейстутовичъ, правленіе котораго ознаменовалось жестокостью. Стараясь сломить сопротивление вельможъ, онъ многихъ казнилъ и завладѣлъ достои-
нствомъ ихъ. Въ замкѣ онъ окружилъ себя лишь вѣрными прибли-

жить ихъ. Но тѣ узнали о замыслѣ и отказались отъ приглаше-
нія. Князя Чарторыйскіе составили заговоръ. Въ вербное вос-
кресенье, угромъ, вѣхало въ замокъ 300 возовъ съ сѣномъ,
обыкновенно присылаемымъ изъ помѣстьевъ для замковыхъ

Гейдельбергскій замокъ. Рисов. Риттеръ, грав. Клоссъ.

женными и стражею; онъ оттуда управлялъ странюю. За одно подозрѣніе, люди гибли. Въ 1440 году на Пасху пригласилъ онъ къ себѣ нѣсколькихъ именитѣйшихъ вельможъ, намѣреваясь умер-

конюшенъ. Въ каждомъ изъ возовъ было скрыто по 2 воору-
женныхъ челювѣка; везущіе же сѣно скрывали оружіе подъ
одеждой. Такъ было введено въ замокъ 900 воиновъ. Сигизмун-

да вызвали отъ обѣдни изъ часовни. Александръ Чарторыйскій кинулся на князя, который былъ тутъ же умерщвленъ. Тѣло Сигизмунда бросили въ озеро, въ прорубь. Изъ послѣдующихъ князей въ замкѣ жила только Казимиръ Ягелловичъ, послѣ же него Троки не были княжеской резиденціей, а обратилась въ политическую тюрьму. Здѣсь, въ періодъ несогласій между польскимъ королемъ и Иоанномъ III, великимъ княземъ московскимъ, содержались въ 1503 году, его послы: Плещеевъ, Заболоцкій, околицкій Еропкинъ и дьякъ Маклаковъ; сюда былъ посланъ на жительство Шахъ Ахметъ, ханъ кипчакской орды, который, потерявъ царство, искалъ помощи у Польши. Съ того времени Троки, лишенные важности географическаго положенія, устраненныя отъ дорогъ, соединяющихъ другіе города, которымъ судьба дала въ удѣлъ играть историческія роли, обращаютъ на себя вниманіе лишь своимъ прошлымъ, оставившимъ по себѣ эти развалины.

„Гроза“. Драма А. Н. Островскаго.

(Рис. на стр. 477).

Въ „Грозѣ“, извѣстной драмѣ нашего знаменитаго драматурга, представлена страшная, роковая борьба молодой женщины противъ увлекающей могучей страсти, передъ которой голосъ долга оказывается безсильнымъ и слабымъ. Жена Кабанова—главное дѣйствующее лицо драмы—юная, красивая женщина, взятая изъ бѣднаго семейства въ строгую купеческую семью одного изъ захолустныхъ городовъ Поволжья. Въ постоянныхъ тискахъ суровой свекрови, при безхарактерномъ, нелюбимомъ мужѣ, она ведетъ грустную, скучную жизнь, и по неволѣ мечтаетъ порой о возможности болѣе полного счастья. Но вотъ является *предметъ*, который несныя мечты молодой женщины обращаетъ въ дѣйствительность. Въ городъ прѣзжаетъ племянникъ купца Дикаго, Борисъ, и Катерина увлекается имъ, и нѣсколько времени, пользуясь отсутствіемъ мужа, выходитъ на свиданія, на берега Волги. Но вслѣдъ за увлеченіемъ начинается раскаяніе. Силою вѣковой встаетъ передъ молодой женщиной угрызение совѣсти, и обманутой мужъ, и страхъ, и стыдъ передъ строго нравственнымъ населеніемъ захолустнаго городка, и угрозы, и проклятія грѣшницамъ, знакомыя ей по стариннымъ книгамъ. А тутъ еще страшная гроза пугаетъ ее своими сильными раскатами; ей кажется, что надъ нею начинается уже послѣдній, Божій судъ, и она, вѣя себя отъ ужаса, во всемъ винитъ мужу. Но это признаніе не облегчило сердце Катерины; а когда любимаго человека унесли на дѣламъ въ далекую Сибирь, то молодая женщина почувствовала себя совершенно одинокой—ей стали притивны и городокъ, и семья, и самая жизнь, и она нашла успокоеніе въ Волгѣ... Инаго исхода, какъ ей казалось, для нея не было. И въ послѣднемъ монологѣ, когда она сидитъ въ раздумьи на скамьѣ, на берегу Волги (эта сцена представлена на нашемъ рисункѣ), Катерина высказываетъ всѣ тѣ доводы, которые ее роковымъ, безповоротнымъ образомъ заставляютъ покончить расчеты съ жизнью:

„Куда теперь? говорить она. Домой идти? Нѣтъ, мнѣ что домой, что въ могилу—все равно. Да, что домой, что въ могилу!.. Въ могилѣ лучше... Подъ деревцомъ могилашка... какъ хорошо!.. Солнышкомъ ее грѣетъ, дождичкомъ ее мочить... весной на пей травка выростетъ, мягкая такая... птицы прилетятъ на дерево, будутъ пѣть, дѣтей выведутъ, цвѣточки расцвѣтутъ: желтенькіе, красненькіе, голубенькіе... всякіе (задумывается) всякіе... Такъ тихо! такъ хорошо! Мнѣ какъ будто легче!.. А объ жизни думать не хочется. Опять жить? Нѣтъ, вѣтъ, не надо... И люди мнѣ противны, и домъ мнѣ противель, и стѣны противны! Не пойду туда! Нѣтъ, вѣтъ не пойду! Придешь къ нимъ, ходятъ, говорятъ, а на что мнѣ это? Ахъ, темно стало! И опять поютъ гдѣ то! Что поютъ? Не разберешь!.. Умереть бы теперь... Что поютъ? Все равно, что смерть придеть, что сама... а жить нельзя! Грѣхъ! Молитесь же будутъ? Кто любить, тотъ будетъ молиться... Руки крестъ на крестъ складываютъ въ гробу! Да, такъ... я вспомнила... А понимаютъ меня, да воротить домой насильно... Ахъ скорбій, скорбій! (Подходитъ къ берегу. Громко:) Другъ мой! радость моя! Прощай!“ (Исчезаетъ въ темнотѣ).

Гейдельбергскій замокъ.

(Рис. на стр. 481).

Замокъ въ Гейдельбергѣ—одинъ изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ остатковъ древне-германской старины. Онъ не безъ нѣкотораго основанія носитъ гордое названіе ильменской Альгамбры. Замокъ былъ начатъ постройкою въ концѣ тринадцатаго столѣтія и мало по малу достроенъ въ правленіе Рунерта III, Оттона Генриха, Фридриха IV и Фридриха V, чешскаго короля (1610—1621); въ 1689 году часть замка взорвана на воздухъ французами, а нѣсколько познѣе гейдельбергская твердыня подверглась еще большому разрушенію. Въ 1764 году зданіе было разбито страшной грозой, причемъ всѣ сгораемыя части были обращены въ пепелъ. Съ этихъ поръ Гейдельбергскій замокъ не болѣе какъ развалины, но развалины величественныя и въ

высшей степени живописныя, по своему мѣстоположенію, своимъ размѣрамъ и богатству своего архитектурнаго стіля. Изъ оставшихся частей зданія, такъ называемая „взорванная баня“ (Gesprengte Thurm) такой солидной постройки, что французы не могли взорвать ее цѣликомъ и половина ея еще удѣляла до нашего времени, въ живописныхъ развалинахъ. На дворѣ замка находится фонтанъ, устроенный на гранитныхъ колоннахъ, когда то украшавшихъ дворецъ Карла Великаго въ Ингельгеймѣ. Часть зданія, построенная Отто-Гейприхомъ, отличается богатствомъ и вкусомъ своихъ архитектурныхъ украшеній, въ итальянскомъ стилѣ эпохи возрожденія, и даже существуетъ преданіе, что эта постройка производилась по рисункамъ Рафаэля. Зданіе, возведенное Фридрихомъ, тоже достойно вниманія. Оно украшено статуями королей отъ Карла Великаго до Фридриха IV, а въ его подземномъ погребѣ хранится знаменитая гигантская бочка, которая можетъ вмѣстѣ 256,000 бутылокъ. Съ платформы, устроенной на крышѣ замка, съ ея двумя башенками, открывается восхитительный видъ какъ на окружающіе замокъ сады, такъ и на живописный Некаръ, прорываемый талъ и снѣгъ водопадами и какъ бы скалтый со всѣхъ сторонъ непрерывною стѣною скаль.

Водяная стрекоза.

(Рис. на стр. 484).

Это сѣтчатокрылая насѣкома съ продолговатымъ тѣломъ, окрашеннымъ въ самые яркіе цвѣта, которая, къ сожалѣнію, исчезаетъ при суреніи насѣкомаго. Это настоящіе хищники, постоянно подстерегающіе бабочекъ и мушекъ, которыхъ они схватываютъ на лету и разрываютъ на части своими сильными челюстями, похожими на ножицы. Первое время своего существованія стрекозы проводятъ подъ водою, почему и названы земноводными сѣтчатокрыльми. Удлиненныя, сѣро-желтоватыя личинки ихъ ползаютъ въ илѣ, питаются водными насѣкомыми и моллюсками, — онѣ подстерегаютъ ихъ и схватываютъ помощью изогнутой губы, оканчивающейся зацѣпкой, которую закусываютъ въ жертву. Личинки постепенно переходятъ въ куколку, приобретають чехлы для крыльевъ, но сохраняютъ подвижность и хищническій характеръ личинки. Куколки выходятъ изъ воды и прицѣпляются къ тростнику, или другому растенію; кожа прорывается вдоль спины, и большія крылья, сложенные и измятыя, выбиваются изъ подъ чехловъ, раскрываются и крѣпнютъ на воздухѣ. Затѣмъ насѣкомое начинаетъ летать, оставляя на растеніи пустую кожу куколки. Есть нѣсколько видовъ стрекозъ, изъ нихъ то величинѣ замѣчательна стрекоза, живущая въ Америкѣ, рисунокъ которой помѣщенъ на стр. 484. Красивое это насѣкомое водится въ Колумбій и въ Гондурасскомъ заливѣ, въ Мексикѣ. Видъ этотъ очень рѣдокъ, но давно извѣстенъ любителямъ подѣ крыльевъ составляетъ 16 центиметровъ, а длина насѣкомаго — около 11 центиметровъ. Окраска по преимуществу бываетъ сине-фіолетовая, очень темная или черноватая. Голова снизу желтая, грудная полость фіолетовая съ продолговатыми желтыми полосами. Туловище очень тонко, крылья очень велики и широки, немного сужены и закруглены на концахъ, очень блестящи и прозрачны. На краяхъ крыльевъ находятся черныя четырехугольныя пятна, немного повыше — широкія темнофіолетовыя полосы съ выемками, образующими острый уголъ. Туловище другихъ видовъ стрекозъ достигаетъ еще большей длины, такъ напр. *Megistogaster linearis*, живущая въ Бразиліи, имѣетъ туловище въ 160 миллиметровъ длины. Показанная на рисункѣ стрекоза представлена сидящею на водномъ растеніи жаркихъ странъ Америки, гдѣ насѣкомыя и цвѣты соперничаютъ яркостью красокъ и разнообразіемъ формъ.

Мгновенные снимки голубей.

(Рис. на стр. 485).

Фотографія и особенно моментальные снимки все болѣе совершенствуются. Въ послѣднее время сдѣлалось возможнымъ снимать не только скачущихъ лошадей, летающихъ птицъ, движущіяся группы, но даже мчащійся желѣзно-дорожный поѣздъ. Успѣхи эти зависятъ по преимуществу отъ изобрѣтенія такъ называемыхъ сухихъ пластинокъ, отличающихся необыкновенною чувствительностью и не подвергающихся порчѣ. Особенною отчетливостью отличаются моментальные снимки Освальда Аншюца въ Лиссѣ (въ Германіи). Никто не достигалъ еще такой ясности изображенія и такого краткаго времени освѣщенія. Наибольшій успѣхъ заключается въ фотографированіи летающихъ птицъ; получается не только одинъ слухъ, но совершенно полное, отчетливое изображеніе. Аншюца опредѣляетъ время для снятія въ $\frac{1}{2000}$ секунды. Хотя время это нельзя съ точностью проверить, но будь это даже $\frac{1}{1000}$ секунды, то и въ такомъ случаѣ быстрота снимка поразительна. На стр. 485 показаны моментальные снимки летящихъ голубей.

Вслѣдъ за этимъ мы представимъ образцы моментальныхъ снимковъ русскихъ мастеровъ этого дѣла.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Россія.—Египетъ.—Италія.—Бельгія.—Китаи.

Въ виду умѣренныхъ требованій Россіи, а также упрочивающагося все болѣе и болѣе въ общественномъ мнѣніи сознаніи, что Англія сдѣлалась теперь несравненно болѣе сговорчивой, чѣмъ прежде, иностранная печать почти единодушно приходитъ къ заключенію, что грозовые тучи почти совсѣмъ исчезли съ политическаго горизонта. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ послѣднее время, выразили опасеніе, какъ бы на исходѣ переговоровъ не оказало неблагоприятнаго вліянія — полученіе генераломъ Комаровымъ Высочайшей награды. Иные говорятъ, что въ одномъ предшествовавшихъ фазисовъ англо-русскаго столкновенія, пожалованная генералу Комарову награда еще могла бы, пожалуй, въ виду ея кажущейся демонстративной тенденціи, загруднить мирный исходъ его, но въ настоящее время въ немъ слѣдуетъ видѣть дальнѣйшее доказательство прочности положенія, которое исключаетъ всякое подозрѣніе въ томъ, будто отличіе, выпавшее на долю храброму полководцу, преслѣдуетъ еще другія цѣли, кромѣ должной награды за военные заслуги. Относительно переговоровъ, теперь подтверждается извѣстіе, сообщенное нѣкоторыми берлинскими газетами, что Россія требуетъ только, чтобы сарыкъ-туркмены и ихъ пастбища не были предоставлены афганцамъ, т. е. чтобы пограничная черта была проведена нодальше на югъ отъ Пенда, чѣмъ указано въ проектѣ соглашенія. Есть очень интересное извѣстіе объ афганскомъ эмирѣ, о которомъ до сихъ поръ ничего не было слышно. По словамъ газеты, эмиръ сильно упалъ духомъ, вслѣдствіе русскихъ усилій, и неудачи усилій Англіи остановить наступательное движеніе Россіи. Не имѣя личнаго вліянія на западный Афганистанъ, онъ убѣжденъ въ своемъ безсиліи оказать сопротивленіе вторженію, и повидимому скорѣе склоненъ искать благорасположенія Россіи, чѣмъ возлагать надежды на общаеое Англіей покровительство. По извѣстіямъ изъ Кабула, заслуживающимъ довѣрія, эмиръ, готовясь ко всякимъ случайностямъ, отправляетъ свои лучшія войска въ вѣренныи ему афганскій Туркестанъ, а казну свою — въ Файзабадъ.

Изъ Суакима телеграфируютъ, что Османъ-Дигма все еще находится въ Тамаи съ сотнею своихъ фанатическихъ приверженцевъ. Въ Отао продолжаютъ прибывать отряды арабовъ, принадлежащихъ къ различнымъ племенамъ, и въ этомъ обстоятельстве, по мнѣнію корреспондента, слѣдуетъ видѣть несомнѣнный признакъ того, что громадное большинство суданскаго населенія готово изъявить покорность правительству хедива. Кас-сала все еще держится. Гарнизонъ выразилъ желаніе сдѣлать вылазку, чтобы пробиться сквозь ряды осаждающихъ, но губернаторъ не согласился, не получивъ приказанія оставить городъ. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, нынѣшній Махди Магометъ-Ахметъ и его соперникъ Сидъ-Мулей-Ахметъ, выдающій себя за настоящаго пророка, отправили для разъясненія ихъ спора посольство къ знаменитому свѣтилѣ Ислама, извѣстному

во всемъ мусульманскомъ мірѣ шейху Сенусси, проживающему въ Триполійскихъ владѣніяхъ. По извѣстіямъ изъ Бенгази, отправленное къ Сенусси посольство разбѣжалось съ нимъ, такъ какъ Сенусси объѣзжаетъ въ настоящее время основныя имѣя уопастыри; но его ближайшіе ученики полагаютъ, что нужно выждать рѣшительнаго сраженія между приверженцами обоихъ Махди, и затѣмъ, смотря по результату боя, ихъ глава скажетъ свое мнѣніе.

Италяиское правительство рѣшилось, съ согласія Англіи, будто бы занять Суакимъ. Правительство, которое до сихъ поръ хранитъ молчаніе, по этому поводу, поставлено въ крайне затруднительное положеніе. Если оно рѣшится занять Суакимъ, то его обвинятъ въ желаніи вовлечь страну въ опасное предпріятіе. Если же оно предоставитъ это, сдѣлать Турціи, то его обвинятъ въ томъ, что оно подвергаетъ страну униженію. Ходитъ слухъ, что въ случаѣ если итальянское правительство откажется взять на себя эту задачу, Англія немедленно обратится къ Портѣ. Означенное извѣстіе произвело значительное безпокойство въ Римѣ. Присутствіе оттоманскихъ войскъ въ Суакимѣ нисколько не представляетъ серьезной гарантіи для безопасности берега. Всѣ спрашиваютъ, что будетъ, если Османъ-Дигма, освободившись отъ англичанъ, сосредоточитъ свои силы противъ Массовы? Опъ можетъ надѣлать не мало хлопотъ итальянцамъ, хотя они и прочно утвердились въ своихъ новыхъ колоніяхъ.

Изъ Брюсселя сообщаютъ, что король уже выбралъ министра финансовъ для ново-учрежденнаго свободнаго государства на Конго. Правительство послѣдняго будетъ состоять изъ пяти министровъ: внутреннихъ дѣлъ, военнаго, торговли, финансовъ и юстиціи. Военный интендантъ, полковникъ Штраухъ, присутствовавшій на конференціи въ Берлинѣ, въ качествѣ представителя африканской международной ассоціаціи, сосредоточить въ своихъ рукахъ управленіе внутренними и военными дѣлами и сдѣлается главою министерства. Портфель министра торговли будетъ предоставленъ Ванъ-Этвельду, бельгійскому генеральному консулу въ Бомбеѣ. Министры будутъ называться „администраторами“ Конгскаго государства и находиться въ Брюсселѣ. Станлі будетъ назначенъ губернаторомъ Конго. Впрочемъ, у него явилось много соперниковъ, въ свою очередь, помогающихъ губернаторскаго поста.

Согласно полученнымъ изъ Типъ-Твина депешамъ, недоразумѣніе, возникшее между Россіей и Китаемъ, по поводу маиджурскаго пограничнаго вопроса, начинаетъ обостряться вслѣдствіе продолжительной отсрочки со стороны Россіи въ посылкѣ русскихъ членовъ назначенной смѣшанной комиссіи и въ опредѣленіи мѣста, для встрѣчи ихъ съ китайскими делегатами, которые уже нѣсколько мѣсяцевъ ждутъ ихъ прибытія. Въ настоящее время, когда заключенъ миръ съ Франціей, и такимъ образомъ развязаны руки китайскому правительству, оно энергически потребовало скорѣйшаго разрѣшенія этого вопроса.

С М Ъ С Ъ .

Леченіе электричествомъ отъ перемежающейся лихорадки. Трудность излеченія лихорадки, противъ которой иногда весьма хининъ и мышьякъ, заставила искать новыхъ цѣлебныхъ средствъ. Припухлость селезенки — отличительное явленіе при перемежающейся лихорадкѣ — навела лекарокъ на мысль расирать спину у селезенки, и по временамъ результаты были поразительны. Тотъ же симптомъ поддалъ двумъ военнымъ врачамъ мысль дѣйствовать на селезенку электричествомъ. Опыты производились въ военномъ госпиталѣ и токъ устанавливался такой, что его легко выносили по четверти часа. Въ результатѣ было сорокъ процентовъ выздоравливающихъ. При дальнѣйшихъ опытахъ не дѣйствовали на селезенку электричествомъ. Опыты производились въ военномъ госпиталѣ и токъ устанавливался такой, что его легко выносили по четверти часа. Въ результатѣ было сорокъ процентовъ выздоравливающихъ. При дальнѣйшихъ опытахъ не дѣйствовали на селезенку электричествомъ, но давали больнымъ проводники въ руки. И въ этомъ случаѣ результаты были одинаково хороши. Изъ двадцати больныхъ, у которыхъ пароксизмы длились по дню, по три и четыре дня, семь человекъ выздоровѣли исключительно отъ электричества. При первомъ способѣ леченія припухшая селезенка значительно уменьшалась, даже въ тѣхъ случаяхъ если выздоровленіе и не наступало; второй же способъ не оказывалъ дѣйствія на этотъ органъ.

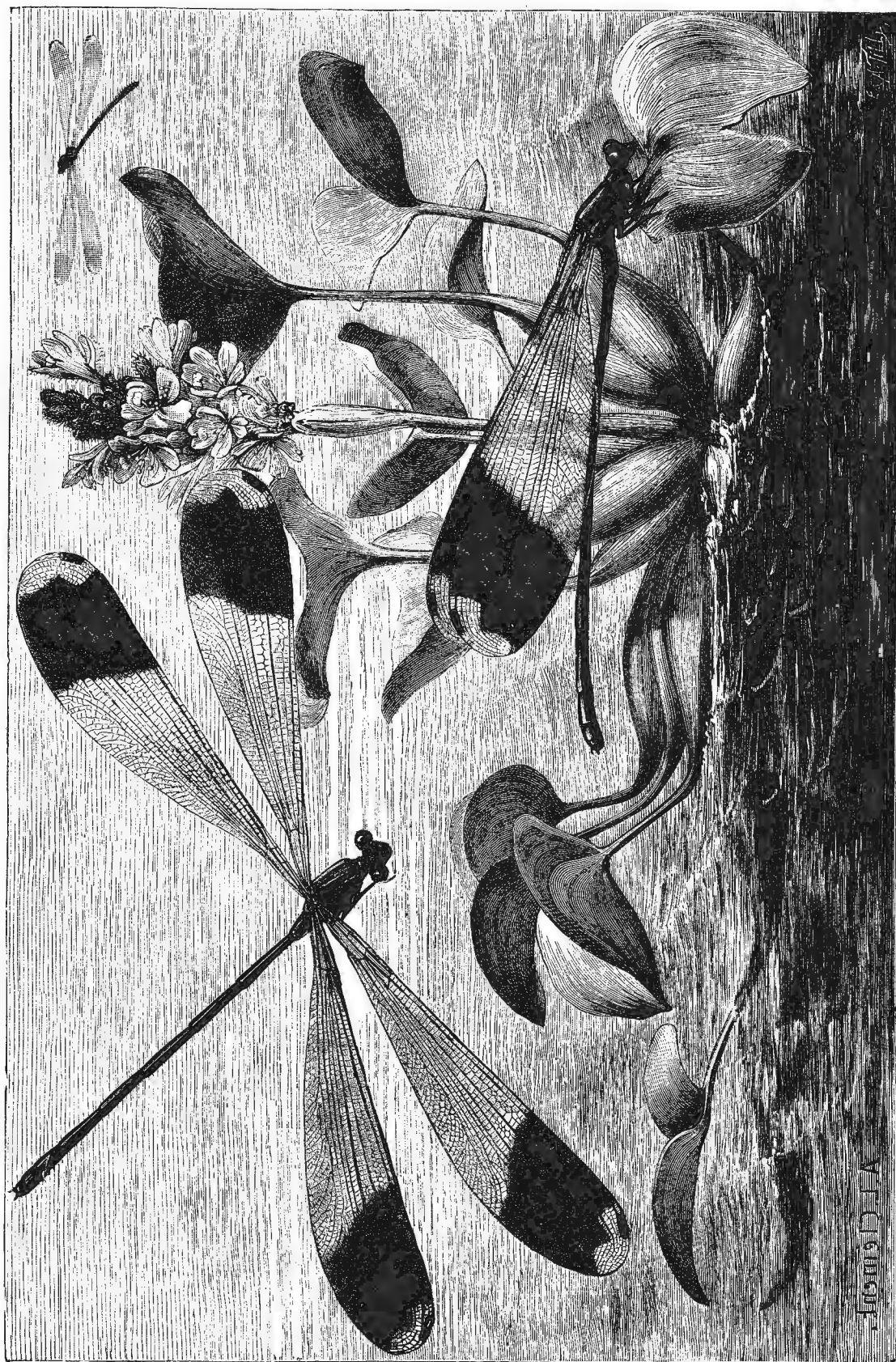
Остановка жизненныхъ отравленій или мнимая смерть. Извѣстно, что въ зернахъ растений жизнь можетъ долго находиться въ скрытомъ состояніи. Въ 1853 г. Рудольфи привезъ во Флоренцію колось, взятый изъ гробницы муміи, которому такимъ образомъ было около 3000 лѣтъ, но который не потерялъ способности пустить ростки. Воздухъ, которымъ мы теперь дышемъ, наполненъ безчисленными зародышами, ждущими иногда цѣлыя столѣтія необходимыхъ условій для проявленія жизни. Въ 1707 г. Спаланцони одиннадцать разъ прерывалъ жизнь коловратокъ, высушивая ихъ, и столько же разъ возвращалъ ихъ къ жизни, смачивая органическую пыль водою. Поднимался на высшую ступень органической жизни, мы находимъ однопородныя явленія, но вызванныя другими причинами. Мухи, попавшія въ Мадерѣ въ винныя бочки, снова оживали въ Европѣ; хризалиды оставались цѣлыя годы въ состояніи оцѣпенѣнія. Утопшіе

майскіе жуки, находившіеся въ водѣ депъ, два и даже пять, оживали на солнцѣ (Бальбіани). Лягушки и саламандры, отравленные кураре или никотиномъ, возвращаясь къ жизни, послѣ мимолетной смерти продолжавшіеся 4—5 дней (Ванъ-Гессельтъ и Вульцманъ). При подобныхъ опытахъ рѣзкія перемены температуры вызывали замѣчательныя явленія. Такъ напр. Спаланцони сохранялъ по два года лягушекъ въ снѣгу; онѣ дѣлались сухими, жесткими, почти ломкими и въ нихъ не замѣчалось ни малѣйшаго движенія, ни чувствительности. Послѣ того ихъ подвергали дѣйствию умбренной, все разставшей теньоты — и летаргія усугубляла мѣсто жизни. Извѣстны также случаи когда у людей прекращалась жизнь или тотъ рядъ явленій, который неразрѣзненъ съ жизнью. Такъ д-ръ Блянде докладывалъ въ октябрѣ 1884 г. Парижской Академіи Наукъ, что одна нервная женщина впадала въ родъ летаргическаго сна, продолжавшагося нѣсколько недѣль; въ другой разъ подобное состояніе продолжалось почти 8 мѣсяцевъ. Д-ръ Левассеръ говоритъ, что одна его пациентка пролежала двѣ недѣли безъ явныхъ признаковъ дыханія. Въ заключеніе приведемъ еще два случая. Когда въ 1812 г. началось обратное выступленіе французовъ на родину, командиръ Ташеръ пожелалъ взять съ собою трунъ своего генерала, похорошеннаго нѣсколько дней. Когда открыли могилу и вскрыли гробъ съ цѣлью переложить трунъ въ соотвѣтствующій для путешествія ящикъ, оказалось, что генералъ дышалъ; онъ былъ возвращенъ къ жизни. Много лѣтъ спустя тотъ же генералъ, Маршалъ д'Орнано, провожалъ прахъ своего адъютанта. Въ 1826 г. молодой адъютантъ ожилъ во время отпѣванія его трупа. Спустился сорокъ лѣтъ, тотъ же адъютантъ, тогда уже генералъ, произнесъ сильную рѣчь объ опасности скорого погребенія.

Польза подсолнечника. Неграціозный, желтый цвѣтокъ подсолнечника — *Helianthus annuus* — одно изъ полезнѣйшихъ растений для промышленныхъ цѣлей. Въ Англіи это признано ужъ лѣтъ 15 тому назадъ. Во первыхъ, челы собираютъ много меду съ безчисленнаго лепестковъ этого цвѣтка; изъ его зеренъ получается

большое количество масла, которое, кромѣ пшеницы, употребляется еще художниками для синей и зеленой краски; кромѣ того, мыло изъ масла подсолнечника—превосходное средство для кожи, дѣлающее ее мягкой и вѣжной. Фазаны, откормленные зернами подсолнечника, покрываются болѣе густыми и яркими перьями; полученная изъ зеренъ подсолнечника мука—превосходна для булокъ и пирожного и

торый не въ состоянн убѣжать отъ опасности, мать защищаетъ его съ поразительною храбростію и умомъ, что тѣмъ болѣе удивительно, что въ другое время серны не обладаютъ этими качествами. Если вблизи козочки внезапно появится лисица, то мать бросается на хищника и наноситъ ему передними ногами такіе чувствительные удары, что обращаетъ его въ бѣгство. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда

Водяная стрекоза. Рис. А. Клеманъ, грав. А. Тилли.

несравненно питательнѣе и удобоваримѣе всякой другой. Длинные стебли его даютъ тончайшія волокна, шелковистыя и блестящія. При большомъ количествѣ подсолнечниковъ, они могутъ составить большую статью дохода, и занимаютъ мало мѣста, такъ какъ ихъ можно вырастить на картофельныхъ грядкахъ, сажая сѣмена между грядъ.

Сообразительность серны. Когда у серны есть дѣтенышъ ко-

лисица не замѣтила козочки, мать слегка ударяетъ малютку, которая тихонько ложится въ траву. Тогда серна начинаетъ разыгрывать предъ лисицей комедію; она представляется хромой и съ трудомъ идетъ впередъ. Этимъ она обманываетъ лисицу, хорошо зная, что та станетъ преслѣдовать добычу, которую не трудно будетъ захватить. Когда же серна отойдетъ довольно далеко отъ козочки, она быстро скрывается отъ обманутаго преслѣдователя и, сбѣжавъ боль-

шой кругъ, торопится къ возочкѣ, которую находитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ оставила. Теперь она начинаетъ заботливо осматривать маленькое существо и успокоивается только тогда, когда находитъ его невредимымъ. Точно также поступаютъ дикія утки, куропатки и другія птицы, гнѣздящіяся на землѣ. Когда птенцы ихъ находятся въ опасности, онѣ, точно подстрѣленные, низко летаютъ надъ землею или водою, желая отвлечь вниманіе отъ гнѣзда, отдаваясь, повидимому, сами неприятелю. Въ минуту сильной опасности онѣ даже бросаются на врага не щадя своей жизни.

Для курящихъ. Одно изъ главныхъ и вреднодѣйствующихъ началъ въ табакѣ есть никотинъ. Относительное содержаніе послѣдняго обуславливаетъ сортъ табака (высшіе сорта содержатъ его меньше

ляется, находящаяся недавно въ продажѣ вата, такъ называемая — „таванна“. Свойство никотина быть поглощаемымъ нѣкоторыми веществами навело изобрѣтателя, г. Розенблата, на мысль пропитать этими послѣдними вату, такъ что заключающійся въ дымѣ никотинъ, проходя черезъ эту вату, вступаетъ въ химическое соединеніе съ веществами, содержащимися въ ней, которыя такимъ образомъ остаются на ватѣ. Вата „таванна“ имѣетъ еще одно несомнѣнное достоинство: табачный дымъ въ значительной степени теряетъ свою горечь, такъ неприятно дѣйствующую на горло.

Температура солнца. Извѣстный своими изслѣдованіями о температурѣ солнца профессоръ Эриксонъ сдѣлалъ недавно цѣлый рядъ опытовъ изысканій по этому предмету, причемъ онъ пользовал-

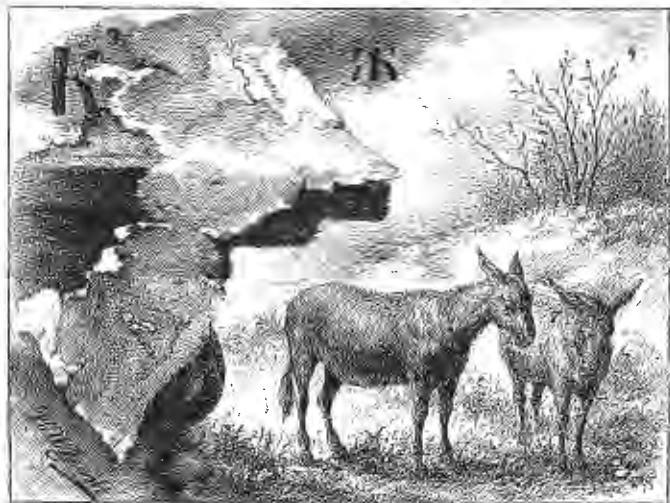
Голуби во время полета. Моментальная фотографія съ натуры. Грав. Геслингъ.

нежели низшіе). Никотинъ представляетъ ядъ по преимуществу дѣйствующій на нервную систему: на головной, спинной мозгъ и на развѣтвленія нервовъ въ разныхъ органахъ и тканяхъ. Сначала онъ вызываетъ возбужденіе, а затѣмъ угнетеніе нервной системы, и часто кромѣ одышки вызываетъ болѣзни, какъ дыхательныхъ, такъ и пищеварительныхъ органовъ. Пригорѣлыя вещества, образующіяся при куреніи, поступаая въ организмъ, бываютъ также нерѣдко причиною различныхъ болѣзней. Чтобы обезвредить куреніе, которое представляетъ уже чуть ли не насущную потребность большинства людей, были предприниманы различные способы, какъ то: длинные чубуки нарילה, гдѣ дымъ проходитъ черезъ воду и зубукъ. Но самымъ рациональнымъ способомъ обезвреживанія куренія табаку, яв-

ся такъ называемымъ солнечнымъ пирометромъ. Результатомъ его работъ было опредѣленіе температуры солнца въ 1,700,404 градуса по Цельсію.

Средство отъ ранъ. Раны и особенно ссадины хорошо заживаются валеріановымъ корнемъ. Для этого пятнадцать граммъ корня слѣдуетъ сварить въ полъ-бутылкѣ воды и, охладивъ жидкость, прикладывать къ больному мѣсту полотняные компрессы. Валеріанъ ускоряетъ заживленіе и умиряетъ боль. Послѣднее приписываютъ валеріановой кислотѣ, которая кромѣ того обладаетъ свойствомъ останавливать гниеніе. Такъ какъ валеріанъ входитъ въ составъ многихъ домашнихъ аптечекъ, то средство это не трудно примѣнять въ случаѣ надобности.

РЕБУСЪ. Задача № 19.

Рѣшеніе шахматной задачи № 16.

(Помѣщенной въ № 14 „Нивы“).

Бѣлые.	Черные.
1) Е 3—D 5	1) Е 6—D 5
2) Е 5—С 6+	2) D 7—С 6
3) С 3—Е 5	3) Куда угодно.
4) Е 5—С 7+	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб.—Мурзалимова, Брестъ—Липицъ, Киевъ—Кри-кри, Житомиръ—Вайлудъ, Тифлисъ—Гребенъ, Харьковъ—Личукова.

Рѣшеніе ребуса № 15 (помѣщен. въ № 14 „Нивы“).

„Корень ученя горекъ, но плоды его вельми сладки“.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ г. г.: Спб.—Мавиламъ, Косманъ, Шостаченко, Трофимова, Аферовой, Никитина, Клостерманъ, Эйландтъ, Чернова, Гольцафельдъ, Зандова Копряди, Голцинской, Жукова, Черилдовскаго, Мосина—Фишеръ, Еремича, Всеволожской, Яковлева, Бояришинова, Нежданова, Розанова, Нохитюнова, Васильева, Бабино—Лавровой, Бану—Егорова, Бахмачъ—Дремляк, Б. Коровино—В. К. Терскаго, Бѣжецкѣ—Вейдъ, Бѣлье—Рождественской, Варшава—Наумова, Владимиръ—Долгова, Гельсингфорсъ—А. М. В., Елецъ—Мозлова, Налуга—Гончарова, Кишиневъ—Долгичской, Яржебскаго, Киевъ—Воль, Бѣльева, Чернецкаго, Придѣлнровскаго, Костецкаго, Шилохвастова, Круглова, Козловъ—Тарбарина, Кострома—Готовцева, Курскъ—Рудневой, Рыжкова, Везсаренко, Лабинская—Демьяновича, Лебедянъ—Чурлинова, Лебедянъ—Кондратченко, Липецкѣ—Чихачева, Лугъ—Брызгалова, Мельнѣ—Алексѣева, Мелитополь—Деревянка, Н. Новгородъ—Уварова, Соловьева, Тичинова, В. Дуи—Николаевъ—Язкова, Новгородъ—Букацискаго, Пенза—Докучаева, Рогачево—Позняковой, Ростовъ—Юровой, Самара—Никитина, Симферополь—Врунс, Слуцкѣ—Низяева, Сумы—Пискунова, Тамбовъ—Левинцева, Тверь—Конаева, Туль—Луцица, Харьковъ—Святальскаго, Царское село—Казанскаго, Дрезденъ—Эми Блокъ.

СОДЕРЖАНИЕ: Графъ П. А. Шуваловъ (съ портр.).—Искушеніе. Повѣсть Я. П. Полонскаго. (Продолженіе).—Еще о дуэли Лермонтова.—Пьеръ де-Бомарше. Очеркъ.—Павлій и Гликерія (съ рис.).—Вивисекторъ (съ рис.).—Новый инструментъ (съ рис.).—Мѣстничество. Выдача головою (съ рис.).—Развалины Тронскаго замка (съ рис.).—„Гроза“. Драма А. Н. Островскаго (съ рис.).—Гейдельбергскій замокъ (съ рис.).—Водяная стрелкоза (съ рис.).—Мгновенные снимки голубей (съ рис.).—Полицейское обозрѣніе.—Смѣсь.—Ребусъ.—Рѣшенія шахматной задачи и ребуса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марксъ.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Романъ-хроника XVIII вѣка.

Вс. С. СОЛОВЬЕВА.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп.; въ кален. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ИЖИЦЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

свѣжаго розлива получены въ Старо-Никольской аптеки и въ магазинѣ аптекарскихъ матеріаловъ Феррейна, въ Москвѣ, на Никольской ул. Высылаю во всѣ города Россіи. П. № 1053 3—3

ПРОТИВЪ СЪДИНЫ.

Жидкость, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ. Флаконъ 3 р., пересылка 1 р. Гороховая улица, д. 57. Магазины-парикмахерская Ивановой.

№ 1107

КНИГОПРОДАВЧЕСКАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА

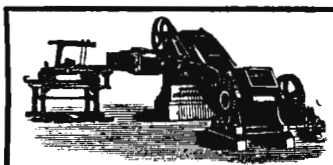
ГЕРМАНА ГОППЕ

(С.-Петербургъ, Большая Садовая ул., д. Коровина, № 16),

въ слѣдствіе смерти основателя ея, издателя журналовъ: „Всемирная иллюстрація“, „Модный свѣтъ и Модный Магазинъ“ и „Новый Русскій Базаръ“, считаетъ долгомъ довести до свѣдѣнія публики, что она

ПРОДОЛЖАЕТЪ СВОИ ДѢЙСТВІЯ ПО ПРЕЖНЕМУ.

Подписка на всѣ вышеупомянутые журналы продолжается и гг. подписавшіеся получать всѣ вышедшіе номера, начиная съ № 1-го. № 1106

№ 1110 5—1

ТОРФЯНЫЯ, КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ И МЪШАЛКИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ.

ручныя, конныя и паровыя; машины для обработки фарфоровой массы, шмота, цемента и т. п. рекомендуютъ

Людвигъ Теодоровичъ ШЛИКЭЙЗЕНЪ,

инженеръ, Москва, Мясницкая, д. Ермаковичъ. Изготовленіе плановъ для печей; устройство заподовъ. Иллюстр. каталогъ безплатно.

НАСТОЯЩІЙ КИТАЙСКІЙ ЧАЙ,

развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цибиковъ

ТОРГОВАГО ДОМА

„БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“

Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

П. № 3947

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

16—11

ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

У КНИГОПРОДАВЦА ЗЕМСКАГО

въ Москвѣ, въ домѣ типографіи Святѣйшаго Синода, въ зданіи Славянскаго Базара, на Никольской улицѣ, ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ДВѢ НОВЫЯ КНИГИ:

1) ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

россійскихъ законовъ уголовныхъ и гражданскихъ, всѣхъ 15-ти томовъ, съ указаніемъ о томъ, въ какомъ томѣ и въ какомъ отдѣлѣ, въ случаѣ надобности, всякому свое дѣло слѣдуетъ искать.

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ЗАКОНЫ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ по судебнымъ уставамъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ВТОРАГО.

ГРАЖДАНСКІЙ И УГОЛОВНЫЙ СУДЕБНИКЪ

необходимъ всякому, съ указаніемъ способовъ о томъ, какъ защищать самому себя, а также и начинать иски и преслѣдованіе безъ помощи адвоката или повѣреннаго въ уголовномъ и гражданскомъ СУДѢ. 3-е изданіе, съ новѣйшими дополненіями. Составленъ частнымъ повѣреннымъ Жемчужниковымъ, подъ редакцію юристовъ Лунина и Сергѣева.

Эта книга рекомендуется какъ руководительница и наставница въ самозащитѣ, необходима всѣмъ лицамъ, судящимся и тяжущимся, съ указаніемъ въ законахъ статей и способовъ къ началу всякаго рода гражданскихъ исковыхъ дѣлъ и уголовныхъ преслѣдованій, а также къ опроверженію и отмене приговоровъ и судебныхъ постановленій въ мировыхъ судахъ, ихъ сѣздахъ, въ окружныхъ судахъ, судебныхъ палатахъ. Съ указаніемъ статей въ законахъ, на которыхъ основаны поводы, какъ и въ какихъ случаяхъ должно подавать въ кассационный департаментъ Правительствующаго Сената кассационныя жалобы, просьбы и прошенія объ отменѣ судебныхъ приговоровъ всѣхъ судебныхъ вѣдомствъ и судебныхъ постановленій въ мировыхъ судахъ, ихъ сѣздахъ, въ окружныхъ судахъ, судебныхъ палатахъ и судебныхъ постановленій коммерческихъ судовъ. Книга въ особенности необходима всему кунеческому, мѣщанскому, ремесленному, крестьянскому, торговому міру и помѣщичьему сословію, земскимъ управленіямъ, уѣзднымъ и губернскимъ присутствіямъ, городскимъ думамъ, ратушамъ, волостнымъ правленіямъ, а также лицамъ судебного и полицейскаго вѣдомствъ, исправникамъ, ставнымъ приставамъ и урядникамъ. Книга имѣетъ въ себѣ особый приложенный отдѣлъ „Волостной и Сельскій Судъ“, который служитъ руководствомъ волостнымъ судьямъ и старшинамъ, а также деревенскимъ и сельскимъ старостамъ. Эта книга—необходимый, какъ полный, СУДЕБНИКЪ для всѣхъ, съ полнымъ указаніемъ, какъ всякія уголовныя судебныя дѣла, также всякаго рода тяжбы гражданскія безъ помощи адвоката или повѣреннаго вести ихъ на всѣхъ судахъ.

КНИГА НЕОБХОДИМА ДЛЯ САМОЗАЩИТЫ всѣмъ сословіямъ, не исключая иностранцевъ, живущихъ въ Россіи подъ покровительствомъ русскихъ законовъ. Также съ полнымъ указаніемъ къ совершенію всякаго рода договоровъ, актовъ, формъ, законовъ гражданскихъ и уголовныхъ.

Руководитель и указатель для судящихся, необходимый всякому въ случаяхъ возникновенія какихъ либо судебныхъ и тяжбыныхъ дѣлъ, по дѣламъ которыхъ по необходимости приходится судиться или тягаться, чтобы избѣжать тяжкихъ расходовъ, въ такихъ случаяхъ, по руководству и по указанію одной книги, можно вполне обойтись безъ помощи адвоката или повѣреннаго.— Въ этой книгѣ имѣются всѣ необходимыя указанія и формы, какъ начинать дѣло, куда, въ какое судебное мѣсто слѣдуетъ подавать и какъ должно писать прошенія, апелляціи, кассациіи, отзывы и заявленія суду, съ указаніемъ сроковъ, относительно тѣхъ случаевъ, когда одна изъ тяжущихся сторонъ остается недовольна рѣшеніемъ суда, и чтобы не потерять права на продолженіе тяжбы

или иска и переноса дѣла въ другой судъ, указаны сроки, какое полагается время по закону для подачи апелляціи, отзыва, кассациіи или жалобы на неправильное дѣйствіе суда, если такое имѣется въ виду, съ поясненіемъ, куда, въ какое судебное мѣсто или отдѣленіе и на какой бумагѣ, гербовой или простой, слѣдуетъ подавать.

Этотъ Судебникъ необходимъ всегда и каждому, въ особенности помѣщикамъ, арендаторамъ, купцамъ, мѣщанамъ и ремесленникамъ. Лицамъ этого многочисленнаго, обширнаго міра, по своимъ многосложнымъ дѣламъ, приходится постоянно сталкиваться со всевозможными различнаго рода спорными вопросами, откуда и вытекаютъ, хотя бы противъ воли, всякаго вида непредвидѣнные претензіи и споры, а потому въ неизбежныя враждебныя тяжбы и судбицы. Лица кунеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго сословія, которыя въ большинствѣ случаевъ не знаютъ даже простыхъ формъ законовъ, въ такихъ обстоятельствахъ необходимо уже прибѣгаютъ за помощью къ адвокатамъ, повѣреннымъ и чаще всего, къ социальнѣшему, къ частнымъ ходатаямъ, такъ-называемымъ „абалакатамъ“, не имѣющимъ надлежащихъ законныхъ дипломовъ, причѣмъ тяжущемуся лицу приходится платить не мало рублей за написаніе какого-либо незначущаго прошенія, заявленія, незначительную справку, подачи жалобъ, или даже только за одно указаніе, въ какой формѣ слѣдуетъ начать дѣло и куда подавать. Намъ уже сказано, что въ этомъ Судебникѣ имѣются всѣ формы и указанія, по каждому дѣлу и какъ по немъ можно руководствоваться безъ помощи адвоката или повѣреннаго, а потому, всякій, имѣющій эту книгу, которая будетъ служить каждому тяжущемуся какъ бы руководителемъ въ судебныхъ и тяжбыныхъ дѣлахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы и охранительницей отъ тяжкихъ затратъ, которыя бывають ничѣмъ неустрашимы и весьма крупны въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится отдать свое дѣло адвокату-повѣренному; здѣсь же указана такса платы—сколько по закону повѣренныи или адвокатъ не имѣетъ права больше брать за веденіе дѣла съ лица, избравшаго ему свое тяжбыное дѣло: въ книгѣ указаны и полныи казенныя сколько слѣдуетъ платить за переносъ дѣла въ другой судъ или кассацию.—Эта новая книга еще только что поступила въ продажу, а уже громадное количество ея распродано. Къ ней приложенъ новый законъ объ отменѣ личнаго задержанія за долги. Съ приложеніемъ отдѣла для руководства чинамъ полиціи, полиціймейстерамъ, исправникамъ, ставнымъ приставамъ и урядникамъ. Составленъ частнымъ повѣреннымъ Жемчужниковымъ, подъ редакцію юристовъ Лунина и Сергѣева. М. 1885. Ц. 3 р. 75 к. Съ пересылкой во всѣ города. Въ французскомъ корешкѣ, съ золот. тисн. 4 руб.

2) КНИГА СЕКРЕТНЫХЪ АППАРАТОВЪ, ЛОВУШЕКЪ, ЗАПАДНЕЙ И КАПКАНОВЪ, КЪ СОХРАНЕНІЮ ИМУЩЕСТВЪ И ДЕНЕЖНЫХЪ КАПИТАЛОВЪ ОТЪ ВОРОВЪ И ГРАБИТЕЛЕЙ.

ДОМОВЫЕ И ДАЧНЫЯ, НОВОИЗОБРѢТЕННЫЯ САМОДѢЙСТВУЮЩІЕ СЕКРЕТНЫЯ АППАРАТЫ ДЛЯ ПОИМКИ ВОРОВЪ.

Книга къ устройству тайныхъ механическихъ проводниковъ и постановкѣ ихъ въ домахъ, квартирахъ, на дачахъ, въ кладовыхъ, казюхранилищахъ, торгово-коммерческихъ конторахъ и банковскихъ домахъ, а также новоизобрѣтенныхъ волшебныхъ аппаратовъ, какъ-то: западней, ловушекъ и капкановъ для поимки воровъ-форточниковъ, громилъ и грабителей во время вторженія ихъ въ дома, кладовыя, денежные сундуки и кассы. Съ интересными рисунками механизмовъ; цѣна съ пересылкой 2 руб., безъ пересылки 1 р. 50 к.

№ 1109

М. ЯКРИНД.

Новый путеводитель для отирающихся на минеральные воды в России и за границей с маршрутами и цѣнами за проезд. Издание 3-е — сезон 1885 г. Цѣна 50 коп. **ВО ВСѢХЪ МАГАЗИНАХЪ.** Складъ издания: С.-Петербургъ, В. Моховская, д. 3. Контора редакціи „Указатель Фрунзе“. Мт. № 1114 1—1

ВНОВЬ ИЗОБРЕТЕННАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА
Патентъ въ Европѣ и Америкѣ. Изготовляетъ отличныя вышивки и всѣ другія работы. **ПРОДАЖА СЪ РУЧАТЕЛЬСТВОМЪ. ОБУЧЕНІЕ БЕЗПЛАТНО.** Единственный складъ **ГЕРМАНЪ ГЕССЕ СЪ ПЪ.** Большая Садовая № 16. Уголь Толмазовъ пер. Гостин. дворъ.

ПРЕДОХРАНТЕЛЬНОЕ ПРОТИВУХОЛЕРНОЕ ПОЯСА

сдѣланные по идеѣ известнаго французскаго ученаго, Д-ра Бюрна, продаются съ разрѣшенія Медицинскаго Совѣта. Продажа оптова и розничная: С.-Петербургъ, Александръ Венцель, Казанская, № 3; Аптека Трофимова, Загородный просп.; въ розницу — Рузановъ, Гостинный дворъ, № 40. Цѣна 3—5 руб. № 1118

БАДЕНЪ-БАДЕНЪ.

Давно известныя теплыя алкалическія соляныя воды отъ 44—69° Ц. Источникъ съ значительнымъ содержаніемъ хлористаго литія. Новая Великокняжеская купальня „ФРИДРИХСВАДЪ“ открыта круглый годъ. Образцовое заведеніе единственное въ своемъ родѣ, отличающееся совершенствомъ и изяществомъ. Минеральныя и медицинскія ванны всякаго рода. Заведеніе для врачебной механической гимнастики. Частныя лечебницы съ теплыми ваннами. Галлерей для минеральныхъ водъ всѣхъ известныхъ источниковъ, пневматическое заведеніе съ 2 камерами для 4 лицъ. Лечение молокомъ и сывороною. Разсылка водъ главнаго источника съ богатѣйшимъ содержаніемъ литія черезъ Правленіе водъ. Кургаузъ съ великолѣпными залами для концертовъ, баловъ, чтенія, ресторана и собраній открытъ круглый годъ. — Превосходный оркестръ. — Многочисленныя удовольствія всякаго рода. — Охота и рыбная ловля — Большая скачки. — Высшія учебныя и воспитательныя заведенія. — Пансіонъ для дѣвочекъ. — Очаровательныя прогулки и поѣздки. — Превосходный климатъ. Великолѣпная мѣстность. Средняя температура: 7. ° R. № 1018 3—8

ПАРКЕТЪ дубовый и сосновый, пунтовые поли, двери, оконныя рамы, полная столярная отдѣлка домовъ съ доставкою, установкою на мѣсто и ответственностью за сухость и прочность. **ИЗДѢЛІЯ** изъ дуба, лиственницы и сосны для ж. д. и пароходовъ. Письменно обращаетесь на Контактные ирарне, дѣлосильный и столярно-паркетный, склады на Волгѣ, г. Чебоксары, Каз. губ. **Телеграммы: „Контактные заводы“.** Контора и складъ въ Москвѣ: Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Зворыкинѣй. 1012 23-4

П. АРХИЖСКАЯ ЦѢПОЧКА ДЛИ ЧАСОВЪ. Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство — 5 лѣтъ, что не попортится! Предлагаетъ депо **Василія Ауриха**, Большая Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лѣстница № 1020 въ С.-Петербургѣ. 10—6

МУЖСКИЯ ОДИНОЧН. въ 2, 3, 3 1/2 и 4 1/2 руб. Двойныя въ 4 1/2, 5 1/2, 7 и 8 руб. **ДАМСКИЯ СЪ КИСТЬЮ** въ 4, 5, 6, 6 1/2, 8 и 9 руб. **КАРАНДАШИ** въ 1, 1 1/4, 1 1/2 и 2 руб. Ключики по 75 коп. Пересылка 60 коп. Торговцамъ скидка.

4711 СОСНОВЫЕ ДУХИ.

врачами признаны превосходными; особенно рекомендуются для очищенія комнатнаго воздуха. Можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговыхъ аптекарскихъ товарахъ. 3756. 17—8

РАЗВОЖДЕНІЕ. Роз. изъ современн. жизни. В. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кален. перел. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯ БЕНЕДИКТИНОВЪ

Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды). Настоятель домъ **МАГЕЛОННЪ.** С.-Петербургскимъ столичнымъ врачевнымъ присутствіемъ разрѣшено вывозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. № 1052 26—6

2 ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ: Брюссель 1880—Лондонъ 1884 г. ВЫСШІЯ НАГРАДА.

Изобрѣ- тение въ 1373 г. **ПЬЕРРЪ БУРСО** Домъ основанный въ 1807 г. Сен- гень, въ Бордо, ул. Гюгери, 3. **ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ SEGUIN RUE HUGUERIE 3 BORDEAUX.** Складъ въ СШБ. въ Техно-Химич. Лабор. Гостин. дворъ № 45, у **Штоль** и **Шмидта**; въ магаз **A la Repombe**; у **А. Рузанова** и **Фейша**, парфюмеровъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургъ, **Генриху Блонкн** Певскій 51. № 1117 4—1

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія. **„ОДОБРИХЪ“** уничтожаетъ мозоли и бородавки. Продается въ Русскомъ обществѣ торговли аптекъ товар., Казанская, № 12, погороднымъ съ перес. 2 коробки 1 р. 50 к., 4 кор. 2 р. 25 к., 6 кор. 3 р. Пл. депо „Одобрина“ для всей Россіи: Горьховая ул., № 53, кв. 24, М. В. Лебедевъ. № 1105

ПРОШУ ТРЕБОВАТЬ „ОДОБРИНЪ“ ТОЛЬКО М. В. ЛЕБЕДЕВЪ.

НУЖНЫ благонадежныя агенты, имѣющіе постоянное мѣстопребываніе въ провинціи для банковской конторы **А. ЗИНГЕРЪ и К°**, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр. № 18. Р. № 1043 7—5

Предстоящій ТИРАЖЪ 1-го ЮЛЯ 1885 г.
Низеозначенная контора продаетъ **5% ГОСУД. ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ**

а) на наличныя деньги: по дневному биржевому курсу, взиная въ свою пользу 1/8% комиссіи, т. е. 27 коп. съ билета.
б) съ разсрочкою платежа: съ задаткомъ не менѣе 15 рублей и мѣсячными платежами по опредѣленію самого покупателя, однакожь не менѣе **пяти рублей въ мѣсяцъ.**

Со времени полученія конторою задатка, всякій выигрышъ, который падеть на купленный и означенный въ свидѣтельствѣ билетъ, принадлежить покупателю и будетъ выплаченъ конторою безъ всякихъ въ свою пользу вычетовъ.

Страхованіе выигрышныхъ билетовъ по 40 коп.

Порученія изъ провинціи исполняются конторою обратною почтою, причѣмъ контора не лишнимъ считаетъ обратить вниманіе гг. покупателей на то, что въ послѣднихъ дняхъ до тиража порученія поступаютъ въ большомъ количествѣ, а потому желательна, для точнаго исполненія иногородныхъ порученій, высылать таковыя по возможности заблаговременно, кромѣ того прямая выгода гг. покупателей обращаться заблаговременно со своими порученіями въ контору уже потому, что биржевая цѣна билетамъ къ тиражу постоянно повышается. Р. № 1103 7—2

Банкирская контора **Ф. А. КЛИМА** въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 21. *

ПОЛУСУХОЕ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССИИ И ЗАГРЯНИЦЕЙ
Н. П. ЛАНИНА, № 4000
въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, ЯГОДНЫИ ФРУКТОВЫИ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНА БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ СЛѢДУЮЩІИ НАГРАДЫ:

1. **НОВАЯ ВЫСШІЯ НАГРАДА** на Одесской выставкѣ 1884 года: **ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ** съ правомъ ходатайства на награжденіе **ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ**

ВСЕРОССИЙСКИИ НАГРАДЫ:
2. Серебряная медаль. 1852 г.
3. Серебряная медаль. 1860 „
4. Похвальный отзывъ 1864 „
5. Серебряная медаль 1865 „
6. Серебряная медаль 1869 „
7. Медаль 1870 „
8. Золотая медаль 1872 „
9. Высочайшая благодарность 1875 „
10. Золотая медаль 1882 „

ИНОСТРАННЫИ НАГРАДЫ:
1. Филадель. выстав. медаль . . . 1876 г.
2. Филадель. выстав. медаль . . . 1876 „
3. Париж. выстав. поч. отв. 1878 „
4. Амстердам. выстав. медаль . . . 1883 „
5. Востон. выстав. почет. дилл. . . 1883 „

ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:
1. Съ 1863 г. по 1873 г.
2. Съ 1872 г. по 1882 г..

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
присвоено изъ чистаго русскаго винограднаго вина, и нисколько не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ. 1 р. 50 к. за бутылку.

Кромѣ того поступили въ продажу еще новыя четыре сорта **РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“:**
1) **ПОЛУСУХОЕ** (Demi sec. «England» à la Cliquot).
2) **ОЧЕНЬ СУХОЕ** (Extra sec. à la Pommery).
3) **РОЗОВОЕ ГУСТОЕ** (Oeil de Perdrix à la Roederer). } **ПО 2 Р. ЗА БУТ.**
4) **РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ** (à la Cliquot).
Всѣ вышеозначенныя сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут.

NB.—ПРОСЯТЪ ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛОКЪ.

ОЧЕНЬ СУХОЕ.

Ж. БЛОКЪ
 ПРЕЙСЪ КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТЪ БЕЗПЛАТНО.
 СПЕЦИАЛЬН. ДЛЯ РУССКИХЪ ДОРОГЪ.
РУССКІЙ КЛУБЪ
 СКЛАДЫ: С. П. Б. НЕВСКОЙ № 16
 МОСКВА, КУЗН. М. Д. ГОМЩЫНА.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К^о, СТРОИТЕЛИ

известныхъ премированныхъ конныхъ молотилокъ, приводовъ, вѣялокъ, сортировокъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ, непрерывно дѣйствующихъ сѣяныхъ прасовъ, механическихъ зерноосушилокъ, предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: Клейтона и Шулесорта—паровыя молотилки съ локомотивами, Мак-Кормика, сѣнокосилки, жней, и сноповязалки, Стодарта—тарелочныя боронки Рандала и конныя грабли Тигеръ, и запасныя части во всея машиныамъ.
 Фабрика и Главная контора въ Москвѣ, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутеневъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная улица. № 8991 13—5
 Иллюстрированные каталоги безплатно

Съ разрѣшенія С. П. Б. Врачебнаго Управленія.

СВОБОДИНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ

СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ

уничтожаетъ въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ.
 Постоянно возрастающее употребленіе Свободина, вслѣдствіе рекомендаціи потребителей, доказываетъ отличное дѣйствіе этого средства № 1034 15—6
 Цѣна за флаконъ 35 коп. Съ пересылкой 2 флак. 1 руб., 4 флак. 1 руб. 70 коп., 6 флак. 2 руб. 40 коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССИИ А. ГЕБГАРДТЪ.

Казанская ул., д. № 3, магазинъ № 1.

Угли для элементовъ Бунзена, выпиленные изъ ретортнаго угля. Элементы Мейдингера и Деллашье. Изолированная проволока и кабели для освѣщенія, телефоновъ, телеграфовъ, звонковъ. Телефоны и динамо-машинныя разныя системы. Лампы: Лодыгина, Сименса, Якохочкова, Сваанъ и др. Звонки и кнопки.
 Электротехническое Бюро А. А. Износковъ и К^о. С. П. Б. Мойка, 93. № 1116

Голубо подлинно съ этою фабрич. маркою.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“

Медо-Травяной Мальць-Экстрактъ и Конфекты отъ Л. Г. ПИТШЪ и Нюмп. въ Бреславлѣ).

Признанъ за лучшее средство противъ кашли, мокроты, охриплости, страданій груди и груди, начинающа съ простаго кашля до чахотки и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ официальное благодарственное письмо отъ № 3840 10—10
 Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспоможенія больнымъ и раненымъ воинамъ въ С.-Петербургѣ.

Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфеты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо.
 Имѣется во всея аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.
 Главныя склады для Россіи въ С.-Петербургѣ у В. Ауриха, Б. Морск. 17.

изъ **КОВАННАГО ЖЕЛѢЗА** намогильныя рѣшотки, палисадники, намогильныя часовни, кресты для могиль.
 изъ **КОВАННАГО ЖЕЛѢЗА** ворота, перила, балконы, флюгарни, подъѣзды, зонтики, лѣстницы, изъ ковannaго желѣза.

ХУДОЖЕСТВЕННО-СТРОИТЕЛЬНО-СЛЕСАРНЫЙ ЗАВОДЪ
КАРЛЪ ВИНКЛЕРЪ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
 № 1098 Вас. Остр., 13 линия, № 60—9. 8—2

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНИЕМЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ В. С. СОЛОВЬЕВА КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

Въ 2-хъ частяхъ, съ 20-ю прекрасно выполненными рисунками художника И. С. Панова и множествомъ виньетокъ; напечатана на лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна этому изящному изданію 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Съ требованіями обращаться въ главную контору журнала „Нива“ въ С.-Петербургѣ.
 Въ Москвѣ, въ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. Н. Печниковой (Петровскія линіи). Книгу эту также можно получить у всея извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ОТЪ ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ МОСКОВСКАГО ТОРГОВАГО ДОМА ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО.

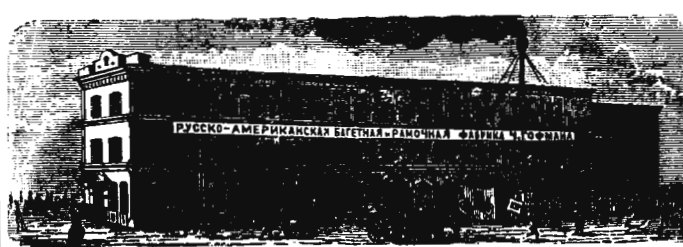
Главный складъ первосборныхъ чаевъ въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Торлецкаго.

Въ февралѣ и мартѣ сего года напечатано было почти во всея газетахъ отъ фирмы нашей заявленіе, въ которомъ мы извѣщали нашихъ покупателей, что по случая своевременна сдѣланнаго нами огромнаго запаса высшихъ сортовъ первосборнаго чая, оплаченнаго прежде дешевою пошлиною, мы нашли возможнымъ продавать изъ своихъ складовъ чай, по прежней умѣренной цѣнѣ и на прежнихъ условіяхъ, безъ малѣйшей прибавки,—впредь до полученія чаевъ новаго урожая—т. е. до Нижегородскаго ярмарки 1-го августа 1885 года.

Но смотря на такое категорическое заявленіе наше, къ намъ поступаютъ въ значительномъ множествѣ запросы со стороны иногороднихъ покупателей о томъ, не измѣнили ли мы своего обѣщанія и точно ли продолжаемъ продавать чай той же самой высокой доброты и по той же самой умѣренной цѣнѣ, какъ прежде?—Долгомъ считаемъ вновь подтвердить, что какъ доброты чаевъ, такъ цѣны и условия продажи изъ нашихъ складовъ останутся безъ всякаго измѣненія до 1-го августа 1885 года. Какія же тогда состоятся цѣны чаемъ, мы не замедлимъ оповѣстить гг. покупателей.

Конечно, слѣдуя примѣру большинства чайныхъ торговцевъ, для насъ было бы несравненно прибыльнѣе, по возмъщенію пошлины, повысить на чай цѣны и продать имѣющийся у насъ огромный запасъ чаевъ по дорогой цѣнѣ, но принимая въ соображеніе не одну только свою личную выгоду, а также и интересы нашихъ покупателей, мы нашли болѣе правильнымъ продавать, пока есть возможность, той же самой высокой доброты чай и по той же самой умѣренной цѣнѣ, какъ и прежде, безъ всякой надбавки.—Прейс-курантъ чаемъ отъ 1-го февраля 1885 года высылается желающимъ по требованію немедленно. П. № 1112 2—1

Единственная на югѣ Россіи специальная мастерская прачешныхъ машинъ, усовершенствованныхъ многолѣтнею практикою (мастерская сущ. съ 1875 г.). Употребленіемъ самое упрощенное, приспособленны для семействъ и большихъ прачешныхъ заведеній. Прому не представлятъ чѣмъ либо въ родѣ американскотъ. Катки давленіе до 40 худ. Цѣна и вѣсъ съ упак. 20 р., 2 п. 10 ф. Мойки могутъ мыть даже кружева, тюль, газъ и пеньковыя половики 15 р., 2 п., выжимки 10 р., 20 ф. Также имѣемъ всегда готовыми токарныя станки въ 35, 45, 60 и 75 р. Конторскіе счеты 7 р., бухгалтерскіе 10 р. Иногор. могутъ выписывать съ налож. платежомъ, выславъ задатка 20%. Харьковъ, Енатер. ул. № 13. Николай Ивашевъ. № 1046 10—3

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА, С. П. Б. Больш. Дворянская ул., д. 26.
 Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Склады готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ—до самой изящной работн. Торговцамъ дѣляется услуга. № 3977

НАИЛУЧШІЙ
 усовершенствованный **ВѢТРЯНОЙ ДВИГАТЕЛЬ „ЭКЛИПСЪ“**
 Прейс-куранты высылаются безплатно.
Ж. БЛОКЪ.
 С. П. Б. Невскій, № 16. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Голицына. Р. № 1115 7—1

Механическіе крючки для рыбной ловли.

1378 ц. 85к.
 1375 ц. 50к.
 1376 ц. 90к.
 1379 ц. 60к.
 1385 ц. 1р25к.
 1306 ц. 15к.

Разныя системы и величины. За пересылку (кромя Азіатской Россіи) отъ 1-го до 12 прибавляется 40 коп.

Точныя размѣры и цѣны помѣщены въ иллюстрированномъ каталогѣ, который магазинъ высылаетъ за 1 семикопечн. марку. С.-Петербургъ, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, магазинъ П. Ф. Наратаева. № 1104

Съ 16 мая сего 1885 года, въ **ТОМСКѢ** будетъ выходить новая еженедѣльная газета: **СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ.**
 Подписная цѣна съ 16 мая по 1 января 1886 года 5 р. с. съ доставкою и пересылкою.
 Иногородные адресуютъ телеграммы, письма и деньги: въ Томскѣ въ редакцію „Сибирскаго Вѣстника“.
 Программа будетъ объявлена особо.
 Редакторъ-издатель № 1108 **В. П. Картамышевъ.**

Полное собраніе сочиненій Ф. ШОПЕНА.
 Изданіе пересмотрѣнное и исправленное профессоромъ Н. Клиндвортомъ.
 6 томовъ въ 8-ю д. л. 3 руб. то же въ 4-ю д. л. 9 руб.
Москва, у П. ЮРГЕНСОНА. С.-Петербург. у Юргенсона, Варшава, у Г. Зенневальда. П. № 1113 3—1
ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ изъ Парижа. Специальность для портннхъ и модистокъ. Кружева, вышивки, настояція, подбѣльня, шерстяные костюмы, бисерныя пердешники. Розничная и оптовая продажа: 9. И. Ваконъ, Гороховая, д. № 9, кв. 8, № 1111 въ С.-Петербургѣ.

ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТІЕ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ
 Известная банкирская контора ищетъ въ провинціи, во всея мѣстахъ Имперіи, благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи 5% Государственныхъ I и II съ выигрышами займовъ съ разсрочкою платежа и для страхованія билетовъ тѣхъ-же займовъ отъ тиражей погашенія на выгодныхъ условіяхъ. Этимъ дается каждому возможность съ легкостью, безъ всякаго расходовъ и купеческаго познанія, увеличить свой годовой приходъ.
 Обращаются съ указаніями настоящихъ занятій въ С.-Петербургскую Центральную Контору Объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. (письменно). Р. № 1057

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6-10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.
 Выданъ 25 Мая 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 60 к. — Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
 Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.
 Съ доставкой въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
 За границу: съ перес. въ Австрію, Германию, Францію, Италию и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.
 Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногрод. по 5 р съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.
 ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСПРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 6 Ч. ВЕЧЕРА.

А. Т. Князевъ.
 Здѣсь мы сообщаемъ краткія свѣдѣнія о замѣчательномъ человѣкѣ, участвовавшемъ въ предъварительныхъ трудахъ по составленію жалованной дворянству Екатериною II грамоты, Анисимъ Титовичъ Князевъ, который, кромѣ того, по свидѣтельству Болотова, сочинилъ „всѣ межевыя узаконенія и инструкции“; а дѣло межеванія было въ то время „новое и многотрудное и для всего государства весьма полезное“
 Князевъ происходилъ изъ древнихъ дворянъ Костромской губерніи и началъ свою службу въ 1741 году, въ Вотчинной Коллегіи. Князевъ вскорѣ приобрѣлъ замѣчательныя познанія въ вотчинныхъ и межевыхъ дѣлахъ, которыя и обратили на него вниманіе генераль-прокурора князя А. А. Вяземскаго.
 Въ 1766 г. онъ былъ уже оберъ-секретаремъ сената. Въ это время была учреждена знаменитая коммиссія о сочиненіи новаго проекта Новаго Уложенія. А. Т.

А. Т. Князевъ. Рис. В. Князевъ, грав. Ю. Барановскій.

Князевъ имѣлъ счастье быть участникомъ въ этомъ важнѣйшемъ дѣланіи Екатерины Великой. Дворяне Крапивинскаго уѣзда почтили его избраніемъ въ свои депутаты въ эту достопамятную Коммиссію. Черезъ десять лѣтъ послѣ этого событія, мы видимъ Князева въ Москвѣ, занимающимъ должность втораго члена главной межевой канцеляріи. Въ это время познакомился съ нимъ извѣстный писатель прошлаго вѣка, Болотовъ, и послѣ, въ запискахъ, отмѣтилъ о немъ, что „когда Князевъ услышалъ, что Болотовъ былъ тотъ самый, который писалъ экономическія статьи, — бросился его цѣловать, говорилъ ему, что давно знакомъ съ его сочиненіями, что такихъ людей, какъ онъ, мало очень въ Россіи, желать, чтобы ихъ было больше, находилъ множайшее удовольствіе бесѣдовать съ нимъ о книгахъ, наукахъ, литературѣ“ и проч. До насъ дошла любопытная перениска Князева съ княземъ Вяземскимъ (1776—1777), которою была

заинтересована Великая Екатерина и из которой мы узнаемъ объ участіи Князева въ составленіи Дворянской грамоты. О дальнѣйшемъ существованіи Князева знаемъ только, что въ 1788 году, въ Москвѣ, онъ познакомился съ Державинымъ и что послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Петербургѣ, гдѣ и скончался. *). Портретъ А. Т. Князева и по-нынѣ сохранился въ присутственномъ залѣ московской межевой канцеляріи.

Сынъ Князева, Сергѣй Анисимовичъ Князевъ, еще при крещеніи былъ, по повелѣнію Екатерины, зачисленъ въ измайловскій полкъ, въ которомъ и въ л.-гв. конномъ полку впоследствии служилъ, а умеръ, въ отставкѣ, бригадиръ-комендантомъ, оставивъ послѣ себя сына Валеріана Сергѣевича Князева, слу-

жившаго въ веймарскомъ гусарскомъ и образцовомъ кавалерійскомъ полкахъ, участвовавшаго въ усмирении польскихъ мятежниковъ въ 1831 году и умершаго, въ отставкѣ, штабъ-ротмистромъ въ своемъ имѣніи въ Бѣлевскомъ уѣздѣ Тульской губерніи.

Правнуковъ Князева Екатерининскихъ временъ — теперь въ живыхъ нѣсколько человѣкъ, которые всѣ служатъ въ министерствахъ, въ гвардіи и во флотѣ; изъ нихъ трое въ придворныхъ званіяхъ. У старшаго изъ нихъ сохранился портретъ ихъ прадеда, конію съ коего здѣсь помѣщаемъ. Правнуки А. Т. Князева, Д. В. и С. В. Князевы, оставшіеся послѣ ихъ прадеда бумаги принесли въ даръ Императорскому Обществу Древней Письменности.

Искушеніе.

Разсказъ Я. П. Полонскаго.

(Продолженіе).

XXII.

Разсвѣло, т. е. тусклое, осыпанное снѣгомъ, утро глянуло въ окна, а въ домѣ послѣ того, какъ, закрывая трубы, постучали выюшками, опять все стало глухо и пусто.

Аркашину становилось скучно невыносимо. Онъ не зналъ, что ему дѣлать до тѣхъ поръ, какъ проснется домъ и его позовутъ завтракать. Читать было нечего, писать было не на чемъ, выручали папиросы, — и онъ курилъ ихъ безъ милосердія. Въ одиннадцатомъ часу зашелъ Федоръ и тоже удивился, что пріѣзжій баринъ успѣлъ уже умыться и сидитъ, одѣтый, въ табачномъ дымѣ, точно въ облакѣ.

— Чаю вамъ или кофе? Что прикажете...

— Чаю, если можно... но вѣдь всѣ спятъ, кто-же мнѣ сдѣластъ чай?

Федоръ движеніемъ руки показалъ ему, что не слѣдуетъ объ этомъ беспокоиться, что все это въ его волѣ и отъ него зависитъ.

— Тетушка моя вставала также поздно, когда гостила у васъ? А?

— А ужъ не знаю, какъ вамъ сказать? глубокомысленно замѣтилъ Федоръ, какъ-бы намекая, что онъ при ней не состоялъ, и добавилъ: да вѣдь какъ-же иначе-то-съ? гости пріѣзжаютъ поздно... Ну-съ... надо опять чаю напитокъ или пуншику... ну-съ, а потомъ карты до утра, а иногда, какъ хороша погода, да барынь много понаѣдетъ—на тройкахъ кататься... когда же и спать-то?—сами посудите!

— А гости часто сюда наѣзжаютъ?

— А какъ случится; уѣздъ не за горами, изъ Новгорода, изъ Петербурга тоже наѣзжаютъ.

— И ночуютъ здѣсь?

— А то гдѣ-же? Наверху у насъ для гостей двѣ комнаты, да флигеля.

— Чай, не дешева такая жизнь?

Федоръ хотѣлъ что-то на это сказать, но промолчалъ.

— Я думалъ, что послѣ эмансипаціи, помѣщичики стали экономнѣе.

— Послѣ какой мандипаціи?! Ахъ, это вы на счетъ того, какъ крѣпостныхъ-то отняли... такъ вѣдь кто какъ: иной прожилъ, въ кулакъ себѣ свиститъ, а иной... не всѣмъ-же вдругъ прожить, да на полку зубы класть?

— Ну, а зятя—люди они тоже богатые!

— Кто-съ? зятя-то? Федоръ прищурился и поглядѣлъ на Аркашина, какъ бы соображая, на сколько онъ достоинъ его лакейскаго довѣрія.

Аркашинъ не сталъ больше спрашивать почтеннаго старика, только повторилъ просьбу свою—подать ему чаю.

— Сю минуту-съ... Старый баринъ давно уже откушали.

* Свѣдѣнія эти заимствованы изъ рѣчи, произнесенной Н. П. Барсуковымъ въ засѣданіи Императорскаго Общества Древней Письменности, 19 апрѣля.

— Ахъ да! постой! можно ли будетъ мнѣ войти къ нему въ кабинетъ и передать письмо Прасковьи Степановны?

— Не знаю-съ. Къ нему въ кабинетъ никто входить не можетъ безъ доклада, только барышня Олимпиада Захаровна. Ну, да и нельзя же иначе... все у ней на рукахъ: и ключи, и расходы... Ею все хозяйство держится.

— Какъ же это она успѣваетъ?

— Ну, да ужъ такая уродилась, сударь; даромъ что барышня—нашего брата, мужчину, заткнетъ за поясъ.

— Какъ, въ какомъ это смыслѣ, заткнетъ за поясъ!

— А вотъ вздумала вечеръ, переодѣлась въ кучера, возжи въ руки и—маршъ! Покатила на станцію, привезла вась—и какъ ни въ чемъ не бывало.

— Какъ!?

— А вы к не знали?!

— Не зналъ! Да быть этого не можетъ!

Аркашинъ даже поблѣднѣлъ отъ такой новости.

— Да какъ же этого не можетъ быть, когда это такъ? У нихъ и костюмъ есть такой кучерской: и шапка, и рукавицы, и купачекъ, и все... Помилуйте! какъ же не можетъ быть! Только, добавилъ онъ, тревожно оглянувшись на дверь и подмигивая Аркашину,—если онѣ вамъ, сударь, сами этого не говорили—то и не сказывайте!

— Не сказывать?

— И не сказывайте! Еще чего добраго... пѣть! ужъ вы лучше помолчите. Да что ей это?! это—пустяки! Она у насъ въ позпрошлое лѣто двухъ бѣглыхъ бродягъ словила и отправила къ становому. У насъ въ лѣсу стараго лѣсничаго изба—заброшенная; такъ они тамъ было вздумали ночевать. Барышня узнала, да ночью и нагринула.

Аркашинъ просто остолепнѣлъ: ничего подобнаго ему даже не снилось.

— Какъ же они ея не убили?

— Да вотъ, пойдите же—не убили! такъ струсили, что хотѣли въ окно повыскакать,—ну, тутъ то и словили ихъ.

— И она сама вошла въ избу?

— Сама... и одна, какъ есть одна, съ фонарикомъ.

— И безъ всякаго оружія?

— Можетъ и было какое нибудь оружіе—писталетикъ или кинжалчикъ—это я ужъ не могу вамъ сказать... Такъ что же ей стоитъ на станцію съѣздить? это намъ ни почемъ!

— Да вѣдь холодно чай—и руки можно отморозить. Вонъ, я слышалъ, въ Саратовской губерніи молодые люди поѣхали дамъ катать, руки себѣ отморозили.

— Ничего-съ... онѣ и спятъ, такъ форточку велютъ на ночь отворять. Коли ужъ очень морозно, такъ встанутъ, да сами ее и закроютъ.

— То-то вы и у меня на ночь отворили форточку... Гм!..

— Ахъ-да! вамъ чаю... Извините, сударь!..

И Федоръ, какъ бы спохватившись, приподнял плечи, повернулся и вышелъ.

Аркашинъ остался погруженный въ задумчивость. Въ inomъ свѣтѣ предстала умственнымъ очамъ его эта Олимпиада, эта поразительная, духъ захватывающая красавица. Что то робкое и смущенное прокралось ему въ душу, быть можетъ, тайное сознание своей собственной немощи передъ такой сильной и безстрашной дѣвушкой.

Вдругъ онъ вскочилъ и засмѣялся. такъ, какъ давно не смѣялся.

— И я.. я ей далъ рубль на водку!..

XXIII.

Въ этотъ день Захаръ Олимуевичъ такъ и не вышелъ ни къ завтраку, ни къ обѣду, такъ что самое письмо къ нему Аркашинъ передалъ Олимпиадѣ Захаровнѣ.

— Вы его извините, сказала ему Олимпиада, машинально прочитывая адресъ. Иногда онъ въ такомъ мрачномъ настроеніи духа, что не выноситъ общества, особенно шумнаго. Много въ жизни его было тяжелыхъ потерь и удручающаго горя; случается, онъ и вынетъ чтонибудь лишнее у себя въ комнатѣ, особенно, когда боленъ и его томить бессонница... Надо вамъ сказать, что новые порядки, новые люди... освобожденіе крестьянъ и, наконецъ, внезапная смерть моей матери... цѣлый рядъ потрясеній не могъ не надломить его, и онъ не только не хочетъ читать газетъ,—не хочетъ знать, что дѣлается у насъ въ домѣ; на все махнулъ рукой, и такъ во всѣхъ извѣрился, что пока довѣряетъ мнѣ одной... конечно мой долгъ—охранять его...

— У кого такой сторожъ, тому, конечно, бояться нечего, улыбаясь проговорилъ Аркашинъ. Въ эту минуту онъ стоялъ въ залѣ, у этажерки для нотъ, заложивъ руку за-пазуху и радуясь, что говоръ гостей, наполняющихъ комнаты, позволяетъ имъ говорить искреннѣе, чѣмъ это было бы возможно, еслибы у всѣхъ были уши на макушкѣ.

— Признайтесь, сказала Олимпиада, отходя отъ рояля, за который усаживалась Кити, гувернантка Ольги Захаровны, взглядываясь въ раскрытыя ноты своими сонливыми, черными глазами,—признайтесь, что говорила вамъ обо мнѣ ваша тетуська?

— Зачѣмъ же вамъ знать, что она объ васъ говорила?

— Скажите!

— Она говорила мнѣ, что вы красавица.

Олимпиада улыбнулась такъ, что глаза ея заискрились. а бѣлые зубы сверкнули изъ подъ верхней губы.

— И вы разочаровались, нарочно ѣхали, чтобы поглядѣть на красавицу, и—разочаровались!!

— Къ сожалѣнію,—нѣтъ...

— Почему же: къ сожалѣнію!? какъ бы про себя проговорила Олимпиада, и точно тѣнь прошла по ней—ни слѣда улыбки уже не осталось на лицѣ ея—она задумалась.

— Знаете ли вы, что я ждала васъ?

— Ждали?.. меня!..

— Да, я ждала васъ. Глядя на вашу фотографию (она и до сихъ поръ у меня), мнѣ хотѣлось знать, дѣйствительно ли вы такой, какимъ вы мнѣ представлялись заочно, и такой ли у васъ милый характеръ, какимъ изображенъ онъ на вашей фотографической карточкѣ?

— Развѣ можно судить по карточкѣ о характерѣ.

— Я могу... я вѣдь колдунья въ нѣкоторомъ смыслѣ слова. Смотрю на васъ и читаю все, что у васъ на душѣ... Знаю, что вы не совсемъ рады, что пріѣхали... не правится вамъ у насъ...

— Помилуйте!

Но тутъ раздались аккорды и просыпалась трель. Надо было замолчать и слушать. Да они и рады были

замолчать, такъ какъ обоимъ имъ казалось, что разговоръ ихъ принимаетъ оборотъ весьма интимнаго свойства, и что каждый изъ нихъ невольно пококетничалъ другъ съ другомъ на столько, что есть уже о чемъ подумать.

XXIV.

Кити (Аркашинъ такъ и не спросилъ ея фамиліи) играла педурпо, даже счень недурно для деревенскаго, хотя бы и аристократическаго салона. Гости были очень довольны, что эта гувернантка напоминаетъ имъ то Шопэна, то Шуберта, то когонибудь изъ нашихъ, концертами прославленныхъ, композиторовъ. Плюшинъ сидѣлъ около нея съ видомъ знатока, то эдобрительно кивалъ головой, то облокотясь на спинку кресель, закрывалъ рукой верхнюю часть лица, и изподлобья поглядывалъ на ея бѣлую шейку и покатыя плечики. Ольга Захаровна сидѣла въ углу и наблюдала за своимъ супругомъ, который нетерпѣливо ожидалъ вальса, собираясь провальсировать съ уѣздной предводительшей, дамочкой, очень похожей на ядреное, крымское яблочко (такая она была маленькая, гладенькая, кругленькая и на видъ вкусная). Ольга страстно любила своего рыжеватаго, вспыльчиваго и недалекаго по уму супруга. Будь онъ умнѣе—она бы не могла такъ любить его и такъ ревновать. Ревность и боязнь за мужа постоянно волновали грудь этой несчастной женщины. Ей все казалось, что не нынче—завтра онъ со всѣми въ домѣ перессорится, всѣмъ наговоритъ дерзостей, и его попросятъ уѣхать такъ же, какъ попросили оставить службу. Для нея онъ былъ такой же ребенокъ, какъ и ея маленькая дочка, но ребенокъ этотъ—увы! былъ одинъ изъ самыхъ непослушныхъ и, откровенный по своей финской натурѣ, постоянно хитрилъ со своей дрожайшей половиной, такъ какъ эта половина висѣла на немъ, какъ тяжелая цѣпь, и не давала ему простора.

Нечего и говорить о томъ, что жены еще передъ завтракомъ представили Аркашина мужьямъ своимъ. Плюшинъ пожалъ ему руку, пристально поглядѣлъ ему въ глаза, приторно улыбнулся и не сказалъ ни слова. Плюсъ, напротивъ, чему то размѣялся, оскалилъ зубы и, поглядывая на Аркашина поверхъ золотыхъ очковъ, воскликнулъ:

— А! мы съ вами встрѣчались. Помните, въ одномъ домѣ.. около Синяго моста.. я еще хотѣлъ угостить васъ шампанскимъ, а вы.. выпли въ переднюю,—и слѣдъ вашъ простылъ... Я еще помню, какъ я васъ за это выругалъ... Ха-ха-ха!..

— Да у меня и знакомыхъ нѣтъ около Синяго моста.

— Да не у знакомыхъ,—такъ, въ одномъ семейномъ заведеніи..

— Это былъ ктонибудь другой...

— Говорите, говорите!—другой! Нѣтъ, ужъ какъ вамъ угодно, а мы съ вами люди знакомые... Вѣдь вы въ карты играете?

— Играю.

— Ну, разумѣется! А въ штосъ не пробовали?

— Не пробовалъ.

— Попробуйте! штука славная: или проиграетесь, или ужъ того-съ.. когонибудь облапошите наижесточайшимъ образомъ... Что вы смѣтаете? я вамъ дѣло говорю...

Аркашинъ пересталъ смѣяться.

— А давно знакомы вы съ Павломъ Павловичемъ Пусторыгинимъ?

— Не имѣю о немъ ни малѣйшаго понятія.

— Ну, слава Богу! а я подумалъ было, что вы съ нимъ знакомы. Онъ дурной человекъ, такой дурной, что вы представить себѣ не можете: распускаетъ слухъ, будто я проигрываю и не плачу. тогда какъ я

Хіоскія дѣвушки. Картина Ж. Беннера, грав. Келлленг.

одному ему столько переплатили, что онъ самъ и со- той доли того не стоитъ. Вы пожалуйста ему не вѣрьте.

— Да я... я его совсѣмъ не знаю.

— И не знайте! и хорошо дѣлаете, что не знаете.

И Плюсъ, дружески потрепавъ Аркашина по плечу, отошелъ.

Послѣ вальса съ уѣздной предводительшей, Ольга Захаровна пальцемъ стала подзывать своего супруга, но онъ притворился, что не замѣчаетъ этого подзы- ванья и, что то мурлыча себѣ подъ носъ, ушелъ въ другую комнату.

Олимпиада сидѣла въ залѣ у стѣны и, казалось, была въ мечтательномъ настроеніи духа. Около нея сидѣлъ уланъ, князь Плонскій; вытянулъ одну ногу и безучастно поглядывалъ на все, собравшееся въ залѣ, общество: вѣроятно, онъ мысленно дулся на Олимпиаду за ея рѣзкіе отвѣты на всѣ любезности, которыми онъ осы- палъ ее; но лицо его не выражало никакого неудоволь- ствія: оно было настолько же молодо и красиво, на- сколько и деревянно. Впрочемъ, онъ глядѣлъ добрымъ малымъ и, вѣроятно, былъ совсѣмъ другой человѣкъ, балагуръ и повѣса—въ кругу своихъ полковыхъ това- рищей.

Вечеромъ составились танцы подъ звуки пяти домо- рощенныхъ старенькихъ музыкантовъ, оставшихся при усадьбѣ не столько за старостью лѣтъ, сколько по при- вычкѣ. Это былъ остатокъ большого оркестра изъ крѣ- постныхъ, о которомъ вспоминали иногда и Варвара Захаровна, и Ольга Захаровна, какъ о какой то не- возвратной, но тѣмъ не менѣе, сердцу ихъ милой старинѣ.

Аркашинъ протанцовалъ двѣ кадрили съ сводными сестрами Олимпиады и затѣмъ вынужденъ былъ сѣсть за ломберный столъ и *повинтить* съ уланомъ, Плюши- нымъ и Степаномъ Ильичемъ...

Позднѣ всѣхъ на этотъ импровизированный вечеръ явился Самославскій вмѣстѣ съ какимъ то молодымъ чело- вѣкомъ, по фамиліи Орликовымъ. У Орликова была больш- шой, бѣлый, закатистый лобъ, на затылокъ зачесанные волосы, глаза нѣсколько на выкатѣ, тонкій носъ и ма- ленькіе усики. Войдя въ комнату, онъ поставилъ въ уголъ свою палку, пощипалъ свои усики, и со всѣми заговорилъ безъ церемоніи, какъ давнишній знакомый.

Самославскій подошелъ къ карточному столу позд- ровался съ Аркашинымъ, и на вопросъ, отчего его не было видно весь день, отвѣчалъ.

— Гдѣ ужъ намъ! ѣздилъ на мельницу—съ и чуть не увязъ въ снѣгу,—столько его навалило, что проѣзду нѣтъ...

— То есть съ похмѣлья поѣхали провѣтривать чадъ, замѣтилъ Плюшинъ, неглядя на подошедшаго юношу...

Самославскій помолчалъ, потомъ проговорилъ себѣ въ носъ: „*обижаться не стоитъ!*“ и вернулся въ залу

XXV.

Аркашинъ освоился съ порядками дома, понялъ, съ какими людьми пришлось ему жить подъ одной кро- влею и велъ себя, какъ человѣкъ осторожный и мни- тельный, съ большимъ тактомъ. Въ высшей степени ровный, ничемъ не выдающийся, спокойный характеръ и значительная доля самоблагоданія спасали его и отъ выпышекъ, часто неумѣстныхъ, Плюса, и отъ наглой самоувѣренности Плюшина, и отъ кокетливыхъ заигры- ваній Варвары Захаровны, и отъ хитрыхъ разспросовъ, прикинувагося простякомъ, стараго гувернера, кото- рый раньше всѣхъ почувалъ, что изъ всѣхъ жениховъ, претендующихъ на руку Олимпиады, она выберетъ ни- кого другаго, какъ Аркашина, и что свадьбѣ не миновать. „Вотъ, помяните мое слово!“ не разъ шепталъ онъ на ухо и Плюшину и Плюсу, и Ольгѣ Захаровнѣ, къ которой почему то онъ особенно благоволил, ибо вся-

кій разъ отъ обѣдни ей одной привозилъ просфоры и покупалъ ей дочкѣ всякія сласти и мячики.

— А какое намъ дѣло, за кого Олимпиа выйдеть за- мужъ, хоть за чорта! говорили зятя. Имъ даже хотѣ- лось, чтобъ она скорѣе вышла замужъ, и чтобъ мужъ куда нибудь увезъ ее. Не такъ на это дѣло смотрѣли ея сестры. У каждой изъ нихъ былъ для нея женихъ изъ числа ихъ близкихъ знакомыхъ, которые, какъ ка- залось имъ, для Олимпиады могли бы составить самую приличную партію. Иныхъ онѣ сами обнадеживали, обѣщали имъ свою помощь, ручались въ успѣхѣ. Вар- вара Захаровна въ особенности хотѣла, чтобъ Олим- пия вышла за человѣка богатого, чтобъ у ней въ Пе- тербургѣ былъ свой салонъ, чтобъ вся петербургская знать пріѣзжала къ ней, и чтобъ она, пріѣзжая къ сестрѣ, могла возобновить свои прежнія связи съ бо- мондомъ. Ольгѣ Захаровнѣ хотѣлось, чтобъ у Олим- пиады былъ мужъ пожилой и чиновникъ: если не губер- наторъ, то предсѣдатель или прокуроръ,—однимъ сло- вомъ, ей хотѣлось замужествомъ Олимпиады дать слу- чай когда нибудь помѣстить своего муженька на слу- жебную должность съ приличнымъ содержаніемъ, хоть муженекъ этотъ не разъ говорилъ ей, что до смерти Захара Олимпьевича онъ никуда изъ усадьбы не уѣдетъ, такъ какъ негодяй Плюшинъ и его вертопрашная су- пруга непременно, первымъ долгомъ своимъ, почтутъ ограбить весь домъ, увезти все серебро и, можетъ быть, даже подбросить фальшивое, въ ихъ пользу составлен- ное, завѣщаніе.

Олимпиада все это понимала и часто чувствовала се- бя одинокой среди родныхъ и знакомыхъ; ей было тя- жело подъ часъ; но она ни передъ кѣмъ не открывала души своей. Всѣ знали, что она одна пользуется осо- беннымъ довѣріемъ отца, и нехотя во всемъ уступали ей, боялись сердить ее.

Судя по всему, Олимпиада знала уже, что гость Арка- шинъ съ тѣмъ и пріѣхалъ, чтобъ за нее посвататься, да и какъ-же могла бы она этого не знать, находя въ Прасковѣ Степановнѣ, пріятельницѣ ея покойной ма- тери, единственную старушку, передъ которой она иногда отводила свою душу; не она ли сама сказала ей, завладѣвъ фотографической карточкой Аркашина: „пришлите своего племянника подъ какимъ нибудь предлогомъ, и, если онъ мнѣ понравится, то пріѣзжайте свахой, я не откажу ему“. Затѣмъ много и долго разспрашивала она тетюшку о характерѣ Валентина Петровича, о его воспитаніи, о занятіяхъ, и составила о немъ такое лестное мнѣніе, что не разъ думала про себя: „вотъ человѣкъ подходящій! такого-то мнѣ и на- до!“ При этомъ боялась она одного—разочароваться. Но, познакомившись съ Аркашинымъ, не только не разоча- ровалась, напротивъ, прежде всего влюбилась въ его ростъ въ его бѣлое лицо, кротко-задумчивые большіе глаза и въ высшей степени почтенную шелковистую бороду; потомъ оцѣнила въ немъ его скромность, его добродушную улыбку и, что особенно ей понравилось,— это то, что никакого фатовства она въ немъ не замѣ- чала, онъ не корчилъ изъ себя ни великосвѣтскаго денди, ни покорителя женскихъ сердець, ни разочаро- ваннаго, ни человѣка съ недостаткомъ, ни чиновника, подающаго надежды быть со временемъ звѣздой пер- вой величины, т. е. носить звѣзду, ни даже либерала съ революціоннымъ духомъ, что было въ такой модѣ между столичной и провинціальной молодежью того времени.

Одно было досадно ей:

„Сотни людей, думала она, были влюблены въ ме- ня, даже Самославскій, но, такъ или иначе, они вовсе этого не скрывали и не скрываютъ; что же значить, что Аркашинъ ничѣмъ не обнаруживаетъ, что сердце его въ моихъ рукахъ. Что я ему нравлюсь, это я до- гадаваюсь; но мнѣ этого мало: я выйду замужъ толь-

за такого человѣка, который радъ будетъ за меня въ огонь и въ воду, за человѣка, который страстно меня полюбитъ—беззавѣтно и безвозвратно!“

Такъ думала Олимпіада и, приписывая молчаливую скромность Аркашина его тайной робости, его боязни быть ею осмѣяннымъ, рѣшилась во что бы то ни стало ободрить его своимъ исключительнымъ къ нему вниманіемъ.

И дѣйствительно, оказывала ему такое вниманіе, такъ была съ нимъ ласкова и дружески откровенна, такъ любила оставаться съ нимъ наединѣ, что не только Аркашинъ понялъ, что онъ ей нравится, — весь домъ всѣ родные, даже прислуга, это поняли и стали смотрѣть на Аркашина какъ на жениха, на будущаго мужа Олимпіады Захаровны. Только пріѣзжіе гости, которые то и дѣло наполняли домъ Варшавинныхъ, не догадывались: Варвара и Ольга не хотѣли огорчать своихъ протезе; мужья ихъ смотрѣли на Олимпіаду, какъ на продувную, холодную кокетку, и думали про себя: „одурачить она его, такъ же какъ и многихъ уже одурачила!“ и молчали. Если бы Аркашинъ рѣшился на банкъ или штось, да проигралъ бы имъ—ну хоть тысячу рублей и тотчасъ же эту тысячу отсчиталъ имъ не поморщившись, ну тогда... тогда онъ-бы не только заслужилъ ихъ вниманіе, можетъ быть, они бы и повѣрили старику-гувернеру и своимъ щebetуньямъ-женамъ, что Аркашинъ—нареченный женихъ ихъ бель-сестрицы, какъ они называли Олимпіаду. Вотъ почему сосѣди и гости ничего не знали, и даже князь Плонскій, уланъ,—не смотрѣлъ на Аркашина, какъ на своего соперника.

XXVI.

Двадцать девятаго декабря утромъ Олимпіада долго оставалась въ кабинетѣ отца, долго о чемъ-то съ нимъ бесѣдовала, вышла отъ него съ сіяющимъ лицомъ и тотчасъ же ушла въ свою комнату переодеваться къ завтраку; но завтракъ на полчаса былъ ранѣе обыкновеннаго, и она запоздала, потому что съ полчаса сидѣла на одномъ мѣстѣ, погруженная въ задумчивость, и только тогда догадалась, что пора ей переодеваться, когда въ домѣ раздался обычный звонокъ, призывающій въ столовую.

Аркашинъ въ первый разъ увидалъ ее одѣтой съ такой элегантной роскошью и въ такой коронѣ волосъ, что любой столичный франтъ побился бы объ закладъ, что это — шиньонъ, тогда какъ это были ея собственные волосы, могучая растительность которыхъ была тоже однимъ изъ признаковъ ея физической силы.

Когда она входила, зятя и нѣкоторые изъ гостей уже встали изъ за стола: они собирались на охоту, такъ какъ имъ дали знать, что крестьяне выслѣдили медвѣдя. Они были увѣрены, что Олимпіада по обыкновенію отправится вмѣстѣ съ ними, и очень удивились, что она облекла себя въ черный атласъ, въ дорогіе кружева и браслеты, а не въ сѣрое, фланелевое, короткое платьѣ съ малиновыми пуговицами, надѣваемое ею поверхъ шароваръ, и не въ охотничьи мѣховые сапожки.

— Вы не съ нами? спросилъ ее Плюшинъ. Въ глазахъ его замелькала тотъ же вопросъ и они остановились на лицѣ ея съ оттѣнкомъ скрытой досады или неудовольствія.

— Куда съ вами? какъ бы удивилась Олимпіада.

— На медвѣдя. Можетъ быть, вамъ опять удастся пристрѣлить его — напрасно вы пренебрегаете нашимъ обществомъ.

— А вы собрались на охоту?

— Да вѣдь вамъ это было извѣстно: еще вчера говорили...

— Ничего я не слыхала... Да и не очень расположена, — не нахожусь въ кровожадномъ настроеніи духа. „Знаемъ мы, въ какомъ ты расположеніи духа“,

подумалъ про себя Яковъ Яковлевичъ, уткнувши въ тарелку носъ свой и поглядывая изподлобья на Ольгу Захаровну.

— Поѣдемъ, шеннула Варвара: вотъ и Валентинъ Петровичъ поѣдетъ...

— Валентинъ Петровичъ, вы ѣдете?

— Я ничего не знаю, отвѣчала Аркашинъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ: да и какой-же я охотникъ? развѣ изъ любопытства... да и то...

— Вижу, что вамъ не хочется, и не ѣздите!..

— Значитъ, по просту,—ты не хочешь пускать его, не безъ нѣкоторой язвительности замѣтила ей Варвара. Ольга ничего не говорила; она въ это время торопилась—кормила свою дочку, которая тарачила на всѣхъ свои глазенки, и машинально раскрывала ротикъ; по Кити, которая тоже собиралась провожать охотниковъ до привала, поглядѣла на Олимпіаду съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ея младенческія губки хотѣли сказать ей: „то-ли дѣло оставаться вдвоемъ съ милымъ дружкой, а бы и сама на твоемъ мѣстѣ не поѣхала.“

У этой Кити у самой было сердечко не совсѣмъ спокойно; слишкомъ уже настойчиво приставалъ къ ней Плюшинъ. Она все чего-то боялась, и все-таки ей было очень приятно, что за ней ухаживаетъ такой столичный левъ и напѣваетъ ей, что она мила какъ ангель, играетъ, какъ серафимъ, и что никто въ свѣтѣ, кромѣ его, не способенъ такъ опѣнить ея прелестей.

Скоро всѣ вышли въ залу. За окномъ слышалось побрикиванье бубенцевъ и топотъ подѣзжающихъ троекъ. Въ комнатахъ раздавались голоса — бѣготня дѣтей и шаги спустившихся сверху и по корридору проходящихъ въ переднюю мужчинъ въ высокихъ сапогахъ съ ружьями и дамъ съ муфтами. Варвара и Ольга были въ теплыхъ шубкахъ, отороченныхъ мѣхомъ, съ башлыками поверхъ бобровыхъ, на лобъ надвинутыхъ, шапокъ. Одна только Кити была въ старенькомъ лисьемъ салончикѣ и въ атласномъ капорѣ...

Олимпіада подошла къ окну, и ослѣпительное зимнее солнце освѣтило всю величавую, нѣсколько суровую красоту ея. Аркашинъ невольно остановилъ глаза свои на ея бѣломъ но не блѣдномъ лицѣ, на профилѣ длинныхъ приподнятыхъ рѣсницъ и темныхъ глазъ ея, мерцающихъ въ ихъ тѣни какъ золотыя искры на черномъ бархатѣ... Ему казалось, что вся душа ея рвется туда-же, на свѣжій, холодный воздухъ, настрѣчу вѣтра и свѣжной пыли, туда, гдѣ просторъ и опасность... и что если-бы не онъ,—она бы непременно поѣхала.

— Олимпіада Захаровна!

Она обернулась и сказала приподнимая указательный пальчикъ:

— Смотрите, какъ криво поставлена дуга, вонъ на той тройкѣ, и никто этого не замѣчаетъ! И зачѣмъ запрягли эту тройку, желала-бы я знать? Буланые были уже въ разгонѣ... сегодня утромъ на нихъ ѣздили за провизіей... Не берегутъ лошадей — что прикажете дѣлать? добавила она, пожавъ плечами.

— Олимпіада Захаровна! отчего вы не ѣдете? Вѣдь вы любите такія прогулки! неужели вы церемонитесь?

— Я это дѣлаю вовсе не изъ церемоніи. Неужели вы думаете, что я такая церемонная? Мнѣ приятно остаться съ вами, и я осталась—вотъ и все!

И это проговорила она такъ, какъ будто ей даже досадно, зачѣмъ онъ самъ этого не понимаетъ и выпуждаетъ у ней такого рода объясненія.

У крыльда возлѣ саней показались верховые: старый доѣзжачій—и еще какой-то молодой человѣкъ съ винтовкой въ чехлѣ за плечомъ—и лядункою.

— Боже мой! сколько здѣсь всякаго народу! подумалъ Аркашинъ: и лакеи, и нахлѣбники, и музыканты, и охотники, — и чего тутъ нѣтъ? Видно еще не пришла пора класть зубы на полку!..

Какъ провелъ весь этотъ день Аркашинъ, этого бы и онъ самъ описать не могъ. Скажу только, что въ сумерки Олимпиада ѣздила съ нимъ вдвоемъ кататься въ лѣсъ и сама правила лошадей, да еще скажу, что когда, поздно вечеромъ, Аркашинъ вернулся въ свою комнату, онъ долго не могъ раздѣться, все ходилъ изъ угла въ уголь, чего съ нимъ прежде никогда не случалось и что выдавало въ немъ въ высшей степени возбужденное состояніе духа.

Онъ былъ и страстно влюбленъ, и въ то-же время какъ будто и не влюбленъ. Онъ глядѣлъ на Олимпиаду, какъ очарованный, но, какъ набожный монахъ передъ ликомъ мадонны, ни разу еще не пожелалъ всѣмъ сердцемъ ни ласкъ ея, ни поцѣлуй. Красота ея ничего, кромѣ восторженнаго эстетическаго обожанія, не возбуждала въ немъ, онъ и самъ еще не могъ понять, что съ нимъ такое къ тому-же—не могъ онъ и того незамѣчать, что и она благоволила къ нему и какъ бы снисходить—это паче всего дразнило молодья мечты его.

Но вмѣсто того, чтобы умиляться и радоваться беззавѣтно и безотчетно, вмѣсто того, чтобы отдаться своему влеченію, онъ колебался, прислушивался къ тому, что говорить ему его щепетильная честность, его осторожный разсудокъ..

Совсѣмъ не то происходило въ душѣ Олимпиады. По нѣкоторымъ признакамъ какъ бы чутьемъ поняла она, какое сильное впечатлѣніе производитъ красота ея на этого желаннаго ею гостя. Она заручилась согласіемъ отца и съ полной увѣренностью, что Валентинъ Петровичъ не минуетъ рукъ ея, была совершенно покойна. Никакой внутренней борьбы не происходило въ ней; только, какъ бы сознавая себѣ цѣну, ей не хотѣлось выходить замужъ прежде чѣмъ претендентъ на ея руку не докажетъ ей всей готовности своей идти за нее въ огонь и воду, иначе сказать, если не выкажетъ всей силы не только своей страсти, но и своего характера.

Ей хотѣлось прежде, чѣмъ онъ уѣдетъ, испытать его

XXVII.

Зятя прислали сказать, что они переночевали у князя Плонскаго и поѣдутъ въ городъ, будутъ на вечеръ, въ клубъ, и вернуться только на другой день, 31-го декабря, къ завтраку, а потому и просили распорядиться, прислать за ними лошадей на станцію. Варварѣ Захаровнѣ было все равно, гдѣ будетъ пропадать ея мужъ, она считала себя великосвѣтской дамой и на такой вздоръ, какъ измѣна или амурныя шашни, не обращала никакого вниманія. Но Ольга была въ отчаяніи; Богъ знаетъ, какія картины рисовались ея ревнивому воображенію... Шампанское, карты, безпутныя женщины, драка -- мужъ, взятый въ полицію -- мужъ, вызванный на дуэль -- мужъ, убитый изъ ревности къ какой нибудь потаскушкѣ... И всѣ эти, воображаемыя ею, трагедіи она носила въ груди своей, какъ дѣйствительное горе, какъ уже совершившееся на самомъ дѣлѣ событіе, и если не плакала, ходя изъ комнаты въ комнату, то только потому, что нѣкоторая доза разсудка все еще говорила ей авось вернется, и авось всѣ эти мысли опять окажутся сущимъ вздоромъ..

Вчерашніе гости, позавтракавши, разѣхались. Былъ уже шестой часъ, когда раздался звонокъ, призывающій къ обѣду. Въ той комнатѣ, гдѣ, освѣщаемый стѣнною лампою, виденъ былъ Лотъ (съ одной стороны, бѣгущій изъ Содома, а съ другой стороны -- обнимающій дочерей своихъ), на широкой оттоманкѣ сидѣли вдвоемъ Олимпиада и Аркашинъ.

— Или это вамъ не по силамъ? задумавшись проговорила красавица.

— Но... Что-же я тамъ найду? возразилъ тотъ, по-

глядывая на револьверъ, который былъ въ рукахъ его, какъ на вещь, совершенно ему незнакомую.. и какъ бы удивляясь, какъ эта вещь могла попасть къ нему.

— Можетъ быть, найдете то, чего не ожидаете. Потомъ.. приходите и расскажите мнѣ все, что вы увидите и услышите. А вѣдь теперь у насъ святочные дни Я буду гадать въ ваше отсутствіе.

— Не понимаю, и все таки повинуюсь вамъ, проговорилъ, болѣе чѣмъ когда нибудь блѣдный, Аркашинъ: или вы хотите испытать, смѣю-ли я, подобно вамъ, рисковать собой..

— Не спрашивайте, зачѣмъ и почему.. Смотрите на это, какъ на мою глупую фантазію и помните, вы дали мнѣ честное слово. — Ну, перестаньте серьезничать... Вѣдь не будъ васъ со мной, я была бы на охотѣ, и, можетъ быть, медвѣдь своей лапой разодралъ бы мнѣ лицо или зная бы съ меня черепъ.

— Что-же тутъ хорошаго? это даже грѣшно такъ себя не жалѣть... проговорилъ смущенный Аркашинъ.

— Эхъ! заставьте меня жалѣть себя!.. Научите для чего и для кого я должна жалѣть себя..

Въ эту минуту вошелъ Федоръ съ салфеткой и почтительно пролепталъ, что всѣ уже за столомъ сидятъ.

— Слышали, съ неудовольствіемъ возразила Олимпія, подала руку Аркашину и сказала: не оставляйте револьвера... дѣти..

Когда Аркашинъ вошелъ съ ней въ столовую, онъ тотчасъ-же почувствовалъ, что глаза всѣхъ присутствующихъ, даже дѣвочекъ, дочерей Варвары, обратились на него и на Олимпиаду. Онъ покраснѣлъ и не зналъ, что ему дѣлать съ револьверомъ..

Оглянувшись, онъ положилъ его на мраморную доску потухшаго камина, возлѣ бронзовыхъ столовыхъ часовъ, старинной французской работы.

Это былъ револьверъ Олимпиады, и зачѣмъ онъ былъ данъ ему, мы это узнаемъ впоследствии.

Варвара Захаровна съ тою-же стереотипной улыбкой, которая никогда не покидала лица ея, указала ему мѣсто за столомъ между собой и Олимпиадой.

Совсѣмъ, совсѣмъ неловко было бѣдному Валентину Петровичу.

— Какъ здоровье вашего папа? спросилъ онъ Варвару Захаровну.

— Я не знаю, какъ его здоровье,—спросите Олимпиаду.

— Какъ его здоровье? спокойно отозвалась Олимпиада: сегодня только что разсвѣло, онъ прислалъ за мной, и мы съ нимъ гуляли, прошились по всѣмъ комнатамъ.

— Какъ это выходятъ замужъ? спросила одна изъ дѣвочекъ, обращая вопросъ свой къ старому гувернеру.

— Я никогда замужъ не выходилъ, не знаю, отвѣчалъ тотъ, чего-то сконфузившись, и низко опустилъ носъ свой и лоснящуюся лысину.

Самославскій по обыкновенію фыркнулъ. Онъ почти никогда въ обществѣ не подавалъ своего голоса; оставаясь-же съ кѣмъ нибудь вдвоемъ, имѣлъ даръ не только болтать, но и надодѣвать своими разговорами.

Ольга Захаровна поглядѣла на Степана Ильича и едва замѣтно покачала головой.

— Я тоже не могу тебѣ сказать, какъ выходятъ замужъ, отвѣчала ей черезъ столъ Олимпиада: жениха нѣтъ, некому научить. Ты бы лучше спросила объ этомъ свою мамашу.

Варвара Захаровна, къ удивленію Аркашина, разсердилась.

-- Вотъ! стоитъ обращать вниманіе на глупые вопросы глупой дѣвченки! Кто это внушаетъ ей?

— Никто не внушаетъ, сказала Олимпиада: слышала фразу, сто разъ при ней сказанную, и проситъ пояснить ее

— Мало-ли говорится фразъ, нельзя же все пояснять!.

Молящая старушка. Съ картины Горавскаго, грав. А. Творожниковъ.

И Варвара Захаровна заговорила по французски, въ уверенности, что Аркашинъ ее не понимаетъ. Она уже пробовала съ нимъ говорить, пуская въ оборотъ свой парижскій выговоръ, но такъ какъ Аркашинъ тотчасъ-же ярился ей, что по французски онъ говорить не мастеръ, заключила, что этотъ человекъ хоть нѣсколько и отесалъ, но никогда не былъ въ порядочномъ обществѣ и далекъ отъ того, что называется порядочнымъ воспитаніемъ.

Англичанка, оскаливъ свои рыбы зубы, возражала ей тоже по-французски, но съ такимъ своеобразнымъ шамкающимъ акцентомъ, что только Машенька, ея воспитанница, и могла понимать ее.

Послѣ обѣда Аркашинъ, поклонившись всѣмъ, хотѣлъ удалиться въ свою комнату.

— Что это у васъ за оружіе? съ пугливой торопливостью обратилась къ нему Ольга: зачѣмъ вамъ револьверъ? надѣюсь, что вы настолько счастливы, что стрѣляться вамъ не захѣмъ?

— Не въ бровь, а прямо въ глазъ, подумалъ про себя Аркашинъ.

— Олимпиада Захаровна дала мнѣ разрядить его

— Пожалуйста, будьте осторожны!

— Валентинъ Петровичъ не ребенокъ и при томъ осторожныѣе, чѣмъ ктонибудь, заступилась за него Олимпиада.

Аркашинъ прошелъ въ корридоръ.

(До слѣд. №)

Фельдфебель.

Разсказъ Н. Тхоржевскаго.

I.

Ясный морозный день начинался. Несмотря на восьмой часъ утра свѣтъ только-только начиналъ еще брезжить, едва позволяя различать предметы въ нѣсколькихъ шагахъ.

Въ казармахъ стрѣлковыхъ ротъ Н-скаго пѣхотнаго полка, маленькомъ каменномъ зданіи было душно и полу-темно, догорающія керосиновыя лампочки, распространяя свой красноватый свѣтъ, боролись съ наступающимъ разсвѣтомъ и еле-еле освѣщали длинный рядъ наръ, сплошь покрытый спящими солдатами, завернувшимися въ свои сѣрыя шинели. Тогда, въ описываемый періодъ времени, извѣщенность еще не проникала въ ряды армии и о байковыхъ одѣялахъ, которыми пользуются теперь почти всѣ войска,—и помину не было. Плохо ли это было, хорошо ли—судить не намъ, только врядъ ли представится возможность брать эти одѣяла съ собою на войну и если взять ихъ будетъ нельзя, то солдаткамъ, привыкшимъ къ этой роскоши, которой они и дома не видятъ,—будетъ вдвое труднѣе спать на голой, иногда сырой землѣ, употребляя шинель и за одѣяло, и за тюфякъ, и за подушку.

Все спало мертвымъ сномъ; даже фигура дневальнаго, облокотившагося с притолку входной двери, казалась какой-то окаменѣвшей муміей—такъ была она неподвижна.

Вдругъ совершенно неожиданно гдѣ-то въ нижнемъ корридорѣ раздалась барабанная дробь утренней зори и дѣляясь постепенно все громче и громче, понеслась по воздуху, какъ бы распыляясь въ немъ. Фигура дневальнаго встрепенулась и отправилась вдоль наръ будить спящихъ сѣрыя шинели.

Не прошло и минуты, какъ почная тишина смѣнилась тѣмъ смутнымъ шумомъ, который всегда несетъ изъ толпы людей. Солдаты, потягиваясь и зѣвая, вставали со своихъ наръ, обувались и, накинувъ шинели, обѣжали къ ротнымъ умывальникамъ свѣта, проникнувшего сквозь запотѣвшія окошки, было уже настолько достаточно, что дневальный съелъ возможнымъ пригасить лампы, которыя больше мѣшали, нежели приносили пользы:

— Фельдфебель проснулись? подошелъ бравый унтеръ, дежурившій по ротѣ, къ вытанувшемуся передъ нимъ дневальному.

— Не могу знать, Андрей Ягорычъ! отвѣчалъ дневальный, молодой солдатикъ.

— А они съ вечера ничего тебѣ не приказывали?

— Никакъ нѣтъ, Андрей Ягорычъ!

Унтеръ окинулъ его испытующимъ взглядомъ, одернулъ на себѣ португую и, медленно, съ достоинствомъ повернувшись, пошелъ по направлению маленькой двери, ведущей повидимому въ какой-то чуланчикъ. Подойдя къ ней онъ остановился какъ бы въ нерѣшимости—входитъ или нѣтъ, снялъ кэпи, поправилъ волосы, еще разъ одернулъ португую и тогда уже отворилъ дверь.

Онъ очутился въ маленькой, до нельзя чисто прибранной комнатѣ съ деревяннымъ, когда то крашеннымъ поломъ, но съ котораго въ следствие частаго мытья краска вся слѣзла и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уцѣлѣла въ видѣ пятнышекъ неопредѣленнаго цвѣта. Единственное окно драпировалось ситцевой занавѣской и было украшено двумя банками съ традиціонной геранью; такого же ситца пологъ закрывалъ широкую кровать домашняго издѣлія; вдоль стѣнъ, сплошь покрытыхъ дубочными картинами, фотографическими карточками въ рамкахъ и картинками, выдранными изъ иллюстрацій,—стояли нѣсколько стульевъ, столъ и довольно объемистый сундукъ, обитый жестью и размазаванный фантастическими цвѣтами.

Это было помѣщеніе фельдфебеля 1-ой стрѣлковой роты Ивана Петровича Холодова. Этотъ Иванъ Петровичъ, кажется, родился въ полку и уже около тридцати лѣтъ служилъ въ званіи фельдфебеля. Почти всѣ офицеры полка перебували при немъ юнкерами и поэтому по прежней привычкѣ и изъ уваженія къ старику звали его не иначе какъ „Иванъ Петровичъ“, хотя и го-

ворили „ты“; но это нисколько не заставляло забываться ветерана какъ бы фамильярно ни обращались съ нимъ,—онъ никогда не выходилъ изъ рамки нижняго чина, опредѣленной уставомъ.

Роста онъ былъ высокаго и имѣлъ такой бодрый видъ, особенно въ шапкѣ, что никто не далъ бы ему болѣе сорока двухъ, сорока трехъ лѣтъ, безъ шапки онъ казался гораздо старше; ибо вся голова его была совершенно лишена волосъ, которые остались только по окраинамъ въ видѣ бахромы.

Въ ротѣ его любили и звали за глаза дѣдушкой.

Дежурный унтеръ-офицеръ, войдя въ комнату, почтительно остановился у самой двери и кашляя, приложивъ руку къ рту.

— Кто тамъ? послышался твердый голосъ изъ за полога

— Дежурный, Иванъ Петровичъ.

— Ты что?

— Зорю пробрили, люди встаютъ...

— Ладно! Пошли ко мнѣ писаря, да чтобъ приказъ съ собой захватить... Пришелъ онъ что ли?..

— Такъ точно, вечеромъ еще часовъ въ одиннадцать пришли..

— Ладно! Вотъ и его отбою сейчасъ!.. Посылай скорѣй! Дежурный вышелъ, а Иванъ Петровичъ, ворочаясь на своемъ фельдфебельскомъ ложѣ, что то бормоталъ про себя

Ротный писарь тоже была редкость своего рода, но редкость незавидная, хотя обладалъ необыкновенными писарскими качествами, какъ то прекраснѣйшимъ почеркомъ и громадными свѣдѣніями по всевозможнымъ отчетностямъ, шнуровымъ книгамъ, спискамъ, вѣдомостямъ и т. п. Въ ротѣ онъ находился, какъ и Иванъ Петровичъ, съ незапамятныхъ временъ и, благодаря своимъ способностямъ, зналъ и помнилъ рѣшительно все, что касалось ротной письменной части; это былъ ходячій архивъ, въ которомъ можно было получить какую угодно справку лѣтъ за двадцать.

Иванъ Петровичъ и Александръ Семеновичъ (такъ звали писаря) были немисными другъ безъ друга, одинъ дополнял другаго и вмѣстѣ выходило нѣчто цѣльное, стройное, безъ чего, казалось, рота и не могла бы существовать. Какъ въ Иванѣ Петровичѣ заключались всѣ строевыя качества, такъ въ Александрѣ Семеновичѣ свѣщалось все, что касалось дѣла нестроевыхъ.

Отношенія между ними были самыя оригинальныя: какая-то смѣсь начальническихъ и дружественныхъ, при чемъ въ самыя интимныя минуты, напримѣръ за графинчикомъ водки (выпить любилъ она) Иванъ Петровичъ не покидалъ до нѣкоторой степени покровительственнаго тона. Онъ говорилъ своему другу „ты“, а тотъ ему „вы“—и самой почтительной интонаціей. Впрочемъ, и Иванъ Петровичъ въ особо важные моменты и въ то время когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа говорилъ ему и „вы“, но это такъ—между прочимъ и не больше при гостяхъ „для парада“.

Иванъ Петровичъ, какъ мы уже сказали, любилъ пить и выпивалъ иногда здорово, но пить „по-фельдфебельски“, какъ у насъ говорится, т. е. въ свободное отъ службы время и ровно столько, чтобы не быть „вдребезги“ пьянымъ; онъ только краснѣлъ и если его спрашивалъ о чемъ нибудь начальникъ, то докладывалъ особенно подробно и обстоятельно, а въ кругу равныхъ пускался въ философію. Онъ хотя и пилъ, но никогда не забывалъ, что онъ военный и долженъ всегда сохранять бодрый видъ. Только въ случаѣ сильнаго огорченія Иванъ Петровичъ заливалъ мертвую до положенія ризъ и если не принималось никакихъ мѣръ, чтобы лишить его возможности допивать водку, то запой его продолжался дней 8—10; но это уже знали и въ такихъ случаяхъ (которые были чрезвычайно рѣдки) ротный командиръ отправлялъ старика обыкновенно въ лазаретъ, такъ какъ сажать его въ карцеръ было положительно нельзя съ его четырьмя георгиевскими крестами и цѣлой кучей медалей, изъ которыхъ двѣ были у него на шеѣ, одна золотая, другая серебряная.

Александр Семенович не обладал силой воли, что было ему извинительно как нестроеному, и вполне предавался своей страсти: всё деньги, какія только попадали ему въ руки, пропивались въ тот же день, при чемъ онъ не брезгалъ и посторонними угощениями пріятелей или людей, нуждавшихся въ немъ. Пилъ онъ безъ мѣры, хмѣльѣтъ очень быстро и пилъ все-таки, пока не лишался сознанія; въ такомъ видѣ онъ доставлялся обыкновенно въ роту и запирался въ цейхгаузъ впродолженіе окончателнаго вытрезвленія. Иногда, если у него долго не бывало денегъ, онъ продавалъ и закладывалъ рѣшительно все, что у него имѣлось. Одна только вещь оставалась неприкосновенной, это—мундиръ, которымъ онъ гордился и ни за что не рѣшался его продать даже и тогда, когда онъ приходилъ въ полную ветхость. Въ этомъ случаѣ, получивъ новую одежду, Александръ Семеновичъ отправлялся въ ротную пекарню и собственноручно сжигалъ его въ хлѣбопекарной печи; въ концѣ этой церемоніи Александръ Семеновичъ непременно прослезится и ужъ какъ ни какъ, а добьется денегъ и вынѣтъ.

Если ему кто нибудь говорилъ:

— Зачѣмъ это вы, Александръ Семеновичъ, добро-то ждете? продали бы лучше: все копѣекъ сорокъ дадутъ....

Онъ принималъ гордый видъ,—что не шло къ его ослышному, сиво-багровому и вѣчно небритому лицу, покрытому какъ бы щетиной,—окидывалъ спрашивающаго презрительнымъ взглядомъ и изрекалъ, именно—изрекалъ:

— Ахъ ты дубина, дубина!.. Никакой тоишь въ васъ, болваняхъ, образованности нѣтъ!.. Ну, подумай—что ты сказалъ, дурацкая твоя банка!.. Развѣ мундиръ можно продавать?... Отца съ матерью продаютъ? А? Икону продаютъ? Николу Чудотворца, небось, потащишь на базаръ?... А?

— Никакъ нѣтъ!.. отвѣчалъ онъ привычно и обыкновенно солдатъ.

— Ну такъ то-то же вотъ и есть!.. Мундиръ—также! Понялъ?... закладывалъ онъ торжественно и, вздохнувъ, отходилъ въ сторону.

Слабость его къ спиртнымъ напиткамъ была извѣстна всѣмъ и къ ней такъ привыкли, что его никто даже и не наказывалъ за нее; только когда въ ротѣ случалась экстренная работа, то Иванъ Петровичъ дѣлалъ распоряженіе запереть его въ канцелярію и не выпускать до тѣхъ поръ, пока все будетъ окончено.

Вскорѣ дверь фельдфебельской комнаты снова растворилась и на порогѣ показался самъ Александръ Семеновичъ въ доверху застегнутомъ мундирѣ съ сверткомъ бумаги въ рукахъ.

— Писарь, ты? спросилъ Иванъ Петровичъ изъ-за полога.

— Я, Иванъ Петровичъ, имѣю честь поздравить васъ съ добрымъ утромъ!.. отвѣчалъ тотъ, раскланиваясь по направленію ситцеваго полога, за которымъ скрывался фельдфебель.

— Ладно, ладно!.. Вотъ я тебя сейчасъ поздравлю!.. слышалось оттуда, затѣмъ занавѣска колыхнулась и оттуда показался Иванъ Петровичъ въ полнѣйшемъ еще дезабилье, по верху котораго была только накинута шинель. Писаря передрнуло, онъ даже вздрогнулъ и опять нѣсколько разъ поклонился, но, замѣтивъ, что Иванъ Петровичъ направляется не къ нему, а въ противоположную сторону—къ окошку, успокоился.

Иванъ Петровичъ опустился на стулъ и строго взглянулъ на Александра Семеновича.

— Опять зашлялся!.. Безъ приказа вчера роту оставилъ! А?... Знаешь я этого не люблю!.. Служить такъ служить!.. Мало тебѣ времени налимониывать то?... Почему приказъ вчера не принесъ?... А?

— Виноватъ, Иванъ Петровичъ!.. Я приказъ то въ свое время вынесалъ, да тутъ къ кому на минуточку забѣжалъ.... тотъ водочки.... Ну, я и виноватъ, Иванъ Петровичъ....

— То-то—виноватъ, а ротному доложу, хочешь?..

— Не докладывайте, Иванъ Петровичъ!..

— Не докладывайте!.. Доложу вотъ!.. Ты думаешь ротный то похвалитъ?

Писарь молчалъ.

— А ты отвѣчай, когда спрашиваютъ! Похвалитъ или нѣтъ?

— Извѣстно—нѣтъ, Иванъ Петровичъ!..

— Морду онъ велитъ побить, вотъ что!.. И правильно—потому это свинство!.. Время долженъ звать!..

— Виноватъ, Иванъ Петровичъ!.. Простите великодушно первую вину!..

— Ну ладно,—нечего Лазаря то строить!.. Знаемъ мы эту первую вину!.. Читай приказъ коли ежели что касающее.

Александръ Семеновичъ, развернувъ свертокъ, который держалъ въ рукѣ, принялся читать.

„Каравулъ отъ 2-го баталіона полковой, бригадный, дивизионный и городской. Дежурный по полку....“

— Чего ты тамъ зря то читаешь? перебилъ его Иванъ Петровичъ. Сказано—читай что принадлежить.

Писарь пробѣжалъ нѣсколько параграфовъ и началъ снова:

„Прапорщикъ 1-й стрѣлковой роты Силковъ командиромъ названной роты назначается на два раза не въ очередь на службу за неприбытіе на занятія“.

— И за дѣло!.. Человѣкъ молодой, только еще офицерскіе погоны получилъ—служить бы да служить, а онъ въ лѣтность!.. За дѣло!.. одобрилъ Иванъ Петровичъ.

„Его превосходительство начальникъ штаба корпуса по при-

казанію его высокопревосходительства корпуснаго командира въ пятницу 16-го сего февраля изволить осматривать новобранцевъ вѣтреннаго мѣся полка въ 10-ть часовъ утра. Для сего всѣмъ новобранцамъ въ мундирахъ перваго срока и въ полной боевой амуниціи быть выстроенымъ къ 9-ти часамъ въ помѣщеніяхъ своихъ ротъ. Г. г. офицерамъ быть въ парадной формѣ“.

— Вотъ это такъ!.. воскликнулъ Иванъ Петровичъ; съ этого бы и начинать слѣдовало, а ты тамъ про караулы завелъ!.. Ну, ладно, читай дальше.

— Все, Иванъ Петровичъ, больше принадлежащаго нѣтъ

— Не врешь?

— Ей Богу нѣтъ!.. загнулся тотъ, есть еще насчетъ доставленія списковъ на истребованіе жалованья.

— Какже ты говоришь—нѣтъ?

— Да это вѣдь еще къ пятницу, а это къ средѣ... успѣемъ еще....

— Нѣтъ не успѣемъ.... а ты вотъ садись сейчасъ да и пиши!.. Пока всѣ списки не будутъ готовы,—я тебя на шагъ изъ казармы не пущу!..

— Иванъ Петровичъ!..

— Нечего, Иванъ Петровичъ,—садись!..

— Иванъ Петровичъ, мнѣ бы только на полъ-часика!.. Къ кому тутъ... взмолился тотъ, строя умильное лицо.

— Знаю я эти полъ-часика—на полъ-минуты не вынушу!..

Писарь сокрушенно опустилъ голову и машинально перебиралъ листики приказа.

— И какъ это вамъ, право, не совѣстно, Александръ Семеновичъ, заговорилъ вдругъ Иванъ Петровичъ, переменяя начальническій тонъ на дружественный,—человѣкъ вы умный, а какое поведеніе? ужели не можете!..

Писарь молчалъ въ унылой позѣ.

— А вы садитесь-ка, да сами подумайте надъ собой!..

Писарь съѣлъ, неподвижная голова.

— Вы хоть бы на себя то въ зеркало посмотрѣли!.. Срамъ просто, чисто пузырь надулись.... а вы опять проситесь!..

— Да мнѣ, Ей Богу, на полъ-часика!..

— На полъ-часика!.. Знаю я эти полъ-часика!.. И давно-ли я съ васъ по приказанію ротнаго командира взыскивалъ.... Забыли?... Съ вѣдомостями то не управились тогда?

— Чтожь, Иванъ Петровичъ, извѣстно—по положенію: я не обижаюсь!.. За дѣло!

— За дѣло то, за дѣло,—а все-таки совѣсть должно имѣть!..

Вы человѣкъ образованный!.. Вотъ теперича—доложу я ротному, что приказъ только утромъ написали—чтожь хорошаго то будетъ?!

— Вы ужъ не докладывайте!..

— Не доложу ужъ, не доложу!.. успокоилъ тотъ,—а только чтобъ этихъ неисправностей у меня больше не было: дружба—дружбой, а служба—службой!.. Въ другой разъ безиремѣнно доложу! Однако и въ роту нора!.. Крикните-ка ко мнѣ дежурнаго!..

Александръ Семеновичъ всталъ, растворилъ дверь и, крикнувъ дежурнаго, хотѣлъ было юркнуть въ роту, но Иванъ Петровичъ слѣдилъ за нимъ.

— Ты куда?... окликнулъ онъ.

— Я полагаю—я вамъ больше не нуженъ, Иванъ Петровичъ!.. смутился тотъ.

— Нѣтъ, подожди малость!.. Сейчасъ отпущу.

Въ непритворенныхъ дверяхъ показался тотъ же бравый унтеръ, который приходилъ будить Ивана Петровича.

— Чего изводишь?... произнесъ онъ.

— Возьми вотъ Александра Семеновича, указалъ онъ ему на писаря,—и запри ихъ въ канцелярію, а ключъ принеси ко мнѣ.

— Слушаюсь, Иванъ Петровичъ!.. Пойдемте!.. добавилъ онъ, обращаясь къ писарю, и взялъ его подъ руку.

Писарь вздохнулъ, поклонился фельдфебелю и, проговоривъ не безъ ироніи: „имѣю честь свидѣтельствовать мое почтеніе“, покорно пошелъ за дежурнымъ.

Иванъ Петровичъ, оставшись одинъ, неторопясь умылся, одѣлся, помолился Богу, посмотрѣлся въ маленькое складное зеркальце и, убѣдившись, что исправенъ, вышелъ въ роту.

Занятія начинались и шли своимъ порядкомъ; одинъ за другимъ пришли субалтернъ-офицеры, а самъ ротный командиръ, къ огорченію Ивана Петровича, не явился.

„Что это за наказаніе, прости, Господи!.. думалъ съ досадою старикъ про себя,—смотри на носу, онъ и ухомъ не ведеть!.. Какія времена пришли!.. Бывало передъ смотромъ ротный командиръ ночуетъ въ ротѣ, а теперъ и на занятія не идетъ!..“

Занятія окончились, ротный командиръ такъ и не появился. Иванъ Петровичъ рѣшился идти къ нему подъ предлогомъ получить распоряженія на счетъ предстоящаго смотра, на самомъ же дѣлѣ—чтобы узнать почему ротный не былъ: такая „нерадивость“ болно задѣвала стараго служаку.

„Можетъ, они заболѣли“, утѣшалъ онъ себя, но самъ же и понималъ, что наврядъ ли болѣзнь причиной.

Наскоро пообѣдавъ и заглянувъ въ канцелярію, гдѣ Александръ Семеновичъ оканчивалъ уже третій экземпляръ спи-

Литературный альбомъ. „Война и миръ“, Гр. Л. Н. Толстаго. Обѣздъ линій кн. Багратиономъ. (Шенграбень).
Ориг. рис. Р. Штейна, гравир. Флюгель.

Рускіе типы и сцены. Осмотръ лѣса покупщиками. Ориг. рис. Р Штейна, грав. М. Рашевскій.
Библиотека "Руниверс"

сковъ, Иванъ Петровичъ вышелъ изъ казармъ, сказавъ дежурному, что отпрашивается къ ротному командиру за приказаніями.

II.

Командиръ 1-й стрѣлковой роты штабсъ-капитанъ Поливановъ былъ человѣкъ еще молодой, лѣтъ 30-ти, изъ „воспитанниковъ“ Ивана Петровича. Юнкеромъ поступилъ онъ въ роту, когда Иванъ Петровичъ былъ уже въ ней фельдфебелемъ и подъ его руководствомъ и начальствомъ началъ свою службу. Теперь уже онъ самъ командуетъ этой ротой года три.

Иванъ Петровичъ повидимому относился къ своему ротному командиру съ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ; но въ самой глубинѣ своей души (въ чемъ, впрочемъ, не сознавался даже самому себѣ) считалъ его за мальчика, оставлять котораго безъ надзора ни коимъ образомъ нельзя.

На самомъ дѣлѣ штабсъ-капитанъ Поливановъ былъ недурнымъ командиромъ,—знающимъ, и любящимъ свою службу, но, разумѣется по своему—не такъ какъ любилъ ее старикъ; но это то и не нравилось старику-служакъ, считавшему манкировку за преступленіе.

Наканунѣ Поливановъ очень долго проигралъ въ карты, проспалъ часть утреннихъ занятій и поэтому не пошелъ въ роту.

Проснувшись часу въ 12-мъ, т. е. въ то время, когда въ ротѣ занятія уже были окончены, онъ приказалъ открыть въ своей спальнѣ ставни и подать себѣ стаканъ чая, который обыкновенно пилъ въ постели.

Деньщикъ, подавъ стаканъ съ горячимъ чаемъ и горячей же булкой, осадилъ шагъ назадъ и, одернувъ свою ситцевую рубашку надѣтую на выпускъ, доложилъ:

— Ваше бр-дѣе, фельдфебель пришли!..

Поливановъ поморщился, предчувствуя, что Иванъ Петровичъ будетъ говорить что нибудь неприятное, но не принять его считать невозможнымъ. Нетерпѣливо повернувшись на кровати, онъ нервно помѣшалъ ложечкой въ стаканѣ и послѣ этого уже произнесъ:

— Позови.

Черезъ минуту на порогѣ показался самъ Иванъ Петровичъ, по формѣ туго перетянутый сабельной португеей.

— Здравствуй, Иванъ Петровичъ! привѣтствовалъ его Поливановъ, мелькомъ взглянувъ въ его серьезную физиономію.

— Здравія желаю вашему благородію! отвѣтилъ тотъ, отчетливо произнося каждое слово, въ чемъ выражалась его солидность, такъ какъ обыкновенный смертный произнесъ бы это привѣтствіе съ особымъ шикомъ, невыговаривая словъ, вслѣдствіе чего вмѣсто слова „благородію“, напримѣръ, получалось „бродію“, вмѣсто „ваше высокоблагородіе“—„васкобродіе“ и т. д.

— Что скажешь, Иванъ Петровичъ? спросилъ Поливановъ, стараясь придать своему тону неприужденность.

— Приказъ сегодняшній изволили читать, ваше б—дѣе?

— Читалъ, а что?

— Въ ротѣ то вы сегодня не изволили быть... я и явился—не будетъ ли, молъ, какихъ нибудь приказаній на счетъ смотра... потому думаю: можетъ, они и завтра въ роту не пожелаютъ, а времени остается не много: кое-что тоже приготовить надо будетъ.

— Да, да, да!.. Какже!.. Нѣтъ, я завтра непременно приду,—тогда и прикажу что надо... Да, вѣдь, ты и самъ, Иванъ Петровичъ, знаешь... не въ первый разъ... все по старому: чтобы на людяхъ чистое бѣлье надѣто было... Да чтобы взводные сами все осмотрѣли...

— Слушаю, ваше благородіе.

Это „слушаю“ Иванъ Петровичъ всегда произносилъ съ особенной, только ему свойственной интонаціей—какой-то успокоивающей и заставляющей быть увѣреннымъ, что приказаніе дѣйствительно будетъ исполнено со всею точностью.

— Ну, потомъ,—чтобы все было въ порядкѣ прибрано, подметено...

— Слушаю, ваше благородіе.

Поливановъ подыскивалъ въ умѣ что бы приказать еще, но рѣшительно ничего не могъ придумать, какъ это часто бываетъ, когда у человѣка въ головѣ совершенно не то, о чемъ онъ говоритъ.

— Ну, вотъ и все! произнесъ, наконецъ, Поливановъ, убѣдись, что больше не придумаешь никакого приказанія.

— Слушаю, ваше благородіе, отвѣтилъ Иванъ Петровичъ и на это все также успокоительно, но не повергивался „кругомъ“, чтобы уходить, а оставался въ той-же неподвижной позѣ, какъ бы ожидая еще чего нибудь.

Поливановъ спокойно заерзалъ на своей постели.

— Что, еще что нибудь есть? спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,—больше ничего.

— Ну такъ вотъ я сейчасъ тебя водкой попотчую и ступай себѣ съ Богомъ: завтра я самъ приѣду. Эй! крикнулъ онъ деньщика.

— Покорѣйше благодарю, ваше благородіе, а не желаю...

— Вздоръ, вздоръ!.. Подай рюмку водки да закусить чего нибудь, живо! приказалъ онъ появившемуся деньщику.

— Покорѣйше благодарю, ваше благородіе,—не желаю, настоячиво повторилъ старикъ, что служило признакомъ, какъ это зналъ Поливановъ, что онъ имъ недоволенъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Въ древнемъ Вавилонѣ.

Изъ книги Фр. Делча.

Перенесемъ въ дальнюю страну и въ еще болѣе отдаленное время. Страна эта—Вавилонія; знакомо имя это каждому изъ насъ съ дѣтства. Тамъ именно люди хотѣли возвести башню до небесъ, тамъ находили роскошный Вавилонъ съ чудными висячими садами. Конечно теперь страна представляетъ мало заманчиваго. Чудныя пальмы все еще окружаютъ Багдадъ и другіе города, но цѣлые пальмовые лѣса непрерывно тянулись вдоль великихъ рѣкъ, теперь же страна однообразна—это истинная пустыня. Кое гдѣ виднѣются груды развалинъ, водопроводы всѣ почти занесены пескомъ и только пастухи со своими стадами—единственные жители равнины.

Совсѣмъ не то было во времена отдаленной древности, между 2,000 и 500 годами до Р. Х. „Вавилонія—садъ міра“, говорили тогда. Омываемая Тигромъ и Евфратомъ, страна цвѣла и зелѣла. Быстро изливаясь съ далекихъ горъ въ море, рѣки эти, впродолженіи многихъ столѣтій, нагромождали у своего первоначальнаго устья массы земли,—это и была Вавилонія. На этой наслонившейся жирной и плодородной почвѣ развивалась старѣйшая, извѣстная до сихъ поръ культура не только въ Азіи, но по всей вѣроятности старѣйшая вообще человѣческая культура. Но и тутъ было примѣрное изреченіе: „Въ потѣ лица твоего будешь зарабатывать хлѣбъ“. Ежегодно, во время таянія снѣга на горахъ, и быстрый Тигръ и медлительный Евфратъ переполнялись водою, выходили изъ береговъ, затопляли поля и уносили тысячи, десятки тысячъ человѣческихъ жизней. И въ этой странѣ потопись люди стремились оградить себя отъ наводненій и закрыли рѣки плотинами и каменными стѣнами. Задумали отводить воду изъ рѣкъ и не только дѣлать ихъ безопасными, но напротивъ, извлекать изъ нихъ пользу, сберегая воду на все время года. И вотъ, въ глубокой древности страна уже покрывается сѣтью большихъ и малыхъ каналовъ, которыхъ преросходно устроенная сѣтъ безпримѣрно увеличила и безъ того роскошную растительность страны. Геродотъ, говоря о плодородіи Вавилоніи, отказывается описывать—только очевидецъ, говоритъ онъ, могъ придать вѣру его словамъ. По обилію хлѣба и пальмъ страна была выше всѣхъ другихъ; тогда извѣстная поля ея приносили больше чѣмъ поля Египта, образуя неисчерпаемую житницу. Сплошная пальмовая роща тянулась до морскаго берега. Плоды росли во множествѣ, пшеница и рожь родились самъ дѣвсти и даже самъ триста. Поистинѣ благодатный

край! Огромные, обнесенные каменными стѣнами города, безчисленные маленькіе городки и поселенія покрывали страну, не прорѣзанную ни одною возвышенностію, и глазъ, на сколько не скрывали мѣстность пальмы, видѣлъ вокругъ все на разстояніи нѣсколькихъ миль. Одинъ городъ проѣдетъ путникъ—а второй и третій открывался уже на горизонтѣ, выдѣляясь своими террасами и массивными башнями и храмами. Прекрасныя дороги, оживленныя обозами съ товаромъ, легкіе мосты перекидывались черезъ каналы, и каналы, сперва назначенные для орошенія страны, стали путями сообщенія. А между городами и деревнями тянулись правильно разграниченныя поля и роскошные луга, гдѣ паслись многочисленныя стада рогатаго скота, овецъ. Не было, однако, недостатка и въ болотахъ, особенно въблизи моря. Высокій тростникъ укрывалъ логовища хищныхъ вѣзрей, волковъ, шакаловъ, гиенъ, лисицъ и львовъ. Левъ, не смотря на вѣковое преслѣдованіе и охоты, все же былъ настоящимъ бичемъ страны. Во множествѣ водились также и полезныя животныя; рѣки и каналы изобиловали рыбою.

Въ обширной Вавилоніи былъ настоящій маленькій рай. Извѣстно, что близъ нынѣшняго Багдада обѣ рѣки такъ сближаются, что отъ берега Тигра до берега Евфрата разстояніе всего шесть часовъ. На этомъ пространствѣ, которое въ древнія времена было еще уже на 1½ мили—Евфратъ измѣнилъ съ тѣхъ поръ свое русло, — началась канализація Вавилоніи. Отъ Евфрата до Тигра было проведено нѣскольکو большихъ судоходныхъ каналовъ, которые въ свою очередь были раздѣлены сотнями малыхъ каналовъ, живительная влага была проведена чуть не ко всякому дереву. Это пространство между нынѣшними городами: Багдадомъ на Тигрѣ и Гиллоу на Евфратѣ, которое можно проѣхать въ три дня, было въ древности застроено множествомъ городовъ. Одинъ большой городъ примыкалъ къ другому, раздѣляясь только пальмовыми рощами и полями. Тамъ былъ городъ Куригальцу, городъ Сефарваймъ, считающийся древнѣе самаго потопа: Синнарь бога солнца и Синнарь утренней зари. Греческіе и римскіе писатели съ восторгомъ говорили о поразительной красотѣ страны.

На югѣ этой райской страны лежалъ Вавилонъ—„Ворота Бога“. Къ сѣверу шли дороги въ вышеназванные города и далѣе отъ Тигра въ Ассирію, Армению и горные проходы Мидіи; на югъ дороги вели въ среднюю и южную Вавилонію, а также

въ не менѣе древніе города Нипуръ, Эрехъ и Ларсамъ. Къ этому присоединялось положеніе Вавилона на Евфратѣ. Вверхъ по теченію, городъ находился въ постоянномъ сообщеніи съ сирійскими городами, какъ Картемишъ, и съ Средиземнымъ моремъ; внизъ-же по теченію поддерживалось сообщеніе со всею Заевфратской областью, съ городомъ Уръ и берегами Персидскаго моря, откуда привозились произведения Аравіи и даже Индіи. Кромѣ того былъ еще другой двойной способъ сообщенія: караванные пути, шедшіе изъ Вавилона въ Сирію и Аравію, и доступный для самыхъ большихъ судовъ каналъ Арахту, который, выходя на сѣверѣ Вавилона изъ Евфрата, большимъ полукругомъ протекалъ по всей средней Вавлоніи, въ то время какъ вѣтвь этого канала проведена была къ Тигру и способствовала сообщенію съ царствомъ Эламитскимъ. Такъ въ Вавилонѣ шла вся торговля передней Азіи и приносила жителямъ гигантскаго города неисчислимыя богатства. Дѣйствительно, Вавилонъ былъ гигантскимъ городомъ, особенно при Навуходоносорѣ и тогда какъ былъ зимней резиденціей царей персидскихъ до самаго завоеванія его Александромъ Великимъ. Торговля и промышленность питала много-милліонныя населенія. Однако не по многочисленности только населенія и богатству, но и по великолѣпной зданій Вавилонъ былъ первымъ городомъ тогдашней Азіи.

Географическое положеніе Вавилона имѣло одно неудобство только съ одной стороны онъ имѣлъ естественную защиту, именно съ запада — городъ лежалъ на лѣвомъ восточномъ берегу Евфрата — Евфратъ представлялъ защиту, тѣмъ болѣе надежную, что городъ Борсиппа, лежавшій по ту сторону Евфрата къ пустышѣ, былъ сильно укрѣпленъ. Но именно съ этой стороны Вавилонъ не могъ ожидать нападенія, кромѣ набѣговъ дикихъ арабскихъ племенъ, съ которыми вавилонскіе концы и его знаменитая конница справлялись очень легко. Къ сѣверу же, особенно къ югу и востоку городъ былъ совершенно открытъ. Къ сѣверу можно было еще задержать непріятели, уничтоживъ мосты на каналахъ, но на востокъ и на западъ городъ былъ беззащитенъ. Вавилонскіе владѣтели во все время старались превратить городъ въ сильную крѣпость. Чтобы проникнуть въ древній Вавилонъ (за 568 лѣтъ до Р. X., т. е. за восемь лѣтъ до смерти Навуходоносора), надо было пройти прежде все его укрѣпленія.

Приближаясь къ городу съ сѣверо-востока, путникъ поражался великими массами могучихъ укрѣпленій. Цѣлое искусственное море (десять географическихъ миль въ окружности), открывалось взору. Копали глубоко, нока не вскрѣтили воду, затѣмъ отвели сюда избытокъ воды изъ Евфрата и окружили это искусственное море высокой, обсаженной тростникомъ плотной. Оставая море по лѣвую руку, путникъ приближался къ каменной стѣнѣ въ 300 футовъ вышиною и 80 шириною, окруженной широкимъ и глубокимъ ровомъ. Стѣна возводилась изъ выкопанной изъ рва глины, которую обрашали въ кирпичи. Асфальтъ служилъ цементомъ, а тростниковыя прослонки, положенныя черезъ каждыя тридцать кирпичей, придавали постройкѣ еще большую прочность. На верху стѣны, по наружнымъ краямъ высились дома, среднее же пространство образовывало широкую улицу. Сотни великолѣпныхъ, большихъ желѣзныхъ воротъ заирались въ этой высокой, какъ гора, стѣнѣ, превосходившей по величинѣ все подобныя извѣстныя сооруженія на землѣ: ее строили не тысячи или десятки тысячъ рабочихъ, но цѣлые народы, плѣнники Навуходоносора. Стѣна, черезъ которую не могла достать ни одна стрѣла, скрывала Вавилонъ не только съ восточной стороны, но и съ сѣверной и южной; загибался обоими крыльями къ западу, она доходила до Евфрата. Но и за этой стѣною еще не начинался собственно городъ. Хотя вдали и видны его храмы и дворцы и плоскія крыши его домовъ, но пространство, начинающееся за наружнымъ укрѣпленіемъ, покрыто полями и садами. Минувя кирпичные заводы, черпающие обильный матеріалъ изъ глинистой почвы, минуя овины, въ которыхъ вымолачивалось и просѣивалось зерно, мимо маленькихъ домиковъ, построенныхъ вдоль улицъ, ведущихъ къ воротамъ наружной стѣны, приближался постепенно къ необычайному, гигантскому городу, окруженному второю двойною стѣною. Это внутреннее древнѣйшее укрѣпленіе Вавилона, начатое Набополасаромъ и оконченное Навуходоносоромъ, не такъ велико какъ наружное, но также сильно. Это высокая насыпь, названная Нимити-Бель, т. е. стѣною Ваала; далѣе глубокой ровъ, высокие откосы береговъ котораго выложены кирпичемъ и асфальтомъ, затѣмъ собственно стѣна, названная Имгуръ-Бель, т. е. „милость Ваала“. Двойные ворота поражаютъ великолѣпиемъ: бѣлые мраморные плиты украшены сверху гигантской рѣзбой изъ кедроваго дерева,

кедровые створы воротъ покрыты мѣдными коваными тяжелыми пластинами, пороги и засовы все изъ мѣди, у входа колоссальные мѣдные быки и высоко воздымающіяся, извергающія пламя, мѣдныя змѣи. Черезъ ворота, у кожного угла стѣны, путникъ проходилъ Нимити-Бель и чрезъ ворота Имгуръ-Бель, только вступалъ въ городъ. Слѣдуя широкой, прекрасно содержанной, пустынной улицей, пройдя великолѣпный мостъ на восточномъ каналѣ Вавилона, и поворачивая направо по направленію къ Евфрату, вступалъ онъ въ цѣлое море домовъ Вавилона. Множество улицъ и переулковъ — расположены они все необыкновенно правильно, но самая правильность эта запугиваетъ и лишь съ трудомъ позволяетъ ориентироваться въ длинныхъ рядахъ трехъ- и четырехъ-этажныхъ домовъ. Эта часть города занята купцами, ремесленниками, торговцами все, чѣмъ издавна славится Вавилонъ, имѣетъ здѣсь представителей. Вотъ выставлена глиняная посуда, лампады и разная утварь, покрывал блестящею, прекрасною глазурью; тонкія нестрыя ткани, дорогіе ковры, мази и благовонныя воды; превосходныя золотыя украшения, тонкой художественной рѣзбы слоновая кость, печати изъ серпентина, халцедона и яшмы. Улицы необыкновенно оживлены. Медленно движется путникъ возлѣ мелочныхъ, желѣзныхъ и пр. лавокъ. Вотъ винныя погреба, — здѣсь пьютъ финиковое вино цѣльное или смѣшанное съ водою Евфрата, славящееся своимъ приятнымъ вкусомъ и которая, наливая въ каменные кувшины, простоявъ нѣсколько часовъ, достигаетъ значительнаго охлажденія. Все ходятъ съ палками, украшенными яблокомъ, розою, лиліею, орломъ или какимъ нибудь изображеніемъ въ этомъ родѣ. Носятъ палки все. Она придаетъ пожилому печенный, патриархальный видъ, этому не мало способствуетъ и платье — длинная полотняная одежда, поверхъ которой надѣтъ шерстяной хитонъ, а сверхъ его небольшой бѣлый плащъ. Болосы на головѣ длинны, расчесаны и перевязаны лентами. Все тѣло растерто благовонными маслами.

По мѣрѣ углубленія въ улицу движеніе все усиливается, а за мѣдными воротами, запирающими каждую улицу, минуя кирпичную стѣну вдоль рѣки, открывается Евфратъ и совершенно иная картина. Берега Евфрата плоски, но Навуходоносоръ возвелъ по обоимъ берегамъ его чудныя набережныя. На нихъ громоздятся массами товары Арменіи, Сиріи и Месопотаміи; особенно много пальмовыхъ бочекъ, наполненныхъ виномъ, тутъ же товары юга или идущіе на югъ. Финикійскіе и армянскіе матросы, купцы всехъ національностей и парбѣи толпятся на берегу Евфрата покрыты сугубо всевозможныхъ родовъ. Особенно интересны круглыя кожаные корабли. Иногда значительныхъ размѣровъ суда эти дѣлаются въ Арменіи; изъ легкой вербы дѣлаютъ остовъ обтягиваютъ кожей, безъ кормы и носовой части; наполняютъ судно тростникомъ и нагружаютъ товаромъ. По прибытіи въ Вавилонъ, остовъ корабля и тростникъ продаются съ торговъ на дрова, а кожи нагружаются на ослы, которые отвозятъ ихъ обратно въ Арменію, гдѣ снова ихъ употребляютъ на устройство судовъ. На сѣверѣ стѣ Евфрата расположены величайшіе торговые дома, центръ ихъ — банкъ. Это дворецъ на широкихъ террасахъ. Тутъ сосредоточивается торговля, совершаются все частныя торговыя дѣлки. Внутри и внѣ дворовъ огромнаго зданія движется дѣловая толпа. Тутъ уплачиваются налоги за пользованіе улицами и каналами, устанавливается ввозная пошлина, дѣлаются займы на проценты, заключаются покупки зерна, финиковъ, дерева и кирпича, тутъ же нанимаются дома съ описями или безъ нихъ, продаются корабли и лодки, арендуются поля, подражаются рабочіе и идетъ торговля рабами и рабынями. Условія покупки и договоры записываются сперва на папирусѣ, затѣмъ клинообразными письменами переводятся на глиняныя таблицы, на которыхъ обѣ стороны прикладываютъ печати, или за неимѣніемъ ихъ выдавливаютъ свой ноготъ, послѣ чего таблицы обжигаются. Толпы писцовъ заняты переписываніемъ условий, счетовъ и квитанцій — писцы Вавилона считались лучшими въ странѣ.

Чѣмъ далѣе мы отъ торговаго центра Вавилона, тѣмъ улицы лише и постройки грандіознѣе въ чудныхъ дворцахъ живетъ вавилонская знать, столько же извѣстная своимъ высокимъ образованіемъ, какъ и страстью къ роскоши и удовольствіямъ. Пройдя еще разъ восточный каналъ Вавилона, уже въ противоположномъ направленіи, попадали на громадную площадь, изрѣзанную маленькими каналами и прудами и обсаженную кустами и тѣнистыми деревьями. На юго-западномъ концѣ этой площади, или вѣрнѣе парка, высится на террасѣ, омываемой Евфратомъ, громадный храмъ „Неба и Земли“ — „Эсагиль“, бывшій нѣсколько столѣтій высокочтимой святыней всей Вавлоніи.

(Окончаніе въ слѣд. №)

Къ рисункамъ

Хіосскія дѣвушки.

(Рис. на стр. 492 и 493).

Художникъ переноситъ насъ въ времена древняго классическаго міра на островъ Хіосъ. Дѣвушки стоятъ, грустныя и задумчивыя, на скалистомъ берегу острова и печально смотрятъ вдаль,

на волнующееся море. Одежды ихъ красивыми складками падаютъ вокругъ стройныхъ членовъ. Онѣ ждутъ дорогаго, близкаго имъ путника, улыбающаго въ далекіе края на крутобокой триремы. Художникъ имѣлъ въ виду прекрасные стихи Андре Шенье:

О волны сына! Вернется ли снова онъ?

Иль смертью война погибъ онъ въ край дальнемъ?

Ему съ волнами шлемъ мы сердца горькій стонъ,
Рыдал трепетно на брегъ семь печальною.

Можно сказать, что художникъ достойно выполнилъ свою задачу, взявъ эту простую сценку изъ жизни древняго міра.

Молящаяся старушка.

(Рис. на стр. 497).

Прекрасная картина академика А. Г. Горавскаго „Молящаяся старушка“ была на вѣнской всемірной выставкѣ замѣчена, и критика въ то время отзывалась о ней съ тѣми похвалами, какихъ она заслуживаетъ. Копію съ этой картины исполнилъ прекрасно молодой граверъ г. Творожниковъ, ученикъ школы Общества поощренія художествъ въ С.-Петербургѣ. Исполненіе это дѣлаетъ честь школѣ и показываетъ насколько серьезно уже тамъ поставлены занятія. 31-го сего марта происходило ежегодно бывающее присужденіе премій за лучшія работы, представленные на конкурсъ. Преміи эти бываютъ двоякаго рода: одні для общаго конкурса, т. е. открытаго для всѣхъ желающихъ и со стороны, а другія раздаются исключительно ученикамъ и ученицамъ школы Общества. Коммисія, между другими,

хавшись отъ быстроты ѣзды, говорилъ быстро. Князь Багратіонъ произносилъ слова особенно медленно, какъ бы внушая что торопиться некуда. Онъ тронулъ свою лошадь по направлению къ батарее Тушина. Андрей поѣхалъ вмѣстѣ со свитой за нимъ. Подъѣхавъ къ батарее, гдѣ разорвало бомбу, князь пригнувшись оглянулся и остановилъ лошадь съ приемомъ хорошаго ѣздока. Они подъѣхали къ самой батарее.

— Чья рота? спросилъ князь Багратіонъ у фейерверкера, стоявшаго у ящиковъ.

Онъ спрашивалъ „чья рота“, въ сущности спрашивая „не робѣе ли вы тутъ?“ И фейерверкеръ понялъ это.

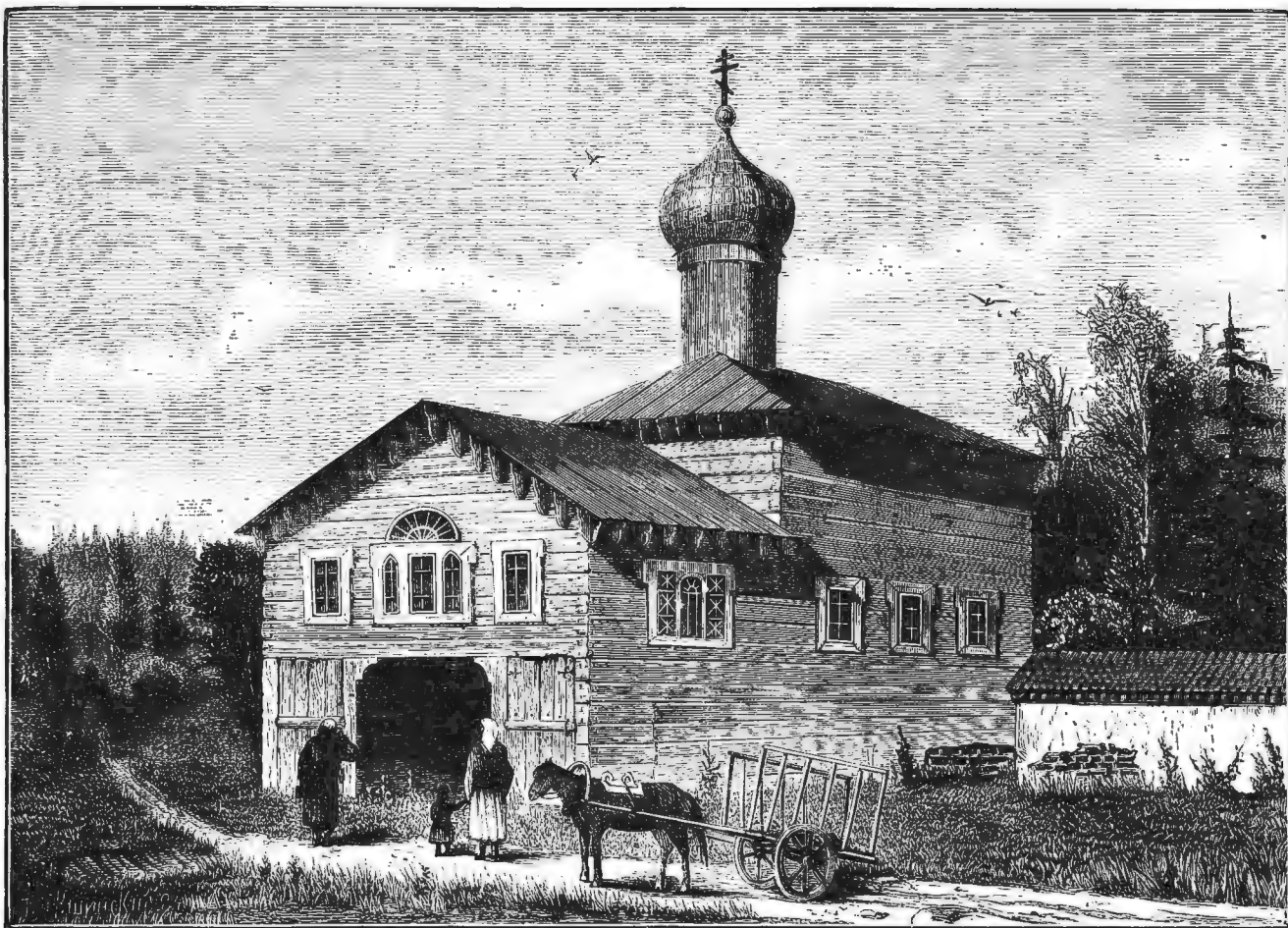
— Капитана Тушина, ваше превосходительство, вытягиваясь, закричалъ веселымъ голосомъ фейерверкеръ.

— Такъ, такъ! проговорилъ Багратіонъ, что то соображая...
Эта сценка и изображена нашимъ художникомъ.

Чилийскій военный крейсеръ „Эсмемральда“.

(Рис. на стр. 505).

Недавно, во время толковъ о войнѣ, въ газетахъ появилось извѣстіе, что республика Чили уступаетъ свой крейсеръ „Эсмемральда“ Англій, въ случаѣ началія военныхъ дѣйствій.

Церковь св. Трифона (Вятской губ., бл. г. Слободскаго). Ориг. рис. съ натуры А. Векшинскаго, грав. М. Рашевскій.

присудила въ нынѣшнемъ году одну изъ премій г. Творожникову, именно за эту гравюру съ картины г. Горавскаго, которую мы здѣсь помѣщаемъ, и читатели могутъ сами судить въ какой полной степени заслужена эта премія.

„Война и миръ“. Гр. Л. Н. Толстаго.

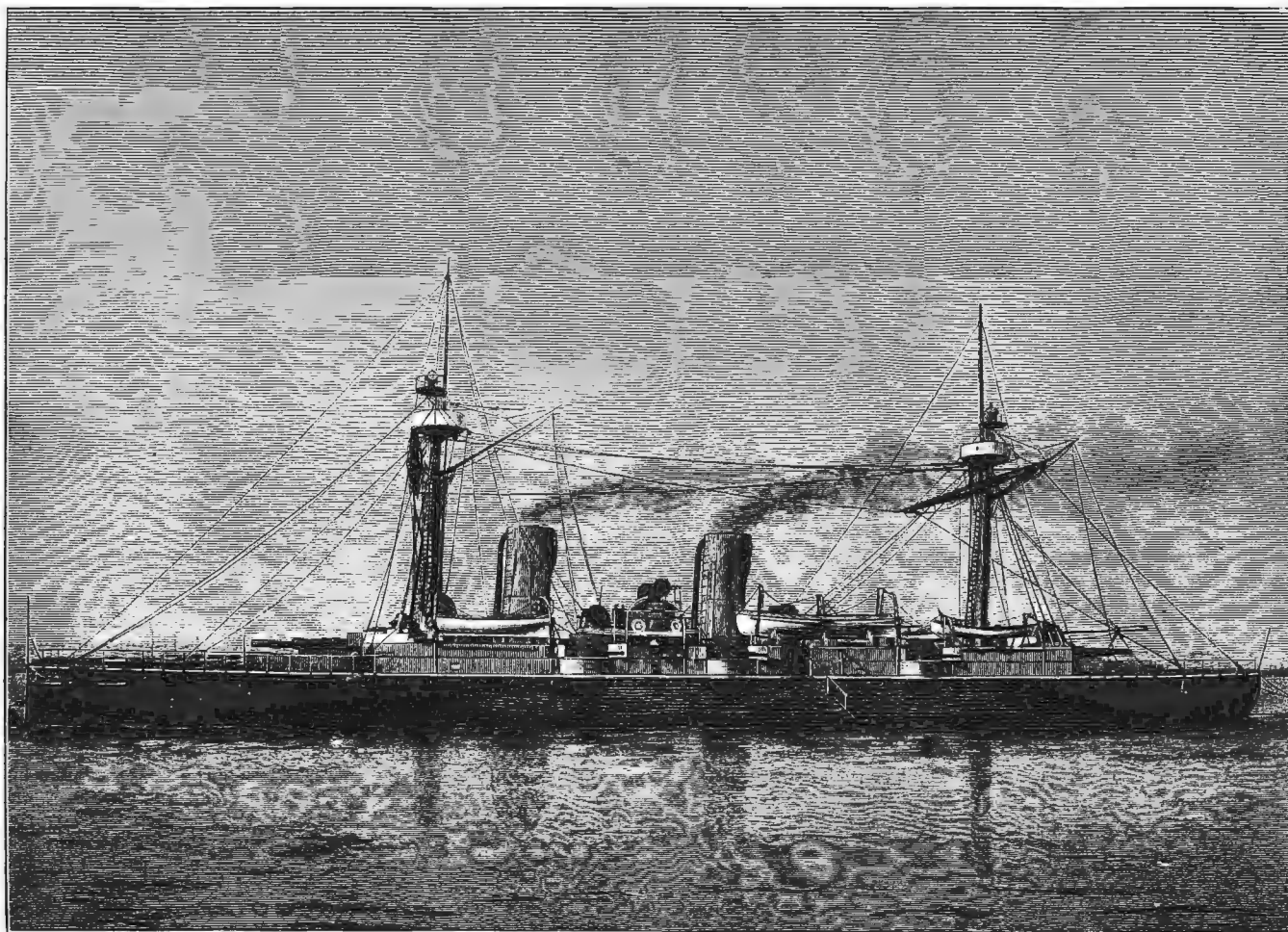
(Рис. на стр. 500).

Съ прекрасными иллюстраціями г. Штейна къ великолѣпному произведенію гр. Л. Н. Толстаго наши читатели уже знакомы. Между прочимъ, въ концѣ прошлаго года былъ помѣщенъ рисунокъ, относящійся къ превосходному, грандіозному эпизоду „Ночь подъ Шенграбеномъ 16 ноября 1805 г.“. Князь Андрей Болконскій отыскиваетъ Багратіона.

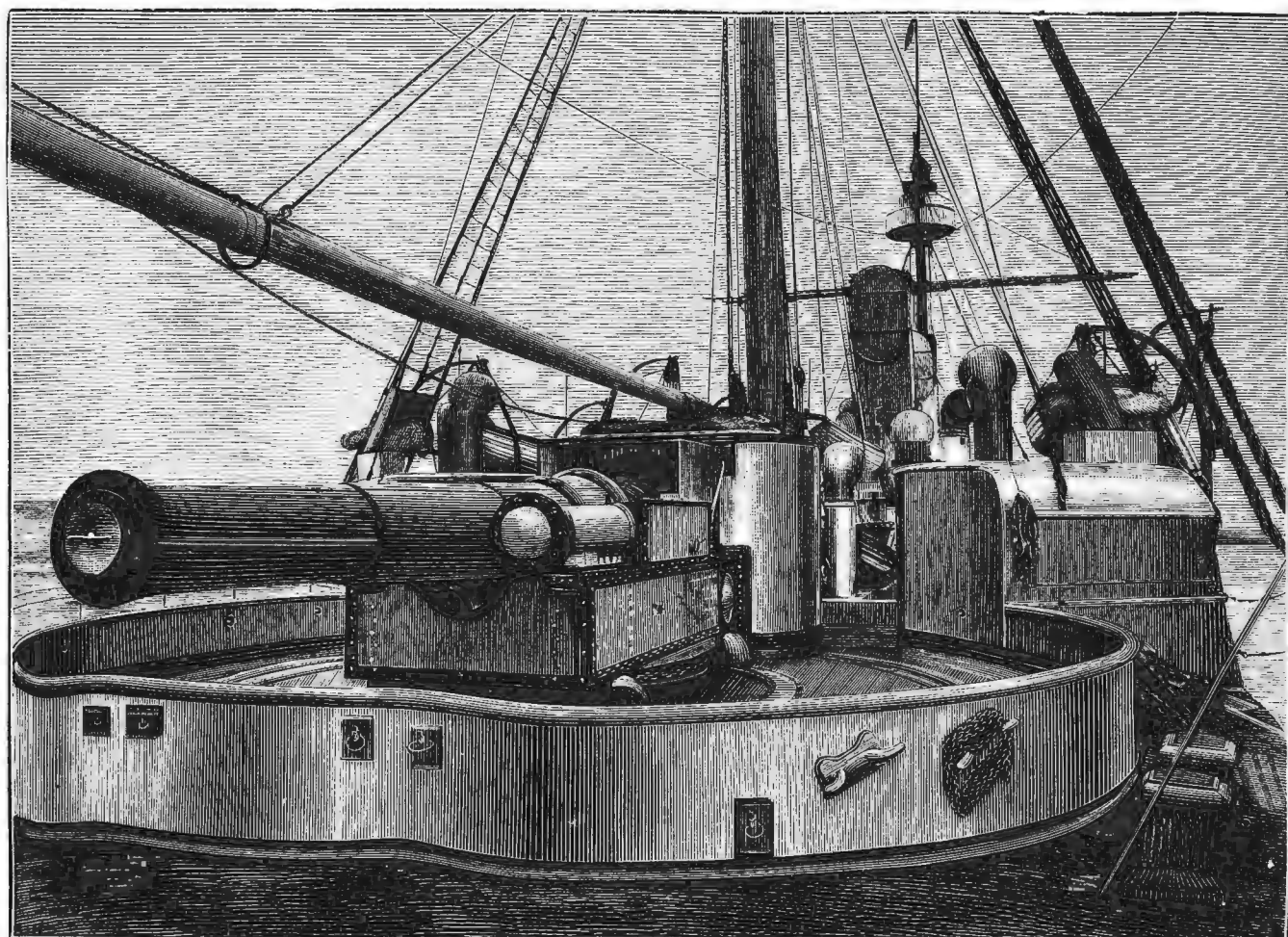
Не доѣхавъ еще до укрѣпленія, онъ увидѣлъ въ вечернемъ свѣтѣ пасмурнаго осенняго дня подвигавшихся ему на встрѣчу верховыхъ. Передовой, въ буркѣ и картузѣ со смушками, ѣхалъ на бѣлой лошади. Это былъ князь Багратіонъ. Онъ приостановилъ свою лошадь и узнавъ князя Андрея, кивнулъ ему головой. Онъ продолжалъ смотрѣть впередъ. Выраженіе: „началось вотъ оно!“ было и на крѣпкомъ, каремъ лицѣ его, съ полузакрытыми, какъ будто не выспавшимися глазами. Андрей, запы-

Чилийскій крейсеръ „Эсмемральда“, недавно построенный въ Англій, въ докахъ Армстронга, Митчеля и компаніи, представляетъ совершенно новый типъ судна, при сооруженіи котораго были приняты во вниманіе всѣ условія современной морской войны и приложены къ дѣлу всѣ послѣднія усовершенствованія кораблестроительной науки. Этотъ типъ крейсера, крытый броней, имѣющій большую скорость хода, сильныя средства обороны и наступленія, пригоденъ для самой разнообразной службы и безъ сомнѣнія займетъ ту же важную роль въ современномъ флотѣ, какую игралъ нѣкогда фрегатъ во флотахъ дней минувшихъ. Крейсеръ этотъ изображенъ на нашемъ рисункѣ.

„Эсмемральда“—судно умѣренныхъ размѣровъ. Длина его 270 фут., ширина 42 и водоизмѣщеніе 3,000 тоннъ. Стальная палуба простирается по всей длинѣ судна; кромѣ того защита всѣхъ валжнихъ, можно сказать жизненныхъ частей крейсера, усилена угольными ящиками, расположенными подъ броневой палубой. Весь корпусъ судна тоже стальной и раздѣленъ на множество отдѣленій. Машина, состоящая изъ двухъ горизонтальныхъ механизмовъ, четыре паровыхъ котла, а равно всѣ паровыя трубы также помѣщаются подъ стальной палубой. Всѣ машины были изготовлены на заводѣ Гоуторна и дали на пробѣ самые удо-

Новый чилийской крейсеръ „Эсмеральда“. По фотогр. грав М. Рашевскій.

Новое 10-дюйм. орудіе крейсера „Эсмеральда“ на поворотномъ станѣ. По фотогр. грав. М. Рашевскій. Библиотека „Руниверс“

влетворительные результаты. Артиллерія крейсера чрезвычайна тяжелая, принимая въ соображеніе малую величину судна. Такъ носовое погонное 10-ти-дюймовое орудіе завода Армстронга, изображенное на нашемъ рисункѣ, вѣситъ 25 тоннъ и пробиваетъ желѣзную броневую плиту въ 21 дюймъ толщины. Бортовые шестидюймовыя орудія Армстронга, по три на каждой сторонѣ, стоятъ на особаго устройства поворотныхъ станкахъ, расположенныхъ на полукруглыхъ площадкахъ, выступающихъ за бортомъ. На передкахъ станковъ укрѣплены прочныя стальные щиты для защиты какъ орудій, такъ и прислуги отъ огня штурманскаго и скорострѣльныхъ пушекъ. Эти щиты составляютъ совершенную новостъ въ дѣлѣ вооруженія военныхъ судовъ. Каждое орудіе поворачивается особымъ гидравлическимъ аппаратомъ. Рулевой приводъ тоже гидравлическій. На оконечностяхъ мостика поставлено по одной шестифунтовой скорострѣльной армстронговой пушкѣ, а на сѣткахъ утверждены пушки Гатлинга и Гочкиса. Мачтъ на крейсере двѣ, съ боевыми марсами, съ которыхъ можно также дѣйствовать скорострѣльными пушками. При дѣйствіи изъ малокалиберныхъ пушекъ, прислуга защищена стальными рѣшетками. Надъ штурмовою рубкою поставлена башня съ цѣлымъ рядомъ скорострѣльныхъ пушекъ. Для освѣщенія горизонта устроены большой электрической фонарь, кромѣ того всѣ внутреннія помѣщенія судна освѣщаются электричествомъ. Каюты для офицеровъ и команды отличаются просторомъ и превосходной вентиляціей. Вообще при постройкѣ крейсера „Эмеральда“ преслѣдовалось какъ главная цѣль — уменьшить по возможности число команды и какъ можно менѣе подвергать ее дѣйствію неприятельскихъ выстрѣловъ.

Кромѣ того, можно смѣло сказать, что въ настоящее время „Эмеральда“ самый быстроходный крейсеръ, превосходно слушающийся руля какъ при гидравлическомъ, такъ и при ручномъ приводѣ. Весь планъ его постройки во всѣхъ деталяхъ былъ выполненъ удачно и правительствомъ Чилийскаго республиканскаго правительства этого замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ крейсера, дало новую силу своему и безъ того довольно значительному флоту, одному изъ сильнѣйшихъ на Тихомъ океанѣ.

Осмотръ лѣса.

(Рис. на стр. 501).

Какъ хорошъ лѣсъ, какъ привѣтлива мирная сѣнь его, какое чудное сочетаніе тѣней, отблѣсковъ! Кто не любовался осеннимъ или свѣжимъ весеннимъ видомъ чернолѣся, могучими дубами, развесистыми кленами, величавыми, нѣсколько угрюмыми, хвойными и красными лѣсами! И этотъ лѣсъ, эту красу земли, прохладу въ зной, лѣсъ изъ котораго мы строимъ дома и отопляемся, не бережемъ особенно мы, разсчитывая, что у насъ его еще слишкомъ довольно, — но это мотовство, которое можетъ довести до бѣдности, не говоря о томъ, что климатическія условія измѣняются къ худшему съ уничтоженіемъ лѣсовъ. Старыя вѣковыя, зановѣдныя рощи безпрестанно продаются на срубъ и безжалостно уничтожаются самымъ хищническимъ образомъ. Цѣлыя ватаги лѣсоуборочителей-кулаковъ скупаютъ дѣлныя и отчуждаютъ и отъ лѣсовъ остаются только печально торчащіе нивы. Одну изъ такихъ печальныхъ картинъ представляетъ нашъ художникъ. Тутъ дѣло очевидно происходитъ въ западныхъ лѣсахъ: еврей-

факторы и лѣсопромышленники измѣряютъ уже деревья, осматриваютъ рощу, готовясь ее уничтожить и собирая съ нея обильную безжалостную дань, бѣжать на новые подвиги хищническаго лѣсоубороченія.

Обыденная церковь св. Трифона въ Вятской губ.

(Рис. на стр. 504).

Принявъ въ 1565 году постриженіе въ Пыскорской обители, преподобный Трифонъ, знаменитый просвѣтитель вотяковъ и вогуловъ, спустился внизъ по Камѣ къ пустынному мѣсту, гдѣ нынѣ находится многолюдный городъ Пермь. Здѣсь въ густомъ лѣсу нашелъ онъ могищу вотяковъ, — они приносили своимъ богамъ жертвы. Старшина Зевендукъ съ 70 вотяками пришелъ къ Трифону, спрашивая его кто онъ? Св. Трифонъ объяснилъ имъ весь ужасъ идолопоклонства, говорилъ о Богѣ, о сотвореніи міра, загробной жизни. На могищу стояла громадная ель, которая почиталась вотяками священной и которой они поклонялись. Трифонъ срубилъ ее и жертвы, которыя висѣли на вѣтвяхъ: золото, серебро, мѣха и другія вещи — сжегъ вмѣстѣ съ деревомъ. Когда узналъ объ этомъ вождь вотяковъ Албала, то прибылъ къ Трифону и былъ пораженъ силою слова и одушевленіемъ проповѣдника. Вотяки начали сочувственно относиться къ св. Трифону и его ученію. Христіанство скорѣе было принято сперва дочерью вотякаго вождя, а за ней и другими вотяками. Въ память этого востроенъ былъ св. Трифономъ Никольскій храмъ и дѣвъ часовня, извѣстныя еще по писцовой книгѣ 1624 года. Побывавъ послѣ этого еще разъ въ Пыскорской обители и обративъ и тамъ многихъ въ христіанство, Трифонъ ушелъ на рѣку Чусовую, поставилъ часовню и, что нынѣ близъ Перми, монастырь Успенія Богоматери. Преподобный Трифонъ въ 1580 г. отпѣлся въ Москву, гдѣ его посылали въ іеромонахи и царь Иванъ IV далъ грамоту на землю новой обители. Придя въ Хлыновъ, Трифонъ и здѣсь соорудилъ монастырь, гдѣ и поселился съ 40 человекъ братіи. Въ Москвѣ Преподобный явился лишь при царѣ Оеодорѣ Иоанновичѣ, который далъ монастырю угодья, села, озера и рыбную ловлю, патриархъ же посвятилъ его въ санъ архимандрита и пожертвовалъ для обители много иконъ, богослужебныхъ книгъ и разной утвари. Въ монастырѣ Трифонъ по предлежью продолжалъ вести суровый, строгій образъ жизни. Своею подвижническою жизнью онъ сталъ получать уже извѣстность и, призвавъ ее суетно, передалъ управленіе своему ученику Юнгѣ и опять отпѣлся въ дальніе страны. Много часовень-избъ выстроилъ онъ въ это время по рѣкамъ Камѣ и Вяткѣ и всюду обращалъ язычниковъ ко Христу. Одна изъ такихъ церквей-избъ, называемая „Обыденная“, при которой преподобный Трифонъ жилъ нѣкоторое время — изображена на нашемъ рисункѣ. Она находится недалеко отъ города Слободскаго и построена уже при концѣ жизни Преподобнаго, во время его болѣзни. Церковка нынѣ пришла въ ветхость, и народъ чтитъ ее какъ великую святыню. Послѣ постройки этой церкви Трифонъ, желая окончить жизнь въ востроенной имъ обители, на которую положилъ столько трудовъ, отправился къ Хлынову. Преподобный Трифонъ прожилъ въ обители не долго и скончался въ 1612 году, 70-ти лѣтъ отъ роду.

Политическое обозрѣніе.

Англія. — Германія. — Франція. — Италия. — Абиссинія. — Сѣверная Америка.

Обнародованіе „Синей книги“ по афганскому вопросу, произвело вообще неприятное впечатлѣніе въ англійской печати. Торійскія газеты прямо обвиняютъ правительство въ слабость, легковѣрїю и безрѣдѣльную уступчивость. „Daily-News“ говорить, что разоблаченные дипломатическою перепискою факты оправдываютъ настойчивое обращеніе Гладстона къ суду цивилизаціи и придаютъ несомнѣнную важность рѣшенію британскаго правительства сдѣлать Индійскую имперію неприступною. По мнѣнію той же газеты, разногласіе между Россіей и Англіей по афганскому вопросу имѣютъ лишь второстепенное значеніе и циникомъ образомъ не нарушаютъ вѣролпности удовлетворительнаго рѣшенія. Къ застою въ переговорахъ какъ обществу такъ и печати относится довольно спокойно. Оптимистическое настроеніе преобладаетъ повсюду, основанное главнымъ образомъ на томъ, что дипломатическое отступленіе Англіи по всѣмъ пунктамъ слѣдуетъ уже считать существующимъ фактомъ, равно какъ на томъ, что Россія, достигнувъ того чего добивалась, врядъ-ли рѣшится въ настоящее время предъявлять новыя требованія. На дняхъ въ Берлинѣ и Лондонѣ опять возникли слухи по вопросу о посредникѣ. Поводомъ къ этому послужилъ прїездъ въ Берлинъ графа Петра Андреевича Шувалова и лорда Розберри. Утверждаютъ, будто лорду поручено, не только узнать намѣренія германскаго правительства, но и предложить императору Вильгельму быть посредникомъ между Россіей и Англіей.

Вопросъ о престолонаслѣдіи въ Брауншвейгѣ снова выступаетъ на сцену. Въ засѣданіи германскаго союзнаго совѣта, 21-го мая должно было разбираться предложеніе Пруссій отно-

сительно этого предмета. Прусское предложеніе основывается на одной изъ статей имперской конституціи, по смыслу которой всѣ споры между союзными правительствами должны быть разрѣшаемы союзнымъ совѣтомъ по апелляціи одной изъ сторонъ. Прусское предложеніе составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Влаговолить союзный совѣтъ выразить убѣжденіе союзныхъ правительствъ въ томъ, что вступленіе на Брауншвейгскій престолъ герцога Кумберлендскаго было бы несовмѣстно съ требованіями внутреннего спокойствія имперіи и увѣдомить о семъ брауншвейгское правительство“. Чтеніе предложенія сопровождалось единодушными рукоплесканіями и затѣмъ, вслѣдствіе заявленія государственнаго министра Герцъ-Вриберга о томъ, что сеймъ не можетъ принять пока никакихъ рѣшеній касательно прочтеннаго имъ предложенія, послѣднее было прервано и не состоялось.

Переговоры между Франціей и Китаемъ въ видахъ заключенія окончательнаго мирнаго договора ведутся хотя и безъ особенныхъ затрудненій, но зато весьма медленно. Впрочемъ, это извѣстный прїемъ китайской дипломатіи. Главнѣйшія трудности, какъ сообщаютъ, касаются редакціи договора. Китайскій текстъ хотя и вполнѣ сходится съ французскимъ, но тѣмъ не менѣе необходимо зорко слѣдить, чтобы китайскіе дипломаты не вернули въ договоръ какихъ либо двухсмысленныхъ словъ, съ цѣлью заручиться въ будущемъ какимъ либо предлогомъ для возбужденія новыхъ преніятерствъ.

Въ Парижѣ произошли новыя столкновенія полиціи съ коммунарами. Такъ 12-го (24-го) мая, въ годовщину подавленія возстанія коммуны, произведена была манифестация на могилахъ коммунаровъ, на кладбищѣ Père Lachaise. Между участни-

ками манифестации и полицией, которая педонускала выставить возмутительный эмблемы, произошло серьезное столкновение. Несколько человек ранено; около сорока лиц арестовано и наконец участники манифестации были разогнаны.

Изъ Рима телеграфируют, что министерства военное и морское сдѣлали необходимые распоряженія для отправки трехъ новыхъ военныхъ экспедицій, которыя разомъ доведутъ численность итальянскихъ гарнизоновъ на кубійскомъ берегу до 10 тысячъ человекъ. По слухамъ, эти распоряженія находятся въ непосредственной связи съ выступленіемъ англичанъ изъ Судана. Что же касается до занятія Суакима, то едва ли оно состоится въ пользу итальянскихъ интересовъ. Недовольны колебаніями Манчини, Гладстонъ сдѣлалъ предложеніе Турціи. Полагаютъ, что Франція предпочтетъ видѣть въ Суакимѣ скорѣе турокъ, чѣмъ итальянцевъ. Въ средѣ итальянскаго кабинета разногласія все сильнѣе и сильнѣе обостряются. Какъ парламентъ, такъ и общественное мнѣніе очень недовольны результатами колониальной политики Манчини. Не только исчезъ прежній энтузіазмъ къ колониальнымъ приобритеніямъ, но мѣсто его заступило даже полное разочарованіе, граничащее съ малодушіемъ, тѣмъ болѣе, что извѣстія, полученныя изъ Массовы и изъ другихъ пунктовъ Краснаго моря, имѣютъ довольно тревожный характеръ. Положеніе Манчини сдѣлалось, во всякомъ случаѣ, весьма шаткимъ, и скорѣе кабинету придется принять какое нибудь серьезное рѣшеніе въ колониальномъ вопросѣ.

Изъ Абиссиніи сообщаютъ, что абиссинскій король Иоаннъ, слѣдуя внушеніямъ своихъ полководцевъ, выставилъ между Массовою и Кереномъ наблюдательный корпусъ въ три тысячи

человекъ, выслѣживающій малѣйшее движеніе итальянскихъ войскъ. Самъ король покинулъ свою резиденцію Адуа и отправился во внутренность страны, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ захвата итальянцами новыхъ территорий, или приближенія ихъ къ абиссинской границѣ, выставить противъ нихъ свою армію. Враждебное настроеніе пегуса къ итальянцамъ, какъ говорить, особенно усилилось съ тѣхъ поръ, какъ неудачи англичанъ и особенно очищеніе Судана и Суакима поколебали въ Африкѣ престижъ европейскаго оружія.

Изъ Канады сообщаютъ, что возмущеніе канадскихъ метисовъ, прозвѣвшее такими важными затрудненіями для правительственныхъ войскъ, въ настоящую минуту окончилось. Послѣ нѣсколькихъ сраженій, маленькая армія Ріеля разсѣялась и самъ глава возстанія попалъ въ руки генерала Мидлетона. Такимъ образомъ, для военныхъ компаній противъ метисовъ можетъ считаться оконченною. Что же касается гражданской власти, то можно смѣло заявить, что затрудненія для нея только что начинаются. Плѣненіе Ріеля возбуждаетъ въ высшей степени щекотливый для канадскаго правительства вопросъ. Мѣстная британская печать энергически настаиваетъ на томъ, чтобы Ріелю и его сподвижникамъ былъ данъ жестокой урокъ; съ другой же стороны канадско-французскій элементъ, имѣющій столь важное значеніе, не скрываетъ своего сочувствія къ метисамъ. Приговорить Ріеля къ смертной казни—значитъ возбудить опасную агитацию въ Квебекѣ и Монреалѣ. Къ тому же, не подлежитъ сомнѣнію, что метисы предъвидѣли вполнѣ основательныя жалобы, которыя истина либеральное правительство не можетъ оставить безъ вниманія.

С М Ъ С Ъ .

Нашъ путешественникъ и изслѣдователь Пржевальскій напечаталъ слѣдующее письмо, помѣченное изъ Лобъ-Нора отъ 29 января. На конвертѣ стоитъ почтовый штемпель Оша, Ферганской области, отъ 20 апрѣля. „Быстро прошло полтора года со дня моего отъѣзда изъ Петербурга. Въ это время мы выполнили двѣ трети нашей экспедиціи, т. е. мы прошли въ центральной Азіи 5,200 верстъ и съ успѣхомъ изслѣдовали мѣстности, вполнѣ неизвѣстныя до сихъ поръ. Мы получили богатую добычу въ географическомъ отношеніи; естественно-историческая наша добыча гораздо обиднѣе, хотя все же значительна. Менѣе всего у насъ птицъ, хотя ихъ собрано болѣе 1000 штукъ; между ними только нѣсколько новыхъ видовъ; единъ зябликъ, краснаго цвѣта. Коллекція млекопитающихъ гораздо лучше; у насъ есть 33 экземпляра медвѣдей во всѣхъ возможныхъ возрастахъ. Далѣе идутъ лисы, такъ напр. 4 новыя кошачьи породы, 2 бобра, и двѣ рыси, затѣмъ новая серна, новая дикая овца, новая антилопа, наконецъ нѣсколько новыхъ породъ зайцевъ. Рыбъ и пресмыкающихся собрано достаточно, между ними есть новыя виды. Прошлую осень и зиму мы провели въ западномъ Цайдамѣ и сѣверномъ Тибетѣ и сдѣлали тамъ много новыхъ географическихъ открытій. Вчера мы прибыли на Лобъ-Норъ, гдѣ проведемъ весь февраль съ цѣлью наблюденія за перелетомъ птицъ. Мартъ и апрѣль мы употребимъ на побѣдку въ городъ Кирія, лѣтомъ отправимся въ горы сѣвернаго Тибета и осенью будемъ въ Туркестанѣ. Во время лѣтней побѣдки въ Тибетъ, коллекціи наши останутся въ Киріи. Ими мы навѣчиваемъ 10 верблюдовъ. Въ коллекціи имѣется прекрасно сохранившійся черепъ яка.

„Мы въ совершенно здоровы и живемъ дружно. Солдаты и казаки экспедиціи прекрасные люди; понятно, что у насъ существуетъ необыкновенно строгая дисциплина.

„Цѣлый годъ мы не имѣемъ извѣстій о событіяхъ въ Европѣ, даже въ послѣдніе три мѣсяца пути, мы не встрѣтили ни одного человека, находясь все въ пустынѣ“.

Людвигъ Барнай, игроку котораго недавно наслаждалась петербургская публика—въ настоящее время съ обычнымъ успѣхомъ подвизается въ Гамбургѣ—въ теченіи своей двадцатипятилѣтней артистической дѣятельности (юбилей которой онъ недавно скромно отпраздновалъ) выказалъ небывалую дѣятельность. Въ теченіи этого времени онъ выступалъ 2,931 разъ, т. е. посвящалъ искусству каждый третій день. Число пьесъ, въ которыхъ онъ игралъ, достигаетъ 348. Свидѣтелями его артистической дѣятельности былъ 81 городъ. Если бы сдѣлать карту и провести на ней всѣ дороги, совершенныя артистомъ, то она представляла бы залутанную сѣть, которая своими конечными пунктами соединяла бы столицу Россіи съ далекимъ западомъ сѣверной Америки. Въ Гамбургѣ Барнай игралъ 637 разъ, въ Берлинѣ 338, Франкфуртѣ 336, Бреславлѣ 86. Изъ ролей, наиболѣе его прославившихъ, онъ игралъ Уриель-Акосту 127 разъ, графа Вальдемара—126, Гамлета 98, Вильгельма Телля—96, Юлія Цезаря—81, графа Эссекса—77, Нарциса—71, Валентейна 61, Огелло—59, Монжозъ—53, Кина 49. За двадцать пять лѣтъ, въ которыя люди въ нормальныхъ условіяхъ справляютъ только одну зеленую и одну серебряную свадьбы, Барнай женился на сценѣ 1042 раза, не считая тѣхъ ролей, въ которыхъ онъ появляется уже же натымъ человекомъ, напр. въ Вильгельмѣ Теллѣ, Юліѣ Цезарѣ, Валентейнѣ и пр. На сценѣ же онъ умеръ 874 раза, причемъ наибольшее число разъ, именно 205, кончалъ жизнь самоубійствомъ. Изъ другихъ родовъ смерти онъ отравлялся 118 разъ, топился—28 разъ; 143 раза былъ обезглавленъ, 53 разстрѣлянъ, 204 раза

заколотъ. Остальные 123 раза обозначены „смертные случаи отъ различныхъ причинъ“.

Собраніе акварелей. Въ извѣстномъ магазинѣ Фельтена (Невскій, 20), распродаются великолѣпная коллекція акварелей (до 200) и рисунковъ разныхъ художниковъ русскихъ и иностранныхъ. Коллекція эта приобритена отъ одного любителя и знатока, собиравшаго ихъ лѣтъ тридцать. Среднюю цѣну можно указать рублемъ въ 50 за экземпляръ. При педорогой цѣнѣ, нѣкоторыя отдѣльныя вещи весьма замѣчательны и хорошо выполнены. Здѣсь между прочимъ есть рисунки Вл. Маковского, Шишкина, Боголюбова, Гуна, Келлера, Говарта, Тенкаты и другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ художниковъ. Коллекція весьма заслуживающая вниманія цѣнителей.

Жемчугъ и перламутръ. Исторія повѣствуетъ, что Клеопатра, желая ослѣпить Антонія блескомъ своего великолѣпія, послѣ одного роскошнаго пира, вынула изъ своихъ серегъ жемчужину, стоимостью въ полмилліона рублей, растворила ее въ винномъ уксусѣ и осушила содержимое кубка за здоровье Антонія. Вѣрнѣ ли этотъ расказъ? Онъ считается, по крайней мѣрѣ, вѣрнымъ до тѣхъ поръ, пока одному ученому не пришла мысль повторить опытъ Клеопатры. Взятая имъ жемчужина, разумѣется, далеко уступала по стоимости жемчужинѣ египетской царицы. Опытъ показалъ, что жемчугъ не растворяется въ винномъ уксусѣ. Раковины, изъ которыхъ добывается перламутръ, водятся не у самаго острова Таити, а образуютъ поясъ вокругъ одного уединеннаго острова Таитскаго архипелага, населеннаго небольшимъ племенемъ Туамату, которое исключительно занимается ловлею жемчужныхъ раковинъ; въ послѣдней принимаютъ участіе не только мужчины, но также женщины и даже дѣти.

Извѣстный пловецъ Бойтонъ чуть было не сдѣлался жертвою пари. Онъ держалъ именно пари, что съумѣетъ заложить торпеду, конечно, безъ пороха, и, слѣдовательно, безвредное, подъ стоявшій на якорѣ въ нью-йоркской гавани англійскій броненосецъ „Garret“ . Въ тотъ моментъ, когда Бойтонъ намѣревался уже привести свой планъ въ исполненіе, англійскіе часовые замѣтили его и, принявъ за динамитчика или фенія, дали по нему залпъ. Раненый двумя пулями, Бойтонъ, вѣроятно, заплатилъ бы за свою шутку жизнью, еслибы онъ не сдѣлалъ послѣдняго усилія и не крикнулъ своей фамиліи капитану броненосца. Тотчасъ смекнувъ въ чемъ дѣло, капитанъ приказалъ спустить катеръ, который доставилъ изнемогавшаго уже Бойтона на судно. Ранъ его довольно тяжелы, но жизнь, повидимому, не въ опасности.

З Я В Л Е Н І Е .

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за первое полугодіе, поторопиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, большой картины Профессора В. И. Якобія „ВѢН-НИ“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ. При высылкѣ денегъ проситъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

Автографы Наполеона I.

Хотя графология, т. е. умение определять характер человека по особенностям его почерка, не нова, но только в наше время она возведена на степень науки. Каждая черта, каждый изгиб, разстояние между буквами, острота их и округленность служат для подробной характеристики пишущего. Наиболее характеристические черты обыкновенно заключаются в поднесях, такъ что графологу не трудно по немногимъ словамъ имени и фамилии определить выходящие черты характера замечательныхъ людей. Подпись Наполеона I. напр., необыкновенно своеобразна и интересна; помѣщаемъ образчики ихъ изъ всѣхъ периодовъ жизни французскаго императора. Начнемъ съ подписи 16-ти-лѣтняго Бонапарта, кадета военной школы въ Парижѣ въ 1785 году:

*Napoléon Bonaparte
 Cadet de l'école de
 cadets de l'armée
 à l'école royale militaire
 Paris*

Онъ аккуратно прописываетъ еще все свои отличія и званіе, чего не дѣлаетъ уже въ 1793 году, будучи батальоннымъ начальникомъ, обуреваемымъ самыми честолюбивыми планами:

Bonaparte

Въ качествѣ генерала арміи онъ подписывалъ только:

Bonaparte

Очень изящно подписано письмо, адресованное свергнутому императоромъ 14-го ноября 1815 года принцу регенту, впоследствии королю английскому Георгу IV:

Napoleon

Подпись эта, одна изъ первѣйшихъ подписей его какъ императора, вполнѣ сохранилась до 1806 года. Вотъ инструкція, данная Массенѣ, командовавшему 50,000 человекъ въ 1805 году въ верхней Италіи:

„Je compte passer le Rhin le 5 Vendémiaire, je ne m'arrêterai pas que je ne sois sur Elm et plus loin. Je me confie à votre bravoure, à vos talents. Gagnez moi des victoires. Napoléon“. (Разсчитываю перейти Рейнь 5 вандемьера; не остановлюсь пока не буду на Имъ и далѣе. Полагаюсь на вашу храбрость и таланты. Одержите победы. Наполеонъ). Сохранилось также полное имя императора; инструкція помѣчена 18-го сентября въ Ст. Клу:

Je compte passer le Rhin le 5 Vendémiaire je ne m'arrêterai pas que je ne sois sur Elm et plus loin. Je me confie à votre bravoure et vos talents. Napoléon

Подпись Наполеона на островѣ Св. Елены была слѣдующая:

Napoleon

Она находится подъ прошальнымъ письмомъ въ Ласъ-Казазу добровольно послѣдовавшему за нимъ, но который не могъ тамъ оставаться.

Очень возможно, что проектъ италіанскаго похода, поданный Наполеономъ французскому военному министру 29-го Нивоза:

29 nivose

IV года, т. е. 19-го января 1796 года, и для выполненія котораго онъ былъ призванъ съ умысломъ быть подписанъ имъ:

Legende Bonaparte

Титулъ генерала долженъ былъ придать ему, только 21-хъ-лѣтнему, прожектору онытности. Но достиженія имъ званія главнокомандующаго, онъ въ угоду французамъ, сократилъ свою подпись на букву *n* и сталъ подписываться:

Bonaparte

Bonaparte

Какъ главнокомандующій экспедиціей въ Египетъ онъ подписывался:

Bonaparte

30-го июля 1798 г. въ Каиро; какъ первый консулъ и консулъ пожизненный:

Napoleon

Napoleon

Прокламация послѣ битвы подъ Аустерлицемъ 5-го декабря 1805 г. подписана еще:

По съ похода въ 1806 году, заглавныя буквы заступали мѣсто подписи:

Въ Варшавѣ 27-го января 1807 года онъ подписался:

Въ началѣ 1809 года императоръ писалъ Массенѣ въ Донауварта: „Activité, activité, vitesse. Je me recommande à Vous, Napoléon“ (Дѣятельность, дѣятельность, скорость. Поручаю себя Вамъ, Наполеонъ).

офортѣ активетѣ вѣсткѣ рекомандавѣ
оу

Прокламация изъ Регенсбурга отъ 24-го апрѣля 1809 года подписана

Декретъ изъ Шенбрунна, въ маѣ того же года:

Въ Москвѣ 21-го сентября 1812 г. императоръ подписался: а 6-го октября, за нѣсколько дней до роковаго выхода:

Слѣдующая подпись 7-го октября 1813 года, сдѣланная въ Дрезденѣ, въ то время, когда императора тѣснили со всѣхъ сторонъ, съ цѣлью отодвинуть его къ Лейпцигу, свидѣтельствуетъ о его тогдашней перфшительности. Онъ два раза зачеркнулъ свое имя и наконецъ написалъ его въ третій:

Далѣе въ Тильзитскомъ лагерѣ, въ іюнѣ 1807 года:

Такия полныя подписи встрѣчаются впоследствіи очень рѣдко: онѣ замѣнены обыкновенно первою буквою, напр. въ приказѣ изъ Мадрида 7-го декабря 1808 года:

и изъ Вальдольда 8-го января 1809 года:

Замѣчательна также подпись 22-го октября 1813 г., три дня спустя послѣ битвы подъ Лейпцигомъ:

Въ Фонтенебло, 4-го апрѣля 1814 г. онъ подписался:

и на островѣ Эльбѣ въ сентябрѣ того же года:

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нивы“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при переѣздѣ адреса, обязательно при- елать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыхъ марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНИЕ: А. Т. Князевъ (съ портр.).—Искушение. Разсказъ Я. П. Полон- ского. (Продолженіе).—Фельдфебель. Разсказъ Н. Тхоржевскаго. — Въ древнемъ Вавилонѣ. Изъ книги Фр. Делича.—Хиосскія дѣвушки (съ рис.).—Молящаяся ста- рушка (съ рис.).—„Война и миръ“. Гр. Л. Н. Толстаго (съ рис.).—Чилійскій возни- ный крейсеръ „Эсмальда“ (съ 2 рис.).—Осмотръ ябса (съ рис.).—Обыденная церковь св. Трифона въ Вятской губ. (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.— Автографы Наполеона I.—Заявленіе — О переѣздѣ адреса.—Объявленія.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петер- бургскихъ Трущоб“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; для подписч. „НИВЫ“ 1885 г. 75 к., съ перес. 1 р.

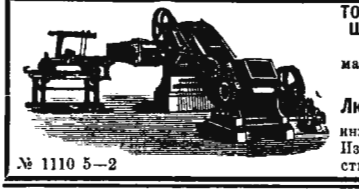
СПБургъ, Невскій пр. № 52, противъ Публич. Библиотеки. ГЛАВНОЕ ЛЕТО ЧАСОВЪ. Г. ВАЛЬТЕРЪ, специалистъ хронометровъ и сложн. час. механизмовъ. БУДИЛЬНИКИ. Прейсъ-курранты по востреб.

ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТИЕ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

Извѣстная банкирская контора ищетъ въ провинціи, во всѣхъ мѣстахъ Имперіи, благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи 5% Государственныхъ I и II съ выигрышами займовъ съ разсрочкою пла- тежа и для страхованія билетовъ тѣхъ-же займовъ отъ тиражей погашенія на выго- дныхъ условіяхъ. Этимъ дается каждому возможность съ легкостью, безъ всякихъ расходовъ и купеческаго познанія, увели- чить свой годовой приходъ. Обращаться съ указаніями настоящихъ занятій въ С.-Петербургскую Центральную Контору Объявленій, Невскій пр. № 8, подъ лит. В. (письменно). Р. № 1057

ГОМЕОПАТЪ МИНКЕВИЧЪ. Кіевъ, В. Васильк. ул., № 15; частью въ Боярѣв. № 1136

ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ. Общедоступный лечебникъ. Составленъ д-ромъ Лунинымъ. М. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Складъ въ книжномъ магазинѣ А. Нар- цова, Москва, Фуркасовскій пер., д. Оби- динной. № 1062 5-8

ТОРФЯНЫЯ, КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МА- ШИНЫ И МЪШАЛКИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ, ручныя, конныя и паровыя; машины для обработки фарфоровой массы, шмота, цемента и т. п. рекомендуетъ Людвигъ Теодоровичъ ШЛИКЗЙЗЕНЪ, инженеръ, Москва, Мясницкая д. Ермаковыхъ. Подготовленіе плановъ для печей; устрой- ство заводовъ. Иллюстр. каталоги бесплатно. № 1110 5-2

НАСТОЯЩІЙ КЯЖТИНСКІЙ ЧАЙ, развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цѣмбиковъ ТОРГОВАГО ДОМА „БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“ Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева. ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ. П. № 3947 Прейсъ-курранты высылаются бесплатно. 16-12

Жельзнод. станція Оплеуна. МИНЕР. ВОДЫ ГРИСБАХЪ, Открытіе 15-го маа. давно извѣстныя жельзныя воды, 560 м. надъ уровнемъ моря, въ живописной верх- ней Ренхской долинѣ. 8 жельзныхъ источниковъ. Паровыя ванны по методу Шар- ца. 300 комнатъ, по желанію со столомъ. Мѣстный врачъ Д-ръ Јегершмидъ. Высо- чайшій комфортъ. Дешевыя цѣны. Программа бесплатно. R. № 1072. 6-3 Владѣльцы Schledtke & Simon.

ИСКУССТВЕННЫЕ БРИЛЛИАНТЫ въ золотой, 14 карати. оправѣ (нѣтъ не раз- личающіеся отъ настоящихъ, весьма эффектные). Пересылка послѣдуетъ франко, только по полу- ченіи стоимости ассигнаціями. 8 рублей. НАРЛЬ ГОЛЛЬ (Нолл) ювелиръ Штутгартъ (Германія). В. № 1007 Пара 7 рублей.

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО НАЧАЛЬСТВА. Персидскій зубной эликсиръ, цѣна 60 к. и 1 р. Сибирскія зубныя капли, цѣна 75 коп. Продаются во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ. — Главнйй складъ въ Москвѣ, аптекарскій магазинъ Бруна. № 1132 2-1

СЪ ЗАЛОГОМЪ. Молодой человекъ желаетъ имѣть мѣсто прикащика при какомъ либо торговомъ дѣлѣ (преимущественно по чайному дѣлу); согла- сенъ въ отъѣздъ въ отдаленныя губерніи. Адресоваться: Ст. Можайскъ, Московско-Брестской жел. дор., подъ лит. Т. до вос- требованія. № 1137

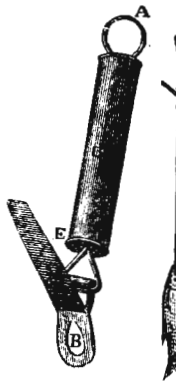
ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII вѣка. ВС. С. СОЛОВЬЕВА. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп.; въ каленк. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ПРИГЛАШАЮТЪ для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ усло- віяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургъ, Генриху Блонкѣ Невскій 51. № 1117 4-2

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ. Ручн. и ножн. Зингеровскія швейныя машины, которыя кромя извѣстныхъ работъ выметы- вають петли, вышивають и шьютъ черезъ край. Подробный прейсъ-куррантъ и пробныя петли высылаются бесплатно. Р. № 1125 6-1 А. ШТЕЙНЪ С.-Петербургъ, Большая Морская № 26. Большой выборъ обычныхъ швейн. ма- шинъ дешеваго и лучшаго достоинства.

АЛЛОПАТИЧЕСКІЯ ДОРОЖНЫЯ АПТЕЧКИ СОСТ. ВЪ АПТЕКѢ У КАМЕННАГО МОСТА, ДОМАШНІЯ И АПТЕЧКИ Е. ФРИДЛАНДЕРА. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. I. Аллопатическія домашнія аптеки. 1) Ящикъ изъ папки съ 25 средствами 6 р. 2) Ящикъ изъ простаго дерева съ 25 средствами 10 „ 3) Ящикъ изъ дубоваго или орѣховаго де- рева, отъ 25 до 50 средствъ 20-60 „ 4) Ящикъ изъ дубоваго или краснаго дерева, съ ступкою, мензурками, вѣсами и т. д. 80-100 „ II. Аллопатическія дорожныя аптеки. 1) Аптеки для охоты—кожаннйй футляръ съ 10 средствами, ножни- цами, пинцеткой и т. д. 5 р. 2) Такія же больше и изящнѣе съ 20—25 средствами 12—15 „ 3) Дорожныя аптеки, футляръ изъ кожи съ 25-ю сред- ствами, безъ инструментовъ 8 „ III. Ручныя и карманныя аптеки для врачей. Въ формѣ бумажника изъ кожи или для носки черезъ плечо, въ различныхъ формахъ и по указанію средствъ 8-30 „ IV. Дѣтская аптека д-ра Н. А. Воронихина. 1) Ящикъ изъ простаго дерева 30 „ 2) Ящикъ изъ дубоваго или краснаго дерева съ ступ- кою, мензурками, вѣсами и т. п. 80 „ V. Летучія аптеки для леченія всѣхъ періодовъ холеры проф. Здекауэра. 5-15 „ VI. Карманныя аптечки для повивальныхъ бабокъ. 8-12 „ VII. Первая помощь раненому воину на полѣ сраженія 1 „ VIII. Первая помощь при несчастныхъ слу- чаяхъ для фабрикъ и жельзныхъ дорогъ 10-50 „ При заказѣ домашнихъ аптекъ необходимо обозначать составъ семейства и возрастъ дѣтей.

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСЪКАТЕЛЬ для РЫБНОЙ ЛОВЛИ.

одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успехом примѣняется во всякое время года и для всякой рыбы; замѣняетъ грузы, карабинъ и блесну.

Позный иллюстриров. въ краскахъ преискуратъ рыболовныхъ принадлежностей выдана за 1 сем. копейную марку.

НОВОСТИ

- полученны изъ-за границы къ лѣтнему сезону, въ продажу съ первой почтой: ПО 4 РУБ. ВЕЩЬ: 1) Американскій фильтръ для очищенія воды, необходимый въ особенности вѣной для предупрежд. заразныхъ болѣзней.

Всѣ 18 вещей высылаются за 115 р. Въ дѣли означены съ пересылкой, по за пересылку въ Азіатскую Россію и на авазъ прибавляется 10 р.

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ для часовъ.

Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство — 5 лѣтъ, что не пожелаютъ. Предлагаетъ домо Василія Аурхъ, Больш. Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лестница № 1020 въ С.-Петербургѣ. 10-7

- МУЖСКАЯ ОДИНОЧН. въ 2, 3, 3 1/2 и 4 1/2 руб. Двойная въ 4 1/2, 5 1/2, 7 и 8 руб. ДАМСКАЯ СЪ КИСТЬЮ въ 4, 5, 6, 6 1/2, 8 и 9 руб. НАРАНДАШИ въ 1, 1 1/2, 1 3/4 и 2 руб. Ключики по 75 коп. Пересылка 50 коп. Торговцамъ съчета.

НУЖНЫ

благодѣльные агенты, имѣющіе постоянное мѣстопрѣбываніе въ провинціи для банковской конторы А. ЗИНГЕРЪ и Н. в С.-Петербургѣ, Невскій пр. № 18. Р. № 1043 7

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ И. А. РОЗОВА, въ Кіевѣ.

Только что поступилъ въ продажу 6-мъ, значительно измѣненнымъ и дополненнымъ изданіемъ «ЮЖНО-РУССКІЙ ОРНАМЕНТЪ», собранный А. ЛИСЕНКО, съ прибавленіемъ узоровъ М. ХРУЩОВОЙ. Изданіе И. А. Розова. Роскошный альбомъ, вмѣщающій въ себѣ множество самыхъ красивыхъ и разнообразныхъ узоровъ для вышиваній мужскихъ и женскихъ рубахъ, фартуковъ, полотенецъ, скатертей, салфетокъ и проч., и алфавиты для мѣтки. Много цѣтвыхъ, розъ и растеній, въ высшей степени красивые въ вышивкахъ. Къ 6-му изданію приложены прекрасные и чрезвычайно оригинальные узоры М. Хрущевой, опечатанные отъ 5 до 11 цѣтвыхъ: Киево-Печерская Лавра и Пещеры съ окружающей мѣстностью; Памятникъ св. Владиміра и видъ на Днѣпръ. Последнее дѣйствию комедіи «Горе отъ ума». Демонъ и Тамара. Изданіе это по своей роскоши и разнообразію рисунковъ превосходитъ первыя 5-тъ изданій, а тѣмъ болѣе все существующее въ этомъ родѣ.

Новыя книги, находящіяся на складѣ въ книжномъ магазинѣ И. А. РОЗОВА, въ Кіевѣ.

Мниховскій А. Женственность (автора соч. «Тина душевнаго развитія»). Содержаніе: I. Женственность. II. Незначительность половыхъ отличій. III. Специализация женской природы. IV. Тѣлесныя особенности женщины. V. Душевныя способности женщины. VI. Кокетство. VII. Специальная дѣятельность женщины. VIII. Любовь. IX. Матеріальная зависимость половъ. X. Уваженіе силы. XI. Общій обзоръ XII. Заключение. Изданіе 2-е, исправлен., цѣна 50 к., съ пер. 65 к.

Подъ высочій В. Кефиръ. (Бродило и напитокъ изъ коровьяго молока), его исторія, приготовленіе, составъ, физиологическое и терапевтическое значеніе. Изд. 4-е. Цѣна 50 к., съ пер. 65 к.

Кочининскій А. Полный сборникъ малорусскихъ любимыхъ пѣсень, подъ названіемъ «Думи и шуми рускаго народа на Подоль, Украинѣ и въ Малоросіи». Цѣна 50 к., съ пер. 65 к.

Яноба А. (проф. дѣтскихъ болѣзней въ Нью-Йорк). Уходъ за дѣтьми и выкармливаніе ихъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к. Примѣчаніе: Въ этой книгѣ авторъ подробно и популярно знакомитъ съ дѣтской дѣтей со дня рожденія и заканчиваетъ главой: «Время, когда слѣдуетъ начинать обученіе».

Раевскій П. Сцены и рассказы изъ малорусскаго народнаго быта, 2 книги, цѣна каждой по 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. Примѣчаніе: Настоящія сцены вышлн 4-мъ изданіемъ, и распроданы въ количествѣ 10,000 экз.; это объясняется ихъ содержательностью и величайшимъ юморомъ, и притомъ онѣ доступны пониманію каждого читающаго.

Всѣ вышеозначенныя изданія высылаются въ день полученія денегъ (желочи можно высылать марками). Изъ каждой посылки прилагается бесплатно только что вышедшій полный каталогъ книгъ, по всемъ отраслямъ знаній, книжнаго магазина И. А. РОЗОВА (не такой какъ обыкновенно рассылаются при газетахъ, на одномъ листѣ, въ которомъ невозможно отыскать стоимости классическихъ сочиненій, учебниковъ и вообще нужныхъ и капитальныхъ произведеній, а наполненный, въ большинствѣ случаевъ, сочиненіями односторонними), и каталогъ нотъ музыкальнаго магазина Болеслава Кореяво. АДРЕСЪ: Кіевъ, и-гопродавцу-издатель И. А. РОЗОВУ. № 1121

ПРОТИВЪ СѢДИНЫ.

Жидкость, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ. Флаконъ 3 р., пересылка 1 руб. Гороховая улица, д. 57. Магазинъ-парикмахерская Ивановой. № 1130

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ

ПРОИЗВЕДЕНІЯ

БЕНЕДИКТИНОВЪ

Аббатства Сулакъ (ден. Жироуды).

НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.

С.-Петербургскимъ столичнымъ врачевнымъ присутствіемъ разрѣшено въвозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. № 1052 26-7

2 ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ

Брюссель 1880 — Лондонъ 1884 гг.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ.

Изобрѣтеніе въ 1873 г. ПЕРЬЕРЪ БУРО Домъ основанный въ 1807 г. Се-генъ, въ Бордо, ул. Гюгери, 3.

ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ

SEGUIN RUE HUGUERIE 3 BORDEAUX.

Складъ въ СПб. въ Техно-Химич. Лабор. Гостин. дворъ № 45. у Штоль и Шмидта; въ магаз. А la Repomée; у А. Рузанова и Флейша, парфюмеровъ

Ж. БЛОКЪ ПРЕЙСЪ КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТЪ БЕЗПЛАТНО. СПЕЦІАЛЬН. для РУССКИХЪ ДОРОГЪ. РУССКІЙ КЛУБЪ СКАДА: С. П. Б. НЕВСКІЙ № 16 МОСКВА, КУЗН. М. Д. ГОМЩЫНА.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНІЕМЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ВС. С. СОЛОВЬЕВА КНЯЖИЦА ОСТРОЖСКАЯ. Въ 2-хъ частяхъ, съ 20-ю прекрасно исполненными рисунками художника И. С. Панова и множествомъ вышивокъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Съ требованіями обращаться въ главную контору журнала «Нива» въ С.-Петербургѣ.

Съ разрѣшенія Спб. Врачебнаго Управленія. СВОБОДИНЪ ПРЕВОСХОДНОЕ СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ уничтожаетъ въ нѣсколько дней безъ боли старшія мозоли и бородавки съ корнемъ. Постоянно возрастающее употребленіе «Свободина» вслѣдствіе рекомендацій потребителей доказываетъ отличное дѣйствию этого средства. № 1034 15-7 Цѣна за флаконъ 35 коп. Съ пересылкой 2 флак. 1 руб., 4 флак. 1 руб. 70 коп., 6 флак. 2 руб. 40 коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССИИ А. ГЕБГАРДТЪ. Казанская ул. д. № 3, магазинъ № 1.

4711 О-ДЕ-КОЛОНЪ.

самого высшаго качества, на всѣхъ всемірныхъ выставкахъ награжденъ только высшими преміями; можно имѣть во всѣхъ больш. парфюмерн. магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. С. № 3728 18-9

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ. Рѣзецъ и аппаратъ для шитья петель на веллой матеріи и бѣльѣ. Цѣна 3 р. съ перес. Продажа оптомъ и въ розницу. И. ВАКОНЪ № 9. Гороховая ул., д. Лембе, кв. № 8, въ С.-Петербургѣ. № 1129 1-1

ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННАЯ УНИВЕРСАЛЬН. ШВЕЙНАЯ МАШИНА ПЛЕНТЬЕРЪ И КО. ИЗГОТОВЛЯЕТЪ ПЛЕНТЬЕРЪ И КО. АМЕРИКА СЕВЕРН. ШВЕИЯ. Вышивки и всѣ работы другя работы. ПРОДАЖА съ РУЧАТЕЛЬСТВ. ОБУЧЕНІЕ БЕЗПЛАТНО. Единственный складъ ГЕРМАНЪ ГЕССЕ С ПБ. БОЛЬШ. САДОВАЯ № 16 УГОЛЬ ТОЛМАЗОВЪ ПЕР. ПРОТ. ГОСТИН. ДВОРА

ОПТОМЪ.

ВЪ РОЗНИЦУ.

Р. № 1123

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
НОВЫЙ СОРТЪ РУЧНАГО ОРГАНА:
АРИСТОНЪ-АНТИКЪ,

болѣе прочной и лучшей работы противъ бывшихъ въ продажѣ до сихъ поръ ари- стоновъ, съ болѣе приятными и прочными голосами, и вѣдѣвѣе большаго спроса имѣю возможность продавать новый сортъ по прежней цѣнѣ, а именно:
съ 10-ю пьесами по выбору

25 р.

отдѣльныя пьесы, состоящая изъ лучшихъ танцевъ, оперъ, оперетокъ, русскихъ пѣсенокъ и др. по 60 коп. Пьесы, приобретенныя къ прежде бывшимъ въ продажѣ ари- стонамъ, подходятъ къ антикъ-аристонамъ. Заказы изъ провинцій исполняются немед- ленно и аккуратно, на пересылку прому прилагать за 40 фун. Каталогъ пьесъ для ари- стона высылается бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструмен- товъ, С.-Петербургъ, Большой Морская, № 36. Отдѣленіе: Гороховая, д. № 32. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

ПРАВІТЕЛЬСТВОМЪ УТВЕРЖДЕНОЕ

СПРАВОЧНОЕ БЮРО

„Н. ДОНИЧЪ“
МОСКВА, Софійка, прот. Лубян. пассажа.

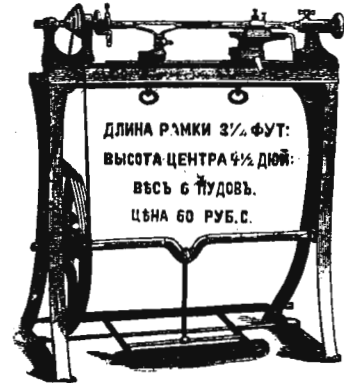
Завѣденіе принимаетъ и выдаетъ справки: о продажѣ, залогѣ, арендѣ, покупкѣ недви- жимости и движимости; о капиталѣхъ подъ залогъ недвижим. и движимости.

Принимается объявленія во все газеты и журналы по цѣнамъ редакцій; постояннымъ клиентамъ дѣлается уступка.

Вся дѣятельность „Справочнаго Бюро“ безъ комиссіонерства.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Д. СКАВРОНСКАГО.
Бассейная улица, д. № 8. СПб.

ДЛИНА РѢМКИ 3 1/4 ФУТ.
ВЫСОТА ЦЕНТРА 4 1/2 ДЮЙ.
ВѢСЪ 6 ПУДОВЪ.
ЦѢНА 60 РУБ. С.

Токарные станки для обработки дерева и металла, имеются готовые и на заказъ отъ 40 р., съ супортомъ 55 р. № 1133

НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ БРЯМА № 1132

въ 22-хъ верстахъ отъ г. Ялта, въ 58 вер. по шоссе отъ г. Севастополя, близъ Алунки, въ Лименѣ, на дачѣ г. Смѣлова, отдаются меблированныя комнаты съ полнымъ пансіономъ, т. е. утреннимъ и вечернимъ чаемъ, завтракомъ и обѣдомъ, а также съ ежеднев- нымъ бѣднемъ и прислугой, съ персон. занимающей одну комнату, отъ 60 до 120 р. въ мѣсяцъ. Въ 4 верстахъ отъ дачи, на Ке- веньской почтовой станціи ежедневный прѣздъ и выдача простой и денежной кор- респонденціи и посылковъ. За особую плату можно получать молоко, верховныхъ лошадей и экипажъ; съ 15-го августа начало вино- граднаго леченія. Адресъ: на Кевеневскую почтовую станцію, Таврической губерніи, въ Лимену, Ивану Васильевичу Смѣлову.

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключ. московскихъ) объявленіе отъ нижняго магазина С. И. Лехуина въ Москвѣ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

извѣстной фабрики въ Россіи и заграничній

Н. П. ЛАНИНА, № 4000

въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“ ЯГОДНЫИ и ФРУКТОВЫИ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНА БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ СЛѢДУЮЩИИ НАГРАДЫ:

1. НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА на Одесской выставкѣ 1884 года: ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ съ правомъ ходатайства на награжденіе

ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАГРАДА:

2. Серебряная медаль. 1852 г.
3. Серебряная медаль. 1860
4. Почетный отзывъ 1864
5. Серебряная медаль. 1865
6. Серебряная медаль. 1869
7. Медаль. 1870
8. Золотая медаль. 1873
9. Высочайшая благодарность 1873
10. Золотая медаль. 1882

ИНОСТРАННЫИ НАГРАДЫ:

1. Филадель. выстав. медаль . . . 1876 г.
2. Филадель. выстав. медаль . . . 1876
3. Париж. выстав. поч. отз. 1878
4. Амстердам. выстав. медаль . . . 1883
5. Восток. выстав. почет. дипл. . . 1883

ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:

1. Съ 1863 г. по 1873 г.
2. Съ 1872 г. по 1882 г.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“ пригото- влено изъ чистаго русскаго винограднаго вина, и пьеско- лѣе уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ, 1 р. 50 к. за бутылку.

Кромѣ того поступили въ продажу еще новые четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“:

- 1) ПОЛУ-СУХОЕ (Demi sec. «England» à la Cliquot).
- 2) ОЧЕНЬ СУХОЕ (Extra sec. à la Pommery).
- 3) РОЗОВОЕ ГУСТОЕ (Oeil de Perdrix à la Rœderer).
- 4) РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ (à la Cliquot).

Всѣ вышеозначенныя сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут.

ЦѢНА: 2 Р. ЗА БУТ.

Н.В. — ПРОСИТЬ ИЗБѢГАТЬ ПОДЪЛОЖЪ.

ОЧЕНЬ СУХОЕ

Предстоящій ТИРАЖЪ 1-го ІЮЛЯ 1885 г.

Нижнеозначенная контора продаетъ

5% ГОСУД. ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ

а) на наличныя деньги: по дневному биржевому курсу, взималъ въ свою пользу 1/8% комиссіи, т. е. 27 коп. съ билета.

б) съ разсрочкою платежа: съ задаткомъ не менѣе 15 рублей и мѣсячными платежами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

ПЯТИ РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со времени полученія конторою задатка, всякій выигрышъ, который падеть на купленный и означенный въ свидѣтельствѣ билетъ, принадлежитъ покупателю и будетъ выплаченъ конторою безъ всякихъ въ свою пользу вычетовъ.

Страхованіе выигрышныхъ билетовъ по 40 коп.

Порученія изъ провинцій исполняются конторою обратною поч- тою, причеиъ контора не лишнимъ считаетъ обратить вниманіе гг. покупателей на то, что въ послѣднихъ дняхъ до тиража по- рученія поступаютъ въ большомъ количествѣ, а потому желатель- но, для точнаго исполненія иногороднихъ порученій, высылать та- ковыя по возможности заблаговременно, кромѣ того прямая вы- года гг. покупателей обращаться заблаговременно со своими по- рученіями въ контору уже потому, что биржевая цѣна билетамъ къ тиражу постоянно повышается. Р. № 1103 7—3

Банкирская контора

Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 21.

ШВЕДСКІИ БАЛЬЗАМЪ

„ЭЛЕПАТЪ“

◆ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА ◆

употребляется для останаовливанія выпаденія волосъ и противъ столь вредной для роста волосъ перхоти.

Продается въ С.-Петербургѣ во всѣхъ косметическихъ магазинахъ, въ Москвѣ и провинціи — во всѣхъ большихъ аптекахъ и у дрогистовъ: цѣна флакону 1 руб. 50 коп. безъ пересылки.

Провизоръ **КИНУНЕНЪ.**

ВСЕМИРНО-ОБРАЗЦОВЫЕ
АМЕРИКАНСКІИ ВЪСЫ
ПРЕЙСЪ КУРАНТЫ
ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО
ПРИНЯТЫ ПОЧТИ ВСЪМИ ЖЕЛ. ДОР. И КАЗ. УЧРЕЖД.

ФЕРБЭНКСЪ
Ж. БЛОКЪ
Уполномоченъ въ Россіи
СКЛАДЫ: С. П. Б., НЕВСКІИ № 16
МОСКВА, КУЗН. М. Д. ГОМЩЫНА.

Произведенія разсмотрѣны и разрѣ- шены С.П. Врачебнымъ Управленіемъ.

КРАСОТА И СОХРАНЕНІЕ КОЖИ.

Вода де Лисъ де Нинонъ придаетъ кожѣ бѣлизну и прозрачность, предохраняетъ ее отъ загара, красноты, прыщей и пром. Не- обходима зимою противъ наклонныхъ трещи- ны и для оживленія кожи, разгоряченной газомъ и дурнымъ воздухомъ, лѣтомъ оно лучшее средство отъ загара и восполненія вызваннаго излитою и солонцеиъ. Цѣна больш. флак. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Кремъ де Лисъ де Нинонъ имѣетъ тѣ же свойства какъ вода де Нинонъ и рекомен- дуется преимущественно лицамъ употребля- ющимъ Кольдъ Кремъ, котораго онъ пре- вышаетъ качествомъ. Цѣна за банку 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Пудра де Нинонъ. Необходимое дополни- ніе къ Водѣ или Кремъ де Лисъ де Нинонъ и замѣняющая всѣ другія пудры.

Цѣна за коробку 75 к., съ пересылкою 1 р. съ пухолкою 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ПРОДАЖѢ:
На Невскомъ просп., въ С.-Петербургской Хи- мической Лабораторіи, домъ Католичес- кой церкви, № 32, и у Аничкова моста, домъ № 66.
На Вознесенскомъ проспнть, уголъ Ка- занской ул., № 18 м, домъ Шредера.
Отдѣльная продажа и отправка почтовою въ Конторѣ С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, по Измайл. просп., № 21. Описание и способъ употребленія высылаются по желанію бѣ- сплатно. № 1128

ДЕПО МАШИНЪ ВЪ МОСКВѢ
Иллюстрированный каталогъ
ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО.
Б. Р. УРЛАУВЪ И К^о
СРОКЪ СЪ ПЛАТЕНІЕМЪ ВЪ МОСКВѢ

ЦЕЗАРЬ И МИНКА

Всѣмъ извѣстно какъ самое обширное заведеніе въ Европѣ для разведенія собакъ, получившее золотыя и серебряныя государ- ственныя и общественныя медали.

ЦАНА въ Прусской Саксоніи.
Прейсъ-курранты на нѣм. и франц. яз. без- платно и франко. Бродяга съ 50 разн. ори- гин. иллюстр. собакныхъ расъ, получившихъ всѣ 1 награду, руководство для заводчи- ковъ и любителей за 10 мар., 6 рублей, 6 гульд., 12 фр. 50 с. Р. № 1127 3—1

Въ непродолжительномъ вре- мени послѣдуетъ розыгрышъ

XI ЛОТЕРЕИ

въ пользу школъ СПбургскаго Жен- скаго Патриотическаго Общества

Всего 37,500 билетовъ, выигрышей 560, которые состоятъ изъ золотыхъ и сере- бряныхъ вещей на 20,000 руб. № 1120

Главный выигрышъ въ 7,000 руб.

Цѣна билету 1 рубль

Билеты можно получать въ Канцеляріи Общества, по Казанской ул., д. № 5.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XVI годъ
№ 22

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XVI
1885

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ вЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 1 Іюля 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫНРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 60 к.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію. Германію. Францію. Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія. 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленіи отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями. При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКИЕ МОДЫ“ за ІЮНЬ 1885 г., съ 24 гравюрами и отдѣльнымъ листомъ съ 33 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 27 рисунками вышивальныхъ работъ.

Гельветскій водопадъ (Трольгетта) въ Швеціи. Рис. Зонъ, грав. Рейхе.

Трольгетскіе водопады въ Швеціи.

Вся южная часть Швеции прорѣзана многочисленными каналами, которые по справедливости обезсмертили имя ихъ строителя—инженера Эриксона. Эти каналы связываютъ между собою озера, соединяютъ рѣки и представляютъ какъ людямъ торговымъ, такъ и туристамъ, много удобствъ для быстрого и легкаго сообщенія. Такъ по Далсландскому каналу можно въ одинъ сутки добраться отъ Норвежской границы до озера Венернъ. Это озеро, огромный внутренній бассейнъ, самая обширность котораго значительно вредитъ его живописности. Берега здѣсь скрыты дально и кажутся лишь туманными силуэтами; только при лучахъ заходящаго солнца, на озерѣ Венернѣ, какъ и на другихъ озерахъ Швеции, можно наблюдать очень эффектное явленіе: очаровательные призраки то пловучихъ острововъ, то грандіозныхъ фантастическихъ зданій, которые по приближеніи къ нимъ, безслѣдно исчезаютъ. На южной оконечности озера Венернъ лежитъ небольшой городокъ Венерсборгъ, который сообщается съ Готенбургомъ и Каттегатомъ посредствомъ Готскаго канала. Послѣдній идетъ постоянно по одному направленію съ теченіемъ Гота-Эльфъ, исключая лишь того мѣста, гдѣ эта рѣка, быстро измѣняя свой уровень, образуетъ цѣлый рядъ водопадовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Трольгетты. Самое названіе взято изъ народной легенды и буквально значитъ „шапка домового“. По этой народной легендѣ, здѣсь, вблизи водопадовъ, произошелъ поединокъ сына Эльфовъ Старкодера Алудранта съ домовымъ Херриммеромъ, за обладаніе красавицей Оге. Сынъ Эльфовъ палъ въ бою, а прелестная Оге сама лишила себя жизни, бросившись въ страшную пучину воды. Об-

щій видъ Трольгетскихъ водопадовъ чрезвычайно живописенъ и, по мнѣнію путешественниковъ, производитъ гораздо болѣе впечатлѣнія чѣмъ знаменитые водопады на Рейнѣ и въ Норвегіи. Здѣсь, на обширномъ пространствѣ быстрая Гота-Эльфъ, сжатая высокими, скалистыми берегами надаетъ по обрывамъ, съ одной скалы на другую; то она низвергается въ пропасти, то скользитъ по легкому склону, то бѣшено бьетъ въ встрѣчаемые на пути обломки скалъ, кипитъ какъ въ котлѣ, покрывается вся пѣной и наконецъ лишь двѣсти футовъ ниже, выйдя на просторъ, обрѣтаетъ прежній покой и прежнюю зеленую прозрачность воды.

Маленькій городокъ Трольгетенъ (3000 жит.) имѣетъ нѣсколько заведеній и фабрикъ, и они всеъ пользуются силой водопадовъ, которую считаютъ въ 225000 лошадиныхъ силъ. Трольгетскихъ водопадовъ собственно шесть и нѣкоторые изъ нихъ очень живописны, какъ напр. изображенный здѣсь водопадъ Гельветскій. Высота всѣхъ водопадовъ до 100 футовъ. Ни одинъ изъ шести водопадовъ не надаетъ прямо съ кручи, какъ напр. Рейнскій, но скатъ ихъ пологій, каждаго не менѣе какъ по 450 фут. длины. Главный водопадъ раздѣленъ островами. Такъ велика здѣсь стремлящаяся водная масса, что въ Европѣ нѣтъ ничего ей подобнаго. Но особенную достопримѣчательность, достойную удивленія, представляетъ упомянутый выше обходный Готскій каналъ, съ огромными шлюзами и мостами, проходящій озеро Экерсъ. Тутъ пропускаютъ суда и пароходы, ходящіе между Готенбургомъ и Стокгольмомъ. Чрезвычайная живописность мѣста привлекаетъ сюда много путешественниковъ.

Искушеніе.

Рассказъ Я. П. Полонскаго.

(Продолженіе).

— Зачѣмъ ты дала ему револьверъ? спросила Варвара съ тѣмъ же вѣчно улыбающимся насмѣшливымъ лицомъ.

— А не знаю, зачѣмъ онъ взялъ у меня револьверъ. Можетъ быть, хочеть ночью въ дѣсу волковъ стрѣлять, можетъ быть, хочеть застрѣлить меня, не безъ тайной насмѣлки надъ любовнѣствомъ сестры отвѣчала Олимпиада.

— Какой вздоръ!

— Будетъ очень интересное романтическое событіе, если вдругъ я буду застрѣлена изъ ревности.

— Къ кому? спросилъ Самославскій, который только одинъ и вертѣлся около дамъ, пока лакеи убирали столъ.

— Къ вамъ.

— Я, кажется, не подалъ никакого повода.

— Еще бы! Но я проболталась, сказала, что вы когда-то признавались мнѣ въ своемъ особенномъ благорасположеніи.

Самославскій покраснѣлъ какъ ракъ, заморгалъ и быстро изподлобья окинулъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ.

— Если я начну пробалтываться, то всѣмъ будетъ не хорошо, проговорилъ онъ въ полголоса, очевидно задѣтый за живое.

— Надѣюсь, что вы никогда не проболтаетесь, какъ я выбросила васъ за дверь, когда вы вздумали ползати у ногъ монахъ.

— Олимпиада Захаровна! вслыхнула Самославскій и словно вдругъ выпрямился. Съ нимъ рѣдко случались такіа вепышки, но эти вепышки такъ-же скоро поту-хали въ немъ, какъ и вепышки отсырѣвшаго ракетнаго пероха.

— Не горячитесь! спокойно замѣтила Олимпиада: вы пригрозили, что намъ будетъ плохо, если вы вздумаете пробалтываться, но развѣ на меня вы не слетничали, не мстили мнѣ за равнодушіе къ вашимъ достоинствамъ—и, смѣю думать, не особенно повредили мнѣ вашимъ языкомъ. Но теперь я прямо объявляю вамъ: если вамъ вздумается, въ пьяномъ видѣ или въ трезвомъ, всеу упоминать мое имя: мой отецъ попроситъ васъ немедленно покинуть насъ.

— Я давно уже чувствую, что я здѣсь лишній, проговорилъ Самославскій уже замѣтно чего-то струсившій

и какъ бы съезжившійся: но я никогда-съ... никогда, убей меня Богъ! не злоупотреблялъ вашимъ именемъ и не понимаю, за что вы мстите мнѣ.

— Я мщу вамъ?!.. Вотъ какого вы о себѣ мнѣнія! Мстите вамъ?.. за кого же вы меня принимаете?

— Знаю, что вы великодушны, Олимпиада Захаровна... но изъ за того, что когда-то, я, по молодости дѣтъ и по неопытности моей, былъ глупъ и осмѣлился надѣяться..

— Не по неопытности, а по развращенности вашей души,—вотъ почему вы надѣялись. Вамъ казалось, что если я съ вами проста и фамиллярна, то вы можете себѣ позволить все, и не спросясь, входитъ въ мою комнату. Не по неопытности, вы говорите вашимъ приятелямъ, такимъ-же, какъ вы, неучамъ, что вы пьете горькую только потому, что я была къ вамъ неравнодушна и измѣнила вамъ...

— Никогда!.. кто могъ сообщить вамъ такое... такое ни съ чѣмъ несообразное... пугался Самославскій. Онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ и внутренно корчился отъ затаенной злости и трусости.

— Ну, такъ чтобъ никогда этого и не было! А что касается до Аркашина, то знайте—и вы знайте! обратилась она къ сестрамъ: мнѣ онъ очень нравится, и если ему вздумается за меня посвататься, то я пойду за него, хотя бы противъ этого брака возстали не только вы—всеъ земныя силы и вся преисподняя—вотъ и все!

— Значитъ, сказала Варвара: это уже рѣшено. Онъ тебѣ нравится, ты хороша собой и богата, ты тоже не можешь не нравиться... стало быть, дѣло это рѣшеное?

— Не знаю, какъ для васъ, а для меня это дѣло еще далеко не рѣшеное; но — думайте, какъ хотите! мнѣ все равно!

Олимпиада вышла изъ столовой и прошла въ свою комнату.

Варвара Захаровна обратилась къ Самославекому и протянула:

— Охота вамъ ввязываться въ разговоръ...

— Ахъ, Варвара Захаровна! если бы вы знали, какъ все это преувеличено. Я точно—года два тому назадъ, когда еще Захаръ Олимпьевичъ приняли во мнѣ участіе, немножко осалѣлъ и возгордился, такъ сказать,

родственнымъ со мной обращеніемъ. Но что же это за преступленіе? Поцѣловать ручку, сказать комплиментъ—развѣ это преступленіе? И развѣ съ тѣхъ поръ далья и какойнибудь поводъ... Боже мой! какое злопамятство, и какой я несчастный человѣкъ! Есть-ли на свѣтѣ ктонибудь меня несчастіе? И послѣ этого вы хотите, чтобъ я иногда не вышилъ лишнее! Ахъ, Варвара Захаровна! и вы, Ольга Захаровна! будьте хоть вы моими заступницами! Ну, куда я пойду? Я сирота, нищій, не знаю ни кто мой отецъ, ни гдѣ настоящее гнѣздо мое—куда же я дѣнусь, если меня выгонять?

Варвара Захаровна сказала на это:

— Только не пьянствуйте, и никто никогда васъ не выгонитъ.

Ольга-же Захаровна почему то потушилась, вздохнула и произнесла какъ бы про себя:

Ахъ! всюду страсти роковыя
И отъ судебъ защиты нѣтъ!

Быть можетъ, въ эту минуту она думала о страстяхъ своего вѣтреннаго супруга и въ глубинѣ души своей горько плакалась на его несвоевременное отсутствіе.

XXVIII.

Дверь отведенной Аркашину комнаты, отъ столовой была по корридору вторая; пріотворивъ дверь, онъ, конечно, могъ бы слышать тотъ разговоръ, который мы только что привели. Но Аркашину совѣстно было подслушивать; онъ понималъ, что идетъ какая то ссора. Онъ слышалъ и свое имя, произнесенное устами Олимпіады, ему показалось, что рѣчь шла о немъ и что она за него заступается. Услыхавъ шаги ея, онъ притворилъ дверь, сѣлъ на кресла и незамѣтно задремалъ... Ему хотѣлось отдохнуть душой, головой и сердцемъ, хотѣлось собраться съ новыми силами, чтобы исполнить причуду избалованной и, какъ ему казалось, изъ ряду вонъ выходящей барышни.

Но многое изъ того, что впродолженіи дня онъ отъ нея выслушивалъ, до такой степени занимало умъ его и наводило на разныя размышленія, что даже заснуть хорошенько ему не удавалось. Въ особенности слѣдующія слова Олимпіи врѣзались въ его памяти:

— Ахъ, говорила она ему,—какъ бы я была рада, еслибы были на свѣтѣ черти, вѣдьмы, лѣшіе, русалки, домовые и пр. и пр., легче бы мнѣ жилось, я бы любила ихъ больше, чѣмъ тѣхъ ничтожныхъ людишекъ, которые и любить то не умѣютъ, даже на зло неспособны. Будь я вѣдьма, съ какой бы радостью сѣла я верхомъ на помело и ринулась бы въ бездну морозной, звѣздной ночи и понеслась бы на какую то чортову, Лысуя гору!..

Какъ связать это съ ея непреложнымъ намѣреніемъ не покидать больного отца, быть при немъ до конца его жизни и беречь покой его, какъ это связать съ ея явнымъ нежеланіемъ ѣхать въ Петербургъ и окунуться въ свѣтскія развлеченія... Какъ будто это не такой же шабашъ, на которомъ можно завертѣться и закружиться до одурѣнія.

„Чѣмъ больше я съ ней говорю, думалъ про себя Аркашинъ,—тѣмъ меньше ее понимаю. Хоть бы и эта затѣя, чортъ возьми! Иди я ночью, и непремѣнно къ Чубаровой избѣ... и непремѣнно одинъ... что за идея! Какъ связать сумасбродную мысль эту съ ея практическимъ умомъ, съ ея холодною расчетливостью, съ ея любовью къ тишинѣ и порядку“.

„Вотъ, продолжалъ онъ думать,—дала мнѣ свой револьверъ, сказала: „возьмите на непредвидѣнный случай...“ А если случится мятель, и я потеряю дорогу, если свѣгомъ занесетъ меня,—къ чему мнѣ пригодится револьверъ?!

„Ну, ужъ это дудки, чтобы я въ мятель пустился одинъ по лѣсу! Довольно и того, что могу встрѣтить

волка, или пьяныхъ, которые меня ограбятъ и стянуть шубу для того, чтобы пропить ее“.

Олимпіада, вернувшись въ свою комнату, гдѣ уже давно горѣла лампа, тотчасъ же позволила, позвала свою любимую горничную, Ульяну, дѣвушку очень смѣтливую, бойкую и проворную, и, усѣвшись съ погами на диванъ, стала отдавать ей свои распоряженія. Распоряженія эти, должно быть, были такъ необыкновенны, что Ульяна то и дѣло восклицала:

— Ахъ, барышня! что вы это! Да какъ же это! Хорошо-съ, хорошо-съ! слышу и все понимаю, но... какъ же вамъ не страшно, барышня моя милая! Ахъ, барышня!

— Надо же на святкахъ по святочному провести ночь! ступай и распорядись!

XXIX.

Весь вечеръ въ домѣ Варшавиныхъ прошелъ по святочному: въ кухнѣ собрались дворовые; старая, пожилая горничная, вспоминая старину, налѣвали подблюдныя пѣсни, лакеи и кучера бражничали, молодцы ихъ сестры и дочери топили воскъ и вынимали его уже застывшимъ изъ зашигѣваго подъ нимъ свѣга, затѣмъ, не умѣя растолковать себѣ фигуры, которая выходила на тѣни отъ причудливыхъ формъ въ свѣгу отлившагося воска, бѣжали въ комнаты къ дѣвочкамъ, къ Кити и къ самой Олимпіадѣ Захаровнѣ, прося разсказать имъ, что означаетъ, что пророчитъ имъ эта тѣнь отъ воска на свѣгѣ, или на листѣ бумаги; разумѣется имъ никто не отказывалъ въ этомъ толкованіи, и каждый толковалъ по своему... Словомъ, старая жизнь большого дворянскаго дома давала себя чувствовать—старина воочію совершалась. Только англичанка улыбалась, скалила зубы и думала про себя: „какія глушости!“ Аркашинъ тоже въ этихъ гаданьяхъ, а болѣе всего въ разсказахъ объ этихъ гаданьяхъ, принималъ невольное живое участіе, и на фантастическій тонъ настраивалась душа его... Незамѣтно за чайнымъ столомъ прошло около двухъ часовъ. Когда же на каминныхъ часахъ стрѣлка подвинулась на 30 минутъ двѣнадцатаго, Олимпіа встала и сказала, что она пойдетъ къ себѣ въ комнату гадать въ зеркало, и при этомъ мелькомъ взглянула на Аркашина.

Тутъ только Аркашинъ что то вспомнилъ и проговорилъ, отходя къ окну:

— А какова то погода? пойду-ка и я послушать у амбаровъ, да окликну кстати какуюнибудь прохожую, авось подскажетъ мнѣ ими моей суженой.

— Никто вамъ этого имени не подскажетъ, сказала Варвара,—сами должны его знать.

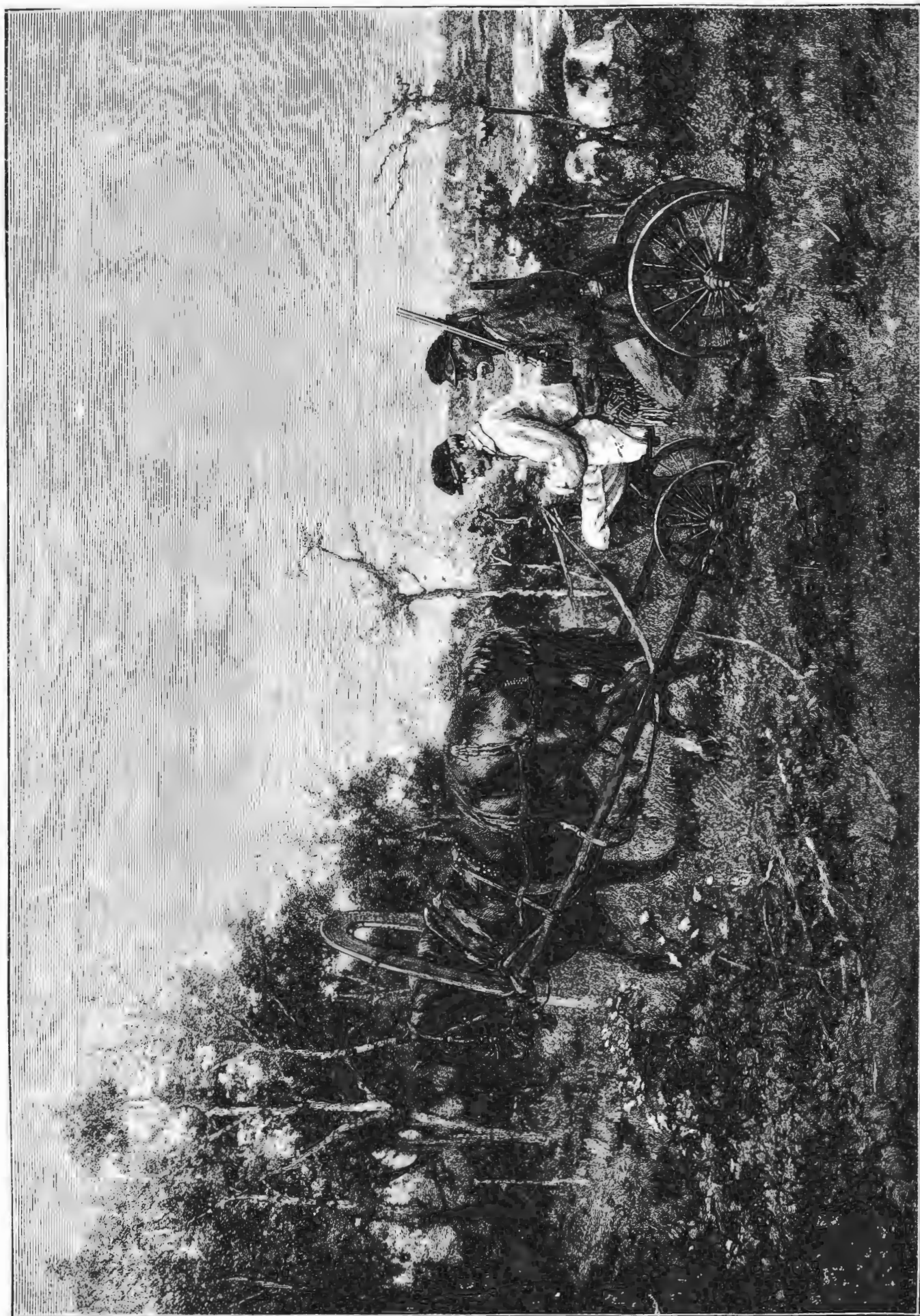
— Никто этого не знаетъ, тряхнувъ головою, сказалъ Аркашинъ и прошелъ въ свою комнату.

Тамъ онъ завернулъ въ платокъ пятиствольный револьверъ, перекрестился и, задувъ свѣчу, пробрался въ переднюю.

XXX.

Долго, въ высокихъ калошахъ, въ кашне, въ шубѣ, надѣтой въ рукава и съ револьверомъ въ ея кармаишѣ, стоялъ Аркашинъ на дворѣ, сзади освѣщенный фонаремъ, что горѣлъ у подѣзда, спереди—полной луной, которая горѣла на чистомъ и звѣздномъ небѣ. Морозу было не больше 10 градусомъ, и было тихо. Къ нему подбѣжала черная собака, обнюхала его и повилала хвостомъ; онъ ее погладилъ, пошелъ къ воротамъ и чуть не поскользнулся на льду, исчерченномъ подошвами мальчишекъ, которые съ разбѣга бѣжали по нему, какъ на конькахъ, и образовали длинныя, на мѣсяцѣ отсвѣчивающія перламутровыя полосы.

У воротъ въ одномъ изъ флигелей еще горѣли огни и слышался хохотъ. Онъ опять остановился и поглядѣлъ назадъ, въ глубину двора. Тамъ, около самаго дальняго фонаря, у коношенъ, кто то двигался.

Выставка въ Импл. Акад. Худ. „Деревенскіе охотники“. Картина Ковалевскаго.
По фотогр. Влад. Якобія, грав. М. Рашевскій.

Врачъ Антонъ Эренштейнъ у ложа больного татарскаго царевича Каранача, любимца Великаго Князя Ивана III.
Ориг. рис. Земцова, грав. Флюгель.

По вотъ, изъ флигеля вышелъ какой то человѣкъ, въ пальто и ватной фуражкѣ, поглядѣлъ на Аркашина, спялъ передъ нимъ шапку и остановился, какъ солдатъ на смотру, вытянувшись и не двигаясь.

— Развѣ вы меня знаете? спросилъ Аркашинъ.

— Какъ же васъ не знать? Вы извѣстно-съ... кто же это васъ теперича не знаетъ—Валентинъ Петровичъ!

— Да почему же вы меня знаете?

— А я—Митрій, тотъ самый, что залъ и всѣ погон чищу и въ натуральный видъ привожу ежедневно... Какъ мнѣ не знать?

И Аркашинъ вспомнилъ это испитое, грубое лицо человѣка, который говорилъ съ нимъ, когда онъ въ первый разъ утромъ вздумалъ ходить по комнатамъ.

— Ну, Митрій, услуги мнѣ—на водку дамъ.

— Мы и безъ водки-съ...

— Вотъ что: какъ мнѣ ближе пройти на дорогу, что ведетъ къ Чуриловой избѣ?

— А вотъ, самое ближайшее, такъ сказать, направление, размахивая, какъ актеръ, руками, говорилъ Митрій, — мимо саду налево, потомъ направо, мимо гумна. Только зачѣмъ же вамъ къ Чуриловой избѣ?

— Да такъ... Не то, что къ Чуриловой избѣ, а такъ, въ лѣсу хочется пострѣлять немного, да промяться. Ночь-то, вишь ты, какая хорошая!

— Это точно-съ!.. ночь въ своемъ видѣ—настоящая рождественская...

— Ты до самой дороги проводи меня. Да къ тому же я и собакъ боюсь.

— Съ нашимъ большимъ удовольствіемъ. Только не ходите вы къ этой Чуриловой избѣ: тамъ не хорошо, не чисто...

— Да я не пойду далеко... а ты—надѣнь картузь...

— А что я у вашей милости еще спросить хочу, подступилъ онъ,—правду ли говорятъ, будто бы вы женитесь?

— На комъ?

— Да ужъ извѣстно-съ... слухомъ земля полнится... ужъ вы меня извините, сдѣлайте такую вашу милость...

— Можеть быть и женюсь, почему я знаю? Все отъ Бога... А ты все таки надѣнь картузь.

— Точно, что все отъ Бога.

— Ну, такъ показывай же дорогу!

И Митрій, надѣвъ картузь, пошелъ за нимъ, болтая и какъ бы задабривая его. Онъ хотъ и отказался отъ водки, а все-таки ждалъ для себя подачки,—все-таки чего то ждалъ и усердствовалъ.

XXXI.

Проселокъ, по которому шагаль Аркашинъ, шелъ до самой балки по ровному, лѣсистому мѣсту, шелъ онъ на какую то мельницу, и такъ какъ весной, по милости болотистой почвы, наводняемыхъ балогъ и спосимыхъ мостовъ, дорога эта оказалась не совсѣмъ удобною,—на мельницу нашлась другая дорога, которая и перетянула на свою сторону крестьянъ села Отраднаго, не столько потому, что была лучше, сколько потому, что кабакъ перешелъ на ту же, другую дорогу.

Зимой только господа, да семейство мельника и ѣздили по тому проселку, по которому шагаль Аркашинъ.

Заблудиться ему было трудно, потому что кругомъ стоялъ лѣсъ, да и слѣды сапныхъ полозьевъ были еще кое-гдѣ видны, при свѣтѣ полнога, декабрскаго мѣсяца. Высоко стоялъ дискъ его на темномъ небѣ. Занедевлый лѣсъ казался непроходимымъ; сѣрый мракъ, который наполнялъ его, мерцалъ серебряными искрами и бѣлыми пятнами, такъ какъ въ каждую прогалину между разрѣженными деревьями почти отвѣсно падали мѣсячные лучи и тамъ заводили фантастическую игру своєю... Около дороги снѣгъ лежалъ валами, буграми и откосами, изъ подъ которыхъ, точно крестики на кладбищѣ, выглядывали побѣги молоденькихъ елокъ.

Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами Аркашина, какъ овесъ на зубахъ жующей лошади. Но... не ровны были шаги его... неуверенной походкой шагаль онъ, не такъ, какъ ходять деревенскіе люди, или богомольцы-странники; онъ безпрестанно то замедлялъ свою походку, то приостанавливался, то запахивалъ свою шубу, то оглядывался.

Постоянный житель столицы, чиновникъ, привыкшій сидѣть за своимъ канцелярскимъ столомъ, не привыкъ онъ къ такимъ прогулкамъ. Ночь была удивительная, и, конечно, много поэтическихъ грезъ могло бы шевельнуться въ душѣ его, еслибы душа эта была спокойна, и еслибы онъ не трусилъ.

Не привыкъ онъ къ этимъ оптическимъ обманамъ, которые пугали его воображеніе; то казалось ему, что въ лѣсу, въ 20 шагахъ отъ него стоитъ женщина вся въ бѣломъ, точно въ саванѣ, то чудилось—изъ подъ куста выглядываетъ не то голова, не то черепъ, то раздастся какой то тихій трескъ, то за нимъ кто то тихоенько крадется.

Револьверъ въ карманѣ нисколько не утѣшалъ его.

У него въ рукахъ никогда еще не было револьвера, и онъ положительно не зналъ даже, какъ и стрѣлять изъ него, да и руки, въ особености пальцы, такъ зябли при 10 градусномъ морозѣ, что онъ пряталъ ихъ въ рукава, и чѣмъ дальше шелъ, тѣмъ все больше и больше шаръ валилъ изъ поздрей, и бѣдѣли его волосы, усы и борода.

„Чортъ возьми! очень мнѣ нужно было дать ей честное слово! отказался бы наотрѣзъ, да и только! Конечно, у меня было въ головѣ, что она не дура, и что безъ всякой цѣли, безъ всякой причины она не пошлетъ меня ночью отыскивать Чурилову избу!.. Чортъ ее возьми совсѣмъ!.. Шутка сказать—верста! Вѣдь это не Невскій проспектъ, для котораго одна верста—пустяки, и не замѣтишь, какъ пройденъ; а тутъ идешь, идешь—конца нѣтъ!.. Пфу! Очень нужно совершать такіе подвиги!.. Вотъ выбѣжить изъ лѣсу стая волковъ—что я могу подѣлать съ однимъ револьверомъ? Если она меня любитъ, какъ могло придти ей въ голову подвергать меня... ну хоть опасности отморозить ухо, или простудиться? Да и шуба... развѣ легко идти въ шубѣ по такому вязкому и глубокому снѣгу?“

Вотъ что происходило въ головѣ Аркашина. Мѣсто, по которому проходилъ онъ, казалось ему глухимъ и пустыннымъ, только разъ послышалось ему, что кто то ѣдетъ. Топотъ лошади явно отозвался въ ушахъ его; но и тутъ онъ подумалъ: „встрѣтятся со мной какіе нибудь пьяные, что они подумаютъ обо мнѣ? Зачѣмъ, подумаютъ они, идетъ этотъ баринъ въ полночь по лѣсу, или примутъ меня за оборотня, или ограбятъ, снимутъ шубу... Этого еще недоставало!..“

Но топотъ и гулкій шорохъ пронеслись по лѣсу, какъ вѣтерокъ, и замерли, какъ эхо. Опять настала мертвая тишина.

XXXII.

„Право, думать Аркашинъ, спускаясь въ балку: будь ночь темна, не было бы такъ странно! „Ему казалось, что при свѣтѣ мѣсяца, онъ слишкомъ рѣзко отдѣляется отъ бѣлага снѣга, двигается какъ черная тѣнь, и что, можетъ быть, глазница лѣсныхъ звѣрей давно уже слѣдятъ за нимъ. Слегка заныхавшись, вскарабкался онъ на ту сторону балки и побрелъ дальше.“

„Ну, теперъ я помню, теперъ не далеко. Вотъ площадка... тутъ, непременно тутъ должна быть эта проклятая Чурилова изба!“

„А что, если и теперъ забрались въ нее какіе нибудь бѣглецы или грабители? Зарѣжутъ, заруютъ въ снѣгъ, и поминай, какъ звали! до весны и труна не найдеть никто.“

Но долго онъ оглядывался и не видалъ никакой избы.

Видно лѣсныя тѣни, да и мѣсяць, такъ искусно умѣли спрятать ея кровлю, крытую снѣгомъ, что трудно было и отличить ее отъ какого нибудь бугра, или группы кустовъ, занесенныхъ мятелями.

Долго на одномъ мѣстѣ стоялъ Аркашинъ.

„Что же дѣлать? думаль онъ.—неужели идти дальше?.. но куда же?“

Вдругъ, шагахъ во ста отъ него, за деревьями, мелькнулъ огонекъ.

„Что за дьявольщина!..“

Присмотрѣвшись, онъ увидѣлъ, что свѣтъ огня выходилъ изъ небольшого, квадратнаго окошечка.

„Да это Чурилова изба: та самая, на которую указала мнѣ Олимпіада, когда вчера мы проѣзжали здѣсь, и я намекнула ей на пойманныхъ ею бѣглыхъ. Ну, вотъ! что же теперь? Идти скорѣе назадъ и доложить ей, что въ избѣ я видѣлъ свѣтъ, и что...“

Но не успѣлъ онъ мысленно договорить этой фразы, какъ послышался лай, и на него бросилась черная собака. Опъ дрогнулъ и даже вынулъ изъ кармана револьверъ.

Но собака оказалась та самая, которую онъ приласкалъ, когда уходилъ со двора Варшавиныхъ. Онъ ее окликнулъ; она недовѣрчиво подошла къ нему, обнюхала, завилыла хвостомъ и лизнула языкомъ его руку, которая держала револьверъ.

„Э! подумаль онъ, да тутъ кто нибудь изъ дворовыхъ Варшавиныхъ! можетъ быть, какой нибудь кучеръ въ избѣ ждетъ меня. Ба! вотъ и лошадь и сани!“

„Э, да какъ это хорошо! Значить распорядилась!“

Погладивъ собаку, онъ подошелъ къ привязанной лошади; но вороной, очевидно, господскій конь, захрапѣлъ и покосился на него такимъ злымъ и въ то же время такимъ пугливо-угрожающимъ взглядомъ, что Аркашинъ тотчасъ же отошелъ къ окошку покачущейся избы. Но окно было такъ запушено ипеемъ, такіе шли по немъ узоры, что ничего не было видно.

Аркашинъ вошелъ въ темныя сѣни и, увидавши яркую щель отъ неплотно притворенной двери, тяжело дыша, нацупалъ желѣзную скобку и... остановился.

Мертвая тишина за этой дверью опять навела на него страхъ и сомнѣніе. „Что, если это ловушка?“

Сердце его сильно билось, когда, прочитавши про себя молитву, онъ потянулъ за скобку, и дверь, скрипя на ржавыхъ петляхъ, подалась и отворилась.

Въ первую секунду онъ ничего понять не могъ: избу наполнялъ не то туманъ, не то паръ; въ этомъ пару горѣли двѣ свѣчи, пламя которыхъ окружало мутно зеленоватое сіяніе, еще какал то свѣча, но уже не прямо стоящая, а какъ бы криво отраженная въ стеклѣ, и темный силуэтъ какой то, спиной къ нему сидящей, жепщины.

„Кто здѣсь?“ крикнулъ Аркашинъ. Это былъ крикъ испуга, въ надеждѣ испугать то, что видятъ глаза.

Темный силуэтъ пошевелился, Аркашинъ увидѣлъ въ профиль блѣдное, закутанное въ платокъ личико.

— Олимпіада Захаровна!

— Суженый! произнесла она; и вдругъ встала, подошла къ нему, положила руки на его холодныя плечи, и... и долго какъ бы всматривалась, онъ ли это?

— Вы?... ты пришелъ! заговорила она тихо прерывающимся голосомъ,—ты рѣшился... я уже съ полчаса здѣсь... и... уже думала—ты не дошелъ... вернулся... и одной... мнѣ становилось жутко. Но я хотѣла и себя испытать, рѣшусь ли я пріѣхать сюда одна, въ полночь, гадать черезъ зеркало... и... право... я какъ во снѣ... Но, садись, отдохни, мой милый... мой суженый!..

И опъ, тоже какъ во снѣ, поцѣловалъ ее въ блѣдный лобъ и, не говоря ни слова, присѣлъ на лавку.

Въ избѣ ничего не было, кромѣ лавки, табурета передъ столикомъ, разобранныхъ палатей и полуразрушенной, закоптѣлой печки съ отдушинами.

— Теперь прійди сюда хоть мертвецъ, я не испугаюсь, сказала Олимпіада, садясь съ нимъ рядомъ и держа его за руку.

Казалось, встрѣча эта такъ ихъ сблизила, что Олимпіада съ полной вѣрою, что только Аркашину суждено всю жизнь пройти съ ней подъ руку, и что никому, кромѣ его, не будетъ принадлежать она,—такъ увлеклась, что говорила ему „ты...“ сама того не замѣчая...

— Ахъ да... да... я думала, если ты придешь, если ты здѣсь найдешь меня, значить, я тебѣ правлюсь, значить, ты... не такой холодный и равнодушный, какимъ ты казался мнѣ... Ахъ!.. еслибы ты зналъ, какъ все это время мнѣ было горько думать, что... ты все-всѣмъ, совсѣмъ меня не любишь!.. Ты любишь, не правда-ли?.. не правда ли?.. Скажите, Валентинъ Петровичъ, скажите! опять, какъ бы очнувшись, перешла она на обычное „вы“, и подняла его руку къ губамъ своимъ для того, чтобы отогрѣть ее своимъ дыханіемъ.

— Да развѣ можно видѣть васъ и оставаться равнодушнымъ? проговорилъ Аркашинъ,—что же касается до чувствъ моихъ...

Но не успѣлъ онъ это проговорить, какъ дрожь прошла по спинѣ его. На потолокъ избы послышался какой то стукъ, точно кто пробѣжалъ и уронилъ не то полѣно дровъ, не то камень.

— Стучите! какое мнѣ до васъ дѣло? проговорила Олимпіада,—черти, или крысы, или я ужъ не знаю, кто и что! мнѣ все равно...

— Да, вы сильнѣе меня, удивляюсь вашей смѣлости. Но, ради Бога, скажите, зачѣмъ она, такая смѣлости, такая невозмутимая храбрость въ женщинѣ? Что я передъ вами? Какимъ слабымъ и ничтожнымъ долженъ я казаться въ вашихъ глазахъ! („А что какъ обрушится потолокъ и задавить насъ?“ разговаривая думаль про себя Аркашинъ). Вѣрите ли, Олимпіада Захаровна, мнѣ кажется, что... что я не долженъ, не могу, не смѣю любить васъ, что я вовсе не призванъ къ тому, чтобы сдѣлать васъ счастливой.

— Не можете, не смѣете, не должны! Все это говорить въ васъ ваша необычайная, непонятная мнѣ, скромность... ваша готовность на всякое самоотреченіе, можетъ быть, ваша честность, но... не смѣйте такъ говорить! Вы можете, вы смѣете, вы должны! Видите, какъ я съ вами откровенна по милости этой избы, этого пустыннаго мѣста, этой мглы, которая окружаетъ насъ... Ахъ! право, мнѣ думалось, что никогда этого не будетъ... Но не считайте меня сантиментальной, романической дѣвой! тутъ дѣло не въ сантиментальности, а въ томъ, что вы у насъ не на-долго, что... въ присутствіи гостей или сестеръ мы все будемъ ходить кругомъ да около, никогда не выскажемся, ни до чего не договоримся.

Въ эту минуту, неподалеку отъ окна послышался протяжный, какъ бы уносящійся свистъ и глухой, зимній топотъ лошади.

Олимпіада замолкла; тѣнь тревоги прошла по лицу ея.

— Сюда ѣдутъ! кто бы это былъ?.. Нѣтъ, этого быть не можетъ! пойдѣмъ на встрѣчу, на крыльцо!

Олимпіада, поддерживаемая встревоженнымъ Аркашинымъ, перегнулась черезъ его колѣна и задула свѣчи.

Они остались въ совершенной темнотѣ, только въ одно окно просвѣчивалъ матовый лунный свѣтъ.

„Кажется, я брежу... или все это одна галлюцинація,“ подумаль про себя Аркашинъ. Его била лихорадка...

— Держитесь за меня... лепетала дѣвушка,—идите... берегитесь притолки... осторожнѣе...

И переступивши довольно высокій порогъ, по шаткимъ, какъ клавиши, половицамъ сѣней, вышли они на чистый воздухъ.

— Никого нѣтъ! это кто нибудь по дорогѣ... Да и кто, кромѣ насъ съ вами рѣшится на такой подвигъ—

войти въ полночь въ избу, гдѣ, по слухамъ, является мертвецъ,—духъ когда то здѣсь зарѣзаннаго пѣловальника... А какая ночь!.. Какая ночь!..

— Лучшей декораціи ни въ какой оперѣ не увидишь! Чудесно! хорошо! проговорилъ Аркашинъ. Онъ поглядѣлъ на звѣзды—и это его успокоило.

— Ахъ, какъ я рада, что вы такъ говорите!.. Хороши итальянскія ночи! но... такой бриллиантовой ночи тамъ и во снѣ никому не приснится!.. Ба! вскрикнула она и какъ бы остолбенѣла.

— Что? испуганно спросилъ ее Аркашинъ, заглядывая ей въ черныя очи, въ ея, мѣсячнымъ свѣтомъ обѣленное, лицо.

— Сани... мои сани! моя лошадь!.. гдѣ они?

Она сошла на крыльцо, еще разъ поглядѣла на то мѣсто, гдѣ была привязана лошадь, и сказала:

— Пойдемте на дорогу, скорѣй, скорѣй!.. Если она не отвязалась и не ушла... кто нибудь укралъ, или угналъ ее... Трезоръ... Трезоръ!.. И собаки нѣтъ! и она ушла!..

Выйдя на дорогу и даже поспѣшно подойдя къ спуску лѣсной балки,—какъ ни смотрѣли они вдаль, ничего не было видно; только вдали на одну минуту послышалось въ лѣсу протяжное ржаніе...

— О! если это съ умысломъ! произнесла Олимпіада, и Аркашинъ не могъ не почувствовать, какая злость въ эту минуту шевельнулась въ душѣ его спутницы: это слышалось въ ея восклицаніи, это видѣлось въ ея позѣ, это промелькнуло въ глазахъ ея, хотя эти глаза и были въ тѣни отъ вязаннаго мягкаго платка, который покрывалъ ей голову.

— Дѣлать нечего! пойдете пѣшкомъ. Вы вѣдь слышали свистъ?.. И собака не лаяла!.. Вы слышали?..

— Слышалъ.

— Это сдѣлано съ умысломъ!..

— Если съ умысломъ, то кто же?

— Всякій, кому невыносимо думать, что я вамъ отдала предпочтеніе... О, какое несчастіе правиться всякому пошляку, всякому негодяю! Одно мнѣ жалъ: вы устали и должны идти пѣшкомъ. За меня же не бойтесь! я здѣсь ко всему привыкла...

— Но вамъ холодно, сказалъ Аркашинъ, такъ какъ ему самому было порядочно холодно. Не холодная же изба могла отогрѣть его!

— Вернемтесь назадъ—въ избу.

— Назадъ... зачѣмъ?

— Вы не хотите?

— Нѣтъ!

Молча прошли они шаговъ десять, каждый погруженный въ свои собственныя думы.

— У меня есть спички. Вернемтесь — подожемъ избу... Пусть сгоритъ она... пусть послѣ насъ никто не войдетъ въ нее... пусть зарево разбудитъ крестьянъ. Насъ встрѣтятъ на дорогѣ, и мы поѣдемъ.

— Не дѣлайте этого! кротко замѣтилъ ей Аркашинъ. Развѣ вы не боитесь сплетней?

— Кто къ нимъ привыкъ, тотъ не боится ихъ. Такъ вы не совѣтуете?

— Нѣтъ, Олимпіада Захаровна!

— Можетъ быть, вы и правы! Пойдемте!

И она послушно опустила голову... и минуты двѣ молчала, какъ бы стараясь побороть въ себѣ то, что кипѣло въ ней...

(Окончаніе въ слѣд. №).

Фельдфебель.

Разсказъ К. Тхоржевскаго.

(Окончаніе).

По вотъ фельдфебель перешелъ на другой, не официальный тонъ.

— А я, признаться сказать, испугался сегодня, ваше благородіе, началъ Иванъ Петровичъ.

— Чего это? спросилъ Поливановъ, прихлебывая чай и дѣлая видъ, что удивляется, тогда какъ на самомъ дѣлѣ прекрасно понималъ къ чему клонится рѣчь.

— А вотъ—что вы въ ротъ быть не изволили: я полагалъ не захворали ли какъ нибудь грѣхомъ; погода пыче стоитъ скверная...

— Нѣтъ я здоровъ, слава Богу. Вернулся вчера домой поздно, проснулся уже около одиннадцати часовъ, ну я и не пошелъ... объявилъ Поливановъ, смущаясь.

— То-то вотъ оно и есть, ваше благородіе, не хорошо это, позвольте доложить!.. вздохнулъ Холодовъ, грустно глядя прямо въ глаза своему командиру. Поди, въ карты играли?

— Въ карты.

— Проиграли, небось? какъ то тревожно, съ несвойственной ему живостью, спросилъ старикъ и даже впередъ подался пѣсколко.

— Проиграли!

— Много?

— Нѣтъ, пустяки!..

— Сколько, ваше благородіе?

— Пустяки... одиннадцать рублей, неохотно отвѣчалъ онъ наконецъ и принужденно разсмѣялся.

— Господи, Боже мой, этакое мѣсто денегъ проиграли да еще смѣются!.. Господи, батюшки, одиннадцать рублей—пустяки по ихнему!.. Да вы сколько жалованья то получаете? Семьдесятъ четыре рубля всего!.. Да это вы его въ педѣлю то все пропуститъ можете!.. Старикъ совсѣмъ уже взволновался: жилы на его шеѣ налились и даже лысина покраснѣла.

— Не все же проигрывать: сегодня проигралъ, завтра проигралъ, а тамъ и выиграю!.. попробовалъ было Поливановъ сбить его съ позиціи, но это не легко было сдѣлать.

— Да!! Всегда такъ то говорите, продолжалъ Иванъ Петровичъ укоризненно, а я еще вотъ ни разу отъ васъ не слышалъ, чтобы вы выиграли: какъ ни спросишь, все проигралъ, да проигралъ!.. И какъ это вамъ не жалко!.. Ну добро бы еще на свое удовольствіе растратили, а то прямо отдали не зная за что! Подумаешь, у васъ имѣнія какія, а у васъ вѣдь ничего окромя жалованья!..

— Да будетъ тебѣ, Иванъ Петровичъ, ты точно баба старая всегда расхнычешься!..

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я не хнычу, я дѣло говорю; потому, ежели я буду молчать—кто же вамъ скажетъ? Не тѣ ли, кто съ васъ выигрываетъ? Тѣ не скажутъ, потому имъ съ васъ выигрывать лестно!.. Радъ, что человѣкъ молодой—пользуются... Еще подбиваютъ, поди!.. Знаю я этихъ игроковъ то, не мало перевидалъ ихъ на своемъ вѣку,—насмотрѣлся!.. Въонъ въ 63 году командовалъ нашей ротой капитанъ Храмовъ, такъ они этими картами такъ занимались, просто бѣда!.. Бывало сутокъ по двое изъ-за стола не встаютъ, такъ имъ на столъ и чай подаютъ, и кушать... Придешь къ нимъ съ докладомъ, а они приказываютъ, приказываютъ да вдругъ и скажутъ: „короля бубенъ на часы поставитъ!“ И до тѣхъ поръ играли, покуда подъ судъ чуть не попали... Было это дѣло на Кавказѣ, играли они играли—все свои деньги проиграли, играть больше не на что, а отыграться хочется; вотъ они, не долго думая, изъ ротнаго лица, да въ одну ночь двѣ съ половиной тысячи и пробухали, а тутъ мы въ отдѣлъ ушли — одна наша рота: отыгрываться то и не на комъ. Ну, ничего однако—не унываютъ: отыграюсь, молъ, когда нибудь — вложу! А тутъ хватъ—пріѣхалъ генералъ да и хватилъ смотръ: сегодня строй смотрѣли, а на другой день хозяйственную часть, и деньги, значить, повѣрятъ будутъ!.. Ну, нашъ ротный и закручинился, потому господъ офицеровъ, окромя одного субалтера, на двѣсти верстъ кругомъ никого, занять не у кого!.. Что тутъ будешь дѣлать? Бѣда! А мы этого дѣла не знали: дивимся только съ чего это они такъ закручинились? А капраль Стенаненко, командиръ 1-го взвода—догадался и говорить мнѣ: „Не казенныя ли, говоритъ, нашъ ротный проиграли?.. вы бы, Иванъ Петровичъ, сходили да поразузнали.“ Я и пошелъ къ денщику, тотъ мнѣ все и разсказалъ: такъ и такъ, говоритъ, проиграли казенныхъ двѣ съ половиной тысячи!.. Самъ, говоритъ, слышалъ какъ они объ этомъ прaporнику Максиму сказывали... Разсказываетъ мнѣ, а самъ шачетъ... Я пришелъ въ роту, собралъ унтеръ-офицеровъ—имъ разсказалъ, тѣ своимъ взводамъ. Такъ все, какъ одинъ человѣкъ, согласились выручить командира: все свои деньги повывалили—у кого что было; а денжонки у насъ на Кавказѣ водились. Принесли мнѣ, просятъ, чтобы передать ихъ его благородію, да какъ нибудь такъ, чтобы не обидѣлись. Ну, я взялъ деньги, понесъ ихъ, а самъ боюсь: думаю—ну, осерчаютъ!.. Однако ничего—даже до слезъ

Германскія женщины во время боя съ римлянами. Карт. Линденшмидта, грав. Геданъ и Крессе.

тронуты! ведали сейчас роту выставить и всёх до единого перецѣловали. „Спасибо, говорить, ребята, за вашу любовь: никогда не забуду это, до самой смерти, а деньги я вамъ черезъ два мѣсяца отдамъ“... и когда отдавали такъ каждому еще по рублю дали.

— Такъ вотъ до чего дойти можно, ваше благородіе, съ этими картами, закончилъ Холодовъ, отирая ладонью выступившій у него на лбу потъ отъ длиннаго, непривычнаго повѣствованія.

— Не безпокойся: казенныхъ не проиграю.

— Вотъ вы всегда такъ,—почемъ вы знаете? До грѣха недалеко!.. Я вотъ вамъ нарочно это рассказала, а вы смѣетесь!..

— Ну ты, Иванъ Петровичъ, надоѣлъ мнѣ! Что я, малый ребенокъ, что ли?

— Воля ваша, какъ вамъ угодно будетъ, а только я правду говорю!..

Въ эту минуту въ комнату вошелъ деньщикъ съ подносикомъ въ рукахъ, на которомъ стояла большая рюмка водки и бутербродъ съ сыромъ.

— Ну, выпей, старый, и убирайся!.. Проси фельдфебеля выпить! шутиливо приказалъ онъ деньщику.

Деньщикъ, лукаво улыбаясь, поклонился.

— Кушайте, господинъ фельдфебель!..

Иванъ Петровичъ покосился на рюмку, какъ бы раздумывая—пить или не пить, потомъ вдругъ взялъ ее.

— За ваше здравіе, ваше благородіе, проговорилъ онъ, залпомъ выпивъ ее, утеръ губы рукавомъ и добавилъ: покорнѣйше благодарю, ваше благородіе! продѣлавъ все это по всемъ правиламъ уточненной солдатской вѣжливости.

Деньщикъ ушелъ.

— И что это, подумую я!.. началъ опять Холодовъ.

— Опять затынулъ!..

— Сейчасъ кончу, ваше благородіе, дозвольте послѣднее слово сказать.

— Ну говори, только поскорѣе!..

— Что это я говорю, вамъ эти карты дались, точно окромя нихъ вы себѣ никакихъ удовольствій предоставить не можете!..

— Да что же дѣлать то?

— Да ужъ ежели подумать ничего не можете—пригласили бы кого изъ товарищей, поставили бы водочки, закусочки—выпили бы, побесѣдовали бы промежду себя, вотъ оно!..

Здѣсь онъ былъ прерванъ внезапно растворившейся дверью, въ которую вошелъ молодой офицеръ—поручикъ Случинскій, пріятель Поливанова.

— А, Иванъ Петровичъ! воскликнулъ онъ весело, увидѣвъ Холодова, давно тебя не видалъ!.. Здорово, старина!

— Здравія желаю вашему благородію! отвѣчалъ тотъ, радостно улыбаясь и любовно, какъ мать на сына, поглядывая на красавца-офицера, своего бывшаго ученика.

— Что, пробираешь тебя за что нибудь? продолжалъ Случинскій, здоровался съ хозяиномъ.

— Пробираешь! усмѣхнулся тотъ.

— Ну что жъ, это ничево!.. За карты, небось?

— За карты, за лѣность, за все!..

— Ты что же это своего ротнаго обижаетъ? А? Видишь онъ на тебя жалуется!..

— Никакъ вѣтъ, ваше благородіе, я только!..

— Ступай, Иванъ Петровичъ!.. Завтра въ ротѣ буду—не плачь! перебилъ его Поливановъ.

— Слушаю, ваше благородіе!.. Покорнѣйше благодарю!.. Счастливо оставаться! проговорилъ Иванъ Петровичъ и, молодецки повернувшись „кругомъ“, вышелъ изъ комнаты.

III.

Оставшіеся до смотра два дня прошли среди приготовленій незамѣтно. Ожиданіе смотра доставляетъ вообще массу хлопотъ и возни рѣшительно всемъ. Такъ взглянуть—кажется—и готовиться нечего: надѣлъ солдатъ чистое бѣлье, выложилъ аммуницію—и готово! На самомъ дѣлѣ находится масса какого-то дѣла, которымъ заваленъ каждый человѣкъ съ утра до ночи въ теченіи двухъ, трехъ дней и въ концѣ концовъ всѣ сбиваются съ ногъ и тутъ нужно большое умѣнье и хладнокровіе командира, чтобы люди не потеряли голову и не *засуетились*, что на смотре самое опасное.

Если ожидается смотръ знакомаго лица, то заботъ бываетъ меньше, такъ какъ его привычки извѣстны, знаютъ на что онъ главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе—то и готовятъ. Если же ожидаютъ смотръ лица новаго, любимыхъ отдѣловъ котораго не знаютъ, то тутъ приходится готовить все и хлопотъ бываетъ несравненно больше, да и то, въ большинствѣ случаевъ, рѣдко удается угодить.

Иванъ Петровичъ, не смотря на всю свою опытность, исключалъ до того за эти двое сутокъ, что похуздѣлъ даже немного; теперь, когда въ девятомъ часу утра новобранцы, вымытые и вычищенные, были, наконецъ, выстроены, онъ въ послѣдній разъ обходилъ ихъ, обдергивая на одномъ мушкетерѣ, на другомъ поправлялъ кэпи и мимоходомъ экзаменовалъ то изъ того, то изъ другаго.

— Окончивъ обходъ, онъ отошелъ на середину и, еще разъ окинувъ всехъ взглядомъ, далъ послѣднее наставленіе:

— Ну, помни у меня—чтобы молодцами!.. Первое дѣло—смотри прямо въ глаза и спросить—отвѣчай громче!.. Ты солдатъ, такъ и будь солдатъ!.. Долженъ завсегда видъ имѣть, памятуя, что ты есть!..

Иванъ Петровичъ, получивъ закуску воспитанія среди боевой кавказской обстановки и имѣя до сихъ поръ дѣло только съ такимъ же начальствомъ, и не подозревалъ, что народились требованія новыя, созданныя наукой и теоріей, которыя хотѣть, чтобы солдатъ, проникнувшій солдатскимъ долгомъ, понималъ бы и премудрость „Уложенія о наказаніяхъ, палагательныхъ мировыми судьями“, и „сознательно“ изучилъ бы теорію своихъ правъ, свидѣтельскихъ показаній,—правъ слѣдователя, власть и обязанность всехъ и каждаго, начиная рядовымъ и командующимъ войсками включительно; зналъ бы форму судебного слѣдствія; теорію стрѣльбы; правила хлѣбпеченія; власть и значеніе прокурорскаго надзора и т. п. Онъ велъ дѣло по прежнему, училъ о послушаніи, долгѣ чести, знамени. Онъ во всемъ этомъ производилъ экзамены.

— Ротный командиръ пришел! шепнулъ на ухо Ивану Петровичу подбѣжавшій дежурный и бросился встрѣчать командира.

— Смирно!.. На плее-чо! скомацдоваль фельдфебеля.

Вошелъ Поливановъ; поздоровался; осмотрѣлъ новобранцевъ, задалъ нѣкоторымъ изъ нихъ по нѣсколькы вопросовъ и похвалилъ за отвѣты.

Загѣмъ началось томительное ожиданіе пріѣзда инспектора. Наконецъ, одинъ за другимъ, влетѣли „махальные“ и, занявшіеся дожили, что генераль пріѣхалъ.

Поливановъ выровнялъ новобранцевъ; въ свою очередь скомацдоваль „на плечо“ и, выпувъ саблю, сталъ передъ ротой, ожидая появленія генерала. Черезъ минуту дверь распахнулась и въ ней, въ сопровожденіи свиты, появился ожидаемый генераль, съ бѣлымъ эксельбантомъ черезъ плечо, чрезвычайно молодой, на видъ не старше Поливанова.

— Шай! на крра-уль!.. скомацдоваль Поливановъ и, взявъ „подвысы“, пошелъ на встрѣчу съ рапортомъ.

Генераль выслушалъ рапортъ и, ко всеобщему удивленію, подалъ Поливанову руку; Иванъ Петровичъ, увидѣвъ это, крайне неодобрительно изумился и сразу рѣшилъ въ умѣ, что генераль „не изъ важныхъ“, — „ступитъ не умѣтъ!“ опредѣлить онъ.

Подойдя къ новобранцамъ и, не обративъ вниманія на стойку, инспектирующій поздоровался и пошелъ вдоль фронта. Невниманіе къ фронтовой выправкѣ тоже не понравилось Ивану Петровичу и онъ совсѣмъ уже сталъ злупникъ, ничего не понимая—такъ все это было для него ново.

— Какъ твоя фамилія? остановился генераль около коричневаго, какъ голенище, татарчука, весело и бойко смотрѣвшаго прямо ему въ лицо своими искрящимися, узкими глазками.

— Амираджибандаловъ, вашимъ прыхадытѣльства!.. крикнулъ тотъ, помня наставленіе отвѣчать молодецки.

Генераль поморщился и жалалъ рукой ухо.

— Зачѣмъ такъ громко?.. Я не глухой!.. произнесъ онъ.

Татаринъ растерянно мигнулъ глазами, не найдясь сразу что слѣдуетъ отвѣчать на это, но нерѣшительность его длилась недолго секунды: онъ вспомнилъ, что „отвѣчай, и—чтоп и на есть громче!“

— Такъ точно, вашимъ прыхадытѣльства!..

— Да не кричи такъ: я не глухой!.. повторилъ инспекторъ.

„Ладно!.. Не собьешь!..“ подмалъ Амираджибандаловъ и тѣмъ же голосомъ рывкнулъ:

— Слушаю, вашимъ прыхадытѣльства!..

Начальникъ штаба махнулъ рукой и пошелъ дальше.

„Вотъ тебѣ и разъ!.. подумалъ чуть не вслухъ Иванъ Петровичъ, да что же—шепотомъ что ли отвѣчать?..“ и начальникъ штаба еще болѣе потерялъ въ глазахъ Ивана Петровича. Когда же онъ, проходя мимо него, остановился и, рассматривая его кресты, спросить что то, обращаясь къ нему на „вы“, то Иванъ Петровичъ просто обидѣлся и отвѣчалъ ему съ видимою неохотой.

Начальникъ штаба, проходя по фронту, всматривался въ лица людей; всѣ смотрѣли весело и бойко, „молодцовато“ провожая его глазами“. Подойдя къ лѣвому флангу, онъ остановился около другаго татарина, сверкавшаго своими бѣлыми, какъ слоновая кость, зубами.

— Экіе зубы то!.. Просто смотрѣтъ завидно!.. весело пошутить онъ, обращаясь къ свитѣ: веселый видъ солдатъ дѣйствовалъ и на него и невольно сообщался.

— Рады стараться, вашимъ прыхадытѣльства!.. загремѣлъ татаринъ, только и ожидавшій чего нибудь, чтобы гаркнуть во всю грудь.

Генераль размѣлся.

— Я тебя и не хвалилъ, братецъ, вовсе; я зубы твои похвалилъ!.. Не болятъ они у тебя никогда?.. А?..

— Никакъ вѣтъ, ваш... пр...во.

„И пашель что спрашивать!..“ думалъ Иванъ Петровичъ, слѣдя изподгишка за каждымъ движеніемъ начальника;—„неладно, не слѣдуетъ такъ-то!“

— Ну-сь, наружный видъ очень удовлетворительный, продолжалъ между тѣмъ инспекторъ;—здоровы, сыты, бодры... Посмотримъ чему то вы ихъ выучили... Стоять вольно!.. крикнулъ онъ и началъ предлагать различные вопросы.

Новобранцы отвѣчали бойко и видимо понимали то, что говорили. Генераль казался довольнымъ и не замѣчалъ больше что отвѣчаютъ слишкомъ громко; сердце Поливанова и Ивана Петровича начинало радоваться.

— Ну, а молитвы знаете?.. обратился инспектирующий ко всѣмъ вообще.

— Такъ точно, ваше превосходительство! загремѣли новобранцы.

— И заповѣди тоже?

— Такъ точно, ваше пр-ство!..

— Ну, прочти мнѣ первую заповѣдь! обратился онъ къ правопланговому.

— Азъ есмь Господь Богъ твой! Да не будутъ тебѣ бози инии развѣ Мене!

— А понимаешь ты эту заповѣдь?.. Можешь объяснить мнѣ ее своими словами?..

— Никакъ нѣтъ, ваше пр-ство! также бойко отвѣтилъ правопланговый, ни мало не смутился.

— Какъ же ты ее заучивалъ и не поинтересовался узнать что она означаетъ? Это, господа, стыдно вамъ, обратился онъ къ офицерамъ; тѣ взяли подъ козырекъ. Долго ли объяснить... пять минутъ какихънибудь!.. Да и не можетъ быть, чтобы онъ не понималъ!.. Что значитъ—Азъ?

Солдаты молчали.

— Ну—я, значить!.. Я.. понимаешь?

— Такъ точно, ваше пр-ство!

— Есмь—есть!.. понял?

— Такъ точно, ваше пр-ство!

— Господь Богъ твой?..

— Такъ и будетъ—Господь Богъ твой, ваше пр-ство!

— Ну, конечно!.. Понялъ теперь все?..

— Такъ точно, ваше пр-ство!

— Ну, вотъ видите, господа, какъ это легко!.. Пять минутъ—и солдаты понимаютъ!..

Всѣ присутствующіе чувствовали себя не совсѣмъ ловко.

— Ну, вотъ же, братецъ, ты можешь это знать?! Вѣдь ты же всѣ слова понял!.. Это ты врешь на себя!.. Ну, подумай хорошенько: Азъ—я, есмь—есть, Господь Богъ твой—такъ и будетъ!.. Ну!.. Ну, какъ же?.. Ну?.. ободрилъ онъ, замѣтивъ по выраженію лица томившагося солдата, что тотъ хочетъ что то отвѣтить.

— Точно такъ, ваше превосходительство!.. выпалилъ онъ.

Онъ понималъ сердцемъ все это отлично, но не умѣлъ выразить, конечно.

Нѣсколько человѣкъ однако улыбнулись, и самъ генераль добродушно разсмѣялся и отошелъ въ сторону.

Это испортило отчасти хорошее впечатлѣніе смотра, но генераль, направляясь къ выходу, все-таки похвалилъ новобранцевъ, а Поливанову опять подать руку, и съ любезной улыбкой замѣтилъ только, что желательно было бы, чтобы люди от-

вѣчали болѣе естественными голосами, и отвѣты ихъ были „болѣе сознательны“.

Поливановъ, и вообще все начальство было довольно, но Иванъ Петровичъ сильно огорчился: въ его глазахъ смотрѣть вышелъ совсѣмъ неудачнымъ. Его неудовольствіе выразилось прежде всего въ томъ, что онъ ни за что, ни про что распеку того татарина, котораго генераль похвалилъ.

— Ты чему, дуракъ, обрадовался? подошелъ онъ къ нему, когда офицеры ушли изъ роты;—ты думаешь его превосходительство къ чему говорилъ?

— Не могу знать, Иванъ Петровичъ.

— То-то, не могу!.. его превосходительство по зубамъ узналъ, что ты дуракъ: чего скалить зубы? Вотъ что!.. А ты съ дуру радуешься!.. Мундиры снять, вычистить и сдать въ чихаузъ! продолжалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ; разойтись!..

— Иванъ Петровичъ, ротный командиръ пять рублей пожаловали, приказали людямъ водки кунить, доложилъ подошедшій дежурный унтеръ-офицеръ.

— Прикажи артельщику кунить, и чтобы передъ обѣдомъ выдать по чаркѣ!

— Слушаю, Иванъ Петровичъ.

— А къ мнѣ Александра Семеновича пошли, да чтобы обѣдать мнѣ подавали, окончилъ Иванъ Петровичъ и направился въ свое помѣщеніе.

Полчаса спустя Иванъ Петровичъ и Александръ Семеновичъ сидѣли другъ противъ друга за столомъ, на которомъ красовалась колбаса, соленые огурцы и до половины опорожненная четвертная бутылъ. Иванъ Петровичъ засѣдалъ въ одной рубашкѣ, а Александръ Семеновичъ въ доверху застегнутомъ мундирѣ; оба были уже на второмъ взводѣ.

— Какъ тутъ не выпить? философствовалъ Иванъ Петровичъ, — ежли съ адекватна горя и не выпить—прямо руки на себя наложить!..

— Это въ справедливо, Иванъ Петровичъ, поддакивалъ Александръ Семеновичъ.

— Тридцать лѣтъ прослужилъ, а такой обиды не видалъ!.. Что я мусью до ли ему какой? „Вы, вы!“ Да!.. Это обидно солдаты такъ выспрашивать—что онъ новъ что ли—объ такихъ дѣлахъ обсуждать?

— А вы, выкушайте еще стаканчикъ—поможетъ! Ей-Богу—поможетъ!.. Я завсегда!.. Первый сортъ!..

Иванъ Петровичъ методично наливалъ, выпивалъ съ достоинствомъ, и продолжалъ:

— А потомъ опять что спрашиваетъ?! Ну, развѣ можетъ солдаты говорить что есть Богъ?! Чувствовать онъ долженъ, а не изъяснять!..

Старый служака былъ огорченъ!..

Вечеромъ къ Поливанову явился дежурный и доложилъ, что Иванъ Петровичъ „заболѣли“.

И Поливановъ распорядился по обычаю отправить его въ лазаретъ.

Въ древнемъ Вавилонѣ.

Изъ книги Фр. Делча.

(Описание).

Громадный храмъ „Эсагилъ“ возведенъ былъ на могучемъ каменномъ фундаментѣ. Имѣя искусственныя террасы, зданіе не только находилось внѣ черты наводненія, но и поднималось надъ слоемъ воздуха сыраго, а также надъ роями комаровъ, тучами носившихся на берегу рѣки. На вышнихъ террасъ, на которыхъ вели широкія лѣстницы, лучшей и болѣе прохладный воздухъ. На верху одной изъ такихъ террасъ стоялъ Эсагилъ, храмъ Меродаха, бога Вавилона, и его супруги Цербаниты. Храмъ этотъ замѣчательнъ не только своею древностью, но и необыкновеннымъ вышнимъ великолѣпиемъ и драгоценностями, скопленными въ его сокровищницахъ. Внутри обширнаго портика, съ большими золотыми алтарями, возвышается зданіе, поддерживаемое колоннами. Оба его входа, съ часовней бога Нэбо, сына Меродаха, сдѣланы изъ золота, стѣны храма сверкаютъ мраморомъ и алебастромъ. Но великолѣпнѣе всего была украшена Святая Святынь, собственно свинія самого Меродаха. Тутъ стѣны были чистаго золота, крыша ливанскаго кедра, потолокъ выложенъ золотомъ и драгоценными камнями. Утварь храма Эсагилъ также золотая, а богатства неизчислимы—ихъ цари Вавилона и Ассирии приносили въ даръ Меродаху. Дары эти тщательно оберегались жрецами Ваала. Навуходносоръ особенно переполнилъ сокровищницы Эсагила: серебро, золото, металлы, кедровое дерево, благовонныя масла, все это было въ изобиліи. Ежедневно въ жертву приносилось множество быковъ, овецъ, свиней, вина, лившагося цѣлымъ потокомъ по ступенямъ жертвенника, и ежедневно изъ дворца Навуходносора посылались въ храмъ дары: рыбы, птицы, молоко, медъ и масло, для Меродаха и его жрецовъ. Многочисленныя толпы жрецовъ восхваляли въ Эсагилѣ хвалу Меродаху, милосердому богу Вавилона, прощающему грѣхи, покровителю страны.

Особенно торжественно проходили праздники; изъ нихъ пер-

вымъ считалось начало года; въ столицу стекались жители со всей Вавилоніи. Въ день этотъ, изображенія Меродаха и сына его Нэбо на великолѣпныхъ, сверкавшихъ какъ звѣзды неба, послѣдкахъ, украшенныхъ драгоценными камнями, послали по празднично украшеннымъ улицамъ. Начались эти процессіи при Наболасарѣ. Ходъ начинался отъ святилища въ храмѣ Эсагила, гдѣ, по вѣрованію вавилонянъ, 8 и 11 числа каждаго перваго мѣсяца въ году, боги судьбы собирались предъ Нэбо и выслушивали отъ него судьбу года, предсказаніе будущаго. Оттуда Наболасаръ продолжилъ праздничныя улицы до Ниневійскихъ воротъ, а Навуходносоръ—далѣе, до воротъ Нана, и затѣмъ уже на широкой мостъ, чрезъ восточный каналъ, ходъ шелъ еще далѣе.

Вокругъ портика Эсагила группируется цѣлый кварталъ различныхъ зданій, предназначенныхъ частью для многочисленнаго, распадающагося на многіе классы духовенства, частью для склада храмоваго архива на глиняныхъ табличкахъ и храмовыхъ сокровищъ. Здѣсь живутъ собственно жрецы Ваала, обязанность которыхъ совершать жертвоприношенія, надсматривать за храмомъ; далѣе нѣвѣе, затѣмъ ученые корпораціи халдейцевъ,—у нихъ также отдѣльныя помѣщенія и они пользуются почетомъ и преимуществами касты жрецовъ. Тамъ астрономы, астрологи, составители календарей, историки, архивариусы и, наконецъ, волхвы, обладавшие тайнами заклинанія злыхъ духовъ, объяснявшие сны и считавшие себя священнослужителями Меродаха. Собственно врачей въ Вавилонѣ не было вовсе. Хотя волхвы знали нѣкоторые цѣлебныя средства, напр. отъ глазныхъ болѣзней, но въ большинствѣ случаевъ, для изгнанія болѣзни, они прибѣгали къ заклинаніямъ, амулетамъ и разнымъ символическимъ, таинственнымъ обрядамъ. Не смотря на уваженіе, съ какимъ народъ относился къ волхвамъ,

Виды и здания Москвы. Воспитательный домъ. По фотогр. М. Панова, грав. М. Рашевскій.

Видъ храма Софіи въ Константинополь (нынѣ мечеть Ая Софія). По фотогр. грав. Болгъ.

чему доказательством служить эпитетъ „высокочтимый“, прибавившійся въ ихъ имени, народъ, конечно, имѣлъ родъ знахарей, которые занимались врачеваніемъ. Возлѣ Эсагиля были духовныя школы,—здѣсь молодежь, имѣвшая желаніе вступить въ касту жрецовъ, училась языку и письму халдейскому.

Сѣвернѣе Эсагиля, на площади, омываемой съ одной стороны Евфратомъ, находилось царское жилище, образуя центръ города. Дворецъ, построенный Набополасаромъ и обнесенный стѣною, во времена Навуходоносора требовалъ поправки. Фундаментъ былъ подмытъ водою. Но Навуходоносоръ, болѣе прочихъ вавилонскихъ государей заботившійся о Вавилонѣ, не только возстановилъ запово дворецъ, поднявъ его какъ гору, но расширилъ его и наполнилъ военною добычею и сокровищами. Дворецъ построенъ на великолѣпной, широкой террасѣ. Эсагиль состоялъ изъ одного главнаго зданія, вокругъ котораго группировались жилища жрецовъ, дворецъ же образовалъ какъ бы цѣлый городъ, съ многочисленными дворами, переходами и галереями. Стѣны всегда продолговатыхъ комнатъ и корридоры выложены были частью алебастромъ, частью глазированной кирпичемъ, окрашеннымъ въ разные цвѣта, расписаннымъ арабесками, изображающими сцены военной, охотничьей и частной жизни царя. Внутри этого огромнаго дворца, или, какъ вѣрнѣе называлъ его народъ, *дворцового города*, живетъ окруженный многочисленнымъ, роскошнымъ дворомъ Навуходоносоръ, царь царей, царь Вавилона, великій, возлюбленный бога Меродаха, любимецъ Небо, могучій стражъ своего народа и пр., ему покорялась вся страна вплоть до Египта и границъ Эѳіопіи. Сюда являлись представители всѣхъ народовъ и входили чрезъ чудныя кедровыя, съ массивными бронзовыми украшеніями, ворота, оберегаемыя мѣдными гитантскими быками съ челоуѣчными головами, и приносили тяжкую дань всемогущему владыкѣ. Во дворѣ же жили и плѣнные цари, томясь въ заключеніи. Двое изъ нихъ намъ известны: это іудейскіе цари Іоакимъ и Седекія, самый несчастный царь изъ дома Давида. Последнее, чему онъ былъ свидѣтелемъ на землѣ—избѣженіе его дѣтей.

Замѣчательна характерная черта восточныхъ народовъ: наследники никогда не продолжали предпріятія своего предшественника по начертанному плану, но начинали новое. И это вполне понятно. Залы, стѣны и полы изображаютъ сцены изъ жизни того, кто строилъ дворецъ, и свидѣлствуютъ о его славі; въ такомъ дворѣ наследнику нелегко принимать подобострастныя почитанія иностранныхъ народовъ. Такимъ образомъ, Навуходоносоръ, для увѣковѣченія своего имени, рѣшилъ построить собственный дворецъ, но не желалъ, изъ чувства благоговѣнія, занимать площадь, которая принадлежала храму Эсагиля и жрецамъ, онъ задумалъ возвести немного дальше дворецъ, который, не отличаясь размѣрами, долженъ былъ поражать великолѣпіемъ и массивностью очертаній. Навуходоносоръ вполне достигъ этого. Дворецъ его можно считать чудомъ искусства. Это было террасовидное мраморное зданіе, стоящее на самой вершинѣ многихъ террасъ, покрытое кедромъ и кипарисомъ. Двери изъ благоуханнаго дерева украшены были слоновою костью и выложены золотомъ и серебромъ. На террасахъ, соединенныхъ между собою лѣстницами, насажены деревья и кусты. Пустиы внутри, какъ башни широкіе столбы, наполненные землею, могли вмѣщать самыя большіе корни деревьевъ, а гигантскіе наосы, соединенные съ Евфратомъ, доставляли воду для орошенія сада и для фонтановъ. Садъ этотъ Навуходоносоръ устроилъ для своей супруги, царевны мидійской, пожелавшей въ вавилонскихъ степяхъ имѣть иѣчто подобное горамъ и рощамъ своей родины.

Кто остановился бы на этой вышинѣ, предъ тѣмъ развернулся бы чудный видъ. Весь городъ, полный жизни и веселья, кипитъ внизу. Между тѣмъ, какіе ужасы совершались здѣсь еще незадолго! Это было тогда, когда Самассумукима, котораго братъ Асурбанипалъ сдѣлалъ правителемъ Вавилона, возсталъ противъ своего царственнаго брата и, пользуясь нелюбовью народовъ передней Азіи къ жестокому ниневійскому властителю, привлекъ на свою сторону вавилонянъ, также арабовъ, эламитовъ и арамейцевъ. Осада была въ разгарѣ. Ассирійское войско обложило города Сиппаръ, Куту, Борсиппу и Вавилонъ и хотя стѣны послѣдняго были недоступны, но въ городѣ вдругъ сталъ свирѣствовать голодъ и моръ. Люди въ отчаяніи убивали дѣтей и питались ихъ мясомъ. Самассумукима съжегъ себя живымъ, остальные же, не имѣя духу послѣдовать его примѣру, сдались царю ассирійскому, который не пощадилъ никого, пре-

далъ всѣхъ страшнымъ казнямъ и опустошилъ городъ. Еще ужаснѣе была судьба Вавилона за 42 года передъ этимъ. Царь ассирійскій Сангерибъ, возмущенный постоянными заговорами и неповиновеніемъ вавилонянъ, осадилъ городъ въ 690 году и съжегъ его до основанія. Храмы и башни были разрушены и сброшены въ каналъ Арахту, боги и богини, жившіе въ нихъ, переселились на небо... Въ развалинахъ Вавилона ассирійскій побѣдитель велѣлъ провести каналы и наполнить ихъ водою, чтобы не оставалось и признака города. Кто могъ тогда ожидать, что спустя сто лѣтъ города снова возникнетъ и достигнетъ еще большаго великолѣпія и блеска. Переносясь мыслью за 500 лѣтъ до ассирійскаго завоеванія, предъ нами выступаетъ образъ мудрой царицы Семирамиды, известной тѣмъ, что одна изъ всѣхъ вавилонскихъ государей сумѣла она покорить ассирійцевъ. Именемъ ея названы роскошныя висчіе сады Вавилона.

Прежде чѣмъ покинуть великій Вавилонъ, путникъ долженъ заглянуть въ близлежащій городъ Борсиппу, иначе его впечатлѣніе было бы не полно. Оба города составляютъ одно цѣлое, такъ какъ двухверстное пространство, разделяющее эти города, сплошь занято домами, дворами и садами. Были интересныя обычаи у вавилонянъ, въ особенности одинъ, который Геродотъ называетъ „мудрѣйшимъ и прекраснымъ закономъ“. Это—воспріеніе выдавать дочь замужъ за человѣка по ея выбору. Одинъ разъ въ году, дѣвушки въ деревьяхъ и городахъ выводились на торговую площадь и тутъ продавались съ аукціона. Продажа начиналась съ самыхъ красивыхъ, и вырученные деньги шли въ приданое дѣвушкамъ некрасивымъ. Замѣчательны были также отношенія дѣтей къ родителямъ. Сынъ ослушавшійся своего отца клеймился и считался рабомъ. Ослушавшійся же матери также клеймился и изгонялся изъ дома и изъ города. Достигнувъ Борсиппы, не останавливаясь возлѣ многочисленныхъ ея большихъ и малыхъ храмовъ, путникъ пройдетъ прямо къ знаменитой святинѣ, храму Энида, *Вѣчному Дому* бога Небо, который сдѣлалъ за небомъ и землею, и записывалъ на своихъ вѣчныхъ скрижаляхъ все содѣянное тамъ. Въ портикѣ храма два алтари: одинъ золотой, на которомъ приносятся въ жертву животныя, питающіяся еще молокою матери, и другой побольше, на которомъ приносятся въ жертву уже большихъ животныхъ и курится опиумъ.

Храмъ образуетъ квадратъ и построенъ съ такимъ же великолѣпіемъ какъ Эсагиль. Здѣсь большая сидячая статуя бога, изъ чистаго золота, рядомъ съ нею золотой столъ, стулъ и скамья. Но самое замѣчательное въ храмѣ—это въ срединѣ его башня, стоящая на громадномъ фундаментѣ изъ каменныхъ плитъ, имѣющая семь этажей, постепенно суживающихся къверху террасами. Это храмъ семи сферъ неба и земли, т. е. семи планетъ, которымъ посвященъ каждый изъ этажей, окрашенный въ краску, соответствующую цвѣту планеты. Верхніе этажи, посвященные лунѣ и солнцу, обложены серебряными и золотыми пластинками. Цѣлыя столѣтія зданіе это, представляющее и теперь одну изъ величественнѣйшихъ развалинъ страны, стояло неоконченнымъ. Навуходоносоръ довелъ постройку до конца. Поднимались по лѣстницѣ, проведенной чрезъ всѣ семь этажей и достигали верхняго изъ нихъ, гдѣ устроенъ храмъ безъ божества. Тутъ, возлѣ золотого стола, стоитъ вѣчно чудное ложе, ожидая появленія бога.

И ото всего этого великолѣпія древняго Вавилона осталось только три громадныя холма развалинъ! По раскопкамъ, произведеннымъ англійскимъ археологомъ Рассамомъ, по клинообразнымъ письменамъ и свѣдѣніямъ, дошедшимъ отъ грековъ, оказывается, что и мы, европейцы, во многомъ неспытали вліянія вавилонянъ. Раздѣляя кругъ на 360 градусовъ, день на 24 часа, часъ на 60 минутъ, считая семь дней въ недѣлѣ, и называя ихъ именами планетъ, наконецъ, говоря о созвѣздіяхъ Вѣсовъ, Медвѣдницы и пр., мы только повторяемъ установленія вавилонянъ. Даже нѣкоторыя религіозныя идеи и преданія, которыя долгое время считались спеціально древне-еврейскаго происхожденія, находятся въ Вавилонѣ, на глиняныхъ табличкахъ. Празднованіе седьмаго дня въ недѣлѣ основано также на вавилонскомъ повѣртіи. Вавилоняне всегда выдѣляли седьмой день, называя его *субботой*. Въ этотъ день нельзя было приступать ни къ какому дѣлу, нельзя было ѣсть жареную говядину. Царь не долженъ былъ надѣвать новой одежды, не могъ садиться на колесницу, не могъ судить; въ этотъ день не позволялось подавать помощь даже больному. Цифра семь обозначала семь злыхъ духовъ и приносила несчастье.

Къ рисункамъ.

Деревенскіе охотники.

(Рис. на стр. 516).

Очень выгодно выдѣлялись на послѣдней выставкѣ въ Императорской Академіи Художествъ небольшія картинки известнаго нашего художника Ковалевскаго, такого знаатога лошади и именно русскаго ея типа. На картинкѣ, здѣсь помѣщаемой, очень вѣрно и мѣтко схваченъ типъ деревенскаго охотника, на бѣговыхъ дрожжахъ, въ сопровожденіи какого нибудь опытнаго страстнаго стрѣлака изъ старыхъ дворовыхъ; они спѣшатъ на

свои любимыя болота. Бойкая лошадка усердно семенитъ погами, собака весело бѣжитъ съ хозяевами, и зеленымъ шатромъ обступаютъ ихъ рощица и вѣтъ въ загорѣлыя лица охотниковъ свѣжимъ вѣтромъ, запахомъ цвѣтвовъ и споженой травы. Негерібно ждуть они когда добѣдутъ до мѣста.

Врачъ у ложа татарскаго царевича.

(Рис. на стр. 517).

Рисунокъ нашего художника представляетъ эпизодъ траги-

ческаго происшествія, имѣннаго мѣсто въ царствованіе великаго князя Иоанна III, происшествія, бывшаго съ пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ другими иностранцами въ Москву „Антономъ-лекаремъ“. Молодой врачъ Антонъ Эренштейнъ, какъ говоритъ лѣтопись „пріѣха къ великому князю (1485 г.) его же въ великой чести держитъ великій князь.“ Но конечно это возбуждало зависть и ненависть къ нему у многихъ при дворѣ и его извели, воспользовавшись случаемъ. Въ Москвѣ въ то время въ почетѣ и чести жилъ татарскій царевичъ Даньяръ, котораго князь очень цѣнилъ за вѣрность къ себѣ и за его заслуги. На одномъ изъ торжествъ упалъ съ вѣбѣившагося коня молодой сынъ Даньяра, Каракачъ и расшибся. Великій князь уговорилъ царевича допустить лечитъ больнаго Антона-лекарю, взявъ съ него слово, что онъ отвѣчаетъ за больнаго головою. Врачъ пришелъ и, осмотрѣвъ, сдѣлалъ перевязки и очень помогъ больному, но надо думать, что или больной не исполнялъ, по совѣтамъ окружающихъ, предписаній лекаря или даже кто нибудь изъ окружающихъ и отравилъ питье царевича, по только онъ умеръ. Великій князь былъ разсерженъ и огорченъ до глубины души. „Врачева же Корокачу, царевича Даньярова да умори его смертнымъ зельемъ за посылку. Князь же великій выдалъ его татарамъ... они же свели его на Москву рѣку подъ мостъ зимою и зарѣзали ножомъ...“ На рисункѣ нашемъ изображено какъ несчастный Эренштейнъ, еще не зная ожидающей его участи, даетъ лекарство больному, окруженному своими соотечественниками-татарами, плачущими въ отчаяніи отъ бѣдны своего царевича.

Германскія женщины во время боя съ римлянами.

(Рис. на стр. 521).

Безпощадная борьба германцевъ съ римлянами, кончившаяся подъ конецъ нападѣемъ римскаго колосса, была богата съ обѣихъ сторонъ примѣрами героизма и мужества; но у германцевъ героями являлись не одни мужчины; женщины тоже боролись у нихъ на поляхъ битвъ вмѣстѣ со своими мужьями и братьями и принимали вполнѣ активное участіе какъ въ побѣдахъ, такъ и въ пораженіяхъ своего племени. Кромѣ того взглядъ на женщину былъ совершенно другой у древнихъ германцевъ, нежели у римлянъ; германцы видѣли въ женщинѣ что то высшее, святое, вѣщее; они уважали совѣты женщинъ; повиновались ихъ рѣшеніямъ и даже имѣли изъ нихъ крикъ и пророчницъ, какими были наприимѣръ Ауринія и Веледа. Такъ у кимвровъ неожиданно среди боя появлялись женщины, сдѣла отъ старости, босая, облеченная въ бѣлыя одежды, опонсанная мѣдными поясами, съ обнаженными мечами въ рукахъ. Германская женщина являлась постоянной спутницей мужчины въ счастья и несчастія; дома она занималась простымъ полевымъ и домашнимъ хозяйствомъ и шла съ мужемъ въ походъ противъ врага; приносила ему на поле битвы пищу и питье и своими пламенными рѣчами возбуждала его боевую храбрость. При неудачѣ, женщины бросались на встрѣчу бѣгущимъ и своими мольбами и напоминаніями о позорномъ плѣнѣ, часто возстановляли порядокъ въ поколебавшихся рядахъ германскихъ воиновъ и заставляли ихъ одерживать побѣду. Слыша позади себя голоса женъ и дѣтей, германецъ бѣшено кидался на врага; грозный крикъ воиновъ служилъ сигналомъ, что пришла рѣшительная минута—побѣдить или умереть, и начиналась безпощадная, кровавая рѣзня. Въ своемъ разсказѣ о битвахъ съ Ариовистомъ, Цезарь очень живо описываетъ тотъ ужасъ, который чувствовали римляне при первомъ своемъ враждебномъ столкновеніи съ германцами. Эти дикія, обнаженные толпы, прикрытыя лишь звѣриными шкурами, бросающія вперёдъ съ грознымъ крикомъ и тѣлодвиженіями, производили на нихъ такое сильное впечатлѣніе, что ряды самыхъ храбрыхъ легионовъ невольно разстраивались. Но при всей своей храбрости, при всей энергіи своихъ стремительныхъ нагисковъ, германцы часто терпѣли поражение отъ недостатка общаго стратегическаго плана. Ихъ войско, все таки была безпорядочная толпа, которая шла въ битву безъ заранѣе опредѣленной цѣли и надѣялась исключительно на свою силу и многочисленность. Пораженіе одной какой нибудь части, вело за собою общую панику и тогда начиналась настоящая бойня побѣжденныхъ. Въ этотъ моментъ германскія женщины сами вступали въ ряды сражающихся и часто выказывали чудеса храбрости и самоотверженія. Когда Кай-Марій разбилъ кимвровъ и римляне, преслѣдуя бѣгущихъ, достигли обозовъ, то имъ представилось страшное зрѣлище. Жены германцевъ въ черныхъ одѣяннѣхъ стояли на тѣлѣгахъ и собственноручно умерщвляли бѣжавшихъ къ нимъ искать убѣжища, мужей и родственниковъ, бросали собственныхъ дѣтей подъ колеса и ноги вьючныхъ животныхъ и наконецъ умерщвляли самихъ себя, предпочитая смерть позорному рабству. На нашемъ рисункѣ изображена женщина съ мечемъ въ рукѣ, жадно слѣдящая за ходомъ битвы, въ которой, судя по окровавленному мечу, сама принимала дѣятельное участіе.

Воспитательный Домъ въ Москвѣ.

(Рис. на стр. 524).

На Солянкѣ, на самомъ берегу Москвы-рѣки, возвышается

цѣлая масса зданій, что то въ родѣ отдѣльнаго квартала. Это самое знаменитое изъ всѣхъ благотворительныхъ учрежденій Москвы—Воспитательный Домъ, основанный въ 1764 году, по повелѣнію Императрицы Екатерины II и построенный Прокофѣемъ Акинѣевичемъ Демидовымъ. Говорятъ, что первую мысль объ учрежденіи дома подалъ Императрицѣ Бецкій, который и былъ его первымъ главнымъ попечителемъ до самой глубокой старости. При самомъ учрежденіи дома имѣлось въ виду основать его „общимъ подаяніемъ“; съ этою цѣлью было обнародовано воззваніе Святѣйшаго Синода къ сынамъ Православной Церкви, но потомъ эта мысль была оставлена.

По первоначальной мысли Бецкаго, питомцы Воспитательнаго Дома назначались къ „умноженію въ государствѣ средняго состоянія людей“. Предполагалось воспитывать изъ питомцевъ будущихъ художниковъ и ремесленниковъ, и потому въ самомъ Домѣ были устроены разныя фабрики и мастерскія. Впоследствии, при измѣнившемся взглядѣ, при Воспитательномъ Домѣ были учреждены для питомцевъ земледѣльческія колоніи. Но эти колоніи существовали не долго и по ихъ уничтоженіи Императорскимъ Указомъ 1837 года питомцы Дома были обращены въ сельское сословіе. Особенно глѣжно и матерински заботливо относилась къ благосостоянію Дома Императрица Марія Теодоровна, которой по смерти Екатерины II, по волѣ Императора Павла было вѣрено высшее его управленіе. Подъ Ея Августѣйшимъ покровительствомъ даже въ самыя тяжелыя времена Воспитательный Домъ не прерывалъ своей плодотворной дѣятельности, какъ напр. въ эпоху занятія Москвы непріителемъ въ 1812 году или во время опустошенія нашей древней столицы страшной холерной эпидеміей 1830 года.

Въ 1812 году, во время занятія Москвы французами, управленіе дома было вѣрено старшему надзирателю Тутолмину, у котораго осталось на рукахъ до 350 питомцевъ обоего пола. Тутолминъ употребилъ всѣ усилія, чтобы охранить несчастныхъ дѣтей, и его заботы имѣли полный успѣхъ. Сами французы, съ императоромъ Наполеономъ во главѣ, отнеслись сочувственно къ учрежденію и съ самаго начала занятія Москвы Воспитательному Дому была назначена особая охрана изъ 12 рядовыхъ и одного офицера. Съ этого же дня начались пожары и вмѣстѣ съ ними убиства и грабежи; цѣлыя толпы мародеровъ и поджигателей бродили около Дома; кругомъ все было въ пламени, но Воспитательный Домъ остался цѣлъ и невредимъ и въ немъ сохранился тотъ же строгій и однообразный порядокъ, какъ и въ обыкновенное время; не прекращались ни классныя уроки, ни занятія въ рукодѣльяхъ, и сами иностранцы находили учрежденіе образованымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

По кончинѣ Императрицы Маріи Теодоровны, Императоръ Николай, указомъ отъ 26-го октября 1828 года, принялъ Московскій Воспитательный Домъ подъ непосредственное и особенное свое покровительство и приказалъ представлять на свое усмотрѣніе всѣ дѣла, бывшія прежде въ вѣдѣніи Императрицы Маріи Теодоровны. Кромѣ того указомъ отъ 6-го декабря, по завѣщанію своей Августѣйшей матери, Императоръ повелѣлъ всѣмъ воспитательнымъ домамъ въ столицахъ состоять подъ покровительствомъ супруги своей Императрицы Александры Теодоровны. Пылъ въ составъ управленія Московскаго Воспитательнаго Дома входитъ 41 округъ, находящіяся въ Московской губерніи и ближайшихъ къ ней уѣздахъ шести смежныхъ съ нею губерній, а именно: Тульской, Рязанской, Владимирской, Тверской, Смоленской и Калужской, въ которыхъ въ деревняхъ размѣщены питомцы Дома. Независимо отъ этихъ округовъ, въ самой Москвѣ существуетъ особое столичное окружное управленіе, главная обязанность котораго заключается въ отдачѣ питомцевъ ремесленникамъ для обученія ремесламъ, въ надзорѣ за тѣми питомцами, которые временно находятся въ Москвѣ на заработкахъ, и въ разборѣ взаимныхъ жалобъ питомцевъ и ихъ хозяевъ. Кромѣ того при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ состоитъ, находящаяся на Гороховомъ полѣ, учительская семинарія для приготовленія питомцевъ къ обязанностямъ сельскихъ учителей. Въ послѣдніе годы, судя по официальному отчетамъ, число питомцевъ, состоявшихъ подъ призоромъ Московскаго Воспитательнаго Дома, простирается до 32,000, при чемъ болѣе 31,000 приходилось на округа, а 1,000 или около того оставались постоянно въ Домѣ.

Храмъ св. Софіи въ Константинополѣ.

(Рис. на стр. 525).

Храмъ св. Софіи, или мечеть Ая-Софіи, безспорно одно изъ чудесъ византийскаго зодчества, которое, не смотря на разныя безобразныя пристройки и уродливыя украшенія мусульманскихъ владыкъ, до сихъ поръ не утратило своей очаровательной красоты. Недаромъ основатель храма—императоръ Юстиніанъ собиралъ для своего созданія сокровища цѣлаго міра; онъ приказалъ повсюду отыскивать мраморы, колонны и скульптурныя украшенія и доставлять въ Константинополъ все, что могло быть употреблено для украшенія новаго храма. Подъ руководствомъ двухъ главныхъ архитекторовъ Аѳимія Триленскаго и Неидора Милескаго, сто другихъ архитекторовъ управляли работами и каждый изъ нихъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ по сту каменщиковъ; 3,000 работниковъ

трудился на правой сторонѣ храма и столько же на лѣвой. Всѣ сословія внесли денежную дань на колоссальную постройку. Мраморъ всѣхъ цвѣтовъ: бѣлый, зеленый и голубой, граниты Египта и порфиры украшали его, а также драгоценныя колонны, взятые изъ разныхъ древнихъ языческихъ храмовъ. Вообще во всемъ зданіи преобладаетъ форма святилища храма Соломона; чтобы легче понять устройство собора св. Софіи, надо изобразить пространнѣйшій четырехугольникъ, къ которому съ четырехъ его сторонъ примыкаютъ четыре меньшихъ квадрата и тѣмъ образуютъ внутри главныя части зданія и форму креста. По угламъ средняго большаго квадрата выстроены четыре массивныя столба, вершины которыхъ соединены между собой полукруглыми арками и поверхъ всей этой аркады возвышается огромный куполъ, имѣющій 35 метровъ въ диаметръ. Этотъ куполъ, если на него смотрѣть внутри храма, производитъ необычайное впечатлѣніе по

легкости и вмѣстѣ грандіозности своего стиля. Онъ сложенъ изъ глиняныхъ сосудовъ, которые до сихъ поръ удивляютъ своею крѣпостью. Стѣны сложены изъ кирпича и всѣ одѣты мраморными плитами. Съ сѣвера и юга главнаго квадрата, подъ арками, между каждыми большими растворами, помѣщаются по четыре колонны изъ прекраснѣйшаго гранита, поддерживающія хоры или галереи для женщинъ, которыя у древнихъ христіанъ стояли во время богослуженія отдѣльно. Повсюду на стѣнахъ блистали прежде изображенія Богоматери, Апостоловъ, Евангелистовъ и греческихъ крестовъ. До сихъ поръ подъ куполомъ въ углахъ боковыхъ сводовъ стоятъ нетронутыми четыре серафима, у которыхъ одни лица закрыты золотыми розетами. Впереди же на тройномъ выгибѣ алтарной стѣны видны фигуры святыхъ и посреди ихъ колоссальный мозаичный образъ Премудрости. Всѣ лица таятся подъ золотыми надписями изъ Корана, но фигуры ясно выступаютъ въ таинственномъ полумракѣ. Вообще въ Ая-Софіи можно въ одинъ день уничтожить всѣ слѣды исламизма и возстановить храмъ въ его первобытной строго-христіанской красотѣ и величіи. Турки основались въ немъ, какъ бы на время, для ночевой молитвы; мозаики Юстиніана лишь слегка прикрыты золотомъ сѣтью текстовъ изъ Корана. На мѣстѣ алтаря вставленъ камень изъ розоваго мрамора, показывающій направленіе къ Меккѣ, а надъ нимъ виситъ небольшой полинялый коверъ, на которомъ Магометъ когда то совершалъ свои молитвы. Подъ куполомъ развѣшаны большіе зеленые щиты съ узорчатыми вензелями первыхъ калифовъ, составленные изъ переплетенныхъ арабскихъ буквъ. У правой колоннады, недалеко отъ алтаря, стоитъ рѣзной деревянный *минбаръ* или кафедра, увѣнчанная луной, откуда Шейхъ-Уль-Исламъ читаетъ Коранъ съ обнаженной саблей въ рукѣ. Со сводовъ по всему храму спускаются желѣзные прутья, поддерживающіе горизонтальные круги, уставленные стеклянными и фарфоровыми лампадами, а драгоценнѣйшій мраморный полъ покрытъ плетеными рогожами. Вотъ и вся мусульманская обстановка, какъ бы ошибкой, на время, попавшая подъ грандіозные своды роскошнаго христіанскаго храма Юстиніана.

Докторъ Іеннеръ, первый оспопрививатель. Грав. О. Ротъ.

Эдуардъ Іеннеръ.

(Портр. на этой стр.)

Эдуардъ Іеннеръ, родившійся 17-го мая 1749 г. въ Глочестерѣ, въ Англіи, и умершій тамъ-же 23-го января 1823 г., прославился своимъ изобрѣтеніемъ: привііе людямъ коровьей лимфы, чѣмъ предохраняютъ отъ оспы. 14-го мая 1796 года Іеннеръ впервые привилъ оспу восьмилѣтнему Джэксу Финсу, лимфу, снятую съ руки коровницы Сары Нельмессъ, зараженной коровьей оспой. Предположеніе, что коровья и человѣческая оспа, до нѣкоторой степени сродны, было и тогда уже не ново; извѣстно было также, по опыту, въ Глочестерѣ и Гольштейнѣ, что лица, имѣвшія коровью оспу, при наступленіи эпидеміи не заболѣвали. Исторически удостовѣрено, что голштинскій фермеръ Іенсенъ и школьный учитель Плетъ въ Ракедорфѣ возлѣ

Кіля прививали дѣтямъ коровью оспу еще въ 1791 г. Но значеніе Іеннера не заключается единственно въ актѣ прививанія, а въ томъ, что на первомъ же примѣрѣ онъ доказалъ насколько прививка коровьей оспы предохраняетъ отъ оспы людской. Послѣ выздоровленія мальчика, послѣ прививки лимфы, онъ два раза прививалъ ему настоящую оспу и оба раза она не произвела никакого дѣйствія. Чтобы понять значеніе изобрѣтеннаго Іеннеромъ средства противъ оспы, нужно принять въ соображеніе, насколько она часто и сильно свирѣствовала въ то время. Всѣ средніе вѣка и до конца прошлаго столѣтія оспа причислялась къ величайшимъ бѣдствіямъ рода человѣческаго. Эпидемія проявлялась изъ году въ годъ, унося множество жертвъ. Одинъ арабскій писатель (умершій въ 923 г. по Р. Х.) говоритъ, что среди всѣхъ людей почти ни одинъ не бываетъ пощаженъ оспой.

Въ XVIII в. оспа уносилась, по сообщенію современныхъ статистиковъ, двѣнадцатая часть людей. Среднее число умершихъ отъ оспы составляло $\frac{1}{3}$ милліона населенія въ годъ. Со времени введенія прививанія оспенной лимфы, число смертныхъ случаевъ достигло сравнительно незначительной цифры. Практика докторовъ во всѣхъ странахъ привела къ выводу: что люди съ непривитой оспой болѣе подвергаются заболѣванію, нежели тѣ, которымъ оспа была привита; что у первыхъ болѣзнь проходитъ гораздо труднѣе, нежели у послѣднихъ, и что лица, подвергшіяся нѣсколько разъ прививкѣ, болѣе обезпечены отъ заболѣванія, нежели тѣ, которымъ оспа была привита одинъ разъ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ однако привитая лимфа дѣйствуетъ не особенно долго. Такъ, въ Африкѣ—только два года, въ умѣренной полосѣ въ большинствѣ случаевъ—десять лѣтъ. Но говоря о хорошихъ сторонахъ прививанія оспенной лимфы, нельзя умолчать и о дурныхъ. Въ числѣ множества счастливыхъ случаевъ, бывали зараженія другими болѣзнями чрезъ прививку. Но это происходило или отъ неумѣнія прививающаго, или отъ его небрежности. Опасность зараженія золотухой, чахоткой и прочими болѣзнями очень возможна. Теперь уже рѣшаются вернуться къ первоначальному источнику—коровьей лимфѣ, и прекратитъ совершенно снятіе оспенной лимфы съ людей. Попытки замѣнить человѣческую лимфу телячьей не помы, но такая лимфа дорога для всеобщаго употребленія и сохраняется не долго.

Литературный альбомъ. „Тысяча душъ“, А. О. Писемскаго. (Клятва на могиль. Ч. I, гл. 15).
Ориг. рис. А. Земцова грав. Ю. Барановскій.

Изменение системы прививания оспы без сомнения повлекло большие расходы. Физикам и медицинским властям пришлось иметь дело с коровниками; масса телят сдѣлалась жертвою науки, такъ какъ послѣ снятія съ нихъ лимфы ихъ приходится убивать, чтобы удостовѣриться нѣтъ-ли въ нихъ зараженія, ибо тогда ихъ лимфа не можетъ быть употреблена въ дѣло.

Таблицы, составленныя въ германскомъ имперскомъ Обществѣ Здравія, свидѣтельствуютъ о необыкновенной пользѣ закона объ оспопрививаніи. До 1870 г. заболѣваніе оспою было довольно равномерно, усиливалось чрезъ каждыя 10—15 лѣтъ эпидеміями. Съ 1871 и 1872 годами совпадаетъ сильная оспенная эпидемія, находившаяся въ зависимости отъ франко-прусской войны. Въ 1873 и 1874 г. смертность уменьшается точно также, какъ это обыкновенно бывало послѣ сильныхъ оспенныхъ эпидемій. Съ 1875 г. уже обнаруживается вліяніе закона объ оспопрививаніи. Безъ послѣдняго смертность скоро стала бы снова увеличиваться, между тѣмъ она, вслѣдствіе обязательной системы оспопрививанія, падаетъ значительно ниже наименьшей цифры, кака была извѣстна отъ начала этого столѣтія. Доказательствомъ тому, что уменьшеніе это произошло отъ введенія закона объ обязательномъ оспопрививаніи, служатъ сравненія съ другими странами, въ которыхъ закона этого не существуетъ. Такъ, сравнивая смертность отъ оспы въ Пруссіи и Австріи послѣ 1874 г., приходится заключить, что значительное и прочное уменьшеніе смертныхъ случаевъ въ Пруссіи зависѣло единственно отъ дѣйствія закона объ оспопрививаніи, такъ какъ всѣ другія условія по отношенію къ оспенной болѣзни оставались въ обоихъ государствахъ одни и тѣже. Что касается правильности таблицъ, то при составленіи ихъ принимались въ расчетъ только однородныя данныя, т. е. густота населенія города, арміи, между которыми и проводились параллели. Изъ общихъ сравненій можно сдѣлать слѣдующій выводъ: со времени вступленія въ Германію въ силу закона объ оспопрививаніи, оспа уменьшилась до небывалыхъ раньше размѣровъ; въ сосѣднихъ же государствахъ, не установившихъ у себя подобнаго закона, оспа проявлялась въ сильной степени. Большіе германскіе города почти вовсе не страдаютъ отъ оспы, между тѣмъ она уноситъ много жертвъ въ большихъ городахъ другихъ государствъ. Германская армія, благодаря повторяемому оспопрививанію, почти не испытываетъ оспы; австрійская же и французская арміи страдаютъ много отъ этой болѣзни.

„Тысяча душъ“, романъ А. Ө. Писемскаго.

(Рис. на стр. 529).

„Тысяча душъ“, несомнѣнно лучший романъ нашего замѣчательнаго писателя. Успѣхъ его въ свое время былъ очень значителенъ и вполне заслуженъ. Въ этомъ романѣ именно съ особенною яркостью выказались всѣ достоинства автора—сила изображенія и жизненность лицъ, имъ выставленныхъ. Романъ начался печатаніемъ въ 1858 г., и нарождавшійся тогда новый типъ дѣльца и администратора выведенъ былъ съ большимъ искусствомъ и мѣткостью. Особенно хороша первая часть—изображеніе семьи Годневыхъ и вообще жизни тогдашняго захолустьнаго города. Между прочимъ въ концѣ этой части есть прекрасная сцена, когда герой романа Калиновичъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ идетъ гулять со своей невѣстой, Настенькой Годневой, (которую онъ задумалъ бросить), и она приводитъ его на кладбище, на могилу своей матери.

— Куда же мы идемъ? спросилъ наконецъ Калиновичъ, поднимая голову и осматривая окрестность.

— На могилу къ матушкѣ. Я давно не была и хочу, чтобы ты сходилъ поклониться ей,—отвѣчала Настенька.

Калиновича передернуло.

„Часъ отъ часу не легче!“ подумалъ онъ и съ чувствомъ небольшого отвращенія поглядѣлъ на видѣвшесся невдалекѣ кладбище. Церковь его была деревянная, съ узенькими окнами, стекла которыхъ проржавѣли отъ времени и покрылись рудыми отливами. Небольшая, приземистая колокольня покачнулася на-бокъ. Вся она обшита была узорно вырѣзаннымъ тесомъ, и на крышѣ, тоже узорной, росли уже трава и мохъ. Погостъ былъ сплошь покрытъ могилами, надъ которыми высились то бѣлые, то черныя деревянные кресты. Настенька подвела Калиновича къ могилѣ матери, которую покрывала четверугольная изъ дикаго камня плита, съ изсѣченнымъ на верхней сторонѣ изреченіемъ: „Помини мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ“. Слова эти начертаны на вѣчномъ жилищѣ своей жены придумалъ самъ Петръ Михайловичъ.

— Помолитесь! сказала Настенька, становясь на колѣни передъ могилой:—стань и ты,—прибавила она Калиновичу. Но тотъ остался неподвиженъ. Цѣлый адъ былъ у него въ душѣ; онъ желалъ въ эти минуты или себѣ смерти, или—чтобъ умерла Настенька. По испытанію еще тѣмъ не кончилось: намолвившись и наплакавшись, бѣдная дѣвушка взяла его за руку и положила ее на гробницу.

— Поклянись мнѣ, Жакъ,—начала она, глотая слезы: поклянись надъ гробомъ матушки, что ты будешь любить меня вѣчно, что я буду твоей женой, другомъ. Иначе мать меня не проститъ.... Я третью ночь вижу ее во снѣ: она мучится за меня!

— Настенька!... къ чему всѣ эти мелодраматическія сцены?... Эй Богу, тяжело и безъ того! воскликнулъ Калиновичъ, немощный болѣе владѣть собой.

— Нѣтъ, Жакъ, поклянись: это будетъ одно для меня утѣшеніе, когда ты уйдешь,—отвѣчала настойчиво Настенька.

— Клянусь... проговорилъ онъ.

И въ самый этотъ моментъ съ шумомъ выпорхнула изъ растущей около густой травы, кака я то черная масса и понеслася по воздуху. Калиновичъ поблѣднѣлъ и немного отскочилъ. Настенька оставалась спокойною.

— Чего же ты испугался? Это воронъ,—проговорила она.

— Подобныя сцены хоть у кого разстрогать нервы,—отвѣчалъ Калиновичъ. (Стр. 295).

Этотъ эпизодъ и изображенъ нашимъ художникомъ.

Рѣдкія морскія рыбы и животныя.

(Рис. на стр. 532).

Нѣкоторыя странныя формы морскихъ рыбъ невольно обращаютъ на себя вниманіе, особенно рыбы далекихъ морей Китая, Индіи, Австраліи; но и Европа представляетъ также много замѣчательныхъ образцовъ, сгруппированныхъ на нашемъ рисункѣ. Какіе бываютъ громадныя омары (рис. 19), или морскіе раки, поражающіе своими странными формами—могучими клешнями и челюстями, и длиннымъ чешуйчатымъ хвостомъ! Это, очевидно, одно изъ самыхъ большихъ морскихъ чудовищъ, которому достойнымъ соперникомъ является осьминогъ. Осьминогъ (Octopus, рис. 21)—не рыба, а громадный моллюскъ изъ разряда головоногихъ; онъ считается страшнымъ врагомъ омара, и нѣтъ сомнѣнія, что ему не представляетъ большаго труда умертвить послѣдняго, притянувъ его къ себѣ восемью длинными и крѣпкими ногами, снабженными множествомъ цѣпкихъ щупальцевъ, сжать его своими сильными, кривыми челюстями. Впрочемъ, въ послѣднее время, по многочисленнымъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ надъ этимъ животнымъ, оказалось, что народное представленіе объ его силѣ весьма преувеличено, и что онъ совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ изображается въ знаменитомъ романѣ Виктора Гюго „Труженики моря“. Но все-таки остается фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію, что онъ можетъ быть опасенъ человѣку; такъ, въ 1879 г., близъ Мельбурна, громадный осьминогъ чуть не умертвилъ одного пловца, и лишь послѣ отчаянной борьбы, продолжавшейся цѣлыя двадцать минутъ, былъ убитъ желѣзною рогатиной. Осьминогъ особенно изобилуетъ при западныхъ берегахъ Франціи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Средиземнаго моря. Изображенный на нашемъ рисункѣ златикъ (рис. 20), называемый въ Англіи „золотой Джонъ“, въ сущности бываетъ болѣе темно-оливковаго, нежели золотистаго цвѣта, съ черными круглыми пятнами съ каждой стороны. Въ Англіи онъ очень распространенъ въ рыбной торговлѣ и считается очень лакомымъ блюдомъ. Его большая голова, широко раскрытыя челюсти и рядъ длинныхъ иглъ на спинѣ составляютъ его характеристичныя особенности. Другая странная, небольшаго размѣровъ рыба, водящаяся около береговъ Англіи—это такъ называемая морская бабочка (рис. 13), у которой необыкновенно расширенный съ одного бока плавець, съ круглымъ чернымъ пятномъ, обыкновенно похожъ на пестрое крыло бабочки. Кроме того, эта рыба отличается короткой сплюснутой головой, украшенной надъ глазами двумя гребнями, а ея жабры слабѣе иглами. Она живетъ на морскомъ днѣ, въ травѣ, растущей около береговъ, и питается мелкими раками и моллюсками. Красный морской лещъ (рис. 8) водится въ изобиліи около южныхъ береговъ Англіи; обыкновенно его цвѣтъ золотисто-сѣрый, и совершенно чернымъ онъ бываетъ лишь мертвый. Питчатая макрель (рис. 6) имѣетъ ту особенность, что при сплюснутости и короткомъ тѣлѣ, ея спина и брюхо покрыты темными ниткообразными полосами. Область ея распространенія—Индійскій океанъ и его заливы.

Меченосы (рис. 11) имѣютъ большое сходство съ тунцами; отличіе ихъ въ томъ, что верхняя челюсть вытянута въ длинный и крѣпкій отростокъ. Меченосъ обыкновенный—громадное животное, отъ 6 до 15 футовъ длины, причемъ его мечъ занимаетъ болѣе $\frac{1}{4}$ его тѣла. Онъ цвѣта голубаго, снизу же бѣлаго, свѣтлаго; вмѣсто чешуи покрытъ шероховатой шкурой. По рассказамъ старинныхъ естествоиспытателей, меченосъ нерѣдко въ Индійскомъ океанѣ пробивалъ и топилъ корабли, но теперь доказано, что меченосъ довольно боязливо и безвредно животное, хотя на него и находятъ иногда ни чѣмъ необъяснимое бѣшенство и страсть къ разрушенію. Кариксъ, или голый прымунъ (рис. 18) по формѣ похожъ на макрель; тѣло его веретенообразное, голова острая, хвостъ тонкій, съ сильнымъ плавникомъ. Рыба-попугай (рис. 15) принадлежитъ къ тѣлу губастыхъ рыбъ. Кроме странной организаціи передней части головы, похожей на клювъ попугая, она отличается яркостью красокъ и чешуя ея блистаетъ всѣми цвѣтами радуги. Попугай-рыба преимущественно водится въ жаркомъ поясѣ; въ Европѣ же ее встрѣчаютъ въ Греческомъ архипелагѣ, гдѣ она ловилась еще въ древности, для стола римскихъ цезарей. Морской дикобразъ (рис. 7), или шарь-рыба, очень оригинальная по формѣ, въ родѣ иглистаго шара, водится почти исключительно въ Китаѣ, который вообще отличается страшнымъ богатствомъ и разнообразіемъ формъ своихъ рыбъ. Совершенно круглая, усыпанная колючками, фигура шара-рыбы

довольно безобразна для непривычнаго европейскаго глаза, но эта рыба покажется еще красивее въ сравненіи съ разными экземплярами индійскихъ рыбъ, какъ напр. гамалы (рис. 24) съ двумя рогами и пестрымъ, чешуйчатымъ панциремъ, тессалы (рис. 23), отвратительнаго индійскаго угря и лучяны (рис. 17), отличающейся своею страшною головою и пастью.

Причудливыя формы и пестрота этихъ обитателей южныхъ морей невольно поражаютъ насъ, привыкшихъ къ болѣе простымъ формамъ и мало-яркимъ цвѣтамъ нашихъ рыбъ. Самыми громадными рыбами Индіи являются: хитанъ (рис. 2), безмянка (рис. 14) и валлагота (рис. 5), скромные по формѣ, но внушительные по размѣрамъ. Впрочемъ, причудливыя формы иногда отличаются и рыбы европейскихъ морей, какъ напр. тѣ, которыя изображены на нашихъ рисункахъ. Такъ, рашчила (рис. 1) достигаетъ до 7 и даже 8 фут. длины и представляетъ довольно безобразную фигуру. Она распространена въ моряхъ: Средиземномъ, Нѣмецкомъ и Атлантическомъ океанѣ, и сообразно своему тѣлосложенію, держится непосредственно на днѣ и со смѣлостью, свойственною вообще семейству акулъ, охотится за различными камбалами, скатами и другими рыбами, составляющими ей обыкновенную пищу. Ловить ее довольно легко на удочку, но разрубленные куски ея тѣла бьются еще такъ сильно, что рыбаки должны быть осторожны, чтобы не получить отъ нихъ ушиба. Мясо рашчила жесткое и грубое, съ неприятнымъ вкусомъ; оно не имѣетъ никакой цѣны; кожа же идетъ на выдѣлку эфесовъ, ноженъ и т. п. *Спинорогъ* (рис. 3) тоже довольно оригиналенъ по формѣ; отчество его—Индійское море. Всѣ спинороги не особенно цѣнятся мореплавателями и прибрежными жителями, такъ какъ мясо ихъ чрезвычайно опасно употреблять въ пищу. Идентичность его происходитъ отъ водорослей и мадрепэръ, которыми питаются спинороги. Собаки и кошки безнаказанно ѣдятъ мясо спинорога, но люди, поѣвши его, подвергаются страшнымъ мученіямъ и безъ медицинскій помощи неминуемо погибаютъ. Свинья-рыба (рис. 4) водится въ Атлантическомъ океанѣ, и нѣкоторые представители этого семейства встрѣчаются даже въ Средиземномъ морѣ и у британскихъ береговъ. Мясо морской свиньи хотя и вкуснѣе мяса другихъ акулъ, но тѣмъ не менѣе не употребляется въ пищу. Ее ловятъ только ради жира ея печени, также ея кожи и плавниковъ. *Кособокія* рыбы (рис. 9) живутъ во всѣхъ моряхъ, но особенно богаты ими моря умѣреннаго пояса. На днѣ онѣ лежатъ болѣе или менѣе зарывшись въ песокъ по самые глаза, совершенно неподвижно, воруя только глазами, пока не высмотрятъ добычи, или ихъ не прогонитъ хищная рыба. Всѣ виды имѣютъ вкусное, а большая часть даже прекрасное мясо, которое долго сохраняется, и потому можетъ пересылаться на большія разстоянія. Морской окунь (рис. 10) принадлежитъ къ тому семейству, многочисленными членами котораго наполнена большая часть рѣкъ и прѣсноводныхъ озеръ стараго и новаго свѣта. Всѣ виды его отличаются какъ силою, такъ подвижностью и хищничествомъ. Они питаются другими рыбами, не исключая и своихъ дѣтенышей, икрой, червями, суставчатыми животными, и сильно разножатся, не смотря на многочисленность своихъ враговъ, изъ которыхъ самые опасные—лосось и щука. Скаты (рис. 22) имѣютъ ромбическое тѣло, клинообразно выгнутое. Эта группа распространена по всѣмъ морямъ и распадается на множество видовъ. Строеніе зубовъ не позволяетъ скату нападать на большіе рыбы, и потому онъ довольствуется мелкими рыбами, камбалами и даже раками. Въ Лондонѣ мясо скатовъ очень цѣнится и находитъ себѣ очень много любителей. На нашемъ рисункѣ представленъ новый видъ индійскаго ската—пятнистый михракибъ (*Muraqib maculata*). Рыба, известная въ Америкѣ подъ именемъ Rabbit-fisch, т. е. кроликъ-рыба, принадлежитъ къ тому семейству, которое у ихтиологовъ называется общимъ именемъ тридоповъ (рис. 12). Видъ, изображенный на нашемъ рисункѣ—это *Triodon bursonias*, отличающийся своею отвислою нижней стороною, въ видѣ безобразнаго кошеля или мѣшка. Рыба водится въ Америкѣ, а также въ водахъ около Суматры.

Викторъ Гюго.

(Портр. на стр. 533).

Одиннадцатаго мая скончался Викторъ Гюго, одинъ изъ немногихъ истинныхъ поэтовъ нашего времени, который, не

смотря на свои недостатки и слабости, могъ силою своей поэзіи составить себѣ всемірную славу. Гюго—поэтъ противоположій, носилъ на себѣ страшныя противоположности. Родившись въ 1802 году отъ Наполеоновскаго генерала-графа и вандеянца, предназначавшійся первоначально въ военную службу, поэтъ, писавшій уже десятилѣтнимъ ребенкомъ звучные стихи и справедливо названный Шатобрианомъ „enfant sublime“, Гюго въ продолженіи своей 83-лѣтней жизни не выходилъ изъ противорѣчій и противоположностей. Въ своихъ первыхъ произведеніяхъ, гениальный юноша былъ еще вѣренъ переходнымъ классическимъ формамъ, тѣмъ не менѣе содержаніе „Оды и балладъ“ очень поэтично, и манера, которой Гюго оставался вѣренъ всю свою жизнь, сильно проявляется. Написавъ „Кромвель“ Гюго сразу сталъ во главѣ новой романтической школы. „Послѣдній день приговореннаго“, явившійся въ 1829 году, останется всегда образцомъ психологическаго анализа среди произведеній поэта. „Маріонъ Делормъ“, „Эриани“ (1830)—драма, которая спустя 37 лѣтъ доставила поэту новый триумфъ, романъ „Соборъ Парижской Богоматери“ приобрѣли В. Гюго мировую известность, а въ своихъ „Осеннихъ листьяхъ“ онъ выказалъ себя глубокимъ лирикомъ. Припавшій въ 1841 году въ академію, спустя два года, онъ былъ уже паромъ Франціи. Что касается политики, то, не вреди однако своей популярности, Гюго былъ образцомъ непослѣдовательности. Роялистъ въ молодости, онъ боролся за Бурбоновъ; при Карлѣ X и Людовикѣ-Филиппѣ выдвинулъ Наполеоновскую партію и, въ качествѣ иэра Франціи, требовалъ въ палагѣ возвращенія Бонапарта. Въ учредительномъ собраніи послѣ февральской революціи 1848 года, онъ высказывалъ самыя рискованныя мнѣнія и наконецъ сдѣлался ораторомъ демократическо-соціальной партіи и проявилъ непримиримую ненависть къ „Наполеону Маленькому“. Послѣ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 года, имя Гюго стояло первымъ въ спискѣ ссыльныхъ. Онъ уѣхалъ въ Джерсей, но былъ изгнанъ и оттуда, такъ какъ не сдержалъ порывовъ, увлекавшихъ его до послѣднихъ дней, и написалъ королеву Викторіи непочтительное письмо изъ-за преступника, приговореннаго на каторгу. Изъ Джерсея Гюго переѣхалъ въ Гернсей, гдѣ, не смотря на двукратную амнистию, продолжалъ жить въ изгнаніи. Бѣдныя памфлеты, затѣмъ „Созерцанія“, знаменитый романъ „Несчастные“ (10 томовъ), „Труженики моря“, „Человѣкъ который смѣется“—поражающее впечатлѣніе которыхъ большинство изъ насъ испытало на себѣ—все это плоды изгнанія. Паденіе Наполеона вызвало поэта изъ этого добровольнаго изгнанія. Въ сентябрѣ 1870 года онъ вернулся въ Парижъ, гдѣ до самой смерти не переставалъ пользоваться популярностью. Первымъ его дѣйствіемъ на родной землѣ было изданіе манифеста, написаннаго въ страстныхъ и сильныхъ выраженіяхъ, противъ германской арміи. Временно онъ участвовалъ въ крайней лѣвой партіи національнаго собранія—въ это же время Гюго испыталъ семейное горе: въ теченіи двухъ лѣтъ, онъ лишился своихъ двухъ сыновей. Онъ открыто сталъ защищать коммуны, тѣмъ не менѣе въ 1876 г., получилъ званіе сенатора. И въ послѣдніе годы плодотворности поэта не уменьшалась; онъ написалъ: „Страшный годъ“, „Дѣла и слова“—мемуары, въ которыхъ онъ описываетъ свою жизнь съ 1841 года.

Состояніе В. Гюго равняется 4 милліонамъ франковъ. Онъ завѣщалъ построить пріютъ, который названъ былъ бы его именемъ. Оставшіяся рукописи онъ передалъ государству. Въ завѣщаніи говорится, что съ его смертными останками Франція можетъ поступить по своему желанію. Похороны поэта совершились съ чрезвычайною помпою.

Всѣ рукописи поэта, какъ уже изданныя, такъ и неизданныя, завѣщанія національной бібліотеки, находятся въ громадномъ шкафу въ спальнѣ покойнаго. Рукописи занимаютъ очень много мѣста и по количеству и потому, что Гюго писалъ крупнымъ почеркомъ, обыкновенно на толстой бумагѣ, такъ называемой голландской. Содержаніе неизданныхъ манускриптовъ слѣдующее: философское сочиненіе „Вліяніе сферической формы земли на соціальную жизнь“; различныя стихотворенія; продолженіе „Созерцаній“, написанное до „Страшнаго года“; оно обнимаетъ время царствованія Наполеона III; драма „Бабушка“ и феерія, гдѣ дѣйствуютъ животныя, растенія и пр.

Политическое обозрѣніе.

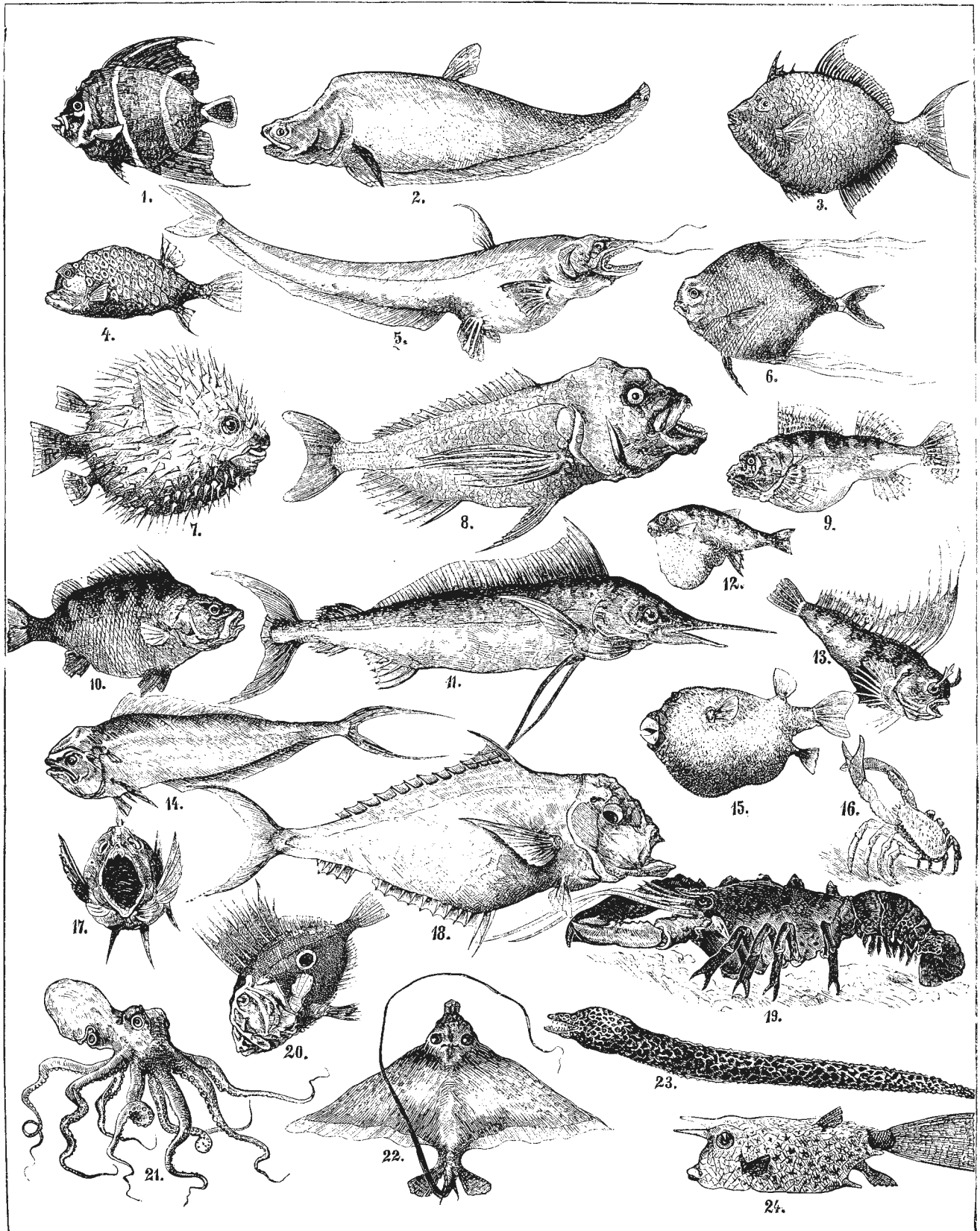
Англія. — Египетъ. — Германія. — Боснія и Герцеговина. — Государство Конго. — Абиссинія.

Высадка въ Александрію англійскихъ гвардейскихъ войскъ, отозванныхъ изъ Судана, мало по малу теряетъ свой таинственный и загадочный характеръ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Александріи въ Вѣнѣ, на всемъ обширномъ пространствѣ, отдѣляющемъ Александрію отъ Тунисской границы и захватывающемъ побережье Триполи, въ настоящую минуту подготавливается движеніе враждебное англичанамъ и каирскому правительству и которое можетъ имѣть еще болѣе пагубныя послѣдствія, чѣмъ суданское возстаніе, если только не будетъ подавлено въ самомъ началѣ. На самой границѣ, отдѣляющей Триполи отъ

Египта, живутъ арабскія племена, которыя помогаютъ привозу военной контрабанды, не признавая надъ собою ни власти Египта, ни власти Турціи. Племена эти сильно подозрѣваются въ настоящее время въ приготовленіяхъ къ мятежу, тѣмъ болѣе опасному, что мятежникамъ открыта полная возможность двинуться прямо на Александрію. Помимо высадки войскъ у этого, главнѣйшмъ образомъ, опаснаго пункта, англичане, какъ ходятъ слухи, видя невозможность добиться отъ Порты, чтобы побережье Триполи не служило опорнымъ базисомъ для новаго возстанія, добиваются отъ Италіи занятія нѣсколькихъ прибрежныхъ пунктовъ въ этой турецкой области, подъ тѣмъ благодиднымъ предлогомъ, что подвозъ военной контрабанды

суданскимъ инсургентамъ черезъ Триполи грозитъ серьезною опасностью положенію итальянскихъ войскъ на побережьи Чермнаго моря. Въ Суданѣ Англія покидаетъ всѣ отвоеванныя ею позиціи. Такъ недавно послѣдовало выступленіе британскихъ войскъ изъ Отао. Что же касается Махди, то, по свѣдѣніямъ изъ англійскихъ источниковъ, онъ стягиваетъ свои войска къ югу, по

столо-наслѣдія въ послѣднее время значительно усложняется. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ были употреблены всевозможныя старанія въ видахъ достиженія между прусскимъ правительствомъ и герцогомъ Кумберлэндскимъ соглашения на основѣ безусловнаго отказа герцога отъ всякихъ притязаній на ганноверскій престолъ. Въ этомъ направленіи, по словамъ

Рѣднія морскія рыбы и животныя. По рис. Gr., грав. Флюгель.

1) Рапшля. 2) Хитанъ. 3) Спинорогъ. 4) Синья-рыба. 5) Валдагота. 6) Пигчатая макрель. 7) Морской динобразъ. 8) Красный лещъ. 9) Пятистая кособочка. 10) Морской окунь. 11) Меченосъ. 12) Триодонъ. 13) Морская бабочка. 14) Безъилка. 15) Понугай-рыба. 16) Кребсъ. 17) Лучана. 18) Голый прыжунъ. 19) Омаръ. 20) Златиць. 21) Осьминогъ. 22) Скать индійскій. 23) Тессалала. 24) Гамала.

другимъ же свѣдѣніямъ, вооруженныя конница лжепророка появились въ Донгольской провинціи, что означаетъ намѣреніе Махди подступитъ съ своею арміею къ самымъ границамъ Египта. Въ Германіи вопросъ относительно брауншвейгскаго пре-

берлинскихъ газетъ, старались дѣйствовать главнымъ образомъ король Саксонскій и наслѣдникъ Ольденбургскій; по дальнѣйшіе переговоры встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны герцога Кумберлэндскаго, не пожелавшаго отречься отъ

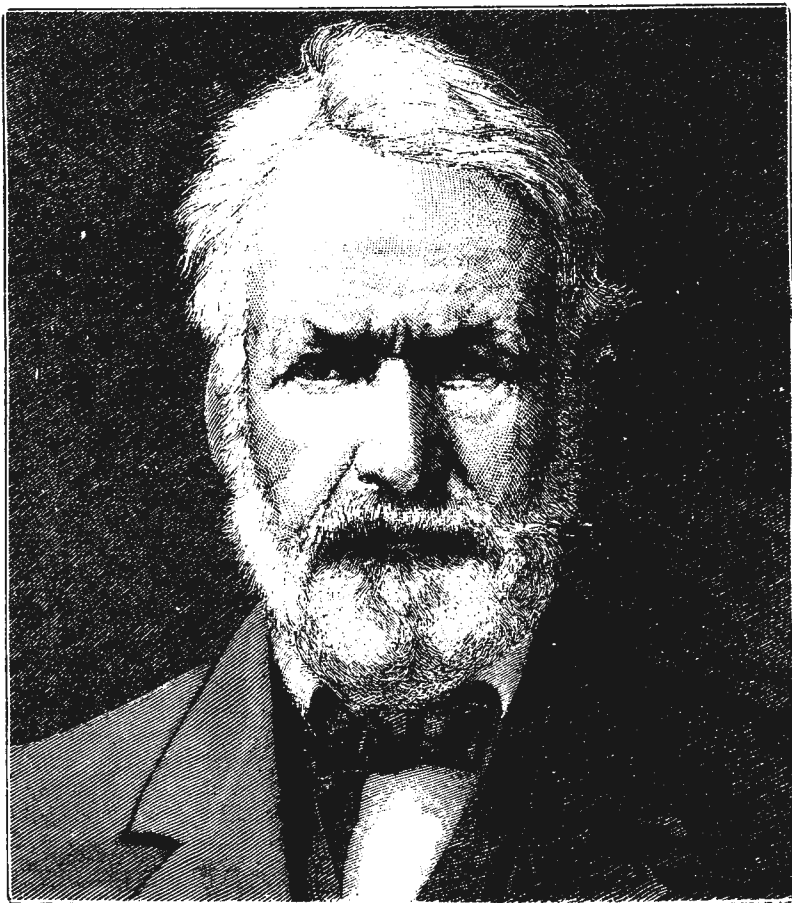
своих прав на наследіе ганноверской династии. Относительно вопроса о томъ, на какихъ условияхъ Брауншвейгское герцогство будетъ управляться послѣ формального устранения герцога Кумберлендскаго отъ правъ наследіества, въ правительственныхъ кружкахъ соблюдается пока тайна. Герцогъ обратился къ европейскимъ дворамъ съ протестомъ противъ прусскаго предложенія, которое онъ считаетъ противозаконнымъ и несогласнымъ съ основными принципами международнаго права.

Изъ Бѣлграда сообщаютъ, что всѣ старшины арнаутовъ, собравшись на совѣщаніе въ Становичахъ, близъ Принципы, постановили отпрать къ султану депутацію, съ ходатайствомъ принять мѣры къ скорѣйшему вытѣпленію австро-венгерскихъ войскъ, занимающихъ Боснію и Герцеговину. Въ то же время принято рѣшеніе оказать вооруженное сопротивленіе австрійцамъ, въ случаѣ движенія послѣднихъ на Салоники.

Фактъ вторженія могоущественныхъ въ восточной Африкѣ негрятскихъ племенъ въ предѣлы новой конгской территории, неподдающейся болѣе сомнѣнію, причиняетъ не мало заботъ африканской международной ассоціаціи. По извѣстіямъ изъ Брюсселя, въ королевскомъ дворцѣ происходятъ ежедневныя совѣщанія насчетъ мѣръ, съ помощью которыхъ грозившая опасность могла бы быть устране-

на. Въ Брюсселѣ полагаютъ, что Занзибаръ подходит подъ германскій протекторатъ, и что нѣмцы распростираютъ свое господство до самаго морскаго берега. Въ такомъ случаѣ, новое конгское государство было бы защищено съ востока отъ всякихъ внезапныхъ нападений туземныхъ чернокожихъ расъ. Между тѣмъ надѣл оказывается, что конгской территории суждено быть вѣчно подверженной опасности вторженія арабскихъ племенъ, густо населяющихъ неизслѣдованную часть Африки, между предѣльнымъ пунктомъ конгскаго бассейна и озерами, изъ которыхъ вытекаетъ Нилъ. На совѣщаніяхъ у короля была подана мысль объ учрежденіи на Конго стратегическихъ пунктовъ и образованіи рѣчной флотилии. Во всякомъ случаѣ требуются самыя рѣшительныя мѣры, такъ какъ арабы явились на Конго во имя занзибарскаго султана, и угрожаютъ уничтожить тамъ зачатки европейскихъ колонизацій.

Абиссинія продолжаетъ относиться къ итальянцамъ съ полною враждебностью. Мѣстное населеніе смотритъ на нихъ какъ на враговъ, а по извѣстіямъ изъ Массовы, абиссинцы заняли всѣ горные проходы и, повидимому, твердо рѣшились воспротивиться движенію итальянскихъ войскъ во внутрь страны. Кроме того, вслѣдствіе недостатка въ итальянскихъ войскахъ годной для питья воды, солдаты заболѣваютъ тифомъ.

Викторъ Гюго. † 11 мая. По фотогр. грав. Флюгель.

С М Ъ С Ъ .

Средство противъ укушенія змѣй. Въ Парамарибо, столицѣ голландской Гвианы, одинъ обыватель открылъ радикальное средство противъ укушенія змѣй. Для удостовѣренія въ этомъ онъ предложилъ произвес и опытъ надъ самимъ собою, и пригласилъ массу свидѣтелей. Для опыта онъ выбралъ гремучую змѣю, которую въ теченіи двухъ дней передъ тѣмъ мучилъ голодомъ. Присутствующие стали протестовать и хотѣли удержать его отъ этого ужаснаго опыта, но человекъ этотъ смѣло утверждалъ, что бывалъ уже укушенъ не разъ и ничего отъ этого не чувствовалъ, и благодаря изобрѣтенному имъ средству вылечилъ многихъ особъ. Въ присутствіи губернатора и членовъ ученой комиссіи отважный изобрѣтатель позволилъ змѣѣ гремучей змѣѣ укусить себя и укушеніе не сопровождалось никакими дурными послѣдствіями.

Отправленіе правосудія въ Андоррской республикѣ. Эта маленькая республика расположена въ самой гористой части Пиренеевъ; она не играетъ никакой роли во всемірныхъ событіяхъ и даже географы знаютъ очень мало о ея существованіи. Въ ея составъ входятъ 54 селенія съ 13,000 жителей. До 7-го ноября 1846 г., республика не имѣла письменныхъ законовъ. Судебное уложеніе, вошедшее съ того времени въ употребленіе, чрезвычайно интересно, такъ какъ оно вполне соответствуетъ простому характеру пастушескаго народа и заключаетъ въ себѣ только 100 статей. Такъ какъ убоиства происходятъ въ Андоррѣ крайне рѣдко, то осужденіе преступника на смерть обставлено особенными формальностями. Приговоръ долженъ быть утвержденъ старшинами всѣхъ 54 селеній; по утвержденіи приговора, преступника ведутъ (этотъ обычай практикуется и въ нѣкоторыхъ странахъ Гималаевъ) къ глубокой пропасти, и самъ судья, въ присутствіи всѣхъ 54 старшинъ, или ихъ представителей, низвергаетъ осужденнаго въ пропасть.

Торпедный корабль. Въ Гаврѣ былъ недавно спущенъ съ доковъ торпедный корабль „Бомба“. Корабль сдѣланъ изъ стали, имѣетъ въ длину 60 метровъ сила его машинъ равняется 320 лошадинымъ силамъ, скорость 17 узловъ; онъ съ двумя винтами, и вѣсимость его 323 тонны. Вооруженіе его состоитъ изъ двухъ пушекъ, трехъ митральезъ и 2 приборовъ для устанавливанія торпедъ.

Газеты въ Италіи. По статистическимъ свѣдѣніямъ за 1884 г., въ Италіи издается 1,298 газетъ, что составляетъ одну газету на 22,358 жителей. Наибольшее число выходящихъ газетъ приходится на Ломбардію, именно 219. Между 1,298 газетами, клерикальных оказывается 189, и число ихъ въ текущемъ и въ прошломъ году немного увеличилось. И такъ, въ католической Италіи, въ центрѣ католицизма, существуетъ столько газетъ, которыя враждебно относятся какъ къ католицизму, такъ и къ его главѣ—папѣ; число же газетъ стоящихъ за католицизмъ достигаетъ 200. Изъ этого можно видѣть насколько газеты выражаютъ общественное мнѣніе.

Вилла Тиверія. На островѣ Капри открыта вилла императора Тиверія, одна изъ двѣнадцати принадлежавшихъ этому императору, о которыхъ упоминаетъ Тацитъ. Комнаты и корридоры сохранились подъ землею въ цѣлости. Раскопки продолжаются.

Благотворительныя учрежденія въ Неаполѣ. Въ Неаполѣ извѣстна въ настоящее время своею благотворительностью г-жа Швабе, основавшая тамъ не мало благотворительныхъ заведеній. Такъ, ею недавно основана пріютъ для воспитанія бѣдныхъ дѣтей простоящиихъ, изъ которыхъ бѣднѣйшіе, числомъ 120, содержатся вполне на ея счетъ. Школы и пріюты, основанные ею, приготавливаютъ учителей для фребелевскихъ школъ. Г-жа Швабе платитъ изъ своихъ средствъ 5,000 лиръ ежегодно на поддержаніе школы, остальные же расходы понолаются на средства города; предки Швабе оставили большой учасокъ земли, для устройства монастыря. Въ послѣднее время добрый примѣръ Швабе нашель себѣ подражателей, и пожертвованія въ общіе доходять до 65,000 лиръ въ годъ.

Привиллегія по электричеству, въ Америкѣ. На 18,799 привиллегій, взятыхъ въ Америкѣ за 1884 г., приходится 1,666 на электричество, причемъ для телефона взято ихъ 179, на электрическое освѣщеніе—177, на телеграфъ—120 и пр.

Англія. Англійскія военныя газеты сообщаютъ, что вслѣдствіе излишняго усердія корреспондентовъ газетъ, сообщающихъ часто извѣстія, вредныя интересамъ страны, правительство намѣревается существенно измѣнить законодательство о цензурѣ прессы во время войны, дабы воспретятствовать полезнымъ лишь для неспрягага сообщеніямъ.

РЕБУСЪ. Задача № 20.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородн. подписчик., при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (нового образца) на типографскіе расходы.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за первое полугодіе, поторопиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики теряютъ право на полученіе преміи, большой картины Профессора В. И. Якобія „ВѢНКИ“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ. При высылкѣ денегъ проситъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

СОДЕРЖАНІЕ: Трьолетскіе водопады въ Швеціи (съ рис.).—Искупленіе. Разсказъ Я. П. Полонскаго. (Продолженіе).—Фельдфебель. Разсказъ К. Тхоржевскаго. (Окончаніе).—Въ древнемъ Вавилонѣ. Изъ книги Фр. Делича. (Окончаніе).—Деревенскіе охотники (съ рис.).—Врачъ у ложа татарскаго царевича (съ рис.).—Германскія женщины во время боя съ римлянами (съ рис.).—Воспитательный домъ въ Москвѣ (съ рис.).—Храмъ Св. Софіи въ Константинополѣ (съ рис.).—Эдуардъ Іеннеръ (съ портр.).—„Тысяча душъ“, романъ А. Ф. Писемскаго (съ рис.).—Рѣдкія морскія рыбы и животныя (съ рис.).—Викторъ Гюго (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Ребусъ.—О перемѣнѣ адреса.—Заявленіе.—Объявленіе.— При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Іюнь 1885 г., съ 24 гравюрами и отдѣльнымъ листомъ съ 33 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 27 рис. выпильныхъ работъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марисъ.

НАСТОЯЩІЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ,

развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цѣбниковъ

ТОРГОВАГО ДОМА

„БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“

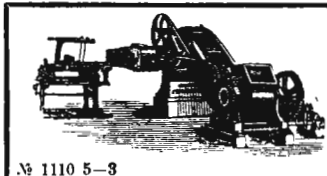
Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

И. № 3947

Прейсъ-куррантъ высылаются бесплатно.

16—13

№ 1110 5—3

ТОРФЯНЫЯ, КИРПИЧЕДЕЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ И МЪШАЛКИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ, ручныя, конныя и паровыя; машины для обработки фарфоровой массы, шамота, цемента и т. п. рекомендуетъ Людвигъ Теодоровичъ ШЛИКЪЗЕНЪ, инженеръ, Москва, Мясницкая, д. Ермаковыхъ. Изготовленіе плановъ для печей; устройство заводовъ. Иллюстр. каталоги бесплатно.

ВЫКРОЙКИ ДЕМОРЕСТЬ

отъ 15 копѣекъ до 80 коп.

Журналъ Деморестъ изъ Парижа въ 600 модныхъ гравюръ, съ пересылкою 1 р. 10 к.

1885 Г. И. ВАКОНЪ 1885 Г.

Гороховая д. № 9, кв. № 8, въ бель-этажѣ, въ С.-Петербургѣ. № 1080

НУЖНЫ

благонадежныя агенты, имѣющіе постоянное мѣстопребываніе въ провинціи для банкирскаго контора А. ЗИНГЕРЪ и К°, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр. № 18. Р. № 1043 7—7

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1885 г., НА ЛИТЕР.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ:

ГОДЪ IV. НАБЛЮДАТЕЛЬ. ГОДЪ IV.

Въ вышеданныхъ или книгахъ (январь—май) напечатаны: 1) Похороны, историч. романъ Д. Л. Мордовцева; 2) По градамъ и вѣсямъ, современ. романъ Во огдина (оконченъ); 3) Блудъ, разсказъ изъ народнаго быта, Ф. Д. Нефедова; 4) Тыня и панина петербургскія привѣтливости, В. О. Михневича (двѣ статьи); 5) Конгрессы и конференціи, какъ органы общины между народами, проф. В. П. Даневскаго; 6) Забытыя сословія, Я. В. Абрамова; 7) Злихля мажма, В. В.; 8) Джингомо Леопардо, критич. этюдъ В. В. Чуйко; 9) А. В. Дружининъ (изъ воспоминаній) А. В. Старчевскаго; 10) Колонизація Кавказа, К. М. Бороздина; 11) Интересы народнаго здравія, И. Денисова; 12) Колонизація Южно-Уссурийскаго края, М. А. Гребенщикова; 13) Фельетоны И. Ф. Василевскаго и Ефима Простосердова; 14) Заграничныя письма, И. Денисова; 15) За Океаномъ, П. Попова; 16) Обзоръ истор. литературы, В. Р. Зотова; 17) Обзоръ историческихъ журналовъ, П. М.; 18) Жерминаль, романъ Эмиля Золя; 19) Сража Лортебой, романъ Вальтера Бизанта и Джемса Райса (оконч.); 20) Никитинъ Парижа, Альберта Вольфа (оконч.); 21) Сценны изъ испанской народнои жизни, де-Передо; 22) Фильмстеры, романъ Шульце-Делича; 23) Тайная полиція въ Пруссіи, Виктора Тиссо; 24) Разсказы Гюи-де-Мопассана; 2) Научная хроника И. Д.

Въ слѣдующихъ книгахъ будутъ помѣщены: 1) Безъ воли, романъ П. Лѣтнева; 2) Потомокъ рода Ветричьевъ, романъ И. Д. Ахшарумова; 3) Чужая крыша, повѣсть А. В. Круглова; 4) Разсказы, Сибирякъ; 5) Олкъ соли къ ружью, разсказъ Володина; 6) Разсказы, Г. (автора: „Ми побѣдилъ“); 7) Былъ молодой не укоря, (разсказъ изъ тюремнаго быта) В. Н. Никитина; 8) Таритюль (Мольера) переводъ изъ стиховъ Г.-снаго; 9) О вѣдущемъ государствѣ въ экономическія отношенія, и наединѣ В. П. Безобразова; 10) Свобода совѣсти въ Америкѣ, проф. Л. Б. Нотлярскаго; 11) Угрюмъ илисто сельскаго хозяйства, М. В. Неручева; 12) Рядъ критич. статей В. В. Чуйко: „Пародники-беллетристы“, „Реалисты-фотографы“ и „Романисты-соціологи“; 13) Больныя души (по поводу сочиненій Ф. М. Достоевскаго) А. П. Патновскаго; 14) Изъ области крестьянскаго хозяйства, В. В.; 15) Изъ жизни золотушки, очерки В. Л. Марисова; 16) На нерасвѣтленческомъ пароходѣ (путевны записки), М. А. Гребенщикова. 17) Положеніе рабочаго класса въ Италіи, Н. Д.; 18) Общественныя и семейныя права англійской женщины, Г.-ча; 19) Монферранъ, строителемъ Исаакіевскаго собора, А. В. Старчевскаго; 20) Серанисъ, историч. романъ Эберса; 21) Новый романъ Марлитта; 22) Надорванныя силы, романъ Эрнста Доддъ; 23) Утѣшитель въ скорбляхъ, разсказъ Пауля Гейзе, и пр. и пр.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 22—30 печатныхъ листовъ. Годов. цѣна: безъ доставки 12 р.; съ дост. 13 р.; съ перес. 14 р.; за глян. 16 р. За полгода: 8 р. съ перес. внутри Россіи. Подписка принимается: въ СПб., въ конторѣ редакціи (Новарской пер., № 5). Объемъ и форматъ журнала увеличенъ до размѣровъ самыхъ большихъ журналовъ. № 1140 3—1 Редакторъ-издатель А. П. Патновскій.

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ К. К. МАЗИНГА въ Москвѣ, (Знаменка, Ваганьковскій пер.) st. № 1093 5—2

Пользуется правами казенныхъ реальныхъ училищъ. Училище состоитъ изъ 6 основныхъ классовъ и дополнительнаго, съ двумя отдѣленіями: общимъ и химико-техническимъ. Воспитанники принимаются во все классы приходящими и пансіонерами.

ОБЯЗАТЕЛЬНО для гг. КУРЯЩИХЪ! Во всехъ табачныхъ магаз. продается ВАТА „ГАВАННА“.

Николай Розенблатъ, уничтожающая ядъ Никотинъ и неприяную горечь въ табакѣ. Цѣна коробки 10 коп. Складъ для иногороднихъ и торговцевъ въ гильзовой фабрикѣ А. Нойло и К°, Невскій д. № 82. № 1139

Предстоящій ТИРАЖЪ 1-го ЮЛЯ 1885 г.

Нижеозначенная контора продаетъ 5% ГОСУД. ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ

а) на наличныя деньги: по дневному биржевому курсу, взимая въ свою пользу 1/8% комиссіи, т. е. 27 коп. съ билета. б) съ разсрочкою платежа: съ задаткомъ не менѣе 15 рублей и мѣсячными платежами по опредѣленію самого покупателя, однакожь не менѣе

ПЯТИ РУБЛЕЙ въ мѣсяцъ.

Со времени полученія конторою задатка, всякій выигрышъ, который падетъ на купленный и означенный въ свидѣтельствѣ билетъ, принадлежить покупателю и будетъ выплаченъ конторою безъ всякихъ въ свою пользу вычетовъ.

Страхованіе выигрышныхъ билетовъ по 40 коп.

Порученія изъ провинціи исполняются конторою обратною почтою, причемъ контора не лишнимъ считаетъ обратить вниманіе гг. покупателей на то, что въ послѣднихъ дняхъ до тиража порученія поступаютъ въ большомъ количествѣ, а потому желательна, для точнаго исполненія иногороднихъ порученій, высылка таковыя по возможности заблаговременно, кромѣ того прямая выгода гг. покупателей обращаться заблаговременно со своими порученіями въ контору уже потому, что биржевая цѣна билетамъ къ тиражу постоянно повышается. Р. № 1103 7—4

Банкирская контора Ф. А. КЛИМА въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 21.

ПРАВИТЕЛЬСТВОМ УТВЕРЖДЕННОЕ
СПРАВОЧНОЕ БЮРО
„Н. ДОНИЧЪ“
МОСКВА, Софійка, прот. Лубян. пассажа.

Заявления принимают и выдают справки: о продаже, залоге, аренда, покупке недвижимости и движимости; о наплате под залог недвижим. и движимости.

Принимаются объявления во все газеты и журналы по ценам редакций; постоянным клиентам дается уступка.

Все действия „Справочного Бюро“ без комиссионерства.

ВОДА СЕНТЬ-ЛО,
разрешенная С.-Петербургским Медицинским Управлением.

НЕТЪ БОЛЕЕ СЪДЫХЪ ВОЛОСЪ!
Эта вода придаетъ съдымъ волосамъ ихъ первоначальный черный или блѣдный цвѣтъ, послѣ однократнаго употребленія, безъ всякаго предварительнаго приготовленія и умыванія.

Eau Mascotte для произведенія блѣкураго цвѣта.
Aubin для превращенія съдыхъ волосъ въ блѣкурные.

Продаются у изобрѣтателя:
ГЮСТАВЪ, специалистъ для краски волосъ. Невскій пр., № 19, въ С.-Петербургѣ.
Цена для провинции: большой флак. 5 руб., мал. флак. 3 руб. За перес. 1 р. Р. № 1143

НОВЫЕ 6 РОМАНОВЪ
П. Чайковскаго, соч. 57.
№ 1) Скажи о чемъ въ тѣни 40 к.
2) На нивы желтыя 30 „
3) Не спрашивай 40 „
4) Усни 30 „
5) Смерть 30 „
6) Лишь ты одинъ 30 „

Тексты русскихъ и иностранныхъ.
Въ одной тетради 1 р. 50 к.
П. № 1138 **ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ** 1-1
ВЪ МУЗЫКАЛЬНУЮ ТОРГОВЛЮ
П. ЮРГЕНСОНА.
Неглиннй пр. 10, въ Москвѣ, Варшава
у Г. Зенневальда. СПбургъ, у Г. Юргенсона.

ВАЖНОСТЬ ДЛЯ ДАМЪ.
Школа кройки Глодзинскаго единственная гдѣ выдается патентъ автора. Курсъ науки продолжается 6 недѣль. Метода эта удостоена на Московск. Выставкѣ награды. Тысячи лицъ за границей и въ Петербургѣ основательно выучились, открыли мастерскія и учатъ въ учрежденіяхъ по этой методѣ. Школа помѣщается въ Москвѣ на Страсбургскомъ бульварѣ въ домѣ Чайковскаго.
П. № 1144 1-1

ПРИГЛАШАЮТЪ
для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургъ, Генриху Блонкѣ Невскій 51. № 1117 4-3

ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРЕПРОДАВЦЕВЪ.
Самая дешевая оптовая продажа багетовъ золоченыхъ и черныхъ. Прейсъ-курранты и образцы бесплатно.
Р. № 1147
В. ФРИЦЪ. 3-1
ФАБРИКА БАГЕТОВЪ.
С.-Петербургъ, Малая Морская, № 16.

4711
ХРУСТАЛЬНОЕ РОЗОВОЕ МЫЛО.
легко пѣнится, съ самымъ приятнымъ запахомъ розъ, дѣйствуетъ на кожу весьма благотворно и вследствие большаго содержанія глицерина, что и гарантируется. Можно получать во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. St. № 3739 17-9

РОЗОВОЕ СУХОЕ.
РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССИИ И ЗАГРАНИЦЕЙ
Н. П. ЛАНИНА, № 4000
въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, ЯГОДНЫИ И ФРУКТОВЫИ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНА БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ СЛѢДУЮЩІИ НАГРАДЫ:
1. **НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА** на Одесской выставкѣ 1884 года: **ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ** съ правомъ ходатайства на награжденіе **ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ**

ВСЕРОССИЙСІЯ НАГРАДЫ:	ИНОСТРАННЫЯ НАГРАДЫ:
2. Серебряная медаль 1852 г.	1. Филадель. выстав. медаль . . . 1876 г.
3. Серебряная медаль 1860 „	2. Филадель. выстав. медаль . . . 1876 „
4. Почтовый отзывъ 1864 „	3. Париж. выст. поч. отз. 1878 „
5. Серебряная медаль 1865 „	4. Амстердам. выст. медаль . . . 1883 „
6. Серебряная медаль 1869 „	5. Восток. выст. почет. дипл. . . 1883 „
7. Медаль 1870 „	
8. Золотая медаль 1872 „	
9. Высочайшая благодарность 1875 „	ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:
10. Золотая медаль 1882 „	1. Съ 1863 г. по 1873 г.
	2. Съ 1872 г. по 1882 г.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
приготовлено изъ чистаго русскаго винограднаго вина, и нисколько не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ. 1 р. 50 к. за бутылку.

Кромѣ того поступили въ продажу еще новые четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“:
1) ПОЛУ-СУХОЕ (Demi sec. «England» à la Cliquot).
2) ОЧЕНЬ СУХОЕ (Extra sec. à la Pommery).
3) РОЗОВОЕ СУХОЕ (Oeil de Perdrix à la Roederer).
4) РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ (à la Cliquot).
Всѣ вышеозначенные сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут.
НВ. — ПРОСЯТЪ ИЗБѢГАТЬ ПОДЪЛОКЪ.

ОЧЕНЬ СУХОЕ.

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ
ПРОИЗВЕДЕНІЯ
БЕНЕДИКТИНОВЪ
Аббатства Суллакъ (деп. Жироны).
НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.
С.-Петербургскимъ столичнымъ врачебнымъ присутствіемъ разрѣшенъ ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. № 1032 26-8

2 ЗОЛОТЫИ МЕДАЛИ:
Брюссель 1880—Лондонъ 1884 гг.
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ.

Изобрѣтене въ **1373 г.** **ПЬЕРЪ БУРСО**
Домъ основанный въ 1807 г. Сегенъ, въ Бордо, ул. Гюгери, 3.
ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ **SEGUIN** RUE HUGUERIE 3 BORDEAUX.
Складъ въ СПб. въ Техно-Химич. Лабор. Гостин. дворъ № 45, у Штоль и Шмидта; въ магаз. A la Republique; у А. Рузанова и Флейша, парфюмеровъ, Г. П. Кошкинъ, 19 Гостинный дворъ.

Единственная на югѣ Россіи специальная мастерская прачешныхъ машинъ, усовершенствованныхъ многократно практикою (мастерская сущ. съ 1875 г.). Употребленіе ихъ самое упрощенное, приспособлены для семействъ и большихъ прачешныхъ заведеній. Прому не представляютъ чьмъ либо въ родѣ американск. Катки давленіе до 40 пуд. Цѣна и вѣсъ см. унк. 20 р., 2 п., 10 ф. Мойки могутъ мыть даже кружева, тюль, газы и пеньковыя половники 15 р., 2 п., выжимки 10 р., 20 ф. Также имѣю всегда готовыми токарныя станки въ 35, 45, 60 и 75 р. Конторскіе счеты 7 р., бухгалтерскіе 10 р. Иногород. могутъ выписывать съ налож. платежомъ, высшая задатка 20%. Харьковъ, Енатер. ул. № 13. Николай Ивашевъ. № 1046 10-1

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА
Ч. ГОФМАНА, СПб., Больн. Дворянская ул., д. 26.
Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ до самой изящной работы. Торговцамъ дается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ, Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 3977

МЕБЕЛЬ
всякаго рода, по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Иллюстрированный каталогъ, содержащій около 100 рисунковъ, а также образцы матерій, высылаются по полученіи 28 коп. почтовыми марками. Р. № 1148 3-1

В. ФРИЦЪ,
Контора мебели.
С.-Петербургъ, М. Морская, 16.

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.
Ручн. и ножн. Зингеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ выметываютъ петли, вышивають и шьютъ черезъ край. Подробный прейсъ-куррантъ и пробныя петли высылаются бесплатно. Р. № 1125 6-2

А. ШТЕЙНЪ
С.-Петербургъ, Большая Морская № 26.
Большой выборъ обычныхъ швейн. машинъ дешеваго и лучшаго достоинства.

КОНТОРА ТОРГОВАГО ДОМА
ПАВЕЛЬ ВЫДРИНЪ И СЫНЪ
МОСКВА, ТУРСКАЯ, РЯДЪ СЪ Д. ГЕН.-ГУБЕРНАТОРА.

Продажа 50^о выигрышныхъ билетовъ I и II внутреннихъ займовъ съ задаткомъ въ 15 руб. съ разсрочкой платежа изъ 80^о годовыхъ безо всякой комиссіи, и страхование отъ грабежей;
2 января, 1 марта, 1 июля и 1 сентября.
УСЛОВІЯ ВЫСЛАЕЪ БЕЗПЛАТНО.
П. № 3914 7-2

ПАРКЕТЪ дубовый и сосновый, шпунтовые полы, двери, оконныя рамы, полная столярная отдѣлка домовъ съ доставкой, установкою на мѣсто и отвѣтственностью за сухость и прочность.

ИЗДЕЛІЯ изъ дуба, лиственницы и сосны для ж. д. и пароходовъ. Письменно обращается на Контарскіе паровыя, лѣсопильный и столярно-паркетный заводы на Волгѣ, г. Чебоксары, Каз. губ.

Телеграммы: „Контарскіе заводы“.
Контора и складъ въ Москвѣ: Мясницкая, Бурасковскій пер., д. Зворинской. 1012 28-5

ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННАЯ
УНИВЕРСАЛЬН. ШВЕЙНАЯ МАШИНА
Патентъ въ Россіи, Англіи, Европѣ, Америкѣ.
SEGUIN Вышивки и въсь Другія работы.
ПРОДАЖА СЪ РУЧАТЕЛЬСТВ. ОБУЧЕНІЕ БЕЗПЛАТНО.
Единственный Складъ **ГЕРМАНЪ ГЕССЕ СТЬБ.**
Больш. Садовая № 16, УГОЛЬ ТОЛМАЗОВЪ ПЕР. ПРОТ. ГОСТИН. ДВОРА

У ФЕНУ въ СПБ., бр. Салаевыхъ
въ Москвѣ и др. главн. книгопрод. продается: Учебникъ нѣмецкаго языка, сост. по аналитико-сравнительному методу И. СИГЪ, СПб., 1885 г., стр. 472, ц. 1 р. 20 к. Методъ этотъ на столько облегчаетъ ученіе, что въ 3 мѣсяца можно научиться понимать какую угодно нѣм. кн. Выпущено въ 100 и болѣе экз. изд. типографіи Тренне-Фюсю СПб., Мандрилановскій пер., № 15, пользуется 30^о уст., что же вышлетъ по 1 р. (поч. марк. или деньгами) прямо ко мнѣ (Киш невр, директору 2-ой гимназіи), получить по 1 экз. по почте. № 1149 1-1

ПАРЖИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ
ДЛЯ ЧАСОВЪ.
Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство — 5 лѣтъ, что не повторится! Предлагаетъ депо **Василій Аурихъ**, Больн. Морская, д. 17, кв. 6, нарядн. лѣтница № 1020 въ С.-Петербургѣ. 10-1

МУЖСІЯ ОДИНОЧН. въ 2, 3, 3 1/2 и 4 1/2 руб. Двойныя въ 4 1/2 5 1/2, 7 и 8 руб. **ДАМСІЯ СЪ НИСТЬЮ** въ 4, 5, 6, 6 1/2, 8 и 9 руб. **КАРАНДАШИ** въ 1, 1 1/4, 1 1/2 и 2 руб. **Начинки** по 75 коп. Пересылка 60 коп. Торговца смидна.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К^о, СТРОИТЕЛИ

известных премированных конных молотилок, приводов, вѣялок, сортировок, плугов, борон, сѣялок, непрерывно дѣйствующих сѣнных прѣссов, механических зерносушилок, предлагають отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: Клейтона и Шутлеворта—паровыя молотилки съ локомобилми, Мак-Кормика, сѣнокосилки, жней, и сноповязалки, Стодарта—тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигеръ, и запасныя части ко всемъ машинамъ. Фабрика и Главная контора въ Москвѣ, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутоновъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Уманьская улица. № 3991 13—6

Иллюстрированные каталоги безплатно

ТРАВКОСИЛКИ

„Pennsylvania“.

- 10" 30 р.
- 12" 35 "
- 14" 40 "
- 16" 45 "
- 18" 50 "

Легкій ходъ, чистая работа, простой механизмъ, большая прочность.

Ж. Блокъ,

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Голицына, СПб., Невскій 16. Р. № 1059 8—2

изъ
КОВАННАГО ЖЕЛѢЗА
намогильныя рѣшотки,
палисадники, намогиль-
ныя часовни, кресты
для могилъ.

изъ
КОВАННАГО ЖЕЛѢЗА
ворота, перила, балко-
ны, флюгарки, подъѣз-
ды, зонтики, лѣстницы,
изъ ковannaго желѣза.

ХУДОЖЕСТВЕННО-СТРОИТЕЛЬНО-СЛЕСАРНЫЙ ЗАВОДЪ
КАРЛЪ ВИНКЛЕРЪ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
№ 1698 Вас. Остр., 13 линия, № 60—9. 3—3

Ж. БЛОКЪ

ПРОСЬ
КУРАНТЫ
ВЫСЛАЖАЮТЪ
БЕСПЛАТНО.

СПЕЦИАЛЕН
ДЛЯ
РУССКИХЪ
ДОРОГЪ.

ВЕЛОСИПЕДЫ

РУССКІЙ КЛУБЪ

СКЛАДЫ. С. П. НЕВСКІЙ № 16
МОСКВА КУЗН. Д. ГОЛИЦЫНА

Съ разрѣшенія Спб. Врачебнаго Управленія.

СВОБОДИНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ
СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ

уничтожаетъ въ нѣсколько дней безъ боли
встарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ.
Постоянно возрастающее употребленіе Свободина, вслѣдствіе рекомендацій потребите-
лей, доказываетъ отличное дѣйствіе этого
средства. № 1034 15—8

Цѣна за флаконъ 35 коп. Съ пересылкой
2 флак. 1 руб., 4 флак. 1 руб. 70 коп.,
6 флак. 2 руб. 40 коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССИИ
А. ГЕБГАРДТЪ.
Казанская ул., д. № 3, магазинъ № 1.

МАГАЗИНЪ А-ЛА РЕНОМЕ.

НЕВСКІЙ, № 3, БЛИЗЪ АДМИРАЛТЕЙСТВА.
Для сохраненія бѣлизны, мягкости и ѣмкости
кожи лица и тѣла отъ вліянія лѣт-
ней температуры солнца, пыли, вѣтра,
отъ загара, веснушекъ, прыщей, крас-
ноты кожи и т. п. употребляютъ съ пользою
приготовляемыя съ разрѣшенія Спб.
врачебнаго управленія.

Огуречная вода, фл. 35 коп., съ перес.
2 фл. 1 руб.
Глицериновое молоко, фл. 60 коп., съ пересылк. 1 руб.

МОЛОКО НИМФЕЯ

Lait de Nymphéa,
Флак. 1 р. 25 коп., съ перес. 2 рубля.
Lait de Lys de Cachemire, фл. 1 р. 75 к.,
съ перес. 2 р. 50 к.

Мыла: огуречное 10 к., лимонное 15 к.,
ванильное 25 коп., мыло альпійскихъ
горъ 35 к., мыло фуажеръ 85 к. и т. д.
Сѣбность, гибкость и хорошій цвѣтъ ли-
ца достигаются при употребленіи

ЛЮФА или ГУБКИ ЮНОСТИ

шт. отъ 40 коп., съ пересылк. 2 шт. 1 р.

НОВУСТЬ! ЛЮФА-ПЕРЧАТКА,

весьма удобна для растиранія тѣла, шт.
75 коп., съ пересылкою 1 руб.

ОТЪ УЖАЛА КОМАРОВЪ

Сосновая жидкость фл. отъ 40 к.
Феноловый уксусъ фл. 45 к.
Китайское По-Хо, фл. 50 к.
Минцоловые карандаши 50 к.
Р. № 1142 2—1

6 разъ удостоенныя первыхъ наградъ

СКРИПКИ

сгмыя лучшія и дешевыя, новѣйшихъ
временъ, отъ 6—30 мар., знаменитыхъ
мастеровъ 30—200 и. Альты, виолон-
чели и басы. Смычки 1 1/2—50 м. Футляры
3 1/2—40 м. Цитры 16—300 м. Гитары
6—50 м. Всѣ духовыя инструмен-
ты. Превосходныя струны Патентован-
ная итальянская скрипка для упражненія (соб-
ственнаго изобрѣтенія). Мастерская для
починковъ. Рекомендаціи отъ Вильгель-
ми, Саразате, Зингеръ, Соръ, Конгесаго,
Дангренова и пр. Ручательство. По отда-
чѣ скидка. Прейсъ-курантъ безплатно
и франко.

БРАТЯ Вольфъ.
фабрика инструментовъ
въ Рейцнахѣ. (Пруссія). Р. № 1146 1—1

ОТЪ ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ

МОСКОВСКАГО ТОРГОВАГО ДОМА

ОЛЫГИ КОРЕЩЕНКО.

Главный складъ первосборныхъ чаевъ въ Москвѣ, на Куз-
нецкомъ мосту въ домѣ Торлецкаго.

Въ февралѣ и мартѣ сего года напечатано было почти во всѣхъ газетахъ отъ фирмы
нашей заявленіе, въ которомъ мы извѣщали нашихъ покупателей, что по случаю свое-
времененно сдѣланнаго нами огромнаго запаса высшихъ сортовъ первосборнаго чая,
оплаченнаго прежде дешевою пошлюною, мы нашли возможнымъ продавать изъ своихъ
складовъ чай, по прежней умѣренной цѣнѣ и на прежнихъ условіяхъ, безъ малѣйшей
прибавки,—виредъ до полученія чаевъ новаго урожая—т. е. до Нижегородской армарки
1-го августа 1885 года.

Не смотря на такое категорическое заявленіе наше, къ намъ поступаютъ въ значи-
тельномъ множествѣ запросы со стороны иногородныхъ покупателей о томъ, не изме-
нили ли мы своего общанія и точно ли продолжаемъ продавать чай той же самой вы-
сокой доброты и по той же самой умѣренной цѣнѣ, какъ прежде?—Долгомъ считаемъ
вновь подтвердить, что какъ доброта чаевъ, такъ цѣны и условія продажи изъ нашихъ
складовъ останутся безъ всякаго измѣненія до 1-го августа 1885 года. Какія же тогда
состоятся цѣны чаемъ, мы не замедлимъ оповѣстить гг. покупателей.

Конечно, слѣдуя примѣру большинства чайныхъ торговцевъ, для насъ было бы не-
равненно прибыльнѣе, по возмущеніи пошлыни, повысить на чай цѣны и продавъ имъ
ищій въ насъ огромный запасъ чаевъ по дорогой цѣнѣ, но принимая въ соображеніе не
одну только свою личную выгоду, а также и интересъ нашихъ покупателей, мы нашли
болѣе правильнымъ продавать, пока есть возможность, той же самой высокой доброты
чай и по той же самой умѣренной цѣнѣ, какъ и прежде, безъ всякой надбавки.—Прейсъ-
курантъ чаемъ отъ 1-го февраля 1885 года высылаемъ желающимъ по требованію не-
медленно. П. № 1112 2—2

№ 77.

МОЙКА, У КРАСНАГО МОСТА

К. И. ГОФЕ

ПАРОВОЕ ЗАГОТОВЛЕНІЕ. № 1141

Спеціальность твердо и скоро высыхающихъ масл., ликовъ, восковыхъ и всѣхъ
прочихъ красокъ, на окраску невозможныхъ предметовъ. Складъ сухихъ красокъ,
маселъ, лаковъ и кистей. Прочность и добротность признаны здѣшними
спеціалистами. Заказы исполняются добросовѣстно и немедленно.

БИЛИАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
БИЛИАРДЫ И КЪ ВИЛИАРДНОЙ
ИГРѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Троицкій проспектъ, близъ Египетскаго мо-
ста, д. № 13—2. № 3855 17—7
Иллюстрир. прейсъ-куранты по востреб.
высыл. безвозмездно.

ЦЕЗАРЬ И МИНКА

Весьма извѣстно какъ самое обширнѣе
заведеніе въ Европѣ для разведенія собакъ,
получившее золотыя и серебряныя государ-
ственныя и общественыя медали.

ЦѢНА въ Прусской Сансоніи.
Прейсъ-куранты на нѣм. и франц. яз. без-
платно и франко. Брошюра съ 50 разн. ори-
гинальн. иллюстр. собачьихъ расъ, получившихъ
всѣ 1 награду, руководство для заводчи-
ковъ и любителей за 10 мар., 6 рублей,
6 гильд., 12 фр. 50 с. Р. № 1127 3—2

ЭЛЕОПАТЬ ПРОВ. КИНУНЕНА

ПРОТИВЪ ПЕРХОТИ

Къ услугамъ публички во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ всей
Имперіи. Провинціальныя жители выписываютъ ЭЛЕОПАТЬ КИНУНЕНА изъ ближайшихъ
отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется аптекарскій или косметическій магазинъ, но не ме-
нѣе двухъ флаконовъ за 4 руб.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона:
КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЬ.

ЭЛЕОПАТЬ къ услугамъ публички во всѣхъ АПТЕКАХЪ и АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.
№ 1145
Пров. КИНУНЕНЪ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XVI годъ
№ 23

годъ XVI
1885

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выдаѣтъ 8 Юля 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫНРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
сторону непарейль (1/2 шир.
страни.) въ Глав. Кон. Ред. по
60 к. — Загран.: для раниціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ
контору объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровская Торгов. линія. 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при
„НИВѢ“ объявленіи отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногор. по 5 р. съ тыся-
чи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 6 Ч. ВЕЧЕРА.

К. Д. Кавелинъ.
3 мая, утромъ, въ Пе-
тербургѣ скончался из-
вѣстный ученый, юристъ
и профессоръ Констан-
тинъ Дмитриевичъ Каве-
линъ.
К. Д. родился въ Пе-
тербургѣ, въ 1818 г., 4-го
ноября. Отецъ его, Д. С.
Кавелинъ, происходилъ
изъ стариннаго дворян-
скаго рода. Мать Каве-
лина была родомъ англи-
чанка, пресвитерианскаго
вѣроисповѣданія. Дѣт-
ство и юность свою Ка-
велинъ провелъ въ С.-
Петербургѣ, Рязани и
Москвѣ. До самаго всту-
пленія своего въ моско-
вскій университетъ, онъ
воспитывался дома и не
находился ни въ част-
номъ, ни въ казенномъ
учебномъ заведеніи. Въ
1835 г. Кавелинъ посту-
пилъ по экзамену въ мо-
сковскій университетъ
по филологическому фа-
культету; но вскорѣ, а
именно въ поябрь того
же года, перешелъ на
юридическій факультетъ,
на которомъ и окончилъ
курсъ въ 1839 году. При
выпускѣ Кавелинъ былъ
удостоенъ степени кан-
дидата, получилъ золо-

Профессоръ Н. Д. Кавелинъ. † 3 мая. Съ фотогр. Шапиро, грав. Ю. Барановскій.

тую медаль за рассужде-
ніе на заданную тему:
„о римскомъ владѣніи“.
Черезъ годъ по выходѣ
изъ университета, въ
1840 г., Кавелинъ выдер-
жалъ экзаменъ на сте-
пень магистра граждан-
скаго законодательства,
но защитилъ диссерта-
цію гораздо позднѣе, а
именно въ 1843 году. Въ
промежутокъ времени
отъ магистерскаго экза-
мена до защиты диссер-
тации, онъ состоялъ на
службѣ въ департамен-
тѣ министерства юсти-
ціи. Въ 1844 году Каве-
линъ удостоился чести
быть принятымъ въ мо-
сковскій университетъ, въ
званіи адъюнкта по юри-
дическому факультету.
При самомъ вступленіи
на кафедру ему поруче-
но было преподаваніе
исторіи русскаго зако-
нодательства, а черезъ
годъ и преподаваніе рус-
скихъ государственныхъ
и губернскихъ учрежде-
ній и законовъ о состо-
яніяхъ, студентамъ всѣхъ
факультетовъ. Въ исто-
ріи русскаго законода-
тельства, главнымъ пред-
метомъ его занятій, онъ рас-
крывалъ студентамъ
юридическаго факульте-
та 1-го курса прину-

щественно родовые начала русского быта въ ихъ историческомъ развитіи. Кавелинъ посвятилъ много лекцій весьма подробному обзорѣ первоначальнаго быта славянъ и изслѣдованію происхожденія древнѣйшихъ славянскихъ учреждений, причѣмъ пользовался данными изъ теперешняго быта славянскихъ племенъ и историческими письменными памятниками ихъ древнѣйшей исторіи, также чтенію и объясненію студентамъ древнихъ памятниковъ русскаго законодательства, начиная съ Русской правды. Кавелинъ предполагалъ такимъ образомъ пройти всю исторію русскаго законодательства и объяснить постепенно всѣ главнѣйшіе памятники нашей юридической жизни; планъ этотъ, рассчитанный на много лѣтъ, не могъ быть приведенъ въ исполненіе за выходомъ Кавелина, въ томъ-же 1848 г., изъ московскаго университета.

Всѣ дальнѣйшіе труды Кавелина по части русской исторіи и исторіи русскаго законодательства, во время служенія его при московскомъ университетѣ, состояли въ критическихъ статьяхъ о сочиненіяхъ и собраніяхъ источниковъ по этимъ

предметамъ. Почти всѣ, вышедшія въ теченіе 1846, 1847 и 1848 гг., книги-брошюры по древней русской исторіи и древнему русскому законодательству были имъ разобраны.

Въ послѣдующее время К. Д. Кавелинъ былъ профессоромъ петербургскаго университета и затѣмъ военно-юридической академіи. Изъ сочиненій его, изданныхъ за послѣднее время, упомянемъ слѣдующія: „Задачи психологіи“, „Крестьянскій вопросъ и его значеніе въ Россіи“ и „Задачи этики“. Покойный ученый состоялъ президентомъ Императорскаго вольноэкономическаго общества, откуда, какъ извѣстно, вслѣдствіе недоразумѣній, долженъ былъ выйти.

Похороны К. Д. Кавелина происходили торжественно. Въ квартиру покойнаго собрались, кромѣ близкихъ товарищей и друзей почившаго, депутація отъ разныхъ учреждений; въ церкви между присутствующими былъ министръ народнаго просвѣщенія и не мало представителей изъ міра ученаго и всѣ наиболее извѣстные профессора. Похороненъ К. Д. на Волковомъ кладбищѣ рядомъ съ И. С. Тургеневымъ.

Искушеніе.

Разсказъ Я. П. Полонскаго.

(Окончаніе).

XXXIII

Къ удивленію Аркашина, Олимпиада скоро успокоилась, даже стала весела. и, еслибы не усталость и озябнувшіе пальцы на рукахъ и ногахъ, онъ бы и самъ не замѣчалъ дороги. Олимпия была очень мила, увѣряя его, что онъ ее внутренно осуждаетъ,—что ей бы слѣдовало напередъ сказать ему, что она-де отправится одна гадать въ заброшенную, лѣсную хату и будетъ-де ждать, придетъ ли онъ, или не придетъ, хоть бы затѣмъ, чтобы за это разбранить ее, какъ слѣдуетъ. „Но, сказала она, это бы значило, пазначать вамъ свиданіе, или, какъ говорятъ, *рандэ-ву*, въ глухомъ, уединенномъ мѣстѣ, или косвенно вынуждать васъ придти и тамъ застать меня—этого мнѣ не хотѣлось“. Аркашинъ откровенно сознавался ей, что еслибы не ихъ собака и не сани, онъ ни за что бы не рѣшился войти въ избу и непременно ушелъ бы по добру по здорову, но надежда, что въ избѣ найдетъ онъ, если не ее, то кого нибудь изъ людей, ея посланныхъ, затѣмъ, чтобы привести его обратно, придавала ему нѣкоторую храбрость, и онъ рѣшился.

— Какъ мнѣ правится, что вы такъ откровенны, такъ правдивы. А все же я иногда подумываю, куда дѣвалась лошадь и чей это свистъ мы съ вами слышали. Конокрадъ не сталъ бы свистѣть, не правда ли?

Такъ разговаривая, прошли они три четверти пути, какъ вдругъ впереди ихъ что то зачернѣлось, точно закопшилось какое то темное пятно на бѣлой дорогѣ. затѣмъ что то стало мелькать,—еще минута—уже послышался топотъ, еще минута—и уже глаза ихъ ясно стали различать дугу и морду лошади.

— Это мои сани, моя лошадь! всплеснувъ руками, воскликнула Олимпиада. Но кто же это?

И они стали по обѣимъ сторонамъ дороги. Видятъ, на облучкѣ сидитъ кучеръ, въ нагольномъ тулупѣ, а въ саняхъ виднѣется что то очень широкое, косматое и черное.

Сразу не могли понять они, кто бы это былъ. Но сани остановились, и раздался хриплый голосъ:

— Это вы? что случилось?..

— Отецъ! вкрикнула она и бросилась къ санямъ.

— Что случилось?

— Ничего, папа; кто то лошадь угналъ, пока мы гуляли. Кто тебя такъ напугалъ? какъ тебѣ, папа, не совѣстно такъ себя беспокоить?

— И никакой мертвецъ васъ не задушилъ? и никто не нападалъ на васъ? А?

— Никто, папа! видишь мы идемъ и превесело другъ съ другомъ болтаемъ.

— Илья, домой!

Кучеръ повернулъ лошадь, и не прошло 10 минутъ,

какъ сани и толстый сѣдокъ исчезли въ серебряной пыли и сумракѣ лунной ночи.

Какъ ни поздно вернулась домой Олимпиада и ея суженый, въ домѣ еще горѣли лампы, и свѣчи. Сестры ея не спали, онѣ послѣ чаю усѣлись съ работой у круглаго столика въ диванной и передавали другъ другу разныя свои предположенія на счетъ забѣгаго гостя и разбирали его по ниточкѣ, доставалось не только ему, но и ихъ младшей сестрицѣ, которой обѣ онѣ завидовали—не столько ея красотѣ и молодости, сколько ея наслѣдству. Мать Олимпиады была богаче ихъ матери, и все ея имѣше, всѣ ея капиталы должны были, тотчасъ же послѣ замужества сводной сестры, перейти въ ея полное владѣніе. Онѣ не слишкомъ интересовались вопросомъ куда дѣвалась Олимпиада, знали только, что она куда то уѣхала, а онъ куда то ушелъ и пропалъ: посылали въ комнату Аркашина одну изъ своихъ горничныхъ поглядѣть со свѣчей, не лежитъ ли у него на столѣ револьверъ, и никакъ не могли понять, зачѣмъ Аркашину онъ понадобился, и зачѣмъ онъ его взялъ съ собой.

Въ томъ, что предполагала Варвара, не было ни послѣдовательности, ни логики, но иначе она разсуждать не умѣла.

Услыхавши, что лошадь Олимпиады прибѣжала съ савими одна, что объ этомъ тотчасъ узналъ ихъ отецъ, что онъ кричитъ и выходитъ изъ себя.—они бросили работу; а мысль, что случилось что то необыкновенное, заставила ихъ поблѣднѣть и броситься въ дѣвчьи съ разспросами. Тамъ узнали онѣ, что барышня поѣхала гадать въ зеркало въ Чурилову избу, что зеркало и табуретъ заранѣе были туда посланы, что поѣхала она одна одиначонька, и что навѣрное тамъ или ее убили, или она умерла со страху, и что лошадь, должно быть, тоже со страху оборвала поводъ и убѣжала.

— Чортъ знаетъ, что такое! ничего не понимаю! волновалась Варвара.

— Господи! что за странное приключеніе! что за дикая фантазія ѣхать гадать въ глухомъ лѣсу! Господи, Господи! вздыхала Ольга, и тоже не лишняя своего рода фантазіи, чувствовала, что у нея кружится голова, и что если завтра не пріѣдетъ мужъ, она съ ума сойдетъ.

Но вотъ въ передней послышались тяжелые шаги и затѣмъ мимо нихъ въ мѣховой шапкѣ и въ ватномъ шелковомъ халатѣ, отецъ ихъ, поддерживаемый камердинеромъ, молча прошелъ въ свою комнату.

Новые толки, догадки и предположенія, но черезъ четверть часа явилась Олимпиада и весело крикнула: „чаю!..“

XXXIV.

На другой, послѣдній, день стараго года Аркашинъ проспалъ тоже чуть не до завтрака. Онъ уже втягивался въ обычный круговоротъ этого шумнаго, многолюднаго дома, въ эту жизнь, которая совершенно опрокидывала все его понятія о тихой, деревенской жизни, въ усадьбахъ, заваленныхъ снѣгомъ, и самъ онъ чувствовалъ, что... пора ему домой, *во-свои*, что такъ долго жить нельзя—угоришь!

Въ столовой, куда только что, одѣвшись и причесавшись, явился онъ, вся семья уже была въ сборѣ. Зятья только что прѣехали, привезли гостей и съ обѣтренными, розовыми лицами прохаживались „по водочкѣ“. Все уже садились за столъ, какъ вдругъ, между всеми произошло какъ бы нѣкоторое волнение, все оглянулись: въ столовую, въ сопровождении своего камердинера, вошелъ Захаръ Олимпьевичъ. Матери подмигнули дѣтямъ, и дѣти, какъ по командѣ, бросились цѣловать ручки своего дѣдушки; но... пока происходило это цѣлованіе, онъ поглядѣлъ на мужчинъ и спросилъ у нихъ:

— Ну что—убили медвѣдя? а?

— Какой тутъ медвѣдь! махнувъ рукой, отвѣчалъ Плюсъ, утираясь салфеткой и сквозь золотыя очки тараща глаза свои.

— Да не нашли и берлоги, оказалась пустая, отвѣчалъ Плюшинъ, выпятивъ грудь и заложивъ пальцы въ карманы своего жилета.

— Эхъ! Вы и искать то ихъ разучились! охотники!..

— Что дѣлать, что дѣлать! бормоталъ бывший гувернеръ: былъ слѣдъ, мужики съ Верховья сами видѣли. Да и то сказать: видѣли недѣлю тому назадъ, а снѣгу съ тѣхъ поръ столько повыпало, что все слѣды замело.

— Ну, ужъ охотники! чай и стрѣлять то разучились! проговорилъ еще разъ Варшавинъ. Видно, что на душѣ его кипѣла ревность и досада прежняго удалаго стрѣлка и охотника.

Все заговорили какъ бы оправдываясь. Трудно было разобратъ, что такое каждому приходило на умъ.

— А Олимпиаду зачѣмъ не взяли? спросилъ старикъ.

— Я сама, папа, не поѣхала; меня звали, но я не поѣхала, отозвалась дочь.

— Ну, я не мѣшаю вамъ—завтракайте! пробормоталъ старикъ, мотнувъ головой, повернулся и вышелъ.

Все усѣлись за столъ и самымъ усерднѣйшимъ образомъ стали пить и ѣсть. Одинъ Самославскій долго крѣпился и не пилъ; онъ былъ какъ то особенно тихъ и какъ бы чѣмъ то озабоченъ, особливо съ тѣхъ поръ, какъ Олимпиада, проходя мимо, шепнула ему:

— Спасибо за пріятную прогулку!

Аркашинъ чувствовалъ небольшую ломоту въ членахъ и боялся захворать. Онъ былъ радъ, что за завтракомъ рядомъ съ нимъ сидѣлъ ему незнакомый мужчина, черноволосый, румяный, словомъ, одинъ изъ тѣхъ здоровяковъ, на которыхъ иногда смотрѣть противно; онъ немного согнѣлъ, глядѣлъ на всехъ съ отчѣнкомъ нѣкоторой холодной величавости, и ни единого слова не сказалъ своему сосѣду послѣ того, какъ Олимпиада черезъ столъ ихъ другъ другу рекомендовала.

Къ обѣду наѣхало столько гостей, что столовая оказалась мала, и дѣти со своими гувернантками должны были обѣдать за особымъ столомъ въ сосѣдней комнатѣ.

Олимпиада была неузнаваема: она такъ была сдержанна, такъ холодна и такъ со всеми одинакова, что Аркашинъ невольно подумалъ, что или ей совѣстно прошедшей ночи, или она положила себѣ не выказывать ему никакого передъ другими предпочтенія, или она недовольна имъ. „Такъ, должно быть, и слѣдуетъ“, ду-

малъ скучающій въ толпѣ Аркашинъ и рѣшилъ: завтра, въ Новый годъ, отправиться обратно въ Питеръ.

„Сегодня же, думалъ Аркашинъ: постараюсь повидаться съ самимъ Захаромъ Олимпьевичемъ и на что нибудь рѣшусь. Свататься, такъ свататься; ѣхать, такъ ѣхать“.

Для Аркашина было уже несомнѣнно, что ему не откажутъ ни отецъ, ни дочь; ему даже казалось, что тетюшку давно уже предупредила Олимпиада, и что не даромъ она вчера прямо назвала его суженымъ, нарочно придумала такую сцену, чтобъ такъ назвать его, иначе сказать ободрить—натолкнуть его на мысль, что сватовство его будетъ принято.. Олимпиада ему очень нравилась. „Что за роскошь эта дѣвушка!“ не разъ думалъ онъ, и страшное дѣло, мысль о томъ, что эта роскошь будетъ его женою, его пугала, и всякій разъ, когда онъ думалъ, что онъ будетъ богатъ и не будетъ нуждаться въ службѣ, по милости жены, его коробило. Какъ человекъ, отъ природы своей благородно-мнительный. иногда онъ спрашивалъ себя, что бы сталъ онъ дѣлать, очутившись въ той же самой средѣ, въ той же обстановкѣ къ какой привыкла эта дѣвушка? Словомъ, хотъ онъ и былъ чуть не влюбленъ въ красоту ея, чего то недоставало въ немъ, чтобы говорить ей смѣло и прямо о любви своей, или идти ей навстрѣчу, быть готовымъ на всякую борьбу и за минуты всемъ понятнаго счастья отдать въ жертву всю свою жизнь, не боясь никакихъ невгодъ, никакой гибели.

XXXV.

Къ вечеру, наѣхало еще больше гостей изъ города, много дамъ, дѣвицъ, и общество распалось на играющихъ въ карты и танцующихъ. Старшія дѣвочки въ модныхъ, коротенькихъ платьицахъ, также танцевали, даже братишка ихъ, мальчуганъ, не пожелалъ спать—все ожидали полночи, или первой минуты Нового года.

Аркашинъ не игралъ въ карты и не танцевалъ. Черезъ Федора онъ испросилъ себѣ позволенія побывать у стараго барина и лично поблагодарить его за гостеприимство.

— Пожалуйте-съ! они сегодня въ духѣ... приказали просить васъ, проходя съ тяжелымъ, серебрянымъ подвосомъ въ столовую и нагнувшись къ плечу Аркашина, проговорилъ Федоръ, — я сейчасъ вернусь и проведу васъ...

Онъ точно сейчасъ же вернулся и въ концѣ коридора налѣво, пройдя камердинерскую комнату, съ ширмочкой у постели и рукою кувшиномъ на табуретѣ, постучался въ дверь къ барину.

— Войди! послышался откликъ.

Въ кабинетъ старика вошелъ Аркашинъ. Онъ засталъ его въ креслѣ за столомъ, въ томъ же казакинѣ на распашку, въ какомъ онъ видѣлъ его за чаемъ, въ первый день своего прѣзда; на немъ былъ даже галстукъ, и лицо его было гладко выбрито. Старикъ николаевскихъ временъ не хотѣлъ отпускать себѣ бороду и ограничивался одними только бакенбардами.

— А, наконецъ то вы зашли ко мнѣ! привставая съ трудомъ, проговорилъ старикъ.

— Какъ же бы я могъ беспокоить васъ...

— Садитесь!.. вотъ, противъ меня. Мнѣ хочется еще посмотреть на васъ. Да, пожалуйста, въ качествѣ сына моего стараго пріятели, будьте откровенны... Ну-съ! будемъ бесѣдовать.

Старикъ на желудкѣ скрестилъ свои толстые пальцы и сталъ глядѣть на него—не то что ласково, а какъ то покойно: щеки его слегка отвисли, а брови нѣсколько приподнялись и, вмѣстѣ со складками на лбу, оставались неподвижными. Старикъ ожидалъ, что Аркашинъ начнетъ съ того, что будетъ просить руку Олимпиады, и онъ уже зналъ, что на это онъ будетъ отвѣчать ему.

Общій видъ Карлсбада и его окрестности. Орган. рис. В. Вольшлегера и Ф. Колярца, грав. Рау.

1) Колоннада Шпруделя. 2) Колоннада Мольбрунна. 3) Гарменшпрунгъ. 4) У Шпрудела. 5) Шлосбрунненъ. 6) Ресторанъ городского парка. 7) Кургаузъ. 8) Входной контролъ. 9) Общій видъ Карлсбада. 10) Перехъ будочной.

— Пришелъ поблагодарить васъ за вашъ воистину радушный пріемъ, и за все... за все, что я нашелъ въ вашемъ домѣ... въ вашей семьѣ... проговорилъ Аркашинъ.

Старикъ молчалъ и не двигался.

— Мнѣ, конечно, очень бы не хотѣлось уѣзжать, но я состою на службѣ, и уѣхалъ безъ отпуска, меня могутъ потребовать... Все это вынуждаетъ меня проститься съ вами и просить васъ приказать дать мнѣ лошадей до станціи.

Старикъ по прежнему глядѣлъ на него своими спокойными глазами и не двигался.

Аркашинъ замолкъ и потупился.

— Что прикажете сказать тетущкѣ? началъ онъ, подумавши.

— Лошади и все, все это въ полномъ распоряженіи Олимпіады, сказалъ старикъ,—очень жаль, что вы уѣзжаете, добавилъ онъ, помолчавъ и пошевеливъ пальцами. Зачѣмъ вамъ уѣзжать? Подайте въ отставку и живите у насъ! Говорятъ, вы честный и аккуратный человекъ; это я и самъ вижу, да и дочь моя говоритъ тоже самое. Я бы сдалъ вамъ съ рукъ на руки всѣ свои бумаги и... все хозяйство. Олимпіада—недурная хозяйка, но въ житейскихъ дѣлахъ по гражданской части... неопытна... да... неопытна, очень, очень еще неопытна. Вотъ я умру, она будетъ богата, т. е. не очень чтобъ богата, а все-таки будетъ у ней кусокъ хлѣба, и если они выйдутъ замужъ, будетъ на что воспитывать дѣтей... 300,000 ей матери еще не тронуты и лежатъ въ государственномъ банкѣ.

„Зачѣмъ онъ заговорилъ о деньгахъ? подумалъ Аркашинъ,—ну повернется ли послѣ этого языкъ, чтобы просить руку его дочери, точно не она сама, а эти 300,000 меня соблазняютъ!“

— Есть еще имѣнье на Волгѣ—4000 десятинъ осталось отъ того, что выдѣлили крестьянамъ; тутъ тоже нужны глаза... а что за глаза сдѣлаешь?.. Какъ выгоднѣе: отдать ли въ аренду, или самому обрабатывать... дѣсу тоже не мало... управляющіе—плуты... мировые посредники стоятъ за крестьянъ—никакого толку! Въ безтолковое время, всякій толковый человекъ—золото. Да много ли у насъ толковыхъ то?..

— Вотъ тетущка моя тоже толковая женщина.

— Гм! толковая... но вѣдь она женщина, развѣ она можетъ. Вотъ какъ бы вы взялись... не та бы вышла пѣсня. Вы, кажется, человекъ съ характеромъ.

— Не думаю, чтобы у меня былъ большой характеръ, сказалъ Аркашинъ,—я мнителенъ...

— Мнительны? вы? Въ чемъ же вы мнительны?

— Боюсь ошибиться... а люди съ характеромъ ничего не боятся,—тѣмъ все ничо чемъ.

Старикъ опять молча устремилъ взглядъ свой на блѣдное лицо Аркашина, и какъ бы соображалъ, какъ ему понять слово „мнительный“, и какихъ именно ошибокъ онъ боится и, какъ кажется, понять, что Аркашинъ правъ, что онъ точно мнителенъ, а, стало быть, и не рѣшителенъ.

— Гм! стало быть, если вамъ понравится дѣвушка—вы на ней не женитесь только потому, что заранѣе не будете вѣрить ей... а?

Аркашинъ догадался, о какой дѣвушкѣ идетъ рѣчь, и покраснѣлъ.

— Не ей... нѣтъ! себѣ буду не вполне вѣрить. Составлю ли я счастье этой дѣвушки или... это мнѣ не дано, не въ моихъ это силахъ...

— Гм!.. старикъ опустилъ рѣсницы, точно закрылъ глаза, и проговорилъ, какъ бы самъ про себя:

— Да кто же это знаетъ напередъ? Эдакъ и я не женился бы на матери Олимпочки; этого никто не знаетъ...

Тутъ протянулъ онъ руку и позвонилъ. Вошелъ не Федоръ, а другой, старичекъ, его камердинеръ и пестуль.

— Скажите Федору, чтобы онъ позвалъ ко мнѣ Олимпіаду Захаровну.

Аркашинъ почему то смутился и поглядѣлъ на старика; глаза ихъ встрѣтились.

Олимпіада танцевала и не могла скоро явиться.

Старикъ молчалъ, Аркашинъ не зналъ, что ему говорить.

Вошла Олимпіада въ бальномъ платьѣ, декольте, цвѣтушая и вся благоухающая красотой и молодостью. Полуобнаженные руки и плечи какъ мраморъ сіяли и дышали какой то античной силой, тогда какъ брови, глаза и рѣсницы папоминали ночь, востокъ, жаркое солнце и жаркія страсти

И она, увидавши Аркашина, приостановилась, поглядѣла на него, подошла къ отцу и... какъ бы слегка поблѣднѣла.

— Что тебѣ, папа?

— Можешь ли ты распорядиться на счетъ лошадей. Валентинъ Петровичъ хочетъ завтра отъ насъ уѣхать

— Когда? завтра!

— Въ которомъ часу вы хотите уѣхать? обратился старикъ къ Аркашину.

— Если можно, съ самымъ раннимъ поѣздомъ, такъ какъ я увѣренъ—тетущка пришлетъ за мной. Въ этотъ день я всегда у ней обѣдаю, а на другой день служба—дѣла не ждутъ.

— Есть поѣздъ и въ 6 часовъ 20 минутъ утра и въ 12 и въ 7 часовъ вечера, сказала Олимпіада спокойнымъ и твердымъ голосомъ.

Блѣдная дѣвушка! въ эту минуту всякій, кто взглянулъ бы ей въ душу, невольно бы пожалѣлъ о ней. Она шла къ отцу въ увѣренности, что этотъ, такъ полюбившейся ей, молодой человекъ наконецъ осмѣлился таки просить у отца руки ея. Она думала, что въ этотъ вечеръ участь ея будетъ рѣшена; но вышла отъ отца и пошла къ гостямъ, искусно маскируя свое горе и свои колебанья между надеждой и отчаяніемъ.

Аркашинъ рѣшилъ, что всего лучше ѣхать въ 6 часовъ утра, чтобы никого не беспокоить и уѣхать ни съ кѣмъ не прощаясь. Проститься же съ Олимпіадой одной онъ думалъ съ вечера, чтобы всю ночь остаться съ самимъ собой и постараться унять волненіе души своей. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ. Случай на всю жизнь себя обезпечить—былъ однимъ изъ тѣхъ, которые въ жизни человека едва ли два раза повторяются. Вернувшись въ ярко освѣщенный залъ, гдѣ играли мужчины и шевелились парадные гости, онъ думалъ, что, вернувшись въ Петербургъ, онъ тотчасъ же отправится къ тетущкѣ и скажетъ ей: „сватайте!“ И всякій разъ, когда глядѣлъ онъ разгорѣвшимися глазами на Олимпіаду, онъ повторялъ самому себѣ: „поѣду къ тетущкѣ и скажу ей: тетущка! сватайте, или я съ ума сойду!“

Оттого-ли, что Олимпіада весь вечеръ была холодна къ нему, не подходила къ нему и не заговаривала, отвѣчала на слова его какъ-то разсѣянно, словно думала о другомъ, Аркашинъ никогда еще не былъ такъ влюбленъ въ нее, какъ въ этотъ послѣдній вечеръ.

Ровно въ 12 часовъ музыканты-скрипачи заиграли тушь. Одинъ изъ гостей тотчасъ же сѣлъ за рояль съ приподнятой крышкой и такъ усердно, такъ торжественно ударилъ по клавишамъ, что одна струна лопнула. Лакеи въ парадной формѣ внесли серебряные подносы, уставленные бокалами съ шампанскимъ, а въ дверяхъ появился самъ хозяинъ, въ старомъ широкомъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, отчего лицо его казалось еще темнѣе, суровѣе и грустнѣе... Онъ тоже взялъ бокаль. Всѣ подошли къ нему чокаться; Олимпіада, подходя къ нему, дрогнула: ей показалось, что отецъ ея вотъ-вотъ сію минуту раскроетъ ротъ и скажетъ: „дочь моя, Олимпіада, помолвлена за Валентина Петровича Аркашина, а потому выпьемъ за здоровье жениха и невѣсты!“

Но отецъ, не говоря ни слова, даже не взглянувъ на нее, чокнулся и поцѣловаль ее.

— Добраго пути на Новый годъ! сказала она, подходя къ Аркашину.

— Съ Новымъ годомъ — съ новымъ счастьемъ! Дай Богъ вамъ всего того, что вы желаете.

Олимпія хотѣла на это сказать: „отъ васъ зависитъ чтобы одно изъ самыхъ лучшихъ моихъ желаній было исполнено!“ но она промолчала, только вздохнула, подала ему руку, и когда онъ пожалъ ее, — отвернулась.

„Боже мой! подумаль Аркашинъ та-ли это Олимпіада, которая была вчера въ шерстяномъ платкѣ, на морозѣ, та-ли, которая называла меня суженымъ, та-ли, которую я невольно поцѣловаль въ голову, когда она чуть не обняла меня? Ничего, ничего, ничего похотѣла! Вчера она была прелесть, сегодня — роскошь и божество!“

XXXVI.

Аркашинъ послѣ ужина не успѣлъ проститься съ Олимпіадой; она какъ бы ступевалась, — не то ушла къ отцу, не то въ свою комнату.

Поздно онъ — не заснулъ, а забылся на своей постели, съ такими мягкими матрасами на пружинахъ, съ такими мягкими большими подушками и подъ чужимъ сдѣломъ. Въ 5-мъ часу уже Федоръ постучался къ нему въ дверь и принесъ ему сапоги, потомъ принесъ ему чай, потомъ помогъ ему одѣться и сказалъ, что лошади готовы. „Въ часъ дождете, сказалъ Федоръ и спросилъ: скоро-ли, сударь, оиать?..“

— Скоро, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ вы ожидаете.

— Дай Богъ, дай Богъ, сударь! Радъ буду и вамъ послужить.

Въ три четверти пятого Аркашинъ былъ уже въ передней, уже надѣваль теплые сапоги и свою старую медвѣжью шубу, крытую темно-сѣрымъ сукномъ съ мѣховыми лацканами на рукавахъ.

— Подали, сударь! сказалъ Федоръ, держа въ рукахъ небольшой фонарь, такъ какъ въ передней лампы были въ 4 часа потушены или сами догорѣли и погасли: пахло керосиномъ и гарью.

Вдругъ отворилась дверь, и въ переднюю вошла Олимпіада. она была вся съ головы закутана въ бѣлый съ полосами алжирскій плащъ или бедуинку; снизу видѣлась коротенькая юбка не то темная, но то красная; лучше сказать, ничего не видѣлось, такъ какъ Аркашинъ ничего не видѣлъ кромѣ лица ея, блѣднаго и какъ бы глубоко оскорбленнаго

— Вы и проститься со мной не хотите! сказала она голосомъ, въ которомъ дрожали слезы

Онъ губами горячо припаль къ холодной какъ ледъ рукѣ ея и проговорилъ:

— Говорятъ, не надо прощаться для того, чтобы скорѣе увидаться.

— А если мы никогда не увидимся?

— Значить, такъ будетъ угодно Богу. Вы знаете, что я вѣрю въ Бога и въ его святую волю.

— И такъ, до свиданья! проговорила она и стиснула его руку какъ бы стараясь удержать его.

— До свиданья, Олимпіада...

— Не опоздайте! оборвала она его, выпустивъ его руку, и когда онъ уходилъ на крыльцо, хотѣла было идти за нимъ, но остановилась, подошла къ окну и, протеревъ платкомъ отпотѣвшее стекло, стала смотрѣть, какъ усаживается Аркашинъ, запряженъ ли возокъ — какъ она распорядилась, и горятъ ли фонари у козелъ.

— Ну, Богъ съ тобой! проговорила она, когда возокъ съ фонарями двинулся и ушелъ отъ крыльца, шурша своими полозьями.

„Еслибы онъ былъ корыстолюбивъ, онъ бы такъ не уѣхаль, еслибы и не любилъ меня!“ думала она, въ темнотѣ пробираясь въ свою комнату

XXXVII.

„Если я опоздаю и поѣздъ уѣдетъ раньше, думаль Аркашинъ, сидя въ возкѣ и закуривая папироску, — если я опоздаю, значить, такова судьба — я вернусь и сдѣлаю предложенье.“

Все время ныла душа его, все время болѣло сердце. Онъ видѣлъ, какъ онъ любимъ, и какъ, не смотря на всю свою гордость, Олимпіада не вытерпѣла и выказала ему всю свою преданность; быть можетъ, не спала всю ночь, чтобы успѣть проститься и проводить его.

Четверка лошадей быстро несла его по снѣжной дорогѣ, и онъ прѣхаль на станцію за четверть часа до прихода поѣзда.

Два рубля онъ далъ кучеру на водку, взялъ свой чемоданчикъ, свой пледъ и вышелъ на платформу. Ясный мѣсяцъ свѣтилъ по вчерашнему. Но... какимъ прозаическимъ казался онъ при свѣтѣ станціонныхъ фонарей и освѣщенныхъ знаковъ!

Черезъ полчаса, онъ уже сидѣлъ въ вагонѣ, у него разболѣлась голова и онъ чувствовалъ холодъ, побирающийся по спинѣ, не смотря на горячую, желѣзную печь, противъ которой пришлось сидѣть ему. И чѣмъ дальше онъ ѣхаль, тѣмъ все больше и больше его пребыванье въ усадьбѣ у Варшавиныхъ казалось ему пестрымъ сномъ, чѣмъ-то невѣроятнымъ и фантастическимъ. Самый образъ Олимпіады представлялся ему такимъ, какъ будто онъ гдѣ-то, въ какомъ-то геніальномъ романѣ, читаль его описаніе, и это описаніе врѣзалось въ его памяти. При мысли же о женитбѣ, какъ бы сквозь сонъ представлялось ему, что молодая жена его въ морозную ночь въ спальной отворяетъ форточку и говорить ему: „мнѣ душно! мнѣ съ тобой недостаетъ свѣжаго воздуха!“ или такъ говорить ему: „мнѣ еще хочется спать, пойдѣ и закажи за меня обѣдъ; будутъ гости, и поваръ въ буфетѣ ждетъ тебя!“ или она говорить ему: „ахъ, какой ты! зятя грубятъ тебѣ, а ты ни слова! они меня боялись, а тебя — нисколько! пожалейста, не будь такимъ добрякомъ!..“ Словомъ, и сердце, и умъ, и воображенье Аркашина были сильно встревожены, и страшные сны стали сниться ему, когда онъ заснулъ за два часа до прибытія своего въ Петербургъ.

XXXVIII.

Взобравшись къ себѣ на верхъ, гдѣ ожидало Аркашина давно ему привычное гнѣздо, гдѣ такъ много тихихъ и безмятежныхъ, зимнихъ и лѣтнихъ дней за работой и за книгами провелъ онъ, — онъ почувствовалъ, что какое-то бремя свалилось съ плечъ его, что онъ дома, у себя, самъ себѣ господинъ... и съ неопостижимой жгучестью, мысль о Марьѣ Ильинишнѣ — здорова-ли она, ждала-ли, или забыла о его существованіи, — пришла ему въ большую голову. Сердце жалось, точно сильно чего-то струсило, и когда Варвара сняла съ него шубу и сказала: „Экъ вы пропали! думали, что и не вернетесь!“ — ему представилось, что онъ давно, очень давно не былъ уже въ этомъ корридорѣ и не видалъ своей двери. Видно на долгое время хватило бы тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ пережилъ съ 24-го декабря по 1-е января.

— Топили-ли вы печку? А? спросилъ Аркашинъ и, узнавши, что топили, вошелъ въ свой номеръ: оглядѣлъ, все ли на своемъ мѣстѣ (ключъ отъ его комнаты оставался у хозяйна), велѣлъ подать самоваръ, потянулся, прошелся изъ угла въ уголь, прилежъ, и когда внесли самоваръ, спросилъ:

— Ну, что, какъ здоровье Марьи Ильинишны?

— Онѣ-съ переѣзжаютъ — переѣзжать хотять, сказала Варвара.

— Зачѣмъ? удивился Аркашинъ, приподнимая голову.

— А почему я знаю? видно лучше нашли себѣ квартиру

— Когда же она переѣзжаетъ?

— Да должно быть сегодня.

Аркашинъ опять на задокъ дивана опустилъ затылокъ свой и закрылъ глаза... Самоваръ долго кипѣлъ, а онъ все еще не заваривалъ чая. Что-то тамъ, въ самой глубинѣ души его гнѣздилося и его мучило.

Вдругъ онъ вскочилъ и пошелъ въ номеръ къ Марьѣ Ильинишнѣ.

— Марья Ильинишна!

— Ахъ!.. вы... Она опустила руки, и узелъ, который она завязывала, накренился и мягко повалился со стула на полъ.—Вы пріѣхали!

— Зачѣмъ вы хотите съѣзжать? Вы съѣзжаете?

Марья Ильинишна оторопѣла; поглядѣла на него, на стѣны, на комодъ, и отвѣчала задыхающимся голо-сомъ:

— Переѣзжаю.

— Что это вамъ вздумалось?

— А что?..

— Да было бы лучше, еслибы вы остались.

— Лучше? усумнилась она.

— Разумѣется лучше, милая Марья Ильинишна!

— Да почему же лучше?

Аркашинъ не зналъ, что ему отвѣчать, и спросилъ:

— Пили вы чай?

— Давно пила.

— А еще не хотите? Пойдемте ко мнѣ! я хочу съ дороги выпить чаю, мнѣ нездоровится.

— Да, у васъ лицо нехорошее... Пойдемте!

И она послушно пошла съ нимъ рядомъ въ его комнату.

— Да вы чай-то еще и не заваривали?

— Неужели? Ахъ, извините, пожалуйста! Вотъ что значить—голова болитъ.

— Съ похмѣлья?

— Ужъ точно, что съ похмѣлья. Вы представить себѣ не можете!.. Чуть было не женился!..

— Вотъ и новый пледъ у васъ... Зачѣмъ же дѣло стало?

— Да такъ... ну, да объ этомъ когда нибудь въ другое время... Дайте поцѣловать вашу ручку!.. Скажите по совѣсти, вы меня не ждали?

— Вы писали мнѣ, что пріѣдете на 4-й день праздника...

— А что прикажете дѣлать? никакъ не могъ.

— На четвертый день я васъ ждала, а потомъ думала, что вы еще не скоро пріѣдете...

— И не ждали?..

— Тутъ кто-то присылалъ спросить, вернулись-ли вы?

— Кто... кто присылалъ? встрепнулся Аркашинъ. Онъ уже вообразилъ себѣ, что за нимъ прислало начальство, но допросивши Варвару, которая принесла ему булки, догадался, что присылала тетюшка, и нѣсколько успокоился.

XXXIX.

На другой день Аркашинъ почувствовалъ небольшой лихорадочный жаръ и рѣшился куда-то не выходить изъ комнаты. На третій день жаръ усилился, и Марья Ильинишна, не спросивъ его, привезла ему доктора.

Около недѣли прохворалъ Аркашинъ. Сильнѣйшая простуда, которая къ счастью перешла въ гриппъ, и окончилась кашлемъ и насморкомъ. Все это время Марья Ильинишна была при немъ, какъ сестра милосердія: напоминала ему, когда принимать хининъ, поила его на ночь горячей малиной, укрывала его, закутывала на ночь, иногда читала ему что нибудь, пока онъ засыпалъ.

Разъ онъ спросилъ ее:

— Марья Ильинишна! отчего же вы не переѣзжаете?

— Отчего? — еще успѣю. А развѣ вамъ очень хочется, чтобы я переѣхала?

— Да вѣдь эдакъ, чего добраго, я такъ привыкну

къ вамъ, что... и разстаться съ вами будетъ больно.

— Неужели?

— Да ужъ такъ...

Долго, должно быть очень долго поджидала его къ себѣ тетюшка; наконецъ не вытерпѣла и велѣла сказать ему, что она сама навѣститъ его.

И вотъ, въ одно прекрасное, воскресное утро она вошла къ нему, пожаловалась и на высокую лѣстницу, и на то, что онъ такъ дурно ведетъ себя; пріѣхалъ женихомъ и болѣетъ.

Онъ рассказалъ ей, какъ онъ проводилъ время у Варшавинныхъ, какъ ему понравился чудной старикъ, какая красавица—Олимпиада—такая красавица, какой онъ съ роду не видывалъ—какъ онъ чуть было въ нее не влюбился, и на ее вопросъ, что же онъ? рѣшается ли быть счастливѣйшимъ изъ счастливыхъ? и если „да“, то писать-ли ей самой Олимпиадѣ, или къ отцу ея, что онъ проситъ руки ея?

— Нѣтъ еще, не пишите! повремените немного, дайте еще собраться съ силами, дайте опомниться! я еще подумаю. Лучше подумайте—не правда-ли, тетюшка?

— Ой, куй желѣзо, пока горячо!

— Ну, а если оно скоро остынетъ, тѣмъ лучше!

— Какъ лучше?

— Значить, не судьба.

— Да вѣдь отъ тебя же зависить.

— Дайте подумать! Такъ и напишите, что я очень, очень за все благодаренъ, что я боленъ... Гм!.. докторъ увѣренъ, что я недалеко былъ отъ воспаления въ легкихъ.

— Ну, братъ, мало-ли что доктора говорятъ!

— Ну, и напишите, что я, можетъ быть, и посватался бы тотчасъ-же, еслибы она была бѣдная дѣвушка.

— Что ты, съ ума сошелъ?

— Такъ и напишите! настойчиво и упрямо повторилъ Аркашинъ.

— Такъ ты—подумаешь?

— Подумаю.

Съ тѣмъ и уѣхала тетюшка, сильно раздосадованная на своего племянника.

Прошло три или четыре мѣсяца. Аркашинъ получилъ мѣсто столоначальника, и жалованье его на треть увеличилось. Жениться на Марьѣ Ильинишнѣ онъ почелъ за священный долгъ, такъ какъ въ эти мѣсяцы, по какому-то непреодолимому къ ней влеченію, онъ на столько близко сошелся съ ней, что не могъ, какъ честный и благородный человѣкъ, поступить иначе.

На этотъ разъ у почтеннаго Валентина Петровича и вопроса не было о томъ, можетъ ли онъ составить счастье жены своей, — нашелся и характеръ не испугаться предстоящей бѣдности.

— Моя нога никогда у тебя не будетъ! встрѣтившись съ нимъ въ гостиномъ дворѣ, сказала ему его тетюшка: и наслѣдства тебѣ не оставлю! дуракомъ родился, и умирай дуракомъ!

— Ну, говорите! говорите! улыбаясь возразилъ ей Аркашинъ: еще и крестить дѣтей у меня будете!

— Никогда!

— Будете, непременно будете!

Добавлю рассказъ мой слѣдующимъ. Незадолго до свадьбы тетюшка прислала къ Валентину Петровичу письмо къ ней Олимпиады слѣдующаго содержания: „Не знаю, вынесетъ-ли мое желѣзное здоровье то, что я переносу. Я писала и къ вашему племяннику, но или письмо пропало на почтѣ (дай Богъ чтобъ оно пропало!), или онъ получилъ его и не рѣшился отвѣчать, потому что отвѣчать ему нечего. Вѣдь меня дразнятъ, что тотъ, кому я отдала явное передъ всѣми предпочтеніе, отъ меня отвернулся, забраковалъ

У она. Карт. проф Загорскаго. грав. Рачекъ.

меня. Отец тоже пасмуренъ, хотъ и не говоритъ ни слова. Равнодушіе того, котораго онъ тоже полюбилъ, не можетъ глубоко не огорчать его, тѣмъ паче, что ему кажется, будто лучше меня и на свѣтѣ нѣтъ. И напрасно Вы меня утѣшаете! Попала въ душу заноза, и ее не скоро извлечешь, и не выйдетъ она сама, пока не загноится. Зачѣмъ Вы присылали его къ намъ, если сердце его уже было занято? Но что сдѣлано, то сдѣлано! Вы желали мнѣ добра, и я благодарю Васъ! Кланяйтесь *ему* и прощайте!”

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Аркашинъ счастливъ въ своей семейной жизни, т. е. искренне привязанъ къ женѣ и къ дѣтямъ, и они его любятъ. Но медленно подвигается его служба, и часто онъ бдѣствуетъ, беретъ непосильную работу, чтобы свести концы съ концами, и перѣдко болѣетъ.

Но та рана, которую невольно нанеся онъ сердцу

Ночной разговоръ.

Историческій разсказъ Э. Унфельда.

Ясное солнечное весеннее утро 1707 года. По широкой равнинѣ между Мерзебургомъ и Лейпцигомъ, гдѣ происходила Люденская битва, быстро ѣхалъ всадникъ къ деревнѣмъ Альтрашпедтѣ. На этой мѣстности, едва до того знакомой и въ ближайшихъ окрестностяхъ, сосредоточивалось теперь вниманіе всей Европы. Осенью 1706 года, шведскій король Карлъ XII, послѣ войнъ въ Россіи и Польшѣ, пріѣхалъ вдругъ жить именно въ Альтрашпедтѣ, и всѣ съ напряженнымъ интересомъ ожидали дальнѣйшихъ дѣйствій грознаго героя. Не проходило недѣли чтобы здѣсь не появился какой нибудь иностранный посолъ, и только что прибылъ посолъ англійской королевы Анны, знаменитый герцогъ Мальборо, и былъ тотчасъ-же принятъ Карломъ XII. „Что бы это значило?“

Однако нашего всадника занимали не дипломатическія загадки, но нѣчто совсѣмъ другое, хотя бывшее также въ связи съ военнымъ положеніемъ. Молодецъ былъ уже вотъ нѣсколько лѣтъ гайно обрученъ съ хорошенькой Варварой, дочерью Ферхенбаха, содержателя гостиницы и питейнаго дома въ Альтрашпедтѣ. Отецъ Варвары не только не противился браку, онъ зналъ Бурггарда за честнаго и дѣльнаго человѣка, и даже не разъ намеками изъявлялъ согласіе на ихъ бракъ, съ условіемъ, чтобъ Бурггардъ предварительно пріобрѣлъ обезпеченное положеніе. Молодой человѣкъ ревностно стремился къ этому, посвятивъ себя горному дѣлу, къ которому чувствовалъ особое влеченіе, и быстро пошелъ впередъ. Онъ уже былъ „шихтмейстеромъ“ въ Мансфельдскихъ рудникахъ, по награда за неусынный трудъ, рука любимой дѣвушки, вдругъ словно почему то отстранялась отъ него. Вотъ уже болѣе года онъ не получалъ никакихъ извѣстій отъ Ферхенбаха, а въ письмахъ Варвары были признаки сильнаго душевнаго страданія, которое бѣдная дѣвушка какъ бы старалась скрыть. Не сватаеть-ли ее кто изъ шведскихъ офицеровъ, квартировавшихъ въ Альтрашпедтѣ, и Ферхенбахъ не надѣялся-ли на болѣе выгодную партію? По цѣлымъ недѣлямъ его мучили такая мысли и душевное состояніе его стало наконецъ невыносимо; онъ взялъ отпускъ и уѣхалъ самъ узнать, что тутъ дѣлается.

Мучительное безпокойство овладало имъ и сердце билось сильнѣе по мѣрѣ приближенія къ цѣли.

Онъ уже подъѣзжалъ къ деревенскимъ садамъ, какъ вдругъ увидѣлъ идущаго на встрѣчу стараго пріятеля и остановилъ лошадей.

— Павель! радостно воскликнулъ шихтмейстеръ. Слава Богу, наконецъ-то знакомое лицо! Ну, говори, какъ поживаешь? Что подъѣзжаешь? Онъ слѣзъ съ лошади и протянулъ пріятелю руку.

— Наконецъ-то ты опять явился! отвѣтилъ тотъ, видимо тоже обрадованный. — Я за послѣднее время часто вспоминалъ о тебѣ, и, еслибъ не приходилось сидѣть дома по случаю военнаго времени, давно прѣхался-бы въ Мансфельдъ, чтобъ...

— Ты имѣешь сообщить мнѣ что нибудь важное? пылливо спросилъ Бурггардъ.

— Ну да, не знаю, какъ ты... отвѣтилъ нерѣшительно Павель.

— Что я? повторилъ удивленно Бурггардъ. — Я ничуть не измѣнился и наши отношенія также, надѣюсь; такъ говори прямо.

— Ну, я такъ и думалъ, что ты еще ничего не знаешь, возразилъ Павель. — Такъ однимъ словомъ — Ферхенбахъ подлець. Я ему это сказалъ прямо въ глаза въ прошлое воскресенье.

— Не мучь меня, Павель! воскликнулъ Бурггардъ. — Что такое?

— Да, подлець! повторилъ Павель, постепенно раздражаясь. Шведскій король здѣсь вотъ ужъ около года, такъ представь

полюбившей его дѣвушки, до сихъ поръ иногда глухой болью отзывается въ душѣ его. Онъ поступилъ честно, не насилуя своей природы и не погнавшись за деньгами, но все-же—утраченное—дразнило его, во дни его неудачъ — подѣ бременемъ труда и заботъ. Успѣхъ цѣнять всѣ, честность—весьма немногіе.

Олимпіада, говорятъ, вышла замужъ за сосѣда князя Плонскаго. Черезъ два года послѣ смерти отца, бросила мужа и уѣхала отъ него на Волгу въ степь—хозяничать, стрѣлять волковъ и медвѣдей, говорятъ, будто бы каждый день выпивала она по двѣ рюмки вина—любила наливки и сводила съ ума холостыхъ сосѣдей, такъ какъ не скоро увяла красота ее.

Была-ли она счастлива, Богъ ее знаетъ: она не любила говорить о себѣ; но дѣлала много такого добра, какого не дѣлаютъ эгоисты, вполне земной жизнью удовлетворенные, вполне счастливые.

К О Н Е Ц Ъ.

себѣ, что у насъ творится: день и ночь чистая ярмарка, изъ Англій, Франціи, Италіи и другихъ странъ съѣзжаются знатные вельможи, шведскіе офицеры безпрестанно путаются вездѣ и впередъ—все это, разумѣется, Ферхенбаху на руку. Онъ уже нанялъ шесть молодцовъ и двухъ дворниковъ, да и эти едва справляются; одной пивной стало давно уже мало, онъ для солдатъ, конюховъ и крестьянъ пристроилъ балаганъ, а чистая комната оставлена для знатныхъ господъ и офицеровъ. Попритно, карманы его славно набиваются рейхсталерами; онъ вручаетъ ежедневно цѣлые мѣшки денегъ и разъ въ недѣлю отвѣзистъ полную пикатулку въ Лейпцигскій банкъ. Это бы все хорошо, еслибъ онъ остался по прежнему простымъ, добрымъ мальчкомъ; бѣда въ томъ, что онъ зазнался и перемѣнилъ намѣренія на счетъ дочери.

— А она? спросилъ Бурггардъ, сильно взволнованный.

— Да я старался разузнать, да ее нигдѣ не увидишь, она цѣлый день въ кухнѣ или кладовой, мнѣ даже кажется, что она парочно скрывается.

— Павель! радостно воскликнулъ Бурггардъ,—она мнѣ вѣрна! я это чувствую, я долженъ видѣться съ ней, убѣдиться, что сердце меня не обманываетъ. Спасибо тебѣ, спасибо!

Вслѣдъ затѣмъ онъ вскочилъ на лошадь и поскакалъ къ селу. Здѣсь все было въ необыкновенномъ движеніи: вездѣ сидѣли или стояли группы солдатъ, передъ пивной была непроходимая толпа; путникъ направилъ лошадь во дворъ своего старика-родственника, оставилъ ее тамъ, а самъ снова вышелъ на улицу, чтобы пройти въ гостиницу поговорить съ Варварой. Но тщетно ждалъ онъ и уже думалъ нельзя ли устроить свиданье въ домѣ родственника, какъ вдругъ увидѣлъ Варвару; она вышла изъ задней двери гостиницы и быстро прошла черезъ дворъ въ большой амбаръ. Онъ чуть не вскрикнулъ отъ радости, чего-же для него лучшаго? Онъ быстро подошелъ къ задней стѣнѣ амбара, который еще помнилъ съ дѣтства, постучалъ въ дверь, выходящую прямо въ поле, и услышалъ знакомый звонкій голосъ:

— Что это; кто стучитъ?

— Варвара, это я! тихо отвѣтилъ Бурггардъ.

Послышался сдержанный крикъ, засовы заскрипѣли, и Варвара, рыдая, бросилась въ объятія Бурггарда.

— Дорогая моя, говорилъ онъ, покрывая ее поцѣлуями,—я зналъ, что ты не измѣнила мнѣ.

— Никогда, никогда! возразила та, утирая слезы. — Ахъ, Бурггардъ, сколько ужъ я перестрадала благодаря нашей любви! Мы теперь разбогатѣли и отецъ хочетъ отдать меня за богатаго; прѣзжали ужъ изъ Лейпцига молодые люди, которые желали познакомиться со мной, посвататься.

— Не надо падать духомъ — терпи и жди, утѣшалъ ее Бурггардъ. Вѣдь ничего еще не потеряно!

— Отецъ съ каждымъ днемъ все настойчивѣе. Онъ ужасно сердится, что я прячусь отъ знатныхъ людей, и вчера даже пригрозилъ мнѣ, что если еще разъ повторится такое глупое доведеніе, онъ со мной справится. Я ужъ боюсь этой ужасной минуты.

— Ты пожалуй, чего добраго, заболѣешь отъ страха и душевной муки! замѣтилъ Бурггардъ, — и мы должны сразу покончить. Я сейчасъ иду къ твоему отцу и потребую немедленнаго исполненія даннаго мнѣ обѣщанія. Богатства его мнѣ не надо, моя любовь касается тебя одной.

— Я ужасно боюсь! сказала дѣвушка, — хотя знаю, что это неизбежно. Я не могу жить безъ тебя, въ тебѣ одномъ все мое счастье.

Бурггардъ еще разъ крѣпко обнялъ любимую дѣвушку и по-

спѣшно удалась; Варвара возвратилась въ амбаръ, заперла дверь и рыдала опустившись молясь на колѣни, а тотъ между тѣмъ обошелъ дворъ, вошелъ въ широко растворенную дверь дома и вскорѣ стоялъ передъ хозяиномъ, который смотрѣлъ на него съ изумленіемъ и смущенно отвѣтилъ на поклонъ.

— Я бы желалъ поговорить съ вами, сказалъ Бурггардъ, — вы, вѣроятно, догадываетесь о чемъ.

Старикъ, уже усиливший придти въ себя, отвѣтилъ дѣловымъ тономъ:

— Конечно, конечно, сейчасъ къ вашимъ услугамъ. Пройдите въ мою комнату.

Бурггардъ пошелъ, вскорѣ явился и хозяинъ и, съ видомъ занятого человѣка, сталъ передъ Бурггардомъ, повидимому твердо рѣшившись настоять на своемъ.

— Я догадываюсь, что васъ сюда привело, сказалъ онъ, — и очень радъ, что мы наконецъ объяснимся. Въ каждомъ дѣлѣ главное — ясность. Теперь къ дѣлу, милѣйшій Бурггардъ, времена перемѣнились, обстоятельства также!

— Но честное слово всегда остается честнымъ словомъ, перебилъ его Бурггардъ.

— Не будемъ объ этомъ напрасно спорить, замѣтилъ Ферхенбахъ. — Словомъ, я кое что приобрѣлъ и имѣю нынѣ планы насчетъ будущности дочери, за что, конечно, меня никто не обвинитъ. Теперь я могу за ней дать кое что, могу и требовать отъ зятя большаго, — это ясно и для васъ нисколько не оскорбительно.

— Ваши слова были-бы справедливы, еслибъ дѣло касалось только личнаго интереса, но здѣсь вопросъ о сердечномъ влеченіи людей, котораго нельзя купить ни за какія деньги. Отпымая у меня вашу дочь, вы ее сдѣлаете на вѣки несчастной.

— О! пустяки, пустяки! Она со временемъ станетъ благообразнѣе и утѣшится. Ну, а теперь, чтобъ вы дѣвчкѣ не вскружили голову, прошу васъ оставить мой домъ и не входить въ него.

Бурггардъ отступилъ назадъ.

— Вы выгоняете меня изъ дому? съ отчаяніемъ восклицалъ онъ.

— Я дѣлаю что считаю нужнымъ для счастья дочери, вотъ и все. Съ этими словами хозяинъ отвернулся и Бурггардъ видѣлъ, что далѣе говорить нечего.

— Хорошо-же! сказалъ онъ глухимъ голосомъ, едва сдерживаясь, — я уйду но ты отвѣтишь за разбитое счастье твоей дочери и мое также.

Онъ не могъ болѣе говорить, голосъ измѣнялъ ему, онъ быстро повернулся и вышелъ. Возвратившись къ своему родственнику, онъ спѣшно осѣдлалъ лошадь, и ни съ кѣмъ не простившись, усккалъ изъ деревни во избѣжаніе всякихъ тягостныхъ объясненій.

Онъ мчался безъ оглядки, не замѣчая кругомъ ничего, но вдругъ размысленія его были прерваны. Лошадь его вдругъ встала на дыбы, его окружило огненное море, затѣмъ опять стемнѣло и раздался оглушительный трескъ. Лошадь его такъ рѣзко кидалась въ стороны, что онъ ухватился за гриву, чтобы не упасть; наконецъ, еще ничего не понимая, онъ бросилъ поводья и пустился вскачь. Мало по малу онъ сталъ приходить въ себя и увидѣлъ, что поналъ подъ сильную грозу; тучи спускались чуть не до земли, молніи сверкали, сопровождаемыя непрерывными раскатами грома, и дождь лилъ какъ изъ ведра; вѣроятная молнія упала недалеко отъ него, разбивъ какое нибудь дерево.

Онъ тяжело вздохнулъ и хотѣлъ остановить лошадь, но испуганное животное еще мчалось, пока силы не истощились, и едва умѣрило ходъ.

Бурггардъ старался успокоить коня лаской и голосомъ и оглядѣлъ мѣстность, но узнать ее было трудно; черныя тучи застилали небо, дождь лилъ еще сильнѣе, онъ видѣлъ на разстояніи трехъ или четырехъ сотъ шаговъ только поле и кустарникъ и поѣхалъ наугадъ къ западу, предполагая такимъ образомъ попасть въ Мерзебургъ, его первую станцію. Проѣхавъ нѣкоторое время, онъ все еще не узнавалъ мѣстности, покрытой болотами и лѣсомъ, и недоумѣвалъ, какъ это онъ сбился съ дороги?

День клонился къ вечеру, онъ счелъ неблагоприятнымъ заѣзжать въ лѣсъ и держался у опушки, надѣясь скорѣе выѣхать на дорогу. Проѣхавъ немного и завернувъ за широкой кустъ олешиника, онъ очутился на большой дорогѣ противъ какой-то гостиницы. Не успѣлъ онъ подѣхать къ дверямъ, какъ вышелъ хозяинъ и поклонился ему съ видимымъ удивленіемъ.

— Да, да, вы въ правѣ удивляться! сказалъ Бурггардъ, отвѣчая на поклонъ, — человекъ подѣзжаетъ напрямикомъ полемъ, по такой погодѣ. Скажите, гдѣ я теперь, и куда ведетъ эта дорога?

— Это дорога изъ Альтенбурга въ Лейпцигъ.

— А далеко отъ Лейпцига?

— Добрыхъ четыре часа.

— А какъ далеко отъ Мерзебурга?

— Да куда дорога трудная, возразилъ хозяинъ. По разстоянію то тоже не болѣе четырехъ часовъ ѣзды, только не по большой дорогѣ.

— Ахъ, чортъ возьми! меня застигла гроза, и я взялъ, зна-

чить, слишкомъ вправо. Остается переночевать у васъ, ужъ въ Мерзебургъ сегодня не поспѣть, да и конь совсѣмъ измучился.

Хозяинъ смущенно вертѣлъ въ рукахъ свою мохнатую шапку.

— Къ сожалѣнію, сказалъ онъ, не могу васъ принять: комнаты для прѣѣзжихъ заняты.

— Вѣроятно у васъ найдется еще мѣстечко и для меня, мнѣ только уснуть, все равно гдѣ.

— Я бы вамъ совѣтовалъ доѣхать до слѣдующаго села, въ полтора часахъ ѣзды отсюда.

— Да я тогда еще болѣе отдалюсь отъ Мерзебурга, замѣтилъ Бурггардъ, — да и я промокъ до костей, страшно усталъ. Какъ хотите, а найдите мнѣ мѣстечко!

Онъ слѣзъ съ лошади и бросилъ хозяину поводья.

— Да право же нельзя! бормоталъ хозяинъ краснѣя, въ сильномъ замѣшательствѣ. У меня ночуютъ нѣсколько господъ, и не могу ихъ сдѣлать.

— Успокойте ихъ, возразилъ Бурггардъ, — я имъ мѣшать не буду; только на кухнѣ посушу платье, а тамъ, пожалуй, пойду и на сѣноваль. Я такъ усталъ, что звездъ засну.

— Ладно, согласился наконецъ хозяинъ, передалъ лошадь подошедшему конюху и провелъ Бурггарда прямо въ кухню.

Онъ помогъ ему снять и развѣсить мокрое платье, хозяйка между тѣмъ накрыла ужинать.

— Я васъ положу въ маленькой комнаткѣ за гостиной, сказалъ хозяинъ, подходя къ Бурггарду, — только дайте мнѣ слово не шумѣть — комнатка отдѣлена отъ большой только перегородкой. У меня квартиранты какіе то особенные, запераются, запавѣшиваютъ окна и не допускаютъ никого. Я имъ скажу, что съ вами случилось, и что я васъ положилъ на сѣноваль; они вѣроятно дозвоятъ васъ пріютить.

— Да кто же они такіе, спросилъ Бурггардъ, что вы съ ними такъ церемонитесь?

Хозяинъ пожалъ плечами.

— Я самъ не знаю. Хотѣлъ полюбопытствовать, да они запретили и спрашивать, такъ я и не настаиваю. Платья хороши, а мнѣ все равно!

— Часто они бываютъ?

— Ужъ разъ шесть были.

— Вы понятія не имѣете, что они дѣлаютъ?

— Ни малѣйшаго!

— Ну, такъ не стойте и головы ломать, заключилъ Бурггардъ и легъ на скамью у стѣны.

Хозяинъ кивнулъ головой въ знакъ согласія. Хозяйка подала простой ужинъ, но Бурггардъ ѣлъ мало, не смотря на продолжительную ѣзду, и просилъ провести его въ комнату; здѣсь была приготовлена чистая постель, но ему спать не хотѣлось, — хотѣлось только остаться одному. Мысль о Варварѣ не покидала его, — онъ слышалъ ея голосъ, видѣлъ ея милые глаза; наконецъ сѣлъ къ столу и опустилъ на руки горячую голову.

— Зачѣмъ молнія, упавшая такъ близко, не убилла меня, думалъ онъ, — страданія прекратились бы, она со временемъ была бы меня.

Цѣлый рядъ печальныхъ картинъ носился передъ нимъ. Вдругъ онъ испуганно вскопчилъ, — кто то въ сосѣдней комнатѣ такъ сильно ударилъ кулакомъ по столу, что стаканы зазвенѣли. Вслѣдъ затѣмъ начался такой громкій говоръ, что Бурггардъ ясно слышалъ каждое слово; его сосѣди, повидимому, были въ сильномъ оживленіи.

— Bravo, bravo! кричалъ одинъ, теперь дѣло ясно. Да растерзаютъ меня волки, если этотъ планъ не удастся!

По сильному, рѣзкому акценту Бурггардъ узналъ поляка.

— Непремѣнно удастся, съ увѣренностью добавилъ другой, повидимому тоже полякъ. Сколько это надѣлаетъ шума! Кто кромѣ насъ осмѣлился бы подойти въ настоящее время къ этому дерзкому и всемогущему шведу?

Бурггардъ вдрогнулъ, тихо привсталъ и невольно подошелъ къ перегородкѣ.

— Остается курфюрстъ, замѣтилъ третій.

— Ты все трусишь, саксонецъ! засмѣялся первый.

— Не прогнѣвайтесь, графъ! Конечно, курфюрстъ Августъ потянется за польской короной, какъ только мы всадимъ пулю въ голову Карла, да графъ Синявскій ужъ будетъ на готовѣ. Какъ только онъ завидитъ нашего курьера — Варшава въ его рукахъ. Нѣтъ, господа, объ этомъ намъ беспокоиться нечего. И такъ, за здоровье графа Синявскаго, новаго польскаго короля!

— И за царскую награду, ожидающую насъ! прибавилъ второй.

Стаканы зазвенѣли; Бурггардъ держался за стѣну, такъ сильно билось его сердце; слѣдя за политикой, онъ сразу все понялъ. Ему было извѣстно имя Синявскаго, польскаго магната, неоднократно старавшагося свергнуть съ польскаго престола и занявшаго мѣсто молодого короля, Станислава Лепцинскаго, посаженнаго Карломъ XII. Попытки его оставались безуспѣшными и онъ, очевидно, рѣшился очистить себѣ дорогу къ трону, убивъ своего главнаго противника, короля Карла, и подкупили исполнителей этого злодѣяства.

Бурггардъ тотчасъ рѣшилъ воротиться въ Альтранштедтъ и предупредить короля объ угрожающей опасности, — утромъ могло быть уже поздно. Онъ тихо вошелъ въ кухню, объявилъ хо-

Сиротна. Карг Лемоха, грав. Бабежъ

Урокъ пѣнія. Картина Г. Гросмана, грав. Крей.

зину, что отдохнул, одумался и согласенъ съ его доводами, и рѣшилъ тотчасъ продолжать путь. Онъ заплатилъ по счету, и черезъ четверть часа уже ѣхалъ среди глубокой ночи по дорогѣ въ Лейпцигъ.

Самыя разнообразныя соображенія насчетъ исхода этой побѣды осаждали его, но онъ не колебался въ своемъ намѣреніи; личные интересы уступали мѣсто, когда дѣло шло о предуряженіи ужаснаго преступленія, могшаго имѣть неисчислимыя послѣдствія и для его отечества.

Проѣхавъ часа два, онъ узналъ знакомую мѣстность и повернулъ проселкомъ прямо въ Альтранштедтъ; при вѣздѣ въ село, его окликнулъ часовой и загородилъ дорогу ружьемъ, но, узнавъ, что онъ съ важными вѣстями, провелъ его къ фельдфебелю на сторожевой постъ. Отсюда Бурггарда провели къ королевскому караулу, непосредственно противъ квартиры Карла; здѣсь ему пришлось подождать, пока дежурный офицеръ передавалъ королю настоятельную просьбу незнакомаго, желающаго его видѣть и говорить о важномъ дѣлѣ, не терпящемъ никакого отлагательства. Король еще не спалъ. Минуту черезъ десять офицеръ вернулся и знакомъ велѣлъ Бурггарду слѣдовать за нимъ. Сильно билось сердце юноши, когда онъ очутился лицомъ къ лицу съ знаменитымъ побѣдителемъ и властелиномъ, внушавшимъ всѣмъ такой страхъ. Король былъ въ простомъ темно-синемъ мундирѣ и высокихъ сапогахъ и, по вѣщному виду, ничѣмъ не отличался отъ простаго шведскаго солдата, только выраженіе силы и величія, и прекрасные, большія голубые, сверкающіе глаза, отличали царственного воина.

Бурггардъ передалъ въ краткихъ словахъ, какъ попалъ въ гостиницу, и что слышалъ. Король проникательно и пристально смотрѣлъ на него, какъ бы желая проникнуть въ глубину его души. затѣмъ проведъ рукою по своимъ, противъ тогдашней моды, коротко остриженнымъ волосамъ и подумалъ.

— Заговоръ Синявскаго! проговорилъ онъ наконецъ вполголоса, — это отчасти разстраиваетъ мои планы. Во-первыхъ, продолжалъ король уже громче, — надо арестовать заговорщиковъ. Благодарю васъ, молодой человекъ, обратился онъ къ Бурггарду, протягивая ему руку, — что вы рѣшились извѣстить меня объ этомъ?

Онъ позвалъ офицера, приведшаго Бурггарда, далъ ему приказаніе арестовать заговорщиковъ и вышелъ, сухо сказавъ юношѣ „до свиданья!“

Эта простота и спокойствіе короля, когда дѣло шло о его жизни, поразили Бурггарда. Онъ вышелъ, но долго не могъ забыть яркихъ, свѣтящихся глазъ, устремленныхъ на него, и твердаго голоса, исполненнаго какой-то особой прелести. Сильное движеніе въ селѣ прервало его думы. солдаты собирались, осѣдланые кони нетерпѣливо били копытами въ землю. Измученную лошадь Бурггарда замѣнила другая. Когда все было готово, раздалась команда, всадники сѣли на коней и крупной рысью двинулись среди угрюмой темноты ночи.

Въ маленькой гостиницѣ все было тихо; солдаты оцѣпили здание, приготовились, однимъ ударомъ выломали дверь и съ такой быстротой вошли въ комнату, что спавшіе заговорщики, вскочивъ, испуганные шумомъ, не успѣли захватить пистолетовъ со ступеньки. Ихъ связали еще полусонныхъ и, не смотря на сильное сопротивленіе, вывели и посадили на коней; най-

денныя вещи и бумаги были опечатаны. Офицеры успокоили прибѣжавшаго въ испугѣ хозяина, но велѣли ему быть готовымъ дать показанія, а за убытки въ домѣ отвѣчали именемъ короля.

Отрядъ воротился въ Альтранштедтъ уже къ разсвѣту, арестованныхъ посадили въ тюрьму, по одиночкѣ, а бумаги и вещи передали секретарю короля, докладъ же отложили до слѣдующаго дня, чтобъ дать отдохнуть офицерамъ и особенно Бурггарду, сильно утомленному и ѣздой, и волненіями этой ночи.

Между тѣмъ, Карлъ XII, нетерпѣливо ожидавшій исхода дѣла, велѣлъ своему секретарю разобрать и просмотрѣть бумаги арестованныхъ, и самъ прочелъ болѣе важные документы. Обнаружился планъ, — убить короля выстрѣломъ изъ окна дома, мимо котораго онъ ѣздилъ на учебный плацъ, — домъ уже былъ приобрѣтенъ барономъ фонъ Ветцдорфомъ, однимъ изъ участниковъ заговора. Предполагалось захватить пребывавшаго также въ Альтранштедтѣ Станислава Лещинскаго, между тѣмъ какъ графъ Синявскій рассчитывалъ занять престолъ съ помощью уже подготовленнаго возстанія. Большія награды ожидали исполнителей заговора.

Выяснивъ себѣ всѣ подробности дѣла, Карлъ подписалъ смертный приговоръ заговорщикамъ, но далъ имъ трехнедѣльный срокъ для личныхъ распоряженій и прощанія съ родными. вмѣстѣ съ тѣмъ, послалъ короля Станислава и генерала Ринскинда съ войскомъ для усмиренія уже начавшихся смутъ. Синявскаго не удалось схватить — онъ успѣлъ бѣжать за границу.

При столькихъ важныхъ заботахъ Карлъ однако не забылъ человека, спасающаго его жизнь. Онъ далъ ему продолжительную аудіенцію и узнавъ, что Бурггардъ горный инженеръ, немедленно послалъ въ Мансфельдъ навести о немъ справки, у его начальства. Посланный привезъ самыя выгодныя для Бурггарда отзывы. Тогда король предложилъ ему мѣсто начальника управления государственныхъ рудниковъ въ Швеціи близъ Гюнкенинга.

Бурггардъ съ радостью согласился на блестящее предложеніе, и тотчасъ же получилъ отъ самого Карла письменное удостовѣреніе въ назначеніи его на должность, и кромѣ того ассигновку на значительную сумму. Не помня себя отъ радости, Бурггардъ поспѣшилъ въ домъ Ферхенбаха и на порогѣ встрѣтилъ Варвару.

— Ну, теперь ты моя, воскликнулъ онъ, крѣпко обнявъ ее.

На шумъ вышелъ Ферхенбахъ, предполагая несчастіе.

— Ради Бога, что случилось? вскрикнулъ онъ и отскочилъ назадъ, увидѣвъ вмѣстѣ молодыхъ людей.

— Все благополучно!

И молодой человекъ рассказалъ о своемъ приключеніи.

Препятствій на бракъ съ любимой дѣвушкой уже не было; Ферхенбахъ и не подумалъ отказаться отъ такого зятя. Онъ далъ согласіе и черезъ недѣлю молодые люди обвѣнчались очень скромно. Послѣ свадьбы молодые отправились на сѣверъ. Здѣсь молодой инженеръ значительно поднялъ горное производство въ Швеціи. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ получилъ въ управленіе и другіе горныя округа, и постепенно достигъ высшихъ государственныхъ степеней. Имя Бурггарда, какъ преобразователя горнаго дѣла въ Швеціи, произносится до-нынѣ съ уваженіемъ и признательностью.

Самоубиваніе.

Очеркъ.

Одинъ фзіологъ справедливо сказалъ, что „люди не умираютъ, а безсознательно убиваютъ себя...“ Дѣйствительно, крайнее пренебреженіе правилами гигиены, общественной и частной, несомнѣнно, весьма значительно сокращаетъ продолжительность человѣческой жизни. Ненормальный, противорѣчащій основнымъ правиламъ науки о здоровьи, образъ жизни — скорѣе приводитъ человека къ могилѣ. Съ другой стороны, злоупотребленіе различными наркотическими средствами самымъ положительнымъ образомъ оправдываетъ упомянутое изрѣченіе. Потребность-же въ средствахъ, дѣйствующихъ на нервную систему, распространена повсемѣстно, и всюду эта потребность приводитъ, къ сожалѣнію, къ злоупотребленіямъ, чрезвычайно губительно влияющимъ на организмъ.

Такимъ образомъ, употребленіе морфія и опиума въ огромномъ большинствѣ случаевъ приняло форму злоупотребленія этими средствами и создало то, что называется морфеоманіей и опіофагіей. Подъ именемъ морфеоманіи собственно разумѣется подкожное впрыскиваніе морфія, рекомендуемое въ цѣляхъ леченія и дѣлающагося у нѣкоторыхъ больныхъ чрезвычайнымъ, настоящей страстью, неудержимымъ порокомъ. Эта несчастная страсть начинаетъ распространяться на востокѣ и составляетъ уже здѣсь конкуренцію злоупотребленію опиумомъ, давно расшатывающему мусульманскій организмъ.

Большинство мусульманъ ежедневно принимаетъ въ илюльхъ постепенно усиливаемыя дозы опиума. Люди, принадлежащіе къ выснимъ классамъ, каждый годъ запасаются значительными количествами этого вещества, получаемыми прямо изъ Кара-Гиссара, возлѣ Смирны. Представители класса улемовъ, то есть богослововъ и членовъ духовенства, принимаютъ

каждый день совершенно правильно отъ 1 до 3 граммовъ опиума. Дѣйствіе-же этого средства такъ близко соответствуетъ восточной натурѣ, что врядъ-ли возможно когда либо устраненіе злоупотребленія имъ: человекъ испытываетъ безконечно пріятное ощущеніе общей вѣги и лѣги, овладѣвающей всѣми мускулами, всѣми частями тѣла, всѣми умственными отправлениями, и — все это въ соединеніи съ сладострастными картинами, возбуждаемыми въ наркотизированномъ воображеніи примѣшиваніемъ къ опиуму какого-либо возбуждающаго чувствительности вещества...

Для того чтобы, однако, уменьшить усмѣляющее дѣйствіе опиума, тераки или опіофаги выпиваютъ черезъ четверть часа по принятіи опиума по одной или по двѣ чашки чернаго кофе, испытывая послѣ того лишь пріятное ощущеніе усталости, нѣчто въ родѣ сладострастной вѣги.

По мусульмане предаются также и морфеоманіи. Докторъ Зомбакъ, изслѣдовавшій оба явленія эти на востокѣ, очень часто видалъ свѣтскихъ людей, которые постоянно имѣли при себѣ маленькіе инструменты для впрыскиванія и раствору морфія, достаточный для отравленія. Элегантныя дамы нѣредко носятъ драгоценныя вещи, содержащія маленькіе шприцы и артистическіе флакончики съ волшебнымъ растворомъ. И въ театрѣ, въ свѣтѣ, онѣ улучаютъ минуты, для того чтобы сдѣлать себѣ подкожное впрыскиваніе морфія. Такимъ образомъ, доктору приходилось видѣть въ Константинополѣ морфеомановъ, которые постепенно доходили до положенія 70 сантиграммовъ морфія впродолженіи двадцати четырехъ часовъ, тогда какъ высшая доза морфія, рекомендуемая медиками для употребленія въ такой промежутокъ времени, не превосходитъ двухъ сантиграммовъ.

Злоупотребление опиумом весьма рѣдко наблюдается на западѣ.

Что же касается до патологическаго дѣйствія морфеоманіи и опиофагіи, то злоупотребление опиумомъ оказываетъ болѣе медленное вліяніе: энергія, силы злоупотребляющаго опиумомъ падаютъ постепенно; имъ овладѣваетъ желаніе проводить все свое время въ совершенномъ покоѣ; его исхудалые мускулы дѣлаются не въ силахъ противостоять усталости; постоянно сокращающіяся вѣки свидѣтельствуютъ о сонливомъ состояніи и совершенной неспособности мозга къ работѣ; впечатлительность ослабляется; веселія и пріятныя мысли уступаютъ свое мѣсто мрачнымъ, ни на чемъ неосновывающимся представленіямъ. Хорошія наклонности постепенно исчезаютъ и эгоизмъ становится преобладающимъ чувствомъ. Характеръ опиофага дѣлается крайне тяжелымъ.

Таковы послѣдствія правильнаго злоупотребленія опиумомъ. Въ свою очередь, морфеоманія влечетъ за собою быстрое физическое и нравственное истощеніе, настоящее вырожденіе человѣческаго существа. Больные теряютъ свободную волю и, лишенные морфіи въ обычные для вприскиванія часы, бываютъ способны на все.

Непосредственное дѣйствіе вприскиванія морфіи бываетъ не одинаково: у однихъ морфіи успокоиваетъ и умѣряетъ дѣятельность нервной системы, возбуденной недостаткомъ алкалоидовъ въ организмѣ; на другихъ, напротивъ, онъ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ. При хроническомъ отравленіи морфіемъ смерть приближается обыкновенно медленно съ развитіемъ сухотки; иногда же она наступаетъ весьма быстро.

Морфеоманія имѣетъ сходство съ злоупотребленіемъ спиртными напитками—алкоголизмомъ. Различныя первыя разстройствя, въ родѣ галлюцинацій, остраго сумасшествія и т. п., происходящія подъ вліяніемъ злоупотребленія морфіемъ, могутъ являться также результатомъ и неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ. Злоупотребленіе тѣмъ и другимъ средствомъ приводитъ иногда также къ соответствующимъ состояніямъ бреда. Злоупотребляющіе и морфіемъ и алкоголемъ, однаково, не могутъ отказаться отъ своей страсти. Въ тоже время морфеоманъ, начавъ злоупотреблять спиртными напитками, легко можетъ сдѣлаться исключительно алкоголюкомъ, и наоборотъ,—такъ что одна страсть переходитъ въ другую.

Въ видахъ леченія, нельзя никоимъ образомъ лишать больного сразу употребленія вприскиваній. Такъ-же какъ и въ случаяхъ алкоголизма, слѣдуетъ заставлять больного постепенно оставлять опьяняющее вещество, во избѣжаніе сильныхъ потрясеній нервной системы. Впрочемъ, такой пріемъ имѣетъ мѣсто по отношенію ко всѣмъ ядамъ, къ употребленію которыхъ человекъ можетъ постепенно привыкнуть и дойти такимъ образомъ до большихъ дозъ. Оставлять ихъ онъ долженъ не иначе какъ постепенно, послѣдовательно уменьшая дозы.

Леченіе морфеоманіи требуетъ такимъ образомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Что же касается до предохранительныхъ средствъ природы морфеоманіи, то виновниками ея въ большинствѣ случаевъ являются врачи и аптекари, предоставляющіе лицамъ, которымъ они предписываютъ подкожныя вприскиванія морфіи, слишкомъ большія количества послѣдняго.

Вьюга.

(Посвящается — ?).

Вѣтеръ, буря; снѣгъ летучій
Заметаетъ путь саней;
Все быстрѣе бѣгъ могучій
Застоявшихся коней.
Тьма кругомъ отъ вьюги снѣжной,
Гдѣ-то слышенъ волчій вой...
Ты дрожишь, я стану твой нѣжный
Обнявъ крѣпкою рукой....

И уста къ устамъ припали,—
Насъ и вьюга не страшитъ;
Вьюга злится, сани стали,
Тройка фыркаетъ, хрипитъ!
Насъ заноситъ бурей снѣжной,
Кони сбились... гдѣ-же мы?
Мы въ раю—въ странѣ безбрежной
Грѣзь серебряныхъ и тьмы!

М. Д.

Къ рисункамъ.

Карлсбадъ.

(Рис. на стр. 540 и 541).

Съ наступленіемъ весны и вмѣстѣ съ тѣмъ лечебнаго сезона на водахъ, бады быстро населяются страждущимъ человечествомъ, ищущимъ въ нихъ исцѣленія своимъ недугамъ; но особенно какъ среди врачей, такъ и больныхъ пользуются громкою извѣстностью источники Карлсбада въ Богеміи. Дѣйствительно Карлсбадъ, по самымъ условіямъ своего мѣстоположенія, представляетъ нѣчто исключительное среди всѣхъ другихъ минеральныхъ источниковъ. Его можно по справедливости назвать городомъ построеннымъ надъ крышею пароваго котла. Здѣсь, между гранитными массами тянется узенькая теплитская долина, бока которой поднимаются къ небу почти отвѣсно; дно долины усѣяно огромными гранитными глыбами, которыя падали одна на другую при древнихъ разрушительныхъ потрясеніяхъ почвы, оставляя между собою пустоты, образовавшія обширныя пещеры. Вода стремится въ пропасть, которая, вѣроятно, доходитъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ сильно дѣйствуетъ центральная теплота и потому нагревается и электризуется въ низшихъ слояхъ, насыщаясь углекислотою, и въ такомъ преобразованномъ видѣ опять выходитъ на поверхность. Тутъ газъ освобождается, а известковое вещество образуетъ вездѣ осадки. Сначала эти осадки покрывали лишь стѣны пропасти, но впоследствии, мало по малу, они закрыли ее совершенно. Часть города выстроена именно на этомъ фундаментѣ, и вотъ почему можно смѣло назвать Карлсбадъ городомъ стоящимъ на крышѣ пароваго котла. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ эта непрочная крыша болѣе угрожаетъ опасностью, напр. въ томъ мѣстѣ гдѣ течетъ безпрестанно ее подмывающая рѣка Тепла, при-нуждены были укрѣпить ее гранитными камнями и желѣзными болтами. Кромѣ того, чтобы источники не засорились и чтобы поддерживать правильное направленіе, ихъ буравтъ четыре раза въ годъ. При этихъ работахъ убѣдились, что въ котлѣ образовались изъ осадковъ нѣсколько отдѣльныхъ пещеръ, подъ которыми находится бездонная пропасть кипящей воды, идущая по направленію долины. По преданію, главный источникъ карлсбадскихъ водъ Шпрудель, открытъ въ половинѣ XIV вѣка совершенно случайно императоромъ Карломъ IV. Рассказываютъ, что во время охоты въ лѣсахъ покрывавшихъ тогда эту мѣстность, олень спасающійся отъ преслѣдованія, бросился переплывать рѣку; собаки погнались за нимъ и сильно обожглись. Тогда медики, бывшіе въ свитѣ императора, рѣшили, что источникъ долженъ имѣть цѣлебныя свойства и посоветовали Карлу, страдавшему отъ ранъ, испы-

тать леченіе этою водою. Леченіе пошло такъ удачно, что императоръ построилъ тутъ замокъ, около котораго возникло впоследствии поселеніе, которому и дано было въ честь Карла названіе Карлсбадъ.

Для насъ, русскихъ, Карлсбадъ представляетъ особенный историческій интересъ, связанный съ пребываніемъ Петра Великаго, который пользовался здѣшними водами съ 17-го сентября по 30-е октября 1711 года. Монархъ занимался здѣсь въ свободное время искусствами и ремеслами; работалъ въ мастерскихъ и между прочимъ собственноручно сковалъ подкову. Царь занималъ въ Карлсбадѣ очень скромный домикъ подъ вывскою „Краснаго срла“ и большую часть времени проводилъ въ сообществѣ съ великимъ ученымъ и глубокимъ мыслителемъ Лейбницемъ. До сихъ поръ въ помѣщеніи карлсбадскаго общества стрѣлковъ, хранится кружокъ пробитый пулею Петра, когда онъ на стрѣльбищѣ выигралъ призъ, впрочемъ очень скромный, такъ какъ онъ состоялъ изъ боченка вина.

Пятибінный городъ раскинутъ въ трехъ долинахъ, и кромѣ того многочисленныя дома и виллы разбросаны тамъ и сямъ среди зеленыхъ горъ, что придаетъ чрезвычайно живописный видъ общему ландшафту, особенно если смотрѣть на Карлсбадъ съ вершинъ Іосифовой горы, съ которой онъ снятъ на нашемъ рисункѣ (рис. 9). Городъ имѣетъ болѣе 10,000 жителей, которые болѣею частью живутъ содержаніемъ пріѣзжающихъ больныхъ; число же послѣднихъ достигаетъ ежегодно почти до 25,000. Всѣхъ горячихъ источниковъ въ Карлсбадѣ до четырнадцати, различной температуры, отъ 40—72° Ц., пользованіе которыми давно признано чрезвычайно полезнымъ во всѣхъ хроническихъ болѣзняхъ, основанныхъ на расслабленіи желудка и вообще тѣлеснаго организма. Главный источникъ Шпрудель находится на правомъ берегу Теплы, почти въ срединѣ города. Вода его чиста, безцвѣтна и на вкусъ слегка отзывается бульономъ. Одинъ изъ рукавовъ источника накрытъ длинной колоннадой, сооруженной изъ стекла и желѣза (рисунокъ 1). Видъ самаго водоема тоже представленъ на нашемъ рисункѣ, когда онъ въ утреннее время осаждается сотнями людей, жаждущихъ отъ него исцѣленія. Вода источника обладаетъ свойствомъ окаменѣвать предметы, которые туда попадаютъ, на рис. 3 виденъ олень, окаменѣвшій въ источникѣ и поставленный на горѣ, какъ изваяніе. Кромѣ Шпруделя, особенной популярностью пользуется еще источникъ Мюльбрунненъ, который также накрытъ роскошной гранитной колоннадой (рис. 2). Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ источниковъ: Бернгардсбрунненъ, Неубрунненъ, Терезіенбрунненъ, Елизабет-

квелле и Фельзенквелле. Въ военномъ кургаузѣ бьетъ такъ называемый королевскій источникъ; на рыноѣ—Маритбрунненъ, а выше, на Замковой площади—Шлосбрунненъ (рис. 5), который тоже усердно посѣщается больными. Въ кургаузѣ (рис. 7), выстроенномъ въ изящномъ стилѣ, находится до 80 отдѣльныхъ ваннъ и, кромѣ того, обширныя помѣщенія для празднествъ и общественныхъ собраний. Рисункъ 8-й знакомитъ насъ съ одними изъ тѣхъ замысловатыхъ вѣсовъ, которые устроены для прѣзжающихъ въ Карлсбадъ при вѣздѣ въ городъ, чтобы потомъ имѣть возможность убѣдиться насколько у каждаго больного ожирѣніе уступило леченію воды. Швейцарская булочная подъ вывѣскою „Манпель“ представлена нами на рис. 10. Эта булочная помѣщается на старинномъ луку, считающемся однимъ изъ главныхъ гузбищъ Карлсбада. Здѣсь каждое утро

собирается масса прѣзжихъ, чтобы запастись печеньемъ, завернутымъ въ красивые розовые пакетики, и потомъ уединиться въ какойнибудь садикъ и пить тамъ кофе. Въ увеселеніяхъ и удовольствіяхъ въ Карлсбадѣ нѣтъ недостатка; здѣсь есть театр, концертный залъ, превосходный городской паркъ съ изящнымъ рестораномъ (рис. 6) и, кромѣ того, живописныя окрестности, гдѣ мѣстная богатая природа является во всемъ своемъ блескѣ и прелести. Особенно посѣщается любителями прогулокъ дикая, но красивая мѣстность, извѣстная подъ именемъ „Оленьяго прыжка“ (Гиришпрунгъ, рис. 3). Это голый утесъ, съ котораго открывается великолѣпная панорама всей окружающей мѣстности. Особенно усердно Гиришпрунгъ посѣщается русскими, такъ какъ на этотъ крутой и высокой утесъ, Петръ Великій, во время своего пребыванія въ Карлсбадѣ, вѣхалъ на деревенской лошади, безъ сѣдла, взятой прямо отъ сохи, и написалъ на стоявшемъ тамъ крестѣ „M. S. P. I.“ (т. е. manu sua Petrus Imperator). Въ 1835 году, здѣсь былъ воздвигнутъ памятникъ. На черной мраморной доскѣ начертана золотыми буквами надпись Петра „M. S. P. I.“ и затѣмъ идутъ имена всѣхъ Августѣйшихъ особъ нашей Императорской фамилии, когда либо посѣтившихъ Карлсбадъ.

Парна Клото. Рис. Дилида, грав. Генкель.

У окна.

(Рис. на стр. 545).

Задумчиво и мечтательно смотритъ молодая дѣвушка въ окно замка, изъ котораго открывается великолѣпный, широкий видъ. Дѣвушка замечталась. Идетъ ли она кого, глядя на вьющуюся вдали чуть видной змѣйкой около роуца дорогу, посяте ли передъ ней образы прошлаго, или счастливаго будущаго? Художникъ прекрасно выразилъ это молодое мечтательное настроеніе.

Сиротка.

(Рис. на стр. 548).

Простая, съ глубокимъ чувствомъ задуманная, прекрасная

картинка нашего талантливаго жанриста, показывается, что вовсе не нужно крови, ужасовъ, раздирательныхъ сценъ, чтобы произвести глубокое, трогательное впечатлѣніе, и что это прибѣганіе къ кровавымъ эффектамъ какъ бы показываетъ что художникъ или не имѣетъ, или не надѣется на свои силы, найти впечатлѣніе въ простомъ и обыденномъ, что гораздо труднѣе. Напримѣръ, посмотрите эту маленькую человѣческую драму. Бѣдная крошка, какъ птичка осталась одна сироткой въ своемъ родномъ гнѣздѣ—нѣтъ ей мамы! Она глубоко чувствуетъ это и въ дѣтскомъ отчаяніи стала въ уголокъ. Личика ея даже не видно, а между тѣмъ какъ трогательно, безпомощно, съ какимъ чувствомъ выражена самая поза бѣдняжки. Видны въ дверяхъ молящіяся, бѣдный гробъ очевидно выносить... Вотъ истинное, неподдѣльное искусство! Не нужно для него размазывать кровь по лицамъ и показывать какъ можно болѣе ужасныя, вѣщныя раны...

Урокъ пѣнія.

(Рис. на стр. 549).

Пѣніе въ германскихъ школахъ давно уже занимаетъ весьма существенное мѣсто въ преподаваніи. Это нравится дѣтямъ, развиваетъ вкусъ къ музыкѣ, слухъ и вниманіе и служитъ для маленькихъ учащихъся приятнымъ и полезнымъ препровожденіемъ времени. И въ нашихъ во многихъ школахъ принято правильное обученіе пѣнію, согласно съ традиционными понятіями и симпатіями народными—пѣнію преимущественно духовному. Ничто не можетъ быть лучше и соотвѣтственнѣе для богослуженія какъ голоса человѣческіе. И отцы, молясь въ храмѣ, имѣютъ утѣшеніе слышать голоса своихъ дѣтей въ стройныхъ хорахъ.

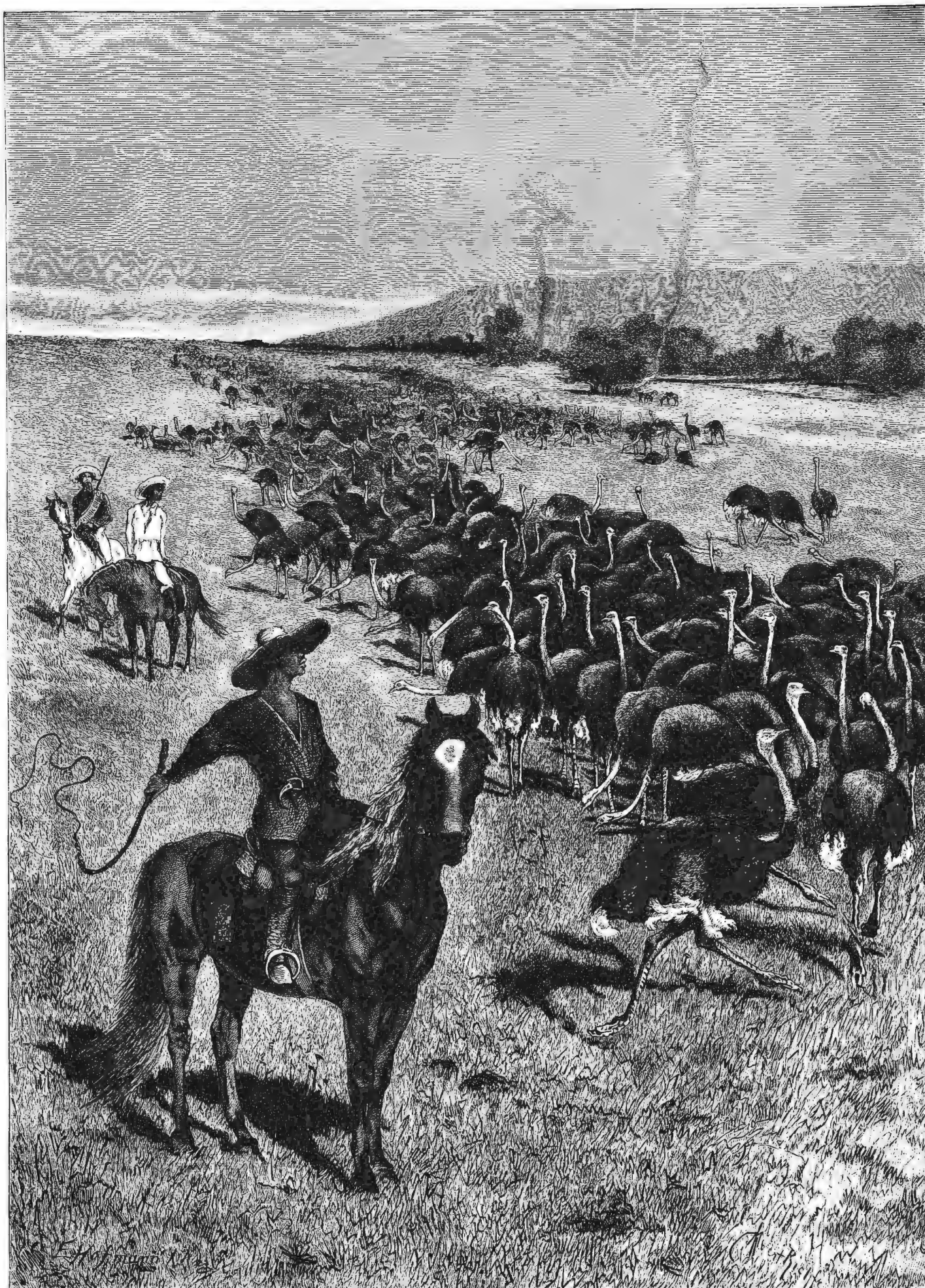
Прелестная картинка Гросмана представляетъ почтеннаго старичка-учителя, дирижирующаго хоромъ малютокъ, своихъ учениковъ. Чрезвычайно мило и изящно изображена эта группа милостивонаивныхъ дѣтскихъ личикъ, при пѣніи имѣющихъ сообразное каждому изъ

характеровъ дѣтей выраженіе. Какъ старается эта усердная крошка съ краю, глядя на учителя! Нахмурившись, подтягиваетъ шалуны-мальчуганъ, котораго оторвали отъ его игры. Далѣе дѣвочка поетъ спокойно, внимательно и серьезно, а за ними выглядываетъ свѣжее личико дѣвочки уже постарше, съ веселою и милою улыбкою.

Парна Клото.

(Рис. на этой стр.).

Древніе очень поэтично представляли каждую человѣческую жизнь отдѣльною нитью, при которой приставлены три особенныя богини—Парки. Каждая изъ этихъ Паркъ имѣла особую работу: Клото (изображенная на нашемъ рисункѣ), присутствуя при рожденіи дитяти, держала веретено; Лахезія прала жизненную нить, а безжалостная старшая сестра Атропа перерѣзывала ее въ моментъ, указанный рокомъ. Парки, по представленію древнихъ—были божества страшныя и суровыя, родитель-

Стадо страусовъ. Рис. Рихтеръ, грав. Гофманъ, Библиотека "Руниверс"

ницей их состояло божество мрачной Почи. Самъ Зевесъ былъ подчиненъ Паркамъ, которыхъ могущество было безгранично. Онѣ воплощали въ себѣ судьбу и въ образѣ суровыхъ, неподвижныхъ фигуръ стояли у трона Зевеса. Философы видѣли въ этомъ мифѣ высоко-правдивую идею; народъ же, напротивъ, придавалъ имъ реальную форму злыхъ духовъ и въ своемъ суевѣрїи приписывалъ имъ ту же роль, какую играли въ средніе вѣка злыя колдуньи. Изображенія Паркъ художниками древней Греціи дошли до насъ въ обломкахъ Паросіона, сохранившихся теперь въ Британскомъ музеѣ. На одномъ изъ этихъ фрагментовъ изображена группа трехъ престальныхъ женщинъ, изъ которыхъ одна съ веретеномъ. По тонкости драматическихъ фигуръ, по общему мнѣнію знатоковъ, это одно изъ лучшихъ произведеній античной греческой скульптуры. Изъ повѣстныхъ изображеній мифа о Паркахъ, наибольшей извѣстностью пользуется знаменитая картина Микель-Анджело, находящаяся во дворцѣ Питти во Флоренціи. Гениальный художникъ представилъ трехъ Паркъ въ видѣ трехъ старыхъ женщинъ, изъ которыхъ одна держитъ веретено, другая сучитъ нить, а третья уже готовится ее обрѣзать. Въ этомъ случаѣ Микель-Анджело не слѣдовалъ традиціямъ древнихъ, которые представляли страшныхъ богинь юности и престальными, какъ Граціи. Онъ предпочелъ придать имъ жесткую суровость, и эти страшныя и мрачныя лица дѣйствительно производятъ на зрителя глубокое и сильное впечатлѣніе. На нашемъ рисункѣ художникъ держался въ изображеніи традицій древнихъ.

Разведеніе страусовъ въ Капландѣ.

(Рис. на стр. 553).

Красивыя страусовыя перья съ незапамятныхъ временъ составляли любимое украшеніе. Благодаря постоянно усиливающемуся спросу на нихъ и трудной, не прибыльной охотѣ за пугливой птицей пустыни, цѣна на перья достигла высокой цѣны. Жители пустыни отыскиваютъ страусовыя яйца и употребляютъ ихъ въ пищу, почему число птицъ значительно уменьшилось, такъ что стали опасаться полного ихъ исчезновенія. Однако давно уже извѣстно, что страусъ, пойманный маленькимъ, легко приручается; въ Пувии его держатъ въ числѣ домашнихъ птицъ; въ виду этого, сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ Алжирѣ, Испаніи, Франціи, Италіи, а также въ Египтѣ пытались искусственно выводить страусовъ въ зоологическихъ садахъ, и попытки эти были удачны. Въ 1857 году, англичанинъ Киннеаръ, въ Канской колоніи, задумалъ предпринять искусственное разведеніе страусовъ въ большихъ размѣрахъ. Съ этой цѣлью онъ приобрѣлъ нѣсколько молодыхъ птицъ; попытка его была такъ удачна, что спустя нѣсколько лѣтъ, у него было уже цѣлое стадо, болѣе чѣмъ въ сто штукъ, дававшихъ превосходныя перья. Изъ опыта оказалось, что ручные страусы даютъ болѣе мягкія и красивыя перья, чѣмъ дикія птицы, и продаются въ Африкѣ отъ 500 до 600 рублей за килограммъ (1 килограммъ = 2½ фунта). Такъ какъ перья могутъ обрѣзаться каждыя 8—9 мѣсяцевъ, то разведеніе страусовъ оказывается очень прибыльнымъ. Страусы требуютъ возможно большаго мѣста для свободнаго движенія, возможно большаго пастбища, засѣянныхъ люцерною, и въ изобиліи воды для питья. Поэтому Киннеаръ обнеситъ проволокою изгородью мѣсто съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждаго взрослого страуса приходилось около четверти десятины поля. Во время кладки яицъ, страусамъ отводятся меньшія мѣста. Яйца оставляются у птицъ, или же вынимаются для искусственнаго выведенія. Въ послѣднемъ случаѣ птенцы требуютъ большаго ухода. Вообще-же молодыя птицы держатся особо отъ старыхъ стадъ, но скорѣй привыкаютъ къ людямъ, которые насутъ ихъ сидя верхами на лошадахъ, какъ показано на рисункѣ. Не смотря на удачу Киннеара, примѣръ его имѣлъ такъ мало послѣдователей, что въ 1865 году въ Канской колоніи, кромѣ его стада, было только 80 ручныхъ страусовъ. Но въ слѣдствіи разведеніе страусовъ сильно увеличилось и въ 1875 году ихъ поступило въ продажу 28,000 штукъ; въ настоящее время число ихъ возросло до 70,000—80,000 штукъ. За полугодоваго страуса платятъ 150 руб., а за пару взрослыхъ птицъ отъ 1,000 до 3,000 рублей. Въ Египтѣ и въ южно-американскихъ пампасахъ прислушено также къ разведенію страусовъ.

Новый проэктъ кладбищъ.

(Рис. на стр. 556).

Погребеніе мертвыхъ составляетъ для большихъ городовъ вопросъ необыкновенной важности и разрѣшеніе его сопряжено съ постоянно возрастающими трудностями, такъ какъ при-

ходится принимать во вниманіе цѣлый рядъ нравственныхъ, религиозныхъ, санитарныхъ, общественныхъ, физическихъ и финансовыхъ условій. Теоретически вопросъ этотъ уже разрѣшенъ; сожиганіе труповъ соответствуетъ и материальнымъ, и гигиеническимъ условіямъ, но, къ сожалѣнію, натывается на религиозные предрассудки, и вѣроятно пройдутъ еще десятки лѣтъ, пока оно будетъ введено повсемѣстно. Между тѣмъ необходимо придумать какой либо новый способъ погребенія мертвыхъ, который представлялъ бы по возможности наименѣе опасности въ гигиеническомъ отношеніи. Разрѣшеніемъ этого вопроса занялся вѣнскій художникъ Іосифъ Гофманъ и поясняетъ недавно свой проэктъ въ вѣнскомъ художественномъ клубѣ, куда представлялъ и рисунки проэкта. Мысль Гофмана безспорно своеобразна. Онъ предполагаетъ хоронить мертвыхъ не подъ землею, а напротивъ, въ выстроенномъ на землѣ высокомъ мавзолее и класть покойниковъ рядомъ, одинъ надъ другимъ. По его плану каждый покойникъ лежитъ въ каменной кельѣ, которая съ наружной стороны герметически закрывается и заливается. Кельи эти въ два ряда, соприкасаются внутри узкою стороною гробовъ. Десять келій одна надъ другою, образуютъ отдѣленія съ широкими ходами посрединѣ и группируются въ продолговатыя четырехугольники. На нижнемъ этажѣ возводятся второй этажъ, меньшихъ размѣровъ; этажи кверху все суживаются такимъ образомъ, что все зданіе принимаетъ видъ пирамиды. На верхней площадкѣ возведено архитектурное украшеніе. Каждый этажъ оканчивается на наружной сторонѣ узкою террасою и галлереей. Гигантскія лѣстницы служатъ для сообщенія этажей. Углы всѣхъ этажей украшены часовнями и башенками, въ которыхъ могутъ погребаться знаменитые люди. Весь мавзолей освѣщается электричествомъ или газомъ.

На основаніи опытовъ, произведенныхъ въ надземныхъ кладбищахъ итальянскихъ и испанскихъ городовъ, оказывается, что процессъ разложенія въ кельяхъ Гофмана совершается почти незамѣтно. Полированные глиняныя пластинки пола келій не пропускаютъ гнойной матеріи, такъ что нечего бояться пропитыванія стѣнъ ядовитыми веществами. При этомъ каждая келья обойдется такъ недорого, что даже бѣднѣйшіе люди будутъ въ состояніи имѣть свою собственную могилу.

Гигантскій олень.

(Рис. на стр. 557).

Въ палеонтологическомъ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ находятся два скелета большаго ирландскаго оленя (*Cervus megaloceros*). Скелеты эти принадлежатъ вполне развитымъ животнымъ, которыя величиною превосходили всѣхъ существующихъ нынѣ оленей. Самое замѣчательное въ скелетѣ самца—его громадные рога, имѣющіе въ ширину около 4 метровъ. Вверху рога расширяются въ громадные весла, изъ краевъ которыхъ выходятъ острые отростки, служившіе по всей вѣроятности для защиты. Скелеты, находящіеся въ музеѣ, извлечены въ Ирландіи изъ-подъ торфа. Въ слѣдствіе долгаго пребыванія въ болотистой почвѣ кости приняли коричневатый оттѣнокъ. Предполагаютъ, что существованіе гигантскаго оленя ограничивалось однимъ четвертнымъ періодомъ, въ слояхъ котораго онъ только и находится. Взглядъ на рога оленя показываетъ, что онъ могъ жить только на открытыхъ болотистыхъ мѣстахъ, съ небольшою растительностію, иначе онъ не могъ бы двигаться свободно. Судя по формѣ морды и вышній заднихъ ногъ относительно переднихъ, олень этотъ очень близко напоминалъ нынѣшнихъ оленей. Самца очень рѣдко попадаются и долгое время была неизвѣстна. Кювье, видѣвшій только головы съ рогами, заключилъ, что оба пола имѣютъ это украшеніе, подобно тому какъ это существуетъ у сѣверныхъ оленей. *Megaloceros* одно изъ позвончатыхъ ископаемыхъ животныхъ, описанныхъ уже давно. Голова его была изображена въ 1697 году Томасомъ Молине, который нашелъ три экземпляра въ Дардистонѣ, въ графствѣ Мэть, въ Ирландіи, и который увѣрялъ, что, на сколько ему извѣстно, ихъ найдено около тридцати въ двадцать лѣтъ.

Причина исчезновенія гигантскихъ оленей неизвѣстна. Очень возможно, что дальнѣйшему развитію препятствовали ихъ громадный ростъ, въ особенности на такомъ ограниченномъ пространствѣ какъ Ирландія; но они также не сохранились и на материкѣ. Или быть можетъ эпоха довершила ихъ исчезновеніе, или же это таинственный законъ природы, по которому всѣ типы, достигшіе высшаго совершенства, погибаютъ безвозвратно. Какъ бы ни было, но *Megaloceros* былъ красивѣйшимъ оленемъ, благодаря величественнымъ рогамъ, украшавшимъ его голову.

Политическое обозрѣніе.

Англія.—Германія.—Франція.—Турція.—Испанія.

Останется ли кабинетъ Гладстона, или придется распустить парламентъ и произвести новые выборы. Неутвержденіе бюджета и недоразумѣніе по вопросу о возвышеніи акциза, разумѣется, не могло бы стать острымъ вопросомъ, еслибы самъ Гладстонъ не сдѣлалъ его вопросомъ кабинетнымъ. Въ его угрожающемъ тономъ

замѣтно только одно, что стоя среди тяжелыхъ усложненій, которыми обставилась британская политика послѣдняго времени, и которую создалъ Гладстонъ не менѣе Ферри, во время франко-итальянскаго конфликта, ему ничего не оставалось болѣе, какъ прибѣгнуть къ парламентскому *coup d'état*. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣній, что и консервативная партія уже имѣла достаточно силу, чтобы выставить оппозицію такому представителю

правительства, которому еще так недавно парламент вотирует без голосования расход на экстра-ординарные государственные надобности. Засѣданіе отложено на время, тѣмъ временемъ кабинетъ Гладстона представитъ королеви о своемъ увольненіи. Вопросъ теперь сводится къ тому, что приготовились ли консерваторы къ принятію власти въ столь трудное и запутанное время для страны? Предводители консервативной партіи уже приготовились принять на себя управление, и въ составѣ новаго кабинета обозначаютъ лорда Салисбери министромъ иностранныхъ дѣлъ, и членами кабинета лорда Рондольфа Черчилля и сэра Стаффорда Парскота. Какъ бы то ни было, но по отношенію къ русскимъ интересамъ и продолжающимся переговорамъ по афганскому вопросу, министерская перемена въ Англии не можетъ имѣть большаго значенія, такъ какъ и принявшіе въ свои руки власть тори не будутъ имѣть возможности сдѣлать сомнительнымъ сохраненіе европейскаго мира. При этомъ, во всей этой министерской катастрофѣ является достойное вниманія *qui pro quo*: у ирландскихъ депутатовъ и у английскихъ радикаловъ передъ этимъ вдругъ неожиданно явился союзникъ, въ лицѣ Черчилля. Давая тонъ консервативной оппозиціи въ нижней палатѣ, этотъ самый Черчилль, который не брезгаетъ никакимъ средствомъ, чтобы повредить министерству Гладстона, вдругъ неожиданно заявляетъ, что по его мнѣнію Ирландія уже настолько успокоилась, что не нуждается болѣе въ исключительныхъ мѣрахъ, для поддержанія порядка. Маневръ для Гладстона былъ слишкомъ очевиденъ, такъ что ему по необходимости пришлось утвержденіе бюджета поставить кабинетнымъ вопросомъ.

О степени участія Германіи въ англо-русскихъ переговорахъ объ афганской границѣ до настоящаго времени въ достаточной степени не выяснено. О характерѣ и результатахъ свиданій, происходившихъ въ Берлинѣ, между княземъ Бисмаркомъ и лордомъ Росберри, берлинскій корреспондентъ газеты „Standard“ между прочимъ передаетъ, что будто бы князь Бисмарку были очень неприятны обвиненія его въ антипатіи къ англичанамъ, и въ томъ, что будто бы онъ радъ былъ ихъ затрудненія. Корреспондентъ передаетъ, что князь Бисмаркъ далекъ отъ мелочной политики, а руководствуется только практическими соображеніями, и не ищетъ ни къ какой націи коренной враждебности. Въ подтвержденіе этого, германскій канцлеръ, по словамъ того же корреспондента, будто бы высказалъ лорду Росберри, что хотя Россія очень сильно напала на Германію, но онъ ни минуты не колебался протянуть ей руку, лишь только она обнаружила расположеніе встрѣтить его на полъ-пути. Не придавая большаго значенія словамъ берлинскаго корреспондента упомянутой газеты, не слѣдуетъ однако забывать, что нездоровье мастигаго императора Германіи было встрѣчено съ такимъ же опасеніемъ у насъ, какъ и въ Берлинѣ. За послѣдніе дни однако въ состояніи здоровья императора Вильгельма послѣдовало замѣтное улучшеніе. Въ прошлую субботу императоръ совершилъ прогулку въ экипажѣ, въ сопровожденіи своей дочери, герцогини Баденской. Передъ дворцомъ

и „Подъ Лицами“ събралась многочисленная публика, которая приветствовала государя восторженными виватами.

Въ парламентской жизни республиканской Франціи появляется иной разъ явленіе достойное осужденія и сожалѣнія. Министерство Ферри свергнуто,—отчаянные и правой и лѣвой сторонѣ восторжествовали. Казалось бы и дѣлу конецъ, но этимъ дѣло не кончилось. Тѣже крайніе задумали бывшее министерство передать суду. Изъ за чего, за что? спроситъ каждый, — но подобно предложеніе возможно только во Франціи и не удивительно поэтому, что республиканскій парламентъ дѣлаетъ страну посѣвищемъ Европы. Если бы тонкинская экспедиція была преступленіемъ, то первое мѣроу новаго министерства должно было бы быть очищеніе Тонкина, подобно тому какъ англичане оставили Суданъ; но было бы это патриотично и политично, когда Франція, послѣ заключеннаго теперь почетнаго мира съ Китаемъ, приобрѣла богатую провинцію? Большинство палаты отвергло дикое предложеніе крайнихъ о преданіи кабинета Ферри суду, но недоставало только этого...

За послѣднюю недѣлю получается не мало свѣдѣній объ особой дипломатической дѣятельности въ Константинополѣ. Положимъ о послѣдовательности въ политикѣ восточныхъ народовъ не можетъ быть и рѣчи, но Турція въ этомъ отношеніи поставлена въ исключительное положеніе и всецѣло отражаетъ на себѣ всевозможныя дипломатическія complicacіи Европы. „Presse“, „Daily News“ и другія европейскія газеты упоминаютъ объ искательствахъ со стороны Порты союзомъ: то Франціи, то Германіи, то Россіи. Во Франціи Порты желаетъ найти поддержку противъ Италіи, на случай занятія итальянскими войсками Триполи; содѣйствіемъ Россіи Порты желаетъ будто бы заручиться на случай какихъ то серьезныхъ событий, готовящихся въ недалекомъ будущемъ. Переводя эти сенсационныя извѣстія на обще-доступный языкъ, получится, что Порты желаетъ возстановить свои исторически-законныя отношенія къ Египту, столь безцеремонно покоренному англичанами послѣ безжалостнаго разграбленія Александріи. Въ одинаковой степени Порты хочетъ занять подобающее ей мѣсто въ охраненіи нейтрализаціи Суэзскаго канала и Дарданеллъ. Очевидно, что все подобнаго рода пожеланія Турціи не идутъ въ разрѣзъ съ интересами Россіи и быть можетъ нигдѣшніи наши отношенія къ Портѣ примутъ такой же дружественный характеръ, какой они приняли послѣ войнъ 1828 и 1829 годовъ.

Съ наступленіемъ лѣта холера снова начинаетъ страшевать по Европѣ. Уже получено извѣстіе о появленіи эпидеміи въ Валенціи и ея окрестностяхъ, а послѣдняя телеграмма говорить о появленіи ея и въ самомъ Мадридѣ. Иностранныя газеты утверждаютъ, что испанскій министръ внутреннихъ дѣлъ одобрилъ прививаніе холернаго яда и сверхъ того предписалъ, чтобы не благополучныя по холерѣ мѣстности оцѣдллись санитарнымъ кордономъ, а лица, прибывающія изъ этой мѣстности, подвергались дезинфекціи посредствомъ окуриванія. Само собою разумется, что и прочимъ иностраннымъ державамъ не мѣшаетъ приступить къ нѣкоторымъ предосторожностямъ.

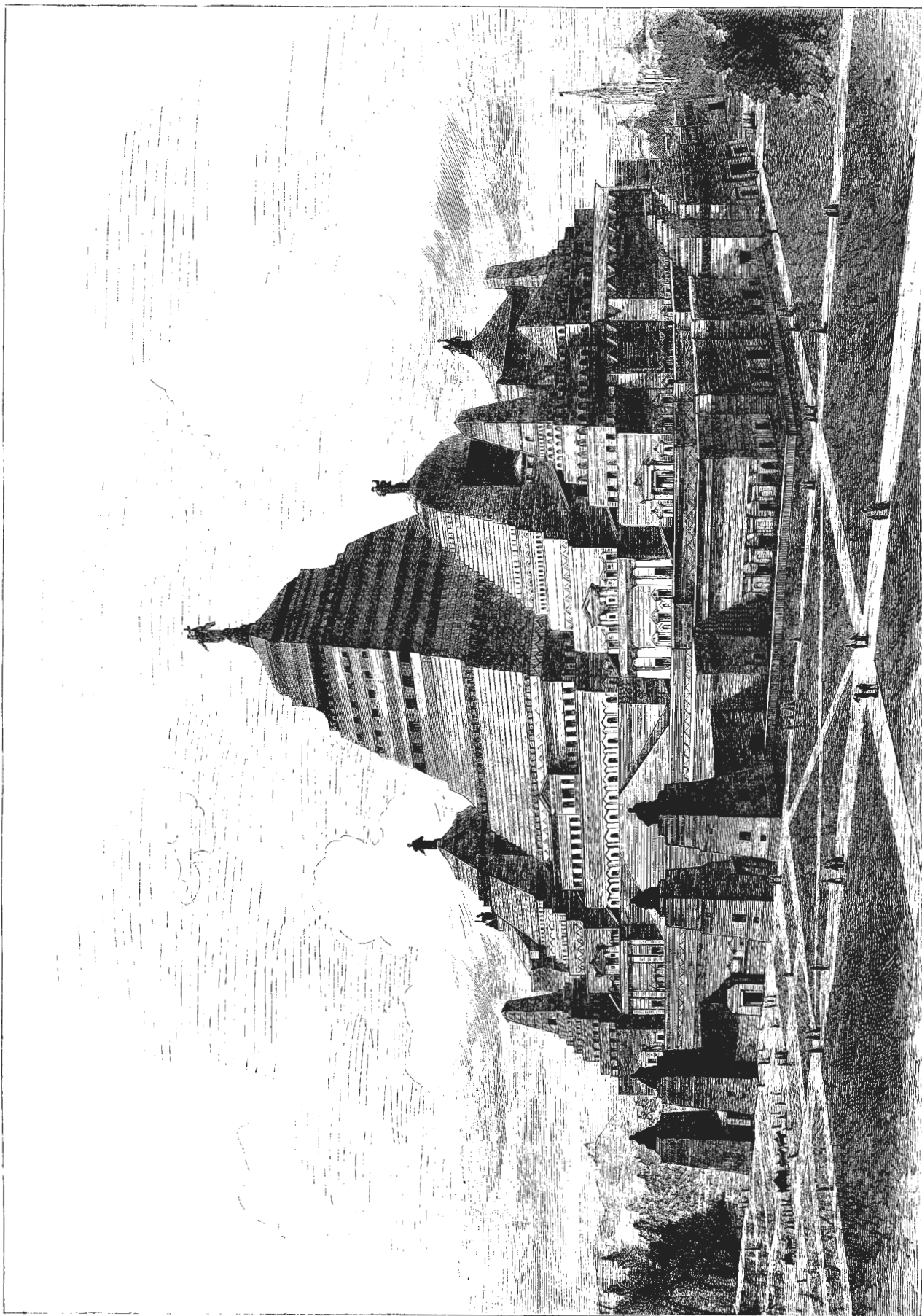
С М Ъ С Ъ .

Рыбы-чудовища. Капитанъ ольденбургскаго судна „Палласъ“, Штеге, сообщаетъ, что когда судно его находилось близъ Писко, недалеко отъ Перуанскаго залива, онъ замѣтилъ на морѣ нѣсколько черныхъ предметовъ, возлѣ которыхъ, въ различныхъ мѣстахъ, вода поднималась въ видѣ фонтана на небольшую высоту. Когда же судно, идя подъ парусами со скоростью 8 узловъ въ часъ, приблизилось къ этимъ предметамъ, то эти тѣла съ необыкновенною быстротою подплыли прямо къ судну, и черезъ минуту оно было окружено почти дожиною огромныхъ чудовищъ. Одно изъ нихъ прямо поплыло на корабль, но, наткнувшись на него, пошло ко дну; другое же подплыло къ кораблю настолько, что сдѣланный по нему выстрѣлъ изъ револьвера сильно ранилъ его и вода на большое пространство окрасилась кровью. Оказалось, что чудовища эти были громадныхъ размѣровъ рыбы. Убитая рыба была измѣрена и оказалось, что она имѣла въ длину около 40 футовъ. Голова у нея большая, круглая и на спинѣ плавника пѣтъ. Эти ужасныя чудовища-рыбы скорѣе походили на акуль. Въ Колао капитанъ Штеге узналъ отъ мѣстныхъ рыбаковъ и жителей, что эти рыбы извѣстны у нихъ подъ названіемъ „Tintoregos“, и что ихъ очень опасаются. Такое же точно сообщеніе передаетъ капитанъ одного гамбургскаго парохода.

Пьяный пароходъ. Пароходъ „Вермуда“, нагруженный сахаромъ, лимоннымъ сокомъ и ямайскимъ ромомъ, шелъ по направлению къ Нью-Йорку. Экипажъ долго удерживался отъ соблазна; но наконецъ человѣческая слабость взяла верхъ и боченки съ ромомъ были початы. Нанявшись, весь корабельный штатъ,—и матросы, и юнги запатались: зашатался и самъ пароходъ со своимъ грузомъ. Боченки съ лимоннымъ сокомъ покатались, разбиваясь другъ о друга. Сахаръ расплывался въ ромѣ, наполнившемъ всю нижнюю часть корабля. Въ скоромъ времени весь экипажъ валялся мертвыми пьяный. Пароходъ, нѣкимъ не управляемый, носился тоже какъ пьяный по океану, бросаемый изъ стороны въ сторону и наконецъ тоже покочулся на бокъ. Въ такомъ положеніи увидаль его проходившій мимо пароходъ и на буксирѣ доставилъ въ нью-йоркскую гавань.

Изъ статистическаго отчета о пожарахъ, бывшихъ въ Нью-Йоркѣ въ 1884 году, видно, что всѣхъ пожаровъ въ означенномъ году было 9,728. Наибольшее число пожаровъ было въ январѣ, наименьшее — въ августѣ. Чаще всего пожары происходили по субботамъ, рѣже всего по четвергамъ. Сумма убытковъ, причиненныхъ пожарами, опредѣлена въ 3,474,547 долларовъ (около 7 мил. руб.).

Докторъ Бирдслей сдѣлалъ интересное сообщеніе по вопросу о томъ, сопряжена ли смерть съ болью или страданіемъ. Страхъ смерти, говоритъ онъ, есть въ сущности одно изъ самыхъ обыкновенныхъ чувствъ человѣческой природы, тѣмъ болѣе, что между людьми распространено мнѣніе, что смерть сопровождается болью. По словамъ Бирдслея, смерть, въ большинствѣ случаевъ, если не во всѣхъ, есть процессъ прозябанія, и если бы люди знали, какъ она мало мучительна, то они бы ее ждали если не съ радостью, то по крайней съ любознательствомъ. Общее благосостояніе индивидуума нарушается только тогда, когда углекислота, образовавшаяся отъ разложенія крови, перестаетъ циркулировать и распадается на составныя атомическія части. Вслѣдствіе этого растривается нервная система и наступаетъ смерть. Въ то же время, когда происходитъ растройство нервной системы, тѣло должно ощущать пріятное чувство, что доказывается засыпаніемъ или наркотическимъ опіианіемъ. Затѣмъ, если еще принять во вниманіе галлюцинаціи, сопровождающія въ большинствѣ случаевъ предсмертныя минуты умирающаго, то послѣдній не долженъ испытывать никакой боли. Углекислота крови обращается въ медленно дѣйствующій ядъ, и въ то время, какъ нервная система прекращаетъ свое дѣйствіе, боль не можетъ имѣть мѣста. Люди, бывшіе при смерти или же въ состояніи летарическаго сна, свидѣтельствуютъ, что смерть вообще не заключается въ себѣ ощущенія боли; особенно же ясно объ этомъ говорятъ люди, имѣвшіе намѣреніе повѣситься и снятые съ петли, утопавшіе, замерзавшіе и другіе. И такъ, можно сказать, что разставаніе съ жизнью бываетъ у людей столь же мало мучительно, какъ и вступленіе въ нее.

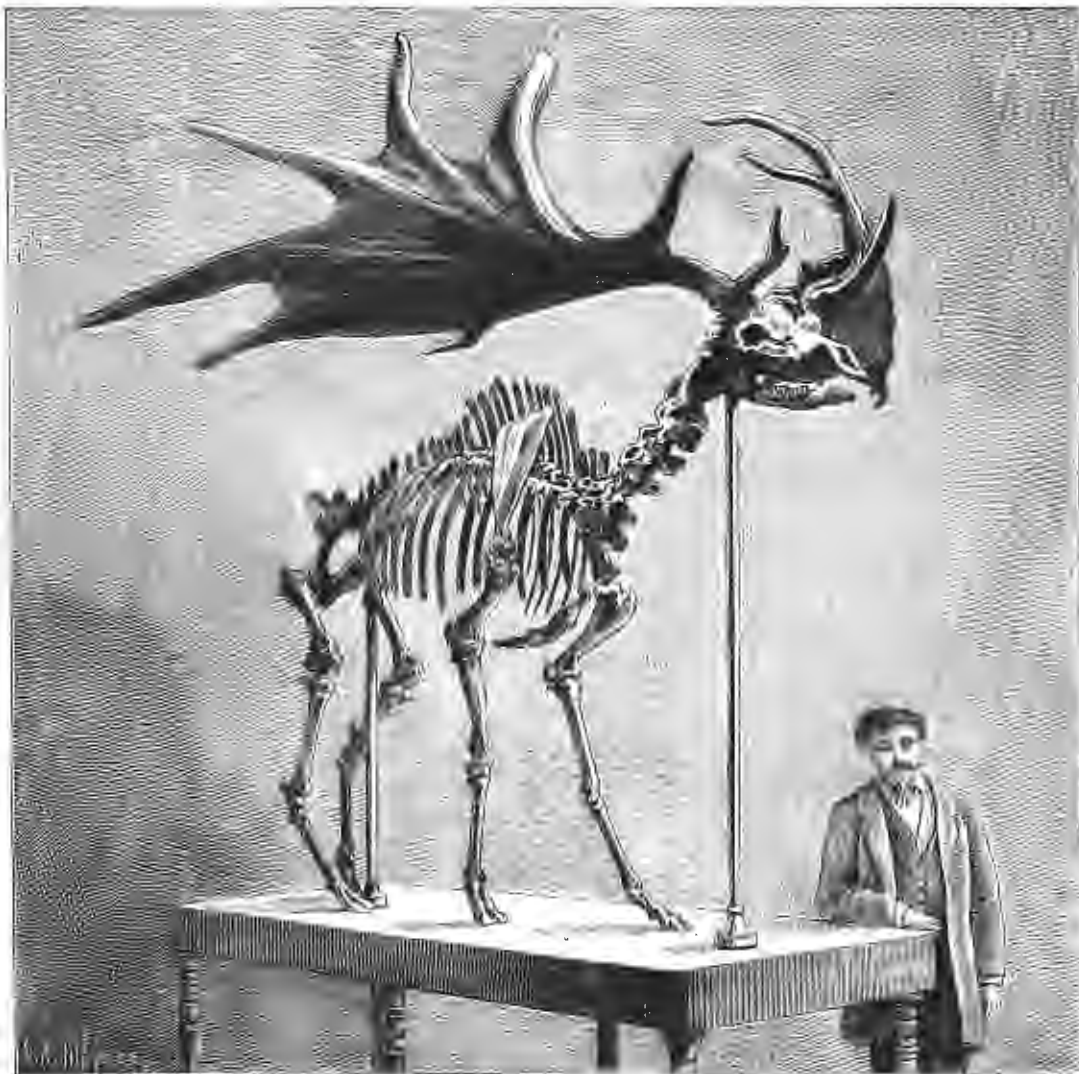
Проектъ новыхъ кладбищъ въ видѣ пирамидъ. Проектъ и рисунокъ Гофмана, грав. М. Рацвертій.

Воздушное путешествие. Аэронавт Вольфъ, въ Берлинѣ, устроилъ недавно особаго рода воздушный шаръ, которымъ возможно управлять, смотря по надобности, въ какую угодно сторону. Первое путешествие онъ намѣренъ былъ совершить на своемъ шарѣ въ праздникъ Троицы. Винтъ этого шара, имѣющій въ разрывѣ до 4 метровъ, расположенъ на самой оконечности шара, послѣдній же имѣетъ коническую форму 25 метровъ длины. Винтъ приводится въ вращательное движеніе посредствомъ паровой машины и дѣлаетъ до 100 оборотовъ въ минуту; при помощи же особаго рода каната достигается и поворотъ шара въ желаемую сторону. Сѣть соединена цѣлою системою поддерживательныхъ поясовъ на которыхъ и держатъ

увеличились до 261½ миллионѣвъ. Въ основаніи этихъ банковъ, предназначенныхъ для взаимной помощи, не принимаютъ участія ни купцы, ни интеллигенція, ни помѣщики. Акціи этихъ банковъ ходятъ на биржѣ отъ 5 до 250 лиръ и дѣла устроены такъ, что ихъ можно пріобрѣтать взносами по частямъ.

Наводненіе въ Алжирѣ. Многія мѣстности и селенія Алжира потерпѣли значительные убытки отъ бывшаго тамъ недавно наводненія. Во многихъ мѣстахъ уничтожены посѣвы, размыты дома, улицы и снесены мосты. Жители названныхъ мѣстъ находятся въ весьма затруднительномъ положеніи.

Ростъ фамиліи Бисмаркъ. На дверныхъ рамахъ кабинета

Гигантскій допотопный олень. Рис. Баре, грав. Тилли.

ся гондола; на послѣдней помѣщенъ паровой котель и, кромѣ того, она можетъ удержатъ еще двухъ человекъ. Вольфъ основалъ въ Берлинѣ международный клубъ воздухоплавателей, цѣль котораго — содѣйствовать и покровительствовать аэронавтикѣ.

Народные банки въ Италіи. Въ 1870 году ихъ было 50, въ концѣ же 1883 года число ихъ дошло до 250, причемъ на южныя провинціи ихъ приходилось 80. Капиталъ банковъ равнялся въ 1870 году 15 миллионамъ, въ настоящее же время доходить до 63 миллионѣвъ, причемъ частныя вклады съ 32 миллионѣвъ

князя Бисмарка въ Фридрихсруѣ сдѣланы собственноручно канделяромъ помѣтки о высотѣ роста членѣвъ своего семейства. Эта шкала даетъ слѣдующія цифры: во-первыхъ, сверху помѣченъ 1880 годъ, день Св. Сильверста, вечеръ. Князь Бисмаркъ—1 метръ 88 сантиметровъ, Гербертъ—1 метръ 86 сантиметровъ, Виль (графъ Вильгельмъ)—1 метръ 83 сантиметра, графъ Ранцау—1 метръ 78 сантиметровъ, княжна Юганна—1 метръ 714 миллиметровъ (при чемъ внизу помѣтка „совсѣмъ вѣрно“), Марія, графиня Ранцау—1 метръ 716 миллиметровъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Съ 14-го іюня 1885 года Редакція и Главная Контора журнала „НИВА“

БУДУТЪ ПЕРЕВЕДЕНЫ

на Невскій проспектъ, д. № 6 (близъ Главнаго Штаба), куда и просимъ гг.

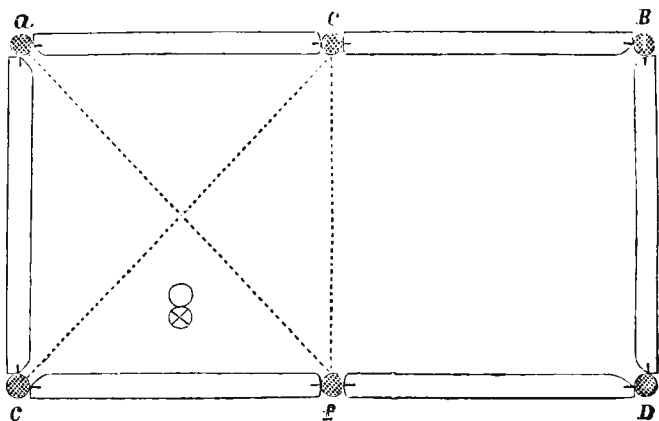
подписчиковъ адресовать письма, посылки и пр.

Бильярдная задача № 1.

Въ одинъ ударъ.

Требуется положить шаръ съ двумя черточками (игральный) послѣдовательно въ лузу А, Е, В, т. е. всякій разъ опредѣлить точку прицѣла на линіи АВ.

Шары тщательно уставить, какъ показано на чертежѣ.

Предлагаемыя бильярдныя задачи представляютъ совершенную новостъ въ области игры. Составитель ихъ, А. И. Леманъ, авторъ книги „Теорія бильярдной игры“. Бильярдная задача не фокусъ и не фортель. Она представляетъ такую комбинацію шаровъ, при которой требуемый результатъ можетъ быть достигнутъ не посредствомъ искусства и ловкости игрока, но только внимательнымъ, теоретическимъ обсужденіемъ задачи, причемъ практика отходитъ совершенно на задній планъ. Лучшее всего это доказывается тѣмъ, что опытные маркеры безсильны въ рѣшеніи задачъ.

Такимъ образомъ задачу можете рѣшить всякій развитой человекъ. Это обстоятельство побудило насъ предложить нѣсколько такихъ задачъ своимъ читателямъ. Рѣшенія будутъ помѣщаться своевременно.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписей., которые внесли деньги только за первое полугодіе, поторопиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на получение премій, большой картины Профессора В. И. Якобія „ВЪН-КИ“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ. При высылкѣ денегъ проситъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нивы“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, обязательно присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (нового образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: К. Д. Кавелинъ (съ портр.). — Искушеніе. Разказъ Я. П. Полонскаго. (Окончаніе). — Ночной разговоръ. Историческій разказъ Э. Унфельда. — Самоубианіе. Очеркъ. — Вьюга. Слѣхотвореніе М. Д. — Карлсбадъ (съ 10 рис.). — У она (съ рис.). — Сиротка (съ рис.). — Урокъ пѣнія (съ рис.). — Парка Нлото (съ рис.). — Разведеніе страусовъ въ Напландѣ (съ рис.). — Новый прозвѣтъ владбищъ (съ рис.). — Гигантскій олень (съ рис.). — Политическое обозрѣніе — Сибирь. — Заявленіе. — Бильярдная задача. — Заявленіе. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марксъ.

Въ услугамъ публики въ продажѣ во всѣхъ Аптекарскихъ и Косметическихъ магазинахъ и Химическихъ Лабораторіяхъ. Цѣна флакону, содержащему 120 грам., 1 р. 50 к., чо безъ пересылки.

Большой спросъ на Элеопатъ Кинунена вызвалъ нѣкоторыхъ фабрикантовъ къ точному подражанію упаковки и даже названіямъ нашего Элеопата; покорнѣйше просимъ обращать вниманіе на нашу фирму, — Кинунена — которая значителъ въ стеклѣ каждого флакона — Кинунена.

ЭЛЕОПАТЪ употребляется противъ перхоти, а также для рошенія волосъ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА: ХИМИКЪ ЖАНЪ-БАПТИСТЪ-АНДРЭ ДЮМА

въ характеристикѣ А. В. Гофманна. Переводъ съ нѣмецкаго П. И. Любавина. № 1161 Цѣна 1 руб.

Складъ изданія въ типографіи В. Ф. Демакова. С.-Петербургъ, Новый пер., д. № 7.

№ 9. СПЕЦІАЛЬНОСТЬ № 9.

для ПОРТНІИХЪ и ПОРТНІИХЪ. МАНЕНЫ изъ ПАРИЖА. Манены для корсетовъ. Манены для бѣлья. Манены для платковъ. Манены для мужинъ. Манены полудлинныя, для дамъ. И. Вакопъ. № 9. Гороховая № 9. кв. № 8. № 9, въ боль-этажѣ, въ С.-Петербургѣ. Прейсъ-курранты посылаются безплатно. № 1096 2-2

4711
СОСНОВЫЕ ДУХИ.

врачами признаны превосходными; особенно рекомендуются для очищенія комнатнаго воздуха. Можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. 3756. 17-9

ВНОВЬ ИЗОБРЕТЕННАЯ
УНИВЕРСАЛЬН. ШВЕЙНАЯ МАШИНА
Патентъ S.M. ИЗОГOTOBЛЯЕТСЯ Патентъ S.M. АМЕРИКА
ЕВРОПА ОТЛИЧНЫЯ

ВЫШИВКИ
и всѣ другія работы

ПРОДАЖА съ РУЧАТЕЛЬСТВ.
ОБУЧЕНІЕ БЕЗПЛАТНО.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ
ГЕРМАНЪ ГЕССЕ С ПЪ.
БОЛЬШ. САДОВАЯ № 16. УГОЛЬ
ТОЛМАЗОВЪ ПЕР. ПРОТ. ГОСТИН. ДВОРА

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССИИ И ЗАГРАНИЦѢЙ

Н. П. ЛАНИНА,

№ 4000

въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, ЯГОДНЫИ И ФРУКТОВЫИ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНА БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ СЛѢДУЮЩИИ НАГРАДЫ:
1. НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА на Одесской выставкѣ 1884 года: ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ съ правомъ ходатайства на награждение

ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ

ВСЕРОССИЙСКИИ НАГРАДЫ:

- 2. Серебряная медаль 1852 г.
- 3. Серебряная медаль 1860
- 4. Почвальный отъездъ 1864
- 5. Серебряная медаль 1865
- 6. Серебряная медаль 1869
- 7. Медаль 1870
- 8. Золотая медаль 1872
- 9. Высочайшая благодарность 1875
- 10. Золотая медаль 1882

ИНОСТРАННЫИ НАГРАДЫ:

- 1. Филадель. выстав. медаль 1876 г.
- 2. Филадель. выстав. медаль 1876
- 3. Париж. выст. поч. отъ. 1878
- 4. Амстердам. выст. медаль 1883
- 5. Бостон. выст. почет. дилл. 1883

ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:

- 1. съ 1863 г. по 1873 г.
- 2. съ 1872 г. по 1882 г.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

приготовлено изъ чистаго русскаго винограднаго вина, и несколько не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ. 1 р. 50 к. за бутылку.

Кромѣ того поступили въ продажу еще новые четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНА „ИМПЕРАТОРСКАГО“:

- 1) ПОЛУ-СУХОЕ (Demi sec. «England» à la Cliquot).
- 2) ОЧЕНЬ СУХОЕ (Extra sec. à la Pommery).
- 3) РОЗОВОЕ СУХОЕ (Demi de Perdix à la Reims).
- 4) РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ (à la Cliquot).

по 2 р. за бут.

Всѣ вышеозначенные сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут.

Л.В. — ПРОСЯТЪ ИЗВѢСТНЪ ПОДЪЮБКЪ.

Предстоящій ТИРАЖЪ 1-го ЮЛЯ 1885 г.

Нижеозначенная контора продаетъ

5% ГОСУД. ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ

- а) на наличныя деньги: по дневному биржевому курсу, взиная въ свою пользу 1/8% комиссіи, т. е. 27 коп. съ билета.
- б) съ разсрочкою платежа: съ задаткомъ не менше 15 рублей и мѣсячными платежами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менше

ПЯТИ РУБЛЕИ ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со времени полученія конторою здатка, всякій выигрышъ, который падеть на купленный и означенный въ свидѣтельствѣ билетъ, принадлежитъ покупателю и будетъ выплаченъ конторою безъ всякихъ въ свою пользу вычетовъ.

Страхование выигрышныхъ билетовъ по 40 коп.

Порученія изъ провинцій исполняются конторою обратною почтою, причемъ контора не лишнимъ считаетъ обратить вниманіе гг. покупателей на то, что въ послѣднихъ дняхъ до тиража порученія поступаютъ въ большомъ количествѣ, а потому желательна, для точнаго исполненія иногороднихъ порученій, высылать такковыя по возможности заблаговременно, кромѣ того прямая выгода гг. покупателей обращаться заблаговременно со своими порученіями въ контору уже потому, что биржевая цѣна билетамъ къ тиражу постоянно повышается. Р. № 1103 7—5

Банкирская контора **Ф. А. КЛИМА** въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 21.

Жельвад. стация Оппену. **МИНЕР. ВОДЫ ТРИСБАХЪ,** Открытіе 15-го мая. давно извѣстная желѣзная вода, 560 м. надъ уровнемъ моря, въ живописной горной Рейнской долинѣ, 8 желѣзныхъ источниковъ. Паровая ванна по методу Шварца. 300 компартъ, по желанію со столбомъ. Мѣстный врачъ Д-ръ Гергемидъ. Высочайшій комфортъ. Детская цѣна. Программа безплатно. R. № 1072. 6—4. Владѣльцы Schledtke & Simon.

НАСТОЯЩІИ КЯХТИНСКІИ ЧАЙ,

развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цыбиковъ

ТОРГОВАГО ДОМА

„БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“

Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

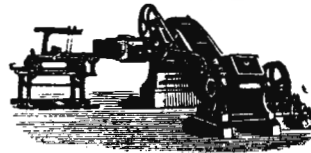
П. № 3947

Прейсъ-куррантъ высылаются безплатно.

16—14

СЪ РАЗРѢШЕНІИ МЕДИЦИНСКАГО НАЧАЛЬСТВА. Персидскій зубной эликсиръ, цѣна 60 к. и 1 р. Сибирскія зубныя капли, цѣна 75 коп.

Продаются во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ. — Главный складъ въ Москвѣ аптекарскій магазинъ Бруна. № 1132 2—2

№ 1110 5—4

ТОРФЯНЫИ, КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫИ МАШИНЫ И МЪШАЛКИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ. ручными, конными и паровыми; машины для обработки фарфоровои массы, шмота, цемента и т. п. рекомендуютъ

Людвигъ Теодоровичъ ШЛИКЗИЕНЪ, инженеръ, Москва, Мясницкая, д. Ермаковъхъ. Изготовление плавильнъ для печей; устройство заводовъ. Иллюстр. каталоги безплатно.

НУЖНЫ

благонадежные агенты, имѣющіе постоянное мѣстопребываніе въ провинціи, для банкирскаго конторы А. Зингеръ и К°, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 18. Р. № 1152 10—1

ЮНЫИ ИМПЕРАТОРЪ.

Романъ-хроника XVIII вѣка.

В. С. СОЛОВЬЕВА.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп.; въ каленк. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ДОМАШНІИ ВРАЧЪ.

Общедоступный лечебникъ.

Составленъ д-ромъ Лунинымъ.

М. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Складъ въ книжномъ магазинѣ А. Карцева, Москва, Фуркасовскій пер., д. Облидиной. № 1062 5—4

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ

ПРОИЗВЕДЕНІИ

БЕНЕДИКТИНОВЪ

Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).

НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.

С.-Петербургскимъ столичнымъ врачевскимъ присутствіемъ разрѣшено ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. № 1032 26—9

2 ЗОЛОТЫИ МЕДАЛИ:
Брюссель 1880—Лондонъ 1884 гг.

ВЫСШИИ НАГРАДЫ.

Изобрѣ- 1373 г. настоятелю теіе въ ПЕРРЪ БУРСО

Домъ основанный въ 1807 г. Сен- гень, въ Бордо, ул. Гюгери. 3.

ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ **SEGUIN** RUE HUGUERIES - BORDEAUX.

Складъ въ СПб. въ Техно.-Химич. Лабор. Гостин. дворъ № 45, у Штоль и Шмидта; въ выгач: А la Repotée; у А. Рузанова и Флейша, парфюмеровъ, Г. П. Кошкниъ, 19 Гостиный дворъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1885 г., НА ЛИТЕР.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ:

ГОДЪ IV. НАБЛЮДАТЕЛЬ. ГОДЪ IV.

Въ вышепечисл. пяти книгахъ (январь—май) напечатаны: 1) Похороны, историч. романъ Д. Л. Мордовцева; 2) По граблямъ и веснямъ, современ. романъ Воюдина (оконченъ); 3) Блудъ, разсказъ изъ народнаго быта, Ф. Д. Нефедова; 4) Тили и являна нибирбургскіи красавицы, В. О. Михневича (двѣ статьи); 5) Конгрессъ и конференція, какъ органы обіединенія между народами, проф. В. П. Даневскаго; 6) Зыбучье сословіе, Я. В. Абрамовъ; 7) Земля наемка, В. В.; 8) Дѣтскои Леопардъ, критич. эссе, В. В. Чуйко; 9) А. В. Дружининъ (изъ воспоминаній) А. В. Старчевскаго; 10) Колонизація Панама, Н. М. Бороздина; 11) Интересы народнаго хозяйства, И. Денисова; 12) Колонизація Южно-Уссурийскаго края, М. А. Гребенщикова; 13) Фельетонъ И. Ф. Васильева и Ефима Простосердова; 14) Заграничныя письма, И. Денисова; 15) За Октяблемъ, П. Попова; 16) Обзоръ иностран. литературы, В. Р. Зотова; 17) Обзоръ историческ. журналовъ, П. М.; 18) Жерминаль, романъ Эмалъ Золя; 19) Скрина Морбион, романъ Вальтера Безанта и Джесса Райса (оконч.); 20) Наполеонъ Парижъ, Альберта Вольфа (оконч.); 21) Сцены изъ историческаго народнаго быта, де-Передъ; 22) Филистеры, романъ Шульце-Делича; 23) Тайная полиція въ Пруссіи, Виктора Тиссо; 24) Газсказы Гюи-де-Молассана; 2) Научная хромика И. Д.

Въ слѣдующихъ книгахъ будутъ помѣщены: 1) Безъ воли, романъ П. Лѣтнева; 2) Понимая родъ Нетривахи, романъ И. Д. Ахшарумова; 3) Чужія грѣши, повесть А. В. Круглова; 4) Разсказы, Сибиряна; 5) Огнь соелъ къ ружью, разсказъ Володина; 6) Разсказы, Г (автора: „Мы побѣдили“); 7) Въгъ молодую не вѣреть, (разсказъ изъ народнаго быта) В. Н. Ниинтина; 8) Тартюффъ (Мольера) переводъ изъ стиховъ Г.-скаго; 9) О экономическомъ государствѣ въ экономическаго оптиниста, и каждаго В. П. Безобразова; 10) Свобода совѣсти въ Америкѣ, проф. Л. Б. Котляревскаго; 11) Уладовъ планъ сельскаго хозяйства, М. В. Неручевъ; 12) Рядъ критич. статей В. В. Чуйко: „Народники-белотристы“, „Реалисты-фотографы“ и „Романтики-сопотоки“; 13) Великая опри (по поводу сочиненій Ф. М. Достоевскаго) А. П. Пятковскаго; 14) Изъ области крестьянскаго хозяйства, В. В.; 15) Изъ жизни изгодуема, очерки В. Л. Маркова; 16) На перселенческомъ пароходѣ (путевыя замѣтки), М. А. Гребенщикова; 17) Положение рабочаго класса въ Италіи, К. Д.; 18) Общественная и семейная права англійской женщины, Г.-ча; 19) Монферранъ, строитель Невскійскаго собора, А. В. Старчевскаго; 20) Странныя, историч. романъ Эберса; 21) Новый романъ Марлитта; 22) Нарваринскія силы, романъ Эрнеста Доддъ; 23) Упомянутое въ скорбѣхъ, разсказъ Пауля Гейзе, и пр. и пр.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, безъ предварительной цензуры, книгамъ отъ 22—30 печатныхъ листовъ. Годов. цѣна: безъ доставки 12 р.; съ дост. 13 р.; съ перес. 14 р.; за гран. 16 р. За полгода: 8 р. съ перес. внутри Россіи. Подписка принимается въ СПб., въ конторѣ редакціи (Новарской пер., № 5).

Объемъ и форматъ журнала увеличился до размѣровъ самыхъ большихъ журналовъ. М. 1140 3—2 Редакторъ-издатель А. П. Пятковскій.

Ж. БЛОКЪ

ПРЕЙСЪ КУРАНТЫ ВЫСЛАЮТЪ БЕЗПЛАТНО.

СПЕЦИАЛЬН. ДЛЯ РУССКИХЪ ДОРОГЪ.

ВЕЛОСИПЕДЫ

РУССКІЙ КЛУБЪ

СКЛАДЫ: С. П. Б. НЕВСКІЙ № 16
МОСКВА КУЗН. Д. ГОЛИЦЫНА

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСЪКАТЕЛЪ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ.

одобренный веѣмъ любителями рыбной ловли. Съ успехомъ применимъ во всякое время года и для всякой рыбы; замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватитъ наживку, то крючокъ механически заводится за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На посылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. Единственный складъ у П. Ф. Наталева, Невскій пр., Мяснотинъ.

рѣдъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

Полный иллюстрированъ въ краскахъ преЙс-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается за 1 семи-копѣечную марку.

Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 к.; вынимающіе подсѣкатели прибавляютъ за микроскопъ только 20 к. № 1162 1-1

Произведенія рассмотрѣны и разрѣшены С. П. Б. Врачебнымъ Управленіемъ.

КРАСОТА И СОХРАНЕНІЕ КОЖИ.

Вода де Лисъ де Нинонь придаетъ кожѣ блѣзну и прозрачность, предохраняетъ ее отъ загара, красноты, прыщей и проч. Необходимо зимою противъ наклонныхъ трещинъ и для освѣженія кожи, разгоряченной газомъ и дурнымъ воздухомъ, лѣтомъ оно лучше средство отъ загара и воспаленія вызваннаго пылью и солнцемъ. Цѣна болыи. флак. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Кремъ де Лисъ де Нинонь имѣетъ тѣ же свойства какъ вода де Нинонь и рекомендуется преимущественно лицамъ употребляющимъ Коудъ Кремъ, котораго они прѣзрѣшаютъ какъ качество. Цѣна за банку 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Пудра де Нинонь. Необходимое дополненіе къ Водѣ или Кремъ де Лисъ де Нинонь и замѣняющая всѣ другія пудры.

Цѣна за коробку 75 к., съ пересылкою 1 р. съ суховою 1 р., съ перс. 1 р. 25 к.

ВЪ ПРОДАЖѢ:

На Невскомъ просп., въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, домъ Католической церкви, № 32, и у Анничкова моста, домъ № 68.

На Вознесенскомъ проспектѣ, уголъ Назанской ул., № 10/14, домъ Шредера.

Отпавая продажа и отправка почтовою въ Конторѣ С.-Петербург. Химич. Лабораторіи, по Измайл. просп., № 21. Описание и способъ употребленія высылается по желанію бесплатно. Р. № 1163

ПРИГЛАШАЮТЪ

для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургѣ, Генриху Блокъ Невскій 51. № 1117 4-4

НОВОЕ ИЗОбРѢТЕНІЕ.

Ручн. и кожн. Зигеровскія шейныя машинки, которыя кромѣ известныхъ работъ выметываютъ петли, вышивають и шють черезъ край. Подробный преЙс-курантъ и пробныя нити высылаются бесплатно. Р. № 11256-3

А. ШТЕЙНЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская № 26.
Большой выборъ обычныхъ шейн. машинъ дешеваго и лучшаго достоинства.

СПбургъ, Невскій пр. № 62, противъ Публич. Библиотеки

Г. ВАЛЬТЕРЪ,

специалистъ хронометровъ и сложн. час. механизмовъ.

Бѣгов. часы (хронографы). ПреЙс-куранты го востреб.

№ 4012 20-11

Съ разрѣшенія С. П. Б. Врачебнаго Управленія.

СВОБОДИНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ

СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ

уничтожаетъ въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ. Особенно возрастаете употребленіе Свободина, вслѣдствіе рекомендаціи потребителей, доказывающаго отличное дѣйствіе этого средства. № 1034 15-9

Цѣна за флаконъ 35 коп. Съ пересылкою 2 флак. 1 руб., 4 флак. 1 руб. 70 коп., 6 флак. 2 руб. 40 коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ А. ГЕВГАРДТЪ.

Казанская ул., д. № 3, магазинъ № 1.

МАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ

ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство—5 лѣтъ, что не почернѣютъ! Предлагаютъ депо Василія Аурихъ, Большой Морская, д. 17, кв. 6, нарядн. лѣстница № 1020 10-9

МУЖСКАЯ ОДИНОЧН. № 2, 3, 3 1/2, 4 и 4 1/2 руб.

Двойная № 4 1/2, 5 1/2, 7 и 8 руб.

ДАМСКАЯ СЪ НИСТЬЮ № 4, 5, 6, 6 1/2, 8 и 9 руб.

КАРАНДАШИ № 1, 1 1/4, 1 1/2 и 2 руб. Ключики по 75 коп. Пересылка 50 коп. Торгоуцамъ е идна.

ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТІЕ

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

Извѣстная банкирская контора имѣетъ въ провинціи, во всѣхъ мѣстахъ Имперіи, благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи 5% Государственныхъ 1 и II съ выигрышами займовъ съ разсрочкою платежа и для страхованія билетовъ тѣхъ же займовъ отъ тиражераго погашенія на выгодныхъ условіяхъ. Этимъ дается каждому возможность съ легкостью, безъ всякихъ расходовъ и купеческаго познанія, увеличитъ своей годовой приходъ.

Обращаться съ указаніями настоящихъ занятій въ С.-Петербургскую Центральную Контору Объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. (штырменю). Р. № 1057

ГИЛЬЗЫ

Майсовая, некрашенная бумага, продается для гг. торговцевъ въ ящикахъ по 10,000 штукъ. Майсовая за ящикъ 2 р. 90 к., а бѣлая 2 р. 50 к. Требования исполняются немедленно. Петерб. стор., Большой просп., д. № 46. А. Бабкинъ. № 1156

ИСКУССТВЕННЫЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

Г. ЭТИНГЕРА,

Васильевск. Остр., Ср. просп., межд. 5 и 6 д., № 27.

ПреЙс-куранты:

Сифонъ (сельтерской) . . . 10 к.

20 полубут. (лиг. сод. воды) 90

20 бут. шипуч. лимонаду 1 р. 40

25 " фрукт. ягод. водъ 2 р. "

20 полуб. Виши (Vichy) 2 р. "

20 " 1/4 б. пирофосф. желѣзн. 1 р. "

Залогъ за бут. по 2 коп., за сифонъ по 1 р.

Доставка на домъ *отъ 5 сиф. и 20 бут. съ прилож. откр. письма. Вѣд. водъ пригот. подъ наблюд. магистра фармаціи.

ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРЕПРОДАВЦЕВЪ.

Самая дешавая оптовая продажа бажетовъ золоченыхъ и черныхъ. ПреЙс-куранты и образцы бесплатно.

Р. № 1147

В. ФРИЦЪ.

ФАБРИКА БАЖЕТОВЪ.

С.-Петербургъ, Малая Морская, № 16.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Вас. Острова, 1 линия, № 10.

МОСКВА, УЛ. ДОМЪ СЫТОВА.

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ

для тушенія пожаровъ въ зачаткѣ и полнѣи цѣтовъ по 16 р. Упаковка 40 коп.

РУС. НАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА

10 раз. размѣровъ—наименьшая выбрасыв. 600 ведеръ воды въ часъ и стоицъ 115 р.

Нососы для всѣхъ возможныхъ цѣлей.

ПУЛЬЗОМЕТРЫ К. Г. ГОЛЛЯ

лучшія паровой насосъ настольн. времени.

ЗЕМЛЕБАБЪЧЕСК. МАШИНЫ ВСЯКАГО РОДА. въ болыпомъ выборѣ на складѣ у

№ 1154 **ТОВАРИЩЕСТВА** 5-1

БЪРГГАРДТЪ и УРАБЪ.

Новый роскошно иллюстрированный каталогъ высылается за 21 коп. марками.

МАГАЗИНЪ

А-ЛА РЕНОМЕ.

НЕВСКІЙ, № 3, БЛИЗЪ АДМИРАЛТЕЙСТВА.

Для сох аненія бѣлизны, мягкости и нѣжности кожи лица и тѣла отъ вліянія лѣтней температуры солнца, пыли, вѣтра, отъ загара, веснушекъ, прыщей, красноты кожи и т. д. употребляютъ съ пользою приготавленныя съ разрѣшенія С. П. Б. врачебнаго управленія.

Огуречная вода, фла. 35 коп., съ перес. 2 фла. 1 руб.

Глицериновое молоко, фла. 60 коп., съ пересылк. 1 руб.

МОЛОКО НИМФЕЯ

Lait de Nymphéa.

Флак. 1 р. 25 коп., съ перес. 2 рубля.

Lait de Lys de Cachemir, фла. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Мыла: огуречное 10 к., лимонное 15 к., земляничное 25 коп., мыло альпійскихъ травъ 35 к., мыло фуажеръ 85 к. и т. д.

Свѣжестъ, гнбкость и хорошій цвѣтъ лица достигаются при употребленіи

ЛЮФА или ГУБЫ ИЮСТИИ

шт. отъ 40 коп., съ пересылк. 2 шт. 1 р.

НОВОСТЬ! ЛЮФА-ПЕРЧАТКА,

весьма удобна для растиранія тѣла, шт. 75 коп., съ пересылкою 1 руб.

ОТЪ УЖАЛА КОМАРОВЪ

Сосновая жидкость фла. отъ 40 к. Фенольный укусъ фла. 45 к. Китайское По-Хо, фла. 50 к. Ментоловые карандаши 50 к. Р. № 1142 2-2

ОБОИ

случайно прибрѣтенныя большія партіи

РАСПРОДАЮТСЯ

во всѣхъ складахъ Нована съ больш. лит. уступкой.

Торговцамъ образцы высылаются не иначе какъ по полученію задатка не менше 5 руб.

И. П. Новакъ № 1.

Екатерингофскій просп., у Юсупова сада. № 1160.

ЦИНКОЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ

Г. ПОЛЬ и Ко.

(Н. RONL & C-IE, BERLIN).

Москва: Петровскія торговля линія.

Фонтаны, фигуры для садовъ, надгробныя и другіе памятники, канделябры, русскія орды и медали всѣхъ выставокъ, металлическія буквы, строительные орнаменты.

Никелирование, серебрѣніе и золоченіе. Таблицы со всевозможными надписями.

ИЗВѢСТНЫЯ

МАСЛОБОЙКИ

"БЛАНГАРДЪ".

Американскія видны для сѣна и навоза изъ лучшей стали. Р. № 10837-2

САДОВЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Ж. БЛОКЪ.

СПБ. Невскій 16.

Москва, Кузнецкій м. д. Голицына.

МЕБЕЛЬ

всякаго рода, по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Иллюстрированный каталогъ, содержащій около 100 рисунковъ, а также образцы матерій, высылается по полученію 28 коп. почтовыми марками. Р. № 1148 3-2

В. ФРИЦЪ,

Контора мебели.

С.-Петербургъ, М. Морская. 16.

ПРАВІТЕЛЬСТВОМЪ УТВЕРЖДЕННОЕ

СПРАВОЧНОЕ БЮРО

"Н. ДОНИЧЪ"

МОСКВА, Софійка, прот. Лубян. пассажа

Завленія принимаютъ и выдаютъ справки: о продажѣ, залогѣ, арендѣ, покупкѣ недвижимои и движимости; о капиталахъ подѣ залогъ недвижимои и движимости. Принимаются объявленія во всѣ газеты и журналы по цѣнамъ редакцій; постояннымъ клиентамъ дѣляется уступка.

Всѣ дѣйствія "справочнаго бюро" безъ коммиссіонерства.

Только что вышель изъ печати:

ВЪ ПАМЯТЬ ВИКТОРА ГЮГО.

Траурный маршъ, соч. Эрнеста Келеръ для фортепiano въ 2 руки, съ весьма удачн. нымъ портретомъ и автографомъ поэта. Цѣна 75 коп. Продается во всѣхъ музыкальных магазинахъ и у издателя

Юлія Генрихъ Циммерманъ.

С.-Петербургъ, 36 и 42 Большая Морская. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торчицова. Р. № 1150 1-1

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ

БУХГАЛТЕРІИ

ИНОГОРОДНЫХЪ

ПРИ ПОСРЕДСТВѢ ОБОЮДНОЙ ПЕРЕПИСКИ,

которая замѣняетъ усное преподаваніе во всѣхъ отношеніяхъ. За успѣхъ ручаются: плату взимаю умѣренную; подробныя условія преподаванія и пробныя письма высылаю бесплатно. № 1159

Преподаватель коммерческихъ наукъ Степанъ Яковлевичъ ДИЛІЭНТАЛЬ

Адресъ: Москва, Поварская ул., д. Водягина.

ДУХОВНАЯ МУЗЫКА

въ изданіяхъ Императорской Пѣвческой Напелны имѣется постоянно на складѣ, въ отдѣлѣ церковной музыки, по цѣнамъ канцеляри, въ музыкальной торговлѣ

П. ЮРГЕНСОНА.

НЕГЛИННЫЙ ПР. 10, УГ. КЪЗЕНЬКАГО П. № 1026 **МОСТА,** 3-3

ВЪ МОСКВѢ.

ЦЕЗАРЬ И МИНКА

Всѣмъ извѣстно какъ самое обширное заводчаніе въ Европѣ для разведенія собакъ, получившее золотыя и серебряныя государственныя и общественныя медали.

ЦАНА въ Прусской Сансони.

ПреЙс-куранты на нѣм. франц. яз. бесплатно и франко. Брошюра съ 50 разн. оригинал. изображ. собакъ разныхъ породъ, получившихъ всѣ I награды, руководство къ заводчанію и любительствѣ за 10 мар., 6 рублей, 6 гудл., 12 фр. 50 с. Р. № 1127 3-3

ЖИВА

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
в „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стр.) в Глав. Кон. Ред. по
60 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургъ 4 р.
Съ доставкою въ Петербургъ 5 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.
Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 6 Ч. ВЕЧЕРА.

Густавъ Нахтигаль.

Въ последнее время Германія понесла нѣсколько чувствительныхъ утратъ въ лицѣ своихъ изслѣдователей Африки. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ также извѣстный ученый, Густавъ Нахтигаль, скончавшійся 8 (20) апрѣля на борту канонерки Мѣва, отъ тропической лихорадки. Тѣло его предано землѣ 22 апрѣля, на мысѣ Пальма, на границѣ Либеріи.

Серьезно слѣдуя своему призванію, Нахтигаль принадлежалъ къ самымъ достойнымъ представителямъ нѣмецкой науки. Сынъ сельскаго священника, Нахтигаль родился въ 1834 году, близъ Стендала. Окончивъ школу, онъ сталъ изучать медицину въ Боннѣ, Вюрцбургѣ, Грейфсвальдѣ и Берлинѣ. Сѣверный климатъ вредно отзывался на его здоровьи, и для поправленія его, онъ въ 1862 году, въ качествѣ военнаго врача, отправился въ Алжиръ и Тунисъ. Тутъ онъ поступилъ лейбъ-медикомъ къ бѣю,

Густавъ Нахтигаль. † 8 (20) апрѣля. По фотогр. грав. Флюгель.

сопровождать его въ походахъ противъ возставшихъ племенъ и заслужилъ его расположеніе. Спустя нѣсколько лѣтъ, ему представился случай отправиться внутрь Африки—цѣль, къ которой онъ давно стремился, имѣя наклонность къ географическимъ изслѣдованіямъ. Гергардъ Рольфсъ передалъ ему въ Триполи подарки короля Вильгельма, предназначенные для султана Борну, для врученія ему. Въ 1868 г. Нахтигаль предиринялъ путешествіе въ Суданъ, оказавшееся такимъ знаменательнымъ для науки. Послѣ счастливо оконченной миссіи въ Борну, правитель котораго согласился со всѣми его планами, Нахтигаль посѣтилъ страны Баргими и Вадаи, гдѣ до него не бывалъ еще ни одинъ европеецъ. Въ послѣдней былъ убитъ королемъ путешественникъ Фотель Болѣзъ помышала предположенію Нахтигали посѣтить другія страны Судана. Только въ Дарфурѣ онъ встрѣтилъ прекрасный пріемъ у чернаго принца, и имѣлъ возможность озна-

комиться съ мѣстнымъ языкомъ и исторіей. Возникшая война принудила его покинуть страну Лѣтомъ 1874 г. разными обходами онъ достигъ Кордофана, отсюда онъ направился въ Хартумъ и затѣмъ вверхъ по Нилу—въ Каиръ. Цѣлыхъ пять лѣтъ Нахтигаль провѣлъ внутри африканскаго континента; ему всюду удавалось пріобрѣтать расположеніе иностранныхъ правителей и находить защитниковъ у самыхъ недружелюбныхъ племенъ. Всѣ впечатлѣнія, вынесенныя изъ этого достопамятнаго путешествія, изложены Нахтигалемъ въ его научномъ сочиненіи „Сахара и Суданъ“, составляющемъ драгоцѣнный матеріалъ для этнографическаго и географическаго ознакомленія со странами Судана. При своемъ возвращеніи въ Германію въ 1875 г., Нахти-

галь былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ. Географическое общество въ Берлинѣ избрало его своимъ предсѣдателемъ, и когда въ 1882 г. потребовался германскій представитель въ Тунисѣ, Нахтигаль былъ посланъ туда въ качествѣ генеральнаго консула. Послѣ двухлѣтней тамъ дѣятельности, ему открылось новое поприще. Въ маѣ 1884 г. онъ получилъ порученіе осмотрѣть западные берега Африки, въ виду укрѣпленія развивающихся тамъ колониальныхъ отношеній и съ цѣлью распространенія на нѣмецкихъ поселенцевъ германскаго владычества. Изъ этого путешествія, во время котораго Нахтигаль, какъ извѣстно, въ іюлѣ и августѣ прошлаго года водрузилъ германскій флагъ въ области Того и Камерунѣ, онъ уже не вернулся живымъ.

Радованская тайна.

Повѣсть Петра Петрова.

I.

Направо, налево, впереди, позади, уродливыя известковыя и кварцевыя наслоенія, мѣстами сѣрыя и бѣловатыя, мѣстами подернутыя черно-зеленою плесенью.

Видъ ужасный, подавляющій своею безжизненностью, своею безотрадностью, своимъ конечнымъ разрушеніемъ

Здѣсь царствуетъ хаосъ.

Одни камни—ничего больше. Вездѣ камни, размытые, источенные, разбитые, разорванные, расщепленные, мѣстами искрошенные въ песокъ, истертые въ пыль. То лежатъ они громадными, неуклюжими плитами, выставляя обнаженныя ребра, то лѣзутъ дико вверхъ, то выползаютъ бокомъ; то скучены они грудами, то разметаны розсыпями, то обвалились ямами, то безпорядочно валяются плитами кривь, вкось, стоймя, плашмя, тѣсно, плотно одна къ другой, одна налѣзая на другую, какъ бы надгробныя плиты типическаго кладбища, расшатаннаго и исковерканнаго землетрясеніемъ.

И дѣйствительно, это—кладбище. Громадное историческое кладбище.

Здѣсь неумолимое время, за неимѣніемъ уже ничего другаго, обратило уррюмую жажду разрушенія на послѣднее—на самые убогіе камни. Здѣсь природа довершаетъ дѣло человѣка. Она мститъ за то, что онъ надъ нею совершилъ.

А налегъ онъ здѣсь, человѣкъ, особенно усердно: разорялъ упорно, разорялъ съ любовью, со страстью, въ конецъ. Онъ косилъ необычайно, скосилъ людей, скосилъ лѣса, скосилъ жилища, скосилъ все живущее и все дарующее жизнь. Теперь остался одинъ остова, остались одни кости.

Въ теченіи столѣтій, полновластно царствовало здѣсь одно изувѣрское неистовство. Люди были замучены, вырѣзаны, разбѣяны лѣса, оживлявшие и оплодотворявшие почву, прикрѣпившіе ее къ каменному грунту, были выжжены, или пошли на висѣлицы и мученическіе колья; жилища были выжжены и срыты съ лица земли. И когда это мѣсто, нѣкогда плодородное, зеленѣющее, полное жизни, превратилось въ пустыню, природа принялась смывать остальное, смывать такъ, какъ она одна умѣетъ—все до послѣдней крошинки земли, до послѣдняго убогаго клочка травки.

И вотъ, отъ могучаго тѣла, нѣкогда полнаго жизни, остался лишь одинъ бѣлѣющійся скелеть. Дожди, снѣга, потоки его размываютъ, горные вихри и вѣтры играютъ надъ нимъ и развѣваютъ прахъ его на всѣ четыре стороны.

Что же это за мѣстность, скорбная и прокаженная?

То—юго-западная часть Герцеговины, граничащая съ Черногоріей, а самое мѣсто, гдѣ мы стоимъ, прозывается Радованъ-корыто.

Занимается сумрачное утро. Сквозь туманъ начинается брезжить смутный сизоватый свѣтъ. Совершенная тишь и безмолвіе.

Изъ-за рѣдѣющаго тумана, на однообразномъ фонѣ сѣроватаго камня начинаютъ неясно выдѣляться фигуры спящихъ людей

Ихъ около сотни. Лежатъ они не по обычному, не тѣснымъ кружкомъ вокругъ глѣющагося или потухшаго костра, а въ разбродѣ, приткнувшись тамъ-сямъ между камнями; лежатъ закутанные по уши въ свои черныя *струки* (нѣчто въ родѣ плѣда), изъ-за которыхъ торчатъ красныя и черныя *камы* (черногорскія шапки), пахлобученныя на глаза. Возлѣ каждаго человѣка лежитъ ружье.

Крѣпкимъ сномъ спятъ *гонаки* (молодцы). Наканунѣ они сдѣлали набѣгъ на мѣстечко Липникъ, заселенное родичами бега Дэдъ-ага-Ченгича, лютаго врага христіанъ. Не дешево далась имъ эта побѣда. Самъ Дэдъ-ага-Ченгичъ, извѣстный своею храбростью, управлялъ обороною. Каждую *кучу* (домъ) пришлось брать приступомъ. Рѣзня была страшная. Ни съ той, ни съ другой стороны не было пощады.

Подъ самый конецъ боя, когда съ турками почти совсѣмъ было покончено, послышалась вдругъ въ тылу частая стрѣльба и раздались тревожный крикъ:

— Аскеры! (солдаты регулярнаго войска).

Усташей было слишкомъ мало, чтобы вслѣдъ за такимъ жаркимъ дѣломъ вступать въ бой съ регулярнымъ войскомъ. Пришлось бросить большинство добычи и поспѣшно отступать, подобравъ только своихъ раненыхъ.

Удобнѣе и безопаснѣе всего было имъ укрыться въ Вучьей Долѣ, но *словарь* (начальникъ), Лука Петковичъ, повелъ ихъ окольнымъ путемъ сюда, на Радованъ-корыто, и расположился тутъ на ночлегъ, къ немалому удивленію и неудовольствію измученныхъ и сильно проголодавшихся усташей.

И дѣйствительно, хуже мѣста, кажется, нарочно нельзя было избрать для ночлега. Во-первыхъ, оно отстояло не болѣе какъ верстахъ въ двухъ отъ только что разореннаго Липника, занятаго теперь цѣлымъ *таборомъ* турецкой пѣхоты, и опасность такого соседства увеличивалась еще тѣмъ, что само мѣсто не представляло никакихъ выгодъ для защиты. Это была большая и глубокая, круглая котловина, имѣющая версты три въ поперечникѣ, съ невысокою скалистою возвышенностью посредишѣ. Находившіеся здѣсь могли быть захвачены какъ въ мышеловкѣ.

Во-вторыхъ,—и это было главное для усташей—здѣсь не было источника, иначе говоря, ни капли воды, а почва состояла сплошь изъ каменистыхъ глыбъ и обломковъ, отдыхать на которыхъ не представляло особенной прелести, даже для невзыскательныхъ усташей, сильно утомленныхъ жаркимъ боемъ.

Пришли они сюда подъ самый вечеръ, когда ужъ почти совсѣмъ стемнѣло, улеглись не разводя костровъ, чтобы не привлечь вниманіе турокъ, да и потому, что среди этого безжизненнаго каменнаго хаоса не было ни деревца, ни кусточка, ни даже клочка травки,—улеглись кто какъ могъ приткнуться на острыхъ камняхъ и заснули богатырскимъ сномъ.

И вотъ, всѣ они теперь спятъ...

Не всѣ впрочемъ.

Одна фигура, рѣзко отличающаяся отъ другихъ, сидитъ уставившись взоромъ въ землю. Сидитъ она на

склонѣ скалистой возвышенности, у подножія которой спятъ остальные.

У человѣка этого на ногахъ сапоги, а не горскія *опанки* (лапти изъ воловьей шкуры), и одѣтъ онъ въ европейское платье. Только на головѣ у него черногорская *капа*. Видъ его истомленный до крайности. Взглядъ мрачный и растерянный.

Давно сидитъ такъ, совершенно неподвижно этотъ человѣкъ, погруженный въ глубокую, тяжелую думу...

Вдругъ онъ встрепенулся.

По близости надъ нимъ что то хрустнуло. Онъ быстро вскинулъ взоръ въ ту сторону и увидѣлъ саженяхъ въ двухъ человѣка, отодвигавшаго камни, наваленные предъ небольшимъ пещернымъ отверстіемъ, столь незначительнымъ, что безъ этого случая его врядъ ли можно было замѣтить.

Вѣроятно, при своемъ невольномъ движеніи, сидѣвшій произвелъ нѣкоторый шумъ, потому что отодвигавшій камни человѣкъ быстро оглянулся.

Къ этому времени уже значительно разсвѣло.

На темномъ фонѣ пещернаго отверстія рѣзко выдѣлилось мужественное, страшно загорѣлое лицо, которому большіе сѣдые усы и широкій шрамъ на лѣвой щекѣ придавали особенную суровость.

— Лука Петковичъ! произнесъ сидѣвшій и тотчасъ всталъ.

На лицѣ стараго черногорца мелькнуло что то досадливое и тревожное. Но то было одно мгновеніе.

— Что скажешь, господине? откликнулся онъ выпрямившись.

— Имѣю просьбу.

Лука Петковичъ тотчасъ направился къ нему.

Оба человѣка были одинаково высокаго роста, оба были, можно сказать, богатырскаго склада, лица обоихъ были украшены большими усами самаго воинственнаго вида, а между тѣмъ, не взирая на всѣ эти общія черты, какъ разнествовали между собою эти двѣ фигуры!

Лука Петковичъ, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, былъ бодръ, свѣжъ, держался прямо. Ни тѣни усталости, или истомы на лицѣ. Сила и мощь чувствовались въ каждомъ движеніи.

Вся фигура другаго человѣка, напротивъ, выражала крайнее изнеможеніе. Онъ едва плелъ за собою ноги, руки у него тряслись, станъ былъ сгорбленъ, лицо блѣдно, взглядъ потухшій и растерянный. На видъ ему было лѣтъ сорокъ.

— Что скажешь, господине? произнесъ Лука Петковичъ.

Взглядъ его, въ первую минуту испытующій, сталъ словно насмѣшливъ при видѣ несчастной фигуры собесѣдника.

— Добро себя *чуешь*? прибавилъ онъ.

— Якъ же добро!.. Я больше не могу... совсѣмъ ослабѣ... Самъ видишь, сказалъ тотъ, мѣшая русскія, польскія и сербскія слова.

— Вижу. *Не валя ништо* (ничего не стоишь), проговорилъ Лука, накренивъ голову на бокъ и продолжая поглядывать тѣмъ же, слегка насмѣшливымъ взглядомъ.

— Очень ужъ изморился...

— И отчего бы тебѣ, какъ я подумаю, измориться, когда ты съ *турчиномъ* не бился?

Слова эти, сказанныя, казалось, самымъ простодушнымъ тономъ, видимо не пришлись по вкусу собесѣднику, но онъ ничего не возразилъ.

— Я хотѣлъ тебя просить дать мнѣ проводника. Мнѣ сказали, что мы тутъ совсѣмъ близко отъ черногорской границы, сказалъ онъ.

— Ну и ступай себѣ съ Богомъ... Душановичъ, произнесъ помолчавъ съ минуту Лука, причѣмъ послѣднее слово онъ подчеркнулъ уже съ явною ироніею. Я тебѣ дамъ *момака* („малаго“) моего Спасо. Онъ доведетъ

тебя до Тупани, а тамъ воевода Петаръ дастъ тебѣ человѣка.

— А вы всѣ сами не пойдете теперь въ ту сторону? спросилъ съ принужденнымъ видомъ тотъ, кого черногорецъ называлъ Душановичемъ.

— Нѣтъ, не поидемъ... Да ты не бойся — на этомъ пути не можетъ быть турчина, потому вы все время *брдой* (верхами горъ) поидете.

— Я это спросилъ вѣдь только потому, что слабъ теперь очень...

— *Вьдамъ, вьдамъ*, что ты *юнакъ* (знаю, знаю, что ты молодецъ), отрѣзалъ Лука Петковичъ такимъ тономъ, который стоилъ десяти пощечинъ, и затѣмъ, почесавъ себѣ затылокъ, прибавилъ. Ну поидемъ. Я тебя сейчасъ и отправлю. Къ полдню будешь въ Тупани...

Внизу уже поднимались отъ сна усташи. Нѣкоторые сидѣли, озираясь заспанными глазами по сторонамъ, потягивались и зѣвали; другіе шарили въ карманахъ, считали оставшіяся *фишеки* (патроны), или, накинувъ струку на одно плечо, переходили отъ одного товарища къ другому, въ чайніи раздобыть щепотку *дувану* (табаку), или кусокъ хлѣба.

— Спасо! крикнулъ Лука Петковичъ.

На этотъ зовъ поднялся и подошелъ красивую, свободную горскою походкою молодой, рослый парень, въ возмутительно затасканной и дырявой *блячѣ* (черногорскій армякъ).

— *Чуешь*, отведи господина на Тупанъ, сказалъ Лука Петковичъ.

— Этого? произнесъ Спасо, кивнувъ безцеремонно, чуть ли не презрительно, на Душановича; произнесъ такимъ тономъ, будто онъ считалъ этого человѣка за послѣднюю дрянь.

— Да, этого, и *отма* (сейчасъ)... Чуешь, чтобы все добро было, наказалъ строгимъ голосомъ Лука, видя, что момакъ очень недоволенъ возложеннымъ на него порученіемъ.

Спасо хотѣлъ было что то возразить, но Лука не далъ ему слова произнести.

— Гайдъ (иди)! прикрикнулъ онъ и сейчасъ затѣмъ спокойнымъ, но строгимъ голосомъ прибавилъ: Къ воеводѣ Петру его отведешь, а оттуда вернись на Вучій Долъ. Чуешь?

Спасо, не отвѣтивъ ни слова, взялъ свое ружье, накиннулъ струку на лѣвое плечо, и подошелъ къ Душановичу.

— Гайдъ, господине, сказалъ онъ, не глядя на своего спутника.

Тотъ послѣдовалъ за Спасо, не бросивъ даже взгляда на пещерное отверстіе, приковавшее за нѣсколько времени передъ тѣмъ его вниманіе, не предчувствуя, что эта самая пещера будетъ играть страшную и роковую роль въ его жизни.

А еще говорятъ про предчувствія!

Едва Душановичъ и Спасо прошли нѣсколько шаговъ, какъ раздался гулкій выстрѣлъ... другой, третій и затрещала частая стрѣльба.

— Что это?! Турки?! испуганно проговорилъ Душановичъ.

— А кто же иной какъ не турчинъ? отрѣзалъ сухо Спасо.

Усташи быстро вскочили и схватились за оружіе. Лука бросился къ нимъ, чтобы отдалъ на-скоро приказанія.

— Что-жъ намъ тутъ стоять? Ради Бога поидемъ скорѣе! засуетился испуганно Душановичъ.

— Гайдъ! отрѣзалъ опять, чуть ли не съ омерзѣніемъ, Спасо и, плюнувъ съ недвусмысленнымъ видомъ, пошелъ большими шагами.

Душановичъ слѣдовалъ за нимъ несравненно бодрѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ столь истомленнаго человѣка.

Сзади трещала жаркая перестрѣлка.

Пастушеская идиллія. Съ картины А. Д. Гольца, рис. на деревѣ салъ авторъ, грав. Пааръ.

ХІІІ передвижная выставка. Ярмарка въ малороссійскомъ селѣ. Съ карт. Вл. Е. Маковского.
По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

II.

Настоящая фамилия этого человека была вовсе не Душановичъ.

Онъ былъ полякъ, Янъ, или Иванъ Бжитковичъ. Рослый, статный брюнетъ съ сѣрозелеными глазами и длинными, лихо закрученными усами; красивый, видный, тридцати трехъ лѣтъ, но котораго жизнь успѣла настолько укатать, что онъ выглядѣлъ годовъ на семь старше.

Есть натуры, внѣшняя оболочка которыхъ не только не гармонируетъ съ ихъ духовнымъ существомъ, но даже является въ отношеніи послѣдняго какимъ то кричащимъ, дикимъ анахронизмомъ.

Случалось вамъ встрѣчать людей богатырскаго склада, самаго геройскаго вида, которые на дѣлѣ оказывались отъявленными трусами, ничтожными тряпицами, не смотря на то, что, вслѣдствіе какого то непостижимаго недоразумѣнія съ самими собою, они посвятили себя военной, боевой службѣ?

Случалось вамъ, съ другой стороны, встрѣчать людей на видъ мизерныхъ, такихъ, что, кажется, однимъ щелчкомъ пришибить можно, предававшихся всю жизнь самымъ мирнымъ занятіямъ, и внезапно, при случаѣ, проявляющихъ силу воли невѣроятную, энергію изумительную, мужество и храбрость истинно геройскія,— проявляющихъ все это неожиданно не только для другихъ, но и для самихъ себя.

Бжитковичъ былъ одною изъ такихъ натуръ. Мужественная осанка, энергичное лицо, суровый взглядъ, что то воинственное во всей фигурѣ, значительная доза наглости, мгновенной смѣлости и рѣшимости, и при всемъ этомъ совершенное отсутствіе энергіи, силы воли, и трусость, такъ сказать, органическая, которую онъ никакъ не могъ побороть—мало того, въ которой онъ никакъ не хотѣлъ сознаться передъ самими собою.

Въ силу этого, вся жизнь его явилась какимъ то рядомъ недоразумѣній съ самими собою. Такіе авантюристы попадались иногда въ польской „справѣ“...

Его отецъ былъ мелкій землевладѣлецъ въ Минской губерніи. Въ 1863 году, Янъ Бжитковичъ, которому тогда было лѣтъ двадцать, примкнулъ къ возстанію. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ, изъ самыхъ отчаянныхъ повстанцевъ... до перваго столкновенія съ нашими войсками. Ему самому казалось, что онъ такъ прямо и полѣзетъ среди града пуль въ самое опасное мѣсто, и окажетъ чудеса храбрости. Паненки заглядывались на его красивую, мужественную фигуру, въ лихо заломленной на бокъ конфедераткѣ и расшитомъ кунтушѣ. Это былъ впередъ намѣченный герой... Но вотъ банда, въ которой находился Бжитковичъ, столкнулась съ нашими войсками. Раздался по лѣсу раскатистый гулъ выстрѣловъ, засвистѣли и зашипѣли пули, послышались тамъ-сямъ стоны и слабые вздохи... и вдругъ Бжитковичъ, за минуту передъ тѣмъ мнѣвній себя героемъ готовымъ на все, почувствовалъ такой испугъ, такой страхъ быть задѣтымъ, или пронизаннымъ одной изъ этихъ пуль, такой ужасъ опасности и смерти, что сразу совершенно ослабѣлъ, утратилъ всякую силу воли и, не имѣя возможности преодолѣть это неожиданное ощущеніе, омерзительное и болѣзненное, бросился бѣжать безъ оглядки. Вечеромъ, когда Бжитковичъ пришелъ въ себя и оправился, онъ объяснялъ самому себѣ позорное поведеніе свое лихорадкою и растерянностью, неизбѣжными при первомъ „крещеніи огнемъ“, и снова чувствовалъ себя готовымъ на всякіе воинскіе подвиги. Въ слѣдующихъ двухъ дѣлахъ повторилось, однако, то же самое явленіе, и даже съ болѣею быстротою и болѣзненностью.

Бжитковичу, съ тремя товарищами разбитой и разсѣянной банды, удалось благополучно перебраться за границу. При этомъ произошло довольно темное обстоятельство: одинъ изъ бѣглецовъ, богатый помѣщикъ,

имѣвшій при себѣ порядочную сумму денегъ, оказался безъ нихъ... Какъ? — это такъ и осталось неразъясненнымъ, но подозрѣнія товарищей пали почему то на Бжитковича.

Правда, что послѣдующее поведеніе Бжитковича не шло въ разрѣзъ съ этими подозрѣніями. Онъ, не имѣвшій ни гроша за душою, явился въ Парижъ, зажилъ довольно широкою жизнью, давая волю своимъ чувственнымъ аппетитамъ и рисуясь въ тогѣ политическаго эмигранта и „бойца за свободу ойчизны“.

Благополучіе это длилось не долго. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Бжитковичъ оказался безъ всякихъ средствъ къ жизни и притомъ въ положеніи какого-то отверженнаго. „Свои“ его сторонились. Взяться за какое нибудь серьезное дѣло, искать исходъ въ трудѣ—на это, хотя человекъ былъ онъ способный и ловкій, у него не хватило ни энергіи, ни желанія, ни силы воли. Онъ предпочелъ пуститься въ мелкій аферизмъ.

Такъ прошло лѣтъ семь. Бжитковичу, за это время, жилось разное—то густо, то пусто, какъ говорится. Насталъ роковой для Франціи 1870 годъ. При первыхъ военныхъ кликахъ—куръезное и непостижимое дѣло!—этотъ человекъ воспыдалъ боевымъ задоромъ и поспѣшилъ предложить свои услуги французскому правительству. Какъ человекъ съ „боевымъ прошлымъ“, онъ былъ немедленно принятъ на службу, и уже мечталъ о блестящихъ подвигахъ, объ отличіяхъ, военной славѣ, и смѣялся снисходительно надъ своимъ „дѣтскимъ“ поведеніемъ подъ русскими пулями, когда первое же дѣло, въ которомъ ему привелось участвовать, разбило въ прахъ эти героическія мечты. При зловѣщемъ свистѣ первыхъ пѣмедкихъ пуль, Бжитковича стала трепать та же лихорадка что за семь лѣтъ назадъ. Не имѣя возможности совладать съ собою, онъ, воспользовавшись боевою суматохою, скрылся съ поля битвы и вернулся въ Парижъ.

Здѣсь, вдали отъ непосредственной опасности, онъ снова воспрянулъ бойцомъ и „героемъ“. Громче всѣхъ кричалъ онъ противъ „несостоятельности“ тогдашней французской регулярной арміи, громилъ Наполеоновскій режимъ, ораторствовалъ въ клубахъ и предлагалъ навязчиво свои проекты „народной обороны“, — ораторствовалъ рисуясь своею мужественною внушительною фигурою, выставляя грудь впередъ и молодецки закручивая длинные усы.

Прошли мѣсяцы осады. Бжитковичъ устроился такъ, что за все это время, какъ говорится, не понюхалъ даже пороху, хотя и „выходилъ изъ стѣнъ вмѣстѣ съ батальонами“, чуть не при каждой вылазкѣ. Разумѣется, послѣ каждой такой экспедиціи, никто громче и рѣзче его не порицалъ нераспорядительность начальниковъ и недостатокъ самоотверженія солдатъ.

Настали дни „коммуны“. Тутъ Бжитковичъ развернулся уже во всю. Легкомысленный, самообольщающійся, онъ повѣрилъ искренно торжеству этого минутнаго безобразнаго режима и возгорѣлъ надеждою посредствомъ его получить видное положеніе, средства, извѣстность, имя.

Недолго однако пришлось ему красоваться въ расшитомъ золотомъ мундирѣ. Какъ только ключъ Парижа, фортъ Валеріанъ, былъ взятъ версальскими войсками, Бжитковичъ понялъ, что все потеряно для коммунаровъ, и, не дожидаясь дальнѣйшаго окончательнаго разгрома, не теряя ни минуты, бѣжалъ раньше всѣхъ изъ Парижа, захвативъ съ собою казну заправляемаго имъ „отдѣла“, не превышавшую впрочемъ двухъ тысячъ франковъ.

И на этотъ разъ онъ успѣлъ пробраться благополучно за границу. Тутъ началось для него существованіе сквернѣйшее. Двумъ тысячамъ франковъ пришелъ скоро конецъ. Средствъ къ существованію не было никакихъ. Безъ всякаго вида, скрываясь подъ чужимъ

именемъ, изображая изъ себя какую то очень подозрительную личность, Бжитковичъ года четыре скитался въ южной Германіи и Швейцаріи бездомнымъ бродягою, не смѣя показаться на глаза даже своимъ бывшимъ сообщникамъ, которые считали его воромъ, измѣнникомъ и трусомъ.

Наступилъ 1875 годъ. При первомъ извѣстии о возстаніи въ Герцеговинѣ, Бжитковичъ снова воспылалъ какими то радужными надеждами и военной славой! Да, именно военной, боевой славой воспылалъ снова этотъ человекъ, успѣвшій, кажется, достаточно хорошо ознакомиться на дѣлѣ съ самимъ собою и понять свою полнѣйшую непригодность по этой части.

Не имѣя никакого понятія о почвѣ, на которой приходилось дѣйствовать, основываясь на однихъ французскихъ и нѣмецкихъ газетныхъ извѣстіяхъ, большую частью невѣрныхъ и невѣжественныхъ, Бжитковичъ вообразилъ себѣ, что это возстаніе „такая-же революція какъ и всѣ революціи“, что съ простодушными, необразованными герцеговинцами можно будетъ все подѣлать левкому человеку, что первый кто тутъ явится „изъ интеллигенціи“, тотъ и будетъ дядькой. И вотъ, у него вскорѣ созрѣлъ цѣлый планъ въ головѣ; планъ, какъ и слѣдовало ожидать, столь же наглый сколько легкомысленный; онъ, Янъ Бжитковичъ, переименовываетъ себя въ Богумила Душановича, является подъ этимъ именемъ въ Герцеговину, выдаетъ себя за потомка послѣдняго царя сербскаго Лазаря Душана, что доставляетъ ему немедленно огромную популярность, организуетъ „временное правительство“, ведетъ къ легкой побѣдѣ возставшихъ, забираетъ власть въ руки... „А тамъ что будетъ то будетъ. Хуже чѣмъ есть не можетъ быть“ — а пули и боевыя опасности теперь, послѣ всего пережитаго, испытаннаго и претерпѣннаго имъ, не производятъ уже болѣе на него парализующаго и разлагающаго дѣйствія.

Бжитковичъ находился тогда въ Саксоніи, маленькомъ швейцарскомъ игорномъ мѣстечкѣ, гдѣ онъ мотался при рулеткѣ, примазываясь къ пріѣзжающимъ то въ качествѣ „профессора“, т. е. совѣтника по контировке на рулеткѣ, то чичероне, то комиссионера.

Здѣсь ему удалось, какъ только планъ его созрѣлъ въ головѣ, обойти одного молодого русскаго недоумка, которому онъ очень ловко „открылся“, т. е. повѣдалъ, подъ величайшимъ секретомъ разумѣется, что подъ скромною личиною рулеточнаго профессора скрывается потомокъ знаменитаго царя Душана. Въ заключеніе пояснено было, что „минута настала“, что его „тамъ“ ждутъ не дождутся, но что, къ великому отчаянію своему, онъ прикованъ къ мѣсту въ силу совершеннаго отсутствія средствъ.

— Говорю вамъ все это какъ брату славянину, какъ человеку, складъ мыслей котораго я успѣлъ оцѣнить, присовокупилъ самозванецъ голосомъ исполненнымъ благородства и достоинства.

Недоумокъ, принадлежавшій къ такъ называемымъ „саврасамъ“, никогда и не слыхалъ даже о знаменитомъ царѣ Душанѣ, о „славянской идеѣ“, о герцеговинцахъ; но тѣмъ не менѣе—по глупости своей конечно—счелъ долгомъ раскошелиться на полтораста франковъ.

— Я люблю платить свои долги, произнесъ при этомъ случаѣ Бжитковичъ, принявъ величавую осанку—Даю вамъ слово, что вы первымъ изъ всѣхъ получите большую звѣзду ордена „Герцеговинской Зари“, который немедленно по пріѣздѣ будетъ мною основанъ.

Ордена этого Бжитковичу однако не пришлось основать. Горькое разочарованіе ожидало его „на мѣстѣ“. Изобрѣтенное имъ имя, на которое онъ такъ рассчитывалъ, не произвело рѣшительно никакого впечатлѣнія. Когда онъ заикнулся только о своей родословной—ему довольно легко было объясняться съ мѣстными славя-

нами, благодаря знанію русскаго и польскаго языковъ— вмѣсто почета, эти „невѣжественные люди“, оказавшіеся очень твердыми и знающими въ генеалогіи своихъ именитыхъ родовъ, стали явно трунить надъ нимъ, а извѣстный Лука Петковичъ, такъ тотъ, безъ всякаго стѣсненія, сказалъ ему прямо:

— Го глупство.

Отправившись сгоряча въ горы къ ближайшимъ *уштамъ*, онъ нашелъ бѣдность крайнюю, полное отсутствіе самыхъ насущныхъ потребностей „культурнаго человека“, чрезвычайно суровыя условія жизни, невыносимыя для его слабодушной, рыхлой натуры. Онъ надѣялся найти здѣсь средства, думалъ пожить тутъ, а между тѣмъ у него же спрашивали *новаца*, т. е. денегъ.

Но послѣднимъ ударомъ было первое дѣло, въ которомъ ему привелось участвовать, или вѣрнѣе, присутствовать. Это дѣло былъ именно вчерашній бой при Липникѣ.

При зловѣщемъ свѣтѣ первыхъ турецкихъ пуль, съ Бжитковичемъ повторилось то же самое, что и прежде. Хуже того. Воображеніе заработало разнузданно. Онъ увидѣлъ себя оставленнымъ, брошеннымъ на произволъ судьбы, среди этихъ дикихъ горъ, равнымъ, достигнутымъ башни-бузуками и обезглавленнымъ... Поведеніе его было совершенно позорно. Онъ не могъ, по обыкновенію, бѣжать съ поля битвы, потому что кругомъ были невѣдомыя горы, дикія, мрачныя, безлюдныя, одинъ видъ которыхъ вселялъ въ немъ ужасъ... Онъ старался быть какъ можно далѣе отъ боя, но вмѣстѣ съ тѣмъ боялся слишкомъ отстать, прятался, умаливалъ чтобы при немъ оставили какъ можно болѣе тѣлохранителей... Когда-же раздался крикъ „аскерь!“ и началось послѣднее отступленіе подъ пулями, несчастный совсѣмъ потерялъ голову и даже заплакалъ проклиная свое сумасбродство.

Понятно какое впечатлѣніе произвело подобное поведеніе на храбрыхъ уштаей.

— *Хребица* (куропатка), а не человекъ, пробурчалъ послѣ дѣла Лука Петковичъ, указывая кивкомъ головы на тащившагося тутъ же Бжитковича.

— Душановичъ! *исто* (по истинѣ) Душановичъ! дополнилъ приговоръ кто-то изъ окружающихъ такимъ исполненнымъ насмѣшкой и презрѣніемъ тономъ, что всѣ разсмѣялись.

Боевое испытаніе подѣйствовало такъ на Бжитковича, что онъ рѣшилъ бросить свою затѣю и тотчасъ же уйти изъ этихъ дикихъ мѣстъ, столь-же страшныхъ, сколько и непродуцированныхъ. Совсѣмъ уйти, ухватъ отсюда.

Куда?—онъ самъ не могъ бы отвѣтить на это. Онъ былъ одинъ одинешенекъ на бѣломъ свѣтѣ, съ нѣсколькими флоринами въ карманѣ. Всю душою онъ рвался отсюда, хотя вездѣ его ожидало то же одиночество, та же безпомощность; но въ другомъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, его ожидала неизвѣстность, тогда какъ гутъ онъ теперь хорошо зналъ, на что онъ могъ надѣяться... И почти полное безденежье при этомъ! Всего какихъ нибудь флориновъ десять въ карманѣ...

Вотъ почему мы застали Бжитковича погруженнымъ въ мрачное раздумье.

Онъ ожидалъ только пробужденія уштаей, чтобы просить Луку Петковича дать ему проводника до черногорской границы, когда Лука Петковичъ столь неожиданно и странно самъ появился предъ нимъ.

III.

Ризано — ничтожный австрійскій городокъ въ Боккѣ Каттарской, находящійся по близости черногорской границы.

У подножія горной громады очень мрачнаго вида, съ полсотни каменныхъ домиковъ, словно налѣпленныхъ другъ на другъ и скученныхъ тѣсно, боязливо будто

страшась сосѣдства огромныхъ каменныхъ глыбъ, нависшихъ со всѣхъ сторонъ надъ маленькимъ городкомъ.

Ближайшіе къ морю домики выльзаютъ совсѣмъ на воду, поставленные переднею частью на сваи и каменные устои. Миниатюрная набережная въ нѣсколько аршинъ шириной. Пять-шесть далматскихъ барокъ и нѣсколько лодокъ привязаны къ сваямъ, торчащимъ изъ воды вдоль набережной, а шагахъ въ пятидесяти отъ берега стоитъ только что пришедшій пароходъ австрійскаго Ллойда.

Кругомъ, куда ни взглянешь, виднѣтся сплошная чернѣющая стѣна горъ, окаймляющихъ тихія воды Бокки-Каттарской.

Сумрачное утро. Густыя облака лежатъ низко, гораздо ниже гребней окружающихъ горъ. Мороситъ мелкій дождь.

Городокъ уже давно проснулся.

На крошечной площади, составляющей нѣчто въ родѣ уступа у лѣваго конца набережной, происходило необычайное движеніе, не взирая на скверную погоду.

Нѣсколько десятковъ маленькихъ горскихъ лошадевокъ и *мазг* (муловъ), навьюченныхъ сѣрыми мѣшками, занимали часть площади. Вокругъ суетились, крича немилосердно и перебраниваясь, человѣкъ двадцать погонщиковъ изъ поморьянъ. Тутъ-же, мѣрно и важно расхаживали нѣсколько черногорцевъ въ грязныхъ *блачахъ*, черныхъ *канахъ* и, противъ обыкновенія, безъ оружія.

Черногорцы не имѣютъ права появляться вооруженными на австрійской территоріи. Съ другой стороны, по своимъ обычаямъ, они ходятъ всегда при оружіи, а по существующему закону не могутъ отлучаться безоружными болѣе чѣмъ на часъ разстоянія отъ своего жилища. Поэтому они обыкновенно расстаются на самой границѣ и крайне неохотно со своими неразлучными друзьями: *пушкой* (ружьемъ) и кинжаломъ. Оружіе хранится до ихъ возвращенія или въ австрійскомъ таможенномъ домикѣ, или у кого нибудь изъ знакомыхъ пограничныхъ поселенцевъ.

Мирно разгуливавшіе черногорцы присматривали за навьючкой коней и мазгъ.

Въ другомъ углу площади стояла толпа человѣкъ въ пятьдесятъ мужчинъ и женщинъ.

Мужчины, истощеннаго вида, страшно загорѣлые, почти черные, въ однѣхъ рубахахъ съ широко раскрытымъ воротомъ. Грудь ихъ черная, морщинистая, покрытая густо волосами, обнажена почти по поясъ. Широкая *гачи* (шаровары), доходящая до колѣнъ, изъ толстѣйшей парусины, нѣкогда бѣлой, ободрана и протерта. Красный широкий поясъ, дырявые невыразимо засаленные *чараны* (шерстяные чулки) и сбитыя, проквашенныя въ слякоти *опанки*. На головѣ, у однихъ грязнѣйшія красныя шапки въ родѣ турецкаго феса, у другихъ—красные пояса, скрученные и обмотанные чалмой.

Женщины въ не менѣе засаленныхъ парусинныхъ продранныхъ рубахахъ и такихъ-же юпкахъ. На головѣ у нихъ красныя шапки и черныя повязки въ родѣ платка.

Эта жалкая толпа, отъ которой вѣяло горестью, забитостью, ужасающею нищетой, страшною безпомощностью, молчаливо стояла, тупо поглядывая по сторонамъ и будто чего то ожидая. Несчастные, едва прикрытые своими лохмотьями, не обращали вниманія на непогоду и стояли по щиколку въ грязи.

То были герцеговинцы, укрывшеся съ самаго начала возстанія въ Черногоріи и посланные въ Ризано за получениемъ провіанта для своихъ семействъ.

По недостатку перевозочныхъ средствъ, черногорское правительство было вынуждено возложить доставку продовольствія на самихъ потребителей, вслѣдствіе чего, по два раза въ недѣлю въ Ризано являлись посланные

отъ ближайшихъ герцеговинскихъ кочевковъ за *куруружкой*.

Это тяжелое и прѣсное до приторности тѣсто, испеченное плоскими четырехфунтовыми хлѣбками, составляло единственную пищу бѣжавшихъ изъ Турціи герцеговинскихъ семействъ.

Изъ открытаго окна маленькаго одноэтажнаго дома, выходящаго угломъ на площадь, три человѣка, сидя „за кофеемъ“ смотрѣли на эту грустную картину.

Плачевнаго вида маленькій домикъ этотъ изображалъ лучшую мѣстную, какъ гласила надпись, *гостиницу*.

Надъ входомъ черная доска съ упомянутою надписью и полинявшимъ изображеніемъ какой-то страшно усатой головы въ черногорской шапкѣ. Полъ ровень съ улицей, вслѣдствіе чего высочайшій порогъ, нѣчто въ родѣ плотины отъ уличной грязи. Въ дверь виднѣлся мизерный прилавокъ съ графинами *смовиши* (водки), бутылками пива и кувшинами вина. Въ другое открытое окно, справа отъ двери, выставлялъ на показъ свое убожество продранный и затасканный до невѣроятія билліардъ, за которымъ, не взирая на ранній часъ, унажнялись уже австрійскіе офицеры въ кучныхъ синихъ курткахъ.

Трое мужчинъ сидѣвшихъ у окна „за кофеемъ“ были русскіе. Одинъ изъ нихъ наканунѣ вернулся изъ горъ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько дней въ отрядѣ Пейко Павловича.

То былъ пожилой уже человѣкъ изможденнаго вида, съ морщинистымъ, сильно загорѣлымъ лицомъ, обросшимъ рѣдкою русою съ просѣдью растительностью. Круглые мутные глаза его имѣли грустное и задумчивое выраженіе. Голова была почти совсѣмъ лысая.

Одежда его представляла странную смѣсь мѣтнаго костюма съ общевропейскимъ: черный суконный сортукъ, опоясанный краснымъ черногорскимъ поясомъ, черные суконные штаны, сверхъ которыхъ были натянута до колѣнъ шерстяные чулки; на ногахъ опанки, черногорская капа на головѣ, разорванныя черныя перчатки, и на плечахъ невозможно истрепанная и продранная *инчерата* (клеенчатое пальто).

Двое другихъ только что прибыли съ пришедшаго парохода и только сидя въ лодкѣ, перевозившей ихъ на берегъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами, узнали что тотъ и другой русскіе.

Случилось это очень просто. Одинъ изъ нихъ плылъ изъ Триеста и, истомленный качкою, послѣдніе два дня не выходилъ изъ своей каюты. Другой же сѣлъ на пароходъ только въ Рагузъ, наканунѣ вечеромъ.

Тотъ, что сѣлъ въ Рагузъ, былъ красивый молодой человѣкъ, блондинъ съ военною осанкою. Особенную прелесть его симпатичному открытому лицу придавали большіе сѣрые глаза съ мягкимъ бархатистымъ взоромъ.

Одѣтъ онъ былъ въ щегольской полувоенный полустатскій костюмъ: темносиній короткій кафтанъ, отороченный черною мерлушкою, высокіе лакированные сапоги, черногорская капа на головѣ.

Третій имѣлъ очень характерную наружность.

Въ двухъ словахъ его можно было бы характеризовать такъ: господипъ съ нахальнымъ носомъ.

И дѣйствительно, въ этой фигурѣ прежде всего оставалась на себѣ вниманіе носъ, очень крупный, сильно вздернутый, съ очень большими поздырями. Изъ тѣхъ поздырей, которыя, какъ выражаются, смотрятъ въ облака.

Впечатлѣніе, производимое этимъ характернымъ носомъ, дополнялось остальными чертами. Самоувѣренный и тоже замѣчательно нахальный взглядъ, пытавшійся принимать подчасъ глубокомысленное и „фатальное“ выраженіе; большой ротъ непріятной и нѣсколько саркастической складки, съ тонкими безцвѣтными губами; худощавое угреватое лицо, лишенное растительности, исключая совсѣмъ убогаго клочка бѣлесоватыхъ волосъ

Чтеніе. Съ картины Діаны Кумансь, грав. Кемпленъ.

ковъ на подбородкѣ. Роста былъ онъ средняго, узкій въ плечахъ, очень жидкаго склада.

Этотъ былъ одѣтъ по европейски: жакетная „пара“ французскаго покроя, повязной галстухъ съ огромнымъ бантомъ и такъ называемый котелокъ на головѣ.

Всѣ три были русскіе помѣщики.

Первый—Степанъ Ильичъ Арзамасцевъ — казанскій

помѣщикъ, пріѣхалъ сюда съ Волги, прямо изъ своего небольшого имѣнія.

Второй—Андрей Сергѣевичъ Тагульскій — воронежскій помѣщикъ и штабсъ-ротмистръ армейскаго гусарскаго полка, пріѣхалъ сюда прямо изъ полка, взявъ четырехмѣсячный заграничный отпускъ.

(До слѣд. №).

М а р а н т а.

Разсказъ Л. Долина.

Къ подъѣзду изящнаго маленькаго двухъ-этажнаго дома подъѣхалъ на парныхъ саняхъ пожилой господинъ. Войдя по мраморной лѣстницѣ въ переднюю, убранную роскошными тропическими растеніями, онъ обратился къ дремавшему на высокомъ стулѣ ливрейному лакею съ вопросомъ:

— Кто у васъ боленъ?

Лакей торопливо вскочилъ и почтительно отворяя дверь слѣдующей комнаты, произнесъ:

— Молодая барыня, хвораютъ. прикажете проводить къ нимъ?

— Да, проводи.

— Марья Кирилловна, скажите Надеждѣ Александровнѣ, что господинъ докторъ пріѣхалъ, а я пойду доложить ей превосходительству.

Дѣвушка провела по узкой внутренней лѣстницѣ доктора къ больной. На мягкой сѣровой, атласной кушеткѣ лежала въ голубомъ капотѣ, причудливо вышитомъ шелками, молодая женщина съ прекрасными темными глазами. Бѣлокурые волосы, высоко поднятые сзади, мелкими локонами вились на лбу, маленький ротъ съ необыкновенно правильно очерченными губами судорожно подергивался, глаза смотрѣли уныло и каждую минуту казалось вотъ-вотъ польются слезы. Молодая женщина первно вздрагивала кутаясь въ турецкую шаль. Черная собачка съ желтыми подпалинами прижималась къ ней, ласковымъ взглядомъ упорно смотрѣла въ лицо Надежды Александровны и слегка повизгивала, точно сочувствуя ея горю.

— Что милый, и тебѣ скучно? Я забыла тебя! говорила она, глядя собачку.—Ну, приди ко мнѣ, маленький счастливцевъ, всѣ тебя любятъ... онъ тоже любилъ тебя, маленький Той!

Собачка радостно завилая хвостомъ, лизнула молодую женщину въ руку и улеглась у нея на подушкѣ, а та снова задумалась и крупныя слезы потекли по ея молодому, полному жизни лицу. Горе не шло къ дѣтскому выраженію ея. Казалось чего ей плакать? Роскошная обстановка маленькаго будуара въ китайскомъ вкусѣ, красивыя саксонскія статуэтки на изящныхъ этажеркахъ, растенія широкими перистыми листьями украшавшія углы комнаты, цвѣты въ затѣйливыхъ жардиньеркахъ, все свидѣтельствовало о достаткѣ молодой обитательницы хорошенькаго будуара. Что же вызывало слезы на эти дѣтскіе глаза?—Вѣроятно отказъ въ поѣздкѣ на балъ или неудавшееся платьѣ! Кто могъ обидѣть этого ребенка? А между тѣмъ у него было горе и не даромъ плакали эти прекрасные черные глаза. Горе сломившее молодое, неопытное существо было не по лѣтамъ и не по силамъ! Оно уложило девятнадцати-лѣтнюю женщину, цвѣтущую здоровьемъ, въ постель.

Мѣсяца два тому назадъ, веселая, нарядная, напѣвая мотивъ Стравинскаго вальса, подъ звуки котораго накупунѣ танцевала съ любимымъ ею мужемъ, вошла она въ кабинетъ его, написать двѣ строчки подругѣ, какъ вдругъ ей попалось распечатанное письмо, написанное женскимъ почеркомъ, слѣдующаго содержания:

„Два дня жду тебя, Миша, самъ не идешь и денегъ не присылаешь. Что это значитъ? Неужели до сихъ поръ ты не съумѣлъ вырвать у этихъ глупцовъ денегъ. Полно нѣжничать съ женой, принуди ея хорошенько чтобъ требовала у отца капитала. На проценты далеко не уйдешь. Долги такъ и останутся незаплаченными. Во всякомъ случаѣ приходи завтра утромъ непременно. Уже очень скучно безъ тебя, да и кромѣ того надо придумать какъ бы намъ съ тобой устроиться чтобъ забрать ихъ всѣхъ въ руки. Цѣлую тебя.

Твоя Глаша“.

Прочитавъ эту записку, молодая женщина въ первую минуту не поняла что это значитъ.

„Не можетъ быть чтобъ подобныя вещи были написаны ея мужу, думалось ей, вѣроятно когонибудь изъ товарищей его зовутъ однимъ именемъ съ нимъ“.

Она бросилась искать конверта, но его не было, числа тоже не было. Сомнѣніе мучило ее. Торопливо одѣвшись, Надежда Александровна поѣхала къ своей пріятельницѣ-кузинѣ Марьѣ Петровнѣ Болтовской. Она была лѣтъ на пять старше, гораздо опытнѣе и посоветовала ей, чтобъ убѣдиться въ справедливости своихъ подозрѣній, послѣдить за мужемъ и постараться вообще поискать объясненія загадки, а пока не показывать вида, что подозрѣваетъ что либо.

— Ты конечно не съумѣешь скрыть своей досады, говорила она, и потому лучше напиши ему записку, что ты будешь объ-

дать у насъ, потомъ мы вмѣстѣ поѣдемъ въ театръ и я заведу тебя сама домой.

Надежда Александровна, вернувшись изъ театра, переоделась и сѣла въ темномъ углу кабинета на диванѣ. Мужа ея не было дома. Онъ вскорѣ вернулся, на цыпочкахъ пробираясь въ спальню, спрашивалъ преданнаго себѣ лакея Луку, знавшаго всѣ его секреты:

— Пріѣхала барыня?

— Пріѣхала.

Онъ подошелъ къ дверямъ спальни, постучалъ спрашивая:

— Надя спишь?

Отвѣта не было. Михайлъ Петровичъ вошелъ въ кабинетъ и не зажигая свѣчки тихо говорилъ Лукѣ:

— Чортъ знаетъ что! До сихъ поръ не могу получить денегъ.

Двадцать тысячъ! Не думаютъ-ли на этомъ отъѣхать? Какъ-же. Нѣтъ, я тоже маху не дамъ. Не на таковскаго напали! Деньги нужны до зарѣзу и мнѣ и Глафирѣ Ивановнѣ, а достать негдѣ. Сходи ты къ этому проклятому жида, скажи, что готовъ ему заплатить какіе угодно проценты лишь бы далъ мнѣ рублей съ тысяччу. На веселѣ поручится жена. Хоть-бы Глашѣ то дать пока. Я какъ нибудь обернусь... Заложу женины брилліанты...

— Сходить то я схожу, да врядъ-ли дастъ.

— Попробуй, зажигая свѣчку сказалъ Михайлъ Петровичъ.

Неужели такъ говорилъ ея мужъ, ея милый Миша, всегда такой деликатный и вѣжливый—такія грубыя выраженія! Значить письмо было къ нему! Надежда Александровна, не слушая дальше, громко по дѣтски разрыдалась...

— Кто тутъ? испуганнымъ голосомъ спросилъ Михайлъ Петровичъ.—Надя? Что ты тутъ дѣлаешь?

— Я все слышала, Михайлъ Петровичъ, больше я здѣсь не останусь, сейчасъ-же уѣду къ мамѣ, расскажу ей все, продолжая плакать говорила молодая женщина.

— Что такое, что такое ты ей расскажешь.

— Скажу, что вы хотите какой то Глашѣ вести деньги.

— Вотъ глупая! Какой Глашѣ? Слышала мелькомъ и не знаетъ о комъ и дѣло, принужденно смѣясь говорилъ Михайлъ Петровичъ.—Глафира Ивановна—просто женщина, которой я долженъ, закладчица.

— Полноте, не выдумывайте, закладчица не стала бы вамъ говорить ты и называть Мишей.

— Съ чего ты взяла, дурочка, она никогда мнѣ „ты“ не говорила.

— Уважайте себя больше, Михайлъ Петровичъ, не лгите, не придумывайте оправданій, я прочитала ея письмо къ вамъ, брошенное вами на столѣ.

Тонъ его вдругъ измѣнился, глаза налились кровью, лицо поблѣднѣло отъ бѣшенства, онъ съ пыломъ схватилъ жену за руку.

— Отдай сейчасъ письмо, негодная! Такъ ты по моимъ столамъ интрижишь, отдай, или я тебя...

— Его у меня нѣтъ, стараясь высвободиться, говорила Надежда Александровна.—Оставьте меня... я отдала письмо Мишѣ. Пустите... падая на стулъ прерывающимся отъ рыданій голосомъ прибавила Надежда Александровна.

Онъ бросилъ ея руку и отошелъ.

— Съ этой минуты ты мнѣ больше не жена, иди къ матери, или куда хочешь, мнѣ все равно.

И она проплакала всю ночь. На утро отправилась къ своимъ, рассказала сцену съ мужемъ, и порѣшила, что больше съ такимъ человѣкомъ жить не можетъ.

Мать ея, Ольга Николаевна Меснеръ, богатая, жизнь и мужемъ избалованная, женщина, не могла понять, чтобы ея Надя, ея гордость, ея любовь, могъ такъ жестоко оскорбить ненавистный ей зять. Ей въ голову не приходило чтобъ ея дочь, эту веселую, вѣчно улыбающуюся, добрую Надю могъ кто не любить. Она долго противилась ея браку, и только безграничная слабость къ дочери и неумѣнье ей возражать, заставили ее дать согласіе. Ей не нравился зять, инстинктомъ она чувствовала, что дочь ея не будетъ съ нимъ счастлива, но передъ желаніемъ дочери она была бессильна. Она постоянно со страхомъ ждала катастрофы. И вотъ она случилась, оставалось подчиниться и оставить дочь у себя. Надя, въ порывѣ горя, увѣрила Ольгу Николаевну, что больше никогда не вернется къ мужу, что она ненавидитъ его, что онъ ей противенъ и т. п. Молодая женщина, не отдавала себѣ отчета въ своихъ чувствахъ въ то время, а теперь гордость мѣшала ей сознаться, что она

все еще любить так оскорбившаго ее человека. Между тѣмъ вернуться назадъ было поздно. Оставалось одно—забыть его.

Докторъ, Владиміръ Сергѣевичъ Штольцъ, вошелъ въ будуаръ къ больной, ласково взялъ ее за руку, послушалъ пульсъ и, не найдя ничего серьезнаго, прописалъ лавро-вишневый канки. Потомъ присѣлъ на мягкое, обтянутое плюшемъ кресло, началъ съ нею бесѣду. Онъ зналъ уже печальный эпизодъ ея неудавшейся жизни, и находилъ, что для ея болѣзни нѣтъ лекарствъ въ аптекъ, а есть во времени и трудѣ.

— Займитесь чѣмънибудь, говорилъ онъ полусути, полусерьезно,—а пока по 10 капель принимайте черезъ четыре часа лекарство, которое я вамъ пропишу.

— Чѣмъ заняться? Право ничѣмъ не стоитъ, тоска такая.

— Музыкой, рисованіемъ, читайте, развеите въ себѣ пристрастие, вкусъ къ чемунибудь... ну, хоть къ цвѣтамъ, замѣтивъ въ въ углу комнаты цѣлую клумбу растений, договорилъ докторъ. Сперва можетъ быть вамъ это покажется скучно, а потомъ мало-по-малу вы получите интересъ, особенно когда на растенія покажутся новые побѣги и оно, такъ сказать, отблагодаритъ васъ за заботы о немъ. Повѣрьте, Надежда Александровна, люди и лгутъ, и обманываютъ, одна природа—никогда! Она даетъ больше радостей, чѣмъ, повидимому, можно ожидать. Вообще сближеніе человека съ природою обновляетъ его. Любимое растеніе, займитесь имъ, оно тоже живетъ, дышетъ и страдаетъ отъ небрежности человека.

Пока докторъ говорилъ, Надежда Александровна слушала его сначала разсѣянно, потомъ ея большіе черные глаза внимательно остановились на немъ, ротъ полуоткрылся, показывая бѣлые зубы, и, слегка опираясь на локоть, при словѣ „страдаетъ“ она удивленно перебила его:

— Неужели? Страдаетъ? Никогда я объ этомъ прежде не думала.

— Да страдаетъ, листья отъ небрежной поллировки желтѣютъ, падаютъ, растеніе сохнетъ и погибаетъ... Я не говорю вамъ, чтобы всю жизнь никого не любить, кромѣ цвѣтовъ, но временно, пока сердце не успокоилось, пока прошлое еще такъ живо, чтобы забыть горечь обиды, отвлечь мысль, займитесь растеніями. Гуляйте, будьте больше на воздухѣ. Пройдетъ извѣстный срокъ, рану сердца затянетъ и снова, пожалуй, вы полюбите, и будете счастливы и веселы. Вы такъ молоды! Надо только пережить тяжелое время... Ну, однако я заболтался! До свиданія, сказалъ вставая докторъ.

— Заходите къ намъ, я люблю говорить съ вами, вы всегда чтонибудь доброе, хорошее скажете, произнесла Надежда Александровна, протягивая руку.

Докторъ спустился внизъ. Его встрѣтила Ольга Николаевна, съ встревоженнымъ лицомъ.

— Что съ Надей? Какъ вы ее нашли?

— Пустяки, нервы, скучаетъ, вывозите больше на воздухъ, пусть развлекается, а главное, пусть придумаетъ себѣ какоенибудь интересное ее занятіе.

— Ну, слава Богу! Вы не повѣрите какъ меня встревожила ея болѣзнь, пожимая руку доктора, произнесла Ольга Николаевна.

„Легко сказать,—займитесь чѣмънибудь, когда ничего на умъ нейдетъ“, думала Надежда Александровна; однако, исполняя приказаніе доктора, встала съ кушетки, позвонила дѣвушкѣ, и подошла въ раздумьи къ окну. „Чѣмъ же заняться? Вымыть развѣ растенія?“ перебирая пальцами продолговатые листья съ пурпуровыми краями низкорослой музы африкана, сказала себѣ Надежда Александровна. Молодая женщина любила цвѣты и растенія, но ухода за ними не знала. Растенія привозились съ дачи, поливались садовникомъ, и имъ же увидѣшия увозились обратно.

Вошла горничная.

— Принеси мнѣ теплой воды, губку и полотенце, я хочу вымыть растенія.

— Что вы, барыня, позвольте я вымою, замѣтила она, удивленная фантазійей своей госпожи.

— Нѣтъ, не надо. Возьми также рецептъ и пошли въ аптеку за лекарствомъ.

Обмывая растенія, Надежда Александровна вдругъ замѣтила что прекрасная, высокая маранта, съ темно-зелеными, глянцевитыми листьями, точно подбитыми лиловой, нѣжной подкладкой, покрылась бѣлою тлею и опустила внизъ свои красивые, на длинныхъ черешкахъ, листья. Видимо растеніе чахло. Оно своимъ видомъ какъ нельзя болѣе соответствовало состоянію духа молодой женщины и потому привлекло ея вниманіе. Сердце ея также было избѣдено горемъ, какъ стволъ и листья маранты тлею. Ей стало жаль бѣдное растеніе, недавно такъ нарядно раскидавшее свои красивые, блестящіе листья, теперь такъ печально поникнушіе. Она обмыла ихъ, счистила тлею, полила, подвинула поближе къ свѣту, но все это не придало имъ жизни.

На слѣдующій день она снова повторила тоже самое, но растеніе все не поправлялось, снова появилась тля. Видя безуспѣшность своихъ трудовъ, Надежда Александровна купила по совѣту матери ботанику Григорьева, начала читать ее, изъ нея узнала, что ея болѣное растеніе, принадлежащее къ се-

мейству Maranthaceae, слѣдуетъ пересаживать въ концѣ марта, или началѣ апрѣля, и поливать его, когда пойдетъ въ ростъ, жидкимъ удобреніемъ. Все это она сдѣлала, пересадила и поставила въ затѣненное мѣсто на лѣто. Вести на дачу она его боялась, но зато черезъ каждыя два дня бѣдила въ городъ посмотреть, что дѣлается съ нимъ. Домашніе не мѣшали ей, радуясь, что наконецъ то ихъ Надя хотя на время забыла свое горе. Она не расцѣвала еще, какъ прежде, веселые мотивы, но пѣла романсы Шумана, читала Гейне, и въ особенности любила полную грусти поэзію Ламартина.

Наконецъ, къ осени, послѣ продолжительныхъ, усиленныхъ работъ Надежды Александровны, поникшіе, полуувядшіе листья маранты поднялись, приняли свѣжій, прелестный видъ, и паразиты поѣдавшіе ее исчезли.

Молодая женщина еще больше полюбила свою пациентку. Бѣгать въ городъ составляло для нея большое удовольствіе, по дорогѣ она разъ двадцать, радостно сжимая руки, говорила матери:

— Мама, я увижу маранту.

Та взглядывала на нее, довольная улучшеніемъ настроенія дочери, а она сидѣла и считала минуты приближенія поѣзда къ Петербургу, точно бѣжала на свиданіе съ любимымъ человекомъ.

Во время поѣздки Надежды Александровны въ городъ, она почти каждый разъ встрѣчалась на поѣздѣ Балтійской желѣзной дороги со своимъ стариннымъ знакомымъ, Владиміромъ Ивановичемъ Дельсономъ. Онъ бѣдилъ на службу въ Петербургъ. Надежда Александровна не обращала на него вниманія. Владиміръ Ивановичъ разговаривалъ съ Ольгой Николаевной, пока скучающимъ взглядомъ молодая женщина смотрѣла въ окно, но быстро пробѣгавшія поля, деревья и дачи. Изрѣдка она взглядывала на него, предлагала какойнибудь пустой вопросъ изъ приличія, и снова отвертывалась. Владиміру Ивановичу стало жаль видѣть постоянно грустной молодую женщину. Красота ея еще усиливала симпатію къ ней. Мало-по-малу, отъ сожалѣнія онъ перешелъ къ болѣе нѣжному чувству, но говорить съ ней все еще не рѣшался. Изъ разсказовъ Ольги Николаевны, онъ узналъ какъ Надежда Александровна усиленно занимается своимъ любимымъ растеніемъ. Онъ вздумалъ пошутить надъ ея страстью, но она такъ печально взглянула на него, что у него пропала охота шутить.

Надежда Александровна говорила о растеніи, называя его просто „моя маранта“. Ей казалось, что всѣ должны знать, что маранта—растеніе, между тѣмъ, многіе этого не знали и выходили забавныя *qui pro quo*

— Кто это Маранта? спросилъ Владиміръ Ивановичъ молодую женщину.

— Какъ, вы не знаете что такое маранта? чуть не съ презрительнымъ удивленіемъ сказала молодая женщина. Неужели не знаете? Маранта—растеніе.

— Вотъ никакъ не ожидалъ, вы говорите точно о чловѣкѣ, съ такой любовью, покраснѣвъ отъ радости, произнесъ Владиміръ Ивановичъ.

Ревность уже начала закрадываться въ его сердце.

— Какая ты смѣшная Надя, давно ли ты сама узнала названіе, а теперь удивляешься что не всѣ знаютъ его, улыбался сказала Ольга Николаевна.

— Да, это правда.

Въ слѣдующій разъ встрѣчи. Дельсонъ обыкновенно началъ разговоръ съ Надеждой Александровной со словъ:

— Какъ здоровье маранты?

Теперь съ нимъ уже разговаривала молодая женщина; впрочемъ разговоры были только о растеніи. Онъ былъ посвященъ во всѣ тонкости ухода за нимъ.

„Какая однако энергія чувства у этой женщины, думалъ онъ, смотри какъ мило складываются ея губы,—и счастливъ тотъ, кому отдастъ она свое сердце“.

Въ началѣ осени, въ одинъ изъ самыхъ скучныхъ сентябрьскихъ дней, одинъ изъ тѣхъ, когда солнце уже болѣе недѣли не показывалось на горизонтѣ, мелкій дождь то переставалъ, то снова начиналъ моросить, въ воздухѣ уже слышался поворотъ къ холоду, листья пожелтѣли, и мѣстами покрывали толстымъ слоемъ почву, только хвойный лѣсъ стоялъ все такой же пышный и зеленѣющій. Въ вагонъ перваго класса не вошла, а впрорхнула веселая, радостная Надежда Александровна, не смотря на уныніе окружающей природы. Дельсонъ не могъ не замѣтить ея настроенія.

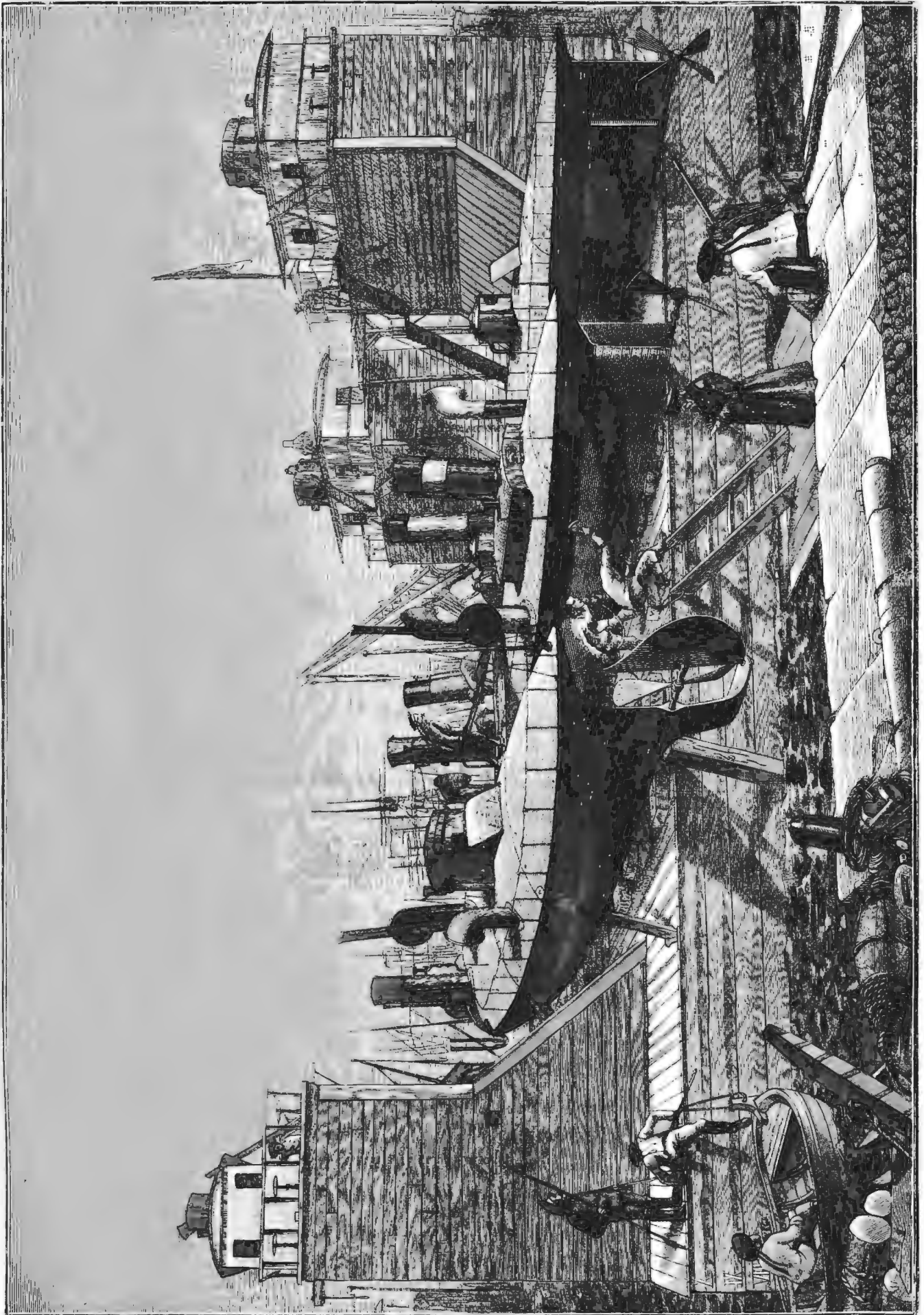
— Что съ вами, Надежда Александровна, вы такая веселая?

— Вы не знаете какая мнѣ радость, представьте, у моей маранты показались новые побѣги, листья поднялись, стали такіе блестящіе, здоровые.

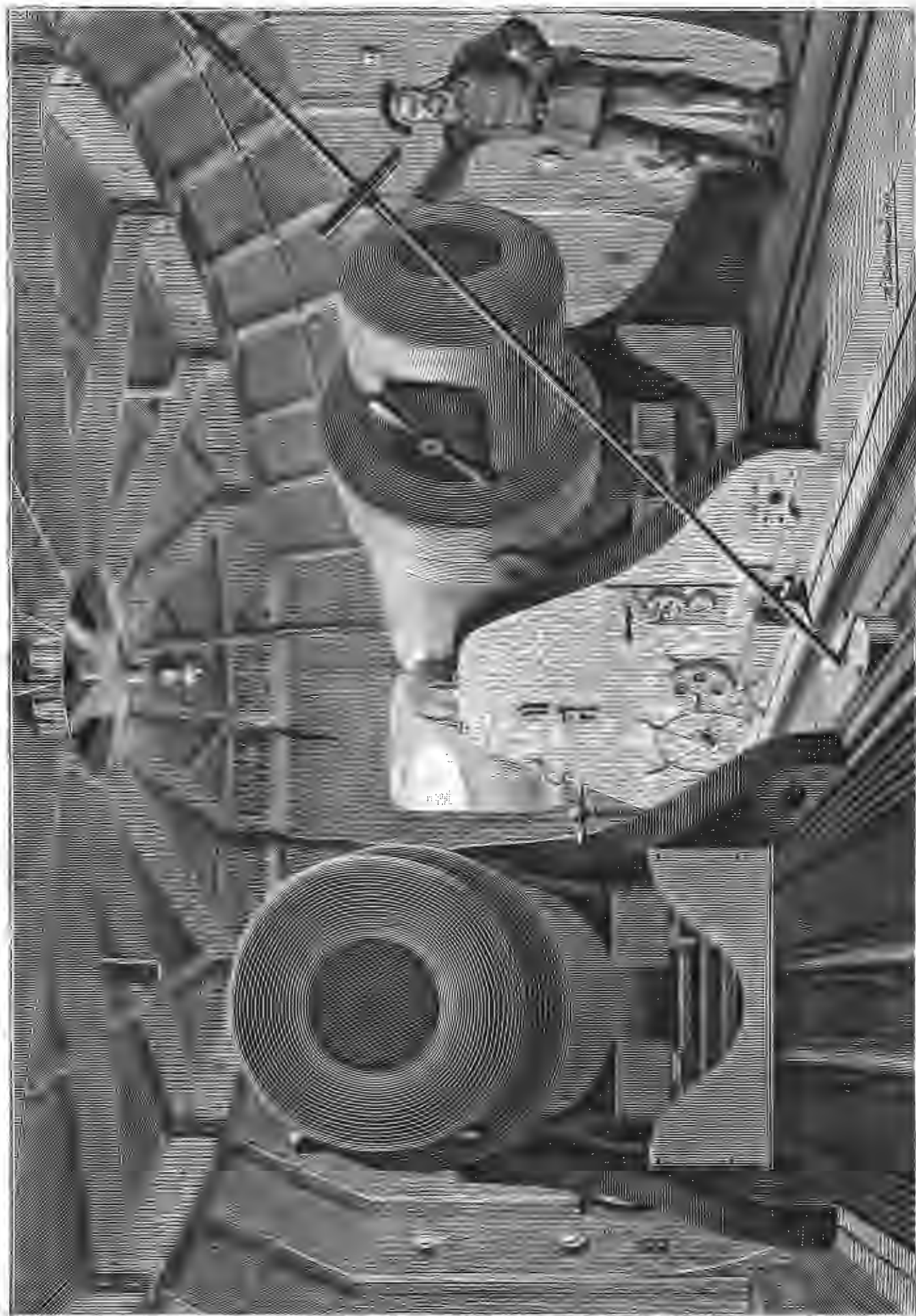
— Ну, слава Богу, какъ я радъ, что вы снова веселы.

— Я такъ рада, такъ счастлива, что мнѣ всѣхъ хочется расцѣловать теперь, говорила она. Знаете, что я думаю? Мнѣ кажется, что доктора должны любить пациентовъ, которыхъ имъ удалось спасти отъ смерти. Я сузу по себѣ, я такъ люблю теперь мою маранту.

— Не просто любить, а нѣжно любить. Я имѣлъ такой примѣръ. Одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ докторовъ дѣлалъ трудную операцію моей матери. Она необыкновенно удалась, докторъ такъ полюбилъ мою мать, что не зналъ чѣмъ и выказать

Русскій флотъ. Кронштадтскій пловучій докъ съ миноносцами. Ориг. рис. съ натуры Р. Шлейна, грав. Флюгель.

Русский флотъ. Внутренній видъ башни корабля „Петръ Великій“.
Ориг. рис. съ натуры Р. Штейна. Грав. М. Раппевскій.

свою привязанность, и ей, сравнительно съ нимъ, богатой женщиной, посылалъ рѣшительнѣе съ своей кухни. Правда, и моя мать чувствовала къ нему такую признательность, что когда первый разъ встала съ постели и прошла до кунетки, она въ порывѣ благодарности поцѣловала ему руку.

„Какая она однако славная, подумалъ Дельсонъ,—не только хорошенькая, сердечная, да еще и умная!“

— Послушайте, прибавилъ онъ вслухъ, вы сегодня счастливы, сдѣлайте еще одного счастливымъ.

— Какимъ образомъ?

— Позвольте васъ любить, я не смѣю требовать теперь взаимности, но можетъ быть со временемъ, когда вы меня больше узнаете, вы не отвергнете моей любви.

— Я васъ и теперь нахожу очень, очень симпатичнымъ, но это такъ неожиданно, что я право не могу еще придти въ себя, покраснѣвъ сказала молодая женщина.

Владимиръ Ивановичъ взялъ ея руку и поцѣловалъ. Лицо его сіяло радостью.

Растеніе вполнѣ вознаградило Надежду Александровну: зимой расцвѣло роскошнымъ пунцовымъ цвѣткомъ, что рѣдко случается съ нимъ въ Петербургѣ. По мѣрѣ того какъ поправлялась марианна, горе молодой женщины все болѣе и болѣе притуплялось, Шумана она больше не пѣла, а снова начала распѣвать свои прежніе веселые мотивы, домъ оживился, и марианту поставили на самое почетное мѣсто въ большой красивой залѣ, съ двухъ сторонъ освѣщаемой солнцемъ. Ботанику Григорьеву отдали переплетчику, съ тѣмъ чтобъ онъ старую, изорванную, и мѣстами запачканную книгу переплелъ въ красивый плюшевый переплетъ.

Молодая женщина, показывая роскошное растеніе своимъ друзьямъ, говоритъ: „Я вылечила ее, а она меня“, и при этомъ съ радостной улыбкой взглядываетъ на Дельсона.

Суда русскаго флота.

(Рис. на стр. 572, 573, 576 и 577).

Суда русскаго флота, по характеру своей боевой службы, дѣлятся на наступательныя и оборонительныя. Къ первымъ причислены такія суда, которыя могутъ развивать свои военноморскія операціи въ иностранныхъ водахъ, открытыхъ моряхъ и океанахъ, а именно: морскіе тяжелые броненосцы (башенные корабли и фрегаты), полуброненосныя, быстроходныя, рангоутныя суда и океанскіе неброненосные крейсера, предназначенные исключительно для нанесенія болѣе или менѣе тяжкаго удара морской коммерческой дѣятельности непріятельской страны. Оборонительный русскій флотъ, созданный для защиты роднаго побережья, состоитъ изъ башенныхъ броненосныхъ лодокъ, мониторовъ, канонерскихъ лодокъ, вооруженныхъ громадными одинадцати-дюймовыми дальнобойными орудіями, и изъ множества (болѣе ста) миноносокъ или торпедныхъ судовъ. Миноноски (пловучій докъ съ миноносками изображенъ на нашемъ рисункѣ) представляютъ главную и самую опасную для непріятельскихъ судовъ часть оборонительнаго флота. Не смотря на свои незначительные размѣры (отъ 60 до 70 футъ длиной), онѣ въ состояніи вступить въ бой и уничтожить самыя сильнѣйшія броненосцы въ мѣрѣ. Сила ихъ удара, при извѣстной отвагѣ и мужествѣ команды, почти неотразима, не смотря на множество изобрѣтенныхъ средствъ противъ минныхъ атакъ. Выстроенныя изъ лучшей стали, обладающія сильнымъ ходомъ (до 18 миль или до 32 верстъ въ часъ), едва видимыя изъ подъ воды, миноноски представляютъ въ рукахъ людей опытныхъ, смѣлыхъ и энергичныхъ, грозное, разрушительное орудіе. Неожиданныя, ночныя ихъ нападенія положительно ужасны и почти всегда производятъ на непріятеля подавляющее, деморализующее впечатлѣніе. Невидимо, безшумно приближаются онѣ къ намѣченнымъ судамъ, стараясь скрыться отъ вниманія непріятельскихъ сторожевыхъ судовъ, обыкновенно разставляемыхъ вокругъ эскадры для предупрежденія неожиданнаго нападенія. Нерѣдко, пользуясь ночью тьмою, миноноски проскальзываютъ къ непріятельскимъ судамъ почти незамѣтно, и тогда гибель послѣднихъ трудно отвратима. Въ счастливыхъ случаяхъ, приближеніе миноносокъ выясняется своевременно, и тогда все моментально готовится къ отчаянному отраженію едва замѣтныхъ, быстро несущихся враговъ. Сторожевые паровые катера и шлюпки тщетно стараются преградить имъ дорогу. Со всѣхъ сторонъ раздается беспорядочная, торопливая стрельба изъ скорострѣльныхъ орудій и ружей. Миноноски несутся, словно движимыя какой-то сверхъестественною силой. На ихъ стальныхъ, выпуклыхъ полубокахъ не видно ни одного человѣка. Командиры миноносокъ управляютъ ими изъ небольшихъ, стальныхъ башенъ, съ узкими прорѣзями для глазъ. Такимъ образомъ вся команда почти неуязвима. Пули скользятъ по выпуклой поверхности миноносокъ, не причиняя имъ рѣшительно никакого поврежденія. Снаряды скорострѣльныхъ пушекъ пробиваютъ крѣпкій стальной бортъ только въ крайне исключительныхъ случаяхъ. Что касается до снарядовъ большихъ орудій, то они не дѣйствительны, въ виду положительной невозможности попасть изъ большихъ орудій въ быстро несущуюся, едва видимую миноноску. Въ большинствѣ случаевъ, нѣкоторыя изъ атакующихъ миноносокъ успѣваютъ взорвать свои мины, и тогда гибель тѣхъ судовъ, подъ которыми мины взорваны, уже неотвратима и вполнѣ вознаграждаетъ атаку, даже при уничтоженіи большинства нападающихъ миноносокъ. Дѣйствительно, стоимость каждой миноноски не превышаетъ 50 тыс. рублей. Команды на ней всего 9 человѣкъ. Если даже предположить, что изъ десяти нападающихъ миноносокъ только одна успѣетъ удачно взорвать свою мину, а остальные будутъ потоплены непріятельскими выстрѣлами, то результатъ все таки на сторонѣ атаки. Вспомнимъ только, что стоимость каждого броненосца достигаетъ отъ 3 до 10 милліоновъ рублей; а съ нимъ погибаютъ отъ 400 до 600 человѣкъ команды. Не говоря о громадномъ матеріальномъ ущербѣ, уничтоженіе каждого непріятельскаго броненосца производитъ глубокое моральное впечатлѣніе.

На рисункѣ (стр. 572) представлены миноноски, подпалыя на

деревянномъ пловучемъ докѣ, для окраски подводной части. Миноноска, расположенная въ дѣвой части рисунка, принадлежитъ къ числу вооруженныхъ шестовыми минами, а остальные имѣютъ аппараты для выбрасыванія минъ Уайтхеда. Первые могутъ поразить непріятельское судно только на близкомъ разстояніи. Каждая такая миноноска вооружена двумя трубчатыми, длинными шестами (35 фут.), на концахъ которыхъ прикрѣплены мины, снаряженныя однимъ пудомъ пироксилина. Такія мины могутъ быть взорваны только при условіи прикосновенія шеста къ подводной части непріятельскаго судна. Дѣйствіе ихъ страшно разрушительно. Достаточно одной удачно взорванной мины, чтобы потопить самыя сильныя броненосцы. Миноноски, снабженныя выбрасывающимъ аппаратомъ, могутъ дѣйствовать вполнѣ удачно съ разстоянія 600 футъ. Мина Уайтхеда выбрасывается изъ носовой пушки миноноски помощью сжатого воздуха. Упавъ въ воду, она продолжаетъ свое движеніе, по намѣченной цѣли, съ громадною скоростью, достигая до 25 миль въ часъ. Въ головной части мины помещенъ двухъ-пудовый зарядъ пироксилина, который взрывается при ударѣ мины о подводную часть судна. При помощи особаго регулятора, мина Уайтхеда можетъ быть пущена на желаемую глубину. Такимъ образомъ она можетъ быть употреблена съ одинаковымъ успѣхомъ какъ противъ глубоко, такъ и противъ мелко сидящихъ судовъ.

Корабль „Петръ Великій“, изображенный на нашемъ рисункѣ (стр. 576), принадлежитъ къ типу такъ называемыхъ брестерныхъ мониторовъ. Имѣя относительно низкую подводную часть, башни его, а также другія жизненныя части судна, возвышающіяся надъ палубой, бронированы не каждая отдѣльно, какъ на обыкновенныхъ мониторахъ, но окружены покрытымъ броней брестеромъ, возвышающимся на нѣсколько футъ надъ серединою верхней палубы. Корабль построенъ по проекту адмирала Попова въ Петербургѣ и спущенъ на воду 22 августа 1872 года. Главныя размѣренія этого лучшаго, сильнѣйшаго броненосца Балтійскаго флота слѣдующія: длина по грузовой ватерлиніи 329 ф. 10 д., ширина съ броней и подкладкой—63 ф. 3 д.; число тоннъ водоизмѣщенія—9665. Стоимость корпуса корабля достигла до 4½ милліоновъ рублей, механизма—болѣе двухъ милліоновъ. Такимъ образомъ, броненосецъ обошелся въ общемъ итогѣ правительству около семи милліоновъ рублей, не считая вооруженія и различныхъ боевыхъ приспособленій. Корпусъ судна построенъ изъ желѣза по усовершенствованной кѣтчатой системѣ, съ двойнымъ дномъ и внутренними непроницаемыми переборками и отдѣленіями. Какъ форштевень (носвая часть), такъ и ахтерштевень (кормовая часть) отлиты изъ пушечнаго металла. Отъ обоихъ штевней до брестера сдѣланы легкія желѣзныя надстройки, чтобы по возможности отстранить или ослабить дѣйствіе волнъ на палубу; а также онѣ служатъ для лучшаго помѣщенія командира, офицеровъ и команды. Надъ брестеромъ, заключающимъ въ себѣ обѣ башни, и надъ послѣдними устроенъ особой формы помостъ или командный мостикъ, не который поднимаются гребныя и паровыя шлюпки. На мостикѣ же поставлена штурманская рубка (будка) со штурваломъ и съ переговорными трубами въ башню, машину и другія части судна. Бортъ корабля надъ ватерлиніею и ниже ея на 5 футъ покрытъ броневыми плитами, толщиной отъ 8 до 12 дюймовъ, на тиковой подкладкѣ такой же толщины. На брестерѣ и башняхъ толщина брони 14 дюймовъ. Верхняя палуба покрыта плитами въ три дюйма. Артиллерія корабля „Петръ Великій“ состоитъ въ настоящее время изъ четырехъ громадныхъ 12-ти-дюймовыхъ сорока-тонныхъ наръзныхъ орудій, по два въ каждой вращающейся башнѣ, системы Кольза, внутренній видъ которой изображенъ на рисункѣ (стр. 573), и изъ нѣсколькихъ мелкихъ орудій для десанта и скорострѣльныхъ пушекъ для отраженія миноносокъ. Двигательная сила корабля состоитъ изъ двухъ независимыхъ машинъ, приводящихъ въ движеніе два отдѣльныхъ винта, сообщающихъ судну скорость до 13 миль въ часъ. Обѣ машины совокуной системы въ 1400 номинальныхъ силъ и съ двѣнадцатю паровыми

котлами. Кромѣ двухъ главныхъ судовыхъ машинъ, на кораблѣ имѣются вспомогательные механизмы: для вращенія башенъ, дѣйствія вентилятора, шпилья, эжектора, пожарныхъ и водоотливныхъ помпъ, отъ которыхъ проведена особая система трубъ съ клинкетами во все внутренняе отдѣленія судна. Въ настоящее время корабль „Петръ Великій“ уже совершенно готовъ къ выходу въ море. Онъ причисленъ къ боевой эскадрѣ вице-адмирала Пилкина I, состоящей изъ слѣдующихъ судовъ: трехъ башенныхъ броненосныхъ фрегатъ—„Адмиралъ Грейтъ“, „Адмиралъ Лазаревъ“, „Адмиралъ Чичаговъ“, „Адмиралъ Спиридовъ“, казематированнаго фрегата „Князь Пожарскій“, полуброненоснаго фрегата „Дмитрій Донской“ и крейсера „Забіяка“.

Фрегатъ „Мининъ“ (рис. на стр. 576) принадлежитъ къ типу океанскихъ полуброненосныхъ крейсеровъ. Вначалѣ онъ былъ выстроенъ (въ 1869 г.) на основаніяхъ одинаковыхъ съ англійскимъ фрегатомъ „Captain“ и такимъ образомъ принадлежалъ къ совершенно новому типу башенныхъ рангоутныхъ броненосцевъ. Но въ ночь съ 6 на 7 сентября 1870 г., фрегатъ „Captain“ постигла ужасная, неожиданная участь: онъ перевернулся отъ сильного порывистаго вѣтра и погибъ у испанскихъ береговъ со всемъ почти экипажемъ и изобрѣтателемъ вращающихся башенъ, капитаномъ Кольцовъ. Такая страшная катастрофа заставила морское министерство приступить къ немедленной передѣлкѣ Минина изъ башеннаго рангоутнаго фрегата въ полуброненосный океанскій крейсеръ, что и было поручено Балтійскому заводу, окончившему эту работу только въ 1877 году. Въ настоящемъ своемъ видѣ фрегатъ „Мининъ“ представляетъ изящный океанскій крейсеръ, съ броневымъ поясомъ только по ватерлинии. Артиллерія его состоитъ, не считая небольшихъ пушекъ для салюта, десяти и дѣйствія противъ миноносковъ, изъ четырехъ 8-ми-дюймовыхъ наръзныхъ орудій, поставлен-

ныхъ въ особо устроенныхъ выступахъ, и двѣнадцати 6-ти-дюймовыхъ орудій по борту, на верхней палубѣ, съ круговымъ обстрѣломъ по всему горизонту. Двигательная сила фрегата состоитъ изъ машины совокупной системы въ 900 номинальныхъ силъ, съ тремя цилиндрами и двѣнадцатью паровыми котлами, развивающей скорость до 14 миль въ часъ. Главныя размѣренія фрегата слѣдующія: длина по ватерлинии 299 футъ, ширина 49 футъ, водоизмѣненія 5740 тоннъ. Онъ обошелся морскому министерству до трехъ милліоновъ рублей, не считая вооруженія и артиллеріи. По изготовленіи фрегата въ плаваніе, онъ былъ отправленъ въ 1878 году въ Средиземное море, при чемъ выказалъ свои превосходныя мореходныя качества. Въ февралѣ 1880 года Мининъ отправился на станцію въ Тихій океанъ и благополучно возвратился въ Кронштадтъ только 16 сентября 1881 года, сдѣлавъ въ теченіи почти трехъ-лѣтняго плаванія 22600 миль подъ парами и 13000 миль подъ парусами. Въ настоящее время фрегатъ „Мининъ“ опять находится въ Тихомъ океанѣ, куда былъ отправленъ осенью 1883 г. Кромѣ Минина, въ русскомъ флотѣ имѣются еще четыре подобныхъ же полуброненосныхъ океанскихъ крейсера, а именно: фрегаты—„Генералъ-Адмиралъ“, „Герцогъ Эдибургскій“, „Владиміръ Мономахъ“ и „Дмитрій Донской“ (рис. на стр. 577). Суда эти выразили своими чертежами и постройкой самостоятельный русскій взглядъ на ихъ служебное назначеніе и обратили на себя вниманіе иностранныхъ державъ. Въ англійскомъ парламентѣ было официально заявлено, что „русскимъ перьямъ“ удалось осуществить идею броненосныхъ океанскихъ крейсеровъ, съ броневымъ поясомъ по ватерлинии. Наши суда въ данномъ случаѣ послужили за образецъ при постройкѣ въ Англии подобныхъ же полуброненосныхъ крейсеровъ: „Shannon“, „Nelson“ и „Northampton“ спущенныхъ въ 1875 и 1876 годахъ.

Въ Италіи.

Яркимъ солнцемъ залитой,
Весь въ фатѣ плюща сквозной,
Бѣлый замокъ надъ утесомъ,
Подъ платановъ тихій гулъ
Очарованный заснулъ,
Отраженъ спокойнымъ плесомъ.

* * *

Въ тѣнь прохладную воротъ
Торопливо конь идетъ,
Но безмолвенъ дворъ мощный...
Только слышны крики птицъ
Изъ покинутыхъ бойницъ
Да ручей журчитъ студеной.

* * *

Изваяны на стѣнѣ:
Феодалъ въ своей бронѣ,
Позабитыхъ панъ тиары...

И корону и шлемомъ
Одинаково кругомъ
Обвѣвають смерти чары.

* * *

Гербъ на мраморѣ козонвѣ
Темнымъ лавромъ заслономъ
И порою, полонъ лѣни,
Тихій вѣтеръ съ высоты
Всколыхнетъ его листы—
И бѣгутъ по плитамъ тѣни.

* * *

Оживаютъ мертвецы:
Ихъ и шлемы и вѣнцы
Словно перьями колышутъ,
И въ могильной тишинѣ
Чьи то вздохи слышны мнѣ:
Груды каменные дышутъ...

Кастельвеккіо.

В. Немировичъ-Данченко.

Къ рисункамъ.

Пастушеская идиллія.

(Рис. на стр. 564).

Эта хорошенькая картинка Гольца произвела въ свое время впечатлѣніе на Мюнхенской международной выставкѣ. Двое маленькихъ дѣтей приставлены караулить стадо гусенятъ. Занятіе это не доставляетъ имъ много труда и они, мирно и дружески бесѣдуя, располагаются на холмикѣ. Они большіе друзья—дѣвочка плететъ вѣнокъ своему маленькому товарищу, а онъ, разлегшись въ самой спокойной позѣ, внимательно слѣдитъ за ея проворными ручками. Гольцъ одинаково хорошъ какъ въ жанрѣ, такъ и въ пейзажѣ, и въ данномъ случаѣ они въ совершенно равномъ достоинствѣ.

Ярмарка въ малороссійскомъ селѣ.

(Рис. на стр. 565).

Читатели наши видѣли уже много копій съ малороссійскихъ картинъ и эскизовъ нашего жапріста Вл. Е. Маковского. Объ отличительныхъ свойствахъ его таланта мы также неоднократно говорили. Ярмарки на югѣ, даже деревенскія, потеряли свою прежнюю оживленность; теперь онѣ гораздо болѣе скромны, но все же еще имѣютъ мирный и патриархальный характеръ и на нихъ лежитъ печать широкаго лѣнливо-медлительнаго юга. И характеръ этотъ прекрасно переданъ въ ярмарочной толпѣ художникомъ.

Чтеніе.

(Рис. на стр. 569).

Красивая помпезка внимательно читаетъ что то, раскинувъ передъ собою широкій листъ папируса, изъ котораго тогда приготавлилась бумага. Папирусъ, растеніе травянистое, густо ра-

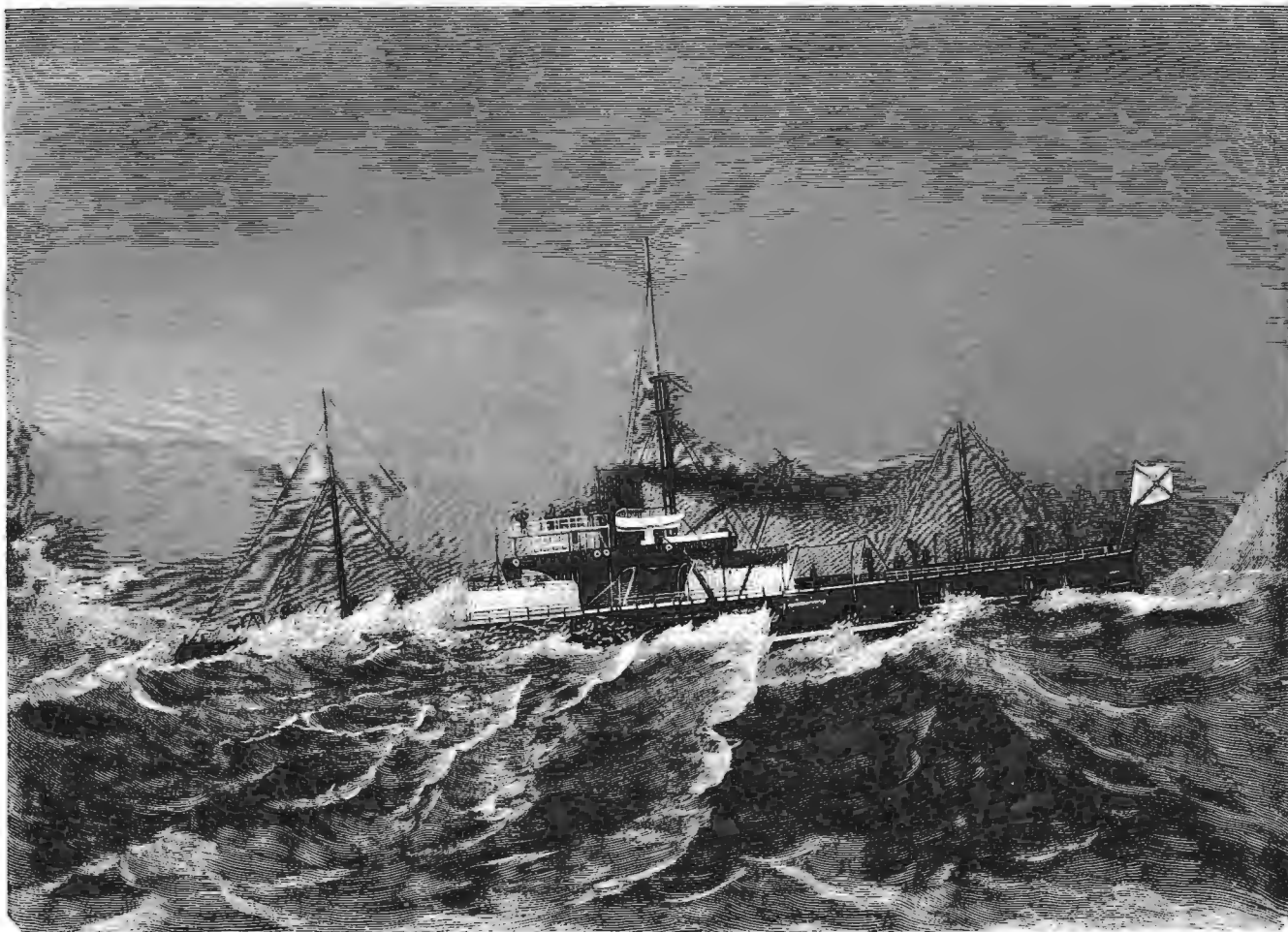
стущее въ болотахъ Египта и Сициліи—изъ него дѣлалась бумага разныхъ сортовъ. Многочисленные папирусные свертки находятъ при раскопкахъ въ Геркуланумѣ и Помпѣѣ. Чтеніе и письменность вообще были широко распространены въ древнемъ Римѣ. Библиотеки рукописей, свитковъ были во множествѣ у частныхъ лицъ и образованная женщина, интересовавшаяся литературой и произведеніями своихъ писателей, была далеко не рѣдкость. И эта любительница чтенія, очевидно, принадлежитъ къ такимъ интересующимся.

Со времени Августа считалось необходимымъ имѣть у себя въ домѣ богатое собраніе книгъ. Наружный видъ древнихъ книгъ не имѣлъ ничего общаго съ нынѣшнимъ. Античныя книги были родъ свертка тонкаго египетскаго папируса. Писали обыкновенно на одной сторонѣ бумаги—полосы были приклеены одна къ другой и послѣдняя полоса книги прикрѣплялась къ пустому внутри цилиндру изъ тростника, вокругъ котораго обертывалась и вся книга. Книги переписывались, конечно; переписчики пріобрѣтали огромный навыкъ и писали очень хорошо и быстро. Книгу разомъ диктовали многимъ переписчикамъ.

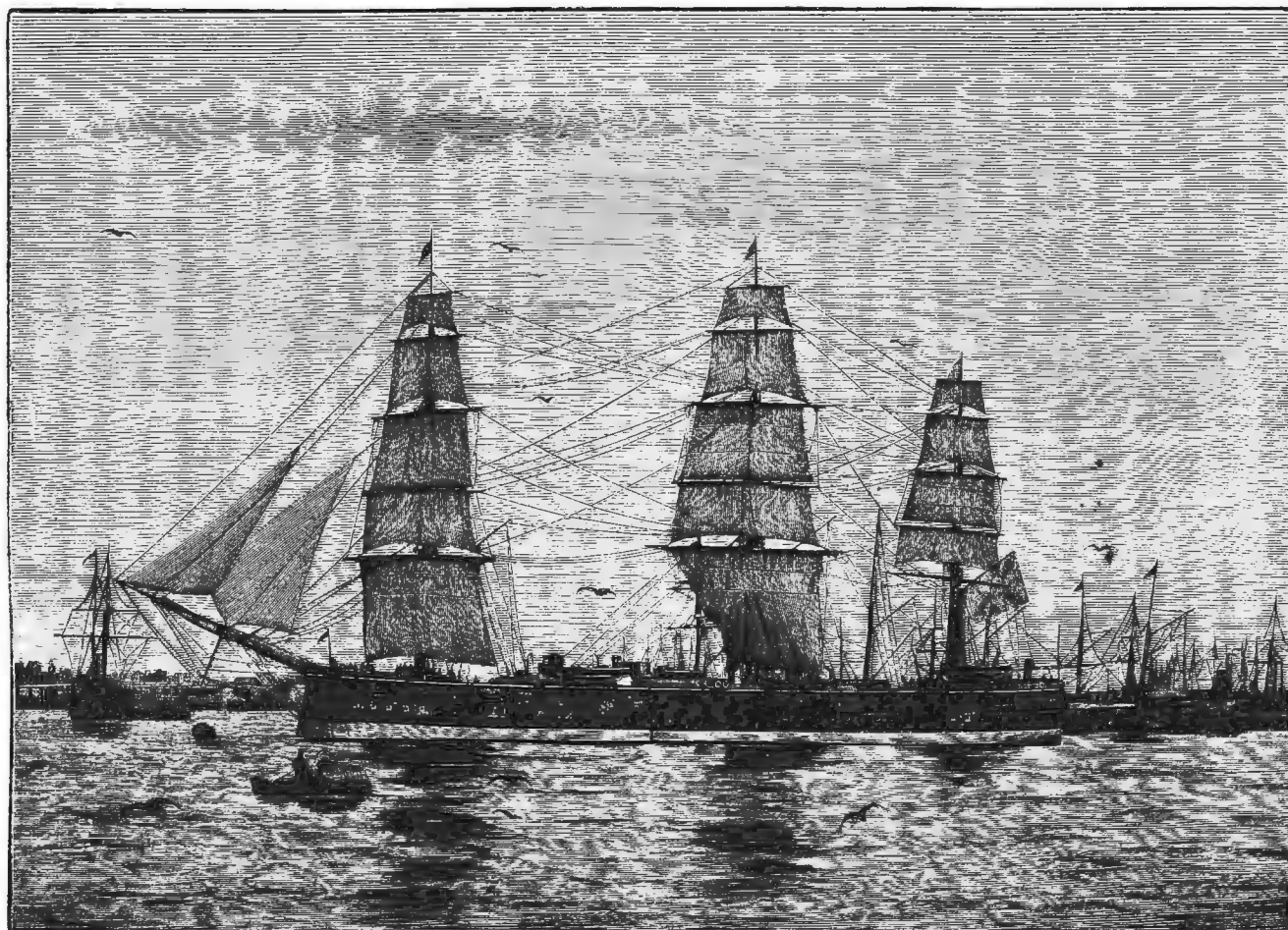
Открытіе памятника кн. Пожарскому, 2-го іюня.

(Рис. на стр. 580 и 581).

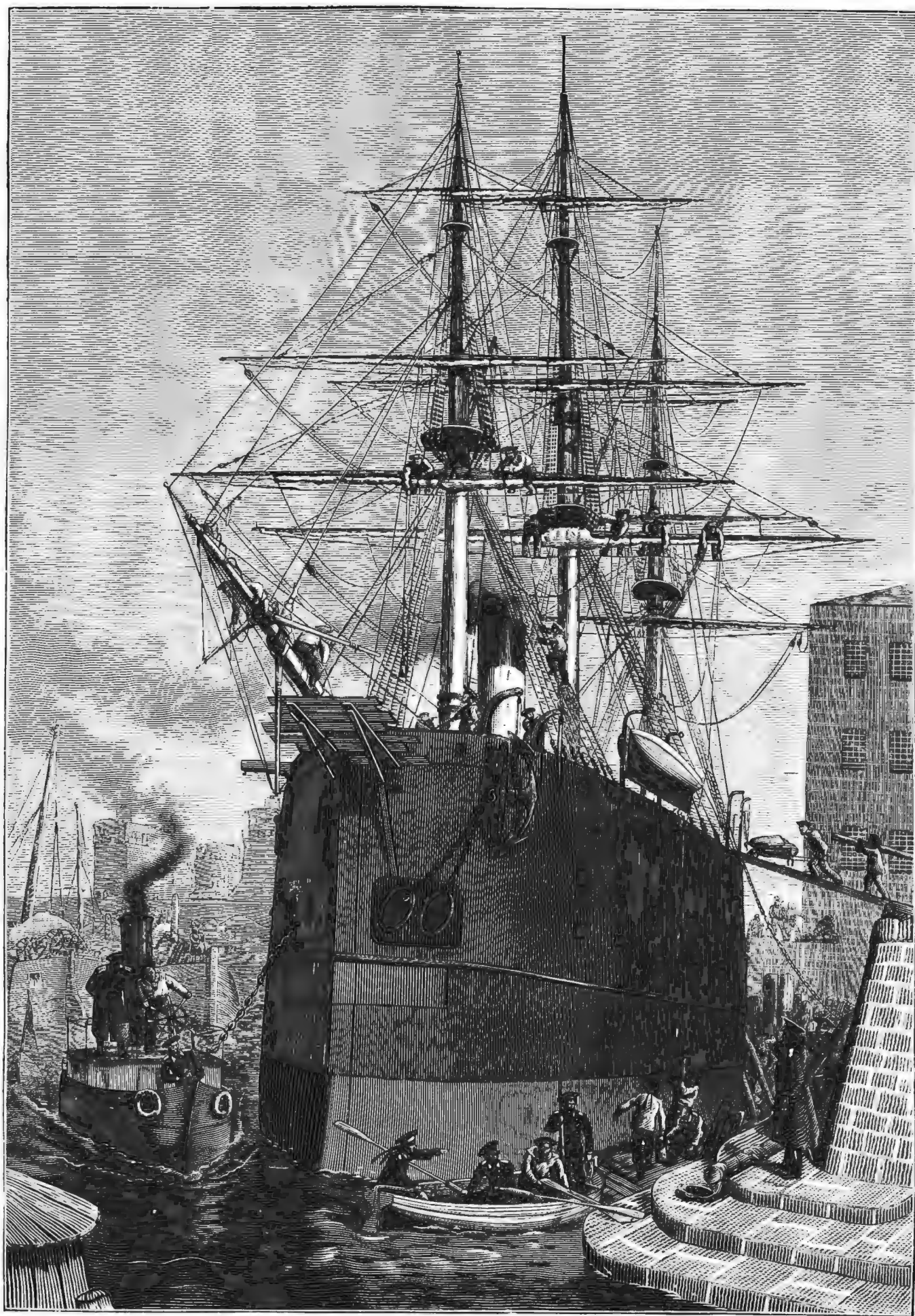
Въ селѣ Пурехѣ, Нижегородской губерніи, видъ котораго изображенъ на нашемъ рисункѣ (стр. 580), родился князь Дмитрій Михайловичъ въ концѣ XVI столѣтія. Онъ былъ отдаленный потомокъ Всеволода III, отъ младшей линіи его,—удѣльныхъ князей Стародубскихъ. Ни изъ лѣтописей, ни изъ другихъ государственныхъ актовъ и бумагъ не видно какую именно службу отправлялъ родитель князя и когда онъ скончался, извѣстно только, что сыну его, т. е. Дмитрію Михайловичу Пожарскому, достались послѣ смерти отца два имѣнія-волости: Пурехская, въ 120 вер. отъ Нижняго-Новгорода, въ Балахнин-

Русский флотъ. Мониторъ „Петръ Великій“ на ходу. Съ картины Г. Грицко, грав. М. Рашевскій.

Русский флотъ. Полуброненосный фрегатъ „Мининъ“. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Русский флотъ. Полуброненосный фрегатъ „Дмитрій Донской“. Ориг. рис. съ натуры Р. Штейна, грав. Ю. Барановскій.
Библиотека „Руниверс“

скомъ уѣздѣ, и Лайдехская, состоящая въ Гороховскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи. Въ селѣ Пурехѣ находился Спасскій-Пурехскій монастырь, основанный кн. Пожарскимъ, вынѣт упраздненный—осталась одна каменная двухъ-этажная церковь Спаса, съ колокольнею и приделомъ Успенія Богородицы, въ которомъ иконостасъ пожертвованъ кн. Д. М. Кроме того, въ эту обитель сдѣланы были разныя приношенія княземъ—напрестольный рѣзной крестъ, лавкадило съ надписью, два образа: одинъ на дскѣ—Владимірской Божьей Матери, а другой, вышитый по атласу шелками—Казанскія Богородицы, работы супруги его, княгини Теодоры Андреевны; стольникомъ кн. Петромъ Дмитриевичемъ, сыномъ Дмитрія Михайловича, напрестольное Евангеліе, съ собственною надписью, напрестольный серебряный вызолоченный крестъ и серебряное чеканное кадило, съ надписями—приношеніе внука князя Василія, — колоколь его-же. Здѣсь хранилась хоругвь или знамя доблестнаго кн. Дмитрія Михайловича, сопровождавшаго его въ побѣдахъ, съ изображеніемъ на немъ Христа Спасителя; съ 1826 года эта хоругвь находится въ Москвѣ для храненія, въ Оружейной палатѣ, вмѣстѣ съ государственными сокровищами.

Въ село Пурехъ именно, къ кн. Д. М. Пожарскому, лечившемуся отъ ранъ, полученныхъ имъ въ битвѣ съ поляками, въ 1611 году прибыло знаменитое посольство изъ Никитяго Новгорода съ архимандритомъ во главѣ, просить князя принять начальство надъ великимъ ополченіемъ противъ врага. Здѣсь не разъ бывалъ и Козьма Мининъ—навѣщая больнаго князя. По изгнаніи поляковъ изъ Россіи и по вступленіи Михаила Теодоровича Романова на царство, кн. Дмитрій Михайловичъ Пожарскій присутствовалъ при торжественномъ вѣчаніи Михаила. Послѣ коронованія вѣчно было возвратитъ князю его вотчину Лайдехъ, отнятую у него приговоромъ думы еще до вступленія Михаила Теодоровича на царство.

Въ первой половинѣ 1614 года, кн. Д. М. упоминается въ званіи воеводы стѣннаго города Самары. Къ концу-же 1614 г., Д. М. Пожарскій вмѣстѣ съ другими боярами уже подписываетъ государственные акты; милость и довѣріе государя не покидало Д. М. до конца смерти. Въ мирное время кн. Пожарскій завѣдывалъ приказами Ямскимъ (почтовымъ) въ 1627 году и Суднымъ въ 1635 году. Посвятивши всю жизнь на служеніе отечеству, кн. Д. М. тихо сошелъ въ могилу. Кончина его послѣдовала въ 1640 году. Царь почтилъ его погребеніе своимъ присутствіемъ. Въ Суздальскомъ Евфиміевскомъ монастырѣ покоится прахъ избавителя Россіи.

На нашемъ рисункѣ изображены двѣ часовни: одна надъ могилою князя Д. М. Пожарскаго, другая надъ прахомъ Козьмы Минина въ Нижнемъ Новгородѣ.

2-го іюня произошло торжественное открытіе памятника зна-

менитому освободителю нашего отечества, князю Д. М. Пожарскому.

Князь Д. М. съ другими лицами своей семьи, какъ мы выше сказали, погребенъ въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ, въ уѣздномъ городѣ Суздаль, Владимірской губерніи, на берегу рѣки Каменки. Монастырь этотъ основанъ въ 1352 г., при В. К. Нижегородскомъ Борисѣ Константиновичѣ, преподобнымъ Евфиміемъ, который и былъ здѣсь первымъ архимандритомъ. Обитель эта прежде называлась *Преображенскою-Суздальскою*, по главнй церкви. Спасо-Евфиміевскій монастырь извѣстенъ въ историческомъ отношеніи; здѣсь, подъ стѣнами его, въ 1445 г. было кровопролитное сраженіе русскихъ съ татарами и В. К. Василій III Темный взятъ былъ въ плѣнъ. Въ ризницѣ находятся богатые вклады—даръ князей Пожарскихъ, какъ-то: ризы, украшенныя жемчугомъ и драгоценными камнями, между прочими вещами хранится Евангеліе съ собственноручною надписью Д. М. и плащаница, шитая супругою князя, Теодорою Андреевною. Часовня надъ могилою Д. М. Пожарскаго воздвигнута изъ благаго мрамора, въ византийскомъ стилѣ и примыкаетъ одною стороною къ алтарной стѣнѣ монастыря.

Въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія неутомимыя изысканія покойнаго графа Уварова привели къ счастливымъ результатамъ: князь Д. М. Пожарскій оказался погребеннымъ въ родовой усыпальницѣ Хованскихъ и Пожарскихъ въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ. Когда наконецъ нашли это мѣсто, возникла мысль объ устройствѣ памогильнаго памятника. Рѣшили привлечь къ участію въ устройствѣ этого памятника всю Россію, отъ лица Русской земли человѣку, игравшему такую роль въ ея историческихъ судьбахъ. Памятникъ, какъ видно на рисункѣ, представляетъ собою часовню въ формѣ старинныхъ усыпальницъ; онъ строился долго, но былъ уже готовъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и открытіе его земелось только тѣмъ, что не были готовы мозаичныя иконы, изъ которыхъ одна, образъ Спасителя, назначена для постановки снаружи часовни, надъ входомъ, другая—снимокъ съ образа Казанской Божьей Матери, паходившагося съ княземъ въ походахъ, должна стоять внутри часовни. Внутри же часовни и отчасти снаружи ея помѣщены доспѣхи князя, самаа гробница котораго видна сквозь просвѣтъ, сдѣланный въ полу часовни при входѣ. Мозаичные образа готовы и установлены на мѣста, торжество освященія и открытія памятника, какъ сказано выше, произошло 2-го іюня нынѣшняго года.

Памятникъ-часовня надъ прахомъ Козьмы Минина находится въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ главнй святынь края—Спасо-Преображенскомъ кафедральномъ соборѣ и отличается весьма изящной работой—она построена по проекту извѣстнаго покойнаго археолога—архитектора Дали. Часовня выдержана въ строго-русскомъ стилѣ.

Политическое обозрѣніе.

Англія.—Германія.—Франція.

Несомнѣнно одно, что въ чьи-бы руки ни попала правительственная власть въ Англіи, этому новому правительству должна встрѣтиться бездна затрудненій, какъ по вопросамъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ. Новому правительству нельзя даже будетъ принять роль „дѣловаго правительства“ съ послѣдовательнымъ выполненіемъ обыденно-текущихъ государственныхъ задачъ, такъ какъ ирландскій, афганскій и египетскій вопросы потребуютъ отъ него радикальнаго рѣшенія и взыскать за нихъ безъ опредѣленно-намѣченной программы не представится возможности. Быть можетъ исключительные законы, понадобившіеся для Ирландіи, окажутся излишними, когда управленіе перейдетъ въ твердыя руки правительства, съ которыми ирландцы еще не имѣли до сихъ поръ серьезныхъ счетовъ. Не менѣе того возможно, что колониальная политика Германіи не встрѣтитъ въ Лондонѣ того содѣйствія, на которое оно быть можетъ рассчитывать. При Гладстонѣ между Германіею и Англіею были возможны соглашенія даже и на почвѣ практическихъ колониальныхъ интересовъ; при новомъ-же правительствѣ внѣшняя сторона отношеній между Лондономъ и Берлиномъ можетъ казаться наилучшей, но съ практической точки зрѣнія нельзя себѣ представить какимъ образомъ новая колониальная политика князя Бисмарка могла бы согласоваться съ возвращеніемъ новаго англійскаго правительства. Съ другой стороны дѣла въ Египтѣ еще далеко не окончены и на чемъ остановится британскому правительству по защитѣ и охраненію англійскихъ интересовъ въ Египтѣ—сказать трудно, такъ какъ у Франціи, послѣ заключенія мира съ Китаемъ, снова руки развязаны и заявленія Фрейсина ясно указываютъ, что въ Парижѣ болѣе чѣмъ когда либо склонны смотрѣть на египетскій вопросъ какъ на вопросъ международный, подлежащій разрѣшенію всей Европы, а не исключительно того или инаго великобританскаго премьера. Наконецъ и средне-азійскія дѣла потребуютъ болѣе опредѣленнаго разрѣшенія чѣмъ эластичнаго свойства предварительно заготовленное съ Россіею соглашеніе по вопросу объ афганорусской границѣ. Быть можетъ, представится практическая необходимость средне-азійскую фикцію—независимое государство Афганистанъ, вовсе упразднить изъ англо-русскихъ пере-

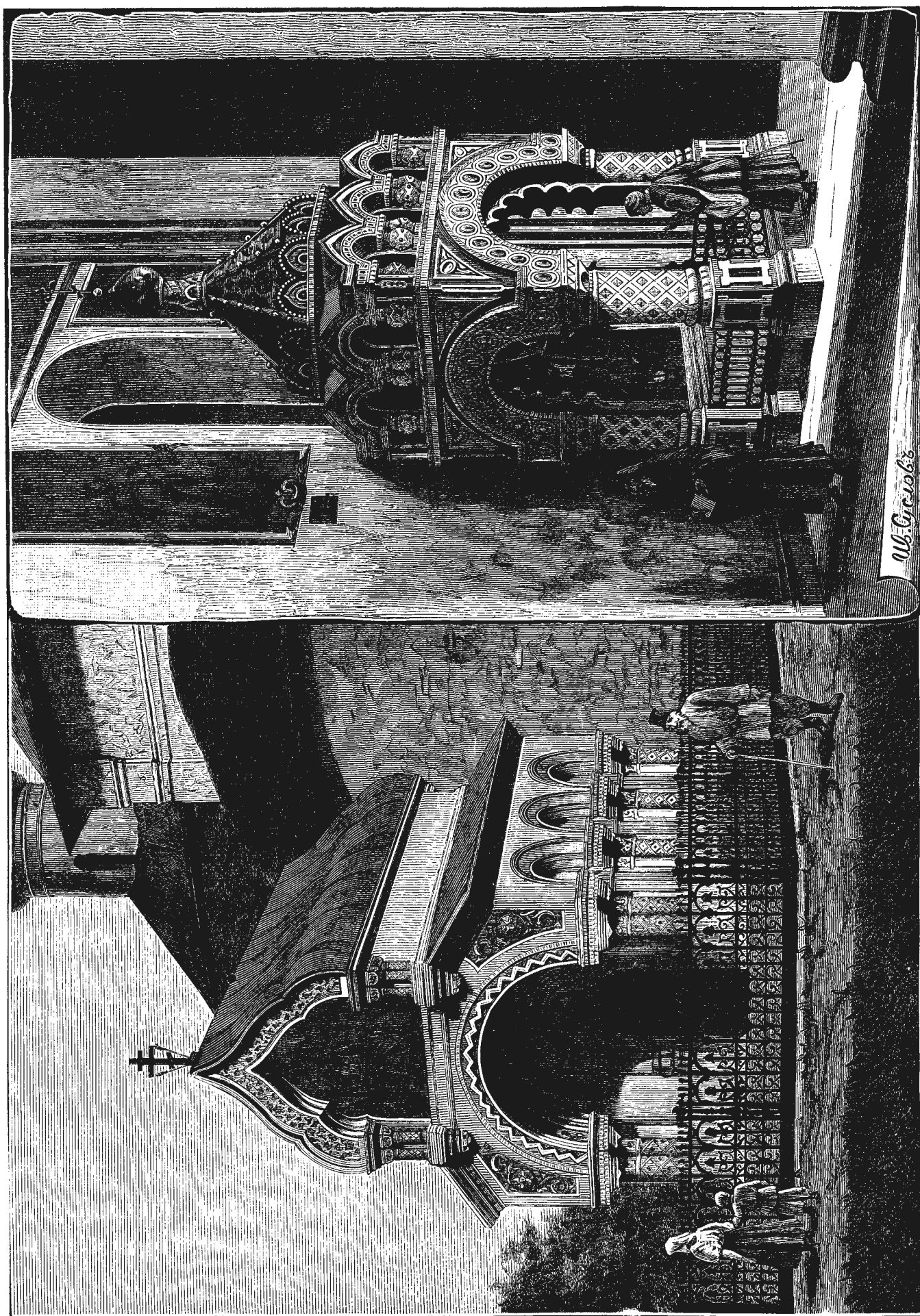
говоровъ по отношенію отграниченія интересовъ обихъ государствъ.

Единодушное довольство нѣмецкой печати о паденіи министерства Гладстона какъ бы не раздѣляется личнымъ органомъ князя Бисмарка „Сѣверо-Германскою всеобщею газетою“. Газета не высказываетъ ни сожалѣнія, ни удовольствія; но если вспомнить, что до сихъ поръ она самымъ рѣшительнымъ образомъ и постоянно старалась дискредитировать навшее англійское министерство, то не трудно понять, что это молчаніе объясняется естественнымъ со стороны оффиціознаго органа сдержанностію и осторожностію. Впрочемъ, нѣмецкое общественное мнѣніе увѣрено, что съ паденіемъ министерства Гладстона политика князя Бисмарка одержала новую блестящую побѣду, такъ какъ новое англійское правительство во всякомъ случаѣ будетъ болѣе склонно чѣмъ министерство Гладстона плыть на буксирѣ у Германіи и что теперь уже безъ всякихъ препятствій объединенная Германія можетъ осуществлять свои насущныя задачи помимо и не взирая на виды и интересы другихъ державъ. Тѣмъ не менѣе, политическіе виды и широкія предположенія могущественной Германіи ограничиваются въ настоящее время печальными напоминаніями судьбы, именно, потерю духу выдающихся полководцевъ,—племянника императора Вильгельма, принца Фридриха-Карла, скончавшагося на пятидесятомъ году жизни, и смертію престарѣлаго фельдмаршала Мантейфеля. Принцъ Фридрихъ-Карлъ былъ соединенъ родственными узами со многими германскими и иностранными царствующими домами, а у насъ, въ Россіи, смерть принца тѣмъ болѣе является начальнымъ событіемъ, что онъ былъ русскимъ фельдмаршаломъ и шефомъ двухъ русскихъ полковъ. Германскія газеты передаютъ, что неожиданная смерть Фридриха-Карла нанесла тяжелый ударъ маститому императору Вильгельму, едва успѣвшему оправиться отъ продолжительной болѣзни, и не менѣе принесла горя дочери покойнаго принца, герцогинѣ Конаууской, только что возвратившейся въ Англію изъ путешествія по Индіи.

Мирный договоръ между Китаемъ и Франціею, заключенный французскимъ делегатомъ Вильею еще четвертаго апрѣля, наконецъ заключенъ безповоротно.

Открытие памятника нн. Дм. Мих. Пожарскому, 2 июня. Видъ села Пуреха (Нижег. губ., Балахнинскаго уѣзда). мѣсто помл. нн. Пожарскаго. Ориг. рис. И. Сулова, грав. М. Рашевскій.

1) Видъ памятника кн. Пожарскому въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ

Открытіе памятника кн. Дм. Мих. Пожарскому, 2 Іюня.

Ориг. рис. И. Суслова, грав. М. Рашевскій.

2) Памятникъ-часовня надъ могилой Козьмы Мина вѣ Нижн.-Новгородѣ

СОДЕРЖАНИЕ: Густав Нактигалъ (съ портр.). — Радованская тайна. Повесть П. Петрова. — Маранта. Разсказъ Л. Долина. — Суда русскаго флота (съ 5 рис.). Въ Итали. Стихотвореніе В. Немировича-Данченко. — Пастушеская идиллія (съ рис.). — Ярмарка въ маѣрусскомъ селѣ (съ рис.). — Чтеніе (съ рис.). — Открытіе памятника кн. Пожарскому. 2 юнія (съ 3 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Сибирь. — Рѣшеніе задачи — ходъ коня. — Завлеченія. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марксъ.

ЭЛЕОПАТЬ

средство противъ перхоти, почему и прекращаетъ дѣйствительно выпаденіе волосъ. ЭЛЕОПАТЬ пров. КИНУНЕНА къ услугамъ публички во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихкихъ магазинахъ, какъ здѣсь, такъ и за границей. Способъ употребленія приложенъ къ каждому флакону. Иногородные покупатели выписываютъ ЭЛЕОПАТЬ только пров. КИНУНЕНА изъ ближайшихъ отъ себя аптекъ, но не менѣе двухъ флаконовъ. Почтовый расходъ и упаковка на счетъ покупателей.

Въ провинціи ЭЛЕОПАТЬ къ услугамъ публички во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

МЕБЕЛЬ

всякаго рода, по самымъ дешевымъ цѣнамъ, иллюстрированый каталогъ, содержащій около 140 рисунковъ, а также образцы матерій, высылаются по полученіи 28 коп. почтовыми марками. Р. № 1148 3—3

В. ФРИШЪ,

Контора мебели. С.-Петербургъ, М. Морская, 16.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Романъ-хроника XVIII вѣка. В. С. СОЛОВЬЕВА.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп.; въ кален. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

НОВОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ.

Руки и ноги. Зингеровскія швейныя машины, которыя кромѣ известнаго работъ выметываютъ петли, вышиваютъ и шьютъ черзъ край. Подробный прейсъ-курантъ и пробныя петли высылаются безплатно. Р. № 1125 6—4

А. ШТЕЙНЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская № 26.

Большой выборъ обычныхъ швейн. машинъ дешево и лучшего достоинства.

4711

ОСНОВНЫЕ ДУХИ.

врачами признаны превосходными, особенно рекомендуются для очищенія комнатнаго воздуха. Можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. 3756. 17—10. № 1140 3—3

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1885 г., НА ЛИТЕР.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ:

ГОДЪ IV. НАБЛЮДАТЕЛЬ. ГОДЪ IV.

Въ вышедѣнныхъ пяти книгахъ (январь—май) напечатаны: 1) *Полороны*, историч. романъ Д. Л. Мордовцева; 2) *По грядкамъ и всѣмъ*, современн. романъ Вологодина (оконченъ); 3) *Кляня*, разсказъ изъ народнаго быта, Ф. Д. Нефедова; 4) *Тыли и пятни* петербургской привѣстности, В. О. Михневича (дѣя ствн); 5) *Конгрессы и конферанси*, какъ органы общины между народами, проф. В. П. Давенскаго; 6) *Забывное сословіе*, Я. В. Абрамова; 7) *Земля иезика*, В. В.; 8) *Джакомо Леопарди*, критич. эссе В. В. Чуйко; 9) *А. В. Дружининъ* (изъ воспоминаній) А. В. Старчевскаго; 10) *Колонизація Кавказа*, К. М. Бороздина; 11) *Интересъ народнаго зрѣнія*, И. Денисова; 12) *Колонизація Южно-Уральскаго края*, М. А. Гребенщикова; 13) *Фельетоны И. Ф. Василевскаго* и *Ефима Простосердова*; 14) *Записки изъ жизни*, И. Денисова; 15) *За Окляновъ*, П. Попова; 16) *Обзоръ иностран. литературы*, В. Р. Зотова; 17) *Обзоръ историческихъ журналовъ*, П. М.; 18) *Жерминаль*, романъ Эмиля Золя; 19) *Скряга Лоррибви*, романъ Вальтера Бензана и Джемса Райса (оконч.); 20) *Накиль Парижа*, Альберта Вольфа (оконч.); 21) *Слѣпы изъ испанской народной жизни*, де-Переда; 22) *Филателия*, романъ Шульце-Делича; 23) *Тайная полиція въ Пруссіи*, Винтора Тиссо; 24) *Разсказы Гюи-де-Мопассана*; 25) *Наричная хроника И. Д.*

Въ слѣдующихъ книгахъ будутъ помѣщены: 1) *Безъ воли*, романъ П. Лѣтнева; 2) *Помощь раба Вестричевъ*, романъ Н. Д. Ахшарунова; 3) *Цудная криши*, повесть А. В. Круглова; 4) *Разсказы*, Сибиряка; 5) *Они соли къ ружью*, разсказъ Вологодина; 6) *Разсказы*, Г (автора: „Мы побѣдили“); 7) *Быль молодичу не джоръ*, (разсказъ изъ туремнаго быта) В. Н. Никитина; 8) *Тиринифъ* (Мольера) переводъ изъ стихахъ Г-снаго; 9) *О вѣдательствѣхъ государственн въ экономическіи отношенія*, академикъ В. П. Безобразова; 10) *Свобода совѣсти въ Америкѣ*, проф. Л. Б. Нотарескаго; 11) *Упадокъ нашего сельскаго хозяйства*, М. В. Неруева; 12) *Рядъ критикъ*, статей В. В. Чуйко; „Народники-беллетристы“, „Реалисты-фотографы“ и „Романисты-социологи“; 13) *Вольныя дѣла* (по поводу сочиненій Ф. М. Достоевскаго) А. П. Пятковскаго; 14) *Изъ области крестьянскаго хозяйства*, В. В.; 15) *Изъ жизни заключеннаго*, очерки В. Л. Маркова; 16) *На пересѣлкескомъ народомъ* (путевыя замѣтки), М. А. Гребенщикова; 17) *Положеніе рабочаго класса въ Итали*, Н. Д.; 18) *Общественныя и семейныя нравы англиской женщины*, Г-ча; 19) *Монферранъ, спироуель Нсакайскскаго собора*, А. В. Старчевскаго; 20) *Сравненіе*, историч. романъ Эберса; 21) *Новый романъ Марлитта*; 22) *Наборныя силы*, романъ Эрнеста Доа; 23) *Умилитель въ скорбяхъ*, разсказъ Пауля Гейзе, и пр. и пр.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, безъ предварительной цензуры, книгами нѣтъ 22—30 печатныхъ листовъ. Годов. цѣна: безъ доставки 12 р.; съ дост. 13 р.; съ перес. 14 р.; за гран. 16 р. За полгода: 8 р. съ перес. внутри Россіи. Подписка принимается: въ СПб., въ конторѣ редакціи (Новарскій пер., № 5). Объемъ и форматъ журналы увеличены по разсмотрѣніи съ редакціей журналовъ. Редакторъ-издатель А. П. Пятковскій.

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ

дЛЯ ЧАСОВЪ. Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство — 5 лѣтъ, что не почернѣютъ! Предлагаемъ депо Василія Аурикъ, Большой Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лѣтница. № 1020 въ С.-Петербургѣ. 10—10

МУЖСКИИ ОДИНОЧН. въ 2, 3, 3 1/2 и 4 1/2 руб. Двойной въ 4 1/2 5 1/2, 7 и 8 руб. ДАМСКІЯ СЪ НИСТЫЮ въ 4, 5, 6, 6 1/2, 8 и 9 руб. НАРАДАШИ въ 1, 1 1/4, 1 1/2 и 2 руб. Илочки по 75 коп. Торговцамъ скидка.

„АМЕРИКАНКА“

полезный всякому хозяйству снарядъ для стирки, въ обыкновенной комнатной водѣ, бѣлья. Расходъ весьма мало воды и сохраненію отлично бѣлье, стирка доступна даже малолѣткамъ. Приглашаются агенты. Цѣна снаряда съ пересылкою по почтѣ 5 р., въ Сибирь 8 руб. При каждомъ снарядѣ предлагается наставленіе. Адресъ: Губернскому агенту Русскаго Страх. Общества, В. Шлемензону, въ Симферополѣ.

ОТЗЫВЪ ШЕСТНАДЦАТИИ.

М. Г. Вениаминъ Ильичъ! Приобрѣтённый мною отъ Васъ снарядъ для стирки бѣлья — „Американка“ оказался весьма практичнымъ, вполне соответствующимъ своему назначенію и приносящимъ прекрасную помощь въ хозяйствѣ. Я поэтому считаю приятною своею обязанностью выразить Вамъ искреннюю благодарность, присовокупляя, что я рекомендую этотъ снарядъ всѣмъ своимъ друзьямъ и знакомымъ. Остаюсь съ почтеніемъ Х. Мендель. Г. Вѣльскъ, Гродненской губерніи, 2 января 1885 г. № 1164

Фабричное клеймо на снарядѣ: „В. ШЛЕМЕНЗОНЪ — Симферополь“.

Предстоящій ТИРАЖЪ 1-го ЮЛЯ 1885 г.

Нижеозначенная контора продаетъ

5% ГОСУД. ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ

- а) на наличныя деньги: по дневному биржевому курсу, взимая въ свою пользу 1/8% комиссіи, т. е. 27 коп. съ билета.
- б) съ разсрочкою платежа: съ задаткомъ не менѣе 15 рублей и мѣсячными платежами по опредѣленію самого покупателя, однакожь не менѣе

ПЯТИ РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со времени полученія конторою задатка, всякій выигрышъ, который падеть на купленный и означенный въ свидѣтельствѣ билетъ, принадлежитъ покупателю и будетъ выплаченъ конторою безъ всякихъ въ свою пользу вычетовъ.

Страхованіе выигрышныхъ билетовъ по 40 коп.

Порученія изъ провинціи исполняются конторою обратною почтою, причѣмъ контора не лишнимъ считаетъ обратить вниманіе гг. покупателей на то, что въ послѣднихъ дняхъ до тиража порученія постунаютъ въ большомъ количествѣ, а потому желательно, для точнаго исполненія иногородныхъ порученій, высылатъ таковыя по возможности заблаговременно, кромѣ того прямая выгода гг. покупателей обращаться заблаговременно со своими порученіями въ контору уже потому, что биржевая цѣна билетамъ къ тиражу постоянно повышается. Р. № 1103 7—6

Банкирская контора **Ф. А. КЛИМА** въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 21.

Единственная на югѣ Россіи специальная мастерская прачешныхъ машинъ, усовершенствованныхъ многолѣтнею практикою (мастерская сущ. съ 1875 г.). Употребленіе ихъ самое упрощенное, приспособлены для семействъ и большихъ прачешныхъ заведеній. Прому не представлять чѣмъ либо въ родѣ американско. Катки давленіе до 40 пуд. Цѣна и вѣсъ съ упак. 20 р., 2 п., 10 ф. Мойки могутъ мыть даже кружева, тюль, газъ и пенковыя половки 15 р., 2 п., выжимки 10 р., 20 ф. Также имѣю всегда готовыми токарныя станины въ 35, 45, 60 и 75 р. Конторскіе счета 7 р., бухгалтерскіе 10 р. Иногор. могутъ выписывать съ налож. платежомъ, выслая задатка 20%. Харьковъ, Енаверъ, ул. № 13. Николай Ивашевъ. № 1046 10—3

НАСТОЯЩІИ КЯХТИНСКІИ ЧАЙ,

развѣщенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цѣбиковъ

ТОРГОВАГО ДОМА

„БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“

Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

И. № 3947

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

16—15

ТОРГОВЫИ ДОМЪ ДЖОНЪ ЛЮТЕРЪ

ОСНОВАННИИ въ 1865 г.

проситъ гг. виноторговцевъ обратить вниманіе на русскія виноградныя вина, которыя по ихъ качеству много дешевле противъ иностранныхъ винъ, выдержанныя и очищенныя имъ по усовершенствованному способу, въслѣдствіе чего это единственныя вина не подвергающіяся порчѣ и могутъ быть особенно рекомендуемы для одаренныхъ мѣстности Россіи. Прейсъ-куранты высылаются безплатно. Адресъ для писемъ и телеграммъ:

Р. 1168

ДЖОНЪ ЛЮТЕРЪ, въ С.-Петербургѣ.

2—1

СКЛАДЪ ПИСЧЕЙ БУМАГИ АВГУСТЪ НАУМАНЪ

въ С.-Петербургѣ, Казанская ул. № 42.

Вышла новая коллекція образцовъ почтовой, писчей, печатной, оберточной бумаги, переплетныхъ материаловъ и т. п. и пересылаются по полученіи 45 коп. почтовыми марками. Р. № 1170 2—1

ТЕЛЕФОНЪ № 55.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА А. ЗИНГЕРЪ и К^о.

Невскій проспектъ, противъ Б. Морской, надъ Елисеѣвымъ, д. 18.
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ТИРАЖИ

I Внутренняго 5% съ выигрышами Займа
1864 года

производятся два раза въ годъ:

2-го Января и 1-го Юля

и въ каждомъ изъ нихъ выходятъ слѣдующіе выигрыши:

1	выигр. въ	200000	р. с.
1	" "	75000	"
1	" "	40000	"
1	" "	25000	"
3	" "	10000	"
5	" "	8000	"
8	" "	5000	"
20	" "	1000	"
260	" "	500	"
<u>300</u> выигр. на		<u>600000</u>	р. с.

ТИРАЖИ

II-го Внутренняго 5% съ выигрышами Займа
1866 года

производятся два раза въ годъ:

1-го Марта и 1-го Сентября

и въ каждомъ изъ нихъ выходятъ слѣдующіе выигрыши:

1	выигр. въ	200000	р. с.
1	" "	75000	"
1	" "	40000	"
1	" "	25000	"
3	" "	10000	"
5	" "	8000	"
8	" "	5000	"
20	" "	1000	"
260	" "	500	"
<u>300</u> выигр. на		<u>600000</u>	р. с.

Покупаетъ и продаетъ всѣ на здѣшной биржѣ котирующіяся процентныя бумаги по биржевому курсу.

Выдаетъ въ высшемъ размѣрѣ ссуды подъ процентныя бумаги.

Принимаетъ выкупъ въ другихъ учрежденіяхъ заложенныхъ бумагъ и увеличиваетъ подъ нихъ ссуды.

ВЗИМАЕТЪ

По ссудамъ „ON CALL“ . . . 7—8%

По ссудамъ на срокъ 7—8%

По всѣмъ биржев. операциямъ 1/8%

ПЛАТИТЬ

По текущему счету 6 %

По вкладамъ: на срокъ 3 мѣсяца . 6 %

" " " " 6 " 6 1/2%

" " " " 12 " 7 %

СТРАХОВАНИЕ БИЛЕТОВЪ

I-го и II-го внутреннихъ съ выигрышами займовъ

по **35** коп. за билетъ.

Для иногородныхъ по **45** коп. за билетъ.

Контора охотно даетъ своимъ гг. клиентамъ точныя свѣдѣнія о вышедшихъ въ тиражъ бумагахъ, равно какъ производитъ выдачу новыхъ купонныхъ листовъ.

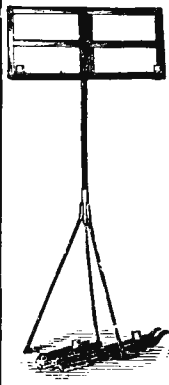
Продажа билетовъ I-го и II-го съ выигрышами займовъ СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖЕЙ.

Для облегченія покупателямъ, желающимъ приобрести вышеозначенные билеты посредствомъ ежемѣсячныхъ малыхъ взносовъ, контора продаетъ билеты этихъ займовъ по дневному биржевому курсу, съ разсрочкою платежей,

съ задаткомъ отъ 15-ти руб.

Остальныя же деньги разсрочиваетъ на мѣсячные платежи, по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе 5 руб. въ мѣсяць. Покупатель при взносѣ задатка получаетъ изъ конторы подлинное удостовѣреніе, съ обозначеніемъ серіи и № купленнаго имъ 5% выигр. билета. Покупатели пользуются выигрышами купленныхъ билетовъ со дня внесенія задатка.

КЮПИТРЫ
СКЛАДНЫЕ ЖЕЛѢЗНЫЕ

Черные лакированные 5 и 8 р., лучшие подлированные 12 р., двухсторонние полированные 18 руб., столовые без ножек по 2 р., столовые деревянные по 75 коп., 1 р., 1 р. 50 к., 3 р.
Юлий Генрих Циммерманъ.
Главное депо музыкальных инструментов.
С.-Петербургъ, по Б. Морской, д. № 36. Переехалъ въ провинцію на счетъ покупателя.
Депо въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, дома Торлецкаго.
Р. № 1171 1-1

НАСОСЫ
ВСѢХЪ РАЗМѢРОВЪ.
ОТЪ
3 РУБЛЕЙ.
Всѣ принадлеж-ности.
Ж. БЛОКЪ.
СПБ., Невскій, 16. Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.

Р. 1100 7-2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Вас. Островъ, 1 линия, № 10.
Масническая Ул., домъ Сыцова.
МОСКВА.

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ
для тушения пожаровъ въ зачаткѣ и подливки цѣлѣвъ по 16 р. Упаковка 40 коп.
РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА
10 разн. размѣровъ—наименьшая выбрасыв. 600 ведеръ воды въ часъ и стоящ. 115 р.
Нососы для всѣхъ возможныхъ цѣлей,
ПУЛЬЗОМЕТРЫ К. Г. ГОЛЛЯ
лучшій паровой насосъ настольн. времени.
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСК. МАШИНЫ всякаго рода, въ большомъ выборѣ на складахъ у
№ 1154 **ТОВАРИЩЕСТВА** 5-2
БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ.
Новый роскошно иллюстрированный каталогъ высылается за 21 коп. марками.

ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРЕПРОДАВЦЕВЪ.
Самая дешевая оптовая продажа ба-гетовъ золоченыхъ и черныхъ. Прейсъ-куранты и образцы бесплатно.
В. ФРИЦЪ.
ФАБРИКА БАГЕТОВЪ.
С.-Петербургъ, Малая Морская, № 16.
Р. № 1147 2-3

ПРАВІТЕЛЬСТВОМЪ УТВѢРЖДЕНОЕ СПРАВОЧНОЕ БЮРО
„И. ДОНИЧЪ“
МОСКВА, Софійка, прот. Лубян. пассажа.
Заявленія принимаютъ и выдаютъ справки: о продажахъ, залогѣ, покупке недви-жимости и движимости; о капиталѣхъ подъ залогъ недвижим. и движимости.
Принимаются объявленія во всѣ газеты и журналы по цѣнамъ редакцій; постояннымъ клиентамъ дѣлается уступка.
Всѣ дѣйствія „Справочнаго бюро“ безъ комиссіонерства.

ПАРОХОДНОЕ ОБЩЕСТВО ПО ВОЛГѢ
учрежденное въ 1843 г.

Легкіе пассажирскіе пароходы Общества: Императоръ, Императрица, Государь, Государыня, Царь, Царица, Царевичъ, Царевна, Князь и Княгиня, содержатъ срочное сообще-ніе между Нижнимъ-Новгородомъ и Астраханью и попутными пристанями.
Изъ Нижняго-Новгорода пароходы отходятъ: по Понедѣльникамъ, Вторникамъ, Средамъ, Пятницамъ и Субботамъ въ 10 1/2 час. утра.
Подробное описаніе о времени отхода и прихода пароходовъ и таксу за проѣздъ пассажировъ и провозъ багажа можно получить въ Петербургѣ, въ Конторѣ Правленія Общества (Галерная ул., д. № 48, кв. № 1) и на Волгѣ на всѣхъ пристаняхъ Общества. Такса за проѣздъ пассажировъ и провозъ багажа на пароходахъ одинакова съ такою другихъ Обществъ; отдѣльныя семейныя каюты отдаютъ по числу мѣстъ, безъ пошлений таксы. Пассажиры перваго класса за проѣздъ не мѣняе пяти пристаней, на назначенныхъ на билетъ, имѣютъ уступку 20% противъ таксы. № 1169 10-1

РОЗОВОЕ ГУСТОЕ
РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССИИ И ЗАГРАНИЦѢЙ
Н. П. ЛАНИНА, № 4000
въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.
ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, ЯГОДНЫИ и ФРУКТОВЫИ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНА БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ СЛѢДУЮЩИИ НАГРАДЫ:
1. **НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА** на Одесской выставѣ 1884 года: **ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ** съ правомъ ходатайства на награжденіе
ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ
ВСЕРОССИЙСКИИ НАГРАДЫ:
2. Серебряная медаль 1852 г.
3. Серебряная медаль 1860 „
4. Похвальный отзывъ 1864 „
5. Серебряная медаль 1865 „
6. Серебряная медаль 1869 „
7. Медаль 1870 „
8. Золотая медаль 1872 „
9. Высочайшая благодарность 1875 „
10. Золотая медаль 1882 „
ИНОСТРАННЫИ НАГРАДЫ:
1. Филадель. выстав. медаль . . 1876 г.
2. Филадель. выстав. медаль . . 1876 „
3. Париж. vyst. поч. отз. 1878 „
4. Амстердам. vyst. медаль . . 1883 „
5. Бостон. vyst. почет. дипл. 1883 „
ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:
1. Съ 1863 г. по 1873 г.
2. Съ 1872 г. по 1882 г.
РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
приготовлено изъ чистаго русскаго винограднаго вина, и нисколько не усту-паетъ лучшимъ французскимъ маркамъ. 1 р. 50 к. за бутылку.
Кромѣ того поступили въ продажу еще новыя четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“:
1) **ПОЛУ-СУХОЕ** (Demi sec. -England à la Cliquot). } **по 2 р. за бут.**
2) **ОЧЕНЬ СУХОЕ** (Extra sec. à la Pommeroy). }
3) **РОЗОВОЕ ГУСТОЕ** (Oeil de Perdrix à la Roederer). }
4) **РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ** (à la Cliquot). }
Всѣ вышеозначенныя сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут.
НВ.—ПРОСЯТЪ ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛОЕЪ.

ОЧЕНЬ СУХОЕ.

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ
ПРОИЗВЕДЕНІЯ
БЕНЕДИКТИНОВЪ
Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).
НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.
С.-Петербургскимъ столичнымъ врачевнымъ при-судствомъ разрѣшенъ ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вред-ныхъ здоровью веществъ. № 1052 26-10
2 ЗОЛОТЫИ МЕДАЛИ:
Брюссель 1880—Лондонъ 1884 гг.
ВЫСШІИ НАГРАДЫ.
Изобрѣ- тение въ **1373 г.** **ПЬЕРРЪ БУРСО**
Домъ основанный въ 1807 г. Се- генъ, въ Бордо, ул. Гюгери, 3.
ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ **SEGUIN** RUE HUGUERIEZ **BORDEAUX.**
Складъ въ СПБ. въ Техно-Химич. Лабор. Гостин. дворъ № 45, у Штоль и Шмидта; въ магаз. A la Re- nomée; у А. Рузанова и Флейша, парфюмеровъ, Г. П. Кошкинъ, 19 Гостинный дворъ.

ТОРЯНЫИ, КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫИ МАШИНЫ и **МЪШАЛКИ** для РАСТВОРОВЪ, рудныя, конныя и паровыя; машины для обработки фарфоровои массы, шмота, цемента и т. п. рекомендуетъ **Людвигъ Феоодоровичъ ШЛИНЗИЗЕНЪ**, инженеръ, Москва, Мясницкая, д. Ермаковыхъ. Изготовленіе плановъ для лечей; устрой-ство заводовъ. Извѣст. каталоги бесплатно.
№ 1110 5-5

Ж. БЛОКЪ
СПЕЦИАЛЬН. ДЛЯ РУССКИХЪ ДОРОГЪ.
ВЕЛОСИПЕДЫ
РУССКІИ КЛУБЪ
СКЛАДЫ: С. П. ВЕВСКІИ № 16
МОСКВА КУЗН. М. Д. ГОЛИЦЫНА

Съ разрѣшенія СПБ. Врачебнаго Управленія.
СВОБОДИНЪ
ПРЕВОСХОДНОЕ
СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ
уничтожаетъ въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ. Постоянно возрастающее употребленіе Свобо-динна, вслѣдствіе рекомендаціи потребителей, доказываетъ отличное дѣйствіе этого средства. № 1034 15-10
Цѣна за флаконъ **35 коп.** Съ пересылкой 2 флак. 1 руб., 4 флак. 1 руб. 70 коп., 6 флак. 2 руб. 40 коп.
ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССИИ
А. ГЕБГАРДТЪ.
Казанская ул., д. № 3, магазинъ № 1.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К^о, СТРОИТЕЛИ
Извѣстныхъ преміерованныхъ конныхъ мо-лотилокъ, приводовъ, вѣялокъ, сортировокъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ, непрерывно дѣ-ствующахъ сѣяныхъ прессовъ, механиче-скихъ зерносушилокъ, предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: Клейтона и Штлеворта—паровыя молотилки съ ло-комотивами, Ман-Норманна, съ конными, жней, и сноповязалки, Столардта—тарелоч-ныя бороны Рандайла и конныя грабли Тьеръ, и запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная контора въ Москвѣ, Мяс-ницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бу-тунныхъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная улица. № 3991 13-7
Иллюстрированныя каталоги бесплатно

НУЖНЫ
благонадежныя агенты, имѣющіе постоян-ное мѣстопробываніе въ провинціи, для банкирскаго конторы А. Зингеръ и К^о, изъ С.-Петербургъ, Невскій пр., № 18.
Р. № 1152 10-2

ПАРКЕТЪ дубовый и сосновый, шпунтовые полы, двери, оконныя ра-мы, полная столѣрная отдѣлка домовъ съ достаткою установкою на мѣсто и отвѣ-ственностью за сухость и прочность.
ИЗДѢЛІЯ изъ дуба, ливственницы и со-син для ж. д. и парководовъ.
Письменно обращаетъ на Контарскіе пар-овые, хѣсновыиыи и столѣрно-паркетный, заводы на Волгѣ, г. Чебоксары, Каз. губ.
Телеграммы: „Контарскіе заводы“.
Контора и складъ въ Москвѣ; Мясницкая, Фурсковскій пер., д. Зворыкиной. 1012 24-4

КОНТОРА ТОРГОВАГО ДОМА
ПАВЕЛЬ ВЫДРИНЪ и СЫНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, РЕД. СЪ Д. ГЕН.-ГУБЕРНАТОРА.
Продажа 50% выигрышныхъ билетовъ I и II внутреннихъ займовъ съ за-даткомъ въ 15 руб. съ разсрочкой платежа изъ 80% годовыхъ безо вся-кой комиссіи, и страхованіе отъ трагедій;
2 января, 1 марта, 1 июля и 1 сентября.
УСЛОВІЯ ВЫСЫЛАЕТЪ БЕЗПЛАТНО.
П. № 3914 7-3

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XVI год
№ 25

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XVI
1885

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 22 Юля 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1885 г.

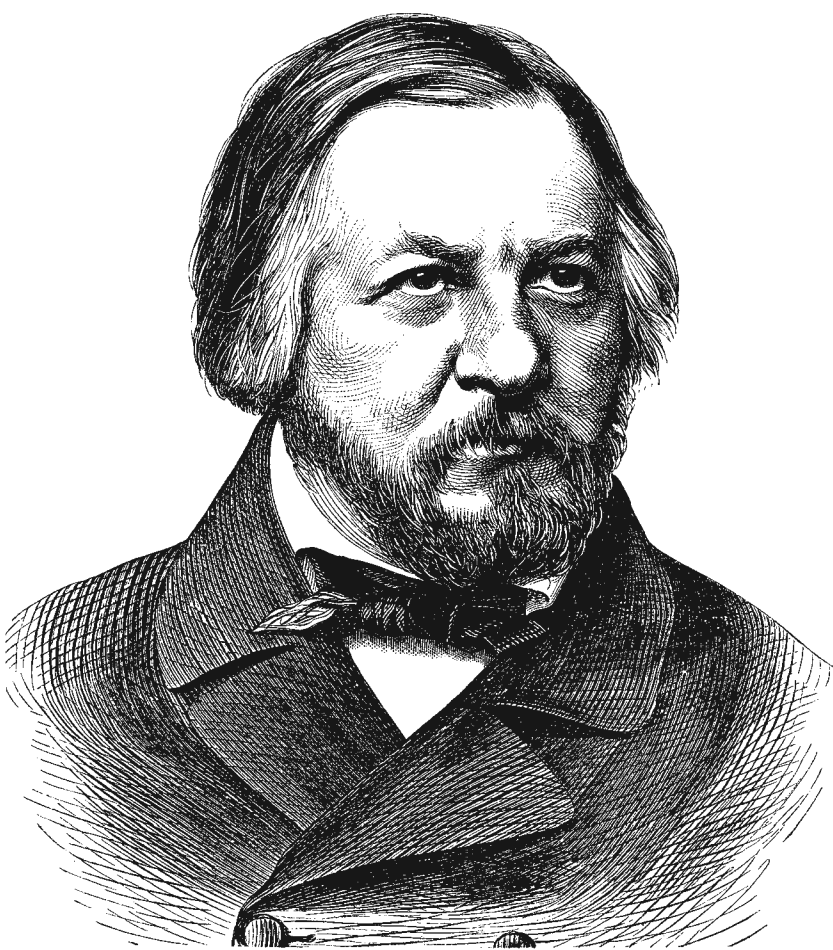
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Объявленія въ „НИВѢ“ принимаются за строку нонпарейль (1/2 шир. стр.) въ Глав. Кон. Ред. по 60 к.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.	Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія. 5 р.	Приложенія. Особья приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тыся-чи, для городскихъ 4 р.
	Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к.	Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 6 р.	
	За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.		

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Памятникъ Глинкѣ въ Смоленскѣ.

Смоленскъ — мѣсто родины нашего незабвеннаго композитора — безсмертнаго творца чисто русской, народно-оперной, — теперь украсился достойнымъ его памятникомъ. Мысль о сооруженіи послѣдняго всецѣло принадлежитъ дворянству Смоленской губерніи, которое еще въ февралѣ 1870 года подало записку мѣстному губернатору объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на устройство памятника Глинкѣ въ Смоленскѣ. Государь Императоръ Александръ II тогда же повелѣлъ учредить для этой цѣли особый комитетъ, который въ томъ же году открылъ свои дѣйствія, объявивъ подлинку по всей Россіи. Для выполненія принять былъ проектъ профессора А. фонъ-Бока, премированный Императорской Академіей Художествъ въ 1883 г., и въ томъ же году, 16 сентября, происходила закладка памятника въ Смоленскѣ, въ

Михаилъ Ивановичъ Глинка. Съ соврем. портр. по фотогр. грав. Мукаровскій.

городскомъ саду, противъ дворянскаго дома. При объявленіи конкурса, стоимость сооруженія памятника опредѣлялась въ 25000 рублей и, кромѣ того, на выдачу премій художникамъ за лучшіе проекты было ассигновано 1750 руб.; по совершеніи же закладки и выдачѣ премій, съ профессоромъ Боккомъ заключены были особыя условія, въ силу которыхъ за 14000 р. фонъ-Бокъ обязался изъ своего матеріала изготовить какъ статую, такъ и другія бронзовыя части памятника; мраморныхъ же дѣлъ мастеръ Кампиони взялся за 2500 р., изъ матеріала, доставленнаго комитетомъ, отдѣлать и установить ступени изъ чернаго мѣстнаго гранита, а монолиты пьедестала изъ темно-зеленаго лабрадора. Стоимость же всего памятника можно опредѣлить со всѣми работами слишкомъ въ 27000 рублей. Нашъ извѣстный скульпторъ фонъ-Бокъ выполнилъ свою задачу съ большимъ вкусомъ и талантомъ. Статуя, отлитая изъ бронзы (рис. на стр. 600)

на заводъ Морана, представляетъ М. И Глинку стоящимъ на колоссальномъ пьедесталѣ. (Статуя имѣетъ высоты 3½ арш., а пьедесталъ со ступенями 4½ арш.). Композиторъ изображенъ съ открытою головою, въ застегнутомъ сюртукѣ, стоящимъ у пюпитра; въ правой, нѣсколько согнутой, рукѣ онъ держитъ дирижерскій жезль, а лѣвую поднялъ, какъ бы прислушиваясь къ данному имъ тону. Шинель композитора, положенная на пюпитръ, падаетъ на пьедесталъ въ красивыхъ складкахъ. Вообще поза статуи естественна и всѣ детали выполнены изящно. Квадратный пьедесталъ изъ кіевского темнозеленаго лабрадора какъ бы раздѣляется на три яруса. Къ пьедесталу ведутъ три гранитныя ступеньки, а на лицевой сторонѣ его видна надпись: „Михаилъ Ивановичъ Глинка, родился 20 мая 1804 года, въ селѣ Новоспасскомъ, Ельцинскаго уѣзда. Скончался 3 февраля 1857 года въ Берлинѣ. Погребенъ въ С.-Петербургѣ, въ Александро-Невской Лаврѣ“. По сторонамъ, въ вѣнкахъ, также красуются надписи, на лѣвой: „Русланъ и Людмила“, „Камаринская“, „Романсы и пѣсни“; на правой: „Жизнь за Царя“, „Князь Холмскій“, „Испанскія увертюры“; на задней сторонѣ: „Глинка—Россія, 1885 года.“

Открытие памятника, состоявшееся 20-го мая сего года, было торжественное. Съ восьми часовъ утра уже толпы богомольцевъ направлялись къ древнему смоленскому собору, стоящему на вершинѣ крутаго берега Дѣбры, а въ 9 часовъ туда начался съездъ депутатовъ дворянства и представителей администраціи и земства. Во время обѣдни была прекрасно исполнена многочисленнымъ хоромъ пѣвчихъ очень эффектная „Херувимская“, написанная Глинкой. По окончаніи божественной службы, всѣ направились къ дому дворянскаго собрания, гдѣ въ большой роскошной залѣ находился бюстъ Глинки, украшенный цвѣтами. Ровно въ часъ началось торжественное засѣданіе комитета, подъ предѣлательствомъ князя Оболенскаго. Князь обратился съ рѣчью къ городскому головѣ Смоленска и просилъ беречь памятникъ, передаваемый въ вѣдѣніе города. Въ торжественный же моментъ открытия памятника оркестръ заигралъ сначала „Слався“, а потомъ гимнъ „Боже Царя храни“.

Напомнимъ здѣсь нѣкоторые факты изъ жизни нашего гениальнаго композитора.

М. И. Глинка родился 20 мая 1804 года въ селѣ Новоспасскомъ, Смоленской губерніи. Окончивъ курсъ ученія въ 1824 г., Глинка вступилъ въ статскую службу, а вскорѣ затѣмъ вышелъ

изъ печати первый его сочиненіи—романсы, которыхъ до 1830 года онъ написалъ семнадцать нумеровъ.

Въ 1830 году Глинка предпринялъ путешествіе за границу, посетилъ Берлинъ и другіе нѣмецкіе города, долго жилъ въ Миланѣ, посѣщая тамошнюю консерваторію и учился пѣнію. Въ 1832 г. провѣлъ еще годъ въ Миланѣ, гдѣ было издано имъ еще нѣсколько романсовъ. Въ 1833 году Глинка прѣхалъ въ Вѣну. Познакомившись здѣсь съ славянской музыкою, онъ впервые напалъ на мысль о самостоятельной русской музыкѣ. Въ 1834 году вернулся въ Петербургъ. Зимой 1834 года принялся онъ за свою знаменитую оперу „Жизнь за Царя“, которую и окончилъ въ 1836 г.

Опера эта (3 акта и эпилогъ въ двухъ картинахъ) составляетъ эпоху въ жизни Глинки и въ исторіи русской музыки. Ни до „Жизни за Царя“, ни послѣдствіи не являлось уже ничего подобнаго. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ Глинкѣ бриллиантовый перстень, а въ 1837 году назначилъ его придворнымъ капельмейстеромъ. Достигнувъ осуществленія своихъ замысловъ, Глинка не переставалъ работать, хотя новое положеніе и домашнія обстоятельства отнимали у него много времени. Промежуткомъ 1836—44 годовъ составляетъ періодъ его наибольшей плодовитости.

Въ 1842 году явилась вторая опера его „Русланъ и Людмила“ (въ 5 дѣйствіяхъ), замѣчательная не столько въ цѣломъ, сколько отдѣльными частями, какъ напримѣръ: маршъ Черномора, лезгинка, баллада Финна, арія Раггира и проч. Музыкальная часть оперы мѣстами значительно превосходитъ „Жизнь за Царя“. Въ 1843 году написаны Глинкой увертюры и сцены къ трагедіи Кукольника „Князь Холмскій“, и много романсовъ, изъ которыхъ многіе извѣстны во всей Европѣ.

Въ 1844 году Глинка снова поѣхалъ за границу. Во время пребыванія своего въ Мадридѣ, къ концу 1847 года, написалъ онъ знаменитую „Арагонскую Хоту“, симфоническую фантазію на испанскіе мотивы. Возвратясь въ 1847 году въ Россію, онъ прожилъ нѣкоторое время на родинѣ своей, близъ Смоленска, гдѣ написалъ нѣсколько романсовъ; а потомъ жилъ два года въ Варшавѣ, гдѣ, кромѣ увертюры „Воспоминаніе о Севильѣ“, написалъ свое знаменитое скерцо на мотивъ русской пѣсни—„Камаринской“. Съ 1848 Глинка жилъ попеременно то въ Петербургѣ, то въ Парижѣ и Берлинѣ, занимаясь компонованіемъ, а въ 1856 году въ Берлинѣ у Дена и церковною музыкою. Но здоровье его было окончательно потрясено семейнымъ несчастіемъ и 3 февраля 1857 года не стало великаго композитора—онъ умеръ въ Берлинѣ.

Радованская тайна.

Повѣсть Петра Петрова.

(Продолженіе).

Третій—Ардalionъ Ардалионовичъ Дрызгачъ-Дрызгачевъ—былъ несковскій помѣщикъ, въ отставку, иначе говоря, помѣщикъ безъ помѣстья, и прѣхалъ сюда... Но этотъ требуетъ болѣе обстоятельнаго предварительнаго представленія.

У него съ дѣтства были всяческія исторіи вслѣдствіе необычно наглаго характера; сперва съ паленькой, человѣкомъ довольно безпутнымъ, который, не вытерпѣвъ наконецъ, отправилъ „непочтительнаго Ардальошку“ въ Петербургъ на воспитаніе; затѣмъ съ товарищами, которые прозвали его „поздрею“; затѣмъ съ наставниками давшими ему кличку „наглый пось“. Въ Петербургѣ, къ величайшему своему прискорбію и погodaванію, Ардальошка влачилъ очень убогое существованіе вопреки порывамъ и потребностямъ своей натуры, обураваемой самыми несообразными и неукладывающимися мечтаніями о роли виднаго народнаго дѣятеля, демократическаго оратора, трибуна, и вмѣстѣ объ аристократизмѣ, о прелестяхъ предводительскаго жита бытъя съ почетною встрѣчкою на выборахъ, покровительственными кивками головы, даваніемъ двухъ пальцевъ, гастрономическими обѣдами, содержанкой французенкой „полудежащей на голубой кушеткѣ въ розовомъ полумракѣ и бѣломъ negligé“ и т. п. Эти разнообразныя аппетиты были отчасти удовлетворены, въ гомеопатической впрочемъ пропорціи, послѣ смерти паленьки Ардальошки, послѣдовавшей въ 1871 г. „Дрызгачевъ-пось“, какъ его называли тогда, вздохнулъ полною грудью, махнулъ имѣніе по боку, заказалъ три пары шикарнаго платья у Сарра, три дюжины рубашекъ у Флорана, пять паръ лайковыхъ ботинокъ, громадишніи золотыя запонки величиною въ блюдечко,

съ „подлымъ“ своимъ гербомъ, и сотню визитныхъ карточекъ слѣдующаго содержанія:

Ardalion
Drizgatch de Drizgatchew.
Secrétaire du Gouvernement
de toutes les Russies.

Инфузорный чинъ губернскаго секретаря превратился у него въ величественный титулъ „секретаря всероссійскаго правительства!“

Запасшись всѣмъ этимъ, Дрызгачевъ, плюнувъ на всѣ четыре стороны въ видѣ прощанья, умчался за границу. Выходить въ отставку или брать отпускъ не потребовалось, такъ какъ къ этому времени Ардальошка былъ уже уволенъ отъ службы за чрезмѣрную невоздержанность языка и столь же чрезмѣрно нерадѣшіе.

Его одинаково манили французская политика и сладоности парижской жизни. Онъ считалъ себя рожденнымъ для бурь парламентаризма, но шикарныя парижскія феи тянули его пожалуй еще неотразимѣе.

Парижъ! Гамбетта—и балъ Мабиль; палата депутатовъ—и шикарный будуаръ съ „розовымъ полумракомъ“; бурный потокъ разгромительнаго краснорѣчія—и ирриный лепетъ съ любовными фіоритурками.

Рай!

Ардальошка такъ и шырнулъ въ этотъ рай. Очепь скоро онъ сталъ „графомъ“, то явнымъ, то скрывающимъ свой титулъ вслѣдствіе политическихъ причинъ.

то отвергающимъ его какъ истый сторонникъ и адентъ абсолютнаго равенства гражданъ. Въ разговорахъ онъ то и дѣло упоминалъ о своихъ имѣніяхъ, заводахъ, лѣсахъ, фабрикахъ. „Мои подмосковныя, мои пензенскія имѣнія, мои муромскіе лѣса“ — все больше во множественномъ числѣ.

Осмотрѣвшись немного, его почему-то особенно прельстила роль политическаго эмигранта. Фантастическія визитныя карточки, привезенныя изъ Россіи, были тотчасъ-же уничтожены, и Дрызгачевъ, гдѣ могъ, сталъ выдавать себя за *эмигранта со средствами*.

Черезъ два года онъ вернулся въ Россію. Отцовское наслѣдство было все спущено до копейки самымъ безпутнымъ образомъ. Ардальошка очутился въ Парижѣ, въ очень скверномъ, даже безвыходномъ положеніи, когда, на его счастье, умерла тетка, оставивъ ему тысячу пятнадцать. Для полученія этого поваго наслѣдства онъ и вернулся въ отечество.

Здѣсь пошла хлестаковщина гомерическая, невообразимая. По его рассказамъ выходило, что онъ вездѣ и во всемъ участвовалъ—во всѣхъ, сколько нибудь выдающихся европейскихъ событіяхъ. Излишне присовокуплять, что Гамбетта, Кастелярь, Жюль Фавръ, были совершенно свои люди, хотя, прибавлялъ Дрызгачевъ: „Во мнѣніяхъ мы далеко не сходились“. На вопросъ почему, слѣдовалъ небрежный отвѣтъ: „Слишкомъ ужъ они отстали“.

За этотъ пѣздъ, Ардальошка отличился вообще такими крутыми и крайними „убѣжденіями“, что въ деревенскомъ окологдѣ, гдѣ ему пришлось устраивать дѣла по наслѣдству, онъ получилъ прозвище: „нашъ Робеспьеръ“. Не обошлось, конечно, какъ и всегда у него, безъ исторій. Произошли „столкновенія“ съ мѣстными властями и „консервативными фракціями“. Часть мѣстныхъ обитателей относилась къ нему испуганно, другая пожимая плечами.

Ардальошки припала довольно по вкусу эта роль. Онъ, можетъ быть, такъ и застрялъ бы тутъ, не приключись съ нимъ очень плачевной исторіи, ничуть не политико-гражданской, но чисто бокачьевскаго рода, съ извергомъ мужемъ, необтесаннѣйшаго и первобытнѣйшаго склада мыслей и мускуловъ.

Дрызгачевъ поспѣшилъ снова убраться за границу. Это было въ 1874 году. Съ тѣхъ поръ онъ проживалъ въ томъ же возлюбленномъ Парижѣ, но, проученный горькимъ опытомъ, спускалъ свое „второе наслѣдство“ уже нѣсколько осторожнѣе, продолжая по прежнему *ломать* роль эмигранта со средствами и политическаго дѣятеля.

Сюда пріѣхалъ онъ изъ Парижа.

Таковы были тутъ три русскихъ человѣка, которыхъ судьба свела совершенно случайно вмѣстѣ.

IV.

— Что-жъ это вы такъ скоро вернулись, не побывавъ даже въ дѣлѣ? обратился Тагульскій къ Арзамасцеву.

— Да вѣдь я совсѣмъ не драться сюда пріѣхалъ-съ, отвѣтилъ казанскій помѣщикъ, и затѣмъ, добродушно улыбнувшись, прибавилъ: Это вовсе не по моей части... Сами видите, какой я могу быть боецъ.

— Такъ зачѣмъ же вы сюда пріѣхали? удивился Тагульскій.

— А вотъ-съ... Влекомый желаніемъ принести посильную лепту славянскому дѣлу... Проектъ я составилъ-съ и привезъ на благоусмотрѣніе господъ вождей... Для благоустройства Герцеговины проектъ... А теперь вотъ, съ согласія господъ вождей, я отправляюсь къ князю Черногорскому, дабы представить его свѣтлости мой посильный трудъ.

При этихъ словахъ, Дрызгачевъ ухмыльнулся по нѣчему не сказалъ.

Арзамасцевъ говорилъ слегка заикаясь, пришептывая, путаясь во фразахъ и перескакивая довольно безсвязно съ предмета на другой.

— Всѣмъ-съ я читалъ проектъ, и достойнѣйшему Пеко Павловичу, и почтеннѣйшему Богдану Зимоичу, и отважному воеводѣ Лазарю Сочницѣ... всѣмъ-съ читалъ, и всѣ они меня выслушали.

— Что-жъ они вамъ сказали? спросилъ Тагульскій.

— А вотъ-съ... сказали они, если прямо говорить, мало. Достопочтеннѣйшій Пеко Павловичъ, тотъ даже ничего не сказалъ; курилъ все время и смотрѣлъ на меня, такъ, знаете, въ упоръ смотрѣлъ, пристально.

— Но онъ сказалъ же что нибудь? хоть слово?

— Они только сказали *добро*, и потомъ просили меня показать мой плащъ.

— Какъ плащъ? зачѣмъ? этотъ вашъ плащъ? удивился Тагульскій, указывая на разодранную *шлицерату* Арзамасцева.

— О! нѣтъ-съ! отвѣтилъ этотъ, добродушно улыбаясь. Какой же это плащъ? это кожухъ... кожухъ достойнѣйшаго Пеко Павловича... Это мнѣ дорогое, драгоценное воспоминаніе... Онъ съ собственныхъ плечъ снялъ его и передалъ мнѣ.

— Зачѣмъ?

— А вотъ-съ... потому что я свой плащъ подарилъ воеводѣ.

— Пеко Павловичу?

— Да-съ, ему самому... Плащъ у меня былъ теплый, драповый, знаете, на ватѣ весь простеганъ. Да-съ... Спросилъ онъ плащъ. Я ему снялъ, показалъ. Онъ долго оглядывалъ, внимательно такъ, а потомъ-съ надѣлъ себѣ на плечи... „*Льно*“ (хорошо), говоритъ, и сѣлъ въ немъ, и курить... Долго сидеть... Я подумалъ-подумалъ, вижу нравится мой плащъ достопочтеннѣйшему воеводѣ, взялъ да и подарилъ ему-съ... А онъ мнѣ свой-съ... Ему, воеводѣ, надо теплое тамъ-съ, а для меня, вы не повѣрите, какъ дорогъ этотъ кожухъ.

— Да вѣдь вамъ должно быть странно холодно въ этомъ рѣшетѣ? замѣтилъ Тагульскій.

— Холодно-вато-съ, правда, но что же дѣлать... Надо привыкать-съ... не на жуирство какое я вѣдь сюда пріѣхалъ-съ.

— Ну, а другіе, какъ вы ихъ тамъ называете, воеводы, что вамъ сказали на вашъ проектъ? вставилъ вопросъ Дрызгачъ-Дрызгачевъ.

— А вотъ-съ... Почтеннѣйшій Богданъ Зимоичъ—величественная фигура-съ! — тотъ обратилъ вниманіе, только, какъ я могъ заключить, ему въ проектѣ не все понравилось. Что именно, не умѣю сказать, а только по словамъ его вышло что не все... Онъ, знаете, говоритъ прямо, просто, по библейскому: „*Глупства много*“. Такъ прямо и сказалъ-съ. „Тебѣ, говоритъ, это читать здѣсь нечего, а ступай куда слѣдуетъ...“ Прямой, простой, знаете, человѣкъ. И обидѣться нельзя на такую рѣчь. Да и то возьмите, что говоритъ дѣло: какъ я подумалъ потомъ хорошенько самъ, такъ и вышло, что читать проектъ слѣдуетъ не имъ.

— А кому же? оборвалъ разскащика Дрызгачевъ.

— Самому князю.

— Чортъ знаетъ что такое! вспылилъ вдругъ Ардальошка.

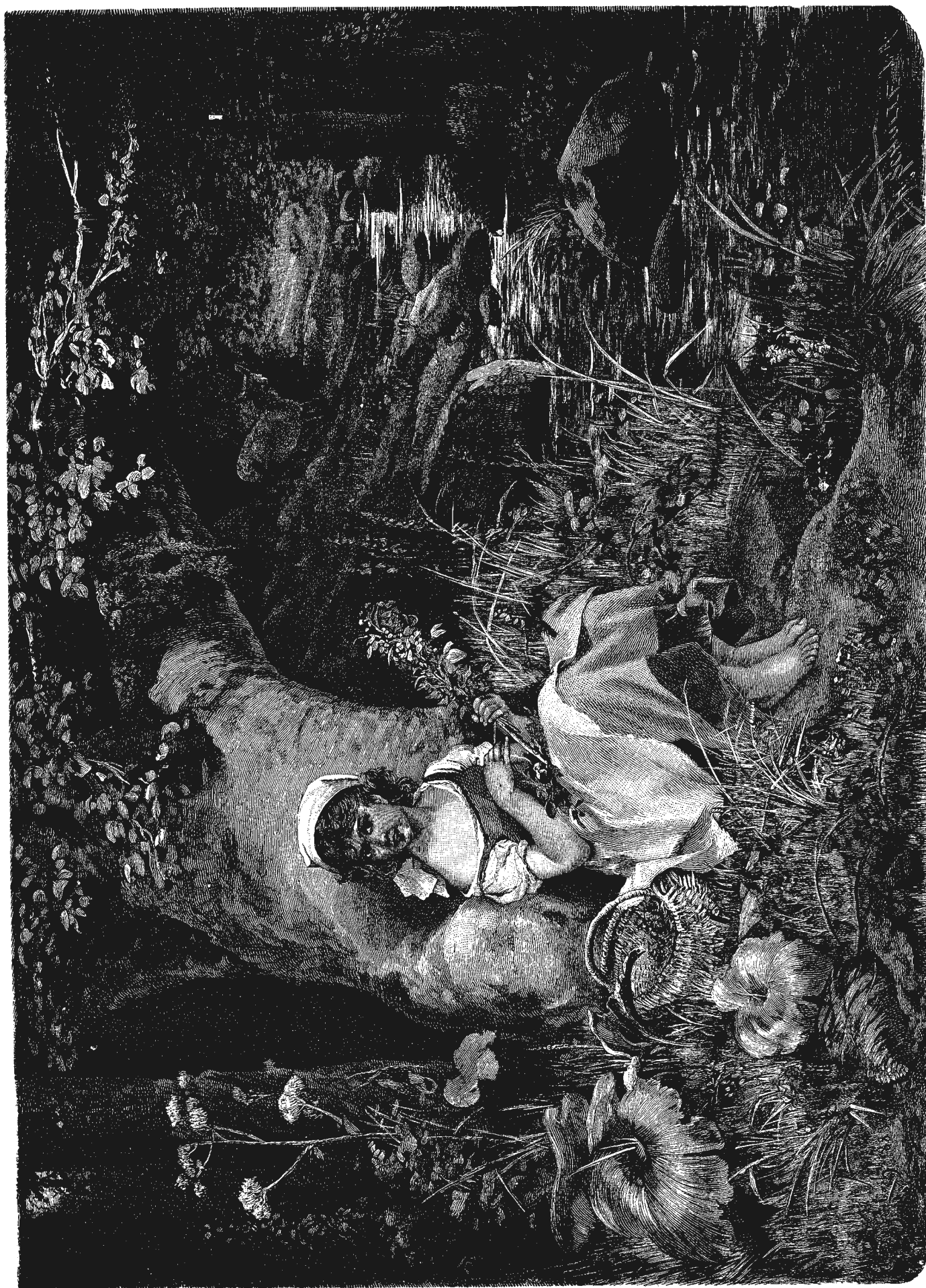
— А что-же-съ? произнесъ растерянно Арзамасцевъ.

— Нѣтъ, ничего, продолжайте, послушаемъ! отрѣзала нахально Дрызгачевъ.

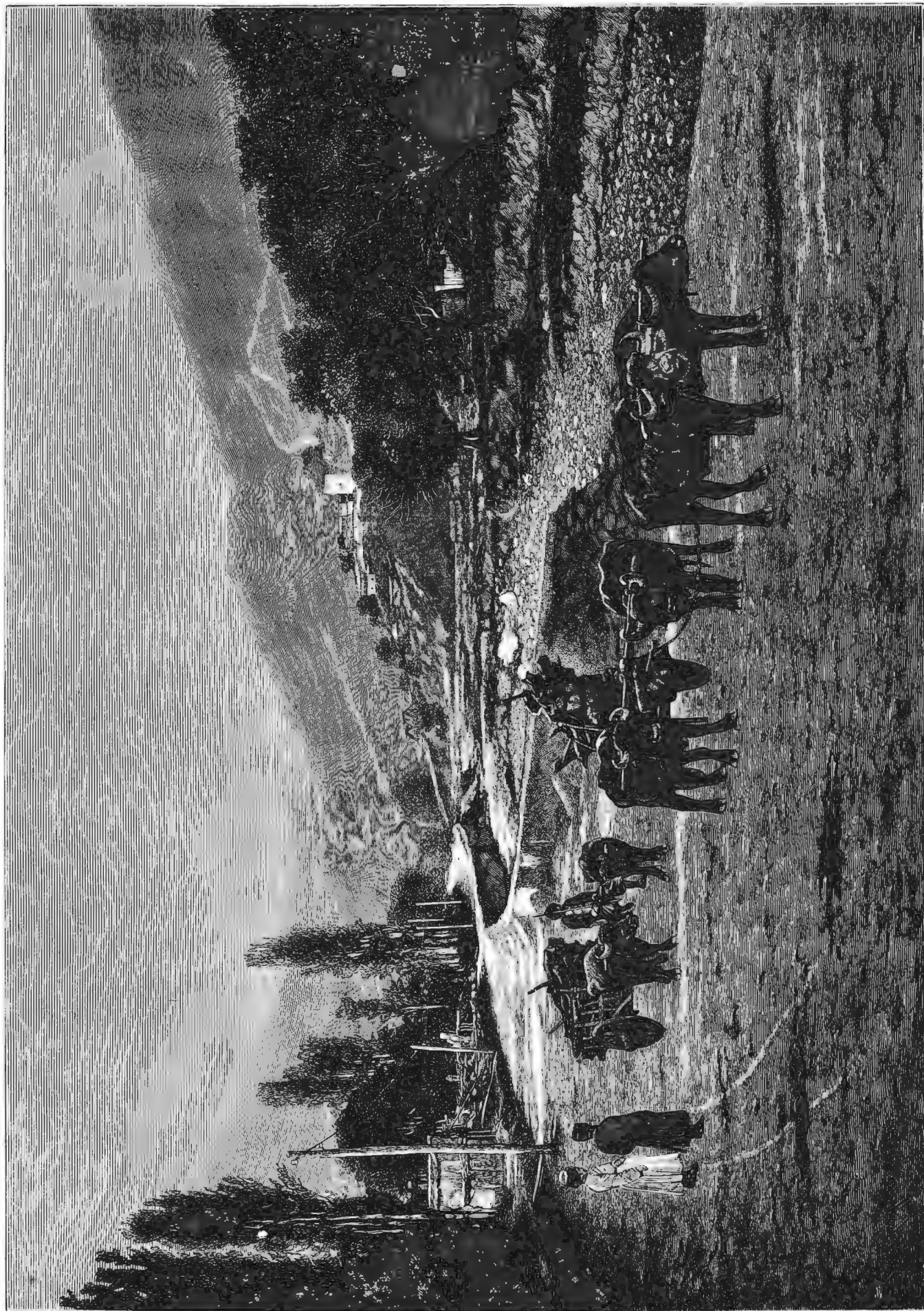
— Но если есть что нибудь такого въ моемъ намѣреніи, то прошу васъ не подумать что это...

— Да нѣтъ же. Это я только такъ. Продолжайте. Что вамъ сказалъ третій... воевода? произнесъ Дрызгачевъ.

— А вотъ-съ... Благороднѣйшій воевода Лазарь Сочница, такъ тотъ не весь проектъ выслушалъ... Прочелъ я такъ около половины приблизительно, а онъ вдругъ

Льсная сказка. Съ карт Дифенбаха, грав. Шульце.

Военно-грузинская дорога бл. Тифлиса. Съ карт. проф. П. Грузинскаго, по фотогр. грав. М. Рамевскій.

вынуть из кармана грецкие орехи и подает мнѣ горстью, и говоритъ: „Вижу, что хорошо. Послѣ когданибудь дочитаешь, а теперь мнѣ некогда“.

Рассказано все это было просто, добродушно, очень наивно. Чувствовалась искренность и увлеченіе, дѣтское, правда, но не притворное.

— Ну, а проэктъ то, самъ проэктъ? спросилъ Дрызгачевъ, уставляясь безцеремонно на Арзамасцева, съ видомъ какого то презрительнаго состраданія.

— Вы желаете тоже знать-съ... ознакомиться? торопливо произнесъ съ нескрывасою радостью Арзамасцевъ, сейчасъ же досталъ изъ кармана тетрадку, очень засаленную, развернулъ и сталъ читать.

Проэктъ былъ озаглавленъ: *Проэктъ о преобразованіи управленія въ Герцогиню и Босніи*, и состоялъ изъ какой то дѣтски-наивной маниловщины. Цѣль была „устроить все такъ, чтобы турки и славяне помирились между собою, и зажили бы душа въ душу“. Въ немъ говорилось, между прочимъ, о настоятеляхъ монастырей, предсѣдателяхъ акціонерныхъ обществъ, владѣльцахъ фабрикъ, старшинахъ артелей и т. д.

Словомъ, это была совершенная безмыслица, добродушная, чистая, исполненная наилучшихъ намереній, но, тѣмъ не менѣе, рѣшительно никуда не годная.

— И вы только для того и пріѣхали сюда, чтобы предложить этотъ проэктъ? воскликнулъ Тагульскій, смотря съ изумленіемъ, недоумѣніемъ и сожалѣніемъ на Арзамасцева.

— Только-съ, отвѣтилъ тотъ такимъ голосомъ, какъ будто дѣло шло о самой простой и естественной вещи.

И дѣйствительно, онъ только затѣмъ сюда и притащился изъ-за матушки изъ-за Волги.

„Влекомый“, какъ онъ выразился, единственнымъ желаніемъ принести частицу пользы дѣлу, этотъ человекъ бросилъ все,—домъ, скромную, но покойную обстановку, относительное довольство, родныхъ, чтобы пріѣхать сюда на тяжкую муку.

Тамъ, далеко, на Волгѣ, въ своемъ домикѣ, среди хозяйства, онъ тронулся горестною судьбою герцоговищевъ, тронулся до глубины души, и сталъ придумывать, какъ бы имъ помочь. Думалъ онъ, думалъ, прочелъ кое что о нихъ, и взглянулъ на дѣло конечно по своему, дѣтски чисто... И вотъ, у него въ головѣ выработался проэктъ какаго то идеальнаго благоустройства, чтобы всѣмъ было такъ хорошо и такъ ладно. Обдумалъ онъ его, разработалъ у себя на Волгѣ, написалъ сперва черновую, потомъ на-чисто, и повезъ въ Герцогиню.

— Да, ну я такъ не за тѣмъ сюда пріѣхалъ, произнесъ послѣ нѣкотораго молчанія Тагульскій, закуривая папирску.

— А за чѣмъ же именно? спросилъ Дрызгачевъ съ видомъ означавшимъ приблизительно слѣдующее: а ну ка, теперь этимъ полюбуемся.

— Драться, отвѣтилъ Тагульскій.

— Такъ-таки сразу и драться?

— Да... А что?

— Не посмотрѣвъ прежде, что все это именпо за штука такая?

— Да тутъ и высматривать нечего! Посмотрите вонъ, что тамъ предъ вашими глазами дѣется... Чего же вамъ еще нужно? кажется ясно! воскликнулъ Тагульскій, указывая на скученныхъ въ углу площади герцоговищевъ, видъ которыхъ былъ дѣйствительно ужасенъ.

— Да ну, знаете, мы объ этомъ не будемъ теперь говорить. Это вишіяя сторона дѣла. Детали. Частности. Спордана, такъ сказать... Я говорю о самой сути, замѣтилъ Дрызгачевъ наставительнымъ, дѣловитосухимъ тономъ.

— Да вотъ она суть! горячился Тагульскій, опять указывая на ободранную толпу. За этихъ несчастныхъ мы и хотимъ...

— Скажите пожалуйста, вы здѣсь уже нѣкоторое время? перебилъ его безцеремонно Ардальошка тѣмъ же дѣловитымъ, даже нѣсколько прокурорскимъ тономъ.

— Съ недѣлю. Я пробылъ это время въ Рагузѣ.

— Успѣли, слѣдовательно, кое что разузнать... Скажите пожалуйста ваше мнѣніе объ этомъ возстаніи.

— Мнѣніе, въ какомъ отношеніи? серьезно ли это движеніе, или нѣтъ? вы это хотите сказать?

— Нѣтъ. Совѣмъ нѣтъ. Такія движенія *дѣлаются* серьезными или не серьезными. Это зависитъ отъ рукъ, въ которыя они попадутъ, отрѣзалъ Дрызгачевъ докторальнымъ тономъ. Нѣтъ, я не то хочу сказать. Вы мнѣ отвѣтите вотъ на что: запустилъ здѣсь ктонибудь лапу или нѣтъ? Я особенно интересуюсь этимъ капитальнымъ пунктомъ.

— Какую лапу? спросилъ уже нѣсколько петербургско-Тагульскій.

— Я тутъ слишкомъ много вижу вездѣ этой Черногоріи... И тутъ вотъ она даже оказывается.

Дрызгачевъ указалъ на черногорцевъ, наблюдавшихъ за раздачею хлѣба герцоговинскимъ бѣглецамъ.

— Ну такъ что же? спросилъ сухо Тагульскій, на котораго собесѣдникъ начиналъ производить очень неприятное впечатлѣніе. Почему же это васъ такъ интересуетъ?

— А вотъ почему, отвѣтилъ Дрызгачевъ, и принялся „рѣзать“ отрывистыми фразами, отчеканивая каждое слово и возвышая голосъ:—Если дѣло тутъ настоящее; если люди эти поднялись, чувствуя сами въ себѣ пробужденіе свободной гражданственности—это хорошо. Прекрасно. Отлично. Моя работа упрощена на пятьдесятъ процентовъ...

— Какая ваша работа? спросилъ Тагульскій.

— Если же напротивъ, продолжалъ „рѣзать“ Ардальошка, не обративъ вниманія на вопросъ,—они тутъ поднялись просто по наказу, то придется учинить прежде надъ ними, такъ сказать, предварительную операцію... Я получилъ очень важныя, конечно секретныя, сообщенія относительно роли, которую во всемъ этомъ играетъ Черногорія, и самъ теперь замѣчаю вездѣ ея лапу. Это меня начинаетъ беспокоить. Серьезно беспокоитъ.

И въ голосъ, и даже на лицѣ Ардальошки проявилась внезапно озабоченность.

— Да что же именно? недоумѣвалъ Тагульскій. То, что Черногорія помогаетъ герцоговинскимъ семействамъ? что она не перехватываетъ возставшихъ? Да какъ же вы хотите, чтобы она оставалась равнодушною при видѣ страданій своихъ единокровныхъ?

Дрызгачевъ скорчилъ иронически сострадательную мину.

— „Оставались равнодушными“, „страданія“, „единокровные братья“, „спасеніе погибающихъ!“ Оставимъ, знаетъ, эти нѣжности. Это хорошо въ литературѣ, батенька мой... Будемъ говорить дѣло. Я, и та группа, которой я представитель, смотримъ на это дѣло такъ: первое, запросъ инсургентамъ: „Свободы хотите вы, или присоединенія?..“ Получается отвѣтъ: „Свободы! безусловной свободы!..“ Прекрасно. Мы и будемъ дѣйствовать сейчасъ же, немедленно же, въ этомъ смыслѣ: общее собраніе, выборное начало безъ ценза, на нормальныхъ принципахъ равноправности; провозглашеніе временнаго правительства; исполнительная коммисія; немедленное и радикальное разрѣшеніе социальныхъ задачъ; провозглашеніе правъ человека; выясненіе нормальныхъ отношеній индивидуума къ обществу; увѣдомительныя ноты правительствамъ; тотчасъ же прямыя сношенія съ кабинетами, и проч., и проч., и проч.

Тагульскій, съ возрастающимъ изумленіемъ, а бѣдный Арзамасцевъ съ нѣкоторымъ испугомъ, слушали Дрызгачева, который, видимо, упивался своимъ краснорѣчіемъ и производимымъ имъ эффектомъ.

— А отвѣтить герцеговинцы...

Онъ приподнялся, и низко, убого поклонился, сооривъ забитую, глупую улыбочку.

— А отвѣтить они: „присоединиться, батюшка, хотимъ къ этой самой Черногоріи...“ Ну, въ такомъ случаѣ дѣйствовать придется иначе. Планъ готовъ и для этого казуса: Черногорія здѣсь что? что она?—ретроградное начало, деспотизмъ, преграда, препятствіе, тормазъ!.. Слѣдовательно—прочь его съ дороги. Слѣдовательно—сбить его надо на сторону!.. Пропаганду тогда въ ходъ; разъяснить этому мужичью настоящее дѣло; открыть глаза этимъ темнымъ болванамъ; представить возможность немедленнаго освобожденія,—при этихъ событіяхъ это не будетъ стоить особеннаго труда,—а затѣмъ ужъ дѣло пойдетъ какъ по маслу: собрать немедля народъ въ избирательные комитеты... То, что у насъ во Франціи называется Comices électoraux... Сейчасъ почувствуется, что дѣло поставлено на серьезную ногу... Затѣмъ, заставить избрать семь или восемь—больше не нужно—членовъ, которыхъ тотчасъ же подь сапогъ. Принимаемъ мѣры обороны—и заявляемъ. Сливаемся съ возстаніемъ—и заявляемъ. Провозглашаемъ временную диктатуру—и заявляемъ. Назначаемъ свое временное правительство—и заявляемъ... Тотчасъ же все, каждый крупный политическій ходъ—заявляемъ ногами. Тогда посмотрятъ! Тогда поймутъ что...

— Господи! вбирая въ себя духъ, проговорилъ чуть ли не съ ужасомъ Арзамасцевъ, всплеснувъ руками.

— Тогда поймутъ, что не Черногоріи тутъ мѣсто! продолжалъ „рѣзать“, съ возрастающею строгостью и горячностью, расходившійся Ардальоника. Тогда поймутъ, что прежде всего надо...

— Да, ну это вы одинъ себя и понимаете, а намъ печего и слушать даже этотъ вздоръ, брякнулъ вдругъ совершенно неожиданно Тагульскій, въ которомъ только что изложенная „программа“ возбудила сильнѣйшее негодованіе.

Сказавъ это рѣзкимъ, твердымъ голосомъ, Тагульскій всталъ и вышелъ въ сосѣдную комнату, гдѣ красовался прилавокъ съ бутылками. Арзамасцевъ, обрадовавшись и сконфузившійся рѣзкой выходкѣ Тагульскаго, поспѣшно послѣдовалъ за нимъ, избѣгая встрѣтиться взглядомъ съ ослѣваннымъ ораторомъ.

— Пойдемте, посмотримъ лучше, что тамъ дѣлается, сказалъ Тагульскій Арзамасцеву, указывая на площадь.

— Каковъ-съ, нѣтъ, каковъ-съ! шепталъ испуганно Арзамасцевъ.

— Дрянъ какая-то, на которую не стоитъ обращать вниманія, отвѣтилъ пренебрежительно Тагульскій, и оба вышли на площадь.

— Нѣтъ, но проэктъ то его каковъ-съ! продолжалъ гвоздить Арзамасцевъ.

— Ну, ужъ насчетъ проэктовъ бросимъ говорить. Хорошъ тоже вѣдь и вашъ то проэктъ.

V.

Рѣзкая выходка Тагульскаго огоршила Дрызгачева; огоршила болѣе своею неожиданностью. Съ минуту онъ оставался въ какомъ-то осовѣиіи, но затѣмъ нахальство взяло верхъ надъ природною трусостью.

— Послушайте! вы! крикнулъ онъ не вставая съ мѣста.

Отвѣта не послѣдовало потому, что въ это время Тагульскій съ Арзамасцевымъ выходили уже на площадь.

— Вотъ доморощенная скотина-то! И этотъ тоже болванъ съ своимъ идиотскимъ проэктомъ! Хороша парочка, нечего сказать! И тоже вѣдь туда же лѣзъ....

Разсужденія эти были внезапно прерваны неожиданнымъ явленіемъ.

Въ темномъ углу комнаты что-то зашевелилось и вслѣдъ затѣмъ поднялась на ноги высокая фигура, при-

сутствія которой ни Дрызгачевъ, ни бывшіе его собесѣдники и не подозрѣвали.

То былъ человекъ атлетическаго сложенія, очень изможденный на видъ. Короче говоря, то былъ Янъ Бжитковичъ, прибывшій только наканунѣ изъ своей злосчастной экспедиціи въ отрядъ Луки Петковича.

Первая мысль Ардальонки—мысль неприятная—была, что проглоченная имъ обида имѣла еще одного свидѣтеля. Ему даже стало какъ будто неловко предъ этимъ незнакомцемъ, но такое состояніе духа было непродолжительно.

Къ немалому удивленію Дрызгачева, фигура подошла къ нему и протянула руку.

— Позвольте мнѣ крѣпко пожать вашу руку, произнесъ Бжитковичъ прочувствованнымъ голосомъ.

Дрызгачевъ, недоумѣвая и съ вопросительнымъ видомъ, протянулъ ему руку, окинувъ быстрымъ, испытующимъ взглядомъ видную фигуру поляка.

— Жму съ глубокою благодарностью руку человека, который трудится для блага моего отечества, повторилъ величаво Бжитковичъ. — Я все слышалъ, милостивый государь. Слышалъ безмозгляя разсужденія этихъ дикарей; слышалъ вашу, дѣйствительно блестящую и разумную программу... Но, впрочемъ, позвольте мнѣ прежде всего спросить съ кѣмъ я имѣю честь говорить и объявить вамъ кто я.

Сказано было это на французскомъ языкѣ.

Дрызгачевъ, продолжая недоумѣвать, но польщенный такимъ приступомъ, приветалъ и поклонившись тоже съ большимъ достоинствомъ, назвалъ себя.

— Алеко, произнесъ онъ.

— Странное имя для русскаго, замѣтилъ съ хитрою но пріятною улыбочкою Бжитковичъ.

— Собственно говоря это псевдонимъ. Своего настоящаго имени, скажу вамъ откровенно, мнѣ пока нельзя еще здѣсь объявить.

— Я такъ и думалъ... И, представьте себя, что и я нахожусь совершенно въ такомъ же положеніи. Я здѣсь тоже скрываю свое настоящее имя. Здѣсь я просто безвѣстный Душановичъ, а между тѣмъ мое настоящее имя, не сомнѣваюсь, вамъ очень и очень извѣстно... Бжитковичъ улыбнулся съ отфѣнкомъ грусти.

— Но я не послѣдую вашему примѣру. Мысли и цѣли выраженныя вами, извините, слишкомъ можетъ быть откровенно этимъ азіатамъ, убѣдили меня, что вы человекъ нашего закала и нашего лагеря. И потому, вамъ, я откроюсь... Я—Бжитковичъ.

И гордо закинувъ голову, онъ сдѣлалъ привѣтственный жестъ рукою.

Политика, и всяческаго рода западныя политическія „извѣстности“ производили на Ардальонку неотразимое обаяніе.

— Бывшій генералъ коммуны?! воскликнулъ онъ съ почтительнымъ и радостнымъ изумленіемъ.

— Онъ самый, отвѣтилъ съ благородною простотою „генералъ“, протянувъ снова руку Ардальонкѣ, который крѣпко сжалъ ее обѣими своими дланями.

Бжитковичъ, по подслушанному имъ разговору, сразу оцѣнилъ и разгадалъ натурешку Дрызгачева, и вѣрно разсчиталъ свой маневръ, рискнувъ объявленіемъ настоящаго своего имени.

Такое откровеніе—онъ успѣлъ прикинуть это въ умѣ—могло быть обоюдоостро. Собесѣдникъ могъ знать не только о расшитомъ галунами декоративномъ „генералѣ“ Бжитковичѣ, имя котораго, дѣйствительно, довольно часто встрѣчалось въ газетахъ того времени, но и о экс-коммунарѣ Бжитковичѣ, обвиняемомъ своими же товарищами въ трусости и воровствѣ. Но онъ сказалъ себя, что о второмъ говорилось въ печати несравненно менѣе чѣмъ о первомъ, а потому было много шансовъ что собесѣдникъ и не зналъ ничего объ этомъ.

Да наконецъ положеніе его было до того скверно и

безвыходно, что рѣшиться на что нибудь являлось настоятельною необходимостью.

Здѣсь, въ этомъ крошечномъ патріархальномъ бѣдномъ уголкѣ, гдѣ онъ никого не зналъ, съ двумя флоринами въ карманѣ, Бжитковичъ считалъ себя совершенно погибшимъ, и готовъ былъ на все чтобъ обратиться отсюда и добыть хоть сколько нибудь денегъ. И вотъ, совершенно неожиданно-негаданно ему словно съ неба сваливается кладъ въ лицѣ Ардальошки.

Въ углу, гдѣ онъ сидѣлъ одинъ со своимъ отчаяніемъ, до него долетаютъ вздорныя рѣчи Дрызгачева. Обрадованный, окрыленный смутною надеждою, онъ прислушивается къ этому вздору, оцѣниваетъ человѣка, прикидываетъ на взглядъ, что тутъ должны быть кой какія деньги, и сообразивъ наскоро планъ подступа къ жертвѣ, приводитъ его довольно ловко въ исполненіе.

Нѣкоторая понятная сдержанность, проявленная Дрызгачевымъ въ началѣ разговора съ незнакомцемъ, мгновенно исчезла. Упоенный похвалою и вниманіемъ такого выдающагося собесѣдника, Ардальошка разошелся во всю. Ему захотѣлось показаться и порисоваться предъ „генераломъ“, показать, что „мы тоже съ усами“,—и потекли рѣчи неудержимымъ потокомъ.

Тутъ была и фантастическая автобіографія хлыстакоскаго пошиба, и политическая profession de foi; тутъ было и гражданское негодованіе, отѣненное мелодраматическими жестами, и скорбь, причемъ подвижное лицо Ардальошки выражало безграничную грусть, губы сдергивались трагически концами книзу, а взоръ страдальческой и мутной виталь неопредѣленно въ пространствѣ.

Словомъ, Дрызгачевъ представился во всей своей красѣ собесѣднику и, какъ говорится, раздѣлся предъ нимъ до-гола. Собесѣдникъ очень внимательно слушалъ и принималъ къ свѣдѣнію все, что требовалось по его соображеніямъ.

Нужно ли присовокуплять, что къ немалому удовольствію Ардальошки, „генералъ“ раздѣлялъ вполнѣ всѣ его мысли, мнѣнія, цѣли и программы, и оказался солидаренъ съ нимъ рѣшительно во всемъ и по всѣмъ пунктамъ.

Въ особенности же по отношенію къ герцеговинскому возстанію проявилась совершенно трогательная „безусловная тождественность воззрѣнія“.

— Я смотрю на это дѣло такъ, ораторствовалъ Ардальошка, дѣлая при этомъ различные образные жесты рукою.—Ничего расоваго, ничего враждебно-національнаго, ничего мелкаго, сепаратистскаго. *Par de politique de clocher* *). И вы конечно, какъ я, какъ Викторъ Гюго, какъ всѣ мыслители, смотрите на это дѣло не съ какой нибудь славянской или сербской или другой куриной точки зрѣнія, а прямо съ общечеловѣческой, съ точки зрѣнія свободы и федераціи народовъ.

Вмѣсто отвѣта, „генералъ“ Бжитковичъ всталъ, подошелъ къ оратору, молча но съ глубокимъ чувствомъ крѣпко его обнялъ, и затѣмъ взволнованнымъ голосомъ произнесъ:

— Побольше бы такихъ какъ вы!

Тутъ же было рѣшено дѣйствовать сообща, „не открывая никому картъ“, какъ выразился Бжитковичъ. На замѣчаніе пущенное мимоходомъ „генераломъ“, что для этого немедленно нужны деньги, которыхъ у него „въ эту минуту пока нѣтъ“, такъ какъ всѣ имѣвшіяся были израсходованы и розданы въ горахъ или пошли на... и т. д., Дрызгачевъ съ пренебреженіемъ отвѣтилъ, что „объ этомъ не стоитъ говорить“, что это его дѣло, что деньги и средства есть.

Какъ „звуки лиры чудные“ прозвучали эти отрадныя слова на сердцѣ Бжитковича.

— Ну, тогда я могу головою ручаться за успѣхъ! воскликнулъ онъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

*) Не нужно мелкой политики.

Никакого опредѣленнаго плана дѣйствій—не для возстанія, а для „очистки“ Дрызгачева, разумѣется—у него еще не было. Все это надо было хорошенько и обстоятельно обдумать. Одно только сказалъ онъ пока себѣ съ твердою рѣшимостью:

— Этотъ болванъ не уйдетъ пизачто отъ меня.

„Болванъ“ между тѣмъ распорядился насчетъ возможно приличнаго завтрака.

— Не знаю еще на сколько подтвердятся всѣ мои подозрѣнія относительно разлагающей работы черногорскихъ и сербскихъ эмиссаровъ, проговорилъ съ озабоченнымъ и строгимъ видомъ Ардальошка, входя, какъ истый Хлестаковъ, совершенно въ свою роль.—Но если они подтвердятся, надо будетъ круто повернуть дѣло... Придется объявить внѣ закона князей Николая и Милана.

— Ну чтожъ, и объявимъ! сказалъ съ большою твердостью „генералъ“, поспѣшно усаживаясь за столъ.

Тагульскій не хотѣлъ терять времени. Онъ жаждалъ очутиться среди дикой, еще невѣдомой для него горной природы, жаждалъ увидѣть *ушташей*, о которыхъ столько слышалъ необычнаго, жаждалъ попасть въ бой.

Человѣкъ былъ онъ съ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ и не по лѣтамъ серьезный. Судя по грустному и задумчивому выраженію его красивыхъ глазъ, можно было подумать, что на сердцѣ у него лежало какое то затаенное горе.

Въ Рагузѣ ему сказано было обратиться въ Ризано къ купцу Ильѣ Радоничу, преданному всею душою славянскому дѣлу.

Раздавъ несчастнымъ герцеговинцамъ, находившимся на площади, нѣсколько серебряныхъ монетъ, онъ протянулъ руку Арзамасцеву, не отставившему отъ него.

— Ну прощайте, сказалъ онъ.

— Куда же это вы изволите спѣшить-съ? спросилъ словно встревоженный этимъ прощаніемъ Арзамасцевъ.

Тагульскій отвѣтилъ, что намѣренъ, не теряя времени, собраться въ дальнѣйшій путь. Арзамасцевъ, крѣпко пожимая ему руку, произнесъ нѣсколько безсвязныхъ фразъ, выразившихъ обычныя добрыя пожеланія.

Тагульскій хотѣлъ уже идти, когда Арзамасцевъ робко произнесъ:

— Еще одно только словечко-съ.

Тагульскій взглянулъ на него вопросительно.

— Не знаю почему, но хотя и малое еще у насъ знакомство-съ... я питаю большое довѣріе къ вамъ... Мнѣ показалось, что вы не одобряете мой проектъ-съ, проговорилъ сконфуженно и запинаясь Арзамасцевъ.

— Вы хотите знать искреннее мое мнѣніе? Ну такъ вотъ вамъ оно въ двухъ словахъ, отвѣтилъ Тагульскій, которому хотѣлось отдѣлаться поскорѣе отъ докучливаго собесѣдника.—Вы слышали проектъ этого негодяя? Что вы про него скажете?

— Безмысленный вздоръ-съ... Это какач-то демагогія, а какач же тутъ можетъ быть демагогія... Видно-съ что онъ и понятія не имѣетъ... Совсѣмъ какъ есть вздоръ безмысленный-съ.

— И прибавьте, мерзвѣйшій.

— И это вѣрно-съ.—Совсѣмъ даже мерзвѣйшій.

— Ну такъ вотъ видите. Разница между нашимъ и его проектами только и есть та, что его проектъ, какъ вы говорите, совсѣмъ мерзвѣйшій, а вашъ нѣтъ... Извините меня за откровенность, но вы спросили мое мнѣніе—и я вамъ его прямо и высказываю.

Этотъ безощадно рѣзкій отзывъ гораздо менѣе озадачилъ Арзамасцева чѣмъ можно было ожидать.

— Знаете-съ... Вотъ если бы всѣ-съ такъ прямо говорили, хорошо бы тогда было... А то вѣдь не знаешь... Мнѣ самому, какъ побываль-съ тамъ, показалось, что это не совсѣмъ у меня то что слѣдуетъ, а кругомъ, между тѣмъ хвалить-съ... Ну вотъ и не знаешь... А я

Пѣсня родины. Съ карт. 1. Дефрегера, грав. Клоесъ.

вѣдь только блага одного хочу-съ имѣ, бѣднымъ. Только затѣмъ-съ вѣдь и прибылъ чтобъ посылно быть полезнымъ... Такъ что же вы мнѣ посоветуете-съ?

— То есть посоветовать, что вамъ дѣлать?

— Да-съ, потому сами изволите видѣть, куда ужъ мнѣ биться... Негоденъ я вовсе для этого, въ особенности же супротивъ ихъ.

— Ну такъ вы сами видите, что вамъ всего разумнѣе оставить это неподходящее для васъ дѣло и вернуться домой.

— О, нѣтъ-съ! Это никогда-съ! возразилъ съ неожиданною рѣшительностью Арзамасцевъ.—Чтожь это будетъ-съ? Помотался тутъ и назадъ? Я вѣдь не прощала кака, я пользу хочу людямъ принести. Вотъ это

моя мечта-съ... Неужели же такъ-таки никакой пользы мнѣ принести тутъ нельзя?

Въ голосѣ Арзамасцева чувствовалась такая теплота и искренность, что Тагульскій взглянулъ внимательно и очень сочувственно на эту курьезную фигуру.

— Знаете что, сказалъ онъ подумавъ немного.—Ужъ если вы такъ хотите, то и вамъ найдется тутъ дѣло. У оставшихъ нѣтъ ни лекарей, ни медицинскихъ пособій. Будьте братомъ милосердія. Этимъ вы можете оказать большую пользу дѣлу.

Часа черезъ два послѣ этого разговора, Тагульскій уже выѣзжалъ изъ Ризано. Онъ ѣхалъ верхомъ на маленькой горской лошади, за которою плелся мулъ съ вѣщами и проводникъ-поморянинъ.

(До слѣд. №).

О ш и б к а.

Разсказъ Генриха Сенневича.

Случилось, десять-двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, что въ Калифорніи, въ графствѣ Моррисона открытъ былъ въ одной мѣстности источникъ нефти. Гражданскіе доходы, какіе только такіе источники могутъ доставлять въ Невадѣ и въ другихъ Штатахъ, тотчасъ вызвали нѣсколькихъ промышленниковъ составить компанію для разработки ново-открытыхъ источниковъ. Выписаны машины, насосы, рычаги, лѣстницы, бочки и боченки, котлы и буравы; построены дома для рабочихъ, поселеніе названо „Струкъ-Ойлъ“, и въ короткое время въ мѣстности пустой и безлюдной, гдѣ годъ тому назадъ жили только сурки, возникъ городокъ въ нѣсколько десятковъ домовъ и поселилось нѣсколько сотъ рабочихъ.

Два года спустя „Струкъ-Ойлъ“ назывался уже „Струкъ-Ойлъ-Сити“, то есть городъ. Дѣйствительно то былъ уже городъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Были здѣсь и сапожникъ, и портной, и столяръ, кузнецъ, мясникъ, и докторъ-французъ, который хотя прежде въ Парижѣ только брилъ бороды, но во всякомъ случаѣ былъ человекъ „ученый“ и „не вредный“, что для американскаго доктора очень много.

Докторъ, какъ это часто бываетъ въ маленькихъ городкахъ, держалъ также аптеку и почту, а потому имѣлъ и тройную практику. Аптекаремъ онъ былъ такимъ же безвреднымъ, какъ и докторомъ, у него можно было получать только два лекарства: сахарный сиропъ и лероа. Тихій и спокойный старичекъ говорилъ всегда своимъ больнымъ:

— Не опасайтесь моихъ лекарствъ; я имѣю обыкновеніе, давая больному лекарство, самъ всегда предварительно принимать такую же дозу, и разсудилъ, если мнѣ, здоровому, не повредить, то и больному также не можетъ повредить. Развѣ неправда?

— Правда! отвѣчали успокоенные жители, которымъ однако не приходило въ голову, что обязанность доктора состоятъ не въ томъ, чтобы не вредить, но и помогать больному.

Дажовиль—такъ звали доктора—вѣрилъ однако больше всего въ чудесныя свойства лероа. Не разъ на митингахъ, модно снмая шляпу съ головы и обращаясь къ публикѣ, онъ говорилъ:

— Господа! и вы сударыни! убѣдитесь, что такое лероа. Я, семидесятилѣтній человекъ, уже сорокъ лѣтъ ежедневно употребляю лероа и, смотрите, еще не посѣдѣлъ.

Могли бы замѣтить доктору что у него не было не только сѣдыхъ, но и никакихъ волосъ, такъ что его голову можно было сравнить съ арбузомъ, но такъ какъ такіа замѣчанія нисколько бы не послужили къ величію или пользѣ города, то жители и не стремились ихъ дѣлать.

Между тѣмъ городъ все увеличивался да увеличивался. Служи года два, уже была проведена желѣзная къ нему дорога. Городъ имѣлъ своихъ, имъ избираемыхъ, чиновниковъ. Докторъ, котораго любили, сдѣлался какъ представитель интеллигенціи—судею; сапожникъ, пронырливый польскій еврей, мистеръ Девисъ (то есть Давидъ) былъ назначенъ шерифомъ—начальникомъ полиціи, состоявшей только изъ этого самаго шерифа и нѣкого болѣе; построено было училище, которымъ управляла нарочно выписанная старая дѣва, вѣчно страдавшая зубною болью; наконецъ открыли гостиницу, подъ названіемъ „Гостиница Соединенныхъ Штатовъ“.

Торговая площадь оживилась также чрезвычайно. Продажа нефти доставляла большіе доходы. Сапожникъ-шерифъ Давидъ велѣлъ уже устроить около своего магазина стекляннуну витрину, въ родѣ тѣхъ, что украшаютъ магазины С. Франциско. На слѣдующемъ митингѣ жители публично благодарили мистера Давида за это новое украшеніе города, на что мистеръ Девисъ, съ спесиходительностью важнаго лица, отвѣтилъ:

— Благодарю васъ! Благодарю!

Гдѣ есть судья и шерифъ, тамъ есть и дѣла. Дѣла требуютъ писанія и бумаги, а потому на своей улицѣ Кодагетъ Стригъ онъ открылъ магазинъ письменныхъ принадлежностей, въ ко-

торомъ продавали также и ежедневную политическую газету и разныя любознательныя картинки, напимѣръ представлявшія Граита въ видѣ мальчика, доившаго корову. Полиція не могла запрещать продажу подобныхъ картинокъ, это до нея не касалось. Но это еще не все. Американскій городъ никакъ не можетъ быть безъ газеты, а потому, годъ спустя, начала выходить здѣсь и газета, подъ заглавіемъ „Субботнее Обзоріе“, которая имѣла столько подписчиковъ, сколько было жителей въ городѣ. Редакторъ этой газеты былъ также и ея издателемъ, типографикомъ, администраторомъ и разнощикомъ. Последнюю обязанность исполнять ему было очень легко, онъ держалъ коровъ и утромъ разносилъ газету вмѣстѣ съ молокомъ. Газета была крайне рѣзкая и... невѣжественная. Свои политическія статьи редакторъ по обыкновенію начиналъ въ такомъ родѣ: „Если бы презрѣнный президентъ Штатовъ послушался совѣта, который мы ему дали въ прошломъ № и т. д.“

И такъ счастливый „Струкъ-Ойлъ“ не имѣлъ ни въ чемъ недостатка, ни въ чемъ не нуждался. Кромѣ того, рудокопы, трудившіеся надъ добываніемъ нефти, не отличались ни вѣнlichkeitью, ни грубыми нравами, которые обыкновенно господствуютъ среди некателей золота, а потому въ городѣ былъ съвѣтъ спокойно. Дракъ не случалось и о „Закоуѣ Линча“ не было и помину. Жизнь шла спокойно, дни протекали похажіе одинъ на другой какъ двѣ капли воды. Утромъ все занималось торговлей, вечеромъ жители сожигали соръ на улицахъ и если не было митинга, отиравались спать, на слѣдующій день имъ предстояли такіа же занятія.

Единственная постоянная забота шерифа была въ томъ, что онъ не могъ отучить жителей стрѣлять по вечерамъ дикихъ гусей, которые пролетали обыкновенно въ эту пору надъ городомъ.

— Законъ запрещаетъ стрѣлять на улицахъ, говорилъ онъ. Если бы это былъ какой нибудь паршивый городишка, я бы молчалъ, но въ большомъ городѣ „нифъ, нафъ!“—это очень не хорошо!

Жители слушали его, покачивали головами, отвѣчали „о да!“—но когда наступалъ вечеръ и на румяномъ небѣ они замѣчали бѣлыя и сѣрыя пятна стада дикихъ гусей, тянувшихся съ горъ къ океану, опять начиналась стрѣльба.

Девисъ могъ бы конечно привести виновнаго къ судѣ, а судья могъ бы подвергнуть его законному штрафу или аресту; но охотники въ случаѣ болѣзни могутъ обратиться къ доктору, а въ случаѣ нужды въ сапогахъ они же гости шерифа; а такъ какъ своя рука мотъ, то само собой разумается, рука рукѣ не дѣлала вреда.

Въ „Струкъ-Ойлъ“ было спокойно какъ на небѣ, но вдругъ, неожиданно, кончились безмятежныя дни! Лавочникъ воспылалъ смертельной ненавистью къ лавочницѣ, а эта послѣдняя къ нему взаимно. Въ Америкѣ въ лавкѣ можно получить все. Въ одной и той же лавкѣ продають: муку, шляпы, сигары, шетки, пуговицы, рисъ, седедки, рубашки, сало, жикетки, стекла, топоры, сухарики, тарелки, бумажные воротники, сухую рыбу. Сперва былъ здѣсь одинъ только магазинъ, содержалъ его какой то пѣмецъ Гансъ Кагге. Это былъ хладнокровный человекъ лѣтъ тридцати-яяти, съ глазами на выкатѣ, не очень жирный, но довольно плотный, ходилъ всегда безъ сюртука, и трубки никогда не выпускалъ изо рта, по англійски зналъ настолько, на сколько пужно было для торговли, но дѣла велъ хорошо, такъ что по истеченію года говорили что онъ „стоилъ нѣсколько тысячъ долларовъ“.

Однако въ скоромъ времени появилась другая лавочка...

Странно, первую лавку держалъ иностранецъ, вторую—тоже иностранка! Между ними открылась война, поводомъ которой было то, что дѣвица Нейманъ некла лепенки изъ муки съ содою и квасцами. Этимъ она повредила бы себѣ въ мѣбни жителей, если бы не говорила и свидѣтелями не доказала, что ея мука была еще въ складѣ, а потому она на этотъ случай купила муку у Ганса Кагге.

Всѣ убѣдились, что Гансъ Кагне человекъ нехорошій и нечестный, задумавшій съ самаго начала испортить карьеру соперницы. Многие предвидѣли что лавочники будутъ завидовать одинъ другому, но никто не могъ предвидѣть, что между ними возникнетъ такое соперничество. Оно въ скоромъ времени дошло до того, что Гансъ сжигалъ соръ только тогда, когда вѣтеръ заносилъ дымъ въ лавку его соперницы; она же не называла его иначе какъ „кляча“, что онъ счелъ величайшимъ оскорбленіемъ.

Сначала всѣ смѣялись надъ ними, тѣмъ болѣе, что ни тотъ, ни другая не говорили по англійски, однако вскорѣ въ городѣ образовались двѣ партіи: Гансистеры и Нейманстеры, которые начали смотрѣть довольно недоброжелательно другъ на друга, что могло повредить благоденствію всего Струкъ-Ойлъ-Сити и довести въ будущемъ до грозныхъ послѣдствій.

Мудрый политикъ, мистеръ Девисъ, пытался ихъ примирить. Сначала, что онъ выходилъ на середину улицы и говорилъ:

— Ну чего вы ссоритесь? Развѣ не у одного саножника поупасте вы саногі? У меня теперь есть такіе, что въ цѣломъ С.-Франциско лучшихъ никто не дѣлывалъ.

— Напрасно хвалить саногі передъ человекомъ, который скоро будетъ всецѣмъ безъ саногъ, говорила съ неудовольствіемъ дѣвица Нейманъ.

— Я себѣ не создала положенія ногами, отвѣчала Гансъ.

Пужно замѣтить что Нейманъ имѣла такі красивыя ноги и потому такія замѣчанія напониали ея сердце смертельною обидою. Въ городѣ, обѣ партіи начали уже и на митингахъ обсуждать дѣла Ганса и Нейманъ; а такъ какъ въ Америкѣ женщины всегда остаются правыми, то большинство перешло на сторону Нейманъ.

Въ скоромъ времени Гансъ замѣтилъ, что его лавочка была чуть не въ убытокъ. Но и у Нейманъ торговля шла тоже далеко не блестящимъ образомъ, потому что женщины въ городѣ держали сторону Ганса; онъ замѣтилъ, что ихъ мужья, подъ предлогомъ покупокъ, повадился что то частенько захаживать къ красивой лавочницѣ и не сѣбнать возвращаться домой. Когда посѣтителей не было въ лавкахъ, Гансъ и Нейманъ стояли въ дверяхъ, одинъ противъ другаго, и бросали молніеносные взгляды другъ на друга. Нейманъ тогда начинала бранить его выногелоса.

Гансъ же смотрѣлъ на ея ноги, потомъ на ея бюстъ, потомъ на лицо съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ смотрѣлъ бы на убитаго мѣсяцъ тому назадъ зайца и, наконецъ, восклицала:

— Воже жъ ты мой! Воже ты мой!

Вражда дошла до того, что если онъ утромъ подходилъ къ дверямъ, а дѣвица Нейманъ не было, то онъ вертѣлся, какъ будто бы ему чего нибудь не хватало. Они давно бы прекратили эту вражду, если бы Ганса не удерживала увѣренность, что дѣла его идутъ все хуже, тѣмъ болѣе что Нейманъ была въ хорошихъ отношеніяхъ съ редакторомъ мѣстной газеты. Гансъ убѣдился въ этомъ, когда началъ разсказывать, что Нейманъ носитъ искусственный бюстъ. Это было даже правдоподобно и вообще въ Америкѣ практикуется нерѣдко. На слѣдующей недѣлѣ въ газеткѣ появилась статейка, въ которой редакторъ, говоря вообще о клеветахъ торговцевъ, окончилъ торжественнымъ увѣреніемъ: „онъ хорошо увѣдомленъ, что фигура известной оклеветанной дамы вовсе не поддѣльная.“ Съ тѣхъ поръ Гансъ сталъ нить каждое утро черной кофе вмѣсто бѣлаго, не желая болѣе покупать молока у редактора газеты, но за то Нейманъ стала покупать двойную порцію. Кроме того велѣла портному сшить себѣ платье, форма лифа котораго убѣдила окончательно всѣхъ, что Гансъ клеветникъ. При такой уловкѣ, лавочникъ почувствовалъ, что не найдетъ защиты; а въ это время дѣвица, стоя напротивъ лавки Ганса, каждое утро шла все громче свою обычную цѣсню.

„Чтобы мнѣ съ ней сдѣлать? думалъ Гансъ. — Есть у меня отравы для крысъ, такъ не отравить-ли ея куръ? Нѣтъ! Велитъ уплатить! и только. Ну да я знаю что сдѣлаю!“

И вечеромъ дѣвица Нейманъ, къ великому своему удивленію, замѣтила, что Гансъ носилъ связки дикихъ подсолнечниковъ и сложилъ ихъ какъ будто на рѣшетку въ оконкѣ погреба.

„Любопытно, что это будетъ? думала она. Вѣрно что нибудь противъ меня!“

Уже темнѣло. Гансъ уложилъ подсолнечники въ два ряда, такъ что по серединѣ оставалась только свободная дорога къ окошку погреба, потомъ вынесъ какой-то предметъ, покрытый полотномъ, обернулся спиной къ дѣвицѣ Нейманъ, полотно съ таинственнаго предмета снялъ и покрылъ его листьями подсолнечника, и подойдя къ стѣнѣ началъ писать какія-то буквы.

Нейманъ умирала отъ любопытства!

„Пишетъ на меня что нибудь? думала она; но пусть только всѣ улягутся спать, я пойду и посмотрю, хоть бы это стоило мнѣ жизни!“

Гансъ окончилъ работу, пошелъ на верхъ и скоро потушилъ у себя огонь. Тогда дѣвица торопливо нагнула на себя капотъ, надела на босыя ноги туфли и отиравилась чрезъ улицу. Когда дошла до подсолнечниковъ, стала пробираться по тропинкѣ къ окошку, желая прочесть, что было написано на стѣнѣ. Вдругъ глаза ея расширились, она откинулась назадъ, вырвалась болѣзненный стоиъ:

— Ай! Ай! и затѣмъ отчаянный крикъ: Спасайте, спасайте!!! На верху окошко поднялось.

— Что это такое? раздался спокойный голосъ Ганса. — Кто тамъ?

— Ахъ ты проклятый торгошъ, кричала дѣвица, — погубилъ ты меня! Завтра-же тебя повѣсятъ. Спасайте! спасайте!

— Сейчасъ сойду, сказалъ Гансъ.

Миуту спустя онъ явился со свѣчкой въ рукѣ. Поглядѣлъ на Нейманъ, которая стояла какъ прикованная къ землѣ, потомъ взялъ ее подъ руки, и началъ смѣяться:

— Что это? Это г-жа Нейманъ? Ха! ха! ха! Добрый вечеръ барышня! Ха! ха! ха! Я поставилъ канканъ на лисиду, а поймалъ барыню! Зачѣмъ-же барышня ходитъ подглядывать въ мой погребъ? Я нарочно написалъ на стѣнѣ предостереженіе не приближаться... Кричите теперь, пускай люди соберутся: пускай всѣ видятъ, что по ночамъ вы приходите заглядывать въ мой домъ. Покричите-ка барышня, да стойте до утра. Покойной ночи, сударыня, желаю вамъ покойной ночи!

Положеніе Нейманъ было скверное. Кричать? люди сойдутся: человекъ! Не кричать, стоять цѣлую ночь пойманною въ канканъ, а на другой день показать себя какъ чучело? А нога болить все больше. Въ головѣ у нея закружилось, звѣзды перемѣшались, мѣсяцъ смѣнился зловѣщимъ лицомъ Ганса; она унала въ обморокъ.

— Ай, ай! выкрикнулъ Гансъ,—если она умретъ, завтра не миновать мнѣ „Липча“ безъ всякаго суда.

И волосы поднялись у него дѣломъ отъ ужаса.

Нечего дѣлать. Гансъ понескалъ ключа отпереть канканъ, но открыть его не очень то было легко, ему мѣшалъ капотъ. Пужно было немножко наклониться и... не смотря на всю ненависть и боязнь, Гансъ не могъ воздержаться, чтобы не взглянуть на красоту, какъ изъ мрамора, ручки своего врага, освѣщенныя отблескомъ луны.

Могъ ли бы кто сказать, что къ его ненависти теперь примѣшалось и сожалѣніе. Онъ поспѣшно открылъ канканъ, а такъ какъ барышня еще не двинулась, то взялъ ее на руки и быстро отнесъ на ея квартиру. Въ дорогѣ опять чувствовалъ страданіе. Возвратился къ себѣ и цѣлую ночь не могъ ни на минуту сомкнуть глазъ. На другое утро дѣвица не явилась въ своемъ магазинѣ. Можетъ ей было стыдно, а можетъ втихомолку обдумывала она мщеніе. Въ тотъ же день вечеромъ, редакторъ газетки вызвалъ Ганса на кулачный бой и въ самомъ началѣ драки подбилъ ему глазъ. Гансъ, въ свою очередь доведенный до отчаянія, побилъ его такъ, что послѣ краткаго и тщетнаго сопротивленія, редакторъ растянулся и началъ кричать: „довольно, довольно!“ — и слѣдующіе ММ газеты сильно запоздали.

Неизвѣстно, какъ—ибо Гансъ ничего не говорилъ,—цѣлый городъ узналъ о ночномъ приключеніи. Послѣ драки съ редакторомъ, въ сердцѣ Ганса, опять пронало сожалѣніе, а осталась только ненависть. Гансъ имѣлъ предчувствіе, что его встрѣтитъ какое нибудь неожданное несчастье, и не долго ему пришлось ждать. Хозяева магазиновъ налѣпаютъ часто на стѣнахъ своихъ заведеній объявленія о разныхъ товарахъ. Торговцы здѣсь продаютъ обыкновенно въ кабаки ледъ, безъ котораго ни одинъ американецъ не пьетъ ни виски, ни вива.

Вдругъ Гансъ замѣтилъ, что у него перестали покупать всецѣмъ ледъ. Громадныя льдины, привезенныя по желѣзной дорогѣ и сложенные въ погребѣ, растаяли: убытка болѣе чѣмъ на десять долларовъ. Почему? Какъ? Что? Гансъ зналъ, что даже его сторонники покупали ледъ каждый день у Нейманъ; но не понималъ, что это значитъ, тѣмъ болѣе, что былъ въ дружбѣ со всеми кабатчиками.

Онъ задумалъ выяснитъ дѣло.

— Почему вы не покупаете у меня льду? спросилъ онъ одного кабатчика, Петерса, который проходилъ мимо его лавки.

— Вы не держите.

— Какъ не держу?

— А почему я знаю.

— Но вѣдъ я держу ледъ.

— А это что? сказалъ кабатчикъ, показывая пальцемъ на объявленіе, налѣпленное на стѣнѣ дома.

Гансъ посмотрѣлъ и перемѣнился въ лицѣ. У него на объявленіи кто-то при словѣ „льду“ прибавилъ „не держу“. Гансъ закричалъ и, весь багровый и дрожащій, вскопчалъ въ лавку Нейманъ.

— Это визость! кричалъ онъ яростно.—Что ты мнѣ нацарапала?

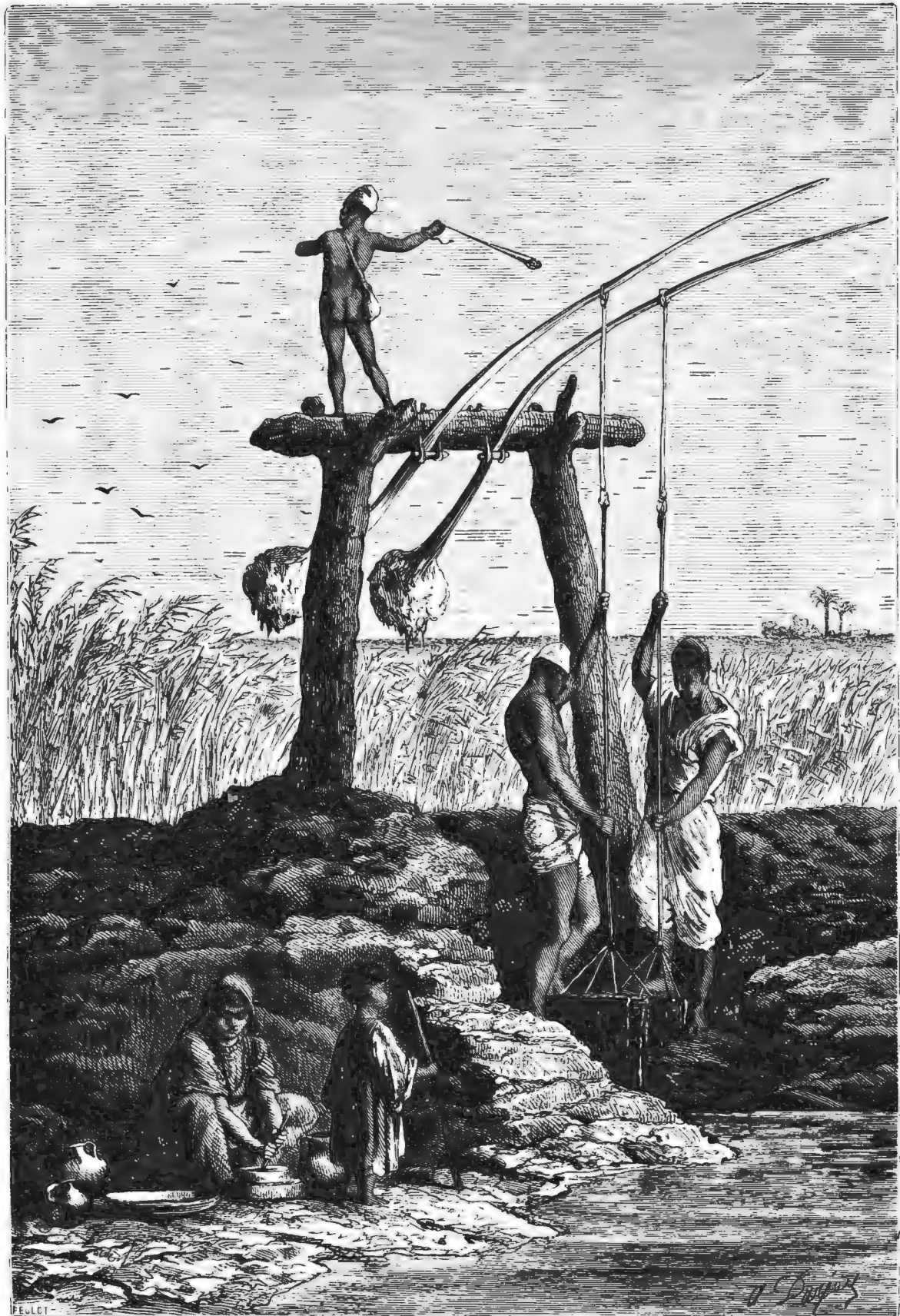
— Что я вамъ нацарапала? спросила плутовски простодушно дѣвица.

— Должна мнѣ уплатить за ледъ!

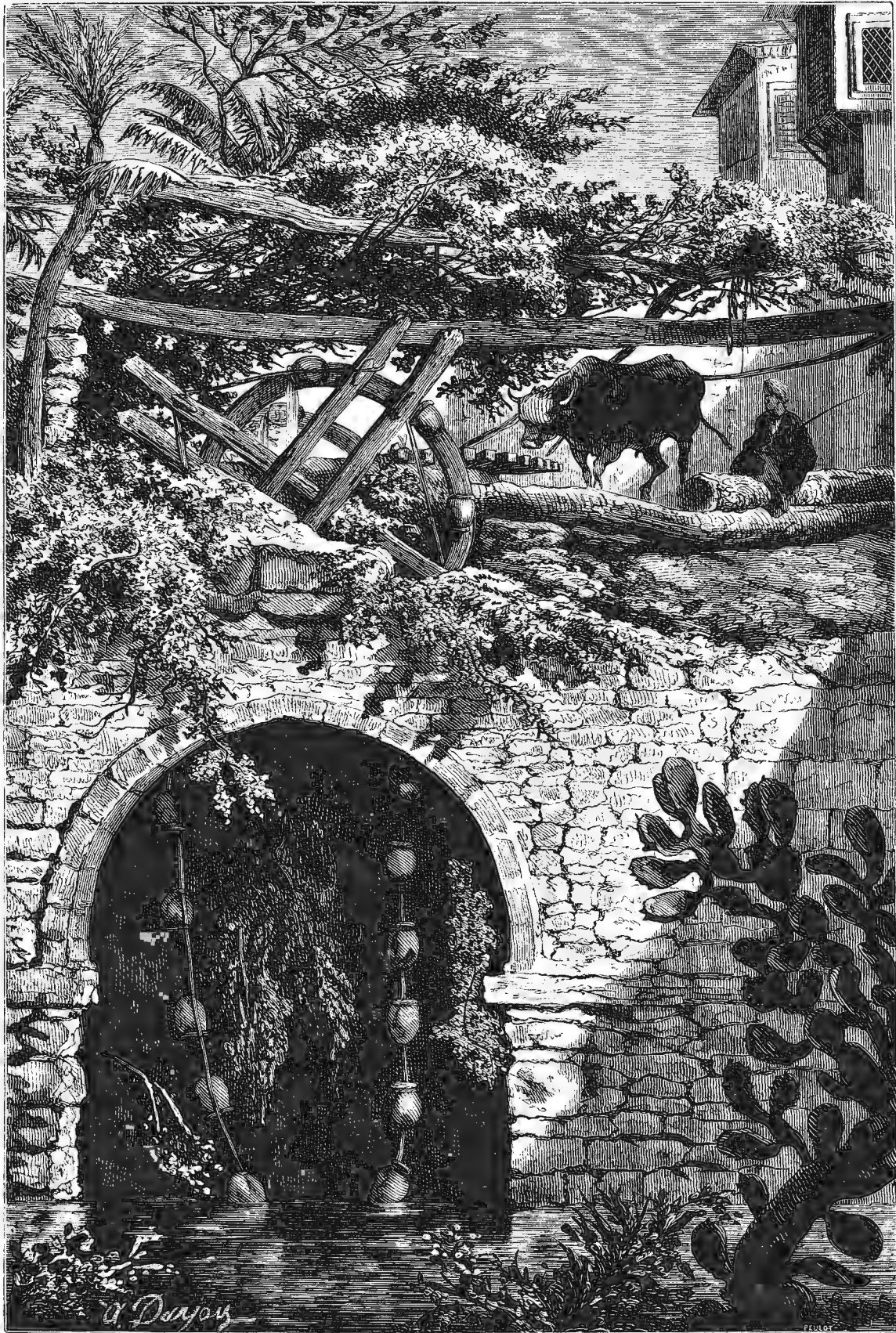
И потерявши хладнокровіе, началъ кричать какъ бѣшеный; дѣвица Нейманъ тоже принялась кричать, сбѣжалась люди:

— Помогите! зывала Нейманъ. — Онъ съ ума сошелъ! говорить, что я ему что то нацарапала, а я ему ничего не нацарапала. Что я ему могла нацарапать? ничего ему не нацарапала. О! Господи! Я бы ему выцарапала глаза, еслибъ могла. Я бѣдная женщина, одна, онъ меня тутъ убьетъ! Она начала горько плакать.

Не поняли кругомъ о чемъ идетъ рѣчь, но такъ какъ здѣсь

Колодезный очепъ, въ Египтѣ, на Нилѣ. Рис. Цело, грав. Дауеръ.

Цѣпь колодезныхъ черпаковъ, въ Египтѣ, на Нилѣ. Рис. Пезо. грав. Даурель.

не могут вообще видѣть женскихъ слезъ, то схватили Ганса за шиворотъ и вытолкнули за дверь. Хотѣлъ онъ сопротивляться: но куда тамъ! Вылетѣлъ какъ бомба, пробѣжалъ черезъ улицу, вскочилъ въ собствѣнные двери и упалъ въ растяжку.

Недѣлю спустя, надъ его магазиномъ красовалась громадная разрисованная вывѣска. Вывѣска представляла обезьяну, одѣтую въ полосатое платье, бѣлый передникъ съ нагрудникомъ, словомъ, въ костюмъ дѣвочки Нейманъ. Внизу подписано большими золотыми буквами:

„Торговля подъ обезьяною“.

Всѣ сбѣгались глазѣть. Хотѣть вызвать и дѣвцу къ дверямъ. Вышла, посмотрѣла, поблѣднѣла, но не потерявши присутствія духа, сейчасъ же воскликнула:

— Торговля подъ обезьяною? Ничего удивительнаго! Вѣдь Кэне живетъ надъ магазиномъ. Ха! ха!

Ударъ однако попалъ ей въ сердце.

Въ полдень она слышала уже, какъ толпы ребятишекъ, проходя мимо магазина, когда возвращались изъ училищъ, останавливались передъ вывѣскою и кричали:

— О! точь-въ-точь Нейманъ! Эй-Богу!

Это было уже слишкомъ. Вечеромъ, когда зашелъ къ ней редакторъ, она сказала ему:

— Эта обезьяна—это я! знаю, что я, но ужъ возьму свое.

Онъ долженъ будетъ снять и вылизать языкомъ при мнѣ свою обезьяну.

— Что вы хотите дѣлать?

— Иду сейчасъ къ судѣ.

— Какъ это сейчасъ?

— Завтра.

Утромъ вышла и, приблизившись къ Гансу, сказала:

— Слушайте! знаю, что эта обезьяна—я, пойдемте со мною къ судѣ. Увидимъ, что онъ на это скажетъ.

— Скажете, что я въ правѣ надъ своими дверьми рисовать что мнѣ угодно.

— Увидимъ.

Нейманъ едва могла дышать отъ досады.

— А откуда вы знаете, что эта обезьяна—вы сами?

— Это мое убѣжденіе, мнѣ это всѣ говорятъ. Идите же, идите къ судѣ, а если не хотите, то шерифъ насильно поведетъ.

— Хорошо, иду, сказалъ Гансъ, который былъ увѣренъ, что останется правъ.

Заперли оба лавки и пошли, обдумывая дѣло по пути. Только уже около дверей судьи вспомнили, что оба не знаютъ по англійски, чтобы рассказать свою тяжбу. Что дѣлать? Шерифъ, какъ польскій жидъ, знаетъ и по нѣмецки, и по англійски. Пошли къ шерифу.

Но шерифъ сидѣлъ на повозкѣ и собирался въ путь.

— Убирайтесь къ чорту! закричалъ онъ. Цѣлый городъ изъ за васъ не имѣетъ покоя! И по цѣлымъ годамъ вы носите одни и тѣ же сапоги! Я ѣду за товаромъ! И уѣхалъ.

Гансъ подбоченился.

— Придется ждать до завтра, сказалъ онъ хладнокровно.

— Я стану ждать? скорѣй умру. Развѣ только вы снимете обезьяну!

— Нѣтъ, не сниму обезьяны.

— Васъ повѣсятъ самого! ужъ повѣсятъ! Обойдусь и безъ шерифа. Судья и такъ знаетъ, о чемъ у насъ идетъ дѣло.

— Ну, такъ пойдемъ и безъ шерифа, сказалъ тотъ.

Глазъ Нейманъ однако ошиблась. Именно одинъ только судья въ цѣломъ городѣ и не знаетъ объ ихъ спорѣ! Но онъ говорилъ только по англійски, и ихъ понималъ очень туго.

Ни въ чемъ неповинный, старичекъ приготовилъ свое зероа. Принялъ онъ ихъ, какъ обыкновенно всѣхъ принималъ, добродушно и привѣтливо.

— Покажите языки, дѣти мои! сказалъ онъ,—пронину сейчасъ...

Оба начали показывать руками, что не хотятъ лекарства, а Нейманъ заговорила:

— Не это нужно, не это!

— Что же?

Говорили оба, одинъ перебивая другаго, то Гансъ слово, то та десять. Наконецъ ей пришла въ голову остроумная мысль, и она показала на сердце, въ знакъ того, что Гансъ поразилъ ее обидою смертельно.

— Понимаю! понимаю! сказалъ докторъ.

Потомъ открылъ книгу и началъ писать. Спросилъ Ганса: сколько ему лѣтъ?—Тридцать шесть. Спросилъ ее, она не помнила хорошо: такъ около двадцати пяти.—Прекрасно!—Какъ ихъ зовутъ?—Гансъ—Лора.—Хорошо!—Занятіе?—Торговля.—Отлично. Еще какой то вопросъ. Оба не поняли, но отвѣтили „да...“ Докторъ мотнулъ головою. „Все въ порядкѣ!“

Когда онъ окончилъ писать, то всталъ, и вдругъ, къ большому удивленію Лоры, обнялъ ее и поцѣловалъ отечески.

Она приняла это за хорошій неходъ дѣла и, полная надеждъ, отразилась домой.

По дорогѣ она сказала Гансу:

— Ужъ я вамъ покажу!

— Покажите комунибудь другому! отвѣтилъ тотъ спокойно.

На другой день утромъ пришелъ шерифъ къ лавкамъ. Оба стояли въ дверяхъ. Гансъ курилъ трубку, а та пѣла по презрѣнему.

— Хотите идти къ судѣ? спросилъ шерифъ.

— Мы уже ходили.

— Ну и что?

— Мой милый, сказала барышня,—подите узнать. Мнѣ теперь пужны сапоги. Да замолвите за меня словечко у судьи. Вы видите, я бѣдная женщина... одинокая.

Шерифъ пошелъ и черезъ четверть часа возвратился. По чему то возвратился окруженный толною людей.

— Ну что? Ну какъ? начали его допрашивать оба.

— О! Все въ порядкѣ! сказалъ шерифъ.

— Но что судья сдѣлалъ?..

— Ну что могъ онъ дурнаго сдѣлать? Онъ васъ перевѣчалъ.

— Какъ!!

Если бы громъ вдругъ грянулъ, Гансъ и Лора не испугались бы въ такой степени. Гансъ вытарашилъ глаза, открылъ ротъ, высунулъ языкъ и выглядѣлъ какъ дуракъ, а дѣвица Нейманъ вытаращила глаза, открыла ротъ и поглядывала на Ганса. Осолобенѣли они, окаменѣли. Затѣмъ оба начали кричать:

— Я должна быть его женою!

— Я ся мужемъ!

— Помогите! помогите! Никогда! Сейчасъ разводъ! Я не хочу!

— Нѣтъ, это ужъ я не хочу теперь!

— Лучше умереть! Разводъ! разводъ! Что же это такое!

— Мои милые, сказали спокойно шерифъ,—чѣмъ крикъ тутъ поможетъ?.. Судья заключаетъ актъ супружества, но судья развода не можетъ дать. Что кричать? Развѣ вы миллионеры изъ С.-Франциско, чтобы начать хлопотать о разводѣ? Развѣ не знаете сколько это стоитъ? Ай, вай! Что тутъ кричать. У меня хорошия дѣтскіе сапожки—денево продамъ! Право!

Сказавши это, онъ отошелъ. Люди, смѣясь, тоже разошлись. Повобрачные остались одни.

— Вотъ такъ штука, крикнула она,—дѣвушка и замужняя. Да это онъ нарочно намъ такъ сдѣлалъ, потому что мы иностранцы!

— Хорошо! отвѣтилъ Гансъ.

— Будемъ искать развода!

— Я первый!

— Нѣтъ, я первая, вы меня ловили въ капканъ.

— Я не хочу такой жены!

— Я васъ ненавижу!

Разошлись и заперли они лавки. Она сидѣла цѣлый день дома и раздумывала, а онъ у себя. Наступила ночь. Ночь приноситъ спокойствіе. Однако обонявъ не удавалось заснуть. Легли, но глаза не смыкались. Она думала: „Тамъ спитъ мой мужъ!“ Онъ: „Тамъ спитъ моя жена!“ И какое то удивительное чувство бродило въ ихъ сердцахъ. Кроме того, Гансъ думалъ объ обезьянѣ, которая висѣла надъ его магазиномъ. Какъ ее оставить, когда это выходитъ уже каррикатура на его же жену? И показалось ему, что онъ постыдилъ очень не хорошо заказывая обезьяну. Но опять эта дѣвица Нейманъ! Это она была причиною, что ледъ пропалъ. Онъ же ее поймавъ въ капканъ. Здѣсь опять ему пришло въ голову, что какая она хорошенькая, какъ онъ видѣлъ ее при лунѣ.

„А все-таки, правду сказать, она видная дѣвушка! думалось ему,—но она ненавидитъ меня, а я ее! Вотъ положеніе! Ахъ ты Господи! Женаты! Но на комъ? на дѣвицѣ Нейманъ! А разводъ такъ дорого стоитъ, что цѣлой лавки не хватитъ!“

„Я—жена этого Ганса, говорила про себя дѣвица Нейманъ. Я уже не дѣвушка... т. е., я хотѣла сказать, дѣвушка, но замужняя! За кѣмъ? За Гансомъ, который меня ловилъ въ капканъ. Правда и то... что взялъ онъ меня на руки и отнесъ наверхъ. Какой онъ однако сильный! Такъ таки и взялъ меня на руки... Что это такое? Я слышу какой то шумъ?“

Шуму никакого не было, но дѣвица Нейманъ начала его бояться, хотя прежде никогда не боялась.

„Еслибы онъ вдругъ осмѣлился теперь... Я бы его! Это не онъ!“ прибавила она голосомъ, въ которомъ, однако, слышалось разочарованіе...

„Но онъ не осмѣлится. Онъ... Между тѣмъ страхъ ея увеличивался. Это такъ всегда бываетъ съ женщиной, когда она одна! думалось ей потомъ. Еслибы здѣсь былъ какой нибудь мужчина было бы спокойноѣе, и безопаснѣе. Я слышала о какомъ то убійствѣ въ окрестностяхъ (ни о какомъ убійствѣ дѣвица Нейманъ ничего не слыхала). Присягну, что меня здѣсь убьютъ. Ахъ этотъ Гансъ, этотъ Гансъ! связалъ мнѣ всю жизнь. А нужно однако посоветоваться о разводѣ съ адвокатомъ!“

Такъ думая, ворочалась она, мучимая бессонницею, на широкой американской кровати, и дѣйствительно чувствовала, что очень одинока. Вдругъ она вскопчила опять. Тенерь ей страхъ имѣлъ основаніе. Въ ночной тишинѣ слышечь былъ стукъ молотка.

„Господи! крикнула Нейманъ. Кто то добирается до моей лавки! Хочетъ ограбить!“

Въ испугъ она прыгнула съ кровати и побѣжала къ окну, но посмотрѣвши, сейчасъ же успокоилась. При лунѣ видна была лѣстница, а на ней бѣлая фигура Ганса, выколачивав-

шаго молоткомъ гвозди, которые поддерживали вывѣску съ обезьяной.

Дѣвица Нейманъ открыла тихонько окно.

„Однако снимаетъ обезьяну, это честно съ его стороны!“ подумала она.

И почувствовала моментально, что словно у нея что то слегка растаяло около сердца.

Гансъ вынулъ осторожно гвозди, жестъ со звономъ унала на землю; тогда онъ слѣзъ, отбилъ раму, свернулъ жестъ въ трубку своими жилистыми руками и началъ отставлять лѣстницу.

Дѣвица слѣдила за нимъ глазами... Ночь была тихая, теплая...

— Послушайте, Гансъ, сказала вдругъ тихо Нейманъ.

— Это вы, барышня? Вы не спите? отозвался также тихо Гансъ.

— Нѣтъ, добрый вечеръ, Гансъ.

— Добрый вечеръ, барышня.

— Что вы дѣлаете?

— Снимаю вывѣску.

— Благодарю васъ.

Пастушила минута молчанія.

— Гансъ! послышался опять тихій голосъ.

— Что вамъ?

— Вамъ бы надо посоветоваться насчетъ развода.

— Да, надо бы.

— Завтра?

— Завтра.

Опять минута молчанія. Луна ясная плыветъ въ синемъ небѣ. Тихо такъ, что слышно какъ чикаетъ кузнечикъ...

— Гансъ!

— Что вамъ?

— Миѣ бы хотѣлось скорѣй выхлопотать разводъ.

Голосъ ея звучалъ какъ то меланхолически.

— И мнѣ тоже.

Голосъ Ганса былъ однако печалень.

— Видите, чтобы не медлить...

— Чѣмъ скорѣе посоветоваться, тѣмъ лучше.

— Тѣмъ лучше, конечно.

— Вотъ, можно бы сейчасъ поговорить...

— Если вы позволите...

— Вы придете ко мнѣ?

— Только одѣнусь.

— Что за церемоніи!..

Двери визну открылись, Гансъ пропалъ въ темнотѣ и минуту спустя оказался въ комнатѣ дѣвушки, тихой, теплой, опрятной. „Жена“ его, одѣтая въ бѣлый канотъ, была просто восхитительно.

— Ну-съ, барышня, что скажете? началъ Гансъ, но очень слабо, прерывающимся голосомъ.

— Вотъ видите, я хотѣла бы выхлопотать разводъ, но... знаете, я боюсь, съ улицы видно... Могутъ подумать...

— Но вѣдь въ окнахъ темно...

— Да! правда! отвѣтила барышня...

Тогда началось совѣщаніе о разводѣ,—и пересказывать ихъ разговора мы не станемъ. Должно быть разводъ стоилъ слишкомъ дорого и супруги раздумали о немъ хлонатать. И спокойствіе возвратилось въ „Струкъ-Ойлъ-Сити“.

СТИХИ,

прочитанные при открытіи памятника М. И. Глинкѣ 20-го мая.

Потокъ несетъ въ стремленіи своемъ
И мощный дубъ и легкія пылинки...
Такъ въ томъ вѣнкѣ, что Русь сплетаетъ Глинкѣ,
Мой скромный стихъ пусть служитъ ленточкомъ.
Еще Смоленскъ ночью окутанъ тьмой.
Не спится мнѣ. По площади безлюдной
Иду туда, гдѣ встанемъ предъ толпой
Завтра ты, о нашъ учитель чудный.
Кто это тамъ? Зоветъ меня къ себѣ?
— „Передъ тобой волшебница Наина!
Но я съ добромъ изнемогла въ борьбѣ
И поняла величье, доблесть финна.
Виновна я предъ Высшимъ Существомъ,
Но въ этотъ день, всей Руси ликовавша,
Сомнѣ свѣтлыхъ силъ молился и Творцомъ
Миѣ прощены всѣ козни волхвованья.
Клянусь добру служить отъ этихъ поръ!
Взглянувъ—и прочь не могъ отвезти я взоръ:
Она красой чудесною блистала:
Спасенья вѣсть вновь младость даровала.

А тамъ чья тѣнь? Сусанинъ?! Передъ нимъ
Склонился я, смущенный дивной встрѣчей;
И молвилъ мнѣ: „Незгоды тѣ далеке...
Сияетъ Русь—тотъ свѣтъ неугасимъ“.
„Старикъ-герой тамъ, въ дебряхъ Костромскихъ,
Не ты ли палъ замученъ и израненъ?“
— Пускай я палъ, но не умретъ Сусанинъ
Доколѣ въ сердцахъ есть каляя чувствъ святыхъ.
Живетъ мой духъ, жива покуда Русь!
Придутъ войны тяжеляя години
Мои слова: „Я страха не страшусь“
Всѣ повторять какъ человекъ единый.
Веду опять!... „Кого? Куда?“— „Гостей
Къ тому на пиръ, кого вся Русь почтила.
Награду Богъ нашелъ для Михаила:
Онъ будетъ днесь въ кругу своихъ дѣтей.

Изрекъ Творецъ: рабъ вѣрный, говорю—
Служилъ добру своимъ ты вдохновеньемъ,
За то, въ сей день, мечты твоей твореньямъ
Какъ людямъ, жить возлизи тебя даю.
Сибинитъ къ нему съ Людмилою Русланъ,
Былой красой блеснуть чета младая.
Явились и молвятъ: „Нашъ баянъ!
Живемъ съ тобой, во вѣкъ не увядая.
И вновь на пиръ сзываетъ Свѣтозаръ,
Тамъ гусли всѣ покроетъ Глинки лира
И смолкнутъ тамъ, предъ силой дивныхъ чаръ,
Фарлафа злость и горести Ратмира.
Тамъ брата братъ лобзаньемъ подаритъ,
Сольется все, и „Польскій“ и „Лезгинка“,
Въ хвалу тебѣ, родной, безсмертный Глинка,
Смоленску въ честь тамъ „Слався“ загремитъ.

Живи во вѣкъ гармоній властелинъ,
Ты—Руси духъ въ великомъ воплощеніи.
Пройдутъ вѣка, въ далекомъ поколѣннн
Будь лѣсенъ твой угѣхой въ дни кручинъ.
Онъ нашъ символъ крушенія злыхъ началъ
А можетъ быть и голосомъ пророка.
Не онъ ли палъ впервые указаль
На всѣ красы далекаго востока?!
„И жаръ и зной“ и смерть въ глухомъ лѣсу,
И громъ войны и „пѣсня сиротинки“—
Къ чему бы жезлъ ни прикасался Глинки—
Онъ далъ всему мелодіи красу.
Пойдемъ за нимъ! Блаженъ, кто межъ людей
Не весь живетъ, но чьей души частица
Покинувъ міръ, чиста какъ голубица,
Летитъ туда гдѣ ярче и свѣтлѣй.
Теперь вся Русь—гордящаяся мать—
Душою здѣсь у славнаго подножья!
Надъ той страной почіетъ милость Божья,
Которой могъ Онъ Глинку даровать.

Г. Лишинъ.

Къ рисункамъ.

Лѣсная сказка.

(Рис. на стр. 588).

Олицетвореніе Сказки у разныхъ народовъ весьма разнообразно. Милый и граціозный образъ, въ который воплотилъ Дифенбахъ Лѣсную Сказку на своей картинѣ, мы въ коннн представляемъ здѣсь. Широко, какъ бы испуганно, глядя въ таинственно-страшный міръ грезъ и волшебныхъ превращеній глаза юной лѣсной феи Сказки. Воображеніе ея полно то пугающихъ и мрачныхъ, то веселыхъ и перстрыхъ видѣній, ея вызываемыхъ.

Военно-грузинская дорога близъ Тифлиса.

(Рис. на стр. 589).

Кавказскій хребетъ, идущій отъ устья Кубани до самаго Ашеронскаго полуострова, составляетъ естественную границу

Россія съ ея закавказскими провинціями и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ чрезвычайное неудобство къ переѣзду. Ущелья и рѣки, прорѣзывающія этотъ хребетъ въ разныхъ направленіяхъ, не могутъ служить путями сообщенія, такъ какъ первыя мѣстами чрезвычайно узки, а вторыя, по причинѣ быстрини своей, не судоходны. Единственный, хотя и чрезвычайно неудобный путь, указанный самою природою, пролегаетъ по узкому ущелью, называвшемуся въ древности Алеупскими воротами и идущему отъ крѣпости Владикавказа до главнаго города Закавказской области—Тифлиса. Главное неудобство этой дороги заключается въ высотѣ горъ и крутизнѣ подъемовъ и спусковъ, а также въ опасности отъ заваловъ. Послѣ каждаго большаго завала, на военно-грузинской дорогѣ идетъ страшная работа, требующая много людей и времени.

Около Тифлиса дорога идетъ довольно ровная и широкая, какъ видно на картинѣ профессора Грузинскаго, а

близъ Мидхета, приходится переѣзжать черезъ древній мостъ, красиво перекинутый черезъ рѣку Арагву. Въ виду Душета начинаютъ уже выростать изъ земли кавказскіе исполины, образующіе ущелье, по которому пролегаетъ дорога до самаго Владикавказа. На почтовыхъ можно ѣхать лишь отъ Казбека. Отсюда до Дарьяла дорога довольно ровная, идущая по крутому берегу Терека, подъ нависшими надъ нею скалистыми утесами. Дарьяльское укрѣпленіе стоитъ у въѣзда въ чрезвычайно узкое ущелье, посещающее съ нимъ одно названіе. Дорога отъ Дарьяльскаго укрѣпленія до аула Ларса продолжается тѣмъ же узкимъ ущельемъ, ограниченнымъ гигантскими гранитными скалами, подошвы которыхъ завалены горами безпрестанно скальвающагося обломковъ гранита и дикаго мрамора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого ущелья солнце показывается впродолженіи цѣлаго дня только часа на два или на три, остальное время въ ущельи царствуетъ полумракъ.

Въ одиннадцати верстахъ отъ Ларса, стоитъ редутъ Балта, пройдя который, утомленный путешественникъ достигаетъ наконецъ Владикавказа.

Пѣсня родины.

(Рис. на стр. 593).

Дефрегеръ — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ художниковъ. Вѣрный природѣ, владѣющій замѣчательнымъ колоритомъ, изображаетъ онъ жизнь роднаго Тироля въ высшей степени характерно — это глубоко поэтически, какъ въ той картинѣ, напр., кою съ которой мы здѣсь помѣщаемъ. Игра и пѣніе молодого охотника, поющаго пѣню своихъ родныхъ горъ, производятъ глубокое и трогательное впечатлѣніе на его молодыхъ слушательницъ, задумчиво, мечтательно и жадно внимающихъ въ каждый звукъ съ дѣтства знакомой, прелестной пѣсни, исполненной такъ мастерски, съ такимъ очевидно чувствомъ и силой, что увлекаетъ молодыхъ дѣвушекъ.

Орошеніе на берегу Нила.

(Рис. на стр. 596 и 597).

Наука и путешественники не перестаютъ обращать вниманіе на древнюю страну Фараоновъ, которую роковая власть событій отдала нынѣ въ руки англичанъ. Здѣсь помѣщаемъ мы образцы первобытныхъ способовъ орошенія — колодезь на берегу Нила. Извѣстно удивительное плодородіе Нильскаго побережья, даю-

щаго въ хорошіе годы прекрасные сборы, не смотря на сравнительно не упорный трудъ жителей. Колесо, вокругъ котораго накручивается длинная цѣпь ведеръ-черпаковъ, движимое вращеніемъ при помощи быка, составляетъ здѣсь уже послѣднее слово механическаго искусства. Что же касается громадныхъ рычаговъ-оченозъ съ противовѣсомъ, черпающихъ воду, то это первобытное устройство представляетъ разительный контрастъ съ новѣйшими изобрѣтеніями. Рядомъ съ этими незамысловатыми выдумками египетскаго земледѣльца, висятъ гранитныя колонны древнихъ сооруженій, перенесенныя или воздвигнутыя нѣкогда замѣчательно искусными способами: тутъ же, на этихъ же мѣстахъ, были приведены въ движеніе колоссальныя современныя машины, взрывавшія дно Суэцкаго канала, поднимавшія воду и почву и устроившія путь кораблямъ всего міра. Въ такомъ здѣсь дружномъ сближеніи эти противуположности.

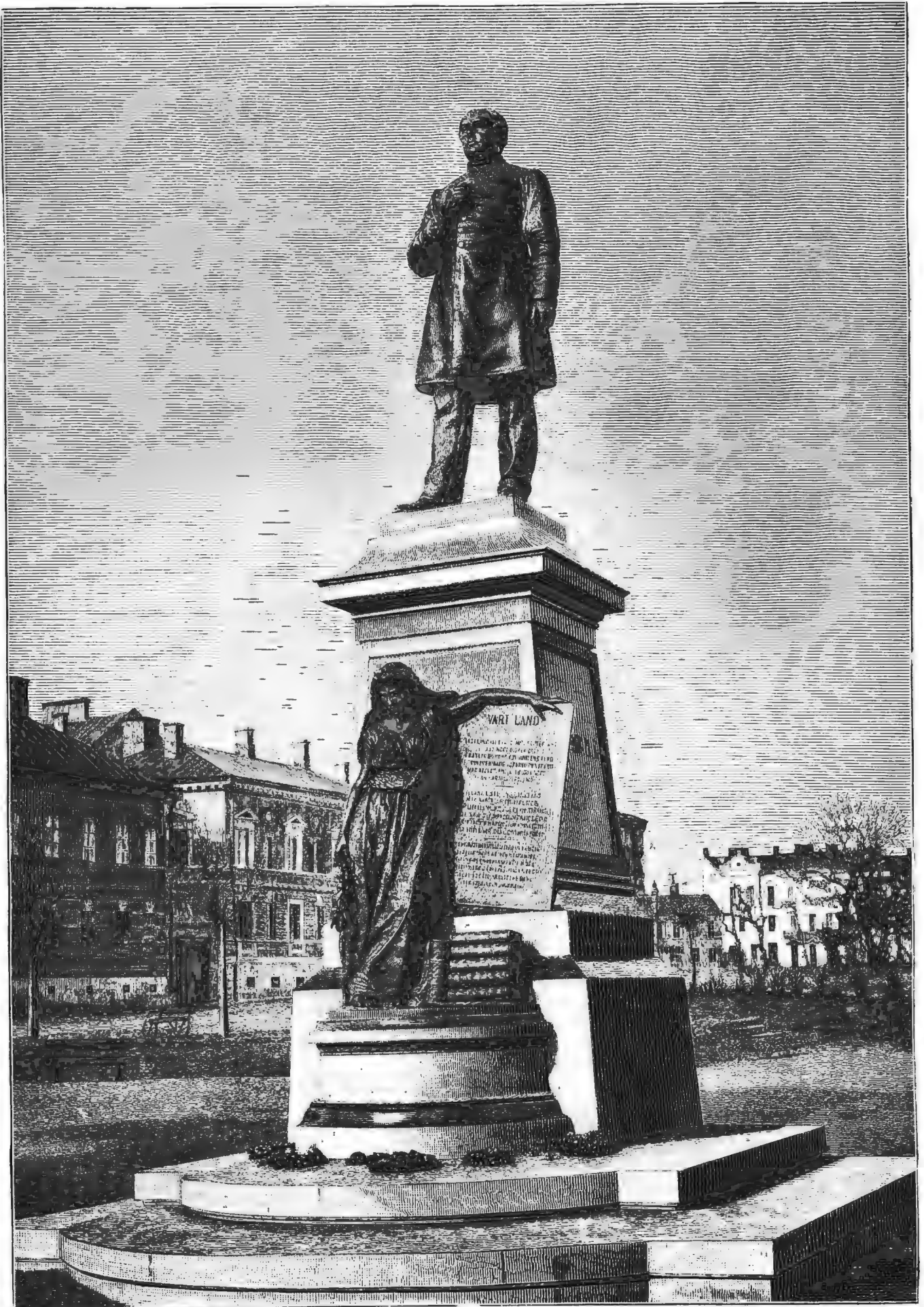
Памятникъ М. И. Глинкѣ, въ Смоленскѣ, откр. 20 мая. Работа проф. фонъ-Бока, по фотогр. грав. Ю. Барановскій.

прославлялъ подвиги своихъ соотечичей, и когда онъ говоритъ обихъ храбрости, честности, или ихъ простыхъ, патриархальныхъ нравахъ, то становится дѣйствительно поэтомъ вдохновеннымъ и краснорѣчивымъ. Рунебергъ родился 5 февр. 1804 г., въ маленькомъ городкѣ Якобштадтѣ, на сѣверной оконечности Ботническаго залива. Отецъ его былъ морякъ, обладавшій самыми скромными средствами, и потому поэтъ ознакомился съ нуждой и лишениями еще въ самомъ раннемъ возрастѣ. Восемнадцати лѣтъ онъ поступилъ студентомъ въ университетъ, въ Або, который былъ тогда столицей княжества. Здѣсь онъ перебивался уроками, усердно работалъ, и наконецъ въ 1827 году удостоенъ былъ сначала степени кандидата философіи, а потомъ доктора. Свои поэтическіе опыты Рунебергъ началъ еще студентомъ, и тогда еще обратилъ на себя общее вниманіе своей поэмой: „Къ солнцу“ (Till Solen). По выходѣ изъ университета молодой

Памятникъ Рунебергу въ Гельсингфорсѣ.

(Рис. на стр. 601).

6-го мая Гельсингфорсѣ и съ нимъ вся Финляндія торжественно отпраздновала открытіе памятника своему знаменитому поэту-патріоту Рунебергу. Это была вполне достойная дань пѣвцу, который такъ сильно и горячо любилъ дикую и грандіозную природу своего отечества, ея пустынные озера, окруженныя густыми сосновыми лѣсами, и умѣлъ эти родныя картины облекать въ обаятельную, поэтическую форму. Какъ истый патріотъ, онъ съ гордостью

Памятникъ Рунебергу въ Гельсингфорсѣ, откр. 6 мая. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

поэтъ поступилъ сельскимъ учителемъ въ приходъ Саріёрви, глухой и пустынный, но зато въ высшей степени живописный по своему мѣстоположенію. Здѣсь лежитъ громадное озеро, окруженное дремучимъ лѣсомъ, и Рунебергъ, подъ вліяніемъ мѣстности, вскорѣ сталъ страстнымъ рыбоволовомъ и охотникомъ. Въ то же время, при своихъ отдаленныхъ прогулкахъ, онъ изучалъ бытъ и нравы финскаго крестьянина, всюю душою полюбилъ этихъ простыхъ людей, до которыхъ еще не коснулись пороки и недостатки современной цивилизаціи. Подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и перечувствованнаго въ Саріёрви, Рунебергъ оставилъ превосходное, поэтическое описаніе этого пустыннаго и дикаго уголка. Въ Саріёрви же поэтъ написалъ свои „лирическія стихотворенія“, свои „Идилліи“, и окончилъ переводъ сербскихъ народныхъ пѣсень. Въ 1830 г. Рунебергъ переѣхалъ въ Гельсингфорсъ и получилъ мѣсто при тамошнемъ университетѣ, занявъ потомъ кафедру латинской словесности. Между тѣмъ извѣстность его какъ поэта все росла; такъ, громадный успѣхъ имѣлъ его драматическій разсказъ „Могила Церро“, за который онъ получилъ отъ стокгольмской академіи большую золотую медаль. Въ то же время, съ 1832 по 1837 г., Рунебергъ редактировалъ въ Гельсингфорсѣ „Morgonblad“, въ которомъ помѣщались множество самыхъ разнообразныхъ своихъ стихотвореній. Въ этотъ же періодъ появились его лучшія произведенія „Охотники“ и идилліи „Анна“, въ которой онъ въ обаятельной поэтической картинѣ представилъ брачные обычаи финновъ. Въ 1848 году появились „Разсказы Столя“, составившіе эпоху въ шведской литературѣ. Первая часть этого сборника патріотическихъ стихотвореній заключаетъ въ себѣ знаменитую пѣсню „Vårt Land“ (Нашъ край), которая послужила впоследствии текстомъ для національнаго финскаго гимна. Изъ трагедій поэта пользуются извѣстностью „Цари Саламипа“ и „Царь Фьяларъ“. Рунебергъ никогда не покидалъ родины, и только въ 1851 году посѣтилъ Швецію, гдѣ былъ въ Стокгольмѣ и Унесалѣ принятъ съ большимъ торжествомъ и почетомъ. Поэтъ скончался 6 мая 1877 года, и вскорѣ послѣ его смерти возникла мысль воздвигнуть ему памятникъ въ Гельсингфорсѣ, поручивъ эту работу его собственному сыну скульптору, пользующемуся большою извѣстностью. Памятникъ дѣйствительно вынешъ пре-

краснымъ. Скульпторъ изобразилъ своего отца стоя, во весь ростъ, въ длинномъ одѣяніи. Лѣвая рука поэта свободно опущена, правая держится за пуговицу на груди. Внизу помѣщена задумчивая фигура „Финляндія“. На нее накинута медвѣжья шкура, а лѣвою рукою она держитъ щитъ, на которомъ вырѣзаны три стиха изъ патріотическаго гимна Рунеберга „Нашъ край“. На пьедесталѣ видна шведская и финская надпись, и цифра 1855—годъ открытія памятника.

Соборъ въ Шпейерѣ.

(Рис. на стр. 604).

Столица пфальцскаго правительственнаго округа въ Баваріи, некогда вольный городъ, Шпейеръ, находящійся при впаденіи Шпейербаха въ Рейнъ, считается однимъ изъ старѣйшихъ городовъ по Рейну. Улицы его хотя широки, но неправильны, и не смотря на его древность, въ немъ мало сохранилось старинныхъ построекъ. Самая интересная между ними—это замѣчательный по архитектурѣ соборъ, начатый при Конрадѣ II въ 1030 году и оконченный въ 1061 году при Генрихѣ IV, прибавившемъ еще въ 1064 году часовню св. Афры. Соборъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, возведенъ изъ песчаника на круглыхъ аркахъ, имѣетъ 153 метра въ длину, 60 метровъ въ ширину и 4 башни. На такъ называемыхъ королевскихъ хорахъ находятся гробницы восьми германскихъ королей, а также Беатрисы, втворой супруги Фридриха I, и дочери ея Агнесы. Съ 1858 года статуи похороненныхъ здѣсь королей поставлены въ притворѣ собора. Внутри соборъ украшенъ великолѣпными фресками; нижняя церковь покоится на массивныхъ нижнихъ колоннахъ. Соборъ горѣлъ три раза; послѣдній разъ въ 1540 году, но спустя 1½ года былъ снова отстроенъ. Волею всего однако онъ потерялъ отъ французовъ въ 1689 году: огнемъ разрушены три западныя башни и наружныя стѣны; даже древнія королевскія гробницы были разломаны и кости разбросаны. Въ 1772—84 г. соборъ вновь отстроенъ, но уже въ 1794 году его снова разрушили французы и превратили въ сѣнной сарай. Послѣ возстановленія его въ прежнемъ видѣ королемъ Миксимилянномъ I онъ былъ освященъ 19-го мая 1822 года.

Политическое обозрѣніе.

Англія.—Германія.—Франція.

Фактъ совершился. 12-го іюня, въ Виндзорѣ, въ засѣданіи тайнаго совѣта бывшіе министры Англіи сдали королевѣ печати, которые и переданы ея величеству новымъ министрамъ. Паденіе министерства Гладстона и весьма долгіе переговоры бывшаго премьера съ новымъ маркизомъ Салисбери, касательно поддержки политики консерваторовъ либеральными фракціями, ясно указываютъ, что настоящая вышняя политика Англіи лишена той стойкости и твердости, какія присущи правительствамъ съ твердо-опредѣленною и намѣченною программой. Но составу новаго министерства не трудно предугадать, что консервативное правительство будетъ руководствоваться всевозможными компромисами по рецептамъ туземнаго философа—публициста Морли. Въ самомъ дѣлѣ, намѣстникъ сэра Стафорда Нордкота, сэръ Михаэль-Гиксъ-Бичъ является для консервативной партіи въ палатѣ общинъ не болѣе какъ краспорѣчивымъ ораторомъ, а не государственнымъ мужемъ съ надлежащими административными способностями. Протеже покойнаго Дизраэли и обладавшій при немъ портфель министра колоній, Гиксъ-Бичъ съ паденіемъ министерства Бэконфильда, совершенно ступсвался и воспріянулъ только благодаря движенію „національнаго союза консервативныхъ обществъ“. Зидать отъ него твердой, послѣдовательной политики не представляется никакихъ, а потому сэръ Гиксъ-Бичъ будетъ или главноглаголемъ лорда Рандольфа Черчилля, или уступчивымъ примирителемъ по наущенію маркиза Салисбери. Не болѣе выдающагося личностью представляется и сэръ Ричардъ Кроссъ, провинціальный адвокатъ, поднятый до портфеля министерства внутреннихъ дѣлъ при Дизраэли и нынѣ снова вернувшій этотъ портфель. Обстановка не перемѣнилась и онъ снова является все тѣмъ же рагучемъ съ головы до пятки. Почтенный джентльменъ, новый военный министръ, мистръ Смиттъ никогда не признавался спеціалистомъ ни по военной, ни по морской части и извѣстенъ больше въ Лондонѣ какъ богачъ, умѣющій прожизнать свои недостатки, нажитые при посредствѣ обширной бібліотеки для чтенія и обладающій книжными ларями и кіосками на всѣхъ желѣзнодорожныхъ стціяхъ Соединеннаго королевства. Указывая только на нѣкоторыя черты и нѣкоторыхъ мини-

стровъ новаго министерства Англіи, вспоминая усиленное заискиваніе Салисбери у Гладстона о поддержкѣ его либералами, а также оставаясь въ неизвѣстности относительно результатовъ предстоящихъ новыхъ выборовъ, не трудно предугадать, что на-скоро сформированное консервативное министерство будетъ продолжать начатое министерствомъ Гладстона и неминуемо должно довести до конца англо-русское соглашеніе.

Въ Берлинѣ, въ особенности въ органѣ князя Бисмарка, весьма трезво относится къ министерской катастрофѣ въ Англіи и по отношенію къ англо-русскимъ недоразумѣніямъ прямо высказывается, что установленіе прежнихъ отношеній Англіи съ Германіей не мыслимо безъ предварительнаго улучшенія отношеній ея съ Россіей. Офиціозный берлинскій корреспондентъ „Кельнской газеты“ прямо заявляетъ, что Германія хотя и рада вѣроятному сближенію съ Англіей, но во всякомъ случаѣ не откажется отъ принятаго ею положенія по отношенію къ Афганскому конфликту. Да и можетъ ли быть иначе послѣ того, какъ вся германская печать оповѣщаетъ о благосклонно-милостивомъ пріемѣ Императоромъ Вильгельмомъ на торжественной аудіанціи нашего новаго посла въ Берлинѣ, графа П. А. Шувалова. Что бы ни говорили и какія бы новыя политическія теченія ни создавались въ Европѣ, дружба и любовь маститаго германскаго Императора къ нашему Царствующему Дому и къ русскому народу вообще, является столь же непоколебимой, какъ непоколебимы могущества двухъ дружественныхъ Имперій.

Договоръ между Франціей и Китаемъ, заключенный послѣ войны, стоившей столько денегъ республикѣ, и послужившій поводомъ къ сверженію двухъ республиканскихъ министерствъ, оказывается выгоднымъ для Франціи только въ будущемъ, и то въ предположеніяхъ и мечтахъ, а не въ настоящемъ. Французскія газеты утѣшаютъ себя тѣмъ, что будто бы по договору Китай обязался приступить къ устройству у себя желѣзныхъ дорогъ, при содѣйствіи французской промышленности и при участіи французскихъ инженеровъ и всего желѣзнодорожнаго личнаго состава. Само собою разумѣется, что подобнаго рода чисто мирнаго характера результатовъ гораздо удобнѣе и выгоднѣе было бы достигнуть мирными переговорами, а не громкими и не особенно славными реляціями экспедиціи адмирала Курбѣ.

С М Ъ С Ъ .

Каменноугольные копи и китайцы. Китайское правительство, оставивъ въ сторонѣ прежніе предрасудки, намѣрено приступить къ разработкѣ своихъ каменноугольныхъ копей при помощи европейскихъ рудокоповъ. Оно обратилось къ бельгійскому обществу Кокерилля, съ просьбою прислать ему опытныхъ рабочихъ, необ-

ходимыхъ для эксплуатаціи копей, найденныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ страны. 30 рудокоповъ приняли предложенныя имъ выгодныя условія; за ними послѣдуютъ 30 другихъ рабочихъ. Китайцы, какъ и японцы, легко усваиваютъ преподаваемыя имъ познанія; такимъ образомъ они въ короткое время научатся разрабатывать

свою каменную копию и впоследствии будут в состоянии обходиться без помощи европейцев.

Употребление нефти в садоводстве. Нефть нередко рекомендуется как испытанное средство для уничтожения всякого рода насекомых, в особенности травяной вши. Но опыты показали иное. Каждая капля нефти, упавшая на ствол или суку дерева, всасывается корью подобно тому, как чернила впитываются протечкою бумагой. Если, поэтому, полить нефтью названные части растения, то она протекает во все его сосуды, препятствует восхождению соков и часто влечет за собою частичную или общую смерть растения. При поливке двух кустов смородины водою из лейки, заключавшей в себя небольшое количество нефти, все листья отвалились и многие листья засыхали. Всего вреднее действует нефть на яблони и сливовые деревья.

Новый подводный кабель. Португальская палата пэров утвердила наданых законопроект о подводном кабеле, который должен соединить Лиссабон со станциями, расположенными на западном берегу Африки. Новый кабель, в расходах на который принимают участие Франция, Испания и Португалия, будет проведен из Лиссабона, сухим путем, в Кадикс, отсюда к Большим Канарским островам, а затем направится на Сенегал, Гвинею, Конго, Сан-Паоло-де-Лоанда, до мыса Доброй Надежды.

Отравление сыров. Доктор Бакер представил Мичиганской санитарной комиссии доклад о 4-х случаях отравления сыром. Число лиц, побывших этих сыров, простиралось до 164: все испытали одни и те же симптомы отравления: острую боль и чувство жжения в желудке, рвоту и сильный понос, сильное понижение пульса, охлаждение конечностей. Все выздоровели. Внешний вид вредного сыра обыкновенный; при разрыве он давал много жидкости. Анализ сыров не открыл в нем мышьяку, свинца, ртути и никаких других минеральных ядов. В обильной бѣловатой слезе сыров найдены микроскопические организмы; она оказалась сильно кислой, между тем как другие сыры, изготовленные на тех же сыроварнях, но не имевшие ядовитых свойств, содержали слезу только слабо кислую. Поэтому доктор Воган, делавший исследование вредных сыров, советует перед употреблением пробовать их фиолетовой лакмусовой бумагой; если она быстро и сильно окрасится в красный цвет, то такого сыра следует избегать; если же бумажка сдѣлается только красноватой, то сыр пригоден к употреблению.

Продажа дѣтей в Итали. В Неаполѣ был на днях арестован и заключен в тюрьму торговец, купивший в Калабрии за десять лир и два мѣшка муки двух дѣтей. Он был арестован в то время, когда садился с ними на корабль, чтобы отплыть в Америку.

Покупка лошадей для султана. В последнее время султан обратил особое внимание на свою главную конюшню и увеличил ее значительную покупкою лошадей. Недавно он послал своего обер-штальмейстера, Габе-пашу, в Германию, поручив ему купить 12 пар каретных лошадей, светлогривых и ростом от 9 до 10 вершков. Габе-паша исполнил данное ему поручение и уже вернулся из Германии; султан остался очень доволен лошадьми. В особенности ему понравились бѣлые лошади, прекрасно выжженные; одна из них приобретена из конюшни принца Вильгельма, а другая двѣ—из гвардейских кавалерийских полков. В глазах султана эти лошади отодвинули на второй план арабских жеребцов, служивших до тех пор украшением султанской конюшни; султан назначил новых лошадей для личного своего употребления.

Переписка через ласточку. Прошедшею осенью, когда ласточки собрались уже улетать на юг, перелетчик в Раннебург, Мейер, прикрепил к крылу ласточки, свившей в его дом гнѣздо, бумажку, пропитанную маслом, на которой написал: „О, ласточка, ласточка! где проведешь ты зиму? Нынѣшнею весной ласточка вернулась в свое старое гнѣздо, с привязанной к крыльцу бумажкой, тоже пропитанной маслом, и на ней было написано: „Флоренция, дом Кастеллари. Я принесла с собою много привѣтств.“

Алмазные копи в Капской колонии. Вот интересная подробность об этой промышленности, возникшей 1867 году, благодаря случайному открытию, сдѣланному одною маленькою дѣвочкою, которая шла между корнями одного старого дерева красивым камешком, оказавшимся впоследствии алмазом. В теченіи 15 лѣтъ въ капских алмазных копях было добыто алмазов на 40 миллионов фунтов стерлингов или 400 миллионов рублей (1 фунт стерлингов составляет, по курсу, около 10 руб.). Если присоединить сюда расходы по гранению, шлифовке и т. д., то окончательная цѣнность добытых на Капѣ драгоценных камней выразится вдвое большею цифрою. Само собою разумѣется, что столь громадное производство значительно понизило цѣну бриллиантов. В прежние времена на рынок доставлялось новых бриллиантов на сумму, не превышавшую 50,000 фунтов стерлингов в год. Теперь же их поставляется на 400,000 ф. с. Поэтому и средняя цѣна за карат понизилась с 3 ф. с. до 15 шиллингов (с 30 руб. до 7 руб. 50 коп.). Своим благосостояніем и даже своим существованіем город Кимберлей обязан открытію алмазных копей.

Строители суанкиной желѣзной дороги, въ Берберѣ, рѣшились производить ее сооружение лишь ночью, при электрическом освѣщеніи, чтобы ослабить вредное дѣйствіе, оказываемое на европейских рабочих тропическим климатом, господствующим въ Суданѣ. Два полных аппарата электрическаго освѣщенія доставлены фирмою Китсон и К^о, въ Лидсѣ. Электрическа лампы повѣше-

ны на треножниках, вышиною в 9 метров (1 метр=1,40 арш.) и отстоящих другъ от друга на 25 метров. Эти треножники состоятъ из легких желѣзных труб, которыя могут вставляться одна въ другую, какъ трубы телескопа, благодаря чему их легко разбирать и собирать. Лампы, каждая силою свѣта в 200 свѣчей, могутъ быть свободно перемѣщаемы и независимы одна от другой: онѣ изолируются при помощи простаго нажимательнаго механизма и могутъ горѣть в теченіе 16-ти часовъ подъ рѣдъ.

Д-ръ Вельфертъ произвелъ в Килѣ два опыта съ изобрѣтеннымъ имъ управляемымъ шаромъ. Этотъ шаръ, подобно шару капитана Ренара, имѣетъ форму сигары; онъ вмѣстимостью въ 500 кубич. метровъ и можетъ поднимать тяжесть отъ 350—до 800 килограммовъ, смотря по тому, наполненъ ли онъ освѣтительнымъ газомъ, или водородомъ. Каждый изъ двухъ полетовъ, изъ коихъ одинъ продолжался два съ половиною часа, д-ру Вельфертъ удалось летѣть противъ вѣтра. Изобрѣтатель заказалъ дигатель въ пять лошадиныхъ силъ, на заводѣ Шварца Кофа, в Берлинѣ. В настоящее время Вельфертъ ведетъ переговоры съ начальникомъ адмиралтейства, въ видахъ основанія аэростатной мастерской в Килѣ.

Желѣзные дороги в Японіи. В теченіе 1883 года желѣзнодорожное дѣло в Японіи вступило въ новый фазисъ развитія. До того времени желѣзные дороги в Японіи ограничивались короткими береговыми линіями. Лишь въ 1883 году сдѣланъ шагъ къ сооруженію большой линіи, которая должна соединить восточную и западную столицы, Токио и Киото. Постройка желѣзныхъ дорогъ, не считая большихъ мостовыхъ и туннельныхъ сооружений, а также доставки подвижнаго состава, обходится в Японіи въ такую же цѣну, какъ и в Англии, а именно стоитъ, среднимъ числомъ, миль (1 англ. миль=1.512 русск. верста) около 85,000 рублей; болѣе высокія цѣны на желѣзнодорожный матеріалъ, получаемый изъ Европы, уравниваются болѣе низкими цѣнами на рабочія руки.

Вода для питья и цинкъ. Вода растворяет, повидимому, большее количество цинка, чѣмъ полагаютъ до послѣдняго времени. Къ такимъ результатамъ привели опыты, произведенные во Франціи и в Америкѣ. Вода дождевая, ключевая, дистиллированная и вообще мягкая вода сильно дѣйствуетъ на цинкъ, чѣмъ жесткая вода. Такъ, вода, прошедшая протяженіе въ 200 метровъ (около 100 саженъ) по цинковымъ трубамъ, заключаетъ в себѣ десять сантиграммовъ углекислаго цинка на литръ (1 сантиграммъ=0,22 русск. доли, а 1 литръ=0,810 кружки). Изъ этого слѣдуетъ, что лица, пьющая дождевую воду, стекающую по цинковымъ трубамъ и хранящуюся въ резервуарахъ изъ этого металла, пьютъ нездоровую воду, которая, въ концѣ концовъ, можетъ причинить вредъ ихъ здоровью.

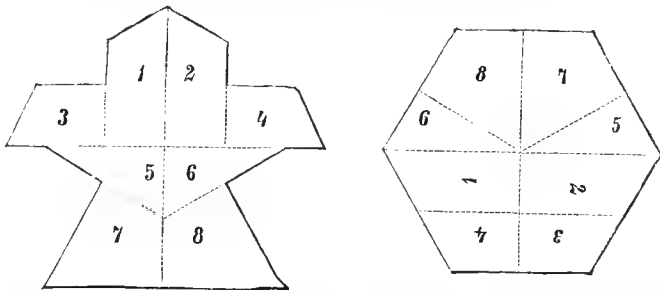
Барнумъ, знаменитый американскій предприниматель по части устройства различныхъ народныхъ зрѣлищъ, ведетъ доселѣ свое дѣло на самую широкую ногу. У него постоянно состоитъ на службѣ не мене 700 лицъ: акробатовъ, пафзниковъ, великановъ, дикарей и т. д. Далѣе у него находится 400 лошадей и 30 слоновъ. Въ его зрѣлищѣ числятся нѣсколько сотъ животныхъ, въ томъ числѣ 18 львовъ, 38 верблюдовъ и т. д. Зимой Барнумъ находится в Нью-Йоркѣ, а лѣтомъ разъѣзжаетъ и даетъ представленія въ 150 городахъ. Какъ велики его обороты—показываютъ слѣдующія цифры. Въ прошломъ году онъ заработалъ в Бостонѣ, въ одинъ день, 35,000 рублей, а въ десять дней—около 220,000 рублей. Во время разъѣздовъ, его ежедневные расходы составляютъ, среднимъ числомъ, около 9,000 рублей, а доходы—20,000 руб., такъ что его ежедневная прибыль простирается до 11,000 рублей.

Измѣненія в листьяхъ. Давно уже извѣстно, что ни одинъ листъ въ мѣрѣ не похожъ на другой, что между одинаковыми по виду листьями одного рода растений наблюдательный глазъ откроетъ различіе, но новымъ для многихъ должно быть открытіе изслѣдователя Сакса, нашедшаго, что каждый листъ не остается ни одного часа въ одинаковомъ положеніи, что въ немъ происходитъ постоянный обѣихъ веществъ, зависящій отъ хода солнца и колебаній температуры. Перемѣны эти важны не только съ научной точки зрѣнія, но онѣ представляютъ громадное практическое значеніе для тѣхъ кто съѣтъ и жветъ, употребляетъ листья въ пищу человѣка и для корма животныхъ. При восходѣ солнца, лѣтомъ, отъ четырехъ до пяти часовъ утра, въ листьяхъ нѣтъ крахмала, новый запасъ котораго образуется только подъ вліяніемъ свѣта и тепла, достигаетъ вечеромъ своего максимума, затѣмъ ночью разлагается лѣточками листьевъ, превращается болѣею частью въ сахаръ и чрезъ корешки листьевъ переходитъ въ стволъ растения. Такимъ образомъ растение работаетъ днемъ и ночью, и количество крахмала, которое въ немъ образуется, очень значительно. Площадъ листьевъ въ квадратный метръ производятъ лѣтомъ 20 граммъ крахмала ежедневно, такъ что напр. тыква можетъ дать въ день 165 граммъ крахмала. Какъ велика должна быть производительность сильнаго вѣтвистаго дуба. Какъ сказано, работа листьевъ имѣетъ важное практическое значеніе. Принимая во вниманіе измѣненіе количества питательныхъ веществъ въ листьяхъ, возникаютъ вопросы: какими листьями должно кормить шелколичныхъ червей,—сорванными ли утромъ или вечеромъ? Одинаково ли достоинство табаку и чая, собранныхъ въ раннюю и вечернюю пору? и пр. Большое количество крахмала въ табакѣ можетъ быть несприятно для потребителей, между тѣмъ присутствіе его дѣлаетъ табакъ тяжелѣе и поэтому онъ становится не хуже, но напротивъ дороже. Уже по этимъ немногимъ примѣрамъ ясно, что значеніе внутреннихъ измѣненій в листьяхъ составляетъ исходную точку важныхъ соображеній, но настоящее значеніе этого знания еще не опредѣлено.

Соборъ въ г. Шпейеръ (въ Баваріи). Рис. Науманъ, грав. Клоссъ.

Рѣшеніе геометрической задачи № 18,
(помѣщенный въ № 16 „Нивы“).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб.—Федорова, Кижскаго, Штанге, Астрахань—Матвѣева, Бахчисарай—Дремджи, Б. Коровино—В. К. Терскаго, Бѣжецкѣ—Дубовикова, Гродно—Сирейщикова, Налуга—Соколова, Невъ—Шилохвастова, Мурскѣ—Безсаренко, Липецкѣ—Мосинъ, Н. Новгородѣ—Бубнова, Росслены—Гроссманъ, Ростовъ на Дону—Давилова, Ярославль—Мартынова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородн. подписчик., при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Памятникъ Глинкѣ въ Смоленскѣ (съ портр. и рис.).—Радванская тѣна. Повѣсть. Петръ Петрова. (Продолженіе).—Ошибки. Разсказъ Генриха Санневича. Стихотв. Г. Лишина.—Лѣсная сказка (съ рис.).—Военно-грузинская дорога близъ Тифлиса (съ рис.).—Пѣсна родины (съ рис.).—Орошеніе на берегу Нила (съ 2 рис.).—Памятникъ Рунбергу въ Гельсингфорскѣ (съ рис.).—Соборъ въ Шпейерѣ (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Рѣшеніе задачи.—О перемѣнѣ адреса.—Заявленія.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марисъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписчик., которые внесли деньги только за первое полугодіе, поторопиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, большой картины Профессора В. И. Якобія „ВѢНКИ“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ. При выслѣдѣ денегъ проситъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Редакция и Главная Контора журнала „НИВА“

ПЕРЕВЕДЕНЫ

НА НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, д. № 6, куда и просимъ

гг. подписчиковъ адресовать письма, посылки и пр.

Литтеи узам. городовъ выписываютъ Элеопать Кинунена изъ ближайшихъ отъ себя губер. городовъ, гдѣ только имѣется аптеки, и аптег. магазинъ.

Цѣна флакону, содерж. 120 гр., 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

ЭЛЕОПАТЬ

КИНУНЕНА прекращаетъ перхоть, почесу и дѣйствительно прекращаетъ и выпаденіе волосъ. Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и химическ. лаборат.

Полное собраніе сочиненій Ф. ШОПЕНА.

Изданіе пересмотрѣнное и исправленное профессоромъ Н. Клинвортомъ.
6 томовъ въ 8-ю д. л. 3 руб.
тоже въ 4-ю д. л. 9 руб.

Москва, у П. ЮРГЕНСОНА.
С.-Петербургъ, у Ю. Юргенсона, Варшава,
у Г. Зенневальда. П. № 1113 3—2

НАИЛУЧШІЙ
усовершенствованный
ВѢТРИНОЙ
ДВИГАТЕЛЬ
„ЭКЛИПСЪ“

Прейсъ-курранты высылаются бесплатно.
Ж. БЛОХЪ.
СПб. Невскій, № 16.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Голицына.
Р. № 1115 7—2

ВЪ ИНТЕРЕСАХЪ
Гг. КУРЯЩИХЪ.

Покорнѣйше прошу при покупкѣ издѣлій моей фабрики, въ особенности же папирозъ Царскія 10 шт. 10 к. и Счастливыя 10 шт. 7 к. обращать особенное вниманіе на мою фирму, такъ какъ одинъ изъ здѣшнихъ фабрикантовъ подражаетъ какъ подѣ названія, укуорку этихъ папирозъ, такъ и подѣ фирму, поставивъ на этикеткахъ слово „Атоманъ“.

ТОВАРИЩЕСТВО
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУВЪ

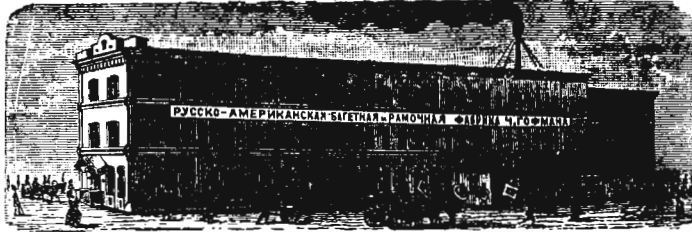
СПбурь, Васил. Островъ 1 линия д. 10.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.

сдѣлало большой запасъ: плуговъ, боронъ, сѣлокъ, жней, косилокъ, молотилокъ, вѣялокъ, мельницъ, соломорѣзокъ, сѣяныхъ пресовъ и пр. и доводитъ до всеобщ. свѣдѣнія, что оно, несмотря на внозъ установлен. пошлину на земледѣльч. машинъ и, продаетъ тановыя впродолженіи всего 1885 г. безъ повышенія цѣны—такъ напр. знаменитую жнею Джонстона „Триумфъ“ по 300 р., косилки по 200 р., кои. грабли Тигръ по 75 р. и т. д. Новый иллюстр. каталогъ земледѣльч. машинъ, насосовъ, и пожарн. трубъ высылается за 21 коп. марками. № 1166 4—1 С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линия, № 10, Москва, Мясницкая, д. Сытова.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Романъ-хроника XVIII вѣка.
В. С. СОЛОВЬЕВА.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп.; въ кален. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА

Ч. ГОФМАНА, СПБ., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣть большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ - до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и приемъ частныхъ заказовъ, Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большою и Малою Морскою. № 3977

№ 4711.

Von der Jury der Weltausstellung in New-Orleans wurde der
№ 4711 Eau de Cologne
wegen ihrer vorzüglichen Qualität der
einzig erste Preis

zuerkannt.

Es ist dies das fünfte Mal, dass die

№ 4711 Eau de Cologne

über die mitconcurrirenden Farina'schen Erzeugnisse den Sieg erungen hat, und zwar in Cöln 1875, Philadelphia 1876, Sidney 1880, Amsterdam 1883, Neu-Orleans 1885.

Die № 4711 Eau de Cologne

hat sich in der feinen Welt den ersten Platz erobert und ist ein Liebling der Damenwelt geworden.

Zu haben in allen grösseren Parfümerie- und Drogen-Handlungen.

FERD. MÜLHENS,

Eau de Cologne- und Parfümerie-Fabrik,

Glockengasse № 4711 in Cöln am Rhein. St. № 1179

Пользующійся во всѣхъ европейскихъ государствахъ заслуженною славою, бывшій на выставкахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ,

АНГЛИЙСКИЙ ХОЛСТЪ ПРОТИВЪ РЕВМАТИЗМА.

Продается въ пакетахъ, съ описаніемъ употребленія, по 1 рублю; двойной силы, по 2 рубля.

Знаменитый д-ръ Гуфеландъ говоритъ въ своихъ медицинск. сочиненіяхъ: „Есть двѣ болѣзни, противъ которыхъ медицина напрасно искала до сихъ поръ сильно-дѣйствующихъ лекарствъ: это — ревматическая головная боль и подагра“; это средство нашлось въ употребленіи вышеозначеннаго холста противъ ревматизма.

Продажа для всей Россіи настоящаго холста: въ С.-Петербургѣ, въ аптекарскомъ магазинѣ г. Оснаръ Гертхенъ, Казанская улица, д. № 37. На почтовке расходы прилагается 50 коп. Р. № 1175 2-2

Железнодорожная станція Оплекау.

МИНЕР. ВОДЫ ГРИСБАХЪ,

Открытие 15-го мал.

давно известная желѣзная вода, 560 м. надъ уровнемъ моря, въ живописной верховой Рейнской долині. 8 желѣзныхъ источниковъ. Паровая ванна по методу Шарля. 300 комнатъ, по желанію со столотомъ. Мѣстный врачъ Д-ръ Тегершмидъ. Высочайшій комфортъ. Дешевыя цѣны. Программа бесплатно. R № 1072. 6-5. Владѣльцы Schledtke & Simon.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ФАБРИКА
ПАРОВЪ ВУЛКАНИЗОВАННЫХЪ
БАЧУКОВЫХЪ ШТЕМНЕЛЕЙ
Г. П. Левинсона
въ Одессѣ.

Заказы исполняются по почте. Агенты приглашаются. № 1184 1-1

БИЛИАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙВЕРГЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
БИЛИАРДЫ И КЪ БИЛИАРДНОЙ ИГРЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Троицкій проспектъ, близъ Египетскаго моста, д. № 13-2. № 3855 17-8
Иллюстрир. прейсъ-курранты по вострѣб. высыл. безвозмездно.

ПОЛУ-СУХОЕ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССИИ И ЗАГРАНИЦЕЙ

Н. П. ЛАНИНА,

№ 4000
въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, ЯГОДНЫИ И ФРУКТОВЫИ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНА БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ СЛѢДУЮЩИИ НАГРАДЫ:

1. **НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА** на Одесской выставкѣ 1884 года: **ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ** съ правомъ ходатайства на награжденіе

ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ

ВСЕРОССИЙСКІИ НАГРАДЫ:		ИНОСТРАННЫИ НАГРАДЫ:	
2. Серебряная медаль	1852 г.	1. Филадель. выстав. медаль	1876 г.
3. Серебряная медаль	1860	2. Филадель. выстав. медаль	1876
4. Похвальный отзывъ	1864	3. Париж. вист. поч. отз.	1878
5. Серебряная медаль	1865	4. Амстердам. вист. медаль	1883
6. Серебряная медаль	1869	5. Бостон. вист. почет. дипл.	1883
7. Медаль	1870		
8. Золотая медаль	1872		
9. Высочайшая благодарность 1875			
10. Золотая медаль	1882		

ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:
1. Съ 1863 г. по 1873 г.
2. Съ 1872 г. по 1882 г.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
приготовлено изъ чистаго русскаго винограднаго вина, и нисколько не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ. 1 р. 50 к. за бутылку.

Кромѣ того поступили въ продажу еще новыя четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“:

- 1) ПОЛУ-СУХОЕ (Demi sec. «England» à la Cliquot).
- 2) ОЧЕНЬ СУХОЕ (Extra sec. à la Pommery).
- 3) РОЗОВОЕ ГУСТОЕ (Oeil de Perdrix à la Roederer).
- 4) РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ (à la Cliquot).

Всѣ вышеозначенные сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут.

НВ. — ПРОСЯТЪ ИЗВѢГАТЬ ПОДЪЛОГЪ.

ПО 2 Р. ЗА БУТ.

ОЧЕНЬ СУХОЕ.

Предстоящій ТИРАЖЪ 1-го ЮЛЯ 1885 г.

Нижеозначенная контора продаетъ

5% ГОСУД. ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ

а) на наличныя деньги: по дневному биржевому курсу, взиная въ свою пользу 1/8% комиссіи, т. е. 27 коп. съ билета.

б) съ разсрочкою платежа: съ задаткомъ не менѣе 15 рублей и мѣсячными платежами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

пяти рублей въ мѣсяцъ.

Со времени полученія конторою задатка, всякій выигрышъ, который падетъ на купленный и означенный въ свидѣтельствѣ билетъ, принадлежить покупателю и будетъ выплаченъ конторою безъ всякихъ въ свою пользу вычетовъ. Р. № 1103 7-7

Страхованіе выигрышныхъ билетовъ по 40 коп.

Порученія изъ провинцій исполняются конторою обратною почтою, причеиъ контора необходимыми считаетъ обратить вниманіе гг. покупателей на то, что всѣ порученія, поступающія въ послѣдніе дни передъ тиражами, могутъ быть исполнены конторою заблаговременно, хотя бы и поступили наканунѣ тиража, такъ какъ контора сообщаетъ по желанію покупателя серію и номеръ запроданнаго билета телеграммой, въ какомъ случаѣ покупатель имѣетъ высылать расходы по телеграммѣ вмѣстѣ задаточными деньгами.

Банкирская контора **Ф. А. КЛИМА**
въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 21.

ВЕНГРИЯ

БУДАПЕШТЪ

ВЕНГЕРСКАЯ МѢСТНАЯ ВЫСТАВКА

подъ Высокимъ Покровительствомъ Его Импер. и Корол. Высоч. Наслѣднаго Принца Эрцгерцога Рудольфа.

Открытие 1-го Мая 1885 года. Конѣцъ въ концѣ Октября 1885 г.

Выставляются: Сельское хозяйство, Лѣсоводство, Горное производство, Промышленность, Гигиена, Народное просвѣщеніе, искусство. Въѣсть съ тѣмъ выставки машинъ, сѣмянъ и животныхъ.

ПРАЗДНЕСТВА на венгерскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, а также спеціальныя каталоги для искусства, машинъ горнаго производства и проч. Пріемъ объявленій.

РУДОЛЬФЪ МОССЕ, БЕРЛИНЪ — ВѢНА.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ДЛЯ УКАЗАНІЯ КВАРТИРЪ ВО ВСѢХЪ ВОКЗАЛАХЪ.

Р. № 3830 3—3

**ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТІЕ
ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ**

Извѣстная Банкирская контора ищетъ въ провинціи, во всѣхъ мѣстахъ Имперіи, благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи 5% Государственныхъ I и II съ выигрышами займовъ съ разсрочкою платежа и для страхования билетовъ тѣхъ-же займовъ отъ тиражей погашенія на выгодныхъ условіяхъ. Этимъ дается каждому возможность съ легкостью, безъ всякихъ расходовъ и купеческаго познанія, увеличить свой годовой доходъ.

Обращаться съ указаніями настоящихъ занятій въ С.-Петербургскую Центральную Контору Объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. (письменно). Р. № 1057

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Ручн. и ножн. Зингеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ выметываютъ петли, вышивають и шьютъ черезъ край. Подробный прейсъ-курантъ и пробныя петли высылаются бесплатно. Р. № 11256—5

А. ШТЕЙНЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская № 26.
Большой выборъ обычныхъ швейн. машинъ дешеваго и дучаго достоинства.

4711

**ХРУСТАЛЬНОЕ
РОЗОВОЕ МЫЛО.**

легко пѣнится, съ самымъ пріятнымъ запахомъ розъ, дѣйствуетъ на кожу весьма благотворно вълѣдствіе большаго содержанія глицерина, что и гарантируется. Можно получать во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. St. № 3739 17—10

НУЖНЫ

благонадежныя агенты, имѣющіе постоянное мѣстопребываніе въ провинціи, для банкирской конторы **А. Зингеръ и К^о**, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 18. Р. № 1152 10—3

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ изъ Парижа. Специальность для портныхъ и модистокъ. Кружева, вышивки, настоящія, поддѣльныя, шерстяные костюмы, бисерныя передники. Розничная и оптовая продажа: 9. И. Ваконъ, Гороховая, д. № 9, кв. 8. № 1111 въ С.-Петербургѣ. 2—2

ПРИГЛАШАЮТЪ

для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургъ, Генриху Блоннъ, Невскій 51. № 1174 8—1

**ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННАЯ
УНИВЕРСАЛЬН. ШВЕЙНАЯ МАШИНА**

Патентъ Швейцарія Патентъ Швейцарія Патентъ Швейцарія

SEWING Вышивки и всѣ другія работы

ПРОДАЖА съ РУЧАТЕЛЬСТВОМЪ ОБУЧЕНІЕ БЕЗПЛАТНО.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ
ГЕРМАНЪ ГЕССЕ С^{ПБ}

БОЛЬШ. САДОВАЯ № 16. УГОЛЬ
ТОЛМАЗОВЪ ПЕР. ПРОТ. ГОСТИН. ДВОРА

**ЦИНКОЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ
Г. ПОЛЬ и К^о**

(Н. POHL & CIE, BERLIN).

Москва: Петровскія торговля лавки.

Фонтови, фигуры для садовъ, надгробныя и другія памятникы, канделябры, русскіе орны и медали всѣхъ выставокъ, металллическія бунны, строительные орнаменты.

Никелированіе, серебрение и золоченіе.

Таблицы со всевозможными надписями.

Перемѣна квартиръ.

Съ 1-му сентября кабинетъ г. Берто, единственнаго французскаго зубнаго врача въ Москвѣ, помѣщающійся на Большой Дмитровскѣ, въ д. Нейдгардта, будетъ переведенъ на ту же улицу, уголь Салтыковского пер., д. Живого. Пріемъ съ 10 до 5 ч. дня. Консултанціи и операціи для бѣдныхъ бесплатно каждый понедѣльникъ по утрамъ. 87. № 1188 2—1

НАСТОЯЩІЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ,
развѣщенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цыбиковъ

**ТОРГОВАГО ДОМА
„БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“**

Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

Прейсъ-куранты высылаются бесплатно. 16—16

**СКЛАДЪ ПИСЧЕЙ БУМАГИ
АВГУСТЪ НАУМАНЪ**

въ С.-Петербургѣ, Казанская ул. № 42.

Вышла новая коллекція образцовъ почтовой, писчей, печатной, обверточной бумаги, переплетныхъ матеріаловъ и т. п. и пересылается по полученіи 45 коп. почтовыми марками. Р. № 1170 2—2

ТЕЛЕФОНЪ № 55.

**НОВЫЯ ТРИ КНИГИ ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
У ЗЕМСКАГО,**

книгопродавца въ Россійскомъ Центральномъ книжномъ магазинѣ въ Москвѣ, въ домѣ типографіи Святѣйшаго Синода, въ зданіи Славянскаго базара, на Никольской улицѣ.

**НОВАЯ КНИГА ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:
СОБРАНІЕ ВСѢХЪ НОВЫХЪ КУПЛЕТОВЪ,**
съ приложеніемъ весьма комичнаго и весьма оригинальнаго новаго куплета:
„А ВОТЪ И ОНА ВЪЗОВЪ, ЖИВАЯ СТРУНА“,
въ которой помѣщены всѣ золотыя куплеты ея:
„Тигренюкъ“, „Нищій-студентъ“, „Корневильскіе колокола“, „Боккаччо“, „Нилка Огай“, „Лукичъ идетъ“, „Синяя борода“ и множество другихъ. Ибны съ наузами, по образцамъ извѣстныхъ ибнцовъ-артистовъ и дѣвицъ-артистокъ.

Изданіе еще небывалое, съ указаніемъ законовъ и отбѣтокъ для того, чтобы всякій могъ пѣть такъ, какъ поютъ артисты. Продается эта книга за 1 руб. 25 коп., та же цѣна для иногородныхъ.

II.
Крайне необходимая для всѣхъ безъ исключенія родителей, наставниковъ и воспитателей:

СОБРАНІЕ ВСѢХЪ ПРИЕМНЫХЪ ПРОГРАММЪ И ПРАВИЛЪ

въ поступленіи въ различныя классы во всѣ мужскія, казенныя и частныя, среднія учебныя заведенія, въ классическія гимназіи, прогимназіи, реальныя и коммерческія училища, кадетскіе корпусы и юнкерскія училища, съ указаніемъ правилъ, какія даются льготы по отбыванію воинской повинности окончившимъ образованіе по 2-му, 3-му и 4-му разряду,

**СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОЛНАГО ОТДѢЛА
И
ЖЕНСКИХЪ ПРИЕМНЫХЪ ПРОГРАММЪ**

въ поступленіи во всѣ женскія гимназіи и вѣдомства Императрицы Маріи, училища ордена св. Екатерины и Александровское. Собраны по учебнымъ планамъ и программамъ означенныхъ гимназій, прогимназій и училищъ, съ приложеніемъ указанія какаго возраста принимаются дѣти обоего пола, начиная съ 1-го класса и такъ далѣе, послѣдовательно, въ различныя гимназіи, такъ же и въ другія учебныя заведенія, съ присоединеніемъ формъ прошеній о помѣщеніи дѣтей обоего пола въ учебныя заведенія, съ разъясненіемъ, какіе документы при подачѣ прошенія должны быть представлены.

Составлены *Н. Сидельниковымъ*. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой.

III.
**ЖЕНСКАЯ ДОМАШНЯЯ ШКОЛА ШИТЬЯ И КРОЙКИ.
КНИГА КАКЪ РУКОВОДСТВО**

къ самоизученію портновскому женскому дѣлу,
или
САМОУЧЕТЕЛЪ
для всѣхъ СЕМЕЙНЫХЪ ЖЕНЩИНЪ И ДѢВЦЪ

къ изученію кройки и шитью женскихъ нарядовъ

въ нѣсколько уроковъ, какъ-то: бальныхъ, праздничныхъ и другихъ роскошныхъ и простыхъ платьевъ, всевозможныхъ новомодныхъ, современныхъ фасоновъ, по всѣмъ предметамъ женскихъ нарядовъ, съ наставленіемъ, на какой ростъ и объемъ сколько требуется какой матеріи и другаго матеріала. Съ указаніемъ секретныхъ тайнъ, какъ сдѣлается шитье платья на особъ, имѣющихъ природную уродливостъ и другія физическія недостатки въ тѣлѣ, какъ напримѣръ косообокость, горбоватость, плоскоростость, сутулость и проч., для того чтобы скрыть подъ платьемъ природную уродливостъ тѣла и придать ему красивую и стройную форму, — безъ помощи мастерицъ и мастеровъ. Предлагается для всякой семьи, а также для ремесленныхъ шитья и пріютовъ.

Составлена московскою преподавательницею кройки и шитья мастерицею **Н. П. ШАМОНИНОЮ**. Съ многими рисунками и образцами выкроекъ. Цѣна съ пересылкой, въ роскошномъ французскомъ переплетѣ 1 руб. № 1167

ПРОТИВЪ СѢДИНЫ. № 1178

Жидкость, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ. Флаконъ 3 р., пересыла 1 руб. Гороховая улица, д. 57. Магазины-парикмахерская **Ивановой**.

**ТОРГОВЫЙ
ДОМЪ ДЖОНЪ ЛЮТЕРЪ** основанный въ 1865 г.

проситъ гг. виноторговцевъ обратить вниманіе на русскія виноградныя вина, которыя по ихъ качеству много дешевле противъ иностранныхъ винъ, выдержанныхъ и очищенныхъ имъ по усовершенствованному способу, влѣдствіе чего это единственныя вина не подвергающіяся порчѣ и могутъ быть особенно рекомендованы для отдаленныхъ мѣстностей Россіи. Прейсъ-куранты высылаются бесплатно. Адресъ для писемъ и телеграммъ:

Р. 1168 **ДЖОНЪ ЛЮТЕРЪ, въ С.-Петербургѣ.** 2—2

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XVI годъ

№ 26

годъ XVI

1885

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдаѣтъ 29 Июля 1885 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну нонпарейль (1/2 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
60 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ
Петербургъ . . . 4 р.
Съ доставкою въ
Петербургъ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ
контору объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровская Торгов. линія. 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногор. по 5 р. съ тыся-
чи, для городскихъ 4 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1885 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Контора журнала „НИВА“: въ СПетербургѣ, Невскій пр., д. № 6.

Въ саду. Ориг. рис. Каро, грав. Геданъ

Въ саду.

Чудесный, жаркій лѣтній день. Дѣти бѣгаютъ и играютъ на песчаныхъ дорожкахъ парка съ своимъ весельемъ, рѣзвлымъ шумомъ, укрываясь въ прохладной тѣни развѣсистыхъ, душистыхъ листвъ отъ горячихъ лучей солнца. Мальчуганъ хочетъ показать какъ онъ отлично умѣетъ прыгать черезъ веревку, по

вотъ бѣда: кто будетъ держать другой конецъ веревки. И вдругъ этотъ другой конецъ схватываетъ въ зубы ушный пудель, и мальчикъ въ восторгѣ — игра готова. Пудель стоитъ твердо, вѣрно исполняя припятую на себя обязанность, а малецъкий шалунъ дѣлаетъ черезъ веревку отчаянный прыжокъ.

Радованская тайна.

Повѣсть Петра Петрова.

(Продолженіе).

VI.

Надежда Павловна Гроль только что прибыла въ Рагузу и уже успѣла устроиться уютно, комфортабельно, совершенно по домашнему, въ этомъ городкѣ лишенномъ всякихъ удобствъ, составляющихъ потребность богатыхъ и избалованныхъ европейцевъ.

Особенныхъ трудовъ ей это не стоило. Съ деньгами все можно сдѣлать, а Надежда Павловна имѣла ихъ достаточно. Она была вдова петербургскаго банкира Ансельма Густавовича Гроль, который умеръ года за полтора предъ тѣмъ, оставивъ молодой жепѣ очень крупное состояніе.

Узнавъ еще на пути, что въ Рагузѣ нѣтъ ни приличнаго отеля, ни хотя бы сколько нибудь сносной гостиницы, она, не сходя съ парохода, который стоитъ въ рагузскомъ портѣ Гравозѣ нѣсколько часовъ, поручила своему „курьеру“ Антонию нанять „во что бы то ни стало“ виллу или домъ и „все устроить какъ слѣдуетъ“.

Антонию, который, какъ говорится, собаку съѣлъ на счетъ „курьерства“ — вѣрнѣе комиссіонерства — при русскихъ барахъ, оказался на высотѣ своей миссіи.

Немедленно была собрана цѣлая свора мѣстныхъ комиссіонеровъ. Почувявъ сразу „настоящую деньгу“, комиссіонеры заматались какъ угорьлые и дѣйствительно совершили чудеса.

Въ какіе нибудь три часа былъ нанятъ на склонахъ горы небольшой домъ, съ террасою и великолѣпнѣйшимъ видомъ, выселенъ хозяинъ дома, все вычищено и приведено въ порядокъ, старая неуклюжая мебель замѣнена болѣе изящною, добытою, по выраженію старшаго комиссіонера „только однимъ чудомъ“, куплено все, что только можно было найти лучшаго по части ковровъ и матерій, которыми и были устланы полы, завѣшаны и задрапированы окна и двери, добыты цѣлый лѣсъ декоративныхъ растений, цѣлый ворохъ посуды, домашней утвари, разныхъ мѣстныхъ бездѣлушекъ, и т. д. Въ довершеніе всего, былъ обольщенъ и похищенъ единственный въ городѣ поваръ германскаго консула, и пущены „для красоты“ на террасу великолѣпный павлинъ и нѣсколько штукъ черепахъ.

Часа еще за два до ухода парохода, торжествующій Антонию явился и объявилъ „синьоры принцессамъ“, что все готово и лучшаго въ городѣ *carrozza* (коляска) ожидаетъ ее чтобы везти въ „свой домъ“.

Утомленная четырехдневнымъ безноконнымъ путешествіемъ на пароходѣ, Надежда Павловна не обратила никакого вниманія на „чудеса“ Антонию. Она тотчасъ же легла спать, сказавъ горничной своей Машѣ, чтобы ее не тревожили и не будили пока сама не проснется.

Но деньги даютъ возможность осуществить только „чудеса“ въ родѣ тѣхъ, что совершилъ Антонию. Сна-же, если сонъ отъ васъ бѣжитъ, нельзя купить ни за какія деньги.

Не взирая на большую усталость, не взирая на то, что улеглась она удобно и покойно на своей „петербургской постели“, приготовленной привычною рукою Машы, Надежда Павловна не могла заснуть. Она оставалась въ какой то тревожной полудремотѣ, впадая по

временамъ въ забытыя лишь для того чтобы почти тотчасъ же очнуться въ нервномъ волненіи.

Такъ прошло нѣсколько часовъ, долгихъ и томительныхъ.

Наконецъ, видя, что все усилія добиться сна напрасны, Надежда Павловна встала, сама одѣлась, и вышла на террасу.

Тутъ она остановилась пораженная.

Терраса, на которой она стоитъ, окаймлена гигантскими кактусами и другими растениями самыхъ причудливыхъ фантастическихъ формъ. Вправо, за глубокимъ сбывомъ, высоко взвивается крутая одинокая скала. На темной синевѣ неба, ярко освѣщенныя луною, рѣзко выдѣляются своею бѣлизною прямолинейныя очертанія австрійскаго форта, вѣнчающаго эту скалу. Влѣво, картинная, прелестная мѣстность, залитая роскошнѣйшею растительностью, украшенная какъ-бы рукою великаго художника живописными развалинами, старинными замками, средневѣковыми стѣнами, за которыми уютно гнѣздятся розовые и бѣлые домики и виллы съ бѣлѣющими террасами. Впереди, темносинее, величаво спокойное море, лобзающее съ тихимъ, нѣжнымъ шопотомъ подножіе этихъ великолѣпій.

Кругомъ, куда ни глядеть взоръ, дивная, пышная избыткомъ силъ, обильная до пресыщенія природа. Растительность бьетъ безумно роскошно, раздвигая, разбивая камни, и сладострастно разстилается подъ нѣжною ласкою луны и влажными дыханіями моря.

И вся эта благодать залита безконечно щедро и великолѣпно таинственнымъ серебромъ южной луны.

Надежда Павловна опустилась на скамейку, очарованная чудною картиною.

Долго смотрѣла она, упиваясь видомъ, упиваясь прохладнымъ, насыщеннымъ ароматами воздухомъ — смотрѣла и думала.

Тихое величіе и безыскусственная, неотразимая прелесть картины производили на нее глубокое, подавляющее дѣйствіе. Шире дышалось. Глубже, отвлеченнѣе чувствовалось. Третье и сильнѣе отзывалось сердце.

И вотъ, подъ наплывомъ этихъ чувствъ и ощущеній, оглянулась она на свое прошлое.

Не длиненъ пройденный путь, но сколько уже разочарованій, сколько горя, тоски и разбитыхъ надеждъ...

Какъ звѣздочки, мерцаютъ дѣтскіе, юные годы. То было свѣтлое, тихое, безмятежное время... Затѣмъ, перовый шагъ на жизненномъ пути и уже ошибка; непоравимая, роковая ошибка — и смута и сумракъ... Ей шестнадцать лѣтъ. Она царитъ. Ей шепчутъ, что она красавица, да и сама она это видитъ — все заматриваются, любятъ ее. Беззаботно порхаетъ блестящая бабочка, счастливая и довольная... Вдругъ... Вдругъ, среди однообразнаго гула свѣтскихъ похвалъ, признаній и восторговъ, раздается иной голосъ, страстный, сильный, смѣлый, и сразу этотъ голосъ проникъ ей въ душу... Она встрепенулась, взглянула и встрѣтила взоръ не такой какъ все взоры. И взоръ запалъ ей въ душу. За этимъ взоромъ она нашла сердце не такое какъ другія — сердце предавшееся ей пламенно, безотчетно... И что-же! Всеѣмъ этимъ она пренебрегла. Ее, легкомысленную, не вѣдающую еще жизни, угово-

риды не поддаваться охватившему ее чувству, убѣдили оттолкнуть этого человѣка потому, что онъ былъ недостаточно богатъ и знатенъ для нея. И она, безумная, поддавалась этимъ совѣтамъ, подчинилась настойчивымъ требованіямъ и мольбамъ и вышла замужъ за пожилаго банкира, осыпавшаго ее золотомъ... Ей твердили, что въ богатствѣ и счастье будетъ. Она зажила полною чашей, а между тѣмъ счастье бѣжало ея... Старика мужа она не любила и не могла любить. Она надѣялась пайти спасеніе отъ охватившей ее безотчетной тоски въ материнскомъ чувствѣ, но дѣтей у нея не было... Начинаются жадныя исканія, сумозбродныя метанія въ тщетныхъ поискахъ за чѣмъ-то ненаходимымъ... Вдругъ этотъ сумракъ ярко освѣщается. Случайно она встрѣчается съ тѣмъ кто заставилъ трепетать ея сердце, кого она два года назадъ оттолкнула, и сразу постигла причину своей безотчетной тоски, своихъ безотчетныхъ порывовъ и метаній. Она поняла, что этотъ человѣкъ приковалъ ея душу и сердце. Испуганная, она бѣжала отъ страстнаго искушенія, желая остаться вѣрною женою. И онъ ее не преслѣдовалъ; напротивъ, онъ видимо избѣгалъ ее... Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и вдругъ она становится вдовою. Она свободна! Молода, оборотительна, странно богата и... свободна. Теперь уже счастье въ ея рукахъ... Нѣтъ! не дается ей счастье. Теперь онъ ее отталкиваетъ, не хочетъ ея любви, ея сердца, ея руки. Всѣ ея попытки привлечь его, заставить простить прошлое, остались тщетны и тѣмъ сильнѣе, пламеннѣе становилась ея страсть... Вдругъ она слѣдившая за нимъ безустанно, узнаетъ, что онъ ѣдетъ куда то въ Герцеговину, къ возставшимъ славянамъ. Не задумываясь ни минуты, она рѣшается слѣдовать за нимъ хоть на край свѣта. И вотъ она въ Рагузѣ.

Одна мысль, что обожаемый человѣкъ тутъ близко, не успокоиваетъ а еще болѣе волнуетъ ея наболѣвшее сердце. Окружающая чудная картина еще болѣе распаляетъ ея воображеніе. Это пѣснь любви всей природы...

Необычайно ярко и живуче предсталъ предъ нею образъ любимаго человѣка. На холодный песокъ террасы стали капать одна за другою крупныя, горькія слезинки...

Какъ-то рѣзко и порывисто встала Надежда Павлова со скамейки, отирая влажные глаза.

Она вошла въ домъ, направилась въ спальню, открыла большую богатѣйшую шкатулку, и вынула оттуда, такъ называемую, „кабинетную карточку“.

То былъ портретъ Андрея Сергѣевича Тагульскаго.

Долго смотрѣла она задумчиво на милыя черты, то охватывая ихъ въ общемъ, то остапавливаясь на каждой деталі, а слезы такъ и навертывались, такъ и капали изъ глазъ, смотрѣвшихъ пѣжно и любовно на портретъ.

— Нѣтъ! этого не можетъ быть! Неужели для меня все, все кончено въ этой жизни? вырвалось какимъ-то воплемъ изъ ея груди.

Она схватила страстно портретъ обѣими руками.

— Я сама явлюсь къ нему, скажу ему все, буду молить, буду рыдать у его ногъ, проговорила она задыхаясь, и нервно, истерически зарыдала.

VII.

Почтенный Бжитковичъ пребывалъ въ великомъ раздумѣ.

Прошло уже болѣе десяти дней съ тѣхъ поръ какъ онъ сошелся съ Дрызгачевымъ, а между тѣмъ, не взирая на ловчайшія увертки, на самые макіавелическіе подходы, подобраться къ „жаренному“ ему не удавалось.

„Эмигрантъ со средствами“ оказывался несравненно

большимъ крѣпышемъ относительно денегъ, чѣмъ можно было предполагать судя по его пренебрежительно развязнымъ отзывамъ на счетъ „средствъ“.

„Генераль“, на второй же день знакомства, высказалъ авторитетное мнѣніе, что безъ серьезнаго запаса хорошаго оружія и даже нѣсколькихъ пушекъ тутъ ничего не подѣлаешь.

Дрызгачевъ согласился съ этимъ и даже выразился, что одно появленіе „батарейныхъ батарей“ (его двоюродный братъ служилъ въ батареейной батарее) показало бы сразу въ какія руки попало дѣло.

Но когда, ободренный такимъ началомъ, „генераль“ сталъ развивать далѣе свою мысль и любезно предложилъ свои услуги, чтобы пріобрѣсти оружіе и „батареею съ зарядами“, то Ардальошка запѣявъ совѣтъ на другой ладъ.

— Это теперь неудобно. Это слишкомъ обостритъ вопросъ, замѣтилъ онъ.

— Позволяю себѣ думать, что въ этомъ случаѣ, не взирая на всю вашу компетентность, вы, мой дорогой другъ, ошибаетесь. Это было бы, напротивъ, чрезвычайно полезно и выгодно для дѣла. Случай притомъ вамъ представляется, могу смѣло сказать, единственный въ своемъ родѣ. Я могу добыть ружья въ Парижѣ, пушки въ Штутгардѣ за баснословно дешевую цѣну для вашей арміи.

— А какъ напримѣръ? спросилъ Ардальошка, котораго пріятно пощекотало выраженіе: вашей арміи.

— Да тысячъ на пять, на семь франковъ возможно было бы очень прилично обзавестись, брякнуть на удачу Бжитковичъ, но, замѣтивъ, что объявленная цифра не пришлась по вкусу „эмигранту со средствами“, поспѣшили прибавить: Впрочемъ, и съ тремя тысячами можно было-бы обойтись на первое время при моихъ связяхъ.

Дрызгачевъ отвѣтилъ, что „подумаетъ объ этомъ“, и затѣмъ видимо избѣгалъ возобновленія разговора о покупке оружія.

„Генераль“ вошелъ тогда съ другимъ предложеніемъ.

— Чтобъ нанести сразу серьезный ударъ, слѣдовало бы начать энергичныя дѣйствія съ двухъ сторонъ одновременно—отсюда и со стороны Босніи. Оставайтесь сами тутъ, въ главномъ пунктѣ, а меня уполномочьте дѣйствовать въ Босніи.

Дрызгачеву очень было поправилась мысль о полпомочіи, но когда Бжитковичъ выяснилъ, что предполагаемыя дѣйствія должны начаться съ набора и найма эмиссаровъ, съ раздачи денегъ жителямъ, словомъ опять съ крупныхъ затратъ, то Ардальошка снова отступилъ и рѣшительно высказался за „централизацию дѣйствій въ одномъ пунктѣ“.

Произошло нѣкоторое разочарованіе и даже обоюдное, потому что Ардальошка, съ своей стороны, никакъ не могъ добиться чего нибудь опредѣлительнаго насчетъ „связей въ горахъ“, о которыхъ такъ много и такъ увѣренно заявилъ въ началѣ Бжитковичъ. Никакихъ сообщеній изъ горъ къ генералу не поступало, никто съ нимъ не переписывался, эмиссаровъ и гоццовъ не являлось.

Бжитковичъ объяснялъ это впрочемъ тѣмъ, что *тамъ* не знаютъ гдѣ онъ именно теперь находится.

— Это не только хорошо, но даже необходимо, потому что пока, мы должны оставаться совершенно въ тѣни, прибавилъ онъ при этомъ.

Относительно этой „тѣни“ генераль дѣйствительно очень заботился. Онъ убѣдилъ Дрызгачева никому тутъ въ Ризадо не говорить своего настоящаго имени и возможно меньше показываться. Онъ самъ подавалъ примѣръ этому и почти не выходилъ изъ гостинницы, гдѣ пріютился въ „номерѣ“ занимаемомъ Дрызгачевымъ.

Дѣйствовалъ онъ такъ, съ умысломъ. „на всякій случай“, и все придумывать какъ бы половче и безопас-

Веселый банкетъ. Съ картины Гоцфера, грав. Бренд'амуръ.

нѣе устроить этотъ случай. Не взирая на неуспѣхъ первыхъ попытокъ, онъ все еще не терялъ надежды обоорать намѣченную жертву „приличнымъ образомъ“, безъ скандала и безъ уголовщины. Однако, также „на всякій случай“, онъ, какъ говорится, спихался съ однимъ мотавшимся тутъ добровольцемъ, нѣкимъ Мулаповичемъ.

Дни однако проходили за днями. Безпутный Дрызгачевъ, который видимо начиналъ скучать, могъ вдругъ бросить свою затѣю и уѣхать. Что тогда? Съ другой стороны, являлся наконецъ еще такой вопросъ: стоила ли игра свѣтъ?

— А какъ вдругъ у этой канальи ничего нѣтъ? А вдругъ онъ все вралъ относительно „средствъ“? говорилъ онъ себѣ.

Всѣ эти сомнѣнія внезапно исчезли на двѣнадцатый день ихъ знакомства.

Дрызгачевъ, ушедшій куда то съ утра, явился къ полудню очень раздраженный.

— Нѣтъ, каково это! зашумѣлъ онъ войдя въ номеръ и сердито сорвавъ съ головы шляпу.—Тысячная бумага превращается въ восемьсотъ пятьдесятъ рублей, а эти бумажные рубли превращаются въ семьсотъ настоящихъ рублей, а тутъ еще эти ракалы дерутъ безбожно за размѣнъ, нарываютъ надуть на расчетѣ, залуцывая свою дьявольскую арифметику... Ну совсѣмъ грабежъ!

Бжитковичъ навострилъ уши.

— Что такое съ вами, дорогой другъ? спросилъ онъ участливо.

— Что? а вотъ что!

Ардальошка быстро сунулъ руку въ боковой карманъ, досталъ большой бумажникъ, выхватилъ оттуда розовый банковый билетъ, развернулъ его нервно и приставилъ подъ носъ Бжитковичу.

— Четко, кажется, напечатано, ты-ся-ча ру-блей? Полуаршинными буквами выведено! а знаете сколько я получилъ вмѣсто этой обѣщанной гарантированной тысячи рублей? Шестисотъ пятидесяти рублѣй не получилъ! А?! То есть просто не бумага а тающій снѣгъ какой-то!

— То есть думали только получить, мой другъ, произнесъ нетвердымъ голосомъ Бжитковичъ, взявъ билетъ и разсматривая его, чтобы скрыть свое волненіе.

— Какъ, думалъ только?!

— Ну да, если билетъ тутъ.

— Да это другой! У меня ихъ тутъ вотъ еще нѣсколько, сказалъ Дрызгачевъ указывая на бумажникъ.— А тотъ я сейчасъ размѣнялъ... вотъ.

Дрызгачевъ снова вскрылъ бумажникъ, показалъ на пачку стофранковыхъ билетовъ, засунутую въ одно изъ отдѣленій, вложилъ тысячерублевый банковый билетъ обратно, и сунулъ въ карманъ бумажникъ.

„Генераль“ даже растерялся отъ неожиданнаго открытія.

— Значитъ *здесь* не одна или двѣ какихъ нибудь тысячекки франковъ, а по крайней мѣрѣ семь тысячъ, даже если онъ вретъ насчетъ своихъ нѣсколькихъ другихъ билетовъ... Семь тысячъ простыми готовыми деньгами!

И такъ это открытіе взволновало Бжитковича, что онъ взялся за шапку. Онъ хотѣлъ быть одинъ, чтобы свободнѣе собраться съ думами.

— Куда же вы, генераль? спросилъ Ардальошка.

— Хочу пройти къ пограничному домику, чтобъ узнать нѣтъ ли мнѣ чего изъ горъ, отвѣтилъ тотъ дѣловито.

— Постойте, я вамъ прежде сообщу, что я узналъ. Сейчасъ я получилъ сообщенія первостепенной важности. Вожди и, главное, Лазарь Сочница, всѣ, какъ оказывается, ждутъ не дождутся случая чтобы окончательно отвернуться отъ Черногоріи. Они ею ужасно недовольны. Просто негодуютъ. Говорятъ прямо, что намъ достаточно будетъ появиться въ горахъ, чтобы

при нашихъ средствахъ сейчасъ же собрать вокругъ себя всѣ главные элементы... Это — минута! Минута психологическая! И къ тому же, какъ оказывается, никакого риска тутъ нѣтъ, рѣшительно никакого.

Бжитковичъ просто не вѣрилъ ушамъ своимъ. Послѣ одной радости, другая радость. „Счастье“ само давалось въ руки.

— Кто же вамъ сообщилъ все это? спросилъ онъ.

— Я ихъ получилъ изъ нѣсколькихъ источниковъ. Во первыхъ, одинъ чехъ, только что вернувшійся изъ отряда Лазаря Сочницы, прямо заявилъ это. Мулаповичъ, котораго вы видѣли и который, какъ оказывается, знаетъ горы какъ свои пять пальцевъ, не только подтверждаетъ эти слова, но клянется, что чехъ еще мало говорить. Наконецъ, и это главное, капитанъ Варби утверждаетъ то же самое и даже...

— Что это за капитанъ Варби?

— Я съ нимъ только что познакомился. Это французскій капитанъ. Онъ пробылъ двѣ недѣли у Лазаря Сочницы и у Богдана Зимонича, и говоритъ, что готовъ хоть сейчасъ съ нами отправиться. За успѣхъ ручается головою.

— Вы ему значить про меня говорили? встревожился Бжитковичъ.

— Говорилъ, но имени вашего не сказалъ... Да вы не тревожьтесь, это человекъ нашего лагеря.

— Смотрите, мой другъ! Богъ знаетъ что это...

— Я вамъ говорю, свой человекъ. Онъ теперь отправился въ Каттаро...

— Да вѣдь вы говорите, что онъ только что пріѣхалъ?

— Не пріѣхалъ а просто съѣхалъ здѣсь на берегъ только на время остановки парохода и опять отплылъ съ пароходомъ далѣе, въ Каттаро. Знаете зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Каттаро?

— Зачѣмъ?

— Потому, что тамъ его ожидаютъ гарибальдиенцы графъ Кандоло и... и... угадайте кто?

— Ну какъ же я могу угадать кто? отозвался тревожно Бжитковичъ.

— Гальяръ!

„Генераль“ такъ и обмеръ услышавъ это имя.

— Какой Гальяръ! спросилъ онъ не своимъ голосомъ.

— Да вашъ-же, Боже мой! Андре Гальяръ, членъ коммуны! Завтра вы его увидите, потому что Варби далъ слово прибыть непременно завтра сюда на возвратномъ пароходѣ съ Гальяромъ и графомъ Кандоло.

Бжитковичъ стоялъ какъ громомъ пораженный.

Гальяръ, который первый оповѣстилъ о позорномъ поведеніи „начальника седьмого парижскаго сектора генерала Бжитковича“, который въ „Женевской Газетѣ“ подробно рассказалъ блѣтство, трусость и воровство учиненное имъ, Бжитковичемъ, озаглавилъ статью „Une brebis voleuse“ (Овца-воровка), — этотъ самый Гальяръ здѣсь! Онъ конечно сейчасъ же расскажетъ все; назоветъ его въ глаза воромъ, мошенникомъ, трусомъ; предупредитъ Дрызгачева... И все пропало! И опять еще болѣе ужасное, безвыходное положеніе!

Бжитковичъ дѣлалъ надъ собою страшныя усилія, чтобы хоть немного овладѣть охватившею его растерянностью. Онъ чувствовалъ, что ему необходимо отозваться, но мысли путались и слова замирали въ гортани. Каждая лишняя секунда молчанія усиливала затруднительность его положенія.

Однако онъ нашелся очень ловко.

— Что вы сдѣлали?! воскликнулъ онъ всплеснувъ руками.

— А что-же? Намъ-же лучше когда насъ будетъ больше. Такія пять именъ какъ наши, это вѣдь цѣлая политическая программа!

— Въ томъ-то именно и бѣда! Вы забыли, мой дорогой другъ, что я здѣсь не генераль Бжитковичъ, а

просто Душановичъ, и что безумно мнѣ было бы явиться здѣсь дѣятелемъ коммуны, ненавистной всѣмъ правительствамъ. Вы забыли, что вы — русскій, а я — полякъ, мать котораго сербка. Следовательно, мы оба имѣемъ логически здѣсь свое *raison d'être*. Но что же скажутъ и славяне и всѣ правительства, узнавъ, что дѣломъ герцеговинскаго возстанія орудуютъ чистокровный французъ коммунаръ и итальянскій гарибальдиецъ, которыхъ тоже очень недолюбливаютъ? Славяне отвернутся, а правительства нахмурятся и тогда что?.. Вы сами такъ резонно и дальновидно рассуждали, мой другъ, насчетъ того, что тотчасъ же завяжете прямые сношенія съ кабинетами. А при этихъ условіяхъ, подумайте сами, какія-же могутъ быть сношенія? Прямо отвѣтятъ: намъ лучше Турцію чѣмъ васъ. А то, можетъ быть, и радости еще съ нами сдѣлаютъ!.. Словомъ, приобщая къ намъ этихъ людей, мы прямо погубимъ наше дѣло, всю нашу работу, всѣ наши надежды...

Ардальонка слушала задумчиво, насувившись. Доводы Бжитковича, дѣйствительно резонные, поразили его. Онъ видѣлъ, что опростоволосился изъ суетнаго желанія имѣть политическими товарищами такихъ людей какъ Гальяръ и графъ Кандоло.

— Накопецъ, я вѣдь довольно, кажется, хорошо знаю Гальяра. Онъ захочетъ главенствовать, будетъ стараться затирать другихъ, чтобы самому выставиться.

Этотъ доводъ произвелъ наибольшее дѣйствіе на Дрызгачева.

— Я смотрѣлъ на дѣло шире, выше... Но съ болѣе узкой точки зрѣнія вы правы, произнесъ онъ съ достоинствомъ.

— Да кто-же лучше меня можетъ васъ понять, мой дорогой другъ! воскликнулъ ужасно обрадованный Бжитковичъ, крѣпко и съ чувствомъ сжимая руку Ардальонки. — Но что же дѣлать, когда повелѣтъ, во имя самаго усилія дѣла, приходится дѣйствовать ипаче.

— Вначалѣ, замѣтила строго Дрызгачева.

— Конечно вначалѣ только! воскликнулъ экспансивно „генералъ“, и помолчавъ немного спросилъ: — Ну такъ какъ же вы думаете теперь сдѣлать?

— То есть что?

— А относительно ихъ?

— Гальяра, Кандоло и Варби?

Бжитковичъ только утвердительно кивнулъ головою.

— Да просто подъ какимъ нибудь предлогомъ уклонимся, отдѣлаемся; но посоветоваться и переговорить съ ними все таки не мѣшаетъ.

„Ну, братъ, вѣтъ, ты съ ними не переговоришь!“ сказалъ себѣ съ рѣшимостью Бжитковичъ и, объявивъ, что отправляется узнать вѣтъ-ли чего новаго „изъ горъ“, вышелъ.

VIII.

Сказать-то сказалъ себѣ это Бжитковичъ очень рѣшительно, но тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ себя совершенно растеряннѣе.

„Что дѣлать? Надо рѣшиться на что нибудь не теряя ни минуты, потому что завтра Гальяръ будетъ тутъ... Надо найти исходъ... Надо всѣмъ рискнуть, потому что такой случай единственнѣе... Тутъ вѣдь не гроши, а нѣсколько тысячъ франковъ. Съ этимъ можно устроиться, смѣло смотрѣть впередъ... И вдругъ лишиться всего этого?—Нѣтъ! никогда!.. Но что-же, что-же устроить?“

И вотъ въ этой головѣ созрѣваетъ планъ, сперва смутно, затѣмъ опредѣленнѣе, опредѣленнѣе и детальнѣе.

„Это надо удалить отсюда... удалить сегодня-же... такъ чтобы онъ не могъ встрѣтиться съ Гальяромъ... Куда удалить? Конечно въ горы — единственный путь... Ну а тамъ?... Тамъ обобратъ его... Это легко. Онъ тщедушный, справиться съ нимъ будетъ не трудно... Но

какъ-же сдѣлать съ проводниками? безъ проводниковъ нельзя... А Мулановичъ!.. Онъ въ горахъ какъ дома, всѣ пути знаетъ, и мыкаетъ горе... Онъ на все готовъ, онъ это даже намекнулъ, чуть не прямо высказалъ... уговориться съ нимъ будетъ легко... Ну хорошо, пусть такъ, пусть Мулановичъ, но вѣдь *этотъ* вернется, онъ знаетъ кто я, скажетъ, объявитъ... Гдѣ тутъ укроешься?.. На пароходѣ могутъ схватить... Ну а если... если онъ не вернется? Почему-же нельзя сдѣлать такъ, чтобы онъ никогда не сказалъ, никому не сказалъ?.. Здѣсь дѣло идетъ о двухъ жизняхъ: о его жизни, или о моей... Одною надо пожертвовать... непременно вѣдь надо пожертвовать! И я еще буду раздумывать, которою изъ двухъ должно мнѣ пожертвовать?“

Пульсъ бился все сильнѣе и сильнѣе, голова горѣла, руки судорожно подергивались, ноги дрожали, но мысль словно успокоивалась, остановившись, утвердившись на одной точкѣ.

Бжитковичъ почти бѣгомъ отправился розыскивать Мулановича.

„Генералъ“ не ошибся въ своей оцѣнкѣ. Этотъ Мулановичъ былъ, какъ говорится, послѣднее дѣло человѣкъ.

Откуда онъ именно, изъ какого города или села — не знали. Знали только, что онъ далматинецъ. Могался онъ въ этихъ мѣстностяхъ задолго еще до возстанія. Нѣкоторыя фазы его предшествовавшей жизненной карьеры были почему то здѣсь извѣстны. Знали, что онъ служилъ лакеемъ у какого то консула; затѣмъ какъ-то попалъ въ алжирскій иностранный легіонъ, гдѣ прослужилъ года два-три; затѣмъ очутился „секретаремъ“ фокусника, и разъѣзжалъ съ послѣднимъ, потому его видѣли послѣдовательно секретаремъ у трехъ другихъ фокусниковъ или медіумовъ, послѣ чего, года два-три неизвѣстно что съ нимъ было и гдѣ онъ пребывалъ. Догадывались, что онъ *высидѣлъ* гдѣ нибудь это время въ тѣни за рѣшеткой. Молва о немъ шла очень скверная. Его считали способнымъ рѣшительно на все. Послѣднее время онъ разыгрывалъ добровольца, шляясь по прибрежнымъ городкамъ по соудѣству Герцеговины.

На видъ это былъ человѣкъ небольшого роста, брющетъ, съ рѣзкими чертами лица и впалыми, слегка заплывшими, словно прищуренными глазами — ужасно юркими. При этомъ удивительно верткій и разгонистый въ движеніяхъ, будто весь онъ былъ на винтахъ и винты эти поослабли: руки, ноги, голова, станъ, безпрестанно выдѣлывали самую разманистыя эволюціи. Онъ вѣроятно считалъ это верхомъ изящной развязности и цивилизованнаго шика.

Бжитковичъ засталъ Мулановича у *кафаны* на набережной. Далматинецъ игралъ въ *бироби* съ двумя какими то субъектами.

Для этой игры нужны только три карты. „Банкометъ“ беретъ ихъ въ правую руку, придерживая лишь среднимъ и большимъ пальцемъ, и затѣмъ разбрасываетъ. Понтирующие должны услѣдить за намѣченной ими картой и указать се между тремя разбросанными картами.

Мулановичъ бросилъ игру, забралъ нѣсколько выигранныхъ имъ крейцеровъ, и послѣдовалъ за Бжитковичемъ.

Много времени не потребовалось на объясненіе. Мыслей не нужно было развивать — онъ схватывался на лету и дополнялся жестами и выразительными взглядами.

— Настоящаго имени никто здѣсь не знаетъ?

— Нѣтъ, я одинъ.

— Въ русскомъ консульствѣ въ Рагузѣ былъ?

— Нѣтъ.

— Родные?

— Никого.

- Ну такъ чтожъ и говорить!
- Сколько? поставилъ лаконическій вопросъ Мулановичъ.
- Пятьсотъ.
- Цесарскихъ (т. е. гульденовъ австрійскихъ)?
- Лиръ (т. е. франковъ).
- Конь дороже стоитъ.
- То конь!
- А то *мазга* (мулъ)?
- Ну семьсотъ.
- Не ну семьсотъ, а всю *тыяду* (тысячу).

На этомъ было покончено, и рѣшено, что Мулановичъ явится съ вѣстями необычайной важности все въ томъ же порядкѣ мыслей, т. е., что въ горахъ ждутъ не дождутся ихъ, что все готово, и что минута настала, потому что Лазарь Сочица съ отрядомъ уже вышелъ на встрѣчу и находится близъ границы, но можетъ дожидаться тамъ не болѣе пяти-шести сутокъ по недостатку продовольствія. Слѣдовательно, необходимо ни минуты не терять и выступить изъ Ризано сегодня-же ночью, подъ самую подъ зорьку, какъ можно ранѣе.

Придумалъ этотъ мотивъ для немедленнаго отправленія Мулановичъ, оказавшійся вообще сразу несравненно изобрѣтательнѣе, практичнѣе и хладнокровнѣе Бжитковича.

Четверть часа послѣ этого разбойническаго заговора, далматинецъ влетѣлъ какъ бомба къ Ардальошкѣ съ настойчивою просьбою сказать ему гдѣ можно найти сейчасъ-же генерала Душановича.

На вопросъ зачѣмъ такая поспѣшность, и что значить возбужденный и взволнованный видъ явившагося, Мулановичъ объяснилъ, что сейчасъ прибылъ „одинъ горскій человѣкъ“ съ важнѣйшимъ, капитальнѣйшимъ извѣстиемъ, и затѣмъ, заставивъ Дрызгачева нѣсколько себя просить, сообщилъ условленную выдумку на счетъ Лазаря Сочицы.

Мулановичъ при этомъ прибавилъ, что сразу бы сказалъ все такому лицу какъ синьоръ Алеко, еслибы ему не было наказано сообщить это одному только генералу Душановичу.

— Да вѣдь мы же съ нимъ вмѣстѣ ѣдемъ! Онъ при мнѣ будетъ состоятъ, воскликнулъ и пояснилъ Дрызгачевъ, желая „поставить вещи на подобающее мѣсто“.

Мулановичъ замѣчательно искусно изумился, порадовался такому сообщенію и столь же искусно изобразилъ глубокое благоговѣніе предъ фигурою Ардальошки.

Вскорѣ явился и самъ „генералъ“, также сильно взволнованный и радостно возбужденный.

Онъ не напрасно порывался идти за извѣстіями. У него было словно предчувствіе чего то такого. Туда уже иди онъ чувствовалъ будто его толкала и торопила какая-то сила. Предчувствія оправдались. Тамъ его ожидало извѣстіе чрезвычайное, и т. д. Словомъ, та же басня на счетъ Лазаря Сочицы.

Штука удалась какъ нельзя лучше, тѣмъ болѣе, что являлось все это только подтвержденіемъ того, что самъ Дрызгачевъ слышалъ утромъ.

Ничего не подозрѣвая, несчастный Ардальошка всѣхъ усерднѣе принялся за сборы. Часа черезъ два, были куплены пара довольно порядочныхъ лошаденокъ для „дѣятелей“ и очень плохая кляча для „далматинца“. Обошлись эти покупки Дрызгачеву въ четыреста пятьдесятъ франковъ.

Ночью, немного предъ разсвѣтомъ, всѣ трое выступили въ путь.

IX.

Тагульскій, верхомъ на маленькой горской лошади, сопровождаемый двумя пѣшими черногорцами-проводниками, взбирался по чрезвычайно извилистому подъему, среди скопленій и грудъ камня, твердаго и отшлифованнаго временемъ какъ полированный мраморъ.

Тропинка — если только этотъ „*слѣдъ*“ можно было назвать тропинкой — состояла изъ скользкихъ конусообразныхъ камней, по верхамъ которыхъ приходилось ставить ноги. Лошадь и люди поминутно спотыкались и застрѣвали въ этихъ волчьихъ ямахъ. Справа и слѣва обрывы, глыбы — непроходимая каменная дѣбрь.

Мѣстами приходилось карабкаться и перелѣзать черезъ выползающія скользкія плѣши большихъ каменныхъ глыбъ, глубокого сидящихъ и заграждающихъ путь.

— Дай волю коню, господине! кричали въ такихъ случаяхъ проводники.

Всадникъ бросалъ поводья, предоставляя самой лошади преодолѣть или миновать препятствіе. И нельзя было не дивиться изумительной снаровкѣ и ловкости животнаго, которое цѣплялось и карабкалось какъ коза, отыскивая обходы и гибкая препятствія.

Подъемъ становился все круче, путь все ужаснѣе. Большіе камни, заграждающіе дорогу, появлялись чаще и чаще и образовали наконецъ сплошную цѣпь препятствій. Чѣмъ выше поднимались, тѣмъ становилось холоднѣе. Появился снѣгъ, рыхлый, пушистый, едва прикрывающій камни.

Двигаться еще труднѣе. Здѣсь уже и горская лошадь не можетъ вывезти. На каждомъ шагу приходится ощущивать мѣсто куда ставить ногу, чтобы не попасть въ яму, или — что серьезнѣе — не оборваться съ крутизны, подступающей то справа, то слѣва, вплоть къ тропинкѣ занесенной снѣгомъ.

То былъ подъемъ на гору Утець по пути изъ Дубочки въ Спречно, гдѣ стоялъ нѣсколько дней уже отрядъ Лазаря Сочицы.

Тагульскій, за двухнедѣльное свое пребываніе въ горахъ, успѣлъ побывать уже въ двухъ отрядахъ *устаишей*: у попа Богдана Зимонича и у Максима Бачевича.

Ни въ томъ, ни въ другомъ отрядѣ, къ большой его досадѣ, не предвидѣлось вскорѣ „дѣла“. И вотъ, узнавъ, что впереди всѣхъ, всего ближе къ туркамъ, стоитъ Лазарь Сочица, и что у него теперь наиболѣе шансовъ столкнуться съ врагомъ, Тагульскій отправился къ Сочицѣ. По дорогѣ онъ узналъ отъ *войника*, посланнаго съ письмомъ къ воеводѣ Петру Вукотичу, что Лазарь готовится къ *биткѣ* (битвѣ), и потому очень спѣшилъ.

Было около трехъ часовъ дня, когда подъемъ вдругъ пересталъ и впереди показалась убогая лачужка, чернѣвшая среди снѣжной кочковатой плоскости.

Изъ входа, изъ-подъ крыши и сквозь соломѣ крыши, словомъ изъ всѣхъ скважинъ и отверстій — только не изъ оконъ и не изъ трубъ, потому что ни того, ни другаго лачужка не имѣла, — пробивался дымъ.

Въ сравненіи съ этою копилкою, наша курная изба показалась бы городскимъ домомъ.

Тагульскій очень обрадовался убогому пристанищу. Онъ продрогъ насквозь, ошоченѣлъ, изнемогалъ отъ усталости.

Дверь, или скорѣе входное отверстіе, имѣла едва аршина два вышины, такъ что нужно было сильно наклониться, чтобы пролѣзть во внутрь.

Тагульскій, предшествуемый однимъ изъ проводниковъ, Ювицей, поспѣшилъ войти.

Первую минуту, благодаря дыму и темнотѣ, онъ ничего не могъ различить, кромѣ огонька, уныло мерцавшаго среди хаты; но это было для него главное. Тагульскій такъ и бросился къ огню.

— Вотъ сюда, господине, сюда, звать его Ювица, сребрая нѣсколько соломѣ у костра.

Тагульскій бросился на импровизированное сидѣнье, выставилъ ноги къ огню, сталъ осматриваться, и тутъ только замѣтилъ, что у костра лежало нѣсколько фигуръ.

— *Отма* (сейчасъ) добрый *ватръ* (огонь) сдѣлаемъ, господинъ *русъ*, сказалъ Ювица.

Ласточки. Съ карт. Рейшана, грав. Тиріа.

При словѣ *русъ*, одна изъ лежавшихъ личностей подняла голову и затѣмъ, издавъ какой то неопредѣленный возгласъ, медленно и съ трудомъ встала и пошатываясь подошла къ Тагульскому.

— Здравствуйте-съ, произнесла по русски хриплымъ голосомъ фигура, протягивая дрожавшую руку.

Тагульскій недоумѣваячи взглянулъ на подошедшаго человѣка.

— Не узнаете-съ? продолжала покачиваясь фигура, — Арзамасцевъ.

Тутъ только Тагульскій узналъ казанскаго помѣщика.

„Пьяны!“ подумалъ онъ съ удивленіемъ и отвращеніемъ.

Видъ Арзамасцева былъ плачевенъ до крайности. Онъ былъ въ томъ же смѣшанномъ костюмѣ, что и въ Рязаню, только все это ободралось, обтресалось и ужасно засалилось. Лицо еще болѣе похудѣло и осунулось. Глаза впали.

— Какимъ это образомъ вы тутъ? спросилъ Тагульскій очень сухо.

— Изъ Смерсно-съ, отъ воеводы Лазаря Сочицы-съ, прошамкалъ Арзамасцевъ, опускаясь на землю возлѣ Тагульскаго, причемъ чуть не свалился.

— Да какъ же вы въ такомъ видѣ рѣшаетесь здѣсь странствовать? воскликнулъ Тагульскій, вспоминая только что пройденный имъ ужасный путь.

— Что-жъ дѣлать-съ! взялся такъ надо. Обязанность.

— Какая обязанность?

Беседа была неожиданно прервана какимъ то нечеловѣческимъ возгласомъ, дикимъ, гробовымъ, какъ изъ бочки, чѣмъ то въ родѣ: *Гюй...йй!* раздавшимся со стороны лежавшей фигуры, закутанной во что то синее.

Тагульскій вздрогнулъ.

— Не беспокойтесь, поспѣшно обратился къ нему Арзамасцевъ съ добродушною, нѣсколько принужденною улыбкою. Это ничего-съ; это мой спутникъ блажить. Бѣда мнѣ съ нимъ.

— Кто это такой?

— А Богъ его знаетъ... На дорогѣ попался. Сидитъ, вижу, на камуникѣ пьяный-распьяный.

„Не тебѣ бы объ этомъ говорить“, подумалъ Тагульскій.

— Мрачный такой сидитъ... Думаю: если онъ такъ пойдетъ дальше, никогда ему не дойти... Пропадетъ... И уговорилъ его идти вмѣстѣ.

— Да онъ что же, по русски говорить?

— Ой нѣтъ-съ! Ни на какомъ нарѣчій съ нимъ не сговорилъ. Бормочетъ что то по своему, а что—не знаю-съ... Долго уговаривалъ; бился съ нимъ, бился... ничего не слушаетъ... Только я смотрю: весь дрожитъ отъ холода и горло совсѣмъ голое... Жалко мнѣ его стало... Обмоталъ его шею шарфомъ и далъ глотнуть *раки* (водки)... Сосалъ, сосалъ, половину, пожалуй, высосалъ, утерся и пошелъ со мной, самъ по себѣ, вдругъ-съ, ни слова не говоря.

— И такъ вы съ нимъ и не говорите?

— Такъ и не говоримъ-съ между собою... Только *ракия* эта его ко мнѣ и привязываетъ... Я думалъ было не давать ему, такъ, знаете-съ, стонетъ, и ничкомъ въ землю... Лежитъ себѣ и стонетъ... Такъ это жалобно-съ, что я такъ и не могъ выдержать, и вотъ второй день его пою... Покупаю, гдѣ можно, ему этой поганой *раки*, потому самъ не потребляю этого-съ.

— Какъ не потребляете... а какъ же?..

Тагульскій хотѣлъ было сказать: „а какъ же вы теперь пьяны?“—но удержался и только замѣтилъ:

— Вы сами же сказали, что у васъ была съ собою водка!

— Это у меня для рапенаго была, а не для себя-съ... Да, въ это напрасно изводите думать... Я вѣдь догадался... Чтوبъ я это дѣлалъ здѣсь! Да я сроду не пью-съ... Никогда не пью-съ... Можете сами убѣдиться...

Глубокое огорченіе чувствовалось въ голосѣ Арзамасцева. Онъ наклонился къ Тагульскому и дохнулъ на него для вящаго убѣжденія.

— Да почему же тогда вы шатаетесь? воскликнулъ Тагульскій, пораженный и тономъ, которымъ были сказаны послѣднія слова, и тѣмъ, что, дѣйствительно, водкой не разлило отъ Арзамасцева.

— Измучился-съ, знаете, оцепъ со своимъ раненымъ, да и съ этимъ-съ... совсѣмъ измучился... И притомъ погода и путь-съ жестокий... Не тѣ года-съ... Просто ухотился, а чтобъ на счетъ этого...

— Какой же это еще раненый?

— А вотъ-съ тутъ лежитъ... Черногорецъ раненый... Я послушался вашего совѣта... Я у нихъ теперь по этой части...

Арзамасцевъ указалъ на другую, неподвижно лежавшую, накрытую *струкою* фигуру, которую до того и не замѣчалъ Тагульскій.

— Два дня ужъ рапентъ, и вотъ-съ я отвожу-съ его въ госпиталь, въ Черногорію-съ... Въ плечо раненъ... И, представьте, самъ идетъ-съ. Второй день идетъ-съ. Удивительно совсѣмъ... Только вотъ отъ погоды сильно знобило его, такъ знобило, а какъ надѣлъ мое пальто, перестало знобить-съ.

— А вы то какъ же? Неужели такъ какъ есть и идете?

— Что же дѣлать-съ! Я вѣдь, слава Богу, здоровъ, а они страдалыцы... Пальто ему спасенье, какъ и вотъ тому шарфъ-съ.

— А тому вы шарфъ свой отдали?

— Точно такъ-съ... Надо же!.. А только вы пожалуйте не думайте насчетъ того-съ. Я вѣдь совсѣмъ не пью, совсѣмъ нѣтъ, а что ноги у меня невѣрны, такъ это-съ отъ усталости, и потому ознобились.

На этотъ разъ увѣренія были излишни. Тагульскій наконецъ былъ убѣжденъ, что этотъ человѣкъ говорилъ правду.

(До слѣд. №).

Ядесъ^{*}).

Восточный разсказъ Н. Н. Леонтьева.

Подъ однимъ большимъ и торговымъ городомъ, въ своемъ собственномъ домѣ, жилъ богатый кунецъ съ молодой, красивой и очень умной женою.

Они имѣли уже двухъ маленькихъ дѣтей, ни въ чемъ не нуждались и между собою жили очень согласно, такъ что и другимъ служили примѣромъ хорошей, пріятной и христіанской жизни. Но жена при красотѣ своей была еще и веселаго нрава и очень любила наряды, а мужъ былъ немного ревнивъ и очень расчетливъ.

Когда жена покупала себѣ новое платье, или уборъ—мужъ любовался на нее тайно, но ей всегда почти говорилъ, насупивши грозно брови:

— Конечно, это очень красиво и къ тебѣ пріятно. Только

^{*} Такъ называется особаго рода игра, или пари. Берутъ косточку изъ груди куницы и двое играющихъ, или бьющихся объ закладъ, переплачиваютъ ее вѣхетъ, для обозначенія начала игры, достаточно извѣстной и у насъ.

на что это замужней женщиной такъ часто украшать себя? Постороннихъ мужчинъ искушать красотой своей тебѣ грѣхъ... Ты вѣдь добродѣтельна и вѣрна, на что же беспокоить ихъ напрасно; а мнѣ, мужу, ты и попросту хороша...

— Прости ужъ мнѣ, несчастной такой и глупой женщиной, отвѣчала ему красавица съ лукавой кротостью. Такая я дура. Для самой себя люблю наряжаться...

Мужъ вздыхалъ, глядѣлъ угрюмо; а наряды и самъ покупалъ, и деньги давалъ ей; хотъ и неохотно и гнѣвался, а все-таки давалъ, потому что, въ случаѣ отказа, она умѣла такое печальное и кроткое лицо сдѣлать, и глаза у нея были такіе прекрасные и сладкіе, что онъ покачиваетъ головою, погрой даже тоннетъ иногда, а деньги, хотъ и не просто дать, а все-таки кинетъ передъ ней со звономъ отъ досады на столъ и скажетъ, махнувъ рукой:

— Сказано—женщина! Одно слово, понимаешь ли ты,—*жесница!*

— Понимаю, очень даже понимаю, отвѣтитъ жена, и возметь и подслушать.

А онъ ей:

— Ну, вотъ витишь, видишь, не правду ли я говорю—сказано: женщина! И что это за волшебство такое?! Отъ Бога это дамъ утѣшеніе, или отъ сатаны погибель?— не знаю, и не постигнуть никогда этого мой умъ!..

— Отъ Бога!.. отъ Бога!.. увѣрила жена, лаская его. Я знаю, что я отъ Бога; а если тебѣ другая поправится, и ты ей не только подарки сдѣлаешь, но только полюбишься на нее—такъ это будетъ отъ дьявола... Право, ты мнѣ вѣрь, радость моя,— это такъ!..

— Ну, а ты, когда ты взглянешь на молодца—это ничего?..

— Я гляжу только, у меня глаза есть—что-жъ дѣлать!.. Конечно—это ничего!..

— Ну, а *они то* на тебя смотрятъ? Какъ ты скажешь!..

— Пусть смотрятъ и тебѣ завидуютъ—вотъ и все!.. Я очень рада!..

— Знаю, знаю что рада! Вы все этому рады! укорялъ мужъ, и глаза хотя и сверкали притворной на нее злобой, но она знала, что это все притворно, и что онъ не только самъ ее любить, но и вѣрить ей къ себѣ любви.

Спорили они между собою иногда и о другомъ. Мужъ говорилъ, что у него „глаза такіе открыты“, что ни одна женщина его обмануть не можетъ; а жена говорила, что нѣтъ такого мужчины, котораго бы женщина умная не могла бы обмануть!..

— Если жена у тебя хорошая и честная, и тебя любитъ, то надо ей вѣрить; а обмануть и тебя можно, хотя ты и очень умный!..

Разъ такъ то они разсуждали и дружески спорили при постороннихъ людяхъ, которые пришли къ нимъ въ гости, и мужъ воскликнулъ:

— Не обманетъ меня женщина!.. Никогда!.. Даже ядесъ я всегда выиграю у нея, потому что я очень хитеръ и внимателенъ!..

— Такъ давай сдѣлаемъ ядесъ! сказала жена.

— Давай!.. Принеси косточку.

Жена сходила въ кухню, принесла куриную косточку, и сказала:

— Вотъ теперь у насъ и свидѣтели есть!.. Если я выиграю ядесъ, чтобы мужъ мнѣ купилъ полосатой *хализмы* на одно платье, и голубаго атласа тоже на одно платье, и пару серегъ бриллиантовыхъ, и далъ бы еще слово, что больше своимъ умомъ и хитростью противу женщины хвалиться впередъ не будетъ!.. И еще!..

— Довольно! Довольно! воскликнули гости.

— Пусть пазначаетъ больше! сказалъ мужъ насмѣшливо. Я на все согласенъ. Даю слово, потому что проиграть не боюсь. Она проиграетъ!..

Жена улыбнулась и не сказала ни слова. Одинъ изъ гостей тогда спросилъ:

— А что же вы, госпожа моя, обязываетесь сдѣлать, если вы проиграете. Мы свидѣтели, мы же и судьи между вами будемъ.

— Что приказаетъ тогда мой мужъ, то и сдѣлаю безпрекословно, и съ радостью!.. Пусть его на то воля будетъ!.. Назначать ему мнѣ, что бы то ни было едва-ли придется, потому что вѣдь я не боюсь проиграть. Только прошу, чтобы игра продолжалась до трехъ разъ, а не кончалась бы съ одного раза.

Всѣ, и мужъ, и свидѣтели изъяснили на это согласіе. Тогда они переломили косточку и съ этой минуты игра началась.

Длилась она болѣе трехъ мѣсяцевъ, и все не кончалась.

Обоимъ было трудно. Необходимо было большое вниманіе. У мужа умъ былъ занятъ торговыми оборотами; у жены хозяйствомъ и дѣлами. У каждаго были свои затрудненія и горести; мужъ беспокоился о двухъ корабляхъ съ инеицей, которые были отправлены имъ далеко, и никакихъ извѣстій объ нихъ долго не было. У жены было огорченіе по дому, потому что старая, вѣрная служанка, во многомъ ее замѣнявшая, въ это время заболѣла, и ей, съ повои и неопытной наемщицей, было иногда очень трудно. Было и общее имъ обоимъ страданіе, когда заболѣлъ младшій ихъ мальчикъ, котораго они оба очень любили.

Но, не смотря на все это, они оба объ игрѣ своей не забывали, и между ними продолжалась упорная и безжалостная борьба. Приходилось цѣлый вечеръ, послѣ возвращенія мужа къ обѣду домой изъ города, гдѣ онъ торговалъ, обоимъ остерегаться ежеминутно. Жена привычна была, конечно, мужу слушаться; а мужъ привыкъ приказывать ей:

— Марию! Подай мнѣ чубукъ!

Или:

— Кусумъ-Мариго, принеси мнѣ, жизнь ты моя, немножко вина хорошаго!.. Утомился я что то.

Черезъ это ему было трудно цѣмъ ей; она *подивала* ему въ руки, или молча, или нарочно отвлекая его разными разговорами!.. Ему приходилось безпрестанно *бритъ* у нея изъ рукъ и каждый разъ нужно было вспомнить и сказать: *ядесъ!*..

Первые дни онъ былъ очень остороженъ; потомъ дѣловыя заботы взяли перевѣсъ надъ игрой, и онъ подъ радъ проигралъ

два раза; но послѣ этого снова такъ утвердился, что уже до третиго и послѣдняго проигрыша жена никакими силами не могла его довести. Кетати же, онъ къ тому времени получилъ благоприятныя извѣстія о своихъ корабляхъ и очень много денегъ; сталъ веселѣе и покойнѣе, и ни на минуту объ *ядесъ* не забывалъ.

Однажды въ ясный дѣтвй день, мужъ уѣхалъ съ утра въ городъ, а Мариго осталась дома и сидя у окна вышивала золотомъ по голубому шолку, какъ вдругъ какой-то путникъ на большомъ и хоршемъ мулѣ остановился у воротъ ихъ дома. Онъ подозвалъ служанку и умолялъ дать ему уголить жажду, которой онъ мучился, долго не встрѣчая на пути хорошаго ключа или фонтана.

Мариго слышала какъ онъ говорилъ служанкѣ: „Ахъ, я очень утомленъ и нездоровъ и не знаю какъ я добѣду до города и гдѣ я найду въ немъ покой себѣ и пристанище!“

Служанка спросила у путника:

— Развѣ у васъ нѣтъ въ нашемъ городѣ родныхъ и друзей? — Нѣтъ у меня никого близкаго въ этомъ городѣ, отвѣчалъ онъ.

— Къ кому-же вы ѣдете? спросила служанка.

— Я ни къ кому въ гости не ѣду; я путешествую по различнымъ мѣстамъ и получаю житейской мудрости. Ибо съ мудростью книжной я знакомъ вродѣ, и хочу стать мудрецомъ совершеннымъ!..

Мариго была очень гостеприимна и знала что и мужъ одобряетъ эту ее добродѣтель. Она вышла на порогъ дома и сама сказала молодому путнику такъ:

— Если вы, господинъ мой, устали и не совсемъ здоровы, то выѣзьте того, чтобы ѣхать въ жаркое время дня въ ненакомый вамъ городъ, милости просимъ отдохнуть у насъ въ домѣ. Мы сочтемъ это за честь и удовольствіе!..

Путешественникъ былъ доволенъ этимъ предложеніемъ и отвѣчалъ ей очень важно:

— Не нахожу, госпожа моя, выраженій, соответственныхъ той глубинѣ признательности, которую опущаешь сердце мое! Я непремѣнно и безотлагательно пишу въ книгу моихъ наблюдений замѣтку о необыкновенной добротѣ и гостеприимствѣ домохозяекъ въ этой благословенной Богомъ странѣ!.. Это будетъ для меня весьма утѣшительно, такъ какъ житейская мудрость, которую я, изучивши книжную мудрость до корня, теперь стараюсь постичь, научаюсь видѣть въ людяхъ, и особенно въ женщинахъ, больше пороковъ, чѣмъ добродѣтелей!

Послѣ этихъ словъ, путешественникъ сошелъ съ мула и вошелъ вслѣдъ за хозяйкой въ домъ.

Мариго отвела его въ большую и прохладную пріемную съ широкой софой вокругъ стѣнъ, съ высокими окнами, на которыхъ стекла были разноцвѣтныя, и подъ окномъ, вблизи немолчно стремится по камнямъ, сбѣгая съ высоты, прекрасный ручей, такъ что въ комнатѣ этой постоянно было слышно пріятное и веселое журчаніе.

Въ одно мгновеніе ока, служанка сняла съ путника пыльную обувь его, поселила ему на софѣ мягкій шелковый тюфякъ, положила подушки и покрывала все голубымъ шелковымъ одѣяломъ съ золотыми цвѣтами.

Сама хозяйка подала ему немедленно на серебряномъ подносе прекрасной ключевой воды и двухъ сортовъ варенья; а за пѣю молодой служитель арабъ поднесъ ему кофе на золоченыхъ *тарфикахъ*.

Путешественникъ принималъ все съ достоинствомъ высшего сана и хозяйкѣ его надменное обращеніе казалось удивительнымъ и забавнымъ.

Потомъ она спросила его, что предпочитаетъ онъ: принять какую нибудь пищу или уснуть? И путникъ отвѣчалъ откровенно, что усталость и сонъ преодолѣвають въ немъ голодъ.

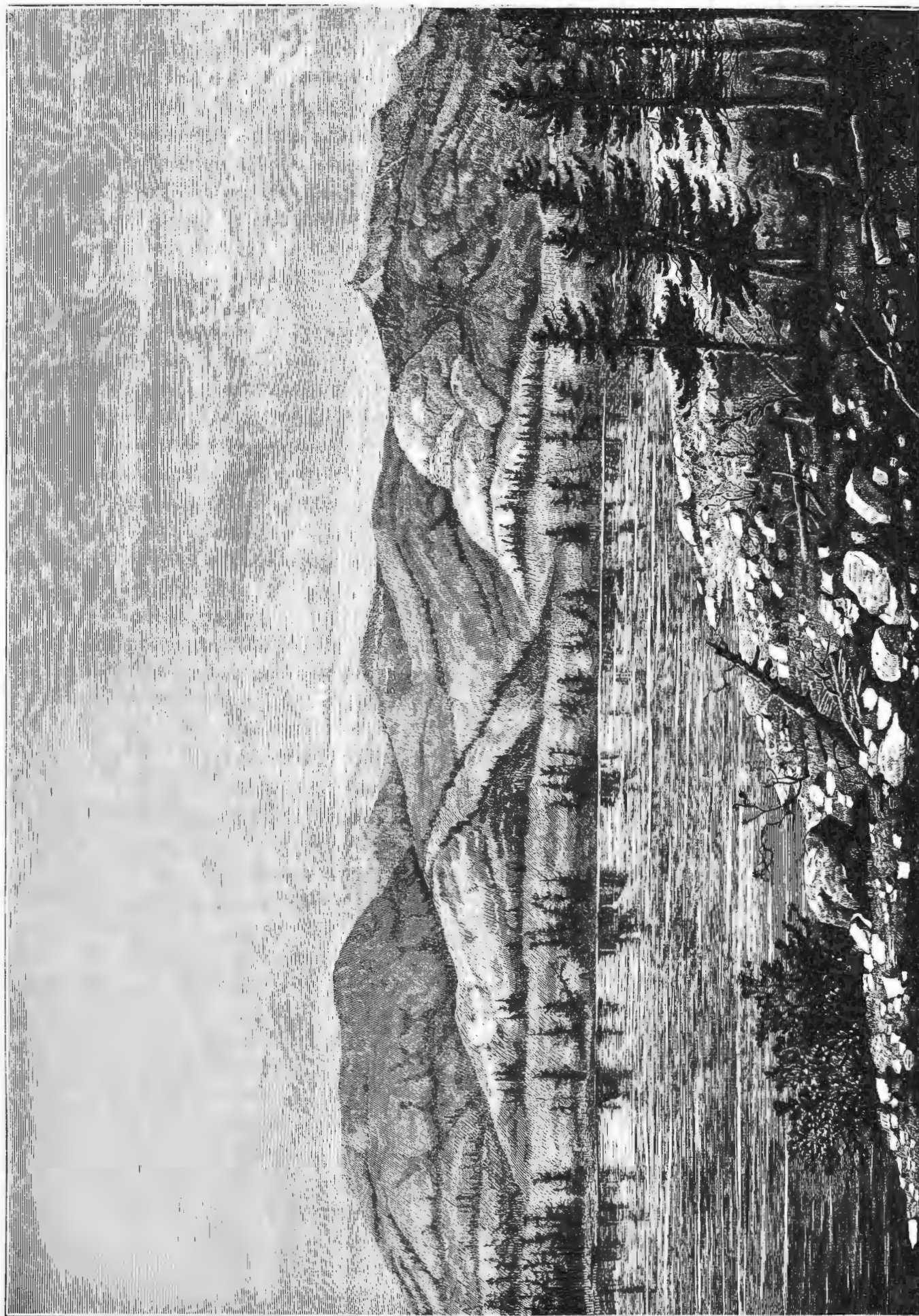
Тогда Мариго и слуга ея удалились, притворивъ за собою двери; а молодой путешественникъ раздѣлся и съ радостью оустынившись на богатое и чистое ложе, уснулъ немедленно и глубоко.

Мариго между тѣмъ строго запретила людямъ шумѣть; сама сходила на кошину и велѣла накормить мула ячменемъ, а потомъ занялась на кухнѣ приготовленіемъ самаго вкуснаго заутрака.

Ужъ солнце зашло далеко за полдень, когда сладко уснувшій путешественникъ проснулся. Онъ вышелъ изъ комнаты, умылся у фонтана, надѣлъ чистую одежду, досталъ изъ своей дорожной сумки книгу и сѣвши покойно на софѣ у окна, открытаго на немолчный ручей, сталъ читать. За этимъ занятіемъ застала его хозяйка дома; она пришла узнать хорошо-ли онъ отдохнулъ и каково его здоровье.

Войдя она примѣтила на лицѣ его недовольство и онъ видимо неохотно отвѣчалъ ей. Вообще хотя онъ и говорилъ ей по необходимости обычныя слова привѣтствій и признательности, но она еще съ той самой минуты какъ вышла на крыльцо, чтобы пригласить его, ни разу не видала улыбки на его мрачномъ лицѣ.

Годами замѣтно онъ былъ еще довольно молодъ; но безобразно худъ, блѣденъ, черезъ мѣру бородачъ и вовсе лицомъ не красивъ и не пріятенъ; а придавалъ всеѣмъ движеніямъ, словамъ и даже взглядамъ своимъ великую степенность и санови-

Общій видъ Вилюйскаго хребта въ Якутской области. Изъ собранія Р. Маана, рис. Вронскій, грав. М. Рашевскій.

Скалы Виллойских горъ въ Якутской области. Изъ собранія Р. Маака, рис. Вронскій, грав. М. Рапескій.

тость. Эти особенности возбуждали любопытство молодой хозяйки и ей очень захотелось побесѣдовать съ таинственнымъ и угрюмымъ странникомъ.

Поэтому, какъ будто-бы не обращая вниманія на его нахмуренныя брови, она почтительно сѣла поодаль на диванъ и спросила его: „хорошо-ли онъ себя чувствуетъ?“

— Очень хорошо, госпожа моя; благодарю васъ, отвѣчалъ философъ, не оставляя книги своей.

— Облегчился-ли тотъ недугъ, на который вы утромъ жаловались, стоя у нашихъ воротъ? спросила еще Мариго.

— Облегчился.

— Хорошо-ли вы почивали?

— Хорошо, еще неохотѣе отвѣтилъ онъ.

Но Мариго все притворялась, что не замѣчаетъ его досады.

— Вы должно быть вообще очень слабы здоровьемъ? Я замѣчаю это по вашей блѣдности и худобѣ, продолжала она.

Путешественникъ на это отвѣтилъ ей мрачно и грозно.

— Нѣтъ, госпожа моя, нѣтъ! и еще разъ—нѣтъ! Я худъ и блѣденъ—это справедливо, но вовсе не отъ недуговъ, а отъ чрезмѣрной учености моей. Съ раннихъ лѣтъ я постигъ великую истину, что прежде чѣмъ вступить на путь жизни дѣятельной, мудрый юноша долженъ познать всю мудрость прошлыхъ вѣковъ, сохраняемую какъ въ сокровищницѣ въ этихъ книгахъ, всюду и всегда меня сопровождающихъ. Теперь, хотя, изучивши мудрость книжную вполнѣ, я путешествую для познанія мудрости житейской, но все таки нази и нази освѣжаю свой умъ живою водою древняго любомудрія, для сохраненія неизблемой ничѣмъ твердости духа. Да, госпожа моя, я еще юнъ годами, но умомъ и познаніемъ я богатъ, я очень богатъ!

И онъ, кончая эту рѣчь, взглянулъ на нее еще сердитѣе.

— Что же пишутъ въ вашихъ книгахъ про женщинъ? спросила Мариго.

— Все худое, отвѣчалъ мудрецъ. — Въ этихъ книгахъ перечисляется все то зло, которое сдѣлали женщины отъ сотворенія міра и до нашего времени, и изображаются ихъ пороки.— Въ этомъ согласны мудрецы всѣхъ странъ и всѣхъ временъ. Не женою-ли грѣхъ первородный вошелъ въ міръ? Ева соблазнила Адама. Не за красивую-ли женщину пролито столько героической крови подъ стѣнами Иліона? Далила погубила Самсона. Омфала убила Иракла, павшаго у ся ногъ. Гезавель и Гоолия потрясли основанія еврейскаго царства. Ксантина отравляла жизнь Сократа. Жены-же совратили великаго царя и мудреца Соломона и заставили его поклоняться идоламъ. И всѣхъ золь, причиненныхъ на свѣтѣ этомъ какъ привлекательностью женщинъ, такъ и пороками ихъ; не перечесъ и до вечера.—Прекрасно уподобилъ одинъ изъ древнихъ разныхъ женщинъ разнымъ животнымъ: „Одна изъ нихъ, говоритъ онъ: горда и неукротима какъ дикая кобылица; другая лукава и жестока какъ лиса или конка; третья неопрятна, сварлива и безстыдна какъ псица... И только одна изъ десяти быть можетъ заслуживаетъ сравненія съ трудолюбивою и полезною пчелою.“

Мариго почтительно дослушала его, а потомъ вздохнула печально, и вставая съ мѣста своего сказала:

— Хотя я не знаю къ какому изъ перечисленныхъ этимъ мудрецомъ животныхъ себя, бѣдную, приравнять,—къ пчелѣ не смѣю, а къ собацѣ, къ лошади и къ кошкѣ злой и хитрой—не желаю, однако, думаю, что хоть въ одномъ уподоблюсь пчелѣ—это въ томъ, что позаботилась какъ могла объ утоленіи голода вашего и прошу васъ сдѣлать мнѣ и мужу моему честь вкусить отъ транеы нашей въ садовомъ кіоскѣ. Пожалуйста!

Она повела его въ кіоскъ, гдѣ уже былъ приготовленъ обильный и роскошный завтракъ. Кіоскъ былъ весь обвитъ виноградомъ, кромѣ передней стѣны, по которой стлался необычайно душистый жасминъ. Вокругъ цвѣли алая и бѣлая розы и другіе цвѣты. Колонны кіоска были ярко раскрашены, полъ его былъ мраморный; вокругъ широкій пунцовый диванъ, а посреди кіоска былъ фонтанъ обильнымъ снопомъ ключевой воды. Мариго нарочно приказала для гостя открыть его.

На дорогой скатерти, въ первый разъ вынутой изъ сундука, стояло множество разныхъ блюдъ и паштукъ и посреди всего преросходный ягненокъ, начиненный мелкими стафидами и кедровымъ орѣхомъ.

Фрукты также были различны и черешни бѣлыя съ темными вмѣстѣ, перемѣшанныя для красы, были связаны длинными гроздями на подобіе кистей винограда.

Молодой философъ и прекрасная хозяйка кужали вмѣстѣ съ большимъ удовольствіемъ и подъ конецъ обѣда, когда уже и старое вино, вынутое нарочно для этого особаго случая изъ погреба, развеселило суроваго гостя, Мариго возобновила прежній разговоръ:

— Однако, сказала она,— не все же объ однихъ порокахъ женскихъ передаетъ намъ исторія рода человѣческаго. Были и примѣры добродѣтелей... Неправда-ли?

Мудрецъ улыбнулся и сказалъ ей на это любезно:

— Вѣдь и тотъ женонависистникъ, который сравнивалъ женщинъ съ разными животными, уподобилъ-же нѣкоторыхъ изъ нихъ пчелѣ.—Про васъ, кирія Мариго, можно сказать двойко: по трудолюбію, по домостроительству вашему вы именно та всеполезная и драгоценная пчелка, которой сей древній мужъ

воздавалъ хвалу; по красотѣ-же вашей и милосивности вы, напротивъ того, подобны одной изъ этихъ восхитительныхъ и вострокрылыхъ бабочекъ, которыя порхаютъ въ эту минуту по цвѣтущему и благоухающему Эдему вашего сада! О! кирія Мариго, какъ долженъ быть счастливъ вашъ мужъ!!

Мариго поблагодарила его за похвалы, стыдливо опуская глаза и, вставши, вышла посиѣпно и приказала служанкамъ скорѣе убрать со стола. Онъ убралъ и подалъ гостю кофе на серебряномъ подносѣ и наргиле.

Онъ сталъ курить, внимая пріятному шуму фонтана, шелесту густыхъ деревьевъ сада и веселому, кроткому пѣнію птицъ.

Мариго возвратилась скоро и снова сѣла возлѣ него, только еще ближе прежняго. Гость, казалось, былъ уносенъ блаженствомъ и безпрестанно улыбался, глядѣлъ на нее молча.

— Да, да! Не всё, не всё порочны!.. повторялъ онъ и еще придвинувшись къ ней, взялъ ея руку.

Мариго не отняла руки.

— О, кирія Мариго! опять воскликнулъ онъ: какъ долженъ быть счастливъ вашъ мужъ и какъ я завидую ему!!

Мариго глубоко и печально вздохнула.

— Вы вздыхаете, царица красоты?!.. Вы несчастны?!.. спросилъ онъ съ жаромъ.

— Мужъ мой очень ревнивъ и недобѣрчивъ... и даже теперь...

— Что? что теперь? съ испугомъ спросилъ мудрецъ.

— Даже и теперь, отвѣчала Мариго,— когда мнѣ такъ пріятно съ вами—я непокойна... Я жду его съ минуты на минуту, изъ города...

Философъ испугался; наргиле выпалъ изъ руки его; онъ всталъ съ дивана и воскликнулъ:

— Зачѣмъ же вы мнѣ не сказали прежде, что онъ вамъ запрещаетъ даже самое законное гостепрѣимство!!

— Нѣтъ, отвѣтила Мариго,—онъ не запрещаетъ его; но онъ недобѣрчивъ и очень гнѣвенъ и я боюсь, чтобы онъ...

Она не кончила... На дворѣ раздался копейскій тонотъ и громкій мужской голосъ сердито сказалъ:

— Возмите лошадей скорѣе и поводите ес... Эй! Гдѣ вы?

— Это онъ! Это мужъ! съ притворнымъ испугомъ прошептала Мариго:— идите, идите сюда!.. Скорѣй!! Я васъ запру въ шкапъ!.. Инаго спасеныя нѣтъ!..

И быстро увлекши за собой въ домъ философа, она втолкнула его въ шкапъ, заперла его на ключъ и вышла.

Онъ стоялъ въ темнотѣ среди женскихъ одеждъ, со страхомъ думая о томъ, что можетъ ему предстоятъ; каялся въ своемъ безуміи и въ томъ, что измѣнилъ такъ неожиданно и такъ глупо своей книжной премудрости.

По страхъ его перешелъ въ истинный ужасъ и въ совершенное отчаяніе, когда онъ услышалъ изъ шкапа, что Мариго вводитъ сама въ эту самую комнату мужа своего и говоритъ ему:

— Вотъ видишь-ли другъ мой, ты иногда какъ будто не доверяешь мнѣ и ревнуешь; я этого больше не желаю; я хочу чтобы ты мнѣ всегда вѣрилъ... Сегодня прѣбхалъ откуда-то издалика одинъ молодой мудрецъ, и просилъ паниться и отдохнуть.—Я пригласила его, успокоила и угостила; но онъ, злоупотребивъ правами гостепрѣимства, началъ ухаживать за мной и объяснился мнѣ въ любви...

— Гдѣ онъ! гдѣ онъ!.. Я его убью... закричалъ въ изступленіи мужъ.

Мариго начала просить:

— За мою вѣрность и любовь, и за то, что я такъ съ тобой откровенна, я прошу и умоляю тебя, мой другъ, не обгарай рукъ твоихъ кровью. Мы сдѣлаемъ ему только наставленіе и отпустимъ его... Общай мнѣ это, и я укажу тебѣ гдѣ онъ...

— Говори, говори гдѣ онъ? кричалъ мужъ. За твою любовь и вѣрность общай тебѣ отпустить его живымъ... Но я сокрушу ему ребра... Скажи только гдѣ онъ?!

Голосъ хозяйина былъ силенъ и грозенъ, и бѣдный философъ стоялъ въ шкапу ни живъ, ни мертвъ, и возсылалъ только къ небу страстныя и слезныя мольбы.

Мариго долго уговаривала мужа, наконецъ сказала ему:

— Онъ въ этомъ шкапу... Не убивай его только до-смерти... Вотъ тебѣ ключъ... Держи.

— А! а! радостно вскрикнулъ разъяренный супругъ.

А путешественникъ въ послѣдній разъ возвелъ очи къ небу, и мысленно сказалъ:

„Боже Праведный, спаси меня!“

— Но въ ту же минуту, прежде чѣмъ мужъ успѣлъ подойти къ шкапу, раздался громкій смѣхъ Мариго, и веселый взглялъ ея:

— *Идесъ!! идесъ!!* Я все выдумала и солгала—въ шкапу нѣтъ никого, а ты взялъ ключъ и не сказалъ мнѣ *идесъ!!* Садись же сейчасъ на коня и опять скачи въ городъ и привези подарки...

— Ахъ! дьявольская хитрость женщины!.. воскликнулъ мужъ. И бросивъ ключъ на землю, закричалъ изъ окна слугамъ:

— Эй! не разсѣдывайте коня... Я сейчасъ ѣду опять въ городъ.

И съ этими словами вышелъ и посиѣпно ускакалъ.

Какъ только все утихло, Мариго отперла шкапъ, и, выпуская оттуда полумертваго гостя, сказала ему:

— Вотъ видите, вы еще не всё хитрости женскія знаете, и

вась, какъ и всякаго, умная женщина можетъ обмануть, если захочетъ.

Философъ повинился, покаялся, благодарилъ ее, и хотѣлъ было поспѣшно уѣхать, но она остановила его, говоря такъ:

— Пѣть, останьтесь, ужинайте и ночуйте у насъ. Скоро почь и куда вы скроетесь, и гдѣ хорошо отдохнете въ незнакомомъ городѣ? Вѣрите мнѣ, что мужъ мой обойдется съ вами теперь очень хорошо. Я беру все на себя... И даже мула вашего я запретила сѣдлатъ и выводить изъ конюшни. Вы понимаете должны, что мужъ мой отъ слугъ можетъ потомъ узнать, что все-таки кто то былъ у меня спрятанъ въ шкапу, и я его тайкомъ выпустила... И тогда я довѣрие утрачу невозвратно и мы будемъ несчастливы всю жизнь нашу. А когда онъ васъ увидитъ, и я поговорю съ нимъ, то онъ будетъ мною доволенъ и станетъ смѣяться...

Нануанный философъ умолялъ ее отпустить его, но Мариго была непреклонна и рѣшительно объявила ему, что онъ пѣльничекъ,—и такъ, онъ остался поневолѣ въ домѣ ждать хозяина, и смиренно молился, все сокрушаясь, и все больше и больше робѣя.

Наконецъ, раздался снова по камнямъ двора конскій топотъ. Мариго тотчасъ же снова заперла въ шкапу полумертваго отъ ужаса гостя, сказавши ему:

— Не бойтесь, я все устрою.

И сама пошла встрѣчать мужа. Подарки были прекрасные, и всѣ слуги и служанки собрались смотрѣть ихъ и восхищались ими. Тогда, при всѣхъ нихъ, Мариго взяла за руку мужа, и ласково глядя на него сказала:

— Милый мой! мнѣ довѣрие и любовь твоя драгоценнѣе всѣхъ этихъ подарковъ. Я утрудила тебя и заставила для моего удовольствія усталаго второй разъ проѣхать въ городъ. Сейчасъ я буду сама служить тебѣ за столомъ, который ужъ со всѣмъ готовъ. Но прежде я должна признаться тебѣ, что я

тебя вдвойнѣ обманула. Ты бросилъ ключъ на полъ и повѣрилъ что въ шкапу никого нѣтъ, но это неправда. Тамъ и теперь запертъ полумертвый отъ страха молодой человекъ—путникъ, который хвастался, что никакая женщина обмануть его не можетъ, до того онъ мудръ и проницателенъ. Я нарочно задержала его до твоего прѣзда, чтобы выиграть ядешь, и вмѣстѣ съ тѣмъ наказатъ и его за самохвальство и гордость.

Мужъ съ удивленіемъ и безпокойствомъ смотрѣлъ на нее. Служанки и слуги всѣ улыбались, а старшая, и болѣе смѣлая изъ прислужницъ, вмѣшалась въ дѣло и воскликнула:

— И гордиться ему нечѣмъ,—хоть и молодой, да такой плохой, худой, бородастый и страшный, что Боже упаси!..

Тогда уже всѣ служителя и служанки засмѣялись громко, и нѣкоторые сказали:

— Правда, правда, что собой онъ дурной и скверный!

Послѣ этого успокоившійся мужъ сказалъ:

— Ну, отирай и веди его скорѣе со мной ужинать. Я ему обиди не сдѣлаю, довольно съ него стыда и страха.

Философа отгнали и вывели въ залу къ хозяину дома, который, увидавъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ некрасивъ и очень испуганъ, протянулъ ему дружески руку и сказалъ съ улыбкой:

— Я радъ, господишъ мой, видѣть васъ у себя въ домѣ. Милости прошу поужинать со мною, чѣмъ Богъ послалъ, и выпьемъ вмѣстѣ за здоровье всѣхъ умныхъ и добродѣтельныхъ женщинъ на этомъ свѣтѣ существующихъ!

— Да, есть женщины, которые много мудрѣ насъ! вздыхая замѣтилъ философъ.

Они пріятно поужинали. Мариго сама весело служила имъ; они вышли оба за ея здоровье, потомъ оба пошли каждый къ себѣ и уснули спокойно; а рано утромъ, пристоженный философъ уѣхалъ, обогащенный на этотъ разъ уже не одной книжной премудростью, но и настоящимъ житейскимъ опытомъ.

Два ключа.

«...И брызнуть на него воронъ водою живою...»
Старая сказка.

Когда, склонясь на щитъ узорный,
Сраженный витязь умираетъ,
Живой водою воронъ черный
Его крошилъ и оживлялъ,—
И витязь, полный силы новой,
Вставалъ на бой съ своимъ врагомъ,
И надвигалъ на лобъ суровый
Стрѣлой увѣчаный шоломъ;
И снова брань его маняла,
И несъ онъ смерть въ своемъ мечѣ...

По гдѣ-жъ таинственная сила,
Что билась въ сказочномъ ключѣ?..

Тотъ ключъ изсякъ!.. Змѣю черной
Межъ насъ роится ключъ иной,—
Онъ насъ поитъ волной тлетворной,
Поитъ насъ мертвою волной...
Ахъ, еслибъ воронъ тотъ волшебный
Изъ царства радужнаго грѣзъ
Въ нальгъ обданный край воды цѣлебной,
Воды живительной принесъ!..
Пусть брызнетъ онъ живою влагой
На насъ, истлѣвшихъ мертвецовъ,—
Быть можетъ мы, горя отвагой,
Тогда возстанемъ изъ гробовъ!..

П. Гнѣдичъ.

Къ рисункамъ.

Веселый банкетъ.

(Рис. на стр. 612 и 613).

Прелестная картина Гоффера съ чрезвычайною живостью переноситъ насъ въ одну изъ изящнѣйшихъ эпохъ въ мірѣ—въ вѣкъ Людовика XIV. Уточенность нравовъ, изящество, вѣжливость, блескъ развились въ это время во французскомъ обществѣ въ замѣчательныхъ формахъ. При томъ могуществѣ и силѣ, которыя приобретаются въ правленіе Ришелье и Мазарини, дворъ короля дѣлается средоточіемъ пышности и величія. Знатнѣйшіе роды, но благородству крови стоявшіе не ниже короля, превращаются въ саповниковъ-придворныхъ—привлекаютъ ихъ блескъ двора. Изящество воспитанія, строгія и высокія понятія о чести господствовали въ тогдашнемъ обществѣ. Изысканность одежды все больше входитъ въ права. Версаль кинитъ изящною толпою все утро, толпою тщательно озабочивающеюся своимъ туалетомъ. Но эти же франты-дворяне легѣлы и на битву какъ на балъ. Всѣ лѣтвивы, обходительны, вѣжливы. „Все это общество, говоритъ Тэнъ, было какъ бы прелестный садъ съ изящными растениями и тонкимъ ароматомъ, и мы, въ нашъ сѣрый, все уравнивающий вѣкъ, съ трудомъ можемъ вызвать даже о томъ передъ собою представление“. Правы отличались также легкостью и свободою.

Гофферъ изображаетъ передъ нами блестящее общество того времени, за веселымъ банкетомъ, въ чудный лѣтній день, въ великолѣпномъ паркѣ. Прелестныя женщины, красные изящные юнцы, напечатывающіе комплименты хороненькимъ сосѣдкамъ—все элегантное общество только что кончило обѣдъ и юный красавецъ-аббатъ, такой же элегантный и изящный какъ его духовныя дѣти, читаетъ какое то поученіе, но очевидно не очень строгого содержанія, судя по милой улыбкѣ его красиваго лица и довольноному и спокойному, отнюдь не мрачному, выраженію лица его слушателей. Всѣ, и дѣти и взрослые, занимаются каждый своимъ, и лишь у ногъ аббата, миловидная крошка протягиваетъ маленькій бубетъ краснорѣчивому проповѣднику.

Ласточки.

(Рис. на стр. 617).

Еще нашъ поэтъ Г. Р. Державинъ такъ воспѣвалъ эту вѣстницу весны:

О миловидная ласточка,
О черносизая птичка,
Грудь краснобѣла, касаточка,
Лѣтняя гостя пѣвчиха!

Это граціозная, миловидная, первая вѣстница весны, своимъ бойкимъ, звонкимъ голоскомъ возвѣщающая ея приближеніе. Хлопотливо начинаетъ она гдѣ нибудь у окна, подъ карнизомъ, вить себѣ гнѣздышко; съ легкимъ и короткимъ крикомъ, быстро и стремительно, то взвиваясь, то устремляясь къ землѣ, носится она въ голубомъ сіяньи лѣтняго дня. И олицетвореніе Весны, выпускающей какъ бы своихъ милыхъ вѣстниковъ, проворныхъ ласточекъ, очень граціозно задумано и выполнено художникомъ.

Виды Виллюйскихъ горъ.

(Рис. на стр. 620 и 621).

Помѣщаемые здѣсь рисунки представляютъ часть горнаго хребта, не имѣющаго пока географическаго названія и лежащаго въ Виллюйскомъ округѣ. Хребетъ, достигающій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высоты около полутора тысячъ футовъ, состоитъ изъ отдѣльныхъ сопокъ и гребней, фантастически-причудливой формы, въ видѣ развалинъ замковъ, рядовъ колоннъ,obelisksовъ, пирамидъ, какъ видно на рисункѣ стр. 621. На другомъ же рис. изображены на дальнихъ вершинахъ эти же скалы издали. Туземцы видятъ въ подобныхъ образованіяхъ, превратившихся— въ коней-гигантовъ, духовъ своихъ, давно умершихъ, предковъ. Живописный выступъ, извѣстный подъ названіемъ Тунгусъ Янги (или Джангы), т. е. скала тув-

гусь (джангы, по якутски, обнаженная сонка), по представлению мѣстных тунгусовъ, есть окаменѣвшій знаменитый богатырь. Въ зимнее время покрыты снѣгомъ, вершины Тунгусъ-Янги, любимое пристанище бѣлыхъ куропатокъ (*Tetrao lagopus*), которыхъ, впрочемъ, благодаря ихъ бѣлому цвѣту, можно замѣтить только случайно, слугнувъ усѣвную стаю. Коренную породу хребта составляютъ известковые пласты верхне-силурійской эпохи, почти тождественные съ отложениями лифляндской губернии и весьма богатые разнообразными окаменѣlostями.

Вилуйскій округъ, находящійся въ сѣверо-западной части Якутской области—это самый большой изъ пяти ея округовъ. По картѣ, составленной въ 1825 г., вскорѣ послѣ образованія округа, восточная граница его начинается на берегу Ледовитаго океана, приблизительно подъ 75° с. ш. и 151° в. д.

Вилуйскій округъ простирается съ сѣвера на югъ на двѣнадцать и съ востока на западъ на двадцать девять градусовъ. По исчисленіямъ Стрѣльбицкаго, пространство округа (съ дельтою Лены) составляетъ 20,574 кв. мили—995,494 кв. верстами, такъ что на пространство, занимаемое округомъ, могли бы умѣститься Архангельская губернія и великое княжество Финляндское, а изъ европейскихъ государствъ—Германія и Франція, взятыя вмѣстѣ.

Эта обширнѣйшая территория до настоящаго времени почти совершенно неизвѣстна, хотя для изслѣдованія ея еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія была снаряжена особая—Вилуйская—экспедиція. По разнымъ обстоятельствамъ, главнымъ образомъ, по недостатку средствъ, послѣ выхода въ свѣтъ перваго тома отчета экспедиціи (о климатѣ округа), собранный съ немалымъ трудомъ остальной матеріалъ, до самаго послѣдняго времени, не могъ быть изданъ. Только въ минувшемъ году, благодаря Высочайшему вниманію Государя Императора, соизволившаго на отпускъ изъ казны необходимой суммы, явилась возможность продолжать изданіе.

Ныѣшнимъ лѣтомъ выйдетъ изъ печати второй томъ, содержащій, кромѣ описанія маршрутовъ экспедиціи, множества рисунковъ и картъ—собранный экспедиціею богатый естественно-историческій и географическій матеріалъ. Въ будущемъ году предпологается издать третій, послѣдній, томъ, въ который войдутъ этнографическія свѣдѣнія о мѣстномъ, по преимуществу якутскомъ и тунгусскомъ, населеніи, о его бытѣ, обычаяхъ, поврѣяхъ, прошломъ и т. п. Для послѣдняго тома приготовлена масса рисунковъ домашней утвари, туалетныхъ принадлежностей, предметовъ, найденныхъ въ старинныхъ гробницахъ, орудій производства и разныхъ промысловъ.

Вилуйскій округъ—край своеобразный во многихъ отношеніяхъ и, главное, почти неизученный. Между тѣмъ изученіе края представляло бы, кромѣ теоретическаго интереса, практическое значеніе по отношенію къ устройству быта населяющихъ округъ якутскаго и тунгусскаго племенъ. Не смотря на относительное богатство края, на присутствіе въ немъ желѣзныхъ рудъ, богатыхъ мѣсторожденій соли, обиліе рыбы и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пушпаго звѣря, на возможность земледѣлія и обширнаго скотоводства, населеніе находится почти въ первобытномъ состояніи, будучи жертвою голодовокъ, эпидемій и всяческихъ стихійныхъ напастей.

Сеидъ-Назаръ-Юзбаши.

Жители присоединившагося добровольно къ нашимъ владѣніямъ 25 янв. 1884 г. Мервскаго оазиса дѣлятся на четыре рода. Въ составъ депутаціи, явившейся къ генералу Комарову съ изъявленіемъ покорности Русскому Царю, вошли ханы всѣхъ мѣстныхъ родовъ и 24 старшины. Всеподданнѣйшая просьба была написана на татарскомъ языкѣ, на большомъ пергаментномъ листѣ и скрѣпленна подписями. Послѣдовало, какъ извѣстно, Высочайшее соизволеніе и присяга мервцевъ была при-

нята. Въ числѣ депутатовъ былъ и лихой воинъ, еще молодой старшина, Сеидъ-Назаръ-Юзбаши, который, вмѣстѣ съ другими, участвовалъ въ славномъ дѣлѣ при Кушкѣ, уже произведенный въ прапорщики милиціи, и запечатлѣть преданность своему Царю и вѣрность данной имъ присягѣ своею кровью: онъ палъ въ дѣлѣ 18 марта 1885 года геройскою смертью.

Императ. охотничій дворецъ и павильонъ въ с. Лисинѣ.

(Рис. на стр. 628).

Покойный Императоръ Александръ II отдавалъ особенное предпочтеніе Лисинѣ передъ другими мѣстностями, гдѣ производились высочайшія охоты. И дѣйствительно, лисинскій лѣсъ можетъ очаровать охотника своей дѣвственной прелестью. На протяжении цѣлыхъ десятковъ верстъ тянутся прекрасныя, смѣшанныя пасаженія. Хвойныя породы въ лѣсу преобладаютъ надъ лиственными, въ особенности часто встрѣчается ель, которая, плотно сомкнувшись, образуетъ такую темную, непроходимую чащу, что даже становится какъ то жутко человеку, случайно забредшему въ эти лѣсные дебри. Для медвѣды лисинскій лѣсъ—чистая находка; только здѣсь онъ и пользуется нѣкоторымъ покровительствомъ закона, запрещающаго жителямъ окружныхъ деревень и селъ охотиться на медвѣдей въ казенномъ лѣсу. Не смотря на то, что высочайшія охоты на медвѣдей бываютъ почти ежегодно, ихъ все-таки не убываетъ въ лисинской дачѣ.

Въ царствованіе покойнаго Императора, въ селѣ Лисинѣ построены охотничій павильонъ, или дворецъ, какъ называютъ его въ Лисинѣ. Въ этомъ дворцѣ останавливался покойный Государь со свитою, во время своего прѣзда въ Лисино. Въ настоящемъ № „Нивы“ помѣщенъ рисунокъ этого маленькаго дворца, а также и другой рисунокъ лѣтнаго охотничьяго павильона, о которомъ скажемъ нѣсколько словъ ниже. Убранство комнатъ зимняго павильона, или дворца, чрезвычайно просто. На стѣнахъ висятъ картины, оленины головы съ огромными вѣтвистыми рогами, барельефы, оружіе и проч. украшенія. Въ комнатахъ разставлены чучела разныхъ дикихъ звѣрей, убитыхъ на высочайшихъ охотахъ. Между этими чучелами особенно бросается въ глаза чучело большаго медвѣды, убитаго покойнымъ Императоромъ близъ ст. Вѣлой. Въ одной изъ комнатъ дворца находится небольшая оранжевая, убранныя, какъ и прочія комнаты, въ охотничьемъ вкусѣ. Вообще внутреннее убранство дворцовыхъ комнатъ не походитъ на роскошное убранство с.-петербургскихъ дворцовъ: въ лисинскомъ дворцѣ все дышетъ деревенскою простотою.

Съ главной стороны фасада, у парадныхъ дворцовыхъ дверей сдѣлана небольшая горка, на вершинѣ которой устроена деревянная площадка, оканчивающаяся маленькою террасою. Послѣ охоты, вечеромъ, при яркомъ освѣщеніи горящихъ костровъ, у подошвы горки рядами раскладываются убитые звѣри, охотники обыкновенно выходятъ на террасу полюбоваться на свою добычу.

Лѣтній охотничій павильонъ находится въ 2½ верстахъ отъ села Лисина. Прекрасная шоссеиная дорога, прямая какъ струна, разсѣкая лѣсъ, прямо упирается въ павильонъ. Въ павильонѣ двухъ-свѣтовая комната съ бревенчатыми стѣнами служитъ для кратковременнаго отдохновенія охотниковъ. Посреди комнаты стоитъ большой некрашеный сосновый столъ, вдоль стѣнъ поставлены широкія сосновые лавки,—вотъ и все убранство лѣтнаго павильона. Большая комната соединяется стеклянною галлереей съ двумя другими небольшими комнатами и кухней. Если подняться на крытую галлерею, которая идетъ вверху вокругъ павильона и взглянуть въ сторону охотничьяго звѣрнца, то съ правой стороны виденъ кабанникъ, съ лѣвой же стороны видна та часть звѣрнца, гдѣ помѣщаются лавы. Этыхъ граціозныхъ животныхъ почти всегда можно видѣть съ галлерей павильона. Онѣ выходятъ на небольшія лѣ-

Прапорщикъ милиціи Сеидъ-Назаръ-Юзбаши, мервскій старшина, русскій подданный. Убитъ въ дѣлѣ при Кушкѣ 18-го марта.

По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Литературный альбомъ. „Тушино“. Драма А. Н. Островскаго. „Тушинцы у стѣнь Троицкой лавры“. (Сц. VII).
Ориг. рис. А. Земцова, грав. Ю. Барановскій.

пья прогалинки и, пользуясь полнѣйшей свободой, пасутся по нѣскольکو штукѣ выѣсть. Кабаны же, наоборотъ, никогда почти не выходятъ на полянки и скрываются по большей части въ чащѣ лѣса. Кромѣ кабановъ и ланей, въ охотничьемъ звѣринцѣ есть еще другіе звѣри, какъ напр. олени, лисыцы и зайцы. Пространство лѣса, занятое охотничьимъ звѣринцемъ, довольно велико; высокій, бревенчатый тынъ, окружающій звѣринецъ, тянется на нѣсколько верстѣ.

„Тушино“. Драма А. Н. Островскаго.

(Рис. на стр. 625).

Для рисунка своего художникъ взялъ темою седьмую сцену прекрасной пьесы нашего драматурга „Тушино“. Сцена эта изображаетъ станъ Лисовскаго подъ Троицкой Лаврой (12 окт. 1608 г.) и относится къ одному изъ славнѣйшихъ дѣлъ того ужаснаго времени—геройству иноковъ и воиновъ, защитниковъ Лавры.

Савѣла и Лисовскій именемъ новаго Тушинскаго Самозванца Дмитрія шли противъ царя Василія Ивановича и думали скоро управиться съ Троицкимъ монастыремъ, но встрѣтили геройское сопротивление. Приступы ихъ были отбиты, осадныя работы уничтожены. Монахи ревностно работали: одни отправляли богослуженіе, другіе готовили въ пекарняхъ пищу для воиновъ, иные день и ночь бились сами какъ воины, дѣлали вылазки, даже начальствовали надъ отрядами. Кромѣ, конечно, герояства осажденныхъ, могло быть нѣкоторое смущеніе и среди полчищъ въ станѣ Лисовскаго: русскіе вѣрующіе люди его отряда все же въ душѣ ужасались и содрогались своего дѣла. Это превосходно и выражено въ словахъ одного изъ Тушинцевъ, собравшихся у костра въ эту холодную, сырую ночь, въ виду стѣнъ Лавры, какъ изображено на нашемъ рисункѣ.

Угодники Господни (говоритъ одинъ изъ казаковъ)
Монашьярю дають святую помощь.
Мы съ музыкой идемъ, съ гуднѣемъ, съ воплемъ,
Да пьяные... А тамъ святые старцы
Молитвою укрѣплены, постомъ,
И ратники съ благословеньемъ Божиимъ
Отпоръ даютъ со звономъ колокольнымъ.
И сунулся да убѣжалъ. Взглянуть!
И помертвѣлъ! Въ снѣги небесномъ
Угодники со стѣнъ на насъ грозятся,
Святой водой кропятъ. Объятый страхомъ
Скорѣй назадъ бѣгу...

Эта толпа Тушинскихъ воиновъ, разговаривающихъ у костра, и изображена нашимъ художникомъ.

Ревень.

(Рис. на стр. 629).

Интересное и необыкновенно полезное растение это разводится какъ украшеніе въ паркахъ, какъ овощъ въ огородахъ и какъ лекарственный корень въ большомъ количествѣ на поляхъ. Оно принадлежитъ къ числу многолѣтнихъ, переносящихъ зиму; листья его довольно велики и корень сильный, содержащій желтое красящее вещество. Разныя породы ревеня растутъ на Гималаяхъ, въ Китаѣ, въ юго-восточной Европѣ и на сѣверномъ склонѣ Тибета, въ провинціи Канфу. Единственнымъ настоящимъ лекарственнымъ ревенемъ до послѣдняго времени считали ремень эмоды или пеналекскій, который вывозился изъ Китайской провинціи Ганфуль. Благодаря продолжительнымъ и труднымъ изысканіямъ, предпринятымъ по приказанію императрицы Екатерины II и особенно благодаря изслѣдованіямъ д-ра Вальха, директора ботаническаго сада въ Калькутѣ, дознано, что отъ этого сорта произошелъ настоящій лучшій русскій ремень (*Radix rhei moscoviti*), мѣсторожденіе котораго умыленно прежде скрывалось бухарцами. Корни четырехъ- и шестилѣтнихъ растений выкапываютъ въ апрѣлѣ и майѣ, очищаютъ, разрѣзаютъ на куски толщиной въ кисть руки и развѣшиваютъ для просушки. Легкій на вѣсъ корень имѣетъ своеобразный запахъ, непріятный, горькій вязжущій вкусъ, хруститъ при жеваніи на зубахъ, отъ содержанія въ немъ павелекислой извести, и окраиваетъ слюну въ шафранный цвѣтъ. Наше правительство заключило съ китайскимъ договоромъ на торговлю ревенемъ, — онъ доставляется моремъ изъ Кантона, или сухимъ путемъ, черезъ Кяхту и Сибирь. Какъ цѣлебное средство, ремень давно былъ извѣстенъ арабамъ; въ европейскіхъ же аптекахъ сталъ употребляться не болѣе трехъ столѣтій.

Нашъ извѣстный путешественникъ полковникъ Пржевальскій, десять лѣтъ тому назадъ, нашелъ въ провинціи Канфу настоящій ремень. Онъ собралъ сѣмена и доставилъ ихъ д-ру Регелю, директору ботаническаго сада въ Петербургѣ. Тутъ растеніе принялось очень хорошо и дало цвѣты, что доказываетъ, что ремень можетъ разводиться у насъ на поляхъ. Кромѣ цѣлебныхъ свойствъ ремень считается прекраснымъ овощемъ, изъ листьевъ котораго приготавливаютъ салатъ, а изъ стеблей, содержащихъ яблочную кислоту — компотъ, желе и столовое вино. Наконецъ, какъ выше сказано, ремень служитъ прекраснымъ декоративнымъ растеніемъ въ садахъ; однако въ послѣднемъ случаѣ необходимо срывать цвѣты, не давая образоваться семенамъ, съ появленіемъ которыхъ листья на растеніи становятся меньше.

Политическое обозрѣніе.

Парламентаризмъ въ Европѣ.—Громкія слова маршала Салисбери, остающіяся безъ послѣдствій.—Предстоящіе выборы во Франціи.—Значеніе колониальной политики въ Европѣ.

Парламентская жизнь Европы представляетъ за послѣднее время очевидные факты неоворотливости громоздкаго парламентскаго механизма для удовлетворенія нуждъ быстро текущей и скоро измѣняющейся политической жизни. Функции государственнаго и политическаго отправления задерживаются и осложняются значительно представительствомъ, въ то время когда требуется отъ государства быстрыхъ и безповоротныхъ рѣшеній. Мало того, въ самой парламентской сферѣ появляются разлагающіеся признаки и все симптомы полной неустойчивости. Въ Англіи, въ странѣ болѣе крѣпкаго парламентаризма, въ которомъ уже вѣками сложились двѣ стойкія сличенныя политическія партіи торіевъ и виговъ, уже появляются новыя фракціи радикаловъ и нео-консерваторовъ, имѣющихъ играть большую роль на предстоящихъ нынѣшнюю осенью общихъ выборахъ. Въ прежнее время правительственная власть, попадая въ руки торіевъ или виговъ, тѣмъ самымъ и определяла программу своихъ будущихъ дѣйствій. Нынѣ совсѣмъ не то. Парламентъ разобьется на нѣсколько мелкихъ политическихъ группъ и правительственная дѣятельность будетъ поставлена въ зависимость отъ случайно составившагося парламентскаго большинства. Нынѣшній глава англійскаго министерства, маркизъ Салисбери на прищепное ему въ Карлстонъ-клубъ сторонниками министерства поздравленіе, сказалъ: „прежде всего мы должны остерегаться трусливой политики, которая была бы не только неблагодарна, но могла бы даже сопрвождаться роковыми послѣдствіями“. Слова громки, знаменательны, но не убѣдительны. Извѣстный русофобъ и надѣлавшій столько хлопотъ Англіи сэръ Питеръ Демеденъ, читая недавно на торжественномъ собраніи королевскаго географическаго общества, подъ президентствомъ зятя королевы Виктории маркиза Де-Дермъ, не стѣснялся между прочимъ высказать передъ англійской аристократіей о благотворномъ вліяніи Россіи на земли, занимаемыя туркменами. Съ другой стороны такая русофобская консервативная газета какъ „Morning Post“ уже теперь, разуждая объ англо-русскихъ отношеніяхъ при новомъ министерствѣ, въ концѣ концовъ замѣчаетъ, что-де русскому правительству гораздо легче будетъ достигнуть согла-

шенія съ лордомъ Салисбери, чѣмъ съ предшествующимъ министерствомъ. Ясно, что упомянутыя слова англійскаго премьера, сказанныя имъ въ Карлстонъ-клубѣ—громки, но громъ ихъ раздается въ пустомъ пространствѣ. Консерваторы видятъ, что имъ придется бороться уже не съ одними либералами, а со многими политическими фракціями, а потому консервативное правительство уже заранѣе отрѣшается отъ прямолинейной твердости и склоняется на всякаго рода уступки и компромиссы.

О парламентской жизни республиканской Франціи и говорить нечего. Тамъ бушующее народное представительство, съ дикими возгласами одичалыхъ радикаловъ и „непримиримыхъ“, представляетъ нѣчто такое извѣчливое и неустойчивое, что еще нужно удивляться, какъ могутъ управлять страной быстро измѣняющіяся министерства и вести какую либо политику. Еще при жизни энергичнаго Гамбетты разношерстная республиканская партія группировалась около этого талантливаго адвоката и имѣла силы разбить замыслы прогивниковъ, умѣвшихъ отуманить бывшаго президента республики, маршала Макъ-Магона; но въ настоящее время эта партія, лишенная вождя, не имѣя талантовъ, разбивается на нѣсколько ничтожныхъ группъ, преслѣдуемыхъ еще болѣе ничтожными политическими цѣли. Нынѣшнее осенью, какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, предстоятъ общіе выборы. Любопытно будетъ знать какимъ языкомъ заговоритъ эта новая палата Франціи и изъ чего составится пресловутое „парламентское большинство“. Хорошо если умѣренное республиканство соединится съ монархистами, но а что если крайнимъ республиканцамъ придется соединиться „съ непримиримыми“, т. е. съ группой революціонеровъ—что тогда будетъ представлять изъ себя страна, руководимая такимъ парламентскимъ большинствомъ.

Чтобы еще болѣе видѣть признаки нынѣшняго парламентаризма, напомнимъ, что колониальная политика почти одновременно сблизъ съ позиціи три министерства въ Европѣ: Ферри—во Франціи, Гладстона — въ Англіи и Деуретиса — въ Италіи. Но колониальная политика не есть результатъ кабинетнаго измышленія, а слѣдствіе безповоротной необходимости. Густо населенная Европа должна прокармливать населеніе фабричною и заводскою промышленностью, которая изъ года въ годъ растетъ и нуждается все въ большихъ и большихъ рынкахъ сбыта. Поискъ за этими рынками въ дальнихъ колоніяхъ

ставляют необходимость не для одной только Англии, как это было прежде, а для всех государств Европы. Необходимы они для Германии, необходимы они и для нас, хотя как в Германии, так и у нас, колониальная политика служит укреплению правительственной власти, а не ее расширением, как это обнаружилось в Англии, Франции и Ита-

лии. Нашлись и в Германии близорукіе представители народа, неоднократно пытавшіеся тормозить колониальную политику князя Бисмарка; но въ рукахъ государственнаго канцлера правительственная власть не очень то смущается парламентскою оппозиціею и ведетъ дѣла на пользу страны, помимо прихоти и капризовъ парламентскаго большинства.

С М Ъ С Ъ .

Общественный денежный шкафъ. Между прочими приспособлениями для обезпеченія цѣнностей отъ воровъ, городъ Сан-Франциско устроилъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ называемый общественный денежный шкафъ. Онъ сдѣланъ изъ 30 склепанныхъ стальныхъ пластинокъ и занимаетъ пространство въ 430 кубическихъ метровъ, которое раздѣлено на четыре тысячи маленькихъ шкафчиковъ, отдаваемыхъ въ наемъ благонадежнымъ жителямъ города. Гигантскій шкафъ помѣщается на землѣ въ большомъ зданіи, стѣны котораго состоятъ изъ гранита, кирпичей, цемента, желѣза и стекла. Стѣны самаго шкафа не могутъ быть взломаны, такъ какъ пробить ихъ можно только буровомъ съ алмазнымъ наконечникомъ, между тѣмъ инструментъ этотъ работаетъ очень медленно и производитъ шумъ, почему и не можетъ быть примѣнимъ. Общественный шкафъ имѣетъ два входа, каждый изъ которыхъ запирается тремя двойными желѣзными дверьми, каждая въ 15 сантиметровъ толщины. Обѣ внутреннія двери имѣютъ потайные замки, для открытія которыхъ требуется всякій разъ присутствіе двухъ сторожей, изъ которыхъ каждый знаетъ слово, открывающее его замокъ. Сообщение слова товарищу строго запрещено. Но на случай внезапной смерти сторожа, что повлекло бы за собою невозможность открыть шкафъ, каждый изъ привратниковъ пишетъ свое слово и въ запечатанномъ конвертѣ передаетъ его въ банкъ. Въ случаѣ смерти сторожа конвертъ передается для вскрытія директору компаніи общественнаго шкафа. Четыре сторожа внутреннихъ дверей еще потому не могутъ войти ни въ какое преступное соглашеніе, что наружныя двери остаются закрытыми до тѣхъ поръ, пока засовы ихъ не ослабятся часовымъ механизмомъ, поставленнымъ внутри. Выпускъ же сторожей допускается только въ опредѣленные часы. Наконецъ предначертанное вскрытіе денежнаго шкафа не принесло бы никакой пользы ни четыремъ сторожамъ, ни директору, такъ какъ отдѣльные шкафчики запираются нанIMATEЛЯМИ своими потайными замками. Замокъ же спрятанъ за желѣзною дверью, которая въ свою очередь можетъ быть открыта только однимъ изъ служащихъ въ обществѣ. Такой служащій сопровождаетъ нанIMATEЛЯ всякій разъ, когда тотъ вкладываетъ что либо въ свое отдѣленіе или вынимаетъ оттуда. Плата за отдѣленіе сообразна его величинѣ и колеблется между 40 и 400 руб. въ годъ.

Пепель Цезаря. Въ Римѣ недавно сдѣлана важная археологическая находка. При выкапываніи земли подъ новое зданіе внутри Порта Саларія, рабочіе наткнулись на подземную гробницу, въ которой находилось семь мраморныхъ ящиковъ съ пепломъ. По надписямъ на ящикахъ оказалось, что это гробница семьи Лицинія. Рабочіе, проникшіе подъ своды, нашли бронзовую статую въ 2 фута вышины и это заставило ихъ умолчать о всей находкѣ, съ цѣлью не отдавать статую, что имъ дѣйствительно и удалось. Она была куплена русскимъ собирателемъ древностей за 6000 франковъ, но стоитъ по крайней мѣрѣ вчетверо болѣе. Когда наконецъ владѣлецъ земли, сибирь Марини узналъ о находкѣ гробницы и пришелъ осмотрѣть ее, онъ нашелъ всѣ ящики вскрытыми. Находясь въ нихъ урны, между которыми одна изъ восточнаго алебастра, также были всѣ вскрыты и исчезли. Гдѣ пепель, который находился въ этихъ памятникахъ? спросилъ г. Марини. Рабочіе очень удивлялись вопросу и наконецъ одинъ изъ нихъ сознался, что въ урнахъ дѣйствительно былъ пепель, очень бѣлый, который онъ забралъ и отослалъ своей женѣ на шелокъ, не предполагая, чтобы пепель этотъ имѣлъ какую нибудь цѣнность. Такимъ образомъ пепель Цезаря, Луція, Кальпурнія, Пизо и другихъ римскихъ благороднѣйшихъ патриціевъ, пролежавъ въ землѣ болѣе восемнадцати столѣтій, употребленъ прачкой на шелокъ.

Интересныя свѣдѣнія доставлены о находящихся въ области тропиковъ бразильскихъ телеграфныхъ линияхъ, длина которыхъ составляетъ около 14,000 километровъ. О трудностяхъ постройки и содержанія этихъ линий въ Европѣ не имѣютъ никакого понятія. Для большинства проводовъ приходилось пробивать путь въ первобытныхъ лѣсахъ, осушивать громадные болота, протягивать ихъ надъ бурными рѣками и морскими заливами. Въ сырой тропической атмосферѣ гниютъ деревянные столбы и ржавѣютъ проволоки, или же въ слѣдствіе 6—8 мѣсячной засухи столбы раскаляются. При быстромъ охлажденіи воздуха во время солнечнаго заката рвутся проволоки и лопаются фарфоровые изоляторы. Не смотря на всѣ усилія досмотровиковъ, сильная тропическая расщепляемость, разрастаніе, покрываетъ провода. Разныя животныя подкапываютъ столбы, которые падаютъ, если ихъ во время не исправить; многочисленныя породы обезьянъ постоянно путаются проволоки. Порча линий птицами двоякаго рода. Нѣкоторыя птицы любятъ устраивать гнѣзда наверху столбовъ и съ необыкновенною скоростью покрываютъ ихъ сырой глиной или гнѣздами, сдѣланными изъ прутиковъ, травы и перьевъ. При этомъ закрываются не только верхушки столбовъ, но также изоляторы и проволоки, отчего послѣднія въ сырую погоду приводятся во взаимное соприкосновеніе. Второй родъ поврежденія птицы наносятъ уже

летая большими стаями вечеромъ послѣ солнечнаго заката, причемъ, не видя проволоки, онѣ зацѣпляются въ нихъ, рвутъ и путаются. Массы насекомыхъ, какъ то: пчелы, осы, шершни и муравьи также причисляются къ врагамъ телеграфовъ въ Бразиліи. Многіе виды осъ строятъ свои гнѣзда внутри изоляторовъ, подобно тому какъ европейскія ласточки помѣщаютъ свои гнѣзда подъ крышами домовъ. Неприимимыми, постоянными врагами телеграфовъ считаются муравьи и термиты. Во время роенія мириады ихъ переходятъ съ одного мѣста на другое и покрываютъ цѣлыя мѣстности своими постройкамъ, достигающими 1½ арш. вышины. Гнѣзда эти соединяются съ сосѣдными гнѣздами и деревьями крытыми ходами или глиняными трубами, имѣющими 30 сантиметровъ въ поперечникѣ. Если на пути встрѣчаются телеграфные столбы, то эти трубы выдолбятъ по столбамъ и покрываютъ ихъ и изоляторы родомъ кругловатыхъ глиняныхъ куполовъ въ одинъ метръ въ поперечникѣ. Чѣмъ гнѣзда старше, тѣмъ они крупче; иногда для разрушенія ихъ необходимо прибѣгнуть къ помощи топора. Между многочисленными породами пауковъ, большой черный крестовый паукъ съ рубинового цвѣта пятномъ на спинѣ, разбивающій паутину цѣлымъ обществомъ, наноситъ большой вредъ телеграфу. Толстая какъ веревки паутина, соединяющія гнѣзда, покрываютъ зачастую проволоки и во время дождя или тумана отвлекаютъ электричество. Но наибольшій вредъ бразильскіе телеграфы испытываютъ во время тропическихъ бурь. Электрическое напряженіе и разряженіе бываютъ такъ сильны, что при этомъ лопаются изоляторы, проволоки и столбы, хотя на постройку этихъ линий берутъ самый лучший матеріалъ.

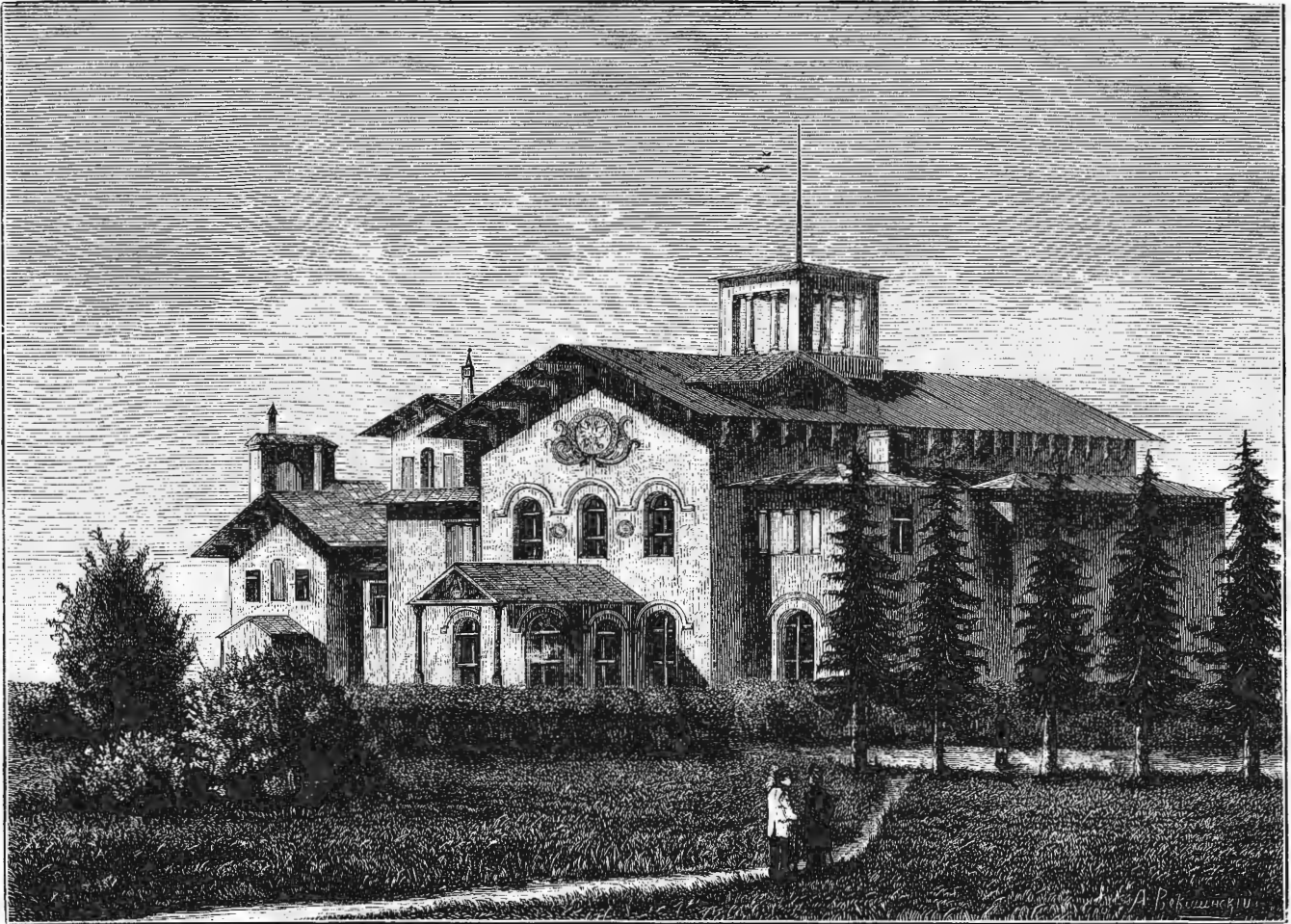
Нѣсколько словъ о глицеринѣ. Присутствіе глицерина въ жирахъ вообще было обнаружено въ первый разъ въ концѣ прошлаго столѣтія (въ 1779 году) химикомъ Шеелемъ, во время приготовленія свиноваго пластыря. Прежде, глицеринъ имѣлся какъ рѣдкость въ лабораторіяхъ и коллекціяхъ химиковъ; теперь же его добываютъ въ громадномъ количествѣ, отчасти на мыловаренныхъ и свѣчныхъ заводахъ, отчасти на особыхъ фабрикахъ, специально занимающихся вывариваніемъ глицерина изъ разныхъ жировъ, посредствомъ сильнаго нагреванія.

Въ продажѣ имѣется нѣсколько сортовъ глицерина: низшій сортъ—неочищенный, и высшеі—очищенный, посредствомъ одной или двухъ перегонокъ. Глицеринъ представляетъ безвѣдную, сиропообразную жидкость, пріятнаго, сладкаго вкуса; составныя части его—водородъ, кислородъ и углеродъ; удѣльный вѣсъ—1,28. Глицеринъ обладаетъ свойствомъ растворять многія жидкости, не оказывая на нихъ при этомъ никакого инаго вліянія, а самъ растворяется въ водѣ и въ спирту; глицеринъ не испаряется ни при какихъ условіяхъ; кипитъ только при температурѣ свыше 200° и не замерзаетъ даже при 40° мороза; кромѣ того, находясь въ сыромъ мѣстѣ, онъ обладаетъ свойствомъ притягивать къ себѣ спиртъ; при сильномъ же нагреваніи его, образуется акрединъ—летучее и весьма ѣдкое вещество съ тяжелымъ, сильнымъ запахомъ.

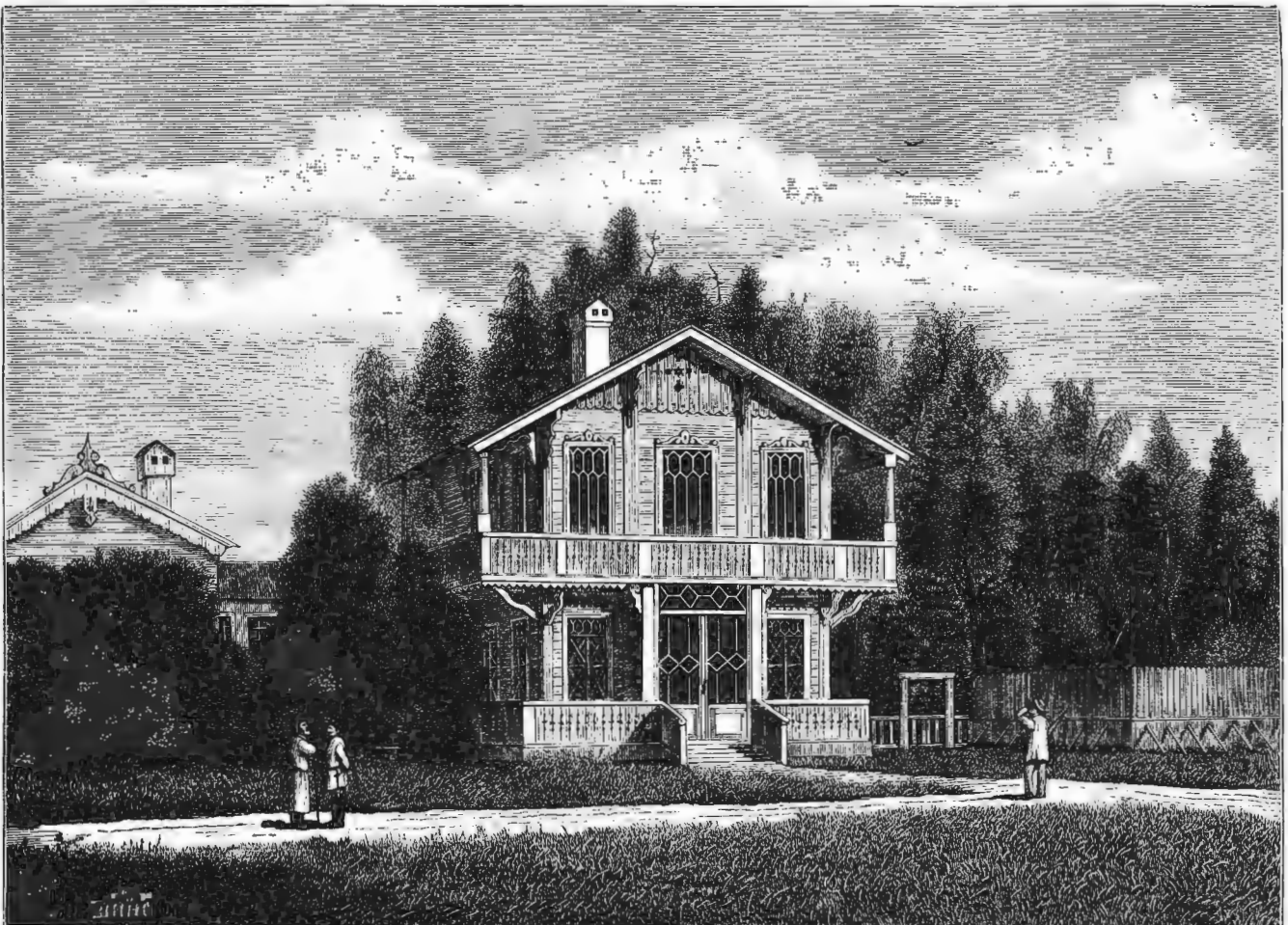
На основаніи перечисленныхъ качествъ, глицеринъ находитъ самое разнообразное примѣненіе въ различныхъ отрасляхъ промышленности, въ медицинѣ и хозяйствѣ. Фабриканты обоевъ, бумаги и матерій употребляютъ глицеринъ для смягченія красокъ и придаванія имъ большей прочности. Дрогистъ извлекаетъ съ помощью глицерина пахучія вещества изъ смолы и растений, а скульпторъ примѣняетъ его къ глинѣ, чтобы долѣе сохранить ее въ сыромъ видѣ. Ткачи, работающіе кисею и тюль, смазываютъ нитки особымъ клеємъ, приготовленнымъ изъ глицерина, и никогда не засыхающимъ, что даетъ имъ возможность работать въ свѣтломъ и сухомъ помѣщеніи, тогда какъ прежде они обречены были на жизнь въ сырыхъ подвалахъ, лишенныхъ солнечнаго свѣта. Въ живописи, глицеринъ играетъ видную роль, растворяя анилиновые краски и алizarинъ, добываемый изъ марены. Съ помощью глицерина готовится лучшій сортъ копировальныхъ чернилъ, а изъ смѣси его съ глиной получается каучукообразная масса, съ успѣхомъ употребляемая для отпечатыванія клѣймъ, штемпелей и т. п. Въ хозяйствѣ, глицеринъ оказываетъ пользу тѣмъ, что воверныхъ предохраняетъ отъ порчи варенье, желе, сиропы и другіе домашніе запасы, а во вторыхъ сохраняетъ въ сыромъ видѣ: табакъ, горчицу, сыръ и другія вещества, которыя, высыхая, теряютъ свою достоинство.

Дворецъ Альберта въ Лондонѣ. Число роскошныхъ помѣщеній въ Лондонѣ, предназначенныхъ для развлеченій публики, увеличилось еще однимъ, а именно дворцомъ Альберта, расположенномъ въ Баттерси. Онъ посвященъ, главнымъ образомъ, какъ и Хрустальный дворецъ въ Сиденгамѣ, музыкѣ и другимъ изящнымъ искусствамъ. Онъ заключаетъ въ себѣ концертную залу, длиною въ 157 и шириною въ 118 футовъ, снабженную однимъ изъ величайшихъ въ мірѣ органовъ, картинную галерею, нѣсколько художественныхъ коллекцій, и окруженъ большимъ, прекраснымъ садомъ.

Продажа виллы Сары Бернаръ. У Сары Бернаръ есть великолѣпная вилла въ Сентъ-Адресъ. Артистка не будетъ уже болѣе

Императорскій охотничій дворець въ с. Лисинѣ, бл. СПбурга. Ориг. рис. съ натуры А. Векшинскаго, грав. М. Рашевскій.

Лѣтній Императорскій павильонъ въ с. Лисинѣ, бл. СПбурга. Рис. съ натуры А. Векшинскаго. Библиотека "Руниверс"

жить въ прелестномъ уголку, который оставилъ въ ней много воспоминаній. Продажа его производится по собственной волѣ Сары Бернаръ, и на днѣхъ въ Гаврѣ, въ аукціонной залѣ, будутъ продаваться картины, фарфоръ, статуи и другіе предметы рѣдкостей, украшавшіе прежде виллу.

Куриная эпидемія. Курьца принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу самыхъ безвредныхъ созданий, а между тѣмъ, по наблюденіямъ профессора Новара, она можетъ причинить даже смерть чловѣку, заразивъ его чахоткою. На одной фермѣ во Франціи, въ окрестностяхъ Альфора, между курами появился родъ эпидеміи, отъ которой онѣ умирали одна за другою. Оказалось, что на фермѣ одинъ изъ работниковъ былъ чахоточный, а чахоточные, какъ извѣстно, часто плюютъ, куры прожорливы, и т. д. Конечно, куры въ свою очередь могли бы передать опять болѣзнь чловѣку, такъ какъ, если мясо рогатаго скота подвержено строгому санитарному осмотру, то мясо домашней птицы не подвергается никакому наблюденію, и это слѣдовало бы принять къ свѣдѣнію.

Страсть къ морфію такъ распространилась между дамами, что парижскіе медики начинаютъ нужнымъ обратиться къ нимъ съ слѣдующимъ предостереженіемъ: частое употребленіе морфія ведетъ къ потерѣ волосъ, ногтей и зубовъ. Это констатировано теперь сотнями примѣровъ. Быть можетъ слѣдующія слова повлияютъ на женское кокетство. Мужчина можетъ влюбиться въ женщину, остающуюся нѣсколько похожею на ребенка; но никогда не видали, чтобы мужчина влюбился въ женщину, у которой, какъ у малаго ребенка, нѣтъ ни волосъ, ни зубовъ.

Ревень пальмовидный (Rheum palmatum). По фотогр. грав. Флюгель.

Могила Александра Великаго. Знаменитый археологъ Шлимманъ намѣренъ провести будущую зиму въ Египтѣ и заняться отысканіемъ могилы Александра Великаго. Трупъ великаго македонянина, умершаго въ маѣ или іюнѣ 323 до Р. X. (день его смерти съ точностію не извѣстенъ) въ Вавилонѣ, былъ похороненъ Птолемеємъ, съ чрезвычайною торжественностію, въ золотомъ гробѣ, въ Александріи. Гробница Александра Великаго была весьма хорошо извѣстна еще въ концѣ римскаго владычества и неоднократно посѣщалась различными императорами, но со времени сельджуковъ она была предана забвенію. Шлимману предстоитъ теперь рѣшить— была ли она совершенно разрушена, или только ограблена.

Рѣдкостное писаніе. Въ Мюльгеймѣ написано настоящее и рѣдкостное произведеніе стенографіи. Тамашій стенографъ на визитной карточкѣ въ 67 миллиметровъ вышины и 94 миллиметра ширины сумѣлъ написать 6,352 слова.

Жертвы трихинъ. Недавно былъ случай отравленія трихинами въ Веттфилдѣ, въ штатѣ Мичиганъ, въ Сѣверной Америкѣ. Проживающее тамъ семейство Тюра закололо свинью, которая одно время передъ этимъ была больна, но которую считали здоровою, когда ее собирались рѣзать. Восемь чловѣкъ съѣли мясо этого животнаго и черезъ недѣлю всѣ заболѣли болѣзнью съ одними и тѣми же симптомами. Джонъ Тюра, 18 лѣтъ отъ роду, былъ первою жертвою отравленія, а за нимъ умерли и остальные четыре члена семейства: Теодоръ Тюра, отецъ и сестра его Мери съ дочерью. Свиное мясо было отослано къ врачамъ для изслѣдованія, послѣ котораго оказалось, что оно кишѣло трихинами.

Задача буквъ № 21.

	1	2	3						
	4	5	6	7	8				
9	10	11	12	13	14	15	16	17	
18	19	20	21	22	23	24	25	26	
	27	28	29	30	31	32	33	34	35
36	37	38	39	40	41	42	43	44	45
46	47	48	49	50	51	52	53	54	55
56	57	58	59	60	61	62	63	64	65
66	67	68	69	70	71	72	73	74	75
76	77	78	79	80	81	82	83	84	85
86	87	88	89	90	91	92	93	94	95
96	97	98	99	100	101	102	103	104	105
106	107	108	109	110	111				

Найти 22 слова.

Буквы найденныхъ словъ размѣстить по квадратамъ на мѣстахъ соответствующихъ цифрѣ, такъ чтобы получился отрывокъ произведенія извѣстнаго русскаго писателя.

- 1) Городъ въ Италіи—9, 34, 36, 84, 77.
- 2) Пресмыкающіеся—31, 13, 105, 40.
- 3) Листв. дерево—38, 4, 50, 64.
- 4) Племя въ Африкѣ—78, 19, 7, 87, 54, 92.
- 5) Буква церк. слав. азбуки—49, 22, 58, 90.
- 6) Матерія—103, 95, 71, 18, 2.
- 7) Судходная рѣка въ Европѣ—67, 43, 11, 70, 93.
- 8) Гаданіе—15, 111, 6, 53, 51, 29, 82, 99.
- 9) Женское имя—47, 32, 104, 55.
- 10) Дорожный знакъ—76, 45, 1, 12.
- 11) Нота—21, 30.
- 12) Полуостровъ Европы—44, 24, 16, 57, 83.
- 13) Сладкое вещество—73, 35, 23, 66.
- 14) Хвойное дерево—65, 26, 85, 56, 28.
- 15) Преступникъ—52, 59, 80, 81.
- 16) Птица—20, 79, 107, 62, 108, 100, 33, 72, 98, 74.

- 17) Лѣсное пространство—3, 10, 60, 27, 109.
- 18) Мѣра вѣса—101, 8, 94, 42.
- 19) Скопленіе воды—86, 5, 88, 102.
- 20) Славянинъ—75, 46, 96, 61, 48.
- 21) Часть лошади—63, 69, 17, 91, 97.
- 22) Миеолог. герой—110, 37, 25, 41, 68, 89, 106, 39, 14.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

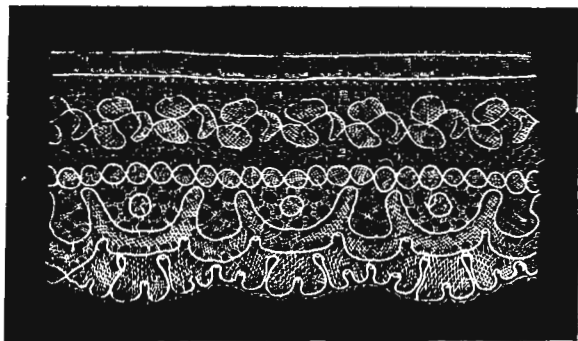
Коптора журнала „Нива“ покорнѣйше просить тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за первое полугодіе, поторопиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ слѣдующ. №, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, большой картины Профессора В. И. Якобія „ВЪНКИ“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ. При высылкѣ денегъ просить прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ
„ЭЛЕПАТЪ“
 ◆ **ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА** ◆
 употребляется для останавливанія выпаденія волосъ и противъ столь вредной для роста волосъ перхоти.
 Продается въ С.-Петербургѣ во всѣхъ косметическихъ магазинахъ, въ Москвѣ и провинціи—во всѣхъ большихъ аптекахъ и у **ДРОГИСТОВЪ**; кѣна флакону 1 руб. 50 коп. безъ пересылки.
 Провизоръ **КИНУНЕНЪ.**

СОДЕРЖАНИЕ: Въ саду (съ рис.). — Радванская тайна. Повесть Петра Петрова. (Продолжение). — Ядесь. Восточный рассказ Н. Н. Леонтьева. — Два ключа. Стихотворение П. Гнѣдича. — Веселый банкетъ (съ рис.). — Ласточки (съ рис.). — Виды Вилюйскихъ горъ (съ 2 рис.). — Сеидъ-Назаръ-Юзбаши (съ портр.). — Императорскій охотничій до-ѣздъ и павильонъ въ с. Лисинѣ (съ 2 рис.). — Тушино. Драма А. Н. Островскаго (съ рис.). — Ревень (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Задача буквъ. — Заявленія. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Марксъ.

СЛОВАРЬ практ. свѣдѣній, необход. въ жизни каждому, съ рисунками (въ 4 и 5 вып. 112 рис.). Изданіе А.-ра Симонова (Миллионная, 28). Вышли 4-й и 5-й вып. ПОДПИСКА 7 р. (пересылка 1 р.). № 1189

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора «Петербургскихъ Трущобъ»); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

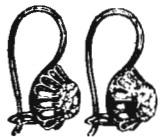
8 рублей.

ИСКУССТВЕННЫЕ БРИЛЛАНТЫ

въ золотой, 14 карат. оправѣ (шпильки не различаются отъ настоящихъ, весьма эффектные). Пересылка послѣдуетъ франко, только по получе- ній стоимости ассигнаціями.

КАРЛЬ ГОЛЛЬ (Holl) ювелиръ Штутгартъ (Германія).

R. № 1007

Пара 7 рублей.

Единственная на югѣ Россіи специальная мастерская прачешныхъ машинъ, усовершенствованныхъ многолѣтнею практикою (мастерская сущ. съ 1875 г.). Употребленіе ихъ самое упрощенное, приспособлены для семействъ и большихъ прачешныхъ заведеній. Прочу не представлять чѣмъ либо въ родѣ американск. Катки давленіе до 40 пуд. Цѣна и въсѣ съ унакъ 20 р., 2 п. 10 ф. Мойки могутъ мыть даже кружева, тюль, газъ и шелковыя покровки 15 р., 2 п., выжимки 10 р., 20 ф. Также имѣю всегда готовыми токарныя станки въ 35, 45, 60 и 75 р. Конторскіе счеты 10 р. Шпогор. могутъ выписывать съ налож. платежомъ, выслана задатка 20%. Харьковъ, Екатер. ул. № 13. Николай Ивашевъ. № 1046 10—6

Покровская женская гимназія Министрства Народнаго Просвѣщенія

(съ восьмью педагогическимъ классомъ) снѣмъ объявляетъ, что отъ желающихъ помѣститься пансіонерокъ, принимаются заявленія въ Канцеляріи Государыни Великой Княгини Але с ндры Петровны (Вас. Остр. 4 линія, домъ № 21). Приходящія платятъ по 60 руб. въ годъ; пансіона пансіонерки по 220 руб. въ годъ и 30 руб. одновременно при поступленіи; желающія обучаться музыкѣ платятъ особо по 50 руб. въ годъ, считая въ этой суммѣ и учебныя пособія. Преподаваніе латинскаго языка безплатное. Дочери священно- и церковнослужителей пользуются уроками музыки безплатно. № 1194

Поступила въ продажу седьмимъ изданіемъ АЗБУКА-КОПѢЙКА М. № 1177 Ф. Павленкова. 3—2 112 стр. съ 100 рисунками. Цѣна 1 коп.

ЧАЙ ПАРАГВАЙСКІЙ „МАТЕ“ (JLEX PARUGUINIENSIS).

Составными частями принимающій чай китайскій и кофе. Отличительныя качества для ежедневнаго употребленія, приятный, здоровый, питательный и раздражающій организмъ, — а напротивъ уснажающій его. Въ особенности незаменимый въ болѣзняхъ для слабосильныхъ и младшаго возраста.

Можно получить въ главныхъ складахъ: въ Варшавѣ, по Маршалковской улицѣ, № 122, въ вино-колоніальномъ магазинѣ Вл. Новицкаго, — въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ, № 100, въ чайномъ магазинѣ Петра Орлова и въ Москвѣ, на Большой Лубянкѣ, № 121, въ чайномъ магазинѣ Петра Орлова. По цѣнамъ: за № 1-й, 1 р. 20 к.; за № 2-ой 80 к. и за № 3-й (мелькій въ порошокъ) 50 к. за фунтъ.

Гг. иногородние, выписывающіе по почтѣ, на пересылку должны прилагать портовую дѣньги по разстоянію и почтовому тарифу, но въ двойномъ размѣрѣ. № 1183 3—2

ТОВАРИШЕСТВО БУРКГАРТЪ и УРЛАУВЪ

СПбургъ, Васил. Островъ 1 линія д. 10, Москва, Мясницкая, д. Сытова.

сдѣлало большой запасъ: плуговъ, боронъ, сѣлокъ, жней, косилокъ, молотилокъ, вѣялокъ, мельницъ, соломорѣзокъ, сѣяныхъ прессовъ и пр. и доводитъ до всеобщ. свѣдѣнія, что оно, несмотря на вновь установлен. пошлину на земледѣльч. машины, продаетъ танковыя впродолженіи всего 1885 г. безъ повышенія цѣнъ — такъ напр. знаменитую жнею Джонстона „Триумфъ“ по 300 р., косилки по 200 р., коп. грабли Тиръ по 75 р. и т. д. Новый иллюстр. каталогъ земледѣльч. машинъ, насосовъ и пожарн. трубъ высылается за 21 коп. марками. № 1166 4—2 С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линія, № 10, Москва, Мясницкая, д. Сытова.

ПАРКЕТЪ дубовый и сосновый, шпунтовые полы, двери, оконныя рамы, полная столярная отдѣлка домовъ съ доставкою, установкою на мѣсто и отвѣтственностью за сухость и прочность.

ИЗДѢЛІЯ изъ дуба и сосны для ж. д. Писемно обращаются на Коптарскіе паровые, дѣсопильный и столярно-паркетный заводы на Волгѣ, г. Чебоксары, Каз. губ. Телеграммы: „Коптарскіе заводы“. Контора и складъ въ Москвѣ: Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Зворыкиной. ***

ПОЛУ-СУХОЕ. РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“ ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССІИ И ЗАГРАНИЦЕЙ Н. П. ЛАНИНА, въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ. ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, ЯГОДНЫИ И ФРУКТОВЫИ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНА БЫЛИ ПРИЗНАНЫ СЛѢДУЮЩІИ НАГРАДЫ: 1. НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА на Одесской выставкѣ 1884 года: ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ съ правомъ ходатайства на награжденіе ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ. ВСЕРОССІЙСКІИ НАГРАДЫ: 2. Серебряная медаль 1852 г. 3. Серебряная медаль 1860 4. Почетный отзывъ 1864 5. Серебряная медаль 1865 6. Серебряная медаль 1869 7. Медаль 1870 8. Золотая медаль 1872 9. Высочайшая благодарность 1875 10. Золотая медаль 1882. ИНОСТРАННЫИ НАГРАДЫ: 1. Филадель. выстав. медаль . . . 1876 г. 2. Филадель. выстав. медаль . . . 1876 3. Париж. выст. поч. отв. 1878 4. Амстердам. выст. медаль 1883 5. Восток. выст. почет. диня. 1883. ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ: 1. Съ 1863 г. по 1873 г. 2. Съ 1872 г. по 1882 г.. РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“ приготоено изъ чистаго русскаго винограднаго вина, и нисколько не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ. 1 р. 50 к. за бутылку. Кромѣ того поступили въ продажу еще новыя четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“: 1) ПОЛУ-СУХОЕ (Demi sec. «England» à la Cliquot). 2) ОЧЕНЬ СУХОЕ (Extra sec. à la Pommery). 3) РОЗОВОЕ ГУСТОЕ (Oeil de Perdrix à la Koederer). 4) РОЗОВОЕ СБѢЛОЕ (à la Cliquot). Всѣ вышеозначенныя сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут. по 2 р. за бут. NB.—ПРОСЯТЬ ИЗБѢГАТЬ ПОДЪЛЪОКЪ.

ОЧЕНЬ СУХОЕ. ПРИДВОРНЫИ ПОСТАВЩИКИ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны, герцогини Эдинбургской, БРОКАРЪ и К°, въ Москвѣ. ИЗОБРЕАТЕЛИ ЦВѢТЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНа. ПРЕДПОЧИТАЕМОЕ ПУБЛИКО ГЛИЦЕРИНО ВОЕ МЫЛО. SAVON GLYCERINE ВЪ ОСАДКѢ СЪ А МОСКОУ ГИМНАЗИИ МЫЛО БРОКАРЪ и К° УЗЪ МОСКВѢ. St. № 1185 Прейсъ-курранты высылаются бесплатно. 3—1

ЮНЫИ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII вѣка. ВС. С. СОЛОВЬЕВА.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп.; въ кален. перенетъ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ПРИГЛАШАЮТЪ для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться писемно въ С.-Петербургъ, Генриху Блонкѣ, Певскій 51. № 1174 8—2

ПРЕВѢТЪЛСТВОМЪ УТВЕРЖДЕННОЕ СПРАВОЧНОЕ БЮРО „Н. ДОНИЧЪ“ МОСКВА, Софійка, прот. Лубян. пассажа. ЗАЯВЛЕНІА ПРИНИМАЮТЪ и выдаютъ СПРАВИКИ: О ПРОДАЖѢ, ЗАЛОГѢ, АРЕНДѢ, ПОКУПКѢ НЕДВИЖИМОСТИ и ДВИЖИМОСТИ, О КАПИТАЛАХЪ ПОДЪ ЗАЛОГЪ НЕДВИЖИМ. и ДВИЖИМОСТИ. ПРИНИМАЮТЪ объявленія во ВСѢ ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ по цѣнамъ РЕДАКЦІИ; ПОСТОЯННЫИ МАШИНАМЪ ДѢЛАЕТЪ УСТУПИИ. ВСѢ ДѢЙСТІА „СПРАВОЧНАГО БЮРО“ ВЪЗЪ КОМИССИОНЕРСТВА.

Chrestensen Stets das Neueste! Erfurt. Kataloge gratis. Fabrik für unterhaltende Gesellschaftsspiele, Lampen, Colillon- und Ball-Artikel. R. № 1103

НОВОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ.

Ручн. и ножи. Зинчеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ выметываютъ петли, вышивають и шьютъ черезъ ирай. Подробный прейсъ-куррантъ и пробныя петли высылаются безплатно. Р. № 11256—6

А. ШТЕЙНЪ С.-Петербургъ, Большая Морская № 26. Большой выборъ обычныхъ швейн. машинъ дешеваго и лучшаго достоинства.

Для провинціи и дачъ незаменимъ

ЕДИНСТВЕННЫИ МЕХАНИЗМЪ. ЗАМѢНИЮЩІИ НА ПЕРЬЕ ПИСЬМЕНН. ПЕНОБРАШИВАЮЩІИ И ТЕРМОЗАТЪ. Цѣна 12 РУБЛЕЙ СЕР. Иллюстрированныя объявленія высылаются безплатно. П. БАРИАНЪ. СПб. Симеоновскій пер., д. № 3, кв. № 22

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫИ № 1191 РУССКО-УРАЛЬСКІИ 10—1 КОПИРОВАЛЬНЫИ ПРЕССЪ. Для формата почтов. бумага 2 р. 3 н. Пересылка за 3 ф. И. Ф. ГАГАРИНЪ. Екатеринбургъ. (Подробности см. 26 № „Нивы“.)

Съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія въ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ послѣдуетъ

РОЗЫГРЫШЪ

ЛОТЕРЕИ

въ пользу состоящей подъ непосредственнымъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Александры Петровны

ПОКРОВСКОЙ ОБЩИНЫ СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ

всего 450 выигрышей

изъ нихъ главнѣйшіе:

Одинъ выигрышъ 150 фунтовъ сѣребраго сѣребра 84 проба. 6,000 руб.
Два выигрыша по 1,000 рублей. 2,000
Два выигрыша по 500 — 1,000
Остальные четыреста сорокъ пять выигрышей состоятъ изъ вещей: сѣребрянныхъ и Высочайше пожалованныхъ цѣнностей на 11,000 руб.

БИЛЕТОВЪ НА ЛОТЕРЕЮ НАЗНАЧЕНО 37,500.

Цѣна билету 4 рубль.

Билеты можно получать въ Канцеляріи Государыни Великой Княгини Александры Петровны, на Васильевскомъ Островѣ, по четвертой линіи, домъ № 21; у Казначей Общины П. Н. Брусилицы, въ Мучномъ переулкѣ, по Желѣзной линіи № 2; у Казначей лотереи Ивана Максимовича Максимова, по Банковской линіи, № 31; у Почтовыхъ членовъ: Ф. А. Аферова, по той же линіи, № 55; А. В. Любанина, подъ Думой, въ Сѣверномъ ряду; въ чайномъ магазинѣ Влкова и К^о, на Невскомъ, у Аничкина моста, домъ Лахачева; Ф. Е. Струбе, Навескѣ, № 6 и 7; А. Н. Керина, внутри Маринскаго рынка въ Фрунгономъ ряду. Въ г. Ригѣ торговый домъ М. Кальмейеръ, Гг. Новгородскихъ проситъ обращаться въ Канцелярію Государыни Великой Княгини Александры Петровны. № 1195

О днѣ РОЗЫГРЫША ЛОТЕРЕИ въ СВОЕ ВРЕМЯ БУДЕТЪ ОБЪЯВЛЕНО въ ГАЗЕТАХЪ.

Выигрыши будутъ выдаваться только предъ явителямъ цѣльнаго билета.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ НА САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ: „Модный Свѣтъ и Модный Магазинъ“.

Редакція въ СПбургѣ, Большая Садовая ул., д. № 16.

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“.

Большой иллюстрированный журналъ.

Подписка на 1885 годъ продолжается и гг. новые подписчики получаютъ все вышедшіе номера, начиная съ № 1-го. Годовая цѣна: безъ дост. 9 р., съ дост. въ СПб. 11 р., съ пер. 12 р.

Подписка на второе полугодіе также открыта. Редакція въ СПбургѣ, Большая Садовая ул., д. № 16.

ХОРОШІЙ ТОНЪ.

Сборникъ правилъ и совѣтовъ на все случаи жизни общественной (всѣхъ ея слоевъ), начиная съ придворной и кончая среднимъ классомъ) и семейной.

Назначение книги „Хорошій тонъ“—служить руководителемъ въ жизни каждого члена общества—дѣлать ее почти обязательною для каждого семейства, какъ необходимую настоящую справочную книгу.

2-е дополненное изданіе, со многими вынѣтками. Цѣна: въ бумаж. 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 4 руб., съ перес. 4 р. 50 коп.; съ золотымъ обрѣзомъ 4 р. 50 к., съ перес. 5 руб. № 1181 2—2

Требованія адресовать: въ Контору фирмы „Германъ Гессе“, С.-Петербургъ, Большая Садовая ул., д. № 16.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ на иллюстрированный дамскій модный и семейный журналъ „Новый Русскій Базаръ“.

Редакція въ СПбургѣ, Большая Садовая ул., д. № 16.

Съ разрѣшенія СПб. Врачебнаго Управленія.

СВОБОДИНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ

СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ

уничтожаетъ въ несколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ. Постоянно возрастающее употребленіе Свободина, послѣдствіе рекомендаціи потребителей доказываетъ отличное дѣйствіе этого средства. № 1034 15—12

Цѣна за флаконъ 35 коп. Съ пересылкой 2 флак. 1 руб., 4 флак. 1 руб. 70 коп., 6 флак. 2 руб. 40 коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССИИ

А. ГЕБГАРДТЪ.

Казанская ул., д. № 3, магазинъ № 1.

ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННАЯ УНИВЕРСАЛЬН: ШВЕИНАЯ МАШИНА
Патентъ въ Европѣ и Америкѣ
СЕГУИ Вышивки и все Другія работы
ПРОДАЖА съ РУЧАТЕЛЬСТВ. ОБУЧЕНІЕ БЕЗПЛАТНО.
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ: **ГЕРМАНЪ ГЕССЕ С ПБ.**
БОЛЬШАЯ САДОВАЯ УЛ. УГОЛЬ ТОЛМАЗОВЪ ПЕР. ПЛОТ. ГОСТИН. ДВОРЪ

ВСЕМІРНО-ОБРАЗЦОВЫЕ
АМЕРИКАНСКІЕ ВЪСЫ
ПРЕДЪ КВАРТАЛЪ ПОЧТЪ ВЪСЫ
ВЪСЫ ДРУГІЕ ЖЕЛ. ДОР. И КАЗ. УЧРЕЖД.
ФЕРБЭНКЪ
Ж. БЛОКЪ К. ФЕРБЭНКЪ

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ
ПРОИЗВЕДЕНІЯ
БЕНЕДИКТИНОВЪ
Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).
НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.
С.-Петербургскимъ столичнымъ врачевнымъ присутствіемъ разрѣшено ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. № 1052 26—12

2 золотыя медали:
Брюссель 1880—Лондонъ 1884 гг.
ВЫСШІЯ НАГРАДА.

Изобрѣ- тение въ 1373 г. ПЬЕРРЪ БУРСО
Домъ основанный въ 1807 г. Сегенъ, въ Бордо, ул. Гюгери, 3.
ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ **SEGUIN RUE HUGUENES 3 BORDEAUX.**
Складъ въ СПб. въ Техно-Химич. Лабор. Гостин. дворъ № 45, у Штоль и Шмидта; въ магаз. A la Repomsee; у А. Рузанова и Флейша, парфюмеровъ, Г. П. Кошкинъ, 19 Гостиный дворъ.

М. П. Г. О. ФАБРИЧНАЯ МАРКА

КОНТОРА И ЗАВОДЪ
ДЛЯ ЭКСПЛУАТАЦІИ НЕФТЯНЫХЪ ОСТАТКОВЪ
М. А. ПАСТУХОВА
выпустили въ продажу
МИНЕРАЛЬНОЕ ШВЕЙНО-МАШИННОЕ МАСЛО № 00.
Химически чисто, прозрачно-желтоватаго цвѣта, безъ вкуса и безъ запаха керосина, не осаживается, не горитъ, не засыхаетъ и не стужается отъ времени, а потому не требуетъ промывки швейной машины керосиномъ и при его употребленіи даетъ большую экономію, сравнительно съ другими существующими въ продажѣ маслами. М. № 1196 3—1
Флаконъ минеральнаго швейно-машиннаго масла № 00—20 коп. (16 золот. чистаго вѣсу).
За дюжину флаконовъ минеральнаго швейно-машиннаго масла № 00, упакованныхъ въ ящики.—2 р. 40 н.
ЕДИНСТВЕННОЕ ДЕПО
Минеральнаго швейно-машиннаго масла № 00
Главная контора **М. А. ПАСТУХОВА,**
С.-Петербургъ, Пушкинская ул., д. № 4, кв. № 10.

ПРОТИВЪ СЪДИНЫ. № 1197
Жидкость, возвращающая съдѣмъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ. Флаконъ, 3 р., пересылка 1 руб. Гороховая улица, д. 57. Магазинъ-парикмахерская Ивановой.

МОСКВА.
Мясницкая ул., домъ Сагова
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Вас. Островъ, 1 линія, № 10.

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ
для тушенія пожаровъ въ замкахъ и полвкахъ цвѣтовъ по 16 р. Упаковка 40 коп.
РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА
10 разн. размѣровъ—наименьшая выбрасыв. 600 ведеръ воды въ часъ и стоющ. 115 р.
Нососы для всѣхъ возможныхъ цѣлей,
ПУЛЬЗОМЕТРЫ К. Г. ГОЛЫЯ
лучшій паровой насосъ настольн. времени.
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСК. МАШИНЫ ВСЯКАГО РОДА.
въ большомъ выборѣ на складѣ у
№ 1154 **ТОВАРИЩЕСТВА** 5—4
БУРГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.
Новый роскошно иллюстрированный каталогъ высылается за 21 коп. марками.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К^о, СТРОИТЕЛИ
Извѣстныхъ премірованныхъ конныхъ молотковъ, приводовъ, вѣялокъ, сортировокъ, пауловъ, боронъ, сѣялокъ, непрерывно дѣйствующихъ сѣяныхъ прессовъ, механическихъ зерносушилокъ, предлагаютъ отъ лучшихъ иностранныхъ заводовъ: Клейтона и Штлеворта—паровыя молотилки съ локомотивами, Мак-Нормана, сѣялокъ и жней, и сноповалки, Стодарты—тарелочныя бороны Рандала и конныя грабли Тигери, и запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная контора въ Москвѣ, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутенята. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная улица. № 3991 13—8
Иллюстрированные каталоги безплатно.

ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТІЕ
ДЛЯ ПНОГОРОДНЫХЪ
Извѣстная банкирская контора ищетъ въ провинціи, во всѣхъ мѣстахъ Имперіи, благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи 5% Государств. банкнотъ I и II съ вынѣтками займовъ съ расходомъ платже и для страхованія билетовъ тѣхъ же займовъ отъ тиражей поганія на извѣстныхъ условіяхъ. Этими дается каждому возможность съ легкостью, безъ всякаго расхода и кушеческаго познанія, увеличить свой годовой прих.-д.
Обращаться съ указаніями настоящихъ занятій въ С.-Петербургскую Центральную Контору Объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. (письменно). Р. № 1057

4711
СОСНОВЫЕ ДУХИ.

врачами признаны превосходными; особенно рекомендуютъ для очищенія комнатнаго воздуха. Можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. 3756, 17—10

ПРИГЛАШАЮТЪ
для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургъ, Генриху Блокъ Невскій 51. № 1117 4—4

Ж. БЛОКЪ
 ПРЕЙСЪ КУРАНТЫ
 ВЫСЫЛАЮТЪ БЕЗПЛАТНО.
 СПЕЦИАЛЬН.:
 ДЛЯ РУССКИХЪ ДОРОГЪ:
 ВЕЛОСИПЕДЫ
РУССКІЙ КЛУБЪ
 СКЛАДЫ: С. П. Б. НЕВСКІЙ № 16
 МОСКВА КУЗН. Д. ГОЛИЦЫНА

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЙ
КОПИРОВАЛЬ
 РУССКО-АМЕРИКАНСКИЙ
НЬИ ПРЭСЪ

виднѣ замѣняющій винтовые, рычажные и др. прессы. Употребляется какъ и винтовые, но значительно бистрѣе. Можно копировать съ 10-ти оригиналовъ одновременно и смотря по качеству чернилъ, даетъ до 4-хъ копій съ одного оригинала; отъ работы не портится и не ломается. Практичность прессы вызвала массу весьма лестныхъ отзывовъ о немъ, а громаднѣе требованіе дало мнѣ возможность понизить цѣну до 2-хъ рублевъ (за форматъ почтов. бумаги) и 3-хъ руб. — за форматъ писчей бумаги. Кроме того, къ прессу прилагается бесплатно: 1 флак. копиров. чернилъ, тетрадь въ 100 лист. и 1 листъ восковой бумаги. Почтовая пересылка за 3 ф. Оптовымъ покупателямъ дѣлается уступка. Продается во всѣхъ писче-бумажныхъ магазинахъ. Прейс-курантъ высылается за 1 семи-копечн. марку. При справкахъ проситъ прилагать 2 семи-коп. марки на отвѣтъ.

Г. ЕКАТЕРИНБУРГЪ
 Пермск. губ. № 1190
 И. Ф. Гагаринъ.

МУЗЫКА ДЛЯ ДАЧЪ.
АРИСТОНЪ „АНТИКЪ“

очень хорошеі работы съ 10 пьесами по выбору 25 руб., съ 1-го юля по случаю возвышенія пошлинъ по 26 руб.

Почтѣйшій ручной органъ, весьма удобенъ на дачахъ и въ домахъ и по своей простой и дешевой конструкции каждый можетъ играть на немъ. Отдѣльные прессы, которыми около тысячи разныхъ, по 60 коп.

РЕКОМЕНДУЕТЪ
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
 ГЛАВНОЕ ДЕПО
МУЗЫК. ИНСТРУМЕНТОВЪ.
 С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36,
 Горьковская улица, № 32.
 Москва, Куликовскій м., д. Торчюкаго.
 На пересылку прошу приложить за 40 копечн. Каталогъ пьесамъ для аристонъ и прейс-курантъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ и принадлежностей бесплатно.
 Г. № 1192 1—1

Перемѣна квартиръ.
 Съ 1-му сентября кабинетъ г. Берто, единственнаго французскаго зубного врача въ Москвѣ, помѣщающійся на Большой Дмитровск. въ д. Нейдгарата, будетъ перенесенъ на ту же улицу, уголъ Салтыковскаго пер., д. Живого. Приемъ съ 10 до 5 ч. дня. Консультации и операція для бѣдныхъ бесплатно каждый понедѣльникъ по утрамъ.
 СТ. № 1190 2-2

ПАРОХОДНОЕ ОБЩЕСТВО ПО ВОЛГѢ
 учрежденное въ 1843 г.

Легкіе пассажирскіе пароходы Общества: Императоръ, Императрица, Государь, Государина, Царь, Царица, Царевичъ, Царевна, Князь и Княгиня, содержатъ срочное сообщеніе между Нижнимъ-Новгородомъ и Астраханью и полупутными приставками.

Изъ Нижняго-Новгорода пароходы отходятъ: по Понедѣльникамъ, Вторникамъ, Средамъ, Пятницамъ и Субботамъ въ 10 1/2 час. утра.

Подробное расписаніе о времени отхода и прихода пароходовъ и таксы за проездъ пассажировъ и провозъ багажа можно получить въ Петербургѣ, въ Конторѣ Правленія Общества (Галерная ул., д. № 48, кв. № 1) и на Волгѣ на всѣхъ пристаняхъ Общества.

Такса за проездъ пассажировъ и провозъ багажа на пароходахъ одинакова съ такою другихъ Обществъ, отдѣльные семейныя каюты отдаются по числу мѣстъ, безъ повышенія таксы. Пассажиры перваго класса за проездъ не менѣе пяти пристаней, названныхъ на билетѣ, имѣютъ уступку 20% противъ таксы. № 1169 10—3

ДЕПО МАШИНЪ ВЪ МОСКВѢ
 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ КАТАЛОГИ
 ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.
Бр. Урлаубъ и Ко

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. II, 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; историческихъ событій — чрезвычайно интересн., — СИБ. 282 стр. II, 2 р., съ пересл. въ каленк. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.; въ каленкоровомъ перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII вѣка, въ трехъ част. Романъ этотъ, обнимающій эпоху правленія и мядоженія Царевны Софіи, въ связи съ правдою и вымысломъ историческихъ событій — чрезвычайно интересн., — СИБ. 282 стр. II, 2 р., съ пересл. въ каленк. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

**САМОДѢЙСТВУЮЩИЙ ПОДСЪКАТЕЛЬ
 ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,**

одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года; и для всякой рыбы; замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватается наживку, то механически задѣлываетъ за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибиваются 40 к. Единственный складъ у П. Ф. Наратаева, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

Полный иллюстриров. въ краскахъ прейс-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается за 1 семи-копечную марку.

Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 к.; выписывающіе подсѣкатель прибиваются за микроскопъ только 20 к. № 1188 1—1

„АМЕРИКАНКА“, полезный всякому хозяйству снарядъ для стирки, въ обыкновенной комнатной водѣ, бѣлая. Расходу весьма мало мыла и сохраняя отлично бѣлье, стирка доступна даже малолѣткамъ. Приглашаются агенты. Цѣна снаряда съ пересылкою по почтѣ 5 р., въ Сибирь 8 руб. При каждомъ снарядѣ прилагается наставленіе. Адресъ: Губернскому агенту Русскаго Страх. Общества, В. Шлемензону, въ Симферополь.

ОТЗЫВЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.
 М. Г. Вениаминъ Ильичъ! Снарядъ Вашъ „Американку“ я получилъ уже нѣсколько недѣль тому назадъ, но только теперь, когда убѣдился въ практической примѣнимости этого снаряда, приношу Вамъ искреннюю благодарность, съ общими-мъ распространитъ свѣдѣнія о его пригодности для стирки бѣлья, между моими знакомыми. Снарядъ мною выписанъ для домашняго обихода, но, нужно сказать, что онъ принесетъ еще большую пользу въ такихъ мѣстахъ, гдѣ стирка бѣлья производится въ громаднхъ размѣрахъ. Потребляя чрезвычайно мало воды и мыла (экономическая сторона снаряда), стирка на немъ дѣйствительно доступна малолѣткамъ. Примите и проч. учитель городскаго училища Дмитрій Суворовъ. Москва, 3 марта 1885 г. — Адресъ мой: Москва, Покровка, близъ землянаго вала, домъ Жданова, Дмитрію Феодоровичу Суворову.
 № 1187
 (Подлинныя письма хранятся при Отдѣлѣ Редакціи Тагр. Губ. Вѣдом.).
 Фабричное клеймо на снарядѣ:
 „В. ШЛЕМЕНЗОНЪ — Симферополь“.

Къ услугамъ публики въ продажѣ во всѣхъ Аптекарскихъ и Косметическихъ магазинахъ и Химическихъ Лабораторіяхъ. Цѣна флакону, содержащему 120 грам., 1 р. 50 к., чо безъ пересылки.

Большой спросъ на Элеопатъ Кинунена вызвалъ нѣкоторыхъ фабрикантовъ къ точному подражанію упаковкѣ и даже названіямъ нашего Элеопата; покорнѣйше просимъ обращать вниманіе на нашу фирму, — Кинунена — которая значится въ стеклѣ каждого флакона — Кинунена.

ЭЛЕОПАТЬ употребляется противъ перхоти, а также для рошенія волосъ.